НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ МАМАЕВЪ.

дозв. ценз. 22 сент. 1901 г. спб.

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

ТОМЪ LXXXVI.

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ LXXXVI

1901

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1901

СОДЕРЖАНІЕ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ШЕСТОГО ТОМА.

(ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ и ДЕКАБРЬ 1901 года).

Изданіе подъ редакціей Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго. М. С. Корелинъ. Важнѣйшіе моменты въ исторіи средне-вѣкового папства. Изданіе акціонернаго общества «Брокгаузъ-Ефронъ». Спб. 1901. К. Лосскаго.—9) М. Туллій Цицеронъ. Полное собраніе рѣчей въ русскомъ переводѣ (отчасти В. А. Алексѣева, отчасти Ѳ. Ф. Зѣлинскаго). Редакція, введенія и примѣчанія Ѳ. Зѣлинскаго, профессора С.-Петербургскаго университета. Въ двухъ томахъ. Томъ I (81—63 гг. до Р. Хр.). Изданіе А. Я. Либермана. Спб. 1901. Л. Л.—10) Мелетій, епископъ рязанскій и зарайскій. Православіе и устройство церковныхъ дѣлъ въ Дауріи (Забайкальѣ), Монголіи и Китаѣ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Историческое изслѣдованіе. Казань. 1901. С.—11) Путешествіе въ святой городъ Іерусалимъ и на святую Аѳонскую гору протоіерея П. Д. Кончуева. Тифлисъ. 1901. А. Хах—ова.—12) Русская поэзія. Собраніе произведеній русскихъ поэтовъ. Издается подъ редакціею С. А. Венгерова. Томъ II, выпускъ VII. Спб. 1901. Б. Городецкаго.—13) А. И. Ковалевскій. Село Симбухово. Историческій очеркъ. Москва. 1901. А. В. С.—14) К. К. Михайловъ. Никитскій женскій монастырь въ Москвѣ. (Историческія разысканія по московскимъ древностямъ и по дому бояръ Романовыхъ). Спб. 1901. М. П—аго.—15) Отчетъ императорской археологической комиссіи за 1898 годъ. Съ 7 таблицами и 288 рисунками въ текстѣ. Спб. 1901. В. Руданова.—16) Организація труда и трудящихся. В. Зомбартъ. Спб. 1901. А. Фаресова.—17) А. А. Потаповъ. Очеркъ древней русской гражданской архитектуры. М. 1901. А. Б. В.—18) Наши пограничныя окраины въ Средней Азіи. Путевые наброски Бориса Шапирова. Спб. 1901. Бориса Тагѣева.—19) Великій князь Николай Михайловичъ. Князья Долгорукіе, сподвижники императора Александра I въ первые годы его царствованія. Біографическіе очерки. Съ 12 портретами. Спб. 1901. К. Н. Михайлова.—20) Систематическій каталогъ книгъ библіотеки Кіевской духовной академіи, составленный библіотекаремъ академіи А. О, Крыловскимъ. Томъ второй. Словесность. Выпускъ пятый. Иностранная литература: восточная, классическая, новыхъ европейскихъ народовъ и славянская. Отечественная литература. Эстетика и теорія словесности. Исторія искусствъ и литературы иностранной и библіографія. Исторія русской литературы и библіографія. Кіевъ. 1901. А. М—на.—21) Извѣстія русскаго археологическаго института въ Константинополѣ. Томъ VI, выпуски 2—3. Софія. 1901. Σ.—22) Юбилейный сборникъ къ столѣтію присоединенія Грузіи къ Россіи. Матеріалы. Собралъ Е. С. Сталинскій. Издано подъ редакціей К. Н. Вѣгичева. Тифлисъ. 1901. К. Н. Михайлова.—23) Сборникъ учено-литературнаго общества при императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ. Томъ IV. Юрьевъ. 1901. Д. З—нина.—24) Матеріалы по археологіи Россіи, издаваемые императорскою археологическою комиссіею. № 25. Древности бассейновъ рѣкъ Оки и Камы. Въ обработкѣ члена комиссіи А. А. Спицына. Выпускъ I. Съ 30 табл. и 20 рисунками въ текстѣ. Спб. 1901. В. Рудакова.—25) Wiktor Czermak, prof. universytetu Jagiellonskiego. Studya historyczne. W Krakowie. 1901. К. Х.—26) И. И. Гейеръ. Путеводитель по Туркестану съ двумя картами и однимъ портретомъ. Изданіе В. М. Ильина. Ташкентъ. 1901. Бориса Тагѣева.—27) Отечественная война 1812 года. Отдѣлъ I, томъ II. Подготовка къ войнѣ въ 1811 г. Составители: ротмистръ Перевощиковъ и штабсъ-капитанъ Ивановъ, редакторъ генералъ-майоръ Мышлаевскій. Спб. 1901. Н. А.—28) Ник. Харузинъ. Этнографія. Лекціи, читанныя въ императорскомъ Московскомъ университетѣ. Выпускъ I. Спб. 1901. В. І.—29) Предсмертныя мысли XIX вѣка во Франціи. А. И. Гилярова, профессора университета св. Владиміра. Кіевъ. 1901. В—ова.—30) А. Гизетти. Библіографическій указатель печатанныхъ на русскомъ языкѣ сочиненіямъ и статьямъ о военныхъ дѣйствіяхъ русскихъ войскъ на Кавказѣ. Спб. 1901. Н. Орлова.—31) Неизданное письмо Н. И. Ильминскаго о способахъ обученія инородцевъ. Спб. 1900.—С. Рыбаковъ. Духовенство среди крещеныхъ инородцевъ. Спб. 1900.—Его же. Исламъ и просвѣщеніе инородцевъ въ Уфимской губерніи. Спб. 1900.—Его же. Просвѣщеніе инородцевъ въ Пермской губерніи. Спб. 1901.—Его же. Просвѣщеніе инородцевъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Спб. 1901. Д. З—нина.—32) Джемсъ Селли. Очерки по психологіи дѣтства. Москва. 1901. Вик. І—скаго.—33) Очерки внутренней исторіи византійско-восточной церкви въ IX, X и XI вѣкахъ. Профессора Московскаго университета А. П. Лебедева. Изданіе второе, дополненное. М. 1902. Σ.—34) Современные лезгины. Очеркъ И. И. Пантюхова. Тифлисъ. 1901. А. Х—ова.—35) Иностранные университеты. Выпускъ III. Заатлантическіе университеты. Составлено подъ редакціей Л. А. Богдановича. Москва. 1901. А. М—на.—36) Эд. Бернштейнъ. Соціальныя проблемы. Перев. съ нѣмецкаго П. С. Когана. Москва. 1901. І.—37) К. Геблеръ. Исторія Америки до Колумба. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва. 1901. Г. Син—ва.—38) Скорпіоны. (Современные дѣятели московской прессы). С. Васюковъ. Москва. 1901. А. Фаресова.—39) Зачатки государственныхъ и правовыхъ отношеній. А. Г. Поста. Перев. Н. В. Теплова, съ предисл. проф. М. М. Ковалевскаго. Москва. 1901. Рд.—40) Фюстель де-Куланжъ. Исторія общественнаго строя древней Франціи. Томъ I. Спб. 1901. А. Н—ва.—41) Евгеній

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

ОКТЯБРЬ, 1901

СОДЕРЖАНІЕ.

ОКТЯБРЬ, 1901 г.

См. слѣд. стр.

НЕСЛЫХАННОЕ ДѢЛО.

Разсказъ.

I.

БЫЛИ ПЕРВЫЕ годы царствованія императора Александра, любимаго внука великой монархини, уже обожаемаго всей Россіей, оставшагося въ исторіи съ громкимъ, многозначащимъ наименованіемъ «Благословеннаго».

Послѣ недолгаго, но тяжелаго царствованія Павла Петровича, по всей Руси великой вздохнулось свободнѣе, дышалось легке, отлегло отъ сердца.

Новые добрые побѣги появились на новой пашнѣ, и все обѣщало дивные зеленя, а затѣмъ и безпримѣрный урожай...

Но природа дѣлала свое дѣло, разумное, законное, и худое, людямъ во вредъ. Среди хлѣбовъ росли, высились, цвѣли и плевелы. Такъ всегда...

«Зараза французская», проникнувшая на Русь въ послѣдніе дни жизни и правленія великой царицы, была ею замѣчена, ее озаботила, если не испугала, и противъ «заразы» было выискано «врачеваніе» сильное, крутое, но, казалось, цѣлебное.

Во дни ея сына, наслѣдовавшаго престолъ и власть, все притихло, все притаилось, и доброе, и худое.

«Зараза французская», оказалось, жива на Руси, не поддалась врачеванію, а подспудно только глубже пустила сильнѣйшіе корни.

Якобинство, вольтерьянство и всяческое вольнодумство стали явленіемъ заурядныиъ. А все, что пугало людей скромныхъ, богобоязныхъ и вообще робкихъ, тому за десятокъ лѣтъ, теперь не пугало и даже не дивило...

— Таково пошло и идетъ!.. А куда приведетъ, одинъ Богъ вѣдаетъ!—говорилось на Руси.

— Царь батюшка молодъ-зеленъ. Самого его захватила она.

И это была правда. «Она», зараза эта, отчасти овладѣла и юнымъ государемъ, прельстила его молодой разумъ, чистую душу, жажду откровенія свыше. А какъ часто дьяволъ искуситель говоритъ языкомъ якобы святыхъ апостоловъ, морочитъ и губитъ.

И, захвативъ слегка самого монарха, «она», уже не таяся, пошла гулять по всей Руси.

Сплошь и рядомъ выискивались люди, преимущественно молодые, хорошіе, разумные, которые бросались навстрѣчу «заразѣ», какъ на простое новшество, какъ на карету, манжеты или трость новаго фасона, и съ часослова, еще не твердые вполнѣ въ грамотѣ, садились прямо за переводъ сочиненій господина сочинителя Вольтера.

Таковъ нашелся и одинъ дворянинъ, молодой и богатый, помѣщикъ кадомскій—князь Гиреевъ.

II.

Князь всталъ рано... Было всего только шесть часовъ, и солнце едва поднялось среди чистаго безоблачнаго неба.

Безвѣтріе, полное затишье въ природѣ, глубина далекая синихъ небесъ, все предвѣщало снова, какъ ужъ шло давно, жаркій, душный, томительный іюльскій день. Даже Ильинъ день миновалъ безъ грозы и безъ дождя. Илья пророкъ не сказался.

Когда въ огромной усадьбѣ, богатой и красивой, старъ и малъ узнали, всѣ, крѣпостные рабы, и приживальщики, что баринъ князь поднялся ранехонько, раньше своего часа, то всѣ ровно и одинако нахмурились.

— Паки пришло!—говорили всѣ, встрѣчаясь.

А встанетъ когда баринъ въ необычно ранній часъ, то пойдетъ сумятица.

«Что да какъ? Чему быть?»

Начнетъ барина донимать немогота, пойдутъ всякія его нескончаемыя «мысли». И пуще всего эти его мысли, отчаянныя, неподобныя... А тамъ уже въ концѣ концовъ явится какая затѣя, новая и диковинная. Или самъ онъ надумается до нея, или кто изъ своихъ, ради его утѣшенія, надсядится и измыслитъ.

И все поднимается на ноги, и начинается сутолока, какъ «изобразить» надуманное воочію.

Спасибо еще, что баринъ князь добрая душа, и отъ его немоготы никому худо не бываетъ.

Князь Самсонъ Ивановичъ Гиреевъ былъ извѣстенъ во всей губерніи, какъ самый богатый дворянинъ, самый статный и красивый, умный и пріятный, но вмѣстѣ съ тѣмъ несчастный, будто сглаженный или порченый съ рожденья. «Глазъ» сказывался въ томъ, что на князя Гиреева находилъ «стихъ», но особый, не злобивый, не пагубный и лихой для окружающихъ, не буянство или озорство, а какая-то удивительная тоска, тяжелѣйшая, прямо, «черная немочь». Никто не зналъ, да и самъ онъ не понималъ, что это за хворость, отчего и откуда она, какъ съ ней быть и чѣмъ отъ нея избавиться навсегда. Можно было отбояриться отъ нея только на время.

Всѣ любили добраго князя и жалѣли его. Были, однако, въ округѣ люди, которые поясняли его хворость по-своему и запросто.

— Съ жиру бѣсится! Все есть. Ну, и подай мнѣ того, чего на свѣтѣ нѣтъ и не бываетъ.

Многіе такое сужденіе о князѣ Самсонѣ Ивановичѣ считали несправедливымъ и обиднымъ, но тоже многіе мысленно и втайнѣ соглашались, что, пожалуй, оно отчасти и вѣрно.

У князя было огромное состояніе. Помимо его резиденціи, было еще шесть вотчинъ и шесть просторныхъ усадебъ, стоявшихъ запертыми. А сколько въ каждомъ имѣніи было приписныхъ деревень и сколько тысячъ душъ крестьянъ, самъ онъ не зналъ, все собирался привести въ извѣстность и все откладывалъ, говоря: «На что оно нужно? Коли есть такіе, что оброка не платятъ, то и Богъ съ ними!»

Лѣтъ пять назадъ Гиреевъ узналъ, что у него есть двѣ деревни съ лѣсами и полями въ Саратовской губерніи на рѣкѣ Волгѣ, завѣщанныя ему дальней родственницей, умершей уже лѣтъ пятнадцать назадъ. Чиновникъ стрикулистъ изъ города заявилъ ему объ этомъ и доставилъ доказательства, всякіе документы, а затѣмъ вызывался собрать съ крестьянъ и оброкъ за всѣ пятнадцать лѣтъ.

— Собрать нельзя,—сострилъ князь.—Не смогутъ уплатить никакъ. Содрать можно. Стало быть, или «буки» или «добро». Ну, а этакого добра я не желаю.

И постоянно, во всемъ, всегда князь Самсонъ Ивановичъ дѣйствовалъ такъ, что общій голосъ въ намѣстничествѣ повторялъ:

— Да. Что-жъ? Человѣкъ, вѣстимо, сердечный... Все бы хорошо, кабы не баба, кабы его не одолѣла она.

Вся бѣда заключалась въ томъ, что добраго князя, золотое сердце, приходилось то и дѣло «прощать», приходилось спускать

ему то, за что другого человѣка, своего брата дворянина, растерзали бы на части. У князя была одна слабость, даже порокъ и большой, огромный. Онъ былъ безпримѣрный бабій угодникъ, или, какъ тогда выражались, «махатель». Оно было не въ диковину, среди дворянъ, но онъ хваталъ уже чрезъ край; князь вѣчно бывалъ увлеченъ или влюбленъ въ какую нибудь красавицу. И каждый разъ, что онъ влюблялся, всегда, вдругъ, сразу, каждый разъ онъ дѣлалъ все на свѣтѣ, шелъ на все безъ исключенія, чтобы овладѣть предметомъ своей страсти. Случалось же подобное увлеченіе какой либо женщиной иногда раза четыре въ одинъ годъ. Никакое увлеченіе его болѣе полугода никогда не длилось, а иное длилось мѣсяцъ, шесть недѣль. Случалось, что красавицу, которая его съ ума сводила вначалѣ, онъ чрезъ короткое время ненавидѣлъ, не могъ видѣть и восклицалъ почти злобно:

— Да гдѣ же у меня глаза были, когда меня этотъ идолъ прельстилъ?

И сколько перебывало въ его Троицкомъ любимицъ и наперсницъ всякаго рода, не только русскихъ, но и иноземокъ, даже цыганокъ, татарокъ и евреекъ, никто счесть и упомнить не могъ.

Впрочемъ, въ усадьбѣ и свои, и чужіе, и дворяне, и гости, являвшіеся къ князю, не обращали на очередную прелестницу никакого вниманія. Пріѣздъ или привозъ новой красавицы, а равно ея отвозъ изъ усадьбы никого не удивлялъ и не озабочивалъ. Каждая изъ нихъ уѣзжала или изгонялась вдругъ, внезапно, какъ если бы сама совершила что нибудь зазорное или оскорбительное для князя.

Въ дѣйствительности ничего такого не бывало. Просто, безъ повода, невѣдомо почему, князь вдругъ ощущалъ чрезвычайное отвращеніе къ своему предмету увлеченія и тотчасъ спѣшилъ съ изгнаньемъ, спѣшилъ избавиться отъ присутствія въ домѣ ненавистнаго существа.

Такимъ образомъ, сегодня прелестное существо становилось завтра ненавистнымъ существомъ—князь не зналъ, когда-то старался уяснить себѣ эту загадку, ни до чего не достигъ, не додумался и бросилъ...

— Таковъ, стало быть, уродился,—говорилъ онъ.

Иногда же близкимъ друзьямъ онъ сообщалъ:

— Мудрено это уразумѣть и пояснить. Скажу такъ... Всякая такая красавица для меня то же, что книжка. Прочелъ, и на полку. А нешто можно, прочитавъ до конца, опять, хоть десять разъ, начинать сызнова... Да и потомъ каждая этакая для меня въ скорости—объѣдки. И мои же, да все-таки объѣдки.

Жизнь князя въ вотчинѣ шла полосами съ тѣхъ поръ, что ему, круглому сиротѣ,—безъ единой души даже дальнихъ родственниковъ,—минуло двадцать три года, а теперь ему было безъ

малаго тридцать три года. Цѣлыхъ десять лѣтъ прожилъ онъ, какъ одинъ день, на одинъ ладъ «то на лицо, то на изнанку», какъ, шутя, выражался онъ.

Жизнь на лицо—было переполненіе усадьбы гостями и всякія затѣи, смотря по времени года, но всегда одинаково, кутежъ, попойки, карты и всякій «азартъ» или озорство. Впрочемъ, въ игрѣ и въ озорствѣ князь лично участія никогда не принималъ, а только глядѣлъ...

Однажды, ради потѣхи, князь дозволилъ гостямъ устроить «неронову иллюминацію». Среди темной лѣтней ночи, ради потѣхи, подожгли и сожгли дотла ригу, конечно, пустую...

Жизнь на изнанку была полная, глухая тишина въ усадьбѣ. Гостямъ, ни единому, не дозволялось оставаться въ домѣ, а дворовымъ указывалось вести себя тишайше. Баринъ садился въ своемъ кабинетѣ и читалъ... Преимущественно читалъ онъ по-французски Вольтера, Руссо и Дидерота. Читалъ онъ днемъ, читалъ онъ ночью, дѣлая изъ дня ночь, вставая въ полдень и послѣ полудня. Но это было—слава Богу! Было хуже, когда, вмѣсто чтенія, князь, ничего не дѣлая, сновалъ по дому или по саду и усадьбѣ, мучимый своими мыслями и, стало быть, невѣдомой тоской душевной, отъ которой лѣкарства не было...

На этотъ разъ немогота пришла вдругъ, была недавно и опять явилась.

При первомъ извѣстіи, что барину неможется снова, и что онъ бродитъ по дому, двое дворовыхъ бросились доложить объ этомъ самому уважаемому человѣку въ домѣ, буфетчику Ферапонту-Кузьмичу, уже шестидесятилѣтнему слугѣ.

Ферапонтъ явился, поглядѣлъ на барина и угрюмо выговорилъ:

— Неужто опять васъ разобрала лихоманка? Опять неможется?

— Нѣтъ, ничего,—промычалъ князь.

— Томитъ, все-таки?

— Такъ, малость,—почти смущаясь и будто робко замѣтилъ князь.

— Дослать за Адамомъ Адамовичемъ?

— Зачѣмъ? Не надо! Самъ придетъ. Не спѣхъ!

— Разговоритъ... Лучше будетъ. Разругаетъ вотъ какъ слѣдуетъ, ну, и полегчаетъ малость.

— Дуракъ ты...

— Знаю, что дуракъ. Токмо не изъ глупыхъ.

— Набалованъ,—проворчалъ князь угрюмѣе.—Кабы я былъ строгій помѣщикъ, то вы бы, холопы, со мной такихъ рѣчей не вели.

— Вѣстимо, кабы вы были люты, какъ вотъ генеральша Сельверствова или Сосновскій помѣщикъ, то никто бы не смѣлъ съ вами слова молвить.

— Слово молвить?—слегка дернулъ плечами князь.—Вы все грубите. А ты пуще всѣхъ, потому что никогда наказанъ не былъ.

— Вѣдь вотъ, ей-Богу!—воскликнулъ Ферапонтъ, раздражаясь.— Знай, попрекаете. Просто не въ моготу. Ей-Богу! Ну, прикажите наказать. Что же? Зачѣмъ дѣло стало? Ваша воля. А мнѣ лучше, чтобы меня выпороли, чѣмъ завсегда слышать эти попреки. Вы сказываете, что я будто бы...

— Ну, буде! буде! Надоѣло. Все тоже вѣкъ...

— Нѣтъ, не буде. Нѣтъ, погоди, баринъ,—прервалъ Ферапонтъ въ азартѣ.—Этакъ нельзя. Ты сказываешь, что я хвастаюсь, что у тебя въ трехъ состою... Якимъ кучеръ, ключникъ Юшка, да я... непоротые николи. Ну, и пущай они двое остаются. А меня прикажи выпороть. Сейчасъ...

— Слышалъ я это. Сто тысячъ разъ слышалъ,—нетерпѣливо, но и жалобно выговорилъ князь.—Уволь, Ферапонтъ Кузьмичъ, ради Создателя. И безъ тебя тошно. Уволь.

— Такъ не попрекайте. Мнѣ ваши попреки хуже розогъ. Что онѣ? Погоритъ, пожжетъ денекъ и заживетъ... У насъ вѣдь порютъ не такъ, какъ у другихъ помѣщиковъ. У насъ примѣръ одинъ, обманъ одинъ, а не порка. Всѣ это знаютъ. А попреки мнѣ ваши поперекъ горла стоятъ. Есть за что—накажите. Вы—баринъ нашъ, владыко. Не за что—то помалкивайте. Такъ-то, сударь.

Князь вздохнулъ тяжело и отвернулся.

— Ну, не буду, вижу, что вамъ нехорошо,—съ чувствомъ заговорилъ Ферапонтъ.—Ну, что же, родной мой, подумай что. Выѣзжайте, хоть въ Москву, что ли, соберитесь.

III.

Въ это же время въ саду прогуливался, медленно и тяжело ступая большими ногами, плотный человѣкъ, широкоплечій, съ богатырской, выпятившейся грудью. Лицо его полное, даже отчасти жирное, было безъ всякаго выраженія, казалось даже глупо сонливымъ или безжизненнымъ. Но лишь казалось таковымъ, такъ какъ онъ глядѣлъ въ землю.

Подойдя къ кусту бузины, онъ поднялъ глаза, и лицо его сразу преобразилось. Большіе, черные, яркіе глаза, въ которыхъ свѣтились, даже будто искрились, умъ и воля, въ мгновеніе озарили толстое мясистое лицо и сдѣлали его оживленно энергичнымъ.

Поднявъ правую руку, въ которой былъ пучекъ разныхъ цвѣтовъ, отъ розъ и жасминовъ до простыхъ полевыхъ цвѣтиковъ, колокольчиковъ и ромашки, онъ сталъ съ усиліемъ стараться сорвать вѣтку. Дѣло не клеилось. Пучекъ цвѣтовъ былъ слишкомъ толстъ, и можно было освободить лишь одинъ указательный палецъ. А имъ однимъ вѣтку сломать не было возможности. Помочь дру-

гой рукой, лѣвой, было нельзя. Она была далеко... Отъ нея отъ всей, отъ плеча до пальцевъ, оставались теперь гдѣ нибудь однѣ лишь косточки.... гдѣ нибудь на глубинѣ Чернаго моря.

Лѣвая рука была унесена ядромъ въ сраженіи, гдѣ немало легло русскихъ героевъ, но тьма тьмущая турокъ.

Инвалидъ, заслуженный воинъ, теперь уже пятидесятилѣтній человѣкъ, былъ отставной лейтенантъ флота, герой Чесменскаго сраженія, дворянинъ родомъ, а происхожденіемъ невѣдомо откуда. Отецъ его былъ помѣщикомъ Калужской губерніи, самъ онъ родился въ Парижѣ. Дѣдъ его, котораго онъ хорошо помнилъ, былъ тоже истый россіянинъ, по виду, говору и привычкамъ, но въ церковь не ходилъ, у исповѣди и причастія не бывалъ. Разъ въ годъ онъ ѣздилъ куда-то далеко, чтобы говѣть по-своему.

Зато отецъ и мать были особенно богомольны и, конечно, совсѣмъ россіяне по рожденію и по вѣрѣ. А между тѣмъ чесменскій герой носилъ довольно рѣдкое на Руси имя: Адамъ. Также звались и его отецъ, и дѣдъ, и прадѣдъ. Всѣ они назывались Адамами Адамовичами, а вдобавокъ по фамиліи были уже совсѣмъ какъ бы чужды и Руси и православію. Фамилія, вѣроятно, голландскаго происхожденія, была—Ваастъ. Дѣдъ и отецъ говаривали, что они изъ Саардама родомъ, и первый Адамъ Ваастъ помогалъ вѣнценосному плотнику Михайлову топоромъ и рубанкомъ, а затѣмъ двинулся въ Россію вслѣдъ за великимъ императоромъ. Этотъ первый Адамъ Ваастъ ничѣмъ не отличился особенно на берегахъ Невы, но нажилъ порядочное состояніе, которое оставилъ сыну. Второй Адамъ Ваастъ былъ уже извѣстнымъ въ Петербургѣ банкиромъ. Но у третьяго Адама Вааста, уже православнаго, былъ лишь маленькій домикъ на Васильевскомъ островѣ. Женившись на богатой дѣвушкѣ, онъ купилъ имѣніе и сталъ калужскимъ помѣщикомъ и пріютилъ у себя и разорившагося банкира-отца.

Калужанинъ сталъ называться уже иначе. Онъ не былъ Ваастъ, а былъ Вастовъ. Его отецъ продолжалъ себя называть по-старому, и по его же настоянію внукъ былъ отданъ въ морской корпусъ съ пропиской настоящей фамиліи. Когда морякъ прослужилъ двѣнадцать лѣтъ во флотѣ, сталъ инвалидомъ и, выйдя въ отставку, явился наслѣдовать послѣ отца, то оказалось, что онъ, лейтенантъ Ваастъ, калужскій помѣщикъ Вастовъ. И чуть не вышло бѣды. Мѣстные крючкотворы едва не предали дѣла о наслѣдствѣ суду и волокитѣ.

Пришлось герою Чесмы, упомянутому за храбрость въ реляціи о сраженіи, назваться иначе. Вышло, что калужскій помѣщикъ какъ бы не имѣлъ ничего общаго съ отличившимся лейтенантомъ флота.

— Косточки лѣвой руки, давно обглоданныя рыбушкой и лежащія на днѣ морскомъ,—шутилъ теперь инвалидъ,—принадлежатъ

Адаму Ваасту, а правая здравствующая рука принадлежитъ Адаму Вастову. Онѣ разнофамилицы и даже не родня. Неразумно и несправедливо.

Инвалидъ жилъ теперь съ женой и пріемышемъ очень давно въ усадьбѣ у князя Гиреева, почитаясь какъ бы гостемъ, пріѣхавшимъ какъ бы на время.

Всѣ звали безрукаго инвалида, какъ самъ онъ себя называлъ, Ваастомъ, но по бумагамъ калужской гражданской палаты онъ былъ лейтенантомъ флота въ отставкѣ Вастовымъ. Всѣ равно любили Адама Адамовича за ласковость и тихость. Жена его, Анна Ѳоминишна, была въ домѣ «особою» важной, властной, и проживала «необыкновенно», по выраженію дворни, какъ врядъ ли жила гдѣ либо какая другая нахлѣбница. Она была, какъ на правахъ родственницы князя, и дѣлала все, что хотѣла, только наказать кого либо не могла безъ спроса барина, потому что вообще онъ этого не любилъ и допускалъ при крайней настоятельной необходимости. Во всякомъ случаѣ женщина пользовалась всякими правами больше, чѣмъ самъ лейтенантъ. Раза два въ мѣсяцъ она посылала нарочнаго въ ближайшій городъ за покупками всякаго рода, отъ ситца до пряниковъ, не спросясь князя, но за его счетъ. Она имѣла свою пару лошадей, свой экипажъ и отдѣльнаго кучера, завела ради прихоти свой отдѣльный огородъ.

На замѣчанія, хотя рѣдкія, мужа, что она «самоуправствуетъ» не въ мѣру, Анна Ѳоминишна отвѣчала неизмѣнно:

— Это не твое дѣло. Это наше съ княземъ дѣло и до тебя касательства никакого не имѣетъ.

Князь любилъ и баловалъ толстую краснолицую «матушку Ваастшу» по особой причинѣ. Она гадала на картахъ довольно искусно, а князь обожалъ гадать въ особенности въ минуты тоски. Онъ одинаково вѣрилъ и въ то, что говорилъ о христіанской религіи господинъ Вольтеръ, и въ то, что говорила девятка пикъ, особенно когда ляжетъ слѣва, да еще—помилуй Богъ—вмѣстѣ съ тузомъ пикъ, да еще въ головахъ.

Самъ Ваастъ серіозно задумывался надъ этимъ:

«Какъ же такъ? Угодниковъ Божіихъ нѣту, а пики есть?»

Чесменскій герой и его жена не считались, однако, простыми обыкновенными приживальщиками или нахлѣбниками. Они были гостями и друзьями князя Гиреева. Правда, что Ваастъ пріѣхалъ въ усадьбу дѣйствительно гостемъ около десяти лѣтъ назадъ. Но, выписавъ жену на время и собираясь снова уѣхать «къ себѣ» домой, онъ жилъ безвыѣздно.

А гдѣ именно находилось его собственное помѣстье, никому не было извѣстно.

Кромѣ того, Ваастъ жилъ широко, и съ женой и съ воспитанникомъ-отрокомъ, Ефимушкой, занималъ цѣлый аппартаментъ въ

семь комнатъ, имѣя четырехъ человѣкъ прислуги, и велъ отдѣльное хозяйство. Обѣдая всегда у себя, онъ только ужиналъ часто съ княземъ, но жена его; Анна Ѳоминишна, и пріемышъ почти никогда за столъ князя не приглашались, кромѣ праздниковъ.

Ваастъ часто по поводу чего либо говорилъ гордо и даже гнѣвно:

— Что я? Нахлѣбникъ, что ли, здѣсь? Я въ гостяхъ. Нынѣ здѣсь, а завтра домой соберусь.

Вполнѣ правдивый, прямой и чистосердечный человѣкъ, онъ какъ будто самъ себя обманывалъ и въ томъ, что онъ гость князя, и въ томъ, что ему есть куда ѣхать «домой».

Между тѣмъ, маленькое имѣньице, остатокъ отъ вотчины отца въ Тарусскомъ уѣздѣ, было давно продано, въ самомъ же городѣ губернскомъ Калугѣ у Вааста дѣйствительно былъ «домъ», десятка четыре квадратныхъ саженъ земли и хибарка въ три комнаты со сгнившей крышей и съ развалившейся печью. Вдобавокъ это владѣніе было на окраинѣ города, и по оцѣнкѣ стоило менѣе ста рублей. Но Ваастъ разсуждалъ особо и говорилъ себѣ самому:

— Чѣмъ не домъ? Если поправить, пристроить большую столовую и настоящую кухню вмѣсто чулана, да прикупить у сосѣда съ полъ-десятины, то совсѣмъ достойно будетъ. Для офицера и дворянина не зазорно...

Это разсужденіе было вѣрно вполнѣ, но...

Но денегъ на такое устройство у лейтенанта, конечно, не было, а равно не имѣлось и въ виду. Все-таки мысль о «домѣ» въ Калугѣ и объ устройствѣ его позволяла Ваасту обманывать самого себя среди знакомыхъ князя и заявлять при каждомъ случаѣ горделиво:

— Я же вѣдь не нахлѣбникъ здѣсь. Если что̀, я уѣду домой.

Впрочемъ, за эти десять лѣтъ, проведенныхъ съ княземъ, лейтенантъ настолько привыкъ и такъ относился къ доброму Самсону Ивановичу, вдобавокъ одинокому и несчастливому, что врядъ ли былъ теперь способенъ покинуть усадьбу. И не себялюбіе или личная выгода, а искренняя привязанность къ другу удержала бы его.

Онъ былъ глубоко увѣренъ, что необходимъ «порченому и стиховому» князю Гирееву. И отчасти онъ, конечно, правъ былъ.

IV.

Когда Ваастъ ухитрился однимъ пальцемъ сорвать вѣтку и двинулся по большой аллеѣ, то увидѣлъ, что дворовый Сергѣй бѣжитъ въ его сторону и очевидно къ нему. Онъ остановился и дождался.

— Что?—спросилъ онъ издалека.—До меня?

— Да вотъ, Адамъ Адамовичъ, баринъ князь приказалъ позвать.

— Поднялся? Въ сей часъ? Худо что ли?—удивился Ваастъ.

— Да, въ диванной сидѣлъ. Теперь опять по всѣмъ комнатамъ пошелъ.

— Паки захватило?

— Точно такъ-съ.

— Еще пуще, пожалуй...

— Да-съ, пуще, надо думать.

— Ишь вѣдь. Я думалъ, на этотъ разъ не скоро будетъ... А давно ли по-твоему было, Сережа?

— Совсѣмъ недавно, Адамъ Адамовичъ,—отвѣтилъ Сергѣй, какъ бы соображая и вспоминая.—Да, вотъ, стало быть, пять недѣль шестая.

— Почему же ты этакъ полагаешь? Зря?

— Никакъ нѣтъ-съ. Кончилось съ нимъ, когда эта самая Фальдалена Викторовна пріѣхала.

— Адольфина, дуракъ.

— Ну, Дальфолина, что ль? Когда она прибыла, то Матрена, коровница, середь дороги приспичилась и родила... Помните, всѣ смѣялись... Ну, вотъ... А въ тотъ день Петрову посту недѣля вышла... Ну, вотъ и считайте.

Ваастъ расчелъ мысленно и выговорилъ:

— Вѣрно, Сережа, пять недѣль. Живо опять пришла. Что если этакъ-то зачаститъ? Что намъ тогда подѣлать, голубчикъ?

— Ужъ и не говорите. Прежде, бывало, по шести мѣсяцевъ сходило въ порядкѣ, а теперь вона... Пять недѣль.

— Когда же это было-то? По полугоду. Десять лѣтъ назадъ, когда и меня, стало, тутъ не было еще... Ну, что же?.. Ступай. Скажи, иду. Только вотъ цвѣтики донесу Аннѣ Ѳоминишнѣ.

Дворовый побѣжалъ къ дому, а Ваастъ двинулся медленно и озабоченно глядѣлъ по сторонамъ, будто искалъ отвѣта на докучливую мысль, возникшую вдругъ у него въ головѣ.

А мысль эта, внезапная и показавшаяся ему удивительною,—была:

— А что если новое что измыслить? Новое, особое, такое, чего никогда онъ не продѣлывалъ. Да.

И чрезъ минуту онъ забормоталъ вслухъ:

— Да, вѣрно, новое, особливое, забористое. Это хорошо. Только вотъ что нехорошо... Что собственно? Да. Что измыслить? Кто это самое новое выдумаетъ? Я не гораздъ. Ферапонтъ инъ бываетъ гораздъ, а инъ—прямо чурбанъ. А если бы этакое особливое измыслить, можно бы его на цѣлый годъ излѣчить...

Черезъ четверть часа Ваастъ шелъ уже по большимъ парраднымъ комнатамъ дома, тихимъ и пустыннымъ. Убранство было богатое, чистота и порядокъ повсюду примѣрные, всякое кресло стояло на томъ своемъ мѣстѣ, гдѣ ему опредѣлили стоять лѣтъ тридцать назадъ, еще при покойномъ отцѣ владѣльца. Солнце

ярко свѣтило въ окна, позолота на мебели и золотыя рамы картинъ и портретовъ, красивая бронза на шкафахъ, тумбахъ и въ воздухѣ, въ видѣ люстръ,—все сіяло и сверкало весело.

А между тѣмъ вся длинная амфилада комнатъ имѣла особый, если не унылый, то суровый видъ, холодный, непривѣтливый, недружелюбный... Ваастъ говорилъ всегда, что весь барскій домъ «поглядываетъ исподлобья на всѣхъ, будто досадуетъ и злится, что его въ одиночествѣ содержатъ. А будь здѣсь людно, — прибавлялъ онъ,—будь хозяйка, дѣти, родственники, совсѣмъ бы другая усадьба была, а домъ глядѣлъ бы на тебя, будто сказывая: милости прошу. А теперь онъ будто сказываетъ: ну-те. къ чорту! Чего прилѣзъ? А оравы пьяныхъ гостей на время онъ въ счетъ не принимаетъ».

Пройдя всѣ комнаты, три гостиныхъ, диванную, билліардную и портретную, Ваастъ нигдѣ не нашелъ князя. Оставалась маленькая комнатка въ углѣ дома, которая называлась «фонарь», такъ какъ была не что иное, какъ терраса со стѣнками и крышей изъ большихъ рамъ съ разноцвѣтными стеклами.

Въ фонарѣ князь никогда не бывалъ. Зимой въ немъ всегда было свѣжо, а лѣтомъ душно, такъ какъ рамы не отворялись. Однако Ваастъ заглянулъ въ фонарь и увидѣлъ князя.

Гиреевъ сидѣлъ въ низкомъ креслѣ, вытянувъ ноги, согнувшись, съ руками на колѣняхъ. Голова была опущена, а по позѣ и неподвижности всей фигуры ясно было видно, что онъ глубоко и давно задумался.

Ваастъ сталъ на порогѣ и началъ молча глядѣть на сидящаго. Красивый брюнетъ, сравнительно очень молодой, статный и стройный, теперь, въ этой позѣ и въ этой задумчивости, показался бы иному сорокалѣтнимъ, болѣзненнымъ человѣкомъ, и неуклюжимъ, и разслабленнымъ.

Ваастъ приглядѣлся къ князю, котораго давно зналъ и хорошо изучилъ, и подумалъ:

«Да, и шибко. На сей разъ въ самомъ дѣлѣ пуще будетъ». И постоявъ еще нѣсколько мгновеній, молча и не двигаясь, чтобы испытать, насколько князь «ушелъ въ себя», Ваастъ наконецъ кашлянулъ. Но князь и этого не замѣтилъ.

«Ну, здорово захворалъ,—подумалъ онъ и вздохнулъ, сожалѣя и сочувствуя.—Дослать, что ли, сейчасъ Анну Ѳоминишну съ картами? Нѣтъ. Поутру нельзя. Сказываетъ, видишь, что карты ея токмо при свѣчахъ ложатся взаправду, а при солнышкѣ мошенничаютъ, врутъ».

И постоявъ Ваастъ выговорилъ громко:

— Эй, родимый Самсонъ Иванычъ, опять, стало быть?..

Князь глянулъ уныло и тихо вымолвилъ:

— Опять.

— Да-а. Вона какъ?.. И съ чего бы этакъ вскорѣ да паки?

— Тяжело. Просто сейчасъ бы вотъ...

— Руки на себя?—прибавилъ Ваастъ, зная впередъ.

Князь двинулъ плечомъ, какъ бы говоря: «Понятно, что же другое».

— Да-а, всѣмъ лѣкарствіямъ самое главное и послѣднее.

— Помоги, Адамъ Адамовичъ, чѣмъ шутить-то.

— Помоги? Легко сказать. Я всего три средствія знаю: жениться, постричься и удавиться.

— Не до смѣху мнѣ,—укоризненно отозвался князь.

— А мнѣ? Намъ всѣмъ?.. Нешто до смѣху? Мы всѣ васъ любимъ. Да что же тутъ подѣлаешь? И главная бѣда, что больно ужъ зачастило. Пять недѣль тому приключилось и прошло. А теперь опять...

— Помоги. Надумай что...

— Поѣдемъ.

— Поѣдемъ? Боюсь, и это ни къ чему будетъ. Что же все ѣздить?

— Ну, гостей назовемъ. Кутежъ и безобразіе всякое учинять начнемъ, какъ въ прошломъ маѣ... Можетъ, и полегчаетъ.

— Нѣтъ... Знаю, что нѣтъ. Ничего не полегчаетъ. Тогда я захворалъ отъ усталости послѣ всѣхъ безобразій на охотѣ, и представилось мнѣ, что я помираю. Ну, отъ страха все и прошло. Не отъ гостей, Адамъ Адамовичъ, а отъ страха смерти. Пойми.

Ваастъ вздохнулъ и задумался.

— Помоги. Надумай что нибудь!—прервалъ князь молчаніе.

— Ну, а Адольфина Викторовна?

— Что?

— Пріѣлась, опостылѣла?

— Пуще горькой рѣдьки. Вотъ что, Адамъ Адамовичъ...

Князь вдругъ оживился и заговорилъ бодрѣе:

— Иди сейчасъ. Гони ее вонъ... Увижу, что уѣзжаетъ, мнѣ малость полегчаетъ. Иди... скорѣе!

— Извольте.

— Только, Бога ради, скорѣе! Чтобы она не копалась...

— Не бойтесь. У нея все готово. Все уложено. Только денегъ дать. А сколько прикажете выдать?

— Почему все готово?—воскликнулъ князь удивленный.

— Я ее третьяго дня предупредилъ, чтобы собиралась, что будетъ приказъ убираться.

— Почему же ты это будто почуялъ?

— Эхъ, Самсонъ Иванычъ. Я десять лѣтъ васъ знаю. Видѣлъ уже съ недѣлю назадъ, что Адольфина запретила вамъ и рѣдькой становится.

— Какъ же ты видишь, когда я еще не вижу?

— Со стороны виднѣе. Да я тебя, сударь, больше знаю, чѣмъ самъ ты себя. Ну, стало, пойду ее спроваживать.

И лейтенантъ двинулся черезъ весь домъ.

Отдѣлаться отъ «прелестницы», жившей въ домѣ, въ антресоляхъ, всегда поручалось Ваасту. Князю бывало всегда непріятно, совѣстно сдѣлать это лично.

Прежде всего онъ не выносилъ ничьихъ слезъ, въ данномъ случаѣ неизбѣжныхъ, и не могъ устоять противъ просьбъ и моленій, хотя бы въ полный ущербъ себѣ или своему карману.

Лейтенантъ никогда не оправдывалъ внезапнаго изгнанія вчерашняго идола, зная, что его вскорѣ замѣнитъ другой, пожалуй, худшій... Но разъ получалъ приказаніе, онъ исполнялъ порученное ему твердо, энергично и быстро, соблюдая при томъ интересы друга-покровителя, но ставя выше всего справедливость.

Однажды ему пришлось года четыре назадъ «вытуривать» и «выкуривать» наложницу молдаванку съ мудренымъ прозвищемъ, которая заявила, что безъ свиданія съ княземъ не выѣдетъ. Ваастъ приказалъ ее связать, самъ вывезъ въ каретѣ «лежачую» и довезъ самъ до города.

Въ другой разъ онъ выгналъ одну прелестницу, не давъ ей ни гроша изъ той суммы, что опредѣлилъ князь, а вдобавокъ выгналъ на село пѣшкомъ, гдѣ она наняла телѣгу у мужика. За что такъ круто поступилъ Ваастъ, онъ не объяснилъ князю, возвращая деньги. Но, одновременно встрѣтивъ въ коридорѣ двороваго Михайлу, красавца «столоваго», носившаго всегда кушанья обитательницамъ антресолей, лейтенантъ погрозился и проговорилъ:

— Ничего Самсону Ивановичу не скажу. Но если таковое повторится, то знай... Добръ князь нашъ, а за этакое можно у него и въ солдаты улетѣть. А кушанье впредь на антресоли носить, какая бы тамъ опять ни завелась, откажись самъ, проси, чтобы уволили, скажи, ноги заболѣли, или соври что...

Въ другой разъ, отправляя молодую дѣвушку, изъ русскихъ, купеческую дочку, которая пробыла въ усадьбѣ не болѣе двухъ недѣль, Ваастъ выговорилъ у князя ей въ награду вдвое противъ того, что тотъ хотѣлъ дать.

— За ея простомысліе,—объяснялъ онъ.

— Да я ее и гоню-то за это, что она дура деревенская, такъ какъ же за это же и награждать?—смѣялся князь.

— Кто простъ разумомъ, тотъ чистъ сердцемъ, девяносто разъ на сто!—объяснилъ Ваастъ.

Теперь послѣ бесѣды съ Гиреевымъ, получивъ предписаніе «вытуривать» наложницу Адольфину, лейтенантъ пошелъ заявить нѣмкѣ, что лошадей сейчасъ подадутъ, и передалъ ей отъ барина триста рублей. Нѣмка сидѣла съ уложенными уже три дня сунду-

ками, такъ какъ онъ уже ее предупредилъ, что ждетъ ея отставки ежечасно.

По отъѣздѣ нѣмки тотчасъ же принялись за чистку антресолей, чтобы приготовить ихъ къ прибытію... невѣдомой, слѣдующей, которой числомъ,—всѣ давно и счетъ потеряли.

V.

Всякій въ краѣ на сто верстъ кругомъ зналъ мѣстность прозвищемъ «Пустой Валъ». Но была и усадьба того же имени. Валу, сказывали, больше ста лѣтъ, а на это сторожилы и люди поумнѣе смѣялись.

— Сто? И всѣ пять или шесть сотъ. Что за валъ и откудова онъ, самъ содѣлался или его люди соорудили, — одному Богу извѣстно.

Усадьбѣ было немного годовъ, около полъ-ста. Старожилы постарѣе, посѣдѣе, подряхлѣе, помнили, что мѣсто, гдѣ стоялъ барскій домъ, службы, разросся фруктовый садъ, и гдѣ невдалекѣ виднѣлась деревушка, дворовъ съ десятокъ,—все это мѣсто было просто лѣсная опушка. Теперь, при выѣздѣ изъ лѣса въ поле, лицомъ къ дорогѣ, стоялъ сѣрый домъ съ четырьмя колоннами и террасой, предъ нимъ былъ палисадникъ весь въ цвѣтахъ, съ кустами розъ, жасминовъ и сирени, съ клумбами, гдѣ лѣтомъ земли не видать было отъ всякаго оранжерейнаго цвѣта. Предъ домомъ черезъ дорогу стояла маленькая церковь, не столь давней постройки. По бокамъ дома было въ родѣ двухъ флигелей, на видъ барскихъ, двѣ службы для дворовыхъ людей, которымъ жилось здѣсь, какъ у Христа за пазухой. Господа были такіе...

А тамъ дальше, за широкимъ дворомъ, шла конюшня, сараи всякіе, рига, овинъ и всякое, что бываетъ у хорошаго хозяина съ достаткомъ, даже скотный дворъ, большой птичный дворъ, и двѣ оранжереи, за которыми начинался садъ съ молодыми, но уже тѣнистыми липовыми аллеями, ровесницами постройкамъ усадебнымъ.

На деревнѣ, въ полуверстѣ разстоянія, было нѣчто не совсѣмъ обыкновенное. Всѣ избы были прямыя, не только повалившихся лачугъ не было, но тесовыя крыши, а не соломенныя, были на всѣхъ избахъ. И не потому, что лѣсъ былъ близко, тутъ же, ибо въ лѣску доски не растутъ, а потому, что опять господа были такіе...

Въ усадьбѣ и на деревнѣ всегда было тихо, мирно, будто весело даже и въ будни, но не шумно, а тихо весело, «радостно на душѣ, а не въ глоткѣ». И никто, ни въ барскомъ домѣ, ни въ службахъ, ни въ избахъ, горемычнымъ себя почесть не могъ. Чуть стрясется какая бѣда—къ господамъ. И въ тотъ же часъ все наладится, бѣда сгинетъ, потому что господа были такіе...

Это были господа дворяне Глѣбовы. Глава семьи былъ отставной гвардіи Измайловскаго полка капитанъ Андрей Ивановичъ Глѣбовъ.

Было время, давно тому назадъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, отъ окраины большого лѣса сразу разверзалось на далекое пространство открытое поле, уходившее во всѣ края, не вспаханное, повидимому, никогда, усѣянное лѣтомъ всякими полевыми цвѣтами, какіе только водятся на свѣтѣ.

Невдалекѣ отъ лѣса шелъ грядой рядъ холмовъ, то повыше, то едва видимыхъ, но всѣ длинные и узкіе, они составляли нѣчто цѣльное, нѣчто не природой, а руками созданное. Вся мѣстность, опушка лѣса и часть поля съ незапамятныхъ временъ назывались, какъ уже сказано выше, «Пустой Валъ».

Лѣтъ съ полъ-вѣка назадъ, появился тутъ какой-то проѣзжій дворянинъ, военный, съ семействомъ и людьми, съ большимъ обозомъ, на подводахъ котораго была всякая всячина, всякій скарбъ и рухлядь. Дворянинъ облюбовалъ мѣсто, прельстило его поле цвѣтистое съ одной стороны, а съ другой—дремучій лѣсъ.

Не справляясь, чья это земля, помѣщичья или государственная, дворянинъ распорядился по-военному, да по времени и запросто, никому не удивительно...

Онъ, выбравъ мѣсто, нагналъ сосѣднихъ крестьянъ по найму и началъ строиться, валя столѣтнія дерева, преимущественно дубъ и кленъ. Живя лагеремъ или таборомъ, онъ спѣшилъ, чтобъ къ осени быть уже въ благоустроенномъ домѣ. И все поспѣло во время, даже печи, рамы и всякое иное, чего въ лѣсу нельзя было найти, а пришлось доставлять изъ городка за сорокъ верстъ.

Новый помѣщикъ на слѣдующій годъ уже имѣлъ и свой хлѣбъ съ нови, не только свои огороды, а вмѣстѣ съ тѣмъ принялся строить поселокъ и поселять приписныхъ крестьянъ и покупаемыхъ, и просто принимаемыхъ съ вѣтру «подорожныхъ» бѣглецовъ отъ другихъ помѣщиковъ, или бѣгуновъ изъ городовъ отъ суда и отвѣта. Дворянинъ зналъ, что дѣлалъ, дѣйствуя мастеромъ. Единственное, чего онъ не зналъ — чью землю захватилъ, да еще на цѣлыхъ версты двѣ, три въ окружности. Впрочемъ, новая вотчина не имѣла собственно границъ. Все то, до чего руки не доходили, — оставалось пустынно, въ цвѣту, никому, повидимому, не принадлежало.

Такъ пришла и давность.. Возникъ вопросъ о правахъ, явились стрикулисты изъ города, явились и документы, и старожилы понятые, свидѣтельствовавшіе, что усадьба «Пустой Валъ» уже со сто лѣтъ существуетъ. Капитанъ, пожилой вдовецъ, явившійся сюда на поселеніе съ взрослымъ сыномъ и дочерью невѣстой, былъ живъ и теперь...

Но теперь это былъ девяностодвухлѣтній старецъ, а съ нимъ жила семья изъ четырехъ душъ, при чемъ въ домѣ было четыре поколѣнія. У старца былъ сынъ, который когда-то, тоже едва совершеннолѣтнимъ молодцомъ, явился сюда и помогалъ въ стройкѣ отцу надзоромъ и порученіями въ городѣ. Впослѣдствіи этотъ вто-

рой Глѣбовъ, Андрей, женился и не запросто, а на московской дѣвицѣ изъ княжескаго рода, хотя безприданницѣ. Она принесла съ собою въ усадьбу лишь семь сундуковъ бѣлья и платьевъ, сто аршинъ полотна и триста аршинъ холста посконнаго. Впрочемъ, въ приданомъ была сотенная шуба и серьги съ брилліантами.

Затѣмъ появились на свѣтъ Глѣбовы—третье поколѣніе—сынъ и три дочери, изъ которыхъ была теперь въ усадьбѣ только одна дочь, Прасковья Андреевна, пожилая дѣвица.

Четвертое поколѣніе олицетворяла собой 15-лѣтня дѣвушка, сирота, правнучка самого Андрея Ивановича, родившаяся на свѣтъ Богъ вѣсть гдѣ, на краю свѣта, на берегахъ Волги и привезенная въ «Пустой Валъ» уже семи лѣтъ отъ роду, когда отецъ ея, давно вдовый, тоже умеръ вдругъ отъ какой-то болѣзни, унесшей половину обитателей цѣлаго города.

Вся жизнь этой семьи прошла въ глуши, на опушкѣ лѣса, передъ огромнымъ полемъ, и не болѣе десяти разъ за полъ-столѣтія передвинулись члены семьи въ ближайшій губернскій городъ или въ Москву. Случалось это всегда вслѣдствіе особо важныхъ обстоятельствъ жизни: брака, смерти, особой радости или особаго горя.

Главное и наиболѣе долгое отсутствіе случилось тогда, когда на свѣтѣ было только двое Глѣбовыхъ, отецъ и сынъ, и когда сынъ, выискавъ себѣ невѣсту—княжну, вѣнчался съ ней въ Москвѣ. Теперь Глѣбову сыну шелъ семьдесятъ второй годъ, его женѣ Катеринѣ Петровнѣ было шестьдесятъ семь лѣтъ, ея младшей дочери Прасковьѣ, не вышедшей замужъ, тоже минуло уже за сорокъ лѣтъ.

Жизнь въ «Пустомъ Валѣ» за полъ-столѣтія прошла, промелькнула. Самъ Андрей Ивановичъ помнилъ «вотъ какъ бы позавчера», какъ онъ облюбилъ это мѣсто и строился, а молодецъ сынъ, двадцатилѣтній красавецъ, помогалъ ему и все смущался рѣчью отца, говорившаго:

— Какъ выстроимся, распорядимся, разсядемся, такъ первымъ дѣломъ я тебя, съ Божьяго благословенья, женю. Нужны мнѣ поскорѣе внуки и благодать въ домѣ.

И вотъ велъ Андрей Ивановичъ эти рѣчи «какъ бы позавчера», а нынѣ въ домѣ уже дѣвушка невѣста, его не внучка, а уже правнучка. А ему самому всего-то восемь лѣтъ осталось дожить до ста. А послѣ ста уже врядъ ли жить доведется.

— Сказывается: продли Богъ вѣку,—говорилъ часто Андрей Ивановичъ.—Стало, живи человѣкъ одинъ вѣкъ, кто поболѣ, кто поменѣ, а второго вѣку не захватывай, чужой хлѣбъ не заѣдай.

Но самъ Андрей Ивановичъ мысленно желалъ захватить малую толику второго вѣка и чувствовалъ вдобавокъ, что его костямъ на покой, какъ будто бы, и рано.

Чѣмъ онъ былъ лѣтъ двадцать назадъ въ теперешніе годы сына Андрея, тѣмъ онъ и теперь себя видѣлъ. Также почти кушалъ, также почивалъ, только тогда гулялъ больше, по двадцати верстъ дѣлалъ въ шутку, а теперь версты за двѣ пойдетъ хоть бы по-грибы, и удивительная безпричинная истома въ тѣлѣ ощущается. Сказываютъ, отъ преклонныхъ лѣтъ, можетъ быть, потому, что 92 года все-таки года добрые, десятый десятокъ.

Обидно все-таки одно: зачѣмъ время одолѣваетъ однѣ ноги? Глазомъ старецъ видѣлъ такъ же, какъ и прежде, ушами слышалъ тоже совсѣмъ попрежнему... А ноги стали отказываться. Правда, что если ему объ закладъ побиться съ сыномъ Андреемъ, кто дальше уйдетъ, то онъ 70-тилѣтняго сына, пожалуй, за поясъ заткнетъ, приневоливъ себя, на версту, на двѣ, обойдетъ. Но это не утѣха и не примѣръ, потому что сынъ Андрей Андреевичъ не въ мѣру выдумалъ старѣться, не по годамъ. Впрочемъ, не онъ одинъ. Андрей Ивановичъ замѣчалъ кругомъ себя и въ дворянахъ, и въ холопахъ новое явленіе.

— Худородіе. Живутъ, ѣдятъ, пьютъ—все, какъ и мы бывало. А распускаютъ себя, какъ Андрюша, ранѣй нашего, расползаются по швамъ, какъ кафтаны, плохо сшитые, стало, такъ Богъ велѣлъ.

Умный человѣкъ архіерей, старый, престарый, объяснилъ однажды Андрею Ивановичу, давно уже тому назадъ, а онъ запомнилъ умное разсужденіе преосвященнаго.

— Вотъ жили ветхозавѣтные патріархи вѣками или сотнями годовъ, а мы до ста дотягиваемъ только, а наши дѣтки и того не могутъ. И наступитъ время, страшно подумать, что будетъ. Будутъ старики тридцатилѣтніе, сѣдые и морщинистые на второмъ десяткѣ. Можетъ, отъ того, что люди Бога гнѣвятъ, живутъ не постарому, говѣютъ хорошо, если раза два въ году, а главное такія мысли заводятъ въ головѣ, отъ коихъ сгораетъ кровь.

Старецъ зналъ, что сынъ Андрей Андреевичъ далеко не изъ таковыхъ. «Богъ съ нимъ». Стало быть, времена наступаютъ «краткосрочныя для человѣка». И онъ былъ радъ, что родился въ «свое» время, а не «ихнее».

VI.

По всей Руси среди маловѣровъ и невѣровъ, которые расплодились и распложаются все пуще, —разсуждали люди смиренномудрые и смущенные окружающимъ,—стали плодиться и люди особо благочестивые, которыхъ прежде было несравненно много меньше. Итакъ, выходитъ, что если врагъ человѣческій преуспѣваетъ въ своихъ навожденіяхъ зла, искушенія и грѣха на людей, то и Господь по благости своей посылаетъ на землю угодныхъ себѣ, истинныхъ праведниковъ. И если таковые не могутъ сравняться со

святыми подвижниками древнихъ временъ, то все-таки проявляютъ такой образецъ жизни, который напоминаетъ времена этого подвижничества и можетъ радовать и умиротворять души истинныхъ христіанъ, напуганныхъ всѣмъ тѣмъ, что стало твориться на свѣтѣ отъ заразы душевной. Оно такъ и быть долженствуетъ. Во дни одолѣнья не въ мѣру врагомъ человѣческимъ всегда появляются среди людей Божьи угодники и пророки.

Къ числу воистину такихъ, чуть не праведныхъ, людей, разсыпанныхъ по лицу земли Русской за эти дни чернокнижія и скверно словія, вольнодумства и богохульства,—принадлежалъ и помѣщикъ глухой стороны, полнаго захолустья, усадьбы «Пустой Валъ», сынъ чуть не столѣтняго старца и самъ уже старикъ—Андрей Андреевичъ Глѣбовъ.

И слава про него прошла далеко за предѣлы его края. Хотя и говорится, что добрая слава лежитъ, а худая бѣжитъ, но истинно добрыя слова тоже могучи и тоже молніей бѣгутъ, прорѣзая и освѣщая сизыя тучи житейскаго братоненавистничества.

Да, Андрей Андреевичъ былъ «свѣточемъ» въ своемъ краѣ. Еще очень юнымъ Андрюша удивлялъ всѣхъ своей душевной ясностью, покоемъ всѣхъ чувствъ и особымъ рѣдчайшинъ въ людяхъ незлобіемъ. Его нельзя было обидѣть, оскорбить, не потому, что таковые обидчики не находились, обезоруженные его кротостью и смиреньемъ, а потому, что самъ молодой малый не былъ способенъ вознегодовать и разгнѣваться, а тѣмъ паче не могъ отомстить, даже не понималъ чувства мести.

Женившись по выбору и по волѣ родителя на московской княжнѣ, онъ сталъ еще смиренномудрѣе, тише и кротче отъ тайнаго горееванія,—горееванія о томъ, что жена, которую онъ полюбилъ, какъ Господь повелѣваетъ мужу, была какъ разъ иного духа, чѣмъ онъ самъ, была гнѣвна, строптива и строга къ людямъ и сугубо строга къ своимъ новымъ крѣпостнымъ, привыкшимъ къ послабленію отъ своихъ господъ.

— Наказывать одному Господу довлѣетъ!—повторялъ Андрей Андреевичъ по поводу всякой вины людской.—У себя бревно въ глазу всякъ человѣкъ примѣчай и помни.

Виноватыхъ у него никогда не было, всегда были виновны обстоятельства окружающія, а то и онъ самъ—хотя бы косвенно, издалека...

Когда Андрею Андреевичу шелъ и приходилъ къ концу третій десятокъ лѣтъ, то онъ прозывался въ домѣ «нашъ барчукъ». И долго, лѣтъ за сорокъ, онъ еще оставался «молодой» баринъ въ отличіе отъ настоящаго барина Андрея Ивановича.

Такъ какъ всегда совершенно бодрый и удивительно моложавый не по годамъ отецъ занимался хозяйствомъ и входилъ во все самъ и даже не любилъ вмѣшательства сына, то Андрей Андрее-

вичъ и по влеченью сердца и по привычкѣ отдался весь всему «божественному», отвернулся отъ всего мірского и сталъ жить, какъ живутъ монахи, за исключеніемъ посѣщенія службъ церковныхъ, такъ какъ ихъ приходъ былъ въ двадцати верстахъ.

Но чрезъ тридцать лѣтъ послѣ своей женитьбы Андрей Андреевичъ достигъ своей цѣли, убѣдилъ и всячески упросилъ отца выстроить церковь у нихъ въ усадьбѣ. Конечно, маленькую, простую деревянную и съ убогой обстановкой по средствамъ ихъ, которыя были не велики. Но зато съ этого дня молодой Глѣбовъ зажилъ новой жизнью, былъ старостой церковнымъ и пѣлъ на клиросѣ, читалъ апостолъ и понемногу преобразился духомъ, сталъ еще тише, добрѣе, скромнѣе.

На счастье его, священникъ, назначенный въ Пустой Валъ, оказался образомъ мыслей, нравомъ и духомъ таковъ же, какъ и онъ. Службы церковныя пошли и чередовались чуть ли не такъ же, какъ въ иномъ монастырѣ.

Будучи неграмотнымъ въ пору своей женитьбы, молодой Глѣбовъ, мучимый давно неутомимой жаждой познанія слова Божія, подъ тридцать лѣтъ упорно принялся за букварь, сталъ учиться читать и писать, но не по-россійски, а по-славянски.

Чрезъ годъ онъ свободно читалъ и недурно писалъ.

И началось чтеніе священныхъ книгъ, которыя онъ покупалъ или доставалъ чрезъ знакомыхъ помѣщиковъ изъ столицы.

Незамѣтно для другихъ и даже для самого себя, Андрей Андреевичъ за слѣдующій десятокъ лѣтъ сталъ совсѣмъ другой человѣкъ. Въ священномъ писаніи онъ былъ «начетчикъ». И зная, конечно, четвероевангеліе наизусть, онъ легко находилъ любое мѣсто въ Четьяхъ-Минеяхъ, зналъ въ подробностяхъ и могъ разгадать, что угодно, изъ жизнеописаній святыхъ.

Но главное было не это... Молодой Глѣбовъ, когда ему было только сорокъ лѣтъ, выглядывалъ уже шестидесятилѣтнимъ старикомъ. Онъ похудѣлъ, посѣдѣлъ и подряхлѣлъ много раньше времени. Одновременно онъ уже сталъ считаться «богоугоднымъ» и уже былъ извѣстенъ всѣмъ, даже въ далекихъ селахъ и деревняхъ, чуть не за сто верстъ, своей духовной властью надъ людьми.

Постепенно въ округѣ завелся невѣдомо какъ обычай, что къ барину-помѣщику «Пустого Вала» шелъ отовсюду народъ за совѣтомъ и помощью, но не денежной, а душевной. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сначала свои крестьяне, а вскорѣ сосѣдніе, а затѣмъ и дальніе, стали призывать къ себѣ барина Глѣбова «разсудить» всякое спорное дѣло между отцемъ и сыномъ, мужемъ и женою, не только между сосѣдями. Нерѣдко помѣщики дворяне дѣлали то же. И всегда всякій повиновался рѣшенію его какъ закону, чтобы не навлечь на себя всеобщаго осужденія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Андрей Андреевичъ постепенно измѣнялся въ образѣ жизни и привычкахъ. Онъ постился сначала часто, затѣмъ

постоянно и кончилъ тѣмъ, что сталъ уже питаться только хлѣбомъ и водою, а овощи и квасъ позволялъ себѣ въ большіе праздники и изрѣдка въ воскресные дни. Одежда, которую онъ сталъ носить, была мало похожа на дворянскую, а смахивала на мужицкую. Вдобавокъ онъ всегда былъ въ лаптяхъ, только смѣнялъ ихъ и не оставался въ домѣ въ тѣхъ, которыя служили для двора. Въ отдѣльной комнатѣ, гдѣ онъ спалъ и проводилъ день за молитвой и чтеніемъ священныхъ книгъ, была простота монашеской келіи. Все убранство состояло изъ маленькой постели безъ матраца—онъ спалъ на доскахъ—съ катаннымъ валикомъ въ изголовьѣ, а затѣмъ изъ столика, стула и шкапчика для бѣлья и платья. Зато въ углу былъ большой кіотъ съ множествомъ дорогихъ образовъ, а предъ ними всегда, день и ночь, теплилась неугасаемая лампадка съ огонькомъ отъ заутрени Свѣтлаго Христова дня, принесеннымъ домой на цѣлый годъ.

Къ этому преображенью молодого, кроткаго и скромнаго дворянина въ настоящаго монаха въ міру, совершившемуся годами, исподволь, потихоньку, какъ-то незамѣтно, вся семья тоже исподволь привыкла.

Отецъ Андрей Ивановичъ не оправдывалъ многаго въ сынѣ, но и не противодѣйствовалъ.

Иногда онъ высказывалъ:

— Не надо было жениться. Надо бы ужъ совсѣмъ въ монастырь итти. Надо бы ужъ этакому человѣку не дворяниномъ уродиться. Всему мѣра должна быть.

Однако, всѣ эти замѣчанія старикъ заканчивалъ словами:

— Хочетъ изъ жизни человѣчьей житіе сдѣлать. Ну, и пущай его.

Однако, когда кто либо замѣчалъ Андрею Ивановичу, что его сынъ «почитай святой человѣкъ», то старикъ страшно гнѣвался и всегда отвѣчалъ вспыльчиво:

— Онъ мой родной... Моя плоть и кровь. А отъ меня не могло святого родиться. Напротивъ того... слѣдовало, прости Господи, родиться...

Но этихъ словъ Андрей Ивановичъ никогда не кончалъ.

Между тѣмъ, старецъ не могъ не видѣть, что сынъ дѣйствительно живетъ, слѣдуя своимъ любимымъ заповѣдямъ:

— Возлюби ближняго, какъ самого себя.

— Блаженны алчущіе правды.

— Не судите, да не судимы будете.

Одна жена, Екатерина Петровна, всегда перечила ему и отвѣчала раздражительно, иногда и совсѣмъ гнѣвно:

— Нельзя всѣхъ любить. Правда справа—одна, а слѣва—другая. Суди, разсуживай и, кого можешь, наказуй ради наставленія на путь.

— Да, разсуживай,—отвѣчалъ мужъ кротко,—а не суди. И безъ злобы, а наказывать оставь Тому, Кто единъ безгрѣшенъ. Частенько человѣкъ виноватъ кругомъ изъ-за тебя же. Стало, не онъ, а ты же...

Будь Андрей Андреевичъ другого нрава, менѣе смиренный, то въ супружествѣ его съ первыхъ же дней пошли бы и настоящіе нелады. Но онъ любилъ жену, «какъ повелѣлъ Господь», и все прощалъ ей и только издавна сталъ усерднѣе молиться за нее.

Когда пошли дѣти, родился сынъ и три дочери и незамѣтно выросли, стали большіе, то вліяніе на нихъ отца и матери совершенно разное, равно и два совершенно разныхъ примѣра на глазахъ, будто колебали ихъ... Они будто терялись, блудили, не зная, куда итти... И всѣ дѣти выросли съ совершенно разными характерами. Или отъ рожденія были они кто въ мать, а кто въ отца.

Сынъ Иванъ уродился чрезвычайно красивый и нравомъ огневой, но чѣмъ больше росъ и мужалъ, то больше стихалъ, будто потухалъ, и потухъ совсѣмъ. Лишившись разума въ двадцать лѣтъ, онъ прожилъ года три во тьмѣ душевной, уподобился младенцу новорожденному, ничего не смыслящему, кромѣ ѣды и спанья, и скончался, не зная, что жилъ и что умираетъ. Отецъ проводилъ его въ могилу словами:

— Зато Бога узритъ.

Старшая дочь Екатерина была существо кроткое, ограниченное, незамѣтное въ домѣ. Она обожала отца, съ дѣтства полюбила все, что любилъ Андрей Андреевичъ, думала и чувствовала, какъ онъ, а главное стала богомольна чуть не пуще отца.

Разумѣется, это привело къ тому, что она, будучи только шестнадцати лѣтъ, начала уже мечтать итти въ монастырь, «поближе къ Богу». Мать стала было перечить дочери, попрекать мужа, что онъ Катюшу «надоумливаетъ и толкаетъ» на иночество. Отецъ не былъ въ этомъ виноватъ прямо, но косвенно, конечно, былъ причиной міровоззрѣнія дѣвушки. Черезъ три года сборовъ и споровъ всѣхъ между собой, Катерина постриглась въ монахини и была теперь въ пустыни, за тридевять земель отъ родныхъ. Навѣстивъ ихъ не болѣе пяти разъ за все время, она въ послѣдній разъ была лѣтъ уже съ десять назадъ.

Младшая дочь Елена, живая, умная, уже двадцати пяти лѣтъ отъ роду, вышла замужъ за офицера, по фамиліи Дикова, служившаго въ сосѣднемъ городкѣ, но затѣмъ уѣхала вскорѣ по мѣсту его новой службы на Волгу, и съ тѣхъ поръ Глѣбовы не видали ея. Много лѣтъ спустя, они узнали, что она умерла, оставивъ ребенка дочь на руки мужу, человѣку ненадежному и преданному пороку пьянства... Лѣтъ шесть спустя, въ Пустой Валъ была доставлена дѣвочка, круглая сирота. Офицеръ Диковъ оставилъ завѣщаніе и скопленные сто рублей, чтобы дочь Зинаида была добрыми людьми отвезена и передана съ рукъ на руки Глѣбовымъ на призрѣніе.

VII.

Катерина Петровна была самая обыкновенная женщина, ограниченная, но самоувѣренная и считавшая себя и умной, и тонкой, и съ «надлежащимъ» характеромъ. Мужа она не любила, а «терпѣла», хотя сначала часто жаловалась на свое существованіе съ таковымъ...

Болѣе всего она была горда тѣмъ, что урожденная княжна, и постоянно говорила объ этомъ, заявляла тотчасъ всякому новому знакомому, при чемъ тщательно умалчивала о томъ, что принесла мужу только нѣсколько сундуковъ бѣлья и рухляди да шубу.

Такъ какъ у родныхъ ея было въ Москвѣ всего двое стариковъ крѣпостныхъ людей, а остальныя сорокъ душъ крестьянъ были гдѣ-то въ дальнемъ имѣніи, то молодая княжна почти не знала, что такое подвластные холопы, крестьяне и дворовые люди. Она обрадовалась, увидавъ себя въ «Пустомъ Валѣ» барыней, владѣтельницей крѣпостныхъ душъ, и, конечно, съ перваго же дня почуяла удовольствіе помыкать подвластными рабами. И если бы не добрый и справедливый къ рабамъ свекоръ Андрей Ивановичъ, если бы не добрѣйшій и кротчайшій нравомъ мужъ, то, разумѣется, строптивая и вздорная Катерина Петровна стала бы сразу лихой, а то и лютой барыней помѣщицей.

Свекоръ и мужъ на первыхъ же порахъ сдержали ее и умѣрили, и она стала хотя строгой, но не лихой хозяйкой, изъ боязни старца.

Зато неуживчивый нравъ женщины строптивой, а главное сварливой и вздорной, тяжело отзывался на семьѣ. Быть можетъ, сама того не зная, Катерина Петровна была виновницей разной и незавидной судьбы своихъ четырехъ дѣтей. Слабаго здоровьемъ сына она «заусъкала», по выраженію свекра, и если не била и не наказывала, то постоянно преслѣдовала тѣмъ, что онъ не мальчикъ и не молодецъ, а «дѣвченка, нѣжона, нюня, вахлакъ, тетеря»... Мальчикъ, какъ огня, боялся матери, хотя она никогда его пальцемъ не тронула. Будучи уже взрослымъ, онъ тоже какъ-то боязливо сторонился отъ нея. Во дни безумія отчужденіе это и страхъ сказались еще сильнѣе.

На дочь Катерину тяжело дѣйствовала сварливость матери, и особенно заставляла ее страдать придирчивость ея къ отцу, вѣчно отмалчивающемуся, сносящему все... Ей рано стало казаться, что въ міру жить со спокойною душою трудно, что лучше уйти въ тишь монастырскую...

Дочь Елена слышала вѣчные попреки за то, что не умѣла ничего сдѣлать и, будучи крайне непригожа, не могла и мужа найти. И она, конечно, обрадовалась, когда пожилой и некрасивый пору-

чикъ Диковъ вдругъ посватался за нее. Быть хозяйкой, независимой и жить, какъ хочется, не слыша постоянно безконечныхъ попрековъ и нравоученій, побудили ее тотчасъ согласиться на его предложеніе.

И дома осталась одна вторая дочь Прасковья, любимица матери и «вся въ нее», по общему мнѣнію.

Теперь, когда дѣдъ одряхлѣлъ, отецъ тоже, при чемъ не входилъ ни во что житейское, а мать, сильно пополнѣвъ и опустившись, проводила полъ-сутокъ въ постели, а полъ-сутокъ въ креслѣ, Прасковья Андреевна забрала все въ руки...

«Барышня» была, однако, въ домѣ существомъ, котораго всѣ втайнѣ и удивительно согласно единодушно не любили. Эта нелюбовь была безпричинная и безсознательная и, конечно, никогда ничѣмъ не проявлялась, такъ какъ самая рамка обыденной жизни не давала къ этому повода.

Прасковья Андреевна, уже сорокалѣтняя теперь дѣвица, не вышла замужъ якобы потому, что была разборчивой невѣстой; въ дѣйствительности же прежняя, еще молодая Парашенька, была хотя и недурна собой и положительно умная дѣвушка, никогда никому не нравилась.

Не разъ бывали когда-то, уже лѣтъ двадцать тому назадъ, «смотрины» и въ «Пустомъ Валѣ», и въ сосѣднемъ городѣ, и у близкихъ знакомыхъ помѣщиковъ. Но послѣ всѣхъ этихъ попытокъ Катерины Петровны дѣло о сватовствѣ затихало. Но только самому намѣченному молодцу, но и родителямъ его дѣвица Глѣбова приходилась «не понутру и не ко двору».

Невыгодное впечатлѣніе, производимое дѣвушкой на всѣхъ, заключалось въ одной чертѣ ея характера, сквозившей даже въ выраженіи лица, во взглядѣ, въ усмѣшкѣ, даже въ движеніяхъ.

Прасковья, или Парашенька, была олицетвореніе гордости, надменности, самовозвеличенія и бьющаго въ глаза презрѣнія ко всѣмъ окружающимъ.

Такова уродилась дѣвушка,—какъ образчикъ удивительной игры природы,—отъ кроткаго смиреннаго отца, считавшаго себя хуже всѣхъ, ниже всѣхъ, грѣшнѣе всѣхъ.

Кромѣ того, Прасковья Андреевна отличалась всегда особенной сосредоточенностью, даже скрытностью. Никто никогда не зналъ, что она думаетъ, что она любитъ, чего желаетъ. Даже для родной матери, обожавшей ее, душа дѣвушки была и осталась—полныя потемки.

Теперь тоже никто не зналъ, какъ она относится къ своему дѣвичеству, сожалѣетъ ли, что ей не судилъ Богъ быть супругой и матерью, или якобы даже довольна, какъ сама сказываетъ.

На вопросъ о чемъ либо со стороны родныхъ Прасковья Андреевна ухитрялась, или умѣла отъ природы, отвѣчать такъ, что выходило ни да, ни нѣтъ.

Теперь старая дѣвица, такая же полная и грузная, какъ и мать, только не краснолицая, была моложава лицомъ и лишь съ сильной просѣдью въ волосахъ, особенно блестѣвшихъ около висковъ. И была она еще скрытнѣе, еще молчаливѣе, а своей этой замкнутостью въ простой обстановкѣ, гдѣ вся жизнь проходила, «какъ на ладони», отчасти тяготила всѣхъ, и семью, и крѣпостныхъ холоповъ.

Прасковья Андреевна проводила почти весь день за пяльцами, вышивая по канвѣ шерстью или гладью, шелкомъ и золотомъ. Проведя всю свою жизнь за этимъ занятiемъ, она, разумѣется, достигла такого совершенства въ этомъ искусствѣ, что отъ ея рукодѣлья приходили въ восторгъ даже мастерицы по части «глади».

Одинъ преосвященный, которому она поднесла вышитый коврикъ, изображавшiй вѣнокъ разнообразныхъ цвѣтовъ, заявилъ, удивляясь:

— Не только руками взять хочется. Даже сдается, сильныйароматъ идетъ отъ сихъ цвѣтовъ.

Мать любила свою Парашеньку и, не замѣчая будто ея возраста, считала дѣвицей-подросткомъ и объясняла многое, даже и теперь, молодостью, неопытностью. Дѣдъ относился къ ней неопредѣленно или равнодушно. Одинъ отецъ часто мягко, но настойчиво, строго, полюбовно поучалъ дочь, усовѣщивалъ, но, разумѣется, тщетно и напрасно. Особенно не любилъ онъ и не выносилъ обращенiя дочери съ дворовыми, крутого, грубаго, будто ненавистническаго, враждебнаго.

— Они холопы. Вотъ то же, что скоты, звѣри,—стояла старая дѣвица на своемъ глубокомъ и искреннемъ убѣжденiи.

— Неправильно судишь и даже грѣховно,—отзывался Андрей Андреевичъ кротко и вздыхая.—Всѣ люди-человѣки одинако по образу и подобiю Божiю сотворены.

— Мы, дворяне, а не они.

— Нѣтъ, всѣ люди, говорю тебѣ.

— Души ихъ—подлыя, въ подлости рожденныя.

— Душа всякая, дворянская ли, крестьянская ли, все та же душа.

— Насъ не продаютъ, а ихъ продаютъ. Мы чувствуемъ, а они безчувственные,—упорствовала старая дѣвица, только чтобы перечить отцу.

И иногда Андрей Андреевичъ не выдерживалъ и выговаривалъ:

— Охъ, не понимаешь ты, Прасковья, ничего. Судить-рядить берешься все, а понимать—ничего не понимаешь. А пуще всего и хуже-то всего—это твоя гордыня. Раболѣпствуешь ты предъ собою. Кадишь себѣ непрестанно, ежечасно, вотъ какъ священнослужители въ храмѣ, прости Господи, иконамъ Божескимъ кадятъ ѳимiамомъ. И удивительно мнѣ, въ кого ты уродилась такая са-

момнящая, не мягкосердая, а жесточайшая. Ты живешь душою за каменной оградой.

Подобные разговоры не вели ни къ чему. Прасковья Андреевна хотя ни разу не высказала своего мнѣнія насчетъ образа мыслей и образа жизни отца, но все-таки втайнѣ давно прозвала его «блаженнымъ» и «юродивымъ».

«Тотъ же онъ юродивый!—думала она.—Ему бы съ юности въ монастырѣ быть. Былъ бы, можетъ, теперь архіереемъ. И ничего бы! А какъ дворянинъ—чистый, блаженный!»

Одно, что сильно озабочивало и даже иногда смущало Андрея Андреевича въ пожилой дочери, — было его неясное сознаніе и какъ бы чутье, что у Параши «за каменной оградой» творится что-то недоброе. У нея будто есть какая-то своя и большая тайна, о которой она ни разу никому не открылась и, конечно, никогда даже не обмолвится. А что именно могло быть—это потаенное помышленіе дочери? О чемъ? Какое? Доброе или худое?

На эти вопросы Андрей Андреевичъ отвѣчать не могъ, какъ десять, пятнадцать лѣтъ назадъ, такъ и теперь, когда дочери пошелъ пятый десятокъ лѣтъ.

Лучемъ яркаго грѣющаго свѣта въ «Пустомъ Валѣ» была для всѣхъ обитателей:

«моя дѣвочка»—для старца,

«Зайка»—для Глѣбовыхъ, мужа и жены,

«махонькая барышня»—для дворовыхъ и крестьянъ,

но для старой дѣвицы она же была:

«парень, казакъ».

Домъ и усадьбу дѣйствительно несказанно оживила собой, появившись, правнучка и внучка, сирота, Зинаида Антоновна Дикова, когда маленькую дѣвочку привезли добрые люди, разумѣется, при документахъ. Иначе Андрей Ивановичъ и не принялъ бы на воспитаніе ребенка, боясь обзавестись совсѣмъ чужимъ подкидышемъ.

Впрочемъ, всѣ сразу замѣтили удивительное родственное сходство маленькой дѣвочки, но не съ матерью, а съ дядей, съ тѣмъ кроткимъ Иванушкой, который началъ жизнь тихо и боязливо, окончилъ ее еще тише и въ полной духовной тьмѣ.

Однако, Зинаида, которую прозвали Зайкой, походила на дядю только лицомъ и была даже много красивѣе его, могла почесться прямо красавицей. Этому мѣшали только ростъ и дородность. Зато личикомъ, по мнѣнію всѣхъ, дѣвушка была «чистый ангелъ», а именно: бѣла, какъ снѣгъ, чуть розовенькая, съ большими синими глазами, вѣчно радостными и добрыми, съ алымъ, какъ малина, ротикомъ и съ такими чудными отъ природы и лохматыми кудрями, что ихъ и гребень не бралъ. Только тѣломъ обидѣла ее природа. Теперь ей шелъ уже шестнадцатый годъ, а ей можно

было дать и тринадцать лѣтъ, если бы не дѣвичій станъ и грудь.

Разумѣется, дѣвушку всѣ любили и баловали, но на разный ладъ и не такъ, какъ ей бы самой желалось. У нея было все, что ей было не нужно, и не было того, чего хотѣлось, чего требовала природа. Ее держали какъ бы въ ватѣ, бережно соблюдали, какъ хрупкую фарфоровую куколку, а она сама рвалась на свѣтъ Божій, въ поле, «на всѣ четыре вѣтра».

Дѣдушка любилъ ее, но прискучивалъ, все совѣтуя побольше Богу молиться, и заставлялъ заучивать на память множество молитвъ, которыя она, наконецъ, всѣ въ головѣ своей перепутала такъ, что уже не умѣла безъ ошибки сказать ни одной.

Бабушка учила ее хозяйничать, варить, солить, смоквы дѣлать, даже изъ свейской рѣпы ананасы дѣлать, но она ничего не могла порядочно перенять.

Тетка Прасковья Андреевна учила ее рукодѣльямъ всякаго рода, но она только себѣ пальчики колола и горько плакала и отъ тоски, и отъ боли.

Единственный человѣкъ, который любилъ ее, какъ слѣдуетъ, не для себя, а для нея самой, былъ старецъ. И, конечно, Зайка любила больше всѣхъ своего прадѣдушку, предпочитала проводить время съ нимъ, потому что онъ ничему ея не обучалъ, а напротивъ заставлялъ ее болтать, о чемъ только ей вздумается.

И Зайка только съ прадѣдушкой не стѣснялась и только ему повѣряла всѣ свои мысли.

А мыслей у нея было многое множество.

— И откуда только этакое все берется?—удивлялся старецъ.

Помимо прадѣдушки, Зайка любила немного старуху Терентьевну, которую приставили къ ней нянюшкой, когда сирота явилась въ семью, и которая и теперь была при ней постоянно отъ зари до зари, не покидая ни на минуту, за исключеніемъ тѣхъ часовъ дня, когда дѣвушка бывала у Андрея Ивановича въ комнатѣ или гуляла съ нимъ по саду.

Будучи общей любимицей, Зайка не была счастлива и главная бѣда—понимала, что она несчастлива, и знала, что бы ей было нужно, чтобы стать счастливой.

Прежде всего ее томилъ вѣчный надзоръ доброй Терентьевны и вѣчное кропотанье злой тетки, у которой она всегда была виновата въ «недѣвичьихъ мысляхъ и въ недѣвичьемъ поведеніи».

— Мальчишка ты или парень деревенскій, а не дѣвица!— повторяла постоянно Прасковья Андреевна.—И говоришь, и ходишь, и руками двигаешь, какъ молодецъ. Подростешь еще — совсѣмъ казакъ будешь.

Самымъ же обиднымъ для Зайки было то, что ей строго воспрещалось имѣть какія либо сношенія съ дворовыми дѣвушками,

ея ровесницами. Она вѣчно бывала одна съ Терентьевной и только издали видѣла, какъ тѣ рѣзвятся, издали слышала, какъ тѣ болтаютъ и смѣются «своему смѣху», ей непонятному, но завидному и смутно угадываемому...

Тетка, по мнѣнію всѣхъ, какъ старая дѣвица, которой начался пятый десятокъ лѣтъ, должна была, конечно, не въ мѣру быть строгой съ племянницей, взявъ на себя ея «наставленіе и обученіе». И никто, а тѣмъ менѣе сама бѣдная Зайка, и не подозрѣвалъ, что Прасковья Андреевна «отколачивала» на ней тѣ колотушки, что получила отъ своей мачихи судьбы. Раздражало старую дѣву въ дѣвочкѣ подросткѣ не столько ея неумѣнье держать иголку и считать крестики въ канвѣ, сколько ея свѣжесть, румянецъ, огонекъ въ жилкахъ и блескъ синихъ очей... и предстоящая, очевидно, много обѣщающая будущность.

— Не нынѣ, завтра, - думалось Прасковьѣ Андреевнѣ досадливо злобно, — выищется для этого щенка бѣлобрысаго чуть не принцъ какой, благо бѣла да молода... А ты, вотъ, не хуже была, а ничего не дождалась. А почему? За что?

И пуще всего охраняла Прасковья Андреевна юную племянницу отъ всего того запретнаго, отъ всѣхъ искушеній, которыя миновали ее самоё, не по ея волѣ. Тому назадъ двадцать лѣтъ она всей душой готова была искуситься всячески, даже прельститься кѣмъ либо и разумъ потерять... Да не пришлось. Ничего такого не повстрѣчалось не только на пути жизни, а какъ будто иное, идущее, завидя ее, сворачивало отъ нея въ сторону...

VIII.

Прошла недѣля, что князь Самсонъ Ивановичъ сталъ въ тоскѣ бродить по дому и по усадьбѣ. Вся дворня тоже какъ-то притихла и поглядывала угрюмо. Когда баринъ былъ не въ своемъ добромъ здоровьѣ и не въ своемъ видѣ, всѣ его рабы изъ любви къ нему чувствовали себя тоже не по себѣ.

Пробродивъ, тоскуя и жалуясь преимущественно Адаму Адамовичу и отчасти старому Ферапонту, князь засѣлъ было за чтеніе... Но чрезъ день онъ вдругъ, сидя съ книгой у отвореннаго окна, нежданно даже для себя, выкинулъ книгу за окошко въ садъ и крикнулъ что-то такое очень гнѣвно и очень громко.

Двое слугъ прибѣжали, думая, что баринъ кличетъ, но онъ ихъ прогналъ, говоря:

— Когда зовешь, не слышите. А когда не кличешь, вихремъ врываетесь.

За людьми пришелъ и Ваастъ. Онъ изъ сада слышалъ крикъ князя, и крикъ «неподобный», а поэтому и пошелъ провѣдать хворающаго своей чудной хворостью.

— Что вы?—сказалъ онъ.—На кого разгнѣвались?

— Ни на кого...—отвѣтилъ князь досадливо.

— Какъ ни на кого? Я съ большой аллеи услышалъ, таково зычно заговорилъ ты...

— Заголосишь,—отозвался раздражительно князь.—Вонъ видишь: книга—на дорожкѣ. Я вотъ этакъ скоро всѣ ихъ пошвыряю.

— И хорошее дѣло,—обрадовался Ваастъ.—Мало пошвырять, Самсонъ Иванычъ, а надо бы пожечь. Зашвырнешь, а затѣмъ прикажешь обратно принести. А разъ сожгли—конецъ...

— Смутители онѣ, искусители, только не дьяволы искусители. Умѣнья на то не хватаетъ у нихъ, чтобы дьяволу совсѣмъ уподобиться... Читаешь, размышляешь и вѣришь... И вдругъ, внезапу озаритъ тебя невѣріе въ ихъ невѣріе. Да... Не понялъ ты меня, Адамъ Адамовичъ... А я правду сказываю и какъ слѣдуетъ высказываю, что хочу пояснить. Бываетъ этакъ со мной, что сразу вдругъ сдастся мнѣ, что лгутъ они, разбойники, морочатъ, что умыселъ у нихъ негодный, что правда ихъ—облыжная правда, что сами они лицедѣйствуютъ и лицемѣрятъ. И начинаю я всѣмъ сердцемъ не довѣрять ихъ невѣрію и богоотступничеству. Будь они прокляты, смутители. И безъ нихъ тошно на свѣтѣ... и безъ нихъ душно. А они еще, какъ въ банѣ, пару поддаютъ, чтобы задохнуться. Каины, губители брата-человѣка, братоубійцы...

— Случалось, и этакого отъ васъ я слыхалъ и радовался,—сказалъ Ваастъ съ грустнымъ чувствомъ.—Что же? Слава, скажу, Создателю, кабы только это не пошло опять на перемѣну.

— И пойдетъ на перемѣну!—проворчалъ князь, помолчавъ.

— Вотъ, вотъ... Сейчасъ и сами сказываете.

— Въ пустынѣ безъ опоры, все колеблемо, — проговорилъ князь какъ бы себѣ самому.—То вправо, то влѣво...

— Не понимаю и не пойму я этого,—отозвался Ваастъ.—Что либо одно—я понимаю: или сугубое безбожіе или твердая вѣра. Я потому часто объ васъ и сказываю, что вы человѣкъ золотой, и у васъ на сердцѣ все хорошо, а въ головѣ отъ книгъ все худо. Желаете твердо вѣрить, а съ чужого голоса богохульствуете.

— Нельзя, нельзя, родной мой, Адамъ Адамовичъ, твердо вѣрить. И я тебѣ толково, просто это пояснить могу. Вотъ, примѣрно, первое.

— Слыхалъ. Знаю. Тыщу разовъ все слыхалъ,—отчаянно прервалъ Ваастъ и даже, махнувъ своей единственной правой рукой, будто невольно дернулъ лѣвымъ плечомъ. Въ немъ будто явилась потребность махнуть обѣими руками на князя отъ досады и нетерпѣнья.

— Знаю, что ты слыхалъ, но знаю тоже, что ты никогда не понялъ ничего!—тоже досадливо выговорилъ князь и отвернулся.

— Ну, какъ же мнѣ понять? Дуракъ вѣдь я, остолопъ, а то враль. Понимаю, что вы швыряетесь, и прямо это сказываю, а оно вамъ не по сердцу. Вотъ я и выхожу болванъ, чурбанъ!—отвѣтилъ Ваастъ уже сердясь.

— Эхъ, Адамъ Адамовичъ, знаешь вѣдь, что я тебя за умнаго и чистосердечнаго почитаю, и не я одинъ. Всѣ тебя за твое сердце и за твой разумъ любятъ и уважаютъ,—заговорилъ князь спокойнѣе и вразумительно.—И вотъ ты, какъ умнѣющій человѣкъ, могъ бы совсѣмъ понять все... А ты говоришь, что я нарочно лицедѣйствую, нарочно швыряюсь. То ты меня почитаешь истиннымъ страшнымъ вольнодумцемъ и жалѣешь, какъ друга, за невѣріе мое, за томленіе душевное, за все это... а затѣмъ сказываешь, что я грѣховныя рѣчи веду обманно, что я богоотступникъ только ради фиглярничества, на показъ людямъ.

— Что-жъ? Я это только одинъ иногда сказываю. А другіе всѣ тебя истиннымъ богоотступникомъ почитаютъ за все, что вы болтаете языкомъ, да и то, что вы творите зачастую, коли не всегда. Да, правы всѣ, а я изъ любви обманываюсь. Вотъ что вѣрно. И какъ же человѣка назвать, коли не богоотступникомъ, когда онъ постовъ не соблюдаетъ, къ исповѣди и причастію идетъ, будто насупившись, изъ-подъ палки, чтобы соблазна рабамъ не было, да злобно помалкивая о томъ, какіе у него въ головѣ противные помыслы. Да и сказать-то ихъ нельзя всякому. Услышитъ иной, со страху и перепугу замертво упадетъ. Я одинъ попривыкъ и выдерживаю. Хотя правда, коли на ночь, то и мнѣ жутко бываетъ.

Князь усмѣхнулся.

— Да, смѣйся, смѣйся. Вонъ, помните, на первой недѣлѣ прошлаго великаго поста, когда я, отговѣвъ, сидѣлъ у васъ въ кабинетѣ чуть не до полуночи, и что ты мнѣ, князь, изображалъ своимъ грѣховнымъ языкомъ насчетъ священнаго писанія, что вотъ хоть бы Адама и Евы никогда на свѣтѣ не бывало, и патріархъ Ной былъ, прости Господи, пьяница горькая... Да мало-ль что... Всего не вспомнишь, да и грѣхъ повторять... Да... Такъ къ чему же я велъ-то? Да. Вотъ. Наслушавшись всего этакого, я вѣдь чуть всю ночь не спалъ, а, подъ утро уснувъ, такъ оралъ во снѣ, что супругу на смерть перепугалъ. И было то послѣ исповѣди и причастія, когда я все же таки былъ если не безгрѣшенъ, то съ малой толикою грѣховъ, надѣланныхъ только за одинъ день. А не то прямо можно бы подумать, что меня врагъ человѣческій ночью давилъ. Моя Анна Ѳоминишна даже видѣла, какъ по полу спальни прокатилось что-то черное мохнатое, не то подушка, не то собака. Конечно, я ничему не вѣрю. Все бабьи причуды. Но повѣрить тому всему, что ты, князь, сказываешь, тоже не повѣрю. Ужъ это извини и уволь. У всякаго своя душа, и всякъ по душѣ судитъ и рядитъ и всякъ свою душу долженъ спасать. Ты вотъ эти кни-

жицы Вольтерова измышленія и сочиненія читаешь, самъ чуешь, да не хочешь согласиться, что онъ даже со словъ умнѣйшихъ людей прямо есть сугубый, первостатейный чернокнижникъ и дьяволовъ угодникъ. Моя супруга сказываетъ, что когда единожды ты къ намъ съ книжкой пришелъ, посидѣлъ, а посидѣвъ ушелъ и книгу свою забылъ, то она изъ комнаты убѣжала, побоялась даже оставаться одна около нея. Опять скажу, баба она и мѣры не знаетъ. Книжка дьявольская, но все-таки самъ сатана въ нее влѣзть не можетъ. Ну а ты вотъ не баба, мужъ, умный, начитанный, воспитанный дворянинъ и князь. И тоже мѣры не знаешь... Думаешь и говоришь частехонько такое, что удивительно, какъ по сю пору Богъ Господь твоимъ грѣхамъ терпитъ и тебя не наказалъ жесточайше. Всѣ этому дивятся и... и скажу прямо... да, скажу, что...

И Ваастъ смолкъ. Ему сболтнулось, и онъ не радъ былъ, что началъ о томъ рѣчь, чего никогда еще ни онъ, ни кто либо другой князю Гирееву въ глаза не указалъ, а только повторялъ заглазно.

— Ну, чего запнулся? Говори,—улыбнулся князь уныло:—всѣ дивятся и... что?

— Такъ.

— Ну, а я знаю что... Всѣ дивятся, якобы, долготерпѣнію Господню и ждутъ, что я буду наказанъ и страшно наказанъ. Въ примѣръ людямъ человѣкамъ, чтобы остерегались быть мнѣ подобными.

— Вѣрно. Откуда же вы это узнали?

— Узналъ отъ человѣка, который меня болѣе тебя любитъ и все мнѣ сказываетъ въ глаза... Вотъ онъ мнѣ это и сказалъ.

— Когда?

— Сегодня по-утру.

— Стало быть, Ферапонтъ?

— Вѣстимо. Кромѣ тебя да его, мнѣ не съ кѣмъ и разговаривать. Но только ты вотъ этакого ждешь, а Ферапонтъ не ждетъ. Говоритъ: не будетъ.

Ваастъ не понялъ и вопросительно глядѣлъ на князя.

— Чего глаза пучишь?—разсмѣялся этотъ, но тихимъ и унылымъ смѣхомъ.—Вотъ ты, какъ и всѣ, ждешь эту на меня кару Господню за всѣ мои прегрѣшенія словомъ и дѣломъ, и помышленьемъ... А Ферапонтъ сказываетъ: «Не будетъ ничего, потому что вы добры, никому зла не дѣлали и не дѣлаете».

— А касательно женскаго пола?—быстро отозвался Ваастъ.

— Что?

— Бабы какой, женщины ли, дѣвицы ли, русской или иновѣрной... Ни одной зла не сдѣлали? Въ этомъ не грѣшны?—нѣсколько строго проговорилъ инвалидъ.

— Адамъ Адамычъ!—воскликнулъ князь.—Въ тысячный разъ я тебѣ сказываю про это...

— Что оно то же, что скоромное постомъ? Не законъ, а уговоръ людской промежъ себя?—воскликнулъ и Ваастъ.—Слыхалъ тоже

тысячу разовъ. И отвѣтствовалъ и теперь тоже отвѣчу. Неправда, обманъ, облыжное разсужденіе. Знаю, знаю... Дайте сказать. Вы деньгами откупаетесь, обдариваете. А всегда ли, Самсонъ Иванычъ, всякое такое твое поступленіе съ женщиной, деньги твои, да подачки благополучно разрѣшаютъ? Всегда ли каждая наградой довольна? Не было ли такихъ, кои, брошенныя вами?..

— Двѣ, двѣ... Только двѣ.

— А я скажу полъ-ста.

— Что ты? Спятилъ, что ли!—удивился князь.

— Вы говорите про тѣ двѣ, что съ собой покончили. Одна себя невѣдомо какъ съ горя уходила, сказываютъ, все одинъ уксусъ пила, зачахла и померла. А другая прямо, разъ, два, и бухъ съ плотины въ прудъ. А я говорю, князь, про тѣхъ несчастныхъ, горемычныхъ, которымъ ты душу смутилъ, сердце вывернулъ и на всю жизнь заставилъ маяться, объ васъ вспоминаючи. А что ты этого не зналъ, не видалъ, и что никто этого не зналъ и не видалъ, такъ оно ничего не доказываетъ. Скрытая печаль тяжелѣе, скрытое горе еще горше. А что этакихъ обездоленныхъ было коли не полъ-ста, то хоть двѣ дюжины, я за это вотъ тебѣ вторую мою руку на отрѣзъ дамъ, хоть она и послѣдняя. А что у этакихъ обездоленныхъ нѣтъ ближнихъ, которые стали вашими заклятыми врагами, проклинаютъ васъ...

Князь не отвѣтилъ, понурился, а затѣмъ едва слышно вздохнулъ.

— Этакихъ заглазныхъ, тобой незнаемыхъ недруговъ у тебя куча,—прибавилъ Ваастъ, какъ бы нѣчто неопровержимое.

Наступило молчаніе. Лейтенантъ тоже глубоко задумался и, какъ всегда съ нимъ бывало, началъ нещадно сопѣть, и все сильнѣе и громче.

— Да... Это правда... выговорилъ вдругъ князь.—Въ этомъ я, пожалуй, виноватъ. Этакое зло я дѣлалъ и прямо скажу, что...

— И буду, молъ, дѣлать... Слыхали.

— И буду дѣлать. Не могу я... не могу.

— Лганье!—вскрикнулъ Ваастъ.—Съ собой самимъ и послѣдній холопъ властенъ.

— Не могу я, Адамъ Адамовичъ. Тогда мнѣ совсѣмъ не жить, если не «махаться», какъ сказывается, за красавицами. Вѣдь только это одно у меня въ жизни и есть. Только это одно на свѣтѣ бѣломъ для меня имѣется. Все другое—постыло. Да что тутъ толковать!

И князь, быстро поднявшись, пошелъ изъ кабинета, какъ бы убѣгая отъ бесѣды.

Ваастъ медленно двинулся тоже на свою половину и пробормоталъ!

— Ну, Самсонъ Иванычъ. Весь-то міръ Божій постылъ, и во всемъ-то мірѣ тебѣ одно любо... Баба... Тьфу!.. Да не одна еще какая. Это бы я уразумѣлъ. Любитъ человѣкъ жену, что ли, свою пуще всего на свѣтѣ. Это понятно. И Богъ это велѣлъ. А коли не велѣлъ, то не наказуетъ. А тебѣ подай не одну, не супругу. А

подай сотню... Куда сотню? Подай тыщу прелестницъ. Нынѣ одна, завтра другая... И это-то вишь одно на свѣтѣ бѣломъ и есть. Одно?.. Тьфу!..

И чрезъ мгновеніе онъ произнесъ громко и сердито:

— Правду сказываютъ твои рабы, Самсонъ Иванычъ, что тебя разобрать нельзя, что ты и другимъ, и самому себѣ загадки загадываешь.

Для дворовыхъ усадьбы и для крестьянъ села Троицкаго баринъ-князь, добрѣющій Самсонъ Иванычъ, былъ дѣйствительно человѣкомъ загадочнымъ.

Всѣ его всячески по совѣсти осуждали, но всѣ любили горячо и глубоко, а вслѣдствіе такого къ нему отношенія всѣ его жалѣли и объясняли все тѣмъ, что онъ «порченый» и, стало быть, неповиненъ. Виноваты тѣ, кто его испортилъ. Это было облегченіемъ совѣсти.

Враговъ у князя не было, за исключеніемъ заглазныхъ и незнакомыхъ, какъ думалъ всегда и говорилъ Ваастъ: тѣ именно люди, которые могли такъ или иначе пострадать изъ-за его слабости къ прекрасному полу,—родственники, мужья, братья, женихи или иные близкіе люди тѣхъ женщинъ, которыми онъ на время увлекался, а затѣмъ сбывалъ съ рукъ. Равно былъ правъ инвалидъ, говоря, что деньги, иногда и очень большія, которыми князь старался загладить свою вину, не всегда удовлетворяли обиженныхъ.

Но среди крѣпостныхъ рабовъ и въ числѣ многихъ знакомыхъ Гиреева не было положительно ни единаго человѣка, который бы рѣшился громко заявить и стоять на томъ мнѣніи, что князь — дурной и злой человѣкъ.

Общій голосъ былъ всегда и всюду: «добрѣйшая душа». И всегда прибавлялось:

— Одна прорѣха. На бабу слабъ до забвенія всѣхъ законовъ Божескихъ и человѣческихъ.

Что касается до странныхъ и богопротивныхъ рѣчей князя, до его богоотступничества, то одни, какъ бы ничего въ этомъ не понимая, относились къ дѣлу равнодушно, другіе понимали и объясняли модой.

— Вольтерьянство. Столицы кишатъ этакими. И имя имъ — вольнодумцы. Это давно изъ Франціи пришло. Вотъ какъ моды или хворости приходятъ. Вотъ какъ прежде дворяне косы съ бантами носили. Или вотъ какъ въ Москвѣ чума была. При матушкѣ царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ на вольное думанье строго было. А нынѣ вышнее правительство, по указу молодого государя, смотритъ на это, какъ на баловство, пустомельство, простое франтовство словами.

Такъ разсуждали образованные и серіозные люди.

Впрочемъ въ своемъ вольнодумствѣ князь Гиреевъ дальше словъ не шелъ. Да и говорить черезчуръ или разглашать и проповѣдывать о своихъ мнѣніяхъ и убѣжденіяхъ онъ не любилъ.

Съ его стороны не было ничего вызывающаго, назойливаго, не было ничего оскорбительнаго міровоззрѣнію ближнихъ... Онъ говорилъ и объяснялся откровенно только съ самыми близкими немногими друзьями, а вмѣстѣ съ тѣмъ не только не хвастался предъ ними, не выставлялъ себя напоказъ, а даже будто отчасти скрывался и тяготился самъ отъ всего того, что было на умѣ и на душѣ.

— Я не воленъ въ своихъ мысляхъ. Думается и чувствуется противъ воли. Радехонекъ былъ бы самъ, если бы уродился другимъ,—думалъ и говорилъ князь.

— Но часто, — и чаще, чѣмъ это знали окружающіе, — у Гиреева являлось на сердцѣ страстное желаніе «хоть обмануться, да повѣрить», такъ же, какъ многіе и многіе люди.

— Хоть бы приключилось что нибудь въ жизни особое! — восклицалъ онъ.

IX.

Негодуя на друга-князя, инвалидъ все-таки занялся мыслью, какъ пособить «тоскованію» его и измыслить что либо.

И черезъ день, утромъ, Ваастъ пришелъ къ князю и, улыбаясь самодовольно, заявилъ о своемъ изобрѣтеніи.

— Надумалъ я васъ утѣшить, — сказалъ онъ. — Такое выдумалъ, чего никогда никто на свѣтѣ не продѣлывалъ. Вы будете первый съ тѣхъ поръ, что свѣтъ стоитъ.

Князь, плохо, очевидно, надѣявшійся на воображеніе и изобрѣтательность лейтенанта, сумрачно глянулъ на него искоса.

— Ну, сказывай. Кладъ что ли итти искать, какъ ты единожды ужъ предлагалъ?

— Нѣтъ, не кладъ, а почище, позамысловатѣе.

— Ну, ну...—невольно усмѣхнулся князь.

— Выѣдемъ мы изъ Троицкаго цѣлымъ поѣздомъ, такъ, чтобы съ нами все было, какъ бы вотъ дома, у себя. Люди, посуда, провизія и все такое... Но главное... главное... Загвоздка есть одна.

— Здравствуйте. Сейчасъ полечу, только крыльевъ нѣту...

— Въ четыре дня я и ее похерю. Есть у васъ старый, еще родителевъ рыдванъ, большущій.

— Есть, да ему полъ-ста лѣтъ, онъ развалился.

— Не совсѣмъ. Ну, вотъ, надо его заново исправить.

— Зачѣмъ? Ѣхать по нашимъ дорогамъ въ немъ нельзя. Смертоубійственно.

— Повеземъ за собой. Развалится или перевернется — никого не повредитъ.

— Да зачѣмъ тебѣ старый батюшкинъ рыдванъ понадобился вдругъ? Ну, не тяни, говори. Сразу сказывай! — нетерпѣливо вымолвилъ князь,

— Скажу все и сразу, поколику этакое сразу скажется, — отвѣтилъ серіозно Ваастъ.—Но прежде дайте ваше слово исполнить, что я вамъ посовѣтую.

— Пожалуй.

— Нѣтъ, не пожалуй. Говори, князь: даю, молъ, слово свое.

— Ну, даю слово.

— Ну, ладно. Слушайте. Буду я сказывать такъ коротко, что ты всякое то словечко мое примѣчай. А то не поймете, и сызнова придется пояснять. А вы этого не жалуете.

— Ладно, ладно. Говори.

— Вотъ, стало быть...—началъ Ваастъ, какъ бы размѣряя слова и соображая, какъ объяснить и кратко, и толково вмѣстѣ.—Вамъ скучно. Опять тоска одолѣла. Я давно тому слышалъ отъ умныхъ людей, что отъ тоски первымъ дѣломъ почитается отсутствіе изъ дому, странствіе, путешествованіе по чужимъ краямъ, по новымъ мѣстамъ. А почему по новымъ? Потому, что можетъ очамъ и разуму представляться каждый часъ неожиданное, невиданное, иной разъ диковинное. Вотъ человѣкъ соскучившійся сейчасъ духомъ и воспрянетъ. Тоски и помину нѣтъ. Не до нея, когда всякое въ глаза лѣзетъ, удивительное. Ну-съ... Стало быть, вотъ... Вотъ, выходитъ, что если вамъ выѣзжать отсюда въ губернскій городъ, гдѣ вы бывали тыщу разъ, или выѣхать въ столицы, гдѣ вы тоже бывали немало, то ничего новаго и занимательнаго по дорогѣ не будетъ. Такъ вѣдь? Правда моя?

— Такъ. Стало быть, въ нѣметчину придумалъ ты меня спровадить, за тысячи двѣ верстъ. Спасибо... Сиди съ моимъ словомъ. Подлецъ буду, а къ Фридрихамъ не поѣду.

— Не забѣгайте впередъ. Дайте сказать толково.

И Ваастъ, обѣщавшись разсказать кратко свое изобрѣтеніе, разсказалъ поневолѣ очень многорѣчиво и подробно, что надумалъ для развлеченія «дорогого Самсона Ивановича».

На первый взглядъ все показалось Гирееву одной глупой и безсмысленной выдумкой.

— За ума рѣшеннаго меня сочтутъ всѣ!—сказалъ онъ. Но затѣмъ, подумавъ, онъ выговорилъ:—Наплевать мнѣ на всѣхъ. Какая бы глупость ни была, лишь бы не сидѣть тутъ въ углѣ и изнывать. Соскучусь дорогой — вернусь тотчасъ. Усадьба съ мѣста не убѣжитъ. Однако, выдумалъ же ты, Адамъ Адамовичъ, этакую Ахинею Чепухову!

Ваастъ придумалъ и предложилъ другу дѣйствительно кой-что такое, что только одному князю Гирееву и можно было предложить. Всякій другой и смѣяться бы не сталъ, и сердиться бы не сталъ, а только приказалъ бы убрать отъ себя подальше свихнувшагося, который заговаривается.

Дѣло состояло въ томъ, что князь долженъ былъ выѣзжать изъ дома и ѣхать въ странствованіе, полное всякихъ нечаянностей,

приключеній и, пожалуй, извѣстнаго рода мелкихъ опасностей. А главное, слѣдовало ѣхать невѣдомо куда и не знать, какъ и когда прибудешь въ это невѣдомое мѣсто, которое должно быть городомъ, а не усадьбой. Слѣдовало ѣхать по заранѣе опредѣленному тракту и строго правила соблюдать, преодолѣвая все...

Выѣхавъ изъ Троицкаго цѣлымъ поѣздомъ съ людьми и всякими запасами, слѣдовало ѣхать ровно часъ прямо. По прошествіи этого часа взять первую попавшуюся дорогу. Вправо или влѣво—кидать заранѣе кости. Четъ—вправо, нечетъ—влѣво. И опять часъ все прямо. И послѣ часа, хотя бы и двѣнадцать часовъ сподрядъ, ѣхать до слѣдующаго поворота вправо или влѣво, заранѣе опредѣленнаго судьбой, разумѣется, судьбой въ видѣ игральныхъ костей.

Ѣхать ли такъ двѣ недѣли, мѣсяцъ, шесть мѣсяцевъ или цѣлый годъ—невѣдомо. Ѣхать до тѣхъ поръ, покуда на дорогѣ окажется, «случаемъ самъ выподветъ навстрѣчу» городъ. А ужъ въ городѣ этомъ видно будетъ, что дѣлать: жениться, удавиться или постричься!—по любимому выраженію и постоянному предложенію чесменскаго героя.

Старый рыдванъ долженъ былъ, несмотря на свои размѣры Ноева ковчега и дряхлость, слѣдовать за путниками ради того, чтобы на привалахъ и стоянкахъ служить князю комнатой. Въ немъ предполагалось устроить покойную постель, сидѣніе и столикъ, чтобы и чай кушать, и книжку читать, и почивать, какъ дома.

Усадьба на нѣсколько дней оживилась. Начались сборы въ отъѣздъ. Избранные, чтобы слѣдовать съ бариномъ, особенно дивились, но радостно и шумно, тому обстоятельству, что баринъ скрывалъ отъ всѣхъ, куда собрался...

Чрезъ недѣлю князь Самсонъ Ивановичъ таинственно и какъ бы поэтому торжественно выѣхалъ. Онъ двинулся въ небольшой каретѣ, купленной въ Москвѣ, красивой и удобной, на высокихъ стоячихъ рессорахъ, полужелѣзныхъ, полуременныхъ, отъ которыхъ кузовъ не трясло, но зато сидящаго страшно качало, какъ въ люлькѣ, и укачивало иногда, какъ на качеляхъ, до легкой тошноты.

Двигался цѣлый поѣздъ, десять человѣкъ людей, отъ камердинера князя, угрюмаго и «безсловеснаго» Тимоѳея и буфетчика Ферапонта Кузьмича, почитаемаго въ дворнѣ, и до повара Кабурова, «вольнаго» человѣка, получавшаго по найму огромное жалованье въ десять рублей въ мѣсяцъ, что̀ выходило больше жалованья многихъ губернскихъ чиновъ, не получавшихъ въ годъ до ста рублей.

Рыдванъ двигался, уже заново отдѣланный и устроенный, чтобы служить на привалахъ и кабинетомъ, и спальней. Устройство это заинтересовало и забавляло князя. Въ вымышленной комнатѣ на колесахъ все было возможно дѣлать, только ходить нельзя было.

— Одна бѣда!—замѣтилъ князь:—не пролѣзетъ онъ тамъ, гдѣ намъ можетъ вдругъ довестися ѣхать.

— Протащимъ,—отвѣчалъ Ваастъ.—Впряжемъ дюжину коней да сами возьмемся, обмотавъ веревками. И вездѣ протащимъ. А взвалимъ кверху тормашкой, опять на ноги поставимъ и опять потащимъ. Небось, сдастся и пойдетъ послушно, увидя, что насъ ему не переупрямить.

Ваастъ, будучи въ духѣ, шутилъ особенно, на свой ладъ и всегда съ самымъ серіознымъ видомъ, за что князь именно и любилъ лейтенанта въ минуты хандры. Иногда приходилось, радъ не радъ, улыбнуться.

Съ самой минуты отъѣзда князь Гиреевъ оживился и поглядывалъ иначе, былъ въ добромъ настроеніи духа. Прежде всего его заинтересовало: гдѣ-то онъ къ вечеру очутится? Вдругъ опять около усадьбы? Вѣдь если «кости» захотятъ, и онъ раза три возьметъ все въ одну сторону, то, совершивъ кругъ, будетъ опять по близости Троицкаго, а, можетъ быть, и за пятьдесятъ, семьдесятъ верстъ отъ него.

Второе, что забавляло князя, было угрюмо-яростное состояніе духа Ферапонта. Старикъ буфетчикъ былъ необычно раздраженъ и озлобленъ на то, на какую «дураковую» затѣю Адама Адамовича князь пошелъ, да еще и его старика взялъ съ собой, выдумавъ «дорожный» буфетъ. Хотя Ферапонту Кузьмичу дали въ подмогу двухъ парней, для дорожнаго орудованія съ посудой, судомойку Анѳису и помощника изъ дворовыхъ людей, и ему самому приходилось только наблюдать и руководить, тѣмъ не менѣе онъ былъ какъ будто обиженъ именованіемъ «дорожнаго» буфетчика.

Странствованіе князя съ остановками для кормленія лошадей, для чаепитія, обѣдовъ и ужиновъ и наконецъ для ночлега, гдѣ случится—и въ лѣсу, и въ полѣ,—пошло настолько просто, безпрепятственно и успѣшно, что становилось скучновато. Адамъ Адамовичъ началъ трусить, что князь соскучится и захвораетъ опять, захочетъ возвратиться домой.

Ѣхали, конечно, «по регламенту», какъ выразился Ваастъ, строго соблюдая разъ положенное. Проѣхавъ часъ все прямо, уже ожидали перваго поворота вправо или влѣво, смотря, что кости приказали. Выходило все очень хорошо и нелюбопытно, попадали, будто на смѣхъ, на довольно проѣзжія дороги и проѣзжали чрезъ хорошія усадьбы знакомыхъ помѣщиковъ, конечно, не останавливаясь у нихъ.

Бывала за Гиреевымъ и погоня. Узнавъ, кто проѣхалъ поѣздомъ, иной дворянинъ приходилъ въ удивленіе и даже обиду, что князь его миновалъ, и тотчасъ посылалъ догонять, а то и самъ пускался въ догонку съ опросомъ.

— Что сей сонъ говоритъ? Дуется что ли князь за что? Знать не хочетъ?

Князь отвѣчалъ всегда, что ѣдетъ по важному и спѣшному дѣлу. А куда—сказать не можетъ, «хоть убей».

И дѣйствительно сказать, куда онъ ѣдетъ, было, хоть убей, невозможно въ полномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ никто въ поѣздѣ не зналъ, гдѣ очутится даже черезъ часъ, не только на другой день.

Въ сумерки третьяго дня странствованія путешественники остановились около большого села, вотчины какого-то именитаго князя: сановника, никогда въ родномъ гнѣздѣ не бывавшаго и жившаго безвыѣздно въ Петербургѣ.

Князь остановился при въѣздѣ въ село таборомъ....

Управляющій вотчиной, узнавъ, кто проявился внезапно, явился предложить князю остановиться на ночлегъ въ барскомъ пустомъ домѣ, гдѣ все бы необходимое ему тоже нашлось. Но князь, понятно, отказался. Его интересовала его спальня-рыдванъ.

Огромную колымагу поставили въ полѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ крайней избы и отъ всѣхъ фургоновъ и телѣгъ поѣзда. Вмѣстѣ съ тѣмъ, около колымаги поставили двухъ парней съ нагайками, часовыми.... Приходилось охранять князя не отъ лихихъ людей или ночныхъ разбойниковъ, а отъ ротозѣевъ мужиковъ, бабъ, дѣвокъ и ребятишекъ, которые полѣзли, какъ тараканы, со всѣхъ избъ къ табору княжему. А таковыхъ зѣвакъ набралось вдругъ столько съ люднаго большого села, что пришлось пустить нагайки въ ходъ раза три. Стѣна живая и упрямая лѣзла на пріѣзжихъ и главное на большую карету, чтобы «глянуть хоть однимъ глазкомъ» и увидѣть «самого».

Такъ прошло пять дней въ круженьѣ, куда глаза глядятъ, а никакой городъ, ни маленькій, ни большой, навстрѣчу или на дорогу «самъ не выползалъ».

Князь Гиреевъ, конечно, никакъ не могъ предвидѣть, равно и Адамъ Адамовичъ не чаялъ, къ чему приведетъ его измышленіе о путешествіи по костямъ игральнымъ или по волѣ судьбы.

А фортуна иной разъ бываетъ добра, а иной разъ бываетъ такъ злобна, жестока, такая по видимости человѣконенавистница, что становится уже тѣмъ, что носитъ наименованіе: злосчастіе.

Не зналъ князь, какое въ его жизни возымѣетъ значеніе, великое и роковое, его странствованіе въ видѣ игры на четъ и нечетъ и якобы по условленному заранѣе «регламенту».

Не зналъ и чесменскій герой, что для него его выдумка кончится бѣдой.

Одинъ Ферапонтъ Кузьмичъ будто все предвидѣлъ и предчувствовалъ и повторялъ:

— Доиграешься до бѣды! Нельзя дѣлать того, чего люди никогда допрежде тебя не дѣлывали. Прямо къ погибели себя доведешь такими финтамифантами. Играй въ жмурки въ комнатѣ, либо на лугу, а не играй въ жмурки по бѣлу свѣту, ловя невѣдомо что и кого. Самого дьявола-искусителя и поймаешь. Онъ тебѣ сунетъ свой хвостъ въ руки и погубитъ.

— Да полно тебѣ, Кузьмичъ. Сглазишь! — говорилъ сердясь Ваастъ.

— Полно ты каркать,—смѣялся и самъ князь.—И впрямь бѣду накличешь.

И дѣйствительно Ферапонтъ, самъ того не чуя, вѣроятно, накаркалъ и бѣду накликалъ.

На шестой день пути, особенно нестерпимо жаркій и душный, произошло нѣчто особливое и нѣсколько удивительное. Двинувшись съ ночлега среди поля полной глушью по худому проселку, путешественники пропустили разные повороты, покуда, ради прошествія часа, ждали поворота влѣво, какъ приказали кости.

Поворотъ оказался большой столбовой дорогой. Это уже разъ было... Черезъ часъ, конечно, надлежало ее покинуть и свернуть. Кости говорили вправо.

И черезъ часъ оказалась направо опять такая же столбовая дорога. Одна другую перекрещивали.

Всѣ удивились. Но всѣ знали, конечно, что чрезъ часъ попадутъ невѣсть на какой проселокъ... Однако, прошелъ часъ, а взять влѣво,—какъ указывала судьба въ видѣ очковъ, нечета,—не приходилось... Прошелъ еще часъ и еще два часа ѣзды, а поворота съ большой дороги не было. Прошло еще три часа... Былъ одинъ поворотъ направо. А влѣво была колея, пропадавшая въ кустахъ...

А съ обѣихъ сторонъ уже обступилъ путешественниковъ огромный дремучій лѣсъ...

— Вотъ, вотъ!— заорали наконецъ въ поѣздѣ. Появился поворотъ влѣво и хотя проселокъ, но изрядный.

X.

Въ тѣ же дни и часы въ Пустомъ Валѣ никто не томился и не изнывалъ, ища душевнаго исхода и облегченья въ прихоти.

Развѣ одна золотоволосая Зайка, нѣтъ-нѣтъ, и вздохнетъ!

Подъ огромной развѣсистой липой, которая много пораженій перевидала на своемъ вѣку, въ тотъ же нестерпимо жаркій день, сидѣлъ въ креслѣ плотный старикъ, широкоплечій, слегка лишь сгорбившись. Сѣдые волосы на головѣ еще густые, но коротко остриженные, стояли щеткой, на темени бѣлые, какъ снѣгъ, а къ вискамъ желтые, чуть не золотые. Лицо было плохо выбрито и тоже щетинилось, отдавая серебромъ.

Около него, на маленькой скамейкѣ, чуть не на землѣ, сидѣла скорчившись молоденькая дѣвушка, бѣленькая, розовенькая съ кудрявой, тоже золотистой головой. Но золото ея кудрей, разсыпавшихся змѣйками по плечамъ, было иное, не то, что было на вискахъ старика. То золото было тусклое, потускнѣвшее, а это, ея золото, было яркое, блестящее, будто горячее.

Это былъ старецъ Андрей Ивановичъ и его правнучка, Зинаида, съ прозвищемъ Зайка.

Почти каждый день въ ясную погоду, передъ обѣдомъ, старецъ приходилъ посидѣть часокъ подъ свою любимую липу въ прохладу и требовалъ къ себѣ правнучку. Это было время дня, въ которое старикъ и дѣвушка бывали всегда вмѣстѣ и вдвоемъ. Третьяго кого либо явившагося въ это время старецъ спроваживалъ словами:

— Ну, что тебѣ? Нужно что—скажи. А не нужно—уходи.

Впрочемъ, всѣ знали, что въ это время, кромѣ правнучки, никому не слѣдуетъ являться подъ липу.

Иногда старецъ и дѣвушка сидѣли молча, думая всякъ свою думу. И ужъ, конечно, думы эти разнились. Чуть не столѣтнему человѣку было о чемъ вспомнить, но мысли всегда почти бывали близко отъ Пустого Вала. Пятнадцатилѣтней. Зайкѣ было тоже о чемъ подумать, и мысли ея витали далеко, Богъ вѣсть гдѣ, въ диковинныхъ краяхъ, въ серебряныхъ и въ бриллiантовыхъ царствахъ, въ яхонтовыхъ дворцахъ, гдѣ живутъ царевичи да царевны, гдѣ властвуетъ жаръ-птица. Но мысли дѣвушки хотя и витали, но будто роились около одного и того же предмета—близъ ясноликаго царевича, который собирается ѣхать и пословъ своихъ впередъ посылаетъ... Сюда! Къ ней, къ Зайкѣ! Къ ея бабушкѣ и дѣдушкѣ и къ прадѣдушкѣ. А зачѣмъ?

И часто отъ этихъ помысловъ сердечко дѣвушки начинало биться шибче, личико румянилось сильнѣе, раскрытыя губки становились горячѣе. А затѣмъ неизмѣнно невѣдомая тяжесть ложилась на душу.

Въ этотъ же день у Зайки было большое горе. Она утромъ украдкой отъ всѣхъ даже поплакала. Ей жилось очень скучно, и поэтому у нея стали являться разныя внезапныя желанiя, почти прихоти и всегда—«вынь да положь!».

Съ недѣлю назадъ ея любимая горничная Алена, съ годъ какъ вышедшая замужъ, проболѣла нѣсколько дней, а затѣмъ появилась въ домѣ опять, но ей бабушка позволила имѣть при себѣ маленькую хорошенькую дѣвочку, чистаго ангелочка.

Зайка съ ума сошла отъ восторга при видѣ этой дѣвочки, которая была въ тысячу разъ красивѣе ея большой куклы, которую она все еще хранила у себя.

Она пристала ко всѣмъ съ вопросомъ, откуда у Алены такая дѣвочка, и нельзя ли ей имѣть такую... Зайкѣ объяснили, что Аленѣ Богъ послалъ дѣвочку. А откуда?! Нашла она ее утромъ на огородѣ въ капустѣ. При этомъ сама Алена по секрету объяснила, что и у нея, Зинаиды Антоновны, будетъ, Богъ дастъ, когда нибудь дѣвочка или мальчикъ, только надо обождать, потерпѣть и, конечно, объ этомъ Богу молиться.

Зайка обрадовалась и, ни слова никому не сказавъ, промолилась цѣлый день, повторяя: «Господи, подай мнѣ дѣвочку!» А затѣмъ, плохо проспавъ ночь, она на зарѣ осторожно и тайкомъ выскользнула изъ дома мимо всѣхъ спящихъ и помчалась на огородъ.

Не только всѣ гряды съ капустой, но и среди рѣпы, моркови и гороху все перерыла Зайка съ замираніемъ сердца... Но напрасно! Никакой дѣвочки не оказалось!

Разумѣется, Зайка поняла, что, стало быть, мало и недостаточно усердно молилась Богу. Она горько поплакала, но твердо рѣшила, что будетъ теперь десять дней молиться, стараться не грѣшить, всѣхъ слушаться, тетку не сердить, а на одиннадцатый день опять украдкой сходить въ огородъ. И ужъ, навѣрно, дѣвочка окажется.

Сидя теперь съ прадѣдушкой подъ липой, на его вопросъ: отчего она такая кислая? и не болитъ ли у нея головка?—Зайкѣ хотѣлось разсказать старцу все и просить совѣта, какъ именно слѣдуетъ искать дѣвочку.

«Можетъ быть, помимо молитвы, и сноровка нужна?»—думалось ей. Прадѣдушка много жилъ на свѣтѣ, все испробовалъ и, навѣрное, и дѣвочекъ въ капустѣ искалъ и находилъ.... ....

Собираясь заговорить и не рѣшаясь, Зайка уныло поглядывала черезъ ограду на дорогу и на нѣсколько сосенъ, желтые стволы которыхъ, озаренные прорвавшимся въ тѣнь лучемъ жаркаго солнца, стояли совсѣмъ красные, гордые, будто огненные...

И вдругъ Зайка шире раскрыла свои и безъ того большущіе глаза, затѣмъ разинула алый ротикъ, какъ, быть можетъ, еще никогда не разѣвала, а тамъ, чрезъ нѣсколько мгновеній, ахнула. И такъ ахнула, что прадѣдушка весь встряхнулся въ креслѣ и выронилъ табакерку изъ рукъ...

— Что ты? Что?!—вскрикнулъ онъ даже сердито.

— Прадѣдушка, гляди, гляди!—закричала и Зайка, вскочивъ и указывая дрожащей рукой на дорогу, въ порывѣ удивленія, граничившаго съ перепугомъ.

Старецъ глянулъ черезъ ограду и тоже удивился...

— Важные, именитые пріѣзжіе,—объяснилъ онъ наконецъ, ища глазами правнучку. Но правнучки и слѣдъ простылъ. Она была уже давно далеко.

Зайка сама, конечно, не сознавая, что дѣлаетъ и хорошо ли, дурно ли, выбѣжала стремглавъ изъ сада во дворъ, выбѣжала затѣмъ въ ворота прямо на дорогу и, также раскрывъ глазки и ротикъ, стала глядѣть.

Цѣлый поѣздъ шагомъ, благодаря пескамъ и жарѣ, двигался мимо. Впереди ѣхалъ какой-то небольшой красивый голубой ящикъ на колесахъ безъ дверецъ и оконъ. Затѣмъ ѣхала сіявшая карета, чуть не золотая,—какъ показалось Зайкѣ,—и изъ нея глядѣлъ на нее, подвинувшись къ окошку, молодой и пригожій человѣкъ съ черными... черными... черными глазами... Онъ проѣхалъ тихо мимо, но, уже высунувшись по поясъ въ окошко, все глядѣлъ на нее и, наконецъ, засмѣялся и что-то крикнулъ ей.

Но Зайка, оглядывая слѣдующихъ проѣзжихъ, не обратила на слова вниманія. Особенно поразила ее вдругъ выползшая изъ-за деревьевъ громадина, махинища, цѣлый, почитай, флигель на колесахъ... И качаясь онъ едва тащился, будто упирался, за шестерикомъ взмыленныхъ лошадей, легшихъ на постромки со всѣхъ силъ. Затѣмъ, экипажи и телѣжки всякаго рода, лошади, тройки, пары, одиночки — куча веселаго народа, который привѣтливо глазѣлъ на красавицу-барышню, выбѣжавшую глазѣть на нихъ... Все проскользнуло, будто облако, и скрылось, пропало... Было вотъ, и нѣту!.. Зайка, все стоя на дорогѣ, уже навѣрное не знала: не во снѣ ли все это привидѣлось ей.

Однако, вдали слышались еще какіе-то звуки, людскіе голоса, а между стволами деревьевъ, гдѣ лѣсъ кончился, при выѣздѣ въ поле, мелькало что-то...

Зайка прислушивалась, приглядывалась и ждала: вотъ сейчасъ совсѣмъ все згинетъ, какъ сквозь землю провалится, или, какъ въ сказкѣ, мелкимъ бисеромъ разсыплется... И золотая карета, и махинища, и всѣ эти веселыя смѣющіяся лица, и эти черные... черные... глазища... не страшные... даже совсѣмъ, совсѣмъ не страшные.

Зайка тихо, будто лѣниво, опустивъ голову, вернулась въ ворота и въ садъ къ прадѣдушкѣ. Только они двое и видѣли проѣзжихъ, такъ какъ вся усадьба будто спала.

— Куда ты пропала, дѣвочка?—спросилъ старецъ.

— Бѣгала на дорогу глядѣть,—отвѣтила Зайка.

— На дорогу? Нехорошо, моя дѣвочка. Не слѣдъ барышнѣ-дворянкѣ выбѣгать глазѣть на проѣзжихъ. Узнаетъ твоя тетушка, загоняетъ тебя журеньемъ. Ну, да мы, дѣвочка, ей не скажемся, промолчимъ,—прибавилъ старецъ, лукаво подмигивая правнучкѣ.

Зайка сѣла на свою скамеечку у ногъ старца, и снова наступило тяжелое молчаніе среди душной тишины въ усадьбѣ...

Сколько прошло времени, полчаса или часъ, задумавшаяся глубоко Зайка не знала, но вдругъ въ усадьбѣ заходили, заговорили, зашумѣли, на террасѣ появилась вѣчно сидѣвшая у себя бабушка ея, а въ садъ вышла тетка и быстро шла къ старцу взволнованная...

Дѣло было страшно важное. Приключеніе невѣроятное... Какой-то проѣзжій, важный князь, прислалъ пріятеля-дворянина и лейтенанта флота просить разрѣшенія отдохнуть у нихъ въ домѣ, покуда его люди справятъ бѣду. Разсыпалось вдребезги колесо у рыдвана, и ѣхать далѣе нельзя.

Черезъ часъ Зайка смущенная, трепетная забилась въ уголъ своей комнаты и боялась даже дышать... Въ домѣ все гудѣло. Домъ, кажется, сильно качался, а она въ немъ еще сильнѣе...

Графъ Е. А. Саліасъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ Н. И. МАМАЕВА [1]

XXIX.

Осень и зима на Волыни.—Отставка Маслова и его отъѣздъ.—Моя поѣздка въ Кіевъ и аудіенція у генералъ-губернатора Бибикова.—Мое поступленіе въ адъютанты къ новому волынскому губернатору Лашкареву.—Житомирскій вице-губернаторъ И. И. Фундуклей.—Нерасположеніе ко мнѣ Лашкарева.—Улучшеніе отношеній.—Неудачная попытка станового пристава арестовать Прушинскаго.

НАСТАЛА зима, первая встрѣченная мной въ той полосѣ климата, зима поздняя. 8-го ноября на улицахъ стояла еще пыль, вмѣсто нашего снѣга, а въ воздухѣ такъ тепло, что мы въ одной полной формѣ, по случаю именинъ великаго князя Михаила Павловича, даже не накидывая шинелей, отправились въ соборъ на молебствіе. Первый снѣжокъ началъ попархивать въ концѣ ноября, въ серединѣ декабря установился было санный путь, но скоро «сошелъ». Въ новый годъ мы дѣлали визиты на колесахъ. Настоящая санная дорога установилась не ранѣе половины января и продолжалась до конца февраля. Не было нашихъ русскихъ морозовъ въ 30°/o и болѣе, но мятели дули порядочныя. Вообще въ тотъ 1838-й годъ холодъ не превышалъ 8° ниже 0 по Реомюру.

Кончился 1838-й годъ, столь богатый для меня разными ощущеніями, при видѣ столь многаго новаго въ нравахъ, обычаяхъ, вѣрованіи жителей, въ измѣненіяхъ самой пророды, въ памятни-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXV, стр. 784.

какъ старины... Новый 1839 годъ принесъ мнѣ перемѣну въ начальникѣ.

6-го января я веселился со всѣмъ одушевленіемъ молодости и танцовалъ на балу, устроенномъ въ залѣ градской думы, нисколько не предчувствуя той грозной тучи, которая должна была разразиться на другой день.

Утромъ я всталъ поздно и пилъ чай, когда вошелъ ко мнѣ правитель губернаторской канцеляріи, Тобіасъ.

Замѣтивъ его встревоженное лицо, я спросилъ:

— Что съ вами?

— Непріятная новость.

— Что такое?

— Нашъ Александръ Петровичъ отставленъ.

— Что-о?

— Вотъ № «Сѣверной Пчелы». Онъ былъ полученъ вчера вечеромъ, но я задержалъ его и не отнесъ къ Александру Петровичу съ тѣмъ, чтобы вы взялись предупредить его.

— Нѣтъ, пожалуйста, избавьте меня отъ такого порученія. Сами скажите.

— Вы ближе всѣхъ къ нему. Отъ васъ ему легче будетъ узнать непріятность, чѣмъ отъ посторонняго.

Подумавъ немного, я согласился взять на себя такое щекотливое порученіе. Отправившись въ кабинетъ Маслова, я засталъ его за письменнымъ столомъ и что-то пишущаго. Услыхавъ мой приходъ, онъ, не подымая отъ стола головы, сказалъ:

— Здравствуй! Ну, что? Хорошо веселился вчера? Я видѣлъ, какъ ты лавировалъ между Шаливской и Новицкой.

Не получивъ отъ меня отвѣта, онъ взглянулъ на меня и, прочтя тревогу на моемъ лицѣ, спросилъ:

— Что ты? Какъ ошпаренный!

— Непріятное извѣстіе, ваше превосходительство.

— Что такое? Ужъ не отставка ли мнѣ?

Тогда я молча подалъ ему листокъ «Сѣверной Пчелы».

Прочтя свое увольненіе, онъ скомкалъ ее въ рукахъ и бросилъ подъ столъ. Потомъ, вставъ со стула, началъ быстрыми шагами ходить по кабинету изъ угла въ уголъ, громко проклиная и судьбу и людей, въ особенности досталось Бенкендорфу.

— А этотъ лысый «голубой» чортъ,—говорилъ Масловъ, забывая, что самъ тоже лысый и носилъ голубой мундиръ, — завѣрялъ меня, что въ немъ я всегда найду защиту противъ всякой интриги, направленной на меня. Гдѣ же его обѣщаніе. Вѣрно только на словахъ! Вѣрно онъ умѣлъ: «мягко стлать, да жестко спать».

Успокоившись немного, онъ подошелъ ко мнѣ и, обнявъ меня, сказалъ:

— Глупъ я былъ, что не послушался тебя. Тогда ты былъ умнѣе меня, когда упрашивалъ перейти въ другую великороссійскую губернію. А теперь и самъ потерялъ мѣсто и тебя «посадилъ на мель».

Черезъ нѣсколько дней Масловъ собрался и уѣхалъ въ свое тамбовское имѣніе.

Распродавъ свои кой-какія лишнія вещи, я съ грустью простился съ Житомиромъ и отправился въ свой полкъ, но прежде мнѣ хотѣлось видѣть въ Кіевѣ открывшіеся тогда, такъ называемые «кіевскіе контракты», на которые съѣзжаются помѣщики изъ всѣхъ западныхъ губерній для совершенія своихъ домашнихъ и хозяйственныхъ сдѣлокъ, какъ-то: отдача имѣній въ посессію, т. е. на аренду, продажа и покупка имѣній, уплата долговъ и т. п. Ко времени открытія «контрактовъ» учреждается въ Кіевѣ ярмарка, привлекающая купцовъ даже изъ великороссійскихъ губерній, съѣзжаются лучшіе актеры и даются театральныя представленія, пріѣзжаютъ и разныя пѣвицы, даже изъ-за границы; такъ въ то время была въ Кіевѣ Мезъ-Мави, примадонна съ Миланскаго театра; являются и разные фокусники и шарлатаны. Между ними болѣе всѣхъ привлекалъ вниманіе одинъ французъ, показывающій «ученыхъ блохъ», т. е. блохъ, возившихъ маленькія пушки, экипажи и т. п., пока не догадались, что блохи оттого не прыгали, а ползали, что заднія ихъ ноги, дающія имъ возможность прыгать, обрѣзаны. Но пока дошли до такого простого открытія, шарлатанъ много собралъ денегъ и, опасаясь, вѣроятно, «русской» раздѣлки за свой обманъ, убрался восвояси, насмѣхаясь надъ простотой русскихъ.

Все это было для меня ново, притомъ не хотѣлось спѣшить въ полкъ, почему я и отправился къ Бибикову, какъ къ военному генералъ-губернатору, просить позволенія остаться на нѣсколько дней въ Кіевѣ.

Выслушавъ мою просьбу и узнавъ, что я собрался возвратиться въ полкъ, онъ мнѣ сказалъ:

— На мѣсто Маслова я представилъ подольскаго губернатора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Лашкарева, съ переименованіемъ его въ генералъ-майоры. Надѣюсь, что представленіе мое будетъ уважено. Тогда Лашкаревъ получитъ право имѣть адъютанта. Если вы желаете занять это мѣсто, то я попрошу о томъ Лашкарева.

Я съ благодарностью принялъ предложеніе Бибикова и ухватился за него, какъ за «якорь спасенія». Привыкнувъ къ спокойной, благородной службѣ адъютанта, мнѣ очень не хотѣлось возвращаться къ ненавистной для меня фронтовой службѣ. Объ отставкѣ я, по молодости лѣтъ, не могъ и думать. Правда, мнѣ оставался еще одинъ исходъ изъ моего стѣсненнаго положенія—

вернуться къ прежнему намѣренію—поступить въ военную академію, но нужно было время для приготовленія себя, а это время я долженъ былъ употреблять на ученье и смотры. Слѣдовательно, я никакъ не избѣгалъ, чего боялся, и только могъ утѣшать себя мыслью, что служба моя во фронтѣ будетъ временная. Предложеніе Бибикова разомъ отстраняло всѣ эти неудовольствія, и мнѣ оставалось только ждать, что скажетъ Лашкаревъ.

Вскорѣ пріѣхалъ въ Кіевъ Лашкаревъ и остановился въ той же гостиницѣ, гдѣ стоялъ и я.

Считая себя не въ правѣ итти къ нему, пока я не получу обѣщаннаго Бибиковымъ извѣщенія, я ожидалъ его съ нетерпѣніемъ. Извѣщеніе не замедлило явиться ко мнѣ въ видѣ жандарма съ запиской отъ дежурнаго адъютанта, извѣщавшаго меня, что Лашкаревъ ожидаетъ моего посѣщенія. Тогда я отправился въ номеръ, занимаемый послѣднимъ. Меня приняла маленькая, черненькая фигурка, съ грузинскимъ красивымъ лицомъ, въ формѣ съ звѣздой, и очень сухо сказавшая мнѣ:

— Мнѣ говорилъ объ васъ Дмитрій Гаврилычъ! Я не прочь взять васъ къ себѣ въ адъютанты. Приготовьте нужныя для того бумаги и принесите сегодня же вечеромъ. Завтра, рано утромъ, я уѣзжаю въ Петербургъ.

Не понравилась мнѣ такая встрѣча, но дѣлать было нечего Выбора мнѣ предоставлено не было, и я долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что послала мнѣ судьба.

Вечеромъ, когда я принесъ бумаги, Лашкаревъ, отпуская меня, сказалъ:

— Можете дожидаться моего возвращенія или въ Кіевѣ, или въ Житомирѣ, оставляю на вашъ произволъ.

Я рѣшился ѣхать назадъ въ Житомиръ, какъ мѣсто, болѣе мнѣ знакомое, и началъ собирать извѣстія о Лашкаревѣ, интересуясь знать, у кого и какъ я буду служить. Свѣдѣнія, мной получаемыя, были одно другого неутѣшительнѣе: говорили, что Лашкаревъ строго-взыскателенъ по службѣ, съ подчиненными не останавливается въ жестокости выраженій, дерзокъ въ рѣчахъ и т. п. Ко всему этому я припомнилъ сухой его пріемъ, и «опустилъ носъ». Но скоро, по безпечности, свойственной молодости, махнувъ рукой, проговорилъ самъ себѣ: «что будетъ, то и будетъ», и зажилъ припѣваючи.

Въ то время въ Житомирѣ былъ вице-губернаторомъ И. И. Фундуклей, человѣкъ замѣчательный по своему богатству и судьбѣ. Отецъ его былъ грекъ и въ Нѣжинѣ (Черниговской губерніи), этой греческой колоніи, торговалъ курительнымъ табакомъ, сперва въ лавочкѣ, а впослѣдствіи, когда денежныя дѣла его поправились, открылъ магазинъ. Вскорѣ ему удалось нажить состояніе, дозволившее ему вступить въ число трехъ, въ товарищество по

виннымъ откупамъ, и взять, между прочимъ, Одессу. Тамъ товарищи отца Фундуклея лопнули, а онъ самъ не только «вышелъ сухой изъ воды», но нажилъ огромный капиталъ и снялъ откупъ уже на одного себя. Дѣла его по откупу доставили ему сношенія съ княземъ М. С. Воронцовымъ, генералъ-губернаторомъ Новороссійскаго края. Воронцовъ полюбилъ молодого Фундуклея, сына откупщика, опредѣлилъ его къ себѣ въ канцелярію и, доставляя ему постепенно чины, доставилъ и мѣсто вице-губернатора въ Житомирѣ, еще при Масловѣ. Фундуклей былъ холостъ, жизнь велъ, ни въ чемъ себѣ не отказывая, на что имѣлъ полную возможность, употребляя то огромное состояніе, которое оставилъ ему отецъ послѣ своей смерти. Упоминаю здѣсь о Фундуклеѣ потому, что онъ, можетъ быть, безсознательно способствовалъ тому, что Лашкаревъ оцѣнилъ меня и полюбилъ, и по одной его оригинальной со мной выходкѣ, о чемъ я скажу въ своемъ мѣстѣ.

Пріѣхалъ въ Житомиръ Лашкаревъ уже въ генеральскомъ мундирѣ и привезъ приказъ о моемъ назначеніи къ нему въ адъютанты, но, не принимая губерніи, отправился въ Каменецъ-Подольскій для распоряженій о своемъ переѣздѣ, меня же оставилъ въ Житомирѣ его дожидаться.

Вернувшись одинъ, недѣли черезъ двѣ, Лашкаревъ вступилъ въ управленіе губерніей и началъ все «ломать» по-своему. Распоряженія его относительно меня заключались въ томъ, что приказалъ отвести мнѣ квартиру, но обязательно предложилъ у себя столъ и вечерній чай, а помѣщеніе мое въ губернаторскомъ домѣ занялъ своей канцеляріей по секретной перепискѣ. Къ Маслову я, во всякое время, ходилъ просто въ сюртукѣ, Лашкаревъ объявилъ, что я утромъ, по службѣ, могу къ нему являться въ сюртукѣ, но при саблѣ. Всѣ эти распоряженія, конечно, не были, для меня еще отяготительны, но меня смущало его ледяное обращеніе со мной: во всѣхъ его словахъ проглядывало какое-то нерасположеніе ко мнѣ. Такое натянутое положеніе, въ особенности послѣ дружескаго обращенія со мной Маслова, мнѣ сильно не нравилось. Но вскорѣ оно начало измѣняться къ лучшему, и я узналъ причину этой напускной холодности.

Весной по просухѣ пріѣхала и моя мать-командирша. То была женщина лѣтъ сорока, съ роскошно развитыми формами тѣла, но съ лицомъ, сильно помятымъ страстями, хотя имѣла правильныя черты и пріятный разрѣзъ глазъ. При вечернемъ освѣщеніи она могла еще нравиться, особливо когда слегка подбѣлится и подрумянится, что она и дѣлала.

Однажды за вечернимъ чаемъ Надежда Николаевна въ присутствіи генерала сказала мнѣ:

— Отчего вы держите такъ себя въ отношеніи насъ, какъ будто чуждаетесь насъ, тогда какъ вы по положенію своему должны быть нашимъ домашнимъ человѣкомъ.

— Я самъ тягочусь такимъ отношеніемъ, но холодность генерала отталкиваетъ меня отъ всякаго сближенія.

Тогда Лашкаревъ всталъ съ своего мѣста, подошелъ ко мнѣ и съ чувствомъ сказалъ, взявъ меня за руку:

— Люблю за откровенность. Ты (онъ въ первый разъ употребилъ это мѣстоименіе, говоря доселѣ всегда «вы») ничѣмъ не могъ привязать такъ къ себѣ, какъ этими словами. За твою откровенность я заплачу такой же откровенностью. Ты знаешь, что Бибиковъ окружаетъ губернаторовъ своими шпіонами. Когда онъ предложилъ тебя мнѣ въ адъютанты, я—извини меня—подумалъ, что ты состоялъ шпіономъ его при Масловѣ и въ этой же похвальной должности предназначаешься и для меня. Чтобы доказать Бибикову, что я не боюсь никого за свои поступки, я согласился взять тебя въ адъютанты, но въ то время далъ себѣ слово — чуть замѣчу съ твоей стороны какой либо двусмысленный поступокъ, тотчасъ тебя отправить въ полкъ. Вотъ причина моей къ тебѣ холодности. Но я совершенно измѣнилъ о тебѣ мое, сознаюсь, обидное мнѣніе, когда Фундуклей разсказалъ мнѣ твою схватку съ домашнимъ секретаремъ, въ которой ты такъ горячо защищалъ Маслова. Такая преданность къ лицу, уже сошедшему со служебнаго поприща, показала мнѣ все благородство твоего сердца, и я душевно прошу извинить меня за то черное подозрѣніе, которое я питалъ къ тебѣ, мнѣ же остается раскаяніе, что я ранѣе не понялъ и не оцѣнилъ тебя.

Съ той минуты отношенія его ко мнѣ совершено измѣнились. Правда, онъ «распекалъ» меня за упущенія по службѣ, но никогда въ выговорахъ своихъ не дозволялъ ни малѣйшаго посягательства на оскорбленіе моего самолюбія. Я самъ сознавалъ свою вину, и мое «я» всегда было пощажено, между тѣмъ какъ другихъ чиновниковъ онъ «ругалъ», какъ лакеевъ.

Первое время, пока я еще не привыкъ къ перемѣнѣ обращенія со мной Лашкарева, случалось, что, получивъ «нагонку» утромъ, я совѣстился приходить къ обѣду. Лашкаревъ понималъ такую деликатность и всегда присылалъ за мной звать къ обѣду. При моемъ появленіи, видя меня сконфуженнымъ, онъ подходилъ ко мнѣ и, трепля по плечу, начиналъ подшучивать... Объ утренней «распеканціи» ни полслова, ни намека, какъ бы ничего не происходило. Онъ вполнѣ выполнялъ собой поговорку: «служба—службой, а дружба—дружбой».

Вскорѣ представился мнѣ случай доказать Лашкареву мои способности въ исполненіи серіозныхъ порученій.

Въ раскрытіи сообщниковъ Конарскаго Бибиковъ дѣйствовалъ еще ревностнѣе, чѣмъ виленскій генералъ-губернаторъ; достаточно было хотя лоскутка оторванной бумажки съ самымъ незначительнымъ намекомъ, чтобы произвести обыски и аресты. Такое горячее

усердіе Бибикова къ раскрытію тайнаго общества, основанное на разныхъ мелочахъ, я испыталъ и на себѣ, какъ о томъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Арестованіе лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу Конарскаго, обыкновенно производилось такимъ образомъ.

При обыскѣ соучастниковъ Конарскаго находили письма, служившія уликой преступленія. По письмамъ этимъ добирались до писавшихъ ихъ. Бибиковъ предлагалъ мѣстному губернатору арестовать назначенное лицо и доставить въ комиссію въ Кіевъ. Губернаторъ предписывалъ о томъ мѣстному исправнику, а тотъ или самъ арестовывалъ помѣщика или, за исполненіемъ другихъ важныхъ дѣлъ, поручалъ это мѣстному становому приставу, и арестованный всегда въ кандалахъ сопровождался жандармами въ Кіевъ.

Такимъ обычнымъ путемъ сдѣлано было распоряженіе объ арестованіи новоградъ-волынскаго помѣщика Сигизмунда Прушинскаго, но послѣдствія были не одинаковыя съ предыдущими арестами. Исправникъ донесъ губернатору, что за производимымъ имъ слѣдствіемъ по какому-то важному дѣлу онъ поручилъ мѣстному становому приставу арестовать Прушинскаго, но приставъ явился весь избитый и окровавленный и донесъ, что, желая выполнить данное порученіе, отправился въ имѣніе Прушинскаго, который не только не дался себя взять, но приказалъ его, станового пристава, отодрать на конюшнѣ арапниками и объявилъ, что живой не дастся въ руки правительства. Исправникъ, донося объ этомъ происшествіи, почтительнѣйше испрашивалъ разрѣшенія взять роту пѣхотнаго полка, квартирующаго близъ имѣнія Прушинскаго, и употребить въ дѣло огнестрѣльное оружіе, если того потребуютъ обстоятельства.

Генералъ, получивъ такое донесеніе, послалъ за мной. Я засталъ его въ кабинетѣ, ходящаго быстрыми шагами изъ угла въ уголъ.

— На, прочти донесеніе. Исправникъ—дуракъ. Онъ могъ самъ взять команду и употребить ее въ дѣло, по своему усмотрѣнію. Такое необычайное распоряженіе можно было прикрыть силою обстоятельствъ и необыкновеннымъ случаемъ, и онъ былъ бы правъ, а не просить на то разрѣшенія. Какое я имѣю право формально дозволить употребить выстрѣлы въ мирное время, когда край не находится на военномъ положеніи.

Потомъ, перемѣнивъ тонъ, которымъ онъ всегда со мной говорилъ, когда дѣло касалось службы, онъ прибавилъ:

— Извольте заготовить себѣ предписаніе арестовать Прушинскаго и живаго или мертваго доставить ко мнѣ. Поѣзжайте съ Богомъ и дѣйствуйте, какъ вамъ скажетъ ваше благоразуміе. Полагаюсь на васъ.

Такое порученіе мнѣ было очень не по сердцу, но въ тѣ времена нельзя было разсуждать,—иначе отправишься изучать на дѣлѣ,

какъ добываются изъ земли металлы,—и потому я, получивъ предписаніе арестовать Прушинскаго, отправился по назначенію. Для предосторожности я взялъ съ собою пару карманныхъ пистолетовъ, въ тѣхъ видахъ, что если Прушинскому придетъ мысль повторить надо мной пріемъ, сдѣланный имъ становому приставу, то я одну пулю пошлю ему, а другой раскрою себѣ черепъ, но не дамся обезчестить себя. Вмѣсто всякой команды и войска за мной поѣхали два жандарма на случай благопріятнаго исхода дѣла.

Дорогой я обдумалъ и составилъ планъ моихъ дѣйствій, который послѣдствіями совершенно оправдался.

XXX.

Мой пріѣздъ къ Прушинскому.— Добровольная его сдача.—Сцена съ женой.— Выговоръ мнѣ со стороны Лашкарева въ «дежурной» и горячая благодарность въ кабинетѣ.— Представленіе меня къ наградѣ.— Отказъ Бибикова.—Правитель канцеляріи генералъ-губернатора Писаревъ и его дальнѣйшая судьба. — Мой разговоръ съ подполковникомъ Э. И. Стоговымъ.—Назначеніе мнѣ Бибиковымъ денежной награды изъ «секретныхъ суммъ» и мой отказъ отъ этой награды.—Мое объясненіе съ Лашкаревымъ.—Мщеніе Бибикова.—Ссылка Прушинскаго на Кавказъ.

Подъѣхавъ къ имѣнію Прушинскаго, я остановился у околицы, приказалъ жандармамъ за мной не слѣдовать, а оставаться тутъ и дожидаться меня два часа. Если по истеченіи этого времени я къ нимъ не выйду, или не пошлю за ними, то это будетъ значить, что со мной случилось что нибудь, что насильно меня удерживаетъ. Тогда они должны скакать въ уѣздный городъ и объявить тамъ о происшедшемъ, и пусть тогда губернаторъ поступаетъ, какъ онъ знаетъ.

Въ улицу я вошелъ совершенно одинъ. Въ планъ, мной составленный, входило, что я долженъ явиться одинъ передъ Прушинскимъ, основываясь на томъ расчетѣ, что въ предстоящемъ мнѣ дѣлѣ нужно дѣйствовать убѣжденіемъ, а не силой и, конечно, не двумя жандармами противъ человѣка, который, судя по поступку его съ становымъ приставомъ, долженъ имѣть рѣшительный, ничѣмъ не сдерживаемый характеръ, и потому видъ моихъ двухъ голубыхъ мундировъ, ненавидимыхъ и русскими, не только поляками, могъ только больше раздражить Прушинскаго, но никакъ не пособить дѣлу.

Спросивъ у попавшаго мнѣ на встрѣчу крестьянина, дома ли его панъ, и получивъ утвердительный отвѣтъ, я по указанію его пошелъ по дорогѣ, ведущей къ господскому дому, который дотолѣ скрытъ былъ отъ меня крестьянскими строеніями.

Селеніе было большое, строенія мазанковыя, какъ и вездѣ въ Волынской губерніи, но вездѣ замѣтно какое-то довольство, чѣмъ немногія имѣнія могли похвалиться, потому что большая часть крестьянъ была сильно угнетаема.

Пройдя большую часть селенія, я влѣво отъ себя увидалъ довольно большое озеро, а на противоположномъ отъ меня нѣсколько возвышенномъ берегу раскинутое въ живописномъ порядкѣ господское строеніе. Заднюю часть картины составлялъ старинный густой садъ. Естественно, что въ моемъ неопредѣленномъ положеніи мнѣ было не до красоты мѣстоположенія. Подходя къ одноэтажному деревянному и длинному господскому дому, я удивленъ былъ тѣмъ, что всѣ окна по фасаду строенія были заколочены досками, между тѣмъ какъ замѣтно было движеніе на дворѣ, и видно было, что въ этомъ домѣ живутъ.

Я подошелъ къ калиткѣ, торкнулся — заперта. Я началъ стучать въ нее сильнѣе и сильнѣе. Раздался громкій лай собаки, судя по голосу, должно быть, большой, крупной породы. Спустя нѣсколько времени раздались шаги, приближавшіеся ко мнѣ, щелкнулъ внутренній запоръ, и въ полурастворенную передо мной калитку сперва показалась высокая баранья шапка, а за ней и козакъ.

Здѣсь я долженъ отступить отъ моего разсказа и объяснить, что такое значитъ козакъ.

Богатые польскіе помѣщики въ услуженіе себѣ въ видѣ почетной стражи, или своихъ тѣлохранителей, окружали себя людьми изъ своихъ имѣній. Люди эти избирались самые рослые, сильные и назывались козаками.

Такихъ козаковъ было у нѣкоторыхъ помѣщиковъ человѣкъ по сту и болѣе. Всѣ они отличались необыкновенной преданностью и слѣпымъ послушаніемъ своимъ господамъ. До польской революціи они были вооружены, а въ настоящее время имъ оставленъ былъ только ихъ прежній костюмъ, который состоялъ въ высокой, черной шерсти, бараньей шапкѣ съ цвѣтной тульей по гербу господина, суконной курткѣ, ловко сшитой и перетянутой въ таліи широкимъ глянцевитымъ ремнемъ съ металлической спереди пряжкой, въ очень широкихъ шароварахъ одинаковаго цвѣта сукна съ курткой, со множествомъ сборокъ около пояса. И куртка и шаровары были опушены сукномъ, по цвѣту гербовладѣльца.

Такая-то шапка съ козакомъ предстала передо мной и, не впуская меня въ калитку, а напротивъ заставивъ все отверстіе въ ней своимъ громаднымъ корпусомъ, съ лицомъ суровымъ и длинными усами, грубо спросила меня:

— Цо тшеба?

— Мнѣ нужно видѣть пана.

— По-цо?

— Я ему самъ скажу.

— Почекай ту! — и съ этимъ словомъ кǒзакъ захлопнулъ калитку передъ самымъ моимъ носомъ.

Такой первой грубый пріемъ обѣщалъ немного хорошаго въ будущемъ.

Опять я остался одинъ. Мрачныя думы налетѣли на меня, охватили меня. Меня била лихорадка. Долго ли козакъ ходилъ съ докладомъ,—опредѣлить не могу. Каждая секунда казалась мнѣ часомъ.

Я думалъ: что ждетъ меня за порогомъ этого дома? Можетъ быть, безчестіе, то-есть смерть, потому что живой я имъ въ руки не дамся. При этомъ украдкой ощупалъ мои пистолеты въ карманѣ сюртука. А умирать мнѣ очень, очень не хотѣлось. Мнѣ шелъ 24-й годъ, жизнь мнѣ такъ весело, такъ пріятно улыбалась, сулила такъ много наслажденій въ будущемъ, я вспомнилъ эти чудные глазки, этотъ пухленькій ротикъ, который мнѣ еще такъ недавно сказалъ: «я те кохамъ!». Послѣдніе звуки словъ слились съ жаркимъ страстнымъ поцѣлуемъ... и все это можетъ быть уничтожено одной скверной минутой!.. Да, умирать, повторяю, очень не хотѣлось... Но есть конецъ всему, пришелъ конецъ и моей моральной пыткѣ. Гдѣ-то щелкнулъ замокъ, и та же баранья шапка отворила мнѣ подъѣздъ у самаго дома и пригласила слѣдовать за собой, говоря:

— Прǒшу!

Сохранивъ, насколько было въ моей власти, наружное спокойствіе, но съ замираніемъ сердца, я вступилъ въ роковой для меня домъ, выходомъ изъ котораго могла быть моя могила. Я увѣренъ, что каждый укротитель съ большей самоувѣренностью входитъ въ клѣтку льва или тигра, чѣмъ я—въ этотъ домъ. Пройдя сѣни, я вошелъ прямо въ залъ. Я уже говорилъ, что въ Волынской губерніи, а, можетъ быть, и въ прочихъ западныхъ губерніяхъ дома большей частью строятся безъ лакейскихъ, или прихожихъ.

Изъ зала въ боковую дверь мой проводникъ ввелъ меня въ кабинетъ. Я очутился въ большой свѣтлой комнатѣ, убранной съ изяществомъ и большимъ вкусомъ. Прямо противъ меня на стѣнѣ былъ прибитъ очень цѣнный коверъ, на которомъ въ симметрическомъ порядкѣ было развѣшано древнее оружіе всѣхъ возможныхъ формъ и эпохъ: сабли, ятаганы, ружья, пистолеты, внизу серебряная булава и шестоперъ. Извѣстно, что поляки, какъ и горцы, дорожатъ оружіемъ своихъ предковъ, тѣмъ болѣе, что въ рѣдкомъ родѣ изъ нихъ не было воеводъ или командировъ полковъ, ими же самими сформированныхъ и на свой счетъ содержимыхъ, поэтому у нихъ въ семействахъ и сохранялись булавы, какъ достоинство военачальника, и знамена или штандарты. Но между всѣми этими кривыми саблями и ятаганами и длинными и короткими ружьями висѣла нагайка, изящно отдѣланная. Нагайка эта преимущественно обратила на себя все мое вниманіе. Скверныя мысли

вновь зашевелились въ головѣ моей. Я невольно подумалъ: что ему за польза убить меня, я одинъ, совершенно въ его власти, но приказать отдѣлать меня этой нагайкой ничего не стоитъ, хотя ради потѣхи!.. Тогда смерть намъ обоимъ... Посреди комнаты помѣщался письменный столъ, на передній уголъ котораго опершись одной рукой стоялъ самъ Прушинскій, другая рука была заложена за бортъ сюртука, наглухо, по-военному застегнутаго до самаго верха. Правая нога была накинута на лѣвую. Взглянувъ на Прушинскаго, я увидѣлъ молодого человѣка лѣтъ 28, съ пріятной открытой физіономіей, но смотрящаго на меня строго.

На мой поклонъ онъ мнѣ отвѣтилъ тѣмъ же.

— Адъютантъ военнаго губернатора.

— Какому случаю я обязанъ видѣть васъ у себя?

— Я присланъ арестовать васъ.

— Гм... и вы думаете... это такъ легко сдѣлать?

— Знаю. Мнѣ извѣстенъ поступокъ вашъ съ становымъ приставомъ. Но я обращусь къ вашему благоразумію, къ вашей совѣстливости. Не возьму васъ я, васъ возьметъ другой, третій, пятый... наконецъ возьмутъ же васъ. Вамъ нѣтъ никакихъ средствъ укрыться отъ преслѣдованія правительства. Граница далеко, а вы окружены со всѣхъ сторонъ. Подумайте! Съ каждымъ сопротивленіемъ вашимъ вы только увеличиваете мѣру вашего наказанія, и все это напрасно, не имѣя въ виду никакого спасенія,

Прушинскій сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе, видно было, что онъ скучалъ моимъ наставительнымъ тономъ рѣчи, и отрывисто спросилъ:

— Далѣе что?

— Далѣе, я обращусь къ вашему благородству, къ вашему великодушію. Я получилъ предписаніе доставить васъ въ Житомиръ, въ противномъ случаѣ буду преданъ военному суду. Вы знаете, какъ строги наши военные законы. Самое легкое наказаніе, которому могу быть подвергнутъ,—это я буду разжалованъ въ солдаты. Конечно, солдатская шинель не обезчеститъ меня, напротивъ, всѣ, узнавшіе причину, будутъ имѣть ко мнѣ сожалѣніе, не откажутъ въ своемъ участіи. Я еще молодъ, могу вновь выслужить эполеты, все это такъ; но у меня есть отецъ и мать, люди уже въ преклонныхъ лѣтахъ, для нихъ я составляю наслажденіе, радость жизни. Извѣстіе о несчастіи (здѣсь я съ умысломъ налегъ на слово несчастіе, потому что оно для меня заключало смерть), меня постигшемъ, можетъ убить ихъ; тогда вы, не избѣгая нисколько своей участи, а только отсрочивая ее, прибавите на душу новую тяжкую отвѣтственность въ смерти людей, вамъ ничего дурного не сдѣлавшихъ. ... Вотъ все, что я имѣлъ сказать вамъ. Жду отъ васъ рѣшенія моей участи!..

Прушинскій замѣтно былъ тронутъ. Помолчавъ съ минуту, онъ протянулъ мнѣ руку и сказалъ:

— Вы поступаете со мной благородно. Я ѣду съ вами.

Въ эту минуту у меня какъ будто гора свалилась съ плечъ. Я готовъ былъ броситься къ нему на шею и обнять его, какъ брата.

Не успѣлъ я еще хорошенько опомниться или понять всю великость моего счастія, какъ произошла новая сцена, совершенно поразившая меня и своею нечаянностью и своимъ исходомъ.

Съ послѣднимъ словомъ Прушинскаго, дверь, которой я до того времени и не замѣтилъ, быстро отворилась, и женщина еще молодая, красоты поразительной, бросилась предо мной на колѣни и, ломая въ отчаяніи руки, проговорила:

— Золото, брильянты, все, что мы имѣемъ, возьмите, возьмите! Только ради Бога, умоляю всѣмъ для васъ священнымъ, умоляю именемъ вашего отца и матери, дайте средство спастись моему мужу.

Я бросился подымать ее. Прушинскій съ злобнымъ выраженіемъ въ лицѣ подошелъ къ ней.

— Женщина, которая валялась въ ногахъ москаля, недостойна быть моей женой,—и съ этимъ словомъ толкнулъ ее съ презрѣніемъ ногой. Прушинская безъ чувствъ покатилась на полъ. Тогда мужъ подошелъ къ столу, сильно позвонилъ въ колокольчикъ и сбѣжавшейся на зовъ прислугѣ, указывая на жену, все еще лежавшую въ обморокѣ, сказалъ:

— Возьмите ее и вынесите отсюда.

Потомъ, оборачиваясь ко мнѣ, прибавилъ:

— Пойдемте.

Когда мы вышли въ залу, Прушинскій сказалъ:

— Я видѣлъ, вы шли пѣшкомъ и одни, какъ же мы поѣдемъ?

— У околицы вашей меня дожидаются телѣга и жандармы. Прошу васъ послать за ними.

Прушинскій поморщился и прибавилъ:

— Дѣлать нечего. Обѣщалъ и сдержу свое слово. Везите меня, какъ хотите и съ кѣмъ хотите.

Пока ходили за жандармами, комната и сѣни начали наполняться людьми, большею частію, все козаками. Всѣ они съ плачемъ и воемъ бросились къ Прушинскому и, прощаясь съ нимъ, какъ звѣри, съ страшной злобой, смотрѣли на меня.

Мнѣ казалось, что Прушинскому стоило только мигнуть, и вся эта толпа бросилась бы на меня и въ минуту растерзала бы меня, разобрала бы по суставчикамъ. Прушинскій и самъ хорошо понималъ всю свою силу, потому что, прощаясь съ ними и благодаря ихъ за усердную и вѣрную службу и знаки преданности, прибавилъ:

— Никто не виноватъ. Я самъ добровольно ѣду.

Когда жандармы подъѣхали, и одинъ изъ нихъ, вынимая изъ телѣги кандалы, загремѣлъ цѣпями, Прушинскій поблѣднѣлъ:

— Неужели меня скуютъ? Прошу васъ, впрочемъ, если это возможно, не куйте меня!

— Извольте, если вы дадите мнѣ честное слово не предпринимать никакихъ средствъ къ побѣгу.

— Вы его уже имѣете съ той минуты, какъ я согласился ѣхать съ вами.

Накинувъ плащъ и надѣвъ на себя фуражку, Прушинскій сѣлъ со мной въ телѣгу, на другую мои жандармы, и мы шибко помчались въ Житомиръ.

Дорогой я спросилъ Прушинскаго:

— Какая была цѣль вашего поступка съ становымъ приставомъ?

— Онъ, негодяй, пріѣхалъ ко мнѣ пьяный. Закричалъ, заоралъ, какъ въ шинкѣ, чтобы я скорѣе съ нимъ ѣхалъ... Я хотѣлъ дать ему маленькій урокъ вѣжливости и приличнаго обращенія, хотѣлъ доказать ему, что не я въ его власти, а онъ въ моей. Поступи онъ со мной благородно, деликатно, какъ вы, разумѣется, я бы поѣхалъ съ нимъ. Я очень хорошо знаю, что отъ агентовъ вашего правительства нигдѣ не укрыться.

— Зачѣмъ у васъ въ домѣ по переднему фасаду всѣ окна были забиты досками?

— Выпроводя становогo пристава, я въ первую минуту рѣшился не даваться, по крайней мѣрѣ, живымъ въ руки правительства, а защищаться до послѣдней крайности. Поэтому я и велѣлъ забить окна, чтобы быть безопаснѣе въ осадномъ положеніи, съ преданностью моихъ людей я надѣялся недешево продать вамъ мою жизнь.

— Да, я видѣлъ вашихъ людей. Это звѣри. Скажите слово, и они растерзали бы меня.

— А вы это замѣтили?

— Еще бы.

. . . . [1].

Когда мы пріѣхали въ Житомиръ, я привелъ Прушинскаго прямо въ губернаторскій домъ и, оставивъ его въ дежурной комнатѣ, пошелъ въ кабинетъ доложить генералу объ успѣхѣ моего предпріятія.

Лашкаревъ обрадовался, увидя меня, и, узнавъ, что Прушинскій прибылъ, вышелъ къ нему, но увидя, что онъ безъ кандаловъ, обратился ко мнѣ и строго спросилъ:

— Это что значитъ? Почему онъ не скованъ?

— Виноватъ, ваше превосходительство, имѣя честное слово г. Прушинскаго, я позволилъ себѣ не надѣвать на него кандалы.

— Но какое же вы имѣли право поставить себя выше закона? Одинъ только государь можетъ смягчать наказаніе, а вы должны были буквально исполнить данную вамъ инструкцію и не разсуждать

---

[1]) Точки принадлежатъ автору. Д. К.

тамъ, гдѣ требуется отъ васъ одно только исполненіе. Сейчасъ надѣть на него кандалы, а вы извольте отправляться подъ арестъ.

Тогда Прушинскій подошелъ ко мнѣ и съ чувствомъ просилъ извинить, что онъ былъ причиной моей непріятности, прибавивъ:

— Если бы я могъ предвидѣть такія для васъ послѣдствія, то никогда не просилъ бы васъ освободить меня отъ оковъ.

Когда надѣли на Прушинскаго кандалы и сдали его полицеймейстеру для отправки съ одними только жандармами въ Кіевъ, Лашкаревъ пошелъ въ кабинетъ, пригласивъ меня слѣдовать за собой. Я подумалъ: мало мнѣ еще было здѣсь, головомойка ждетъ меня въ кабинетѣ, и все это въ ту минуту, когда я мѣнялъ жизнь на смерть, но каково было мое удивленіе, когда генералъ, затворивъ за мной дверь кабинета, бросился ко мнѣ на шею и, буквально обливая меня слезами, сказалъ, указывая на дежурную комнату: «Тамъ, какъ губернаторъ, я не могъ поступить иначе. Здѣсь, какъ человѣкъ, любящій тебя, я благодарю, благодарю и благодарю. Скажу лучше, на твоемъ мѣстѣ я и самъ бы сдѣлалъ то же. Теперь садись и разскажи, какъ Богъ помогъ совершить это дѣло. Признаюсь, я сильно тревожился за тебя».

Тогда я разсказалъ все, какъ было, не скрывая и намѣренія моего не даться на безчестіе живымъ. Во время моего разсказа генералъ нѣсколько разъ отиралъ слезы и, когда я кончилъ, сказалъ:

— Еще разъ благодарю тебя. Всѣ твои дѣйствія изложи мнѣ въ рапортѣ объ исполненіи порученія, а теперь иди съ Богомъ, тебѣ нужно отдохнуть отъ всего того, что ты перенесъ.

Вставая съ мѣста, я съ улыбкой спросилъ:

— Куда прикажете итти отдыхать? на гауптвахту?—спросилъ я, намекая на то, что онъ хотѣлъ арестовать меня.

— Шалунъ. За этотъ вопросъ дѣйствительно слѣдовало бы отправить тебя на гауптвахту. Нѣтъ, иди домой и помни, что я благословляю тебя на отдыхъ, а не наказываю арестомъ.

На другой день я подалъ рапортъ губернатору объ исполненіи даннаго мнѣ порученія, прописавъ въ немъ дѣйствія мои по арестованію Прушинскаго, т.-е. изложивъ вкратцѣ, что по убѣжденію моему, безъ употребленія какой либо силы, Прушинскій безъ всякаго сопротивленія отдался мнѣ.

Генералъ, прочитавъ мой рапортъ, вынулъ изъ ящика своего письменнаго стола черновое представленіе, все писанное его рукой къ генералъ-губернатору Бибикову, и приказалъ переписать его набѣло.

Въ представленіи этомъ добрый Лашкаревъ, описывая всѣ обстоятельства, предшествовавшія моему порученію, т.-е. плети, полученныя становымъ приставомъ, какъ достойное награжденіе за свой грубый поступокъ, и отзывъ Прушинскаго не даваться живымъ въ руки правительства, объяснялъ, что во вниманіе важности случая,

еще не бывалаго до того времени, и зная мое благоразуміе, поручилъ мнѣ арестовать преступника, что я вполнѣ и оправдалъ, дѣйствуя вполнѣ съ самоотверженіемъ, такъ какъ рѣшился лучше лишить себя жизни, чѣмъ позволить оскорбить себя,—это были, какъ я помню, подлинныя слова представленія,—почему во вниманіе, какъ настоящаго моего дѣйствія, такъ и многихъ предшествовавшихъ, въ которыхъ я постоянно заслуживалъ благодарность начальства, онъ ходатайствуетъ о награжденіи меня Станиславомъ 3-й степени, вполнѣ и по совѣсти мной заслуженнымъ.

Нѣсколько дней спустя, получается отзывъ Бибикова, въ которомъ прописано, что въ исполненіи даннаго мнѣ порученія генералъ-губернаторъ не видитъ никакой особой заслуги, которая давала бы мнѣ право на исключеніе (тогда сдѣлано было распоряженіе, чтобы офицеровъ въ мирное время представлять къ кресту только за чрезвычайныя, особенно важныя заслуги, выходящія изъ ряда обыкновенныхъ), и потому онъ предлагаетъ изъявить признательность начальства, а въ поощреніе меня на будущее время наградить 1.000 рублями ассигнаціями изъ секретныхъ суммъ, находящихся въ безотчетномъ распоряженіи губернатора.

Здѣсь я долженъ остановиться и объяснить дѣйствительную причину отказа въ Станиславѣ, и что составляло секретныя суммы, изъ которыхъ мнѣ велѣли выдать награду.

При Бибиковѣ состоялъ правителемъ канцеляріи нѣкто П—въ, человѣкъ весьма умный, необыкновенно дѣльный, къ которому Бибиковъ имѣлъ полную, слѣпую довѣренность. Пользуясь своимъ положеніемъ, онъ управлялъ губерніями и въ дѣйствительности былъ настоящимъ генералъ-губернаторомъ, а Бибиковъ носилъ только одно званіе. Злые языки прибавляли, что Бибиковъ имѣлъ связь съ женой П—ва, урожденной Г., славившейся своей красотой. Даже ходили въ то время анекдоты. П—въ не былъ безкорыстенъ, а позволялъ себѣ брать взятки. Когда онъ слишкомъ уже неосторожно предался взяточничеству, и Бибиковъ узналъ о томъ, то сказалъ П—ву:

— Послушай, о тебѣ дошли до меня гадкіе слухи.

— Какіе, ваше высокопревосходительство?

— Говорятъ, ты взятки берешь.

— Это все выдумки людей, мнѣ завидующихъ. Мало ли что говорятъ, — всему вѣрить нельзя. Напримѣръ, мнѣ говорятъ, что ваше высокопревосходительство находитесь въ преступной связи съ моей женой. Я этому не вѣрю. И вы прекрасно сдѣлаете, если подобно мнѣ не будете вѣрить слухамъ, распространяемымъ на мой счетъ.

Бибиковъ долженъ былъ замолчать, а П — въ попрежнему сталъ думать о своемъ обогащеніи всѣми непозволительными средствами. Впрочемъ П—въ получилъ славное возмездіе за свои гнус-

ные поступки. Впослѣдствіи, сдѣланный по протекціи Бибикова губернаторомъ N—ской губерніи, онъ въ губернскомъ городѣ во время божественной литургіи, совершаемой архіереемъ въ какой-то царскій день, въ самой церкви, въ присутствіи всѣхъ, получилъ пощечину отъ какого-то отставного чиновника казенной палаты. Послѣ такого оскорбленія онъ былъ уволенъ отъ службы.

Этотъ-то П—въ въ то время, о которомъ я разсказываю, былъ самовластнымъ распорядителемъ во всѣхъ трехъ губерніяхъ, составлявшихъ Кіевское генералъ-губернаторство, и, какъ и всѣ ему подобные, былъ очень самолюбивъ, гордъ, требовалъ отъ всѣхъ угодничества, болѣе—раболѣпства. Меня природа тоже надѣлила большой дозой самолюбія, самоуваженія, и потому я былъ холодно вѣжливъ съ П—вымъ, но никакъ не искателенъ въ немъ. Такая рѣзкая самостоятельность во всемъ окружающемъ П—ва не могла не обратить его вниманія на меня, и онъ, не имѣя возможности мстить мнѣ явно, жалилъ исподтишка. Къ такому убѣжденію привелъ меня однажды разговоръ съ дежурнымъ штабъ-офицеромъ кіевскаго военнаго губернатора, подполковникомъ Стоговымъ.

— Скажите, пожалуйста, Эразмъ Ивановичъ, отчего Дмитрію Гавриловичу (Бибиковъ) не угодно было представить меня къ Станиславу?

— Оттого, молодой человѣкъ, что вы слишкомъ... слишкомъ... какъ бы вамъ это выразить... держите себя слишкомъ далеко отъ П -ва.

— Но что же тутъ значитъ П—въ? Онъ правитель канцеляріи гражданскаго генералъ-губернатора, и я нисколько не подчиненъ ему. Я военный, и представленіе мое должно было итти черезъ васъ.

— Оно такъ, да не такъ. Мы всѣ подчинены П—ву, если не по службѣ, то по тому вліянію и довѣрію, которымъ онъ пользуется у Дмитрія Гавриловича. А вы желали бы получить крестикъ?

— Конечно, въ мои лѣта не отказываются отъ такихъ игрушекъ.

— Такъ я вамъ дамъ дружескій откровенный совѣтъ. Поѣзжайте къ П—ву, попросите его, да поубѣдительнѣе, тогда навѣрное завтра же пойдетъ о васъ представленіе.

— Благодарю васъ за совѣтъ, но на откровенность вашу тоже отвѣчу вамъ откровенностью. Если бы мнѣ дали по ходатайству моего генерала Станислава 3-й степени, я бы гордился имъ, сознавая вполнѣ, что онъ заслуженъ мной справедливо, по совѣсти. Но если бы я увѣренъ былъ, что просьбой моей у П-ва по его снисхожденію мнѣ бы дали Станислава черезъ плечо, то и тогда я не поѣду къ нему. Лента эта жгла бы меня, потому что была бы куплена униженіемъ и лестью.

Стоговъ покачалъ головой:

— Охъ, горячая голова, не сдобровать тебѣ!

Вотъ настоящая, дѣйствительная причина, почему генералъ-гу

бернаторъ въ арестованіи мной Прушинскаго видѣлъ только одно исполненіе своей обязанности, а не особенную заслугу, требующую и особой награды, а между тѣмъ его адъютантъ, гвардейскій поручикъ Бибиковъ, получилъ Анну 2-й степени на шею за то только, что отвезъ въ Петербургъ конфирмацію военно-судной комиссіи, учрежденной по дѣлу Конарскаго, на утвержденіе государя. Заслуга его, конечно, была необыкновенная: онъ скакалъ день и ночь на курьерскихъ, могъ вывалиться изъ телѣжки и свернуть себѣ шею или разбить голову. Его заслуга выше, опаснѣе моей!..

Теперь объясню, что такое значитъ секретная сумма.

Въ губерніяхъ Подольской и Волынской, какъ пограничныхъ, каждому губернатору отпускалось 30 тысячъ рублей ассигнаціями въ безотчетное распоряженіе. Изъ этихъ суммъ содержались и получали плату шпіоны, награждались всѣ вѣрные, хорошіе доносы, выдавались награды за поимку бѣглыхъ, въ особенности государственныхъ преступниковъ, открытіе контрабанды и т. п. все благородныя заслуги... Къ разряду этихъ-то заслугъ Бибиковъ отнесъ и мои дѣйствія по арестованію Прушинскаго. Награда эта равнялась оскорбленію.

Лашкаревъ, получивъ такой отвѣтъ Бибикова, страшно взбѣсился и глубоко оскорбился за меня. Призвавъ меня къ себѣ, онъ съ злой усмѣшкой сказалъ:

— Поздравляю. Тебѣ вышла награда: 1.000 рублей изъ секретныхъ суммъ. И ты возьмешь?

У меня тотчасъ же родился планъ въ головѣ.

— Отчего же, ваше превосходительство, всякая награда начальства—даяніе благое.

У Лашкарева все лицо перекосилось отъ моего отвѣта; онъ весь вспыхнулъ, глаза засверкали. Пристально и съ пренебреженіемъ посмотрѣвъ на меня, онъ сказалъ:

— Я не зналъ, что вы останетесь довольны подобной наградой. Секретная сумма въ вашемъ вѣдѣніи. Заготовьте ордеръ о выдачѣ вамъ этихъ денегъ,—и тотчасъ повернулся ко мнѣ спиной.

Я смѣялся въ душѣ негодованію генерала и думалъ: ты не знаешь моего плана, потому такъ и горячишься.

Въ Кіевѣ учрежденъ былъ комитетъ бѣдныхъ, подъ предсѣдательствомъ жены Бибикова, Софьи Сергѣевны, урожденной Кушниковой.

Придя въ канцелярію, я написалъ ордеръ о выдачѣ мнѣ 1.000 рублей и рапортъ генералу, въ которомъ изложилъ, что, съ признательностью принимая награду, которую угодно было начальству дать мнѣ, я не менѣе того имѣю честь объяснить, что, по обезпеченному моему состоянію, желаю деньгами этими наградить моихъ меньшихъ братій, нуждающихся въ ежедневномъ пропитаніи, почему покорнѣйше прошу препроводить ихъ въ Кіевскій комитетъ

бѣдныхъ, предсѣдательницѣ онаго С. С. Бибиковой, въ ея полное и безотчетное распоряженіе.

Придя къ генералу, я правой рукой подалъ ему подписать ордеръ о выдачѣ мнѣ денегъ, а въ лѣвой рукѣ, за спиной держу наготовѣ мой рапортъ.

Генералъ, не глядя на меня, грубо вырвалъ у меня ордеръ и судорожно и скоро подписалъ его. Я видѣлъ, какъ у него дрожала рука. Получивъ бумагу, я подалъ ему другую.

— Это что еще?

— Мой рапортъ, ваше превосходительство.

Рапортъ мой съ умысломъ былъ свернутъ. Признаюсь, мнѣ нравилось мучить Лашкарева.

По мѣрѣ того, какъ генералъ читалъ мой рапортъ, лицо его прояснялось, на глазахъ и у рта образовались складки отъ улыбки. Дочитавъ рапортъ, онъ бросилъ его на столъ и, глубоко вздохнувъ, сказалъ:

— Уфъ! Теперь только вздохнулъ свободно. Славно! Ихъ же орудіемъ ихъ и побѣдилъ. Зачѣмъ же ты прежде не сказалъ мнѣ твоего намѣренія? Зачѣмъ ты заставилъ меня усомниться въ тебѣ, заподозрѣть гнусную черту, усомниться въ твоемъ благородствѣ, въ твоемъ достоинствѣ? Злой ты человѣкъ!

— Простите, ваше превосходительство. Мысль переслать эти деньги С. С. Бибиковой родилась въ ту же минуту, когда вы объявили о наградѣ, но я съ умысломъ умолчалъ о ней. Мнѣ хотѣлось приготовить вамъ маленькое мщеніе за то, что вы усомнились во мнѣ. Зная меня лучше, вы не сдѣлали бы мнѣ вопроса, возьму ли я эти деньги. Конечно, нѣтъ! Тѣмъ болѣе, что онѣ шли изъ такого грязнаго источника!

Генералъ мой расхохотался.

— Да ты еще говоришь двусмысленности! Что ты называешь грязнымъ источникомъ: распоряженіе ли генералъ-губернатора, или секретную сумму?

— Понимайте, какъ знаете, ваше превосходительство.

— Поди же ко мнѣ, поцѣлуй меня. Только прошу на будущее время подобныхъ штукъ со мной не выкидывать, не оставлять меня въ обидномъ сомнѣніи на твой счетъ!

— Охотно, если ваше превосходительство не будете ни на минуту сомнѣваться во мнѣ.

— А иначе что будетъ?

— Буду всегда беречь про себя маленькое мщеніе для васъ.

— Поди, злой человѣкъ. Не хочу тебя видѣть.

Этимъ онъ отпустилъ меня, чтобы заняться дѣлами.

Нѣсколько времени спустя, я поѣхалъ въ Кіевъ. Когда являлся генералъ-губернатору, то Бибиковъ съ неудовольствіемъ сказалъ мнѣ:

— А вы пренебрегаете наградами вашихъ начальниковъ?

— Чѣмъ я могъ доказать это вашему высокопревосходительству? Если тѣми 1.000 р., которые я представилъ въ комитетъ бѣдныхъ, то позвольте мнѣ, ваше высокопревосходительство, повторить то, что я писалъ въ рапортѣ: я желалъ подѣлиться ими съ болѣе нуждающимися меня.

— Кого вы хотите этимъ обмануть? Смотрите только, не раскайтесь послѣ.

Но въ ту минуту я былъ въ восторгѣ. Я видѣлъ, что расчетъ мой былъ вѣренъ, что попалъ прямо въ цѣль, что понято было мое пренебреженіе къ подобной наградѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ я узналъ и всю дѣйствительность предсказаній Бибикова о томъ, чтобы я не раскаялся впослѣдствіи.

Меня два раза послѣ того представлялъ Лашкаревъ къ кресту, и на оба представленія не послѣдовало никакого отвѣта. Я выигралъ только то, что мнѣ уже болѣе не назначали обидныхъ наградъ, подобно первой, и этого было для меня довольно. Я сумѣлъ внушить въ этихъ черствыхъ душахъ къ себѣ уваженіе и заставилъ ихъ невольно понимать меня, потому что болѣе они не осмѣливались оскорблять меня. По справкамъ оказалось, что на обоихъ представленіяхъ обо мнѣ рукою Бибикова было отмѣчено: «оставить». При личномъ объясненіи съ Лашкаревымъ Бибиковъ прямо сказалъ ему, что онъ не видитъ никакихъ моихъ особенныхъ заслугъ, но удерживается отъ изъявленія своей благодарности, потому что я доказалъ, что не умѣю дорожить ею.

Такъ кончилось для меня дѣло Прушинскаго. Выйдя живъ изъ опаснаго порученія, я вышелъ чистъ и изъ грязнаго искушенія, подготовленнаго мнѣ Бибиковымъ.

Прушинскій, за участіе въ тайномъ обществѣ, еще болѣе за сопротивленіе власти, подлежавшій тяжкому наказанію, былъ, однако, только сосланъ на Кавказъ унтеръ-офицеромъ до отличной выслуги. Смягченіемъ наказанія онъ обязанъ былъ ходатайству своей жены...

Говорили, что Прушинскій узнавъ, чему онъ обязанъ сравнительно легкимъ наказаніемъ за свое преступленіе, былъ тѣмъ глубоко оскорбленъ, искалъ смерти... и нашелъ ее. Въ первой горячей схваткѣ пуля горца положила его на мѣстѣ, примиривъ съ жизнью и людьми.

XXXI.

Обвиненіе меня въ участіи въ тайномъ обществѣ Конарскаго. — Письмо Лашкарева къ Бибикову.—Военно-судная комиссія въ Кіевѣ.—Допросъ въ моемъ присутствіи молодой польки. — Причина моего ареста — дружеская записка Руцинскаго, одного изъ сторонниковъ Конарскаго.— Объясненіе мною смысла этой записки.—Прекращеніе дѣла.

По возвращеніи въ Житомиръ, генералъ встрѣтилъ меня очень сухо и сверхъ обыкновенія молча выслушалъ мое донесеніе объ исполненіи порученій. Когда я кончилъ, онъ подошелъ къ своему письменному столу и, взявъ съ него какую-то бумагу, подалъ мнѣ и строго сказалъ:

— Прочтите и объясните мнѣ, что это такое.

Читая бумагу, я не вѣрилъ своимъ глазамъ. Генералъ-губернаторъ предлагалъ арестовать меня за участіе въ тайномъ обществѣ Конарскаго и арестованнымъ доставить въ Кіевскую цитадель.

Кончивъ чтеніе, я не скоро могъ прійти въ себя. Все это мнѣ казалось то какъ будто сномъ, то злой насмѣшкой, то происками людей, для меня неблагонамѣренныхъ. Вѣроятно, всѣ внутреннія мысли мои отражались ясно на моемъ лицѣ, и генералъ, какъ хорошій физіогномистъ, читалъ ихъ, какъ по книгѣ, потому что, смягчивъ выраженіе своихъ глазъ, дотолѣ строго и зорко смотрѣвшихъ на меня, онъ болѣе мягкимъ голосомъ спросилъ меня:

— Что все это значитъ?

— Ничего не могу понять, ваше превосходительство. Тутъ есть какое нибудь недоразумѣніе.

— Я знаю, я увѣренъ, что вы не можете быть участникомъ въ этомъ дѣлѣ, но молодость бываетъ неосторожно откровенна: не говорили ли вы съ кѣмъ нибудь что либо противъ правительства, не осуждали ли вы строгихъ мѣръ, предпринятыхъ противъ сообщниковъ Конарскаго?

— Никогда и никому.

— Честное слово?

— Честное слово.

— Теперь я знаю, что мнѣ дѣлать. Не безпокойся. Собирайся съ Богомъ въ Кіевъ, черезъ полчаса зайди ко мнѣ, я дамъ тебѣ письмо къ Бибикову.

Когда я пришелъ въ назначенное время, то генералъ прочелъ мнѣ письмо, въ которомъ сказано было, что онъ вполнѣ и совершенно ручается въ моей невиновности во взводимомъ на меня обвиненіи.... что онъ позволилъ себѣ не выполнить предложенія генералъ-губернатора, т. е. арестовать меня, потому что я завѣдую, кромѣ секретнаго отдѣленія канцеляріи, еще его собственно кабинетной конфиденціальной перепиской, что я пользуюсь полнымъ

его довѣріемъ, что отъ меня не скрыта ни одна государственная тайна, что я, какъ адъютантъ его, слѣдовательно приближенное къ нему лицо,—являюсь первымъ исполнителемъ всѣхъ важныхъ порученій, требующихъ и глубокой тайны и благоразумія, что если подозрѣвать меня въ участіи тайнаго общества, то должно подозрѣвать и самого генерала, и что если арестовывать меня, то должно арестовать и его и т. п. Въ томъ тревожномъ состояніи духа, въ которомъ я тогда находился, я не могъ припомнить собственныхъ словъ письма,—помню только, что оно было написано въ сильныхъ и ясныхъ выраженіяхъ и все рукою самого генерала.

— Доволенъ ли ты?

Я молча поклонился, не найдясь, что сказать ему.

Запечатавъ письмо, генералъ перекрестилъ меня и сказалъ:

— Поѣзжай съ Богомъ! Я вполнѣ тебѣ вѣрю и потому остаюсь спокоенъ.

Пріѣхавъ въ Кіевъ, я явился генералъ-губернатору. Бибиковъ какъ-то странно посмотрѣлъ на меня, какъ бы недоумѣвая, почему я пріѣхалъ самъ собой и при саблѣ, а не арестованнымъ, какъ, вѣроятно, ожидалъ онъ, но, прочтя письмо Лашкарева, сказалъ:

— Не много ли беретъ на себя вашъ генералъ, такъ ручаясь за васъ?... Впрочемъ дѣло скоро объяснится. Извольте явиться въ 12 часовъ въ военно-судную комиссію, тамъ я самъ буду.

Военно-судная комиссія помѣщалась въ одной изъ залъ каземата Кіевской цитадели. Комната узкая, длинная, едва освѣщенная небольшими окнами, въ ней постоянно господствовали сумерки, такъ что во время засѣданій всегда горѣли свѣчи. У противоположной отъ входа стѣны стоялъ длинный столъ, покрытый чёрнымъ сукномъ. Около стола нѣсколько креселъ для присутствующихъ, на столѣ католическое распятіе: точеная изъ бѣлой кости фигура Іисуса Христа, на черномъ крестѣ какая-то книга. Передъ каждымъ кресломъ писчая бумага, чернильница, перья, карандаши; въ заднемъ углу залы небольшой столъ со всѣми письменными принадлежностями для дѣлопроизводителя. Нѣсколько въ сторонѣ около стола присутствующихъ стоялъ пюпитръ для доклада дѣлъ. Ближе ко входу нѣсколько простыхъ деревянныхъ окрашенныхъ въ черный цвѣтъ скамеекъ. Стѣны залы были совершенно голы безъ всякихъ украшеній, если не считать, что сырость и плѣсень вывели на нихъ свои непрошенные узоры. Въ зало надо было итти длиннымъ темнымъ коридоромъ, постоянно освѣщеннымъ горящими фонарями. По обѣимъ сторонамъ коридора были двери съ прорѣзанными въ нихъ окошками; двери эти вели въ камеры арестантовъ, у каждой изъ нихъ стояло по часовому съ примкнутымъ штыкомъ къ заряженному ружью.

Войдя со свѣта въ этотъ коридоръ, я не скоро могъ оглядѣться въ его темнотѣ. Огни въ фонаряхъ, висѣвшихъ по потолку

по прямой линіи въ равномъ между собой разстояніи, издали казались какими-то ярко-красными точками, прыгавшими въ воздухѣ. Весь свѣтъ отъ фонарей падалъ внизъ и на окошечки въ дверяхъ. Вездѣ безмолвствовала сжимающая сердце тишина, прерываемая изрѣдка ударомъ часового прикладомъ ружья о каменный полъ. Послѣ я узналъ, что шелъ путемъ преступниковъ, но что есть другой ходъ—прямо въ залу, ходъ, открытый для присутствующихъ комиссіи. Когда вошелъ въ залу, то всѣ присутствующіе были въ сборѣ, и открылось засѣданіе. Меня поразилъ прежде всего тяжелый удушливый воздухъ, какой бываетъ въ нежилыхъ строеніяхъ. Зала до половины была совершенно темна, окна чуть свѣтились въ толстыхъ стѣнахъ, хотя былъ полдень и солнечный день. Дальній конецъ залы напротивъ ярко освѣщенъ былъ свѣчами, стоявшими на столѣ присутствующихъ, пюпитрѣ и у письмоводителя. Это сочетаніе свѣта и мрака дѣлало поразительный эффектъ; я даже думаю, что на это разсчитывали, думая тѣмъ дѣйствовать на воображеніе преступниковъ. Мнѣ видны были лица всѣхъ присутствующихъ,—всѣ военные въ полныхъ мундирахъ; на предсѣдательскомъ мѣстѣ сидѣлъ Бибиковъ. На пюпитрѣ лежало довольно толстое дѣло, у котораго стоялъ писарь, какъ докладчикъ комиссіи. У стола спиной ко мнѣ стояла фигура, ясно обрисовывшаяся на свѣтломъ кругѣ свѣта; по очертаніямъ и голосу я узналъ женщину и молодую. По обѣимъ сторонамъ ея, нѣсколько отступя, стояли два жандарма съ касками на головѣ и обнаженными палашами въ рукахъ. Но мнѣ, стоявшему въ темнотѣ, все это казалось какими-то тѣнями на свѣтломъ фонѣ. Тишина прерывалась вопросами Бибикова и отвѣтами подсудимой. Судя по звуку ея голоса, можно было заключить, что она еще молода, что впослѣдствіи и оправдалось. Допросъ и отвѣты происходили на французскомъ языкѣ. Не видя никого вблизи меня, къ кому я могъ бы обратиться съ просьбой доложить о моемъ приходѣ, и зная, что посторонній не можетъ присутствовать при допросѣ государственнаго преступника, я выдвинулся впередъ за черту свѣта и съ умысломъ стукнулъ саблей о каменный полъ. Расчетъ мой оказался вѣрнымъ. Всѣ обернулись въ мою сторону. Бибиковъ, прикрывъ глаза рукой въ видѣ козырька и всматриваясь въ пространство, гдѣ произошелъ звукъ, увидѣлъ меня, подозвалъ и поставилъ нѣсколько поодаль своего кресла. Когда я вошелъ въ полосу свѣта, первое, на что я бросилъ глаза, была, конечно, подсудимая. Передо мной стояла дѣвушка лѣтъ 19 или 20, высокая, стройная, красоты восхитительной. Лицо ея было прекрасно, выразительно, нѣсколько блѣдно, глаза темные, красивыхъ разрѣзовъ, опушенные длинными черными рѣсницами. Темно-русые волосы просто, безъ всякаго старанія были подобраны вмѣстѣ съ густой косой подъ гребенку. Но эта безыскусственная прическа для меня казалась лучше всякаго chef

d'oeuvre'а парикмахера. На плечахъ накинутъ платокъ, перекрещивающійся на груди и концами связанный назади à la Марія-Антуанетта, на которую она была и похожа своимъ положеніемъ подсудимой. На изящныхъ рукахъ у нея была надѣта легкая цѣпь. Звукъ этой-то цѣпи и поразилъ меня при входѣ въ залу. Не видя другого арестанта, кромѣ нея, и слыша звукъ цѣпей, я думалъ, неужели и женщинъ сковываютъ....... Потомъ вырѣзались оба лица жандармовъ въ своихъ каскахъ, на мѣдныхъ бляхахъ которыхъ, сквозь конскій черный волосъ, отражались отблески свѣчъ,—говорю, вырѣзались, потому что за ними существовалъ совершенный мракъ, увеличивающійся еще горѣвшими свѣчами. Тогда я понялъ, почему Бибиковъ прикрылъ глаза руками и всматривался прежде, чѣмъ замѣтилъ меня.

Допросъ продолжался. Подсудимая съ удивительнымъ присутствіемъ духа и твердостью давала отвѣты ясные, положительные, прямо созналась въ участіи къ дѣлу Конарскаго, но рѣшительно отказалась назвать своихъ сообщниковъ.

Смотря на нее, мнѣ, не знаю почему, пришла странная идея въ голову. Я вообразилъ себѣ, что присутствую при осужденіи Жанны д'Аркъ. Вслушиваясь въ ея благородные твердые отвѣты, я думалъ: нашимъ декабристамъ не мѣшало бы поучиться у этой героини, какъ держать себя передъ судилищемъ, отвѣчать прямо, неуклончиво, терпѣливо сносить свое положеніе, а не прибѣгать къ низкому малодушію и изъ желанія подслужиться и облегчить свою участь не путать своихъ товарищей.... Но удивленіе, скажу болѣе, благоговѣніе мое къ ней ожидало меня еще впереди. По окончаніи допроса Бибиковъ обратился къ ней съ вопросомъ жестокимъ, неделикатнымъ, безъ всякаго уваженія къ полу и положенію подсудимой.

— Правда ли, что вы молодость свою, красоту, богатое состояніе, употребляли на то, чтобы привлекать молодыхъ людей и дѣлать ихъ адептами вашего общества?

— Вамъ не такъ передали, генералъ. Я поклялась принадлежать тому, кто приведетъ мнѣ русскаго полковника плѣннымъ, или принесетъ русское знамя, кто бы онъ ни былъ, хотя бы мой послѣдній служитель, мой пастухъ!

Отвѣтъ, достойный лучшаго случая. Какой героизмъ! Каково самоотверженіе! Правда, она была полька! О, въ эту минуту я, не задумавшись, готовъ былъ отдать мою жизнь въ выкупъ за ея свободу. Жизнь молодую, полную силъ, еще не растраченныхъ на пути разочарованій и неудавшихся надеждъ, жизнь, какъ она была, со всей будущностью и ожиданіями!.. Но я только могъ сочувствовать ей, сердцемъ болѣть за нее, спасти не было въ моей власти. Дѣвушка эта, какъ послѣ я узналъ, еще въ малолѣтствѣ

лишилась своихъ родителей, воспитывалась у своего дяди, извѣстнаго своимъ свѣтлымъ умомъ, благородствомъ чувствъ, горячей преданностью дѣлу своей родины. Все это не могло не отразиться на впечатлительной натурѣ его племянницы. Съ малыхъ лѣтъ воспитанная въ роскоши, окруженная угодливостью и сосредоточеннымъ вниманіемъ всѣхъ, она, взятая по дѣлу Конарскаго и брошенная въ крѣпость, гдѣ въ продолженіе 4-хъ недѣль до того времени, какъ я видѣлъ ее, испытала всевозможныя нужды и лишенія, тѣмъ болѣе для нея тягостныя, что не была къ нимъ приготовлена, она, говорю, безъ всякой поддержки, силою одного своего героизма и преданности святому дѣлу своей родины, переносила свое несчастіе съ той твердостью, какую мы видѣли въ ней въ залѣ судилища, и это среди жандармовъ, съ цѣпями на рукахъ... Но, повторяю, она была полька... Отпущенная, она съ достоинствомъ поклонилась своимъ судьямъ,—въ поклонѣ ея была простая вѣжливость хорошо воспитанной дѣвушки, но отнюдь не раболѣпство или заискиваніе,—и медленно, въ сопровожденіи своихъ жандармовъ, сперва потонула во мракѣ залы, а потомъ вышла въ коридоръ, только что мной пройденный.

Впослѣдствіи я узналъ, что видѣнная мной дѣвушка была осуждена на временное заточеніе въ одинъ изъ женскихъ монастырей въ Москвѣ.

Бибиковъ обратился ко мнѣ.

— Теперь очередь до васъ. П—въ, подайте дѣло, которымъ Мамаевъ обвиняется въ соучастіи Конарскаго.

Немедленно было принесено довольно толстое дѣло и положено передъ Бибиковымъ.

Признаюсь, послѣ происшедшей сцены, которой былъ свидѣтелемъ, я совершенно равнодушно ожидалъ окончанія моей будущности. Въ отвѣтахъ дѣвушки я почерпнулъ силу мужества, чтобы перенести всѣ возможныя противъ меня обвиненія, тѣмъ болѣе, что въ настоящемъ дѣлѣ чувствовалъ себя совершенно невиннымъ, а ожидалъ какого нибудь гнуснаго доноса или тайнаго злонамѣренія... Между тѣмъ, Бибиковъ, перелистывая дѣло, остановился на одномъ мѣстѣ и, указывая на какой-то лоскутъ бумаги, вшитый въ дѣло, сказалъ:

— Подойдите и объясните намъ, что это за записка. Вами ли она писана, и что она означаетъ?

Бросивъ взглядъ на записку, я тотчасъ понялъ, въ чемъ дѣло. Вышло страшное недоразумѣніе.

Въ Житомирѣ я квартировалъ у адвоката Миллера. Старшая дочь его, Люція, была замужемъ за Руцинскимъ, молодымъ человѣкомъ свѣтлаго, блестящаго ума, милымъ, любезнымъ, прекрасно

образованнымъ, отличнымъ музыкантомъ, страстнымъ въ душѣ. Личность самая симпатичная. Равенство нашихъ лѣтъ (онъ былъ старше меня 2-мя годами), одинаковая жажда познаній, моя квартира въ домѣ его тестя — все это сблизило насъ, а превосходство его воспитанія, его начитанность, многосторонность свѣдѣній вынуждали меня искать и дорожить его сообществомъ. Все свободное время отъ моихъ занятій я посвящалъ бесѣдѣ съ нимъ, но никогда онъ не высказывалъ своихъ мыслей ни насчетъ нашего правительства, ни насчетъ возстановленія Польши, — для этого онъ былъ слишкомъ уменъ, а я въ моемъ тогдашнемъ положеніи молодого вѣтренаго человѣка былъ слишкомъ далекъ отъ того, чтобы вдаваться въ политику. Миллеръ имѣлъ въ поссессіи недалеко отъ Житомира имѣніе, въ которое Руцинскій на лѣто всегда уѣзжалъ, къ большому моему сожалѣнію. Празднуя свои именины въ какихъ-то числахъ мая мѣсяца, Руцинскій, отъѣзжая весной въ деревню, взялъ съ меня слово посѣтить его въ этотъ день и обѣщалъ наканунѣ прислать за мной лошадей. Дѣйствительно, однажды вечеромъ, когда я пришелъ къ себѣ на квартиру, я получилъ записку, въ которой Руцинскій извѣщалъ меня, что онъ исполнилъ свое обѣщаніе, — посылаетъ за мной лошадей и надѣется, что я съ тѣмъ же удовольствіемъ и охотою выполню свое, и къ нему пріѣду.

На другой день утромъ я пошелъ къ генералу, чтобы проситься дня на два въ деревню къ Руцинскому, а онъ встрѣтилъ меня командировкой. Зная хорошо правило генерала: гдѣ служба, тамъ нѣтъ никакого снисхожденія къ частнымъ интересамъ или желаніямъ, — я даже не сказалъ ему, что шелъ проситься въ деревню, а, придя домой и отпуская лошадей Руцинскаго, написалъ ему записку, что по дѣламъ службы я поставленъ въ необходимость отказать себѣ участвовать въ настоящее время въ ихъ пріятномъ обществѣ, но оставляю за собой право воспользоваться его любезнымъ приглашеніемъ при первомъ удобномъ случаѣ, при чемъ прибавилъ, что отъ такого промедленія времени я теряю болѣе всего, тѣмъ болѣе, что не могу заранѣе опредѣлить пріятной для меня минуты нашего свиданія.

По возвращеніи изъ командировки, я узналъ, что Руцинскій былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ общества Конарскаго, былъ даже чѣмъ-то въ родѣ секретаря и велъ дѣятельную переписку по этому дѣлу. Участіе его было открыто, онъ арестованъ и содержится въ крѣпости въ Кіевѣ. Я сожалѣлъ о немъ, потому что лишился пріятнаго, поучительнаго для себя собесѣдника, и высказалъ о томъ въ разговорѣ съ генераломъ.

Даже, помню, что на вопросъ генерала, имѣлъ ли бы я духу арестовать Руцинскаго, прямо и утвердительно отвѣтилъ «нѣтъ».

— Какъ? Получивъ предписаніе?

— Я бы сказался больнымъ.

— А если бы я не повѣрилъ и велѣлъ тебя освидѣтельствовать?

— Я бы сдѣлалъ на себѣ какую нибудь рану — и не поѣхалъ бы.

Генералъ молча пожалъ мою руку.

По обычному порядку, при арестованіи Руцинскаго запечатали всѣ его бумаги и доставили ихъ въ комиссію. Тамъ, разбирая, нашли и мою записку, о которой я говорилъ выше, и въ моей запискѣ прочли слово «общество» въ политическомъ значеніи и придали ему смыслъ общества тайнаго, преступнаго, а не простой бесѣды людей мирныхъ, собесѣдниковъ пріятныхъ...

Когда я объяснилъ настоящій простой смыслъ моей записки, то Бибиковъ, вырвавъ мою записку изъ дѣла и возвращая ее мнѣ, обратился къ П—ву и сказалъ:

— Уничтожьте всю переписку о Мамаевѣ по этому дѣлу.

Потомъ, обратясь ко мнѣ, прибавилъ:

— Руцинскій далъ то же объясненіе, что и вы. Я вѣрю вамъ, вѣрю еще болѣе заступничеству за васъ вашего генерала. Поѣзжайте назадъ, кланяйтесь ему и примите мой совѣтъ вести себя осторожно съ поляками и не имѣть къ нимъ дружбы: они народъ фальшивый.

— Смѣю ли просить ваше высокопревосходительство позволить мнѣ видѣться съ Руцинскимъ?

— Зачѣмъ это?

— Я бы желалъ проститься съ нимъ.

— Нечего прощаться. Молите Бога, что сами не поѣхали съ нимъ по одной дорогѣ. Ступайте!

Что было говорить противъ такого пониманія? Оставалось поклониться и уйти.

Возвратившись въ Житомиръ, я все видѣнное и слышанное мной передалъ Лашкареву и представилъ ему записку, надѣлавшую такъ много шума. Генералъ прочиталъ ее и улыбнувшись разорвалъ въ мелкіе куски, но не сказалъ ни слова.

Такъ кончился рядъ многихъ дней, начатыхъ подъ самыми благопріятными обстоятельствами въ деревнѣ Схабицкаго и кончившихся чуть-чуть не заточеніемъ меня въ крѣпость. Въ этотъ краткій промежутокъ моей жизни я испыталъ: наслажденіе быть любимымъ, сладость ожиданій поцѣлуя, обѣщаннаго мнѣ въ рощѣ, низость людей, готовыхъ на всякій подлый доносъ, чтобы получить себѣ мнимую свободу, хотя бы для этого предстояло перешагнуть черезъ живой трупъ оклеветаннаго, обнесеннаго нами человѣка; непріятное чувство, съ какимъ я всегда приступалъ къ арестованію, а тутъ я еще вынужденъ былъ употребить его противъ женщины-вдовы, у которой было довольно большое семейство и

старшая дочь, лѣтъ 16-ти, должна была принять на себя всѣ мелочныя хлопоты по домашнему хозяйству и обязанность печься о прочихъ своихъ братьяхъ и сестрахъ, потомъ вынести величіе и высокое благородство дѣвушки, поставившей себѣ цѣлью жизни видѣть освобожденіе своей родины, наконецъ, мое собственное дѣло . . . .

. . . . Чудесныя совершаются дѣла велѣніемъ Тайнаго Промысла.

Н. И. Мамаевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

БЫЛОЕ[1].

(Изъ семейной хроники).

II. Нашъ городокъ.

> ...не длиненъ, не широкъ,
> Лай судейской шавки въ немъ слышенъ вдоль и поперекъ.
> . . . .
> Шлагбаумъ, два-три кабака
> И площадь... Площадь велика:
> Не видно ей кругомъ границы,
> И слышно—осенью на ней
> Чудакъ заѣзжій изъ столицы
> Успѣшно ищетъ дупелей...

I.

ЦѢЛЫЙ день шелъ дождикъ... Къ вечеру стало примораживать, а къ полночи вся разъѣзженная грязь по улицамъ обледенѣла такъ, что стала тверда, какъ камень. На улицахъ мертвая тишина. Собака даже нигдѣ не пролаетъ. Все спитъ.

И вдругъ въ это царство сна откуда-то издали сталъ врываться неясный шумъ, все ближе, все слышнѣе. Теперь уже можно различить грохотъ колесъ по замерзлымъ кочкамъ, неровный топотъ лошадиныхъ ногъ и рѣдкое заглушенное позвякиваніе почтовыхъ колокольчиковъ, язычки которыхъ, во исполненіе строгаго начальническаго предписанія, крѣпко подтянуты и не звенятъ, не болтаются на свободѣ, а только жалобно позвякиваютъ. Почтовая телѣжка ѣдетъ шагомъ. Вотъ она

---

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXV, стр. 753.

поровнялась съ окнами исправничьяго дома. Одна рама распахнулась, и сердитый начальническій голосъ громко крикнулъ:

— Это еще какого чорта тутъ по ночамъ носитъ?

Тройка остановилась сама собой.

— Ну, что жъ ты всталъ?—спрашиваетъ сѣдокъ.

— Да это жъ исправникъ кричитъ,—шопотомъ отвѣчаетъ возница.

— Оглохли, что ли? Спрашиваю: кто ѣдетъ?—раздается новый окрикъ.

Сѣдокъ вглядывается: возлѣ него, въ нѣсколькихъ шагахъ темнѣетъ какое-то зданіе, и онъ различаетъ въ одномъ изъ оконъ неясную фигуру.

— Это я,—нерѣшительно отзывается онъ.

— Я—я, а кто «я»?—допытываетсн начальство.

— Я,—Флоринскій.

— А-а! Это вы, Николай Дмитріевичъ! Что это я васъ по голосу не узналъ?

— Да нѣтъ, я не Николай Дмитріевичъ, я его братъ—Иванъ. Я ѣду къ нему въ гости.

— Иванъ?!. Это студентъ, что ли?

— Да, я студентъ. Я къ брату въ гости,—повторяетъ сѣдокъ.

— Ну, и чудесно. Такъ поѣзжайте себѣ съ Богомъ. Стой, стой!—вдругъ останавливаетъ исправникъ опять тронувшуюся телѣжку.—Завтра ко мнѣ обѣдать милости просимъ. Завтра у меня пельмени будутъ.

— Благодарю васъ!—изъ тьмы отзывается студентъ и начинетъ опять подпрыгивать на жесткомъ сидѣньицѣ заколыхавшейся по мерзлымъ кочкамъ таратайки.

Сзади до него доносится громкій и протяжный зѣвокъ исправника, и слышно, какъ захлопывается рама окна...

Можно, пожалуй, подумать, что начальникъ уѣзда и нашего убогаго городка, Иванъ Онуфріевичъ Устинскій, человѣкъ необычайно бдительный, и что мимо него, какъ мимо стоглазаго Аргуса, никто не пройдетъ и не проѣдетъ незамѣченнымъ. На самомъ дѣлѣ, это простая случайность, и означаетъ это только, что Иванъ Онуфріевичъ слишкомъ долго спалъ сегодня послѣ обѣда, и теперь ему не спится, и онъ скуки ради бродитъ по неосвѣщеннымъ комнатамъ своего исправничьяго дома.

Захлопнувъ окно, онъ постоялъ нѣсколько времени среди своей довольно просторной, по-уѣздному, залы и, какъ бы сообразивъ что-то, зашлепалъ туфлями по направленію спальни.

Тамъ, на широкой кровати, освѣщенной тихимъ свѣтомъ мерцающей лампадки, покоилась супруга его Екатерина Ивановна.

— Катенька! А, Катенька!—нерѣшительно заговорилъ Иванъ Онуфріевичъ, притворяя за собою дверь.—Ты спишь, что ли, Катенька?

Съ подушки быстро и испуганно приподнялась голова въ бѣломъ чепцѣ.

— А? Кто это? Кто это?—забормотала Екатерина Ивановна соннымъ голосомъ.

— Это я, я, Катенька!

— Ахъ, это ты! Ну, скажи, пожалуйста, что это ты все бродишь?—въ голосѣ сразу уже появляются раздражительныя нотки.— Сна на тебя нѣтъ! И самъ не спишь и другимъ не даешь! Ну, зачѣмъ ты меня разбудилъ?

— Да, видишь ли, Катенька,—нерѣшительно начинаетъ Иванъ Онуфріевичъ.—Къ Николаю Дмитріевичу братъ пріѣхалъ гостить... Такъ я его... того...

— Какой братъ?—перебиваетъ Екатерина Ивановна.

— Да видишь ли, того... братъ у него студентъ, помнишь, еще онъ говорилъ, что у него братъ студентъ, и что онъ его къ себѣ въ гости ждетъ, ну, такъ я его вотъ и... того... на завтра обѣдать пригласилъ.

— Да когда же это?—удивляется Екатерина Ивановна.

— Да вотъ сейчасъ: ѣхалъ мимо оконъ, а я его и пригласилъ. Такъ надо бы, я думаю, того... чего нибудь этакого.

— Ну, ладно, ладно! Ужъ я и безъ тебя знаю, что надо! Иди себѣ съ Богомъ! Иди къ себѣ спать.

Иванъ Онуфріевичъ почему-то щелкаетъ пальцами, шаркаетъ ножкой и круто повернувшись, выходитъ изъ спальни.

Благополучно миновавъ двѣ-три темныхъ комнаты, онъ уже у себя въ кабинетѣ, гдѣ на старомъ турецкомъ диванѣ постлана для него постель, и гдѣ тускло горитъ сальная свѣча.

Иванъ Онуфріевичъ беретъ съ лоточка щипцы, снимаетъ нагаръ и задумывается.

«Завтра бы собственно слѣдовало въ Никольское поѣхать», соображаетъ онъ. Да онъ такъ и думалъ послѣ ранняго обѣда махнуть въ Никольское, ну, а теперь изъ-за гостя, можетъ быть, отложить придется.

> Ради друга, ради гостя,
> Ради гостя дорогого,
> Ради батюшки родного,—

вдругъ начинаетъ напѣвать онъ, потомъ оборвавшись тяжело вздыхаетъ и хлопаетъ себя по объемистому животу... Ну, и чемоданъ!— произноситъ онъ при этомъ.

И потомъ, пройдясь раза два по кабинету какой-то странной приплясывающей походкой, останавливается передъ диваномъ.

— А не задать ли храповицкаго?—соображаетъ онъ, посматривая на уже измятыя подушки, потомъ, какъ бы снова что-то сообразивъ, направляется къ одному изъ шкаповъ, отворяетъ его и

изъ-за груды разныхъ «дѣлъ» и бумагъ достаетъ граненый графинчикъ съ какой-то темной жидкостью. Оттуда же достаетъ стеклянную баночку съ икрой, ломоть бѣлаго хлѣба и большую серебряную чарку.

Все это онъ ставитъ себѣ на письменный столъ, аккуратно намазываетъ икру на хлѣбъ и наливаетъ себѣ чарку. Глаза его при этомъ суживаются и весело искрятся.

— Феичъ—феичъ Ерофеичъ!—произноситъ онъ и лихо опрокидываетъ себѣ чарку въ ротъ.

Затѣмъ принимается закусывать.

— А не выпить ли по другой?—спрашиваетъ онъ себя и рѣшается выпить.

Ѣхалъ чижикъ подъ дугой,
Какъ не выпить по другой!—

напѣваетъ онъ, наливая вторую чарку, и при этомъ вспоминаетъ только что пріѣхавшаго студента и сейчасъ же рядомъ со студентомъ вспоминаетъ, что у него четыре дочери, и всѣхъ ихъ надо замужъ выдавать, а, кромѣ того, еще надо въ Никольское ѣхать, а, кромѣ того...

Но тутъ Иванъ Онуфріевичъ, громко зѣвнувъ, какъ-то сразу забываетъ, что нужно еще «кромѣ того».

— Э-э-эхъ! За Волгой спятъ и намъ велятъ!—бормочетъ онъ и, спрятавъ обратно въ шкафчикъ графинъ, чарку и икру, плетется къ дивану.

— А хорошо, если бы кто нибудь свѣчку погасилъ,—думаетъ онъ, уже лежа подъ одѣяломъ.

— А, можетъ, она и сама погаснетъ,—соблазняетъ его дремота.

— Нѣтъ, не погаснетъ, а только начадитъ,—шепчетъ ему голосъ благоразумія.

И вдругъ Иванъ Онуфріевичъ начинаетъ стучать въ стѣну кулакомъ. Постучавъ, прислушивается, потомъ опять стучитъ и, только услыхавъ, какъ за стѣной, въ передней, скрипитъ рундукъ, принимаетъ важную позу и дѣлаетъ серьезное лицо.

За дверью слышится шлепанье босыхъ ногъ.

— Ефремъ, войди!—кричитъ Иванъ Онуфріевичъ.

Дверь отворяется, и на порогѣ показывается длинная, сухощавая фигура разсыльнаго Ефрема.

— Завтра, братецъ, того... въ Никольское-то мы не поѣдемъ.— И потомъ, помолчавъ немного, прибавляетъ.—А, можетъ быть, и поѣдемъ... еще неизвѣстно.

— Слушаю, ваше высокоблагородіе!—соннымъ голосомъ хрипитъ Ефремъ.

— А ты вотъ что, братецъ... потуши-ка ты свѣчку!

Ефремъ осторожно, на цыпочкахъ, пробирается къ письменному столу, плюетъ себѣ на пальцы и тушитъ свѣчку; затѣмъ также осторожно выходитъ изъ кабинета и притворяетъ дверь.

Иванъ Онуфріевичъ, крестясь подъ одѣяломъ, начинаетъ про себя читать: «Живый въ помощи Вышняго», а потомъ «Да воскреснетъ Богъ».

Прочитавъ обѣ молитвы, онъ поворачивается на другой бокъ и начинаетъ мечтать о томъ, какъ онъ завтра вкусно будетъ ѣсть пельмени, а черезъ минуту равномѣрный храпъ указываетъ, что Иванъ Онуфріевичъ уснулъ спокойно.

Не такъ скоро вернулся потревоженный сонъ къ Екатеринѣ Ивановнѣ. Извѣстіе о томъ, что завтра у нихъ будетъ новый гость, сразу вызвало въ головѣ ея много соображеній. Гость - студентъ, стало быть, будущій женихъ, и если онъ такой же милый, какъ его братъ, Николай Дмитріевичъ, то женихъ желательный, и, слѣдовательно, надо дѣлать не пельмени, а супъ съ пирожками. Затѣмъ можно тѣльное изъ судака, ногу телятины и бламанже. Къ счастію, вся эта провизія есть на лицо.

Затѣмъ, идутъ соображенія о томъ, какъ одѣть дочерей, а затѣмъ—глубокій вздохъ сожалѣнія о томъ, что двумъ роднымъ братьямъ нельзя жениться на двухъ родныхъ сестрахъ. Какъ бы хорошо было: Николай Дмитріевичъ женился бы на Варенькѣ, а Иванъ Дмитріевичъ на Сашенькѣ. А Надю и Вѣрочку, когда подростутъ, выдать бы за сыновей откупщика.

— Ахъ, Надя съ Вѣрочкой скоро подростутъ,—вздыхаетъ Екатерина Ивановна, — а откупщиковы-то сыновья малыши совсѣмъ! А, что жъ, развѣ не бываетъ такъ, что жена старше своего мужа и, межъ тѣмъ, живутъ довольно счастливо! Вотъ и она старше своего Ивана Онуфріевича на четыре года, — въ этомъ Екатерина Ивановна сознается только одной себѣ, да и то рѣдко, — а между тѣмъ... Но тутъ она взглядываетъ на свое широкое, но, увы, одинокое ложе, и у нея вырывается подавленный вздохъ. Затѣмъ желчь подступаетъ къ ея сердцу и долго, долго не даетъ уснуть Екатеринѣ Ивановнѣ.

II.

— Что за странность?—удивляется студентъ Флоринскій, вдыхая изъ раскрытаго окна свѣжій, бодрящій воздухъ.—Вчера ночью морозъ былъ, а сегодня—весна весной.

— Что, всталъ?—спрашиваетъ его входящій въ комнату братъ Николай, приземистый, коренастый человѣкъ лѣтъ тридцати.

— Да! На новомъ мѣстѣ мнѣ всегда плохо спится. Но ты посмотри, какая перемѣна: вчера съ вечера — морозъ, а сегодня — тепло.

— Это бываетъ. Теперь надолго хорошіе дни настанутъ. Бабье лѣто. Ну, однако, пойдемъ чай пить. Впрочемъ, ты еще не умывался, кажется?

Черезъ полчаса два брата и ихъ старшая сестра Наталья Дмитріевна, уже сильно перезрѣвшая, но очень симпатичная дѣвушка, сидятъ въ опрятной столовой своей маленькой квартирки и пьютъ чай. Николай — уѣздный врачъ. Иванъ — студентъ-медикъ. Разговоръ идетъ о губернскихъ и, главнымъ образомъ, объ университетскихъ новостяхъ. Иванъ разсказываетъ о молодомъ, только что прибывшемъ изъ Петербурга, профессорѣ Виноградовѣ.

— Это что-то совсѣмъ удивительное,—говоритъ онъ,— сколько ума, свѣжести, молодости! Сколько знаній! Истинно достойный ученикъ Боткина.

— Боткина? Что такое Боткинъ? — слегка конфузясь, спрашиваетъ Николай.

— Батюшки, да ты и про Боткина не слыхалъ?! Боткинъ,—начинаетъ Иванъ, и въ голосѣ его, звучатъ патетическія нотки,—это восходящая звѣзда русской науки, ученикъ Вирхова; ученикъ берлинскаго клинициста Траубе; ученикъ, который, несомнѣнно, превзойдетъ своего учителя и клинициста, т.-е. Траубе. Боткинъ занялъ каѳедру Шипулинскаго; Боткинъ... Ахъ, нѣтъ! Ты бы послушалъ, что говоритъ про Боткина Николай Андреевичъ Виноградовъ. Знаешь ли ты, что такое медицинская этика?

— Ну, конечно, знаю,—обиженно отвѣчаетъ Николай.

— Вотъ то-то и дѣло, что не знаешь! До Боткина никакой этики и не было, потому что всѣ эти Иноземцевы и Оверы...

— Ну, ты, кажется, и Иноземцева отрицать начинаешь?

— А то что жъ? Преклоняться, что ли, мнѣ передъ его «саламачикой?» [1]).

И между братьями завязывается горячій споръ, и не будь тутъ ихъ миротворицы, Натальи Дмитріевны, чего добраго, они въ первый же день встрѣчи могли бы поссориться. Но сердечная дѣвушка однимъ какимъ нибудь ласковымъ словомъ тушитъ въ нихъ разгорающіяся страсти.

— Ну, однако,—говорилъ Иванъ,—я пойду, погуляю, осмотрю вашъ городокъ.

Николай начинаетъ хохотать.

— Погуляешь? Городокъ осмотришь?—захлебывается онъ.—Во-первыхъ, гулять нельзя, потому что отъ вчерашняго дождя вездѣ грязь непролазная; а, во-вторыхъ, никакого городка не имѣется. Есть тысяча двѣсти жителей, разбросанныхъ по разнымъ лачужкамъ; есть два каменныхъ зданія—тюрьма и винный складъ купца Пауткина. Впрочемъ, нѣтъ, еще есть одинъ каменный домъ, только въ немъ никто не живетъ, по случаю пребыванія тамъ какихъ-то таинственныхъ привидѣній, являющихся иногда обывателямъ въ видѣ козла на крышѣ. Есть пять церквей; есть рѣка, черезъ которую ты вчера переѣзжалъ по мосту; есть Камарчукъ...

---

[1]) Sal ammoniacum.

— Что такое Камарчукъ?

— А это—хожалый или полицейскій стражъ, одинъ на весь городъ. У Камарчука есть алебарда, но—знаменіе времени—онъ съ ней уже на улицу не показывается, а замѣнилъ ее простой дубинкой. Есть старый городничій, есть исправникъ, у котораго мы сегодня обѣдаемъ. Вотъ тебѣ и весь городъ.

— Но постой! Ты мнѣ писалъ, что у васъ здѣсь много ссыльныхъ поляковъ.

— Да, порядочно, но это не городъ, а пришлый и случайный элементъ. Я, конечно, кое съ кѣмъ изъ нихъ тебя познакомлю.

— Ну, а пока что, я самъ пойду знакомиться съ городомъ,— настойчиво повторилъ Иванъ и вышелъ изъ комнаты.

Осторожно шагая своими длинными охотничьими сапогами, онъ пробрался черезъ сравнительно чистый дворикъ, но, дойдя до воротъ и отворивъ калитку, остановился въ полномъ недоумѣніи: вся улица была залита глубокой и жидкой грязью.

«Какъ итти? Не лучше ли ужъ вернуться домой?»—разсуждалъ онъ, стоя передъ этой незнакомой ему еще стихіей.—«Видалъ я на своемъ вѣку грязь, много видалъ, но такой еще не доводилось»,— думалъ про себя юноша, безпомощно посматривая то направо, то налѣво.

— А вы идите себѣ смѣло,—раздался вдругъ откуда-то странный, скрипучій голосъ.

Иванъ осмотрѣлся и тутъ только замѣтилъ, что шагахъ въ двадцати отъ него, возлѣ самаго забора стоитъ какая-то сѣрая фигура, стоитъ на грязи и не тонетъ.

— Идите ко мнѣ! — заскрипѣла опять фигура. — Тутъ вѣдь протуаръ, и потому не глубоко, только съ протуара не соскользните; соскользнете, такъ по колѣна уйдете, а справа—канавка и того глубже. А по протуару—ничего. Вотъ видите?—И фигура, ощупывая палочкой дорогу, двинулась къ студенту.

Вглядѣвшись, Иванъ разсмотрѣлъ, что фигура эта представляетъ собою маленькаго, тщедушнаго старичка, въ большой фризовой шинели и въ совершенно вылинявшемъ отъ времени картузѣ. Лицо у старичка было какое-то лисье, давно не бритые усы и борода торчали сѣдыми клочьями, сѣрые, уже помутившіеся отъ старости глаза какъ-то безпокойно бѣгали, и вообще всѣ движенія старика были какія-то торопливыя и шмыгающія.

— Здравствуйте!—проговорилъ онъ, подходя къ Ивану и вытягивая изъ-подъ фризовой шинели сухую, костлявую руку.— Здравствуйте. Вы сегодня ночью пріѣхали. Знаю. Къ своему брату, доктору... Не люблю я вашего брата, онъ надменный человѣкъ. А сегодня вы у исправника обѣдать будете, только пельменей вамъ не дадутъ—исправничиха супъ съ пирожками заказала. Это потому, что вы женихъ. Какъ женихъ, тебѣ супъ съ пирожками. А

отъ Пауткиныхъ къ вамъ тоже пришлютъ звать обѣдать. Они у Носова сегодня коринку брали и макароны. Это значитъ—будетъ запеканка. У нихъ это кухарка умѣетъ такъ готовить. Она на кухнѣ у откупщика судомойкой служила А если запеканка, стало быть—гость, а если гость, стало быть—вы. У Пауткиныхъ тоже двѣ дочери и одна племянница. А братъ вашъ съ ссыльными водится, носитъ кокарду и водится съ ссыльными—это ужъ измѣна, я про него два раза губернатору писалъ.

— А вы кто, собственно, сами такой? — спросилъ наконецъ Иванъ, воспользовавшись перерывомъ скрипучей рѣчи своего собесѣдника.

— Я—Моржъ. Петръ Петровичъ Моржъ, губернскій секретарь и кавалеръ въ отставкѣ. А васъ Иваномъ зовутъ?

— Иваномъ.

— Стало быть, Иванъ Дмитріевичъ.

— Стало быть, что такъ.

— А вольнодумными идеями заражены?

— Что жъ, вѣдь, отъ васъ видимо ничего не скроешь — зараженъ! — весело разсмѣявшись, отвѣтилъ Иванъ. Очень ужъ забавенъ показался ему этотъ все знающій старичекъ.

— А вотъ и неправда! Вотъ и неправда! — заскрипѣлъ опять Моржъ, пытливо посмотрѣвъ въ глаза студента. — Если бы были заражены, такъ этого бы не говорили. Вы только къ ссыльнымъ не ходите, а то я и про васъ напишу и губернатору и ректору, и васъ изъ университета выгонятъ. Вы что это, гулять собираетесь никакъ?

— Да, думалъ пройтись немножко.

— Ну, такъ пойдемте со мной, а то вамъ все равно безъ меня итти невозможно. Въ грязи утонете, а я всѣ ходы знаю. Что жъ, идете? А то, можетъ, стыдитесь съ Моржемъ гулять? Стыдитесь, какъ бы вамъ за это ссыльные выговора не сдѣлали? Боитесь?

— Нѣтъ, не боюсь и не стыжусь,—все также весело отвѣтилъ Иванъ.

— Ну, такъ идите сзади. Да не сбейтесь съ протуара. А брата вашего я не люблю.

И заключивъ такимъ образомъ свою рѣчь, старичекъ дробной и осторожной походкой зашлепалъ впередъ, глухо простукивая черезъ грязь незримые деревянные тротуары.

— Вотъ это домъ стараго уѣзднаго судьи. Единственный почтенный человѣкъ во всемъ городѣ, хотя и одаренъ однимъ тайнымъ порокомъ, о которомъ вамъ, молодому человѣку, можетъ быть, и знать-то не слѣдуетъ. Но, увы, сей почтенный человѣкъ теперь не у дѣлъ, съ новыми реформами. Вытѣснили. Да, кромѣ того, находится въ большомъ огорченіи, такъ какъ любимѣйшій его человѣкъ, Арсеній, умираетъ въ чахоткѣ. А вотъ это,—видите направо

красный домъ,—это живетъ смотритель уѣзднаго училища, глухой тетеревъ, и, кромѣ того, находится въ непозволительной связи съ женой исправника. А здѣсь живетъ окружной начальникъ. Онъ сватается за свояченицу откупщика. На приданое, вѣрно, надѣется, но вмѣсто приданого получитъ такое, что и сказать нельзя.

А это вотъ,—Моржъ снялъ картузъ и принялся торопливо креститься,—это нашъ соборъ, гдѣ недостойный пастырь—не благочинный, а безчинный—отецъ Исидоръ въ карты играетъ.

— Какъ? Въ самомъ соборѣ?—удивился студентъ.

— Нѣтъ, не въ соборѣ, а въ разныхъ приватныхъ домахъ. Но, скажите, приличествуетъ ли служителю церкви картежная игра? И тѣмъ болѣе спиртные напитки, а отецъ Исидоръ и тому, и другому весьма предается. А вотъ это—площадь, гдѣ наши торговцы торгуютъ разной дрянью. Постой, постой, Секлетея, постой!—закричалъ онъ проходившей невдалекѣ бабѣ.—Кто у тебя сегодня булки бралъ?

— А кто бралъ? Кто беретъ, тѣ и брали,—отозвалась баба, поворачивая къ нимъ свое круглое и какое-то спѣлое лицо.

— А докторъ полякъ бралъ?

— Нѣтъ, не бралъ. Онъ уже третій день у своей полячки беретъ.

— А что я тебѣ говорилъ! А что я тебѣ говорилъ!—затараторилъ Моржъ и словно обрадованно затопалъ ногами.—Я тебѣ говорилъ, что онъ у полячки брать будетъ, и всѣ у нея брать будутъ, а она, еретичка, каждый вечеръ къ откупщику въ гости ѣздитъ.

— А и то, шкура!—подтвердила баба.

— Ага, вотъ ты ее осуждаешь! А у самой-то у тебя опять Ванька Казариновъ ночевалъ.

И вдругъ, при этихъ словахъ, спѣлое лицо бабы зардѣлось, что маковъ цвѣтъ.

— Ахъ, ты, старый охальникъ! Язви-те горой! Смерти-то на тебя нѣтъ! Безстыжій ты человѣкъ!—посыпала она вслѣдъ удалявшемуся уже Моржу.

— Варначка! Сибирячка!—словно про себя бормоталъ старикъ и, только отойдя уже на значительное разстояніе, обернулся къ студенту и сказалъ:

— Это наша булочница—женщина распутная.

Въ это время они вошли подъ какой-то навѣсъ, гдѣ ютились маленькія лавченки, нѣчто въ родѣ каррикатурнаго гостинаго двора. Въ лавченкахъ этихъ торговали буквально всякой всячиной: и чаемъ, и сахаромъ, и дегтемъ, и табакомъ, и хомутами, и лаптями, и мусатовскимъ мыломъ, и даже духами Альфонса Ралле.

— Петру Петровичу наше почтеніе!—небрежно кивая головой, проговорилъ какой-то торговецъ.

— А картузъ-то могъ бы снять, здороваясь съ чиновникомъ, али нѣтъ?—набросился на него Моржъ.

— Ничего, передъ такимъ бариномъ мы и въ картузѣ постоимъ,— еще презрительнѣе процѣдилъ торговецъ.

— Ага, въ картузѣ постоишь? Въ картузѣ постоишь?—брызгая слюною, загорячился старикъ.—Ну, такъ ладно же! Вотъ я напишу архіерею, что ты къ свояченицѣ пристаешь, проходу не даешь дѣвушкѣ!

И, сердито стукнувъ палкой, Моржъ зашагалъ дальше.

— Эхъ, ты, шентрапа горемычная! Пиши, сколько хошь! Кто такому повѣритъ! — крикнулъ ему вслѣдъ торговецъ, но было замѣтно, что и голось у него дрогнулъ, да и губы слегка поблѣднѣли.

— А вотъ здѣсь исправникъ живетъ,—продолжалъ, между тѣмъ, свои объясненія шествовавшій впереди студента Моржъ.—Исправничиха, какъ я вамъ ужъ говорилъ, со смотрителемъ училища возится, а самъ Иванъ Онуфріевичъ – гдѣ попало. Говорятъ про него, что онъ взятокъ не беретъ. Вздоръ, навѣрное беретъ, только услѣдить не могутъ. Эй, Аксютка!—крикнулъ онъ выскочившей за ворота исправникова дома дѣвченкѣ. — Въ какихъ платьяхъ будутъ сегодня барышни?

— Въ розовыхъ, тѣхъ, что къ масленицѣ шили, — откликнулась дѣвченка.

— Это для васъ, — хихикнулъ Моржъ. — Только это значитъ, что вы не очень завидный женихъ, потому что для хорошихъ жениховъ онѣ барежевыя надѣваютъ Барежевыя—съ ленточками и съ кружевцами. А когда къ откупщику ѣдутъ, такъ непремѣнно чтобы въ тюль.

— А что здѣсь за человѣкъ откупщикъ?—рѣшился наконецъ самъ спросить юный спутникъ Моржа.

— Откупщикъ—не человѣкъ, онъ—мѣшокъ съ деньгами, мѣшокъ, который носъ задралъ выше лба. Его деньгамъ кланяются, а онъ думаетъ, что это ему честь, а вся ему и честь—встань у притолоки. А туда же! На барскую ногу домъ ведетъ! Для своихъ пащенковъ гувернеровъ изъ-за границы выписываетъ, по-французски ихъ говорить учитъ! Вотъ, погоди, выростутъ, тятенькины-то деньги протрутъ на всѣхъ языкахъ, протрутъ и на французскомъ, и на нѣмецкомъ, и на аглицкомъ. А мѣшокъ-то тутъ же чванится! Я, говоритъ, моимъ дѣтямъ приличное воспитаніе даю. Хамъ!

И Моржъ даже плюнулъ со злости.

— А гдѣ его домъ?—спросилъ студентъ.

— Домъ его за городомъ. У него тамъ усадьба. Усадьба-то больше всего нашего города. Награбилъ денегъ, кровопійца, и живетъ въ своихъ палатахъ да на рысакахъ разъѣзжаетъ, когда благородные люди пѣшкомъ должны грязь мѣсить. Вотъ видите этотъ большой сѣрый домъ, двухэтажный съ мезониномъ, видите?

— Вижу,—отозвался студентъ.

— Ну,такъ вотъ здѣсь живетъ нашъ первый озорникъ—лѣсничій. Лѣсничество у него громадное, грабитъ онъ его безмѣрно, и негодяй большой руки. Мимо не пройдетъ и не проѣдетъ, чтобы не облаять меня, а за одно люблю его: потачки откупщику не даетъ. Откупщикъ купилъ рысака, а этотъ—двухъ. Откупщикъ выпишетъ себѣ нѣмца-садовника, а этотъ—двухъ. Правда, что не сегодня—завтра подъ судъ за растрату попадетъ, а все-таки хама уважить не желаетъ... Что-жъ, можетъ быть, интересуетесь на откупщикову усадьбу посмотрѣть?

— Нѣтъ, въ другой разъ какъ нибудь,—уклонился студентъ, и такъ какъ они, уже обойдя весь городъ, были возлѣ домика, гдѣ жилъ его братъ, распростился съ Моржемъ и вошелъ въ калитку.

— Ну, и познакомился же я сейчасъ съ субъектомъ!—разсказывалъ онъ встрѣтившей его сестрѣ.

— Ахъ, это съ Моржемъ-то? Онъ злой и недоброжелательный человѣкъ и, кромѣ того, еще ростовщикъ,—дополнила Наталья Дмитріевна характеристику уѣзднаго сплетника.

III.

Андрей Андреевичъ Перелетовъ былъ ражій мужчина, лѣтъ тридцати пяти. Говорили, что у него сохранилось еще большое и хорошее имѣніе въ средней Россіи. Говорили, что въ Москвѣ домъ есть, впрочемъ, говорили это только самъ Андрей Андреевичъ да его приспѣшники, а другіе слушали и не совсѣмъ этому вѣрили, потому что, если бы у человѣка домъ въ Москвѣ да имѣніе было, то зачѣмъ бы ему понадобилось забираться на службу въ такую глушь, какъ нашъ городокъ, и принимать такое сравнительно скромное мѣсто, какъ лѣсничаго? Правда, лѣсничество было громадное и доходы... Андрей Андреевичъ говорилъ, что онъ живетъ только на доходы, которые ему даютъ его имѣніе и московскій домъ, а свое жалкое лѣсническое жалованье онъ бросаетъ полѣсовщикамъ на водку, а что служитъ онъ — такъ это изъ любви къ искусству, т. е. главнымъ образомъ ради богатой охоты на звѣря, котораго еще много водилось въ нашихъ лѣсахъ и который совсѣмъ уже перевелся въ средней полосѣ Россіи.

— Да и притомъ лѣсъ я люблю. Лѣсъ—это моя стихія,—не безъ паѳоса добавлялъ онъ.

А ужъ кому же и быть лѣсничимъ, какъ не лѣсолюбцу?

И былъ Андрей Андреевичъ Перелетовъ—лѣсничимъ.

Но ни до него, ни послѣ, ни одинъ лѣсничій у насъ такъ не жилъ, да и не только лѣсничій, но и изъ окружныхъ помѣщиковъ, между которыми попадались даже люди довольно зажиточные, никто себя такъ широко не велъ. Съ самимъ откупщикомъ

Перелетовъ состязался, а для этого средства нужно было имѣть хорошія. Впрочемъ, съ откупщикомъ, т. е. съ отцомъ моимъ, Перелетовъ жилъ въ ладахъ, хотя вкусы у нихъ были совершенно различные. Такъ, Перелетовъ былъ страстный охотникъ, тогда какъ отецъ мой, если и выѣзжалъ на охоту, то ради только веселой компаніи, да и то—изрѣдка.

Перелетовъ любилъ лошадей и былъ въ нихъ большой знатокъ; у отца же моего была, правда, отличная конюшня, но относился онъ къ ней почти совершенно равнодушно. Перелетовъ, подпивъ въ веселой компаніи, становился шуменъ и даже буенъ; отца же моего никто никогда не видалъ пьянымъ, хотя въ компаніи онъ пилъ всегда наравнѣ съ другими, но чѣмъ больше пилъ онъ, тѣмъ становился сдержаннѣе и добродушнѣе, хотя бывали и у него минуты вспышекъ, но, во-первыхъ, онѣ бывали страшно рѣдко, а, во-вторыхъ... я разскажу о нихъ въ свое время.

Люди, знавшіе хорошо и отца моего и Перелетова, всегда утверждали, что Перелетовъ отца моего не любитъ, а отецъ мой Перелетова не уважаетъ. Тѣмъ не менѣе общественное мнѣніе почему-то называло ихъ друзьями, тогда какъ вѣрнѣе ихъ слѣдовало бы считать соперниками. Соперничество это проглядывало во всемъ. Во-первыхъ, они оба считались людьми необычайной физической силы, при чемъ Перелетовская партія утверждала, что сильнѣе лѣсничій; партія же моего отца утверждала, что сильнѣе откупщикъ. Физическая сила въ то время еще очень принималась во вниманіе при оцѣнкѣ того или другого человѣка. Во-вторыхъ, оба они—и холостякъ Перелетовъ, и вдовый мой отецъ—были большими поклонниками дамскаго пола. И вотъ тутъ-то ихъ соперничество и принимало наиболѣе острый характеръ. По внѣшности, Перелетовъ былъ гораздо красивѣе моего отца, уступая ему только въ ростѣ, онъ былъ все-таки очень высокъ и красиво сложенъ. Его густые черные волосы вились красивыми кольцами; бѣлые зубы ярко горѣли подъ лихо закрученными, чисто-гусарскими усами. Щеки рдѣли здоровымъ румянцемъ, голосъ былъ звученъ. Только глаза портили немного: какіе-то выкатившіеся и потускнѣвшіе, словно всегда налитые виномъ.

Перелетовъ бралъ женщинъ, что называется, съ маху, увлекалъ ихъ своею лихостью и удалью, при первой же встрѣчѣ, и если ему это не удавалось сразу, то не удавалось уже почти никогда. И такія неудачи безумно раздражали и распаляли Перелетова, и тогда онъ начиналъ дѣлать не только глупости, но и вещи, недостойныя порядочнаго человѣка, и всѣ свои неудачи приписывалъ почему-то моему отцу.

И вотъ именно на этой-то почвѣ и произошло то странное, таинственное столкновеніе между двумя соперниками, послѣ кото-

раго Перелетовъ навсегда исчезъ изъ нашего городка, и о которомъ я разскажу въ своемъ мѣстѣ.

Затѣмъ, и Перелетовъ, и отецъ мой наперерывъ одинъ передъ другимъ соперничали своимъ широкимъ гостепріимствомъ. Домъ Перелетова, какъ и нашъ домъ, былъ всегда полонъ гостей. Въ виду того, что Перелетовъ былъ холостъ, вначалѣ компанія, посѣщавшая его, состояла исключительно изъ мужчинъ, тогда какъ въ нашемъ домѣ, благодаря присутствію женскаго элемента, въ лицѣ сестеръ и свояченицъ отца, всегда собирались и всѣ уѣздныя дамы.

Чтобъ пополнить этотъ пробѣлъ, Перелетовъ выписалъ откуда-то, кажется, изъ Москвы, какую-то чрезвычайно безличную особу, которую онъ отрекомендовалъ всѣмъ, какъ свою тетку. Но эта тетка все-таки не сумѣла собрать вокругъ себя болѣе или менѣе интересный дамскій кружокъ, и на Перелетовскомъ домѣ остался попрежнему холостой отпечатокъ, несмотря на то, что женскій элементъ въ дворнѣ его едва ли не преобладалъ надъ мужскимъ.

Всѣмъ его большимъ хозяйствомъ завѣдывала старуха-нянька, сухая, молчаливая женщина, всегда въ черномъ платьѣ и въ черномъ чепцѣ. Она, какъ была хозяйкой дома до пріѣзда безличной тетушки, такъ и при ней осталась хозяйкой. Должно быть, большимъ дипломатомъ была эта нянька, потому что не легко было держать, что называется, въ ежевыхъ рукавицахъ всю эту разнокалиберную дворню. А она вотъ держала, и передъ ней трепетали не только повара, конюха и егеря Перелетова, но и та дюжина молоденькихъ горничныхъ, которая всегда находилась подъ особымъ покровительствомъ самого барина. И эти юныя и веселыя дѣвицы, сплошь да рядомъ принимавшія участіе въ попойкахъ Перелетова, бражничавшія вмѣстѣ съ его гостями, сидѣвшія у нихъ на колѣняхъ и расточавшія имъ свои ласки, становились вдругъ тише воды и ниже травы, когда встрѣчались съ суровымъ взглядомъ бариновой нянюшки. Всѣ хорошо знали, что при малѣйшемъ неповиновеніи этой строгой старушкѣ виновныя быстро и безъ шума изгонялись изъ дому и столь же быстро замѣщались новыми и свѣжими экземплярами. Покорнымъ же, видимо, жилось очень недурно. Нѣкоторыя изъ нихъ даже повыходили замужъ, снабженныя довольно приличнымъ приданымъ.

Про оргіи, устраиваемыя Перелетовымъ для своихъ гостей, ходили баснословные и, конечно, преувеличенные слухи, но что эти пирушки не были вполнѣ пристойными, можно судить изъ того, что отецъ мой, человѣкъ не особенно строгихъ правилъ, никогда на этихъ пирушкахъ не присутствовалъ, хотя нерѣдко обѣдалъ у Перелетова. Но какъ только послѣ обѣда появлялась веселая дюжина, отецъ мой брался за шапку и подъ какимъ нибудь предлогомъ уѣзжалъ домой.

Казачокъ Өедька сообщалъ намъ, дѣтямъ, что перелетовскія дѣвушки танцуютъ передъ господами совсѣмъ безъ всякаго костюма, какъ мать родила, только къ спинѣ лебединыя крылья привязаны, и я, къ стыду моему, долженъ признаться, что тогда во мнѣ уже зарождалось желаніе поскорѣе вырости большимъ и поѣхать на перелетовскую вечеринку и посмотрѣть на дѣвушекъ съ крыльями. Желаніе это, къ счастію, никогда не было приведено въ исполненіе...

IV.

Не успѣлъ студентъ Иванъ Флоринскій разсказать сестрѣ о встрѣчѣ и знакомствѣ съ Моржемъ, какъ подъ окнами ихъ громко и весело зазвенѣли колокольцы и бубенчики и сразу оборвались у самыхъ воротъ.

— Что это? Ужъ не къ намъ ли кто?—всполошилась Наталья Дмитріевна и бросилась къ окну.

Передъ воротами ихъ дома стояла лихая, великолѣпно подобранная тройка буланыхъ коней, въ наборной, блестящей серебромъ упряжи. Кучеръ, въ плисовой безрукавкѣ и въ шапкѣ съ павлиньимъ перомъ, сидѣлъ на козлахъ легонькаго, щегольскаго фаэтона, а въ фаэтонѣ, стоя на ногахъ и держась рукой за козлы, стоялъ высокій, очень красивый мужчина, въ синей, тонкаго сукна поддевкѣ и въ фуражкѣ лѣсного вѣдомства съ кокардой. И лошади, и экипажъ, и кучеръ, и сѣдокъ были сплошь забрызганы грязью.

— Это Перелетовъ,—шепнула Наталья Дмитріевна глядѣвшему изъ-за ея спины брату.—О чемъ-то съ Моржемъ разговариваетъ.

Дѣйствительно, на тротуарѣ возлѣ воротъ стоялъ въ своей фризовой шинели Моржъ.

— Ну, садитесь, садитесь, Петръ Петровичъ!—уговаривалъ его Перелетовъ.—Лихо васъ прокачу!

Моржъ видимо отнѣкивался.

— Да вы не бойтесь! Знаете, что я вамъ скажу? Вчера вечеромъ я съ откупщикомъ поссорился, и мнѣ хочется ему какую нибудь гадость сдѣлать. Такъ вотъ садитесь ко мнѣ, покатаемся и выдумаемъ что нибудь позабористѣе.

Перспектива выдумать какую нибудь забористую гадость видимо соблазнила Моржа, и онъ довѣрчиво полѣзъ въ фаэтонъ къ Перелетову.

— Трогай!—крикнулъ лѣсничій кучеру.

И лошади, брызгая жидкой грязью, отъѣхали отъ воротъ. Но только что фаэтонъ выѣхалъ на середину улицы, такъ сказать, на самое глубокое мѣсто этой грязной лужи, какъ кучеръ снова остановилъ тройку.

— Нѣтъ, знаете, Петръ Петровичъ, я раздумалъ,—заговорилъ Перелетовъ.—Я лучше поѣду, помирюсь съ откупщикомъ. А вы идите себѣ домой!

— Такъ подвезите меня, по крайней мѣрѣ,—заскрипѣлъ Моржъ.

— Куда подвезти?

— Къ моей квартирѣ.

— Э, нѣтъ, это мнѣ не по пути.

— Ну, такъ, по крайней мѣрѣ, къ протуарчику.

— Такъ тутъ не далеко. И сами дойдете.

Моржъ видимо понялъ, что надъ нимъ издѣваются.

— Не полѣзу, не полѣзу я въ грязь,—сердито затрещалъ онъ.— Тутъ утонуть можно. Извольте меня доставить туда, откуда взяли.

— Э, голубчикъ, вы, значитъ, пословицу забыли, что съ чужого коня среди грязи долой,—расхохотался Перелетовъ.

И, взявъ Моржа осторожно, какъ щенка, за шиворотъ, онъ высадилъ его изъ фаэтона.

Мѣсто оказалось дѣйствительно глубокимъ и доходило старику до самыхъ колѣнъ. Подобравъ по-бабьи свою фризовую шинель и страшно ругаясь и даже плюясь, побрелъ Моржъ къ тротуару, а Перелетовъ, стоя въ фаэтонѣ, запѣлъ громкимъ голосомъ:

Радуйся, Моржъ,
Вездѣ бывающій,
Все знающій,
Все пожирающій!
Радуйся, Моржище,
Длинный носище!

— Я на тебя, охальникъ, озорникъ и негодяй, въ судъ подамъ!— кричалъ Моржъ, уже стоя на тротуарѣ и грозя кулакомъ Перелетову.

— Не подавай, старикъ, за взаимностью оскорбленій дѣло все равно ничѣмъ не кончится,—откликнулся Перелетовъ и приказалъ своему кучеру ѣхать дальше.

V.

Обѣдъ у исправника подавался рано, а потому братья Флоринскіе къ часу дня были уже въ гостепріимной квартирѣ Ивана Онуфріевича. Хозяинъ встрѣтилъ ихъ весело и радушно: съ Николаемъ поздоровался фамильярно, по-пріятельски; съ Иваномъ, какъ съ молодымъ человѣкомъ, покровительственно-ободряюще: «не конфузьтесь, дескать, будьте, какъ дома.

Шествуя впереди своей слегка приплясывающей походкой, онъ провелъ ихъ черезъ залу къ себѣ въ кабинетъ и предложилъ покурить, самъ подавъ первый примѣръ, т. е. закуривъ трубку съ длиннымъ чубукомъ. Иванъ, какъ не курящій, отказался; Николай скрутилъ себѣ папироску.

— А знаете, батюшка,—обратился къ нему Иванъ Онуфріевичъ,— Вася-то Жуковъ портится.

— Не знаю. Я трубки не курю,—отозвался докторъ.

— А вы какой табакъ курите?

— Кріона Папа-Николо.

— У Карепова покупаете?

— Нѣтъ, изъ Казани выписываю.

— Такъ-съ...

Потомъ, помолчавъ немного, исправникъ опять завелъ рѣчь:

— А знаете, батюшка, я съ вами посовѣтоваться хотѣлъ. Да нѣтъ, не по медицинской части. Вопросъ тутъ особенный и деликатный. Вѣдь, вы знакомы съ Андреевскими? Ну, вотъ, чего я спрашиваю, конечно, знакомы, самъ же съ вами обѣдалъ сколько разъ у нихъ въ Никольскомъ... Такъ вотъ, скажите мнѣ, пожалуйста, ничего вы за ними такого, особеннаго, не примѣчали за послѣднее время?

— Нѣтъ. А что?

— Да видите ли...—нѣсколько понижая голосъ и придавая своей рѣчи какую-то особую таинственность, продолжалъ Иванъ Онуфріевичъ.—Видите ли, тутъ все дѣло началось съ поросенка. При вашемъ братѣ я, конечно, могу говорить.—И Иванъ Онуфріевичъ посмотрѣлъ вопросительно въ сторону студента.

Докторъ только хмыкнулъ, какъ бы выражая этимъ, что за брата онъ вполнѣ ручается.

— Такъ вотъ, видите ли, съ поросенка. Вы знаете, какъ я люблю жареныхъ поросятъ съ кашей, а у Андреевскихъ поросята нарочито превосходные, какіе-то англійскіе, что ли... ершитскіе, что ли...

— Іоркширскіе,—поправилъ его докторъ.

— Ну, вотъ, вотъ. Просто прелесть. Масло, а не поросята. И ужъ они такъ и знаютъ, т. е. братья Андреевскіе-то, какъ я къ нимъ пріѣхалъ, стало быть, подавай поросенка. Ну, и вотъ, сударь вы мой-съ, пріѣзжаю я къ нимъ недѣлю тому назадъ-съ. Ну, сейчасъ это, конечно, водочки и закусочки... Вѣдь вы сами знаете, какіе любезные и гостепріимные люди эти Андреевскіе... И вдругъ между нами появляется новый неизвѣстный мнѣ человѣкъ-съ. Видъ у него такой странный, одѣтъ не то въ рубашку, не то въ блузу какую-то; борода, очки, а волосы на головѣ не то что подъ гребенку, а, какъ говорится, подъ иголку подстрижены. Взглянулъ это я на него, да и перевелъ глаза на Андреевскихъ. Батюшки мои! Смотрю, и они также выстрижены! Словно, знаете, волосы-то у нихъ съ головы корова языкомъ слизнула. И всѣ трое, знаете, и Саша, и Володя, и Петенька. А, вѣдь, какіе кудри у нихъ были, просто прелесть! Ну, хорошо-съ! Взглянуть-то это я взглянулъ, но сказать—ничего не сказалъ. Ну, а они сейчасъ меня знакомятъ съ этимъ неизвѣстнымъ человѣкомъ. Такъ и такъ, молъ, это, дескать, нашъ пріятель, изъ Петербурга, погостить къ намъ пріѣхалъ, и

зовутъ его Николай Николаевичъ Натаскинъ. «Очень пріятно», говорю. — «Служить изволите?» — Нѣтъ, говоритъ, не изволю. — «Такъ-съ». А говоритъ, словно бубнитъ какъ-то.

Ну, это мы сейчасъ къ водочкѣ, смотрю, а Натаскинъ этотъ не пьетъ. «Не потребляете?» — спрашиваю. — Не потребляю, — бубнитъ онъ. — «Что же, говорю, въ своемъ здоровьѣ плохи, что ли?» — Нѣтъ, говоритъ, ничего. Сѣли мы потомъ это обѣдать, глядь-поглядь, а Натаскинъ и поросенка не ѣстъ. — «Это какъ же, говорю, неужели вы и поросеночка не уважаете?» — А за что, говоритъ, мнѣ его уважать, когда изъ него даже порядочной свиньи не вышло? Смотрю, всѣ это такъ пересмѣиваются какъ-то. Мнѣ даже, знаете, непріятно стало.

Кончили обѣдать, закурили трубочки... Боже ты мой! Натаскинъ и трубки не куритъ! «Эге, думаю, тутъ что нибудь не ладно!» А, главное, что они это все между собой, все пересматриваются и пересмѣиваются. Держался я, держался и такъ прямо вдругъ откровенно спрашиваю:

— А позвольте, говорю, господа, полюбопытствовать, что бы сіе могло обозначать, что вы всѣ такъ гладко выстриглись?

Спросилъ и смотрю: ну, что будетъ? Переглянулись это они между собой, потомъ Саша Андреевскій встаетъ это, подходитъ ко мнѣ и говоритъ:

— Отъ васъ, Иванъ Онуфріевичъ, все равно ничего не скроется, но такъ какъ мы знаемъ, что человѣкъ вы хорошій, добрый и насъ не выдадите, то мы вамъ прямо по всей откровенности: основали, говоритъ, мы тайное общество.

Я, знаете, даже похолодѣлъ слегка и дѣлаю видъ, что не вѣрю.

— Ну, полноте, говорю, господа, какое тамъ тайное общество!

А Натаскинъ этотъ самый всталъ и весьма откровенно мнѣ это:

— Тайное общество, говоритъ, которое мы основали, называется: «Знай нашихъ, уважай стриженныхъ».

Ну, понима-а-ете, такъ прямо мнѣ, начальнику уѣзда, въ глаза!

— Да вы что, говорю, господа, шутки-то шутите! Такими вещами по нынѣшнимъ временамъ не шутятъ! А вамъ, господа, — обращаюсь я къ однимъ Андреевскимъ, — довольно стыдно, такъ какъ я и батюшку вашего хорошо зналъ и глубоко уважалъ почтеннаго Степана Васильевича и даже пользовался его особымъ расположеніемъ.

— Вотъ потому-то, говорятъ, Иванъ Онуфріевичъ, мы къ вамъ такъ откровенно и относимся. Другого-то мы бы, можетъ быть, и за носъ провели, а вамъ прямо въ глаза. Хотите — предайте насъ и ввергните этимъ въ узилище; хотите — покройте, т. е. сдѣлайте видъ, что ничего не знаете.

— Господа,—взмолился я,—вѣдь у меня дѣти, наконецъ присяга и все прочее...

— Что жъ дѣлать, говорятъ, Иванъ Онуфріевичъ, только любя и уважая васъ, открыли мы вамъ всю истину. А можетъ, говорятъ, вы сами желаете къ нашему обществу примкнуть? Такъ мы и васъ можемъ сейчасъ выстричь подъ гребеночку.

Я даже плюнулъ.

— Одумайтесь, говорю, господа! Даю вамъ три дня сроку.

А самъ, не простившись даже, надѣлъ фуражку, вышелъ, сѣлъ въ тарантасъ и уѣхалъ. Ну, что вы на это скажете?

— Да что, Иванъ Онуфріевичъ, шутка это просто, такъ, шалость. Вѣдь, вы сами знаете, какіе балагуры эти Андреевскіе,—сказалъ, едва сдерживая улыбку, докторъ.

— Нѣтъ, позвольте-съ!—замахалъ руками Иванъ Онуфріевичъ.— Этимъ дѣло не кончилось. Пріѣхалъ я въ городъ, сейчасъ справку объ этомъ Натаскинѣ навелъ. Что же, вы думаете, оказывается, что онъ ужъ у всѣхъ ссыльныхъ поляковъ побывать успѣлъ!

— Что жъ изъ этого? У всѣхъ у нихъ и мы бываемъ.

— Да это-то я знаю! И вы, и я, и даже Алексѣй Максимовичъ не только у нихъ бываемъ, но и къ себѣ ихъ весьма радушно принимаемъ. Такъ то мы съ вами или Алексѣй Максимовичъ, а то вдругъ этакій Натаскинъ!

— Такъ что жъ Натаскинъ?

— Какъ, что? Водки не пьетъ, поросенка не ѣстъ, табаку не куритъ! А тутъ еще и остриженъ подъ гребенку. Понимаете—остриженъ. Ну, насчетъ длинноволосыхъ мы знаемъ! Ежели у человѣка чрезмѣрно волосы длинны и прическа въ небрежности, ну, значитъ, бери его въ подозрѣніе. А вѣдь тутъ стриженый, батюшка! Прически-то его и не узнаешь! Это, по-моему, куда опаснѣе, чѣмъ длинноволосые.

— Повторяю вамъ, все это шутки!—замѣтилъ опять докторъ.

— Вы думаете? А что,—и Иванъ Онуфріевичъ обратился уже къ студенту,—вы у себя, въ университетѣ, ничего не слыхали о какомъ нибудь этакомъ новомъ обществѣ, которое бы называлось: «Знай нашихъ, уважай стриженныхъ»?

— Нѣтъ, ничего не слыхалъ,—улыбаясь, отвѣтилъ студентъ.

Иванъ Онуфріевичъ вздохнулъ.

— Бѣ-ѣ-да!—протянулъ онъ.—И вѣдь что обидно: люблю я этихъ самыхъ Андреевскихъ, словно сыновей родныхъ. Будь у меня свои сыновья, такъ я бы ихъ больше любить не могъ. Вотъ что больно!

И чувствовалось, что доброе сердце Ивана Онуфріевича дѣйствительно сокрушается.

VI.

— Кушать подано!—объявилъ разсыльный Ефремъ, преобразившійся на этотъ разъ въ лакея.

— Милости просимъ, господа, чѣмъ Богъ послалъ,—поднимаясь съ мѣста и размашистыми жестами руки приглашая гостей въ столовую, проговорилъ Иванъ Онуфріевичъ.

Въ столовой была уже въ сборѣ вся семья Устинскихъ, т. е. и сама высокая, худая, но съ признаками еще былой красоты, Екатерина Ивановна, и четыре ея дочки: Варенька, Лизанька, Зиночка и Сонечка. Двѣ первыя были, что называется, уже невѣсты. Двѣ вторыя носили еще короткія платья. Красивыми ихъ назвать было нельзя, но всѣ онѣ были миловидны, съ веселыми глазками и плутовски поднятыми носиками. Съ докторомъ онѣ поздоровались, какъ со старымъ знакомымъ; передъ молодымъ студентомъ немного конфузились.

Впрочемъ, попавъ подъ перекрестный огонь четырехъ паръ молоденькихъ глазокъ, сконфузился и онъ.

Иванъ Онуфріевичъ былъ хлѣбосолъ и любилъ покушать и покушать именно по-русски, попросту, безъ затѣй. Болѣе всего, какъ мы уже знаемъ, онъ питалъ слабость къ поросенку съ кашей, а затѣмъ былъ весьма не равнодушенъ къ пельменямъ, одобрялъ сочный сальникъ, а суточныя кислыя щи могъ ѣсть хоть каждый день.

Увидавъ на столѣ блюдо съ пирожками и миску съ супомъ, онъ такъ и ахнулъ.

— Матушка! Катерина Ивановна! Да, вѣдь, я же пельмени просилъ!—взмолился онъ.

Катерина Ивановна только выразительно и строго взглянула на него: «не суйся, дескать, не въ свое дѣло, я и сама знаю, что и когда подавать надо», но ничего не отвѣтила.

— Помилуй, да вѣдь я вотъ и Ивана Дмитріевича на пельмени приглашалъ,—не унимался Иванъ Онуфріевичъ.

Но Екатерина Ивановна въ это время разговаривала уже съ молодымъ человѣкомъ, сообщая ему, что она очень рада завести столь пріятное знакомство съ братомъ Николая Дмитріевича, котораго всѣ они любятъ и уважаютъ.

Молодой человѣкъ сконфуженно кланялся и неумѣло шаркалъ ножкой.

— Ну, что же, господа? Ужъ коли не пельмени, такъ приналяжемъ хоть на водочку.

Закуска была накрыта на отдѣльномъ столикѣ, что тоже обозначало присутствіе въ домѣ гостя. Но и тутъ Ивана Онуфріевича ждало разочарованіе: дѣло въ томъ, что онъ чрезвычайно

любилъ «воблу», а Екатерина Ивановна ни за что на свѣтѣ не допустила бы эту вульгарную рыбу къ себѣ на столъ въ присутствіи постороннихъ людей.

Иванъ Онуфріевичъ собирался было сокрушенно вздохнуть по поводу отсутствія своей любимой закуски, да утѣшила его младшая дочка, Сонечка.

— Папаша,—шепнула она,—я для васъ воблы приготовила. Вонъ тамъ, за ширмами.

Отецъ благодарно чмокнулъ свою дочку въ бѣлокурую головку и, выпивъ большую рюмку водки, неожиданно для всѣхъ, юркнулъ въ сосѣднюю комнату.

Черезъ минуту онъ уже вернулся съ повеселѣвшимъ лицомъ, аппетитно пережевывая свою любимую копченую рыбку.

На этотъ разъ вздохнула Екатерина Ивановна, видя, какъ мужъ разстраиваетъ весь благородный тонъ ея дома.

— Господа, что же вы? Водочки-то, водочки!—засуетился хозяинъ, обнимая обоихъ гостей за талію и подталкивая ихъ къ закусочному столу.

Выпили, закусили сардинками и какимъ-то домашнимъ маринадомъ.

Екатерина Ивановна въ это время разливала уже супъ. Варенька, старшая дочь, дѣлала видъ, что помогаетъ матери, т. е. что и она хорошая хозяйка.

Только что успѣли усѣсться за столъ, какъ въ передней какъ-то особенно громко и даже нахально звякнулъ колокольчикъ. Хозяева переглянулись; Иванъ Онуфріевичъ приподнялся даже съ мѣста. Чей-то громкій, отрывистый голосъ раздавался изъ передней.

— Посмотри,—вполголоса сказала Екатерина Ивановна мужу.

Иванъ Онуфріевичъ пошелъ изъ столовой, а на встрѣчу ему уже шелъ очень высокій, очень тучный мужчина, съ черными, коротко остриженными волосами на головѣ, съ толстыми, но тоже подстриженными усами... Глаза его смотрѣли съ какой-то дѣланной серіозностью и строгостью, а между тѣмъ, не дойдя еще до столовой, онъ вдругъ громко запѣлъ:

> Здравствуй, кумъ ты мой любезный!
> Здравствуй, кумушка моя!
> Вотъ вамъ въ лицахъ судъ уѣздный
> И измученный... исправникъ.

Барышни повскакали съ своихъ мѣстъ. Приподнялась даже чопорная Екатерина Ивановна. Иванъ Онуфріевичъ раскрылъ свои объятія, чтобъ облобызаться съ гостемъ, но тотъ его довольно грубо отстранилъ, сказавъ:

— Раньше отца—матери въ петлю не суйся! Дай сначала съ кумой поздороваться!

И наклонился къ рукѣ хозяйки, которую онъ поцѣловалъ нѣсколько разъ. Та, въ свою очередь, поцѣловала его въ довольно изрядную лысину на макушкѣ.

Кума—шенъ, кума—крестъ,
Кума—дальше отъ комода,
Кума, чашки разобьешь!

напѣвалъ гость, цѣлуя то одну, то другую руку Екатерины Ивановны.

— Ну, теперь почеломкаемся и съ тобой,—обратился онъ затѣмъ къ Ивану Онуфріевичу, подставляя ему сначала одну, потомъ другую жирную, бритую щеку.

— Ну, а теперь барышни!

Вотъ онѣ, вотъ неземныя созданія,
Барышни—тру-ля-ля-ля!

пѣлъ онъ, цѣлуя по очереди барышень, старшихъ — въ лобъ, а младшихъ—прямо въ губы.

Нѣтъ, докторъ, нѣтъ, не приходи!
Твоя наука не поможетъ.
Давно, давно въ моей груди
Все что-то рветъ, грызетъ и гложетъ!..

декламировалъ онъ, крѣпко тиская руку Николая Дмитріевича.

— А-а-а!

Exibat studiosus
Гулять въ дремучій лѣсъ.
Inveni, vidi stantem
Дѣвицу межъ древесъ...

запѣлъ онъ, перевирая какую-то студенческую пѣсенку, и протянулъ при этомъ два пальца младшему брату Флоринскаго.

Тотъ пожалъ эти пальцы и сейчасъ же сконфуженно вспыхнулъ.

— Ну, теперь, хозяинъ, налей мнѣ чару велена зина, или тобишь,—зена вилена,—умышленно оговариваясь, говорилъ гость, подходя къ закусочному столику.

— Зелена вина,—поправилъ его хозяинъ, наливая гостю серебряную чарочку.

Выпивъ и закусивъ, гость усѣлся рядомъ съ хозяйкой, заткнувъ себѣ салфетку за воротъ рубашки, и съ какой-то непріятной жадностью набросился на пирожки.

Господина этого звали Викторъ Өедоровичъ Обольяновичъ.

VII.

Обольяновичъ, строго говоря, не жилъ въ нашемъ городкѣ, хотя и считался его домовладѣльцемъ. Постоянное же мѣстожительство онъ имѣлъ въ губернскомъ городѣ, гдѣ чѣмъ-то занимался, при чемъ-то числился, при комъ-то служилъ.

Про него разсказывали разныя исторіи. Говорили, что раньше онъ былъ военнымъ и именно кавалерійскимъ офицеромъ, потомъ вслѣдствіе какихъ-то непріятностей долженъ былъ выйти въ отставку, а, выйдя въ отставку, заскучалъ и скуки ради выкинулъ презабавный фарсъ. Именно, повторилъ почти полностью всю исторію Ивана Александровича Хлестакова, только съ тою разницей, что безсмертный Иванъ Александровичъ попалъ въ ревизоры, что называется, не думая, не гадая; Викторъ же Ѳедоровичъ разыгралъ роль ревизора съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ поживиться на счетъ провинціальныхъ чиновниковъ и посему былъ административнымъ порядкомъ высланъ съ родины, откуда-то изъ Малороссіи, въ нашу губернію для наказанія и искупленія грѣховъ. Грѣхи свои онъ быстро искупилъ, но покинуть нашъ гостепріимный губернскій городъ не пожелалъ, а сталъ чѣмъ-то заниматься, при чемъ-то числиться, при комъ-то служить, а главное дѣло быстро и успѣшно занялъ вакантное въ то время мѣсто крупнаго губернскаго шута.

Придерживаясь преимущественно людей вліятельныхъ или богатыхъ, онъ, благодаря имъ, и самъ сталъ вліятельнымъ для разной мелкой сошки. Между прочимъ, онъ очень сблизился или, какъ говорили, влѣзъ въ душу къ моему отцу, тогдашнему откупщику. Ежедневно бывалъ у него, когда тотъ пріѣзжалъ въ губернскій городъ, и часто наѣзжалъ гостемъ къ намъ въ усадьбу, что была бокъ-о-бокъ съ «нашимъ городкомъ».

При содѣйствіи отца онъ купилъ въ нашемъ городкѣ довольно большой, двухъ-этажный домъ, а при содѣйствіи разнаго уѣзднаго начальства, въ томъ числѣ и исправника, у котораго крестилъ младшую дочь, очень выгодно сдалъ свой домъ въ долгосрочную аренду подъ какое-то казенное учрежденіе.

Обольяновича любили всѣ, въ комъ онъ нуждался; презирали люди, отъ него независимые, и ненавидѣли нуждавшіеся въ немъ.

Мы, дѣти, въ особенности я, весьма недолюбливали этого дѣланнаго шута, и я имѣлъ на это свои уважительныя причины. Мнѣ нѣсколько разъ приходилось подслушивать, какъ Викторъ Ѳедоровичъ уговаривалъ добраго и всегда мягкаго къ дѣтямъ отца нашего быть съ нами построже и даже просилъ раза два у отца позволенія высѣчь именно меня. Но, увы, на этотъ разъ его ходатайство осталось безъ успѣха, и отецъ мой, никогда не подни-

мавшій на насъ, дѣтей, руки своей, такъ никогда ея и не поднялъ, и тѣмъ болѣе не позволилъ этого сдѣлать чужому человѣку. Мало того, даже на время охладѣлъ къ Обольяновичу за столь негуманное ходатайство.

Тогда Обольяновичъ, смекнувъ, въ чемъ дѣло, сразу перемѣнилъ тактику и сталъ необычайно нѣженъ и даже искателенъ съ нами, съ дѣтьми, но расположенія нашего никогда уже добиться не могъ.

Обольяновичъ былъ холостъ, и никто почти не зналъ, какъ именно живетъ онъ у себя дома.

— Давно ли пріѣхали? — освѣдомилась у него Екатерина Ивановна, когда онъ съѣлъ первую тарелку супа и попросилъ вторую.

— Какъ, давно ли? Да неужели вы, исправничиха, то-есть хозяйка уѣзда, не знаете, когда кто къ вамъ въ уѣздъ въѣзжаетъ? Съ часъ времени тому назадъ, кумушка, не болѣе, какъ съ часъ! Пріѣхалъ къ другу моему, а оказывается, онъ-то на двое сутокъ въ Ронгу отправился.

— А развѣ Алексѣя Максимовича нѣтъ въ городѣ? — переспросилъ Устинскій.

— А еще исправникъ! — фыркнулъ Обольяновичъ. — Говорю, что сегодня утромъ въ Ронгу уѣхалъ, ну! Ну, вотъ-съ,—обращаясь опять къ Екатеринѣ Ивановнѣ, продолжалъ онъ, — а по дорогѣ, когда черезъ городъ въ усадьбу ѣхалъ, Моржа повстрѣчалъ. А вѣдь мы съ нимъ пріятели. Вотъ онъ мнѣ и сообщилъ, что у васъ сегодня гости обѣдаютъ, а гдѣ гости, тамъ и я нелишній. Вотъ я умылся, переодѣлся, да и къ вамъ.

— Вотъ за это спасибо! За это сердечное спасибо! — проговорилъ добродушный Иванъ Онуфріевичъ, пожимая жирный локоть Обольяновича.

VIII.

Пока шелъ разговоръ между старшими, поддерживаемый, главнымъ образомъ, Обольяновичемъ, барышни занимали своихъ кавалеровъ, то-есть доктора и его брата студента.

— Вы надолго къ намъ? — спрашивала Лизанька Ивана Флоринскаго.

— Не знаю, какъ погостится,—недѣли на двѣ, не больше.

— Ахъ, погостите подольше! У насъ тутъ скоро балъ будетъ, и если ссыльныхъ не пригласятъ, то совершенно танцовать не съ кѣмъ.

— Я тоже не танцоръ.

— Отчего такъ?

— Да не обучался.

— Ахъ, мы васъ выучимъ, выучимъ! Это очень не трудно!

— Благодарю васъ, только я по этой части мало способный.

— Нѣтъ, ничего, не бойтесь! Мы васъ скоро выучимъ.

— Что же, съ удовольствіемъ-съ. А скоро балъ будетъ?

— Это какъ откупщиковы свояченицы пріѣдутъ. Онѣ теперь въ К., а вотъ къ 17-му сентября именины свои справлять сюда явятся. Такъ, сначала первый балъ у нихъ будетъ, а потомъ ужъ и въ клубѣ устроятъ. И вы непремѣнно должны танцовать. Я васъ заранѣе приглашаю.

— Отчего это сегодня Наталья Дмитріевна не пришла? — спрашивала въ свою очередь Варенька у доктора.

— Да не знаю—хозяйствомъ занята: не то огурцы солитъ, не то капусту рубитъ, — отвѣчалъ тотъ.

— Ахъ, полноте! И огурцы уже посолены, и капуста изрублена. У насъ даже всѣ наливки поставлены. А завтра и рябину заливать начнемъ, вчера ее морозомъ хорошо хватило.

— Я рябиновку люблю.

— Любите? Ну, такъ я для васъ отдѣльную бутыль поставлю по моему рецепту.

— А у васъ собственный рецептъ есть?

— Есть. Мнѣ откупщикова экономка сообщила.

— Ну, а книжки вы, которыя я вамъ давалъ, прочли?

— Нѣтъ, не совсѣмъ еще. Тамъ еще кое-что осталось.

— Скучны, должно быть, онѣ показались вамъ, а?

— Нѣтъ, отчего же?! Только тамъ очень много ученаго.

«Хозяйка изъ тебя, можетъ быть, выйдетъ и недурная, но другомъ ты не будешь», подумалъ докторъ, въ сотый разъ взвѣшивая вопросъ: жениться ему на Варенькѣ или нѣтъ.

Барышни подростки вели между собою разговоръ шепотомъ.

— А тебѣ онъ нравится?—спрашивала двѣнадцатилѣтняя Сонечка у четырнадцатилѣтней Зины.

— Ахъ, оставь! Какія глупости!

— Ну, да, ну, да! Я знаю, что ты влюблена въ Василія Назаровича и ни на кого больше смотрѣть не хочешь, — шептала дѣвочка.

— Сонька, я тебя ущипну!—пугала ее Зина.

— А я закричу!

— Посмѣй только! Тебя безъ сладкаго и оставятъ и при гостѣ изъ-за стола вышлютъ.

Соня притихла.

— А у него уже и усики есть, — черезъ минуту зашептала она опять, наклоняясь къ сестрѣ.

— Молчи! — цыкнула на нее Зина, стараясь вслушаться въ разговоръ между сестрой Лизанькой и студентомъ.

Обѣдъ подходилъ къ концу. Обольяновичъ и пилъ, и ѣлъ больше всѣхъ, но оставался неизмѣнно бодрымъ и свѣжимъ, тогда какъ хозяинъ, старавшійся не отставать отъ гостя, замѣтно осовѣлъ.

— Ну, Богъ напиталъ, никто не видалъ, а кто видѣлъ, тотъ не обидѣлъ, — громко заключилъ Обольяновичъ и поднялся изъ-за стола.

Встали и всѣ остальные.

— Ты теперь, кумъ, небось, вздремнуть приляжешь?—обратился Устинскій къ гостю.

— Не откажусь! Почему казакъ гладокъ?—поѣлъ да и на бокъ!

— Ну, такъ иди ко мнѣ въ кабинетъ, тамъ тебѣ все приготовлено.

— А самъ-то ты?

— А я въ спальнѣ подремлю.

— Bene!—одобрилъ Обольяновичъ.—А послѣ мы съ тобой махнемъ къ Пауткину въ преферансикъ поиграть.

— Чудесно,—согласился Иванъ Онуфріевичъ, рѣшивъ, что въ Никольское онъ сегодня не поѣдетъ.

Братья Флоринскіе посидѣли еще съ полчаса, изъ приличія, съ дамами и потомъ взялись за шапки.

— Куда же вы такъ скоро? — дѣлая удивленный видъ, спросила хозяйка.

Николай сослался на какія-то занятія, а Иванъ сказалъ, что онъ пойдетъ помогать брату.

— Такъ не забывайте насъ, навѣщайте!

— Помилуйте!..

Когда молодые люди вышли на улицу, было уже четыре часа.

— Знаешь что, Иванъ, мы теперь пойдемъ домой, отдохнемъ немного, а вечеромъ я тебя сведу познакомиться съ нашими ссыльными. Сегодня среда, а по средамъ они всегда собираются у Понсета. Между ними есть преинтересные люди.

— Спасибо, — проговорилъ Иванъ.

Между ссыльными, проживавшими въ нашемъ городкѣ, было дѣйствительно немало интересныхъ людей, но имъ я считаю возможнымъ посвятить отдѣльную самостоятельную главу.

Влад. А. Тихоновъ.

ЗАНЯТІЕ ХАЙЛАРА.

(Изъ воспоминаній о походѣ Хайларскаго отряда въ Манчжуріи въ 1900 г.).

МАНЧЖУРСКІЙ городъ Хайларъ составлялъ первоначальную цѣль дѣйствій Хайларскаго отряда. Городъ, удаленный на 177 верстъ отъ русской границы и верстъ на 600—700 отъ Читы, то-есть центра Забайкалья, казался чѣмъ-то таинственнымъ и давалъ богатую пищу воображенію, тѣмъ болѣе, что о немъ удалось собрать свѣдѣнія самыя скудныя. Нѣсколько отрывочныхъ замѣтокъ нашлось въ отчетѣ поручика Гусева, проѣзжавшаго когда-то черезъ Хайларъ по пути на Цицикаръ.

Отчетъ, подшитый къ дѣламъ областного штаба, далеко не могъ удовлетворить естественнаго любопытства начальника Хайларскаго отряда. Офицеръ исполнилъ свою работу добросовѣстно, но, вѣроятно, онъ не былъ къ ней достаточно подготовленъ. Между тѣмъ, уже давно строители восточной китайской желѣзной дороги работали въ Хайларѣ, а также на всей линіи отъ русской границы до Цицикара и далѣе; слѣдовательно, имѣлась полная возможность начертить планы городовъ, позиціи, карту всего пути съ обозначеніемъ источниковъ воды; словомъ, можно было собрать какія угодно свѣдѣнія, важныя спеціально съ военной точки зрѣнія, но... русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ. Случайно въ читинскомъ музеѣ начальникъ отряда нашелъ почвенную карту линіи строящейся желѣзной дороги, составленную инженеромъ путей сообщенія,

княземъ Андрониковымъ. На безрыбьѣ—и ракъ рыба, поэтому пригодилась и почвенная карта: кое-что изъ нея почерпнули относительно предстоявшаго пути.

Начальникъ Хайларскаго отряда старался отыскать человѣка, который бывалъ въ самомъ Хайларѣ, чтобы отъ него узнать необходимое. Однажды ему сообщили, что одинъ изъ высшихъ чиновниковъ мѣстной администраціи путешествовалъ въ направленіи на Хайларъ по дѣламъ службы. Тотчасъ генералъ направился къ нему.

— Вы ѣздили по тракту на Хайларъ?

— Какъ же, какъ же. Я былъ командированъ.

— Дивно! Вы для меня находка. Ради Бога, разскажите о Хайларѣ.

— О Хайларѣ?—протяжно отвѣчалъ чиновникъ,—я до него не доѣхалъ, я остановился въ Старомъ Цурухайтуѣ.

— Но почему же? Вѣдь вы были такъ близко?

— Да, видите ли, перевозъ черезъ р. Аргунь въ Цурухайтуѣ тогда не дѣйствовалъ, потому что рѣка была покрыта льдомъ, а черезъ него тоже нельзя — ледъ тонокъ. Положимъ, казаки говорили, что переѣхать можно. Ну, такъ они народъ отчаянный. Тамъ есть молодчина казакъ Бакшеевъ. Онъ мнѣ разсказывалъ, какъ онъ переводилъ черезъ рѣку монгола: «ледъ, говоритъ, подъ нами трещитъ и ходенемъ ходитъ, а монголъ-то ужъ и боится».

— Такъ вы и не переѣхали черезъ Аргунь?

— Не переѣхалъ.

— Значитъ, вы—какъ монголъ?

— Да, какъ монголъ.

Такимъ образомъ, всѣ попытки узнать что нибудь о Хайларѣ не приводили ни къ чему. Въ Читѣ знали, что въ Хайларѣ живетъ очень богатый монголъ Тунъ-Хай, извѣстный у русскихъ подъ названіемъ Лапушка. Такъ какъ онъ имѣлъ постоянныя коммерческія сношенія съ Забайкальемъ и наживался отъ своихъ оборотовъ, то его считали преданнымъ русскимъ. Вслѣдствіе этого казачій штабъ-офицеръ, командированный въ Цурухайтуй, получилъ приказаніе организовать сношенія съ Лапушкой. Однако, подобнымъ рискованнымъ путемъ ничего не узнали. Лапушку не отыскали. Такъ и уѣхалъ начальникъ отряда изъ Читы, не получивъ почти никакихъ свѣдѣній ни о дорогѣ, по которой слѣдовало итти, ни о городѣ, который предстояло брать съ боя.

Всѣ свои надежды генералъ возлагалъ на офицеровъ охранной стражи, обезпечивавшей постройку желѣзной дороги, которые вслѣдствіе замѣшательствъ, начавшихся въ Манчжуріи 28 іюня 1900 г., собрались въ началѣ іюля въ Цурухайтуѣ вмѣстѣ со своими сотнями и рабочими съ линіи.

Начальникъ отряда вытребовалъ офицеровъ въ Абагайтуй, куда 10 іюля прибылъ и самъ. Офицеры обстоятельно разсказали о всѣхъ

7*

событіяхъ послѣдняго времени, о странѣ, расположеніи и устройствѣ города Хайлара и окружающей мѣстности, о китайскихъ войскахъ, находящихся въ Хайларѣ, запасахъ и проч. Всѣ свѣдѣнія являлись драгоцѣнными. Въ данномъ случаѣ, они были не только вѣрны и полны, но и соотвѣтственно освѣщены съ военной точки зрѣнія. Мало того, на память составили набросокъ всего пути до Хайлара въ приблизительномъ масштабѣ двѣ версты въ дюймѣ, а планъ окрестностей Хайлара начертили весьма подробно въ масштабѣ полверсты въ дюймѣ.

По словамъ офицеровъ охранной стражи, въ Хайларѣ собралось 20.000 непріятельскихъ войскъ, изъ нихъ 6.000 регулярныхъ. Офицеры сами видѣли шестиорудійную нарѣзную батарею съ отличной запряжкой; батарея передъ ними производила ученье и маневрировала очень недурно. Потомъ еще привозили пушки. Позиція, прикрывавшая городъ Хайларъ и обращенная фронтомъ на западъ, т.-е. къ Абагайтую, оказывалась сильной. На лѣвомъ ея флангѣ, непосредственно передъ городомъ, лежавшимъ внизу въ долинѣ рѣки Эмингола, находилась священная роща на песчаныхъ холмахъ; въ центрѣ — другая священная роща и кладбище съ каменными стѣнками; на правомъ флангѣ высокая гора, считавшаяся недоступной; на ней высилась маленькая кумирня. И позиція, и количество войскъ все казалось довольно грознымъ.

Свойства китайскихъ войскъ не были извѣстны; о монголахъ же давно сложилось понятіе, какъ о прекрасныхъ воинахъ: и роль ихъ въ исторіи древней Руси, и разсказы лицъ, видѣвшихъ этотъ народъ въ послѣднее время,—все характеризовало ихъ, какъ добрый военный матеріалъ. Такъ оно есть и въ дѣйствительности: баргуты (монгольскіе казаки) могутъ представить грозную силу.

Вслѣдствіе общительности своего характера, генералъ однажды разговорился о китайцахъ съ казакомъ восемнадцатой Терской сотни охранной стражи Гнѣдашо́вымъ. Небольшого роста, коренастый, съ широкимъ лицомъ, добродушнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, плутоватымъ, Гнѣдашо̀въ былъ весьма типиченъ; своимъ пѣвучимъ и мягкимъ голосомъ онъ разсказывалъ про китайцевъ:

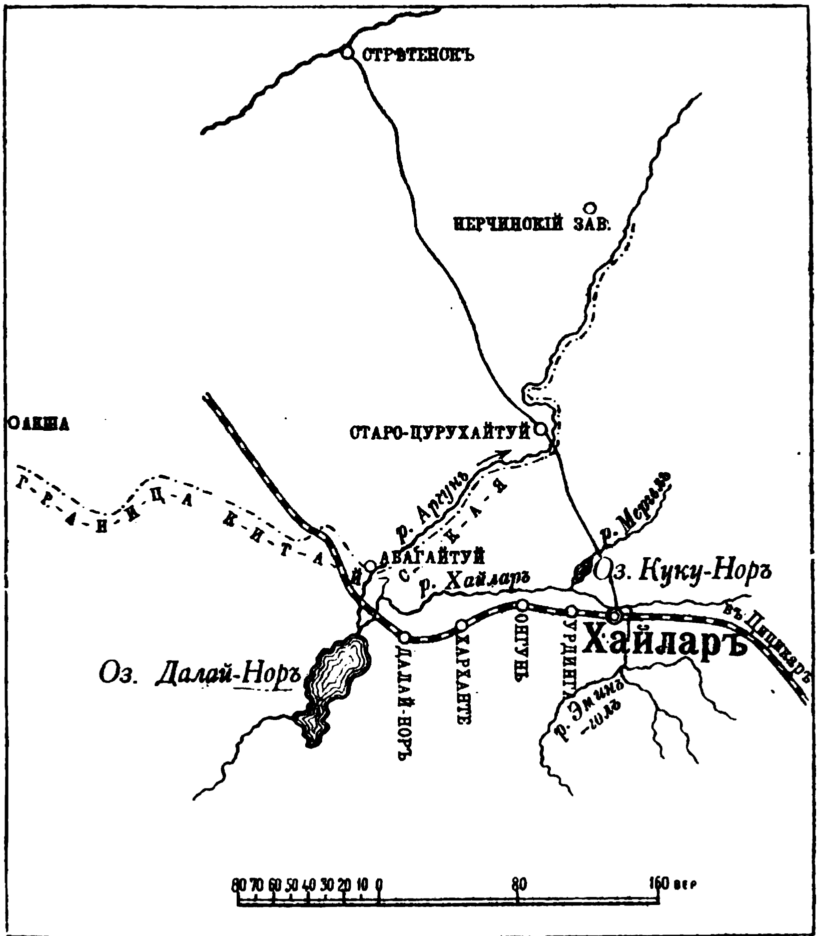
— Они, китайцы, народъ очень слабый. Соберутся вокругъ тебя толпой, смотрятъ, любопытствуютъ, смѣются, сукно на мундирѣ щупаютъ; ну, дашь этта одному въ ухо, они всѣ и разбѣгутся.

Разсказъ Гнѣдашо̀ва запалъ въ душу начальника отряда.

Собравъ офицеровъ охранной стражи, генералъ обратился къ нимъ съ такими словами:

— Такъ какъ восемнадцатая Терская сотня штабсъ-капитана Бодиски уже находится въ Абагайтуѣ, то она и останется здѣсь.

— Какъ, ваше превосходительство,— возразилъ Бодиско,— неужели восемнадцатая сотня не пойдетъ въ походъ? Нельзя ли терцамъ тоже дать работу?



Генералъ улыбнулся и сказалъ:

— Я васъ понимаю! Хорошо, я вамъ дамъ работу; но дѣло въ томъ, что остальныхъ, то-есть шестую Терскую сотню капитана Смольянникова, Уральскую штабсъ-капитана Якимовскаго и восьмую роту капитана Чоглокова, собравшихся въ Цурухайтуѣ, я не успѣю притянуть въ Абагайтуй — вѣдь тутъ три большихъ перехода. Между тѣмъ время не терпитъ, и завтра я хочу переходить границу. Поэтому охранная стража изъ Цурухайтуя должна дѣйствовать самостоятельно и пойдетъ прямо на Хайларъ. Конечно, для объединенія власти надъ этой колонной я могъ бы назначить штабъ-офицера; но я этого не хочу и полагаю, что вы, капитанъ Смольянниковъ, съ успѣхомъ исполните обязанности начальника лѣвой колонны Хайларскаго отряда. Итакъ, я пойду съ правой колонной отъ Абагайтуя и буду атаковать Хайларъ съ запада, а вы

идите отъ Цурухайтуя и атакуйте съ сѣвера. Мнѣ предстоитъ пять большихъ переходовъ, вамъ три среднихъ перехода. Поэтому, чтобы прійти одновременно, вы разбейте путь на четыре перехода (тамъ есть сомнительный источникъ воды); на пути сдѣлайте дневку и выступайте двумя днями позже меня. Маршрутъ я вамъ дамъ. Въ первую половину пути будемъ сноситься черезъ тылъ, т. е. черезъ Абагайтуй почтой; посылайте донесенія каждый день. Подходя къ Хайлару, мы свяжемся разъѣздами прямо черезъ степь. Все ли понятно, господа?

Нѣсколько возникшихъ вопросовъ были сейчасъ же разъяснены.

— Я долженъ сказать, ваше превосходительство, — началъ Смольянниковъ спокойно (уже не молодой капитанъ),—что съ сѣвера отъ города протекаетъ рѣка Хайларъ, которая обезпечиваетъ правый флангъ китайской позиціи. Въ настоящее время тамъ дѣйствуетъ перевозъ на паромѣ, но когда мы подойдемъ, то, вѣроятно, паромъ китайцы уничтожатъ. Какъ же намъ тогда атаковать черезъ рѣку?

— Да, вѣдь, съ того берега рѣки можно обстрѣливать правый флангъ китайцевъ, т. е. эту высокую гору?

— Точно такъ, можно.

— Такъ вотъ вы обстрѣляете и тѣмъ поможете нашей атакѣ съ фронта. Если представится вамъ возможность для переправы, то переправляйтесь и атакуйте; если нѣтъ, то помогайте намъ огнемъ. А когда мы выбьемъ непріятеля, тогда совмѣстно съ вами устроимъ и переправу.

Остальные офицеры въ это время что-то перешептывались, и наконецъ капитанъ Чоглоковъ сказалъ, что верстахъ въ пятнадцати выше по теченію отъ города Хайлара, близъ Хака, имѣется бродъ черезъ рѣку Хайларъ,—тамъ можно переправиться безпрепятственно.

— Правильно,—сказалъ начальникъ отряда.—На мѣстѣ вы, капитанъ Смольянниковъ, увидите: выгоднѣе ли вамъ переправляться непосредственно у города, или у Хака. Если переправитесь у Хака, то выходите китайцамъ въ тылъ, — атака будетъ еще выгоднѣе. Впрочемъ, все это лишь общія указанія на тотъ случай, если мы не въ состояніи будемъ связаться разъѣздами непосредственно передъ Хайларомъ. Однако это надо постараться сдѣлать, тогда у насъ явится возможность еще разъ условиться относительно атаки.

На томъ обсужденіе остановилось. Офицеры охранной стражи уѣхали въ Старый Цурухайтуй, а Хайларскій отрядъ, который для точности называли правой колонной Хайларскаго отряда, началъ свое выступленіе за границу въ предѣлы Манчжуріи.

11-го іюля двинулись впередъ: восемнадцатая Терская сотня охранной стражи и сотня пѣшихъ казаковъ. 12-го іюля пошли

4-ый и 6-ой казачьи забайкальскіе батальоны, а 14-го 3-ій Верхнеудинскій конный полкъ и вторая забайкальская казачья батарея. Считая пять дней марша да одну дневку, начальникъ отряда полагалъ въ 6 дней достигнуть Хайлара и на седьмой день—самое большое—занять его, то-есть исполнить всю эту операцію съ тѣмъ восьмидневнымъ запасомъ сухарей, который имѣлся при отрядѣ. Потомъ предполагалось пользоваться продовольственными запасами города Хайлара. Офицеры охранной стражи сообщили, что въ Хайларѣ находится огромное количество муки, овса и прочихъ продуктовъ. Расчетъ продовольствія сдѣланъ нѣсколько тонко и могъ при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ оказаться невѣрнымъ. Кромѣ того, теоретики могли бы возразить: «нельзя разсчитывать на запасы, находящіеся въ рукахъ противника», но на практикѣ такими запасами пользовались неоднократно, какъ о томъ свидѣтельствуетъ военная исторія: Гурко зимою 1877-го года перешелъ Балканы именно при помощи турецкихъ запасовъ.

На первыхъ порахъ судьба не благопріятствовала Хайларскому отряду: пошли дожди. Вслѣдствіе спѣшности мобилизаціи и недостатка штатнаго имущества въ забайкальскомъ казачьемъ войскѣ, снаряженіе батальоновъ оказалось неполнымъ; напримѣръ, вмѣсто брезентовъ на повозки выдали только цыновки, которыя не могли уберечь сухари отъ дождя, и вотъ половина сухарей пропала; вмѣсто восьмидневнаго продовольственный запасъ сдѣлался четырехдневнымъ. Всякому ясно, что сухарей не хватитъ до Хайлара; волей-неволей пришлось маршъ замедлить, чтобы выждать прибытія транспортовъ съ сухарями изъ Забайкалья, а съ хлѣбомъ и мукой изъ Абагайтуя отъ инженера Крутицкаго. Рѣшили дѣлать дневку послѣ каждаго перехода и на каждой станціи устраивать хлѣбопеченіе изъ муки, которую будетъ подвозить Крутицкій. Вслѣдствіе этого Смольянниковъ, чтобы одновременно подойти къ Хайлару, не могъ выступить въ назначенный срокъ—ему послали приказъ отложить выступленіе на недѣлю.

Между тѣмъ Хайларскій отрядъ, придя 12-го іюля на станцію Далай-Норъ и сдѣлавъ переходъ въ 45 верстъ, остановился 13-го на дневку, 14-го іюля перешелъ на станцію Хархантэ и дневалъ 15-го, а 16-го іюля дошелъ до станціи Онгунь, то-есть отошелъ отъ Абагайтуя на 110 верстъ; здѣсь 17-го іюля встрѣтился съ отрядомъ китайцевъ болѣе 10.000 человѣкъ подъ начальствомъ Чуанъ-До и разбилъ ихъ [1]). Несмотря на рѣшительную побѣду, Хайларскій отрядъ не могъ двинуться впередъ немедленно, — пришлось подождать на Онгуни прибытія транспорта съ продовольствіемъ.

---

[1]) Смотри «Историческій Вѣстникъ», апрѣль, статья Н. А. Орлова «Сраженіе при Онгуни».

18-го іюля, на другой день послѣ сраженія, хлопотъ было очень много. Прежде всего позаботились объ отправкѣ раненыхъ въ тылъ, въ Абагайтуй. Ихъ набралось, офицеровъ и казаковъ, 18 человѣкъ. Оставлять раненыхъ при отрядѣ нашли невозможнымъ: они не имѣли бы достаточно покоя, не пользовались бы такимъ уходомъ, какъ въ благоустроенной больницѣ, наконецъ, не хватило бы медикаментовъ и перевязочныхъ средствъ. Въ самомъ дѣлѣ, спѣшно мобилизованныя льготныя забайкальскія части имѣли самое ограниченое число медиковъ и ничтожные запасы по медицинской части; между тѣмъ въ Абагайтуѣ по распоряженію наказнаго атамана открыли больницу на 30 кроватей, переведенную туда изъ города Акши. Завѣдывалъ ею обстоятельный, знающій свое дѣло врачъ—коллежскій совѣтникъ Ларіоновъ. Прямая выгода и для отряда и для самихъ раненыхъ заставляла воспользоваться больницей въ Абагайтуѣ.

Съ утра ихъ приготовили къ отправкѣ, т. е. покормили, сдѣлали свѣжую перевязку и снарядили повозки. Со всей этой возней порядочно запоздали, вслѣдствіе чего задержалось выступленіе, а между тѣмъ переходъ предстоялъ большой и при томъ по пескамъ. Рѣшили совершить перевозку раненыхъ не въ лазаретныхъ линейкахъ, а въ обыкновенныхъ двуколкахъ, прибывшихъ съ провіантомъ, которыя все равно слѣдовало отправить назадъ. Если бы занять подъ раненыхъ лазаретныя двуколки, то къ слѣдующему сраженію отрядъ лишился бы перевозочныхъ средствъ, и тогда пришлось бы плохо. Вмѣстѣ съ тѣмъ обыкновенныя двуколки изъ-подъ провіанта врядъ ли многимъ уступали лазаретнымъ линейкамъ; вотъ почему и впослѣдствіи, въ теченіе всего похода, какъ-то само собою установилось, что подъ раненыхъ лазаретныхъ линеекъ не давали, но приспособляли обыкновенныя двуколки или китайскія арбы.

Когда подготовка подходила къ концу, начальникъ отряда обошелъ раненыхъ. На каждой повозкѣ помѣщалось по два человѣка, а трудные по одному. Офицеры также размѣщались по одному на двуколкѣ, впрочемъ ихъ слѣдовало отнести къ числу трудныхъ. На повозку накладывали много скошеной травы, чтобы мягко лежать, по бокамъ втыкались вѣтки, на которыя натягивалось что нибудь для образованія тѣни, дабы защитить раненаго отъ лучей палящаго монгольскаго солнца.

— Что, милый, какъ себя чувствуете? — говорилъ генералъ, подходя къ подпоручику Ражеву, который получилъ довольно тяжелую пульную рану въ ногу.

Молодой офицеръ, блѣдный, съ осунувшимся лицомъ, лежалъ на двуколкѣ, видимо сильно страдая.

— Ничего, хорошо, ваше превосходительство.

— У васъ кто есть изъ родныхъ?

— Матушка, ваше превосходительство.

— Такъ вотъ при первомъ же удобномъ случаѣ напишите ей письмо и разскажите все подробно, тогда она не будетъ безпокоиться, а то вѣдь все равно не скроете—изъ газетъ узнаетъ.

— Ну, а вы, Гороховъ, въ какомъ положеніи?

Подъесаулъ Оренбургскаго казачьяго войска, Гороховъ, переведенный на укомплектованіе 3-го Верхнеудинскаго полка забайкальскаго казачьяго войска, попалъ въ сраженіи при Онгуни въ порядочную передрягу: китаецъ отстрѣлилъ ему пальцы на ногѣ. Рана серьезная, но теченіе ея оказалось благопріятнымъ, и Гороховъ спокойно лежалъ на своей повозкѣ, весело поглядывая на окружающихъ и даже пускаясь въ остроты.

— Бѣды большой, ваше превосходительство, нѣтъ — отвѣчалъ онъ.—Только, вотъ, какъ теперь я служить буду?

— Ничего! Если въ конницѣ вамъ нельзя будетъ служить, то начальство васъ иначе устроитъ.

— Да, если, ваше превосходительство, мнѣ въ конницѣ нельзя будетъ служить, то въ пѣхотѣ и подавно!

— Я не про то говорю. Васъ надо устроить на какое нибудь административное мѣсто. Вы тогда мнѣ напишите, мы похлопочемъ, а начальство ужъ не оставитъ своими заботами за службу. Вы расторопный и энергичный, принесете пользу и на административномъ мѣстѣ. Такъ не забывайте меня, пишите.

На одной изъ повозокъ лежалъ 3-го Верхнеудинскаго полка казакъ Михаилъ Аксеновъ и тихо вздыхалъ; молодое лицо его было покрыто сѣроватой блѣдностью съ маслянистымъ оттѣнкомъ, глаза глубоко ввалились. Еще недавно могучее тѣло теперь казалось какимъ-то совершенно безсильнымъ; русые, не очень коротко остриженные волосы слиплись на головѣ отдѣльными прядями. При взглядѣ на Аксенова почему-то невольно являлась мысль, что на немъ ужъ лежитъ печать смерти.

— Этотъ куда раненъ?—тихо спросилъ генералъ у врача.

— Пуля въ мочевомъ пузырѣ—рана тяжелая.

— Не выживетъ?

— Всего вѣроятнѣе, хотя, конечно, бываютъ чудеса, особенно при молодомъ сильномъ организмѣ.

У начальника отряда мелькнула мысль подбодрить казака нравственно,—можетъ быть, это прибавитъ ему силъ для выздоровленія.

— Здравствуй, Аксеновъ,—сказалъ генералъ,—а много ли ты китайцевъ зарубилъ?

— Однако четверыхъ, ваше превосходительство,—медленно и серьезно отвѣчалъ Аксеновъ.

— Ну, вотъ видишь, какой ты молодчина! Поправляйся скорѣе да возвращайся къ намъ. Я постараюсь тебѣ выхлопотать крестъ.

Аксеновъ вздохнулъ, но не отвѣчалъ. Лицо его изображало что-то очень важное, высшее, чѣмъ все окружающее. Начальникъ

отряда почувствовалъ ничтожность своихъ словъ въ сравненіи съ тѣмъ великимъ чувствомъ, которое побуждаетъ русскаго человѣка на подвиги. Да, за это нѣтъ на землѣ ни платы, ни награды. Крестъ Аксенову вышелъ очень скоро, но все-таки онъ его не дождался—онъ умеръ мучительной смертью. Въ станицу Аксенова написали почетную бумагу, въ которой изобразили подвигъ доблестнаго казака и указывали хранить на память потомству какъ эту бумагу, такъ и самый крестъ, заслуженный Аксеновымъ.

Такимъ образомъ разговаривая, начальникъ отряда обошелъ всѣхъ раненыхъ, стараясь каждому сказать ласковое слово.

Транспортъ сопровождалъ фельдшеръ Горбуновъ съ запасомъ медикаментовъ и перевязочныхъ матеріаловъ.

— Скажите, пожалуйста, — обратился начальникъ отряда къ старшему изъ врачей Стацкевичу,—большой у насъ запасъ перевязочныхъ матеріаловъ?

— Мы уже теперь почти все израсходовали, ваше превосходительство.

— А между тѣмъ походъ только что начинается. Что же мы будемъ дѣлать въ слѣдующихъ сраженіяхъ, особенно если раненыхъ будетъ много, не то, что теперь?

— Будетъ очень трудно, ваше превосходительство.

— Положимъ, я напишу наказному атаману, буду просить о высылкѣ, подойдетъ 9-й подвижной госпиталь; но все это потомъ, а теперь надо что нибудь придумать, вѣдь завтра опять можетъ быть сраженіе.

— Будемъ рвать офицерскія рубашки, ваше превосходительство.

Тѣмъ временемъ артиллеристы хлопотали относительно приспособленій для отправки захваченныхъ въ бою пушекъ съ принадлежностью; адъютанты штаба заботились объ укладкѣ трофеевъ, пересчитываніи плѣнныхъ, распредѣленіи конвоя, составленіи описи всему, что отсылалось—работы скопилось немало.

— Ваше превосходительство,—говоритъ одинъ изъ захлопотавшихся около транспорта:—одна тварина изъ плѣнныхъ ни за что не хочетъ итти пѣшкомъ; легъ на землю и лежитъ. Что прикажете съ нимъ сдѣлать?

— Вотъ что, другъ мой, прикажите-ка положить его на повозку,—Богъ съ нимъ!

— Да онъ притворяется, что не можетъ итти.

— Кто его знаетъ,—притворяется онъ или нѣтъ,—лучше сдѣлать ошибку въ эту сторону. Повѣрьте, свои же китайцы не позволили бы ему притворяться. Да, положите лучше на повозку.

Такъ съ китайцемъ и сдѣлали. Его везли всю дорогу, потому что онъ дѣйствительно оказался больной и черезъ два дня умеръ.

— Ну, что же? неужели же все еще не готовы?—говорилъ генералъ.—Приказывайте трогать транспортъ, иначе этому конца не будетъ.

Транспортъ тронулся, хотя далеко не весь сразу, но все-таки это дѣло можно было считать конченнымъ.

— А что, Семенъ Ивановичъ,—обратился генералъ къ начальнику штаба,—могилу для убитыхъ копаютъ?

— Такъ точно, копаютъ! На томъ мѣстѣ, гдѣ вы указали, на горѣ, въ пескѣ.

— Да, это мѣсто хорошее: сейчасъ же за позиціей, такъ что мѣсто боя отмѣчено, да и возлѣ дороги, — значитъ, всегда могила будетъ замѣтна; съ горы крестъ будетъ виденъ отовсюду на большомъ разстояніи. Вы прикажите, чтобы дали знать, когда кончатъ.

— Слушаю-съ!

— А пока что, давайте-ка, составимъ реляцію и представленіе къ наградамъ.

Телеграмма съ реляціей была составлена довольно скоро, но съ наградами пришлось провозиться. Дѣлали безконечныя справки, какіе кто уже имѣетъ ордена. Наконецъ всѣ справки были собраны.

— А дайте-ка, Семенъ Ивановичъ, георгіевскій статутъ, — посмотримъ, кто изъ офицеровъ подходитъ подъ условія полученія георгіевскаго креста.

— Георгіевскій статутъ находится въ книгѣ «Учрежденіе объ императорскихъ орденахъ и другихъ знакахъ отличія».

— Такъ вотъ и прикажите принести это самое «Учрежденіе».

— У насъ этой книги нѣтъ. Мы изъ Читы взяли только то, что намъ дали, а этой книги намъ не дали.

— Ну, и штабъ же у насъ, поистинѣ казачій! Посмотрите въ календарѣ Добржинскаго или въ справочной офицерской книжкѣ.

— Я уже смотрѣлъ, тамъ ничего нѣтъ.

— Эко горе какое! Нечего дѣлать, сообразимъ на память.

Когда все привели въ окончательную форму, то длиннѣйшія телеграммы отдали адъютанту, поручику Кублицкому-Піоттухъ, который продолжительное время передавалъ ихъ по телефону въ Абагайтуй, чтобы оттуда уже передали по телеграфу въ Читу. Передавать что нибудь по телефону значило совершить подвигъ, потому что телеграфистъ въ Абагайтуѣ способенъ былъ вывести кого угодно изъ терпѣнія. Вечеромъ обыкновенно слышались негодующіе возгласы адъютанта:

— Это чортъ знаетъ что такое! Въ Абагайтуѣ не телеграфистъ, а эѳіопъ какой-то: не понимаетъ, перевираетъ, ведетъ разговоры, не идущіе къ дѣлу, а, кромѣ того, когда ему надоѣстъ принимать депешу, то повѣситъ телефонъ, да и уйдетъ себѣ чай пить.

Доложили, что выкапываніе братской могилы близится къ окончанію.

— Распорядитесь, Семенъ Ивановичъ, дать знать, чтобы всѣ желающіе и не занятые службой изъ офицеровъ и казаковъ собрались присутствовать на погребеніи, и мы сами поѣдемъ тоже.

— А къ которому часу, ваше превосходительство, собраться?

— Да теперь же и собраться, ну, скажемъ черезъ часъ.

— Черезъ часъ не успѣть, вѣдь надо составить пунктъ приказа, пока приказъ перепишутъ, напечатаютъ на гектографѣ, да разошлютъ, да пока всѣ соберутся.

— Полноте, Семенъ Ивановичъ, такіе пріемы годны для мирнаго времени, а теперь всю эту канцелярщину надо оставить. Разошлите прямо съ запиской коннаго по биваку, и черезъ часъ всѣ соберутся. Я настаиваю на этомъ! И такъ это будетъ на самомъ дѣлѣ.

Дѣйствительно къ полудню при почетныхъ конвояхъ, сопровождаемыя заунывнымъ звукомъ трубъ и боемъ барабана, потянулись съ разныхъ сторонъ бивака носилки съ убитыми въ бою казаками. Тяжело и медленно носилки подымались вверхъ по песчаной горѣ,—сухой песокъ расползался подъ ногами казаковъ и коней. Наконецъ, носилки подняты и поставлены возлѣ четырехугольной широкой ямы глубиною въ ростъ человѣка. Гробовъ не приготовили: матеріалу подъ руками не случилось. Рѣшили просто положить тѣла на землю и закрыть сверху рядомъ досокъ. Весь отрядъ съ офицерами и командирами во главѣ пришелъ поклониться павшимъ въ бою товарищамъ. Священника не было. Пришлось хоронить, такъ сказать, совсѣмъ упрощеннымъ порядкомъ, и, несмотря на то, похороны произвели на всѣхъ сильное впечатлѣніе. Хоръ офицеровъ очень хорошо пропѣлъ нѣсколько молитвъ. По очереди приносили трупы, опускали въ яму и тамъ снимали съ носилокъ, потому что носилки составляли казенную собственность и должны были служить въ послѣдующихъ бояхъ. При обыкновенныхъ обстоятельствахъ въ могилу опускаютъ гробъ съ трупомъ, здѣсь же укладывали на песокъ самого человѣка, въ мундирѣ, сапогахъ, во всемъ совершенно новомъ; уже тамъ, на днѣ, ему поправляли голову и ноги, чтобы онъ потѣснился и далъ мѣсто товарищамъ. Эти трупы имѣли видъ уснувшихъ людей, только необыкновенно блѣдныхъ, иногда съ запекшеюся кровью или съ обнаженнымъ мозгомъ. Еще вчера они были совершенно здоровы, полны жизни, а теперь они ложатся въ могилу, далекую отъ родины, отъ своего семейнаго очага. Все это и производило необычное волненіе въ сердцѣ и родило въ головѣ цѣлый вихрь мыслей. У многихъ офицеровъ ноздри вздрагивали, нижняя губа закусывалась зубами, а въ горлѣ проявлялся характерный спазмъ. Поручикъ Блюмъ не выдержалъ и разрыдался.

Начали покрывать тѣла досками. Нѣкоторыя изъ нихъ оказались слишкомъ длинными, потому что никто не позаботился подготовить ихъ, какъ слѣдуетъ; пилы подъ рукой не было. Если бы вовсе не класть досокъ, то казалось неловкимъ бросать землю прямо на трупы. Тогда терскій казакъ Трофимъ Корицкій вынулъ свой

великолѣпный кинжалъ, спустился въ могилу и тутъ же сталъ обрубать концы досокъ. Трудно представить себѣ, какое это могущественное рубящее оружіе. Въ умѣлой рукѣ Корицкаго кинжалъ дѣйствовалъ сильнѣе топора. Очень быстро онъ проникъ вершка на полтора съ одной стороны доски и съ другой, а потомъ конецъ уже отломили. Невольно каждый подумалъ: «Такъ вотъ каковы кавказскіе кинжалы!»

Первыя три лопаты земли бросилъ генералъ, затѣмъ офицеры, а послѣ того заработали въ нѣсколько лопатъ казаки и живо засыпали пескомъ могилу, надъ которой теперь возвысился небольшой холмикъ. На немъ поставили деревянный крестъ пятиаршинной высоты съ доской, на которой помѣщенъ списокъ именъ и фамилій павшихъ казаковъ и, кромѣ того, слѣдующая надпись: «Братская могила чиновъ Хайларскаго отряда, павшихъ въ бою подъ Онгунью 17-го іюля 1900 года. Воины благочестивые, за благочестіе кровію вѣнчавшіеся».

Въ глубокомъ раздумьѣ казаки разошлись отъ могилы своихъ друзей станичниковъ. Это первая могила при наступательномъ движеніи русскихъ войскъ въ глубь Китая. Много ли ихъ еще придется соорудить на предстоящемъ пути? Скольскихъ товарищей придется лишиться? Кто ляжетъ костьми, и кого сохранитъ Богъ?

Рядъ подобныхъ неотвязныхъ думъ клубился въ головѣ у всѣхъ, а между тѣмъ жизнь предъявляла свои требованія. Всякій былъ обремененъ неотложными заботами.

Начальникъ отряда съ однимъ изъ адъютантовъ и двумя вѣстовыми отправился объѣзжать передовые посты. Верхнеудинцы выдвинули на нѣсколько верстъ заставы и часовыхъ, охранявшихъ расположеніе Хайларскаго отряда.

— Ваше превосходительство, на заставѣ № 1-й происшествій никакихъ не случилось,—рапортуетъ коренастый забайкалецъ такъ спокойно, какъ будто все это происходитъ гдѣ нибудь дома въ лагеряхъ при обходѣ конюшенъ или какихъ нибудь цейхгаузовъ.

Да, это вѣрно: происшествій никакихъ не случилось сегодня, сейчасъ, а вотъ всего въ десяти шагахъ за песчанымъ бугоркомъ, въ ямѣ лежатъ пять труповъ крупныхъ китайцевъ; нѣкоторые ничкомъ, а нѣкоторые, разбросавъ руки въ стороны, прямо смотрятъ на небеса; загорѣлое тѣло, у иныхъ труповъ обнаженное до пояса, темнѣе окружающаго желтенькаго песка; ступни босыя; на ногахъ надѣты синіе штаны изъ грубой матеріи, называемой даба; снаряженія, имущества на нихъ почти никакого; да и было ли оно? А если было, то Богъ знаетъ, куда дѣвалось. Животы у труповъ начали уже вздуваться. Во всякомъ случаѣ эти трупы показывали, что еще очень недавно случилось какое-то грозное происшествіе.

— Что же это вы не зароете монголовъ-то? Вѣдь рядомъ лежатъ?

— Однако, ваше превосходительство, тутъ за кустами еще 20 манзъ лежитъ, да тутъ еще саженъ 25 опять съ десятокъ тѣлъ будетъ, а тамъ еще. Тутъ подходяще по всему полю ихъ накидано, а лопатокъ-то у насъ нѣтъ.

Проѣхали немного дальше.

— Ваше превосходительство, на посту № 2-й происшествій никакихъ не случилось, непріятеля не видать,—рапортуетъ старшій на посту.

Подъѣзжаетъ начальникъ передовыхъ постовъ, бравый есаулъ Мензелинцевъ. Онъ недавно пріѣхалъ изъ оренбургскаго казачьяго войска и командуетъ 4-й сотней въ Верхнеудинскомъ полку.

— А что, есаулъ, вѣдь вокругъ вашихъ постовъ повсюду валяются трупы китайцевъ; при этакой жарѣ они скоро начнутъ разлагаться. Китаецъ отомститъ и послѣ смерти. Отъ запаха, я полагаю, стоять будетъ невозможно.

— Такъ точно, ваше превосходительство, хорошо бы ихъ закопать, но только и волки помогутъ, они ужъ ночью начали свою работу, просто чуть выстрѣлами не приходится отгонять.

— Ну, волкамъ-то не справиться. Я ужъ видѣлъ труповъ довольно много, а вы, я думаю, еще больше, когда повѣряли всѣ посты? Скажите, до какого мѣста распространяются трупы?

— Точно не могу сказать, ваше превосходительство, но вотъ за тѣми дальними холмами лежитъ порядочная куча,—и онъ указалъ на бугры верстахъ въ трехъ на правомъ флангѣ.

— Поѣдемте къ этимъ буграмъ,—предложилъ генералъ.

Крупной рысью прошли до песчаныхъ холмовъ, кое-гдѣ на пути еще встрѣчались трупы, но за буграми ихъ не оказалось. Оттуда поѣхали на лѣвый флангъ, попутно повѣряя посты. Посѣтили тѣ холмы, которые атаковалъ поручикъ Кублицкій. Позиція китайцевъ въ этомъ мѣстѣ была превосходна. Они вырыли себѣ ямки въ песчаныхъ буграхъ и тамъ помѣстили стрѣлковъ, мѣста которыхъ обозначались цѣлыми кучами порожнихъ патронныхъ гильзъ, а также и цѣльныхъ патроновъ системы Маузера большого калибра. Значитъ, нѣмцы ловко спустили китайцамъ свое старое вооруженіе и, вѣроятно, за хорошую цѣну. Очень выгодный пріемъ для перевооруженія арміи.

Сзади стрѣлковыхъ холмовъ находились глубокія ямы, гдѣ китайцы могли себя считать въ совершенной безопасности. Здѣсь встрѣчались потухшіе костры, на которыхъ стояли плоскія чугунныя эмальированныя чаши съ остатками приготовленной пищи.

— А вотъ здѣсь стояла китайская артиллерія. Хорошо выбрали позицію!

Въ самомъ дѣлѣ холмъ, на которомъ прежде стояли пушки, командовалъ всей мѣстностью, отсюда былъ хорошій обстрѣлъ на огромное разстояніе.

— Здѣсь, ваше превосходительство, была первая позиція китайской артиллеріи, а потомъ она переѣхала гораздо ближе и стала вонъ тамъ, возлѣ самой дороги.

— Да, да, я помню этотъ переѣздъ!

Посѣтивъ работы по устройству окоповъ для артиллеріи и стрѣлковъ на случай новаго нападенія непріятеля, начальникъ отряда началъ спускаться къ биваку.

— Поручикъ Кублицкій,—сказалъ онъ,—сдѣлайте распоряженіе о нарядѣ командъ для закапыванія китайскихъ труповъ; видъ ихъ отвратителенъ, да и начинаютъ уже вонять.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство!

Какъ только прибыли на бивакъ, тотчасъ началась дѣятельная работа канцелярскаго характера. Отдавались приказы о требованіяхъ на отчетные листы, о расходованіи кредитныхъ билетовъ и серебряной монеты, но отнюдь не золота и тому подобное. Въ это время подошелъ командиръ 18-й Терской сотни охранной стражи, штабсъ-капитанъ Бодиско.

— Ваше превосходительство, позвольте доложить,—сказалъ онъ.

— Говорите! Что такое?

— Вотъ вы изволили приказать представить отличившихся во вчерашнемъ сраженіи къ наградамъ. У меня вахмистръ Трофимъ Корицкій безусловно заслуживаетъ награды, но нельзя ли его вмѣсто Георгіевскаго креста произвести въ зауряд-прапорщики; очень это ему будетъ лестно и мнѣ выгодно. Онъ останется на окладѣ вахмистерскомъ, а все-таки будетъ у меня субалтернъ-офицеръ, а то я вѣдь одинъ офицеръ въ сотнѣ, если не считать доктора Вольфа. На должность вахмистра у меня есть очень расторопный урядникъ.

— Чтожъ, я съ удовольствіемъ это сдѣлаю, только будетъ ли это выгодно Корицкому? Вѣдь, собственно, ему чинъ зауряд-прапорщика не дастъ никакихъ выгодъ. Для забайкальскихъ казаковъ такое производство составляетъ большой расчетъ, но для находящихся въ охранной стражѣ никакого.

— Такъ-то такъ, но онъ весьма самолюбивый человѣкъ, и для него производство въ офицеры доставитъ бо̀льшее удовлетвореніе, чѣмъ Георгіевскій крестъ или матеріальныя выгоды.

— Извольте, если это его желаніе. Онъ какой станицы?

— Маріинской.

— Семенъ Ивановичъ,—обратился генералъ къ начальнику штаба,—помѣстите въ сегодняшній приказъ такой параграфъ. «Производится: вахмистръ 18-й сотни охранной стражи Китайской Восточной желѣзной дороги, Маріинской станицы, Терскаго казачьяго войска, Трофимъ Корицкій въ зауряд-прапорщики».

— Это что такое?—вскричалъ генералъ, увидавъ, что цѣлый табунъ лошадей направляется къ озеру на водопой.—Да вѣдь онѣ

такъ все озерко перепортятъ. Пусть бы водили на водопой на рѣку Хайларъ.

— Да и то, ваше превосходительство, все время приходится отгонять отъ берега; просто управы никакой нѣтъ, говорятъ, что командиры посылаютъ.

— А если такъ, то напишите объ этомъ въ приказѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ генералъ спросилъ:

— Прочтите-ка, какъ вы написали?

Начальникъ штаба началъ читать:

«Въ виду небольшихъ размѣровъ озера среди бивака предписываю изъ таковаго брать воду исключительно для пищи и питья; мытье же бѣлья, поенье и купанье лошадей предписываю производить исключительно на рѣкѣ Аргуни, въ тылу позиціи, куда коноводовъ отправлять вооруженными и подъ охраною вооруженныхъ командъ».

— Прекрасно! Авось либо теперь у насъ будетъ порядокъ. Только какъ же вы написали на рѣкѣ Аргуни, когда это рѣка Хайларъ?

— Да это, ваше превосходительство, все равно! Рѣка одна и та же, а названіе разное: здѣсь она называется Хайларъ, а за Абагайтуемъ она поворачиваетъ на сѣверъ и называется Аргунь. Наши казаки больше привыкли къ этому названію.

— Ну, хорошо! Смотрите-ка, батарейный командиръ сюда идетъ. Здравствуйте! Какъ здоровье? Поправляетесь ли?

— Покорнѣйше благодарю, ваше превосходительство!—отвѣчалъ войсковой старшина Фолимоновъ, въ глазахъ котораго былъ замѣтенъ сильный лихорадочный блескъ.—Теперь очень хорошо. Какъ въ степь вышелъ, дохнулъ воздуху, такъ и поправился. А то думалъ, что совсѣмъ капутъ. У меня, ваше превосходительство, просьба.

— Въ чемъ дѣло?

— Да въ томъ, что ветеринарнаго врача у меня нѣтъ, а фельдшеръ заболѣлъ; между тѣмъ лошадей у меня три сотни, я ужъ самъ лѣчу, да только какой же я лѣкарь? Нельзя ли дать мнѣ фельдшера изъ Верхнеудинскаго полка, тамъ и ветеринарный врачъ есть и фельдшера.

— Но вѣдь тогда у верхнеудинцевъ будетъ нехватка. Мы ихъ оберемъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, у нихъ еще много останется; они меня раньше обобрали: при мобилизаціи-то я долженъ былъ имъ выдѣлить фельдшера Чупрова. Нельзя ли мнѣ его назадъ, а то мнѣ чисто зарѣзъ.

— Ну, Богъ съ вами, возьмите Чупрова! Напишите, Семенъ Ивановичъ, записку командиру Верхнеудинскаго полка, чтобъ отправилъ его, а потомъ въ приказѣ отдайте о прикомандированіи

Чупрова ко 2-ой забайкальской казачьей батареѣ для несенія службы. Теперь скажите, Семенъ Ивановичъ: летучій разъѣздъ къ городу Хайлару высланъ?

— Такъ точно, уже давно штабсъ-ротмистръ Булатовичъ отправился съ 6-й сотней Верхнеудинскаго полка.

— Правильно! Теперь займемся вопросомъ о сосредоточеніи войскъ. Я полагаю нѣсколько измѣнить первоначальное предположеніе.

Генералъ началъ диктовать разныя распоряженія относительно предстоявшихъ дѣйствій. Суть этихъ распоряженій заключалась въ слѣдующемъ: въ Абагайтуѣ находился начальникъ тыла Хайларскаго отряда, полковникъ Воробьевъ, который долженъ былъ направлять впередъ какъ транспорты съ продовольствіемъ, такъ и прибывшія войска. Раньше другихъ прибывали 3-й и 5-й баталіоны забайкальской казачьей пѣшей бригады. Имъ данъ былъ маршрутъ черезъ старый Цурухайтуй и Абагайтуй. Конечно, этотъ путь былъ единственно возможенъ, потому что страна къ востоку отъ рѣки Аргуни къ городу Хайлару находилась въ рукахъ китайцевъ. Теперь же, когда Хайларскій отрядъ продвинулся впередъ до станціи Онгунь и одержалъ побѣду надъ непріятелемъ, являлся соблазнъ направить транспорты съ продовольствіемъ подъ прикрытіемъ 3-го и 5-го баталіоновъ прямымъ кратчайшимъ путемъ изъ Цурухайтуя степью на станцію Онгунь, при чемъ переправа у Онгуни могла быть прикрыта отрядомъ, выдвинутымъ еще нѣсколько впередъ къ городу Хайлару. Въ такомъ смыслѣ послали приказаніе полковнику Воробьеву. Теперь надо было подготовить это движеніе, т. е. развѣдать дорогу прямо черезъ степь и отыскать бродъ черезъ рѣку у Онгуни. Для этого 18 и 19 іюля высылался разъѣздъ изъ 20 человѣкъ верхнеудинцевъ и 20 человѣкъ терцевъ подъ командой адъютанта штаба, подъесаула Сидорова.

Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ разъѣздъ долженъ былъ осмотрѣть брошенное монгольское становище, находившееся всего въ 4-хъ верстахъ отъ бивака и казавшееся подозрительнымъ. Разъѣздъ подъесаула Сидорова работалъ много и смѣло углублялся въ степь по направленію на трактъ между Хайларомъ и Цурухайтуемъ.

Развѣдка выяснила, что хотя степь вообще удобопроходима, но на большомъ протяженіи безводна, почему движеніе по ней весьма затруднительно; броды черезъ Хайларъ оказались слишкомъ глубоки вслѣдствіе высокой воды, но зато по близости нашлись кое-какія лодки, при помощи которыхъ можно было бы устроить пловучую переправу; монгольское становище не имѣло жителей и состояло изъ телѣгъ, на которыхъ сложены кибитки и разное имущество; ничего этого русскіе не тронули. Непріятеля тоже не встрѣчали; только разъ видѣли монгольскій разъѣздъ, который, взъѣхавъ на песчаный холмъ, махалъ русскимъ, какъ бы приглашая ихъ при-

близиться. Такъ какъ наступалъ вечеръ, и кони уже притомились, то подъесаулъ Сидоровъ рѣшилъ не гоняться за монголами и оставить ихъ безъ вниманія.

Встрѣченный монгольскій разъѣздъ показывалъ, что, несмотря на пораженіе при Онгуни, непріятель не оставался въ совершенномъ бездѣйствіи и, вѣроятно, городъ Хайларъ будетъ защищать.

Не разъ начальникъ отряда, прохаживаясь передъ своей палаткой, обдумывалъ планъ овладѣнія Хайларомъ. Главнымъ образомъ онъ изощрялся надъ мыслью одержать побѣду надъ противникомъ такъ, чтобы самимъ понести возможно меньше потери. Главный ударъ онъ предполагалъ нанести по лѣвому флангу хайларской позиціи. Правый флангъ былъ слишкомъ силенъ, особенно эта гора, про которую такъ много разсказывали офицеры охранной стражи; а на лѣвомъ флангѣ, если китайцы займутъ рощу, то можно было бы выдвинуть предварительно батарею и обстрѣлять рощу издали пушечнымъ огнемъ. Извѣстно, что нравственное впечатлѣніе отъ артиллерійскихъ снарядовъ, рвущихся въ лѣсу, ломающихъ вѣтви и расщепляющихъ древесные стволы, во много разъ сильнѣе, чѣмъ въ открытомъ полѣ. Если китайцы не выдерживали пушечнаго огня при обыкновенныхъ условіяхъ, то тѣмъ болѣе они не могли бы устоять въ лѣсу. Итакъ, овладѣть священной рощей мы имѣли много шансовъ. Если бы китайцы ея не заняли, то тѣмъ лучше, русскіе все-таки устремились бы въ нее и такимъ образомъ получили бы въ свои руки сильный опорный пунктъ, съ возвышенности котораго можно было бы уже дѣйствовать по городу, расположенному въ лощинѣ. Послѣ этого задача представлялась бы легкою, потому что русскіе были укрыты въ рощѣ и могли бить противника на выборъ. Овладѣвъ городомъ, Хайларскій отрядъ могъ выйти на Цицикарскую дорогу и угрожать пути отступленія китайцевъ, если бы они пытались еще удерживаться на правомъ флангѣ на неприступной горѣ. Словомъ, планъ дѣйствій былъ обдуманъ самымъ тщательнымъ образомъ, а, несмотря на то, начальникъ отряда поздно вечеромъ послѣ зари долго еще ходилъ и старался изобрѣсти еще что нибудь для уменьшенія потерь при атакѣ; изрѣдка поднималъ онъ глаза къ небу и наблюдалъ его обширный сводъ съ мерцающими звѣздами и нарождающейся луной. Онъ уже давно изучилъ въ какомъ положеніи въ разные часы ночи находятся созвѣздія Большой Медвѣдицы и Кассіопеи относительно полярной звѣзды, гдѣ горитъ Юпитеръ. Онъ замѣчалъ, въ которомъ часу и въ какомъ мѣстѣ горизонта взошла луна сегодня, припоминалъ условія ея восхода вчера и третьяго дня и соображалъ ея положеніе въ то время, когда отрядъ будетъ подходить къ городу Хайлару. Съ удовольствіемъ онъ приходилъ къ заключенію, что въ это

время луна будетъ высоко стоять на небѣ и долго оставаться надъ горизонтомъ; она хорошо будетъ свѣтить отряду, если бы понадобилось начать штурмъ до разсвѣта. А понадобиться это можетъ, потому что тогда легко избѣжать большихъ потерь отъ огня. Мысль о ночномъ штурмѣ приходила все чаще и чаще.

Ночная тьма сгущается сильнѣе, становится холодно; генералъ надѣлъ теплое пальто, но все-таки прогуливается и любуется чуднымъ небомъ Манчжуріи.

Воздухъ чистъ и прозраченъ. Звѣзды блещутъ ярче и кажутся ближе, чѣмъ въ Европѣ. Немудрено, что пастушескіе народы любили изучать небесный сводъ и положили начало астрономической наукѣ. Но замѣчательно, какъ рѣзко ощущается континентальный климатъ; ночью настолько холодно, что съ большимъ удовольствіемъ надѣваешь мѣховую татарку и въ ней ложишься спать, а днемъ стоитъ невыносимая жара: лицо, уши и шея не только загораютъ, но прямо обжигаются солнечными лучами; кожа, въ особенности съ носа, сходитъ цѣлыми кусками. Колебаніе температуры дня и ночи равняется 25 градусамъ.

Ночь на 19-е іюля прошла спокойно, отрядъ отдыхалъ. Съ утра началась обыкновенная бивачная возня; различныя заботы и распоряженія слѣдовали одни за другими,—приходилось исправлять недостатки организаціоннаго характера, явившіеся вслѣдствіе слишкомъ быстраго сформированія отряда. Напримѣръ, санитарная часть являлась далеко неупорядоченной: отрядный врачъ, который долженъ былъ бы объединять распоряженія всѣми врачебными средствами, еще не прибылъ, вотъ почему на старшаго изъ врачей Стацкевича пришлось возложить сверхъ прямыхъ его обязанностей по 3-му Верхнеудинскому казачьему полку завѣдываніе санитарной частью всего Хайларскаго отряда. Точно также ветеринарному врачу того же полка Воскресенскому приказано завѣдывать ветеринарно-санитарной частью во всѣхъ войскахъ отряда, потому что общее число лошадей доходило чуть не до 2.000, и нельзя было оставлять ихъ безъ надзора врача. Въ томъ же приказѣ за отличіе въ бою произведены властью начальника Хайларскаго отряда въ заурядъ-прапорщики, т. е. въ офицеры, нѣкоторые нижніе чины, напримѣръ, вахмистры и старшіе урядники. Такимъ пріемомъ достигнуты были двѣ цѣли: нижніе чины удостоились награды, а въ отрядѣ пополнился недостатокъ въ офицерахъ.

— Вотъ еще что прибавимъ въ приказѣ, Семенъ Ивановичъ,— говорилъ генералъ своему начальнику штаба.—Я замѣтилъ, что въ сраженіи 17-го числа у насъ чуть было не произошло путаницы изъ-за сигналовъ. По-моему, эти трубные звуки ни къ чему не ве-

дутъ. Напишите въ приказѣ такъ: «предписываю въ бою безъ крайней необходимости сигналовъ не подавать въ виду того, что сигналы, подаваемые какой либо частью, по недоразумѣнію принимаются другими частями, до которыхъ они не касаются».

— Ваше превосходительство, Верхнеудинскій полкъ жалуется, что имъ далеко водить на водопой, такъ не позволите ли всему полку перейти на бивакъ къ самому берегу рѣки Хайлара?

— Что жъ, это правильно. Да и тѣсно ему здѣсь стоять. Напишите-ка въ приказѣ: «въ видахъ болѣе удобнаго пользованія водопоемъ и во избѣжаніе стѣсненія на бивакѣ, 3-му Верхнеудинскому полку расположиться бивакомъ въ тылу позиціи, на берегу рѣки Хайлара. Остальнымъ частямъ оставаться на тѣхъ же мѣстахъ, какъ и ранѣе». Ну, вы сами назначьте нарядъ на сторожевое охраненіе, въ дежурную часть, прикажите поставить заставу изъ одного взвода къ пекарнѣ, нарядите дежурныхъ и посыльныхъ въ штабъ и на телефонную станцію; словомъ, сдѣлайте весь необходимый нарядъ.

Всѣ эти распоряженія дѣлались утромъ, а въ теченіе дня выяснилось, что переправа черезъ рѣку Хайларъ можетъ быть найдена нѣсколько выше по рѣкѣ близъ станціи Урдинга. Вслѣдствіе этого, рѣшили на другой день 20-го іюля выдвинуть Верхнеудинскій казачій полкъ со 2-й казачьей батареей на станцію Урдинга, чтобы произвести тамъ развѣдку переправы черезъ рѣку Хайларъ и для обезпеченія прибытія на эту переправу войскъ и транспортовъ изъ Стараго Цурухайтуя.

На встрѣчу этимъ транспортамъ и войскамъ 20-го іюля 18-я Терская сотня должна была двинуться въ степь, къ сторонѣ Цурухайтуя, мимо озера Куку-Норъ. Этой сотнѣ приказывалось, по соединеніи съ транспортомъ, слѣдовать на станцію Урдинга, если тамъ представится возможность устроить переправу черезъ рѣку, въ противномъ случаѣ—вести всѣхъ на Онгунь, гдѣ переправа уже приготовлялась. Вмѣстѣ съ тѣмъ, командиру сотни, штабсъ-капитану Бодискѣ, предписывалось выслать разъѣзды изъ степи для связи съ Верхнеудинскимъ полкомъ, а этотъ полкъ, въ свою очередь, обязанъ былъ установить связь съ 18-й сотней. Такими распоряженіями достигались многія цѣли: конница выдвигалась впередъ на 30 верстъ и становилась въ естественное положеніе относительно всего отряда; 18-я сотня, двигаясь влѣво, обезпечивала весь отрядъ съ лѣваго фланга и какъ бы протягивала руку къ Старому Цурухайтую.

Вечеромъ конница спокойно сдѣлала приготовленія къ походу на завтрашній день. Штабъ отряда усѣлся ужинать. Въ это время подошелъ штабсъ-капитанъ Бодиско.

— Ваше превосходительство,—сказалъ онъ,—терцы 18-й сотни просятъ разрѣшеніе спѣть около вашей палатки.

— А! очень благодаренъ, очень радъ.

Довольно многочисленный хоръ 18-й сотни расположился въ кружокъ около стола, за которымъ сидѣли офицеры. Къ столу пригласили штабсъ-капитана Бодиско и неразлучнаго его спутника доктора Вольфа.

Среди тихой ночи (такъ что пламя свѣчи еле колебалось) раздалось стройное пѣніе терцевъ. Хорошіе отъ природы голоса, вдобавокъ, отлично подобранные, доставляли истинное наслажденіе. Началось торжественными кавказскими пѣснями воинственнаго характера, совсѣмъ подходившими къ обстановкѣ. Казаки вспоминали подвиги терскаго войска во время продолжительной войны на Кавказѣ, подъ начальствомъ извѣстныхъ героевъ. Если тамъ говорилось про отвагу, смерть, сильные удары непріятелю, готовность послужить отечеству, то въ настоящую минуту это не было пустой фразою досужихъ нанятыхъ пѣвчихъ; нѣтъ, это пѣли люди, которые всего два дня назадъ все сами пережили, перечувствовали и доказали въ сраженіи при Онгуни. За торжественными пѣснями послѣдовали бытовыя и даже юмористическія; и такія пѣсни много говорили сердцу,—онѣ переносили мысль изъ чуждой Манчжуріи въ далекую Россію, гдѣ у каждаго осталось что нибудь дорогое.

Вскорѣ, поблагодаривъ терцевъ за пѣніе, начальникъ отряда отпустилъ ихъ, приказавъ ложиться спать, такъ какъ назавтра, хотя выступленіе было назначено и не рано (послѣ обѣда), все-таки предстоялъ походъ и довольно далекій—слѣдовало собраться съ силами. Послѣ ухода терцевъ какимъ-то волшебствомъ появилось на столѣ нѣсколько бутылокъ съ серьезными напитками, настроеніе сдѣлалось веселымъ—даже перешли на анекдоты. Кто-то разсказывалъ исторію о «Zwei Flotski, zwei Stadtski und General Pupkoff», какъ вдругъ начальникъ отряда поднялся и сказалъ:

— Господа, смотрите, вдали какое зарево! Неужели это горитъ Урдинга, потому что пожаръ очень далеко? Да и чему теперь горѣть, степь въ эту пору не жгутъ, паловъ теперь нѣтъ.

— Такъ точно,—сказалъ адъютантъ,—только это очень далеко. До Урдинги — 30 верстъ, а это дальше, хотя въ томъ же направленіи. Можетъ быть, это какое нибудь атмосферическое явленіе?

— Можетъ быть; только что бы это было?

Въ темнотѣ, которая кругомъ еще болѣе сгущалась отъ зажженныхъ свѣчей на столѣ, послышался топотъ.

— Э! паря! Донесеніе начальнику отряда,—произносилъ характерный голосъ забайкальца.

— Однако, они ужинаютъ,—отвѣчалъ голосъ вѣстового.

— Кто тамъ?—крикнулъ генералъ:—давай сюда пакетъ. Откуда?

— Донесеніе отъ штабсъ-ротмистра Булатовича, — доложилъ верхнеудинскій казакъ и подалъ пакетъ.

Генералъ быстро разорвалъ сѣренькій конвертикъ и, при свѣтѣ свѣчи, началъ съ нѣкоторымъ затрудненіемъ разбирать неясное царапаніе Булатовича. Послѣдній извѣщалъ, что онъ съ летучимъ разъѣздомъ, въ составѣ 6-й сотни Верхнеудинскаго казачьяго полка, дошелъ до города Хайлара, откуда китайскія войска и населеніе бѣжали по дорогѣ на Цицикаръ. Булатовичъ съ своей сотней расположился на бивакѣ у строящагося вокзала желѣзной дороги. Въ концѣ записки прибавлялось: огромные запасы овса подожжены китайцами и горятъ.

Такъ объяснилось зарево пожара, которое усмотрѣли издалека. Булатовичъ исполнилъ замѣчательно отважное движеніе, достигъ существенныхъ результатовъ. Съ истинно кавалерійскимъ чутьемъ выдвинулся онъ на 65 верстъ впередъ и стоитъ теперь въ томъ мѣстѣ, которое было завѣтною мечтою всего отряда, казалось такимъ трудно достижимымъ, а теперь само упало въ руки, какъ назрѣвшій плодъ. Но кто знаетъ? Быть можетъ, китайцы разберутъ, что въ городъ пришла незначительная горсть русскихъ, которую можно подавить огромнымъ численнымъ превосходствомъ. Для китайцевъ это будетъ соблазнительная добыча—они вернутся, чтобы уничтожить Булатовича и снова овладѣть главнымъ городомъ, важнымъ административнымъ центромъ всего округа. Слѣдовательно, немедля ни минуты, надо постараться закрѣпить за собой обладаніе тѣмъ, что такъ легко занялъ Булатовичъ. Если онъ превосходно сдѣлалъ свое дѣло, то было бы непростительно потерять такой выгодный случай, надо, во что бы то ни стало, поддержать Булатовича и закрѣпить за собой обладаніе Хайларомъ.

Въ одно мгновеніе всѣ эти мысли пронеслись въ головѣ начальника отряда. Тотчасъ же послѣдовалъ рядъ распоряженій: тремъ сотнямъ Верхнеудинскаго полка со 2-й Забайкальской казачьей батареей указано немедленно ночью слѣдовать возможно быстрѣе къ Хайлару, подкрѣпить Булатовича, занять городъ и удержать его въ своихъ рукахъ; остальному отряду выступить завтра въ 7 часовъ утра и сдѣлать переходъ до станціи Урдинга. Тогда отрядъ будетъ отъ своей конницы всего въ разстояніи перехода и при всякихъ обстоятельствахъ можетъ или ее поддержать, или принять на себя, если бы черезчуръ сильный противникъ потѣснилъ верхнеудинцевъ. 18-й сотнѣ предписано исполнять назначенную ей прежде задачу.

Извѣстіе отъ Булатовича было очень серьезно и произвело сильное впечатлѣніе; можетъ быть, вслѣдствіе этого перечисленныя выше распоряженія приводились въ исполненіе нѣсколько нервно. По неизвѣстной причинѣ конскій табунъ шарахнулся по лугу, и лошадей переловили не такъ-то скоро.

Лишь позднею ночью потянулась темная лента Верхнеудинскаго полка, и загромыхали колеса казачьей батареи. Пѣхота спала спо-

койно, но назавтра и ей предстояло движеніе. Оставались на станціи Онгунь только войска, назначенныя въ этапъ: сотня отъ 6-го баталіона да нѣсколько слабыхъ. Они должны были заняться хлѣбопеченіемъ и прикрывать сообщенія Хайларскаго отряда.

Въ 7 часовъ утра 20-го іюля 4-ый и 6-ой казачьи баталіоны выступили съ ночлега, но еще раньше вытянулись кухни съ прикрытіемъ изъ небольшого количества пѣшихъ казаковъ и 2-й сотни верхнеудинцевъ, подъ начальствомъ сотника Красностанова; 4-я сотня верхнеудинцевъ, подъ начальствомъ есаула Мензелинцева, прикрывала тылъ отряда, гдѣ слѣдовалъ гуртъ продовольственнаго скота. Путь шелъ вдоль рѣки Хайлара, который со своею широкою долиной тянулся съ лѣвой стороны, а направо раскинулась необъятная степь, мѣстами покрытая песчаными буграми. Повсюду замѣчались слѣды непріятеля, бѣжавшаго послѣ пораженія 17-го іюля. Поминутно встрѣчались еще неубранные трупы китайцевъ и ихъ маленькихъ лошадокъ; тамъ и сямъ стояли брошенныя двухколесныя арбы, разсыпанные патроны нѣмецкаго изготовленія, цѣлые ящики съ ружейными патронами и артиллерійскими снарядами, мѣшки съ мукой, халаты и туфли, брошенные очевидно для облегченія бѣжавшихъ солдатъ, бараньи и козловыя шкуры и даже цѣлыя шубы, красные грубой работы зонтики, которые носятъ китайскіе офицеры, вѣера, карты, разная мелочь, все это положительно усѣивало какъ полотно дороги, такъ и ровную степь по его сторонамъ. Справедливость требуетъ сказать, что брошенныхъ ружей находили мало,—очевидно, китайцы бросали ихъ послѣдними, предварительно облегчивъ себя отъ всѣхъ остальныхъ предметовъ, какъ менѣе важныхъ.

Начальникъ отряда со своимъ штабомъ пропустилъ мимо себя баталіоны, упорядочилъ движеніе обоза, которому приказалъ построиться въ 4 повозки, чтобы сократить глубину колонны, послѣдилъ за порядкомъ движенія гурта, напомнилъ о необходимости напоить скотъ, хотя бы изъ первой попавшейся лужи, и затѣмъ крупною рысью поѣхалъ впередъ, быстро обгоняя колонну отряда.

— Господа,—обратился онъ къ офицерамъ,—вы можете ѣхать шагомъ и не догонять меня, все равно я выѣду впередъ и тамъ остановлюсь; а вы, Маціевскій,—приказалъ онъ своему ординарцу,—поѣдете со мной.

Вотъ они обогнали уже пѣхоту, проѣхали мимо повозокъ съ кухнями и поравнялись съ сотней Красностанова. Худощавый сотникъ, съ подвязанной щекой, на маленькомъ забайкальскомъ конѣ, представлялъ видъ далеко не воинственный, а скорѣе унылый; на самомъ же дѣлѣ это былъ очень храбрый и распорядительный офицеръ. Онъ обстоятельно доложилъ генералу, какимъ

порядкомъ выдвинуты впередъ и въ стороны сторожевые разъѣзды, и обнаружилъ отличное пониманіе своихъ обязанностей.

Оставивъ Красностанова, начальникъ отряда рысью подался еще впередъ, прошелъ линію разъѣздовъ и одинъ съ своимъ ординарцемъ оказался впереди всѣхъ.

Впередъ его тянуло что-то необъяснимое, но тянуло сильно и порождало нетерпѣніе.

Ординарецъ беззаботно слѣдовалъ за генераломъ и съ юношеской впечатлительностью любовался природой и видомъ степей, къ которымъ онъ привыкъ съ дѣтства. Прошли уже 8 верстъ отъ станціи Онгунь. Вдругъ вдали показался всадникъ, который быстро двигался на встрѣчу. Конечно, это не монголъ, такъ какъ было бы безуміемъ съ его стороны, какъ бы нарочно, отдаться въ руки русскимъ; несомнѣнно, что это забайкальскій казакъ, высланный отъ конницы, ушедшей впередъ. Чувствуя, что казакъ ѣдетъ не спроста, генералъ еще усилилъ аллюръ, чтобы поскорѣе узнать, въ чемъ дѣло. Скоро казакъ подалъ донесеніе отъ Булатовича, что китайцы, въ числѣ около 2.000 человѣкъ, атаковали его на бивакѣ и вынудили отступить за черту города. Онъ занялъ бугоръ съ хорошимъ обстрѣломъ, гдѣ и собралась вся его сотня. Только высланный имъ для наблюденія за непріятелемъ секретъ изъ 6 человѣкъ отрѣзанъ, и 3 казака до сихъ поръ не возвратились. Донесеніе оказалось очень серіознымъ, а извѣстіе о трехъ пропавшихъ безъ вѣсти казакахъ болѣзненно отозвалось въ сердцѣ генерала.

Дѣйствительно, положеніе Булатовича было не изъ легкихъ. Надобно сказать, что китайскій предводитель Чуанъ-До, начальникъ войскъ Хайларскаго округа, ожидалъ наступленія русскихъ со стороны Стараго Цурухайтуя; но когда обнаружилось движеніе отъ Абагайтуйя, то на это направленіе онъ передвинулъ большую часть своихъ войскъ, оставивъ, однако, отрядъ и противъ Цурухайтуя. Участь отряда, выставленнаго въ направленіи на Абагайтуй, была печальна: онъ потерпѣлъ полное пораженіе 17-го іюля при Онгуни, очистилъ Хайларъ и бѣжалъ дальше по Цицикарскому тракту. Остальные китайцы, стоявшіе по направленію къ Цурухайтую и узнавшіе о побѣдѣ русскихъ при Онгуни, теперь рѣшили также отступить, но не успѣли пройти черезъ Хайларъ раньше, чѣмъ его занялъ Булатовичъ. Замѣтивъ малочисленность его отряда, китайцы повели атаку. Бивакъ Булатовича у вокзала находился внизу, въ самой долинѣ, на мѣстѣ, въ высшей степени невыгодномъ для боя; вотъ почему онъ отошелъ назадъ на холмъ, представлявшій тѣмъ болѣе выгодную позицію, что за нимъ находилась обширная низина съ озеромъ,—здѣсь можно было хорошо укрыть лошадей сотни съ коноводами, поить и кормить, а стрѣлковъ расположить укрыто, по гребню песчанаго холма. Китайцы открыли ожесточенный огонь. Цѣлыя тучи пуль сыпались на обо-

роняющихся, не причиняя особенно большого вреда. Каждый китаецъ выпускалъ сотни патроновъ, однако не примѣняя, какъ слѣдуетъ, прицѣла.

Казаки подсмѣивались надъ непріятельскимъ огнемъ, но скоро юморъ ихъ прекратился. На смѣну его явилась тяжелая грусть. Одинъ изъ забайкальцевъ былъ убитъ, за нимъ послѣдовалъ другой. Тихо, безъ похороннаго пѣнія, закопали станичники своихъ товарищей въ хайларскій песокъ. Патроновъ у русскихъ немного, лошади утомлены, а надо оставаться на позиціи. Впрочемъ и помощь уже была близка; 3 сотни съ батареей, высланныя ночью отъ Онгуни, прибыли въ самую трудную минуту, и теперь роли перемѣнились,—русскіе начали тѣснить китайцевъ. Этотъ результатъ начальнику отряда еще не былъ извѣстенъ; онъ имѣлъ передъ собою только донесеніе Булатовича, правда, спокойное, но отъ подобнаго спокойствія вѣяло какимъ-то мрачнымъ холодомъ. Генералъ зналъ, что Булатовичъ склоненъ скорѣе уменьшить цифру непріятеля, чѣмъ увеличить. Во всякомъ случаѣ превосходство числа было на сторонѣ китайцевъ, и, можетъ быть, 4 сотни съ батареей слабы для удержанія Хайлара. Ясно, что необходимо послать возможно быстрѣе помощь, хотя бы незначительную. Начальникъ отряда поскакалъ на встрѣчу сотнѣ Красностанова, объяснилъ ему положеніе дѣлъ, приказалъ собрать разъѣзды и быстро двигаться прямо къ городу на соединеніе съ полкомъ.

— Маціевскій, поѣзжайте и попросите ко мнѣ подъесаула Сидорова.

— Ваше превосходительство, а кто же вамъ лошадь подержитъ, не позвать ли казака изъ 2-й сотни?

— Нѣтъ, ужъ пожалуйста! тамъ каждый казакъ изъ сотни дорогъ,—я самъ подержу лошадь. А, кромѣ того, такъ какъ Красностановъ уйдетъ, и впереди у насъ конницы не будетъ, то передайте есаулу Мензелинцеву, чтобы онъ немедленно выслалъ полусотню впередъ для прикрытія отряда, да и самъ чтобы шелъ съ этой полусотней.

Маціевскій погналъ своего маленькаго сѣренькаго иноходца и скоро исчезъ изъ виду. Начальникъ отряда остался на мѣстѣ. Черезъ самое короткое время подъѣхалъ подъесаулъ Сидоровъ. Объяснивъ въ краткихъ словахъ положеніе дѣлъ, начальникъ отряда прибавилъ:

— Теперь вы догоняйте сотню Красностанова и съ ней поѣзжайте въ Хайларъ. Мы будемъ ночевать въ Урдингѣ. Въ Хайларѣ, вы объясните все, что знаете про отрядъ. Скажите, что мы будемъ спѣшить къ нимъ на поддержку, но чтобы они держались во что бы то ни стало.

Подъесаулъ Сидоровъ поскакалъ.

Между тѣмъ, казачьи баталіоны весело шагали впередъ и легко

прошли верстъ 20. Наступила пора для большого привала, тѣмъ болѣе, что жара стояла нестерпимая.

Выгоднѣе всего жаркое время употребить на отдыхъ и на обѣдъ, но гдѣ взять воду? Переходъ на кроки, вычерченномъ офицерами охранной стражи, показанъ безводный. Правда, что параллельно дорогѣ течетъ рѣка Хайларъ, однако до нея будетъ верстъ пять. Сдѣлать 5 верстъ по направленію къ рѣкѣ въ сторону отъ дороги да 5 верстъ назадъ опять на дорогу, т. е. пройти лишнихъ 10 верстъ, казалось слишкомъ невыгоднымъ. Мелькнула надежда, что, можетъ быть, Хайларъ во время половодья наполнилъ какіе нибудь затоки, около ближайшаго берега долины, и по спадѣ водъ остались озера. Начальникъ отряда разослалъ двухъ-трехъ ординарцевъ въ разныя стороны искать воду, да отправился и самъ. Вскорѣ онъ замѣтилъ слѣды скота, направлявшіеся въ долину. И дѣйствительно слѣды привели къ озеру, отчасти заросшему травой и вообще уподоблявшемуся мелкой лужѣ; вода застоялась, и коегдѣ даже шевелились подозрительные червячки, но приходилось воспользоваться и такой водой. Казаки нашли рядомъ другое подобное же озеро, и вотъ отрядъ раздѣлился пополамъ, чтобы воспользоваться той и другой водой. Но вдругъ пахнулъ вѣтерокъ, и потянуло нестерпимымъ запахомъ падали.

— Казакъ, чѣмъ это такъ воняетъ?

— Однако, это, ваше превосходительство, конь палый тутъ лежитъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ валялся трупъ лошади, издававшій отвратительный запахъ.

— Что же мы съ нимъ дѣлать будемъ? Такъ оставить нельзя. Тутъ и отдыхъ не въ отдыхъ на привалѣ! Я думаю, надо велѣть зарыть.

— Подходяще зарыть, ваше превосходительство.

— Ну, такъ бѣги къ командиру баталіона и скажи, что я приказалъ нарядить команду съ инструментомъ и зарыть лошадь.

Черезъ нѣсколько минутъ трупъ слегка покрыли землей, и запахъ прекратился. Казаки раздобыли топливо, рубили вѣтки, нашли брошенныя арбы, нѣсколько какихъ-то досокъ. Живо зажглись огоньки, сварили чай и сейчасъ же начали готовить обѣдъ. Очень скоро поспѣлъ обѣдъ и для офицеровъ. Привалъ продолжался три часа, но все-таки успѣли не только пообѣдать, но даже полъ-часика уснуть. Сладокъ былъ этотъ сонъ. Несмотря на жару, укрывались еще бурками, чтобы защитить себя отъ солнечныхъ лучей и комаровъ, и спали, обливаясь потомъ. Зато передъ продолженіемъ марша выпили еще по нѣскольку стакановъ чая. У казаковъ нашелся даже и десертъ къ обѣду—это китайскія яблочки, растущія здѣсь въ дикомъ состояніи, только они очень мелкія, съ крупный горохъ, зато вѣтка положительно усѣяна яблочками. Казакъ отламываетъ вѣтку и забавляется ею на походѣ.

Начинало смеркаться, когда показалось строеніе станціи Урдинга. Высланные туда разъѣзды обнаружили значительные запасы муки и овса, но воды на станціи не оказалось. Впрочемъ, это было извѣстно ранѣе по свѣдѣніямъ, доставленнымъ офицерами охранной стражи. Приходилось отойти отъ дороги влѣво и остановиться бивакомъ на берегу рѣки Хайлара. Здѣсь рѣка подходила довольно близко къ станціи, версты на 2—3. Задача заключалась въ томъ, чтобы на берегу рѣки найти топливо для варки пищи. Высланные впередъ офицеры немножко замѣшкались, такъ что баталіоны подошли, а мѣсто расположенія бивака еще не выяснилось окончательно. Цѣлые полчаса, а, можетъ быть, и больше, баталіоны простояли и проходили въ разныхъ направленіяхъ, пока не стали на отдыхъ. Это ожиданіе и напрасное хожденіе въ самомъ концѣ перехода необыкновенно тягостны. Извѣстно, что самая тяжелая верста и самая длинная—это послѣдняя.

Наконецъ бивакъ найденъ, и въ 8 часовъ вечера приступили къ его устройству. Хотя казаки разбили себѣ палатки, но штабу не разрѣшалось ставить палатокъ, дабы скорѣе подняться въ случаѣ надобности. Поставили столы и табуретки, разложили кровати и съ нетерпѣніемъ ожидали появленія самовара,— пить хотѣлось страшно. Но сидѣть на мѣстѣ сдѣлалось невыносимымъ, ибо напалъ назойливый, безпощадный врагъ — комары, разныя мошки, все то, что у сибиряковъ носитъ названіе «гнусъ». Гнусъ способенъ вывести изъ терпѣнія самаго спокойнаго человѣка. Въ походѣ офицеры старались хоть немного проѣхать рысью, чтобы этимъ способомъ убѣжать отъ гнуса. Всякій ядъ имѣетъ противоядіе—противъ гнуса есть дымокуръ. Опытный старый забайкалецъ, начальникъ отряднаго штаба, уже командовалъ вѣстовымъ:

— Раскладывайте скорѣе дымокуры. Да ну, зажигай огонекъ, клади туда аргалъ (кизякъ). Вотъ, видишь, дымъ и пошелъ. Разведи огонекъ побольше, клади еще аргалу. Да ты такъ, чтобы дымокъ тянулся. Ну, теперь раскладывай съ этой стороны дымокуръ!

— Семенъ Ивановичъ! да вѣдь намъ всѣ глаза дымомъ выѣстъ.

— Ваше превосходительство, изъ двухъ золъ надо выбрать меньшее, а то мы пропадемъ отъ гнуса.

Впрочемъ, въ скорости дымокуры оказались ненужными: баталіоны развели такое количество огней, что дымъ отъ нихъ тонкой пеленой застлалъ все пространство, занятое бивакомъ; пребываніе на отдыхѣ сдѣлалось пріятнымъ: гнусъ исчезъ, а на тонкій, разсѣянный дымъ почти не обращали вниманія. Появился самоваръ, закуска; запахло жаренымъ мясомъ. Утомленные офицеры утоляли голодъ и жажду, изрѣдка задумываясь надъ тѣмъ, что-то происходитъ теперь тамъ, въ Хайларѣ. Въ 9 часовъ сдѣлалось совсѣмъ темно.

— Ну, слава Богу! Насилу нашелъ! — неожиданно въ темнотѣ раздался голосъ подъесаула Сидорова.

— Михаилъ Ильичъ! откуда вы? что случилось?

— Изъ Хайлара, ваше превосходительство. Поплуталъ немного. Сначала на станцію пріѣхалъ—никого нѣтъ. Потомъ ужъ нашелъ мостъ на дорогѣ. Какъ я раньше мимо него проѣхалъ,—не понимаю. Онъ указалъ мнѣ, въ какой сторонѣ бивакъ. Отъѣхалъ съ версту и огни увидалъ; хорошо, что не поздно, огни не потухли.

— Ну, разсказывайте, что въ Хайларѣ?

— Вторая сотня Красностанова въ пять часовъ вечера присоединилась къ своему полку, который вмѣстѣ съ батареей занялъ позицію въ виду Хайлара на лѣвомъ берегу рѣки Эмингола.

— Значитъ, Хайларъ не въ нашихъ рукахъ, его занимаютъ китайцы?

— Такъ точно, городъ еще не въ нашихъ рукахъ, но и китайцы его не занимаютъ. Они отошли на высоты праваго берега Эмингола и оттуда обстрѣливали казаковъ до 2 часовъ дня, затѣмъ огонь прекратили. Когда мы подошли съ Красностановымъ, то уже не стрѣляли. Однако, начальникъ передового отряда, войсковой старшина Маціевскій, полагаетъ, что китайцы приготовляются къ атакѣ. Онъ далъ мнѣ свѣжаго коня, приказалъ немедленно ѣхать къ вашему превосходительству и доложить, что въ передовомъ отрядѣ исключительно конница, а многочисленный непріятель состоитъ преимущественно изъ пѣхоты, поэтому войсковой старшина проситъ о возможно быстрой присылкѣ пѣхоты. Вотъ его записка.

Генералъ началъ читать записку, въ которой заключалось то же самое, что уже доложилъ подъесаулъ Сидоровъ.

— Господа! Что же это никто изъ васъ не подумаетъ дать Михаилу Ильичу чѣмъ нибудь подкрѣпиться! Вѣдь шутка сказать, онъ до Хайлара сдѣлалъ 65 верстъ да назадъ 35; выходитъ 100 верстъ—пробѣгъ недурной. Я полагаю, вы устали чортовски?

— Ничего, ваше превосходительство,—отвѣчалъ адъютантъ, съ наслажденіемъ проглатывая большую рюмку водки и принимаясь за кусокъ жаренаго мяса.—Однако, я лучше бы попросилъ чая—смерть пить хочется.

— Ну-съ, а вы что думаете, Михаилъ Ильичъ, о положеніи въ Хайларѣ?

— Я полагаю, ваше превосходительство, что безъ пѣхоты тамъ держаться трудно; китайцевъ очень много.

— Но вѣдь съ 2 часовъ они прекратили бой?

— Тамъ ожидали возобновленія боя съ минуты на минуту.

— Въ такомъ случаѣ надобно посылать помощь немедленно. Семенъ Ивановичъ! Распорядитесь приказать немедленно изготовиться въ каждомъ баталіонѣ по одной сотнѣ.

— Ваше превосходительство! вѣдь люди еще не успѣли отдохнуть. Только что сдѣлали больше 30 верстъ, да еще шагать 35. Да и когда поспѣютъ?

— А мы ихъ отправимъ на двуколкахъ. По пять казаковъ примѣрно на двуколку, значитъ, на каждую сотню понадобится 40 двуколокъ. Поэтому прикажите изъ 80 двуколокъ имущество сложить здѣсь и приставить караулъ, а сотнямъ слѣдовать къ Хайлару на рысяхъ. Сотнѣ Мензелинцева прикрывать движеніе; одинъ конный взводъ оставить здѣсь при насъ—этого достаточно. Васъ, Михаилъ Ильичъ, хотя вы и очень устали, я попрошу опять ѣхать въ Хайларъ вмѣстѣ съ сотнями потому, что никто, кромѣ васъ, не можетъ лучше указать путь и направить всю эту помощь къ передовому отряду. Понятно, что ѣхать верхомъ вы теперь уже не можете, а потому поѣзжайте на двуколкѣ. Теперь, пока собираются, вы немедленно ложитесь спать; хоть часокъ уснете; это васъ подкрѣпитъ, иначе не доѣдете. Баталіонамъ завтра выступать въ три часа утра. Поэтому всѣмъ, господа, надо поскорѣе ложиться спать. Мензелинцеву командовать всѣмъ подкрѣпленіемъ; пусть самъ озаботится разбудить Сидорова въ послѣднюю минуту передъ выступленіемъ. Да, лучше всего, пригласите Мензелинцева ко мнѣ,— я кстати и насчетъ смѣны сторожевыхъ постовъ разскажу.

Скоро большая часть отряда спала глубокимъ сномъ при довольно ощутительной свѣжести ночи; но сотни, которымъ выпало итти впередъ, дѣятельно приготовлялись къ движенію. Процедура выгрузки имущества изъ двуколокъ весьма мѣшкотна, а особенно ночью; людямъ надобно было съѣсть ужинъ и приготовиться немножко самимъ; Мензелинцеву — смѣнить сторожевое охраненіе, отловить и посѣдлать пущенныхъ на пастбище коней. Только къ полуночи удалось покончить всѣ хлопоты, выдвинуться изъ среды потухающихъ костровъ и потонуть въ окружающей темнотѣ. Незнавшіе пути казаки легко могли сбиться съ дороги, но подъесаулъ Сидоровъ хорошо указывалъ путь. Разбитый и усталый до послѣдней степени, онъ пытался нѣсколько разъ уснуть, но двуколка такъ трясла, что о снѣ нечего было и думать.

Пошли ходко и двигались безостановочно, такъ что къ 6 часамъ утра достигли сѣверной Хайларской рощи верстахъ въ двухъ отъ позиціи передового отряда, вышли изъ повозокъ, построились и двинулись впередъ, намѣреваясь сейчасъ же вступить въ бой. Но выстрѣловъ не слышно, вся русская конница стоитъ спокойно на бивакѣ; на батареѣ что-то копошатся, работаютъ, устраивая прикрытія изъ песку. Здѣсь узнали, что непріятель, оставивъ арьергардъ, отходитъ назадъ, но еще не извѣстно: отступаетъ ли онъ совсѣмъ на Джемерте, или хочетъ обойти нашу позицію съ праваго фланга. Во всякомъ случаѣ немедленной опасности нѣтъ, да при поддержкѣ двухъ пѣшихъ сотенъ, т. е. болѣе 400 добрыхъ винтовокъ, она и не страшна.

Еще и не забрезжилъ свѣтъ, какъ начальникъ отряда на бивакѣ около станціи Урдинга проснулся и началъ торопить съ выступленіемъ. Всѣ сильно заспались, приходилось побуждать. Опять развели дымокуры, подбавили топлива въ почти потухшіе костры, разогрѣли чайники и самовары, бивакъ зашевелился.

— Ваше превосходительство!—докладывалъ адъютантъ.—Ночью подошелъ высланный изъ Абагайтуя транспортъ съ продовольствіемъ; есть хлѣбъ, сухари.

— Прекрасно, это очень кстати. Распорядитесь, другъ мой, чтобы транспортъ забралъ на свои повозки имущество, выгруженное изъ 80 двуколокъ 4-го и 6-го баталіоновъ, и слѣдовалъ вмѣстѣ съ нами. Конечно, придется сбросить и оставить здѣсь столько продовольствія, сколько понадобится мѣста для имущества баталіоновъ. Для караула оставьте взводъ казаковъ и команду слабыхъ, подбившихся.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство!

Возня съ перекладкой имущества грозила затянуться надолго, а время дорого, ждать нельзя. Вслѣдствіе этого баталіоны выступили безъ своихъ обозовъ, которые вмѣстѣ съ транспортомъ составили отдѣльную колонну.

Только въ 4 ч. утра удалось вытянуться съ бивака. Погода была отличная, хотя день предстоялъ жаркій. Гладкая, слегка волнистая степь, съ питательной, но не высокой травой, разстилалась на огромное пространство. Движеніе возможно повсюду безпрепятственное безъ дорогъ, но все-таки и дорога была, при томъ хорошо наѣзжанная. Она тянулась по высокому краю долины р. Хайларъ, не очень далеко отъ русла рѣки; слѣдовательно, при надобности свернули бы къ водѣ безъ большого крюка; по той дорогѣ пошелъ шестой баталіонъ квадратной двухвзводной колонной. Четвертый баталіонъ двинулся нѣсколько правѣе, обозы выступили позднѣе и потянулись дорогою четвертаго баталіона. Штабъ отряда со взводомъ отъ четвертой сотни Верхнеудинскаго полка слѣдовалъ впереди шестого баталіона.

— Урядникъ!—крикнулъ генералъ.—Послать одинъ сторожевой разъѣздъ впередъ по дорогѣ, другой влѣво вдоль рѣчки, а третій вправо, чтобы шелъ вдоль проволоки телеграфа.

Забайкальцы начали расходиться хлынцой по указаннымъ направленіямъ. При начальникѣ отряда осталось восемь казаковъ.

Черезъ нѣсколько верстъ выяснилось, что дорога по краю долины очень кружна, значительно удалилась отъ проволоки телеграфа и далѣе сворачиваетъ влѣво, внизъ къ самой рѣкѣ. Свернули вправо и пошли прямо степью, чтобы выиграть время и поскорѣе прійти на помощь своимъ въ Хайларѣ. Однако, не зная точно, гдѣ именно находится городъ Хайларъ или позиція русскихъ, трудно было держать вѣрное направленіе и не вилять; слѣдовало найти дорогу.

Ни проволоки телеграфа, ни разъѣзда, который шелъ по ней, не могли разсмотрѣть.

— Урядникъ! Пошли двухъ человѣкъ вправо, чтобы нашли дорогу и разсмотрѣли, идетъ ли нашъ разъѣздъ по проволокѣ.

Черезъ нѣкоторое время, примѣрно полчаса, одинъ изъ посланныхъ вернулся и доложилъ, что дорога недалеко, и разъѣздъ идетъ правильно. Одинъ казакъ остался на дорогѣ. Все это было исполнено очень разумно; толковый казакъ понравился начальнику отряда; только выговоръ этого казака показался страннымъ, сразу его и понять было нельзя.

— Какъ твоя фамилія?—спросилъ генералъ.

— Васильевъ, ваше превосходительство.

— Молодецъ, Васильевъ.

— Радъ стараться, ваше превосходительство.

— Отчего ты, братецъ, такъ плохо говоришь?

Васильевъ сконфуженно замолчалъ. Тогда начальникъ штаба объяснилъ, что, несмотря на свою русскую фамилію, Васильевъ—бурятъ, но не язычникъ. При крещеніи имъ даютъ русскую фамилію по крестному отцу; семейства разростаются, но, живя въ степи, не дѣлаются русскими, остаются бурятами и часто, по существу дѣла, язычниками. Впрочемъ, всѣ они очень хорошіе и честные люди; часть бурятъ записана въ Забайкальское казачье войско, а часть свободна отъ воинской повинности. Случается, что изъ одного и того же семейства половина живетъ въ Забайкальской области, а близкіе родственники ихъ кочуютъ въ Монголіи.

Среди разговоровъ о бурятахъ вышли на дорогу и сдѣлали малый привалъ, чтобы подождать четвертый баталіонъ; онъ присоединился весьма скоро. Жаль, что на привалѣ не было воды, зато имъ воспользовались, чтобы вздремнуть, хоть четверть часика. Вдали показался обозъ. Все пришло въ норму, и баталіоны двинулись впередъ. Начальникъ отряда съ конными казаками выѣхалъ въ 8 ч. утра рысью на горку верстахъ въ двухъ-трехъ отъ пѣхоты. Только что спѣшились, какъ увидѣли мчавшуюся со стороны Хайлара телѣгу. Когда она приблизилась, то изъ нея выскочилъ казакъ, грязный, босикомъ, безъ шашки, въ рубахѣ и штанахъ. Это былъ Буторинъ, одинъ изъ казаковъ секрета, высланнаго въ Хайларѣ Булатовичемъ и отрѣзаннаго китайцами. Онъ разсказалъ свои удивительныя приключенія, какъ онъ цѣлый день пролежалъ подъ кучей навоза, а ночью, зарубивъ китайскаго часового, прошелъ черезъ цѣпь ихъ передовыхъ постовъ и теперь спасся чудеснымъ образомъ. Буторина накормили. Отрядъ съ малыми остановками, безъ большого привала, поспѣшалъ къ Хайлару. Вдали, на горизонтѣ вырѣзывался синеватый контуръ большой горбатой горы, той самой, которая считалась самымъ важнымъ мѣстомъ позиціи у Хайлара и господствовала надъ всей его долиной. Прошли

около 30 верстъ; утомленіе сильно сказывалось тѣмъ болѣе, что на пути вовсе не встрѣтили воды, даже не нашлось ни одной лужи, чтобы освѣжить ротъ.

Въ 11 ч. утра пріѣхалъ изъ Хайлара казакъ съ запиской, извѣщавшей, что непріятель не только не атаковалъ, но даже, повидимому, отступаетъ. Такая благопріятная вѣсть всѣхъ подбодрила. Спѣшить больше нѣтъ надобности; но, съ другой стороны, стоитъ ли дѣлать теперь большой привалъ на безводномъ мѣстѣ, когда по увѣренію прибывшаго изъ Хайлара казака осталось всего верстъ восемь? Конечно, нѣтъ. Рѣшили итти впередъ и часа черезъ два стали приближаться къ расположенію передового отряда.

Картина мѣстности совершенно перемѣнилась. На степи увидѣли мѣстами клочки земли, засѣянные чумизой (одинъ изъ сортовъ проса). Ни одного посѣва мы не видали еще со времени перехода границы (шли все сплошной пустыней) и теперь уже мечтали, какъ въ свое время сожнемъ чумизу. Съ лѣвой стороны дороги показались какія-то небольшія чистенькія глинобитныя зданія съ дворикамн, оградами возлѣ нихъ и съ входными дверями въ оградахъ. Говорили, что это гробницы богатыхъ монголовъ. Версты на полторы вправо виднѣлась темная, кудрявая священная роща, изъ который начальникъ отряда предполагалъ нанести главный ударъ, если бы понадобился штурмъ Хайлара, а теперь у генерала мелькнула мысль: хорошій опорный пунктъ для праваго фланга, если китайцы вздумаютъ атаковать. Налѣво въ самомъ близкомъ разстояніи находилась другая священная роща, а далѣе высокую гору увѣнчивала небольшая каменная кумирня (буддійскій храмъ), около которой въ бинокль не обнаруживалось ни малѣйшаго признака жизни. Палящее монгольское солнце обливало своими жгучими лучами красивый ландшафтъ, дышавшій миромъ и тишиной, правда, какой-то необычайной и отчасти жуткой. Но вдругъ тишина нарушилась нѣсколькими рѣзкими ружейными выстрѣлами. Начальникъ отряда послалъ коня впередъ, и весь штабъ быстро выѣхалъ на песчаные холмы, занятые Верхнеудинскимъ полкомъ и батареей. Пушки стояли за песчаными окопами, устроенными очень небрежно и некрасиво, но вполнѣ достигавшими своей цѣли — они хорошо прикрывали батарею отъ выстрѣловъ. Казаки шевелились возлѣ орудій и приготовлялись къ открытію огня. Сзади батареи тѣснились палатки, коновязи, зарядные ящики и повозки; все нѣсколько безпорядочно и уже совсѣмъ открыто. Верхнеудинцы стояли бивакомъ возлѣ; за правымъ флангомъ полка высился знаменитый уёмистый тарантасъ командира полка.

Впереди бивака разстилалась широкая, зеленая долина рѣки Эмингола, а за нею высоты праваго берега долины, съ крутыми, трудно доступными склонами, еще находившимися въ рукахъ китайцевъ. Въ долинѣ налѣво толпились дома желѣзнодорожныхъ и

землянки рабочихъ; кое-гдѣ виднѣлись пламя и дымъ горѣвшихъ и уже обрушившихся построекъ. Направо стоялъ четыреугольный, правильной формы городъ Хайларъ, съ окружавшими его правительственными зданіями, кумирнями и хуторами. По самому берегу Эмингола разсыпалась цѣпь русскихъ стрѣлковъ; бѣлыя рубахи ихъ мелькали тамъ и сямъ при каждомъ передвиженіи. Китайскіе стрѣлки взбирались на склоны противоположнаго берега долины. Нѣкоторые изъ начальниковъ продолжали утверждать, что китайцы вскорости начнутъ атаку.

— Ваше превосходительство, когда баталіоны подойдутъ, то гдѣ прикажете имъ стать бивакомъ?—спросилъ начальника штаба.

— Я хотѣлъ бы всѣ войска расположить вмѣстѣ, и такъ какъ конница уже тутъ расположилась, а передвигать ее я не желаю, то и баталіонамъ стать тутъ же; вонъ немного впереди, тамъ не такъ песчано, есть дернъ.

Въѣхали въ середину бивака верхнеудинцевъ.

— Здорово, верхнеудинцы!

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство! — несвязно отвѣчали казаки, разбросанные по биваку кучками.

— Поздравляю васъ съ занятіемъ Хайлара!

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше превосходительство.

Въ это время подъѣхалъ Булатовичъ. Многіе интересовались, какимъ образомъ отнесется къ нему начальникъ отряда, ибо уже кое-кто взводилъ на храбраго офицера обвиненія въ излишней запальчивости, что этотъ гвардеецъ въ погонѣ за отличіями не жалѣетъ людей и теряетъ ихъ безъ толку, что онъ зарывается впередъ безъ приказаній и пр.

— Здравствуйте, Булатовичъ! Отъ всей души благодарю васъ за полезную службу, — сказалъ генералъ, потянулся съ сѣдла и обнялъ молодого офицера, который своимъ запачканнымъ костюмомъ и невзрачнымъ видомъ отнюдь не подходилъ подъ понятіе о блестящемъ шаркунѣ гвардейцѣ и отличался отъ забайкальскихъ офицеровъ только своей красной гусарской фуражкой.

— Здорово, артиллеристы! Благодарю васъ за молодецкую службу!

— Рады стараться, ваше превосходительство!—жидко крикнули немногочисленные казаки 2-й забайкальской батареи.

— Семенъ Ивановичъ! Распорядитесь, пожалуйста, чтобы командиръ Верхнеудинскаго полка прибылъ сюда верхомъ: мы поѣдемъ осмотрѣть правый флангъ позиціи, священную рощу, и обдумаемъ, какъ расположиться на случай нападенія китайцевъ, а я пока тутъ отдохну немного.

— Ваше превосходительство, пока что, неугодно ли выпить чая?—предложилъ батарейный командиръ войсковой старшина Филимоновъ.

— Вѣдь это—возня порядочная, долго.

— Чай у насъ уже пьютъ, онъ готовъ,—утверждалъ Фолимоновъ положительнымъ и спокойнымъ тономъ.—Эй, дай сюда чая!—крикнулъ онъ вѣстовому.

— Съ удовольствіемъ выпью, очень жарко.

Генералъ сѣлъ на табуретъ и, заѣдая печеньемъ «Альбертъ», поглощалъ одинъ стаканъ за другимъ безъ перерыва.

— Не прибавите ли, ваше превосходительство, молока?

— Да, какое же у васъ молоко?

— А сгущенное молоко, въ жестянкахъ; очень хорошо,—и онъ налилъ изъ дырочки жестянки густую молочную жидкость.

— Въ самомъ дѣлѣ очень хорошо. Дайте-ка еще стаканчикъ.

— Мы, ваше превосходительство, и газированное молоко пьемъ. Вамъ докторъ Клёпферъ сейчасъ приготовитъ.

Молодой врачъ разболталъ молоко въ чистой водѣ, досталъ изъ большой корзинки зарядъ сгущенной угольной кислоты и быстро приготовилъ шипучій напитокъ очень пріятнаго вкуса. Въ корзинѣ генералъ замѣтилъ много разнообразныхъ жестянокъ съ консервами и красивыхъ бутылокъ съ замысловатыми этикетками или обвитыхъ соломой; очевидно, въ спиртныхъ напиткахъ, при томъ самыхъ изысканныхъ, недостатка не было. Докторъ и офицеры старались все это случайно обнаружившееся богатство скрыть отъ взгляда генерала. Впослѣдствіи они признавались, что хотѣли предложить угощеніе, но опасались, не вышло бы чего нибудь, потому что все добыто было фуражировкой изъ города Хайлара. Итакъ, несмотря на опасность, казаки успѣли уже побывать въ городѣ и пошарить, хотя бой еще не кончился, и города еще не заняли. Впрочемъ, слѣдуетъ сказать, что напитки и консервы китайцы наворовали изъ складовъ инженеровъ-строителей желѣзной дороги, когда они поспѣшно оставили Хайларъ 29 іюня и не успѣли захватить своего имущества. Слѣдовательно, добро оказывалось русскимъ.

— Ваше превосходительство, разрѣшите мнѣ остаться и не ѣхать на рекогносцировку. У меня много дѣла, бумагъ накопилось, почту не разбирали нѣсколько дней,—сказалъ начальникъ штаба.

— Правильно, оставайтесь. Кстати, укажите, гдѣ расположиться штабу, когда придетъ обозъ. Я полагалъ бы вотъ здѣсь, гдѣ больше травки.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство.

Поѣхали на развѣдку праваго фланга и скоро достигли священной рощи, надъ которой парили огромные сѣрые орлы. Въ рощѣ всюду виднѣлись слѣды недавняго пребыванія китайцевъ. Вотъ потухшій костеръ, и на немъ чугунная эмальированная чаша съ кашей изъ вареной буды (сортъ китайскаго проса), водопойное

ведро, чайники, разная мелочь, остатки коновязей. Подъ деревьями орловъ было еще больше; поминутно они поднимались то поодиночкѣ, то по нѣскольку штукъ разомъ. Переѣзжая черезъ овраги и по песчанымъ холмамъ священной рощи, всадники пользовались прохладой отъ тѣни огромныхъ деревьевъ, какъ бы удерживавшихъ своими корнями безконечные пески окрестностей Хайлара. Можетъ быть, потому роща и считается священной, что она удерживаетъ распространеніе этихъ песковъ, которые иначе засыпали бы весь городъ. Царила тишина, роща казалась мрачной.

Обозрѣвъ рощу и сообразивъ ея обороноспособность, выѣхали къ восточной ея опушкѣ, откуда открылся видъ на долину къ югу отъ города Хайлара. На значительномъ пространствѣ раскинулись юрты монгольскихъ войскъ, теперь пустыя.

— Полезны будутъ для зимней стоянки,—подумалъ про себя начальникъ отряда и прибавилъ вслухъ:—а вѣдь если пользоваться этими юртами, то необходимо ихъ хорошо дезинфецировать.

— Смотря, кому жить, ваше превосходительство, — отвѣчалъ одинъ изъ командировъ.—Забайкальцы — народъ привычный ко всему.

Верстахъ въ пяти къ югу на песчаныхъ холмахъ стоялъ огромный монгольскій идолъ, бурханъ, грубо сдѣланный изъ камня. Его отовсюду видно на огромное разстояніе.

Городъ Хайларъ теперь представился взору съ другой стороны. Онъ не великъ, считалось всего пять тысячъ жителей; на нашъ европейскій взглядъ очень оригиналенъ, потому что представляетъ какъ бы одинъ цѣльный домъ, раздѣленный на ячейки,— маленькіе дома съ дворами. Правильный прямоугольникъ изъ глинобитной (глина съ соломой чумизы) стѣны не то что окружаетъ городъ, но составляетъ его часть, такъ какъ городская стѣна входитъ въ составъ прилегающихъ домовъ. Непрерывная улица раздѣляетъ его съ запада на востокъ и другая пополамъ съ сѣвера на югъ; на концахъ улицъ—ворота обычнаго китайскаго типа съ вычурно загнутыми концами крыши такъ же, какъ у крышъ китайскихъ домовъ. Городъ не подавалъ признаковъ жизни.

Внѣ города расположены оригинальные съ прочными стѣнами дома амбаня (т. е. гражданскаго правителя, исправника), кумирни, тюрьма, пороховой складъ и далѣе хутора. Большая, весьма нарядная кумирня стояла возлѣ самой рощи; при оборонѣ кумирню пришлось бы непремѣнно занять войсками, какъ прочный опорный пунктъ, а потому приходилось ее осмотрѣть. Начальники съ офицерами и вѣстовыми направились къ главному входу. Передъ воротами по обыкновенію стояли два высокіе, врытые въ землю, столба съ блестящими шарами наверху. Вблизи воротъ находился колодезь съ узкимъ отверстіемъ и прекрасной водой.

Всѣ спѣшились. Казакъ взялъ лежавшую около колодца плетенку изъ какихъ-то прутьевъ, замѣняющую у китайцевъ ведро. На веревкѣ онъ опустилъ плетенку въ колодезь, зачерпнулъ воды, вытащилъ и налилъ въ стоящую тутъ же колоду. Сквозь дырочки плетенки вода проливалась, но немного. Кони съ жадностью протянули морды и начали пить.

Офицеры вошли во дворъ кумирни. Здѣсь царили тишина и запустѣніе. Русскіе сапоги ударяли каблуками о плиты каменнаго двора китайскаго храма; шаги гулко раздавались въ этомъ пустынномъ мѣстѣ. Вошли въ храмъ.

Китайскіе боги огромныхъ размѣровъ съ неизмѣннымъ выраженіемъ лицъ глядѣли на пришельцевъ съ высоты своихъ троновъ. На всемъ лежалъ какой-то таинственный, фантастическій отпечатокъ. Начальникъ отряда почему-то вспомнилъ декораціи изъ оперы «Африканка».

Кто-то сказалъ, что подъ престоломъ спрятался гегень, главный священникъ монголъ, который будто бы ни за что не хотѣлъ покинуть храмъ.

— Ваше превосходительство, выковырять бы гегеня оттуда!— сказалъ ординарецъ начальника отряда.

— Что вы, что вы! Богъ съ нимъ совсѣмъ, пускай живетъ. Лучше черезъ кого нибудь посылать ему пищу.

Какъ бы подавленные какимъ-то непріятнымъ чувствомъ всѣ вышли изъ кумирни.

Кони стояли въ нѣкоторомъ безпокойствѣ, нетерпѣливо пофыркивали и рыли копытами землю. Когда тронулись отъ кумирни, безпокойство коней какъ будто усилилось еще болѣе. Недалеко влѣво поднялась огромная стая сѣрыхъ орловъ. Черезъ нѣсколько дней обнаружилось, надъ чѣмъ работала эта стая. Случайно около кумирни въ кустахъ найдены три трупа забайкальскихъ казаковъ, пропавшихъ у Булатовича безъ вѣсти. Трупы были безъ головъ. Очевидно, они нашли свою смерть тутъ же, недалеко отъ того мѣста, гдѣ китайцы ихъ захватили. Кто знаетъ, что пришлось имъ выстрадать отъ необузданности и жестокости безсердечнаго врага! Можетъ быть, ихъ умерщвленіе сопровождалось религіозными обрядами, такъ какъ все продѣлывалось возлѣ кумирни? Гдѣ ихъ головы? На что онѣ понадобились китайцамъ? Когда вѣсть о такой гибели казаковъ распространилась въ отрядѣ, то всѣ были въ полномъ негодованіи. Въ каждомъ возгорѣлось желаніе при случаѣ отомстить вѣроломнымъ и кровожаднымъ противникамъ. Какъ счастливъ Буторинъ, избѣжавшій участи своихъ товарищей!

Подъ какимъ-то жуткимъ впечатлѣніемъ возвратилось начальство на бивакъ, на которомъ успѣли устроиться прибывшіе батальоны. Здѣсь кипѣла жизнь, все суетилось надъ удовлетвореніемъ

насущныхъ потребностей, лица самыя веселыя. Многочисленность раскинутыхъ палатокъ показывала внушительную силу отряда, которому нечего бояться, да, кромѣ того, выяснилось, что китайцы отступили окончательно по дорогѣ къ горному хребту Большому Хингану.

Проѣзжая черезъ бивакъ Верхнеудинскаго полка, начальникъ отряда спросилъ:

— Командиръ полка, а гдѣ же ваша палатка?

— У меня, ваше превосходительство, нѣтъ палатки, я сплю въ тарантасѣ, тамъ у меня просто цѣлый домъ.

Въ самомъ дѣлѣ тарантасъ имѣлъ видъ внушительный. Удивительно, какъ только онъ проходилъ по манчжурскимъ дорогамъ.

— Ну, Семенъ Ивановичъ, пообѣдаемъ (вѣрно, обѣдъ готовъ?), да и за бумаги. Приказъ надо поскорѣе составить,—обратился генералъ къ начальнику штаба.

— Въ такомъ случаѣ, ваше превосходительство, приказъ составимъ теперь же, а во время обѣда его будутъ печатать на гектографѣ. Бумагами заняться можно послѣ обѣда.

— Прекрасно. Общую зарю назначьте въ 7 часовъ вечера; дни начинаютъ убывать, и въ 9 часовъ совсѣмъ темно: построиться для зари передъ биваками четвертаго и шестого баталіона; выйдетъ хорошо для молитвы,—лицомъ на востокъ. Что же еще?

— Нарядъ отъ какого прикажете баталіона?

— Да, мнѣ кажется, очередной шестой баталіонъ; отъ него и назначьте бивачное охраненіе, дежурнаго по биваку сотеннаго командира, да сотню въ дежурную часть и взводъ артилеріи. Кромѣ того, пусть отъ Верхнеудинскаго полка выставятъ двѣ заставы у рѣки Эмингола: одну у моста и другую у брода; если онѣ будутъ посылать разъѣзды, то охраненіе и достаточное, — Эмингола насъ прикрываетъ. Да! вотъ что важно: отъ шестого же баталіона выставить караулы къ городу и къ другимъ постройкамъ, а то я боюсь, чтобы не начался грабежъ, а за нимъ неизбѣженъ пожаръ; пропадетъ огромное богатство; мы и не попользуемся. «Караулы отнюдь не пропускаютъ никого въ городъ, въ частные дома и въ кумирни безъ моего разрѣшенія. Къ кумирнямъ относиться съ должнымъ уваженіемъ». Я и то замѣтилъ, что кое-кто хотѣлъ взять оттуда божка на память. Это не хорошо. «Частнаго имущества отнюдь не расхищать; что же касается предметовъ, необходимыхъ войскамъ, то ежедневно назначать отъ каждой части двуколки при офицерѣ и двухъ нижнихъ чинахъ, которымъ и являться въ штабъ для полученія пропускной записки». Въ слѣдующемъ пунктѣ приказа я хочу сказать о чистотѣ на бивакѣ. Убитыхъ китайцевъ, положимъ, уберутъ, но кругомъ вообще много падали. «Подтверждается необходимость соблюденія чистоты на бивакахъ, устройства отхожихъ мѣстъ и зарыванія внутренностей убитыхъ быковъ. Отъ 6-го ба-

таліона нарядить команду, которой осмотрѣть мѣстность впереди биваковъ и закопать замѣченныхъ мною павшихъ животныхъ». Я полагаю, что въ городѣ мы найдемъ или коломазь или вообще какую нибудь жирную смазку. Надобно, чтобы хорошенько смазали обозъ; поэтому напишите въ приказѣ: «Замѣчено во время переходовъ, что колеса въ обозѣ сильно скрипятъ. Обратить вниманіе на смазку».

— Ваше превосходительство! Овесъ все горитъ, и верхнеудинцы выбиваются изъ силъ—не могутъ погасить: овесъ былъ сложенъ въ сараѣ, который во время пожара обрушился, но полъ горитъ подъ овсомъ.

— Сдѣлайте нарядъ отъ пѣхоты. А, кромѣ того, надобно разобрать овесъ въ части; все-таки хоть что нибудь спасемъ. Напишите: «Предлагаю всѣмъ частямъ немедленно пополнить запасъ овса, для чего прислать въ штабъ отряда соотвѣтствующія требованія». Кажется, теперь все написано?

— Завтра, ваше превосходительство, не предполагаете двигаться впередъ?

— Слѣдовало бы итти и доконать китайцевъ, но надобно, во-первыхъ, немного отдохнуть—форсировка была порядочная, а, во-вторыхъ, осмотрѣться въ городѣ, собрать запасы и устроить складъ или, какъ это говорятъ по-ученому, устроить промежуточное основаніе дѣйствій, промежуточную базу. Главная-то база у насъ—все Забайкалье, а промежуточная будетъ Хайларъ.

— Въ такомъ случаѣ надобно успокоить войска и заранѣе объявить, что назавтра остаемся здѣсь.

— Хорошо. Напишите: «Назавтра отряду назначается днёвка». Давайте обѣдать, а то ѣсть страсть хочется.

Но и за обѣдомъ никто не могъ успокоиться—дѣла оказывалось черезчуръ много и все спѣшное; этого требовала сама жизнь, а не канцелярія. Генералъ толковалъ своему еле выспавшемуся адъютанту, подъесаулу Сидорову, что назначаетъ его комендантомъ въ городъ Хайларъ. Тамъ слѣдуетъ очень быстро вывезти изъ города къ домамъ желѣзнодорожныхъ строителей всю муку, потомъ другіе продовольственные запасы, какъ-то: чай, рисъ, сахаръ, буду, бакалейный товаръ, мѣха, вообще все полезное для войскъ, но прежде всего мѣха. Надо строго наблюдать, чтобы казаки не увлеклись грабежомъ: дѣло не въ томъ, что они возьмутъ какое нибудь имущество, это бы не бѣда, начальникъ отряда даже былъ бы склоненъ вознаградить казаковъ за ихъ храбрость и чрезмѣрные труды, но необходимъ порядокъ, иначе не столько возьмутъ, сколько испортятъ, и неизбѣжное слѣдствіе—пожары.

— Прикажите, Михаилъ Ильичъ,—добавилъ начальникъ отряда,—инженеру Жемчужникову приспособить подъ склады желѣзнодорожныя зданія.

Обратясь къ другому адъютанту, поручику Кублицкому-Піоттухъ, генералъ надавалъ сейчасъ же массу порученій.

— Вы, Луціанъ Феликсовичъ, послѣ обѣда выгрузите транспортъ съ продовольствіемъ—повозки съ имуществомъ баталіоновъ, вѣроятно, уже выгружены—и отправьте его на Урдингу: пусть привезетъ оставленный тамъ провіантъ, да прихватитъ сколько можно со станціи муки и овса, особенно овса. На Урдингѣ я пока не хочу оставлять этапа, и такъ израсходовали много войскъ для обезпеченія линіи сообщеній, а потому станцію надобно очистить отъ запасовъ, чтобы тамъ и беречь было нечего. Транспортъ отправить на Урдингу съ прикрытіемъ изъ взвода пѣшихъ казаковъ: неровенъ случай, мало ли что можетъ быть.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство!

— Затѣмъ, займитесь оборудованіемъ хлѣбопеченія. По свѣдѣніямъ, здѣсь на станціи есть хлѣбопекарныя печи, но, вѣроятно, ихъ надобно поправить. Пусть инженеръ Жемчужниковъ сейчасъ же ихъ исправитъ и приступитъ къ постройкѣ новыхъ; здѣсь должно быть обширное хлѣбопеченіе и сушка сухарей. Значитъ, надобно отъ пѣхоты сдѣлать нарядъ рабочихъ печниковъ и хлѣбопековъ. Понаблюдите и посодѣйствуйте телеграфисту Лецкому съ устройствомъ телефонной линіи на Урдингу, чтобы намъ немедленно установить сообщеніе съ Абагайтуемъ и вообще съ Россіей.

Отдыхать послѣ обѣда не пришлось, хотя уже два дня не умывались и четыре — не раздѣвались. Войска исполняли наряды и устраивались на бивакахъ, начальство и штабы имѣли по горло своей работы. Генералъ засѣлъ съ начальникомъ штаба за разборку накопившейся текущей переписки, остальные отправились исполнять порученія, не терпѣвшія отлагательства.

Черезъ нѣсколько времени въ палатку вошелъ поручикъ Кублицкій-Піоттухъ.

— Ваше превосходительство, подводчики не хотятъ возить провіантъ со станціи Урдинги.

— Почему это?

— Они говорятъ, что ихъ подрядили только до Абагайтуя, а потомъ прогнали до Хайлара; теперь все-таки не отпускаютъ, еще заставляютъ возить. Лошади устали, у самихъ подводчиковъ нѣтъ продовольствія.

— А что, подводчики—казаки?

— Кажется, есть и казаки, но большею частью «братскіе». Такъ у насъ въ Забайкальѣ, ваше превосходительство, называютъ бурятъ.

— Ну-съ, теперь время военное, они не могутъ проявлять желанія или нежеланія, а обязаны дѣлать то, что необходимо. Въ случаѣ надобности мы силой заставимъ; но все-таки лучше лаской, пусть дѣлаютъ охотой, а не неволей. Вызовите старшаго, я съ нимъ поговорю.

Передъ генераломъ стоялъ бурятъ, еще молодой и весьма благообразный. Его облекалъ обычный длинный бурятскій халатъ, а изъ-подъ головного убора въ видѣ какого-то треуха съ ушами (весьма практичнаго) торчала небольшая, туго заплетенная косичка.

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ начальникъ отряда.

— Псундуновъ.

— Такъ вотъ, Псундуновъ, теперь надо послужить и потрудиться. Мои казаки трудятся, многіе ранены и убиты. Вы такіе же казаки.

— Мы хотѣли бы трудиться. Хлѣба взяли до Абагайтуя, а пришли въ Хайларъ; лошади безъ овса не везутъ.

— Надо было взять овса съ собой, вы получаете хорошую плату. Да вѣдь ваши забайкальскія лошади овса не ѣдятъ, не привыкли?

— Это говоритъ тотъ, кто кормить не хочетъ. Изъ торбы не ѣдятъ, а на степи разсыпь—ѣдятъ.

— Ну, ладно. Я вамъ дамъ овса, дамъ хлѣба и мяса.

— Очень благодарны.

— Такъ скорѣй поѣзжайте, а я прикажу обо всемъ. Ты, Псундуновъ, составь списокъ всѣмъ подводчикамъ и дай мнѣ,—можетъ быть, царь вамъ потомъ медали пожалуетъ за войну.

— Очень благодарны, очень благодарны.

Такимъ образомъ дѣло уладилось. Генералъ, по уходѣ Псундунова, обратился къ адъютанту:

— Луціанъ Феликсовичъ! Наладьте относительно отпуска подводчикамъ пропитанія, а овса дайте имъ поскорѣе отъ той горящей кучи: все равно онъ пропахъ дымомъ, и наши избалованныя лошади его ѣсть не будутъ.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство!

— Какъ бы начета не было,—обронилъ начальникъ штаба:—на подводчиковъ отпуска не полагается.

— Начетъ, начетъ! Эхъ, милый мой, нельзя же людей заставлять работать и не кормить; притомъ не только по человѣчеству, но и прямая выгода это велитъ: для насъ же они трудятся. Начета и быть не можетъ: овесъ все равно пропадетъ, быковъ мы у непріятеля отбили, да и приварочный окладъ большой, тоже дастъ экономію; муки у китайцевъ мы взяли массу. Ну, когда будете наводить бухгалтерію, примите все это въ расчетъ. Если все дѣлать только по буквѣ закона, бумажнымъ порядкомъ, то и цѣли никакой не достигнешь, а цѣль важнѣе всего [1]).

---

[1]) Впослѣдствіи наказнымъ атаманомъ Забайкальскаго казачьяго войска, генералъ-лейтенантомъ Маціевскимъ, сдѣлано было офиціальное распоряженіе объ отпускѣ казеннаго продовольствія возчикамъ и овса для ихъ лошадей. Эта мѣра весьма способствовала успѣху перевозокъ изъ Забайкалья на линію Хайларъ-Фулярды.

За разными хлопотами и распоряженіями незамѣтно подкрался вечеръ. Всѣ переодѣлись въ шинели и пальто для общей зари. На зеленой луговинѣ построился въ колоннахъ фронтомъ на востокъ небольшой хайларскій отрядъ изъ двухъ казачьихъ баталіоновъ, коннаго полка и батареи, какихъ нибудь двѣ съ половиною тысячи человѣкъ, дерзко проникнувшихъ въ невѣдомый Китай, обладающій сотнями милліоновъ жителей. Невольно вспоминалась горсточка Ермака Тимоѳеевича посреди необъятнаго пространства Сибири.

Начальникъ отряда, въ нѣсколькихъ словахъ указавъ на то, что Богъ послалъ успѣхъ русскимъ, призвалъ всѣхъ помолиться вновь о ниспосланіи удачи и въ будущемъ. Горячо молились казаки...

Скоро кончилась молитва.

— Прошу господъ командировъ ко мнѣ, а молодцовъ казаковъ распустите,—произнесъ генералъ свою обычную заключительную фразу.

Прежде всего рѣшили на завтрашнее утро выслать впередъ небольшой летучій отрядъ, чтобы основательнѣе прикрыть бивакъ, развѣдать о противникѣ, какъ говорятъ въ военныхъ книжкахъ, «освѣтить мѣстность возможно далѣе», а главная затаенная цѣль начальника отряда заключалась въ преслѣдованіи, хотя бы незначительной частью войскъ, отступавшаго противника. Когда генералъ спросилъ командира Верхнеудинскаго полка, которую сотню онъ предполагаетъ послать, то войсковой старшина Маціевскій предложилъ вмѣсто номерной сотни выслать двѣсти охотниковъ на лучшихъ лошадяхъ. Начальникъ отряда не сочувствовалъ подобной организаціи сборной сотни, особенно большое неудобство при подобныхъ командировкахъ является въ хозяйственномъ отношеніи, да и въ тактическомъ нехорошо, если полкъ въ то же время дѣйствуетъ противъ непріятеля. Но полкъ оставался на мѣстѣ, а хозяйственная часть не могла пострадать, если предложеніе шло со стороны самого командира полка, отличнаго знатока хозяйства. Впрочемъ, главное соображеніе заключалось вотъ въ чемъ. Поручить преслѣдованіе начальникъ отряда намѣревался, конечно, Булатовичу; двухъ сотенъ посылать не хотѣли; если послать одну, то ея командиръ и являлся естественнымъ исполнителемъ порученія, посылка Булатовича становилась излишней; нѣкоторыми сотнями командовали есаулы, т.-е. старшіе сравнительно съ Булатовичемъ, который имѣлъ чинъ штабсъ-ротмистра, хотя и гвардіи. Посылка двухсотъ охотниковъ подъ начальствомъ Булатовича устраняла всѣ затрудненія. На томъ дѣло и покончили. Переговоривъ затѣмъ о разныхъ служебныхъ злобахъ дня, всѣ разошлись по своимъ палаткамъ, чтобы поужинать да ложиться спать.

Уже смерклось. Зажгли свѣчи и фонари. Ужинали на воздухѣ,— въ палаткахъ и тѣсно, и душно. Въ это время пришло непріят-

ное извѣстіе, что двое изъ китайцевъ, взятыхъ въ Хайларѣ, умерли. Тотчасъ предположили, что надъ ними сдѣлали какое нибудь насиліе или не присмотрѣли. На повѣрку оказалось другое: врачъ заявилъ, что они умерли отъ голода; передъ тѣмъ не ѣли долгое время (почему?—узнать не удалось), страшно исхудали, живота совсѣмъ не было; имъ давали ѣсть, но ничего не помогло.

Послышались шаги, шуршаніе по песку, и въ освѣщенномъ около стола кругѣ обрисовалась красная шапка Булатовича.

— Я къ вамъ, ваше превосходительство, съ большой просьбой.

— Говорите, что такое? Очень радъ все сдѣлать.

— Я бы хотѣлъ наединѣ.

— Извольте, погуляемъ немного, ночь хорошая.

— Я полагаю, что завтра мнѣ придется столкнуться съ китайцами. Разрѣшите взять парочку орудій, китайцы больше всего боятся артиллеріи.

— Эхъ, дорого мнѣ это стоитъ: снарядовъ очень мало, артиллерійскій паркъ, не знаю, когда придетъ, надо сильно экономить. Развѣ дать вамъ пушки, но чтобы вы изъ нихъ не стрѣляли? Дѣлать нечего, Богъ съ вами, пойдемте къ батарейному командиру; только смотрите, стрѣляйте въ самой крайности,—снаряды дороже всего.

Проходить по биваку въ темнотѣ нелегко, но Булатовичъ зналъ дорогу и скоро нашелъ батарею. Небольшая, но дружная семья артиллерійскихъ офицеровъ сидѣла вмѣстѣ въ освѣщенной большой палаткѣ. Увидавъ начальника отряда, всѣ закричали:

— А, ваше превосходительство, пожалуйте, у насъ чай, не угодно ли?

— Съ удовольствіемъ. Всегда радъ у артиллеріи попить чайку. Кстати у меня къ батарейному командиру дѣло. Вотъ штабсъ-ротмистръ Булатовичъ завтра утромъ пойдетъ впередъ съ летучимъ отрядомъ, такъ не дадите ли, другъ мой, парочку пушекъ съ офицеромъ?

— Слушаю-съ, ваше превосходительство. Со взводомъ можетъ пойти подъесаулъ Платоновъ.

— Прекрасно. Я очень радъ. Вы вѣдь мой ученикъ,—обратился генералъ къ подъесаулу Платонову:—и образъ мыслей моихъ знаете. Вотъ все и пойдетъ хорошо.

Подъесаулъ донской артиллеріи Платоновъ, коренастый брюнетъ средняго роста, только-что прибылъ на укомплектованіе второй Забайкальской казачьей батареи; на чекменѣ его красовался знакъ артиллерійской академіи.

— Такъ вотъ, господа, условьтесь обо всемъ, а я уже пойду къ себѣ,—надо спать ложиться, да, можетъ быть, и дѣло какое есть.

Занятіе Хайлара имѣло огромное значеніе. Прежде всего—значеніе нравственное, ибо Хайларъ есть административный центръ и центръ мѣновой торговли для обширной области, населенной монголами; если онъ перешелъ къ русскимъ, то ясно, что сила на ихъ сторонѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилась въ глазахъ монголовъ слабость китайцевъ. Вотъ почему наиболѣе способный китайскій генералъ Пао тотчасъ рѣшился собрать новый отрядъ и двинулся отъ Большого Хингана, чтобы отнять Хайларъ и возстановить обаяніе китайской власти среди кочевниковъ. Извѣстія въ Азіи распространяются съ необыкновенной быстротой. Поэтому слухъ о побѣдѣ русскихъ при Онгуни 17-го іюля и о занятіи ими Хайлара 21-го іюля, достигшій до Айгуна, повліялъ на дѣла подъ Благовѣщенскомъ, на что и разсчитывалъ начальникъ Хайларскаго отряда, предвидя это еще передъ началомъ похода; такое соображеніе было имъ выражено въ одной изъ телеграммъ, посланныхъ окружному начальству въ Хабаровскъ. Въ смыслѣ матеріальномъ Хайларъ далъ огромныя богатства съ военной точки зрѣнія. Изъ отбитыхъ въ Хайларѣ запасовъ образованъ складъ, гдѣ собрано болѣе 20.000 пудовъ муки; кромѣ того, много овса, проса (буды), соли, вермишели, мыла, свѣчей, болѣе 3.000 цибиковъ чая, овчинъ, матерій, табаку, различныхъ инструментовъ, войлоковъ, юртъ и пр. Складъ послужилъ основаніемъ для дальнѣйшихъ дѣйствій Хайларскаго отряда и продовольствія всѣхъ войскъ, проходившихъ по этому пути какъ впередъ, такъ и назадъ. Съ занятіемъ Хайлара отрядъ оправдалъ свое названіе «Хайларскій».

Начальникъ отряда былъ очень польщенъ, получивъ слѣдующую телеграмму отъ его высочества принца Петра Александровича Ольденбургскаго: «Вашъ старый ученикъ и его мать поздравляютъ съ блестящей побѣдой; шлемъ самыя горячія пожеланія».

22-го іюля Хайларскій отрядъ изъ отдаленнаго города вновь покоренной области имѣлъ счастіе принести поздравленія ея императорскому величеству государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ съ высокоторжественнымъ днемъ тезоименитства.

Н. А. Орловъ.

ПО СЛѢДАМЪ ГОЛОДА [1].

(Изъ воспоминаній очевидца).

XXXIII.

Приспособившіеся.—Около голоднаго коровая.

МОИ ОЧЕРКИ черной годины не были бы полны, если бы я не упомянулъ объ одномъ сортѣ людей, оперировавшихъ въ то время.

Всякія смутныя эпохи порождаютъ на свѣтѣ немало разныхъ темныхъ людей, которымъ легко дышится въ смутной атмосферѣ этого времени. Какъ и слѣдовало ожидать, въ тотъ годъ около голодающаго народа оказалось немало лицъ, приспособившихся около голоднаго коровая. Подъ личиной безкорыстнаго служенія народной нуждѣ (иногда и вовсе безъ этой личины—въ открытую) они прекрасно жили за счетъ этого народа и урывали бо̀льшіе или меньшіе куски отъ черстваго коровая голодающей деревни. Хищники были здѣсь разнообразные: были коршуны, были и кобчики, были акулы, были и щурята. Но всѣ они объединялись подъ общей маркой: маркой ненасытныхъ аппетитовъ.

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXV, стр. 968.

Къ такимъ же приспособившимся захолустные жители относили и многихъ представителей Краснаго Креста.

Одной изъ основательныхъ причинъ нареканій на Красный Крестъ въ то время было то, что на службу Красному Кресту была привлечена масса лицъ не изъ ближайшихъ къ голодающему народу и, слѣдовательно, болѣе или менѣе хорошо знакомыхъ съ положеніемъ его слоевъ, а изъ совершенно постороннихъ сферъ, для которыхъ народъ былъ такимъ же близкимъ, какъ классическая Гекуба. Всѣ эти блестящіе и лощеные джентльмены были милы сердцу лишь господъ помѣщиковъ, ихъ жаждущихъ замужества дочекъ и тому подобныхъ элементовъ; но они были чужды сердцу простого народа, къ котовому они и не умѣли подступиться.

Безкорыстные же работники того времени глухо раздражались на тѣ чудовищные оклады, суточныя, прогонныя, накладныя и иныя деньги, которыя получали эти господа, тогда какъ на всю ту сумму, которая была истрачена въ то время на нихъ, можно было бы накормить не одну тысячу голодныхъ деревень.

Такимъ образомъ, масса денегъ, которыя русское общество довѣрчиво отдавало, чтобы накормить голодающихъ, шли на расходы непроизводительные, или производительность которыхъ была крайне проблематична.

Между тѣмъ можно было бы съ гораздо меньшими затратами найти людей, которые принесли бы столько же пользы голодающей деревнѣ, если не больше, чѣмъ эти блестящіе столичные слетки.

Всѣ эти слетки у насъ носили названіе «приспособившихся», потому что, какъ оказалось послѣ, многіе изъ нихъ, принадлежавшіе иногда къ стариннымъ, но захудалымъ родамъ, послѣ голода могли поправить свои дѣла, отстроить усадьбы, пополнить живой и мертвый инвентарь своихъ экономій и т. д.

Мелькомъ упомяну еще о людяхъ, попользовавшихся около лошадей перваго пригона, гнавшихъ и питавшихъ ихъ дорогой и, тѣмъ не менѣе, представившихъ ихъ въ крайне невозможномъ, какъ знаетъ читатель, видѣ.

Немало было людей, спекулировавшихъ на хлѣбѣ, елико возможно взбивавшихъ цѣну на него и наживавшихъ на этомъ многія тысячи.

Въ хищническомъ стремленіи къ голодному короваю объединялись люди разныхъ положеній: родовитые потомки были обуреваемы тѣми же стремленіями, что и деревенскіе кулаки.

Не брезговали пачкать свои руки о голодный мужицкій коровай и разные родовитые, порой даже титулованные господа, когда-то въ блаженныя времена крѣпостного права владѣвшіе десятками тысячъ десятинъ земли и таковымъ же количествомъ крѣпостныхъ рабовъ, а теперь пришедшіе въ захудалость, потерявшіе всякое значеніе и даже околачивающіеся въ качествѣ привилеги-

рованныхъ приживальщиковъ около разныхъ мѣстныхъ богатыхъ землевладѣльцевъ.

Голодъ для такихъ господъ былъ той мутной водой, въ которой они съ немалой пользой для себя могли половить рыбки. И они ловили ее. Объ этомъ можно было бы много разсказать, но пока кое-какія соображенія заставляютъ отложить это до болѣе удобнаго времени.

XXXIV.

Приспособившіеся. — Ревнитель народной нужды.

Съ Бутыринымъ я познакомился года за полтора до голода, когда мнѣ съ однимъ изъ товарищей по спеціальности пришлось пріѣхать къ нему въ экономію.

Пріѣхавъ въ послѣднюю, мы увидали, что, въ сущности, никакой экономіи и нѣтъ. Вмѣсто усадьбы стоялъ какой-то старый деревянный домишко, на барскую усадьбу мало похожій. Нѣсколько головъ скотины бродило гдѣ-то на задахъ. Вмѣсто забора служилъ плетень, да и тотъ во многихъ мѣстахъ поломанный. По двору бродили голодные, истощавшіе телята и жалобно мычали.

— Гм... усадьба...—проворчалъ мой товарищъ.

— Должно быть, изъ оскудѣвшихъ,—сказалъ я.

— Всѣ они оскудѣвшіе... Хозяйничать не умѣютъ, а отъ барскихъ замашекъ отстать не хотятъ.

Къ нашему остановившемуся тарантасу подошелъ экономическій староста.

— Гдѣ баринъ?

— Ляксѣй Аркадьичъ?

— Ну, какъ его тамъ... его самого...

— А онъ въ амбарѣ. Смотритъ, какъ хлѣбъ молотятъ.

И онъ указалъ рукой на деревянный сарай въ полуверстѣ отъ экономіи.

— Пойдемте,—предложилъ товарищъ.

И мы вылѣзли изъ тарантаса.

— Вы знакомы съ нимъ? — спросилъ я.

— Не имѣю счастія. Но хорошо представляю себѣ: одинъ изъ оскудѣвшихъ Сергѣя Атавы. Къ этому типу я ужъ достаточно присмотрѣлся.

Подходя къ сараю, мы издали увидали молодого человѣка лѣтъ двадцати — двадцати двухъ, въ узкихъ, синихъ, кавалерійскаго образца рейтузахъ и въ какой-то фантастическаго покроя тужуркѣ. Онъ сидѣлъ за перевернутымъ вверхъ дномъ ящикомъ и ковырялъ вилкой лежавшую передъ нимъ на столѣ холодную котлету.

Мы подошли, познакомились и объяснили цѣль нашего пріѣзда.

— Когда же это вы думаете сдѣлать, господа? — спросилъ онъ.— Мнѣ вѣдь скотъ завтра съ утра нуженъ.

— Боится, какъ бы мы у него ночевать не остались,—шепнулъ мнѣ товарищъ.—Чортъ съ нимъ, окончимъ сегодня, да и уѣдемъ...

Черезъ часъ вся работа была окончена, и мы стали прощаться съ Бутыринымъ.

— Какъ же вы, господа, поѣдете, даже не поѣвъ у меня?—сказалъ онъ, должно быть, изъ вѣжливости, надѣясь, по всей вѣроятности, что мы откажемся отъ этого любезнаго приглашенія.

Но такъ какъ мы въ этотъ день рѣшительно ничего не ѣли, то и не отказались, чѣмъ, кажется, привели въ немалое смущеніе хозяина.

— Только вотъ кухня-то у меня не устроена, господа... Все вновь приходится заводить,—сталъ объяснять онъ.—Да и запасовъ никакихъ нѣтъ... Вѣдь я здѣсь налётомъ живу... Все-таки яичницу можно устроить... на открытомъ огнѣ...

Яичница на открытомъ огнѣ скоро была готова, но я, съѣвъ одну ложку, отказался отъ нея,—до того вся она пропахла дымомъ,—и попросилъ молока съ чёрнымъ хлѣбомъ. Товарищъ же мой аккуратно съѣлъ полъ-сковороды, въ чемъ потомъ и раскаялся, такъ какъ всю дорогу маялся жестокими коликами и ругательски ругалъ и Бутырина, и его яичницу.

— Что за субъектъ этотъ Бутыринъ?—спросилъ я затѣмъ одного изъ уѣздныхъ знакомыхъ, знающихъ всѣхъ и вся въ уѣздѣ.

— Уѣздный недоросль, юнкеръ какого-то кавалерійскаго полка, изгнанный оттуда, кажется, за дебошъ и пьянство, а, можетъ быть, и еще за что нибудь худшее. Имѣнье, какъ водится, давно заложено да перезаложено, денегъ въ карманѣ ни сантима, и самъ живетъ по недѣлямъ и по мѣсяцамъ то у одного, то у другого землевладѣльца, благо, еще у насъ сохранилась со временъ крѣпостничества манера давать пріютъ у себя разнымъ приживальщикамъ.

Затѣмъ я о Бутыринѣ забылъ совсѣмъ.

Но въ этотъ голодный годъ я совершенно случайно узнаю, что Бутыринъ стоитъ во главѣ одного попечительства помощи нуждающемуся населенію.

— Что жъ,—подумалъ я,—стало быть, и шалопай на что ни будь пригодился.

Но объ его дѣятельности я ничего ни хорошаго ни дурнаго не слыхалъ.

Спустя съ годъ послѣ голода, мы какъ-то разговорились съ тѣмъ же товарищемъ, съ которымъ были у Бутырина, о голодѣ и его дѣятеляхъ. Вспомнили и о Бутыринѣ.

— Весело жилъ этотъ мальчикъ во время голода,—сказалъ онъ смѣясь.

— А что?

— Заѣхали мы къ нему какъ-то съ членомъ нашей земской управы. Хорошимъ ужиномъ накормилъ насъ (не то, что яичницей съ дымомъ, какъ тогда,—помните?), деликатесами разными... А затѣмъ приказалъ съ села дѣвицъ привести, пѣть и плясать ихъ заставилъ, деньгами одарялъ.

— Но вѣдь говорятъ, что онъ бѣденъ, какъ церковная мышь.

— Это до голода такъ было,—хитро улыбаясь, сказалъ товарищъ.—А во время голода...

И онъ не докончилъ фразы, предоставляя мнѣ самому догадываться, что было во время голода.

Послѣ я узналъ, что Бутыринъ послѣ голода и усадьбу исправилъ, и сельско-хозяйственныхъ машинъ прикупилъ, и нѣкоторые долги уплатилъ, и часть процентовъ въ банкъ внесъ.

Откуда онъ денегъ на все это взялъ, предоставляю судить читателю.

Отчета же объ израсходованныхъ суммахъ онъ, кажется, въ печати не представлялъ.

И такихъ Бутыриныхъ можно было бы въ тотъ годъ насчитать немало, и если эти люди не заклеймены надлежащей печатью презрѣнья, то лишь потому, что они умѣли искусно прятать концы въ воду, что не повсюду проникалъ свѣтъ гласности, и еще потому, что своеобразное понятіе о людяхъ «своего круга» не позволяло членамъ этого круга выводить на чистую воду своихъ недобросовѣстныхъ собратій...

Но да будетъ имъ стыдно и безъ этого—и пусть воспоминанія о тяжелыхъ картинахъ голода, когда они безсовѣстно вырывали изо рта голодающаго кусокъ хлѣба ради собственныхъ интересовъ, послужатъ имъ на будущее тяжелымъ наказаніемъ... если, конечно, у нихъ осталась хоть часть того ненужнаго въ настоящее время придатка, который носитъ названіе совѣсти!..

XXXV.

Приспособившіеся.—На всѣ руки.

Помимо такихъ крупныхъ хищниковъ было въ тотъ годъ еще немало и мелкихъ щукъ и щурятъ, которые тоже урывали нужные для удовлетворенія ихъ аппетитовъ кусочки. И удивительнѣе всего то, что, съ одной стороны, эти господа не старались скрывать свои некрасивыя дѣлишки, а порой даже и афишировали ихъ, а съ другой—и само общество какъ-то снисходительно смотрѣло на все это и добродушно посмѣивалось, видя, какъ та или другая щука ловко устроивала какую нибудь гадость. Даже заинтересованныя учрежденія не противились этому, если только щука не больно зарывалась.

— Въ дракѣ не безъ волосъ,—говорили они.

И переходили къ очереднымъ дѣламъ.

Къ числу такихъ мелкихъ щукъ принадлежитъ и нѣкій Безумовъ, съ которымъ мнѣ, къ моему несчастію, пришлось имѣть немало дѣла.

Прошлое этой темной во всѣхъ отношеніяхъ личности таково. Изъ волостныхъ писарей онъ какимъ-то образомъ попалъ въ полицейскіе надзиратели нашего уѣзднаго города и на одномъ пожарѣ обратилъ на себя вниманіе одного тогдашняго губернскаго администратора изъ помпадуровъ (благодаря своему «энергичному» образу правленія, попавшему даже въ легенды,—о немъ татары въ нашей губерніи даже и теперь не могутъ вспомнить безъ ужаса), благодаря своему образцовому знанію всѣхъ прелестей россійской четырехъ-этажной элоквенціи. Это такъ понравилось помпадуру, что онъ взялъ его въ губернскій городъ и опредѣлилъ въ полицію. Здѣсь онъ дослужился до пристава. Но вскорѣ съ этого поста былъ съ позоромъ удаленъ, такъ какъ завелъ «приватную квартиру», гдѣ уловлялись различными прелестницами пижоны и обирались тамъ. Пропавшія вещи и деньги, конечно, не находились, и фирма «Безумовъ и К°» процвѣтала.

Какъ-то, наконецъ, случайно это выплыло наружу, и Безумова изъ полиціи удалили... въ становые пристава одного изъ уѣздовъ той же губерніи.

Отсюда ему тоже за что-то пришлось удалиться, и онъ пристраивается въ саратовскую полицію, откуда его также удалили.

Въ голодный годъ онъ появляется опять на первоначальномъ мѣстѣ своей полицейско-хищнической карьеры и примазывается къ дѣлу помощи народу.

Его назначаютъ на гужевую перевозку, и, какъ онъ дѣйствовалъ, читатель видѣлъ это изъ предыдущаго очерка «На гужевой перевозкѣ».

Затѣмъ онъ былъ отправленъ въ Ч. на пріемъ казенныхъ лошадей для нуждающагося населенія. На него была возложена обязанность закупать кормъ для принимаемыхъ лошадей, нанимать постоялые дворы и карды и отправлять лошадей въ нашъ уѣздъ. Цѣнъ на представляемыхъ имъ квитанціяхъ и распискахъ никто не провѣрялъ, и, по всей вѣроятности, немало копеекъ прилипло къ липкимъ пальцамъ Безумова.

Затѣмъ много лошадей падало во время перегона.

Для удостовѣренія факта падежа лошади требовалось только свидѣтельство старосты того села, на землѣ котораго пала лошадь. Но такое свидѣтельство получить было вовсе не трудно, тѣмъ болѣе, что Безумовъ представлялъ собою миѳическое «чудище обло, озорно и лаяй», да къ тому же еще въ фуражкѣ съ офицерской, неизвѣстно по какому праву носимой имъ, кокардой и въ военной

тужуркѣ. Такой субъектъ, конечно, могъ, симулируя собой «начальство», нагнать страху на старосту какого нибудь глухого угла уѣзда и заставить его проставить печать. Да, кромѣ того, еще неизвѣстно, не сбывались ли лошади въ дорогѣ, и не были ли онѣ обмѣниваемы на другіе, болѣе худшіе экземпляры, и неизвѣстно, куда дѣвались шкуры, снимавшіяся съ павшихъ.

И, въ заключеніе, Безумовъ пріѣхалъ изъ Ч. въ нашъ городъ на тройкѣ прекрасныхъ, степной породы, лошадей. На вопросы, откуда у него эти лошади, онъ сначала говорилъ что купилъ ихъ, но, когда ему отвѣтили, что всѣмъ хорошо извѣстно, что у него нѣтъ такихъ денегъ, чтобы покупать такихъ хорошихъ лошадей, «подъ секретомъ» признавался, что ему ихъ подарилъ чиновникъ, пригонявшій лошадей изъ Акмолинской области. Но чиновникъ ни въ коемъ случаѣ не могъ дарить казенныхъ лошадей. Ясно, что Безумовъ просто-напросто ихъ укралъ, а въ вѣдомостяхъ поставилъ ихъ павшими.

Я потому такъ много распространился объ этомъ хищникѣ, что онъ наиболѣе мнѣ былъ знакомъ. Но Безумовъ не былъ одинокимъ на поприщѣ «урыванія» отъ голоднаго коровая. Въ общемъ, можно сказать, что

Жуликовъ-мазуриковъ въ эту пору грозную,
Что на небѣ звѣздочекъ въ ноченьку морозную.

Описываемая эпоха еще такъ недалека отъ насъ, отголоски ея еще не забыты, страсти не улеглись—и ближе разрывать эту навозную кучу, по многимъ вполнѣ понятнымъ причинамъ, еще не представляется возможнымъ. Но я думаю при первомъ удобномъ случаѣ еще разъ вернуться къ тому времени и представить читателю по возможности полную галлерею этихъ темныхъ дѣльцовъ и буду очень радъ, если мои скромныя воспоминанія послужатъ нѣкоторымъ предостереженіемъ для дѣятелей на будущихъ голодовкахъ (а отказываться отъ нихъ мы при теперешнемъ положеніи вещей никакъ не можемъ) въ выборѣ помощниковъ въ этомъ святомъ дѣлѣ,—и жертвованная русскимъ человѣкомъ копейка пойдетъ по своему прямому назначенію, а не въ пасти разныхъ акулъ и щукъ...

XXXVI.

Заключеніе.

Я заканчиваю свои записки о голодѣ 1898—1899 гг. въ Поволжьѣ, хотя сюда далеко не вошло все то, что я видѣлъ и слышалъ въ эту тяжелую для нашей деревни годину.

Я знаю, что меня упрекнутъ въ сгущеніи красокъ, быть можетъ, даже въ «преднамѣренномъ желаніи» въ возможно мрачномъ

свѣтѣ представить положеніе голодающей деревни. Но вѣдь того, что было на самомъ дѣлѣ, не выкинешь никакъ. И тутъ эти господа, разсуждающіе такъ и любящіе все видѣть черезъ прекрасныя очки фирмы «все обстоитъ благополучно», припомнятъ, что было въ началѣ сего года на югѣ, въ Херсонской и Бессарабской губерніи. Тамъ, какъ по нотамъ, разыгрывалась точь въ точь такая же исторія, что у насъ въ Поволжьѣ и Прикамьѣ: то же замалчиваніе, то же недовѣріе, то же желаніе показать, что «все обстоитъ благополучно», то же стѣсненіе частной помощи. Пусть читатель вспомнитъ, что тамъ дѣлалось. Пусть припомнитъ исторію съ отверженіемъ помощи Пироговскаго комитета, въ которой де «не нуждаемся, такъ какъ и своими средствами обойдемся», съ голоднымъ хлѣбомъ [1]), съ увольненіемъ и отказомъ нѣкоторыхъ лицъ работать тамъ за неимѣніемъ нужныхъ средствъ [2]), съ стѣсненіемъ частной помощи [3]),

[1]) «Недавно для анализа въ одесскую городскую химическую лабораторію отъ Пироговскаго комитета при одесскомъ комитетѣ общества охраненія народнаго здравія поступилъ хлѣбъ изъ мѣстностей Елисаветградскаго уѣзда, пострадавшихъ отъ неурожая. Хлѣбъ высохшій, мелко ноздреватый, землистаго вида, темно-сѣраго цвѣта, съ зеленоватымъ отливомъ. Насколько питателенъ онъ, можно судить уже потому, что золы голодный хлѣбъ далъ 9,39, тогда какъ нормальный даетъ 2,56; зола же голоднаго хлѣба состоитъ изъ 89,5 процентовъ нерастворимыхъ веществъ и 10,5 процентовъ — растворимыхъ, при чемъ не растворимыя вещества золы состоятъ, главнымъ образомъ, изъ глины. Въ общемъ изслѣдованный голодный хлѣбъ содержитъ 27,19 проц. клѣтчатки и 9,39 проц. золы въ сухомъ веществѣ, т.-е. около трети такихъ веществъ, которыя совершенно не усвоиваются организмомъ и представляютъ при питаніи вредный балластъ» («Волгарь»).

[2]) «Поставленный въ крайне безвыходное положеніе д-ръ Фрейфельдтъ 3-го мая по телеграфу просилъ управу разрѣшить ему выдачу голодающимъ хлѣба и пшена, такъ какъ они три дня не ѣли. Не получивъ отвѣта, д-ръ Фрейфельдтъ 4-го мая опять пріѣхалъ въ Елисаветградъ, чтобы получить наконецъ категорическій отвѣтъ отъ управы, намѣрена ли она что предпринять. Члены управы подъ всякими предлогами уклонились отъ какихъ либо распоряженій. Наконецъ, пріѣхавшій г. Михальчи положилъ резолюцію въ томъ смыслѣ, что управа больше не удерживаетъ д-ра Фрейфельдта и студента Альбицкаго, которые могутъ убраться во-свояси, при чемъ на ихъ мѣсто пригласить другихъ» («Русск. Вѣд.», № 128).

[3]) «Помощь, оказываемая населенію г-жей Журавской на средства, присланныя въ ея распоряженіе добрыми людями, съ первыхъ же шаговъ была крайне стѣснена администраціей и Краснымъ Крестомъ. Г-жѣ Журавской разрѣшено было, и то съ различными ограниченіями, дѣйствовать лишь въ 5 пунктахъ... Въ этихъ мѣстахъ г-жа Журавская могла кормить такое число людей, которое было указано Краснымъ Крестомъ, т.-е. наименьшую часть голодающихъ. Затѣмъ, г-жу Журавскую обязали прекратить дѣятельность одновременно съ Краснымъ Крестомъ, то-есть не позже 1-го мая. Г-жа Журавская еще въ уѣздѣ, но дѣятельность ея, повидимому, близка къ агоніи—и какъ разъ въ тотъ моментъ, когда помощь населенію оказывается наиболѣе необходимой и неотложной» («Русскія Вѣдомости», № 129). ...«Энергично работающей въ уѣздѣ г-жѣ Жуковской все еще приходится наталкиваться на препятствія. Такъ земскій начальникъ 6-го участка, г. Р—ичъ, отдалъ распоряженіе о томъ, чтобы деньги, отданныя г-жей Журавской благотворительному комитету при церковно-приходскомъ попечительствѣ одного изъ селъ его участка для организаціи помощи нуждающимся мѣстнымъ

съ «охранительными» дѣяніями нѣкоторыхъ земскихъ начальниковъ, съ «благоразумными» рѣчами этихъ «охранителей», даже— къ стыду печати!—отрицаніемъ одного «органа печати», «Кіевлянина», въ лицѣ его «достовѣрнаго» корреспондента, голода [1]), съ увольненіемъ «безпокойныхъ элементовъ» [2]) и даже косыми взглядами на желающихъ помочь голодающимъ [3]). Пусть читатель при-

---

крестьянамъ,—были переданы представителю елисаветградскаго комитета общества Краснаго Креста. Деньги эти находились у члена названнаго благотворительнаго комитета, старосты, который не могъ бы, конечно, и подумать ослушаться самоправнаго начальника, но, къ счастію, въ это дѣло вмѣшался о. благочинный, возставшій на защиту правъ и неприкосновенности церковно-приходскихъ попечительствъ; деньги въ концѣ концовъ были возвращены туда, куда ихъ внесла г-жа Журавская. Дѣятельность этой послѣдней несомнѣнно имѣетъ немаловажное значеніе, выражаясь въ устройствѣ столовыхъ, выдачѣ единовременныхъ пособій натурой (картофелемъ) и такъ далѣе, но надо замѣтить, что отсутствіе свободныхъ интеллигентныхъ силъ на мѣстахъ и лишеніе права приглашать сотрудниковъ для борьбы съ голодомъ и болѣзнями неизбѣжно стѣсняетъ дѣятельность г-жи Журавской» («Русскія Вѣдомости», № 96).

[1]) «Въ Елисаветградскомъ уѣздѣ, — категорически утверждаетъ г. Савенко (корреспондентъ «Кіевлянина»), — не было и нѣтъ голода, а есть крестьянская бѣдность и сопряженное съ нею недоѣданіе части населенія» («Русскія Вѣдомости», № 112). «Сообщенія г. Савенка, корреспондента «Кіевлянина», о недородѣ и бѣдствіяхъ въ нашей мѣстности всѣмъ здѣсь показались странными и невѣроятными. Никто изъ мѣстныхъ властей такихъ успокоительныхъ свѣдѣній дать не могъ, и, насколько намъ извѣстно, никто изъ мѣстныхъ властей и не видалъ г. Савенка. Совѣтовали бы Савенку побывать хотя бы въ Новоукраинѣ, гдѣ продовольственная помощь, дѣйствительно, лучше обставлена, чѣмъ въ другихъ пострадавшихъ пунктахъ Елисаветградскаго уѣзда, и лично посѣтить семьи, пораженныя сыпнымъ тифомъ, и мы увидимъ, какія успокоительныя свѣдѣнія г. Савенко сообщитъ тогда» («Южное Обозрѣніе»).

[2]) ...«18-го апрѣля земскій землемѣръ П. З. Рябковъ уволенъ отъ должности. За нѣсколько дней до этого предсѣдатель земской управы г. Скляревичъ призвалъ г. Рябкова и безъ объясненія причинъ предложилъ ему подать прошеніе объ отставкѣ. Но г. Рябковъ потребовалъ предъявленія ему мотивированнаго коллегіальнаго опредѣленія управы объ увольненіи его со службы. Г. Скляревичъ взялъ себѣ три дня на размышленіе. Коллегія рѣшила выставить мотивомъ увольненія г. Рябкова медленное исполненіе имъ какой-то работы. Въ этомъ смыслѣ и написано было постановленіе управы. Нужно замѣтить, что г. Рябковъ состоитъ на земской службѣ девять лѣтъ, всегда былъ на хорошемъ счету и до сихъ поръ не былъ замѣченъ въ небрежномъ исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей... Дѣйствительная причина увольненія г. Рябкова кроется въ томъ, что онъ имѣлъ «неосторожность» интересоваться положеніемъ голодающаго населенія и мѣропріятіями управы по снабженію населенія продовольствіемъ и обсѣмененіемъ и по обезпеченію его лѣчебной помощью. Такая «неосторожность» считается теперь у насъ краснорѣчивымъ доказательствомъ крайней неблагонадежности и зловреднаго образа мыслей» («Русскія Вѣдомости», № 112).

[3]) ...«Служащіе въ елисаветградской земской управѣ, «дѣлавшіе въ пользу голодающихъ отчисленія изъ своего скуднаго жалованья и выразившіе желаніе, чтобы ихъ жертва направлялась черезъ врачей и г-жу Журавскую, а не черезъ земскихъ начальниковъ, призывались въ комиссіи. Передъ нѣкоторыми изъ призванныхъ довольно ярко всталъ призракъ увольненія, а затѣмъ всѣмъ возвратили ихъ взносы, которые управа три мѣсяца хранила, не отсылая по назначенію» («С.-Петербургскія Вѣдомости»).

помнить, что люди тамъ не только голодаютъ, но и убиваютъ съ голоду (убійство помѣщика Кардасевича крестьяниномъ въ Елисаветградскомъ уѣздѣ Херсонской губерніи).

Сознаюсь, что я очень мало, почти ничего не сказалъ въ своихъ очеркахъ о томъ, что дѣлалось тамъ, вверху, не выяснилъ, какими мотивами руководились правящіе и начальствующіе, стараясь замолчать неурожай и голодъ и низвести ихъ на степень «недорода» и «недоѣданія», почему затѣмъ ограничивали ихъ истинные размѣры и урѣзывали разныя смѣты и цифры. Не сказалъ я этого потому, что слишкомъ былъ далекъ отъ этихъ сферъ, но зато я былъ близокъ къ деревнѣ и видѣлъ, къ какимъ «благимъ» послѣдствіямъ приводила «осторожность» администраціи.

Чтобы не быть голословнымъ, я приведу здѣсь выдержки изъ рѣчи самарскаго вице-губернатора г. Кондоиди въ томъ видѣ, въ какомъ она приведена въ статьѣ А. Пругавина «Поѣздка по голоднымъ и цынготнымъ мѣстамъ» («Русскія Вѣдомости», № 170):

«Собраніе, какъ извѣстно, было открыто рѣчью исправляющаго должность губернатора, самарскаго вице-губернатора В. Г. Кондоиди,—рѣчью, которая, безъ сомнѣнія, надолго останется памятной въ исторіи голодовки 1898—1899 года.

«Въ рѣчи указывалось «на распространеніе въ обществѣ крайне неосновательныхъ слуховъ» о переживаемомъ населеніемъ Самарской губерніи голодѣ и обращалось вниманіе гласныхъ «на необходимость съ особой осмотрительностью относиться къ разрѣшенію вопросовъ о продовольственной помощи». При этомъ гласные предостерегались, что «тенденціозное обобщеніе отдѣльныхъ фактовъ можетъ повлечь за собою весьма печальныя послѣдствія». Затѣмъ съ особеннымъ удареніемъ подчеркивалось, что «распространяемые слухи о голодѣ и о послѣдовавшихъ за нимъ болѣзняхъ, помѣщенные, между прочимъ, и на столбцахъ нѣкоторыхъ газетъ и журналовъ, не имѣютъ подъ собою почвы» и не заслуживаютъ никакого довѣрія, такъ какъ всѣ эти слухи крайне преувеличены и такъ далѣе. Хотя далѣе признавалось, что «мѣстами, дѣйствительно, имѣется крайняя нужда въ продовольствіи, и помощь является неизбѣжной», но тутъ же высказывалось твердое убѣжденіе, что населеніе Самарской губерніи совсѣмъ «не переживаетъ того остраго періода, который бы граничилъ съ голодомъ», а потому къ назначенію ссудъ гласные должны относиться съ особенной осторожностью, памятуя притомъ, что въ неурожайные годы всѣ вообще крестьяне, какъ неимущіе, такъ и зажиточные, стремятся будто бы къ полученію ссудъ, въ надеждѣ, что впослѣдствіи эти ссуды будутъ съ нихъ сложены, и т. д.

«Нетрудно представить себѣ то впечатлѣніе, которое произвела эта рѣчь на гласныхъ, только что пріѣхавшихъ съ самыхъ мѣстъ неурожая и голодовки и бывшихъ очевидцами того, что происхо-

дило въ селахъ и деревняхъ. Помню, во время перерыва засѣданія я встрѣтился съ однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ, г. Х., пользующимся общимъ уваженіемъ. Крупный землевладѣлецъ, всегда корректный и сдержанный, съ англійской выправкой, теперь онъ былъ взволнованъ и возмущенъ.

— «Конечно,—съ горечью говорилъ онъ,—если жить безвыѣздно въ Самарѣ, то можно и не знать, что дѣлается въ деревняхъ Бугульминскаго или Ставропольскаго уѣздовъ. Но населенію-то отъ этого, разумѣется, не легче. Повѣрьте мнѣ, что голодовка уже сдѣлала свое дѣло: она какъ нельзя лучше подготовила почву для разныхъ болѣзней, и я убѣжденъ, что у насъ къ веснѣ разовьется страшная цынга... Это неизбѣжно, помяните меня...

«Слова эти оказались пророческими; къ сожалѣнію, они оправдались даже скорѣе, чѣмъ можно было ожидать. Едва успѣло закрыться земское собраніе (1-го февраля), какъ съ разныхъ концовъ губерніи посыпались телеграммы и донесенія, сообщавшія о появленіи цынги или тифа то въ томъ, то въ другомъ селѣ или деревнѣ».

И такихъ рѣчей, рекомендующихъ сугубую «осторожность» и отрицавшихъ голодъ, въ тотъ годъ раздавалось немало. И даже тогда, когда голодъ былъ близокъ къ концу, когда передъ глазами каждаго уже успѣло за зиму пройти немало картинъ голода, находились люди, которые отрицали существованіе его и даже обвиняли мужика въ желаніи нарочито вызвать неурожай и въ слѣдующемъ году. Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣрялъ насъ въ томъ членъ казанской земской управы, князь Крапоткинъ, говоря, что татары Мамадышскаго уѣзда нарочно плохо по веснѣ 1899 года пашутъ землю, чтобы опять ничего не уродилось.

— Имъ неурожай вѣдь на руку,—говорилъ онъ:—опять кормить будутъ.

Оставляю сообщеніе кн. Крапоткина о мамадышскихъ татарахъ на его совѣсти.

Благодаря такой «осторожности» въ дѣлѣ назначенія ссудъ, составленія списковъ голодающихъ, раздачи продовольствія и проч., получилось то колоссальное зло, благодаря которому многіе крестьянскія хозяйства оказались подорванными въ корнѣ на долгіе годы [1]).

---

[1]) Такъ въ д. Мироновкѣ Навоузенскаго уѣзда Самарской губерніи голодъ довелъ до необходимости во время предстоящаго передѣла сдать въ аренду почти всю землю кулакамъ на 12 лѣтъ. Такимъ образомъ, мироновскіе кулаки сумѣли скупить болѣе 200 крестьянскихъ надѣловъ, то-есть, болѣе 3.200 десятинъ, по 78 копеекъ за десятину въ мѣстности, гдѣ 4—5 рублей за десятину платятъ только за то, чтобы посѣять рожь, да притомъ подъ борону.

Печальную роль въ тотъ годъ сыграла и печать, то-есть, собственно, не она, а то учрежденіе, которое, какъ Дамокловъ мечъ, виситъ надъ провинціальной печатью, то-есть, цензура.

Цензура чрезвычайно ревниво относилась ко всему тому, что исходило изъ голодающихъ мѣстностей. Самыя слова «неурожай» и «голодъ» пугали её и замѣнялись смягченными «недородомъ» и «недоѣданіемъ». Такъ въ одной изъ казанскихъ газетъ—«Волжскомъ Вѣстникѣ», одинъ мѣстный авторъ, И. А. Гаркави, близко соприкасавшійся съ нуждающимся населеніемъ, хотѣлъ было предпринять рядъ статей съ мѣста голода, но цензура ихъ разрѣшила печатать только подъ условіемъ, чтобы страшныя слова: «неурожай» и «голодъ», въ нихъ не упоминались. Да и то все дѣло ограничилось однимъ очеркомъ, а послѣдующіе не были разрѣшены. Даже спустя много времени послѣ голода, слово «голодъ» пугало цензуру подобно тому, какъ у Островскаго замоскворѣцкую купчиху пугало слово «жупелъ». Такъ въ нынѣшнемъ году тотъ же цензоръ вычеркнулъ это слово изъ одного моего беллетристическаго разсказа, помѣщеннаго въ одной изъ казанскихъ газетъ, и замѣнилъ его «неурожаемъ». А вѣдь цензоръ этотъ считается у насъ человѣкомъ образованнымъ, по крайней мѣрѣ, онъ занималъ много лѣтъ профессорскую каѳедру.

Но вотъ голодъ былъ признанъ; препятствія, которыя ставились частнымъ комитетамъ, устранились; голодающихъ стали кормить и Красный Крестъ, и частные комитеты. Но теперь, спустя два года послѣ этой эпохи, намъ кажется, будетъ своевременнымъ подвести нѣкоторые итоги дѣятельности обоихъ этихъ агентовъ помощи, работавшихъ въ тотъ годъ.

Для будущаго историка этой эпохи предстоитъ немало работы выяснить, кто больше сдѣлалъ пользы для народа въ тѣ дни: Красный Крестъ или частные комитеты? Даже въ то время этотъ вопросъ дебатировался немало, и я нисколько не ошибусь, если скажу, что благосклонность большинства склонялась въ сторону послѣднихъ. Не мѣсто здѣсь разбирать, чѣмъ вызвалъ Красный Крестъ меньшую любовь къ себѣ, это мы всѣ, работавшіе на томъ голодѣ, хорошо знали. Пусть господа, состоявшіе на службѣ этого учрежденія, пороются въ своей памяти и, положа руку на сердце, скажутъ, все ли было сдѣлано ими тогда, что предписывало сердце и совѣсть. И не затемнялось ли зачастую дѣло помощи посторонними, ничего съ этой помощью не имѣющими, соображеніями и побужденіями, благодаря чему и самая помощь тормозилась? Пусть же все несимпатичное, что было сдѣлано ими тогда, ляжетъ на ихъ совѣсти!

Не знаю, какими побужденіями руководствовались тогда, разсылая собирать свѣдѣнія и устраивать дѣло помощи какихъ-то подозрительныхъ «докторовъ», на самомъ дѣлѣ не имѣющихъ ника-

кого права на это званіе, пріѣзжавшихъ въ наши глухія палестины съ видомъ олимпійцевъ-рѣшителей судебъ, пускающихъ въ глаза пыль блескомъ фантастическихъ орденовъ какихъ-то африканскихъ властителей, то генераловъ, для которыхъ недородъ былъ нисколько не ближе знаменитой Гекубы, то блестящихъ гвардейскихъ поручиковъ и корнетовъ. Мы знаемъ, какъ собирали свѣдѣнія эти господа, проѣзжая по широкимъ, обсаженнымъ деревьями, столбовымъ дорогамъ, въ предшествіи исправниковъ, становыхъ и прочей полицейской братіи, и не заглядывая туда, гдѣ царила настоящая нужда. Мы знаемъ, какъ они работали (вѣдь Бодиско былъ только единственный изъ нихъ), и многіе занимались только тѣмъ, что упивались своимъ завиднымъ положеніемъ «калифовъ на часъ» и вносили рознь туда, гдѣ должна бы царить солидарность, желая во всемъ разыгрывать абсолютныхъ монарховъ.

Я далекъ отъ мысли дѣлать изъ этого обвинительный актъ противъ всѣхъ дѣятелей Краснаго Креста. Были и въ средѣ ихъ честные и безупречные дѣятели; одинъ изъ нихъ даже положилъ и жизнь на этомъ дѣлѣ. Но я попрошу остальныхъ вспомнить, были ли они безупречны на своихъ постахъ такъ, какъ требовало занятое ими въ то тяжелое время положеніе, и не больше ли бы они сдѣлали пользы, если бы отложили въ сторону мелкое самолюбіе и взглядъ на свое это занятіе, какъ на отхожій промыселъ, какъ на счастливый случай, разнообразившій скучную казарменную или департаментскую жизнь.

Да не подумаетъ читатель, что я съ излишней придирчивостью отношусь къ дѣятельности отдѣльныхъ членовъ Краснаго Креста и готовъ явиться апологетомъ частныхъ комитетовъ помощи. Заявляю, что въ данномъ случаѣ я стою внѣ партій и отмѣчаю лишь недостатки, которые могъ подмѣтить, обоихъ этихъ агентовъ помощи. И частные комитеты дѣлали немало промаховъ, и въ нихъ подчасъ орудовали недостойные, въ томъ или другомъ отношеніи, люди. Такъ нѣкоторые изъ нихъ и до сихъ поръ не опубликовали отчетовъ въ израсходованныхъ суммахъ, и куда ушли послѣднія,— знаетъ лишь Богъ да эти господа. Иногда же эти деньги шли на другое, ничего общаго съ дѣломъ помощи голодающимъ не имѣющее. Такъ въ Казанской губерніи одинъ священникъ опубликовалъ свой отчетъ, въ которомъ показана такая статья расхода:

На молебны за здравіе жертвователей... столько-то.

Люди—вездѣ люди.

Какъ читатель могъ замѣтить, на всемъ протяженіи настоящихъ очерковъ я ратовалъ за возможно широкую помощь въ случаѣ нужды. Главнымъ образомъ, нужно, чтобы въ виду предотвращенія бѣдствія не было формальнаго отношенія къ дѣлу и рутины.

Не надо ставить желающимъ помочь голодающему препонъ, не надо обманывать и себя, и другихъ, что «все обстоитъ благополучно», и что «мы и своими средствами обойдемся». Если общество хочетъ жертвовать, если отдѣльныя лица хотятъ работать,—пусть жертвуютъ и работаютъ. «Запасъ карманъ не тянетъ», а при случаѣ можетъ сослужить большую пользу. Быть можетъ, нѣкоторымъ «администраторамъ» это и не понравится, то что-жъ дѣлать,—мнѣнія этихъ господъ извѣстны каждому, равно какъ извѣстны и побужденія, которыми они руководствуются, излагая эти мнѣнія.

И въ то же время нельзя не сознаться, что всѣ эти столовыя, общественныя работы и тому подобная помощь являются только палліативами, помогаютъ нуждающемуся населенію пережить только трудное время. Вреда же, который причиняютъ неурожаи и голодъ, и который выражается въ расшатанномъ хозяйствѣ, они устранить не могутъ. Плохія вѣсти идутъ въ настоящее время изъ Поволжья, съ Юга, т. е. оттуда, гдѣ населеніе не успѣло еще оправиться отъ только что пережитыхъ бѣдъ. А тутъ, быть можетъ, явится новая такая же бѣда. Мудрено ли, что крестьянское хозяйство здѣсь расшатается въ конецъ, что народъ ослабѣетъ и даже, быть можетъ, станетъ свыкаться съ этимъ, такъ какъ въ характерѣ русскаго человѣка лежитъ способность свыкаться со всякимъ сквернымъ положеніемъ. Но только къ чему приводитъ эта способность,—пусть судитъ читатель самъ...

Въ настоящее время [1]) мы стоимъ передъ грознымъ временемъ. Недороды и голодовки грозятъ у насъ сдѣлаться чуть ли не хроническимъ явленіемъ, занять такое же мѣсто, какъ мѣстныя безработицы, переполненіе рынка рабочими руками и т. под. «Русская жизнь,—говоритъ одинъ русскій экономистъ,—полная своеобразныхъ явленій, какихъ не встрѣтишь «во всѣхъ Европахъ», путемъ тяжелаго и горькаго опыта выработала особый терминъ: этотъ терминъ—«недородъ». Недородъ—это не голодъ, это—неурожай: голодъ разражается, какъ непреоборимая сила, какъ результатъ какихъ либо стихійныхъ обстоятельствъ, не зависящихъ оттого, какъ и чѣмъ производятъ и добываютъ хлѣбъ. Недородъ это явленіе хроническое, настолько присущее русскому земледѣльческому хозяйству, что регулярно повторяется изъ года въ годъ. Голодъ—это острая болѣзнь, внезапно появляющаяся и такъ же быстро исчезающая, какъ появляется и исчезаетъ острый катарръ желудка; недородъ по отношенію къ голоду то же, что хроническій катарръ желудка по отношенію къ острому».

---

[1]) Въ то время, какъ мы пишемъ эти статьи, доносятся плохія вѣсти объ урожаѣ изъ Саратовской, Самарской и Симбирской губерній, т. е. оттуда, гдѣ голодъ былъ и въ описываемую эпоху.

Въ такомъ случаѣ борьба съ этими новыми для насъ врагами становится все болѣе и болѣе затруднительной, и необходимо найти выходъ изъ этого тяжелаго положенія. Обществу вѣдь въ концѣ концовъ надоѣстъ все помогать и кормить голодающихъ, такъ какъ невозможно вѣдь наполнить эту бездонную бочку—и оно предоставитъ голодную деревню самой себѣ. И вотъ тогда передъ голоднымъ мужикомъ встанетъ во всемъ своемъ ужасѣ грозный вопросъ: «что дѣлать?» Но что же дѣлать тогда ему, если никто ему не поможетъ, какъ только не помирать? И онъ будетъ тогда тихо и безропотно помирать массами, какъ помиралъ единицами въ предыдущіе голодные годы.

А выходъ изъ этого тяжелаго положенія есть. Но для того, чтобы получились осязательные результаты, нужны еще долгіе годы.

Великій германскій поэтъ, умирая, воскликнулъ:

— Свѣта!.. Больше свѣта!..

Эти слова должны намъ указать на первый изъ выходовъ. Свѣта въ темную крестьянскую массу, просвѣщенія широкой волной въ поставленныхъ на разумныхъ началахъ школахъ, а не въ жалкихъ суррогатахъ ихъ. Нечего бояться свѣта,—свѣта боятся только совы и филины... Только просвѣщеніе дастъ возможность крестьянину уразумѣть принципы интензивной обработки почвы, улучшенія ея, обзаведенія хорошими сельско-хозяйственными машинами, а не прозябать съ своей вѣковушей—сохой матушкой и цѣпомъ батюшкой. Только свѣтъ можетъ научить его не полагаться всецѣло на просительные молебны, обнесеніе иконы вокругъ заболѣвшаго стада, не призывать къ тифознымъ больнымъ колдуновъ съ ихъ наговоренной водой, Только свѣтъ можетъ изгнать изъ обихода голодающаго избоину, желудь и гнилушки и навсегда замкнетъ уста разнымъ «народнымъ печальникамъ», къ стыду ихъ, измышляющимъ разные «прекрасные суррогаты», которые будто бы можетъ переварить голодный мужицкій желудокъ.

Итакъ первой причиной этихъ періодически повторяющихся голодовокъ является отсутствіе просвѣщенія вообще и агрономическихъ знаній въ частности.

Второй причиной является малоземелье.

Ни для кого не новость, что въ очень многихъ мѣстахъ мужикъ нашъ стѣсненъ до крайности въ землѣ, что есть нѣкоторыя селенія, гдѣ буквально курицу некуда выпустить, а частыя черезполосицы и передѣлы еще болѣе увеличиваютъ неудобства этого малоземелья. И вотъ мужикъ трогается съ мѣса, распродаетъ за безцѣнокъ всю свою послѣднюю рухлядь—и идетъ, куда глаза глядятъ, чуть не въ «Бѣлую Арапію», гдѣ земли много, и она даромъ раздается, и затѣмъ разочаровывается въ этихъ «новыхъ мѣстахъ». Пишущему эти строки не разъ приходилось видѣть возвращающихся назадъ не-

удачниковъ переселенцевъ, голодныхъ, больныхъ, обнищавшихъ въ конецъ, идущихъ назадъ, на старыя мѣста, питаясь Христовымъ именемъ.

Зависитъ это оттого, что у насъ до сихъ поръ дѣло переселеній не урегулировано, какъ слѣдуетъ. Разныя заботы,—внѣшнія и внутреннія, преимущественно политическаго характера, — отвлекаютъ вниманіе отъ этого, а такое насущное, жизненное дѣло, требующее немедленнаго урегулированія, долгіе годы не подвинулось ни на шагъ. Свиданія греческаго и румынскаго королей интересуютъ насъ болѣе, чѣмъ безвыходная малоземельность русскаго мужика.

И онъ будетъ терпѣть еще долгіе годы, пока у него хватитъ этого терпѣнія...

Затѣмъ община, круговая порука и неимѣніе крестьяниномъ обще-гражданскихъ правъ являются сильными тормазами общему прогрессу крестьянской массы.

И только тогда, когда всѣ эти тормозящіе факторы исчезнутъ навсегда, можно надѣяться, что исчезнутъ и «недороды» съ ихъ страшными послѣдствіями—голодомъ, цынгой, тифомъ и разореніемъ крестьянскаго благосостоянія.

Василій Л. Якимовъ.

ОЧЕРКИ НИКОЛАЕВСКОЙ ЦЕНЗУРЫ [1].

(Очеркъ второй).

Шишковъ на первомъ докладѣ у императора Николая Павловича.—«Мнѣніе о разсматриваніи книгъ» 1815 г.—Второе «мнѣніе» Шишкова 1822 г.—«Укоризненныя оправданія, не меньше того справедливыя».—Основанное на корыстолюбіи «затменіе ясности наукъ» нѣмцами-профессорами. — Шишковъ — министръ. — Планъ къ потушенію «карбонарства».—Нравственный развратъ, извѣстный подъ именемъ «духа времени».—Шишковъ съ Аракчеевымъ у митрополита Серафима.—Запрещеніе краткаго катехизиса Филарета.—Нерѣшительность и двойственность Александра І-го. — Цензурный уставъ 1826 года. — «Глава первая-на-десять».—Запрещеніе магическихъ, астрологическихъ и кабалистическихъ книгъ.—Запрещеніе означать пропуски точками.—Запрещеніе произвольныхъ историческихъ умствованій.—Запрещеніе мудрованій новой философіи.—Запрещеніе вредныхъ теорій о правѣ.—Ограниченіе естественныхъ и медицинскихъ наукъ.—Статья 213-я.—Неудача Шишкова и отставка его.—Письма Булгарина къ цензору Никитенкѣ.—Ѳ. В. Булгарину «плакать хочется».—Время Рунича и Магницкаго, какъ «золотой вѣкъ» литературы.—Характеристика цензуры съ 1834 по 1847 годъ.—Размноженіе цензуръ.—Запрещеніе «предавать на общій приговоръ публики» таксу легковыхъ извозчиковъ.—Запрещеніе «необузданныхъ порывовъ патріотизма».—Конфиденціальныя предложенія.—Вся литература съ Кантемира признана неблагонадежной, но достойной снисхожденія.—Затрудненія при новыхъ изданіяхъ старыхъ авторовъ.—«Моровая полоса» съ 1848 по 1855 г.—Министръ Ширинскій-Шихматовъ. — «Разсмотрѣніе» философскихъ наукъ. — Угашеніе «западнаго свѣта». — «Явная» неблагонамѣренность славянофиловъ.—Угашеніе «восточнаго свѣта».—Курьезы и «игра ума» николаевской цензуры.—Неодобрительный отзывъ духовной цензуры о поэмахъ Мильтона.—Разсмотрѣніе нотъ.

I.

ДЕНЬ 14-го ДЕКАБРЯ засталъ въ роли министра просвѣщенія знаменитаго поборника стараго слога и «словенскаго» языка, человѣка еще Екатерининскаго времени, адмирала Шишкова. «День сей, по мнѣнію сего старца, сколь ни былъ злополученъ и для многихъ бѣдственъ, однакожъ онъ послужилъ къ нѣкоторому добру; ибо чрезъ него открылся между многими военнослужащими и гражданскими чиновниками заговоръ... плоды тѣхъ зловредныхъ дѣйствій и книгъ, противъ которыхъ я... безполезно вооружался».

Можно представить себѣ, какія чувства волновали старца, когда онъ въ первый разъ явился на докладъ къ молодому императору.

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXV, стр. 850.

Предсказанія его сбылись. Теперь-то насталъ часъ его! И въ самомъ дѣлѣ Николай Павловичъ принялъ его очень милостиво. Шишковъ отдалъ ему всѣ замѣчанія и письма, писанныя имъ къ покойному монарху и къ графу Аракчееву о мѣрахъ искорененія зловреднаго «духа времени». Императоръ приказалъ ему написать новый цензурный уставъ и отпустилъ еще милостивѣе, нежели принялъ [1]).

Что же стояло въ «замѣчаніяхъ и письмахъ» стараго царедворца, адмирала, академика и автора манифестовъ 1812-го года?

Еще въ 1815 году іюня 17 дня неутомимый старикъ представилъ особое «мнѣніе о разсматриваніи книгъ или цензурѣ», будучи убѣжденъ, что «цензура въ основаніи своемъ недостаточна», и что «языкъ въ издаваемыхъ книгахъ время отъ времени не только портится, но и становится отъ часу безобразнѣе и дерзостнѣе». Въ этомъ «мнѣніи» Шишковъ начинаетъ ab ovo, т. е. съ Гуттенберга. Со времени изобрѣтенія книгопечатанія всякій, кто зналъ грамоту, сталъ читать и напоять умъ свой и душу понятіями. Отселѣ потекли обильныя струи добра и зла. Всякій, мудрый и невѣжда, правдолюбецъ и лжеумствователь, добронравный и развращенный, ораторъ и пустословъ, стали каждый свое писать и печатать. Всякій получилъ удобность наединѣ, взаперти, скрытно, думать, сочинять, писать, что хочетъ, и посредствомъ книгопечатанія сообщать мысли свои другимъ, не опасаясь ни наказанія, ни презрѣнія. Отсюда произошло, что гдѣ вѣра возносила священный гласъ свой,— тамъ и безвѣріе изъ нечистыхъ устъ своихъ изрыгало смѣхъ и кощунство; гдѣ науки разливали свѣтъ свой,—и лжеученіе или суесловіе затмевало разумъ. Въ сей борьбѣ зла съ добромъ перевѣсъ въ пользу того или другого долженствовалъ быть наблюдаемъ цензурою или оцѣнкою книгъ. «Какая труба, восклицаетъ Шишковъ, удобнѣе внушитъ гласъ свой во уши и сердца многихъ, какъ не книга, въ одно и то же время въ тысячи мѣстахъ и тысячами людей читаемая? Притомъ же слово, хитростію ума испещренное, ядовитѣе и опаснѣе змѣи, прельстившей прародителей нашихъ. Оно подъ различными видами то угожденіемъ сладострастію, то остротою насмѣшки, то мнимою важностію мудрости, то сокровенностію мыслей, а иногда и самою темнотою и безтолковицею, очаровываетъ, ослѣпляетъ неопытные умы»...

Однимъ словомъ,

> Говорятъ, рѣзныя буквы
> Нынче какъ-то составляютъ,
> И одну и ту же книгу
> Въ цѣлыхъ сотняхъ размножаютъ,—

---

[1]) Записки Шишкова. Изданіе Киселева и Самарина. 1870 г. Berlin. Томъ II. Стр. 276.

Что же, если эти бредни
Въ сотняхъ списковъ по вселенной
Вихорь дьявольскій размечетъ?
Все въ хаосъ придетъ смятенный?

Прошедшій вѣкъ (XVIII-й), названный просвѣщеннымъ и философскимъ, усыпя бдѣніе правительствъ, породилъ и возлелѣялъ духъ безбожія и злонравія. Франція, поколебавъ умы и спокойствіе всей Европы, показала и показываетъ еще столь явный и громкій тому примѣръ. Языкъ ея, сдѣлавшійся, къ несчастію, общимъ, способствовалъ сему подъ именемъ любомудрія, образованія, вкуса, просвѣщенія, возникшему въ ней злу скитаться изъ страны въ страну, изъ дома въ домъ, изъ училища въ училище, изъ журнала въ журналъ, съ театра на театръ, и сперва скрытно, а потомъ и явно учить, воспитывать, заражать, ослѣплять, развращать юношество... «Время, заключалъ Шишковъ, время и нужно правительству обратить строгое и попечительное вниманіе!» Какой же былъ результатъ зловѣщаго мнѣнія Шишкова? Въ государственномъ совѣтѣ, при слушаніи его, нѣкоторые члены удивлялись, другіе смѣялись. Бумага осталась погребенной въ вѣчное забвеніе. Часъ Шишкова еще не пробилъ. «Либералисты» и «мистики» были еще сильнѣе партіи, къ которой принадлежалъ старый адмиралъ [1]).

II.

Въ 1822 г., по поводу дѣла о петербургскихъ профессорахъ Германѣ, Раупахѣ, Галичѣ и Арсеньевѣ, опять выступилъ Шишковъ съ новымъ «мнѣніемъ». Въ своихъ запискахъ онъ поясняетъ это «мнѣніе» такими соображеніями: «Новомысліе и вольнодумство заразило всѣ наши училища, и въ нихъ, подъ предлогомъ новаго просвѣщенія, новаго образа мыслей, преподавалось презрѣніе ко всему старому, къ языку, правительству, законамъ нравственности и даже къ самой вѣрѣ. Многія учебныя книги наполнены были сими правилами. Многіе журналы, которые позволялось выдавать всякому, кто хочетъ, распространяли сіи ученія, читаемыя съ жадностью... Часто, для пополненія сихъ листковъ, выписывались и переводились изъ иностранныхъ вѣдомостей всѣ тѣ злоумствованія, злодѣянія, бунты, смертоубійства, мерзости, какія гдѣ случились, о которыхъ народу нашему возвѣщать не было никакой надобности... Наконецъ гласныя проповѣдыванія и возмущенія противъ правительствъ, возникшія въ Мадридѣ, въ Неаполѣ и въ другихъ державахъ, понудили обратить вниманіе на сію свободу мысли. Вслѣдствіе сей перемѣны министерствомъ просвѣщенія отысканы были многія печатныя книги и захвачены рукописныя

---

[1]) Записки, стр. 48—53, томъ II-й.

тетради, по которымъ профессора и учители преподавали свои уроки въ нашихъ училищахъ».

«Отысканы», значитъ, были курсы и учебники, которыхъ и искать было нечего, такъ какъ ихъ ввело само же министерство. Шишковъ не скрываетъ этого. «Оправданія профессоровъ были укоризненны, объясняетъ онъ, но не меньше того справедливы (почему же тогда «укоризненны»?)—они говорили, что не могли предвидѣть сего на нихъ взысканія, поелику за то самое нынѣ осуждаются, что прежде по системѣ либерализма было одобряемо, и за что они получали чины, ордена и награды».

«Названы однакожъ они были возмутителями, возстававшими противъ правительства, нравственности и вѣры; но обвиняемые въ столь важныхъ преступленіяхъ, за которыя мало послать въ ссылку, не могли, по строгой противъ отвѣтовъ ихъ справедливости, ни къ чему быть приговорены».

«При семъ случаѣ, добавляетъ Шишковъ, подано было отъ меня вышеозначенное мнѣніе мое, которое, по прочтеніи въ комитетѣ, всѣми принято было съ великимъ одобреніемъ. Многіе изъ членовъ списали оное. Но впрочемъ оно, какъ и всѣ другія мнѣнія мои, осталось безъ всякаго послѣдствія». Въ чемъ же оно состояло? Во вторичномъ указаніи, что цензура слаба.

Между тѣмъ необходимо «заградить источникъ, отколѣ зло сіе проистекло», искоренить «худости, служащія къ воспламененію умовъ и распространенію заблужденій», «разсѣянныя во множествѣ книгъ и часто при первомъ взглядѣ не проницаемыя», но которыя, «подобно посаженнымъ въ землю сѣменамъ, даютъ отъ себя плодъ, растутъ и отчасу болѣе умножаются, заражая молодыхъ людей сердца и умы». Главное зло—нѣмецкіе профессора.

«Давно извѣстно, что нѣмецкіе профессоры стараются затмевать ясность наукъ, примѣшивая къ нимъ непонятныя начала, изложенныя невразумительными словами и мыслями, дабы подъ видомъ глубокой, скрывающейся въ нихъ мудрости, внушать ученикамъ великое о себѣ мнѣніе и долговременнѣе получать отъ нихъ плату за сіи уроки». «Сія на корыстолюбіи основанная хитрость» и погубила нравы. «Шагъ за шагомъ, пошли новыя выдумки, новый образъ мыслей; все стало позволительно; законы повиновенія и нравственности потеряли силу свою». Какъ же спастись отъ корыстолюбивыхъ хитростей нѣмцевъ-ученыхъ? «Надежнѣйшее средство — благоразумная и прилежно наблюдающая должность свою цензура. Надобно, чтобъ она была ни слабая, ни строгая; ибо слабая не усмотритъ, а строгая не дастъ говорить ни уму, ни правдѣ». Итакъ, Шишковъ еще хотѣлъ при этомъ дать говорить и уму, и правдѣ!

Такъ говорилъ въ 1822 году президентъ русской академіи, членъ государственнаго совѣта, составитель манифестовъ, старецъ, «бле-

щущій среди народа священной памятью двѣнадцатаго года», адмиралъ, авторъ семнадцати томовъ сочиненій! Какое-то кантонистское невѣжество разлито въ чадныхъ и изступленныхъ словахъ этого зловѣщаго старика!

Вспомните, что еще въ 1800 году вышла «Система идеализма» Шеллинга; въ 1806 году—«Феноменологія» Гегеля; въ 1808 году—«Фаустъ» Гете; въ 1811 году—«Римская исторія» Нибура; въ 1816 году—«Alastor» Шелли; въ 1818 году—«Чайльдъ Гарольдъ» Байрона; въ 1819 году—«Міръ, какъ воля и представленіе» Шопенгауэра; въ 1820 году—«Философія права» Гегеля; въ 1822 г.—стихотворенія Гейне...

И посреди этихъ геніевъ міра, на вершинѣ гигантской имперіи раздается шамкающій лепетъ невѣжественнаго галлюцинатастарика.

III.

Въ первый разъ «нѣкоторые удивлялись, другіе смѣялись», слушая Шишкова. Во второй приняли его мнѣніе уже «съ великимъ одобреніемъ» и «списали оное». Наконецъ, мая 15-го дня 1824 года Шишковъ наименованъ министромъ народнаго просвѣщенія и на первомъ же докладѣ проситъ поручить ему «сдѣлать планъ, какіе употребить способы къ тихому и скромному потушенію того зла, которое хотя и не носитъ у насъ имени карбонарства, но есть точно оное». А «для обузданія разврата, разсѣваемаго въ книгахъ тысячами различныхъ образовъ, нужно какъ наискорѣе устроить цензуру, которая до сего времени, можно сказать, не существовала».

Императоръ приказываетъ Шишкову пока приступить «къ начертанію плановъ», насчетъ же цензуры умалчиваетъ. Тогда министръ пишетъ ему:

«Нравственный развратъ, подъ названіемъ духа времени, долго росъ и усиливался. Министерство просвѣщенія явно и очевидно попускало долгое время расти сему злу, и мало сказать—попускало, но оказывало тому всякое покровительство и одобреніе. Восемь лѣтъ тому назадъ говорилъ и доказывалъ я тоже, что говорю теперь. Восемь лѣтъ—много времени. Тогда уже плоды сего разврата явно оказывались. Нынѣ сему теченію обстоятельствъ дѣлается переломъ. Надлежитъ сей широко разлившейся и быстрой рѣкѣ поставить преграду. Сею преградою повелѣваешь ты быть мнѣ! Чувствую, что самъ собою я слабъ, немощенъ, ничтоженъ» [1]).

И въ поддержаніе своей немощи Шишковъ проситъ рескрипта, который бы такъ начинался:

---

[1]) Записки, томъ II, стр. 165.

«Къ крайнему сожалѣнію нашему, примѣчаемъ мы, что министерство просвѣщенія, отъ самаго начала учрежденія своего, различными дѣйствіями своими, отчасу болѣе уклонявшимися отъ благотворныхъ за нравственностію наблюденій, не соотвѣтствовало распространенію тѣхъ пользъ, какихъ мы отъ него желали и ожидали. Истинное просвѣщеніе состоитъ въ страхѣ Божіемъ, который есть начало премудрости, и т. д. и т. д.».

Терпѣливо выслушавъ эту длиннѣйшую предику, императоръ Александръ Павловичъ изволилъ сказать, что она краснорѣчиво и въ хорошихъ правилахъ написана, но что онъ хочетъ еще ее просмотрѣть. Шишковъ тогда ѣдетъ къ Аракчееву и потомъ приноситъ «покорнѣйшую благодарность за пріятные часы, какіе проводилъ въ прекрасномъ Грузинѣ, за угощеніе и показаніе ему чудесныхъ красотъ поселенія» (военнаго), вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старается склонить графа на свою сторону, представляя объ учрежденіи цензоровъ и «верховнаго цензурнаго комитета» и о рескриптѣ, ибо «обѣ сіи вещи необходимо нужны».

«Мнѣ поручено министерство просвѣщенія, но какое просвѣщеніе можетъ быть тамъ, гдѣ колеблется вѣра? Естьли библейскія общества будутъ попрежнему существовать; естьли церковныя книги, для того чтобъ уронить важность ихъ, будутъ съ высокаго языка, сдѣлавшагося для насъ священнымъ, переводиться на простой, театральный, какимъ говоримъ мы между собою и на театрѣ; еще сверхъ того съ иностранныхъ языковъ переводиться будутъ такъ называемыя духовно-философическія, а по настоящему ихъ смыслу карбонарскія и революціонныя книги, естьли, говорю, все это продолжаться будетъ попрежнему, то я министромъ просвѣщенія быть не гожусь».

Слѣдствіемъ письма было то, что Шишковъ и Аракчеевъ съѣхались у митрополита Серафима. Тамъ сужденіе обращено было на краткій катехизисъ, архіереемъ Филаретомъ написанный и синодомъ утвержденный. Митрополитъ защищалъ въ немъ переводъ молитвъ и вообще всѣ переводы священнаго писанія съ славянскаго («какъ всѣ незнающіе языка своего журналисты говорятъ!»—прибавляетъ Шишковъ) на русскій языкъ, утверждая, что многіе славянскаго языка не разумѣютъ:

«Тутъ не могъ я сохранить своего хладнокровія!»—восклицаетъ Шишковъ, этотъ паладинъ корявой и веснусчатой Дульцинеи — «языка словенскаго».

«Какъ! — сказалъ я съ жаромъ.—Кто изъ насъ не разумѣетъ церковной службы? Развѣ тотъ одинъ, кто, отрекшись отъ отечества своего, забылъ и языкъ свой?»

Напослѣдокъ, по долгомъ преніи, общее заключеніе было такое, что библейскія общества должно прекратить, переводъ священныхъ

писаній на простое нарѣчіе не выпускать, и краткій катехизисъ Филарета остановить.

За такіе подвиги стали называть Шишкова инквизиторомъ. Но министръ этимъ нимало не былъ смущенъ.

«Что значитъ слово ихъ—инквизиція?—вопрошаетъ онъ.—Оно собственно значитъ розыскъ, но какой?—не казни, не мученія; ибо сихъ никто не требуетъ; но просто разысканіе или изслѣдованіе актовъ, изъ коихъ бы можно было увидѣть, какое въ нихъ скрывается намѣреніе,—худое или доброе. Вотъ что называютъ они инквизиціею! Но если сіе изслѣдованіе, которому даютъ они столь ненавистное имя, кажется имъ такъ страшнымъ, то, стало быть, дѣла ихъ нечисты».

Шишковъ былъ недоволенъ нерѣшительностью государя. «Къ чему служило мнѣ рвеніе мое остановить усилившуюся заразу?—плачется онъ въ своихъ запискахъ:—съ одной стороны Богъ, совѣсть и отечество требовали отъ меня, чтобъ я, по долгу званія моего, сопротивлялся, сколько могу, безнравственному и пагубному вольнодумству, или такъ называемому духу времени; но съ другой—отчасу болѣе усматривалъ я, что не могу имѣть ни средствъ, ни возможности поставить преграду сему широко разлившемуся и безпрепятственно текущему злу. Надлежало мнѣ или уступить обстоятельствамъ, или безуспѣшно и со вредомъ себѣ противоборствовать онымъ. Я избралъ послѣднее».

Не должно думать, однако, что если Шишковъ не успѣвалъ въ стремленіи своемъ создать въ Россіи верховный инквизиціонный трибуналъ, то и вообще ему не удавалось что либо сдѣлать. Онъ достигъ весьма многаго, но не былъ доволенъ и роптаъ на нерѣшительность государя. «Очевидность доказательствъ, говоритъ онъ, и сильныя мои настоянія принуждали его соглашаться на предпріемлемыя мною мѣры, но онъ разрушалъ ихъ тайнымъ образомъ» (sic!).

«Хотя смѣна министра народнаго просвѣщенія, данный на имя мое рескриптъ, закрытіе библейскихъ обществъ и прочее, съ одной стороны, гласно обвиняли дѣйствія прежняго министерства просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, однакожъ, съ другой, не только защита, но и награды тѣмъ, кои были въ немъ дѣйствующими лицами, столь же гласно показывали одну только наружность сихъ мѣръ, безъ всякаго намѣренія и желанія приводить ихъ въ дѣятельное исполненіе».

IV.

Можно себѣ представить, какой дѣтской радостью исполнилось сердце любвеобильнаго старца, когда императоръ Николай Павловичъ поручилъ ему наконецъ составить новый цензурный уставъ.

Многолѣтняя мечта о прегражденіи рѣкѣ временъ течь туда, куда она стремится, о тщательной закупоркѣ всѣхъ отверстій, куда могъ бы проходить «духъ времени», осуществлялась! «Верховный разсмотрительствующій комитетъ» осуществлялся! Тѣмъ опаснѣе былъ Шишковъ, что онъ дѣйствовалъ по убѣжденію, безкорыстно, съ честностью тупого фанатика; онъ «стоялъ за правду», за то, что полагалъ дѣломъ своей совѣсти. Въ совершенномъ, повидимому, противорѣчіи съ инквизиціонной дѣятельностью стоялъ его протестъ противъ подсчета голосовъ верховнаго суда по дѣлу декабристовъ. Шишковъ доказывалъ, что подсчетъ этотъ сдѣланъ неправильно. По правильному подсчету вышло бы, что «по среднему числу каждый изъ 42 членовъ приговариваетъ подсудимаго къ заточенію на $12^{17}/_{21}$, то-есть почти на 13 лѣтъ, а не на вѣчное, какъ выходило попрежнему расчисленію».

«Толь немалая разность въ приговорахъ,—говорилъ Шишковъ,—опредѣляющихъ участь человѣческую, не можетъ быть оставлена безъ обращенія на то правосуднаго вниманія».

Записка Шишкова по этому предмету прочтена была въ общемъ собраніи верховнаго суда, и хотя многіе изъ членовъ признали ее справедливою, но предсѣдательствующій объявилъ, что дѣло уже кончено. «Не удовольствовавшись симъ», Шишковъ при письмѣ препроводилъ свою записку государю, но «на оную не воспослѣдовало никакого отвѣта» [1]).

Таковъ былъ Шишковъ — стародумъ и правдолюбъ, стремившійся къ пользѣ отечества, только понимавшій эту пользу, не какъ человѣкъ первой четверти XIX вѣка, современникъ Гете, Шеллинга, Гейне, Гегеля, Беранже, Байрона, Пушкина, Виктора Гюго, Шлоссера, Ранке, Шелли и т. д., а какъ средневѣковый инквизиторъ,—«честенъ и тупъ», по опредѣленію Карамзина. Прямолинеенъ, послѣдовательный «направленецъ», плодовитый писатель и грязно невѣжественъ, непросвѣщенъ, какъ инструкторъ кантонистскихъ казармъ.

Шишковъ долженъ былъ написать цензурный уставъ, но, «не могши по слабости своего зрѣнія и здоровья заняться самъ великимъ симъ трудомъ, употребилъ на то директора канцеляріи своей князя Шихматова, человѣка благоразумнаго и усерднаго къ пользамъ престола и отечества». Князь Шихматовъ, бездарный, напыщенный и темный риѳмоплетъ, «совершилъ сей трудъ въ краткое время», съ неутомимою ревностью», прочитывая Шишкову каждую, написанную имъ статью.

Познакомимся же съ «симъ трудомъ», созданнымъ въ «краткое время».

---

[1]) Записки Шишкова, томъ II, стр. 283—284.

Новый цензурный уставъ, утвержденный въ Царскомъ Селѣ 10-го іюня 1826 года, былъ далеко не «кратокъ». Въ немъ 230 статей, когда въ уставѣ 1804 года было всего 47.

Уставу предпосланъ былъ докладъ, подписанный министромъ Шишковымъ и директоромъ, княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ.

«Благосостояніе государствъ,— писали авторы устава,— утверждается на вѣрѣ и добрыхъ нравахъ; а потому правительства просвѣщеннѣйшихъ народовъ Европы въ разныя времена изыскивали всѣ возможныя средства къ сохраненію сихъ основаній общественнаго благоденствія невредимыми. Къ числу таковыхъ средствъ принадлежатъ цензурныя постановленія».

Уставъ о цензурѣ въ Россіи изданъ въ 1804 году. «Сколько въ продолженіе двадцати двухъ послѣдовавшихъ за тѣмъ лѣтъ распространилось просвѣщеніе во всѣхъ состояніяхъ русскаго народа, свидѣтельствуетъ множество учебныхъ заведеній, воспріявшихъ въ сіе время свое начало. Съ другой стороны, измѣнившійся въ разныхъ отношеніяхъ духъ европейскихъ народовъ оставилъ слѣды сихъ измѣненій въ наукахъ и словесности, семъ общемъ достояніи всѣхъ просвѣщенныхъ государствъ».

При этомъ прежній уставъ и штаты цензурнаго комитета оказываются недостаточными. Во-первыхъ, малое число людей, употребленныхъ собственно для цензурнаго дѣла, не можетъ съ надлежащимъ вниманіемъ обнять всю громаду издаваемыхъ книгъ.

Во-вторыхъ, недостатокъ правилъ оказался, которыя должны быть составлены «съ великою подробностію и разсмотрительностію, дабы не только не отнимали у сочинителей свободу писать и разсуждать, но ободряли бы оную и питали, преграждая въ то же время пути къ изданію въ свѣтъ худыхъ, дерзкихъ, соблазнительныхъ, невѣжественныхъ, пустословныхъ сочиненій, отъ которыхъ развращается нравственность, умножаются ложныя понятія, темнѣетъ просвѣщеніе и возрастаетъ невѣжество».

Сочиненный въ «краткое время» риѳмоплетомъ и святошей Шихматовымъ уставъ долженъ былъ удовлетворять всѣмъ этимъ требованіямъ, «не только не отнимая у сочинителей свободу писать и разсуждать, но ободряя оную и питая».

V.

Въ первомъ § новаго устава выясняется общая цѣль учрежденія цензуры, состоящая въ томъ, чтобы произведеніямъ словесности, наукъ и искусствъ, при изданіи ихъ въ свѣтъ посредствомъ книгопечатанія, гравированія или литографіи, «дать полезное или, по крайней мѣрѣ, безвредное для блага отечества направленіе». Итакъ, цѣль учрежденія—«обезвредить» книгопечатаніе, «обезвредить» науки, словесность, искусства, «обезвредить» просвѣщеніе.

А въ § 6 ставится другая цѣль, очевидно принадлежавшая «духу времени», котораго такъ боялся Шишковъ; потому что разумность ея признавалъ и Булгаринъ, и даже Пушкинъ. Цѣль эта—«направленіе общественнаго мнѣнія, согласно съ настоящими политическими видами и обстоятельствами правительства». Это болѣе узкая и временная цѣль, такъ какъ «обстоятельства» вообще измѣнчивы, а съ ними и «виды». Не того желалъ Шишковъ. Онъ бы желалъ на вѣки-вѣковъ утвердить все просвѣщеніе на своемъ «словенствѣ».

Наиболѣе интересенъ уставъ Шишкова—Шихматова, начиная съ «главы первой-на-десять». Духъ изувѣрства наростаетъ постепенно и разрѣшается въ юродивую вакханалію. Статьи устава принимаютъ характеръ какихъ-то зловѣщихъ выкликаній, повторяя все одно и то же, усиливая до нестерпимаго fortissimo основную ноту. Съ тупымъ упорствомъ, все озлобленнѣе разжевываетъ одну и ту же, облитую желчью, жвачку обскурантъ-славянофилъ и все не можетъ успокоиться, все еще кажется ему, недостаточно сильно, недостаточно всесторонне затянута петля на литературѣ. Какъ нищій въ баснѣ Крылова просилъ Фортуну подсыпать въ его суму еще и еще горсточку, пока она не прорвалась, и все золото не превратилось въ пыль, такъ и Шишковъ съ Ширинскимъ, дорвавшись до устава, подваливаютъ и подваливаютъ статью за статьей. Результатъ этой обскурантской жадности былъ столь же для нихъ плачевный. Уставъ не могъ привиться даже и послѣ 14-го декабря.

Право изданія въ свѣтъ всякаго повременнаго изданія можетъ быть предоставлено только человѣку добрыхъ нравовъ, извѣстному на поприщѣ отечественной словесности, доказавшему сочиненіями хорошій образъ мыслей и благонамѣренность свою и способному направлять общественное мнѣніе къ полезной цѣли, но министръ воленъ запретить всякое повременное изданіе, и издатель или издатели, подвергнувшіеся «единожды» запрещенію, навсегда лишаются права издавать повременныя сочиненія, какъ сами собою, такъ и въ товариществѣ съ другими (§§ 129, 137 и 138).

Если бы уставъ воцарился, то хотя бы Николай Полевой, подвергшійся «единожды» запрещенію въ тридцатыхъ годахъ, уже навѣки лишился бы права издательства. Фактически и помимо устава это, впрочемъ, такъ и вышло.

Статья 141 учреждала столько же особыхъ цензуръ, кромѣ верховной, сколько имѣлось въ Россіи департаментовъ, вѣдомствъ, министерствъ: «статьи, касающіяся до государственнаго управленія, не могутъ быть напечатаны безъ согласія того министерства, о предметахъ коего въ нихъ разсуждается». Опять таки и безъ устава въ 40-хъ годахъ циркулярно создалось это невыносимо для печати обиліе цензуръ.

Запрещается,—гласилъ § 143-й,—печатать записки частныхъ людей по тяжебнымъ дѣламъ. Возбраняются творенія, заключающія въ себѣ ученія какихъ либо тайныхъ обществъ, обнаруживающіяся обыкновенно эмблемами (?). Къ сему разряду причислить можно сочиненія магическія, астрологическія, кабалистическія и симъ подобныя (§§ 144 и 146).

Твореніе, въ которомъ, подъ предлогомъ защиты или оправданія одного изъ иновѣрныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, порицается другое, подлежитъ запрещенію.

Всѣ вообще отрывки изъ поэмъ, повѣстей, романовъ, рѣчей, разсужденій, театральныхъ сочиненій и проч., не имѣющихъ полнаго содержанія (?) въ отношеніи къ нравственной, полезной или, по крайней мѣрѣ, безвредной цѣли, подвергаются запрещенію. Не позволяется пропускать къ напечатанію мѣста въ сочиненіяхъ и переводахъ, имѣющія двоякій смыслъ, ежели одинъ изъ нихъ противенъ цензурнымъ правиламъ. Запрещается сочинителямъ и переводчикамъ въ печатныхъ произведеніяхъ ихъ означать цѣлыя мѣста точками или другими знаками, какъ бы нарочно для того поставляемыми, чтобы читатели угадывали сами содержаніе пропущенныхъ повѣствованій (§§ 150, 151).

Сочиненія и рукописи на языкѣ отечественномъ, въ коихъ явно нарушаются правила и чистота русскаго языка, или которыя исполнены грамматическихъ погрѣшностей, не пропускаются къ напечатанію. Сіе правило имѣетъ силу и въ отношеніи къ печатаемымъ въ Россіи на иностранныхъ языкахъ книгамъ и рукописямъ, если онѣ исполнены грубыхъ ошибокъ и погрѣшностей противъ правилъ языка (§§ 154, 155).

При разсмотрѣніи произведеній словесности наблюдать въ особенности, чтобы въ сочиненіяхъ сего рода «сохранялась чистая нравственность, и не замѣнялась бы однѣми красотами воображенія» (§ 146).

При разсмотрѣніи историческихъ произведеній, преимущественное слѣдуетъ обращать вниманіе на нравственную и политическую цѣль оныхъ и на духъ, въ которомъ цѣлое сочиненіе сего рода написано. Исторія не должна заключать въ себѣ произвольныхъ умствованій (прагматики), которыя не принадлежатъ къ повѣствованію (§§ 177, 181).

Кромѣ учебныхъ логическихъ и философическихъ книгъ, необходимыхъ для юношества, прочія сочиненія сего рода, наполненныя безплодными и пагубными мудрованіями новѣйшихъ временъ, вовсе печатаемы быть не должны, относительно же къ учебнымъ курсамъ логики и философіи вообще при разсматриваніи ихъ должно имѣть въ виду неприкосновенность правилъ, на коихъ зиждется общежитіе и благонравіе. Что касается до дидактическихъ, умозрительныхъ сочиненій о правахъ и законахъ, заклю-

чающихъ въ себѣ теоріи о правѣ естественномъ, народномъ, гражданскомъ и уголовномъ, изложенныхъ въ видѣ метафизическихъ изысканій, то всякая вредная теорія, таковая, какъ, напримѣръ, о первобытномъ звѣрскомъ состояніи человѣка, будто бы естественномъ, о мнимомъ составленіи первобытныхъ гражданскихъ обществъ посредствомъ договоровъ, о происхожденіи законной власти не отъ Бога, и тому подобныя отнюдь не должны быть одобряемы къ печатанію. При разсмотрѣніи сочиненій о всѣхъ естественныхъ и медицинскихъ наукахъ цензоръ обязанъ назначать къ исключенію всѣ произвольныя и безполезныя отступленія, кои отвлекаютъ читателей и учащихся отъ вещественнаго къ духовному, нравственному или гражданскому міру (т. е. натурфилософію, соціологію, опытную этику и т. д. и т. д.). По отношенію къ медицинскимъ наукамъ, въ особенности наблюдать слѣдуетъ, чтобы вольнодумство и невѣріе не употребило нѣкоторыхъ изъ нихъ орудіями къ поколебанію, или, по крайней мѣрѣ, къ ослабленію въ умахъ людей неопытныхъ достовѣрности священнѣйшихъ для человѣка истинъ, таковыхъ, какъ духовность души, внутреннюю его свободу и высшее опредѣленіе къ будущей жизни (§§ 186, 187, 190, 192, 193).

Такимъ образомъ новый уставъ дѣйствительно достигалъ цѣли обезвреженія наукъ, словесности, искусствъ. Онъ ихъ въ корень уничтожалъ и насаждалъ круглое невѣжество въ умахъ. Но какъ ни часто было сито, сквозь которое предполагалось процѣживать умственную жизнь страны, все же что либо могло и проскользнуть. Во избѣжаніе этого въ юродивый уставъ введена была еще такая 213-я, гиперболическая статья. «Такъ какъ уставъ о цензурѣ не долженъ быть неизвѣстнымъ никому изъ писателей или художниковъ (sic), издающихъ въ свѣтъ произведенія свои, то, въ случаѣ важныхъ обстоятельствъ, отвѣтственность за содержаніе напечатанныхъ уже твореній ихъ не прекращается отъ того, что они напечатаны по одобренію цензора. Ибо гораздо виновнѣе тотъ, кто, занимаясь на свободѣ однимъ только сочиненіемъ своимъ, обдумываетъ въ тишинѣ кабинета что либо вредное для общественной безопасности и нравовъ и потомъ издаетъ въ свѣтъ, нежели цензоръ, разсматривавшій сочиненіе его по обязанности своей на ряду со многими другими [1]).

VI.

Уставъ Шишкова былъ утвержденъ государемъ. Однако, вслѣдъ затѣмъ онъ подвергся пересмотру въ особомъ комитетѣ и въ 1828 году совершенно былъ передѣланъ. Тѣмъ чувствительнѣе

---

[1]) Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ. 1862 г. Стр. 181 и 182.

былъ этотъ ударъ для Шишкова, что въ комитетѣ дѣйствовалъ его старинный литературный врагъ, Дмитрій Васильевичъ Дашковъ, послѣдователь Карамзина, въ 1811 году написавшій ѣдкую отповѣдь «славенофилу» подъ заглавіемъ: «О легчайшемъ способѣ возражать на критику».

Шишковъ подалъ въ отставку и былъ «отъ министерства народнаго просвѣщенія уволенъ».

Такимъ образомъ, эта удушливая мгла, готовившаяся было облечь русское просвѣщеніе, миновала.

Напрасно, однако, думать, что сложившіяся за тѣмъ условія были вольготны для мысли. Продолжалась въ сущности старая система циркуляровъ, и къ 1848 году скопилась такая удушающая атмосфера, что писатель едва могъ дышать.

Въ сущности уставъ, какъ нѣчто неподвижное, былъ стѣснителенъ при мѣняющихся «обстоятельствахъ» и «видахъ». Циркулярная же система могла слѣдовать всѣмъ приливамъ, отливамъ и колебаніямъ государственнаго флюгера.

Каково при этомъ приходилось писателю, можно составить яркое понятіе изъ писемъ Булгарина къ образованному и либеральному цензору Никитенкѣ. Въ 1834 году Булгаринъ пишетъ по поводу своего романа «Записки Чухина». «Вы, вѣрно, читали «Семейство Холмскихъ», «Черную женщину» Греча? Тамъ есть и ханжи, и всякая всячина. У Греча даже военные люди, которыхъ наши романисты представляли всегда образцами благородства, изображены, какъ слѣдуетъ, такими же людьми, какъ и мы, статскіе, и даже подлецы выбраны изъ военнаго сословія. Ужели я одинъ такъ несчастенъ, что мои характеры не могутъ показаться въ публику? Исключить фразу, мысль, выраженіе—другое дѣло; но выкинуть лица изъ романа значитъ изорвать романъ и заставить автора написать другой... Клянусь вамъ счастіемъ моихъ дѣтей, что, кромѣ нравственной цѣли, не имѣю я никого въ виду. Живу я въ удаленіи отъ людей и общества, и не хочу задѣвать никого. Но писать нельзя иначе, какъ изображая характеры возможные, а такимъ образомъ въ мірѣ всегда найдется что нибудь похожее... Вторая часть Чухина будетъ развязка. Зло покроетъ стыдомъ злыхъ, добро доставитъ добрымъ величайшую награду, наслажденіе души. Впрочемъ, я бы чрезвычайно благодаренъ былъ вамъ, еслибъ вы посвятили мнѣ полчаса времени и написали, какъ вы желаете, чтобъ я дорисовалъ лица, которыя ввергли васъ въ сомнѣніе. Вторая часть еще въ работѣ, и я могу дать такой цвѣтъ лицамъ, какой вамъ угодно» [1]).

Въ слѣдующемъ 1835 году Ѳаддей Венедиктовичъ опять пишетъ Никитенкѣ по поводу 2-й части «Чухина», прося, «еслибъ

[1]) «Русская Старина», 1900 г., январь, стр. 172—173 и дальше.

какое мѣсто показалось ему сомнительнымъ, то не иначе вымарывать, какъ прочитавъ главу до конца, ибо каждое предложеніе развернуто у меня впослѣдствіи и выведено въ пользу истины, нравственности, религіи и существующаго порядка вещей въ Россіи. Затѣмъ предложеніе не должно быть принимаемо отдѣльно, но въ общности съ послѣдствіемъ. Было время тяжкое, во время Магницкаго и Аракчеева, но ни одна моя статья въ то время не была запрещена даже Красовскимъ, и всѣ романы прошли безъ помарокъ и безъ преслѣдованій... Почтенные господа цензоры, будьте справедливы! И для васъ есть потомство!»

Черезъ четыре года, 11-го января 1839 года, Булгаринъ пишетъ: «Прошу васъ покорнѣйше при свиданіи съ Фрейгангомъ припомнить вашему товарищу, что я и Гречъ не рабы г. Фрейганга, не отданы ему въ услуженіе, и что мы не беззащитные сироты, которыхъ можно угнетать въ угоду кому угодно, а что̀ г. Фрейгангъ дѣлаетъ съ нами, это ужасъ! Только что принесли къ нему «Пчелу», тотчасъ за красныя чернила и пошелъ чертить, не обращая вниманія на концы и выводы. Этого не бывало и при Магницкомъ. Терпѣніе истощается».

«Ничѣмъ никому и никогда угодить нельзя!»—плачется Булгаринъ въ 1844 году,—«честь имѣю увѣдомить, что таинственный незнакомецъ не есть вовсе политическое лицо и не имѣетъ никакихъ политическихъ теорій, о которыхъ даже нѣтъ и помину въ цѣломъ романѣ. О политикѣ, о правленіи —нѣтъ рѣшительно ни одного слова въ романѣ. Таинственное лицо есть тотъ самый человѣкъ, о которомъ упоминается, что онъ убилъ свою любовницу и сосланъ въ Сибирь. На повѣрку выйдетъ, что онъ не убилъ своей любовницы... Вся эта запутанность выдумана мною, чтобъ какъ нибудь занять читателя. Ни политики, ни даже сатиры нѣтъ тутъ вовсе, а просто сказка сказкой. И такъ, на этотъ счетъ будьте совершенно спокойны. Цѣль нравственная и поучительная».

«Не обвиняю васъ! Время!!!—пишетъ Булгаринъ въ 1845 году,—а мы, дураки и скоты, плакали во времена Магницкаго и Рунича! Да, это былъ золотой вѣкъ литературы въ сравненіи съ нынѣшнимъ!.. Имя Торквемады въ сравненіи съ именемъ Уварова есть то же, что имя Людовика XIV въ сравненіи съ именемъ Омара! Набросилъ на все тѣнь, навелъ страхъ и ужасъ на умы и сердца, истребилъ мысль и чувство... Поневолѣ вспомнишь первую страницу изъ жизни Агриколы—Тацита: «Хотѣли бы лишить насъ способности мыслить, какъ лишили средствъ говорить, если бы можно было заставить человѣка не думать, какъ можно заставить его молчать».

18-го января 1848 года несчастный Ѳ. В. Булгаринъ пишетъ: «Пересмотрѣлъ я статью очесами великаго Торквемады, перваго инквизитора всѣхъ Испаній стараго и новаго свѣта, вооружась при

томъ смѣлостью А. И. Фрейганга и понятіями цензора же Крылова, и передъ Богомъ и людьми не вижу больше ничего, что бъ могло быть подвержено толкованію самыхъ ухищренныхъ фарисеевъ... Неужели всѣ русскіе должны быть представлены Ахиллесами, и ни одному не позволено струсить даже на бумагѣ? Лишая всю Россію одного изъ человѣческихъ ощущеній, отнимается пружина у драмы и романа. Но я и трусость исключилъ изъ трусости... Какъ писать романъ изъ жизни, не касаясь житейскаго? Ужели это вредно церкви, престолу, нравственности и спокойствію гражданъ? Мнѣ, право, плакать хочется!»

Если такъ круто приходилось Булгарину на пространствѣ съ 1834 года по 1847 годъ, то что же выносили другіе литераторы и журналы? Если Ѳаддею плакать хотѣлось, какія же кровавыя слезы лили другіе? Времена Рунича и Магницкаго оказались золотымъ временемъ литературы. «Истребилъ мысль и чувство!»—съ ужасомъ повторяетъ Булгаринъ о министрѣ Уваровѣ, и именно въ устахъ Булгарина эти слова отдаютъ смертнымъ холодомъ. «Ничѣмъ никогда и никому угодить нельзя!»—восклицаетъ журналистъ, угождавшій Аракчееву, журналистъ, который и теперь пользовался сравнительнымъ довѣріемъ, и его «Пчелу» даже ставили въ примѣръ другимъ органамъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ «распоряженіи» отъ 3-го ноября 1852 года читаемъ:

«Относительно политическихъ отдѣловъ тѣхъ періодическихъ изданій, въ коихъ оные существуютъ, предписаны редакторамъ и цензорамъ къ неупустительному руководству слѣдующія правила: 1) Разсказывать событія просто, избѣгая, елико возможно, всякихъ разсужденій. 2) Сопровождать иногда эти извѣстія выраженіями одобренія, сочувствія или негодованія и насмѣшки, на подобіе, какъ то дѣлаетъ иногда «Сѣверная Пчела». Одно подобное слово даетъ сейчасъ особый смыслъ и значеніе передаваемому извѣстію. 3) Вовсе или почти не упоминать о представительныхъ собраніяхъ второстепенныхъ европейскихъ государствъ, объ ихъ конституціяхъ, выборахъ, учреждаемыхъ законахъ, о депутатахъ. Однимъ словомъ, не обращать на нихъ такого вниманія, какъ доселѣ дѣлается. 4) Избѣгать говорить о народной волѣ, о требованіяхъ и нуждахъ рабочихъ классовъ, о безпорядкахъ, производимыхъ иногда своеволіемъ студентовъ, о подачи голосовъ солдатами и проч.».

VII.

То зло, на которое указывалъ Булгаринъ еще въ 1826 году, размноженіе цензуръ помимо общей, что заставляло, напримѣръ, Плюшара посылать каждый листъ его энциклопедическаго словаря во всѣ вѣдомства на просмотръ 20 — 30 цензуръ,—въ теченіе сороковыхъ годовъ было укрѣплено рядомъ циркуляровъ.

Таково предложеніе отъ 25-го октября 1844 года, подтвержденное въ 1847 и 1849 годахъ:

«Сочиненія, въ коихъ заключаются разсужденія насчетъ правительственныхъ учрежденій, равно всѣ статьи, несогласныя съ тѣми свѣдѣніями, кои имѣются въ виду мѣстнаго начальства, и доставляемыя отъ частныхъ лицъ для помѣщенія въ періодическихъ изданіяхъ, должны быть разсматриваемы съ особенною строгостью и допускаемы къ напечатанію не иначе, какъ съ особаго каждый разъ разрѣшенія высшаго начальства».

«Газетныя статьи о разныхъ празднествахъ, устраиваемыхъ въ честь губернскихъ чиновниковъ, особенно при увольненіи ихъ отъ должностей, не должны быть допускаемы къ печатанію безъ предварительнаго разсмотрѣнія оныхъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ» (1843 г.).

«Всѣ журнальныя статьи, въ какомъ либо отношеніи до театровъ касающіяся, должны быть сообщаемы прежде напечатанія ихъ въ газетахъ директору театровъ для предварительнаго прочтенія» (1845 г.).

«Всѣ статьи о строеніи Исаакіевскаго собора, предполагаемыя къ помѣщенію въ журналахъ, должны быть предварительно сообщаемы на разсмотрѣніе комиссіи о построеніи этого собора» (1847 г.).

Какъ стѣсненъ былъ репертуаръ журналиста, видно изъ слѣдующаго «конфиденціальнаго предложенія министра народнаго просвѣщенія», отъ 19-го іюня 1848 года:

«Въ фельетонѣ 21 номера «Сѣверной Пчелы» разсказывается, что для недѣльныхъ концертовъ Гунгля въ Павловскомъ вокзалѣ учреждены отдѣльныя поѣздки по желѣзной дорогѣ, и посѣтители могутъ возвращаться домой часомъ позже, а затѣмъ прибавлено: «Слово возвращаться производитъ всегда какое-то гальваническое потрясеніе. Пріѣхать въ Петербургъ ночью, въ дурную погоду и предаться на жертву легковымъ извозчикамъ, это ужасно! Мы часто сравнивали прекрасное учрежденіе таксы въ Царскомъ Селѣ и Павловскѣ съ произвольной цѣною петербургскихъ извозчиковъ, но на-дняхъ убѣдились, что и тамъ, гдѣ такса существуетъ, надобно торговаться. Въ случаѣ дурной погоды въ особенности царскосельскіе извозчики точно также неумолимы, какъ и столичные. Мы видѣли примѣръ, что отъ станціи желѣзной дороги до дворца должно было заплатить 40 коп. серебромъ. Это были женщины и дѣти, застигнутыя дождемъ: что имъ было дѣлать? Уступить необходимости!»

«Цензурѣ не слѣдовало пропускать сіи выходки. Каждому скромному желанію лучшаго, каждой умѣстной жалобѣ на неисполненіе закона или установленнаго порядка, каждому основательному извѣщенію о дошедшемъ до чьего либо свѣдѣнія злоупотребленіи ука-

заны у насъ законные пути. Косвенныя укоризны начальству царскосельскому, а отчасти и с.-петербургскому, въ приведенномъ фельетонѣ содержащіяся, сами по себѣ, конечно, не важны; но важно то, что онѣ предъявлены не передъ подлежащею властью, а преданы на общій приговоръ публики; допустивъ же единожды сему начало, послѣ весьма трудно будетъ опредѣлить, на какихъ именно предѣлахъ должна останавливаться такая литературная расправа въ предметахъ общественнаго устройства. Впрочемъ, какъ означенная статья напечатана въ журналѣ, вообще отличающемся благонамѣренностью и направленіемъ, совершенно соотвѣтственнымъ цѣли и видамъ правительства, то приписывая и эту статью одному только недостатку осмотрительности, сдѣлать общее по цензурѣ распоряженіе, дабы впредь не было допускаемо въ печати никакихъ, хотя бы и косвенныхъ порицаній дѣйствій и распоряженій правительства и установленныхъ властей, къ какой бы степени сіи послѣднія ни принадлежали».

Припоминается Некрасовская «фельетонная букашка».

> Мою любимую идейку,
> Что въ Петербургѣ климатъ плохъ,
> И то не въ каждую статейку
> Въ то время всовывать я могъ.
> Однажды написалъ я сдуру,
> Что видѣлъ на мосту дыру,—
> Переполошилъ всю цензуру...

Еще распоряженіемъ 20-го апрѣля 1836 г. было объявлено:

«Не должно быть пропускаемо цензурою ни одного произведенія кого либо изъ чиновниковъ жандармскаго корпуса лейбъ-гвардіи кавказско-горскаго полуэскадрона и собственнаго конвоя, безъ предварительнаго разрѣшенія шефа жандармовъ». Отсюда только и узнаемъ о позывахъ къ писательству, вѣроятно, подъ вліяніемъ чтенія Марлинскаго, проявленныхъ этими частями... Но если, кромѣ общей цензуры, почти каждая статья подвергалась и специальной, то обратно мало было одной цензуры того или другого вѣдомства: надо было ей затѣмъ пройти и общую:

«Статьи, назначаемыя для какого бы то ни было повременнаго изданія, подвергать непремѣнно общей гражданской цензурѣ, независимо отъ предварительнаго разсмотрѣнія особыми вѣдомствами тѣхъ статей, которыя по содержанію своему ихъ спеціально касаются» (1848 г.).

Что прошло въ общей цензурѣ, могло застрять въ спеціальной и обратно. Мало того, постановленія иностранной цензуры были необязательны для общей. Въ «предложеніи» отъ 4-го октября 1851 года читаемъ: «мнѣнія комитета цензуры иностранной о позволительности романовъ и повѣстей для перевода на русскій языкъ суть только вспомогательное указаніе, и не могутъ быть

рѣшительнымъ и безусловно обязательнымъ руководствомъ для внутренней цензуры, которая нисколько не должна стѣсняться ими». Она «сама въ состояніи лучше судить по собственнымъ опытамъ о тѣхъ впечатлѣніяхъ, какія можетъ производить на читателей русскихъ книгъ чтеніе иностранныхъ романистовъ». «Принять на будущее время правиломъ, чтобы при объявленіи переводчикомъ мнѣнія комитета цензуры иностранной о дозволительности какого либо сочиненія къ переводу было вмѣстѣ съ тѣмъ присовокупляемо, что это мнѣніе не составляетъ рѣшительнаго одобренія книги для перевода на русскій языкъ, и что переводъ въ случаѣ представленія его въ комитетъ подлежитъ разсмотрѣнію по цензурнымъ правиламъ» [1]).

Это постановленіе состоялось по поводу романовъ Александра Дюма Le mille et un fantômes и Поль де-Кока Une gaillarde, которые были пропущены иностранной цензурою и признаны опасными—внутреннею.

VIII.

Николаевская цензура запрещала такія критическія статьи, «которыя общимъ приговоромъ безъ всякихъ доказательствъ осуждаютъ сочиненія». Нельзя было написать: «эта поэма плоха». Требовалось и доказать это... Въ 1836 году было предложено цензурѣ «имѣть строжайшее наблюденіе, чтобы въ повременныхъ изданіяхъ отнюдь не возобновлялась литературная полемика въ томъ видѣ, въ какомъ она въ прежніе годы овладѣла было журналами обѣихъ столицъ». Здѣсь, очевидно, имѣлась въ виду полемика съ «Телеграфомъ» Полевого въ 20-хъ годахъ. При этомъ кратко сообщалось, что «представленія о дозволеніи новыхъ періодическихъ изданій на нѣкоторое время воспрещаются».

Когда въ сороковыхъ годахъ «Отечественныя Записки» и «Современникъ» стали переводить Бальзака, Жоржъ-Зандъ, предписано было «обращать ближайшее и строжайшее вниманіе на переводы съ иностранныхъ языковъ, особенно современныхъ французскихъ писателей, коихъ имена болѣе или менѣе извѣстны публикѣ», и въ издаваемыхъ въ С.-Петербургѣ журналахъ наблюдать, «чтобы цѣлыя книжки оныхъ вопреки программѣ не были составлены изъ однихъ почти переводныхъ въ цѣлости романовъ и повѣстей». Переводи, но умѣренно!

Тогда же (въ 1847 году) было обращено особенно вниманіе на журнальныя и другія статьи объ отечественной исторіи. «Особливой внимательности требуетъ тутъ стремленіе нѣкоторыхъ авторовъ къ возбужденію въ читающей публикѣ необузданныхъ порывовъ патріотизма»...

---

[1]) Сборн. постановл. и распор. по цензурѣ. 1862 г., стр. 276—278.

Въ 91 № фельетона «Сѣверной Пчелы» (26 апрѣля 1848 года) помѣщенъ былъ слѣдующій анекдотъ: «Одинъ чиновникъ, въ донесеніяхъ начальству, нерѣдко дозволялъ себѣ ироническія замѣчанія касательно дурного теченія дѣлъ и ошибочныхъ учрежденій. Начальникъ, полушутя, полусеріозно, сказалъ ему: Любезный другъ, не пишите такимъ острымъ перомъ, не то мы его должны будемъ притупить.—Что же?—отвѣчалъ чиновникъ:—тогда я буду писать грубо».

Министръ народнаго просвѣщенія, выразивъ замѣчаніе, что подобные мнимо-остроумные разсказы могутъ дать поводъ къ ослабленію понятій о подчиненности, и въ такомъ смыслѣ должны быть почитаемы прямо предосудительными, по высочайшему повелѣнію предлагаетъ принять подлежащія мѣры, дабы впредь ничего подобнаго не могло повторяться.

Въ отчетѣ общества посѣщенія бѣдныхъ, въ № 169 «Вѣдомостей С.-Петербургской Городской Полиціи» и въ № 188 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (1848 г.) было сказано между прочимъ: «Это явленіе показываетъ, что въ Петербургѣ до сихъ поръ милостыня выгоднѣе работы». Нашли, что такое указаніе можетъ породить между простолюдинами «ложныя понятія и направленія»; они въ самомъ дѣлѣ бросятъ работу и станутъ нищенствовать, коли послѣднее выгоднѣе... Предложить, дабы въ печать не могло прорываться ничего могущаго имѣть даже и косвеннымъ образомъ вредное на общественную нравственность вліяніе.

Распоряженіями 1848 и 1849 гг. «всѣ статьи въ журналахъ за университеты и противъ нихъ рѣшительно воспрещаются въ печати».

Тогда же по поводу напечатанной въ Дерптѣ диссертаціи на степень магистра по предмету дѣйствующаго въ Остзейскомъ краѣ слѣдственнаго судопроизводства объявлено распоряженіе: «Не должно быть пропускаемо къ напечатанію никакихъ разборовъ и порицаній существующаго законодательства».

Тогда же «самымъ рѣшительнымъ образомъ запрещаются, на какомъ бы языкѣ ни было, критики, какъ бы благонамѣренны ни были, на иностранныя книги и сочиненія, запрещенныя и потому не должныя быть извѣстными».

Въ январской книжкѣ «Современника» на 1849 годъ была помѣщена историческая статья, въ которой описывалось состояніе Россіи въ царствованіе Василія Ивановича Шуйскаго. Не встрѣчая въ ней ничего предосудительнаго по духу, «конфиденціальное предложеніе» не могло, однако, не остановиться на слѣдующихъ помѣщенныхъ въ ней цитатахъ:

«И велятъ, пишетъ московское духовенство областному (Акты археогр. экспед., т. II, № 57), боярскимъ холопомъ побивати своихъ бояръ и жены ихъ, и вотчины и помѣстья имъ сулятъ; и шпы-

нимъ, и безъимяннымъ воромъ велятъ гостей и всѣхъ торговыхъ людей побивати и животы ихъ грабити; и призываютъ ихъ воровъ къ себѣ и хотятъ имъ давать боярство, и воеводство, и окольничество, и дьячество». «Конфиденціальное предложеніе» просило сдѣлать «пропустившему означенную статью цензору соотвѣтственное вразумленіе». Въ томъ же году въ майской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», въ критической статьѣ о литературной дѣятельности Богдановича встрѣтились слѣдующіе афоризмы: «Человѣкъ, нерѣдко жадный къ фантастическимъ утѣшеніямъ и надеждамъ, богатъ утѣшеніемъ истиннымъ, надеждой несомнѣнной. Хоть онъ часто и затворяетъ слухъ на ихъ воззваніе, но сила истины беретъ свое. Не зная ближайшихъ или отдаленнѣйшихъ причинъ бѣдствій, онъ вооруженъ врожденною ему властію уничтожать зло. Постепенное устраненіе своей природы отъ всѣхъ невзгодъ, физическихъ и нравственныхъ, неизмѣнное совершенствованіе—вотъ его обязанность и величіе».

«Очевидно,—говоритъ «конфиденціальное предложеніе» отъ 31 мая 1849 года,—что это мѣсто напоминаетъ духъ прежней туманной философіи, и, если позволено такъ выразиться, напыщенной галиматьи сего журнала, дававшей преднамѣренною неясностію идей и наборомъ словъ широкое поле къ произвольнымъ разсужденіямъ и примѣненіямъ. Фразы, напримѣръ, «человѣкъ вооруженъ врожденною ему властію уничтожать зло», или «постепенное устраненіе своей природы отъ всѣхъ невзгодъ, физическихъ и нравственныхъ,—вотъ его обязанность и величіе!» фразы сіи не могутъ ли въ рукахъ людей неблагонамѣренныхъ или въ понятіяхъ неопытныхъ юношей сдѣлаться поводомъ къ самымъ двусмысленнымъ, превратнымъ и даже преступнымъ толкованіямъ?»

Послѣдними мѣрами къ окончательному и всестороннему уничтоженію литературы были «предложенія» 1850 и 1852 года:

«Помѣщаемыя въ повременныхъ изданіяхъ въ продолженіе значительнаго времени, отрывками и частями сочиненія издаются потомъ въ полномъ видѣ, отдѣльнымъ твореніемъ, безъ новаго цензурнаго разсмотрѣнія. Такъ какъ статьи, которыя первоначально не представляли ничего противнаго цензурнымъ правиламъ, могутъ иногда (sic!) получить, въ соединеніи и сближеніи, направленіе предосудительное и непозволительное, то необходимо, чтобы цензура не иначе позволяла къ печатанію подобныя полныя изданія, какъ по новомъ разсмотрѣніи ихъ въ цѣлости».

«При разсмотрѣніи донесеній о сомнительномъ содержаніи нѣкоторыхъ мѣстъ въ полныхъ собраніяхъ сочиненій извѣстныхъ нашихъ писателей, пользующихся общимъ уваженіемъ, оказывать разсудительное снисхожденіе,—съ принятіемъ въ соображеніе времени первоначальнаго выхода произведеній ихъ въ свѣтъ, тогдашнихъ внѣшнихъ и внутреннихъ политическихъ обстоятельствъ,

слога и языка, которыми эти произведенія написаны, большей или меньшей занимательности ихъ, вѣроятнаго числа и состоянія читателей оныхъ въ настоящее время, и, наконецъ, тѣхъ впечатлѣній, которыхъ ожидать должно отъ чтенія сихъ твореній въ предѣлахъ нынѣшняго ихъ обращенія, различая сочиненія, относящіяся къ легкому чтенію и доступныя большому числу читателей, отъ тѣхъ, которыя читаютъ только люди, посвятившіе себя подробному изученію нашей литературы».

«О всѣхъ подобныхъ случаяхъ съ изъясненіемъ причинъ предполагаемаго снисхожденія представлять на высочайшее благоусмотрѣніе», и чтобы цензурныя учрежденія «каждый разъ при поступленіи для одобренія къ новому изданію полныхъ собраній сочиненій извѣстныхъ нашихъ писателей представляли о томъ, прежде разрѣшенія къ печати, на усмотрѣніе главнаго управленія цензуры, съ своимъ заключеніемъ и съ присовокупленіемъ выписокъ сомнительныхъ мѣстъ, если они встрѣтятся» [1]).

Издать подобное распоряженіе значило признать виновной, переполненной «сомнительными мѣстами», хотя и достойной «разсудительнаго снисхожденія», всю литературу съ Кантемира и Тредьяковскаго до Пушкина и Гоголя, такъ что каждый разъ, при новомъ изданіи, авторъ какъ бы требовалъ помилованія и особаго акта верховной власти, съ ея прерогативой—милостью.

IX.

Время съ 1834 по 1848 г., когда Ѳ. В. Булгарину «хотѣлось плакать», и по сравненіи съ которымъ времена Рунича и Магницкаго казались ему «золотымъ вѣкомъ литературы», все еще было сноснымъ. Кульминаціоннаго пункта цензурныя стѣсненія достигли въ «моровую полосу» свирѣпаго обскурантизма и мыслебоязни реакціоннаго семилѣтія съ 1848 по 1855 годъ.

«Вотъ сколько у насъ нынѣ цензуръ,—писалъ Никитенко:—общая при министерствѣ народнаго просвѣщенія, главное управленіе цензуры, верховный негласный комитетъ, духовная цензура, военная, цензура при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, театральная при министерствѣ императорскаго двора, газетная при почтовомъ департаментѣ, цензура при третьемъ отдѣленіи и новая, педагогическая. Если сосчитать всѣхъ лицъ, завѣдывающихъ цензурою, ихъ окажется больше, чѣмъ книгъ, печатаемыхъ въ теченіе года. Я ошибся: больше. Еще цензура по части сочиненій юридическихъ при второмъ отдѣленіи и цензура иностранныхъ книгъ; всего двѣнадцать». 27-го января 1850 г. вышелъ указъ о назначеніи князя Пл. Алекс. Ширинскаго-Шихматова министромъ народнаго просвѣщенія.

---

[1]) Сборн. пост. и распор. 1862 г., стр. 281.

Митрополитъ Филаретъ писалъ по этому случаю А. Н. Муравьеву: «Князь Ширинскій-Шихматовъ—министръ просвѣщенія; Норовъ—его товарищъ; сіи, конечно, пожелаютъ просвѣщать восточнымъ свѣтомъ» [1]).

Просвѣщеніе и началось немедленно. При посѣщеніи Московскаго университета новый-министръ заявилъ, что «польза философіи не доказана, а вредъ отъ нея возможенъ». Императоръ Николай, при назначеніи Ширинскаго, повелѣлъ ему представить соображенія, полезно ли преподаваніе философіи при «предосудительномъ» развитіи этой науки германскими учеными, и не слѣдуетъ ли принять мѣры къ огражденію нашего юношества «отъ обольстительныхъ мудрованій новѣйшихъ философскихъ системъ».

Министръ немедленно представилъ свои соображенія, «разсмотрѣвъ» философскія науки—логику, опытную психологію, теорію познанія, метафизику, нравственную философію. По его сужденію Кантъ, Фихте, Шеллингъ и Гегель въ философскихъ изслѣдованіяхъ своихъ не замѣчаютъ даже, существуетъ ли вѣра христіанская, а сами, съ помощью одного только ума, дерзновенно мечтаютъ познать начало». Хотя «приняты дѣятельныя мѣры къ наблюденію за духомъ и направленіемъ преподаванія», «сама наука по шаткости своихъ началъ», «всегда представляетъ случаи къ поползновенію.

Князь Шихматовъ признавалъ поэтому необходимымъ «изъять» изъ преподаванія философіи теорію познанія, метафизику и нравственную философію; послѣднюю «по практической безполезности ея для молодыхъ людей, ознакомленныхъ съ нравоученіемъ христіанскимъ».

Докладъ одобренъ; повелѣно читать одну логику и психологію, при чемъ соединить воедино каѳедру философіи и богословія.

Послѣ того, какъ въ русскихъ университетахъ былъ угашенъ «западный свѣтъ» философіи, угасили и «свѣтъ восточный» въ лицѣ «славянофиловъ». 23-го января 1853 года, начальникъ Третьяго Отдѣленія Л. В. Дубельтъ довелъ до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія, что по «разсмотрѣніи» имъ найдено, что московскіе славянофилы, «явно недоброжелательствуя нынѣшнему порядку вещей, въ заблужденіи мыслей своихъ безпрерывно желаютъ оттолкнуть наше отечество ко временамъ равноапостольнаго князя Владиміра», что хотя нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ-то Ивану Аксакову, Константину Аксакову и Хомякову, «уже были дѣлаемы внушенія, но это на нихъ не подѣйствовало». «Они даже послѣ сдѣланныхъ имъ внушеній дерзко представляютъ къ напечатанію статьи, которыя обнаруживаютъ ихъ открытое противодѣйствіе правительству». Дабы «разъ навсегда положить предѣлъ

---

[1]) Варсуковъ. Погодинъ. Книга одиннадцатая. Стр. 20.

распространенію таковаго вреднаго образа мыслей и предупредить строгія, но справедливыя взысканія правительства, которымъ подвергаются цензоры», Дубельтъ полагалъ: Ивану Аксакову, Константину Аксакову, Хомякову, Кирѣевскому и князю Черкасскому, сдѣлавъ наистрожайшее внушеніе за желаніе распространять нелѣпыя и вредныя понятія, воспретить даже и представлять къ напечатанію свои сочиненія. Всѣхъ сихъ, какъ людей открыто неблагонамѣренныхъ, подвергнуть не секретному, но явному полицейскому надзору [1]).

Постановленіе это оставалось въ силѣ до конца царствованія императора Николая I.

X.

Для полной характеристики Николаевской цензуры намъ остается только упомянуть о нѣкоторыхъ, выдающихся по своей курьезности, циркулярахъ того времени.

Такъ, были и постановленія, объявлявшія великія льготы литературѣ. Напримѣръ, въ 1833 г. было разъяснено, что сочиненія, нарушающія правила языка и грамматики, по одному только этому обстоятельству подвергаемы запрещенію быть не могутъ, а въ 1839 г., что картины, писанныя на полотнѣ и деревѣ масляными красками, цензурѣ подлежать не могутъ. Значитъ, акварель или соусъ, а также писанныя масляными красками на стеклѣ или металлѣ — подлежали. На транспарантахъ попрежнему выставлялось цензорское разрѣшеніе.

Къ числу льготныхъ распоряженій должно быть отнесено и слѣдующее отъ 1 мая 1834 года: «эпическія поэмы Мильтона и другія подобныя сочиненія не должны быть относимы къ сочиненіямъ богословскимъ и отсылаемы въ духовную цензуру». Однако, 27 октября 1852 года главное управленіе, разсмотрѣвъ представленіе о прозаическихъ переводахъ на русскій языкъ сочиненій Мильтона Потерянный рай и Возвращенный рай, обращающихся во множествѣ между отечественною публикою и, въ особенности, между простымъ народомъ, и имѣя въ виду неодобрительный о нихъ отзывъ духовной цензуры, опредѣлило: предложить циркулярно по цензурному вѣдомству, чтобы на будущее время принято было за правило допускать къ печати только такіе переводы Мильтона, которые по изяществу слога подходятъ близко къ достоинству подлинника, и притомъ не иначе, какъ въ стихахъ».

Въ 1833 году было признано, что сочиненія протестантскія, писанныя сообразно съ правилами сего вѣроисповѣданія, не могутъ подлежать запрещенію, хотя они и не согласны съ ученіемъ церкви греко-россійской, а въ 1852 г. разъяснено: книги духовнаго содер-

---

[1]) Барсуковъ. Погодинъ. Книга 12-я. Стр. 183, 184, 185.

жанія, въ коихъ излагаются приличнымъ существу предмета языкомъ собственно догматы христіанскихъ исповѣданій, терпимыхъ у насъ въ Россіи, пропускать безпрепятственно къ свободному обращенію въ публикѣ; тѣ же изъ иностранныхъ духовныхъ книгъ, въ коихъ авторы, не ограничиваясь простымъ изложеніемъ однихъ догматовъ, входятъ, сверхъ того, въ полемическія разсужденія, направленныя противъ другихъ исповѣданій, запрещать. Въ пропускѣ объявленій о книгахъ анатомическихъ и физіологическихъ наблюдать должно особую осторожность, не дозволяя въ нихъ ничего такого, что могло бы оскорбить чувство благопристойности и приличія (1840). Въ газетахъ не должны быть дозволяемы къ печати похвалы изобрѣтеніямъ, прежде нежели оныя будутъ изслѣдованы (кѣмъ?) по правиламъ науки и признаны вполнѣ основательными (1848).

По поводу изданія въ 1852 году книги: «Магазинъ всѣхъ увеселеній, или полный и подробнѣйшій оракулъ чародѣй», повелѣно вздорныя и питающія суевѣріе гадательныя книги впредь вовсе не разрѣшать къ печатанію. Въ 1851 году въ повременныхъ изданіяхъ были замѣчены статьи и разсужденія, заимствованныя изъ иностранныхъ газетъ и сочиненій, заключающія въ себѣ большею частію повторенія тѣхъ утопій, которыя проповѣдывались на мирныхъ конгрессахъ: парижскомъ 1849 и франкфуртскомъ 1850 годовъ. Въ предупрежденіе распространенія предосудительныхъ мыслей и понятій, которыя могли быть возбуждены «изложеніемъ вреднаго и ложнаго ученія такъ называемыхъ мирныхъ конгрессовъ», конфиденціально предложено такихъ статей не допускать.

Тогда же, имѣя въ виду опасеніе, что подъ знаками нотными могутъ быть скрыты злонамѣренныя сочиненія, написанныя по извѣстному ключу (?), или что къ мотивамъ церковнымъ могутъ быть приспособлены слова простонародной пѣсни, и наоборотъ (зачѣмъ?— спрашивается), главное управленіе цензуры, для предупрежденія такого злоупотребленія, не сообщая, однако, таинственнаго ключа шифрованныхъ нотъ, предоставило цензурному комитету, въ случаяхъ сомнительныхъ, поручать лицамъ, знающимъ музыку, предварительное разсмотрѣніе музыкальныхъ произведеній... И эти лица, получая приличный окладъ, занимались этимъ курьезнымъ разсмотрѣніемъ, но, кажется, ничего ровно не открыли.

Николай Энгельгардтъ.

ГРУЗИНСКІЙ ПОЭТЪ-НАРОДНИКЪ.

> Матери грудь и отчизна—
> Обѣ намъ незамѣнимы,
> Обѣ—очей намъ дороже...
> Князь Р. Д. Эристовъ.

> Добраго дѣла и слова
> Не пропадутъ сѣмена.
> И. С. Никитинъ.

ИГРУЗИНСКАЯ проза и грузинская поэзія мало знакомы русской читающей публикѣ. Есть прекрасные переводы корифеевъ грузинской музы И. Ф. Тхоржевскаго (подъ псевдонимомъ «Иванъ-да-Марья»), вышедшіе, въ 1897 году, въ Тифлисѣ, но, къ сожалѣнію, они немногочисленны. Два-три риѳмованныхъ переложенія съ грузинскаго и стихотворный пересказъ извѣстнаго грузинскаго преданія объ уцѣлѣвшей доселѣ башнѣ горійскаго замка можно встрѣтить въ сборникѣ стихотвореній В. Велички, подъ названіемъ «Восточные мотивы» (С.-Петербургъ, 1890 г.). Вотъ, кажется, и все. Сами грузины, знакомые съ русскимъ языкомъ, не заботятся о переводѣ на него своихъ авторовъ. Это происходитъ, отчасти благодаря свойственной этому маленькому народу удивительной безпечности ко всему окружающему, послужившей главной причиной и паденія грузинскаго царства, отчасти же изъ-за трудности передать по-русски всѣ тонкости чрезвычайно гибкой и стилистически развитой грузинской рѣчи, особенно стихотворной.

А между тѣмъ Грузія обладаетъ хорошими поэтами, имена которыхъ далеко оставляютъ за собой густую фалангу современныхъ

русскихъ риемачей, подвизающихся на страницахъ нашихъ и толстыхъ и тощихъ журналовъ.

Князь Г. Д. Орбеліани, князья Александръ и Илья Чавчавадзе, князь Н. М. Баратовъ, князь Акакій Церетели, князь Маміа Гуріели и князь Рафаилъ Эристовъ—могутъ украсить собой любую европейскую литературу по силѣ чувства, образности, такъ присущей грузинскому языку, и цѣльности настроенія.

О послѣднемъ изъ только что упомянутыхъ нами поэтовъ, князѣ Рафаилѣ Давидовичѣ Эристовѣ, недавно скончавшемся на Кавказѣ,—въ половинѣ февраля этого года,—намъ и хочется сказать теперь нѣсколько словъ, такъ какъ покойный стоялъ совершенно особнякомъ отъ своихъ собратьевъ по перу, будучи исключительно **народнымъ** грузинскимъ поэтомъ, воспѣвавшимъ крестьянина, деревню, радости и горе землепашца, сельскую страду,—словомъ, всю невеселую жизнь грузинскаго селянина, мало чѣмъ отличающуюся отъ тусклой дѣйствительности и русской деревни.

Обладая крупнымъ поэтическимъ дарованіемъ, князь Р. Д. Эристовъ пользовался на Кавказѣ исключительной популярностью и любовью во всѣхъ слояхъ общества, именно благодаря своему въ высшей степени симпатичному народничеству, лишенному тенденціи и полному самыхъ чистыхъ порывовъ.

Читая Р. Д. Эристова, невольно вспоминается Н. А. Некрасовъ: и тотъ и другой были исключительно поэтами простого народа,—который они хорошо знали и горячо любили, посвящая ему лучшія минуты своего вдохновеннаго творчества,—оба были дѣтьми своей страны, органическая, почти болѣзненная привязанность къ которой чувствуется въ каждомъ стихѣ, съ каждомъ словѣ обоихъ сошедшихъ въ могилу писателей.

Пробѣгите стихотворенія Некрасова, посвященныя исключительно русской деревнѣ и народу: **Въ деревнѣ**, **Несжатая полоса**, **Власъ**, **Свадьба**, **Забытая деревня**, **Деревенскія новости**, **Крестьянскія дѣти**, **Коробейники**, **Въ полномъ разгарѣ страда деревенская**, **Калистратъ** и многія другія имъ подобныя мастерски и тепло очерченныя картины нашей убогой деревни, и почитайте Эристова. Васъ охватитъ та же атмосфера, тотъ же колоритъ... Вы увидите тоже деревню, только грузинскую, столь же убогую, какъ и внутри Россіи, вы увидите грузинскихъ крестьянъ, вы услышите ихъ жалобы, они разскажутъ вамъ свое горе...

Вотъ крестьянинъ, горько оплакивающій павшаго вола (**Горе Тандила**).

Чѣмъ прогнѣвилъ я, грѣшный, Бога?
Мой бѣдный волъ вечѣрась палъ...
И безъ того ужъ жизнь убога,
А тутъ Всевышній покаралъ!...

Вотъ пахарь, удрученный горемъ: градъ уничтожилъ его посѣвъ (Стоны крестьянина), а вотъ больная семья, безъ помощи, безъ пищи, безъ воды...

Безысходную долю крестьянина-грузина поэтъ живо рисуетъ въ стихотвореніи Хозяйство Сабруя. Какъ ни трудится пахарь, а все не можетъ выбраться изъ нищеты:

Какъ на судьбину ни гнѣвись,
Что тамъ ни говори,—
Всю жизнь, какъ каторжный, трудись,
А голышомъ умри!
А почему? Какой мастакъ
На это дастъ отвѣтъ?
Мы—какъ земля, что часто такъ
Рождаетъ пустоцвѣтъ...
Крестьянамъ, что ни говори,
Охъ, какъ, братъ, трудно жить!
Весь вѣкъ трудись и ни съ чѣмъ помри...
Ну, а кого жъ винить?...

Поэтъ никого не винитъ,—онъ лишь рисуетъ безотрадную дѣйствительность и старается вложить въ крестьянина бодрость духа и довольство тѣмъ, что онъ имѣетъ.

Въ одномъ изъ стихотвореній кн. Эристова крестьянинъ обращается къ горожанину съ такими словами:

Что на меня ты глядишь? Удивляешься?
Нѣтъ, не охочъ я роптать!
Правда, весь день, словно волъ, надрываешься,
Ну, а зачѣмъ унывать?
Мнѣ-ль разлучиться съ кормилицей—нивою?
Съ ней родился, съ ней помру...
Не заношусь я мечтою спесивою,—
Право, таковъ я, не вру!

Не одного лишь труженика пахаря рисуетъ поэтъ. Мы видимъ у него и крестьянина арендатора. Судьба послѣдняго тоже не внушаетъ зависти.

«Арендую я чужую землю, говоритъ онъ въ раздумьѣ (Думы Беруя), а все нѣтъ проку. Земля не даетъ урожая — ну, что-жъ дѣлать: воля Божія! А тутъ, уродился хлѣбъ, нѣтъ ли, подавай сполна арендную плату!»

Зависимость мелкаго селянина отъ крупнаго землевладѣльца ярко выступаетъ въ другомъ стихотвореніи. «Какъ я ни тружусь, говоритъ крестьянинъ, а вѣчно голодаю, и урожая все никакъ не хватаетъ на круглый годъ... А тутъ вотъ норовятъ оттягать отъ тебя что могутъ — и землевладѣлецъ, и чиновникъ, и попъ! Такъ вотъ всѣ въ глаза тебѣ и смотрятъ! Когда же, наконецъ, я отъ нихъ отдѣлаюсь?!»

Кромѣ всѣхъ прочихъ бѣдъ деревни, выступаетъ на сцену у Эристова и неизбѣжный міроѣдъ-ростовщикъ (Жалоба Дметрé), который обираетъ крестьянъ безбожными процентами и такъ запутываетъ ихъ въ свои сѣти, что въ концѣ концовъ пускаетъ ихъ по міру.

Съ трепетнымъ ожиданіемъ и самыми свѣтлыми надеждами встрѣчалъ князь-народникъ зарю крестьянской реформы 1861 года, въ осуществленіи которой и самъ принималъ дѣятельное участіе. Онъ твердо вѣровалъ, что ею обновятся старые ненавистные ему устои грузинской жизни, съ безжалостнымъ притѣсненіемъ без-

Князь Рафаилъ Давидовичъ Эристовъ.

правнаго раба и безпечальнымъ житьемъ крѣпколобаго помѣщика на спинѣ у крестьянъ пролетаріевъ.

Поэтъ надѣялся, что реформа эта послужитъ къ объединенію собою всѣхъ классовъ грузинскаго общества, во имя христіанскаго человѣколюбія, и насажденію на Кавказѣ новой гражданственности на началахъ равноправія. Этимъ мечтамъ не суждено было, однако, сбыться. Разочарованіе наступило очень быстро. Надежды князя Р. Эристова на новую эру въ Грузіи не осуществились. Попрежнему осталась тамъ и разобщенность классовъ одного и того же народа, и экономическая обособленность ихъ интересовъ. Напрасно поэтъ ждалъ, что образумившійся помѣщикъ протянетъ руку сво-

ему новому собрату-крестьянину, ставшему теперь такимъ же свободнымъ, какъ и онъ самъ, благодаря любвеобильной волѣ Царя-Освободителя. Этого поэтъ не дождался, и послѣреформенныя отношенія грузинскаго дворянства къ народу и этого послѣдняго къ барамъ съ грустью описалъ въ одномъ изъ прелестнѣйшихъ своихъ стихотвореній Причитанія старухи, гдѣ между прочимъ встрѣчаются слѣдующія знаменательныя строфы:

Баринъ спрашиваетъ крестьянку:

— Что, старуха, пріуныла,
Плачешь и блѣдна?

Та съ горечью отвѣчаетъ ему:

— Охъ, я сына схоронила
И теперь одна...
Я кормильца схоронила,—
Трудно старой жить!
Видно, Бога прогнѣвила,
Какъ мнѣ не тужить?
Но разспрашивать старуху,
Вишь, забота чья!
Гордыхъ бар противно слуху
Горе мужичья.

Слова старухи — живой упрекъ грузинамъ-помѣщикамъ, проѣдающимъ свои вотчины и такъ далеко ставшимъ отъ своего народа, что этотъ послѣдній началъ, по справедливости, считать ихъ за совершенно чужихъ имъ людей.

Немало посвящено также княземъ Р. Д. Эристовымъ прочувствованныхъ стихотвореній и важному въ Грузіи вопросу о такъ называемыхъ «хизанахъ», то-есть крестьянахъ, живущихъ на помѣщичьихъ земляхъ, въ силу словеснаго договора съ землевладѣльцемъ. Это чисто мѣстное явленіе на Кавказѣ, именно въ Кахетіи,—родинѣ поэта,—вызывало и вызываетъ собой цѣлый рядъ недоразумѣній, пререканій, споровъ, ссоръ, судебныхъ разбирательствъ и т. п. между помѣщиками и хизанами, играющими обыкновенно во всѣхъ такихъ столкновеніяхъ страдательную роль.

Поэтъ старается установить добрыя и искреннія отношенія между помѣщикомъ и хизаномъ хотя бы на почвѣ духовнаго родства и не разъ напоминаетъ имъ о ихъ взаимныхъ обязательствахъ, какъ дѣтей одного народа, одного отечества и одной церкви.

Одинъ въ полѣ, конечно, не воинъ, и «хизанскій вопросъ» до сихъ поръ можно считать однимъ изъ наболѣвшихъ и тяжелыхъ вопросовъ въ Грузіи, однако же добрыя назиданія почтеннаго поэта, его горячая любовь къ меньшей братіи и идеи человѣколюбія и справедливости, несомнѣнно, воздѣйствовали на далеко не радостную грузинскую дѣйствительность, скрасили собой помѣ-

щичьи инстинкты и способствовали болѣе гуманному и спокойному разрѣшенію аграрныхъ вопросовъ въ краѣ,

Всѣ поэтическія произведенія князя Р. Д. Эристова дышатъ самой широкой и свободной любовью къ человѣчеству и своей родинѣ, Грузіи, но безъ малѣйшаго оттѣнка какихъ либо тенденцій. Поэтъ любитъ міръ Божій и человѣчество истинно евангельской любовью. Возмущаясь темными явленіями человѣческой жизни, всякой несправедливостью, всякимъ насиліемъ, поэтъ не взываетъ къ возмездію небесному или земному и въ этомъ отношеніи совсѣмъ уступаетъ Некрасову, муза мести и печали котораго всегда производила сильное впечатлѣніе своими громами и паѳосомъ. Южный поэтъ народникъ не обладалъ характеромъ нашего сѣвернаго поэта-трибуна: онъ не могъ сильно ненавидѣть, будучи преисполненъ кротости, всепрощенія, покорности небу и почти непротивленія злу. Онъ молится за своихъ враговъ, личныхъ и общественныхъ, прощая обиды, какъ истинный философъ-христіанинъ.

Лира князя Р. Эристова принесла и доселѣ приноситъ грузинскому обществу неоцѣнимую пользу: возбуждая въ высшихъ слояхъ общества добрыя чувства къ народу, она бодритъ и успокоиваетъ этимъ послѣдняго... Поэтъ всецѣло входитъ въ душу крестьянина и всячески старается поддержать его въ тяжелыя минуты.

Вотъ, напримѣръ, какъ любовно и разумно утѣшаетъ онъ упавшаго духомъ пахаря въ изящномъ и тепломъ стихотвореніи: Великъ Богъ, бѣднякъ!

Что ты, пахарь, молчишь,
Пѣсню что не поешь?
Иль на нивѣ плоха
Уродилася рожь?..
Попаши да пожни,
Не горюй, работай,—
Милосерденъ Господь,
Головы не теряй!
Вишь, сосѣдъ твой Тедо́,—
Какъ желѣзо, упругъ,
Въ землю твердой рукой
Онъ врѣзаетъ свой плугъ!
Отъ зари до зари
Онъ съ землею въ борьбѣ—
И не тужитъ Тедо́
Никогда о судьбѣ:
Онъ на́ Бога, на трудъ
Всю надежду кладетъ
И по осень семьѣ
Вдосталь хлѣба несетъ.

Только что упомянутая нами любовь князя Эристова къ землѣ была одной изъ особенностей его поэзіи, такъ благородно ратовав-

шей за «малыхъ сихъ». Эта любовь къ своему родному гнѣзду не окрашивалась у него, какъ сказано, никакими узко національными тенденціями на политической закваскѣ и носила тотъ же чистый, возвышенный характеръ, какъ и его отношенія къ народу.

Вотъ что говоритъ поэтъ о миломъ сердцу каждаго родномъ языкѣ:

Всюду, гдѣ лишь только жизни лучъ проникъ,
Всѣмъ Господь далъ людямъ ихъ родной языкъ!
Языку родному сладко такъ внимать —
На немъ пѣсни пѣла намъ родная мать...
Слышу милыхъ братьевъ я веселый крикъ,—
О, какъ не любить мнѣ свой родной языкъ!?

Трудно представить себѣ болѣе страстно-нѣжнаго и возвышенно-свѣтлаго патріотизма, чѣмъ тотъ, что поэтъ вложилъ въ уста хевсура (горское племя Кавказа, считающееся потомками крестоносцевъ, осѣвшихъ въ Колхидѣ), который на всѣ блага вселенной не промѣняетъ раскаленной солнцемъ крутой скалы своей дикой и гордо недоступной родины!..

Это стихотвореніе такъ хорошо, такъ выдержано, такъ характерно и красиво, что мы приводимъ его здѣсь цѣликомъ и вполнѣ увѣрены, что читатели не посѣтуютъ на насъ за это.

Вотъ этотъ восторженный гимнъ родному краю въ переводѣ И. Ф. Тхоржевскаго.

Гдѣ я родился и выросъ, стрѣлы металъ и рѣзвился,
Гдѣ надъ могилами предковъ думалъ о нихъ и молился,
Тамъ — моя родина; съ дѣтства съ ней я душою сроднился...
Нѣтъ, не отдамъ и за древо безсмертья скалу я крутую!
Нѣтъ, не отдамъ и за рай чужеземный отчизну святую!

Милы мнѣ черныя скалы... Тамъ у вершины ихъ снѣжной
Горный гнѣздится орелъ и шумятъ водопады мятежно!
Тамъ я охочусь на туровъ,—мясо ихъ вкусно и нѣжно...
Нѣтъ, не отдамъ и за древо безсмертья скалу я крутую!
Нѣтъ, не отдамъ и за рай чужеземный отчизну святую!

Если бы въ полномъ довольствѣ жить мнѣ пришлось на равнинѣ,
Все бы стремился я въ горы: точно магнитъ въ ихъ вершинѣ...
Лучше въ горахъ умереть, чѣмъ жить и томиться въ долинѣ!
Нѣтъ, не отдамъ и за древо безсмертья скалу я крутую!
Нѣтъ, не отдамъ и за рай чужеземный отчизну святую!

Еслибъ меня на чужбинѣ встрѣтили царскимъ почетомъ,
Тронъ и дворецъ предложили съ войскомъ несмѣтнымъ и флотомъ,
Жизнью клянусь я своею, я бъ не увлекся расчетомъ!
Нѣтъ, не отдамъ и за древо безсмертья скалу я крутую!
Нѣтъ, не отдамъ и за рай чужеземный отчизну святую!

Матери грудь и отчизна — обѣ намъ незамѣнимы,
Обѣ — очей намъ дороже! Вѣрь мнѣ, собратъ мой любимый:
Только одинъ Богъ предвѣчный, только одинъ край родимый.
Нѣтъ, не отдамъ и за древо познанья скалу я крутую!
Нѣтъ, не отдамъ и за рай чужеземный отчизну святую!

Князь Р. Д. Эристовъ всю жизнь провелъ на дорогомъ его сердцу Кавказѣ, предпочитая, какъ хевсуръ, пѣсню котораго мы только что привели, голыя кавказскія скалы всѣмъ прелестямъ остального міра. Онъ служилъ въ мѣстной администраціи и пользовался прекрасной репутаціей добросовѣстнаго и просвѣщеннаго чиновника. При введеніи судебной реформы князь Эристовъ занималъ должность мирового судьи. Поэтъ, какъ упомянуто, умеръ въ очень преклонномъ возрастѣ, въ своемъ родовомъ имѣніи, въ Кахетіи, въ февралѣ настоящаго года.

Князь Р. Эристовъ имѣлъ, несомнѣнно, большое и благотворное вліяніе на современную грузинскую поэзію и создалъ свою школу. Изъ его молодыхъ послѣдователей укажемъ на Бачана (псевдонимъ), покойнаго Давидашвили, происходившаго изъ народа, подобно нашему поэту-крестьянину Спиридону Дрожжину, и Ш. Кучука. Всѣ они обладаютъ и дарованіемъ, и поэтическимъ талантомъ, но, тѣмъ не менѣе, уступаютъ въ значительной степени своему учителю, положившему начало своей обширной популярности и широкой извѣстности на Кавказѣ умиротворяющими и объединяющими мотивами своей лиры, настроенной благородной рукой философа-моралиста, не допускающаго вражды и человѣконенавистничества и соединяющаго всѣхъ во имя любви и братства.

Торжествомъ этой высокогуманной лиры маститаго поэта-народника былъ пятидесятилѣтній юбилей его литературной дѣятельности, отпразднованный въ октябрѣ 1895 года съ необычайнымъ одушевленіемъ. Изъ всѣхъ уголковъ знойной Грузіи, изъ горныхъ ущелій и съ неприступныхъ скалъ собрались депутаціи единодушно и горячо чествовать своего престарѣлаго любимца. И какъ вѣрно характеризовали общее настроеніе этого симпатичнаго юбилея народнаго грузинскаго поэта слѣдующія, сказанныя на этомъ мирномъ праздникѣ, правдивыя скова:

Сыны родной тебѣ земли —
И кахетинцы, и сванеты,
И самъ хевсуръ, тобой воспѣтый,
Тебя здѣсь чествовать пришли.
Единовѣрнаго аджарца
Здѣсь иновѣрная чалма!
Старинныхъ распрей злая тьма
Бѣжитъ предъ свѣтлымъ взоромъ старца!

С. Уманецъ.

ТРАГИКЪ.

(Памяти Н. Х. Рыбакова, 1876—1901 г.).

«Въ послѣдній разъ въ Лебедяни игралъ я Велизарія; самъ Николай Хрисанѳычъ Рыбаковъ смотрѣлъ».
Несчастливцевъ («Лѣсъ» Островскаго).

«Вотъ актеръ, выполнившій свое назначеніе, ему нѣтъ послѣдователя».
В. В. Самойловъ. (Изъ рѣчи актера В. Н. Давыдова на могилѣ Рыбакова въ Тамбовѣ).

У МОГИЛЫ артиста законная, сугубая печаль... люди знанія, чародѣи слова, звука, рѣзца и кисти, умирая, не перестаютъ жить своими безсмертными трудами. Не таковъ жребій артиста сценическаго искусства: могила уноситъ все, ничего не оставляя на память и удивленіе потомству». Когда-то этими словами, запечатлѣвшимися въ моей памяти, напутствовалъ въ могильный покой Ф. Н. Плевако московскаго артиста И. В. Самарина.

На память и удивленіе потомству послѣ актера не остается ничего, кромѣ воспоминаній, написанныхъ свидѣтелями владычества таланта надъ толпой, и характеристикъ театральныхъ историковъ, пережевывающихъ тѣ же немногія воспоминанія и добавляющихъ ихъ догадками да соображеніями. Живутъ и не умираютъ послѣ великаго сценическаго дѣятеля развѣ созданныя имъ традиціи, переходящія по наслѣдству отъ одного поколѣнія актерства къ слѣдующему. Чѣмъ больше уцѣлѣло свидѣтелей сценическаго торжества актера, и чѣмъ больше эти свидѣтели написали и разсказали намъ

объ его талантѣ, объ его личности, тѣмъ долѣе сохранится память о покойномъ, память, не омраченная вымыслами. Поэтому мнѣ кажется, что, несмотря на обширныя изслѣдованія о знаменитыхъ актерахъ, весьма важны и маленькія замѣтки современниковъ, потому что онѣ вносятъ въ освѣщеніе личности какую нибудь черту, какой нибудь новый фактъ. А отъ этихъ мелочей опять таки выиграетъ характеристика актера.

Въ нынѣшнемъ году, а именно 15-го ноября, минетъ четверть вѣка со дня смерти трагика Николая Хрисанѳовича Рыбакова, театральнаго крестника Мочалова, отмѣтившаго этотъ богатый русскій самородокъ. Рыбаковъ—это цѣлая эпоха русскаго театра, охватывающая середину прошлаго столѣтія, это человѣкъ огромнаго таланта, способностей, не знавшій школы, но создавшій ее... по крайней мѣрѣ, на актерскомъ жаргонѣ живетъ еще выраженіе «трагикъ Рыбаковской школы». Школа эта, разумѣется, была простымъ подражаніемъ Рыбакову, а не извѣстной подготовкой къ сценѣ. Но и за это спасибо Рыбакову, потому что онъ сознательно приходилъ къ убѣжденію, что въ ходульной мелодрамѣ и въ трагедіи необходима человѣчность, правда, возможная простота. Онъ понизилъ, смягчилъ до нѣкоторой степени тонъ трагика того времени и, благодаря этому, впослѣдствіи быстро, отлично освоился самъ съ новымъ репертуаромъ Островскаго, создавъ серію разнообразныхъ купеческихъ типовъ и наконецъ трагика Несчастливцева, въ которомъ знаменитый драматургъ нарисовалъ фигуру, близкую къ самому Николаю Хрисанѳычу Рыбакову [1]).

Я былъ знакомъ съ Н. Х. Рыбаковымъ, участвовалъ съ нимъ въ качествѣ любителя цѣлый лѣтній сезонъ въ Павловскомъ театрѣ (1876 годъ) и видѣлся иногда раза по три въ день, и по утрамъ на репетиціяхъ, и по вечерамъ въ театрѣ. Рыбаковъ, какимъ я его помню, какимъ я его зналъ, не былъ похожъ на того, какимъ онъ представляется въ разсказахъ и анекдотахъ нѣкоторой части актерства, какимъ-то свирѣпымъ, грубымъ по рѣчи и формамъ и злоупотреблявшимъ непечатными выраженіями. Это—утрировка разсказчиковъ, копирующихъ Николая Хрисанѳыча. Непечатныя слова, ругань—обыденныя явленія за кулисами, и въ Павловскомъ театрѣ очень многіе изъ актеровъ упражнялись въ этомъ, но только не Рыбаковъ. Николай Хрисанѳычъ былъ немного строптивъ, настойчивъ, не любилъ, чтобъ его опровергали, и иногда ворчалъ, что слѣдовало приписать и его возрасту.

Когда я обратился къ директору театра, покойному актеру и драматургу А. Ф. Ѳедотову, съ просьбою принять меня въ качествѣ любителя, я никого изъ актеровъ не зналъ, а слышалъ лишь, что

---

[1]) Называю его Хрисанѳычемъ. Это сокращенное имя приходилось и приходится слышать чаще.

тамъ будетъ играть «самъ» Рыбаковъ. О немъ мнѣ много разсказывали, да и въ газетахъ тогда писали объ его ангажементѣ. Возвращаясь отъ Ѳедотова, въ лѣскѣ близъ театра я встрѣтился съ человѣкомъ колоссальнаго роста, здоровеннымъ, въ русскомъ картузѣ и въ поддевкѣ, или, вѣрнѣе въ черной длинной венгеркѣ съ поперечными швами и застежками: внушительная, мощная, хотя чуть-чуть сгорбленная фигура! Я не разъ оглянулся на нее, а на другой день или въ тотъ же вечеръ—не помню, я встрѣтилъ эту фигуру за кулисами и узналъ, что это и есть Николай Хрисанѳычъ. Лицо у него было сердитое, но едва заговоритъ бывало Рыбаковъ, и это впечатлѣніе совершенно сглаживалось; въ немъ было что-то скорѣе располагающее, симпатичное, добродушное даже и тогда, когда онъ возвышалъ свой густой голосъ. Себя онъ не отличалъ отъ другихъ товарищей актеровъ и никогда не пытался быть величественнымъ, гордымъ, какъ гастролировавшій тамъ же В. В. Самойловъ, предъ которымъ всѣ трепетали, а въ особенности артистки. Съ Рыбаковымъ репетировали безъ церемоніи, шутили, болтали о текущихъ дѣлахъ, а при Самойловѣ всѣ умолкали. В. Н. Давыдовъ въ своей рѣчи надъ гробомъ Рыбакова, котораго хоронили въ Тамбовѣ, отзывается о знаменитомъ артистѣ, какъ о человѣкѣ, заслуживавшемъ полнаго уваженія, прослужившемъ почти 52 года на сценѣ добрымъ, честнымъ, всегда стоявшимъ за правду, несмотря на всѣ искушенія артистическаго поприща.

Л. Н. Самсоновъ, разсказывая о томъ, что юные театральные орлы звали Рыбакова мужикомъ, говоритъ: «Но у этого мужика всю жизнь было то, чего не было у другихъ: искра Божія—сколькимъ онъ помогалъ рублемъ и совѣтомъ». Потому-то меньшая актерская братья такъ любила этого могикана провинціальной сцены. Преувеличено утвердившееся послѣ смерти Рыбакова мнѣніе, будто онъ ролей никогда не училъ. Самъ я игралъ съ нимъ и никогда этой слабости не замѣчалъ. Конечно, если въ силу свойственной ему любезности онъ соглашался по просьбѣ директора театра выходить въ пустой, эпизодической роли, то это легко могло случиться. Напримѣръ, ему поручили ничтожную роль въ первомъ актѣ имѣвшей тогда успѣхъ драмы «Убійство Коверлэй». Разумѣется, Николай Хрисанѳычъ отнесся къ ней равнодушно. По поводу отношенія Рыбакова къ ролямъ, да и вообще къ дѣлу, которому онъ былъ преданъ душой, я говорилъ въ свое время въ печати. Приходилось мнѣ отмѣчать и его отношеніе къ молодому сыну, подвизавшемуся также въ Павловскѣ, а нынѣ артисту Малаго московскаго театра. Рыбаковъ, обожавшій сына, не хлопоталъ за него и не пользовался своимъ положеніемъ на сценѣ, чтобы выдвигать его. Сынъ работалъ самостоятельно.

Рыбаковъ былъ большой патріотъ и возмущался въ глубинѣ души турецкими звѣрствами. Онъ коментировалъ ежедневно де-

пеши и радовался славянскимъ успѣхамъ. Когда заводили рѣчь о войнѣ, онъ кричалъ: «Поколотимъ, всѣхъ поколотимъ... и флотъ непріятельскій уничтожимъ... Побьемъ». При этомъ онъ въ лицѣ измѣнялся.

Какъ это ни странно, но знаменитый трагикъ выступалъ въ Павловскѣ въ роляхъ комическаго характера и имѣлъ въ нихъ огромный успѣхъ. У Рыбакова оказался замѣчательный комическій талантъ. Въ «Завтракѣ у предводителя» Тургенева, гдѣ онъ давалъ удивительную фигуру помѣщика Алупкина, Рыбаковъ былъ безподобенъ. Вообще піеса Тургенева шла здѣсь, какъ говорится, по нотамъ, при чемъ, кромѣ Рыбакова, особенно выдавался покойный Васильевъ-Гладковъ. Забавенъ былъ Рыбаковъ въ роли сторожа въ комедіи «Къ мировому» и въ цѣломъ рядѣ подобныхъ ролей. Къ сожалѣнію, въ этотъ пріѣздъ въ Петербургъ Николай Хрисанѳычъ уже не появлялся въ своихъ прежнихъ драматическихъ роляхъ и даже въ лучшихъ комическихъ.

Обстоятельныя біографическія свѣдѣнія о Рыбаковѣ собраны Н. Городецкимъ, подѣлившимся ими въ прекратившемся «Дневникѣ артиста». Позволяю себѣ воспользоваться въ сжатомъ видѣ хронологическими данными изъ жизни Николая Хрисанѳыча.

Рыбаковъ родился 7-го мая 1811 года, въ Курскѣ. Отецъ его управлялъ имѣніемъ Вельяминовыхъ, а мать содержала швейный магазинъ. Н. Х. окончилъ мѣстную четырехклассную гимназію и служилъ канцелярскимъ чиновникомъ въ казенной палатѣ. 11-ти лѣтъ Рыбаковъ попалъ въ театръ на представленіе пьесы «Пустынникъ на остовѣ Фромантеро». Спектакль произвелъ на него глубокое впечатлѣніе, онъ сталъ часто ходить въ театръ и пристроился въ качествѣ любителя въ статисты. По просьбѣ матери, Вельяминовъ увезъ Рыбакова на Кавказъ на службу. Н. Х. бѣжалъ въ Курскъ и, будучи 21 года, вступилъ актеромъ въ труппу Млотковскаго, съ которымъ уѣхалъ въ Харьковъ. Здѣсь его дарованіе отмѣтилъ П. С. Мочаловъ, сердечно относившійся къ молодому Рыбакову. Н. Х. случайно, почти экспромтомъ, сыгралъ послѣ отъѣзда Мочалова роль Гамлета, и успѣхъ его былъ началомъ блестящей карьеры. Прослуживъ десять лѣтъ въ Харьковѣ, онъ игралъ въ Николаевѣ, дебютировалъ блестяще, послѣ смерти Мочалова, въ Москвѣ на императорской сценѣ, послѣ чего, не дождавшись отвѣта отъ дирекціи, уѣхалъ въ Ярославль, откуда его вызывало московское театральное начальство, но обиженный трагикъ предпочелъ скитаніе по провинціи. Успѣхъ и слава его гремѣли повсюду. Въ 1854 году Н. Х. дебютировалъ по приглашенію дирекціи въ Петербургѣ въ Александринскомъ театрѣ въ роляхъ Гамлета и другихъ и опять съ огромнымъ успѣхомъ. Рыбакову предложили настолько умѣренное вознагражденіе, что онъ вторично направился въ провинцію. Въ 1872 году, онъ служилъ въ народ-

номъ театрѣ въ Москвѣ, потомъ въ Одессѣ и снова въ Москвѣ въ общедоступномъ театрѣ Танѣева, а также игралъ позднѣе въ Артистическомъ кружкѣ. Въ 1876 году, 5-го февраля, на сценѣ общедоступнаго театра отпраздновали 50-ти-лѣтній юбилей его сценической дѣятельности. Объ этомъ чествованіи не разъ при мнѣ вспоминалъ Николай Хрисанѳычъ, и видимо оно сильно запечатлѣлось въ его душѣ. «Даже уцѣлѣли афишки, отпечатанныя на атласѣ!»—говорилъ Рыбаковъ. Дѣйствительно, московское чествованіе Рыбакова было рѣдкимъ по единодушному отношенію къ нему и литературы и театральныхъ собратьевъ. Рыбакову, остававшемуся всю жизнь провинціальнымъ скитальцемъ, несмотря на его огромный талантъ, было дорого, что его чествовала именно Москва. Рыбаковскій юбилей былъ въ то же время праздникомъ русскаго провинціальнаго актерства, сознававшаго, что Николай Хрисанѳычъ старшій его товарищъ, что и безъ казенной сцены, куда немногимъ удавалось тогда проникать, можно составить себѣ истиннымъ талантомъ имя и славу. А. Н. Островскій привѣтствовалъ Рыбакова, какъ предсѣдатель общества русскихъ драматическихъ писателей, артисты Малаго театра поднесли юбиляру адресъ и вѣнокъ. Торжество было трогательное, и очевидецъ, помощникъ режиссера г. Николаевъ-Коваленко, говорилъ мнѣ, что желѣзный Рыбаковъ не выдержалъ, заплакалъ.

По словамъ г. Городецкаго, особенный восторгъ вызвало въ залѣ то мѣсто, когда Несчастливцевъ-Рыбаковъ упоминаетъ, что «самъ Николай Хрисанѳычъ Рыбаковъ» одобрилъ его игру. Вполнѣ довѣряя этому, я однако не могу не привести другого варіанта по тому же поводу, весьма распространеннаго въ актерской средѣ. Многіе увѣряютъ, что Рыбаковъ въ большинствѣ случаевъ не упоминалъ о себѣ въ «Лѣсѣ», замѣняя свое имя именемъ извѣстнаго Корнелія Полтавцева. Можетъ быть, этотъ варіантъ относится совсѣмъ не къ московскому спектаклю, но недавно еще въ моемъ присутствіи повторялъ его одинъ провинціальный актеръ. Народному театру и послѣ превращенія его въ общедоступный тяжело было существовать въ Москвѣ. Ревнивая къ чужимъ успѣхамъ театральная дирекція завидовала и была недовольна. С. В. Танѣевъ можетъ самъ разсказать, сколько онъ вложилъ въ это дѣло и средствъ и здоровья. По словамъ актеровъ, костюмныя пьесы заставляли одно время играть во фракахъ и современныхъ костюмахъ. Когда Н. Х. Рыбаковъ въ утреннемъ спектаклѣ игралъ въ пьесѣ «Материнское благословеніе» и надѣлъ пейзанскій костюмъ, къ нему пожаловалъ, какъ передаетъ г. Николаевъ-Коваленко, за кулисы чиновникъ отъ дирекціи казенныхъ театровъ.

— Я чиновникъ дирекціи, Николай Хрисанѳычъ, вы не имѣете права носить костюмъ.

— Что же голымъ играть прикажете?

— Въ обыкновенномъ платьѣ.

— Я въ этомъ костюмѣ по улицѣ хожу, это мое обыкновенное платье.

Н. Х. Рыбаковъ, въ виду того, что чиновникъ слѣдилъ за нимъ, уѣхалъ домой съ товарищами въ каретѣ общедоступнаго театра, не снимая блузы. Когда лошади не шли при поворотѣ въ гору, Николай Хрисанѳычъ вылѣзъ, желая облегчить лошадей, и гулялъ въ блузѣ, обращая вниманіе прохожихъ своей колоссальной фигурой въ такомъ странномъ костюмѣ.

Въ другой пьесѣ Рыбаковъ, войдя на сцену, перекрестился. Къ нему явился кто-то съ замѣчаніемъ.

— Николай Хрисанѳычъ, на сценѣ нельзя креститься.

— А въ кабакѣ можно? Я театръ ставлю выше! — отвѣтилъ Рыбаковъ.

Про Рыбакова разсказываютъ вообще столько, что всего не запишешь, да ко многому относишься даже съ понятнымъ недовѣріемъ.

Н. Х. Рыбаковъ умеръ въ Тамбовѣ, утромъ, 15-го ноября 1876 года. Наканунѣ онъ участвовалъ въ спектаклѣ. Л. Н. Самсоновъ утверждаетъ, что и мертвый (курсивъ Самсонова) Рыбаковъ постоялъ за себя: его не хотѣли хоронить, принимая за живого, и жгли его тѣло раскаленнымъ желѣзомъ.

Въ «Дневникѣ артиста» за 1893 г. имѣются также весьма обстоятельное описаніе Рыбаковской могилы, сдѣланное И. Менделѣевымъ-Сибирякомъ, снимокъ съ этой могилы и портретъ Николая Хрисанѳыча, снятаго съ М. П. Садовскимъ въ роляхъ Несчастливцева и Счастливцева.

Благодаря Н. Х. Рыбакову, я сдѣлался журналистомъ: разставшись съ знаменитымъ артистомъ и получивъ вскорѣ извѣстіе о его смерти, я написалъ первую замѣтку, посвященную его памяти, которая была напечатана тогда въ «Петербургской Газетѣ» С. Н. Худекова.

Островскій тонко подмѣтилъ характерную черту трагика, ссылавшагося на авторитетъ самого Н. Х. Рыбакова. Большинство актеровъ, по крайней мѣрѣ, недалекаго прошлаго непремѣнно ссылалось на замѣчательныхъ собратьевъ.

— Я эту роль тридцать разъ съ Рыбаковымъ игралъ! — заявляетъ одинъ.

— Я, можно сказать, ученикъ Рыбакова!—говоритъ другой.— Есть пьесы, въ которыхъ Николай Хрисанѳычъ безъ меня не выходилъ.

Еще до сихъ поръ уцѣлѣло много его учениковъ и признанныхъ будто бы имъ талантовъ.

То же самое происходитъ и съ именемъ В. В. Самойлова. Кто съ этимъ артистомъ игралъ, всѣ на него ссылаются. Недавно про-

винціальный актеръ, искавшій мѣста въ петербургскихъ театрахъ для себя и для жены, увѣрялъ, что жена его ученица Самойлова.

— Когда же онъ ее училъ?--спрашивали пріятели.

— Она играла съ нимъ въ комедіи «Старое старится», и онъ все показывалъ ей... маленькую рольку исполняла, а выдвинулась.

Какъ-то разъ въ ресторанѣ «Малый Ярославецъ» въ прежніе годы, когда тамъ собирались литераторы, артисты, журналисты, музыканты, находился провинціальный актеръ А., нынѣ покойный. Человѣкъ онъ былъ на видъ необыкновенно серіозный, положительный, смахивавшій скорѣе на директора департамента, чѣмъ на благороднаго отца. Его представили вошедшему И. Ѳ. Горбунову.

— Ученикъ Самойлова! — добавилъ ради шутки представлявшій А.

— Да, многимъ ему обязанъ!—серіозно отвѣчалъ А.

— Объ учителѣ очень наслышанъ,—сказалъ Горбуновъ,—а съ достойнымъ ученикомъ пріятно познакомиться.

А. низко ему поклонился.

Имя Н. Х. Рыбакова въ провинціи популярнѣе имени Самойлова. Рыбаковъ былъ тамъ человѣкъ «свой», дѣлившій съ товарищами горе и радости скитальческой жизни. Онъ свыкся, сроднился и съ этой жизнью и съ семьей провинціальнаго актерства. Душа его тяготѣла къ провинціальной сценѣ, къ сценѣ частной, а не къ міру театральныхъ чиновниковъ, которые успѣли въ отношеніи его проявить неделикатность.

Александръ Плещеевъ.

ПАМЯТИ АКАДЕМИКОВЪ М. И. СУХОМЛИНОВА И И. Н. ЖДАНОВА.

I.

МИНУВШЕЕ лѣто можно назвать одной изъ тяжкихъ годинъ для нашей отечественной исторіи и словесности. Въ одинъ мѣсяцъ мы лишились академиковъ: М. И. Сухомлинова и И. Н. Жданова, И. П. Корнилова и профессора И. Е. Троицкаго. Самою тяжкою и, можно сказать, незамѣнимою утратою, конечно, является смерть названныхъ академиковъ, скончавшихся одинъ за другимъ въ промежуткѣ четырехъ дней: первый умеръ 8-го, а второй—11-го іюля, въ Алупкѣ. Мы не собираемся дѣлать здѣсь подробную оцѣнку литературной дѣятельности покойныхъ академиковъ, но считаемъ необходимымъ и умѣстнымъ точнѣе и подробнѣе, чѣмъ это сдѣлано до насъ въ періодической печати, указать на ихъ труды и присоединить свои небольшія воспоминанія о глубоко нами уважаемомъ учителѣ, И. Н. Ждановѣ.

Михаилъ Ивановичъ Сухомлиновъ родился 3 марта 1825 года; отецъ его былъ магистромъ изящныхъ наукъ и философіи и профессоромъ химіи въ Харьковскомъ университетѣ. По окончаніи курса въ Харьковской гимназіи, Михаилъ Ивановичъ поступилъ на историко-филологическій факультетъ Харьковскаго же университета и окончилъ его въ 1848 году. Въ то время въ университетѣ наиболѣе видными профессорами были: Лунинъ, Валицкій, И. И. Срезневскій, Артемовскій-Гулакъ, Метлинскій, Якимовъ и Протопоповъ, внесшіе, по словамъ историка Харьковскаго

университета де-Пуле, «много укрѣпляющихъ и живительныхъ началъ, послужившихъ источникомъ того общаго идеальнаго настроенія, подъ вліяніемъ котораго развился и окрѣпъ цѣлый рядъ полезныхъ дѣятелей науки и просвѣщенія». Достаточно назвать Н. И. Костомарова, М. Н. Петрова, окончившаго курсъ въ одинъ годъ съ М. И. Сухомлиновымъ, Потебню и другихъ.

Въ 1850 году М. И. Сухомлиновъ защитилъ свою магистерскую диссертацію: «Взглядъ на историческій ходъ русской драмы». Этотъ первый научный трудъ двадцати двухъ-лѣтняго ученаго явился высоко интересной и цѣнной научной новинкой; въ немъ впервые подробно и вполнѣ правильно излагался весь ходъ развитія русской драмы и точно устанавливалось положеніе, что и въ Европѣ и у насъ на Руси первыми драматическими произведеніями были аллегорическія и религіозныя мистеріи. Черезъ два года, по защитѣ этой диссертаціи, М. И. Сухомлинова пригласили въ С.-Петербургскій университетъ помощникомъ Никитенки, въ званіи адъюнкта по каѳедрѣ русской словесности. Здѣсь въ теченіе шести лѣтъ до отъѣзда за границу онъ напечаталъ въ академическихъ изданіяхъ цѣлый рядъ научныхъ работъ въ области древней русской словесности. Первыми по времени были: литературный очеркъ «Вассіанъ, русскій писатель XV вѣка» (въ «Извѣстіяхъ имп. академіи наукъ», 1853 г., т. II и отдѣльно) и изслѣдованіе «О сборникахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Пчелъ» (Спб., 1853 г.). Въ 1854 году въ «Ученыхъ Запискахъ академіи наукъ по второму отдѣленію» (книга I) появилось его не потерявшее своего значенія и до сихъ поръ изслѣдованіе: «О языкознаніи въ древней Россіи». Въ немъ авторъ, изучившій множество рукописей разныхъ библіотекъ и архивовъ петербургскихъ и московскихъ, искусно подобранными фактами доказываетъ, что встарину слово чтили, какъ святыню, и изучали его по мѣрѣ данныхъ научныхъ средствъ по книгамъ и въ устныхъ общеніяхъ. Изученіе это опредѣлялось характеромъ русской образованности и потребностями стариннаго общежитія. Знакомство же съ иностранными языками пріобрѣталось навыкомъ, безъ опредѣленной научной системы, присутствіемъ которой, однако, не можетъ похвалиться и нынѣшнее время.

Столь же цѣннымъ и важнымъ было его другое изслѣдованіе, появившееся въ слѣдующемъ году: «О псевдонимахъ въ древней русской словесности» (въ «Извѣстіяхъ имп. академіи наукъ», 1855 года, т. IV, вып. 3). Разумѣя подъ «псевдонимами» такіе памятники старинной русской литературы, большею частію русскаго происхожденія и неизвѣстныхъ авторовъ, которые переписчиками по тѣмъ или другимъ соображеніямъ были приписаны знаменитымъ древнимъ церковнымъ писателямъ, чаще всего Іоанну Златоусту и Кириллу Философу, М. И. Сухомлиновъ впервые за-

тронулъ здѣсь путемъ научнаго изученія непочатый до него обширный отдѣлъ древне-русской письменности: сочиненій переводныхъ патристическихъ и вызванныхъ ихъ вліяніемъ оригинальныхъ русскихъ, помѣстивъ въ приложеніи нѣсколько неизданныхъ памятниковъ (Слово о злыхъ женахъ, Поученіе Кирилла Философа и друг.).

Въ 1856 году М. И. Сухомлиновъ, бывшій уже тогда членомъ-корреспондентомъ академіи наукъ, защитилъ, составившую своего рода эпоху, диссертацію на степень доктора славяно-русской филологіи: «О древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ». Хотя до него очень многіе изслѣдователи и историки принимались за изученіе нашихъ лѣтописей, но ихъ изученіе не сходило съ почвы чисто исторической. М. И. Сухомлиновъ первый рѣшился коснуться самого составителя лѣтописей, разсмотрѣть источники, которыми онъ пользовался, и указать на литературное значеніе лѣтописей. Добытые имъ результаты не потеряли своего значенія и до сихъ поръ; въ рядъ этому труду идутъ лишь позднѣйшія изслѣдованія К. Н. Бестужева-Рюмина («О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV вѣка»), Н. И. Костомарова и А. А. Шахматова. Впервые также затронулъ онъ вопросъ и «О преданіяхъ въ древней русской лѣтописи» (Спб., 1856 года), указавъ здѣсь, главнымъ образомъ, на элементы книжный и народный.

Въ 1858 году, во второмъ томѣ «Рукописей графа А. С. Уварова» (вып. I) Михаилъ Ивановичъ напечаталъ сочиненія Кирилла Туровскаго, сличивъ ихъ по 83 спискамъ и предпославъ имъ обширное предисловіе, въ которомъ подробно указалъ славянскіе и византійскіе источники и точно опредѣлилъ византійское вліяніе на нашу литературу, благодаря чему не только произведенія Кирилла Туровскаго, бывшія до того извѣстными лишь по изданію Калайдовича, получили новое освѣщеніе, но и вся наша древняя проповѣдническая письменность. Съ появленія въ свѣтъ этой работы М. И. Сухомлинова, вопросъ о византійскомъ вліяніи въ нашей древней письменности изъ сферы чаяній и предположеній перешелъ на прочную почву непосредственнаго, реальнаго изученія.

Изъ другихъ его работъ, относящихся къ этому времени, назовемъ: «Замѣтки о Сумароковѣ» (въ «Извѣстіяхъ имп. академіи наукъ», 1854 г., т. IV), гдѣ говорится о связи одной притчи Сумарокова со словомъ на недѣлю цвѣтную Ѳеофана Прокоповича; статью о «Новомъ филологическомъ изданіи, обнимающемъ славянскіе языки: «Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der arischen celtischen und slavischen Sprachen» (въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1857 г., кн. I), и «Сборникъ, издаваемый студентами С.-Петербургскаго университета» (т. I, 1857 г.), который онъ редактировалъ.

Въ 1858 году Михаилъ Ивановичъ былъ командированъ за границу, гдѣ въ теченіе трехъ лѣтъ пользовался лекціями, бесѣдами и указаніями братьевъ Гриммовъ, Шафарика, Шлейхера и другихъ корифеевъ лингвистики и науки германскихъ и славянскихъ древностей. Возвратившись оттуда и избранный экстраординарнымъ профессоромъ по теоріи языка и исторіи древней русской литературы, онъ явился первымъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ проводникомъ строго научнаго направленія въ разработкѣ памятниковъ отечественной словесности, первымъ ученымъ филологомъ, истиннымъ ученикомъ И. И. Срезневскаго.

Во время пребыванія за границей покойный составилъ двѣ статьи, которыя и были напечатаны въ «Русскомъ Вѣстникѣ»: «Изъ Берлина» (о книгахъ и рукописяхъ въ Берлинской публичной библіотекѣ на русскомъ языкѣ или по содержанію относящихся до Россіи) и «Изъ Праги» (о чешской литературѣ и ея представителяхъ).

Съ начала 1860-хъ годовъ, М. И. Сухомлиновъ обращается къ изученію исторіи литературы XVIII и XIX вв. и исторіи русскаго просвѣщенія и даетъ рядъ блестящихъ очерковъ, большая часть которыхъ въ 1889 г. А. С. Суворинымъ была переиздана въ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ: «Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію». По времени появленія въ печати эти очерки слѣдовали въ такомъ порядкѣ: «О литературѣ переходнаго времени конца XVII в. и начала XVIII в.» (въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1862 г., № 4); «Училища и народное образованіе въ Ярославской губерніи» (ibid., 1863 г., № 1) и «Черниговской» (ibid., 1864 г., часть CXXI, и отд.)—составлены на основаніи данныхъ мѣстныхъ училищныхъ архивовъ; «Н. И. Новиковъ, авторъ историческаго словаря о русскихъ писателяхъ» (въ «Запискахъ императорской академіи наукъ», 1865 г., т. VI). Эта статья составлена по поводу выхода въ свѣтъ Ефремовскаго изданія словаря Новикова и впервые съ подробностію опредѣляетъ всю важность этого «драгоцѣннаго памятника нашей литературы XVIII вѣка, и какъ сборника свѣдѣній о современныхъ автору литературныхъ дѣятеляхъ, и какъ свидѣтельства о томъ, къ чему направлены были стремленія лучшихъ людей тогдашняго времени».

Въ 1865 и 1866 г. печатались въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» его драгоцѣнные «Матеріалы для исторіи образованія и просвѣщенія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I». Здѣсь разсматриваются судьбы русскихъ университетовъ, въ ихъ научной дѣятельности и внутренней жизни, съ указаніемъ вліянія на нихъ политическихъ событій въ Европѣ, говорится о министрахъ народнаго просвѣщенія и членахъ главнаго управленія училищъ, и подробно излагается положеніе тогдашней цензуры. Это обширное изслѣдованіе, составленное по архивнымъ

матеріаламъ, до того ни для кого почти недоступнымъ, отличается прекраснымъ и живымъ изложеніемъ, точными выводами и рѣдкою объективностью.

Изъ послѣдующихъ работъ М. И. Сухомлинова назовемъ: «Отдѣлъ народнаго образованія на всемірной выставкѣ въ Парижѣ въ 1867 г.» (въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1867 г., № 10); «Изъ бумагъ митрополита московскаго Филарета» (ib., 1868 г., № 1, и отдѣльно; здѣсь приводится переписка Филарета и нѣкоторыя другія его бумаги по поводу библейскихъ обществъ, съ комментаріями издателя); «Фридрихъ-Цезарь-Лагарпъ, воспитатель императора Александра I» (ib., 1871 г., № 1 и 2 и отд.)—это самая лучшая и подробная біографія Лагарпа; «О трудахъ по исторіи русской литературы» (ib., 1871 г., № 8). Здѣсь авторъ, начавъ съ опредѣленія самыхъ словъ: «литература», «словесность» и «письменность», указываетъ прежде на главнѣйшія работы западно-европейскихъ ученыхъ и затѣмъ, отвѣчая на вопросъ: «что же сдѣлано у насъ по части исторіи литературы?»—съ большими подробностями приводитъ труды нашихъ писателей—историковъ литературы, сопровождая ихъ краткими характеристиками. При этомъ онъ едва ли не первый сдѣлалъ высокую оцѣнку работамъ Стоюнина, Караулова и Порфирьева и внесъ нѣсколько поправокъ въ сужденіяхъ предыдущихъ строгихъ критиковъ Филаретовскаго «Обзора духовной литературы», къ которому онъ же составилъ «хронологическій указатель писателей и произведеній».

Какъ бы въ видѣ перерыва въ ряду работъ этого рода и возврата къ древней словесности, въ 1873 г. М. И. Сухомлиновъ напечаталъ въ «Запискахъ академіи наукъ», т. XXII — «Повѣсть о судѣ Шемяки» и «Два семитическія сказанія, встрѣчающіяся въ памятникахъ русской литературы» (притчи о слѣпцѣ и хромцѣ). «Повѣсть о судѣ Шемяки» была изслѣдуема и до М. И. Сухомлинова Буслаевымъ, Тихонравовымъ, Аѳанасьевымъ, Пыпинымъ, но онъ первый съ точностью и подробностью обслѣдовалъ вопросъ о происхожденіи и составѣ «повѣсти», указалъ отношеніе ея къ памятникамъ нашей словесности, какъ устнымъ, такъ и письменнымъ, а также и къ нѣкоторымъ произведеніямъ западно-европейскихъ и восточныхъ литературъ, и выдвинулъ на научную почву вопросъ о вліяніи на нашу письменность семитической литературы. Хотя авторъ вступилъ здѣсь въ изслѣдуемую имъ область впервые и впослѣдствіи никогда не возвращался къ ней, но его работа по строгой научной критикѣ и обстоятельности считается наиболѣе цѣнной и до сихъ поръ.

Въ 1874 г. вышелъ въ свѣтъ первый выпускъ «Исторіи Россійской академіи», и затѣмъ до 1887 г. ихъ вышло еще семь выпусковъ. По общему отзыву критиковъ, это—капитальнѣйшій трудъ по исторіи нашего просвѣщенія, гордость русской научной лите-

ратуры. Основанный, главнымъ образомъ, на изученіи архивныхъ матеріаловъ, добытыхъ авторомъ изъ множества россійскихъ архивовъ и даже изъ архива Лейпцигскаго университета, онъ знакомитъ не только съ дѣятельностью Россійской академіи, существовавшей до 1843 г., но и со всей исторіей нашего образованія и литературы конца XVIII и начала XIX вв.; отъ этого-то мы и встрѣчаемся въ немъ съ цѣлымъ рядомъ обширныхъ и блестящихъ монографій дѣятелей академіи: митрополита Гавріила, княгини Дашковой, П. А. Алексѣева (в. I); С. Я. Румовскаго, И. И. Лепехина и Н. С. Озерецковскаго (в. II); С. К. Котельникова, А. П. Протасова и Н. П. Соколова (в. III): Севергина и Барсова (в. IV); И. Н. Болтина (в. V); Козодавлева (в. VI); Державина, Фонвизина, Княжнина, Хемницера, Капниста, Дмитріева и др. (в. VII). Въ послѣднемъ выпускѣ говорится объ изданныхъ академіею словарѣ и грамматикѣ русскаго языка, объ отношеніяхъ къ академіи литературы, о преобразовніи ея во второе отдѣленіе и наконецъ о значеніи Россійской академіи.

Одновременно съ послѣдними выпусками «Исторія Россійской Академіи» стали выходить подъ редакціей покойнаго и «Матеріалы для исторіи академіи наукъ», представляющіе систематическое собраніе документовъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ и извлеченныхъ изъ архивовъ: академическаго, сенатскаго, министерства народнаго просвѣщенія, Московскаго архива министерства юстиціи и др. Начиная съ 1716 г., «Матеріалы» продолжаются въ послѣднемъ десятомъ томѣ, вышедшемъ въ 1900 г., до 1750 г., и обнимаютъ не только дѣятельность ученаго учрежденія, но и учрежденій, находящихся въ связи съ нимъ (библіотеки, кунсткамеры, университета, гимназіи и др.).

Не успѣлъ появиться въ свѣтъ восьмой выпускъ «Исторіи Россійской академіи», какъ Михаилъ Ивановичъ взялся, по порученію Второго отдѣленія академіи, за составленіе новаго, по выраженію К. Н. Бестужева-Рюмина, «монументальнаго» труда»—за изданіе сочиненій Ломоносова, съ объяснительными примѣчаніями, и успѣлъ напечатать четыре тома. Въ первый и второй томы вошли стихотворенія Ломоносова, съ 1748 по 1765 г., воспроизведенныя по подлинному тексту, съ приведеніемъ варіантовъ. Въ обширныхъ примѣчаніяхъ къ нимъ авторъ съ точностію опредѣляетъ особенности и пріемы творчества поэта и даетъ широкую характеристику состоянія тогдашней литературы. Въ третьемъ томѣ помѣщены произведенія Ломоносова, относящіяся къ области языка и словесности («О правилахъ россійскаго стихотворства», «Краткое руководство къ риторикѣ» и «Краткое руководство къ краснорѣчію»). Въ предисловіи къ нему находимъ, между прочимъ, слѣдующій любопытный выводъ автора: «Ломоносовъ своими источниками и пособіями пользовался съ замѣчательнымъ умѣньемъ,

выбирая то, что наиболѣе пригодно для русскаго человѣка, и обнаруживъ литературный вкусъ при замѣнѣ какого либо образа или выраженія другимъ болѣе соотвѣтствующимъ» (стр. V). И, наконецъ, въ четвертый томъ вошли сочиненія Ломоносова, относящіяся къ области языкознанія, и нѣсколько рѣчей, произнесенныхъ въ торжественныхъ собраніяхъ академіи наукъ. Мы слы-

Михаилъ Ивановичъ Сухомлиновъ.

шали, что покойнымъ приготовленъ къ печати и пятый томъ, къ которому онъ не успѣлъ лишь докончить примѣчанія. Здѣсь необходимо прибавить, что о Ломоносовѣ покойный писалъ еще въ 1861 г.—«Ломомосовъ, студентъ Марбургскаго университета» (въ «Русскомъ Вѣстникѣ», № 1) и затѣмъ въ 1895 г.—«Къ біографіи Ломоносова» (Спб., 1896 г.). Въ послѣднемъ изслѣдованіи онъ говоритъ на основаніи новыхъ матеріаловъ о пребываніи Ломоносова

въ Спасскихъ школахъ и точно устанавливаетъ время его рожденія—8-е сентября 1711 года.

Другими болѣе мелкими, но одинаково цѣнными и интересными работами М. И. Сухомлинова, за время съ 1875 г. до послѣднихъ лѣтъ, были: «Эпизодъ изъ литературы тридцатыхъ годовъ» (три повѣсти Павлова), напечатанный въ «Древней и Новой Россіи», 1875 г., № 1; «Библіографъ В. О. Сопиковъ» (ib., 1876 г., № 1); «Актъ въ Кіевскомъ университетѣ, 15-го іюня 1841 г.» (ib., 1876 г., № 5; рѣчь идетъ о выходкѣ митрополита Филарета по поводу рѣчи проф. Иванишева); «Уничтоженіе диссертаціи Костомарова» (ib., 1877 г., № 1); «Рѣчь въ торжественномъ собраніи императорской академіи наукъ по случаю столѣтняго юбилея Александра I» (въ «Запискахъ императорской академіи наукъ», 1877 г., т. XXXI, кн. II); «Пятидесятилѣтній и столѣтній юбилеи С.-Петербургской академіи наукъ въ 1776 и 1826 годахъ» (въ «Русской Старинѣ», 1877 г., т. XVIII); «Князь П. А. Вяземскій» (въ «Сборникѣ академіи наукъ», 1879 г., т. XX, в. 5;—прекрасная характеристика, основанная на изученіи не только печатныхъ, но и рукописныхъ источниковъ); «Изъ литературы пятидесятыхъ годовъ. Снятіе опалы съ славянофиловъ» (въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1880 г., т. I); «Изъ литературы сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Гоголь и цензура» (ib., 1880 г., т. IV и 1881 г., № 2); «А. Н. Радищевъ, авторъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву» (Спб., 1883 г.). Это изслѣдованіе заслуживаетъ особеннаго вниманія. Основанное на тщательномъ изученіи матеріаловъ въ различныхъ архивахъ, какъ въ русскихъ, такъ отчасти и въ иностранныхъ, оно впервые открываетъ намъ истинный взглядъ на самое «Путешествіе» и его значеніе и даетъ подробнѣйшую характеристику литературной дѣятельности А. Н. Радищева въ связи съ тогдашнимъ состояніемъ нашей литературы и общественной жизни. Въ 1889 г., въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (№ 1) М. И. Сухомлиновъ, какъ бы въ дополненіе къ вышеназванному изслѣдованію, напечаталъ нѣсколько писемъ Радищева къ императору Павлу I, не бывшихъ ранѣе въ его распоряженіи, въ статьѣ: «Къ біографіи А. Н. Радищева».

Далѣе слѣдуютъ: «Императоръ Николай Павловичъ — цензоръ и критикъ сочиненій» (по неизданнымъ документамъ, извлеченнымъ изъ архива IV отдѣленія, II отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи и др.; въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1884 г., № 1); «Полемическія статьи Пушкина» (ib., 1884 г., № 3; тоже по неизданнымъ документамъ); «И. С. Тургеневъ. Очеркъ» (Спб., 1884 г.); «Два эпизода изъ эпохи освобожденія крестьянъ» (въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1885 г., № 1; рѣчь идетъ о Хвостовѣ, дѣятелѣ по освобожденію крестьянъ, служившемъ при графѣ Панинѣ, и о его бумагахъ); «Н. А. Полевой

и журналъ «Московскій Телеграфъ» (ib., 1886 г., № 3 и 4); «И. С. Аксаковъ въ сороковыхъ годахъ» (ib., 1888 г., № 2); «А. С. Кайсаровъ и его друзья (Спб., 1897 г.; оттискъ изъ «Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности»—наиболѣе полныя свѣдѣнія); «Анастасій, архіепископъ астраханскій» (въ «Астраханскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», 1898 г., № 20) и др.

Не останавливаясь на многочисленныхъ отчетахъ, рѣчахъ въ академическихъ собраніяхъ и мелкихъ сообщеніяхъ покойнаго академика, мы не можемъ не указать нѣсколько его болѣе крупныхъ рецензій, всегда вводящихъ что либо новое и рядъ поправокъ, и точно устанавливающихъ истинное значеніе разбираемыхъ произведеній. Таковы разборы: соч. Г. П. Данилевскаго: «Украинская Старина» (въ XI присужденіи Уваровскихъ наградъ, 1868 г.), книги О. Смирнова: «Исторія Троицкой лаврской семинаріи» (въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1868 г., № 2), «Сочиненій Державина, съ примѣчаніями Я. К. Грота» (ib., 1869 г., № 7); книги Чистовича: «Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время» (ib., 1869 г., № 3); книги Васильчикова: «Семейство Разумовскихъ» (Спб., 1880 г.) и соч. Н. П. Барсукова: «Жизнь и труды Погодина» (въ «Отчетѣ о XXXVI присужденіи наградъ графа Уварова», 1895 г.).

Уже изъ этого перечня учено-литературныхъ произведеній М. И. Сухомлинова видно, насколько обширна и разнообразна была его учено-литературная дѣятельность. Онъ не ограничивался спеціальными научными вопросами и разработкой малоизвѣстныхъ научныхъ подробностей, а охватывалъ цѣлыя отрасли знанія, цѣлыя учрежденія и съ особенной любовью останавливался на дѣятельности замѣчательныхъ двигателей нашего просвѣщенія. Болѣе же подробное знакомство съ его трудами убѣждаетъ насъ, что это былъ рѣдкій изслѣдователь по своей любви къ точности и къ возможно бо́льшему осмотру матеріаловъ, по своей осторожности въ выводахъ и приговорахъ и необыкновенному умѣнію ставить частный вопросъ въ связь съ общимъ теченіемъ историческаго развитія и тѣмъ самымъ придавать ему надлежащее освѣщеніе.

Оставивъ въ 1884 г. профессуру и въ С.-Петербургскомъ университетѣ и въ Императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія (гдѣ былъ профессоромъ съ 1861 г.), М. И. сосредоточилъ свою дѣятельность въ академіи наукъ и послѣдніе два года предсѣдательствовалъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности. Къ академіи и особенно къ отдѣленію онъ относился съ особою любовью и всегда стоялъ за его самостоятельность и расширеніе его дѣятельности.

Уже въ появившихся воспоминаніяхъ бывшихъ слушателей покойнаго академика ярко обрисовывается его полезная профессорская дѣятельность, создавшая новую школу точныхъ и объективныхъ изслѣдователей, однимъ изъ виднѣйшихъ представите-

лей которой долженъ по праву быть признанъ ординарный профессоръ С.-Петербургскаго университета и С.-Петербургскаго историко-филологическаго института и ординарный академикъ, И. Н. Ждановъ.

II.

Иванъ Николаевичъ Ждановъ, сынъ священника, родился въ городѣ Архангельскѣ, 22-го іюня 1846 г. По окончаніи архангельской гимназіи и затѣмъ историко-филологическаго факультета С.-Петербургскаго университета въ 1872 г., онъ былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію. Въ 1877 г. опредѣлился преподавателемъ русскаго языка въ с.-петербургское коммерческое училище, но вскорѣ же покинулъ его и, защитивъ въ 1878 г. диссертацію pro venia legendi, подъ заглавіемъ: «Матеріалы для исторіи Стоглаваго собора» (въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1876 г., №№ 7 и 8), уѣхалъ приватъ-доцентомъ въ Кіевскій университетъ. Послѣ трехлѣтняго пребыванія тамъ, И. Н. Ждановъ былъ приглашенъ экстраординарнымъ профессоромъ въ С.-Петербургскій историко-филологическій институтъ, гдѣ съ 1891 г. исполнялъ обязанности ученаго секретаря и въ 1895 г. былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ. Одновременно онъ преподавалъ русскую словесность въ Императорскомъ Александровскомъ лицеѣ, на высшихъ женскихъ курсахъ, а съ 1895 г. въ С.-Петербургскомъ университетѣ, сначала въ званіи приватъ-доцента, а съ 1896 г.—ординарнаго профессора. Избранный въ 1893 г. въ члены-корреспонденты академіи наукъ, И. Н. Ждановъ въ 1899 г. былъ избранъ прямо ординарнымъ академикомъ. Кромѣ того, въ 1884—1889 гг., онъ преподавалъ русскую словесность нынѣ благополучно царствующему государю императору Николаю Александровичу и впослѣдствіи государю наслѣднику и великому князю Михаилу Александровичу и великой княжнѣ Ольгѣ Александровнѣ, нынѣ супругѣ принца Петра Александровича, герцога Ольденбургскаго.

Наибольшее число лѣтъ профессорской дѣятельности И. Н. Жданова выпало на долю историко-филологическаго института. До его пріѣзда тамъ «профессорствовалъ» преклонный старецъ А. Д. Галаховъ, который обязывалъ студентовъ штудировать лишь собственные курсы, а на лекціяхъ, не всегда имъ посѣщаемыхъ, особенно въ послѣдніе годы, забавлялъ невзыскательныхъ филологовъ шуточными разсказами и анекдотами изъ жизни современныхъ ему писателей. Поэтому немудрено, что преподаватели-словесники тогдашняго института не были большою находкою для гимназій (впрочемъ, они сплошь и рядомъ назначались на

древніе языки), да и изъ перечня трудовъ окончившихъ курсъ въ институтѣ видно, что очень и очень немногихъ изъ нихъ интересовала тогда родная словесность.

Въ годъ нашего вступленія въ институтъ И. Н. Ждановъ началъ первый полный академическій курсъ, и намъ живо помнится то сильнѣйшее впечатлѣніе, какое онъ произвелъ на своихъ слушателей, особенно немногихъ остававшихся въ институтѣ слушателей А. Д. Галахова. Немного быстрая его рѣчь не мѣшала, однако, улавливать и даже нѣкоторымъ записывать его лекціи, ко-

Иванъ Николаевичъ Ждановъ.

торыя онъ читалъ по краткимъ конспектамъ, подтверждая свои выводы выдержками изъ авторовъ. Каждая его лекція представляла собою нѣчто цѣлое, содержательное и почти всегда въ дебри древней словесности вносила что либо новое, самостоятельное. Строгая систематизація и логичность въ прекрасномъ литературномъ изложеніи оставляли въ слушателяхъ глубокій слѣдъ, благодаря чему и изученіе лекцій литографированныхъ не представляло и сотой доли той трудности, какою, напримѣръ, тяготѣли надъ юными студентами лекціи по древней исторіи. Понятно, что студенты, которые только не искали «спасенія» въ однѣхъ греческихъ и латинскихъ грамматикахъ, съ особымъ удовольствіемъ и рвеніемъ посѣщали лекціи И. Н. Жданова.

Въ обращеніи съ студентами покойный профессоръ былъ необыкновенно ровенъ, всѣмъ и всегда доступенъ; его квартира для всѣхъ и

особенно для составителей курсовъ лекцій была всегда открыта на цѣлые вечера, о пользѣ которыхъ, я думаю, многіе съ удовольствіемъ вспоминаютъ. Свои поправки онъ дѣлалъ, какъ старшій товарищъ, что особенно поражало и покоряло студентовъ, привыкшихъ лишь къ «подкопамъ» «грека» и «латина», старающихся изловить попавшагося имъ въ руки студента на незнаніи «perfectum»'а или «supinum»'а, и историка, приходящаго въ неистовый трепетъ отъ незнанія правильнаго года или числа кораблей въ Мараѳонской битвѣ. Относясь къ постояннымъ репетиціямъ во время года съ «подобающимъ уваженіемъ», И. Н. Ждановъ ограничивался спрашиваніемъ очень немногихъ и не ставилъ, по крайней мѣрѣ, въ мое время никому менѣе 4. Умѣлъ онъ убѣдиться въ дѣйствительномъ знаніи студентомъ курса и, несмотря на его мелкіе промахи, оцѣнить по достоинству. Чаще прочихъ являлся онъ защитникомъ студентовъ и на профессорскихъ конференціяхъ противъ сугубо взыскательнаго начальства. Хотя по программѣ институтской И. Н. Ждановъ долженъ былъ ограничиться двумя общими курсами, но онъ сумѣлъ найти возможность читать затѣмъ и приватныя лекціи, посвящая ихъ обозрѣнію литературной дѣятельности Карамзина, Жуковскаго, Гоголя и др. Не будучи строгимъ спеціалистомъ въ этой области, онъ однако умѣлъ обозрѣть предметъ широко, воспользоваться множествомъ пособій и всему дать надлежащее освѣщеніе, нерѣдко поражающее своею оригинальностію и остроуміемъ. Оттого-то, насколько намъ извѣстно, у всѣхъ бывшихъ его слушателей, не погрязшихъ въ греческихъ и латинскихъ грамматикахъ, «Лекціи И. Н. Жданова» сохраняются въ полномъ объемѣ и часто служатъ лучшею справочною книгой.

Обратимся теперь къ учено-литературной дѣятельности И. Н. Жданова. Эта дѣятельность сравнительно была не велика, но тѣмъ не менѣе все, вышедшее изъ-подъ пера покойнаго, является цѣннымъ и полезнѣйшимъ вкладомъ въ русскую литературу. Въ 1879 г. и 1880 г., въ «Кіевскихъ университетскихъ извѣстіяхъ» были напечатаны его двѣ большихъ статьи историко-библіографическаго характера—«Русская поэзія въ домонгольскую эпоху» и «Литература «Слова о полку Игоревѣ». Въ тѣхъ же «Извѣстіяхъ», въ теченіе трехъ лѣтъ (1879—1881), печаталась и его магистерская диссертація — «Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи», которую онъ и защитилъ лишь въ 1883 г., въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Въ диссертаціи разработаны два вопроса былевой поэзіи: источники нашего духовнаго стиха объ Аникѣ Воинѣ и былины о Святогорѣ. Благодаря подробному изученію текста и точному критическому методу, автору удалось путемъ сближеній и сопоставленій и осторожныхъ гипотезъ совершенно разбить господ-

ствовавшую до того миѳологическую теорію и указать новые источники былинъ, которые по нему слѣдуетъ искать или въ христіанскихъ легендахъ, или въ Библіи, или въ сказаніяхъ западныхъ. Между прочимъ, онъ открылъ нѣмецкій источникъ нашего «Пренія живота со смертію».

Еще болѣе блестящей и болѣе результатной для русской науки была докторская диссертація И. Н. Жданова—«Русскій былевой эпосъ» (Спб., 1895 г.),—увѣнчанная полною Уваровскою преміей, по отзыву его учителя А. Н. Веселовскаго. Подъ этимъ общимъ заглавіемъ: «Русскій былевой эпосъ», мы находимъ собственно пять этюдовъ, начавшихъ появляться въ печати еще съ 1890 г. въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» и «Живой Старинѣ». Этюды эти слѣдующіе: 1) «Повѣсти о Вавилонѣ»[1]) и «Сказаніе о князьяхъ Владимирскихъ», 2) «Повѣсть объ Александрѣ и Людовикѣ» и былина «Неразсказанный сонъ», 3) «Василій Буслаевичъ» и Волхъ Всеславьевичъ», 4) «Пѣсни о князѣ Романѣ»[2]) и 5) «Пѣсни о князѣ Михаилѣ». Они являются какъ бы доказательствомъ тѣхъ общихъ положеній, какія авторъ высказываетъ въ предисловіи.

Признавая однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, вызываемыхъ изученіемъ нашихъ былинъ,—вопросъ объ ихъ литературной исторіи, о первоначальномъ составѣ нашего эпоса и о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя могли и должны были испытать историческія пѣсни, прожившія нѣсколько вѣковъ,—И. Н. Ждановъ съ убѣдительностью и рѣдкимъ остроуміемъ доказалъ самобытность и національность русскихъ былинъ и опредѣлилъ ихъ мѣсто въ современной народной жизни. «Особенно удачно,—говоритъ въ своемъ отзывѣ о книгѣ покойнаго А. Н. Веселовскій,—посчастливилось автору выяснить русское историческое происхожденіе былинъ и родственную ихъ связь съ нашей письменностью въ этюдѣ: «Повѣсти о Вавилонѣ и и Сказаніе о князьяхъ Владимирскихъ».

Изъ другихъ работъ И. Н. Жданова назовемъ: «Церковно-земскій соборъ 1551 года» (въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1880 г., № 12); «Бесѣда трехъ святителей и Ioca monachorum» (въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1892 г., № 1) и «О драмѣ А. С. Пушкина: «Борисъ Годуновъ» (въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Лекціи въ Императорскомъ Александровскомъ лицеѣ. Спб., 1892 г.). Задавшись цѣлію разобрать драму съ

---

[1]) Въ видѣ дополненія къ этому этюду см. статью А. Н. Веселовскаго—«Сказанія о Вавилонѣ, скиніи и св. Гралѣ» (въ «Извѣстіяхъ» второго отдѣленія академіи наукъ, 1896 г., т. I, кн. 4), которую онъ, авторъ, посвящаетъ И. Н. Жданову и Р. Гейнцелю.

[2]) Любопытныя замѣчанія къ этому этюду можно найти въ статьѣ г. Коробки—«Весенняя игра—пѣсня «Воротаръ» и пѣсни о князѣ Романѣ» (въ «Извѣстіяхъ» втораго отдѣленія академіи наукъ, 1899 г., т. IV, кн. 2).

исторической точки зрѣнія, авторъ удачно освѣтилъ тѣ условія русской дѣйствительности конца XVI и начала XVII вв., которыя вызвали появленіе самозванца и паденіе Годунова, и въ то же время путемъ детальнаго разбора драмы и сличенія ея съ «Исторіей» Карамзина пришелъ къ выводу, что Пушкинъ былъ совершенно самостоятеленъ.

По случаю исполнившагося въ 1898 г. 50-тилѣтія со дня смерти В. Г. Бѣлинскаго, всѣ писавшіе о великомъ критикѣ останавливали свое главное вниманіе на его «великомъ сердцѣ», «алкавшемъ и жаждавшемъ правды». Не умолчалъ по поводу этого обстоятельства и И. Н. Ждановъ въ своей брошюрѣ: «Памяти В. Г. Бѣлинскаго» (Спб., 1899 г.), но онъ сумѣлъ поставить себѣ другой вопросъ и съ успѣхомъ доказалъ, что всѣ «попытки Бѣлинскаго освѣтить движеніе русской литературы при помощи историческаго метода даютъ право и тѣмъ, кто изучаетъ исторію русской литературы, считать знаменитаго критика однимъ изъ своихъ хореговъ» (65 стр.). Недавній юбилей Пушкина вызвалъ со стороны И. Н. Жданова брошюру: «Русалка» Пушкина и «Das Donauweibchen» Генслера» (Спб., 1900 г.), въ которой онъ доказываетъ, что въ «Русалкѣ» Пушкинъ, во-первыхъ, только отчасти заимствовалъ изъ «Днѣпровской Русалки» Краснопольскаго, передѣлки Генслеровскаго произведенія, и, во-вторыхъ, «въ особенности обнаружилъ необыкновенную зрѣлость таланта».

Послѣдними произведеніями покойнаго были: «Пушкинъ о Петрѣ Великомъ» (въ «Вѣстникѣ всемірной исторіи», 1900 г., № 5), редакція 57 тома «Записокъ историко-филогическаго факультета С.-Петербургскаго университета» и сборника «Въ пользу раненыхъ буровъ», изданнаго студентами С.-Петербургскаго университета» (Спб., 1900 г.), и небольшая статья: «Къ исторіи русскаго стихосложенія» (По поводу книги В. Н. Перетца: «Изъ исторіи русской пѣсни, ч. I и II, Спб., 1900 г.) (Спб., 1901 г.). Въ послѣдней И. Н. Ждановъ отрицаетъ существованіе «борьбы двухъ литературныхъ направленій», которую пытается создать г. Перетцъ, говоря о «среднемъ россійскомъ стихосложеніи»; отрицаетъ также и историко-литературное значеніе теоріи Смотрицкаго, особенно выдвигаемое молодымъ ученымъ, и наконецъ дѣлаетъ нѣсколько дополненій по вопросу о ритмическихъ стихотвореніяхъ.

Многими бы еще талантливыми произведеніями молодого академика обогатилась наша литература, много бы вышло и дѣльныхъ учениковъ изъ его школы, но, видно, не судилъ Богъ; а между тѣмъ на нашемъ учено-литературномъ горизонтѣ что-то не видать достойнаго ему замѣстителя.

В. Е. Рудаковъ.

„СОННЫЙ ГОРОДЪ".

(Изъ путевыхъ замѣтокъ).

I.

НАДЪ ВОЛГОЮ спускались сумерки жаркаго и яснаго іюньскаго дня. И сама рѣка со всѣми ея изгибами, протоками, затонами, и ея красивые берега съ ихъ высотами и низинами, покрытыми лѣсами и кустарникомъ, съ рѣдкими селами и деревнями—все постепенно тонуло въ сумракѣ потухавшаго дня. Послѣднія краски солнечнаго заката слабо догорали позади нашего парохода, шедшаго сверху, а впереди его сквозь надвигавшійся сумракъ прорѣзывались вдали какіе-то огоньки, разбросанные по берегу и прибрежнымъ скатамъ горъ. Съ каждымъ взмахомъ пароходныхъ колесъ огоньки становились все ближе, разгораясь все ярче и ярче и постепенно увеличиваясь въ своемъ количествѣ.

Скоро можно было разсмотрѣть пароходныя пристани на берегу, за ними вверхъ по горѣ домики подгорной части города, разбросанные среди садовъ, лѣсныхъ порослей, кустарниковъ, луговинъ. По гребню горъ виднѣлись большія строенія, а за ними главы церквей. Внизу, немного повыше пристаней, прямой линіей вытянулась по берегу новенькая желѣзная дорога, съ маленькой станціей и сторожевыми будками, все, какъ съ иголочки.

На самолетскомъ «Тургеневѣ» мы подходили къ Симбирску. Публика тѣснилась на носу и по правому борту парохода, любуясь постепенно развертывающимися картинами живописныхъ симбирскихъ высотъ, мало уступающихъ по красотѣ и разнообразію видовъ Жегулевскимъ горамъ. «Симбирская гора» имѣетъ около 67 саженъ высоты. Самого города почти не замѣтно съ рѣки, когда пароходъ бѣжитъ сверху: виднѣется только рядъ построекъ по краю горы, на такъ называемомъ «Вѣнцѣ», съ его бульваромъ и садами.

На пароходѣ поднималась обычная передъ остановкою у большого города суета. Приходилось и мнѣ разстаться на нѣсколько дней съ красавицей Волгой и мѣнять пароходный комфортъ на сомнительныя «удобства» неизвѣстнаго провинціальнаго города.

О Симбирскѣ приходилось слышать и читать, что это—рѣдкій типъ захолустнаго губернскаго города, какихъ уже мало осталось на Руси. Любопытно было взглянуть на этотъ «сонный городъ», какъ его величаютъ съ незапамятныхъ временъ...

«Тургеневъ» подошелъ къ пристани около 10 ч. вечера. Не успѣли спустить трапъ, какъ на пароходъ бойко взлетѣлъ юноша лѣтъ 20-ти, съ оживленнымъ, умнымъ лицомъ, веселыми глазами и милою улыбкою, одѣтый въ скромный пиджачный костюмъ. Съ папкою газетъ въ рукахъ, онъ бойко подошелъ къ группѣ пассажировъ и, не безъ достоинства поклонившись, отрекомендовался:

— Представитель мѣстной прессы!..

— Какъ? какъ? что вы сказали? какой представитель?—забросали его вопросами удивленные пассажиры.

— Такъ точно: представитель мѣстной прессы...

— Съ какихъ это поръ завелась въ Симбирскѣ пресса? Что-то не слышно было...—замѣчаетъ одинъ пассажиръ.

— Чудеса!—подхватываетъ другой:—недѣлю назадъ проѣзжалъ я здѣсь и ни о какой прессѣ не слышалъ... А теперь на-те—даже г. представитель мѣстной прессы объявился!..

— Помилуйте!—обиженно заговорилъ послѣдній:—наша газета давнымъ-давно существуетъ... Вотъ не угодно ли взять! Или вотъ газеты самарскія, саратовскія, петербургскія.

И «представитель мѣстной прессы», оказавшійся не репортеромъ, какъ нѣкоторые вообразили, а простымъ газетнымъ разносчикомъ, протянулъ намъ тощіе листки... «Симбирскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»!...

Многіе расхохотались... но всѣ охотно разбирали номера «Вѣдомостей», какъ рѣдкость, которой въ другихъ городахъ не увидишь не только на улицахъ, у разносчиковъ, но и въ домахъ простыхъ, не офиціальныхъ обывателей. Съ другой стороны, всѣмъ хотѣлось поддержать юнаго «представителя мѣстной прессы», про-

должавшаго бойко рекомендовать свой неособенно свѣжій товаръ («Вѣдомости» выходятъ не ежедневно). Расторговался онъ также самарскими и другими газетами, а подъ конецъ откровенно сталъ просить въ обмѣнъ или подарить ему прочтенныя пассажирами сегодняшнія казанскія газеты... Публика надавала ему этихъ газетъ, догадываясь, что предпріимчивый «представитель мѣстной прессы» пуститъ ихъ въ торговый оборотъ на пароходахъ, идущихъ снизу...

II.

— Недурное начало для знакомства съ «соннымъ городомъ»!...— посмѣивались въ публикѣ, сходившей съ парохода.

— Да, хорошъ городокъ, гдѣ «представителемъ мѣстной прессы» оказывается газетный разносчикъ!..

— По Сенькѣ и шапка...

— Да неужели, господа, въ Симбирскѣ не было даже попытокъ основать свою газету? Вѣдь многіе уѣздные города, напримѣръ, Рыбинскъ, Царицынъ, Вольскъ и др. имѣютъ свои газеты, или хотя ежедневные телеграфные бюллетени, какъ Сызрань и др.

— Были попытки и въ Симбирскѣ,—разсказывалъ одинъ симбирякъ.—Напримѣръ, извѣстная теперь казанская газета «Волжскій Вѣстникъ» основана именно въ Симбирскѣ еще въ 1860 году, но какъ сельско-хозяйственный журналъ, въ томъ же году и прекратившійся, за отсутствіемъ и сотрудниковъ и читателей... Въ 1879 г. «Волжскій Вѣстникъ» снова возникъ въ Симбирскѣ, уже съ программою политической и общественной газеты. Но и на этотъ разъ газетѣ не повезло: черезъ полгода сгорѣла ея типографія, и газету купилъ казанскій профессоръ Н. П. Загоскинъ и перенесъ изданіе въ Казань.

— Спасибо Симбирску и за то, что онъ положилъ начало одной изъ лучшихъ газетъ Поволжья... А Симбирскъ, значитъ, довольствуется однѣми своими «Вѣдомостями»?...

— Нѣтъ, есть у насъ еще «Епархіальныя Вѣдомости»,—сконфуженно замѣтилъ симбирякъ.—Или вотъ еще... года 2—3 назадъ издавался дешевый педагогическій журналъ «Городской и Сельскій Учитель» А. И. Анастасіева... Еще былъ «Симбирскій Проповѣдническій Листокъ»...

— Да!—подсмѣивался другой симбирякъ.—Но «Листокъ» просуществовалъ безъ года недѣлю, а «Учитель» также улизнулъ въ Казань... Нѣтъ, не ко двору приходится у насъ печатное слово...

— Однако,—возражалъ первый,—вы забываете, что наши «Губернскія Вѣдомости» и прежде были цѣнны матеріалами по исторіи, этнографіи, статистикѣ и археологіи края. Съ этой стороны онѣ сослужили большую службу... Въ настоящее же время

«Вѣдомости» болѣе и болѣе превращаются въ довольно живую мѣстную газету, чутко отзывающуюся на многіе запросы нашей жизни. «Вѣдомости» особенно оживились съ тѣхъ поръ, какъ неофиціальная часть ихъ выдѣлена въ самостоятельную газету, съ особой подпиской. Завела она корреспондентовъ въ разныхъ углахъ губерніи, которые не ограничиваются уже одними банальными описаніями мѣстныхъ «торжествъ» и разныхъ «открытій» и «освященій»... Мало наши «Вѣдомости» занимаются и тѣмъ балластомъ, какимъ живутъ другія худосочныя вѣдомости, перепечатывая изъ столичныхъ газетъ такія «политическія» темы, какъ времяпровожденіе Вильгельма II или интриги болгарскихъ министровъ и т. п.

— Пусть все это такъ... Но все же ваши «Вѣдомости»—органъ мѣстной администраціи, не свободный отъ ея вліянія и воздѣйствія, значитъ—органъ односторонній и врядъ ли съ большимъ будущимъ...

— Разумѣется, такъ... Но погодите: дождемся скоро и мы своей частной газеты...

— Да что же это вы, господа,—замѣтилъ другой симбирякъ,—толкуете о разныхъ вѣдомостяхъ, а забываете, что Симбирскъ можетъ похвалиться даже земскою газетою, какихъ вообще мало на Руси...

— Въ «сонномъ городѣ» и земская газета?.. Это удивительно!..

— Да, присмотритесь-ка повнимательнѣе къ нашему городу и тогда уже сами по совѣсти рѣшайте, дѣйствительно ли это «сонный городъ»... Въ самомъ дѣлѣ, хотя бы вотъ существованіе земской газеты—фактъ, кое о чемъ говорящій и немалозначительный... Многія ли земства имѣютъ свои органы? Всѣ они наперечетъ. А у насъ еще съ 1876 г. издавалась еженедѣльная «Симбирская земская газета», съ приложеніемъ «Лѣтописи Симбирскаго земства за истекшее десятилѣтіе». Въ 1886 г. газета превратилась въ «Вѣстникъ Симбирскаго земства», къ которому съ 1896 г. прилагается «Врачебно-санитарный листокъ». Оба эти изданія—чисто практическаго значенія. Кромѣ правительственныхъ распоряженій по земскому дѣлу, «Вѣстникъ» даетъ обстоятельные отчеты о дѣятельности мѣстнаго земства, о земскихъ собраніяхъ и пр. Свободное мѣсто отводится въ «Вѣстникѣ» мѣстной исторіи и этнографіи.

— Любопытно взглянуть на это изданіе: никогда, признаюсь, не видалъ земскихъ газетъ... Жаль, что «представитель мѣстной прессы» не продаетъ мѣстной земской газеты!..

— Да, нашъ «Вѣстникъ» не легко достать. Впрочемъ вы его найдете у любого «земскаго человѣка»...

Увы! за мое короткое пребываніе въ Симбирскѣ судьба не побаловала меня встрѣчами съ земскими людьми, и съ симбирскою земскою газетою не пришлось познакомиться.

III.

Въ такихъ разговорахъ прошла значительная часть длиннаго (болѣе 3-хъ верстъ) Петропавловскаго спуска, по которому нужно подниматься отъ пароходныхъ пристаней въ городъ. Послѣ парохода хотѣлось размять ноги,[1] и мы шли пѣшкомъ, сложивъ багажъ на извозчиковъ. Спускъ устроенъ отлого, съ нѣсколькими поворотами, недурно шоссированъ и хорошо поддерживается городомъ. А прежде, когда онъ не былъ замощенъ, это была мучительная дорога при осенней и весенней распутицѣ, да и въ любой лѣтній дождь.

На половинѣ Петропавловскаго спуска мы разстались съ пароходными спутниками, усѣлись на извозчиковъ и тронулись выше. Привычныя лошади бойко затрусили и почти весь остальной подъемъ шли легкой рысцой.

Взошедшая луна ярко освѣщала красивые скаты и террасы симбирскихъ высотъ, покрытыхъ массою зелени, съ разбросанными среди нихъ рѣдкими строеніями. Далеко влѣво и внизу отъ дороги серебрились широкія ленты Волги, ея рукавовъ, заливовъ, озеръ, раскинувшихся по заливнымъ лугамъ праваго берега.

Ниже Симбирска высоты его берега далеко отходятъ отъ рѣки и идутъ большимъ полукругомъ, въ нѣсколько десятковъ верстъ, окаймляя обширное займище, съ его поемными лугами, сплошь заливаемыми вешнею водою. Луга принадлежатъ отчасти городу и собору. По спадѣ водъ на займищѣ остаются многочисленные рукава Волги, озера, затоны, съ нѣсколькими островами.

Обогнувъ займище, горы снова выходятъ на коренную Волгу, образуя Сенгилеевскія горы, самая высшая точка которыхъ—конусообразная Шиловская «шишка»—видна изъ Симбирска. Въ ясный день можно разсмотрѣть съ симбирскаго Вѣнца городъ Сенгилей, въ 45 верстахъ по прямой линіи.

Наконецъ, спускъ кончился, и мы въѣхали въ самый городъ—въ его широкія улицы, съ небольшими, преимущественно деревянными домами, окруженными садами и садиками. Благодаря массѣ зелени, высокому положенію города и близости воды, воздухъ въ немъ очень чистый, здоровый, безъ этихъ удушающихъ «ароматовъ» большихъ городовъ. Близость, напримѣръ, Москвы вы невольно ощущаете уже за нѣсколько верстъ отъ нея, не говорю уже объ атмосферѣ въ самой Москвѣ, сидящей на вѣковомъ навозѣ, внутри кольца свалокъ, кладбищъ, фабричныхъ отбросовъ и т. п.

Въ Симбирскѣ «запахи города» ощущаются въ его торговой части, гдѣ находятся гостиный дворъ и базарная площадь, да и здѣсь эти запахи далеко не такъ остры, какъ, напримѣръ, на московской Сухаревкѣ. Зато во всѣхъ остальныхъ частяхъ Симбирска, особенно ближайшихъ къ Волгѣ и Свіягѣ, воздухъ безукоризненный и во

много разъ здоровѣе разныхъ подмосковныхъ и подпитерскихъ дачныхъ пріютовъ. Симбиряки по привычкѣ не замѣчаютъ особенной чистоты и пріятности городского воздуха, но пріѣзжіе, особенно жители большихъ, загрязненныхъ городовъ, не могутъ не оцѣнить этого главнаго достоинства Симбирска. Не забудьте, что я пріѣхалъ съ Волги, гдѣ воздухъ идеально хорошъ: и все-таки чистота симбирскаго воздуха рѣшительно поражаетъ.

Второе, что удивляетъ при въѣздѣ въ городъ—полное его безмолвіе, отсутствіе движенія на улицахъ. А вѣдь было всего 11 часовъ вечера, да и какого роскошнаго луннаго вечера, когда просто грѣшно сидѣть въ комнатахъ... Но симбиряки прятались въ домахъ—прохожіе на улицахъ были наперечетъ, экипажи совсѣмъ не попадались, если не считать дремавшихъ мѣстами извозчиковъ.

Тишину нарушали одни звуки: то тамъ, то здѣсь раздавались рѣзкіе свистки ночныхъ сторожей. Принимая ихъ за призывные сигналы по случаю уличныхъ скандаловъ и т. п., какъ это водится въ другихъ городахъ, я невольно подумалъ:

«Эге! видно, въ тихомъ омутѣ черти водятся... Вотъ вамъ и сонный городъ! уличныхъ скандаловъ не оберешься... Вотъ еще свистокъ... и еще... еще...

Только на другой день симбиряки разсѣяли мое недоумѣніе и объяснили, что свистками у нихъ перекликаются ночные сторожа собственно для провѣрки другъ друга, а вовсе не ради уличныхъ происшествій. Это умно придумано, такъ какъ свистки куда пріятнѣе несносныхъ трещотокъ, которымъ до сихъ поръ еще мѣстами вѣрна наша провинція.

Съ этими первыми симбирскими впечатлѣніями подъѣзжалъ я къ гостиницѣ. Лучшими въ городѣ считаются «Троицкіе номера», помѣщающіеся въ зданіи театра. Но извозчикъ завезъ меня въ «Ново-Троицкіе номера», недалеко отъ первыхъ и во многомъ имъ уступающіе, но въ общемъ довольно приличные, чистые и недорогіе.

На мой вопросъ коридорному относительно насѣкомыхъ онъ наивно отвѣчалъ:

— У насъ клопа не полагается... А *ежели* хозяинъ увидитъ его на стѣнѣ,—обязательно давитъ...

Очевидно, клопы хорошо освѣдомлены объ этомъ печальномъ для нихъ обстоятельствѣ: по крайней мѣрѣ, я не видѣлъ этихъ приговоренныхъ къ смерти и не присутствовалъ при жестокой хозяйской расправѣ...

Долго я не могъ заснуть. Окна моего номера выходили въ залитый луной садикъ, изъ кустовъ котораго неслись упоительные звуки соловья... Я былъ пораженъ этою неожиданною и милою серенадою...

Гдѣ, въ какомъ городѣ вы получите возможность слушать пѣсни соловья въ самомъ центрѣ города, раздающіяся изъ самаго зау-

ряднаго маленькаго садика?!. Это возможно только въ такомъ дачномъ городѣ, какимъ рисуется счастливый лѣтомъ Симбирскъ...

На страстный зовъ ближайшаго соловья скоро откликнулся другой, а тамъ еще и еще—цѣлый оркестръ ихъ... Мудрено было заснуть подъ эту дивную музыку...

IV.

Дальнѣйшее знакомство мое съ Симбирскомъ длилось всего трое сутокъ, но этотъ короткій срокъ представляется за глаза достаточнымъ: есть города, какъ и люди, которые сразу обрисовываются вполнѣ и не требуютъ продолжительнаго изученія.

Не будемъ углубляться въ исторію Симбирска: она очень коротка и не блещетъ выдающимися событіями. Довольно сказать, что городу въ 1898 году исполнилось всего 250 лѣтъ существованія, какъ русскаго города, а такой возрастъ для нашихъ городовъ, насчитывающихъ по нѣсколько сотъ лѣтъ—еще дѣтскій возрастъ. Не даромъ въ жизни современнаго Симбирска мы встрѣчаемъ столько простыхъ, наивныхъ, чисто дѣтскихъ сторонъ... Счастливый возрастъ!

Желающихъ познакомиться съ исторіей Симбирска отсылаю къ труду члена симбирской архивной комиссіи, г. Мартынова [1]). Здѣсь же достаточно отмѣтить, что городъ всегда былъ въ сторонѣ отъ главныхъ движеній русской исторической жизни. Самыми крупными событіями въ его прошломъ были двѣ передряги, выдержанныя имъ отъ собственныхъ россійскихъ «воровъ» (т.-е вольныхъ людей, по тогдашней терминологіи): въ XVII вѣкѣ городъ едва не попалъ въ руки Степана Разина, а въ XVIII в.—Емельяна Пугачева.

Не обошлось дѣло безъ «воровъ» и въ XIX вѣкѣ: въ 1864 году Симбирскъ почти весь выгорѣлъ въ теченіе 9 дней, какъ говорятъ, отъ поджоговъ. Это былъ черезчуръ грандіозный пожаръ даже для вѣчно горящей Руси... Въ огнѣ и отъ дыма погибло около 150 человѣкъ. Озлобленное населеніе почему-то (говорятъ, были подметныя письма) заподозрѣло въ поджогахъ поляковъ-солдатъ квартировавшаго пѣхотнаго полка. Нѣсколько лѣтъ тянувшееся слѣдствіе, подъ руководствомъ барона Врангеля, сенатора Жданова и Дена, не раскрыло никакихъ поджигателей, но двухъ несчастныхъ солдатъ, только заподозрѣнныхъ, предали смертной казни ради удовлетворенія «жажды народнаго мщенія», какъ утверждали слѣдователи, а въ сущности скорѣе ради удовлетворенія самолюбія самихъ слѣдователей, не раскрывшихъ виновниковъ пожаровъ,

[1]) «Г. Симбирскъ за 250 лѣтъ его существованія» (Симбирскъ, 1898). При составленіи настоящаго очерка я пользовался многими указаніями и особенно цифровыми данными почтеннаго автора.

или искавшихъ ихъ не тамъ, гдѣ слѣдовало... Искали поджигателей, забывая о собственной халатности, выражавшейся хотя бы въ томъ, что городъ, занимающій двухверстный перевалъ между двухъ многоводныхъ рѣкъ, не имѣлъ воды... Прибавьте къ тому тропическія жары того лѣта, бури и проч.

Мѣстная исторія, повидимому, не сохранила именъ этихъ двухъ невинныхъ жертвъ «усердія» гг. слѣдователей. Симбирякамъ слѣдовало бы внести этихъ солдатиковъ въ свои синодики на вѣчное поминовеніе хотя по извѣстной формулѣ Ивана Грознаго: «помяни, Господи, рабовъ твоихъ, имена же ихъ ты самъ вѣси»...

Въ 1888 году Симбирскъ еще разъ основательно погорѣлъ, но гораздо скромнѣе 1864 года. Симбиряки такъ вошли во вкусъ пожаровъ, что основали даже при городской управѣ вѣчный фондъ для помощи погорѣльцамъ...

Впрочемъ, они стали принимать и другія болѣе разумныя мѣры. Такъ, въ 1872 году открытъ городской водопроводъ, построенный Струве. Но... водопроводъ оказался очень полезнымъ для пожарныхъ цѣлей, а для питья вода его почти не годится, и ея вообще мало для народа. Попрежнему приходится значительной части горожанъ довольствоваться плохой и вредной известковой водой колодезей (только есть 2—3 хорошихъ ключа) или, какъ приходится обывателямъ мѣстности «Кирпичные сараи»,—снѣговой и дождевой водой... И это—въ 2-хъ верстахъ отъ двухъ рѣкъ!..

Дѣло въ томъ, что водопроводъ беретъ воду изъ того мѣста рѣки Свіяги, гдѣ плотина городской мельницы образовала стоячій, загнивающій прудъ. Здѣсь же расположены купальни, винокуренный и пивоваренный заводы. Сюда же стекаютъ уличныя воды, нерѣдко насыщенныя нечистотами. Словомъ, худшаго мѣста нѣтъ на рѣкѣ Свіягѣ... А въ 20—30 саженяхъ выше и ниже по рѣкѣ мѣста съ чистою водою... Просто непостижимое влеченіе россійское въ грязи и вони!..

Разумѣется, есть и фильтръ при водопріемникѣ, но, какъ полагается русскимъ фильтрамъ, онъ сооруженъ больше для пользы строителей, чѣмъ обывателей. Есть простое средство поправить дѣло—снести плотину при городской мельницѣ, какъ и совѣтовалъ извѣстный спеціалистъ Алтуховъ, указавшій и другія мѣры для частичнаго исправленія нѣкоторыхъ недостатковъ водопровода. Но... городъ не рѣшается разстаться съ своей мельницей, которая не только не даетъ ему никакой прибыли, но даже даетъ постоянный дефицитъ...

Пробовали еще симбиряки рыть артезіанскій колодезь: буровую скважину довели до 123 саженъ, истратили до 8-ми тысячъ рублей, но вода посовѣстилась показаться въ виду 2-хъ рѣкъ...

Нарочно я остановился на этой исторіи водопроводной, очень типично обрисовывающей нѣкоторыя отрицательныя стороны го-

родской жизни, идущія, какъ увидимъ ниже, совершенно въ разрѣзъ съ другими, положительными сторонами въ дѣятельности городской думы и управы. Сочетаніе тѣхъ и другихъ сторонъ, невозможное во всякой другой странѣ, у насъ мирно и благополучно процвѣтаетъ.

V.

Будутъ ли Симбирску досаждать какіе «воры» въ XX столѣтіи, это узнаютъ наши потомки. Но, судя по прошлому, видно, такъ уже на роду написано Симбирску,—въ каждомъ вѣкѣ переживать по одной грандіозной «воровской» исторіи...

Кромѣ этихъ неизбѣжныхъ, повидимому, шутокъ рока, жизнь Симбирска представляетъ обычный россійскій шаблонъ безпечальнаго по внѣшности житія, сытаго для немногихъ «избранныхъ» и полуголоднаго для массы «подлыхъ людишекъ»...

Но на этомъ сѣромъ, однообразномъ фонѣ выступаютъ мѣстами очень свѣтлыя блестки... Въ положительную заслугу Симбирска предъ Русскою землею слѣдуетъ поставить то, что онъ и его губернія дали многихъ выдающихся писателей и общественныхъ дѣятелей. Во главѣ этихъ именитыхъ симбирцевъ нужно поставить И. А. Гончарова, который родился, воспитывался и частію служилъ въ Симбирскѣ. Какъ извѣстно, фабула и дѣйствующія лица его романа «Обрывъ» взяты изъ симбирской жизни, а мѣсто дѣйствія романа относится къ городу и его окрестностямъ, именно къ живописной подгородной деревнѣ и усадьбѣ Киндяковкѣ въ трехъ верстахъ отъ города.

Въ этой старинной усадьбѣ, говорятъ, жили героини «Обрыва»—бабушка, Вѣра, Мароинька... Здѣсь благодушествовалъ Райскій, «развивалъ» Вѣру Маркъ Волоховъ...

Роковой для Вѣры обрывъ указываютъ въ двухъ мѣстахъ: подлѣ барскаго дома и около деревни. Оба обрыва (особенно грандіозенъ первый—въ 60 саженъ) круто спускаются къ Воложкѣ, рукаву Волги, и покрыты лѣсомъ. Какой именно изъ нихъ описанъ Гончаровымъ, не знаю, но думаю, что рѣшить вопросъ не трудно: стоитъ только прочитать на мѣстѣ романъ и сравнить дѣйствительность съ описаніемъ романиста. Симбиряки болѣе склонны признавать «Гончаровскимъ обрывомъ» именно обрывъ около усадьбы.

Романъ и написанъ Гончаровымъ въ Киндяковкѣ, гдѣ до сихъ поръ показываютъ бережно сохраняемыя въ прежнемъ видѣ «Гончаровскія комнаты». Въ мое посѣщеніе Киндяковки не пришлось, къ сожалѣнію, осмотрѣть бывшее помѣщеніе Гончарова: владѣлица г-жа Френчъ отсутствовала, а безъ нея прислуга не имѣла права водить по дому посѣтителей, да и Гончаровскія комнаты были заперты.

Ходилъ тогда слухъ, что г-жа Френчъ (урожденная Киндякова) продаетъ имѣніе какому-то купцу. Являлось опасеніе, что при новомъ владѣльцѣ исчезнутъ послѣдніе слѣды пребыванія здѣсь знаменитаго романиста... Долгъ мѣстной архивной комиссіи позаботиться о сохраненіи этихъ слѣдовъ, какъ ей же слѣдовало бы заняться окончательнымъ установленіемъ топографіи «Обрыва». Не мѣшало бы также возбудить мысль о постановкѣ въ Симбирскѣ памятника Гончарову.

Роскошная и обширная дубовая роща Киндяковки—любимое мѣсто прогулокъ симбиряковъ. И дѣйствительно роща того стоитъ: какіе дивные уголки здѣсь попадаются, какъ въ самой рощѣ (напримѣръ, около полуразрушенной «массонской бесѣдки» и др.), такъ и на обрывѣ около усадьбы, съ его чудными видами на Волгу, ея рукава, затоны, острова, на обширное займище у ногъ, на очень красивый отсюда Симбирскъ, на заволжскія дали и на далекія Сенгилеевскія горы...

VI.

Въ 40 верстахъ отъ Симбирска лежитъ с. Знаменское, родина исторіографа Карамзина, который до 17 лѣтъ жилъ и учился въ городѣ. Въ небольшомъ городскомъ скверѣ (недалеко отъ Вѣнца) поставленъ памятникъ Карамзину, хорошо извѣстный мѣстной интеллигенціи, но совершенно непонятный народу, да и недоступный его пониманію по своей аллегорической формѣ.

Какъ-то спрашиваю городового:

— Какъ пройти къ памятнику Карамзина?

— А на какомъ, сударь, кладбищѣ? У насъ много кладбищъ...

— Да онъ не на кладбищѣ, а въ городѣ.

— Подлѣ какой же церкви? При церквахъ есть и могилы, и памятники попадаются старинные...

— Да нѣтъ же... памятникъ Карамзину стоитъ гдѣ-то на площади.

— Не могу знать, сударь.

Точно такой же діалогъ произошелъ затѣмъ съ извочикомъ, который, однако, оказался догадливѣе городового:

— Да это вы про чугунную бабу спрашиваете?.. Садитесь, подвезу.

Не удивительно, что «чугунную бабу» знаетъ весь городъ, а о Карамзинѣ рѣдко кто вспомнитъ...

Памятникъ представляетъ не Карамзина, а дѣйствительно «чугунную бабу»—большую статую музы исторіи Кліо. Она стоитъ на пьедесталѣ, въ нишѣ котораго скромно прячется бюстъ историка. Народъ считаетъ Кліо женой Карамзина...

Составитель проекта памятника, извѣстный скульпторъ Гальбергъ, готовилъ для пьедестала статую Карамзина, но по какимъ-

то стороннимъ внушеніямъ измѣнилъ свой проектъ, отведя Карамзину самое скромное мѣсто на Карамзинскомъ памятникѣ... Памятникъ сооружался въ то время, когда разрѣшалось выставлять на «публичное позорище» однихъ принцевъ крови, да, пожалуй, еще «героевъ» военнаго званія не ниже генеральскаго чина...

За смертью Гальберга исполненіемъ проекта занялись его ученики—Ставассеръ, Ивановъ, Рамазановъ и Климченко. Памятникъ открытъ въ 1845 г.

Слѣдуетъ затѣмъ отмѣтить еще нѣсколькихъ уроженцевъ Симбирска и его губерніи—поэта и баснописца (министръ юстиціи тожъ) И. И. Дмитріева, извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей и писателей А. И. и Н. И. Тургеневыхъ, поэтовъ Н. М. Языкова, Д. П. Ознобишина, Д. И. и Д. Д. Минаевыхъ и Д. Н. Садовникова. Всего болѣе Симбирскъ далъ поэтовъ, чего и слѣдовало ожидать отъ такого поэтическаго города.

Недавно мѣстная архивная комиссія взяла подъ свое покровительство почти забытую могилу (въ Покровскомъ монастырѣ) извѣстнаго массона А. Ѳ. Лабзина, издателя «Сіонскаго Вѣстника» и др. мистическихъ изданій. Въ 1823 г. Лабзинъ былъ сосланъ въ Сенгилей, откуда переведенъ въ Симбирскъ, гдѣ умеръ въ 1825 г.

Вообще, масонство было сильно развито въ Симбирской губерніи, гдѣ стало распространяться съ конца XVIII в., когда бригадиръ И. П. Тургеневъ (отецъ вышеупомянутыхъ) учредилъ въ Симбирскѣ первую масонскую ложу. Въ началѣ прошлаго вѣка возникла новая ложа, открытая кн. Баратаевымъ въ его подгородномъ имѣніи, гдѣ доселѣ сохранился въ саду сводчатый, круглый гротъ—мѣсто масонскихъ собраній.

Симбирская масонская ложа существовала до 1822 г., когда закрыты всѣ ложи въ Россіи. Кн. Баратаевъ погребенъ подлѣ друга его Лабзина.

Въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ усадьбахъ Симбирской губ. сохранились остатки разныхъ масонскихъ сооруженій («храмовъ» и др.), также масонскія библіотеки, рукописи, рисунки, знаки и пр. Доброе дѣло сдѣлаетъ мѣстная архивная комиссія, если посвятитъ часть своихъ силъ и времени на изученіе масонскаго движенія въ Симбирской губерніи. Это движеніе—очень любопытная страница мѣстной исторіи и едва ли не самый крупный вкладъ, внесенный Симбирскомъ въ исторію русской культуры.

Комиссія уже обратила вниманіе на собираніе масонскихъ памятниковъ: въ музеѣ комиссіи имѣется порядочная коллекція ихъ. Особенно любопытна одна масонская картина, писанная на полотнѣ масляными красками. Содержаніе ея незамысловатое (изображеніе Троицы, съ разными символами и аттрибутами масонства), но рисунокъ прелестный, отъ фигуръ вѣетъ жизнью, краски свѣжи, хотя картинѣ можно дать не менѣе 100 лѣтъ. Комиссіи слѣдовало бы дознать имя незауряднаго художника, автора этой картины.

VII.

Кстати, разъ уже пришлось заговорить о Симбирской ученой архивной комиссіи, нужно сказать о ней нѣсколько словъ, а также о другихъ мѣстныхъ ученыхъ обществахъ.

Архивная комиссія, открытая въ 1895 г., по иниціативѣ В. Н. Поливанова, при пособіяхъ отъ земствъ и городовъ, одна изъ новѣйшихъ архивныхъ комиссій, зародившихся въ провинціи по мысли и проекту извѣстнаго (покойнаго) археографа Н. В. Калачова. Теперь насчитывается до 20 комиссій, и за многими изъ нихъ (Рязанскою, Нижегородскою, Тверскою, Таврическою и др.) установилась уже прочная научная репутація. Шагъ за шагомъ, послѣдовательно разработываютъ эти комиссіи источники мѣстной исторіи, рукописные и вещественные, собираютъ ихъ въ свои архивы и музеи, изучаютъ мѣстную археологію, этнографію и проч.

Но, помимо этого прямого своего назначенія, архивныя комиссіи имѣютъ и другое крупное значеніе въ дѣлѣ культуры: во многихъ губернскихъ городахъ онѣ являются единственными научными кружками, организованными ради безкорыстнаго служенія наукѣ и собирающими около себя лучшія мѣстныя силы изо всѣхъ слоевъ общества. Напримѣръ, въ Симбирской комиссіи въ 1897 г. было около 140 членовъ самаго разнообразнаго состава: представители педагогіи, земства, дворянства, юстиціи, медицины, духовенства, администраціи и проч. и проч. Правда, не всѣ они работаютъ для комиссіи, но всѣхъ ихъ что-то привлекаетъ сюда, что-то связываетъ, объединяетъ. Объединеніе на почвѣ посильнаго служенія наукѣ будетъ прогрессировать и дастъ немаловажные результаты. По примѣру историческихъ кружковъ заведутся въ провинціи и другіе научные кружки, по естествознанію, техникѣ и др. Всѣмъ найдется работа, а при работѣ не будетъ скучно жить и въ провинціи...

Довольно, однако, пророчествовать... Вернемся къ симбирской дѣйствительности.

Успѣхъ всякаго дѣла много зависитъ отъ первыхъ руководителей его, а Симбирской комиссіи очень посчастливилось въ этомъ отношеніи: предсѣдателемъ ея состоитъ губернскій предводитель дворянства, В. Н. Поливановъ, извѣстный археологъ, авторъ изслѣдованія о Муранскомъ могильникѣ и другихъ не менѣе цѣнныхъ археологическихъ и историческихъ работъ. Подъ его руководствомъ комиссія, несмотря на свой младенческій возрастъ, сдѣлала уже немало. Изданіе цѣнныхъ историческихъ матеріаловъ (отдѣльно и въ журналахъ комиссіи), разработка мѣстныхъ архивовъ въ цѣляхъ отобранія актовъ для историческаго архива при комиссіи, устройство музея (4.620 предметовъ, 3.420 монетъ) и библіотеки (болѣе ты-

сячи томовъ)—вездѣ сдѣланы хорошіе первые шаги, говорящіе о счастливомъ будущемъ комиссіи.

Особенно поразителенъ быстрый ростъ музея, преимущественно археологическаго содержанія, но отчасти этнографическаго и естественно-историческаго. Очень любопытны коллекціи масонскихъ предметовъ, старообрядческихъ иконъ и книгъ (даръ мѣстнаго епископа), нумизматическія и др.

Музей открытъ ежедневно, имѣя постояннаго консерватора, принимающаго посѣтителей, охотно и въ немаломъ количествѣ осматривающихъ коллекціи. Незамѣтно и въ маленькихъ пока дозахъ сказывается вліяніе комиссіи и въ частности ея музея на развитіе историческихъ знаній въ симбирскомъ обществѣ, но это вліяніе несомнѣнно будетъ расти и развиваться.

VIII.

Если я нѣсколько подробнѣе остановился надъ дѣятельностью архивной комиссіи, такъ именно потому, что вижу въ ней одинъ изъ главныхъ показателей симбирской культурности, несомнѣнные признаки которой не вяжутся съ предвзятымъ взглядомъ на Симбирскъ, какъ на «сонный городъ». Присмотрѣвшись и къ другимъ симбирскимъ обществамъ и разнымъ просвѣтительнымъ учрежденіямъ, еще болѣе сомнѣваешься въ сонливости города.

Начнемъ со старѣйшаго—общества сельскаго хозяйства, существующаго болѣе 40 лѣтъ. Въ началѣ своей дѣятельности оно поставило ошибочную задачу—служить интересамъ исключительно помѣщичьяго хозяйства, ничего тутъ не достигло и, сознавъ ошибку, перешло къ болѣе широкимъ цѣлямъ—служенію народному хозяйству, для чего вступило въ тѣсное общеніе съ земствомъ. Опытную ферму общества взяло въ свои руки губернское земство, открывъ здѣсь низшую сельско-хозяйственную школу. Само же общество фактически превратилось въ «сельско-хозяйственный совѣтъ» при земствѣ, съ исполнительнымъ органомъ комиссіоннаго характера, «справочнымъ сельско-хозяйственнымъ бюро». Дѣло поставлено практически и даетъ хорошіе результаты. Здоровая земская кровь освѣжила худосочное общество...

Такимъ же жизненнымъ строемъ отличается общество врачей, имѣющее безплатную лѣчебницу для бѣдныхъ больныхъ и устраивающее нерѣдкія засѣданія (протоколы ихъ печатаются) съ сообщеніями по научной и практической медицинѣ. Общество принесло значительную пользу при проведеніи разныхъ медико-санитарныхъ мѣръ въ городѣ и губерніи. Именно оно подняло вопросъ объ антисанитарномъ состояніи симбирскаго водопровода.

Любопытны неоднократныя попытки основать музыкальное общество. Временами эти попытки были очень удачны, создавался

любительскій оркестръ, устраивались музыкальные вечера, существовала даже въ 1890 г. музыкальная школа... Въ 1897 г. шли толки о возрожденіи музыкальнаго общества и возникновеніи «общества изящныхъ искусствъ» съ очень широкою программою, съ отдѣлами драматическимъ, скульптурнымъ, литературнымъ, вокальнымъ и пр. Новое общество мечтаетъ объ устройствѣ разныхъ спеціальныхъ школъ, арендѣ театра и т. д.

Упомяну еще о существованіи въ Симбирскѣ нѣсколькихъ обществъ спорта—охотниковъ конскаго бѣга (есть ипподромъ), охоты, рыбной ловли и др. Какъ видите, и въ этой области Симбирскъ далеко не сонный городъ...

IX.

Пойдемъ дальше — остановимся на просвѣтительныхъ учрежденіяхъ города. Во главѣ ихъ слѣдуетъ поставить публичную Карамзинскую библіотеку, существующую съ 1848 г. и открытую на частныя пожертвованія, по иниціативѣ Вольно-Экономическаго общества. Жертвовались цѣлыя библіотеки, напримѣръ, Языковыхъ, Ивашева и др. Но все это богатство (11 тысячъ томовъ) погибло въ пожарѣ 1864 г. Начался притокъ новыхъ пожертвованій—поступили библіотеки В. Н. Карамзина (сына историка), А. М. Языкова, Н. П. Соловцова (до 5 тысячъ томовъ) и др. Теперь числится до 40 тысячъ томовъ. Помѣщается она въ дворянскомъ домѣ.

Видѣть это рѣдкое для провинціи книгохранилище мнѣ не пришлось: оно было закрыто. Говорятъ, однако, что смотрѣть тамъ нечего, такъ какъ библіотека, къ сожалѣнію, настолько запущена, что пользоваться ею почти невозможно: книги разбиты, разрознены, не занесены въ каталогъ, даже еще не разобраны многія прежнія пожертвованія... Будемъ надѣяться, что это временное явленіе, и что Симбирскъ и здѣсь проснется и широко откроетъ двери Карамзинской библіотеки для всѣхъ жаждущихъ просвѣщенія. А ихъ такъ много теперь въ провинціи...

Этихъ жаждущихъ не можетъ уже удовлетворить скромная народная библіотека-читальня имени И. А. Гончарова (3 тысячи томовъ), возникшая по частной иниціативѣ, при пособіи отъ города. Отъ города же устраиваются въ нѣсколькихъ пунктахъ народныя чтенія, какъ и вездѣ, ждущія оживленія и расширенія своей программы...

Вообще, и городъ, и земство очень отзывчиво относятся къ просвѣтительнымъ нуждамъ населенія. Городъ расходуетъ на народное образованіе (до 20 школъ) до 30 тысячъ въ годъ, т.-е. 16% своего годового бюджета. Это—самая крупная статья городскихъ расходовъ.

Не бѣденъ Симбирскъ и средними учебными заведеніями: помимо обычныхъ классической и женской гимназій (при мужской

гимназіи есть симпатичное учрежденіе — лѣтняя сенаторія для слабыхъ и бѣдныхъ учениковъ), духовныхъ семинаріи и училищъ, 2 ремесленныхъ училищъ пр., есть здѣсь и специальныя школы — кадетскій корпусъ (грандіозныя для Симбирска постройки), чувашское училище, земскія фельдшерская и низшая сельско-хозяйственная школы.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ чувашское училище для приготовленія учителей и учительницъ въ чувашскія начальныя школы. Оно возникло по инициативѣ интеллигентнаго чувашенина (нынѣ инспектора чувашскихъ школъ Казанскаго учебнаго округа) И. Я. Яковлева, который положилъ начало симбирской школѣ, еще самъ будучи ученикомъ симбирской гимназіи. Теперь чувашское училище содержится на средства земства и казны. Это закрытое заведеніе, гдѣ преподаваніе ведется на русскомъ и чувашскомъ языкахъ. На послѣдній переведены евангеліе, священная исторія, букварь и другія книги, напечатанныя русскимъ шрифтомъ, по требованію министерства народнаго просвѣщенія. Содержаніе и обученіе чувашскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ даровое. Женское отдѣленіе содержалось сначала на средства самого Яковлева. Нѣсколько лѣтъ онъ арендовалъ ферму сельско-хозяйственнаго общества для практическихъ занятій учениковъ и учеництъ чувашской школы, но съ 1896 г. эти занятія почему-то прекратились. Въ 1897 г. въ школѣ было 168 учениковъ и 63 ученицы.

Въ интересахъ мало развитаго чувашскаго племени нужно пожелать, чтобы доброе дѣло г. Яковлева было прочно обосновано, не подвергаясь разнымъ случайнымъ колебаніямъ.

X.

Не особенно везетъ Симбирску по театральной части. Каменный и довольно помѣстительной театръ существуетъ въ домѣ Бычкова (въ одномъ зданіи съ гостиницей и рестораномъ), но постояной труппы нѣтъ, а временами наѣзжаютъ разныя труппы. Во время моего пребыванія по городу были развѣшаны такіе плакаты:

«Телеграмма! Ѣдемъ! Ждите второй телеграммы!»

Но вмѣсто «второй телеграммы» появились громадныя афиши, съ лубочными иллюстраціями, извѣщавшія о прибытіи какого-то цирка.

Книжными магазинами и лавками Симбирскъ довольно богатъ — въ 1897 г. ихъ было шесть, изъ нихъ Юргенса существуетъ съ 1855 г.

Типографій также достаточно для 40-тысячнаго населенія — одна губернская и три частныхъ. Въ 1840-хъ годахъ губернская типографія увеличилась пожертвованіемъ частной типографіи помѣщика Н. Е. Струйскаго, находившейся въ с. Рузаевкѣ (извѣстная узловая станція Казанской желѣзной дороги), Пензенской

губерніи. Типографія существовала для удовольствія Струйскаго и печатала, кажется, исключительно его произведенія, попадающіяся изрѣдка на антикварныхъ рынкахъ и въ старинныхъ библіотекахъ.

Чтобы покончить съ характеристикою внутренней жизни Симбирска, слѣдуетъ еще замѣтить, что благотворительная часть въ городѣ очень развита, разнообразна и хорошо поставлена. Колокольный періодъ (когда деньги тратятся на колокола и т. п.) давно миновалъ для Симбирска, и избытки богатыхъ людей благоразумно расходуются городомъ и земствомъ на полезныя учрежденія — больницы, богадѣльни и т. п.

Довольны своеобразны мѣстныя общества—старинное «общество христіанскаго милосердія» (съ 1817 г.), братства при гимназіяхъ, семинаріи, кадетскомъ корпусѣ и др., общество снабженія пищею и платьемъ больныхъ и выздоравливающихъ и пр. Есть исправительный пріютъ для несовершеннолѣтнихъ, безплатный ночлежный домъ и др., всего до 15-ти благотворительныхъ учрежденій, находящихся въ завѣдываніи города и отчасти земства (больницы), но основанныхъ главнымъ образомъ на частныя средства.

Итакъ, духовная жизнь Симбирска настолько полна, разнообразна и представляетъ такіе счастливые задатки для дальнѣйшаго развитія, что предвзятый взглядъ на какую-то чрезвычайную сонливость городъ представляется чистѣйшимъ вздоромъ. Совершенно устарѣлъ и не отвѣчаетъ дѣйствительности извѣстный стихъ Лермонтова въ поэмѣ «Сашка»:

> «...сонъ и лѣнь
> Вполнѣ Симбирскомъ овладѣли»...

Можетъ быть, въ его время это была правда, но теперь Симбирскъ и не спитъ и не лѣнивъ, а живетъ и движется впередъ довольно энергично. Правда, онъ и теперь очень тихій, скромный городъ, но чрезвычайно симпатичный именно тѣмъ, что подъ его скромностью кроется не лѣнь и апатія, но дѣловитое движеніе впередъ. Безшумно, безъ помпы и рисовки, но серіозно онъ дѣлаетъ свое маленькое дѣло. Онъ не шумитъ, подобно многимъ городамъ, шумливымъ и оживленнымъ съ внѣшней, показной стороны, на тему Грибоѣдовскаго стиха: «шумимъ, братецъ, шумимъ»... Могъ бы и Симбирскъ «шумѣть» въ этомъ тонѣ, но, какъ городъ скромный и серіозный, не имѣетъ этого дурного поползновенія.

XI.

Лѣтомъ Симбирскъ настолько подходитъ къ условіямъ дачной жизни, что обыватели его не помышляютъ ни о какихъ загородныхъ дачахъ, вполнѣ довольствуясь дачными прелестями города. Нѣсколько дачъ находятся въ подгородной деревнѣ Поливный

Врагъ, подлѣ лагеря кадетскаго корпуса. Очевидно только этотъ лагерь и вызвалъ появленіе тамошнихъ дачъ, занимаемыхъ семьями военныхъ педагоговъ. Для остальныхъ симбиряковъ дачи не нужны, такъ какъ въ самомъ городѣ они имѣютъ чистый воздухъ, достаточно зелени, недурныя прогулки, прелестные виды на Волгу и пр. и пр.

Мнѣ кажется, что если Симбирскъ долженъ выполнить какое либо провиденціальное назначеніе, то именно — превратиться въ благоустроенный дачный курортъ, въ климатическую поволжскую станцію. Рекомендую эту мысль городскому управленію...

Никакой другой миссіи Симбирскъ, повидимому, не въ силахъ выполнить. Находится онъ въ одинаковыхъ условіяхъ съ Казанью, Самарою, Саратовомъ, а между тѣмъ за 250 лѣтъ существованія не сумѣлъ развить у себя ни промышленности, ни торговли. Городъ не имѣетъ ни фабрикъ, ни заводовъ (2 — 3 мелкихъ завода въ счетъ не идутъ). Торговое значеніе его не велико: самъ ничего не производя, Симбирскъ является только передаточнымъ пунктомъ для чужихъ продуктовъ. Исключеніе составляетъ фруктовая торговля, но урожайность симбирскихъ садовъ (болѣе 300 десятинъ) все болѣе и болѣе падаетъ. Обороты старинной сборной ярмарки (на первой недѣлѣ великаго поста) также падаютъ и въ послѣдніе годы едва достигаютъ 4 милліоновъ.

Ожидаютъ, что промышленное значеніе Симбирска подыметъ желѣзная дорога (вѣтвь къ ст. Рузаевкѣ Казанской дороги), но эти надежды представляются несбыточными: вѣдь Казань, Самара и др. развились въ промышленномъ отношеніи задолго до проведенія къ нимъ желѣзныхъ дорогъ.

Промышленный ростъ Симбирска возможенъ развѣ только съ продолженіемъ симбирской вѣтви до Уфы (есть такой проектъ), съ мостомъ черезъ Волгу. Но это дѣло очень далекаго будущаго...

Какъ бы тамъ ни было, но нужно пожелать Симбирску, чтобы промышленное развитіе не угрожало ему и въ будущемъ. Не всѣмъ же городамъ полагается служеніе мамонѣ! Если 250 лѣтъ Симбирскъ не служилъ ей, то легко обойдется безъ того и дальше. Гораздо умнѣе Симбирскъ поступитъ, если будетъ развиваться въ томъ отношеніи, какое указываетъ судьба: она дала ему все возможное, чтобы превратить его въ прелестный дачный городъ... Отъ города не потребуется слишкомъ большихъ усилій, чтобы добиться на этомъ пути наилучшихъ результатовъ. Дѣйствительно и въ теперешнемъ своемъ положеніи Симбирскъ является хорошимъ дачнымъ городомъ, гдѣ легко живется лѣтомъ.

По внѣшнему виду городъ мало походитъ на другіе губернскіе города. «Губернскимъ» вы его признаете только по центральной небольшой части, гдѣ сосредоточено нѣсколько улицъ съ каменными, преимущественно общественными и казенными зданіями.

Здѣсь находятся широкія улицы, небольшія площади, скверы, общественные сады. Это—пространство между Вѣнцомъ и главною улицею Большою Саратовскою (съ жиденькимъ бульваромъ). Здѣсь сосредоточены почти всѣ общественныя и административныя учрежденія, учебныя заведенія, соборы и проч. Эта часть города довольно красива, мѣстами очень изящна.

Лучшія зданія—домъ губернскаго земства, дворянское собраніе, присутственныя мѣста, домъ городского общества, кадетскій корпусъ и др. Всѣ почти эти зданія «казеннаго стиля», за исключеніемъ земскаго дома очень своеобразной архитектуры, единственной въ городѣ: есть тутъ и древній стиль, и какъ будто мавританскій, и чуточку подпущено «ренессансика» и пр. Но въ общемъ вышло нѣчто красивое и оригинальное, совсѣмъ непохожее на окружающую архитектурную казенщину и пошлость... Очевидно, зодчій земскаго дома хотѣлъ показать въ своемъ произведеніи, что наше земство, даже въ теперешнемъ его урѣзанномъ и испорченномъ видѣ, далеко не гармонируетъ съ окружающею банальностью русской жизни... Разные стили въ произведеніи художника означаютъ, повидимому, всесословность земства: древнерусскій стиль—это крестьянство, мавританскій—дворянство, какъ извѣстно болѣе происходящее «изъ татаръ», чѣмъ «изъ прусъ» и т. д. Къ сожалѣнію, не могу сообщить читателямъ—не знаю имени этого выдающагося зодчаго-символиста...

Ближе къ Вѣнцу выдается зданіе Троицкаго собора, очень напоминающее петербургскій Исаакіевскій соборъ: такой же крестообразной формы, съ колоннадами по 4 сторонамъ, съ величественнымъ куполомъ, буквально схожимъ съ главнымъ Исаакіевскимъ (четырехъ боковыхъ въ симбирскомъ соборѣ нѣтъ). Но Троицкій соборъ размѣрами меньше, отсутствуетъ мраморъ и пр. Проектъ архитектора М. П. Коринескаго относится къ 1820-мъ годамъ. Кто же у кого «позаимствовался»: Симбирскъ у Питера, или наоборотъ? Этотъ вопросъ было бы любопытно рѣшить.

Уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ каменнаго центра Симбирска вы вступаете въ чисто дачныя, наполовину мощеныя и совсѣмъ не мощеныя, широкія, покрытыя частію зеленымъ ковромъ улицы и переулки, съ деревянными тротуарами, деревянными же домами и домиками, окруженными садами и палисадниками. Вблизи самаго центра города, въ иныхъ дворахъ вы найдете даже не сады, а цѣлыя рощицы и луговины. Не мудрено, что въ самомъ центрѣ города соловьи задаютъ свои серенады...

Еще болѣе дачный видъ имѣютъ окраины города—около рѣки Свіяги, подгорная и заволжскія слободы, представляющія ряды маленькихъ деревянныхъ домиковъ среди садовъ. Благодаря близости воды, воздухъ здѣсь очень свѣжій и чистый. Всѣ эти части города довольно сонныя, исключая подгорной приволжской слободы, достаточно оживленной въ навигацію.

Каменный центръ города взбирается одною стороною на самый гребень приволжскихъ высотъ, по которому идетъ такъ называемый Вѣнецъ—высшая точка симбирской горы (70 саженъ надъ уровнемъ Волги). Отсюда открываются роскошные виды на Волгу и заволжскія дали. Виды съ Вѣнца мало уступаютъ нижегородскимъ видамъ съ Откоса, Кремля и др. или кіевскимъ съ Владимирской горки и пр. За Нижнимъ остается то преимущество, что тамъ обѣ рѣки—Волга и Ока, очень оживлены неустаннымъ движеніемъ на нихъ, а подъ Симбирскомъ Волга довольно пустынна. Но, помимо этого, виды съ Вѣнца и его продолженія вверхъ по рѣкѣ такъ грандіозны и обширны (на 30—40 верстъ), что лучшаго трудно требовать.

Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы Вѣнецъ содержался въ достойномъ его видѣ... Это собственно неширокій бульваръ, съ слабою растительностью, съ бесѣдкою по срединѣ и нѣсколькими неудобными скамейками по главной аллеѣ. На одномъ концѣ бульвара, откуда открываются лучшіе виды на Волгу, находится лѣтнее помѣщеніе клуба. Но дивными видами изъ клуба любоваться некому: симбиряки собираются туда не для созерцанія картинъ природы, а для усиленной борьбы на зеленомъ полѣ...

Жаль, что клубъ отнялъ лучшій уголокъ Вѣнца у городской публики, не посѣщающей клуба. Послѣдній еще безцеремоннѣе поступилъ, когда присоединилъ къ себѣ лучшую часть общественнаго Владимирскаго сада, примыкающаго къ Вѣнцу. Ради сомнительнаго удовольствія немногихъ клубистовъ масса симбирской публики сильно ограничена въ любимыхъ прогулкахъ по Вѣнцу и Владимирскому саду.

Клубисты, вѣроятно, утѣшаютъ себя тѣмъ, что къ услугамъ публики остался весь садъ, идущій отъ Вѣнца къ Волгѣ и покрытый лѣсною порослью и кустарникомъ. Правда, на этомъ скатѣ, изрѣзанномъ оврагами, съ многочисленными ручьями и ключами, попадаются дивные уголки, а мѣстами совершенно дикія лѣсныя трущобы, которыхъ и не подозрѣваешь въ 10—15 минутахъ ходьбы отъ центральной части города... Но, чтобы бродить по этому живописному скату, нужны твердыя ноги и цѣпкія руки: такъ головоломны извивающіяся здѣсь въ разныхъ направленіяхъ тропы и дорожки. Вотъ, когда этотъ скатъ приметъ культурный видъ, когда прорѣжутся здѣсь правильныя дорожки, выравняются площадки, продѣлаются лѣстницы, спуски, поставятся удобныя скамейки и т. п., тогда здѣсь отбоя не будетъ отъ публики, которая скажетъ за эти недорогія удобства великое спасибо городской думѣ.

Но это произойдетъ нескоро, когда Симбирскъ пойметъ свое провиденціальное назначеніе и пойдетъ по этой дорогѣ. Тогда, конечно, не будетъ такой нелѣпости, что лучшее мѣсто на Вѣнцѣ занято большимъ зданіемъ присутственныхъ мѣстъ, какъ водится,

очень не представительнымъ, грязноватымъ, облупленнымъ... Самое поэтическое мѣсто въ городѣ занято такими прозаическими учрежденіями, какъ казенная и контрольная палаты и т. п.

Тутъ мѣсто для консерваторіи, либо академіи художествъ... «Симбирская консерваторія» на Вѣнцѣ, какъ это хорошо звучитъ!.. Какихъ дивныхъ композиторовъ она дастъ... какія богатыя волжскія симфоніи польются отсюда, не чета худосочнымъ ористамъ съ Большой Никитской въ Москвѣ...

Пока же симбиряки вынуждены довольствоваться немудренымъ военнымъ оркестрикомъ какого-то резервнаго батальона, изрѣдка барабанящимъ на Вѣнцѣ свои марши и польки. А поставьте сюда на эту высоту, въ виду этихъ дивныхъ картинъ Волги и Заволжья, оркестръ Буллеріана, Галкина, Главача... Думаю, что тогда заговорятъ стихами даже чиновники казенной палаты и станутъ творить музыкальныя композиціи вмѣсто скучнѣйшихъ рапортовъ о «благополучномъ состояніи» ввѣренной ихъ попеченіямъ губерніи...

Красота Симбирска не исчерпывается однимъ Вѣнцомъ: пройдите по всему гребню и скатамъ симбирскихъ высотъ—вездѣ вы найдете и красивые уголки, и живописные виды, и массу зелени. Приволжскій скатъ почти пустуетъ: постройки тѣснятся у рѣки и рѣдко взбѣгаютъ выше. А между тѣмъ здѣсь можно построить массу домовъ, дачъ, можно разбить сады, парки; словомъ—устроить восхитительный дачный курортъ. Проснитесь, гг. симбиряки! у васъ золото подъ ногами...

Вмѣсто того, чтобы отдѣлать этотъ живописный скатъ къ Волгѣ, симбиряки предпочли болѣе легкую задачу—стали селиться на противоположномъ отъ Волги скатѣ, отлогѣ спускающемся къ р. Свіягѣ. Это — удивительная рѣка, кажется, единственная въ своемъ родѣ: она течетъ параллельно Волгѣ, но въ обратную сторону отъ нея. Около Симбирска Свіяга подходитъ къ Волгѣ очень близко, всего на 700 саженъ, но не будучи въ силахъ прорѣзать отдѣляющія ее отъ Волги высоты и слиться съ нею, она направляется къ сѣверу, долго идетъ параллельно Волгѣ и вливается въ нее уже подъ Казанью, около г. Свіяжска. Выше Симбирска разстояніе между обѣими рѣками увеличивается и мѣстами доходитъ до 30 верстъ. Уровень Свіяги около Симбирска на 21 сажень выше уровня Волги. Около города Свіяга не широка, но полноводна и служитъ любимымъ мѣстомъ катанья симбиряковъ, такъ какъ до Волги далеко.

Окрестности Симбирска вообще красивы, особенно приволжскія высоты вверхъ по рѣкѣ. Стоитъ выйти изъ города за казармами, повернуть на приволжскій скатъ, спуститься нѣсколько внизъ, и вы очутитесь почти въ дремучемъ лѣсу, въ обиліи покрывающемъ горы, овраги, лощины.

Сколько здѣсь дивныхъ пейзажей, ждущихъ кисти художника! Но художники не ѣдутъ сюда, какъ и вообще на Поволжье, столь богатое художественнымъ матеріаломъ. Они предпочитаютъ подносить публикѣ набившіе оскомину крымскіе и кавказскіе пейзажи, давно уже просящіеся на конфектныя коробочки... Подождемъ, авось, европейскіе пейзажисты откроютъ намъ и Волгу со всѣми ея разнообразными красотами.

Н. Оглоблинъ.

ОДИНЪ ИЗЪ МНОГИХЪ.

Дѣло о «непристойныхъ словахъ» въ Тамбовскомъ краѣ (1695—1696 гг.).

ВЪ НАШЕЙ исторической литературѣ обнародовано уже значительное количество дѣлъ XVII и XVIII вѣковъ о разныхъ «непристойныхъ словахъ» или «непригожихъ рѣчахъ» [1]. Главный интересъ этихъ дѣлъ заключается въ любопытныхъ бытовыхъ подробностяхъ, которыя, естественно, выступаютъ при каждомъ тщательномъ разслѣдованіи тѣхъ или иныхъ «рѣчей». Благодаря тому, иногда даже сравнительно несложныя дѣла освѣщаютъ какой нибудь очень характерный уголокъ древне-русской старины. Особенно это нужно сказать о тяжелой эпохѣ преобразованій, когда число подобныхъ дѣлъ было поразительно велико. «Всегда въ кровяхъ омываемся» [2]), писалъ царю князь Ѳ. Ю. Ромодановскій, начальникъ грознаго Преображенскаго приказа, въ которомъ вѣдались дѣла о различныхъ «злыхъ умыслахъ противъ персоны его величества», о «словѣ и дѣлѣ» и т. п.

Одно изъ такихъ дѣлъ намъ случайно встрѣтилось въ Московскомъ архивѣ, и мы находимъ нелишнимъ познакомить съ нимъ читателей.

---

[1]) Разумѣемъ труды М. И. Семевскаго («Слово и дѣло»), Г. В. Есипова («Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія», «Люди стараго вѣка», «Тяжелая память прошлаго»), А. В. Арсеньева (въ «Историч. Вѣстникѣ» 1897 года) и друг.

[2]) Соловьевъ. «Исторія Россіи» (изд. тов. «Общ. Польза»), книга III, столб. 1206.

Въ началѣ 1695 года царь Петръ двинулъ съ Москвы полки «въ донской походъ подъ Азовъ городъ, на своево государсково непріятеля, на Турскаго солтана» [1]). Передовой отрядъ подъ начальствомъ генерала П. И. Гордона шелъ сухимъ путемъ на Тамбовъ, а другіе полки весной поплыли на стругахъ Москвою рѣкою въ Волгу, при чемъ среди нихъ находился и «бомбардиръ Петръ Алексѣевъ» (то-есть самъ царь) съ своей бомбардирской ротой. По плохимъ весеннимъ дорогамъ Гордонъ къ апрѣлю добрался до Тамбова и здѣсь сталъ собирать свой отрядъ, чтобы итти далѣе, опять сухимъ путемъ на Черкасскъ. При видѣ значительнаго количества войскъ, Тамбовскій край, естественно, пришелъ въ нѣкоторое движеніе. Поднялись толки о походѣ, о томъ, что и самъ царь идетъ съ войсками, и прочее.

Въ одинъ майскій день, вѣроятно, праздничнымъ вечеромъ, въ деревнѣ Отъясъ, которая принадлежала Мамонтовой пустыни [2]), сошлись на улицѣ нѣсколько крестьянъ, по обычаю, потолковать на досугѣ. Злобой дня служилъ походъ и только что прошедшіе черезъ Тамбовъ полки. Кто-то передалъ слухъ о томъ, будто самъ государь «обгонялъ тѣ полки до Тамбова на дорогѣ трижды». На это сообщеніе отозвался одинъ изъ доморощенныхъ политиковъ, Мишка Жарикъ:

— Смѣло ѣздитъ и путляетъ по полкамъ! — молвилъ онъ про царя:—и какъ не боится бояръ!..

Такія сужденія показались слишкомъ вольными Панькѣ Панову. Панька «заявилъ» своей братіи крестьянской:

— Послушайте, добрые люди, какія слова Мишка говоритъ! Будьте свидѣтели!...

Нѣкоторые изъ собесѣдниковъ, чувствуя, что весь ихъ разговоръ можетъ окончиться очень худо, поспѣшили побранить Мишку за «озорничество» и дали ему благой совѣтъ впередъ держать языкъ за зубами. Панькѣ тоже посовѣтовали плюнуть на дурацкія рѣчи. Всему происшествію никто не придалъ особаго значенія, и крестьяне мирно разошлись по домамъ. Но Панька не удовольствовался сдѣланнымъ заявленіемъ. Онъ передалъ при разговорѣ слова Мишки Жарика крестьянину Артему Бастрыкину. Послѣдній, какъ замѣтно, былъ близокъ къ монастырю [3]). Придя въ

---

[1]) Желябужскій. Записки съ 1682 по 2 іюля 1709 года. С.-Петербургъ. 1840. Стр. 46.

[2]) Мамонтова Николаевская пустынь находилась въ нынѣшнемъ Моршанскомъ уѣздѣ, на мѣстѣ с. Мамонтова; въ 1652 году она приписана къ Саввину Сторожевскому монастырю; упразднена въ 1764 году (С. Смирновъ, «Историческое описаніе Саввина Сторожевскаго монастыря». Изд. 2-е. Москва. 1860. Стр. 105. П. Пискаревъ. Документы, относящіеся къ исторіи Мамонтовской пустыни. Тамбовъ. 1887).

[3]) По писцовымъ книгамъ 7182—7186 (1674—1678 г.г.,) въ Мамонтовой пустыни значится, между прочимъ, «евангеліе въ полдесть, печатное, поволочено

пустынь 23 іюня, Бастрыкинъ извѣстилъ монастырское начальство о томъ, какія «рѣчи» говорятся на деревнѣ. Строитель и казначей, безъ сомнѣнія, хорошо знали печальный исходъ подобныхъ неосторожныхъ бесѣдъ и, опасаясь возможныхъ непріятностей и для самихъ себя, попытались сперва прекратить дѣло домашними средствами. Тотчасъ же вызвали въ монастырь на допросъ Паньку. Онъ не сталъ запираться, а передалъ все, какъ было. Спросили и другихъ участниковъ разговора. Шестеро крестьянъ сказали, что «слышали тѣ слова по извѣту Паньки», а двое утверждали, что они «такихъ рѣчей отъ Мишки Жарика не слыхали, только о томъ слышали явку отъ Паньки»... Затѣмъ власти сдѣлали крестьянамъ соотвѣтствующее внушеніе, чтобы «лишняго между собою не говорили»,—судъ былъ оконченъ. Но тутъ все испортили сами крестьяне. Они начали между собою браниться и «тѣмъ дѣломъ попрекаться». Власти увидѣли, что при крестьянскомъ «непостоянствѣ» дѣло замять нельзя, и вынуждены были повести его формально. Мишку Жарика «сковали въ желѣзы», посадили въ монастырѣ подъ караулъ, а его жену и дѣтей, равно какъ и болтливаго Паньку отдали на поруки. Посидѣлъ Мишка, пораздумалъ о томъ, что его ожидаетъ, и, «убоясь», бѣжалъ изъ-за караула «въ желѣзахъ». Новая непріятность монастырскимъ властямъ... Пришлось на мѣсто Мишки посадить подъ караулъ его сторожей. Теперь уже необходимо было обо всемъ происшествіи довести до свѣдѣнія начальства Саввина Сторожевскаго монастыря, къ которому Мамонтова пустынь была приписана. Вмѣстѣ съ подробною отпискою Саввинскимъ «государемъ властемъ» посланы крестьянскія допросныя рѣчи и «извѣтъ» Артюшки Бастрыкина. Изъ Саввина монастыря эти бумаги тотчасъ же поступили въ Посольскій приказъ, завѣдывавшій нѣкоторыми изъ ближайшихъ къ Москвѣ монастырей. Здѣсь дѣло нѣсколько времени лежало безъ движенія. Но вотъ наступила зима. Трудно стало Мишкѣ скрываться, и онъ «изъ бѣговъ пришелъ въ монастырь съ повинною»... Въ началѣ марта 1696 г. Мишка Жарикъ былъ доставленъ въ Москву и «объявленъ» въ Посольскомъ приказѣ. На допросѣ онъ признался въ своемъ проступкѣ, но подобно многимъ провинившимся ссылался на свою «простоту» и на то, что «говорилъ непристойныя слова пьяный»... «И въ той винѣ,—заключилъ свое показаніе Мишка,—воленъ онъ, великій государь, только я говорилъ тѣ слова безъ хитрости, глупостію своею, спьяна»... [1]). Какое наказаніе понесъ Мишка за свою неосторожную болтовню,—изъ дѣла не видно. Во всякомъ случаѣ по головкѣ его не погладили...

бархателью, евангелисты мѣдные, прикладъ крестьянина Артемья Бастрыкина»... (Н. Николаевъ. Матеріалы, относящ. къ исторіи Тамб. края. Вып. I. Тамбовъ. 1884. Стр. 36).

[1]) Архивъ мин. иностр. дѣлъ. Приказныя дѣла., св. 566, д. 7204 года, окт. 26.

Разсказанное нами маленькое происшествіе не лишено интереса. Оно даетъ замѣтить, что и до Тамбовскаго захолустья доходили вѣсти о враждебныхъ отношеніяхъ бояръ къ царю, при чемъ мѣстные уличные ораторы, повидимому, склонны были въ этой борьбѣ признать болѣе сильной стороной боярство... Равнымъ образомъ дѣло Мишки Жарика лишній разъ подтверждаетъ, что бесѣды по вопросамъ внутренней жизни въ ту пору рѣдко кому проходили даромъ. Много такихъ Мишекъ въ разныхъ уголкахъ Россіи за минутную оплошность должны были покидать жену и дѣтей и отправляться въ Тобольскъ или на «каторги» (галеры), отбывъ предварительно наказаніе кнутомъ...

С. Введенскій.

ЧУДОВИЩНЫЙ ДОМЪ.

(Изъ разсказовъ пермскихъ старожиловъ).

НЫНѢШНІЙ губернскій городъ Пермь принадлежитъ къ числу не старыхъ по своему историческому возрасту: ему всего 120 лѣтъ со времени основанія при Екатеринѣ II. Онъ возникъ въ числѣ другихъ новыхъ русскихъ селеній при введеніи въ Россіи екатерининскихъ «Учрежденій о губерніяхъ», изданныхъ въ 1775 г.,—возникъ въ качествѣ административнаго центра новой Пермской губерніи изъ ничтожной деревеньки Брюхановой и казеннаго Егошихинскаго мѣдиплавиленнаго завода на лѣвомъ берегу Камы [1]). Доказательствомъ тому служитъ и понынѣ названіе одной изъ площадей города «заводскою», а также фамиліи Брюхановыхъ, довольно часто встрѣчающіяся въ Перми. Въ старину же слово Пермь съ эпитетомъ «Великая» прилагалось къ болѣе сѣверному, нынѣ уѣздному той же губерніи, городу Чердыни, нѣкогда столицѣ автономныхъ пермскихъ князей, а также и ко всей древне-русской области на верховьяхъ р. Камы и ея притоковъ до р. Чусовой включительно [2]).

Несмотря на относительно молодой возрастъ, новая Пермь о первыхъ насельникахъ своихъ имѣетъ уже свои преданія, созданныя на реальной почвѣ и передаваемыя отъ поколѣнія къ поколѣнію. Къ числу такихъ принадлежитъ и избранный нами раз-

---

[1]) См. первую исторію города въ книгѣ А. Дмитріева: «Очерки изъ исторіи губернскаго города Перми». Пермь. 1889 г.

[2]) Того же автора сборникъ «Пермская Старина», выпуски I—VIII. Пермь. 1889—1900 гг.

сказъ, слышанный авторомъ неоднократно, уже лѣтъ около 20 записанный покойнымъ и столь извѣстнымъ Перми Д. Д. Смышляевымъ, а съ его словъ и другими любителями мѣстной старины, напримѣръ, г. Кудринскимъ въ газетѣ «Волгарь» 1895 г. Мы передадимъ сперва подлинныя слова изъ сборника статей о Пермской губерніи г. Смышляева, а потомъ коснемся и другихъ пересказовъ того же сюжета изъ былой дѣйствительности города Перми.

Въ любопытной статьѣ: «Изъ прошлаго. О старыхъ временахъ и людяхъ», Д. Смышляевъ, сказавъ объ основаніи нынѣшней Перми и первоначальномъ ея заселеніи, между прочимъ пишетъ: «На углу Петропавловской улицы и нынѣшней Театральной площади былъ большой каменный двухъэтажный домъ совѣтника уголовной палаты Елисѣя Леонтьевича Чадина. Участь этого дома весьма любопытна. Онъ былъ отстроенъ вчернѣ и покрытъ желѣзомъ, но никогда не былъ отдѣланъ, никогда въ немъ никто не жилъ; онъ остался цѣлъ какимъ-то чудомъ во время пожара 1842 г., когда кругомъ его все погорѣло, былъ купленъ въ концѣ сороковыхъ годовъ М. Г. Свѣдомскимъ, затѣмъ уступленъ имъ городскому обществу въ обмѣнъ на домъ, принадлежащій теперь почтовой конторѣ, и наконецъ, простоявъ полсотни лѣтъ необитаемымъ, безъ всякаго видимаго повода сломанъ до основанія. Позднѣе на арендованномъ у городского общества мѣстѣ его... построенъ сначала частный домъ Херувимова, а теперь на томъ же мѣстѣ красуется грандіозное зданіе женской гимназіи»... [1]).

Замѣтимъ, что Смышляевъ самъ былъ свидѣтелемъ страшнаго пожара Перми 14 сентября 1842 г., всѣмъ пермякамъ вѣчно памятнаго по ходячимъ доселѣ разсказамъ старожиловъ, и истребившаго въ одинъ день больше половины тогда еще совсѣмъ юнаго города. Я лично слышалъ отъ этого свидѣтеля много разсказовъ о прежней Перми и могу сказать, что всѣ его повѣствованія въ высшей степени правдивы и имѣютъ значеніе важнаго первоисточника свѣдѣній о былыхъ временахъ и людяхъ Перми [2]). Далѣе, въ той же статьѣ Смышляевъ продолжаетъ (стр. 129 и слѣд.):

«Странная участь дома Чадина естественно вызывала толки въ народѣ, суевѣріе котораго создавало о немъ различныя легенды. Въ домѣ творились чудеса: слышались какъ бы выходящіе изъ-подъ земли стоны, раздавались голоса, необыкновенные звуки, подобные стуку падающихъ и разбивающихся предметовъ. Въ особенности «чудилось» въ глухую полночь; въ такую пору запоздалый прохожій ускорялъ шаги, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ отъ діавольскаго навожденія. Все это объяснялось тѣмъ, что домъ

---

[1]) Смышляевъ: «Сборникъ статей о Пермской губерніи». Пермь, 1891 г., стр. 128.

[2]) Многіе его разсказы приведены въ той же книгѣ 1891 г.

Чадина избрала своею резиденціею «кикимора», которая, какъ извѣстно, ничьего сожительства не терпитъ. Ее даже видѣли. Это случилось во время пожара 14 сентября 1842 года. Одна набожная старушка разсказывала, что въ этотъ роковой для Перми день, проходя мимо дома, когда уже кругомъ его все горѣло, а онъ продолжалъ стоять цѣлъ и невредимъ, она собственными глазами видѣла, какъ какая-то женщина въ бѣломъ чепцѣ, высунувшись изъ слухового окна въ крышѣ, платочкомъ отмахивала отъ дома огонь сосѣднихъ зданій. Эта женщина и была кикимора; благодаря ей, домъ, остававшійся безъ хозяевъ и, слѣдовательно, безъ всякаго призора, не подвергся участи окружавшихъ его зданій. Во время общаго переполоха воображеніе толпы всегда настроено объяснять естественныя явленія необыкновенными причинами, дѣйствіемъ нечистой силы, и потому ничего нѣтъ мудренаго, что розсказни старухи подѣйствовали на простой народъ возбуждающимъ образомъ; слова ея передавались съ прибавленіями и прикрасами и въ концѣ концовъ разрослись въ легенду съ ужасающими и нелѣпѣйшими подробностями; разговорамъ и толкамъ не было конца; народъ собирался толпами, хулилъ начальство и его дѣйствія во время пожара, обвиняя его чуть не въ сообщничествѣ съ чертями; къ нимъ же въ компанію приплеталъ и поляковъ—словомъ, трудно было и добраться, что именно представлялось разгоряченной фантазіи толпы... Бывшій въ то время губернаторъ И. И. Огаревъ приказалъ разыскать распространителей нелѣпыхъ слуховъ; оказалось, что всему злу корень была вышеупомянутая старушка; призвали ее въ полицію, допросили — она и на допросѣ показала то, что выше разсказано,—вздумали пристращать присягой, она и отъ присяги не отказалась, говорила, что врать ей не зачѣмъ, что она уже доживаетъ свой вѣкъ, и грѣха на душу брать ей не приходится, и что она показала то, что дѣйствительно видѣла. Кончилось дѣло тѣмъ, что продержали ее нѣсколько дней въ заключеніи и выпустили со строгимъ запретомъ смущать народъ болтовней» (тамъ же, стр. 129—130).

Далѣе Д. Д. Смышляевъ приводитъ любопытныя свѣдѣнія о самомъ владѣльцѣ чудовищнаго дома—Чадинѣ. «Основаніемъ разныхъ нелѣпыхъ разсказовъ о домѣ Чадина служилъ личный характеръ покойнаго владѣльца, его необыкновенная скупость, жестокое обращеніе съ дворовыми людьми, руками которыхъ не только строился домъ, но даже изготовлялся для него кирпичъ. Скупость побуждала его прибѣгать даже къ весьма зазорнымъ продѣлкамъ для пріобрѣтенія нужныхъ вещей; такъ, напримѣръ, онъ посылалъ своихъ дворовыхъ людей по ночамъ увозить чугунныя могильныя плиты съ кладбища, которыя закладывались потомъ надписями книзу въ печи и въ полы въ сѣняхъ. Отецъ мой [1]) разсказывалъ, что именно

[1]) Дмитрій Емельяновичъ Смышляевъ, современникъ Чадина.

это обстоятельство и ускорило смерть Чадина. Дворовые, не терпѣвшіе барина за дурное съ ними обращеніе, въ день его именинъ придумали испечь пирогъ на обломкѣ краденой плиты, обративъ его надписью кверху. Продѣлка эта открылась за званымъ обѣдомъ; гости, не окончивъ обѣда, взялись за шапки, а на хозяина такъ подѣйствовалъ неожиданный скандалъ, что онъ сильно заболѣлъ и вскорѣ умеръ. Такъ отомстили вышедшіе изъ терпѣнія дворовые своему жестокосердому барину!» (тамъ же, стр. 130).

Мы привели весь разсказъ о Чадинѣ и его чудовищномъ домѣ безъ всякихъ прикрасъ со словъ правдивѣйшаго повѣствователя о прошлыхъ судьбахъ Перми, которыя онъ столь долго (болѣе полустолѣтія) и близко зналъ какъ лично, такъ и черезъ посредство своего отца, Дмитрія Емельяновича, въ 1823—1826 годахъ служившаго въ Перми городскимъ головою и такъ же всѣмъ пермякамъ давно извѣстнаго по имени. Теперь мы должны остановиться на пересказахъ того же событія въ жизни Перми Ѳ. Кудринскимъ въ нижегородскомъ «Волгарѣ» за 1895 годъ, откуда его дословно перепечатали потомъ «Пермскія Губернскія Вѣдомости» за тотъ же годъ (№№ 53, 60, 66, 73 и 76). Замѣтимъ прежде всего, что мы нисколько не сомнѣваемся насчетъ заимствованія Ѳ. Кудринскимъ разсказа именно у Д. Д. Смышляева, хотя первый только разъ сослался на второго и, полностью взявъ разсказъ у другого автора, счелъ нужнымъ приправить свой пересказъ значительной дозой собственной фантазіи. Не болѣе деликатно распорядились чужимъ матеріаломъ и мѣстныя «Губернскія Вѣдомости», къ смущенію своихъ читателей, многимъ изъ которыхъ отлично знакомы всѣ труды Д. Д. Смышляева. Кудринскій раздѣляетъ исторію дома Чадина на два періода: до смерти самого Чадина и въ послѣдующее время, начиная опять съ пожара города 1842 г. Оба періода онъ ставитъ, правда, въ связь на основаніи своихъ домысловъ, а не какихъ либо документовъ. Но самый пересказъ Кудринскимъ сдѣланъ очень занимательно. Для образца приводимъ описаніе послѣднихъ именинъ Чадина.

«Много собралось гостей на именины Чадина. Гости были все важные. Елисѣй Леонтьевичъ принималъ къ себѣ не кого нибудь, а людей съ вѣсомъ: важныхъ губернскихъ чиновниковъ, военныхъ генераловъ, крупныхъ помѣщиковъ, ссыльныхъ изъ аристократовъ и богатыхъ купцовъ. Былъ тутъ и предсѣдатель уголовной пермской палаты, Андрей Ивановичъ Орловъ — непосредственное начальство Чадина, и князь Долгорукій, извѣстный своими чудачествами и за нихъ сосланный въ Пермь. О его чудачествахъ говорилъ весь городъ. Въ обществѣ онъ держалъ себя важно и степенно до тѣхъ поръ, пока не былъ пьянъ. Но до этого еще не дошло. Гости только что сошлись и держали себя въ томъ тонѣ сдержаннаго приличія, который былъ неизбѣжной необходимостью

въ началѣ всякаго званаго обѣда, и безъ котораго неловко какъ-то сразу перейти къ настоящему торжеству, т.-е. выпиванію. Во всякомъ случаѣ такое настроеніе не могло долго продолжаться. Музыка въ одной изъ угловыхъ комнатъ скромно пиликала какую-то элегію. Молодежь разговаривала и старалась быть остроумною. Дамы скучали, старушки втихомолку сплетничали такъ же, какъ и теперь... Елисѣй Леонтьевичъ былъ малоразговорчивъ и серіозенъ. Положимъ, что онъ всегда напускалъ на себя важность въ торжественные дни своей жизни. Такова была его натура. Но теперь онъ былъ какъ-то особенно торжественъ и меланхолично задумчивъ... На дворѣ вылъ вѣтеръ. Погода стояла непостоянная. Гостямъ дѣлалось положительно скучно... Собраніе нѣсколько оживилось, когда гостей позвали къ пирогу. Всѣ усѣлись за столъ, о. протоіерей прочиталъ молитву и благословилъ трапезу. Музыканты играли что-то веселое. Елисѣй Леонтьевичъ поднялъ салфетку пирога, рука его дрогнула... Онъ поблѣднѣлъ, наморщилъ брови и вскинулъ глазами на гостей...

«Взорамъ гостей представилось странное неумѣстное изображеніе на пирогѣ. «Должно быть, это одна изъ шутокъ Елисѣя Леонтьевича», промелькнуло въ головахъ многихъ гостей. Но на шутку это не походило... Крестъ ясно отпечатлѣлся на тѣстѣ, а въ головѣ адамовой ясно обозначились черными невымытыми углубленіями глаза и зубы... Изображеніе черепа одно только улыбалось среди серіозно недоумѣвавшихъ, вытянутыхъ лицъ. Гости шумно задвигали стульями и бросились безпорядочной гурьбой въ переднюю, толкая другъ друга. Черезъ минуту комнаты были пусты. Елисѣй Леонтьевичъ стоялъ одинъ за столомъ среди бокаловъ, роскошно сервированныхъ приборовъ и старался разгадать, что это значитъ... Минуту-другую глядѣлъ онъ и высоко приподымалъ брови, совершенно не понимая, что это такое: откуда это такое?

«Смерть пришла, сама смерть пришла на именины!» — подумалъ онъ.

«Ему сдѣлалось страшно.

— «Эй, кто нибудь! Слуги!—крикнулъ онъ не своимъ голосомъ.

«Но никого не было. Дворовые, при видѣ бѣгства гостей, инстинктивно почувствовали бѣду. А узнавши, въ чемъ дѣло, они разбѣжались, кто куда... Они знали, что имъ-то и достанется.

— «Эй, сюда, Иванъ, Григорій! Хоть кто нибудь!

«Никто не приходилъ. Гудѣлъ только вѣтеръ въ трубѣ, слегка приподымая неплотно положенную вьюшку... Ни голоса въ отвѣтъ. Только свѣчи тихо трещали по обѣимъ сторонамъ пирога, словно надъ покойникомъ. Тишина бѣсила Чадина и вывела его изъ терпѣнія. Нужно было, чтобы въ эту минуту тутъ разговаривали, чтобы, наконецъ, хотя кто нибудь былъ, чтобы что нибудь

упало, по крайней мѣрѣ... Но эта тишина съ воемъ... Чадинъ схватилъ подсвѣчникъ старинной хрустальной работы и швырнулъ его въ уголъ. Подсвѣчникъ полетѣлъ, съ шумомъ разбился, осколки разсыпались звонко по полу, и затѣмъ снова настала тишина. Онъ схватилъ другой... Елисѣю Леонтьевичу показалось, что пирогъ приподнялся на столѣ, изъ-подъ него постепенно вылѣзаетъ гробъ неизвѣстнаго мертвеца. Въ глазахъ его темнѣло... Онъ закричалъ и упалъ безъ чувствъ... Черезъ нѣсколько дней Чадина хоронили. Со времени своихъ именинъ онъ такъ и не приходилъ въ себя и не узнавалъ своихъ даже близкихъ знакомыхъ. Онъ просилъ только не ѣсть пирогъ, потому что въ немъ покойники... но что онъ не виноватъ, если кругомъ его дома устроили кладбище, изъ котораго вылѣзаютъ покойники... а онъ ничего.

«Именины и неожиданная смерть Чадина составили тему многихъ розсказней. Все это было такъ необыкновенно. Толкамъ не видѣлось конца» [1]).

Этотъ эпизодъ изъ жизни Чадина я самъ слыхалъ отъ пермскихъ старожиловъ, кромѣ Смышляева, впервые записавшаго его со словъ своего отца. Таковъ разсказъ покойнаго протоіерея Александра Луканина. И надо сказать, что всѣ редакціи пересказа близко сходятся между собою въ основномъ сюжетѣ: смерть Е. Л. Чадина была столь же чудовищна, какъ и вся судьба его дома, стоявшаго на мѣстѣ нынѣшняго храма науки для современнаго женскаго поколѣнія Перми. Психологическій этюдъ Кудринскаго, особенно въ заключительной его части, гдѣ воспроизведенъ предсмертный бредъ стараго, безсердечнаго, суевѣрнаго крѣпостника, особенно удаченъ, и могъ бы служить сюжетомъ для болѣе глубокаго по замыслу произведенія изъ былой дѣйствительности старыхъ временъ.

А. А. Дмитріевъ.

---

1) «Пермскія Губернскія Вѣдомости», 1895 г., № 60, статья Ѳ. Кудринскаго.

АКТРИСА ЖОРЖЪ ВЪ РОССІИ.

ВСТУПЛЕНІЕ на престолъ императора Александра I внесло новую жизнь въ русскій театръ, и сцена получила небывалый расцвѣтъ. Самъ государь, обладавшій живымъ воображеніемъ и чувствительнымъ сердцемъ, особенно покровительствовалъ русскому сценическому искусству, выполняя завѣтъ своей державной бабки быть «старшимъ ученикомъ въ этой школѣ» (т. е. въ театрѣ).

Министерства двора тогда еще не существовало, и непосредственная близость монарха къ артистическому міру придавала театру особое значеніе. Въ жизни русскаго образованнаго общества театръ игралъ въ то время особенно крупную роль и возбуждалъ въ современникахъ самый горячій интересъ. Театромъ увлекались, появленіе новаго таланта или новой пьесы составляло цѣлое событіе, волновавшее все общество. Печать посвящала не одинъ десятокъ страницъ разбору игры талантливаго исполнителя или исполнительницы, артисты имѣли цѣлыя партіи, враждовавшія другъ съ другомъ изъ-за первенства своихъ любимцевъ. Чисто русской школы тогда, конечно, еще не существовало, и русскіе таланты расцвѣтали подъ вліяніемъ иноземныхъ артистовъ. Драма, опера и балетъ пользовались, кажется, одинаковою симпатіей. Иноземные артисты были желанными гостями во всѣхъ областяхъ сценическаго искусства, и дирекція императорскихъ театровъ не скупилась на огромные, особенно по тому времени, расходы, чтобы только дать возможность русской публикѣ насладиться игрою лучшихъ заграничныхъ корифеевъ.

Конечно, французы были на первомъ планѣ, особенно въ драмѣ и балетѣ. Однако же и тогда уже можно было подмѣтить въ русскомъ обществѣ патріотическую жилку и стремленіе поддержать свои русскіе, родные таланты.

Въ началѣ достопамятнаго 1812 года Москва сдѣлалась свидѣтельницею соревнованія знаменитой Семеновой и французской трагической актрисы Жоржъ, сыгравшей этимъ самымъ немалую роль въ исторіи русскаго театра. Ея вліяніе на развитіе таланта Семеновой не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Русская публика была уже знакома съ m-lle Жоржъ, пріѣхавшей въ Россію четыре года тому назадъ (въ 1808 году) и имѣвшей неслыханный успѣхъ. Семенова тогда еще не достигла своей будущей славы, и на сценѣ царила Вальберхова, любимица самого управляющаго театромъ князя Шаховскаго. Но Гнѣдичъ, старавшійся выдвинуть Семенову, употреблялъ всѣ усилія, чтобы развить и отшлифовать ея огромный природный талантъ. Онъ воспользовался пріѣздомъ Жоржъ, чтобы познакомить свою ученицу съ пріемами французской драматической школы, и не пропускалъ ни одной роли, игранной пріѣзжей актрисой, чтобы не подѣлиться своимъ впечатлѣніемъ съ Семеновой и не разъяснить ей всѣхъ тонкостей дикціи и мимики знаменитой француженки. Это было тѣмъ труднѣе, что Семенова совсѣмъ не знала французскаго языка; воспріимчивая русская актриса, однако, быстро усвоила себѣ манеру m-lle Жоржъ и въ ея присутствіи выступила въ роли Аменаиды, въ трагедіи «Танкредъ», нарочно для этого случая переведенной Гнѣдичемъ. Успѣхъ былъ неожиданный, и слава Семеновой съ этого момента твердо установилась. Ея талантъ заблисталъ, какъ яркая звѣзда, въ лучахъ которой совершенно померкла раздутая слава первой трагической актрисы Вальберховой. Такимъ образомъ въ Москвѣ, наканунѣ отечественной войны, Семенова вступаетъ въ артистическое состязаніе съ Жоржъ уже не робкою подражательницею, а въ полномъ расцвѣтѣ своего самобытнаго таланта. Игра двухъ артистокъ раздѣлила Москву на два враждующихъ лагеря, и въ этой борьбѣ поклонниковъ французской и русской актрисы уже чувствовался подъемъ патріотическаго духа наканунѣ великихъ событій 1812 года.

Но прежде чѣмъ остановиться подробнѣе на пребываніи Жоржъ въ Москвѣ, считаемъ нелишнимъ передать въ нѣсколькихъ штрихахъ біографію французской актрисы, игра которой сводила съ ума нашихъ прабабушекъ и прадѣдушекъ.

Французы, любители эффектныхъ положеній, увѣряютъ, что самыя обстоятельства рожденія Жоржъ какъ бы предсказывали ея блестящую будущность. Отецъ ея, директоръ театра въ маленькомъ провинціальномъ городкѣ Lisieux, былъ человѣкъ бѣдный и по недостатку средствъ исполнялъ вмѣстѣ съ тѣмъ обя-

занность дирижера въ своемъ оркестрѣ. Однажды, при исполненіи одной піесы, бѣдный директоръ казался очень взволнованнымъ и внезапно удалился изъ театра, передавъ свою дирижерскую палочку «первой скрипкѣ»; онъ сообщилъ шепотомъ своему сосѣду, что въ настоящую минуту онъ сталъ уже, вѣроятно, отцомъ. Послѣ спектакля музыканты отправились подъ окна квартиры своего хозяина и сыграли серенаду въ честь новорожденной. Это было въ 1786 году. Будущая великая трагическая актриса, любимица двухъ императоровъ, явилась на свѣтъ среди волнъ гармоническихъ звуковъ...

Будучи пяти лѣтъ роду, Жоржъ (полная ея фамилія Жоржъ Веймеръ) уже выступала на сценѣ въ Амьенскомъ театрѣ, арендованномъ ея отцомъ. Публика неистовствовала при появленіи малютки-актрисы и кричала ей: браво̀, браво̀, Мими! Въ пятнадцать лѣтъ она уже выступала въ серіозныхъ роляхъ и обращала на себя вниманіе своей красотой и граціей. Однако маленькая провинціальная актриса, быть можетъ, никогда не достигла бы европейской славы, если бы ей не помогъ случай. Въ Амьенъ пріѣхала знаменитая въ то время артистка французской комедіи,— Рокуръ.

Какъ-то разъ передъ этимъ Рокуръ играла въ Аррасѣ, гдѣ въ театрѣ произошелъ скандалъ, благодаря глупости мѣстнаго актера: исполняя роль Іоаса въ Расиновской «Аталіи», на вопросъ, какъ его имя, онъ вмѣсто торжественной реплики «J'ai nom Eliacin» отвѣчалъ «Je m'apelle Nicolas Bronchu». Вмѣсто обычныхъ апплодисментовъ артистка принуждена была слышать хохотъ публики, свистки и неистовый шумъ. Къ Веймеру, отцу юной актрисы, Рокуръ явилась крайне возбужденной, и первымъ вопросомъ ея было: кто будетъ играть съ нею Элизу въ «Дидонѣ». Веймеръ предложилъ свою дочь. Рокуръ долго не соглашалась, но директоръ театра увѣрилъ ее, что у Мими есть талантъ, и артистка наконецъ согласилась.

Уже на первой репетиціи знаменитая актриса пришла въ восторгъ отъ игры молоденькой Мими. Уѣзжая изъ Амьена, Рокуръ предложила Веймеру взять его дочь съ собою въ Парижъ, обѣщая провести ее на сцену «Французской комедіи», а до этого времени обязалась платить ей 1.200 франковъ въ годъ.

Въ теченіе 18 мѣсяцевъ Жоржъ брала уроки у Рокуръ и пользовалась ея совѣтами. Жизнь молодой дѣвушки была въ то время болѣе чѣмъ скромна; жила она въ гостиницѣ подъ громкимъ именемъ «Hôtel du Pérou», что несомнѣнно звучало насмѣшкой: жалкія комнаты, убогая обстановка, жесткая постель и скудный обѣдъ въ видѣ неизмѣнной чечевичной похлебки—все это мало напоминало о царствѣ инковъ, гдѣ нѣкогда въ золотѣ купались испанскіе завоеватели.

Но вотъ наступилъ наконецъ торжественный день—29-е ноября 1802 г.—день перваго дебюта Жоржъ въ «Мольеровскомъ домѣ». Молодая актриса выступила въ роли «Ифигеніи». Это былъ невѣроятный, чудовищный успѣхъ. Весь театръ трепеталъ отъ восторга, и—случай безпримѣрный—самъ первый консулъ просидѣлъ въ своей ложѣ до самаго конца спектакля. Извѣстно, что генералъ Бонапартъ считалъ своимъ долгомъ являться въ театръ ради большей популярности среди французскихъ гражданъ; но для него самого обаянія сцены не существовало: онъ появлялся въ своей ложѣ и просиживалъ самое большое одинъ актъ. Но если Наполеона, этого великаго актера, не трогала правдивая ложь театра, и онъ не позволялъ богинѣ искусства увлечь себя въ міръ фантазіи, то богиня красоты имѣла надъ нимъ, повидимому, сильную власть. Что побѣдило сердце перваго консула: артистка или женщина?—неизвѣстно. Но онъ былъ побѣжденъ, и орлиный взоръ, взиравшій на вѣковыя высоты пирамидъ, пылавшій сознаніемъ своей силы на поляхъ Аустерлица, когда ангелъ смерти смотрѣлъ ему въ лицо, и наконецъ, сумрачный, исподлобья сверкающій, когда императоромъ стоялъ онъ на Поклонной горѣ и смотрѣлъ на распростертую у ногъ его Москву,—этотъ гордый взглядъ теперь былъ побѣжденъ, благодаря плѣнительной игрѣ женщины, соединявшей въ себѣ обаяніе молодости, красоты и таланта. Правда, это еще былъ взоръ перваго консула, не императора, и въ то время слава и честолюбіе еще не совсѣмъ поглотили остальныя чувства.

Если вѣрить одной изъ новѣйшихъ французскихъ біографій [1]) знаменитой актрисы, день этотъ рѣшилъ судьбу m-lle Жоржъ. На слѣдующее утро въ дверь ея постучался польскій вельможа Сапѣга и почтительно представился артисткѣ. Онъ былъ безкорыстенъ и предлагалъ свои средства, блестящій отель и роскошную обстановку и—не требовалъ ничего.—«Вотъ ключъ,—сказалъ восторженный ея поклонникъ,—онъ единственный. Я никогда не позволю себѣ проникнуть въ эти двери, пока вы сами не пожелаете открыть ихъ вашему пылкому обожателю и почтительному и преданному поклоннику».

Великодушный даръ былъ принятъ. Молодой артисткѣ казалось, что она во снѣ, или дѣйствительно существуютъ на свѣтѣ волшебники, добрые духи и Аладиновы лампы: то былъ переходъ отъ нищеты къ роскоши дворца, убраннаго прихотливой фантазіей Шехерезады!

Не успѣла оглядѣться молодая дѣвушка, не успѣло еще умолкнуть на ея устахъ восклицаніе наивнаго восторга, какъ уже новый посолъ явился въ ея переднюю. Въ формѣ полу-просьбы, полу-

[1]) Adolphe Brisson, «Le roman de m-lle Georges».

приказа, первый консулъ приглашалъ m-lle Жоржъ раздѣлить съ нимъ ужинъ въ Сенъ-Клу.

Артистка поспѣшила на зовъ, и ужинъ, какъ увѣряетъ ея французскій біографъ Бриссонъ, продлился до разсвѣта и еще дальше. Карьера m-lle Жоржъ была обезпечена. Спутникъ Марса сталъ спутникомъ Венеры, и дочь бѣднаго провинціальнаго антрепренера, Мими, увидѣла себя окруженной блестящей плеядой поклонниковъ, во главѣ которыхъ стоялъ будущій императоръ французовъ. Она сразу стала центромъ всеобщаго вниманія и даже попала на арену политической борьбы партій. Друзья молодого Бонапарта избрали ее своимъ знаменемъ, тогда какъ противники его стали на сторону актрисы Дюшенуа. Страсти разгорались, образовалось два лагеря: поклонниковъ Жоржъ и поклонниковъ Дюшенуа. Въ театрѣ происходили настоящія сраженія между этими двумя партіями, заканчивавшіяся нерѣдко кровопролитіемъ и арестами. Можно думать, что ревнивая жена Наполеона, Жозефина участвовала, до извѣстной степени, въ этой войнѣ и поддерживала вѣрныхъ сторонниковъ Дюшенуа. Быть можетъ, и Люсьенъ Бонапартъ въ свою очередь руководилъ партіей m-lle Жоржъ.

Въ Парижѣ дѣло дошло до того, что вмѣсто вопроса о политическихъ убѣжденіяхъ въ салонахъ задавали другъ другу вопросы о томъ, которую изъ двухъ артистокъ признавали царицей театра. Существуетъ анекдотъ, что актеръ Тальма спросилъ однажды Жоржъ, къ какой, по ея мнѣнію, партіи принадлежитъ Камбасересъ. «Онъ сохраняетъ нейтралитетъ»,—отвѣчала остроумная артистка. Отвѣтъ этотъ облетѣлъ весь Парижъ и упрочилъ за Жоржъ репутацію умной женщины.

Первый консулъ, сдѣлавшись императоромъ, не переставалъ благоволить къ талантливой артисткѣ, и она безспорно заняла первое мѣсто во французскомъ театрѣ.

Въ апрѣлѣ 1808 года, Жоржъ внезапно исчезла изъ Парижа. Отъѣздъ ея былъ настолько неожиданъ, что во французскомъ театрѣ, гдѣ въ то время шло представленіе «Артаксеркса», публика ждала съ нетерпѣніемъ ея выхода, тогда какъ она уже была по дорогѣ въ Петербургъ.

Первая французская драматическая артистка Жоржъ Веймеръ получила настоятельное приглашеніе русскаго императора, выразившаго желаніе видѣть ея игру на русской сценѣ, несмотря на то, что сезонъ былъ лѣтній, и всѣ петербуржцы уже разъѣхались по дачамъ.

Событіе это вызвало многочисленные толки, и есть основаніе думать, что дѣйствительно произошло нѣчто таинственное, почему этотъ отъѣздъ артистки можно было назвать настоящимъ похищеніемъ. По крайней мѣрѣ, въ запискахъ русскаго современника этихъ событій, князя Вяземскаго, прямо говорится, что Жоржъ была по-

хищена у Парижскаго театра и привезена въ Россію молодымъ, въ то время, гвардейскимъ офицеромъ Бенкендорфомъ. Дѣйствовалъ ли послѣдній самостоятельно, или по порученію, остается неизвѣстнымъ, хотя едва ли гвардейскій офицеръ рѣшился бы въ тѣ времена на свой страхъ дѣйствовать столь смѣло.

Болѣе подробныхъ свѣдѣній въ мемуарахъ того времени объ этомъ происшествіи не имѣется. Князь Вяземскій передаетъ лишь, какъ слухъ, повторявшійся современниками, что во время знаменитаго Тильзитскаго свиданія двухъ императоровъ, послѣ рѣшенія судебъ Европы, произошла бесѣда и болѣе интимнаго характера, во время которой имя Жоржъ не разъ повторялось. Быть можетъ, Наполеонъ, зная любовь русскаго императора къ театру, рекомендовалъ ему первую французскую драматическую актрису того времени для русской сцены; или же онъ просто заинтересовалъ юнаго монарха Россіи восторженными отзывами о талантѣ и красотѣ m-lle Жоржъ.

Такъ или иначе, но 1 іюля 1808 года Жоржъ уже дебютировала въ Петербургѣ, выступивъ въ роли «Федры». Вся знать, разъѣхавшаяся было уже по дачамъ, поспѣшила въ столицу при извѣстіи о прибытіи свѣтила французской сцены. Русская публика, быть можетъ, впервые услышала настоящую дикцію французской классической школы: гармоническую, протяжную, нѣсколько пѣвучую. Стихи Расина съ ихъ постоянной правильной цезурой, вызывающей неизмѣнную модуляцію голоса, въ игрѣ Жоржъ теряли свою искусственность, и талантливая актриса умѣла вкладывать живое чувство въ мертвыя формы строгаго, точно изъ мрамора высѣченнаго силлабическаго размѣра.

30 іюля Жоржъ играла Аменаиду въ «Танкредѣ», а 31 августа Вольтеровскую «Семирамиду». «Здѣсь,—говоритъ Араповъ въ своей Лѣтописи Русскаго театра, — зрители видѣли не актрису, но настоящую царицу, особенно въ ту минуту, когда Семирамида (Жоржъ) всходитъ на тронъ и говоритъ народу».

Жоржъ пріѣхала въ Россію не одна. Вмѣстѣ съ ней прибыла ея младшая сестра (танцовщица Бебель) и знаменитый, незабвенный въ лѣтописяхъ балета Дюпоръ (Duport), прозванный «летучимъ».

Злые языки говорили, что Дюпоръ пользовался сердечнымъ расположеніемъ Жоржъ. Перенесла ли артистка въ холодную и мрачную столицу Московіи свою страсть, родившуюся еще въ Парижѣ, или здѣсь именно встрѣтила она своего соотечественника, промѣняла ли она любовь императора французовъ на ласки перваго танцовщика въ Европѣ,—мы не знаемъ. Балетмейстеръ Глушковскій, оставившій свои записки, утверждаетъ, что Жоржъ была съ Дюпоромъ въ связи, «влюбившись въ его высокій талантъ», и даже пользовалась его денежными средствами; впрочемъ расчетли-

вый французъ, какъ говорятъ, ссужалъ ее деньгами подъ залогъ ея же собственныхъ брильянтовъ.

Если Жоржъ блистала въ трагедіи, то не меньшимъ успѣхомъ пользовался Дюпоръ въ балетѣ. Глушковскій увѣряетъ, что французскій танцовщикъ получалъ 1.200 рублей ассигнаціями за каждый спектакль, а затѣмъ съ нимъ былъ заключенъ контрактъ, по которому ему уплачивалось 60.000 рублей ассигнаціями въ годъ. Однако Араповъ упоминаетъ о цифрахъ жалованья гораздо болѣе скромныхъ, хотя свѣдѣнія о контрактѣ съ Дюпоромъ выражаются имъ въ весьма неясной формѣ: «получалъ онъ 1.200 рублей по курсу и ежегодно бенефисъ на казенныхъ расходахъ». Принимая, однако же, во вниманіе, что Дюпоръ пользовался европейской славой, доходившей до того, что, напримѣръ, въ Вѣнѣ дамы носили на серьгахъ «башмаки à la Duport», можно думать, что въ «Лѣтопись» Арапова просто вкралась ошибка. Мы здѣсь упомянули о Дюпорѣ главнымъ обарзомъ съ тою цѣлью, чтобы показать, насколько въ то время французы завладѣли вниманіемъ русскихъ любителей театра, а также потому, что имя знаменитаго танцора нераздѣльно связано съ именемъ Жоржъ. По крайней мѣрѣ, когда послѣдняя отправлялась играть въ Москву, туда же уѣхалъ и Дюпоръ.

Только что приведенный контрактъ, заключенный съ Дюпоромъ, можетъ служить мѣриломъ жалованья, назначеннаго и Жоржъ, хотя точныхъ цифръ вознагражденія таланта этой актрисы мы не имѣемъ. Думается, однако, что не скупо оплачивался ея трудъ, если она бросила для Россіи и родную Францію, и «Французскую комедію» и покровительство самого императора французовъ.

Если правда, что знаменитую Жоржъ и Дюпора соединяли не только общая національность въ чужой странѣ, не одна только общая сценическая слава, но и болѣе нѣжное чувство, то великая актриса должна была страдать отъ весьма серьезныхъ уколовъ ревности. Дюпоръ могъ быть названъ «летучимъ» и въ смыслѣ той легкости, съ которой побѣждалъ сердца и перелеталъ отъ одного увлеченія къ другому. Вскорѣ послѣ его пріѣзда въ Россію прелестная шестнадцатилѣтняя танцовщица М. Данилова,

«Предметъ и мыслей и пера,
И слезъ, и риемъ et cetera»...

для многихъ, увлеклась Дюпоромъ и получила отвѣтъ на свои страстныя чувства, но не могла перенести легкомыслія и непостоянства своего любовника и умерла въ 1810 году, сраженная злымъ недугомъ, являющимся какъ зловѣщій спутникъ несчастной любви и съ легкой руки Дюма опоэтизированнымъ въ «La Dame aux Camélias».

Жоржъ прожила въ Россіи вплоть до 1812 года.

Восторженные отзывы объ ея игрѣ въ Петербургѣ ничто въ

сравненіи съ замѣчательнымъ художественнымъ этюдомъ, посвященнымъ ей Жуковскимъ во время посѣщенія французской актрисой Москвы.

Кн. Вяземскій говоритъ: «Жуковскій въ издаваемомъ имъ въ то время «Вѣстникѣ Европы» напечаталъ мастерскіе и превосходные отчеты о представленіяхъ «дѣвицы Жоржъ», какъ онъ называлъ ее. Въ этихъ бѣглыхъ статьяхъ онъ является тонкимъ и проницательнымъ критикомъ; это просто живая передача сильныхъ и глубокихъ впечатлѣній, провѣренныхъ образованнымъ и опытнымъ вкусомъ. Перечитывая ихъ и читая новѣйшія оцѣнки театральнаго искусства, нельзя не сказать, что наши современные журналы и газеты ушли далеко... но только не впередъ».

Эти слова убѣленнаго сѣдинами старца — кн. Вяземскаго, передъ которымъ прошла цѣлая блестящая плеяда русскихъ писателей, и которому вся русская литература, отъ Пушкина до 70-хъ годовъ, была извѣстна не путемъ изученія, а въ рядѣ живыхъ впечатлѣній и путемъ близкаго знакомства со всѣми главными представителями русской мысли, русской поэзіи, русскаго искусства,—эти слова, писанныя въ 1874 году, справедливы и до нашихъ дней.

«Московскія записки» Жуковскаго объ игрѣ Жоржъ—образецъ того, какъ нужно писать о театрѣ, когда писатель дѣйствительно хочетъ передать все, что онъ чуткой душой самъ пережилъ во время спектакля; когда онъ хочетъ нарисовать образъ, созданный талантливой исполнительницей, увѣковѣчить мимолетное творчество актрисы и, слѣдя за всѣми изгибами голоса, за каждымъ движеніемъ, за всей гаммой чувства, онъ восторгается полнымъ аккордомъ и указываетъ малѣйшія подробности дикціи и жестовъ, малѣйшую фальшь въ декламаціи. Такъ нынче ужъ не пишутъ. Теперь театральный критикъ либо, въ блестящемъ фельетонѣ, хочетъ выставить на первый планъ свое собственное остроуміе, собственную воспріимчивость, либо хохочетъ, какъ шутъ, надъ промахами артиста или, какъ льстецъ, надѣляетъ его лестными эпитетами.

О театральныхъ газетныхъ рецензіяхъ, появляющихся еженедѣльно, лучше и не говорить: это въ большинствѣ случаевъ ремесленный трудъ хроникера и часто просто макулатура.

Не можемъ удержаться, чтобы не остановиться подробнѣе на «отчетѣ» Жуковскаго объ игрѣ Жоржъ, тѣмъ болѣе, что эта актриса была учительницей нашей Семеновой, по крайней мѣрѣ, со стороны внѣшнихъ пріемовъ и дикціи.

«Если,—говоритъ Жуковскій,—мы выходимъ изъ театра съ душою растроганною, и если это впечатлѣніе столь сильно, что оно нѣсколько времени не оставляетъ насъ и посреди разсѣянія, или даже препятствуетъ ему предаваться, то мы имѣемъ право назвать

актера превосходнымъ, и, слѣдовательно, имя актрисы превосходной принадлежитъ дѣвицѣ Жоржъ по праву» [1]).

Нельзя не согласиться, что Жуковскій въ данномъ случаѣ совершенно правъ, отводя главное мѣсто общему впечатлѣнію, производимому игрой актера. Не разъ случается и въ настоящее время видѣть игру искусную, обдуманную, обработанную, но не дающую именно этого цѣльнаго, общаго впечатлѣнія, которое свойственно одному таланту.

При детальномъ разборѣ критикъ, однако же, съ удивительной вѣрностью подмѣчаетъ малѣйшіе промахи, малѣйшее несоотвѣтствіе выраженія тексту. Читая «Московскія записки» Жуковскаго, удивляешься его огромной памяти: онъ, кажется, прежде чѣмъ итти смотрѣть пьесу, изучилъ ее самымъ тщательнымъ образомъ. Не въ этомъ ли и заключается главный недостатокъ современныхъ театральныхъ критиковъ, что они идутъ въ театръ, едва зная содержаніе пьесы и почти никогда не продумавъ ея предварительно?

Жуковскій отмѣчаетъ особенности таланта Жоржъ: она несравненна въ тѣхъ роляхъ, гдѣ требуется выраженіе сильной страсти, она, кажется, самой природой предназначена играть величавыхъ царицъ, но тамъ, гдѣ требуется нѣжное чувство, тихая скорбь, мягкая женственность, голосъ Жоржъ принимаетъ оттѣнокъ неискренности, искусственности. Поэтому лучшими ея ролями должны считаться Федра, Дидона и Семирамида. Преступная страсть Федры къ своему пасынку Ипполиту носитъ въ себѣ поразительное выраженіе въ игрѣ Жоржъ.

«Мы увидѣли величественную женщину, въ прекрасномъ бѣломъ платьѣ, съ маленькою золотою діадемою на головѣ, въ богатой мантіи, лицо греческое, станъ царицы, руки прелестныя. Ея походка, блѣдность ея лица, слѣдствіе внутренней скорби, глаза мутны, лишены послѣдняго блеска, но полные выраженія тайной страсти,—все изображало Федру, палимую внутреннимъ, неестественнымъ огнемъ».

Сцена съ Энонoю. Федра готовится къ смерти, прощается съ солнцемъ (Жуковскій находитъ, что Жоржъ здѣсь недостаточно трогательна). Но она не можетъ справиться съ своею страстью и предается воспоминаніямъ.

> Dieux, que ne suis-je assise à l'ombre des forêts!
> Quand pourrai-je, au travers d'une noble poussière,
> Suivre de l'oeil un char fuyant dans la carrière?

«Въ этомъ мѣстѣ дѣвица Жоржъ была восхитительна».

Замѣчательно, что и князь Вяземскій, спустя слишкомъ 60 лѣтъ, помнилъ, какъ знаменитая актриса «въ сіяніи восхитительной кра-

[1]) Жуковскій. Собр. сочин. Т. VI. Изд. 1869, стр. 79.

соты передавала намъ такъ вѣрно и такъ впечатлительно великолѣпные стихи Расина, которые и теперь звучатъ въ памяти: Dieux, que ne suis-je assise?

«Она произносила эти стихи, какъ будто въ забытьи, протяжно, сильно, безсознательно. При первыхъ двухъ стихахъ она сидѣла на креслахъ; при третьемъ она немного привставала и наклонялась

Актриса Жоржъ.

съ движеніемъ рукъ, чтобы выразить, что она слѣдитъ за колесницей» [1]).

Энона умоляетъ Федру открыть ей свою тайну и падаетъ на колѣна:

> Madame, au nom des pleurs que pour vous j'ai versés,
> Par vos faibles genoux que je tiens embrassés,
> Délivrez mon ésprit de ce funeste doute.

---

[1]) Князь Вяземскій, «Изъ старой записной книжки». «Русскій Архивъ», 1879 года, № 7.

«Въ продолженіе этихъ стиховъ жестокая борьба изображена была на лицѣ Федры, котораго мускулы казались напряженными; но Энона замолчала, и Федра была уже спокойна: ибо отчаянная рѣшимость заступила въ ней мѣсто мучительнаго волненія; она приблизила свое лицо къ лицу Эноны,—Tu le veux!—сказала она съ глубокимъ чувствомъ; казалось, что слова сіи выражали: безумная! чего ты хочешь? и она приблизила свое лицо къ Энонѣ, какъ будто для того, чтобы разсмотрѣть въ глазахъ ея, точно ли желаетъ она открыть такую страшную тайну:

«Lève-toi»! [1])

«Самый звукъ ея голоса приготовлялъ уже зрителя къ тому, что онъ услышитъ, а глаза ея говорили: какое признаніе должна я сдѣлать, и для чего принуждена я его сдѣлать.

Tu vas ouir le comble des horreurs...
J'aime....

«Энона догадывается. Робость, стыдъ овладѣваютъ Федрой:

C'est toi qui l'as nommé!

«Она произнесла это разительное слово робкимъ, почти невнятнымъ голосомъ, со стыдомъ и ужасомъ; она не смѣла обратить глаза на Энону, и движеніемъ руки хотѣла, какъ будто, ее отъ себя удалить, ибо слова Эноны:

Hippolyte? Grands dieux!

были и для нея какою-то ужасною новостью, которой она ожидала, но которую все еще слишкомъ рано услышала.

«Особенно хороша была Жоржъ въ сценѣ ревности.

Ils s'aiment! Par quel charme ont-ils trompé mes yeux?
Comment se sont ils vus, depuis quand, dans quels lieux?
Tu le savais: pourquoi me laissais-tu séduire?

«Выраженіе tu le savais принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ высокимъ (sublime) выраженіямъ чувства и мысли, которыя изумляютъ насъ въ великихъ трагикахъ; его можно поставить на ряду съ qu'il mourut стараго Горація, съ qui te l'a dit Герміоны и съ he has no childern Макдуффа въ Шекспировскомъ Макбетѣ. Федра говоритъ Энонѣ: tu le savais, а она сама, за нѣсколько часовъ, въ первый разъ сказала ей о любви своей; вотъ сумасшествіе ревности, вотъ изступленіе страстной души, совершенно разстроенной и все обвиняющей въ своемъ страданіи. Въ этомъ мѣстѣ игра Жоржъ была несравненна» [2]).

Въ Дидонѣ артистка произвела также большое впечатлѣніе, но сама пьеса Лефрана такъ плоха, что Жуковскій справедливо подвергаетъ ее самой рѣзкой критикѣ.

---

[1]) Жуковскій, «Собраніе сочиненій», томъ VI, «Московскія записки».

[2]) Тамъ же.

Но зато «Семирамида» Вольтера осталась въ памяти всѣхъ, кто видѣлъ въ этой роли Жоржъ. Величественная, нѣсколько полная фигура актрисы какъ нельзя лучше подходила къ царицѣ Вавилона.

«Вообще въ Семирамидѣ игра дѣвицы Жоржъ, отъ начала до конца, кромѣ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ мѣстъ, отвѣчала тому великолѣпному характеру, который изобразилъ намъ стихотворецъ. Невозможно было не удивляться ея прелестной наружности, когда она взошла на тронъ и оперлась съ величіемъ царицы на золотой скипетръ, врученный ей Отаною; нельзя было не содрогнуться отъ ужаса, когда она показалась въ дверяхъ гроба, окруженная пламенемъ молніи, блѣдная, издыхающая».

Большое вниманіе удѣляетъ Жуковскій способу чтенія французскихъ стиховъ. Повидимому, манера Жоржъ для русскихъ зрителей была новой и не совсѣмъ понравилась. Говорили, что она поетъ стихи. Жуковскій, вполнѣ признавая искусственность этой манеры, считаетъ ее, однако, вполнѣ соотвѣтствующей французскому стихосложенію въ ложноклассической драмѣ Расина. Тѣмъ выше цѣнитъ онъ талантъ Жоржъ, что она, стѣсненная условной декламаціей, умѣла тѣмъ не менѣе вложить въ свою игру глубокое чувство и сильную страсть. Любопытно замѣчаніе Жуковскаго относительно неумѣстности нѣкоторыхъ жестовъ Жоржъ: онъ искренно скорбитъ, что она въ сильныхъ сценахъ позволяетъ себѣ поправлять костюмъ или прическу, чего, по его мнѣнію, не должно быть въ актрисѣ, всецѣло отдающейся «своей роли». Онъ не смѣется надъ этимъ недостаткомъ француженки, которая и въ дѣйствительной жизни, въ самыхъ драматическихъ положеніяхъ, едва ли забудетъ поправить какой нибудь отколовшійся бантъ. Такъ поступилъ бы современный рецензентъ. Нѣтъ, Жуковскій жалѣетъ, что и на солнцѣ оказались маленькія пятна. Критикъ хочетъ видѣть совершенство.

Да, въ то время любили театръ, понимали его, сами переживали горячо и страстно всѣ выдающіеся моменты русской сцены.

Отмѣтимъ еще одно интересное мѣсто «Московскихъ записокъ». Французскіе актеры и актрисы до нашествія Наполеона нахлынули толпой въ Россію и знакомили русскихъ со всевозможными жанрами сценическаго искусства. Впервые появилась тогда и пародія, этотъ прототипъ оперетки.

Пародія осмѣивала все высокое. Расиновская трагедія обращалась въ фарсъ, и вмѣсто героевъ древней Эллады выходили на сцену буффоны, въ родѣ оффенбаховскихъ персонажей. Забавной стороной пародіи было главнымъ образомъ изображеніе извѣстныхъ артистовъ и артистокъ со всѣми сценическими пріемами ихъ, но въ каррикатурномъ видѣ. Жоржъ не избѣгла общей участи, и московская публика, насладившись высокой трагедіей, бѣжала смот-

рѣть, какъ г-жа Фурезъ въ пародіи «Ифигеніи въ Тавридѣ» представляла удачную каррикатуру дѣвицы Жоржъ.

Другой современникъ отзывается не менѣе восторженно объ игрѣ Жоржъ.

«Трагедія французская въ Петербургѣ высоко возвысилась въ 1808 г. прибытіемъ или, лучше сказать, бѣгствомъ изъ Парижа, казалось, самой Мельпомены. Что бы ни говорили новыя поколѣнія, какъ бы ни брезгали французы старѣвшимся искусствомъ дѣвицы Жоржъ, подобнаго ей нескоро они увидятъ. Голова ея могла служить моделью еще болѣе ваятелю, чѣмъ живописцу: въ ней виденъ былъ типъ прежней греческой женской красоты, которую находимъ мы только въ сохранившихся бюстахъ, на древнихъ медаляхъ и барельефахъ, и которой форма какъ будто разбита или потеряна. Самая толщина ея была пріятна въ настоящемъ, только страшишься за нее въ будущемъ: замѣтно было, что ея развитіе со временемъ много грацій отыметъ у ея стана и движеній. Болѣе всего въ ней очаровательнымъ казался мнѣ голосъ ея, нѣжный, чистый, внятный; она говорила стихи на распѣвъ, и то, что восхищало въ ней, въ другой было бы противно. Въ игрѣ ея было не столько нѣжности, сколько жара» [1]).

Пріѣзжіе французскіе артисты пользовались успѣхомъ не только на сценѣ, но и въ обществѣ. Конечно, взглядъ на актеровъ, а еще болѣе на актрисъ, былъ свысока снисходительный, но иностранцы пользовались большей свободой, чѣмъ свои русскіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ обаятельные французы и француженки причиняли немало хлопотъ въ интимной жизни русскихъ богатыхъ семей. Какъ будто парижане принесли вмѣстѣ съ собой атмосферу легкихъ нравовъ и адюльтера. Почва, конечно, была благодарная. Дюпоръ покорялъ сердца и пользовался успѣхомъ не на одной сценѣ: за его легкой фигурой, перелетающей въ трико всю сцену большого театра, слѣдила не одна пара хорошенькихъ глазокъ.

Свиданіе государя Александра Павловича съ Наполеономъ имѣло своимъ послѣдствіемъ не только бѣгство въ Петербургъ Жоржъ. Въ Эрфуртѣ, куда французскій императоръ выписалъ парижскую труппу, играла между прочимъ и веселая дѣвица Бургоэнь. Игра ея понравилась, и, желая угодить своему другу, Наполеонъ приказалъ ей ѣхать въ Петербургъ, «чего сама она внутренно желала» [2]). Публика встрѣтила Бургоэнь прекрасно, но при дворѣ успѣхомъ она не пользовалась. Мальчишескія манеры, миловидная наружность и безшабашная удаль привлелали къ ней массу поклонниковъ. Между тѣмъ Жоржъ была принята въ лучшихъ домахъ Петербурга.

---

[1]) Записки Вигеля.

[2]) Тамъ же.

Наступилъ 1811 годъ. Высшее общество и народъ одинаково были встревожены слухами о войнѣ съ французами. Это не мѣшало, однако, обѣимъ столицамъ веселиться, хотя сквозь веселье и проглядывала часто тревога.

Въ Москву было отправлено нѣсколько артистовъ французскихъ и петербургской сцены. Прибыли Жоржъ и ея младшая сестра, Бедель, Оскаръ Манвіель съ женою, Ведель, танцоръ Глушковскій, танцовщица Махаева. Въ то же время на московской сценѣ играла знаменитая Екатерина Семенова.

Москва утопала въ развлеченіяхъ и удовольствіяхъ, и зима 1811—1812 года прошла особенно весело.

Путешествіе отъ Петербурга до Москвы было въ своемъ родѣ тріумфальнымъ шествіемъ Жоржъ. Еще по дорогѣ, и именно въ Твери, она сумѣла пожинать лавры. Въ то время въ Твери находились герцогская чета Ольденбургскихъ (герцогъ Георгій Ольденбургскій и супруга его великая княгиня Екатерина Павловна).

Дворомъ завѣдывалъ князь Ив. Ал. Гагаринъ и пригласилъ Жоржъ. Она два вечера въ присутствіи ихъ высочествъ читала сцены изъ трагедій и заслужила большія похвалы.

Въ Москвѣ Жоржъ остановилась на Тверской въ домѣ Василія Петровича Салтыкова. Здѣсь мы должны отмѣтить несоотвѣтствіе показаній двухъ современниковъ. Балетмейстеръ Глушковскій, оставившій свои записки [1]), пишетъ, что Жоржъ занимаетъ роскошное помѣщеніе, и ея будуаръ былъ наполненъ фарфоромъ и бронзой; въ изящной клѣткѣ помѣщался ученый попугай; всѣ прочія комнаты поражали также роскошной обстановкой: всюду персидскіе ковры, дорогая мебель, штофныя занавѣси, картины, люстры и т. п. Все это было взято на прокатъ у купцовъ Лухманова и Шухова.

Напротивъ князь Вяземскій рисуетъ намъ совсѣмъ иную картину. «Жила она (Жоржъ) на Тверской улицѣ у француженки м-мъ Шеню, отдававшей комнаты, съ обѣдомъ, въ такое время, когда въ Москвѣ еще не имѣлось ни отелей, ни ресторановъ... Вхожу въ святилище и вижу передъ собою высокую женщину, въ зеленомъ, увядшемъ и нѣсколько засаленномъ капотѣ; рукава ея высоко засучены; въ рукѣ ея не Мельпоменовскій кинжалъ, а простой кухонный ножъ, которымъ скоблитъ она деревянный столъ. То была моя Федра, моя Семирамида!

«Но она, ничуть не смущаясь, сказала мнѣ: «вотъ въ какомъ порядкѣ содержатся у васъ въ Москвѣ помѣщенія для пріѣзжающихъ. Я сама должна заботиться о чистотѣ мебели своей!».

Впрочемъ такое рѣзкое противорѣчіе можно примирить, если

---

[1]) Воспоминанія о пребываніи въ Москвѣ дѣвицы Жоржъ. Адама Павловича Глушковскаго. «Литературная Библіотека», 1867 г.

вспомнимъ, что князь Вяземскій писалъ 60-лѣтъ спустя и, быть можетъ, говорилъ о первомъ посѣщеніи Жоржъ Москвы въ 1809 г. Едва ли можно допустить, чтобы подобный недостатокъ хорошаго помѣщенія встрѣтила Жоржъ въ 1811 году, когда она была на вершинѣ славы, окруженная толпой поклонниковъ, и сама располагала большими денежными средствами.

Жоржъ отличалась большой расточительностью и, несмотря на громадныя деньги, получаемыя ею, была всегда въ долгу, что, вѣроятно, и заставляло ее обращаться за помощью къ бережливому Дюпору.

Роскоши помѣщенія соотвѣтствовало и все прочее. Обѣдъ подавался не иначе, какъ на серебрѣ или дорогомъ фарфорѣ. Экипажъ и лошади всегда были къ услугамъ артистки. Гардеробъ поражалъ своимъ богатствомъ (однѣхъ турецкихъ дорогихъ шалей Глушковскій насчитываетъ 12).

Сама Жоржъ находилась въ то время въ полномъ расцвѣтѣ красоты и таланта.

«Въ лицѣ ея была невыразимая прелесть, которую трудно выразить словами и средоточіемъ которой служили прекрасные черные глаза съ длинными черными рѣсницами; та же прелесть была въ ея улыбкѣ, тонкой, открывавшей два ряда жемчужныхъ зубовъ» [1]). Характеръ артистки былъ чрезвычайно милый, веселый, манеры отличались необыкновеннымъ изяществомъ, хитроумныя слова не сходили съ ея губъ, и она умѣла стать душой того общества, которое у нея сбиралось.

Екатерина Семенова была въ то время тоже на высотѣ своей славы. Москва такимъ образомъ сдѣлалась свидѣтельницей настоящаго артистическаго соревнованія. Образовались двѣ партіи поклонниковъ двухъ талантовъ. Обѣ актрисы имѣли своихъ вѣрныхъ паладиновъ. Одни посѣщали артистическій салонъ Жоржъ, другихъ можно было видѣть постоянно у Семеновой.

Жоржъ умѣла съ необыкновеннымъ искусствомъ развлекать своихъ гостей. Какъ прелестная женщина, она имѣла неотразимое обаяніе, и многіе изъ ея поклонниковъ подчинялись ему одинаково съ увлеченіемъ талантомъ. Постоянные посѣтители будуара Жоржъ были: отставной гусарскій ротмистръ кн. А. П. Гагаринъ, извѣстный своимъ остроуміемъ и странной привычкой носить длинные волосы и постоянно подымать ихъ руками къ верху. Кромѣ того, къ Жоржъ часто ѣздилъ графъ П. И. Салтыковъ, графъ Д. Н. Мамоновъ, графъ К. И. Гудовичъ и другіе. На этихъ блестящихъ вечерахъ Жоржъ, уступая иногда просьбѣ гостей, садилась за фортепіано и, аккомпанируя себѣ, пѣла съ большимъ чувствомъ романсъ, сочиненный королевой Голландіи, Гортензіей, въ честь Наполеона:

[1]) Глушковскій.

Vous me quittez pour aller à la gloire,
Mon triste coeur suivra partout vos pas,
Allez voler au temple de mémoire,
Suivez la gloire, mais ne m'oubliez pas...

Жоржъ не имѣла большого голоса, но умѣла чрезвычайно выразительно оттѣнять сильныя мѣста, особенно тамъ, гдѣ слышались патріотическія чувства.

Такимъ образомъ цвѣтъ нашего общества восторгался пѣніемъ французской актрисы въ честь будущаго врага Россіи. Надвигающаяся гроза еще не пробудила національныхъ чувствъ, получившихъ затѣмъ такой удивительный подъемъ.

Однако же и въ то время не одинъ талантъ привлекалъ къ Семеновой. Многіе дѣлали соперницѣ Жоржъ предпочтеніе лишь потому, что она была своя, русская артистка. Въ салонѣ Семеновой часто бывали: Нелединскій, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, С. Н. Глинка и другіе.

Начались спектакли. Семенова и Жоржъ, одна по-русски, другая по-французски, играли однѣ и тѣ же роли. Трудно сказать, которая изъ соперницъ имѣла большій успѣхъ. Съѣздъ былъ огромный, театръ былъ переполненъ зрителями. Аплодисментамъ, оваціямъ и подаркамъ не было конца. Казалось, Москва, наканунѣ народнаго бѣдствія, хотѣла утолить свои тревоги въ удовольствіяхъ и спѣшила ими насладиться.

Билеты доставались съ огромнымъ трудомъ, и барышники брали иногда вчетверо противъ настоящей цѣны [1]).

Соперничество Семеновой и Жоржъ ограничивалось, конечно, борьбою талантовъ, и несомнѣнно Москва еще никогда не видѣла своей любимицы, Семеновой, въ такомъ расцвѣтѣ таланта, возбужденнаго соревнованіемъ.

Взаимныя отношенія двухъ артистокъ внѣ сцены отличались, конечно, изысканной вѣжливостью, скрывавшей, быть можетъ, и нѣсколько иныя чувства, сдерживаемыя и тщательно сохраняемыя въ душѣ. Впрочемъ иногда сокровенныя чувства и прорывались наружу и звучали нотки женской зависти, легкой ироніи и насмѣшки. Первый бенефисъ получила Семенова. Жоржъ пожелала быть въ числѣ зрительницъ и послала своей сопернпцѣ 30 рублей съ просьбой прислать билетъ на ложу 3-го яруса.

Черезъ недѣлю шелъ бенефисъ Жоржъ.

Семенова отвѣтила ей столь же любезной просьбой о билетѣ, но приложила къ письму 200 рублей, хотя дѣло касалось той же ложи 3-го яруса.

Жоржъ обидѣлась и отвѣтила запиской, въ которой слышалось скрытое негодованіе:

---

[1]) Глушковскій.

«Милостивая государыня! Если вы препроводили ко мнѣ ваши 200 р., чтобы судить о моемъ талантѣ, то я не нахожу словъ, какъ васъ благодарить, и прилагаю къ вашимъ деньгамъ еще 250 рублей для раздачи бѣднымъ. Но если вы посылаете мнѣ эти деньги, какъ подарокъ, то извольте знать, что въ Парижѣ я имѣю у себя 200 тысячъ франковъ [1]).

«Жоржъ».

Но вотъ прошло судорожное веселье зимняго сезона 1811—1812 года. Наполеонъ, протягивавшій руку «къ своему другу», императору Александру, началъ свое послѣднее военное предпріятіе, по поводу котораго поэтъ сказалъ:

Ахнулъ дерзкій и упалъ!..

Прошли веселые дни Аранжуэца, и грозныя тучи собрались надъ необъятными равнинами Россіи. Все было забыто предъ лицомъ ужаснаго, карающаго бога войны, народной войны, передъ которой ни случайный успѣхъ, ни слава полководца, ни дерзость узурпатора, ни твердая воля корсиканскаго карьериста, не имѣли обаятельной силы, и когда на великую сцену народной борьбы встали два соперника: легіоны, собранные властью и прихотью любимца фортуны, и славянскій богатырь, неказистый съ виду, въ зипунѣ мужицкомъ, въ лаптяхъ, съ топоромъ за поясомъ.

Ахнулъ дерзкій и упалъ...

Жоржъ еще была въ Петербургѣ. Она въ чужой странѣ переживала всѣ успѣхи и всѣ несчастія «великой арміи». Она помнила, кто первый пробудилъ въ ней чувство женщины, и до конца жизни осталась вѣрной памяти Наполеона. Теперь та гостепріимная страна, въ которой ее возносили на вершину славы, «гдѣ золото, ласки и искреннія слезы умиленія встрѣчали ея побѣды на аренѣ высокаго искусства,—эта страна была теперь врагомъ ея далекой, милой Франціи. Кумиръ ея и кумиръ французскаго народа падалъ, изнемогая въ борьбѣ со снѣгами и губительнымъ холодомъ Россіи; великая армія гибла въ геройскомъ отступленіи». Столица русскихъ — Петербургъ, украсилась флагами, на улицахъ жгли иллюминацію, народъ ликовалъ. Всякій спѣшилъ зажечь свѣчи на окнахъ своего дома. Только въ одномъ мѣстѣ, среди озаренныхъ радостнымъ свѣтомъ жилищъ, темнымъ пятномъ, мертвецомъ среди восторженныхъ живыхъ, выдѣлялся одинъ домъ.

Тускло и мрачно смотрѣли темныя окна, и невольно всякій задавалъ себѣ вопросъ: кто живетъ здѣсь, кто среди народнаго веселія осмѣлился не зажечь радостныхъ свѣчей, символа народной радости? Этотъ грустный, мрачный домъ занимала французская актриса Жоржъ.

---

[1]) Анекдоты изъ временъ императрица Александра Павловича.

Когда все ликовало вокругъ, когда Россія гордилась народной доблестью, славянскою мощью и славой своихъ лучшихъ людей, Жоржъ облеклась въ трауръ, оплакивая того, кто первый затронулъ въ ней нѣжныя чувства, кого среди бурной, полной перемѣнъ жизни она не могла забыть, образъ кого нашла она въ сердцѣ и унесла съ собою въ могилу. О дерзкомъ, хотя и молчаливомъ протестѣ донесли русскому императору, но великодушный вождь побѣдоноснаго народа оцѣнилъ высокія чувства француженки-патріотки и повелѣлъ не безпокоить m-lle Жоржъ, преклоняясь передъ чувствомъ національной скорби, тѣмъ чувствомъ, которое говорило и въ немъ самомъ, когда онъ поклялся, что не сложитъ оружія, пока холя одинъ врагъ останется на землѣ Русской; тѣмъ чувствомъ, которымъ было переполнено въ то время сердце каждаго, пока не поборолъ народъ иноплеменныхъ пришельцевъ и не освободилъ родины отъ нашествія наполеоновскихъ легіоновъ.

Не долго потомъ жила Жоржъ въ Россіи. Во Францію, въ милую Францію, растерзанную смутами, она не хотѣла вернуться и приняла приглашеніе въ Стокгольмъ.

Прошли года, и она вернулась на родину. Бурбоны были возстановлены на престолѣ. Бѣлая лилія вновь съ прежнимъ блескомъ развѣвается на галльскомъ знамени. Этотъ символъ былъ ненавистенъ французской артисткѣ. Желая чѣмъ нибудь высказать свои чувства, она явилась во дворецъ съ огромнымъ букетомъ фіалокъ, этихъ цвѣтовъ Бонапарта.

Въ то время фіалки были символомъ болѣе ужаснымъ, чѣмъ впослѣдствіи трехцвѣтная кокарда.

Карьера Жоржъ во французской комедіи была покончена. Она смирилась и заняла скромное амплуа исполнительницы мелодрамъ.

Вотъ что пишетъ о своемъ свиданіи въ это время съ Жоржъ князь Вяземскій:

«Лѣтъ тридцать спустя (вѣроятно, въ 1839 году), въ Парижѣ я снова увидѣлъ Жоржъ. Она уже не царствовала на первой французской сценѣ Корнеля, Расина и Вольтера, но спустилась на другую сцену—мѣщанскую, мелодраматическую. Увидѣвъ ее, я ахнулъ: передо мной стояла какая-то старая бага-яга, плотно оштукатуренная бѣлилами и румянами. Обезображенный памятникъ, изуродованный временемъ обломокъ зданія, нѣкогда красиваго и величественнаго! Грустно стало мнѣ. Она увѣряла, что хорошо помнитъ Москву и меня. Спасибо за добрую память! Но отъ того было не легче. Вотъ новый ударъ по головѣ поэзіи моей.

«Die schönen Tagen von Aranjuez
«Sind nun vorbei».

К. Военскій.

ПАМЯТИ Н. Ѳ. ФОНЪ-КРУЗЕ.

(Род. 1823 г., † 4-го августа 1901 г.).

СКОНЧАВШІЙСЯ 4-го августа Николай Ѳедоровичъ фонъ-Крузе принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ людей, которые вездѣ оставляютъ по себѣ свѣтлый слѣдъ и добрую память. Онъ не занималъ высокаго офиціальнаго положенія [1]), не былъ ни артистомъ, ни знаменитымъ писателемъ, ни богачемъ, словомъ, не обладалъ ни однимъ изъ тѣхъ внѣшнихъ условій, которыя обыкновенно создаютъ человѣку популярность. И, тѣмъ не менѣе, онъ пользовался широкой популярностью повсюду, гдѣ работалъ: въ литературѣ, въ земствѣ, на государственной службѣ. Жизнь его не была богата событіями и, по внѣшнему облику, мало отличалась отъ общаго типа жизни того слоя дворянской молодежи сороко-

---

[1]) Служебный формуляръ Н. Ѳ. фонъ-Крузе сложился изъ такихъ датъ:

По окончаніи курса, въ 1844 г., въ Харьковскомъ университетѣ со степенью кандидата, Н. Ѳ. поступилъ на службу въ канцелярію петербургскаго гражданскаго губернатора, вскорѣ перешелъ въ канцелярію VI деп. правит. сената, гдѣ послѣдовательно занималъ должности младшаго и старшаго помощника секретаря; въ 1852 г. назначенъ старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій, а затѣмъ правителемъ канцеляріи костромскаго губернатора; въ 1853 г.—чиновникомъ особыхъ порученій при попечителѣ Московскаго учебнаго округа; съ 25-го марта 1855 г. — цензоромъ при московскомъ цензурномъ комитетѣ; съ 12-го декабря 1858 г.—въ отставкѣ; съ 11-го іюня 1885 г.—членомъ совѣта государственнаго дворянскаго земельнаго банка; † въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Въ литературѣ покойный былъ извѣстенъ, какъ сотрудникъ нѣсколькихъ періодическихъ изданій; его статьи (зачастую безъ подписи) печатались: въ «Рус-

выхъ годовъ, представители котораго, благодаря наслѣдственнымъ средствамъ, имѣли возможность получить хорошее образованіе: учился онъ въ университетѣ, долго жилъ за границей, служилъ въ столицахъ и въ провинціи, въ государственной и земской службѣ, изрѣдка печатался, — все, какъ полагается интеллигенту сороковыхъ годовъ, который, какъ выразился Герценъ о Бельтовѣ, всегда честно думалъ и хорошо ѣлъ.

Но Николай Ѳедоровичъ не только думалъ честно, онъ честно же и работалъ. Вся жизнь его была осуществленіемъ идеи долга, ей служилъ онъ послѣдовательно и неуклонно, и едва ли можно указать за нимъ хоть одинъ поступокъ, несогласный съ этой идеею. Fais ce que tu dois, advienne ce que pourra,—этому правилу слѣдовалъ онъ всю жизнь, и въ этой-то преданности нравственному закону лежитъ тайна популярности покойнаго и вліянія его на окружающихъ. Праведниковъ могутъ не любить, но ихъ всегда уважаютъ, всегда гордятся ими, всегда знаютъ и помнятъ. А если праведникъ обладаетъ еще и сердечною добротою, деликатностью и скромностью,—чѣмъ всегда отличался покойный,—то такого праведника еще и любятъ.

Николай Ѳедоровичъ имѣлъ полную возможность, по счастливымъ условіямъ своей жизни, совсѣмъ ничего не дѣлать, ограничившись, какъ многіе изъ хорошихъ людей его поколѣнія, презрительно-отрицательнымъ отношеніемъ къ современной дѣйствительности, несогласной съ ихъ возвышенными идеалами, или же плыть по теченію и предаться той фиктивной дѣятельности, которая нерѣдко всего прямѣе ведетъ къ почетному положенію. Но ни по одной изъ этихъ легкихъ дорогъ онъ не пошелъ. Натура его была кипучая, душа жаждала труда общеполезнаго и дѣйствительнаго, и онъ выбралъ себѣ трудъ. Выбирать онъ могъ свободно. Въ 30 лѣтъ съ небольшимъ онъ занималъ уже видную должность при попечителѣ Московскаго учебнаго округа Назимовѣ и имѣлъ возможность разсчитывать на быстрое движеніе вверхъ по административной лѣстницѣ. Большихъ усилій это отъ него не потребовало бы: кромѣ родственныхъ и личныхъ связей, независимаго имущественнаго положенія, юридическаго образованія, въ то время еще мало распространеннаго, и немалой уже и разнообразной служебной опытности, пріобрѣтенной прежней службою въ сенатѣ и въ

скомъ Вѣстникѣ» (первыхъ годовъ), въ «Вѣстникѣ Европы» (по земскимъ вопросамъ), въ «Русской Старинѣ», въ «Спб. Вѣдомостяхъ» (редакціи В. Ѳ. Корша) и др.

Біографическія свѣдѣнія о Н. Ѳ. имѣются въ слѣдующихъ изданіяхъ: 1) «Знакомые. Альбомъ М. И. Семевскаго», Спб., 1888, стр. 128 (автобіографія); 2) Брокгаузъ, Ефронъ, «Энциклопедическій словарь», Спб., 1895, т. XVI—а, стр. 848; 3) «Русскія Вѣдомости», 1898, № 49 (замѣтка о московскомъ обѣдѣ); 4) «Русская Старина», 1898, т. XCIII, № 1, стр. 55—62; 5) некрологи въ августовскихъ №№ многихъ газетъ и журналовъ.

должности правителя канцеляріи костромскаго губернатора (Муравьева), успѣхамъ его по службѣ не могли не содѣйствовать и личныя его свойства, внушавшія уваженіе и симпатію къ нему всякаго, съ кѣмъ онъ соприкасался.

Но Николай Өедоровичъ не гнался за личнымъ успѣхомъ и, вмѣсто службы, которая могла бы обезпечить для него карьеру, взялъ должность цензора въ Москвѣ, скромную и непопулярную, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени отвѣтственную и требовавшую большой затраты труда.

Покойный зналъ, однако, что дѣлалъ. Страстный поклонникъ просвѣщенія и литературы, онъ видѣлъ въ ней великую общественную силу и рѣшилъ отдаться служенію ей. Онъ могъ служить ей активно, какъ писатель; способностей и знаній у него было для этого достаточно. Но онъ понималъ хорошо, что литература нуждалась въ то время не столько въ притокѣ новыхъ силъ, сколько въ томъ, чтобы наличнымъ силамъ ея была обезпечена, по крайней мѣрѣ, та доля свободы мысли и слова, какую предоставлялъ писателю дѣйствовавшій тогда законъ. И вотъ этой-то задачѣ осуществленія законнаго идеала отношеній власти къ литературѣ и посвятилъ себя Николай Өедоровичъ.

Задачу эту онъ выполнилъ блистательно и, какъ всегда, не жалѣя себя. Черезъ три года ему пришлось оставить службу, но онъ получилъ за нее щедрую награду: уваженіе и сочувствіе всего тогдашняго нашего литературнаго міра.

Время было горячее—заря великихъ реформъ, когда онѣ назрѣвали и вырабатывались усиліями лучшихъ людей нашего общества при живомъ участіи литературы,—и литература, безъ различія партій, выражала покойному свою горячую благодарность и симпатіи.

Въ письмѣ Каткова къ В. П. Безобразову отъ 1858 г. (недавно напечатанномъ въ «Новомъ Времени») находимъ слѣдующія строки:

«...Н. Ө. фонъ-Крузе болѣе не цензоръ. Интрига, такъ искусно и упорно веденная противъ него, увѣнчалась, наконецъ, успѣхомъ, и онъ причисленъ къ министерству, съ увольненіемъ отъ цензорской должности. Онъ не хочетъ оставаться на службѣ и уже подалъ въ отставку. Его дѣло кончено, наше начинается. Мы должны вспомнить, какъ доблестно, съ какимъ мужествомъ и какъ безкорыстно дѣйствовалъ онъ въ продолженіе трехъ лѣтъ своей цензорской службы. Онъ понялъ смыслъ современныхъ требованій и обрекъ себя на энергическое служеніе имъ. Онъ былъ піонеромъ новой области, которая открылась для русской мысли и слова; онъ шелъ впередъ, развѣдывая пути, не отступая ни на шагъ, и пространство, пройденное имъ, останется навсегда за русскимъ словомъ; никакая реакція, никакія интриги не отобьютъ

назадъ этого пространства; могутъ быть еще жертвы, но общее дѣло внѣ всякой опасности».

Таковъ былъ отзывъ о Николаѣ Ѳедоровичѣ близко знавшаго его и постоянно имѣвшаго съ нимъ дѣло Каткова, отзывъ вполнѣ

Николай Ѳедоровичъ фонъ-Крузе.

искренній, ибо письмо это писано къ другу и не предназначалось для печати.

Но уважали и чествовали Николая Ѳедоровича не одни москвичи, среди которыхъ онъ жилъ и работалъ. То же самое дѣлали писатели и Петербурга и провинціи, въ то время еще безгласной.

На обѣдѣ, данномъ въ честь покойнаго въ Петербургѣ, 8-го апрѣля 1858 г., въ квартирѣ Некрасова (на Литейной, въ домѣ А. А. Краевскаго), поэтъ-хозяинъ привѣтствовалъ его стихотвореніемъ, разительнымъ по силѣ и искренности. Стихотвореніе это, записанное карандашемъ самимъ поэтомъ, кончается такъ:

Впервые чрезъ тебя до бѣднаго народа
Дошли великія слова:
Наука, истина, отечества свобода,
Гражданскія права.
Вступила родина на новую дорогу.
Господь! ее храни и укрѣпляй,
Отдай намъ трудъ, борьбу, тревогу,—
Ей счастіе отдай!

Въ то же время петербургскіе писатели преподнесли Николаю Ѳедоровичу адресъ, написанный Алексѣемъ Дмитріевичемъ Галаховымъ и подписанный 49 лицами. Адресъ этотъ мы приводимъ цѣликомъ:

«Милостивый Государь
«Николай Ѳедоровичъ,

«Узнавъ о намѣреніи московскихъ литераторовъ почтить Васъ изъявленіемъ своего сочувствія, мы, нижеподписавшіеся, пользуемся этимъ случаемъ, чтобы, съ своей стороны, принять въ немъ участіе и выразить глубокое уваженіе къ тѣмъ достоинствамъ Вашимъ, которыми возбуждено это намѣреніе. Примите наше искреннее привѣтствіе, какъ малый отголосокъ общаго мнѣнія, которымъ всегда награждается просвѣщенное, благородное, мужественное исполненіе служебной обязанности. Постояннымъ правиломъ Вашихъ дѣйствій было уваженіе къ мысли, какъ драгоцѣннѣйшему благу человѣка, и уваженіе къ слову, какъ органу мысли. Вы обращались съ ними не такъ, какъ бы могли, но такъ, какъ должны были обращаться. Никогда не дозволяли Вы себѣ легкой возможности быть формально-правымъ и внутренно-виноватымъ. Несмотря на многія средства застраховать себя и свое положеніе, Вы знали одинъ только страхъ—осудить произведеніе таланта, обречь неизвѣстности дѣло умственнаго труда. Въ писателѣ видѣли Вы человѣка, для котораго перо-единственное средство служить государю и отечеству. Литература была для Васъ честною гласностью, и Вы поступали съ нею честно, давая ей право возвышать свой голосъ въ обществѣ. Вы не смотрѣли на слово, какъ на злоупотребленіе, потому только, что самые лучшіе дары неба могутъ употребляться во зло. Сужденію своему подвергали Вы лишь то, что сказалъ авторъ, а не то, что онъ хотѣлъ или думалъ сказать. Сочиненіе открывало передъ Вами прямой и ясный смыслъ свой, не представляя Вашему воображенію ни заднихъ мыслей, ни тайныхъ замысловъ. Вы толковали, а не подозрѣвали написанное. Вы читали строки, для всѣхъ видимыя и для всѣхъ понятныя, и не брали на себя смѣлости читать между строками—тѣ пустыя бѣлыя мѣста, которыя остаются безотвѣтными на всевозможные разспросы. Вы не навязывали чужимъ мнѣніямъ Вашей собственной мнительности. Вы не сочиняли за автора, предоставляя ему право распоряжаться

своею собственностію. Вы не испытывали его совѣсти, за которую онъ отвѣчаетъ только Богу. Вы не допрашивали его молчанія, которое хотя и бываетъ краснорѣчивымъ, но которое, однакожъ, не подлежитъ суду.

«Исторія просвѣщенія, съ благодарностью воспоминая имена тѣхъ, которымъ литература и наука одолжены своимъ развитіемъ, съ такою же благодарностью сохраняетъ имена и тѣхъ, которымъ словесныя произведенія обязаны были возможностью явиться въ свѣтъ и сдѣлаться общественнымъ достояніемъ. Своимъ сознательно-благороднымъ образомъ дѣйствій Вы, Милостивый Государь, не только пріобрѣли право на почетную признательность, но и показали примѣръ другимъ, какъ исполнять трудный долгъ гражданина.

«Примите увѣреніе въ глубокомъ нашемъ уваженіи и совершенной преданности. Алексѣй Галаховъ (†), К. Кавелинъ (†), С. Дудышкинъ (†), А. Краевскій (†), А. Писемскій (†), Александръ Пыпинъ, Иванъ Панаевъ (†), Никол. Некрасовъ (†), Николай Бергъ (†), Михаилъ Салтыковъ (†), Иванъ Гончаровъ (†), Николай Чернышевскій (†), Петръ Пекарскій (†), Николай Добролюбовъ (†), Александръ Зеленой, Дмитрій Григоровичъ (†), Александръ Дружининъ (†), Павелъ Анненковъ (†), Иванъ Лажечниковъ (†), Андрей Заблоцкій, Павелъ Мельниковъ (†), Мих. Михайловъ, Н. Щербина (†), Владиміръ Ламанскій, Дмитрій Каченовскій (†), Илья Березинъ (†), Григорій Даниловичъ, Жигмундъ Сѣраковскій, Иванъ Масловъ, князь Петръ Цертелевъ, Викторъ Аничковъ (†), Гавріилъ Городковъ, Аполлонъ Майковъ (†), Алексѣй Макшеевъ, Дмитрій Бушенъ (†), Александръ Беренсъ (†), Александръ Милюковъ, Иванъ Станевичъ, Владиміръ Спасовичъ, Балтоваръ Калиновскій, Николай Обручевъ, В. Безобразовъ (†), И. Гагемейстеръ (†), Яковъ Соловьевъ, Антони Сово, Егоръ Ковалевскій, Алексѣй Рыжовъ, Ипполитъ Манъ (†), Викторъ Гаевскій» (†).

Спустя немного, времени—30 января 1859 г.—покойнымъ былъ полученъ второй адресъ; на этотъ разъ—изъ дальняго Саратова, съ 36-ю подписями мѣстныхъ жителей; содержаніе его таково:

«Господину Н. фонъ-Крузе.

«Милостивый государь!

«До насъ, нижеподписавшихся жителей Саратова, дошло извѣстіе, что Вы принуждены были оставить должность цензора. Въ этой должности, въ которой по сущности ея, казалось бы, трудно возбудить къ себѣ симпатію людей читающихъ, Вы пріобрѣли всеобщее уваженіе; поэтому, выражая Вамъ наше искреннее и глубокое сочувствіе и признательность за возможность, данную Вами московскимъ журналамъ, высказать столько полезнаго для нашего общества, мы служимъ только слабымъ отголоскамъ общественнаго

мнѣнія. И такъ, Милостивый Государь, примите наше письмо, какъ знакъ глубочайшаго къ Вамъ уваженія. 1859 года 30 января».

(Подписали Д. Л. Мордовцевъ и друг.).

Такъ задушевно провожала русская литература своего преданнаго почитателя и оберегателя.

Общее уваженіе и сочувствіе сопутствовали Николаю Ѳедоровичу и въ частной жизни, и въ глазахъ общества онъ являлся всегда готовымъ работникомъ общественнаго дѣла, безкорыстнымъ и самоотверженнымъ.

Это убѣжденіе общества выразилось въ избранія Николая Ѳедоровича въ предсѣдатели с.-петербургской губернской земской управы (большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ одного) въ самое критическое для земства время. И здѣсь покойный не пожалѣлъ себя и опять за общій интересъ поплатился своею личною судьбою: въ январѣ 1867 г. петербургское губернское земство было закрыто по распоряженію свыше, и Николай Ѳедоровичъ отрѣшенъ отъ должности.

Въ отставкѣ пробылъ онъ до 1885 г., когда министръ Н. Х. Бунге предложилъ ему должность члена совѣта въ государственномъ дворянскомъ земельномъ банкѣ. На должность эту покойный былъ назначенъ 11 іюля 1885 г.

Банкъ въ то время еще только формировался, и Николай Ѳедоровичъ принималъ непосредственное участіе въ первоначальныхъ работахъ по организаціи этого учрежденія. Старѣйшій по возрасту едва ли не изъ всѣхъ чиновъ банка и первый по времени назначенія на должность члена совѣта, Николай Ѳедоровичъ пользовался между сослуживцами, отъ высшихъ до низшихъ, широкою популярностью и всеобщимъ уваженіемъ, не только по высокимъ своимъ нравственнымъ качествамъ, но и какъ отличный знатокъ дѣла и неутомимый работникъ.

Убѣжденный поклонникъ общественныхъ порядковъ Англіи, гдѣ Н. Ѳ. прожилъ нѣсколько лѣтъ, онъ признавалъ сохраненіе и поддержаніе помѣстнаго дворянскаго землевладѣнія государственною необходимостью для Россіи и предался новому дѣлу всею душою, отдавъ на служеніе ему весь богатый запасъ своихъ свѣдѣній съ практическою опытностью. Работалъ онъ съ жаромъ юноши, быстро и чрезвычайно легко, даже писалъ прямо набѣло, безъ помарокъ, и не отрывался отъ дѣла, пока оно не было готово сполна.

При всей своей добротѣ, покойный не принадлежалъ, однако, къ числу тѣхъ людей съ слишкомъ мягкимъ сердцемъ, которые изъ-за доброты къ отдѣльнымъ лицамъ поступаются общимъ благомъ. Напротивъ, законъ и казенный интересъ имѣли въ немъ всегда строгаго охранителя, недоступнаго искушенію даже доброты, и доброту онъ умѣлъ соединять со строгою справедливостью—

рѣдкое сочетаніе, свойственное только людямъ убѣжденнымъ и стойкимъ.

Таковъ и былъ Николай Ѳедоровичъ, и сами враги его, провозглашавшіе его опаснымъ и вреднымъ, никогда не осмѣливались отрицать его нравственной высоты; а для всѣхъ, кто его зналъ, навсегда останется отрадною память объ этомъ чистомъ и возвышенномъ человѣкѣ.

Б. Городецкій.

СЕЛО ПЕТРКОВИЦЕ

(Стопницкаго уѣзда).

ШИРОКО раскинулось село Петрковице, среди скалистыхъ отроговъ горъ Св. Креста. Окруженное, словно каймой, темнозеленой полосой лѣсовъ, оно принадлежитъ къ числу живописнѣйшихъ и здоровыхъ мѣстностей Кѣлецкой губерніи.

Внѣшность села свидѣтельствуетъ о благосостояніи мѣстныхъ жителей: бѣлой лентой тянется чрезъ него Кѣлецко-Хмельникское шоссе; другая дорога ведетъ на фольваркъ Грабовецъ, гдѣ квартируетъ 21 конная батарея; нѣсколько прямыхъ улицъ обсажены деревьями, изъ-за которыхъ видны деревянные или каменные домики—высокіе, свѣтлые, крытые гонтомъ, съ небольшими палисадниками и довольно обширными фруктовыми садами позади домовъ.

Нѣкогда село было мѣстечкомъ, принадлежало старинному польскому роду Роксицкихъ и называлось «Роксице»; въ 1775 г. мѣстечко утратило это названіе, стало называться именемъ сосѣдняго селенія Петрковице, съ которымъ впослѣдствіи слилось, а около 1840 г., когда, какъ разсказываютъ старожилы, петрковицкій бургомистръ былъ всенародно на площади высѣченъ мѣстнымъ помѣщикомъ графомъ Тарновскимъ, перестало существовать, какъ мѣстечко.

Изъ памятниковъ сѣдой старины прежняго мѣстечка достоинъ вниманія нынѣ кладбищенскій, а прежде фарный костелъ св. Ста-

нислава Костки, передѣланный изъ аріанскаго храма, основаннаго еще въ XI вѣкѣ родомъ Малешовскихъ (владѣльцевъ сосѣдней деревни Малешовы). Въ костелѣ примѣчательны мраморные саркофаги супруговъ графовъ Тарновскихъ, прежняя резиденція коихъ—фольваркъ Тарноскала, дворецъ, оранжереи и звѣринецъ

Костелъ въ селѣ Петрковице, Стопницкаго уѣзда.

расположены на высокой горѣ, вблизи Петрковицъ. Изъ реликвій костелъ имѣетъ частицу древа Креста Господня и мощей свв. Ѳеклы, Войцѣха и Станислава Костки и старинную икону Болящей Богоматери.

Нынѣшній приходскій костелъ Рождества Пресвятой Богородицы и бывшій бернардинскій монастырь основаны въ 1625 г. Марти-

номъ на Конецполѣ Роксицкимъ, каштеляномъ Поланецкимъ, на мѣстѣ существовавшихъ здѣсь деревянныхъ костела Лоретто и бернардинскаго монастыря. Костелъ девятипрестольный, съ недурной кисти иконами свв. Франциска, Антонія, Ѳаддея, Анны, Іосифа (въ часовнѣ), Ѳеклы, Скаплежной Богоматери и Распятія, съ чудной работы амвономъ въ видѣ корабля, съ саркофагами изъ хенцинскаго мрамора и алебастровыми бюстами: умерщвленнаго въ 1657 г. во время внутреннихъ смутъ въ правленіе Яна-Казимира основателя костела Роксицкаго, его жены Софіи и ихъ потомковъ.

Подъ костеломъ находится семь склеповъ съ гробами бернардиновъ и бенoновъ, благотворителей костела Роксицкихъ, Вонсовскихъ и Оссовскихъ. Склепы обширные и сухіе, и тѣла умершихъ въ нихъ хорошо сохранились. Бернардины одѣты въ длинныя, коричневаго цвѣта суконныя одежды, подпоясаны бѣлыми шнурками, на ногахъ сандаліи. Лучше другихъ сохранилось тѣло жены Владислава Роксицкаго, графини Банфи, ея платье и кружевной чепецъ съ лентами; въ ушахъ у покойной были вдѣты золотыя серьги съ бриллiантами, но впослѣдствіи эти украшенія были сняты.

Подъ Лоретомъ похороненъ графъ Станиславъ Красинскій (1762), замокъ котораго высился на краю сосѣдней горы Красникъ, гдѣ недавно крестьяниномъ былъ найденъ большой кладъ, состоящій изъ старыхъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ и разныхъ драгоцѣнностей, проданный частями за безцѣнокъ евреямъ. Гробъ Красинскаго обитъ серебряными пластинами; покойный одѣтъ въ богатый кунтушъ съ блестящими пуговицами.

Костелъ замѣчателенъ своей часовней, представляющей точную модель назаретскаго домика Пресвятой Богородицы, какой имѣется также въ Лоретто (Италія). Въ домикѣ, отдѣленный рѣшеткою, находится алтарь съ чудотворной статуей Лоретанской Богоматери. Въ храмовой праздникъ костела—8 сентября, въ Петрковице изъ отдаленныхъ мѣстностей губерніи стекаются тысячныя толпы народа, заполняя не только всѣ улицы села и вѣковую липовую аллею, но даже всѣ дворы мѣстныхъ обывателей.

Часовня построена бернардинами въ 1776 г., имѣетъ форму ротонды и соединена съ костеломъ коридоромъ.

Бернардины болѣе двухъ вѣковъ владѣли монастыремъ. Въ 1824 году они были переведены отсюда въ Карчовскій монастырь (подъ Кѣльцами), а мѣстный монастырь былъ отданъ бенонамъ или редемпторамъ.

Основателемъ ордена редемпторовъ, что по-латыни значитъ спасающихся, былъ Альфонсъ-Марія Ликворъ, родившійся въ Неаполѣ въ 1696 г. Главнѣйшею цѣлью ордена было стремленіе къ духовному совершенству себя и другихъ, оказаніе помощи свя-

щеннослужителямъ и воспитаніе молодежи въ духѣ религіи. Папа Бенедиктъ XIV въ 1749 г. утвердилъ уставъ этого ордена, и съ того времени онъ распространился въ Австріи, Бельгіи и Швейцаріи. Въ Польшѣ въ правленіе Станислава-Августа распространителемъ ордена является Гофбайеръ, назначенный, по прибытіи въ Варшаву, настоятелемъ костела св. Бенона. Гофбайеръ учредилъ при этомъ костелѣ коллегію, получившую по имени костела названіе «бенонской». Во время существованія герцогства Варшавскаго беноны изъ иностранцевъ должны были покинуть предѣлы герцогства (1808 г.), остались только поляки и между ними извѣстный проповѣдникъ кс. Янъ Подгурскій.

Мѣстечко Петрковице входило тогда въ составъ области, принадлежащей Австріи, и Подгурскій отправился въ Вѣну, гдѣ при содѣйствіи графовъ Тарновскихъ, благотворителей Петрковицкаго бернардинскаго монастыря, получилъ разрѣшеніе на учрежденіе ордена редемпторовъ въ Петрковицахъ, выслалъ сюда (1824 г.) ксендзовъ Маевскаго и Трепку, а вскорѣ прибылъ и самъ съ нѣсколькими членами ордена.

Первые шаги бенововъ ознаменовались учрежденіемъ трехклассной школы, гдѣ, кромѣ разныхъ наукъ, преподавались латинскій и нѣмецкій языки. Одновременно со школой была открыта духовная семинарія, гдѣ воспитывалась молодежь для подготовленія къ духовному сану.

Беноны существовали въ Петрковицахъ до 1832 г.; въ этомъ году монастырь былъ закрытъ и отданъ свѣтскому духовенству. Въ 1846 г. костелъ съ монастыремъ сгорѣли, кромѣ статуи Пресвятой Богородицы, но вскорѣ часть зданій была возобновлена въ нынѣшнемъ своемъ видѣ.

Н. Ефимовъ.

САВВО-ВИШЕРСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

(Изъ экскурсій въ окрестности Новгорода).

ВЪ САВВО-ВИШЕРСКІЙ монастырь отъ Новгорода двѣ дороги. Одна—болѣе 15 верстъ, ведетъ зигзагами по ручейкамъ, рѣчкамъ, среди болотистыхъ и отчасти луговыхъ береговъ; другая — по шоссе, значительно короче, пыльная, тряская и притомъ недешевая, въ особенности, если взять тарантасъ у почтосодержателя. Самый удобный, даже пріятный путь—это на велосипедѣ. Поэтому «новгородскій клубъ велосипедистовъ» считаетъ малодушнымъ того сочлена, который не побывалъ въ Савво-Вишерскомъ монастырѣ. Монастырь высоко и красиво стоитъ на рѣкѣ Вишерѣ, рядомъ съ прекрасной богатой дубовой рощей. Начало монастырю далъ въ XV вѣкѣ инокъ Савва, который всю жизнь провелъ здѣсь въ трудахъ, постѣ и молитвѣ; останки его были обрѣтены нетлѣнными и въ настоящее время лежатъ подъ спудомъ. Савва успѣлъ только заложить деревянную церковь Вознесенія; затѣмъ современникъ его, архіепископъ Іона, во имя явленныхъ чудесъ построилъ каменный храмъ. Время текло, монастырь, по бѣдности не поддерживался и навѣрно развалился бы, если бы не повелѣлъ возобновить его вновь на казенныя деньги царь Алексѣй Михайловичъ. По возобновленіи монастырь опять сталъ приходить въ упадокъ и въ концѣ XVIII вѣка былъ упраздненъ. Но вскорѣ нашлись благочестивые люди, которые заново отстроили обитель, въ каковомъ видѣ она и осталась до нашихъ дней. Теперь монастырь обнесенъ каменной стѣной, съ главнымъ входомъ, надъ ко-

торымъ возвышается колокольня. Въ стѣнахъ—братскія кельи. Храмъ прочный, чистенькій, выглядитъ довольно весело. У монастыря имѣется сельское хозяйство [1]). Усадебной земли насчитывается до 7 десятинъ, хлѣбныхъ полей до 66 десятинъ. Монастырскіе покосы исключительно составляютъ заливные луга, но за излишкомъ, половина сдается въ аренду на 8 лѣтъ по 1.900 рублей. Изъ живого инвентаря—12 лошадей и около 90 штукъ рогатаго скота. Пасется скотъ на собственныхъ пожняхъ, которыхъ вполнѣ достаточно—470 десятинъ.

Я имѣлъ къ архимандриту рекомендательное письмо, поэтому, по пріѣздѣ въ монастырь, прямо отправился къ нему. Архимандритъ уже преклонныхъ лѣтъ—старикъ, съ длинной сѣдой бородой, встрѣтилъ меня вопросительнымъ холоднымъ взглядомъ. Я отрекомендовался и поспѣшилъ протянуть руку съ письмомъ, но старецъ ничуть не смягчился и сухо сказалъ:

— Прочитайте сами.

Какъ было ни странно, но я прочиталъ. Архимандритъ выслушалъ внимательно и вдругъ спросилъ:

— Такъ что же вамъ угодно, господинъ?

— Какъ что?!—удивился я.—Въ письмѣ сказано.

— Примѣчательностей у насъ никакихъ нѣтъ.

— Во всякомъ случаѣ не откажите дать проводника.

— Да смотрѣть-то нечего,—стоялъ на своемъ старецъ.

— Но хотя укажите мѣсто, гдѣ бы отдохнуть въ тѣни, оправиться, напиться чаю...

— Отчего же, это можно, — уже участливо заговорилъ архимандритъ, и на его лицѣ скользнула тонкая улыбка, какъ признакъ удовольствія поскорѣе отдѣлаться отъ меня; затѣмъ онъ задвигался къ окну, ткнулъ пальцемъ въ стекло и продолжалъ сладкимъ голосомъ:—вонъ садикъ, тамъ вамъ будетъ отлично.

Я вышелъ и голодный, усталый долго бродилъ по двору, отыскивая кого нибудь изъ добрыхъ людей. Наконецъ случайно попалъ на какого-то послушника, который согласился поставить самоваръ и повелъ меня въ указанный архимандритомъ садъ. Пунктомъ отдохновенія была бесѣдка, которая заключалась въ безобразномъ столѣ и такихъ же скамейкахъ.

— Такъ я наставлю самоварчикъ и посуду принесу,—сказалъ послушникъ.

— Вы бы чѣмъ нибудь накрыли столъ. Противно.

— Да, что бы вамъ?..—недоумѣвалъ онъ, смотря на обстановку и мысленно соглашаясь со мной.

— Скатерть найдется въ монастырѣ?

— Есть, да грязная.

---

[1]) Матер. для оцѣнки земельныхъ угодій Новг. губ. Изд. 1895 г.

— Тащите. Лучше, чѣмъ ничего.

— Вотъ что,—спохватился послушникъ:—недавно отецъ настоятель былъ именинникъ, такъ не хотите ли съ имениннаго стола?

— Все равно.

Явилась скатерть въ полномъ смыслѣ слова «послѣобѣденная», зашипѣлъ самоваръ, зазвенѣла разнокалиберная посуда. Какъ бы то ни было, но я все-таки отдохнулъ и подкрѣпилъ силы.

— Вы мнѣ покажете храмъ?—спросилъ я послушника, когда онъ началъ убирать со стола.

— Отчего же. Вамъ надо понамаря.

— Отлично, ведите,—одобрилъ я.

Пока убиралась чайная посуда, я ходилъ по саду. Это хорошая десятина плодовыхъ деревьевъ и ягодныхъ кустарниковъ, но въ страшномъ запустѣніи. Рабочая рука, видимо, не прилагалась здѣсь Богъ вѣсть съ которыхъ поръ. Сухіе сучья торчатъ среди зелени. Всюду валежникъ, чаща загораживаетъ дорогу. Репейникъ господствуетъ на всемъ пространствѣ. Нечищенный, заглохшій прудъ распространяетъ зловоніе. И въ довершеніе всего обиліе комаровъ, да такихъ злыхъ, настойчивыхъ, что могутъ довести до слезъ.

Грустно было ходить по такому саду, у котораго стоятъ свободные люди и не пошевелятъ пальцемъ.

Пришелъ понамарь, окликнулъ меня, и мы отправились въ храмъ.

Вблизи братское кладбище, тоже запущенное. Надгробные камни вросли въ землю, кресты покосились, подернулись мхомъ, иные разрушены и прячутся въ бурьянѣ. Могилы я замѣтилъ и вокругъ храма; тамъ, по словамъ понамаря, погребены все почтенные и благочестивые старцы. Входъ въ храмъ между двухъ колоннъ. Прежде всего, конечно, мы очутились на паперти, гдѣ въ глаза особенно бросились плиты, вдѣланныя въ стѣнахъ. На плитахъ надписи о погребеніи подъ поломъ цѣлаго рода Бороздиныхъ. Надписи отличаются біографическими подробностями; объ одномъ сенаторѣ Бороздинѣ даже говорится, что онъ былъ женатъ на дочери духовника императрицы Екатерины II. Почему отдано такое предпочтеніе Бороздинымъ, это видно изъ того, что преподобный Савва былъ сынъ тверского боярина И. В. Борозды, который имѣлъ предковъ еще въ началѣ XIV вѣка [1]). Впослѣдствіи отъ И. В. произошелъ древній дворянскій родъ Бороздиныхъ [2]).

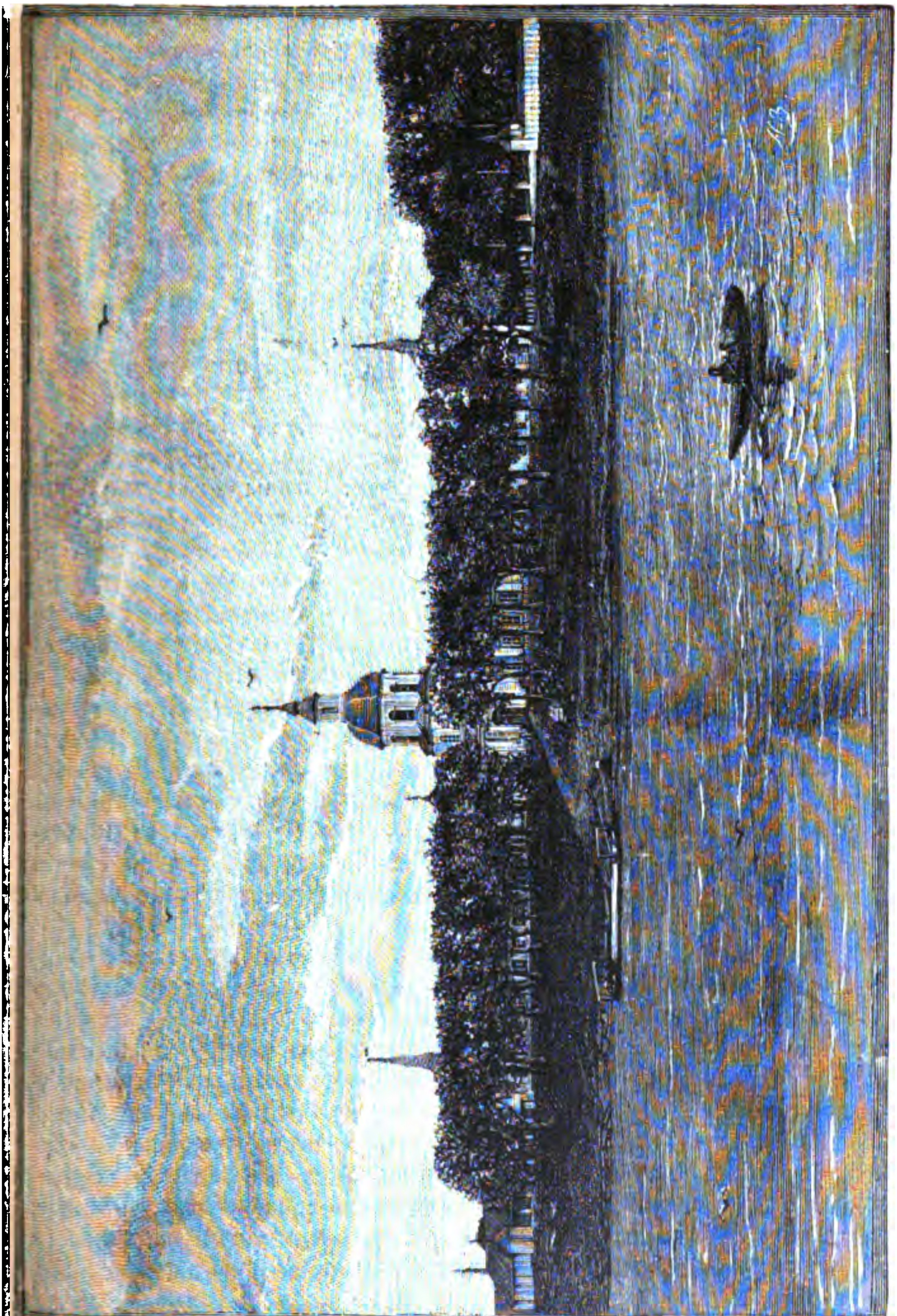
— Впрочемъ, тутъ есть и другіе покойники, кромѣ Бороздиныхъ,—сказалъ я, отыскавъ въ углу два новыхъ имени.

— Это строители; кто они родомъ, все прописано,—флегматично пояснилъ понамарь.

---

[1]) Археологическое описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ и его окрестностяхъ. Архим. Макарія, 1860 г.

[2]) Др. Росс. Вивліоѳика, т. VI, стр. 310.



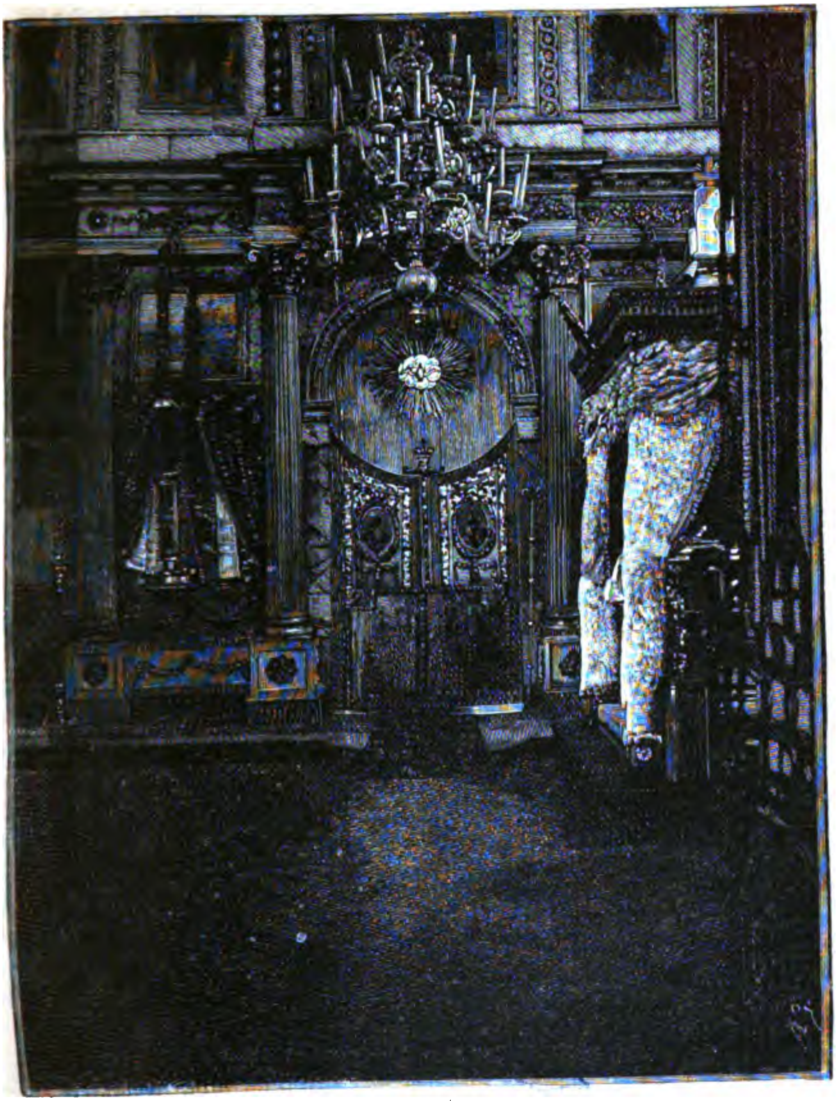
Савво-Вишерскій монастырь.

Прочитавъ надписи, я узналъ, что по синодальному указу 1770 года въ упраздненный монастырь былъ посланъ для возобновленія казначей Вяжицкаго монастыря Варлаамъ, постриженный изъ поручиковъ Измайловскаго полка. Варлаамъ пришелъ съ послушникомъ изъ дворянъ Аничковымъ. Девятнадцать лѣтъ они собирали доброхотныя лепты, трудились надъ устройствомъ монастыря, возвели новыя зданія, отдѣлали храмъ и такимъ образомъ «извлекли обитель изъ опустѣнія». Варлаамъ умеръ въ 1789 г. Когда Аничковъ принялъ монашество съ именемъ Іосафа и былъ уже настоятелемъ монастыря, то Варлааму, въ мірѣ Василію Глазатову, вмѣстѣ съ другомъ его І. І. Кушелевымъ, поставилъ отъ усердія настоящую плиту. Спустя 30 лѣтъ, умеръ и Іосафъ, о чемъ гласитъ вторая надпись, надъ которой возвышается распятіе Христа въ натуральный ростъ.

Храмъ дѣлится на три придѣла: средній, во имя Вознесенія, считается главнымъ; въ немъ помѣщается новая серебряная рака. Лѣвый придѣлъ именуется Саввинскимъ. Стѣны его украшены интересными фресками, изображающими эпизоды изъ жизни святого. Савва пришелъ въ Новгородъ нищимъ и ходилъ съ утра до ночи по церквамъ, питаясь водой и черствымъ хлѣбомъ. Отсюда онъ удалился на рѣку Вишеру, гдѣ въ самодѣльной хижинѣ долго молился, «ужаляемый комарами и мшицами». Задумавъ основать новую обитель, Савва пошелъ на ближайшую рѣчку Сосницу и близъ монастыря, что былъ на Лисьей горѣ, сталъ рубить кельи и собирать братію, но иноки горнаго монастыря, владѣя той мѣстностью, запретили ему не только строиться, даже жить на рѣчкѣ. Тогда Савва послалъ одного изъ братіи Ефрема къ новгородскимъ посадникамъ просить земли на Вишерѣ. Ему разрѣшили. Первою келліей на мѣстѣ нынѣшняго монастыря былъ колодезный срубъ; въ немъ угодникъ спасался, не показывался людямъ и жилъ, пока не устроилъ другихъ келлій.

Отшельничество Саввы доходило до того, что онъ не сталъ разговаривать съ братомъ, когда тотъ пришелъ его провѣдать. Савва только выглянулъ изъ сруба и благословилъ брата рукой. Являлся къ нему для соблазна и злой духъ въ образѣ четырехъ разбойниковъ, но угодникъ поразилъ его чудесною силою. Разбойники вчетверомъ не могли поднять бревна, а онъ легко поднялъ одинъ. Савва самъ косилъ и пахалъ землю. Однажды медвѣдь заломалъ его лошадей. Онъ поймалъ медвѣдя и привелъ его на судъ въ Новгородъ. Судьи перепугались и предоставили право наказать звѣря такъ, какъ пожелаетъ обиженный. Савва медвѣдя не наказалъ, а работалъ на немъ по хозяйству до тѣхъ поръ, пока не пріобрѣлъ лошади.

Умирая старцемъ 80-ти лѣтъ, Савва поручилъ блюсти обитель монаху Андрею.



Царскія врата въ храмѣ Вознесенія.

Кромѣ того, въ этомъ придѣлѣ хранится прежняя рака, дубовая, древней массивной работы. Рака устроена по повелѣнію царя Ивана Васильевича IV [1]); затѣмъ Василіемъ Шуйскимъ она исправлена на дворцовые доходы, при чемъ на верхней доскѣ «добрый иконникъ» написалъ чудотворца, а по сторонамъ вырѣзалъ буквами его

[1]) Краткая монастырская лѣтопись.

чудеса. Послѣдній разъ рака реставрировалась при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, и писаніе было сдѣлано образомъ [1]). Бархатный покровъ съ нея виситъ въ правомъ Покровскомъ придѣлѣ. На немъ прикрѣпленъ архіерейскій омофоръ съ епитрахилью, тканый съ золотыми и серебряными нитями и вышитый по краямъ бисеромъ и гладью. Ступни облечены въ такую же ткань. Руки и лицо бумажныя, выпуклыя. Одна рука благословляющая, а другая держитъ свитокъ.

На ракѣ рѣзьба отъ времени крайне попортилась. Я попросилъ разобрать понамаря, но тутъ произошелъ курьезъ.

— Я по-гречески не учился,—отозвался онъ.

— Да это написано славянской вязью,—улыбнулся я.

Монахъ сконфузился и покраснѣлъ.

— Ужотка къ знающему ризничему сбѣгаю,—круто повернулъ онъ и быстро исчезъ.

Я ждалъ, но напрасно. Вернувшись, понамарь объявилъ, что ризничій боленъ и не выходитъ изъ кельи.

Такъ мы и вышли, не прочитавъ вязи. По этому поводу я въ шутку упрекалъ монаха, а онъ оправдывался.

— То ли еще бываетъ?—разсказывалъ понамарь.—У насъ жилъ одинъ послушникъ. Постригли его и сдѣлали іеродіакономъ, назвали Петромъ. Сталъ онъ служить обѣдню, дошло дѣло до евангелія—и ни въ зубъ. Что такое?—спрашиваетъ архимандритъ:—почему іеродіаконъ молчитъ? А онъ по-славянски читать не умѣлъ, малограмотный.

— Чѣмъ же кончилось?

— Прочиталъ другой, а его перевели въ Тихвинъ, въ Дымскій монастырь.

— Какъ же такихъ постригаютъ?

— А вотъ подите. Конечно, по-настоящему надо попробовать голосъ, каково читаетъ, а у насъ этого не провѣряется, былъ бы поведенія хорошаго, первымъ дѣломъ смиреніе, усердіе, а насчетъ постриженія легко.

— Однако, кто же у васъ знаетъ монастырь?

— Да кто знаетъ?.. Развѣ отецъ Аникій. Онъ тутъ проживаетъ десятки лѣтъ, только боленъ теперь, параличемъ разбитъ.

— Значитъ, и этотъ пояснить ничего не можетъ.

— Какъ не можетъ?! Съ мѣста не движется, а на языкъ онъ охотливъ.

— Такъ проведите къ нему,—попросилъ я.

— Съ большимъ удовольствіемъ,—обрадовался понамарь такъ же, какъ и архимандритъ, желая поскорѣе сплавить меня кому нибудь другому.

---

[1]) Недавно устроена серебряная рака.

Келлія, гдѣ живетъ о. Аникій, небольшая, низкая, донельзя грязная. Два окна съ желѣзными рѣшетками смотрятъ на рѣку. Воздухъ въ комнатѣ душный, спертый, насыщенный киселью, даже затрудняетъ дыханіе и вызываетъ тошноту.

Когда я вошелъ, о. Аникій взглянулъ на меня лежа, потомъ потянулся за привязанную веревку и сѣлъ. Сѣдыя пряди волосъ его спускались по плечамъ, борода всклоченная, вѣки красныя, припухшія, глаза щурились, какъ отъ яркаго свѣта, лицо обрюзглое, съ какимъ-то землянымъ цвѣтомъ—словомъ, сразу было видно, что старецъ давно не выходилъ за дверь, давно не дышалъ свѣжимъ, чистымъ воздухомъ. О. Аникій какъ-то просіялъ, зашевелилъ губами и сталъ оглядывать себя, все ли у него въ порядкѣ.

Я поздоровался и сѣлъ поближе къ койкѣ.

— Вы докторъ?—спросилъ онъ съ глубокимъ интересомъ.

— Къ сожалѣнію, нѣтъ.

— А я думалъ, настоятель доктора прислалъ,—сразу понизилъ голосъ несчастный монахъ.

— У васъ развѣ постояннаго не имѣется?

— Никогда не бывало. Случайнаго-то не допросишься.

— Поэтому и больницы нѣтъ?

— Ничего, ровно ничего.

О. Аникій произнесъ это убѣдительнѣйшимъ голосомъ и притомъ широко развелъ передъ собою здоровой рукой, тогда какъ больная плетью лежала на постели, закутанная въ грязныя тряпки.

— Хоть бы фельдшеришка какой,—продолжалъ онъ,—или знахарь, что ли, такъ рѣшительно никого. Вотъ сижу да лежу, какъ колода, безъ всякой медицины. Только и ходу, что въ баню. Лѣтомъ работникъ на себѣ снесетъ, а зимою на саночкахъ прокатитъ. Горе мое!

— Неужели ничѣмъ не лѣчитесь?

— Лѣчусь, чѣмъ Богъ на душу положитъ: морковій сокъ пью, печеный лукъ прикладываю.

— Давно ли вы такъ?..

— Лѣтъ пять валяюсь. И захворалъ-то просто по своей глупости, смекалки не хватило. Монахи наши рыболовствомъ, видите ли, занимаются; я тоже большой охотникъ рыбки половить, по недѣлямъ съ рѣки не сходилъ, верстъ за тридцать ѣзжалъ.

Въ глазахъ старца замѣтно блеснулъ огонекъ.

— Разъ вытащили мы неводокъ, а берегъ высокій, меня вѣтеркомъ-то и обдуло. Выпилъ я тогда для согрѣвы, да мало. Дома надо бы еще было зарядить бутылочку, а я легъ и одѣлся потеплѣе. На утро, чувствую, рука и нога безъ движенія. Видимо, что я зѣло простудился, а потогоннаго-то по меньшей мѣрѣ вкусилъ. Жалко, что вы не докторъ, а то бы полѣчили.

— Что жъ дѣлать, не учился по этой части.

— Собственно кто же вы будете?

— Я—путешественникъ.

— Путешественникъ!—повторилъ старецъ и смѣрилъ меня съ ногъ до головы, какъ будто видѣлъ многихъ путешественниковъ и хотѣлъ провѣрить, похожъ ли я на нихъ.—Значитъ, осматриваете и любопытствуете?—спросилъ онъ меня.

Я отвѣтилъ утвердительнымъ кивкомъ.

— Доброе дѣло. Въ храмѣ-то нашемъ были?

— Былъ, да ничего не объяснили—ризничій боленъ.

— Куда ему!—пренебрежительно отвернулся о. Аникій.—Я немногое знаю, а живу здѣсь пятьдесятъ лѣтъ, вся братія смѣнилась при мнѣ. Житіе угодника въ изображеніяхъ видѣли? Старинная живопись.

— Видѣлъ.

— А въ паперти «Страшный судъ» и «Воскресеніе» замѣтили?

— Но это новѣйшей кисти.

— Недавно подновляли. Многое позамазано, отбито. Въ ризницѣ были тоже очень старыя вещи, да теперь ихъ не стало.

— Кто же ими воспользовался?

— Никто; просто уничтожены,—вздохнулъ старецъ.—Настоятельствовалъ у насъ такой архимандритъ изъ оренбургскихъ протоіереевъ, Георгіемъ въ монахахъ прозывался. Охъ, грѣховодникъ былъ, не приведи Богъ. Какъ служба, такъ идите къ нему въ келью встрѣчать—іеродіаконъ съ кадиломъ, іеромонахъ съ крестомъ, понамари въ стихаряхъ. Это, говоритъ, надо мнѣ воздавать потому, что я для васъ архіерей, самъ митрополитъ. А придетъ въ церковь, станетъ за ширмы и кричитъ на монаховъ: кто поетъ неладно, кто читаетъ тихо. Замѣтилъ разъ въ ризницѣ древнія ризы, утварь, хоругви: все это, говоритъ, лишнее, надо вонъ и сжечь. Дѣйствительно, на берегу, противъ монастыря и сожгли всю древность.

— Какъ же онъ могъ?

— Вотъ подите. Хозяйничалъ во всю. Нехорошій, худой былъ человѣкъ. Восемь лѣтъ терпѣла братія, а потомъ его куда-то перевели. Нашему монастырю горше, чѣмъ иному, имѣть такого настоятеля.

— Почему?

— Братія наша любитъ посвободнѣе жить. Монахи у насъ больше штрафованные, строгостей терпѣть не могутъ.

— Значитъ, монастырь ссыльный. Такъ-съ.

Наступила маленькая пауза. Я уже намѣревался встать, какъ старецъ снова заговорилъ.

— Ну, а деревянный крестъ, что сдѣланъ собственноручно угодникомъ, смотрѣли?

— Нѣтъ.

— Ахъ, это интересно. Вы идите въ большія ворота, налѣво въ монастырской стѣнѣ часовня; тамъ онъ и хранится. Этотъ крестъ обладаетъ чудеснымъ свойствомъ. Страждущіе зубами приходятъ

Рака надъ мощами св. Саввы.

поклониться ему и грызутъ дерево, а потомъ получаютъ облегченіе. Сходите.

При прощаніи о. Аникій снова вернулся къ безпокоящей его мысли.

— Экая жалость,—съ сокрушеннымъ сердцемъ говорилъ старецъ,—кабы вы докторъ были...

Выйдя изъ воротъ, я встрѣтилъ худого морщинистаго монаха въ засаленномъ подрясникѣ и сильно потертой шапочкѣ.

— Послушайте, отецъ...

— Савва,—обидчиво добавилъ монахъ.

— Скажите, отецъ Савва, какъ попасть въ часовню.

— Просто,—флегматично отвѣтилъ Савва и куда-то скрылся. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся съ ключемъ, и мы пошли въ часовню.

Крестъ большой, бревенчатый, дѣйствительно весь изгрызанъ и общипанъ. Савва указалъ на фрески, гдѣ угодникъ рубитъ лѣсъ, носитъ бревна и сколачиваетъ крестъ.

— Водруженіемъ этого креста, — спокойно говорилъ монахъ,— преподобный намѣтилъ мѣсто монастыря.

— Много богомольцевъ бываетъ?

— Есть, приходятъ.

По выходѣ я обратился къ Саввѣ.

— Чего бы напиться у васъ?

— Хотите квасу, «усатаго»?

— Это какой же?—спросилъ я, думая о новомъ сортѣ напитка.

— Обыкновенный, два мѣсяца назадъ сваренъ. Какъ пьешь, такъ глазъ вонъ, а кончишь, такъ вожжи тянутся.

Я испугался и рѣшительно отказался отъ такого квасу.

— Самоваръ бы, чайку напиться, — замѣтилъ я въ свою очередь.

— Пить негдѣ. Въ кельѣ бы, да живу близъ коровника: духота и мухъ несмѣтная сила.

— А здѣсь, на берегу, развѣ нельзя?

— Удобно ли? Впрочемъ, какъ вамъ, а мнѣ не трудно принести. Вы разложите, что у васъ есть, а я самоваръ устрою.

Спустя полчаса, мы съ Саввой сидѣли уже на скамейкѣ, среди вѣковыхъ дубовъ, противъ самаго монастыря. Передъ нами на землѣ шипѣлъ самоваръ, лежали закуски и прочее.

Савва сдѣлался развязнымъ и болѣе словоохотливымъ. Разбирая въ бесѣдѣ матеріальную сторону монастыря, Савва коснулся и его бѣдности.

— А какъ же это?—замѣтилъ я, указывая на пять оконъ, безъ рѣшетокъ, съ голубыми шелковыми занавѣсками, огороженныхъ палисадникомъ.—Тоже бѣднота?

— Тутъ живетъ на особомъ положеніи іеромонахъ Іоаннъ. Можетъ быть, слыхали, вторымъ кронштадтскимъ слыветъ?

— Что-то я слыхалъ.

— Убранство келліи—это все приношенія. У него въ Питерѣ большое знакомство: купцы, богачи, знатныя особы. И присылаютъ ему всякой всячины, и сами ѣздятъ. Строгой жизни монахъ, безсребренникъ, заботится о бѣдной братіи, помогаетъ ей чѣмъ мо-

жеть. Нынѣ нашелъ жертвователя и водопроводъ устроилъ въ монастырѣ.

— А что же нигдѣ не видно башни водонапорной?—спросилъ я, силясь найти ее надъ стѣнами монастыря.

— Зачѣмъ она намъ? Во второмъ ярусѣ колокольни была церковь не служилая; ее упразднили и поставили бакъ съ водой.

— Выгодно придумали.

— Скудна наша обитель,—вздыхалъ Савва.—Зато изъ сорока пяти человѣкъ братіи, кажется, восемь очередныхъ, а то все про-

Храмъ Вознесенія въ Савво-Вишерскомъ монастырѣ.

стые монахи, больше штрафованные, ссылаютъ сюда, по той причинѣ, чтобы наказать нуждою, недостатками.

Наступило молчаніе, видимо бесѣда приходила къ концу. Савва снова было началъ толковать на тему монастырской бѣдности, но я поспѣшилъ съ нимъ проститься.

Разставшись съ о. Саввой, я встрѣтилъ двухъ послушниковъ и, благодаря имъ, попалъ въ ризницу. Тамъ хранятся церковная утварь, облаченіе, книги позднѣйшихъ временъ, за исключеніемъ оловяннаго потира, который употреблялся преподобнымъ Саввой. Кромѣ того, сохранились вериги угодника и старинныя деревянныя четки, состоящія изъ продолговатыхъ шариковъ, немного менѣе голубинаго яйца. По преданію эти четки собственно никому не при-

надлежали, а были общими и выдавались на извѣстный срокъ, взамѣнъ обыкновенныхъ, тому монаху, который въ чемъ либо провинялся.

Эти же послушники показывали мнѣ и водопроводъ. За монастырской стѣной, гдѣ помѣщается баня, накачивается изъ Вишеры вода и передается въ бакъ, а оттуда по восьми кельямъ. Бакъ дѣйствительно устроенъ въ церкви. Въ нее надо было подниматься по свѣтлой, широкой лѣстницѣ. Церковь небольшая, на подобіе домашней. Стоитъ полный водоемъ въ шестьсотъ ведеръ, обнесенный срубомъ. Стѣны и потолокъ сплошь были исписаны древними фресками, но теперь отъ нихъ остались лишь куски; на одномъ видна голова, на другомъ—рука, на третьемъ—нога, на четвертомъ—станъ и т. д. Одна половина иконостаса разобрана и тутъ же валяется въ жалкомъ состояніи, другая на мѣстѣ, но безъ образовъ. Въ алтарѣ все разломано; были такъ же фрески, изъ коихъ сохранилось одно изображеніе—Спаситель на запрестольной стѣнѣ, судя по очертаніямъ написанный въ терновомъ вѣнцѣ. Задѣлано нѣсколько оконъ, придававшихъ, очевидно, церкви веселый видъ.

— Какъ все разрушено!—сокрушался я, оглядываясь кругомъ.

— Это громъ надѣлалъ,—пояснилъ одинъ послушникъ.

— Врешь,—авторитетно перебилъ другой,—водопроводъ!

«Невѣжество и больше ничего», думалъ я, спускаясь внизъ. Только одно оно и могло пожертвовать древней церковью ради водопровода, когда вода у монастыря подъ самымъ бокомъ. Разрушенная церковь была послѣднимъ предметомъ моего обозрѣнія. Отъѣхавъ 2—3 версты, я потерялъ уже изъ глазъ монастырь, спрятавшійся за дубовой рощей.

А. Г. Слезскинскій.

ВЪ СТОЛИЦѢ ГАЛИЦКОЙ РУСИ.

(Историко-археологическіе очерки Львова).

I.

Отъ Кракова до Львова.—Историческіе города.—Львовъ.—Первыя впечатлѣнія.— Гетманскіе валы.—Памятникъ Собѣскому.—Зданіе новаго театра и старый театръ гр. Скарбка.

POLITZ-ZUG желѣзнодорожной линіи эрцгерцога Карла-Людвига, въ теченіе шести съ половиною часовъ, перенесъ меня изъ Кракова въ Львовъ. Разстояніе между этими городами настолько значительно, что обыкновенный пассажирскій поѣздъ (а пассажирскіе поѣзда въ Австріи ходятъ довольно скоро и на станціяхъ подолгу не останавливаются) проходитъ его не менѣе двѣнадцати часовъ. Мѣстность между Краковомъ и Львовомъ довольно красивая, такъ что скучное время путешествія бѣжитъ незамѣтно. На пути попадаются чистенькія деревушки малороссійскаго типа, сельскія церкви, по большей части, деревянныя, опрятно одѣтые крестьяне... Слѣдовъ той бѣдности, того угнетенія, о которомъ, разумѣется, всѣ мы слышали, нѣтъ и въ поминѣ.

Мелькаютъ станціи. Вокзалы, хотя и не такъ роскошны, какъ у насъ, но все же вполнѣ удовлетворяютъ требованіямъ публики. Надписи—названія станцій—на двухъ языкахъ: по-нѣмецки и по-польски, а въ Перемышлѣ еще и по-русски, и никому онѣ не мѣшаютъ, ничему не угрожаютъ, а пользу путешественникамъ при-

носятъ несомнѣнную: кто не знаетъ по-нѣмецки, тотъ прочитаетъ по-польски.

Встрѣчаются старые города. Вотъ Тарновъ—собственность князей Сангушковъ—съ 10.000 жителей, древней готическою ратушею, нѣсколькими старинными костелами и богатымъ архивомъ въ имѣніи Сангушковъ, Гумнискахъ. Дальше Ржешовъ (Rzeszów) съ 6.000 населенія, костеломъ, построеннымъ въ 1344 г., и старымъ замкомъ, теперь обращеннымъ въ уголовную тюрьму. Потомъ Ярославъ на рѣкѣ Санѣ (9.000 жит.), уже въ XIV в. имѣвшій историческое значеніе, служившій яблокомъ раздора между поляками и венграми. Затѣмъ древній историческій—Перемышль (Przemyśl), основаніе котораго преданіе относитъ къ VIII в. эры христіанской, и о которомъ положительныя свѣдѣнія имѣемъ съ конца X вѣка. Значеніе Перемышля въ исторіи уніи извѣстно. Въ находящемся въ городѣ монастырѣ францисканотъ сохраняется образъ Богоматери, прославившійся своими чудесами. Перемышль—родина нѣсколькихъ историческихъ лицъ, какъ, напримѣръ, ученаго доктора и астролога Мартина (кон. XV ст.), Андрея Варгоцкаго (кон. XVI—первая половина XVII в.), знаменитаго переводчика римскихъ классиковъ на польскій языкъ, Станислава Дыбовецкаго († 1618), славнаго медика, придворнаго врача Сигизмунда III. Городъ расположенъ по скату горы къ рѣкѣ Сану, и видъ на него съ противоположнаго берега и съ желѣзнодорожнаго моста—великолѣпный. Превосходное въ стратегическомъ отношеніи положеніе Перемышля способствовало устройству существующей теперь здѣсь первоклассной австрійской крѣпости.

Наконецъ—Львовъ. Въ старую столицу галицкой Руси, а теперь столицу австрійской Галиціи, я пріѣхалъ около 9 часовъ вечера. Вокзалъ—какъ въ Москвѣ—Николаевскій, или въ Петербургѣ—Варшавскій, «у чорта на куличкахъ». Одно утѣшеніе, что извозчики во Львовѣ не похожи на петербургскихъ, а тѣмъ болѣе на московскихъ. Экипажи у нихъ просторные, такъ что удобно могутъ помѣститься трое пассажировъ, даже, можно сказать, элегантные, лошади сытыя, упряжь—какъ слѣдуетъ. Сами извозчики никакой формы, какъ, напримѣръ, въ Берлинѣ или даже въ Варшавѣ, не имѣютъ. Каждый одѣтъ «по своему усмотрѣнію», но вполнѣ прилично: на одномъ сюртукъ, на другомъ пиджакъ, на третьемъ тужурка, на головѣ шляпа-цилиндръ или «котелокъ». Пассажировъ своими предложеніями не истязуютъ, и рядиться съ ними не приходится, такъ какъ въ городѣ давнымъ-давно существуетъ такса.

Отъ вокзала до Grand Hôtel'я пришлось ѣхать болѣе получаса. Несмотря на то, что было только 9 часовъ вечера, улицы, по которымъ мы проѣзжали, поражали своимъ пустыннымъ видомъ, прохожіе и экипажи попадали навстрѣчу рѣдко, лишь освѣщен-

ныя окна магазиновъ, да еще одиноко стоящіе газовые фонари какъ будто оживляли безлюдную улицу. Только когда нашъ экипажъ достигъ «Гетманскихъ валовъ», картина перемѣнилась. Здѣсь и электрическое освѣщеніе, и толпы гуляющихъ, и электрическій трамвай, и множество экипажей.

Grand Hôtel оказался недорогимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ европейскимъ отелемъ, съ подъемною машиною, элекрическимъ освѣщеніемъ въ номерахъ, выдрессированною прислугою и безукоризненною повсюду чистотою. Одно меня поразило, что прислуга Grand Hôtel'я охотнѣе и чище говорила по-нѣмецки, нежели по-польски... Ужели, думалъ я, древній славянскій Львовъ уже и въ самомъ дѣлѣ перерождается въ нѣмецкій Лембергъ? Зданіе Grand Hôtel'я выходитъ своимъ прекраснымъ фасадомъ на Гетманскіе валы— центральную улицу, или, вѣрнѣе, площадь города, поэтому отсюда мы и начали обозрѣніе Львова. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Гетманскіе валы, всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ протекала узенькая, зловонная рѣчка. Надъ нею устроили сводъ, и такимъ образомъ получилась широкая площадь, средину которой заняли скверы. Въ одномъ изъ послѣднихъ находится памятникъ Яну Собѣскому. Съ этого именно памятника и въ тотъ же самый вечеръ, когда я пріѣхалъ, и началось мое знакомство со Львовомъ.

Перейдя дорогу, я очутился въ скверѣ передъ памятникомъ Собѣскаго, произведеніемъ рѣзца г. Таудеша Барончa. Освободитель Вѣны представленъ верхомъ на боевомъ конѣ; въ правой, нѣсколько простертой впередъ, рукѣ булава. Конь взвился на дыбы. Подъ его ногами разбитая фашина, сломанное пушечное колесо, испорченное орудіе и переломленный турецкій бунчукъ. Грандіозная фигура помѣщена на высокомъ гранитномъ пьедесталѣ, съ одной стороны котораго начертаны названія городовъ—свидѣтелей побѣдъ Собѣскаго, а съ другой надпись:

Królowi
Ianowi III
miasto Lwów
MDCCCXCVIII.

Вокругъ памятника и дальше по скверу бродила взадъ и впередъ публика.

Въ концѣ того же сквера, на площади Голуховскихъ, кстати сказать, граничащей съ грязнымъ жидовскимъ кварталомъ, настоящимъ львовскимъ ghetto [1]), возвышается величественное зданіе новаго театра, увѣнчанное громаднымъ куполомъ. Когда я его видѣлъ, оно только что было окончено вчернѣ, лѣса уже сняли, начинали штукатурить, внутри происходила съ лихорадочною по-

[1]) Число евреевъ въ Львовѣ составляетъ 1/3 часть всего городского населенія— 130.000 д.

спѣшностью отдѣлка, и зданіе было окружено заборомъ. Спектакли же происходили въ старинномъ театрѣ, основанномъ въ 1843 г. гр. Стан. Скарбкомъ и носящемъ имя основателя [1]).

На этомъ и окончилось мое первое знакомство съ Львовомъ.

II.

У св. Юра. — Изъ исторіи храма. — Служба и молящіеся. — Городская жизнь: café, внѣшность города, его особенности.—Монастырь іезуитовъ.—Каѳедральный костёлъ.—Его достопримѣчательности.—Каплица Боимовъ.—Рынокъ. Историческіе дома.—Волошская церковь.—Ея описаніе и исторія.—Часовня св. Духа.—Ставропійскій институтъ.—Его сокровища.—Профессоръ И. И. Шараневичъ. — Еврейская синагога.—Доминиканскій монастырь.—Армянскій уніатскій каѳедральный соборъ.—Музей Дзедушицкихъ.—Zakład narodowy Оссолинскихъ.—Университетъ.—Библіотеки: политехникума, Павликовскихъ и гр. В. Баворовскаго.

На другой день, поднявшись очень рано, отправился я въ церковь св. Юрія. Храмъ св. Юрія, или, по-мѣстному, просто św. Jur, одна изъ первыхъ достопримѣчательностей Львова. Построенъ въ половинѣ XVIII ст. епископами львовскими, Аѳанасіемъ и Леонт. Шептицкими, для монаховъ базиліановъ, на мѣстѣ принадлежавшей послѣднимъ древней деревянной церкви [2]). Въ 1817 г. базиліановъ перевели въ церкви св. Онуфрія, а монастырь ихъ передали греко-уніатскому капитулу. Съ тѣхъ поръ św. Jur сталъ митрополичьею или соборною церковью. Мѣстоположеніе ея превосходное— на высокой горѣ. Далеко видны бѣлыя стѣны величественнаго храма съ его чуднымъ куполомъ и великолѣпнымъ фасадомъ въ стилѣ rococo, украшеннымъ вазами и конною статуею великомученика Георгія Побѣдоносца. Около церкви расположены монастырскія зданія, отстроенныя изъ камня, одинаковой съ церковью архитектуры, благодаря стараніямъ еп. Аѳ. Шептицкаго.

Широкая и красивая терраса передъ фасадомъ храма ведетъ внутрь зданія. Внутреннее благолѣпіе его вполнѣ гармонируетъ съ внѣшнею красотою. Обиліе свѣта и воздуха, превосходныя фрески на сводахъ и образа, въ числѣ которыхъ есть произведенія Ф. Смуглевича, Т. Блотницкаго и Л. Долинскаго—все это вмѣстѣ взятое производитъ неизгладимое впечатлѣніе. Когда я вошелъ въ церковь, тамъ шла обѣдня. Богослуженіе отправлялось на древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ и мало чѣмъ отличалось отъ право-

---

[1]) Театръ открытъ съ большою церемоніею въ началѣ октября (по н. ст.) 1900 г. Строитель его—архитекторъ г. С. Горголевскій. Польская пресса хвалитъ постройку. Украшеніемъ театра служитъ занавѣсъ кисти г. Г. Семирадскаго. Тогда же произошло торжественное закрытіе театра гр. Скарбка.

[2]) Отъ этой церкви остался. сохраняющійся въ настоящее время на колокольнѣ св. Юра, небольшой колоколъ, съ славянскими письменами, 1341 г. Снимокъ съ него и съ надписи сообщенъ нами императорской археологической комиссіи.

Видъ г. Львова съ сѣверной стороны.

славнаго ритуала... Священникъ бритый, въ ризѣ, служилъ одинъ, безъ дьякона. Пѣвчихъ немного — трое взрослыхъ да трое мальчиковъ. Пѣли стройно и благолѣпно, не кричали, не гнусили, не смѣялись и не сморкались... Когда наступило время провозглашенія исповѣданія вѣры, на средину храма, предъ царскія двери, вышелъ одинъ изъ пѣвцовъ и внятно прочиталъ по книгѣ «Вѣрую», съ добавленіемъ въ 8 членѣ символа слова «и Сына». Молящихся было немного. У конфессіоналовъ (исповѣдаленъ), которые открыты, какъ и въ костелахъ, стояло по нѣсколько исповѣдниковъ, ожидая очереди. Между ними были типичныя лица. Никогда не забуду молодой дѣвушки-блондинки съ распущенными по плечамъ волосами, которая, стоя на колѣняхъ передъ конфессіоналомъ, слегка откинувшись назадъ въ позѣ немного театральной, такъ напоминала своею красотою Батоніевскую «Магдалину», но была едва ли еще не прекраснѣе ея...

Отъ св. Юра направился я въ такъ называемую Волошскую церковь, находящуюся на другомъ концѣ города.

Львовъ уже совсѣмъ проснулся. Магазины открыты. Въ кофейняхъ (kawiarnie) биткомъ набито публикою. Львовскія кофейныя устроены на вѣнскій манеръ: масса газетъ и журналовъ [1]), столики для игры въ карты и домино, расторопная прислуга. Въ настоящее время въ большой модѣ café Шнейдера на Академической улицѣ. Въ кофейняхъ «сражаются» въ карты и въ домино, читаютъ газеты, толкуютъ о политикѣ и общественныхъ дѣлахъ, спорятъ, доказываютъ и все это—тихо, мирно...

Путешествіе пѣшкомъ—самый лучшій способъ ознакомленія съ городомъ. Львовъ лежитъ въ котловинѣ, окруженъ горами—отрогами Карпатъ. Эта котловина—чудный уголокъ природы, которому не достаетъ лишь широкой ленты рѣки, такъ какъ Пелтево, къ тому же закрытую въ серединѣ города сводомъ, едва ли можно считать рѣкою... Тѣмъ не менѣе мѣстность, занимаемая Львовомъ, какъ бы нарочно предназначена природою для огромнаго человѣческаго поселенія. Улицы, въ силу необходимости, извиваются по пригоркамъ, а дома, сообразно надобности и удобству обитателей, скопляются около извѣстныхъ центровъ, размѣщаются въ паркахъ и садахъ, или располагаются по скатамъ горъ. Какая противоположность въ сравненіи съ городами, построенными на равнинахъ, гдѣ прямолинейныя улицы представляются огромными коридорами, а припертые къ нимъ, выровненные въ одну линію, дома напоминаютъ собою казармы. Здѣсь нѣтъ и слѣда этой шахматной доски, нѣтъ ни крошки того однообразія, какое нынѣ строительное искусство, ради удобствъ сообщенія, по примѣру практичной Америки, вводитъ во всѣхъ городахъ. А при томъ какое наслажденіе для

[1]) Во Львовѣ выходитъ до пятидесяти газетъ и журналовъ.

глазъ, какое отдохновеніе для ума пойти на прогулку на Замковую гору или въ Стрыйскій паркъ! Отсюда виденъ весь городъ, какъ на ладони. Очаровательная картина, напоминающая собою, конечно, въ меньшемъ масштабѣ, видъ Вѣны съ высотъ Калленберга. О Львовѣ можно положительно сказать, что его видно собственными глазами — не съ птичьяго полета, не съ какой нибудь искусственной башни, а съ натуральной возвышенности, на которой человѣкъ можетъ очутиться каждый день, такъ какъ Замковая гора, импонирующая своею высотою, равно какъ и Стрыйскій паркъ, чарующій романтичною красотою своего положенія,—

Памятникъ Собѣскому.

мѣста обычной прогулки горожанъ. Тутъ можно дышать свѣжимъ воздухомъ сколько угодно и безпрепятственно, можно парить на крыльяхъ воображенія.

Хотя Львовъ не имѣетъ еще до сихъ поръ правильной канализаціи, а водопроводъ начнетъ функціонировать только въ 1901 году, но, несмотря на это, городъ, за исключеніемъ закоулковъ подъ Замковою горою и на предмѣстьяхъ, выглядываетъ весьма опрятно. Въ исторіи благоустройства Львова имѣютъ значеніе двѣ эпохи. Одна съ 1814 г. по 1837 г., когда городъ мало-по-малу сталъ принимать европейскій видъ, и другая съ 1870 г., когда Львовъ получилъ самоуправленіе. «Кто зналъ Львовъ тридцать лѣтъ тому, говорили мнѣ старожилы,—и сравнилъ бы его съ настоящимъ, тотъ его не узналъ бы: такъ далеко разростается, застраивается и упорядочивается нашъ городъ». И дѣйствительно улицы теперь вымощены каменными плитами, содержатся чисто, освѣщаются газомъ и электричествомъ. Большинство ихъ носитъ имена истори-

ческихъ лицъ и событій. Такъ есть улицы: Баторія, Августа Бѣлевскаго, Чарнецкаго, Бартоша Гловацкаго, Килинскаго, Мицкевича, Собѣскаго, Іосифа Понятовскаго, Третьяго Мая, Люблинской уніи. Общественныхъ памятниковъ въ городѣ пока мало. Кромѣ памятника Я. Собѣскому, есть еще прекрасная статуя драматурга гр. А. Фредро (ум. 1876 г.), поставленная въ 1897 г. Памятниковъ Килинскаго и гетмана Стан. Яблоновскаго († 1702) я не беру въ расчетъ, такъ какъ первый находится за городомъ, а второй (въ скверѣ на Гетманскихъ валахъ) мизеренъ до невѣроятія. Есть еще обелискъ противъ костела бернардиновъ, поставленный въ 1649 г., въ честь бл. Яна изъ Дукли, спасшаго своими молитвами Львовъ отъ Хмельницкаго, но это скорѣе «религіозная фигура». Общественные сады и парки такъ фантастично засажены деревьями, что изъ нихъ уйти не хочется. Особенно хорошъ паркъ на Стрыйской горѣ, называемый «паркомъ Килинскаго», съ памятникомъ послѣдняго, поставленымъ львовскими мѣщанами въ 1894 году [1]). Равнымъ образомъ и домамъ нельзя отказать въ извѣстномъ декораціонномъ вкусѣ и въ архитектурной симметріи. О такихъ прелестяхъ, какія, напримѣръ, встрѣчаемъ въ Москвѣ, на Кузнецкомъ мосту, гдѣ сплошь и рядомъ подлѣ дома, чуть не дворца, ютятся одноэтажные домишки, занятые магазинами, здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Я уже не говорю о казенныхъ и общественныхъ зданіяхъ, въ родѣ, напримѣръ, намѣстничества, сейма галиційскаго, дома инвалидовъ, политехникума, городскихъ школъ св. Анны и Конарскаго, галиційской сберегательной кассы—это въ полномъ смыслѣ слова дворцы. Дома частныхъ лицъ здѣсь по преимуществу двухъ и трехъэтажные, и соотношеніе ихъ вышины къ ширинѣ улицъ соблюдается, повидимому, строго. Нигдѣ нѣтъ ни тѣсноты, ни однообразія видовъ. Стѣны не пригнетаютъ человѣка своею высотою, улицы тѣшатъ глаза фантастичностью линій. Что минута, то какая нибудь площадь на поворотѣ улицы, а на ней либо скверъ, либо костелъ и непремѣнно въ стилѣ итальянскаго Возрожденія. Потому-то Львовъ, несмотря на то, что значительно выдвинутъ на востокъ, все же производитъ впечатлѣніе чисто западнаго города, а это вмѣстѣ съ живописностью его положенія придаетъ ему много прелести.

II—снова Гетманскіе валы.

Прямо—монастырь іезуитовъ, въ костёлѣ котораго показываютъ

---

[1]) Памятникъ—раб. Ю. Марковскаго почти 10 метр. высоты, изъ такъ называемаго песковца, представляетъ народнаго героя во весь ростъ, въ правой рукѣ у него простертый мечъ, а въ лѣвой знамя. На пьедесталѣ съ четырехъ сторонъ надписи, привожу ихъ въ переводѣ—на одной: «Яну Килинскому, сапожнику варшавскому и полковнику войскъ народныхъ 1794 г. львовскіе мѣщане», на другой, налѣво: «родился въ Тржемешнѣ, 1760 г.», на третьей, направо: «умеръ въ Варшавѣ. въ 1819 г.» и на четвертой, сзади слова изъ его «Записокъ»: «одну имѣю душу и ту отдамъ за родину».

Каѳедральная греко-уніатская церковь св. Юрія въ Львовѣ.

стеклянный, съ серебряными украшеніями, гробъ св. Бенедикта и нѣсколько прекрасныхъ, мраморныхъ памятниковъ фамилій Яблоновскихъ и Дзедушицкихъ.

Улицею Килинскаго выходимъ на плацъ Капитульный. Направо каѳедральный католическій костёлъ Успенія Божіей Матери. Заложенъ въ концѣ XIV или въ началѣ XV столѣтія. Оконченъ постройкою въ 1479 году. Стиль готическій, къ сожалѣнію, искаженный разными пристройками, сдѣланными въ позднѣйшее время. Значительная часть этихъ пристроекъ уничтожена въ 1770 году. Изъ сохранившихся до настоящаго времени замѣчательна каплица—первая по лѣвой сторонѣ, въ стилѣ renaissance, украшенная снаружи барельефами (положеніе Спасителя во гробъ, Его воскресеніе и явленіе Маріи Магдалинѣ въ образѣ садовника) съ латинскими подписями. Внутри зданіе дѣлится на три продольныя части или навы, при чемъ средняя почти вдвое шире боковыхъ. Она покоится на четырехъ пилястрахъ, образующихъ готическіе своды. Стѣны и своды костёла въ фрескахъ, не соотвѣтствующихъ основному стилю сооруженія. Алтарей—двѣнадцать. Главный—въ стилѣ rococo—второй половины XVIII вѣка—замѣчателенъ чудотворнымъ образомъ Божіей Матери съ Младенцемъ, писаннымъ въ 1598 году Іосифомъ Вольфовичемъ. Изъ надгробныхъ памятниковъ заслуживаютъ упоминанія: Михаила Бучацкаго († 1438), усмирителя волненій на Литвѣ и въ Подоліи при Владиславѣ Ягеллѣ, побѣдителя татаръ, Станислава Жолкевскаго († 1588 г.), «воеводы русскаго», отца гетмана, и семейства Кампяновъ (Kampianów), именитыхъ львовскихъ мѣщанъ XVII столѣтія. Въ ризницѣ показываютъ подсвѣчники, вылитые изъ пушекъ, отнятыхъ Собѣскимъ у турокъ, золотой скипетръ и часы, подаренные тѣмъ же королемъ.

Подлѣ каѳедральнаго костела, на углу Галицкой улицы,— такъ называемая каплица «Ogrójcowa», или Боимовъ—великолѣпное архитектурное произведеніе вь стилѣ renaissance. Построили ее богатые львовскіе мѣщане Боимы въ первой половинѣ XVII столѣтія. Основаніе положилъ Юрій Боимъ съ женою Ядвигою, въ 1609 году, а закончилъ постройку сынъ его Павелъ, въ 1617 году. Каплица квадратная, увѣнчанная прекраснымъ, крытымъ мѣдью, куполомъ. Фасадъ ея украшаютъ скульптурныя изображенія—сцены изъ исторіи страданій Спасителя, расположенныя съ большимъ вкусомъ, не нарушая общей архитектурной гармоніи сооруженія. Внутри заслуживаютъ вниманія скульптурный алтарь и двѣ таблицы изъ алебастра, съ надписями и изображеніями фундаторовъ и членовъ ихъ семьи.

Отсюда — два шага до рынка, большой квадратной площади. По срединѣ ея стоитъ огромная ратуша съ четырехугольною башнею, высотою 65 метровъ. Зданіе сравнительно не старое. По-

строено между 1827 и 1834 годами. Послѣ бомбардированія Львова въ 1848 году подверглось капитальному ремонту. Здѣсь, кромѣ разныхъ канцелярій и квартиры президента города, помѣщаются промышленный музей, городской архивъ и историческій музей. Будучи издавна главнымъ очагомъ городской жизни, львовскій рынокъ былъ свидѣтелемъ многихъ историческихъ событій. Видѣлъ онъ и купцовъ разныхъ національностей, собиравшихся сюда въ XV—XVI столѣтіяхъ, когда Львовъ игралъ роль торговаго посредника между Западомъ и Востокомъ, видѣлъ и нападенія татаръ, голытьбы Хмельницкаго, турецкихъ полчищъ, шведовъ и молдаванъ, помнитъ, какъ (въ XV ст.) отрубили головы тремъ молдавскимъ господарямъ, какъ въ ноябрѣ 1848 года австрійцы разстрѣливали людей, дравшихся на баррикадахъ за свободу... Рынокъ окружаютъ со всѣхъ сторонъ старинные дома XVI—XVII столѣтій, впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ, стиль ихъ измѣненъ позднѣйшими передѣлками. Въ ряду этихъ домовъ наиболѣе замѣчательны въ историческомъ отношеніи и лучше другихъ сохранились три—на восточной сторонѣ площади. Одинъ—собственность римско-католическихъ епископовъ, здѣсь умеръ 9 ноября 1673 г. король Михаилъ Корыбутъ Висніовецкій. Другой (№ 6) построенъ въ 1580 году Константиномъ Корніактомъ, однимъ изъ фундаторовъ Волошской церкви, позднѣе принадлежалъ Яну Собѣскому, а въ настоящее время принадлежитъ князьямъ Понинскимъ. Третій (№ 4) отличается богатствомъ орнаментацій наружныхъ стѣнъ, напоминающихъ барельефы Волошской церкви.

Коротенькая и узенькая Русская улица приводитъ насъ къ церкви Успенія Пресвятой Богородицы, или Волошской, такъ называемой по имени своихъ основателей-господарей волошскихъ, или валашскихъ (молдавскихъ). Она уже существовала въ началѣ XVI столѣтія; въ 1527 году сгорѣла. Львовская русская колонія не въ состояніи была возстановить ее въ прежнемъ видѣ. Владыка львовскій Макарій Тучапскій и епископъ перемышльскій Арсеній въ 1547 году издали воззваніе къ православнымъ о поддержаніи церкви. Пожертвованій, однако, было недостаточно. Тогда прихожане обратились къ бессарабскому господарю Александру съ просьбою о помощи. Онъ приказалъ (1553 г.) строить на свой счетъ новую церковь. Позднѣе ее расширили на средства молдавскихъ господарей изъ рода Могилъ: Іереміи, Павла, Симеона и Мирона Барнавскаго. Работы производили архитекторы Павелъ Римлянинъ, тесть его Войцѣхъ Капиносъ и итальянецъ Амброзій. Закончили ихъ въ 1629 году, а черезъ два года храмъ освятилъ епископъ львовскій Іеремія Тисаровскій. Примыкающую къ церкви колокольню началъ строить собственнымъ иждивеніемъ бездѣтный львовскій мѣщанинъ Давидъ Русинъ въ 1567 году, а когда она черезъ два года обрушилась, воздвигъ (1570—1580) новую, шести-

Римско-католическій каѳедральный соборъ въ Львовѣ.

Каплица Боимовъ въ Львовѣ.

ярусную, донынѣ существующую, Константинъ Корніактъ [1]). Какъ церковь, такъ и колокольня построены изъ тесаннаго камня, въ стилѣ renaissance, изобилуютъ пилястрами и арками съ дорическимъ карнизомъ и скульптурными украшеніями. Три купола увѣнчиваютъ этотъ великолѣпный храмъ. Черезъ небольшую паперть со стороны Русской улицы входите въ церковь. Сравнительно она не велика, но свѣтла и, если можно такъ выразиться, уютна. Представляетъ собою одну общую залу, оканчивающуюся полукруглою абсидой. Находящіяся въ серединѣ ея четыре тосканскія колонны дѣлятъ храмъ поперекъ на три части. Изъ нихъ первую и третью покрываютъ пересѣкающіеся крестообразно своды, надъ среднею же, оканчивающеюся стрѣльчатыми аркадами, возносится куполъ, украшенный гербами польскихъ королей, молдавскихъ господарей и московскихъ великихъ князей. Другой куполъ надъ хорами, при входѣ, а третій надъ алтарною частью. Узкіе проходы между средними и внѣшними стѣнами также покрыты сводами. Лѣвую стѣну занимаютъ огромные ковры XVII столѣтія. Среди нихъ помѣщенъ большой портретъ Константина Корніакта, на хорахъ повѣшены портреты его сыновей. Иконостасъ—XVII вѣка—въ стилѣ barocco.

Здѣсь такъ же, какъ и у св. Юра, я засталъ обѣдню. Наканунѣ былъ праздникъ — Духовъ день по старому стилю, и въ церкви остались еще березки, а на полу цѣлый слой травы... Пѣли на томъ же самомъ языкѣ, слышать который въ храмѣ мы привыкли съ дѣтства... Право, казалось, что вы стоите въ какой нибудь московской церкви за обѣднею.

На церковномъ дворѣ существуетъ небольшая, очень красивая, въ византійскомъ стилѣ, часовня, построенная въ 1672 году. Снаружи и внутри она украшена оригинальными барельефами. Вообще часовня эта—одинъ изъ цѣнныхъ памятниковъ византійскаго искусства [2]). Прилегающія къ Волошской церкви постройки со стороны Русской улицы и дальше отъ улицъ Бляхарской и Зацерковной принадлежатъ ставропигійскому институту, существовавшему съ незапамятныхъ временъ при церкви Успенія Божіей Матери, подъ именемъ Успенскаго братства [3]). 1 января 1586 года Іоакимъ, патріархъ антіохійскій, далъ ему статутъ, а Іеремія, патріархъ константинопольскій, взялъ его подъ непосред-

---

[1]) Колокольню реставрировали въ 1694 году, послѣ осады турками Львова; въ 1795 году устроили надъ нею куполъ въ стилѣ barocco, а въ 1880 году обновили верхній ярусъ.

[2]) На дворѣ передъ часовнею, галлерея, на стѣнѣ которой помѣщены три интересныя картины конца XVII ст.—снятіе со креста, видъ Іерусалима и Аѳонской горы.

[3]) «Юбилейн. изд. въ пам. 300-лѣтняго основанія Львовскаго ставропигійскаго братства», т. I, Львовъ, 1886, стр. V.

Библіотека Оссолинскихъ въ Львовѣ.

ственный протекторатъ (1593), или, другими словами, далъ stauropegion. 7 сентября (н. с.) 1788 года императоръ Іосифъ II надѣлилъ ставропигійское братство титуломъ «ставропигійскаго института», возводя членовъ института «въ достоинство старшинъ русскаго народа и отцовъ ставропигійской церкви и училища», съ правомъ патроната церкви Пресвятой Богородицы [1]). Институтъ содержитъ типографію и школу причетниковъ и занимается изданіемъ церковныхъ книгъ. По инициативѣ и трудами маститаго сеніора (старѣйшины) института И. И. Шараневича [2]), въ недавнее время возникъ при институтѣ музей. Онъ помѣщается въ бельэтажѣ институтскаго дома со стороны Русской улицы. Занимаетъ 3—4 комнаты. Содержитъ въ себѣ цѣнныя рѣдкости галицко-русскаго искусства: печатныя книги на церковно-славянскомъ языкѣ (замѣчательны Евангелія XIII, XVII ст., Апостолъ, напечатанный Иваномъ Ѳедоровымъ, 1574 г.), иконы, священныя облаченія, сосуды, кресты, портреты, грамоты, рукописи и мѣстный археологическій отдѣлъ (ископаемые предметы). Въ архивѣ ставропигійнаго института заключаются важные документы, касающіеся исторіи греко-католическаго исповѣданія и монашества въ галицкой Руси. Видѣть тотъ и другой можно только съ разрѣшенія сеніора. Но почтенный Исидоръ Ивановичъ настолько любитъ свое научное дѣтище, что готовъ каждому имъ интересующемуся во всякое время и лично его показать. Когда я пріѣхалъ съ профессоромъ Львовскаго университета г. Л. Финкелемъ [3]) къ Исидору Ивановичу, онъ спалъ,—была послѣобѣденная пора. Мы обратились съ нашею просьбою позволить осмотрѣть музей къ сыну г. Шараневича. Исидоръ Ивановичъ услыхалъ наши переговоры, прервалъ свой отдыхъ, самъ насъ сопровождалъ и давалъ свои цѣнныя объясненія.

На возвратномъ пути изъ Русской улицы, налѣво, въ улицѣ Бляхарской, заслуживаетъ вниманія еврейская синагога. Находится она во дворѣ одного изъ домовъ, и, чтобы добраться до нея, надо пройти черезъ сквозныя сѣни дома № 27. Вы ее сразу замѣтите среди разныхъ полуразвалившихся построекъ. Синагога представляетъ собою квадратную залу, съ готическимъ сводомъ, съ зубцами, опирающимися на консоляхъ, въ стилѣ renaissance. Алтарь—въ томъ же стилѣ. Судя по архитектурнымъ деталямъ, основаніе ея можно отнести къ началу XVI столѣтія.

---

[1]) Тамъ же, VII.

[2]) Исидоръ Ивановичъ Шараневичъ, профессоръ Львовскаго университета, дѣйствительный членъ Краковской академіи наукъ, докторъ русской исторіи императорскаго университета св. Владиміра въ Кіевѣ, почетный d-r Краковскаго университета, авторъ многочисленныхъ сочиненій на русинскомъ нарѣчіи, польскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, касающихся мѣстной исторіи.

[3]) Талантливый авторъ библіографіи польской исторіи, выходящей въ настоящее время въ Краковѣ выпусками.

Политехникумъ въ Львовѣ.

Бляхарская улица упирается въ Доминиканскую площадь. Здѣсь, направо, монастырь доминикановъ съ костеломъ Божія тѣла. Того костела, который былъ заложенъ на этомъ мѣстѣ впервые въ половинѣ XVI вѣка, уже не существуетъ. Современный костелъ построенъ въ 1749 году и капитально отреставрированъ послѣ пожара въ 1778 году, а колокольня выстроена въ 1865 году. Фасадъ зданія въ стилѣ barocco украшаютъ колонны іоническаго ордена, а вѣнчаетъ грандіозный куполъ. Въ каплицѣ Потоцкихъ (фундація Ник. Потоцкаго —извѣстнаго старосты Канёвскаго) указываютъ прославившуюся чудесами фигуру Божіей Матери изъ алебастра—одинъ изъ древнѣйшихъ и совершеннѣйшихъ памятниковъ греческаго искусства, а въ главномъ алтарѣ—образъ Богоматери, приписываемый кисти св. евангелиста Луки. Въ костелѣ нѣсколько памятниковъ. Между ними интересны: графини Іос. Борковской († 1811 г.) работы славнаго ваятеля Торвальдсена: геній смерти проводитъ за предѣлы жизни женщину, которую геній жизни не пускаетъ, и знаменитаго, безвременно умершаго живописца Артура Гроттгера—работы В. Гадомскаго: слава (изъ бѣлаго мрамора) вѣнчаетъ изображеніе артиста (горельефъ) на обелискѣ (изъ сѣраго гранита); на урнѣ барельефъ: молодость освобождаетъ родину-мать изъ кандаловъ [1]). Въ сакристіи монастырской превосходныя ризы и другія священныя одежды, изготовленныя изъ матерій турецкихъ шатровъ, добытыхъ Яномъ Собѣскимъ подъ Вѣною.

Съ Доминиканской площади выходъ на Армянскую улицу, называемую такъ потому, что въ старину здѣсь проживали исключительно армяне. Въ концѣ улицы, на правой рукѣ, армянскій уніатскій каѳедральный соборъ. Ни въ одномъ, кажется, городѣ нѣтъ такого скопленія разновѣрныхъ епископскихъ каѳедръ, какъ въ Львовѣ. Здѣсь имѣютъ свою резиденцію три архіепископа—представители трехъ обрядовъ: римско-католическаго [2]), греко-восточнаго [3]) и армянскаго [4]). Послѣдніе два, сохраняя литургію на народномъ языкѣ и свои основные обряды, признаютъ главенство римскаго первосвященника и такимъ образомъ въ отношеніи Ватикана являются уніатами. Основаніе собора относятъ ко временамъ Казимира Великаго, но частыя реставраціи, вызывавшіяся пожарами, лишили зданіе первоначальнаго характера. Въ

[1]) Погребенъ А. Гроттгеръ на Лычаковскомъ кладбищѣ.

[2]) Римско-католическая епископія основана въ 1367 году въ Галичѣ, перенесена въ Львовъ въ 1416 году.

[3]) Или русскаго (отъ начала XVII вѣка уніатскаго) первоначально епископства, перенесеннаго изъ Галича въ Львовъ въ первой половинѣ XVI вѣка, а въ 1805 году возведеннаго на степень галицкой митрополіи.

[4]) Армянское епископство существуетъ въ Львовѣ съ 1367 года. При епископѣ Николаѣ Торосовичѣ (1627—1681 гг.) возведено на степень архіепископіи.

Церковь Успенія Богородицы въ Львовѣ.

настоящее время въ архитектурномъ отношеніи оно представляетъ собою оригинальное соединеніе готическаго стиля съ византійскимъ. Лучше другихъ его частей сохранилась звонница XVI вѣка. Въ соборной ризницѣ хранятся: евангеліе и псалтирь XIII вѣка съ великолѣпными миніатюрами и превосходной работы серебряный подносъ во вкусѣ au repoussé. Къ собору примыкаютъ: монастырь армянскихъ бенедиктинокъ и дворецъ (XVII вѣка) архіепископа. Въ послѣднемъ интересны портреты львовскихъ армянскихъ архіепископовъ и образъ Божіей Матери итальянскаго письма. Армянская улица упирается въ Театральную улицу. Направо, на углу — народный домъ, построенный въ 1857 году на мѣстѣ сгорѣвшей въ 1848 году академіи. Налѣво — музей Дзедушицкихъ. Основанъ графомъ Вл. Дзедушицкимъ первоначально въ Потуржицѣ, а въ Львовъ перенесенъ въ концѣ 70-хъ годовъ. Это—богатое собраніе съ цѣлой Галиціи предметовъ, входящихъ въ кругъ естественныхъ наукъ. Здѣсь увидите образцы породъ деревьевъ, каменнаго угля, строительнаго матеріала, минераловъ, коллекціи птицъ съ ихъ гнѣздами, животныхъ, рыбъ, гадовъ, паучковъ, раковидныхъ, насѣкомыхъ, растеній, анатомическіе и энтомологическіе препараты и замѣчательное этнографическое собраніе. При музеѣ находится библіотека (Потуржицкая), составленная преимущественно изъ сочиненій, касающихся естественныхъ наукъ. Музей открытъ для публичнаго пользованія безплатно, въ опредѣленные дни. Упомянувъ о музеѣ Дзедушицкихъ, мы не можемъ обойти молчаніемъ и другихъ львовскихъ музеевъ и собраній.

Изъ нихъ, безспорно, первое мѣсто по своему богатству занимаетъ такъ называемый Zakład narodowy imienia Ossolińskich, или, попросту говоря, библіотека и музей графовъ Оссолинскихъ и князей Любомирскихъ. Помѣщается это учрежденіе въ собственномъ роскошномъ домѣ, скорѣе дворцѣ, на «улицѣ Оссолинскихъ». Слагается изъ двухъ частей: изъ собраній Оссолинскихъ, обнимающихъ книги и рукописи, и музея имени князей Любомирскихъ, заключающаго въ себѣ предметы археологическіе, историческіе, вооруженія и произведенія искусства. Основателемъ учрежденія былъ графъ Іос. Максим. Оссолинскій (родился въ 1748 году, умеръ въ 1826 году). Онъ еще въ 1804 году намѣревался соединить свои коллекціи съ коллекціями графовъ Замойскихъ [1]), но когда Замость перешелъ подъ власть Россіи, перемѣнилъ свое намѣреніе. Онъ порѣшилъ основать библіотеку въ Львовѣ, съ тѣмъ, чтобы на содержаніе ея шли доходы съ его имѣній. Проектъ этотъ утвердилъ императоръ Францъ I въ 1817 году.

[1]) Библіотека (въ обширномъ значеніи этого слова) Замойскихъ, находящаяся въ Варшавѣ,—одна изъ богатѣйшихъ частныхъ библіотекъ въ государствѣ.

Въ 1823 году князь Генрихъ Любомирскій, по соглашенію съ графомъ Оссолинскимъ, присоединилъ къ коллекціямъ послѣдняго свои превосходныя собранія книгъ, медалей, древностей и картинъ, а по смерти основателя принялъ на себя обязанность попечителя учрежденія. Средства на содержаніе послѣдняго и число предметовъ быстро увеличивались въ послѣдующіе годы, благодаря пожертвованіямъ разныхъ лицъ. Въ 1827 году Zakład Ossolińskich былъ открытъ для общественнаго пользованія. Въ настоящее время библіотека Оссолинскихъ, какъ видно изъ отчета ея за 1893 годъ,

Церковь св. Онуфрія въ Львовѣ.

заключаетъ въ себѣ: печатныхъ произведеній,—92.076 уникатовъ и 8.200 дублетовъ, 2.839 автографовъ (интересны письма несчастной Маріи-Антуанеты, Муравьева-Апостола къ Батюшкову 1825 года), 1.169 грамотъ, 3.538 рукописей и 1.881 картъ и атласовъ. Сюда не входятъ предметы коллекціи Любомирскихъ. Послѣднихъ насчитывается: 4.237 медалей, 17.513 монетъ, 812 ассигнацій польскихъ и друг., 25.511 рисунковъ, 668 предметовъ вооруженія изъ Прживорскаго арсенала [1]) и 2.237 разнообразныхъ предметовъ. Въ

---

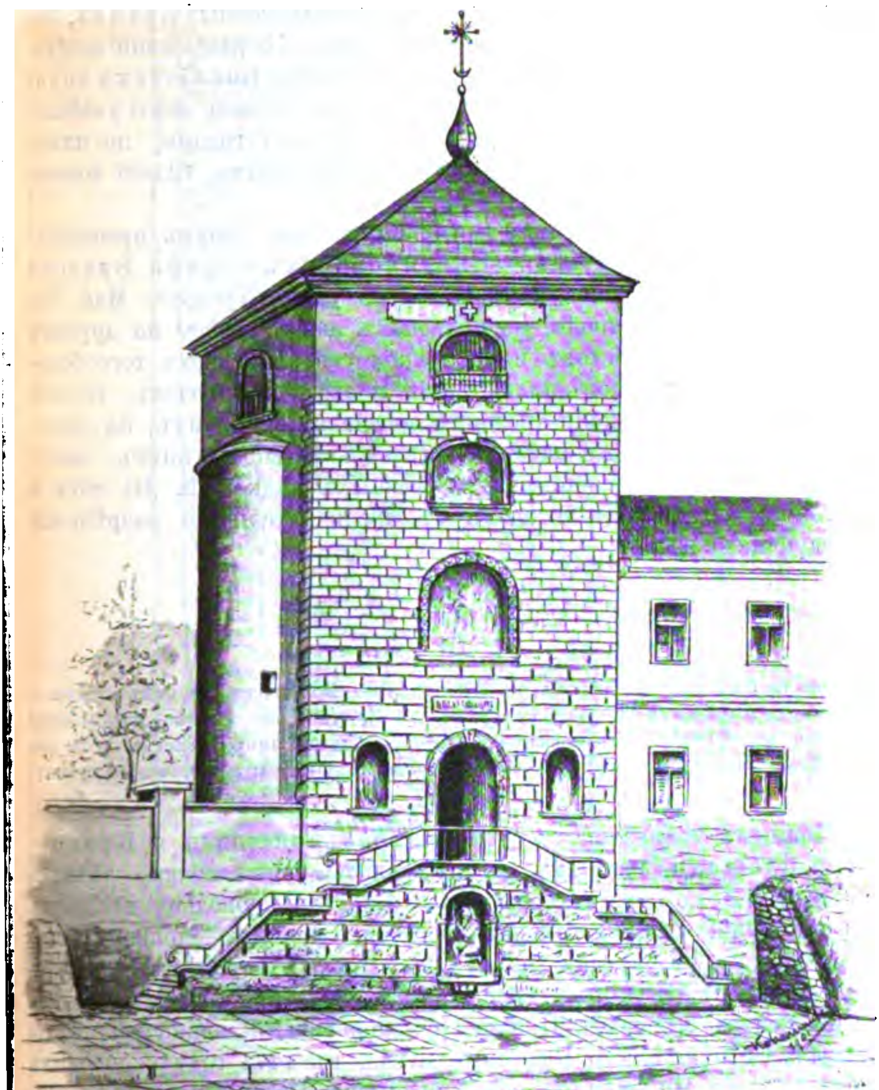
[1]) Прживорскъ—городъ въ Ржешовскомъ округѣ въ Галиціи. Въ немъ дворецъ князей Любомирскихъ.

отдѣлѣ историко-археологическомъ заслуживаютъ вниманія коллекціи: урнъ, горшковъ и чашъ (№ 1241) изъ могильника на поляхъ деревни Пелчина въ Средзкомъ повѣтѣ (Галиція), урнъ, горшковъ и чашечекъ, выкопанныхъ въ Смиловѣ и Льговѣ, въ повѣтѣ Вржесинскомъ (№ 1248), и собраніе разнообразныхъ бронзовыхъ и желѣзныхъ предметовъ, выкопанныхъ на львовской Замковой горѣ. Картинная галлерея богата не количествомъ (всего 866 нумеровъ), но качествомъ своихъ сокровищъ. Здѣсь, между прочимъ, увидите: «Воскрешеніе Лазаря»—Н. Пуссена, «Положеніе Христа во гробъ»—Доменикино, «Сампсона»—Джіордано, «Успеніе»—Сублейраса, «Святое Семейство»—Рафаэля Менгса, дивныя произведенія кисти Каналетто и между ними извѣстный «Въѣздъ Юрія Оссолинскаго въ Римъ», портреты Бакчіарелли, Долябелли, А. Орловскаго и другихъ [1]).

Университетская библіотека тоже очень богата. Состоитъ болѣе чѣмъ изъ 120.000 томовъ сочиненій на разныхъ языкахъ, владѣетъ обширнымъ собраніемъ рукописей, грамотъ, монетъ и медалей. Открыта, кромѣ праздниковъ и лѣтнихъ вакацій, зимою отъ 8 часовъ утра до 1 часу дня, а лѣтомъ отъ 9 до 1 и отъ 3 до 5 часовъ вечера. Входъ безплатный. Ядромъ ея служитъ библіотека Гарели, которую императоръ Францъ II, въ 1784 г., предназначилъ для Львовскаго университета. Съ теченіемъ времени она увеличивалась библіотеками упраздненныхъ монастырей, дарами частныхъ лицъ, а съ 1807 года обязательными экземплярами печатныхъ произведеній, выходящихъ въ восточной Галиціи. Въ 1848 году въ ней уже насчитывалось 50.000 томовъ. Но въ томъ же году въ университетѣ случился пожаръ. Едва удалось спасти 13.000 книгъ. Съ 1850-хъ годовъ начинается возрожденіе университетской библіотеки: пріобрѣтена библіотека Курцмайера, пошли частныя пожертвованія. Въ ряду послѣднихъ замѣчателенъ даръ кс. Форманіуша, отказавшаго въ 1885 году университету свое собраніе книгъ изъ 10.000 томовъ. Въ настоящее время библіотека помѣщается въ главномъ зданіи университета. Львовскій университетъ имени императора Франца-Іосифа I открытъ 17 ноября 1774 года, въ зданіи на Краковской улицѣ, теперь на этомъ мѣстѣ Народный домъ. Въ 1817 году преобразованъ, а послѣ 1848 года помѣщается въ настоящемъ зданіи, сооруженномъ въ 1842—1844 годахъ, иждивеніемъ кс. С. Гловинскаго. Зданіе это казарменнаго вида, въ родѣ тѣхъ, въ какихъ помѣщались у насъ во время оно кадетскіе корпуса... Львовскій университетъ слагается изъ четырехъ фукультетовъ: богословскаго, философскаго, юриди-

---

[1]) Библіотека открыта ежедневно (кромѣ праздничныхъ дней) отъ 9 до 2 часовъ, а коллекціи Любомирскихъ отъ 9 до 1 часу, по вторникамъ же и пятницамъ, кромѣ того, отъ 3 до 5 часовъ.



Вѣжа передъ церковью св. Онуфрія въ Львовѣ.

ческаго и медицинскаго (послѣдній открытъ недавно и находится отдѣльно). Кромѣ научныхъ музеевъ (зоологическаго, анатомическаго, минералогическаго etc.), при немъ имѣется ботаническій садъ [1]).—Обширное собраніе судебныхъ дѣлъ и актовъ (akta grod-

[1]) Кромѣ университета и политехникума, въ Львовѣ находятся слѣдующія учебныя заведенія: высшія—ветеринарная и промышленная школы, среднія—пять

zkie i ziemskie) вмѣщаетъ въ себѣ правительственный архивъ, помѣщающійся въ бернардинскомъ монастырѣ [1]). За разысканіе необходимаго документа установлена плата 3 гульдена. Библіотека политехникума, находящаяся въ великолѣпномъ зданіи этого учебнаго заведенія, возведенномъ, между 1873 и 1877 годами, по плану профессора Захаревича, содержитъ въ себѣ свыше 12.000 томовъ сочиненій техническаго характера.

Чтобы покончить съ музеями, упомяну еще о двухъ превосходныхъ музеяхъ-библіотекахъ—Павликовскихъ и графа Виктора Баворовскаго. Первый помѣщается на улицѣ Третьяго Мая. Содержитъ 18.500 сочиненій на польскомъ языкѣ, 2.500 на другихъ языкахъ, 1.000 дублетовъ и 400 рукописей, да сверхъ того большое собраніе рисунковъ-иллюстрацій польскихъ городовъ. Второй находится въ помѣщеніи прежняго арсенала Сенявскихъ, на Липовой улицѣ. Тутъ тоже наберется нѣсколько тысячъ книгъ, манускриптовъ, картинъ, эстамповъ и разныхъ рѣдкостей. Въ тотъ и другой музей доступъ открытъ съ предварительнаго разрѣшенія завѣдующихъ ими.

III.

Церковь св. Николая.—Монастырь оо. базиліановъ.—Историческія въ немъ могилы.—Друкарь-москвитинъ Іоаннъ Өедоровъ.—Причина его бѣгства изъ Москвы и жизнь въ Львовѣ.—Его могила.—Сужденіе объ ней лицъ, никогда ея не видавшихъ.—Пятницкая церковь.—Лычаковское кладбище и замѣчательные монументы.

Коннымъ трамваемъ съ угла Театральной улицы и Краковской площади, идущимъ по Жолкевской улицѣ, можно доѣхать до Жолкевской рогатки (заставы). На этомъ довольно длинномъ пути вниманіе путешественника—особенно русскаго—должны остановить три историческіе памятника. Первый изъ нихъ церковь (уніатская) св. Николая. Основана въ 1292 году княземъ Львомъ, основателемъ Львова [2]). При ней очевидно былъ монастырь. Акты свидѣтельствуютъ, что Казимиръ Ягелл. въ 1471 году освободилъ монастырь св. Николая отъ всѣхъ податей [3]). Построена въ византій-

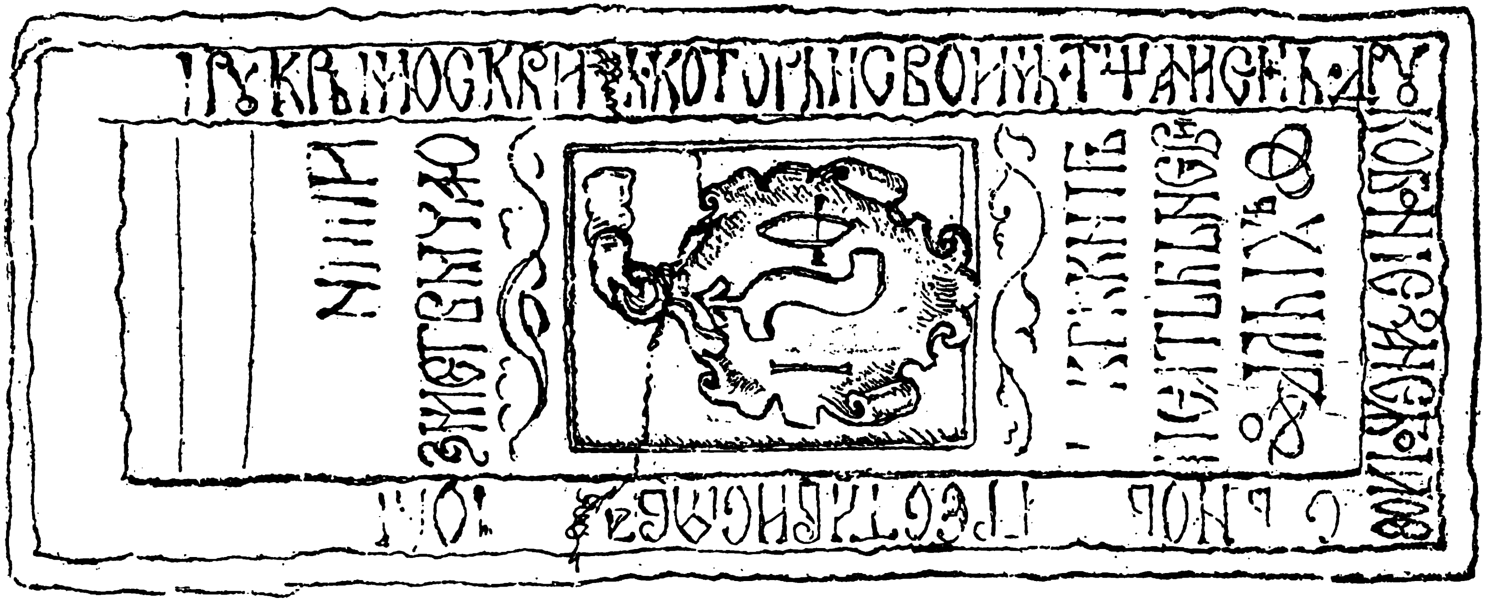
---

гимназій, реальная школа, двѣ учительскія семинаріи—мужская и женская, лѣсохозяйственное училище, двѣ духовныя семинаріи (римско-католическая и григоріано-католическая) и четырнадцать низшихъ смѣшанныхъ городскихъ школъ, не считая частныхъ учебно-воспитательныхъ заведеній.

[1]) Фасадъ монастырскаго костёла (XVII), въ стилѣ renaissance съ превосходною орнаментаціею заслуживаетъ вниманія. Въ костёлѣ: мощи св. Яна изъ Дукли († 1484 года), въ серебряномъ саркофагѣ, портреты королей и фундаторовъ монастыря и серебряная доска съ видомъ Львова, пожертвованная городомъ, по снятіи осады Хмельницкаго въ 1648 г.

[2]) Ак. grodz., III, 44.

[3]) Ак., VI, 148.



Надгробная плита діакона первопечатника Ивана Өедорова въ церкви монастыря базиліановъ въ Львовѣ.

скомъ стилѣ, въ формѣ греческаго креста, съ эллиптичнымъ куполомъ по серединѣ. Паперть образуетъ первое звено креста. Боковыя звенья прямоугольныя, покрыты перекрещивающимися сводами, ниже арки средняго купола. Въ настоящемъ своемъ видѣ церковь очень убога. Умѣлая реставрація, конечно, могла бы возстановить превосходный художественный памятникъ. Сохранилось нѣсколько образовъ высокой археологической цѣнности: на паперти—остатки стараго иконостаса и въ одномъ изъ алтарей, съ лѣвой стороны, изображеніе Божіей Матери надъ душами, находящимися въ чистилищѣ, послѣднія одѣты въ характернѣйшіе костюмы XVII вѣка

Въ дальнѣйшемъ продолженіи Жолкевской улицы, направо на возвышеніи, церковь св. Онуфрія съ монастыремъ оо. базиліановъ. Послѣдній существовалъ уже въ первыя времена Львова [1]). И церковь и келліи были деревянныя. Князь Константинъ Острожскій, въ 1518 году, на свои собственныя средства, построилъ каменныя. Въ храмѣ св. Онуфрія находился нѣкоторое время образъ Ченстоховской Божіей Матери. Отсюда взялъ его Владиславъ, князь опольскій, и помѣстилъ сначала въ Белзѣ, а потомъ въ Ченстоховѣ. Молдавскій господарь Томша, казненный въ 1564 году, отказалъ этому монастырю свое имѣніе и былъ похороненъ здѣсь въ церкви. Въ этой же церкви погребена (1598 г.) Елена Понятовская, дочь бессарабскаго владѣтеля Янкулы. Каменныя надгробія Томши и Понятовской съ сильно пострадавшими отъ времени славянскими надписями и гербами вмурованы въ наружную стѣну храма, по обѣ стороны главнаго входа.

Какъ извѣстно, на монастырскомъ кладбищѣ въ 1583 году опущенъ въ землю прахъ перваго русскаго типографа, нашего соотечественника, діакона московской Николы Голстунскаго, что̀ въ Кремлѣ, церкви, Іоанна Ѳедорова, или Ѳедоро̀вича, Chodorowicža, какъ онъ называлъ себя на чужбинѣ. Въ 1564 году въ Москвѣ появились его «Дѣянія Апостольска и посланія соборная и св. апостола Павла посланія». Не повезло ему въ Москвѣ. Дикая и невѣжественная московская Русь XVI столѣтія развѣ въ состояніи была оцѣнить его заслуги? Корыстолюбцы, невѣжды и суевѣры возстали противъ божьяго дѣла, обвинили Ѳедорова съ товарищами [2]) въ связи съ нечистою силою и принудили, ради сохраненія жизни, къ бѣгству изъ Москвы. Вотъ какъ разсказываетъ Ѳедоровъ этотъ грустный эпизодъ своей жизни въ «послѣсловіи» къ напечатанному имъ впослѣдствіи, уже въ Львовѣ, второму изданію «Апо-

---

[1]) Ак. grodz., III, 44.

[2]) Историки обыкновенно упоминаютъ объ одномъ товарищѣ (клевретѣ) Ѳедорова Петрѣ Тимоѳеевѣ Мстиславцѣ. Но едва ли будетъ съ нашей стороны ошибкою допустить, что у русскаго Гутенберга были еще и другіе клевреты: сложный механизмъ печатанія, особенно 300 слишкомъ лѣтъ назадъ, безъ сомнѣнія, требовалъ помощи нѣсколькихъ человѣкъ.

Церковь св. Параскевы въ Львовѣ.

стола». «Сія же убо не туне начахъ повѣдати вамъ, но презѣлнаго ради озлобленія часто случающагося намъ, не отъ самого государя, но отъ многихъ начальникъ, и священноначальникъ, и учитель, которые на насъ, зависти ради, многія ереси умышляли, хотячи благое во зло превратити и божіе дѣло вконецъ погубити, якоже обычай есть злонравныхъ, и ненаучныхъ, и неискусныхъ въ разумѣ человѣкъ, ниже грамотическія хитрости навыкше, ниже духовнаго разума исполнени бывше, но туне и всуе слово зло пронесоша. Такова бо есть зависть и ненависть, сама себѣ навѣтующи, не разумѣетъ како ходить, и о чемъ утверждается: сія убо насъ отъ земли и отечьства, и отъ рода нашего изгна, и

въ ины страны незнаемы пресели». Принужденный бросить дорогое, любимое дѣло, Өедоровъ отправляется на Литву, къ польскому королю Сигизмунду-Августу, который, какъ видно изъ словъ Өедорова, принялъ его очень благосклонно. Одинъ изъ крупнѣйшихъ литовскихъ вельможъ, кн. Григорій Ходкевичъ, «панъ виленьскій, гетманъ наивышшій великого княжества литовскаго, староста городеньскій и могилевскій», пріютилъ бѣглецовъ у себя и, говоря словами Өедорова, «упокоеваше насъ немало время и всякими потребами тѣлесными удовляше насъ. Еще же и сіе недовольно ему бѣ еже тако устроити насъ, но и весь (деревню) немалу дарова ми на оупокоеніе мое». Но первый печатникъ считалъ обиднымъ для себя заняться плугомъ и хлѣбопашествомъ, когда въ рукахъ его было художество книжное. «Неудобно ми бѣ раломъ, ниже сѣменъ сѣяніемъ, время живота своего съкращати,—разсказываетъ Өедоровъ во львовскомъ «Апостолѣ»,—но имамъ убо вмѣсто рала художьство наручныхъ дѣлъ съсуды, вмѣсто же житныхъ сѣменъ духовная сѣмена по вселеннѣй разсѣвати и всѣмъ по чину раздавати духовную сію пищу. Наипаче же убояхся владыки моего Христа, непрестанно въпіюща къ мнѣ: лукавый рабе и лениве, почто не вда сребра моего торжникомъ, и азъ пришедъ взялъ бы и свое съ лихвою? И когда убо на уединеніе въ себѣ прихождаху, и множицею слезами моими постелю мою омочахъ, вся сія размышляя въ сердцы своемъ, да быхъ не съкрылъ въ земли таланта, отъ Бога дарованнаго ми»... И вотъ, подъ вліяніемъ такихъ мыслей, покидаетъ Өедоровъ свое помѣстье и отправляется въ Львовъ. Не имѣя личныхъ денежныхъ средствъ для заведенія типографіи, Өедоровъ обратился съ просьбою о пособіи къ знатнымъ и богатымъ гражданамъ, но встрѣтилъ равнодушіе къ своему дѣлу. По его собственнымъ разсказамъ, не разъ обходилъ онъ знатнѣйшихъ и богатыхъ гражданъ, кланялся, плакалъ передъ ними, просилъ о поддержкѣ къ устройству друкарни, но напрасно. Просилъ онъ, наконецъ, священниковъ оповѣщать народъ съ амвоновъ по церквамъ о пользѣ его дѣла, но и это не помогло, сочувствующихъ нашлось очень немного. Въ концѣ концовъ, получивъ кое-что отъ бѣдняковъ и нѣкоторыхъ изъ духовенства, на эти ничтожныя средства заводитъ Өедоровъ типографію. Но деньги скоро вышли. Выхода изъ затруднительнаго положенія—никакого... Тогда Өедоровъ закладываетъ свое заведеніе со всѣми станками и принадлежностями за 411 злотыхъ еврею Израилю Якубовичу, а самъ ѣдетъ въ Острогъ, къ кн. Константину Острожскому. Здѣсь-то, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, печатаетъ Өедоровъ, по порученію князя, знаменитую «Острожскую Библію». Послѣ этого изданія онъ переселился снова въ Львовъ, съ намѣреніемъ продолжать здѣсь прерванное печатаніе. Но до самой смерти не нашелъ средствъ

выкупить вещей, заложенныхъ еще передъ отъѣздомъ въ Острогъ [1]). Онъ умеръ 5 (17) декабря 1583 г., въ преклонныхъ лѣтахъ, въ страшнѣйшей нуждѣ, лишенный почти послѣдняго куска хлѣба, въ предмѣстьѣ Львова, называемомъ Подзамче.

Долго искалъ я могилу русскаго первопечатника. Не одинъ разъ обошелъ монастырское кладбище, почти сплошь заросшее высокою травою... Еще въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, не задолго до трехсотлѣтняго юбилея со дня кончины Өедорова, какой-то сѣятель недоразумѣній и смутъ распространилъ въ нашей прессѣ извѣстіе, будто во Львовѣ могилу о. Өедорова уничтожили, а съ надгробной плиты старались стереть надпись. Недостойную эту сплетню принялъ за чистую монету составитель примѣчаній и объясненій къ книгѣ «Волынь» [2]) и облекъ въ слѣдующую форму. «Еще въ половинѣ текущаго столѣтія существовала надгробная плита... Фанатизмъ уніатскаго священника не могъ помириться съ надгробной плитой схизматика, и этотъ историческій памятникъ варварски былъ уничтоженъ» [3]). Нѣсколько позже, авторъ статьи, посвященной обзору первой Всероссійской выставки печатнаго дѣла, въ «Нивѣ» 1895 г. повторилъ: «исчезъ теперь даже и тотъ надгробный памятникъ Өедорова, который еще въ 1870 годахъ существовалъ въ городѣ Львовѣ (въ Галиціи) при монастырской церкви св. Онуфрія» [4]). Я всегда былъ убѣжденъ, что это чистый вымыселъ, но, не находя долго надгробной плиты Өедорова, началъ было колебаться въ своемъ убѣжденіи... Къ счастью, вторичный внимательный осмотръ монастырской церкви указалъ мнѣ мѣсто нахожденія историческаго памятника. Могильный камень первопечатника перенесенъ сюда съ монастырскаго кладбища, вѣроятно, во время позднѣйшихъ перестроекъ и вмурованъ въ полъ, не далеко отъ главнаго входа, на лѣвой сторонѣ; подъ лавками его почти не видно. Это—продолговатая, четырехугольная, каменная плита. По серединѣ ея—гербъ Өедорова: въ центрѣ рѣка, надъ нею эмблема типографскаго искусства, по сторонамъ иниціалы имени и фамиліи печатника І. Ө. Вверху герба—съ трудомъ разбираемыя слова: «оупокоенія воскресенія изъ мертвыхъ чаю». Внизу: «друкарь книгъ предтымъ невиданыхъ». По краямъ: «друкарь москвитинь который своимъ тщаниемъ друковане занедбалое обновилъ преставися в лвовѣ

---

[1]) Въ 1584 г., рѣшеніемъ львовскаго еврейскаго суда, всѣ типографскія вещи и книги, заложенныя Иваномъ Өедоровичемъ, были присуждены въ собственность И. Якубовича. Впослѣдствіи львовскіе граждане сдѣлали между собою денежный сборъ и выкупили эту печатню у еврея, уплативъ за нее потребованную сумму—1.400 злотыхъ. Этою покупкою положено основаніе львовской братской типографіи.

[2]) «Волынь, историч. судьбы Юго-Западнаго края». Спб. 1888.

[3]) «Волынь», объясненія, 110.

[4]) Н. Ширяевъ. «Общ. взглядъ на первую Всеросс. выст. печатн. дѣла»—«Нива» 1895 г., № 16, стр. 885.

року АФНГ декебр......5....». Такимъ образомъ извѣстіе о «варварскомъ» уничтоженіи «надгробной плиты схизматика» оказалось выдумкою, которая все же, вѣроятно, смутила въ свое время не одного читателя...

Въ монастырскомъ зданіи заслуживаетъ вниманія археолога коллекція портретовъ, вышедшихъ изъ ордена св. Василія, папъ, а также архіепископовъ и епископовъ русскихъ, и цѣнный архивъ.

На той же улицѣ, по другую сторону желѣзнодорожнаго пути, налѣво—небольшая древняя церковь св. Параскевы-Пятницы. Въ архитектурѣ ея съ внѣшней стороны сохранился византійскій стиль, но не церковный, а костёльный. Строительный матеріалъ—камень песчаникъ и кирпичъ. На внѣшней фронтовой стѣнѣ—гербъ изъ гипса, представляющій: голову буйвола, по одну сторону которой солнце, а по другую полумѣсяцъ; надъ головою—звѣзда, а надъ звѣздою—зубчатая корона; надъ ними мечъ и булава, положенные крестообразно, а все это вмѣстѣ взятое увѣнчиваетъ княжеская корона. Насколько извѣстно, храмъ св. Параскевы воздвигнутъ въ 1644 г. иждивеніемъ молдавскихъ господарей. Внутри церкви прежде всего заслуживаетъ вниманія пятиярусный иконостасъ, строго выдержанный въ византійскомъ стилѣ, современный построенію храма. Изъ находящихся въ немъ иконъ (XVI и XVII ст.) замѣчательна икона Пресвятой Дѣвы, писанная на золотомъ фонѣ, окруженная медаліонами съ изображеніемъ событій изъ ея жизни.

Описаніемъ этой церкви я закончу обзоръ историко-археологическихъ памятниковъ Львова [1]) и въ заключеніе поведу читателя на Лычаковское кладбище. Лычаковское кладбище изъ шести городскихъ христіанскихъ кладбищъ во Львовѣ—самое обширное и богатое. Это великолѣпный паркъ, наполненный богатыми, подчасъ высокой артистической цѣнности, надгробными памятниками. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это мѣсто вѣчнаго упокоенія многихъ славныхъ гражданъ. Словомъ, Лычаковское кладбище во Львовѣ своего рода Pere Lachaise—въ Парижѣ, или Повонзки—въ Варшавѣ [2]).

Здѣсь погребены: гр. Маврикій Дзедушицкій (р. 1813, ум. 1877 г.), историкъ и литераторъ, Кароль Шайноха (р. 1818, ум.

---

[1]) Любители археологіи могутъ еще остановиться на трехъ старыхъ костёлахъ—св. Іоанна Крестителя (основ. ок. 1260 г., но, къ сожалѣнію, передѣланъ въ 1886 г.), Всѣхъ Святыхъ при монастырѣ бенедиктинокъ (1595—1597 гг.), въ которомъ замѣчательна орнаментація залъ и трапезной, и св. Михаила о.о. кармелитовъ (XVII ст.), носящемъ характеръ храма-крѣпости, выдержавшей (1704 г.) шведскую осаду.

[2]) На томъ мѣстѣ, гдѣ оно находится теперь, погребали мертвецовъ еще въ 1567 году. Но, конечно, напрасно бы мы стали искать могилъ того времени. Въ настоящемъ своемъ видѣ Лычаковское кладбище существуетъ со второй половины 50-хъ гг. XIX столѣтія.

1868 г.), знаменитый авторъ **Ядвиги** и **Ягелло**, надгробный памятникъ его (работы П. Филлипи и А. Перьера) представляетъ собою обелискъ, на вершинѣ котораго усѣлся польскій орелъ, въ нишѣ обелиска—бюстъ историка, а у подножія—группа, изображающая исторію и литературу. Едва ли кто изъ нашихъ ученыхъ имѣетъ подобный намогильный монументъ; **Августъ Бѣлевскій** (р. 1806, † 1876), историкъ и поэтъ, Ген. **Шмиттъ** (1818—1885), историкъ и педагогъ (обелискъ изъ гранита, съ бюстомъ покойнаго), Сев. **Гощинскій** (1803—1876), поэтъ-патріотъ, дравшійся въ 1831 г. въ рядахъ польскихъ войскъ (сидящая фигура поэта колоссальныхъ размѣровъ,—произведеніе Ю. Марковскаго), **Артуръ Гроттгеръ** (1837—1867), талантливый живописецъ, авторъ художественно-мистическихъ эпопей: «Война», «Polonia» и «Lituania» фигура женщины подъ крестомъ—работы А. Перьера и П. Филлипи), **Вацлавъ Залескій** (р. 1800, ум. 1849), извѣстный въ польской литературѣ подъ псевдонимомъ «Вацлава изъ Олеска», намѣстникъ Галиціи (1848—1849). Превосходны въ художественномъ отношеніи памятники: **польскихъ ветерановъ** 1831 года—саркофагъ, на немъ лежитъ уланская шапка, а надъ нею паритъ польскій орелъ, фамиліи **Барчевскихъ**—превосходная каменная часовня въ романскомъ стилѣ (проектъ Владислава Галицкаго), фамиліи **Шабингеровъ** (работы г. Виттвера), Станислава († 1860) и Паулины († 1868) **Папаровъ**—фигура спящей женщины на саркофагѣ—Станислава Куршавы и фамиліи **Крувчинскихъ**—ангелъ на скалѣ съ заломленными надъ головою отъ печали руками,—работы Т. Барончa.

Г. А. Воробьевъ.

ПАМЯТНИКЪ ВОЕННЫХЪ ПОДВИГОВЪ РУССКИХЪ ВЪ БЕРЛИНѢ.

КРОМѢ ХОТЬ такихъ скромныхъ памятниковъ въ честь нашихъ монарховъ, какъ названія улицъ [1]), въ Берлинѣ есть и своего рода памятники храбрости и удальству русскихъ войскъ. Конечно, собственно памятниками эти мѣста назвать нельзя, такъ какъ тамъ, къ сожалѣнію, никакихъ вещественныхъ знаковъ не осталось. Это лишь достопримѣчательнѣйшія мѣста, не болѣе какъ мѣста, столь, однако, славныя для русскаго оружія. О нихъ слѣдуетъ хоть вкратцѣ напомнить,—тѣмъ болѣе, что такъ много нашихъ соотечественниковъ проѣздомъ черезъ Берлинъ обыкновенно въ немъ слоняются, скучая и совсѣмъ забывая, или вовсе не зная, что и эта столица, теперь столь гордая, уже два раза была во владѣніи нашихъ войскъ, по-домашнему хозяйничавшихъ въ ней въ первый разъ, какъ грозные покорители ея, а во второй—какъ добрые освободители ея.

На юго-западной части Берлина находится знаменитое Темпельгофское поле, Tempelhofer Feld. Это самое большое и лучшее не только въ Европѣ, но и во всемъ мірѣ, какъ говорятъ и пишутъ нѣмцы, парадное и учебное для большихъ массъ войскъ поле. И дѣйствительно оно производитъ особенное впечатлѣніе своею необъятностью и вообще своимъ видомъ. Для насъ исто-

---

[1]) Близъ Потсдама, какъ извѣстно, есть даже селенія, названныя въ честь нашихъ государей: колонія Александровка и село Никольское (въ память Александра I-го и Николая I-го).

рически оно необыкновенно замѣчательно. Утромъ, 9-го октября 1760 г. по всему Берлину раздавались крики: «Die Russen kommen!» (русскіе идутъ!). У самыхъ воротъ столицы стоялъ русскій генералъ графъ Тотлебенъ, грозно требуя сдачи ея. Такъ какъ въ Берлинѣ были свои войска, то послѣ стычекъ сдача затянулась, и нашъ генералъ вечеромъ расположился лагеремъ, однако хорошо побомбардировавъ съ Темпельгофской горы Берлинъ. На слѣдующій день съ восходомъ солнца наши войска выстроились тамъ въ боевой порядокъ, поперекъ поля; прусскими войсками командовалъ герцогъ Вюртембергскій. Наши войска начали съ сильной канонады и расколотили лѣвое крыло войскъ герцога, удалившагося на гребень Темпельгофской горы. Результатомъ этой битвы и другихъ схватокъ было то, что прусскій генералъ съ войскомъ, почти равнымъ нашему, долженъ былъ удалиться въ крѣпость Шпандау въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Берлина, а съ Тотлебеномъ была заключена капитуляція столицы. На слѣдующій день появились на томъ же Темпельгофскомъ полѣ, на коемъ Берлинъ уже покорно подписалъ свою сдачу русскимъ, и австрійцы (эти союзники, какъ извѣстно, всегда и въ другихъ позднѣйшихъ, во времена Наполеона I-го, союзныхъ дѣйствіяхъ сильно опаздывали). Тотлебенъ наложилъ на Берлинъ контрибуцію въ 4 милліона талеровъ во избѣжаніе военнаго разграбленія города. Тогда спасителемъ «поверженнаго въ полное отчаяніе» Берлина явился сынъ польскаго дворянина Янъ Гоуковскій. Явившись ночью къ Тотлебену съ именитыми гражданами, онъ умолялъ побѣдителя ограничиться съ трудомъ собранными 2½ милл. тал. Такъ какъ онъ былъ извѣстенъ тѣмъ, что оказывалъ всякую помощь русскимъ плѣннымъ офицерамъ, взятымъ Фридрихомъ Великимъ при Цорндорфской побѣдѣ его, то Тотлебенъ уважилъ его и депутаціи просьбы и уменьшилъ контрибуцію, воспретивъ своимъ военный грабежъ, который, однако, австрійскими войсками, тоже вступившими въ городъ вслѣдъ за нашими войсками, производился съ такимъ удивительнымъ упорствомъ, что, по собственному донесенію его, Тотлебена, онъ долженъ былъ назначить 800 человѣкъ, а потомъ еще полкъ пѣхоты и помѣстить всѣхъ гренадеръ въ городѣ, для охраны отъ австрійцевъ, наполнившихъ всѣ улицы ради добычи и «даже нападавшихъ на его, Тотлебена, караулы и бившихъ ихъ» (ради чего онъ велѣлъ «даже стрѣлять» по такимъ союзникамъ!). Гоуковскому Фридрихъ Великій потомъ далъ 150.000 талеровъ, а г. Берлинъ назвалъ его именемъ улицу [1]) и оказалъ ему другія почести за спасеніе отъ русскихъ (и особенно австрійцевъ), такъ какъ Тотлебенъ ограничился конфискованіемъ военной

---

[1]) Улица и мостъ Гоуковскаго находятся въ части Берлина, извѣстной подъ именемъ «Moabit».

добычи въ городѣ и королевской собственности, не тронувъ по возможности частной.

Удальство и важность этого похода небольшого отряда русскихъ на Берлинъ станутъ еще болѣе понятны, если имѣть въ виду то, что приведенный въ ярость этимъ неожиданнымъ, рѣдкимъ событіемъ Фридрихъ Великій уже спѣшилъ на помощь своей столицѣ, оставивъ свой лагерь въ Силезіи, въ деревнѣ Bungelwitz и, конечно, забывъ на время всѣ свои Witz'ы, т. е. остроты, коими король-философъ, какъ извѣстно, пробавлялся иногда даже въ опаснѣйшихъ своихъ положеніяхъ на войнахъ и т. п. Несмотря на возможность появленія такого защитника у воротъ столицы во всякій часъ, Тотлебенъ оставался, какъ извѣстно, цѣлыхъ три дня въ Берлинѣ, до 12 октября, распоряжаясь тамъ военною добычею, а одинъ день онъ оставался тамъ всего «съ 2.000 гренадеръ и однимъ полкомъ конныхъ гренадеръ, приказавъ обезоружить всѣхъ жителей и сжечь ихъ оружіе» и т. д., какъ самъ доносилъ о томъ, и еще бы остался хоть на одинъ день, если бъ не получилъ приказовъ отъ генералъ-фельдмаршала гр. Салтыкова и главнокомандующаго гр. Фермора «тотчасъ по прочтеніи ихъ денно, и нощно, безостановочно итти къ арміи» во Франкфуртъ на Одерѣ.

Нынѣшнимъ лѣтомъ я имѣлъ случай вновь возстановить въ памяти свѣдѣнія объ этомъ такъ занимающемъ насъ, русскихъ, славномъ для насъ событіи и сдѣлать нѣкоторыя даже отчасти веселыя историческія сближенія по слѣдующему, тоже отнынѣ историческому, происшествію. 1-го (14-го) іюня, на томъ же самомъ Темпельгофскомъ плацу, Вильгельмъ II, могущественный преемникъ Фридриха II-го и тоже романтическая и чисто-военная натура и даже отчасти поэтъ (хотя не только французскихъ, но и нѣмецкихъ стиховъ въ лагеряхъ не пишетъ, какъ это дѣлалъ Фридрихъ Великій даже на войнѣ), оказалъ гостившему здѣсь гр. Шувалову небывалыя почести, какъ коронованной особѣ, по общимъ здѣшнимъ отзывамъ: подъѣхавъ по окончаніи смотра и парада къ гр. Шувалову, находившемуся въ императорской коляскѣ съ супругою, монархъ съ чрезвычайною любезностью поцѣловалъ руку гр. Шуваловой при всѣхъ, а затѣмъ пропустилъ войска передъ гр. Шуваловымъ и самъ салютовалъ ему. Кстати, мимоходомъ (тоже ради исторической истины и точности) замѣтимъ, что германскій императоръ оказывалъ и оказываетъ также небывалое благоволеніе къ бывшему здѣсь почти 10 лѣтъ посломъ гр. Шувалову, по собственному выраженію монарха, «какъ своему другу» и главнымъ образомъ за то, что при гр. Шуваловѣ наши политическія отношенія къ Германіи такъ часто очень успѣшно улаживались вопреки всѣмъ тогдашнимъ затрудненіямъ, а также за проведеніе торговаго договора, на который гр. Шуваловъ потратилъ немало усилій, и который такъ цѣнился самимъ монархомъ (тогда).

20 февраля 1813 г. берлинскіе обыватели снова кричали: «Die Russen kommen!». Но какая удивительная разница была въ тѣхъ крикахъ! «Die Kosaken kommen! Die Retter kommen!» «Казаки идутъ, спасители идутъ!»—радостно ревѣли берлинцы на всѣхъ улицахъ. Занявъ въ тотъ день пригородъ Панковъ, генералъ Чернышевъ и полковникъ Тетенборнъ съ отрядомъ казаковъ храбро взялись освобождать и «очищать» Берлинъ отъ хозяйничавшихъ тамъ, какъ дома, французовъ, давно уже засѣвшихъ. Французская кавалерія бросилась на встрѣчу нашему отряду, но была такъ молодецки, по отзывамъ здѣшнихъ военныхъ и другихъ хроникъ, атакована казаками, что бросилась назадъ въ городъ въ большомъ безпорядкѣ и страхѣ. Казаки преслѣдовали убѣгавшихъ кавалеристовъ и пѣшихъ до самой Александровской площади, т. е. черезъ весь почти городъ. Находившаяся тамъ (въ казармахъ, названныхъ потомъ, какъ извѣстно, Александровскими) французская пѣхота и артиллерія едва спасли убѣгавшихъ отъ казаковъ. Одиночные казаки,—говорится въ одномъ тогдашнемъ описаніи,—носились по всѣмъ улицамъ и распространяли вездѣ страхъ и ужасъ среди французовъ, а среди нѣмцевъ вызывали громкіе крики радости: «ура! русскіе освободители» и т. п. Страхъ и ужасъ такъ овладѣли умами французовъ, по словамъ одной военной хроники того же 1813 г., что на улицахъ Берлина разыгрывались даже рѣдкія и необъяснимыя въ психическомъ отношеніи происшествія. Такъ, когда полковникъ Тетенборнъ, окруженный своими товарищами офицерами, въ пылу увлеченія преслѣдованіемъ, доскакалъ до самой казармы, коей окна были набиты биткомъ французскими стрѣлками, то послѣдніе дали по командѣ такъ называемую генеральную пальбу по русскимъ храбрецамъ, находившимся отъ оконъ казармъ уже всего въ 15 шагахъ, но ко всеобщему изумленію оказалось, что никто изъ нашихъ даже не былъ задѣтъ пулею. Ясно, что французы тогда такъ растерялись, что никто изъ нихъ не могъ даже на 15 шаговъ цѣлить въ цѣлый отрядъ смѣльчаковъ. Но тогда же произошли еще болѣе замѣчательные въ психическомъ отношеніи случаи такого пораженія умовъ страхомъ и ужасомъ. Отдѣльные казаки просто гоняли по городу цѣлыя толпы пѣхотинцевъ, убѣгавшихъ отъ нихъ, а на дворцовой площади (Schlossplatz), гдѣ стоитъ старый большой дворецъ, въ концѣ Unter den Linden улицы, ко всеобщему изумленію тогдашнихъ зрителей и, вѣроятно, нынѣшнихъ читателей,—какъ гласитъ одна военная хроника и очевидцы,—«одинъ, единственный удалой казакъ усердно гналъ цѣлый батальонъ французской инфантеріи!» И какъ еще гналъ: то врѣзываясь въ ихъ толпу и разгоняя и подгоняя ихъ, при чемъ всѣ они въ страхѣ и ужасѣ передъ нимъ разступались и вообще покорно поспѣшно двигались по его командѣ и помахиванію пикой и нагайкой!.. И какіе это

были французы? Не въ рубищахъ возвращавшіеся изъ Москвы, а сытые наполеоновцы и упитанные берлинскою спокойною зимовкою... Всякій разъ, когда я прохожу по Дворцовой площади, самому центру столицы, мысленно воспроизвожу себѣ эту историческую сцену и сожалѣю, что едва ли возможно разузнать имя того казака-удальца, которому изумляются даже нынѣшніе нѣмцы—«побѣдители», а ему уже такъ слѣдовало бы, если не памятникъ поставить, то хоть дощечку съ именемъ его на томъ мѣстѣ прибить.

Нѣсколько опомнившіеся тогда французы пробовали нападать на нашъ отрядъ у самыхъ воротъ Берлина, но храбростью казаковъ Чернышева и Тетенборна были всякій разъ отбиваемы и отбрасываемы съ урономъ въ городъ, гдѣ они еще оставались до 3 марта по случаю перемирія. Полученное же этого числа въ Берлинѣ извѣстіе о приближеніи авангарда русскаго корпуса кн. Витгенштейна такъ вновь всполошило французовъ, что они поспѣшно убрались съ береговъ Шпре «на берега Эльбы для своей защиты», а на слѣдующій день въ Берлинъ вступили наши войска при всеобщемъ торжествѣ обрадованныхъ жителей, устроившихъ имъ всякія угощенія.

В. Пуцыковичъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Fasti Militares. Хронологія всемірной военной исторіи съ указаніемъ на главнѣйшіе факты обще-политической и культурной исторіи 4400 г. до Р. Х.—1900 по Р. Х. Часть I. Древняя исторія. Съ приложеніемъ общаго указателя войнъ среднихъ, новыхъ и новѣйшихъ временъ. Съ 5 рисунками внѣ текста. Составилъ А. С. Лацинскій, библіотекарь главнаго штаба, дѣйствит. членъ Археологическаго института. Спб. 1901.

СОМНѢВАТЬСЯ въ серьезности историческаго образованія автора, который ставитъ въ заголовкѣ своей книги столь вѣскіе титулы, конечно, непозволительно. Однако серьезность историческаго образованія, какъ видно, не исключаетъ еще возможности небрежнаго отношенія къ историческому труду, и г. Лацинскій таковою возможностью, къ сожалѣнію, широко воспользовался. Когда вы берете въ руки книгу, имѣющую претензію быть хронологическимъ справочникомъ для періода въ пять тысячъ лѣтъ, то естественно провѣряете достоинство ея по эпохѣ, наиболѣе вамъ знакомой и любопытной. Работая надъ исторіей I-го вѣка христіанской эры, я просмотрѣлъ страницы труда г. Лацинскаго, относящіяся къ войнамъ двѣнадцати римскихъ цезарей, а также указатель литературы, на основаніяхъ которой строитъ онъ свои дáты. Говоря откровенно, указатель этотъ смутилъ меня своею хаотичностью. Въ громадномъ перечнѣ книгъ, приводимомъ г. Лацинскимъ для ссылокъ, не диво встрѣтить сочиненія архаическія, прочно забытыя даже спеціалистами, такія, что надо быть именно хранителемъ крупной научной библіотеки, дабы случайно наткнуться,

на нихъ гдѣ нибудь въ заднихъ полкахъ старыхъ шкафовъ. И въ то же время въ справочномъ матеріалѣ г. Лацинскаго изъ чисто хронологическихъ пособій, хотя помянутъ Clinton, однако нѣтъ и помина не только о трудѣ Клейна о Fasti consulares, о работахъ Wegrmonn'a и Boor'a, но даже о такомъ, напр., извѣстномъ и общедоступномъ произведеніи, какъ «Chronologie de l'empire Romain, par Georges Goyau» (Paris, 1891). Между тѣмъ, работа Goyau, редактированная Cagnat, представляетъ читателю столь тщательно послѣдовательныя день за день, столь щепетильно подробныя и обоснованныя по источникамъ хронологическія данныя, что, если бы г. Лацинскій, для своихъ спеціально-военныхъ цѣлей, ограничился, — что касается римско-имперской эпохи—только извлеченіями изъ книги Goyau, не прибѣгая къ другимъ писателямъ, то и тогда его трудъ былъ бы гораздо полнѣе, цѣльнѣе, систематичнѣе. Г. Лацинскій, повидимому, не познакомился съ замѣчательнымъ трудомъ Германа Шиллера «Geschichte der Römischen Kaiserzeit», хотя, не читавъ этого капитальнаго произведенія, врядъ ли можно сейчасъ браться за изслѣдованіе римской цезаристической эпохи съ какой бы то ни было стороны, хотя бы лишь съ лѣточислительной. Любопытно, что другое сочиненіе Германа Шиллера—довольно тенденціозная «Geschichte des Römischen Kaiserreichs unter der Regierung des Nero», интересная, какъ капризъ талантливаго ученаго, пожелавшаго, во что бы то ни стало, изобразить Нерона порядочнымъ человѣкомъ и правителемъ—извѣстно г. Лацинскому, по крайней мѣрѣ, по заголовку. Разумѣется, объяснить такія странныя совпаденія можно лишь случайностью въ выборѣ матеріала: г. Лацинскій, вѣроятно, бралъ авторовъ не въ предвзятой системѣ, а какіе попадались подъ руку. Очень заинтересовали меня ссылки г. Лацинскаго на IV томъ «Римской исторіи» Моммсена. Примѣчаніе г. Лацинскаго на стр. 272-й гласитъ, что «томъ IV Римской исторіи Моммсена не переведенъ до сихъ поръ на русскій языкъ». Да было бы и весьма удивительно, если бы онъ былъ переведенъ: IV-го тома исторіи Моммсена не издано и въ оригиналѣ, о чемъ г. Лацинскій легко могъ бы узнать изъ предисловія Моммсена къ V-му тому, гдѣ маститый историкъ извиняется, что обстоятельства заставляютъ его въ работѣ своей, такъ сказать, перепрыгнуть черезъ томъ. Въ комическую ошибку касательно четвертаго тома Моммсена весьма часто и легко впадаютъ букинисты, отдающіе Моммсена задешево, какъ «разрозненное сочиненіе», но для ученаго историка заблужденія букинистовъ—не указъ. Что касается развитія принципата, исторію котораго догадливо предполагаетъ г. Лацинскій въ небываломъ IV томѣ «Römische Geschichte», Моммсенъ занимается имъ, параллельно съ правомъ, въ своемъ Römisches Staatsrecht, Bd. II, Th. II. Врядъ ли провѣрялъ г. Лацинскій даты іудейской войны по De-Saulcy и Ренану. Что съ послѣднимъ онъ не имѣлъ дѣла, доказываетъ принятіе имъ даты смерти апп. Петра и Павла, по-старинному, на 67-й годъ, тогда какъ въ настоящее время можно считать установленнымъ, что если апостолы были умерщвлены въ Римѣ, то казнь ихъ не могла случиться позже 64 года. Дата 67 года удобна для теологовъ, но сомнительна для историковъ. Сейчасъ на ней настаиваютъ еще только католики, которымъ она важна для доказательства легенды о мнимомъ римскомъ епископствѣ Св. Петра, 42—67 гг. Совсѣмъ нѣтъ столь важной даты, какъ

объявленіе Августомъ конституціи 27 года ante Chr. N. — символа замиренія республики отъ гражданскихъ войнъ. Періодъ 70—180 годовъ p. Chr. N. характеризуется, какъ «эпоха лучшихъ императоровъ римскихъ». А Домиціанъ? Кстати: спеціально хронологическая работа Gsell'а о Домиціановой войнѣ 89 года также не упоминается г. Лацинскимъ. Война 92 года противъ сарматовъ и свевовъ, равнымъ образомъ, оставлена безъ вниманія. Патрицій Орестъ, котораго г. Лацинскій величаетъ послѣднимъ западно-римскимъ императоромъ, никогда таковымъ не былъ, а императоромъ былъ сынъ его Ромулъ, по шуточной кличкѣ Августулъ. Да и убитъ Орестъ былъ не 23-го августа 476 года, а 28-го, что г. Лацинскій могъ бы легко узнать изъ того же Гертцберга и Вебера, на которыхъ онъ ссылается, если бы не полѣнился прочитать нѣсколько строкъ, слѣдующихъ у Гертцберга за датою 23-го августа. Всѣ эти промахи г. Лацинскаго бросаются въ глаза при самомъ бѣгломъ просмотрѣ книги, да и то примѣнительномъ лишь къ одной эпохѣ. Легко вообразить себѣ, какую коллекцію небрежностей можно собрать, если провѣрить сочиненіе г. Лацинскаго детально, усидчивою и придирчивою критикою.

Г. Лацинскій, въ спискѣ древнихъ авторовъ, служившихъ ему источниками, даетъ библіографическія справки о переводахъ ихъ на русскій языкъ. Здѣсь опять встрѣчаемся мы съ тѣми же случайностями знанія, что и въ ссылкахъ на современныя пособія. Г. Лацинскій рекомендуетъ «Іудейскую войну» Іосифа Флавія въ архаическомъ переводѣ М. Алексѣева отъ 1804 года, не зная о переводѣ г. Чертка, вышедшемъ въ 1900 г.; про переводъ «Іудейскихъ Древностей» г. Генкелемъ онъ тоже не слыхалъ. Въ спискѣ сочиненій Флавія не помянуты ни его автобіографія, ни апологія (Противъ Апіона), хотя послѣдняя также имѣется въ русскомъ переводѣ Израэльсона и Генкена. Плутарха г. Лацинскій поминаетъ въ переводѣ С. Дестуниса 1814 — 1820 гг., тогда какъ давно уже въ русской публикѣ получилъ огромное распространеніе новый переводъ г. Алексѣева, вошедшій даже въ составъ суворинской «Дешевой Библіотеки».

Нумизматика и хронологія—науки столь смежныя, столь неизмѣнно живущія взаимопомощью, что одну безъ опоры другой трудно даже вообразить. Между тѣмъ г. Лацинскій счелъ удобнымъ для себя совершенно отказаться отъ нумизматическихъ пособій, по крайней мѣрѣ, я не нашелъ ни въ предисловіи его, ни въ спискѣ источниковъ даже намека на пользованіе нумизматическими данными. А между тѣмъ только послѣднія и могутъ избавить хронологиста отъ путаницы схожихъ именъ и аналогичныхъ событій, напримѣръ, въ однообразной исторіи пареянскихъ войнъ, къ которымъ монеты Арзацидовъ, въ данномъ случаѣ, драгоцѣнный ключъ.

Въ своемъ предисловіи г. Лацинскій жалуется на неточность указаній хронологическихъ въ большинствѣ историческихъ произведеній нашего времени. Какъ образецъ, онъ указываетъ, что, напримѣръ, битва при Калкѣ имѣетъ въ исторической литературѣ девять датъ, колеблющихся отъ 31 мая 1223 г. до 16 іюня 1224 г. Соглашаясь съ неудобствомъ такихъ колебаній, не могу, однако, не усомниться, чтобы удалось устранить ихъ книгѣ г. Лацинскаго. Именно въ томъ-то и грѣхъ его хронологической системы, что даты въ ней выскакиваютъ

какъ-то внезапно, безъ резонной послѣдовательности, точности и мотивировки. «59. Покореніе римскимъ полководцемъ Домиціемъ Корбулономъ главнаго города Арменіи Артаксаты. 60. Сдача Корбулону другой столицы Арменіи, Тигранокерты». Такихъ датъ, конечно, достаточно для гимназическаго учебника, но не для спеціальной хронологической работы. Когда это было? весною, лѣтомъ, осенью? А вѣдь переходъ изъ Артаксаты въ Тигранокерту—дата поучительная именно съ военной точки зрѣнія, для русскихъ же военныхъ въ особенности, потому что всѣ наши мало-азійскія войны прошли на томъ же театрѣ дѣйствій, гдѣ велъ компанію Корбулонъ,--при тѣхъ же тяжкихъ климатическихъ условіяхъ. Къ слову сказать, обобщать армянскую войну, объ эпизодѣ которой идетъ рѣчь, гуртомъ со всѣми пареянскими —врядъ ли удобно. Римскіе историки очень замѣтно выдѣляютъ ея національный армянскій характеръ и называютъ «армянскою». Между тѣмъ, даже названіе это не помянуто г. Лацинскимъ: «Пареянскія войны 58—63 года»—и все тутъ.

Нельзя не упрекнуть г. Лацинскаго и за неточность выраженій, которыми онъ опредѣляетъ смыслъ датируемыхъ событій. Вителлій для него «соимператоръ» Отона; Цестій Галлъ «облагаетъ» Іерусалимъ; въ 37 г.—воцарился «въ Іудеѣ Иродъ, прославившійся своею жестокостью»... нечего сказать, характерный признакъ! да Ироды всѣ славились жестокостью. Не лучше ли было назвать новаго іудейскаго царя просто полнымъ его именемъ Ирода Агриппы? А то вѣдь иной, пожалуй, приметъ этого Ирода, «прославившагося жестокостью», за Ирода Великаго, легендарнаго избивателя виѳлеемскихъ младенцевъ.

Задачи и цѣли г. Лацинскаго очень хороши. Что же касается исполненія ихъ,—читатель видитъ, и пусть судитъ! Положимъ, въ извиненіе несовершенствъ своего труда, г. Лацинскій указываетъ на аксіому, что «не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ». Но, должно быть, г. Лацинскій слишкомъ много дѣлаетъ, потому что ужъ очень много онъ ошибается.

Александръ Амфитеатровъ.

Систематическая роспись книгамъ, вышедшимъ въ Россіи за 1889 годъ. Составилъ В. В. Сабанинъ. Томъ I. Январь — іюнь 1899 г. Выпускъ I. Книги на русскомъ языкѣ. Спб. 1901.

Книга, носящая такое заглавіе и недавно появившаяся въ продажѣ, является первымъ издательскимъ опытомъ статистико-библіографической комиссіи при Русскомъ обществѣ дѣятелей печатнаго дѣла по регистраціи произведеній печати.

Приступая къ настоящему изданію годъ тому назадъ, общество «печатниковъ» довольно продолжительно говорило о немъ на столбцахъ газетной прессы, что, конечно, не замедлило вызвать въ публикѣ особый интересъ къ начатому предпріятію. Но, несомнѣнно, что «Роспись книгамъ» ожидалась съ большимъ нетерпѣніемъ всякимъ интеллигентомъ еще по той простой причинѣ, что вопросъ о каталогизаціи печатныхъ произведеній, выходящихъ въ Россіи, находится въ совершенно заглохшемъ состояніи. Правда, у насъ есть попытка такой каталогизаціи — списки, печатающіеся разъ въ недѣлю въ «Правительственномъ

Вѣстникѣ» и выходящіе въ концѣ года отдѣльными оттисками (добавимъ—въ очень ограниченномъ количествѣ), но такъ какъ они печатаются безъ всякой системы, то и значеніе ихъ, какъ справочника, сводится къ нулю.

За восполненіе-то такого важнаго пробѣла въ библіографической литературѣ, какъ отсутствіе перечня произведеній печати за извѣстный періодъ времени, и взялось общество дѣятелей печатнаго дѣла, предпринявъ на первыхъ шагахъ изданіе «Систематической росписи» за 1899 годъ.

Изъ краткаго предисловія «Росписи» видно, что при составленіи ея имѣлась прежде всего чисто-практическая цѣль: дать ученымъ библіофиламъ, книгопродавцамъ и вообще читающей публикѣ возможность легко найти сочиненія, касающіяся интересующаго ихъ предмета или науки.

Разъ издатели намѣтили себѣ такую практическую цѣль, то ихъ трудъ можетъ быть признанъ пригоднымъ для нея въ томъ лишь случаѣ, если онъ будетъ совмѣщать въ себѣ всѣ достоинства справочно-библіографическаго пособія, главнымъ же образомъ: абсолютную полноту въ перечнѣ книгъ, удобно разработанную систематизацію ихъ, также точно-вѣрныя и наиболѣе нужныя свѣдѣнія о каждой книгѣ.

Удовлетворяетъ ли «Роспись» такимъ требованіямъ? Разсмотримъ ее поподробнѣе.

Весь каталогъ книгъ за 1899 годъ займетъ 4 выпуска (въ 2-хъ томахъ): первый, рецензируемый нами, и третій, работа по составленію котораго близится къ концу, охватываютъ книги на русскомъ языкѣ, распредѣленныя по полугодіямъ (вып. 1-й — январь-іюнь, вып. 2-й—іюль-декабрь); второй и четвертый выпуски будутъ включать въ себѣ книги на инородческихъ и иностранныхъ языкахъ.

Что касается вопроса о полнотѣ перечня датируемыхъ изданій, то онъ въ «Росписи» обставленъ далеко неудовлетворительно; въ ней масса пропусковъ, бросающихся въ глаза даже при бѣгломъ просмотрѣ ея. «Роспись» въ дѣйствительности есть не что иное, какъ перепечатка (конечно, систематизированная) понедѣльныхъ списковъ «Правительственнаго Вѣстника», списковъ вовсе не охватывающихъ всѣхъ изданій, выходящихъ въ Россіи, и очень досадно, что заправилы «Росписи» не обратились за различными дополненіями непосредственно въ главное управленіе по дѣламъ печати.

Затѣмъ «Роспись» почему-то совсѣмъ игнорируетъ книги, появляющіяся періодически, въ видѣ, напримѣръ, приложеній къ журналамъ, университетскимъ извѣстіямъ и другимъ сборникамъ; въ ней не указываются собранія сочиненій авторовъ, дававшіяся въ премію къ «Нивѣ», «Новому Міру», «Сѣверу» и проч.; пропущены номера журналовъ «Читатель» (въ Москвѣ), «Читатель народной школы» (Морева) и др., представляющіе собою отдѣльныя книжки съ цѣлыми произведеніями и самостоятельной нумераціей страницъ; это, вѣдь, скорѣе «библіотеки», такъ ходко идущія въ публику, а не журналы.

На систематизировочную часть изданія составителями обращено бо̀льшее вниманіе, и схема расположенія книгъ выбрана сравнительно удачная. Она сводится къ слѣдующему дѣленію:

Первый разрядъ (отдѣлы I—VI) — введеніе въ науку — охватываетъ: а) подготовительные матеріалы (библіографія, печатное дѣло, языкознаніе, письмо) и б) общія и справочныя сочиненія (?).

Второй разрядъ (отдѣлы VII—XIV)—теорія—заключаетъ въ себѣ книги: а) по умозрительнымъ наукамъ (богословіе, философія, педагогика); б) наукѣ о государствѣ и обществѣ; в) повѣствовательнымъ наукамъ (исторія, географія); г) математикѣ и естественнымъ наукамъ.

Третій разрядъ (отдѣлы XV—XXVI) — примѣненіе знанія — подраздѣляется на: а) практическое (военно-морское дѣло, торговля и промышленность, технологія и машиностроеніе, инженерно-строительное дѣло, медицина, сельское хозяйство, домоводство, кухонное дѣло, горное дѣло, прикладная физика); б) изящное (словесность, искусство); в) смѣсь (спортъ, игры, свѣтскіе обычаи, гаданія, спиритизмъ, фокусы).

Такимъ образомъ, всѣхъ отдѣловъ двадцать шесть, которые въ свою очередь разгруппированы на множество подотдѣловъ.

Переходимъ къ самымъ датамъ о книгахъ. При каждомъ сочиненіи «Роспись» указываетъ: автора, издателя, заглавіе, цѣну, число томовъ и страницъ, форматъ, мѣсто изданія, типографію и число экземпляровъ. Но и только... Между тѣмъ, для большинства публики этихъ свѣдѣній слишкомъ недостаточно; ей нужны, сплошь и рядомъ, не внѣшнія даты о книгѣ, а указанія на внутреннее содержаніе ея, а ихъ-то въ «Росписи» какъ разъ и нѣтъ. «Записки», «Труды» и «Протоколы» различныхъ ученыхъ учрежденій цитируются однѣми лишь заглавіями съ внѣшними датами, безъ ссылокъ на содержаніе; не указывается оно также при перечнѣ отдѣльныхъ томовъ капитальныхъ сочиненій, какъ, напримѣръ, «Исторіи» Карамзина, «Лекцій» Платонова, «Очерковъ» Милюкова и др. Полное отсутствіе въ «Росписи» содержаній датируемыхъ книгъ значительно обезцѣниваетъ ее.

Не лишне было бы ввести въ «Роспись» при каждой указываемой книгѣ краткія біографическія даты объ авторѣ ея, и, что особенно важно, ссылки на появлявшіеся въ журналахъ и газетахъ отзывы о ней, какъ дѣлалось это въ росписяхъ Межова.

Ко всему сказанному слѣдуетъ добавить, что размѣщеніе самаго матеріала въ «Росписи» крайне неудобно. Онъ распредѣленъ такъ: сначала помѣщенъ перечень заглавій книгъ, по отдѣламъ, затѣмъ—общій алфавитный указатель фамилій авторовъ, редакторовъ, составителей, переводчиковъ и иллюстраторовъ, и за нимъ—предметный указатель. Самый перечень книгъ, снабженный нумераціей, напечатанъ въ таблицахъ in quarto, разграфленныхъ на 10 рубрикъ, гдѣ и впечатаны даты.

Такое размѣщеніе матеріала для справочника непригодно. Для того, чтобы найти заглавіе книги, приходится сначала обратиться къ одному изъ указателей, узнать № книги, и потомъ только можно отыскать то, что нужно. Самый размѣръ изданія (in-4°) не подходитъ также для справочнаго пособія; громоздкія же таблицы, занимая понапрасну массу мѣста, утолщаютъ книгу и затрудняютъ пользованіе ею. Все это промахи, которыхъ не было бы, если бы въ «Росписи» была примѣнена система иностранныхъ каталоговъ Гинрихса, Ло-

ренца-Нильскаго и др., въ этихъ компактныхъ томикахъ очень легко и быстро можно навести какую угодно справку.

Во всякомъ же случаѣ, добрый починъ изданія «Росписи», невзирая на встрѣчающіеся въ первомъ выпускѣ ея недочеты и пробѣлы, долженъ встрѣтить въ публикѣ сочувствіе. **В. Городецкій.**

Первый женскій календарь на 1901 годъ. Составила П. Н. Аріянъ. Годъ 3-й. Спб. 1901.

Прежде всего, это—очень красивое, по внѣшности, изданіе, и въ этомъ отношеніи женскій календарь — одинъ изъ лучшихъ календарей: его пріятно имѣть на столѣ и пріятно держать въ рукахъ. Это качество особенно имѣетъ значеніе для женскаго календаря: женщины любятъ все красивое и изящное. Можно спросить: нуженъ ли особый календарь для женщинъ? Отчего же и не нуженъ? Во всякомъ случаѣ—не лишній; и судя по тому, что онъ издается уже третій годъ, онъ отвѣчаетъ, слѣдовательно, назрѣвшей потребности и болѣе или менѣе удовлетворяетъ тѣхъ, для кого предназначается. Что же даетъ календарь? Помимо всѣхъ общихъ календарныхъ свѣдѣній, онъ даетъ, такъ сказать, спеціально нужныя для женщинъ. Такъ, въ календарѣ имѣются слѣдующіе отдѣлы: права и обязанности женщинъ и дѣтей по русскому праву (права лицъ женскаго пола по участію въ выборныхъ собраніяхъ; женщина въ уголовномъ правѣ); женское образованіе (общее, педагогическое, медицинское, художественно-музыкальное, коммерческое, сельско-хозяйственное, профессіональное, высшія учебныя заведенія за границей, открытыя доступу женщинъ, хроника женскаго образованія въ Россіи за 1900 годъ); медицинскій отдѣлъ (подача первой помощи въ отсутствіе врача, нормальныя данныя о нѣкоторыхъ функціяхъ человѣческаго организма, свѣдѣнія по гигіенѣ, періодъ беременности, мать и дитя и т. д.); изъ прошлаго и настоящаго (біографіи разныхъ лицъ, хроника, разныя женскія общества, движеніе женскаго дѣла за границей). Всѣ эти свѣдѣнія и справки, очень полезныя, можно бы еще добавить кое-чѣмъ, напримѣръ, знакомствомъ матерей съ дѣтской литературой, сообщеніемъ свѣдѣній о журналахъ, перечисленіемъ одобренныхъ и вообще выдающихся дѣтскихъ книгъ, пьесъ для дѣтскаго театра. Не мѣшало бы указать на болѣе дѣльныя поваренныя книжки, на руководства по цвѣтоводству и т. д. Очень интересны и полезны помѣщенныя біографіи, но можно не ограничиться людьми, выдающимися на общественномъ поприщѣ, а останавливаться и на болѣе скромныхъ труженицахъ, содѣйствующихъ благу ближняго, работающихъ для семьи и школы и т. д. Некрологи такихъ незамѣтныхъ, нерѣдко поистинѣ праведницъ по жизни, были бы умѣстны, если неудобны біографіи живыхъ. У насъ много громкихъ словъ и людей слова, и немного людей дѣла. О добрѣ говорятъ чуть не всѣ, а дѣлателей повседневнаго добра мало. Надо его отмѣчать, равно и тѣхъ дѣятелей, кои своимъ примѣромъ могутъ подвинуть и другихъ. Наконецъ, какъ не помянуть добрымъ словомъ въ некрологѣ хотя бы такую труженицу, какъ Еремѣеву, умершую на посту учительницы сельской школы почти что отъ голода. Доброе сердце — лучшее качество женщины,

и на первый планъ должны выдвигаться именно женщины сердца. Въ календарѣ нѣтъ стремленія подавить мать и семьянинку общественной дѣятельницей, и это очень хорошо. Вообще онъ чуждъ кричащихъ фразъ, и это большая заслуга составительницы, которой и желаемъ дальнѣйшаго успѣха въ предпринятомъ ею издательскомъ дѣлѣ.

А. Кругловъ.

Aus den Hochregionen des Caucasus, Vanderungen, Erlebnisse, Beobachtungen von Gottfried Merzbacher. Bd. I. Mit 144 Abbildungen und 2 Karten. Bd. II. Mit 112 Abbildungen und 1 Karte. Verlag von Duncker und Humblot. Leipzig. 1901.

Г. Мерцбахеръ посвятилъ большую часть своей жизни опасному спорту восхожденія на высочайшія вершины горъ, но этимъ онъ далеко не довольствуется; вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ тонкій наблюдатель съ научной подготовкой, онъ изучаетъ также все, что попадается ему на пути къ его цѣлямъ. Читатель, слѣдящій съ замираніемъ сердца за смѣлымъ восхожденіемъ на ту или другую горную вершину, гдѣ чуть ли не каждый шагъ совершается съ опасностью жизни, послѣ описанія совершеннаго подвига отдыхаетъ при живыхъ и привлекательныхъ разсказахъ о флорѣ и фаунѣ и жителяхъ альпійскихъ мѣстностей. Въ этой книгѣ всякій можетъ найти много интереснаго—и любитель сильныхъ ощущеній и ученый, интересующійся этнографіей, ботаникой, зоологіей, геологіей, орографіей, гидрографіей и метеорологіей Кавказа. Это обстоятельный и основательный трудъ съ широкими точками зрѣнія.

Это иначе и не могло быть, такъ какъ Мерцбахеръ, посѣтившій Кавказъ послѣ добросовѣстной подготовки, посвятилъ обработкѣ собраннаго на мѣстѣ матеріала не менѣе десяти лѣтъ, находясь въ постоянной перепискѣ съ разными учеными спеціалистами европейскими, какъ и кавказскими, изучивъ всю подходящую, главнымъ образомъ и русскую литературу. Этотъ послѣдній фактъ особенно знаменателенъ для иностранца. Но большая заслуга автора еще въ томъ, что онъ провѣряетъ всю существующую о данныхъ мѣстностяхъ литературу, поправляетъ допущенныя другими авторами ошибки и обогащаетъ наше знаніе массой новаго матеріала.

Въ первомъ томѣ, среди весьма цѣнныхъ статей общаго характера, особенное вниманіе заслуживаютъ орографія и построеніе кавказскихъ альпъ съ замѣчательными контрастами ихъ, ледники Кавказа, распространеніе которыхъ во всей точности еще далеко не изслѣдовано, раздѣленіе кавказскихъ альпъ и попытка привести въ систему этотъ хаосъ хребтовъ, кряжей, отроговъ и т. д. Во второмъ томѣ интересны въ особенности восхожденія на высочайшія вершины Пирикительскаго и Бочохскаго хребтовъ, на которыя до Мерцбахера еще никогда не ступала нога. Все изложено прекраснымъ живымъ языкомъ человѣка, видимо увлекающагося и восхищающагося до крайняго самоотверженія таинственнымъ величіемъ, дѣвственной и холодной красотой и ужасами высокаго Кавказа. Изящныя иллюстраціи, изготовленныя выдающимися художниками по фотографическимъ снимкамъ смѣлаго альпиниста, придаютъ еще больше наглядности живымъ разсказамъ. Снимались эти фотографіи ино-

ґда съ такихъ мѣстъ, гдѣ едва могли помѣститься двѣ ноги, надъ обрывами въ нѣсколько тысячъ футовъ, куда яростный вѣтеръ могъ бы сбросить спящаго во всякую минуту. При этомъ надо было уловить удобную секунду среди постоянно поднимающагося и опускающагося тумана и быстро проносящихся тучъ, затемнявшихъ дневной свѣтъ, въ одинъ мигъ закутывая все мрачными сумерками.

О страшныхъ опасностяхъ, которымъ подвергался смѣлый альпинистъ, посвятившій свою жизнь и свое состояніе изученію кавказскихъ горъ, въ сопровожденіи тирольскихъ проводниковъ, читатель можетъ себѣ сдѣлать маленькое представленіе, если онъ узнаетъ, что Мерцбахеръ побывалъ на 20 высочайшихъ вершинахъ Кавказа и на многихъ такихъ, на которыя еще никто не взбирался, только одна двуглавая гора Ушба не поддалась ему, такъ же, какъ и нѣкоторымъ другимъ отважнымъ альпинистамъ. Между прочимъ, Мерцбахеръ былъ на Тетнульдѣ (4.753 метра.), Эльбрусѣ (5.529 м.), Донгузорунъ-Юзенги-Баши (4.468 м.), Сулу-Колъ-Баши (4.259 м.), Дшанга-Тау (5.038 м.), Казбекѣ (5.043 м.), Гимарой-Хохѣ (4.778 м.). Потомъ онъ первымъ взобрался на Тебулосъ-мта (4.504 м.), Тую-мта (4.026 м.), Комитотави (4.272 м.), Доносъ-мта (4.153 м.), Диклосъ-мта (4.189 м.), Анчевалу (4.098 м.), Бочохъ-мёеръ (4.120 м.), Косараку (4.091 м.), Аддала-Шуотхелъ-меерь (4.140 м.). На всѣхъ этихъ вершинахъ, изъ которыхъ многія превышаютъ Монбланъ (4.810 м.), другія же близко подходятъ къ нему по своей высотѣ, Мерцбахеръ дѣлалъ опредѣленіе высотъ посредствомъ точки кипѣнія воды.

Кромѣ многочисленныхъ иллюстрацій, къ книгѣ приложены три карты въ масштабѣ 1:140.000 той громадной части Кавказскаго хребта, которую подробно изслѣдовалъ авторъ; первая обнимаетъ пространство отъ Эльбруса до перевала Годивцикъ, вторая отъ этого перевала до Архотисъ-мта, а третья отъ перевала Андаки до горы Аддала—Шуогхелъ-меерь. Карты эти, согласно указаніямъ Мерцбахера, составлены по 1 верстной картѣ кавказскаго штаба въ баварскомъ генеральномъ штабѣ подъ управленіемъ генералъ-майора К. Нейберга и исполнены весьма изящно и отчетливо, такъ что, нисколько не преувеличивая, можно сказать, что такихъ хорошихъ картъ у насъ пока не имѣется.

А. Хах—овъ.

Θеодоръ Успенскій. Церковно-политическая дѣятельность папы Григорія Перваго Двоеслова. Казань. 1901.

Задача настоящаго изслѣдованія состоитъ въ томъ, чтобы изобразить дѣятельность римскаго папы Григорія I (590—604 г.) по управленію церковью и по широкому его участію въ судьбахъ Рима и опредѣлить историческое значеніе этой дѣятельности, другими словами,—авторъ изучаетъ знаменитаго папу со стороны его управленія церковными дѣлами и церковнымъ хозяйствомъ и со стороны участія этого духовнаго пастыря въ политическихъ событіяхъ своего времени. Свою задачу изслѣдователь осуществляетъ слѣдующимъ образомъ.

Въ предварительныхъ замѣчаніяхъ авторъ, прежде всего, намѣчаетъ задачу изслѣдованія и указываетъ источники и пособія. Въ отдѣлѣ объ источникахъ предложена и критическая ихъ оцѣнка, а равно критически обозрѣвается и русская литература предмета (стр. 3—18).

Далѣе во вступленіи излагается общій взглядъ на политическое и церковное состояніе христіанскаго міра въ концѣ VI-го и въ началѣ VII-го вѣка, дабы уяснить, каково было наслѣдіе предшествующей исторіи эпохѣ Григорія Великаго, и какія задачи были намѣчены временемъ для осуществленія въ ближайшемъ будущемъ. Здѣсь разсказывается о политическихъ бѣдствіяхъ времени, о войнахъ Римской имперіи съ персами и аварами и о завоеваніи Италіи лонгобардами, описываются внутреннія настроенія въ имперіи, изображается состояніе православной церкви на западѣ Европы, характеризуемое появленіемъ расколовъ, соперничествомъ римской каѳедры съ патріаршимъ константинопольскимъ престоломъ и миссіонерскимъ направленіемъ папской политики, орудіемъ коей были въ этомъ случаѣ римскіе монахи (стр. 19—41).

Послѣ вступленія слѣдуютъ четырнадцать главъ изслѣдованія (стр. 42—250), въ коихъ весьма обстоятельно обозрѣвается дѣятельность Григорія Великаго съ отмѣченной выше стороны. Здѣсь говорится о происхожденіи св. Григорія, его воспитаніи и первыхъ шагахъ общественнаго служенія въ должности городского префекта, о вступленіи его въ клиръ римской церкви и о служеніи въ званіи аббата монастыря, объ избраніи его на папскій престолъ (въ 590 г.), несмотря на продолжительные и упорные его отказы отъ папства. Занявши папскую каѳедру, Григорій Великій прославилъ себя, прежде всего, высокими личными достоинствами—воздержаніемъ, терпѣливостью, кротостью, любовью къ ближнимъ, нѣжною привязанностью къ Риму и т. п., а затѣмъ и выдающимися качествами церковнаго администратора. Онъ заботился о приведеніи въ порядокъ церковныхъ дѣлъ въ епархіяхъ, опустошенныхъ непріятелями, возстановилъ упавшую церковную дисциплину, упорядочилъ жизнь и бытъ монаховъ и монастырей, заботился о просвѣщеніи свѣтомъ христіанства язычниковъ и іудеевъ и о возвращеніи въ лоно церкви еретиковъ аріанъ и раскольниковъ донатистовъ, содѣйствовалъ просвѣщенію англо-саксовъ и устройству британской церкви, стремился объединить всѣ западныя церкви въ подчиненіи римскому престолу, даже церковь византійскую, но встрѣтилъ здѣсь сильнаго себѣ противника въ лицѣ константинопольскаго патріарха Іоанна Постника, съ которымъ имѣлъ упорный споръ изъ-за титула «вселенскій патріархъ». Наконецъ, папа Григорій заботился о церковномъ пѣніи, внесъ въ латинскую литургію нѣкоторыя принадлежности литургіи греческой и ознакомилъ латинянъ (а не вновь составилъ, какъ обычно думаютъ) съ преждеосвященной литургіей восточныхъ церквей, имѣющею апостольскую древность. Папа Григорій, прозванный на западѣ Великимъ за свои выдающіяся дѣянія и Двоесловомъ за литературные свои труды («Собесѣдованія»), скончался 12-го марта 604 года, послѣ 14-ти лѣтняго понтификатства.

Подводя въ заключеніе (стр. 251—254) итоги дѣятельности знаменитаго папы, г. Успенскій говоритъ, что Григорій Великій сдѣлалъ все, что могъ, для осуществленія идей и чувствъ, наполнявшихъ его душу. Въ своей дѣятель-

вости внутри церкви онъ представляется распространителемъ и покровителемъ монашества и, будучи самъ великимъ аскетомъ, этою стороною своихъ трудовъ отвѣчалъ назрѣвшей задачѣ времени. По отношенію къ людямъ, стоявшимъ внѣ церкви, онъ заявилъ себя миссіонеромъ и, привлекая въ ограду церкви и язычниковъ и заблудшихъ ея членовъ, дѣйствовалъ, какъ епископъ, къ торжеству царства Божія на землѣ, и эта дѣятельность имѣла богатые и достойные плоды. Далѣе, Григорій, заботясь о церковной дисциплинѣ, укрѣплялъ папское приматство въ церкви, считая его главнымъ залогомъ церковнаго порядка, слѣдилъ за неприкосновенностью церковныхъ каноновъ и охранялъ чистоту догматовъ и т. п. Наконецъ, церковно хозяйственной и политической своей дѣятельностью папа Григорій подготовлялъ средство политической независимости римской каѳедры. Послѣдняя ко времени папы Григорія сосредоточивала въ своихъ рукахъ громадныя матеріальныя богатства, благодаря коимъ римляне и лонгобарды почувствовали естественное тяготѣніе къ римскому епископу. Они стали искать у него защиты отъ внѣшнихъ враговъ и посредничества въ своихъ спорахъ, его подпись давала значеніе политическимъ ихъ договорамъ, война и миръ на итальянской территоріи стали въ значительной степени зависѣть отъ папы, который чувствовалъ и держалъ себя свободно и независимо. Словомъ при Григоріи Первомъ живо чувствовалось нарожденіе новой силы, объединившей въ однѣхъ рукахъ духовный авторитетъ епископа, претендующаго на главенство въ церкви, съ матеріальными орудіями власти земного владыки. А это уже признакъ среднихъ вѣковъ. Такимъ образомъ, папѣ Григорію Первому принадлежитъ одно изъ главныхъ мѣстъ въ ряду тѣхъ, кто потрудился надъ утвержденіемъ и распространеніемъ въ Западной Европѣ идеи папской теократіи. На его именно плечахъ въ значительной степени покоится мірское сооруженіе латинской церкви. Поэтому Григорій Двоесловъ, дѣятельность котораго опредѣлила дальнѣйшую судьбу всего западнаго христіанства, и является въ сознаніи западнаго міра великимъ папою.

Въ приложеніи къ изслѣдованію (стр. I—VIII) помѣщенъ указатель собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ текстѣ.

Очень хорошее впечатлѣніе производитъ книга г. Успенскаго. Она отличается тщательнымъ изученіемъ литературы предмета, умѣлой систематизаціей матеріала, извлеченнаго изъ доступныхъ автору источниковъ, простою и складною рѣчью. Видно, что молодой авторъ, способный къ ученой работѣ, прошелъ прекрасную школу опытнѣйшаго профессора—руководителя.

Σ.

Люди и нравы Дальняго Востока. Отъ Владивостока до Хабаровска (путевой дневникъ). Г. Т. Мурова. Томскъ. 1901.

Дальній Востокъ въ силу извѣстныхъ причинъ вызываетъ въ настоящее время особенное вниманіе къ себѣ со стороны всего русскаго общества. Не говоря ужъ о среднихъ слояхъ его, гдѣ вдругъ завязалось столько связей съ этой отдаленной окраиной, даже въ какой нибудь глухой деревушкѣ можно услы-

шать толки и вѣсти объ этомъ краѣ среди сѣраго крестьянства, подъ гнетомъ безземелья рѣшившагося бросать свои «Неѣлову, Горѣлову, Неурожайку тожъ» и жадно внимающаго разсказамъ плутоватаго ходока о роскошномъ привольѣ Амурскаго края. Нельзя сказать, однако, чтобы мы располагали большими средствами удовлетворить любознательности относительно всего, что касается Дальняго Востока; существуетъ, правда, нѣсколько весьма почтенныхъ изслѣдованій, изданныхъ «Владивостокскимъ обществомъ изученія Амурскаго края», но эти изслѣдованія мало извѣстны широкой публикѣ, да по своему спеціальному характеру и мало доступны ей. Не у всякаго вѣдь хватитъ мужества одолѣть изслѣдованіе, напримѣръ, «О трепанговомъ промыслѣ въ водахъ Уссурійскаго залива» или подогрѣть въ себѣ интересъ къ вопросу «О кухонныхъ остаткахъ, найденныхъ на берегу Амурскаго залива близъ рѣчки Седелли». При томъ же средняго читателя всего больше интересуетъ то, какъ сложилась жизнь людей, поѣхавшихъ колонизовать этотъ край; на этотъ вопросъ остается ждать отвѣта только отъ самихъ же переселенцевъ, вынесшихъ всѣ невзгоды, пока удалось устроить мало-мальски сносное существованіе на непривѣтливой чужбинѣ, или же отъ путешественниковъ, впечатлѣнія которыхъ, какъ очевидцевъ, не теряютъ интереса даже въ томъ случаѣ, если они носятъ слишкомъ яркій отпечатокъ субъективности.

Путевой дневникъ г. Мурова носитъ дѣловой характеръ. Путешественникъ не даетъ слишкомъ большого простора личнымъ изліяніямъ по поводу многихъ сюрпризовъ, которыми угощаетъ людей далекая окраина и которые должны особенно рѣзать глаза свѣжему человѣку. Правда, онъ и не безучастенъ къ нимъ, но ограничивается простымъ описаніемъ ихъ, безъ всякихъ аховъ и оховъ, безъ всякаго взвинченнаго паѳоса съ шаблонной прелюдіей «я глазамъ своимъ не хотѣлъ вѣрить». Г. Муровъ, напротивъ, вполнѣ довѣряетъ своимъ глазамъ и очень внимательно ко всему присматривается, не отворачиваясь даже отъ такихъ уличныхъ сценъ, какія описаны, напримѣръ, на стр. 11. Благодаря этому безстрашію, дневникъ г. Мурова не только занимателенъ, но и поучителенъ. Нужно при этомъ замѣтить, что г. Муровъ предпринялъ путешествіе по личной иниціативѣ и не былъ связанъ какими нибудь офиціальными обязательствами, нерѣдко заставляющими путешественниковъ одну какую либо область обходить совершеннымъ молчаніемъ. Авторъ говоритъ совершенно свободно и открыто обо всемъ, что попадалось ему интереснаго по пути, не считаясь ни съ какими посторонними соображеніями.

Конечно, мы далеки отъ мысли утверждать, чтобы дневникъ г. Мурова былъ всеобъемлющъ, или чтобы всѣ его отдѣлы были равномѣрны по полнотѣ свѣдѣній. Такъ, напримѣръ, нельзя не признать описанія быта владивостокскаго чиновничества нѣсколько одностороннимъ. Та общая картина, которая нарисована въ главѣ VII, относится, надобно думать, только къ области самаго низшаго, совершенно захудалаго чиновничества. Вотъ какъ рисуетъ г. Муровъ бытъ этого чиновничества: «Жизнь чиновника полна всевозможныхъ лишеній. Мать семьи, большею частью образованная женщина, одновременно и стряпуха, и прачка, и поломойка, и портниха, и швейка. Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ ея старанія, концы съ концами никакъ не удается свести: то одного

нѣтъ, то другого, то третьяго... Квартира чиновника состоитъ изъ друхъ небольшихъ комнатъ и кухни. Въ одной комнатѣ помѣщается мать семейства съ дѣтьми, въ другой самъ хозяинъ-чиновникъ. Обстановка комнатъ самая бѣдная. Гардеробъ пустъ. Ни столоваго, ни постельнаго бѣлья, ни матрасовъ у дѣтей не имѣется. Спятъ на полу, на войлокѣ, закрываются на ночь чѣмъ попало, только не одѣялами, которыхъ не существуетъ» (стр. 31 и 33). И въ такомъ неприглядномъ видѣ сложилась жизнь владивостокскаго чиновничества почти въ полномъ составѣ, такъ какъ живущихъ не въ такой безысходной нуждѣ «можно сосчитать по пальцамъ только одной руки», какъ говоритъ авторъ. Едва ли, однако, такое исчисленіе соотвѣтствуетъ дѣйствительности, да и трудно предположить, чтобы существовало такое ничѣмъ незаполненное разстояніе между баловнями и пасынками двадцатаго числа. Вѣдь и во Владивостокѣ, какъ и на всемъ необъятномъ пространствѣ нашего отечества, существуетъ довольно большая лѣстница чиновничьихъ ранговъ, а соотвѣтственно сему должно существовать нѣкоторое разнообразіе жизненныхъ условій чиновниковъ, начиная съ описанной авторомъ нужды и кончая хорошей обезпеченностью и полнымъ довольствомъ.

Изъ Владивостока авторъ поѣхалъ въ Хабаровскъ, посѣщая по пути корейскіе, китайскіе и русскіе поселки и подробно знакомясь съ положеніемъ и условіями жизни поселенцевъ. Изъ описанія автора выносится впечатлѣніе, что русскіе поселенцы устроились гораздо хуже корейцевъ и китайцевъ. Торговля и особенно ремесла почти всецѣло въ рукахъ китайцевъ. Корейцы, какъ оказывается, весьма опытные и усердные земленашцы, за ними даже нашимъ крестьянамъ не угнаться. Правда, и китайцы, и корейцы живутъ очень грязно, такъ что въ этомъ отношеніи нашъ поселенецъ далеко ушелъ отъ нихъ, но это скорѣе зависитъ отъ врожденной неряшливости, онъ неприхотливости вкусовъ, чѣмъ отъ матеріальнаго недостатка. Вообще экономическія условія жизни поселенцевъ Южно-Уссурійскаго края нашли въ лицѣ г. Мурова очень внимательнаго и усерднаго изслѣдователя, при чемъ онъ, не довольствуясь лично добытымъ на мѣстѣ матеріаломъ, черпаетъ много интересныхъ свѣдѣній изъ печатныхъ источниковъ. Для болѣе полной характеристики дневника г. Мурова нелишне прибавить, что путешественникъ былъ не случайнымъ только или мимолетнымъ гостемъ въ избахъ и фанзахъ поселенцевъ, а живалъ въ нихъ по нѣсколько дней, ѣздилъ съ поселенцами на ихъ работы и промыслы, ѣлъ ихъ пищу, словомъ — жилъ одною съ ними жизнью. Это дало возможность г. Мурову не только правдиво и точно описать бытъ и нравы этихъ людей, но до извѣстной степени познакомиться съ ихъ психологіей, какъ говорится, заглянуть имъ въ душу. Нечего говорить, насколько выигрываетъ отъ этого описаніе г. Мурова всего видѣннаго и слышаннаго.

Дневникъ оканчивается пріѣздомъ г. Мурова въ Хабаровскъ. Такъ какъ въ предисловіи авторъ заявилъ, что онъ «проѣхалъ по главному пути отъ Владивостока до Хабаровска, а изъ послѣдняго до Читы», то это даетъ намъ надежду увидѣть еще продолженіе его интереснаго путевого дневника.

К. Х.

Систематическій каталогъ книгъ и брошюръ, находящихся въ библіотекѣ К. Θ. Хартулари. (Со включеніемъ наиболѣе крупныхъ статей изъ юридическихъ журналовъ за 1859—1880 гг.). Спб. 1901.

Передъ нами только что выпущенный въ свѣтъ «Систематическій каталогъ книгъ и брошюръ, находящихся въ библіотекѣ К. Θ. Хартулари». Имя К. Θ. Хартулари извѣстно въ нашей юридической литературѣ. Его статьи правового характера стали появляться въ печати съ начала 1860-хъ годовъ. Вышедшее въ прошломъ году его изслѣдованіе «Право суда и помилованія, какъ прерогативы Россійской державности» вызвало весьма оживленный обмѣнъ сужденій въ періодической печати, признавшей въ авторѣ обширную начитанность въ исторической и юридической литературѣ. Поэтому и неудивительно, что въ разсматриваемомъ «каталогѣ» наибольшее количество книгъ и брошюръ, въ связи съ ихъ наилучшимъ подборомъ, выпадаетъ на юридическую литературу или «Правовѣдѣніе», какъ озаглавилъ этотъ отдѣлъ составитель «каталога». Въ него входитъ до 19 подотдѣловъ, въ которыхъ находимъ и цѣлый рядъ наиболѣе крупныхъ и лучшихъ статей, печатавшихся въ разныхъ юридическихъ журналахъ и сборникахъ, за время отъ 1859 по 1880 г. Въ виду бѣдности нашей юридической библіографіи именно за это время, мы особенно должны быть благодарны и цѣнить «каталогъ», который можетъ послужить руководствомъ для молодыхъ юристовъ.

Изъ остальныхъ пятнадцати отдѣловъ болѣе обильными и содержательными являются: «исторія и археологія», «географія, путешествія» и «беллетристика». Въ этихъ отдѣлахъ перевѣсъ падаетъ на французскія изданія (особенно въ отдѣлѣ «беллетристики») конца XVIII и начала XIX вѣковъ. Тутъ есть рядъ такихъ изданій, которыхъ не найти ни въ одномъ изъ нашихъ крупнѣйшихъ государственныхъ книгохранилищъ. Видимо, составленіе библіотеки К. Θ. Хартулари началось очень давно и продолжалось послѣдовательно и безпрерывно до послѣдняго времени. Цѣнными, затѣмъ, являются: отдѣлъ многотомныхъ словарей и отдѣлъ «искусства, музыки и игры», въ которомъ больше всего должны привлечь вниманіе десять томовъ in folio—«Caricatures et dessins de la revolution française», врядъ ли имѣющихся въ какой либо частной библіотекѣ.

Составленъ «каталогъ», по всей видимости, опытнымъ библіографомъ, сообщившимъ вполнѣ точно всѣ нужныя библіографическія даты и распредѣлившимъ матеріалъ строго по отдѣламъ и въ алфавитномъ порядкѣ именъ въ послѣднихъ. Для удобства нахожденія книги или статьи приложенъ въ концѣ каталога «Алфавитный указатель именъ авторовъ, переводчиковъ, редакторовъ и издателей», занимающій 20 страницъ мелкаго петита. Съ внѣшней стороны изданіе не оставляетъ желать лучшаго.

В.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ положеніе земного рая. Спорный вопросъ о томъ, гдѣ находился земной рай, по словамъ хроникера «Journal des Debats», почти рѣшенъ скандинавскимъ ученымъ, Торвальдомъ Кёлемъ. Хотя толкователи Библіи не утверждали, но всѣ единогласно предполагали, что рай находился въ окрестностяхъ Тигра и Евфрата, новѣйшая наука вывела другія гипотезы, между которыми самая распространенная называла Конго, въ Африкѣ, мѣстомъ первоначальнаго рая. Теперь мнѣніе перемѣнилось. Торвальдъ Кёль послѣ долгаго изученія и серіознаго изслѣдованія предполагаетъ, что земной рай находился на сѣверномъ полюсѣ. Сѣверный ученый—астрономъ, а потому онъ руководствовался, при изученіи этого вопроса, астрономическими соображеніями. Онъ говоритъ, ссылаясь на многочисленныя преданія, что во времена первыхъ людей звѣзды не появлялись на небѣ въ сумерки и не исчезали при первомъ свѣтѣ зари, но безконечно обходили вокругъ горизонта. Но такъ какъ во всемъ свѣтѣ существуетъ только двѣ точки, гдѣ замѣчается это явленіе, а именно сѣверный и южный полюсы, то, слѣдовательно, рай находился подъ однимъ изъ нихъ. Казалось бы, что Кёлю представляется затрудненіе при выборѣ полюсовъ, географическаго положенія рая, но онъ, согласно другимъ преданіямъ, по которымъ Адамъ и Ева послѣ изгнанія изъ рая направились на югъ, рѣшаетъ, что, слѣдовательно, рай былъ на сѣверномъ полюсѣ. Суровый климатъ, бѣдность флоры и фауны сѣвернаго полюса, такъ мало подходящіе къ климату и роскошной растительности рая, какимъ его представляютъ по

---

[1]) Journal des Debats. Revue hebdomadaire. Notes et notices. Septembre 1901.

преданію, не смущаютъ Кёля. Онъ говоритъ, что на Шпицбергенѣ и на Землѣ Франца-Іосифа нашли безчисленное множество ископаемыхъ доисторическаго времени, и въ этой странѣ были флора и фауна, подходящіе къ тропическимъ. Онъ не колеблясь утверждаетъ, что на полюсѣ находится то же самое, но это неизвѣстно потому, что еще его не достигли, а слѣдовательно не предпринимали изысканій.

— Представитель итальянской буржуазіи XIII вѣка. Среди различныхъ біографій, появившихся за послѣднее время, въ особенности выдѣляется одна, какъ по своему занимательному содержанію, такъ и по личности, служащей предметомъ для характеристики. Авторъ ея, г-жа Арведъ Баринъ, посвятила свой трудъ біографіи католическаго святого, Франциска Ассизскаго [1]). Его отецъ, крупный итальянскій купецъ въ городѣ Ассизи, торговалъ матеріями. Онъ былъ тщеславный человѣкъ, любящій пышность, въ то же время падкій на деньги, далеко не любезный и грубый, когда приходилъ въ гнѣвъ, хотя честный, какъ большинство итальянскихъ торговцевъ среднихъ вѣковъ, которымъ приходилось часто съ оружіемъ въ рукахъ защищать свою свободу и дома. По обычаямъ того времени, онъ уѣзжалъ съ товарами далеко и посѣщалъ ярмарки Прованса, Лангедока и Шампани. Въ одну изъ этихъ поѣздокъ онъ женился на провансалкѣ, по имени Пика. Въ 1182 году у нихъ родился сынъ, Францискъ, будущій католическій святой, наслѣдовавшій отъ своей матери «голову, полную пѣсенъ и правансальскихъ сказокъ». Отецъ предназначилъ его быть купцомъ и не заботился о его воспитаніи. Въ то время снисходительно смотрѣли на поведеніе молодежи, и Францискъ росъ настоящимъ «сорви-головой». Это былъ, по словамъ автора, пылкій юноша, и при этомъ онъ имѣлъ всегда большія деньги. Вскорѣ онъ сдѣлался представителемъ золотой молодежи и бѣдовымъ подстрекателемъ на всевозможныя безумныя выходки. Самымъ большимъ его удовольствіемъ было напироваться въ компаніи и затѣмъ производить шумъ и безпорядки на улицахъ. День и ночь раздавались по Ассизи крики и пѣсни молодежи, предводительствуемой съ важнымъ видомъ Францискомъ. Но, несмотря на всѣ его безумныя крайности, онъ всегда оставался нѣжнымъ, и ни одно грубое слово не сходило съ его языка, хотя онъ бывалъ пьянъ. Одинъ изъ его современниковъ говоритъ: «онъ былъ благороденъ, и нельзя было сказать, что онъ принадлежалъ къ семьѣ Бернадона и вообще къ этому классу общества». Онъ не долго оставался въ школѣ, такъ какъ отецъ рѣшилъ поставить его за прилавокъ. Но въ немъ жилъ духъ трубадура, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отдавался со страстью буйнымъ удовольствіямъ, довольно эксцентричнымъ. Друзья отца осуждали безумное бросаніе денегъ юноши, но народъ милостиво относился къ нему. Для того времени, когда цѣнили болѣе внѣшность, онъ не былъ красавцемъ. Это былъ маленькій, хрупкій, блѣдный, нѣжный юноша, съ тонкими чертами лица, маленькими ушами, ногами и руками, въ общемъ ничѣмъ не поражающій, если бы не его красивые черные, честные глаза и необъяснимое очарованіе его лица. Голосъ его былъ музыкальный, ласкающій, и никто не могъ предвидѣть, что онъ сдѣлается аскетомъ. Въ двадцать лѣтъ онъ

---

[1]) Saint François d'Assise, par Arvède Barine. Paris. 1901.

совершенно измѣнилъ образъ жизни, сдѣлался благоразумнымъ, разсудительнымъ и предался дѣлу отца, оставаясь все время въ лавкѣ. Съ этого времени начинается формироваться будущій католическій святой. Смотря на жизнь, какъ бы со стороны, онъ отдавался созерцанію; все, что его веселило прежде, теперь возмущало. Онъ сталъ разбираться въ пережитомъ и рѣшилъ, что «бѣдность великая избавительница отъ всѣхъ нашихъ заботъ, но съ условіемъ, чтобы ее любили», и скрылся въ Римъ, подъ нищенскими лохмотьями. Отецъ обезумѣлъ отъ мысли, что сынъ сдѣлался профессіональнымъ нищимъ, ассизское же общество возмутилось. Наконецъ, въ 1207 году, одѣтый въ данные епископомъ лохмотья, Францискъ Бернадонъ праздновалъ по-провансальски свое вступленіе въ службу Богу и отреченіе отъ людского порабощенія. По словамъ автора, «Францискъ не измѣнилъ своего характера въ этомъ новомъ положеніи и оставался все тѣмъ же очаровательнымъ молодымъ человѣкомъ, такъ какъ онъ былъ убѣжденъ, что діаволъ напрасно трудится надъ людьми веселыми, тогда какъ люди, которые постятся, печальны и кислые, есть лучшая добыча для ада. Его выразительное улыбающееся лицо, на которомъ отражался весь его внутренній чистый міръ, вносило съ собою радость, и всѣ лица при видѣ его сіяли, хотя онъ еще не открывалъ рта». Онъ былъ полонъ такого очарованія, что побѣдилъ не только Иннокентія III въ Римѣ, но даже животные и птицы давались ему спокойно въ руки и слѣдовали за нимъ. Въ 1208 году, онъ основалъ монашескій орденъ францисканцевъ, или миноритовъ, и поселился съ своими учениками въ лачугѣ, посвящая себя всѣмъ лишеніямъ и бѣдности и все время возбуждая учениковъ весело переносить испытаніе. Со всѣхъ концовъ Италіи къ нему стекался народъ, и францинсканцы распространились повсюду. Это было какъ бы протестомъ противъ богатства полуварварскаго общества того времени, съ его злоупотребленіями, несправедливостями, которыя порождало богатство. Францискъ посвятилъ себя не только религіозной дѣятельности, но и человѣческой. Въ то время народу проповѣдывали и даже составляли пѣсни на латинскомъ языкѣ. Францискъ первый написалъ гимны въ стихахъ на итальянскомъ языкѣ. Францисканцы послѣдовали его примѣру и стали писать свои поэтическія религіозныя произведенія на нарѣчіяхъ ихъ провинцій. Данте, послѣ нѣкотораго колебанія, рѣшился написать свою «Божественную комедію» на итальянскомъ языкѣ. Такимъ образомъ, благодаря Франциску, было положено начало итальянской литературы. Въ произведеніяхъ Джіотто виденъ духъ Франциска, и онъ же внушилъ Дунъ-Скотту реформу метафизики. Въ религіи, живописи, наукахъ, во всемъ виднѣлось подражаніе Франциску Бернадону. Онъ умеръ въ 1226 году.

— Поэтъ-мошенникъ. Послѣ многочисленныхъ трудовъ надъ характеристикой поэта Франсуа Виллона, которымъ занимались уже двадцать-тридцать лѣтъ, наконецъ появилась окончательная характеристика [1]), какъ самого поэта, такъ и его произведеній, написанная Гастономъ Пари. Франсуа Виллонъ, называвшійся первоначально Монкорбье, родился въ 1431 году и велъ бродячую жизнь, едва избѣжавъ висѣлицы. Произведенія Виллона, написанныя въ юмо-

---

[1]) François Villon, par Gaston. Paris. 1901.

ристическомъ и сатирическомъ тонѣ, относятся къ столкновеніямъ его съ правосудіемъ. До послѣдней характеристики Виллона, всѣ біографы поэта объясняли многочисленные судебные приговоры надъ нимъ строгостью закона той эпохи, когда за убитаго въ садкѣ богача зайца вѣшали и за ничтожныя вещи садили въ тюрьму; но все-таки Виллонъ былъ достоинъ своей участи. Хотя въ дѣлѣ убійства каноника близъ церкви Сенъ-Жакъ онъ былъ не виноватъ, такъ какъ былъ вызванъ на поединокъ и законно защищался; хотя причины его заключенія въ тюрьмахъ епископа Орлеанскаго и другихъ, противъ чего онъ всегда возражалъ, остаются неизвѣстны, и второй приговоръ къ смерти быть могъ также несправедливъ, но все-таки онъ виновенъ во множествѣ другихъ злодѣяній. Его участіе въ большой кражѣ въ Наварской коллегіи и сообщничество съ «товарищами Коленомъ и Кайе, повѣшенными за то, что отправлялись въ Рюэль и Моншшо воровать и убивать», принадлежность къ шайкѣ бродягъ, опустошавшихъ деревни, нападавшихъ на уединенныя фермы, хотя не доказаны, но, во всякомъ случаѣ, вѣроятны. Авторъ разсматриваетъ всѣ эти вопросы подробно, научно, а также касается семьи поэта, его учебныхъ занятій и стиховъ, написанныхъ во время его бродячей, полной приключеній жизни. Его поведеніе онъ извиняетъ иначе, чѣмъ прежніе біографы. Пари говоритъ, что «Виллонъ жилъ во время полнаго нравственнаго упадка общества. Въ продолженіе столѣтней войны, въ особенности, въ послѣднемъ ея періодѣ, ремесло военнаго человѣка и разбойника подходили одно къ другому. Грабить, воровать, вымогать деньги было обычаемъ людей самаго высокаго положенія, военнаго и даже гражданскаго. Страшная нищета, царствовавшая не только въ Парижѣ, но и во всей Франціи, пріучила искать средства для жизни, не разбирая какъ. Правосудіе, изъ боязни угрозъ, изъ благосклонности или просто изъ-за денегъ, отсрочивало исполненіе приговоровъ. Чувства человѣческаго достоинства почти не существовало. Вельможи измѣняли, нарушали клятвы, обирали бѣдныхъ; приближенные короля злоупотребляли своимъ вліяніемъ въ пользу кошелька; парламентъ, не получавшій жалованья, взыскивалъ съ жалобщиковъ; духовныя лица, изъ которыхъ многія вели гнусную жизнь, обирали народъ посредствомъ индульгенцій; университетъ продавалъ званія, и доктора соперничали въ порочности съ королевскими офицерами, а въ грубыхъ дебошахъ съ учениками; послѣдніе находили естественнымъ жить блюдолизами и посвящали свои поэмы, воспѣвая благородные подвиги вельможъ; народъ, тѣснимый со всѣхъ сторонъ, отплачивалъ, какъ могъ, и считалъ законнымъ брать обратно, что у него вымогали. Слѣдовательно, Виллонъ, воруя и взламывая замки, не считалъ себя достойнымъ презрѣнія, хотя чувствовалъ сожалѣніе и угрызеніе совѣсти, а его современники не осуждали его. Относительно его поэзіи авторъ говоритъ: «Стихотворенія Виллона нимало не способствуютъ впечатлѣнію, производимому его поэзіей. Его осьмистишіе живо и хорошо подобрано, пересѣченное обыкновенно на двѣ звучныя части, выдѣляется съ ритмомъ и съ поразительнымъ блескомъ. Извѣстныя строфы, которыя отпечатываются въ памяти, лишь только ихъ прочтешь, обязаны своей цѣнностью употребленію богатыхъ риѳмъ, относящихся къ словамъ, повидимому, необходимымъ, выборъ которыхъ удовлетворяетъ умъ, какъ ихъ соединеніе плѣняетъ

ухо. Это замѣчается въ особенности въ балладахъ, гдѣ тѣ же самыя риѳмы возвращаются въ каждой строфѣ. Такимъ образомъ баллада достигаетъ столь тонкой отдѣлки, что очаровываетъ читателя. Благодаря этимъ качествамъ, поэзія Виллона производитъ то же обаятельное впечатлѣніе, что и проза Рабеле. Фразы того и другого дѣйствуютъ, какъ магическія формулы, и обязаны не столько ихъ прямому значенію, какъ ихъ звучности, ихъ построенію и даже загадочности. Содержаніе поэмъ Виллона потеряло уже цѣлые вѣка свой кратковременный интересъ и сдѣлалось такимъ отдаленнымъ, что часто самыя тщательныя изслѣдованія лишь нѣсколько объясняютъ ихъ смыслъ. Впрочемъ оно такое исключительное и очень часто отталкивающее, что само не можетъ быть привлекательнымъ, языкъ его устарѣлъ до такой степени, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ положительно непонятенъ даже ученымъ, форма стихосложенія вышла изъ моды, однако, благодаря силѣ и жизни, которая чувствуется и одушевляетъ эту поэзію, съ виду такую недолговѣчную, она производитъ еще неопредѣленное, но несомнѣнное впечатлѣніе истинной поэзіи.

— Братъ Сервантеса. Несмотря на бѣды, обрушившіяся на Испанію, она скоро отряхнулась и продолжаетъ во всѣхъ отрасляхъ искусства и науки свою энергичную дѣятельность. Толпа талантливыхъ писателей лихорадочно проявляетъ свои силы въ различныхъ родахъ литературы. Въ особенности въ большомъ ходу ученыя археологическія изысканія. Испанія богата прошлымъ, и въ литературѣ, особенно, она гордится Сервантесомъ и чуть не молится на него. Жрецомъ этого кумира является въ настоящее время донъ Рамонъ Леонъ Мэнезъ. Съ необыкновеннымъ терпѣніемъ и страстью талантливый писатель и археологъ рылся въ архивахъ и библіотекахъ, въ старинныхъ зданіяхъ частныхъ и общественныхъ, чтобы найти хотя малѣйшія свѣдѣнія, относящіяся, если не къ Сервантесу лично, то къ его семьѣ, друзьямъ, современникамъ. Изъ собранныхъ долгимъ упорнымъ трудомъ свѣдѣній онъ составилъ прекрасную книгу, озаглавленную «Сервантесъ и его эпоха». Ея появленіе послужило въ Испаніи цѣлымъ литературнымъ событіемъ. Въ 1819 г. академикъ донъ Фернандезъ Наваррегъ напечаталъ свѣдѣнія о жизни Сервантеса, въ которыхъ онъ сообщалъ, что Родриго, бывшій плѣнникомъ въ Алжирѣ вмѣстѣ съ Михаиломъ Сервантесомъ, былъ его старшій братъ. Это была ошибка, которую всѣ біографы повторяли до тѣхъ поръ, когда ученый донъ Кристобалъ-ココ Пересъ Насторъ напечаталъ въ 1897 г. свои «Новые еще неизданные документы». Между этими документами находилось духовное завѣщаніе отца автора Донъ-Кихота, и въ немъ при перечисленіи сыновей Родриго не былъ старшимъ, какъ ошибочно предполагали раньше. Но все-таки годъ и мѣсто рожденія, военныя его похожденія, день и мѣсто смерти оставались неизвѣстными. Мэнезъ задался мыслью пополнить этотъ пробѣлъ. Наконецъ ему удалось найти документы въ главномъ архивѣ города Алкала де Хенаресъ. Изъ нихъ Мэнезъ узналъ, что братъ Сервантеса умеръ во Фландріи въ 1600 году. Кромѣ того, онъ сообщаетъ его біографію и разрѣшаетъ сомнѣніе, царствовавшее столько времени относительно рожденія Родриго, и теперь навѣрно знаютъ, что Родриго родился 20-го іюня 1550 года. Интересно, что столько времени разыскиваемыя свѣдѣнія прошли, по словамъ ученаго антиквара, Санта-Марія, доставившаго

Мэнезу копію съ фотографическимъ снимкомъ съ акта рожденія, незамѣченными лицами, разыскивавшими эти справки. Дѣло въ томъ, что, считая Родриго старшимъ сыномъ, всѣ обращали вниманіе на первые листы приходской книги. Благодаря невѣжеству переплетчика, листы были перепутаны, и 1549 годъ былъ помѣщенъ послѣ 1550—1551 гг. Только Санта-Марія догадался просмотрѣть книгу листъ за листомъ и тамъ увидѣлъ, что Родриго младшій сынъ Сервантеса, родившійся въ Алкала. Эта ошибка привела къ тому, что Родриго и Андрея принимали за одно и то же лицо. Ему было двадцать пять лѣтъ и три мѣсяца, когда онъ попалъ въ плѣнъ. Такимъ образомъ теперь установлено, благодаря Санта-Марія, что Родриго былъ младшій братъ Михаила, великаго писателя, и родился, какъ и Михаилъ, Андрэ, Андрэа и Луиза въ Алкалѣ. Родриго такъ же, какъ и Михаилъ, учился въ публичной коллегіи Мадрида и двадцати лѣтъ поступилъ въ милицію въ 1570 году. Но это подвержено еще сомнѣнію. Что положительно извѣстно, такъ это его служба въ Испаніи и Италіи и его участіе въ войнѣ 1575 года. Это подтверждено петиціей его отца къ королю Филиппу II. Послѣ того, какъ Родриго былъ съ братомъ Михаиломъ съ плѣну, онъ освободился и возвратился въ 1577 году въ Испанію. Поступивъ въ батальонъ волонтеровъ, онъ былъ на счету, какъ храбрый воинъ. Родриго присутствовалъ также при покореніи королевства Португальскаго и принялъ участіе въ двухъ экспедиціяхъ, предводительствуемыхъ маркизомъ Санта-Круче. Затѣмъ онъ перешелъ во фландрскую армію, гдѣ оставался до своей смерти, т. е. до 1600 года. Въ общемъ онъ былъ двѣнадцать лѣтъ солдатомъ и 13 знаменоносцемъ. Такъ какъ наиболѣе интересные документы были доставлены Мэнезу послѣ изданія его книги, то онъ передалъ ихъ Полю Мирану, который на основаніи этихъ документовъ написалъ любопытную статью въ журналѣ «Nouvelle Revue» [1]).

— Французская актриса Клеронъ. Недавно во Франціи воздвигли памятникъ драматической актрисѣ XVIII вѣка, г-жѣ Клеронъ, которая играла не только выдающуюся роль на театральныхъ подмосткахъ, но въ зрѣлые годы сдѣлалась фавориткой, и даже первымъ министромъ маркграфа Анспахскаго [2]). Вообще ея личность занимала общество той эпохи не только своимъ крупнымъ талантомъ, считавшимся первымъ послѣ Адріенны Лекуврёръ, но и любовными похожденіями. Великая актриса, оставившая въ исторіи драматическаго искусства глубокій слѣдъ, была одна изъ крупныхъ куртизанокъ. Кромѣ своихъ «Мемуаровъ», которыя она написала для потомства, громадное количество писемъ дало богатый матеріалъ для ознакомленія съ ея личностью. Она родилась семи мѣсяцевъ, 25 января 1723 г. въ Конде, отъ работницы, по имени Сенапикъ, и отъ сержанта изъ Мальи. Дѣвочка родилась такой крошечной и хрупкой, что было мало надежды на ея существованіе. Это отозвалось на ея здоровьѣ, и всю жизнь она была слабою и болѣзненною. Когда она подросла, ее помѣстили къ портнихѣ, но дѣвочка ненавидѣла иглу. Покинувъ съ своей матерью Конде, она отправилась сначала въ Валансьенъ, затѣмъ въ Парижъ.

---

[1]) «Un frére de Cervantes». «La Nouvelle Revue». 15 Août. 1901.

[2]) Mademoiselle Cleiron, par Edouard. Journal, 18 août 1901.

Тамъ ее заперли въ незанятую комнату, и она забавлялась, смотря изъ окна. Напротивъ въ домѣ передъ открытымъ окномъ г-жа Данжевиль брала урокъ танцевъ; увидавъ ее, малютка принялась тотчасъ же повторять всѣ пріемы актрисы. Вскорѣ одинъ сосѣдъ повелъ ее во французскую комедію, гдѣ давали «Графа Эссексъ» и «Любовныя безумія». Дѣвочка, возвратившись домой, повторила на память болѣе двухсотъ стиховъ трагедіи и двѣ трети маленькой пьесы. Мать угрожала ей и бранила ее, на что ребенокъ отвѣчалъ: «Ну, такъ убей же меня, такъ какъ иначе я буду играть комедію». Она играла такъ много и хорошо, что наконецъ вышло распоряженіе допустить ее до дебюта въ Итальянской комедіи, 8 января 1736 года, когда ей исполнилось только 13 лѣтъ. Юная актриса играла роль служанки и сразу имѣла успѣхъ. Она отправилась въ Руанъ съ труппою де-ла Нуэ и скоро пріобрѣла извѣстность на скандальномъ поприщѣ, что не мѣшало ей развивать свой талантъ. Въ это время распространили о ней скверный памфлетъ, подъ заглавіемъ: «Исторія г-жи Кронель, по прозванію Фреттилонъ» (такъ какъ она играла подъ этимъ именемъ). Затѣмъ она выступила въ Лилѣ и въ Гентѣ, оставаясь попрежнему веселой, рѣзвой, необузданной. Наконецъ ей надоѣло кочевать, и она рѣшила выбрать опредѣленное положеніе; на ея счастье она встрѣтила Попеглиньера, который поддался очарованію ея голоса и свободѣ манеръ. Съ нимъ она отправилась въ Парижъ и поступила въ Оперу, въ мартѣ 1843 г. Въ это время ей было двадцать лѣтъ. Сначала она появилась въ роли Венеры въ оперѣ: «Гезіонъ». Публика приняла ее прекрасно. Всѣ изящные мужчины столпились около нея. Здѣсь она выбрала себѣ имя Клеронъ. Но она не удовольствовалась быть только куртизанкой, которую оспаривали принцъ д'Антенъ де-Гюстинъ и принцъ Субизъ, а влюбилась въ красавца поручика швейцарской гвардіи, барона Бюзанваля, и въ это время стала домогаться попасть въ Французскую комедію. Отпоръ послѣдовалъ отъ ложныхъ пуританъ, но она побѣдила герцога де-Жеврэ, прикинувшись застѣнчивой и скромной. Теперь поднялся вопросъ, въ какой роли дебютировать ей, такъ какъ Клеронъ приходилось выступать въ комедіи Данжевиль, а въ трагедіи царствовала въ то время Дюмениль. Но Клеронъ не задумалась и прямо выразила желаніе играть Федру. Это возбудило насмѣшки, но она стояла на своемъ и увлекла весь залъ. Ея необычайно бѣлая кожа, большіе черные глаза, выразительные и пылкіе, ея гибкая талія, благородная осанка, соперничали съ игрой и дикціей, и ее признавали чуть не лучше самой Лекувреръ. Въ «Клеопатрѣ» Мармонтеля она вызвала энтузіазмъ въ сценѣ, гдѣ механическій змѣй жалилъ ее въ грудь. Въ это время на сценѣ царствовалъ Вольтеръ. Клеронъ взялась за него, прекрасно понимая, что ея судьба, какъ актрисы, устроится при его содѣйствіи. Она писала ему: «Вы и Корнель — мои боги!» Спустя нѣкоторое время, она отправилась къ нему съ визитомъ въ Ферней. Вольтеръ продолжалъ ей льстить: «Вы будете мой источникъ юности», говорилъ Вольтеръ. И онъ былъ правъ, такъ какъ до тѣхъ поръ ни одна изъ актрисъ не доходила до такой степени блеска, не вносила на сцену такія прекрасныя манеры, тонкость игры, законченность. Если Адріена Лекувреръ внесла непо-

дражаемое патетическое могущество, а Дюмениль—горячность, порывистость и импровизацію, то Клеронъ постигла науку композиціи оттѣнковъ и аксессуаровъ, чѣмъ покорила послѣ Вольтера, Дидеро и другихъ писателей. «Нѣтъ другой Клеронъ», говорили послѣ ея успѣховъ въ «Китайскомъ сиротѣ». Успѣхъ опьянилъ ее; она продолжала блестѣть, чему помогала еще болѣе ея связь съ Мармонтелемъ, длившаяся нѣсколько лѣтъ. Но Клеронъ была дурной товарищъ, ревнивый, завистливый, капризный и высокомѣрно-эгоистичный. Она составила заговоръ, чтобы помѣшать трагику Лекэну попасть въ «Французскую комедію». Но Лекэнъ отмстилъ за себя. Въ это время Клеронъ уже страдала секретной болѣзнью, что заставило ее впослѣдствіи покинуть сцену; на этомъ Лекэнъ построилъ свою месть. Пѣсни, двусмысленности и даже клеветы сыпались по адресу Клеронъ. Товарки насмѣхались надъ патологическими несчастіями. Каждое представленіе оканчивалось кризисомъ. Наконецъ, послѣ тринадцатаго представленія «Китайскаго сироты» она слегла. Но, едва оправившись, Клеронъ опять появилась на сценѣ. Она отправилась въ Бордо, гдѣ дала тридцать два представленія, вызвавшія громадныя оваціи. Къ чести Клеронъ, она всегда прикладывала старанія къ усовершенствованію сценическаго искусства. Она отказалась играть всѣ роли въ роскошныхъ туалетахъ, часто противорѣчащихъ правдѣ, и хотѣла, чтобы костюмы какъ можно болѣе согласовались со временемъ, мѣстностью, характеромъ изображаемой личности. Помпадуръ была горячая поклонница ся таланта. Эро де-Сешель, бывшій главнымъ прокуроромъ во время революціи, бралъ у нея уроки дикціи и жестовъ. Но оставаясь на взглядъ красивой и все еще съ осанкой королевы, въ частной жизни Клеронъ чувствовала, что ея силы угасаютъ, и она должна была распроститься съ своей разнузданной, веселой жизнью. Единственный человѣкъ, занимавшій ея сердце, остался графъ де-Вальбель. Онъ жилъ съ нею тринадцать лѣтъ и передъ смертью завѣщалъ ей часть своего состоянія. Онъ хотѣлъ даже жениться на ней, но она отказалась выйти замужъ. Въ 1765 г. она подбила своихъ товарищей составить заговоръ противъ маленькой Дюбуа, на основаніи нравственныхъ причинъ, какъ нѣкогда она сама была жертвою подобнаго же недоброжелательства. Всѣ согласились не играть съ Дюбуа, но театральное начальство посмотрѣло на дѣло иначе. Несмотря на ея болѣзнь, Клеронъ арестовали и посадили въ тюрьму. Тамъ она пробыла пять дней, а потомъ ее заставили просидѣть подъ домашнимъ арестомъ три дня. Болѣзнь ея осложнилась, и она отправилась въ Женеву, гдѣ знаменитый докторъ Троншенъ принудилъ ее, подъ угрозой смерти, отказаться отъ сцены. По этому случаю Клеронъ отправилась къ Вольтеру, жившему въ Фернеѣ. 23-го апрѣля, 1766 г., герцогъ Дюра подписалъ ея отставку, съ пенсіей, такъ какъ она находилась на королевской сценѣ 22 года. Клеронъ создала 37 ролей, послѣдняя изъ нихъ была роль Альеноры въ «Осадѣ Кале». Но, покинувъ сцену, она соскучилась по ней. Парижъ же о ней живо забылъ, и когда она появилась въ Версалѣ въ «Атали», то хроникеръ писалъ, что она «постарѣла и сморщилась». По несчастію, она затѣяла борьбу съ г-жею Дюмениль; но послѣдняя, поддерживаемая дю-Барри, побѣдила ее. Наконецъ, она открыла драматическую школу, въ которой развила свой талантъ Ларивъ и обѣщала занять на

сценѣ съ успѣхомъ мѣсто самой Клеронъ. Но послѣдняя не окончила ея воспитанія, такъ какъ ей представился случай разыграть новую роль, и въ 1773 году она сдѣлалась фавориткою маркграфа Анспахскаго. Въ этомъ званіи Клеронъ провела семнадцать лѣтъ. Здѣсь она забрала въ руки власть и была первымъ министромъ маркрафа, заводя связи съ французскими и иностранными министрами. Когда законная жена маркрафа отказывалась допустить ее къ себѣ, то она сказала ей, что не стоитъ своему повелителю ни одного флорина въ день. Но черезъ восемнадцать лѣтъ маркграфъ влюбился въ англичанку изъ высшаго общества, и Клеронъ оказалась въ отставкѣ, а въ 1786 г. она возвратилась въ Парижъ. Г-жа Лебренъ видѣла ее по ея пріѣздѣ и говорила, что она похудѣла и сдѣлалась еще драматичнѣе и надменнѣе. Здѣсь она принялась писать свои мемуары, но не хотѣла ихъ печатать ранѣе, какъ десять лѣтъ спустя, послѣ ея смерти. Но вышло иначе. Она довѣрила ихъ секретарю Дидеро, Мейстеру, который напечаталъ ихъ за границею въ 1798 г. Тогда она рѣшилась сама выпустить французское изданіе. Переживъ революцію безъ особенной тревоги, она все-таки находилась все время въ безпокойствѣ. Она писала въ 1799 г.: «Мнѣ шестьдесятъ семь лѣтъ, мое здоровье разрушено терроромъ и нищетой». Одинокая она влачила печальную, хилую старость, и 31-го января 1803 г. Клеронъ не стало. Она была похоронена на кладбищѣ Pere Lachaise и скоро забыта всѣми. Только въ 1877 г. актеры «Французской комедіи» собрали 6.000 франковъ, чтобы поправить ея могилу. Съ трудомъ разыскали уже стершуюся плиту и вырѣзали на ней въ натуральную величину ея профиль.

— Наполеоніана. Наполеоновская обширная литература растетъ не по годамъ, а по днямъ. Недавно прибавилось къ ней произведеніе [1]) капитана Колена, въ которомъ онъ разсматриваетъ еще не разрѣшенную задачу, какимъ образомъ развился военный методъ Наполеона. Въ своемъ сочиненіи авторъ сначала разсматриваетъ различныя военныя ученія XVII и XVIII вѣка, изъ которыхъ видно, что медленность прежнихъ пріемовъ не зависѣла отъ формалистики генераловъ, а отъ несовершенства оружія и его тяжеловѣсности. Переворотъ произошелъ, благодаря Грибовалю и его пушкѣ. Артиллерія, сдѣлавшись многочисленнѣе и подвижнѣе, не уступала въ эволюціяхъ инфантеріи. Получивъ военное воспитаніе въ школѣ Дю-Тейля, Гибера и Бурсе, проповѣдывавшихъ энергичныя дѣйствія и быстроту, Бонапартъ съ первыхъ шаговъ поразилъ всѣхъ своими удивительными атаками. Этому господствовавшему у него качеству способствовали новое оружіе и французскій темпераментъ. Затѣмъ Коленъ переходитъ къ первымъ годамъ ученія Бонапарта, представляя его человѣкомъ, изъ котораго можно все сдѣлать, идущимъ прямо къ источникамъ науки и изучающимъ все, начиная съ исторіи, философіи, математики и кончая механикой. Отъ Монтескье онъ заимствовалъ синтезъ: «Предметъ войны — побѣда; побѣды—завоеваніе; завоеванія—занятіе города». Отъ Макіавели онъ въ особенности удержалъ правила: «Нервъ войны — храбрость солдата.—Вести войну короткую, но хорошую.—Съ удачей лучше быть грубымъ,

---

[1]) Education militaire du Napoleon, par le capitaine J. Kolin. Paris. 1901.

чѣмъ почтительнымъ. — Лучше одинъ начальникъ, такъ какъ воля многихъ ослабляетъ армію.—Для одержанія побѣды надо, чтобы довѣріе соединяло главнокомандующаго и солдатъ между собою». Бонапартъ вполнѣ постигъ «Опытъ всеобщей тактики» Гибера и усвоилъ произведенія Ллойда и де-Бурсе. Любимый ученикъ барона де-Тейля, онъ всецѣло проникся рѣшительнымъ примѣненіемъ артиллеріи и тактикой инфантеріи. Результатомъ его изученія явились: сосредоточеніе силъ, подвижность, смѣлая и наступательная инициатива. Къ этимъ пріобрѣтеннымъ качествамъ авторъ прибавляетъ его личныя способности: могучую волю, авторитетное убѣжденіе, хладнокровіе, энергію, смѣлость и удивительную способность къ работѣ и выносливость.

На-дняхъ появился второй томъ «Экспедиціи въ Египетъ», де-ла-Жонкьера[1]). Этотъ трудъ еще интереснѣе, чѣмъ первый томъ, и изданъ съ десятью рисунками внѣ текста и пятью въ текстѣ. Въ немъ авторъ разсматриваетъ пирамиды и Абукиръ, побѣду и морское пораженіе. Де-ла-Жонкьеръ излагаетъ добросовѣстно и ясно, но не сухо, основываясь лишь на документахъ. Онъ воспользовался извлеченіями историческаго архива войны, выбравъ лишь то, что важно, что можетъ исправить невѣрныя свѣдѣнія или измѣнить приговоры исторіи надъ людьми и событіями. Такъ, онъ обсуждаетъ катастрофу въ Абукирѣ, а также смерть генерала Мирера и, благодаря своему методу, онъ оспариваетъ, объясняетъ и освѣщаетъ событія, сличая разсказы своихъ предшественниковъ и приводя мемуары и воспоминанія, относящіяся къ этимъ событіямъ. Авторъ очень тонко указываетъ на разногласіе между разсказами очевидцевъ и точной правдой. Такъ, по словамъ автора, одинъ генералъ, принимавшій участіе въ Египетскомъ походѣ, разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ, недавно появившихся, что армія безконечно была рада, прибывъ въ Дамангуръ, когда увидѣла Нилъ, и съ удовольствіемъ выкупалась въ немъ. Де-ла-Жонкьеръ при этомъ замѣчаетъ, что Нилъ не протекаетъ въ Даматурѣ, а только черезъ три дня армія могла достичь рѣки, именно въ Эль-Раманье. Изъ этого видно, что де-ла-Жонкьеръ располагаетъ обширнымъ знакомствомъ съ предметомъ, и его сочиненіе не только исторія экспедиціи въ Египетъ, но можетъ служить и критикой историческимъ трудамъ прежняго времени.

Къ литературѣ, относящейся до экспедиціи въ Египетъ, прибавились еще «Письма изъ Египта» Этьена Жофруа Сентъ-Илера. Авторъ ничего новаго въ нихъ не сообщаетъ о событіяхъ экспедиціи. Онъ говоритъ, какъ очевидецъ, объ истребленіи флота адмирала Брюей и о страшномъ возстаніи въ Каирѣ, прибавляя интересныя подробности. Лично зная Мену, онъ представляетъ его въ иной обстановкѣ, чѣмъ обыкновенно о немъ говорятъ. Но главнымъ образомъ онъ касается исторіи ученой комиссіи и именно Египетскаго института, ведя переписку по этому вопросу изо дня въ день. Но, къ сожалѣнію, и эти свѣдѣнія у него неполны, такъ какъ всѣ письма, относящіяся до поѣздки ученой комиссіи въ Верхній Египетъ, теперь исчезли. Во всякомъ случаѣ, даже съ этимъ пробѣломъ «Письма изъ Египта» представляютъ большой интересъ для историковъ. Имъ предшествуетъ ученое введеніе, сопровождаемое неиздан-

---

[1]) L'expedition d'Egypte 1798—1901, par de la Jonquière. Tome II. Paris. 1901.

ными замѣтками и любопытными примѣчаніями, въ особенности примѣчаніемъ: «Бонапартъ и достоинство науки» [1]).

Капитанъ де-Кюньякъ напечаталъ второй и послѣдній томъ своего замѣчательнаго труда «Маренго, походъ резервной арміи въ 1800 году» [2]). Въ этомъ произведеніи де-Кюньякъ описываетъ французовъ въ долинахъ Пьемонта и Ломбардіи. Оно составлено на основаніи писемъ и отчетовъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, свѣренныхъ съ австрійскими. Прочитавъ его трудъ, читатель измѣняетъ мнѣніе относительно многихъ фактовъ, остававшихся неясными, и нѣкоторыхъ вопросовъ, еще оспариваемыхъ. Такимъ образомъ Кюньякъ говоритъ, что Наполеонъ, покидая долину Аосты съ шестью пушками, спасенными отъ артиллерійскаго огня крѣпости Баръ, не дожидался остальныхъ французскихъ пушекъ, а быстро направился занимать Страдельское дефиле, чтобы закрыть отступленіе непріятелю. Затѣмъ онъ послѣдовательно сообщаетъ о задержаніи курьера Меласа, послѣ чего послѣдовало движеніе французовъ по направленію къ Александріи, по обоимъ берегамъ рѣки По, о сосредоточиваніи войска для предполагаемой встрѣчи и о сомнѣніи Бонапарта въ истинномъ положеніи австрійцевъ, которыхъ онъ считалъ отступившими къ Женевѣ и Милану. Онъ помѣстилъ также неизданный документъ, изъ котораго читатель узнаетъ о движеніяхъ дивизіи Лануапа въ послѣднія минуты битвы при Маренго, о дѣйствительномъ положеніи дѣла и объ истинномъ положеніи Дессэ. Девять главъ этой книги посвящены битвѣ при Кьюзеллѣ, движенію черезъ Тессинскій проходъ, занятію Милана и Павіи, дѣйствіямъ генераловъ Лекки, Бетанкура и Монсея, переправѣ черезъ По, битвѣ при Монтебелло, сосредоточенію арміи, окончательной побѣдѣ при Маренго и Александрійскому договору.

Люсьенъ Корне, мэръ города Санса, опубликовалъ весьма интересные неизданные документы, принадлежащіе музею этого города. Они состоятъ изъ мемуаровъ [3]) бывшаго секретаря Наполеона, Флери де-Шабулона, съ замѣтками, сдѣланными самимъ Наполеономъ. Собственно, мемуары уже были первый разъ напечатаны самимъ Флери де-Шабулономъ въ 1819 году и нѣсколько разъ перепечатаны; современники придавали имъ большое значеніе. Что же касается до замѣтокъ Наполеона, то онѣ составляютъ новость. Эдуардъ Флери де-Шабулонъ родился въ 1779 г. и исполнялъ должность помощника префекта въ 1814 г., когда первая Реставрація вернула его къ частной жизни. Послѣ неудачнаго ходатайства у Людовика XVIII о префектурѣ онъ отправился въ Италію и пріѣхалъ во Францію въ тотъ моментъ, когда Наполеонъ возвращался съ острова Эльбы. Флери привѣтствовалъ его въ Ліонѣ. Назначенный секретаремъ императорскаго кабинета, онъ отправился въ Базель съ порученіемъ, которое, благодаря пораженію при Ватерлоо, оказалось напраснымъ. Флери де-Шабулонъ слишкомъ былъ скомпрометированъ, чтобы оставаться во Франціи, а потому онъ удалился въ Лондонъ. Тамъ-то онъ написалъ и опубликовалъ

---

[1]) «Lettres écrites d'Egypte», par Etienne Geoffroy Saint Hilaire. Paris. 1901.

[2]) Marengo: Campagne de l'armée de réserve en 1800. 2 partie, par de Cugnac. Paris. 1901.

[3]) «Memoires de Fleury de Chaboulon». Avec annotations manuscrites de Napoléon I. Publiés par Lucien Cornet. Paris. 1901.

свои мемуары. Одинъ изъ экземпляровъ этого единственнаго труда Флери де-Шабулона былъ посланъ въ Лонгвудъ сэру Гудсону Ло. Послѣдній не замедлилъ вручить ихъ Наполеону. Наполеонъ взялъ карандашъ и покрылъ критическими замѣтками страницы мемуаровъ, которые, повидимому, его очень раздражили. Послѣ смерти Наполеона этотъ экземпляръ попалъ въ руки стараго слуги императора, Этьена Сенъ-Дена, который завѣщалъ ихъ городу Сансу, гдѣ онъ умеръ въ 1856 г. Къ этимъ мемуарамъ Люсьенъ Корне написалъ предисловіе, въ которомъ подтверждаетъ достовѣрность замѣтокъ императора, характеризуетъ личность Флери и дѣлаетъ оцѣнку его мемуарамъ. По его словамъ, этотъ трудъ полонъ странной лжи, и его авторъ заботился главнымъ образомъ выдвинуть на первый планъ свое «я» и обратить вниманіе всѣхъ на свою личность, ничуть не заботясь о добросовѣстной передачѣ исторіи. Ему, вѣроятно, никогда не приходила въ голову мысль, что его произведеніе подвергнется строгой критикѣ Наполеона. Дѣйствительно, когда просмотришь замѣтки Наполеона, которыя, для большей выразительности, напечатаны на зеленой бумагѣ и помѣщены противъ текста мемуаровъ, то бросаются въ глаза протесты Наполеона противъ своего историка. На каждомъ шагу написано императоромъ: «Ложь!» «Басня!» «Смѣшное обезьянство!» Но Наполеонъ не довольствовался только мелкими обличеніями, онъ заботливо исправлялъ неправильности и ложь, а иногда очень пространно объяснялъ, какъ, напримѣръ, относительно дѣла герцога Ангіенскаго. Какое впечатлѣніе произвели эти мемуары на Наполеона, лучше всего можно видѣть изъ слѣдующей собственноручной его замѣтки. «Молодой человѣкъ, вамъ придется всю жизнь себя упрекать за произведеніе, въ которомъ вы скомпрометировали столькихъ отцовъ семейства и оклеветали столькихъ великихъ и знаменитыхъ гражданъ». Флери де-Шабулонъ умеръ депутатомъ въ 1835 г.

Къ Наполеоновской литературѣ можно причислить также біографіи членовъ его семьи. Одну изъ нихъ Ш. д'Аржюзонъ посвятилъ королевѣ Гортензіи. Второй томъ этого обширнаго труда вышелъ на-дняхъ подъ заглавіемъ: «Madame Louis Bonaparte» [1]). Историки найдутъ въ этомъ трудѣ не изданные ранѣе документы. Тѣ изъ нихъ, которые чаще всего авторъ извлекалъ изъ семейнаго архива, такъ какъ его дѣдъ былъ сдѣланъ въ 1804 г. камергеромъ при дворѣ Людовика, уже были напечатаны въ «Journal des Debats». Этотъ томъ относится къ 1802 г. до 1806 г., т. е. отъ ея замужества до восшествія Людовика на голландскій престолъ. По его описанію, у Гортензіи были бѣлокурые волосы, голубые глаза, свѣжій цвѣтъ лица. Она обладала душою пансіонерки и по природѣ была очень застѣнчивая и до холодности скрытная, однако, не лишенная вспышекъ дѣтской радости. Она была неспособна выказать мужу какое нибудь расположеніе, но умѣла устраивать увеселительныя прогулки. Вообще онъ казалась крайне глупой. Сдѣлавшись несчастной, благодаря характеру мужа, Гортензія стала трогательнѣе. Со дня помолвки она начала плакать. Людовикъ Бонапартъ былъ деспотъ, какъ всѣ члены его семьи, и отличался странностями, своенравіемъ и печальнымъ настроеніемъ. Какъ человѣкъ не уравновѣшенный,

[1]) «Madame Louis Bonaparte», par C. d'Arjuzon. Paris, 1901.

онъ дѣйствовалъ поспѣшно, сразу. Ревнивый и подозрительный, онъ страдалъ самъ и дѣлалъ несчастной жену, угрожая и оскорбляя ее. Все время больной, онъ переѣзжалъ съ однѣхъ лѣчебныхъ водъ на другія, одинъ, лѣча свой ревматизмъ, который былъ не что иное, какъ начало паралича. Въ двадцать шесть лѣтъ онъ походилъ на старика, съ отнявшимися руками и едва передвигая ноги. Первый годъ послѣ брака онъ почти весь провелъ далеко отъ жены, во главѣ своего полка. Онъ писалъ постоянно только двумъ друзьямъ, которые были для него дороже всего, и ни слова Гортензіи. Его отсутствіе доставляло ей удовольствіе, такъ какъ она проводила время съ матерью и Наполеономъ. Авторъ не менѣе занимается послѣдними, и въ его произведеніи говорится немало о придворной жизни. Во время консульства и имперіи Гортензія занимаетъ въ ней не главное мѣсто и выведена безучастной личностью, всегда меланхоличной, красота которой состоитъ только изъ ея свѣжести, уже увядающей. Въ 1806 г. она сдѣлалась голландской королевой, и ей предстояло отправиться къ мужу, что она исполнила съ ужасомъ и страхомъ, какъ будто бы удаляясь въ изгнаніе.

— Живой современникъ Наполеона. Въ августовскомъ номерѣ «Journal» [1]) М. де-Лисъ сообщилъ, что въ Варшавѣ живетъ современникъ Наполеона, принимавшій участіе въ его походахъ. Этотъ ветеранъ, по имени Викентій Маркевичъ, родился въ 1894 г., въ Краковѣ. Несмотря на свой возрастъ, онъ обладаетъ прекрасной памятью и бываетъ счастливъ, когда съ нимъ бесѣдуютъ о минувшихъ дняхъ. Онъ окончилъ свое воспитаніе въ краковской семинаріи. Воодушевленный слышаннымъ о Наполеонѣ, онъ отправился въ 1811 году въ Варшаву, въ то время, когда тамъ нахсдилась французская армія. Ему было въ то время 17 лѣтъ. Онъ поступилъ знаменоносцемъ въ легкую конницу, составлявшую тогда почетную стражу Наполеона, и отправился съ своимъ баталіономъ въ Пруссію, а оттуда черезъ Вильну на Москву. Этотъ баталіонъ былъ единственный, оставшійся въ полномъ комплектѣ, и ему пришлось защищать остатокъ французской арміи, когда она возвращалась послѣ своего пораженія. Послѣ перехода черезъ Березину, Маркевичъ, не сходя съ сѣдла, направился съ своимъ эскадрономъ въ Испанію. Изъ Мадрида онъ возвратился въ Лейпцигъ во время войны 1813 г. Подъ нимъ были убиты послѣдовательно четыре лошади, а самъ онъ былъ раненъ. Въ награду Маркевичъ получилъ крестъ Почетнаго Легіона и произведенъ былъ въ офицеры императорской гвардіи. Съ этого момента онъ не покидалъ болѣе Наполеона и отправился съ нимъ на островъ Эльбу. Маркевичъ пережилъ съ Наполеономъ неудачу при Ватерлоо и послѣ пораженія отправился съ нимъ на островъ Св. Елены, чтобы раздѣлить съ нимъ несчастные дни, но англичане сократили свиту Наполеона, и черезъ годъ онъ долженъ былъ покинуть островъ Святой Елены. Маркевичъ былъ одинъ изъ числа высланныхъ, а потому онъ возвратился въ Европу и поступилъ въ польскую армію. Затѣмъ его послали въ Вар-

---

[1]) «Le dernier survivant de la Grande armée», par M. de Lys. «Journal» 3 août 1901.

шаву, въ качествѣ поручика дивизіи гвардейскихъ конныхъ егерей. Въ 1819 г. онъ перешелъ изъ гвардіи въ 4-й эскадронъ уланъ, въ 1824 г. онъ получилъ чинъ капитана и перешелъ въ 1-й эскадронъ уланъ принца Оранскаго. Въ 1827 г. Маркевичъ перешелъ въ полкъ ветерановъ, а въ 1829 г. онъ сдѣлался майоромъ этого полка. Послѣ похода 1830—1831 гг. онъ возвратился въ Краковъ, затѣмъ поѣхалъ въ Парижъ, гдѣ оставался десять лѣтъ. Поступивъ въ легіонъ генерала Высоцкаго, онъ отправился въ Венгерскій походъ 1848 г. Потомъ онъ убѣжалъ въ Турцію и поступилъ въ турецкую армію, на берегу Босфора. Изъ Турціи онъ уѣхалъ въ Италію, гдѣ служилъ подъ знаменемъ Гарибальди, и до 1868 г. онъ сражался за независимость Италіи. Утомившись военнымъ ремесломъ, онъ возвратился въ Варшаву, гдѣ живетъ на небольшую пенсію, получаемую отъ русскаго правительства.

— Туссэнъ-Лувертюръ во Франціи. Событія въ Трансваалѣ дали мысль Анри Готье Виллару написать статью въ «Revue hebdomadaire» [1]), посвященную памяти вождя негровъ Санъ-Доминго, Туссэнъ-Лувертюру, пытавшемуся въ прошедшемъ вѣкѣ освободить свою родину отъ владычества французовъ. Туссэнъ-Лувертюръ родился въ 1748 г. на островѣ Гаити и былъ сыномъ негра. Островъ Гаити или Санъ-Доминго былъ открытъ Колумбомъ въ 1492 г. Позднѣе Гаити составлялъ частью французскую, частью испанскую колонію. Въ 1697 г. часть острова была уступлена испанцами Франціи. Въ 1789 г., негры Санъ-Доминго послали въ Парижъ посольство, добиваясь уравненія правъ съ бѣлыми. Въ 1790 г. Національное Собраніе въ Парижѣ признало автономію колоніи, но такъ какъ черные не получили равныхъ правъ съ бѣлыми, то вспыхнуло возстаніе, хотя, когда испанцы и англичане пытались овладѣть островомъ, французскія войска соединились съ неграми. Въ 1791 г. Туссэнъ-Лувертюръ, перебивъ всѣхъ бѣлыхъ, объявилъ независимую республику и сдѣлался диктаторомъ. Благодаря его твердой волѣ, порядокъ возстановился, благоденствіе воцарилось на Санъ-Доминго. Но онъ задумалъ дать конституцію, которая освобождала бы колонію окончательно отъ владычества Франціи. Бонапартъ отказался признать ее и былъ страшно разгнѣванъ. На другой же день ратификаціи предварительнаго лондонскаго перемирія, онъ отправилъ въ Санъ-Доминго большую колоніальную экспедицію, начальство надъ которой довѣрилъ своему зятю, генералу Леклерку. 35.000 человѣкъ, отправившихся въ Санъ-Доминго, напомнили жителямъ, что они «составляютъ частицу французскаго народа». Но причина экспедиціи не была совершенно выяснена. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Наполеонъ приказалъ Фушэ слѣдить за эмиссарами Туссэнъ-Лувертюра, находящимися въ Парижѣ, и одного изъ нихъ, офицера Венсана, подозрѣвали въ сношеніяхъ съ Англіей. Впослѣдствіи, Наполеонъ, перенесшій самъ заточеніе, сожалѣлъ, что допустилъ Леклерка слишкомъ быстро, по-военному, распорядиться съ санъ-домингцами. Прибытіе экспедиціи сильно возбудило негровъ. Наслушавшись похвалъ Наполеону и ве-

---

[1]) Toussaint Louverture au fort de Joux, par Henri Gauthier Villars. «La Revue hebdomadaire», 6 julliet, 1901.

ликодушному, свободомыслящему французскому народу, возставшему противъ тираніи, санъ-домингцы не ожидали, что проповѣдники «правъ человѣка» обратятся съ ними, какъ съ невольниками, за то, что они объявили свою автономію. Чувство симпатіи смѣнилось у негровъ негодованіемъ, когда ихъ обступили и стали атаковать во имя свободы, равенства и братства. Принужденные отступить передъ силою, они не задумались дѣйствовать крайне и когда, въ 1802 г., 5-го февраля, осаждающіе проникли въ Капъ, то городъ былъ въ пламени. Только четыре мѣсяца кровопролитной борьбы дали возможность захватить Туссенъ-Лувертюра, и то благодаря вѣроломной стратегіи генерала Брюне. Противъ низкаго поступка генерала Туссэнъ протестовалъ въ письмѣ къ первому консулу, по своемъ прибытіи во Францію, 22-го іюля. Но Наполеонъ уже рѣшилъ судьбу негра и когда его письмо было отправлено, онъ былъ заключенъ подъ строгимъ надзоромъ въ крѣпость Жу. Его жену и дѣтей нашли нужнымъ тоже привезти во Францію. Въ своемъ письмѣ Туссэнъ Лувертюръ просилъ о «благосклонности великодушной и свободной націи» къ его женѣ и дѣтямъ. На это послѣдовало распоряженіе, сослать старшаго его сына, отъ перваго брака, въ Бель-Иль, жену же съ двумя ея дѣтьми въ Байону, а затѣмъ въ Ажанъ. При этомъ Туссэнъ не долженъ былъ видѣться съ ними. Сначала онъ былъ заключенъ въ Брестскій замокъ, вмѣстѣ съ его слугою, Марсомъ Плезиромъ, и только 23-го марта (3 фруктидоръ) ихъ перевезли вмѣстѣ въ крѣпость Жу. Переѣздъ изъ Брестскаго замка состоялся 13-го августа, секретно и подъ сильнымъ эскортомъ изъ 12 канонировъ, 2 жандармовъ и 1 офицера, изъ опасенія, чтобы жители не поддались подстрекательству англичанъ и не освободили его. Кромѣ этихъ мѣръ, на всѣхъ станціяхъ былъ разставленъ усиленный полицейскій патруль. Изъ предосторожности Туссэнъ ночевалъ въ тюрьмахъ, но онъ сохранилъ генеральскій мундиръ, и въ городахъ было приказано мѣстнымъ властямъ отдавать ему честь. Въ Безансонѣ народонаселеніе узнало объ его проѣздѣ ранѣе префекта, благодаря болтовнѣ эскорта, и сдѣлало ему оваціи, которыя, впрочемъ, длились недолго, такъ какъ опасались безпорядковъ, и 22, по прибытіи, онъ ночевалъ въ цитадели, а 23 былъ заключенъ въ крѣпость Жу. Здѣсь обращеніе съ нимъ было самое суровое и даже безполезно жестокое, а надзоръ чрезмѣрно строгій. Смотритель крѣпости преувеличивалъ строгость приказа правительства относительно надзора, такъ какъ, передъ пріѣздомъ Туссэна, убѣжали изъ Жу двое узниковъ. Слуга Туссэна писалъ его сыну: «Чтобы попасть въ нашу комнату, надо пройти черезъ три двери, запертыя на три замка, а, войдя туда, подумаешь, что попалъ въ подземелье. Мы никого не видимъ, и двери отворяются лишь въ часы завтрака. Я стараюсь казаться веселымъ, чтобы отвлечь вашего отца отъ черныхъ мыслей. Онъ, въ свою очередь, тоже поддерживаетъ мое настроеніе, и тогда, видя величіе его души, я бросаюсь ему на шею. Помощникъ префекта Маньенъ еще болѣе усилилъ надзоръ, прося смотрителя Байля назначить дневной и ночной караулъ и не пропускать ни одного посторонняго. Онъ дошелъ до того, что требовалъ провѣрять ежедневно крѣпость желѣзныхъ рѣшетокъ, посредствомъ молотка, въ присутствіи офицера. «Префектъ Жанъ-Дебри хотѣлъ обуздать старанія своего помощника, но едва Фушэ узналъ объ этомъ, какъ Наполеонъ

приказалъ усилить строгость. Военный министръ, Бертье, писалъ: «Согласно его (т. е. перваго консула) желанію, выраженному министру полиціи, я приказываю главному смотрителю разъединить узника съ его чернымъ слугою и препроводить послѣдняго въ Нантскій замокъ, гдѣ посадить его въ тюрьму. Я приказалъ воспрепятствовать Туссэну располагать деньгами, и не допускать до него никакихъ писемъ, прежде чѣмъ они не будутъ доставлены морскому министру. Также запретить узнику разговаривать съ кѣмъ бы то ни было». Такимъ образомъ Фушэ взвалилъ на префекта Дэбри должность высшаго шпіона, приказавъ докладывать обо всѣхъ событіяхъ полиціи. Приходилось или повиноваться, или подавать въ отставку. У Туссэна съ этихъ поръ отобрали всѣ сколько нибудь цѣнныя вещи. Его мундиръ замѣнили грубой свитой, по распоряженію Манена, самымъ «экономичнымъ образомъ» арестантской одеждой. Убитый разлукою съ единственнымъ собесѣдникомъ, своимъ слугой, Туссэнъ написалъ военному министру, что онъ хотѣлъ бы сообщить первому консулу важныя вещи. Министръ послалъ къ нему генерала Каффарелли. Свиданіе ни къ чему не привело. «Важною вещью» Туссэнъ называлъ свою защитительную рѣчь, составленную, на досугѣ, въ надеждѣ добиться смягченія своей участи. Въ своей рѣчи онъ не признавалъ себя виновнымъ въ преступленіяхъ, въ которыхъ его обвиняли, и отрицалъ составленіе трактата съ Ямайкой и Англіей. Единственной его виною было обнародованіе конституціи, но не достоинъ ли онъ прощенія. Каффарели старался вырвать отъ него тайны, но онъ молчалъ. Слухъ шелъ, что Туссэнъ спряталъ сокровища въ горахъ Санъ-Доминго, и Бонапарту очень хотѣлось имѣть свѣдѣнія относительно всего этого. Но хитрый негръ протестовалъ, говоря: «Я потерялъ побольше, чѣмъ сокровища». Когда генералъ усталъ тщетно пытать его и удалился, то онъ вручилъ ему просьбу консулу. Позже онъ писалъ еще, прося у «великаго генія Бонапарта свободы, чтобы работать для своей семьи». Но Наполеонъ былъ недоволенъ неудачной попыткой Каффарелли и отдалъ приказъ еще строже и суровѣе обращаться съ Туссэномъ. Такъ у него отняли съ головы шляпу, которую онъ носилъ поверхъ повязки изъ платка, что облегчало ему страшныя головныя боли, происходившія отъ полученныхъ на головѣ ранъ. Наконецъ, Байль просилъ префекта исполнить просьбу Туссэна, дать ему шляпу. 17-го Байль вновь писалъ, что Туссэнъ просилъ исполнить его просьбу и въ то же время вручилъ два письма Наполеону и Каффарелли. Туссэнъ также просилъ носовые платки и сахарной булки. На послѣднюю просьбу Байль отвѣтилъ ему, что въ продолженіе двухъ недѣль онъ отдавалъ ему свою булку и обѣщалъ давать еще шесть дней. Но если за это время не послѣдуетъ приказъ выдавать таковую, то Байль не въ состояніи былъ давать за свой счетъ, такъ какъ Туссэнъ не пилъ ничего жидкаго безъ сахара. Послѣ посѣщенія Туссэна нѣкіимъ Дормуа, бывшимъ аббатомъ и опаснымъ интриганомъ, который проникъ къ нему подъ личиной доктора, надзоръ за нимъ сдѣлался невозможно суровъ. Свиданіе съ Каффарелли и непривычный холодный климатъ отозвались очень дурно на здоровьѣ Туссэна. Вѣтеръ проникалъ черезъ стѣны тюрьмы, и несчастный дрожалъ и едва бывалъ въ состояніи согрѣться у скуднаго огня. Байль, по природѣ человѣкъ не злой, не рѣшался однако ему по-

ночь. Даже доктора къ нему теперь не допускали и замѣнили военнымъ фельдшеромъ. Изъ опасенія подкупа приказано было отобрать его карманные часы. 27 брюмера Байль увѣдомилъ префекта, что негръ жалуется на боли во всемъ тѣлѣ и безпрерывную лихорадку, при этомъ удостовѣрялъ, что Туссэнъ хорошо охраняемъ, что его камера окружена сводами. Окно, черезъ которое проходитъ къ нему свѣтъ, состоитъ изъ трехъ рядовъ желѣзныхъ рѣшетокъ. Кромѣ того, были положены еще кирпичи, такъ что свѣтъ приходилъ черезъ четыре рамы. На ночь это отверстіе закрывалось ставнемъ, запиравшимся на замокъ, ключъ отъ котораго находился у офицера. Своды запирались тремя крѣпкими дверьми, тремя задвижками, тремя замками. Третій сводъ былъ занятъ Туссэномъ. Кромѣ всѣхъ этихъ запоровъ, была поставлена еще стража. Маньенъ былъ замѣненъ Мико, болѣе мягкимъ человѣкомъ, но не имѣвшимъ соперника въ бюрократической глупости. Наконецъ въ 1802 г. Байль усталъ отъ требованій, выражаемыхъ ему относительно строгихъ мѣръ, и попросилъ помощника. Несчастный Туссэнъ сдѣлался еще болѣе одинокимъ и безнадежнымъ. Его кашель раздиралъ душу, волосы у него посѣдѣли, и онъ ожидалъ смерти, читая евангеліе, котораго отъ него еще не отняли. Новый помощникъ, Аміо, докладывалъ въ мартѣ 1803 г.: «Туссэнъ все боленъ. Онъ не перестаетъ кашлять. Уже нѣсколько дней у него рука на перевязи, и его голосъ странно измѣнился». Передъ смертью его здоровье улучшилось, но 17 апрѣля съ нимъ случался апоплексическій ударъ. Въ это время ему исполнилось 60 лѣтъ. Аміо, войдя въ его темницу, около $11^1/_2$ ч. утра увидѣлъ, что онъ сидѣлъ въ креслѣ у огня, прислонивъ голову къ камину. Правая рука несчастнаго висѣла, пульсъ болѣе не бился, дыханье остановилось и сердце замолкло. Онъ былъ мертвъ. Вскрытіе показало, что у него была водянка въ лѣвой брюшной полости и кровоизліяніе въ правое легкое. Несчастный негръ былъ немедленно похороненъ. Погребеніе состоялось въ склепѣ крѣпостной часовни, но навѣрно неизвѣстно, осталось ли его тѣло тамъ. По словахъ нѣкоторыхъ, его сынъ Исаакъ добился разрѣшенія перевезти его останки въ Бордо. Другіе дѣлаютъ болѣе фантастическія сообщенія, говоря, что въ 1850 г. его вырыли и разрубили голову на двѣ части. Туссэнъ, какъ большинство цивилизованныхъ негровъ, имѣлъ чрезвычайно сложную душу и тонкій умъ, склонный къ софизмамъ. Онъ былъ скорѣе скрытный, чѣмъ загадочный. Въ немъ странно мѣшалась энергія съ коварствомъ. Онъ храбро боролся за независимость своихъ, и его успѣхи, какъ воина, немало возбуждали его расовую гордость. Онъ былъ хитеръ, какъ могутъ быть хитры лишь люди черной, желтой и бронзовой расы. Для нихъ, какъ для эллиновъ, притворство было почетнымъ искусствомъ. Маленькіе подвижные сверкающіе глаза выражали геніальность и лукавство. Сильный мускулистый, привычный къ тѣлеснымъ упражненіямъ и скромной жизни, Туссэнъ казался еще молодымъ физически, тогда какъ выраженіе его лица было старческое. Грубыя черты лица смягчались добрымъ выраженіемъ, сохранившимся до конца его жизни. Но Наполеонъ немало поплатился за экспедицію въ Гаити, такъ какъ двѣ трети войска погибли на Гаити отъ желтой лихорадки, не перенеся жары и сырого климата. Генералъ Леклеркъ съ пятнадцатью генералами тоже умерли отъ этого бича. Остатки арміи долж-

ны были удалиться, покинувъ островъ на произволъ негровъ, гдѣ ужасный Дессалинъ (Іаковъ I) временно сдѣлался императоромъ. Наполеону не удался его планъ, и въ виду окончательнаго освобожденія негровъ Санъ-Доминго онъ продалъ его американцамъ за 80 милліоновъ, 30 апрѣля 1803 г.

— Новыя поэмы и письма Байрона. Новыя изданія поэзіи и прозы Байрона съ прибавленіемъ вновь найденныхъ произведеній и документовъ составляютъ одно изъ драгоцѣннѣйшихъ новѣйшихъ изданій. Первое, редактируемое Эрнестомъ Гартлеемъ Кольриджемъ, достигло въ настоящемъ году до четвертаго тома, а второе, до пятаго [1]). Къ вышедшимъ поэмамъ отъ 1816 до 1823 годамъ относятся: «Шильонскій узникъ», «Беппо», «Мазепа», «Марино Фальеро» и такъ далѣе. Конечно, большія поэмы, «Чайльдъ-Гарольдъ» и «Донъ-Жуанъ», хотя конецъ ихъ написанъ въ эти годы, напечатаны цѣликомъ въ другихъ томахъ, чтобы не разбивать этихъ произведеній, ради хронологіи. Кромѣ извѣстныхъ уже поэмъ Байрона, напечатаны въ этомъ томѣ пять новыхъ поэтическихъ произведеній, именно: «Венеція», «Дуэль», «Сонетъ на свадьбу маркиза Кавалли съ графиней Распонни», «Ода къ дамѣ, любовникъ которой убитъ пулей, измявшей портретъ на его сердцѣ» и «Аристоманъ», очевидно, отрывокъ, хотя это не сказано. Изъ этихъ новинокъ всего интереснѣе «Дуэль», лирическое стихотвореніе Байрона, адресованное къ мистриссъ Мёстэрсъ, по поводу Байронъ-Чабортской дуэли, но стихи далеко не такъ интересны, какъ отчетъ о процессѣ въ палатѣ лордовъ. «Венеція» очень живописна и замѣчательна по колориту, но не плѣняетъ своимъ содержаніемъ. Лучше всѣхъ изъ пяти поэмъ мистическая ода, которая отличается пламенемъ, мелодіей и серіозностью. Кромѣ длиннаго названія, это стихотвореніе еще имѣетъ эпиграфомъ слова Ларошфуко «On peut trouver des femmes qui n'ont jamais eu de galanterie, mais il est rare d'en trouver qui n'en aient jamais eu qu'une». По всей вѣроятности, люди, близко знакомые съ исторіей начала прошлаго столѣтія, не затруднятся назвать красавицу съ однимъ faux pas. Четвертый томъ такъ же прекрасно иллюстрированъ, какъ и прежніе. Если мы перейдемъ къ «прозѣ» лорда Байрона, то должны сознаться, что чѣмъ письма его идутъ далѣе, то они становятся самымъ интереснымъ и замѣчательнымъ чтеніемъ настоящаго времени. Въ пятомъ томѣ они занимаютъ эпоху отъ 3-го апрѣля 1820 года до 12 декабря 1821 г. Онѣ начинаются съ того времени, когда Байронъ жилъ во дворцѣ Гвичіолли въ Равеннѣ, потомъ въ нихъ описывается неудачная итальянская революція, разводъ графа и графини Гвичіолли папскимъ декретомъ, и наконецъ мы прощаемся съ нимъ въ Пизѣ, гдѣ онъ жилъ съ своей графиней въ палаццо Лафранчи. Всего этихъ писемъ напечатано въ этомъ томѣ сто восемьдесятъ три, тогда какъ извѣстно было до сихъ поръ, въ самомъ обширномъ американскимъ изданіи, восемьдесятъ три. Нечего и говорить о содержаніи ихъ: они также любопытны, пламенны и страстны, какъ прежнія. Точно также въ нихъ много обычнаго Байроновскаго комедіанства. Что же касается до иллюстрацій, то онѣ также богаты и замѣчательны.

---

[1]) The works of lord Byron. Poetry. Vol. IV, Edited by Ernest Hartley Coleridge. London, 1901. The Works of lord Byron. Letters and Journals Vol. V. Edited by Bowland E. Piothero. London. 1981.

— Кто виноватъ въ пораженіи подъ Садовой? Недавно въ Австріи, на главной городской площади Эленбурга, воздвигли памятникъ въ честь австрійскаго фельдцейхмейстера Бенедека. Онъ родился въ 1804 г., былъ сыномъ мадьярскаго доктора. Бенедекъ принималъ участіе въ различныхъ войнахъ съ итальянцами и съ венгерцами. Въ 1848 году онъ энергично дѣйствовалъ во время венгерскаго возстанія, а въ 1859 году онъ разбилъ пьемонтцевъ въ Санъ-Мартино и этимъ спасъ честь австрійской арміи; въ битвѣ при Сольферино едва не превратилъ побѣду французовъ въ пораженіе. Но этотъ вѣрный слуга Габсбургскаго дома сдѣлался жертвой государственной измѣны и, только двадцать лѣтъ спустя, послѣ его смерти, выяснилось настоящее положеніе дѣла. Съ 1866 г. вслѣдъ за роковой для него битвой при Садовой онъ сдѣлался, послѣ сорокалѣтней блестящей военной службы, козломъ отпущенія. Бенедекъ влачилъ несчастное существованіе, подъ гнетомъ несправедливаго обвиненія своихъ современниковъ и подъ тяжестью навязанной ему клятвы: хранить государственную тайну до своей смерти. По приказу императора, Бенедекъ долженъ былъ взять на себя отвѣтственность за пораженіе. Мало того, умирая, уже въ агоніи, онъ взялъ клятву съ своей семьи хранить тайну въ продолженіе двадцати лѣтъ. Двадцать лѣтъ его семья почтительно сохраняла ее. За это время его жена послѣдовала за нимъ въ могилу, также какъ и его вѣрный адъютантъ, полковникъ Мюллеръ. Эта тайна едва не была схоронена съ ними, если бы племянница Бенедека, графиня Заальбургъ, не рѣшилась обнаружить истину [1]). Конечно, въ Австріи журналисты принуждены молчать, а потому документы напечатаны въ Лейпцигѣ. Дѣло было такъ. 4 марта 1866 г. Бенедекъ находился въ Веронѣ, гдѣ командовалъ австрійской арміей въ Италіи, когда получилъ письмо отъ императора Франца-Іосифа, призывавшаго его къ себѣ. Бенедекъ на другой же день отправился въ Вѣну. Къ великому его испугу, императоръ заявилъ ему, что назначаетъ его командиромъ Богемской арміи. Напрасно Бенедекъ выставлялъ на видъ, что это назначеніе для него неподходящее, такъ какъ онъ не знаетъ страны, никогда не участвовалъ тамъ на маневрахъ и даже не путешествовалъ. Между тѣмъ Италія ему была прекрасно знакома, и онъ могъ бы быть полезнѣе тамъ для императора. Доводы Бенедека были столь основательны, что императоръ, не отказываясь отъ своей мысли, обѣщалъ, однако, подумать. При этомъ Бенедекъ намекнулъ, что лучшій главнокомандующій былъ бы тамъ эрцъ-герцогъ Альбрехтъ, наслѣдовавшій отъ отца стратегическій талантъ; кромѣ того, онъ много разъ командовалъ въ Богеміи войсками, и его главная квартира находилась долго въ Моравіи, въ городѣ Ольмюцѣ, а также побѣда члена царствующаго Габсбургскаго дома подняла бы его популярность въ глазахъ всѣхъ. Во всѣхъ книгахъ и журналахъ, относящихся къ походу 1866 г., высказывалось мнѣніе, что австрійское правительство сильно ошиблось, перепутавъ роли этихъ двухъ генераловъ, вопреки всякой логикѣ и здравому смыслу. Различныя мнѣнія высказывались на этотъ счетъ, и одно изъ нихъ заключалось въ предположеніи, будто бы герцогъ Альбрехтъ, какъ губернаторъ Венгріи, былъ ненавидимъ за

---

[1]) Benedeks nachgelassene Papiere; von Gräfin Saalburg.

свой деспотизмъ, и опасались, чтобы это гибельно не отразилось на распоряженіяхъ во время войны, Бенедекъ же, напротивъ, будучи венгерцомъ, долженъ пользоваться довѣріемъ и дружбой Венгріи, которая повиновалась бы охотно начальнику ея національности.

Но въ посмертныхъ бумагахъ Бенедека говорится другое. Въ дѣйствительности, императоръ опасался несчастія и, довѣривъ эрцъ-герцогу Альбрехту командованіе, рисковалъ навлечь народное негодованіе на домъ Габсбурговъ. «Сѣверная армія, писалъ Бенедекъ, въ печальномъ положеніи и произвела непріятное впечатлѣніе на эрцъ-герцога Альбрехта. Всѣ генералы уже стары, мало дѣятельны, не энергичны, а солдаты недостаточно подготовлены. Вотъ положеніе». Нѣсколько дней спустя, къ Бенедеку пріѣхалъ эрцъ-герцогъ. Онъ умолялъ и просилъ его со странной настойчивостью, чтобы Бенедекъ взялъ на себя отвѣтственность командованія въ Богеміи. Беденекъ оставался непоколебимъ. «Развѣ хотятъ несчастія націи? — сказалъ онъ — но я не хочу этого». Однако просьбы дѣлались каждый день все настойчивѣе и настойчивѣе. Графъ Эстергази, первый министръ имперіи, представляя вопросъ въ пріятномъ для самолюбія Бенедека свѣтѣ, далъ ему понять, что отъ него ждутъ услуги, и его отказъ огорчитъ императора. Бенедекъ задумался и задался вопросомъ, чего отъ него хотятъ. Въ ночь, предшествующую его возвращенію въ Верону, къ нему пріѣхалъ графъ Гренвиль, адъютантъ императора. «Государь, — сказалъ онъ, — возьметъ на себя громадную отвѣтственность, если назначитъ на ваше мѣсто другого генерала. Мнѣніе народа указываетъ на васъ, а интересъ короны, которая замѣшана въ этомъ дѣлѣ, не даетъ вамъ даже выбора отвѣта». — «Если отъ меня требуютъ жертвы, — сказалъ Бенедекъ, — тогда хорошо, я буду молчать и преклоняюсь. Я буду обязанъ повиноваться императору, какъ солдатъ и какъ подданный». И въ письмѣ къ женѣ, удивлявшейся, что онъ далъ себя уговорить, Бенедекъ отвѣчалъ: «Какъ же иначе поступить, дорогая Юлія, я былъ бы негодяй (ein schlechter Kerl), если бы отказался». Получивъ его согласіе, императоръ тотчасъ же прислалъ ему письмо, въ которомъ благодарилъ его и назначилъ фельдмаршаломъ. Но Бенедекъ, не довѣряя успѣху, отвѣтилъ, что «приметъ это званіе, когда будетъ достоинъ его». Эрцъ-герцогъ Альбрехтъ въ это время былъ назначенъ главнокомандующимъ итальянской арміей. Когда оба генерала встрѣтились на Висенской станціи, эрцъ-герцогъ поздравилъ Бенедека и пожелалъ ему успѣха, при чемъ послѣдній, понуривъ голову, сказалъ: «Ваше высочество, въ этой странѣ нѣтъ ни одного дерева, ни одного кусочка земли, которыхъ я не зналъ бы, тамъ же мнѣ все чужое». Но мало того, Бенедекъ не имѣлъ воли даже выбрать себѣ помощника. Онъ хотѣлъ, какъ начальника штаба, выбрать своего друга, дѣйствовавшаго съ нимъ въ Италіи, фельдмаршала лейтенанта барона Яна, а ему дали, по желанію эрцъ-герцога Альбрехта, личнаго друга послѣдняго, графа Крисманика. Едва пріѣхавъ 25 мая въ Ольмюцъ, онъ энергично принялся за устройство арміи. Но и тутъ неудача. Изъ Вѣны летѣли депеши за депешами, торопившія его отъѣздомъ, ссылаясь на нетерпѣніе императора, на лихорадочную тревогу народа и на затрудненіе правительства. Напрасно Бенедекъ ссылался на военныя соображенія; ему отвѣчали политическимъ взглядомъ на обстоятельства. Нако-

нецъ Бенедекъ двинулъ войска; 180.000 солдатъ направились къ Богеміи, чтобы соединиться съ 60.000 австро-санксонцами. Но раньше, чѣмъ отправиться, онъ написалъ своей «дорогой и доброй Юліи» прощальное письмо. Въ немъ говоритъ, между прочимъ: «Я безропотно покоряюсь судьбѣ. Если я жертвую собою, то для императора, для нашей великой страны и для арміи. Увы, я могу возвратиться побѣжденнымъ генераломъ. Въ такомъ случаѣ, будь снисходительна къ твоему лишенному значенія мужу. Ты поможешь ему перенести молчаливо его несчастіе, какъ надлежитъ мужчинѣ. Несмотря ни на что, я, какъ человѣкъ надежды и вѣры въ Бога, хотѣлъ бы вѣрить, что прежнее счастіе солдата не покинетъ меня». Изъ этого письма видно, что Бенедекъ вѣрилъ только въ свою звѣзду. Извѣстно, что Мольтке, побѣдитель Бенедека, раздѣлилъ свои войска на двѣ большія арміи. Первая, подъ командой принца Фридриха-Карла, должна бы дѣйствовать противъ Саксоніи и нахлынуть затѣмъ на Богемію съ юга. Вторая, подъ предводительствомъ королевскаго принца прусскаго, должна была защищать Силезію противъ австрійцевъ и проникнуть въ Богемію съ сѣвера. По мнѣнію военныхъ критиковъ, планъ берлинскаго главнаго штаба былъ совершенствомъ въ теоріи, но на практикѣ онъ могъ легко рушиться. Стоило опоздать на 24 часа одному или другому прусскимъ генераламъ, и весь планъ не удался бы. Бенедекъ увидѣлъ слабыя стороны непріятеля. «Мой планъ,—писалъ онъ 24 іюня,—планъ всѣхъ разсудительныхъ людей, это напасть сначала на принца Карла и возвратиться за тѣмъ къ кронпринцу. Если мнѣ дадутъ осуществить мою мысль, то я надѣюсь, что ихъ побью». Къ несчастію, Бенедекъ не подумалъ объ окружающихъ. Сначала торопившіе его изъ Вѣны находили теперь, что онъ слишкомъ быстро идетъ. Навязанный ему вѣнскимъ дворомъ графъ Крисманикъ распорядился самостоятельно остановить движеніе впередъ, подъ предлогомъ, что соединеніе между колоннами не достаточно надежно. Прошло три дня только въ движеніяхъ вокругъ Іосифштадта, и Бенедекъ 27 іюня заболѣлъ; войско продолжало топтаться на мѣстѣ. Между тѣмъ, въ тотъ же день, армія королевскаго принца безпрепятственно переступила дефиле Исполиновыхъ горъ, тогда какъ Фридрихъ-Карлъ, проникнувъ въ Богемію, прибылъ на Изеръ, главный притокъ Эльбы. Бенедекъ наконецъ понялъ, что слишкомъ далъ волю своимъ помощникамъ, и старался командовать твердою рукою. Онъ приказалъ всѣмъ генераламъ, командовавшимъ корпусами, посланными впередъ, соединившись съ частью войска, стянуть всѣ войска назадъ къ Кенигратцу. Но несчастіе преслѣдовало Бенедека: никто изъ подчиненныхъ, самостоятельно или по приказанію, не повиновались его предписаніямъ. Эрцъгерцогъ Леопольдъ, которому онъ далъ «словесный приказъ» отступить, началъ сраженіе и далъ себя побѣдить Штейнмецу. Генералъ Гламъ-Галлъ, которому онъ предписалъ избѣгать всѣхъ стычекъ, запоздалъ въ дорогѣ и былъ раздавленъ 29 іюня въ Исенѣ передовымъ отрядомъ Фридриха-Карла. 1-го іюля положеніе было безнадежно. Генералъ Бекъ, назначенный самимъ императоромъ въ Богемскую армію, рѣшился самостоятельно на немедленный миръ, чтобы избѣжать катастрофы. Но на это требованіе императоръ отвѣтилъ собственноручной депешой: «Миръ невозможенъ; если отступленіе необходимо

начинайте его тотчасъ». Но къ довершенію, въ концѣ императорскаго текста депеши, графъ Гренневиль задавалъ глупый вопросъ: было ли сраженіе? Изъ этого Бенедеку стало ясно, что въ Вѣнѣ стояли скорѣе за отступленіе, чѣмъ за миръ, но предпочитали сраженіе всѣмъ отступленіямъ. Онъ спокойно сложилъ депешу и сказалъ своему адъютанту: «Мюллеръ, мы будемъ завтра сражаться». При такихъ обстоятельствахъ состоялась битва при Садовой. Бенедекъ былъ до двухъ часовъ побѣдителемъ, а въ 5 часовъ побѣжденнымъ, его разбили на голову. Принцъ Прусскій явился въ самый психологическій моментъ, съ математической точностью, что заставило генерала Верди де-Вернуа сказать въ своихъ мемуарахъ, недавно вышедшихъ: «Надо быть геніальнымъ генераломъ, чтобы явиться такъ точно». Съ этой минуты началась пытка Бенедека. Отступивъ удачно къ Ольмюцу, побѣжденный генералъ, прежде всего, получилъ приказъ передать свое командованіе эрцъ-герцегу Альбрехту, возвратившемуся изъ Италіи, послѣ побѣды подъ Кустоццей. Черезъ нѣсколько дней онъ получилъ отъ графа Гренвиля четыре строчки, которыми его предупреждали, что «его величеству угодно назначить серьезное слѣдствіе относительно непріятной манеры, съ какой генералъ исполнилъ ввѣренную ему обязанность». Онъ долженъ былъ отдаться въ распоряженіе слѣдственной комиссіи въ Вѣнѣ. Бенедекъ безпрекословно повиновался и 28 іюля предсталъ передъ своими судьями. Четыре мѣсяца тянулся допросъ. Въ это время между нимъ и женою шла борьба. Г-жа Бенедекъ не могла равнодушно отнестись къ этому слѣдствію, зная, что произошло между мужемъ и императоромъ. Бенедекъ, съ своей стороны, энергично настаивалъ на томъ, чтобы своимъ молчаніемъ снять съ императора отвѣтственность: «Конечно, писалъ онъ, мое несчастіе велико, послѣ сорокалѣтней безукоризненной службы, но несчастіе государства еще больше: это должно взять верхъ надъ всѣмъ». «Никто не можетъ меня унизить,—писалъ онъ далѣе,—императоръ хорошо знаетъ, почему я не говорю передъ комиссіей. Все окончится хорошо, я въ этомъ увѣренъ, успокойся». Но жена отвѣчала ему: «Нѣтъ, это хорошо не окончится, тобою пожертвуютъ, ты слишкомъ добръ». Бенедекъ, слушая только голосъ своего сердца, объявилъ, что беретъ всю отвѣтственность за походъ. Онъ прикрылъ Крисманика, изъ уваженія къ эрцъ-герцогу Альбрехту, а также избѣгалъ обвинять эрцъ-герцога Леопольда изъ уваженія къ императорской фамиліи. Наконецъ онъ даже извинялъ поступокъ графа Глама-Галла, «чтобы не запятнать честь одного изъ генераловъ». Его жена стала упрекать его за странную снисходительность, ставившую ихъ въ ложное положеніе передъ обществомъ, на что Бенедекъ отвѣтилъ ей: «жена Бенедека должна перенести молча несчастіе! Придетъ время, когда мнѣ окажутъ справедливость, а если оно не придетъ, съ меня довольно быть въ мирѣ съ самимъ собою, совѣстью и Богомъ». 4 ноября 1866 г. эрцъ-герцогъ Альбрехтъ явился къ Бенедеку отъ имени императора, чтобы засвидѣтельствовать ему «большое сочувствіе и живую благодарность» императора за его поведеніе передъ комиссіей. При этомъ онъ сказалъ, что для короны будетъ очень неловко, если позднѣе Бенедекъ предастъ гласности все, что знаетъ, относительно войны. «Я обѣщаю вамъ сохранить молчаніе»,—немедленно сказалъ Бенедекъ.—«Впрочемъ импе-

раторъ знаетъ, что я отвѣтилъ комиссіи. Мое поведеніе передъ публикой будетъ такое же. Прошедшее можетъ служить «гарантіей моихъ будущихъ намѣреній». «Благодарю,—сказалъ эрцъ-герцогъ,—но напишите мнѣ письменное обѣщаніе молчать до смерти». 19 ноября Бенедекъ послалъ эрцъ-герцогу требуемое обязательство, и 8 декабря слѣдствіе было объявлено закрытымъ. Въ придворномъ офиціальномъ органѣ, «Вѣнской Газетѣ», былъ опубликованъ императорскій декретъ, помѣченный шенбрунскимъ дворцомъ, умышленная сухость котораго больно отозвалась въ сердцѣ Бенедека. Онъ надѣялся, что императоръ выразится благосклоннѣе и отдастъ справедливость его силѣ воли и его мужеству, поправивъ тѣмъ его положеніе передъ непріязненнымъ общественнымъ мнѣніемъ. Но на другой день было еще хуже. Та же газета выясняла значеніе декрета, по которому Бенедекъ признанъ обманувшимъ довѣріе императора, и его военная репутація была уничтожена въ глазахъ современниковъ и передъ потомствомъ. Бенедекъ не вѣрилъ своимъ глазамъ, читая эти строки. Кто могъ написать ихъ?—спрашивалъ онъ себя. Къ довершенію удара онъ узналъ, что онѣ написаны его другомъ по Италіи фельдцейхмейстеромъ барономъ Яномъ и эрцъ-герцогомъ Альбрехтомъ. Съ того момента все было разбито для Бенедека. Удрученный и постарѣвшій отъ горя, онъ влачилъ жизнь пятнадцать лѣтъ, молча, вѣрный своему обѣщанію. Только послѣ 1870 г., когда два побѣдителя при Садовой, принцъ Фридрихъ-Карлъ и королевскій принцъ, одержали побѣду, одинъ въ Виссембургѣ, другой въ Лотарингіи, первый разъ поняли, какіе сильные противники были у Бенедека. Общественное мнѣніе измѣнилось, и слабый, непостоянный Францъ-Іосифъ вспомнилъ «о своемъ старомъ Бенедекѣ». Была сдѣлана попытка со стороны императора сблизиться съ нимъ. Но она не удалась, такъ какъ сердечная рана Бенедека не зажила. 27 апрѣля 1881 г. Бенедекъ умеръ въ Штиріи, въ городѣ Грацѣ. Согласно его распоряженію ни одинъ цвѣтокъ, никакая надпись не должны были красоваться на его могилѣ. Со всѣхъ сторонъ свѣта были посланы телеграммы г-жѣ Бенедекъ, императоры, короли и проч. оказали честь «великому побѣжденному». Среди всевозможныхъ похвалъ самая справедливая была, конечно, Франца-Іосифа; онъ призналъ его «вѣрность». Послѣ его смерти тщетно искали бумаги, относящіяся къ австро-прусской войнѣ, но онъ ихъ сжегъ. Была найдена единственная бумага, сложенная пополамъ. Это было его завѣщаніе. Въ немъ, между прочимъ, онъ говорилъ: «Объявляю, что я не оставилъ ни біографіи, ни мемуаровъ, относящихся къ походу 1866 года. 19 ноября 1866 г. я обѣщалъ эрцъ-герцогу Альбрехту хранить молчаніе даже въ будущемъ и унести всѣ мои размышленія въ могилу. Что австрійское правительство, имѣя въ рукахъ мое обѣщаніе хранить молчаніе и вѣря въ честь этого обѣщанія, обнародовало въ «Газетѣ» 10 декабря 1866 г. небывалую статью, въ которой меня лишаютъ даже моего прошедшаго, что эта статья была исправлена и пересмотрѣна фельдмаршаломъ барономъ Яномъ и эрцъ-герцогомъ Альбрехтомъ и наконецъ опубликована повсюду, по императорскому приказу, съ невозмутимымъ спокойствіемъ души,—это превышаетъ всѣ мои ожиданія и понятія о справедливости. Я ни на кого не сержусь и покидаю свѣтъ безъ сожалѣнія, съ спокойнымъ умомъ, унося съ собою лишь печаль о потерянныхъ иллюзіяхъ воина».

Затѣмъ онъ выразилъ желаніе видѣть у своего смертнаго одра «утѣшительницу души», свою жену, урожденную графиню Гохфельдъ.

— Посмертное сочиненіе Макса-Мюллера. Несмотря на недавнюю смерть знаменитаго лингвиста и восточника Макса Мюллера, уже появились два посмертныхъ его сочиненія: «Моя автобіографія» и первый томъ «Послѣднихъ опытовъ» [1]). Автобіографія Макса Мюллера, къ большому сожалѣнію, не окончена. Онъ писалъ ее еще за девять дней до своей смерти, лежа въ постели, такъ какъ не имѣлъ силъ сидѣть на креслѣ. Его собственный разсказъ о своей жизни оканчивается первой частью оксфордскаго періода и напечатанъ его скромнымъ и талантливымъ сыномъ. Наивная исповѣдь не заключаетъ въ себѣ ничего особенно интереснаго, такъ какъ его жизнь не была патетична, или полна треволненій. Онъ самъ говорилъ, что жизнь спокойнаго ученаго составляла его идеалъ. Онъ же прибавлялъ: «Если въ моей жизни я имѣлъ успѣхъ, то лишь потому, что я вѣрилъ и надѣялся, не сомнѣваясь даже въ самую мрачную минуту». Бѣдный нѣмецкій мальчикъ, сынъ поэта, онъ провелъ свое дѣтство въ Дессау, а потомъ, выйдя изъ Лейпцигскаго университета, отправился въ Парижъ съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Гумбольдта. Онъ отказался тогда отъ предложенія ѣхать въ Петербургъ и заняться изданіемъ Ригъ-Веды, а предался, прежде въ Парижѣ, а потомъ въ Лондонѣ, гдѣ окончательно поселился, санскритовѣдѣнію и изученію священныхъ книгъ востока. Такимъ образомъ ему было суждено, въ томъ или въ другомъ городѣ, издавать подлинникъ и переводъ Ригъ-Веды. Вся его жизнь была посвящена, какъ этимъ занятіямъ, такъ и языковѣдѣнію, антропологіи, психологіи и философіи. Автобіографическія подробности заключались и въ прежнихъ его сочиненіяхъ, такъ что неокончаніе «Моей автобіографіи» не составляетъ особенно большой потери. Даже «Послѣдніе опыты» представляютъ богатый матеріалъ въ этомъ отношеніи. Онъ самъ приготовилъ ихъ къ печати, и они относятся къ статьямъ отъ 1885 г. до 1898. Самый интересный изъ этихъ опытовъ «Дикарь»; въ немъ Максъ Мюллеръ полемизируетъ съ антропологами и отрицаетъ, чтобы въ наукѣ можно было по всякому вопросу отвѣчать «да» или «нѣтъ», а защищаетъ теорію довольствоваться терминомъ «не доказано». Остальныя его статьи касаются первобытнаго періода арійской расы, Шлезвигъ-Гольштинскаго вопроса въ историческомъ отношеніи, изслѣдованія философіи Канта, котораго онъ считаетъ послѣднимъ представителемъ арійской расы. Второй томъ «Послѣднихъ опытовъ» выйдетъ на-дняхъ.

— Смерть Одрана, фонъ-Микеля, Макъ-Кинлея и Маттео Имбріани. Недавно скончавшійся французскій композиторъ популярныхъ оперетокъ, Эдмонъ Одранъ, родился въ 1842 г. въ Ліонѣ. Отецъ его былъ извѣстнымъ пѣвцомъ и помѣстилъ сына въ школу Нидермейеръ. Окончивъ курсъ, онъ былъ назначенъ органистомъ въ церкви св. Іосифа, въ Марселѣ. Соединяя священную музыку съ свѣтской, онъ сначала написалъ нѣсколько комическихъ оперъ, изъ которыхъ «Искательница ума» имѣла нѣкоторый успѣхъ. Въ 1881 году онъ

---

[1]) My Autobiography: a Fragment by prof. Max Müller. London. 1901. Last Essays. By prof. Ch. Muller. London. 1901. First vol.

пробрался въ Парижъ и съ тѣхъ поръ сталъ писать оперетки, доставившія ему популярность перваго, послѣ Оффенбаха, композитора веселой музыки. Изъ всѣхъ его произведеній наибольшей извѣстностью пользуется: «Grand mogol», «Mascotte», «Miss Helyett» и «La cigale et la fourmi». Въ послѣдніе годы его талантъ оскудѣлъ, и онъ пересталъ пользоваться прежнимъ успѣхомъ. Онъ оставилъ послѣ своей смерти неизданную оперетку«Le curé Vincent», которая будетъ представлена въ слѣдующимъ сезонѣ.

Германскій государственный дѣятель Іоганъ фонъ-Микель скончался 26 августа, семидесяти лѣтъ отъ роду. Онъ родился въ 1829 году, въ городѣ Нейхаузенъ, въ Ганноверѣ. Въ молодости Микель изучалъ юридическія науки въ Гейдельбергѣ и Геттингенѣ; въ послѣднемъ городѣ онъ былъ адвокатомъ, по окончаніи университетскаго курса. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ занимался финансовыми вопросами и написалъ подробное изслѣдованіе о финансовой политикѣ Ганновера. Это доставило ему особую популярность, и онъ выбранъ былъ оберъбургомистромъ городовъ Оснабрюка и Франкфурта-на-Майнѣ. Въ этомъ званіи онъ особенно заботился о благосостояніи рабочихъ. Съ присоединеніемъ Ганновера къ Пруссіи, Микель былъ избранъ въ члены нижней палаты, а затѣмъ верхней. Кромѣ этого, онъ засѣдалъ въ германскомъ рейхстагѣ, гдѣ принадлежалъ къ числу самыхъ видныхъ представителей націоналъ-либераловъ. Въ 1890 году онъ былъ назначенъ прусскимъ министромъ финансовъ. Хотя занимая этотъ постъ, Микель все еще принадлежалъ къ націоналъ-либераламъ, но умѣлъ лавировать между ними и консерваторами, такъ что свободомыслящіе называли его въ шутку «любимцемъ боговъ и аграріевъ». Самымъ главнымъ его актомъ была сложная реформа подоходнаго налога, проведенная имъ въ 1891 г. Его одиннадцатилѣтняя министерская дѣятельность доставила ему такую популярность, что его прочили въ имперскіе канцлеры, однако незадолго до его смерти онъ былъ отрѣшенъ императоромъ отъ должности прусскаго министра финансовъ.

Совершенно иной человѣкъ былъ умершій на-дняхъ итальянскій политическій дѣятель, Маттео Имбріани. Его отецъ эмигрировалъ изъ Неаполя и поселился во Франціи, гдѣ Маттео получилъ чисто французское образованіе въ Ниццѣ. Обладая удивительной памятью, онъ зналъ на память Расина, Корнеля, Мюссэ и Гюго, изъ которыхъ цитировалъ цѣлыя сцены или оды. Возвратясь въ Италію съ отцомъ и дядей, барономъ Поэріо, онъ поступилъ на военную службу, во время войны за итальянскую независимость, но когда король Гумбертъ принялъ званіе почетнаго полковника въ австрійской арміи, Имбріани изъ патріотизма вышелъ въ отставку. Тогда онъ выступилъ на политическую арену и сдѣлался депутатомъ. Вмѣстѣ съ его другомъ Феличе Кавалотти онъ былъ главою радикальной партіи. Они оба возставали противъ тройственнаго союза и союза съ Франціей. Но ихъ методы были различны: Кавалотти держался практическихъ воззрѣній, а Имбріани—теоретическихъ, поэтому они, наконецъ,разссорились, и Имбріани назвалъ Кавалотти въ парламентѣ измѣнникомъ. Эта ссора продолжалась до тѣхъ поръ, какъ Имбріани пять или шесть лѣтъ тому назадъ, произнося пламенную рѣчь въ Сіеннѣ, упалъ пораженный апоплексическимъ ударомъ. Кавалотти бросился къ больному и помирился

съ нимъ. Съ тѣхъ поръ жизнь Имбріани была долгой пыткой. Вся его лѣвая сторона была парализована, и онъ постоянно былъ прикованъ къ своему креслу. Жена его неутомимо ухаживала за нимъ, и онъ, несмотря на свои страданія, сохранилъ здоровый умъ, необыкновенную красоту лица, благодаря чему его называли первымъ красавцемъ въ арміи, и звучный голосъ, который былъ слышенъ съ одного конца площади Капитолія на другомъ. Три года тому назадъ умеръ его другъ, Феличи Кавалотти, а теперь послѣдовалъ за нимъ и самъ Имбріани, одинъ изъ благороднѣйшихъ сыновъ Италіи.

Но самой замѣчательной кончиной въ послѣдніе два мѣсяца была смерть президента Сѣверо-Американскихъ штатовъ, Макъ-Кинлея. Онъ окончилъ свои дни самымъ драматическимъ образомъ, именно отъ руки убійцы, поляка по происхожденію, но дѣйствовавшаго изъ соціалистическихъ и анархическихъ поводовъ. Третій изъ американскихъ президентовъ, послѣ Линкольна и Гарфильда, Макъ-Кинлей, благодаря его мученическимъ страданіямъ, продолжавшимся нѣсколько дней, пріобрѣлъ себѣ популярность, какой онъ далеко не имѣлъ при жизни. Теперь во всей Америкѣ его превозносятъ на всѣ лады, но еще недавно истинные американцы, наслѣдники Вашингтона и Джеферсона, считали его покровителемъ плутократовъ, сторонникомъ имперіалистской политики и защитникомъ протекціонизма. Дѣйствительно онъ былъ представителемъ всѣхъ этихъ теорій и довелъ до крайности свою «платформу». Его смерть, надо надѣяться, положитъ конецъ роковой системѣ, соединенной съ его именемъ и позорившей только родину Вашингтона. Вся его жизнь можетъ быть выражена въ нѣсколькихъ словахъ: «Онъ родился въ 1843 году въ штатѣ Огіо и по происхожденію принадлежалъ къ шотландской семьѣ, перешедшей въ Ирландію въ XVII вѣкѣ и оттуда эмигрировавшей въ Америку. Ему было 18 лѣтъ, когда вспыхнула война за освобожденіе негровъ, и онъ вступилъ въ пѣхотный полкъ волонтеровъ своего штата. Въ военныхъ событіяхъ онъ отличился въ продолженіе четырехъ лѣтъ и дошелъ до чина майора, съ которымъ и вышелъ въ отставку послѣ мира. Теперь онъ занялся юридическими науками и адвокатскими дѣлами. Сначала его дѣла пошли неудачно, и онъ даже потерпѣлъ банкротство. Въ 1871 году онъ женился на дочери банкира города Кантона, миссъ Идѣ Саксенъ, которой пришлось пережить своего мужа, хотя она страдаетъ неизлѣчимой нервной болѣзнью. Мало-по-малу онъ сталъ извѣстенъ въ своей республиканской партіи своими протекціонистскими и имперіалистскими воззрѣніями. Въ 1878 году онъ, впервые, попалъ въ конгрессъ и произнесъ свою дѣвственную рѣчь, по поводу анти-протекціонистскаго билля, внесеннаго демократами. Черезъ десять лѣтъ онъ уже явился кандидатомъ въ президенты, но долженъ былъ еще 8 лѣтъ подождать избранія. Когда, наконецъ, его очередь пришла и онъ явился кандидатомъ капиталистовъ и имперіалистовъ, то два раза сряду онъ былъ избранъ въ президенты. Въ первое его президентство онъ исключительно дѣйствовалъ въ пользу своихъ покровителей плутократовъ и издавалъ одинъ за другимъ протекціонистскіе тарифы. Второе же его президентство было посвящено вмѣстѣ съ поддержкой трёстовъ милитаризму. Война съ Испаніей, кончившаяся полнымъ ея пораженіемъ, и позорное, хотя и выгодное для Америки, завоеваніе Кубы и Филиппинскихъ

островомъ показали, на что способенъ Макъ-Кинлей. Умный, рѣшительный и энергичный человѣкъ, онъ думалъ только о пользѣ своей страны и своей партіи. Такъ въ послѣднее время онъ убѣдился, что крайній протекціонизмъ былъ вреденъ американцамъ, и за нѣсколько дней до своей смерти на выставкѣ въ Буффало, гдѣ ему нанесена была смертельная рана, онъ сказалъ публично: «Періодъ исключительно финансовой политики прошелъ, наша торговля нуждается въ расширеніи, коммерческія войны безполезны». Точно также передъ своей смертью онъ сознавъ, что его милитаризмъ, подъ вывѣской «Америка для американцевъ», пережилъ свое время. Онъ отказался отъ военныхъ операцій въ Китаѣ, принявъ сторону Россіи, и вообще не сталъ поддерживать столь яро шовинистскія стремленія. Если бы неожиданная смерть не пресѣкла его жизни на 58 году отъ роду, то, быть можетъ, онъ перемѣнилъ бы свою политику, причинившую столько вреда и позора Америкѣ, подъ внѣшнимъ блескомъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

М. Е. Салтыковъ и Е. М. Өеоктистовъ.

КОГДА г-жа Евреинова основала журналъ «Сѣверный Вѣстникъ», то она пригласила моего отца А. Н. Плещеева завѣдывать литературнымъ отдѣломъ. Ко времени изданія этого журнала, вѣрнѣе, къ первымъ годамъ его изданія, относится тотъ фактъ, который я хочу привести, какъ матеріалъ для біографіи знаменитаго писателя. М. Е. Салтыковъ прислалъ моему отцу письмо, которое привожу цѣликомъ.

«9 сентября.

«Многоуважаемый Алексѣй Николаевичъ!

«У меня есть сказка «Орелъ-меценатъ», которую ни одинъ безцензурный журналъ не беретъ. Михайловскій, прочитавъ ее, далъ мнѣ совѣтъ, что, можетъ быть, въ цензурномъ журналѣ она и пройдетъ—все зависитъ отъ расположенія духа. Сегодня я прочиталъ ее, кой-что повыпустилъ и нашелъ, что Н. К., быть можетъ, и правъ. Поэтому не хотите ли вы ее взять для «Сѣв. Вѣстн.»? Вѣдь никакой бѣды изъ этого не будетъ, если цензоръ не пропуститъ. Ну, не пропуститъ—только и всего. А набрать ее стоитъ не болѣе 10 р., каковой расходъ я, пожалуй, приму на свой счетъ. Пожалуйста, поторопитесь, весьма меня обяжете. Я все сижу дома, потому что болѣзнь моя идетъ crescendo. Поэтому вы меня во всякое время застанете. Только я попрошу: мой оригиналъ возвратить въ цѣлости или рвать въ типографіи по клочкамъ.

«Вашъ М. Салтыковъ».

Изъ слѣдующаго письма ясно видно, что Салтыковъ рѣшилъ поступить иначе, т. е. отправить сказку на просмотръ начальнику главнаго управленія печати Ѳеоктистову, которому, кромѣ того, написалъ письмо.

«11 сентября.

«Многоуважаемый Александръ Николаевичъ!

«Сказка и письмо къ Ѳеоктистову уже готовы, такъ что ежели зайдете за ними завтра въ четвергъ, то въ пятницу можно будетъ ихъ представить по адресу. «Весь вашъ М. Салтыковъ».

Отъ Е. М. Ѳеоктистова былъ полученъ отвѣтъ нѣсколько запоздалый, адресованный на имя издательницы «Сѣвернаго Вѣстника», г-жи Евреиновой. Я записалъ тогда сущность этого письма, прочитаннаго мнѣ отцомъ, и могу, кромѣ того, подтвердить точность излагаемаго.

Ѳеоктистовъ прежде всего извинился, что запоздалъ, и объяснилъ, что посылаетъ сказку издательницѣ журнала, отъ которой онъ получилъ ее. Начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати не отвѣчалъ лично Салтыкову на его письмо, какъ онъ объяснялъ, не желая усиливать присущую всякому больному раздражительность. Ѳеоктистовъ просилъ, если можно, сообщить Салтыкову въ болѣе мягкой формѣ его отзывъ. Главное управленіе по дѣламъ печати относилось снисходительно къ сказкамъ Салтыкова, когда онѣ появлялись въ безцензурныхъ изданіяхъ, но странно требовать, писалъ Е. М. Ѳеоктистовъ, чтобы онѣ выходили въ свѣтъ съ одобреніемъ цензуры.

По желанію Ѳеоктистова самое письмо, насколько я помню, не было показано больному писателю, а передано лишь въ нѣсколькихъ словахъ.

Сообщилъ **Александръ Плещеевъ.**

СМѢСЬ.

Памятникъ П. В. Шейну. 19-го августа освященъ памятникъ извѣстному собирателю русскаго народнаго творчества, П. В. Шейну, похороненному годъ назадъ, 18-го августа, на рижскомъ лютеранскомъ кладбищѣ Іисуса. Памятникъ поставленъ на средства, собранныя предсѣдателемъ этнографическаго отдѣла общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при императорскомъ Московскомъ университетѣ, проф. Вс. Д. Миллеромъ, среди членовъ этого общества и почитателей научныхъ трудовъ покойнаго. Освященіе памятника происходило при довольно торжественной обстановкѣ. На похоронахъ Шейна, въ прошломъ году, присутствовало всего четыре человѣка, теперь собралось около пятидесяти. Здѣсь были директоры всѣхъ трехъ рижскихъ гимназій, пять или шесть преподавателей словесности, около двадцати гимназистовъ и рядъ другихъ лицъ. Панихиду совершалъ законоучитель Александровской гимназіи при пѣніи гимназическаго хора. Послѣ церковнаго обряда священникъ сказалъ слово о заслугахъ покойнаго. Затѣмъ говорили рѣчи членъ этнографическаго отдѣла Общ. люб. ест. при Московскомъ университетѣ А. Е. Грузинскій, директоръ Александровской гимназіи Е. В. Бѣлявскій и преподаватель Васильевъ. На могилу были возложены вѣнки отъ этнографическаго отдѣла и отъ Александровской гимназіи; одна изъ дамъ украсила могилу букетомъ цвѣтовъ. Памятникъ представляетъ собою высокій крестъ изъ тем-

наго гранита на пьедесталѣ-кубѣ; на одной сторонѣ пьедестала высѣчено золотыми буквами: «П. В. Шейнъ, собиратель памятниковъ русскаго народнаго творчества 1826—1900»; на другой—«Памятникъ поставленъ въ 1901 году почитателями научныхъ трудовъ Шейна». Солидный памятникъ, болѣе сажени въ вышину, обошелся около 320 р.; денегъ, собранныхъ этнографическимъ отдѣломъ, не хватило на прочную рѣшетку, и могила обнесена временной проволочной оградой. Е. В. Бѣлявскій въ своей рѣчи заявилъ, что среди рижанъ открывается подписка на устройство рѣшетки и поддержаніе въ порядкѣ могилы, и выразилъ увѣренность, что Рига достойнымъ образомъ будетъ заботиться о могилѣ выдающагося труженика въ области русской этнографіи и собирателя произведеній народнаго пѣснотворчества.

Памятникъ первопечатнику Ивану Ѳедорову. Императорскимъ московскимъ археологическимъ обществомъ была поручена особой комиссіи выработка условій конкурса проектовъ на сооруженіе памятника первому русскому печатнику Ивану Ѳедорову. Мѣсто для этого памятника отведено московской думой у Китайской стѣны, близъ Третьяковскаго проѣзда. Въ общихъ чертахъ комиссіей выработаны слѣдующія положенія конкурса. Учреждается три преміи за лучшіе проекты памятника, при чемъ лицу, проектъ котораго будетъ признанъ наилучшимъ, присуждается первая премія, но вмѣсто денежной суммы художнику дѣлается заказъ на изготовленіе гипсовой модели памятника въ натуральную его величину и уплачивается 5.000 рублей. Вторая премія назначается въ 500 р. и третья—въ 300 рублей. Высота памятника опредѣлена около 4-хъ аршинъ. Фигура памятника предположена въ стоячемъ положеніи. Изображенія какихъ либо атрибутовъ книгопечатанія проектъ не предписываетъ, но и не возбраняетъ, предоставляя это усмотрѣнію художниковъ. Помѣщеніе на памятникѣ рядомъ съ Иваномъ Ѳедоровымъ печатнаго станка представляетъ затрудненія вслѣдствіе самой формы такихъ станковъ, вообще не изящной, а также и тѣмъ, что до сихъ поръ не имѣется надлежащихъ данныхъ о станкѣ Ивана Ѳедорова. Въ синодальной типографіи есть старинный станокъ яко бы Ивана Ѳедорова, но, по свидѣтельству знатоковъ, станокъ этотъ петровскихъ временъ. Археологическое общество предполагаетъ снестись съ академіей въ г. Львовѣ, гдѣ впослѣдствіи работалъ Иванъ Ѳедоровъ; быть можетъ, оттуда удастся получить данныя о станкѣ нашего перваго печатника. Въ руководство художникамъ будутъ разосланы отъ общества біографическія свѣдѣнія объ Иванѣ Ѳедоровѣ и данныя о костюмахъ того времени. Кромѣ того, будутъ сообщены размѣры Китайской стѣны, планъ мѣстности и размѣры площадки памятника. Срокъ представленія проектовъ назначается въ 6 мѣсяцевъ со времени объявленія конкурса. Проекты должны доставляться въ моделяхъ въ 1/8 натуральной величины. Что касается надписей, то на гранитномъ пьедесталѣ памятника предполагается начертать названія тѣхъ книгъ, которыя были напечатаны Иваномъ Ѳедоровымъ. Подробныя правила конкурса по утвержденіи ихъ будутъ объявлены, какъ предполагаютъ, нынѣшней осенью.

Литературная находка. «Гостя нѣсколько времени назадъ въ деревнѣ Колодье, Гдовскаго уѣзда, Петербургской губерніи, разсказываетъ нѣкій г. Юкельсонъ въ № 9148 «Новаго Времени», я получилъ отъ владѣлицы этой деревни,

вдовы контръ-адмирала М. А. Сарычевой, свертокъ бумагъ. При остотрѣ свертка, я замѣтилъ много стихотвореній, несомнѣнно автографовъ Языкова, Жуковскаго, Козлова, Судовщикова, графа В. Соллогуба и друг. Относительно стихотвореній Н. Языкова (ихъ свыше тридцати) можно a priori сказать, что большая часть ихъ еще не была напечатана, такъ какъ многія изъ нихъ обращены къ А. С. Дириной и ея дочери М. Н. Дириной (бабушкѣ и матери г-жи Сарычевой), впослѣдствіи женѣ дерптскаго профессора славянскаго права фонъ-Рейца, въ семьѣ которыхъ Языковъ и Жуковскій были своими людьми, а графъ В. Соллогубъ жилъ пансіонеромъ. Посланія Языкова къ А. С. Дириной и ея дочери М. Н. Дириной носятъ по большей части шуточный характеръ и несомнѣнно представляютъ большой интересъ, какъ характеристика далеко не блестящаго матеріальнаго положенія, въ которомъ вѣчно находился безпечный студентъ-поэтъ. Очень любопытны двѣ поэмы Языкова, посвященныя той же М. Н. Дириной, къ которой, судя по нѣсколькимъ стихотвореніямъ, поэтъ былъ неравнодушенъ. Онѣ носятъ такое заглавіе: 1) «Мой Апокалифисъ, изданіе второе, исправленное и примѣчаніями умноженное. 1825 г. Дерптъ» съ эпиграфомъ изъ Lafontaine'а и 2) съ такимъ куріознымъ заглавіемъ [1]: «Путешествіе на чухонской парѣ изъ Дерпта въ Ревель, въ стихахъ лирико-романтическихъ, а пуще всего разномѣрныхъ. Сочинилъ пребывающій на помочахъ у Дерптскихъ музъ, но намѣревающійся современемъ водить ихъ самихъ за носъ Негуляй Язвиковъ, а Примѣчаніями пополнилъ Дилитантъ Петербургскаго Парнаса Велиглавъ Кузинонъ. Reval. 1823 г.». Подъ прозрачнымъ псевдонимомъ «пребывающаго на помочахъ у дерптскихъ музъ» и путешествующаго «на чухонской парѣ» нетрудно, конечно, угадать самого Языкова, а подъ вторымъ псевдонимомъ, какъ кажется, скрылся Жуковскій. Среди остальныхъ автографовъ Языкова много элегій, посланій къ друзьямъ и другихъ стихотвореній. Все это, несомнѣнно, писано собственноручно поэтомъ и имѣетъ даже точныя даты годовъ (съ 1823 по 1826 включительно), мѣсяцевъ и чиселъ. За ничтожнымъ исключеніемъ, всѣ стихотворенія—съ подписью самого поэта. Прибавлю еще, что посланія къ А. С. и М. Н. Дирнымъ написаны то на продолговатыхъ листочкахъ въ формѣ записочекъ (еще видны слѣды, какъ онѣ были сложены треугольникомъ и припечатаны сургучной печатью Языкова), то на четвертушкахъ довольно плотной бѣлой писчей бумаги, нисколько не пострадавшей отъ почти 80-ти лѣтъ, пронесшихся надъ нею. Изъ стихотвореній Жуковскаго одно, уже напечатанное въ собраніи его сочиненій съ помѣткою «Дюссельдорфъ, $^{16}/_{20}$ февраля 1843 г.», написано рукою самого поэта за полной его подписью; другое, найденное мною заключеннымъ въ чехолъ изъ простого картона, писано очень мелкимъ, но четкимъ почеркомъ на большихъ четвертушкахъ плотной, зеленоватой бумаги и написано совершенно въ стилѣ его баллады «Свѣтлана». Носитъ оно длинное, въ комическомъ тонѣ самымъ тщательнымъ образомъ выписанное заглавіе такого рода [2]: «Елена Ивановна Протасова или Дружба, нетерпѣніе и капуста. Гре-

---

[1]) Сохраняю орѳографію оригинала.

[2]) Орѳографія точно сохранена.

ческая баллада, переложенная на русскіе нравы Маремьяномъ Даниловичемъ Жуковятниковымъ, Предсѣдателемъ комисіи о построеніи Муратовскаго дома, авторомъ тѣсной конюшни, огнедышущимъ экс-президентомъ стараго огорода, кавалеромъ ордена трехъ печенокъ и командоромъ Галиматьи. Второе изданіе. Съ критическими примѣчаніями издателя Александра Плещепуновича Чернобрысова, Дѣйствительнаго мамелюка и Богдыхана, капельмейстера коровьей оспы, привилегированнаго гальваниста собачьей комедіи, издателя топографическаго описанія париковъ и нѣжнаго компониста различныхъ музыкальныхъ чревобѣсій, между прочимъ и приложеннаго здѣсь нотнаго завыванія. Муратово. 1811 г.». Второй псевдонимъ очевидно скрываетъ Александра Плещеева, друга Жуковскаго и родственника семьи Протасовыхъ. Оба автора этой шуточной «греческой баллады» гостили въ это время въ с. Муратовѣ, имѣніи Екатерины Аѳанасьевны Протасовой. И. Козлову принадлежитъ напечатанная уже баллада «Венгерскій лѣсъ» съ посвященіемъ В. А. Жуковскому и помѣченная «Дерптъ. 28-го майя 1824 г.» и нѣсколько стихотвореній: «Тлѣнность», «Желанія», «Призваніе», «Персидская пѣснь». Поэта Судовщикова есть одно стихотвореніе: «Мысли въ день моего рожденія», писанное рукою самого автора. Изъ имѣющихся у меня стихотвореній графа В. Соллогуба: «Беата», «Записка къ Цѣхановецкому», «Неудача», «Серенада Эмиліи Крюднеръ», «Отвѣтъ князю П. А. Вяземскому», «Госпожѣ Темерязевой», «Букетъ», «Въ альбомъ А. Ф.» видно, что всѣ они написаны однимъ почеркомъ, подписи подъ ними тожественны до послѣднихъ мелочей, такъ что почти нѣтъ сомнѣнія, что стихотворенія эти писаны самимъ авторомъ. Такое предположеніе подкрѣпляется какъ тѣмъ, что Соллогубъ жилъ въ Дерптѣ въ семьѣ профессора фонъ-Рейца, такъ и тѣмъ, что стихотворенія написаны въ альбомѣ, который изобилуетъ стихотвореніями всевозможныхъ почерковъ. Кромѣ упомянутаго въ этой замѣткѣ, еще есть въ этой связкѣ бумагъ тетрадки съ удивительно переписанными французскими чувствительными стихами, сборники энигмъ и анаграмъ, тоже на французскомъ языкѣ, сказка въ стихахъ о томъ, какъ могучій бѣлый царь пристыдилъ мозгляваго нѣмецкаго царя,—сатира на царствованіе Павла I, стихотворное негодованіе какого-то моряка объ упадкѣ россійскаго флота и многія другія. Живя въ губернскомъ городѣ, лишенномъ всякихъ пособій (чѣмъ такъ богаты, напримѣръ, Петербургъ и Москва), я не имѣю возможности выяснить, дѣйствительно ли въ моихъ рукахъ находятся подлинные автографы (за исключеніемъ автографовъ Языкова, Жуковскаго и Соллогуба, которые почти внѣ сомнѣнія) и какіе изъ нихъ напечатаны».

25-лѣтіе служебной и научно-литературной дѣятельности проф. Д. В. Цвѣтаева. 1-го сентября исполнилось 25 лѣтъ служебной, педагогической и ученой дѣятельности ординарнаго профессора по каѳедрѣ русской исторіи императорскаго Варшавскаго университета Дмитрія Владимировича Цвѣтаева. Свою служебную дѣятельность Д. В. Цвѣтаевъ началъ преподавателемъ русскаго языка, исторіи и педагогики въ военно-учебныхъ заведеніяхъ и въ императорскомъ московскомъ техническомъ училищѣ. Какъ преподаватель, онъ заявилъ себя въ учебной литературѣ книгой «Бал-

лады Шиллера. Опытъ объясненія ихъ». Занимая должности инспектора 2-й московской женской гимназіи и преподавателя Александровскаго военнаго училища и 1-го московскаго кадетскаго корпуса, Д. В. сталъ читать лекціи въ Московскомъ университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента, а въ 1887 году занялъ каѳедру русской исторіи въ Варшавскомъ университетѣ. Начавъ научныя изысканія по русской исторіи подъ руководствомъ покойнаго профессора Кояловича, Д. В. Цвѣтаевъ занялся исторіей иностранцевъ и въ частности иностранныхъ исповѣданій въ Россіи, характеризуя отношеніе къ иностранцамъ русскаго правительства и общества и въ методѣ своихъ изысканій близко подходя къ исторической школѣ Соловьева. Главнѣйшіе труды его: «Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи» (М., 1886) и «Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій» (М., 1890). Какъ эти два капитальные его труда, такъ и небольшія его работы отличаются большой эрудиціей и написаны на основаніи многочисленныхъ русскихъ и иностранныхъ архивныхъ документовъ. Изъ небольшихъ его работъ отмѣтимъ: «Петръ Великій во Франціи», «Первыя нѣмецкія школы въ Москвѣ и основаніе придворнаго нѣмецко-русскаго театра», «Медики въ московской Россіи и первый русскій докторъ», «Основаніе русскаго флота». Въ настоящее время издается новый большой трудъ Д. В. Цвѣтаева «Царь Василій Шуйскій и мѣстопребыванія его въ Польшѣ», составленный на основаніи документовъ, найденныхъ имъ въ архивахъ Петербурга, Москвы, Варшавы, Кракова и Рима. На послѣднемъ археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ Д. В. Цвѣтаевъ прочелъ докладъ о варшавскихъ архивахъ и ихъ научномъ значеніи Д. В. Цвѣтаевымъ помѣщено въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ и въ томъ числѣ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» много монографій и статей историческаго характера, а также критико-библіографическихъ замѣтокъ объ историческихъ трудахъ Иловайскаго, Иконникова, Николаевскаго, Барсукова, Барсова и другихъ. Кромѣ того, имъ напечатаны біографіи профессоровъ Фехнера и Брикнера, съ которыми онъ былъ близокъ, а въ «Русскомъ Обозрѣніи» помѣщена статья «Россія и Западная Европа въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ», въ которой онъ высказалъ свой общій взглядъ на характеръ исторической жизни Россіи. Въ день 25-лѣтія служебной и научно-литературной дѣятельности Д. В. Цвѣтаевъ получилъ поздравительныя телеграммы отъ профессоровъ Иловайскаго, Иконникова и другихъ, и многіе изъ русскихъ варшавянъ, а въ числѣ ихъ, конечно, многіе изъ варшавскихъ профессоровъ, поздравляли его лично, желая еще много лѣтъ продолжать ученую дѣятельность въ присущими ему трудолюбіемъ и талантливостью. Присоединяемся и мы къ этимъ пожеланіямъ, считая долгомъ добавить, что профессоръ Цвѣтаевъ весьма радушно относится къ молодымъ и начинающимъ изслѣдователямъ, стараясь поддержать ихъ своими цѣнными указаніями и совѣтами.

Преміи С. М. Соловьева. Для соисканія премій имени С. М. Соловьева въ въ 1904 г. Московскимъ университетомъ объявлена слѣдующая тема: «Устюжская четверть по дѣламъ этого приказа, хранящимся въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ». Конкурсныя сочиненія, печатныя или рукописныя, исключительно на русскомъ языкѣ, должны быть предста-

влены въ комиссію по присужденію премій имени С. М. Соловьева при историко-филологическомъ факультетѣ Московскаго университета не позднѣе 5-го мая 1904 года. За сочиненія, представленныя на конкурсъ и признанныя удовлетворительными, комиссія присуждаетъ имъ полную премію или большую, или малую. Полная премія составляется изъ всей суммы двухлѣтнихъ процентовъ съ капитала премій, большая—изъ двухъ третей, малая—изъ одной трети этой суммы съ вычетомъ 1/20 части изъ каждой премія. Капиталъ, проценты съ котораго выдаются въ премію, состоитъ изъ 20.100 рублей.

Ярославскій областной археологическій съѣздъ. Съѣздъ этотъ, посвященный выясненію вопросовъ по исторіи и древностямъ Ростово-Суздальской земли и объединенію дѣятельности ученыхъ архивныхъ комиссій края, открылся въ городѣ Ярославлѣ 10-го сего августа въ зданіи Екатерининскаго дома. Послѣ богослуженія, совершеннаго преосвященнымъ Сергіемъ, епископомъ угличскимъ, состоялось въ этотъ день торжественное собраніе съѣзда, открытое ярославскимъ губернаторомъ Б. В. Штюрмеромъ. Произнесли рѣчи: предсѣдатель ярославской ученой архивной комиссіи М. А. Липинскій, предсѣдатель Императорской археологической комиссіи гр. А. А. Бобринскій, директоръ ярославскаго Демидовскаго лицея С. М. Шпилевскій, директоръ археологическаго института Н. В. Покровскій и непремѣнный членъ костромской архивной комиссіи Н. М Бекаревичъ. Этотъ рядъ послѣдовательныхъ рѣчей выяснилъ передъ собравшимися назначеніе открывающаго свои дѣйствія съѣзда. Ростово-Суздальская область, гдѣ собиралась и окрѣпла единовластная Русь, представляетъ для современнаго археолога еще непочатый уголъ научныхъ богатствъ. Особенно много, какъ и вообще въ великорусскихъ городахъ, храмовъ, а въ нихъ рѣдкихъ художественныхъ произведеній древности—стѣнныхъ росписей. Прочитаны были многочисленныя привѣтствія и телеграммы, полученныя отъ извѣстныхъ дѣятелей въ области русской археологіи. Была отправлена на имя Государя Императора телеграмма слѣдующаго содержанія: «Петергофъ. Государю Императору. Первый русскій областной съѣздъ изслѣдователей старины, собравшійся сегодня въ Ярославлѣ, возноситъ молитвы о здравіи Вашего Императорскаго Величества и Августѣйшей Семьи Вашей. Приступивъ къ занятіямъ по изслѣдованію исторіи и древностей губерній, входившихъ въ составъ древней Ростово-Суздальской области, гдѣ сложилась великорусская народность и самодержавное Русское государство, съѣздъ повергаетъ къ стопамъ Вашего Величества выраженіе своихъ вѣрноподданнѣйшихъ чувствъ и безпредѣльной преданности». Телеграмму эту подписали: преосвященный Сергій, епископъ угличскій, ярославскій губернаторъ гофмейстеръ Штюрмеръ, костромской губернаторъ въ должности егермейстера И. Леонтьевъ, исправляющій должность губернскаго ярославскій уѣздный предводитель дворянства князь Урусовъ, романово-борисоглѣбскій уѣздный предводитель дворянства Михайловъ, любимскій уѣздный предводитель дворянства Болотовъ, директоръ Демидовскаго юридическаго лицея Шпилевскій, предсѣдатель императорской археологической комиссіи графъ Бобринскій, директоръ С.-Петербургскаго археологическаго института профессоръ Покровскій, профессоръ императорскаго С.-Петербургскаго университета Платоновъ. 13-го августа съѣздъ былъ осчастливленъ

слѣдующей телеграммой за подписью министра императорскаго двора барона Фредерикса: «Государь Императоръ благодаритъ ваше преосвященство и всѣхъ дѣятелей перваго областного археологическаго съѣзда въ Ярославлѣ за выраженныя чувства и желаетъ имъ успѣха въ работахъ по изслѣдованію родной старины». Послѣ засѣданія происходилъ осмотръ выставки, составившейся изъ предметовъ древностей, доставленныхъ ярославской, костромской, тверской и нижегородской архивными комиссіями и П. И. Щукинымъ, а затѣмъ осмотръ ризницы Спасо-Преображенскаго монастыря и извѣстнаго стариннаго храма Іоанна Предтечи въ Толчковѣ. Привезены изъ коллекцій архивныхъ комиссій на выставку лишь наиболѣе интересные рѣдкіе предметы. Особенной тщательностью и систематичностью расположенія отличаются коллекція каменныхъ орудій и другихъ предметовъ изъ камня и кости, принадлежащая костромской архивной комиссіи и собранная трудами г. Бекаревича. Талантливое объясненіе значенія этихъ памятниковъ XVI и XVII столѣтія профессоромъ Н. В. Покровскимъ оживило осмотръ. Чрезвычайно хороши фрески, весьма сложной композиціи, въ храмѣ Предтечи; къ сожалѣнію, зданіе храма дало двѣ большія трещины и требуетъ капитальнаго ремонта, на что и отпущено уже до 60.000 рублей. Вечеромъ состоялось распорядительное засѣданіе, въ которомъ были избраны: почетнымъ предсѣдателемъ съѣзда—Б. В. Штюрмеръ, предсѣдателемъ—С. М. Шпилевскій, почетными предсѣдателями засѣданій—гр. А. А. Бобринскій, Н. В. Покровскій, акад. А. И. Соболевскій, профессоры С. Ѳ. Платоновъ, Н. Д. Чечулинъ, И. А. Шляпкинъ и Д. И. Иловайскій. Пріѣзжимъ членамъ были предложены даровыя помѣщенія въ квартирахъ мѣстныхъ жителей и въ Екатерининскомъ домѣ. Засѣданія съѣзда происходили 11-го, 12-го и 13 августа. 11 августа утреннее засѣданіе перваго областного историко-археологическаго съѣзда происходило подъ предсѣдательствомъ графа А. А. Бобринскаго при значительномъ числѣ членовъ. Большой залъ Екатерининскаго дома призрѣнія былъ уставленъ коллекціями бронзовыхъ и желѣзныхъ предметовъ, добытыхъ раскопками члена Костромской ученой архивной комиссіи Н. М. Бекаревича. По прочтеніи привѣтственныхъ телеграммъ, съѣздъ утвердилъ избраніе секретарей секцій. На первое засѣданіе назначены графъ А. Д. Гендриковъ и А. А. Мироновъ. Н. А. Илинскій и И. А. Ивановъ посвятили нѣсколько словъ памяти двухъ покойныхъ археологовъ, много сдѣлавшихъ для археологіи области: Н. Н. Селифонтова и А. К. Жизневскаго. Н. М. Бекаревичъ сдѣлалъ сообщеніе о своихъ курганныхъ раскопкахъ въ Костромской губерніи. Кургановъ раскопано изслѣдователемъ очень много—свыше 1.000; около 500 содержали различные бронзовые и желѣзные предметы. Попадалось много такъ называемыхъ семейныхъ погребеній (отъ 10 до 25 погребеній въ одномъ курганѣ). Вещи довольно разнообразны; при женскихъ погребеніяхъ попадалось находокъ больше, чѣмъ при мужскихъ костякахъ. Ножи найдены почти во всѣхъ случаяхъ, много фибулъ (пряжки), кольца, просверленныя кости, пояса, подвѣски въ формѣ барашковъ, уточекъ и т. д., печать съ изображеніемъ льва. Интересно, что г. Бекаревичемъ открытъ былъ глиняный горшокъ, одинъ изъ тѣхъ, которые обыкновенно кладутъ въ могилы для снабженія покойника пищею въ загробной жизни, но на этотъ разъ не пустой, а съ остатками пищи

Оказывается, что курганный человѣкъ питался мясомъ щуки и яицами. Костей животныхъ нигдѣ г. Бекаровичемъ встрѣчено не было. Въ своемъ заключенiи къ докладу референтъ отнесъ курганы къ IX и X столѣтiямъ, приписавъ погребальный культъ финскому племени меря, жившему первоначально здѣсь до появленiя славянъ. Пришлое населенiе, по мнѣнiю докладчика, приносило съ собою и прахъ отцовъ, на что указываютъ находки раздробленныхъ череповъ. Живыя возраженiя референту сдѣлали гр. А. А. Бобринскiй, проф. И. А. Шляпкинъ и др. Вторымъ сообщенiемъ былъ докладъ «О нѣкоторыхъ символическихъ знакахъ, общихъ первобытной орнаментовкѣ всѣхъ народовъ Европы и Азiи» графа А. А. Бобринскаго. Новая оригинальная мысль о единствѣ первоначальнаго орнамента у всѣхъ народовъ была ярко и доказательно выражена въ докладѣ графа. Когда человѣкъ впервые появился на землѣ, онъ принужденъ былъ бороться прежде всего со множествомъ пресмыкающихся, главнымъ образомъ со змѣями, столь многочисленными и теперь въ Индiи. Змѣя и появляется первымъ орнаментомъ. Аистъ и другiя птицы, оказывающiя человѣку помощь въ безпощадной борьбѣ съ гадами, также становятся предметомъ изображенiй. Большинство развившихся впослѣдствiи въ сложныя композицiи орнаментовъ, по мнѣнiю графа, обязано своимъ происхожденiемъ первоначальному изображенiю змѣи и птицы. Послѣ засѣданiя члены съѣзда произвели осмотръ храма св. пророка Илiи. Храмъ этотъ, какъ и большинство церквей города Ярославля, относится къ половинѣ XVII столѣтiя и украшенъ прекрасною фресковою живописью. Объясненiя давалъ извѣстный знатокъ церковно-христiанскихъ древностей профессоръ Н. В. Покровскiй. Подъ предсѣдательствомъ послѣдняго состоялось и вечернее засѣданiе съѣзда, посвященное вопросамъ христiанской археологiи. Священникъ о. Сильвестръ Соколовъ въ своемъ рефератѣ возбудилъ вопросъ «о мѣрахъ охраненiя церковныхъ памятниковъ». Ярославль и его окрестности, богатыя памятниками старины, преимущественно церковной, весьма нуждаются въ мѣрахъ противодѣйствiя расхищенiю древностей. Архивы церковные также пропадаютъ для исторической науки; лишенные охраны, они безпощадно уничтожаются. Референтъ полагаетъ необходимымъ для устраненiя гибели археологическихъ и археографическихъ богатствъ учрежденiе особыхъ комитетовъ отдѣльно въ каждой епархiи. Вопросъ возбудилъ горячiя пренiя. Г. Михѣевъ высказалъ мнѣнiе, что для собиранiя и охраненiя памятниковъ старины существуютъ уже во многихъ городахъ ученыя архивныя комиссiи. Комиссiи эти доказали свою жизнеспособность, и было бы скорѣе желательнымъ, чѣмъ создавать новыя учрежденiя, возложить на нихъ функцiю сохраненiя церковныхъ предметовъ, не нужныхъ для церкви и не представляющихъ, кромѣ историко-археологической, большой цѣнности. Предсѣдатель тверской архивной комиссiи сообщилъ, какъ много помогаютъ выясненiю наличности иногда весьма драгоцѣнныхъ памятниковъ старины экскурсiи членовъ архивныхъ комиссiй въ глухiе уголки губернiи. Профессоръ И. А. Шляпкинъ указалъ на большое значенiе древнихъ изразцовъ и необходимость ихъ собиранiя и сохраненiя даже въ интересахъ современной художественной техники. Рефератъ о. I. Я. Сырцова коснулся положенiя усыпальницы бояръ Годуновыхъ въ Ипатьевскомъ монастырѣ. Съѣздъ выразилъ пожеланiе обратиться съ просьбою къ мѣстной

духовной власти о поддержаніи этого важнаго памятника древности. И. В. Баженовъ сдѣлалъ сообщеніе о Воскресенской церкви въ Костромѣ, основанной въ 1652 году. И. А. Ивановъ прочелъ рефератъ о голландскихъ надписяхъ на колоколахъ. Экскурсіи тверской архивной комиссіи оказались весьма плодотворными. Членами ихъ открыты были колокола 1583 г., отлитые голландцемъ Ванденшейномъ при царѣ Василіи Ивановичѣ. Изъ надписей на колоколахъ видно, что они получены въ обмѣнъ на негодные старые. Въ 7 час. веч. въ честь членовъ съѣзда былъ данъ обѣдъ въ залѣ городской думы, сопровождавшійся многочисленными тостами. 12 августа въ 10 часовъ утра состоялась экскурсія членовъ съѣзда въ Толгскій монастырь и оттуда на раскопки въ с. Михайловское. Министерствомъ путей сообщенія предоставленъ былъ для экскурсантовъ небольшой пароходъ. Толгскій монастырь отличается очень красивымъ мѣстоположеніемъ на берегу Волги, окруженъ густою кедровою рощею и сохранилъ древнія крѣпостныя стѣны съ бойницами. Церкви построены въ XVI—XVII вѣкахъ. Ярославскій архіепископъ Іонаѳанъ принялъ любезно у себя членовъ экскурсіи и, благословивъ, предложилъ имъ завтракъ. Затѣмъ экскурсанты въ экипажахъ прослѣдовали въ село Михайловское, гдѣ на церковной землѣ произведены были раскопки пяти кургановъ. Курганы расположены въ лѣсу, всѣхъ ихъ около 500. До 75 изъ нихъ уже изслѣдованы энергичнымъ мѣстнымъ археологомъ Тихомировымъ. Курганы здѣсь не богаты предметами погребальнаго культа, и настоящія раскопки дали немного. Г. Бекаревичъ наткнулся на костякъ, довольно хорошо сохранившійся, при немъ оказались: костыль, желѣзная скобка, черепки поминальнаго горшка. Курганы эти не славянскіе, а скорѣе финскіе. Окрестное населеніе называетъ ихъ «гурбаны» и приписываетъ ихъ происхожденіе времени войны 1612 г. Подкрѣпивъ силы у мѣстнаго священника, экскурсанты направились во второе мѣсто раскопокъ въ лѣсу подъ названіемъ «Горѣлый Боръ», гдѣ раскопано было также нѣсколько кургановъ. Здѣсь обнаружены бронзовыя вещи. Эти курганы болѣе поздняго времени, XIII—XIV вѣковъ, и скорѣе славянскіе. Утомленные долгимъ путешествіемъ, съ послѣдняго мѣста раскопокъ члены съѣзда возвратились на пароходъ, который и доставилъ ихъ въ 7 часовъ вечера въ Ярославль. Экскурсія между прочимъ дала случайно весьма важный результатъ. У мѣстнаго сельскаго священника, гдѣ остановились экскурсанты, оказался образокъ, представляющій большую цѣнность, какъ подлинная византійская перегородчатая эмаль. Значеніе этого рѣдкаго памятника до сихъ поръ владѣльцу эмали было совершенно неизвѣстно. Знатоки эмалей проф. И. А. Шляпкинъ и графъ А. А. Бобринскій были поражены красотой эмали. Въ вечернемъ засѣданіи проф. Ланинскій прочелъ докладъ «О несвободномъ земледѣльческомъ населеніи въ началѣ XVII в. по даннымъ угличскихъ писцовыхъ книгъ», а проф. Чечулинъ—«Къ вопросу о распространеніи въ Московскомъ государствѣ иноземныхъ вліяній». Оба доклада вызвали оживленный обмѣнъ мнѣній. Проф. Гурляндъ доложилъ о ракѣ св. мощей Василія и Константина въ ярославскомъ Успенскомъ соборѣ (1665 г.) и «О можжевеловой повинности въ Ярославскомъ уѣздѣ во второй половинѣ XVII в.», т. е. объ обязательномъ собираніи опредѣленнаго количества можжевельника, который населеніе обязано

было представлять въ особый аптекарскій дворъ, гдѣ изъ этого продукта приготовлялись лѣкарственные настои. 13-го августа въ утреннемъ засѣданіи съѣзда былъ прочитанъ между прочимъ докладъ отсутствовавшаго г. Садовскаго «О населенныхъ пунктахъ Нижегородской губерніи XVII вѣка», доказывающій, что послѣ Смутнаго времени увеличилось число вотчинъ и помѣстій. Проф. Платоновъ въ докладѣ «О топографіи Угличскаго кремля XVI—XVII вѣковъ» указалъ на трудоость разъясненія исторіи убіенія царевича Димитрія на основаніи имѣющихся данныхъ. Затѣмъ были заслушаны доклады С. Писарева—«О св. князѣ Андреѣ» и г. Снѣжневскаго—«Объ архивныхъ комиссіяхъ». Бурное засѣданіе подъ предсѣдательствомъ академика А. И. Соболевскаго происходило вечеромъ 13-го августа. Бурю возраженій вызвалъ докладъ предсѣдателя: «Откуда шло русское колонизаціонное движеніе въ Ростово-Суздальской землѣ по даннымъ діалектологіи». Характерное произношеніе нѣкоторыхъ звуковъ о, а, ц, ч, такъ называемые аканье, оканье, цоканье, дало возможность почтенному ученому выяснить, какъ направленіе, откуда пришли славяне въ Ростово-Суздальскую область, и какія именно племена ее заняли. Племенами этими были вятичи и кривичи, пришедшіе съ запада. Уже въ XI вѣкѣ финскія племена почти ассимилировались, и о нихъ въ Ростово-Суздальской области нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Въ преніяхъ приняли участіе проф. Д. И. Иловайскій, С. Ѳ. Платоновъ, С. М. Середонинъ, И. А. Шляпкинъ, графъ А. А. Бобринскій и друг. Проф. И. А. Шляпкинъ обратился къ собранію съ предложеніемъ изданія сборниковъ древнихъ вещевыхъ надписей или снимковъ съ нихъ, слѣпковъ. Необходимость изданія насущна, такъ какъ фресковыя надписи, восковыя печати и проч. тысячами гибнутъ отъ времени. Централизація надписей можетъ быть установлена въ императорской археологической комиссіи. Пятый и послѣдній день занятій съѣзда — 14-е августа, былъ посвященъ ростовскимъ древностямъ. По пріѣздѣ въ Ростовъ въ 12 ч. дня члены во главѣ съ почетнымъ предсѣдателемъ съѣзда губернаторомъ Б. Б. Штюрмеромъ направились для осмотра древнихъ кремлевскихъ церквей города. Кромѣ того, сдѣлано было обозрѣніе и другихъ кремлевскихъ церквей; въ церкви Спаса производитъ сильное впечатлѣніе грандіозная фреска XVII вѣка, изображающая «Страшный судъ». Объясненія давалъ профессоръ Н. В. Покровскій. Въ Бѣлой палатѣ члены съѣзда осмотрѣли извѣстный Ростовскій музей церковныхъ древностей, обладающій большими и интересными коллекціями предметовъ церковной утвари, иконъ и рукописей. Хранитель музея И. А. Шляковъ, любитель старины, дѣлалъ разъясненія и затѣмъ пригласилъ всѣхъ членовъ съѣзда на обѣдъ, здѣсь же въ зданіи Кремля. Послѣ обѣда состоялось послѣднее, шестое, засѣданіе съѣзда подъ предсѣдательствомъ проф. И. А. Шляпкина. Проф. Е. В. Барсовъ прочелъ рефератъ: «Изъ исторіи колонизаціи и культуры Ростовскаго края». Рефератъ этотъ прозвучалъ гимномъ гигантской мощи русскаго народа, совершившаго неслышно и мирно свой великій подвигъ колонизаціи сѣверныхъ окраинъ и полной культурной ассимиляціи финскихъ племенъ. Христіанство быстро утвердилось въ Ростово-Суздальской области и существенно помогло культурному господству славянъ; уже въ XII вѣкѣ здѣсь былъ монастырь. Святыня креста подняла мужество финскихъ младенческихъ племенъ, ранѣе проникнутыхъ лишь

страхами и ужасомъ передъ грозными явленіями природы. Референтъ награжденъ былъ дружными рукоплесканіями. Затѣмъ состоялось подъ предсѣдательствомъ почетнаго предсѣдателя Б. В. Штюрмера торжественное заключительное засѣданіе съѣзда. Обсуждался и балотировался вопросъ о мѣстѣ созванія слѣдующаго съѣзда, который рѣшено устроить въ августѣ 1903 г. въ Твери. Затѣмъ постановлено просить ученыя губернскія архивныя комиссіи составить къ слѣдующему съѣзду проектъ новаго положенія по архивному дѣлу, въ виду того, что министръ внутреннихъ дѣлъ, будучи въ Ярославлѣ, рекомендовалъ съѣзду обсужденіе упомянутаго вопроса съ цѣлью скорѣйшаго разрѣшенія его министерствомъ.

Румянцовскій музей. Въ музей перевезены художественныя сокровища, завѣщанныя этому музею покойнымъ К. Т. Солдатенковымъ. Въ числѣ этихъ произведеній имѣются скульптуры, а именно: мраморная стутуя Чижова «На пожарищѣ», изображающая убитаго горемъ крестьянина, сидящаго на обгорѣломъ бревнѣ съ маленькимъ сыномъ на колѣняхъ, бронзовая статуя «Гладіатора» (Ave, Caesar) во весь ростъ Вельенскаго, мраморные бюсты Гомера, Сократа, Платона, Аристотеля, а также Пушкина и Гоголя, всѣ—работы Рамазанова, бронзовый бюстъ Бѣлинскаго работы Ге, мраморные бюсты «Христа» и «Мефистофеля» Антокольскаго, интересная группа «Баянъ», «Группа дѣтей» Лансере, копія Венеры Медицейской-Бизанти. Въ ряду картинъ отмѣтимъ прежде всего произведенія Иванова; его ученическую работу, за которую онъ получилъ золотую медаль отъ академіи художествъ: «Пріамъ умоляетъ Ахилла вернуть ему трупъ Гектора», «Явленіе Христа народу», варіантъ извѣстной большой картины, написанный ранѣе ея въ меньшихъ размѣрахъ, «Этюдъ Христа» для картины «Магдалина». Изъ другихъ картинъ, извѣстныхъ любителямъ живописи по прежнимъ выставкамъ, укажемъ на полотна: проф. Якобія—«Смерть Робеспьера» и «Шуты при дворѣ императрицы Анны Іоанновны», Семирадскаго—«Оргіи Тиберія на островѣ Капреѣ» и «Танецъ среди мечей», Перова—«Арестанты» и «Проповѣдь въ сельской церкви во время крѣпостного права», Ге—этюдъ для картины «Христосъ въ Геѳсиманскомъ саду», Васнецова—«Преферансъ» (одна изъ первыхъ его картинъ), Бронникова—«Римскія бани» и «У мецената», Айвазовскаго—«Чумаки» и морскіе виды, Журавлева—«Поминки у купца», Верещагина—«Арестанты», Котарбинскаго—«Серенада», Калиниченко—«Передъ обыскомъ», Неврева—«Свиданіе», Полѣнова—этюдъ Христа для картины «Грѣшница», Соколова—«Ночь подъ Ивана Купалу», бар. Клодта—«Берегъ озера», виды Лагоріо и др. Имѣется также одно произведеніе К. Брюллова «Вирсавія», «Мадонна» Плакгорста и извѣстная картина К. Гуна «Варѳоломеевская ночь». Цѣнное приращеніе музея составитъ также библіотека, заключающая въ себѣ до 8.000 томовъ, бóльшей частью историческаго, литературнаго и философскаго содержанія, и многіе въ роскошныхъ переплетахъ.

Памятники древности въ средне-азіатскихъ русскихъ владѣніяхъ. «Въ іюлѣ мѣсяцѣ, пишетъ г. Ярченко въ № 9153 «Новаго Времени», мнѣ случилось побывать въ Средне-Азіатскихъ нашихъ владѣніяхъ и осмотрѣть почти всѣ памятники древностей въ Самаркандѣ, Ташкентѣ и Кокандѣ. Они поразили меня своей красотою, своимъ величіемъ, но чѣмъ величественнѣе казались па-

мятники, тѣмъ больнѣе было сознавать, что все это въ самомъ непродолжительномъ будущемъ должно неминуемо обратиться въ кучу мусора, такъ какъ рѣшительно не видно серіознаго ухода за этими остатками древности. Правда, мѣстами видно, что кое-гдѣ подправляли и возстановляли разрушенныя мѣста; это указываетъ на то, что за ними есть кой-какой присмотръ и есть, вѣроятно, люди, на обязанности которыхъ лежитъ сохранять эти памятники; но этотъ ремонтъ, только къ наружной облицовкѣ памятниковъ, которые страдаютъ не столько отъ времени, сколько отъ привычки туристовъ отрывать частички на память. Тамъ, гдѣ разрушеніе производитъ безжалостное время, тамъ не видно никакого стремленія вступить въ борьбу съ нимъ. Взять хоть бы прекрасные минареты мечети Щиръ-Даръ въ Самаркандѣ. Одинъ изъ нихъ, отдѣлившись громадной трещиной отъ главнаго зданія, грозитъ паденіемъ, а въ основаніи этой башни выпадаютъ кирпичи. Къ сожалѣнію, не видно, чтобы была какая нибудь забота удержать паденіе этого красавца-минарета и остановить выпаденіе кирпичей при его основаніи. Не видно также особеннаго желанія поставить памятники въ такія условія, чтобы они продержались какъ можно дольше; напротивъ, можно подумать, что все дѣлается такъ, чтобы скорѣе покончить съ ними. Примѣромъ можетъ служить ханскій дворецъ въ Кокандѣ. Чудное красивое зданіе съ прекрасной цвѣтной орнаментовкою въ восточномъ вкусѣ, мозаичная работа изъ очень маленькихъ глазированныхъ кирпичей. Всего только двадцать пять лѣтъ, какъ этотъ дворецъ перешелъ въ руки русскихъ, и что же мы видимъ: только одинъ залъ, въ которомъ устроена единственная въ городѣ церковь, прекрасно содержится и не подлежитъ сомнѣнію, что, благодаря хорошему уходу, простоитъ много, много лѣтъ. Но, увы, это не самый лучшій залъ; есть два другихъ, которые много замѣчательнѣе по роскоши украшенія стѣнъ и потолка, и что же оказывается? Одинъ изъ этихъ залъ отведенъ подъ помѣщеніе офицера съ семьей, завѣдующаго этимъ дворцомъ, а въ другомъ еще большемъ поселены ротные сапожники. За неимѣніемъ времени мнѣ не удалось видѣть ни этого зала, ни того, какъ тамъ чувствуютъ себя гг. ротные сапожники, но зато я видѣлъ ханское казначейство, когда-то двухъэтажное зданіе, въ которомъ внизу помѣщалось казначейство, состоящее изъ множества кладовыхъ, выходящихъ во внутренній дворъ, крытый сверху деревяннымъ навѣсомъ въ видѣ купола, державшагося на столбахъ. Подъ этимъ куполомъ въ срединѣ сдѣлано возвышеніе, открытое со всѣхъ сторонъ, на которомъ производился счетъ денегъ. Вся внутренность купола, а равно стѣны и столбы, все это поразительно красиво раскрашено такими прочными красками, что кажется какъ будто все это сдѣлано заново. И эти яркія свѣжія краски, напоминающія своими узорами самое тонкое и прихотливое кружево, какъ-то не вяжутся съ валящимся на бокъ куполомъ вслѣдствіе подгнившихъ столбовъ. Здѣсь царятъ полнѣйшее запустѣніе и разрушеніе; на помощь времени, дождю и вѣтру пришли голуби, которые, благодаря разрушеннымъ окнамъ и выбитымъ стекламъ, во множествѣ живутъ въ этомъ когда-то богатомъ ханскомъ казначействѣ. Весь полъ, перила—все это густо покрыто голубинымъ пометомъ и наполняетъ все зданіе невыразимымъ смрадомъ. Съ очень тяжелымъ и досаднымъ чувствомъ я вышелъ отсюда. Отъ смотрителя дворца я узналъ, что все это казначейство подлежитъ скорому

уничтоженію, такъ какъ грозитъ паденіемъ. Надо самому видѣть всѣ эти памятники, чтобы понять, какъ тяжело вѣрить словамъ смотрителя. «Но почему бы не поддержать все это?»—невольно вырвалось у меня. «Средствъ нѣтъ»,—былъ отвѣтъ. Во второмъ этажѣ этого зданія, при ханѣ, помѣщался гаремъ его; но этотъ второй этажъ уже уничтоженъ, а навѣрно въ этомъ гаремѣ было что посмотрѣть. Отъ сторожиловъ города Коканда я слышалъ, что будто бы на содержаніе этого дворца отпускались казной большія суммы, но, какъ часто бываетъ, деньги выводили въ расходъ, а дворецъ все разваливался. Теперь на ремонтъ дворца ежегодно отпускается 400 рублей. Надо согласиться, что съ этими деньгами далеко не уѣдешь. Отъ памятниковъ древностей перейду къ военнымъ русскимъ памятникамъ. Мнѣ понравились два такихъ памятника: одинъ въ Геокъ-Тепе, другой въ Ташкентѣ. Первый содержится превосходно, но о второмъ этого сказать нельзя. Я говорю о памятникѣ въ Лѣтнемъ саду, поставленномъ завоевателямъ всего Туркестана, включая и Закаспійскую область. Памятникъ этотъ поражаетъ реальнымъ изображеніемъ фигуры солдата, водружающаго знамя на развалинахъ крѣпости. Фигура солдата и часть крѣпости чугунныя, но все это установлено на обыкновенныхъ кирпичахъ, которые и въ самомъ дѣлѣ разваливаются и разсыпаются. Памятникъ этотъ задуманъ и выполненъ превосходно; но еще лучше памятникъ-музей, находящійся на мѣстѣ бывшей текинской крѣпости Геокъ-Тепе. Памятникъ-музей тѣмъ и хорошъ, что онъ рисуетъ полную и вѣрную картину всего прошедшаго и пережитаго, особенно когда этотъ памятникъ сооруженъ на мѣстѣ самаго дѣйствія и мѣсто это тщательно и съ любовью сохраняется въ полной неприкосновенности, какъ оно было. Такимъ памятникамъ, надо полагать, предстоитъ большая будущность: они куда больше даютъ уму и чувству, чѣмъ самый дивный монументъ. Станція желѣзной дороги отъ музея и крѣпости находятся всего въ шагахъ ста, и расписаніе поѣздовъ составлено такъ, что почтовые поѣзда туда и обратно проходятъ здѣсь днемъ и стоятъ 20 минутъ. Этого времени вполнѣ достаточно, чтобы осмотрѣть не только музей, но и памятники павшимъ воинамъ, самую крѣпость и мѣста пробоинъ въ крѣпостной стѣнѣ, черезъ которую прошли русскія войска. Какъ только приходитъ поѣздъ, многіе пассажиры бѣгутъ осматривать памятники. Интересующимися являются не только пріѣзжіе изъ Россіи и Кавказа, но очень многіе и изъ мѣстныхъ инородцевъ: текинцевъ, сартовъ и пр. Насколько мнѣ пришлось замѣтить, всѣ мѣстные жители относятся съ большимъ интересомъ и громко высказываютъ свое удивленіе и восторгъ по поводу всего видѣннаго. Но чувствуютъ они себя въ музеѣ какъ-то робко и толпятся больше у входа, вѣроятно, вслѣдствіе не особенно вѣжливаго съ ними обращенія швейцара, а жаль. Было бы желательно дать имъ полнѣйшій доступъ для осмотра, такъ какъ тамъ они нашли бы для себя много поучительнаго и ничего оскорбляющаго ихъ чувство. Изъ всего имѣющагося въ музеѣ видна беззавѣтная храбрость какъ русскихъ, такъ и текинцевъ. Двѣ имѣющіяся фигуры,—русскаго солдата, готовящагося пронзить врага штыкомъ, и рослаго текинца, сдѣлавшаго отчаянный размахъ своей кривой шашкою, чтобы снести голову противнику,—одинаково ярко рисуетъ характеръ обѣихъ сторонъ. То же надо сказать и о прекрасной картинѣ Рубо: «Взятіе аула и

укрѣпленій русскими войсками». Взглянувъ на эту картину, совершенно реально передающую битву на смерть, не знаешь, кому болѣе удивляться: храбрости побѣдителей или побѣжденныхъ? И выходя изъ музея, невольно смотришь съ особеннымъ уваженіемъ и на солдатъ, и на текинцевъ, мирно теперь расхаживающихъ вокругъ памятниковъ. Кромѣ упомянутыхъ выше двухъ фигуръ, оружія и картины Рубо, въ музеѣ помѣщено много портретовъ, въ числѣ которыхъ публика найдетъ какъ русскихъ героевъ, такъ и героевъ текинцевъ и ихъ вождей. Жаль только, что многіе и даже большинство изъ группъ и портретовъ не имѣютъ надписей и разъясненій. Конечно, для мѣстныхъ жителей этотъ пробѣлъ не замѣтенъ, такъ какъ они все и всѣхъ знаютъ наизусть, но не то для проѣзжей публики: смотритъ она на портреты и въ большинствѣ случаевъ недоумѣваетъ, кто это и что это. И вотъ, благодаря этой неполнотѣ, многіе выходятъ изъ музея съ чувствомъ какой-то неудовлетворенности, такъ какъ много видѣли, но многаго не поняли. Желательно побольше надписей и объясненій. То же можно сказать и о музеѣ въ Ташкентѣ: тамъ нѣтъ ни каталога, ни надписей, за весьма большимъ исключеніемъ; приходится ходить въ потемкахъ: сколько видишь, столько и не понимаешь. Мнѣ кажется, что въ музеѣ надписи должны быть введены даже независимо отъ каталога, такъ какъ большинство публики не желаетъ возиться съ каталогомъ и терять много на это времени; катологи нужны для людей, осматривающихъ спеціально съ цѣлію изученія. Завѣдываніе памятниками Геокъ-Тепе находится въ рукахъ особой комиссіи, имѣющей пребываніе въ Асхабадѣ. Къ чести этой комиссіи надо сказать, что она съ большой лъбовью относится къ взятой на себя обязанности. Слѣдуетъ только, какъ я уже упомянулъ, сдѣлать побольше надписей, а также желательно было бы, чтобы въ вагонахъ буфета были вывѣшены крупно печатанныя объявленія объ имѣющемся на станціи Геокъ-Тепе памятникѣ-музеѣ и о времени стоянки поѣзда. А то многіе изъ пассажировъ не знаютъ ничего объ этомъ музеѣ, чему я былъ самъ свидѣтелемъ».

Археологическій и этнографическій музей княгини М. К. Тенишевой въ селѣ Талашкинѣ, близъ Смоленска. Заимствуемъ изъ «Русскихъ Вѣдомостей» слѣдующія свѣдѣнія объ этомъ учрежденіи. Музей помѣщается въ одноэтажномъ каменномъ домикѣ, заключающемъ въ себѣ одну большую свѣтлую комнату для коллекцій музея и другую, меньшую,—для библіотеки. Съ перваго взгляда богатыя коллекціи древностей, размѣщенныя въ витринахъ и стеклянныхъ шкафахъ, привлекаютъ своимъ разнообразіемъ и подборомъ прекрасныхъ экземпляровъ. За немногими случайными исключеніями всѣ коллекціи относятся къ русской старинѣ. Очевидно, она собиралась съ большою любовью, съ весьма хорошимъ выборомъ, и на ея пріобрѣтеніе употреблялись большія средства. Прежде всего въ музеѣ бросается въ глаза большая икона Богоматери съ младенцемъ, изображенной сидящею на престолѣ. Икона написана на деревѣ и представляетъ любопытный образецъ византійскаго письма, господствовавшаго до эпохи Возрожденія въ Южной Италіи, откуда икона и вывезена въ Краковъ. Икону можно отнести къ XII—XIII столѣтію. Она нѣсколько лѣтъ тому назадъ была выставлена долгое время въ историческомъ музеѣ, но въ Москвѣ не нашла для себя покупателя. Въ томъ же отдѣлѣ цер-

ковныхъ древностей можно отмѣтить прекрасныя иконы стариннаго новгородскаго письма, превосходной работы триптихи, или складни. Кромѣ своего иконографическаго достоинства, предметы эти весьма интересны по финифтяной отдѣлкѣ окладовъ, представляющей во многихъ случаяхъ образцы высокаго мастерства. Вообще въ музеѣ княгини Тенишевой многія изъ финифтяныхъ вещей могли бы служить украшеніемъ любого столичнаго музея древностей. Оставаясь въ той же области церковныхъ древностей, мы еще можемъ указать на интересныя коллекціи царскихъ дверей, относящихся къ разнымъ временамъ и разнымъ художественнымъ стилямъ; изъ нихъ въ особенности замѣчательны рѣзныя изъ дерева, золоченыя царскія двери новгородской работы XV вѣка. Среди предметовъ бытовыхъ, относящихся къ посудѣ и украшеніямъ одежды, особенно выдѣляются изяществомъ рисунка и прекрасной техникой финифти запоны, пуговицы, серьги различныхъ фасоновъ; наконецъ, среди серебряной золоченой посуды можно отмѣтить кубки, жалованные ковши и братины. Весьма интересенъ серебряный ларчикъ, украшенный расписной эмалью съ рисунками звѣрей восточнаго стиля. Кромѣ старинной парчи, набоекъ и вообще шитья въ музеѣ находится богатая коллекція коптскихъ тканей. Собственно къ древностямъ Смоленской губерніи относятся царскія двери, желѣзный крестъ съ церковной главы, желѣзная и оловянная церковная утварь. Ограничиваясь только краткой хирактеристикой коллекцій музея, можно думать, что и въ настоящемъ видѣ музей представляетъ уже серьезный археологическій интересъ, тѣмъ болѣе, что въ немъ собрана уже небольшая коллекція и курганныхъ древностей Смоленской губерніи. Однако упомянутыми археологическими коллекціями не исчерпывается содержаніе музея; въ немъ отведено мѣсто и коллекціямъ этнографическимъ. Уже и теперь собраны въ музеѣ украшенныя шитьемъ рубахи крестьянокъ Смоленской губерніи и другія части костюма. Начинается также и собираніе фотографическихъ снимковъ съ рѣзьбы на избахъ, съ рѣзныхъ балясинъ на крестьянскихъ крыльцахъ, съ замѣчательныхъ мѣстностей преимущественно по теченіямъ рѣкъ. Собираніе фотографическихъ типовъ крестьянъ и видовъ Смоленской губерніи весьма выполнимо для музея княгини Тенишевой, потому что хранителемъ этого музея состоитъ извѣстный фотографъ-издатель русскихъ древностей И. Ѳ. Борщевскій. Полнота этого этнографическаго отдѣла музея придастъ его коллекціямъ весьма важный научный интересъ и послужитъ образцомъ для устройства подобныхъ музеевъ въ другихъ городахъ. Собранныя коллекціи, относящіяся къ области какъ археологіи, такъ и этнографіи, помѣщаются лишь временно въ Талашкинѣ,—для помѣщенія этихъ коллекцій предположено выстроить особое зданіе въ Смоленскѣ. Такъ какъ музей будетъ обезпеченъ въ матеріальномъ отношеніи, то можно надѣяться, что онъ будетъ развиваться и пополняться областными древностями и областными этнографическими предметами, привлекая къ себѣ симпатіи и самого смоленскаго общества.

Засыпанные землей города найдены въ восточномъ Туркестанѣ, къ сѣверу отъ Куэнъ-луня, вблизи современнаго города Хотанъ, въ пустынной мѣстности, носящей названіе Такле-Маканъ (то-есть покрытая глиняными че-

ренками равнина). Издавна уже внутри этой области мѣстные обитатели находили древнѣйшіе предметы украшеній и домашняго обихода. Свенъ Techнъ произвелъ въ 1896 году раскопки и нашелъ глиняные предметы, монеты и печати. Въ слѣдующемъ году Гегбергъ открылъ древнѣйшіе манускрипты, написанные неизвѣстными знаками. Такимъ образомъ, обнаружено существованіе цѣлыхъ городовъ, засыпанныхъ пескомъ. Подобные же слѣды древнѣйшихъ поселеній открыты сначала ботаникомъ Регелемъ въ 1879 г., а затѣмъ русскою археологическою экспедиціей въ 1898 г. сѣвернѣе этой мѣстности, въ области Турфанъ. Здѣсь обнаружены засыпанныя развалины зданій, буддійскихъ монастырей и храмовъ. Кромѣ того, найдено не менѣе 162 пещеръ, на стѣнахъ которыхъ имѣются слѣды живописи, представляющей сцены изъ религіозныхъ воззрѣній буддистовъ. По всей вѣроятности, эти пещеры служили жилищами буддійскимъ монахамъ. Къ сожалѣнію, большинство картинъ уничтожено вслѣдствіе фанатизма магометанъ, при завоеваніи ими страны. Въ особенности пострадали картины стѣнныя, тогда какъ на крышахъ и потол кахъ еще остались. Въ пещерахъ найдены также надписи — частью на санскритскомъ, частью на уйгурійскомъ и китайскомъ языкахъ, но ничего не найдено на тибетскомъ языкѣ. Въ пескѣ попадались многочисленные фраг менты древнихъ манускриптовъ, по всей вѣроятности, это — остатки древней буддійской монастырской библіотеки. Послѣ русскихъ въ указанныхъ мѣстностяхъ найдены цѣнные памятники англичанами; имъ попались манускрипты, между прочимъ, написанные на древесной корѣ, которые должны быть отнесены къ V столѣтію по Р. Х. Языкъ этихъ манускриптовъ — санскритскій, а ихъ содержаніе — преимущественно религіознаго и отчасти медицинскаго характера. Такъ какъ и до настоящаго времени въ указанныхъ мѣстностяхъ продолжаютъ попадаться тѣ или другіе цѣнные памятники древности, то, очевидно, замѣчаетъ «Правительственный Вѣстникъ», здѣсь необходимо произвести обширныя систематическія раскопки и археологическія изслѣдованія.

Археологическія раскопки. Археологъ Я. В. Яроцкій между 26-мъ іюля и 3-мъ августа производилъ, по словамъ «Волыни», изслѣдованіе Цыганской горы, возлѣ села Толкачи, Овручскаго уѣзда, Волынской губерніи, гдѣ нашелъ слѣды стоянки человѣка каменнаго вѣка и поля погребальныхъ урнъ. Былъ раскопанъ также могильникъ возлѣ с. Рѣчицы, гдѣ найдены погребенія древлянскаго типа и множество предметовъ, какъ-то: бусы, желѣзные предметы, ножи, обручи, слѣды гробовъ, кольца бронзовыя, «заушницы», то-есть «височныя кольца».

Старинный кладъ. 27-го августа въ Мясницкій полицейскій домъ приведенъ былъ для вытрезвленія поднятый въ пьяномъ видѣ на Хитровской площади, живущій по ночлежнымъ домамъ, крестьянинъ Скопинскаго уѣзда Николай Фроловъ, который, придя въ нормальное состояніе, заявилъ мѣстному смотрителю, что дня два тому назадъ онъ находился на поденныхъ работахъ при строящемся домѣ Башкевича, въ Большомъ Казенномъ переулкѣ, гдѣ рылъ канаву, и на глубинѣ 6 аршинъ вырылъ кладъ, заключавшійся въ небольшомъ глиняномъ горшечкѣ, наполненномъ старинною серебряною монетой,

величиной съ мѣдный грошъ. Спрятавъ кладъ въ карманъ, онъ шелъ послѣ работы заявить о немъ полиціи, но дорогой такъ напился пьянымъ, что итти не могъ и кладъ потерялъ. Словамъ Фролова не повѣрили бы, если бы не явился въ то время, когда составляли протоколъ, дворникъ дома Ярошенко, крестьянинъ Оськинъ, представившій найденный имъ большой кошель съ серебряною монетой. Когда послѣдняя была предъявлена Фролову, то онъ признался, что это именно тѣ монеты, которыя имъ были найдены. Въ кошелькѣ оказалось 1.044 штуки серебряныхъ мелкихъ монетъ временъ царей Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича. Кладъ передали въ археологическое общество.

НЕКРОЛОГИ.

Амвросій. 3-го сентября въ Харьковѣ скончался извѣстный проповѣдникъ, харьковскій и ахтырскій архіепископъ Амвросій. Покойный, въ мірѣ Алексѣй Іосифовичъ Ключаревъ, сынъ протоіерея Владимирской епархіи, родился въ 1821 году; образованіе получилъ во Владимирской духовной семинаріи и Московской духовной академіи; по окончаніи курса послѣдней со степенью магистра—въ 1844 г. былъ назначенъ преподавателемъ логики, психологіи и латинскаго языка въ Виѳанскую семинарію; въ 1848 году рукоположенъ въ священника, сначала московскаго Рождественскаго дѣвичьяго монастыря, а черезъ годъ—московской же Казанской, что у Калужскихъ воротъ церкви; въ 1864 году возведенъ въ санъ протоіерея; въ 1877 году пострижень въ монашество, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ назначенъ епископомъ можайскимъ, 2-мъ викаріемъ московскимъ и вскорѣ переименованъ въ епископа дмитровскаго, перваго викарія той же епархіи; въ 1882 году переведенъ на харьковскую каѳедру, гдѣ, спустя четыре года, возведенъ въ санъ архіепископа. Въ этой епархіи покойный прослужилъ почти двадцать лѣтъ и произвелъ въ ней много улучшеній, главная же заслуга его заключается въ развитіи дѣла народнаго образованія, связаннаго съ учрежденіемъ массы школъ, а также въ организаціи внѣбогослужебныхъ собесѣдованій не только въ уѣздныхъ городахъ, но даже и въ селахъ.

Покойный архіепископъ считался знаменитымъ проповѣдникомъ. Въ «Критико-біографическомъ словарѣ» Венгерова, гдѣ напечатана обстоятельная статья объ архіепископѣ Амвросіи (томъ I-й, стр. 481—485), дана слѣдующая характеристика его, какъ проповѣдника: «Архіепископъ Амвросій принадлежитъ къ числу самыхъ краснорѣчивыхъ и отзывчивыхъ современныхъ проповѣдниковъ русскихъ. Достаточно просмотрѣть одни заглавія его проповѣдей, чтобы убѣдиться въ томъ, что предъ нами воинствующій публицистъ

въ полномъ смыслѣ этого слова. Потребность высказываться въ жгучихъ вопросахъ времени такъ велика въ преосвященномъ, что, будучи уже въ высокомъ санѣ викарія московскаго, онъ читалъ въ Москвѣ же публичныя лекціи—фактъ крайне рѣдкій въ лѣтописяхъ архіерейской жизни. Въ особенности, если принять во вниманіе, что сюжетъ лекцій—чисто-свѣтскій, именно вопросъ о свободѣ печати. Проповѣди архіепископа Амвросія не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ, что мы, въ большинствѣ случаевъ, привыкли слышать съ церковной каѳедры. Въ этомъ отношеніи его можно назвать однимъ изъ наиболѣе крайнихъ послѣдователей школы Іоанна Смоленскаго. Проповѣди Амвросія по существу представляютъ собою рядъ передовыхъ статей, со всею ихъ страстностью, со всѣмъ пыломъ полемическаго увлеченія». Далѣе приводятся выдержки изъ проповѣдей.

Передовыя статьи покойнаго помѣщались попреимуществу въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (Каткова), гдѣ онъ печаталъ свои проповѣди еще тогда, когда принадлежалъ къ бѣлому духовенству. Видное мѣсто въ духовной журналистикѣ архіепископъ Амвросій занималъ еще, какъ основатель «Душеполезнаго Чтенія», редакціею котораго завѣдывалъ съ 1860 по 1867 годъ, и богословско-философскаго журнала «Вѣра и Разумъ», вокругъ котораго онъ сумѣлъ сгруппировать лучшія духовно-просвѣтительныя наши силы.

Проповѣди архіепископа Амвросія выходили обыкновенно брошюрами, перечень которыхъ напечатанъ въ І-мъ томѣ «Русскихъ книгъ» (Спб., 1897 г., стр. 237—238). Собранія же ихъ вышли съ такими заглавіями: «Нѣсколько проповѣдей», М., 1873 г. (подъ свѣтской фамиліей Ключарева), «Проповѣди за послѣдніе года служенія въ Москвѣ 1873—1882 гг.», М., 1883 г., 8°, 353 + IV стр. (подъ монашескимъ именемъ); въ отдѣльномъ же изданіи появились и «Два публичныхъ чтенія о свободѣ печати съ точки зрѣнія православной церкви» (М., 1882 г., 8°, 60 стр.), произнесенныя покойнымъ въ залѣ Московской городской думы въ 1882 году. (Біографическія свѣдѣнія о немъ см.: 1) Булгаковъ, «Гомилетическая хрестоматія»; 2) Смирновъ, «Московская духовная академія»; 3) Брокгаузъ-Ефронъ, «Энциклопедическій словарь»; 4) Венгеровъ, «Критико-біографическій словарь», т. І-й и «Русскія книги»; 5) Краткіе негрологи во многихъ газетахъ и журналахъ за сентябрь).

† **Арефьевъ, В. С.** 2-го августа въ с. Туркахъ, Саратовской губерніи, въ земской больницѣ скончался въ молодыхъ годахъ (не болѣе 30 лѣтъ отъ роду) сибирскій журналистъ Викторъ Севастьяновичъ Арефьевъ. Покойный происходилъ изъ крестьянскаго сословія и началъ свою общественную дѣятельность въ 1890 году въ качествѣ народнаго учителя въ Саратовской губерніи. Въ голодные годы (1891—1892 гг.) онъ принималъ самое горячее участіе въ оказаніи помощи голодающимъ крестьянамъ устройствомъ столовыхъ, закупкой хлѣба и т. п. Вскорѣ же послѣ этого покойный, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, принужденъ былъ выѣхать въ Нижній Новгородъ, изъ послѣдняго въ Вятку, а оттуда въ Восточную Сибирь, гдѣ онъ и жилъ въ разныхъ пунктахъ (с. Бѣльское, Казачинское и др.) до прошлаго года, когда, наконецъ, получилъ возможность вернуться въ Европейскую Россію. Во всѣхъ глухихъ мѣстахъ, куда ни забрасывала судьба молодого самородка, онъ былъ,

по словамъ «Сибирской Жизни», горячимъ и смѣлымъ заступникомъ темной народной массы и опаснымъ противникомъ разныхъ деревенскихъ «міроѣдовъ». Въ литературѣ Арефьевъ извѣстенъ какъ дѣятельный сотрудникъ «Сибирской Жизни» и «Восточнаго Обозрѣнія», гдѣ имъ напечатанъ цѣлый рядъ довольно талантливыхъ фельетоновъ (часто за подписью «В. А—въ») изъ жизни далекаго захолустья. (Некрологи его появились въ сибирскихъ газетахъ, откуда были сдѣланы выдержки многими столичными изданіями).

† **Э. Э. Балліонъ.** На-дняхъ скончался на югѣ России бывшій профессоръ лѣсного института, Эрнестъ Эрнестовичъ Балліонъ. Покойный, въ свое время довольно извѣстный энтомологъ, родился въ Петербургѣ, 18-го ноября 1818 г. Первоначальное образованіе получилъ въ реформатскомъ училищѣ, по окончаніи котораго (1833 г.) много лѣтъ занимался частною педагогическою дѣятельностью, которая и привела его въ Казань. Здѣсь онъ въ концѣ сороковыхъ годовъ поступилъ въ университетъ и по окончаніи курса въ 1852 году опредѣленъ былъ учителемъ естественныхъ наукъ въ одну изъ казанскихъ гимназій. Въ 1860 году онъ былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ въ Горыгорѣцкій земледѣльческій институтъ (въ Могилевской губерніи), а съ переводомъ послѣдняго въ 1863 году въ Петербургъ сдѣлался сначала доцентомъ, а потомъ профессоромъ Петербургскаго земледѣльческаго института, впослѣдствіи лѣсного института по каѳедрѣ энтомологіи. Послѣднія пятнадцать лѣтъ покойный провелъ въ отставкѣ и жилъ въ Новороссійскѣ, гдѣ, продолжая интересоваться общественною жизнью, устроилъ городскую библіотеку и пожертвовалъ Новороссійскому университету свою рѣдкостную коллекцію насѣкомыхъ, которую онъ заботливо составлялъ съ юношескихъ лѣтъ. Изъ научныхъ трудовъ покойнаго извѣстны: «Опытъ изслѣдованія о русскихъ названіяхъ (простонародныхъ и книжныхъ) млекопитающихъ животныхъ, водящихся въ предѣлахъ Россійской имперіи» (1858), «Краткое наставленіе къ собиранію и пересылкѣ насѣкомыхъ» (1867); «Энтомологія для садовниковъ». Соч. Ташенберга, переводъ Э. Балліона (1871)—и цѣлый рядъ частныхъ изслѣдованій по энтомологіи Россіи, помѣщенныхъ въ «Bulletin de la soc. imp. des naturalistes de Moscou» (1855—1888). (Біографическія свѣдѣнія о покойномъ см.: Венгеровъ, Критико-біографическій словарь, т. II, стр. 79—80; «Русскія книги» т. II, стр. 44; «Источники словаря русскихъ писателей», составилъ Венгеровъ, Спб., 1900; Некрологъ: «Россія» 1901, № 862).

† **Г. Я. Близнинъ.** Въ сентябрѣ скончался дѣятельный сотрудникъ Елисаветградскаго общества сельскаго хозяйства, метеорологъ, Гавріилъ Яковлевичъ Близнинъ. Покойный состоялъ на службѣ съ 1865 г. и продолжительное время былъ преподавателемъ естественной исторіи и химіи въ Елисаветградскомъ реальномъ училищѣ. Статьи Близнина по метеорологіи и по вопросамъ сельскаго хозяйства печатались въ «Извѣстіяхъ» вышеназваннаго общества, въ «Трудахъ метеорологической сѣти юго-запада Россіи», въ «Метеорологическомъ Вѣстникѣ» и другихъ спеціальныхъ изданіяхъ. Изъ статей его пользуются извѣстностью: «Изслѣдованія о хлѣбномъ жукѣ» (Херсонъ, 1880), «Влажность почвы въ лѣсу и въ полѣ» (Спб., 1892), «Къ вопросу о народныхъ примѣтахъ» (Спб., 1893) и др. (Списокъ трудовъ покойнаго см.: «Русскія книги», Спб., 1898, т. I, стр. 431; некрологъ: «Россія» 1901, № 835).

† **Борисъ.** 19-го сентября въ Гурзуфѣ скончался петербургскій викарій, членъ святѣйшаго синода, епископъ Борисъ. Покойный въ мірѣ Владимиръ Владимировичъ Плотниковъ, родился 16-го іюля 1855 г. въ Красноярскѣ. По окончаніи курса въ казанской духовной академіи онъ былъ опредѣленъ преподавателемъ въ томскую семинарію, а въ 1884 г. избранъ на каѳедру метафизики въ казанской духовной семинаріи. Въ 1886 г. онъ защитилъ диссертацію «Исторія христіанскаго просвѣщенія въ его отношеніяхъ къ древней греко-римской образованности», за которую былъ удостоенъ степени магистра богословія, и въ томъ же году онъ принялъ монашество, съ именемъ Бориса. Изъ академіи о. Борисъ, возведенный въ санъ архимандрита, былъ перемѣщенъ въ московскую духовную академію инспекторомъ; въ 1888 г. назначенъ ректоромъ кіевской, а въ 1892 г.—с.-петербургской духовной академіи. Однако, разстроенное усиленными учеными занятіями здоровье вынудило его оставить сѣверъ, и въ 1893 г. онъ былъ перемѣщенъ на должность настоятеля подольской церкви въ Константинополѣ, гдѣ и оставался въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ, когда вновь былъ призванъ на должность ректора петербургской духовной академіи, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, по избранію св. синода, былъ хиротонисанъ во епископа ямбургскаго, викарія петербургской митрополіи. Въ началѣ текущаго года преосвященный Борисъ призванъ былъ въ члены св. синода и, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ назначенъ предсѣдателемъ училищнаго совѣта при святѣйшемъ синодѣ. Покойный іерархъ былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся представителей богословской науки: ему принадлежитъ цѣлый рядъ трудовъ: «О началѣ міра. Апологетическое изслѣдованіе» (1889—91), «Космологія, или метафизическое ученіе о мірѣ» (1888), «Задачи метафизики» (1889), «О невозможности чисто физіологическаго объясненія душевной жизни человѣка» (1890 и 91), «Главныя черты арійской доисторической культуры по даннымъ сравнительнаго языкознанія», «Исторія христіанскаго просвѣщенія въ его отношеніяхъ къ древней греко-римской образованности» (1890), «Записки по пастырскому богословію» (1891), «Очерки по исторіи просвѣщенія въ періодъ византійскій» (1893). Покойный былъ постояннымъ сотрудникомъ духовныхъ журналовъ: «Православный Собесѣдникъ», «Вѣра и Разумъ», «Руководство для сельскихъ пастырей» и другихъ. Біографическія свѣдѣнія о покойномъ см.: 1) Булашевъ, 10-тилѣтіе учено-литерат. дѣятельности арх. Бориса. К. 1890. 8°, 39 стр.; 2) «Истор. Вѣстн.», 1886, № 8 (отзывъ о диссертаціи); 3) «Чтенія въ общ. любит. дух. просв». 1890, янв.; 4) «Всеміри. Иллюстр.» 1894, т. LI, стр. 138—191, съ портр.; 5) Венгеровъ, Словарь и Русск. Книги; 6) некрологи въ сентябрьскихъ №№ многихъ иазетъ.

† **М. А. Веневитиновъ.** Въ Воронежской губерніи 14-го сентября скончался бывшій директоръ московскаго румянцевскаго музея, почетный членъ императорской академіи наукъ Михаилъ Алексѣевичъ Веневитиновъ. Покойный родился въ 1844 году, образованіе получилъ въ Петербургскомъ университетѣ, по окончаніи курса котораго въ 1868 году поступилъ на службу, чиновникомъ особыхъ порученій при варшавскомъ губернаторѣ, а затѣмъ и директоромъ канцеляріи. Въ этой должности онъ пробылъ не долго и вскорѣ

перешелъ на службу въ воронежскій статистическій комитетъ; къ этому времени относится и дѣятельное участіе М. А. въ трудахъ Н. В. Калачева по устройству архивовъ; въ 1875 году М. А. избранъ былъ членомъ состоящей при министерствѣ народнаго просвѣщенія археологической комиссіи, гдѣ до послѣднихъ дней принималъ живое участіе въ ея работахъ. (М. А. принадлежитъ редакція изданій Православнаго Палестинскаго общества). Изъ другихъ трудовъ покойнаго извѣстны: «Расписныя кирпичныя избы», «Русскіе въ голландіи», «Хожденіе игумена Даніила въ Святую землю 1106—1108», нѣсколько статей въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и «Русскомъ Архивѣ». Въ 1880 году М. А. назначенъ былъ на службу въ собственную его величества канцелярію, гдѣ прослужилъ восемь лѣтъ и въ 1888 году избранъ былъ воронежскимъ сначала уѣзднымъ, а затѣмъ и губернскимъ предводителемъ дворянства, а въ 1896 году, по смерти В. А. Дашкова, назначенъ директоромъ московскаго Румянцевскаго музея и послѣднюю должность оставилъ всего полтора года назадъ по болѣзни. Послѣ М. А. остались богатая библіотека историческаго и философскаго содержанія и обширный семейный архивъ, заключающій важные документы для исторіи литературы пушкинскаго періода, въ особенности о поэтѣ Д. В. Веневитиновѣ, который приходился покойному М. А. роднымъ дядею. (Біографическія свѣдѣнія о покойномъ см.: Брокгаузъ-Ефронъ, Энциклопедическій Словарь; «Альманахъ государственныхъ дѣятелей»; «Источники словаря русскихъ писателей», составилъ Венгеровъ, Спб., 1900).

† **Г. А. Мачтетъ.** 13-го августа скончался въ Ялтѣ извѣстный писатель-беллетристъ Григорій Александровичъ Мачтетъ. Покойный родился въ 1852 г. въ городѣ Луцкѣ, гдѣ отецъ его занималъ мѣсто члена уѣзднаго суда. Г. А. получилъ образованіе въ немировской и каменецъ-подольской гимназіяхъ, но курса не кончилъ. Въ 1870 году ему было разрѣшено держать экзаменъ на званіе уѣзднаго учителя, по выдержаніи котораго онъ учительствовалъ въ теченіе двухъ лѣтъ въ Могилевѣ и Каменецъ-Подольскѣ, откуда отправился вскорѣ въ Америку, гдѣ и пробылъ два года, зарабатывая себѣ пропитаніе тяжелымъ поденнымъ трудомъ на западныхъ фермахъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Вернувшись въ 1875 году въ Россію, онъ избралъ мѣстомъ жительства Петербургъ и сталъ пробовать свои силы на литературномъ поприщѣ, выступивъ въ «Недѣлѣ» съ «Очерками американской жизни», вышедшими позже отдѣльнымъ изданіемъ, подъ заглавіемъ. «По бѣлу свѣту». Въ слѣдующемъ году Г. А. былъ въ Сибири, откуда вернулся лишь въ 1884 году. Во время пребыванія въ Сибири и по возвращеніи изъ нея, Г. А. не прекращалъ своей любимой дѣятельности и присылалъ свои сибирскіе очерки, прелестные по художественному исполненію, глубинѣ и серіозности мысли. Таковы его «Вторая правда», «Мірское дѣло», «Мы побѣдили» и др. Эти разсказы составляютъ самыя цѣнныя литературныя произведенія Г. А., бывшаго страстнымъ и убѣжденнымъ приверженцемъ освободительныхъ идей 60-хъ годовъ, горячо любившаго русскій народъ и неустававшаго въ беллетристической формѣ проводить эти идеи и эту любовь въ сознаніе нашего общества. Многіе изъ произведеній покойнаго Мачтета переведены на иностранные языки, въ томъ числѣ даже на болгарскій, новогреческій, грузинскій и датскій. Мачтетъ писалъ

въ своей жизни немало и оставилъ нѣсколько крупныхъ произведеній: романы «Изъ недавняго прошлаго», «И одинъ въ полѣ воинъ», но такъ называемой «вѣчной страницей» его литературнаго наслѣдія, наиболѣе талантливымъ и цѣннымъ произведеніемъ останутся его сибирскіе разсказы, оригинально задуманные и ярко исполненные. Тѣло Мечтета погребено было 15-го августа въ Ялтѣ на Аутскомъ кладбищѣ, въ присутствіи немногихъ жившихъ тогда тамъ писателей: А. П. Чехова, Н. А. Рубакина, С. Я. Елпатьевскаго и др. (Некрологи его: «Нива» 1901, № 34; «Россія» 1901, №№ 827 и 833).

† **А. М. Миклашевскій.** 19-го сентября скончался начальникъ воздухоплавательнаго отдѣла управленія электротехнической части инженернаго вѣдомства, генералъ-майоръ Александръ Михайловичъ Миклашевскій. Покойный происходилъ изъ старой дворянской семьи, родился въ 1850 г., образованіе получилъ въ Николаевскомъ инженерномъ училищѣ. Оставилъ послѣ себя много сочиненій по электротехникѣ и воздухоплаванію и массу приборовъ и снарядовъ, имъ изобрѣтенныхъ. Свои статьи А. М. помѣщалъ въ «Инженерномъ журналѣ», въ «Военномъ Сборникѣ» и др.

— Закраина камня мнѣ препятствуетъ пропустить монету. Постарайтесь повернуть за уголъ лачуги, чтобы подойти къ окну.

— Не могу: на углу заборъ...

— Чортъ!.. сказалъ Шульмейстеръ, который только что замѣтилъ этотъ заборъ, но маневрировалъ осторожно, чтобы достичь цѣли.— Тогда полуоткройте дверь; это всего проще. Съ вашимъ ружьемъ и саблей вы можете быть спокойны. Хотѣлъ бы я знать, какъ можно спастись бѣгствомъ отсюда.

Молчаніе. По всей вѣроятности, въ темной совѣсти тюремщика происходила борьба между долгомъ и страстью. Открыть тюрьму— это было дѣло важное. Но не выпить немножечко водки было очень печально!.. У этого бѣднаго чорта, котораго держали подъ замкомъ, въ общемъ было не очень злое лицо. Затѣмъ, если бы онъ хотѣлъ удрать, то встрѣтилъ бы достаточно внушительный отпоръ, именно ноги и руки настолько сильны, что сумѣли бы ему помѣшать.

Шульмейстеръ остерегался вмѣшиваться, чтобы ускорить пораженіе добродѣтели. Онъ удовольствовался тѣмъ, что громко вздохнулъ, какъ бы отказываясь убѣждать своего собесѣдника, и съ шумомъ удалился отъ двери къ своей скамьѣ.

Едва онъ успѣлъ сѣсть, какъ ключъ еле слышно повернулся въ замочной скважинѣ. Кусокъ желѣза, служащій замочнымъ языкомъ, скользнулъ, немного заскрипѣвъ.

Быть заключеннымъ, видѣть, какъ открывается дверь, и не броситься къ выходу, не двигаться! Повернуть только слегка голову въ сторону свободы! У Шульмейстера хватило этой храбрости. Впрочемъ, какъ ему было не имѣть ея? Колоссъ, вооруженный съ ногъ до головы, выпрямившійся передъ нимъ, навѣрное, безъ труда одержалъ бы надъ нимъ побѣду, если бы онъ вздумалъ смѣло напасть на него.

— А! это вы!—сказалъ онъ, замѣтивъ тюремщика.

Онъ протянулъ солдату золотой, который держалъ въ рукѣ приготовленнымъ.

— Вы хорошо сдѣлали, что ввѣрились мнѣ!.. Теперь идите скорѣе за бутылкой, или, такъ какъ будетъ необходимо меня запереть снова, вслѣдствіе чего мы не можемъ пить вмѣстѣ, то возьмите ихъ двѣ. Вотъ вмѣсто одной двѣ монеты. Это все, что у меня есть, но къ чему беречь ихъ?.. Не стоитъ думать о завтрашнемъ днѣ.

Солдатъ грубо захохоталъ; очевидно, онъ принялъ это за шутку. Въ тотъ моментъ, какъ онъ выходилъ, унося деньги, Шульмейстеръ его окликнулъ:

— Слушайте-ка! Постарайтесь принести мнѣ и стаканчикъ; я терпѣть не могу пить изъ горлышка.

— Я возьму ихъ два,—отвѣчалъ солдатъ:—и мы чокнемся.... съ каждой стороны двери.

. . . .

Онъ ушелъ. Тюрьма заперлась. Грубый кусокъ желѣза снова вошелъ въ замочную коробку, заржавленную, какъ и онъ. Слышно было, какъ слегка прозвучало дуло ружья, задѣвъ за косякъ двери, куда часовой поставилъ его удаляясь. Затѣмъ снова воцарилось молчаніе.

Шульмейстеръ поднялся, сталъ прислушиваться и снялъ свою мѣховую шубу, которой онъ покрылся, какъ одѣяломъ, и легъ на землю. Онъ оставался неподвиженъ.

. . . .

Спустя нѣсколько времени, дверь снова отворилась, и часовой вошелъ, держа въ рукахъ бутылку, прикрытую стаканомъ. Онъ не могъ удержаться отъ удивленнаго жеста и спросилъ:

— Вы больны?

— Да, немного; но если вы нальете мнѣ водки, то я думаю, что стаканчикъ мнѣ поможетъ. Вѣроятно, это отъ усталости и холода...

— А затѣмъ тоже отъ волненія, гмъ?.. О! вы можете сознаться: вамъ не отъ чего краснѣть. Вотъ, пейте.

— А вы?

— Не заботьтесь обо мнѣ; я оставилъ бутылку тамъ спрятанной въ углу.

— Я не хочу пить одинъ!..

Солдатъ не заставилъ себя упрашивать. Онъ вышелъ за стаканомъ и налилъ изъ бутылки узника полный большой стаканъ, которому тотчасъ же оказалъ честь. Шульмейстеръ, со своей стороны, выплеснулъ водку на землю и спросилъ снова полный стаканъ, что̀ обязывало тюремщика тоже выпить.

Четверть часа спустя, солдатъ былъ пьянъ и уходилъ спотыкаясь, чтобы отвѣдать вторую бутылку. Когда три четверти ея было выпито, онъ уснулъ, падая, какъ безжизненная масса. Тогда Шульмейстеръ разстегнулъ портупею пьяницы и снялъ съ него мундиръ, «чтобы онъ его не стѣснялъ». Онъ уложилъ его на землю, носомъ къ стѣнѣ, чтобы онъ отдохнулъ, и покрылъ его шубою.... такъ какъ онъ могъ простудиться.

Послѣ этого онъ переодѣлся гренадеромъ Оффенбургскаго полка, исключая панталонъ, которые онъ не успѣлъ перемѣнить. Въ такомъ видѣ онъ вышелъ съ заряженнымъ ружьемъ, съ лядункой на боку, съ шапкой на головѣ. Заперевъ дверь на два оборота, онъ бросилъ ключъ за заборъ и медленно удалился.

Но черезъ нѣсколько шаговъ ему пришла мысль. Онъ вернулся къ запертой двери и разбросалъ по землѣ, въ противоположной сторонѣ той, по которой онъ разсчитывалъ итти, съ полдюжины

монетъ, въ воспоминаніе мальчика съ пальчикъ и чтобы сбить съ толку патруль.

Затѣмъ онъ поспѣшно направился къ долинѣ.

VII.

Родеку удалось, впродолженіе нѣсколькихъ часовъ, скрыть отъ Берты настоящую причину отсутствія ея сына. Наступилъ день. Солдаты, овладѣвши домомъ ночью, получили новый приказъ, такой же таинственный, какъ первый, и внезапно удалились. Они двинулись на непріятеля, который, какъ говорили, перемѣнилъ самъ мѣсто. Все это время молодая женщина, одолѣваемая продолжительной усталостью, еще спала. Только послѣ удаленія солдатъ она открыла глаза и тогда естественно предположила, что любопытство Ганса удерживало его вдали отъ нея. Родекъ предоставилъ ей этому вѣрить.

Съ своей стороны Лизбетта успѣла задержать материнское безпокойство своей милой болтовней, не понимая окружающей печали.

Но утро прошло, а Гансъ не возвращался. Невозможно было пуститься въ путь безъ него, чтобы добраться до города. Берта сказала объ этомъ Родеку, удивляясь нѣсколько его хладнокровному отношенію къ отсутствію ребенка. Позавтракавъ остатками провизіи, она уложила Лизбетту для послѣобѣденнаго отдыха.

Тогда Берта почувствовала внезапно, что ее охватываетъ смертельный ужасъ. Можно было бы сказать, что юная довѣрчивость дѣвочки единственно спасала Берту такъ долго отъ несчастія, и эти два закрывшіеся голубые глаза оставили теперь ее безъ мужества. Кромѣ того, Родекъ былъ, очевидно, смущенъ. Онъ не зналъ, что ему болѣе говорить для успокоенія Берты. По мѣрѣ того, какъ время бѣжало, онъ чувствовалъ, что его смятеніе увеличивается,—и первый разъ въ жизни онъ ощутилъ ужасное чувство угрызенія совѣсти.

Какъ разсказать, въ какое приключеніе онъ ввергъ Ганса? Какъ признаться, что онъ, ветеранъ вандейскихъ войнъ, не побоялся послать одиннадцатилѣтняго мальчика на большія дороги, ночью, безъ сожалѣнія къ его слабости и къ его незнанію опасности?

На лицо двѣ арміи; двѣ гигантскія, страшныя, грубыя силы, бросающіяся другъ на друга, и между ними этотъ маленькій мальчикъ, совсѣмъ одинокій, беззащитный, идетъ слѣпо къ неизвѣстнымъ друзьямъ... вотъ какое совершилъ онъ преступное сумасшествіе, минутное заблужденіе...

Послѣ того, какъ онъ взялъ на себя защиту этой матери и ея двухъ дѣтей противъ всѣхъ, ему надо теперь объяснить, зачѣмъ и какъ онъ преступилъ клятву, поставивъ такимъ образомъ на свое мѣсто одного изъ тѣхъ, кого ему довѣрили.

Чтобы извинить себя въ своихъ собственныхъ глазахъ, Родекъ сначала разсчитывалъ на скорое возвращеніе ребенка послѣ тщетной попытки исполнить свою миссію. Но теперь слишкомъ очевидно, что добровольно или силой Гансъ былъ увлеченъ далеко отъ дома,—и Богъ знаетъ, когда онъ можетъ возвратиться.

Окружающее спокойствіе, глубокое молчаніе этой покинутой деревни, гдѣ онъ съ утра дѣлалъ напрасныя, короткія прогулки, произвели въ немъ какое-то оцѣпенѣніе. У него не было болѣе смѣлости успокоивать Берту, и онъ не рѣшался даже говорить болѣе съ нею.

Высшимъ мотивомъ для ужаса Берты послужило то обстоятельство, когда она наконецъ прочитала безпокойство на лицѣ Родека. Насколько она была спокойна и терпѣлива до тѣхъ поръ, настолько теперь она допустила отчаяніе господствовать надъ нею.

Она тотчасъ же предалась наихудшимъ предположеніямъ: Гансъ не возвратился; Гансъ долженъ быть убитъ!

И нѣжное созданіе тотчасъ выказало весь жаръ своей нѣжности. Можетъ быть, до тѣхъ поръ, она не знала, до какой степени любила это маленькое доброе, отважное, прямодушное существо, въ которомъ снова ожили исчезнувшія души.

Теперь она это знала и чувствовала. Ея сердце разрывалось на части при мысли о возможной потерѣ, какъ будто всѣ фибры ея собственнаго тѣла были даны ей изъ его существа, какъ будто она передала ему свою кровь. Гдѣ онъ былъ? Что онъ дѣлалъ? Она хотѣла все знать, и ея просьба, заглушаемая слезами, взволновала Родека. Видя ее плачущей и молящей, старикъ задрожалъ отъ жалости.

Въ концѣ концевъ онъ сказалъ ей все.

Онъ разсказалъ ей о насиліи солдатъ, о позорѣ, нанесенномъ его сѣдымъ волосамъ, о его гнѣвѣ и задуманномъ отмщеніи. Наконецъ онъ сознался ей въ безумной мысли, слишкомъ легко постигнутой и слишкомъ скоро принятой, отправить къ французамъ этого ребенка, пылкіе глаза котораго совѣтовались съ его глазами:

— Вы знаете, какъ я люблю вашего маленькаго Жана!—продолжалъ онъ.—Вы знаете, сдержалъ ли я до сего дня обѣщаніе, данное двумъ бѣднымъ умершимъ, беречь его, пока я живъ!... Поэтому вы можете судить о томъ безумномъ состояніи, въ какомъ я долженъ былъ находиться, когда мнѣ пришла скверная идея толкнуть его на исполненіе долга, обязательнаго не для него. Поправдѣ, я еще не знаю, какъ это случилось. Дѣйствительно ли я хотѣлъ его ухода? Мнѣ теперь кажется, что другой взялъ мои глаза, другой радовался, когда Жанъ, послѣ того, какъ спасся, не видѣнный никѣмъ, просвисталъ мнѣ издали о своемъ освобожденіи, исчезая въ темнотѣ.

Берта болѣе не плакала. Она смотрѣла по направленію къ де-

ревнѣ, какъ будто хрупкій силуетъ мальчика, бѣгущаго къ опасности, могъ явиться передъ нею. Она протянула руку своему старому другу, который пожалъ ее.

— Вы правы, добрый Родекъ,—сказала наконецъ ему Берта.— Богу угодно, чтобы нашъ дорогой малютка возвратился! Но не вы сказали ему отправиться. Видите ли, есть минуты, когда существа, которыя болѣе не принадлежатъ къ этому міру, находятъ средство говорить съ тѣми, кого они любили! Этого хотѣлъ, должно быть, его отецъ, который знаетъ, чего мы не знаемъ, и видитъ, чего мы не можемъ видѣть... Доказательство, что онъ говорилъ вашими глазами; доказательство, увы, что онъ радовался, видя, какъ его мальчикъ выказываетъ себя храбрымъ до безумія, рискуя разбить намъ сердца. Это не мѣшало намъ сегодня вечеромъ назвать «Жаномъ» того, кого еще вчера мы называли Гансомъ!...

Суевѣрный бретонецъ поблѣднѣлъ, услыша эти великодушныя слова. Тонкая мысль Берты подкрѣпила его; его печаль была та же, но угрызенія успокоились. Прежде всего онъ, можетъ быть, совсѣмъ не виноватъ, такъ какъ никто не смѣетъ утверждать, что живущія въ нашихъ воспоминаніяхъ освобожденныя души, которыя насъ сопровождаютъ, пока мы живемъ, во все время пути, не знаютъ средства говорить иногда съ нашими плѣнными душами!..

Берта была въ отчаяніи отъ мысли, что у нея теперь вмѣсто одного существа изъ троихъ двое подвергнули всю свою жизнь самымъ ужаснымъ испытаніямъ. Она медленно приблизилась къ Лизбеттѣ, еще лежавшей въ постели.

Крошка раскрыла глаза. Она прежде всего удивилась новой обстановкѣ, привѣтствовавшей ея пробужденіе. Но вскорѣ она улыбнулась, какъ только снова увидѣла синее небо и услышала черезъ полуоткрытую дверь обыденное пѣніе птицъ на деревьяхъ. Она обняла рукою Берту и тотчасъ же спросила о братѣ.

— Ты не увидишь его сегодня, моя дорогая,—сказала ей бѣдная женщина, скрывая свое горе.—Онъ не возвратился!...

— Гдѣ же онъ?

— Я думаю, что онъ отправился смотрѣть солдатъ.

— О, какъ онъ долженъ быть доволенъ!..

И Лизбетта принялась хлопать въ ладоши, уже счастливая отъ предполагаемой радости брата. Затѣмъ она сѣла на кровать и серьезно спросила.

— Не правда ли, что мальчики очень любятъ солдатъ?

— Но... да, крошка.

— Всѣ мальчики? Все равно?

— Почему ты спрашиваешь меня объ этомъ?

— Я скажу тебѣ, что Гансъ любитъ ихъ больше, чѣмъ всѣ другіе мальчики.

— Ты думаешь?

— Еще бы! Онъ всегда хочетъ быть съ ними. Однако скажи, онъ слишкомъ малъ, чтобы имѣть ружье?

— Конечно, онъ слишкомъ малъ.

Лизбетта немного поразмыслила, но не долго,—она никогда долго не думала,—и сказала съ восхитительной добротою:

— Не надо ему говорить, что онъ слишкомъ малъ! Я увѣрена, что это его опечалитъ.

— Будь спокойна, дорогая!—отвѣтила Берта, которая была не въ состояніи удержаться, чтобы не залиться слезами:—увы! я не скажу ему болѣе никогда.

Лизбетта, испуганная этимъ непонятнымъ горемъ, сначала поблѣднѣла, затѣмъ черезъ секунду порозовѣла.

— Но... да, мама, ты ему скажешь, сейчасъ же, если хочешь! Посмотри, вотъ онъ!

Берта повернула голову и увидѣла своего маленькаго мальчика. Онъ стоялъ, улыбаясь, въ дверяхъ. Она радостно крикнула. Ея крикъ былъ такой раздирающій, какъ крикъ горя.

— Жанъ!

И, поспѣшно бросившись передъ нимъ на колѣни, она покрыла его поцѣлуями.

Тогда раздались глухіе выстрѣлы. Всѣ рамы звенѣли, домъ затрясся, и въ то время, какъ Лизбетта, вся въ слезахъ, бросилась въ объятія Берты, Гансъ, съ раздувающимися отъ гордости ноздрями, стоялъ передъ дверью, подперевъ бока, и созерцалъ начавшуюся битву.

VIII.

Это-то и есть сраженіе? Это?

Какая разница была между дѣйствительностью и тѣмъ, о чемъ мечтало романическое воображеніе ребенка. Все, происходившее передъ нимъ, было такое маленькое, смутное, непонятное въ необъятности пейзажа, разстилавшагося передъ его глазами.

Находясь только-что верхомъ, на сѣдлѣ, позади одного изъ офицеровъ главнаго штаба Мюрата, скакавшаго далеко впереди принца, рядомъ съ драгунами, двинувшимися смѣлымъ натискомъ, военные доспѣхи казались ему такими грозными и рыцарскими. Достигнувъ такимъ образомъ близости разбросанныхъ селеній, центромъ и вершиной которыхъ былъ Вертингенъ, такъ какъ онъ находился на самой вышинѣ,—Гансъ попросилъ, чтобы во время привала его спустили на землю расправить ноги. Тогда у него не было болѣе удержу. Указавъ издали офицеру свой домъ, Гансъ пустился черезъ поля. Онъ теперь убѣгалъ отъ своихъ друзей, какъ наканунѣ спасался отъ палачей.

Во время своего бѣга мальчикъ замѣтилъ раза двухъ нѣмецкихъ лошадей, привязанныхъ солдатами пикета длинными двойными

поводьями. Онѣ смотрѣли глупо, повѣсивъ головы, передъ остатками фуража. Другія были поставлены позади стѣны, тогда какъ ихъ хозяева, тяжелые кирасиры, сидѣли и ѣли на землѣ молчаливыми группами. Далѣе онъ видѣлъ на покатой сторонѣ земляного вала, на вершинѣ котораго были устроены нѣсколько ведетовъ, пѣхотинцевъ, одѣтыхъ въ бѣлые мундиры и соединившихся большими массами. Они, казалось, ожидали подъ сѣнью избранной позиціи, куда они взобрались въ послѣдній моментъ атаки, еще невидимаго непріятеля.

Все это обѣщало прекрасную атаку, прекрасный штурмъ, красивое сраженіе, и ребенокъ уже представлялъ себѣ великолѣпіе близкаго зрѣлища, гдѣ столько людей будутъ играть роль.

Но теперь все, что онъ замѣтилъ съ порога дома относительно сраженія, была тонкая подвижная линія, возвышавшаяся надъ бѣловатымъ дымкомъ. Она тянулась изъ внутренней части долины къ одному изъ селеній, подлѣ котораго Гансъ уже проходилъ. Другой дымъ, похожій на султаны, быстро разсѣявшіеся въ воздухѣ, выходилъ изъ фермъ и изъ фруктовыхъ садовъ, къ которымъ приближались атакующіе.

Какъ могъ отгадать Гансъ, что каждое изъ этихъ тонкихъ облачковъ, тотчасъ же исчезающихъ, скрывало въ себѣ часть смертельнаго удара?

Какъ могъ онъ вообразить, что каждое изъ нихъ было сигналомъ для новаго пустого мѣста въ ряду солдатъ, съ которыми мальчикъ раздѣлялъ путь?

Вдругъ эта темная линія, до сихъ поръ безостановочно двигающаяся впередъ, заколебалась, остановилась и затѣмъ замѣтно отодвинулась. Потомъ она, казалось, раздробилась и размѣстилась въ порядкѣ. Каждый изъ пунктовъ, формировавшихъ ее, значительно уменьшился, и она снова двинулась впередъ, управляемая болѣе маленькими существами, почти невидимыми отъ земли. Какъ можно было предположить, что тотъ короткій инцидентъ, едва замѣтный внимательнымъ и зоркимъ глазамъ, какъ глаза Ганса, означалъ, что великій актъ храбрости прославилъ французскую армію. Начальникъ эскадрона, Эксельманъ, тотъ же самый адъютантъ Мюрата, который везъ ребенка передъ собою на сѣдлѣ, только что отдалъ приказъ двумстамъ драгунамъ сойти съ лошадей и броситься приступомъ на деревню вслѣдъ за нимъ. Драгуны тщетно передъ тѣмъ открывали огонь противъ засѣвшихъ въ засаду австрійскихъ кавалеристовъ.

И когда одинъ за другимъ захваченные дома попали во власть французовъ, Гансъ ничего не видѣлъ бы изъ совершившихся подвиговъ, если бы не тяжело убѣгающіе изо всѣхъ еще свободныхъ выходовъ люди, направляющіеся въ его сторону. Лошади безъ хозяевъ неслись безумнымъ галопомъ со всѣхъ сторонъ, запутыва-

ясь ногами въ висящіе поводья и падая. Два эскадрона кирасиръ герцога Альберта и два эскадрона легкой кавалеріи Латура были, однако, разбиты на голову двумя эскадронами кавалеріи Мюрата. Но издали этотъ эпизодъ представлялся незначительнымъ и, благодаря нѣкоторымъ деталямъ, даже довольно комичнымъ.

Такъ вотъ что называется войною!.. Гансу это не нравилось. Шумъ выстрѣловъ достигъ ушей, спустя долгое время, какъ онъ замѣтилъ дымъ. Это былъ легкій и тихій трескъ, менѣе всего на свѣтѣ страшный. Отчего всѣ эти солдаты, которыхъ онъ видѣлъ мимоходомъ очень близко и казавшіеся ему сильными и храбрыми, пустились въ бѣгство изъ-за такой ничтожности? Почему тѣ, другіе, остались лежать на землѣ, въ то время какъ ихъ товарищи шли впередъ?..

Гансъ не отдавалъ себѣ отчета, что эти, по его мнѣнію, лѣнтяи были мертвы.

Атака инфантеріи показалась ему, маленькому зрителю, еще менѣе достойной производить впечатлѣніе. Девять австрійскихъ баталіоновъ и сформировавшихся въ одно карре, съ одной пушкой въ продолженіе цѣлаго часа подвергались штурму тысячной кавалеріи. Они безпрестанно ихъ отталкивали безпрерывнымъ батальнымъ огнемъ. Съ виду это представлялось безопасной игрой, въ которой передъ одной линіей сдавшихся солдатъ другіе солдаты съ поднятыми саблями скакали верхомъ.

Иногда французскіе драгуны, предводительствуемые все однимъ и тѣмъ же офицеромъ, котораго можно было узнать по его высокимъ перьямъ, бросались до штыковъ, направленныхъ на нихъ. Но далѣе они не шли. Они въ безпорядкѣ отступали, снова выстраивались въ нѣкоторомъ разстояніи, однако малочисленнѣе и снова возвращались. Гансъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что ихъ начальникъ каждый разъ появлялся на лошади другой масти, иногда вороной, иногда гнѣдой, а иногда бѣлой. Какъ этотъ ребенокъ могъ знать, что храбрый Эксельманъ въ послѣдовательныхъ атакахъ подъѣзжалъ такъ близко къ непріятелю, что его лошадь каждый разъ была подъ нимъ убиваема.

Затѣмъ внезапно плотное и сжатое карре, состоявшее изъ пяти тысячъ отборныхъ солдатъ, казавшихся непоколебимыми на ихъ участкѣ земли, тщетно обстрѣливаемомъ волной кавалеристовъ, разсѣялось само собою. Покинувъ пушки, раненыхъ и мертвыхъ, двѣ тысячи защитниковъ побросали оружіе и сдались... Все это случилось потому, что появился маршалъ Ланнъ. Ему стоило только пустить позади этой живой крѣпости колонну гренадеръ Удино, угрожая непріятелю пресѣчь всякое отступленіе, чтобы отбить ее.

Гансъ увидѣлъ, что эта безпорядочная орда идетъ въ его сторону. Въ его глазахъ составлявшіе ее люди съ минуты на минуту увеличивались. Мальчикъ теперь могъ сказать себѣ навѣрно,

что скоро они пройдутъ мимо него. Кто знаетъ, можетъ быть, эти остатки полка, приговореннаго къ гибели, войдутъ въ домъ, чтобы защищаться въ немъ? Теперь только онъ узналъ войну, потому что почувствовалъ страхъ.

Онъ услышалъ людскіе голоса и различалъ лица, искаженныя усталостью, гнѣвомъ и поблѣднѣвшія отъ испуга. Нѣсколько бѣглецовъ, не имѣвшихъ болѣе оружія, убѣгали по различнымъ дорогамъ, не повинуясь болѣе ихъ начальникамъ. Другіе, многочисленнѣе, держали еще зажатыми въ рукахъ ружья, заряжая ихъ по дорогѣ. Если они прямо шли въ деревню, то, очевидно, для того, чтобы укрѣпиться тамъ и сражаться до смерти.

Гансъ это не очень хорошо понималъ, но около него нѣкто наблюдалъ тотъ же спектакль и съ тою же страстью. Этотъ нѣкто зналъ, судилъ и заботился о мальчикѣ.

Когда кейзерлинги приблизились къ Вертингену, непреодолимый кулакъ стараго шуана толкнулъ его назадъ. Тотчасъ же заперлась дверь; тяжелый желѣзный засовъ былъ помѣщенъ, чтобы ее укрѣпить. Всѣ ставни уже были затворены, всѣ выходы завалены разными предметами и даже двери, ведущія въ противоположную сторону и черезъ которыя можно было бы выйти на площадь. Берта и Лизбета были отведены и заперты въ низкую комнату, служившую имъ защитой отъ пуль...

Съ той минуты, какъ Гансъ попалъ въ полумракъ, подъ защиту толстой двери, онъ услышалъ на дорогѣ шумный топотъ непріятеля. Направо, налѣво, напротивъ, повсюду происходилъ дикій концертъ. Удары ружейныхъ прикладовъ, вышибавшихъ окна, заступовъ, копавшихъ бойницы, шумное паденіе черепицъ съ сорванныхъ крышъ, звонъ разбитыхъ оконъ, хриплые голоса, отдающіе впопыхахъ приказанія, безпорядокъ и толкотня дополняли эту оргію сраженія.

Затѣмъ въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ все было тихо!.. Сражающіеся, безъ сомнѣнія, выбирали свои мѣста, организовали защиты, заряжали оружіе и поджидали французскую колонну.

Она подошла.

Гренадеры «круглыя головы» съ безжалостной жестокостью озлобленной стихіи кинулись въ одно и то же время со всѣхъ сторонъ на деревню, какъ живая пыль, брошенная бурею на дома. Они нападали разомъ на жилища, унизанныя ружейнымъ пламенемъ, осыпали ихъ непрерывными выстрѣлами, скользящими по безучастнымъ стѣнамъ, увеличивая расщелины въ импровизованныхъ валахъ, проникали въ комнаты и убивали всѣхъ, кто не сдавался.

Ихъ ловкія руки устраняли препятствія, а сильныя плечи вышибали заборы, они взбирались, ударяли, стрѣляли, кололи пиками, немилосердно убивали и останавливались только тогда, когда непріятель, сложивъ оружіе, признавалъ за ними побѣду.

Было разомъ двадцать штурмовъ. Въ сосѣднемъ домѣ съ тѣмъ, въ которомъ царствовало молчаніе, двѣнадцать оффенбургскихъ гренадеръ такимъ образомъ сдались маленькому поручику, который одинъ достигъ до входа въ комнату, защищаемую ими до послѣдней возможности. Изъ четырехъ человѣкъ, сопровождавшихъ офицера, трое упали, пораженные, какъ громомъ, послѣдними залпами непріятеля тутъ же на лѣстницѣ. Четвертый и послѣдній, взявъ на руку штыкъ, хотѣлъ броситься впередъ. Поручикъ остановилъ его жестомъ, положилъ шпагу подъ мышцы, дотронулся до плеча одного изъ нѣмцевъ и сдѣлалъ ему знакъ сойти. Всѣ двѣнадцать человѣкъ сошли, разстегнувъ свои портупеи и поставивъ къ стѣнѣ ружья. Оставшійся въ живыхъ гренадеръ взялъ въ руки оружіе, когда они дефилировали передъ нимъ. Поручикъ приказалъ имъ поднять по дорогѣ трехъ раненыхъ солдатъ, лежавшихъ на ступеняхъ.

Теперь сопротивляться перестали. Побѣда была полная. Если генералъ Макъ разсчитывалъ на прекрасную дивизію своей арміи, побитую французскимъ авангардомъ, чтобы оправдать на опытѣ достовѣрность справокъ, которыми снабдилъ его Шульмейстеръ, то его расчетъ былъ невѣрный. Тѣ изъ австрійцевъ, которые не были убиты или ранены, попали въ плѣнъ. Что же касается до селеній, находящихся по сю сторону Дуная, то они были захвачены одно за другимъ, и всѣ ихъ защитники были смяты, а дома обысканы.

Одинъ только домъ въ Вертингенѣ оставался нетронутымъ и нейтральнымъ. Въ то время, какъ повсюду изъ оконъ виднѣлись огненные фонтаны, его окна были наполовину закрыты. Когда пули сыпались на улицу со всѣхъ окружающихъ фасадовъ, ни одна пуля не вышла изъ этихъ нѣмыхъ стѣнъ. Тщетно австрійцы, укрывшіеся въ этой деревнѣ, пробовали вышибить его дверь ружейными прикладами, французамъ не представлялась надобность проникать въ него во время борьбы. Другіе дома были принуждаемы къ молчанію, а этотъ добровольно молчалъ.

— Развѣ тамъ никого не было?

Пока на дорогѣ формировалась колонна плѣнныхъ, которую направили къ Донауверту, а оттуда къ границѣ Франція, офицеры отрядовъ, насмѣхаясь надъ плѣнными, съ удивленіемъ обратили вниманіе на это безучастное жилище.

Кто-то сказалъ:

— Надо бы посмотрѣть, что тамъ такое. Ничто не доказываетъ невозможности найти тамъ еще кое-какую добычу.

— Это правда,—отвѣтилъ чей-то голосъ.

— Для чего?—возразилъ другой.—Мы не найдемъ тамъ навѣрно ничего другого, какъ нѣсколько добрыхъ женщинъ, которыя обмерли отъ страха въ глубинѣ погреба.

Въ это время случайно подошелъ генералъ Эксельманъ. Ему разсказали, въ чемъ дѣло.

— Нѣтъ никакого сомнѣнія! — замѣтилъ онъ тотчасъ.—Мы не должны оставлять ни одной лачужки, не обыскавъ ея. Отправимтесь.

Онъ сошелъ съ лошади и постучалъ рукояткой шпаги въ щеколду двери.

Тотчасъ же послышался сильный шумъ стараго желѣза внутри дома, какъ будто живущіе въ немъ только и ожидали этого сигнала. Затѣмъ отняли отъ двери желѣзный затворъ, открыли засовъ и повернули ключъ. Дверь медленно открылась въ то время, какъ передъ нею взводъ солдатъ приготовлялъ оружіе, чтобы отвѣчать на возможное нападеніе.

Но въ дверяхъ появился человѣкъ съ сѣдыми волосами и предоставилъ солдатамъ проходъ. Около него на порогѣ стоялъ мальчикъ.

— А, а! мальчуганъ!—сказалъ Эксельманъ. — Это ты?.. Наконецъ-то я нашелъ тебя! Вѣжливо же ты съ нами поступилъ! Почему ты убѣжалъ?

— Меня здѣсь ждали, — отвѣтилъ Гансъ, растерявшись отъ столькихъ устремленныхъ на него взглядовъ.

— Кто тебя ожидалъ? Этотъ человѣкъ?

— Безъ сомнѣнія!—возразилъ мальчикъ, желавшій, чтобы вѣжливо отзывались объ его старомъ другѣ. — Безъ сомнѣнія, прежде всего онъ, потому что онъ послалъ меня предупредить маршала.

— Какъ, мой любезный, такъ вамъ пришла эта идея?

— Я не могъ итти туда самъ, командиръ,—степенно отвѣтилъ Родекъ:—я былъ привязанъ!..

И онъ взглядомъ пробѣжалъ по толпѣ бѣлыхъ мундировъ, наполнявшихъ улицу.

— Эти люди привязали мнѣ руки и ноги къ желѣзной перекладинѣ лѣстницы.

— Ну, такъ простите имъ теперь, мой другъ: вы отомщены!..

— Да,—сказалъ Родекъ.

— И затѣмъ, — прибавилъ Гансъ, — здѣсь была такъ же моя мать и маленькая сестра, которыя не знали, гдѣ я нахожусь.

— Прекрасно! въ добрый часъ!—воскликнулъ весело офицеръ.— Я вижу, что въ этомъ домѣ находился прекрасный французскій гарнизонъ въ то время, какъ мы брали штурмомъ непріятеля. Позвольте мнѣ, друзья мои, войти къ вамъ. Я хотѣлъ бы васъ поблагодарить отъ имени всѣхъ, которымъ ваша храбрость оказала услугу.

Родекъ и ребенокъ раздвинулись, чтобы принять Эксельмана. Въ этотъ моментъ раздался при въѣздѣ въ селенье галопъ, и послышались веселые возгласы «ура», которые произвели цѣлую сумятицу... Плѣнные, толпящіеся по обѣ стороны дороги, устроили такимъ образомъ противъ своего желанія двойную изгородь на

пути прибывшихъ. Появился Мюратъ во главѣ своего штаба. Онъ былъ великолѣпенъ отъ радости и гордости и, весь сіяя золотымъ шитьемъ, гарцовалъ на конѣ. За нимъ слѣдовалъ озабоченный и серьезный маршалъ Ланнъ.

Гренадеры при его проѣздѣ кричали: «Да здравствуетъ императоръ!» Онъ отвѣчалъ на ихъ возгласы радушными поклонами, въ которыхъ можно такъ же было очень хорошо понять: «Императоръ васъ благодаритъ!» и «Императоръ будетъ доволенъ!».

Онъ замѣтилъ стоящаго передъ раскрытыми дверями Эксельмана. Храбрый офицеръ привѣтствовалъ его по-военному. Мюратъ направилъ къ нему лошадь.

— Командиръ, васъ видѣли цѣлый день атакующимъ,—сказалъ онъ громко, обращаясь къ Эксельману.—Я пріѣхалъ только, чтобы присутствовать при атакѣ карре. Маршалъ Ланнъ мнѣ сказалъ, что съ сегодняшняго утра вы рисковали двадцать разъ вашей жизнью. Зато вы будете имѣть честь увѣдомить о нашей побѣдѣ императора, доставивъ ему завоеванныя знамена.

Эксельманъ поблѣднѣлъ отъ гордости. Въ свою очередь Ланнъ вмѣсто привѣтственной рѣчи послалъ ему взглядъ, полный расположенія, и дружески пожалъ ему руку.

— Что вы тамъ дѣлаете?—спросилъ Мюратъ... Каково! вѣдь это мой маленькій другъ сегодняшняго утра... и мой оффенбургскій хозяинъ съ нимъ. Добрый день, господинъ Родекъ! Вы очень скоро уѣхали изъ дома, двѣ недѣли тому назадъ. Я не зналъ, что мнѣ придется имѣть удовольствіе найти васъ съ императорской арміей въ день побѣды!..

— Не всегда дѣлаешь, что хочешь!—проворчалъ старый шуанъ.

Но онъ былъ прерванъ появленіемъ Берты, вышедшей неожиданно изъ своего убѣжища. Она услышала мирный разговоръ, послѣдовавшій за сумятицей сраженія.

— Какъ! вы тоже, сударыня!.. — воскликнулъ, замѣтивъ ее, Мюратъ.

И, забывъ на минуту величіе своей роли, онъ сошелъ съ лошади, не дождавшись, чтобы взяли поводья. Всѣ были поражены, увидавъ, съ какой благосклонной поспѣшностью направился онъ къ граціозной незнакомкѣ, съ золотистыми волосами. Она стояла въ дверной рамѣ, какъ святое изображеніе материнства, такъ какъ нѣсколько испуганная Лизбетта прижалась къ ней.

Всѣ незамѣтно отодвинулись.

Мюратъ увлеченъ дѣйствительною радостью или инстинктивной симпатіей, соединившейся съ гордостью отъ мысли, что является побѣдителемъ передъ этой женщиной, выбранной имъ между всѣми за ея красоту, и онъ вступилъ на порогъ, протянувъ руку.

Но передъ нимъ выпрямился Родекъ съ серьезнымъ лицомъ и суровыми глазами. Казалось, имъ овладѣла упорная рѣшимость. Онъ сказалъ очень тихо, смотря на принца:

— Господинъ маршалъ, прошу извиненія; но здѣсь мѣсто убѣжища; прошу васъ не входить.

Удивленный Гансъ поднялъ голову на своего стараго друга. Берта поблѣднѣвъ отодвинулась въ глубину коридора. Мюратъ скрылъ подъ взрывомъ смѣха нарождающійся гнѣвъ и спросилъ:

— Что вы такое говорите, любезный?

— Я говорю, господинъ маршалъ, что, однажды, я честно принялъ нѣкоторыхъ гостей, но имѣлъ поводъ жаловаться на нихъ и поклялся передъ Богомъ не оказывать болѣе гостепріимства никому въ моемъ домѣ, пока мнѣ поручено блюсти души.

— Хорошо ли вы соображаете, что говорите? Знаете ли вы, что я могу васъ немедленно задержать, посадить въ тюрьму и занять ваше мѣсто здѣсь?

— Я знаю, что вы, маршалъ, властны меня погубить... Но я думалъ, что сраженіе окончено!

— Наконецъ отказываете ли вы мнѣ, мнѣ проникнуть въ этотъ домъ?

— Отказываю.

Эксельманъ сдѣлалъ шагъ впередъ и тихо сказалъ одно слово своему начальнику, который тотчасъ произнесъ, обращаясь къ Родеку:

— Вотъ этотъ офицеръ говоритъ, что въ тотъ самый моментъ, какъ я подъѣзжалъ къ деревнѣ, вы приглашали его войти къ себѣ. Такъ, значитъ, вы исключаете спеціально меня?

Родекъ, не говоря ни слова, склонилъ голову.

— Громъ и молнія!—сказалъ Мюратъ.

Въ своемъ негодованіи онъ повернулся, какъ бы приглашая офицеровъ быть свидѣтелями нанесеннаго ему оскорбленія и очевидно дозволяя имъ отмстить. Но онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что всѣ удалились. Ланнъ далъ открыто приказанія Удино, начальнику гренадеръ, сформировать и отправить колонны плѣнныхъ. Адъютанты и ординарцы того и другого маршала не охраняли болѣе двери, гдѣ начальникъ, узнанный отрядомъ, разговаривалъ съ знакомыми... Даже Эксельманъ удалился на нѣсколько шаговъ отъ него.

Съ этихъ поръ его тщеславіе было спасено, но не его гордость. Онъ перевелъ глаза на Родека и сказалъ ему съ тономъ царствующей особы:

— Не правда ли, это шутка, и вы сейчасъ же перестанете шутить?..

Въ отвѣтъ вандеецъ распростеръ обѣ руки въ ширину двери.

Но его обращеніе вдругъ измѣнилось, и Мюратъ увидѣлъ странную вещь. Гансъ, до сихъ поръ молча созерцавшій обоихъ противниковъ, внезапно сказалъ:

— Не съ ума ли ты сошелъ, Францъ? Что ты дѣлаешь?..

Его глаза устремились на глаза старика съ такой выразительностью и печальнымъ порицаніемъ, что его взглядъ стоилъ длинной рѣчи. Впечатлѣніе было поразительно. Какъ будто приказъ съ того свѣта достигъ его ушей, обѣ руки упали, и Родекъ отошелъ къ стѣнѣ.

Безъ сомнѣнія, ребенокъ думалъ выразить только свое удивленіе, при видѣ того, какъ обращаются съ человѣкомъ, къ которому еще наканунѣ онъ бѣгалъ искать помощи. Но старый слуга его отца совершенно иначе думалъ. По его мнѣнію, это было верховное рѣшеніе повелителя, заявленное однимъ словомъ, однимъ жестомъ. Это было отреченіе отъ всѣхъ злопамятствъ, забвеніе всѣхъ обидъ; это былъ приказъ предложить гостепріимство, хотя бы даже этому человѣку! Родекъ сказалъ себѣ: такова воля того, которому онъ далъ обѣтъ всегда повиноваться, и который мертвый имѣлъ еще глаза, чтобы смотрѣть на него, и голосъ, чтобы говорить съ нимъ.

Родекъ неподвижно стоялъ у стѣны, смотря съ безпокойнымъ и нѣжнымъ повиновеніемъ на маленькое существо, въ которомъ съ этихъ поръ жила душа его предковъ. Мюратъ живо успокоился и насмѣхаясь приписалъ недавнимъ волненіямъ осажденныхъ умственное замѣшательство, свидѣтелемъ котораго онъ былъ. Мюратъ переступилъ порогъ. Онъ прошелъ мимо хозяина, который даже не видѣлъ его.

Наконецъ, принцъ очутился въ присутствіи Берты.

Молодая женщина стояла передъ нимъ съ опущенными глазами, держа въ своихъ рукахъ руку Лизбетты.

— Такъ вы не хотѣли, сударыня, снова видѣть меня?—спросилъ Мюратъ тихо.

— Да, — отвѣтила она съ твердостью. — Да, господинъ маршалъ, я не хотѣла васъ снова видѣть. Честный другъ, который находится у двери, не посовѣтовался со мною, прежде чѣмъ отказалъ впустить васъ въ этотъ домъ; онъ не правъ, но если бы я знала, что вы должны прійти, я не осталась бы здѣсь.

Она подняла глаза и не волнуясь выдержала его взглядъ, которымъ онъ обнималъ ее, какъ бы лаская.

— Очевидно, говоря со мною такимъ образомъ, вы имѣете важные упреки? — сказалъ ей великій побѣдитель, съ ненарушимой увѣренностью въ себѣ самомъ.

— Простите меня, принцъ, — отвѣтила Берта;—но я озабочена единственно судьбою тѣхъ, кого люблю: моего мужа и моихъ дѣтей. Остальное на свѣтѣ не существуетъ для меня.

— Я знаю... Я знаю... Вы уже говорили мнѣ объ этомъ, и я никогда не позволялъ себѣ сомнѣваться въ этомъ. Поэтому я былъ печально удивленъ, когда, возвратившись вечеромъ въ жилище, гдѣ я оставилъ васъ наканунѣ, я не нашелъ васъ болѣе. Ваше

неожиданное отсутствіе дало мнѣ мысль, что ваше сердце немного измѣнилось.

— Напротивъ, — воскликнула живо Берта,—оттого я и удалилась, что оно не измѣнилось!..

Какъ только она такъ заговорила, краска покрыла ея щеки; она отвела глаза, но тотчасъ же снова произнесла съ печальной улыбкой.

— И я имѣла успѣхъ, господинъ маршалъ! Нѣсколько дней, проведенныхъ съ этими дѣтьми, было достаточно, чтобы разсѣять навсегда смятеніе, отъ котораго мнѣ пришлось бы краснѣть, если бы оно продолжалось долѣе. Но оно не оставило во мнѣ даже угрызенія, такъ какъ произвело впечатлѣніе только неожиданности.

— По крайней мѣрѣ, вы откровенны,—сказалъ Мюратъ съ нарождающейся досадой.

— А вы, принцъ, развѣ вы тоже не были откровенны?..

Онъ увидѣлъ въ этомъ вопросѣ, невинно заданномъ, причину, можетъ быть, надежды. Но въ присутствіи маленькой дѣвочки, которую Берта держала за руку, было невозможно сказать какія нибудь любезности или заговорить о любви... Какъ краснорѣчиво защищать свое дѣло въ двухъ шагахъ отъ этого мальчика и подозрительнаго старика, который, не слыша его словъ, могъ наблюдать за его жестами? Его затрудненіе было такъ замѣтно, что невольная веселость проснулась въ умѣ молодой женщины. Она отразилась на ея лицѣ, и въ звукѣ ея голоса былъ сдержанный смѣхъ, когда она добавила:

— Полноте, не мечтайте болѣе, принцъ! Не мечтайте болѣе никогда! Увѣряю васъ, въ моихъ глазахъ испортилось бы высокое мнѣніе, какое надо имѣть о человѣкѣ вашего положенія, если бы онъ сказалъ мнѣ, что серіозно думаетъ, хотя бы одну минуту, убѣдить меня въ своемъ уваженіи, давъ доказательство своего презрѣнія. Посмотрите мнѣ прямо въ глаза... Не правда ли, вы видите, что очарованіе нарушено? Клянусь вамъ, что оно не возродится. Ваша роль—предводительствовать солдатами: берегите ее! Моя—любить мужа и воспитывать этихъ двоихъ дѣтей: я ее сохраню!

Она глубокимъ поклономъ привѣтствовала намѣстника Наполеона и сдѣлала видъ, что удаляется.

— Знаете ли, что императоръ поручилъ мнѣ спасти жизнь вашего мужа?.. — сказалъ Мюратъ въ ту минуту, когда она хотѣла исчезнуть.

— Вамъ?.. Ему?.. Гдѣ же онъ?

— Развѣ вы не знаете?.. Я думалъ, что вашъ маленькій мальчикъ вамъ сказалъ!

Всѣ обернулись къ ребенку, лицо котораго было искажено ужаснымъ волненіемъ. Гансъ молча подошелъ къ своей пріемной матери, дѣлая видимыя усилія удержать готовыя брызнуть слезы.

— Простите меня, мама Берта!—сказалъ онъ наконецъ.—Я не разсказалъ тебѣ, что видѣлъ папу Карла сегодня ночью, когда бѣжалъ. Я боялся огорчить тебя, разсказавъ о томъ. Кромѣ того, не правда ли, это ни къ чему не ведетъ, такъ какъ императоръ послалъ солдатъ, чтобы его освободить! Онъ былъ арестованъ, когда я видѣлъ его тамъ, у рѣки... Я прикинулся, будто не знаю его, въ ту минуту, когда меня привели къ нему, такъ какъ онъ далъ мнѣ понять, что съ нимъ жестоко поступятъ, если я узнаю его...

— Такъ онъ съ тобой говорилъ?—спросила Берта сдавленнымъ отъ слезъ голосомъ.

— Въ концѣ онъ говорилъ со мною! Но сначала онъ на меня смотрѣлъ... И если бы ты знала, мама Берта, какіе у него были добрые глаза!.. Онъ былъ совершенно успокоенъ. У него было очень веселое лицо. О! онъ совсѣмъ не боялся... Только, когда я видѣлъ императора Наполеона послѣ того,—потому что господинъ принцъ Мюратъ проводилъ меня въ домъ, гдѣ онъ былъ,—тогда я попросилъ, чтобы все-таки помѣшали австрійцамъ удерживать отца. Не правда ли, досадно, что онъ съ ними, а не съ нами? И императоръ мнѣ обѣщалъ, потрепавъ меня по плечу.

Берта сдавливала рыданья, чтобы до конца дослушать разсказъ Ганса. Когда онъ окончилъ, она страстно прижала его къ себѣ и, посмотрѣвъ на Мюрата, сказала:

— Такъ какъ же? Отъ васъ зависитъ, маршалъ, вернуть его мнѣ, что же вы сдѣлали для исполненія приказа императора?

— Я исполнилъ свой долгъ, сударыня, весь свой долгъ. Клянусь честью солдата и..

— Такъ вы знаете, гдѣ мой отецъ?..—прервалъ его голосъ Ганса.

Другой на мѣстѣ Мюрата былъ бы въ затрудненіи отъ такого точнаго вопроса. Онъ же нисколько не смутился.

— Подождите!—сказалъ онъ.

Повернувъ къ двери, онъ позвалъ:

— Командиръ Эксельманъ! Войдите, пожалуйста, и скажите, ничего отъ насъ не скрывая, что вы узнали сегодня относительно узника, относительно тайнаго агента императора, по имени Шульмейстера, котораго я поручилъ вамъ разыскать... Вы знаете? Увы, я опасаюсь, что немного вы скажете намъ о немъ.

— Простите меня, маршалъ,—отвѣтилъ Эксельманъ.—Я узналъ, что этотъ агентъ былъ отправленъ въ Гогенрейхенъ и запертъ въ этомъ селеніи, подъ хорошимъ надзоромъ. Между нашими плѣнными есть люди, которые смотрятъ на него, какъ на дьявола во плоти, такъ какъ онъ нашелъ возможность убѣжать отъ нихъ сегодня утромъ, чуть свѣтъ, снявъ съ одного изъ нихъ мундиръ. Съ этихъ поръ невозможно знать, что сталось съ нимъ.

— Вы увѣрены въ томъ, о чемъ докладываете?

— Безъ всякаго сомнѣнія, маршалъ: я спрашивалъ самъ его караульныхъ, и я поднялъ—именно, это самое подходящее слово—часового мертвецки пьянаго, у котораго Шульмейстеръ, уходя, унесъ мундиръ и оружіе.

Гансъ захлопалъ въ ладоши и съ восторгомъ подпрыгнулъ отъ радости.

— Я зналъ прекрасно, что онъ убѣжитъ! — воскликнулъ онъ.

— Но не было ли ему необходимымъ, выходя изъ Гогенрейхена, пройти черезъ страну, гдѣ находились большія непріятельскія силы, и дороги были заняты ими?—спросилъ Мюратъ, обращаясь къ офицеру.

— Конечно, господинъ маршалъ. Но ничего не должно быть невозможнаго на свободѣ для такого молодца, способнаго убѣжать изъ темницы, которую я видѣлъ.

— Такъ вотъ, сударыня, мои извѣстія,—сказалъ Мюратъ, оборачиваясь къ Бертѣ.—Находите ли вы теперь, что хорошо исполнили желаніе императора?

— Да!.. да!.. — отвѣтила она.—Безъ сомнѣнія, мой мужъ свободенъ...

И она прибавила едва слышно:

— Но живъ ли онъ?

— Прекрасно, командиръ, благодарю васъ, — сказалъ Мюратъ Эксельману, не имѣя возможности сдержать нетерпѣливое движеніе.

Онъ сказалъ себѣ: «Вотъ требовательная женщина, плохо оцѣнившая наши заслуги».

Но какъ бы Мюратъ ни былъ фатоватъ, онъ очевидно угадалъ, что двойной престижъ его могущества и его особы пересталъ дѣйствовать на эту неутѣшную супругу, въ которой онъ тщетно старался пробудить нѣмой восторгъ.

Кромѣ того, это болѣе не было, какъ въ Оффенбургѣ. Теперь она являлась, окруженная ребятами. Здѣсь не стоило болѣе искать побѣды, такъ какъ къ ней присоединилась цѣлая семья. Онъ искалъ теперь благопріятный и достойный случай, когда обстоятельства, или, скорѣе, логическія послѣдствія событій представятъ ему возможность прилично удалиться.

На порогѣ появился Ланнъ. Прекрасное, энергичное и прямодушное лицо Роланда арміи произвело тотчасъ же привычное впечатлѣніе, то-есть внушительный ростъ Мюрата казался вульгарнымъ, и роскошь его перьевъ становилась смѣшною. Около высокомѣрнаго богатыря стоялъ простой безукоризненный начальникъ. Этотъ истинный герой носилъ одежду для сраженія, а тотъ фатоватый покоритель сердецъ парадный костюмъ. Съ одной стороны была война, съ другой представленіе.

— Я думаю, что мы теряемъ время, принцъ,—сказалъ Ланнъ, учтиво дотрогиваясь рукою до своей большой треуголки.—Во вся-

комъ случаѣ, если вы намѣрены остановиться здѣсь, то, кажется, мнѣ необходимо продолжать путь. Мой первый дивизіонъ долженъ быть уже далеко отсюда, и я не хотѣлъ бы допустить его итти далѣе безъ готовой поддержки.

— Безъ сомнѣнія!... Безъ сомнѣнія!...—отвѣтилъ Мюратъ.—Отправляйтесь, дорогой маршалъ, я считалъ васъ уже уѣхавшимъ.

— Отправиться? Не предупредивъ васъ?...

— Это только разговоръ! Но развѣ не было рѣшено, что вы будете дѣйствовать, не обращая вниманія на меня?... Впрочемъ, будьте спокойны, я также отправляюсь.

— Сударыня, привѣтствую васъ! — сказалъ только Ланнъ въ отвѣтъ.

Онъ потрепалъ ребенка по щекѣ, слегка хлопнулъ его ладонью и вышелъ, не прибавивъ ни слова.

Онъ былъ взбѣшенъ.

IX.

Въ послѣднюю минуту разставанья съ Бертой къ Мюрату вернулось настолько его обычное хорошее расположеніе духа, что онъ могъ вѣжливо распроститься съ простой и гордой, честной женщиной. Очевидно, его счастіе побѣдителя измѣнило ему относительно ея.

— Зачѣмъ же намъ возвращаться теперь въ Ульмъ, разъ тамъ нѣтъ болѣе Шульмейстера?

Такимъ вопросомъ обмѣнялись Берта съ Родекомъ, лишь только остались одни съ дѣтьми.

Но если туда не ѣхать, то гдѣ же поселиться до тѣхъ поръ, пока событія примутъ положительный оборотъ? Францъ былъ близокъ къ тому, чтобы посовѣтовать просто возвратиться въ Оффенбургъ. Молодая женщина склонялась къ тому, чтобы не покидать Вертингена, гдѣ, по крайней мѣрѣ, они будутъ имѣть извѣстія. Хотя совѣта Ганса не спрашивали, но онъ осмѣлился высказать свое мнѣніе.

— Почему, мама Берта, не слѣдовать за солдатами, если мы увѣрены, что отецъ пойдетъ въ ихъ сторону?

Пока эти три партіи колебались рѣшеніемъ, послышались стуки въ дверь. Ихъ звукъ былъ страненъ и выразителенъ въ безмолвной тишинѣ, послѣдовавшей за недавней сумятицей.

Родекъ направился къ входу. Только что онъ открылъ дверь, какъ раздался его гнѣвный голосъ.

— Вы! Это вы? Какъ смѣете вы появляться здѣсь?

На кого это онъ такъ кричитъ? Кто тамъ такой?

Гансъ быстро пошелъ къ коридору и не успѣлъ окинуть глазами личности, съ которой разговаривалъ его старый другъ, какъ выразилъ ей порывъ радости.

— Позволь ей войти, мой добрый Францъ,—сказалъ онъ.—Если бы ты зналъ!... Это она меня спасла... Это она схватила за горло человѣка, который хотѣлъ разстрѣлять отца Карла. Она удерживала этого человѣка въ то время, какъ я бѣжалъ изо всѣхъ силъ отъ него. И знаешь ли: у него была сабля, а она только руками боролась съ нимъ. О, позволь ей войти!... Идите, идите, г-жа Доротея, пусть мама Берта васъ поблагодаритъ.

Еще разъ Родекъ повиновался своему молодому господину, но положительно онъ ничего болѣе не понимаетъ! Теперь она спасла Шульмейстера и Ганса послѣ того, какъ выдала цѣлую семью, употребивъ во зло ихъ гостепріимство. Боже мой, что же все это означаетъ?..

Блѣдная, растрепанная Доротея дала себя отвести за руку ребенку въ комнату, гдѣ она провела нѣсколько часовъ послѣдней ночи... Она снова увидѣла вокругъ себя предметы, которые такъ недавно бросились ей глаза, и, казалось, была поражена ужасомъ отъ того, что они напоминали ей.

Когда она очутилась передъ Бертой, смотрѣвшей на нее съ удивленіемъ, но безъ ненависти, то вмѣсто того, чтобы сѣсть на стулъ, который Гансъ подвинулъ ей, она упала на колѣни передъ Бертой. Она оставалась въ такомъ положеніи, измученная, унылая, охваченная ужасомъ, какъ трагическая фигура, раскаявшаяся въ преступленіи.

— Не правда ли, сударыня, вы меня узнали?—сказала она наконецъ хриплымъ голосомъ.—Впрочемъ, вашъ сынъ узналъ меня, а также другъ вашего мужа, который не хотѣлъ меня впустить... Увѣряю васъ, онъ неправъ! Я не злая женщина, я только бѣдная дѣвушка. Надо, чтобы я вамъ сказала, для чего пришла. Сначала я не хотѣла; но я хорошо раздумала: иначе сдѣлать нельзя. Умоляю васъ, выслушайте меня, такъ какъ мнѣ очень трудно говорить. Я знаю прекрасно, о чемъ васъ должна извѣстить, но я такъ слаба, такъ слаба! Это потому, что я много ходила послѣднюю ночь, а также, я думаю, потому, что ничего не ѣла...

— Возможно ли! — воскликнула Берта. — Гансъ, сейчасъ же сходи...

— Нѣтъ, сударыня, нѣтъ, благодарю васъ, я не буду въ состояніи, я не захочу ѣсть. Выслушайте только меня, умоляю васъ! Только этой милости прошу у васъ...

— Но, добрый Родекъ, посмотрите на нее!—возразила Берта.— Увѣряю васъ, несчастная сейчасъ потеряетъ чувства отъ голода.

— Выслушайте!—сказала Доротея, на половину выпрямляясь, какъ бы въ доказательство, что она еще сильна.—Я не могу терять мгновенія. Мнѣ поручено господиномъ Карломъ Шульмейстеромъ... Вѣдь вы его жена, не правда ли?

— Да, да!..—отвѣтила Берта, забывъ на мгновеніе жалость къ

несчастной, находившейся передъ нею.—Да скажите скорѣе! Вы видѣли его?

— Я его видѣла!.. На немъ былъ мундиръ нѣмецкихъ гренадеръ. Ружье онъ бросилъ, чтобы скорѣе бѣжать, какъ онъ мнѣ сказалъ... Онъ меня увидѣлъ лежащей на землѣ, на которую я упала, изнемогая отъ усталости... Онъ узналъ меня, — надо вамъ сказать, что я его встрѣтила случайно въ Ульмѣ... Тогда онъ сжалился надо мною и помогъ подняться. Онъ далъ мнѣ выпить немного водки, находящейся въ его фляжкѣ... Я сказала ему, гдѣ вы были съ вашими дѣтьми, и что я видѣла васъ. Вѣроятно, онъ уже объ этомъ зналъ, потому что не былъ удивленъ. Онъ очень хотѣлъ бы прійти сейчасъ же къ вамъ, но это было невозможно, потому что сзади его находились солдаты... Онъ раздумалъ и вотъ что рѣшилъ, поручивъ мнѣ сообщить вамъ...

На этомъ Доротея принуждена была прервать разсказъ: кто-то ее дернулъ слегка за рукавъ. Она повернула голову и увидѣла маленькую Лизбетту, которая, раскраснѣвшись, протягивала ей кусочекъ хлѣба, въ три пальца ширины: остатокъ тартинки, хранившейся для нея.

На глазахъ бѣдной дѣвушки показались слезы. Доротея, ничего не сказавъ, сдѣлала движеніе головой, и блѣдная улыбка обрисовалась на ея губахъ; она выразила ея благодарность. Но Доротея не съѣла хлѣба, она держала нѣжный подарокъ маленькаго созданія въ ладони руки съ благоговѣйной жадностью, какая бываетъ у религіозныхъ женщинъ, когда онѣ получаютъ кусочекъ просфоры.

При видѣ, какъ этотъ маленькій ребенокъ смотритъ на нее милостиво, къ Доротеѣ возвратилось мужество. Ею внезапно овладѣло безконечное желаніе еще болѣе жертвовать собою и навсегда, не только ради человѣка, оказавшаго ей добро, но также для счастья тѣхъ, кто былъ близокъ къ ея герою, и которыхъ она сначала инстинктивно ненавидѣла.

— Господинъ Шульмейстеръ,—снова заговорила она,—объяснилъ мнѣ, что его миссія обязываетъ его, какъ можно скорѣе отправиться въ одну деревню, называемую Эльшингенъ; она находится невдалекѣ отсюда...

— Эльшингенъ!.. Да, правда: это названіе находилось въ письмѣ, которое я передалъ императору...

Вмѣшательство маленькаго мальчика вызвало на губахъ Доротеи еще разъ улыбку восторга и нѣжности. Она продолжала довѣрчивѣе, чувствуя, что лучше понята:

— Онъ мнѣ сказалъ: «Не успокоите ли вы мою дорогую жену относительно моей судьбы, такъ какъ она совершила безуміе, слѣдуя за мною...—простите меня, сударыня, но вашъ мужъ сказалъ эти слова...—не увѣдомите ли ее, что она найдетъ меня тамъ? Она будетъ въ большей безопасности въ этой сторонѣ, чѣмъ гдѣ мы

находимся. Безъ сомнѣнія, тамъ менѣе сражаются!»... Тогда я отправилась сюда, и если вы хотите, сударыня, я провожу васъ и малютокъ въ Эльшингенъ.

При этомъ предложеніи въ ея голосѣ была слышна мольба. Смиренная и трогательная, она вымаливала, какъ единственную милостыню, которой она достойна,—позволеніе быть преданной.

Ея лицо озарилось радостью, когда она увидѣла, какъ Берта встала, чтобы подойти къ ней, и ея глаза наполнились слезами, когда молодая жена Шульмейстера протянула къ ней руку, чтобы ее поднять... Она едва не сошла съ ума отъ счастья, когда слѣдующія слова достигли до ея ушей, въ которыхъ зашумѣла кровь большими звучными волнами:

— Благодарю за ваше предложеніе! Я отъ всего сердца его принимаю, и мы тотчасъ отправимся . . . .

. . . .

Такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ спѣшили развязкой длинной и ученой комбинаціи, завязавшейся вокругъ эпизода войны.

Благодаря содѣйствію подчиненныхъ и случайнымъ событіямъ, Наполеонъ могъ продолжать, насколько возможно долго, геніальный обманъ. Теперь обнаружилось съ одной стороны нападеніе, а съ другой исчезновеніе иллюзій австрійскихъ генераловъ.

Потоки вооруженныхъ людей, идущихъ одни подлѣ другихъ или другъ противъ друга, распространялись по дорогамъ. Наконецъ въ Ульмѣ всполошились и, не видя еще совершенно ясно причинъ движенія непріятеля, поняли, однако, что происходитъ нѣчто странное... Когда догадались сравнить событія и свѣдѣнія, розсказни шпіона и событія войны, то ничто не согласовалось между собою. Изъ предосторожности слѣдовало бы направить нѣсколько дивизій къ пунктамъ прохода, гдѣ должно было бы послѣдовать отступленіе, въ случаѣ неудачи въ арміи.

Ежедневно отправляли новые полки на эту охранительную линію, ставшую въ дѣйствительности настоящей боевой линіей. Эти полки повсюду сталкивались съ силами, превосходящими ихъ количествомъ, или, по крайней мѣрѣ, настолько доблестными и счастливыми, что приходилось безъ остановки отступать передъ ними.

Безповоротно потерянное время не возвратилось; куда ни шли австрійскія войска, всюду были опережены. 11-го октября въ Гаслахѣ даже случилась для генерала Мака стычка.

Въ этотъ день двадцать пять тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ эрцгерцога Фердинанда очутились въ присутствіи шести тысячъ французовъ, подъ командою генерала Дюпона, изъ корпуса Нея, одинако покинутыхъ на лѣвомъ берегу рѣки, безъ возможной помощи товарищей. Малѣйшая атака, которую австрійцы провели бы посеріознѣе, могла опрокинуть ихъ въ Дунай. Однако произошло противное. Вмѣсто того, чтобы допустить атаковать себя,

Дюпонъ атаковалъ самъ. Онъ захватывалъ по нѣскольку разъ деревни и лѣса, которые у него оспаривали, маневрировалъ, атаковалъ, отступалъ, возвращался. Все это онъ продѣлывалъ такъ счастливо, что къ концу дня остался побѣдителемъ и увелъ съ собою пять тысячъ плѣнныхъ: почти столько же, сколько у него осталось солдатъ.

Однако храбрый Дюпонъ утромъ 12 числа не занималъ болѣе той же позиціи. Онъ благоразумно рѣшилъ, что безполезно подвергаться вторично неравномѣрному сраженію. Объ этомъ извѣстили Мака. Послѣдній наконецъ уступилъ совѣтамъ своихъ болѣе прозорливыхъ генераловъ, принялъ мѣры, чтобы воспользоваться ошибкою Мюрата, оставившаго одну дорогу открытою.

Онъ послалъ генерала Ризе силою занять мѣстечко и монастырь Эльшингенъ. Тамъ скрывались уже два дня всѣ жители округа, испуганные столькими сраженіями, которыя происходили на ихъ глазахъ, и множествомъ битвъ, еще предстоявшихъ впереди. Онъ поставилъ въ оборонительное положеніе подходы къ этимъ громаднымъ высотамъ, откуда можно было легко достигнуть равнины Михельсберга и оттуда повелѣвать Ульмомъ. Онъ разрушилъ деревянный мостъ на сваяхъ, перекинутый черезъ Дунай. Этотъ мостъ служилъ французамъ единственнымъ путемъ, гдѣ они могли обезпечить себѣ переходъ. Тщательно сдѣлавъ эти приготовленія, генералъ Ризе отдалъ приказаніе своимъ офицерамъ выбрать лучшихъ стрѣлковъ въ соотвѣтствующихъ корпусахъ. Вскорѣ линія ловкихъ стрѣлковъ протянулась по берегу, надъ которымъ они господствовали, тогда какъ орудія служили имъ подкрѣпленіемъ.

Затѣмъ стали выжидать.

X.

Едва возвратившись изъ Аугсбурга, Наполеонъ приказалъ дать себѣ отчетъ о положеніи, созданномъ маневрами Мюрата. Онъ тотчасъ увидѣлъ, что по ошибкѣ его зятя порвано было одно звено въ цѣпи, которая окружала непріятеля. Онъ сказалъ только два слова:

— Это нелѣпо!

Затѣмъ, не теряя времени на безполезные выговоры, изобрѣтательный умъ Наполеона сталъ искать средство исправить его испорченный планъ. Для достиженія цѣли въ его распоряженіи не было болѣе моста, надо было создать таковой.

— Или передѣлать мостъ, государь!—сказалъ Ней.

— Какой?

— Тотъ, который находится передъ нами и плохо разрушенъ.

— Вы называете это, маршалъ, плохо разрушеннымъ?

— А то какъ же! Ваше величество прекрасно видитъ, что отъ него остались сваи.

Императоръ повернулся къ Нею, посмотрѣлъ ему пристально въ глаза и улыбнулся. Ней покраснѣлъ.

— Если вы это сдѣлаете, то я скажу, что положительно нѣтъ на свѣтѣ человѣка, равнаго вамъ.

Затѣмъ, хлопнувъ его дружески по плечу, прибавилъ:

— Говорятъ, что если возьмемъ Эльшингенъ, то Ульмъ будетъ нашъ. Хорошо, идите, мой другъ, брать Эльшингенъ; если вы мнѣ дадите его, то я вамъ дамъ несравненное ни съ чѣмъ герцогство.

Ней гордо выпрямился во весь ростъ и, сбросивъ свой тяжелый, походный плащъ, предсталъ передъ солдатами въ полной парадной формѣ французскаго маршала, со всѣми орденами.

Онъ всталъ во главѣ войска и отдалъ необходимый приказъ, чтобы переходъ совершился въ порядкѣ, какъ только будетъ исправленъ мостъ. Затѣмъ онъ указалъ на инженеровъ, которые должны были итти первыми, и такъ какъ среди другихъ офицеровъ раздался ропотъ, то онъ весело воскликнулъ:

— Успокойтесь! Для всѣхъ будетъ работа.

Послѣ этого онъ спокойно приблизился къ берегу рѣки.

Тотчасъ началась усиленная перестрѣлка.

Наполеонъ былъ нѣсколько удивленъ видя, какъ его храбрый маршалъ взялъ такимъ образомъ быка за рога и даже не далъ себѣ труда предпринять какой нибудь маневръ для обмана непріятеля относительно истинныхъ его намѣреній. Поэтому онъ выказывалъ замѣтное безпокойство.

Ней только что потерялъ нѣкоторыхъ изъ своихъ авангардныхъ піонеровъ въ тотъ моментъ, когда они показались вокругъ первыхъ свай, на берегу Дуная. Повернувшись, чтобы позвать другихъ, онъ увидѣлъ императора, издали посылавшаго къ нему своего ординарца.

Неужели ему будутъ указывать, какъ поступать? Развѣ его не могли оставить дѣйствовать по своей волѣ?

Онъ тотчасъ же остановилъ всѣ дѣйствія; понтонеры-саперы выстроились, какъ могли. Онъ поскакалъ на встрѣчу императору, взбѣшенный и ожидая урагана.

По дорогѣ Ней встрѣтилъ посланнаго къ нему адъютанта.

— Приказъ императора? — сказалъ онъ, останавливая лошадь.

— Да, господинъ маршалъ.

— Хорошо!

И, ничего болѣе не спрашивая, онъ снова пустился галопомъ, оставивъ офицера очень недовольнымъ.

Перваго, кого увидѣлъ маршалъ, былъ Мюратъ среди пестрой группы, къ которой онъ направлялся. По мѣрѣ того, какъ выдѣлялся среди другихъ этотъ ненавистный для него силуэтъ, онъ чувствовалъ, какъ въ немъ все болѣе и болѣе просыпалось воспоминаніе о недавнемъ оскорбленіи. Его гнѣвъ, который не могъ

ничѣмъ выразиться противъ фатоватаго соперника, росъ съ каждымъ шагомъ лошади. Мюратъ, ошибки котораго теперь приходилось исправлять, казалось, находилъ удовольствіе смотрѣть на опасность, созданную его неловкостью.

Когда онъ достигъ подножія пригорка, на которомъ стоялъ Наполеонъ, немного впереди своихъ маршаловъ и своего эскорта, онъ созрѣлъ для вспышки гнѣва. Тотъ, кто его зналъ, могъ опасаться послѣдствій.

— Почему явились вы, маршалъ?—закричалъ ему Наполеонъ, лишь только его голосъ могъ достичь Нея.

— Такъ какъ я видѣлъ, что ваше величество находитъ мои дѣйствія неудовлетворительными,—отвѣчалъ онъ.—Но такова моя манера, когда, по ошибкѣ сосѣда, нѣтъ другого средства, чтобы выйти изъ затрудненія, какъ дать себя убить, чтобы двинуть впередъ армію.

— Полно! полно!.. маршалъ, я не хотѣлъ васъ останавливать, а только предупредить. Я не хочу, чтобы васъ убивали, вы слишкомъ мнѣ необходимы.

Ней находился теперь въ трехъ шагахъ отъ императора. Онъ неподвижно стоялъ передъ нимъ, не сходя съ лошади и очевидно разгнѣванный.

— Согласно съ линіей огня, находящейся передъ вами,—сказалъ Наполеонъ,—я опредѣляю численность, которая у васъ оспариваетъ проходъ, по меньшей мѣрѣ, въ восемнадцать тысячъ человѣкъ, не считая резервовъ, находящихся на Михельсбергѣ. Они должны достигать сорока тысячъ человѣкъ.

— Такъ что же, государь?

— Достаточно ли у васъ саперовъ-понтонеровъ?

— Думаю, что да; но если мнѣ не хватитъ ихъ, то я замѣню ихъ гренадерами.

— А если убьютъ вашихъ гренадеръ?

— У меня есть драгуны.

— Кавалеристы! Въ водѣ?—неосторожно перебилъ его Мюратъ.

— Да, принцъ,—прогремѣлъ гнѣвный голосъ Нея.—Надо бросить въ рѣку солдатъ, когда ихъ начальники не сумѣли удержать моста. Я не изъ тѣхъ, которые забавляются, нося перья, чтобы скакать по дорогамъ! Когда я ношу мои кресты, какъ сегодня, то для того, чтобы стрѣляли въ нихъ. Все-таки нѣсколькими пулями, посылаемыми моимъ солдатамъ, будетъ меньше!.. Затѣмъ довольно ужъ...

Совершенно блѣдный онъ смѣло устремилъ глаза на нахмуренное лицо своего повелителя, слушавшаго эту рѣчь:

— Ваше величество приказываетъ ли мнѣ остановиться и возвратиться назадъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, маршалъ! Я приказываю вамъ дѣлать, какъ вы найдете лучше.

— Благодарю!—сказалъ Ней.

Затѣмъ онъ пришпорилъ лошадь, которая однимъ скачкомъ очутилась около Мюрата. Онъ наклонился на своемъ сѣдлѣ, схватилъ за руку зятя императора при всѣхъ генералахъ, адъютантахъ эскортѣ и воскликнулъ:

— Придите взглянуть, принцъ! Придите, если сердце вамъ подсказываетъ. Вы увидите, какъ маршалъ Ней дѣлаетъ свои планы передъ лицомъ непріятеля!..

Онъ замолчалъ и ожидалъ.

Ужасъ пронесся надъ всѣми головами.

Какъ! Подобный вызовъ въ присутствіи государя?..

Императорское высочество, схваченное за руку, оскорбленное, угрожаемое, почти получившее ударъ публично отъ одного изъ начальниковъ арміи!

Мюратъ, въ храбрости котораго никто не могъ сомнѣваться, поблѣднѣлъ, какъ смерть. Онъ повернулъ машинально глаза къ императору. Это движеніе выражало одинаково требованіе, чтобы императоръ разрѣшилъ вынуть шпагу, и просьбу отмстить за него, жестоко наказавъ Нея.

Наполеонъ, съ своей стороны, поднялъ руку, какъ бы запрещая отвѣчать; затѣмъ онъ сказалъ Нею твердымъ голосомъ, но не гнѣвнымъ:

— Храбрые люди, какъ вы, мстятъ врагамъ за сдѣланныя имъ несправедливости. Дѣйствуйте, какъ вамъ кажется лучше, маршалъ, и дѣйствуйте одинъ. Я смотрю на васъ.

Ней низко поклонился императору. Съ радостной душою, какъ будто онъ извѣдалъ что нибудь невозможное и безумное, онъ поскакалъ во весь духъ въ сопровожденіи своихъ офицеровъ, чтобы настичь своихъ солдатъ и врага.

Вотъ какое героическое, удивительное зрѣлище могли созерцать тогда императоръ, Ланнъ, Мюратъ и другіе.

Разрушенныя сваи моста выходили попарно изъ рѣки, которая въ этомъ мѣстѣ едва достигала шестидесяти метровъ ширины. Надо было перекинуть съ одной сваи на другую дубовыя балки, довольно длинныя и толстыя, чтобы устроить временной мостъ, черезъ который могли бы пройти войска съ оружіемъ и пушками.

Матеріалъ, необходимый для инженеровъ, былъ собранъ близъ рѣки, позади земляного вала, который защищалъ ихъ отъ непріятельскаго огня.

Прибывъ на крутой берегъ, немного впереди свай, Ней закричалъ:

— Офицера и сержанта, чтобы дать примѣръ!

Множество лицъ обоихъ чиновъ предстало передъ нимъ.

Онъ выбралъ капитана Куазеля и унтеръ-офицера, имя котораго до насъ не достигло.

— Идите!—сказалъ имъ Ней.

И онъ, подталкивая лошадь, вошелъ въ Дунай настолько, что вода смочила его стремена. Пули сыпались вокругъ него. Онѣ продырявливали водную поверхность и обдавали ее страннымъ розоватымъ цвѣтомъ. Въ дѣло вмѣшались пушки и посылали ему залпы картечи, рѣзавшей дикій тёрнъ и заставлявшей подпрыгивать глыбы земли позади него.

Тогда увидѣли, какъ капитанъ и унтеръ-офицеръ направились къ берегу и приблизились къ первому пролету моста, неся за два конца длинную доску, чтобы перекинуть ее съ одной сваи на другую. Среди страшнаго грохота, который разразился при этомъ появленіи, одинъ изъ двоихъ людей, тотъ, который шелъ вторымъ, унтеръ-офицеръ, вдругъ грохнулся съ раздробленнымъ бедромъ.

Его замѣнилъ другой, потомъ еще другой; наконецъ доска была положена.

Ней, не перемѣняя мѣста, отдавалъ приказанія. Онъ служилъ для нѣмецкихъ стрѣлковъ соблазнительной мишенью, какую представлялъ въ водѣ его блестящій мундиръ, вышитый золотомъ. Такъ какъ храбрость заразительна, то число приверженцевъ увеличивалось вокругъ него. Это былъ цѣлый человѣческій муравейникъ среди груды дерева, лежащаго на сваяхъ, приходившій и уходившій, чтобы снова сложить разрушенную настилку моста.

Но пришелъ моментъ, когда саперы, вскарабкиваясь на главный пролетъ, не могли болѣе получать доски, приносимыя съ рѣки. Прежде люди, спустившіеся въ русло рѣки, успѣшно поднимая надъ головами доски, передавали ихъ въ руки товарищей. Теперь глубина рѣки противилась этому.

Выстрѣлы, доходящіе до безумія, безпрестанно раздавались. Уже было потеряно множество храбрецовъ.

Какъ быть?

Ней искалъ средство, чтобы окончить работу и продолжить мостъ до праваго берега. Вдругъ онъ съ удивленіемъ увидѣлъ, какъ тяжелая доска шла со стороны верховья рѣки, слѣдуя по ея теченію. Она направлялась одна, какъ бы могучая рука подталкивала ее къ сваямъ, которыя было трудно достичь. Его люди видѣли это такъ же, какъ и онъ, и когда она была отъ нихъ на разстояніи ружейнаго выстрѣла, они зацѣпили багромъ, подняли и положили въ ряду съ другими.

Едва они успѣли ее положить, какъ новая плывущая балка шла къ нимъ съ той же стороны, направляемая съ такою же ловкостью. Затѣмъ послѣдовала еще одна, третья...

Можно было подумать, что какой нибудь способный офицеръ подъ начальствомъ маршала придумалъ этотъ маневръ и воспользовался даже теченіемъ Дуная, какъ сотрудникомъ и сообщникомъ. Но нѣтъ! рѣка образовала локоть въ своихъ верховьяхъ и для

того, чтобы брошенный въ теченіе рѣки предметъ могъ достичь моста, слѣдовало кинуть его съ другого берега рѣки, занятаго австрійской арміей...

Кто же былъ на той сторонѣ союзникомъ?

Вскорѣ его узнали. Непріятель также замѣтилъ неожиданную и рѣшительную помощь, оказываемую французскимъ рабочимъ неизвѣстнымъ сотрудникомъ. Часть его стрѣлковъ тотчасъ засыпала пулями ту точку, откуда отправлялись балки. Тогда увидѣли человѣка съ рыжими волосами, какъ Ней. Это былъ ни офицеръ ни даже солдатъ, такъ какъ на его плечахъ виднѣлась бѣлая рубашка, и на животъ были надѣты коричневые штаны. Онъ покинулъ берегъ, гдѣ скрывался, стоя на трехъ связанныхъ доскахъ, и отдалъ себя въ распоряженіе теченія. Съ одной стороны произошелъ ураганъ криковъ энтузіазма, съ другой удвоились ружейные выстрѣлы, направленные на неизвѣстнаго героя.

Послѣдній, съ скрещенными на груди руками, обнаженной шеей, развѣвающимися по вѣтру волосами, гордо смотрѣлъ на покинутый берегъ, какъ бы пренебрегая его защитниками.

Вдругъ онъ отступилъ и упалъ на колѣни: пуля ударила его въ лобъ... Но она лишь широко порвала кожу на лбу, и сильный ударъ ошеломилъ его на минуту. Онъ обтеръ отворотомъ рукава кровь, ослѣпившую его, и былъ въ силахъ зацѣпиться по дорогѣ за сваю, гдѣ ожидали его французскіе солдаты.

— По правдѣ, сказалъ одинъ саперъ, указывая сосѣдямъ на маршала и незнакомца,—если намъ удастся окончить мостъ, мы можемъ его окрестить «Мостомъ двухъ рыжихъ»!..

Мостъ окончили. Какъ только оба берега Дуная соединились этимъ временнымъ сооруженіемъ, каждая балка котораго была окрещена кровью, и каждая рана, сдѣланная дереву гвоздемъ, означала рану, сдѣланную людямъ пулями, непреодолимая волна пѣхотинцевъ кинулась черезъ открытый проходъ.

Сначала была не большая суматоха, и непріятель могъ думать, что онъ все-таки овладѣетъ мостомъ, такъ какъ всѣ отряды разомъ хотѣли сражаться, всѣ оружія вошли въ линію, и французскіе начальники съ трудомъ выстроили эшелонами самоотверженныхъ и привели въ порядокъ храбрыхъ. Картечь нашла себѣ хорошую игру, проникая въ компактную массу нападающихъ, гдѣ каждая частичка свинца дырявила человѣческую грудь.

Такъ что же! Онъ все-таки остался неприкосновеннымъ. Мало-по-малу убавившіяся роты, раскрошившіеся батальоны, остатки полковъ, хорошіе остатки достигли другого берега. Все это весело взбиралось на приступъ. И черезъ брешь, наконецъ открытую въ послѣдней защитѣ укрѣпленнаго лагеря, великая армія ринулась мало-по-малу.

Холмы были взяты, затѣмъ деревни и наконецъ монастырь.

И когда корпусъ Нея, снова сгруппировавшійся подъ руководствомъ своего начальника, завладѣлъ вершиной, то увидѣлъ передъ собою плоскогорье долины Михельсберга, а тамъ едва въ двухъ верстахъ городъ, къ которому въ продолженіе нѣсколькихъ дней стремилось столько геніальныхъ усилій.

Шульмейстеръ, «другой рыжій», послѣ того, какъ увидѣлъ мостъ возстановленнымъ до конца, благодаря ему, поднявъ съ-земли ружье, патронташъ и штыкъ, одинъ изъ первыхъ атаковалъ. Онъ болѣе ничего не требовалъ, какъ чувствовать себя преображеннымъ въ солдата. Всѣ восторгались его смѣлостью и завидовали ловкости. Передовые гренадеры признали Шульмейстера своимъ, не зная его вовсе, искали его глазами среди дыма, звали его, слѣдовали за нимъ и усиливались опередить его.

Внезапно они перестали его видѣть.

На тропинкѣ, изрытой потоками, гдѣ онъ дефилировалъ поднимаясь, молодой подпоручикъ, который давно досадовалъ, что не можетъ его опередить, нашелъ брошенный на землю его патронташъ и штыкъ. Что же касается до самого «рыжаго», то отъ него не осталось слѣда.

Былъ ли онъ убитъ, раненъ или взятъ въ плѣнъ? Это было невозможно знать. Сраженіе окончилось, успѣхъ былъ полный. Ночь спрятала подъ своей ровной темнотою славу побѣдителей, безпощадную смерть, побѣду и пораженіе. Очарованные успѣхомъ солдаты разсказывая другъ другу эпизоды сраженія, не видали таинственнаго товарища, доказавшаго имъ свою отвагу и отдавщаго имъ свою кровь даромъ.

Шульмейстеръ послѣ того, какъ спасъ армію, сказалъ себѣ, что имѣетъ право подумать теперь о своихъ и соединиться съ женою и дѣтьми.

Увы! Когда онъ проникъ въ селеніе, подъ покровительствомъ безпорядка, онъ нашелъ болѣе ни Берты, ни Ганса, ни Лизбетты.

XI.

Такимъ образомъ прошли четыре дня. Наполеонъ предложилъ непріятелю сдаться, и генералъ Макъ, признавъ себя побѣжденнымъ, потребовалъ, однако, отстрочки для капитуляціи.

Мюратъ, бросившійся преслѣдовать австрійскихъ бѣглецовъ, съ герцогомъ Фердинандомъ во главѣ, которымъ удалось пробить кругъ осаждаемыхъ, снялъ въ продолженіе двухъ дней жатву знаменъ и пушекъ. Его кавалерійская экспедиція обѣляла его ошибочную стратегію.

Ней успокоился. Императоръ уже приготовлялъ походъ на Вѣну и только ждалъ жатвы, чтобы повести далѣе свои легіоны жнецовъ.

Шульмейстеръ, не очень торопившійся показаться своему повелителю, которому онъ такъ хорошо служилъ, искалъ по всѣмъ сторонамъ дорогихъ для него существъ. Они находились совсѣмъ близко отъ него, но онъ не могъ еще ихъ обнять. Онъ боялся, не попали ли они въ плѣнъ, благодаря ужаснымъ случайностямъ войны.

Какъ онъ проклиналъ мысль, что довѣрилъ ихъ Родеку, ставшему слишкомъ старымъ и слабымъ, чтобы удержать ихъ помимо ихъ воли въ своемъ убѣжищѣ! Зачѣмъ они бросились въ подобное приключеніе и усложнили ему задачу? Они отняли у него мужество, разбивъ его сердце.

Шульмейстеръ обѣжалъ всѣ селенія вокругъ Эльшингена. Онъ возвратился черезъ Вертингенъ, тщательно избѣгая, чтобы его не узнали французскіе офицеры, господствовавшіе теперь во всей странѣ.

Онъ ничего не нашелъ, что освѣтило бы ему судьбу его жены и дѣтей. Нигдѣ онъ ничего не услышалъ, что дало бы ему возможность предположить повиновеніе Доротеи въ утро его бѣгства. Отправилась ли она, какъ онъ просилъ ее, чтобы передать Бертѣ его распоряженіе? Предложила ли она молодой женщинѣ проводить ее въ Эльшингенъ? Рѣшилась ли она слѣдовать за нею?

Онъ былъ охваченъ такимъ безумнымъ страхомъ, что забылъ радоваться грандіозному успѣху, достигнутому благодаря ему.

Когда австрійская армія наконецъ сдалась, этотъ герой удалился въ покинутый шалашъ у подножья Михельсберга и принялся плакать, какъ ребенокъ.

Въ это утро Наполеонъ, занявъ мѣсто на возвышенномъ откосѣ, противъ города Ульма, смотрѣлъ, какъ дефилировали передъ нимъ сорокъ тысячъ плѣнныхъ. Онъ былъ окруженъ своимъ главнымъ штабомъ. Французская инфантерія выстроилась полукругомъ на склонѣ высотъ, а кавалерія развернулась прямой линіей въ долинѣ.

Первымъ появился Макъ и протянулъ свою шпагу, которую Наполеонъ ему возвратилъ. За нимъ слѣдовали генералы, затѣмъ войска. Проходя они бросали оружіе, и его набралось такое количество, что вскорѣ образовалась большая груда.

Солдаты разсматривали своего побѣдителя; офицеры отворачивали глаза.

Дефилированіе приходило къ концу, и болѣе не было настоящихъ покоренныхъ. Теперь стали представляться въ свою очередь слуги, родственники, женщины и дѣти, принадлежащіе къ сдавшемуся войску, то, что въ военное время называется безполезными ртами. Наполеонъ уже хотѣлъ удалиться, какъ вдругъ услышалъ раздавшіеся изъ печальной толпы крики. Тамъ произошло какое-то смятеніе. Онъ думалъ, что случилось возмущеніе или ссора, и устремилъ глаза въ ту сторону, гдѣ происходила сумятица...

Тогда онъ увидѣлъ, что къ нему подходитъ группа. Сначала онъ не разсмотрѣлъ ни одного лица, находившагося въ ней, но внезапно

изъ нея выдѣлился маленькій мальчикъ. Онъ бѣгомъ бросился къ Наполеону и на разстояніи двухъ шаговъ отъ лошади закричалъ:

— Господинъ императоръ! Тамъ мой отецъ!

Наполеонъ узналъ ребенка и улыбнулся.

— Какъ! Опять это ты, малютка? Ты говоришь, что твой отецъ тамъ?... Такъ его у меня не убили? Почему онъ не пришелъ ко мнѣ?... Ступай къ нему и скажи, что я ожидаю его.

Тогда всѣ увидѣли, какъ послѣ побѣжденной арміи передъ Наполеономъ предсталъ человѣкъ, котораго двое дѣтей держали за руки. Гансъ тащилъ его, тогда какъ Лизбетта, чтобы не отстать, должна была бѣжать. Берта, въ одно и то же время смущенная и сіяющая, слѣдовала за ними, опираясь на руку Родека. Въ нѣкоторомъ разстояніи женщина, одѣтая во все черное, смотрѣла съ испугомъ, какъ они отъ нея удалялись. Бѣдняжка Доротея привела ихъ сюда, послѣ того какъ пріютила ихъ у себя, пока миръ не былъ заключенъ. Теперь ея роль исполнена, и пришелъ конецъ мечтѣ. Четыре дня эти существа доставляли ей иллюзію семьи, и теперь они исчезали навсегда отъ ея преданности. Ей приходилось стушеваться...

— Такъ вотъ какъ! Ты прячешься, вмѣсто того, чтобы явиться ко мнѣ съ отчетомъ о твоей миссіи?—сказалъ Наполеонъ шпіону рѣзкимъ тономъ, которому противорѣчила, однако, улыбка.—Что съ тобою случилось съ тѣхъ поръ, какъ ты прислалъ ко мнѣ сына?

— Я былъ плѣнникомъ, государь.

— Я это знаю. А затѣмъ?

— Я убѣжалъ.

— Естественно! Затѣмъ?

Ней, находившійся направо отъ императора, отвѣтилъ своимъ грубымъ голосомъ на послѣдній вопросъ.

— ... Затѣмъ этотъ господинъ сдѣлалъ мостъ.

— Какъ мостъ?... Что хотите вы сказать, маршалъ?

— Я хочу сказать, государь, вотъ человѣкъ, который далъ намъ возможность окончить мостъ въ Эльшингенъ, онъ спустился по теченію на послѣднихъ балкахъ, необходимыхъ намъ, онъ позволилъ моимъ войскамъ пройти по мосту и самъ, хотя былъ раненъ, атаковалъ вмѣстѣ съ ними.

— А, упрямецъ!—сказалъ Наполеонъ Шульмейстеру:—ты мнѣ вѣрно сказалъ въ Страсбургѣ, что хочешь сражаться!.. Ты добился своего.

— Надо же было пройти, государь, мнѣ необходимо было разыскать жену и дѣтей.

— Но развѣ ты мнѣ не сказалъ, что это твой пріемный сынъ?

— Да, государь.

— Прекрасно, ты довѣришь его мнѣ. Онъ способный и храбрый: мы сдѣлаемъ изъ него хорошаго офицера, когда придетъ время. Я позабочусь объ его воспитаніи. Хочешь ли ты, мальчуганъ, по-

ступить въ военную школу, чтобы въ одинъ прекрасный день сдѣлаться полковникомъ, генераломъ или маршаломъ?

Съ раскраснѣвшимся личикомъ и блестящими глазами Гансъ только что хотѣлъ отвѣчать, когда рука Родека опустилась на его плечо.

— Могу ли я сказать слово вашему величеству?—спросилъ строго старый шуанъ.

— Кто это такой?—спросилъ императоръ,

На это отвѣтилъ Шульмейстеръ.

— Честный другъ, государь, по происхожденію французъ. Онъ бретонецъ и заботится о дѣтяхъ со дня ихъ рожденія.

— Приблизьтесь!—сказалъ Наполеонъ.

Но онъ, безъ сомнѣнія, никакъ не ожидалъ, что Родекъ подойдетъ къ нему совсѣмъ близко, и въ особенности онъ никакъ не могъ предвидѣть, о чемъ ему скажетъ старикъ. При первыхъ словахъ, сказанныхъ Родекомъ совсѣмъ тихо, его лице, обыкновенно блѣдное и матовое, сдѣлалось багровымъ, а брови нахмурились. Однако онъ сдержалъ себя и опустилъ глаза, какъ бы взвѣшивая въ своей памяти факты, о которыхъ незнакомецъ осмѣлился внезапно напомнить ему.

— Этотъ ребенокъ не можетъ быть воспитанъ императоромъ,— сказалъ Родекъ.—Онъ сынъ человѣка, который былъ вашимъ врагомъ, государь, врагомъ честнымъ, открытымъ, и его болѣе не существуетъ. Если ребенокъ не носитъ имени предковъ, то потому, что смерть слишкомъ рано сдѣлала его сиротою. Безъ этого ваше величество увидѣли бы передъ собою Жана Бурбона-Конде, герцога Ангіенскаго.

— Правду ли вы говорите?—спросилъ Наполеонъ задыхающимся голосомъ.

Родекъ съ благородной печалью опустилъ голову и молчалъ.

Тогда въ сердцѣ цезаря, казалось, происходила борьба. Черезъ моментъ его лице, однако, приняло обычное выраженіе, а глаза сверкнули счастливой гордостью.

— Шульмейстеръ,—сказалъ онъ,—не знаешь ли ты въ окрестностяхъ Страсбурга какого нибудь красиваго имѣнія, гдѣ я могъ бы имѣть удовольствіе иногда останавливаться, когда пріѣду въ Эльзасъ. Я не хочу большаго владѣнія, ни даже, чтобы это былъ замокъ, но я желалъ бы просторное и удобное жилище, окруженное полями и лѣсомъ.

— Мейнау, государь.

— Мейнау? Оно продается?

— Да.

— Хорошо, мой другъ, я куплю Мейнау. Сегодня я отправлю приказъ и отдамъ имѣніе твоему пріемному сыну и его сестрѣ. Я хочу, чтобы они жили тамъ оба мирно и росли бы счастливыми

около твоей жены и стараго друга, бретонца. Это будетъ вознагражденіемъ за твои услуги.

Затѣмъ императоръ повернулся къ Родеку, прибавивъ:

— Это я могу себѣ позволить? Какъ вы объ этомъ думаете?

— Я скажу,—произнесъ старикъ:—за то, что ваше величество сдѣлали сегодня, вамъ простится...

— А я?—спросилъ рѣзко Шульмейстеръ, опасавшійся, чтобы благодарность Родека не оказалась недостаточной:—развѣ я не буду также жить въ Менау?

— Ты? Нѣтъ еще. Я оставляю тебя при себѣ.

На другой день Шульмейстеръ простился со своими, чтобы слѣдовать за императоромъ, прикомандировавшимъ его къ своему главному штабу, въ чинѣ адъютанта. Обнимая въ послѣдній разъ Берту, утѣшенную и сіяющую отъ открывавшагося будущаго, онъ увидѣлъ Ганса, стоявшаго противъ двери и смотрѣвшаго сіяющими глазами на проходящихъ солдатъ.

Затѣмъ онъ принялся разыскивать Лизбетту, чтобы распрощаться съ нею, какъ и съ ея братомъ. Долго не могли разыскать крошку. Кончили тѣмъ однако, что нашли ее въ глубинѣ сарая, находящагося близъ дома. Ей пришла мысль, что довольно она насмотрѣлась на солдатъ, и они не занимали ея болѣе. Ей нравилось теперь ея открытіе, которое состояло изъ хорошенькой кошечки. Послѣдняя устроилась въ одномъ углу на крышѣ и одна во время треволненій войны кормила своихъ дѣтей. Въ то время, какъ они своими розовыми неловкими лапочками наносили ей царапины когтями, прижимаясь къ ней своими головками съ закрытыми глазами, она серіозно лизала себѣ грудь.

Лизбетта восторгалась ею. Но потомъ ей было недостаточно восхищенія. Ей хотѣлось разсказать о видѣнномъ ею хорошенькомъ зрѣлищѣ. Такъ какъ она была одна, то предположила, что къ ней пришла подруга, меньше ея и которая еще мало говорила. Она сказала ей, поддѣлываясь матерински подъ ея дѣтскій говоръ.

— Кошечка дала кошечекъ.

— А! вотъ какъ!—сказала воображаемая гостья.

— Да.

— И сколько она дала?

— Четверыхъ.

— Вотъ какъ!

— Да.

— А какого онѣ цвѣта?

— Одна бѣлая, другая сѣрая и двѣ цвѣта кошечки.

— Вотъ какъ!

Въ этотъ моментъ вошелъ Шульмейстеръ и пламенно обнялъ Лизбетту.

При этомъ на глазахъ Берты появились слезы.

КОНЕЦЪ.

Издатель **А. С. Суворинъ**. Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

НОЯБРЬ, 1901

СОДЕРЖАНІЕ.

НОЯБРЬ, 1901 г.

См. слѣд. стр.

МИХАИЛЪ НИКИФОРОВИЧЪ КАТКОВЪ.

дозв. ценз. 26 сент. 1901 г. спб.

О ПОДПИСКѢ

НА

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ"

въ 1902 году

(ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ" будетъ издаваться въ 1902 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшіе двадцать два года (1880—1901).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) **десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.**

Главная контора „Историческаго Вѣстника" въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени"**, Невскій проспектъ, № 40. Отдѣленія конторы: въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ** и **Саратовѣ,** при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина **„Новаго Времени"**.

НЕСЛЫХАННОЕ ДѢЛО [1].

Разсказъ.

XI.

ПУСТОЙ Валъ преобразился странно, какъ будто даже страшно.

Онъ загудѣлъ, запестрѣлъ... точно наважденіе. А отъ «кого» таковое бываетъ?

Въ маленькой усадьбѣ былъ, конечно, полный переполохъ. Во-первыхъ, у Глѣбовыхъ гостей уже давно не бывало никого. Чужой человѣкъ въ домѣ былъ настоящая рѣдкость. А, во-вторыхъ, этотъ чужой человѣкъ былъ гостемъ внезапнымъ, какъ съ неба свалившимся, да къ тому же еще и важный. Не простой дворянинъ сосѣдъ, а князь, богачъ и издалека. Его фигура, его люди и экипажи, все было не заурядное.

Вся семья будто оробѣла и не знала, какъ ей быть, какъ принимать гостей, чѣмъ и какъ угощать. Ударить лицомъ въ грязь не хотѣлось.

Одинъ Андрей Ивановичъ былъ спокоенъ и заявилъ:

— Дайте ему поѣсть, накормите людей, прикажите задать корму конямъ въ волю и проводите честью.

— Онъ ночевать думаетъ,—заявили старцу.

— Зачѣмъ? У насъ не постоялый дворъ.

— Говоритъ—полюбилось.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXVI, стр. 5.

— Мало что. Ему любо, а намъ нѣтъ. Можно попросить. Не послушается—наладить.

— По шапкѣ!—разсмѣялась ехидно Прасковья Андреевна.

— Да, голубушка!—твердо заявилъ Андрей Ивановичъ, мигая своими большими и толстыми вѣками, подъ сѣдыми и густыми, какъ усы, бровями.—Наладить по шапкѣ, а то и по шеѣ. Онъ князь, да вѣдь все же съ вѣтра.

— Съ вѣтра. Онъ первый дворянинъ во всей округѣ своей,—заявила Катерина Петровна.

— Кто сказываетъ?

— Его люди.

— Хороша-то, распрекрасна Аннушка. А кто сказываетъ? Ея матушка. Умница нашъ—Агаѳонъ. А кто говоритъ? Самъ же онъ,—отвѣтилъ Андрей Ивановичъ.

Старца оставили на покоѣ, рѣшивъ, конечно, не слушаться его совѣтовъ.

Андрей Андреевичъ былъ радъ нежданнымъ гостямъ, потому что ему крайне понравился лейтенантъ Адамъ Адамовичъ, а этотъ расхвалилъ своего друга князя и расхвалилъ умѣючи, будто зная или чуя, чѣмъ можно понравиться Глѣбову.

— Онъ давно собирается въ дальній и великій путь, къ Гробу Господню,—заявилъ Ваастъ въ разговорѣ.

— Что вы!.. ахнулъ старикъ.

Это заявленіе страшно поразило его. Онъ совершенно другими глазами глянулъ на гостя. Впервые въ жизни случилось Андрею Андреевичу видѣть предъ собой дворянина и богача помѣщика, который, если не былъ еще, то будетъ у Гроба Господня. Это не то, что разные убогіе страннички, которые тамъ побывали. Это свой братъ.

И Глѣбовъ отнесся дружелюбно, даже любовно, къ такому князю, который увидитъ Гробъ Господень. Жена его и дочь стали всячески ухаживать за именитымъ гостемъ, угощали и бесѣдовали. Одинъ разговоръ князя съ Катериной Петровной возымѣлъ большое значеніе. Ограниченная женщина, считавшая себя умнѣе, хитрѣе и вообще превыше всѣхъ, кого она знала, отъ мужа и до предсѣдателя уголовной палаты, который считался всѣми за мудреца, она рѣшила, что «раскусила» заѣзжаго князя и можетъ изъ него по охотѣ и желанію въ единый мигъ нащипать и дровъ, и лучины.

Она стала разспрашивать князя о немъ, въ полной увѣренности что онъ очень болтливъ и искрененъ не будетъ. А онъ всю свою душу на ладонь выложилъ, все разсказалъ, пояснилъ, чуть не покаялся во всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ, какъ у попа на исповѣди.

— Стало быть, вы человѣкъ богатый,—спросила Катерина Петровна:—если у васъ этакая усадьба да этакая тьма дворовыхъ въ вотчинѣ?

— У меня, государыня моя, еще такихъ вотчинъ семь, либо шесть... Ей-Богу, самъ не знаю хорошо.

— Какъ семь?!..

— Почти семь. Одна въ Симбирской губерніи стоитъ трехъ. При ней одной полторы тысячи, не то двѣ, числится душъ крѣпостныхъ. Правда, есть и татарва.

— И какъ же это вы, ваше сіятельство, извините старуху, по сю пору не обзавелись супругой? — вдругъ выпалила Катерина Петровна.

— Нѣтъ-съ. Холостъ.

— Одни?

— Одинъ.

— Какъ перстъ одни?

— Какъ перстъ,—разсмѣялся князь.

— Чему вы смѣетесь?

— Да потому... потому, что перстъ одинъ не бываетъ.

— Какъ такъ?—удивилась Глѣбова.

— У всякаго человѣка, если онъ не уродомъ родился, то имѣется по пяти перстовъ на рукѣ, на каждой.

— А вотъ и нѣтъ. Вотъ и видно, что молоды, вершки хватаете. То все пальцы. А перстъ у человѣка одинъ. На немъ и перстень носится.

— Вѣкъ живи, вѣкъ учись!—отозвался князь, улыбаясь.—Спасибо за науку. Буду знать.

— Зачѣмъ же, скажите, вы не женились по сю пору?

— Не захотѣлъ Господь допустить. Не повстрѣчалъ ни единой дѣвицы, которая бы пришлась по душѣ.

— Разборчивы. Королевну желаете.

— Что же? И королевны на Руси есть среди дворянскихъ дѣвицъ,—королевны пригожествомъ и нравомъ своимъ. Да не приключилось мнѣ таковой повстрѣчать. А коли Богъ дастъ...

И князь вдругъ смолкъ ожидая умышленно вопроса.

Катерина Петровна вмѣсто какого либо вопроса слегка задумалась, а затѣмъ наивно замѣтила:

— Странное дѣло, судьба. Суженаго тебѣ ни за что не минешь. Вѣдь вотъ надо же было, что у васъ колеса разбились у самой нашей усадьбы.

— Да-съ, удивительно,—усмѣхнулся князь.

А удивительно было ему совсѣмъ иное. Гиреевъ удивлялся, какъ его люди не проболтались, или сами Глѣбовы не догадались, что его остановка изъ-за развалившагося колеса у рыдвана была дѣломъ подстроеннымъ. А запозданіе, послѣ того, что колесо было исправлено, уже ничѣмъ нельзя было объяснить.

«Очень полюбился Пустой Валъ» было, конечно, плохимъ объясненіемъ и недаромъ очень не нравилось старцу Андрею Ивановичу.

Впрочемъ, если князь и его наперсникъ инвалидъ помѣстились въ двухъ комнатахъ, устроенныхъ для нихъ, то всѣ люди съ экипажами и лошадьми продолжали стоять на опушкѣ лѣса таборомъ. И лишь изрѣдка кой-кто изъ нихъ заходилъ во дворъ какъ бы въ гости къ дворовымъ. Наоборотъ, дворня Глѣбовыхъ постоянно толкалась около привала проѣзжихъ, оглядывая и красивую карету, и рыдванъ, у котораго пришлось чинить большущее колесо, и фургоны, гдѣ были посуда, провизія и всякая всячина.

Гирееву отвели комнату около Андрея Андреевича, въ которой жилъ когда-то, очень давно, его бѣдный помѣшавшійся сынъ. Ваасту дали комнату поменьше и похуже, въ концѣ коридора, гдѣ жила прежде, тоже очень давно тому, дочь, ушедшая въ монастырь.

Въ дѣлѣ поломки колеса участвовалъ, конечно, и Адамъ Адамовичъ. Въ минуту, когда князь не зналъ, какъ задержаться и какъ попасть въ домъ, откуда выбѣжало на дорогу прелестное созданіе, прельстившее его въ мигъ, онъ сталъ совѣщаться съ людьми. Кучеръ рыдвана предложилъ барину такъ ухитриться повернуть лошадей въ пескахъ, что неминуемо сломается дышло. Кто-то другой совѣтовалъ перебить спицы колеса, разрубить топоромъ. Ваастъ замѣтилъ, что это «огласится» въ усадьбѣ, и посовѣтовалъ сбить шину, а затѣмъ уже хорошимъ ударомъ заставить колесо разсыпаться...

Все было сдѣлано быстро и искусно, а затѣмъ инвалидъ отправился въ усадьбу посланцемъ.

Къ вечеру колесо было исправлено, но князь уже всѣхъ хозяевъ очаровалъ и жаловался, что усталъ отъ пути за цѣлую недѣлю...

Ночевавъ, онъ на утро не говорилъ объ отъѣздѣ... Хозяева тоже, конечно. А одновременно начались многозначительные разговоры хозяйки съ гостемъ, такъ какъ очень тучная, полнокровная и облѣнившаяся Катерина Петровна покинула ради него и свою постель и большое кресло, и сидѣла въ гостиной цѣлый день.

XII.

Съ перваго же дня знакомства съ Глѣбовыми, князь былъ уже въ полномъ восторгѣ отъ молчаливо присутствовавшей въ комнатѣ молодой дѣвушки и понялъ, что она истинный дичокъ захолустья и столько же проста разумомъ, сколько юна, свѣжа и красива, уподобляясь распускающемуся цвѣтку.

«Не русская, а будто шведка или голландка», опредѣлилъ князь дѣвушку, тщательно разглядѣвъ ее, а между тѣмъ, повидимому, какъ будто ни разу не глянувшій на нее, даже не замѣтившій ея присутствія.

На утро Гиреевъ былъ прельщенъ и всей семьей. «Хорошіе, простые люди, добрые, прямодушные».

Это относилось къ старикамъ и ихъ дочери, а не къ старцу, который отказался выйти и познакомиться съ гостемъ.

Наоборотъ, Ваастъ къ вечеру перваго же дня узнавъ, что они остаются ночевать, сталъ сумраченъ. На другой день онъ уже былъ не только пасмуренъ, но гнѣвенъ.

А затѣмъ старый инвалидъ, чесменскій герой, сталъ уже темнѣе ночи.

Онъ все видѣлъ и все понялъ... Онъ оцѣнилъ семью, какъ слѣдовало, и высоко поставилъ ее въ своемъ мнѣніи, отнеся съ глубокимъ уваженіемъ не только къ «удивительному» Андрею Андреевичу, но и къ любезной почтенной хозяйкѣ. И въ то же время онъ чуялъ, что затѣваетъ князь, и обомлѣлъ, испугался...

Ваастъ сообразилъ, что на его глазахъ и отчасти при его помощи, во всякомъ случаѣ, при его участіи, можетъ, пожалуй, совершиться въ скоромъ времени «худое дѣло» и такое худое, какія не часто бываютъ.

Добрый, честный и прямодушный Адамъ Адамовичъ вдругъ почувствовалъ, что онъ какъ бы взятъ врасплохъ. Онъ, не вѣдая, не ожидая, станетъ внезапно сообщникомъ, пособникомъ «чистаго злодѣйства».

— Ну, нѣтъ, Самсонъ Ивановичъ,—думалъ, размышлялъ и говорилъ Ваастъ самъ себѣ.—Всему на свѣтѣ есть, какъ сказывается, предѣлъ, за который переступать нельзя. Въ этакомъ злодѣйствѣ я быть причастнымъ не могу. Коли прихоть, обойдися, воздержися, брось. Коли защемило, какъ никогда не бывало, то честнымъ обычаемъ объявися и вѣнчайся. Такихъ людей, какъ эти Глѣбовы, никакой головорѣзъ, душегубъ не захочетъ обидѣть. Они прямо—агнцы!

Князь замѣтилъ внезапно суровость въ другѣ и наперсникѣ и тотчасъ спросилъ:

— Чего ты, Адамъ Адамовичъ, будто несолоно хлебавши ходишь, будто окрысился? На меня что ли? За что?

— За то, что тебѣ, сударь мой, не слѣдуетъ здѣсь мѣшкать,— отозвался Ваастъ, не желая сказать все прямо.

Князь улыбнулся и ничего не отвѣтилъ.

Вечеромъ послѣ новаго важнаго разговора старухи съ княземъ послѣдовалъ ея вопросъ, довольно откровенный:

— Приданницу, выходитъ, ищете. Желаете за супругой получить тоже семь вотчинъ?—почти насмѣшливо вымолвила вдругъ Катерина Петровна.

— Богъ съ вами!—отмахнулся Гиреевъ.—Коли будетъ у моей нареченной шесть сорочекъ, то и это почту я излишнимъ. Мнѣ своего всего имѣнія дѣвать некуда. Для меня, главное, красота въ дѣвицѣ, пригожество лица и души.

И князь сталъ говорить о женской красотѣ вообще и какъ-то незамѣтно и вскользь выразилъ такія сужденія, что слышавшая эту бесѣду Прасковья Андреевна была видимо какъ бы озадачена, даже разгнѣвана.

Оставшись наединѣ съ матерью, она вдругъ заявила, волнуясь:

— Онъ никакъ совсѣмъ придурковатый. По его, выходитъ, помилуй Богъ, что истинно пригожая женщина—это бѣлобрысый щенокъ въ родѣ нашей Зайки.

— И мнѣ такъ-то сдалось. Да я думала, что обмахнулась, навыворотъ поняла,—отвѣтила мать.—А коли и тебѣ также оно сдается, стало быть, вѣрно.

— Балуется, стало быть, не хочетъ сказаться, а потѣшничаетъ. Какъ же, помилуйте... Махонькая, да не толстая, лучше похудѣе, да чтобъ смахивала на дѣвченку, да бѣленькая, да бѣлокурая... Ну, прямо портретъ живописный нашего заморыша.

И старая дѣвица презрительно разсмѣялась.

Но Катерина Петровна покачала головой.

— Ну, Прасковья, объ этомъ мы съ тобой никогда въ согласіи не были и не будемъ. Всегда я говорила и скажу, что наша Зайка теперь еще не выровнялась, а черезъ годъ, два, посмотри, будетъ, ахти, какъ пригожа.

— Съ этакимъ тѣломъ да этакаго роста?

— У тебя красавица та, у которой косая сажень въ плечахъ да кулакъ-пудовикъ. Вотъ мы съ тобой къ примѣру. Что меня портило, то и тебя портитъ. Больно мы не въ мѣру расползлися тѣломъ. Худоба тогда не хороша, коли прямо кости да кожа. Ну, а жиромъ заплыть, и того много еще хуже.

— Я не заплыла,—отозвалась досадливо дочь.

— Заплываешь... Тебѣ не видать самой. А заплываешь, что ни годъ. Оно къ здоровью, но не къ красотѣ.

— Ну, я съ вашей внучкой не промѣняюсь. И ничѣмъ-то не промѣняюсь. И годовъ ея не возьму.

— Какъ же это? Шестнадцатый годикъ. Да чего же лучше? Все то впереди. А у тебя...

— Полно, матушка. Не люблю я этихъ разговоровъ,—рѣзко произнесла Прасковья Андреевна. — Начали о дурашномъ гостѣ князѣ, а свели на мое здоровье. Даже удивительно.

И разговоръ матери съ дочерью кончился легкой ссорой, что бывало не часто и почти исключительно изъ-за молодой дѣвушки.

Враждебное отношеніе старой дѣвицы къ Зайкѣ издавна сказывалось явно и во многомъ и все усиливалось.

Теперь же при внезапномъ появленіи гостя въ усадьбѣ явилась и тайная причина раздраженія.

Разумна была безспорно старая дѣвица и разсудительна, но была одна проруха въ ея разумѣ, или одно слабое мѣсто. Зная, что ей

пошелъ пятый десятокъ лѣтъ, зная, что она, не бывъ никогда красивой, должна теперь еще менѣе нравиться, зная, что она и въ молодости ниразу никого не прельстила,—Прасковья Андреевна все-таки до сихъ поръ, при встрѣчѣ съ каждымъ новымъ человѣкомъ, при каждомъ новомъ знакомствѣ, не могла удержаться или воздержать свой разсудокъ... Онъ въ ней начиналъ «метаться» и «прыгать», какъ однажды, давно, выразился про нее одинъ пожилой острякъ, ихъ сосѣдъ.

Нежданное появленіе гостя, который былъ молодъ и красивъ, лѣтъ болѣе, чѣмъ на пятнадцать, моложе самой старой дѣвицы, она все-таки начала волноваться... Разсудокъ началъ метаться.

— Ну, вдругъ... Онъ-то это и есть. Онъ, который долженъ всю ея жизнь измѣнить. Онъ, котораго судьба ей готовила...

И малѣйшее слово гостя, сказанное лично ей, малѣйшую усмѣшку, малѣйшій взглядъ Прасковья Андреевна замѣчала, взвѣшивала всячески, обсуждала со всѣхъ сторонъ и приходила къ рѣшенію.

— Почемъ знать?!

А этотъ вопросительный отвѣтъ былъ лучемъ живительнаго свѣта въ душу.

Въ первый день пребыванія гостя она ясно видѣла, что онъ даже не замѣчаетъ присутствія въ комнатѣ «бѣлобрысаго щенка», то-есть племянницы ея, а на второй день онъ спросилъ только, кто она такая и родня ли имъ, а самой Зайкѣ не сказалъ ни слова и даже, казалось, ни разу не поглядѣлъ на нее. Прасковья Андреевна поэтому вполнѣ убѣдилась и порадовалась, что племянница для гостя «въ счетъ не идетъ».

— Съ чего же онъ задержался, не уѣзжаетъ?—возникъ въ ней вопросъ.

— Полюбилось въ Пустомъ Валѣ,—отвѣчала она себѣ словами матери и прибавила:—это такъ сказывается для отвода глазъ. Нѣтъ, что нибудь есть особое. А что?

И вдругъ теперь разсужденье князя о женской красотѣ стало для старой дѣвицы какъ бы толчкомъ, пошатнувшимъ зданіе, воздвигнутое ея воображеніемъ...

На слѣдующій день послѣдовалъ ударъ, разрушившій это зданіе совсѣмъ.

Около полудня князь вдругъ заговорилъ съ Зайкой ласково, хотя съ высоты взрослаго человѣка, который, разговаривая съ малымъ ребенкомъ, подлаживается подъ его дѣтскія мысли и сужденія... Затѣмъ, когда всѣ вышли въ садъ, онъ предложилъ Зайкѣ побѣгать, побился объ закладъ съ ней, что хотя она «маленькая», а онъ «большой», но что все-таки онъ за себя постоитъ, и она его не догонитъ. Зайка его догнать не смогла, но, уже менѣе дичась, объяснила ему, что ей идетъ шестнадцатый годъ.

— Я полагалъ, внучкѣ вашей не болѣе тринадцати лѣтъ, а она, оказывается, дѣвица невѣста,—какъ-то странно, небрежно или равнодушно, замѣтилъ князь Катеринѣ Петровнѣ.

Разумѣется, это была ложь и умышленная, нужная ему.

Въ сумерки, когда всѣ сидѣли на террасѣ, Гиреевъ опять предложилъ Зайкѣ побѣгать по саду и постараться его догнать... Они побѣжали, но уже гораздо дальше, такъ что пропали изъ виду въ чащѣ кустовъ.

А когда минутъ черезъ десять они вернулись опять, якобы обѣжавъ вокругъ сада, князь былъ вовсе не запыхавшійся, а Зайка, напротивъ, была вся раскраснѣвшаяся, неровно переводила дыханіе и странно поглядывала исподлобья.

— Каково это?—замѣтила Катерина Петровна.—Вдвое моложе князя, а умаялась... А онъ—ничего... Молодецъ вы, князь, ей-Богу.

Но Прасковья Андреевна, равно замѣтивъ, что племянница какъ бы умаялась, замѣтила тоже, что у нея глаза «какіе-то растерянные».

И старая дѣвица почему-то вдругъ обозлилась, точно почуявъ что-то...

Зайка, будто получивъ отъ князя строгій нагоняй, сейчасъ же тихо ушла къ себѣ въ комнату и усѣлась въ уголку, съ серіознымъ лицомъ, какъ бы прислушиваясь. Мысли въ головѣ какъ-то прыгали...

Къ нимъ-то, своимъ бурнымъ, но путаннымъ мыслямъ, она и прислушивалась и затѣмъ себя спрашивала... А о чемъ, сама не знала...

Дѣло было въ томъ, что сейчасъ въ саду она поймала князя. Но вышло такъ, какъ если бы онъ ее ловилъ и поймалъ. Онъ схватилъ ее въ охапку и, хваля за то, что она шибко умѣетъ бѣгать... всю расцѣловалъ. И въ лице, и въ волосы, и въ глаза, и въ шею... Такого ничего никогда съ ней не случалось. А затѣмъ онъ ей строго приказалъ никому про это не сказывать. А если она скажетъ, то онъ сейчасъ же велитъ лошадей запрягать и уѣдетъ. И она обѣщалась...

Да и нельзя иначе... думалось ей.

Вѣдь съ тѣхъ поръ, что онъ у нихъ въ усадьбѣ, она не только на него всѣ глаза проглядѣла, но даже ночи плохо спала и все его предъ собой, какъ живого, видѣла... И теперь все, что онъ ни прикажетъ, ужъ, конечно, она исполнитъ.

Въ этотъ же вечеръ Прасковья Андреевна заявила матери, что не надо позволять гостю быть съ Зайкой.

— Не приличествуетъ! Она все-жъ таки не ребенокъ малый, а дѣвица. И оно выходитъ неблаговидно.

— Да нешто бѣгаютъ только малыя дѣти?—удивилась Катерина Петровна.—А дворня-то наша, что ни воскресенье, у нихъ и жмурки, и горѣлки, и лапта...

— Ваше дѣло,—отозвалась сухо старая дѣвица и не прибавила ни слова. А затѣмъ уже спросила самоё себя: не ошиблась ли она, не померещилось ли ей, что у Зайки были «растерянные глаза»?

На другой день, ранехонько утромъ, когда Зайка, вставшая прежде всѣхъ, была въ саду съ Терентьевной, князь вдругъ тоже вышелъ въ садъ и вскорѣ очутился около нихъ. И снова предложилъ онъ ей бѣжать, чтобы его догнать... И долго Терентьевна «аукала» барышню среди дорожки кустовъ... А когда князь и барышня появились снова предъ старухой, то не бѣжали, а тихо и молчаливо шли рядышкомъ... Князь радостный, но спокойный... Зайка сильно пунцовая личикомъ, что маковъ цвѣтъ, и съ мокрыми глазками... Слезы еще продолжали капать изъ глазъ и струиться по раскраснѣвшимся щекамъ.

— Что съ тобой?—ахнула Терентьевна.

— Упала Зинаида Антоновна. Ушиблась малость,—объяснилъ князь такимъ довольнымъ голосомъ, что даже разсердилъ старуху.

«Будто радуется, что барышня ушиблась. Народецъ! Хоть и князь»,—сердито подумала она.

XIII.

Прошло дней пять... Гость загостился... Люди въ таборѣ усмѣхались лукаво. Люди въ домѣ улыбались горделиво.

Однако, былъ человѣкъ, котораго это долгое присутствіе въ усадьбѣ гостя безпокоило и даже волновало. Это былъ старецъ. Нежеланіе выходить знакомиться и необходимость обѣдать и ужинать одному въ своей комнатѣ ему прискучили.

— Вотъ дожилъ до чего. Подъ запретомъ сижу. Наказали за озорство или буянство,—ворчалъ онъ полушутя, полудосадливо.

По ночамъ старцу, такъ же, какъ и его правнучкѣ, спалось плохо, онъ часто просыпался, и первая мысль была: «Князь въ домѣ!».

Поутру, вставая, онъ прежде всего неизмѣнно спрашивалъ своего стараго слугу, который былъ старше его сына:

— Ну, что, Макарка?

Слуга, уже зная, о чемъ идетъ рѣчь, что застряло въ баринѣ занозой за эти дни, отвѣчалъ:

— Не собираются, и слуху нѣтъ.

Всякій день, когда сынъ приходилъ къ нему поздороваться, Андрей Ивановичъ и его встрѣчалъ тѣмъ же вопросомъ о томъ, когда гость уѣдетъ, а затѣмъ начиналъ огорчать, иногда и подшучивать сердито.

— Ты скажи ему, поясни. Онъ видитъ, усадьба на самой дорогѣ. Можетъ, за постоялый дворъ принялъ, за ямъ, а тебя за ямщицкаго старосту, благо, ты въ лаптяхъ.

Андрей Андреевичъ отмалчивался, зная, что всякое объясненіе только пуще растревожитъ отца.

На пятый день, послѣ появленія князя, старецъ наконецъ совсѣмъ растревожился, узнавъ, что гость окончательно не помышляетъ объ отъѣздѣ.

— Худо это,—сказалъ онъ волнуясь.—Худое у него на умѣ. Держи ухо востро, Андрюша. Смотри, ты не маленькій уже.

— Что вы, батюшка! Богъ съ вами. Просто полюбилось человѣку у насъ. А, можетъ, и загвоздка какая приключилась.

— Какая?

— Да такъ... Мало ли что... Не знаю,— уклончиво отвѣтилъ Андрей Андреевичъ, не любившій лгать.

А сказать старцу родителю о томъ, что передала ему съ вечера жена Катерина Петровна, онъ не рѣшался. Старца все новое, хотя бы и хорошее, будто пугало или приводило въ такое возбужденное состояніе, послѣ котораго онъ ослабѣвалъ, смотрѣлъ тусклыми глазами и начиналъ подремывать цѣлый день.

— Ну, что же? Вотъ на старости лѣтъ, съ одной ногой въ гробу—въ погорѣльцахъ буду вмѣстѣ съ вами,—рѣшилъ Андрей Ивановичъ въ отвѣтъ.

— Какими судьбами?—воскликнулъ сынъ.

— А спалятъ насъ эти гости съ большой дороги.

Андрей Андреевичъ напрасно сталъ убѣждать отца, что люди князя держатъ себя порядливо, трезво и смирно.

— Чуетъ мое сердце. Худо будетъ!—стоялъ старецъ на своемъ.

Успокоить отца «однимъ словечкомъ» Андрей Андреевичъ не рѣшился.

А сообщенное ему наканунѣ женой, хотя и было лишь одно ея предположеніе, все-таки смутило старика.

Андрей Андреевичъ былъ даже пораженъ извѣстіемъ, что его внучка, сирота, безприданница, захолустная дворяночка, можетъ вдругъ сдѣлаться княгиней и богатой барыней. А «по видимости» выходило такъ...

Онъ всегда и часто говаривалъ, а равно всею душою своей, незлобивой и чистой, вѣрилъ, что всѣ люди человѣки, все тѣ же люди Божьи. Что царь всероссійскій, что послѣдній его холопъ—оба человѣки, по образу и подобію Божію сотворены. Все на свѣтѣ суета, тлѣнъ, и все «прейдетъ». Гордыня лишь людская, какъ дьяволово наважденіе, изъ всяческой суеты сдѣлала идола для поклоненія.

Андрей Андреевичъ все это не только понималъ, но чувствовалъ...

А подумать, что Зайка, или, какъ зоветъ ее его отецъ, «дѣвчурочка», круглая сиротка — да вдругъ будетъ ваше сіятельство, княгиня Гиреева... И всѣ мысли старика, всѣ душевныя, побо-

жески, чувствованія и всѣ размышленія—все это отходило прочь, пропадало, а кто-то громко трубилъ въ уши:

— Княгиня Зинаида Антоновна Гиреева, внучка дворянина Глѣбова!

И въ отвѣтъ на это, Андрей Андреевичъ, смущенный искушеніемъ, чуя, что это отъ «него», отъ врага человѣческаго идетъ, отвѣчалъ себѣ:

— Господи, прости и помилуй. Вѣдь это та же гордыня. Ну, будетъ Зайка княгиней. Ну, что же? Вся сила во спасеніи души, послѣ твоего житія на землѣ. Придутъ ко вратамъ райскимъ не только князья, а цари... И врата не отверзятся. А придутъ нищіе, убогіе—и врата отверзятся.

Одновременно Андрей Андреевичъ былъ, однако, смущенъ какимъ-то чувствомъ, какимъ-то вопросомъ, возникшимъ въ немъ противъ его воли. Князь этотъ, его гость, ему почему-то сталъ вдругъ не нравиться.

Въ первый день онъ отнесся къ нему совсѣмъ любовно, узнавъ отъ инвалида безрукаго, что князь собирается на богомолье въ Іерусалимъ. Но затѣмъ и лицо князя, и его взглядъ и его усмѣшка, и его ласковость со всѣми «будто какая-то Іудина, прости Господи»—все въ немъ и все сильнѣе не нравилось чистому душой старику.

«Что-то неладно въ немъ,—говорилъ самъ себѣ Андрей Андреевичъ.—Что-то не любо мнѣ. А что собственно,—я и самъ не знаю. Вотъ этотъ Адамъ Адамовичъ совсѣмъ другое—онъ мнѣ по душѣ. Будто я его сто лѣтъ знаю, и люблю, и почитаю. А князь вотъ тебѣ—душевный, и вотъ тебѣ сейчасъ—Искаріотъ. Даже какъ-то боязно бываетъ около него.

И Андрей Андреевичъ готовъ былъ начать желать, чтобы Зайка «не стала княгиней», чтобы гость лучше поскорѣе собрался отъ нихъ подобру, поздорову, съ Богомъ.

Объ этомъ внутреннемъ чувствѣ своемъ, все усиливавшемся, онъ объяснилъ женѣ, покаявшись какъ въ грѣхѣ.

— И самъ не знаю, откуда во мнѣ таковое... Отчего оно?

— Оттого, что замонашествовался! — сердито огрызнулась на него Катерина Петровна.

Между тѣмъ, прошло еще два дня, и за это время Гиреевъ, способный увлекаться, какъ юноша, былъ уже безъ ума влюбленъ въ молоденькую дѣвушку, почти дѣвочку. Изъ всѣхъ женщинъ, которыхъ онъ знавалъ,—а ихъ было крайне много, — Зайка была первая, прельстившая его тѣмъ, что оказывалась настоящимъ неповиннымъ младенцемъ, несмотря на свой шестнадцатый годъ.

Полный дичокъ по воспитанію и условіямъ жизни въ глуши, она была дичокъ и по природѣ. Простомыслію ея и наивности не было предѣла... Недаромъ бабушка и тетка продержали ее почти

десять лѣтъ, какъ хрупкую вещицу въ коробочкѣ съ ватой, недаромъ запретили ей знаться и разговаривать даже съ дворовыми дѣвушками, заставили проводить время съ одной старухой Терентьевной.

Если не считать старца, съ которымъ Зайка была ближе всѣхъ и котораго по-дѣтски любила, то послѣ Терентьевны первый человѣкъ, съ которымъ она близко сошлась, былъ совершенно чужой всѣмъ человѣкъ, а ей изъ-за ласкъ и тайныхъ поцѣлуевъ сразу будто родной и дорогой.

«Даже, сдается, прадѣдушку за него отдала бы», съ ужасомъ думала Зайка.

Еще два раза рано утромъ вышелъ князь въ садъ, встрѣтился съ ней и гулялъ, а затѣмъ «бѣгалъ и ловилъ», то-есть, убѣжавъ отъ старухи, сажалъ на скамью около себя или къ себѣ на колѣни и цѣловалъ безъ конца.

На вопросы Зайки, которая цѣловала его больше и горячѣе, чѣмъ прадѣдушку, не смущаясь и не робѣя, князь отвѣчалъ не уклончиво, а просто лгалъ... Зайка спрашивала, скоро ли они обвѣнчаются и поѣдутъ жить къ нему въ вотчину. Князь отвѣчалъ, что не нынче-завтра, что онъ только не рѣшилъ, говорить ли объ этомъ дѣдушкѣ съ бабушкой или сдѣлать все «тихонько отъ нихъ». Зайка была и на это согласна.

«Нагоняй будетъ потомъ отъ тетки,—думалось ей,—да что за важность!»

И князь дѣйствительно сталъ собираться не нынче-завтра рѣшиться окончательно и овладѣть «неповиннымъ младенцемъ». Но онъ оттягивалъ дѣло изъ-за собственнаго чувства стыда передъ всѣми, и Глѣбовыми, и своими людьми. Чувство это говорило ему, что теперь онъ какъ бы хватаетъ черезъ край.

Между тѣмъ, Андрей Андреевичъ, узнавъ объ утреннихъ прогулкахъ гостя съ внучкой, тоже замѣтилъ женѣ объ ихъ неблагоприличіи. Прасковья Андреевна, узнавшая не только о прогулкахъ, но и о «бѣганьѣ» далеко отъ Терентьевны, заявила матери рѣзко, что слѣдуетъ прямо объясниться съ гостемъ объ его намѣреніяхъ, а не позволять «зря баловаться».

— Или сейчасъ сватайся, или уѣзжай!—сказала она.

Катерина Петровна вспомнила почему-то свою прежнюю строптивость и упрямое самовластье. И мужу, и дочери заявила она почти гнѣвно.

— Не въ свое дѣло прошу не мѣшаться и меня не учить. Знаю, что дѣлаю.

Однако, черезъ сутки, старуха, оставшись послѣ обѣда наединѣ къ княземъ, вдругъ сразу спросила его:

— Ждать ли намъ отъ васъ чего важнаго, семейственнаго?

Гиреевъ, взятый отчасти врасплохъ, не смутился. На него изрѣдка находилъ «стихъ безстыдства», какъ опредѣлялъ Ваастъ. Такъ случилось и теперь.

Глупо горделивый видъ тучной женщины съ опухшимъ лицомъ, когда она сдѣлала этотъ внезапный вопросъ, разсмѣшилъ князя, и онъ, улыбаясь, отвѣтилъ утвердительно, прося, однако, сохранить это втайнѣ на три дня. Почему три — онъ самъ не зналъ.

Катерина Петровна, радостная, скрыла все отъ своихъ, но проговорилась со старухой нянькой, на томъ основаніи, что «такая дура въ счетъ не идетъ».

Разумѣется, Терентьевна, тоже обрадованная, не стерпѣла и въ тотъ же вечеръ, оставаясь наединѣ со своей барышней въ ея спальнѣ, стала такъ хитростно поглядывать на нее и такъ «диковинно» ухмыляться, что Зайка тотчасъ все замѣтила. И она, конечно, тотчасъ догадалась, что старуха знаетъ больше нея, знаетъ и то, чего она и понять не сможетъ.

— Ну, ужъ говори, Терентьевна,—сказала она ласкаясь.

— Нельзя. Негоже дѣвицѣ этакое слышать,—отвѣтила старуха.

— Стало, есть что? Есть?

— Ничего нѣту. Откуда ты выискала?

— Да, вѣдь, сказываешь сама, что негоже мнѣ слышать. Стало, есть что... негожее-то... Говори. Про князя вѣдь, про него... Говори, хорошая моя, касатушка, родимая, золотая...

И Зайка обняла старуху, повисла у нея на шеѣ и стала, не желая, валить на полъ.

— Стой, стой! Упаду,—закричала Терентьевна, пошатываясь и стараясь удержаться на дряблыхъ ногахъ.

— Говори! Не то и повалю и задушу... — вскрикнула Зайка, раскраснѣвшись отъ волненія.—Говори все. Не то, вотъ сейчасъ руки на себя наложу.

— Грѣхъ и молвить этакое. И не знаешь, вѣдь, сама что языкомъ болтаешь. Нечего мнѣ сказывать. Катерина Петровна накрѣпко воспретила тебѣ говорить, что онъ собирается тебя сватать.

— Когда?! когда?! Родимая! Терентьевна!

— Не знаю, и она не знаетъ.

— Можетъ, и сегодня. Ну, а скажи—вѣнчаться въ церкви сейчасъ же будемъ, или отложится.

— Вѣстимо, не сейчасъ.

— Когда же? Черезъ недѣлю?—угрюмо, даже строго спросила Зайка.

— И поболѣ. Въ дворянахъ-господахъ такъ не полагается. Надо тянуть и откладывать.

— Зачѣмъ?—отчаянно вскрикнула дѣвушка.

— Ужъ таковъ законъ. По полгоду, бываетъ, тянется дѣло, а то и болѣ.

— Господи, да вѣдь это помереть можно. Я умру, Терентьевнз. Ей-Богу, умру. Вотъ возьму и умру, а ждать не стану. Какъ бабушка съ дѣдушкой хотятъ, а чтобъ сейчасъ вѣнчали. Завтра, ну, пожалуй, послѣзавтра. А то скажу — умру. Хуже будетъ имъ. Пожалѣютъ, да поздно, какъ за ноги въ могилу стащатъ.

— Тьфу, какихъ словъ набираешься ты, дитятко! Мало что народъ болтаетъ. Слушать тебѣ не слѣдъ. А коли слышала, забудь. А ты вотъ тоже болтаешь языкомъ.

— Не хочу! не хочу! Хочу сейчасъ. Не могу терпѣть!—начала Зайка причитать жалобно, не слушая длиннаго нравоученія старухи о благоприличіи, безсвязнаго и безтолковаго.

И кончилось тѣмъ, что дѣвушка-ребенокъ начала вдругъ, сама не зная почему, плакать навзрыдъ, какъ отъ неожиданнаго большого горя.

XIV.

А въ то же время инвалидъ догадался или будто почуялъ что-то новое...

Въ этотъ же вечеръ Ваастъ пошелъ за княземъ въ его комнату и наединѣ спросилъ угрюмо:

— Ну, сударь, Самсонъ Ивановичъ... что же, когда въ путь?

— Не знаю, сударь, Адамъ Адамовичъ, — ухмыляясь и будто заигрывая, отвѣтилъ Гиреевъ.

— Напрасно. Пора бы уже и знать.

— Какъ такъ? Даже и не пойму.

— Пора, говорю, знать, что дѣлать. Пора, покуда еще не поздно...

— А какъ же это можетъ быть поздно?.. Тоже не пойму.

— Полно, князь, ломаться да словами играть,—уже рѣзко произнесъ Ваастъ.—Я, вотъ Христосъ Богъ, натрудился, мнѣ больше невтерпежъ, силъ нѣтъ... Нутро не на мѣстѣ, который день...

— Да что съ тобой, Адамъ Адамовичъ?—уже не улыбаясь, спросилъ князь.—Ей-Богу же, ничего не пойму. Говори по-человѣчьи, безъ загадокъ.

— А вы-то что же всѣ человѣчьи чувства растеряли совсѣмъ, что тебѣ мои простыя слова загадками оборачиваются? Полно, князь, полно... Понимаешь хорошо. Ну, вотъ и скажи: когда мы отсюда съѣдемъ? Скоро ли?

— Не знаю,—недовольнымъ голосомъ отвѣтилъ Гиреевъ.

— А я говорю: пора знать. А то будетъ поздно. Втюришься ты совсѣмъ въ этого ангелочка и тогда... Хочешь-не хочешь, придется тебѣ либо, уѣхавши отсюда, хворать мыслями еще пуще прежняго, то-есть тосковать по красоткѣ... Либо придется въ церковь итти, чего ты никогда не желалъ.

— А середины нѣтъ? Ни тосковать, ни вѣнчаться! — отчасти раздражительно сказалъ князь.

Ваастъ поглядѣлъ ему зорко въ лицо, помолчалъ нѣсколько мгновеній и произнесъ глухимъ голосомъ:

— Если ты середину въ этакихъ обстоятельствахъ найдешь, то я... я, стало быть... Я ужъ тогда ничего не соображу. Стало быть, я тебя не зналъ никогда, за другого принималъ, слѣпъ былъ... Что же? Эта дѣвица, почитай, еще отроковица, да дворянка стараго и столбового рода, подпорочка цѣлой благородной семьи достойнѣйшихъ стариковъ... Она, стало быть, тебѣ то же, что разныя Адольфины. Ты потомъ старику столѣтнему, капитану гвардіи... пришлешь со мною же его правнучку обратно, приложивъ триста рублей на разживу. Ну, что же молчите?—отвѣтствуйте.

Князь сидѣлъ, опустя голову, и лишь чрезъ нѣсколько мгновеній произнесъ тихо и вздохнулъ.

— Не знаю, совсѣмъ не знаю, какъ быть. Гордіевъ узелъ. Да.

— Узелъ? — удивился Ваастъ. — Про какой ты узелъ? Что за узлы тутъ?

— Гордіевъ. Такъ именуется. Долго пояснять. Это, Адамъ Адамовичъ, ты бы знать долженъ. Есть такой узелъ, то есть былъ, который, можетъ, тысячу лѣтъ пробовали люди развязать, и никто не могъ...

— Не надо было и пробовать, чего нельзя. На то разумъ. Этакъ я начну по ночамъ звѣзды картузомъ ловить.

— А тотъ знаменитый македонскій царь, Александръ, нашелся и изловчился.

— Развязалъ?

— Нѣтъ. Говорятъ тебѣ, что нельзя было развязать...

— Такъ какъ же тогда онъ изловчился? Плюнулъ да отошелъ. Я же про это и сказываю. Только на мой толкъ, не надо было и пробовать, время терять попусту...

— А я тебѣ сказываю, что царь Александръ, себѣ на умѣ, загадку разрѣшилъ, какъ взяться...

— Развязалъ, стало быть?

— Нѣтъ же, говорятъ тебѣ...

— Такъ бросилъ дѣло?

— Нѣтъ же... Не бросилъ, и не развязалъ, и не спасовалъ.

Ваастъ развелъ руками...

— А вотъ, поди спать, Адамъ Адамовичъ. Утро вечера мудренѣе—завтра встанешь и подумай, и, можетъ, догадаешься, въ чемъ финтъ... Вотъ такъ-то и я хочу теперь изловчиться.

— Нѣтъ, Самсонъ Ивановичъ,—сурово отозвался Ваастъ.—Тутъ дѣло не простое,—дѣло, за сердце хватающее. Тутъ не до прибаутокъ, шуточекъ. Говорите, что вы порѣшили. Когда мы ѣдемъ?

— Не знаю, говорю.

— Стало быть, желаете Катеринѣ Петровнѣ или Андрею Андреевичу заявить о своемъ намѣреніи бракосочетаться?

— Нѣ-ѣтъ,—протянулъ князь.

— Стало быть... Что же вы желаете дѣлать?

Князь разсмѣялся и выговорилъ добродушно:

— Да вотъ... Выкрасть, что ли...

— Зинаиду Антоновну?

— А то кого же?.. Прасковью Андреевну что ли?

— А тамъ меня снарядите ее назадъ доставить сюда съ вознагражденіемъ за безчестіе... Ну-съ, ваше сіятельство... Утро, какъ ты сказываешь, мудренѣе вечера. Вотъ ты мнѣ завтра, выспавшись, и скажи: баловался ли ты съ вечера или правду сказывалъ, остаетесь вы при своемъ безстыжемъ и окаянномъ рѣшеніи или передумали?.. А покуда прощайте, доброй ночи.

И Ваастъ быстро вышелъ изъ комнаты.

И эту ночь добрый и честный инвалидъ такъ же, какъ старецъ и какъ юная Зайка, плохо спалъ, все вертѣлся и все вздыхалъ.

И очень рано утромъ Ваастъ уже вошелъ въ комнату, гдѣ поселили гостя князя, и, найдя его не въ постели, а сидящимъ у открытаго окна, нѣсколько удивился, но и обрадовался.

«Стало быть, тоже мыслями расправляется и тревожится»,—пришло ему на умъ тотчасъ же.

— Ужъ поднялися? Что же? Какъ утро нонѣшнее мудренѣе вчерашняго вечера?—сказалъ онъ улыбаясь.

Гиреевъ поднялъ голову, глянулъ на Вааста и угрюмо насупился.

— Мудренѣе, вѣстимо. И изъ-за тебя же... Что же ты вчера наболталъ! Разумѣется, и меня смутилъ. Ну, а скажи, догадался ты или нѣтъ, что царь македонскій съ узломъ сдѣлалъ.

— Полно вамъ баловаться. Царь-то этотъ, можетъ быть, что̀ и выдумалъ, изловчился, чтобы развязать. А вы, вотъ, сударь князь, затягиваете теперь узелъ, гдѣ его и не было, гдѣ ему и не слѣдовало быть. Вотъ что̀. Да не узелъ, а похуже. Петлю прилаживаете и себѣ, и другимъ, мертвую петлю, какъ сказывается.

Князь усмѣхнулся какъ-то кисло.

— Да, пожалуй, правда. И себѣ, и другимъ...

— Да себѣ-то—ваша воля, а другимъ—грѣхъ... Вотъ что, родимый мой, золотой... Давай, уѣдемъ отсюда сейчасъ. А?

— Не могу.

— Что же тогда будетъ?

— И самъ не знаю.

— Безчестіе! Да, безчестіе себѣ и безчестіе другимъ, неповиннымъ. А кто виноватъ будетъ? Я.

— Какъ же это—ты?

— Я, одинъ я. Я надумалъ это дураково странствованіе по костямъ, которое насъ сюда занесло, въ этотъ Пустой Валъ.

— Судьба, Адамъ Адамовичъ.

— Судьба. Никогда не повѣрю, чтобъ судьба хотѣла, чтобы я вдругъ мерзавцемъ сталъ.

— Что-о?—протянулъ князь удивленный.

— Не я, такъ другой кто—изъ-за меня.

— Спасибо,—разсмѣялся князь.

— Полно, Самсонъ Ивановичъ, говорю я тебѣ, въ слова играть. Отвѣтствуй: ѣдемъ мы сейчасъ или не ѣдемъ отсюда во-свояси?

— Не могу я уѣхать, и конецъ. Видитъ Богъ, не могу.

— Такъ отпусти ужъ меня отсюда, чтобы мнѣ не видѣть окаяннаго дѣла. Дозволь телѣжку взять.

— Что же, не держу. Ступай...—глухо и сурово отвѣтилъ князь отворачиваясь.

Чрезъ часъ Ваастъ исчезъ изъ дома и изъ усадьбы. Онъ уѣхалъ, не простившись съ Глѣбовыми.

— Лучше,—разсуждалъ Адамъ Адамовичъ,—лучше не проститься и не отблагодарствовать за хлѣбъ-соль, чѣмъ, прощаясь, не предупредить честнѣйшихъ людей, что у нихъ волкъ въ овчарнѣ. Хуже: Каинъ гость у нихъ.

Самостоятельный поступокъ инвалида, самовольный въ нахлѣбникѣ и человѣкѣ все-таки зависимомъ, разсердилъ избалованнаго судьбой и людьми прихотника.

«Что хочу, то и дѣлаю, то и буду дѣлать!»—мысленно восклицалъ онъ.

На утро князь, поднявшись раньше обыкновеннаго, будто сердито ухмыляясь, сказалъ пришедшему любимому слугѣ.

— Ну, Ферапонтъ Кузьмичъ, конецъ дѣлу вѣнецъ. Я порѣшилъ безъ поворота.

— Уѣзжать? Пора давно... Вонъ Адамъ Адамовичъ ужъ не вытерпѣлъ...

— Нѣтъ, золото мое. Уѣзжать-то, уѣзжать, только не по-вашему, а съ калымомъ, какъ сказываютъ татары.

— Съ калымомъ?—повторилъ Ферапонтъ.

— Калымъ, калымъ. Невѣста... дѣвица, что татаринъ по закону ихнему долженъ уворовать, а затѣмъ откупиться.

Слуга насупился, искоса глянулъ на барина князя и выговорилъ грубовато:

— Калымъ платитъ татаринъ родителямъ, когда беретъ дѣвицу за себя въ жены законныя. А когда онъ просто уворуетъ дѣвицу, то тутъ завсегда не калымомъ дѣло обходится, а кòломъ по башкѣ. Нѣтъ, князь, я надежду питаю, что ты зря языкомъ сболтнулъ и только стращаешь... насъ всѣхъ, твоихъ холоповъ.

— Нѣтъ, правду сказываю,—вдругъ, смущаясь отчасти, отвѣтилъ князь, потупляя глаза.

— Повтори же, Самсонъ Иванычъ, а то я, видно, тебя не понялъ.

— Понялъ, Ферапонтъ, да, понялъ,—горячо выговорилъ князь.— Конечно, оно дѣло не простое... Да что же тутъ?.. Какъ тутъ быть? Другого исхода нѣтъ. Мнѣ безъ нея... Ну, вотъ, ей-Богу же, мнѣ безъ нея не жить. Безъ нея я во-вѣки отсюда не соберусь.

— Укроти себя, князь Самсонъ Иванычъ. Дворянскую честь вспомни. Бога хватися наконецъ, о коемъ давно забылъ, какъ сказываетъ Адамъ Адамовичъ.

— Ничего не могу. Дѣло рѣшенное, и концы въ воду... Такъ меня захватило, какъ никогда еще не бывало. Женился бы... вотъ что! Коли на то пошло, то вотъ, ей-Богу же, готовъ бы вѣнчаться съ ней сейчасъ.

— Зачѣмъ же дѣло? Они всѣ рады будутъ.

— Да. Но сказано было тебѣ сто разовъ, а всѣмъ вамъ тысячу разовъ, что я вѣнчаться не могу. А почему?—то мое дѣло.

— Такъ брось, князь,—съ чувствомъ заговорилъ Ферапонтъ.— Не срами себя и насъ, да и не твори несчастныхъ, цѣлую семью дворянскую, стариковъ, изъ коихъ старшему чуть не сто лѣтъ. Адамъ Адамовичъ правду сказываетъ, ты подъ ихъ кровлей, ихніе хлѣбъ-соль кушаешь...

— Все это... все знаю. Все обсудилъ...—забормоталъ Гиреевъ.— Ну... ну, и не могу... безъ нея не могу... И надо инъ было такому грѣху случиться, что мы сюда попали. И все твой же Адамъ Адамовичъ натворилъ, съ его выдумкой по костямъ странствовать. Или ужъ такова судьба. Да, и я не причемъ. Знаю и чую, что бѣда бѣдовая, дѣло негодное. И не могу, совсѣмъ не могу. Я не властенъ надъ собой. Таковъ уродился. Ей-Богу, радъ бы самъ отъ себя иной разъ убѣжать... Вотъ хоть бы теперь..

XV.

Однако, послѣ перваго чувства досады и капризнаго гнѣва, отъѣздъ Вааста совсѣмъ иначе подѣйствовалъ на Гиреева и какъ бы заставилъ его серіознѣе и глубже обсудить странныя условія, въ которыя онъ попалъ. Онъ и любилъ и глубоко уважалъ инвалида, какъ честнаго человѣка и какъ моряка, героя знаменитаго сраженія. Во всемъ, что было для Вааста «добрымъ» или «худымъ», князь съ нимъ всегда соглашался, за исключеніемъ своего напускного вольнодумства въ религіозныхъ вопросахъ. Да и въ этомъ случаѣ происходила какая-то разладица въ самомъ Гиреевѣ, позволявшая Ваасту не довѣрять вполнѣ безвѣрію и вольнодумству друга и замѣчать ему:

— Твоя душа лучше твоего языка. Болтаешь ты по-дьявольскому и чувствуешь по-божески.

Къ главному пороку Гиреева—частая перемѣна наложницъ— инвалидъ относился снисходительно, объясняя, какъ и всѣ:

— Молодъ, богатъ, одинокъ... Скучаетъ до хворости. Ну, вотъ и прихотничаетъ. И только вѣдь въ этомъ одномъ. Помимо бабья, никакихъ худыхъ прихотей нѣтъ.

И за десять лѣтъ жизни вмѣстѣ, между обоими не было ни разу даже простой размолвки. Ваастъ былъ слишкомъ прямодушный и гордый человѣкъ, чтобы льстить князю, уступать и не ссориться изъ личныхъ выгодъ. Ихъ мирная дружба была послѣдствіемъ того, что не являлось поводомъ къ важнымъ размолвкамъ, а въ мелочахъ почти всегда уступалъ князь.

И вотъ теперь случилось нѣчто новое, небывалое, впервые за цѣлыя десять лѣтъ.

Ваастъ выразился: «безстыжее» поведеніе и «окаянное» дѣло, и назвалъ покровителя-друга словомъ «мерзавецъ».

И Гиреевъ, обдумывая отъѣздъ инвалида, все болѣе падалъ духомъ, смущался и путался въ своихъ размышленіяхъ.

— Стало быть, нынѣшнія происхожденья — не въ примѣръ прежнимъ, особь статья. По мнѣ все то же, а ему нѣтъ. Вся разница, что тутъ старики дворяне, добрые, ласковые... Таковое и прежде бывало... И обходилось — ничего. Раза два, три, семьи были тоже дворяне... Только дороже обходилось. Правда, одна руки на себя наложила, но не отъ безчестія, а отъ тоскованія по мнѣ...

Однако, убѣждая себя, что онъ правъ, а Ваастъ не правъ или преувеличиваетъ, князь будто боролся съ самимъ собой, съ внутреннимъ голосомъ, который громко говорилъ:

— Адамъ Адамовичъ правъ. Ты же и не судья. У тебя пристрастіе. Да и ослѣпленъ ты прельщеніемъ. А онъ судитъ здраво и холодно, какъ чужой и безпристрастный человѣкъ. Со стороны виднѣе.

Съ отъѣздомъ Вааста, будто его пребываніе имѣло какое либо особое значеніе, случилось нѣчто новое.

Князь невольно сталъ замѣчать, что его пребываніе въ Пустомъ Валѣ какъ бы не нравится уже всей семьѣ.

Глѣбовы прежде будто постоянно ожидали его послѣдняго рѣшительнаго слова или шага. Онъ самъ ихъ къ этому почти легкомысленно привелъ всѣмъ, что говорилъ, почти зря болталъ языкомъ безъ зазрѣнія совѣсти. Теперь вся семья будто очнулась отъ напущеннаго имъ тумана, уже ничему не вѣрила, казалось, ничего не ожидала и тяготилась его присутствіемъ, не имѣя духу попросить его избавить ихъ отъ себя.

Гиреевъ ошибался отчасти. Причины перемѣны въ отношеніяхъ были иныя. Одинъ лишь Андрей Андреевичъ хотя и продолжалъ вѣрить въ честныя намѣренія гостя, началъ неясно, безсознательно желать, чтобы ничего не произошло серіознаго, а лучше бы простой отъѣздъ. Постоянныя, все учащавшіяся предупрежденія

старца-отца, что у гостя что-то «худое» на умѣ, заставляющее его запаздывать въ усадьбѣ, не дѣйствовали на Андрея Андреевича.

— Что же можетъ быть худое? Нечему этакому быть!—разсуждалъ онъ.—Что же онъ и въ самомъ дѣлѣ насъ спалитъ нарочно или ограбитъ силкомъ со своими людьми? Назвавшись дворяниномъ и княземъ, вдругъ окажется разбойникомъ, атаманомъ шайки? Совсѣмъ не похоже. Даже смѣхотворно. Скажи ему въ лицо самому—помретъ со смѣху.

Что касается до старухи и до старой дѣвицы, онѣ продолжали ожидать, что гость не нынче-завтра «объявится» и поручитъ кому либо, какъ того требуютъ приличія, заговорить въ качествѣ свата.

Перемѣна же въ нихъ обѣихъ по отношенію къ князю была дѣйствительно, но по совершенно инымъ причинамъ.

Катерина Петровна въ ея года, а главное въ силу перемѣны образа жизни, просто устала, даже чувствовала себя немного хворой. Уже лѣтъ восемь она почти не двигалась, ничѣмъ не волновалась, даже ни о чемъ не думала. Она сидѣла день-деньской въ огромномъ покойномъ креслѣ въ своей комнатѣ и, кромѣ того, помимо двѣнадцатичасового сна, отъ восьми вечера до восьми утра, «прикладывалась» еще на постель «отдохнуть» середи дня, послѣ обѣда. Теперь же она нѣсколько дней двигалась изъ-за гостя и не прикладывалась вовсе. Да къ тому же и думать приходилось много о многомъ ради князя и внучки. Конечно, голова полнокровной старухи начала «трещать», а лицо и взглядъ еще пуще «совѣть» и казаться сердитыми.

Что касается до Прасковьи Андреевны, то она дѣйствительно прямо и не скрываясь враждебно относилась къ князю, но именно потому, что убѣдилась и вѣрила, что онъ собирается посвататься за «бѣлобрысаго щенка». А возможность подобнаго заранѣе приводила Прасковью Андреевну въ состояніе не простой лишь злобы отъ зависти, но въ настоящее остервенѣніе.

— Глупая и некрасивая дѣвченка будетъ за богатымъ и красивымъ человѣкомъ замужемъ, будетъ важной къ тому же барыней, княгиней. Да что же это?!—думала и восклицала старая дѣвица.

Князь, конечно, не могъ знать, на чемъ основано новое, другое отношеніе къ нему хозяевъ, менѣе радушное, и иногда ему приходило на умъ: не догадываются ли Глѣбовы, какія его намѣренія? Разумѣется, тотчасъ же онъ убѣждалъ себя, что имъ совершенно невозможно даже подумать то, что у него на умѣ. Это немыслимо.

И затѣмъ онъ, разумѣется, говорилъ себѣ:

«Хорошее же у тебя, выходитъ, на совѣсти, ежели самъ же понимаешь, что старикамъ на умъ этакое и прійти не можетъ никогда».

На второй день послѣ отъѣзда Вааста князь проходилъ угрюмый, суровый и молчаливый, какъ бы забывъ, что онъ въ гостяхъ и не дома, и что приличія требуютъ быть полюбезнѣе и поразговорчивѣе.

Уйдя рано къ себѣ въ комнату, онъ сѣлъ у раствореннаго въ садъ окна и положилъ себѣ не ложиться спать, покуда не рѣшитъ вопроса: «что дѣлать—воздержаться или дать себѣ волю?»

Ему казалось, что онъ плѣненъ молоденькой дѣвушкой такъ сильно, какъ еще никогда въ жизни не бывалъ. На этотъ разъ это не простая прихоть, а сердечное влеченіе. Ему нравятся даже ея недостатки, не только качества. Она проста разумомъ необыкновенно, прямо дурочка, а это именно ему и нравится. Она дичокъ съ ухватками, рѣзкими и угловатыми простой крѣпостной дѣвушки, хотя въ нихъ все-таки сквозитъ дворянская кровь. Она совершенно ни о чемъ говорить не можетъ, только спрашиваетъ и разспрашиваетъ. Да. Но все это именно и нравится въ ней.

Ну, а старики, старецъ девяностолѣтній, котораго онъ ни разу не видалъ, вся эта семья добрыхъ и простыхъ людей? Какое страшное горе можетъ онъ внести въ этотъ домъ, подъ этотъ кровъ?

У татаръ, у дикихъ кавказцевъ, и у тѣхъ даже, какъ сказываютъ, есть святое правило не дѣлать зла даже лютому врагу, съ которымъ очутился подъ одной кровлей. Хозяинъ для гостя, какъ и гость для хозяина—священныя особы.

И, просидѣвъ у окна болѣе двухъ часовъ, князь поникъ головой. Лицо его было грустно, взглядъ сталъ тусклъ, губы сжались въ горькую усмѣшку, будто надъ самимъ собой или надъ злой судьбой, которая его гнететъ.

Онъ порѣшилъ твердо и безповоротно не трогать это гнѣздо честныхъ и простыхъ людей, не посягать на него, не позорить добрыхъ стариковъ.

— Уѣзжать чѣмъ свѣтъ! Бѣжать отъ искушенья дьявола!— рѣшилъ онъ, почти закричалъ грозно, какъ бы отдавая самъ себѣ, строгое приказаніе.

И улегшись на постель, но не имѣя возможности заснуть, онъ бормоталъ:

— Сейчасъ бы женился... если бы можно было.

XVI.

На утро Гиреевъ поднялся съ грустнымъ, но твердымъ намѣреніемъ проститься съ Глѣбовыми и выѣхать.

Если хозяйка послѣ всѣхъ ихъ разговоровъ будетъ удивлена, то онъ уже приготовилъ ложное объясненіе. Онъ скажетъ ей:

«Чрезъ мѣсяцъ снова явлюся къ вамъ, и поговоримъ окончательно о нѣкоторомъ семейственномъ обстоятельствѣ».

Однако, проснувшись рано, князь понялъ, что всѣ еще по своимъ комнатамъ, а Зайка уже навѣрное въ саду со старой Терентьевной.

И онъ рѣшилъ послѣдній разъ, «послѣдній въ жизни», повидать ее одну, предложить ей якобы побѣгать съ нимъ въ саду, то-есть остаться съ ней наединѣ безъ старухи.

«Еще разъ, одинъ расцѣловать эту Зайку и проститься съ ней на вѣки вѣчные».

Князь вышелъ и дѣйствительно тотчасъ же встрѣтилъ молодую дѣвушку со старухой.

И Зайка показалась ему красивѣе, чѣмъ когда либо. И личико ея было еще бѣлѣе и румянѣе, свѣжѣе самаго свѣжаго утра, и глаза синѣе самаго синяго неба, и кудрявые волосы золотистѣе самаго солнца...

Поздоровавшись и пройдясь немного, онъ тотчасъ же вымолвилъ, но голосомъ нѣсколько не своимъ, будто сдавленнымъ отъ наплыва чувства.

— Что же, Зинаида Антоновна? Побѣгаемъ?..

— Нѣту, нѣту!—воскликнула Терентьевна.—Барыня не приказала мнѣ васъ отпущать отъ себя.

Зайка громко расхохоталась на слова старухи и съ мѣста бросилась впередъ изъ всѣхъ силъ. Князь послѣдовалъ за ней. При первомъ же поворотѣ дѣвушка бросилась въ сторону и исчезла въ кустахъ, такъ что Гиреевъ потерялъ ее изъ виду.

Но она сама остановилась... И когда онъ подбѣжалъ, она подпрыгнула къ нему, обвила его шею руками и прильнула съ поцѣлуемъ, крѣпко обхвативъ его шею. Она была такъ мала и легка, что князь двинулся дальше въ чащу сада, неся ее на рукахъ, какъ малаго ребенка.

— Скажите!.. Когда же наконецъ?.. зашептала Зайка.

— Что, моя дорогая?

— Вѣнчаться. Когда повѣнчаемся? Сегодня?

Князь молчалъ...

Зайка снова приникла къ нему и снова, цѣлуя, заговорила, умоляя:

— Голубчикъ, милый, золотой!.. Нельзя ли сегодня? Мнѣ хочется поскорѣе. Родимый мой. Скажите, вотъ сейчасъ, бабушкѣ. Пойдемъ въ церковь, а потомъ уже при всѣхъ цѣловаться будемъ и въ одной комнатѣ жить будемъ...

— Нѣтъ... Слушай, Зайка. Нѣтъ... выговорилъ князь рѣзко, чуть не гнѣвно и сильно измѣнившись въ лицѣ.

И онъ поставилъ сразу, будто уронилъ, ее на ноги на дорожку.

Зайка, изумленная, даже испуганная его голосомъ и лицемъ, оторопѣла и глядѣла на него, широко раскрывъ свои красивые синіе глаза.

— Слушай... Слушай... Запомни. Не спутай!—заговорилъ князь прерывающимся голосомъ.—Слышишь. Сегодня предъ полуднемъ, когда я выйду въ садъ, скажу бабушкѣ, что хочу прогуляться, выходи тоже и иди вонъ туда вправо, гдѣ у васъ калитка въ лѣсъ. Я тебя тамъ буду ждать. Буду ждать хоть часъ и два... сколько бы ни было. Приходи... Придешь? Къ калиткѣ?

— Понятно, приду,—простодушно отвѣтила дѣвушка.

— Хорошо. А если я... если я тебя... началъ Гиреевъ и запнулся, колеблясь и не зная, говорить ли прямо правду.

И вдругъ онъ выговорилъ, взволновавшись еще болѣе:

— Нѣтъ, тебя обманывать не хочу... тебя одну... Все-таки легче будетъ мнѣ потомъ, зная, что я тебя не обманомъ взялъ... Если придешь, Зайка, то я тебя не отпущу домой. Ужъ не отпущу...

— Какъ же такъ?

— Я тебя увезу, Зайка, увезу къ себѣ. И будемъ у меня вмѣстѣ жить...

— Радехонька, родимый мой!—воскликнула дѣвушка.—Только вотъ что... Гдѣ же вѣнчаться-то мы будемъ? Безъ этого нельзя никакъ. Я еще вчера слышала, что если хочетъ дѣвка съ кѣмъ жить, такъ прежде повѣнчайся въ храмѣ. А безъ того и грѣхъ, и срамота на весь Пустой Валъ. Вчера дѣдушка это сказывалъ прачкѣ Улитѣ и приказалъ ей итти въ храмъ съ Егоромъ въ будущій мясоѣдъ. Вѣрно говорю... Я все хорошо слышала.

Князь невольно слегка улыбнулся и выговорилъ нетвердо:

— Да, да, конечно.

— Гдѣ же мы вѣнчаться будемъ? У васъ? Вѣдь у васъ тоже храмъ есть?

— Конечно... конечно. Вотъ какъ передъ Богомъ!—воскликнулъ Гиреевъ, но тотчасъ же смутился этой «игрѣ въ слова», какъ называлъ Ваастъ.

И солгавъ, онъ не выдержалъ милаго, чистаго, небесно-синяго взгляда прелестнаго дичка, прелестнаго именно своимъ простомысліемъ.

Онъ опустилъ глаза и вздохнулъ глубоко, будто только что пробѣжалъ опрометью.

А это было рѣшеніе, вдругъ безповоротно принятое его разумомъ, которое захватило и сжало сердце. Это было потому, что въ немъ долго боролись два разные человѣка, и вчера вечеромъ побѣдилъ одинъ изъ нихъ, хотя и съ трудомъ. И князь былъ грустенъ и несчастливъ, пенялъ на свою судьбу-мачиху. Теперь нежданно побѣдилъ другой, побѣдилъ окончательно. И князь не былъ грустенъ, а былъ будто испуганъ...

«Неслыханное окаянное дѣло,—думалось ему съ трепетомъ.— Злодѣйство. Да... Но не могу. Зло—такъ зло... Грѣхъ—такъ грѣхъ. Не могу и не могу... Дня безъ нея не смогу прожить...»

И протянувъ руки къ дѣвушкѣ, которая, изумляясь его голосу и взгляду, не сморгнувъ глядѣла ему въ лицо, онъ вымолвилъ глухо:

— Не жди и полудня... Приходи, какъ можешь, къ калиткѣ...

— Приду же... Приду. Хоть умру, приду... лепетала она.

Заставивъ все-таки молодую дѣвушку побожиться, что она придетъ къ калиткѣ, чтобы уѣхать съ нимъ, князь быстро вернулся въ домъ и заспѣшилъ въ исполненіи своего рѣшенія.

Онъ боялся... Все висѣло на волоскѣ.

Да, онъ понималъ, что вдругъ все перевернется, все обернется иначе. Будетъ полная неудача.

Не Зайка, добрая, простодушная, влюбленная, сама того не вѣдая, побоится прійти къ калиткѣ, выходящей въ лѣсъ. Не старики добродушные вдругъ догадаются, почуютъ бѣду и примутъ мѣры противъ ухищренья врага, змѣи, пригрѣтой за пазухой. Не дворня Глѣбовыхъ, провѣдавъ что либо, вступится, доложитъ господамъ и разстроитъ все злодѣйское предпріятіе.

Нѣтъ, не они...

Есть человѣкъ, который все можетъ похерить, все задуманное и устроенное для счастья князя Гиреева. Онъ можетъ въ послѣднюю минуту все испортить, помѣшать и свести все на нѣтъ.

И этотъ человѣкъ—самъ князь Самсонъ Ивановичъ, или, вѣрнѣе, половина его самого. Хорошая половина, та, что кидала за окошко сочиненія господина Вольтера, та, что послѣ вольнодумныхъ размышленій и рѣчей приходила въ уныніе и говорила:

— Господи, куда бы мнѣ уйти отъ себя!..

Князь спѣшилъ, боясь вдругъ уступить тому голосу, который звучалъ въ немъ самомъ и говорилъ, и повторялъ, и все сильнѣе, все громче:

— Что ты дѣлаешь? Опомнись. «Хватися Бога, коли забылъ объ немъ»,—сказываетъ Ваастъ тебѣ.

Князь, вернувшись въ домъ, позвалъ Ферапонта и, скрывая свое смущенье подъ дѣланнымъ сурово строгимъ лицемъ, рѣзкимъ голосомъ приказалъ, не мѣшкая, распорядиться.

Людямъ тотчасъ же сниматься съ мѣста тихо, порядливо и насколько возможно непримѣтно и уѣзжать, ѣхать домой въ вотчину.

Но главное было не это. Главное было:

— Каретѣ быть у калитки сада, выходящей въ лѣсъ. Чрезъ десять верстъ, чтобы была подстава, такъ какъ, несмотря на пески, придется, пожалуй, изъ-за погони летѣть лѣсомъ чуть не вскачь, и кони не выдержатъ.

— Если что не выгоритъ, Ферапонтъ, если что напутаешь, то не кажись мнѣ никогда на глаза, уходи на волю и вонъ изъ вотчины на вѣки вѣчные,—прибавилъ князь взволнованно.

Напутать старику буфетчику было нечего, но онъ все-таки неувѣренно отвѣтилъ:

— Слушаю. Какъ приказалъ, такъ все точно и будетъ.

XVII.

Около полудня въ усадьбѣ Пустой Валъ была полная тишина; члены семьи, въ ожиданіи обѣда, были всякій у себя за какимъ либо занятіемъ.

Наконецъ, эта тишина, царившая и въ домѣ, и во дворѣ, была прервана постукиваньемъ посуды и серебра въ столовой. Буфетчикъ и его помощникъ накрывали на столъ... Скоро все было на столѣ, даже стулья разставлены вокругъ стола. Главный слуга въ домѣ, камердинеръ старца, явился изъ своего флигеля и взялся за свое особое временное дѣло—накрывать маленькій столикъ въ комнатѣ барина Андрея Ивановича.

Взявшись за бѣлье и посуду на подносѣ, старый Макаръ пробурчалъ то же, что бурчалъ каждый разъ неизмѣнно уже нѣсколько дней.

— Когда же этому конецъ будетъ?.. Такъ мой баринъ и будетъ сидѣть у себя заточникомъ?

— Вольно. Вышелъ бы... познакомился бы съ княземъ,—замѣтилъ буфетчикъ тоже уже не въ первый разъ.

— Не желаетъ онъ,—заговорилъ Макаръ нравоучительно.—Не желаетъ, покуда князь не объявится, какой онъ такой гость и зачѣмъ застрялъ у насъ и скоро ли станетъ свойственникомъ, что ли... А съ пріѣзжими Андрею Ивановичу знакомиться не слѣдъ. Какая нужда! Мало ли ихъ по дорогамъ ѣздитъ! Начнутъ они къ намъ заѣзжать, какъ на привалъ, а барину въ его годы выходить да лепортовать объ себѣ: такой, молъ, я этакій, здѣшній помѣщикъ.... Это можетъ дѣлать молодой баринъ, а не Андрей Иванычъ.

Слуга Макаръ былъ уже старикъ семидесяти семи лѣтъ, хотя на видъ казался шестидесятилѣтнимъ и, почти съ рожденья будучи въ домѣ при господахъ, помнилъ родителей старца, помнилъ маленькую усадьбу Глѣбовыхъ, въ пять комнатъ, въ ихъ подмосковной деревнѣ, равно помнилъ въ подробностяхъ выборъ Пустого Вала и стройку... По привычкѣ, онъ называлъ старика Андрея Андреевича «молодымъ» бариномъ въ отличіе отъ своего «стараго». Называя Прасковью Андреевну барышней, какъ и всѣ, онъ мысленно считалъ ее молоденькой, еще по молодости простоватой и не все смыслящей. Разумѣется, правнучка его барина была для Макара «ребенокъ», и когда ее называли люди «молодая барышня», въ отличіе отъ тетки, то старикъ замѣчалъ насмѣшливо:

— Молодая барышня? Олухи! Да Прасковья-то Андреевна какая же тогда? Старая что ли? Зинаида Антоновна еще младенчикъ, дите малое. Годами невѣста, то не въ мѣсто, коли разумомъ ни съ мѣста. Слыхали, такъ-то говорится.

Макаръ любилъ поболтать и особенно любилъ «учить» дворню, въ которой всѣ были моложе его. При этомъ онъ училъ пожилыхъ

рѣчами съ «барскими» словечками и пословицами, молодежь же руками, то-есть пинками, затрещинами, хохлодерками и уховертками, но слабыми, не ради причиненія хотя бы легчайшаго увѣчья, а ради поддержанія въ молодежи «понятія» о себѣ, какъ самомъ старшемъ барскомъ холопѣ.

— Разумѣйте, олухи, я Андрея Андреевича махонькимъ помню,— постоянно объяснялъ онъ, выдравъ кого либо за ухо или за хохолъ.

Теперь, собираясь итти накрывать на столъ своему барину «заточнику», старикъ былъ почему-то особенно въ духѣ и, вѣроятно, пустился бы въ разсужденья, но въ комнату быстро вошелъ столовый малый, тоже служившій всегда господамъ за обѣдомъ и ужиномъ.

— Дяденька,—вымолвилъ онъ, странно таращa глаза на Макара, какъ бы съ перепугу,—княжій таборъ сгинулъ...

— Что-о?—протянулъ старикъ.

— Сквозь землю провалился...

— Что? что?—отозвался и буфетчикъ, ничего не понявъ.

— Нѣту, нѣту ничего, никого... Все сгинуло... Сейчасъ изъ деревни Марѳутка прибѣгла... Наши побѣжали глядѣть.

— Что глядѣть, дуракъ?

— Самое, стало, мѣсто...—испуганно объяснилъ малый.—Марѳутка сказываетъ—ниже ни, ничего... Може, дыра осталась... Побѣгли..

Макаръ хотѣлъ было дать подзатыльникъ молодцу, но махнулъ только рукой...

— Что съ дураками подѣлаешь... Учатъ васъ, учатъ, и все будто беленные, белены объѣвшись.

И старикъ двинулся съ подносомъ въ комнату своего барина. Однако, по дорогѣ, въ темномъ коридорѣ, онъ пріостановился, вдругъ будто остановленный невидимой рукой. Внезапная мысль поразила его.

Безрукій инвалидъ, что гостилъ у нихъ, внезапно пропалъ, не простясь съ господами, и господа очень дивились этому недворянскому обхожденью, ничего князю объ этомъ не сказали, но сами были въ «афронтѣ». Теперь, сказываетъ этотъ дуракъ, столовый, что и весь таборъ княжій вдругъ пропалъ, то-есть уѣхалъ... Что, если это правда?.. Тогда жди, что и князь самъ вдругъ возьметъ да и уѣдетъ, тоже не сказавшись.

— Ну, что же? Скатертью дорога,—проворчалъ Макаръ, но прибавилъ тотчасъ же... Только зачѣмъ такъ-то? Какой здѣсь умыселъ? Одно невѣжничанье или что себѣ на умѣ...

И старикъ, двинувшись къ барину, рѣшилъ скорѣе все установить и итти въ людскую спросить и разузнать все толкомъ. Можетъ быть, княжіе люди перешли лагеремъ на другое мѣсто въ

лѣсу, по его приказу, а своя дворня зря гвалтъ подымаетъ, не въ свое дѣло носъ сунувъ, и только господъ разсердитъ.

— Накутермятъ. Князю неуваженіе, а господамъ стыдъ!—ворчалъ Макаръ, спѣша въ людскую.

Между тѣмъ, буфетчикъ, оглядѣвъ еще разъ столъ, все ли въ порядкѣ, и обмотавъ себѣ правую руку салфеткою, чтобы служить за столомъ, устроилъ нѣчто въ родѣ бѣлой рукавицы отъ пальцевъ до локтя. Затѣмъ онъ двинулся съ докладомъ по всѣмъ комнатамъ и, какъ всегда, началъ съ барина Андрея Андреевича и съ барыни, прошелъ въ комнату барыни, затѣмъ къ молодой барышнѣ, а затѣмъ уже въ другую половину дома къ гостю князю.

На этотъ разъ онъ не нашелъ ни барина, ни юной барышни, ни князя и, ворча, вышелъ на террасу и въ садъ.

— Нѣтъ имъ дѣла до поры. Въ кои вѣки всѣ въ сборѣ,—бурчалъ онъ.—Ходи, ищи, сыскивай, какъ гончая, слѣды вынюхивай.

Пройдя главную аллею, буфетчикъ завидѣлъ Терентьевну, которая не шла, а бѣжала дряблой старческой рысью.

— Гдѣ барышня? Кушать, а всѣ въ разбродѣ,—сердито сказалъ онъ.

— Родимый, ума не приложу... Нешто въ домѣ нѣту? Я весь садъ обрыла,—задыхаясь выговорила старуха.—Въ домѣ она. Иначе и быть негдѣ. Тута нигдѣ нѣту.

— А баринъ?

— Андрей Андреевича сейчасъ повстрѣчала. Онъ пошелъ къ ранжереямъ тоже Заиньку аукать.

— Ну же... А князь? И онъ прохлаждается?

— Князь не мнѣ дѣло,—досадливо отмахнулась старуха.—Намозолилъ онъ мнѣ и глаза-то, не только ноги... Мнѣ—гдѣ моя воструха запропастилась.

И Терентьевна снова почти бѣгомъ двинулась въ домъ. Буфетчикъ, угрюмо озираясь, пошелъ дальше по саду.

Между тѣмъ, старикъ Макаръ былъ въ кухнѣ и допрашивалъ возвратившихся съ опушки лѣса дворовыхъ. Всѣ заявили, дивясь, что табора княжаго и слѣдъ простылъ.

— Нѣту, и вотъ тебѣ нѣтути...

— И нѣта нѣту...

— И дыры нѣту, гдѣ провалились...

Вотъ что узналъ Макаръ и, не сказавъ ни слова никому, тоже дивясь, снова вернулся въ столовую. «Сядетъ за столъ князь, безпремѣнно самъ пояснитъ господамъ, какое приказалъ своей челяди»,—подумалъ онъ.

Въ столовой старикъ нашелъ Прасковью Андреевну, бранившую Терентьевну.

— Отпущаешь отъ себя зря по саду рыскать,—говорила она.— Вотъ теперь и жди всякаго щенка къ столу. И батюшку жди изъ-за этого...

И затѣмъ Прасковья Андреевна обернулась къ матери, вошедшей въ столовую:

— Не спѣшите... Поспѣете. Дожили мы до того, что должны старшіе младшихъ къ столу собирать и поджидать.

— Какъ такъ? Что?—удивилась Катерина Петровна. Но старая дѣвица не отвѣтила и сердитымъ шагомъ вышла на террасу.

— Бѣгать въ перегонки разрѣшаете, такъ и вотъ вамъ,—заговорила она себѣ подъ носъ.—Знатно всякому малому ребенку, что это за перегонки по кустамъ. И холопамъ это запрещать слѣдъ. А тутъ своя внучка и чужой человѣкъ, съ большой дороги. Вотъ и добѣгались до того, что всякій стыдъ забыли.

Изъ аллеи появился Андрей Андреевичъ.

— Что Зайка? дома?—спросилъ онъ дочь.

— То-то нѣтъ.

— Нѣтъ? Гдѣ же она?

— А ужъ это, батюшка, не мнѣ знать. Перегоняются, стало быть, съ княземъ,—насмѣшливо произнесла Прасковья Андреевна.— Набѣгаются досыта и придутъ, когда мы за пирожнымъ будемъ. Благоприлично.

— Стало, и князя нѣтъ,—спросилъ Андрей Андреевичъ, какъ всегда, кротко, но съ оттѣнкомъ недовольства въ голосѣ.

— Понятно, обоихъ нѣтъ,—разсмѣялась дочь ехидно.

— Обождемъ. Что же? Не великъ грѣхъ,—замѣтилъ отецъ, которому давно не по душѣ было это все чаще прорывавшееся въ дочери «ехидство» по отношенію къ своей юной племянницѣ.

Отецъ, мать и старая дѣвица-дочь сошлись въ столовой и стали отдѣльно молча прохаживаться или сновать вокругъ стола. Прасковья Андреевна злилась и почти презрительно глядѣла на родителей. Андрей Андреевичъ былъ задумчивъ, а его жена сурово поглядывала на всѣхъ и все исподлобья.

— Я ему скажу... Вотъ сейчасъ и скажу...—вдругъ заговорила она съ своей напускной или дѣланной горделивостью. Гость въ домѣ долженъ быть вѣжливымъ и порядливымъ. Намъ не приходится его ждать за столъ садиться.

И вдругъ, обратясь къ старику Макару, стоявшему около буфета, Катерина Петровна приказала гнѣвно:

— Поди ты къ князю въ комнату. Можетъ, ему и не докладывали вовсе. А мы ждемъ попусту.

— Никакъ нѣту-съ. Докладывали...—отвѣтилъ старикъ рѣзко и прибавилъ страннымъ голосомъ, ворча будто себѣ подъ носъ.— Должно, замѣшкался, располагая свой лагерь на новосельѣ. Князь-то...

— Что-о?—протянула Катерина Петровна, конечно, не понимая сказаннаго.

— Чего?—въ то же время спросилъ и Андрей Андреевичъ.

Старикъ объяснилъ и передалъ новость объ исчезновеніи людей и экипажей гостя князя.

Наступившее затѣмъ молчаніе длилось долго. Каждый будто думалъ что-то такое, о чемъ сказать не хотѣлъ. Только одно никому не приходило на умъ—то, что дѣйствительно въ этотъ часъ произошло...

-- Что же? Сядемте. Подойдутъ, пообѣдаютъ послѣ,—сказала старая дѣвица.

Семья сѣла за столъ и начала молча кушать.

XVIII.

Цѣлый день прошелъ, наступили сумерки, наступилъ вечеръ... Пришла и ночь теплая, тихая, но темная и окутала окрестность непроницаемой мглой. Ни одна звѣздочка не мигнула, не засеребрилась весело въ эту ночь на небѣ, укрытомъ облачною пеленою. Должно быть, и звѣзды небесныя испугались и попрятались отъ того неслыханнаго дѣла, которое совершилось въ дворянской усадьбѣ Пустой Валъ.

Такъ думалъ старикъ Андрей Андреевичъ, бродя во тьмѣ сада тихимъ шагомъ, не видя ни зги и двигаясь лишь потому, что онъ зналъ наизусть каждый камешекъ, каждую вѣтку.

Въ такую позднюю пору, чуть не около полуночи, почти никогда не приходилось еще старику быть не въ домѣ и не въ постели.

Весь день провелъ онъ, какъ въ туманѣ, а въ вечеру и къ ночи душевная смута выгнала его изъ комнаты подышать свободнѣе или укрыться во тьмѣ, если не отъ людей, то отъ себя самого.

А между тѣмъ Глѣбовъ не вѣрилъ въ то, что «представлялось». Душа болѣла, а разумъ осуждалъ это болѣніе, такъ какъ не изъ чего болѣть.

Не можетъ такое быть. Неслыханно. Что нибудь иное... Какое нибудь замѣшательство... говорилъ разумъ. Но что иное? Какое замѣшательство или приключеніе странное и нежданное, которое все-таки объяснится просто и окончится счастливо. Этого разумъ не объяснялъ. Старикъ понималъ, что нѣчто случилось, но не могъ понять, что случившееся случилось. Умъ за разумъ заходилъ, какъ сказывается.

Катерина Петровна, просидѣвъ въ столовой, въ тщетномъ ожиданіи, часа три, наконецъ ушла къ себѣ, сѣла на свое большое кресло и какъ бы онѣмѣла, молчала, не двигалась и смотрѣла въ одно мѣсто на стѣнѣ, гдѣ торчалъ большой гвоздь. Прежде на

немъ висѣла картина, потомъ упала, а ее такъ и не повѣсили. Было это уже очень давно. Тогда дочь, мать Зайки, еще не была замужемъ...

И Катерина Петровна оглядывала этотъ гвоздь, вспоминала картину, вспоминала, какъ она однажды бухнулась на полъ... А кто-то будто шепталъ ей на ухо:

— Полно, полно тебѣ. Не до этого...

Разъ десять на каждую минуту мысль о томъ, что «сегодня разразилось», приходила старухѣ въ голову, и она тотчасъ отгоняла эту мысль и начинала насильно думать о другомъ, или же повторяла и мысленно, и вслухъ, и шепотомъ, и громко:

— Вотъ завтра...

А что завтра? Она не знала. Проявится Зайка гдѣ въ домѣ и скажетъ, что шалила, спряталась... Пріѣдетъ назадъ, убѣжавъ отъ князя съ дороги... Пріѣдетъ самъ князь и будетъ свататься... А то еще того проще. Окажется завтра, что князь у себя въ горницѣ, а Зайка въ своей.

«И ничего-то не было. Все только такъ представлялось, а обернулось пустымъ мѣстомъ!»

Однако Катерина Петровна изрѣдка глубоко и тяжело вздыхала, и изъ ея груди вырывалось какъ бы протяжное оханье больного человѣка.

Прасковья Андреевна приняла происшествіе по-своему. Она, кромѣ злобнаго презрѣнья, ничего не чувствовала и разсуждала, что съ такимъ щенкомъ, какъ племянница, ничего иного и произойти якобы не могло. За такихъ не сватаются. На такихъ не женятся. Съ такими только балуются. Разумѣется, негодные люди. А онъ, князь, таковой. Надо ее во что бы ни стало скорѣе назадъ получить. И не быть ей уже никогда замужемъ.

Въ сумерки Прасковья Андреевна зашла къ матери и предложила ей лучше лечь въ постель. Мать будто вдругъ очнулась и быстро поднялась съ кресла, но ноги, оказалось, плохо дѣйствуютъ.

— Отсидѣла,—произнесла она глухо.

При помощи дочери и горничной, полная женщина съ трудомъ, еле-еле дотащилась до постели и легла.

— Дослать надо, матушка, узнать...—выговорила угрюмо или сердито Прасковья Андреевна.—Слышите? Дослать... узнать.

— Что?—не сразу отвѣтила мать.

— Все узнать... Какъ же такъ сидѣть? Дослать кого справиться. Дѣдушкѣ покуда скажемъ, что она въ постели. Больна якобы... Кого же прикажете снарядить?

— Куда?—мыгнула старуха, какъ бы ничего не понимая.

— Туда, къ нему, около Кадома. Найдутъ вотчину-то. Дѣло простое совсѣмъ.

Катерина Петровна охнула два раза, ничего не отвѣтила и отвернулась лицемъ къ стѣнѣ. Дочь постояла минуту, двѣ и, пожавъ плечами, пошла изъ комнаты.

Выйдя отъ матери, старая дѣвица тотчасъ прошла къ Андрею Андреевичу и обратилась съ тѣмъ же совѣтомъ и къ нему. Но отецъ совсѣмъ ничего не отвѣтилъ и, махнувъ на нее рукой, тихо сказалъ: «Уйди». И Прасковья Андреевна вернулась къ себѣ уже взбѣшенная.

— Ну, вы тамъ какъ знаете,—рѣшила она мысленно.—Я на своемъ поставлю. Я ей не дамъ этакъ у него проживать. Я ее верну и запру, и стеречь буду, чтобы опять не выкралъ.

И чтобы отвести душу, старая дѣвица вызвала на расправу глупую Терентьевну и стала ей объяснять, что она всѣхъ осрамила, а питомицу безъ ножа зарѣзала, что ей мѣсто теперь одно—«въ тартарары» провалиться и затѣмъ не имѣть «ни дна, ни покрышки», ни на этомъ свѣтѣ, ни на томъ свѣтѣ.

Старуха сидѣла предъ барышней и ничего не отвѣчала, а только выла и причитала, а когда устала, начала молча утирать лицо и глаза, гдѣ струились рѣдкія слезинки.

Вся дворня усадьбы отнеслась къ совершившемуся такъ же, какъ и господа. Всѣ люди переглядывались угрюмо, говорили о своихъ дѣлахъ, о пустякахъ, и не хотѣли заговаривать о томъ, что было у всѣхъ на душѣ.

А на душѣ была кровная обида. Чужой человѣкъ, съ большой дороги, котораго пріютили и обласкали господа, обошелся съ ними, какъ татаринъ, хуже татарина. Надругался надъ ихъ дворянствомъ и надъ ихъ беззащитностью.

— Будь въ домѣ у насъ молодой баринъ, молодецъ, лѣтъ тридцати, такъ онъ бы, этотъ князь, не посмѣлъ ничего этакаго,— проворчалъ Макаръ ввечеру, когда люди собрались ужинать.

Всѣ глянули на уважаемаго старика, потомъ переглянулись... Но никто ничего не отвѣтилъ, ничего не сказалъ. Всѣ молча ѣли кашу и только усиленнѣе, громче сопѣли отъ «тяготы» на умѣ и сердцѣ.

Только къ концу ужина здоровякъ кучеръ Антипъ вдругъ произнесъ:

— А промежъ насъ кто бы? За своихъ господъ-стариковъ?....

Дворовые снова переглянулись и снова промолчали....

И во всей усадьбѣ только одинъ человѣкъ былъ спокоенъ, ничего не вѣдая—старецъ, которому никто не посмѣлъ даже и заикнуться о томъ, что въ домѣ разразилось.

На утро жизнь, казалось, пошла въ Пустомъ Валѣ такъ, какъ если бы ничего не случилось. Андрей Андреевичъ, поднявшись ранехонько, пошелъ пѣшкомъ въ деревушку, верстахъ въ пяти отъ усадьбы, къ умирающему старику-крестьянину, который, уже

исповѣдавшись и причастившись, прежде чѣмъ умереть, хотѣлъ повидать барина Глѣбова.... Прасковья Андреевна съ утра засѣла за работу въ пяльцахъ, но дѣло не ладилось, игла ея шмыгала черезчуръ шибко, и нитка рвалась постоянно. Катерина Петровна, продолжая чувствовать тяжесть въ ногахъ, все-таки, хотя и чрезъ силу, перебралась съ постели въ кресло и сидѣла спокойно и молча; только брови ея были сжаты особенно, и дыханіе было тяжелое, неровное и лицо темнѣе, щеки краснѣе.

Около обѣда Андрей Андреевичъ вернулся и узнавъ, что старецъ два раза справлялся о правнучкѣ, почему она не является, прошелъ прямо къ отцу... Вошелъ онъ, опустя голову, смущенный и будто робкій. Его заранѣе смущала необходимость лгать, когда отецъ заговоритъ о Зайкѣ. Разумѣется, едва старецъ увидѣлъ сына, какъ спросилъ нѣсколько тревожно.

— Что же такое у моей дѣвчурки? Хвораетъ, сказалъ мнѣ Макарка.

– Хвораетъ малость,—почти обрадовался Андрей Андреевичъ, полагая, что умный слуга придумалъ, что солгать. Однако, онъ все-таки отвѣтилъ ему, опустя глаза и едва шевеля губами:

— Малость? Не малость, коли и вчера, и сегодня... Да что за хвороба? Что у нея? Головка что ли болитъ?

— Да-съ

— Горитъ?

— Горитъ,—повторилъ старикъ.

— Тѣломъ горитъ?

— Да-съ.

— Дали малины съ бузиной?

— Да-съ, дали,—продолжалъ Андрей Андреевичъ лгать и будто сердцемъ, а не языкомъ выговаривать каждое слово. При каждомъ словѣ сердце сжималось больно и ныло.

— Слушай. Поди, погляди. Если вашъ князь въ столовой, уведи его. Я пойду къ дѣвочкѣ посидѣть,—заявилъ старецъ, помолчавъ.— Уведи его въ садъ, треклятаго...

— Ахъ, что вы, батюшка?—испугался старикъ.—Какъ можно? Что вы?..

— Скажи, пожалуй. Да плевать мнѣ на вашего гостя....

— Да я не объ немъ, батюшка. Я объ Зайкѣ... Зачѣмъ вамъ?

— Какъ зачѣмъ?—перебилъ старецъ.—Посижу съ дѣвочкой, погляжу, увижу, что у нея. Вы ничего не смыслите.

— Нѣтъ.... Зачѣмъ, батюшка?... Если вы....

И Андрей Андреевичъ, не зная, что сказать, что и какъ солгать, заволновался и заметался на мѣстѣ.

— Погодите. Сейчасъ!—воскликнулъ онъ и быстро пошелъ къ дочери. Испуганно объяснившись, онъ послалъ ее дѣду. Надо было, конечно, во что бы то ни стало удержать старца.

— Ты сумѣешь. Постарайся,—сказалъ онъ.—Я не могу.

— Идетъ бѣда — я въ сторонѣ. Молчи! — огрызнулась старая дѣвица.—И не мое дѣло. А пришла бѣда—ко мнѣ. Помоги.

— Полно, полно, Прасковья. Иди скорѣе. Надумай что,—кротко и жалобно отозвался старикъ.

Разумѣется, Прасковья Андреевна тотчасъ же нашлась, что дѣлать. Прежде всего она объяснила дѣду, что Зайка спитъ, и не надо ее безпокоить, хотя бы она и до ночи проспала.

— Спаньемъ многое проходитъ, дѣдушка. Самыя опасныя болѣзни облегчаются,—объяснила она.

— Это правда твоя. Такъ вотъ, какъ только моя дѣвчурочка проснется, ты приди, мнѣ скажи. И пойдемъ къ ней.

Прасковья Андреевна обѣщала, а затѣмъ объяснила отцу, что на утро надо будетъ увѣрить Андрея Ивановича, что Зайку перевели на жительство въ мезонинъ, ради удобства.

— Скажемъ,—объяснила она,— что здѣсь ей мѣшаютъ спать, а въ мезонинѣ и комната больше, и тише, и спокойнѣе. А по махонькой круговой лѣстницѣ онъ не рѣшится подниматься. А если и вздурится, то не долѣзетъ.

— Нехорошо про стараго своего дѣда такъ сказывать,—замѣтилъ Андрей Андреевичъ.

— Что же я сказываю худое?—не поняла Прасковья Андреевна.

— И на словахъ почтеніе нужно.

— Ну, батюшка, ей-Богу, не до словъ теперь,—поняла и разгнѣвалась старая дѣвица.—А вы вотъ лучше рѣшите важное и спѣшное. Надо посылать разыскивать, разузнавать... Нельзя намъ такъ сидѣть. Надо послать въ Кадомъ и въ его усадьбу вѣрнаго и смышленаго человѣка. И я уже знаю кого.

— Зачѣмъ мы, Прасковья, пошлемъ?

— Удостовѣриться, батюшка... Узнать, какое онъ имѣетъ на умѣ... Можетъ быть, онъ... Да и съ нимъ ли она... Можетъ быть...

И Прасковья Андреевна замолчала, собственно не зная, что именно сказать.

— Она съ нимъ,—отвѣтилъ старикъ твердо и грустно.—Она у него, пожалуй, даже въ полюбовницахъ. Ты дѣвица не молодая, и тебѣ можно такія слова слушать. А если... если... Да что же тутъ?.. Посылай... Я и узнаю вѣрно и все буду не вѣрить. Разумѣніе мое будетъ знать, а душа моя не захочетъ знать... Ну, посылай... посылай...

Андрей Андреевичъ взволновался, голосъ его упалъ, и онъ сипло, едва слышно, будто задохнувшись, прибавилъ:

— Кого пошлешь?

— Макара, онъ все обстоятельно сдѣлаетъ.

— Посылай,—еще тише, сдавленнымъ голосомъ произнесъ старикъ и, какъ бы махнувъ едва замѣтно обѣими руками, пошелъ въ двери, ведущія въ садъ.

Прасковья Андреевна, не мѣшкая, даже оживясь вдругъ, тотчасъ же вызвала къ себѣ старшаго и любимаго дворового и объяснила ему все.

Макаръ важно, почти торжественно отвѣтилъ:

— Все, барышня, понялъ, уразумѣлъ. И все сдѣлаю какъ слѣдуетъ. И въ усадьбу его поѣду. А въ ней обо всемъ перетолкую съ добрымъ человѣкомъ. Знаете—съ кѣмъ? Съ безрукимъ, если онъ только тамъ. Инвалидъ сей добрый баринъ. Съ нимъ можно столковаться.

— Намъ, Макаръ, одно знать надо... Неужто-жъ и въ самъ-дѣлѣ этакое... неслыханное будетъ?..

— А какъ же съ бариномъ моимъ быть?—спросилъ Макаръ, будто спохватившись.—Спроситъ, а меня нѣту...

— Скажемъ, ты захворалъ. Вотъ такъ же, какъ и про эту... племянницу мою срамную...— чуть не усмѣхнувшись, презрительно сказала старая дѣвица.

Чрезъ часъ старикъ дворовый уже съѣхалъ со двора, молча и угрюмо поглядывая на всѣхъ, полный чувствомъ достоинства, даже гордости, въ виду порученія, даннаго господами.

Старецъ, конечно, вскорѣ же потребовалъ слугу.

— Куда мой молодецъ провалился? Макарка гдѣ?

— Захворалъ, лежитъ. Не можетъ служить,—объяснилъ ему молодой лакей, якобы справившись.

— И онъ захворалъ? Да что же это у насъ, помилуй Богъ?—изумился старецъ.—Жили, жили, не болѣли ужъ сколько годовъ. А тутъ вдругъ... Этакъ и я, пожалуй, захвораю.

И старецъ заволновался... Затѣмъ онъ тотчасъ же потребовалъ къ себѣ сына и спросилъ:

— Андрюша. Пойми, что у тебя я спрошу. Ты не махонькій уже. Голова вонъ сѣдѣе моей. У моей дѣвчурочки и у Макара та же хворость или разныя? Такъ, на глазъ?

— Разныя, батюшка! — отвѣтилъ догадавшись старикъ, но не глядя отцу въ лицо: совсѣмъ разныя. Будьте спокойны...

— Помнишь, у насъ, съ десятокъ лѣтъ тому назадъ, переболѣли всѣ на одинъ ладъ. Была хворость прилипчивая...

— Помню. Будьте спокойны... У Макара поясницу захватило...

На другой день Андрей Ивановичъ, ни слова не сказавъ никому, все-таки двинулся отъ себя и побрелъ чрезъ весь домъ. Обыкновенно его собственный отдѣльный камердинеръ Макаръ сопровождалъ его и поддерживалъ, гдѣ былъ полъ-паркетъ. Теперь старецъ, взявъ свою клюку, двинулся одинъ и прямо въ комнату Зайки. Опасался онъ только одного—встрѣтиться съ гостемъ княземъ въ столовой или гостиной.

Онъ изумился, не найдя своей правнучки въ ея комнатѣ. Постелька ея маленькая подъ голубымъ вязанымъ одѣяломъ стояла прибранная, а ея самой не было.

«Что же это? Выздоровѣла?»—подумалъ старецъ.

И, пройдя къ невѣсткѣ, онъ увидалъ Катерину Петровну въ постели. Это, конечно, не удивило бы его, если бы было рано утромъ или послѣ обѣда, когда старуха прикладывалась отдохнуть. Но въ эти часы пребываніе Катерины Петровны въ постели его встревожило.

— Катерина!... Что же это? И ты хвораешь?

— Да, нездоровится, свекоръ-батюшка,—черезъ силу отвѣтила старуха.

Андрей Ивановичъ смутился.

— Зачѣмъ же отъ меня скрытничаете? Что же это? Весь домъ сляжетъ, и мнѣ не скажутъ. Говори: у тебя то же, что у Макара, и то же, что у дѣвочки? Ты еле языкомъ шевелишь.

— Нѣ-ѣтъ,—протянула старуха, не понимая вопроса и не зная, что сказать.

— А моя дѣвчонка куда пропала?—спросилъ онъ.

Катерина Петровна, озадаченная, отвѣтила вопросомъ:

— Кто вамъ сказалъ про это?..

— Зайка въ мезонинѣ...—раздался сзади старухи рѣзкій голосъ Прасковьи Андреевны.

— Зачѣмъ?—ахнулъ Андрей Ивановичъ, оборачиваясь.

Внучка объяснила все толково и самоувѣренно...

— Пустое. Приказали бы людямъ смирнехонькими быть. Не смѣть...

— Приказывали. Стучатъ и будятъ ее, — рѣзко отвѣтила старая дѣвица.

Старецъ вздохнулъ и двинулся обратно къ себѣ, почти грустный. Внучка пошла съ нимъ, сурово, молча и небрежно поддерживая его. Приведя его и усадивъ, она вышла.

— Что же это? Что же это за жизнь?—заговорилъ старецъ самъ себѣ, чуть не со слезами въ голосѣ.—Сиди изъ-за незванаго гостя въ заточеніи. А теперь и дѣвчурочки не видай.

XIX.

Въ большомъ усадебномъ домѣ князя Гиреева, куда уже четвертый день вернулся владѣлецъ изъ своего странствованія, замѣчалось нѣчто похожее на то, что было въ маленькомъ домѣ дворянъ Глѣбовыхъ.

Всюду было тоже тихо, будто уныло тихо... Въ домѣ будто случилось что-то, далеко нерадостное, нехорошее, всѣхъ озаботившее или смутившее.

Безрукій инвалидъ будто примѣръ подалъ всѣмъ... Онъ бродилъ по дому и по саду, ни съ кѣмъ не разговаривая и даже не отвѣчая, когда кто заговаривалъ съ нимъ. Или онъ, «ушедши въ себя»,

въ свои мысли и заботы, не слышалъ, или умышленно отмалчивался, какъ бы этимъ давая понять:

«До пустяковъ ли теперь, когда тутъ этакое!»

Князь съ пріѣзда пребывалъ почти безвыходно у себя въ спальнѣ или въ своемъ кабинетѣ, и, кромѣ Ферапонта, никто къ нему не входилъ по его приказанію. Адамъ Адамовичъ тоже ни разу не пришелъ, хотя приказаніе до него не касалось. Князь просто его не звалъ къ себѣ, а самъ инвалидъ не шелъ и не хотѣлъ итти. Онъ уже рѣшилъ, что когда покровитель-другъ его позоветъ, то онъ ему «все выговоритъ» круто. А тамъ будь, что будетъ.

Кушалъ князь тоже не въ столовой, а въ маленькой гостиной, около кабинета. Накрывалъ на столъ, служилъ и убиралъ со стола одинъ Ферапонтъ.

Столъ былъ на два куверта, но за обѣдомъ или за ужиномъ бывало такъ тихо, какъ если бы князь былъ одинъ одинехонекъ.

Около него, въ этой гостиной, въ его кабинетѣ, спальнѣ и маленькой уборной двигалась изъ угла въ уголъ молчаливая, блѣдная, будто хворающая или оробѣвшая, маленькая женская фигурка.

Разговаривать ему съ ней было невозможно. Она не отвѣчала, а боязливо, иногда испуганно на него поглядывала или дикими глазами озиралась... И князь поневолѣ былъ угрюмъ, страшно озабоченъ и чувствовалъ, что у него умъ за разумъ заходитъ, такъ какъ онъ не понимаетъ окончательно того, что творится съ этимъ милымъ ему существомъ, и не знаетъ, какъ горю пособить.

Случилось что-то, чего князь никогда не видалъ и не слыхалъ, бываетъ ли таковое на свѣтѣ. А вотъ теперь размышляй, обсуживай, измысли, что сдѣлать, какъ быть, чтобы... развязать Гордіевъ узелъ.

Онъ думалъ, что тамъ разрубилъ его, а оказывается, что онъ здѣсь завязалъ его.

Да, съ этимъ узломъ сравнивалъ князь все нежданно приключившееся. Его отношенія къ этому юному дичку, нравственное состояніе этой дѣвушки-ребенка, ея странное обращеніе съ нимъ — все было совсѣмъ замысловатымъ и неразрѣшимымъ... Онъ помнилъ, какъ Зайка весело прибѣжала къ калиткѣ сада, выходящей въ лѣсъ, весело прыгнула въ карету, которая ждала бѣглецовъ, и весело болтала, щебетала, какъ канарейка, не смолкая, покуда они ѣхали отъ Пустого Вала къ нему въ вотчину, до которой оказалось почти полтораста верстъ.

Въ первый день, проведенный дѣвушкой въ большомъ домѣ, гдѣ было столько для нея диковинъ, столько невиданнаго ею никогда, Зайка только слегка притихла, но не отъ робости, а отъ удивленія, отъ кучи впечатлѣній. И это было естественно, понятно. Зато въ минуты особаго волненія, отъ огромной ли картины, изображающей смертоубійство — Каинъ и Авель — или отъ огромной

голой фигуры съ дубиной, живой, но недвижной—статуи Геркулеса, или, наконецъ, отъ бѣлоголовыхъ стариковъ и старухъ, фамильныхъ портретовъ на стѣнахъ полутемной непривѣтливой гостиной,—Зайка кидалась къ князю, какъ бы спасалась къ нему... Усѣвшись, какъ ребенокъ, у него на колѣняхъ и обхвативъ его шею руками, она прижималась къ нему и хотя косо, дико, но храбрѣе смотрѣла и озиралась. Съ нимъ, около него было никого и ничего не страшно...

Такъ было въ первый день...

Не такъ было теперь...

Дѣвушка привыкла къ сумрачному дому, къ страшному голому силачу съ дубиной и ко многому другому въ комнатахъ... Она уже слазила на кресло около «смертоубійства», храбро ощупала все, провела даже рукой по лежащему на землѣ красивому убитому человѣку и знала, что это все намалевано красками. Голый человѣкъ—былъ просто каменный...

Но теперь Зайка была не только задумчива и печальна, а ходила будто еще болѣе одичалая, оробѣвшая, перепуганная... но не окружающимъ...

И она не шла къ князю спасаться отъ своего страха, безпричиннаго и необъяснимаго...

Она не могла объяснить причину этого, а князь не могъ догадаться и понять.

Князь былъ смущенъ тѣмъ, что ему казалось, чудилось... нѣчто невѣроятное. Ему чудилось, что дѣвушка теперь боится... именно его... его самого...

— Что съ тобой? Скажи!—допытывался онъ.

— Ничего!—отзывалась Зайка робко и молчала.

На третій день, ввечеру Зайка отвѣтила то же, но тихонько и жалобно прибавила:

— Отпустите меня.

— Куда?!—ахнулъ Гиреевъ.

— Къ прадѣдушкѣ... Отпустите, голубчикъ...

Князь, пораженный, какъ бы окаменѣлъ.

Князь сталъ разспрашивать Зайку, пытать на всѣ лады, умоляя объясниться прямо, откровенно, почему ей худо или скучно или страшно у него въ домѣ. Но простоватый и наивный ребенокъ безсознательно покорялся главному женскому свойству, вѣрнѣе качеству—крайней стыдливости. И вмѣсто признанія, которое могло все объяснить, Зайка только повторяла:

— Отпустите меня...

Князь добрый, чувствительный, но избалованный жизнью, вспылилъ. Послѣ краткаго молчанія онъ поднялся и выговорилъ тихо, но твердо съ оттѣнкомъ капризнаго раздраженія:

— Отпустить я тебя не могу... Все вздоръ это...

И, уйдя къ себѣ въ спальню, онъ заперся на ключъ машинальнымъ движеніемъ, усѣлся и началъ, какъ дѣлывалъ часто, размышлять и разсуждать вслухъ съ самимъ собой.

Разумѣется, онъ уже отчасти догадывался, что именно было прямой причиной перемѣны въ душевномъ состояніи дѣвушки. Вспоминая и соображая всѣ малѣйшія мелочи ихъ отношеній со дня пріѣзда въ вотчину, Гиреевъ понемногу пришелъ къ убѣжденію, что Зайка его «жертва» въ самомъ худшемъ, возмутительномъ смыслѣ. Она не только жертва съ точки зрѣнія общественныхъ условій, нравственности и благоприличія. Это бы еще ему, разъ онъ на это пошелъ, было трынъ-травой. Оно не могло повліять на его личное довольство и себялюбивое счастье. Какое дѣло, что шумятъ и кричатъ кругомъ люди о томъ, что до нихъ не касается?

Нѣтъ, дѣвущка была такого рода жертвой, что мѣшала ему быть довольнымъ и счастливымъ.

Не совѣсть или раскаяніе будила она... А онъ просто не нашелъ въ ней того, чего искалъ и ожидалъ. Она не могла по ребячеству утолить его жажды обладанія... не отвѣчала на его порывъ.

Онъ вспомнилъ, что вздоховъ и слезъ было теперь больше, чѣмъ поцѣлуевъ, дѣтски горячихъ, какъ когда-то на скамейкѣ сада Пустого Вала... А въ боязливомъ, порою испуганномъ взглядѣ ея милыхъ глазъ сквозило еще нѣчто, ею самою, быть можетъ, не вполнѣ сознаваемое, но для него теперь ясное, очевидное... Онъ и прежде, быть можетъ, чуялъ, но не хотѣлъ будто понять ничего, а теперь окончательно увѣрился или заставилъ себя себѣ же признаться. Въ Зайкѣ сказывалось мгновеніями боязливое отвращеніе къ нему!

«Вотъ никогда не считалъ себя простакомъ,—разсуждалъ князь,—думалось всегда, что всякое на свѣтѣ, самое мудреное смогу кой-какъ, хоть бы и на свой ладъ, разъяснить себѣ и уразумѣть... А вотъ объ этомъ, объ этакомъ... и не слыхалъ никогда, и не читалъ никогда ни въ какой книгѣ... И объяснить себѣ не могу. А стало быть, и пособить горю не могу, не зная даже, съ какого конца взяться. А отпустить? Да развѣ это возможно? Если бы я и пожертвовалъ собою, то никто не скажетъ «отпустилъ», а всѣ скажутъ «прогналъ».

Когда Гиреевъ сумрачный, спустя часа два, вышелъ изъ спальни, онъ нашелъ Зайку весело разговаривающей съ Ферапонтомъ. Онъ что-то разсказывалъ съ ужимками, будто нарочно, а она звонко смѣялась...

И ему вдругъ пришло на умъ нѣчто самое простое, но могущее имѣть большое значеніе.

«Если выдумать, всякій день выдумывать что нибудь веселое, забавное, могущее развлекать дѣвушку, какъ развлекаютъ дѣтей, заставляя ихъ послѣ горькихъ слезъ тотчасъ же хохотать до упаду»...

Ферапонтъ пересталъ при появленіи барина болтать и гримасничать, сталъ серьезенъ и почтителенъ, но прежде чѣмъ князь успѣлъ спросить, о чемъ онъ болтаетъ, слуга заявилъ нѣсколько угрюмо:

— Самсонъ Иванычъ, дозвольте пару словъ вамъ доложить. Дѣло самоважнѣющее.

— Говори.

— Нѣту-съ... Вамъ однимъ, а не при нихъ. Коли имъ слѣдъ оное знать, то сами скажите. Пожалуйте вотъ...

И Ферапонтъ указалъ на сосѣднюю гостиную. Князь, нѣсколько удивляясь оказавшейся какой-то тайнѣ у старика, вышелъ сопровождаемый имъ и спросилъ:

— По усадьбѣ что̀ приключилось?..

— Точно такъ-съ. Въ усадьбѣ-то въ усадьбѣ, только не драка и не происхожденье какое между своихъ, а совсѣмъ другое, особливое... Всѣхъ насъ очень огорошило... Не знаемъ, какъ быть. Какъ вы прикажете?

Ферапонтъ запнулся и продолжалъ смущаясь:

— Совсѣмъ мы губы распустили. Не знаемъ, какъ тутъ вывернуться. Наши двое прибѣжали ко мнѣ, что я скажу?... Я на себя не взялъ, къ Адаму Адамовичу побѣгъ... А онъ обидѣлся и сказалъ: прошу де меня въ этакое не путать. Ну, вотъ я и осмѣливаюсь васъ безпокоить...

— Да что, что? Вѣдь ты не сказалъ. Ну?—вскрикнулъ князь нетерпѣливо.

— Слуга ихній здѣсь. Пріѣхалъ и опрашиваетъ.

— Чей? Какой?

— Ихній... тихо произнесъ Ферапонтъ, опуская глаза, какъ бы отъ стыда, а не отъ робости... Опрашиваетъ, у насъ ли ихняя барышня...

— Отъ Глѣбовыхъ?—выговорилъ князь страннымъ голосомъ и послѣ минутнаго молчанія онъ прибавилъ дѣланнымъ, равнодушно-веселымъ голосомъ:—понятно, что прислали... Что же? Скажи, что здѣсь... А назадъ... назадъ къ нимъ, понятно, не отпущу. Видѣться имъ кому либо съ нею тоже, конечно, не допущу... Пускай отправляется и все это скажетъ. И тоже скажетъ, что Зинаида Антоновна у меня, конечно, по собственной доброй волѣ. Слышишь? Понялъ? По своему собственному желанію и уѣхала, и пребываетъ здѣсь. Я ей руки и ноги, увозя отъ нихъ, не связывалъ и здѣсь на привязи не держу.

XX.

Старикъ Макаръ дѣйствительно, какъ обѣщалъ, такъ и сдѣлалъ, умно и быстро исполнилъ порученіе. Въ два дня разыскалъ онъ вотчину князя Гиреева и по пріѣздѣ тотчасъ же обратился къ обывателямъ съ двумя вопросами:

— У васъ ли наша барышня Зинаида Антоновна? Можно ли повидать барина Адама Адамовича?

На первый вопросъ Макару отвѣтили: «знать не знаемъ», но отвѣтили всѣ такъ смущенно, такъ виновато, что ясно говорили: да, у насъ.

Ваасту доложили, что пріѣзжій дворовый господъ Глѣбовыхъ желаетъ его повидать.

Адамъ Адамовичъ грустно поникъ головой и отвѣтилъ нерѣшительно:

— Что же? Пускай идетъ, но мнѣ ему сейчасъ нечего сказать. Прежде доложите князю. А когда князь отвѣтитъ и распорядится, тогда и я ему свое скажу.

Затѣмъ явился къ инвалиду и Ферапонтъ за совѣтомъ и услыхалъ:

— Ступай, ступай. Не марай меня. Я въ сторонѣ. Что князь?

Ферапонтъ, доложивъ барину, передалъ и отвѣтъ князя пріѣзжему.

Затѣмъ, увидя полное смущеніе двороваго Глѣбовыхъ и даже грустное смущеніе, онъ прибавилъ:

— Повидайте Адама Адамовича.

— Что же мнѣ вашъ хорошій баринъ Адамъ Адамовичъ скажетъ добраго,—отвѣтилъ Макаръ,—когда баринъ-князь прямо говоритъ: у меня де, и не отпущу....

— Повидайте все-таки,—опустя голову и глаза, сказалъ Ферапонтъ, будто стыдясь.

— Проводите къ нему,—также потупляясь, отвѣтилъ Макаръ.

Очутившись въ комнатахъ инвалида и встрѣченный имъ, Макаръ низко поклонился и выговорилъ:

— Къ вамъ, баринъ.... Все, знаете... ради Господа, скажите, научите.... Какъ же тутъ быть?

— Не знаю, голубчикъ... И ничего.... такъ таки ничего не могу. Грѣхъ... большой даже.

— Не одинъ, Адамъ Адамовичъ. Много ихъ возьметъ на душу вашъ князь. Теперь у насъ всѣ, и господа, и холопы, вѣрить не хотятъ, всѣ въ надеждѣ.... А когда я вернуся да скажу, что̀, какъ.... и что князь приказалъ отвѣтить, то мало что можетъ приключиться худого....

Голосъ Макара дрогнулъ, и онъ поднялъ руку къ мокрымъ отъ слезъ глазамъ.

— Мой.... мой старый.... старый баринъ мой,— заговорилъ онъ рвущимся голосомъ, онъ, мой Андрей Ивановичъ, ничего не знаетъ. А узнаетъ... Адамъ Адамовичъ, родной мой... Вѣдь онъ помереть можетъ. Ему десятый десятокъ. Онъ скажетъ: «моя дѣвочка» и.... и сейчасъ....

Макаръ началъ всхлипывать.

— Ничего я тутъ не могу. Ничего!—взволнованно выговорилъ Ваастъ, и губы его подергивало.

— Злодѣйство вѣдь это,—прошамкалъ плача слуга.

— Да, злодѣйство.... А злодѣй—человѣкъ сердечный, добрый. Мухи никогда не обидѣлъ. Вотъ тутъ и разсуди!—двинулъ инвалидъ одной рукой и шевельнулъ противоположнымъ плечомъ, будто разводя руками.

— Нельзя ли мнѣ хоть повидать нашу барышню?—спросилъ Макаръ помолчавъ.

— Не знаю. Думаю, что не дозволитъ. Да и сама она не пожелаетъ. Засовѣстится....

— А вы узнайте, Адамъ Адамовичъ. Хоть повидать.... Донести господамъ, что видѣлъ своими гвазами, и что она все-таки въ добромъ здоровьѣ, не тоскуетъ, не убивается.

Ваастъ, не видавшій князя съ пріѣзда и не хотѣвшій его видѣть, не зналъ, какъ поступить. Онъ сознавалъ однако, что старикъ-слуга правъ. Вѣсть, которую онъ привезетъ своимъ господамъ, что видѣлъ дѣвушку, и что она—слава Богу—здорова и довольна, не хвораетъ и не плачетъ, можетъ быть, и впрямь отчасти утѣшитъ стариковъ хотя относительно.

И Ваастъ рѣшился, поневолѣ, какъ на доброе дѣло, повидать князя. Онъ вышелъ въ переднюю, гдѣ всегда сидѣло около дюжины слугъ, ничего не дѣлая, и послалъ одного изъ нихъ о себѣ доложить. Остальные окружили инвалида, и старикъ ключникъ вымолвилъ:

— Адамъ Адамовичъ, родной ты нашъ. Я отъ всѣхъ холоповъ тебѣ челомъ бью. Вступися. Уломай нашего Самсона Иваныча плюнуть.... себя воздержать. Негожее дѣло. Намъ за него обидно. Пускай отпуститъ барышню съ этимъ посланцемъ домой.

Ваастъ потрясъ головой и ничего не отвѣтилъ.

Между тѣмъ лакей докладывалъ барину объ инвалидѣ.

— Что ему нужно?—угрюмо спросилъ князь.

— Не могу знать,—отвѣтилъ лакей.—Посланецъ у него. Можетъ, тотъ спросить у васъ желаетъ что чрезъ Адама Адамовича.

Гиреевъ, насупившись, помолчалъ нѣсколько мгновеній, потомъ приказалъ:

— Пускай въ столовую придетъ. Я выйду къ нему. Сюда не зачѣмъ....

Чрезъ минуту князь вышелъ и, найдя Вааста въ столовой, почти недружелюбно глянулъ на давнишняго друга-нахлѣбника. Ваастъ даже удивился, предполагая и ожидая, что у князя будетъ хотя немного виноватый видъ.

— Ну, что тамъ такое тебѣ нужно?—отчасти рѣзко спросилъ князь.

Инвалидъ вдругъ сразу окрысился и выговорилъ громче обыкновеннаго и даже нѣсколько строгимъ голосомъ:

— Посланный Глѣбовыхъ желаетъ повидать свою барышню, чтобы знать, что она не связана по рукамъ и ногамъ и не въ чуланѣ у васъ сидитъ.

— Совсѣмъ это не нужно,—отрѣзалъ князь.

— Онъ, можетъ, думаетъ, что вы ее силкомъ увезли и силкомъ держите здѣсь. Такъ пусть увидитъ. Пусть она ему сама скажется. А онъ все старикамъ разскажетъ....

Гиреевъ вспыхнулъ и выговорилъ рѣзко:

— Видѣть не позволю. Не нужно. Но скажи ему все-таки правду: увезъ я ее по доброй ея волѣ, а держу здѣсь силкомъ. Понялъ?

Ваастъ не понялъ или, понявъ слова, предположилъ, что Гиреевъ лжетъ отъ досады и раздраженія.

— Зачѣмъ же сочинительствовать?... Зачѣмъ ему такое своимъ господамъ везти? Насмѣяться что ли еще желаете надъ стариками?

— Нѣтъ, я правду говорю, правду. Я ее силой держу, коли она просится домой, а я не отпускаю. То стало, силой держу!—почти злобно и вызывающе вскрикнулъ князь, подступая къ инвалиду какъ бы съ угрозой.

— Коли правда... тихо отозвался Ваастъ... Сугубый грѣхъ, совсѣмъ мерзостное дѣло. Стало быть... стало быть, милый ребенокъ она. Да-съ. Что же? Нѣтъ, что ли?

Князь стоялъ, опустивъ голову, и молчалъ.

— Другая была бы теперь, покуда хоть... совсѣмъ счастлива. А если она теперь уже проситъ отпустить, то... Ну, да вы сами все лучше меня разумѣете. Дивлюся! Что же сердце-то ваше въ камень обратилось?

Князь схватилъ инвалида за руку обѣими руками и вымолвилъ сдавленнымъ голосомъ:

— Адамъ Адамовичъ, давно ты меня знаешь, а вотъ не видишь, не вѣдаешь, не догадываешься. Тяжело мнѣ. Помоги, посовѣтуй. Пойдемъ ко мнѣ... поговоримъ. Я не знаю, что мнѣ дѣлать...

— Отпустить сейчасъ же... Бѣды не поправите, но хоть насильствовать перестанете.

— Не могу, не могу и не могу. Хоть убейте!—вскрикнулъ Гиреевъ съ отчаяніемъ въ голосѣ.

Ваастъ ничего не отвѣтилъ, только вздохнулъ глубоко. Наступило молчаніе.

— Такъ не дозволите Макару повидать?... сухо спросилъ онъ наконецъ.

– Зачѣмъ?—тѣмъ же голосомъ, въ которомъ сквозила печаль, отозвался князь.—Зачѣмъ? Чтобы она сама ему все сказала? Сказала бы: увези меня, спаси меня отсюда? Нѣтъ, не могу, не хочу. Не изъ самолюбія... Нѣтъ. Я надѣюсь... надѣюсь, что все обойдется... Пойдемъ ко мнѣ, поговоримъ. Я разскажу... Посовѣтуешь...

— Нѣтъ, Самсонъ Иванычъ, уволь. Въ такихъ дѣлахъ я не совѣтчикъ. Чѣмъ дальше, то лучше отъ этакого...

— Ну, ради Создателя... войди ты въ мою душу, разсуди нелицепріятно.

— Уволь, уволь, Самсонъ Иванычъ —попятился инвалидъ, и освободивъ свою руку, онъ махнулъ ею на князя и пошелъ изъ столовой.

— Да что же я, преступникъ что ли?—крикнулъ Гиреевъ ему вслѣдъ, снова вспыливъ.

— А то нѣтъ!—вскрикнулъ и инвалидъ, оборачиваясь съ порога.

— Въ Сибирь меня? А?..

— Содѣянное тобой, князь Самсонъ Иванычъ, если не преступленье, то дѣло... дѣло неслыханное.. произнесъ Ваастъ глухимъ голосомъ.

Макаръ, узнавъ объ отказѣ князя допустить его повидаться съ барышней, опустилъ голову и помолчавъ вымолвилъ:

— Что же? Доложу хоть господамъ, что она жива и у васъ. И надо полагать, не въ чуланѣ заперта на хлѣбѣ и на водѣ. Прощайте. Счастливо оставаться.

Ваастъ остановилъ слугу вопросомъ, и голосъ его прозвучалъ печально:

— Скажи мнѣ, голубчикъ... Понимаютъ у васъ, какъ дѣло обстоитъ? Или надежды какія питаютъ еще?.. Можетъ, думаютъ, что онъ вѣнчаться станетъ?..

— Какъ же не думать, Адамъ Адамовичъ!—воскликнулъ Макаръ.—Вѣстимо, у всѣхъ и у господъ и промежъ насъ, холоповъ, надежда есть... Вѣдь это что же? Эгакое, съ тѣхъ поръ, что свѣтъ стоитъ, не бывало.

— Что же теперь будетъ, когда ты привезешь господамъ вѣсть, что онъ изъ ихъ внучки полюбовницу сдѣлалъ временную?... Да, временную... покуда прихоть не прошла. Что твои господа учинятъ?...

— Что же имъ учинить? Нечего. Горевать да слезы глотать. А мой... мой старый баринъ... вѣстимо... Макаръ снова прослезился и прибавилъ едва слышно:

— Десятый десятокъ. Много ли нужно, чтобъ духъ вонъ?... И будетъ на душѣ князя, почитай, смертоубійство. Какъ сказывается: безъ ножа зарѣзать.

Графъ Е. А. Саліасъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ)

ЗАПИСКИ Н. И. МАМАЕВА [1].

XXXII.

Доносъ о путешествіи мертваго тѣла. — Порученіе разузнать о справедливости этого доноса.—Ссылка исправника въ Сибирь.—Осужденіе сообщниковъ Конарскаго на смертную казнь.—Помилованіе ихъ.—Губернаторъ ввѣряетъ мнѣ управленіе секретной канцеляріей. — Выдача заграничныхъ паспортовъ. — Попытка кн. Радзивилла подкупить меня.

ВСКОРѢ случилось грустное и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣшное происшествіе, смѣшное по своему способу исполненія, грустное потому, что оно вполнѣ показало, какъ поляки чуждаются нашего правительства и избѣгаютъ всякихъ сношеній съ лицами служащими, хотя бы лица эти были поставлены для охраненія ихъ же интересовъ.

Было получено секретное донесеніе о путешествіи мертваго тѣла. Да, мертвое тѣло путешествовало по уѣзду, и, что еще страннѣе, чудо это произвела мѣстная полиція.

Доносъ говорилъ, что въ Новоградъ-Волынскомъ уѣздѣ весной по вскрытіи земли оказалось мертвое тѣло, лежавшее поперекъ грани двухъ владѣльческихъ имѣній. Пріѣхавшій исправникъ, увидя тѣло человѣка, голова котораго лежала на землѣ одного помѣщика, а ноги — другого, пришелъ въ недоумѣніе: къ которому владѣльцу отнести смертный случай; но вспомнивъ, что голова человѣка есть главная часть тѣла, рѣшился отдать ей предпочтеніе; поднявъ мерт-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXVI, стр . 46.

вое тѣло, положилъ въ телѣгу и направился къ помѣщику, котораго назову № 1-й (я совершенно забылъ, какъ названіе селеній, такъ и фамиліи лицъ, съ которыми имѣлъ столкновеніе по этому дѣлу). Переговоривъ наединѣ съ владѣльцемъ, исправникъ отправился къ слѣдующему, на дачѣ котораго лежали ноги тѣла, и послѣ разговоровъ тоже съ глазу на глазъ поѣхалъ все въ сопровожденіи тѣла къ третьему владѣльцу, въ дачѣ котораго вовсе не было никакого мертваго тѣла. Видимо ему понравилось путешествіе съ такимъ страннымъ спутникомъ, а главное переговоры наединѣ. На третьемъ владѣльцѣ путешествіе мертваго тѣла остановилось. Исправникъ распорядился предать его погребенію, а самое о немъ дѣло «предать волѣ Божіей»—терминъ, употребляемый тогдашними судами, когда всѣ попытки къ раскрытію происшествія оставались напрасны. Къ этому доносъ пояснялъ, что исправникъ, вѣроятно, не остановился бы на своемъ третьемъ путешествіи, если бы тѣло не предалось сильному гніенію, что̀ и вынудило его прекратить дальнѣйшіе свои тайные разговоры, въ которыхъ каждое слово исправника приносило ему червонецъ.

Доносъ не былъ никѣмъ подписанъ, что на языкѣ юридическомъ называется безыменный. Такимъ доносамъ законъ предписываетъ «не имѣть вѣры и оставлять ихъ безъ всякихъ послѣдствій», но Бибиковъ, котораго вся система управленія краемъ была основана на шпіонствѣ и слѣдуя правилу жандармовъ, не отвѣчавшихъ за справедливость сообщаемыхъ ими слуховъ, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы по всякому доносу дѣлались разслѣдованія, и разница была въ томъ, что по доносу подписанному слѣдствіе производилось явно, гласно, по безыменному изъ-подъ руки, секретно, и когда онъ оказывался справедливымъ, то переходилъ уже въ категорію общаго слѣдствія.

Въ дѣлѣ путешествія «мертваго тѣла» доносъ, какъ я сказалъ, былъ безыменный, слѣдовательно нужно было дѣйствовать весьма осторожно, не возбуждая до времени ни въ комъ никакого подозрѣнія. Къ тому же имѣлись въ виду сношенія съ помѣщиками, все людьми богатыми, образованными, хорошихъ фамилій, которые могли оскорбиться, если дѣло повести явно. Правительство наше щадило самолюбіе поляковъ, пока они не были замѣшаны въ какое либо преступленіе.

Такое щекотливое порученіе генералъ далъ мнѣ.

Въ доносѣ весьма опредѣлительно были означены не только маршрутъ путешествія, но и время посѣщенія «мертваго тѣла»; по указанію этому я отправился къ помѣщику № 1-й. Пріѣхавъ къ нему какъ бы мимоѣздомъ, въ разговорѣ, между прочимъ, я спросилъ его:

— У васъ, кажется, новый исправникъ,—и совралъ: исправникъ нѣсколько лѣтъ какъ завѣдывалъ уѣздомъ.

— А, право, не знаю, дѣлъ съ полиціей никакихъ не имѣю, въ уѣздномъ городѣ не былъ болѣе года и потому не могу отвѣтить вамъ.

— Неужели онъ ни разу не посѣтилъ васъ?

— Да что ему у меня дѣлать?

Все это было сказано съ невозмутимымъ спокойствіемъ на лицѣ.

Первая неудача меня сконфузила.

Отъ него я поѣхалъ къ помѣщику № 2-й. Тѣ же разспросы и тѣ же отвѣты.

Отъ помѣщика № 3-й я получилъ въ отвѣтъ нѣкоторые варіанты. Я спросилъ его:

— Вы знаете исправника?

— Очень хорошо.

— Скажите, что онъ за человѣкъ?

— О! прекрасный, вѣжливый, услужливый!

— Что, онъ посѣщаетъ васъ?

— Очень рѣдко.

— Давно ли онъ былъ у васъ?

— Да, я думаю, съ полгода тому назадъ.

Такіе отрицательные отвѣты всѣхъ трехъ номеровъ совершенно сбили меня съ толку. Одно изъ двухъ: или доносъ несправедливъ или умышленное отпирательство. Какъ тутъ быть? Случай помогъ мнѣ.

Такъ какъ была уже поздняя ночь, то № 3-й предложилъ мнѣ переночевать у него, и я въ сопровожденіи слуги отправился въ отведенную мнѣ комнату.

Раздѣваясь, я больше по инстинктивному побужденію, чѣмъ сознательно, спросилъ у слуги:

— А что, давно былъ у васъ исправникъ?

— Нѣтъ, недавно!

Такой отвѣтъ, совершенно противорѣчившій полученному мной отъ его барина, заставилъ меня «навострить уши», и я продолжалъ:

— Зачѣмъ онъ пріѣзжалъ къ вамъ?

— А Богъ его знаетъ? Привозилъ съ собой что-то покрытое въ телѣгѣ.

— А что было въ телѣгѣ?

— Не знаемъ! Мы было сунулись посмотрѣть, да сотскіе отогнали насъ. Знаемъ только, что запахъ отъ телѣги былъ прескверный.

— Что же дѣлалъ у васъ исправникъ?

— Переговорилъ о чемъ-то съ бариномъ въ кабинетѣ и потомъ, выходя отъ него, часто жалъ ему руку, повторяя: будьте покойны, будьте покойны!

Этихъ свѣдѣній мнѣ было достаточно, я напалъ на слѣдъ; дальнѣйшее раскрытіе дѣла, надѣюсь, не ускользнетъ отъ меня

Утромъ, напившись чая, я отправился къ хозяину и, къ счастью, нашелъ его одного въ кабинетѣ.

Притворивъ плотнѣе двери, я обратился къ нему съ вопросомъ:

— Такъ вы говорите, что болѣе полгода не видали исправника?

— Да.

— А если я навѣрное знаю, что онъ такого-то числа пріѣзжалъ къ вамъ? Еще лучше знаю, съ чѣмъ онъ пріѣзжалъ къ вамъ, и чѣмъ окончилось ваше свиданіе?

Помѣщикъ мой потупилъ глаза, видимо сконфузившись. Я продолжалъ:

— Что вы на это скажете?

— Что я могу сказать, когда вы все знаете?

— Зачѣмъ же вы вчера не открыли мнѣ всего? Цѣль правительства—карать людей, которые злоупотребляютъ своей должностью. Мнѣ поручено было удостовѣриться во взяточничествѣ вашего исправника. За провѣркою свѣдѣній къ кому же мнѣ было обратиться, какъ не къ вамъ, человѣку, независимому по своему положенію въ обществѣ? и что же я слышалъ отъ васъ?

— Я вамъ отвѣчу откровенно. Нашъ исправникъ—мошенникъ отъявленный, сидитъ на своемъ мѣстѣ болѣе 2-хъ лѣтъ, такъ сказать, «въѣлся въ свое мѣсто» и не такъ притязателенъ. Беретъ взятки только при случаѣ. Если правительство и смѣнитъ его, то дастъ на его мѣсто другого, который, какъ новичекъ, еще «начинающій», будетъ дѣйствовать еще хуже, будетъ домогаться всѣми силами нажиться, будетъ дѣлать намъ непріятности, которыя въ нашемъ положеніи, какъ полякамъ, причинить намъ очень легко. Состоя на дурномъ счету у правительства, мы всегда останемся виноваты. Вотъ почему я вчера ничего не сказалъ вамъ о нашемъ исправникѣ; какъ онъ ни дуренъ, но для насъ терпимъ.

Чтобы понять справедливость до нѣкоторой степени сказанныхъ словъ, должно пояснить одно распоряженіе Бибикова. Предполагая вездѣ и во всемъ заговоры и тайныя сходбища, онъ пришелъ къ убѣжденію, что слѣдуетъ всѣ полицейскія мѣста и въ городѣ и въ уѣздѣ замѣстить чиновниками «православнаго исповѣданія» на томъ основаніи, что они, какъ чуждые и по происхожденію и по вѣрѣ мѣстнымъ жителямъ, не будутъ изъ видовъ родства или дружбы прикрывать виноватыхъ. Поэтому испросилъ у государя высочайшее повелѣніе обнародовать въ Россіи, чтобы лица «православнаго вѣроисповѣданія», желающія занять полицейскія должности въ бывшихъ польскихъ губерніяхъ, являлись или въ Кіевъ къ генералъ-губернатору, или въ губерніи къ мѣстнымъ губернаторамъ. Вслѣдствіе такого призыва нахлынули на губерніи всѣ подонки, вся грязь русскихъ чиновниковъ, преимущественно от-

ставныхъ военныхъ, которымъ дома было нечего ѣсть, и которые, какъ отличныя ищейки, чувствовали чутьемъ себѣ поживу. Правда, ихъ и душили, но они пріобрѣтали себѣ порядочные капиталы, благодаря той легкости наживы, образчикъ которой я привелъ выше, т. е. всякій богатый помѣщикъ давалъ полицейскому чиновнику «сколько хочешь», только чтобы избавить себя отъ столкновенія съ полиціей.

Теперь понятно будетъ, отчего люди развитые и благородные прикрывали гнусные поступки лицъ полиціи.

Отъ № 3 я вернулся къ № 2 и скоро склонилъ его къ сознанію случившагося, то же самое было и съ № 1.

Прибывъ поздно вечеромъ въ Новоградъ-Волынскій, я имѣлъ случай убѣдиться не только въ красотѣ пирамидальныхъ тополей, но и въ ихъ пользѣ. Сдѣлался пожаръ. При сильномъ вѣтрѣ и легкой возгораемости строеній, пожаръ угрожалъ всему городу, тополи остановили его. У одного изъ обывателей были насажены въ одинъ рядъ пирамидальные тополи около самаго дома. Огонь пожара, гонимый вѣтромъ, дошелъ до тополей, сжегъ ихъ встрѣчныя вѣтви, но не имѣлъ силы перейти далѣе.

Утромъ я пригласилъ исправника ѣхать со мной въ Житомиръ, ни слова не говоря о моихъ дознаніяхъ на его счетъ.

Въ присутствіи его я подтвердилъ губернатору справедливость доноса. Назначено было формальное слѣдствіе; ясныя улики принудили исправника сознаться въ своемъ преступленіи, и его сослали въ Сибирь на поселеніе. Но что значило для него лишеніе правъ состоянія, когда награбленное богатство дало ему возможность прожить вѣкъ не только безъ нужды, но и въ изобиліи? Для подобныхъ людей ни мѣсто родины, ни честь ничего не значатъ, когда въ карманѣ есть лишняя копейка.

Покончивъ съ исправникомъ, возвращусь къ себѣ. Пока я ѣздилъ по слѣдамъ «путешествія мертваго тѣла», мнѣ готовилась большая непріятность.

Прекратились, наконецъ аресты и розыски. Всѣ лица, прикосновенныя къ заговору Конарскаго, были въ рукахъ правительства. Кіевская военно-судная комиссія закрыла свои засѣданія и приговоръ осужденныхъ представила на разсмотрѣніе и утвержденіе государя. Конфирмація не замедлила послѣдовать, и назначенъ былъ день для совершенія казни надъ преступниками. Случайно я былъ въ то время въ Кіевѣ и остался посмотрѣть невиданное дотолѣ для меня зрѣлище—обрядъ вѣшанія. Говорю—обрядъ, потому что смертная казнь, присужденная комиссіей четыремъ преступникамъ, была замѣнена государемъ императоромъ только однимъ обрядомъ вѣшанія и ссылкой въ Сибирь, въ каторжную работу на 20 лѣтъ. Но распоряженіе это держалось въ строгой тайнѣ до минуты исполненія. Я, какъ адъютантъ губернатора, былъ въ числѣ немногихъ лицъ, которыя знали о томъ.

На огромной площади, передъ лаврой, устроенъ былъ эшафотъ, состоящій изъ деревяннаго помоста, возвышеннаго отъ земли на человѣческій ростъ, такъ что виденъ былъ со всѣхъ сторонъ. По угламъ эшафота были утверждены столбы, соединенные между собой перекладинами, въ серединѣ которыхъ висѣли роковыя петли. На эшафотъ вела лѣстница. Все это было окрашено въ черный цвѣтъ. На каждой сторонѣ эшафота были вырыты ямы—могилы, долженствующія принять въ себя жертвъ правосудія. Для исполненія обряда вѣшанія былъ нарочно выписанъ изъ Варшавы палачъ съ его помощниками, такъ какъ въ то время Россія не имѣла еще палачей для смертной казни.

Наканунѣ дня, назначеннаго для казни, жители города были извѣщены съ барабаннымъ боемъ, что назавтра, въ 7 часовъ утра, должна совершиться кара правосудія надъ преступниками.

Къ назначенному времени войска окружили эшафотъ, построясь въ карре. Мы встали въ середину, а за войскомъ помѣстилось несмѣтное число разнаго пола лицъ, между ними виднѣлись дамы, очень прилично одѣтыя.

Утро было пасмурное, какъ бы подстать къ готовящемуся зрѣлищу. Ровно въ 7 часовъ раздался первый ударъ колокола, нѣсколько времени спустя другой, тамъ третій и т. д. съ промежутками, какъ бы на похоронахъ. Растворились ворота крѣпости, показалась печальная процессія. Впереди ѣхали жандармы съ палашами наголо, за ними слѣдовали: церковный служитель, несшій въ рукахъ распятіе, за крестомъ—ксендзъ въ полномъ облаченіи, предшествуя четыремъ преступникамъ, по два въ рядъ, одѣтымъ въ длинные саваны. Шествіе замыкали снова верховые жандармы съ обнаженными палашами въ рукахъ. Когда процессія, двигаясь медленнымъ шагомъ, приблизилась къ намъ, всѣ мы невольно сняли шляпы. Войска взяли ружья «на караулъ», и преступникамъ, въ виду эшафота, аудиторъ прочелъ ихъ приговоръ. Осужденные, каждый по одиночкѣ, подходили къ распятію и, сдѣлавъ крестъ, цѣловали его. Потомъ помощники палача брали ихъ подъ руки и вводили на эшафотъ, гдѣ принималъ ихъ самъ палачъ, въ красной рубахѣ, съ засученными рукавами и въ фартукѣ. По мѣрѣ того какъ преступники подымались на эшафотъ, палачъ длинными рукавами ихъ савановъ связывалъ имъ руки назадъ, завязывалъ глаза и въ такомъ видѣ ставилъ ихъ на скамеечку и накидывалъ на шею петлю. Я зналъ очень хорошо, что за угломъ прилегающей къ площади улицы стоялъ верхомъ на лошади адъютантъ Бибикова, долженствовавшій въ данную минуту появиться съ отмѣной смертной казни; я былъ вполнѣ увѣренъ, что она не совершится, но, признаюсь, при видѣ всѣхъ этихъ приготовленій, сильно сжалось у меня сердце. «Мурашки» безпрестанно пробѣгали у меня по спинѣ, самъ я чего-то боялся, хотя взоръ, подстрекае-

мый любопытствомъ, ни на минуту не отрывался отъ предстоящаго зрѣлища. Наконецъ и на послѣдняго, четвертаго преступника была накинута петля, спустился палачъ, и оставалось только отдернуть изъ-подъ ногъ скамейки, и осужденные повисли бы на воздухѣ въ предсмертныхъ корчахъ... Въ эту страшную минуту показался скачущій адъютантъ и, махая въ рукахъ бумагой, издали кричалъ: «Остановитесь! Остановитесь!» Въѣхавъ въ карре, онъ подалъ бумагу аудитору, который громко прочелъ ея содержаніе, выше мной приведенное. Я вздохнулъ какъ-то свободнѣе.

Одинъ изъ осужденныхъ именно мой пріятель—докторъ Бопрэ, котораго я арестовалъ въ Кременцѣ, выслушавъ новый приговоръ и стоя на скамейкѣ съ петлей на шеѣ, чистымъ русскимъ языкомъ, незнаніемъ котораго онъ дотолѣ постоянно отговаривался, закричалъ:

— Что жъ? Русскій царь комедіи вздумалъ съ нами играть?..

Но тотчасъ же было отдано приказаніе забить въ барабаны, и дальнѣйшихъ его словъ за шумомъ нельзя было разслышать.

Вскорѣ послѣ арестованія Прушинскаго губернаторъ поручилъ мнѣ управленіе своей секретной канцеляріей. Подъ моимъ вѣдѣніемъ были три отдѣленія или стола: секретный, духовныхъ исповѣданій и паспортный (заграничный) съ надлежащимъ числомъ чиновниковъ. Кромѣ того, я велъ личную переписку губернатора, такъ сказать, кабинетную, конфиденціальную, о существованіи которой никто изъ служащихъ въ канцеляріи не зналъ. Въ мое же распоряженіе отпускались ежегодно 30 тысячъ рублей ассигнаціями для платы вознагражденія шпіонамъ и за другія услуги, требовавшія особой распорядительности и расторопности. Къ тому еще бывали командировки и разъѣзды съ губернаторомъ по губерніи. Все это много брало у меня времени, и я старался сколько могъ выѣзжать на моихъ столоначальникахъ. Но не всѣ дѣла можно было поручить имъ; много еще оставалось и на моихъ рукахъ. Болѣе всего мнѣ надоѣдала выдача паспортовъ на выѣздъ за границу. Тамошніе помѣщики считали для себя экономическимъ годомъ тотъ, который они могли прожить за границей, говоря, и весьма справедливо, что на Волыни они должны поддерживать честь своей знатной фамиліи и входить въ расходы, которыхъ не сдѣлаютъ за границей, проживая въ неизвѣстности. Поэтому они весьма часто обращались къ губернатору о выдачѣ имъ паспорта, но не всѣ могли пользоваться этимъ правомъ. Многіе изъ нихъ были записаны въ «книгѣ животныхъ», какъ я называлъ ее, то-есть состояли подъ тайнымъ надзоромъ полиціи или по неблагонадежности своихъ политическихъ убѣжденій въ видахъ русскаго правительства или по подозрѣнію въ сношеніи съ выходцами и эмиссарами и въ доставленіи имъ денежныхъ средствъ для существованія или поддержки пропаганды. Каждая просьба о выдачѣ паспорта посту-

пала ко мнѣ; по алфавиту «книги» я отыскивалъ фамилію просителя и, смотря по отмѣткѣ, какая сдѣлана, или выдавался паспортъ, или прошеніе оставалось безъ всякихъ послѣдствій.

Занимая такое мѣсто, я часто подвергался разнаго рода искушеніямъ, которыя бѣсили меня, но нисколько не избавляли отъ непріятностей. Такъ сильно вкоренилось убѣжденіе въ мѣстныхъ жителяхъ о продажности русскихъ чиновниковъ. Между многими случаями приведу здѣсь одинъ. Князь Радзивиллъ какъ-то «пронюхалъ», что ведется тайная переписка о переводѣ Ануфріевской ярмарки изъ его мѣстечка Бердичева въ Кіевъ. Такое предположеніе правительства окончательно его разоряло. Радзивиллъ обратился ко мнѣ съ просьбой показать ему эту переписку, при чемъ осмѣлился предложить значительную сумму вознагражденія. Отвергнутый съ презрѣніемъ, онъ хладнокровно сказалъ:

— Напрасно горячитесь, молодой человѣкъ. Мнѣ стоитъ только съѣздить въ Петербургъ, и я буду имѣть въ копіяхъ всю вашу переписку, которой вы придаете такое важное значеніе.

— Такъ поѣзжайте въ Петербургъ и ищите тамъ добрыхъ людей, а здѣсь я не позволю вамъ оскорблять меня подкупомъ и сегодня же разскажу губернатору о вашемъ гнусномъ предложеніи.

Затѣмъ, повернувшись къ нему спиной, вышелъ съ квартиры, хлопнувъ дверью.

Каково же было мое удивленіе, когда, нѣсколько времени спустя, князь Радзивиллъ, возвратившись изъ Петербурга, показалъ мнѣ дѣйствительно всю нашу секретную переписку въ вѣрныхъ копіяхъ! Какъ онъ добился этого,—его тайна.

XXXIII.

Ревизія Волынской губерніи губернаторомъ Лашкаревымъ.—Житоміръ.—Ровно.—Мѣстечко Мижирели и доминиканскій монастырь.—Луцкъ.—Заславъ.—Мѣстечко Славута.—Участіе молодого кн. Сангушки въ польскомъ повстаньѣ 1830 г.—Его служба на Кавказѣ.—Мое знакомство съ кн. Сангушками.—Мѣстечко Вишневецъ.—Мѣстечко Романово и его владѣлецъ гр. Иллинскій.—Чудачества гр. Иллинскаго.—Этимологія слова «Волынь».—Житомирскій уѣздный предводитель дворянства Прушинскій и охота на вепря въ его имѣніи.—Контрабанда въ Бердичевѣ.—Справедливость доноса на городничаго, подполковника Кильчевскаго.

Лашкаревъ приступилъ къ ревизіи губерніи и началъ съ присутственныхъ мѣстъ Житомира.

По принятому выше порядку описанія городовъ Волынской губерніи скажу въ очень немногихъ словахъ о самомъ Житомирѣ и дополню свѣдѣнія о немъ къ прежде сообщеннымъ.

Житомиръ названіемъ своимъ обязанъ когда-то бывшему здѣсь значительному складу хлѣбныхъ запасовъ. По-польски zyto означаетъ хлѣбъ, mierze мѣра; все вмѣстѣ—Житомиръ.

Житомиръ стоитъ при впаденіи рѣки Каменки въ рѣку Тетеревъ, берега которыхъ состоятъ изъ гранитныхъ скалъ, въ которыхъ находятся граниты иногда довольно значительной величины.

Въ Житомирѣ прекратилась для меня всякая связь съ Россіей. Нравы, обычаи, жизнь—все не походило на то, что я оставилъ въ великороссійскихъ губерніяхъ, даже самая администрація была не та: такъ въ здѣшнихъ присутственныхъ мѣстахъ дѣйствовалъ еще «Литовскій статутъ» вмѣсто нашего «свода законовъ». Русскій языкъ рѣдко можно было услышать. Высшее общество говорило или по-польски, или по-французски. Денежные расчеты производились на польскіе злоты (15 коп. сер.). Нашъ серебряный рубль назывался монета, золотой полуимперіалъ, карбованецъ. На перекресткахъ дорогъ большихъ и малыхъ или вблизи селеній вмѣсто нашихъ часовенъ стояли деревянные кресты, нѣсколькихъ саженъ вышины. На крестахъ ниже къ подножью были прибиты миніатюрные рѣзные изъ дерева: молотокъ, клещи, гвозди, лѣстница, копье, губка, дощечка съ 30-ю круглыми впадинками, изображавшими собой 30 сребрениковъ, полученныхъ Іудой за свое предательство. Работа этихъ предметовъ иногда замѣчательна была своей изящной отдѣлкой.

Кончивъ ревизію Житомира, Лашкаревъ поѣхалъ съ той же цѣлью по другимъ уѣздамъ губерніи, взявъ меня съ собой, и я могъ видѣть тѣ достопримѣчательные города и мѣстечки, въ которыхъ не былъ съ Масловымъ.

Первый незнакомый для меня уѣздный городъ былъ Ровно. Преданіе говоритъ, что король польскій, Станиславъ-Августъ, охотясь на звѣрей въ здѣшнихъ мѣстахъ, тогда еще покрытыхъ лѣсами, обратился съ вопросомъ къ сопровождавшему его, въ числѣ многочисленной свиты, князю Любомирскому:

— Много ли у тебя мѣстечекъ?

— Девяносто девять.

— Дарю тебѣ это мѣсто, съ тѣмъ чтобы ты устроилъ здѣсь еще городъ, тогда у тебя будетъ ровно сто.

Слово это послужило названіемъ города.

Ровно, какъ новый городъ, не представляетъ собой никакого историческаго значенія. Въ немъ помѣщались: Ровенская мужская гимназія и великолѣпно выстроенный палацъ (домъ владѣльца).

Въ Ровенскомъ уѣздѣ находится мѣстечко Мижирели, принадлежащее графу Менжинскому.

Въ мѣстечкѣ находится доминиканскій монастырь, построенный на мѣстности, состоящей изъ мѣлового грунта. Въ склепѣ монастыря покоится очень много неистлѣвшихъ тѣлъ. Между ними особенно замѣчательно тѣло одного монаха, въ жизни имѣвшаго, какъ видно, тучность. Значительно выпучившійся животъ его представляетъ собой необыкновенное явленіе: онъ подается подъ давле-

ніемъ на него руки, а по отнятіи ея, волнуясь, приходитъ опять въ прежнее положеніе. Монахъ этотъ тогда (въ 1839 г.) былъ умершій лѣтъ 40 тому назадъ.

Городъ Луцкъ расположенъ на возвышенной мѣстности, оканчивающейся обрывомъ къ рѣкѣ Стырь. На самомъ обрывѣ построенъ замокъ, основаніемъ которому служитъ каменная стѣна, выведенная отъ самой рѣки. Въ образовавшемся подземельѣ были устроены конюшни, теперь пустыя, но въ которыхъ свободно можно помѣстить кавалерійскій полкъ въ полномъ его составѣ. Городъ и замокъ принадлежатъ князю Любомирскому. Въ Луцкѣ до 1840 года имѣлъ свое мѣстопребываніе католическій бискупъ--достоинство, равняющееся сану нашего архіерея—Михаилъ Пивницкій, очень почтенный старецъ.

Изъ Луцка переѣхали во Владиміръ. Здѣсь снова пахнуло на меня древней Русью.

Городъ Заславъ рѣчка раздѣляетъ на двѣ части, на противоположныхъ берегахъ которой построены палацы, принадлежавшіе во время владычества здѣсь Польши двумъ роднымъ братьямъ, князьямъ Сангушко, бывшимъ между собой во враждѣ. Распря между ними доходила до страшныхъ размѣровъ. Если одинъ братъ видѣлъ, что къ другому съѣхались гости, то, выждавъ время обѣда, когда всѣ сидѣли за столомъ, изъ пушки, вкаченной въ окно, стрѣлялъ въ гостей брата картечью, посылая имъ вмѣсто десерта чугунныя яблоки. Другой братъ въ свою очередь не оставался въ долгу и платилъ тѣмъ же и при тѣхъ же условіяхъ. Стѣны палацовъ и по сіе время носятъ на себѣ слѣды ядеръ и картечи.

Въ Заславскомъ уѣздѣ замѣчательны: мѣстечко Славута, въ которомъ жилъ въ мое время старикъ князь Сангушко, владѣтель не только Заслава и всего уѣзда, но 150 тысячъ душъ, принадлежавшихъ ему трехъ государствахъ: Россіи, Австріи и Пруссіи, иначе говоря, на Волыни, въ Галиціи и Познани. Князь Сангушко имѣлъ у себя единственнаго сына и его дочь, свою внучку. Судьба его сына можетъ служить примѣромъ, что и въ желѣзное царствованіе Николая деньги дѣлали свое дѣло.

Князь Сангушко (молодой) служилъ въ нашихъ кавалергардахъ и передъ польской революціей 1830 г., получивъ отпускъ, прибылъ къ отцу въ мѣстечко Славуту. Принявъ дѣятельное участіе въ возстаніи, онъ съ оружіемъ въ рукахъ былъ взятъ въ плѣнъ. Съ людьми подобнаго рода не церемонились; обыкновенно ихъ разстрѣливали черезъ 24 часа. Но князь Сангушко по состоянію своему выходилъ изъ ряда обыкновенныхъ людей, а потому и не подлежалъ обыкновенному порядку. Представили государю, что мятежникъ князь Сангушко принялъ участіе въ революціи безсознательно. Незадолго до того, потерявъ нѣжно любимую, молодую

свою жену, Сангушко пришелъ въ отчаяніе, желалъ себѣ смерти, но, какъ истинный христіанинъ, не рѣшался наложить самъ на себя руки. Въ такомъ растерянномъ положеніи ему поляки предложили принять участіе въ мятежѣ, и онъ не размышляя принялъ предложеніе, какъ онъ бы принялъ такое и отъ русскихъ. Въ томъ и другомъ предложеніи онъ видѣлъ возможность прекратить тягостные дни своей жизни, не имѣя въ виду и не понимая другой, политической, цѣли. Однако, такое невѣдѣніе не помѣшало ему сильно защищать свою жизнь и убить двухъ русскихъ, прежде чѣмъ онъ былъ обезоруженъ. Такой изворотъ дѣла, въ которомъ главную роль играло душевное и умственное разстройство, послужилъ спасеніемъ Сангушки отъ смерти, но не отъ солдатства. Разжалованный въ рядовые, онъ былъ посланъ на Кавказъ выслуживать свои эполеты. На Кавказѣ для желающаго найти смерть представляется тысяча случаевъ, но князь Сангушко, вѣроятно, какъ истинный христіанинъ, и въ самомъ намѣреніи находилъ грѣхъ. Какъ бы то ни было, только въ 1840 г. молодой князь Сангушко прибылъ въ Волынскую губернію офицеромъ какого-то пѣхотнаго полка и былъ уволенъ на минеральныя воды мѣстечка Шепетовки въ Заславскомъ уѣздѣ, до излѣченія болѣзней, полученныхъ имъ въ походахъ по кавказскимъ горамъ.

Замѣчательно, что все огромное состояніе князя Сангушки оказалось числящимся за его отцомъ, а самъ кавалергардскій офицеръ никакой собственности у себя не имѣлъ, почему оно и не было конфисковано въ казну, такъ какъ не было доказано, что старикъ Сангушко принималъ участіе въ возстаніи.

Я нѣсколько разъ бывалъ въ Славутѣ и видалъ обоихъ князей Сангушекъ. Сынъ съ очами, воздѣтыми къ небу, и рукой, прижатой къ сердцу,—со всѣми примѣтами іезуита,—разсказывалъ мнѣ «о неизреченной къ нему милости государя и о томъ глубокомъ раскаяніи, которому онъ постоянно преданъ за свой необдуманный поступокъ».

Въ Славутѣ замѣчательны по своимъ обширнымъ производствамъ фабрики: суконная и писчебумажная, но въ особенности—заводъ лошадей чистокровной арабской породы. Извѣстно, что арабъ скорѣе разстанется съ жизнію, чѣмъ съ лошадью, и потому имѣть настоящихъ арабскихъ лошадей очень трудно. У Сангушки постоянно живетъ въ Аравіи довѣренное лицо, которое не щадитъ издержекъ, чтобы подкупать араба красть лошадей у другихъ племенъ; и такимъ способомъ, хотя и рѣдко, но Сангушко имѣетъ этихъ умныхъ животныхъ, рѣзвыхъ и быстрыхъ, какъ вѣтеръ.

Конюшни отдѣланы великолѣпно; вездѣ мраморъ и бронза; провѣтриваются особо устроеннымъ вентиляторомъ, вода для пойла проведена тутъ же. Чистота необыкновенная; нигдѣ не увидишь ни сору, ни пылинки,—чище, чѣмъ въ домахъ другихъ богатыхъ помѣщиковъ.

Огромный двухъэтажный палацъ отличается своимъ богатствомъ и изящной отдѣлкой. Вездѣ виденъ утонченный вкусъ просвѣщеннаго человѣка. Во второй этажъ ведутъ два хода: одинъ—обыкновенная лѣстница, другой — пологій помостъ, по которому вводятъ лошадей, такъ какъ старикъ князь отъ подагры лишился употребленія ногъ. Въ первый пріѣздъ мой Сангушко, желая показать мнѣ только что приведенную изъ Аравіи лошадь, по его словамъ, «перлъ совершенства», приказалъ по этому помосту ввести ее въ залъ. Не знаю почему, не видя нигдѣ арабскихъ лошадей, я составилъ о нихъ понятіе, что всѣ онѣ должны быть вороной масти. Какъ же я удивился, когда ввели лошадь совершенно бѣлую, съ маленькой головкой, буквально розовыми ноздрями и черными глазами, умно смотрѣвшими. Небольшой корпусъ тѣла держался на тонкихъ, сухихъ ногахъ. Лошадь была дѣйствительно картинка. Я не любитель, но заглядѣлся на ея красивыя, пропорціональныя стати. Въ 1840 году, во время проѣзда императора Николая съ наслѣдникомъ черезъ Кіевъ, Бибиковъ, желая угодить наслѣднику, послалъ сказать князю Сангушкѣ, чтобъ онъ продалъ свой «перлъ совершенства». Сангушко съ достоинствомъ отвѣтилъ, что онъ лошадьми не торгуетъ, а почтетъ себя очень счастливымъ, если наслѣдникъ престола удостоитъ принять отъ него въ даръ лучшую изъ его лошадей. Такое предложеніе нашли неумѣстнымъ, и всякій остался при своемъ.

Къ палацу прилегалъ огромный паркъ, наполненный разными дикими животными: кабанами, лосями, газелями, волками, лисицами, зайцами и т. п. Старикъ князь иногда вспоминалъ свою молодость, охотился, но охота эта была преоригинальная; на одной изъ нихъ я участвовалъ. Кресла, на которыхъ спускали со второго этажа и ввозили въ паркъ подагрика, становились на опредѣленное мѣсто, куда ловчіе и доѣзжачіе должны были поставить звѣря. Сангушкѣ давали въ руки его любимое ружье, а за кресломъ становился отличный стрѣлокъ, не дающій промаха. При видѣ звѣря, Сангушко своими дрожащими руками прицѣливался и спускалъ курокъ: животное падало, и старикъ приходилъ въ восторгъ, хвастаясь вѣрностью глаза и прицѣла. Изъ приличія всѣ восхищались его стрѣльбой, хотя видѣли, что егерь, стоявшій за кресломъ, сторожилъ мгновеніе выстрѣла своего барина и спускалъ курокъ въ одно съ нимъ время, такъ что два выстрѣла сливались въ одинъ, и когда пуля Сангушки терялась въ пространствѣ, пуля егеря поражала жертву. Старость, легко поддаваясь обману, имѣетъ тѣ же свои ребяческія заблужденія и радости!..

Въ мѣстечкѣ Вишневцѣ, принадлежащемъ князю Вишневецкому, находится старинный замокъ, хорошо сохранившійся со своими рвами, подъемными мостами и бойницами. Къ замку ведетъ длинная густо насаженная деревьями аллея. Внутри замка мы въѣхали

на такъ называемый «почетный» дворъ и вышли въ обширныя съ стрѣльчатыми сводами сѣни, вступивъ такимъ образомъ въ область старины и исторіи. Направо отъ лѣстницы, ведущей въ верхній этажъ, намъ показали небольшую комнату съ голыми стѣнами въ одно окно. Въ комнатѣ стояли деревянные, грубой работы, столъ, скамья и кровать, на которой по преданію Гришка Отрепьевъ, первый лже-Димитрій, служа конюхомъ у князя Вишневецкаго, прадѣда настоящаго владѣльца, притворившись умирающимъ, вручилъ исповѣдывающему его іезуиту рукопись. Въ этой рукописи конюхъ называлъ себя царевичемъ Димитріемъ, чудомъ спасшимся въ Угличѣ отъ ножа убійцъ: Битяговскаго и Качалова.

Въ замкѣ, несмотря на продолжительное отсутствіе владѣльца, тщательно сохраняются: огромная библіотека, значительное собраніе образцовыхъ картинъ и портретная галлерея съ изображеніями отдаленныхъ предковъ.

О городѣ Ковлѣ у меня не осталось никакихъ историческихъ воспоминаній, да едва ли онъ ихъ имѣетъ, какъ городъ новый.

Мѣстечко Романово, принадлежавшее графу Иллинскому, замѣчательно, какъ по своему владѣльцу, такъ и по постройкѣ его дома.

Графъ Иллинскій, высокій, сухой старикъ, долго служилъ при нашемъ дворѣ и былъ извѣстный любимецъ императора Павла. Отличался своимъ оригинальнымъ образомъ жизни. У него одинъ день принадлежалъ Богу, другой—людямъ. Въ день, посвященный Богу, онъ запирался въ своей комнатѣ, и его никто не могъ видѣть; слѣдующій день «отдавался» своему семейству, состоящему изъ двухъ сыновей, изъ которыхъ старшій, Янушъ (Иванъ), былъ въ мое время губернскимъ предводителемъ дворянства. Тогда онъ принималъ посѣтителей, велъ съ ними интересные разговоры о старинѣ и всемъ имъ видѣнномъ и испытанномъ. И того и другого онъ много имѣлъ въ свою продолжительную жизнь, богатую разными приключеніями. На слѣдующій день вновь дѣлался невидимъ, тамъ опять «показывался», и такимъ порядкомъ онъ изжилъ свои дни до самой смерти. Самое названіе мѣстечка Романова, состоявшее изъ двухъ латинскихъ словъ: Roma—nova, показываетъ претензіи походить на Римъ. Дѣйствительно планъ и фасадъ палаца былъ расположенъ по образцу Ватикана въ Римѣ, только, разумѣется, въ мелкихъ размѣрахъ; въ немъ не было тѣхъ тысячи комнатъ, изъ которыхъ состоитъ настоящій Ватиканъ, но своимъ наружнымъ видомъ напоминаетъ его.

Въ рединѣ зданія помѣщалась домовая католическая церковь, богато украшенная; но особую его драгоцѣнность составляли мощи какой-то католической святой. Мощи эти были похищены графомъ Иллинскимъ во время одного изъ многочисленныхъ его путешествій по Италіи. За нимъ была послана погоня, но въ то время

не были еще устроены телеграфы, и Иллинскій, благодаря щедро раздаваемому золоту, успѣлъ съ своей драгоцѣнной ношей благополучно добраться до мѣста, иначе онъ бы не миновалъ висѣлицы, какъ церковный тать... Мощи эти поразили меня своимъ наружнымъ видомъ: лицо облито тонкимъ слоемъ воска и раскрашено подъ цвѣтъ живого лица съ румянцемъ на щекахъ. Онѣ покоятся въ стеклянномъ ящикѣ, устроенномъ подъ престоломъ.

Другую замѣчательность представляетъ спальня хозяина. Императоръ Павелъ, при восшествіи своемъ на престолъ, подарилъ Иллинскому мебель изъ своей гатчинской спальни. Въ Романовѣ Иллинскій устроилъ свою спальню по образцу и размѣрамъ царственной спальни въ Гатчинѣ и подаренную мебель разставилъ въ томъ же порядкѣ, какъ она стояла у Павла. Всякая вещь привинчена къ полу, чтобы нельзя было не только переставить ее на другое мѣсто, но даже дать ей другое положеніе, чѣмъ то, которое она занимала. При домѣ богатая библіотека, картинная и портретная галлерея, собраніе древняго вооруженія и проч.

Само собой разумѣется, что всѣ эти достопримѣчательныя мѣста я осмотрѣлъ не въ одинъ разъ, но въ нѣсколько поѣздокъ.

Здѣсь, чтобы покончить съ историческимъ описаніемъ края, упомяну о самомъ названіи Волыни.

Названіе Волынь подало поводъ историкамъ и изслѣдователямъ старины ко многимъ предположеніямъ; такъ, Несторъ говоритъ, что древніе народы въ Россіи, бужане и дулебы, назывались волыняне, т. е., въ 1018 году, когда Болеславъ Храбрый разбилъ Ярослава I (см. Строева, Лѣтопись, I, 107, и Энциклоп. лекс. Плюшара). Польскій историкъ Стрыйковскій удостовѣряетъ, что первые обитатели здѣшняго края пришли сюда изъ-за Волги и, желая удержать названіе рѣки, назвали сторону Волгиніею. Другой историкъ, Паньини, тоже подтверждаетъ, но оба они забыли, что рѣка Волга въ древности называлась Ра. Руссовъ, въ своихъ запискахъ, основываясь на иностранномъ правописаніи (по-польски: Volhyn, по-французски—Volhynie), названіе края производитъ отъ двухъ словъ: волъ и гинъ (по-малороссійски означающее гонъ), потому что мѣстные жители всѣ свои продукты перевозятъ на волахъ.

Вѣроятнѣе всего, что край получилъ свое названіе отъ города Волыня, нынѣ не существующаго, который, по свидѣтельству Длугоша (I, 18), находился на мѣстѣ нынѣшняго селенія Грудекъ, при устьѣ рѣки Гучавы въ Люблинскомъ воеводствѣ.

Пришла осень теплая и сухая. На Волыни сентябрьскія ночи бываютъ такъ прозрачны, такъ свѣтлы, что на улицѣ при лунѣ можно читать письмо мелкаго почерка.

Житомирскій уѣздный предводитель дворянства устроилъ охоту на вепря или дикаго кабана. Но прежде чѣмъ буду говорить объ

охотѣ, скажу нѣсколько словъ о личности Прушинскаго. Въ молодыхъ своихъ лѣтахъ онъ долженъ былъ бѣжать за границу вслѣдствіе дуэли. Поводомъ къ дуэли послужило, что одинъ изъ помѣщиковъ оскорбилъ отца Прушинскаго. Старикъ, несмотря на свои преклонныя лѣта, вызвалъ на дуэль своего оскорбителя; сынъ изъ опасенія, что отецъ будетъ убитъ, такъ какъ не могъ уже твердо держать оружіе въ рукахъ, не допустилъ совершиться дуэли. Не говоря ни слова отцу, молодой Прушинскій, предупредивъ срокъ роковой встрѣчи, поѣхалъ къ противнику его отца, вызвалъ его въ свою очередь на дуэль и убилъ наповалъ. Царствомъ Польскимъ управлялъ въ то время великій князь Константинъ Павловичъ, не шутившій съ дуэлистами, особливо, когда исходъ дуэли былъ смертельный. Прушинскій, чтобы избѣжать рудниковъ Сибири, бѣжалъ въ Грецію, гдѣ въ то время былъ полный разгаръ инсуррекціоннаго движенія для освобожденія грековъ изъ-подъ власти турокъ. Имѣя рекомендательное письмо къ предводителю возстанія, Ипсиланти, Прушинскій явился къ нему, участвовалъ во всѣхъ битвахъ за независимость; при осадѣ Миссолунги дрался бокъ-о-бокъ съ извѣстнымъ англійскимъ поэтомъ, лордомъ Байрономъ, похоронилъ его, когда тотъ умеръ вслѣдствіе изнурительной лихорадки. За отличіе при Миссолунги Прушинскій получилъ крестъ Св. Спасителя. По окончаніи войны Ипсиланти, черезъ посредство графа Капо д'Истрія, испросилъ у императора Александра I полное прощеніе Прушинскому съ правомъ свободно возвратиться на родину. Этотъ-то герой и пригласилъ меня участвовать въ охотѣ, которая для меня въ особенности была занимательна по своей новизнѣ, такъ какъ я до того времени видѣлъ дикихъ кабановъ только на картинкахъ.

Охота эта не безопасна и иногда сопровождается печальными послѣдствіями.

Вепри, какъ извѣстно, живутъ семействами въ трущобахъ и мѣстахъ, трудно доступныхъ, имѣютъ обыкновеніе ходить на водопой одной и той же тропкой, которую они сами же пробиваютъ, такъ какъ имѣютъ обыкновеніе всегда ходить гуськомъ, одинъ за другимъ. Охотники, найдя тропку, спиливаютъ около нея всѣ деревья аршина на полтора отъ земли. При изобиліи лѣсовъ такое истребленіе лѣса и не замѣтно. На Волыни можно встрѣтить лѣса «дѣвственные», гдѣ не были ни топоръ, ни нога человѣка, есть лѣса столь частые, что дерево, сломанное бурею, гніетъ на корню по неимѣнію мѣста, куда упасть. Притомъ отпиленныя для охоты на кабана деревья, если позволяетъ мѣстность, убираются и рубятся на дрова.

На такихъ спиленныхъ пенькахъ становятся охотники въ совершенной безопасности, потому что звѣрь, по устройству своего тѣла, не можетъ ни влѣзть на пенекъ, ни вспрыгнуть на него;

пока кабанъ клыками своими роетъ корень пня, чтобы свалить его, самый плохой стрѣлокъ на такомъ близкомъ разстояніи непремѣнно убьетъ его. Но не такъ бываютъ обезпечены въ своей безопасности загонщики, которые съ собаками подымаютъ звѣря съ его логовища. Я былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ изъ загонщиковъ за свою отвагу поплатился смертью. Загонщикъ безъ всякой предосторожности шелъ мимо куста, за которымъ невидимо для него лежалъ кабанъ. Звѣрь, вскочивъ съ своего мѣста, въ одно мгновеніе свалилъ его подъ себя, такъ что тотъ не успѣлъ даже выхватить кинжалъ. Все это происходило въ виду всѣхъ насъ, но мы не могли стрѣлять по кабану, опасаясь убить лежащаго подъ нимъ человѣка. Прежде чѣмъ товарищи несчастнаго успѣли подбѣжать и сбить съ него разсвирѣпѣвшаго звѣря, онъ буквально вспахалъ ему спину своими клыками. Несчастный, послѣ краткихъ, но страшныхъ мученій, умеръ тутъ же на мѣстѣ.

Охота наша началась тѣмъ, что, пріѣхавъ на указанное мѣсто, мы съ заряженными ружьями и съ запасомъ пуль и пороху встали каждый на свой пенекъ.

Загонщики, вооруженные кинжалами и рогатинами, съ трещотками въ рукахъ и имѣя около себя по нѣсколько собакъ особой гончей породы, приспособленныхъ на травлю кабановъ, отправились къ мѣсту, гдѣ по признакамъ должны были находиться кабаны. Вскорѣ густой лѣсъ скрылъ ихъ отъ нашихъ глазъ. Въ ожиданіи появленія звѣря охотники, стоя на пенькахъ, вели между собой веселую бесѣду. Я одинъ молчалъ съ напряженіемъ всматриваясь въ даль, при чемъ сердце у меня стучало сильно въ груди; но вотѣ раздались звуки трещотокъ, потомъ лай собакъ. Лай приближался къ намъ все ближе и ближе. Мой сосѣдъ по пеньку объяснилъ мнѣ, что «гонятъ звѣря», и надо изготовиться. Въ одно мгновеніе всѣ разговоры прекратились... лай все ближе и ближе. Стали различать визгъ собакъ; эти, слишкомъ смѣлыя, наскочивъ на кабана, получали отъ него ударъ клыка... Наконецъ послышался трескъ сухого валежника, и вотъ два кабана съ двумя самками показались на тропинкѣ. Между ними, у ногъ, бѣжали двое или трое молодыхъ поросятъ. Ближайшій охотникъ выстрѣлилъ, за нимъ другой, тамъ слѣдующій, и лѣсъ огласился звуками выстрѣловъ. Иногда раненый кабанъ бѣжитъ далѣе по тропкѣ, но чаще бываетъ, что онъ вернется и непремѣнно къ охотнику, его ранившему, какъ бы замѣтивъ своего врага. Пока кабанъ стучитъ клыками о корни пня, охотникъ прехладнокровно заряжаетъ свое ружье и посылаетъ новую пулю или въ лобъ, или въ ухо, или въ лѣвую переднюю лопатку. Только раны въ эти мѣста бываютъ смертельны для звѣря; пуля, задѣвшая другую часть тѣла, попадаетъ, какъ въ подушку, не причиняя звѣрю никакого вреда. Случалось въ убитомъ кабанѣ находить старыхъ

5—6 пуль, заплывшихъ въ его жирѣ. Я пропустилъ мимо себя двухъ кабановъ, не сдѣлавъ по нимъ ни одного выстрѣла. Все вниманіе мое было устремлено на происходившее вокругъ меня, и я смотрѣлъ, какъ убиваютъ другіе, а своихъ—пропустилъ; но они не ушли отъ ожидавшей ихъ участи. Слѣдующіе за мной охотники положили ихъ на мѣстѣ. Въ первый разъ я не стрѣлялъ, но зато послѣ, когда мы поѣхали на другое, открытое мѣсто, мнѣ удалось подстрѣлить дикую козу. Преслѣдуемая собаками, коза выскочила изъ кустовъ, припрыгивая всѣми четырьмя своими ногами. Я прицѣлился, выстрѣлилъ—и коза съ перешибленной ногой осталась на мѣстѣ. Съ восторгомъ я подбѣжалъ къ своей добычѣ, но радость моя смѣнилась на горе, когда я взглянулъ въ глаза лани; изъ ихъ чуднаго очертанія и красиваго, мягкаго взгляда текли слезы... у меня сжалось сердце отъ жалости. Съ тѣхъ поръ далъ себѣ слово никогда болѣе не стрѣлять по сернамъ и сдержалъ его. Мнѣ часто приходилось быть на охотѣ, стрѣлялъ и хладнокровно убивалъ вепря, но при видѣ скачущей серны опускалъ ружье. Записные охотники смѣялись надъ такой моей чувствительностью, но я находилъ и такихъ, которые мнѣ вполнѣ сочувствовали и, пораженные, какъ и я, жалостливымъ взглядомъ и слезами раненой серны и прочтя въ немъ какъ бы укоръ, никогда не стрѣляли по нимъ.

Мои восторги первой охоты на вепря закончились самымъ прозаическимъ образомъ. Я получилъ отъ генерала порученіе—открыть въ Бердичевѣ контрабанду.

Контрабандистамъ часто съ товарами удавалось изъ-за границы прокрадываться черезъ три кордона таможенной стражи. Контрабанду преслѣдуютъ до Бердичева, гдѣ всѣ товары какъ бы таяли. Нѣсколько разъ пытались открыть складъ контрабанды, но все напрасно.

Губернаторъ получилъ безыменный доносъ, что будетъ открытъ секретъ исчезновенія контрабанды въ Бердичевѣ, но при непремѣнномъ условіи, чтобы онъ для этого прислалъ своего адъютанта, что только ему (т. е. мнѣ, не правда ли, какое лестное вниманіе?) укажутъ мѣсто склада товаровъ. Для этого я долженъ пріѣхать и остановиться въ Бердичевѣ въ такой-то корчмѣ, гдѣ явится доноситель и все мнѣ откроетъ.

Пріѣхавъ въ Бердичевъ поздно вечеромъ, я остановился въ указанной корчмѣ и только что расположился съ своими вещами, какъ раздался легкій стукъ въ дверь. На мое приглашеніе появилась знакомая фигура фактора самого князя Радзивилла, и, оглядываясь на всѣ стороны, пришедшій скороговоркой объяснилъ, что контрабанда скрывается у городничаго, подполковника Кильчевскаго, въ деревянномъ сараѣ, построенномъ на углу двора и имѣющемъ сзади двойную стѣнку. Въ передней части сарая помѣщались экипажи и всякій

хозяйственный хламъ, а задняя часть выходила на пустырь и имѣла небольшую дверь, искусно замаскированную кустомъ растенія. При этомъ потомокъ Авраама и Исаака просилъ не выдавать его и назначить ему денежную награду. Въ вѣрности его показаній нельзя было ни на минуту усомниться, иначе онъ не показался бы мнѣ. Итакъ, секретъ таянія контрабанды объяснился. Городничій, которому всегда предписывали наблюдать за ввезенной контрабандой, самъ занимался ею. Что же мудренаго, что всѣ старанія открыть ее были тщетны? Впослѣдствіи я узналъ и причину доноса: Кильчевскій за что-то поколотилъ доносчика, а тотъ «съ сердцовъ» все раскрылъ, тѣмъ болѣе, что въ дѣлѣ этомъ были замѣшаны австрійскіе евреи, съ которыми жившіе на Волыни вели непримиримую вражду. На своихъ онъ бы не донесъ.

Утромъ я пригласилъ къ себѣ гласныхъ думы, депутата со стороны владѣльца, нѣсколько человѣкъ понятыхъ и, въ сопровожденіи всего этого сброда, отправился на квартиру, занимаемую городничимъ. Никто еще не зналъ о цѣли моего прихода. Наше «тріумфальное» шествіе привлекло толпу любопытныхъ. Не входя въ комнаты, чтобы всѣ мои дѣйствія и слова были видимы и слышимы всѣми присутствующими, я послалъ позвать ко мнѣ городничаго; но онъ, завидя у себя толпу подъ предводительствомъ губернаторскаго адъютанта, вышелъ ко мнѣ, не дождавшись моего посланнаго.

Все еще не объясняя ему причины моего прихода, я просилъ его отворить мнѣ заднюю дверь сарая. Кильчевскаго замѣтно передернуло въ лицѣ, но, скоро оправившись, онъ спокойно отвѣтилъ, что въ задней стѣнѣ нѣтъ никакой двери.

Тогда я двинулся съ толпой на пустырь и, раздвинувъ кустъ, указалъ городничему на скрытую дверь. Городничій прикинулся удивленнымъ и сталъ отговариваться, что онъ, какъ постоялецъ, и не знаетъ о существованіи этой двери, устроенной, вѣроятно, хозяиномъ дома. Но я, не слушая никакихъ его объясненій, просилъ отпереть дверь, и когда Кильчевскій вновь началъ отговариваться неимѣніемъ ключа, то я, наскучивъ всей этой комедіей, объявилъ, что даю ему четверть часа времени на пріисканіе ключа, и что по истеченіи срока я, въ присутствіи понятыхъ и свидѣтелей, велю выломать дверь. Тогда Кильчевскій, подъ видомъ, что идетъ спросить ключъ у хозяина, направился къ дому; моя свита, доселѣ хранившая глубокое молчаніе, вдругъ загалдѣла. Видно было, что теперь только они догадались, въ чемъ дѣло. Не обращая вниманія на шумъ, я терпѣливо дожидался появленія Кильчевскаго. Съ его приходомъ явился у него въ рукахъ ключъ, щелкнулъ замокъ, отворилась дверь, и мнѣ представился узкій простѣнокъ, отъ полу до потолка уставленный ящиками и тюками. Вскрывъ изъ нихъ 2—3, я удостовѣрился, что въ нихъ сложены разныя вещи и матеріи. Тогда я тутъ же на мѣстѣ составилъ протоколъ всему

происшедшему, счелъ число ящиковъ и тюковъ, заставилъ подписать протоколъ самого Кильчевскаго, потомъ утвердилъ подписью своей и моихъ офиціальныхъ спутниковъ, заперъ дверь, приложилъ къ ней свою печать, ключъ отдалъ гласному думы, а частному приставу объявилъ именемъ губернатора, что, на время отсутствія городничаго, онъ заступаетъ его мѣсто, при чемъ охраненіе амбара отъ всѣхъ случайностей лежитъ на его личной отвѣтственности; потомъ пригласилъ Кильчевскаго слѣдовать съ собой въ Житомиръ. Кильчевскій просилъ у меня позволенія войти къ себѣ на квартиру, чтобы собраться въ дорогу; въ этомъ я не видѣлъ причины отказать ему и пошелъ съ нимъ вмѣстѣ. Здѣсь я выдержалъ унизительную сцену. Когда мы вошли въ кабинетъ, то Кильчевскій, имѣвшій у себя Анну на шеѣ, упалъ передо мной на колѣни, прося себѣ пощады, при чемъ осмѣлился предложить мнѣ выкупъ. Такое наглое предложеніе взорвало меня окончательно, и я, вмѣсто всякаго отвѣта, позвалъ сотскаго и послалъ его за почтовыми лошадьми. Привезя Кильчевскаго въ Житомиръ и отдавая отчетъ губернатору, я сообщилъ и о предложеніи мнѣ выкупа. Надо было видѣть въ ту минуту Лашкарева. Казалось, глаза у него выпрыгнутъ отъ злости. Обиду, нанесенную мнѣ, онъ счелъ за личное для себя оскорбленіе.

XXXIV.

Зима 1839—1840 гг.—Лашкаревъ предлагаетъ мнѣ ѣхать курьеромъ съ дипломатическими депешами въ Константинополь и Аѳины и мой легкомысленный отказъ отъ этого.— Флигель-адъютантъ гр. А. А. Ржевускій и моя несостоявшаяся поѣздка въ. Китай.— Пріѣздъ государя Николая Павловича съ наслѣдникомъ цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ въ Кіевъ и Житомиръ.—Житомирскій гимназистъ, разжалованный въ солдаты, и моя поѣздка въ Москву и Коломну лѣтомъ 1840 г. — Злоупотребленія въ Луцкомъ военномъ госпиталѣ и моя командировка въ Луцкъ по этому дѣлу. — Обѣдъ у луцкаго католическаго «бискупа». — Моя поѣздка въ мѣстечко Боремль, принадлежавшее гр. Чацкому.—Отпускъ въ Казань.

Наступившая зима прошла для меня спокойно; я не имѣлъ ни командировокъ, ни порученій и потому все свободное время отъ занятій по секретной канцеляріи могъ посвятить ухаживанью за своими тремя «граціями».

4-е декабря, день именинъ моей матери, во все время пребыванія моего въ Житомирѣ, я проводилъ въ Кіевѣ. Обыкновенно я пріѣзжалъ туда наканунѣ, стоялъ всенощную въ Михайловскомъ монастырѣ, гдѣ хранятся мощи св. великомученицы Варвары, на другой день слушалъ тамъ же обѣдню, молебенъ, и послѣ обѣда возвращался домой. Мощи почиваютъ безъ головы, которая, какъ извѣстно, осталась въ Краковѣ. Вѣрующіе надѣваютъ на себя вѣнецъ мученицы и исцѣляются отъ головныхъ болей. Раздаютъ

также серебряныя кольца, которыя предварительно лежатъ въ гробу святой.

Наступившій 1840 годъ ознаменовался событіемъ, оставившимъ во мнѣ раскаяніе на всю жизнь.

Въ концѣ февраля я провелъ вечеръ у генерала очень пріятно. Въ 11-омъ часу по обыкновенію разошлись. Придя на квартиру, я раздѣлся и, лежа въ постели, читалъ книгу, какъ вдругъ раздались въ сѣняхъ звонъ шпоръ, звяканье сабли, и явившійся вѣстовой-жандармъ возвѣстилъ, что меня требуетъ къ себѣ генералъ сейчасъ же.

Я очень удивился такому позднему зову, тѣмъ болѣе, что не прошло и часа, какъ я оставилъ генерала. Что же важное могло случиться въ такой промежутокъ времени? Не было еще примѣра, чтобы меня подымали съ постели для командировокъ. Всѣ эти мысли занимали меня, пока я одѣвался и шелъ къ генералу.

Войдя въ кабинетъ, я увидѣлъ Лашкарева съ зеленымъ зонтомъ на глазахъ, сидящаго за кипой бумагъ. Здѣсь кстати скажу, что въ цѣлой губерніи не было такого усерднаго работника-служаки, какъ Лашкаревъ; никто болѣе его не занимался.

Лашкаревъ встрѣтилъ меня вопросомъ:

— Хочешь ѣхать въ Аѳины и Константинополь?

Я вытаращилъ глаза. Въ головѣ у меня мелькнула мысль: «не помѣшался ли мой генералъ?» Какія онъ можетъ имѣть сношенія съ Греціей и Турціей? Усидчивыя занятія нашими официальными бумагами, писанными казеннымъ слогомъ, могутъ высушить хоть какіе мозги!

Замѣтивъ мое замѣшательство, Лашкаревъ сказалъ:

— Ты думаешь я съ ума сошелъ? Нѣтъ! Слушай!

И онъ мнѣ разсказалъ.

Только что мы разстались, какъ привезли къ нему изъ Овруча заболѣвшаго фельдъ егеря поручика Сигизмунда. Не доѣзжая Овруча, темной ночью, Сигизмундъ выпрокинулся изъ своей телѣжки и головой ударился о мерзлую кочку; ударъ былъ такъ силенъ, что повредилъ мозгъ, по крайней мѣрѣ, такъ можно было заключить по его несвязнымъ словамъ и дѣйствіямъ: онъ началъ выкидывать депеши и выбрасывать деньги. Овручскій городничій прислалъ его съ квартальнымъ къ губернатору. Фельдъегеря отправили въ военный госпиталь, а изъ бумагъ его увидали, что онъ посланъ былъ къ греческому королю Оттону и къ турецкому султану съ собственноручнымъ письмомъ государя. Нужно было замѣнить кѣмъ нибудь фельдъегеря, и Лашкаревъ, зная мою любознательность, хотѣлъ мнѣ доставить случай побывать въ Аѳинахъ и Константинополѣ.

Объяснивъ все это, генералъ продолжалъ:

— Посланникомъ въ Константинополѣ мой родственникъ и хорошій пріятель Бутеневъ. Я напишу ему, что, если бы для вру-

ченія султану письма государя потребовалась торжественная аудіенція, то чтобы онъ и тебя помѣстилъ въ свою свиту, тогда ты будешь видѣть всѣ азіатскіе обычаи и пышность тамошнихъ властелиновъ. Но предваряю, ты долженъ будешь ѣхать черезъ Балканы, слѣдовательно сухимъ путемъ.

— Позвольте, ваше превосходительство, подумать до утра.

— Не могу! Даю тебѣ часъ времени: пораздумай и приди сказать.

Возвратившись къ себѣ на квартиру, я началъ ходить изъ угла въ уголъ; мои мозги сильно работали. Меня прельщала и новость предстоящей поѣздки и пугала необыкновенность случая; я думалъ: у насъ въ Россіи случается сбиваться съ дороги, ну, что, если то же случится со мной въ Турціи? Не зная языка, какъ я растолкую этимъ бритымъ башкамъ, что я русскій курьеръ и ѣду въ Константинополь? Конечно, я зналъ, что Константинополь потурецки называется Стамбулъ, но этимъ только и ограничивалось мое знаніе турецкаго языка, а этого было слишкомъ недостаточно! Съ другой стороны—видѣть Грецію, Мараѳонское поле, Термопилы, попирать землю, прославленную въ древности столькими героями: Алкивіадомъ, Леонидомъ и др. Наконецъ небезынтересно взглянуть и на нынѣшнія Аѳины... А тамъ далѣе—Константинополь съ своимъ «Золотымъ Рогомъ», восточными дворцами, кіосками; всмотрѣться въ новую для меня жизнь, нравы, обычаи... Боже мой! сколько соблазна! А теперь, какъ нарочно, ночь! Всѣ спятъ! Не къ кому обратиться, не у кого спросить совѣта!.. Послѣ долгаго, мучительнаго колебанія я рѣшился предоставить судьбѣ, т. е. моему генералу. Войдя къ нему, я сказалъ:

— Ваше превосходительство! Если прикажете, я готовъ ѣхать! Если оставляете на мой произволъ, позвольте остаться!—И съ замираніемъ сердца ждалъ его отвѣта, какъ отъ оракула.

Генералъ отвѣтилъ:

— Смотри! Не раскайся послѣ!—и отпустилъ меня домой, пославъ съ депешами жандармскаго унтеръ-офицера, но только до Яссъ. Тамъ консулъ долженъ былъ распорядиться о доставленіи депешъ по назначенію.

Утромъ я всталъ радостный, веселый, утѣшая себя мыслью, что вышелъ твердымъ изъ сильнаго искушенія. Вскорѣ затѣмъ фельдъегерь Сигизмундъ, получивъ облегченіе, явился къ генералу для выдачи ему свидѣтельства о болѣзни и обратной отправки въ Петербургъ.

Я бросился къ нему съ разспросами, полагая, что въ отвѣтахъ его найду оправданіе моего отказа, но здѣсь я разочаровался еще болѣе. Всѣ мои сомнѣнья и опасенья оказались не существующими, и дѣйствительность показала мнѣ всю неосновательность моихъ разсужденій.

Приведу нашъ разговоръ. Я спрашивалъ Сигизмунда:

— Вы знаете турецкій языкъ?

— Нѣтъ.

— Какъ же вы могли бы проѣхать по Турціи, не зная языка?

— Нѣтъ никакой надобности. Я не въ первый разъ ѣхалъ въ Константинополь. Обыкновенно, переправившись черезъ Дунай, я въ турецкой крѣпости Рущукѣ являлся коменданту, или пашѣ, при которомъ состоитъ переводчикъ для русскаго языка. Паша даетъ мнѣ двухъ арнаутовъ: одного въ проводники, другого—продовольствовать меня до самаго Константинополя. Такъ какъ я посланъ къ султану, то всѣ мои путевыя издержки принимаются на счетъ султана, и я, ни о чемъ не заботясь, въ сопровожденіи двухъ арнаутовъ, являюсь въ наше посольство; тамъ я дома, тамъ русскій языкъ.

Меня покоробило отъ его словъ, но осталать еще слабая надежда на Грецію.

— Ну, а какъ въ Аѳины?

— О, эта поѣздка еще легче! Въ Константинополѣ я сажусь на русскій фрегатъ, находящійся въ распоряженіи нашего посланника, и прямо отправляюсь, какъ бы въ своей семьѣ, въ Аѳины.

Послѣднее мое недоразумѣніе было уничтожено, разбито. Осталось сожалѣніе на всю жизнь о моемъ малодушномъ отказѣ видѣть страны, о которыхъ я и во снѣ не могъ мечтать. Я могъ бы видѣть два государства, совершенно противоположныя одно другому во всѣхъ отношеніяхъ: въ своей политической и соціальной жизни, исторіи, этнографіи... Сколько было бы пріятныхъ воспоминаній!.. И всего этого я лишилъ себя по малодушію. Но кто изъ насъ не дѣлалъ ошибокъ въ жизни?

Ко всему этому Сигизмундъ прибавилъ, что онъ лишился, по крайней мѣрѣ, 2.000 червонцевъ. Онъ везъ греческому королю орденъ Андрея Первозваннаго, а турецкому султану собственноручное письмо государя съ поздравленіемъ рожденія сына. При оттоманскомъ дворѣ заведенъ обычай: всѣмъ русскимъ курьерамъ, привозившимъ какія либо депеши, относящіяся прямо до султана, выдавалось по тысячѣ червонцевъ, вѣроятно, и Оттонъ не оставилъ бы безъ денежной награды, но мнѣ, какъ офицеру, не предложили бы червонцевъ, а навѣрное наградили бы греческимъ орденомъ Св. Спасителя и турецкимъ Меджидіэ.

Такое извѣстіе еще прибавило горечи въ мою чашу, и безъ того уже переполнённую досадой.

Но скоро представился новый случай, до нѣкоторой степени загладить мой глупый отказъ. Мнѣ предстала возможность ѣхать въ Китай. Я ухватился крѣпко за эту надежду, обѣщая самъ себѣ быть на этотъ разъ умнѣе. Но судьба рѣшила иначе.

На бывшій въ то время рекрутскій наборъ пріѣхалъ въ Житомиръ флигель-адъютантъ, полковникъ графъ А. А. Ржевускій, красавецъ, какихъ рѣдко можно встрѣтить, къ тому же прекрасно

образованный, знавшій основательно, кромѣ европейскихъ языковъ, и восточные, такъ что, посланный въ Константинополь съ поздравленіемъ на вступленіе на престолъ Абдулъ-Меджида, онъ привѣтствовалъ его на турецкомъ языкѣ.

Графу Ржевусскому предстояло отправиться во главѣ чрезвычайной миссіи въ Китай, на одинъ годъ, при чемъ предоставлено ему собственно для себя выбрать двухъ офицеровъ. Однимъ изъ нихъ онъ предложилъ быть мнѣ. Условились, что Лашкаревъ, отпуская меня, не возьметъ къ себѣ новаго адъютанта, а будетъ ожидать моего возвращенія; съѣхаться намъ въ Казани, какъ въ городѣ, на пути лежащемъ; казалось, что все шло какъ нельзя лучше. Я писалъ своимъ, что скоро свидимся, сталъ готовиться къ отъѣзду въ дальній путь. Ржевусскій уѣхалъ въ Петербургъ и велѣлъ мнѣ ждать отъ него извѣстій о времени выѣзда миссіи. Такъ въ ожиданіи прошло съ мѣсяцъ. Вдругъ получаю отъ Ржевусскаго извѣстіе: англичане объявили войну Китаю, и китайцы заперли свои стѣны и отказали нашей миссіи. Такимъ образомъ въ мою жизнь частнаго человѣка вмѣшалась политика Англіи. Изъ-за опіума я лишился возможности видѣть Китай.

Зато обѣ эти неудавшіяся поѣздки какъ бы затормозили мои командировки по губерніи. Весну и начало лѣта я пробылъ въ Житомирѣ безвыѣздно. На счастіе мое не представлялось ни одного важнаго случая, гдѣ бы требовалось мое содѣйствіе, и я по цѣлымъ утрамъ занимался дѣлами по своей канцеляріи.

Получено было извѣстіе, что черезъ Кіевъ и Житомиръ проѣдетъ государь съ наслѣдникомъ; первый въ Варшаву, второй проѣдетъ далѣе въ Дармштадтъ къ своей невѣстѣ. Началась лихорадочная дѣятельность: исправленіе дорогъ, сведеніе лошадей на станціи и т. п., но всѣ эти распоряженія меня не касались. Только ко дню проѣзда въ Кіевъ государя я былъ посланъ туда, чтобы собрать свѣдѣнія о его встрѣчѣ.

Все начальство въ Кіевѣ собралось встрѣтить государя въ лаврѣ, куда онъ долженъ былъ прямо проѣхать. Дали знать, «что ѣдетъ близко». Мы встали при въѣздѣ въ лавру, по обѣимъ сторонамъ. Въ облакахъ пыли подскакалъ государь съ наслѣдникомъ въ открытой коляскѣ, запряженной шестерикомъ взмыленныхъ коней. На лицахъ обоихъ лежалъ слой пыли. Выходя изъ коляски, государь «отдулся», отъ чего пыль около рта отлетѣла густой массой. Первый встрѣтилъ его митрополитъ въ полномъ облаченіи и съ крестомъ въ рукѣ. Приложившись къ кресту, государь поцѣловался съ нимъ три раза въ плечо. За митрополитомъ подошелъ Бибиковъ съ рапортомъ. Затѣмъ всѣ вошли въ соборъ, въ предшествіи пѣвчихъ. Государь отслушалъ краткое молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія царствующему дому, приложился къ иконѣ Божіей Матери и, сѣвъ въ ту же коляску,

отправился въ домъ генералъ-губернатора, гдѣ ему назначена была квартира.

Государь пробылъ три дня въ Кіевѣ. Замѣчательны слова, сказанныя имъ дворянамъ при ихъ представленіи. «Я знаю,—сказалъ онъ,—какъ трудно управлять вами, господа! Лучшій губернаторъ моихъ великороссійскихъ губерній въ здѣшнемъ краѣ можетъ быть только посредственнымъ; но каждый посредственный вашихъ губерній тамъ будетъ лучшимъ!»

Получивъ всѣ нужныя свѣдѣнія, я въ первый же день пріѣзда государя въ Кіевъ отправился въ Житомиръ.

По расписанію, государь долженъ былъ только перемѣнить лошадей въ Житомирѣ.

Въ назначенное утро, у заставы, при въѣздѣ въ городъ, выстроили почетный караулъ, состоящій изъ роты гарнизоннаго батальона; на правомъ его флангѣ встали—губернаторъ, комендантъ, командиръ батальона, за ними я, плацъ-адъютантъ и батальонный адъютантъ, каждый за своимъ начальникомъ. Нѣсколько поодаль отъ насъ помѣстились дамы, далѣе—вездѣ народъ. Подъѣхала съ поднятымъ верхомъ коляска, въ которой сидѣли государь, наслѣдникъ, за коляской слѣдомъ фельдъегерь; прочая свита отстала. Государь видимо спалъ, но, когда коляска остановилась, и стали перепрягать лошадей, проснулся. Лашкаревъ подошелъ къ нему съ рапортомъ. Принявъ рапортъ, государь, обратясь къ наслѣднику и указывая на Лашкарева, сказалъ: «Александръ! Вотъ тебѣ губернаторъ!» Дальнѣйшія его слова были прерваны воплями дамъ, упавшихъ на колѣни, держащихъ въ рукахъ бумаги и повторявшихъ:

— Государь, смилуйся! Государь, прости!

На спросъ государя, «о чемъ онѣ просятъ», Лашкаревъ отвѣчалъ:

— О прощеніи наказанныхъ участниковъ въ послѣднемъ заговорѣ.

Государь приказалъ сопровождавшему его фельдъегерю принять отъ дамъ ихъ просьбы и, какъ только лошади были готовы, поскакалъ далѣе при крикахъ «ура».

Нѣсколько минутъ спустя, пріѣхала и его свита и отправилась вслѣдъ за нимъ.

Лѣто это ознаменовалось для меня совершенно неожиданнымъ случаемъ—поѣздкой въ Москву и Коломну, для свиданія съ братомъ и полковыми товарищами.

Гимназистъ (житомирской гимназіи) 5-го класса, фамиліи его не помню, мальчикъ лѣтъ 16-ти, написалъ на польскомъ языкѣ гимнъ свободѣ, но свободѣ естественной, а не политической. Для Бибикова этого было слишкомъ достаточно, чтобы видѣть въ несчастномъ поэтѣ зародышъ будущаго опаснаго революціонера. Онъ

былъ судимъ и приговоренъ къ отдачѣ въ солдаты въ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ 6-го корпуса. По просьбѣ моей Лашкаревъ поручилъ мнѣ доставить стихотворца въ Москву съ правомъ проѣхать оттуда къ брату въ Коломну.

Въ Коломну я какъ разъ попалъ въ то время, когда полковой командиръ, князь Ливенъ, былъ произведенъ въ генералъ-майоры и назначенъ командиромъ лейбъ-гвардіи уланскаго полка. На прощаніи Ливенъ давалъ обѣды офицерамъ по эскадронамъ, такъ какъ квартира его не позволяла принять всѣхъ разомъ. На одинъ изъ этихъ обѣдовъ и я былъ приглашенъ. Все почти время я разговаривалъ съ Ливеномъ, который очень интересовался настоящимъ положеніемъ края, въ которомъ я служилъ.

По возвращеніи въ Житомиръ, я получилъ командировку, которую опишу подробно, чтобы показать, какое значеніе имѣли адъютанты военныхъ губернаторовъ западныхъ губерній, и какъ ихъ чествовали.

Генералъ получилъ доносъ, что въ луцкомъ военномъ госпиталѣ допущены большія злоупотребленія изъ видовъ корысти: пища больнымъ отпускалась дурная, солома въ спальныхъ тюфякахъ гнилая; новую крѣпкую одежду берегутъ только на случай пріѣзда начальственныхъ лицъ, а больные ходятъ въ оборванныхъ халатахъ и т. п.

Я пріѣхалъ въ Луцкъ съ такимъ расчетомъ во времени, чтобы застать больныхъ во время обѣда, и съ большими предосторожностями, чтобы нечаяннымъ прибытіемъ своимъ «накрыть» всѣ тѣ безпорядки, если они были справедливы, о которыхъ говорилось въ доносѣ.

Пока я рылся въ гнилой соломѣ, осматривалъ пищу и одежду больныхъ, ко мнѣ подошелъ ксендзъ, исполнявшій должность эконома при бискупѣ, и отъ имени его преосвященства пригласилъ меня къ обѣду. Проведя цѣлую ночь въ дорогѣ, я утомился, усталъ и отъ розысковъ по безпорядкамъ госпиталя и потому, желая отклонить отъ себя честь приглашенія, просилъ ксендза передать бискупу, что, не имѣя другого костюма, кромѣ пыльнаго на мнѣ сюртука, и не зная времени, когда кончу свое порученіе, я прошу у него извиненія въ своемъ невѣжливомъ отказѣ; но вскорѣ вновь появился тотъ же ксендзъ и объявилъ, что «его преосвященство не сядетъ безъ меня за обѣдъ». Нечего было дѣлать, и я, кончивъ свои занятія, умывшись и вычистивъ сюртукъ, отправился въ домъ, занимаемый бискупомъ. Тутъ и начались церемоніи.

Въ сѣняхъ встрѣтилъ меня швейцаръ, широко распахнувъ передо мной обѣ половинки дверей. Далѣе мажордомъ или дворецкій, во фракѣ, бѣломъ жилетѣ и галстухѣ, повелъ меня по лѣстницѣ въ верхній этажъ, при чемъ громко проговорилъ: «панъ адъютантъ!»

На площадкѣ верхней ступени, въ дверяхъ, ведущихъ въ залу, встрѣтилъ меня бискупъ въ сутанѣ фіолетоваго цвѣта. Извѣстно, что католическіе бискупы носятъ на пальцѣ епископальный перстень, какъ знакъ ихъ достоинства. Когда бискупъ протянулъ мнѣ свою руку съ перстнемъ для привѣтствія, я хотѣлъ поцѣловать ее въ перстень, какъ это дѣлаютъ католики, но бискупъ, отдернувъ руку, обнялъ меня и поцѣловалъ три раза въ плечо, точь въ точь, какъ сдѣлалъ это въ Кіевѣ митрополитъ съ государемъ. Взявъ меня подъ руку, бискупъ ввелъ въ гостиную, наполненную ксендзами и лицами служащими: судья, городничій, исправникъ и т. п. Началось представленіе, да, представленіе мнѣ, молодому человѣку 24-хъ лѣтъ и въ чинѣ поручика, всѣхъ присутствующихъ лицъ. Несмотря на всѣ мои заявленія, что я не имѣю никакого права на такой почетъ, бискупъ только одно и твердилъ, что я представляю собой лицо губернатора, и не успокоился, пока всѣхъ по очереди не обошелъ со мной. За обѣдъ онъ посадилъ меня около себя, по правую руку, всѣ подаваемыя кушанья самъ накладывалъ мнѣ на тарелку и подливалъ въ мою рюмку вина. Подали шампанское. Предшествующей сценой подготовленный къ новому почету и желая предупредить его, я выждалъ, когда последнему гостю налили бокалъ, и, быстро вставъ съ мѣста, обратился къ бискупу и проговорилъ:

— Ваше преосвященство! Ваше здоровье!

Но бискупъ мнѣ не далъ договорить. Удержавъ мою руку съ бокаломъ и привставъ съ своего мѣста, обратился къ гостямъ и провозгласилъ:

— Господа! Здоровье пана адъютанта!

Всѣ стоя закричали:

— Здоровье пана адъютанта! Виватъ! Ура!

Вставъ изъ-за стола, бискупъ, тѣмъ же порядкомъ, какъ велъ меня къ обѣду, подъ руку велъ меня въ гостиную. Тамъ были уже приготовлены кофе и чай. Утомившись отъ дороги, наскучивъ всѣми этими неумѣренными встрѣчами и почестью, я скоро распростился съ бискупомъ, поблагодарилъ его за «радушный» пріемъ и отправился восвояси, раздумывая о всемъ мною видѣнномъ и слышанномъ. Въ такомъ униженіи бискупскаго достоинства, конечно, не могло быть искренности, но только одно лицемѣріе, или, что еще хуже, обдуманная насмѣшка, мистификація! Такого льстиваго пріема удостоивались всѣ адъютанты начальниковъ западныхъ губерній. Само собой разумѣется, что адъютанты были все молодежь. Имѣй они менѣе слабыя головы и излишнюю дозу самолюбія, такіе пріемы и встрѣчи могли побудить ихъ возгордиться черезъ мѣру своимъ положеніемъ и впасть въ «смѣшное», чего и добивались мѣстныя лица, чтобы, льстя самолюбію, сдѣлать ихъ послушными орудіями своихъ желаній и замысловъ!..

Возвратившись въ Житомиръ, я вновь былъ посланъ составить описаніе мѣстечка Боремля, принадлежавшаго Чацкому, но за участіе его въ послѣднемъ мятежѣ взятаго въ казну.

Выше я сказалъ, что Житомиръ не былъ губернскимъ городомъ. Правительство имѣло въ виду избрать для этого другой городъ, центральный, и остановилось на Боремлѣ. Мнѣ поручено было осмотрѣть мѣстечко въ подробности и представить свое соображеніе, насколько оно можетъ отвѣтствовать своему назначенію губернскаго города.

Въ польское возстаніе 1830-го года въ мѣстечкѣ Боремлѣ былъ настигнутъ русскими войсками генералъ Гелгутъ съ своимъ отрядомъ. Послѣ жаркаго сопротивленія мѣстечко было взято русскими, и Гелгутъ едва спасся. Извѣстный нашъ партизанъ 1812 г. Д. В. Давыдовъ ворвался съ своими казаками въ палацъ, только что оставленный Гелгутомъ, и захватилъ его завтракъ на столѣ, еще не успѣвшій остыть; но самого вождя не могли догнать.

Домъ или палацъ въ Боремлѣ я засталъ въ самомъ жалкомъ видѣ, хотя онъ поступилъ въ вѣдѣніе министерства государственныхъ имуществъ, а, можетъ быть, благодаря этому обстоятельству, онъ и представлялъ собой такой жалкій видъ. Дыры въ передней стѣнѣ и углахъ дома, пробитыя насквозь нашими ядрами, были заткнуты соломой. Такая предосторожность, конечно, не могла предохранить домъ отъ дождей и снѣга; стѣны покрылись сыростью, а потолки и полы, сгнивши, провалились. Въ уцѣлѣвшихъ комнатахъ вездѣ валялись битыя зеркала, мраморныя статуи итальянскихъ скульпторовъ, поломанная мебель, полы устланы были разрозненными томами книгъ рѣдкихъ и цѣнныхъ, на стѣнахъ висѣли лоскутьями штофные обои и т. п. Жаль было видѣть такое безполезное разрушеніе нашего «разгулявшагося» солдата въ домѣ врага; но непростительнѣе было пренебреженіе министерства, оставившаго домъ въ теченіе почти 10-ти лѣтъ безъ всякаго призрѣнія.

По моимъ соображеніямъ, мѣстечко вполнѣ отвѣчало своему назначенію быть губернскимъ городомъ. Взглядъ мой раздѣлялъ и Лашкаревъ; но, не знаю почему, генералъ-губернаторъ Бибиковъ настоялъ, чтобы Житомиръ былъ утвержденъ губернскимъ городомъ, несмотря на явное неудобство его мѣстарасположенія на краю губерніи.

Исполненіе плана Бибикова началось тѣмъ, что перевели въ Житомиръ обоихъ епархіальныхъ начальниковъ: православнаго архіерея изъ мѣстечка Аннеполя и католическаго бискупа изъ г. Луцка; но офиціальное утвержденіе Житомира губернскимъ городомъ послѣдовало послѣ моего выбытія изъ края.

1840-й годъ окончился для меня отпускомъ въ Казань. Родныхъ своихъ я не видалъ почти два года.

XXXV.

Приключеніе на Днѣпрѣ близъ Кіева.—Пріѣздъ въ Казань.—Перемѣна въ тамошнихъ общественныхъ отношеніяхъ.—Убійство Ивана Матвѣевича и его дворни въ Казанской адмиралтейской слободѣ. — Арестъ мнимыхъ убійцъ и раскрытіе настоящихъ виновниковъ.—Встрѣча на похоронахъ Ивана Матвѣевича съ «Додо» Дурасовой, впослѣдствіи моей женой.

Сдавъ канцелярію и всѣ дѣла своему помощнику, К. Я. Попову, я отправился въ послѣднихъ числахъ ноября въ дальній путь, съ твердымъ намѣреніемъ, 4-е декабря, день именинъ моей матери, провести съ нею вмѣстѣ. Пріѣхавъ въ Кіевъ, я засталъ сильный ледъ, идущій по Днѣпру. Такая остановка не входила въ мой расчетъ. Казенный перевозъ былъ прекращенъ; но узнавъ, что на другомъ берегу есть почтовыя лошади, я отыскалъ рыбака, еще бодраго старика, охотно взявшагося перевезти меня черезъ рѣку въ своей маленькой лодкѣ. Самъ онъ помѣстился на кормѣ и управлялъ весломъ, я—на носу, а мой чемоданъ съ вещами уложили по срединѣ лодки. Лавируя между льдинъ, гдѣ отталкиваясь отъ нихъ, гдѣ слѣдуя за ними, мы благополучно выбрались на чистое мѣсто, до берега было не далеко, казалось, всѣ препятствія отстранены!.. Но я страшно ошибся. Предавшись безпечности и плывя по гладкой поверхности рѣки, мы и не замѣтили, какъ льдина поднялась со дна и опрокинула нашу лодку. И сѣдоки и чемоданъ все полетѣло въ воду; я очутился погруженнымъ въ воду и, не умѣя плавать, вѣроятно, пошелъ бы ко дну, но надѣтая на мнѣ енотовая шуба, отдувшись около меня, какъ будка часового, поддерживала меня легко на водѣ. Старикъ рыбакъ, нисколько не растерявшись, одной рукой, ухватился за край лодки, другой за мой чемоданъ и искуснымъ движеніемъ, поправивъ лодку, влѣзъ въ нее самъ, потомъ втащилъ мой чемоданъ и, подъѣхавъ ко мнѣ, вынулъ меня изъ воды. Да и было время. Шуба моя, намокнувъ, дѣлалась все тяжелѣе и тяжелѣе и погружала меня въ воду. Но, вѣроятно, молитвы моей матери, для которой я жертвовалъ собой, были услышаны, и я спасся отъ явной погибели.

Перебравшись на противоположный берегъ рѣки, я въ корчмѣ раздѣлся, вытеръ тѣло подогрѣтымъ простымъ виномъ и отправился далѣе.

До Борзны я доѣхалъ на колесахъ, тамъ пересѣлъ въ сани и въ Дмитровскѣ встрѣтилъ настоящую «русскую» зиму съ ея ухабами и раскатами. На 7-й день прибылъ въ Казань, сдѣлавъ почти 2.000 верстъ. Ванна, прянятая мной въ Днѣпрѣ, не имѣла никакихъ дурныхъ послѣдствій, и я, чувствуя себя совершенно здоровымъ, предался общественнымъ удовольствіямъ. Но, увы, какъ они мало, походили на прежнія! Общественная жизнь совер-

шенно измѣнилась; на мѣсто простоты обращенія, радушія пріема, явились пустыя церемоніи, этикетъ, холодность, непривѣтливость. Прежде, бывало, выѣзжая изъ дома, не опредѣляешь себѣ цѣли посѣщенія и входишь въ первый знакомый домъ, если только по освѣщенію въ окнахъ видишь, что хозяева «у себя», съ полной увѣренностью, что будешь принятъ радушно. Теперь же, при выѣздѣ съ заранѣе принятымъ намѣреніемъ посѣтить кого нибудь, возвращаешься назадъ, при видѣ освѣщенныхъ оконъ и 2—3 экипажей у подъѣзда, изъ опасенія попасть въ число незванныхъ гостей. Такую порчу «патріархальныхъ» провинціальныхъ нравовъ внесли дочери военнаго губернатора, С. С. Стрекалова, вышедшія изъ Смольнаго монастыря. Онѣ завели «столичный тонъ», уничтожившій прежнее хлѣбосольство; явились счеты визитами, пріѣзды только на званые обѣды и вечера; самыя танцовальныя собранія утратили свою веселость. Натянутость и излишніе свѣтскіе пріемы лишили начальной простоты общественной жизни. Словомъ бытъ казанцевъ совершенно испортился. Всѣ это чувствовали, сознавали, но ни въ комъ не нашлось столько самостоятельности, чтобы стряхнуть съ себя нововведенія губернаторскихъ дочекъ, остановить напоръ общаго стремленія духа времени, начинавшаго тогда проникать въ провинціи и портить простоту обращенія и радушіе пріема...

Начало 1841 года для Казани памятно страшнымъ, звѣрскимъ убійствомъ.

Въ Морской слободѣ жилъ въ своемъ домикѣ отставной морякъ, Иванъ Матвѣичъ, фамиліи его я и теперь не знаю. Маленькіе мы звали его «Бомбошка», взрослые—Иванъ Матвѣичъ. Это былъ человѣкъ высокой честности и благородной, доброй души, истинно привязанный къ нашему семейству. Всѣ мы нянчились на его рукахъ. При своемъ приходѣ къ намъ, первый его вопросъ былъ: «а гдѣ дѣти?» Мы же, заслышавъ его приходъ, бѣжали къ нему, зная, что за поцѣлуемъ сей же часъ вынется изъ его кармана для насъ конфетка, поэтому мы и звали его не иначе, какъ Иванъ Матвѣичъ Бомбошка.

Иванъ Матвѣичъ велъ жизнь преоригинальную: въ пищу не употреблялъ мяса, а только рыбу; вмѣсто чая—стаканъ молока съ медомъ; любилъ сладости и во все, гдѣ можно, сыпалъ сахаръ. Носилъ платье, имъ самимъ скроенное и сшитое; платье всегда состояло изъ морского вицмундира павловскаго покроя, т. е. съ широкими фалдами, панталонъ, спрятанныхъ въ полусапоги; при этомъ—неизмѣнный кортикъ. Несмотря на свои преклонныя лѣта, былъ живой, свѣжій старикъ; любилъ и много ходилъ пѣшкомъ. Наше имѣніе, с. Соловцово, отстоитъ отъ Казани въ 30 верстахъ. Однако часто лѣтомъ, несмотря на дневной жаръ, онъ приходилъ къ намъ въ деревню пѣшкомъ и, погостивъ 2—3 дня, тѣмъ же

способомъ возвращался въ городъ, никогда не соглашаясь на то, чтобы ему дали лошадей доѣхать. Онъ имѣлъ немного знакомыхъ въ городѣ, но болѣе и искреннѣе всѣхъ любилъ и былъ привязанъ къ нашему семейству. Вездѣ его любили и принимали съ большимъ радушіемъ, уважая въ немъ высокія качества души. Онъ никогда ни о комъ не относился дурно, не переносилъ вѣстей изъ дома въ домъ, не сплетничалъ, что въ немъ, какъ въ человѣкѣ, получившемъ весьма ограниченное образованіе, еще болѣе цѣнилось. Онъ былъ очень друженъ съ моимъ отцомъ, но когда и тотъ, если спрашивалъ его о комъ нибудь, то заранѣе могъ предвидѣть отвѣтъ: «не знаю, ничего не знаю», хотя онъ и зналъ. Принятый у насъ въ домѣ, какъ близкій, домашній человѣкъ, Иванъ Матвѣичъ никогда приходомъ своимъ не стѣснялъ насъ. Если онъ видѣлъ, что отецъ или мать «не свободны», то обыкновенно бралъ какую нибудь книгу или газету, отправлялся къ отцу въ кабинетъ, ложился на диванъ, непремѣнно на спину, вооружался очками и углублялся въ чтеніе. Въ такомъ положеніи онъ оставался по цѣлымъ днямъ, никого не безпокоя, не претендуя, что имъ не занимаются. Часто не видя Ивана Матвѣича въ комнатахъ, думали, что онъ ушелъ, а онъ преспокойно лежитъ на диванѣ въ кабинетѣ съ книжкой или газетой.

Кругъ домашнихъ его составляли кучеръ съ женой и тремя малолѣтними дѣтьми, изъ которыхъ послѣдняя дочь была еще въ «люлькѣ», и старуха, мать кучера.

Иванъ Матвѣичъ слылъ за человѣка денежнаго. Дѣйствительно отъ морскихъ призовъ у него былъ капиталъ въ 12.000 ассигнаціями, но, не имѣя никого родныхъ, онъ капиталъ пожертвовалъ въ казанское человѣколюбивое общество, а самъ жилъ только на проценты, съ него получаемые. Эти-то слухи о его богатствѣ и послужили поводомъ къ его мучительной смерти.

Иванъ Матвѣичъ меня очень любилъ въ особенности за то, что мы съ нимъ сходились въ любознательности и страсти къ чтенію. Когда я пріѣзжалъ въ отпускъ, старикъ большую часть времени проводилъ въ нашемъ семействѣ, и мы съ нимъ часто пускались въ политическія пренія, несмотря на всю скудость тогдашнихъ заграничныхъ извѣстій. Такъ случилось и теперь. Гостя у насъ съ недѣлю, Иванъ Матвѣичъ дня за три до масленой, обращаясь къ отцу, сказалъ:

— Иванъ, дай мнѣ лошадку доѣхать до дому.

Въ послѣднее время по зимамъ онъ рѣдко ходилъ пѣшкомъ изъ города. Не надо забывать, что Морскую слободу, гдѣ онъ жилъ, отъ Казани отдѣляла открытая лощина, въ 3 версты длины.

Отецъ отвѣтилъ:

— Что тебѣ за охота ѣхать на масленицу домой? Оставайся у насъ. Вмѣстѣ поѣдимъ блины, а тамъ Николай долженъ ѣхать на службу, онъ тебя и завезетъ.

— Мнѣ нужно распорядиться закупить для людей провизіи на масленицу. Завтра же я вернусь къ вамъ.

Увы! Ему уже не суждено было видѣть это завтра!

Заложили санки и отвезли Ивана Матвѣича домой.

На другой день, часу въ девятомъ утра, мы всей семьей сидѣли за чайнымъ столомъ и, попивая чай, вели веселые разговоры, ничего не предчувствуя, какъ отворилась дверь, вошелъ полицеймейстеръ Поль и, обращаясь къ отцу, спросилъ:

— Вчера у васъ былъ Иванъ Матвѣичъ?

— Былъ.

— Вы отвозили его въ своемъ экипажѣ?

— Да!

— Позвольте смѣрять ходъ вашихъ саней.

— Зачѣмъ?

— У него въ воротахъ дома, на снѣгу остался слѣдъ саней; нужно бы узнать, вашихъ ли это?

— Да зачѣмъ же!

— Иванъ Матвѣичъ и всѣ его домашніе убиты...

— Какъ убиты?!...

. . . .

Тотчасъ же намъ были заложены лошади, и отецъ и я поѣхали на мѣсто происшествія.

Зрѣлище, намъ представившееся, было звѣрски ужасное. На дворѣ у калитки лежалъ кучеръ Ивана Матвѣича съ раскроеннымъ черепомъ. Въ сѣняхъ насъ поразилъ сильный запахъ крови. Изъ сѣней двери направо вели въ комнаты Ивана Матвѣича, налѣво въ людскую. Войдя въ комнаты, мы увидали несчастнаго старика на полу въ его спальнѣ, въ тулупѣ на бѣличьемъ мѣху, съ раной на головѣ и перерѣзаннымъ горломъ. Мебель въ безпорядкѣ и отворенный шкафъ съ выдвинутыми ящиками ясно говорили, что всѣ они были пересмотрѣны... Перейдя потомъ въ людскую, мы увидали буквально бойню: на полу въ кучѣ лежали двѣ женщины и два ребенка; косякъ двери былъ забрызганъ кровью и мозгомъ. Надъ убитыми стоялъ паръ съ жирнымъ запахомъ крови. У меня закружилась голова, и я поспѣшилъ выйти на свѣжій воздухъ.

. . . . [1])

Подозрѣніе въ убійствѣ Ивана Матвѣича пало на крестьянъ близъ лежащаго къ городу села Услона, братьевъ убитой жены кучера. Ихъ видѣли не задолго передъ убійствомъ пріѣжавшими къ сестрѣ. Они были взяты и посажены въ острогъ. Когда полицеймейстеръ пріѣхалъ въ острогъ, то содержащійся тамъ арестантъ за убійство священника, встрѣтивъ Поля, сказалъ ему:

---

[1]) Точки у автора.

— Эхъ, ваше высокоблагородіе, напрасно вы засадили этихъ крестьянъ! Они ни въ чемъ ни виноваты.

— А ты почему знаешь?

— А потому я знаю, что, если бы не сидѣлъ здѣсь, то это было бы дѣло нашихъ рукъ.

— Какъ вашихъ? Стало быть, ты знаешь убійцъ?

— Еще бы! Кабы не зналъ, такъ и не говорилъ бы.

— Скажи, кто они.

— И скажу, если губернаторъ потребуетъ меня къ себѣ и пообѣщаетъ смягчить мое наказаніе.

Обрадованный полицеймейстеръ тотчасъ же распорядился отправить арестанта подъ конвоемъ къ губернатору, а самъ поѣхалъ предупредить его объ открывшемся.

Губернаторъ принялъ преступника, и тотъ повторилъ ему то же, что сказалъ и полицеймейстеру, обѣщая открыть убійцъ, если будетъ помилованъ.

Стрекаловъ по своему званію генералъ-адъютанта обѣщалъ именемъ государя, что преступникъ будетъ избавленъ отъ наказанія кнутомъ, но будетъ сосланъ въ каторгу, при чемъ ему сократится срокъ.

Арестантъ, глубоко вздохнувъ, сказалъ губернатору:

— Я было думалъ, что меня сошлютъ просто на поселеніе, ну, да если нельзя болѣе смягчить моего наказанія, то и на томъ остаемся благодарны вашему превосходительству. Услонскіе крестьяне ни тѣломъ, ни душой не виноваты въ убійствѣ. Извольте приказать ихъ выпустить, а взять: совѣтника низоваго округа корабельныхъ лѣсовъ, Забудаева, повара, да отставного матроса, огородника, такого-то, да двухъ братьевъ, послушниковъ Зилантова монастыря, такихъ-то. Это ихъ дѣло. Мы давно сговаривались сообща убить и ограбить Ивана Матвѣича, да я попался на другомъ дѣлѣ, а они смастерили его безъ меня.

По указанію арестанта крестьяне были изъ острога выпущены, а на мѣсто ихъ были взяты поименованныя лица. Несмотря ни на какія убѣжденія, личности эти не сознавались въ содѣянномъ ими преступленіи, отвѣчая на всѣ вопросы неизмѣннымъ: «знать не знаемъ и вѣдать не вѣдаемъ». Слѣдователи пришли въ отчаяніе, никакихъ уликъ, кромѣ показанія арестанта, не открыто, но священнику, присутствовавшему при допросѣ, пришла благая мысль подѣйствовать на преступниковъ театрально-эффектнымъ зрѣлищемъ.

Въ небольшомъ залѣ дома Ивана Матвѣича стояли тѣсно всѣ шесть гробовъ съ тѣлами убитыхъ. Священникъ приказалъ закрыть у оконъ ставни, освѣтить залъ какъ можно ярче, чтобы не оставалась въ тѣни ни малѣйшая часть тѣла всѣхъ несчастныхъ жертвъ, ввелъ преступниковъ и, обращаясь къ нимъ, сказалъ:

— Вы не сознаетесь въ убійствѣ, это дѣло вашей совѣсти, но молва людская васъ обвиняетъ въ немъ. Подойдите же къ убіеннымъ и проститесь съ ними.

Первымъ подошелъ поваръ очень смѣлыми шагами и, смотря съ сожалѣніемъ на гробикъ съ младенцемъ лѣтъ 5-ти, у котораго была размозжена голова о косякъ двери, перекрестился и сказалъ:

— Боже мой, у кого могла подняться рука на этого ангела!..

За нимъ послѣдовали и прочіе. Дошла очередь до послѣдняго,— меньшаго брата послушника, малаго лѣтъ 18, одѣтаго въ полумонашескій костюмъ, то-есть въ полукафтанье съ кожанымъ ремнемъ вмѣсто пояса, и вьющимися по плечамъ волосами. Онъ страдалъ лихорадкой и былъ еще слабъ. Подойдя къ младенцу съ расшибленной головой и наклонившись, чтобы поцѣловать его, онъ вдругъ отшатнулся, изъ блѣдно болѣзненнаго цвѣтъ лица сдѣлался матовый, съ темнымъ отливомъ, затрясся всѣмъ тѣломъ и, упавъ на колѣни, какимъ-то страннымъ, испуганнымъ голосомъ вскричалъ:

— Пощадите, пощадите! Наше дѣло, мы виноваты!

Тогда поваръ бросился на него и началъ душить. Съ трудомъ могли освободить его изъ рукъ повара, который сказалъ:

— Еслибъ только я могъ предвидѣть это, я бы тебя перваго уложилъ на мѣстѣ.

Когда обратились къ послушнику съ вопросомъ, что привело его къ сознанію, онъ объяснилъ: въ то время, когда наклонялся, чтобы дать послѣдній поцѣлуй убіенному, мальчикъ всталъ въ гробу на колѣни и, сложивъ руки, умоляющимъ голосомъ проговорилъ: «дяденька, не бей меня», то-есть воспроизвелъ ту сцену, которая была въ дѣйствительности. Послушникъ сознался, что вначалѣ онъ было почувствовалъ жалость къ своей жертвѣ, но опасаясь, что пятилѣтній мальчикъ можетъ выдать его, схватилъ его за ноги и, отвернувшись, ударилъ нѣсколько разъ головой о косякъ двери.

Такимъ образомъ воображеніе, ослабленное лихорадочнымъ состояніемъ, воспроизвело видѣніе, послужившее къ открытію преступленія.

Сознаніе одного привело къ сознанію и другихъ. На новомъ допросѣ они показали, что въ сообществѣ съ арестантомъ, показавшимъ на нихъ, они давно уже питали намѣреніе убить Ивана Матвѣича съ цѣлью воспользоваться его богатствомъ, которое, по слухамъ, было огромное; но частыя отлучки старика къ намъ мѣшали исполнить задуманный ими планъ. Въ день преступленія Иванъ Матвѣичъ, возвращаясь отъ насъ домой, встрѣтилъ матроса, который у него прежде жилъ въ огородникахъ и зналъ всѣ привычки его домашней жизни. Матросъ, увидя, что жертва ихъ

возвратилась, далъ знать о томъ повару Забудаева, а тотъ послалъ его въ монастырь оповѣстить братьевъ послушниковъ, что время дѣйствовать настало, и чтобы всѣ къ 9 часамъ вечера были на за ранѣе условленныхъ мѣстахъ. Несчастный Иванъ Матвѣичъ самъ, своимъ распоряженіемъ, облегчилъ имъ исполненіе ихъ гнуснаго замысла. Поваръ часто носилъ къ нему газеты отъ Забудаева. Ворота и ставни оконъ у Ивана Матвѣича запирались рано вечеромъ, и потому онъ приказалъ повару, въ случаѣ, когда тотъ принесетъ газеты, постучать не въ «калитку»,—по дальности разстоянія отъ людской стукъ не скоро бы могъ быть услышанъ,— а въ ставень окна его спальни, выходящаго на улицу. Этимъ распоряженіемъ и воспользовались убійцы для исполненія своего замысла.

Иванъ Матвѣичъ, услыша условный стукъ въ свой ставень, разбудилъ спавшаго уже своего кучера и послалъ его отперетъ калитку, а самъ, возвратясь въ свою спальню, сталъ ожидать газеты. Кучеръ, подойдя къ калиткѣ, имѣлъ предосторожность, не отворяя ея, окликнуть и, когда поваръ, очень хорошо ему знакомый, отвѣтилъ, что принесъ его барину газеты, отворилъ калитку, какъ въ то же мгновеніе упалъ на снѣгъ съ головой, раскроенной топоромъ. Уничтоживъ первое препятствіе, убійцы, войдя въ сѣни, раздѣлились: поваръ пошелъ на половину Ивана Матвѣича, остальные трое—въ людскую, уговорившись заранѣе по «окончаніи дѣла» сойтись всѣмъ вмѣстѣ. Иванъ Матвѣичъ, увидя вошедшаго повара, спросилъ:

— Принесъ газеты?

— Нѣтъ, пришелъ за газетами!

— У меня нѣтъ вашихъ газетъ. Послѣднюю ты же отнесъ.

— Давай газеты, что у тебя въ бумажкахъ находятся!

Тутъ бѣдный Иванъ Матвѣичъ понялъ все. Напрасно онъ увѣрялъ, что денегъ у него нѣтъ, а есть билетъ, который ни къ чему не послужитъ, а можетъ только обвинить его; напрасно умолялъ пощадить свою жизнь, обѣщаясь молчать о случившемся, злодѣй ударилъ его топоромъ по головѣ и, когда Иванъ Матвѣичъ упалъ, зарѣзалъ его поварскимъ ножемъ. Обыскавъ свою жертву и найдя въ карманѣ тулупа ключи, онъ началъ отпирать ими всѣ ящики и шкапы, но, кромѣ двухъ серебряныхъ ложекъ и мелочи рублей на десять, ничего не нашелъ. Выйдя въ сѣни и видя дверь въ людскую растворенной и не слыша никакого шума, поваръ подумалъ, что соучастники его, вѣроятно, испугались какого либо непредвидѣннаго препятствія и скрылись, почему и самъ поспѣшилъ выбѣжать въ калитку на улицу. Дворъ Забудаева отдѣлялся отъ двора Ивана Матвѣича только однимъ досчатымъ заборомъ. На дворѣ стояли экипажи гостей Забудаева. Кучера слышали шумъ и крики на сосѣднемъ дворѣ и увидя проходившаго мимо нихъ повара, спра-

шивали о причинѣ шума, но тотъ прехладнокровно отвѣтилъ имъ, что у сосѣдей кучеръ часто бьетъ свою жену, отчего происходятъ и шумъ и крики, но что они къ нимъ привыкли и не обращаютъ на это никакого вниманія. Затѣмъ отправился на кухню доканчивать приготовленіе блюдъ на ужинъ, употребляя для того ножъ, которымъ только что зарѣзалъ Ивана Матвѣича.

Что же дѣлали въ это время прочіе злоумышленники? Отдѣлившись отъ повара, они вошли въ людскую, застали тамъ всѣхъ спящими, вздули огонь, и началась бойня. Сильнѣе всѣхъ и дольше всѣхъ сопротивлялась старуха, мать кучера. Схвативъ сковородникъ, она храбро защищалась отъ ударовъ убійцъ; наконецъ, истекая кровью отъ многочисленныхъ ранъ, повалилась на полъ, гдѣ убійцы и покончили съ ней, при чемъ такъ озлобились, что въ нее уже безъ дыханія тыкали обломками сковородника. Когда обмывалось тѣло для погребенія, то изъ ранъ вынули множество занозъ. Справившись съ остальными безъ всякаго труда, они пощадили только маленькую дѣвочку нѣсколькихъ мѣсяцевъ, спавшую въ зыбкѣ. Замѣчательно, что, несмотря на довольно сильный морозъ, бывшій въ ту ночь, и растворенныя до утра двери, дѣвочка не замерзла.

Выйдя въ сѣни, чтобы по уговору соединиться съ поваромъ на половинѣ Ивана Матвѣича, и не слыша тамъ никакого шума и движенія, убійцы испугались, предположили, что товарищу ихъ почему либо не удалось его предпріятіе, и разбѣжались въ разныя стороны.

Вотъ всѣ перипетіи такого страшнаго убійства, совершеннаго съ такимъ злодѣйствомъ и хладнокровіемъ, но жители города не такъ взглянули на это дѣло. Рѣзня людей не въ лѣсу или глуши, но среди улицы, между двухъ домовъ, полныхъ жильцами, панически подѣйствовала на казанцевъ. Первое время по вечерамъ всѣ сидѣли по домамъ, запершись вокругъ; вздрагивали при малѣйшемъ стукѣ. Слуги, ежели и выходили на дворъ, то не иначе, какъ вдвоемъ, и старались бѣгомъ пробраться, куда имъ было нужно. Такое трусливое состояніе продолжалось съ мѣсяцъ, потомъ стало мало-по-малу забываться, и жизнь вошла въ свою обычную колею.

Убійство Ивана Матвѣича имѣло вліяніе на мою судьбу.

Хоронили его въ воскрессенье, на масленицѣ. Въ этотъ день казанская молодежь, складчиной, устроила въ городѣ катанье и потомъ обѣдъ съ блинами и танцовальный вечеръ въ домѣ дворянскаго собранія.

На похоронахъ Ивана Матвѣевича между немногими лицами, пожелавшими почтить его память, былъ и генералъ Дурасовъ съ дочерью.

Смотря на Додо Дурасову въ глубокомъ траурѣ, я думалъ: она должна имѣть доброе сердце, когда, будучи свѣтской дѣвушкой, катанью и «блинамъ» предпочла похороны человѣка, который для нея былъ не болѣе, какъ знакомый. Мнѣ бы этакую жену. И судьба, баловавшая меня, помогла мнѣ и на этотъ разъ. Желаніе мое исполнилось черезъ два года.

XXXVI.

Возвращеніе въ Житомиръ.—Обѣдъ въ Кіевѣ у И. И. Фундуклея и стерляжья уха.—Поѣздка по дѣлу о контрабандистахъ въ Галицію.—Генералъ-губернаторъ Галиціи и Лодомиріи баронъ Кригъ.—Обѣдъ у него.—Разговоры о Казани.—Жена генералъ-губернатора.—Преувеличенные слухи о цѣли моего пріѣзда и чествованіе меня въ Лембергѣ.—Письмо барона Крига къ Лашкареву.—Помѣщикъ Бобръ и судьба двухъ его тирольскихъ коровъ.

Отпускъ мой кончился. Я возвратился къ прежнимъ своимъ занятіямъ и волокитству.

Вскорѣ произошелъ со мной пресмѣшной случай. И. И. Фундуклей около года тому назадъ жилъ въ Кіевѣ, назначенный тамошнимъ гражданскимъ губернаторомъ, но доброе его, внимательное расположеніе ко мнѣ отъ того нисколько не измѣнилось: онъ взялъ съ меня слово, когда бы я ни пріѣхалъ въ Кіевъ, днемъ или ночью, все равно, непремѣнно остановиться въ его квартирѣ (домъ Радзевича). Для меня была назначена особая комната, по счастливому расположенію своему приспособленная такъ, что въ нее входили особымъ ходомъ, не тревожа прочей прислуги.

Однажды вечеромъ я получилъ отъ Фундуклея эстафету. Онъ писалъ, чтобы я пріѣзжалъ къ нему тотчасъ же по весьма важному дѣлу, а чтобы я въ поѣздкѣ своей не встрѣтилъ препятствій со стороны губернатора, то прилагалъ къ нему письмо, въ которомъ просилъ его отпустить меня въ Кіевъ.

Я терялся въ догадкахъ, какая во мнѣ можетъ быть важная надобность Фундуклею, но пошелъ къ генералу и подалъ ему письмо.

Прочтя его, Лашкаревъ спросилъ:

— Что у васъ за дѣла съ Фундуклеемъ?

— Не понимаю и самъ, зачѣмъ я ему понадобился.

— Поѣзжай!

Въ ту же ночь я отправился въ Кіевъ и утромъ засталъ Фундуклея за чаемъ.

Послѣ обычныхъ привѣтствій я спросилъ его:

— Чѣмъ могу служить вамъ, Иванъ Ивановичъ?

Почесавъ по своей привычкѣ затылокъ и лукаво усмѣхаясь, Фундуклей отвѣчалъ:

— А вотъ, погоди, братецъ! Поди, отдохни съ дороги, а я съѣзжу въ губернское правленіе, а тамъ послѣ и потолкуемъ.

Такъ я и сдѣлалъ; завалился на диванъ и проспалъ до самаго обѣда. Узнавъ, что Фундуклей уже вернулся изъ присутствія, я пошелъ къ нему и сдѣлалъ вопросъ: «къ чему я нуженъ?» Съ тѣмъ же почесываніемъ въ затылкѣ и той же лукавой улыбкой отвѣтилъ:

— Ты знаешь, братецъ, что натощакъ я не разсуждаю. Вотъ пообѣдаемъ, потомъ и поговоримъ.

Сѣли за обѣдъ, разговоръ шелъ весьма обыкновенный, такъ сказать, обыденный; о цѣли моего вызова ни полслова.

Встали изъ-за стола, прошли въ гостиную, усѣлись на эсъ, подали трубки и кофе. Я повторилъ свой вопросъ. Фундуклей съ обычнымъ почесываньемъ затылка и все той же лукавой улыбкой спросилъ:

— А что ѣлъ сегодня за обѣдомъ?

Такой вопросъ удивилъ меня. Замѣтивъ мое удивленіе, Фундуклей продолжалъ:

— Да! Скажи мнѣ, что ты ѣлъ за обѣдомъ?

— Какъ что? Уху....

— Стой! А что было въ ухѣ?

— Какая-то рыба?

— Кхэ! кхэ! кхэ! Не узналъ своей землячки!

— Какой землячки?

— Да стерляди!

Тутъ только я понялъ причину моего вызова въ Кіевъ. Зная гурмандизмъ Фундуклея, я привезъ ему изъ Казани пятичетвертную замороженную стерлядь. Мой Иванъ Иванычъ пришелъ въ восторгъ. Такой величины рыбы онъ, живя все на югѣ Россіи, еще не видалъ, и, несмотря на то, что она была заморожена, слѣдовательно много утратила своего вкуса, говорилъ, что онъ вкусилъ «пищи боговъ».

Въ Днѣпрѣ водятся стерляди, но очень мелкія, тощія, и то попадаются не часто. Наканунѣ рыбакъ принесъ Фундуклею, какъ рѣдкость, нѣчто похожее на волжскую стерлядь. Фундуклей вспомнилъ привезенную мной стерлядь и захотѣлъ пойманную рыбу непремѣнно раздѣлить со мной. Тотчасъ же была отправлена ко мнѣ эстафета, и приготовленъ сюрпризъ, который совершенно не удался. Въ чемъ-то рыбномъ я никакъ не могъ признать стерлядь, о чемъ Фундуклей очень горевалъ.

Впослѣдствіи, издавъ цѣнное сочиненіе: «Обозрѣніе Кіева въ отношеніи къ древностямъ и обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи», съ рисунками, отпечатанными въ Парижѣ, Фундуклей прислалъ его мнѣ, при любезномъ письмѣ, въ которомъ, вспоминая неудавшійся эффектъ стерляди, писалъ, что, зная

мою любознательность и наклонность къ русской старинѣ, онъ надѣется, что на этотъ разъ дѣйствительно сдѣлаетъ мнѣ удовольствіе присылкою книги.

Когда я возвратился въ Житомиръ, Лашкаревъ спросилъ меня:

— Зачѣмъ присылалъ за тобой Фундуклей?

— Отгадайте, ваше превосходительство!

— Да, буду ломать голову надъ отгадками! Вѣрно какой нибудь пустякъ. Развѣ между вами можетъ быть что нибудь серіозное!

Но, когда я разсказалъ, въ чемъ дѣло, Лашкаревъ долго и отъ души смѣялся повторяя:

— Такъ, такъ! Узнаю Ивана Ивановича!

Другая моя тоже неожиданная поѣздка была поинтереснѣе.

Губернаторъ, отправившись на ревизію, по обыкновенію, взялъ меня съ собой. По возвращеніи его ждало сообщеніе генералъ-губернатора Галиціи и Лодомиріи, барона Крига, который писалъ, что по послѣдней конвенціи такого-то параграфа, заключенной между правительствами Австріи и Россіи, подданные, уличенные въ уголовномъ преступленіи, судятся по законамъ той державы, которой они принадлежатъ. Между тѣмъ австрійскій подданный, еврей мѣстечка Бродъ, пойманный съ контрабандою, не доставленъ въ Австрію, а заключенъ въ оковы въ городѣ Кременцѣ, поэтому Кригъ проситъ объяснить, отчего произошло такое нарушеніе конвенціи, для «сообщенія о томъ своему двору».

Дѣло въ томъ, что на мѣсто Фундуклея былъ назначенъ въ Житомиръ вице-губернаторомъ баронъ Корфъ. Корфъ, какъ служившій прежде въ военной службѣ, былъ еще неопытенъ въ гражданскихъ дѣлахъ. Принявъ во время отсутствія Лашкарева управленіе губерніей и получивъ донесеніе о поимкѣ контрабандистовъ, Корфъ распорядился всѣхъ ихъ засадить въ острогъ, въ томъ числѣ и еврея, австрійскаго подданнаго. Какъ большая часть чиновниковъ, служащихъ въ тамошнихъ присутственныхъ мѣстахъ, происхожденія польскаго, радующихся, если могутъ, русскому начальнику «подставить ножку», то никто и не предупредилъ вице-губернатора о существованіи конвенціи.

Дѣло, само по себѣ пустое, задѣло нѣмецкое самолюбіе австрійскаго генералъ-губернатора, могло дойти до нашего двора, и въ какой часъ, пожалуй, могло стоить мѣста и всей служебной карьеры Лашкареву. Надо было «умаслить» расходившагося нѣмца. Губернаторъ придумалъ послать меня къ барону Кригу съ собственноручнымъ письмомъ на нѣмецкомъ языкѣ, которымъ Лашкаревъ владѣлъ въ совершенствѣ, съ извиненіемъ и объясненіемъ причины недоразумѣнія.

Само собою разумѣется, что пакостный жидъ, надѣлавшій столько шуму и хлопотъ, тотчасъ же былъ сданъ австрійскому правительству.

Здѣсь кстати скажу, что переписка и довольно частая между волынскимъ губернаторомъ и генералъ-губернаторомъ Галиціи и Лодомиріи производилась съ нашей стороны на русскомъ, а съ австрійской на нѣмецкомъ языкѣ, для чего въ обѣихъ канцеляріяхъ состояло, по штату, по переводчику. Какъ сношенія съ Австріей были большею частью по секретнымъ дѣламъ, то и вся переписка сосредоточивалась подъ моимъ вѣдѣніемъ.

Получивъ заграничный курьерскій паспортъ, я поскакалъ въ Галицію, въ г. Лембергъ, мѣстопребываніе барона Крига.

Переѣхавъ границу въ Радзивилловѣ, я очень удивился, что до самаго Лемберга не встрѣтилъ никакой рѣзкой разницы отъ Россіи: тѣ же деревни съ хатами и покривившимися деревянными церквами, тѣ же жители хохлы, тѣ же обычаи, все то же, что я оставилъ и въ Волынской губерніи, только одни солдаты были одѣты въ мундиры съ желтыми воротниками. Тогда я не зналъ еще, что Галиція была русская провинція, отданная Австріи въ обмѣнъ на Бѣлостокскую область.

Пріѣхавъ въ Лембергъ (нашъ бывшій Львовъ), явился къ генералъ-губернатору. Меня встрѣтила высокая, очень высокая, тощая фигура, съ острымъ длиннымъ носомъ и рыжимъ парикомъ, въ сюртукѣ, съ звѣздой на груди; но на первыхъ же порахъ я встрѣтилъ большое затрудненіе. Баронъ Кригъ говорилъ только по-нѣмецки, а я не знаю этого языка. Послали за переводчикомъ, и черезъ посредство его объяснилась цѣль моего пріѣзда. Нѣмецкій баронъ письмомъ Лашкарева остался очень доволенъ и благодарилъ меня за трудъ, который я предпринялъ для пріѣзда. Тотчасъ же распорядился вещи мои изъ гостиницы перенести къ себѣ во флигель и объявилъ, что ранѣе трехъ дней онъ меня не отпуститъ, что онъ радъ такому «почетному» гостю, и что, зная наше гостепріимство, надѣется доказать мнѣ, что и нѣмцы, какъ и славяне, не уступятъ въ этомъ отношеніи русскимъ. Словомъ засыпалъ меня любезностями и отпустилъ, прося быть совершенно свободнымъ, какъ дома, и приходить къ нему, какъ только я этого пожелаю.

Дѣлать нечего, пришлось пріютиться подъ кровлей нѣмца, за минуту, можетъ быть, мечтавшаго о томъ, какъ бы лучше насолить русскому губернатору, а теперь совершенно довольнаго тѣмъ, что такъ польстили его самолюбію, и извинительное письмо пришло не по почтѣ, а прислано съ русскимъ офицеромъ. Переводчикъ, прикомандированный ко мнѣ, не разлучался со мной. Я тотчасъ же, по окончаніи пріема, побѣжалъ осматривать городъ, но, къ удивленію и досадѣ, въ своемъ путеводителѣ, молодомъ человѣкѣ, по словамъ его, кончившемъ полный курсъ наукъ въ гимназіи, нашелъ совершеннаго невѣжду. Онъ нисколько не зналъ исторіи края и не могъ объяснить мнѣ ни одного памятника, которые я видѣлъ.

Возвратясь изъ перваго неудачнаго осмотра города, я на порогѣ отведенной мнѣ комнаты встрѣтилъ лакея, который черезъ переводчика передалъ мнѣ, что баронъ прислалъ узнать: какъ я желаю, прійти ли пить вечерній чай къ нему, или принести мнѣ въ комнату. Я предпочелъ первое и въ сопровожденіи слуги отправился какими-то коридорами въ главный домъ. Тамъ, во второмъ этажѣ, мы вошли въ небольшую круглую комнату, смотря по шкафамъ съ посудой, служащую столовой. Баронъ Кригъ представилъ меня своей женѣ—нестарой и очень недурной нѣмкѣ, которая при каждомъ словѣ все присѣдала. Усѣлись за круглый столъ посрединѣ зала, хозяйка разливала чай; самовара не было, его замѣнялъ большой серебряный чайникъ, съ горячей водой. Къ чаю были поданы: ветчина, сосиски, сыръ, сухарики, обсыпанные сахаромъ, тартинки и отличныя густыя сливки. Все это было необыкновенно опрятно, но чай мнѣ показался невкусенъ, отзывался травой. Разговоръ держался на разспросахъ. Узнавъ, что я уроженецъ Казани, баронъ Кригъ пустился со мной въ исторію города, взятіе его царемъ Іоанномъ Васильевичемъ; къ счастію, я могъ на всѣ его вопросы отвѣтить удовлетворительно. Но въ особенности я угодилъ ему разсказомъ о жизни, религіи, нравахъ и обычаяхъ татаръ. Кригъ слушалъ меня очень внимательно. Одно жаль, что живости нашей рѣчи мѣшала передача ея въ переводѣ съ обѣихъ сторонъ.

Баронъ, выслушавъ мои разсказы о татарахъ, обратился къ женѣ и сказалъ ей что-то по-нѣмецки; та привстала съ своего стула и молча сдѣлала мнѣ три книксена. Я принялъ ихъ за знакъ окончанія моего визита и раскланявшись ушелъ въ свою комнату. Тамъ я спросилъ у переводчика:

— Что такое сказалъ баронъ своей женѣ?

— Онъ удивлялся, что вы въ такихъ молодыхъ лѣтахъ и такъ глубоко учены.

— А что означали присѣданія m-me Кригъ?

— Этимъ она желала выразить удивленіе вашимъ свѣдѣніямъ.

Я разсмѣялся въ душѣ, подумавъ: немного же надо знаній, чтобы «пустить нѣмцу пыль въ глаза».

На другой день въ городѣ распространился слухъ, что къ генералъ-губернатору пріѣхалъ адъютантъ русскаго царя съ важными бумагами, оттого баронъ такъ и чествуетъ его, такъ что, когда я вышелъ на улицу, всѣ встрѣчавшіе меня кланялись, солдаты отдавали честь, а офицеры брались «подъ козырекъ». Сознаюсь въ малодушіи. Такое общее вниманіе сильно льстило моему молодому самолюбію! Я очень важничалъ, думая тѣмъ поддержать достоинство вообще и офицера въ частности. Эти знаки вниманія были далеко не тѣ, которыми осыпали меня на Волыни; въ нихъ не было ничего для меня оскорбительнаго, и я сознавалъ, что пово-

домъ къ нимъ служило дѣйствительное уваженіе къ представителю, какъ думали нѣмцы, дружественной державы, а не подлая, низкая угодливость, въ которой тайная ненависть прикрыта наружнымъ лицемѣріемъ.

Приглашенный къ обѣду барона, я видѣлъ за столомъ многихъ начальствующихъ лицъ города, между прочимъ, командира мѣстныхъ войскъ. Всѣ они относились ко мнѣ съ большимъ уваженіемъ; не были ли и они введены въ заблужденіе слухами, распространенными на мой счетъ? Удивленіямъ не было конца, когда объяснилъ имъ, что я происхожденія монгольскаго, прямой потомокъ князя Мамая, разбитаго на Куликовскомъ полѣ. Нѣмцы сейчасъ же нашли въ очертаніяхъ моего лица восточный типъ. Они думали, что если я казанскій уроженецъ, то предки мои были царями Казани. Сначала я было думалъ оставить ихъ въ этомъ заблужденіи, но показалось какъ-то совѣстно далѣе ихъ мистифицировать, и я объяснилъ имъ, что предки мои были татары не казанскіе, а ногайскіе, и я потому только уроженецъ казанскій, что отецъ мой женился тамъ и мать имѣетъ помѣстье въ Казанской губерніи, гдѣ они оба и понынѣ живутъ.

Доселѣ я думалъ, что вся ученость засѣла въ головѣ каждаго нѣмца, но видѣнные мной на окраинѣ Германіи совершенно меня разочаровали. Образованіе ихъ и познанія были на одномъ уровнѣ съ образованіемъ нашихъ мелкихъ чиновниковъ...

Узнавъ, что въ Лембергѣ есть магазинъ «вѣнскихъ экипажей», я купилъ небольшую двухмѣстную коляску за весьма дешевую цѣну, сравнительно съ нашими. Крѣпость и прочность ея отдѣлки я испыталъ на нашихъ проселочныхъ дорогахъ; она и по сіе время цѣла и находится (въ 1871 г.) въ казанскомъ имѣніи, селѣ Пановкѣ.

На третій день моего пріѣзда въ Лембергъ баронъ Кригъ наконецъ рѣшился р а з с т а т ь с я со мной. Давно было пора! Я очень скучалъ, несмотря на все вниманіе, мнѣ оказываемое. Чужой край всегда останется чужимъ.

Итакъ, я имѣлъ возможность видѣть уголокъ «Западной Европы» и получилъ право говорить, что «былъ за границей», да еще на казенный счетъ. Первое мое впечатлѣніе заграничной поѣздки было не въ пользу мной видѣннаго...

Лашкаревъ, прочтя поданное мной письмо барона Крига, разсмѣявшись, спросилъ:

— Чѣмъ ты такъ обворожилъ нѣмца?

— Не знаю. Развѣ,—прибавилъ я насмѣшливо,—своей «глубокой» ученостью!

— Онъ пишетъ: «Какъ счастливъ русскій царь, имѣя такихъ офицеровъ въ своемъ войскѣ, и какъ долженъ гордиться генералъ, умѣвшій выбрать себѣ такого адъютанта».

Я разсказалъ во всей подробности, какъ удивились нѣмцы моимъ ученымъ свѣдѣніямъ; не забылъ упомянуть и о книксенахъ.

На другой день моего пріѣзда изъ Галиціи я былъ свидѣтелемъ чисто русской сцены. Но прежде—небольшое объясненіе.

Лашкаревъ, объѣзжая губернію, между прочимъ, былъ и въ селѣ Загайцахъ помѣщика Бобра, такъ какъ тамъ помѣщалась квартира станового пристава. Окончивъ ревизію, Лашкаревъ принялъ предложеніе владѣльца имѣнія, и мы отправились въ палацъ, мнѣ уже знакомый по розыскамъ оружія, спрятаннаго въ землѣ. Послѣ обѣда Бобръ повелъ насъ осматривать свое хозяйство, между прочимъ и скотный дворъ. Скотъ былъ дѣйствительно превосходный, разныхъ породъ. Лашкареву въ особенности понравились двѣ коровы-тирольки, и онъ очень хвалилъ ихъ. Бобру пришла благая мысль—сюрпризомъ подарить ихъ Лашкареву, и коровы были отправлены въ Житоміръ, на губернаторскій дворъ.

Лашкаревъ, гуляя по саду, замѣтилъ сквозь рѣшетчатый заборъ, что у него на заднемъ дворѣ ходятъ двѣ коровы, которыхъ онъ прежде не видалъ. Подойдя ближе къ забору и всматриваясь, онъ узналъ въ нихъ видѣнныя имъ у Бобра. Страшно вскипятившись, Лашкаревъ поднялъ крикъ, шумъ: «Какъ смѣли принять коровъ?» и т. п. Послалъ за полицеймейстеромъ и тотчасъ же приказалъ ихъ заколоть и мясо отдать арестантамъ.

По уходѣ Лашкарева, полицеймейстеръ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Николай Ивановичъ! Упросите генерала, чтобы онъ позволилъ этихъ коровъ замѣнить другими. Я готовъ пожертвовать шестью, чтобы спасти ихъ.

— Нѣтъ! Я не пойду, это будетъ совершенно напрасно, а вы дѣлайте, какъ знаете, только чтобы коровы не попадались болѣе на глаза генерала.

Конецъ исторіи съ коровами былъ еще своеобразнѣе. Бобръ, ничего не зная о случившемся, пріѣхалъ въ Житоміръ и посѣтилъ губернатора. На этотъ разъ я случился въ дежурной комнатѣ и пошелъ докладывать о пріѣздѣ Бобра. У Лашкарева глаза запрыгали, что̀ означало въ немъ вспышку гнѣва. Онъ спросилъ:

— Много тамъ просителей?

— Не очень!

— Попроси Бобра подождать, а когда явится болѣе просителей, скажи мнѣ.

Зная Лашкарева, я приготовился къ занимательному зрѣлищу— и не ошибся.

По вторичному моему докладу, Лошкаревъ, выйдя изъ кабинета, прямо подошелъ къ Бобру и сказалъ:

— Къ несчастію, должностью моей я поставленъ въ необходимость принимать здѣсь всякаго мошенника и плута; но туда,— показывая рукой за стѣну, гдѣ были внутренніе пріемные губернаторскіе покои,— прошу васъ не жаловать. Что вамъ угодно?

Бобръ, весь блѣдный, растерявшійся, понималъ только, что его оскорбили, но за что?—того не зналъ. Ни слова не говоря, онъ поклонился и вышелъ.

Не правъ ли я былъ, сказавъ, что присутствовалъ при чисто русской сценѣ? Нѣмцу не подняться на такую высоту строгаго безкорыстія. Онъ не отказался бы отъ такого лакомаго подарка и потомъ вынужденнымъ бы нашелся изъ благодарности помирволить хотя немного дарителю.

Н. И. Мамаевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПОДЪ РОДИТЕЛЬСКИМЪ КРОВОМЪ.

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.

I.

Я СИРОТА. Мать моя умерла, когда мнѣ было пять лѣтъ; я не помню ея. Одна только картина, и то неясно, рисуется въ моей памяти, — картина ея смерти. Мнѣ помнится темная комната, тишина и худенькая умирающая женщина. Слабымъ голосомъ умоляла она отца не оставлять ея Лелю; помнится, какъ и отецъ также то требовалъ, то умолялъ о чемъ-то, но больная долго не соглашалась!.. Наконецъ, отцемъ была принесена бумага, и почти мертвою рукою матери онъ водилъ по этой бумагѣ.

Не могу ручаться, сама ли я видѣла все это, или мнѣ слишкомъ часто напоминали эту сцену въ дѣтствѣ, но только она осталась въ моей памяти.

Отецъ мой умеръ не такъ давно; но сиротой, круглой сиротой я считаю себя съ той поры, какъ умерла моя мать.

Отецъ меня не любилъ, а я не знаю, любила ли я его, но знаю навѣрно, что я его боялась.

Отецъ мой былъ изъ дворянъ М—ой губерніи; звали его Вячеславъ Осиповичъ Витовскій. Служилъ онъ сначала въ гражданской службѣ, затѣмъ, женясь на богатой, вышелъ въ отставку, купилъ имѣніе въ Т—ой губерніи и жилъ до самой смерти въ своемъ помѣстьѣ.

О дѣтствѣ и юности отца я мало что знаю, развѣ только то, что онъ рано остался сиротой и жилъ изъ милости, все время до поступленія на службу, въ домѣ своего дальняго родственника.

Отецъ не любилъ говорить ни о той порѣ своей жизни, ни о родственникѣ, а если иногда упоминалъ, то всегда съ горечью и ожесточеніемъ. Изъ его немногихъ словъ можно было заключить, что благодѣтель унижалъ его и давалъ слишкомъ чувствовать сиротѣ свои благодѣянія.

Мнѣ всегда казалось, что жизнь отца въ чужомъ домѣ тяжело повліяла на него, оставила слѣды и ожесточила его сердце противъ людей.

Не любя, повидимому, никого, онъ точно мстилъ людямъ за то, что его никто не любитъ. Самъ любилъ лесть, а между тѣмъ всякое проявленіе чувства не только къ нему, но и къ другимъ онъ считалъ притворствомъ. Если кто нибудь говорилъ о привязанности, о любви, отецъ всегда сухо замѣчалъ:

— Не вѣрьте, — притворяется! Вѣроятно, со временемъ окажется, что отъ васъ или денегъ, или какой нибудь выгоды ждетъ.

Также на него раздражающимъ образомъ дѣйствовало проявленіе въ комъ нибудь, и особенно въ насъ, близкихъ ему, признаковъ собственнаго достоинства. Онъ всегда при этомъ жестко смѣялся и говорилъ:

— Вотъ бы тебѣ, дружочекъ, у дяди Яна [1]) пожить, согнулъ бы онъ тебя въ дугу: самолюбіе и гордость изъ тебя бы выскочили.

Людскія страданія его тоже не трогали, они, какъ будто, даже доставляли ему наслажденіе.

Когда мы бывало просили его о помилованіи провинившихся передъ нимъ крестьянъ, онъ никогда не прощалъ.

— А меня какъ били? — злобно набрасывался онъ на насъ: — меня тогда никто не жалѣлъ! — и, перейдя въ плаксивый тонъ, начиналъ насъ упрекать, что онъ боленъ, огорченъ, а мы жалѣемъ мужика, а не его.

Только по вырывавшимся по временамъ фразамъ отца я догадывалась, что его прошлое было совсѣмъ не то, о которомъ онъ намъ въ видѣ назиданія разсказывалъ. Впрочемъ, у него было два прошлыхъ: одно, которое онъ разсказывалъ у насъ въ семьѣ, когда нужно было произвести какія нибудь траты для насъ; тогда оказывалось, что отецъ въ молодости былъ очень бѣденъ, работалъ съ утра до вечера и на заработанныя кровью и пѣтомъ деньги содержалъ своихъ родителей; если же къ намъ пріѣзжалъ кто либо изъ постороннихъ, то прошлое въ разсказахъ отца принимало другой характеръ; тогда онъ заявлялъ, что въ молодости былъ

---

[1]) Имя благодѣтеля, у котораго жилъ отецъ.

красивъ, блестящъ и привыкъ къ роскоши, а въ дѣтствѣ былъ окруженъ сверстниками изъ самыхъ аристократическихъ фамилій и тому подобное.

Достовѣрно, кажется, было одно: отецъ въ молодости былъ красивъ. Это можно было заключить, во-первыхъ, изъ того, что отецъ пріобрѣлъ почти все свое состояніе богатой женитьбой: первая его жена была богата и знатна и, благодаря его красивой наружности, вышла за него, незначительнаго чиновника. Во-вторыхъ, въ нашей гостиной висѣлъ большой портретъ, снятый съ отца въ молодости.

Трудно было, конечно, въ прекрасномъ лицѣ, изображенномъ на полотнѣ, узнать отца въ то время, съ котораго я начала его помнить: онъ былъ тогда уже сѣдъ и лысъ, черты обрюзгли, а глаза, хотя еще блестѣли, но въ нихъ проглядывала тревога, и они постоянно бѣгали, уклоняясь отъ взгляда, смотрѣвшаго въ нихъ прямо, а красивый ротъ съ полными губами въ углахъ опустился и придавалъ лицу плаксивое выраженіе. Но статную фигуру и мягкую поступь онъ сохранилъ и въ старости.

Отецъ былъ женатъ три раза. Первая его жена была много старше его годами и некрасива.

Мужъ не любилъ ея, а крестьяне называли мученицей. У отца отъ нея родился сынъ Николай.

Рожденіе этого сына памятно въ деревнѣ. Баринъ приказалъ собрать всѣхъ крестьянъ на дворъ господской усадьбы и съ балкона показалъ новорожденнаго.

— Вотъ, дѣточки, вамъ наслѣдникъ,—сказалъ баринъ, со слезами на глазахъ, обращаясь къ мужикамъ:—дай Богъ, чтобы онъ былъ для васъ тѣмъ, чѣмъ былъ я.

Въ толпѣ царствовало молчаніе.

— Я скоро умру, дѣточки,—продолжалъ, все болѣе умиляясь, баринъ:—я это чувствую. (Тогда ему было немного больше сорока лѣтъ, и здоровье его было въ цвѣтущемъ состояніи).

Изъ толпы раздались льстивые голоса:

— Не умирай, отецъ родной! Что мы будемъ безъ тебя дѣлать!

Безмолвствовавшіе среди этого хора были замѣчены бариномъ или же его любимцемъ, старостой Лукьяномъ, и въ продолженіе недѣли у каждаго изъ нихъ нашлась вина, за которую они были наказаны.

Первая жена отца вскорѣ послѣ рожденія сына умерла.

Крестьяне долго помнили ея богатыя похороны, и какъ баринъ въ церкви, при народѣ, рыдалъ надъ ея гробомъ.

Черезъ три мѣсяца послѣ смерти первой жены отецъ женился на моей матери.

II.

Когда отецъ женился во второй разъ, ему было сорокъ пять, а моей матери шестнадцать лѣтъ. Говорили, что сначала отецъ былъ влюбленъ въ свою молодую жену, а она, кромѣ красоты и молодости, принесла съ собой и хорошее состояніе. Въ родной семьѣ ей не жилось сладко; она была не любимой дочерью, но не на радость она вышла и за отца. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, какъ-то: письмамъ ея подругъ къ ней, ея собственной тетрадкѣ, гдѣ она записывала иногда свои мысли, а также по разсказамъ знавшихъ ее людей, моя мать была кроткая, любящая и съ возвышенной душою женщина, которую судьба бросила послѣ замужества въ сухую и безотрадную обстановку, гдѣ она прежде времени и зачахла.

Не лишнимъ считаю сказать нѣсколько словъ о деревнѣ Березовкѣ, куда была привезена моя мать послѣ свадьбы.

Есть деревни, которыя кажутся такими заброшенными, что люди изъ другихъ мѣстъ какъ будто бы въ нихъ никогда не заглядываютъ. Такова и была Березовка.

Рядъ сѣренькихъ избъ, покрытыхъ соломою, говорилъ о бѣдности ея обитателей. Мрачный барскій двухъэтажный домъ, окруженный темными аллеями, возвышался на горѣ и нахмурясь смотрѣлъ на жалкія лачужки, стоявшія у его подножія. Возлѣ дома лентой тянулась дорога, по которой то и дѣло ѣздили мужички въ лѣсъ: плетется лошаденка, впряженная въ телѣгу или розвальни, смотря по сезону, а возлѣ, сбоку идетъ безъ шапки мужичекъ и робко посматриваетъ на окна господскаго дома.

Картина оживлялась большимъ, гладкимъ озеромъ, за которымъ былъ виденъ темный лѣсъ, а за лѣсомъ старая деревянная церковь съ полинявшимъ зеленымъ куполомъ. Съ балкона господскаго дома было видно широко разбросанное безъ ограды кладбище, гдѣ подъ скромными деревянными крестами, а кто бѣднѣе и безъ нихъ, только подъ зелеными бугорками, спятъ непробуднымъ сномъ бывшіе обитатели деревни Березовки. Сюда же отнесли и мою мать на вѣчный покой.

Вскорѣ послѣ свадьбы между молодыми начались ссоры. Поводомъ къ нимъ всегда были крестьяне: мать любила ихъ, страдала за нихъ, а тѣ со всякой своей крестьянской бѣдой спѣшили къ ней, и мать моя безстрашно стала на ихъ сторону. Это былъ вызовъ ея мужу, который тотчасъ заподозрѣлъ жену въ нелюбви и даже отвращеніи къ нему.

Скоро ихъ отношенія обострились до ненависти съ обѣихъ сторонъ...

Борьба пришлась не по силамъ моей матери: она стала чахнуть и послѣ шестилѣтняго замужества, 22 лѣтъ отъ роду, скончалась,

оставивъ сиротами меня и брата Николая, котораго любила, какъ родного сына.

Послѣ ея смерти отецъ опредѣлилъ Николая въ корпусъ, а я осталась съ нимъ жить въ Березовкѣ.

III.

Припоминая свое дѣтство, я всегда вижу себя въ большой свѣтлой комнатѣ, уставленной пяльцами, за которыми сидятъ и вышиваютъ молоденькія дѣвушки. Моя няня, на обязанности которой лежало ихъ учить работать, подходитъ то къ одной, то къ другой; а я сижу посреди комнаты на полу и играю въ сшитыя изъ тряпочекъ куклы.

Когда няня, наконецъ, и сама сядетъ на низенькую табуретку возлѣ окна, я перетаскиваю куклы съ пола на окно и играю возлѣ нея...

Окно, у котораго мы сидимъ, выходитъ на задній дворъ, гдѣ симметрично уложены рядами дрова. Изъ построекъ тутъ только амбары съ хлѣбомъ да старая покривившаяся отъ времени и безъ дверей конюшня. Возлѣ амбаровъ на длинной веревкѣ бѣгаетъ мой пріятель Угрюмъ. Онъ — полное противорѣчіе своей кличкѣ. Это—большой, добродушный, бурый песъ, съ ласковыми глазами, умѣетъ смѣяться и всякому, кто съ нимъ заговоритъ, протягиваетъ лапу. Мы съ няней всегда собираемъ ему отъ обѣда косточки, и Угрюмъ такъ меня знаетъ, что если я стучу ему въ окно, онъ издали оскаливаетъ свои бѣлые зубы и привѣтливо мнѣ машетъ пушистымъ хвостомъ.

Я съ няней часто говорила о незавидной участи Угрюма, и какъ ему, должно быть, непріятно быть привязаннымъ, да еще на такомъ страшномъ дворѣ.

Сюда, на этотъ дворъ, въ конюшню всегда приводили провинившихся крестьянъ для наказанія. Завидѣвъ знакомое шествіе, я вскрикиваю и отъ ужаса прячу лицо въ няниныхъ колѣнахъ. Мой ужасъ дополняетъ жалобный вой Угрюма...

Дѣвушки толпятся въ испугѣ возлѣ окна.

— Кого провели, кого?—спрашиваютъ онѣ другъ друга; каждая боится за своихъ близкихъ.

Но тутъ для меня начиналась другая нравственная пытка: проклинали и бранили моего отца.

— Реветъ,—говорили про меня дѣвушки:—а вырастетъ, такая же кровопійца, какъ батька, будетъ.

Няня вступалась за меня и увѣряла, что я характеромъ не въ отца, а въ покойную маменьку, которая была, какъ ангелъ, добра.

— Вотъ, если бы барыня покойница тутъ была,—говорила няня:— она сейчасъ бы побѣжала и отняла мужика. Съ ней и баринъ ни-

чего подѣлать не могъ: сѣки, скажетъ барыня, меня, а мужика я тебѣ сѣчь не позволю. И Ленушка, какъ подрастетъ, такая же будетъ,—добавляла няня.

Но разсказъ не дѣйствовалъ умиротворяющимъ образомъ на дѣвушекъ и не располагалъ ихъ въ мою пользу; онѣ слишкомъ не любили барина, чтобы быть справедливыми къ его дочери.

Но, кромѣ меня, онѣ еще не любили старосту Лукьяна.

Какъ только увидятъ его въ окно, такъ и начинаютъ бранить.

— Міроѣдъ, душегубъ, побѣжалъ къ барину, будетъ передъ нимъ вертѣться, какъ чортъ передъ заутреней, и своего брата подъ розги подводить.

Лукьянъ былъ видный мужикъ съ русой, въ видѣ лопаты, бородой и съ голубыми, навыкатѣ, косыми глазами. Въ отличіе отъ другихъ крестьянъ онъ носилъ синюю поддевку и подпоясывался краснымъ шерстянымъ кушакомъ.

Когда онъ приводилъ къ намъ въ дѣвичью новую горничную, то всегда балагурилъ, говорилъ прибаутки и смѣялся, а дѣвушка горько плакала. Мы обступали ее и молча на нее смотрѣли. Помню, что никто никогда не утѣшалъ новой горничной. Дѣвушки, глядя на нее, сами плакали; у няни тоже слезы были на глазахъ, когда она сокрушенно качала головой и говорила:

— Несчастная, еще одна несчастная!

Быть взятой горничной въ господскій домъ считалось у крестьянъ большимъ горемъ. Иногда они сопротивлялись и прятали своихъ дочерей. Особенно памятенъ мнѣ одинъ случай.

Баринъ, гуляя въ полѣ, встрѣтилъ хорошенькую дѣвочку, лѣтъ пятнадцати, съ вѣнкомъ изъ васильковъ на головѣ. Увидавъ барина, она испугалась и хотѣла бѣжать, но тотъ ласково удержалъ ее и спросилъ, чья она дочь, и какъ ее зовутъ. Оказалось, что она—дочь его крестьянина. Послѣ встрѣчи дѣвочки съ бариномъ отецъ ея испугался, что её возьмутъ въ господскій домъ, и спряталъ дочь въ другой деревнѣ. Баринъ узнавъ, что дѣвочка исчезла, приказалъ найти ее, а мужика, ея отца, жестоко наказавъ, велѣлъ запереть въ пустую баню. И мужика тогда только выпустили, когда дѣвочка нашлась. Черезъ недѣлю послѣ этого случая разъ ночью всѣхъ въ домѣ разбудилъ отчаянный крикъ барина:

— Убиваютъ, спасите, спасите!

Всѣ бросились къ нему. У меня и теперь еще въ памяти блѣдное, испуганное лицо и окровавленная рука отца, и не менѣе блѣдный мужикъ, смотрѣвшій твердо на всѣхъ и объявившій, что онъ хотѣлъ убить барина.

— Но, вѣрно, и Богъ за бояръ!—прибавилъ мужикъ и протянулъ руки, чтобы его связали.

Съ этого времяни Лукьянъ не приводилъ къ намъ новыхъ горничныхъ. Но и тѣ, которыя были у насъ, томились и скучали.

Няня жалѣла ихъ: бывало, сидя на табуреткѣ, посмотритъ на нихъ сверхъ очковъ и вздохнетъ, а не то начнетъ понукать ихъ ласково къ веселью.

— Чего, дѣвки, носъ повѣсили? Пѣсни пойте!

— Ну тебя и съ пѣсней-то!—огрызнется которая нибудь изъ горничныхъ.

Няня замолчитъ и опять примется за чулокъ. Ей, видмо, не пріятно, что ея совѣтъ грубо принятъ, и она ужъ съ раздраженіемъ въ голосѣ произноситъ:

— Дуры! сыты, да не биты, и слава тебѣ, Господи!

Но всѣ оживали, когда какой нибудь изъ лакеевъ прибѣгалъ съ радостной вѣстью, что баринъ ушелъ въ лѣсъ гулять. Дѣвушки сейчасъ же просили у няни позволенія прекратить работу. Та всегда сначала для порядка поупрямится, а потомъ махнетъ рукой. Этотъ жестъ былъ сигналомъ къ веселью. Няня, между тѣмъ, чувствуетъ, что нарушила свою обязанность, и виновнымъ голосомъ мнѣ говоритъ:

— Молодыя онѣ, Ленушка, да несчастныя! Пусть хоть не надолго горе позабудутъ!

Я иногда у нея спрашивала, зачѣмъ она дѣвушекъ называетъ постоянно несчастными. Няня при этомъ вопросѣ хмурилась и сурово произносила:

— Много будешь знать—скоро состаришься!

А черезъ нѣкоторое время начинала говорить, что мнѣ нужно каждый день утромъ и вечеромъ Богу за папеньку молиться, что много у него на душѣ грѣховъ. Мнѣ было всегда непріятно, если дурно говорили про моего отца, но на няню я не сердилась; я знала, что она говоритъ безъ злобы и даже любитъ его. Няня одна жалѣла, если отецъ былъ боленъ (онъ иногда хворалъ печенью), кромѣ того, она считала его умнымъ и красивымъ. Если кто изъ гостей помѣщиковъ пріѣзжалъ къ намъ,—няня всегда ихъ считала хуже моего отца.

— Куда этому пріѣзжему барину до нашего! У нашего-то въ мизинцѣ больше ума, чѣмъ у того въ головѣ: нашъ всякаго человѣка насквозь видитъ.

Когда отецъ гулялъ по саду, няня подзывала меня къ окну полюбоваться на него:

— Смотри, Ленушка, какой папенька-то у тебя бравый — что орелъ!

А сама няня была очень маленькая, худенькая, съ птичьимъ личикомъ старушка. По природѣ она была очень добрая, но ужасно вспыльчивая, а разъ вспылитъ, тогда ужъ она ничего не помнитъ и даже лѣзетъ въ драку. Отличительной ея чертой была прямота: покривить въ чемъ бы то ни было душой для нея было невозможно. Она одинаково смѣло говорила, какъ барину, такъ и своему брату прислугѣ. За то ей доставалось, какъ отъ перваго,

такъ и послѣднихъ. Хотя няня отъ барина за смѣлыя слова получала пощечины, но онъ все-таки въ ней цѣнилъ ея честность; всѣ ключи отъ кладовыхъ во все время его вдовства были на рукахъ у няни. За барское добро она была готова всякому выцарапать глаза, за что ей немало приходилось ссориться съ прислугой. Во мнѣ же няня души не чаяла; всѣ ея помыслы были о томъ, чѣмъ бы меня побаловать. Ей все представлялось, что меня сироту обижаютъ. Но я вовсе не казалась сиротой, а была большая шалунья и болтушка. Разъ, благодаря своему языку, я попала въ большую бѣду.

Отецъ иногда призывалъ меня къ себѣ въ кабинетъ (моя болтовня его занимала). Разъ я ему разсказала про одну горничную именно то, о чемъ мнѣ няня запретила говорить. Я только тогда вспомнила о запрещенiи, когда уже все разсказала. Въ этотъ же день горничную изъ-за меня повели мимо нашихъ оконъ въ конюшню. Я обливалась слезами, просила прощенiя, но дѣвушки меня не простили. Хотя при нянѣ онѣ и притворились, что прощаютъ, но въ отсутствiе ея такъ меня высѣкли, что я серiозно захворала. Няня передралась со всѣми ими изъ-за меня, а я уже съ тѣхъ поръ не передавала отцу сплетенъ.

IV.

Отецъ задумалъ въ третiй разъ жениться. Побудительной причиной къ этому послужило то, что онъ заподозрѣлъ одну изъ горничныхъ въ кражѣ у него денегъ изъ кошелька.

Съ этихъ поръ начались его поѣздки къ сосѣднимъ помѣщикамъ; но эти поѣздки долго были неудачны: въ одномъ мѣстѣ не нравилась невѣста, въ другомъ—женихъ. Но случай наконецъ помогъ. Наши дворовые люди часто ходили по монастырямъ молиться Богу. У отца была привычка призывать, отъ нечего дѣлать, вернувшихся съ богомолья людей въ свой кабинетъ и разспрашивать, кто что видѣлъ. Это замѣняло ему газеты. Вотъ разъ возвращается съ богомолья камердинеръ и разсказываетъ, что видѣлъ писанную красавицу барышню и даже навелъ справки, что она недалеко живетъ отъ Березовки.

— И изъ себя красивы и набожныя,—разсказывалъ камердинеръ,—глазки-то, какъ уперли въ образа, такъ ни разу не обернулись. Одно не хорошо—не богаты, изъ мелкопомѣстныхъ.

Разсказъ камердинера о невѣстѣ заинтересовалъ отца.

На слѣдующiй день изъ мрака сарая была вытащена шестимѣстная коляска; два дня ее красили, мазали, обивали; когда же она была достаточно обновлена, въ нее впрягли шесть лошадей, а для большей важности, за неимѣнiемъ настоящаго форейтора, преобразили въ него столяра Сергѣя.

Усѣвшись одинъ въ огромномъ экипажѣ, отецъ отправился къ писанной красавицѣ. Передъ отъѣздомъ няня ввела меня въ кабинетъ къ отцу проститься.

— Леля, маму привезу,—сказалъ весело отецъ.

— Не хочу!—и я заплакала.

— Отчего не хочешь? Это ты, каналья, ей что нибудь въ голову набила?—обратился онъ къ нянѣ.

— Вѣстимо я,—отвѣчала та храбро,—не нужна Ленушкѣ мачеха.

— Какъ ты смѣешь!—и онъ уже поднялъ руку, чтобы ударить няню, но я подняла такой отчаянный крикъ, что даже отецъ испугался.

— Тащи ее вонъ!—крикнулъ онъ, затыкая уши.

Мы опрометью бросились изъ кабинета; няня начала меня цѣловать, благодарить, потомъ всѣмъ разсказывала, что я ее спасла отъ побоевъ.

Противъ женитьбы отца и моей будущей мачехи меня всѣ вооружали. Въ моемъ воображенiи мачеха рисовалась не иначе, какъ вѣдьмой, про которую мнѣ нянька разсказывала въ сказкѣ.

V.

Поѣздка отца къ невѣстѣ, рекомендованной камердинеромъ, увѣнчалась успѣхомъ. Чрезъ нѣсколько недѣль состоялась свадьба. За недѣлю до свадьбы прiѣзжала къ намъ тетка невѣсты посмотрѣть имущество жениха и убѣдиться, дѣйствительно ли онъ такъ богатъ, какъ о немъ говорили.

Въ лицѣ мачехи я ожидала встрѣтить вѣдьму и очень удивилась, увидавъ, что она была красивая, высокая женщина, съ большими голубыми глазами, чистыми и простодушными, какъ у ребенка. Она съ первыхъ минутъ привязала къ себѣ мое сердце, подаривъ мнѣ красивый ящичекъ съ конфетами; она даже хотѣла побѣгать со мною по комнатамъ, но нахмуренныя брови тетки приковали ее къ мѣсту. Тетка же мачехи по виду была совершенная вѣдьма.

Матрена Васильевна была шестидесятилѣтняя дѣвственница, съ длиннымъ, желтымъ лицомъ, горбатымъ носомъ, съ крысьими маленькими глазками и съ огромными бахромками отъ чепца на лбу; эти бахромки были, какъ тогда мнѣ казалось, принадлежностью ея лица. Я и теперь не могу представить ее безъ бахромокъ; по нимъ я узнавала ея расположенiе духа: если онѣ были покойны, то это означало, что бабушка не сердита, но если бахромки тряслись—избави Боже, тогда лучше къ ней и не подходи.

Въ первый день прiѣзда въ нашъ домъ Матрены Васильевны и мачехи няня сказала:

— Пришелъ намъ послѣдній конецъ, Ленушка: вѣдьмы недоставало, и она завелась. Троихъ мужиковъ, люди говорятъ, засѣкла, теперь наши бѣдные мужики хоть волкомъ вой, не то, чтобъ отговорить барина да защитить мужика, какъ твоя покойная маменька, его науськивать тетка будетъ.

Когда я спросила няню, какъ ей нравится моя мачеха, она нѣсколько времени молчала, нервно шевеля спицами.

— Что жъ,—произнесла она наконецъ,—твоему папенькѣ такая и нужна жена: изъ себя пригожа и своихъ словъ нѣтъ... Съ этой будетъ жить хорошо. Нашу-то заѣлъ!—и при этомъ няня такъ рванула нитку, что она оборвалась.

Въ это самое время отворилась дверь дѣтской, и вошли отецъ, мачеха и Матрена Васильевна. Няня взяла меня на колѣни.

— Стыдись, душенька, такая большая, и на колѣняхъ у няньки!—обратилась ко мнѣ Матрена Васильевна и безъ церемоніи стащила меня съ колѣнъ.

Няня вся побагровѣла отъ негодованія.

— Не извольте, сударыня, распоряжаться! Мнѣ ее маменька, наша покойная барыня, поручила, и я ребенка не оставлю!—и няня снова взяла меня на руки.

Матрена Васильевна казалась ошеломленной этой дерзостью.

— Оставьте сегодня, дружочекъ,—ласково вмѣшался отецъ:—у насъ теперь другіе порядки пойдутъ,—и, обращаясь ко мнѣ, прибавилъ:

— Ленушка, поцѣлуй ручку у маменьки.

Послѣ моего поцѣлуя на эту руку посыпались другіе поцѣлуи, и нѣсколько времени въ комнатѣ только и слышались поцѣлуи молодыхъ.

Няня не утерпѣла и плюнула.

Къ счастью, никто этого не замѣтилъ: молодые были заняты собою, а Матрена Васильевна осматривала комнату и успѣла даже заглянуть подъ кровать.

Лишь только затворилась за ними дверь, какъ крупныя проклятія посыпались на всѣхъ троихъ, въ особенности же на голову Матрены Васильевны.

— Тише, тише!—уговаривала я няню.

— А пусть добывашка слушаетъ!—кричала она.—Ленушка, Ленушка, что съ тобой будетъ!—и она горько заплакала, но чрезъ минуту озлобленіе пересилило горесть: няня снова начала проклинать.

— Чтобъ ей ни дна ни покрышки, чтобъ ей околѣть! Вишь, и на рукахъ ребенку сидѣть запрещаетъ, вѣдьма кіевская, а батька-то, чтобъ защитить дитё, а онъ только лижется, старый грѣховодникъ!—и няня еще разъ плюнула.

— Завтра же тебя не будетъ!—раздался тихій съ шипѣніемъ голосъ сзади насъ.

Я обернулась. Желтое лицо съ бахромками глядѣло на насъ изъ-за дверей. Няня даже растерялась.

— Я все слышала,—продолжала Матрена Васильевна,—и покажу тебѣ добывашку, вѣдьму кіевскую,—и она, тихо засмѣявшись, съ шумомъ захлопнула дверь.

VI.

На другой день, еще чуть свѣтъ, мнѣ послышался голосъ няни:

— Ленушка! уводятъ, уводятъ!

Я быстро поднялась на постели и стала прислушиваться,—кругомъ все было тихо.

— Няня!—позвала я.

Няня не отзывалась, и мнѣ показалось, что она повернулась на своей кровати и захрапѣла.

Проснувшись позднѣе, я узнала, что голосъ няни я слышала не во снѣ: ее рано утромъ дѣйствительно увели отъ меня. Я съ громкимъ плачемъ бросилась къ отцу, но онъ отвѣтилъ, что ничего не знаетъ, такъ какъ домомъ теперь распоряжается Матрена Васильевна. Я обратилась съ просьбой къ Марьѣ Ильиничнѣ, мачехѣ, та даже расплакалась, но сказала, что просить тетеньку боится. Тогда я рѣшилась сама итти къ старухѣ.

— Отдайте мнѣ няньку!—грозно сказала я ей.

Она расхохоталась.

— Вишь барышня-то съ ноготкомъ,—проговорила она.

— Отдайте мнѣ мою няньку! -повторила я.

— Нянька не ваша, а папенькина,—замѣтила она.

— Нѣтъ, не папенькина, а моей покойницы маменьки.

— А вамъ, душенька, кто это сказалъ?

Я поняла, что сказала глупо, и что няню и прислугу выдавать не слѣдуетъ.

— Сама знаю,—отвѣтила я гордо.

— Ну, и мы знаемъ, что тебѣ за это будетъ,—услышала я за спиной голосъ отца и вдругъ почувствовала страшную боль въ ухѣ. Я начала кричать, просить; но все было напрасно: вырваться изъ рукъ отца я была не въ силахъ, онъ тащилъ меня по коридору въ темную кладовую, сзади слышался громкій смѣхъ бабушки, чей-то робкій голосъ просилъ за меня...

Передъ глазами разстилался туманъ, я чувствовала страшную боль, наконецъ ударилась о холодный полъ — звучно щелкнулъ ключъ въ дверяхъ, и я осталась одна въ кладовой.

Кладовая была высокая комната съ однимъ рѣшетчатымъ окномъ, которое было такъ высоко, что и большого роста человѣкъ не могъ въ него взглянуть. Комната эта не была выстроена спеціально для кладовой, а названіе это было присвоено ей оттого, что когда-то

здѣсь держали провизію. Теперь она была пуста. Разсказывали, что, когда первая жена отца и моя мать умерли, то до выноса въ церковь ихъ тѣла стояли въ этой комнатѣ. По вечерамъ прислуга боялась сюда входить и говорила, что въ кладовой «мутитъ». Нянѣ моей даже разъ вечеромъ, когда она проходила мимо, послышалось, что кто-то въ запертой комнатѣ чихнулъ; другіе разсказывали, что слышали, какъ по ночамъ здѣсь передвигали стульями, и т. п.

Итакъ, я была заперта въ комнатѣ привидѣній и ужасовъ; тогда я вѣрила въ нихъ всѣмъ своимъ маленькимъ умомъ. Что было со мною въ этой комнатѣ!.. словами эту пытку я не могу вполнѣ разсказать. Долго кричала я, молила, бранилась, даже угрожала, но все было тщетно; между тѣмъ наступила ночь, а съ нею вмѣстѣ надвинулись и всѣ ужасы: то вдругъ слышится мнѣ ясно шорохъ въ углу, я цѣпенѣю отъ страха... но снова все тихо; потомъ опять ясно раздается шопотъ, я съ ужасомъ припадаю лбомъ къ холодному полу, закрываю глаза и читаю молитву, а въ моемъ измученномъ страхомъ воображеніи съ мучительной живостью встають длинной цѣпью одни за другими самые страшные образы и картины. Опять все стихло; я прихожу на минуту въ себя, но мое неугомонное воображеніе снова начинаетъ работать, мнѣ слышится смѣхъ...

Измученная созданіями своей фантазіи, я напрягаю силы и рѣшаюсь: поднимаюсь съ пола, становлюсь на колѣни и громко начинаю умолять привидѣніе не убивать меня... все молчитъ, и мнѣ дѣлается менѣе страшно, я опять ложусь на полъ, въ душѣ начинаетъ разливаться нѣкоторое спокойствіе, приходитъ на память нянькина сказка о томъ, какъ змѣй унесъ одну дѣвочку, и какъ она жила у него въ зеленой комнатѣ, ѣла однѣ конфеты и летала съ нимъ по свѣту; у меня самой мало-по-малу начинаетъ развиваться желаніе жить у змѣя; жизнь эта даже представляется мнѣ привлекательною, въ сравненіи съ грустнымъ моимъ положеніемъ, и я начинаю помышлять о томъ, какъ попросить змѣя взять меня съ собой; но страхъ снова начинаетъ одолѣвать; мнѣ слышится змѣиное шипѣніе, и снова болѣзненно, шибко начинаетъ биться мое сердце, и снова начинается для меня рядъ тяжелыхъ мученій. Я задремала только передъ разсвѣтомъ; очнувшись я увидѣла свѣтъ; шумъ въ углу комнаты еще слышался, но онъ уже не производилъ на меня того страшнаго дѣйствія, какъ ночью; казалось, съ первыми лучами разсвѣта разлетѣлись въ прахъ всѣ мною созданныя страшныя картины; я даже рѣшилась изслѣдовать причину продолжавшагося шума; я повернула голову въ тотъ уголъ, откуда онъ слышался, и сверхъ всякаго ожиданія ничего не увидѣла. «Тамъ вѣрно гнѣздо», подумала я, «и маленькія птички въ немъ шевелятся». Отъ подобнаго открытія я пришла въ неописанный восторгъ; о страхѣ и помину уже не было, я стала бѣгать

и прыгать по комнатѣ. Вдругъ мнѣ пришла на память моя няня, и мнѣ сдѣлалось снова тяжело, я начала думать, какъ бы вернуть опять къ себѣ мою милую старушку: просить отца—это напрасная попытка, Матрену Васильевну тоже, мачеху... но я уже чувствовала ея ничтоожество, и мысль объ ея помощи только промелькнула въ моемъ умѣ. «Божьей Матери сдѣлаю сто поклоновъ», подумала я и усердно стала класть поклоны, приговаривая: «Божья Матерь, смягчи сердце папеньки и вороти мнѣ няню!». Сдѣлавъ поклоны, я почувствовала сильную усталость и тотчасъ же заснула.

Меня разбудилъ звукъ отпираемаго замка; сердце мое замерло... На порогѣ показалась Матрена Васильевна; она за спиной держала что-то въ рукахъ.

— Что, негодная, будешь теперь слушаться бабушку?

— Не буду,—отвѣчала я, не поворачивая головы.

Тутъ Матрена Васильевна сбросила съ себя маску.

— Бѣсенокъ,—кинулась она ко мнѣ, стиснувъ зубы,—добралась же я до тебя!

Въ ея рукахъ я увидѣла пукъ розогъ.

Крикъ у меня замеръ въ горлѣ, въ глазахъ замелькали три мужика, засѣченныхъ бабушкой, и я лишилась чувствъ.

Придя въ себя, я увидѣла, что лежу на диванѣ въ кабинетѣ отца.

— Вотъ, дружочекъ, какъ не хорошо не слушаться папеньки,— были его первыя слова.

— Ленушка, возьми конфетку!—говорилъ беззаботный и веселый голосъ.

Я подняла голову.

Въ комнатѣ были отецъ и мачеха. Я хотѣла броситься къ отцу, но вдругъ въ его лицѣ меня что-то оттолкнуло, и я бросилась къ мачехѣ, обняла ее и горько заплакала. Вошла Матрена Васильевна.

— Вотъ видите, и очнулась!—сказала она весело:—припадочная она вѣрно у васъ, батюшка?

— Если бъ умерла, набрались бы хлопотъ, — тихо сказалъ отецъ:—еще въ убійствѣ бы обвинили.

— Змѣенышъ она у васъ, змѣенышъ! Наплачетесь отъ нея, попомните мое слово!

— Приструнимъ,—сквозь зубы произнесъ отецъ.

— Няни не отдадите?—спросила я тихо.

— Нѣтъ,—шепнула мнѣ мачеха.

Что еще говорили, я не слушала, вскочила съ дивана и бросилась вонъ изъ кабинета. Мнѣ вдругъ сдѣлалось страшно.

VII.

Потянулись дни за днями; няня ко мнѣ не возвращалась, ее заставили пасти утокъ на птичьемъ дворѣ и строго запретили показываться въ господскомъ домѣ, однако, при помощи добрыхъ людей и своей хитрости, я умудрялась часто видѣть старушку. Во время вечерняго чая, выпивъ свою чашку и перецѣловавъ по очереди ручки папеньки, мачехи и бабушки, я старалась незамѣтно ускользнуть въ садъ и оттуда, крадучись, пробиралась на птичій дворъ и бросалась въ объятія няни.

— Похудѣла, моя голубушка,—говорила каждый разъ няня, съ любовью разсматривая мое лицо.

— Какъ не похудѣть, — плаксиво отвѣчала я,—кормятъ худо: за обѣдомъ бабушка крошечные кусочки кладетъ на мою тарелку, а еще попросить боюсь.

— А чай-то какой, няня,—продолжала я:—дадутъ одну чашку, да и то съ молокомъ, а для себя у нихъ сливки; сами пьютъ съ бѣлымъ хлѣбомъ, а я—съ чернымъ.

Въ послѣднемъ случаѣ я не преувеличивала; дѣйствительно, въ отношеніи меня бабушка завела весьма мудрые порядки: «для ребенка все равно, чѣмъ бы ни набить брюхо»,—говорила она.

Няня сокрушенно качала сѣдою головою и отправлялась къ сундуку, вынимала оттуда или пару яичекъ, или жирный блинъ, полученный ею въ подарокъ отъ какой нибудь деревенской бабы. Съѣвъ все, я тѣми же путями возвращалась домой.

Но и послѣ отсылки няни на птичій дворъ я не жила одинокой сиротой. У меня завелась своя семья, и объ этой семьѣ я хочу сказать нѣсколько словъ.

Съ водвореніемъ въ нашемъ домѣ Матрены Васильевны у насъ произошли большія перемѣны; между прочимъ была перемѣнена вся женская прислуга.

За мной приставили ходить, послѣ удаленія няни, молоденькую дѣвушку, вывезенную изъ деревни бабушки, Пашу Платонову, называвшуюся такъ въ отличіе отъ другой горничной, Паши Даниловой. Паша Платонова была маленькое, толстенькое, краснощекое, со вздернутымъ носикомъ созданіе, умѣвшая прекрасно вышивать, пѣть плясовыя пѣсни, и первая грубіянка въ дѣвичьей. Кромѣ нея, было еще три горничныхъ: Паша Данилова, высокая, полная и мечтательная дѣвушка; она пѣла пѣсни все печальныя и въ свободное время гадала на картахъ, которыя постоянно носила въ карманѣ своего платья. Мы всѣ въ дѣвичьей знали, что она влюблена, и относились къ ней сочувственно. Еще живя у отца въ деревнѣ, Паша полюбила одного парня; уже порѣшили они между собою насчетъ свадьбы; но господская воля была сильна и не-

ожиданно разрушила всѣ ихъ планы. Въ одинъ тяжелый для Паши день къ ея отцу постучался въ окно староста Лукьянъ.

— Старикъ, справляй дочку на барскій дворъ, намедни господамъ полюбилась.

— Какъ же такъ, батюшка Лукьянъ Ивановичъ? Вѣдь она у меня одна кормилица, думалъ парня въ домъ взять, и на примѣтѣ ужъ есть такой, не погуби!—взмолился отецъ Паши, упавъ на колѣни передъ тѣмъ окномъ, гдѣ стоялъ староста.

— А на конюшню хочешь!—со смѣхомъ спросилъ Лукьянъ.

Паша не жива, не мертва, стояла у печки; она словно застыла съ блѣднымъ помертвѣвшимъ лицомъ и широко раскрытыми глазами.

— Ну, ты, краля-рисована съ помойнаго ведра! чего стоишь? Собирайся, пойдемъ! — крикнулъ и ей, заглянувъ въ окно избы, староста.

— Какъ же батя-то? — только спросила во всю дорогу Паша.

— Разживется, въ пастухи наймется, вся деревня должна ему будетъ,—балагурилъ Лукьянъ.

Пашу привели въ господскій домъ. Матрена Васильевна била и ломала ея непослушные пальцы, даже за непонятливость раза два водили на конюшню; долго она казалась какъ бы одеревенѣвшею и, только оставаясь со мною наединѣ, выходила изъ своей апатіи.

— Милая барышня,—говорила она тогда,—напиши письмо.

Надо сказать, что я еще тогда очень плохо писала и знаніе это пріобрѣла совершенно случайно, отъ одного гостившаго въ нашемъ домѣ нѣкоторое время родственника отца. Пребываніе этого родственника у насъ было бы совершенно безслѣдно и не заслуживало никакого вниманія, если бы ему Паша Данилова не была обязана тѣмъ, что ея Петруша часто ходилъ на погостъ къ дьячку читать письма, писанныя мною со словъ Паши.

Ко всему привыкаетъ человѣкъ, привыкла и Паша къ своей новой жизни; она меньше стала плакать, повѣряла намъ всѣмъ свои сердечныя тайны и больше всѣхъ вѣрила въ начинавшіе ходить слухи о волѣ; въ каждомъ писарѣ, приносившемъ отцу изъ стана какую нибудь бумагу, она видѣла вѣстника этой столь горячо ожидаемой, желанной воли.

— Ленушка, изъ стана кто-то пришелъ; не волю ли принесъ? Бѣги, узнай! Куклу сошью,—суетилась она, блѣднѣя отъ волненія.

— Узнай, узнай, Ленушка!—упрашивали и другія горничныя.

И я бросала куклы, на цыпочкахъ пробиралась къ кабинету и прикладывала ухо къ замочной скважинѣ. Не разобравъ ничего, я радостно вбѣгала въ дѣвичью, объявляя, что, кажется, и правда волю принесли. Паша Данилова немедленно скрывалась въ сосѣднюю комнату, чтобы положить земной поклонъ передъ образомъ, а дѣвушки крестились; потомъ Паша Платонова вытаскивала

изъ-подъ стула гармонику и играла приплясывая «барыню», наконецъ и другія дѣвушки пускались въ плясъ: вмѣстѣ съ ними, конечно, и я, равно счастливая, не упускала случая поплясать. За фальшивую же тревогу меня никогда не упрекали.

— Могло и послышаться ей,—говорили тогда обыкновенно дѣвушки; тѣмъ дѣло и кончалось.

Третья дѣвушка въ дѣвичьей была Матреша — высокая, худая, съ зеленоватымъ оттѣнкомъ въ лицѣ. У нея сначала была какая-то лихорадочная веселость. Побьютъ ли ее, выругаютъ ли, она вмѣсто того, чтобы заплакать, пѣсню затягивала, но такъ, что отъ этой пѣсни хуже, чѣмъ отъ слезъ, тяжелѣе на душѣ становилось; либо такъ странно засмѣется, что мы подойдемъ да поглядимъ на нее. Жизнь этой дѣвушки была очень грустна: ее звали порочной дѣвкой; у нея былъ незаконный сынишка, росшій на скотномъ дворѣ, въ одной избѣ съ телятами и поросятами. Матрешѣ, кромѣ того, никто не могъ простить, ни господа, ни дворовые, что она, несмотря на жестокіе побои и нравственныя истязанія, такъ и не призналась, кто былъ виновникомъ ея горя и отцомъ ребенка.

Помню я тотъ ужасный день, когда кто-то донесъ Матренѣ Васильевнѣ о несчастномъ положеніи Матреши. Та, выслушавъ доносъ, молніей влетѣла въ кабинетъ и донесла въ свою очередь обо всемъ барину.

— Позвать ее ко мнѣ, дружочекъ,— радостно сказалъ тотъ. Подобный случай былъ серіознымъ событіемъ въ его сонной жизни, развлекаемой только разными экзекуціями да поцѣлуями молодой, глупой жены.

— Къ барину тебя зовутъ!—испуганно вбѣжала Паша Платоновна въ дѣвичью; о Матрешиномъ несчастьѣ мы давно всѣ уже знали.

Какъ сидѣла Матреша за пяльцами, такъ и осталась, только голова свѣсилась на грудь и стукнулась о пяльцы.

— Матрешѣ дурно!—закричала я, увидавъ, что лицо ея совершенно помертвѣло.

— Что же ея не ведутъ!— кричалъ между тѣмъ баринъ, стоя внизу лѣстницы.

Матрена Васильевна и мачеха обѣ влетѣли сіяющія въ дѣвичью.

Услышавъ шаги отца по лѣстницѣ, я забилась подъ кровать и заткнула уши, чтобы ничего не слышать; но это оказалось безполезно: вскорѣ я услышала грозный голосъ и звуки пощечинъ.

Дрожа всѣмъ тѣломъ, я вылѣзла изъ-подъ кровати и бросилась къ Матрешѣ, которую билъ баринъ, но онъ и меня откинулъ точно мячикъ. Поднявшись съ пола, я уже не рѣшалась подойти и только смотрѣла, какъ у Матреши изъ рта и носа текла кровь.

— Какой примѣръ подаешь ты моей дочери!—кричалъ баринъ.

— Да, батюшка, отъ такихъ примѣровъ скорешенько такая же придетъ,—ѣдко говорила Матрена Васильевна.

— Голубчикъ, папочка, не огорчайся! — щебетала между тѣмъ мачеха, бѣгая вокругъ мужа со стаканомъ воды и въ суетѣ обливая его архалукъ.

— Пойди ты къ чорту, дура!—крикнулъ онъ и на нее; мачеха вмигъ очутилась за дверью.

Матреша повалилась на полъ.

— На скотный ее!—крикнулъ баринъ.—Не давать ей ѣсть и пить, кромѣ воды и хлѣба! Я покажу вамъ, какъ развратничать въ моемъ домѣ!—и онъ удалился съ достоинствомъ изъ дѣвичьей.

Матрешу въ наказанье морили голодомъ, заставляли не по силамъ работать, но она все-таки, на горе себѣ, благополучно родила сынишку.

На третій день послѣ родовъ ее привели опять въ дѣвичью и посадили за пяльцы; а ребенка ея отдали на воспитаніе полуслѣпой старухѣ, которая смотрѣла за телятами и поросятами. Страданія несчастной Матреши однако-жъ этимъ не кончились; ей дозволено было только разъ въ день ходить къ ребенку кормить его.

— Вѣдь онъ ѣсть хочетъ, матушка Матрена Васильевна,—умоляла несчастная.

— Развѣ онъ законный? Собаченкѣ собачій и уходъ,—отвѣчала та и все-таки не позволила ей ходить больше одного раза.

Но мы, я и дѣвушки, помогали общими силами Матрешѣ обманывать старуху.

Въ то время, когда бабушка сидѣла въ кабинетѣ у отца, я или которая нибудь изъ дѣвушекъ становились на часахъ, а въ это время Матреша убѣгала къ сыну. Такъ кормился и росъ маленькій Васютка. Не свыклась только Матреша съ своимъ новымъ положеніемъ: стала кашлять, на ея щекахъ по временамъ выступали яркія красныя пятна, а сама высохла, какъ скелетъ. Бабушка прозвала ее дохлой.

Четвертая дѣвушка, Дуняша, была кокетка: все свободное время проводила передъ зеркаломъ, сажей изъ трубы чернила себѣ брови и придумывала для себя и для насъ различныя прически. Кромѣ того, Дуняша немало потѣшала насъ, копируя голоса и манеры: барина, Матрены Васильевны и Марьи Ильиничны—въ этомъ у нея положительно былъ талантъ: мы другой разъ ошибались, принимая ея голосъ за голосъ бабушки или мачехи. И жизнь этой дѣвушки въ господскомъ домѣ не обошлась безъ горя. Дуняша вздумала изъ кокетства завивать на лбу колечко изъ волосъ. Бабушка, замѣтивъ это, разъ дернула ее за волосы со словами:

— Чтобъ этого не было!

Чрезъ нѣсколько времени Дуняша отпросилась къ обѣднѣ; разсчитывая уйти незамѣтно, она снова завила злополучное колечко

и подчернила довольно сильно брови. Но, увы, ей не пришлось уйти незамѣченной: Матрена Васильевна караулила ее въ коридорѣ.

Остановивъ Дуняшу за руку, Матрена Васильевна кликнула двухъ лакеевъ и, приказавъ имъ держать за плечи Дуняшу, сама собственноручно отрѣзала ей чудную косу, гордость и красу дѣвушки, и тутъ же выщипала всѣ брови у Дуняши. Потомъ долго не слышно было въ дѣвичьей веселаго, заразительнаго смѣха Дуняши. Грустная ходила она, низко подвязанная платкомъ, такъ что онъ закрывалъ ея лобъ и брови, и только украдкой смотрѣлась въ осколокъ зеркала, который тщательно прятала въ карманъ.

VIII.

Разъ, за обѣдомъ, мачеха объявила мнѣ, что братъ Николай совсѣмъ пріѣзжаетъ домой изъ корпуса, и, обращаясь къ мужу, спросила:

— Папочка! Николенька красивъ собой?

Глаза отца сверкнули:

— А тебѣ для чего знать, красивъ онъ или нѣтъ? Развѣ старый мужъ надоѣлъ? Вотъ какова жена!—и онъ началъ охать и жаловаться, что у него бокъ разболѣлся.

Жена бросилась съ поцѣлуями къ нему, и кое-какъ между ними снова установились добрыя отношенія. Мачехѣ, однакожъ, и послѣ того не сидѣлось на мѣстѣ; ей все казалось, что «папочка» на нее сердится. Она поминутно подбѣгала къ нему съ кушаньями.

— Не хочешь ли вотъ этотъ кусочекъ, душечка?—упрашивала она:—вотъ этотъ пожирнѣе, а этотъ помягче.

— Совсѣмъ, дружочекъ, аппетитъ отъ огорченій пропалъ, не могу, ей-Богу, не могу,—говорилъ онъ, выбирая увѣсистый кусокъ жаркого.

Я тоже не сидѣла спокойно за столомъ; мысль о скоромъ пріѣздѣ брата волновала меня. Я знала его лишь изъ разсказовъ няни. Въ домѣ о немъ никогда не вспоминали; для всѣхъ Николай былъ чужой. Несмотря на боязнь разсердить отца, я послѣ нѣкотораго колебанія, вся красная отъ волненія, спросила, скоро ли пріѣдетъ братъ.

— Смотрите, смотрите, какъ она обрадовалась, — замѣтилъ отецъ:—даже въ лицѣ перемѣнилась, мнѣ бы такъ вѣрно не обрадовалась, а я ее пою, кормлю и одѣваю.

— Захотѣли вы отъ такихъ благодарности,—вмѣшалась Матрена Васильевна:—еще не то увидите, пойдутъ у насъ теперь исторіи,—прибавила она загадочно.

Съ подобными сценами я уже давно свыклась, и потому слова отца и бабушки не отравили моей радости. Кое-какъ усидѣвъ до конца обѣда, я съ шумной радостью влетѣла въ дѣвичью и объ-

явила о пріѣздѣ брата. Дѣвушки обрадовались и говорили, что въ домѣ съ пріѣздомъ барченка навѣрно будетъ веселѣе; при этомъ подруга нашихъ радостей, гармоника, заиграла «барыню», и мы начали приплясывать.

— Это что значитъ? это что такое?—раздался вдругъ голосъ бабушки.

Гармоника ударилась о полъ, дѣвушки получили по пощечинѣ и подзатыльникъ, и въ дѣвичьей сдѣлалось тихо, какъ въ могилѣ Я же не переставала думать о братѣ и съ нетерпѣніемъ ожидала его пріѣзда, даже сочиняла въ умѣ цѣлые разговоры, которые буду вести съ нимъ.

Раздумывая о братѣ, я недоумѣвала: зачѣмъ отецъ беретъ Николая изъ корпуса, когда тому до окончанія курса нужно пробыть еще два года? За обѣдомъ часто говорили о какомъ-то письмѣ отъ начальника корпуса, а такъ же и о письмѣ Николая, въ которомъ на разные лады разбиралась слѣдующая фраза: «Если родятся дѣти отъ вашего третьяго брака,—спрашивалъ Николай,— то какъ они мнѣ будутъ приходиться—родными или двоюродными?» Этотъ вопросъ погубилъ окончательно Николая во мнѣніи отца и бабушки. Они до того этотъ вопросъ разбирали, что стали видѣть въ Николаѣ злодѣя, который недружелюбно будетъ относиться къ бѣднымъ (если они родятся) малюткамъ. Слыша все это, я уже не такъ стала радоваться пріѣзду брата. А слѣдующія слова отца и совсѣмъ меня огорчили:

— Клянусь Богомъ,—говорилъ онъ,—Коленька непремѣнно сойдетъ съ ума: у него это наслѣдственное, вѣдь его дядя, братъ моей жены, былъ сумасшедшій.

IX.

Николай опять былъ на время всѣми забытъ, даже и я рѣдко думала о немъ. Болѣе крупныя событія, происшедшія въ нашей однообразной жизни, затмили образъ Николая.

Первая неожиданность, взволновавшая всѣ умы, была опала Марьи Ильиничны, мачехи. Она уже цѣлую недѣлю была взаперти въ той самой комнатѣ, гдѣ я провела ужасную ночь, которую описала выше. Отецъ же лежалъ въ постели, и въ домѣ слышались его стоны. Матрена Васильевна металась, какъ угорѣлая, отъ мужа къ женѣ и всѣми силами старалась помирить ихъ. Опасность быть выгнанной изъ дома до того смирила старуху, что она сдѣлалась со всѣми добрѣе; даже для дворовыхъ каждый день варилась каша съ постнымъ масломъ—роскошь, прежде дозволявшаяся только по праздникамъ; съ нами она не дралась, не бранилась, а говорила ласково. И мы тихонько молили Бога, чтобы опала Марьи Ильиничны продолжалась подольше.

Причина опалы, постигшей мою мачеху, была слѣдующая. У отца былъ камердинеръ, Иванъ, замѣчательно красивый и глупый. Мачеха постоянно восхищалась красотою Ивана и говорила, что такого красавца, какъ Иванъ, она никогда не видывала, и часто пускалась съ нимъ въ разговоры. Одинъ изъ подобныхъ разговоровъ былъ подслушанъ мужемъ и показался ему нѣжнымъ. Вслѣдствіе этого произошло то, что Иванъ былъ избитъ и отправленъ въ городъ для отдачи въ незачетъ въ рекруты, а Марья Ильинична посажена подъ замокъ на хлѣбъ и на воду; отецъ заболѣлъ и увѣрялъ окружающихъ, что близка его кончина; что злодѣйка жена не любитъ его; что онъ несчастный человѣкъ, что ничто на свѣтѣ не можетъ утѣшить его. Съ окружающими онъ былъ даже нѣженъ.

Я призвана въ спальню и сижу у него на постели въ ногахъ. Глаза и носъ у меня красны вслѣдствіе того, что я тру ихъ шерстяной матеріей съ цѣлью вызвать признаки слезъ, которыя, несмотря на все усиліе и желаніе, не увлажняютъ моихъ сухихъ глазъ. Однако-жъ краснота глазъ и носа помогаютъ дѣлу: обманъ удается.

— Вотъ истинная дочь,—говоритъ отецъ, указывая прислугѣ на меня:—жалѣетъ старика отца, плачетъ.

Паша Платонова стоитъ возлѣ меня и тоже третъ глаза передникомъ, въ это время она толкаетъ меня подъ бокъ и шепчетъ:

— Плачь!

Я начинаю хныкать, но губы мои такъ и раздвигаются въ улыбку; я силюсь удержаться, но все напрасно, смѣхъ пересиливаетъ, и я начинаю хохотать. Всѣ испуганно обращаютъ на меня глаза; въ глазахъ же Паши я читаю ужасъ и состраданіе ко мнѣ; но, несмотря на то, я не могу пересилить себя и продолжаю хохотать... вдругъ мнѣ дѣлается невыносимо грустно, и смѣхъ мой переходитъ въ слезы.

— Истерика,--кричитъ отецъ,—истерика, дружечки! Дайте ей скорѣе воды!

Дѣйствительно, со мною дѣлается истерика, и Паша Платонова уводитъ меня въ мою комнату.

— Слава Богу, Ленушка, что ты заплакала!—говоритъ мнѣ Паша.—Я не на шутку испугалась, даже поджилки затряслись, когда ты засмѣялась: отъ роду я не видала такихъ страшныхъ глазъ, какіе были въ то время у барина.

Отчего смѣхъ перешелъ въ слезы, я, конечно, и сама не могла дать отчета; но была очень рада, что все такъ хорошо обошлось, и въ этотъ вечеръ, когда ложилась спать, положила двадцать благодарственныхъ поклоновъ Божіей Матери.

Но описанное происшествіе казалось намъ впослѣдствіи ничтожнымъ въ сравненіи съ тѣмъ, что произошло на слѣдующій день.

Съ самаго утра отецъ жаловался, что ему хуже; даже сдѣлалъ распоряженіе, что если къ вечеру ему не будетъ лучше, то послать

человѣка въ городъ за докторомъ. Между тѣмъ его стоны не умолкали цѣлый день. Мы начали вѣрить въ возможность его смерти.

— Ишь, какъ охаетъ, можетъ, и въ самомъ дѣлѣ помретъ!—говорили дѣвушки, и каждая тутъ просила меня, въ случаѣ смерти барина (когда дѣло дойдетъ до дѣлежа), взять ее себѣ. Я, съ своей стороны, не скупилась на обѣщанія. Одна Матреша не вѣрила болѣзни барина.

— Притворенный, ничего ему не сдѣлается! — говорила она: — еще много на своемъ вѣку крестьянской крови выпьетъ.

Въ этотъ же день, въ сумерки, когда мы по обыкновенію сидѣли полукругомъ на голомъ полу передъ топившейся печкой и, глядя на огонь, строили разные планы относительно будущаго, казачекъ отца, Сигнюшка, испуганный, впопыхахъ вбѣжалъ въ дѣвичью.

— Дѣвки, идите скорѣй! Съ бариномъ что-то приключилось, никакъ померъ!—крикнулъ онъ и исчезъ за дверью.

Мы всѣ стремглавъ бросились внизъ. По всему дому бѣгали, кричали, суетились. Мачеха плакала и во весь голосъ причитала:

— Милый мой, папочка! На кого ты оставилъ меня, сироту круглую!

Я тоже съ другими вбѣжала въ спальню. Въ ней мнѣ сначала показалось совсѣмъ темно; но, привыкнувъ къ темнотѣ, я разглядѣла на кровати вытянутаго во весь ростъ отца и замѣтила, что у него лицо совсѣмъ темное. Сердце у меня сильно билось. «Вотъ и умеръ, вотъ и нѣтъ!»—мелькало у меня въ головѣ...—Съ неудовольствіемъ вспомнила я слова Матреши объ отцѣ, хотѣла подойти ближе къ кровати, но стало страшно: я вспомнила, что сейчасъ только строила планы относительно его смерти и моего будущаго, и мнѣ казалось, что отецъ теперь прочтетъ мои мысли. «Я люблю его, мнѣ жалко его», — повторяла я мысленно; а въ головѣ, какъ нарочно, опять начинали создаваться планы, и вмѣстѣ съ тѣмъ радостное чувство охватывало меня при мысли, что я уѣду изъ Березовки къ роднымъ моей покойной матери. Я гнала отъ себя это радостное чувство, мнѣ было стыдно за себя, мнѣ казалось, что всѣ люди отгадали уже, что я радуюсь смерти отца, и я стала дѣлать видъ, что плачу. Между тѣмъ, мачеха продолжала причитать; непритворныя слезы катились по ея похудѣвшему за это время лицу.

— Тетечка! — обращалась она къ Матренѣ Васильевнѣ,— это я его уморила, но, ей-Богу, я папочку любила больше всего на свѣтѣ!

— Ну, ужъ объ этомъ толковать нечего! Гдѣ ключи?—послѣднюю фразу бабушка сказала шопотомъ, бросивъ подозрительный взглядъ на меня.

— Ленушку мою обокрадутъ!—вдругъ раздался голосъ моей няни: — за полиціей нужно послать, за полиціей!—кричала она во все горло.

— Вонъ ее! Заприте, свяжите!—кричала бабушка.—Маша, ищи ключи! Ищи, дура! Невидаль какая! Старый мужъ околѣлъ—будетъ новый! Ключи-то ищи!—шептала она у самой кровати отца.

— Отстаньте вы отъ меня! Папочка, мой дорогой папочка!—плакала мачеха, упавъ на колѣна и цѣлуя руку отца.

Между тѣмъ, няня моя и Матрена Васильевна, какъ угорѣлыя, бросались одна за другой, то къ комоду, то къ шкафу. Матрена Васильевна по временамъ оборачивалась и кулакомъ толкала няню; но та не оставалась безотвѣтною и, въ свою очередь, награждала ее такими же пинками.

Вдругъ Матрена Васильевна подбѣжала къ кровати и сунула руку подъ подушку.

— А!..—произнесла она радостно.

Но какъ мнѣ описать весь нашъ ужасъ, когда вдругъ отецъ открылъ глаза и одной рукой схватилъ руку Матрены Васильевны.

— Довольно, дружочекъ!—проговорилъ онъ совершенно покойно:—я еще не умеръ!

Лицо Матрены Васильевны сдѣлалось бѣлѣе подушекъ, на которыхъ лежалъ отецъ.

— Это, это... я нянькѣ не хотѣла дать ключи!—заикаясь, проговорила она.

Но отецъ не обратилъ на ея слова вниманія. Онъ искалъ глазами жену, которая робко стояла въ головахъ его кровати.

— Другъ души моей, вѣрная любящая жена, приди въ мои объятія!—воскликнулъ онъ торжественно, протягивая къ ней руки.

Та съ громкимъ крикомъ радости бросилась въ его объятія.

— Ленушка,—шептала между тѣмъ мнѣ Паша Платонова,—у него лицо-то и руки накрашены.

Отецъ вдругъ взглянулъ въ мою сторону; подъ его взглядомъ я смутилась и почему-то захныкала.

— О чемъ же ты, милочка, плачешь?—спросилъ онъ:—вѣдь я живъ!

Я поняла свою опрометчивость и ужасно сконфузилась. Выбравъ удобную минуту, мы съ Пашей тихонько шмыгнули за дверь. Въ ожиданіи наказанія за мое неприличное поведеніе, я цѣлый день была въ тревогѣ, но обо мнѣ никакихъ распоряженій не послѣдовало, а распространился только слухъ, что Матрена Васильевна уѣзжаетъ въ свою деревню.

X.

На другой день послѣ описаннаго мною событія въ Березовку пріѣхалъ торговецъ разными товарами.

Вся Т......я губернія знала этого торговца подъ именемъ «cher Nicolas»,—именемъ, даннымъ ему уѣздными барынями, для кото-

рыхъ его пріѣздъ въ деревню съ модными товарами былъ настоящимъ праздникомъ. Cher Nicolas разъ въ годъ пріѣзжалъ и въ Березовку; у него покупались намъ платья: мачехѣ — шелковыя и шерстяныя, а мнѣ и горничнымъ—ситцевыя; только цвѣтъ и рисунокъ моего платья всегда былъ другой, чѣмъ у нихъ.

Послѣ перенесенныхъ наканунѣ потрясеній мы просто ожили, когда увидѣли изъ окна нашей дѣвичьей тащившіеся по дорогѣ, мимо нашего дома, два навьюченные воза товаровъ, а сзади въ кибиткѣ съ рогоженнымъ верхомъ всего заиндивѣвшаго cher Nicolas, который посылалъ намъ съ любезнѣйшей улыбкой поклоны.

Этотъ маленькій, вертлявый человѣкъ съ эспаньолкой, въ гороховомъ пиджакѣ и клѣтчатыхъ панталонахъ, казался намъ верхомъ изящества. Не удивительно, что, увидавъ его, мы сейчасъ же занялись своимъ туалетомъ: принесена огромная банка бергамотной помады, купленная на общія средства, и скоро всѣ головы въ дѣвичьей стали распространять одуряющій запахъ бергамота. У Дуняши уже отросли волосы, и колечко опять закручено на лбу. Всѣ горничныя одѣты въ набойныя, синія платья и бѣлые холстинные передники, обшитые внизу своей работы кружевами. Мое же лицо блеститъ отъ излишняго употребленія сѣраго мыла, лучшее платье обхватываетъ мой станъ, тщательно перетянутый самодѣльнымъ корсетомъ изъ толстой холстины, въ которомъ вмѣсто китоваго уса вшиты гусиныя перья, а вмѣсто шелковаго шнурка—бичевка. Волосы заплетены въ косу съ красной лентой. Осмотрѣвъ себя въ зеркало, я пришла къ тому заключенію, что я очень недурна, и что cher Nicolas обратитъ на меня особенное вниманіе. Довольная собой, я сошла внизъ. Въ залѣ я встрѣтила воскресшаго папеньку, расхаживавшаго, какъ ни въ чемъ не бывало, подъ руку съ женой, которая сіяла отъ полученнаго прощенія и отъ пріѣзда cher Nicolas. Увидавъ меня, она тотчасъ похвастала, что папочка обѣщалъ ей купить шелковое платье. Я же, помня свою вчерашнюю вину, смиренно подошла къ ручкѣ папеньки, который былъ такъ деликатенъ, что не напомнилъ о моемъ неудачномъ хныканьѣ, а только спросилъ:

— Чего, дружочекъ, ты такъ нарядилась?

— Старое платье въ стиркѣ,—отвѣтила я съ невольнымъ замираніемъ сердца. Мнѣ уже казалось, что отецъ пошлетъ меня переодѣться, и я явлюсь передъ cher Nicolas въ старомъ изношенномъ платьѣ.

— Клянусь Богомъ, врешь, душечка...

Но начатая отцемъ рѣчь была прервана приходомъ cher Nicolas, который частенькой походкой подошелъ къ намъ.

— Несутъ!—провозгласилъ онъ торжественно, и вслѣдъ за этимъ на порогѣ появилось нѣсколько человѣкъ, нагруженныхъ тюками.

Сердце мое переполнилось радостью, и я подпрыгнула, но тот-

часъ же сконфузилась своего такъ шумно выраженнаго восторга. Черненькіе глазки cher Nicolas остановились на мнѣ.

— Какая прекрасная барышня, безприданница будетъ!

— У меня, дружочекъ, и приданое для дочери найдется,—гордо сказалъ отецъ.

Между тѣмъ въ коридорѣ уже собрались горничныя и нѣкоторыя изъ дворовыхъ женщинъ. Я сейчасъ же выбѣжала къ нимъ, думая среди них встрѣтить и няню. Но ея не оказалось, и одна дворовая женщина мнѣ сообщила, что няню еще утромъ увезли въ Крапивню, въ другую нашу деревню.

— Ты бы попросила, Ленушка, за няню-то,—сказала женщина:— она горемычная такъ убивалась, когда ее силкомъ усадили въ санки: извѣстно, ей тамъ плохое житье будетъ.

Все мое радостное настроеніе тотчасъ же исчезло: просить отца за няню, я знала, было напрасно, мнѣ оставалось только расплакаться, что, конечно, я и не замедлила сдѣлать. Убѣжавъ въ свою комнату, я скинула съ себя нарядное платье, съ досадой вырвала ленту изъ косы и бросилась, обливаясь слезами, на кровать. Мнѣ живо чувствовалось мое одиночество, и представлялась бѣдная старушка няня, сосланная за привязанность ко мнѣ, которой, можетъ быть, я никогда не увижу. Въ своемъ горѣ я не обращала вниманія на громкіе, веселые голоса, долетавшіе ко мнѣ изъ зала, и меня уже не прельщали ни самъ cher Nicolas, въ гороховомъ пиджакѣ, ни богатства въ его полновѣсныхъ тюкахъ.

Но вдругъ вниманіе мое привлекъ звукъ почтоваго колокольчика; вытираю слезы, начинаю прислушиваться: вотъ ближе, ближе, наконецъ на нашемъ дворѣ. Я бросаюсь къ окну; по двору мчатся сани, а въ нихъ хорошенькій молодой человѣкъ въ военной формѣ. Нѣтъ сомнѣнія, это братъ Николай. Я снова счастлива. Хватаю гребенку и ленту, стараюсь привести въ порядокъ свою прическу, но отъ волненія руки дрожатъ, гребенка выпадаетъ поминутно изъ рукъ; не окончивъ прически, хватаюсь за платье, но его впопыхахъ надѣваю наизнанку. Злюсь на Пашу, что она не идетъ мнѣ помочь, но вотъ, слава Богу, она бѣжитъ по лѣстницѣ и еще издали кричитъ:

— Гдѣ ты, Ленушка? Барченокъ пріѣхалъ, какой красавецъ, со всѣми нами поцѣловался, о тебѣ спрашивалъ.

Когда я была готова, на меня нападаетъ робость; теперь только мнѣ пришло въ голову, что я брата совсѣмъ не знаю. Но это была только одна минута, пока я не увидала его добраго лица съ задумчивыми карими глазами и простодушной дѣтской улыбкой.

— Вотъ она, Ленушка!—воскликнулъ онъ, увидавъ меня, и заключилъ въ объятія.—Господи, какъ она на маменьку, Любовь Александровну, похожа! И такая же будетъ маленькая,—говорилъ Николай, разсматривая меня, и тутъ же сталъ всѣмъ разсказывать, какая я была шалунья въ дѣтствѣ.

Съ этой минуты я цѣлый день не отходила отъ брата. Мнѣ все въ немъ нравилось: его лицо, улыбка, тоненькій станъ, разсказы о жизни въ корпусѣ и даже его гардемаринская форма. Я вслушивалась въ каждое его слово, невольно улыбалась, если онъ улыбался, и мнѣ становилось тяжело, когда вдругъ его молоденькое лицо дѣлалось задумчивымъ, а большіе глаза устремлялись въ даль. Онъ, казалось тогда, забывалъ, гдѣ находится, и не видѣлъ и не слышалъ никого. Тогда я ему заглядывала въ глаза и старалась напомнить о своемъ присутствіи. Отецъ сначала былъ ласковъ съ сыномъ: ходилъ съ нимъ долго подъ руку, по временамъ даже цѣловалъ въ голову, и все хозяйство въ домѣ и на дворѣ ему показывалъ. Но скоро Николай своими простодушными отвѣтами возбудилъ подозрѣніе отца.

— Смотри, дружочекъ, смотри,—говорилъ отецъ:—это все твое будетъ: мнѣ старику не долго жить, а хотѣлось бы, чтобы и послѣ моей смерти все шло, какъ при мнѣ.

— Для меня ваша воля священна,—отвѣчалъ Николай,—что прикажете, то послѣ вашей смерти и сдѣлаю.

— Что же это, дружочки, — обратился къ присутствующимъ отецъ:—сынъ ужъ хоронить меня собирается.

— Папенька, я говорю это только на случай вашей смерти: года ваши не молодые, все можетъ случиться.

— Такіе годы, что дѣтямъ смерти моей пора ждать?—съ ѣдкой улыбкой спросилъ отецъ.

Мнѣ хотѣлось остановить, предупредить брата, чтобы онъ меньше откровенничалъ, но мнѣ не приходилось остаться съ нимъ наединѣ. Отецъ и мачеха въ этотъ день ни на минуту не оставляли насъ однихъ. Къ счастью еще, что съ нами не было Матрены Васильевны, она хотя и не была выслана въ свою деревню, но жила въ опалѣ не въ домѣ, а въ маленькомъ флигелѣ на дворѣ. Туда ей съ нашего стола и посылался обѣдъ. Вечеромъ, когда настало время ложиться спать, отецъ спросилъ жену:

— Машенька, ты распорядилась, чтобы Николенькѣ комнату приготовили?

— Приготовлена,—отвѣчала мачеха:—ширмы, какъ ты велѣлъ, съ чердака сняли и кровать поставили.

— А комната моя не проходная?—спросилъ Николай.

— У меня, дружочекъ, для тебя нѣтъ отдѣльныхъ комнатъ, а вотъ, когда умру, ты себѣ по своему вкусу домъ выстроишь,—сказалъ отецъ.

Николай ничего не отвѣтилъ и пошелъ въ свою комнату; я послѣдовала за нимъ. Комната брата была проходная между лакейской и сѣнями. Въ ней было холодно, сыро и даже днемъ темно. Николай со свѣчкой въ рукахъ остановился посреди комнаты и обвелъ ее глазами. Половину ея занимали только что снятыя съ

чердака, старыя, съ вылинявшимъ зеленымъ коленкоромъ ширмы, за ними стояла деревянная кровать съ продавленнымъ тюфякомъ и тощей подушкой въ головахъ. Постель была накрыта рванымъ ситцевымъ одѣяломъ Матрены Васильевны, которое она разстилала вмѣсто ковра въ своей комнатѣ, когда ей казалось, что дуетъ съ пола. Не крашенный деревянный стулъ и такой же столъ составляли всю мебель Николаевой комнаты. Тутъ же на полу лежалъ развязанный чемоданъ, который братъ только что привезъ съ собою.

Братъ не сдѣлалъ никакихъ замѣчаній относительно комнаты, онъ только попросилъ меня посвѣтить ему; а самъ, ставъ на колѣни, сталъ рыться въ своемъ чемоданѣ. Я же въ это время спѣшила шепотомъ давать ему наставленія: не раздражать папеньку, скрывать свои чувства, и если папенька будетъ говорить о своей близкой смерти, увѣрять его, что онъ еще долго проживетъ. Николай съ удивленіемъ взглянулъ на меня.

— Грѣхъ, Ленушка, лгать,—произнесъ онъ серьезно,—и ты никогда не лги,—и, вынувъ изъ чемодана маленькій серебряный образокъ, набожно перекрестился и поцѣловалъ, потомъ, протягивая его мнѣ, сказалъ:

— Этимъ образомъ меня благословила, когда умирала, твоя маменька. Я никогда не разстаюсь съ нимъ и всегда ему молюсь, когда мнѣ грустно. Знаешь ты, Ленушка, молитвы?

— Знаю: Отче, Богородицу, Вѣрую,—перечислила я.

Но Николай уже забылъ свой вопросъ и не слыхалъ моего отвѣта. Онъ сѣлъ на кровать и задумался. Опять тотъ же неопредѣленный взглядъ вдаль, который такъ тяжело на меня дѣйствовалъ. Чтобы вызвать его изъ задумчивости, я взяла его за руку и начала ему разсказывать про няню, которая мнѣ всегда такъ много говорила о немъ.

— Что?—поднялъ голову Николай, будто просыпаясь.

Послѣ повторенныхъ мною словъ онъ сталъ внимательнѣе; припомнилъ старушку няню и разспросилъ, за что ее сослали. Выслушавъ, какъ отецъ притворился умершимъ, какъ прежде мачеха, а теперь бабушка подверглись опалѣ, Николай опустилъ голову. Я заглянула ему въ лицо: въ глазахъ его стояли слезы.

— Господи, какъ мнѣ грустно!—проговорилъ онъ, заламывая надъ головою руки. Вдругъ онъ спохватился.

— Иди, дѣвочка, спать, иди, Христосъ съ тобой,—заторопилъ меня братъ, видимо желая поскорѣе остаться одинъ.

Простившись съ нимъ, я ушла, но, отойдя нѣсколько шаговъ, вернулась, чтобы еще разъ взглянуть на брата. Онъ лежалъ ницъ на полу распростертымъ въ молитвѣ.

XI.

Вскорѣ послѣ своего пріѣзда Николай сталъ учить меня: диктовалъ мнѣ, заставлялъ читать и разсказывать священную исторію. Я училась довольно охотно, хотя предпочитала слушать, когда братъ читалъ Пушкина, или заставлялъ меня учить стихи на память. Въ занятіяхъ со мною братъ выказывалъ необыкновенную доброту и мягкость: я ни разу не слышала отъ него грубаго слова, онъ съ замѣчательнымъ терпѣніемъ повторялъ по нѣсколько разъ объясненія, которыя почему либо были трудны для моего пониманія.

Мало-по-малу, грустное впечатлѣніе, полученное имъ въ первый день пріѣзда, исчезло, и братъ повеселѣлъ. Отъ природы у него былъ характеръ веселый и сообщительный; особенно оживалъ онъ съ нами, молодыми; пѣлъ намъ любимыя свои пѣсни: «Здорово, другъ, увѣдомляю» или «Ты помнишь ли, товарищъ неизмѣнный». Скоро я и горничныя знали имена всѣхъ его близкихъ корпусныхъ товарищей, о которыхъ онъ никогда не уставалъ разсказывать. Горничныя очень полюбили простодушнаго, негордаго барченка и, несмотря на его 19 лѣтъ и красивую наружность, не кокетничали съ нимъ, какъ съ другими мужчинами; онъ только внушалъ имъ жалость, какъ обиженный. Дѣвушки чувствовали, кажется, больше самого Николая то пренебреженіе, съ которымъ онъ былъ встрѣченъ и устроенъ въ родительскомъ домѣ.

— Подумаешь, — шептали между собою дѣвушки, — старшій сынъ, имѣнье-то, люди говорятъ, его покойной матери, а какая жизнь ему у отца; комната и кровать у наслѣдника хуже, чѣмъ у другого лакея: изъ сѣней въ дверь дуетъ, углы промерзли, а онъ-то, горемычный, такой еще изъ себя худенькій, а подъ дырявымъ одѣяломъ спитъ.

И придумали дѣвушки, какъ пособить горю: укараулили, когда баринъ съ барыней уѣхали кататься, а Матрена Васильевна на дворѣ по хозяйству ходила, стащили тихонько съ чердака старый войлокъ и дверь въ комнатѣ барченка имъ обили; Паша Данилова, уже нѣсколько лѣтъ собиравшая лоскутки себѣ на одѣяло въ приданое, вдругъ предложила изъ нихъ выстегать на куделѣ барченку одѣяло. Но для этого требовалось работать ночью, слѣдовательно, нужна была свѣчка, а у насъ ни свѣчей, ни денегъ на покупку ихъ не было; тогда я предложила свои услуги собирать огарки изъ подсвѣчниковъ, но это мнѣ не удалось — Матрена Васильевна за огарками слѣдила: она переливала изъ нихъ свѣчи; тогда я задумала украсть изъ шкафа цѣлую свѣчку въ присутствіи самой Матрены Васильевны, и это мнѣ удалось.

Не безъ стыда принесла я горничнымъ ворованную свѣчку, которая была встрѣчена съ восторгомъ; дѣвушки хвалили мою лов-

кость и не понимали, чего я конфужусь: онѣ считали, что у Матрены Васильевны украсть не грѣхъ, но я все-таки взяла съ нихъ обѣщаніе не говорить объ этомъ воровствѣ Николаю—его мнѣ было стыдно; сама же наложила на себя эпитимію въ сто поклоновъ, но когда догорѣла свѣчка, а одѣяло все еще не было кончено, и дѣвушки начали меня упрашивать, къ стыду моему, нужно сознаться, я украла и вторую свѣчку. Третью, слава Богу, красть не пришлось: одѣяло сшили и положили на кровать Николая.

Не мало было удивленія, когда бабушка увидѣла одѣяло. Я объявила, что одѣяло сшила я по секрету, чтобы сдѣлать сюрпризъ брату. Мнѣ, конечно, не повѣрили. За обѣдомъ отецъ спросилъ Николая:

— У тебя, дружочекъ, я слышалъ, новое одѣяло?

— Это я, папенька, ему сшила,—поспѣшила я предупредить отвѣтъ Николая.

— Но вѣдь не все ты, Ленушка, шила, а шили и дѣвушки,—вмѣшался Николай,—Паша Данилова и лоскутки подарила,—продолжалъ онъ разсказывать.

— И зачѣмъ мы не предупредили Николая!—упрекала я себя.

Отецъ смотрѣлъ то на меня, то на Николая. Мачеха и бабушка шептались между собой и смѣялись, отецъ же Николаю въ этотъ разъ ничего не сказалъ, а мнѣ кротко замѣтилъ:

— Я думалъ, дружочекъ, ты не умѣешь лгать.

Дѣвушки испугались, узнавъ, что тайна ихъ открыта, но на Николая не сердились.

— Простой онъ—Христосъ съ нимъ, никакой-то въ немъ хитрости нѣтъ! Какъ онъ жить-то здѣсь будетъ?

А Матреша на эти слова покачала головой и предрекла:

— Попомните мое слово, съѣдятъ молодого барина.

Но я недовольна была братомъ, мнѣ была не понятна ни его откровенность, ни его незлобливость. Когда мы, за какую нибудь обиду не имѣя возможности отомстить или откровенно высказать въ лицо накопившуюся въ насъ злобу, хоть бранью за глаза облегчали свою душу, Николай сейчасъ останавливалъ насъ, заступался за обидчиковъ, а насъ самихъ обвинялъ въ злобѣ.

— Что же по-твоему и бабушку бранить не слѣдуетъ?—спрашивала я.

— Никого бранить не надо, Богъ велѣлъ прощать всѣ обиды.

— Но бабушка злая, гадкая,—настаивала я,—она ябедничаетъ, изъ-за нея людей бьютъ.

— Ты ей въ глаза скажи, что она не хорошо дѣлаетъ, что это грѣшно, а за глаза не осуждай.

— Вотъ дуру нашелъ! Буду я ей говорить все въ глаза, чтобъ потомъ самой же мнѣ досталось! А самъ ты развѣ ей все скажешь?—спрашивала я.

— Если Богъ поможетъ, то скажу.

И братъ остался вѣренъ себѣ. Началось, я помню, съ того, что Николая полюбили крестьяне, опять же за простоту его, а онъ находилъ, повидимому, большое удовольствіе съ ними разговаривать: посѣщалъ ихъ избы, входилъ въ ихъ нужды, даже любилъ няньчиться съ ихъ ребятишками, которые его обожали. Довольно Николаю было показаться въ деревнѣ, какъ возлѣ него сейчасъ же собиралась толпа дѣтей.

Крестьяне же надѣялись въ немъ найти себѣ передъ бариномъ заступника и ходатая, такъ какъ онъ былъ его сынъ и наслѣдникъ. Но это только вооружило отца противъ сына и крестьянъ. Отецъ заподозрѣлъ, что Николай только притворяется простымъ и набожнымъ, а самъ вооружаетъ противъ него крестьянъ. Уже нѣсколько времени, какъ отецъ, видимо, сталъ тревожиться постоянными отлучками сына въ деревню. Разъ Николай запоздалъ къ обѣду. На вопросъ, гдѣ онъ былъ,—Николай, по своему обыкновенію, разсказалъ все откровенно, что былъ у Ивана Яковлева, который очень огорченъ, что у него послѣдняя лошадь пала, и что бѣдность у него страшная: ѣстъ хлѣбъ съ мякиной; что Иванъ Яковлевъ просилъ его похлопотать у папеньки простить ему прошлогоднюю недоимку; что онъ, Николай, обѣщалъ, потому что находитъ безчеловѣчнымъ продавать послѣднюю корову, чтобъ вносить недоимку. Отецъ на это только тихо засмѣялся.

— Отчего ты не ѣшь?—спросилъ онъ, замѣтивъ, что сынъ не дотрогивается до обѣда.

— Прасковья, жена Ивана, меня простоквашей угостила, а теперь мнѣ ѣсть не хочется.

— Такъ ли я слышу, дружочки?—обратился ко всѣмъ присутствующимъ отецъ:—мой родной сынъ былъ въ гостяхъ у мужика и ѣлъ простоквашу.

Бабушка вытаращила глаза: она еще не знала, на какой ладъ себя настроить, и на всякій случай вздохнула.

— Развѣ ты не подумалъ, дружочекъ, что огорчаешь, унижаешь меня? — началъ опять отецъ: — вѣдь твои и мои предки князья были и съ мужиками, какъ ты, не братались.

— У Бога, папенька, люди всѣ равны...—началъ было Николай, но отецъ его прервалъ.

— Такъ ты твоего отца ставишь на одну доску съ Иваномъ Яковлевымъ?

— Душа, папенька, у всѣхъ равна,—настаивалъ Николай.

— Вотъ извольте видѣть, ему все равно, что я, что Иванъ Яковлевъ, вотъ и первенецъ, вотъ дождались,—плаксивымъ голосомъ жаловался отецъ.

Марья Ильинична уже была возлѣ мужа со стаканомъ воды въ рукахъ.

— Захотѣли вы, батюшка, отъ нихъ привязанности,—вставила и свое слово бабушка.

— Ну, что-жъ, дружочекъ, убей отца—вамъ власть нужна, не даромъ мужики къ вамъ съ просьбами обращаются, думаютъ, что не я, а вы здѣсь баринъ. Нѣтъ, рано еще!... Вамъ, можетъ быть, сказали, что это ваше имѣнье?—другимъ уже голосомъ заговорилъ онъ:—ошибаетесь... все мое!

И онъ стукнулъ кулакомъ по столу.

— Что вы, папенька, Господь съ вами, я и не думалъ, — и Николай даже приподнялся со стула:—видитъ Богъ, не думалъ!

— Не думалъ?—передразнилъ отецъ: — знаю я тебя, змѣю; я не забылъ, что мои дѣти будутъ тебѣ двоюродными.

Обѣдъ окончился въ глубокомъ молчаніи. Послѣ обѣда Николай подошелъ, по обыкновенію, къ рукѣ отца, но тотъ не допустилъ. Огорченный, братъ ушелъ въ свою комнату. Когда я пришла къ нему, онъ не замѣтилъ меня. Книга «Житія Святыхъ» лежала передъ нимъ, но онъ не читалъ ея, а былъ погруженъ въ глубокую думу. На слѣдующій день отецъ началъ шуткой: «тепло ли Николаю спать подъ дѣвичьимъ одѣяломъ?» а кончилъ упреками, что братъ ходитъ въ дѣвичью и развращаетъ горничныхъ.

— Я на нихъ, папенька, смотрю, какъ на сестеръ, — спокойно отвѣтилъ Николай.

— Да ты, дружочекъ, совсѣмъ дуракъ! Дѣвокъ за сестеръ считаешь!

Бабушка и мачеха при этомъ расхохотались.

Съ этихъ поръ Николай рѣдко приходилъ въ дѣвичью, и нельзя было упросить его спѣть намъ пѣсни; все читалъ священныя книги, а по воскресеньямъ ходилъ въ церковь. Но ни передъ отцомъ, ни передъ бабушкой онъ не молчалъ. Хотя кротко, но обличалъ ихъ и говорилъ правду въ глаза. Если при немъ били людей, онъ вступался, а отцу говорилъ, что онъ несправедливъ, и что Богъ его накажетъ и въ этой и будущей жизни. Отецъ отъ этихъ словъ приходилъ въ ярость, билъ еще сильнѣе и чаще прислугу, случалось даже, что ударялъ и Николая, но этотъ сносилъ кротко обиду и все-таки не переставалъ повторять: «грѣшно, грѣшно, папенька»; такъ же поступалъ онъ и съ бабушкой. Та плевалась на него, кричала, что у нея свой духовникъ есть, чтобы онъ не смѣлъ давать ей наставленія. И тоже дѣлалась злѣе и раздражительнѣе. Николай не достигалъ цѣли: онъ хотѣлъ водворить миръ и любовь, но только своимъ вмѣшательствомъ возбуждалъ больше ненависть и злобу. Наконецъ, онъ это самъ замѣтилъ, потому что вдругъ замолчалъ и притихъ. И такъ притихъ, что я думала съ дѣвушками, что онъ наложилъ на себя обѣтъ молчанія. Цѣлые дни онъ не произносилъ ни одного слова и часто стоялъ неподвижно, устремивъ глаза на одинъ предметъ.

XII.

Больше года прошло со дня пріѣзда Николая. Въ это время у Маріи Ильиничны родилась дочь, которую, по неотступной просьбѣ Матрены Васильевны, назвали (въ честь ея покойной сестры) Анастасіей. Бабушка вскорѣ привязалась къ своей внучкѣ и крестницѣ и ревновала ее ко всѣмъ, особенно же къ отцу и матери.

Вмѣстѣ съ любовью къ Настѣ росла непріязнь бабушки ко мнѣ и Николаю.

— Наслѣдники, поганые наслѣдники!—ворчала она, когда я или Николай проходили мимо.

Она, Матрена Васильевна, про которую разсказывали, что велѣла засѣчь троихъ мужиковъ, и сама собственноручно бившая людей до полусмерти, полюбила искренно и безрасчетно маленькую Настю: цѣлыя ночи напролетъ она не смыкала глазъ, если Настя хворала, и дѣлалась, какъ безумная, если жизни внучки угрожала опасность.

Зато Марья Ильинична была рѣдкая мать. Родивъ дочь и сдавъ ее на руки кормилицѣ, она больше не заботилась о ней, даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣчалась въ ней зависть къ дочери.

— Все Настѣ да Настѣ!—съ завистью говорила она, когда бабушка баловала внучку: вмѣсто молока кипятила сливки на кашу или тащила банку варенья къ шестимѣсячному ребенку, который, конечно, ничего не ѣлъ, а если что и попадало по назначенію, благодаря стараніямъ бабушки, то только причиняло вредъ малюткѣ.

И я ревновала, но ревновала отца. Я замѣтила, что онъ любилъ свою дочь отъ третьяго брака: при малѣйшемъ нездоровьѣ Насти онъ озабоченный приходилъ въ ея дѣтскую, и никогда я прежде не видѣла на лицѣ отца такого нѣжнаго выраженія, какое бывало у него въ ту минуту, когда онъ наклонялся надъ колыбелью малютки и прикладывалъ нѣжно свою руку къ ея головкѣ. Съ какимъ тогда безпокойствомъ онъ разспрашивалъ о ея болѣзни и потомъ цѣлый день рылся въ лѣчебникѣ, отыскивая тѣ симптомы болѣзни, которые замѣчались у Насти! Мнѣ въ тотъ день хотѣлось всегда плакать, подойти къ нему, напомнить о себѣ, приласкаться, какъ я никогда не ласкалась. Когда же бывала совсѣмъ здорова Настя, то часто послѣ обѣда, когда вносили въ кабинетъ подносъ съ сладостями, отецъ посылалъ за дочкой и, взявъ ее на руки, запирался только съ ней и мачехой въ кабинетѣ. Никто тогда уже не смѣлъ къ нимъ войти, даже бабушка. Часто я, нелюбимая дочь, останавливалась передъ дверью и съ завистью и любопытствомъ прислушивалась къ веселому го-

лосу отца, который возился въ это время съ Настей, ползавшей на полу, или училъ ее произносить слово «папа». Бабушка тоже не была покойна въ эти минуты: она то и дѣло бѣгала мимо дверей кабинета, злилась, что ребенка простудятъ, окормятъ. Не знаю, можетъ быть, ей чувствовалось тоже тогда свое одиночество или же ее побуждало желаніе высказаться. Только ненависть ея ко мнѣ въ тѣ минуты засыпала, и она искала во мнѣ къ себѣ сочувствія.

— Заперлись! — подмигивала она на дверь кабинета: — никого имъ не нужно, своя семейка!

Или, услыхавъ громкій голосъ Марьи Ильиничны, она опять обращалась ко мнѣ.

— Чего эта дура-то обрадовалась, на весь домъ хохочетъ? Небось, ни батька ни матка ночью за больнымъ ребенкомъ не станутъ, какъ я, ходить, а со здоровымъ любятъ играть!

Даже случалось, что бабушка въ эту минуту совала мнѣ въ руку засахаренныхъ фруктовъ. Гостинецъ смягчалъ отчасти мое горе. Я тотчасъ спѣшила наверхъ похвастать и подѣлиться имъ съ дѣвушками. Дѣвушки ѣли фрукты, смѣялись, что вѣдьма размякла, дала гостинца Ленушкѣ, но прибавляли: не передъ бѣдой ли это?..

А Николай совсѣмъ отъ насъ удалился. Какъ ни приду къ нему, онъ все сидитъ съ книгой въ рукахъ и даже на мои вопросы сталъ рѣдко отвѣчать. Я начала издали слѣдить за нимъ и замѣтила, что онъ не мѣнялъ страницъ, а только по временамъ съ испуганнымъ лицомъ озирался вокругъ и плевалъ по сторонамъ; то вдругъ бросался на колѣни и со слезами молился. Я, испуганная, прибѣгала наверхъ и разсказывала дѣвушкамъ. Онѣ рѣшили, что барченокъ испорченъ. Даже подозрѣвали, не Матрена ли Васильевна его испортила, такъ какъ она навѣрно знается съ чортомъ. Хотя братъ и не разговаривалъ съ нами, но аккуратно являлся къ обѣду.

— На мученье идетъ,—говорили дѣвушки, когда Николай грустный, опустивъ глаза въ землю, шелъ въ столовую.

Теперь за обѣдомъ только и говорили о сумасшествіи со стороны матери въ роду Николая. Отецъ припоминалъ дѣда, дядю, даже съ матерью Николая, по словамъ отца, случались припадки сумасшествія.

— И Николенька, дружочки, этимъ навѣрно кончитъ,— прибавлялъ при этомъ отецъ.

Разъ, во время подобнаго разговора, Николай вдругъ вскочилъ со стула и схватилъ со стола ножъ. Съ крикомъ ужаса отецъ выскочилъ изъ-за стола, но въ это время Николай со всего размаху ударилъ себя по кисти руки—кровь брызнула ему въ лицо. Обведя насъ безумнымъ взглядомъ, братъ бросился вонъ изъ комнаты.

— Держите! Бога ради, держите!—съ испугомъ закричалъ отецъ.

Лакеи побѣжали за Николаемъ, но онъ, какъ вихрь, летѣлъ по двору.

— Дружочки, что же я ему худого сказалъ? За что онъ меня огорчаетъ?—жаловался, между тѣмъ, отецъ.

Два дня Николай не выходилъ изъ гумна, гдѣ скрылся отъ погони. Когда же мы вошли къ нему, онъ сидѣлъ въ углу на полу, обернувшись лицомъ къ стѣнѣ. Никакія просьбы не подѣйствовали—Николай молчалъ и не двигался. Тогда рѣшили послать за священникомъ, чтобы тотъ уговорилъ его.

Отецъ Алексѣй былъ нашъ духовникъ. Я всегда была рада, когда нашъ старичекъ батюшка навѣщалъ насъ: для всякаго у него находилось доброе, привѣтливое слово, а для меня, кромѣ того, припрятана вторая просвирка. Ласково поглаживая меня по головѣ, батюшка приговаривалъ:

— Лицомъ въ маменьку, покойницу, вышла, будь и сердцемъ на нее похожа; я ее всегда за престоломъ поминаю—добрая была.

Всѣ крестьяне любили о. Алексѣя: всѣ спѣшили къ нему со своими мужицкимъ горемъ и бѣдами, и никогда не уходили безъ нравственной и матеріальной (хотя небольшой) поддержки. Зато въ рабочую пору, хоть по ночамъ, а помогутъ мужички батюшкѣ и полоску сбороновать и сѣно скосить. И самъ о. Алексѣй нуждался: семья была большая, прихожане — одни бѣдняки, которые за всѣ требы платили ему пятаками. Кромѣ того, въ своей семейной жизни онъ не былъ счастливъ. Его жена, мать-попадья, какъ онъ называлъ ее, подруга и наперсница нашей Матрены Васильевны, была болѣзненная и сварливая женщина, жадная къ наживѣ, вѣчно ноющая, что ея попъ глупъ и не умѣетъ жить, какъ другіе попы, у которыхъ жены въ матерчатыхъ платьяхъ ходятъ и рублевики считаютъ.

— А мой-то съ дуру,— говорила попадья:— послѣднюю рубаху изъ дома отдастъ и думаетъ, что по-Божьему живетъ, когда жену и дѣтей по міру пущаетъ: ужъ такому не попомъ быть да семью заводить, а въ монахи итти.

О. Алексѣй, по ея приказанію, ходилъ по избамъ за «петровщиной». Бывало, смотримъ изъ окна дѣвичьей на нашего батюшку, какъ онъ въ бумажной, сѣрой, вылинявшей рясѣ, съ развѣвавшимися изъ-подъ круглой шапки сѣдыми волосами, съ корзинкой въ рукахъ ходилъ по избамъ и собиралъ яйца, масло и пр. Заходилъ онъ и къ намъ. Отецъ всегда давалъ ему рубль и мѣру ржи.

— Ну, вотъ, мать попадья довольна будетъ,—взваливая себѣ на худыя плечи мѣшокъ съ зернами, говорилъ батюшка: — а то эти бабы!—и онъ махнетъ добродушно рукой, но сейчасъ же и спохватится.

— Добрая, ничего она у меня, мать-то попадья, только недужная... Сохрани, Господи! Вѣдь, другой жены мнѣ, попу, не дадутъ!—смѣялся бывало о. Алексѣй.

Я къ батюшкѣ первая въ прихожую выскочила.

— Что съ паренькомъ-то у васъ такое?—спросилъ онъ, расчесывая гребешкомъ свои сѣдые жидкіе волосики.

— Папенька его обижаетъ. Что намъ дѣлать, батюшка?

— Знаю, знаю,— печально качая головой, проговорилъ онъ:— грѣхи тяжкіе! А все же родитель, почитать вамъ его надо. Всякому Господь посылаетъ любя испытаніе; а вы кротки будьте—молитесь за отца!

Тутъ вошла бабушка и отецъ; одинъ и другая стали жаловаться, обвинять Николая и повели священника къ брату въ гумно. О. Алексѣй, подойдя къ гумну, остановился и кротко сказалъ:

— Позвольте теперь пастырю Господню остаться наединѣ съ своимъ духовнымъ сыномъ,—и, перекрестясь, тихо вошелъ къ Николаю.

Больше двухъ часовъ священникъ говорилъ со своимъ духовнымъ сыномъ; наконецъ вмѣстѣ вышли.

Отецъ встрѣтилъ сына на порогѣ дома, расплакался и заключилъ въ объятія.

— Батюшка, научите сына любить меня, клянусь Богомъ, я нѣжный отецъ.

— Онъ у васъ не отъ міра сего, Христосъ съ нимъ!—сказалъ священникъ на жалобы отца.

— Сумасшедшій онъ, клянусь Богомъ, сумасшедшій! А мнѣ наслѣдникъ нуженъ—правая рука: я скоро умру, гдѣ же Николенькѣ замѣнить меня?

— Еще поживете, Богъ дастъ!—утѣшалъ батюшка:—и сами въ Березовкѣ поцарствуете, а сынъ за ваше здравіе молельщикомъ передъ Господомъ будетъ.

— Да, да, молельщикомъ!—повторилъ отецъ, какъ будто что-то обдумывая.

XIII.

Радостная вѣсть разнеслась по дому: баринъ получилъ бумагу и уѣзжаетъ на выборы въ губернскій городъ.

Мы ждали дня его отъѣзда, какъ великаго праздника, и этотъ день наконецъ насталъ, а къ довершенію нашего благополучія наканунѣ его отъѣзда заболѣла Матрена Васильевна такъ серьезно, что даже послала въ сосѣднюю деревню за знахаркой, которой бабушка довѣряла больше, чѣмъ доктору.

Только что уѣхалъ баринъ, весь домъ принялъ праздничный видъ; казалось, что мы проснулись послѣ долгаго, тяжелаго сна. Постоянно запертыя окна открыты настежь. Отецъ боялся сквозного вѣтра, и даже лѣтомъ, при малѣйшей тягѣ воздухѣ, поднималась тревога. Теперь воздухъ врывается со всѣхъ сторонъ къ

намъ въ комнаты, доносится изъ саду пѣніе птицъ, шелестъ листьевъ, мы бѣгаемъ по всѣмъ комнатамъ, громко говоримъ, отъ души смѣемся. Мачеха бѣгаетъ съ нами и хотя бѣдняжка увѣряетъ, что скучно безъ папочки, но видимо ожила: теперь безъ мужа и тетки ей полная свобода итти, куда хочетъ, говорить, что вздумается, отпирать всѣ шкафы, объѣдаться гостинцами и угощать насъ. Но первой нашей заботой было развеселить Николая. Мы толпой побѣжали къ нему. Долго онъ отворачивался отъ насъ, не хотѣлъ говорить съ нами, наконецъ, сталъ просить оставить его въ покоѣ, но отъ насъ не такъ легко было отдѣлаться: мы становились передъ нимъ на колѣни, пѣли хоромъ его любимыя пѣсни, вспоминали и разспрашивали о его товарищахъ, даже плясали казачка—все было напрасно; наконецъ, вдругъ предстала предъ нимъ Дуняша въ его фуражкѣ, курткѣ и панталонахъ, усы выведены сажей и тросточка въ рукахъ. Она была такъ комична въ этомъ нарядѣ, что нельзя было не разсмѣяться. Тутъ мы уловили на лицѣ Николая улыбку, хоромъ крикнули «ура», схватили его подъ руки и вытащили въ садъ.

Веселое это было время: я вспоминаю о немъ, какъ объ единственномъ свѣтломъ лучѣ въ моемъ темномъ дѣтствѣ. Погода, на наше счастье, всѣ почти дни стояла прекрасная, и мы проводили время въ саду. Къ горничнымъ заходили безъ страха деревенскія дѣвушки, пѣли вмѣстѣ пѣсни, водили хороводы и бѣгали въ горѣлки. Паша Данилова большую часть дня проводила у частокола и разговаривала съ Петрушей, а я на всякій случай по временамъ слѣдила, чтобы мачеха не увидала и потомъ не проболталась. Матреша принесла къ намъ въ садъ Васютку, мы пичкали его булками, гостинцами; десятки деревенскихъ дѣтей стояли возлѣ садовой калитки и съ любопытствомъ заглядывали въ господскій садъ, къ которому въ другое время они не смѣли подходить.

И Николай немного ожилъ. Правда, что намъ трудно было заставить его участвовать въ нашихъ удовольствіяхъ: въ нихъ онъ видѣлъ грѣхъ и старался противиться искушенію, хотя разъ, не знаю что, молодость ли его, неподдѣльная ли наша веселость, а, можетъ быть, также вмѣстѣ воздухъ, солнце, зелень и радостное настроеніе всѣхъ подѣйствовали, но только мы достигли цѣли: Николая поставили горѣть, и онъ побѣжалъ насъ ловить, но чрезъ нѣсколько минутъ бросилъ насъ и скрылся. Когда мы нашли его въ бесѣдкѣ, онъ опять былъ въ тяжеломъ настроеніи, и теперь, какъ мы его ни упрашивали, онъ сдѣлалъ намъ одну уступку: не удалялся отъ насъ и, хотя грустный, но сидѣлъ съ нами.

Въ это для меня счастливое время, помню, я познакомилась съ запрещеннымъ плодомъ, такъ я называла полку съ книгами, которая находилась въ кабинетѣ отца. Отецъ не позволялъ не только брать книги съ этой полки, но даже и дотрогиваться до нихъ; онъ

старался внушить ужасъ мнѣ и особенно своей женѣ къ этимъ твореніямъ ума и фантазіи человѣческой. Относительно жены онъ успѣлъ въ этомъ: достаточно ей было увидать книгу съ той полки въ моихъ рукахъ, какъ лицо ея искажалось ужасомъ, и она просила меня бросить скверную книгу. Отецъ находилъ, что всѣ тѣ книги безнравственны, въ которыхъ пишутъ про любовь; если бы къ слову «любовь» вездѣ прибавлялось слово супружеская, тогда, полагать надо, онъ не запретилъ бы своей женѣ читать ихъ, но на бѣду о супружеской любви въ этихъ книгахъ почти не упоминалось, а такой книги, которая была бы озаглавлена этими словами, вовсе на полкѣ не было, и Марья Ильинична, кое-какъ выученная читать по складамъ управляющимъ Матрены Васильевны, выйдя замужъ, не пріобрѣла бо́льшихъ познаній и по литературной части осталась въ самомъ первобытномъ невѣдѣніи. А такъ называемыя ужасныя книги были вовсе не ужасны; это были сборники различныхъ сочиненій: романы и поэмы Пушкина, Лермонтова, Вальтеръ-Скотта и даже старушекъ Жанлисъ и Ратклифъ. Съ этого времени, какъ я уже сказала, началось мое знакомство съ литературой. Съ этихъ поръ я выучилась незамѣтно, не нарушая симметріи, таскать съ полки книги, которыя я прочитала всѣ до одной.

Наша полная свобода продолжалась съ недѣлю; затѣмъ бабушка начала выздоравливать и выходить изъ своей комнаты. Мы замѣтно притихли: деревенскія дѣвушки перестали приходить къ намъ, Паша Данилова перестала стоять у забора, а ожиданіе скораго пріѣзда барина немало отравляло веселость всѣхъ.

XIV.

Въ одно утро мы услышали, что бабушка опять занемогла. Отъ этой вѣсти мы только повеселѣли. Шелъ дождь, и по случаю его мы сидѣли въ гостиной и играли въ карты. Я стояла возлѣ Николая, карауля, чтобы онъ не убѣжалъ изъ нашего общества. Въ этотъ день онъ особенно былъ задумчивъ, и мы всѣ старались его развеселить: я показывала ему свои карты, стараясь заинтересовать его игрой. Мачеха угощала его орѣхами. Она въ отсутствіе мужа была очень ласкова къ пасынку и намъ теперь признавалась, что ей бывало очень жаль Николеньку, и если бы не боялась папочки и тетеньки, то сдѣлала бы непремѣнно изъ своего канаусоваго платья рубашку Николенькѣ и грудь сама бы вышила крестикомъ.

— Мы всѣ его любимъ, желаннаго, — сказала Паша Данилова и погладила Николая по головѣ, какъ маленькаго мальчика.

— Только смотрите, какъ онъ отъ насъ личико-то воротитъ,— прибавила она, видя, что Николай уклоняется отъ ея ласкъ.

— Не докучай ты ему!—крикнула Паша Платонова и, перемѣнивъ тонъ, сказала: — что это, дѣвушки, сегодня и у меня самой сердце точно кошки скребутъ.—И вдругъ запѣла:

Какъ у нашихъ у воротъ,
Ай люли, у воротъ!
Меня дѣвки кликали,
Ай люли, кликали!

Послѣднюю строчку мы подхватили хоромъ, но тутъ, махая отчаянно руками, впопыхахъ вбѣжалъ Сигнюшка и объявилъ, что баринъ ѣдетъ — колокольчикъ слышенъ. Пѣсня вдругъ оборвалась. Николай побѣлѣвшими губами прошепталъ: «Богъ накажетъ». Мы засуетились: кто сталъ собирать со стола карты, кто прибиралъ комнату, устанавливая по мѣстамъ стулья, кто закрывалъ окна. Дуняша въ суетахъ разсыпала по полу орѣхи, мачеха подпрыгивала, била въ ладоши отъ радости, приговаривая: папочка ѣдетъ!

Между нами неожиданно появилась Матрена Васильевна.

— Что, шельмы, забѣгали, испугались!—обратилась она къ горничнымъ.—Что значитъ, настоящій-то баринъ ѣдетъ, а то волюшка вамъ была, рады, что барыня дура усядется въ карты съ дѣвками играть или съ пасынкомъ въ потемкахъ цѣлуется.

— Что это, тетенька, вы меня при дѣвкахъ дурой ругаете!—огрызнулась Марья Ильинична.

Но тетка взглянула значительно на племянницу, и та покорно опустила глаза.

Съ самой мнимой смерти отца и послѣдующей затѣмъ опалы Матрены Васильевны между нею и племянницей существовала непріязнь. Тетка не могла простить племянницѣ, что та, во время ея житья во флигелѣ, ни разу не навѣстила ея и допустила ей быть наказанной за то, что она тогда заботилась о ея же племянницы интересахъ. Я разъ слышала, какъ бабушка говорила попадьѣ о Марьѣ Ильиничнѣ.

— Идіотка, дура, куда вѣтеръ подуетъ, туда и она; а я ее отъ матери по одному году взяла, сколько горя съ ней видѣла, а ты, мать моя, думаешь, почетъ мнѣ въ дому, за ключницу служу, вотъ что!

Марья Ильинична тоже, кромѣ боязни, ничего къ теткѣ не чувствовала. И тонко придумала Матрена Васильевна, какъ держать племянницу въ рукахъ: сама уговорила стащить у мужа изъ кошелька нѣсколько рублей, а послѣ при малѣйшемъ неповиновеніи или возмущеніи племянницы только произносила «скажу!», и та дѣлалась покорна. Но, несмотря на эту покорность, расположеніе тетки не возвращалось.

Но вотъ уже экипажъ у крыльца, и всѣ высыпали барину навстрѣчу. Каждый съ улыбкой старается попасть къ нему на глаза,

заявить, что онъ здѣсь. Мы, свои, стоимъ на крыльцѣ, а всѣ дворовые собрались и полукругомъ обступили крыльцо. И какъ была сильна привычка притворяться,— никто, навѣрно, не былъ радъ пріѣзду барина, но всѣ стараются на лицѣ выразить удовольствіе и прислужиться: кто хватаетъ барина подъ руки, кто вытаскиваетъ изъ экипажа вещи, кто спрашиваетъ барина о здоровьѣ.

— Загостились, батюшка баринъ!—слышится со всѣхъ сторонъ.

Марья Ильинична вскочила на подножку экипажа и бросилась въ объятія мужа. Только между нами не было Николая. Улыбался весело и баринъ, вылѣзая изъ экипажа.

— Соскучились?—спрашивалъ онъ всѣхъ съ довольной улыбкой. И вдругъ съ испугомъ обернулся къ экипажу.

— Шкатулка, гдѣ шкатулка?—крикнулъ онъ съ отчаяньемъ въ голосѣ.

— Здѣсь, сударь, деньги здѣсь!—тоненькимъ голосомъ отозвался Сигнюшка, стоявшій въ сторонѣ со шкатулкой въ суконномъ сѣромъ чехлѣ и двумя пистолетами въ рукахъ.

— Чего-жъ ты такъ далеко стоишь съ ней отъ барина? Возлѣ ихъ милости стой!—закричалъ кто-то изъ дворовыхъ.

Всѣ знали, что въ этой шкатулкѣ деньги, и что баринъ всегда ее беретъ съ собой, когда уѣзжаетъ, а если дома, то шкатулка стоитъ подъ подушкой въ головахъ у барина и удивительно, что никогда не было ни одного покушенія на эту заманчивую вещь; не думаю, чтобы не заряженные пистолеты, висѣвшіе въ головахъ постели барина, останавливали людей.

— Ну, слава Богу, вотъ и дома,— сказалъ отецъ, входя въ комнаты.—Усталъ, дружочки, боленъ! А какъ меня вездѣ уважали! Только и стоило же это! Куда ни приду, лакеи такъ и суетятся: одинъ калоши снимаетъ, другой пальто, разорили бестіи!—Да, потрясъ, дружочки, деньгами. Машенька, тебѣ обновокъ навезъ. Не знаю, въ пору ли будетъ бурнусъ. Настенькѣ одѣяльце шелковое да игрушекъ, вамъ, тетенька, платочекъ тепленькій, а тебѣ, Ленушка, гостинца. Эй, подать ящикъ съ пряниками. А гдѣ же Николенька? — обвелъ онъ глазами комнату.—Какъ его здоровье?

— Что ему дѣлается!—откликнулась на вопросъ бабушка:—въ горѣлки съ дѣвками бѣгалъ да въ карты игралъ.

— Въ горѣлки? въ карты?—переспросилъ отецъ и нѣсколько времени отъ удивленія ничего не могъ сказать.

— Что же это, дружочки,—жалобнымъ голосомъ началъ онъ:—значитъ, Николенька при мнѣ притворяется?... и вдругъ озабоченнымъ голосомъ спросилъ:

— Изъ Крапивни мужики не пріѣзжали?

Крапивня была куплена на имя матери Николая и по наслѣдству должна была перейти къ нему.

— Гдѣ мнѣ было видѣть, батюшка?—сказала бабушка:—сама чуть не померла, всѣмъ безъ меня волюшка была. Машенька, знаете, простовата, ее обойти не трудно. Слышала, что деревенскихъ много приходило, словно въ кабакъ: у насъ, въ господскомъ домѣ, что гвалту да крику было!

Тутъ отца отвлекла раздача подарковъ. Женѣ онъ привезъ модный, драповый бурнусъ и матеріи на платье, Настѣ розовое шелковое одѣяльце и много игрушекъ, бабушкѣ черный шерстяной платокъ, кормилицѣ Настиной—ситцевый, а мнѣ далъ отецъ нѣсколько пряниковъ, по прянику получили и горничныя. Я взяла пряники, поцѣловала руку отца и, обиженная до глубины души, побѣжала наверхъ. Тутъ я растоптала со злости пряники ногами, потомъ выкинула ихъ за окно и, обливаясь слезами, жаловалась горничнымъ на обиду. Больше всего мнѣ было обидно, что столько подарковъ навезли Настѣ, которая еще ничего не понимаетъ, и что даже ея кормилицу не забылъ отецъ, значитъ, какъ онъ любитъ Настю! Въ своемъ эгоизмѣ я забывала, что Николай еще больше обиженъ и забытъ, чѣмъ я, и что онъ нуждался въ самомъ необходимомъ: вся его одежда, привезенная изъ корпуса, уже износилась, и никто не заботился, что у него не было ни бѣлья ни платья.

Но не я одна была недовольна, и Матрена Васильевна въ своей комнатѣ метала молніи и изрекала проклятія. Она ожидала большого пухового платка, а ей привезъ отецъ маленькій кашемировый. И въ этомъ невниманіи она обвиняла племянницу.

— Сколько разъ я ей говорила,—жаловалась она кормилицѣ:—что у меня нѣтъ пухового платка, не могла мужу напѣть, чтобъ родной теткѣ привезъ по вкусу подарокъ. Припомню я ей этотъ платокъ, скорешенько припомню.

Между тѣмъ, время настало ужинать. Когда я пришла въ столовую, отецъ и Николай сидѣли уже за столомъ. Братъ имѣлъ такой жалкій, убитый видъ, что невозможно было безъ жалости на него смотрѣть.

— Полюбуйся, дружочекъ, какъ Николенька радъ моему пріѣзду,—обратился ко мнѣ отецъ, указывая на Николая.

— Хоть голову-то подними, дружочекъ, посмотри на отца.

Николай не поднималъ головы, а тусклыми глазами смотрѣлъ въ тарелку.

— Клянусь Богомъ, притворяется,—засмѣялся ѣдко отецъ, хорошій бы изъ Николеньки актеръ вышелъ: при мнѣ, смотрите, совсѣмъ помираетъ, а безъ меня въ горѣлки съ дѣвками бѣгаетъ.

Мачеха, между тѣмъ, все выскакивала изъ-за стола: она не могла разстаться съ подарками; они и теперь лежали здѣсь въ столовой, и она показывала ихъ то мнѣ, то бабушкѣ. Но та съ злой усмѣшкой только на нее смотрѣла.

Николай не дотрогивался ни до одного блюда.

— Что же ты не кушаешь, дружочекъ?—спрашивалъ его поминутно отецъ.

— А вотъ я ему на тарелку положу, — воскликнула мачеха и подбѣжала съ блюдомъ къ Николаю.

— Видишь, дружочекъ, какъ маменька о тебѣ заботится,—замѣтилъ отецъ.

— А безъ папеньки она еще больше заботится,—ѣдко произнесла Матрена Васильевна:—только и дѣла, что подбѣгала да цѣловала, а разъ я даже, батюшка Вячеславъ Осиповичъ, на нихъ умилилась: иду по коридору вечеромъ, а они меня не видятъ. Наша Маша цѣлуетъ пасынка въ голову да говоритъ: не скучайте, спите покойно, голубчикъ,—и другую ему подушку на кровать принесла.

Во время этого разсказа лицо отца мѣнялось нѣсколько разъ; подъ конецъ стало пепельнаго цвѣта, мачеха готова была расплакаться и что-то вполголоса возражала. Но слова ея были такъ спутаны, что трудно было добраться до смысла.

— Что-съ?—переспросилъ ее язвительно мужъ.

— Николенька спать шелъ... начала было она.

— Свяжите его, каналью! — вдругъ, сверкая глазами, громко крикнулъ отецъ, обращаясь къ двумъ стоявшимъ въ столовой лакеямъ.

Они смотрѣли на барина и не трогались съ мѣста.

— Всѣхъ перепорю!—стиснувъ зубы и стуча кулаками по столу, кричалъ баринъ.

Лакеи неохотно подошли къ Николаю; тотъ молча всталъ и, зажмуря глаза, протянулъ къ нимъ руки.

Одинъ изъ лакеевъ снялъ съ плеча посудное полотенце и перевязалъ имъ руки брата.

— Въ кладовую! — махнувъ рукой, скомандовалъ баринъ и обвелъ всѣхъ вызывающимъ злобнымъ взглядомъ.

Мачеха побѣжала въ спальню, принесла ключъ отъ кладовой и робко подала его мужу. Тотъ молча вырвалъ у нея ключъ изъ рукъ и подалъ его лакеямъ. Николая увели, а мы принялись за прерванный ужинъ. У меня изъ глазъ капали слезы на тарелку, отецъ ихъ видѣлъ, но ничего не говорилъ и не отнялъ руки, когда я пришла поблагодарить его за ужинъ. Ночью, когда всѣ старшіе уснули, я и дѣвушки бѣгали къ кладовой. Тихо стучали къ Николаю, говорили съ нимъ въ замочную скважину, но онъ ни на что намъ не отвѣтилъ.

XV.

Въ деревнѣ Березовкѣ былъ большой переполохъ: съ утра сынъ старосты бѣгалъ по деревнѣ и стучался во всѣ избы, объявляя приказъ барина: «собраться всѣмъ мужикамъ въ полдень на барскій дворъ». Кромѣ того, всѣ мужики знали, что старостинъ работникъ наряженъ въ лѣсъ за розгами. Услыхавъ о розгахъ, каждый мужичекъ боялся за себя и припоминалъ, нѣтъ ли за нимъ какой вины: не забылъ ли снять шапку, не проглядѣлъ ли барина, не сказалъ ли ненарокомъ грубаго слова, нѣтъ ли за нимъ какой недоимки по оброку или по сборамъ. Никому въ голову не приходило, что баринъ собирается сѣчь родного, взрослаго сына, никто и не думалъ о бѣдномъ страдальцѣ, который просидѣлъ всю ночь въ пустой кладовой, никто не зналъ, сколько нравственныхъ мукъ перенесъ онъ въ ту ночь.

Къ двѣнадцати часамъ передъ окнами нашего дома собралась толпа человѣкъ въ 60 мужиковъ. Всѣ они безъ шапокъ, съ поникшими головами, стояли передъ крыльцомъ, на которомъ ждали появленія барина. Впереди мужиковъ стояла длинная скамья, а возлѣ нея на землѣ лежали два огромныхъ пука розогъ. При всякомъ стукѣ или замѣтномъ движеніи въ господскомъ домѣ, толпа волновалась, и глаза всѣхъ съ безпокойствомъ устремлялись на дверь.

— Идетъ!—крикнулъ кто-то изъ толпы.

Дверь отворилъ лакей, вышелъ Николай. Руки его все еще связаны, блѣдный, какъ мертвецъ, съ опущенными въ землю глазами, онъ, спотыкаясь, сошелъ съ крыльца и сталъ впереди мужиковъ возлѣ скамьи и розогъ.

Мужики начали почесывать затылки, перешептываться. Всѣмъ теперь стало ясно, кого баринъ хочетъ сѣчь, и жалко стало мужикамъ добраго, простого барченка; никакъ они не могли раскинуть своимъ умомъ: за что такъ не взлюбилъ Миколушку родной отецъ, хотѣлось каждому изъ нихъ заговорить съ барченкомъ, но никто на это не отважился. Онъ же стоялъ, наклонивъ голову на грудь, не глядя ни на кого, какъ будто никого не видѣлъ и не слышалъ. Казалось, не видѣлъ онъ и пуковъ розогъ, которые лежали недалеко отъ него.

— Идетъ, теперь баринъ идетъ!—пронеслось въ толпѣ.

Два лакея подъ руки выводятъ барина, голова у него повязана платкомъ; повидимому, онъ очень слабъ; лакей подалъ кресло, и баринъ со стономъ упалъ въ него и зарыдалъ.

— Дѣточки!—простеръ онъ руки къ толпѣ:—обижаютъ меня, жену отнимаютъ, и кто же?—сынъ родной! Защитите, помогите наказать виновнаго!

Толпа безмолвствовала.

— Николенька, дружочекъ,—обратился онъ къ сыну:—не хотѣлъ бы я тебя, клянусь Богомъ, не хотѣлъ бы сѣчь, да грѣхъ-то какой! Вѣдь она тебѣ—мачеха!—и онъ заплакалъ.

— Развяжите Николенькѣ руки,—обратился онъ кротко къ лакеямъ.

Какъ тяжелыя цѣпи, опустились затекшія за ночь руки Николая.

— Ужъ ты его, батюшка, прости!—послышались нѣсколько голосовъ въ толпѣ:—молоденекъ еще!.. глупъ! пусть самъ замолитъ грѣхъ!

— Охъ, охъ, — заохалъ баринъ, — какъ можно замолить! его страшно вымолвить! Всю жизнь трудиться да въ слезахъ молиться надо... Нѣтъ, дѣточки, намъ самимъ надо постараться, чтобъ Господь простилъ его, а это,—прибавилъ онъ съ грустью:—только можно однимъ...—и онъ кивнулъ на розги. — Въ писаніи сказано, — продолжалъ баринъ:—если развяжете на землѣ, будетъ прощенъ и на небесахъ. Помолимся и начнемъ!.. и онъ поднялся съ кресла.

— Прости его! насъ накажи!—какъ одинъ, воскликнули всѣ мужики и пали ницъ передъ бариномъ.

Лукьянъ суетился, махалъ руками на мужиковъ, чтобъ они молчали. Николай продолжалъ стоять неподвижно, опустивъ голову на грудь.

Несмотря на старосту, крестьяне не унимались. Стоя на колѣняхъ, они продолжали просить за барченка. Одинъ вдругъ поднялся съ колѣнъ и смѣло подошелъ къ барину.

— Не сѣки его, баринъ,—твердо произнесъ мужикъ:—онъ святой, Богъ насъ съ тобой за него не помилуетъ.

— Онъ святой! онъ святой!—повторяли мужики.

— Дружочекъ ты мой! о чемъ ты просишь? Я хочу сѣчь его! Вѣдь онъ сынъ мой, кровь моя! Я добра ему желаю, царства небеснаго, а гдѣ же ему въ царствѣ небесномъ быть, когда онъ отъ отца жену отнялъ?

— Не правда, не такой барченокъ, тебѣ солгали!—кричали мужики.

— Самъ видѣлъ... что я лгать буду?—грозно сверкая глазами на толпу, крикнулъ баринъ. Было замѣтно, что роль угнетеннаго уже начинала ему надоѣдать,

— Эпитимью, батюшка, лучше на него наложить; поклоны пусть положитъ, аль мясного не ѣсть,—робко посовѣтовалъ впереди стоявшій маленькій мужичекъ.

— Въ монастырь на покаянье, осмѣлюсь предложить вашей милости,—громко сказалъ староста.

— Клянусь Богомъ, Лукьянушка—умнѣйшій человѣкъ,—заговорилъ баринъ съ оживленіемъ:—въ монахи одно спасеніе для Николеньки... Только онъ, я знаю, не пойдетъ, вѣдь онъ только при-

творяется набожнымъ, — говоря это, отецъ пытливо смотрѣлъ на сына. Глаза всѣхъ были устремлены на Николая. Вдругъ онъ поднялъ голову, перекрестился и громко произнесъ:

— Папенька! я иду въ монастырь, благословите!—и упалъ въ ноги отцу.

— Богъ тебя благословитъ, встань, дружочекъ, встань, я прощаю, не сержусь!—и отецъ, ласково говоря это, старался поднять сына.

— Ну, а какъ же, дружочекъ, вѣдь ты мой наслѣдникъ, и, кромѣ того, есть деревня твоей покойной маменьки, подумай! Дѣточки!— вдругъ крикнулъ онъ мужикамъ:—я не принуждаю, будьте свидѣтелями.

— Мнѣ, папенька, ничего не нужно: я ужъ рѣшился,—и Николай снова упалъ въ ноги отцу.

— Если тебѣ, милочка, ничего не надо,—продолжалъ отецъ, вынимая изъ бокового кармана сложенную бумагу:—то подпишись вотъ здѣсь, а мужички подпишутся свидѣтелями. Прочти, милочка!

Николай взялъ бумагу и не читая подписалъ.

— Убрать розги! Не догадаетесь, скоты!—крикнулъ баринъ на лакеевъ. Затѣмъ онъ поцѣловалъ нѣсколько разъ Николая, который все еще стоялъ передъ нимъ на колѣняхъ. Въ толпѣ мужики волновались и громко говорили:

— Молодъ барченокъ, на, выдумалъ въ монастырь, пусть бы въ мірѣ пожилъ, и въ міру спастись можно, а то отъ такого-то богатства да въ монастырь!

— Встань, дружочекъ, встань,—упрашивалъ отецъ сына, и, приказавъ изъ комнатъ принести стулъ, онъ усадилъ на немъ Николая, потомъ обратился къ мужикамъ:

— Видѣли, дѣточки, я не принуждалъ. Николенька самъ заявилъ желаніе итти въ монастырь, онъ совершеннолѣтній и можетъ собой распоряжаться, какъ ему угодно. Вы видѣли, онъ самъ захотѣлъ подписаться подъ этой бумагой, а теперь вы подпишитесь свидѣтелями.

— Мы не грамотные, не наше это дѣло,—заговорили въ толпѣ.

Староста Лукьянъ вышелъ впередъ и подобострастно произнесъ:

— Если прикажетъ ваша милость, за безграмотностью мужиковъ я распишусь?

— Сигнюшка!—крикнулъ баринъ,—пусть тетенька побольше водки вышлетъ, я мужичковъ угостить хочу. Что же, дружочки, подпишетесь, или Лукьянушка за васъ распишется?

— Лучше бы за попомъ послать. Пусть о. Алексѣй дѣло разсудитъ,—сказали нѣкоторые изъ мужиковъ.

— Отецъ Алексѣй тоже послѣ подпишетъ, а теперь пусть Лукьянушка.

Лакеи вынесли столъ, на которомъ стояли двѣ огромныхъ бутыли водки.

— Что-жъ согласны?—опять спросилъ баринъ.

— Пусть пишетъ,—махнувъ рукой, сказали нѣсколько мужиковъ.

Лукьянъ расписался, а мужики поставили на бумагѣ кресты.

— Ну, дѣточки, теперь угощайтесь,—сказалъ баринъ и, обнявши сына, вошелъ съ нимъ въ комнаты.

М. Е. Васильева.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

РЕДАКЦІОННЫЯ КОМИССІИ 1859—1860 ГОДОВЪ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

Я УПРАВЛЯЛЪ отдѣльнымъ губернскимъ учрежденіемъ (палатою государственныхъ имуществъ въ Москвѣ) и былъ призванъ работать въ редакціонныхъ комиссіяхъ по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ. Я никому не возражалъ, но меня обижала мысль, что эта моя служба не идетъ въ счетъ потому только, что тогдашняя моя государственная дѣятельность была не по вѣдомству министерства юстиціи, въ которомъ я состою со времени упраздненія палаты, т. е. съ конца 1866 года. По какому, однако, вѣдомству слѣдуетъ считать освобожденіе крестьянъ? И странно то, что никто изъ трудившихся въ редакціонныхъ комиссіяхъ, кромѣ заурядныхъ наградъ, не выдвинулся по службѣ: Николая Милютина не сдѣлали даже товарищемъ министра, Черкасскій и Самаринъ уѣхали работать въ губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіяхъ и т. д., только бытность въ Польшѣ впослѣдствіи выдвинула ихъ и по службѣ и по имущественному положенію полученіемъ значительныхъ майоратовъ. Воспоминанія о редакціонныхъ комиссіяхъ меня преслѣдовали въ болѣзненномъ бреду, и я постоянно перебиралъ и пересматривалъ относящіяся до того времени бумаги, собираясь записать свои воспоминанія. Но цѣлое лѣто прошло: я исписалъ много листовъ, разсказавъ о разновременныхъ событіяхъ моей жизни, но до этой самой досто-

памятной, дорогой и лучшей поры моей дѣятельности не дошелъ: пора записать и ее, пока силы, подточенныя и годами и болѣзнію, не измѣнили мнѣ окончательно.

Воспитывался я въ артиллерійскомъ училищѣ, нынѣ Михайловская артилерійская академія; учился въ существѣ очень дурно, т. е. не вынесъ никакого серьезнаго знанія, но по балламъ, благодаря отличному знанію языковъ, ловкости и рѣчистости въ отвѣтахъ по предметамъ, не требовавшихъ основательнаго изученія, стоялъ высоко и при переходѣ изъ младшаго офицерскаго класса въ старшій имѣлъ гвардейскіе баллы и перешелъ подпоручикомъ; въ гвардію, однако, не попалъ. Во-первыхъ, меня не взлюбилъ инспекторъ классовъ, полковникъ Рѣзвый, выставлявшій баллы по пяти предметамъ и уменьшившій мнѣ ихъ даже изъ русскаго языка, изъ котораго съ самаго поступленія въ училище я имѣлъ постоянно полные 50 балловъ, а, во-вторыхъ, увлекаясь сильно итальянскою оперой, съ Рубини, и юношескою привязанностію, я плохо готовился къ экзамену. Вслѣдствіе этого я съ награжденіемъ полугодовымъ жалованьемъ вышелъ въ 13-ю конную батарею 7-й бригады, состоявшей при 7-й кавалерійской дивизіи, стоявшей въ Твери (въ 1843 году). Въ 1845 году женился на своячениці нашего бригаднаго командира Пистолькорса, Перевозчиковой; въ 1847 году перешелъ въ статскую службу въ департаментъ государственнаго казначейства, директоромъ котораго былъ дядя моей жены, Александръ Максимовичъ Княжевичъ. Въ мартѣ 1849 года скончался мой отецъ, и я почему-то счелъ необходимымъ выйти въ отставку, чтобы заняться хозяйствомъ, котораго въ концѣ концовъ не устроилъ, а въ конецъ разстроилъ. Въ 1856 году меня уговорили баллотироваться въ кандидаты уѣзднаго предводителя дворянства по Верейскому уѣзду къ избранному на эту должность Петру Петровичу Воейкову, а по избраніи его затѣмъ въ то же собраніе на должность губернскаго предводителя я заступилъ самую должность уѣзднаго предводителя. Весною 1857-го года (кажется) представлялись мы государю императору Александру Николаевичу въ большомъ Кремлевскомъ дворцѣ внизу и удостоились слышать его слова о необходимости освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, съ приглашеніемъ передавать его слова всѣмъ. Прямо изъ дворца мы собрались у Воейкова, и тамъ я собственноручно на полулистѣ писчей бумаги записалъ по памяти слова государя; записка эта черезъ генералъ-губернатора, графа Закревскаго, была представлена на просмотръ государя, который, исправивъ карандашемъ одно или два выраженія, возвратилъ ее къ намъ. Она и понынѣ должна храниться въ секретныхъ бумагахъ при предводительскихъ дѣлахъ. Въ тотъ же день вечеромъ былъ раутъ у Закревскаго, и отбоя не было отъ любопытствующихъ услышать слова, сказанныя намъ государемъ. Сенсація была сильнѣйшая. Въ 1858 году

открылся губернскій комитетъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ; я, какъ предводитель, считалъ за лучшее остаться въ комитетѣ, но когда одинъ изъ 2-хъ членовъ отъ правительства, князь Меншиковъ (сынъ), вышелъ, то на мѣсто его графъ Закревскій пригласилъ меня. Я придерживался партіи либеральнаго меньшинства (14 человѣкъ), возбуждая подаваемыми мнѣніями негодованіе крѣпостниковъ, во главѣ которыхъ стоялъ отъ Клинскаго уѣзда князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ и отъ Московскаго—Головинъ, но графъ Закревскій, хотя въ душѣ далеко не сочувствовавшій реформѣ, тѣмъ не менѣе всегда являлся на моей сторонѣ. Въ числѣ членовъ комитета былъ отъ Верейскаго уѣзда мой сосѣдъ по Игнатову—Василій Ивановичъ Булыгинъ, бывшій нѣсколько трехлѣтій предсѣдателемъ 1-го департамента Московской гражданской палаты, и родной племянникъ по женѣ только-что назначенному министромъ государственныхъ имуществъ Муравьеву [1]), въ то же время и товарищемъ министра удѣловъ. Не знаю, по какимъ соображеніямъ Муравьевъ задался мыслью, что управляющимъ государственными имуществами долженъ быть не чиновникъ, а помѣщикъ и преимущественно мѣстный. Онъ началъ съ того, что смѣнилъ управлявшаго удѣльной конторой, Николая Николаевича Толстого, добраго, но лѣниваго сибарита, назначивъ на его мѣсто Трубецкаго, и затѣмъ, оставаясь въ Москвѣ (осенью 1858 года), сталъ искать управляющаго государственными имуществами на мѣсто занимавшаго эту должность Степана Гавриловича Вишневскаго и обратился за указаніями къ Трубецкому и Булыгину. Первый изъ нихъ, какъ недавно поселившійся въ Москвѣ, въ свою очередь обратился къ женатому на его родственницѣ, Елизаветѣ Петровнѣ Трубецкой, князю Сергѣю Николаевичу Урусову [2]), въ то время члену губернскаго комитета по Подольскому уѣзду. Урусовъ, знавшій меня съ дѣтства и въ это время засѣдавшій со мной въ нѣскольких комиссіяхъ по приглашенію Закревскаго, назвалъ меня, то же сдѣлалъ съ своей стороны и Булыгинъ; такимъ образомъ Муравьевъ, получивъ съ двухъ разныхъ сторонъ, совершенно между собой не солидарныхъ, указаніе на одного и того же человѣка, счелъ своей обязанностью пріобрѣсти такой перлъ и поручилъ Булыгину вести со мной переговоры. Предложеніе, которое мнѣ передалъ Булыгинъ въ одно изъ засѣданій комитета, меня ошеломило; я не думалъ вовсе вступать въ службу, а тѣмъ менѣе по вѣдомству, мнѣ вовсе не знакомому, и при томъ вступить и подчиненнымъ и начальникомъ. Служа въ департаментѣ у женина дяди,

---

[1]) Михаилу Николаевичу, впослѣдствіи графу. Его жена, Пелагея Васильевна, и мать Булыгина, Марія Васильевна, были родныя сестры, Шереметевы.

[2]) Впослѣдствіи умершій статсъ-секретаремъ и управляющимъ II Отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи.

я исполнялъ свою должность старательно и исправно, но скачковъ не дѣлалъ и подвигался послѣдовательно изъ канцелярскихъ чиновниковъ (это меня вначалѣ обидѣло: изъ поручиковъ конно-артиллеріи въ канцелярскіе чиновники!) въ счетные чиновники, помощника столоначальника и наконецъ секретаря (столоначальника канцеляріи); а тутъ вдругъ въ родѣ Хлестакова: Иванъ Александровичъ, пожалуйте управлять департаментомъ. Я нѣсколько разъ отказывался, Булыгинъ настаивалъ, наконецъ разъ пріѣзжаетъ ко мнѣ по утру объявить, что Муравьевъ на другой день уѣзжаетъ изъ Москвы, и что, если я рѣшился, то сейчасъ надобно ѣхать къ нему. Я рѣшился, и мы отправились къ Муравьеву, остановившемуся въ доставшемся казнѣ по выморочному праву домѣ на Собачьей площадкѣ. Онъ принялъ меня очень привѣтливо, предложилъ мнѣ на выборъ Калужскую или Московскую палату; я выбралъ послѣднюю и затѣмъ, отслуживъ свое трехлѣтіе въ должности предводителя дворянства и выбравшись въ эту должность вновь на выборахъ 1858 года, въ январѣ 1859 года былъ опредѣленъ исправляющимъ должность управляющаго Московской палатою государственныхъ имуществъ съ производствомъ въ надворные совѣтники. Кому привелось видѣть Муравьева и быть съ нимъ въ сношеніяхъ, тотъ никогда не забудетъ его наружности; это былъ положительно тигръ,- готовый, кажется, броситься на васъ и растерзать; впечатлѣніе это не покидало васъ и тогда, когда онъ казался ласковымъ и хорошо расположеннымъ; но при этомъ онъ былъ очень сдержанъ, и мнѣ никогда не случалось видѣть, чтобы онъ выходилъ изъ себя.

Когда я поступилъ въ министерство государственныхъ имуществъ, въ него былъ зачисленъ и Булыгинъ, и начиналось образованіе редакціонныхъ комиссій по выбору Якова Ивановича Ростовцева, при чемъ много вліяли Николай Алексѣевичъ Милютинъ и Яковъ Александровичъ Соловьевъ; этотъ послѣдній, постоянно слѣдя за дѣятельностью губернскихъ комитетовъ, зналъ направленіе всѣхъ почти ихъ членовъ, въ томъ числѣ и мое, хотя лично мы никогда не видались. Нужно было назначить отъ министерства государственныхъ имуществъ двухъ членовъ. Муравьевъ, вѣроятно, желая дать Булыгину средство получить награду, частью же, можетъ быть, видя въ немъ покорнаго проводника въ комиссіяхъ своихъ крѣпостническихъ убѣжденій, назначилъ его, но Ростовцевъ съ своей стороны согласился на это назначеніе только подъ условіемъ, чтобы другимъ членомъ отъ министерства назначенъ былъ я. Муравьевъ это исполнилъ, но потребовалъ, чтобы я не оставлялъ управленія палаты и ежемѣсячно ѣздилъ въ Москву. Въ февралѣ 1859 г. я переѣхалъ въ Петербургъ и поселился у Александра Максимовича Княжевича. Засѣданія редакціонныхъ комиссій еще не начинались, но частныя совѣщанія уже происхо-

дили. Я причислился къ хозяйственному отдѣленію, которое по вечерамъ собиралось въ квартирѣ Милютина, въ домѣ Фридрихса, на Владимирской. Постоянными посѣтителями были: Соловьевъ, князь Черкасскій, Самаринъ, Арапетовъ, Петръ Петровичъ Семеновъ, я и графъ Петръ Павловичъ Шуваловъ, петербургскій губернскій предводитель дворянства. Пренія продолжались далеко за полночь, велись очень сдержанно, хотя съ оживленіемъ и страстью; всѣ мы въ основныхъ чертахъ были болѣе и менѣе согласны между собою, особенно я, который никогда не игралъ первой скрипки и всегда подчинялся мнѣнію вожаковъ—Милютина, Черкасскаго и Самарина, но оппозиціей являлся Шуваловъ, стоявшій за безсрочное пользованіе и патримоніальную власть помѣщика и не допускавшій обязательнаго выкупа. Съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю эти наши сборища, въ обществѣ стольких умныхъ людей, въ которое Черкасскій и Самаринъ, а также и Милютинъ, вносили, кромѣ того, много юмора и оживленія.

Общія собранія редакціонныхъ комиссій открылись 4-го марта, когда меня въ Петербургѣ не было—я въ это время подробно ревизовалъ палату по столамъ, пріѣхалъ же я въ Петербургъ позже и первый разъ присутствовалъ въ засѣданіи 23 марта. Засѣданія комиссій происходили въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, на Васильевскомъ острову, въ очень большой залѣ, раздѣленной высокими шерстяными зелеными занавѣсками на три части, изъ которыхъ въ самой просторной, средней, стоялъ большой столъ, за коимъ мы и помѣщались во время засѣданій, въ простѣнкахъ же стояли шкафы съ книгами, относящимися до крестьянскаго поземельнаго вопроса, которыя Ростовцевъ считалъ необходимымъ пріобрѣтать, но которыя я не помню, чтобы кто либо читалъ. Въ ближайшей къ входу въ залу части находилась канцелярія комиссіи, подъ начальствомъ Острякова, а въ третьемъ отдѣленіи приготовлялся, смотря по времени дня, завтракъ или ужинъ, всегда очень обильный и сытный. На столѣ засѣданія помѣщалось нѣсколько подносовъ съ зельтерской и содовой водой, которыя всегда пилъ Ростовцевъ; привыкъ и я пить. Являлись мы всѣ въ сюртукахъ и пиджакахъ, кромѣ впослѣдствіи гр. Панина, одѣвавшагося, сколько помню, постоянно въ вице-мундиръ. Лѣтомъ, когда Ростовцевъ занималъ казенную дачу на Каменномъ острову, не доходя театра, въ саду была разбита большая палатка, въ которой происходили засѣданія. Во время засѣданія всѣ курили. Засѣданія продолжались иногда до разсвѣта, и я съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю, какъ на разсвѣтѣ, переходя съ Черкасскимъ, Милютинымъ и Самаринымъ Неву, мы любовались на опаловый свѣтъ и очаровательный видъ на рѣку и дворцовую набережную. Увы! уже никого изъ нихъ нѣтъ въ живыхъ, и одного только Милютина я видѣлъ въ Москвѣ уже больного и почти умирающаго, а Черкасскаго и Самарина видѣлъ въ

послѣдній разъ, не подозрѣвая, что смерть близка. Лѣтомъ Милютинъ переѣзжалъ на министерскую дачу на Аптекарскомъ острову на берегу Невы, и тутъ, пока въ ожиданіи сбора мы сиживали, на пристани появлялся иногда министръ Сергѣй Степановичъ Ланской въ свѣтленькомъ сюртукѣ и голубенькомъ небрежно повязанномъ галстукѣ. Помню, что на этой пристани въ первый разъ увидѣлъ Салтыкова (Щедрина), съ которымъ потомъ встрѣчался на Ярославской желѣзной дорогѣ, когда жилъ въ Пушкинѣ у Колли, а онъ ѣзжалъ въ свое Витенево.

Не помню, когда это именно было, но только одно лѣто, въ то время, когда Княжевичъ уже былъ министромъ финансовъ, онъ занималъ казенную дачу на Каменномъ острову, а другое лѣто жилъ въ городѣ и только къ осени въ августѣ переѣхалъ на Охту на дачу Кушелева-Безбородко, уступившаго ему свой большой домъ въ Полюстровѣ. Я тамъ помѣщался въ одной изъ башенъ, той самой, въ которой гостилъ у Кушелева Alexandre Dumas. Черкасскій и Самаринъ постоянно лѣтомъ занимали помѣщеніе въ дворцовыхъ строеніяхъ великой княгини Елены Павловны на Каменномъ острову. Засѣданія у Милютина (хозяйственнаго отдѣленія), продолжавшіяся и во время дѣйствій редакціонныхъ комиссій, оканчивались зачастую по восходѣ солнца. Мы вообще занимались крайне ретиво, и помню случаи, когда послѣ засѣданія комиссій возвращались часа въ 4 утра домой, я садился за исправленіе корректуры своего доклада по замѣчаніямъ комиссіи и, окончивъ работу часамъ къ 7 утра, спѣшилъ отправить ее въ типографію. И насъ никто не понукалъ, не заявлялъ требованій, а работали мы, какъ работаетъ рѣдкій чиновникъ, изъ одного усердія, изъ любви къ нашему дѣлу, изъ одного желанія сдѣлать лучше и скорѣе, не вносили никакого личнаго самолюбія въ дѣло, охотно подчинялись замѣчаніямъ и мнѣніямъ товарищей. Хорошее было время! хорошо было общее наше настроеніе, о которомъ отрадно вспомнить. Все шло у насъ очень дружно, исключая двухъ эпизодовъ съ Шуваловымъ и Паскевичемъ, а потомъ съ Позеномъ. Графъ Шуваловъ, какъ я уже говорилъ, принималъ дѣятельное, хотя отчасти оппозиціонное, участіе въ дѣлѣ, придерживаясь направленія остзейскихъ бароновъ, стараясь право собственности на землю и преобладающее вліяніе надъ крестьянами сохранить за помѣщикомъ, но графа Паскевича мы положительно не слыхали и почти не видали и только читали его подпись подъ мнѣніями и протестами, которые вносилъ гр. Шуваловъ. Произошелъ разладъ между ними и комиссіями, и они, согласно ихъ желанію, были вскорѣ по высочайшему повелѣнію уволены. Позена же пригласилъ Ростовцевъ: это былъ человѣкъ чрезвычайно умный, дѣлецъ, въ свое время всемогущій въ военномъ министерствѣ, гдѣ онъ былъ, кажется, правителемъ канцеляріи, и поэтому привыкшій къ преобладающему

вліянію, которое онъ старался пріобрѣсти и въ комиссіяхъ, при чемъ не выказывалъ особеннаго уваженія къ авторитету нашего президента. Хотя въ засѣданіяхъ онъ сидѣлъ рядомъ съ нимъ, но это не мѣшало Ростовцеву, какъ онъ мнѣ самъ это говорилъ, замѣчать его усмѣшки и гримасы въ то время, когда онъ слушалъ его слова, что Ростовцевъ ему простить не могъ, и результатомъ, конечно, былъ выходъ и Позена изъ комиссіи. Ростовцевъ былъ человѣкъ искренно преданный нашему дѣлу, по крайней мѣрѣ, настолько, насколько искренность входила въ его характеръ. Мнѣ сдается, что преданность его дѣлу была больше преданность волѣ государя и средство сохранить расположеніе государя, не находившаго между своими приближенными лицами людей, сочувствующихъ предпринятымъ имъ преобразованіямъ. Особенно послѣднее время, послѣ нападокъ на работы комиссій отъ губернскихъ комитетовъ прибывшихъ депутатовъ, изъ которыхъ многіе сочувствовавшіе преобразованію, но обиженные тѣмъ, что не были приглашены къ дѣятельному участію, явились противниками трудовъ комиссіи,—сильно поддавался желанію угодить недовольнымъ и все только говорилъ, что нужно полировать нашу работу; я боюсь сказать, что проживи онъ дольше, Богъ знаетъ, до чего бы дошла эта переработка. Петръ Петровичъ Семеновъ, исполнявшій должность секретаря комиссій, уѣзжалъ осенью 1859 г. на мѣсяцъ въ отпускъ, и Ростовцевъ пригласилъ меня на время его отсутствія занять его мѣсто, почему я каждое утро бывалъ у Якова Ивановича. Онъ уже былъ боленъ и не вставалъ съ дивана. Диктовалъ мнѣ разныя памятныя записки съ указаніемъ будущихъ работъ комиссій и направленія этихъ работъ, въ которыхъ предполагаемая шлифовка играла немалую роль. При этомъ онъ любилъ разсказывать о довѣріи къ нему государя и о томъ, какъ онъ къ нему близокъ.

Въ кабинетѣ Ростовцева, надъ диваномъ, висѣла на стѣнѣ большая картина въ большой широкой рамѣ съ арматурой на верху, раздѣленная на три отдѣла узенькими золотыми багетами, въ двухъ отдѣлахъ по бокамъ помѣщались какія-то обнаженныя женскія фигуры, а въ среднемъ портретъ во весь ростъ государя въ сюртукѣ безъ эполетъ. Когда я спросилъ у Якова Ивановича объясненія этой картины, вотъ что онъ мнѣ сказалъ: недовольный существующими портретами государя, онъ заказалъ настоящій портретъ, выбирая изъ разныхъ портретовъ, что ему болѣе нравилось, и что онъ находилъ схожее; обнаженныя голыя женщины по бокамъ—копіи съ Гвидо Рени, надежда и вѣра. Такимъ образомъ выходитъ, что на этой трехъ-ипостасной картинѣ государь, помѣщенный между вѣрой и надеждой, изображаетъ собою любовь! Фотографія съ этой картины находится у меня въ числѣ снятыхъ со стѣнъ кабинета Ростовцева. Муравьевъ очень не любилъ Ростовцева, и когда

на его замѣчанія о работахъ комиссіи я позволялъ себѣ замѣтить, что на то или другое было высочайшое повелѣніе, онъ обыкновенно отзывался: знаю, какія высочайшія повелѣнія объявляетъ Ростовцевъ, самъ выдумываетъ! Не долюбливалъ онъ также всю партію нашу, отъ чего много потерялъ въ его глазахъ и я. Впрочемъ какъ бы апостазія ни была выгодна для моей карьеры, я не измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ и продолжалъ итти за Милютинымъ, Самаринымъ, Черкасскимъ и Соловьевымъ. Вспоминая этихъ вожаковъ нашего дѣла и стараясь опредѣлить, чье именно вліяніе было господствующимъ, прихожу къ полнѣйшему недоумѣнію и невозможности разрѣшить себѣ этотъ вопросъ. Никогда мнѣ не случалось слышать между ними спора о чемъ бы то ни было существенномъ, такъ они были согласны между собою въ общихъ взглядахъ и въ главныхъ основаніяхъ дѣла. При этомъ всѣ они были такъ стойки въ своихъ убѣжденіяхъ, что разногласіе между ними не могло бы пройти незамѣченнымъ, а особенно для меня, постоянно участвовавшаго въ засѣданіяхъ отдѣленія и въ частныхъ бесѣдахъ. Но думаю, что въ концѣ концовъ преобладающее вліяніе въ конечныхъ результатахъ принадлежало Милютину, отличавшемуся спокойной настойчивостью и привычкой обращаться съ людьми и умѣніемъ сглаживать встрѣчающіяся шероховатости.

Меня не было въ Петербургѣ, когда умеръ Ростовцевъ; назначенъ предсѣдателемъ комиссій министръ юстиціи, графъ Викторъ Никитичъ Панинъ, и для комиссій настала иная эпоха. Предсѣдатель сталъ къ нимъ во враждебныя отношенія; не сочувствуя самому дѣлу, онъ по аристократической гордости презиралъ всѣхъ входившихъ въ составъ ихъ. Существовавшая при Ростовцевѣ связь между комиссіями и государемъ прекратилась и изрѣдка только поддерживалась неофиціальнными докладными записками, подаваемыми Милютинымъ черезъ Ланского государю и нерѣдко возвращавшимися съ собственноручными отмѣтками государя. Панинъ не только не поддерживалъ комиссій, но старался всячески вредить имъ, представлять насъ людьми вредными и сплетничать. Государь, лишенный возможности знать правду черезъ Панина, обыкновенно время отъ время пріѣзжалъ къ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, постоянно интересовавшейся ходомъ крестьянскаго дѣла и знавшей черезъ Милютина, Черкасскаго и Самарина все, что въ комиссіяхъ дѣлается, и обращался къ ней съ вопросомъ: «eh bien, ma tante, que se fait il dans les commissions?» И затѣмъ, выслушавъ молча ея разсказъ, уѣзжалъ. Осенью, когда дворъ жилъ въ Гатчинѣ, туда приглашались разныя аристократическія лица, составлявшія интимное общество царской фамиліи, и на это сближеніе разсчитывали они, чтобы интриговать противъ крестьянской реформы, но государь, оставаясь крайне милостивъ и любезенъ, велъ дѣло такъ,

что никому не удалось слова сказать о крестьянскомъ дѣлѣ, и они ни съ чѣмъ возвращались изъ Гатчины.

Подошло въ комиссіяхъ разсмотрѣніе проектовъ положенія сѣверныхъ и югозападныхъ губерній, совмѣстно съ прибывшими изъ тѣхъ губерній депутатами, людьми очень умными, хитрыми и ловкими, изъ которыхъ помню только старика Шестаковскаго, Кіевской губерніи. Оппонентами ихъ были назначены по юго-западнымъ губерніямъ Самаринъ, какъ хорошо знакомый съ ними по службѣ у генералъ-губернатора Бибикова, а по сѣверо-западнымъ князь Черкасскій; эти послѣднія пренія велись на французскомъ языкѣ. Но самое любопытное было то, что наканунѣ засѣданій комиссій Панинъ у себя домъ запирался съ депутатами, совѣщался и условливался, какъ возражать противъ проектовъ комиссій; таковъ былъ предсѣдатель графъ Панинъ! Но зато при такомъ его враждебномъ отношеніи онъ не могъ имѣть никакого нравственнаго вліянія на комиссіи; наша партія сплотилась, твердо стоя за выработанныя начала, и уже ни о какой шлифовкѣ не было и рѣчи, и въ этомъ я не могу не сознать огромной пользы для дѣла.

Муравьевъ уѣзжалъ за границу, и когда я ему откланивался онъ нѣсколько разъ повторилъ мнѣ, чтобы я спѣшилъ уѣхать въ Москву и оставался бы въ Петербургѣ только, пока графъ Панинъ, а не кто другой (подразумѣвая Милютина), будетъ находить это нужнымъ. Мнѣ въ то время была поручена редакція X главы (введеніе «Положенія»), и графъ Панинъ не разрѣшалъ мнѣ уѣхать, прежде чѣмъ докладъ не будетъ окончательно утвержденъ. Наконецъ докладъ утвержденъ, и я уѣхалъ къ своей должности, поручивъ меня извѣстить, когда кодификація будетъ окончена, и нужно будетъ подписывать окончательно составленный проектъ «Положенія».

Не могу не вспомнить нѣкоторыхъ эпизодовъ, относящихся до графа Панина. По своей гордости онъ, при всей своей вѣжливости, не допускалъ мысли, чтобы простой смертный осмѣливался обращаться къ нему съ какимъ либо частнымъ разговоромъ. Среди насъ былъ нѣкто Желтухинъ, издатель «Журнала землевладѣльцевъ», человѣкъ очень умный, но далеко не аристократъ. Онъ жилъ такъ же, какъ и Панинъ, не то въ Царскомъ, не то въ Павловскѣ, но оба пріѣзжали въ засѣданіе и уѣзжали по Царскосельской желѣзной дорогѣ. Надобно было видѣть оскорбленный видъ и слышать негодующій голосъ Панина, когда бывало, по окончаніи засѣданія или во время перерыва, Желтухинъ обращался къ нему съ вопросомъ, напримѣръ, о томъ, съ какимъ поѣздомъ графъ думаетъ ѣхать, или тому подобное. Во время предсѣдательства Панина великая княгиня Елена Павловна выразила желаніе имѣть альбомъ съ нашими карточками: всѣ ихъ доставили, только не доставало портрета Панина, который у него просить, опасаясь отказа, никто не рѣшался. Бывая часто у фотографа Деньера и покупая у него

фотографіи, я успѣлъ пріобрѣсти карточки Панина во весь ростъ и одну изъ нихъ отдалъ въ альбомъ. Нужно было видѣть негодующій взглядъ Панина, когда Милютинъ, подавая ему послѣ засѣданія альбомъ, просилъ его подписаться подъ карточкой, какъ смѣли безъ его согласія пріобрѣсти его карточку, чтобы помѣстить ее въ такомъ недостойномъ, негодномъ обществѣ. Много лѣтъ спустя, въ 1873 г. жилъ я въ Люцернѣ въ одномъ отелѣ съ Панинымъ, онъ уже былъ въ отставкѣ, слѣпой. Я его встрѣчалъ на бульварѣ на берегу озера въ сопровожденіи какой-то женщины, несшей кипу книгъ, которыя онъ ходилъ покупать въ городъ, или же возвращающагося съ прогулки въ экипажѣ, и грустно было видѣть въ этомъ положеніи прежняго сановника, отъ своенравныхъ распоряженій котораго старались уходить даже сенаторы, ища назначенія въ почетные опекуны, каковое избавляло ихъ отъ опасности быть переводимыми въ иногородные департаменты сената по капризу министра. Припоминаю страсть Панина къ таблицамъ; къ завѣдыванію дѣлами редакціонныхъ комиссій по министерству юстиціи были имъ командированы двое Хвостовыхъ, и онъ заказалъ имъ такую разграфленную таблицу съ цифрами и свѣдѣніями изъ трудовъ комиссій, что писать по величинѣ ея можно было, только разложивши ее на полу.

Получивъ въ Москвѣ извѣщеніе, что все готово, и остается только подписать мнѣ, я поѣхалъ въ Петербургъ; закрѣпивъ наши труды своей подписью, я зашелъ въ департаментъ государственныхъ имуществъ къ Вешнякову, Владиміру Ивановичу, тогда вице-директору, а нынѣ товарищу министра, и узналъ отъ него, что министръ возвратился изъ-за границы, но въ Петербургѣ его нѣтъ, а съ всеподданнѣйшимъ докладомъ въ Царскомъ Селѣ. Помня, что министръ требовалъ моего пребыванія въ палатѣ, я подумалъ, что поступлю крайне политично, не оставаясь лишняго дня въ Петербургѣ, дожидаясь его возвращенія, а на слѣдующее же утро уѣду въ Москву, попросилъ Вешнякова доложить объ этомъ Муравьеву и на слѣдующее же утро отправился на желѣзную дорогу. Нечего таить правды: къ моему спѣху уѣхать изъ Петербурга примѣшивалось значительно нежеланіе встрѣтиться съ Муравьевымъ, сильно раздраженнымъ нашими работами и поэтому самому очень не расположеннымъ и лично ко мнѣ, какъ постоянно сочувствовавшему восторжествовавшей въ редакціонныхъ комиссіяхъ ненавистной ему партіи Милютина и К°. Я взялъ билетъ, сдалъ багажъ и благодушно сидѣлъ въ вагонѣ, какъ вдругъ появляется въ дверяхъ фигура толстаго сѣдого министерскаго курьера и объявляетъ мнѣ, что министръ немедленно меня къ себѣ требуетъ. Я только успѣлъ попросить начальника станціи сохранить дѣйствительность билета и, какъ былъ въ дорожномъ платьѣ, поскакалъ на Литейную. Когда я входилъ въ первую отъ сѣней

комнату, то увидѣлъ министра въ сосѣдней комнатѣ, биліардной, начавшаго обходъ собравшихся на представленіе и приближающагося къ выходу. Я остановился у двери въ первой комнатѣ, и когда Муравьевъ проходилъ мимо меня, собираясь куда-то выѣхать, то онъ крайне сурово мнѣ сказалъ: «когда управляющій пріѣзжаетъ въ Петербургъ, онъ обязанъ представиться министру. Извольте завтра явиться къ мнѣ». Уѣхалъ. Что мнѣ дѣлать? Прежде всего отправился къ товарищу министра Александру Алексѣевичу Зеленому, съ которымъ не имѣлъ никакихъ личныхъ сношеній, но котораго зналъ по наслышкѣ за отмѣнно добраго и благорасположеннаго человѣка. Объяснилъ ему обстоятельства дѣла и, получивъ его обѣщаніе уладить его, пустился на поиски мундира V-го класса. Нигдѣ не могъ найти у департаментскихъ чиновниковъ мундира, который они заводятъ, лишь сдѣлавшись сановниками, долженствующими являться ко двору, но по счастливому случаю у одной золотошвейки нашелъ готовое шитье, портного, который согласился въ одинъ день сшить мундиръ, и я на другой день во всеоружіи предсталъ передъ лицо Муравьева. Предупрежденный Зеленымъ, онъ меня принялъ безъ выговора и замѣчаній, точно наканунѣ ничего ни происходило, и, поговоривъ какіе-то пустяки, мы разстались. Я тутъ видѣлъ Муравьева въ послѣдній разъ. Прежде еще чѣмъ проектъ «Положенія» былъ внесенъ въ государственный совѣтъ, Муравьевъ, уѣзжая въ свое Лужское имѣніе, бралъ съ собою Вешнякова и составлялъ критическія на него замѣтки, а въ государственный совѣтъ внесъ такого же рода записку, на которую, какъ сообщалъ Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ, Петръ Петровичъ Семеновъ представилъ блестящее возраженіе.

Обращаясь теперь къ дѣятельности членовъ нашихъ комиссій, я могу быть сколько нибудь компетентнымъ судьей по вопросамъ, относящимся до предметовъ хозяйственнаго отдѣленія. О дѣятельности финансовой комиссіи мы никакихъ свѣдѣній почти не имѣли. Въ докладахъ административнаго отдѣленія принимали всѣ мы въ общихъ засѣданіяхъ дѣятельное участіе, но къ докладамъ хозяйственнаго отдѣленія почти совершенно безучастно относились: Николай Петровичъ Семеновъ (велъ постоянно записки комиссій), Любощинскій, Ламанскій, Бунге, Христофари, князь Сергѣй Павловичъ Голицынъ, Арапетовъ. Изъ другихъ приглашенныхъ экспертовъ Николай Петровичъ Шишковъ, князь Борисъ Дмитріевичъ Голицынъ, графъ Викторъ Апраксинъ никогда въ комиссіяхъ не присутствовали. Вообще, дѣленіе членовъ на командированныхъ отъ министерства и приглашенныхъ въ качествѣ экспертовъ никакого существеннаго значенія не имѣло, и какъ тѣ, такъ и другіе могли по степени желанія и усердія работать или ничего не дѣлать. Такъ Черкасскій и Самаринъ были эксперты и работали неустанно, Христофари же былъ членъ отъ министерства финан-

совъ и ничего рѣшительно не редактировалъ. Прилагаю при этомъ расписаніе редакторовъ по отдѣльнымъ докладамъ въ первый и второй періоды комиссій.

Списокъ докладамъ хозяйственнаго отдѣленія.

	Предметы докладовъ.	Прежніе редакторы.	Настоящіе редакторы
1.	Основаніе и размѣръ надѣла	князь Вл. Алекс. Черкасскій.	князь Вл. Алекс. Черкасскій.
2.	Опредѣленіе и размѣръ усадебъ	Ник. Никол. Павловъ.	Ник. Никол. Павловъ.
3.	Угодья, поступающія въ крестьянскій надѣлъ . .	князь Вл. Алекс. Черкасскій.	князь Вл. Алекс. Черкасскій.
4.	Основаніе оцѣнки и выкупъ усадебъ	Ник. Никол. Павловъ.	Ник. Никол. Павловъ.
5.	Основанія и способы опредѣленія повинностей . .	Юрій Өедоровичъ Самаринъ.	Яковъ Алекс. Соловьевъ.
6.	Отводъ надѣла и обмѣнъ земель	князь Вл. Алекс. Черкасскій.	князь Вл. Алекс. Черкасскій.
7.	О перенесеніи усадебъ .	Ник. Ник. Павловъ.	Ник. Ник. Павловъ.
8.	О правѣ пользованія крестьянами отводимымъ имъ надѣломъ	князь Влад. Алекс. Черкасскій.	князь Вл. Алекс. Черкасскій.
9.	Общія свойства повинностей, опредѣленіе хозяйственной единицы, служащей для исчисленія повинностей, и способы ихъ разверстанія	Юрій Өедоровичъ Самаринъ.	В. В. Тарновскій. П. П. Семеновъ.
10.	Различные роды повинностей, взаимное ихъ отношеніе и способъ перехода съ одной на другую . .		
11.	Обезпеченіе исправнаго поступленія повинностей въ пользу помѣщика . .	А. Н. Татариновъ.	А. Н. Татариновъ.

Предметы докладовъ.	Прежніе редакторы.	Настоящіе редакторы.
12. Виды натуральной повинности и способъ ея отправленія	Г. П. Галаганъ.	Г. П. Галаганъ.
13. Право пользованія усадьбою до выкупа и право собственности на выкупленныя усадьбы . . .	Н. Н. Павловъ.	Н. Н. Павловъ
14. I) О способѣ взиманія денежныхъ повинностей помѣщику; II) о службѣ крестьянъ, получившихъ техническое образованіе попеченіемъ помѣщика и занимающихъ въ его хозяйствѣ разныя должности.	Ник. Ивановичъ Желѣзновъ.	Ник. Ивановичъ Желѣзновъ.
15. Высшій и низшій размѣры крестьянск. надѣловъ	Як. Алекс. Соловьевъ.	Я. А. Соловьевъ. Для малор. и Кіев. губ. Тарновскій.
16. Способъ исполненія натуральн. повинностей . .	Г. П. Галаганъ.	Г. П. Галаганъ.
17. Нормальный размѣръ повинностей	П. П. Семеновъ.	П. П. Семеновъ. Тарновскій.
18, 19, 20. Казенныя повинности	Я. А. Соловьевъ.	
21. О фабричныхъ и заводскихъ людяхъ		И. П. Арапетовъ.

По сѣверозападнымъ губерніямъ содѣйствовали редакторамъ Б. Ф. Залѣсскій и Н. Н. Колоснинъ, а по югозападнымъ и малороссійскимъ—В. В. Тарновскій и П. А. фонъ-Шульцъ.

За труды въ редакціонныхъ комиссіяхъ, кромѣ объявленнаго намъ черезъ министра внутреннихъ дѣлъ благоволенія и пожалованія золотыхъ медалей съ надписью «благодарю», мы, чиновники, получили еще награды. Такъ по министерству государственныхъ имуществъ даны были слѣдующіе чины, что сдѣлано было, думаю, преимущественно для Булгыина, котораго, произведя въ чинъ тайнаго совѣтника, Муравьевъ имѣлъ возможность вслѣдъ за тѣмъ представить въ сенаторы. Для меня же чинъ статскаго совѣтника не представилъ никакой выгоды, и я, получивъ при упраздненіи палаты государственныхъ имуществъ въ декабрѣ 1866 г. чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, благополучно пребываю въ

немъ и нынѣ 18-й годъ, сначала въ званіи товарища прокурора по іюнь 1870 г., а съ тѣхъ поръ въ должности члена судебной палаты. По поводу полученныхъ наградъ ходилъ о Самаринѣ разсказъ, ни подтвержденія ни опроверженія котораго я ни отъ кого не слыхалъ. Говорятъ, что Самарину былъ пожалованъ орденъ Владимира третьей степени, но онъ не пожелалъ его принять, о чемъ и написалъ графу Панину; въ такомъ щекотливомъ положеніи графъ Панинъ поступилъ съ большимъ тактомъ: не дѣлая никакой огласки, онъ на отношеніи или письмѣ Самарина положилъ резолюцію: хранить пожалованный Самарину орденъ при дѣлахъ канцеляріи впредь до востребованія имъ его.

Когда 19 февраля 1861 года было объявлено «Положеніе», я былъ въ Москвѣ, и не помню, чтобы оно произвело особенное впечатлѣніе въ обществѣ или народѣ, исключая нѣсколькихъ кружковъ, сочувствовавшихъ освобожденію крестьянъ лицъ, которыя собирались въ разныхъ мѣстахъ праздновать это радостное событіе. Какъ управляющій палатою государственныхъ имуществъ, я былъ членъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, и, какъ бывшій членъ редакціонныхъ комиссій,—членъ очень вліятельный, постоянно посѣщалъ всѣ засѣданія присутствія и разсматривалъ для повѣрки всѣ безъ исключенія уставныя грамоты, и не безъ вліянія на дѣлаемыя назначенія. Такъ писалъ ко мнѣ Черкасскій по порученію Милютина о предполагавшемся назначеніи Ивана Сергѣевича Аксакова членомъ присутствія отъ дворянства, прося меня не обижаться этимъ назначеніемъ (почему-то не состоявшимся), въ томъ смыслѣ, что за правильный ходъ дѣлъ въ московскомъ присутствіи ручается уже одно мое въ немъ участіе. Я же противодѣйствовалъ назначенію на эту должность и Бориса Васильевича Мещерскаго, котораго считалъ человѣкомъ не вполнѣ надежнаго направленія, нѣсколько крѣпостникомъ. Какъ дѣйствовалъ я въ губернскомъ присутствіи, не мнѣ судить. Безъ сомнѣнія, было немало недовольныхъ, но могу, положа руку на сердце, сказать, что старался всегда быть безпристрастнымъ и умышленно не наклонялъ вѣсовъ ни въ пользу крестьянъ ни въ пользу помѣщиковъ.

Такъ кончился этотъ знаменательный періодъ моей дѣятельности, въ который мнѣ привелось работать съ такими людьми, какъ Милютинъ, Самаринъ и Черкасскій, и по такому монументальному дѣлу, какъ освобожденіе крестьянъ. Труды наши подверглись желчной критикѣ въ самомъ своемъ началѣ, какъ отъ лицъ, не сочувствовавшихъ реформѣ, такъ и отъ тѣхъ лицъ, которыя хотя и сочувствовали, но были обижены неприглашеніемъ ихъ къ участію въ работѣ, но особенно сильнымъ нападкамъ подверглись они въ послѣдніе годы со стороны либеральной прессы за скудный надѣлъ крестьянъ землею, когда вошло въ моду кричать о малоземельѣ будто бы сельскаго населенія. Обвиняя редакціонныя комиссіи, не хотятъ

вспомнить, что цѣль ихъ была по возможности сохраненіе существующаго поземельнаго владѣнія и при финансовой невозможности безобидно вознаградить помѣщиковъ за отходящую отъ нихъ землю и отходящій отъ нихъ трудъ, съ одной стороны, и при стремленіи большей части дворянства достигнуть лишь личнаго освобожденія крестьянъ безъ надѣленія ихъ землею—съ другой. Комиссіи сдѣлали все, что могли. Въ такомъ громадномъ преобразованіи не могло при всей тщательности обработки не вкрасться ошибокъ, которыя не разлучны со всякимъ человѣческимъ дѣломъ, но дѣло будущихъ дѣятелей было исправлять эти ошибки по указаніямъ времени и опыта, редакціонныя же комиссіи, сколько я знаю, старались относиться къ дѣлу безпристрастно и руководствоваться справедливостью и возможнымъ сохраненіемъ интересовъ обѣихъ сторонъ. При этомъ не нужно упускать изъ виду, что не все то, что вошло въ «Положеніе» 19 февраля, должно приписываться комиссіямъ; многое было внесено впослѣдствіи при окончательномъ разсмотрѣніи проекта комиссій въ государственномъ совѣтѣ.

Мы сошли со сцены; черезъ 20 слишкомъ лѣтъ труды наши подверглись нареканію, дѣятельности нашей никто не цѣнитъ, она не идетъ даже въ счетъ служебнаго старшинства, не будучи пріурочена къ какому либо вѣдомству; только небольшіе кружки въ Петербургѣ и Москвѣ чтутъ дорогую память нашихъ трудовъ и каждое 19 февраля собираются праздновать великій день. Оно и лучше: не для наградъ и тщеславія работали мы съ полной энергіей, даже, можно сказать, съ увлеченіемъ, и дѣло, нами совершенное, останется навѣки дѣломъ великимъ, обезсмертившимъ царствованіе царя-освободителя, погибшаго такой незаслуженной мученической смертью.

Н. Н. Павловъ.

ПРЕСЛѢДОВАНІЕ ПОСЛѢ СРАЖЕНІЯ.

(Изъ воспоминаній о походѣ Хайларскаго отряда въ Манчжуріи въ 1900 году).

АГА,—СКАЗАЛЪ начальникъ отряда:—китайцы дрогнули.

Послѣ нѣсколькихъ сраженій онъ пріобрѣлъ навыкъ чувствовать то, что называется на военномъ языкѣ «пульсъ боя».

— Пишите,—обратился онъ къ высокому подполковнику съ краснымъ воротникомъ, исполнявшему обязанности начальника штаба:—общій переходъ въ наступленіе.

Видимо, генералъ рѣшился.

Привычною и увѣренною рукою вынулъ начальникъ штаба «книжку донесеній», заложилъ синенькую бумажку такъ, чтобы при писаніи оставалась копія, и приготовился писать. Привыкъ онъ къ письменной части на службѣ въ областномъ штабѣ, славился, какъ дока особенно въ отношеніи законоположеній о хозяйствѣ, а тутъ пришлось писать какія-то странныя коротенькія записочки, въ которыхъ никакъ не пристягнешь: «къ сему присовокупляю» или что нибудь въ этомъ родѣ.

«Командиру 3-го баталіона,—быстро диктовалъ начальникъ отряда.—Немедленно перейти въ наступленіе».

— Готово,—произнесъ подполковникъ.—Подпишите, ваше превосходительство.

Генералъ подписалъ.

— Очередной! Отвезешь командиру 3-го баталіона, войсковому старшинѣ Станкевичу.

Очередной казакъ изъ конвойнаго взвода быстро вскочилъ на своего маленькаго забайкальскаго коня, далъ плеть и скоро исчезъ между деревьями.

А начальникъ отряда уже диктовалъ адъютанту, офицеру въ гвардейскомъ сюртукѣ съ синимъ воротникомъ. Адъютантъ много лѣтъ былъ въ запасѣ, занималъ мѣсто съ солиднымъ окладомъ и широкой дѣятельностью, но мобилизація призвала его въ ряды войскъ и привела его на поле брани.

— Пишите приказаніе начальнику общаго резерва: «Подполковнику Надхину. Двумъ ротамъ Читинскаго баталіона выйти на главную дорогу и слѣдовать быстро по направленію за непріятелемъ».

— Очередной!..

И опять полетѣла записка.

— Теперь кому писать?—сказалъ генералъ.—Чоглоковъ съ 8-й ротой охранной стражи уже наступаетъ. Смольянниковъ съ 6-й терской сотней знаетъ, что нужно итти впередъ. Пишите Фолимонову: «Командиру батареи. 3-му баталіону приказано наступать; 8-я рота Чоглокова наступаетъ съ лѣвой стороны батареи; Читинскія роты возвращены на главную дорогу и будутъ наступать поспѣшно. Когда найдете полезнымъ, спѣшите впередъ».

Генералъ подписалъ, и приказаніе послано по своему назначенію.

Зашевелился лѣсъ, по которому грозно двинулись впередъ русскія войска. Китайцы обстрѣливали ихъ частымъ, непрерывнымъ, но безполезнымъ огнемъ изъ нѣмецкихъ маузеровскихъ ружей; а также изъ нелѣпыхъ огромныхъ китайскихъ фальконетовъ, которые еле поднимаютъ два человѣка. Туча пуль летѣла съ фронта и съ праваго фланга, гдѣ китайцы помѣстили часть изъ отборныхъ своихъ войскъ. Съ жалобнымъ плачемъ пролетали пули надъ головами или шуршали по землѣ. Часто онѣ сбивали вѣтки деревьевъ: сбитые сучья падали близко, иногда задѣвая за плечо, и усиливали непріятное ощущеніе. Ревъ выстрѣловъ русскихъ орудій (китайскія давно замолчали) ударялся въ лѣсъ, а затѣмъ разносился по скаламъ сосѣднихъ горъ, и многочисленное немолчное эхо наполняло ущелья, дѣлая грохотъ пушекъ потрясающимъ для врага.

Въ самомъ дѣлѣ, потери у него отъ артиллерійскаго огня были огромны и легко замѣтны съ русской позиціи. Безъ помощи бинокля всѣ видѣли, что китайцы потащили свои орудія назадъ, стараясь укрыть ихъ между деревьями. Въ то же время послышались выстрѣлы 4-го, 5-го и 6-го баталіоновъ, брошенныхъ кружнымъ путемъ въ обходъ праваго фланга непріятельской позиціи.

Рѣшительный ударъ былъ нанесенъ какъ разъ во-время, главный актъ боя кончился, сопротивленіе непріятеля по всѣмъ признакамъ сломлено несомнѣнно.

— Ну, теперь,—сказалъ генералъ,—нечего бояться за путь нашего отступленія. Конницу съ главной дороги снимемъ и обозъ двинемъ впередъ, а то къ вечеру останемся безъ сухарей и даже безъ ранцевъ. Пишите верхнеудинцамъ: «Непріятель отступаетъ, двигайтесь быстро впередъ для преслѣдованія».

Очередной конвойный помчался съ запиской къ конницѣ.

— Ваше превосходительство! Угодно прослушать приказаніе обозу?—говоритъ адъютантъ.

— Читайте.

— «Поручику Францелеву. 11 августа 1900 года въ 8 часовъ 30 минутъ утра. Начальникъ отряда приказалъ всѣмъ обозамъ двигаться по главной дорогѣ по направленію къ Хингану. Приказаніе передать всѣмъ начальникамъ обозовъ».

— Прекрасно. Посылайте. Однако, теперь и намъ тутъ дѣлать больше нечего. Къ конямъ, садись.

Штабъ съ конвойнымъ терскимъ взводомъ поѣхалъ цѣликомъ черезъ лѣсъ; два уральца и лихой начальникъ конвоя, заурядъ-прапорщикъ Корицкій, показывали дорогу.

Послѣ холодной ночи наступилъ жаркій монгольскій день. Тумана, заволакивавшаго каждое утро окрестности, на этотъ разъ не было, только кое-гдѣ вдали густыя бѣлыя облака ползли на горы. Фуфайки, теплушки поспѣшно снимались и приторачивались къ сѣдлу. Легко дышалось полной грудью среди обширнаго, но не густого лѣса, позволявшаго почти вездѣ двигаться рысью. Длиннымъ червякомъ растянулся штабъ. Мѣстами приходилось перепрыгивать черезъ огромные стволы старыхъ свалившихся деревъ. Наконецъ, выбрались на чистое мѣсто. Справа лѣсъ былъ еще наполненъ раскатами пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ; слѣва по дорогѣ тянулась конная сотня верхнеудинцевъ; впереди слышалась перестрѣлка. Войскамъ, наполнявшимъ лѣсъ справа, приходилось спуститься съ высотъ, перейти болотистый ручей и атаковать позицію китайцевъ съ фронта, охвативъ въ то же время ихъ лѣвый флангъ. Пѣхота спустилась очень быстро и легко, переходъ черезъ ручей ея не затруднилъ; китайцы немедленно очистили зданія строящейся желѣзной дороги (такъ называемый «Бочаровскій штабъ», по имени инженера Бочарова); русская пѣхота погнала непріятеля передъ собой черезъ лѣсистыя высоты.

Труднѣе было перебраться 6-й терской сотнѣ капитана Смольянникова,—лошади вязли; но скоро и она перешла ручей.

Дольше всѣхъ задержалась батарея; по лѣсистому косогору спустилась она къ ручью, отыскала наконецъ сколько нибудь доступный переходъ и вышла къ «Бочаровскому штабу». Всѣ войска

ушли впередъ, батарея осталась одна безъ прикрытія; будь китайцы болѣе предпріимчивы,—какая нибудь конная полусотня могла изъ желѣзнодорожныхъ зданій перестрѣлять артиллеристовъ и забрать орудія. Но въ томъ-то и заключается высшая часть военнаго искусства, чтобы понимать характеръ противника и сообразовать съ нимъ свои дѣйствія; очевиденъ былъ недостатокъ предпріимчивости китайцевъ, подобный смѣлый образъ дѣйствій имъ не по плечу.

— Впередъ, впередъ! — кричалъ начальникъ отряда, побуждая верхнеудинцевъ.

— Да, ваше превосходительство, тамъ уже наша пѣхота, далеко впереди, все кончено,—возразилъ есаулъ.

— Какъ кончено? Только что начинается. Спѣшите, привезите мнѣ пару орудій, а то китайцы уйдутъ; нагоняйте ихъ, преслѣдуйте, будьте впереди пѣхоты. Впередъ, впередъ!

Казаки пошли крупной рысью. Знамя, завернутое въ чехолъ, долго издалека обозначало мѣсто слѣдованія сотни. Терская сотня выбиралась на главную дорогу.

— Ваше превосходительство! Всѣ высоты впереди уже заняты нашими войсками. Что прикажете намъ дѣлать?—спрашиваетъ солидный и спокойный капитанъ Смольянниковъ.

— Какъ что? — горячится начальникъ отряда. — Вы конница; значитъ, впередъ и преслѣдуйте безъ конца.

— Шестая сотня, рысью, маршъ!

Молодцы терцы, пробывшіе всю ночь на передовыхъ постахъ, пошли исполнять свой долгъ.

Вотъ и знаменитые китайскіе окопы. Это былъ верхъ нелѣпости. Рядъ ровиковъ, каждый длиною сажени полторы, а глубиною полъ-сажени; вылѣзать изъ ровиковъ неудобно, стрѣлковъ же они не укрываютъ, ибо совершенно открыты со стороны всѣхъ окрестныхъ высотъ; направлены они хотя перпендикулярно къ главной дорогѣ, но лѣвымъ флангомъ къ позиціи русскихъ, которые могли обстрѣливать окопы вдоль, какъ ружейнымъ, такъ и артиллерійскимъ огнемъ. Надобности въ этомъ фортификаціонномъ упражненіи для китайцевъ не было никакой, такъ какъ цѣлые штабели заготовленныхъ шпалъ, множество зданій, наконецъ сами возвышенности, покрытыя лѣсомъ, представляли прекрасныя закрытія; стоило только ихъ немного приспособить къ оборонѣ. Правда, что китайцы воспользовались всѣми этими мѣстными предметами, и позиція, сильная по самой своей природѣ, являлась серіознымъ препятствіемъ на пути Хайларскаго отряда. О ней толковали давно, еще въ Хайларѣ желѣзнодорожные инженеры говорили начальнику отряда о свойствахъ этой позиціи, тогда же въ головѣ его зародился и планъ ея атаки.

Тамъ и сямъ валяются кучки изъ убитыхъ людей и лошадей. Спокойны землистыя лица растянувшихся по землѣ китайцевъ съ обритымъ лбомъ и распущенной косой жесткихъ, грубыхъ, черныхъ волосъ; часто коса свернута на темени въ нѣсколько рядовъ. Ни мѣшковъ, ни ранцевъ, ни какого либо солдатскаго снаряженія нѣтъ, только мундиръ въ видѣ обыкновенной китайской кофты безъ рукавовъ, съ кругами и надписями на спинѣ и на груди, изоблачаетъ воина. Трупы не внушаютъ ни сожалѣнія, ни ужаса, ни отвращенія; казаки проходятъ мимо нихъ совершенно равнодушно. Жалость въ нихъ возбуждаютъ раненыя лошади съ простреленной ногой или шеей; онѣ недовѣрчиво поглядывали на казаковъ и мчались прочь, когда тѣ пытались словить себѣ лошадку.

Вотъ нѣсколько человѣкъ плѣнныхъ съ бабьими, одутловатыми лицами. Нѣкоторые изъ нихъ «мало-мало» (любимое выраженіе китайцевъ въ Забайкальѣ) говорятъ по-русски. Объясняютъ обыкновенную исторію: работали на строящейся восточно-китайской желѣзной дорогѣ, силой ихъ взяли въ солдаты, теперь рады, что попали къ русскимъ. Но вообще китайцы рѣдко сдаются въ плѣнъ, защищаются до конца и умираютъ съ удивительной легкостью: умереть для китайца—что иному выпить рюмку водки. Попадаютъ въ плѣнъ чаще всего бывшіе рабочіе на ж. д., которые знаютъ свойство русскихъ, или раненые; изъ послѣднихъ многіе, если не могутъ уйти, скрываются въ лѣсу или высокой травѣ. Одинъ раненый въ ногу китаецъ жилъ въ лѣсу на Хинганѣ полтора мѣсяца, по ночамъ спускался къ ручью, пилъ воду и промывалъ рану, питался дохлой лошадью, отрѣзая мясо кусочками.

У одного изъ плѣнныхъ оказалась оригинальная рана пулей въ лобъ, кровь струилась по лицу, а онъ стоялъ, улыбался и говорилъ «шанго» (хорошо).

А вотъ лежатъ на носилкахъ и раненые русскіе. Одинъ казакъ съ пулей въ ногѣ мраченъ и неохотно отвѣчаетъ на вопросы; другой только ворочаетъ глазами, силится сказать и ничего не можетъ, онъ парализованъ, граната проскочила у него между ногъ, оглушила и опрокинула его.

— Ничего, — говоритъ врачъ. — Дадимъ слабительнаго, онъ и придетъ въ себя.

— Здорово, молодцы, 5-й баталіонъ! — здоровается начальникъ отряда.

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство! — дружно отвѣчаютъ казаки.

— Спасибо за славную службу.

— Рады стараться, ваше превосходительство!

И правда, лица сіяли радостью, было ясно, что побѣда одержана.

4-й, 5-й и 6-й баталіоны собрались, батарея подходила. Отдѣльные люди обшаривали китайскіе лагери и желѣзнодорожныя постройки, гдѣ также квартировали китайцы. Кое-что изъ имущества сочли пригоднымъ. Запаслись китайскими палатками, которыя оказались превосходнаго качества, особенно сравнительно съ нашими, промокавшими при первомъ порядочномъ дождѣ. Просто досадно подумать, что даже у китайцевъ многое лучше, чѣмъ у насъ.

— Ваше превосходительство, позвольте вамъ доложить: китайцы сдѣлали засаду,—запыхавшись спѣшитъ сказать примчавшійся во весь духъ казакъ Верхнеудинскаго полка.

— Какъ засаду? Гдѣ?

— На перевалѣ, за кумирней, ваше превосходительство.

— Такъ вышибайте ихъ оттуда! Чего же вы смотрите? Эхъ!— съ досадой говоритъ генералъ. — Войсковой старшина Оглоблевъ! Идите съ своимъ баталіономъ и живо вышибите китайцевъ съ перевала. Только, другъ мой, отнюдь не атакуйте въ лобъ, а сразу, поскорѣе, начинайте обходъ. Помните, что мнѣ одинъ казакъ дороже сотни китайцевъ. Впрочемъ, я полагаю, 3-й баталіонъ обойдетъ ихъ лѣвый флангъ самъ собою.

— Четвертый баталіонъ, смирно! На плечо-о-о! — какъ-то нараспѣвъ, безъ пѣхотной отрывистости, командуетъ баталіонный командиръ.—Шагомъ-маршъ!

Усталые, потные казаки, сдѣлавшіе уже верстъ восемнадцать для обхода, снова двигаются.

— Оставить здѣсь для обезпеченія сотню отъ пятаго баталіона и затѣмъ остальнымъ баталіонамъ также двигаться впередъ,— отдаетъ приказаніе начальникъ отряда.

— Батарейный командиръ!—добавляетъ онъ: — идите впередъ, тамъ на перевалѣ китайцы пробуютъ остановиться. Помогите ихъ прогнать.

— Ваше превосходительство! При батареѣ нѣтъ прикрытія, все время идемъ безъ прикрытія.

— Ничего, тамъ впереди найдете прикрытіе. Спѣшите.

Батарея загромыхала впередъ; рослыя лошади хорошо тянутъ.

— Спасибо, артиллеристы, за молодецкую службу.

— Рады стараться, ваше . . . . ,—отзывается нѣсколько голосовъ, заглушаемыхъ стукомъ колесъ.

Отрядъ направился долиною къ высшей точкѣ перевала черезъ Большой Хинганъ. Солнце стояло уже высоко и припекало сильно.

Справа тянулись лѣсистыя вершины, у подошвы которыхъ лѣпились желѣзнодорожныя службы, бани, сараи и проч. Слѣва тоже горы, какъ будто еще выше; тутъ постройки солиднѣе, настоящіе деревянные дома; изъ оконъ во время сраженія китайцы усиленно стрѣляли. Цѣлая тысяча тачекъ для перевозки земли при постройкѣ желѣзной дороги напоминала о томъ, что еще недавно здѣсь кипѣла

дѣятельность, разсчитывались земляныя выемки и насыпи, производились обмѣры (конечно, не въ смыслѣ «обмѣриванія и обвѣшиванія»,—говорятъ, этого у инженеровъ не бываетъ), высчитывались сотки... На одномъ домѣ вывѣска русскими буквами указывала на предпріимчивость купца, который завелъ здѣсь торговлю всѣми товарами и, говорятъ, наживалъ вдвое и втрое съ рабочихъ, забравшихся въ столь отдаленную страну въ надеждѣ отложить что нибудь для дома изъ крупной задѣльной платы. Не надѣйся, русскій человѣкъ! Не въ твоемъ это характерѣ. Все оставишь въ цѣпкихъ рукахъ «предпріимчивыхъ» людей.

Наконецъ, показались два высокихъ шеста передъ входомъ въ правильный, прочно огороженный дворъ; внутри хорошія постройки китайской архитектуры съ характерно выгнутыми крышами. Это—таинственная кумирня, которая долгое время не сходила съ языка въ отрядѣ и къ которой устремлялись многія думы: за нею перевалъ, самая трудная часть позиціи; овладѣвъ переваломъ, можемъ считать себя хозяевами на Большомъ Хинганѣ. Ворота въ кумирнѣ заперты, боги изъ нея вывезены,—ясно, что китайцы не очень-то надѣялись удержать позицію въ своихъ рукахъ.

— Ваше превосходительство! Китайцы съ перевала ушли, шестая терская сотня ихъ вышибла.

— И отлично! Сотнѣ итти слѣдомъ и гнать ихъ неотступно. Всѣмъ немедленно двигаться впередъ.

Начался спускъ съ перевала. Онъ красивъ и величественъ. Базальтовыя и порфировыя скалы высоки, круты и покрыты лѣсомъ; въ разныхъ мѣстахъ пробиваются ключи холодной, прозрачной воды; они бѣгутъ даже по дорогѣ, которая весьма крута, усѣяна множествомъ большихъ камней, движеніе затруднительно. Для облегченія спуска мѣстами сдѣлана бревенчатая мостовая, но она немного помогаетъ дѣлу: ключи бѣгутъ изъ-подъ бревенъ, которыя дѣлаются скользкими, повозки здѣсь удерживаются съ трудомъ. По сторонамъ дороги множество построекъ русскаго и китайскаго типа; это—цѣлое огромное селеніе; масса рабочихъ еще недавно надрывалась здѣсь около вотъ этого стоящаго въ отдѣльномъ зданіи огромнаго паровика для разработки тоннеля, а также около динамитныхъ работъ. Около 2-хъ тысячъ пудовъ динамита сохранялось въ сосѣдней лощинѣ. Китайцы, владѣвшіе Хинганомъ, не могли сдѣлать взрывовъ, ибо капсюли были увезены инженерами, но все-таки китайцы растащили динамитъ и набили имъ паровикъ, печи въ домахъ и прочее въ надеждѣ, что русскіе со временемъ сами случайно произведутъ взрывы и потерпятъ уронъ.

Высоко надъ дномъ оврага, вдоль котораго проходила дорога, направо виднѣлись обширныя земляныя работы, такъ называемый «обходный путь». Онъ имѣлъ видъ настоящихъ военныхъ траншей, такъ что китайскій генералъ Пао (убитъ въ бою при Якши

1-го августа), энергичный и нѣсколько понимавшій военное искусство, говорилъ еще во времена дружескихъ отношеній китайцевъ съ желѣзнодорожными, что это готовятся укрѣпленія для защиты Хинганскаго перевала. Въ самомъ дѣлѣ, занявъ траншеи обходнаго пути, китайцы могли бы причинить затрудненія; впрочемъ, это давно предвидѣлось, и заготовлено соотвѣтственное средство—обходъ, который все время производилъ 3-й баталіонъ, живо выгналъ бы оттуда непріятеля. Во всякомъ случаѣ, мѣстность была такова, что энергичный, искусный и не потерявшій присутствія духа противникъ могъ бы задерживать русскихъ на каждомъ шагу. Впереди высились еще огромныя вершины, представлявшія хорошія позиціи. Но хайларскій отрядъ спускается безпрепятственно. Чу! Внизу загремѣли выстрѣлы. Значитъ, тамъ идетъ бой.

Дѣйствительно, часть китайской пѣхоты и конницы остановилась у конца спуска, заняла постройки и встрѣтила русскихъ огнемъ. Лихая 6-я терская сотня немедленно атаковала врага въ конномъ строю. Дружный ударъ сейчасъ же далъ блистательный успѣхъ—китайцы побѣжали, терцы бросились ихъ преслѣдовать, рубя на ходу. Ой, терцы, не увлекайтесь успѣхомъ! Не забывайте, что мѣстность закрытая, надо быть осмотрительнымъ! Высылайте дозоры, обшаривайте каждый домъ, каждый кустъ.

Но горитъ кровь молодецкая. Самъ спокойный и уравновѣшенный Смольянниковъ несется среди казаковъ съ обнаженной шашкой и распространяетъ смерть среди китайцевъ.

Вдругъ злодѣйскій выстрѣлъ изъ окна попутнаго дома свалилъ храбраго и любимаго командира. Въ первую минуту никто этого даже не могъ понять, не хотѣлъ понять,—такъ казалось невѣроятнымъ, чтобы начальникъ могъ быть раненымъ уже послѣ главнаго боя, при самыхъ, повидимому, ничтожныхъ обстоятельствахъ. Гнѣвъ и скорбь овладѣли казаками. Кто этотъ дерзкій, осмѣлившійся поразить ихъ вождя? Китаецъ изъ дома не выходилъ и продолжалъ стрѣлять.

Команду надъ сотней принялъ гвардейскій поручикъ Шевичъ. Его характерная шапочка стрѣлковъ Императорской фамиліи мелькала тамъ и сямъ и рѣзко выдѣлялась, благодаря высокому росту офицера.

Домъ, откуда выстрѣлили въ Смольянникова, запылалъ. Терская сотня снова двинулась впередъ, чтобы нагнать непріятеля, которому страхъ придавалъ необычайную быстроту.

Солнце стояло уже высоко и немилосердно жгло своими лучами; время близилось къ 11 часамъ; казаки, начавшіе движеніе съ двухъ часовъ ночи, утомились, что̀ не укрылось отъ начальника отряда. Хорошо бы пообѣдать; но обозы и даже ранцы далеко сзади, да и

времени нѣтъ: надо преслѣдовать непріятеля, обѣдъ же возьметъ три, четыре часа.

— Стой!—командуетъ генералъ.—Отдыхъ часъ и три четверти; варить чай.

— Вотъ это хорошо. Будемъ чаевать!—раздаются изъ рядовъ возгласы казаковъ дружелюбно, но совершенно вопреки военнаго этикета. Впрочемъ, у льготнаго забайкальца своеобразная дисциплина, скорѣе всего подходящая къ французскому образцу. Онъ отдаетъ честь и въ то же время киваетъ головой; разговариваетъ съ начальникомъ и продолжаетъ раскуривать свою трубочку; зато онъ легко пройдетъ въ одинъ переходъ 40—60 верстъ; хорошъ въ бою, хотя и любитъ черезчуръ щедро пострѣлять.

Живо задымились огоньки, закипѣли чайники, откуда-то взялись сухари и чай, котораго было отбито у непріятеля въ Хайларѣ болѣе 3.000 тысячъ цыбиковъ. Забыта усталость, начинаются шутки. Запасливые офицеры артиллеристы «налаживаютъ» чай съ печеніемъ, коньякомъ, консервированными сливками; нашлась мясная закусочка; «батарейскій» докторъ Клопферъ даже приготовляетъ газированное молоко, тоже изъ разныхъ консервовъ. Чай, этотъ живительный горячій напитокъ, поглощается въ непостижимомъ количествѣ.

Пока весь отрядъ отдыхаетъ, генералъ распоряжается высылкой въ видѣ авангарда двухъ ротъ Читинскаго пѣхотнаго полка.

— Подполковникъ Надхинъ!—обращается онъ къ баталіонному командиру. — Я не имѣлъ возможности поставить васъ во время сраженія въ боевую часть и держалъ въ общемъ резервѣ, но въ награду за молодецкій маршъ, посредствомъ котораго вы догнали отрядъ, я посылаю васъ теперь въ авангардъ. Преслѣдуйте китайцевъ, не теряя ни минуты. Хотя впереди васъ конница, однако будьте все время настороже: кусты и трава по пути наполнены разбѣжавшимися и прячущимися китайцами. Сдаваться въ плѣнъ они не будутъ; будутъ по васъ стрѣлять. Поэтому отбросьте всѣ формы полевого устава, и вышлите вправо и влѣво густую патрульную цѣпь, человѣкъ отъ человѣка шаговъ на сто и, такъ сказать, лавой обшаривайте всю долину и приканчивайте тѣхъ, кого найдете. Тщательно осматривайте попутныя фанзы; въ этихъ китайскихъ домахъ тоже найдете спрятавшагося врага! Съ Богомъ!

Читинцы пошли впередъ, а черезъ нѣсколько времени поднялся и весь отрядъ.

Вскорѣ вступили въ роскошную долину рѣки Ялъ. Узкая вначалѣ, обрамленная по бокамъ утесистыми и лѣсистыми отрогами Большого Хингана, далѣе она расширялась до нѣсколькихъ верстъ. Долина покрыта густою травой, представляющей превосходные кормы; она прорѣзывается рѣкою, чрезвычайно быстрою, съ песчанымъ, даже

каменистымъ дномъ и холодною прозрачною водою. Дорога шла по лѣвому берегу, извиваясь вдоль подошвъ сосѣднихъ высотъ.

— Смотрите, смотрите! Что это такое?—раздаются возгласы.

На высокой горѣ, господствующей надъ дорогой и образующей хорошую позицію, стояла группа людей въ бѣдой одеждѣ; между ними какъ будто виднѣлись пушки.

— Послать отъ конвоя разъѣздъ на верхъ!

Разъѣздъ возвратился черезъ нѣсколько минутъ. Послышались обсужденія.

— Вѣдь вотъ, дураки, какую штуку выдумали. Только китайцы на это и способны. Поставили чучелъ въ бѣлыхъ рубахахъ, а по серединѣ колеса съ осью отъ арбы и на нихъ бревно въ чехлѣ, будто бы пушки.

Такія декораціи встрѣчались еще раза два или три. Вѣдь былъ же досугъ заниматься такимъ шутовствомъ.

Чѣмъ далѣе подвигались впередъ, тѣмъ болѣе становились замѣтны слѣды поспѣшнаго бѣгства китайцевъ. Вся дорога была положительно усѣяна патронами системъ Маузера и Винчестера. Потомъ стали попадаться цѣлыя коробки и даже деревянные ящики съ патронами; надписи на бумажкахъ коробокъ китайскія, но когда сдирали эти бумажки, то оказывались подъ ними этикеты нѣмецкихъ фабрикъ.

— Патроновъ-то много посѣяли,—говорили казаки.—Поди-ка, на будущій годъ урожай хорошъ будетъ.

Валялись по дорогѣ во множествѣ мундиры, овчины, шубы, офицерскіе красные зонтики и проч. На бродахъ и въ топкихъ мѣстахъ находились застрявшія арбы съ имуществомъ или съ цѣлой массой артиллерійскихъ снарядовъ; особыя арбы брошены съ ружьями, но ружья всѐ плохихъ старыхъ системъ, пистонныя. Огромные саженные фальконеты, попадавшіеся тамъ и сямъ десятками, привлекали вниманіе казаковъ и возбуждали ихъ шутки. Каждый фальконетъ обыкновенно носятъ два китайца. Иной казакъ подниметъ фальконетъ, понесетъ его нѣсколько шаговъ и броситъ.

— Что жъ бросилъ?—говоритъ его товарищъ.—Снесъ бы домой-то, на охоту бы пригодилось ружье ходить.

— Нѣтъ,—шутитъ начальникъ отряда,—они годятся очень хорошо васъ за наказаніе подъ ружье ставить; вотъ, напримѣръ, кто ханьшинъ пьетъ.

Ханьшинъ это прескверная китайская водка, приготовляемая изъ проса (буда); она изобилуетъ сивушными маслами, сильно опьяняетъ и дѣйствуетъ на желудокъ отравляющимъ образомъ. Замѣчательно, что на другой день послѣ опьяненія достаточно человѣку выпить стаканъ воды, чтобы снова быть пьянымъ; наблюдались даже случаи троекратнаго опьяненія отъ одной и той же порціи ханьшина.

— Ваше превосходительство! Вотъ раненаго Смольянникова везутъ.

— Гдѣ?

— А вотъ въ той большой четырехколесной лазаретной телѣгѣ.

Весь обозъ отряда состоялъ изъ двуколокъ, но повозки охранной стражи были четырехколесныя. Въ одной изъ нихъ, приспособленной какъ лазаретная и прикрытой огромнымъ холщевымъ верхомъ, на носилкахъ лежалъ Григорій Михайловичъ Смольянниковъ. Блѣдное известковое лицо обрамлялось небольшой бородой съ просѣдью; глаза закрыты.

— Что милый! Вы ранены?—спрашиваетъ начальникъ отряда, а у самого въ горлѣ слезы стоятъ.

— Раненъ, ваше превосходительство! Въ лѣвое колѣно.

Григорій Михайловичъ съ трудомъ открылъ глаза; взглядъ мутный, тусклый. Онъ страдалъ.

— Ну, потерпите. Мы васъ съ собой повеземъ, а то оставлять здѣсь негдѣ. Авось скоро поправитесь, такъ вмѣстѣ все веселѣе.

Отъѣхавъ въ сторону, генералъ спросилъ доктора Клопфера о положеніи раненаго.

— Ваше превосходительство! Рана собственно не очень серіозная; но сильное раздробленіе колѣннаго состава, такъ что нога свободно вращается во всѣ стороны; пуля очень большая, говорятъ, разрывная. Крови очень много потерялъ, а субъектъ малокровный съ ослабленной дѣятельностью сердца. Мы наложили неподвижную повязку, онъ при этомъ очень страдалъ и просилъ даже не накладывать. Шокъ сердца... ничего сказать нельзя... если бы организмъ посильнѣе.

— Такъ вы подбодрите его! Скажите, что поправится! Скажите, что мы веземъ его, чтобы онъ продолжалъ командовать сотней. Передайте, что я прошу, и что я не приказалъ сдавать сотни. Можетъ быть, это поможетъ нравственнно.

Все было напрасно. Черезъ два часа доблестный воинъ и прекрасный человѣкъ скончался къ огорченію его сотни и всего отряда.

На другой день, передъ похоронами Смольянникова, былъ отданъ слѣдующій приказъ по Хайларскому отряду:

«Вчера скончался отъ раны командиръ шестой сотни охранной стражи капитанъ Григорій Михайловичъ Смольянниковъ. Онъ погибъ смертью храбрыхъ, ратуя за наше русское дѣло. Вѣрный слуга Царя и отечества, капитанъ Смольянниковъ былъ превосходнымъ воиномъ, беззавѣтно преданнымъ своему долгу. Онъ не жалѣлъ себя и въ сраженіи на Хинганѣ принесъ огромную пользу отряду: видная доля успѣха относится къ дѣятельности нашего героя. Миръ праху твоему, дорогой, безвременно-погибшій товарищъ. Твоя могила не затерянется въ глубинѣ покоряемой нами обширной земли, но всегда будетъ знаменовать доблесть русскаго народа».

Казаки продолжали двигаться, надо было торопиться нагонять противника, чтобы не дать ему устроиться, чтобы довершить его пораженіе, словомъ, чтобы разсѣять. Вдругъ докладываютъ начальнику отряда:

— Ваше превосходительство! Непріятельская колонна спускается съ горъ въ тылу и, судя по направленію, должна будетъ отрѣзать обозъ.

— Но, вѣдь, при обозѣ есть прикрытіе, тамъ больше сотни.

— Такъ точно. Да я передалъ объ этомъ 5-му баталіону.

— Ну, нечего дѣлать. Остановите батальоны, прикажите отдыхать три четверти часа. Если успѣютъ, пусть чай пьютъ. Подождемъ, пока расправится пятый батальонъ, а если ему будетъ трудно, то дадимъ помощь.

Опять замелькали огоньки, нагрѣваются чайники; хотя дѣло идетъ къ вечеру, но еще жарко, и всѣ пьютъ съ удовольствіемъ.

Подождали три четверти часа, подождали часъ, — нѣтъ пятаго батальона. Начальникъ отряда заволновался, разослалъ адъютантовъ разузнавать. Оказалось, что извѣстіе о колоннѣ непріятеля было вздорное, а штабные, не разобравъ дѣла и взявъ на себя слишкомъ много, все напутали, остановили пятый батальонъ, который ждалъ приказанія о движеніи, когда всѣ остальные его самого ждали. Такія недоразумѣнія часто бываютъ на войнѣ; поэтому надобно тщательнѣе провѣрять донесенія, быть очень осторожнымъ и на слово отнюдь не вѣрить.

Наконецъ, все приведено въ порядокъ, отрядъ двигается впередъ.

— А что теперь дѣлаетъ Булатовичъ? Ваше превосходительство, какъ полагаете, когда могъ выйти Булатовичъ?— спрашиваетъ кто-то изъ штабныхъ.

— Да у насъ условлено около полудня. Такъ или иначе, но онъ ихъ долженъ отрѣзать.

Дѣло въ томъ, что планъ сраженія 11 августа заключался въ ударѣ главной массой отряда на Хинганскій перевалъ, а пять съ половиною сотенъ конницы подъ начальствомъ лейбъ-гусара штабсъ-ротмистра Булатовича, которой въ горахъ дѣлать было нечего, въ то же время должны были черезъ перевалъ Хориголъ обойти непріятеля и отрѣзать ему путь отступленія. Перевалъ Хориголъ лежитъ въ 30 верстахъ къ югу отъ Хинганскаго; дорога туда отдѣляется отъ главной дороги у станціи Хорго и, перейдя черезъ перевалъ, вновь выходитъ на главную дорогу около устья рѣчки Хориголъ. Всего пройти нужно было около 90 верстъ; поэтому Булатовичъ выступилъ еще 10 августа, чтобы ночевать въ пути, 11-го докончить остальную часть перехода и на сравнительно свѣжихъ лошадяхъ атаковать бѣгущаго противника или, если бы Хайларскому отряду не удалось сразу сломить сопротивленіе китайцевъ, то дѣйствовать имъ въ тылъ по обстоятельствамъ. Отъ Булатовича

требовалось не только пониманіе обстановки вообще и соотвѣтственное искусство дѣйствій, но еще умѣнье хорошо сдѣлать довольно длинный кавалерійскій пробѣгъ, сохранить силы лошадей, привести ихъ не выдохшимися. Булатовичъ давно уже пріобрѣлъ извѣстность на скачкахъ, бралъ много призовъ; кромѣ того, начальникъ отряда зналъ о продолжительныхъ искусныхъ пробѣгахъ Булатовича въ Абиссиніи; такимъ образомъ этотъ офицеръ представлялъ счастливую комбинацію хорошаго кавалериста въ частности и образованнаго военнаго вообще. Нападеніе 11 августа было выполнено имъ превосходно, а точность во времени изумительна.

Донесеніе Булатовича гласило: «Въ 12 часовъ 20 минутъ атаковалъ непріятеля вмѣстѣ съ 6-ой терской сотней. Отбито шесть орудій съ передками и зарядными ящиками, обозъ изъ восьмидесяти повозокъ, шестнадцать знаменъ, порублено болѣе ста человѣкъ». Значитъ, конница хорошо пожала плоды побѣды Хайларскаго отряда на Большомъ Хинганѣ.

Булатовичу пришлось имѣть дѣло съ двумя китайскими отрядами: съ главной массой, которая убѣгала съ Хингана, и съ партіей человѣкъ въ 300, которая шла съ востока отъ Джелантуня для подкрѣпленія на Хинганъ. Сначала онъ опрокинулъ эту послѣднюю партію, а затѣмъ атаковалъ главную массу. Около устья Хоригола долина Яла суживается; горы стискиваютъ рѣку и образуютъ тѣсный выходъ, всего саженъ 200 шириною, какъ бы горло бутылки. Вотъ тутъ-то Булатовичъ и атаковалъ китайцевъ, которые отъ подобнаго неожиданнаго удара въ ужасѣ бросились назадъ; но здѣсь ихъ принялъ неутомимо слѣдовавшій съ 6-ой терской сотней поручикъ Шевичъ и довершилъ разгромъ. Вотъ почему начальникъ отряда писалъ въ своей телеграммѣ: «Большая часть побита, остальные разъсѣялись; непріятеля передо мной нѣтъ». Дѣйствительно, онъ былъ уничтоженъ, преслѣдованіе доведено до конца.

Страшный слѣдъ обозначалъ мѣсто побоища. Кромѣ захваченнаго обоза, множество повозокъ покинуто на дорогѣ и по обѣимъ сторонамъ ея. Имущество выброшено на землю и лежало въ безпорядкѣ. Чего-чего тутъ не было! Одежда, посуда, лампы, трубки, курительные приборы, маленькія китайскія игральныя карты, мѣха, зонтики, вѣера, мука, просо, оружіе, потроны... Убитые съ зіяющими ранами лежали по дорогѣ и далеко въ сторонѣ. Рѣзанныя раны на шеѣ были очень глубоки и притомъ съ боку шеи—значитъ, безусловно смертельны; убитые пулями лежали спокойно и не производили такого сильнаго впечатлѣнія, какъ порубленные. Неудачные удары шашкой по черепу, когда шашка соскальзывала, откалывали кусокъ кости величиною вершка въ два квадратныхъ и открывали мозгъ; конечно, этотъ человѣкъ умиралъ сейчасъ же.

Трагическій характеръ всего эпизода смѣшивался съ комическими случаями.

Въ Уральской сотнѣ штабсъ-капитана Якимовскаго состоялъ переводчикомъ китайскій мальчикъ лѣтъ тринадцати, по имени Мишка, весьма преданный командиру, служившій на строящейся желѣзной дорогѣ еще раньше до начала военныхъ дѣйствій. Одѣтъ онъ былъ казакомъ и вооруженъ, но обыкновенно боялся китайцевъ и очень неохотно разговаривалъ съ плѣнными. Такъ какъ онъ былъ легче казаковъ, и вьюкъ его меньше, то его лошадь меньше устала во время 90-верстнаго пробѣга. Во время атаки лошадь Мишки, конечно, помчалась вслѣдъ за другими и даже опередила ихъ. Къ великому своему страху Мишка первымъ врѣзался въ толпу непріятеля. Одинъ китаецъ уже нацѣлился, чтобы его застрѣлить, но подоспѣвшій казакъ ударомъ шашки выручилъ Мишку изъ бѣды.

Другой случай приключился съ самимъ командиромъ сотни, штабсъ-капитаномъ Якимовскимъ. Во время атаки застрѣлили его прекраснаго крупнаго коня; конь такъ и застрялъ въ болотистой почвѣ, а всадникъ свалился. Подскочившій китаецъ прицѣлился въ Якимовскаго, который успѣлъ выхватить револьверъ и, лежа на землѣ, выстрѣлилъ въ китайца раньше, но далъ промахъ. Тотъ выстрѣлилъ въ свою очередь и тоже промахнулся. Продолжая лежать на землѣ, Якимовскій, прекрасный стрѣлокъ изъ револьвера, далъ еще выстрѣлъ и опять неудачно. Такъ они обмѣнялись тремя выстрѣлами, пока казакъ не уложилъ китайца. Конечно, положеніе Якимовскаго подъ выстрѣлами Маузеровской винтовки, чуть не въ упоръ, было незавидное.

Въ горной войнѣ очень часто рѣшающее значеніе принадлежитъ обходамъ; атаковать сильную позицію съ фронта, въ лобъ, представляется почти всегда нелѣпостью, за которую придется поплатиться многими безполезными жертвами. Вотъ почему въ сраженіи при Хинганѣ 11 августа русскіе не атаковали позицію съ фронта, прямо по дорогѣ, какъ разсчитывали китайцы, но прибѣгали къ цѣлой системѣ охватовъ и обходовъ. Главный обходъ и вмѣстѣ съ тѣмъ главный ударъ возлагался на 4, 5 и 6 баталіоны, которые были направлены въ обходъ праваго фланга, третій казачій батальонъ производилъ охватъ лѣваго фланга, а болѣе глубокій обходъ этого фланга сдѣлала конница Булатовича, пройдя черезъ перевалъ Хориголъ. Планъ вышелъ нѣсколько сложнымъ, но такой планъ вызывался обстановкой, и мѣстностью, и свойствами противника; наконецъ, онъ вполнѣ удался.

Кажется, китайцы считали подобный способъ дѣйствій неправильнымъ. По крайней мѣрѣ, плѣнные это высказывали въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Русскій генералъ шибко машинка (мошенникъ) есть: справа заходи, слѣва заходи»...

Во время разгрома китайцевъ около устья Хоригола, русскіе освободили изъ плѣна десятника Сырченку съ женой, которые то-

мились у китайцевъ въ теченіе сорока дней. Сырченко—плотный мужчина съ просѣдью, лѣтъ подъ пятьдесятъ, жена его худенькая, еще молодая женщина. Когда русскіе рабочіе подъ прикрытіемъ охранной стражи уходили 28 іюня съ линіи строящейся манчжурской желѣзной дороги, Сырченко почему-то не успѣлъ уйти и попался китайцамъ.

Они первое время опасались поступать съ нимъ безцеремонно, такъ какъ Сырченко имѣлъ охранное письмо отъ китайскаго генерала Джеомяна, который былъ подрядчикомъ желѣзной дороги по поставкѣ лѣса, получилъ массу русскихъ денегъ и вообще былъ облагодѣтельствованъ инженерами. Естественно, что онъ далъ охранное письмо.

Сначала китайскіе начальники обѣщали отпустить супруговъ Сырченко, доведя ихъ при своей арміи до Хайлара. Маршъ китайцевъ совершался весьма торжественно: барабаны били, длинныя саженныя трубы трубили, знамена были распущены. Но когда китайцы узнали о разгромѣ ихъ отряда при Якши 1-го августа, то уже не развертывали знаменъ, музыка перестала играть, дальше Хингана итти они не рѣшились, да и Сырченку рѣшили не отпускать, чтобы онъ не сообщилъ русскимъ какихъ либо важныхъ свѣдѣній. На Хинганѣ прожили тринадцать дней.

Здѣсь китайцы захватили въ числѣ прочаго имущества винный погребъ инженера Бочарова, и началось великое пьянство. Бутылки шампанскаго поставили ихъ въ нѣкоторое затрудненіе: во-первыхъ, они не умѣли ихъ откупорить, а, во-вторыхъ, не знали, можно ли это пить. Дѣло въ томъ, что еще раньше на станціи Джелантунь китайцы нашли графинъ съ растворомъ сулемы, выпили и трое умерли. Теперь они сдѣлались осторожнѣе. За разрѣшеніемъ вопроса они обратились къ Сырченкѣ, велѣли ему откупорить бутылку и выпить вино. Онъ откупорилъ, выпилъ стаканчикъ самъ, далъ стаканчикъ женѣ, но затѣмъ китайцы отняли бутылку, начали пить сами и говорили «шанго» (хорошо).

Съ теченіемъ времени положеніе Сырченки ухудшалось; его заставили обрить лобъ, отпускать косу, перейти въ ламаизмъ и бросить икону съ груди. Икону подобрала жена Сырченки и убѣждала мужа быть болѣе твердымъ.

Китайскій начальникъ задумалъ Сырченка убить, а жену его взять себѣ. Назначено все это было на 11 августа, но по волѣ Божьей какъ разъ въ этотъ день послѣдовало пораженіе китайцевъ. Они захватили русскихъ плѣнныхъ при отступленіи съ собой. Спасаясь отъ неожиданной атаки казаковъ съ двухъ сторонъ, китайцы разбѣжались и предоставили Сырченка съ женой своей участи. Однако опасность не миновала: русскіе залпы раздавались и спереди и сзади; могла попасть и русская пуля. Несчастные залѣзли подъ телѣгу. Одна пуля ранила быка, запряженнаго въ эту арбу,

другая попала въ колесо, третья въ ось, но Богъ сохранилъ жизнь людямъ. Они спѣшили по-русски крикнуть прискакавшимъ казакамъ, своимъ освободителямъ. Радость была неописуема. Сырченко отъ наплыва впечатлѣній совершенно растерялся, жена его казалась спокойнѣе...

Охранной стражи капитанъ Чоглоковъ успокоилъ несчастныхъ, усадилъ въ свой тарантасъ и предоставилъ многія удобства.

Солнце закатилось за горы, наступила темнота, а пѣхота все шла и шла впередъ. Силы казаковъ подверглись серьезному испытанію. Съ двухъ часовъ утра они находились въ непрестанной работѣ, а теперь уже девять вечера; прошло 17 часовъ. Отдыхи были не велики: одинъ разъ на часъ и три четверти, а другой только на одинъ часъ. Колонна растянулась. Голова каждаго батальона еще состояла изъ довольно стройной массы болѣе сильныхъ людей, но далѣе, какъ за ядромъ кометы, слѣдовалъ очень разрѣженный хвостъ изъ усталыхъ, еле передвигавшихъ ноги казаковъ.

Начальникъ отряда остановился, слѣзъ съ лошади.

— Ну, казаки, подбодрись, головъ не вѣшать! Чего раскисли? Всего четыре версты осталось до ночлега.

Такъ онъ подбадривалъ каждый батальонъ, хотя и самъ точно не зналъ, дѣйствительно ли до ночевки осталось четыре версты, да и кто ихъ мѣрилъ? Велика сила слова: казаки дѣйствительно подбадривались, дѣлали новыя усилія, но извѣстно старинное правило—«послѣднія версты самыя длинныя».

Съ трудомъ переставляютъ ноги казаки, едва двигаются лошади, все чаще приходится пускать въ дѣло плеть, все гуще становится темнота, все холоднѣе воздухъ. Наконецъ заблистали благодѣтельные огоньки: то бивакъ конницы. Поручикъ Шевичъ встрѣчаетъ начальника отряда, который закидываетъ его вопросами: «гдѣ вода, много ли, гдѣ дрова, гдѣ раненые?» Немедленно разсылаются штабные офицеры встрѣтить батальоны и батарею и развести ихъ по бивакамъ.

— Помните, господа, что вы не должны сами до тѣхъ поръ успокоиться и выпить стаканъ чая, пока не поставите казаковъ на отдыхъ.

Около одинокой фанзы стояли китайскія пушки прусскаго издѣлія съ вырѣзаннымъ на стали вензелемъ короля Вильгельма и съ пышнымъ девизомъ Pro gloria et patria; онѣ, какъ бы стыдясь, прятались въ сумракѣ ночи, еле освѣщаемыя кострами, а многочисленныя китайскія знамена торжественно помавали своими цвѣтными полотнами.

Н. А. Орловъ.

„СКАЗКА О МИТЯЯХЪ“.

1862—1863 гг.

(Изъ записокъ и воспоминаній).

Въ 1863 ГОДУ я жилъ въ Москвѣ и, въ качествѣ вольнослушателя, посѣщалъ тамошній университетъ. Въ это время мнѣ довелось познакомиться со многими студентами университета, а черезъ нихъ и съ нѣкіимъ В. И. Дементьевымъ, личностью довольно оригинальною и рѣдкостною. Онъ былъ уроженцемъ Владимирской губерніи, воспитывался въ тамошней семинаріи и затѣмъ попалъ какими-то судьбами къ историку Погодину; у него онъ имѣлъ комнату со столомъ и былъ чѣмъ-то въ родѣ домашняго секретаря и въ то же время разбиралъ и приводилъ въ порядокъ обширное хранилище рукописей, книгъ и записокъ, принадлежавшихъ историку, находившемуся въ то время въ отставкѣ, такъ какъ его каѳедру въ университетѣ занималъ уже С. М. Соловьевъ. Всѣ многочисленныя обязанности, возложенныя Погодинымъ на Дементьева, послѣдній исполнялъ, не покладая рукъ, безропотно и почти, можно сказать, безкорыстно, такъ какъ Погодинъ, какъ извѣстно, былъ на расплату вообще очень тугъ; но дѣло въ томъ, что въ работѣ Дементьева бывали иногда совершенно неожиданные антракты и заминки. Этотъ скромный и добрѣйшей души труженикъ былъ, къ несчастію, подверженъ запоямъ, и когда наступало это время, то онъ отъ Погодина исчезалъ, и никакія силы, а равно и никакія ухищренія, придумываемыя почтеннымъ историкомъ, не могли удержать Дементьева въ домѣ и на его квартирѣ: онъ нахо-

дилъ особенное удовольствіе пить именно въ кабакѣ, улетучивался и возвращался обыкновенно черезъ нѣсколько дней, «яко благъ, яко нагъ», какъ говорится, то-есть безъ верхней одежды, а иногда безъ сюртука и безъ сапогъ: все это спускалось въ какомъ нибудь отдаленномъ отъ Дѣвичьяго Поля (гдѣ былъ домъ особнякъ Погодина) кабакѣ. Въ ближайшіе же кабаки Дементьевъ никогда не захаживалъ, не желая компрометировать хозяина дома, котораго хорошо знали въ этой мѣстности Москвы.

И вотъ, какъ только возвращался Дементьевъ къ своему принципалу, Погодинъ первымъ дѣломъ читалъ ему длиннѣйшую мораль о вредѣ пьянства, усовѣщивалъ его и стыдилъ, а затѣмъ посылалъ своего дворника на толкучку, откуда и являлись продавцы съ подержаннымъ платьемъ и одѣвали этого несчастнаго человѣка съ головы до ногъ—до перваго, конечно, новаго запоя.

Никакого жалованья Дементьеву расчетливый Погодинъ наличными не платилъ, ставя лишь ему въ счетъ это ежемѣсячное обмундированіе и выдавая иногда въ видѣ особой милости по нѣскольку рублей на табакъ, бѣлье и другіе карманные расходы.

Однажды, осенью 1863 года, у Погодина случилась какая-то большая и спѣшная работа, а у Дементьева какъ разъ подошелъ запой. Онъ бросилъ работу и исчезъ изъ дома. Погодинъ на этотъ разъ такъ разсердился, что приказалъ дворнику и остальной прислугѣ не впускать болѣе Дементьева ни въ домъ, ни даже во дворъ, въ случаѣ, если онъ возвратится. По прошествіи нѣсколькихъ дней Дементьевъ, не зная о сдѣланномъ насчетъ его распоряженіи, вернулся, а такъ какъ это было ночью, и на его стукъ въ запертую калитку никто не вышелъ, то онъ, отодвинувъ подворотню, пролѣзъ въ нее, вошелъ на дворъ, затѣмъ въ незапертыя сѣни дома и преспокойно расположился въ нихъ спать на коникѣ, покрытомъ ковромъ. Утромъ Погодинъ, просыпавшійся всегда рано, увидѣлъ изъ окна своего кабинета, что подворотня не на мѣстѣ; онъ вышелъ въ сѣни, чтобы пройти во дворъ, и тутъ увидѣлъ Дементьева, крѣпко спавшаго въ его обыкновенномъ послѣ запоя видѣ, то-есть одѣтаго яко благъ, яко нагъ, и утратившаго образъ человѣческій — съ опухшимъ лицомъ, съ расклохмаченною черною бородою и таковыми же волосами, которые онъ носилъ всегда до плечъ. Погодинъ сжалился надъ Дементьевымъ и на этотъ разъ оставилъ у себя попрежнему, одѣвъ снова съ головы до ногъ.

На Большой Дмитровкѣ, въ домѣ графини Ностицъ, имѣлись въ тѣ времена меблированныя комнаты, въ которыхъ жило нѣсколько земляковъ Дементьева, а также нѣсколько студентовъ и начинающихъ литераторовъ: жилъ покойный Николай Михайловичъ Богомоловъ и понынѣ, кажется здравствующіе А. Р. Милорадовичъ (занимавшій впослѣдствіи видную должность въ земствѣ Черниговской

ской губерніи), М. Н. Милюковъ, Н. В. Лысцевъ и другіе; жилъ въ этихъ комнатахъ и я. Почти всѣ жильцы были между собою въ силу молодости и присущей ей общительности знакомы и даже живо знакомились съ тѣми, кто часто приходилъ къ кому нибудь изъ насъ; а такъ какъ Дементьевъ часто похаживалъ къ одному изъ земляковъ, жившему въ этихъ комнатахъ, начинающему въ то время литератору Д. Нефедову (Уводину), то въ скорости съ нимъ познакомились и мы всѣ. Приходилъ онъ всегда трезвый, бѣдно, но прилично одѣтый, и почти всегда приносилъ съ собой для показа намъ что нибудь интересное изъ книгохранилища покойнаго Погодина. Это «интересное» заключалось въ то время для насъ, молодыхъ людей, главнымъ образомъ, въ плодѣ запрещенномъ, то-есть въ томъ, что или попадало въ Россію изъ-за границы, или же было секвестровано мѣстною цензурою, въ то время, въ эпоху польскаго возстанія, особенно строгою. Много таковыхъ запретныхъ вещей попадало какимъ-то путемъ къ Погодину, а Дементьевъ приносилъ ихъ для прочтенія намъ. И вотъ, однажды, такимъ именно путемъ и попала къ намъ «Сказка о Митяяхъ». Къ Погодину же она попала, по словамъ Дементьева, слѣдующимъ образомъ.

Такъ какъ подчинить человѣческую мысль цензурнымъ правиламъ и инструкціямъ было, конечно, довольно трудно—въ смыслѣ предугаданія всѣхъ цензуронарушеній, то время отъ времени продѣлывался слѣдующій пріемъ: независимо отъ случаевъ, когда сочиненіе, признанное цензурнымъ комитетомъ in corpore особенно ядовитымъ или зловреднымъ, автору не возвращалось вовсе, а с е к в е с т р о в а л о с ь, оставаясь «при дѣлахъ комитета» и поступая затѣмъ въ архивъ,—практиковалась еще и такая мѣра: сочиненіе, особенно характерное, могущее служить для господъ цензоровъ наглядною, такъ сказать, инструкціею, печаталось въ опредѣленномъ количествѣ экземпляровъ и разсылалось во всѣ цензурные комитеты для преподанія господамъ цензорамъ указанія, дабы ими отнюдь не было пропускаемо «ч т о л и б о п о д о б н о е»... И вотъ въ число такихъ инструкцій, въ видахъ воспрещенія вреднаго образа мыслей, воплощенныхъ въ формѣ сочиненія, попала и «Сказка о Митяяхъ», одинъ экземпляръ которой очутился въ книгохранилищѣ Погодина. «Сказка» была написана, очевидно, ко времени тысячелѣтія Россіи, недавно, въ 1862 году, только что исполнившагося и торжественно отпразднованнаго въ Новгородѣ. Имя автора обозначено на «Сказкѣ» не было, и я узналъ о немъ, лишь 23 года спусти, о чемъ и разскажу ниже.

Дементьевъ, принеся намъ эту интересную «Сказку», самъ же и прочелъ ее для насъ вслухъ; онъ читалъ очень хорошо, хотя, какъ владимирецъ, и произносилъ нѣкоторыя слова, упирая на букву «о». Всѣмъ намъ эта сказка очень понравилась, и многіе изъ насъ, въ томъ числѣ и я, переписали ее.

Прошло затѣмъ 9 лѣтъ. Однажды, въ началѣ 1872 года, въ Москвѣ на одинъ изъ пятницкихъ журфиксовъ редакціи журнала «Бесѣда», устраивавшихся въ квартирѣ редактора, Сергѣя Андреевича Юрьева, явился артистъ московскаго Малаго театра, покойный А. Ф. Ѳедотовъ, и прочелъ эту сказку. Въ качествѣ сотрудника названнаго журнала присутствовалъ на этомъ вечерѣ и я. Покойный Юрьевъ рѣшилъ напечатать сказку, такъ какъ она, въ сущности, кромѣ интереснаго, живого и характернаго описанія мірского схода, ничего зловреднаго не представляла, если не считать добродушнаго и въ высшей степени комичнаго подтруниванія русскаго мужичка надъ «нѣмцемъ», котораго онъ же наивно посадилъ себѣ на спину. Но издатель журнала, бывшій питейный откупщикъ, славянофилъ Кошелевъ, положительно воспротивился напечатанію «Митяевъ» изъ опасенія, что книжку могутъ задержать, а, пожалуй, и сжечь, по примѣру только что сожженной передъ тѣмъ книжки той же «Бесѣды» [1]. Такъ въ то время «Сказка» и не попала въ печать.

Прошло затѣмъ еще 14-ть лѣтъ... Въ мартѣ 1886 года, въ Петербургѣ, въ квартирѣ покойнаго редактора «Недѣли» П. А. Гайдебурова на Ямской, въ одно изъ воскресеній, былъ обычный журфиксъ; были, по бóльшей части, сотрудники «Недѣли—покойные Д. В. Григоровичъ, А. Н. Плещеевъ, О. И. Юзовъ, Ватсонъ, пріѣхавшій изъ Самары В. О. Португаловъ, а также и понынѣ здравствующіе Ѳ. Ѳ. Воропоновъ, П. О. Морозовъ, П. И. Вейнбергъ, Султанъ-Крымъ-Гирей и многіе другіе. За ужиномъ кто-то заговорилъ о «Сказкѣ о Митяяхъ»... Оказалось, что бóльшая часть присутствующихъ знали о существованіи этой сказки, а Португаловъ разсказалъ кое-что и объ ея авторѣ: таковымъ оказался нѣкто Гулевичъ, но не разсказчикъ, а богатый малороссійскій помѣщикъ, страдавшій удивительною и роковою страстью—взбираться на высокія, обрывистыя скалы, а также на башни и неубранные лѣса вокругъ строящихся церквей и домовъ... Родная сестра Гулевича, нѣжно его любившая, сопровождала своего несчастнаго брата повсюду, и однажды въ Крыму ей удалось таки спасти его отъ внезапно явившагося у него, непреодолимаго желанія спрыгнуть со скалы... Но позже въ Швейцаріи этотъ несчастный маньякъ какъ-то сумѣлъ разъ обмануть бдительность сестры—ушелъ тайкомъ изъ дома, забрался въ Альпахъ на одну изъ горъ и прыгнулъ въ глетчеръ... Такимъ образомъ, я узналъ тогда имя автора «Сказки о Митяяхъ» и его трагическую судьбу, которая, какъ ока-

---

[1]) Въ тѣ времена, то-есть тридцать лѣтъ назадъ, для безцензурныхъ журналовъ не существовала теперешняя мѣра — изъятіе изъ книги лишь одной, признанной неудобною, статьи, а уничтожалась, то-есть сжигалась, вся книжка цѣликомъ. И. З.

залось, хорошо была извѣстна и П. А. Гайдебурову, малороссу же; но изъ разговоровъ выяснилось, что ни у него и ни у кого изъ присутствовавшихъ гостей не сохранилось списка этой «сказки»; я объяснилъ, что онъ у меня есть, и обѣщалъ выслать—собственно Гайдебурову, который хотѣлъ напечатать «Митяевъ» въ своихъ книжкахъ «Недѣли».

Въ то время я былъ въ Петербургѣ гостемъ: жилъ я далеко, на одной изъ окраинъ Россіи, гдѣ были и моя библіотека, и мой архивъ. По пріѣздѣ изъ Питера я, однако, не нашелъ у себя «Митяевъ» и не могъ, поэтому, исполнить желаніе покойнаго редактора «Недѣли». Но вотъ недавно, въ концѣ минувшаго года, желая немножко поуменьшить различный печатный и письменный хламъ, накопившійся, за нѣсколько десятковъ лѣтъ, въ моемъ архивѣ, я принялся за болѣе тщательную разборку его и совершенно случайно нашелъ исчезнувшую «Сказку», каковую и привожу здѣсь полностію, такъ какъ въ ней собственно нѣтъ рѣшительно ничего, что бы теперь, спустя 39 лѣтъ послѣ праздника тысячелѣтія Россіи, могло показаться насмѣшкой, или глумленіемъ, какъ это, повидимому, показалось тогда, въ 1862 году, черезчуръ уже осторожнымъ господамъ Аристархамъ. Очевидно, другія времена были, другіе нравы и люди.

„Сказка о Митяяхъ“.

«Тысяча лѣтъ—яко день единъ!»...

«Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ... то-есть, ни государства ни царства не было,—противъ неба, на землѣ, жили да были—дядя Митяй, да дядя Митяй... Два Митяя, значитъ... У каждаго было по женкѣ: у одного тетка Акулина, у другого тетка Ѳедосья...

Жили они мирно—то-есть, душа въ душу, и кромѣ нихъ, въ той землѣ больше никого не жило... пустырь, значитъ, былъ: лѣса дремучіе, да степи раздольныя, да рѣки многоводныя—вотъ и все... да въ лѣсахъ медвѣди и всякіе звѣри.

Долго ли, коротко ли жили Митяи—только начали дѣтей плодить. Пошли тетки дѣтей рожать, и народили премногое множество, и все Митяями зовутъ да Акульками... Старики померли; молодые подросли—пошли сами дѣтей плодить и наплодили силу великую—цѣлое царство... Какъ только это наплодились,—собрались Митяи на сходку и говорятъ:

— Чтò таперича дѣлать будемъ?

— Извѣстно, что... таперь жить будемъ...

Ну, и зажили.

Только, видно, въ несчастный часъ они уродились... нѣтъ имъ житья!.. Жили они, значитъ, все по родамъ: наплодилъ, примѣрно, какой ни на есть Митяй Митяевъ, оженилъ ихъ, добылъ внуковъ тамъ разныхъ, чего другого-прочаго, и жилъ со всей этой обузой; а ужъ его не трожь—онъ, значитъ, родъ былъ, особнякъ... У другого такая-жъ обуза была, у третьяго тожъ, у четвертаго... Народъ былъ бѣдовый... Боже, упаси!... Жили вмѣстѣ—мало ли что бываетъ,—ну, и грызлись...

Грызутся промежъ себя, другъ дружкѣ салазки правятъ, подъ микитки угощаютъ, не забываютъ, значитъ, и рожества... больно въ этой наукѣ произошли... просто, бѣда!

Не въ моготу стало... Собрались опять на сходку потолковать. Толкуютъ...

— А вѣдь, братцы, это нехорошее дѣло—брань...

— Вѣстимо, что̀ и говорить!..

— Значитъ, конецъ положить этому надо...

— Положить, безпремѣнно положить!..

— Въ мирѣ, значитъ, жить слѣдуетъ!

— И въ согласіи...

— Извѣстно, и въ согласіи тожъ.

— Потому зазорно выходитъ...

— Какъ не зазорно!

Порѣшили жить въ согласіи, на томъ и разошлись.

Проходитъ день, другой... Хватилъ одинъ Митяй полугару (у нихъ пока откуповъ не было, и полугаръ былъ въ силѣ), поругался съ другимъ, третьему зубы почистилъ... Еще день — опять драка... и пошло̀, и пошло̀... Стонъ стоитъ надъ митяйною землею, живой души нѣтъ, чтобъ съ фонарями не ходила. . задоръ въ силу вошелъ, руки раззудѣлись. Была потѣха удалымъ бойцамъ, славнымъ молодцамъ!..

Однако, видятъ Митяи, дѣло дрянь, этимъ ничего не наживешь, окромя развѣ зуботычинъ... Собрались опять на сходку... Старики говорятъ:

— А вѣдь, братцы, такъ ничего не выйдетъ?..

— Куда выйти!.. не выйдетъ... Какъ есть, ничего не выйдетъ!..

— Не выйдетъ!... заорали.

— Ну, такъ, какъ же?

Молчатъ—думаютъ... Потомъ говорятъ голоса:

— Какъ, значитъ, міръ присудитъ, такъ и быть!

— Извѣстно, міръ какъ присудитъ...

— Міръ присудитъ!.. намеднись міръ присудилъ жить въ согласіи, а что̀ вышло?.. Вонъ, Митяю-кривому Митяй-косой чутье расквасилъ, на весь вѣкъ несчастнымъ сдѣлалъ... Митяю-благочестивому ребра обломали...

— Да мало ли!.. Моей Акулькѣ Митяй-со-свистомъ ухо прочь оторвалъ...

— Вотъ тѣ и міръ!..

Молчатъ...

— Нѣтъ, братцы, тутъ съ міромъ ничего не подѣлаешь...

— Не подѣлаешь ничего!..

— Чтò подѣлаешь!.. добавили.

— Такъ какъ же быть?..

— Оставаться такъ нельзя...

— Какъ можно!..

— Вѣстимо нельзя...

— Значитъ, рѣшить нужно, кàкъ быть?..

— Рѣшить, рѣшить!..

Пошли рѣшать. Толкуютъ, толкуютъ... ажно взопрѣли...

— То-ись, страмъ одинъ, житье наше горькое!—оралъ Митяй-сивобородый:—и дня-то не проходитъ, чтобъ страму не было!..

— Да ты чего орешь-то!—крикнулъ Митяй-поджарый:—небось, самъ страму не творилъ?..

— А тебѣ дѣло?

— Дѣло!.. Другихъ коришь, а самъ...

— А кто намедни,—вмѣшался Митяй-тупорылый:—теткѣ Акулинѣ скулу свернулъ?..

— Стоило, значитъ!..

— То-то, «стоило»!.. А туда-жъ «страмъ» кричитъ...

— Ужъ онъ такой!—отозвались голоса...

— Да чтò вы, аспиды?.. Чегó ко мнѣ пристали?..

— А того!.. Не ори безъ пути!..

— Тьфу на васъ!..

Сивобородый плюнулъ и попалъ въ бороду Митяю-говорливому... Говорливый, недолго думавши,—до рыла... Пошла потѣха!.. Кто за сивобородаго, кто за говорливаго... Кто разнимать началъ, — куда тебѣ!—только подожгли пуще... Бились до ночи, и что тамъ было, братцы мои, страсть!..

Такъ вотъ такъ-то и рѣшили, кàкъ быть...

А рѣшить-таки надо—это чувствуютъ,—потому натуру свою знаютъ... Ну, и повѣсили носы... Больно ужъ солоно приходилось...

Денька черезъ два, пережидавши, одинъ по одному сошлись опять всѣ... Стоятъ, думаютъ... въ землю смотрятъ... «Эхъ» да «ахъ» слышно, а больше ничего...

— Пропадать, значитъ!..—послышался голосъ...

— Ужъ что это за жизнь!—отозвался другой...

Опять молчатъ—думаютъ... Никто ничего не приберетъ...

— Все, братцы, прахомъ пойдетъ, коли этакъ-то...—послышалось въ середкѣ...

Стоятъ... молчатъ...

— Одно, братцы, спа̀сенье!..—крикнулъ кто-то...

Всѣ головы подняли...

— Говорю, одно спа̀сенье,—потому больше ничего нѣтъ...

— Говори, говори!..

— Одно спа̀сенье: въ мірѣ жить слѣдуетъ...

Молчатъ всѣ; смотрятъ...

— Эхъ, чтобъ тебѣ!..—промолвилъ кто-то...

— Нѣтъ, не то, братцы!.. Я вотъ штуку надумалъ, важную...—крикнулъ другой Митяй.

— Толкуй!..

— Начальство завести слѣдуетъ!..

Всѣ рты разинули...

— Вѣрно говорю... потому безъ этого жить нельзя...

— Да ты... что?..

— Говорю, безъ этого не проживешь!..

Зашумѣли Митяи... пошли толки, шумъ, гамъ поднялся... Глядь, ужъ кричатъ:

— А, можетъ, и въ самомъ дѣлѣ оно такъ!

— Правда, правда!.. начальство слѣдуетъ.

— Да ка̀къ его заведешь?..

— Извѣстно, какъ...

— Заведемъ...

— Да откуда ты возьмешь-то его?..

— Да и завести-то... ка̀къ ты его, значитъ, проймешь?.. всю эту суть?..

— Знай, помалкивай!.. Сказано—міръ рѣшилъ: завести начальство...

— На первый разъ, хоть плохенькое какое!..

У Митяевъ на душѣ полегчало, какъ додумались до спа̀сенья... Веселые такіе стали... Оно, конечно, задоръ не пропалъ, а все-таки легче... Случится, угоститъ одинъ другого разъ, другой, третій, и баста: до умертвія ужъ не доходило... Просто, не нарадуются Митяи, только и слышно: «погоди, то ли еще будетъ, какъ начальство заведемъ!»..

Что-жъ, вы думаете, братцы мои, было?..

Слушайте...

Прежде всего, много голову ломали... Потому, что ты тамъ ни говори, а соловья баснями не кормятъ... Разговора одного, значитъ, мало, и начальство сдѣлать слѣдуетъ...

Извѣстное дѣло, его слѣдовало изъ стариковъ сдѣлать; потому у Митяевъ заведеніе такое было: коли ты старикъ, такъ ты тамъ хоть что̀, а выходитъ, что ты разумный человѣкъ и голова...

Только стариковъ-то всѣхъ не подѣлаешь начальствомъ, ну, и выбирай... Что тутъ дѣлать?.. А главное, съ непривычки... было работы мозгамъ!..

Ну, да кое-какъ дѣло сладили...

Былъ межъ ними старикъ, что ни-на-есть почтенный: борода съ лопату, а разуму чтò было!.. и Боже упаси: самъ Соломонъ передъ нимъ не устоялъ бы...

Бывало—сходка: Митяи изъ кожи лѣзутъ, дѣло обсуждаютъ. И онъ тутъ же... Обопрется обѣими руками на палку, бороду опуститъ, все въ землю смотритъ... думу, значитъ, думаетъ...

Митяевъ потъ прошибаетъ отъ усердія, а дѣло не выходитъ... Сейчасъ къ почтенному:

— Какъ, значитъ, по-твоему выйдетъ?..

Почнетъ рѣшать... Прежде головой покружитъ, на людей взглянетъ, потомъ въ землю, а тамъ опять на людей...

— Я, братцы, скажетъ, чтò?!. Я, какъ вамъ, значитъ, угодно... чтобъ, значитъ, по-вашему вышло... Оно дѣло такое, что того... его сразу не разберешь... Ну, да и та оказія тутъ, что міръ, значитъ, сила... сила великая, противъ нея не попрешь... ужъ коли міръ чтò, такъ ужъ тутъ ничего... Міръ, братцы,—нетлѣнная риза!.. Оно, это дѣло, точно, что не подходитъ... ну, а все-таки этому дѣлу быть, какъ вышло на міру...

Отойдутъ Митяи, думаютъ: «Экая голова у человѣка! гдѣ ты этакую голову добудешь!».. И положатъ: «быть дѣлу, какъ на міру вышло». А его-то, совѣтчика, за эти качества прозвали Смышленымъ...

Такъ вотъ его-то и намѣтили въ начальство...—Кому же и быть, какъ не ему?—рѣшили... Рѣшили—сотворили...

Зажили съ начальствомъ... Красуется Смышленый, точно звѣзда небесная: не нарадуются Митяи...—Экіе мы! да экой онъ у насъ!—только и слышно... Живутъ всласть...

Да вотъ дѣло въ чемъ: господа говорятъ — противъ натуры ничего не подѣлаешь; это самое и вышло... А натура у Митяевъ точно что была!..

Много ли, мало ли пожили со спàсеньемъ, анъ, глядь, ужъ не то... Опять Акульки вопятъ, Митяи надсѣдаются, ребра свои богатырскія считаютъ... Пошелъ дымъ коромысломъ!.. И самъ Смышленый за свое спокойствіе опасается; а ужъ, чтобы тамъ вмѣшаться и это дѣло пріостановить,—и не говори. Бывало, пойдетъ, коли что замѣтитъ, и скажетъ: тише!.. я, дескать, начальство!

Такъ куда тебѣ!

— Проваливай съ своимъ начальствомъ, куда тебѣ надо!—отвѣчаютъ:—а не то, не спесивься!.. Знаешь!?.

Зналъ Смышленый—и голову повѣсилъ... Ничего въ своей мудрой, сѣдой головушкѣ не приберетъ, не придумаетъ...

И шло такъ-то, шло все своимъ порядкомъ... анъ, настало время Смышленому помирать...

Лежитъ, помираетъ... Кругомъ его все Митяи, что постарше, попочтеннѣй... Стоятъ, головы опустили, бороды поглаживаютъ, и ни одна душа, примѣрно, не знаетъ, что изъ того выйдетъ...

Открылъ Смышленый глаза, кругомъ себя посмотрѣлъ... вѣщаетъ:

— Я, братцы, помираю...

— Тэ-экъ-съ...—послышалось.

— Помираю, братцы... потому мнѣ одно осталось—помирать.. А вамъ, братцы, соотчичи милые, жить... И я къ тому говорю, что вамъ точно жить... Надо жить — порядокъ держать надо... Это вѣрно... А у васъ все есть... и земля обильна... и плоды... А самаго этого порядку-то и нѣтъ... Вамъ бы, братцы, нѣмца слѣдовало завести...

На томъ и померъ...

Долго стояли Митяи и думали: загадку разгадать хотѣли... Не смогли разгадать. Собрались на сходку...

— Слышали?—спрашиваютъ...

— Слышали,—отвѣчаютъ...

— Недаромъ онъ это сказалъ!..

— Недаромъ!..

Замолчали...

— Передъ смертью, братцы, сказалъ!—заговорили.

— Передъ смертью!..

Опять замолчали... Загадка, видно, трудна была...

— А что, братцы, коли онъ это передъ смертью... правду сказалъ?..

— А что, коли намъ и впрямь безъ нѣмца не прожить?...

Молчатъ...

— Безъ него не проживешь!.. почесавши затылокъ, говоритъ одинъ.

— Такъ ли, этакъ ли, — говоритъ другой, потерши спину:—а нѣмца слѣдуетъ...

— Потому онъ всѣ порядки знаетъ!..

— Обезьяну выдумалъ!..

— Погоди, онъ и не то еще выдумаетъ...

— Что-жъ, коли нѣмца—такъ нѣмца! песъ съ имъ!—заговорили въ разныхъ концахъ...

Пошли толковать, ажъ поднялся крикъ...

— Нѣмца!.. нѣмца!..

— Недаромъ покойникъ сказалъ!..

— Передъ смертью!.

— Нѣмца!..

Порѣшили: быть нѣмцу, и присудили: выбрать что ни-на-есть разумныхъ Митяевъ и отправить отыскать что ни-на-есть лучшаго нѣмца...

А чтобъ дѣла не откладывать, тутъ же и выбрали пятерыхъ...

— А что, братцы, — спрашиваютъ выборные: — какъ найдемъ мы такого нѣмца, какой требуется, что̀ тогда, примѣрно, ему сказать и какъ, значитъ, его сманить половчѣе?..

Опять надо голову ломать...

— Извѣстно, что... такъ и такъ, дескать... какъ бишь сказалъ Смышленый-то?...

— Сказалъ: земля обильна...

— Не то!...

— Порядку, говоритъ, вамъ надо!..

— Не то!...

— Небось, ты... то̀!?..

— Да прямо сказать, встрѣтимши: такъ и такъ... всего, дескать, у насъ вдоволь...

— И земля обильна...

— Ну, и земля... а порядку-то этого и нѣту!..

— Да!.. порядку-то этого, молъ, и нѣту... бить насъ некому... Да, такъ не угодно ли тебѣ?...

— Батюшка нѣмецъ...

— Не угодно ли тебѣ, батюшка нѣмецъ, пожаловать?..

— Потому у насъ все, окромя хорошаго!..

— Потому, значитъ, тебя требуется!...

— Все, значитъ, есть, окромя васъ... Его, то-ись!..

— Такъ!..

— Такъ, значитъ, и говоритъ...

Порѣшили и разошлись...

Собравшись на скорую руку, отправились Митяи-выборные...

Долго они странствовали по разнымъ странамъ, по лѣсамъ дремучимъ, по дебрямъ непроходнымъ, по болотамъ неисходнымъ... Вѣтеръ дулъ имъ въ лицо, дождь мочилъ... Много горя было, много страху натерпѣлись они, пока гдѣ-то за моремъ бурнымъ, въ странѣ полуночной, не нашли такого нѣмца, какой былъ надобенъ...

А былъ тотъ нѣмецъ не одинъ: самъ прозывался Карлъ Ивановичъ, да у него еще два брата было: Иванъ Ивановичъ и Адамъ Ивановичъ...

Митяи подумали, подумали: «Одинъ нѣмецъ — хорошо, а какъ три, то и того лучше!».. Взяли, да и бухъ челомъ всѣмъ тремъ...

— Такъ и такъ, дескать... всего у насъ вдоволь, окромя васъ... Отцы родные, пожалуйте!..

А нѣмцу — что? нѣмцу, извѣстно, лишь бы хлѣбное мѣсто найти... Согласились...

— Зеръ гутъ! — говорятъ...

Ударили по рукамъ и отправились Митяи назадъ въ путь-дороженьку. А за ними и нѣмцы, пособравшись. Да, правда, сборы

были не долги: одинъ захватилъ съ собой шарманку, другой—кофейникъ, а третій—старшій-то, Карлъ Иванычъ, значитъ, трёхвостку...

Ѣхали, ѣхали и доѣхали... И какъ только ступили нѣмцы на Митяйную землю,—земля задрожала, вихрь поднялся, былъ громъ и молнія и всякія страсти... И былъ слышенъ гласъ: «Быть вамъ, Митяи, отнынѣ и вовѣкъ... подневольными!»..

Ив. Захарьинъ (Якунинъ).

ПУБЛИЦИСТЪ-ГОСУДАРСТВЕННИКЪ.

I.

ТРУДНО рѣшить, кто грубѣе ошибается въ оцѣнкѣ Каткова,—поклонники его, для которыхъ онъ въ своемъ государственномъ ученіи и особенно въ своей дѣятельности непогрѣшимѣе папы, или враги, которые не хотятъ въ немъ признать даже выдающагося таланта. Задача тѣмъ сложнѣе, что истина вовсе не лежитъ по срединѣ. Катковъ—огромная, монументальная фигура. Человѣкъ глубокаго и разносторонняго образованія, владѣющій словомъ почти съ пушкинской свободой, вооруженный могучею критическою мыслью, борецъ по темпераменту и сектантъ по неодолимому упорству, онъ могъ бы занять почетнѣйшее мѣсто въ любой литературѣ. У насъ онъ этого мѣста не занялъ. Усматривать здѣсь исключительно козни его многочисленныхъ противниковъ справедливо только по отношенію къ опредѣленному періоду дѣятельности знаменитаго публициста. Мы не скажемъ, что оно прошло, но и тогда, когда пройдетъ, слава Каткова выиграетъ немного. Слишкомъ очевидно несоотвѣтствіе между тѣмъ, что онъ совершилъ, и чего каждый въ правѣ былъ требовать отъ его ума, таланта и образованія.

Катковъ принесъ себя въ жертву ежедневной публицистикѣ. На этомъ пути ему пришлось испытать самыя тяжелыя разочарованія, но также на этомъ пути онъ удостоился тріумфовъ, которые

рѣдко выпадаютъ на чью либо долю. Дальнѣйшее пышное увѣнчаніе было бы, пожалуй, несправедливостью. Другое дѣло,—останься Катковъ тамъ, гдѣ его настоящее мѣсто, т.-е. въ литературѣ. Тогда никакіе враги не справились бы съ нимъ, и усилія ихъ вознаградились бы не большимъ успѣхомъ, чѣмъ попытка Зайцева упразднить Лермонтова. Тогда и о государственномъ ученіи Каткова мы говорили бы совершенно иначе. Теперь, сознаемся, наша задача не изъ благодарныхъ.

Чтобы какъ нибудь собрать воедино разрозненныя части этого ученія, надо проштудировать двадцать пять громаднѣйшихъ, въ два столбца, томовъ, заключающихъ въ себѣ не менѣе десяти тысячъ передовыхъ статей, своевременно украшавшихъ «Московскія Вѣдомости». Я даже приблизительно не знаю, какое количество изъ нихъ принадлежитъ собственно перу Каткова. Что каждая статья прошла его редакторскую цензуру, что множество статей имъ прямо инспирировано,—нѣтъ никакого сомнѣнія. Тутъ всюду взгляды Каткова и нравственную отвѣтственность за всѣ двадцать пять томовъ мы можемъ смѣло возложить на него. Но можемъ ли возложить также и спеціально авторскую отвѣтственность? А это вопросъ не безразличный. «Мысль изреченная есть ложь», иными словами—ни въ разговорѣ, ни на бумагѣ мысль не выражается съ тою всеобъемлющей полнотой, благоуханной свѣжестью и воздушной легкостью, которыя характеризуютъ ея не воплощенное состояніе. Сугубой «ложью» должна явиться мысль, изреченная чужими устами. Слѣдовательно, какъ ни обиленъ матеріалъ, представляемый двадцатипятитомнымъ «Собраніемъ», онъ несравненно пригоднѣе для обрисовки направленія газеты за время редактированія ея Катковымъ, нежели для критики его общественныхъ и государственныхъ идей.

Прежде всего надо устранить нелѣпое мнѣніе, будто Катковъ чему-то «измѣнилъ», ушелъ изъ-подъ какого-то знамени. Катковъ измѣнилъ только своему призванію, уйдя изъ литературы въ журналистику. Складъ его взглядовъ, стремленій и горячихъ симпатій оставался неизмѣннымъ на протяженіи всей дѣятельности. Еще въ 1842 году Катковъ, жившій въ то время за границей, писалъ матери: «о Россіи я думаю и мечтаю очень часто и всякій разъ болѣе чувствую крѣпость связей, соединяющихъ меня съ моимъ народомъ; знаю, знаю, но все же убѣжденъ—самою лучшею наградой за всѣ мои труды,—разумѣется, въ будущемъ,—была бы хотя какая нибудь польза, принесенная съ моей стороны. Мысль объ этомъ дѣйствуетъ на меня благотворно и даетъ объективную опору и цѣль... Всякую малость, все, что, хоть сколько нибудь, относится къ пользѣ Россіи, готовъ собирать я, какъ теперь подъ моимъ окномъ нѣмцы собираютъ клочечки сѣна, оставшагося на мостовой послѣ разборки воза, съ необыкновеннымъ тщаніемъ и основательностью».

Россію Катковъ понималъ и представлялъ себѣ не иначе, какъ государство, и при томъ въ западно-европейскомъ смыслѣ. Катковъ—государственникъ и западникъ, съ этого опредѣленія должна начинаться его характеристика. Не потому въ первые годы изданія «Русскаго Вѣстника» взоры Каткова съ любовью устремлялись на Англію, что онъ видѣлъ въ ней «страну свободы». Нѣтъ, ему внушала глубокое уваженіе англійская государственность, крѣпче которой не было тогда, нѣтъ и теперь на континентѣ. Такимъ же образомъ укрѣпить и утвердить русскую государственность являлось его преобладающимъ стремленіемъ. Вначалѣ Катковъ допускалъ мысль, что для блага русскаго государства (не для какой иной цѣли) полезно пересадить на нашу почву нѣкоторыя изъ англійскихъ учрежденій. Но чѣмъ глубже и отчетливѣе представлялъ онъ себѣ это благо, тѣмъ увѣреннѣе отказывался отъ первоначальной мысли. Предъ нимъ возставала вся исторія Россіи и требовала сведенія строжайшихъ счетовъ. А для него, западника до мозга костей, не легко было ихъ свести.

Я считаю весьма цѣннымъ для выясненія данной стороны вопроса письмо Б. М. Маркевича къ гр. А. К. Толстому отъ 15 февраля 1869 года. Маркевичъ близко стоялъ къ Каткову, былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ и, конечно, не могъ допустить ошибки въ такомъ важномъ пунктѣ. Да и факты на лицо. «Что касается до эпохи, которая васъ вдохновляетъ [1]),—пишетъ Б. М.,—то я чувствую къ ней не меньшее влеченіе, нежели вы; къ московскому же періоду ни вы, ни я, ни Катковъ (это я могу доказать выдержками изъ его газеты) не питаемъ ни малѣйшей симпатіи [2]). Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать исторію, и вотъ въ этомъ-то духѣ мы и будемъ дѣйствовать,—Катковъ и я, а также, надѣюсь, и вы. Разница между нами та, что вы, мой другъ, гадливо отъ нея отворачиваетесь, мы же рѣшаемся смотрѣть ей прямо въ лицо и въ ея варварскихъ, если хотите, чертахъ узнаемъ, однако же, грубую, но мощную (этого вы не можете отрицать) силу, создавшую 80-ти милліонное гусударство»...

Условившись далѣе относительно «огромныхъ заслугъ московскаго періода въ смыслѣ объединенія, а слѣдовательно и величія Россіи», Маркевичъ продолжаетъ:... «вы должны согласиться и съ тѣмъ, что всякое историческое прошлое вмѣняетъ въ обязанность послѣдующимъ поколѣніямъ продолжать то же дѣло и преслѣдовать ту же цѣль. Этимъ дѣломъ, этой цѣлью для насъ теперь, какъ и во время «собирателей Русской земли», является и будетъ впередъ являться лишь одно—это объединеніе государства. Катковъ не что иное, какъ адвокатъ, защитникъ, представитель этого принципа, этого національнаго вѣрованія».

---

[1]) т.-е. Кіевскаго періода.

[2]) Курсивъ вездѣ мой. Авт.

Объясненіе Маркевича опредѣленно и согласуется со всѣми обстоятельствами дѣла. Катковъ не питалъ любви къ допетровскому режиму. Онъ бралъ его не чувствомъ, а умомъ, онъ видѣлъ въ немъ пройденную стадію, къ которой нечего возвращаться (Боже, сохрани!), но о которой надо твердо помнить, чтобы не сбиться съ дороги. Спасибо Москвѣ за труды на пользу русской государственности, спасибо за грубую мощь, переданную въ наслѣдство новой эпохѣ, что же касается остального, то «мавръ сдѣлалъ свое дѣло, мавръ можетъ убираться». Катковъ не пойдетъ съ Аксаковымъ «домой». Его курсъ — въ Европу, впередъ, по пути западно-европейской культуры и западно-европейскаго *просвѣщенія*. Онъ не знаетъ *никакихъ* московскихъ идеаловъ, *кромѣ* объединенія и внѣшняго могущества Россіи.

Въ каждомъ существенномъ вопросѣ Катковъ прежде всего опредѣлялъ количество содержимаго имъ государственнаго элемента. Чрезвычайно ярко сказывается эта особенность публициста-государственника въ сужденіи о свободѣ вѣроисповѣданія.

«Свобода, — пишетъ Катковъ (1863 г.), — какъ религіозная, такъ и всякая другая, не значитъ давать оружіе нашему врагу; свобода не значитъ отказываться отъ власти въ пользу чужого деспотизма. Религіозная свобода не значитъ: простирать терпимость до того, чтобы водворять у себя чужую нетерпимость. Мы можемъ желать и *желаемъ*[1]) религіозной свободы, но не можемъ и не должны желать *никакой* поблажки *властолюбивымъ притязаніямъ чуждой церкви*, которая захотѣла бы пользоваться у насъ правами господствующей церкви и даже большими».

Послѣ этой твердой постановки принципіальнаго вопроса Катковъ переходитъ къ частному случаю. Онъ противъ того, чтобы въ Россіи былъ допущенъ папскій нунцій. *Религіозная* сторона его не касается. Главенствуй она, ему не помѣшаетъ и десятокъ нунціевъ. Но тутъ явно страдаетъ *государственный* интересъ. Нунцій неминуемо станетъ «посредникомъ между *русской короной* и ея католическими подданными». «Это вовсе не относится къ религіозной свободѣ», заключаетъ Катковъ.

Приведенныя слова, конечно, принадлежатъ *государственнику*, а не «клерикалу». Въ дальнѣйшей мотивировкѣ Катковъ высказываетъ заботу уже объ интересахъ церкви: «Русскій народъ не можетъ измѣнить православной церкви, въ ней его душа, въ ней святыня его народности». «Государство должно ограждать ее, оберегать ее и отъ разбойника, и отъ татя». «Въ цѣломъ мірѣ должны мы охранять честь, достоинство и величіе нашей церкви».

Стоитъ лишь приступить къ болѣе подробному изложенію взглядовъ Каткова, чтобы немедленно же натолкнуться на рас-

---

[1]) Курсивъ вездѣ мой. Авт.

пространеннѣйшій изъ «культурныхъ упрековъ» — упрекъ въ нетерпимости. Катковъ нетерпимъ. Это особенно ясно въ наше время, когда идея государства столь непопулярна, государственные интересы кажутся столь искусственными, а все относящееся до религіи обзывается «клерикализмомъ».

Я полагаю, однако, что касательно терпимости вообще и въ текущіе дни заслуживаютъ полнаго вниманія нѣкоторыя сужденія Карлейля. Карлейль согласенъ, что будетъ лучше, если каждый изъ насъ обнаружитъ больше терпимости. «Тѣмъ не менѣе,— говоритъ онъ, — и несмотря на всѣ толки, которые велись и ведутся по этому поводу, что такое въ сущности[1]) терпимость? Терпимость побуждаетъ человѣка относиться снисходительно къ несущественному и всякій разъ внимательно различать то, что существенно и что несущественно. Терпимость должна быть благородной, соразмѣрной, справедливой даже въ томъ случаѣ, когда человѣкъ, подъ вліяніемъ гнѣва, не можетъ больше терпѣть. Но, въ концѣ концовъ, мы живемъ вовсе не для того, чтобы терпѣть. Мы живемъ также для того, чтобы противостоять, обуздывать, побѣждать. Мы не должны терпѣть лжи, воровства, неправды, когда они наступаютъ на насъ, мы должны сказать: ты ложь, ты нетерпима».

«Нетерпимость» Каткова была именно тою справедливою нетерпимостью, которую Карлейль вмѣняетъ въ обязанность человѣку. Поступиться, конечно, можно, но вѣдь надо знать, чѣмъ и во имя чего поступаешься. Громадная разница далѣе между уступчивостью (или «терпимостью») частнаго лица и государства. «Въ частныхъ отношеніяхъ, — говоритъ Катковъ (1863 г.),—безспорно, требуется извѣстная степень добровольной уступчивости. Но, спрашивается, что бы такое значила добровольная уступчивость со стороны государства? Когда частный человѣкъ уступаетъ что нибудь, онъ жертвуетъ своимъ интересомъ въ пользу своего ближняго. Въ пользу какихъ же ближнихъ могло бы государство поступаться своими интересами? Не ясно ли, что, отрекаясь изъ уступчивости отъ своихъ интересовъ, добровольно воздерживаясь отъ принятія той или другой мѣры, могущей оградить эти интересы, государство можетъ служить лишь интересамъ противоположнымъ, т. е. враждебнымъ ему, тѣмъ интересамъ, съ которыми оно обязано бороться».

Запрещая государству какія бы то ни было уступки, Катковъ отнюдь не возставалъ тѣмъ самымъ противъ необходимыхъ преобразованій. Только преобразованія эти являлись въ его глазахъ не результатомъ добровольной уступчивости правительства, а выполненіемъ его прямого долга. Реформы, проистекающія изъ «тео-

---

[1]) Курсивъ и здѣсь, и далѣе мой. Авт.

ріи уступокъ», непремѣнно совпадаютъ съ планами и надеждами части общества умѣющей особенно громко заявлять о себѣ. Наоборотъ, реформы, предпринятыя единственно по соображеніямъ государственной пользы, могутъ, на первыхъ порахъ, оказаться вполнѣ «непопулярными». Катковъ не принадлежалъ къ числу любителей прогресса во что бы то ни стало, которые, по его опредѣленію, «восхищаются или забавляются прогрессомъ преобразованій, а о содержаніи реформъ не спрашиваютъ». «Разумное преобразованіе,—писалъ Катковъ въ 1863 г.,—есть улучшеніе существующаго; средство разумнаго преобразованія—устраненіе недостатковъ, обнаруживающихся въ существующемъ порядкѣ и, слѣдовательно, сохраненіе въ немъ всего того, что удовлетворительно. Основой преобразованій долженъ быть существующій порядокъ... Точнѣе будетъ сказать, что правильное преобразованіе должно быть естественнымъ развитіемъ существующаго, должно происходить изъ его собственныхъ нѣдръ». Истинный консерватизмъ не состоитъ въ томъ, чтобы дорожить всѣмъ существующимъ, но «онъ крайне недовѣрчивъ къ проектамъ преобразованія, не составляющимъ очевидной необходимости».

Государственная польза—альфа и омега ученія Каткова. Насколько почетное мѣсто отводилъ онъ ей въ теоріи, настолько усердно отстаивалъ ее въ практической дѣятельности публициста. Изъ многихъ свидѣтельствъ о примѣрномъ гражданскомъ мужествѣ Каткова, который ничего не зналъ выше своего «государственнаго служенія» и ничѣмъ не смущался, выполняя свой долгъ, мы приведемъ здѣсь два, достаточно краснорѣчивыхъ.

Враждебное отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ Валуева грозило Каткову прекращеніемъ его публицистической дѣятельности. Люди высоко цѣнившіе ее, какъ, напримѣръ, Ѳ. И. Тютчевъ, были очень встревожены и озабочены. Самъ не способный ни на какія уступки и компромиссы, Тютчевъ, однако, убѣдилъ князя Н. П. Мещерскаго (впослѣдствіи попечителя Московскаго учебнаго округа) произвести попытку воздѣйствія на Михаила Никифоровича «въ примирительномъ смыслѣ». «Катковъ о себѣ не думаетъ, говорилъ Тютчевъ, готовъ жертвовать всѣмъ, онъ не думаетъ, что станется съ дѣломъ, которому онъ служитъ». Между тѣмъ «нѣсколько пріятныхъ словъ», и Валуевъ успокоится.

Князь Н. П. Мещерскій выполнилъ возложенную на него трудную миссію. «Съ большимъ вниманіемъ прослушалъ онъ мои первыя слова,—разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Катковѣ (въ формѣ писемъ къ его вдовѣ, Софьѣ Петровнѣ) князь Мещерскій,—но каковъ же былъ мой ужасъ, когда я вскорѣ убѣдился, что настоящаго Михаила Никифоровича уже не было передо мною... Его внѣшній обликъ ходилъ безучастно по комнатѣ, докуривая сигару». Катковъ съ крайней рѣзкостью отвергъ совѣты

Тютчева и Мещерскаго. Какое ему дѣло до личныхъ качествъ и недостатковъ Валуева? Валуевъ—«министръ внутреннихъ дѣлъ, облеченъ огромною властью и пользуется ею, чтобы явно вредить русскому дѣлу въ Россіи».—«Я вижу только,—продолжалъ Катковъ,—что его прямое, несомнѣнно его вліяніе въ высшей степени вредно, и по долгу совѣсти долженъ по мѣрѣ силъ и умѣнія противодѣйствовать этому вліянію, этому вреду».

«Примиренія» не состоялось, а «валуевское созвѣздіе, замѣчаетъ князь Мещерскій, было тогда сильно, такъ сильно, что не по плечу было и наслѣднику престола противодѣйствовать ему».

Какія же соображенія, кромѣ глубокой вѣры въ правоту своего дѣла и той «нетерпимости» убѣжденнаго государственника, о которой сейчасъ шла рѣчь, могли руководить Катковымъ? Уступка—всегда уступка, кому бы она ни дѣлалась: общественному ли мнѣнію, могущественнымъ ли сановникамъ, или правительству.

Въ 1879 году Катковъ оказался въ размолвіи болѣе серьезномъ, нежели былое его разномысліе съ Валуевымъ. Оно мучило, потрясало его, но уступать... онъ и здѣсь не могъ. Написанная имъ въ ту пору статья, шедшая въ разрѣзъ съ правительственнымъ курсомъ, рѣзко подчеркивала это разномысліе. Государь остался недоволенъ Катковымъ. «Я былъ при отъѣздѣ государя,—говорилъ Катковъ князю Мещерскому,—взглядъ его остановился на мнѣ и ясно выразилъ упрекъ. Это я могъ предвидѣть, зналъ напередъ. Но вотъ что меня потрясло до глубины души, что сокрушило сердце, что не могу забыть и, кажется, никогда не забуду (голосъ его дрогнулъ)—въ этомъ взглядѣ выражался не гнѣвъ, а въ этомъ упрекѣ была такая глубокая, глубокая грусть, что сердце сжалось больно». «Но какъ же быть,—продолжалъ Катковъ,—вѣдь я долженъ указать по совѣсти, до какой степени опасенъ для него, для Россіи, путь, по которому мы идемъ».

Пора намъ взглянуть на Каткова, вооружившись хоть малой долей историческаго безпристрастія. Соглашаться съ мнѣніями публициста—одно дѣло, воздать ему должное за гражданское мужество, самоотверженную независимость, безтрепетное выполненіе долга—другое. Работа, которой посвятилъ Катковъ всю жизнь,—работа громаднаго ума, просвѣщеннаго громадными знаніями, вооруженнаго громаднымъ талантомъ, ума стойкаго и независимаго. Только съ очень низкой ступени нравственныхъ понятій возможно игнорировать эту работу. Враги создали Каткову репутацію изверга, доносчика, шпіона, стяжателя личныхъ благъ, безпринципнаго карьериста. Какая клевета! Сознательно распространяющіе ее не краснѣютъ ни при какихъ случаяхъ; повторяющіе ее съ чужихъ словъ должны краснѣть за свое невѣжество. Катковъ не имѣлъ убѣжденій! Катковъ преслѣдовалъ эгоистическія выгоды! Мы видѣли сейчасъ образчикъ его безъидейности, видѣли и ту выгоду, которой онъ могъ

ожидать отъ нея. А въ періодъ польскихъ броженій, когда министръ внутреннихъ дѣлъ преслѣдовалъ Каткова, когда лично онъ не былъ еще извѣстенъ государю,—почему этотъ «карьеристъ» не воспользовался вниманіемъ князя Горчакова? Одобряя дѣятельность «Московскихъ Вѣдомостей», князь Горчаковъ изъявилъ желаніе «приблизить» къ себѣ Михаила Никифоровича. «Пусть,—сказалъ князь,—Катковъ составитъ для меня записку».—«Пусть,—отвѣчалъ Катковъ, — князь читаетъ «Московскія Вѣдомости»: это мои записки».

Карьеристы инымъ образомъ относятся къ подобнымъ предложеніямъ и ужъ, конечно, не пренебрегаютъ ими.

«Россія», «государство»—вотъ слова, которыя мы постоянно слышимъ отъ Каткова. Необходимо вникнуть въ ихъ точный смыслъ. «Есть въ Россіи,—пишетъ Катковъ,—одна господствующая народность, одинъ господствующій языкъ, выработанный вѣками исторической жизни. Однако, есть въ Россіи и множество племенъ, говорящихъ каждое своимъ языкомъ и имѣющихъ каждое свой обычай; есть цѣлыя страны съ своимъ особеннымъ характеромъ и преданіями. Но всѣ эти разнородныя племена, всѣ эти разнохарактерныя области, лежащія по окраинамъ великаго русскаго міра, составляютъ его живыя части и чувствуютъ свое единство съ нимъ въ единствѣ государства, въ единствѣ верховной власти,—въ царѣ, живомъ, всеповершающемъ олицетвореніи этого существа».

Вѣроисповѣдныя, племенныя, культурныя и всѣ подобныя различія должны тонуть въ «чувствѣ государственнаго единства». Русскій подданный нерусскаго происхожденія можетъ свободно сохранять свой языкъ, свою религію, свои нравы и обычаи, но онъ не можетъ имѣть иного патріотизма, кромѣ присущаго русскому гражданину, иного отечества, кромѣ Россіи. «Если вы по культурѣ своей стоите выше, чѣмъ всѣ остальные ваши сограждане,—говорилъ Катковъ, обращаясь къ прибалтійскимъ нѣмцамъ (1869 года),—тѣмъ лучше. Будьте русскими посвоему, будьте ими на вашъ собственный образецъ, сохраняя въ неприкосновенности то, что вы считаете за лучшее. Просвѣщайте и облагороживайте другихъ своимъ примѣромъ. Усвойте русскому народу, въ своемъ лицѣ, тѣ лучшія качества, которыми вы гордитесь. Вотъ еще новая миссія въ вашемъ единеніи съ Россіей».

Много разъ, по многимъ поводамъ, Катковъ возвращается къ этой основной мысли: инородцамъ и иновѣрцамъ по праву причитается всякая свобода и независимость, исключая области государственной. Здѣсь нѣтъ мѣста какому либо другому чувству, кромѣ русскаго патріотизмаа, потому что государство одно—Россія.

Первое мѣсто въ Россіи принадлежитъ, естественно, русскому народу. Этотъ народъ создалъ свое государство цѣною «неслыхан-

наго порабощенія всѣхъ своихъ силъ требованіямъ государственной необходимости». Онъ не часть государства, онъ само государство. Пріучить народъ къ мысли, что онъ только часть государства—значитъ болѣе чѣмъ на половину совершить дѣло разрушенія Россіи. «Ничего не можетъ быть справедливѣе того убѣжденія, что сила Россіи заключается въ полномъ единствѣ ея верховной власти съ русскимъ народомъ; а потому, если бы дѣйствительно удалось увѣрить русскій народъ, что верховная власть не есть одно съ нимъ, что въ Россіи, кромѣ русскихъ подданныхъ, могутъ быть еще нерусскіе,—то Россіи не будетъ, Россію можно будетъ разобрать руками».

Когда входящіе въ составъ государства племена и обрывки племенъ начинаютъ предъявлять требованія отъ имени своей національности и противопоставлять свой патріотизмъ—русскому, тогда естественно обозначаются признаки внутренняго разложенія, самаго зловѣщаго, самаго страшнаго для государства. «Государство можетъ лишиться какой либо части своей территоріи безъ потрясенія своихъ основаній и даже безъ особеннаго ущерба». Иное дѣло сепаратизмъ въ смыслѣ нарушенія государственнаго единства. Люди недальновидные въ такихъ случаяхъ очень долго сохраняютъ спокойствіе, будучи увѣрены, что не произойдетъ ни вооруженнаго мятежа, ни европейской войны, ни другого подобнаго бѣдствія. Конечно, они правы, только упускаютъ изъ виду маленькую подробность. Нечего опасаться теперь, т.-е. «пока Россія остается еще Россіей, пока внутри русской державы еще не данъ полный ходъ началу разложенія, пока еще дѣло остается при однихъ начаткахъ, пока еще русскій народъ не пріучился отдѣлять себя въ своемъ чувствѣ отъ русской державы, пока еще онъ не изо всѣхъ ея окраинъ выгнанъ, какъ выгнаны турки изъ Сербіи или Молдо-Валахіи».

Государство, въ которомъ каждое племя выступаетъ съ собственнымъ патріотизмомъ, съ собственными національными притязаніями, уже не государство, а человѣчество. Напрасно стараются плѣнить насъ «возвышеніемъ верховной власти, долженствующей простираться надъ этимъ импровизированнымъ человѣчествомъ и соединять его. Монархъ можетъ находиться лишь во главѣ государства, а во главѣ человѣчества никогда ничего не было и не будетъ, кромѣ Бога».

Какой же надежнѣйшій путь ведетъ къ достиженію цѣлей государственнаго единства? Мѣры строгости—исключительныя мѣры. Нельзя вѣчно подавлять и укрощать. Уваженіе и любовь не внушаются постоянной суровостью. Катковъ это прекрасно понимаетъ и потому надежнѣйшій путь видитъ не въ репрессіяхъ (которыхъ нимало не боялся, если требовала необходимость), а въ систематическомъ возвышеніи русской національности, въ улучшеніи положенія и въ расширеніи правъ русскаго народа.

Не мракобѣсомъ, не апостоломъ произвола и насилія является Катковъ, ставя на первый планъ интересы государства и требуя отъ каждаго нелицемѣрнаго служенія имъ. Исходя изъ мысли, что у насъ правительство находится въ благопріятныхъ условіяхъ, при которыхъ «можетъ сосредоточивать всю свою дѣятельность на великомъ дѣлѣ, не развлекаясь заботами о самосохраненіи и полагая всю свою силу и достоинство въ **силѣ и достоинствѣ народа**», Катковъ возлагаетъ на него вполнѣ опредѣленныя обязанности. Прежде всего, каждый государственный сановникъ, какъ бы ни было высоко его положеніе, долженъ помнить, что «въ понятіяхъ и чувствѣ народа верховная власть есть начало священное». «Чѣмъ возвышеннѣе и святѣе это начало въ понятіяхъ и чувствѣ народа, тѣмъ несообразнѣе, фальшивѣе и чудовищнѣе то воззрѣніе, которое хочетъ видѣть въ разныхъ административныхъ властяхъ какъ бы доли верховной власти». Ни одно административное лицо ни въ какой мѣрѣ «не можетъ претендовать ни на какое подобіе верховной власти. Администраторъ не можетъ считать себя самодержцемъ въ маломъ видѣ. Господство такого воззрѣнія есть существенное зло, и изъ него проистекало немало печальныхъ недоразумѣній въ нашихъ общественныхъ понятіяхъ, немало фальшивыхъ отношеній въ нашемъ общественномъ быту. Опираясь на это воззрѣніе, административныя лица, бывало, готовы были провозгласить бунтовщикомъ всякаго, кто осмѣливался ссылаться на законъ. «Я вамъ далъ законъ», восклицалъ, бывало, администраторъ: «моя воля для васъ законъ». Моя воля! Что можетъ быть безумнѣе и нечестивѣе такого притязанія! Въ Россіи есть только одна воля, которая имѣетъ право сказать: «я законъ». Передъ нею 70 милліоновъ преклоняются, какъ одинъ человѣкъ. Она есть источникъ всякаго права, всякой власти и всякаго движенія въ государственной жизни. Она есть народная святыня, ею все держится, и все единится въ государственныхъ дѣлахъ».

Поползновенія бюрократіи отождествлять себя съ верховною властью встрѣчаютъ самый рѣзкій отпоръ со стороны Каткова. Не только подобное отождествленіе кощунство, но и претензія бюрократической администраціи — считать службу государю своею исключительною принадлежностью—вполнѣ неосновательна. «Въ Россіи всѣ, отъ мала до велика, могутъ и должны видѣть въ себѣ, въ какой бы то ни было степени и мѣрѣ, слугъ государевыхъ. Что называется у насъ общественною службой, то въ сущности есть такая же служба государю, какъ и всякая другая, и въ этомъ отношеніи различіе между государственною и такъ называемою общественною службой не существенно».

При русскомъ самодержавномъ строѣ нѣтъ болѣе тяжкой вины, чѣмъ властолюбіе. «Администраторъ долженъ видѣть въ себѣ **не властелина, а служителя** тѣхъ интересовъ, къ которымъ при-

ставленъ. Власть у него не затѣмъ, чтобы давать ее чувствовать мирнымъ гражданамъ, а чтобы служить имъ въ охраненіи ихъ законныхъ правъ и интересовъ; показывать же власть свою онъ долженъ только нарушителямъ этихъ правъ и интересовъ».

Такимъ образомъ изъ-подъ пера Каткова выступаютъ стройные абрисы закономѣрнаго государства, въ которомъ одна воля и одинъ источникъ власти—царь, и въ которомъ государственное служеніе является общею обязанностью, такъ какъ государственные интересы должны быть въ одинаковой мѣрѣ дороги всѣмъ и каждому. Катковъ не забываетъ объ общественномъ мнѣніи и его органѣ—печати, но право публичнаго обсужденія государственныхъ вопросовъ для него—«государственное служеніе, въ полной силѣ этого слова». Публицистъ тотъ же политическій дѣятель и въ качествѣ таковаго, подобно администратору, «не можетъ давать простора въ опредѣленіи своего долга». «Честная, достойная своего имени политическая печать должна быть не чѣмъ инымъ, какъ постояннымъ, неуклоннымъ и неослабнымъ примѣненіемъ долга присяги, которая требуетъ, чтобы всякій радѣлъ о нераздѣльныхъ пользахъ престола и государства и, не останавливаясь ни передъ какими соображеніями, противился всему, что можетъ угрожать имъ опасностью или причинить имъ существенный вредъ».

Не спѣшите съ упрекомъ Каткову за столь «узкую» программу публицистической дѣятельности. Фанатикъ-государственникъ, считавшій государственное служеніе обязанностью всѣхъ и каждаго и самъ служившій государству съ полной самоотверженностью, не только не могъ заботиться о выгодахъ анти-государственной печати, но даже не мирился съ фактомъ ея существованія. Свободу слова онъ разсматривалъ, не какъ «естественное право» каждаго, а какъ долгъ людей призванныхъ.

Насколько самъ Катковъ твердо держался въ своей дѣятельности этихъ принциповъ, видно изъ приведенныхъ выше фактовъ. Я не могу обойти здѣсь еще одного эпизода, очень характернаго.

Въ 1866 году, графъ М. Н. Муравьевъ былъ назначенъ предсѣдателемъ комиссіи по дѣлу о злодѣйскомъ покушеніи на жизнь императора Александра II. Съ Муравьевымъ, къ которому отношеніе «Московскихъ Вѣдомостей» общеизвѣстно, Катковъ въ личномъ знакомствѣ не состоялъ, что лишній разъ обрисовываетъ его полное равнодушіе къ сильнымъ міра, даже къ тѣмъ, кого онъ уважалъ и высоко цѣнилъ. Вскорѣ по назначеніи предсѣдателемъ названной комиссіи Муравьевъ обратился къ Михаилу Никифоровичу съ письмомъ, прося его пріѣхать въ Петербургъ. «Дѣйствіями предсѣдательствуемой мною комиссіи,—писалъ графъ,—обнаружены всѣ нити и основныя зловредныя общества, породившія преступные замыслы... Главные сообщники предаются суду;

но теперь необходимо могучимъ вашимъ перомъ поразить гидру крамолы, безвѣрія и разврата, исходящихъ изъ соціализма и нигилизма, столь гласно и безнаказанно распространявшихся преимущественно петербургскою прессой. Дѣло это такъ важно въ настоящее время, когда приготовляется статья для ознакомленія публики съ ходомъ слѣдственнаго дѣла, что я рѣшился васъ просить пріѣхать въ Петербургъ для личнаго по сему предмету объясненія, дабы общими силами достигнуть желаемой для пользы и спокойствія государства цѣли».

Несмотря на самое сочувственное отношеніе къ Муравьеву, несмотря на письмо хорошо знакомаго лица, упоминавшаго къ слову объ участіи въ данномъ «призывѣ» министра внутреннихъ дѣлъ (Валуева), несмотря, наконецъ, на тотъ интересъ, который должна была возбудить въ публицистѣ перспектива непосредственнаго ознакомленія съ важнѣйшими документами, — Катковъ отвѣтилъ отказомъ.

«Ваше сіятельство можете быть увѣрены, — писалъ онъ Муравьеву, — что я буду, сколько достанетъ у меня силъ, продолжать дѣйствовать противъ послѣдствій этой заразы, а еще больше противъ причинъ, ее производящихъ. Но для того, чтобы успѣшно дѣйствовать, я долженъ строго держаться въ предѣлахъ моей дѣятельности. Мнѣ было бы, конечно, въ высшей степени полезно узнать многое лично отъ васъ самихъ, но поѣздка въ Петербургъ, хотя бы и кратковременная, крайне затруднительна для меня въ настоящее время. Я не могу оставить свой постъ и на два дня, не подвергаясь разстройству въ моихъ занятіяхъ». Конечно, если Муравьевъ и далѣе будетъ настаивать, онъ поѣдетъ. Однако то обстоятельство, что его пріѣздъ предвидится и министромъ внутреннихъ дѣлъ, не можетъ ни облегчить ему поѣздки, «ни болѣе расположить къ ней».

— Ну, да, — скажетъ иной читатель, — Катковъ не поѣхалъ просто потому, что не хотѣлъ мириться съ Валуевымъ.

Дѣйствительно, просто. Но если допустить, что причина была такова, то какъ же не позавидовать твердости и независимости публициста, который въ равной мѣрѣ не хочетъ, противъ убѣжденія, ни говорить «пріятныхъ словъ», ни выслушивать ихъ? Однако, въ данномъ эпизодѣ есть еще сторона, не менѣе существенная: чтобы успѣшно дѣйствовать, — говоритъ Катковъ, — я долженъ строго держаться въ предѣлахъ моей дѣятельности». Совѣщаніе, на которое приглашалъ его Муравьевъ, выходило за предѣлы этой дѣятельности. Нельзя было вѣрнѣе понять обстоятельствъ дѣла и безупречнѣе сообразоваться съ ними.

II.

Теперь, когда уже нѣсколько выяснилась личность Каткова, и опредѣлились существенныя черты его міросозерцанія, своевременно перейти къ замѣчательнѣйшему изъ подъятыхъ имъ трудовъ—къ борьбѣ за классицизмъ, увѣнчавшейся столь роковою побѣдой.

Не легко понять, какимъ образомъ Катковъ, давшій на страницахъ «Русскаго Вѣстника» блестящую битву Герцену; Катковъ, увлекшій за собою въ эпоху польской смуты все русское общество; Катковъ, находившій математически точныя формулы для самыхъ сложныхъ государственныхъ вопросовъ,—какимъ образомъ могъ онъ совершить ошибку, такую страшную и грандіозную? По объему она, правда, соотвѣтствовала его силамъ, но какое ужасное торжество! Катковъ считалъ его своимъ Аустерлицемъ. Въ дѣйствительности оно было настоящимъ Ватерлоо.

Маркевичъ въ письмѣ къ гр. А. К. Толстому отъ 30-го мая 1870 года нѣсколькими словами намекаетъ на состояніе духа, въ которомъ Катковъ ожидалъ рѣшенія школьной реформы. Возникаетъ истинно страдальческій образъ. Третью недѣлю живетъ въ Петербургѣ авторъ реформы. Онъ не спитъ по ночамъ. Онъ весь—трепетъ и волненіе. А вдругъ что нибудь измѣнится? У насъ все возможно... Но вѣдь рѣшается судьба Россіи, вѣдь не сегодня—завтра станетъ извѣстнымъ, «будемъ ли мы европейцами», или опять намъ коснѣть въ невѣжествѣ.

Такъ думалъ и чувствовалъ Катковъ вмѣстѣ со своими единомышленниками. Отъ 10-го іюня Маркевичъ пишетъ Толстому: «Государь рѣшилъ, что мы будетъ европейцами—за это ему большое спасибо. Школьная реформа, утвержденная по программѣ нашего министерства, займетъ въ исторіи нынѣшняго царствованія страницу, столь же прекрасную и даже болѣе плодотворную по своимъ послѣдствіямъ, нежели реформа душевого надѣла, которою наше варварство мѣшаетъ намъ до сихъ поръ воспользоваться, какъ бы слѣдовало».

Не важно, что заблуждался Маркевичъ, хотя менѣе всего я склоненъ принижать его умъ и талантъ. Важно, что заблуждался Катковъ.

Онъ рисуется мнѣ здѣсь не въ пороховомъ дыму сраженій за классическую систему. Я вижу передъ собою серіознаго, молодого ученаго, поглощеннаго лекціями нѣмецкихъ профессоровъ. На скудныя средства выбрался онъ за границу. Его забота—возстановить здоровье, такъ, чтобы потомъ не пришлось ходить по докторамъ, но главное—пополнить образованіе, пополнить, насколько хватитъ силъ. Онъ ведетъ самый скромный образъ жизни, потому что не испытываетъ потребности въ иномъ. Нѣжная мать посылаетъ иногда

ему,—первенцу, надеждѣ,—немного денегъ. Онъ сердится. Зачѣмъ это? «Не просилъ ли я васъ убѣдительнѣйшимъ образомъ не присылать мнѣ ничего. У насъ была уже размолвка за это. И что же? Въ скорости вы опять начинаете то же, опять присылаете мнѣ... Повѣрьте, если бы мнѣ была крайняя надобность, то я первый сталъ бы просить».

Такъ пишетъ матери отъ 1-го іюня 1842 г. этотъ капиталистъ, грозящій новою размолвкой за новый присылъ маленькой субсидіи, а передъ тѣмъ строго внушавшій брату, что онъ его глубоко оскорбитъ, если не приметъ отъ него денегъ. Въ дѣйствительности Катковъ находился тогда въ отчаянномъ положеніи [1]). Онъ былъ боленъ и сидѣлъ безъ гроша. Если бы не помощь Анненкова, ему пришлось бы плохо.

Однако, научныя занятія идутъ своимъ чередомъ. «Преимущественно я занимаюсь древними языками и особенно греческимъ,—читаемъ въ цитированномъ выше письмѣ,—хочется побольше успѣть въ нихъ. Шеллинговы лекціи имѣютъ для меня великое значеніе, я слушаю ихъ съ жадностью: столько глубокаго, оригинальнаго, поучительнаго! У меня открылись глаза на многое, на что прежде были закрыты; много предчувствій моихъ уяснилось, и большая часть сомнѣній и вопросовъ моихъ получили, по крайней мѣрѣ, болѣе опредѣленный видъ. Я много трудился за Шеллинговыми лекціями и владѣю теперь лучшею тетрадью въ Берлинѣ, такъ что у меня со всѣхъ сторонъ выпрашиваютъ для изученія; но мнѣ, по правдѣ сказать, не хочется давать, пусть бы сами ходили, записывали и трудились».

Вотъ образъ этого молодого ученаго, у котораго лучшая тетрадка Шеллинговыхъ лекцій, и который, скрѣпя сердце, одолжаетъ ее другимъ, недостаточно любознательнымъ и трудолюбивымъ, и возстаетъ передо мною при мысли о нашемъ классикѣ-реформаторѣ. Безъ того Каткова Катковъ эпохи «польскихъ битвъ» и борьбы съ Герценомъ не могъ бы довести увлеченія своей идеей до извѣстныхъ намъ предѣловъ.

Въ основѣ, идея не содержала въ себѣ ничего, съ чѣмъ, повидимому, не могъ бы согласиться любой другъ просвѣщенія.

Катковъ считалъ существовавшую у насъ до того времени систему образованія неудовлетворительной и въ этомъ врядъ ли ошибался. Реформа во всякомъ случаѣ была желательна. Кромѣ того, русское общество явно бродило. Крайнія ученія имѣли успѣхъ, совершенно несообразный ни съ сущностью ихъ, ни съ талантомъ пропагандистовъ. Какое средство борьбы съ «заразой» могло быть дѣйствительнѣе и надежнѣе широко раскинутаго просвѣщенія? Никогда не забывавшій объ интересахъ государственныхъ, Кат-

---

[1]) См. «Анненковъ и его друзья». Письма М. Н. Каткова, стр. 486.

ковъ всего менѣе забывалъ о нихъ въ настоящемъ случаѣ. «Мыслящіе реалисты» такъ нашумѣли со времени Писарева, такъ откровенно высказывали желаніе заполучить въ жизни «таракана», (какъ они называли школьное образованіе), что зловѣщій призракъ ихъ неминуемо долженъ былъ преслѣдовать Каткова. Тутъ мы опять находимъ цѣнное указаніе у Маркевича [1]). «Одного лишь недостаетъ торжеству реалистовъ, — пишетъ Маркевичъ,—«таранъ», по живописному выраженію апостола Писарева, ушелъ изъ ихъ рукъ; имъ не удалось взять школу, какъ имѣли они право надѣяться въ пору, еще вполнѣ благопріятствовавшую ихъ упованіямъ въ 1865 году. Вмѣсто ожидавшихся ими реальнѣйшихъ предписаній со стороны «самого начальства», среднеучебныя заведенія вѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія, совершенно растлѣвшіяся подъ двойнымъ вліяніемъ своей жалкой программы и допускаемой въ нихъ агитаціи такъ называемыхъ «прогрессивныхъ идей», обратили на себя серіозное вниманіе власти и обращены были, начиная съ 1866 года, на должный, согласный съ дѣйствительнымъ назначеніемъ ихъ, путь. Послѣдовавшая затѣмъ и окончательная реформа этихъ заведеній,—одно, безспорно, изъ величайшихъ дѣлъ нынѣшняго царствованія, — положила дѣйствительно въ нихъ основанія для той «самой крѣпкой и неприступной цитадели» лучшихъ культурныхъ и нравственныхъ «традицій», по выраженію того же Писарева, какою разумѣется правильная школа во всѣхъ образованныхъ странахъ міра, и которая только у насъ можетъ еще служить предметомъ спора и мишенью, въ которую допускается кидать грязью всякому неучу и шалопаю».

Политическій характеръ слишкомъ ясно выступаетъ въ приведенныхъ строкахъ, не требующихъ поэтому особаго поясненія. Но политика,—такъ думалъ Катковъ,—счастливо сочеталась здѣсь съ самыми чистыми интересами самаго отборнаго просвѣщенія. Кто могъ ополчаться противъ классической системы? Либо нигилисты, либо г-жа Простакова.

Г-жа Простакова жива и здравствуетъ [2]). «Съ екатерининскихъ временъ, — пишетъ князь Н. П. Мещерскій, — Простакова значительно развилась: она хорошо говоритъ по-французски, да и по-англійски или по-нѣмецки, признаетъ географію и, кажется, большая сторонница конституціи». Протестъ г-жи Простаковой противъ классицизма представляется настолько естественнымъ и настолько возвышаетъ классицизмъ въ глазахъ друзей просвѣщенія, что многіе изъ нихъ тотчасъ же убѣждаются, едва имъ напоминаютъ Фонвизинскую героиню.

---

[1]) «Съ береговъ Невы», фельетонъ иногородняго обывателя въ «Московск. Вѣдом.».

[2]) Въ цитированныхъ уже воспоминаніяхъ о Катковѣ.

Ю. Ѳ. Самаринъ однажды спросилъ князя Н. П. Мещерскаго, отчего всѣ дамы такъ яро нападаютъ на Каткова за школьную реформу.

— «Да очень просто,—отвѣчалъ князь,—иначе и быть не можетъ. Представьте себѣ мнѣніе г-жи Простаковой о новой европейской гимназіи въ примѣненіи къ Митрофанушкѣ».

Два «гнусныхъ образа» мелькнули передъ воображеніемъ Самарина—и онъ убѣдился.

Итакъ, съ одной стороны, «мыслящіе реалисты», съ другой—г-жа Простакова, съ третьей—европейское просвѣщеніе. Могучее краснорѣчіе Каткова убѣдительно отстаивало эту третью сторону.

«Вся сила научно-воспитательной школы, — писалъ онъ въ 1871 году,—заключается въ концентраціи учебныхъ занятій... Черезъ весь учебный курсъ школы, отъ перваго класса до послѣдняго, идетъ одна и та же группа предметовъ, на которой сосредоточиваются занятія учащихся, постоянно углубляясь и расширяясь. Сосредоточивать учебныя занятія въ данномъ возрастѣ нельзя произвольно на томъ или другомъ предметѣ.

«Обозначился и выработался для педагогической концентраціи одинъ только предметъ, способный служить, и дѣйствительно служащій для этой цѣли. Предметъ этотъ есть общее наслѣдіе всего цивилизованнаго человѣчества: это два историческіе языка, въ которыхъ сохранились сокровища высокой и богатой культуры, самородно начавшейся и достигшей своего полнаго развитія, составлявшіе при жизни одну формацію и точно также тѣсно связанные въ своемъ вліяніи на послѣдующія эпохи; два языка, какъ бы предназначенные къ тому, чтобы служить могущественнымъ педагогическимъ орудіемъ.

«Они предназначены къ тому и своею природою, и своимъ историческимъ значеніемъ, и тою удивительною разработкой для педагогическихъ цѣлей, которой въ продолженіе вѣковъ посвящено было столько генія, ума и труда. Эти языки, при жизни своей, были органомъ великой исторической жизни, которая представляетъ всѣ фазы человѣческаго развитія въ извѣстныхъ предѣлахъ, всѣ типы человѣческаго творчества въ ихъ первоначальной чистотѣ и ясности; они же, по смерти, стали руководящимъ началомъ образованія новаго міра (?)[1], который за нимъ послѣдовалъ, такъ что элементы ихъ вліянія встрѣчаются во всѣхъ формаціяхъ мысли и жизни образованнаго человѣчества; наконецъ, въ новѣйшее время, когда наука и разумѣніе стали первенствующими силами въ жизни народовъ, эти языки стали спеціальнымъ предметомъ учебной концентраціи, орудіемъ воспитанія дѣтскихъ умовъ

[1]) Выходитъ, что греческій и латинскій языки составили «руководящія начала» христіанства!.. Авторъ.

къ высшимъ призваніямъ мысли и дѣятельности—и это послѣднее, ничѣмъ не замѣнимое значеніе обоихъ классическихъ языковъ, значеніе педагогическое, есть новая наступившая для нихъ историческая жизнь».

Въ каждомъ словѣ этой аргументаціи слышенъ ученый западникъ, нисколько не заботящійся о національномъ своеобразіи и ни на минуту не задумывающійся о національной школѣ. Школа, по его убѣжденію, должна быть одна—классическая, а если ужъ непремѣнно надо отвести мѣсто и реальному образованію, то самое скромное и самое невидное. «Вся сила научно-воспитательной школы,—говоритъ Катковъ,—заключается въ концентраціи учебныхъ занятій». «Сосредоточивать учебныя занятія въ данномъ возрастѣ,—говоритъ онъ далѣе,—нельзя произвольно на томъ или другомъ предметѣ». Но въ силу какихъ логическихъ основаній предметомъ названной концентраціи должны быть древніе языки и только они одни,—этого Катковъ нигдѣ не доказываетъ.

А. И. Никитенко, профессоръ, академикъ и литераторъ, человѣкъ вполнѣ «просвѣщеннаго образа мыслей» и въ это же время отнюдь не шаблонный либералъ, заноситъ въ свой «Дневникъ» (1871 г.) слѣдующія замѣтки относительно классической реформы: «Разбирая безпристрастно, безъ всякихъ предубѣжденій, проектъ Каткова и Леонтьева, вотъ къ какому, кажется, результату надо прійти. Намѣреніе ихъ, можетъ быть, очень хорошее; они хотятъ положить основаніе прочному и серіозному образованію и думаютъ достигнуть этого посредствомъ классицизма. До сихъ поръ это очень хорошо. Но капитальная ошибка ихъ въ томъ, что, требуя отъ гимназій исключительнаго изученія древнихъ языковъ и только воспитанникамъ этихъ гимназій открывая двери въ университетъ и затворяя ихъ передъ учениками такъ называемыхъ реальныхъ училищъ, они низводятъ реальное образованіе почти до степени ремесленнаго».

Положимъ, реальное образованіе тотъ самый «тараканъ», на который зарились «послѣдовательные матеріалисты». Однако съ этой точки зрѣнія классицизмъ представляется не вполнѣ надежной цитаделью. Если зло вѣка въ матеріализмѣ, то какой умъ упорнѣе способенъ ему противостоять: вооруженный соотвѣтственными знаніями или вполнѣ безпомощный въ своемъ естественнонаучномъ невѣжествѣ? Откровенія «положительной науки» ошарашиваютъ главнымъ образомъ тѣхъ, передъ кѣмъ возстаютъ неожиданно, да еще въ крайнихъ выводахъ, да еще въ интерпретаціи невѣроятно бойкихъ ученыхъ фантазеровъ, въ родѣ Гексли. «Подлинные» Дарвинъ, К. Фохтъ, Гельмгольтцъ, Дюбуа-Реймонъ и пр. не содержатъ въ себѣ и десятой доли той «молніеносности», которая отличаетъ авторовъ «общедоступныхъ» брошюръ и статеекъ. Во всякомъ случаѣ классикъ долженъ почувствовать себя весьма смущеннымъ,

когда первый налетѣвшій на него «физіологъ» съ маху примется доказывать ему, что человѣкъ—животное, животное—вещественный организмъ, жизнь—непрерывная смѣна вещества, міръ природы—вещественный міръ, его явленія—движеніе вещественныхъ частицъ, а слѣдовательно и т. д. Вѣдь тутъ, казалось бы, что ни слово, то фактъ. Доказательства почерпаются не изъ отвлеченныхъ умствованій, а изъ такихъ чистѣйшихъ источниковъ, какъ опытъ, наблюденіе, вычисленіе.

Нѣтъ, круглое невѣжество въ области естествознанія плохая защита отъ тѣхъ злоупотребленій научными данными, изъ которыхъ вытекаетъ матеріализмъ. Классическая система вовсе не пригодна играть роль китайской стѣны, предохраняющей юношество отъ вторженія матеріализма. Да и самая идея подобныхъ «стѣнъ» настолько отжила свой вѣкъ, что каждая попытка ея существованія только увеличиваетъ зло.

Такимъ образомъ, школьная реформа, если по внѣшности и отнимала у «мыслящихъ реалистовъ» «таракана», то въ руки ея творцевъ этотъ «тараканъ» все же не дался. Нигилистическое движеніе шло своимъ порядкомъ, почерпая лишнюю увѣренность въ общественномъ недовольствѣ.

Вооруживъ противъ себя общество, Катковъ, какъ публицистъ, терялъ самое драгоцѣнное—вліяніе на массы. Онъ наносилъ страшный ударъ своему дѣлу. О, если бы онъ вспомнилъ тогда борьбу съ Герценомъ въ 1862 году! На какой почвѣ она велась, и что, помимо ума и рѣдкаго таланта, доставило Каткову побѣду? Герценъ обмолвился въ «Колоколѣ» словами, чудовищными по безсердечію: «Чего испугалися?—писалъ онъ.—Вѣдь если прольется кровь, то это будетъ ихъ кровь — юношей-фанатиковъ. Въ чемъ же уголовщина?»

«Бездушный фразеръ не видитъ, въ чемъ уголовщина,—отвѣчалъ Катковъ въ своей знаменитой замѣткѣ для издателей «Колокола»,—ему ничего, пусть прольется кровь этихъ «юношей-фанатиковъ». Онъ въ сторонѣ, пусть она прольется. А чтобы имъ было веселѣе, и чтобы они не одумались, онъ перебираетъ всѣ натянутыя струны ихъ души, онъ шевелитъ въ нихъ всю эту массу темныхъ чувствованій, которая мутитъ ихъ головы, онъ поетъ имъ о «тоскѣ ожиданія, растущаго не по днямъ, а по часамъ, съ приближеніемъ чего-то великаго, чѣмъ воздухъ полонъ, чѣмъ земля колеблется, и чего еще нѣтъ», онъ поетъ имъ о «святомъ нетерпѣніи»... Что же, пусть прольется ихъ кровь, онъ прольетъ о нихъ слезы... Вотъ вамъ человѣкъ. Что же онъ такое? И если бы еще былъ онъ на мѣстѣ, съ ними, съ этими «юношами-фанатиками», если бы еще онъ самъ съ ними дѣйствовалъ и дѣлилъ опасности, нѣтъ, онъ поетъ изъ-за моря и гнѣвно спрашиваетъ русское общество: чего же вы испугались? Вѣдь прольется только ихъ кровь, юношей-фанатиковъ».

Этою «Замѣткой» Катковъ нанесъ смертельный ударъ Герцену. Общество въ массѣ не могло не стать на сторону ея автора противъ агитатора, который изъ спокойнаго далека, нимало не рискуя лично, посылалъ на смерть «юношей-фанатиковъ», оцѣнивалъ ихъ кровь не дороже воды и при этомъ съ циническою наивностью освѣдомлялся: «въ чемъ же уголовщина?». Общество терпѣливо выноситъ всякіе эксперименты, кромѣ экспериментовъ надъ молодежью. Оно не знаетъ границъ ненависти къ тѣмъ, кого считаетъ ея врагами.

Нужно ли объяснять, почему это такъ и почему не можетъ быть иначе?

Нанося ударъ Герцену, Катковъ выступалъ защитникомъ «юношей-фанатиковъ», которыхъ знаменитый агитаторъ велъ на гибель. Принявъ на себя авторство въ классической реформѣ, онъ мѣнялъ роль. Крутой способъ осуществленія реформы вызвалъ въ обществѣ крайнее раздраженіе. Преобразованная гимназія толпами выталкивала за двери мнимыхъ тупицъ и лѣнтяевъ. На каждаго доучившагося приходилась чуть не дюжина недоучекъ. Недоучки садились тяжкимъ бременемъ на шею родителей, вѣшались и стрѣлялись, шли въ крамолу. Общество это знало, видѣло собственными глазами, испытывало на собственной шкурѣ. Одинъ Катковъ съ друзьями ничего не зналъ, не видѣлъ и не чувствовалъ. Безсмысленный образъ г-жи Простаковой заслонилъ отъ него образъ глубоко потрясеннаго и негодующаго общества. Съ другой стороны, его вниманіе сосредоточивалось на бунтовщикахъ. Но, однажды сойдя съ твердаго пути, онъ уже утратилъ способность тонко и ясно различать предметы.

Смутное время, которое переживала тогда Россія, требовало отъ публициста особенной сосредоточенности, самообладанія и осмотрительности. Классическая система не только не затушила смуты, но усилила ее. Во всякомъ случаѣ общественное настроеніе, и безъ того не спокойное, стало тревожнѣе. Этимъ не преминули воспользоваться люди, уже давно томившіеся конституціонными вожделѣніями. Нѣкоторыя земства выступили съ соотвѣтственными ходатайствами. Болѣе подробное знакомство съ характерными эпизодами той печальной эпохи убѣждаетъ, что домогавшіеся конституціи составляли ничтожнѣйшее меньшинство и отнюдь не являлись выразителями желаній общества. Сплошь и къ ряду въ компанію сторонниковъ «правоваго порядка» попадали люди благонамѣренные, но совершенно растерявшіеся въ царившемъ хаосѣ. Они жаждали успокоенія, только успокоенія, х о т я бы цѣною конституціи.

Катковъ вѣрно понялъ задачу, лежавшую въ то время на правительствѣ. Оно должно было отбросить всякую мысль объ «уступкахъ» и явить полноту своей власти. Лишь этимъ путемъ достигалось прекращеніе главнаго зла—общественной паники. Но могъ ли

самъ Катковъ оказать теперь содѣйствіе правительству въ его трудной задачѣ? Увы, со дня введенія школьной реформы «Московскія Вѣдомости» лишились былого вліянія! О чемъ бы ни заговорилъ Катковъ, какъ бы ни казались справедливы его слова, общество не хотѣло слушать насадителя классицизма.

Вотъ почему я назвалъ побѣду Каткова въ гимназическомъ вопросѣ его Ватерлоо.

Въ 1866 году, отказываясь ѣхать въ Петербургъ по приглашенію графа М. Н. Муравьева, Катковъ съ глубокимъ пониманіемъ замѣтилъ, что для успѣшнаго выполненія обязанностей серьезнаго политическаго писателя онъ долженъ не выходить за предѣлы своей дѣятельности. Если бы въ гимназическомъ вопросѣ онъ не вышелъ за эти предѣлы, его роль въ семидесятыхъ годахъ была бы иная. Я говорю это съ полною увѣренностью, потому что не сила и искусство враговъ разъединили его съ обществомъ, а самъ онъ порвалъ драгоцѣнную связь. У него достало бы и таланта, и ума, и энергіи, чтобы также точно овладѣть общественнымъ движеніемъ въ семидесятыхъ годахъ, какъ онъ овладѣлъ имъ въ первой половинѣ шестидесятыхъ. Но теперь между нимъ и обществомъ лежала непроходимая бездна, вырытая классицизмомъ. Если бы даже нерасположеніе къ нему было меньше, то память о совершенной имъ ошибкѣ не могла исчезнуть. Вѣра въ его проницательность навсегда осталась подорванной. Правда, онъ давалъ какъ будто цѣлесообразныя указанія, но кто поручится, думалось массѣ, что онъ и въ данныхъ обстоятельствахъ не ошибается, точно такъ же, какъ ошибся въ школьномъ вопросѣ.

Къ сожалѣнію, мнѣ неизвѣстны факты, позволяющіе судить, догадывался ли Катковъ о настоящей причинѣ неуспѣха своей публицистической дѣятельности въ концѣ семидесятыхъ годовъ. Какъ бы то ни было, у него, въ концѣ концовъ, опустились руки.

Отвѣчая на вопросъ П. К. Щебальскаго, почему Катковъ безмолвствуетъ, Маркевичъ въ письмѣ отъ 23 іюня 1880 года разсказываетъ, что онъ самъ задавалъ Каткову этотъ вопросъ.

— «Для кого писать?—возразилъ Катковъ.—Тотъ, для кого я единственно держалъ перо въ рукахъ, самъ отступается отъ своей власти, удерживая только ея внѣшность. Все остальное—миражъ на болотѣ. Лорисъ-Меликовъ и К°—тотъ же фельетонъ «Голоса», тотъ же подъемъ мысли и тотъ же государственный смыслъ, что̀ у этихъ стрекулистовъ».

«Вотъ вамъ и «ключъ», дорогой Петръ Карловичъ,—поясняетъ Маркевичъ.—Невыразимо грустно».

Да, конечно, «ключъ», но, что называется, не отъ той двери. Припомните великолѣпный отвѣтъ Каткова князю Н. П. Мещерскому, когда тотъ склонялъ его къ компромиссу съ Валуевымъ. Валуевъ, пользуясь своимъ положеніемъ, наносилъ вредъ государ-

ственному дѣлу. Долгъ Каткова—бороться съ нимъ до послѣдней возможности.

Даже позднѣе, въ концѣ 1879 г., Катковъ находилъ въ себѣ силу исполнять тяжелый долгъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ самый рѣшительный моментъ сила его оставила.

Между тѣмъ путь, который передъ нимъ лежалъ, былъ вполнѣ ясенъ. Слѣдовало ополчиться противъ Лорисъ-Меликова еще энергичнѣе, еще упорнѣе, еще рѣшительнѣе, нежели противъ Валуева въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ. Но тогда за Катковымъ стояло русское общество, теперь онъ находился въ одиночествѣ. Онъ не могъ не чувствовать этого, хотя бы и не сознавалъ. Публицистическая дѣятельность, по Каткову, государственное служеніе. Примемъ его формулу. Не очевидно ли, однако, что публицистъ служитъ государству въ обществѣ. Чѣмъ сильнѣе его вліяніе на общество, чѣмъ тверже общественное сочувствіе къ нему, тѣмъ большую долю пользы или вреда (въ зависимости отъ направленія) способенъ онъ принести государству. Велика ли цѣна благонамѣреннѣйшихъ разглагольствованій, гудящихъ въ пустыхъ стѣнахъ? Катковъ, въ дни оны, владѣлъ общественными симпатіями. Онъ смѣло могъ сражаться на принципіальной почвѣ и въ сферѣ обсужденія текущихъ вопросовъ съ любымъ популярнѣйшимъ журналистомъ противнаго лагеря. На свое несчастіе и въ ущербъ своему дѣлу Катковъ вообразилъ, что можетъ безнаказанно вооружить противъ себя всѣхъ отъ мала до велика. Тутъ мы подходимъ къ наиболѣе слабой сторонѣ политическихъ воззрѣній Каткова. Превосходно разбираясь во всемъ, что непосредственно касается государства, Катковъ обнаруживаетъ глубокое равнодушіе ко всему, что касается общества. Государство выходитъ изъ-подъ его пера живымъ существомъ, съ кровью, съ нервами, со всѣми аттрибутами осмысленной, независимой жизни. Общество, наоборотъ, манекеномъ, который можно вертѣть и трепать, сколько вздумается. Сообразите исключительныя обстоятельства, въ которыхъ приходилось дѣйствовать Каткову (то-есть польскій мятежъ, пропаганда соціализма, преступленія террористовъ, притязанія конституціонныхъ кружковъ), и вы поймете, почему Катковъ отдавалъ цѣликомъ свое вниманіе государственнымъ интересамъ. Но самые интересы эти—понимались ли они имъ достаточно широко и правильно? Законное или незаконное общественное движеніе видѣлъ онъ въ движеніи шестидесятыхъ годовъ? Если законное, то считался ли съ нимъ?

Въ основѣ знаменитое движеніе несомнѣнно было здоровымъ, законнымъ и вполнѣ общественнымъ. Не радикалы и либералы предшествовавшей эпохи создали его. Въ немъ участвовали всѣ лучшія, наиболѣе желательныя силы общества. Здѣсь шли рука объ руку чистѣйшіе славянофилы и убѣжденные западники, люди

просвѣщенныхъ, но отнюдь не либеральныхъ взглядовъ, подобные историку Соловьеву, и крайніе свободолюбцы въ стилѣ Бѣлинскаго, консерваторы съ славянофильскимъ оттѣнкомъ, въ родѣ Тютчева, и множество образованныхъ людей, не имѣвшихъ никакого политическаго знамени. Наконецъ, въ этомъ движеніи видную роль взялъ на себя братъ государя, великій князь Константинъ Николаевичъ, а во главѣ его стоялъ самъ державный вождь русскаго народа. Цѣлью движенія было возстановить равновѣсіе между общественнымъ и государственнымъ, и по необходимости, и безъ нужды нарушавшееся въ теченіе петербургскаго періода. Этотъ періодъ безспорно принесъ великую пользу Русскому государству. Но интересы государства безгранично господствовали надо всѣми прочими. Государственность крѣпла день ото дня и отлилась въ могучую форму. Далѣе итти тѣмъ же путемъ являлось одинаково невозможно какъ для государства, такъ и для общества. Государство не есть нѣчто прямо противоположное обществу, особенно при русскомъ самодержавномъ строѣ. Славянофилы, проводя рѣзкую границу между государственнымъ и общественнымъ, не забывали о кровной, соединяющей ихъ, связи.

Въ другомъ мѣстѣ мы будемъ, вѣроятно, имѣть случай подробно говорить о движеніи шестидесятыхъ годовъ и указать, какимъ образомъ отдѣлился отъ него потокъ, бурными волнами понесшійся въ сторону матеріализма и соціализма[1]). Потокъ такъ нашумѣлъ, что его имя перешло и на все движеніе. Возстановимъ правильную терминологію и не станемъ смѣшивать основного съ производнымъ.

Основное движеніе отнюдь не клонилось къ какому либо ущербу для государства. «Великія реформы» не похищали ни единой доли самодержавной власти. Государственное размежевывалось съ общественнымъ, но и надъ тѣмъ и надъ другимъ сохраняла всю свою силу непререкаемая воля самодержца. Въ ней-то онѣ и объединялись.

Конечно, ни отъ Каткова, ни отъ кого изъ публицистовъ разсматриваемой эпохи нельзя требовать тонкихъ оттѣнковъ въ пониманіи совершавшихся на ихъ глазахъ событій. Эти оттѣнки (во многихъ случаяхъ весьма важные для дѣла) доступны только намъ, людямъ позднѣйшихъ поколѣній. Но каковы были коренные взгляды Каткова на данный предметъ?

Приходится отвѣтить, что они не отличались особенною твердостью и прозорливостью. Духъ общественнаго движенія мало интересовалъ Каткова тамъ, гдѣ государственные интересы не вырисовывались съ достаточной ясностью. Его отношеніе къ земству,

---

[1]) Авторъ предполагаетъ такимъ же образомъ прослѣдить развитіе и «передовой» русской идеи.

къ печати, къ гласному суду поражаетъ пренебрежительностью, именно пренебрежительностью. Когда создавался новый судъ, и возникало земство, Катковъ ихъ привѣтствовалъ. Когда въ дѣятельности только что народившихся учрежденій начали обнаруживаться по временамъ признаки нездоровой стороны общественнаго движенія 60-хъ годовъ, онъ напалъ на эти учрежденія съ неслыханной яростью. Напрасно видятъ здѣсь «измѣну убѣжденіямъ», или, по малой мѣрѣ, непослѣдовательность. Въ настоящемъ случаѣ, какъ и всегда, Катковъ былъ строго послѣдователенъ. Фанатикъ-государственникъ усмотрѣлъ опасность для государственныхъ интересовъ и немедленно же выступилъ въ походъ. Какое ему дѣло до общественной выгоды, когда можетъ потерпѣть государство! Я немного нашелъ бы возразить тому, кто сталъ бы доказывать, что Катковъ безпрестаннымъ и въ высшей степени рѣзкимъ противоположеніемъ государственнаго общественному искусственно отдѣлялъ общество отъ государства. Въ концѣ концовъ государство у него принимало чудовищный образъ Молоха, которому общество должно приносить все новыя, новыя и новыя жертвы. «Цѣною неслыханнаго порабощенія всѣхъ своихъ силъ требованіямъ государственной необходимости» созидалъ русскій народъ Русское государство. Такъ опредѣлялъ Катковъ смыслъ нашей исторіи. Но это порабощеніе должно же когда либо прекратиться. Народныя силы должны же быть освобождены для работы домашней, общественной и т. д. И что, наконецъ, представляетъ собою государство, которое способно существовать только при безграничномъ и безпредѣльномъ самоотреченіи народа, въ полномъ его составѣ, отъ высшихъ классовъ до низшихъ?

Разумѣется, наша государственная жизнь не могла слѣдовать указываемому Катковымъ пути порабощенія общества и не слѣдовала. Славянофилы оказались правѣе его и послѣдовательнѣе примѣняли формулу: «православіе, самодержавіе и народность», нежели примѣнялъ ее знаменитый издатель «Московскихъ Вѣдомостей». Гармоніи началъ, содержащихся въ этой формулѣ, Катковъ не озарилъ полнымъ свѣтомъ. Мы у него найдемъ нѣсколько превосходныхъ страницъ, гдѣ онъ говоритъ о православіи, какъ подлинный славянофилъ. Рѣже, но также найдутся прекрасныя страницы, посвященныя народности. Подобныхъ страницъ мало, а понятія, въ нихъ заключенныя, не проникаютъ въ глубину его практической дѣятельности, какъ публициста. Проповѣдуемый имъ патріотизмъ—строго государственный, а потому не основывается на чертахъ національнаго своеобразія и равнодушенъ къ національной физіономіи патріота. Вопросы церковные онъ толкуетъ опять такъ, какъ государственникъ. (Припомните его разсужденія о свободѣ вѣроисповѣданій). Онъ, несомнѣнно, человѣкъ русскій, православный, и даетъ тому серіозныя доказательства, но мысль

о государственномъ служеніи не покидаетъ его ни на минуту. Катковъ весь въ ней, безраздѣльно.

Если бы судьба уберегла Каткова отъ роковой ошибки въ школьномъ вопросѣ, можно было бы отъ души позавидовать ему. Этотъ умный, блестяще талантливый, непоколебимо убѣжденный и безусловно честный публицистъ всю жизнь провелъ въ непрерывной борьбѣ за то, что считалъ самымъ дорогимъ, важнымъ, священнымъ. Передъ нимъ возникали почти непреодолимыя препятствія — онъ не только не падалъ духомъ, но еще энергичнѣе напрягалъ силы, еще глубже проникался сознаніемъ долга. Множество разъ ему приводилось дѣйствовать въ явный подрывъ личнымъ интересамъ—онъ пальцемъ не пошевелилъ для своего спасенія.

У такихъ людей есть чему научиться, и не высокъ культурный уровень тамъ, гдѣ не чтутъ ихъ памяти. Мы не пытались скрыть грубыхъ промаховъ Каткова, не пытались даже умалять ихъ значенія. Но тѣмъ смѣлѣе подчеркивали мы его слабыя стороны, чѣмъ тверже были увѣрены въ сильныхъ. Для уясненія существенно важныхъ, наиболѣе жизненныхъ задачъ русской государственности Катковъ сдѣлалъ столько, сколько никто въ нашей журналистикѣ. Принципіальная часть окраинныхъ вопросовъ разработана имъ великолѣпно. Основы нашей политики въ отношеніи инородцевъ и иновѣрцевъ, искренно стремящихся къ государственному единенію съ нами, опредѣлены имъ съ замѣчательною точностью, все, что касается могущества и крѣпости Русскаго государства, выяснено съ великимъ тщаніемъ и любовью.

Это ли не заслуга? Нѣтъ никакой надобности требовать большей отъ одного человѣка, когда мы столь богаты талантливѣйшими работниками на почвѣ нашего національнаго самосознанія.

К. П. Петровъ.

ОЧЕРКИ НИКОЛАЕВСКОЙ ЦЕНЗУРЫ [1].

(Очеркъ третій).

Гречь, Булгаринъ, Воейковъ и Глинка на гауптвахтѣ.—«Литературная Газета».—Конфектный билетецъ несноснаго Лавиньи.—«Холерный» годъ русской журналистики.—Основаніе и гибель «Телескопа».—Основаніе и запрещеніе «Европейца».—«Союзъ петербургской литературы». — «Новоселье» и «Библіотека».—Запрещеніе «Телеграфа».—Бенкендорфъ и Уваровъ мѣняются ролями.—Успѣхи барона Брамбеуса.—«Московскій Наблюдатель» подъ двумя редакціями.—Неуспѣхъ обѣихъ.—«Дѣйствительность» и дѣйствительность.—Монахи діалектическаго идеализма.—Гегель и «русскіе ученики».—Безработица.—Критическіе годы Бѣлинскаго.—Полевой въ Петербургѣ.—Интимныя обстоятельства «Пчелы» и «Сына».—Ѳаддей въ слезахъ, Смирдинъ въ хлопотахъ. — Гречь обнимаетъ Полевого.—Планъ преобразованія «Пчелы». — Колоритъ шалевскій и жаненовскій.—Что лучше въ журналистикѣ—«безстыдство и кабакъ» или «человѣческій языкъ и умъ»?—Отвѣтъ на сей вопросъ россійскаго читателя.—Недоразумѣнія съ «гнусными ляхами».— «Ляхи» снабжаютъ Россію духовной пищей. — Печальные итоги журналистики 30-хъ годовъ.—Что возникло въ Россіи прежде—цензура или литература?—«Моровая полоса».—Россія «будущаго».

I.

ВЪ 1830 ГОДУ вышелъ знаменитый романъ Загоскина «Юрій Милославскій»,—первый русскій историческій романъ, если не считать напечатаннаго еще въ 20-хъ годахъ отрывка изъ «Арапа Петра Великаго» Пушкина.

«Юрія Милославскаго» читали вездѣ—въ гостиныхъ и въ мастерскихъ, среди простолюдиновъ и при высочайшемъ дворѣ. Скоро по всѣмъ угламъ Россіи стали развозить въ огромномъ количествѣ табакерки и набивные платки со сценами изъ романа, такъ онъ сталъ популяренъ. Но вотъ А. Н. Очкинъ въ «Сѣверной Пчелѣ» напечаталъ статью противъ Загоскина; за него всту-

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXVI, стр. 156.

пился извѣстный публицистъ и авторъ сатиры «Домъ Сумасшедшихъ» — Воейковъ. Императоръ Николай Павловичъ, которому «Юрій Милославскій» понравился, высочайше повелѣть соизволилъ немедленно эту полемику прекратить. Несмотря на запрещеніе, Булгаринъ напечаталъ въ своей «Пчелѣ» отповѣдь Воейкову, или, какъ тогда называли, антикритику. Вслѣдствіе сего Булгаринъ, Гречъ и Воейковъ, по высочайшему повелѣнію, посажены на гауптвахту.

«Въ городѣ, писалъ въ своемъ дневникѣ профессоръ и цензоръ Никитенко, радуются тому... Ихъ беззастѣнчивый эгоизмъ всѣмъ надоѣлъ. Такъ, но при этомъ никто не думаетъ о пораженіи одного изъ лучшихъ параграфовъ нашего бѣднаго цензурнаго устава». Этотъ параграфъ, какъ и всѣ прочіе, нарушался не разъ, конечно. Объ обузданіи критикъ и особенно «антикритикъ» заботился не одинъ циркуляръ, какъ нами было указано выше.

Одновременно съ петербургскими журналистами посадили въ Москвѣ на гауптвахту цензора и благородно-безалабернаго, пламеннаго и безкорыстнѣйшаго патріота Сергѣя Николаевича Глинку за то, что пропустилъ показавшіеся несоотвѣтственными видамъ правительства стихи въ «Денницѣ» Максимовича и статейку въ «Московскомъ Вѣстникѣ» Шевырева и Погодина. Однако, когда узнали въ Москвѣ, что Глинка на гауптвахтѣ, у колокольни Ивана Великаго, многіе бросились навѣщать его. Одинъ изъ первыхъ былъ маститый поэтъ и отставной министръ юстиціи Ив. Ив. Дмитріевъ. Все, однако, объяснилось. Глинка былъ освобожденъ и, какъ невинно пострадавшій, получилъ три тысячи отъ щедротъ мокаршихъ...

Между тѣмъ Пушкинъ и друзья его задумали осуществить давнюю мысль о журналѣ, который составлялъ бы противовѣсъ монополіи Греча и Булгарина и союзника ихъ съ 1829 года — Николая Полевого. Съ 1 января 1830 года въ Петербургѣ стала выходить, подъ редакціей барона Дельвига и при ближайшемъ участіи Пушкина, Жуковскаго и князя Вяземскаго, «Литературная Газета». Критикомъ этого изданія былъ нѣкто Сомовъ, довольно извѣстный въ то время публицистъ. Однако корректный баронъ заявлялъ, что въ его газетѣ «не будетъ мѣста критической перебранкѣ». «Будущее извѣстно единому Богу,—писалъ друзьямъ поэтъ Языковъ по поводу новаго изданія,—Дельвигъ чрезвычайно лѣнивъ, а Сомовъ сердитъ, да не силенъ». Погодинъ же писалъ Шевыреву: «Статейки слабѣйшія, младенческія понятія о теоріяхъ. Невѣжи и невѣжи! Гдѣ имъ!.. Газета устоитъ не больше, какъ два мѣсяца: Пушкину наскучитъ, и останется редакторомъ мизерабельный Сомовъ». Въ своемъ «Московскомъ Вѣстникѣ» Погодинъ писалъ: «нѣкоторые кропотуны думаютъ, что въ критикѣ «Литературной Газеты» не будетъ иногда совершеннаго безпристрастія въ отношеніи ея

къ прихожанамъ, литературнымъ патриціямъ и въ отношеніи къ писателямъ плебейцамъ другихъ приходовъ» [1]).

Николай Полевой сошелся съ Погодинымъ во мнѣніи объ аристократическихъ тенденціяхъ газеты Дельвига, Жуковскаго, Пушкина и Вяземскаго—арзамасцевъ. Вотъ что писалъ онъ: «Литературная Газета» есть послѣднее усиліе жалкаго литературнаго аристократизма, и вотъ вся загадка! Грамотъ на литературное достоинство герольдія нынѣшней критики не только не утверждаетъ современнымъ литературнымъ аристократамъ, но оспариваетъ оныя и у тѣхъ литературныхъ аристократовъ, которые давно похоронены съ названіемъ бояръ... Литературный аристократизмъ довольно шалилъ у насъ. На него нападалъ и всегда будетъ нападать Телеграфъ» [2]).

Замѣтимъ, что позднѣе и Бѣлинскій яростно напалъ на «Современникъ», когда князь Вяземскій распространился въ немъ о непринужденномъ благородствѣ манеръ истиннаго свѣтскаго человѣка и о томъ несравненномъ искусствѣ, съ которымъ таковой садится въ гостиной въ кресла, чего плебею никогда не дается. Дѣйствительно, Герценъ описываетъ, какъ Бѣлинскій, попавъ на какой-то раутъ, очутился въ сосѣдствѣ съ Жуковскимъ въ придворномъ, шитомъ мундирѣ, опрокинулъ ему на бѣлые штаны бутылку съ краснымъ виномъ и спасся бѣгствомъ, еле живой отъ стыда... Полевой, Погодинъ, Бѣлинскій объединялись, какъ «плебейцы» въ литературѣ. Въ свою очередь, позднѣе князь Вяземскій выразился, что писатели-арзамасцы свѣтскіе люди, не связанные съ литературой матеріально:

> ...Олигархически себя держали,
> Какъ говорятъ, въ республикѣ письменъ!

Имѣла ли успѣхъ «Литературная Газета»?

«Литературная Газета» слаба, и критика ея ничтожна,—писалъ Погодинъ Шевыреву,—наши патриціи не знаютъ, гдѣ востокъ въ искусствахъ и наукахъ... Въ «Литературной Газетѣ», гостиной и пріятной, забавенъ только Вяземскій. Дельвигъ ничего не дѣлаетъ... Подписчиковъ... едва сто» [3]).

Между тѣмъ, дни «Литературной Газеты» были сочтены. Графъ А. Х. Бенкендорфъ, въ письмѣ своемъ отъ 30-го октября 1880 года, довелъ до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія, что въ этой газетѣ (№ 61) помѣщены, «ни къ какой стати, четыре стиха Казимира де-ла-Виня на памятникъ, который въ Парижѣ предполагають воздвигнуть жертвамъ 27, 28 и 29-го іюля». Дѣйствительно—«ни къ какой стати»!

---

[1]) «Московскій Вѣстникъ», 1830 г., № 3, стр. 315—318.
[2]) «Московскій Телеграфъ», 1830 г., № 14, стр. 240—244.
[3]) Барсуковъ. Погодинъ. Кн. III, стр. 14.

Какъ извѣстно, іюльская революція 1830 года была вызвана, между прочимъ, обнародованіемъ знаменитыхъ ordonnance пустоголоваго Полиньяка, наложившихъ руку на свободу прессы. 27-го іюля была только «присказка», кровь уже текла, но до семи часовъ ничего серіознаго не предвидѣлось. Наконецъ грянулъ первый выстрѣлъ, и воздвиглась первая баррикада. Двинулась кавалерія. Парижъ содрогнулся. Революція началась. Утромъ 28-го все населеніе было на ногахъ. Всѣ вооружались. Ученики политехнической школы кричали: «Vive la liberté! Vive la charte! A bas les Bourbons!». Колокола Нотръ-Дамъ и другихъ церквей били набатъ. 29-го все было кончено. Іюльская колонна на площади Бастиліи была проектирована особымъ закономъ. Постройка ея начата въ 1833 году, а окончена въ 1840 г. Надпись гласитъ: «Во славу французскихъ гражданъ, которые вооружились и сражались для защиты общественной свободы въ памятные дни 27, 28 и 29-го іюля, 1830 года».

Отъ 8-го ноября гр. Бенкендорфъ писалъ: «Личный мой разговоръ по сему предмету съ барономъ Дельвигомъ и самонадѣянный, нѣсколько дерзкій образъ его извиненій меня еще болѣе убѣдилъ въ моемъ заключеніи». Въ результатѣ, Дельвигу запретили изданіе газеты. «Итакъ,—писалъ Пушкинъ Плетневу,—русская словесность головою выдана Булгарину и Гречу! Жаль. Но чего смотрѣлъ и Дельвигъ? Охота ему была печатать конфектный билетецъ этого несноснаго Лавинья».

II.

Въ преданіяхъ русской литературы памятенъ «холерный» 1830-й годъ. «Холера коснулась и журналистовъ,—говорилъ Шевыревъ,— «Галатея» простудилась, «Атеней» объѣлся, а у «Вѣстника Европы» поднялась желчь. Они не будутъ издаваться».

Прекращая изданіе «Вѣстника Европы», Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій, «злой паукъ», по опредѣленію «собранья литературныхъ насѣкомыхъ» въ извѣстной эпиграммѣ Пушкина, превратившій Карамзинскій журналъ въ затхлый архивъ литературнаго старовѣрства, счелъ долгомъ проститься съ публикою и сказать ей свои «Послѣднія слова»:

«Въ изнеможеніи отъ долготы дней, при концѣ бытія своего, но еще вполнѣ владѣя способностями разсудка и памяти, завѣщаю современникамъ послѣднія слова старческой опытности. Умираю смертію обыкновенною, по чину естества неизбѣжною для всѣхъ органическихъ созданій... Увы, подобно Карлу V, заживо отпѣтому услужливымъ братствомъ, я, находясь еще въ сонмѣ живыхъ, долженъ былъ слушать не погребальныя пѣсни, не мольбы о грѣхахъ моихъ, а неистовое глумленіе и скоморошеское кощунство

отъ нѣкоторыхъ изъ новаго поколѣнія журналовъ [1]), незрѣлыхъ смысломъ, дерзкихъ волею, велерѣчивыхъ, бранчивыхъ и хвастливыхъ».

Эти «послѣднія слова» вызвали слѣдующія строки въ «Московскомъ Телеграфѣ»: «Вѣстникъ Европы», начатый Карамзинымъ, умеръ просто отъ старости».

Изъ «новаго поколѣнія» журналовъ скончался отъ недостатка подписчиковъ «Московскій Вѣстникъ» Погодина. На развалинахъ старыхъ и новыхъ журналовъ въ 1831 году, Николай Ивановичъ Надеждинъ, извѣстный критикъ «Вѣстника Европы», эксъ-студентъ Никодимъ Недоумко, нынѣ профессоръ изящныхъ искусствъ и философіи въ Московскомъ университетѣ, основалъ «Телескопъ», «журналъ современнаго просвѣщенія», а «дабы летучія новости, занимательныя для образованной публики, не теряли своей свѣжести», въ видѣ особаго еженедѣльнаго приложенія—журналъ модъ и новостей «Молву». Здѣсь напечаталъ свои «Литературныя мечтанія» юный Бѣлинскій, здѣсь же предполагалось помѣщать: «картинки и описаніе иностранныхъ, преимущественно парижскихъ модъ», картинки и описанія модъ собственно московскихъ», московскія вѣсти о театральныхъ и другихъ публичныхъ собраніяхъ и гуляньяхъ, «острыя слова», «забавные анекдоты» и пр.

Въ «Телескопѣ» предполагалось помѣщать: «современную лѣтопись», «современное состояніе промышленности и торговли», полную библіографію, преимущественно русскую; критику и журналистику, полемику, смѣсь и т. д. и т. д. Программа журнала совмѣщала всѣ приманки, которыми завоевали симпатіи публики «Телеграфъ» Полевого и Вяземскаго и «Пчела» Булгарина и Греча. Чрезвычайно интересна характеристика почившихъ въ 1830 году старыхъ и новыхъ журналовъ, которую далъ Надеждинъ въ первомъ нумерѣ своего «Телескопа».

«De profundis! Тяжекъ былъ для Москвы годъ истекшій. Древняя столица Русской земли и русской журналистики совершенно осиротѣла. Напрасно привычное любопытство ищетъ знакомыхъ именъ въ газетныхъ объявленіяхъ: тамъ все пусто!

«Вѣстникъ Европы. Маститый сей старецъ, патріархъ настоящаго поколѣнія журналовъ и Несторъ журналистики, мирно кончилъ многотрудную и многомятежную жизнь свою... Три почти цѣлыя десятилѣтія существовалъ онъ—три вѣка для летучаго періодическаго изданія!..

«Московскій Вѣстникъ. Юноша съ роскошными надеждами, съ залетными мечтами, съ пламенными порывами! Рано, очень рано состарѣлся ты и, не доцвѣтши, свянулъ!.. Молодые литераторы и

[1]) «Московскій Телеграфъ» Николая Полевого. Качановскій даже подавалъ «куда слѣдуетъ» за полемику Полевого.

ученые пробовали въ немъ свои юныя силы и нерѣдко сверкали яркими талантами; на нихъ смотрѣли, но не засматривались; и «Московскій Вѣстникъ» проповѣдывалъ въ пустынѣ... Блестящее имя Пушкина постоянно печаталось и снаружи, и внутри «Московскаго Вѣстника»—и все напрасно!.. Миръ тѣни твоей многострадальный юноша!..

«Атеней — первый изъ молодыхъ журналовъ отважился на отступничество отъ Пушкина... Его слѣдуетъ упрекнуть только за излишнюю благонамѣренность. Онъ надѣялся подлеститься къ публикѣ ученостью—и перепугалъ ее. Атеней во времена бурныя русской журналистики умѣлъ пріобрѣсти столь невинную репутацію, что только при чтеніи его одного позволялось обходиться безъ перчатокъ. Житія его было всего три года.

«Галатея. Сія журнальная красавица, единственная своего пола между русскими журналами... пропорхнула очень быстро и исчезла внезапно».

Такъ «острился» надеждинскій «Телескопъ» надъ усопшими собратьями. А между тѣмъ рокъ судилъ и ему весьма недолгое и мало успѣшное литературное поприще. Журналъ не имѣлъ особеннаго успѣха. Между прочимъ, Надеждинъ привлекъ «выгнаннаго студента» Бѣлинскаго къ переводамъ съ французскаго для «Телескопа» и «Молвы», а затѣмъ поручилъ ему критику журнала въ значительной степени.

«Я перебрался къ Надеждину,— пишетъ Бѣлинскій брату 17-го августа 1834 года,—и живу у него уже двѣ недѣли. Жить мнѣ очень недурно. У меня особенная комната. Теперь Надеждинъ уѣхалъ... и поручилъ мнѣ журналъ и домъ, гдѣ я теперь полный хозяинъ... пользуюсь его библіотекой и живу припѣваючи» [1]).

Въ 1834 году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, начался въ «Молвѣ» рядъ статей, подъ названіемъ «Литературныя мечтанія. Элегія въ прозѣ». Этими статьями открывается серьезная литературная дѣятельность Бѣлинскаго. Однако, значеніе его было до самаго переѣзда въ Петербургъ и выступленія въ «Отечественныхъ Запискахъ» Краевскаго ограничено небольшимъ кружкомъ. Внѣ его ходили слухи о Бѣлинскомъ, какъ о человѣкѣ весьма бойкомъ, горячемъ, который ни передъ чѣмъ не отступалъ и нападалъ на «все» — на все въ литературномъ мірѣ, конечно. Другого рода критика была тогда немыслима въ печати. «Многіе, говоритъ Тургеневъ въ своихъ «Литературныхъ воспоминаніяхъ», даже между молодежью, осуждали его и находили, что онъ слишкомъ смѣлъ и далеко заносится... Цѣлая легенда тотчасъ сложилась о Бѣлинскомъ. Говорили, что онъ—недоучившійся казенный студентъ, выгнанный изъ университета... за развратное поведеніе... Увѣряли, что и наружность его

---

[1]) Пыпинъ: Бѣлинскій. Изд. 1876 г., т. I, стр. 80.

самая ужасная; что это какой-то циникъ, бульдогъ, призрѣнный Надеждинымъ, съ цѣлью травить имъ своихъ враговъ». Въ маѣ 1835 года, Надеждинъ оставилъ службу въ университетѣ. Онъ собирался за границу и на время отсутствія передалъ изданіе «Телескопа» и «Молвы» Бѣлинскому и его друзьямъ. То былъ знаменитый кружокъ 1830-хъ годовъ Станкевича, кружокъ, мудрствовавшій надъ Шеллингомъ и Гегелемъ. Кромѣ Станкевича и Бѣлинскаго, принадлежали къ нему Строевъ, А. П. Ефремовъ, В. П. Красовъ, И. П. Ключниковъ, Боткинъ, Катковъ, Бакунинъ. Новая редакція рьяно взялась за дѣло. Самъ Станкевичъ, вообще не стремившійся быть записнымъ литераторомъ, заинтересовался журналомъ. Бѣлинскій тотчасъ превратилъ «Телескопъ» изъ эклектическаго, поверхностнаго и какъ-то беззаботно-умнаго журнала въ критическій журналъ съ опредѣленнымъ эстетическимъ взглядомъ. Подписка отъ этого не прибыла. Станкевичъ помѣстилъ переводную статью о философіи Гегеля, Красовъ, Кольцовъ, Константинъ Аксаковъ доставили нѣсколько стихотвореній. Бѣлинскій помѣстилъ рядъ превосходныхъ статей, совершенно оригинальныхъ по глубинѣ и значительности критическаго воззрѣнія, небывалыхъ въ русской литературѣ, юношески пылкихъ и прекрасныхъ: о русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя, о стихотвореніяхъ Баратынскаго, Бенедиктова, Кольцова, которыя только что были изданы тогда Станкевичемъ.

«Телескопъ» и «Молва» оставались подъ редакціей Бѣлинскаго около полугода: отъ мая или іюня до октября онъ издалъ шесть книжекъ. Журналъ, запоздавшій и до Бѣлинскаго, не былъ имъ доведенъ до полнаго числа книжекъ. «Молва» также запоздала. Недоданныя книжки изданы были уже въ слѣдующемъ году самимъ Надеждинымъ. Въ послѣднихъ нумерахъ «Телескопа» за 1835 годъ, видимо наскоро составленныхъ, находимъ только мелкія замѣтки Бѣлинскаго. Послѣдній томъ за 1835 годъ вышелъ только въ октябрѣ 1836 году. Затѣмъ въ книжкахъ «Телескопа» за 1836 годъ появляется новый рядъ статей Бѣлинскаго. Въ № 10 помѣщена статья Искандера-Герцена «Гофманъ».

Но, увы, съ выходомъ послѣдней, 24-й книги «Телескопа» за 1835 годъ и 16-й книги за 1836 годъ (это было въ октябрѣ) существованіе журнала окончилось. Въ 15-й книжкѣ было напечатано знаменитое «Философическое письмо» Чаадаева. Надеждинъ помѣстилъ его сознательно, обманувъ цензора, увлеченнаго карточной игрой, какъ героическое средство, чтобы или пріобрѣсти симпатіи публики или пасть со славой. Совершилось послѣднее. Журналъ запрещенъ. Чаадаевъ объявленъ сумасшедшимъ. Надеждинъ сосланъ.

III.

«Литературная Газета» была запрещена. Подписчиковъ имѣла «едва сто».

«Телескопъ» самъ себя взорвалъ на воздухъ. Запрещенъ, но подписки не имѣлъ, и книжки одного года выходили одновременно съ послѣдними книжками другого. Если въ «Литературной Газетѣ» сотрудничали «аристократы»—Пушкинъ, Дельвигъ, князь Вяземскій, Жуковскій, то въ «Телескопѣ»—молодежь, самъ ѣдкій и умный Надеждинъ, огненный Бѣлинскій, рядъ молодыхъ, яркихъ талантовъ. И все же успѣха не было. Въ 1832 году была сдѣлана еще попытка начать изданіе серьезнаго, идейнаго журнала И. В. Кирѣевскимъ. Все, что было знаменитаго въ литературѣ, соединилось въ редакціи «Европейца». Пушкинъ радовался новому журналу.

Однако Погодинъ сомнѣвался въ успѣхѣ журнала у нашей публики: «Европеецъ съ именами и статьями Жуковскаго, Баратынскаго, Языкова и пр. имѣетъ только пятьдесятъ подписчиковъ. Вотъ вамъ новое странное удостовѣреніе. Что-то будетъ впередъ?»

Впереди было нѣчто особенно неожиданное. Статья И. В. Кирѣевскаго «Девятнадцатый вѣкъ», которой открывалась первая книжка журнала, была въ Петербургѣ перетолкована самымъ роковымъ образомъ для ея автора и юнаго журнала. Зловѣщіе слухи, сейчасъ же распространившіеся, подтвердила бумага, полученная 22 го февраля 1832 года попечителемъ Московскаго округа, княземъ Голицынымъ, отъ министра народнаго просвѣщенія, князя Ливена. Бумага гласила:

«Господинъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ сообщилъ мнѣ, что въ № 1-мъ издаваемаго въ Москвѣ Иваномъ Кирѣевскимъ журнала подъ названіемъ «Европеецъ» статья «Девятнадцатый вѣкъ» есть не что иное, какъ разсужденіе о высшей политикѣ, хотя въ началѣ оной сочинитель и утверждаетъ, что онъ говоритъ не о политикѣ, а о литературѣ. Но стоитъ обратить только нѣкоторое вниманіе, чтобы видѣть, что сочинитель, разсуждая будто бы о литературѣ, разумѣетъ совсѣмъ иное; что подъ словомъ «просвѣщеніе» онъ понимаетъ «свободу»; что «дѣятельность разума» означаетъ у него «революцію», а «искусно отысканная средина»—не что иное, какъ «конституцію»... Издатель Иванъ Кирѣевскій обнаружилъ себя человѣкомъ неблагомыслящимъ и неблагонадежнымъ». Цензоромъ «Европейца» былъ С. Т. Аксаковъ. А Кирѣевскій еще мечталъ со своими друзьями «возвратить права истинной религіи, изящное согласить съ нравственностью, возбудить любовь къ правдѣ, глупый либерализмъ замѣнить уваженіемъ законовъ и чистоту жизни возвысить надъ чистотою слога».

Запрещеніе «Европейца» взволновало русское общество. Оно было оскорблено... и ничѣмъ не высказало этого. Одинъ Жуковскій осмѣлился сказать государю, что за Кирѣевскаго онъ ручается. «А за тебя кто поручится?»—возразилъ государь. Жуковскій умолкъ и «сказался больнымъ»[1]).

Между тѣмъ какъ въ Москвѣ оплакивали «Европейца», въ Петербургѣ извѣстный книгопродавецъ А. Ѳ. Смирдинъ перевелъ свою лавку на Невскій проспектъ. Это доставило ему «счастье видѣть у себя на новосельѣ почти всѣхъ извѣстныхъ литераторовъ». Всешутѣйшій риѳмоплетъ, графъ Д. И. Хвостовъ, «отъ лица своей музы» преподнесъ Смирдину привѣтствіе:

> Угодникъ русскихъ музъ! свой празднуй юбилей,
> Гостямъ шампанское для новоселья лей...

На пиру собравшіеся литераторы, по предложенію В. А. Жуковскаго, рѣшили «подарить» Смирдина каждый своимъ произведеніемъ. Въ Москвѣ ворчали по поводу этого пиршества, усматривая въ немъ «союзъ петербургской литературы». Черезъ годъ послѣ обѣда въ смирдинской лавкѣ вышелъ первый томъ альманаха «Новоселье». Въ немъ участвовали: Сомовъ, Сенковскій, Булгаринъ, Гречь, Даль, Масальскій, Михайловскій-Данилевскій, князь В. Ѳ. Одоевскій, В. И. Панаевъ, А. С. Шишковъ, Борисъ Ѳедоровъ, Баратынскій, князь Вяземскій, Гнѣдичъ, Жуковскій, Козловъ, Крыловъ, А. С. Пушкинъ, графъ Хвостовъ, Хомяковъ, Погодинъ.

«Новоселье» было, однако, лишь присказкой. Еще въ концѣ 1833 г. князь П. А. Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву: «Всѣ ожидаютъ пришествія новаго журнала Смирдина... На перспективѣ въ окнахъ книжной лавки Смирдина объявленіе о немъ колетъ глаза всѣмъ прохожимъ полуаршинными буквами».

Идея журнала и его планъ принадлежали профессору оріенталисту Осипу Ивановичу Сенковскому, болѣе извѣстному подъ именемъ барона Брамбеуса. 1 января 1834 года вышла наконецъ первая книжка «Библіотеки для Чтенія», журнала словесности, наукъ художествъ, промышленности, новостей и модъ. Всѣ литературныя имена были въ перечнѣ сотрудниковъ журнала. И по этому поводу баронъ Брамбеусъ впослѣдствіи цинически замѣчалъ: «У насъ сотрудниками хоть прудъ пруди. Далеко ходить за ними нечего. А стоитъ только крикнуть да денежкой брякнуть, такъ набѣжитъ ихъ три тьмы съ потемками».

Хотя имя Рудаго Панько (Гоголя) стояло въ спискѣ сотрудниковъ «Библіотеки», онъ сейчасъ же сталъ относиться враждебно къ новому журналу, какъ возникающему оплоту литературной пошлости.

---

[1]) Барсуковъ. Погодинъ, кн. IV., стр. 10.

«Кстати о «Библіотекѣ»,—писалъ онъ Погодину,—начальники отдѣленій и директоры департаментовъ читаютъ и надрываютъ бока отъ смѣха. Офицеры читаютъ и говорятъ: «с...с..., какъ хорошо пишетъ!» Помѣщики покупаютъ и подписываются и вѣрно будутъ читать... Смирдина капиталъ растетъ... Сенковскій уполномочилъ самъ себя властью рѣшать, вязать: мараетъ, передѣлываетъ, отрѣзываетъ концы и пришиваетъ другіе... Мы всѣ въ дуракахъ! Въ этомъ и спохватились наши тузы литературные, да поздно. Почтенные редакторы зазвонили нашими именами, набрали подписчиковъ, заставили народъ разинуть ротъ, на нашихъ же спинахъ и разъѣзжаютъ теперь. Они поставили новый краеугольный камень своей власти. Это другая «Пчела»!».

Отношеніе Сенковскаго къ сотрудникамъ «Библіотеки» лучше всего выяснено Полевымъ въ предисловіи къ его «Очеркамъ русской литературы» (стр. XVI и XVII):

«А. Ф. Смирдинъ за услугу свою (снабдилъ деньгами) требовалъ участія моего въ «Библіотекѣ для Чтенія». Отказаться я не могъ. Мы сошлись съ редакторомъ ея. Послѣ продолжительнаго съ нимъ переговора я взялъ на себя отдѣленія критики и библіографіи и началъ доставлять изъ Москвы статьи по обоимъ отдѣленіямъ. Съ перваго шага всѣ условія моего сотрудничества были нарушены редакторомъ... Редакторъ наложилъ право нестерпимаго цензорства на всѣ мои статьи, передѣлывалъ въ нихъ языкъ по своей методѣ, переправлялъ ихъ, прибавлялъ къ нимъ, убавлялъ изъ нихъ, и многое являлось въ такомъ извращенномъ видѣ, что, читая «Библіотеку для Чтенія», иногда вовсе я не могъ отличать: что такое хотѣлъ я сказать въ той или другой статьѣ?.. Возраженія мои были тщетны, и несмотря на все желаніе мое исполнить желаніе добраго А. Ф. Смирдина, я принужденъ былъ въ декабрѣ 1837 года рѣшительно отказаться отъ всякаго участія въ «Библіотекѣ для Чтенія». Съ основаніемъ «Библіотеки для Чтенія», по мнѣнію Бѣлинскаго, наступилъ Смирдинскій періодъ русской литературы. Этотъ періодъ продолжался довольно долго, захвативъ и начало 40-хъ годовъ, пока «Отечественныя Записки» Краевскаго, воодушевленныя критикой Бѣлинскаго, не заняли рѣшительно господствующаго положенія въ литературѣ. Чѣмъ же ознаменованъ этотъ періодъ? Поддѣльнымъ руссизмомъ Кукольника, фальшивымъ романтизмомъ Марлинскаго и пошлымъ остроумничаньемъ Брамбеуса. Но все это нравилось, имѣло успѣхъ у непритязательной публики. «Ни одинъ изъ тогдашнихъ журналовъ, говоритъ Чернышевскій, не былъ такъ распространенъ, какъ «Библіотека для Чтенія». Въ 1830—1838 годахъ едва ли хотя одинъ журналъ расходился въ тысячѣ экземпляровъ, а «Библіотека для Чтенія» въ первые годы расходилась въ числѣ отъ четырехъ до пяти тысячъ экземпляровъ» [1]).

---

[1]) Очерки гоголевскаго періода. Изд. 1893 г., стр. 56.

IV.

Конкуррентомъ «Библіотеки для Чтенія» могъ бы явиться Николай Полевой, но, какъ извѣстно, его «Телеграфъ» былъ запрещенъ за непочтительный разборъ патріотической драмы Кукольника «Рука всевышняго отечество спасла» въ томъ же 1834 году. Случай игралъ здѣсь главную роль. Полевой написалъ неблагопріятный разборъ драмы еще въ Москвѣ, не зная, «какъ принимають пьесу» въ Петербургѣ. Когда онъ затѣмъ пріѣхалъ сюда, въ театрѣ его предупредилъ высокопоставленный благопріятель (графъ Бенкендорфъ?): «Что вы дѣлаете, Николай Алексѣевичъ! Вы видите, какъ принимають здѣсь пьесу; надо сообразжаться съ этимъ мнѣніемъ; иначе вы навлечете себѣ страшныя непріятности!». Полевой написалъ своему брату Ксенофонту, прося вынуть статью изъ книжки, но было уже поздно. Книжку разослали подписчикамъ. Съ этихъ поръ неумолимымъ врагомъ Полевого явился министръ просвѣщенія Уваровъ, имѣвшій въ рукахъ цѣлую книгу выписокъ якобинскихъ мѣстъ изъ «Московскаго Телеграфа». Надо помнить также, что Полевой уже въ 1828 году разошелся съ княземъ Вяземскимъ, которому собственно и принадлежитъ честь созданія «Телеграфа». Онъ придалъ журналу европейскій обликъ, лоскъ и остроумное разнообразіе. Наконецъ Полевой обрушился на «Исторію» Карамзина. Этимъ онъ возстановилъ противъ себя всѣхъ «арзамасцевъ». Самъ Пушкинъ занесъ въ свой дневникъ по поводу запрещенія журнала Полевого слѣдующія характерныя строки: «Телеграфъ» запрещенъ. Уваровъ представилъ государю выписки, веденныя нѣсколько мѣсяцевъ и обнаруживающія неблагонамѣренное направленіе, данное Полевымъ его журналу (выписки ведены Бруновымъ по совѣту Блудова). Жуковскій говоритъ: «Я радъ, что «Телеграфъ» запрещенъ, хотя жалѣю, что запретили». «Телеграфъ» достоинъ участи своей. Мудрено съ большею наглостью проповѣдывать якобинизмъ (!?) передъ носомъ правительства; но Полевой былъ баловень полиціи. Онъ умѣлъ увѣрить ее, что его либерализмъ пустая только маска».

Если такъ судили Жуковскій и Пушкинъ, то что же говорилъ весь высшій Петербургъ? «Полевой былъ баловень полиціи». Дѣйствительно, графъ Бенкендорфъ не переставалъ къ нему благоволить. И самъ Полевой говорилъ: «Полиція (Бенкендорфъ) обходится со мной, какъ министръ просвѣщенія, а дѣйствительный министръ просвѣщенія (Уваровъ), какъ полиція» [1]. «Тотъ,—объясняетъ братъ Полевого, Ксенофонтъ Полевой,—кто, по назначенію своему, могъ преслѣдовать литератора, всячески облегчалъ его и старался вывести изъ опалы, тогда какъ другой, по званію своему

---

[1]) Записки Кс. Полевого, стр. 359—361.

покровитель и защитникъ всѣхъ литераторовъ, преслѣдовалъ невиновнаго... Въ самомъ дѣлѣ, цензура имѣла предписаніе министра Уварова, которымъ было запрещено дозволять къ печатанію что бы то ни было съ именемъ Николая Полевого. Это разоряло его. Всѣ заготовленные для «Телеграфа» матеріалы погибли, и надобно было чѣмъ нибудь замѣнить получавшійся отъ него хорошій доходъ. А легко ли это человѣку, въ продолженіе многихъ лѣтъ занимавшемуся исключительно литературой? И такъ съ этой стороны «Библіотекѣ для Чтенія» конкурренціи не предвидѣлось. Казалось, остроумный и превосходившій обширностью эрудиціи Сенковскаго и столь же холодный къ истинѣ, поверхностно блестящій Надеждинъ съ его «Телескопомъ», съ Бѣлинскимъ и молодыми силами въ немъ могъ дѣлать подрывъ смирдинской лавкѣ. И этого не было».

«Телескопъ» не имѣлъ большого успѣха. У него было немало недостатковъ, начиная съ неаккуратности изданія, происходившей и отъ безпечности, и отъ скудости средствъ, и, какъ говорится, отъ «обстоятельствъ, отъ редакціи независящихъ». Къ этому должно прибавить и то, что многія статьи «Телескопа» были не по плечу тогдашней публикѣ, и книжки его иногда не отличались разнообразіемъ, живостью и новизною статей. Тогдашней публикѣ нужна была извѣстнаго рода пряная, жирная журнальная стряпня, идеалъ которой осуществлялся въ Петербургѣ «Библіотекой для Чтенія»... «Библіотека» процвѣтала, а «Телескопъ» падалъ и падалъ» [1]).

Замѣчательно, что особый успѣхъ у русской публики выпалъ на долю двухъ поляковъ—Булгарина и Сенковскаго. Всѣ ихъ ругали и всѣ въ засосъ читали. Правда, по признанію Чернышевскаго, баронъ Брамбеусъ имѣлъ почти всѣ качества, нужныя для того, чтобы играть важную и плодотворную роль въ литературѣ, особенно въ журналистикѣ. Брамбеусъ обладалъ обширною начитанностью по всѣмъ отраслямъ знанія, а по многимъ и основательными познаніями. Что касается Востока, онъ былъ въ свое время однимъ изъ лучшихъ оріенталистовъ въ Европѣ. Не всѣ его статьи удачны — многія слабы, какъ у всякаго, кто пишетъ много и печатаетъ все, что пишетъ, но въ самыхъ неудачныхъ постоянно видны очень замѣчательные проблески сильнаго ума, а въ лучшихъ этотъ умъ блеститъ на каждой страницѣ. Баронъ Брамбеусъ избралъ остроумничанье своею спеціальностью, старался ни одного слова не сказать безъ украшенія остроуміемъ. Какъ всѣ литературные пустоцвѣты, онъ обладалъ удивительною «легкостью въ мысляхъ». Считая русскихъ невѣждами и варварами, презирая ихъ, какъ полякъ, Сенковскій смѣло плагіировалъ, черпая обѣими руками изъ западныхъ лите-

[1]) М. Лонгиновъ. Воспоминаніе о П. Я. Чаадаевѣ. «Русскій Вѣстникъ». Томъ XLII. Стр. 143.

ратуръ. Онъ смѣло писалъ повѣсти, передѣлывая и переводя Бальзака, Жюля Жанена, Марріета, Вольтера, Лесажа, Фильдинга, Раблэ и т. д. и т. д. Дѣйствительно русская публика все кушала да похваливала.

При этомъ Сенковскій обладалъ колоссальнымъ трудолюбіемъ и трудоспособностью. Этотъ человѣкъ нѣсколько лѣтъ писалъ, быть можетъ, по сту печатныхъ листовъ въ годъ и внимательно переправлялъ до самыхъ мелочныхъ подробностей почти все, что писали другіе для его журнала, часто вставляя по нѣскольку страницъ въ чужія статьи. Онъ былъ одаренъ способностью писать очень легко и популярно и завиднымъ искусствомъ излагать самые трудные предметы удобопонятно и общедоступно. А что еще требовалось русской публикѣ? Тонкости арабской филологіи, греческихъ діалектовъ излагались ученымъ журналистомъ съ такою популярностью, съ шуточками да прибауточками, что читатель проглатывалъ не поморщившись статью чрезвычайно спеціальную. Занятія восточной литературой придали формамъ писаній Брамбеуса особую извитость, пріятную для русской публики, столь близкой къ востоку.

V.

Итакъ, Брамбеусъ и «Библіотека» торжествовали, такъ же и Булгаринъ съ «Пчелой», а Гречь съ «Сыномъ».

Однако паденіе «Московскаго Телеграфа» и возникновеніе и процвѣтаніе, въ союзѣ съ «Сѣверной Пчелой», «Библіотеки для Чтенія» въ Петербургѣ возбудило въ Погодинѣ, Шевыревѣ и его друзьяхъ мысль основать въ Москвѣ новый журналъ. Въ концѣ 1834 года нѣкто Андросовъ подалъ прошеніе о позволеніи ему съ 1835 года издавать журналъ подъ названіемъ «Московскаго Наблюдателя», коего цѣлію поставляется слѣдить за всѣми достопримѣчательными явленіями, какъ въ Россіи, такъ и внѣ Россіи, по части наукъ, словесности, искусствъ изящныхъ, промышленности и модъ.

Цензура, принимая въ соображеніе, что въ Москвѣ, гдѣ въ то время существовалъ одинъ издаваемый еще Надеждинымъ «Телескопъ», чувствуется потребность въ повременномъ изданіи, которое могло бы служить нѣкоторымъ противодѣйствіемъ петербургскимъ журналамъ, находящимся почти въ однѣхъ рукахъ, т. е. Греча, Булгарина и Сенковскаго, и сдѣлавшимся чрезъ то какъ бы монополіею немногихъ лицъ, нашла возможнымъ удовлетворить просьбу Андросова.

9-го декабря 1835 года воспослѣдовало высочайшее соизволеніе на изданіе журнала.

Кромѣ Андросова, въ изданіи «Московскаго Наблюдателя» приняли участіе: Баратынскій, Гоголь, М. А. Дмитріевъ, И. В. Кирѣев-

скій, Мельгуновъ, кн. В. Ѳ. Одоевскій, Н. Ф. Павловъ, Погодинъ, Хомяковъ, Шевыревъ и Языковъ.

Однако на первыхъ же порахъ Гоголь писалъ Погодину: «Издатели «Московскаго Наблюдателя» ничего не умѣютъ дѣлать. Разошлите объявленіе огромными буквами при «Московскихъ Вѣдомостяхъ, и при нѣсколькихъ номерахъ, и говорите смѣло, что числомъ листовъ не уступитъ «Библіотекѣ для Чтенія», а содержаніемъ будетъ самый разнообразный... Мерзавцы вы всѣ московскіе литературы. Отъ васъ никогда не будетъ проку; вы всѣ только на словахъ. Какъ затѣяли журналъ, а никто не хочетъ работать!.. Срамъ, срамъ, срамъ! Вы посмотрите, какъ петербургскіе обдѣлываютъ свои дѣла. Гдѣ у васъ то постоянство, и трудъ, и ловкость, и мудрость?.. И на первый номеръ до сихъ поръ нѣтъ еще статей... Боже мой! сколько умовъ и все оригинальныхъ: ты, Шевыревъ, Кирѣевскій. Чортъ возьми, и жалуются на бѣдность! Баратынскій, Языковъ. Ай! ай! ай?.. я поспѣшу сколько возможно скорѣе окончить для васъ назначенную повѣсть, но все не думалъ, чтобы она могла поспѣть раньше 3-й книжки».

Давать совѣты, распекать и укорять Гоголь былъ мастеръ, а самъ только «поспѣшалъ сколь возможно». Къ тому же Погодинъ и не рѣшился напечатать присланную ему Гоголемъ повѣсть («Носъ»), находя ее «грязной».

«Московскій Наблюдатель» не имѣлъ успѣха и влачилъ существованіе до 1838 года, когда совершенно былъ преобразованъ.

«Наша журналистика,—писалъ Максимовичъ Погодину изъ Кіева 10-го ноября 1837 года,—опять и еще болѣе сосредоточивается въ рукахъ ярыгъ.... Москва неужели ничего не противопоставитъ?»

Погодину и Шевыреву при помощи Жуковскаго удалось въ 1837 г. (годъ смерти Пушкина) положить основаніе «Москвитянина», но выходить онъ началъ только съ 1841 года. Въ 1836 г. Пушкину было разрѣшено издать «четыре тома статей» («Современникъ»). Отнесшись сначала съ сочувствіемъ къ этому начинанію, Бѣлинскій затѣмъ напалъ на «свѣтскость» изданія: «Посмотрите, что такое жизнь всѣхъ нашихъ «свѣтскихъ» журналовъ?—писалъ онъ.— Бореніе жизни со смертію въ груди чахоточнаго. Что сказали намъ новаго объ искусствѣ, о наукѣ «свѣтскіе» журналы? Ровно ничего». Послѣ смерти Пушкина «Современникъ» началъ издаваться въ пользу его семейства. Друзья покойнаго: Жуковскій, Вяземскій, Одоевскій и Плетневъ, приняли на себя завѣдываніе изданія. Къ нимъ примкнулъ и А. А. Краевскій, который въ это время сдѣлался редакторомъ литературныхъ прибавленій къ «Русскому Инвалиду». Журналъ и въ рукахъ Плетнева шелъ плохо. Цифра подписчиковъ выше 500 не поднималась.

Мы сказали выше, что «Московскій Наблюдатель» началъ издаваться съ 1835 г. подъ редакціей Андросова, ученаго статистика,

человѣка, собственно чуждаго литературнымъ дѣламъ, но даровитаго и умнаго. Литературную часть взялъ въ свое завѣдываніе Шевыревъ, незадолго передъ тѣмъ вернувшійся изъ-за границы и въ первое время возбудившій большія ожиданія въ университетѣ и въ литературѣ. На первыхъ порахъ Шевыревъ помѣщалъ нѣкоторые свои труды у Надеждина (въ «Молвѣ» 1833 года), но скоро между ними начались «неудовольствія», какъ выражается біографъ Бѣлинскаго. Когда стали появляться «Литературныя мечтанія», выходившія небольшими отрывками въ сѣрыхъ листочкахъ «Молвы», Шевыревъ одобрялъ этотъ первый опытъ критики, пока дѣло не дошло до него самого. Бѣлинскій очень хвалилъ его, но замѣтилъ, что въ его стихахъ «развивается мысль, а не изливается чувство». Самолюбіе Шевырева не выдержало и этого умѣреннаго замѣчанія, оправдывая замѣчаніе Герцена о слогѣ шевыревскихъ статей: «Дутый, губчатый, въ родѣ не окрѣпнувшаго бланъ-манже, и въ которое забыли положить горькаго миндалю, хотя подъ его патокой и заморена бездна желчной, самолюбивой раздражительности». Слогъ— это человѣкъ, какъ извѣстно. Когда основался «Московскій Наблюдатель», въ немъ появились новыя произведенія Шевырева: прославившаяся статья «Словесность и торговля», рядъ критическихъ статей и, наконецъ, изумительнѣйшій переводъ Тассова «Освобожденнаго Іерусалима» октавами, которыми профессоръ думалъ произвести переворотъ въ русской поэзіи. Въ то же время вышла его водяная «Исторія поэзіи». Между «Телескопомъ» и «Наблюдателемъ» поднялась пикировка. Когда напалъ на «Исторію поэзіи» съ ученой критикой Надеждинъ, то хотя Шевыревъ и раздражился, все же его примиряла мысль, что противникъ—докторъ «изящныхъ наукъ». Что же сталось, когда Шевыревскую труху сталъ вѣять «недоучившійся студентъ», недавно исключенный за «неспособность»?

Однако подъ редакціей Шевырева и Погодина «Наблюдатель» не шелъ и не шелъ, и съ 1838 г. онъ перешелъ въ руки кружка «гегельянцевъ» и противника его—Бѣлинскаго.

По прежней нумераціи томовъ, по указанію А. Н. Пыпина, «Наблюдатель» новой редакціи начинается съ XVI тома. Всего издано Бѣлинскимъ пять томовъ. «Московскій Наблюдатель», «журналъ энциклопедическій», началъ свой годъ съ марта. Въ мѣсяцъ выходило по двѣ книжки.

«Московскій Наблюдатель» времени Бѣлинскаго,—говоритъ А. Н. Пыпинъ,—былъ, безъ сомнѣнія, однимъ изъ лучшихъ журналовъ по цѣльности его характера, по достоинству литературнаго отдѣла и, наконецъ, по критикѣ, которая положительно была выше всего того, что представляла тогда журналистика въ этомъ отношеніи».

Въ видѣ программы и введенія къ изданію были помѣщены «Гимназическія рѣчи» Гегеля, съ предисловіемъ переводчика—Михаила Бакунина. Въ этомъ предисловіи высказаны были общія мнѣ-

нія кружка о значеніи философіи и «разумности дѣйствительности», на которой тогда друзья Станкевича утверждались. Съ цѣлью объясненія философическихъ принциповъ теоріи искусства, помѣщена была статья Рётшера о «философской критикѣ художественнаго произведенія», такъ же съ предисловіемъ переводчика М. Н. Каткова [1]).

Въ «Наблюдателѣ» много переводили фантастическихъ повѣстей Гофмана. Изъ поэтовъ постоянно являлись Кольцовъ, Красовъ, Константинъ Аксаковъ, Полежаевъ. Струговщиковъ, Клюшниковъ, (—ѳ—).

Степановъ, издатель «Московскаго Наблюдателя» послѣ Погодина, платилъ Бѣлинскому помѣсячно, да и то неаккуратно, какія-то ничтожныя деньги за редакцію. А пылкій критикъ восторженно повторялъ: «Дѣйствительность!». «Дѣйствительность, твержу я, вставая и ложась спать, днемъ и ночью—и дѣйствительность окружаетъ меня... Слово «дѣйствительность» сдѣлалось для меня равнозначительно слову «богъ».

И такъ полонъ былъ «неистовый Виссаріонъ» восторгомъ, что «слово» дѣйствительность загораживало отъ него настоящую дѣйствительность.

Между тѣмъ подписка на журналъ оказалась совершенно незначительной. Уже при выходѣ пятой книжки всѣ средства издателя были совершенно истощены. Панаевъ полагаетъ, что мѣшало успѣху журнала, кромѣ остальныхъ причинъ, его «примирительное направленіе». Едва ли это такъ. Мѣшала—серьезность его. Бѣлинскій самъ думалъ, что его журналъ долженъ назначаться для «аристократіи читающей публики»; она оказалась слишкомъ малочисленна. Книжки были слишкомъ однообразны. Бѣлинскій и его друзья хотѣли говорить только о томъ, что имъ нравилось и казалось важнымъ: философія искусства, Шекспиръ, Гёте, Гофманъ почти исчерпывали ихъ литературные интересы. Въ журналѣ почти не было русскихъ повѣстей. Имена сотрудниковъ, впослѣдствіи очень извѣстныхъ, въ то время никому не были извѣстны. Настроенія кружка были слишкомъ исключительны среди русской жизни, чтобы быть даже понятными сколько нибудь широкому кругу читателей.

«Молодые философы,—разсказываетъ Герценъ,—приняли какой-то условный языкъ; они не переводили на русское, а перекладывали цѣликомъ, да еще для большей легкости оставляя всѣ латинскія слова in crudo, давая имъ православныя окончанія и семь русскихъ падежей... Молодые философы наши испортили себѣ не однѣ фразы, но и пониманіе; отношеніе къ жизни, къ дѣйствительности сдѣлалось школьное, книжное, это было то ученое пониманіе про-

---

[1]) «Моск. Наблюд.», 1838 г., т. XVI, въ двухъ первыхъ книжкахъ, стр. 1—38, 185—201. Томъ XVII, кн. 5—7.

стыхъ вещей, надъ которымъ такъ геніально смѣялся Гёте въ своемъ разговорѣ Мефистофеля съ студентомъ. Все въ «самомъ дѣлѣ» непосредственное, всякое простое чувство было возведено въ отвлеченныя категоріи и возвращалось оттуда безъ капли живой крови, блѣдной, алгебраической тѣнью».

«Гегель, во время своего профессорства въ Берлинѣ, долею отъ старости, а вдвое отъ довольства мѣстомъ и почетомъ, намѣренно взвинтилъ свою философію надъ земнымъ уровнемъ и держался въ средѣ, гдѣ всѣ современные интересы и страсти становятся довольно безразличны, какъ зданія и села съ воздушнаго шара... Великій философъ избралъ очень ловко тихое и безбурное море эстетики; рѣдко выходилъ онъ на воздухъ, и то на минуту, закутавшись, какъ больной; но и тогда оставлялъ въ діалектической запутанности именно тѣ вопросы, которые всего болѣе занимали современнаго человѣка. И вотъ «русскіе ученики», полнокровные юноши, тоже «постриглись въ метафизическіе монахи», ушли въ безвоздушное пространство діалектики, въ «монастырь идеализма», хотя и твердили о «дѣйствительности».

Понятное дѣло, что они никого за собою не увлекли.

А главная, настоящая, недіалектическая дѣйствительность скоро дала себя имъ знать.

Журналъ ихъ не имѣлъ средствъ, чтобы выдерживать соперничество съ другими изданіями; напримѣръ, «Библіотека для Чтенія» платила авторамъ большой гонораріи, а сотрудники «Наблюдателя» работали изъ любви къ искусству. Для привлеченія постороннихъ силъ редакція не имѣла средствъ. Сотрудники увидѣли, что дѣло не ладится, и охладѣли къ журналу. Бѣлинскій совершенно упалъ духомъ.

Послѣ ликвидаціи «Наблюдателя» онъ нѣкоторое время учительствовалъ. Въ это время Краевскій пріобрѣлъ «Отечественныя Записки» у Свиньина. Сотрудничество въ нихъ Бѣлинскаго было рѣшено.

Въ октябрѣ 1839 года великій критикъ оставилъ Москву и переѣхалъ въ Петербургъ.

VI.

Раньше Бѣлинскаго, еще въ октябрѣ 1837 года, другой московскій публицистъ, критикъ и лишенный литературныхъ правъ состоянія журналистъ Николай Полевой отправился въ Петербургъ. Прошелъ слухъ, что онъ тамъ подъ сурдинку будетъ редактировать «Пчелу» и «Сынъ Отечества». А между тѣмъ въ эти промежуточные между «Телескопомъ» и «Наблюдателемъ» два года обстоятельства Бѣлинскаго были совсѣмъ плохи. Послѣ запрещенія «Телескопа» онъ остался безъ всякой работы. Искалъ ее въ петербургскихъ изданіяхъ. Имѣлись въ виду «Энциклопедическій Сло-

варь» Плюшара и «Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду» Краевскаго, но дѣло не состоялось. Бѣлинскій составилъ грамматику,—она шла туго.

Больной, онъ былъ отправленъ друзьями на Кавказъ и писалъ оттуда: «Едва родится во мнѣ сознаніе силы, едва почувствую я теплоту вѣры, какъ квартира, авошная лавка, сюртуки, штаны, долги и вся эта мерзость жизни тотчасъ убиваютъ силу и вѣру».

Узнавъ о переѣздѣ Полевого въ Петербургъ, Бѣлинскій подумалъ было пристроиться у него. Предположеніе быстро разсѣялось. Въ письмѣ Кольцова отъ 21 февраля 1838 г. переданы знаменательныя слова Полевого:

«Что жъ будешь дѣлать—обстоятельства все воротятъ по-своему; думалъ, думалъ, покорился опять на время имъ, хотя бы это и не кстати, не впору, и мнѣ ужъ, старику, 42 года, я бы что нибудь могъ написать свое... а вотъ, несмотря ни на что, я работникъ на 5 лѣтъ... а тутъ цензура все такъ и придирается; у людей хуже сходитъ, у меня—нѣтъ: вымарываютъ, да и только, безпрестанно долженъ ѣздить самъ обо всякой малости говорить, объясняться»...

«Обстоятельства» заключались въ новыхъ связяхъ Полевого въ Петербургѣ съ Булгаринымъ и Гречемъ.

Смирдинъ задумалъ тогда новое предпріятіе. Онъ согласилъ издателей «Сѣверной Пчелы» и «Сына Отечества» передать ему на условленное время изданіе ихъ газеты и журнала, съ правомъ пригласить для редакціи обоихъ изданій Н. А. Полевого, который изъявилъ на то свое согласіе. Полевой, переселившись въ Петербургъ, писалъ отъ 20 декабря 1837 года брату: «Я боялся эгоизма Греча, поляцизма Булгарина, трусости Смирдина... Надобно было рѣшиться—я отправился къ Гречу, Булгарину, Смирдину; сказалъ имъ все... говорилъ сильно и искренно. Нѣтъ! Всѣ могутъ быть людьми: Булгаринъ расплакался, Гречъ обнялъ меня, Смирдинъ сказалъ, что меня съ нимъ ничто не разлучитъ. Всѣ мы подали другъ другу руки и, благословясь, подписали наши условія. Но уже тѣмъ болѣе мнѣ надобно было послѣ этого налечь на работу, ибо умолчаніе имени моего значило 20% долой, а бѣдный мой Смирдинъ шутитъ въ плохую шутку, рискуя на предпріятіе въ сотни тысячъ: бюджетъ «Пчелы» составляетъ 150.000, а «Сына Отечества» 50.000 рублей, когда теперь «Пчелы» расходуется только 2.500 экземпляровъ, а «Сына Отечества»—смѣшно сказать—279 экземпляровъ!.. По крайней мѣрѣ, теперь мое положеніе обозначилось и опредѣлилось. Я понялъ такъ, что мнѣ надобно какъ можно не высказываться, не лѣзть въ глаза, стараться, чтобы увидѣли и удостовѣрились въ моей правотѣ, чистотѣ моихъ намѣреній. Жить, дышать и работать мнѣ не мѣшаютъ—что-жъ болѣе?» [1]).

---

[1]) Записки Ксенофонта Полевого, 399—400.

«Если вѣрить Булгарину, порядочному мудрецу,—продолжаетъ Полевой,—Уваровъ сказалъ ему: «Вы не знаете Полевого: если онъ напишетъ Отче Нашъ, то и это будетъ возмутительно!»... Кромѣ строжайшаго приказа смотрѣть за каждой моей строчкой, онъ самъ читалъ, маралъ, держалъ нашу программу, такъ что мы умоляли его только отпустить душу на покаяніе, и вотъ почему программа вышла нелѣпа. Но вѣдь говорить дѣло Уваровъ запретить не можетъ, когда мои намѣренія чисты? Дать всему жизнь неужели нельзя? Матеріаловъ бездна. Мы выписываемъ около 40 журналовъ и газетъ. И вотъ «Пчела» будетъ почти въ половину болѣе форматомъ, на хорошей бумагѣ. Треть листа отдѣляется на фельетонъ; сверху три первыя колонны—внутреннія извѣстія; три потомъ—политика; одинъ столбецъ далѣе—русская библіографія, одинъ—иностранная библіографія и четыре на статьи. Фельетонъ внизу—театръ и потомъ всякая всячина, а треть трехъ столбцовъ, сзади—объявленія, какъ въ Journal de Débats». Форма европейская, поколику то можно. О содержаніи что говорить? Что Богъ дастъ—для газеты нѣтъ запаса. Что только позволятъ, то все будетъ передано, и надобно только, чтобы все кипѣло новостью. Надзоръ мой полный—ни одна статья не пройдетъ безъ меня, кромѣ вранья Булгарина; но постараюсь, чтобы ему чаще садился на языкъ типунъ. Вотъ человѣкъ! Гречь и я умоляемъ: «пиши меньше», но онъ хорохорится и безжалостно пишетъ. Библіографія моя скромная, но дѣльная. Статьямъ надо придать колоритъ Шалевскій (Филаретъ Шаль) и Жаненовскій (Жюль Жаненъ). «Сынъ Отечества» будетъ въ форматѣ «Библіотеки» и толще ея. Тутъ всего важнѣе критика. Хочу принять благородный, скромный тонъ, говорить только о дѣлѣ. Въ наукахъ и искусствахъ больше историческаго и практическаго. Русской словесности—что̀ Богъ дастъ—стану покупать, хоть и не знаю у кого? Иностранной словесности богатство, и я тону въ немъ. Первая книжка «Сына Отечества» явится 1-го января, почти въ 30 листовъ. Послѣ стиховъ я бухнулъ въ нее мое начало «Исторіи Петра Великаго». Затѣмъ статьи Греча, Булгарина, Одоевскаго, двѣ повѣсти—Жоржъ-Зандъ и Жакоба (Библіофила)—премилыя. Статьи сухія: о Мининѣ, журналъ Сапѣги, посольство Баторія; статья Ротчева—очень дѣльная, о Ситхѣ; критика Сентъ-Бевъ (Делиль и его сочиненія)—прелесть! Критика моя будетъ на книгу Менцеля, обзоръ литературы за 1837 годъ—тутъ я объявляю свою отдѣльность отъ Брамбеуса и независимость мнѣній моихъ, говорю истину всѣмъ! Въ заключеніе политика или современная исторія—довольно плохо, однакожъ любопытно... Когда успѣлъ я все это сдѣлать, и главное—кѣмъ? Вѣдь взяться не за кого, строки дать перевести некому? Что̀ ни дашь сдѣлать, все долженъ переработать самъ. Корректуру держитъ послѣднюю—Гречь, и онъ истинно великій мастеръ... Теперь тутъ же шлеп-

нутся о смирдинскій прилавокъ въ одинъ день и «Сынъ Отечества» и «Библіотека для Чтенія». Неужели не увидятъ разницы въ языкѣ, тонѣ, системѣ, критикѣ? Тамъ безстыдство и кабакъ—здѣсь человѣческій языкъ и умъ скромный, но вѣрный всему доброму и прекрасному. Жду рѣшенія, боюсь и надѣюсь». Въ письмѣ отъ 21 мая 1838 г. Полевой описываетъ свои недоразумѣнія съ «двумя гнусными ляхами», Булгаринымъ и Сенковскимъ. Въ концѣ концовъ все уладилось такъ: Полевой отказался отъ «Пчелы», а Булгаринъ отъ «Сына Отечества», который остался въ полномъ распоряженіи Полевого, съ именемъ одного Греча. Отъ 27 декабря того же года Полевой пишетъ: «Изъ литературныхъ подробностей важнѣйшая та, что съ будущаго года Смирдинъ отказался отъ «Пчелы» и радъ былъ откупиться, только бы Гречь и Булгаринъ избавили его отъ нея... И такъ «Пчела» опять будетъ самобытна! Богъ съ ней!» [1]).

Однако и подъ редакціей Полевого «Сынъ Отечества» не поднялся. Подписка была отвлечена «Библіотекой».

VII.

Подведемъ же теперь итогъ... Печальный итогъ! Мы видимъ, что въ 30-хъ годахъ Москва оставалась очагомъ мысли. Здѣсь жили внутренней, идейной жизнью кружки Станкевича и Бѣлинскаго, Герцена и Огарева да московскихъ профессоровъ—ничтожное вкрапленіе нервно-мозговой ткани въ жировыя и мясныя отложенія «зернистой» публики бѣлокаменной... Здѣсь пребывалъ отшельникомъ Чаадаевъ. Здѣсь возникали идейные журналы. Но жизнь всей журналистики обѣихъ столицъ вполнѣ напоминаетъ «бореніе чахоточнаго». Журналы гибнутъ отъ двухъ совмѣстныхъ причинъ. Съ одной стороны, полное равнодушіе русскаго читателя ко всему, что выходитъ за предѣлы «забавнаго русскаго слога», остроумничанья, скандальныхъ перебранокъ, пошлыхъ мелочей; этотъ читатель глубоко равнодушенъ, и два поляка совершенно удовлетворяютъ его издѣліями своей кухни.

Съ другой стороны упраздняютъ журналы цензурныя гоненія и запрещенія. Да и что стоитъ запретить первому недовольному на журналиста или просто взбалмошному чиновнику то, что никому, въ сущности, не нужно?

Возникаетъ «Литературная Газета», изданіе «аристократовъ»-арзамасцевъ. Подписчиковъ «едва сто». Существуетъ съ января по конецъ ноября 1830 года и запрещена за четыре переводные стиха.

---

[1]) Записки Кс. Полевого, 427, 455.

Въ тотъ же «холерный» годъ гибнутъ четыре журнала, оставшихся отъ 1820-хъ годовъ. Гибнутъ и отъ старости и отъ юнаго худосочія, лишенные подписчиковъ, никому не нужные...

Въ слѣдующемъ 1831-мъ году «плебеецъ» Надеждинъ основываетъ «Телескопъ». Журналъ не имѣетъ успѣха. Берется редактировать Бѣлинскій—еще меньше успѣха. Въ 1836 году запрещенъ—въ сущности прикончен самимъ Надеждинымъ. Это былъ первый случай въ русской журналистикѣ примѣненія къ дѣлу почетнаго средства свалить съ шеи мертвое предпріятіе литературное. Подводятъ журналъ подъ цензурный запретъ помѣщеніемъ «убійственной» статьи. Затѣмъ, подписныя деньги не возвращаются. Журналъ не досылается по «независящимъ обстоятельствамъ». Подписчикъ не протестуетъ, не «ищетъ» на издателѣ, а только, почесавъ въ затылкѣ, подписывается на «прочную» булгаринскую «Пчелку»...

Въ 1832 году основывается и по второй книжкѣ запрещается «Европеецъ» Кирѣевскаго. Но и подписчиковъ «только пятьдесятъ». Таково «странное удостовѣреніе»...

Въ томъ же 1832 году лавка Смирдина въ Петербургѣ переѣзжаетъ на «Невскую перспективу», и за шампанскимъ въ ней учреждается «союзъ литературы». Вяземскій и Пушкинъ мирно чекаются съ Булгаринымъ и Гречемъ. Въ 1833 году выходитъ «Новоселье», а въ 1834 году—«Библіотека», въ объявленіи о которой стоятъ имена всѣхъ русскихъ писателей, вкупѣ и «плебейцевъ», и «аристократовъ», и «бѣленькихъ», и «черненькихъ». По случайности, чреватой послѣдствіями, единственный конкурентъ «Библіотеки»—«Телеграфъ» Полевого, запрещенъ въ томъ же 1834 году; подписчики его, конечно, подобраны «Библіотекой». Сенковскій-Брамбеусъ накладываетъ на «Библіотеку» оттискъ своей личности. Литература оказывается въ этомъ журналѣ не причемъ. Участіе писателей лишь случайное. Критика его—верхъ пошлости. Успѣхъ колоссальный, небывалый...

Въ годъ запрещенія «Телескопа» московскіе профессора Погодинъ и Шевыревъ,—послѣдній въ зенитѣ своей извѣстности,—предприняли изданіе «Московскаго Наблюдателя». Успѣха никакого.

Въ 1838 году журналъ берутъ въ свои руки юные «гегельянцы» и противникъ Шевырева—Бѣлинскій. Кладутъ въ дѣло всю душу. Успѣха ни малѣйшаго.

Съ 1836 года начинаетъ выходить «Современникъ» Пушкина, а потомъ Плетнева. Онъ влачитъ существованіе, никогда не имѣя свыше 500 подписчиковъ.

Но спрашивается, въ самомъ ли дѣлѣ «литературные ярыги», какъ называлъ Максимовичъ достойныхъ друзей—Булгарина и Греча, процвѣтали въ это время въ Петербургѣ? Если бы это было такъ, они не передали бы въ 1837 году своихъ изданій Смирдину и Полевому.

«Сынъ Отечества» находился тогда въ полномъ упадкѣ, имѣя всего 279 подписчиковъ. Да и «Сѣверная Пчела» расходилась только въ 2.500 экземплярахъ, видимо падая.

Полевой принялся работать надъ воскрешеніемъ «Сына Отечества» и, приготовивъ первый номеръ, восклицаетъ: «Неужели не замѣтятъ разницы между «Сыномъ» и «Библіотекой»? Неужели не увидятъ разницы въ языкѣ, тонѣ, системѣ, критикѣ? Тамъ безстыдство и кабакъ—здѣсь человѣческій языкъ и умъ». «Разницу» замѣтили,.. и предпочли именно «безстыдство и кабакъ». Усилія Полевого ни къ чему не повели. «Библіотека» продолжала одна царить въ литературѣ, имѣя 5.000 подписчиковъ.

Замѣчательно такъ же указаніе Полевого на бѣдность журналистики работниками. Полевой все дѣлаетъ самъ: «Строки дать перевести некому. Что̀ ни дашь сдѣлать, все долженъ переработать самъ».

И вотъ на эту тѣнь журналистики, прессы, литературы, не имѣющей прежде всего читателя, обрушиваются громы цензурныхъ уставовъ, конфиденціальныхъ сообщеній, запрещеній и циркуляровъ! Помилуйте, что стоило угнести и даже совсѣмъ съ лица земли стереть любому столоначальнику то, что никому почти въ цѣлой Россіи было не нужно, непонятно, скучно, что цѣнили немногіе знатоки и рѣдкіе любители? Читая цензурныя постановленія николаевскаго времени, можно подумать, что страна переполнена бушующей мыслью, громадная мощная литература и журналистика, полчища писателей владѣютъ умами, направляютъ общественное мнѣніе. Можно подумать, что горсть сановниковъ и чиновниковъ—цензоровъ, борется съ могучей ратью литераторовъ, съ большой силой. Можно изумиться и всемогуществу этихъ немногихъ чиновниковъ, накладывающихъ колодки на мысль цѣлаго народа. Но, вглядѣвшись, разсмотрѣвъ тогдашнюю прессу, литературу, журналистику, видишь, что наши администраторы шли на муху съ обухомъ. Что, повторяемъ, стоило угнести, замутить, раздавить то, что никому не было нужно, за что не поднималось почти голосовъ въ защиту? Угрюмъ-Бурчеевъ у Щедрина пытался запрудить широкую рѣку. Это было грандіозно. Но вѣдь на самомъ дѣлѣ не было никакой рѣки. Была скудная струйка влаги, сочившаяся въ необозримой песчаной степи и чуть журчавшая. Что стоило затоптать ее ботфортой перваго попавшагося фельдъегеря?

Да, были мастера словеснаго искусства, отдѣльные, изумительные артисты. Но литературы и прессы, какъ органа мышленія страны и общества, какъ обширнаго, постояннаго учрежденія, отвѣчающаго мощной потребности массы читателей, вдадѣющей арміей работниковъ, не было. Число читателей въ 1830-хъ годахъ надо исчислить въ десять тысячъ подписчиковъ. Половину ихъ взяла себѣ «Библіотека» Сенковскаго, четверть—«Сѣверная Пчела» Бул-

гарина,—въ захолустьяхъ провинціи газету не читали, а любили разъ въ мѣсяцъ получить толстый томъ, гдѣ все есть,—остальныя двѣ съ половиной тысячи разбирали прочія «повременныя» изданіе—худосочныя газеты и журналы. И для такой жалкой прессы сочиняли Шишковъ съ Шихматовымъ свой инквизиторскій уставъ! Они боролись съ призракомъ. Въ Россіи надо было опекать просвѣщеніе, всѣми силами покровительствовать ему, ибо задуть его ничего не стоило. То былъ сальный огарокъ. Два поляка удовлетворяли всей умственной потребности крѣпостной Россіи 1830-хъ годовъ.

Литературы, прессы не было. Былъ зато обширный цензурный уставъ, многолюдный цензурный комитетъ, сотни добровольцевъ—доносителей, десятки вельможъ подавителей и гасителей...

Николай Полевой говорилъ:

— Куда ни оглянемся, вездѣ литература отечественная представляетъ обширную степь, изрѣдка покрытую ковылемъ, кустарникомъ и немногими деревами, сиротѣющими въ обширности пустынной [1]).

Также и Надеждину наша словесность представлялась безплоднымъ пустыремъ, на которомъ только изрѣдка возникаютъ прекрасные цвѣты, почти приводящіе въ недоумѣніе своимъ появленіемъ. Древняя русская жизнь представлялась ему, какъ и Чаадаеву, дремучимъ лѣсомъ безличныхъ именъ, толкущихся въ пустотѣ безжизненнаго хаоса.—И онъ даже спрашиваетъ: имѣемъ ли мы прошедшее? жилъ ли подлинно народъ русскій въ это длинное тысячелѣтіе? Возникновеніе умственной жизни Надеждинъ начинаетъ только съ Петра, и литература или вся образованность съ тѣхъ поръ казалась ему только слабой копіей европейскаго просвѣщенія, гдѣ «все европейское забрасывается къ намъ рикошетомъ, чрезъ тысячи скачковъ и переломовъ, и потомъ долетаетъ въ слабыхъ издыхающихъ отголоскахъ» [2]).

— Да, у насъ нѣтъ литературы!—заявляетъ и юный Бѣлинскій въ «Литературныхъ мечтаніяхъ». Но то же высказывалъ и Ѳаддей Булгаринъ: «Наша литература есть литературная невидимка! Всѣ говорятъ о ней, и никто ея не видитъ» [3]).

Эту мысль высказывалъ и Иванъ Кирѣевскій въ своемъ «Европейцѣ»:

«Если просвѣщенный европеецъ, развернувъ передъ нами всѣ умственныя сокровища своей страны, спроситъ насъ: «Гдѣ литература ваша? Какими произведеніями можете вы гордиться передъ

---

[1]). «Московскій Телеграфъ», № 3, 1825 г., стр. 255.

[2]) Пыпинъ. Бѣлинскій, I, 95 и дал.

[3]) «Сѣверная Пчела», 1830 г., № 3.

Европою?»—что будемъ отвѣчать ему?... Будемъ безпристрастны и сознаемся, что у насъ еще нѣтъ полнаго отраженія умственной жизни народа, у насъ еще нѣтъ литературы». «Наша литература—ребенокъ, который только начинаетъ чисто выговаривать» [1]).

Въ Россіи цензурное вѣдомство возникло раньше литературы и прессы. Этимъ и объясняется, что она имѣла возможность разбирать каждую строку, каждый стихъ. Что было дѣлать цензорамъ? Литература и пресса были такъ ничтожны, что самъ монархъ имѣлъ время читать все и отмѣчать непочтительность какого нибудь фельетониста «Пчелки» къ петербургской полиціи и извозчикамъ.

VIII.

Герценъ называетъ время съ 1825 г. по 1855 г. «моровой полосой».

Дѣйствительно, благодаря роковой ошибкѣ декабристовъ, съ 1825 года крѣпостническая партія беретъ верхъ. Ошибка же декабристовъ была въ томъ, что, имѣя основной задачей ниспроверженіе крѣпостной зависимости, они думали опереться на общество, когда именно общество-то и было источникомъ крѣпостничества и деспотизма; ошибка декабристовъ была въ томъ, что вмѣсто того, чтобы искать опоры въ самодержавной власти, которая всегда смотрѣла на крѣпостное право, какъ на временно допущенное зло, они шли противъ нея.

Въ этомъ роковомъ недоразумѣніи лежала причина гибели стольких благородныхъ людей, цвѣта общества. Они погубили себя, погубили или надолго затормозили дѣло освобожденія, приготовили торжество бюрократовъ и крѣпостниковъ, своей безтактностью прямо обезсилили власть монарха, обезсилили въ смыслѣ тщетности всѣхъ его освободительныхъ попытокъ.

«Верхнее теченіе,—говоритъ Шелгуновъ,—создавшее освобожденіе крестьянъ, было только руками великой идеи, явившейся много раньше и со времени Екатерины II переходившей по наслѣдству отъ одного царствованія къ другому. И императоръ Николай не оставлялъ мысли о «преобразованіи» крѣпостного права, но ему не пришлось довершить того, что въ теченіе двадцати пяти лѣтъ онъ начиналъ каждый годъ... Императоръ Николай былъ окруженъ защитниками крѣпостного права». (Соч., т. 2-й., стр. 637—638).

Послѣ перелома 1825 года нравственный уровень общества палъ, развитіе было прервано, все передовое, энергическое вычеркнуто изъ жизни. Остальные — испуганные, слабые, потерянные — были мелки, пусты.

---

[1]) Обозрѣніе русской словесности за 1829 и 1831 г. Соч. Ив. Кирѣевскаго, I, стр. 44 и 86.

«Сначала,—говоритъ Никитенко въ своемъ дневникѣ отъ 15 апрѣля 1843 г.,—мы судорожно рвались на свѣтъ, но когда увидали, что съ нами не шутятъ, что отъ насъ требуютъ безмолвія и бездѣйствія, что талантъ и умъ осуждены въ насъ цѣпенѣть и гноиться на днѣ души, обратившейся для нихъ въ тюрьму; что всякая смѣлая мысль является преступленіемъ противъ общественнаго порядка, когда, однимъ словомъ, намъ объявили, что люди образованные считаются въ нашемъ обществѣ паріями; что оно пріемлетъ въ свои нѣдра одну бездушную покорность, а солдатская дисциплина признается единственнымъ началомъ, на основаніи котораго позволено дѣйствовать, — тогда все юное поколѣніе вдругъ оскудѣло. Всѣ его высокія чувства, всѣ идеи, согрѣвавшія его сердце, воодушевлявшія его къ добру, къ истинѣ, сдѣлались мечтами безъ всякаго практическаго значенія, а мечтать людямъ умнымъ смѣшно».

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ Россія будущаго существовала только между нѣсколькими мальчиками, только что вышедшими изъ дѣтства. Ихъ мысль лихорадочно работала, ихъ совѣсть была потрясена глубокимъ противорѣчіемъ между воспитаніемъ и нравами, которое нигдѣ ни доходило до такихъ размѣровъ, какъ въ дворянской Россіи. Шершавый нѣмецкій студентъ, въ круглой фуражкѣ на седьмой части головы, съ міросокрушительными выходками, былъ въ сущности плоть отъ плоти того бюргера, надъ которымъ глумился. Французскій collègien, исхудалый отъ честолюбія и соревнованія, былъ en herbe l'homme raisonnable qui exploite sa position. Это—хризалида, скрывающая въ себѣ алчнаго буржуа. Въ крѣпостной Россіи число воспитанныхъ людей было очень незначительно; но тѣ, которые воспитывались, получали, если и не объемистое, то все же общее и гуманное воспитаніе. Съ дѣтства окруженные французами и нѣмцами—гувернерами, они знали прекрасно языки и пристращались къ чтенію. Сокровищница западной образованности была передъ ними открыта. Они путешествовали и входили въ непосредственное общеніе съ лучшими умами Европы, и съ какими умами! Воспитаніе очеловѣчивало честнѣйшихъ изъ дворянской молодежи, очеловѣчивало всякій разъ, когда принималось. Но человѣка-то именно и не нужно было ни для іерархической пирамиды, ни для преуспѣянія помѣщичьяго быта.

Николай Энгельгардтъ.

ПАМЯТИ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА.

НИКОЛАЙ Александровичъ Добролюбовъ имѣлъ тѣсную связь съ Нижнимъ Новгородомъ и въ теченіе всей своей жизни поддерживалъ теплыя, дружескія отношенія со многими нижегородцами. Да иначе и не могло быть: Нижній—его родина, въ Нижнемъ жили его отецъ, мать, родственники и друзья, съ которыми Николай Александровичъ до самой смерти находился въ перепискѣ. Въ «Матеріалахъ для біографіи Николая Александровича Добролюбова», собранныхъ Н. Г. Чернышевскимъ, помѣщена большая часть переписки Николая Александровича съ его родными и знакомыми. Просматривая эти письма, вы встрѣтите въ нихъ имена очень многихъ нижегородцевъ, но большинство изъ участниковъ этой переписки давно разсѣялись по разнымъ угламъ Россіи и сошли въ могилу, а тѣ, которые остались въ Нижнемъ и живы, до сихъ поръ хранятъ въ своей памяти очень много интересныхъ частностей и воспоминаній, какъ относительно Николая Александровича, такъ и относительно всего семейства Добролюбовыхъ. Но всѣ эти воспоминанія и прошлое лежатъ какъ бы подъ спудомъ, и надо употребить много усилій и искусства, чтобы разбудить уснувшее воображеніе какого нибудь стараго нижегородскаго старожила и натолкнуть его на воспоминанія о прошломъ.

Свято храня память о Николаѣ Александровичѣ Добролюбовѣ, какъ о нижегородцѣ, я интересовался найти хоть какіе нибудь живые слѣды его присутствія въ Нижнемъ, но что же можно найти, спустя 40 лѣтъ, и тѣмъ болѣе, что Николай Александровичъ въ послѣдній періодъ своей жизни, съ 19 до 25 лѣтъ, былъ больше петербургскимъ жителемъ, чѣмъ нижегородскимъ: главная часть

его жизни и дѣятельности неразрывно связана съ Петербургомъ.

Однако постараюсь подѣлиться съ читателями и тѣмъ немногимъ, что мнѣ удалось найти въ воспоминаніе о Николаѣ Александровичѣ Добролюбовѣ [1]).

I.

Среди нижегородскихъ друзей и родныхъ Николая Александровича Добролюбова.

Изъ родныхъ Николая Александровича до настоящаго времени живы двѣ сестры, живущія въ Нижнемъ: Анна Александровна Рождественская и Антонина Александровна Кострова, и братъ Владиміръ Александровичъ, который живетъ теперь въ Петербургѣ. Сестры Николая Александровича уже пожилыя дамы, но еще очень бодрыя. Второй братъ Николая Александровича, Иванъ Александровичъ, и третья сестра Екатерина Александровна Стеклова, уже умерли. Кромѣ сестеръ и брата, у Николая Александровича есть очень много племянниковъ и племянницъ въ Нижнемъ, Москвѣ и другихъ городахъ.

Пользуясь любезностью родственниковъ Николая Александровича, я посѣтилъ фамильную могилу Добролюбовыхъ, находящуюся на Петропавловскомъ кладбищѣ въ Нижнемъ Новгородѣ, гдѣ схоронены родители Николая Александровича.

Ихъ могила находится въ восточной части Петропавловскаго кладбища, на одной прямой линіи съ алтаремъ церкви свв. Петра и Павла. Это довольно укромный уголокъ, кругомъ заросшій зеленью и тѣнистый. Прежде чѣмъ подходить къ могилѣ Добролюбовыхъ, надо неминуемо пройти мимо богатаго памятника Богомолова, а дальше за нимъ скромно красуется сѣрый мраморный памятникъ Добролюбовыхъ, вышиною около 2$^1/_2$ аршинъ. Форма памятника самая общеупотребительная: на широкой квадратной бѣлой каменной плитѣ, служащей основаніемъ, поставлена невысокая мраморная пирамидка съ крестомъ на вершинѣ. На южной сторонѣ памятника золотыми буквами начертано: «Здѣсь покоится прахъ Нижняго Новгорода Никольской церкви священника Александра Ивановича Добролюбова, скончавшагося 6 августа 1854 года на 42 году отъ рожденія и»...; на сѣверной сторонѣ продолженіе: «Супруги его Зинаиды Васильевны Добролюбовой, скончавшейся 8-го марта 1854 года на 38 году отъ рожденія». На двухъ другихъ сто-

[1]) Въ основу всей настоящей статьи легли свѣдѣнія, полученныя отъ родныхъ сестеръ Николая Александровича Добролюбова и отчасти заимствованныя изъ книги Чернышевскаго: «Матеріалы для біографіи Николая Александровича Добролюбова».

Н. А. Добролюбовъ и его отецъ.

ронахъ памятника есть тоже надписи—на западной: «Покой, Господи, души усопшихъ рабъ твоихъ вмѣстѣ съ праведными твоими въ царствіи Твоемъ», и на восточной: «Благодарныя дѣти своимъ родителямъ».

Какъ самое содержаніе надписей, такъ и сравнительная новизна памятника свидѣтельствуютъ о томъ, что этотъ памятникъ воздвигнутъ въ болѣе позднѣйшее время, во всякомъ случаѣ уже послѣ

смерти Александра Ивановича, который умеръ позже своей супруги.

Здѣсь слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ, кому поставили памятникъ «благодарныя дѣти». Да, именно, благодарныя. Кому не извѣстно, что Николай Александровичъ въ высшей степени любилъ и обожалъ своихъ родителей, которымъ онъ былъ всецѣло обязанъ своимъ воспитаніемъ и высокимъ положеніемъ? Николай Александровичъ передъ родителями положительно благоговѣлъ и чтилъ ихъ въ полномъ смыслѣ по заповѣди. Насколько сильна была его любовь къ родителямъ, видно изъ его писемъ, писанныхъ послѣ смерти отца и матери къ роднымъ и знакомымъ: эти письма полны скорби, печали и порой глубокаго отчаянія.

Младшіе братья и сестры любили не меньше его своихъ родителей. Сестры Николая Александровича, оставшіяся въ живыхъ, до сихъ поръ съ благодарностью и благоговѣніемъ вспоминаютъ покойныхъ родителей, гуманныхъ, чуткихъ и всегда отзывчивыхъ.

Между прочимъ, нѣкоторые біографы Николая Александровича Добролюбова утверждаютъ, что Николай Александровичъ своимъ хорошимъ воспитаніемъ обязанъ больше матери, чѣмъ отцу, и что Александръ Ивановичъ былъ человѣкъ старыхъ понятій и довольно крутого нрава... Но всѣ эти утвержденія положительно не вѣрны, ни на чемъ не основаны и расходятся съ тѣми показаніями, какія даютъ дочери и современники Александра Ивановича, до сихъ поръ живущіе въ Нижнемъ. Напримѣръ, старушка Терская, бывшая квартирантка Добролюбовыхъ, близко знавшая ихъ семью и живо помнящая Александра Ивановича, отзывается о немъ какъ разъ совершенно обратно тому, что говорятъ вышеупомянутые біографы Добролюбова.

Что касается Зинаиды Васильевны, то это была по тогдашнему времени идеальная мать. Между прочимъ въ письмѣ Николая Александровича къ отцу отъ 29-го марта 1854 года есть указаніе, что въ «Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» былъ напечатанъ некрологъ Зинаиды Васильевны, принадлежащій будто бы протоіерею П. И. Лебедеву, извѣстному тогда своими замѣчательными проповѣдями.

«29-го (марта),—пишетъ Н. А.,—получилъ я еще утѣшительное письмо ваше со вложеніемъ «Нижегор. Губ. Вѣд.»; нѣсколько разъ прочиталъ статью Павл. Иван. и не могъ удержаться отъ слезъ. Я счастливъ тѣмъ, что жизнь и смерть нашего чистаго ангела, неоцѣненной нашей мамашеньки, возбуждаютъ во всѣхъ знавшихъ ее такое участіе» [1])...

Къ сожалѣнію, указаннаго номера «Ниж. Губернск. Вѣд.» мнѣ найти не удалось.

---

[1]) «Матеріалы для біографіи Добролюбова», т. I, изд. 1890 г., стр. 110.

Но возвращаюсь къ своему описанію.

Далѣе къ востоку отъ описаннаго памятника родителей Н. А. находятся двѣ могилы, подъ которыми схоронены дѣдушка и бабушка Н. А. Добролюбова. Дѣдушка Н. А. со стороны матери былъ протоіерей нижегородской Никольской церкви и умеръ въ 1834 году, а бабушка умерла въ сороковыхъ годахъ. Ихъ могилы очень старинны, но, несмотря на это, сохранились въ цѣлости; это очень оригинальныя могилы по своему внѣшнему виду, отъ нихъ такъ и вѣетъ давно прошедшей глубокой стариной... Представьте себѣ двѣ каменныя продолговатыя (аршина 1$^1/_3$ длины) плиты, сложенныя изъ обыкновеннаго простого кирпича и сверху накрытыя желѣзными скатами. Обѣ плиты лежатъ параллельно другъ другу и съ виду напоминаютъ въ миніатюрѣ два длинныхъ дома съ желѣзными крышами. Плиты настолько древни, что известка на кирпичахъ потемнѣла, желѣзо сдѣлалось тоже черное, какъ уголь, и ржавое, а сами плиты глубоко вросли въ землю и выдаются изъ нея на 1—1$^1/_3$ четверти аршина. Ни креста, ни надписи, ни знаковъ никакихъ нѣтъ; вѣроятно, они были, но съ теченіемъ времени исчезли.

Тутъ же, недалеко отъ стариковъ, похоронены и ихъ внуки: нѣкоторые изъ Рождественскихъ, Костровыхъ и Благообразовыхъ, фамиліи которыхъ встрѣчаются почти на каждой страницѣ «Переписки Н. А. Добролюбова».

Изъ остальныхъ нижегородцевъ, близко знавшихъ Н. А., можно назвать: В. В. и Л. И. Колосовскихъ (дядя и тетка Н. А., похоронены въ Нижегородскомъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ), кн. Трубецкихъ, Терскихъ и К. И. Садокова.

Вар. Вас. Колосовская приходилась Н. А-чу теткой со стороны матери; ея мужъ, Лука Ивановичъ, былъ священникомъ въ Кунавинѣ, или, по-тогдашнему, въ слободѣ Кунавинской. Между Добролюбовыми и Колосовскими были самыя родственныя отношенія, выражавшіяся между прочимъ въ томъ, что, по смерти родителей, сестры Н. А-ча стали жить у Колосовскихъ.

Кн. Трубецкіе были хорошіе знакомые Добролюбовыхъ: они долгое время квартировали у Добролюбовыхъ, и обѣ семьи были вхожи другъ къ другу. Съ кн. Трубецкими, между прочимъ, были въ дальнемъ родствѣ Улыбышевы и К. И. Садоковъ, бывшій помощникъ попечителя Московскаго учебнаго округа. Николай Александровичъ, часто бывая семинаристомъ въ гостяхъ у Трубецкихъ, встрѣчался въ ихъ квартирѣ съ Улыбышевыми и Садоковымъ, въ то время еще молодымъ человѣкомъ, учителемъ Нижегородской гимназіи. Слѣдствіемъ этого знакомства было то, что Н. А. постоянно пользовался богатѣйшими и цѣнными библіотеками какъ Трубецкихъ, такъ и Улыбышевыхъ. Что же касается К. И. Садокова, то послѣдній всегда находился въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ

Николаемъ Александровичемъ. Вотъ что мы читаемъ, между прочимъ, изъ письма М. И. Благообразова (двоюроднаго брата Н. А.) къ Н. А-чу, писаннаго въ апрѣлѣ 1857 года.

«Любезный мой другъ, Николай Александровичъ! Письма твои чрезъ Садокова получилъ я 8-го числа, въ понедѣльникъ на Пасхѣ; Василію Ивановичу (дядѣ Н. А.) передалъ въ исправности во вторникъ. Благодарю за память. Я очень обрадовался твоему письму и извѣстію отъ Константина Ивановича (Садокова); онъ передалъ о тебѣ много, очень много хорошаго: что ты уже человѣкъ солидный, ученый и смотришь на свѣтъ не по-студенчески, а положительно. Такое извѣстіе отъ человѣка, каковъ Садоковъ, рѣдко можно слышать» [1])...

Въ тѣ годы К. И. Садоковъ былъ, кажется, уже директоромъ Нижегородской гимназіи.

Другая современница Добролюбовыхъ, Терская, здравствуетъ въ Нижнемъ до настоящаго времени; ей уже много лѣтъ, но она помнитъ Александра Ивановича и Зинаиду Васильевну и живо разсказываетъ нѣкоторые эпизоды изъ ихъ семейной жизни. Кромѣ Терской, изъ современниковъ Добролюбовыхъ въ Нижнемъ живутъ: А. П. Рождественскій, одноклассникъ и товарищъ Н. А-ча по семинаріи, старикъ за 60 лѣтъ, Невзоровъ, Сахаровъ и протоіерей каѳедральнаго собора П. А. Владимирскій, бывшій учитель Н. А-ча по семинаріи.

II.

Домъ Добролюбовыхъ въ Нижнемъ Новгородѣ.

Добролюбовы имѣли въ Нижнемъ Новгородѣ свой собственный домъ, который и до сихъ поръ находится на Лыковой дамбѣ, надъ Зеленскимъ съѣздомъ, въ проѣздѣ позади отдѣленія государственнаго банка. Если итти отъ церкви Женъ Мvроносицъ на Большую Покровскую улицу, по направленію къ магазину Пальцева, то на горѣ вы увидите, съ лѣвой отъ васъ руки, высится громадный 4-хъ-этажный бѣлый каменный домъ съ флигелемъ на лѣвой сторонѣ. Это и есть домъ, бывшій Добролюбовыхъ, а теперь принадлежащій М. Н. Ахматовой.

Этотъ домъ, несмотря на свои 60 лѣтъ, замѣчателенъ не только величественностью и массивностью, но и красотой; можно только удивляться, какъ въ теченіе 60 лѣтъ онъ не потерялъ своей прелести: съ его постройки прошелъ не одинъ десятокъ лѣтъ, Нижній значительно пріукрасился, и за этотъ періодъ на главныхъ улицахъ настроено много большихъ красивыхъ зданій, и, несмотря на это, всякій идущій по Лыковой дамбѣ невольно любуется бѣлымъ домомъ на горѣ.

---

[1]) «Матеріалы для біогр. Н. А. Добролюбова», т. I, изд. 1890, стр. 367.

Домъ, бывшій Добролюбовыхъ, въ Нижнемъ-Новгородѣ.

До постройки этого дома Добролюбовы жили въ Зеленскомъ переулкѣ, гдѣ теперь стоятъ дома Горинова; на мѣстѣ теперешнихъ двухъ большихъ во время оно стоялъ одинъ маленькій домикъ; въ немъ жили Добролюбовы, тутъ же родился и Николай Александровичъ.

Впослѣдствіи, приблизительно между 1836 и 1841 гг., Александръ Ивановичъ купилъ мѣсто на Лыковой дамбѣ, составилъ съ помощью знакомаго архитектора планъ и выстроилъ домъ.

Сами Добролюбовы жили въ двухъэтажномъ флигелѣ и занимали его весь, а въ домѣ помѣщались квартиранты, между которыми, какъ я упомянулъ, были Терскіе и кн. Трубецкіе; послѣдніе жили у Добролюбовыхъ очень долго и дружили съ хозяевами, а къ Н. А-чу часто писали письма изъ Нижняго въ Петербургъ.

Флигель, въ которомъ жили Добролюбовы,—очень небольшой: комнаты 4—5 въ обоихъ этажахъ, изъ нихъ на долю Николая Александровича приходилась угловая комната въ верхнемъ этажѣ, выходящая окнами на улицу и теперь примыкающая къ террасѣ. Въ этой комнатѣ, низенькой и уютной, Николай Александровичъ, по словамъ его сестры, будучи семинаристомъ, писалъ и работалъ до глубокой ночи, обложенный книгами.

Между прочимъ слѣдуетъ сказать, что флигель остался такъ, какъ онъ былъ при Добролюбовыхъ; меленькія измѣненія произошли только въ недавнее время и состоятъ въ томъ, что къ флигелю сдѣлана пристройка съ террасою, которая и приходится аккуратно рядомъ съ комнатою, бывшею Николая Александровича; затѣмъ, прежде ходъ во флигель былъ только со двора, теперь же, благодаря сдѣланной пристройкѣ, есть ходъ и съ улицы; вотъ и всѣ перемѣны, или, вѣрнѣе, нововведенія, такъ какъ старое осталось неприкосновеннымъ, не считая чисто внѣшняго ремонта: флигель попрежнему маленькій, низенькій, тѣ же въ немъ комнаты, столько же ихъ и то же расположеніе...

Въ 1854 году родители Добролюбовыхъ умерли, и домъ по наслѣдству перешелъ къ дѣтямъ, къ которымъ были приставлены опекуны: протоіерей П. И. Лебедевъ, дядя В. И. Добролюбовъ и тетка Ф. В. Благообразова. Николай Александровичъ жилъ въ это время въ Петербургѣ, а его братья и сестры, какъ малолѣтніе, находились въ Нижнемъ подъ присмотромъ и на попеченіи старшихъ родственниковъ и опекуновъ. Такимъ образомъ дѣлами всецѣло занимались опекуны. Впослѣдствіи же, когда со смертью Николая Александровича, братья его, Иванъ и Владиміръ, достигли совершеннолѣтія, домъ долженъ былъ по праву перейти къ нимъ; но они не захотѣли связывать себя этою обузой, такъ какъ, видимо, ихъ мысли были далеко отъ родного города; они строили совсѣмъ другіе планы, чѣмъ жизнь въ родительскомъ домѣ. Дѣло въ томъ, что оба брата задумали ѣхать по какимъ-то дѣламъ въ Америку,

и съ этою цѣлью передали домъ Андрею Ивановичу Стеклову (мужу ихъ сестры, Екатерины Александровны); имъ были нужны деньги, а Стеклову не хотѣлось допускать, чтобы дѣти продали хорошій родительскій домъ, стоившій большихъ денегъ и трудовъ. Поэтому онъ далъ Ивану и Владиміру Александровичамъ на поѣздку въ Америку изъ своихъ денегъ по 2.000 рублей, а домъ взялъ временно на свои руки. Братья уѣхали въ Америку, домъ же такъ и остался на попеченіи А. И. Стеклова вплоть до 1870 года [1]). Приблизительно около этого времени Стеклову случайно подвернулся покупатель на домъ, и онъ продалъ его за 14.000 рублей, которые и раздѣлилъ поровну между сестрами Добролюбовыми. Стекловъ долго колебался, прежде чѣмъ продать за такую маленькую сумму этотъ домъ, но, съ одной стороны, домъ приносилъ много хлопотъ и безпокойства, а съ другой—на Стекловѣ, хотя временномъ владѣльцѣ, лежала все-таки отвѣтственность.

Старики Ахматовы, которые купили домъ изъ рукъ Стеклова, уже давно умерли, а домомъ владѣетъ ихъ дочь, Марья Николаевна Ахматова, теперь 70-тилѣтняя глухая старушка; домомъ она не занимается и передала его на руки управляющаго; сама же живетъ больше за границей и только изрѣдка наѣзжаетъ ненадолго въ Нижній.

III.

Къ портрету А. И. и Н. А. Добролюбовыхъ.

Прилагаемый здѣсь портретъ изображаетъ Александра Ивановича съ сыномъ Николаемъ Александровичемъ. Этотъ портретъ есть одна изъ копій съ дагерротипнаго снимка, хранящагося сейчасъ у Антонины Александровны Костровой, сестры Николая Александровича. Александръ Ивановичъ снимался съ сыномъ въ 1854 году, во время Нижегородской ярмарки, незадолго до своей смерти, которая послѣдовала въ августѣ того же года. Николай Александровичъ пріѣхалъ тогда изъ Петербурга домой гостить на каникулы и въ одинъ изъ свободныхъ дней отправился съ отцомъ на ярмарку, куда пріѣзжали и фотографы. Въ тѣ годы фотографіи въ Нижнемъ еще не было, и фотографическія карточки считались большою рѣдкостью, вотъ почему приведенная фотографія тѣмъ болѣе цѣнна, какъ самая ранняя по времени и единственная, сохранившаяся въ цѣлости. Она есть собственно не фотографія, а дагерротипный снимокъ, сдѣланный на металлѣ. Николай Александровичъ снятъ въ формѣ Педагогическаго института, студентомъ котораго онъ въ то время состоялъ; на немъ надѣтъ былъ форменный сюр-

---

[1]) Годъ не совсѣмъ точный.

тукъ, съ свѣтлыми пуговицами и съ синимъ воротникомъ [1]), на подобіе теперешнихъ студенческихъ сюртуковъ.

Портретъ вышелъ весьма удачно, въ особенности хорошо вышла фигура Александра Ивановича, сидящаго по правую руку отъ сына. Кстати слѣдуетъ замѣтить, что всѣ дагерротипные снимки представляютъ снимаемый объектъ въ обратномъ видѣ, чѣмъ въ дѣйствительности; слѣдовательно на самомъ дѣлѣ Александръ Ивановичъ сидѣлъ не по правую руку, а по лѣвую.

Копія съ этого дагерротипа (негативъ) въ настоящее время хранится у нижегородскаго художника-фотографа А. О. Карелина; онъ пишетъ съ нея большой портретъ красками для будущей 2-ой выставки нижегородскаго общества художниковъ, которая откроется въ Нижнемъ, вѣроятно, будущей весною. А. О. Карелинъ намѣревался приготовить портретъ еще къ 1-ой такой же выставкѣ, бывшей на Пасхѣ текущаго года, но, къ сожалѣнію, не успѣлъ этого исполнить.

В. П. Виноградовъ.

---

[1]) Сюртукъ застегивался наглухо до верху, какъ это и видно на портретѣ. Форменная одежда студентовъ главнаго Педагогическаго института состояла еще въ шинели, треуголкѣ и шпагѣ. Въ форменной одеждѣ студенты института обязаны были по правиламъ быть постоянно.

КЪ БІОГРАФІИ ПОЭТА И. С. НИКИТИНА.

ОТКРЫВШАЯСЯ 1 декабря 1900 года въ г. Воронежѣ губернская ученая архивная комиссія съ первыхъ же дней своего существованія обогатилась очень цѣннымъ подаркомъ—17-ю подлинными неизданными письмами воронежскаго поэта Ивана Саввича Никитина. Письма поступили въ комиссію отъ ея предсѣдателя, извѣстнаго писателя-беллетриста Евг. Льв. Маркова, а этому послѣднему доставлены были изъ Петербурга М. И. Алтуховымъ, при письмѣ отъ 8 декабря 1900 года. Ознакомившись съ письмами поэта, содержаніе которыхъ представляетъ несомнѣнно большой интересъ, я посвятилъ имъ въ засѣданіи Воронежской архивной комиссіи 17 января 1901 года особое сообщеніе, которое и предлагается здѣсь вниманію читателей [1]).

Письма поэта И. С. Никитина, поступившія въ Воронежскую архивную комиссію, обнимаютъ періодъ времени съ 10 апрѣля 1856 года до 21 іюля 1861 года, т. е. послѣднее письмо писано поэтомъ за три мѣсяца до его смерти († 16 октября 1861 года). Изъ этихъ писемъ пятнадцать адресованы на имя Ивана Ивановича Брюханова, жившаго въ то время въ уѣздномъ городѣ Воронежской губерніи Нижнедѣвицкѣ; въ одномъ письмѣ, адресованномъ тому же

---

[1]) Письма поэта И. С. Никитина, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, переданы для напечатанія въ редакцію «Филологическихъ Записокъ».

г. Брюханову, половина его обращена къ женѣ послѣдняго, Аннѣ Ивановнѣ, и одно письмо писано исключительно этой послѣдней.

Имена Ивана Ивановича и Анны Ивановны Брюхановыхъ не упоминаются даже въ самой полной біографіи поэта, составленной М. Ѳ. Де-Пуле, другомъ Ивана Саввича, жившимъ съ нимъ долгое время и принимавшимъ близкое участіе въ его судьбѣ. Между тѣмъ, супруги Брюхановы, какъ видно изъ писемъ, связаны были съ нашимъ поэтомъ самою тѣсною дружбою, съ ними Иванъ Саввичъ велъ продолжительную переписку, касающуюся такихъ предметовъ, которые въ нѣкоторой степени дополняютъ біографическія о немъ свѣдѣнія.

О тѣсной дружбѣ, существовавшей между поэтомъ и Брюхановыми, можно судить уже по самому тону писемъ. Во всѣхъ письмахъ къ Ивану Ивановичу Брюханову поэтъ обыкновенно обращается къ нему въ такихъ выраженіяхъ: «мой дорогой», «мой милый Иванъ Ивановичъ», «мой милый другъ», «душа моя»; къ своимъ подписямъ въ концѣ писемъ поэтъ обыкновенно присоединяетъ: «любящій тебя», «весь твой», «преданный тебѣ», а въ письмахъ къ Аннѣ Ивановнѣ: «покорнѣйшій слуга», «глубоко уважающій васъ». Почти во всѣхъ письмахъ, адресованныхъ Ивану Ивановичу, поэтъ посылаетъ «глубокое почтеніе» и его женѣ и обыкновенно проситъ его пріѣхать въ Воронежъ прямо къ нему отвести въ разговорахъ душу, «наговориться досыта» (изъ письма отъ 27 февраля 1858 г.). Дружба Ивана Саввича съ Брюхановыми готова была превратиться даже въ духовное родство. Такъ, въ письмѣ отъ 18 апрѣля 1858 года поэтъ отвѣчаетъ на просьбу И. И—ча быть воспріемникомъ его ребенка: «Что касается твоей просьбы быть воспріемникомъ твоего будущаго дитяти, я исполнилъ бы ее съ величайшимъ удовольствіемъ, если бы между нами не легло порядочное число верстъ! Пріѣхать въ Нижнедѣвицкъ, конечно, не трудно, но на-дняхъ я отправляюсь на житье въ деревню, въ этомъ дано мною слово одному помѣщику»... Чувствомъ тѣсной дружбы проникнуто и послѣднее письмо Ивана Саввича, посланное имъ 21 іюля 1861 года на имя Анны Ивановны Брюхановой, оно какъ бы прощальный аккордъ дружески расположеннаго къ Брюхановымъ умирающаго поэта. «Милостивая государыня Анна Ивановна, искренно благодарю васъ за ваше ко мнѣ участіе,—пишетъ поэтъ.—Здоровье мое плохо. Портретъ свой я далъ бы вамъ съ удовольствіемъ, но у меня только одинъ и есть хорошій, т. е. вѣрный, съ нимъ я не могу разстаться. Другой же—такая дрянь, что хоть бросить. Ивану Ивановичу передайте мой поклонъ. Писать болѣе, право, нѣтъ мочи».

Будучи связанъ съ Брюхановымъ тѣсной дружбой, поэтъ дѣлился съ ними своими радостями и печалями. Такъ, получивъ отъ государыни императрицы Александры Ѳеодоровны золотые часы

съ такою же цѣпью, отъ великаго князя Константина Николаевича перстень и рескриптъ, эти «драгоцѣнные знаки высочайшаго вниманія», какъ онъ выражается, отъ генералъ-майора Комсена изъ Кременчуга полное собраніе сочиненій Пушкина и отъ другой «почтенной особы» «Мертвыя души» Гоголя въ золоченомъ переплетѣ, въ отвѣтъ на привѣтствіе И. И. Брюханова по этому случаю поэтъ пишетъ ему письмо (1856 г., 10 апрѣля), въ началѣ котораго замѣчаетъ: «Я напередъ былъ увѣренъ въ твоемъ сочувствіи, мой дорогой Иванъ Ивановичъ. Да и кому же было естественнѣе выразить это сочувствіе, если не малому кругу близкихъ, равныхъ мнѣ по общественному положенію людей?» Въ этомъ же письмѣ поэтъ съ любовію вспоминаетъ о другомъ, общемъ съ Брюхановымъ, другѣ, по происхожденію тоже нижнедѣвицкомъ мѣщанинѣ, И. И. Дураковѣ. И. И. Дураковъ, какъ извѣстно, былъ первымъ слушателемъ литературныхъ произведеній И. С. Никитина (стих. «Русь»), первый посовѣтовалъ поэту написать письмо къ редактору «Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» А. Средину съ препровожденіемъ стихотвореній: «Русь», «Поле» и «Съ тѣхъ поръ, какъ міръ нашъ необъятный», первый вызвался снести въ редакцію письмо поэта съ роковой посылкой и вообще былъ самый искренно преданный ему человѣкъ. Когда И. С. Никитинъ получилъ названные выше подарки, какъ признаніе его литературнаго таланта, то первою его мыслью была мысль о Дураковѣ. «Первая моя мысль была о нашемъ миломъ Дураковѣ. Я увѣренъ,—пишетъ онъ,—что его радость была бы глубже моей; я только теперь оцѣнилъ его ко мнѣ любовь, безкорыстную преданность, всегдашнюю готовность служить почти рабски... Бѣдный Дураковъ! Мнѣ тѣмъ болѣе грустно,—заканчиваетъ поэтъ,—что настоящее время я почитаю какимъ-то свѣтлымъ исключеніемъ въ моей жизни». Изъ этого же письма мы узнаемъ, что И. И. Брюхановъ даже принималъ нѣкоторое участіе въ литературныхъ работахъ Ивана Саввича, съ нимъ поэтъ дѣлился своими поэтическими произведеніями и впечатлѣніями по поводу ихъ. Такъ, Никитинъ благодаритъ Брюханова за «разсказъ о Лукичахъ» и проситъ «собирать эпическія черты и привозить ихъ въ Воронежъ»: «За твой разсказъ о Лукичахъ очень благодаренъ. Собирай, пожалуйста, эпическія черты, привози ихъ въ Воронежъ».

Подобную же благодарность и просьбу онъ повторяетъ и въ письмѣ отъ 27 февраля 1858 года. «Благодарю, мой милый Иванъ Ивановичъ, за твое письмо и за нѣкоторыя подробности о личности Скор... Я желалъ бы знать о немъ поболѣе. Постарайся о немъ поразвѣдать, но имѣй въ виду одно: свѣдѣнія свои черпай изъ достовѣрнаго источника, факты болѣе замѣчательные напамять запиши. Но вотъ тебѣ мой дружескій совѣтъ: въ письмахъ своихъ о литературѣ извѣстнаго рода не распространяйся; причину я

тебѣ скажу при свиданіи». Въ письмахъ отъ 20 ноября, 1 и 8 декабря 1858 года, поэтъ ведетъ съ Брюхановымъ переписку по поводу стихотвореній: «Пряха», «Смерть извозчика», «Гуляющій въ деревнѣ купчикъ» и «Городской голова». Эти стихотворенія поэтъ, какъ видно изъ писемъ, передалъ Брюханову для чтенія и, рѣшивъ потомъ отправить ихъ въ Петербургъ для печати, просилъ прислать ихъ обратно къ нему, такъ какъ онъ совершенно забылъ эти свои произведенія. Брюхановъ послалъ эти стихотворенія Никитину, но, по словамъ поэта, ихъ «слѣдъ простылъ»... (Письмо отъ 8 декабря 1858 г.). У Брюханова, по словамъ того же письма, оставалось кое-что написанное поэтомъ «въ годы глупостей». Поэтъ проситъ Брюханова ради Бога сжечь эти произведенія, какъ не стоящія вниманія. Въ письмѣ отъ 17 января 1861 года поэтъ по поводу «Дневника семинариста» замѣчаетъ, что если пропуститъ его цензура, то «вопросъ о семинарскомъ воспитаніи, кажется, подвинется впередъ. Дай только Богъ, чтобъ пропустила. Но цензура свирѣпствуетъ»... замѣчаетъ Никитинъ. Въ доказательство строгости цензуры поэтъ въ этомъ же письмѣ дѣлаетъ такую приписку: «Мнѣ присланы изъ С.-Петербурга два стихотворенія... Одно уже въ печати, т. е. въ станкѣ типографіи, но, увы, прихлопнуты!.. Пропали 50 рублей серебр. и теплое слово за бѣдныхъ». Въ письмѣ отъ 13 апрѣля 1860 года поэтъ дѣлится съ Брюхановымъ своими впечатлѣніями по поводу литературнаго вечера, устроеннаго при его участіи и Де-Пуле въ экзаменной залѣ Воронежскаго кадетскаго корпуса въ пользу нуждающихся литераторовъ и ученыхъ. Вотъ эти интересныя строки изъ письма поэта: «9 апрѣля въ экзаменной залѣ кадетскаго корпуса было публичное чтеніе въ пользу нуждающихся литераторовъ и ученыхъ. Публика, спасибо ей, приняла меня хорошо и мое стихотвореніе (разумѣетъ: «Поэту-обличителю») заставила меня прочитать два раза. За всѣми расходами собрано и отослано въ С.-Петербургское общество вспомоществованія нуждающимся литераторамъ 416 р. с. Затѣяли это я и Де-Пуле. Но если бы ты зналъ, какой шумъ подняла воронежская аристократія! Сколько оказалось затронутыхъ самолюбій, сколько взбѣсилось лицъ, не приглашенныхъ нами участвовать въ чтеніи! И теперь еще все идутъ разговоры: что это за чтеніе? Зачѣмъ оно? Для кого оно? и пр. пр. Но публика не обратила вниманія на этотъ крикъ: въ залѣ не достало мѣстъ. Вотъ такъ Воронежъ!»—заканчиваетъ поэтъ. «Толки о литературномъ вечерѣ,— пишетъ онъ въ другомъ письмѣ (отъ 10 мая того же года),—до сихъ поръ не умолкли въ Воронежѣ. Обижены, изволите ли видѣть, аристократы, но зато они отлично отдѣланы въ 93 № Сѣверной Пчелы». По поводу названнаго литературнаго вечера біографъ поэта И. С. Никитина, Де-Пуле, замѣчаетъ, что это былъ въ провинціи, кажется, первый вечеръ въ пользу литературнаго фонда. Отмѣчая неописанный во-

сторгъ, какой онъ вызвалъ среди мѣстной публики, біографъ ничего не сообщаетъ о томъ впечатлѣніи, какое произвелъ вечеръ на высшее, аристократическое воронежское общество; а между тѣмъ впечатлѣніе это, какъ можно судить по выше приведенному отрывку изъ письма поэта, было очень характерно для этого общества.

Въ письмѣ отъ 18 апрѣля 1858 года И. С. Никитинъ является въ отношеніи Брюханова другомъ, хорошо понимающимъ его душевное состояніе и всецѣло готовымъ помочь ему добрымъ совѣтомъ. Какъ видно изъ письма, у Брюханова существовали къ своему отцу такія отношенія, которыя близко напоминаютъ отношенія къ отцу самого поэта и его третьяго друга Дуракова. Эта общность семейныхъ отношеній, вѣроятно, въ значительной степени была связующимъ звеномъ между названными личностями: всѣ онѣ явились жертвой той темной, грубой среды, гдѣ они родились, росли и среди которой жили. Для характеристики ихъ семейнаго и общественно-сословнаго положенія письмо отъ 18 апрѣля представляетъ особенный интересъ.

«Ну, мой милый Иванъ Ивановичъ, не весело твое письмо! Твои отношенія къ отцу напомнили мнѣ Дуракова, его трагическую судьбу, и признаюсь—я цѣлый день былъ грустно настроенъ. Ты знаешь, какую я проходилъ и прохожу школу, слѣдовательно, опытность у меня есть, вотъ тебѣ мой совѣтъ: будь строже къ себѣ, не предпринимай никакихъ мѣръ въ раздражительномъ состояніи, даже избѣгай въ это время разговоровъ съ своимъ отцомъ, если не чувствуешь себя достаточно твердымъ сохранить къ нему сыновнее почтеніе. Такой образъ дѣйствія доставитъ тебѣ внутренній покой, а съ нимъ, какова бы ни была жизнь, жизнь будетъ легче. Я говорю не въ видѣ морали, ты можешь быть увѣренъ въ искренности и чистотѣ моего совѣта. Угрозы твоего отца,—продолжаетъ поэтъ,—я думаю, не болѣе, какъ вздоръ. Но все-таки странно: что заставляетъ его грозить? Развѣ вліяніе какихъ нибудь мерзавцевъ, которые готовы мѣшаться во все и пакостить всѣмъ иногда не по чувству злости, а просто отъ нечего дѣлать. О мѣщанство, мѣщанство!—съ горечью восклицаетъ поэтъ.—Да, мой другъ! воздухъ, въ которомъ мы живемъ, не очень свѣжъ, общество, которымъ мы окружены, не подѣйствуетъ освѣжительно на душу, и какъ ни горько, надо держать себя умно, тихо и осторожно въ отношеніи этого общества. Низкопоклонничать предъ нимъ было бы подло, но и задирать его опасно»...

Кромѣ дружескаго участія въ отношеніяхъ Брюханова къ его отцу, поэтъ живо интересовался и торговыми занятіями Ивана Ивановича. Въ письмахъ къ нему онъ обыкновенно спрашиваетъ, какъ идутъ его торговыя дѣла, а въ одномъ (отъ 17 апрѣля 1859 года), по поводу намѣренія Брюханова выѣхать совсѣмъ изъ Нижнедѣвицка, даетъ такой совѣтъ: «Медлить нечего, ступай съ Богомъ,

удались отъ грѣха и принимайся за новую дѣятельность. По моему мнѣнію, торговля желѣзомъ въ Ейскѣ представляетъ для тебя болѣе благородную дорогу, хотя надобно сознаться, она вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ болѣе риска: Богъ вѣсть, какъ она пойдетъ! Занятія по откупу, хотя они вознаграждаются прекраснымъ жалованьемъ, не совсѣмъ чисты и, пожалуй, незамѣтно для тебя самого, внесутъ въ твой характеръ и образъ мыслей много такого, на что ты самъ теперь смотришь съ презрѣніемъ и съ чѣмъ потомъ, вслѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ и обстановки, освоишься и примиришься. Впрочемъ, я не совсѣмъ противъ службы по откупу. Послужишь два, три года—не бѣда, но не болѣе. Вообще объ этомъ дѣлѣ я желалъ бы поговорить съ тобою лично. Твое счастье и твое человѣческое достоинство мнѣ такъ же дороги, какъ мои собственныя». Стараясь помочь другу Брюханову своимъ совѣтомъ въ выборѣ будущей дѣятельности, поэтъ въ томъ же письмѣ выражаетъ готовность купить у него пчельникъ, при чемъ замѣчаетъ, что «эта покупка, по крайней мѣрѣ, будетъ напоминать мнѣ тебя».

Существовали между поэтомъ и Брюхановымъ, какъ видно изъ писемъ, и чисто «дѣловыя» отношенія: поэтъ доставлялъ Брюханову изъ своего магазина-библіотеки книги и журналы для чтенія, а отъ Брюханова пользовался, въ свою очередь, услугами, такъ сказать, комиссіонера по покупкѣ бумаги и книгъ для магазина и по устройству внутренняго въ немъ распорядка. Въ письмѣ отъ 15-го декабря 1859 года поэтъ пишетъ: «Отъ души благодарю тебя, мой другъ, за исполненіе моей просьбы. Пришло менѣе бумаги, нежели я ожидалъ, ну, да что дѣлать! А № 8 съ необрѣзанными краями просто дрянь, впрочемъ, сойдетъ понемногу. За пріобрѣтеніе «Кто виноватъ» крѣпко жму тебѣ руку, пришли его Христа ради скорѣе. «Дворянское гнѣздо» къ тебѣ отправляется... 80 стопъ бумаги получено въ исправности. Извозчику я денегъ не давалъ». Въ письмѣ отъ 21-го октября 1860 года поэтъ пишетъ: «Извини, что я тебѣ надоѣдаю своими просьбами: пожалуйста, прими на себя трудъ купить мнѣ сѣрой бумаги Русанова стопъ 60 или болѣе или менѣе, № 7—мнѣ все равно; какъ устроить покупку,—это я предоставляю твоему благоразумію. За деньгами дѣло не станетъ, можешь быть вполнѣ увѣренъ, что они (онѣ) вышлются тебѣ съ первою почтою. Пишу къ тебѣ изъ новой моей резиденціи, сирѣчь, новой квартиры, на которую перешелъ третьяго дня». Въ письмѣ отъ 17-го марта 1859 года поэтъ просилъ Брюханова купить ему въ Нижнедѣвицкѣ у священника о. Андрея Александрова, родственника преосвященнаго Иннокентія, сочиненія послѣдняго и преимущественно книгу «Послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа». Въ письмѣ отъ 13-го апрѣля 1860 года И. С. Никитинъ проситъ Брюханова похлопотать о скорѣйшемъ пріѣздѣ въ Воронежъ мальчика для услугъ въ его книжномъ магазинѣ: «Скажи, пожалуйста, отцу мальчика, чтобы онъ немедленно отправлялся съ

нимъ въ Воронежъ, потому что дѣло не терпитъ отсрочки. Право, душа моя, скучно: ни на минуту нельзя оставить магазинъ». Въ письмѣ отъ 10-го мая того же года онъ благодаритъ за эти хлопоты: «Спасибо тебѣ, мой другъ, за твои хлопоты объ отправленіи ко мнѣ мальчика. Пожалуйста, его поторопи, потому что я скоро ѣду въ Москву и не желалъ бы оставлять своего магазина на одного Михайлу... Я мечусь, какъ угорѣлый, отыскивая денегъ. Впрочемъ обѣщали въ двухъ мѣстахъ по тысячѣ рублей серебромъ, не знаю, что-то Богъ дастъ, если не откажутъ, дѣло въ Москвѣ можно повести хорошо, да и ѣхать туда съ большимъ кушемъ будетъ веселѣе».

Пользуясь разнообразными «дѣловыми» услугами Брюханова, поэтъ, съ своей стороны, платилъ за эти услуги, ссужая его, кромѣ собственныхъ своихъ произведеній, книгами изъ своего магазина-библіотеки. Изъ письма отъ 15-го декабря 1859 года мы уже видѣли, что Никитинъ посылалъ Брюханову «Дворянское гнѣздо»; въ письмѣ отъ 1-го декабря 1858 года поэтъ пишетъ: «по полученіи сего письма, въ ту же минуту французскія книги возврати мнѣ, зашей ихъ въ одинъ мѣшокъ и зашей хорошенько, кучеру прикажи за ними смотрѣть, какъ можно не потерять»... Въ письмѣ отъ 4-го ноября 1860 года: «Тысячу душъ» возьмешь въ другой разъ, потому что всѣ экземпляры въ чтеніи. Исторія Петра (Великаго) только и есть въ печати, что ты читалъ, и что теперь тебѣ отправляется, то-есть 1, 2, 3 и 6 томы. Богдановича, душа моя, возьмешь въ слѣдующій разъ». Въ письмѣ отъ 10-го октября (годъ не значится) дѣлается приписка: «Книгъ, извини, нѣтъ, подписчиковъ 128 человѣкъ, все расхватано. Богъ дастъ—получу новые транспорты, и тогда къ твоимъ услугамъ».

Въ нѣкоторыхъ изъ писемъ къ Брюханову встрѣчаются мысли, очень характерныя для душевнаго настроенія поэта. Въ этомъ отношеніи интересна, напримѣръ, выдержка изъ его письма отъ 17-го января 1861 года, послѣдняго года жизни многострадальнаго поэта. «Пожалуйста, пріѣзжай въ Воронежъ денька на два,—пишетъ онъ И—ну Ив—чу,—всего, братъ, не перекупишь; умремъ, и послѣ насъ будутъ покупать,—ну ее къ чорту, эту коммерцію! Я за это время заработалъ много денегъ, писалъ стихами и прозою, но... одно душевное потрясеніе, кажется, окончательно добило мое здоровье. Будь, что будетъ! Посылаю все къ чорту, даже деньги, къ которымъ, сказать правду, я никогда не имѣлъ особеннаго пристрастія. Пріѣзжай, душа моя, право, я буду тебѣ радъ»...

Поступившія въ Воронежскую ученую архивную комиссію неизданныя письма поэта И. С. Никитина, какъ можно видѣть изъ настоящаго моего сообщенія, очень разнообразны по своему содержанію и вносятъ нѣкоторыя новыя, интересныя подробности въ его біографію. Остается, поэтому, пожелать, чтобы они поскорѣе появились въ печати.

М. Н. Быловъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЕПИСКОПА КРАСИНСКАГО.

Бывшій (нынѣ уже покойный) епископъ виленскій (1858—1864) Адамъ-Станиславъ Красинскій оставилъ послѣ себя «Воспоминанія», часть которыхъ недавно была напечатана въ фельетонахъ одной изъ заграничныхъ польскихъ газетъ. Такъ какъ въ нихъ встрѣчаются подробности, могущія имѣть интересъ для русскаго читателя, то мы приводимъ ихъ здѣсь въ русскомъ переводѣ.

Адамъ Красинскій родился 24 декабря 1810 года, на Волыни, въ Дубенскомъ повѣтѣ [1]), въ д. Велничахъ, на р. Стырѣ. Отецъ его былъ Стефанъ Красинскій, а мать происходила изъ фамиліи Вишневскихъ.

Когда маленькій Адамъ научился читать, его отдали въ школу монаховъ-базиліановъ въ Гущѣ, мѣстечкѣ Острожскаго повѣта, а отсюда онъ перешелъ въ менджижечскую школу, которая пользовалась правами гимназіи и находилась въ завѣдываніи ксендзовъ піаровъ.

Изъ Воспоминаній Красинскаго видно, что менджижечскіе піары заботились не только объ умственномъ развитіи своихъ воспитанниковъ, но и о религіозномъ и физическомъ. Въ школѣ существовало общество solidalis'овъ, изъ числа лучшихъ учениковъ не ниже 3-го класса. Члены его каждое воскресеніе отправляли вмѣстѣ молитвы, а разъ въ годъ, въ день Божіей Матери

[1]) т.-е. уѣздъ. Г. В.

Милостивой, устраивали процессію изъ костёла на кладбище, шли съ зажженными свѣчами, несли статую Богоматери, а, возвратившись въ костёлъ, выбирали новыхъ членовъ.

Въ 1827 году, Адамъ Красинскій окончилъ гимназію. По совѣту ксендзовъ піаровъ, поддерживаемому и его родителями, онъ рѣшилъ посвятить себя воспитанію юношества. Съ этою цѣлью Красинскій, лѣтомъ 1827 года, выѣхалъ въ Любешовъ, маленькое мѣстечко въ Пинскомъ уѣздѣ, гдѣ находился піарскій новиціатъ, т.-е. монастырская семинарія, цѣль которой была подготовлять молодыхъ людей къ вступленію въ орденъ піаровъ. Уставъ здѣсь былъ очень суровый. Молитвы и уроки чередовались другъ съ другомъ. Разговаривать позволялось не болѣе часа въ сутки: полчаса послѣ обѣда и полчаса послѣ ужина. Разговаривать съ настоятелемъ можно было не иначе, какъ стоя передъ нимъ на колѣняхъ. Онъ имѣлъ право читать нотаціи, хотя бы воспитанникъ новиціата ни въ чемъ не былъ виноватъ. Одежду нарочно давали старую и рваную. Заставляли подметать коридоры и чистить самыя грязныя мѣста... Такъ испытывали смиреніе и покорность будущихъ воспитателей молодого поколѣнія. Исповѣдь была еженедѣльная. Черезъ недѣлю по пріѣздѣ въ Любешовъ, авторъ «Воспоминаній» уже облекся въ монашеское платье. Въ то время проживали въ Любешовѣ ксендзы Львовичъ и Мацѣй Бродовичъ, оба филареты [1]) и товарищи Мицкевича, люди прекрасные и ученые. Когда прочихъ товарищей ихъ, указомъ 14 августа 1824 года, выслали въ глубь Россіи, Львовича и Бродовича приказано было уволить навсегда отъ университетскихъ обязанностей и отдать подъ строгій надзоръ духовнаго ихъ начальства. Львовича всѣ любили, и каждый, кто только проѣзжалъ черезъ Любешовъ, навѣщалъ его. Мицкевичъ прислалъ ему своего «Валленрода» съ собственноручною подписью, а въ Dziad'ахъ вывелъ его. Въ 1837 году, ксендзъ Львовичъ собрался ѣхать за границу лѣчиться и уже получилъ паспортъ, какъ внезапно его арестовали, держали въ тюрьмѣ въ Минскѣ, потомъ выпустили; онъ получилъ приходъ въ Долгиновѣ, Минской губерніи, и тамъ умеръ около 1858 года.

На седьмой годъ пребыванія Красинскаго въ Любешовѣ, передъ самымъ Рождествомъ, пріѣхалъ туда директоръ Минской гимназіи, Бутневичъ, съ приказаніемъ закрыть школу. Ученики разошлись по разнымъ школамъ, а Красинскій, въ половинѣ 1835 г., выѣхалъ въ Вильну. Но прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему повѣствованію о своей жизни въ столицѣ Литвы, авторъ «Воспоминаній» дѣлаетъ небольшую экскурсію въ область прошедшаго и передаетъ со словъ очевидцевъ, заслуживающихъ довѣрія, интересныя и досихъ поръ неизвѣстныя свѣдѣнія о пребываніи въ Несвижѣ, у Ка-

[1]) О филаретахъ смотри дальше, примѣч. Г. В.

роля Радзивилла (знаменитый пане-коханку)[1]), короля Станислава Понятовскаго. «Король, прибывъ на Литву въ 1785 г., ночевалъ у Рдултовскаго въ Сновѣ, въ 3 миляхъ отъ Несвижа. На другой день, около 10 ч. утра, онъ сѣлъ въ карету вмѣстѣ съ епископомъ Нарушевичемъ и генераломъ Моравскимъ. Въ 10 верстахъ не доѣзжая Несвижа, тамъ, гдѣ начиналась граница владѣній Радзивилловъ, встали рядами 10.000 радзивилловскихъ крестьянъ. Какъ только королевская карета приблизилась къ границѣ, въ Несвижѣ начали стрѣлять изъ пушекъ. Пальба не прекращалась до самаго королевскаго пріѣзда. Изъ среды крестьянъ выступилъ сѣдобородый старикъ съ серебрянымъ подносомъ въ рукахъ, на которомъ лежали хлѣбъ и медъ. Онъ подошелъ къ каретѣ и, обращаясь къ королю, сказалъ: «Szczob Waszeci Najjasniejszy Panie tak slodko bylo panowaty, jak nam toj chlib z medom pozywaty» [2]). Далѣе слѣдовало 1.200 конныхъ, великолѣпно одѣтыхъ, шляхтичей. Во главѣ ихъ находился самъ Кароль Радзивиллъ, на конѣ, котораго держали двое стремянныхъ. На князѣ было богатое платье. Одинъ султанъ на его шапкѣ цѣнили въ 36.000 дукатовъ. Радзивиллъ подъѣхалъ къ королевской каретѣ и, вынувъ изъ-за пазухи бумагу, прочиталъ привѣтственную рѣчь королю. Король приглашалъ его сѣсть съ нимъ въ карету, но Радзивиллъ просилъ дозволить ему сопровождать карету. Далѣе стояли на пути рядами 12 всадниковъ, кони которыхъ были покрыты золотыми попонами, спускавшимися до самой земли. Еще дальше—12 радзивилловскихъ каретъ, запряженныхъ каждая 6 лошадьми. За ними магистратъ города Несвижа и, наконецъ, у самыхъ городскихъ воротъ, еврейскій кагалъ. Король проѣхалъ прямо въ костёлъ, гдѣ для него былъ приготовленъ тронъ. Здѣсь едва не дошло до столкновенія между стражею королевскою и радзивилловскою: которой изъ нихъ стоять у трона. Король самъ разрѣшилъ этотъ споръ, приказавъ своей стражѣ стоять при немъ. Когда Станиславъ-Августъ возсѣлъ на тронѣ, пропѣли Te Deum, и ксендзъ Катенбрингъ, войдя на каѳедру, началъ рѣчь словами: «Не новость для дома Радзивилловъ видѣть у себя королей... Уже двѣсти слишкомъ лѣтъ минуло, какъ короли породнились съ великомъ домомъ Радзивилловъ, какъ Варвара Радзивиллувна носила польскую корону»... Это была пилюля для короля, но онъ долженъ былъ ее проглотить. Изъ костёла король отправился въ зàмокъ, въ приготовленные ему покои. Черезъ полчаса онъ вышелъ во фракѣ. Собранныя дамы были допущены къ цѣлованію королевской руки. Накрыты были два стола: одинъ королевскій—весь на золотѣ, на 40 персонъ, другой дворян-

---

[1]) «Любезный господинъ»—любимая поговорка кн. Кароля (1734 † 1762 г.), замѣнившая ему имя въ исторіи. Г. В.

[2]) «Чтобы вашему величеству такъ же было сладко царствовать, какъ намъ ѣсть этотъ хлѣбъ съ медомъ».

скій,—на серебрѣ, на 500 человѣкъ. Иллюминація парка, отражавшаяся въ прудахъ, производила чарующее впечатлѣніе и понравилась королю, который сказалъ князю: «Ну, князь, чѣмъ я сумѣю тебя отблагодарить!» О томъ же князѣ пане-коханку Красинскій разсказываетъ слѣдующее: «Двумя годами позднѣе князь Кароль устроилъ въ Несвижѣ великолѣпныя похороны своего умершаго брата, князя Іеронима. Стоили онѣ семь милліоновъ злотыхъ польскихъ. Присутствовали семь епископовъ, которые ежедневно служили заупокойныя обѣдни и говорили погребальныя рѣчи, свыше двухсотъ священниковъ, не считая уніатскихъ настоятелей изъ обширныхъ радзивилловскихъ имѣній. Содержаніе давали имъ превосходное, кромѣ того, епископамъ платили по 1.000 дукатовъ въ день, а ксендзамъ—каждому по два дуката. Радзивиллъ говорилъ: «пане коханку, я по-христіански хороню брата, а кто знаетъ, кàкъ меня похоронятъ?». И дѣйствительно, прибавляетъ авторъ, никто ему не устроилъ похоронъ. Все его состояніе перешло къ его племяннику Доминику, дочь котораго, княжна Стефанія, вышла за Людовика Витгенштейна, а этому послѣднему, по смерти ея, досталось все имѣнія Радзивилловъ. Витгенштейнъ былъ обремененъ долгами. Для ликвидаціи ихъ въ Вильнѣ образовали особую (радзивилловскую) комиссію, члены которой получали большое содержаніе и благодаря тому, что комиссія дѣйствовала безаппелляціонно, разорила не одно семейство. Кароль Радзивиллъ собирался жениться на княжнѣ Сусаннѣ Мирской. Авторъ зналъ ее, когда она впослѣдствіи проживала въ Несвижѣ, и говоритъ, что и въ старости она сохранила еще слѣды прежней красоты. Бракъ этотъ не состоялся. Князь, возвратясь въ Варшаву и, вѣроятно, будучи подъ хмелькомъ, позволилъ себѣ черезчуръ фамильярное обращеніе со своею невѣстою... Та обидѣлась и съ достоинствомъ ему сказала: «Это что такое? Княжна Мирская тàкъ же хороша, кàкъ и князь Кароль». Между ними произошелъ разрывъ. Объ отцѣ князя Кароля, Михаилѣ, среди шляхты ходилъ разсказъ, что онъ говорилъ о себѣ:

> Nie ten to podczaszy,
> Co pilnuje flaszy,
> Ale ten podczaszy,
> Co i królów straszy [1]).

Красинскій пробылъ въ Вильнѣ три года. Жилъ у піаровъ, занималъ мѣсто каѳедральнаго проповѣдника. Дни существованія піаровъ на Литвѣ были уже сосчитаны. Авторъ упоминаетъ о нѣсколькихъ піарахъ, имена которыхъ въ то время пользовались широкою извѣстностью на Литвѣ. Въ ряду ихъ интересна личность

---

[1]) «Я не тотъ подчашій, чтó только смотритъ за чашей, а такой подчашій, котораго и короли побаиваются».

ксендза ех-піара Скерневскаго, любимца всесильнаго Потемкина. Скерневскій смолоду былъ преподавателемъ латинскаго языка въ піарской школѣ въ Россіенахъ. Случилось, что чрезъ этотъ городъ проѣзжалъ Потемкинъ. Піары выбрали нѣсколькихъ воспитанниковъ и вмѣстѣ съ профессоромъ отправили ихъ привѣтствовать фаворита Екатерины и просить его осчастливить своимъ посѣщеніемъ ихъ экзаменъ. Потемкину это понравилось, и онъ пріѣхалъ въ сопровожденіи какого-то ученаго, лысаго, нѣмца. Скерневскій говорилъ рѣчь по-латыни. Нѣмецъ сказалъ князю, что это ученый человѣкъ. Послѣ экзамена князь пригласилъ его къ себѣ обѣдать, и Скерневскій такъ ему понравился, что Потемкинъ пожелалъ имѣть его всегда при себѣ и написалъ объ этомъ провинціалу ордена. Отказать такому сановнику было невозможно, тѣмъ болѣе, что Потемкинъ подарилъ піарамъ въ Бѣлоруссіи имѣніе Азарковъ съ 80 хатами (оно впослѣдствіи перешло къ витебскимъ піарамъ, а затѣмъ, вмѣстѣ съ прочими монастырскими владѣніями, взято въ казну). Скерневскій переѣхалъ въ Петербургъ. Потемкинъ принялъ его ласково, отвелъ ему у себя во дворѣ квартиру и, въ доказательство своего къ нему благоволенія, выпросилъ для него у Екатерины бриллiантовый крестъ. Потемкинъ уѣхалъ въ Крымъ, а Скерневскій остался въ столицѣ. Онъ далеко бы пошелъ, если бы не внезапная смерть его покровителя. Карьера его остановилась, и только значительно позднѣе епископъ Цецишовскій назначилъ его членомъ луцкаго капитула. На этомъ посту Скерневскій добился высокаго значенія и въ 1831 году издалъ, отъ имени митрополита Цецишовскаго, воззваніе къ духовенству, порицавшее возстаніе 1831 года. Говорили тогда, что это было сдѣлано безъ вѣдома митрополита, и что извѣстіе объ этомъ даже ускорило смерть Цецишовскаго.

Виленскій университетъ уже не существовалъ, но имена его славныхъ профессоровъ: Яна и Андрея Снядецкихъ, Боянуса, Городецкаго, Малевскаго, Лелевеля, Голуховскаго, Мицкевича, Зана, Чечота, Франка, были еще въ памяти у всѣхъ. Воспоминанія и анекдоты о виленскихъ профессорахъ, особенно объ Андреѣ Снядецкомъ, не сходили съ языка. Андрей Снядецкій былъ послѣ Франка не только самою крупною медицинскою величиною, но при этомъ и человѣкомъ вполнѣ безкорыстнымъ. Однажды, зимой, пріѣхалъ въ Вильну богатый помѣщикъ съ дочерью и заболѣлъ тифомъ. Лѣчилъ его Врублевскій, но безуспѣшно. Собрали консиліумъ: пригласили Снядецкаго и еще четырехъ врачей. По окончаніи консиліума, дочка больного, завернувши въ пакетикъ по семи дукатовъ, вручила каждому изъ докторовъ. Снядецкій развертываетъ свой пакетикъ, пересчитываетъ вслухъ золотые, беретъ изъ нихъ одинъ, кладетъ въ жилетный карманъ, а остальные оставляетъ на столикѣ. Примѣру его послѣдовали и прочіе док-

тора. Больной выздоровѣлъ. Докторъ Врублевскій занимался въ Вильнѣ практикою и оставилъ полмилліона злотыхъ польскихъ, но никогда не вымогалъ: бралъ копеекъ по 30, а отъ евреевъ даже по 5 копеекъ. Однажды заболѣлъ горячкою ксендзъ-каноникъ Гонсовскій. Лѣчилъ его Врублевскій. Едва прошло нѣсколько дней, какъ больной пожелалъ собрать консиліумъ. Позвали Снядецкаго. Разспросивши больного и ничего не говоря, берется онъ за шляпу и хочетъ уходить. Врублевскій, видя это, спрашиваетъ: «Что же дѣлать, господинъ профессоръ?» — «Ничего не дѣлай, то будетъ здоровъ»,—отвѣчалъ Снядецкій. По закрытіи Виленскаго университета Андрей Снядецкій былъ профессоромъ въ медицинской академіи и жилъ въ одномъ домѣ (Франка) съ профессоромъ сравнительной анатоміи и ветеринаріи Боянусомъ. Боянусъ, ученикъ Гуфеланда и другъ Галля и Кювье, прибылъ въ Вильну въ 1806 г. и основалъ здѣсь ветеринарную школу, объ учрежденіи которой въ Гроднѣ мечталъ еще Антоній Тизенгаузъ. Ветеринарія, какъ наука, въ то время мало цѣнилась на Литвѣ, поэтому и на профессора ветеринаріи смотрѣли попросту, какъ на коновала. Случилось однажды, что у князя Сапѣги захворала любимая собачка болонка. Если бы ребенокъ заболѣлъ, пожалуй, меньше было бы безпокойства. Послали за Боянусомъ. Предсталъ предъ бывшимъ профессоромъ обшитый галунами лакей и просилъ его къ больной собачкѣ. «Буду черезъ часъ»,—отвѣтилъ Боянусъ. Надѣлъ на себя шитый золотомъ университетскій мундиръ, нацѣпилъ ордена и поѣхалъ въ каретѣ. Войдя въ салонъ, спрашиваетъ: гдѣ паціентъ? Выносятъ собачку, княгиня едва не плачетъ надъ нею, словно надъ ребенкомъ. Боянусъ внимательно осмотрѣлъ больную, написалъ рецептъ и громко сказалъ: за визитъ сто дукатовъ. Не говоря ни слова, выносятъ ему пачку въ сто дукатовъ. Профессоръ подзываетъ лакея, отдаетъ ему пачку и еще громче прежняго говоритъ: «отнеси въ благотворительное общество и скажи, что это прислалъ профессоръ Боянусъ». Такъ онъ далъ понять, что профессоръ ветеринаріи—не коновалъ [1]). Профессоръ Виленскаго университета Городецкій отличался находчивостью. Однажды гр. Константинъ Тизенгаузъ, будучи въ Вильнѣ и переходя улицу, встрѣтилъ Городецкаго и, привѣтствуя его, крикнулъ: «А-а! господинъ Городецкій!» А тотъ ему въ отвѣтъ: «Б-е-е! господинъ Тизенгаузъ!» И только тогда подали другъ другу руки, какъ добрые знакомые. Въ другой разъ онъ ловко отдѣлался отъ барынь — **квестарокъ**. Виленское благотворительное общество, нуждаясь въ средствахъ, ежегодно просило дамъ изъ мѣстной аристократіи обходить дома съ блюдомъ и собирать пожертвованія на нужды общества. Сборъ этотъ достигалъ каждый годъ 1.500 рублей. Ходили обыкновенно

---

[1]) Боянусъ умеръ въ 1827 г. въ Дармштадтѣ, на 51 году отъ роду.

нѣсколько барынь или барышень въ сопровожденіи одного или двухъ мужчинъ. Назывались онѣ **квестарками**[1]). Приходятъ разъ такія сборщицы предъ полуднемъ къ Городецкому. Онъ еще былъ не одѣтъ. Двери заперты. Стучатъ. Городецкій спрашиваетъ: «кто тамъ?»—«Квестарки, отворите».—На это Городецкій, который былъ очень скупъ, говоритъ: «Извините, я голъ, ничего не имѣю».—«Это ничего, пожалуйста, отворите».—«Но я вамъ говорю, что я голый».—«Это ничего не значитъ, отворите, пожалуйста». Тогда Городецкій раздѣвается совсѣмъ и, оставшись, въ чемъ мать родила, отворяетъ двери.—«Тьфу, тьфу!»—послышались голоса. А Городецкій на это: «вѣдь я же васъ предупреждалъ, что я голый». Такъ и отдѣлался отъ квестарокъ. Проживалъ въ Вильнѣ бывшій профессоръ университета, а потомъ медико-хирургической виленской академіи, Порцыанко, даровитый хирургъ и докторъ[2]). Онъ былъ уже въ отставкѣ, получалъ пенсію и занимался практикою. Къ сожалѣнію, любилъ выпить и въ такомъ видѣ являлся иногда къ своимъ паціентамъ. Пригласили его однажды къ больному грудному ребенку. Порцыанко явился въ нетрезвомъ видѣ. Осмотрѣлъ больного и говоритъ, что онъ пьянъ. Присутствовавшіе переглянулись между собою, улыбаясь такому діагнозу: «Что же,—сказалъ докторъ,—вы думаете, что Парцыанко пьянъ и не узнаетъ болѣзни? Если мамка пьяна, то и ребенокъ пьянъ». И дѣйствительно убѣдились, что мамка была пьяна. Ректоръ Виленскаго университета Симонъ Малевскій былъ человѣкъ очень экономный и расчетливый. Объ немъ разсказывали, что, будучи въ гостяхъ у кого-то изъ своихъ близкихъ знакомыхъ, когда зажгли двѣ свѣчки, погасилъ одну, замѣтивъ, что «можемъ разговаривать и при одной свѣчѣ, а роскошь неумѣстна». Спросили его: какое вино самое лучшее?—«Чужое, чужое»,—отвѣчалъ онъ. Далъ онъ какъ-то евреямъ въ займы денегъ и взялъ отъ нихъ въ залогъ серебро. Срокъ прошелъ. Евреи не являются. Сталъ онъ пересматривать серебро и увидѣлъ, что оно фальшивое. Что̀ тутъ дѣлать? Объявилъ въ газетахъ, что у него украли серебро. Обрадовались евреи случаю поживиться. Требуютъ свое серебро. Малевскій дѣлаетъ видъ, что онъ очень занятъ, что спѣшнаго ничего нѣтъ, что они могутъ подождать. Евреи продолжаютъ приставать, что серебро имъ нужно теперь же. «Что же дѣлать?—говоритъ ректоръ:—принесите деньги». Принесли, пересчитали. Каково же было удивленіе евреевъ, когда они увидали свое фальшивое серебро!

Проживая въ Вильнѣ, ксендзъ Красинскій посѣщалъ лекціи

---

[1]) Отъ kwesta—собираніе подаяній.

[2]) Константинъ Порцыанко, авторъ многочисленныхъ медицинскихъ сочиненій, род. 1793 † 1841 г.

въ мѣстной духовной академіи, а осенью 1837 года, получилъ мѣсто преподавателя въ школѣ Сестренцевича въ Петербургѣ. Возникла эта школа такимъ образомъ. У извѣстнаго митрополита Сестренцевича-Богуша былъ племянникъ Станиславъ Парчевскій, умершій въ Римѣ. Для него-то митрополитъ и построилъ въ Петербургѣ, въ Коломнѣ, не болѣе какъ въ ста шагахъ отъ дома, въ которомъ жилъ, католическій костёлъ, поручивъ послѣдній піарамъ. Умирая, Сестренцевичъ расписалъ все свое имущество родственникамъ, съ оговоркою, что если, по смерти его, найдутся еще какіе либо капиталы, о которыхъ онъ забылъ, то онъ назначаетъ ихъ на устройство школы для дѣтей католиковъ, при костёлѣ св. Станислава. Такихъ денегъ нашлось больше 60.000 рублей, и на нихъ-то существовала школа. Красинскій поѣхалъ въ Петербургъ.

Митрополита въ то время въ Петербургѣ не было. Римско-католическою духовною коллегіею управлялъ епископъ Павловскій, человѣкъ не отличавшійся ни ученостію, ни какими либо высокими качествами, но пользовавшійся расположеніемъ императора Николая, который говорилъ, что будь у него еще другой Павловскій, онъ послалъ бы его митрополитомъ въ Варшаву. Павловскій былъ высокаго роста, держался прямо, на головѣ носилъ высокій чубъ и имѣлъ практическій умъ. Разъ, въ Великую субботу, императоръ приказалъ министру внутреннихъ дѣлъ, Блудову, послѣ заутрени, лично поздравить Павловскаго митрополитомъ, «чтобы старикъ спалъ пріятно»,—прибавилъ государь. Заутреня отправлялась у св. Екатерины [1]) въ полночь. Совершалъ ее Павловскій и около 2 часовъ ночи воротился домой и хотѣлъ уже раздѣваться, когда доложили о пріѣздѣ министра внутреннихъ дѣлъ. Входитъ Блудовъ и объявляетъ, что явился, по приказанію государя, поздравить его высокопреосвященство съ саномъ митрополита. Въ среду, на Святой, Павловскій явился благодарить государя. Одѣтъ онъ былъ въ фіолетовую епископскую одежду. Императоръ замѣтилъ это и спросилъ, почему онъ одѣтъ, не какъ митрополитъ. Павловскій отвѣчалъ: «Не имѣю еще, всепресвѣтлѣйшій государь, подтвержденія изъ Рима, можетъ быть, папа и не согласится еще».—«Согласится, согласится,—сказалъ государь:—будешь имѣть все, что имѣлъ Сестренцевичъ». Продолжая свою бесѣду, Николай прибавилъ: «Я хочу чтобы въ моемъ государствѣ каждый исповѣдывалъ ту вѣру, въ которой родился». На это Павловскій, низко кланяясь, отвѣтилъ: «кто не вѣренъ Богу, тотъ не будетъ вѣренъ и вашему императорскому величеству».—«Да, я убѣжденъ въ этомъ»,—замѣтилъ государь. Въ Петербургѣ авторъ сошелся со своими земляками: адвокатомъ Касперомъ Зельветромъ, петербургскимъ старожиломъ, человѣкомъ богатымъ, пріятелемъ Мицкевича, Пржецлавскимъ, редакторомъ

---

[1]) На Невскомъ проспектѣ.

Tygodnik'a Petersburgsk'a [1]), и Анастасевичемъ, извѣстнымъ библіографомъ. Анастасевичъ, говоритъ Красинскій, занималъ въ музеѣ Румянцева, до самой смерти, пару маленькихъ комнатокъ, никогда ихъ не подметалъ, и всюду было полно пыли. Были у него 24 ящичка, по одному на каждую букву, а въ нихъ находилось великое множество разныхъ замѣтокъ на отдѣльныхъ карточкахъ, словно энциклопедія какая нибудь. Румянцовъ, который его очень цѣнилъ, предлагалъ ему мѣсто директора своего музея. Анастасевичъ отказался, говоря: «Я вамъ, графъ, буду рекомендовать человѣка весьма способнаго, но съ которымъ невозможно разговаривать, такъ какъ онъ очень заикается». Князь согласился, и Анастасевичъ рекомендовалъ ему Востокова. Анастасевичъ работалъ ежедневно дома до 2-хъ часовъ. Потомъ шелъ обѣдать къ кому нибудь изъ знакомыхъ и тамъ проводилъ остатокъ дня. Когда одежда на немъ изнашивалась, то Зельветръ или кто нибудь другой изъ знакомыхъ покупалъ ему новую. Когда Анастасевичъ умеръ, друзья и знакомые похоронили его въ складчину. Между тѣмъ послѣ оказалось, что у него было 20.000 рублей въ банковыхъ билетахъ.

У Франц. Малевскаго, чиновника собственной его императорскаго величества канцеляріи, зятя Мицкевича, Красинскій встрѣтился съ Томашемъ Заномъ, которому, по ходатайству оренбургскаго генералъ-губернатора Перовскаго, разрѣшено было вернуться въ Петербургъ [2]). «И вотъ я узналъ,—пишетъ Красинскій,—этого необыкновеннаго мужа, эту реликвію народную. Черные волосы, высокій лобъ, очи, пронизывающія до глубины, а по лицу разлита ангельская доброта при голубиной кротости. Въ теченіе четырнадцати лѣтъ уединенной жизни въ Оренбургѣ мысль его не оставалась бездѣятельною, каждый вопросъ онъ передумалъ, провелъ черезъ всѣ степени мышленія, пока дошелъ до послѣднихъ выводовъ. Поэтому въ разговорѣ чаще всего миновалъ всѣ эти ступени и переходилъ отъ результата къ результату, что для головъ, не привыкшихъ къ мышленію, дѣлало его непонятнымъ. Этимъ объясняется, почему нѣкоторое говорили, будто у Зана перепуталось въ головѣ». Сталкиваясь съ Заномъ, Малевскимъ и другими людьми, старшими автора «Воспоминаній» по лѣтамъ, онъ узнавалъ отъ нихъ много интереснаго о разныхъ дѣятеляхъ, имена которыхъ гремѣли въ свое время. Однажды приходитъ къ Красинскому Онацевичъ, бывшій профессоръ Виленскаго университета [3]), и объявляетъ:

---

[1]) Отъ 1836 г. до 1856 г.

[2]) Томашъ Занъ, поэтъ, другъ Мицкевича, род. въ 1791 г. Имѣя большое вліяніе на виленскую учащуюся молодежь, въ 1819 г., основалъ учено-моральное общество филаретовъ или лучезарныхъ (promienistych). Послѣднее навлекло на себя подозрѣніе правительства и было закрыто, а Занъ сосланъ въ 1824 г. въ Оренбургъ. Возвращенный изъ ссылки, онъ умеръ въ 1855 году, на Литвѣ.

[3]) Игнатій Онацевичъ (р. въ 1780, † въ 1845), историкъ.

«А вотъ и собаку похоронилъ!»—«Кого это?»,—спрашиваю.—«Новосильцева». Извѣстный сенаторъ Новосильцевъ [1]), который послѣ князя Адама Чарторыскаго былъ попечителемъ Виленскаго университета, удалилъ изъ него Лелевеля, Голуховскаго, Онацевича, отправилъ въ ссылку Мицкевича, Зана, Чечота и мн. др. Живя широко, онъ постоянно нуждался въ средствахъ и поэтому бралъ, гдѣ только можно было брать. По смерти не на что было его похоронить. Правительство отпустило на похороны 3.000 рублей, а на кладбищѣ не было болѣе 20 человѣкъ и въ числѣ ихъ Онацевичъ. Замѣчательно, что тотъ же Новосильцевъ не разъ выступалъ на защиту Виленскаго университета, доказательствомъ чего служатъ, находящіяся въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, его представленія, которыя, впрочемъ, оставались безъ послѣдствій. Когда началось гоненіе на филаретовъ, одного изъ нихъ, Маріана Пясецкаго, отправили въ сопровожденіи жандарма въ Петрозаводскъ. Ночуя на одной станціи, Пясецкій написалъ письмо великому князю Константину Павловичу въ Варшаву, въ которомъ заявлялъ, что имѣетъ въ рукахъ доказательства, что Новосильцевъ—воръ. Письмо это ему удалось сдать на почту. И вотъ, едва прошло нѣсколько дней по пріѣздѣ Пясецкаго въ Петрозаводскъ, какъ приходитъ распоряженіе: везти его обратно. Привозятъ его съ жандармомъ въ Варшаву, и прямо къ Новосильцеву. Отдаютъ въ распоряженіе Пясецкаго нѣсколько богато меблированныхъ комнатъ, приготовляютъ ванну, приносятъ ужинъ, такъ что тотъ понять не можетъ, чтò все это значитъ. На другой день Новосильцевъ зоветъ его къ себѣ и говоритъ: «Послушай, какой ты дуракъ—хочешь воевать съ тѣмъ, кто тебя можетъ раздавить, какъ червяка. Зачѣмъ тебѣ это? Ты можешь найти во мнѣ протекцію, а при ней можешь со временемъ сдѣлать и карьеру. Подумай объ этомъ и возьми назадъ то, чтò написалъ». Пясецкій послушался, и остался на родинѣ.

Тридцатые и сороковые годы минувшаго столѣтія были эпохою разнаго рода альманаховъ. Послѣдніе возникали, какъ грибы послѣ дождя. И Красинскій отдалъ дань общему вѣянію. Въ 1838 году онъ выпустилъ въ Петербургѣ въ свѣтъ «Noworocznik», сборникъ различныхъ статей, въ числѣ которыхъ были произведенія (стихи) и самого издателя. Сборникъ этотъ былъ встрѣченъ радушно какъ польскою, такъ и русскою прессою. Литературныя занятія Красинскаго вызвали знакомство его съ императорскою публичною библіотекою. «Когда я очутился въ ней въ первый разъ,—разсказываетъ онъ,—дали мнѣ въ проводники служителя, отставного солдата. Давъ ему на пиво, я просилъ указать, гдѣ находятся польскія книги. Ведетъ онъ меня въ одну большую залу, но въ ней ни одной польской книги не вижу, ведетъ

[1]) Ник. Ник. Новосильцевъ (р. 1762, † 1838 г.) въ 1724 г. занималъ постъ попечителя Виленскаго университета и учебнаго округа.

въ другую, то же самое, говорю ему, что это не польскія книги, ведетъ въ третью, я снова говорю ему, что тутъ нѣтъ польскихъ книгъ. Мой служитель обижается: «Вы, господинъ, здѣсь въ первый разъ, а хотите знать лучше меня... книги эти—польскія, потому что привезены изъ Польши». Послѣ мнѣ дали особое разрѣшеніе пользоваться польскими книгами. Находились онѣ въ другомъ этажѣ. Пыли на нихъ было на палецъ, но зато, что книжка, то рѣдкость. Всѣ онѣ изъ библіотеки Залускихъ [1]). Латинскихъ инкунабуловъ было безъ счета, но каталога еще въ то время не существовало, и особенной цѣнности имъ поэтому не придавали. Получилъ я доступъ и къ рукописямъ. Къ числу интереснѣйшихъ изъ нихъ принадлежали двѣ рукописи проповѣдей польскихъ съ помѣтками на нихъ рукою Залускаго, первая 1500 г. и вторая 1550 г. Потомъ уже, спустя нѣсколько лѣтъ, ученый директоръ библіотеки, баронъ Корфъ, завелъ обстоятельнѣйшіе каталоги для инкунабулъ, которые умѣлъ оцѣнить, какъ слѣдуетъ, устроилъ отдѣльную готическую залу, въ которой ничего нѣтъ, кромѣ инкунабулъ, а шкафы, столы, кресла, двери дубовые и фоліанты XV ст., прикованные цѣпями, напоминаютъ монастырскую библіотеку среднихъ вѣковъ».

Въ то время въ Петербургѣ были два католическіе прихода. Одинъ св. Станислава въ Коломнѣ, о которомъ упомянуто выше, и другой при костелѣ св. Екатерины. Костелъ св. Екатерины построенъ въ 1783 году. Императоръ Павелъ отдалъ его іезуитамъ. Послѣдніе пользовались большимъ расположеніемъ у петербургской аристократіи при Екатеринѣ II и Павлѣ. Когда послѣдовало уничтоженіе ордена іезуитовъ папою Климентомъ XIV, Екатерина не только позволила имъ остаться въ своемъ государствѣ, но послала въ Римъ ксендза Бениславскаго просить за нихъ св. отца. Папа согласился оставить ихъ въ Россіи и, поднявъ руки горѣ, громко сказалъ: «Approbo, approbo, approbo!» Императоръ Павелъ особенно отличалъ ученаго іезуита Грубера. Однажды онъ пожелалъ возложить на Грубера ленту. Тотъ уклонился. «Простите, всепресвѣтлѣйшій государь, намъ уставъ не позволяетъ принимать орденовъ». «Изъ-за чего же вы трудитесь?»—спросилъ Павелъ. «Ad majorem Dei gloriam, государь»,—отвѣтилъ Груберъ. Отвѣтъ этотъ такъ понравился императору, что съ тѣхъ поръ онъ сталъ называть Грубера «ad majorem Dei gloriam» и дозволилъ ему во всякое время входить къ себѣ въ кабинетъ. Говорили, будто онъ былъ причиною высылки изъ столицы Сестренцевича, вручивъ государю списокъ лицъ, которыя дурно объ немъ отзывались. Въ числѣ ихъ фигурировалъ и Сестренцевичъ. Впрочемъ, извѣстно, что Павелъ

---

[1]) Извѣстно, что знаменитая библіотека гр. Залускихъ, вывезенная изъ Варшавы, легла въ основаніе Императорской Публичной библіотеки въ С.-Петербургѣ.

не любилъ и удалялъ всѣхъ тѣхъ, которые были въ милости у его матери, а Сестренцевичъ принадлежалъ къ числу такихъ. Говоря о Сестренцевичѣ, авторъ исправляетъ ложное мнѣніе о немъ, будто бы онъ хотѣлъ отдѣлиться отъ Рима. Факта, который бы подтверждалъ это, нѣтъ ни одного. Что Сестренцевичъ былъ кальвинъ, что философія XVIII ст. могла имѣть вліяніе на его умъ, что онъ не былъ мужемъ истинно церковнымъ, этого отрицать нельзя. Русское правительство просило для него, какъ для своего вѣрнаго слуги, у апостольской столицы красную мантію, разумѣя подъ нею кардинальство. Римъ, какъ бы не понявъ этого, позволилъ ему только надѣвать красную мантію. Во дворецъ же и въ ложу въ театрѣ, абонируемую ежегодно, Сестренцевичъ являлся въ пурпуровомъ фракѣ. Императоръ Александръ I очень уважалъ епископа Цецишовскаго и, посѣщая его въ Луцкѣ, цѣловалъ у него руку. Когда явился къ нему Сестренцевичъ въ пурпуровомъ фракѣ, со звѣздами, императоръ началъ съ нимъ разговоръ о Цецишовскомъ, восхваляя его епископское одѣяніе. Понялъ это Сестренцевичъ и больше уже не показывался во фракѣ, хотя къ императрицѣ-матери обыкновенно ѣздилъ въ немъ, по четвергамъ, играть въ карты. Сестренцевичъ жилъ 96 лѣтъ. Онъ прожилъ бы и дольше, если бы не простудился, выходя изъ императорскаго дворца подъ новый годъ: онъ долго не могъ отыскать ни своего лакея съ шубой, ни своей кареты. Онъ приказалъ похоронить себя въ костелѣ св. Станислава въ Коломнѣ, но не въ склепѣ, а въ каменномъ саркофагѣ, возвышающемся почти на три аршина надъ землею, для того, чтобы, въ случаѣ наводненія, его не залила вода. Іезуиты пробыли въ Петербургѣ до 1815 года, когда были высланы за то, что, какъ сказано въ офиціальныхъ источникахъ, занимались пропагандою и совращеніемъ въ католичество. На мѣсто іезуитовъ вызвали доминикановъ, которымъ и передали костелъ св. Екатерины. Среди католиковъ въ Петербургѣ немало было французовъ, нѣмцевъ и итальянцевъ, поэтому проповѣди говорили по порядку: по-польски, по-французски, по-нѣмецки и по-итальянски. Кромѣ помянутыхъ двухъ костеловъ, былъ въ Петербургѣ еще одинъ мальтійскій—въ пажескомъ корпусѣ. Императоръ Павелъ, принявъ титулъ магистра мальтійскихъ рыцарей, выстроилъ для нихъ этотъ прекрасный костелъ и нерѣдко самъ присутствовалъ при богослуженіи, возсѣдая на тронѣ.

Въ то время, когда Красинскій находился въ Петербургѣ, въ Вильнѣ арестовали и выслали въ Иркутскъ извѣстнаго каѳедральнаго проповѣдника, ксендза-каноника Людвика Трынковскаго. Любопытна біографія этого человѣка. Въ университетѣ онъ никогда не былъ и даже школы не кончилъ, вышелъ изъ четвертаго класса и поступилъ въ труппу провинціальныхъ актеровъ. Усвоивъ актерскую рутину, поступилъ въ духовную семинарію, прошелъ въ ней

полный курсъ. Много ему пришлось поработать надъ своимъ самообразованіемъ. Со своими проповѣдями онъ выступалъ на каѳедрѣ, будучи еще въ семинаріи. Епископъ виленскій, Клангевичъ, его не любилъ и старался при всякомъ случаѣ къ нему придраться. За проповѣдь, произнесенную въ 1838 году при погребеніи профессора Андрея Снядецкаго, на текстъ Ecce homo, Трынковскій, по представленію Клангевича, на нѣкоторое время былъ лишенъ права говорить гдѣ бы то ни было проповѣди. Трынковскій былъ замѣшанъ въ дѣло Конарскаго, вывезенъ сначала въ Минскъ, гдѣ съ него сняли духовный санъ, и потомъ отправленъ въ Сибирь. Въ Иркутскѣ онъ сошелъ съ ума и умеръ.

О епископѣ Клангевичѣ Красинскій отзывается такъ. Клангевичъ управлялъ Виленскою епархіею энергично; это былъ человѣкъ непреклонной воли и возстановилъ въ епархіи порядокъ. Не разъ онъ выражался: «Ничто такъ не украшаетъ церкви, какъ хорошіе священники». «Умру, но духъ мой останется». Въ бытность въ Вильнѣ императора Николая I, Клангевичъ имѣлъ у него аудіенцію. Государь спрашиваетъ у него: сколько у тебя въ епархіи священниковъ?—«Всепресвѣтлѣйшій государь,—отвѣчалъ епископъ,—если бы я имѣлъ еще столько, сколько у меня есть, то и тогда было бы еще мало для духовнаго блага подданныхъ вашего императорскаго величества».—«Подайте мнѣ объ этомъ записку». Записку епископъ подалъ, но результатовъ она никакихъ не имѣла. Будучи за границею, по дорогѣ въ Карлсбадъ, Клангевичъ посѣтилъ каѳедральный капитулъ въ Ольмюцѣ. Одинъ изъ членовъ капитула, разсказывая о своихъ привилегіяхъ, между прочимъ, сказалъ, что никто не могъ быть членомъ ихъ капитула, если не былъ графомъ или барономъ. На это Клангевичъ замѣтилъ: «ну, а если бы св. Петръ или Павелъ захотѣлъ быть членомъ вашего капитула, развѣ бы вы его не признали достойнымъ, а вѣдь онъ не былъ ни графомъ, ни барономъ?» Замолчали прелаты, трудно было что нибудь отвѣтить на столь логичное возраженіе. Воспитаникъ духовной академіи Людвикъ Юцевичъ больше занимался свѣтскими науками, нежели лекціями. Издалъ онъ (in 16°) исторію Литвы и посвятилъ «Юзѣ и Рузѣ, моимъ маленькимъ пріятельницамъ». Принесли книжку епископу, какъ трудъ одного изъ учениковъ духовной академіи. Прочитавъ посвященіе, Клангевичъ сказалъ: «Если онъ уже въ академіи думаетъ о Юзѣ и Рузѣ, то ничего хорошаго изъ него не выйдетъ». Предсказаніе епископа оправдалось. Юцевичъ, женитьбы ради, оставилъ духовное званіе и принялъ православіе. Въ 1831 году, во время возстанія, полковникъ Верзилинъ занялъ уѣздный городокъ Ошмяны и жестоко расправился съ мятежниками, не пощадивъ даже тѣхъ, которые скрылись въ костелъ. Епископъ Клангевичъ написалъ объ этомъ государю. За это его отправили сперва въ Ярославль, а потомъ въ Смоленскъ, но черезъ четырнадцать

мѣсяцевъ вернули обратно, и онъ снова вступилъ въ управленіе епархіею. Возвращаясь изъ ссылки и будучи въ Петербургѣ, Клангевичъ долженъ былъ представиться министру внутреннихъ дѣлъ Блудову. «Говорили, за что, впрочемъ, не ручаюсь,—прибавляетъ Красинскій,—будто Блудовъ, представляя государю докладъ о Клангевичѣ, сказалъ, что это ограниченный человѣкъ и поэтому не можетъ быть опаснымъ. Вотъ ужъ была лучшая въ то смутное время рекомендація!» Въ началѣ 1839 года епископъ Клангевичъ пригласилъ Красинскаго въ Вильну, на мѣсто Трынковскаго.

На этотъ разъ Красинскій пробылъ въ Вильнѣ до 1842 года. Написалъ два изслѣдованія—одно на польскомъ языкѣ, а другое на русскомъ, сдалъ установленный экзаменъ въ духовной академіи и получилъ степень магистра богословія.

Въ то время вся Вильна была въ восторгѣ отъ «чудеснаго ребенка», 13-ти-лѣтняго Юлека Клячко, впослѣдствіи извѣстнаго ученаго, доктора Юліана Клячко. Самыя аристократическія семейства наперерывъ другъ передъ другомъ приглашали его къ себѣ. Этотъ энтузіазмъ онъ произвелъ своими стихами, посвященными матери и сестрѣ. По мнѣнію автора Воспоминаній, «если бы не злоба критики, то изъ Клячко вышелъ бы такой же великій поэтъ, какимъ онъ впослѣдствіи былъ великимъ прозаикомъ».

Въ 1840 году среди студентовъ виленской медицинской академіи произошло броженіе, окончившееся закрытіемъ академіи. Президентомъ академіи былъ давній фаворитъ великаго князя Константина Павловича, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кучковскій. На студентовъ академіи, число которыхъ доходило до двухсотъ, правительство отпускало ежегодно на каждаго по 120 рублей. За это каждый изъ стипендіатовъ долженъ былъ по окончаніи курса нести, въ теченіе нѣскольких лѣтъ, государственную службу тамъ, гдѣ ему прикажутъ. Деньги эти каждый получалъ на руки, по 10 рублей въ мѣсяцъ, и распоряжался ими безконтрольно. Кучковскій сообразилъ, что если всѣмъ учащимся дать казенное помѣщеніе и общій столъ, то сбереженіе въ нѣсколько тысячъ могло бы остаться у него въ карманѣ. Дѣлаетъ онъ въ этомъ смыслѣ представленіе въ министерство, мотивируя его тѣмъ, что тогда легче будетъ имѣть неослабное наблюденіе за учащеюся молодежью. Министерство соглашается. Обширный дворецъ Пусловскаго, въ которомъ жилъ президентъ, передѣлываютъ и приспособляютъ подъ студенческое общежитіе. Обѣ стороны на первыхъ порахъ довольны. Но вотъ столъ начинаетъ портиться. Студенты жалуются Кучковскому. Ничего не помогаетъ. Напротивъ, кушанья стали давать еще меньше. Студенты выбираютъ депутацію и посылаютъ къ президенту просить лично убѣдиться въ справедливости ихъ жалобъ. Президентъ является, приказываетъ улучшить пищу, но она не улучшается. Тогда воспитанники составляютъ просьбу начальнику края, генералъ-гу-

бернатору Мирковичу, и подписываютъ ее почти всѣ, что въ Россіи строго воспрещается. Генералъ-губернаторъ передаетъ ее Кучковскому, спрашивая, что это значитъ. А тотъ отвѣчаетъ, что если они всѣ отважились подписывать просьбу, то значитъ, что между ними существуетъ тайное сообщество, и поэтому онъ сейчасъ же начнетъ разслѣдованіе. Нѣсколькимъ профессорамъ было поручено внезапно, ночью, сдѣлать обыскъ у студентовъ и забрать бумаги и книги. Вслѣдствіе этого арестовали сперва нѣсколькихъ слушателей медицины, а потомъ и двоихъ профессоровъ, Іосифа Мяновскаго и Велька. Плацъ-комендантомъ Вильны въ то время былъ заслуженный, почтенный полковникъ Богдановичъ. Въ его вѣдѣніи находились тюрьмы. Тронутый слезами одной матери, которая просила у него разрѣшенія видѣться съ арестованнымъ сыномъ, онъ настолько былъ неостороженъ, что далъ такое разрѣшеніе на бумагѣ. Записка попала въ руки слѣдственной комиссіи, и Богдановича самого посадили подъ арестъ. Жена его, женщина умная и образованная, написала по-французски обширное прошеніе шефу жандармовъ. Смѣло и откровенно она описала все, что творилось: что никакого заговора нѣтъ, что арестуютъ невинныхъ, ожидая отъ нихъ выкупа, что комиссія составлена изъ троихъ отчаянныхъ негодяевъ, и просила о безпристрастной провѣркѣ всего ею написаннаго, соглашаясь подвергнуться, въ случаѣ, если бы факты, ею описанные, не подтвердились, карѣ по всей строгости закона. Вслѣдствіе этого былъ присланъ въ комиссію жандармскій полковникъ Ломачевскій, человѣкъ честный, который никакой вины найти не могъ. Затѣмъ, по представленію Бенкендорфа, императоръ назначилъ въ комиссію полковника Назимова [1]), учителя наслѣдника престола. Благородный Назимовъ не могъ, конечно, осудить невинныхъ. Но какъ трудно было установить ихъ невинность, послѣ того какъ были исписаны цѣлыя кипы бумаги, и повсюду въ нихъ брошены подозрѣнія. Назимовъ остановился у генералъ-губернатора. Въ числѣ арестованныхъ студентовъ находился братъ автора «Воспоминаній», 18-ти-лѣтній юноша, Войцехъ Марцелій. Красинскій нѣсколько разъ просилъ разрѣшенія посылать ему пищу, учебники, молитвенникъ. Постоянно отказывали. Прошелъ уже годъ, а Войцеха ни разу не вызывали въ слѣдственную комиссію. Адамъ Красинскій отправился къ Назимову, разсказалъ ему о положеніи дѣла, священническимъ словомъ увѣряя, что причиною всего былъ плохой столъ, и просилъ за своего брата. Назимовъ далъ слово первымъ опросить Войцеха, что и исполнилъ, будучи въ комиссіи. Тотъ разсказалъ ему то же самое. «Въ тотъ же день Назимовъ прислалъ того же самаго плацъ-адъютанта, который по три часа

---

[1]) Владимира Ивановича, впослѣдствіи (1855—1863) генералъ-губернатора Сѣверо-Западнаго края.

держалъ у себя въ передней матерей, женъ и сестеръ арестованныхъ, и приказалъ передать мнѣ, чтò я могу посылать брату все, чтò пожелаю. Итакъ Назимовъ убѣдился, что никакого тайнаго сообщества не было». Оставалось доложить объ этомъ государю. Николай проѣзжалъ черезъ Ковно. Назимовъ ему представился и доложилъ, что никакой вины онъ не нашелъ. «Виленскія бабы тебя уже успѣли взбаламутить»,—замѣтилъ государь.—«Ваше величество,—отвѣчалъ Назимовъ,—меня виленскія бабы взбаламутить не могли: моя жена—первая красавица въ Вильнѣ». Отвѣтъ понравился императору. Въ Вильну прислали сенатора Кавелина, который установилъ, что были виноваты не учащіеся, а комиссія, и всѣхъ членовъ ея разогналъ, воспитанники же были освобождены съ правомъ поступить въ какой пожелаютъ университетъ на казенный счетъ, при чемъ каждому изъ нихъ было выдано по 100 рублей на дорогу. За это Назимовъ снискалъ любовь цѣлой Литвы, такъ что почти въ каждомъ домѣ можно было встрѣтить его портретъ. Медицинскую академію закрыли. Мяновскаго Назимовъ взялъ съ собою въ Петербургъ. Мяновскій занялъ мѣсто профессора амбулаторной клиники въ медицинской академіи и сдѣлался моднымъ докторомъ въ Петербургѣ. Имя его особенно стало извѣстнымъ послѣ излѣченія отъ холеры фрейлины Нелидовой, которой онъ налилъ на желудокъ одеколону и зажегъ его. А когда министръ, князь Любецкій, уже кончался, не подписавши еще духовнаго завѣщанія, Мяновскій вылилъ ему на голову ведро воды со льдомъ. Умирающій пришелъ въ сознаніе на нѣсколько часовъ и подписалъ завѣщаніе. Дочь императора Николая, герцогиня Лейхтенбергская, выбрала его своимъ придворнымъ докторомъ. Когда спросили Мяновскаго: какое онъ назначитъ себѣ жалованье? онъ отвѣтилъ, что никакого, и что будетъ лѣчить великую княгиню, какъ другъ. Когда былъ открытъ Варшавскій университетъ, Мяновскаго назначили ректоромъ, и на этомъ посту, какъ извѣстно, онъ пріобрѣлъ общую симпатію какъ между молодежью, такъ и въ цѣломъ краѣ.

Въ 1842 году, по смерти епископа Клангевича, Красинскій получилъ приходъ въ Гедройцахъ, въ 6 миляхъ отъ Вильны. Вступивъ въ управленіе приходомъ, Красинскій старался, по мѣрѣ силъ и возможности, сдѣлать кое-какія улучшенія. Такъ, онъ отмѣнилъ обычай торговаться за исполненіе требъ, ввелъ преподаваніе катехизиса въ костелѣ, по воскресеньямъ, устроилъ приходскую читальню и пытался уничтожить панщизну (барщину) въ отношеніи плебаніи [1]), замѣнивъ ее умѣренною платою подъ круговою порукою. Но послѣднее ему не удалось. Мужики заявили, что это

---

[1]) Такъ называется усадьба (домъ съ хозяйственными постройками), гдѣ живутъ ксендзы.

имъ невыгодно. «Теперь каждый изъ насъ,—говорили они,—держитъ батрака, который за пять рублей въ годъ отработываетъ панщизну. Кормъ его не считается, потому что гдѣ ѣстъ шесть, либо семь человѣкъ, тамъ при нихъ и одинъ лишній можетъ прокормиться. Одежда ему дается старая, а обувь плететъ себѣ самъ изъ лыка». Въ 1843 году Адамъ Красинскій снова выпустилъ въ Вильнѣ литературный Noworocznik.

Автору «Воспоминаній» не разъ приходилось встрѣчаться въ Вильнѣ съ извѣстнымъ религіознымъ мечтателемъ, другомъ Мицкевича, Товянскимъ. «Андрей Товянскій,—разсказываетъ Красинскій,—былъ тремя годами старше Мицкевича, родился въ наслѣдственномъ помѣстьѣ Антошвинтѣ, въ Вилкомірскомъ повѣтѣ. Въ Вильнѣ окончилъ гимназію и посѣщалъ университетъ. Потомъ служилъ въ земскомъ судѣ. Признанный сумасшедшимъ, былъ помѣщенъ у бонифратровъ. Но когда убѣдились, что сумасшествіе его не опасно, выпустили его на свободу. Проживая въ Вильнѣ, онъ потихоньку собиралъ вокругъ себя единомышленниковъ. Изъ нихъ наиболѣе преданнымъ былъ докторъ Гутъ. Въ городѣ разсказывали, что Гутъ имѣлъ обыкновеніе совѣтоваться относительно своихъ паціентовъ съ Товянскимъ, и что послѣдній не разъ приказывалъ ему рекомендовать больнымъ мученія ради уврачеванія души, и послушный Гутъ безъ милосердія жегъ больному раны. Проживалъ въ Вильнѣ, на Нѣмецкой улицѣ, владѣлецъ двухъ домовъ, лакировщикъ Максъ. Имѣлъ онъ двухъ красивыхъ дочерей, знакомыхъ Товянскаго и Гута. Послѣдніе сдѣлали имъ предложеніе. Тѣ согласились, и вотъ двѣ пары отправились въ Свентоянскій (университетскій) костелъ, преклонили колѣна передъ рѣшеткою алтаря, подали другъ другу руки и, считая, что этого достаточно, начали жить другъ съ другомъ... Узналъ объ этомъ епископъ Клангевичъ, который, какъ извѣстно, ни съ кѣмъ не церемонился. Посылаетъ за Товянскимъ и Гутомъ, чтобы сейчасъ же явились къ нему. Тѣ приходятъ. Клангевичъ сразу набрасывается на нихъ. «Что это вы, господа, устраиваете у меня въ епархіи непотребные дома?.. Я этого не позволю. Чтобы сейчасъ повѣнчаться въ костелѣ... Прикажу написать разрѣшеніе (indult), чтобы не было грѣха!» Такимъ образомъ бракъ ихъ получилъ благословеніе церкви. О Гутѣ авторъ повѣствуетъ слѣдующее: «Бывало, только что вернешься съ каѳедры въ сакристію, смотришь—является Гутъ, хватаетъ руку и съ глазами, поднятыми къ небу, начинаетъ декламировать: «Бьетъ часъ... приближается время... и ты будешь призванъ, ибо и въ тебѣ есть духъ... и духъ говоритъ твоими устами... но ты не знаешь о томъ, что въ тебѣ есть духъ», и такъ толкуетъ пятьдесятъ минутъ». Предсказанія Гута, какъ увидимъ дальше, исполнялись постепенно.

Епископъ Жилинскій, посѣтивъ два раза костелъ въ Гедройцахъ, всякій разъ оставался доволенъ его настоятелемъ и назначилъ Красинскаго виленскимъ каѳедральнымъ каноникомъ, съ откомандированіемъ въ Петербургъ въ римско-католическую коллегію, въ качествѣ ассесора, или представителя Виленской епархіи (1853 г.).

Римско-католическимъ петербургскимъ митрополитомъ послѣ покойнаго Дмоховскаго былъ Игнатій Головинскій, школьный товарищъ Красинскаго. Онъ уже былъ ректоромъ и профессоромъ Петербургской духовной академіи [1]). Крымская война шла не особенно успѣшно. Черноморскій флотъ былъ затопленъ при входѣ въ Севастопольскую бухту, для того, чтобы онъ не достался союзникамъ. Императоръ Николай заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ. Лѣчилъ его придворный докторъ Мандтъ, не прибѣгая къ кровопусканію. Государь уже былъ на пути къ выздоровленію, когда гвардія должна была выступить въ Гродно. Императоръ пожелалъ самъ присутствовать при выступленіи войска. День былъ морозный и вѣтреный. Мандтъ отговаривалъ его не выходить изъ дома. «При такомъ состояніи здоровья,—сказалъ онъ,—я бы простому солдату не позволилъ выѣзжать». «Вы сдѣлали свое,—замѣтилъ ему государь,—а я долженъ сдѣлать свое». Николай отправился въ манежъ, пробылъ тамъ нѣсколько часовъ, вспотѣлъ, а потомъ выѣхалъ на морозъ и воротясь во дворецъ, почувствовалъ себя хуже. А такъ какъ метода Мандта не допускала кровопусканій, то, какъ и надо было ожидать, послѣдовала смерть. Случилось это во вторникъ. Въ среду и въ четвергъ выходили бюллетени, сообщавшіе о ходѣ болѣзни государя, а въ пятницу, въ полдень, онъ разстался съ этимъ свѣтомъ. Во время похоронъ на академическомъ балконѣ собрались коллегія и академія въ полномъ составѣ, въ своихъ парадныхъ одѣяніяхъ, во главѣ съ митрополитомъ Головинскимъ, который чувствовалъ себя уже нездоровымъ. Когда тѣло императора поравнялось съ академіею, Головинскій окропилъ его святою водою. Новый царь, ѣхавшій за гробомъ отца, поклонился митрополиту. Головинскій вскорѣ умеръ, на 48 году отъ роду, отъ рака въ желудкѣ. Передъ смертію онъ продиктовалъ письмо къ императору Александру II, въ которомъ рекомендовалъ преемника на свое мѣсто—виленскаго епископа Вацлава Жилинскаго. Отпѣваніе тѣла совершили въ академической каплицѣ и затѣмъ, поздно вечеромъ, безъ всякой церемоніи, перевезли его въ доминиканскій костелъ. Перевозить его публично черезъ городъ не позволили. Администраторомъ епархіи могилевскій капитулъ выбралъ члена коллегіи, пре-

---

[1]) Покойный академикъ А. В. Никитенко отзывается въ своемъ «Дневникѣ» о Головинскомъ, какъ объ одномъ изъ благороднѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ умовъ въ Россіи. («Русск. Стар.», т. LXVI, 631).

лата Антонія Фіалковскаго, который сразу же былъ утвержденъ въ этомъ званіи правительствомъ, въ глазахъ котораго онъ былъ persona grata. Епископъ виленскій Жилинскій, по совѣту пріора доминикановъ, Станевскаго, пріѣзжалъ въ Петербургъ хлопотать о кандидатурѣ на архіепископство. Имѣлъ онъ продолжительную аудіенцію у министра внутреннихъ дѣлъ, которымъ былъ тогда Ланской. Жилинскій подалъ ему записку о нуждахъ католической церкви въ Россіи: о несоблюденіи конкордата, о препятствіяхъ, дѣлаемыхъ министерствомъ при реставраціи костеловъ, наконецъ, о кандидатахъ на епископскія каѳедры. Записку эту, въ переводѣ на французскій языкъ, Станевскій частнымъ образомъ переслалъ въ Римъ. Тѣмъ временемъ наступила въ Москвѣ коронація Александра II. На коронацію былъ присланъ изъ Рима, съ согласія императора, князь Киджи (Chigi), епископъ мирренскій. Официальнымъ делегатомъ со стороны католическаго духовенства былъ назначенъ епископъ Жилинскій. Послѣдній, съ своей стороны, просилъ, чтобы ассистентомъ къ нему назначили ксендза-каноника Адама Красинскаго. Управляющему Могилевскою епархіею Фіалковскому, по заявленному имъ желанію, разрѣшили присутствовать при коронаціи. Епископъ Жилинскій его не долюбливалъ и подалъ папскому нунцію секретную записку, въ которой обращалъ вниманіе, что Фіалковскій—человѣкъ небезопасный для церкви, что онъ сынъ уніатскаго ксендза, а братъ его—православный священникъ, наконецъ, что онъ держится убѣжденій Феброніуса и ванъ-Эспена [1]). Въ концѣ 1856 года Жилинскій былъ утвержденъ въ санѣ архіепископа и пріѣхалъ въ Петербургъ. Ему очень не хотѣлось оставлять Вильны, и онъ имѣлъ намѣреніе соединить могилевскую архіепископію съ виленскою. Съ виленскимъ генералъ-губернаторомъ Назимовымъ онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ и подалъ ему свой проектъ. Назимовъ, будучи согласенъ съ нимъ, спросилъ: «какъ же это сдѣлать?». Жилинскій посовѣтовалъ ему спросить объ этомъ его официально. Назимовъ такъ и сдѣлалъ, представилъ отзывъ епископа министру, но отвѣта на свое представленіе не получилъ. Тѣмъ не менѣе Жилинскій управлялъ Виленскою епархіею до 1859 г. въ виду того, что былъ выбранъ виленскимъ капитуломъ своимъ викаріемъ. Въ глазахъ правительства архіепископъ былъ поставленъ очень хорошо. Дали ему 5.000 рублей на ремонтъ квартиры и мебель, увеличили жалованье съ 8.000 рублей на 12.000 рублей, принимая въ расчетъ, что Головинскій, будучи ректоромъ академіи, получалъ полное содержаніе, лошадей и экипажи отъ академіи, Жилинскій же жилъ въ коллегіи и долженъ былъ содержать себя

---

[1]) Сущность этой теоріи, изложенной въ соч. епископа Іоанна Николая фонъ-Гонтгейма († 1790 г.) «De statu Ecclesiae» (Франкфуртъ, 1763 г.), изданномъ подъ псевдонимомъ Febronius'a, сводится къ тому, что церковь должна быть національною; въ 1778 г. Гонтгеймъ отказался отъ своихъ взглядовъ.

исключительно на жалованье. Тѣмъ не менѣе добрыя отношенія, существовавшія доселѣ между Жилинскимъ и правительствомъ, едва не нарушились изъ-за Фіалковскаго. О тайной корреспонденціи архіепископа съ Римомъ узнали въ Петербургѣ. Недовольна этимъ осталась и апостольская столица. Жилинскій получилъ частное письмо отъ кардинала Антонелли [1]), который дѣлалъ ему суровый выговоръ за то, что онъ сталъ причиною недоразумѣній между русскимъ правительствомъ и Ватиканомъ, что если онъ имѣлъ что либо противъ Фіалковскаго, то долженъ былъ изложить это въ «каноническомъ процессѣ», а между тѣмъ въ «каноническомъ процессѣ» онъ признаетъ его годнымъ. Въ заключеніе, статсъ-секретарь папы поручалъ архіепископу взять съ Фіалковскаго подписку, что послѣдній отрекается отъ теорій Ванъ-Эспена и Феброніуса. Фіалковскій, разумѣется, ее далъ, такъ какъ никакихъ «теорій» не держался. Жилинскій далъ обѣщаніе не допускать подобныхъ «инцидентовъ» и снова вошелъ въ милость у власти.

Римско-католическая коллегія, въ которую Красинскій былъ приглашенъ ассессоромъ, помѣщалась въ домѣ, принадлежавшемъ раньше поэту Державину. Домъ этотъ былъ купленъ за 300.000 рублей и передѣланъ, при чемъ 60.000 укралъ секретарь и сбѣжалъ. Квартиры для ассессоровъ были обширныя и очень удобныя. Красинскій занялъ бывшую квартиру митрополита Дмоховскаго. Обязанность ассессора состояла въ томъ, чтобы три раза въ недѣлю: въ понедѣльникъ, среду и пятницу, присутствовать въ засѣданіи коллегіи, гдѣ по порядку, ежемѣсячно, одинъ изъ ассессоровъ просматривалъ входящія бумаги и записывалъ въ книгѣ подлежащую резолюцію. Большая часть бумагъ имѣла отмѣтки: «къ свѣдѣнію» или «представить господину министру», а если встрѣчалось какое либо дѣло, которое требовало обсужденія, то его разрѣшалъ голосъ митрополита. Вообще должность ассессора коллегіи была въ полномъ смыслѣ слова синекурой и состояла исключительно въ разсылкѣ епископамъ и консисторіямъ распоряженій министра и департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій. Съ православнымъ синодомъ у коллегіи никакихъ сношеній не существовало. Директоръ департамента духовныхъ дѣлъ, Скрипицынъ, находился за границею. Его заступалъ вице-директоръ, графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой. Красинскій ему представился. Графъ принялъ его любезно, сказалъ, что слышалъ о его занятіяхъ литературою, что онъ самъ занимается ею, и такъ,—прибавилъ онъ,—будемъ работать вмѣстѣ. Потомъ сталъ порицать митрополита, котораго вообще не выносилъ. «Я,—пишетъ Красинскій,—отвѣчалъ ему, что митрополитъ человѣкъ съ характеромъ и ученый,

---

[1]) Джакомо Антонелли, государственный секретарь папы Пія IX, род. 1806 г. † 1876 г.

и рѣдко можно встрѣтить равнаго ему. На этомъ свиданіе наше и окончилось. Въ заключеніе Толстой спросилъ, не желаю ли я быть у министра Бибикова, и послалъ узнать, приметъ ли меня министръ. Былъ и у министра, бывшаго генералъ-губернатора кіевскаго, безрукаго. Принялъ онъ меня любезно. Спрашивалъ о своемъ братѣ, виленскомъ генералъ-губернаторѣ, и былъ доволенъ, когда я его похвалилъ».

Времени у автора «Воспоминаній» всегда было достаточно. Красинскій же не любилъ сидѣть безъ дѣла, и вотъ у него возникла мысль написать первую на польскомъ языкѣ систему каноническаго права. Дѣло предстояло нелегкое. Прежде всего затрудненіе встрѣчалось въ томъ, что до сихъ поръ не существовало канонискаго языка. Приходилось его создавать. Красинскій преодолѣлъ эти препятствія, и въ 1861 г., когда уже онъ былъ епископомъ виленскимъ, появились его Regulae juris. Вернувшись съ коронаціи Александра II, Красинскій занялся переводомъ на польскій языкъ «Слова о полку Игоревѣ», которое издалъ съ рисунками Зичи, пріобрѣтенными у Гербеля. За этотъ трудъ онъ получилъ отъ императора бриллiантовый перстень. Любопытныя свѣдѣнія передáетъ Красинскій о такъ называемомъ «гимнѣ Баяна». «Около 1812 года въ Петербургѣ возникло литературное общество, собранія котораго происходили у поэта Державина (въ домѣ, гдѣ теперь римско-католическая духовная коллегія). Общество издавало свой журналъ, въ которомъ печатало рефераты своихъ членовъ-сотрудниковъ [1]). Въ одно изъ собраній одинъ изъ членовъ принесъ гимнъ Баяна, писанный на пергаментѣ рунами. Рунъ этихъ никто прочитать не могъ. Тогда онъ прочиталъ ихъ и часть издалъ вмѣстѣ съ текстомъ въ óрганѣ общества. Баянъ говоритъ, что онъ—сынъ Злогора, внукъ Славена, что ѣздилъ по морю, нѣсколько разъ тонулъ и т. д. Никто не открылъ ключа къ этимъ рунамъ». Красинскій обнаружилъ обманъ: стóитъ, по его словамъ, только раздѣлить вертикально каждую славянскую букву, чтобы прочитать мнимыя руны. Но о своемъ открытіи въ то время нигдѣ не напечаталъ. Въ 1858 г. за два сочиненія: «De versionibus sacrae scripturae in linguam polonicam» и другое на русскомъ языкѣ, по сдачѣ установленнаго экзамена въ Петербургской духовной академіи, Красинскій получилъ степень доктора богословія.

Какъ уже было упомянуто выше, Ватиканъ прислалъ на коронацію Александра II князя Киджи. Нунцій пріѣхалъ на другой день послѣ коронаціи, по словамъ газетъ, для того, чтобы не быть въ церкви. Изъ римско-католическаго духовенства присутствовали лишь епископъ Жилинскій и администраторъ Фіалковскій. Когда пріѣхалъ нунцій, епископъ немедленно послалъ къ нему Красинскаго за при-

---

[1]) «Бесѣды любителей русскаго слова».

казаніями. «Когда я, — разсказываетъ авторъ «Воспоминаній»,— явился къ нему и назвалъ его эминенціею, онъ скромно возразилъ: «Je ne suis pas cardinal». Просилъ только устроить ему поскорѣе каплицу, что̀ мы немедленно и исполнили. Епископъ Жилинскій запросилъ министра Ланского, слѣдуетъ ли ему быть у нунція. На это министръ отвѣтилъ, что непремѣнно. На другой день епископъ былъ у нунція, а послѣдній на слѣдующій день пріѣхалъ къ епископу со всею свитою и пригласилъ его на обѣдъ. Въ свитѣ князя Киджи, состоявшей изъ нѣсколькихъ особъ, находился свѣтскій человѣкъ, знавшій, между прочимъ, по-польски, по-русски и по-славянски [1]). Аудіенція нунція у государя была публичная, въ присутствіи всего двора. За нимъ и его свитою прислали золотыя придворныя кареты. Офиціальную рѣчь нунцій произнесъ по-латы́ни, а затѣмъ сказалъ по-французски, что святой отецъ желалъ бы войти въ ближайшія сношенія съ правительствомъ императорскаго величества и имѣть постояннаго представителя при русскомъ дворѣ. Императоръ усмѣхнулся и сказалъ, что сейчасъ онъ не можетъ на это дать отвѣта. Находясь въ Москвѣ, папскій нунцій былъ съ визитомъ у митрополита Филарета [2]), но не засталъ его дома и оставилъ визитную карточку. На слѣдующій день Филаретъ отдалъ ему визитъ и сказалъ по-латыни: «въ твоемъ лицѣ отдаю почтеніе римскому епископу», на что̀ нунцій ему отвѣтилъ: «это ему слѣдуетъ отъ всѣхъ насъ». Нунцій посѣтилъ соборъ, въ которомъ происходило торжество коронованія, и не избѣжалъ упрёка за то, что смотрѣлъ на иконы сквозь очки. Нунцію пожаловали орденъ Бѣлаго Орла, графу Морни—св. Андрея, самый высшій орденъ и князю де-Линь (de Ligne) — Александра Невскаго. Нунцій отвѣтилъ, что принять этого ордена не можетъ, такъ какъ имѣетъ высшіе. Удвоили въ отношеніи его деликатность, но другого ордена не дали. Епископъ Жилинскій получилъ вторую звѣзду, т. е. св. Анны, а Адамъ Красинскій—св. Станислава 2-й степени.

О покойномъ государѣ Александрѣ Николаевичѣ Красинскій разсказываетъ, что, будучи еще наслѣдникомъ престола, онъ учился польскому языку. Учителемъ его былъ старый генералъ Юрьевичъ. По желанію великаго князя Константина Павловича, молодой наслѣдникъ престола писалъ къ нему по-польски, какъ самъ о томъ говорилъ въ Вильнѣ, будучи государемъ. «И вотъ,—говоритъ Красинскій,— когда братья наслѣдника были въ Варшавѣ, великому князю Константину Павловичу пришло въ голову учить ихъ по-польски. Потребовали отъ Виленскаго университета прислать опытнаго препо-

---

[1]) Это былъ нѣкто Артебани, по происхожденію итальянецъ, впослѣдствіи чиновникъ канцеляріи статсъ-секретаря папы.

[2]) Филаретъ (Дроздовъ), митрополитъ московскій и коломенскій, р. 1784 г. † 1867 г.

давателя для обученія великихъ князей польскому языку. Университетъ выбралъ доктора богословія, ксендза Станислава Черскаго, который издалъ латино-польскій словарь. Пріѣхалъ Черскій въ Варшаву. Является ко двору. Смотритъ: на него никто и вниманія не обращаетъ. Спрашиваетъ, когда можетъ начать занятія. Никто ему не отвѣчаетъ. Снова задаетъ вопросъ, сколько времени будутъ продолжаться его уроки, чтобы знать, какъ ему устроиться. Отвѣчаютъ ему, что это дѣло небольшой важности, что рѣчь идетъ только о томъ, чтобы научить великихъ князей командовать по-польски. «Я самъ этого не знаю»,—отвѣчаетъ ксендзъ Черскій. «Такъ зачѣмъ же ты пріѣхалъ учить, если не знаешь?» Этимъ обученіе польскому языку и ограничилось.

Крымская война окончилась. Готовились къ парижскому конгрессу. Князь Горчаковъ, впослѣдствіи канцлеръ, а въ то время русскій посолъ въ Вѣнѣ, телеграфировалъ графу Нессельроде о необходимости уладить теперь же, до конгресса, дѣла католической церкви въ Россіи, такъ какъ неудобно будетъ для Россіи, если первымъ пунктомъ конгресса будутъ дѣла костёла. Канцлеръ не хотѣлъ представлять самъ этой депеши государю и, вызвавъ Туркула, статсъ-секретаря царства Польскаго, предложилъ ему доложить депешу государю императору. Туркулъ, человѣкъ очень ловкій, по окончаніи доклада, спросилъ государя: «Прикажете ли, ваше императорское величество, представлять вамъ свѣдѣнія о ксендзахъ-демеритахъ изъ царства Польскаго?» «А это зачѣмъ?»—спросилъ государь. «Такова была воля блаженной памяти родителя вашего императорскаго величества, а при томъ число ксендзовъ-демеритовъ не только не уменьшается, но все увеличивается». «Почему это?»—полюбопытствовалъ государь. «Ничего нѣтъ удивительнаго, государь,—отвѣчалъ Туркулъ,—некому смотрѣть, нѣтъ епископовъ, почти всѣ епархіи безъ пастырей». «Ну, такъ назначить ихъ». Тутъ Туркулъ доложилъ депешу князя Горчакова. Въ результатѣ состоялось назначеніе епископовъ. Для выясненія же потребностей католической церкви назначена секретная комиссія въ составѣ: канцлера Нессельроде, Блудова, министра внутреннихъ дѣлъ Ланского, пословъ Киселева и Бутенева, статсъ-секретаря Туркула и сенатора Ромуальда Губе. Туркулъ пригласилъ къ себѣ на совѣщаніе Красинскаго, и отъ 8 час. вечера до 2 ч. ночи были разсмотрѣны всѣ нужды церкви и изложены въ 12-ти пунктахъ, такъ что Туркулъ зналъ уже основательно ихъ и лучше, чѣмъ всѣ члены комиссіи. На первомъ засѣданіи комиссіи подняли вопросъ о разграниченіи епархій. Покойный Головинскій, по порученію папы, работалъ надъ этимъ вопросомъ, написалъ обширное сочиненіе и представилъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, для отсылки въ Римъ. Семь лѣтъ пролежало это дѣло въ департаментѣ, такъ что кардиналъ Анто-

нели напомнилъ о немъ. Поручили Ланскому предложить разыскать это дѣло и внести на слѣдующее засѣданіе. Ланской, вернувшись къ себѣ, потребовалъ директора департамента духовныхъ дѣлъ Скрипицына и спросилъ его о дѣлѣ. Скрипицынъ съ полною безцеремонностью отвѣтилъ, что Головинскій не представилъ этого дѣла въ департаментъ [1]). На слѣдующемъ засѣданіи комиссіи министръ передалъ отвѣтъ директора, что дѣло это совсѣмъ не поступало въ министерство. На это Блудовъ замѣтилъ: «Такъ-то насъ, министровъ, водятъ за носъ директорá, а вѣдь намъ положительно извѣстно, что дѣло находится въ департаментѣ». Послѣ засѣданія Ланской вызвалъ бывшаго бѣлорусскаго губернатора Гамалѣя и поручилъ ему обревизовать департаментъ духовныхъ дѣлъ. «Ради Бога, прошу васъ разыскать мнѣ это дѣло»,—сказалъ министръ. «Я уже спрашивалъ Скрипицына,—отвѣчалъ Гамалѣй,—и онъ мнѣ сказалъ, что дѣло о разграниченіи епархій—въ шкафу у господина министра». Оскорбленный Ланской поѣхалъ къ государю и исходатайствовалъ увольненіе Скрипицына. На слѣдующемъ засѣданіи Нессельроде, узнавъ объ этомъ, выразился: «Nous avons obtenu une grande victoire», такъ крѣпко стоялъ Скрипицынъ. Дѣло о разграниченіи послали въ Римъ, когда директоромъ былъ уже графъ Сиверсъ, который пригласилъ въ департаментъ епископа Кана, прелата Ант. Коссовскаго и автора «Воспоминаній». Въ присутствіи ихъ распечатали шкатулку, въ которой хранилось это знаменитое дѣло. Оно было въ цѣлости, въ семи книгахъ съ письмомъ покойнаго Головинскаго къ папѣ. Запечатали снова и отослали въ Римъ. «Если бы парижскій конгрессъ, — говоритъ Красинскій,—наступилъ не такъ скоро, то, можетъ быть, и удалось бы сдѣлать что нибудь для католической церкви. Вслѣдъ за окончаніемъ конгресса, закрылась и комиссія. Вся ея дѣятельность ограничилась только отсылкою въ Римъ дѣла о разграниченіи епархій, да еще приведеніемъ въ дѣйствіе постановленія о Тираспольской епархіи».

Въ 1858 г., когда Красинскій былъ представленъ кандидатомъ на виленскую епископскую каѳедру, онъ поѣхалъ на воды въ Киссингенъ, а оттуда въ Парижъ. Посѣтилъ нарочно Реймсъ и Саонъ. Въ первомъ видѣлъ то знаменитое славянское евангеліе, на которомъ присягали французскіе короли во время коронаціи, а въ Саонѣ чудотворный образъ Вероники съ славянскими надписями. Объ немъ онъ помѣстилъ статью въ Булгаринской «Сѣверной Пчелѣ».

По возвращеніи изъ-за границы, Красинскій въ томъ же 1858 г. вступилъ въ управленіе Виленскою епархіею. Нельзя не пожалѣть о томъ, что онъ почти ничего не говоритъ въ своихъ мемуарахъ о современныхъ ему событіяхъ...

---

[1]) Объ отношеніяхъ Скрипицына къ м. Головинскому въ «Дневникѣ» А. В. Никитенко подъ 14 янв. 1858 г. («Русск. Стар.», т. LXVI).

Насталъ 1863 годъ. Вслѣдъ за Польшею поднялась Литва. Политическій горизонтъ заволокли тучи. Гроза собралась надъ тою и другою. Положеніе Красинскаго въ Вильнѣ стало затруднительнымъ. Старинные друзья его, докторъ Адамовичъ, бывшій профессоръ Виленскаго университета [1]), и докторъ Станиславъ Викшемскій совѣтовали ему уѣхать изъ города на нѣсколько мѣсяцевъ, на воды. Виленскій губернаторъ Галлеръ, узнавъ объ этомъ, пріѣхалъ къ Красинскому съ визитомъ и самъ любезно предложилъ доставить паспортъ какъ для него, такъ и для лицъ, которыя будутъ его сопровождать. Собирались ѣхать съ Красинскимъ на воды въ Кеммернъ—докторъ Адамовичъ, капелланъ ксендзъ Фронцкевичъ, лакей и поваръ. Собираясь въ отъѣздъ на два мѣсяца, епископъ сдѣлалъ всѣ распоряженія и назначилъ генеральнымъ викаріемъ прелата Бовкевича. На слѣдующій день губернаторъ самъ привезъ паспорты для Красинскаго и четырехъ помянутыхъ выше лицъ, спросилъ о днѣ выѣзда и прибавилъ, что имъ будетъ сопутствовать офицеръ, «въ чемъ, прибавляетъ авторъ «Воспоминаній», я не видѣлъ ничего дурного». «Въ день отъѣзда, около 6 часовъ вечера,—разсказываетъ Красинскій,—пріѣхалъ я въ своей каретѣ на вокзалъ желѣзной дороги, вмѣстѣ со своими спутниками. Здѣсь засталъ полицеймейстера, но не придалъ этому значенія, считая его присутствіе простою деликатностію. Моя мать вмѣстѣ съ г-жею Теодозіей Каменскою въ каретѣ ожидали отхода поѣзда. Двинулись мы въ путь, ничего не подозрѣвая, хотя въ сосѣднемъ вагонѣ помѣстились офицеры и полковникъ Хитрово, но намъ и въ голову не приходило, что это — наши стражники. Удивляло насъ только, что на каждой станціи на платформѣ мы видѣли отряды солдатъ. Послѣ я узналъ, что сдѣлано это по распоряженію Муравьева, который боялся, чтобы меня не отбили повстанцы. Такъ доѣхали мы до Динабурга. Было около половины перваго часа ночи. Въ Динабургѣ надо было пересѣсть въ другой поѣздъ, чтобы ѣхать въ Ригу. И вотъ, когда я хотѣлъ выйти изъ вагона, мнѣ загородилъ дорогу жандармскій офицеръ. «Ваше преосвященство, — сказалъ онъ,—именемъ закона вы арестованы. Я васъ не выпущу изъ вагона. Вы поѣдете въ Псковъ. Вмѣстѣ съ вами арестованы ксендзъ, докторъ и двое слугъ». Въ первую минуту мнѣ пришла въ голову мысль: спросить у него письменное распоряженіе, но я сейчасъ же сообразилъ, что самъ собою сдѣлать этого онъ не посмѣлъ бы. Итакъ, молча, я остался въ вагонѣ. Тѣмъ временемъ онъ ввелъ туда двухъ жандармовъ и поставилъ противъ меня. Тогда я до-

---

[1]) Адамовичъ, Адамъ-Фердинандъ (р. 1802 г., ум. 1876 г.), докторъ медицины, авторъ многочисленныхъ сочиненій по медицинѣ и ветеринаріи, изданныхъ въ Россіи и за границей. (Объ немъ въ «Русскомъ біографическомъ словарѣ», издаваемомъ Императорскимъ русскимъ историческимъ обществомъ, т. I).

сталъ всѣ свои ордена и надѣлъ на себя (а орденамъ въ Россіи придаютъ особенное значеніе, и тотъ, кто имѣетъ орденъ св. Владимира, можетъ требовать для себя въ каждомъ присутственномъ мѣстѣ стулъ, а я имѣлъ этотъ орденъ на шеѣ). Смотря на жандармовъ, стоявшихъ передо мною, я пріѣхалъ въ Псковъ. Здѣсь намъ приказали выйти, помѣстили въ комнатѣ, полной комаровъ, подъ стражею двухъ вооруженныхъ жандармовъ. Офицеръ поѣхалъ къ губернатору. Черезъ два часа подъѣхала губернаторская карета. Мы сѣли въ нее и поѣхали къ губернатору. Прождали пріема больше ¼ часа. Наконецъ, вышелъ лакей, объявилъ, что губернаторъ насъ не приметъ, а велитъ ѣхать въ гостиницу. Привезли насъ въ гостиницу, ввели меня по грязной лѣстницѣ въ третій этажъ и у дверей нашего номера приставили двухъ жандармовъ. Сопровождавшій насъ офицеръ сначала отобралъ отъ насъ паспорты, а потомъ объявилъ распоряженіе Муравьева, чтобы лица, сопровождающія епископа, оставили его и возвратились въ Вильну. Впрочемъ, распоряженіе это не было безусловно, только предупредили, что если бы кто изъ нихъ пожелалъ остаться съ епископомъ, тотъ будетъ вмѣстѣ съ нимъ арестованъ и отданъ подъ надзоръ полиціи. Профессоръ Адамовичъ долженъ былъ вернуться въ Вильну. Но капелланъ ксендзъ Фронцкевичъ, Зенонъ (Яжвинскій) и поваръ Адамъ (Кучинскій) заявили, что поѣдутъ со мною. Въ Псковѣ я заболѣлъ, пролежалъ цѣлый день въ кровати и никуда не выѣзжалъ. Адамовичъ прописалъ мнѣ лѣкарство, но полковникъ Хитрово объявивъ, что посылать за лѣкарствомъ для епископа нельзя, самъ взялъ рецептъ и принесъ лѣкарство. Но я ему не довѣрялъ и лѣкарства не принялъ. На утро, около 11 часовъ, выѣхалъ я въ Новгородъ, но не по желѣзной дорогѣ, а на почтовыхъ. Муравьевъ отдалъ приказаніе не пускать меня въ Петербургъ. Псковскій ксендзъ-настоятель досталъ для меня старый экипажъ на рессорахъ. Иначе пришлось бы ѣхать въ обыкновенной почтовой бричкѣ. Впереди ѣхалъ офицеръ съ жандармомъ. За ними я съ капелланомъ, а за мною еще жандармъ съ моимъ поваромъ. Такъ мы ѣхали до часу ночи. Ночевали въ селѣ Медвѣжьемъ. Ночью и на слѣдующее утро я чувствовалъ себя очень утомленнымъ. Хотѣлъ пролежать цѣлый день, но капитанъ не позволилъ. Спорить было невозможно. Обтерся одеколономъ и выѣхалъ около 10 часовъ. Множество крестьянъ собралось передъ почтовой станціей. Осѣнилъ ихъ крестомъ и благословилъ. Но вотъ сквозь толпу протискивается ко мнѣ пожилой человѣкъ съ ребенкомъ на рукахъ, проситъ благословенія и тихо, подавляя слезы, шепчетъ: «Ваше преосвященство, новгородцы добрый народъ». Взволнованный, я благословилъ его и далъ ребенку образочекъ. Человѣкъ этотъ со слезами на глазахъ поклонился мнѣ въ ноги. Народъ, окружавшій экипажъ, тоже кланялся и не хотѣлъ расходиться, невзирая на угрозы офицера. Опять

ѣхали цѣлый день. Въ первомъ часу ночи остановились на ночлегъ въ селѣ Великомъ, гдѣ были царскіе покои. Капитанъ приказалъ ихъ отворить, и я имѣлъ возможность отдохнуть на удобной постели нѣсколько часовъ. Другой уже день у меня, кромѣ чая, ничего не было во рту. Велѣлъ повару купить курицу на всякій случай, что, быть можетъ, завтра удастся приготовить супъ. На третій день нашего путешествія, на предпослѣдней станціи, передъ Новгородомъ, капитанъ позволилъ намъ приготовить обѣдъ, а самъ поѣхалъ впередъ въ Новгородъ. Въ Новгородѣ помѣстили насъ въ гостиницѣ, но жандармы находились не въ номерѣ, а на коридорѣ. Захотѣлось посмотрѣть древности Великаго Новгорода. Заявилъ объ этомъ. Сказали, что на это надо имѣть разрѣшеніе губернатора. Послѣднимъ былъ Емерикъ Чапскій, котораго я зналъ еще ребенкомъ. Онъ далъ разрѣшеніе съ тѣмъ, чтобы мнѣ сопутствовали жандармскій капитанъ и полицеймейстеръ, и прислалъ для меня свою карету. Осмотрѣлъ я Софійскій соборъ, который показывало мнѣ какое-то высокое духовное лицо монашескаго чина съ нѣсколькими монахами, видѣлъ памятникъ тысячелѣтія Россіи, на которомъ между великими князьями московскими стоятъ Гедиминъ, Ольгердъ и Кейстутъ. Возили меня за двѣ версты отъ Новгорода въ монастырь, гдѣ былъ архимандритомъ Фотій, любимецъ княгини Орловой. Его знала вся Россія. Орлова подпала подъ его вліяніе и отдала въ его распоряженіе всѣ свои милліоны, а онъ отдавалъ ей приказанія, какъ какой нибудь послѣдней служанкѣ. Она выстроила для него каменный монастырь съ церковью, обезпечила его содержаніе, построила домъ и великолѣпно его обставила. Принималъ меня архимандритъ Геронтій, бывшій во время войны у французовъ. Зала у архимандрита—послѣ Фотія, вся выстлана коврами, мебель богатая. Вино, которымъ онъ угостилъ меня, тоже наслѣдіе послѣ Фотія, было такъ хорошо, что я выпилъ его даже двѣ рюмки. Показалъ мнѣ свою церковь, богато одаренную Орловою, и двѣ другъ подлѣ друга каменныя надгробныя плиты, какъ бы двухъ супруговъ, то-есть, Орловой и Фотія... Послѣ полуторадневнаго отдыха повезли меня въ Москву. Везли частію водою, частію по желѣзной дорогѣ. Въ Москвѣ надо было переѣхать на казанскую дорогу. Но капитанъ повезъ меня какою-то окраиною, застроенною плохими домишками. Такъ какъ до поѣзда оставалось еще нѣсколько часовъ, то капитанъ завезъ меня на постоялый дворъ, куда заѣзжаютъ кучера, ибо, по его словамъ, Муравьевъ не позволилъ въ Москвѣ останавливаться въ гостиницѣ. Тутъ уже терпѣніе мое изсякло. Разругалъ я капитана, а онъ чуть не лопнулъ отъ злости. Долго я не хотѣлъ высаживаться, но въ концѣ концовъ надо было это сдѣлать и провести нѣсколько часовъ въ грязномъ помѣщеніи. Послалъ за обѣдомъ въ гостиницу, но не могъ взять его въ ротъ и ограничился однимъ только чаемъ.

«Выѣхавъ изъ Москвы вечеромъ, на другой день были въ Нижнемъ Новгородѣ. Капитанъ доставилъ насъ въ гостиницу на набережной Волги. Въ Нижнемъ отдыхали цѣлый день. Потомъ плыли по Волгѣ до Казани. Я не зналъ совершенно, куда меня везутъ. На пароходѣ капитанъ, какъ будто изъ любезности, разрѣшилъ мнѣ выйти изъ каюты и посидѣть на борту парохода. Но я ему не вѣрилъ, боялся, чтобы онъ не столкнулъ меня въ воду, и любезности его не принялъ. Въ Казани остановились часа на два въ гостиницѣ, за что пришлось заплатить нѣсколько рублей. Несмотря на проливной дождь, двинулись дальше на Вятку, на лошадяхъ, въ тарантасѣ. Дорога была гладкая, лошади хорошія. Разстояніе—425 верстъ. Слѣдуя черезъ Арскъ, Малмыжъ и Нолинскъ, на третій день достигли Вятки. Сопровождавшій насъ офицеръ, оставивъ насъ на почтѣ, поѣхалъ съ бумагами къ губернатору. Тѣмъ временемъ пришелъ ко мнѣ почтмейстеръ, полякъ и католикъ, и по-русски спросилъ, куда я ѣду. За этотъ вопросъ онъ дорого заплатилъ: его прогнали со службы по доносу нашего конвоира, будто почтмейстеръ выѣзжалъ на встрѣчу епископа. Черезъ два часа ожиданія явились, по приказанію губернатора, полицеймейстеръ вмѣстѣ съ жандармскимъ полковникомъ Адамовичемъ, котораго я зналъ еще по Вильнѣ. Они повезли меня на приготовленную квартиру, состоявшую всего изъ трехъ небольшихъ комнатъ. Почтенный Адамовичъ прислалъ мнѣ на нѣсколько дней самоваръ и матрацъ и за это поплатился службою по доносу того же офицера. На слѣдующій день я поѣхалъ съ визитомъ къ губернатору, генералу Струкову. Бесѣдовали мы съ нимъ по-французски. Относительно квартиры я сказалъ, что она мнѣ не соотвѣтствуетъ, и что поэтому я самъ себѣ найму квартиру. На это онъ отвѣтилъ, что спроситъ министра. Запросилъ по телеграфу и министръ отвѣтилъ, что можно. Потомъ онъ запросилъ министра, какъ обходиться съ епископомъ. Министръ отвѣтилъ: «Обходиться ласково». Сдѣлалъ я нѣсколько офиціальныхъ визитовъ. Предсѣдатель казенной палаты, Политковскій, одолжилъ мнѣ свою карету, и я поѣхалъ въ ней къ вятскому архіерею. Принялъ онъ меня весьма предупредительно и сказалъ, что въ первый разъ въ жизни видитъ католическаго епископа. Имя его Агаѳангелъ [1]). «Ваше преосвященство,—между прочимъ сказалъ онъ,—такъ неожиданно были вывезены... не нуждаетесь ли въ деньгахъ?». Отвѣтилъ ему, что деньги у меня есть, но его

---

[1]) Агаѳангелъ (въ мірѣ Алексѣй Ѳедоровичъ Соловьевъ)—одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ іерарховъ русской церкви, управлялъ Вятскою епархіею съ 6-го февраля 1860 г. по 17-е іюля 1866 г. Скончался 8-го марта 1876 г., въ санѣ архіепископа волынскаго, 64 лѣтъ отъ роду. (Объ немъ въ «Русскомъ біографическомъ словарѣ», издав. Импер. Русск. истор. общ., т. I).

слова были для меня дороже денегъ. Черезъ три дня прислалъ мнѣ со своимъ ключаремъ Евангеліе на французскомъ языкѣ и миніатюрное изданіе Ѳомы Кемпійскаго, поручивъ передать, что и самъ хотѣлъ бы быть у меня, да боится. Впослѣдствіи мы познакомились съ нимъ ближе. И надо отдать справедливость, что это былъ епископъ ученый, святой жизни, строгихъ правилъ и даже аскетъ. Духовенство, однако, его не любило за то, что въ средѣ его искоренялъ пьянство и требовалъ строгой жизни. Отдали меня подъ надзоръ полиціи. Послѣдній состоялъ въ томъ, что полиція должна была знать о каждомъ моемъ шагѣ. Нельзя было ни отправить, ни получить ни одного письма иначе, какъ только черезъ канцелярію губернатора. Каждое письмо несли въ канцелярію губернатора. Тамъ былъ особый чиновникъ, знавшій по-польски. Онъ за чтеніе нашихъ писемъ получалъ добавочное жалованье — 300 рублей. Иногда онъ читалъ письмо по двѣ и по три недѣли, запечатывалъ казенной печатью и записывалъ въ книгу. Съ этою книгою и письмомъ приходилъ полицейскій, и въ книгѣ нужно было расписаться, что такой-то и такой-то, состоящій подъ надзоромъ полиціи, письмо такое-то и такое-то получилъ. Такой же самый порядокъ существовалъ въ отношеніи книгъ, газетъ и даже цвѣточныхъ сѣмянъ. Кромѣ того, два или три раза въ недѣлю пріѣзжалъ полицеймейстеръ или его замѣститель, подъ предлогомъ «узнать о здоровьѣ вашего преосвященства». Католическаго костела въ Вяткѣ не было. Разъ въ годъ или въ два года пріѣзжалъ военный капелланъ изъ Казани для совершенія духовныхъ требъ. У меня была домовая каплица. Губернаторъ объявилъ, что только тотъ можетъ служить въ моей каплицѣ, кто получитъ личное его на это разрѣшеніе. Никто его объ этомъ разрѣшеніи не просилъ. Тѣмъ не менѣе всѣ католики — а ихъ въ Вяткѣ было нѣсколько человѣкъ — бывали за обѣднею, особенно по воскресеньямъ. Заѣзжалъ иногда и полицеймейстеръ посмотрѣть, что тамъ дѣлается, но видя, что стоятъ на колѣняхъ и молятся тихо, тотчасъ удалялся, не дѣлая намъ никакихъ непріятностей. Изъ пяти губернаторовъ, которые были за время моего подневольнаго пребыванія въ Вяткѣ, только одинъ мнѣ замѣтилъ, что если «онъ это терпѣлъ, то только изъ любезности къ вашему преосвященству». Всякій разъ, когда предстояло моему капеллану похоронить умершаго или окрестить ребенка, онъ долженъ былъ испрашивать на это позволеніе губернатора. Такія позволенія напередъ писали, а потомъ печатали. Въ мѣстномъ лазаретѣ среди больныхъ по временамъ попадались католики. Чтобы напутствовать такого больного, тоже надо было имѣть разрѣшеніе губернатора, и только по полученіи его можно было безпрепятственно сопровождать умершаго на кладбище. Когда приходило изъ уѣзда донесеніе, что умираетъ какой нибудь католикъ, губернаторъ давалъ моему капеллану казенную командировку — напутствовать больного св. тайнами».

На этомъ кончаются записки епископа Адама Красинскаго. Онъ прожилъ въ Вяткѣ ровно 20 лѣтъ. О причинѣ его высылки изъ Вильны М. Н. Муравьевъ пишетъ въ своихъ «Запискахъ» слѣдующее: «Ксендзы и монахи, уплативъ по нѣсколько рублей штрафа, перестали (1863 г.) приставать къ бандамъ. Тѣмъ не менѣе, оставаясь въ Вильнѣ, они тайно и явно раздували пламя бунта. Самъ епископъ Красинскій былъ однимъ изъ энергичнѣйшихъ его дѣятелей... Желая доказать полякамъ, что наше правительство ихъ не боится, я занялся разсмотрѣніемъ приговоровъ важнѣйшихъ преступниковъ. Утвердилъ ихъ и приказалъ немедленно привести въ Вильнѣ, на базарной площади, въ самый полдень, оповѣщая объ этомъ барабаннымъ боемъ. Началъ съ ксендзовъ, какъ главныхъ дѣятелей бунта. Въ теченіе недѣли разстрѣлялъ двухъ ксендзовъ. Поляки не вѣрили, что я на это рѣшусь... страхъ напалъ на всѣхъ. Плача и крика въ городѣ было много. Многіе даже выѣхали изъ города. Епископъ Красинскій больше другихъ перепугался казни ксендзовъ. Боялся за себя и за свой капитулъ. А когда я его пригласилъ издать циркуляръ римско-католическому духовенству, чтобы послѣднее противодѣйствовало возстанію,—онъ прикинулся больнымъ и управленіе консисторіею передалъ другому. Для примѣра я приказалъ его вывезти съ жандармомъ въ Вятку».

Получивъ въ 1883 году амнистію, епископъ Красинскій выѣхалъ за границу. Онъ поселился въ Краковѣ, гдѣ и прожилъ до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1891 году.

Г. А. Воробьевъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО ПЕНЗЕНСКОЙ ЕПАРХІИ [1].

ВЪ ДВАДЦАТЫХЪ и тридцатыхъ годахъ XIX столѣтія, не говоря уже о болѣе раннихъ годахъ, духовенство Пензенской епархіи, въ то время епархіи молодой [2]) и недавно начавшей обзаводиться духовно-учебными заведеніями [3]), по степени своего образованія значительно отставало отъ духовенства другихъ, болѣе древнихъ и давно имѣвшихъ духовныя школы, епархій. Особенно невысокъ былъ уровень просвѣщенія тогдашняго сельскаго духовенства Пензенской епархіи: среди этого духовенства имѣлось много лицъ домашняго образованія, ограничивавшагося букваремъ, часословомъ и псалтырью; между

---

[1]) Настоящая статья составлена, главнымъ образомъ, на основаніи распорядительныхъ дѣлъ Пензенской духовной консисторіи за 1831 годъ и документовъ Нижнеломовскаго, нынѣ Пензенскаго, Тихоновскаго, духовнаго училища, относящихся къ 1830 году и слѣдующимъ четыремъ годамъ.

[2]) Пензенско-Саратовская епархія учреждена 16 октября 1799 года, а 12 ноября 1828 года произошло раздѣленіе ея на двѣ самостоятельныя епархіи—Пензенскую и Саратовскую, при чемъ первая осталась въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ мы видимъ ее и теперь, т. е. въ предѣлахъ, совпадающихъ съ границами Пензенской губерніи.

[3]) На второй годъ по учрежденіи архіерейской каѳедры въ Пензѣ, именно 16 іюня 1800 года, открыта была тамъ и духовная семинарія, древнѣйшее (изъ существующихъ теперь) духовно-учебное заведеніе епархіи. Начиная съ 1818 года, стали открываться по епархіи уѣздно-приходскія духовныя училища. Въ тридцатыхъ годахъ таковыхъ училищъ въ предѣлахъ Пензенской епархіи имѣлось два: Пензенское и Нижнеломовское.

священниками, тѣмъ болѣе между низшими членами церковныхъ причтовъ, встрѣчались такіе, которые, за неумѣніемъ писать, не могли даже «учинить рукоприкладства» въ метрическихъ книгахъ и прочихъ церковныхъ документахъ; нѣкоторые изъ священно-церковно-служителей «нетверды» были и въ чтеніи, почему, случалось, круглый годъ при богослуженіи повторяли одно и то же, заученное на память, евангеліе и одинъ заученный апостолъ; объ истинахъ христіанскихъ многіе изъ духовныхъ были, по выраженію одного изъ пензенскихъ архіереевъ, Амвросія Орнатскаго, «самыхъ скудныхъ понятій».

Между тѣмъ, въ августѣ 1830 года на пензенскую архіерейскую каѳедру поступилъ владыка, извѣстный своею ученостью и большой ревнитель просвѣщенія. Это былъ докторъ богословія Іоаннъ Доброзраковъ [1]).

Вступивъ въ управленіе Пензенской епархіей, онъ обратилъ особенное вниманіе на скудость образованія мѣстнаго духовенства и поставилъ себѣ цѣлію поднять уровень просвѣщенія въ подчиненномъ духовенствѣ. Ни въ энергіи, ни въ твердости характера не было недостатка у Іоанна, а потому онъ во все свое кратковременное, продолжавшееся менѣе пяти лѣтъ, пребываніе въ Пензѣ (перемѣщеніе Іоанна изъ Пензенской епархіи въ Нижегородскую состоялось въ февралѣ 1835 года) упорно и съ рѣдкою настойчивостію стремился къ намѣченной цѣли. Признавая «невѣжество великимъ зломъ въ духовномъ вѣдомствѣ», онъ обязалъ всѣхъ безъ изъятія малоученыхъ священно-церковно-служителей «крѣпко прилежать къ изученію, по крайней мѣрѣ, самыхъ необходимыхъ духовному лицу предметовъ». Minimum'омъ требованій Іоанна было: исправное чтеніе и пѣніе, умѣнье писать, а также знаніе катихизиса, священной исторіи и церковнаго устава. Для провѣрки успѣховъ духовныхъ лицъ въ изученіи «предметовъ» преосвященный установилъ благочиннические (производившіеся благочинными) и консисторскіе экзамены; многихъ изъ духовныхъ лицъ преосвященный и самъ подвергалъ испытанію.

Но обремененное житейскими заботами, пребывавшее, по большей части, въ крайней бѣдности и съ великимъ трудомъ добывавшее себѣ насущный хлѣбъ, особенно во время трехлѣтняго голода, бывшаго при Іоаннѣ (въ 1831, 1832 и 1833 годахъ), духовенство туго принималось за книжку. Между тѣмъ, преосвященный относилъ это къ «упорному нежеланію учиться» и до глубины души возмущался, когда какой нибудь сельскій дьячекъ, получавшій при многочисленной семьѣ 10—12 рублей денежнаго дохода въ годъ и

---

[1]) Главнымъ учено-богословскимъ трудомъ Іоанна была священная герминевтика, написанная на латинскомъ языкѣ.

пропитывавшійся съ семьею, вмѣсто хлѣба, мякиной [1]), оказывался, по экзамену несвѣдущимъ въ катихизисѣ. «О злое, нетерпимое невѣжество!»—часто восклицаетъ въ своихъ резолюціяхъ преосвященный, по поводу незнанія «предметовъ», обнаруженнаго тѣмъ или другимъ духовнымъ лицомъ. А «невѣжество» и «упорное нежеланіе учиться», по мнѣнію преосвященнаго, заслуживали высшей кары. За этимъ дѣло и не стояло: онѣ обильно сыпались на головы духовныхъ, плохо справлявшихся съ «предметами». «Сучкинскому дьячку,—читаемъ въ одной изъ резолюцій Іоанна,—числившемуся прежде на діаконствѣ [2]), данъ былъ стихарь. Но онъ, дьячекъ, въ продолженіе года такъ отблагодарилъ насъ, что по нотѣ пѣть не умѣетъ, катихизиса не доучилъ, исторіи не училъ, понятія никакого не имѣетъ... Отослать его въ каѳедральный соборъ въ звонари!» Такимъ образомъ, бѣдному дьячку все ниже и ниже приходилось спускаться по іерархической лѣстницѣ, но зато онъ былъ сдѣланъ звонаремъ самой высокой въ городѣ Пензѣ колокольни... Впрочемъ, подобная резолюція въ то время могла почитаться еще милостивою, потому что съ другими преосвященный поступалъ еще суровѣе. Такъ, о дьячкѣ Артемьевѣ, давшемъ неудовлетворительные отвѣты на консисторскомъ экзаменѣ, состоялась резолюція: «Пусть въ другихъ сословіяхъ ищетъ способовъ для своего прокормленія. Грѣхъ держать при церкви негодныхъ и лѣнивыхъ причетниковъ!» Это значитъ, что Артемьевъ не только уволенъ былъ отъ должности, но и исключенъ совсѣмъ изъ духовнаго званія. Касательно дьячка села Леплейки, Ивана Васильева, повиннаго въ неизученіи предметовъ, послѣдовала резолюція: «Дьячекъ учиться не хочетъ и книгъ до сихъ поръ не имѣлъ, да и теперь купилъ гдѣ-то одну только дѣтскую исторію, а потому отрѣшить его отъ должности совсѣмъ, съ выдачею мѣсячнаго вида на пріисканіе гдѣ либо мѣста не по епархіальному вѣдомству. Въ случаѣ же непріисканія, черезъ мѣсяцъ отослать въ губернское правленіе» (для приписки къ одному изъ податныхъ сословій). Дьячекъ Ѳедоръ Цвѣтковъ, не приготовившійся въ назначенный срокъ къ консисторскому экзамену, массу хлопотъ положилъ на то, чтобы удержаться

---

[1]) Въ данномъ случаѣ находимъ умѣстнымъ привести свидѣтельство, выданное въ 1834 г. церковнымъ причтомъ села Алексѣевки понамарю того же села Филимонову, на предметъ представленія въ Нижнеломовское духовное училище, гдѣ у понамаря учились два сына, по фамиліи Тринидатовы. Свидѣтельство было такого содержанія: «понамарь Филимоновъ находится въ такомъ бѣдномъ состояніи, что ни насущнаго хлѣба, ни одежды на себѣ и дѣтяхъ (которыхъ, по показанію церковнаго причта, было у понамаря 5 человѣкъ) не имѣетъ и пропитывается не хлѣбомъ, а мякиной, да и мякина-то ужъ съ великимъ трудомъ добывается. А доходу отъ прихода онъ, понамарь, въ годъ можетъ получить не болѣе 10 рублей».

[2]) Дьячекъ, будучи еще въ духовномъ училищѣ, числился на діаконскомъ мѣстѣ и содержался на доходы отъ этого мѣста.

на должности. Между прочимъ, Цвѣтковъ, съ цѣлію умилостивленія владыки, выразилъ раскаяніе въ своей винѣ въ такихъ словахъ: «давъ клятвенное обѣщаніе вашему преосвященству быть черезъ годъ исправнѣйшимъ причетникомъ, я, нижайшій, при всѣхъ моихъ усиліяхъ, съ слабыми моими способностями, могъ только изучить по нотѣ шестой гласъ, пространный катихизисъ до десятословія, всю краткую исторію и краткій катихизисъ... Сдѣлавшись передъ вами постыднымъ обманщикомъ, я чувствую повседневное угрызеніе моей совѣсти и, конечно, заслуживаю праведный гнѣвъ вашъ»... Все-таки Цвѣтковъ молилъ о снисхожденіи и оставленіи на дьяческой должности. Но, увы, раскаяніе не принесло никакой пользы просителю. Резолюція была такова: «Отрѣшить отъ должности». Послѣ того Цвѣтковъ поручилъ своей матери-старухѣ ходатайствовать за него. Та обратилась къ Іоанну съ слезнымъ прошеніемъ объ оставленіи сына на должности, при чемъ указала на то, что сынъ—единственный ея кормилицъ. Случалось, что преосвященный, по ходатайству женъ и матерей духовныхъ лицъ, прощалъ послѣднимъ даже крупные проступки противъ «благоповеденія», но въ данномъ случаѣ дѣло касалось «предметовъ», а тутъ преосвященный былъ неумолимъ. Матери дьячка онъ отвѣтилъ: «Цвѣтковъ ни по чтенію, ни по пѣнію, ни по совѣстливости своей не можетъ быть причетникомъ церкви Божіей». Та горькая чаша, которую пили причетники, не миновала и высшихъ членовъ церковныхъ причтовъ, т. е. священниковъ. Въ 1831 году отъ благочиннаго, протоіерея Громова, поступило къ преосвященному донесеніе, что священникъ села Пачелмы, Сергіевъ, обязанный подъ благочинническимъ наблюденіемъ изучить пространный катихизисъ, «обучать оный предметъ на память, по преклонности лѣтъ, отказался». Хотя, дѣйствительно, священникъ былъ доживавшій вѣкъ старецъ, котораго ужъ поздно было сажать за катихизисъ, тѣмъ не менѣе, преосвященный отослалъ старца въ монастырь «впредь до изученія катихизиса». Такъ какъ и монастырское заключеніе не помогло священнику справиться съ катихизисомъ, то въ томъ же году онъ, священникъ, и уволенъ былъ въ заштатъ. При такихъ условіяхъ, большинству духовенства приходилось переживать поистинѣ тяжелые дни и постоянно трепетать за свою судьбу.

Что касается отрѣшенныхъ отъ мѣстъ и уволенныхъ изъ духовнаго вѣдомства, то положеніе этихъ людей и совсѣмъ было жалкое. Легко было написать: «пусть въ другихъ сословіяхъ ищетъ (уволенный изъ духовнаго вѣдомства) способовъ для своего пропитанія», но нелегко осуществить это на практикѣ. Чтобы приспособить себя къ другому дѣлу, подыскать себѣ другія занятія, прежде всего требовалось довольно продолжительное время, а желудокъ требовалъ пищи немедленно... Впрочемъ, о своихъ желудкахъ выброшенные за бортъ духовные мало безпокоились; сокрушало этихъ людей то,

что у нихъ были жены, были дѣти, которыя просили ѣсть. Лишившись съ своими семьями послѣдняго куска хлѣба, отрѣшенные отъ должностей ходатайствовали предъ преосвященнымъ, чтобы онъ «преложилъ свой праведный гнѣвъ на милость» и далъ имъ какія нибудь мѣста въ епархіальномъ вѣдомствѣ. Но Іоаннъ, замѣтно, не любилъ измѣнять своихъ рѣшеній и мало внималъ мольбамъ таковыхъ просителей. Напримѣръ, вышеупомянутый дьячекъ села Леплейки, Васильевъ, по отрѣшеніи отъ должности, просилъ у владыки «хоть какого нибудь мѣста», и просилъ не ради себя, а ради своего многочисленнаго семейства, въ составъ котораго, между прочимъ, входили престарѣлые его, дьячка, тесть и теща (Васильевъ поступилъ на мѣсто съ обязательствомъ пропитывать ихъ); но преосвященный отвѣтилъ просителю слѣдующей пространной и въ то же время характеризующей отношенія его, преосвященнаго, къ малоученому духовенству резолюціей: «Теперь онъ (конечно, дьячекъ) начинаетъ заботиться о тещѣ и тестѣ, и о семействѣ, и о книгахъ. Почему же онъ не заботился прежде? Почему не пользовался даннымъ ему временемъ (дьячку давался двухмѣсячный срокъ на подготовку къ экзамену)? Почему не понималъ и теперь не хочетъ понимать, что я не намѣренъ ни одного лѣнивца кормить доходами церковными; что тунеядство, будучи само въ себѣ гнуснымъ и нигдѣ не терпимымъ порокомъ, въ дьячкѣ и понамарѣ превращается въ святотатство, о чемъ даже написано и въ пространномъ катихизисѣ; что оказывать снисхожденіе или состраданіе лѣнивому, небрежному, глупому, грубому, безчувственному дьячку грѣшно и беззаконно; что таковыхъ всѣхъ велѣно исключать изъ духовнаго, какъ возвышеннаго и священнаго, званія, — почему всего этого онъ не хотѣлъ понимать?» Очевидно, преосвященный не принималъ въ расчетъ, что «возвышенное и священное званіе» давало такой жалкій кусокъ хлѣба, изъ-за котораго не стоило терзать людей. Еще характеристичнѣе резолюція Іоанна, послѣдовавшая на прошеніе уволеннаго дьячка, Гавріила Никитина. Она была такова: «Бывшій дьячекъ.... пишетъ, что онъ вошелъ въ долги (по случаю увольненія отъ должности и напраснаго путешествія въ Уфу для пріисканія мѣста) и разорился. Скоро будетъ искать претензіи, чтобы за него кто нибудь заплатилъ эти долги. Между тѣмъ, этотъ же дьячекъ ни читать, ни писать, ни пѣть не умѣетъ и ничего не знаетъ! Неужели онъ считаетъ странностью, что такой невѣжда не можетъ быть причетникомъ? Ему было оказано снисхожденіе (Никитину давался срокъ на подготовку къ экзамену), но онъ имъ пренебрегъ. Теперь пусть добровольно припишется къ какой нибудь волости, покуда не отосланъ, какъ бродяга, въ губернское правленіе. Еще было бы споснѣе читать просьбу, ежели бы въ ней хоть на крошку примѣтно было желаніе у просителя образовать себя, напримѣръ, обѣщаніе купить книгу, учиться

по ней пѣть или читать, нанять учителя, побывать въ монастырѣ для этой цѣли и т. под. Нѣтъ! Онъ требуетъ себѣ дьяческаго мѣста, да и только! Сказываю, однакожъ, Никитину, что онъ, Никитинъ, своимъ голодомъ меня къ этому не склонитъ. Голодъ требуетъ хлѣба—я не спорю; но ничуть не слѣдуетъ, чтобы хлѣбъ именно лежалъ на правомъ клиросѣ!» [1]). Несмотря на такую резолюцію, Никитинъ, находившійся въ самомъ отчаянномъ положеніи, еще разъ попытался толкнуться «въ двери милосердія» преосвященнаго; но опять онѣ не отверзлись для него, и дьячекъ въ концѣ концовъ не увернулся отъ приписки къ податному сословію...

Обязывая учиться даже духовныхъ старцевъ, преосвященный Іоаннъ тѣмъ болѣе требовалъ этого отъ духовнаго юношества». При немъ ни одинъ изъ священно-церковно-служительскихъ сыновей школьнаго возраста не смѣлъ увернуться отъ поступленія въ духовное училище, и ни одинъ родитель не смѣлъ уклониться отъ включенія сына въ духовно-учебное заведеніе. Даже на позднее включеніе дѣтей въ училища (полагалось включать по достиженіи мальчикомъ 8-ми лѣтняго и 9-ти лѣтняго возраста) и на задерживаніе учащихся дѣтей въ домахъ родительскихъ далѣе назначеннаго для каникулярнаго времени срока преосвященный смотрѣлъ, какъ на важные проступки. «Непредставленіе дѣтей въ училище, по приспѣяніи возраста,—писалъ въ 1831 году Іоаннъ на одномъ изъ докладовъ пензенскаго семинарскаго правленія по учебной части,—и держаніе ихъ дома далѣе срока, положеннаго для вакаціальнаго времени, суть такіе въ духовномъ вѣдомствѣ поступки, кои составляютъ сколько грубое, столько же и вредное, и потому ни подъ какимъ предлогомъ нетерпимое и ничѣмъ неизвинительное нарушеніе коренныхъ государственныхъ постановленій». Конечно, владыка въ данномъ случаѣ хватилъ черезъ край. Тѣмъ не менѣе, онъ за указанные поступки привлекалъ къ отвѣтственности не только родителей, но и благочинныхъ, такъ какъ послѣднимъ вмѣнялось въ непремѣнную обязанность слѣдить, чтобы никто изъ духовныхъ не допускалъ «никакого небреженія» относительно образованія дѣтей, и предписывалось даже, въ случаѣ надобности, «высылать» священно-церковно-служительскихъ дѣтей «къ ученической», по тогдашнему выраженію, «должности».

Что касается духовныхъ воспитанниковъ, то Іоаннъ при каждомъ удобномъ случаѣ внушалъ имъ, чтобы они «паче всего радѣли о своемъ образованіи и старались преуспѣвать въ ученіи». Между прочимъ, на прошеніе ученика Нижнеломовскаго духовнаго учителя Померанцева (о зачисленіи за нимъ, Померанцевымъ, вакантнаго дьяческаго мѣста) послѣдовала резолюція: «Мѣсто, мальчикъ, за тобою. Учись такъ же хорошо, какъ учился до сихъ

---

[1]) Всѣ приведенныя резолюціи относятся къ одному 1831 году.

поръ,—и благо ти будетъ!» Съ учениками, ненадежными по успѣхамъ, преосвященный говорилъ угрожающимъ тономъ. Ученику того же училища Салтыкову, выражавшему желаніе исключиться, объявлено было, что онъ, буде исключится изъ училища, «примѣрно наказанъ будетъ». Мать ученика Керскаго входила съ прошеніемъ объ исключеніи ея сына изъ Нижнеломовскаго училища и опредѣленіи, для ея пропитанія, на причетническое мѣсто; но Іоаннъ велѣлъ этой «безумной матери» и ея сыну объявить, что онъ, Керскій, или будетъ учиться, или никогда не дождется мѣста въ духовномъ вѣдомствѣ.

Но благопріятныхъ условій для «преуспѣянія въ ученіи» у духовныхъ воспитанниковъ тогдашняго времени было мало. Больше всего препятствовала успѣхамъ въ ученьѣ бѣдность воспитанниковъ, простиравшаяся часто до того, что имъ нечего было ѣсть, не во что одѣться и обуться, и не по чему (за неимѣніемъ книгъ) учиться. Хотя въ то время, кромѣ принятія бѣдняковъ на казенное, иначе «бурсачное», содержаніе, практиковалось еще въ широкихъ размѣрахъ такъ называемое «зачисленіе» за бѣдными учениками вакантныхъ священно-церковно-служительскихъ мѣстъ, съ предоставленіемъ имъ, ученикамъ, и доходовъ отъ этихъ мѣстъ, для содержанія въ учебныхъ заведеніяхъ [1]), тѣмъ не менѣе, при бѣдности тогдашняго пензенскаго духовенства, въ каждомъ духовно-учебномъ заведеніи епархіи находилось такое значительное число нуждающихся воспитанниковъ, что не представлялось возможности всѣмъ имъ оказать помощь. Иные изъ учащихся не только просили, но въ буквальномъ смыслѣ вопіяли о помощи—и не получали ея. «Ваше благословеніе, милостивѣйшій отецъ Николай Алексѣевичъ!»—вопіялъ, напримѣръ, въ 1833 году одинъ изъ учениковъ Нижнеломовскаго духовнаго училища, по фамиліи Пономаревъ, въ своемъ прошеніи, поданномъ училищному смотрителю, протоіерею Лещинскому:—«Внемлите слезному юному гласу моленія моего: не заставьте помирать съ голоду, положите мнѣ казенное содержаніе!» Но гласъ моленія этого птенца духовной школы не былъ услышанъ частію по недостатку «бурсачныхъ суммъ», частію потому, что у смотрителя имѣлись въ виду еще болѣе бѣдные и, слѣдовательно, еще болѣе нуждавшіеся въ казенномъ содержаніи воспитанники. Послѣ того Пономареву оставалось войти съ прошеніемъ объ исключеніи изъ училища, что тотъ и сдѣлалъ. Такъ поступали и другіе, находившіеся въ подобномъ положеніи.

Между тѣмъ, Іоаннъ стремленіе учащихся къ исключенію изъ учебныхъ заведеній, по большей части, объяснялъ лѣностію и «не-

[1]) При Іоаннѣ въ одномъ Нижнеломовскомъ духовномъ училищѣ считалось ежегодно болѣе 15 учениковъ, имѣвшихъ зачисленныя за ними мѣста и содержавшихся на доходы отъ этихъ мѣстъ.

радѣніемъ духовнаго юношества о своемъ образованіи». И отвращалось сердце владыки отъ исключенныхъ! Особенное негодованіе во владыкѣ возбуждали тѣ, которые исключались, не прошедши курса уѣздно-приходскаго духовнаго училища (къ окончившимъ училищный курсъ и къ исключеннымъ изъ духовной семинаріи, какъ болѣе вкусившимъ «отъ плодовъ науки», Іоаннъ относился благоволительнѣе). Этихъ людей преосвященный называлъ «бременемъ для епархіи» и относился къ нимъ въ высшей степени сурово. Если они входили къ Іоанну съ просьбами о предоставленіи церковно-служительскихъ мѣстъ, преосвященный отвѣчалъ: «мѣстъ для неучей по епархіи не имѣется!» Одинъ изъ исключенныхъ училищныхъ воспитанниковъ, Ѳедоръ Вышелеевскій, прописалъ въ своемъ прошеніи, что онъ неминуемо долженъ умереть съ голоду, буде не получитъ мѣста, но преосвященнаго нисколько это не испугало. Отвѣтъ послѣдовалъ: «Пусть Вышелеевскій жнетъ, что сѣялъ, а будущіе лѣнивцы пусть, глядя на него, казнятся, какъ онъ будетъ шататься безъ куска хлѣба»... Впослѣдствіи Іоаннъ сдѣлалъ даже общее распоряженіе по епархіи, чтобы исключенные изъ училищъ за лѣность и не утруждали епархіальнаго начальства просьбами о предоставленіи церковно-служительскихъ мѣстъ. «Отъ епархіальнаго начальства, гласило это распоряженіе, принята такая рѣшимость, чтобы людей сомнительной нравственности, куда безъ прекословія относится ученическая лѣность, при церкви отнюдь не держать».

Но ѣсть хотѣлось и «неучамъ», и «лѣнивцамъ», а потому они, невзирая на приведенное распоряженіе, продолжали осаждать владыку просьбами о предоставленіи мѣстъ. Чтобы отдѣлаться отъ этихъ докучливыхъ просителей, преосвященный въ началѣ 1831 года далъ консисторіи предложеніе отсылать исключенныхъ училищныхъ воспитанниковъ въ монастырскую работу. Послѣ того являвшіеся просить мѣста, изъ исключенныхъ училищныхъ воспитанниковъ, препровождались консисторіей въ монастыри «на черные труды», и препровождались иногда партіями въ 5—6 человѣкъ, къ немалому смущенію и огорченію почтенныхъ о.о. монастырскихъ настоятелей. У послѣднихъ явилось опасеніе, что исключенные ученики совсѣмъ заполонятъ монастыри, если въ такой мѣрѣ продолжится наплывъ туда этихъ людей. Поэтому о.о. настоятели, единъ по единому, начали входить къ преосвященному съ докладами о переполненіи монастырей исключенными воспитанниками, при чемъ, ссылаясь то на скудость монастырскихъ средствъ, то на недостаточность жилыхъ строеній, «смиреннѣйше» просили избавить монастырскія обители отъ дальнѣйшаго наплыва бывшихъ духовно-училищныхъ воспитанниковъ. Іоаннъ не остался глухъ къ этимъ просьбамъ и нашелъ нужнымъ придумать другое назначеніе для исключенныхъ. Находчивость и въ данномъ случаѣ не оста-

вила владыку: онъ пришелъ къ мысли распредѣлять этихъ людей по учрежденіямъ духовнаго вѣдомства, напримѣръ, въ консисторію, духовныя правленія, духовную семинарію и училища, для безплатнаго исполненія служительскихъ и сторожевскихъ обязанностей. Между прочимъ, бывшій ученикъ Петръ Рождественскій отосланъ былъ въ духовную семинарію для исполненія служительской должности при семинарской больницѣ, «съ назначеніемъ ему за труды хлѣба и приличнаго платья». Ученика Желтовитскаго консисторія выслала въ семинарское правленіе для опредѣленія въ число служителей, въ силу слѣдующей резолюціи преосвященнаго: «Пусть поживетъ въ семинарскихъ прислужникахъ и заслужитъ добрую рекомендацію за послушаніе и исправность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и снисхожденіе къ своей слабости тѣлесной (о какой слабости идетъ рѣчь, это неизвѣстно), о которой будетъ правильнымъ и законнымъ образомъ засвидѣтельствовано отъ самого начальства; кромѣ того, пусть даетъ достаточный и полезный урокъ прежнимъ своимъ товарищамъ, у коихъ бродитъ мысль объ исключеніи, о лѣности, о тунеядствѣ, о вступленіи въ законный бракъ, о зачисленіи мѣстъ и о всѣхъ прочихъ химерахъ: тогда можно будетъ возвести Желтовитскаго на высшую степень бытія». Ученикъ Образцовъ препровожденъ былъ въ Нижнеломовское училище, съ прописаніемъ слѣдующей резолюціи Іоанна: «Образцовъ отъ рукъ отбился (онъ нѣсколько разъ входилъ съ просьбами объ исключеніи). Послать его въ Нижнеломовское училище на должность полотера, съ порученіемъ начальству смотрѣть за нимъ строго и по третямъ года рапортовать объ немъ, равно и о другихъ училищныхъ прислужникахъ, поступившихъ изъ исключенныхъ учениковъ!» Не въ далекомъ прошломъ, въ двадцатыхъ годахъ, Нижнеломовское училище, вслѣдствіе скудости училищныхъ средствъ, обходилось совсѣмъ безъ служителей; но теперь, милостію владыки, служителей, притомъ даровыхъ, оказалось столько въ училищѣ, что хоть отбавляй...

Такъ какъ преосвященный Іоаннъ не отличался снисходительностію къ малоученымъ священно-церковно-служителямъ и весьма часто прибѣгалъ къ отрѣшенію ихъ отъ должностей, то въ епархіи развелось множество заштатнаго духовенства. Напримѣръ, въ 1831 году заштатныхъ по епархіи числилось 286 человѣкъ: въ томъ числѣ было 72 священника, 50 діаконовъ и 164 причетника. Если сюда присоединить еще совсѣмъ исключенныхъ изъ духовнаго званія или, какъ выражался Іоаннъ, «изверженныхъ отъ церкви» (къ сожалѣнію, намъ не удалось отыскать точныхъ свѣдѣній касательно того, сколько таковыхъ лицъ было въ 1831 году), то и совсѣмъ получится внушительная цифра выброшенныхъ за бортъ духовныхъ. Многіе изъ заштатныхъ священно-церковно-служителей были еще сравнительно молоды, бодры и здоровы и безспорно могли бы собственными трудами добывать себѣ средства къ существованію; но

вслѣдствіе невольнаго удаленія отъ должностей, по большей части, поступали на содержаніе своихъ примѣщенныхъ сыновей, зятей и другихъ родственниковъ, къ немалому, конечно, обремененію послѣднихъ. Неимѣющіе родственниковъ слонялись по епархіи, не зная, гдѣ главу преклонить, и часто пропитывались съ своими семействами Христовымъ именемъ. Кромѣ того, въ епархіи было значительное число «праздношатавшихся» священно-церковно-служительскихъ сыновей, изъ исключенныхъ учениковъ духовно-учебныхъ заведеній. Всѣми этими людьми преосвященный тяготился, часто называлъ ихъ «тунеядцами», какъ бы позабывая, что самъ, своими крутыми мѣрами, способствовалъ умноженію этихъ «тунеядцевъ», и отъ всей души желалъ ихъ сбыть съ рукъ. Въ скоромъ времени и представился къ этому благопріятный случай.

Отъ 10 мая 1831 года послѣдовалъ высочайшій указъ, коимъ повелѣно было учинить по епархіямъ разборъ духовенству и излишнихъ для епархіальный службы людей, въ возрастѣ отъ 15 до 40 лѣтъ, отдать въ военную службу [1]). Немедленно по полученіи упомянутаго указа Іоаннъ поручилъ консисторіи составить списокъ лицъ, которыя должны быть потребованы къ разбору, съ тѣмъ, чтобы въ этотъ списокъ внесены были: 1) церковнослужители, отрѣшенные отъ должностей, и тѣ изъ состоящихъ на службѣ, которые заявили себя малосвѣдущими въ предметахъ; 2) проживавшіе въ монастыряхъ не на штатныхъ монастырскихъ вакансіяхъ, въ томъ числѣ исключенные изъ училищъ ученики (исключенные изъ семинаріи признаны были нужными для епархіи, почему ихъ и миновала эта чаша), которые въ разное время отосланы были въ монастырскую работу; 3) исключенные училищные воспитанники, состоявшіе на служительскихъ и сторожевскихъ должностяхъ, а также и праздно пребывавшіе въ епархіи, и 4) священно и церковнослужители, состоявшіе подъ судомъ по важнымъ преступленіямъ, влекущимъ къ лишенію священнаго сана или церковныхъ должностей.

Вѣсть о предстоящемъ разборѣ, или, по другому выраженію, «о наборѣ съ духовенства», съ быстротою молніи облетѣла епархію и произвела панику въ средѣ духовной. Самые храбрые и безшабашные люди боялись николаевской двадцатипятилѣтней суровой солдатской службы, какъ огня; самые обездоленные духовные почитали для себя тяжкимъ несчастіемъ попасть «подъ красную шапку». Паника усиливалась еще ходившимъ въ то время слухомъ о предстоящей будто бы войнѣ съ Турціей [2]) и о томъ, что ду-

---

[1]) Имѣющихъ отъ 15 до 20 лѣтъ положено было помѣщать въ 1 и 2 учебные карабинерные полки, отъ 20 до 35 лѣтъ въ полевые полки, отъ 35 до 40 во внутреннюю стражу.

[2]) Въ дѣйствительности въ то время явилась надобность въ пополненіи арміи по случаю польскаго восстанія, но почему-то о войнѣ съ поляками почти и не было рѣчи среди духовенства.

ховныхъ, имѣющихъ поступить въ военную службу, немедленно отправятъ на войну. Къ такому слуху примѣшивались часто и самыя неправдоподобныя сказанія. Одно изъ этихъ сказаній гласило, что всѣ храмы будутъ закрыты[1]), потому что духовенство въ полномъ составѣ, не исключая и священниковъ, пойдетъ «подъ турка», и служить въ церквахъ будетъ некому. Къ этому присовокуплялось, что священники сохранятъ свой санъ и выйдутъ противъ непріятеля не съ оружіемъ, а съ напрестольными крестами въ рукахъ, потому что турокъ «хоть и невѣрный», но знаетъ силу нашего креста и страшится его болѣе, чѣмъ оружія. При всей неправдоподобности подобныхъ сказаній, въ то время въ средѣ духовной находились люди, которые принимали ихъ за чистую монету. Особенно довѣрчивымъ въ данномъ случаѣ являлось сельское духовенство, какъ менѣе образованное и болѣе напуганное разборомъ.

Завидѣвъ нависшую надъ своими головами тучу, почувствовавъ приближеніе опасности, нѣкоторые изъ духовныхъ искали спасенія въ бѣгствѣ изъ своего мѣстожительства и, какъ впослѣдствіи оказалось, не попали въ военную службу «по укрывательству». Другіе надѣялись спастись отъ солдатчины, испросивъ себѣ увольненіе въ иныя епархіи. Въ іюнѣ и іюлѣ 1831 года къ преосвященному Іоанну поступала отъ духовныхъ лицъ масса прошеній объ увольненіи изъ предѣловъ Пензенской епархіи въ другія, «не столь», какъ писали нѣкоторые изъ просителей, «наполненныя духовнымъ званіемъ» епархіи: одни ходатайствовали объ увольненіи въ Донскую епархію, другіе—въ Саратовскую (въ то время Саратовская губернія составляла, какъ и выше сказано, самостоятельную епархію), третьи—въ Пермскую; но особенно обѣтованною землею для эмигрировавшаго духовенства представлялась Оренбургская епархія. Іоаннъ, по большей части, не препятствовалъ просителямъ «искать счастія» въ избранныхъ ими епархіяхъ; но многихъ увольнялъ не иначе, какъ съ условіемъ «оттуда обратно отнюдь не возвращаться»... И поднялось духовенство пензенское съ своихъ насиженныхъ мѣстъ, и потянулись подводы съ священно-церковно-служителями, съ ихъ женами, дѣтьми и скудными пожитками въ какіе-то новые, невѣдомые края, «не столь наполненные духовнымъ званіемъ»!

Попавшіе въ консисторскій списокъ и не успѣвшіе заблаговременно бѣжать изъ мѣстъ жительства или испросить себѣ увольненія въ иныя епархіальныя вѣдомства, въ сентябрѣ 1831 года, собраны были благочинными, при содѣйствіи земской полиціи, со

---

[1]) Можно предположить, что это сказаніе основано было на томъ, что Іоаннъ нѣкоторые малолюдные приходы, съ ихъ церквами, закрывалъ и приписывалъ къ другимъ приходамъ.

всѣхъ концовъ епархіи и представлены въ Пензенскую духовную консисторію—«къ разбору» [1]). Здѣсь, по распоряженію, преосвященнаго, имъ учиненъ былъ экзаменъ. Противъ отвѣчавшихъ удовлетворительно Іоаннъ своей рукой въ спискѣ писалъ: «Отпустить назадъ». Касательно отвѣчавшихъ дурно преосвященный прописывалъ резолюціи въ такомъ родѣ: «Отослать въ военную службу! за невѣжество въ предметахъ отдать въ военную службу!» Если кто оказывался слишкомъ плохимъ по экзамену, преосвященный приказывалъ: «Отослать скорѣе!» Изъ отвѣчавшихъ дурно нашелся, кажется, одинъ только счастливецъ, который отпущенъ былъ на свободу. Это былъ Алексѣй Сторожевскій, о которомъ состоялась резолюція: «Сторожевскій Алексѣй есть сынъ сторожа; опредѣленъ въ сію должность (тоже сторожа при духовной семинаріи) по собственному желанію; проходитъ ее исправно, съ благонадежностію и при хорошемъ поведеніи. Было бы жестоко требовать отъ него какой либо еще большей исправности, превышающей его породу; слѣдовательно, отпустить назадъ».

Намѣченные въ военную службу немедленно изъ консисторіи, подъ конвоемъ городской полиціи, препровождаемы были къ командиру внутренняго гарнизоннаго баталіона и были принимаемы на службу, если оказывались пригодными къ ней по своимъ лѣтамъ и тѣлесному состоянію. Принятыхъ въ службу оказалось 96 человѣкъ.

Много слезъ пролито было духовными при разборѣ! Тѣмъ тяжелѣе онъ отозвался на духовной братіи, что епархіальное начальство въ данномъ случаѣ лишь обращало вниманіе на то, какъ отвѣчалъ человѣкъ на экзаменѣ, и насколько онъ былъ свѣдущъ «въ предметахъ», семейное же положеніе призываемыхъ къ разбору почти совсѣмъ игнорировалось. Иной церковникъ имѣлъ нѣсколько человѣкъ малолѣтнихъ дѣтей и былъ ихъ единственнымъ кормильцемъ; тѣмъ не менѣе его «за невѣжество въ предметахъ» отдавали въ военную службу, чѣмъ доводили цѣлую семью или до полнаго нищенства, или до голодной смерти. Случалось также, что отдавался въ солдаты единственный сынъ, послѣдняя опора и надежда старухи-матери. Между прочимъ, у вдовой и преклонныхъ лѣтъ дьячихи Анисьи Діонисіевой имѣлся лишь одинъ сынъ, Алексѣй Ласточкинъ, но и того ей пришлось лишиться. Прибрела старушка въ Пензу, явилась къ Іоанну и вошла съ слезнымъ прошеніемъ о возвращеніи сына изъ военной службы; но на слезы людскія въ то суровое время мало обращалось вниманія. Не нашла Діонисіева

[1]) Замѣчательно, что въ списокъ призываемыхъ къ разбору угодилъ нѣкто Савва Петровъ, 96-тилѣтній старецъ, лежавшій уже на смертномъ одрѣ. Конечно, онъ не могъ явиться въ консисторію, почему послѣдняя и сдѣлала противъ его фамиліи въ спискѣ отмѣтку: «не явился». Преосвященный, съ своей стороны, написалъ: «И не требовать!».

отклика на свое горе и въ сердцѣ владыки. «Ласточкинъ,—отвѣтилъ на ея прошеніе владыка,—назначилъ себя рѣшительно къ монастырской жизни (онъ состоялъ послушникомъ въ монастырѣ и заявлялъ Іоанну, что имѣетъ намѣреніе со временемъ постричься въ монахи), а потому онъ уже не принадлежалъ матери. А какъ онъ, однакожъ, оказался въ предметахъ плохъ, и потому не способенъ быть послушникомъ, а равно и причетникомъ, то и отосланъ, по принадлежности, въ военную службу... Кто среди монастырскаго уединенія оказывается глупымъ, повѣсою, кто при ежедневной службѣ не разумѣетъ богослужебныхъ предметовъ, тотъ никуда не годенъ, кромѣ военной службы», заключилъ преосвященный.

Между отосланными въ военную службу были и совершенные юнцы, едва достигшіе 15-тилѣтняго возраста. Когда ихъ препровождали къ баталіонному командиру, они, по преданію, всю дорогу неутѣшно плакали, падали предъ конвойными на колѣна и просили отпустить ихъ, но, конечно, всѣ мольбы этихъ юнцовъ были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Преданіе сохранило еще слѣдующую подробность, касавшуюся разбора духовенства. По окончаніи разбора, въ одинъ ясный день, новобранцы изъ духовныхъ всею массою направились къ архіерейскому дому и, дошедши до него, остановились. Вслѣдъ затѣмъ Соборная площадь, гдѣ расположенъ архіерейскій домъ, огласилась громогласнымъ пѣніемъ, привлекшимъ многочисленныхъ слушателей. Новобранцы пѣли пѣсню, нарочито составленную по поводу разбора и начинавшуюся словами:

Что за вѣки къ намъ приходятъ!
Духовенство переводятъ,
Не знаю и за что,
Не знаю и за что [1])!

При этомъ на преосвященнаго нашло облачко грусти. Онъ, какъ гласитъ преданіе, вышелъ къ новобранцамъ и благословилъ ихъ, прослезившись. Но это было, вѣроятно, мимолетнымъ и скоропреходящимъ чувствомъ, потому что и послѣ разбора преосвященный не измѣнилъ себѣ и мало проявлялъ снисходительности по отношенію къ духовенству, «не радѣвшему о своемъ образованіи».

Преслѣдуя съ рѣдкимъ постоянствомъ разъ намѣченную цѣль: поднятіе уровня просвѣщенія въ подчиненномъ духовенствѣ,—Іоаннъ, при всей кратковременности своего пребыванія въ Пензенской епархіи, достигъ въ этомъ отношеніи довольно значительныхъ ре-

---

[1]) Авторомъ этой пѣсни, бывшей, надо замѣтить, долгое время въ употребленіе между епархіальнымъ духовенствомъ и духовными воспитанниками, почитается Иванъ Платоновичъ Лентовскій, учившійся при Іоаннѣ въ Пензенской духовной семинаріи.

зультатовъ; въ «іоанновское время» даже въ захолустныхъ весяхъ появилось много священниковъ, получившихъ полное семинарское образованіе; составъ діаконовъ и причетниковъ тоже измѣнился къ лучшему въ смыслѣ образованія; число оканчивающихъ курсъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ сильно возрасло, несмотря на неблагопріятныя тогдашнія условія для «преуспѣянія въ ученіи» духовныхъ воспитанниковъ; духовенство съ особеннымъ вниманіемъ стало относиться къ дѣлу образованія своихъ дѣтей и, по большей части, всѣ усилія употребляло на то, чтобы довести сыновей до окончанія семинарскаго или, по крайней мѣрѣ, духовно-училищнаго курса...

Но такъ какъ эти результаты куплены были цѣною многихъ слезъ, то о преосвященномъ Іоаннѣ осталось въ епархіи воспоминаніе, какъ о «суровомъ владыкѣ», а о годахъ пребыванія его на каѳедрѣ пензенской—какъ о самомъ тяжеломъ времени, какого мѣстное духовенство не переживало во весь столѣтній періодъ самостоятельнаго существованія Пензенской епархіи.

М. И. Сацердотовъ.

ВНУЧКА БИРОНА.

Историко-біографическій очеркъ.

НЕДАВНО вышелъ VIII и послѣдній томъ «Воспоминаній барона Баранта», по обыкновенію наполненный письмами къ нему замѣчательныхъ лицъ, въ томъ числѣ — герцогини Саганъ. Начиная съ третьяго тома, всѣхъ ея писемъ помѣщено до 136, и они составляютъ интересный матеріалъ для біографіи этой замѣчательной французской дипломатки. Ея блестящую характеристику рисуетъ самъ Барантъ въ ея короткомъ некрологѣ, который онъ тотчасъ послѣ ея смерти помѣстилъ въ «Journal des Débats»; потомъ онъ перепечатанъ въ примѣчаніяхъ къ его «Запискамъ». Если мы прибавимъ къ этимъ матеріаламъ біографію герцогини и ея матери, написанную барономъ фонъ-Гогенгаузеномъ, то получатся достаточныя свѣдѣнія для полнаго знакомства съ герцогиней Саганъ, болѣе извѣстной во Франціи подъ именемъ герцогини Дино. Этотъ послѣдній титулъ она получила отъ своего мужа, племянника знаменитаго Талейрана, графа Талейрана-Перигоръ, а герцогиней Саганъ она сдѣлалась по наслѣдству отъ своихъ сестеръ, къ которымъ перешелъ этотъ титулъ отъ отца, герцога Петра Курляндскаго. Такимъ образомъ, Доротея, послѣдняя принцесса Курляндская, по отцу, стала совершенной нѣмкой, принявъ новый титулъ, а до тѣхъ поръ почти всю свою жизнь она провела во Франціи и приняла оттѣнокъ совершенной француженки. Что же касается Россіи, то она лишь въ молодости, до своего замужества, бывала въ Петербургѣ съ матерью, которая славилась красотой и была въ друже-

скихъ отношеніяхъ съ императоромъ Александромъ. Такимъ образомъ внучка Бирона, считая своей родиной Германію и своимъ вторымъ отечествомъ Францію, касалась Россіи только своимъ первымъ титуломъ принцессы Курляндской, такъ какъ ея отецъ герцогъ Петръ отрекся отъ своего герцогства, и Курляндія присоединилась къ Россіи. Пользуясь указанными матеріалали и нѣкоторыми другими новѣйшими, мы постараемся набросить очеркъ этой международной дипломатки.

I.

Мелкіе курляндскіе дворяне, Бироны, прославились только благодаря извѣстному Эрнсту-Іоганну Бирону. Сынъ помѣщика и неизвѣстно, гдѣ начавшій службу, послѣ окончанія курса въ Кенигсбергскомъ университетѣ, онъ, случайно сдѣлался секретаремъ при герцогинѣ Курляндской Аннѣ Іоанновнѣ и вмѣстѣ съ нею выѣхалъ въ Россію, по избраніи ея въ императрицы. Быстрымъ своимъ возвышеніемъ въ графы, въ герцоги Курляндскіе и, наконецъ, въ регенты при малолѣтнемъ императорѣ Иванѣ Антоновичѣ онъ былъ обязанъ тѣмъ, что императрица сдѣлала его фаворитомъ и временщикомъ. Вся страна ненавидѣла нѣмца-деспота и вздохнула свободно, когда правительница Анна Леопольдовна сослала его въ Сибирь. Петръ III возвратилъ ему всѣ права и поселилъ въ Ярославлѣ, а Екатерина сдѣлала его снова герцогомъ Курляндскимъ и тѣмъ соединила Курляндію съ Россіей. Онъ сохранилъ до своей смерти герцогское достоинство, и такимъ образомъ первое поколѣніе основаннаго имъ герцогскаго рода, создавъ свою корону, передало ее второму, въ лицѣ сына Бирона, Петра. Впрочемъ, два брата Бирона, Карлъ и Густавъ, оба служили въ Россіи на военной службѣ, такъ же какъ братъ Петра, генералъ-майоръ Карлъ Биронъ. Этимъ и кончаются всѣ сношенія семейства бывшаго временщика съ Россіей, такъ какъ Петръ Биронъ, когда Курляндія была присоединена къ Россіи, отрекся отъ своей короны. Онъ поселился въ Пруссіи, гдѣ купилъ на русскія деньги, данныя ему взамѣнъ Курляндіи, значительное помѣстье Находъ и герцогство Саганъ въ Силезіи. За его смертью, въ 1800 г., прекратился герцогскій родъ Бироновъ, такъ какъ остались въ живыхъ только дочери Петра Бирона. Недолго существовавшіе герцоги Курляндскіе исчезли съ лица земли.

Женская линія Бироновъ, однако, до смерти послѣдней жены герцога Петра носила имена герцогинь Курляндскихъ. Вмѣстѣ съ нею была также герцогиней Курляндской ея младшая дочь, будущая герцогиня Дино, а затѣмъ герцогиня Саганъ, прославившая свой родъ не менѣе создателя «Бироновщины» замѣчательной дипло-

матической дѣятельностью при дядѣ ея мужа, знаменитомъ Талейранѣ [1]). Вообще, родъ Бироновъ болѣе отличался своими женскими представительницами, чѣмъ мужчинами; такъ, его основатель, за исключеніемъ случайнаго политическаго возвышенія, не обращалъ на себя вниманія ничѣмъ, кромѣ двухъ страстей — къ картамъ и къ лошадямъ. Старшій сынъ его, Петръ, былъ неспособный и ничего не значащій человѣкъ, при томъ завзятый волокита. Съ двумя своими первыми женами онъ жилъ недружно и постепенно разводился съ ними, какъ съ принцессой Вальдекской, такъ и съ княжной Евдокіей Борисовной Юсуповой. Первая, въ 1780 г., умерла въ Лозаннѣ, а вторая, по словамъ французскаго дипломата Корберона [2]), «была молодая, очень красивая и, говорятъ, скончалась (около того же времени) отъ печали и чрезмѣрнаго самолюбія, несмотря на то, что она жила при русскомъ дворѣ, имѣла орденъ св. Екатерины и пятьдесятъ тысячъ рублей пенсіи, которую императрица заставляла платить ея мужа».

Такимъ образомъ, освободившись отъ двухъ своихъ разведенныхъ женъ, герцогъ Петръ, несмотря на свою старость, вздумалъ въ третій разъ жениться на красавицѣ, курляндской аристократкѣ Доротеѣ фонъ-Медемъ, которой минуло лишь 17 лѣтъ. Сначала онъ только желалъ жениться морганатически, но въ день вѣнчанія интригами фонъ-Медемовъ бракъ былъ превращенъ изъ тайнаго въ явный, при всѣхъ государственныхъ чинахъ Курляндіи и иностранныхъ посланникахъ при Митавскомъ дворѣ. Такимъ образомъ, Доротея оффиціально была поздравлена свѣтлѣйшей герцогиней Курляндской и Семигальской. Этотъ бракъ герцога былъ вполнѣ счастливымъ, несмотря на то, что прежніе два были неудачными. У него было три дочери и одинъ сынъ, умершій въ дѣтствѣ. Наконецъ, семидесяти шести лѣтъ отъ роду, онъ умеръ, оставивъ семи лѣтъ свою послѣднюю дочь Доротею, которой суждено было прославить свое семейство на политическомъ поприщѣ.

Послѣ смерти мужа, молодая красавица герцогиня Курляндская купила на оставленныя ея мужемъ деньги роскошное помѣстье Лебихау, въ Альтенбургѣ, и жила тамъ, принимая радушно знатное общество Пруссіи. Кромѣ того, у нея бывалъ часто императоръ Александръ Павловичъ и два раза приглашалъ ее въ Петербургъ, гдѣ она весело проводила время въ царской семьѣ. Въ этой блестящей обстановкѣ она нѣжно и тщательно воспитывала свою младшую дочь. Эта дочь, Доротея, принцесса Курляндская, родилась 21 ноября 1795 г. и провела свое дѣтство подъ попеченіемъ ма-

[1]) Историческіе разсказы и бытовые очерки Е. Карновича. — Двѣ герцогини Курляндскія.

[2]) Un diplomate français à la cour de Catherine II. Journal intime du chevalier de Corberon. Paris. 1901.

тери. Она была подругой занятій и игръ дѣтей короля прусскаго и сохранила всю жизнь дружескую фамильярность съ старшимъ сыномъ короля, отличавшимся болѣе любовью къ литературѣ, изящнымъ искусствамъ и философіи, чѣмъ къ политикѣ. Во время поѣздки матери, въ 1808 году, въ Эрфуртъ, во время знаменитаго конгресса, молодая дѣвушка познакомилась съ великимъ дипломатомъ Талейраномъ, который обратилъ особое вниманіе на нее, несмотря на то, что ей было только 15 лѣтъ. Онъ такъ плѣнился ея красотою и умомъ, что задумалъ женить на ней своего племянника, Эдмона Талейрана де-Перигора. Пользуясь тѣмъ, что императоръ Александръ часто бывалъ у него въ домѣ, онъ просилъ его быть въ качествѣ свата, и Александръ съ удовольствіемъ на это согласился. Однако, мать не хотѣла объ этомъ и слышать, считая дочь еще ребенкомъ.

Прошло два года, во время которыхъ онѣ посѣтили Парижъ, гдѣ Наполеонъ и Жозефина принимали ихъ самымъ радушнымъ образомъ. Точно также и Талейранъ всячески ухаживалъ за матерью и дочерью, за послѣдней, какъ будущей невѣстой своего племянника, а за первой, какъ за бывшей красавицей, не потерявшей своей привлекательности. «Состояніе герцогини Курляндской было громадное,—говоритъ графиня Потоцкая въ своихъ мемуарахъ [1]),—и это позволяло ей жить очень хорошо. Она часто выѣзжала со мною, и меня особенно забавляло, что ея экипажъ всюду проѣзжалъ первый, не становясь въ рядъ. Всѣ заискивали ея знакомства, и среди ея обожателей былъ Талейранъ, несмотря на ея зрѣлые годы. Особенно восторгались въ обществѣ ея блестящими туалетами и бриллиантами. Я часто видала, что она заѣзжала къ Талейрану въ 12 часовъ ночи, съ цѣлью показать свое новое бальное платье или роскошные бриллиянты, какъ сдѣлала бы молоденькая, двадцатилѣтняя женщина. Старый ея поклонникъ всегда ожидалъ ея пріѣзда и смотрѣлъ на нее съ восторгомъ, возбуждая ревность всего своего сераля».

Наконецъ, свадьба герцогини Курляндской и графа Талейрана состоялась 28 апрѣля 1810 г., за нѣсколько дней до брака Наполеона съ Маріей-Луизой, замѣнившей уже Жозефину. Все, повидимому, сулило счастье. Молодой Талейранъ добылъ своей племянницѣ титулъ придворной дамы Маріи-Луизы, и она стала пользоваться громаднымъ успѣхомъ въ обществѣ. Кромѣ того, Доротея пользовалась большими милостями Наполеона, котораго она страстно обожала. Съ паденіемъ Наполеона, въ 1814 году, Талейранъ остался всемогущимъ при Бурбонахъ и, отправляясь на вѣнскій конгрессъ, настоялъ на томъ, чтобы графиня Перигоръ поѣхала съ нимъ. Онъ разсчитывалъ, что она принесетъ ему большую пользу своими связями

---

[1]) Memoires de la c-tesse Potocka. 6-ème edition. 1898.

съ императоромъ Александромъ и многими иностранными министрами, а главное своей ловкостью, серіознымъ умомъ и дипломатическимъ талантомъ. Онъ вполнѣ оказался правъ, и, по словамъ барона Баранта [1]), «ея имя играло большую роль въ этомъ великомъ политическомъ событіи», за что она получила отъ Талейрана большую награду. Онъ отказался въ это время отъ герцогства Беневентъ и получилъ въ замѣнъ герцогство Дино въ Калабріи. Но этотъ титулъ и самое герцогство онъ передалъ своему племяннику, или, лучше сказать, его женѣ, которая съ тѣхъ поръ называлась герцогиня Дино. Вообще она имѣла отъ Талейрана громадное богатство, въ восемнадцать милліоновъ франковъ. Послѣ ста дней Талейранъ сдѣлался первымъ министромъ, но вскорѣ его замѣнилъ Ришелье. Это министерское паденіе не лишило Талейрана его блестящаго положенія. Онъ былъ одной изъ высшихъ особъ при дворѣ Бурбоновъ и хотя пересталъ, послѣ двадцати лѣтъ, быть министромъ иностранныхъ дѣлъ, но все-таки вліялъ, прямо или косвенно, на всѣ политическіе перевороты въ Европѣ. Во всемъ этомъ принимала дѣятельное участіе герцогиня Дино. Она составляла для великаго дипломата проекты бумагъ, спорила съ нимъ, и нерѣдко ея наброски политическихъ актовъ отдавались прямо для переписки. «Она имѣла,—говоритъ профессоръ Вильменъ,—такой всеобъемлющій умъ, что всѣ съ удивленіемъ слушали приводимыя ею доказательства, хотя бы они были совершенно противоположны. Своеобразно и остроумно излагала она дипломатическія бумаги и не только плѣняла всѣхъ убѣдительностью доводовъ, но заставляла забывать скрываемыя его интриги». Барантъ говоритъ то же и прибавляетъ: «Она съ такимъ очарованіемъ исполняла эту задачу, что отовсюду сбѣгались въ домъ, занимаемый Талейраномъ, въ улицѣ Сенъ-Флорентенъ, быть можетъ, болѣе для герцогини Дино, чѣмъ для самого хозяина».

Такъ прошли годы реставраціи, и Талейранъ, удаленный отъ дѣлъ, продолжалъ имѣть большое вліяніе на внутреннюю и внѣшнюю политику, какъ при Людовикѣ XVIII, такъ и при Карлѣ X. Раздѣляя вполнѣ это вліяніе, герцогиня Дино, вмѣстѣ съ тѣмъ, играла большую роль въ свѣтскомъ обществѣ, живя вмѣстѣ съ Талейраномъ и царствуя въ его салонѣ. Но, несмотря на это, она вела обширную переписку со многими знатными и замѣчательными людьми того времени, въ томъ числѣ съ 1823 года съ барономъ Барантомъ. Въ первомъ же своемъ письмѣ она характерно замѣчаетъ: «Я ѣду въ Германію и, быть можетъ, привезу съ собою немного силы, почерпнутой въ родномъ воздухѣ, но, конечно, возвращусь съ удовольствіемъ въ мое второе отечество, которое сначала

[1]) Souvenir du baron de Barante, tome III, appendice· Notice sur la duchesse de Sagan.

навязано было мнѣ насильно, но современемъ сдѣлалось для меня мѣстомъ убѣжища и спокойствія» [1]). Въ дальнѣйшихъ своихъ письмахъ къ Баранту она подробно передаетъ все, что дѣлается въ Парижѣ, свѣтскіе толки, политическіе слухи, все, что происходитъ въ салонѣ Талейрана, всѣ литературныя и академическія новости и т. д. Когда герцогиня путешествовала за границей и во Франціи, то она совершенно предавалась природѣ, забывая политику и находя, «что сумасшествіе читать газеты и знать по имени министровъ».

Въ сентябрѣ 1824 г. умеръ Людовикъ XVIII, и ловкая дипломатка всецѣло занялась этимъ политическимъ событіемъ, чрезвычайно важнымъ въ отношеніи Талейрана. Онъ сначала надѣялся, что къ нему вернется власть, но его разочарованіе было полное, и онъ снова продолжалъ при Карлѣ X ту же роль, какъ и прежде. Поэтому, хотя онъ и былъ принужденъ въ 1825 г. участвовать въ церемоніи коронаціи, но герцогиня Дино не поѣхала туда съ нимъ, что было всѣми замѣчено. Чтобы отдохнуть отъ парижскихъ празднествъ, въ которыхъ она должна была, волей-неволей, принять участіе, герцогиня отправилась въ Швейцарію, Италію и на югъ Франціи, но, какъ она ни любила природу, все-таки писала Баранту изъ Марселя: «Пожалуйста, пишите мнѣ часто о великомъ Вавилонѣ; не потому, чтобы я очень сожалѣла о немъ, или желала бы знать, что дѣлаютъ люди, которыми я не дорожу, но потому, что никогда не получаешь довольно извѣстій о дорогихъ сердцу людяхъ». Однако, она была въ восторгѣ отъ своего путешествія и увѣряла, что Талейранъ, поѣхавшій съ нею, помолодѣлъ на десять лѣтъ, а зрѣлище моря и солнца совершенно примиряютъ съ провинціей. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ своихъ письмахъ герцогиня себѣ противорѣчитъ, говоря, что она, «какъ истинное дитя сѣвера, не привыкла къ атмосферическимъ красотамъ и предпочитаетъ часъ почты минутамъ прогулки».

Возвратясь въ началѣ слѣдующаго года въ помѣстье Талейрана, Валансэ, герцогиня Дино съ самаго пріѣзда занялась мѣстной политикой, а именно выборами Талейрана въ мэры, что особенно ему льстило. По этому случаю былъ домашній спектакль для сосѣдей, и герцогиня Дино участвовала въ пьесѣ «L'avocat Pathelen». Возвратившись въ Парижъ, она видѣла между прочими иностранцами Вальтеръ-Скотта, собиравшаго подлинныя свѣдѣнія о жизни императора Наполеона, біографію котораго онъ взялся написать. «Какая жалость, прибавляетъ герцогиня, что этотъ прекрасный талантъ, по всей вѣроятности, напишетъ неудовлетворительный историческій трудъ».

Въ такомъ же родѣ отличается переписка герцогини съ Барантомъ въ послѣдующіе годы, до іюльской революціи. Въ дни

---

[1]) Souvenir du baron de Barante, vol. III. Paris. 1893.

этихъ великихъ событій она не была въ Парижѣ и очень объ этомъ сожалѣла. «Уличная борьба, пишетъ она Баранту, кончила такъ необыкновенно революцію и такъ быстро, что я не могла поспѣть во время. На четвертый день все было кончено, и я отъ волненія занемогла, такъ что Талейранъ посовѣтовалъ мнѣ остаться въ деревнѣ; онъ же самъ поѣхалъ въ Парижъ, и я не знаю еще его намѣреній». Онъ уже давно предвидѣлъ, что Карлъ X быстро идетъ къ своей погибели, и что его долженъ замѣнить герцогъ Орлеанскій. Благодаря его старости, онъ не принялъ дѣятельнаго участія въ образованіи іюльскаго правительства, но, несмотря на свои 76 лѣтъ, согласился быть посланникомъ въ Англіи. Туда послѣдовала за нимъ и герцогиня Дино. Это была лебединая пѣснь, какъ Талейрана, такъ и знаменитой дипломатки.

II.

Лондонское посольство Талейрана продолжалось четыре года, въ теченіе которыхъ онъ преимущественно и главнымъ образомъ былъ занятъ лондонской конференціей. Эта дипломатическая забота была чрезвычайно затруднительная, и ему помогала, какъ всегда, выпутаться изъ тяжелаго положенія герцогиня Дино. Исторію этихъ продолжительныхъ переговоровъ, имѣвшихъ цѣлью конституціонное устройство Бельгіи и утвержденіе ея королемъ Леопольда Кобургскаго, взялся написать въ прошломъ году герцогъ Брольи, подъ названіемъ: «Послѣднее благодѣяніе монархіи» [1]). Но этотъ любопытный трудъ не оконченъ по причинѣ смерти автора. Въ вышедшихъ уже частяхъ онъ блестящимъ образомъ описываетъ участіе герцогини Дино. «Невольно, смотря на нее,—говоритъ Брольи,— вспоминаешь благородныхъ героинь Фронды: Шеврезъ, Шатильонъ, Монбазонъ и сестру Кондэ. Герцогиня напоминала ихъ своимъ гордымъ повелительнымъ видомъ, который не лишалъ ее граціи; она такъ спокойно занималась государственными дѣлами, словно это были ея собственныя семейныя дѣла. Введенная четырнадцати лѣтъ матерью, герцогиней Курляндской, въ семейный кругъ Талейрана и будучи женою старшаго его племянника, она сдѣлалась его любимой и вполнѣ надежной помощницей, во всѣхъ фазахъ его карьеры. Во время Вѣнскаго конгресса онъ восторгался ея юношескою красотою, а на лондонской конференціи онъ былъ подъ впечатлѣніемъ ея зрѣлой красоты, которая не уменьшилась, но напротивъ стала блестящею. Талейранъ говорилъ, что онъ ожидалъ отъ нея содѣйствія, при разрѣшеніи его задачи, такъ какъ она умѣла побѣдить англійское общество. Она такъ пользовалась этимъ

---

[1]) Le dernier bienfait de la monarchie: Le neutralité de la Belgique, par le duc de Brogli: «Revue de deux mondes», 15 janvier, 1 juillet, 16 novembre, 1900.

правомъ побѣды, что, несмотря на правила этикета, ее называли посланницей помимо всѣхъ правъ. Недавно напечатанныя ея письма доказываютъ тонкость ея ума. Живой же и ясный ихъ тонъ подтверждаетъ всю глубину ея ума; а мѣстами ея замѣчанія о современныхъ вопросахъ выказываютъ ея возвышенную душу». Главную препону въ переговорахъ Талейранъ видѣлъ въ русской политикѣ, которая, однако, умѣрялась ловкой, осторожной и умѣренной княгиней Ливенъ. Въ сущности, она въ то время управляла русскимъ посольствомъ и вмѣстѣ съ герцогиней Дино много содѣйствовала успѣху Талейрана. Въ этомъ случаѣ обѣ соперницы дипломатки дѣйствовали заодно. Однако, замѣчательно, что, несмотря на сочувственное упоминаніе Талейраномъ въ своихъ мемуарахъ о значительной помощи, оказанной ему княгиней Ливенъ, герцогиня Дино ни разу, въ своихъ письмахъ изъ Лондона къ Баранту, не говоритъ о ней. Это, конечно, можно объяснить только тѣмъ, что онѣ питали другъ къ другу ревность по ремеслу.

Вся лондонская переписка герцогини съ Барантомъ, хотя продолжалась во все ея пребываніе въ Англіи, не отличается особымъ интересомъ. Герцогиня могла бы сообщить ему много интересныхъ подробностей о конференціи и политическихъ свѣдѣній, но она преимущественно писала о частныхъ дѣлахъ. Въ первомъ же письмѣ она говоритъ, «что Англію слѣдовало бы признать первой страной въ свѣтѣ, благодаря множеству необыкновеннаго и удивительнаго, находящагося въ ней, если бы у нея было солнце и общество, такое же живое, какъ парижское». Потомъ она замѣчаетъ въ томъ же письмѣ, что Англію невозможно узнать скоро и съ перваго раза [1]; ее надо изучить, начиная съ царящей въ ней свободы». Послѣдующія затѣмъ письма мало заключаютъ въ себѣ интересныхъ свѣдѣній о политическомъ и общественномъ бытѣ Англіи, но она распространяется о радушномъ пріемѣ англійскихъ вельможъ, который «оставитъ навсегда, по ея словамъ, благодарное воспоминаніе о колоссальной Англіи». Что касается Талейрана, то она увѣряетъ, будто всѣ съ нимъ обращаются чрезвычайно любезно, глубоко уважаютъ его и питаютъ къ нему большое довѣріе.

О лондонской конференціи она отзывается очень несочувственно и придаетъ ей эпитетъ «бѣдной», зато объ англійскомъ обществѣ она говоритъ, «что сначала оно чрезвычайно сухо и не любезно, но когда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ оно васъ изучитъ, то обращается съ вами самымъ дружественнымъ образомъ, и въ немъ живется прекрасно, такъ что не хочется уѣхать оттуда». Наконецъ эта конференція, продолжавшаяся такъ долго, окончилась, и Талейранъ нашелъ нужнымъ отказаться отъ своего поста. Герцогиня

---

[1]) Souvenirs du baron de Barante, vol. IV. Paris. 1894.

Дино не была чужда редакціи того письма, которое онъ написалъ королю, чтобы объявить о своей отставкѣ.

Послѣ шумной лондонской жизни Талейранъ и его племянница повели совершенно уединенную жизнь въ Парижѣ, въ Валансэ и въ другихъ его помѣстьяхъ. Однако, отъ времени до времени они оба продолжали интриговать и составлять политическія комбинаціи. Такъ, въ 1836 году, Талейранъ хлопоталъ о томъ, чтобы его сдѣлали, несмотря на маститые годы, первымъ министромъ, безъ портфеля, но Ройе-Колляръ разстроилъ этотъ планъ, и, по словамъ герцога Деказа, въ письмѣ къ Баранту, онъ сказалъ герцогинѣ Дино, много суетившейся по этому поводу: «неужели вы думаете объ этомъ? Вѣдь это будетъ безчестіе для послѣднихъ дней Талейрана? Развѣ вы не видите, что онъ не можетъ поддержать разговора? Въ такомъ положеніи ему было бы нелѣпостью управлять Франціей» [1]). Хотя Талейрану не удалось сдѣлаться министромъ, но онъ все-таки помогалъ Тьеру образовать министерство, и самымъ ярымъ его противникомъ былъ Гизо. Такимъ образомъ герцогиня и княгиня Ливенъ сдѣлались снова противницами, такъ какъ извѣстно, что княгиня была пламеннымъ другомъ послѣдняго. Эта борьба двухъ знаменитыхъ дипломатокъ побудила старика Семонвилля сострить, увѣряя, что образовано новое министерство, состоящее изъ дамъ, во главѣ котораго находится сестра короля, принцесса Аделаида, а министромъ иностранныхъ дѣлъ— герцогиня Дино. Графъ Сенъ-При уговаривалъ Баранта вернуться изъ Петербурга въ Парижъ и противодѣйствовать вреднымъ совѣтамъ Талейрана, который своимъ предсмертнымъ колокольцемъ производитъ безпорядокъ въ партіи доктринеровъ.

Около этого времени случилось непонятное самоубійство секретаря знаменитаго дипломата, Мишеля Дора. Долго эта катастрофа казалась таинственной, и только въ прошломъ году Эдуардъ Контъ въ газетѣ «Temps» пытался разоблачить эту историческую загадку. Мишель Дора родился въ 1796 г. въ Монтобанѣ и былъ сыномъ небогатаго трактирщика. Однако, онъ не поскупился на воспитаніе сына, который, получивъ образованіе въ мѣстной коллегіи, поступилъ преподавателемъ въ лицей Людовика Великаго. Красивый молодой человѣкъ, прекрасно одѣтый, вѣжливый и свѣтскій, онъ, неизвѣстно какимъ способомъ, попалъ къ Талейрану. Тотъ полюбилъ его, сдѣлалъ своимъ секретаремъ и бралъ съ собою въ Лондонъ, во время своего посольства. По возвращеніи оттуда, онъ жилъ въ домѣ Талейрана, въ Парижѣ и въ его роскошномъ имѣніи, Валансэ. Находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ герцогиней Дино, онъ, естественно, влюбился въ нее. Это вполнѣ доказываютъ письма Дора. Неизвѣстно, была ли въ свою очередь влюблена въ

---

[1]) Souvenir du baron de Barante. 1895. Paris. Vol. V.

него герцогиня Дино, но нѣтъ ничего удивительнаго, что эта знатная особа, имѣвшая связи въ высшемъ парижскомъ обществѣ, увлеклась временно и темнымъ секретаремъ. Надо предполагать, что герцогиня въ то время, когда она имъ увлекалась, дарила ему различные предметы и даже давала ему средства широко жить. Онъ, говорятъ, имѣлъ мысль на ней жениться, хотя ея мужъ былъ живъ.

Наконецъ, герцогинѣ надоѣлъ красивый секретарь дяди, и она завела себѣ другого поклонника. Въ отчаяніи Дора, всѣ расчеты котораго рушились, рѣшился пустить себѣ пулю въ лобъ. Предъ смертью онъ написалъ письмо къ Талейрану, въ которомъ извѣстилъ его о своемъ самоубійствѣ и говорилъ, что умираетъ, «сознавая себя достойнымъ той благосклонности, которой удостоивалъ его Талейранъ, и отдавая себѣ справедливость, что онъ не совершилъ ничего такого, что не было бы совмѣстимо съ требованіемъ чести, законности и достоинства». Однако эта загадка окончательно не разъяснена, и положительно нельзя сказать, чѣмъ объясняется самоубійство Мишеля Дора. Сама же герцогиня Дино о немъ не упоминаетъ ни слова въ своихъ письмахъ къ Баранту. Только однажды она приводитъ выписку изъ «Подражанія Христу» Ѳомы Кемпійскаго: «Избѣгайте, насколько вы можете, шумнаго общества мужчинъ, и я желалъ бы, какъ можно менѣе быть съ ними». Эту выписку она приводитъ на томъ основаніи, что эта истина вполнѣ вѣрная и признается ею за истину, особенно въ послѣднее время. Нѣтъ ли тутъ намека на бѣднаго Мишеля Дора?

Такъ прошло два года, и до конца своей жизни Талейранъ интересовался политикой и постоянно принималъ живое участіе во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ и придворныхъ интригахъ. Въ послѣдніе мѣсяцы герцогиня Дино старалась примирить его съ церковью. Онъ часто бесѣдовалъ съ Дюпанлу и наконецъ написалъ декларацію, подписанную его рукою, на имя папы. Въ этой деклараціи онъ отказывался отъ всѣхъ своихъ антирелигіозныхъ идей и вслѣдствіе этого исповѣдывался, а также въ полномъ сознаніи былъ соборованъ. Въ первыхъ числахъ мая 1838 года онъ умеръ на семьдесятъ восьмомъ году отъ роду.

Послѣ него, старшій племянникъ и мужъ герцогини Дино получилъ титулъ герцога Талейрана-Перигора, а сынъ послѣдняго, Александръ, сдѣлался герцогомъ Дино. Что же касается до герцогини Дино, то она, естественно, съ этого времени стала именоваться герцогиней Талейранъ. Она была чрезвычайно поражена этой смертью и много горевала, тѣмъ болѣе, что ей пришлось выѣхать изъ дома, гдѣ она счастливо прожила двадцать три года. Чтобы успокоиться, она отправилась за границу, гдѣ проводила большую часть своего времени, остальное же время она жила въ Рошкотѣ. Въ Парижѣ она бывала рѣдко, особенно съ тѣхъ поръ,

какъ памятный домъ въ улицѣ Сенъ-Флорантенъ былъ нанятъ княгиней Ливенъ. «Это значитъ поссориться со мною,—писала она Баранту,—потому что мнѣ невозможно бывать въ этомъ домѣ. Талейранъ былъ правъ, говоря, что русскій всегда обнаруживается, если взглянешь на него поглубже» [1]). Вообще она очень горевала о Талейранѣ и писала: «Я рѣшительно ничѣмъ не интересуюсь извнѣ, и внутри меня также все мнѣ опостылѣло. Пустота и отсутствіе всѣхъ вокругъ меня съ каждымъ днемъ мнѣ становятся тяжелѣе теперь, когда всѣ мои задачи исполнены. Близкіе люди любезно ухаживаютъ за мною, но это меня вовсе не трогаетъ. Мнѣ необходимо, какъ прежде, окружать кого нибудь заботами и за кѣмъ нибудь ухаживать, а не чувствовать себя предметомъ чужихъ заботъ. Мнѣ будетъ очень трудно снова устроить свою жизнь. Я потеряла Талейрана пятнадцать лѣтъ слишкомъ рано или слишкомъ поздно; въ эти годы начинать снова жизнь непріятно» [2]).

Въ другомъ письмѣ изъ Бадена она замѣчаетъ: «Я ничего не знаю, что дѣлается на свѣтѣ. Мое невѣжество равняется моему отвращенію и моему негодованію къ происходящему вокругъ. Я предалась бы Богу, но не легко, какъ вы говорите, войти съ нимъ въ сладкое единеніе и жить только для него и въ немъ. Мой положительный характеръ и моя практическая, умственная дѣятельность мѣшаютъ мнѣ въ этомъ. Къ тому же, вы хорошо замѣчаете, что религія можетъ обратиться въ дѣло партіи со всѣми ея узкими мелочами. Наконецъ, я чувствую горечь своего существованія, не имѣющую ничего общаго съ христіанскимъ смиреніемъ. Такимъ образомъ, я сдѣлалась бы не христіанка, а пламенная католичка».

Изъ старыхъ свѣтскихъ знакомыхъ она видѣлась иногда съ княгиней Ливенъ, но, очевидно, она была съ нею довольно холодна. По ея словамъ, княгиня Ливенъ также искусственна, какъ была прежде. Она не посѣщала ея, потому что изъ-за политическихъ сплетенъ не рѣшалась бывать въ своемъ бывшемъ домѣ. «Я не сержусь на нее за то, что она не подумала, какъ грустно мнѣ будетъ посѣщать этотъ домъ», прибавляетъ она. Однако. тотчасъ же ядовито прибавляетъ: «Гизо — попрежнему вѣрный слуга княгини». Большею частью герцогиня писала Баранту о домашнихъ дѣлахъ и о литературѣ. «Я надѣюсь, что вы прочитали два тома Токвиля,—говоритъ она, между прочимъ.—Онъ отличается умомъ, прекраснымъ языкомъ и возвышенными идеями, но его сюжетъ такъ монотоненъ, онъ такъ его разсѣкаетъ до мелочей, что это настоящая анатомія. Каждый читатель приписываетъ ему свое мнѣніе, такъ смутны и неопредѣленны высказываемые имъ

---

[1]) Souvenir du baron de Barante.

[2]) Ibidem.

выводы. Я вижу иногда Токвиля. Онъ естественъ, любезенъ, остроуменъ, простъ, учтивъ и скроменъ. Вообще это странный, маленькій человѣчекъ, и всякій, знающій его, боится, какимъ путемъ онъ пойдетъ». Находясь за границей, именно въ Вѣнѣ, она иногда, но очень рѣдко, продолжала свою переписку съ Барантомъ. Она видалась тамъ въ особенности съ Меттернихомъ, который очень любезно ее принималъ и плѣнялъ ее своей веселостью.

Такъ протекло семь лѣтъ, и внучка Бирона еще разъ, но уже въ послѣдній, перемѣнила свою фамилію. Она сдѣлалась до своей смерти герцогиней Саганъ.

III.

6 января 1845 г. герцогиня Талейранъ получила инвеституру прусскаго короля на герцогство Саганъ и стала постоянно носить этотъ титулъ. Въ сущности, это помѣстье, возведенное прусскимъ королемъ на степень герцогства, принадлежало ея семейству съ 1786 года, когда его купилъ у князей Лобковичъ герцогъ Петръ Курляндскій за девять милліоновъ франковъ. Послѣ его смерти наслѣдовала герцогство Саганъ его старшая дочь, княгиня де-Роганъ, которая впослѣдствіи развелась съ мужемъ и вышла замужъ за князя Сергѣя Васильевича Трубецкого. Съ нимъ она жила не долѣе года и въ третьемъ бракѣ была за графомъ Шуленбургомъ. Это не мѣшало ей носить титулъ герцогини Саганъ. Когда же она умерла, то это герцогство досталось второй дочери герцога Петра, бывшей замужемъ за принцемъ Гогенцоллернъ-Гехингеномъ, сынъ которой продалъ Саганъ герцогинѣ Талейранъ. Она купила его на капиталъ, завѣщанный ей великимъ дипломатомъ. Такимъ образомъ это владѣніе только миновало третью ея сестру, которая была замужемъ за герцогомъ Ачеранца, и окончательно осталось въ родѣ Талейрановъ.

Новая герцогиня Саганъ очень любила свое нѣмецкое владѣніе и жила въ немъ постоянно, только каждый годъ посѣщала Парижъ и свои французскія владѣнія. Ей особенно нравились феодальныя права, соединенныя съ этимъ титуломъ; она не только была почти сюзереномъ своего герцогства на словахъ, но ей принадлежало его высшее управленіе и администрація. Когда же Пруссія получила конституцію, то герцогиня Саганъ сдѣлалась членомъ верхней палаты, гдѣ засѣдало назначенное ею лицо, по ея довѣренности. Однако странно сказать, что такая пламенная дипломатка, какъ герцогиня Саганъ, теперь перестала вовсе вмѣшиваться въ политику и только заботилась о благотворительныхъ заведеніяхъ и школахъ. Она возобновила свои семейныя отношенія къ королевскому прусскому двору; въ Саганъ запросто ѣздилъ король Фридрихъ-Вильгельмъ II со своей морганатической супругой, княгиней Лигницъ, и король Вильгельмъ I со своей женою, королевой Августой. Кромѣ

того, герцогиня покровительствовала ученымъ, литераторамъ и художникамъ, которые часто бывали у нея въ Саганѣ, гдѣ ея жизнь блистала пышностью и роскошью. Саганъ сравнивали тогда съ Феррарою, и Торквато Тассо замѣнялъ юный поэтъ, князь Лихновскій, который былъ австрійскимъ министромъ и погибъ во Франкфуртѣ въ 1848 г. насильственной смертью. Въ Саганѣ также часто бывалъ знаменитый піанистъ Францъ Листъ.

Несмотря на то, что политика ей опостылѣла, и она не вмѣшивалась въ мѣстныя политическія дѣла, она все-таки попрежнему интересовалась толками и сплетнями политическаго міра. Напримѣръ, въ слѣдующемъ году, посѣтивъ Вѣну, она упоминаетъ о «ворчунѣ императорѣ», какъ она называетъ Николая I-го, который въ то время посѣтилъ Австрію «къ общему неудовольствію». «Онъ обрюзгъ, постарѣлъ и измѣнился, говоритъ она. По слухамъ, императоръ оставилъ прекрасныя надежды въ Римѣ, но когда онъ вернулся въ Россію, то старая греческая партія, которую онъ слишкомъ распустилъ, не позволила ему осуществить то, что онъ обѣщалъ въ Ватиканѣ. Разсказываютъ даже, что не религіозныя затрудненія мѣшаютъ свадьбѣ великой княгини Ольги съ эрцъ-герцогомъ Стефаномъ, сыномъ пфальцъ-графа венгерскаго, а опасеніе русскаго вліянія въ Венгріи. Мнѣ кажется, что болѣе не думаютъ объ этой свадьбѣ и разстройствомъ ея объясняютъ дурное настроеніе императора Николая, во время его пребыванія здѣсь».

Въ этомъ же году герцогиня Саганъ посѣтила Венецію, Римъ и Неаполь. Первую она нашла очень любопытной, но признается, что не желала бы тамъ жить. Серьезная жизнь среди древностей, историческихъ воспоминаній и диковинъ Рима ей очень понравилась. Папа былъ съ нею очень любезенъ, наговорилъ ей такихъ комплиментовъ, что она ихъ не повторяетъ, изъ опасенія слишкомъ польстить своему самолюбію. Въ Римѣ, между прочими иностранцами, была въ то время г-жа Нессельроде, но герцогиня Саганъ замѣчаетъ: «По многимъ причинамъ я замѣчаю, что она любитъ больше меня, чѣмъ Римъ». Относительно Рима она разсказываетъ любопытный анекдотъ: «Въ то время, когда одинъ европейскій государь посѣтилъ папу, то оба государя поцѣловались въ дверяхъ на порогѣ залы; при этомъ одинъ знатный итальянскій вельможа сказалъ: «Ecce Jesu-Christu al jardino dei Olivi». Хотя Неаполь очень веселый и блестящій, но онъ не могъ стушевать того впечатлѣнія, какое произвелъ на нее Римъ, болѣе всѣхъ городовъ на свѣтѣ. Она замѣчаетъ, что это происходитъ не отъ великолѣпія церквей и дворцевъ, равно какъ не отъ величія древности, но отъ «очаровательнаго благоуханія католичества».

Изъ Италіи она поѣхала домой, въ Саганъ, но по дорогѣ заѣхала къ наслѣдной принцессѣ прусской, въ Берлинъ. Она съ особой похвалой упоминаетъ о заботахъ Августы насчетъ своего 14-ти

лѣтняго сына, Фридриха, будущаго императора-философа. Она очень заботилась объ его воспитаніи и въ извѣстные часы для отдыха отъ классическихъ и военныхъ занятій читала съ нимъ преимущественно французскія книги. Она просила Баранта, черезъ герцогиню Саганъ, сдѣлать выборъ книгъ для чтенія.

Въ 1847 г. политическая атмосфера во всей Европѣ стала очень безпокойная, и, по словамъ герцогини Саганъ, парламенты особенно стали развиваться, «но не къ добру». «Должно быть, княгиня Ливенъ въ лихора́дкѣ, замѣчаетъ герцогиня. Часто на нее нападаютъ припадки скуки, и она говоритъ, что желала бы для развлеченія видѣть большое смятеніе или переворотъ. Теперешнее положеніе Европы должно ее очень забавлять. Даже я, которой уже надоѣла политика, начинаю ею снова заниматься и, признаюсь, бояться». Когда, наконецъ, разразились событія 1848 года, то она не могла скрыть, что въ несчастіи Орлеановъ не было ничего величественнаго. «Ясно видна здѣсь десница Божія,—говоритъ она,—и отомщеніе за 1830 годъ. Впрочемъ со всѣмъ можно примириться, лишь былъ бы обезпеченъ порядокъ и надѣтъ намордникъ на анархистовъ. Но возможно ли это? That is the question?» Она же прибавляетъ, что императоръ Николай восторгается Ламартиномъ, который, какъ ей кажется, несмотря на весь его политическій и ораторскій талантъ, играетъ роль дурака. «Быть можетъ, вы ожидаете отъ меня описанія прусской палаты. По несчастію, она управляется элементами невѣжественными и темными. Невозможно себѣ вообразить, что могутъ создать подобные работники. Это будетъ домъ безъ лѣстницы, чердака и погребовъ, только четыре стѣны, которыя снесетъ любой вѣтеръ. Таковы, по крайней мѣрѣ, мои опасенія. Въ Франкфуртѣ хотятъ построить храмъ Соломона, а, кажется, вмѣсто того воздвигнутъ Вавилонскую башню. Куда мы ѣдемъ, Богу одному извѣстно».

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ герцогиня писала: «Особенно у насъ, въ Силезіи, были очень печальные дни. Правительство не озаботилось поставить насъ въ осадное положеніе, какъ Берлинъ, и вся провинція, буквально, прибѣгла къ оружію. Въ ней совершились многіе ужасы. Я лично избѣгла всякой опасности, потому что народъ меня любитъ, и я рѣшилась не бѣжать, а защищаться. Говорятъ, что самое опасное время прошло, потому что завтра распустятъ парламентъ и объявятъ новую конституцію. Что касается Франціи, то у меня осталось четыре друга, съ которыми я въ перепискѣ. Это—вы (баронъ Барантъ), герцогъ Нуаль, г-жа Мольенъ и герцогиня Альбуфера. Въ нихъ сосредоточивается для меня вся Франція». Въ 1849 году герцогиня Саганъ увѣряетъ, что весь свѣтъ сталъ боленъ и развратился. По ея мнѣнію, въ Венгріи должна была разрѣшиться задача, потому что въ ней сосредоточилась вся корреспонденція Западной Европы. Это понялъ императоръ Николай и

послалъ туда многочисленныя войска. «Надо надѣяться,—прибавляетъ она,—что возстаніе будетъ задушено въ окружающихъ его тискахъ; надо надѣяться, что это случится, какъ можно скорѣе, потому что дни считаются вдвойнѣ и втройнѣ, когда находишься надъ бездною».

Съ замиреніемъ Европы и воцареніемъ реакціи, внучка Бирона вздохнула свободнѣе. Она стала, однако, рѣже писать Баранту, и въ 1850, 1851, 1852, 1853, 1854 годахъ ея письма сдѣлались очень скудны и мало интересны.

На смерть императора Николая въ 1855 году она откликнулась довольно холодно. «Это важное въ Европѣ событіе,—говоритъ она,—взволновало всѣхъ, но здѣсь, въ Берлинѣ, прежде всего это событіе семейное и умаляетъ во многомъ его политическое значеніе». Въ томъ же году она поселилась на нѣсколько зимнихъ мѣсяцевъ въ Ниццѣ, гдѣ ее плѣняло солнце. «Однако, говоритъ она, солнце не удовлетворяетъ всѣмъ потребностямъ. душа жаждетъ другого свѣта, который не явится намъ въ семъ мірѣ; онъ будетъ блестѣть для насъ лишь въ другой жизни». Весною слѣдующаго года всѣ русскіе, живущіе въ Ниццѣ, отправились въ Парижъ, гдѣ былъ конгресъ, между прочими княгиня Ливенъ, которая, по словамъ герцогини Саганъ, намѣрена была вернуть свое политическое значеніе. «Никто не торжествуетъ такъ, какъ Ливенъ, замѣчаетъ герцогиня: она возродилась изъ пепла и мгновенно помолодѣла».

Однако Ливенъ не пришлось долго торжествовать, и 1-го февраля 1857 года герцогиня писала Баранту: «Любезный другъ, вы должны почувствовать, когда вернетесь въ Парижъ, отсутствіе, если не личности, то салона княгини Ливенъ; но не справедливо не придать ея смерти большого значенія. Впрочемъ, привлекаютъ только граціей, а она была лишь видной женщиной; трогаютъ только сердцемъ, а у нея оно не господствовало. Можно интересовать умѣньемъ разговаривать и подстрекать любопытствомъ. Этими качествами княгиня Ливенъ владѣла въ большой степени. Она играла роль въ лучшіе годы моей жизни и если бы она не умерла въ моемъ памятномъ жилищѣ, то ея смерть произвела бы во мнѣ нѣкоторое волненіе» [1]).

Слѣдующіе два года письма герцогини Саганъ не представляютъ ничего замѣчательнаго. Попрежнему она не остыла къ политикѣ и, особенно, оплакиваетъ положеніе Германіи. «Мы будемъ жертвой иностранцевъ или революціи, говоритъ она. Уже подымаются волны того и другого. Я въ отчаяніи и стыжусь, что мое отечество виновато во всемъ своею узкостью, слабостью, нерѣшительностью, ревностью и завистью. Мы принудимъ Австрію къ невыгодному миру, но она предоставитъ Франціи возможность ото-

---

[1]) Souvenir du baron de Barante, vol. VIII.

мстить намъ за причиняемое нами безпокойство. Угрозы Россіи не имѣютъ значенія; она разорена, и русскіе, которыхъ встрѣчаешь, признаютъ, что ихъ дѣла самыя плачевныя. Я не знаю, рѣшится ли Англія на вмѣшательство, но когда Пальмерстонъ и лордъ Джонъ Россель рѣшатся на что нибудь, то увидятъ, что прозѣвали».

До 1861 года она продолжала ѣздить ежегодно въ Парижъ, но съ этого времени путешествовать стало ей не по силамъ. Здоровье ея становилось все хуже и хуже. Наконецъ, въ 1862 году, она до такой степени стала слаба, что еле могла читать и писать. Послѣднее письмо, которое она писала своему старому другу, было очень трогательно. «Мнѣ остается,—говоритъ она,—только скрываться, страдать, вспоминать и ждать, приготовляясь, насколько умѣю. На это у меня достаточно воли. Но довольно ли этого?» Это письмо помѣчено 13-мъ августа, а 19-го сентября она умерла въ Саганѣ шестидесяти-семи лѣтъ отъ роду.

Послѣ смерти внучки Бирона герцогство Саганъ перешло къ старшему ея сыну Луи-Наполеону, и онъ получилъ титулъ герцога Саганъ.

В. А. Тимирязевъ.

ИЗЪ ИСТОРІИ РАСКОЛА ВЪ КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНІИ ВЪ XIX ВѢКѢ.

РУССКІЙ РАСКОЛЪ старообрядства, возникнувъ первоначально въ Москвѣ вслѣдствіе протеста противъ различныхъ новшествъ въ церковно-религіозномъ и соціально-бытовомъ строѣ русскаго народа, въ концѣ XVII вѣка огромнымъ пожаромъ охватилъ почти все наше отечество. Съ наибольшею силою расколъ распространился въ отдаленныхъ и захолустныхъ предѣлахъ нашей обширной родины, въ глухихъ болотистыхъ мѣстахъ холоднаго сѣвера, въ дикой сибирской тайгѣ, въ необъятныхъ степныхъ пространствахъ благодатнаго юга, среди дремучихъ лѣсовъ костромскихъ, вязниковскихъ и керженскихъ. Но и въ центральныхъ губерніяхъ Россіи, въ коихъ условія были благопріятны, расколъ пышно расцвѣлъ, крѣпко держался древляго благочестія, энергично боролся съ врагомъ старыхъ обрядовъ—антихристомъ, воцарившимся въ никоніанской церкви, и до самаго послѣдняго времени остался вѣренъ завѣтамъ и традиціямъ прошлаго, сохранивши вмѣстѣ со старыми обрядами и прежнюю косность, традиціонное невѣжество, боязнь всякихъ новшествъ, отметанье всего свѣжаго, чужого, культурнаго...

Калужская губернія, вслѣдствіе особо благопріятныхъ условій въ ея историческомъ прошломъ, рано сдѣлалась очагомъ раскола старообрядства и вплоть до нашихъ дней сохранила за собою, по числу раскольниковъ, одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду русскихъ областей и губерній со старообрядческимъ населеніемъ. Въ недавно вышедшей книгѣ г. И. Тихомирова, подъ заглавіемъ «Расколъ

въ предѣлахъ Калужской епархіи, его прошлое и настоящее», составленной преимущественно по архивнымъ даннымъ, содержатся любопытныя свѣдѣнія о калужскомъ расколѣ, въ частности за только-что минувшее столѣтіе.

Калужскій край въ XVII вѣкѣ представлялъ весьма удобную для насажденія и распространенія раскола почву. Находясь на границѣ съ Литвою и по сосѣдству со степями, въ коихъ пролегали «сакмы», т. е. пути вторженія крымскихъ татаръ въ Московское государство, покрытый въ южной и юговосточной своей части дремучими брынскими лѣсами, населенный безпокойнымъ, мятежнымъ и преступнымъ вольнымъ людомъ, лишенный надлежащаго церковно-административнаго надзора, отдаленный Калужскій край былъ для гонимыхъ и преслѣдуемыхъ раскольниковъ самымъ надежнымъ и безопаснымъ мѣстомъ пріюта. Поэтому, почти одновременно съ возникновеніемъ раскола въ Москвѣ, онъ распространился и въ Калужской губерніи. Здѣсь главными его очагами были города Боровскъ и Калуга, а также извѣстные въ старину Брынскіе лѣса. Въ Боровскѣ сѣмена раскола были брошены знаменитымъ расколоучителемъ, «священно-протопопомъ» Аввакумомъ, который дважды былъ ссылаемъ въ мѣстный Пафнутіевъ монастырь и успѣлъ пріобрѣсти здѣсь многихъ послѣдователей. Въ Калугѣ распространителями раскола были лица изъ мѣстнаго бѣлаго и чернаго духовенства, вслѣдъ за которыми, подчиняясь авторитету пастырей, шли и міряне, державшіеся дониконовскаго упованія и старыхъ обрядовъ настолько ревностно и крѣпко, что въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣковъ почти все населеніе города было раскольническимъ.

Что касается лѣсовъ Брынскихъ, или Брянскихъ, тянущихся непрерывною полосою въ южной части Калужской губерніи, то многочисленное раскольническое населеніе, здѣсь скрывавшееся, составилось главнымъ образомъ изъ пришельцевъ, бѣжавшихъ отъ кары правительства за тѣ или иныя преступленія, изъ дворовыхъ, синодальныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ, недовольныхъ крѣпостнымъ бытомъ или имѣвшихъ поводъ бѣжать отъ ужасовъ и невзгодъ крѣпостной зависимости, изъ людей вольнаго духа, не привыкшихъ къ осѣдлости и гражданскому порядку, предпочитавшихъ жизнь бродячую и свободную, полную различныхъ случайностей и любопытныхъ встрѣчъ.

Скрывшись въ чащу Брынскихъ лѣсовъ, куда съ трудомъ проникалъ глазъ правительственныхъ сыщиковъ, и откуда, въ случаѣ нужды, легко можно было перешагнуть за литовскій рубежъ, вольные русскіе люди примкнули къ тѣмъ раскольникамъ, которые, избѣгая правительственной кары за свою вѣру, поселились здѣсь въ первые же годы возникновенія старообрядства,—и образовали вмѣстѣ съ ними, «единственно ради вольности», значительное раскольническое скопище. Брынскіе раскольники не держались какого

либо одного толка, а дробились на нѣсколько различныхъ сектъ, каждая изъ коихъ группировалась около своего наставника и его скита. «Елико скитовъ, толико вѣръ», пишетъ св. Димитрій Ростовскій о брынскихъ раскольникахъ въ своемъ «Розыскѣ о раскольнической брынской вѣрѣ». Въ этомъ сочиненіи, между прочимъ, указываются такія секты брынскихъ раскольниковъ: христовщина, послѣдователи коей почитали за Христа одного мужика, иконоборщина, поповщина, безпоповщина, чувственники, учившіе, будто антихристъ пришелъ уже чувственно, аввакумовщина, серапіоновщина или морельщики, волосатовщина или самосожигатели, иларіоновщина, ѳедосѣевщина, отрицавшая бракъ, іосифовщина, ефремовщина, іаковщина, допускавшая совмѣстное сожительство монаховъ и монахинь, и субботники, постившіеся по субботамъ. «И иные многіе, прибавляетъ св. Димитрій, по лѣсамъ тѣмъ сказуютъ быти скиты великіе и малые, мужскіе и женскіе, и вѣры тѣхъ различныя и дѣла ихъ странная».

Скрываясь въ лѣсной глуши и пользуясь совершенною безопасностью въ отношеніи къ властямъ, брынскіе раскольники, наряду со скитами, образовали, во главѣ съ вольными и преступными бродягами, и разбойничьи притоны, изъ которыхъ многолюдныя шайки разбойниковъ совершали набѣги на владѣнія сосѣднихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, грабили проѣзжихъ, разоряли села и деревни, опустошали православныя церкви и монастыри. Но съ внѣшней стороны раскольническіе скиты имѣли видъ монастырей, пользовались славою богоугодныхъ мѣстъ, въ коихъ можно было научиться и грамотѣ, и иконописанію, а скитники брынскіе, для посторонняго глаза, представлялись подвижниками и постниками. Въ дѣйствительности же большая часть брынскихъ раскольниковъ, даже тѣхъ, которые принадлежали къ коренному мѣстному старообрядческому населенію, были тунеядцы и обманщики, которые, пользуясь наивностью радѣтелей древляго благочестія, привольно и въ свое удовольствіе жили на готовыхъ чужихъ хлѣбахъ и съ большою легкостью примиряли мнимо суровое внѣшнее благочестіе съ грубымъ развратомъ. Поэтому жизнь въ брынскихъ скитахъ совсѣмъ не удовлетворяла тѣхъ, кто чутко относился къ религіознымъ запросамъ своей души и искалъ истиннаго, а не мнимаго благочестія. Таковъ былъ, напримѣръ, старецъ Антоній (XVIII в.), который, прибывши въ брынскіе скиты для подвиговъ молитвы и воздержанія, вынужденъ былъ бѣжать отсюда, когда ознакомился со всею неприглядной дѣйствительностью здѣшней раскольнической жизни. Въ своемъ показаніи онъ, между прочимъ, говоритъ: «Еѳросимова (старца) сестра родная, старица Ѳедосья, живетъ въ кельѣ, которая разстояніемъ отъ его Еѳросимовой (кельи) въ верстѣ. А съ нею Ѳедосьею живутъ старицъ съ двадцать, къ которымъ онъ, Еѳросимъ, ходитъ и въ кельѣ ночуетъ почасту и сими

ночами чинитъ блудодѣяніе. Онъ же, Ѳеросимъ, ѣздитъ для прошенія милостыни по разнымъ городамъ. А оттолѣ получаетъ многое подаяніе отъ денегъ и отъ воску и хлѣбными и съѣстными припасами; а ѣздитъ въ мірскомъ уборномъ русскомъ платьѣ съ ружьемъ и съ рогатинами, называяся купецкимъ человѣкомъ. А старицы ѣздятъ для такого жъ прошенія въ городы въ мірскомъ же платьѣ съ келейниками своими. И живучи оныя старицы блудно съ старцами и съ келейниками, родятъ младенцевъ и отвозятъ въ деревни и тамо оныхъ подкидываютъ» и т. д.

Такимъ образомъ, расколъ прочно осѣлъ въ Калужской губерніи въ первое же время послѣ его возникновенія на Руси. Въ XVIII вѣкѣ онъ еще болѣе развился и укрѣпился, тамъ что Калужскій край сталъ однимъ изъ значительныхъ въ государствѣ раскольническихъ центровъ. Этому содѣйствовало духовное и матеріальное общеніе калужскихъ «церковныхъ противниковъ» съ извѣстными въ исторіи раскола старообрядческими пунктами: Стародубьемъ и Вѣткой. Оказывая стародубскимъ и вѣтковскимъ раскольникамъ матеріальную помощь, старообрядцы калужскіе, взамѣнъ этого, получали отъ нихъ бѣглыхъ поповъ, наставниковъ и старцевъ, которые и окормляли ихъ благодатью священства и пастырства. Возникло живое и тѣсное общеніе между главными старообрядческими центрами, завязались прочныя связи богатыхъ калужанъ съ вѣтковскими и стародубскими вожаками раскола, лжемонахами и лжемонахинями, подчинившими первыхъ своему духовному авторитету и упрочившими духъ церковнаго отщепенства въ нѣдрахъ Калужскаго края. Когда Стародубье, а потомъ Вѣтка, по распоряженію правительства, подверглись гоненію и оскудѣли въ числѣ и силѣ своихъ обитателей, духовный авторитетъ и власть надъ калужскимъ раскольническимъ міромъ перешли къ Московскому Рогожскому кладбищу, которое наканунѣ XIX вѣка и получило для калужскаго раскола значеніе метрополіи.

Въ царствованіе императора Александра I, державшагося въ отношеніи къ расколу либеральной политики и рекомендовавшаго дѣйствовать на заблуждающихся въ духѣ вѣротерпимости и любви и избѣгать репрессивныхъ мѣръ, калужскіе раскольники жили спокойно и благополучно. Въ это время старообрядцы поповщинскаго толка, составлявшіе главную и основную массу раскольническаго населенія въ Калужской губерніи, прежде всего стали заботиться о томъ, чтобы обезпечить себѣ свободу въ отправленіи богослуженія. Воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что расколъ былъ отданъ въ вѣдѣніе свѣтской власти, они старались жить въ ладахъ съ полиціей и администраціей, чтобы, при снисходительномъ къ себѣ отношеніи со стороны властей, получить молчаливое отъ нихъ разрѣшеніе на устройство молитвенныхъ домовъ. И дѣйствительно въ первые же годы царствованія Александра I раскольническія часовни

появились въ Калугѣ, Боровскѣ, гдѣ старообрядческая моленная имѣла устройство обыкновеннаго храма и въ изобиліи была снабжена иконами, богослужебною утварью, священными одеждами и книгами, и въ другихъ мѣстахъ.

Гораздо труднѣе было калужскимъ раскольникамъ поповщинскаго согласія разрѣшить практически вопросъ о попахъ. Бѣглые попы, коими они окормлялись, разсматривались правительствомъ, какъ бродяги, и подвергались всѣмъ лишеніямъ и злоключеніямъ своего гражданскаго безправія. Полиція зорко слѣдила за ними и дорого взыскивала съ раскольниковъ за болѣе или менѣе продолжительное пребываніе въ ихъ средѣ этихъ нарушителей общественнаго благочинія. Поэтому даже въ населенныхъ своихъ пунктахъ раскольники не имѣли постоянныхъ поповъ, а должны были пробавляться наѣзжими изъ Стародубья, Вѣтки и Рогожскаго кладбища, или же тайно проживавшими въ Брынскихъ скитахъ. Бѣглые попы во время тайныхъ своихъ пріѣздовъ успѣвали только совершить неотложныя требы—повѣнчать, отпѣть умершаго, окрестить дѣтей, да изрѣдка служили молебны. Обычныя же моленія и богослуженія совершались лже-монахами и лже-монахинями, которыхъ много ютилось въ Калугѣ и Брынскихъ лѣсахъ, или же простыми мірянами, сумѣвшими сдѣлаться духовными вожаками темной раскольнической массы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ея эксплоататорами. Какими наставниками и совершителями богослуженія и таинствъ пробавлялись калужскіе поповцы въ XIX столѣтіи, свидѣтельствуютъ слѣдующія достовѣрныя данныя. Въ 1800 году въ Калужскую духовную консисторію былъ доставленъ раскольническій инокъ Филаретъ, который показалъ на допросѣ, что онъ крестьянинъ Боровскаго уѣзда, 60-ти лѣтъ отъ роду, лѣтъ 30 тому назадъ былъ отданъ въ солдаты, но бѣжалъ безъ письменнаго вида въ Брынь, на заводы Демидова, откуда ушелъ къ брынскимъ раскольникамъ, жилъ у нихъ лѣтъ восемь, а послѣ отправился въ Польшу, гдѣ и былъ постриженъ въ монахи. Послѣ этого онъ приписался къ клинцовскому мѣщанству и съ паспортомъ пріѣхалъ въ Калугу. За просрочку паспорта Филаретъ былъ судимъ, содержался на гауптвахтѣ, откуда бѣжалъ и скрывался по знакомымъ домамъ, но въ домѣ инока Ѳеодосія былъ взятъ полиціей. При обыскѣ у него были найдены слѣдующіе предметы: книга «Скитское покаяніе», по которой онъ исповѣдывалъ раскольниковъ, листки разрѣшительной молитвы, крестъ серебряный, пилочка, ножичекъ, штемпель съ буквами (для просфоры), камилавка, мантія, двѣ просфоры, одна изъ нихъ раздробленная, сосудъ съ лжицею, раскольническіе дары. Лжемонахъ сознался, что онъ исповѣдывалъ и причащалъ раскольниковъ Калуги и сосѣднихъ деревень, служилъ панихиды, читалъ каноны и т. д. Въ одномъ домѣ съ нимъ проживала лжемонахиня, съ которою онъ состоялъ въ связи. Подобныхъ самозванцевъ-поповъ въ Калугѣ было много. Иные изъ

нихъ выдавали себя за мучениковъ, подвергшихся гоненію отъ нечестивыхъ никоніанъ, за отшельниковъ Керженца и Иргиза, прославленныхъ замѣчательными подвигами и чудесами. Переходя изъ деревни въ деревню, являясь въ дома христолюбцевъ-раскольниковъ, такіе аскеты повѣствовали о себѣ всякій вздоръ, довѣрчиво принимаемый невѣжественными слушателями за «житіе святого». «Монастырь нашъ находился на Керженцѣ,—разсказывалъ, напримѣръ, одинъ мнимый аскетъ, странникъ позднѣйшаго времени,—въ лѣсахъ непроходимыхъ. Не разъ проклятые никоніане пытались проникнуть во святое мѣсто, но все имъ не удавалось: либо со звѣремъ лютымъ встрѣтятся, либо въ трясину попадутъ, либо заблудятся въ лѣсу непроходимомъ; ходятъ вокругъ св. обители, слышатъ звонъ колоколовъ, а войти не могутъ: сила-то Божія заграждала имъ путь! Но вотъ Господь послалъ за грѣхи наши искушеніе и на нашу св. обитель. Пошли антихристовы слуги разыскивать христіанъ, разгонять благочестивыхъ иноковъ, пришли и въ нашу обитель, разорили ее до основанія и огнемъ сожгли, а иноковъ благочестивыхъ веригами обложили, да по темницамъ разсадили. Вотъ и меня привелъ Господь пострадать за старую вѣру: цѣлый годъ томился въ острогѣ, къ стѣнѣ двумя цѣпями былъ прикованъ, голодомъ и жаждою томимъ,—по двое и по трое сутокъ пищи и питія не давали, чтобы склонить къ никоніанству, отвергнуть отъ Христа. И явился мнѣ въ тонкомъ сновидѣнія ангелъ Господень, укрѣпляя меня стоять до крови за древле отеческія преданія, особенно хранить истинный крестъ (двуперстіе) наказывалъ. Такъ-то я томился въ узахъ и темницѣ цѣлый годъ, не сдаваясь врагамъ Христовымъ. И какъ увидѣли они, что никакія муки на меня не дѣйствуютъ, выпустили на свободу, крѣпко-накрѣпко заказавъ, чтобы я не смѣлъ распространять въ народѣ вѣру Христову (расколъ), но я ничего не страшусь и всюду проповѣдую древлее благочестіе. А теперь мы живемъ къ далекой пустынѣ, за Ураломъ рѣкой, въ высокихъ горахъ, въ непроходимыхъ дебряхъ души свои спасаемъ. Живемъ мы пять иноковъ, да одинъ бѣлецъ въ пещерѣ, день и ночь Богу молимся за рабовъ Христовыхъ, которые не оставляютъ насъ своими подаяніями». «Жили мы,—распѣвала стихами странница, выдававшая себя за монахиню,—за рѣкою Волгою многоводной, по которой корабли и всякія суда плаваютъ,—жили въ своемъ святомъ скиту припѣваючи, Бога прославляючи, въ постѣ и молитвѣ трудяся, духовно веселяся, о мірскихъ прелестяхъ не помышляя, духъ свой горѣ возвышая, занимаясь рукодѣліемъ, богодухновеннымъ чтеніемъ и сладостнымъ пѣснопѣніемъ. Вдругъ прослышали, что антихристово воинство по бѣлу свѣту гуляетъ, древнихъ христіанъ изгоняетъ, святыя обители разоряетъ, преподобныхъ иноковъ и инокинь по темницамъ разсылаетъ. Пріуныли мы, припечалились, бѣды великой ожидаючи. И стали Богу молитися, всю но-

чушку трудитися, слезами обливаючись, ко сырой землѣ склоняючись. Да знать, молитва наша была недоходная, и постигла насъ бѣда неисходная: налетѣло на насъ воинство антихристово, словно стадо ястребиное, съ ружьями и штыками, съ острыми тесаками, разогнали насъ, распудили, словно звѣри лютые, а скитъ нашъ предали огню и пламени и пепелъ его развѣяли. Вотъ теперь мы, горемычныя, по бѣлу свѣту скитаемся, Христовымъ именемъ питаемся».

Такіе и подобные разсказы мнимыхъ мучениковъ и подвижниковъ принимались невѣжественной раскольнической толпою за безусловную и достовѣрную правду; разсказчикамъ оказывался всевозможный почетъ и вниманіе, ихъ кормили и поили, снабжали деньгами и щедрой милостыней и даже ввѣряли духовное руководительство, поручая совершать церковныя требы, исповѣдывать и причащать мнимо-запасными дарами, крестить дѣтей, отпѣвать покойниковъ и т. д. И все это дѣлалось тайно и скрытно отъ постороннягo глаза, въ темную ночь, въ глухихъ и отдаленныхъ мѣстахъ и закоулкахъ, безъ лишнихъ свидѣтелей, дабы полиція не пронюхала о наѣздѣ бѣглаго попа, а никоніане не осквернили его благодатныхъ дѣяній своимъ гибельнымъ общеніемъ съ «истинными христіанами» и богомерзкою печатью антихриста-троеперстіемъ. Нерѣдко дѣло не обходилось безъ курьезовъ. Такъ, въ одномъ изъ селъ Мещовскаго уѣзда бѣглый попъ, скрываясь отъ полиціи, обвѣнчалъ свадьбу въ конюшнѣ. Но, съ другой стороны, бывали случаи, когда бѣглые попы встрѣчали у свѣтскихъ властей защиту и покровительство и не испытывали никакихъ непріятностей за свои преступныя дѣла. Такъ, въ Боровскѣ бѣглый попъ Васильевъ выкралъ (въ 1821 г.) изъ православной Покровской церкви антиминсъ, но это обстоятельство послужило лишь поводомъ къ нанесенію оскорбленія мѣстному православному протопопу, который попытался было раскрыть преступленіе.

Съ восшествіемъ на престолъ императора Николая I, въ отношеніяхъ правительства къ расколу произошла рѣзкая перемѣна: терпимость и снисхожденіе прошлаго времени смѣнились систематическимъ преслѣдованіемъ. Началось гоненіе на вожаковъ и руководителей раскола, стали закрываться раскольническія часовни и моленныя, гражданскія права раскольниковъ стали урѣзываться и отмѣняться, и строго преслѣдовалось всякое внѣшнее оказательство раскола и т. д. Положеніе калужскихъ раскольниковъ-поповцевъ сдѣлалось довольно тяжелымъ. Они чувствовали большой недостатокъ и въ молитвенныхъ домахъ, и особенно въ попахъ. По распоряженію властей, прежніе попы выѣхали изъ центровъ калужскаго раскола въ мѣста своего постояннаго жительства и остались здѣсь подъ наблюденіемъ полиціи, которая зорко слѣдила за всѣми подозрительными личностями. Лишь бѣглый попъ Павелъ, вѣчно

пьяный, старавшійся залить виномъ упреки своей совѣсти, обвѣвалъ въ то время калужанъ своею іерейскою благодатью. За недостаткомъ поповъ калужскіе раскольники стали прибѣгать къ помощи уставщиковъ и «большаковъ», т.-е. попечителей раскольническихъ моленныхъ, которые и крестили, и отпѣвали, и исповѣдывали, и причащали. Уставщики избирались изъ лицъ мнимоиноческаго званія, знакомыхъ съ церковнымъ уставомъ и болѣе или менѣе авторитетныхъ. Такіе иноки имѣли свои келліи почти по всей губерніи, и при томъ обыкновенно по сосѣдству съ келліями неизбѣжныхъ ихъ спутницъ-монахинь. Нерѣдко обязанности уставщиковъ исполняли и монахини, даже безграмотныя, отправлявшія службу на память. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ монахинямъ даже отдавалось предпочтеніе. Какъ иноки, такъ и инокини пріобрѣтали въ роли уставщиковъ громадное вліяніе на раскольническую массу и являлись ея руководителями и вожаками въ духовно-религіозномъ отношеніи, не смотря иногда на свое полное невѣжество.

Но какъ ни опытны и фанатичны были иноки и инокини, они не могли замѣнить для калужскихъ раскольниковъ бѣглыхъ поповъ. Нужда въ послѣднихъ въ николаевскую эпоху была огромна. Пользуясь этою нуждою и почти болѣзненною слабостью калужскихъ раскольниковъ къ попамъ древляго благочестія, нѣкоторые ловкіе проходимцы принимали на себя роль поповъ и не безъ успѣха разыгрывали ее. Такъ въ сороковыхъ годахъ пріѣхалъ однажды въ село Черную Грязь какой-то попъ. Мѣстные раскольническіе попечители, Щербаковъ и Худяковъ, встрѣтили его съ подобающею честью, помѣстили въ хорошей квартирѣ и остались очень довольны его осанистой наружностью и разговорами. Попъ разсказалъ о своихъ великихъ подвигахъ, будто бы совершенныхъ на пользу древляго благочестія, и приказалъ на слѣдующій день готовиться старообрядцамъ къ «справѣ», т. е. къ исповѣди и причастію. Рано утромъ въ село съѣхались въ большомъ числѣ раскольники изъ сосѣднихъ мѣстъ и потянулись къ часовнѣ, находившейся въ глухомъ углу сада, для выполненія церковнаго долга. Въ это время попъ, затворившись въ своей комнатѣ, такъ же готовился къ «справѣ». Небольшая внучка Щербакова изъ дѣтскаго любопытства заглянула чрезъ скважину въ комнату попа и увидѣла, что онъ сидитъ за столомъ, рѣжетъ ножемъ бѣлый хлѣбъ на мелкіе кусочки и смачиваетъ изъ бутылки чѣмъ-то краснымъ. Дѣвочка сказала объ этомъ взрослымъ, и вѣсть дошла до попечителей. Послѣдніе рѣшились на хитрость. Сынъ Щербакова подошелъ къ комнатѣ попа, сотворилъ обычную молитву и просилъ открыть дверь.

Попъ засуетился, сталъ убирать со стола разложенные припасы и прятать ихъ въ свой дорожный кошель.

— Отоприте, батюшка, неотложное дѣло до васъ есть,—повторилъ молодой Щербаковъ.

Попъ открылъ дверь и спросилъ:

— Какое дѣло?

— Васъ желаютъ видѣть попечители,—пожалуйте.

Попъ хотѣлъ было запереть дверь, но Щербаковъ сказалъ:

— Не безпокойтесь, батюшка, въ эту комнату никто не войдетъ: она завѣтная, отцовская,—и повелъ попа къ попечителямъ. Попечители и вида не подали, что имѣютъ подозрѣніе противъ попа, встрѣтили его съ должною честью и повели разговоръ о предстоящей справѣ. Между тѣмъ молодой Щербаковъ вошелъ въ ту комнату, гдѣ находился попъ, вынулъ изъ его кошеля бутылку съ краснымъ виномъ, половину бѣлаго хлѣба, жестянку съ хлѣбными кусочками, пропитанными виномъ, ножъ и другія вещи, и все это разложилъ на столѣ. Потомъ пришелъ къ попечителямъ и говоритъ:

— Готово, пожалуйте!

Попъ началъ понимать, въ чемъ дѣло. Всѣ вошли въ его комнату.

— Что это такое?—гнѣвно спросилъ попа попечитель Худяковъ, указывая на разложенныя по столу вещи. Сначала попъ нѣсколько сробѣлъ, но скоро оправился и съ наглостью сказалъ:

— Развѣ не видите что? Полбутылки кагору, половина булки, а это жестянка съ накрошеннымъ хлѣбомъ.

— Стало быть, ты насъ такимъ-то причастіемъ хотѣлъ пріобщать?—горячился Худяковъ, приступая къ нему.

— А то какимъ же?—отвѣчалъ попъ:—это и есть наше древлее причастіе, которымъ мы васъ, древле-православныхъ христіанъ, пріобщаемъ,—больше никакого нѣтъ.—Попечители набросились на попа съ ругательствами, называли его пронырой, мошенникомъ, плутомъ, губителемъ душъ христіанскихъ и т. п.

— Въ острогъ тебя засадить, мошенника!

Попъ стоялъ и улыбался, а потомъ говоритъ:—Не горячитесь, друзья! Въ острогъ вы меня не посадите, потому что я имѣю при себѣ годовой паспортъ, взятый недавно изъ волостнаго правленія. А если вы меня за поповство хотите посадить въ тюрьму, то прежде сами туда не попадите. Намъ-то не учиться стать въ казематахъ сидѣть,—мы люди бывалые! А вотъ какъ васъ, почтенныхъ купцовъ, запрячутъ, такъ вы по-иному запоете!

Попечители примолкли.

— А вы, почтенные старцы,—продолжалъ попъ,—лучше отпустите меня подобру-поздорову; я васъ будто не знаю, а вы меня будто не видали. Вы оставайтесь со всякимъ благополучіемъ, а я отправлюсь своей дорогой.

Уложивъ все обратно въ кошель, онъ сѣлъ въ телѣгу и отправился дальше «исправлять» другихъ старообрядцевъ.

Строгія мѣры, принятыя по отношенію къ раскольникамъ въ царствованіе Николая I, вызвали появленіе въ Калужской губерніи многочисленныхъ тайныхъ раскольниковъ, которые лишь наружно принадлежали къ православной церкви, но молились въ раскольни-

ческихъ часовняхъ и ходили на духъ къ бѣглымъ попамъ; послѣдніе и «переправляли» ихъ въ потребныхъ случаяхъ, очищая отъ никоніанской скверны православнаго духовенства. Съ другой стороны, строгія мѣры послужили поводомъ къ появленію въ Калужской губерніи крайне замкнутой и нетерпимой лужской секты. Распространителемъ ея былъ молодой крестьянинъ Ляпинъ, который, сгорая «огнепальнымъ желаніемъ строгости въ отеческихъ нравахъ и обычаяхъ» и не видя надлежащей привязанности къ старой вѣрѣ и обрядамъ въ современномъ раскольническомъ обществѣ, гдѣ стали носить сюртуки, жилеты, брюки, манишки и галстухи, курили папиросы и сигары,—порвалъ религіозное общеніе съ своими единовѣрцами и основалъ свое упованіе, въ коемъ изгнаніе брюкъ и манишекъ стояло на первомъ планѣ. Но старообрядческая молодежь, любившая и принарядиться, и повеселиться, протестовала противъ изгнанія изъ употребленія этихъ принадлежностей костюма и цѣною раскола въ лужской сектѣ пріобрѣла себѣ желанную свободу.

Въ концѣ царствованія Николая I нужда въ бѣглыхъ попахъ достигла у калужскихъ раскольниковъ до высшей степени, такъ что они вынуждены были, для церковной исправы, предпринимать отдаленныя и небезопасныя путешествія въ сосѣднія губерніи. Но не всѣмъ это было доступно. Поэтому во многихъ домахъ дѣти въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ оставались безъ крещенія, умершіе погребались безъ поповскаго отпѣванія, многіе жили своднымъ бракомъ, безъ церковнаго благословенія. Мало утѣшенія доставляли раскольникамъ и немногіе бѣглые попы, у нихъ скрывавшіеся. Они крайне неуважительно относились къ своему дѣлу и къ раскольникамъ, были отъявленные пьяницы и нерѣдко вслѣдствіе опьяненія оказывались не въ состояніи удовлетворять духовнымъ нуждамъ своей паствы, гнали пришедшихъ къ нимъ «истинныхъ христіанъ» прочь отъ себя и т. п.

Съ воцареніемъ императора Александра II положеніе калужскихъ раскольниковъ значительно улучшилось, какъ въ силу гуманности и терпимости правительственной политики въ отношеніи къ расколу, такъ и вслѣдствіе покровительственнаго отношенія къ расколу со стороны калужскаго губернатора В. А. Арцимовича. Раскольническіе «большаки» получили свободу въ своихъ дѣйствіяхъ, тайные раскольники не видѣли больше нужды скрываться, моленныя и часовни устраивались въ частныхъ домахъ, безъ всякаго опасенія предъ свѣтскими и духовными властями, раскольническіе попы шныряли повсюду, готовые удовлетворить духовнымъ нуждамъ «истинныхъ христіанъ». То было время, когда слагалась такъ называемая австрійская раскольническая іерархія, получившая свое начало отъ бѣглаго греческаго митрополита Амвросія, укрывшагося въ Бѣлой Криницѣ, въ предѣлахъ Австріи. Калужскіе раскольники сильно

обрадовались тому, что теперь имъ не нужно будетъ «окормляться бѣгствующимъ отъ господствующей церкви священствомъ», и поспѣшили обзавестись австрійскими попами. Въ роли новыхъ пастырей «истинныхъ христіанъ» выступили крестьяне и фабричные, невѣжественные и алчные, иногда безграмотные, но ловкіе и смѣтливые, умѣло эксплоатировавшіе раскольническую массу; они смѣло совершали «справу» раскольниковъ, перевѣнчивали сводные браки, учили свою паству въ духѣ самаго яраго фанатизма, внушая ей, напримѣръ, такія отношенія къ православнымъ: «проклинаю богоненавидимаго образа блудолюблаго прелесть душегубительныя помраченныя ереси, еже остризати браду и усы; проклинаю нечестивыхъ іереевъ, иже странно нѣкако благословляющихъ пятію персты; проклинаю ниспровергающихъ апостольское ученіе о двуперстномъ крестномъ знаменіи» и т. п.

Кромѣ австрійскихъ поповъ, у калужскихъ раскольниковъ во второй половинѣ XIX вѣка были и свои лжеепископы. Первымъ калужскимъ архіереемъ былъ Софроній, въ мірѣ крестьянинъ Степанъ Жировъ, содержавшій раньше постоялый дворъ въ Москвѣ и служившій дьячкомъ при какомъ-то бѣгломъ попѣ. Онъ, и во время епископства, былъ женатъ и имѣлъ дочь. Не отличавшійся ни умомъ, ни начитанностью, Жировъ былъ неимовѣрно корыстолюбивъ и за деньги купилъ себѣ въ Бѣлой Криницѣ епископскій санъ. Но алчность его, усилившаяся послѣ посвященія, оттолкнула отъ него раскольниковъ, такъ что лжеепископъ не имѣлъ постоянной каѳедры и вынужденъ былъ переѣзжать съ мѣста на мѣсто. За тучность Софронію дали прозвище «австрійская квашня». Въ 80-хъ годахъ въ Боровскъ былъ привезенъ изъ Москвы архіерей Тарасій, человѣкъ также темнаго происхожденія. Но онъ недолго здѣсь архіерействовалъ, потому что его выжилъ изъ города попъ Иванъ Потаповъ, ощутившій съ пріѣздомъ лжеепископа большое уменьшеніе своихъ доходовъ. «Потапычъ» и его благовѣрная, «матушка Аксинья», такъ переплели дурными слухами новоприбывшаго владыку съ мѣстной «малинницей», инокиней Минодорой, что прихожане стали избѣгать героевъ романа. Тарасій запретилъ было Потапыча въ священнослуженіи, но этотъ заперъ моленную и пересталъ пускать въ нее владыку.

— Ты не архіерей,—говорилъ ему при встрѣчахъ Потапычъ,—а блудникъ!

Искушеніе было велико, и Тарасій долженъ былъ уѣхать изъ города.

Другой раскольническій лжеепископъ Ѳеодосій раньше занимался столярною и шорною работой, потомъ состоялъ попомъ и, наконецъ, былъ назначенъ «владыкою» въ уѣздный городъ Боровскъ, въ томъ расчетѣ, что онъ и въ новомъ званіи, не обременяя своихъ прихожанъ излишними расходами, не преминетъ со-

держать себя «топоромъ и шильцемъ». По пріѣздѣ владыки въ городъ, его друзья и почитатели рѣшили устроить первое архіерейское служеніе какъ можно торжественнѣе. Было оповѣщено, что въ назначенный день Ѳеодосій въ полномъ архіерейскомъ облаченіи отслужитъ литургію въ Большаковской моленной. Между тѣмъ богомолки-малинницы узнали, что Ѳеодосій не имѣетъ митры, и сильно воскорбѣли.

— Какъ же это, владыка святый,—говорила ему Дарья Бурушкина,—митры-то нѣтъ? Вѣдь безъ митры неприглядно будетъ!

— Что жъ митра... и безъ митры отслужимъ!—отвѣтилъ Ѳеодосій:—въ самыя древнія времена митръ этихъ и не было; вонъ, погляди-ка на образъ, Василій Великій безъ митры стоитъ.

— Ужъ вы тамъ какъ хотите, а митру вамъ необходимо слѣдуетъ,—возразила Бурушкина.

— Да гдѣ же ее возьмешь-то? Вѣдь это не какая нибудь шапка, не въ каждой лавкѣ продаютъ. Я спрашивалъ въ Москвѣ, думалъ какую нибудь дешевенькую купить, да ихъ не продаютъ, а заказать надо. Оно правда: есть митры, да никоніанскія, для насъ, древле-православныхъ, не годятся. Дѣлать нечего..., обойдемся, покамѣстъ, и безъ митры.

— Вотъ что, владыка святый,—сказала Бурушкина:—вы благословите насъ соорудить для васъ митру!

— Ну, что съ вами дѣлать? Богъ благословитъ! — шейте, ужъ если такъ хочется!—съ улыбкой отвѣтилъ Ѳеодосій.

Бурушкина оповѣстила другихъ читалокъ, и всѣ изъявили желаніе участвовать въ сооруженіи архіерейской митры. Стали прежде всего разсуждать, какого цвѣта должна быть митра.

— Надо черную сшить!—замѣтила одна.

— Зачѣмъ черную? Въ монастырѣ что-ль владыка-то живетъ? Вѣдь онъ нашъ, мірской; надо какую нибудь покрасивѣй,—сказала другая.

Общимъ совѣтомъ порѣшили соорудить митру изъ темно-краснаго бархата. Купили бархатъ. Но тутъ явилось серіозное затрудненіе: какъ устроить митру, чтобы она имѣла надлежащую форму? Долго малинницы соображали, какъ помочь горю, и наконецъ какъ-то ухитрились сдѣлать основаніе митры изъ тонкой проволоки. Теперь явилась забота объ украшеніяхъ.

— А какъ же насчетъ образовъ-то?—спросила одна старая читалка.

— Какихъ образовъ?—недоумѣвали другія.

— Да вѣдь на митрѣ-то должны быть со всѣхъ четырехъ сторонъ образа....

Образовъ не оказалось. Рѣшили спросить самого Ѳеодосія, не велитъ ли онъ, вмѣсто образковъ, вышить на митрѣ желтымъ шелкомъ осьмиконечные кресты. Онъ согласился на это. Когда митра

была изготовлена, читалки, подъ предводительствомъ Бурушкиной, бережно понесли ее владыкѣ. Θеодосій, благосклонно принявъ митру, подошелъ къ зеркалу и сталъ ее примѣривать. Митра пришлась по головѣ, только немного кривобока. Θеодосій сталъ поправлять, и еще больше скосилъ.

— Ничего, сойдетъ,—сказалъ онъ.—Богъ дастъ, новой обзаведемся, а пока въ этой послужимъ.

Малинницы же пришли въ совершенное умиленіе и непрестанно падали въ ноги Θеодосію, прося его благословенія. Насталъ и день торжественнаго архіерейскаго богослуженія. Въ часовнѣ собралось множество народа. Явился и Θеодосій. Тутъ кто-то изъ его почитателей вспомнилъ, что для архіерея нужна каѳедра. Гдѣ было ее взять? Одинъ изъ купцовъ распорядился принести въ часовню ящикъ изъ-подъ товара; ящикъ установили противъ царскихъ вратъ, покрыли ковромъ, а сверху поставили табуретъ. Θеодосій взошелъ на эту «каѳедру» и усѣлся съ жезломъ въ рукѣ. Недалеко отъ него былъ поставленъ аналой, на которомъ чтецъ сталъ читать часы. Со всѣхъ сторонъ каѳедру окружили читалки, и то поправляли омофоръ на владыкѣ, то застегивали пуговки на его ризѣ, считая за величайшее счастье чѣмъ нибудь услужить ему. Θеодосій, желая показать своимъ врагамъ, что онъ, вопреки ихъ осужденію, не безграмотный, постоянно дѣлалъ замѣчанія чтецу и поправлялъ его ошибки. При этомъ онъ все привставалъ немного съ табурета и незамѣтно подвигалъ его назадъ. Такъ какъ «каѳедра» имѣла незначительную площадку, то наконецъ табуретъ сдвинулся къ самому краю. Въ концѣ часовъ чтецъ сдѣлалъ какую-то значительную ошибку. Θеодосій вскочилъ, сдѣлалъ выговоръ неумѣлому чтецу и, быстро опускаясь на табуретъ, сдвинулъ его. Съ табуретомъ и самъ древлеправославный епископъ стремглавъ полетѣлъ на полъ... Народъ ахнулъ, у чтеца замеръ голосъ, читалки зарыдали и завопили... Долго владыка барахтался, путаясь въ своихъ ризахъ и въ длинныхъ платьяхъ окружавшихъ его малинницъ. Когда Θеодосія, наконецъ, подняли и надѣли на него измятую митру, онъ разразился на всѣхъ предстоящихъ укоризнами и бранью. Ящикъ немедленно вынесли, оставили только табуретъ, на которомъ Θеодосій опять возсѣлъ. Но теперь онъ сидѣлъ нахмурившись, что-то ворча себѣ подъ носъ. Такъ неудачно было первое въ Боровскѣ торжественное служеніе лжеепископа Θеодосія.

Поповцы составляютъ наибольшій процентъ раскольническаго населенія Калужской губерніи, и лишь незначительный его процентъ принадлежитъ къ безпоповщинѣ. Калужскіе безпоповцы раздѣляются на нѣсколько сектъ, изъ коихъ наиболѣе распространены упованія перекрещенцевъ, трехначальныхъ христіанъ и селезней. Перекрещенцы получили свое названіе отъ того, что они подвергаютъ

перекрещиванію всѣхъ, кто присоединяется къ ихъ обществу. Сектанты живутъ въ уединенныхъ скитахъ и келліяхъ, мужчины вмѣстѣ съ женщинами, проводятъ время въ постѣ и молитвѣ. Но и развратъ, вслѣдствіе тѣснаго общенія половъ, свилъ прочное себѣ гнѣздо въ перекрещенскихъ скитахъ. Перекрещенцы привлекаютъ новыхъ прозелитовъ въ свою среду, главнымъ образомъ, посредствомъ подкупа и обѣщаній легкой и довольной жизни. Ихъ скиты весьма щедро субсидируются богатыми раскольническими купцами и фабрикантами. Такъ, скитъ Коряковскій находится на иждивеніи фабриканта Александрова, который устроилъ и другой перекрещенскій скитъ при своей фабрикѣ. Для послѣдняго скита Александровъ отвелъ особую, уединенную и незамѣтную для постороннихъ лицъ комнату, въ коей имѣется нѣсколько образовъ и аналой съ книгами. Вдоль стѣнъ комнаты стоятъ кровати и сундуки, замаскировывающіе истинное назначеніе комнатъ. Здѣсь постоянно живутъ старцы, уставщикъ, читалки-дѣвы, пѣвчіе. Ихъ обязанности заключаются въ совершеніи богослуженія и молитвъ за Александрова съ семействомъ, отъ котораго они получаютъ годовое содержаніе и жалованіе. Свое дѣло обитатели скита тщательно скрываютъ и числятся въ составѣ фабричныхъ рабочихъ. Лишь только въ домъ Александрова явятся лица изъ православнаго духовенства или мѣстной администраціи, моленная моментально пустѣетъ: всѣ ея обитатели разбѣгаются на дворъ, въ кухню, контору. Александровъ и его клевреты занимаются и уловленіемъ новыхъ адептовъ своего «древлеправославнаго» упованія. Вотъ какъ разсказывала о своемъ перекрещиваніи ветхая старушка Яковлева, которую раскольническіе отцы, по приказанію Александрова, силою искупали въ проруби рѣки, вечеромъ подъ 1-е января, подъ тѣмъ предлогомъ, что «старуха не понимаетъ своей выгоды». «Раздѣли меня, сняли съ меня бѣлье, на голое тѣло надѣли хозяйскую шубу и повели къ рѣкѣ. Кромѣ старцевъ, со мной были одна дѣвка и крестьянинъ, назначенные мнѣ въ воспріемники. Дорогой молилась я Богу, чтобы Онъ не допустилъ мнѣ погибнуть. Пришли на прорубь. Вижу, идетъ по дорогѣ народъ на ярмарку въ Боровскъ. Что есть мочи закричала я тутъ, думая, что съ дороги меня услышатъ и отымутъ. Въ одинъ моментъ тогда сняли съ меня шубу, схватили за руки и за ноги и бросили въ воду. Во все тѣло мое впились тутъ леденящія иглы холодной воды. Какъ стрѣла, бросилась я со дна кверху, но не выскочила на свѣтъ Божій и о что-то твердое стукнулась головой. Ну, думаю, подъ ледъ попала. Что было дальше, не помню. Пришла въ себя уже тогда, когда опять была одѣта въ шубу. Чувствую, лежу въ какомъ-то страшномъ холоду и слышу—старецъ говоритъ: «что же имя-то ей забыли дать»? А другіе отвѣчаютъ: «ну, что-жъ! была Матрена, пусть и теперь будетъ Матрена».

Послѣ черезъ шесть недѣль мнѣ сказали, что, когда опускали меня въ прорубь, то я выскользнула изъ рукъ старцевъ, и меня съ трудомъ отецъ нашелъ въ проруби и вытащилъ за волосы». Религіозныя обязанности у перекрещенцевъ исполняются «настоятелями», «старцами», «учителями», лицами невѣжественными и темнаго происхожденія, до бродягъ включительно.

Трехначальные христіане держатся такого воззрѣнія: въ нынѣшнее антихристово время священства нѣтъ, церковные уставы устали, кормчая не кормитъ, правила не правятъ, и кануны потонули; поэтому простецамъ остается только держаться «трехъ началъ», подъ коими разумѣются извѣстныя молитвы и поклоны. Всѣмъ послѣдователямъ секты вмѣняется въ обязанность возможно чаще выполнять эти начала. Входя въ домъ, трехначальные христіане кланяются другъ другу въ ноги, а старики въ поясъ, и всѣ безъ исключенія цѣлуютъ другъ друга, привѣтствуя словами: «Христосъ прислалъ вамъ поклонъ со всѣхъ сторонъ», «рабы Христовы вамъ кланяются» и т. п. Самихъ себя сектанты называютъ духовными монахами, а женщинъ богородицами. Руководителями ихъ состоятъ невѣжественные простецы, берущіе на себя смѣлость даже изъяснять священное писаніе, выдавая за слово Божіе всякія бредни.

Секта селезней отличается отъ другихъ безпоповщинскихъ упованій совершеніемъ причащенія: часть даровъ, сохраняемыхъ будто бы отъ временъ дониконовскихъ, они запекаютъ въ коровай хлѣба, которымъ и причащаются. Обязанности наставниковъ у нихъ исполняютъ и женщины. Въ серединѣ XIX вѣка боровскіе «селезни» причащались и исповѣдывались у старой дѣвки Ѳеклы, которая совершала эти требы въ особой одеждѣ, съ распущенными волосами и съ повязкой на головѣ изъ позумента.

Вообще, расколъ въ Калужской губерніи въ теченіе XIX вѣка былъ довольно силенъ. Онъ имѣлъ свои часовни, моленныя и скиты, управлялся многочисленнымъ сонмомъ наставниковъ, старцевъ, поповъ, большаковъ и малинницъ, которые усердно руководили слѣпою массою своихъ послѣдователей и воспитывали ихъ въ самомъ грубомъ фанатизмѣ. Но въ концѣ вѣка стало замѣчаться нѣкоторое шатанье раскола, происшедшее подъ воздѣйствіемъ православныхъ миссіонеровъ. Въ борьбѣ съ никоніанами руководители раскола прибѣгали къ разнообразнымъ мѣрамъ, лишь бы удержать свою паству въ прежнемъ у себя повиновеніи. Иногда употреблялись для этого средства наивныя и смѣшныя. Такъ, калужскій старообрядецъ Головтѣевъ въ 1887 году распространялъ среди своихъ единовѣрцевъ слѣдующую легенду. «Во вторникъ на Пасхѣ, разсказывалъ онъ, я находился въ нѣкоемъ тонкомъ усыпленіи и вижу свѣтлаго мужа, который взялъ меня за руку, повелъ показать невиданныя мною мѣста и привелъ въ мѣсто мрачное и тем-

ное, гдѣ помѣщаются узники, каждый въ отдѣльности. Вижу, сидитъ человѣкъ, связанный 24 вервіями, и свѣтлый мужъ спросилъ меня: «Узнаешь ли сидящаго и связаннаго? Это—вашъ соборный попъ Василій» (православный миссіонеръ). И подлинно, я узналъ, что это онъ. Ведетъ меня дальше и показываетъ въ иномъ, еще темнѣйшемъ мѣстѣ сидящаго узника и связаннаго 32 вервіями и говоритъ: «А этого узнаешь? Это—пятницкій (православный) попъ Жаровъ». Ясно узнаю и этого. Наконецъ, еще ведетъ меня уже въ такое мѣсто, гдѣ трудно было и разглядѣть сидящаго. Вхожу съ трудомъ, присматриваюсь и вижу сидящаго юношу, безбрадаго, связаннаго 40 вервіями. Указующій говоритъ: «А этого узнаешь? Вѣдь это вашъ рождественскій попъ Михаилъ. Всѣ они связаны и толпятся во тьмѣ за то, что своей проповѣдью возмущаютъ древлеправославныхъ христіанъ. Иди же теперь и укрѣпляй свою братію, да не поколеблются въ своемъ древлемъ благочестіи».

Но и подобныя средства оказывали мало вліянія на раскольниковъ, въ смыслѣ полнаго ихъ отчужденія отъ никоніанъ. Жизнь беретъ свое, и дѣло просвѣщенія старообрядцевъ, хотя и медленно, но идетъ впередъ. Насколько ослабѣлъ прежній фанатизмъ раскольниковъ, видно изъ случаевъ смѣшанныхъ браковъ. За дѣвушку-раскольницу сватается молодой человѣкъ, православный или старообрядецъ, но другого упованія. Партія хорошая, нравится и невѣстѣ, и ея родителямъ, да бѣда въ томъ, что женихъ иной вѣры, а такой бракъ, устроенный обычнымъ порядкомъ, можетъ вызвать въ одновѣрцахъ и осужденіе, и насмѣшки. Въ этихъ случаяхъ допускается такая хитрость: жениху формально отказываютъ, но въ то же время даютъ знать, что молодымъ людямъ предоставляется свобода дѣйствовать самимъ. Съ вѣдома родителей, женихъ устраиваетъ форменное умыканье невѣсты. Родители невѣсты, для вида, устраиваютъ погоню за мнимыми бѣглецами, но всегда ѣдутъ въ противоположную сторону отъ того пути, по которому скрылся женихъ съ невѣстой. Чрезъ нѣсколько дней новобрачные являются къ родителямъ съ повинной. Опять происходитъ комедія: родители не принимаютъ дѣтей, грозятъ проклятіями. А потомъ устраивается примиреніе, и цѣль достигнута.

Такимъ образомъ, сама жизнь учитъ раскольниковъ любви и миру. Но нескоро еще, надо полагать, въ темной, невѣжественной и фанатической раскольнической средѣ воцарятся истинныя начала разума, совѣсти и права.

И. С.

КИРИЛЛОВЪ МОНАСТЫРЬ.

(Изъ экскурсій въ окрестности Новгорода).

ШТАТНЫЙ Кирилловъ монастырь находится въ 4-хъ верстахъ отъ Новгорода. Это одинъ изъ несчастныхъ монастырей по своему мѣстоположенію. Онъ стоитъ на островѣ Селезневѣ, какъ бы въ тискахъ, между двумя рукавами Малаго Волховца. Весною рукава сливаются, и вода подходитъ къ самому монастырю, причиняя большія поврежденія. Въ бурю волны хлещутъ въ обводную стѣну, вышибаютъ кирпичъ, сносятъ покрышку. Не даромъ проходитъ и ледоплавъ, особенно, когда вѣтеръ со стороны Ильменя: ледъ напираетъ, лѣзетъ на стѣну, коверкается, образовывая настоящія баррикады. Въ иной годъ даже ледорѣзы нипочемъ, и ихъ разметываетъ по бревешку. Изъ года въ годъ переноситъ стихійныя бѣдствія Кирилловъ монастырь. Въ каждое половодье братія находится въ страхѣ и молитъ Бога, чтобы не случилось большихъ несчастій. Это—матеріальныя бѣды отъ наводненій, но есть и другія. Въ кельяхъ заводится страшная сырость, удаляютъ ее все лѣто, а тѣмъ временемъ монахи усиленно болѣютъ, и смертные случаи повторяются чаще.

Такъ или иначе, но монастырь стоитъ изстари, стоитъ цѣлые вѣка. Нѣкоторыя лѣтописи [1]) называютъ основателями его нѣкіихъ Димитрія и Константина Корованкевичей, давшихъ средства на сооруженіе въ 1196 г. каменнаго храма во имя св. Кирилла Але-

---

[1]) Новгор. III и IV лѣт.

ксандрійскаго; упоминается такъ же и новгородскій мастеръ съ Лубянной улицы, Коровъ Яковличъ, второй послѣ Петра, строившаго Юрьевъ монастырь [1]); Корованкевичи погребены въ притворѣ, но слѣдовъ отъ могилъ никакихъ не сохранилось, а о погребеніи ихъ лишь гласитъ плохонькая дощечка на стѣнѣ. Большинство же лѣтописей говоритъ, что, когда строился каменный храмъ, на островѣ уже былъ монастырь, управлялся игумномъ Анисимомъ, но о названіи умалчивается. Предполагаютъ, что кирилловскій храмъ построенъ въ память избавленія Новгорода отъ татарскаго ига. Однако по историческимъ лѣтописнымъ даннымъ между основаніемъ храма и отступленіемъ татаръ есть разница во времени. Храмъ основанъ ранѣе, за 42 года. Эту разницу старается разсѣять архимандритъ Макарій [2]), говоря, что храмъ былъ тогда или возобновленъ, или явился прежде по обѣту. Послѣдующіе вѣка, XIV—XVI, были губительны для монастыря по случаю пожаровъ, но онъ снова возобновился и разъ даже увеличился придѣломъ св. Леонтія, епископа ростовскаго. Затѣмъ монастырь подвергся шведскому разгрому и все-таки не упалъ духомъ, такъ что по росписи новгородскихъ церквей [3]) въ немъ значатся два храма: Аѳанасія и Кирилла Александрійскихъ съ тремя придѣлами и св. Леонтія съ трапезою. Въ началѣ XVIII столѣтія монастырь переустроенъ, древній храмъ оставленъ, храмъ св. Леонтія обращенъ въ придѣлъ, и съ двухъ сторонъ придѣлана паперть. Конецъ указаннаго вѣка завершился для монастыря устройствомъ отдѣльной церкви Покрова Богородицы и въ южной паперти придѣла преподобнаго Арсенія. Тогда же въ Новгородѣ, на берегу Волхова, упразднился Арсеніевъ монастырь, откуда мощи св. Арсенія были перенесены въ Кирилловъ монастырь. Теперь это мѣсто занимаютъ часовня, мучные лабазы и громадный домъ оригинальной архитектуры, принадлежавшій извѣстному милліонеру Кузнецову и недавно перешедшій за долги въ собственность городского банка.

Послѣ арсеньевскаго придѣла монастырь не подвергался никакимъ капитальнымъ передѣлкамъ, только нынѣ реставрируется внутренность храма александрійскихъ архіепископовъ.

Я пріѣхалъ въ монастырь, когда стѣны были уже окрашены и расписаны, но иконостасъ находился еще въ разобранномъ видѣ до нижняго яруса.

Съ обителью меня знакомилъ игуменъ Вонифатій, семидесятилѣтній старикъ, довольно бодрый, общительный. Съ внѣшней стороны реставрируемый храмъ удержалъ за собою первобытный стиль,

---

[1]) О посѣщеніи Юрьева монастыря ниже.

[2]) Археологическое описаніе новгородскихъ церковныхъ древностей. Изд. 1860 г.

[3]) Составлена въ 1615 г.

но внутри объ отдаленной эпохѣ напоминаютъ исключительно образа.

Когда мы вошли въ храмъ, игуменъ остановился предъ развалинами.

— Много ли тутъ добра,—началъ онъ голосомъ сожалѣнія:—а четыре тысячи подай имъ. — Вонифатій оглянулся назадъ. Тамъ стояли двое, какъ оказалось впослѣдствіи, живописецъ и позолотчикъ, проживающіе на время работъ въ монастырѣ.

— Монастырскихъ четыре тысячи?

— Всякихъ есть: и жертвованныхъ, и хозяйственныхъ. Ремонтъ-то мнѣ не подъ силу, забота большая, да дѣлать нечего, съ благословенія владыки. Предлагалъ я ему эти деньги на реставрацію св. Софіи—не взялъ. Говоритъ, капля въ морѣ, лучше у себя храмъ облаголѣпь.

— Это, батюшка, какіе образа?—перебилъ я игумена, указывая на нижній ярусъ иконостаса.

— Четыре изображенія изъ Апокалипсиса,—вмѣшался живописецъ.

— Вотъ онъ, я вѣдь не ученый, — оправдывался смущенный игуменъ.

— Какъ не ученый?

— Простой монахъ, изъ купеческаго званія. Хотите, разскажу, какъ меня произвели въ игумены?—вдругъ повернулъ неученый монахъ и, не дожидая отвѣта, повелъ разсказъ.—Спасался я въ Перекомскомъ монастырѣ сначала послушникомъ. Живой, расторопный былъ въ молодости, на работу огонь. Потомъ постригся въ монахи, скоро меня сдѣлали казначеемъ, и вся хозяйственная часть очутилась въ моихъ рукахъ. Повелъ дѣла превосходно; настоятель, старичокъ Паисій, не могъ нахвалиться мной. Однажды прибѣгаетъ нашъ пастухъ и сообщаетъ, что по дорогѣ къ монастырю ѣдетъ какой-то батюшка въ бѣломъ клобукѣ и въ упряжкѣ много лошадей. Я смекнулъ, что это высокопреосвященнѣйшій. А тогда митрополитомъ былъ Исидоръ. Сейчасъ къ понамарю: звони, тороплю его, во всѣ. Пріѣхалъ дѣйствительно Исидоръ, всѣ встрѣчаютъ, переполошились, а я нипочемъ. Перво-наперво владыка спросилъ: какъ это вы узнали обо мнѣ?—Васъ ли не замѣтить, святый владыко!—говорю я, кланяюсь до земли и вижу по лицу, что звонъ ему пріятенъ.—«Отче Паисій, въ вашей обители, я слыхалъ, скотъ прекрасный, такъ посмотрѣть пріѣхалъ».—Это владыка-то настоятелю. Я и тутъ смекнулъ. Живо распорядился, чтобъ принесли стаканъ сливокъ. Владыка отвѣдалъ и говоритъ: за такую порцію дашь въ Петербургѣ десять рублей. Мы еще ниже кланялись, а владыка снова настоятелю: «Отче, ты старъ—меня проводятъ помоложе». Я выскочилъ впередъ и повелъ владыку на скотный дворъ. Долго онъ тамъ хвалилъ коровъ, потомъ и говоритъ: «до-

ставьте мнѣ лучшую корову, а я вышлю сто рублей». Слушаю, святый владыко,—говорю и самъ въ землю. Въ этотъ же день мы его провожали. Влѣзъ онъ въ бричку и обратился ко мнѣ: «тебя какъ зовутъ?»—Вонифатій, святый владыко,—отвѣтилъ я. «Не забуду». Только и сказалъ. Корову мы отправили, тѣмъ дѣло и кончилось. Спустя годъ, пріѣзжаетъ въ монастырь членъ консисторіи, позвалъ меня и говоритъ: «Собирайся-ка въ кирилловскій игуменомъ, да поживѣе». Послѣ я узналъ, что кирилловскимъ игуменомъ двоихъ представляли, а Исидоръ положилъ такую резолюцію: опредѣлить перекомскаго Вонифатія. Вотъ и служу здѣсь двадцать годовъ,—закончилъ игуменъ, разсказывая, очевидно, эту исторію не разъ съ одинаковымъ энтузіазмомъ.

— Вынутыя иконы тоже древнія?—обратился я уже къ живописцу.

— Очень даже. Было съ ними хлопотъ.

— А что?

— Приходилось чистить, скоблить. Я ихъ вновь переписалъ. Теперь онѣ всѣ готовы, только вставить въ иконостасъ.

— Вотъ эти не тронуты,—указалъ я на древніе образа, развѣшанные по колоннамъ.

— По условію мое дѣло въ иконостасѣ,—оправдательнымъ тономъ заявилъ живописецъ,—этихъ я не касался.

— И прекрасно сдѣлали.

Живописецъ, придавъ моимъ словамъ тотъ смыслъ, что я его какъ бы похвалилъ за строгое исполненіе условія, смѣрилъ меня самодовольнымъ взглядомъ и продолжалъ:

— Работа на нихъ старинная, хорошая, но краски полиняли, слѣзли, и виду въ нихъ того нѣтъ. На свѣжихъ иконахъ колеръ ярче и живости куда больше.

Нетронутыхъ иконъ на колоннахъ оказалось выдающихся три: соборъ святыхъ отцевъ, св. Андрей юродивый и три святителя—Кириллъ, Аѳанасій и Леонтій. Образа дѣйствительно старинные, по письму, пожалуй, относятся къ эпохѣ построенія храма; ризъ на нихъ нѣтъ, только на святителяхъ серебряные вѣнчики, украшенные жемчугомъ.

Съ образовъ я перевелъ глаза на стѣны; игуменъ замѣтилъ.

— Чисто, весело вездѣ покрашено, и гдѣ слѣдуетъ писаніе изъ ветхаго и новаго завѣта. Все благодѣтели, ихъ щедротами оборудовано.

— Кто же они такіе?

— А Господь вѣдаетъ. Дѣло было такъ. Приходятъ въ монастырь семь человѣкъ. Мы, говорятъ, мастера, давайте стѣны въ храмѣ возобновимъ. У меня, отвѣчаю, денегъ нѣтъ, новый иконостасъ задумалъ. А они: не надо намъ ничего, намъ приказано, пустите только въ храмъ.

— Кто приказалъ—не сказали?

— Говорили послѣ, что купецъ московскій, но кто именно—промолчали.

— Ну, вы и пустили?

— Не сразу. Ходили къ епископу за благословеніемъ. Такъ и такъ, докладываю ему, явились мастера, неизвѣстно отъ кого, хотятъ въ пожертвованіе стѣны обновлять. Что-жъ, говоритъ, монастырю не худо, съ Богомъ. Какъ они тутъ дѣлали, я не вмѣшивался, только иногда заглядывалъ изъ любопытства. Все лѣто они проработали. По окончаніи, явились ко мнѣ, сказали: «счастливо оставаться», и ушли.

— По обѣту кто нибудь,—замѣтилъ я.

— Да, не иначе,— согласился игуменъ.

Ходили съ о. Вонифатіемъ въ алтарь. Въ алтарѣ все убрано, кромѣ иконъ. Одна изъ нихъ обращаетъ на себя вниманіе по древности—это икона Спасителя, безъ ризы, прекрасной, художественной работы. Проходя черезъ діаконникъ, я замѣтилъ мѣдную дощечку съ именами.

— Это двадцать душъ усопшихъ,—объяснилъ игуменъ.—Вѣчно поминаемъ за проценты съ неприкосновеннаго вклада.

— Разныхъ фамилій?

— Нѣтъ, одной, Кузнецовской.

Придѣлы небольшіе, леонтьевскій даже очень малъ, вмѣщаетъ не болѣе десяти человѣкъ и при томъ чрезвычайно низкій. Въ немъ интересный иконостасъ—весь серебряный, состоитъ лишь изъ царскихъ вратъ и двухъ боковыхъ иконъ.

Въ главномъ храмѣ двѣ раки. Одна налѣво отъ входа, въ стѣнѣ, съ частицами св. мощей Кирилла и Аѳанасія, украшенная рѣзною аркой. Другая направо. Для послѣдней пробита полукружіемъ стѣна въ арсеніевскій придѣлъ и съ обѣихъ сторонъ задѣлана балдахиномъ. Здѣсь почиваютъ св. мощи преподобнаго Арсенія Новгородскаго.

— Теперь, о. Вонифатій,—обратился я къ игумену,—какъ бы ризницу посмотрѣть.

— Извольте, но тамъ ничего нѣтъ такого для васъ; всѣ древнія вещи пожарами уничтожены. Впрочемъ, покажу вамъ монеты.

Мы пошли. Ризница небольшая, по стѣнамъ парчевыя ризы. Виситъ люстра, хранятся подсвѣчники, паникадила, посохи, но не какъ памятники старины, а какъ непрочная работа нынѣшняго вѣка. Среди этого хлама я наткнулся на интересную митру и сталъ ее разсматривать, тѣмъ временемъ игуменъ чего-то копался въ сторонѣ. Митра мѣдная, посеребреніе слѣзло, украшена простыми камнями и опушена заячьимъ мѣхомъ. Судя по надписи, она сдѣлана игуменомъ Александромъ, ей болѣе 200 лѣтъ.

Общій видъ Кириллова монастыря.

О. Вонифатій поднесъ мнѣ жестяную коробку, полную серебряныхъ монетъ.

— Это монастырскій кладъ, — сказалъ онъ торжествующимъ голосомъ.—Лѣтъ девять назадъ, пахали близъ монастыря землю и нашли эти монеты кучками.

Монеты восточныя, довольно стараго времени, есть даже IX вѣка; толщиною онѣ въ бумажный листъ, въ окружности равняются нашей нынѣшней трехкопеечной монетѣ; работа очень грубая, изображенія неясныя. Попадается много половинокъ.

— Жалко,—замѣтилъ я,—сколько переломано.

— Нѣтъ, такъ должно,—авторитетно заявилъ игуменъ.—Я немало ихъ роздалъ. Знатоки говорили, что цѣлой монетѣ была своя цѣна, ну, хоть бы рубль, а половинѣ — половинная, какъ бы полтина, за это и называлась «ломцемъ».

— Подумайте, какъ въ старину было просто и удобно,—резонерствовалъ батюшка.—Надо заплатить меньше рубля, отломилъ и разсчитался.

Не особенно знакомый съ нумизматикой, я молчалъ. О. Вонифатій перешелъ на другое.—А то нашли въ полѣ шлемъ съ дырой, должно быть, пробитъ копьемъ.

— Гдѣ же онъ?

— Нѣту, — развелъ руками игуменъ.—Это было какъ разъ въ то время, когда губернаторъ Мосоловъ собиралъ разныя старыя вещи. Взялъ этотъ шлемь посмотрѣть, да и не возвратилъ; не иначе, что въ музей попалъ.

— Облаченье у васъ, видимо, позднѣйшее?

— Все новое. Есть одна схима отшельника, въ которой онъ спасался.

— Покажите, пожалуйста.

Игуменъ досталъ изъ-подъ ризъ черную епитрахиль съ колпачкомъ. На схимѣ краснымъ и бѣлымъ шелкомъ вышиты молитвенныя изреченія, внизу кости и черепъ, на колпачкѣ крестъ.

— Чья же это схима?

— Неизвѣстно, давно здѣсь былъ схимникъ.

— По записямъ или на могилѣ, вѣроятно, онъ значится.

— На кладбищѣ памятника его нѣтъ,—это я знаю, а по записямъ, можетъ быть, и есть, да я не справлялся, потому что особенной нужды не встрѣчалось.

Я внимательно разсматривалъ схиму и нашелъ, что по свѣжести она или хорошо сохранилась, или, вопреки заявленію о. Вонифатія, была недавняя.

— Это что! — беря отъ меня схиму, сказалъ игуменъ, — пойдемте-ка ко мнѣ въ келью, тамъ увидите замѣчательную картину.

— Очень радъ,—согласился, конечно, я.

Главный храмъ Кириллова монастыря.

У церкви насъ поджидалъ живописецъ, который почему-то вполголоса сообщилъ мнѣ что на кухнѣ, какъ образа въ углахъ, имѣются иконы и царскія врата изъ древняго иконостаса. Я обѣщалъ непремѣнно побывать.

Мы отправились съ о. Вонифатіемъ въ его келью; онъ всю дорогу шелъ впереди меня, поворачивался и твердилъ: «удивительная картина, просто живая».

Въ кельѣ игумена чисто, опрятно. Прихожая просторная; изъ нея дверь въ свѣтлую, большую комнату, въ которой такъ много образовъ, что иные помѣщаются въ простѣнкахъ.

— Вотъ полюбуйтесь,—указалъ о. Вонифатій на картину въ золотой рамѣ.

Въ длину картина болѣе аршина, въ ширину—менѣе, изображаетъ веденіе Христа на распятіе.

— По-моему,—продолжалъ игуменъ,—она на холстѣ, а пріѣзжалъ студентъ отъ профессора Покровскаго и говорилъ, что она на бумагѣ.

— Какія же доказательства?

— Зачѣмъ, видите ли, наклеена на доскѣ.

Я хорошенько разсмотрѣлъ картину и улыбнулся.

— Что?—поймавъ мою улыбку, спросилъ о. Вонифатій.

— Студентъ сказалъ правду, отецъ игуменъ, эта картина штампованная на бумагѣ; красивая рама даетъ ей хорошій видъ, а вы поэтому заблуждаетесь. Такія картины австрійскаго мастерства, сотнями распространяются по сельскимъ костеламъ и избамъ религіозныхъ хозяевъ.

Игуменъ даже открылъ ротъ отъ удивленія, и по его лицу я замѣтилъ, что мои слова не убѣдили все-таки владѣльца штампы.

Изъ настоятельской кельи я прошелъ на кухню; живописецъ былъ уже тамъ. Кухней именуются двѣ комнаты. Въ первой печь, скамейки, поварской изрѣзанный столъ. Вторая обставлена для жилья, гдѣ на самомъ дѣлѣ и живетъ поваръ. Во внутренней стѣнѣ послѣдней комнаты сдѣлано окно безъ стеколъ, чрезъ которое открывается еще комната, гдѣ стоитъ длинный узкій столъ, съ деревянными ложками и оловянными тарелками—это трапеза. Несомнѣнно, окно служитъ удобствомъ для передачи изъ кухни въ трапезную пищи.

— Я здѣсь болѣе двухъ мѣсяцевъ,—обратился ко мнѣ живописецъ,—ознакомился со всячиной. Сначала взгляните сюда. Это что?

Онъ указалъ на образъ пророка Даніила, висѣвшій предъ печью. Образъ длинный, совсѣмъ не домовый; онъ въ краскахъ побурѣлъ, облупился и покрылся слоемъ грязи.

— А главное дальше,—продолжалъ живописецъ и повелъ меня въ комнату повара. Въ углу установлены двѣ дощаныя половинки отъ царскихъ вратъ, съ закругленнымъ верхомъ. Въ полукружіи

изображеніе Благовѣщенія, ниже на каждой половинкѣ по два евангелиста. Рядомъ виситъ также половина отъ какихъ-то дверей, какъ есть съ петлями, на ней написанъ, кажется, архангелъ Гавріилъ. Отъ угла ниже и выше развѣшаны апостолы, пророки, святители. Они такого же вида и состоянія, какъ и образъ Даніила. Совершенно вѣрно, что это разобранный иконостасъ, потерявшій,

Церковь св. Андрея Юродиваго въ Кирилловомъ монастырѣ.

по мнѣнію современныхъ храмостроителей, пригодность въ новыхъ церквахъ. Иконостасъ очень древній и, вѣроятно, сдѣланъ при основаніи монастыря. Хотя плохими, попорченными сохранились до насъ изображенія этого памятника, но я увѣренъ, что археологи иконописи найдутъ въ нихъ немало интереснаго и поучительнаго. Съ такимъ убѣжденіемъ я и вышелъ изъ кухни.

По выходѣ, живописецъ повѣдалъ мнѣ еще новость.

— У монастыря,—разсказывалъ онъ,—есть приписная церковь, во имя Андрея Юродиваго, очень старая. Вотъ въ ней осталось все такъ, какъ было по началу, только фрески позамазаны.

— Это, гдѣ я сходилъ съ лодки, такъ на другомъ берегу?

— Именно та, возлѣ коровника.

— Какого коровника?

— А какъ же? Тамъ все монастырское хозяйство: амбары, хлѣва, погреба, скотъ, хлѣбъ и прочее.

— И то, и другое интересно,—сказалъ я.—Пойдемте.

Мы переѣхали рукавъ Малаго Волховца и стали подниматься высоко въ гору. Прошли хозяйственныя службы, рабочія избы и очутились предъ очень маленькой церковью. Она стоитъ, какъ перстъ, среди поля. При высокой открытой мѣстности, вѣтры и бури, должно быть, значительно потрепали ея стѣны, такъ что чья-то милостивая рука, чтобы спасти церковь отъ окончательнаго разрушенія, съ ногъ до головы обшила ее желѣзомъ.

По лѣтописямъ, здѣсь находился Ситецкій монастырь. Въ XIV вѣкѣ какая-то Наталья, вмѣсто деревяннаго храма, построила каменный, подъ именемъ Андрея Христа ради юродиваго. Сначала монастырь былъ настолько обезпеченнымъ, что легко переживалъ пожары и снова укрѣплялся, но послѣ шведскаго погрома монастырь не могъ воспрянуть съ прежней силой. Какъ ни приводили его въ цвѣтущее состояніе, посредствомъ вкладовъ и грамотъ царей, всетаки монастырь годъ отъ году падалъ, потерялъ самостоятельность, перешелъ въ вѣдѣніе архіерейскаго дома и въ концѣ концовъ упразднился, оставивъ въ знакъ бытія своего нынѣшнюю церковь. Положимъ, памятникъ скромный, но онъ переноситъ насъ въ отдаленную эпоху. Прежде Андреевская церковь была въ два этажа—въ каждомъ по отдѣльному престолу, но теперь нижній этажъ разобранъ и обращенъ въ кладовую.

Мы вошли по деревянной лѣстницѣ въ дощаную паперть, укрѣпленную на столбахъ. Въ паперти единственный образъ Богоматери, большихъ размѣровъ, писанный на холстѣ, сильно облупившійся. Предъ образомъ на веревкѣ спускается лампадка, въ родѣ простого фонаря; лампада донельзя загрязнена и, кажется, десятками лѣтъ не теплилась [1]). Дальше помѣщеніе, конечно, миніатюрное, да и то частью вытѣсняется двумя колоннами. На колоннахъ висятъ старинные образа, среди которыхъ есть одинъ позднѣйшій, это образъ священномученика Фотія, съ подписью: «помяни, Господи, священно-архимандрита Фотія во царствіи Твоемъ». Такихъ образовъ было нѣсколько въ Юрьевскомъ монастырѣ; о нихъ разсказываютъ интересный фактъ. Тамошній архимандритъ Фотій, извѣстный чиститель души и капиталовъ графини А. А. Орловой-Чесменской,

---

[1]) Служба въ Андреевской церкви бываетъ разъ въ году—2 октября.

Часть иконостаса въ церкви Андрея Юродиваго въ Кирилловомъ монастырѣ.

сдѣлалъ и поставилъ эти образа въ Георгіевскомъ соборѣ. Послѣ смерти его и графини [1]) въ Юрьевъ пріѣзжалъ императоръ Николай Павловичъ и, замѣтивъ однообразныя иконы священномученика Фотія, спросилъ: откуда онѣ? Ему доложили, что ихъ заказывалъ и ставилъ бывшій настоятель Фотій. Государь заподозрѣлъ, что Фотій заживо написалъ себя образомъ, и поэтому повелѣлъ немедленно вынести подобные образа вонъ, какъ недостойные быть въ храмѣ Божіемъ.

Въ иконастасѣ цари, св. угодники безъ всякихъ позолотъ и металлическихъ украшеній; царскія врата тоже простыя, гладкія. Висятъ мѣдныя паникадила, стоятъ деревянные подсвѣчники. Стѣны волнообразныя, съ крошечными окнами, къ куполу испещрены голосовниками. Кстати о стѣнахъ. Онѣ выбѣлены и не представляютъ ничего особеннаго издали, но подойдешь ближе, приглядишься, и видно, какъ сквозь бѣлизну, точно сквозь прозрачную кисею, пробиваются контуры какихъ-то фигуръ.

— Вѣдь это фрески забѣлены?—удивился я.

Живописецъ утвердительно кивнулъ головой, сталъ объяснять, но причинъ, видимо, не зналъ и, напротивъ, доказалъ незнакомство со «всячиной». Хорошо, что въ это время пришелъ о. Вонифатій и разсказалъ, въ чемъ дѣло.

— Старые монахи знаютъ,—говорилъ игуменъ:—тутъ было сплошь исписано: угодники, святители, чудеса юродиваго, народъ. Загляните въ алтарь; тамъ то же самое.

Дѣйствительно, и въ алтарѣ стѣнопись скрывалась подъ бѣлилами, но только слой окраски, очевидно, положенъ тоньше, поэтому крылья ангеловъ, даже лики нѣкоторыхъ святыхъ обрисовываются яснѣе.

— Скажите, батюшка, кому понадобилось мазать стѣны?—спросилъ я о. Вонитафія.

— Служилъ до меня игуменъ Димитрій, такъ это онъ умудрился. Чудакъ былъ большой руки, все у него выходило не полюдски. Что ему пришло въ голову замалевать писаніе — не знаю. И то сказать, можетъ быть, хотѣлъ сызнова писать, да не успѣлъ, или что иное.

— Вѣроятно, цѣнныя фрески?

— Не безъ того,—съ гордостью подтвердилъ игуменъ.—Пріѣзжалъ изъ Софійскаго собора Сусловъ и всячески старался добыть писаніе, да не вышло дѣло. Пускался на послѣднее средство: пробовалъ смыть бѣлила,—не годится, краска слѣзаетъ, такъ и уѣхалъ ни съ чѣмъ.

Оставалось сожалѣть о томъ, какъ варварски погребены здѣсь фрески—эти образцы художества XIV вѣка. И я глубоко сожалѣлъ.

---

[1]) Фотій умеръ въ 1838 г., а графиня—въ 1848 г.

Мощи свв. Кирилла и Аѳанасія.

а когда мы вышли изъ храма, открыто негодовалъ на поступокъ игумена Димитрія.

— А Богъ съ нимъ,—добродушно махнулъ рукою о. Вонифатій,— онъ давно ужъ на томъ свѣтѣ. Пойдемте-ка лучше къ коровницѣ. Я приказалъ самоваръ поставить.

Нужно ли говорить, какая можетъ быть изба и обстановка у коровницы, работающей на монастырь почти изъ «усердія»?

Мы помѣстились на скамьяхъ за голымъ столомъ, на которомъ стоялъ уже потемнѣвшій самоваръ. Приготовили чай, и началось, какъ выразился игуменъ, «дѣло нехмельное».

Коровница, среднихъ лѣтъ, загорѣлая, сильная баба, да двѣ дѣвушки, вѣроятно, ея помощницы, стояли въ почтительномъ разстояніи отъ насъ и сосредоточенно, какъ бы съ завистью, смотрѣли на чаепитіе.

— Жить можно,—разсказывалъ игуменъ, съ присвистомъ отхлебывая чай,—сытно можно жить. Братіи, и я въ томъ числѣ, десять человѣкъ, ну, много ли монахамъ надо, а получаемъ порядочно. Нашъ монастырь штатный, значитъ, на жалованьѣ. Отъ казны идетъ 250 р. въ годъ, изъ нихъ на ремонтъ 50 рублей. Я получаю 28 рублей въ треть, а остальные братіи, соразмѣрно сану, по 3—7 рублей. Тысячу беремъ съ пожертвованнаго капитала—это доходъ важный, а еще важнѣе земля даетъ. Подумайте, двѣ пожни сдаемъ въ аренду за 490 рублей.

— Какая же выгода противъ процентовъ?—возразилъ я.

— Какъ невыгоднѣе!—опѣшилъ о. Вонифатій и даже поставилъ на столъ блюдечко.—Вы считайте, кругомъ хлѣбъ свой, да на сторону продаемъ. Нонѣ вонъ въ Юрьевъ монастырь продали зерномъ на 200 р., по 5 рублей куль ржи. Тамъ тоже есть земля, а своего хлѣба не хватаетъ, много монаховъ на прокормленіи. Сѣна избытокъ, тоже продаемъ.

— Слѣдовательно, часть земли обработываетъ братія?

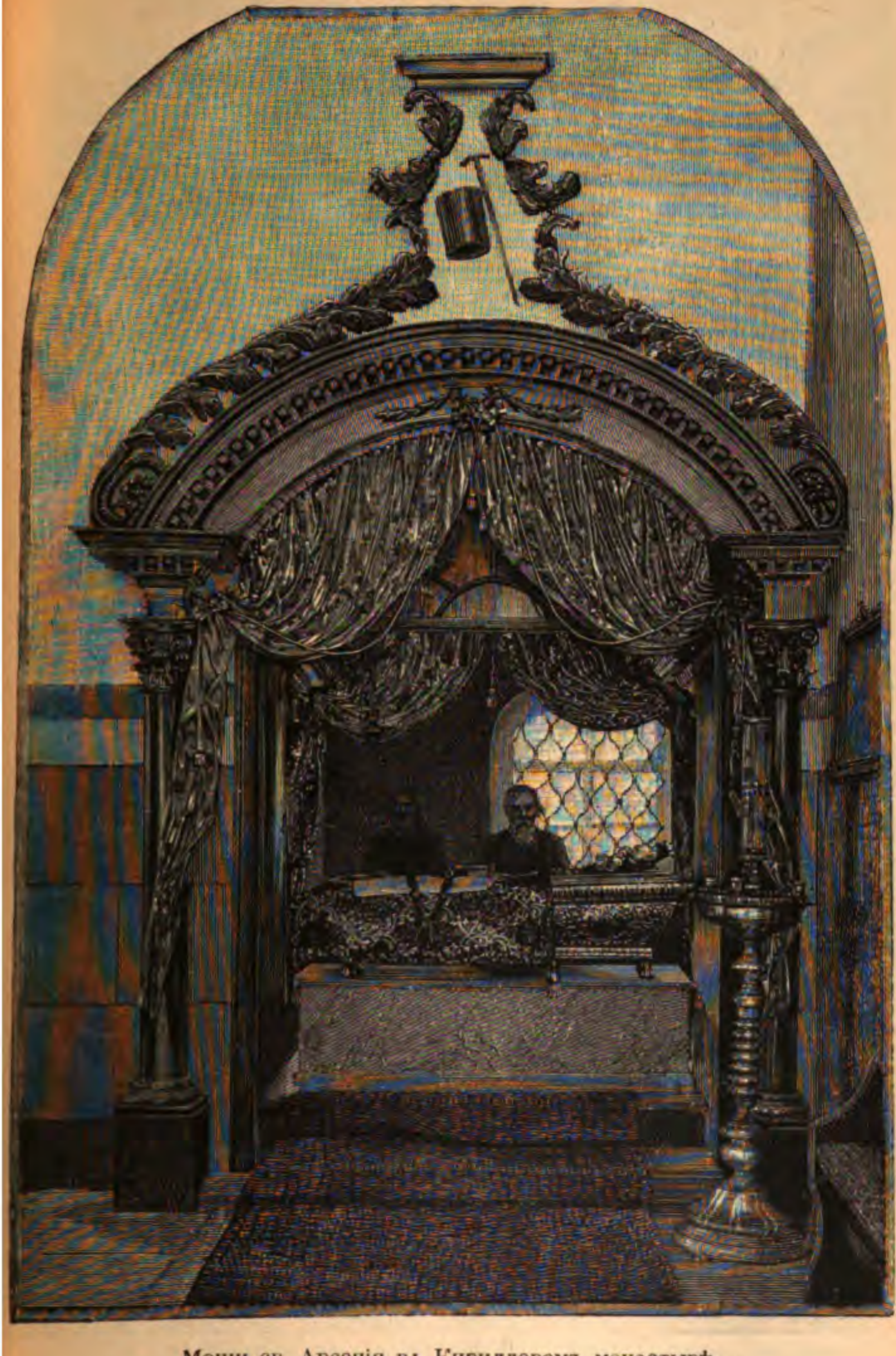
— Какъ вамъ сказать... немножко, самимъ не справиться, больше нанимаемъ крестьянъ изъ Ожигова. Ситецкіе покосы и Сельцо будутъ десятинъ 60, сдаемъ въ аренду. Знаменскую пожню косятъ намъ крестьяне, поля около монастыря обработываемъ исполу. А огороды возьмите, капуста ежегодно остается, пускаемъ въ продажу. Картофель какой у насъ—превосходный. Въ Сковородскій монастырь архимандритъ бралъ на сѣмена. Ну, съ него стыдно брать. Веніаминъ—почтенный старецъ, мой хорошій пріятель.

— Вы съ нимъ въ большой дружбѣ?

— Еще бы, въ гости другъ къ дружкѣ ходимъ, угощаемся.

— Извините, батюшка, за нескромность—чѣмъ угощаетесь?

— У него садъ большой, славный, у меня баня съ легкимъ паромъ. Онъ мнѣ ягодъ, яблочковъ, а я его въ баню, потомъ чайкомъ попотчую—дружно живемъ. Дальше скажу: дровъ тоже не покупаемъ.



Мощи св. Арсенія въ Кирилловомъ монастырѣ.

— У васъ и лѣсная дача есть?

— А какъ же!—удивился игуменъ, какъ будто бы я его обидѣлъ этимъ вопросомъ.—Въ общемъ владѣніи съ казною и крестьянами; на нашу долю приходится до 120 десятинъ. Только далеко, близъ Мсты. Прошлой зимой вывозили 200 саж., такъ съ зоготовкой и доставкой на мѣсто сажень обошлась въ 2 рубля.

— По вашимъ словамъ, земли порядочное количество?

— Благодареніе Богу, грѣхъ обижаться [1]).

— Какъ у васъ, батюшка, насчетъ молочнаго хозяйства?

— Тоже не худо. Изъ скота 4 лошади и 20 коровъ. Каждый годъ подпускаемъ и продаемъ. На-дняхъ гуртовщику отдалъ пару коровъ за 100 рублей. Молочнаго продукта хватаетъ довольно, даже торгуемъ имъ. Наступитъ Великій постъ, куда дѣвать творогъ, масло—въ Новгородъ на рынокъ.

— Вы говорите, всего вдоволь, а вотъ монахи у васъ ходятъ чуть не въ рубищѣ.

О. Вонифатій чего-то устыдился и такъ низко опустилъ голову, что волосы буквально закрыли ему лицо. Послѣ краткаго молчанія онъ выпрямился, отвелъ пряди за уши и промолвилъ съ глубокимъ сожалѣніемъ:

— Отъ себя, истинно отъ себя.

— Что же они неряшливы?—допытывался я.

— Не то,—безнадежно махнулъ рукою игуменъ и отвернулся отъ меня къ окну, какъ бы высматривая такого монаха, на которомъ онъ могъ бы воочію убѣдиться въ моемъ замѣчаніи.

— Скажите, батюшка, по простотѣ души, что же? — не отставалъ я.

— Винополія, родной мой, вотъ что!—выпалилъ игуменъ и самъ почему-то испугался своихъ словъ.—О слабость, о искушеніе!—твердилъ онъ, поднимаясь съ сидѣнья.

— Отецъ игуменъ, намъ съ вами до берега вмѣстѣ,—попробовалъ я слегка заискать собесѣдника, но онъ ничего не отвѣтилъ, даже не оглянулся, вышелъ изъ избы и сталъ легонько спускаться, опираясь на палочку. Я слѣдовалъ за нимъ. Садясь въ лодку, я благодарилъ настоятеля за радушный пріемъ и все прочее; онъ молча только снялъ широкополую шляпу, и лодки наши разошлись подъ прямымъ угломъ: его поѣхала къ противоположному берегу, а моя вверхъ, разрѣзая зеркальную поверхность ручейка.

Ну, подумалъ я, игуменъ поспѣшилъ, вѣроятно, потому, чтобы не разболтаться о грѣшкахъ монастырскихъ.

А. Г. Слезскинскій.

---

[1]) По земскимъ матеріаламъ за Кирилловскимъ монастыремъ числится 264 десятины удобной земли.

ИЗЪ ПОѢЗДКИ КЪ ДОНСКИМЪ КАЛМЫКАМЪ.

НИ ОДИНЪ еще разъ поѣздка въ степь къ калмыкамъ «на кумысъ» не была такъ удачна, какъ поѣздка наша лѣтомъ 1899 года. Моему коллегѣ, художнику Нѣмцову, при помощи одного общества, удалось заручиться вѣскимъ документомъ отъ наказнаго атамана области войска Донского, поэтому намъ стала доступною такая область калмыцкой жизни, которая рѣдко дѣлается предметомъ наблюденія туристовъ.

Въ нижеслѣдующихъ строкахъ читатель найдетъ краткіе наброски видѣннаго и узнаннаго въ вышеупомянутую поѣздку. Недосказанное въ очеркѣ пусть дополнятъ прилагаемыя рисунки...

I.

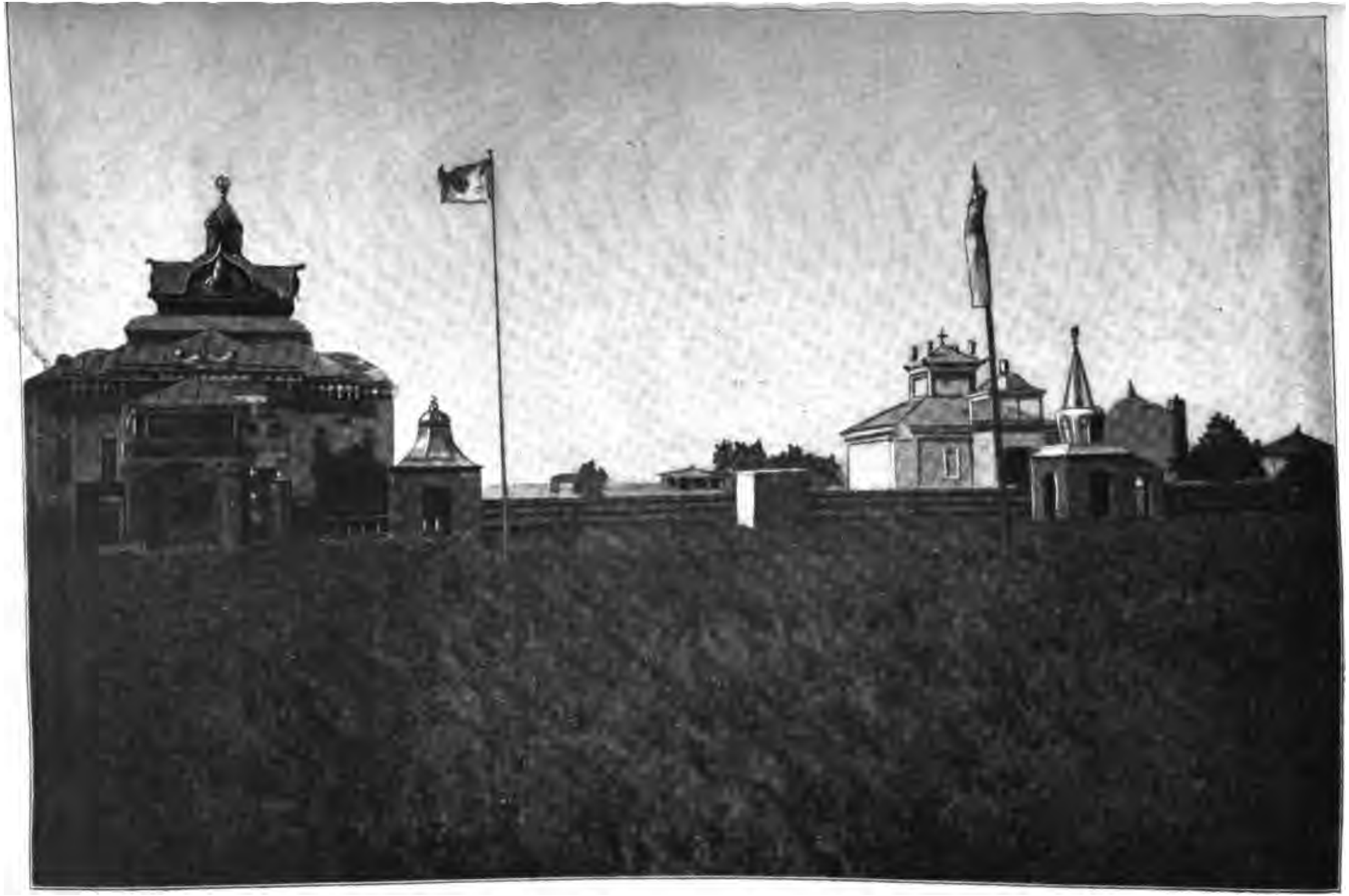
Цѣлью поѣздки была станица «Гремучій Колодецъ». Со станціи царицынской желѣзной дороги Великокняжеской, получивъ отъ мѣстнаго атамана открытый листъ на проѣздъ на земскихъ подводахъ, мы вступили въ область безпредѣльной степи, не особенно широкою, но длинною лентою протянувшейся между рѣками Саломъ и Манычемъ, притоками тихаго Дона. Погода стояла знойная; на небѣ ни облачка; въ десять часовъ утра «жаръ» пылалъ по степи во всей силѣ. Передъ нами открылся обширнѣйшій гори-

зонтъ; но, къ сожалѣнію, этотъ горизонтъ однообразенъ и тосклив ъ... Я знаю, есть поэзія и въ широкой степи, съ ея нѣмымъ просторомъ, съ ея томительнымъ однообразіемъ; но мы, утомленные школьными дѣлами, не видѣли ничего поэтическаго вокругъ себя. Въ самомъ дѣлѣ, намъ ли, утомленнымъ десятимѣсячнымъ сидѣньемъ въ пыльномъ, шумномъ городѣ, со взвинченными экзаменами нервами, чаявшимъ въ кобыльемъ кумысѣ найти спасеніе отъ переутомленія, намъ ли было отыскивать красоты въ этой огромной равнинѣ, тамъ и сямъ пересѣченной балками и кое-гдѣ покрытой небольшими солеными озерками; въ этой безбрежной молчаливой пустынѣ, гдѣ въ теченіе долгихъ часовъ утомленный глазъ путника кое-гдѣ замѣтитъ верблюда или на дрянной лошаденкѣ калмыка, этого друга степей, съ обуглившимся отъ загара лицомъ, въ засаленной до невѣроятія казацкой фуражкѣ и черномъ ластиковомъ бешметѣ, стеганномъ на ватѣ? Или что поэтическаго въ этомъ опрокинутомъ надъ нашими головами небесномъ куполѣ, синемъ и невыразимо глубокомъ, съ котораго палитъ безжалостное лѣтнее солнце, обратившее зеленый травяной коверъ степи въ какую-то мрачную коричневатую поверхность, на которой пятнами выступаетъ полынь, сохранившая свой блѣдно-зеленый налетъ? Надъ нами и кругомъ насъ тишина, которой не нарушало даже пріятное журчанье многочисленныхъ ручейковъ, протекающихъ въ глубинѣ балокъ: казалось, мертвенный сонъ степи сковывалъ даже движеніе прохладной, живой влаги... Но вотъ показалась главная монастырская резиденція донскихъ калмыковъ, цѣль нашей поѣздки, станица «Гремучій Колодецъ». Конецъ однообразію и тоскливости степи!

II.

Не Богъ знаетъ, что представляетъ собою станица «Гремучій Колодецъ», а мы очень обрадовались ей послѣ томительнаго однообразія молчаливой степи. Не сразу и замѣтишь эту станицу, расположенную въ неглубокой степной впадинѣ, у самаго родника. Послѣдній, давшій названіе станицѣ, дѣйствительно «гремитъ». Въ котловинѣ, изъ обвала зелени, бьетъ толщиною въ руку струя воды, бьетъ съ большимъ шумомъ, а затѣмъ растекаясь исчезаетъ въ болотѣ. У самаго родника устроенъ цементный бассейнъ. Къ нему придѣланы деревянные желоба-корыта, куда утромъ и вечеромъ пригоняется скотъ изъ степи на водопой.

Мѣстные интеллигенты-казаки передавали, что этотъ гремучій родникъ былъ открытъ св. братьями Кирилломъ и Меѳодіемъ. Если этотъ разсказъ не плодъ досужей фантазіи позднѣйшихъ поколѣній, то въ немъ слѣдовало бы видѣть отголосокъ пребыванія славянскихъ первоучителей у волжскихъ хазаръ.



Одинъ изъ монастырей донскихъ калмыковъ.

Расположеніе зданій въ «Гремучемъ Колодцѣ» весьма характерно для калмыцкой степи и ея населенія.

Центръ станицы занятъ на большомъ разстояніи (нѣсколько десятинъ) храмами и поселеніемъ монаховъ. Это, такъ сказать, особая монастырская станица. Ея населеніе живетъ особою жизнью, особыми интересами. Недаромъ же монастырь отдѣленъ отъ прочихъ зданій станичныхъ кирпичною стѣною съ четырьмя воротами на востокъ, западъ, сѣверъ и югъ.

За поселеніемъ монаховъ на небольшомъ разстояніи расположены постройки, небольшіе деревянные домики или землянки нѣкоторыхъ казаковъ, занимающихся или торговлею, или арендующихъ у калмыковъ землю подъ пахоту.

Еще дальше въ строгомъ порядкѣ построены, какъ видно, правительственною рукою однообразные саманные домики. Это и есть самая станица «Гремучій Колодецъ», населенная калмыками. Тутъ все обстроено чинно: оставлена между домами площадь для базара; имѣется домъ для станичнаго управленія; есть зданіе-богадѣльня для престарѣлыхъ калмыковъ и больница, куда, впрочемъ, трудно заманить больныхъ степняковъ, которые еще не увѣровали въ русскую медицину.

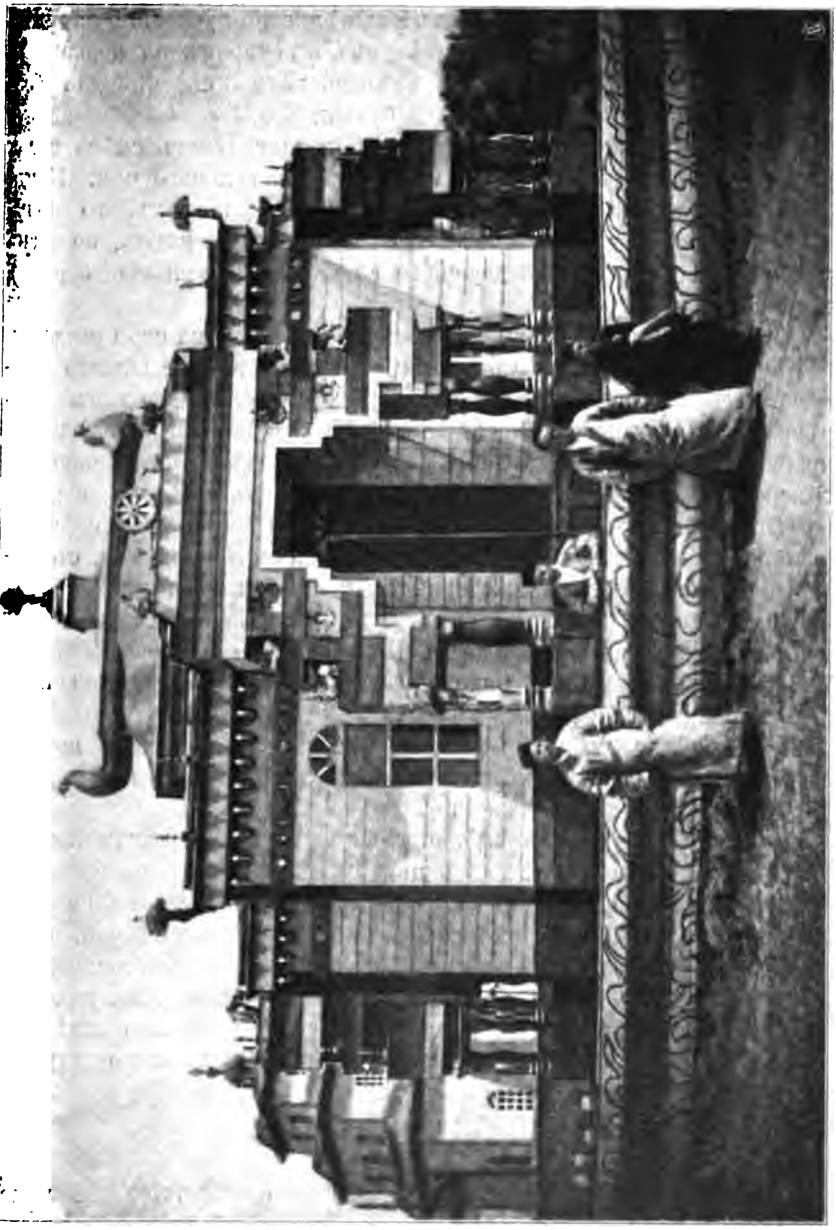
Таково общее расположеніе поселенія у гремящаго родника. Конечно, насъ всего болѣе заинтересовали «поселеніе монаховъ» и «поселеніе калмыковъ». Казаки, поселившіеся среди калмыковъ и занимающіеся торговлею, ремеслами (серебряныхъ дѣлъ мастера) и земледѣліемъ, насъ мало интересовали, почему и рѣчь наша дальше будетъ итти о монашествующихъ и свѣтскихъ калмыкахъ.

III.

Нѣчто своеобразное и вѣющее сѣдою стариною представляетъ калмыцкій «хурулъ» (храмъ). Представьте себѣ довольно внушительное деревянное зданіе съ башенками, съ своеобразными азіатскими фантастическими украшеніями и съ нѣсколькими (обыкновенно четырьмя) портиками или притворами. Все оно окрашено въ свѣтло-сѣрый цвѣтъ, на фонѣ котораго пестрятъ яркими красками (зеленою, голубою и др.) четыре входа. Крыша «хурула» желѣзная.

Близъ главнаго храма расположено нѣсколько второстепенныхъ, меньшаго размѣра; ихъ обыкновенно называютъ «кумирнями». Эти храмы имѣютъ такую же причудливую архитектуру и такъ же рѣжутъ глазъ пестротою, какъ и главный «хурулъ». Назначеніе ихъ совершенно одинаковое съ послѣднимъ. Главный хурулъ и кумирни, вокругъ него расположенныя, обнесены деревянною оградою, въ которой посажены деревья, преимущественно бѣлая акація.

Близъ храмовъ, на значительномъ разстояніи, деревянные домики, жилища монаховъ. Эти келліи строятся на средства монаховъ



Кумирня.

почему только богатые изъ нихъ имѣютъ свои особые уединенные домики. По большей же части въ одномъ домикѣ живетъ отъ двухъ до четырехъ монаховъ.

Среди этихъ небольшихъ келлій выдѣляется крохотная лачужка это—«хурульная чайная», гдѣ утромъ и вечеромъ на церковныя средства варится въ огромныхъ котлахъ калмыцкій чай для безплатной раздачи монашествующей братіи.

Столь любимый калмыками ихъ чай представляетъ смѣсь воды, молока, соли, коровьяго масла и кирпичнаго зеленаго чая. Когда всѣ эти продукты перекипятъ въ огромныхъ котлахъ, то получается буроватая жидкость, маслянисто-соленая на вкусъ, но очень питательная. Ее пьютъ изъ деревянныхъ чашекъ (корельской березы), съ хлѣбомъ и безъ него.

Остальную пищу монахи приготовляютъ сами и на свои средства.

Еще пестрѣе и ярче для глаза внутренность калмыцкаго «хурула». Въ глубинѣ его алтарь. Здѣсь ступенями, одинъ надъ другимъ, расположены китайскіе столики яркой, съ позолотою, окраски; на нихъ разставлены серебряныя тарелочки и чашечки съ зерномъ, печеньемъ, масломъ и настоемъ изъ шафрана, а равно и свѣтильники съ зажигаемыми во время богослуженій свѣчами. На самыхъ верхнихъ столикахъ находятся металлическія, съ позолотою, большой и малой величины, изображенія идоловъ, съ раскрашенными въ синій цвѣтъ волосами. Первое мѣсто между идолами занимаетъ изображеніе Шак-же-миню (искаженное — Сакіа-Муни). Сверху все находящееся въ алтарѣ осѣняется шелковымъ балдахиномъ.

Стѣны храма украшены изображеніями на полосахъ матеріи боговъ или сценъ изъ далекаго прошлаго. Эти картины нарисованы по-китайски, безъ тѣней.

Отъ алтаря до выхода изъ внутренности храма положены матрацы изъ синяго сукна; здѣсь на колѣняхъ сидятъ во время богослуженія монахи. Передъ каждымъ изъ нихъ—столикъ со звонкомъ и чашкою. Въ послѣднюю наливается калмыцкій чай, которымъ подкрѣпляютъ себя клирики въ промежуткахъ богослуженія. Здѣсь же находятся трубы, литавры, барабаны и другія музыкальныя принадлежности калмыцкаго богослуженія. Нужно замѣтить, что внутри храма во время богослуженія находятся только клирики, а міряне стоятъ внѣ храма, въ оградѣ.

IV.

Весьма большой интересъ представляетъ составъ монашествующей братіи и ея житье-бытье. Намъ удалось близко сойтись со многими почтенными священниками и ихъ прислужниками; много бесѣдовать, и добытыя свѣдѣнія, смѣемъ надѣяться, будутъ интересными и новыми...

Священные предметы въ алтарѣ кумирни.

Калмыки «Гремучаго Колодца» въ религіозномъ отношеніи—буддисты, послѣдователи Далай-ламы. Духовенство у нихъ—монашествующее, по-нашему «черное». Монахи калмыцкіе даютъ обѣтъ безбрачія, хотя не всѣ его строго соблюдаютъ, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время...

Многіе дѣлаются монахами по обѣту родителей, другіе по собственному желанію. Въ жизни монастырской, какъ и въ міру, большую роль у калмыковъ играютъ матеріальныя средства.

Только что поступившихъ въ монастырь, по большей части, мальчиковъ 10—12 лѣтъ, называютъ «манжиками». Слѣдующая ступень—«гицуль» (нѣчто въ родѣ діакона, іеродіакона), еще выше—«гилюнъ» (іеромонахъ, священникъ), а главою монастыря, настоятелемъ его, является «бакша».

«Манжики» составляютъ свиту бакши и гилюновъ. Учась грамотѣ тибетской и пріучаясь къ богослуженію, они главнымъ образомъ ведутъ хозяйство гилюновъ, у которыхъ и живутъ. Съ утра начинается ихъ работа по хозяйству: прибрать помѣщеніе, сварить или принести чаю, приготовить обѣдъ,—все это должны сдѣлать манжики.

Каждый «гилюнъ» (священникъ) живетъ на свои средства, которыя составляются изъ подарковъ свѣтскихъ родныхъ, скота и подаянія прихожанъ. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ по нѣсколько сотъ головъ скота (лошадей и овецъ).

Изъ среды наиболѣе богатыхъ и почтенныхъ гилюновъ избирается настоятель монастыря, главный хурульный бакша. Ему даются большія полномочія; онъ получаетъ большую часть доходовъ съ монастыря, но зато онъ является представителемъ монашествующей братіи и лицомъ, отвѣтственнымъ за ея поведеніе передъ войсковымъ начальствомъ.

Бакши пользуются среди калмыковъ большимъ уваженіемъ, а послѣ смерти имъ сооружаютъ памятники, иногда очень цѣнные.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ надъ «хурульными бакшами» считался начальникомъ «главный бакша донскихъ калмыковъ». Эта должность теперь, кажется, уничтожена, по крайней мѣрѣ, послѣ смерти послѣдняго «главнаго бакши» эта должность не замѣщалась.

Въ одну изъ прежнихъ поѣздокъ г. Нѣмцову пришлось познакомиться съ послѣднимъ «бакшею бакшей». Это былъ прекрасный человѣкъ, пользовавшійся среди калмыковъ не только «Гремучаго Колодца», въ которомъ онъ жилъ, такимъ большимъ уваженіемъ, что его по смерти зачислили въ святые. Домъ, служившій ему жилищемъ, хранится свято; надъ его же могилою построена часовня, къ которой ежегодно стекаются поклонники-калмыки со всей Донской области. Бакша носитъ двоякую одежду: обыкновенную и парадную.

Монастырская братія станицы «Гремучій Колодецъ».

(Бакши, гилюны, гицули и манжики).

Первая одинакова съ одеждою «гилюновъ», и о ней будетъ рѣчь ниже, но парадная одежда очень интересна. Поверхъ халата въ торжественныхъ случаяхъ бакша надѣваетъ юбку изъ дорогой шелковой или штофной матеріи. На плечи набрасывается цвѣтная пелерина съ разноцвѣтными кистями. Голова покрывается чернымъ шатерчатымъ колпачкомъ, въ центрѣ котораго (на макушкѣ) укрѣпляется деревянный султанъ, обтянутый чернымъ шелкомъ съ ниспадающими прядями такихъ же нитокъ,—нѣчто въ родѣ прядей волосъ. На колпачекъ этотъ надѣвается коронка, состоящая изъ пяти картонныхъ пластинъ, съ изображеніемъ «бурхана» (бога). Отъ коронки на шнуркахъ по обѣимъ сторонамъ лица бакши ниспадаетъ по пяти лентъ различныхъ «священныхъ цвѣтовъ».

Въ обыкновенное время бакша, какъ упомянуто выше, носитъ костюмъ, одинаковый съ костюмомъ «гилюна»; только на голову надѣваетъ онъ остроконечный, желтаго цвѣта, шелковый колпакъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что монахи—наиболѣе осѣдлый элементъ среди номадовъ-калмыковъ. Но старая привычка даетъ знать себя и этимъ отшельникамъ: съ приближеніемъ лѣта, каждый хурульный бакша выселяется изъ деревяннаго дома въ бѣлую войлочную кибитку. Этой привычкѣ при насъ повиновался и бакша Гремучаго Колодца. Недалеко отъ зимняго жилища, во дворѣ хурула, увидѣли мы эту лѣтнюю резиденцію его. На рѣшетчатомъ деревянномъ станкѣ, обтянутомъ полостями (войлочными), укрѣпленъ коническій верхъ, по надобности то закрывающійся, то открывающійся. Внутри кибитка была убрана различными довольно красивыми яркоцвѣтными матеріями и обставлена мебелью въ азіатскомъ и европейскомъ вкусѣ. Въ сильный жаръ полости стѣнъ внизу приподымаются, крыша открывается, и такимъ образомъ въ кибиткѣ получается пріятный сквозной токъ воздуха и отрадная прохлада. И нельзя было не позавидовать бакшѣ, когда онъ въ такой прохладѣ съ восточнымъ кейфомъ распивалъ прескверный калмыцкій кумысъ.

Не такъ роскошно живется «гилюнамъ».

Эти священнослужители вмѣсто рубахи носятъ бумажныя бѣлыя разрѣзныя кофты, спрятанныя въ юбки изъ синей китайки. Затѣмъ слѣдуетъ изъ бумажной матеріи, желтаго или краснаго цвѣта, бешметъ, а сверхъ него халатъ восточнаго покроя, съ длинными рукавами. Бешметъ обязательно стягивается поясомъ. На бритыхъ головахъ носятъ или цвѣтныя ермолки, или суконныя плоскія шляпы, а на ногахъ туфли или сапоги изъ желтаго и краснаго (священные цвѣта) сафьяна.

Каждый гилюнъ носитъ привѣшенный у пояса шарообразный металлическій пузырекъ съ святою водою. Покуривъ или совершивъ другую естественную потребность, гилюнъ обязательно наливаетъ изъ пузырька на ладонь святой воды и пьетъ ее для очи-

Бакша бакшей.

щенія. Подобно другимъ монашествующимъ, гилюны имѣютъ четки изъ кожи или корельской березы.

Отличительною особенностью въ костюмѣ гилюна является кусокъ цвѣтной бумажной или шелковой ткани, перевязанный по плечамъ, подобно тому, какъ діаконъ повязываетъ орарь во время литургіи вѣрныхъ.

V.

Однообразно и скучновато проходитъ жизнь бакши, гилюновъ и другихъ калмыцкихъ монаховъ.

Вставъ рано, они обыкновенно направляются въ храмъ молиться.

Богослуженіе состоитъ изъ чтенія молитвъ, написанныхъ по-тибетски на длинныхъ бумажныхъ лентахъ, какъ писали акты и другія дѣловыя бумаги въ Россіи въ XVII столѣтіи. Читаются молитвы скороговоркою, точно отбывается надоѣвшая безцѣльная служба. Иногда молитвы нестройно въ униссонъ поются, а иногда раздается нестройная музыка трубъ, литавръ, барабановъ, перемежаемая звономъ колокольчиковъ.

Каждому гилюну при богослуженіи назначаются опредѣленныя обязанности, при чемъ съ послѣдними иногда связываются и особыя названія. Наиболѣе почетна обязанность—руководить и слѣдить за порядкомъ во время религіозныхъ процессій, совершаемыхъ въ особенно важныхъ случаяхъ и въ большіе праздники. Эти процессіи привлекаютъ множество посѣтителей изъ міранъ, обыкновенно довольно равнодушныхъ къ храму.

Во главѣ такой процессіи стоитъ гилюнъ, называемый «гебгу». Его легко отличить по особенному костюму: на немъ въ это время бываетъ бархатная, вишневаго цвѣта, мантія, а на головѣ желтый суконный колпакъ, съ оранжевымъ изъ конскаго волоса султаномъ, торчащимъ сзади. Въ рукахъ у него деревянная четырехгранная палочка (около $^3/_4$ аршина длиною), которой онъ указываетъ направленіе для религіозной процессіи, а иногда и наказываетъ непослушныхъ и нарушающихъ порядокъ шествія.

Ежедневная молитва отнимаетъ немного времени у гилюновъ; религіозныя торжества не часты. Остается много свободнаго времени, и возникаетъ вопросъ: «что дѣлать?». Немногіе изъ нихъ коротаютъ безконечно долгое время, занимаясь ремеслами или церковною живописью. Остальные растягиваютъ чаепитіе, какъ одинъ изъ знакомыхъ намъ гилюновъ въ Гремучемъ Колодцѣ, а въ остальное время скучаютъ, не зная, куда себя дѣть.

Какъ-то разговорились мы съ однимъ мѣстнымъ интеллигентомъ о калмыцкомъ духовенствѣ, о хурулахъ.

— Сколько всего хуруловъ считается у донскихъ калмыковъ?— спросили мы этого старожила и хорошаго знатока края.

— Не больше тринадцати,—отвѣчали намъ.

— Неужели такъ мало на такомъ огромномъ разстояніи и при столь многочисленныхъ поселеніяхъ?

— Надо вамъ знать, что не всѣ калмыцкія поселенія имѣютъ у себя хурулы. Послѣдніе учреждаются обыкновенно въ станицахъ

Бакша въ обыкновенномъ выходномъ костюмѣ.

или въ прежнихъ сотняхъ. Прежде калмыцкія поселенія дѣлились на 13 сотенъ, а нынѣ изъ нихъ образовано семь станицъ.

— Что жъ хурулы устраиваются на опредѣленномъ пространствѣ?

— Этого нельзя сказать. Разстояніе между хурулами весьма различно. Напримѣръ, отъ хурула Платовской станицы до Батлаевскаго 30 верстъ, а отъ этого послѣдняго до Денисовскаго 18 верстъ. Иловайскій же хурулъ отъ Денисовскаго находится въ 33 верстахъ, а Кутейниковскій хурулъ отъ Иловайскаго въ 2 верстахъ. Есть еще Власовскій, Потаповскій, Граббевскій и другіе хурулы, и всѣ они въ разныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга...

VI.

— Калмыки туго поддаются русской культурѣ и осѣдлости,— говорилъ намъ мѣстный учитель.—Поселеніе ихъ въ станицы съ обязательствомъ строить саманные дома ничуть не измѣнило коренной привычки къ исконному образу жизни: они не могутъ разстаться съ кабиткою, гдѣ родились гдѣ выросли, гдѣ прошло ихъ дѣтство.

Дѣйствительно, мы рядомъ съ саманными домиками видѣли повсюду поставленныя только на лѣто кабитки, въ которыхъ обитатели Гремучаго Колодца и жили при нашемъ пребываніи.

Вообще пріученіе калмыковъ къ главному занятію осѣдлаго быта—земледѣлію, идетъ черепашьимъ шагомъ.

— Для этого дѣла,—говорили намъ старожилы-казаки,—у нихъ нѣтъ терпѣнія и охоты. Они хорошіе коневоды и скотоводы, но не землепашцы.

Впрочемъ, скотоводство и коневодство въ очевидномъ упадкѣ у донскихъ калмыковъ.

— Нынѣ,—говорили намъ мѣстные калмыки,—плохо стало: рѣдко встрѣтишь хозяевъ, насчитывающихъ до двухсотъ головъ скота. Возьмите хоть Платовскую станицу: большинство калмыковъ живетъ бѣдно, имѣя много-много 10—15 головъ рогатаго скота.

Еще мрачнѣе рисуется состояніе коневодства. «Коневодство,— записалъ по нашей просьбѣ мѣстный учитель, основательно знакомящійся къ бытомъ донскихъ калмыковъ,—уходитъ, можно сказать, въ область преданія, и теперь во всей станицѣ едва ли найдется три-четыре хозяина, у которыхъ имѣются табуны въ 200—300 головъ. Во всѣхъ табунахъ станицы въ общемъ имѣется не болѣе полторы тысячи лошадей донской калмыцкой породы, включая сюда и тѣ небольшіе косячки, которыми обладаютъ калмыки, не занимающіеся спеціально коневодствомъ»...

— Чѣмъ же объяснить этотъ упадокъ любимаго калмыцкаго занятія?—спрашивали мы у мѣстныхъ казаковъ-интеллигентовъ.

— Главная причина упадка коневодства,—слышали мы въ от-

Типы донскихъ калмычекъ.

вѣтъ:—отсутствіе или стѣсненіе того простора въ степи, который былъ прежде.

— Какъ стѣсненіе?—удивились мы.—Вѣдь степь попрежнему безгранична.

— Само собою, степь широка, да границы-то ея для калмыковъ стали поуже. Видите ли, когда калмыковъ здѣшнихъ заставили отбывать военную службу наравнѣ съ казаками, то пришлось тратить много лишнихъ денегъ на амуницію казацкую. На это по самой малой мѣрѣ требуется если не сотенная, то полсотни навѣрняка. Не всякій калмыкъ въ силахъ исправить службу на свой счетъ, потребовались общественныя средства. А гдѣ обществу взять средствъ, какъ не отдачею въ арендное содержаніе земли? И отдаютъ цѣлыми десятками тысячъ десятинъ. Въ Платовской станицѣ отдано такъ до 17-ти тысячъ десятинъ.

И въ самомъ дѣлѣ, русскихъ, арендующихъ калмыцкія степи, почти такое же количество, какъ и туземцевъ...

VII.

При ближайшемъ столкновеніи сыновъ дикой степи съ культурными людьми наблюдается обычное явленіе: вольные жители степи, калмыки, мало-по-малу уступаютъ мѣсто пришлымъ людямъ, молчаливо сходя со сцены. На донскихъ калмыкахъ легко наблюдается вымираніе...

Мужчины малорослы, со впалою грудью. На головѣ казацкая фуражка, на плечахъ синій или черный бешметъ, обязательно стянутый поясомъ. Равнодушный вообще къ костюму, калмыкъ донской дорожитъ только поясомъ: самый бѣдный старается раздобыть дорогой поясъ. Записные франты и щеголи къ поясу, съ серебрянымъ наборомъ, присоединяютъ такія же серьги, носимыя въ ушахъ.

Болѣе разнообразія и роскоши представляетъ костюмъ калмычекъ.

Дѣвушки носятъ волосы распущенными, а замужнія женщины заплетаютъ ихъ въ двѣ косы, которыя носятъ спущенными на груди и спрятанными въ черные шелковые или бархатные чехлы. Голову покрываютъ или четыреугольными, желтаго сукна, отдѣланными бисеромъ шапками, или круглыми, отороченными позументомъ и крашеною шерстью. Поверхъ бѣлыхъ рубахъ и шароваръ надѣваютъ юбки съ лифомъ, нѣчто похожее на русскій сарафанъ. Передъ лифа разрѣзной, обшитъ цвѣтною матеріею и унизанъ большими серебряными пуговицами. На все это набрасываются длинные халаты различныхъ цвѣтовъ и матерій!

Живутъ донскіе калмыки весьма безпечно и лѣниво. Мужчины апатично пасутъ стада, женщины справляютъ домашнія работы.

Калмыцкій станичный атаманъ и его помощники.

Дальше сегодняшняго дня не заглядываютъ. Въ питьѣ «раки» (хмельной напитокъ) не знаютъ мѣры, а въ пищѣ весьма неразборчивы.

Ѣдятъ каймакъ (перетопленныя сливки), мясо коней, овецъ, коровъ, при чемъ уничтожается и палый скотъ.

— Питаніе падалью,—говорилъ съ отвращеніемъ одинъ казакъ,—вызываетъ на тѣлѣ калмыковъ нарывы, а послѣдніе порождаютъ худосочіе.

Изъ муки дѣлаютъ лепешки и пекутъ ихъ въ горячей золѣ.

Плохое питаніе въ связи съ нечистоплотностью и жизнью въ кибиткахъ служитъ хорошимъ проводникомъ всяческихъ болѣзней: тифа, оспы, кори, сифилиса. Эти бичи сильно уменьшаютъ количество населенія.

Апатичная и однообразная жизнь нарушается поѣздками въ большіе праздники въ хурулы. Молодые мужчины и женщины отправляются верхами, а старики и дѣти въ повозкахъ. Около хурула прибывшіе проводятъ цѣлый день: молодые гарцуютъ на коняхъ, а старые обходятъ по нѣсколько разъ хурулъ. Иногда это обхожденіе совершается по обѣщанію: тогда давшій обѣтъ обходитъ хурулъ съ четками въ рукахъ, чтобъ не потерять счета.

Очень часто по большимъ праздникамъ собирается семья съ своею обширною роднею у кибитки для общественнаго, такъ сказать, чаепитія, которое въ такомъ случаѣ является пріятнымъ развлеченіемъ.

Иногда для мужской и женской молодежи развлеченіемъ являются сборища и танцы. Танецъ калмыковъ, видѣнный нами, состоялъ изъ не лишенныхъ граціозности медленныхъ равномѣрныхъ движеній подъ звуки трехструннаго музыкальнаго инструмента, похожаго на нашу балалайку.

Другихъ развлеченій, если не считать таковымъ вѣчнаго куренія табака изъ трубокъ, донскіе калмыки не знаютъ. Куреніе развито среди мужчинъ и женщинъ и начинается очень рано. Можетъ быть, признакомъ цивилизаціи слѣдуетъ признать то, что богатые оставляютъ трубку и переходятъ на цыгарки изъ простой бумаги.

VIII.

Всего въ донскихъ кочевьяхъ насчитывалось, во время нашего пребыванія, 29 тысячъ калмыковъ (15 тысячъ мужчинъ и 14 тысячъ женщинъ).

Всѣ донскіе калмыки въ настоящее время разбиты на станицы. Калмыки станицы «Гремучій Колодецъ», помимо русской власти, управляются своимъ старшиною, выбираемымъ изъ своей среды. Этого старшину называютъ станичнымъ атаманомъ. У послѣдняго имѣются помощники. Всѣ эти власти получаютъ жалованье и носятъ казацкую форменную одежду.

Въ послѣднее время въ калмыцкія степи неудержимою волною врывается русское населеніе. Это малороссы и донскіе казаки, арендующіе у калмыковъ земли. За собою ведутъ они массы батраковъ, находящихъ работу и у аборигеновъ степи, переходящихъ къ земледѣлію: не любя и не умѣя заниматься пашней, послѣдніе охотно приглашаютъ русскихъ для обработки земли.

Значительное русское переселеніе въ станицу «Гремучій Колодецъ» побудило православное духовенство соорудить храмъ. Въ 1899 г. незатѣйливая деревянная церковь заблистала своею золоченою главою и крестомъ на краю станицы, и намъ довелось быть при освященіи ея.

При храмѣ устроена школа, гдѣ русскія и калмыцкія дѣти обучаются русскому языку. Кромѣ этой школы, въ «Гремучемъ Колодцѣ» имѣются еще двѣ—мужская и женская, для обученія калмычатъ русскому языку.

Школы, несомнѣнно, сдѣлаютъ со временемъ свое скромное, но великое дѣло распространенія христіанской гуманности среди дикихъ сыновъ степи. А, пока что, среди калмыковъ насчитывается немного принявшихъ христіанство...

С. Браиловскій и Н. Нѣмцовъ.

ЗАПИСКИ АНГЛИЧАНИНА О БУНТѢ СТЕНЬКИ РАЗИНА.

БОГАТѢЙШЕЕ собраніе иностранныхъ сочиненій по исторіи Россіи, находящееся въ Императорской Публичной библіотекѣ, пополнилось недавно еще одной весьма рѣдкой и уже въ силу этого обстоятельства заслуживающей вниманія историка брошюрой. Небольшая, всего въ 30 страницъ, книжка носитъ слѣдующее заглавіе: A relation concerning the particulars of the rebellion lately raised in Muscovy by Stenko Razin. Внизу обозначено время и мѣсто напечатанія: In the Savoy. Printed by Tho: Newcomb. 1672. Какъ видно изъ заглавія, передъ нами краткая исторія, или, лучше сказать, записки о возстаніи Стеньки Разина, составленныя какимъ-то неизвѣстнымъ англійскимъ морякомъ. Англійская брошюра представляетъ тѣмъ болѣе интереса, что время ея составленія очень близко подходитъ къ описываемымъ въ ней событіямъ. Какъ извѣстно, Стенька Разинъ былъ казненъ въ Москвѣ въ іюнѣ 1671 года, а брошюра написана, какъ видно изъ записи въ концѣ текста, 13—23 сентября того же года въ Архангельскѣ, на кораблѣ «Queen Esther». Неизвѣстный авторъ, вѣроятно, самъ видѣлъ, какъ везли Стеньку въ Москву. На такое предположеніе наводитъ приложенная къ книжкѣ современная гравюра, представляющая страннаго вида экипажъ, состоящій изъ плоскаго квадратнаго ящика, положеннаго на 4 колеса. Поперекъ телѣги укрѣплены столбы съ перекладиною, между которыми, прикованный цѣпями, стоитъ Стенька. Телѣгу влекутъ 3 лошади въ странной упряжкѣ: у нихъ хомуты

надѣты верхомъ внизъ. Можетъ быть, такъ дѣлалось нарочно, для того, чтобы указать на принадлежность этого экипажа палачу, который, повидимому, и ведетъ лошадей. Извѣстно, что для палача все дѣлается наоборотъ, такъ что даже вино ему наливаютъ не съ руки, а черезъ руку. По бокамъ телѣги идутъ два стрѣльца съ сѣкирами. Сбоку же плетется, также прикованная къ телѣгѣ, фигура, подъ которой сдѣлана надпись: his brother, т. е. его братъ (Фролка). Въ верху рисунка помѣщенъ овальный медальонъ съ болѣе крупнымъ изображеніемъ Стеньки.

Что касается содержанія брошюры, то, не приводя какихъ либо новыхъ, доселѣ неизвѣстныхъ, данныхъ, авторъ даетъ точное и вѣрное описаніе событій, которыя ему пришлось застать въ Московскомъ государствѣ. Сначала онъ говоритъ о раздѣленіи казаковъ на донскихъ и запорожскихъ, разъясняетъ причины существовавшаго между ними недовольства, а затѣмъ кратко описываетъ какъ самое возстаніе, такъ и военныя дѣйствія противъ бунтовщиковъ. Кончается брошюра описаніемъ привоза Разина въ Москву и его казни.

Не ограничиваясь въ своемъ трудѣ, такъ сказать, офиціальными данными, англійскій морякъ сообщаетъ между прочимъ и кое-какіе слухи, очевидно, ходившіе въ народѣ. Такъ онъ разсказываетъ, что послѣ разгрома Стеньки подъ Симбирскомъ въ числѣ бунтовщиковъ захвачена была нѣкая монахиня, которая въ мужскомъ платьѣ будто бы предводительствовала цѣлымъ отрядомъ казаковъ въ 7.000 человѣкъ. Монахиню сожгли живьемъ.

Не представляя собою важнаго историческаго первоисточника, занимающая насъ брошюра имѣетъ, однако, безспорное значеніе для того, кто захочетъ написать литературную исторію этого бурнаго времени. Интересна она еще и потому, что, благодаря ей, европейская публика могла получить достовѣрное и точное извѣстіе о событіяхъ, разыгрывавшихся въ далекой и непонятной иностранцу Московіи.

А. Б. В.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время. Изданіе подъ редакціей Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго. М. С. Корелинъ. Важнѣйшіе моменты въ исторіи средневѣковаго папства. Изданіе акціонернаго общества „Брокгаузъ-Ефронъ". Спб. 1901.

НЕЛЬЗЯ НЕ привѣтствовать появленія въ русской литературѣ этого въ своемъ родѣ единственнаго изданія. Не говоря уже объ оригинальныхъ, въ литературѣ этой слишкомъ еще мало даже и переводныхъ историческихъ трудовъ, которые бы соединили въ себѣ популярность и занимательность изложенія съ научностью и полнотой и представляли бы собой интересный матеріалъ для чтенія лицамъ, не получившимъ спеціальной исторической подготовки, но обладающимъ достаточнымъ общимъ образованіемъ. Изданіе гг. Карѣева и Лучицкаго задумано очень широко; оно должно обнять всю исторію Европы въ средніе и новые вѣка и раздѣляется на двѣ серіи, долженствующія состоять изъ значительнаго количества отдѣльныхъ выпусковъ, составляемыхъ каждый спеціалистами по данному вопросу. Всѣхъ выпусковъ вышло до настоящаго времени четыре, изъ коихъ подлежащій нашему разбору послѣдній по времени.

Какъ видно изъ программы изданія, сначала предполагалось выпустить одну книжку, посвященную исторіи папства и монашества въ средніе вѣка. Но, не говоря ужъ о томъ, что каждый изъ этихъ вопросовъ настолько обширенъ

самъ по себѣ, что вдвинуть его даже въ отдѣльности въ рамки-книжки въ 10—12 печатныхъ листовъ очень не легко, составителю такого очерка пришлось бы взяться за выполненіе задачи, въ части, относящейся къ папству, выполненной уже ранѣе настолько удовлетворительно, насколько это только возможно. Десять публичныхъ лекцій покойнаго профессора Московскаго университета Михаила Сергѣевича Корелина, помѣщенныя первоначально въ «Русской Мысли» за 1890 годъ, даютъ намъ такую живую и яркую картину развитія и упадка папской власти въ средніе вѣка; что лучшаго и желать трудно для изданія гг. Карѣева и Лучицкаго, не преслѣдующаго вовсе цѣли дѣлать новые вклады въ историческую науку. При значительной эрудиціи Корелинъ обладалъ поразительнымъ умѣніемъ изъ самаго сухого матеріала извлекать въ высшей степени яркіе и увлекательные образы и картины; его книга не только серіозный трудъ, знакомящій читателей въ краткихъ чертахъ со всѣми послѣдними выводами исторической науки, она вмѣстѣ и поэма, обладающая громадными поэтическими достоинствами. Корелинъ не излагаетъ хронологически исторію всѣхъ чѣмъ нибудь замѣчательныхъ папъ, книга его не пестритъ именами, годами и событіями, да это въ сущности и не нужно вовсе тому кругу читателей, для котораго она предназначается; излагая въ каждой главѣ первоначально въ общихъ чертахъ всѣ измѣненія, коимъ послѣдовательно подвергалась идея папства и папская власть въ извѣстный періодъ, онъ избираетъ одно какое либо лицо, наиболѣе ярко выразившее въ своей дѣятельности основныя свойства всего періода, и даетъ ему такую блестящую характеристику, что въ умѣ читателя характеръ періода запечатлѣвается во всѣхъ его важнѣйшихъ чертахъ.

Какъ указано выше, трудъ Корелина дѣлится на десять лекцій или главъ. Въ I-ой главѣ излагается культурное значеніе папства вообще и въ частности установленіе папскаго авторитета въ римской средѣ; далѣе авторъ указываетъ первоначальныя основы того престижа, коимъ римскій епископъ началъ постепенно пользоваться въ средѣ прочихъ главъ церкви; таковыми онъ считаетъ, во-первыхъ, прежнее политическое значеніе Рима, «вѣчнаго» города, которому легче, чѣмъ всякому другому, было обратиться въ «священный». «Господство Рима,— говоритъ онъ,—было уже старымъ, общепризнаннымъ фактомъ; была уже выработана и административная система для деспотическаго режима. Одновременно съ торжествомъ христіанства удалились изъ Рима и сами деспоты, оставивши послѣ себя невообразимую анархію. Единственною силой въ городѣ былъ епископъ, который взялъ въ свои руки наслѣдіе императоровъ и воспользовался ихъ политическою системой» (стр. 9). Такимъ образомъ первѣйшей изъ основъ церковнаго главенства папы было не религіозное, а политическое и культурное значеніе Рима. Эту основу папы скоро отбросили, какъ доказательство своего первенства, и постарались найти религіозное оправданіе таковому въ видѣ легенды о первенствѣ апостола Петра въ средѣ прочихъ апостоловъ. Наиболѣе дѣятельнымъ и упорнымъ защитникомъ этой легенды былъ папа Левъ I, характеристикѣ коего Корелинъ посвящаетъ нѣсколько яркихъ страницъ. Онъ указываетъ, что распространить увѣренность въ правильности этой легенды болѣе, чѣмъ кто либо другой, могъ именно человѣкъ, самъ глу-

боко убѣжденный въ ея справедливости, ратовавшій ради теоріи, а не ради себя самого. Именно такою личностью былъ Левъ I, смиренный христіанинъ, но какъ человѣкъ, но какъ папа, не признававшій никакихъ предѣловъ своей власти. Во II-ой главѣ излагается нашествіе варваровъ и его вліяніе на усиленіе папства. Въ эту эпоху основаніе первенства папы само собой дѣлается чисто религіознымъ: древній Римъ исчезаетъ совершенно, будучи нѣсколько разъ разграбленъ варварами, уничтожавшими безъ сожалѣнія остатки языческаго величія. Въ этомъ помогали имъ и сами папы, обращавшіе потомъ тѣхъ же варваровъ въ христіанство. Получивши христіанство, или перейдя въ православіе изъ ереси при посредствѣ Рима, варвары естественно считаютъ главу Римской церкви и своимъ религіознымъ главой. Это сознаніе особенно усиливается развивающимся въ Римѣ стремленіемъ къ аскетизму, производившему на грубые умы варваровъ сильнѣйшее впечатлѣніе. «Германецъ на дѣлѣ видѣлъ, что осуществленіе новыхъ идеаловъ возможно, замѣчалъ, что проповѣдникъ умѣлъ умирать за свое дѣло не хуже его самого... Германецъ не сдѣлается аскетомъ; но монахъ сталъ въ глазахъ его идеаломъ»... (стр. 28). Характернѣйшему представителю этого направленія, папѣ Григорію I Великому, посвящена блестящая характеристика, заканчивающая II главу. Въ III главѣ сообщается о борьбѣ папъ съ Византіей и Лангобардами и о возникновеніи свѣтской власти папъ при посредствѣ франковъ и Карла Великаго. IV глава посвящена изложенію причинъ особеннаго возвышенія папскаго авторитета въ IX вѣкѣ и характеристикѣ Николая I. Въ главѣ V мы узнаемъ о причинахъ нравственнаго и политическаго паденія папства въ IX—XI столѣтіяхъ, каковыми являются усиленіе феодализма и упадокъ имперіи, повлекшіе за собою зависимость папъ отъ римскихъ бароновъ, а равно постепенное ослабленіе аскетическихъ идеаловъ, почему стало возможно появленіе на папскомъ престолѣ такого лица, какъ Бенедиктъ IX, продавшій по формальному контракту апостольскую каѳедру другому лицу для того, чтобы имѣть возможность вступить въ законный бракъ со своей кузиной. «Впрочемъ,— добавляетъ иронически Корелинъ,—Бенедиктъ, несмотря на всѣ свои пороки, не былъ лишенъ своеобразнаго благочестія въ тогдашнемъ духѣ: онъ безплатно причислилъ къ лику святыхъ одного благочестиваго монаха изъ Трира» (стр. 76). Главы VI и VII посвящены изображенію эпохи новаго усиленія папства въ XII и XIII вѣкахъ и кульминаціоннаго пункта его расцвѣта при посредствѣ проведенія въ жизнь теорій Гильдебранта и крестовыхъ походовъ. Здѣсь встрѣчаемъ мы рѣдкую по полнотѣ и образности характеристику Григорія VII; мы не ошибемся, если скажемъ, что другой подобной не встрѣтить ни у одного историка папства. Вотъ заключительныя слова этой характеристики: «Исторія не признала его (Григорія VII) страдальцемъ за правду, не дала ему названія «великаго» несмотря на грандіозность его замысловъ и на выдающіяся свойства его личности. Самая идея положить въ основаніе полическаго строя нравственную силу, построить общество на началахъ справедливости всегда будетъ составлять высокій идеалъ человѣческихъ стремленій. Но Григорій VII проповѣдывалъ теократическій деспотизмъ, самый ужасный изъ всѣхъ деспотизмовъ потому, что онъ порабощаетъ самое дорогое для человѣка—его разумъ и чувство. Когда иде-

алы Григорія VII осуществились, къ счастью для человѣчества, не надолго и не вполнѣ, то свобода совѣсти была объявлена ересью, а свобода слова безбожіемъ. Борцы за истину и правду тогда сожигались папами на кострахъ, и та справедливость, за которую умеръ въ изгнаніи Григорій VII, оказалась великою неправдой» (стр. 94). Наконецъ, главы VIII, IX и X посвящены новому упадку папства включительно до эпохи возрожденія наукъ и искусствъ. Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе характеристика Льва X Медичи, «безусловно лучшаго изъ римскихъ епископовъ этого періода», выразившаго въ себѣ всѣ характернѣйшіе признаки полнѣйшаго разложенія средневѣковаго папства, такъ что благочестивый монахъ Мартинъ Лютеръ, побывавъ въ Римѣ, долженъ былъ необходимо прійти къ убѣжденію, что римскій епископъ—не намѣстникъ Христа, а врагъ его ученія, что онъ—антихристъ, борьба съ ученіемъ котораго есть обязанность всякаго истиннаго христіанина. К. Лоосскій.

М. Туллій Цицеронъ. Полное собраніе рѣчей въ русскомъ переводѣ (отчасти В. А. Алексѣева, отчасти Θ. Φ. Зѣлинскаго). Редакція, введенія и примѣчанія Θ. Зѣлинскаго, профессора С.-Петербургскаго университета. Въ двухъ томахъ. Томъ I (81—63 гг. до Р. Хр.). Изданіе А. Я. Либермана. Спб. 1901.

Къ этой огромной книгѣ скорѣе, чѣмъ ко всякой другой, примѣнима латинская пословица: habent sua fata libelli. Изданіе ея было предпринято еще въ 1891 г., и за десятилѣтній промежутокъ до ея появленія у нея перемѣнилось 2 переводчика и 2 издателя. Собственно мысль о полномъ русскомъ переводѣ рѣчей Цицерона принадлежитъ А. Я. Либерману, издателю небезызвѣстнаго среди нашихъ гимназистовъ «Собранія греческихъ и римскихъ классиковъ въ русскомъ переводѣ». Въ качествѣ переводчика Цицерона г Либерманомъ приглашенъ былъ В. А. Алексѣевъ, давно уже зарекомендовавшій себя на этомъ поприщѣ, но, къ сожалѣнію, привыкшій работать очень быстро и затѣмъ часто вынужденный выпускать въ свѣтъ свои переводы безъ надлежащей отдѣлки. Поэтому переводъ г. Алексѣева былъ переданъ для редакторскаго просмотра профессору Θ. Φ. Зѣлинскому, но, какъ видно, взгляды редактора и переводчика расходились настолько рѣзко, что на половинѣ работы (начиная съ 10-й рѣчи) г. Алексѣевъ былъ устраненъ совсѣмъ, и профессоръ Зѣлинскій докончилъ переводъ остальныхъ 14 рѣчей самъ, при чемъ нѣкоторыя части отдавались имъ на просмотръ М. И. Ростовцеву и П. П. Митрофанову. И г. Либерманъ не могъ самъ окончить начатаго имъ изданія, «вслѣдствіе круто измѣнившихся матеріальныхъ обстоятельствъ»; на помощь ему пришелъ «просвѣщенный книгопродавецъ Н. П. Карбасниковъ, который и принялъ на себя дальнѣйшіе расходы». Книга открывается предисловіемъ отъ издателя, подписаннымъ именемъ г. Либермана, гдѣ, кромѣ указанной сейчасъ исторіи книги, находится еще часто повторяемое замѣчаніе о бѣдности нашей переводной литературы по части древнихъ авторовъ и о томъ, что всѣ существующіе переводы появились только въ послѣднее двадцатипятилѣтіе. Впрочемъ, это послѣднее положеніе

допустимо только съ большими оговорками, такъ какъ переводная дѣятельность у насъ была еще болѣе развита въ концѣ XVIII и первой четверти XIX столѣтія, когда на этомъ поприщѣ трудились Екатерининская переводческая комиссія и Россійская академія. Гораздо интереснѣе слѣдующее далѣе предисловіе г. Зѣлинскаго. Почтенный переводчикъ Цицерона является однимъ изъ самыхъ блестящихъ и даровитыхъ представителей классической филологіи въ Россіи и, что довольно большая рѣдкость среди нашихъ филологовъ, обладаетъ обширными разносторонними свѣдѣніями и помимо предметовъ своей непосредственной спеціальности. Все это заставляетъ уже a priori отнестись къ его работѣ съ чувствомъ полнаго довѣрія. Довѣріе это еще болѣе усиливается послѣ прочтенія предисловія, подробно излагающаго profession de foi автора. Предисловіе это распадается на два отдѣла, изъ которыхъ первый обращенъ къ читателю, второй къ критику. Оставимъ пока въ сторонѣ первый и обратимся ко второму, при чемъ спѣшимъ оговориться, что вообще не беремъ на себя въ настоящей замѣткѣ роль критика, а имѣемъ въ виду только познакомить читателей нашего журнала съ содержаніемъ книги, появленіе которой представляетъ цѣлый подвигъ. Брать на себя роль критика тѣмъ болѣе опасно, что профессоръ Зѣлинскій даетъ всякому таковому не легкую задачу: «если онъ (переводъ) критику покажется мѣстами неточнымъ, то есть недословнымъ, то пусть онъ переведетъ данное мѣсто самъ, какъ онъ считаетъ правильнымъ, и затѣмъ, послѣ громкаго и выразительнаго чтенія подлинника, такъ же громко и выразительно прочтетъ и свой собственный и мой переводы: я думаю, въ большинствѣ случаевъ это чтеніе ему выяснитъ причину моего отступленія отъ дословной передачи». Впрочемъ, почтенный авторъ самъ признаетъ, за что могутъ его упрекать придирчивые зоилы—за стремленіе сохранить Цицеронову періодизацію, за слишкомъ вольное отношеніе къ тексту, объясняемое стремленіемъ сохранить колоритъ подлинника, и, наконецъ, за излишнее количество иностранныхъ словъ. Разъ г. Зѣлинскій предвидѣлъ самъ эти обычные всѣмъ переводчикамъ недостатки, то естественно онъ принялъ всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы ослабить ихъ. Нечего и добавлять, что конецъ книги переведенъ лучше, чѣмъ ея начало, и что рѣчи, которыя г. Зѣлинскій переводилъ самъ, вышли удачнѣе тѣхъ, гдѣ ему приходилось только быть редакторомъ чужого перевода. Кажется, что изъ переведенныхъ пока рѣчей наиболѣе удались г. Зѣлинскому пятая Веррина и рѣчь за Клуенція. Все изданіе разсчитано на 2 тома; въ выпущенный пока вошли рѣчи, произнесенныя Цицерономъ до 63 г. включительно; такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь уже почти всѣ знаменитыя произведенія оратора: рѣчи за С. Росція, за Маниліевъ законъ, за Клуенція, за Мурену, Веррины и Катилинаріи. Размѣщены рѣчи въ хронологическомъ порядкѣ, но оригинально сгруппированы по 4 слѣдующимъ отдѣламъ: I. Вторая реставрація (то-есть эпоха отъ диктатуры Суллы до перваго консулата Помпея), II. Дѣло Верреса, III. Успѣхи демократіи, IV. Великій годъ. Переводу каждой рѣчи предшествуетъ введеніе, объемъ котораго въ рѣчахъ, не переведенныхъ Ѳ. Ф. Зѣлинскимъ, значительно менѣе, чѣмъ въ остальныхъ. Въ этомъ введеніи, съ большей или меньшей обстоятельностью, указывается тотъ поводъ, по которому произнесена рѣчь; приведены рукописи, въ которыхъ она сохранилась, и спе-

ціальныя ея изданія и монографіи. Къ каждой рѣчи приложены также объяснительныя примѣчанія историческаго и юридическаго характера; примѣчанія эти, несмотря на свою сравнительную краткость, наглядно свидѣтельствуютъ объ отмѣченныхъ уже выше разностороннихъ познаніяхъ ихъ составителя. Къ чести его надо прибавить также, что за толкованіе всѣхъ рѣчей Цицерона не брался никто въ послѣдніе годы со времени нѣмецкаго ученаго Клотца, изданіе котораго вышло въ 1836—1839 гг.

Наконецъ, къ переводу прибавлены согрѣтая горячей любовью къ гуманитарному образованію рѣчь профессора Зѣлинскаго «Цицеронъ въ исторіи европейской культуры» (перепечатана съ дополненіями изъ «Вѣстника Европы» за 1896 г.), мнѣніе Цицерона о переводчикахъ, очеркъ римской конституціи отъ Суллы до Цезаря, ходъ римскаго уголовнаго процесса, теорія судебнаго краснорѣчія и разнаго рода справочныя свѣдѣнія.

Нечего и говорить о всей важности подобнаго труда въ нашей литературѣ. Профессоръ Зѣлинскій, съ точки зрѣнія «авторскаго оптимизма», самъ намѣчаетъ себѣ читателей въ средѣ юристовъ, филологовъ, историковъ, словесниковъ и вообще образованныхъ людей «изъ нашей всесословной умственной аристократіи». Конечно, это такъ, и если книга не найдетъ себѣ того широкаго распространенія, котораго она заслуживаетъ, то причиной этого явится та непомѣрно высокая цѣна, которая назначена ей ея издателями. Читатель въ правѣ ожидать за десять рублей, по крайней мѣрѣ, тщательной корректуры, но и это ожиданіе его оправдывается далеко не вполнѣ. Къ корректурнымъ недосмотрамъ слѣдуетъ отнести также упоминаніе на стр. 32 изданія рѣчи за С. Росція Межлаука, котораго никогда не выходило въ свѣтъ. Л. Л.

Мелетій, епископъ рязанскій и зарайскій. Православіе и устройство церковныхъ дѣлъ въ Дауріи (Забайкальѣ), Монголіи и Китаѣ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Историческое изслѣдованіе. Казань. 1901.

Авторъ настоящей книги, рязанскій епископъ Мелетій, скончавшійся въ 1901 году, въ теченіе почти тридцати пяти лѣтъ провелъ на азіатской окраинѣ нашего отечества, сперва въ должности миссіонера забайкальскаго и иркутскаго, а потомъ въ званіи епископа якутскаго. Продолжительное пребываніе на востокѣ обогатило преосвященнаго Мелетія обширными и разнообразными познаніями изъ исторіи и быта нашей Сибири и сосѣдняго Китая и дало ему возможность издать нѣсколько научныхъ сочиненій изъ области его просвѣщенной компетенціи. Одно изъ послѣднихъ вышло уже послѣ кончины ученаго и дѣятельнаго епископа, подъ вышеуказаннымъ скромнымъ заглавіемъ. Въ этомъ сочиненіи излагается судьба русскаго дѣла въ Забайкальѣ, Монголіи и Китаѣ въ теченіе XVII и XVIII вѣковъ. Сочиненіе, безспорно, имѣетъ интересъ, въ виду и недавнихъ событій въ Срединной имперіи.

Оно состоитъ изъ семи главъ. Въ главѣ первой (стр. 1—15) излагается общій взглядъ на положеніе дѣлъ русской церкви и Московскаго государства,

при поступательномъ движеніи на Востокѣ. Здѣсь сообщается, что знакомство Россіи съ Китаемъ и Монголіей началось еще въ эпоху монгольскаго ига и не прерывалось до времени Петра I, при которомъ эта связь упрочилась. Вмѣстѣ съ политическими и торговыми сношеніями очень рано въ этихъ языческихъ странахъ стало извѣстно и христіанство, чрезъ посредство русскихъ плѣнныхъ, духовныхъ лицъ Сибирскаго края, имѣвшихъ поводъ проникать сюда, и казаковъ, этихъ передовыхъ дѣятелей по колонизаціи Сибири.

Въ главѣ второй (стр. 16—47) описывается историческій ходъ и характеръ внѣшнихъ сношеній Россіи съ Китаемъ и монгольскими владѣльцами, преимущественно въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Эти сношенія продолжались непрерывно во все указанное время и имѣли цѣлью заключить мирные договоры съ правительствомъ Китая и Монголіи, установить систематическія торговыя связи съ мѣстнымъ населеніемъ и облегчить положеніе русскихъ торговыхъ людей, жившихъ въ предѣлахъ Китая и Монголіи. Неоднократно посылались въ эти страны русскіе послы съ дипломатическими миссіями, и отправлялись торговые караваны подъ покровительствомъ уполномоченныхъ отъ нашего правительства лицъ. Епископъ Мелетій обстоятельно описываетъ всѣ такія посольства, бывшія въ XVII—XVIII вѣкахъ, говоритъ объ ихъ успѣхѣ или неуспѣхѣ, а также отмѣчаетъ и ихъ значеніе въ дѣлѣ распространенія въ Китаѣ христіанства, такъ какъ они сопровождались или отдѣльными духовными лицами, или даже цѣлыми церковными миссіями.

Въ главѣ третьей (стр. 48—81) говорится о первой православно-русской церкви въ Пекинѣ и о началѣ церковныхъ миссій въ Ургѣ. Первая русская церковь въ Пекинѣ была устроена въ концѣ XVII вѣка, въ одной кумирнѣ, которая была подарена китайскимъ императоромъ русскимъ плѣнникамъ; при церкви былъ и священникъ Максимъ, а по другимъ источникамъ Димитрій Леонтьевъ. Въ то же время, по иниціативѣ Петра Великаго и митрополита сибирскаго Филоѳея Лещинскаго, стали посылаться духовныя миссіи въ Ургу, съ просвѣтительною цѣлью. Эти миссіи состояли изъ духовныхъ лицъ, которыя подготовляли почву для дальнѣйшихъ и болѣе постоянныхъ миссіонерскихъ трудовъ представителей Россіи и православія.

Постоянная русская церковная миссія водворилась въ Пекинѣ, какъ видно изъ четвертой главы (стр. 82—101), въ началѣ XVIII вѣка (1715 г.), во главѣ съ архимандритомъ Иларіономъ, «человѣкомъ разумнымъ и подкладнымъ». Миссія пользовалась высокою милостью богдыхана, который назначилъ членамъ ея жалованье и оказывалъ матеріальную помощь по различнымъ поводамъ. Она имѣла успѣхъ въ обращеніи ко Христу и китайцевъ. Въ 1728 году въ Пекинѣ была учреждена и постоянная русская дипломатическая миссія, благодаря коей торговыя сношенія Россіи съ Китаемъ улучшились.

Въ главѣ пятой (стр. 102—133) говорится объ открытіи иркутской епархіи подъ управленіемъ св. Иннокентія. Это открытіе состоялось въ 1727 году, въ виду того, что язычники Дауріи уже достаточно были просвѣщены свѣтомъ христіанства, и изъ Иркутскаго края могла составиться самостоятельная епархія. Иркутскую каѳедру занялъ св. Иннокентій Кульчицкій, который первоначально предназначался для нашей пекинской миссіи и долженъ былъ тамъ

служить въ санѣ епископа, но китайское правительство, побуждаемое іезуитами, не допустило его въ Пекинъ. Занявши иркутскую каѳедру, св. Иннокентій ревностно заботился о просвѣщеніи инородцевъ Забайкалья, а также слѣдилъ за дѣятельностью нашей миссіи въ Пекинѣ и восполнилъ ее новыми членами.

Въ главѣ шестой (стр. 134—180) обозрѣвается религіозное состояніе Забайкалья, предшествовавшее учрежденію современной забайкальской духовной миссіи. Здѣсь авторъ характеризуетъ забайкальскій буддизмъ или ламаизмъ и показываетъ, что эта религіозная система не имѣетъ приписываемой ему нѣкоторыми изслѣдователями высоты созерцанія и нравоученія. Между тѣмъ свѣтская власть Забайкалья оказывала ламаизму поддержку и покровительство, въ ущербъ русскому дѣлу и православію. Гораздо выше язычниковъ въ нравственномъ отношеніи стояло русское православное населеніе Забайкалья.

Послѣдняя—седьмая глава (стр. 181—219), содержитъ въ себѣ общіе историческіе выводы касательно средствъ, при помощи коихъ можетъ совершиться торжество русскаго православнаго дѣла на азіатской нашей окраинѣ. Къ такимъ средствамъ относится, прежде всего, широкое пользованіе нашихъ властей юридическими правами, принадлежащими миссіи на основаніи существующихъ ся договоровъ съ азіатскими государствами. Ва силу этихъ договоровъ, наше правительство должно принимать въ русское подданство подданныхъ Китая, Японіи и Кореи съ усвоеніемъ имъ всѣхъ гражданскихъ правъ, съ исключеніемъ изъ прежняго подданства, но съ непремѣннымъ условіемъ принятія православной вѣры, дабы въ единствѣ вѣры и духа они составляли съ русскими одну народность. Во-вторыхъ, требуется опека нашего правительства надъ подчиненными народами, при чемъ власти должны безъ всякаго потворства охранять право христіанъ, защищать ихъ отъ гоненій и порабощенія. Въ-третьихъ, внутри Россіи европейской и азіатской, въ мѣстахъ, населенныхъ инородцами нехристіанами, необходимо устроить временныя духовныя миссіи, сѣть которыхъ должна покрывать все наше отечество. Миссіи должны получить опредѣленную организацію и подчиняться одному высшему миссіонерскому учрежденію. Миссіонеры должны избираться изъ лицъ, образованныхъ, подготовленныхъ и преданныхъ своему дѣлу. Наконецъ, необходимо ввести осѣдлый бытъ, вмѣсто кочевого и бродячаго, на инородческихъ территоріяхъ и ввести тамъ русскую гражданственность, надѣлить инородцевъ землею, дать имъ льготы по первоначальному устройству, оказать матеріальную помощь при поселеніи и т. п.

Голосъ епископа Мелетія, имѣвшаго возможность и непосредственно на мѣстѣ, и при помощи книгъ изучить положеніе церковныхъ и гражданско-политическихъ дѣлъ на нашей азіатской окраинѣ, не долженъ остаться не замѣченнымъ тѣми, кто близко стоитъ къ дѣлу водворенія и распространенія русской гражданственности на азіатскомъ востокѣ. А что касается его историческаго изслѣдованія, то и оно имѣетъ свое значеніе, такъ какъ составлено, главнымъ образомъ, на основаніи архивныхъ данныхъ. О.

Путешествіе въ святой градъ Іерусалимъ и на святую Аѳонскую гору протоіерея П. Д. Кончуева. Тифлисъ. 1901.

Литература путешествій по святымъ мѣстамъ недавно обогатилась почтеннымъ трудомъ протоіерея П. Д. Кончуева, законоучителя Закавказскаго дѣвичьяго института. Авторъ книги, нынѣ изданной на грузинскомъ языкѣ, прослуживъ 40 лѣтъ у святого алтаря и 35 лѣтъ въ качествѣ наставника въ вѣрѣ Христовой, былъ проникнутъ отъ раннихъ дѣтъ стремленіемъ узрѣть собственными глазами тѣ мѣста, гдѣ вочеловѣчившійся Богъ проповѣдывалъ, принялъ крестное страданіе, воскресъ и вознесся на небо. Онъ удостоился осуществить свою завѣтную мечту и издаетъ описаніе своего путешествія по Палестинѣ и на Аѳонѣ, чтобы дать возможность грузинскому народу познакомиться съ христіанскими святынями. Дѣйствительно, популярность изложенія, теплота чувствъ, искренность тона подкупаютъ читателя книги протоіерея Кончуева, предшественники котораго, грузинскіе архіереи XVIII-го вѣка, Тимоѳей и Іона, по характеру языка ихъ сочиненій о Палестинѣ, являются уже недоступными или малопонятными простому читателю. Цѣлямъ этого послѣдняго не удовлетворяютъ и ученые труды грузинологовъ, трактующихъ главнымъ образомъ о памятникахъ грузинской письменности въ Палестинѣ, на Синаѣ и на Аѳонѣ. О. Кончуевъ постарался совмѣстить задачи благочестиваго паломника и ученаго изслѣдователя грузинской старины. Онъ съ одинаковой добросовѣстностью описываетъ святыя достопримѣчательности христіанскаго Востока и знакомитъ съ печальнымъ состояніемъ тамошнихъ грузинскихъ церквей и обителей, нѣкогда процвѣтавшихъ, а нынѣ захваченныхъ греками, католиками или григоріанами. «Описаніе» о. Кончуева впервые появилось на страницахъ грузинской газеты «Иверія» за 1899 годъ, а теперь съ значительными добавленіями и распредѣленіемъ по главамъ напечатано отдѣльнымъ изданіемъ. Вся книга заключаетъ въ себѣ 54 главы въ 223 страницахъ съ недурно исполненными иллюстраціями. Трудъ автора знакомитъ насъ съ его путешествіемъ отъ Тифлиса до Константинополя (чрезъ Одессу) и далѣе въ Іерусалимъ съ его окрестностями и на Аѳонъ со всѣми обителями различныхъ народовъ. Авторъ больше всего скорбитъ о захватѣ греками Иверскаго монастыря на Аѳонѣ, основаннаго грузинами въ X вѣкѣ, и уничтоженіи тамъ, какъ и въ Палестинѣ, слѣдовъ грузинъ (надписей, памятниковъ письменности и живописи) тѣми, которые, пользуясь смутнымъ временемъ въ жизни Грузіи, наканунѣ ея присоединенія къ Россіи, захватили церкви и обители, основанныя трудами, молитвами и средствами грузинскихъ царей, вельможъ и благочестивыхъ подвижниковъ. Вопросъ этотъ въ русской печати поднимался не разъ, и на него слѣдуетъ обратить серіозное вниманіе.

А. Хах—овъ.

Русская поэзія. Собраніе произведеній русскихъ поэтовъ. Издается подъ редакціею С. А. Венгерова. Томъ II, выпускъ VII. Спб. 1901.

Въ основаніе «Русской поэзіи» положена широкая программа. Это—объемистая христоматія съ собраніями стихотвореній русскихъ поэтовъ (съ XVIII вѣка до нашихъ дней), не только корифеевъ и второстепенныхъ, но даже и та-

кихъ, которые пользуются исключительно отрицательною извѣстностью. Собранія стихотвореній для большинства авторовъ даются полныя и сопровождаются біографіями, критическими оцѣнками и цѣнными примѣчаніями, гдѣ, помимо разнообразныхъ біо-библіографическихъ датъ, приводятся еще выдержки изъ многихъ, ранѣе появлявшихся въ печати, критическихъ статей. Такою историко-литературною полнотою и объясняется популярность «Русской поэзіи» среди лицъ, серьезно занимающихся русскою литературою, педагоговъ и студентовъ-словесниковъ. Для многихъ изъ нихъ она является настольной книгой.

Новый, седьмой, выпускъ «Русской поэзіи» открываетъ собою второй томъ изданія, который по программѣ долженъ обхватывать поэтовъ первой половины XIX вѣка. Въ этотъ выпускъ включены полныя собранія стихотвореній Юрія Александровича Нелединскаго-Мелецкаго († 1828) и исторіографа Карамзина.

Особый интересъ представляетъ первое собраніе, такъ какъ Нелединскій совсѣмъ малоизвѣстный поэтъ. Стихотворенія его отличаются отъ виршей современниковъ отсутствіемъ напыщенности, искренностью своею и, что рѣдко для поэта того времени, изобиліемъ простонародныхъ выраженій. Лучшими произведеніями поэта должны быть признаны его пѣсни; своею простотою, задушевностью и правильностью языка онѣ поражаютъ читателя, при чтеніи ихъ забывающаго, что передъ нимъ лежатъ плоды важнаго сановника, аристократа по крови и француза по воспитанію.

Больше искусственности и напыщенности слышится въ виршахъ «на случай» и въ одахъ, но это объясняется тѣмъ, что онѣ писались поэтомъ по заказу, свыше, а не по вдохновенію. Онъ воспѣвалъ того и то, что ему приказывали. Такъ въ 1796 году, обращаясь къ Екатеринѣ, Нелединскій пѣлъ: «Жребій твой ни съ чьимъ неравенъ: зависть ты земныхъ племенъ!» и дальнѣйшія восхваленія, а ровно черезъ годъ онъ же воспѣвалъ императора Павла и перечислялъ его благодѣянія Россіи. Любопытно и забавно стихотвореніе, посвященное Андрею Лаврентьевичу Львову; оно начинается такъ:

> Ты споришь, Львовъ,
> Что сто стиховъ
> На риѳму овъ
> Набрать я не готовъ.
> Ты правъ, но безъ большихъ трудовъ
> Найду я столько словъ...

далѣе слѣдуютъ 103 строки, оканчивающіяся на овъ. Всего въ собраніи 94 стихотворенія, и оно является самымъ полнымъ изъ вышедшихъ ранѣе (въ 1850 и 1876 гг.).

Собранію стихотвореній Карамзина предпосланы три небольшія статьи: очеркъ жизни и дѣятельности Карамзина, какъ историка—проф. П. Н. Милюкова, характеристика Карамзина, какъ литератора и преобразователя языка—проф. А. И. Кирпичникова и сводъ отзывовъ печати о Карамзинѣ, какъ о поэтѣ, составленный знатокомъ исторіи русской литературы и дѣятельнымъ сотрудникомъ «Русской поэзіи» А. І. Лященко.

Послѣдній сводъ очень интересенъ, такъ какъ существующая обширная литература о Карамзинѣ посвящена преимущественно оцѣнкѣ его, какъ историка

и преобразователя языка, и отзывы о поэтической дѣятельности его встрѣчаются у критиковъ лишь мимоходомъ, случайно, при разборѣ другихъ произведеній. Приведемъ изъ него кое-какія выдержки: мнѣніе Бѣлинскаго о Карамзинѣ-поэтѣ было таково (въ статьѣ о Пушкинѣ): «въ стихотвореніяхъ Карамзина нѣтъ поэзіи, и они были просто мыслями и чувствованіями умнаго человѣка, выраженными въ стихотворной формѣ; но они простотою своего содержанія, естественностью и правильностью языка, легкостью версификаціи, новыми и болѣе свободными формами расположенія были тоже шагомъ впередъ для русской поэзіи» (соч., VIII т., 124 стр.).

Князь Вяземскій (соч. VII т.) указывалъ на разнообразіе стиха Карамзина, на то, что съ нимъ явилась у насъ впервые поэзія чувства, любви къ природѣ, нѣжныхъ отливовъ мысли и впечатлѣній; по мнѣнію того же критика, Карамзинъ первый внесъ въ русскую литературу новый родъ—балладу.

Недавно скончавшійся проф. Ждановъ въ своихъ лекціяхъ (замѣтимъ— теперь очень рѣдкихъ) приводилъ сравненіе мотивовъ поэзіи Жуковскаго и Карамзина, находя, что послѣдній несомнѣнно вліялъ на перваго.

Что касается г. Лященко, то онъ сравниваетъ поэтическій талантъ Карамзина и Дмитріева и доказываетъ, что оба эти поэта одинаково легко владѣли формой стиха, что у Карамзина она была болѣе разнообразной, и что онъ сумѣлъ избѣгнуть приторной слащавости, которая такъ сильна была у его современниковъ. Это главнѣйшіе отзывы русской критики о Карамзинѣ-поэтѣ.

Слѣдуетъ добавить, что настоящее изданіе стихотвореній нашего исторіографа по счету является девятымъ, такъ какъ стихотворенія его входили три раза въ составъ сборника «Мои бездѣлки» (М., 1794, 1797, 1801 гг.) и пять разъ въ первый томъ «Собранія сочиненій Карамзина», выдержавшаго 5 изданій (М., 1803—1804; М., 1814; М., 1820; Спб., 1834—1835; Спб., 1848). По полнотѣ оно превосходитъ предыдущія изданія, въ него включено 160 стихотвореній, между тѣмъ какъ въ послѣднемъ Смирдинскомъ изданіи напечатано всего 109.

В. Городецкій.

А. И. Ковалевскій. Село Симбухово. Историческій очеркъ. Москва. 1901.

Въ каждой губерніи села считаются тысячами, но едва ли и тысячной части изъ нихъ выпадаетъ такая завидная доля, какъ с. Симбухову, Верейскаго уѣзда, Московской губерніи: историческій очеркъ его богато иллюстрированъ фототипіями на отдѣльныхъ листахъ и изящно изданъ. Село это, однако, рѣшительно ничѣмъ не замѣчательно, и надо полагать, еще долгое время было бы въ совершенной неизвѣстности, если бы потомственный почетный гражданинъ А. П. Гуськовъ въ 1878 году не пріобрѣлъ его у Московскаго земельнаго банка съ публичныхъ торговъ «въ собственность», и если бы въ 1896 году онъ не былъ избранъ на «ктиторскую должность» при церкви с. Симбухова. Эти два обстоятельства въ жизни г. Гуськова послужили толчкомъ къ тому, что онъ, «не щадя силъ и средствъ», привелъ сельскій храмъ въ «благолѣпный» видъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ его заинтересовало историческое прошлое той мѣстности,

гдѣ находится с. Симбухово. Авторъ г. Ковалевскій взялся порыться въ московскихъ архивахъ, и результатомъ двухлѣтнихъ розысковъ явился настоящій «историческій очеркъ», изданный на средства Гуськова.

Село Симбухово возникло въ 1679 году и съ того времени ни одной черточки не внесло въ исторію, и потому авторъ, подобно другому московскому «мастеру сихъ дѣлъ», Токмакову, разсказавъ по документамъ исторію перехода села отъ одного владѣльца къ другому, все вниманіе обратилъ на то, что сдѣлалъ г. Гуськовъ для сельскаго храма; при описаніи послѣдняго онъ перечислилъ всѣ иконы въ храмѣ, всѣ священные предметы, и закончилъ «историческій очеркъ» пересказомъ отысканныхъ данныхъ о причтѣ церковномъ по клировымъ вѣдомостямъ. Болѣе половины книги (4°, 134 стр.) занимаютъ «приложенія», въ томъ числѣ и копія съ ревизскихъ книгъ 1763 года (стр. 91—122).

Извѣстно, что бываютъ любительскія изданія, для собственнаго утѣшенія, а изъ постороннихъ никому ни на что не нужныя; къ таковымъ принадлежитъ и разсматриваемое. Но въ такихъ случаяхъ не слѣдуетъ вводить другихъ въ заблужденіе; а намъ передавали, что «Село Симбухово» рекомендуется нѣкоторыми, какъ образецъ для подобныхъ описаній. Здѣсь несомнѣнно недоразумѣніе: разсматриваемой книгѣ должно бы быть дано другое заглавіе.

А. В. О.

К. Н. Михайловъ. Никитскій женскій монастырь въ Москвѣ. (Историческія разысканія по московскимъ древностямъ и по дому бояръ Романовыхъ). Спб. 1901.

Въ русской исторической литературѣ много трудовъ, задающихся цѣлью представить историческій очеркъ той или иной мѣстности, но мало настоящихъ историческихъ описаній замѣчательныхъ урочищъ. Дѣйствительно, дѣло кажется не трудно: описывая монастырь, перечислить его храмы, кельи и иныя постройки, описать иконы, дать изображенія башенъ, пересчитать съ ариѳметической точностью колокола на звонницахъ и кресты на куполахъ, по поводу всего этого привести пару историческихъ анекдотовъ, болѣе или менѣе идущихъ къ дѣлу, и озаглавить: «Историческое описаніе обители». Но будетъ ли это историческимъ описаніемъ? Есть и другой способъ изученія мѣстности въ ея прошломъ—способъ трудный, требующій упорной, кропотливой работы, дающій блестящіе по большей частя результаты, но зато какъ мало у насъ представителей этого типа историческихъ описаній! Указанный способъ состоитъ въ томъ, чтобы, не устремляя исключительнаго вниманія на мелочи матеріальнаго быта, дать картину жизни изучаемой мѣстности на общемъ фонѣ исторической обстановки, дать культурно-историческій очеркъ.

Работа г. Михайлова представляетъ собою цѣнный образецъ такого пониманія задачъ историко-топографическаго изысканія; о тѣхъ трудностяхъ, которыя пришлось преодолѣть почтенному автору, можетъ дать понятіе простая справка въ капитальномъ трудѣ покойнаго В. В. Звѣринскаго «Матеріалъ для историко-топографическаго изслѣдованія о православныхъ монастыряхъ

въ Россійской имперіи»; тамъ приведенъ списокъ того, что удалось въ русской литературѣ найти по поводу Никитскаго монастыря покойному В. В., человѣку изумительной начитанности; и какъ же невеликъ этотъ списокъ? И по сравненіи съ нимъ матеріалъ, привлеченный къ изслѣдованію г. Михайловымъ, производитъ столь внушительное впечатлѣніе, что не остается сомнѣнія въ томъ, что работа его по одному лишь собиранію матеріала — была работа нелегкая; тѣмъ болѣе нелегкая, что сами внѣшнія ея условія были не всегда благопріятны изслѣдователю, какъ онъ и самъ въ этомъ сознается. «Полная неразработанность нашихъ архивовъ съ одной стороны и странные и непонятные порядки, царящіе въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, — съ другой стороны» на каждомъ шагу давали себя чувствовать, донельзя тормозя работу; характерный примѣръ воистину допотопнаго отношенія къ занимающимся въ архивахъ авторъ приводитъ, воспроизводя разговоръ свой съ архивнымъ чиновникомъ, не желавшимъ допустить его къ работѣ: «Мы вамъ разрѣшить не можемъ; мы не знаемъ, кто вы такой»; не помогъ и видъ на жительство, нужно было какое-то болѣе деликатное удостовѣреніе личности.

Невзирая на такія трудности, къ стыду нашему ожидающія почти всѣхъ работниковъ науки въ нашихъ древлехранилищахъ, г. Михайловъ успѣлъ собрать матеріалъ не только для подробнаго изслѣдованія о самомъ монастырѣ, описанію котораго въ узкомъ смыслѣ слова отведена вторая часть книги, но и для интересныхъ экскурсовъ въ область политической и общественной жизни XVI и XVII вѣковъ; онъ воскрешаетъ скорбный и въ то же время страшный образъ царя Іоанна, выводитъ семью Романовыхъ, съ любовью останавливаясь на ея славныхъ представителяхъ, бывшихъ истиннымъ украшеніемъ московскаго общества въ то темное время, рисуетъ картину топографіи Москвы тѣхъ далекихъ годовъ. Нельзя сказать, чтобы трудъ его былъ свободенъ отъ промаховъ и недосмотровъ: трудно, напримѣръ, согласиться съ тѣмъ, что сосланные Годуновымъ Романовы погибли по повелѣнію царя Бориса; странно, что авторъ и послѣ появленія въ свѣтъ «Очерковъ по исторіи смуты» г. Платонова придерживается стараго взгляда на опричнину; очень ужъ произвольны воспроизводимые г. Михайловымъ домыслы Кампенгаузена «О прапредкахъ коренного рода Романовыхъ» и тому подобное; но нельзя и требовать, чтобы вполнѣ было свободно отъ недостатковъ изслѣдованіе, столь широко захватывающее предметъ своей темы. Въ общемъ же книга о Никитскомъ монастырѣ содержитъ въ себѣ много любопытнаго, и это, а равно и чуждое сухости, живое, легкое изложеніе несомнѣнно пріобрѣтетъ ей значительный кругъ читателей.

М. П—й.

Отчетъ императорской археологической комиссіи за 1898 годъ. Съ 7 таблицами и 288 рисунками въ текстѣ. Спб. 1901.

Въ только что вышедшемъ «Отчетѣ» императорской археологической комиссіи находимъ свѣдѣнія о произведенныхъ комиссіею въ теченіе 1898 года раскопкахъ и о пріобрѣтенныхъ ею коллекціяхъ. Раскопки производились разными лицами въ 14 губерніяхъ. Наиболѣе результатными изъ нихъ должны

считаться тѣ, которыя дѣлались подъ наблюденіемъ гг. К. К. Косцюшко-Валюжинича, К. Е. Думберга, Ю. А. Кулаковскаго, Ѳ. А. Брауна, Н. И. Веселовскаго, А. А. Спицына и нѣкоторыхъ другихъ.

Продолжая производить раскопки въ томъ же юго-восточномъ участкѣ Херсонесскаго городища, въ которомъ онѣ производились и въ предыдущемъ году, г. Косцюшко-Валюжиничъ открылъ замѣчательныя древнія фортификаціонныя сооруженія этого города. «Въ фортификаціи ихъ,—говоритъ онъ въ своемъ отчетѣ,—различаются три періода, которымъ отвѣчаетъ тройная кладка и облицовка стѣнъ: древнѣйшій періодъ—облицовка съ обработкою рустиками, средній—облицовка гладкими плитами и, наконецъ, поздній—кладка изъ бутоваго камня на извести, безъ облицовки. При производствѣ работъ было найдено много обломковъ отъ колоннъ и карнизовъ, отъ мраморныхъ и известковыхъ плитъ съ греческими и латинскими надписями, большею частію надгробными, богатая коллекція черепковъ разнообразнѣйшей посуды, глиняныя лампочки, амфорныя ручки, рѣдкія римскія и византійскія монеты и многія другія вещи. Кромѣ того, тѣмъ же изслѣдователемъ открыты три обширныхъ древнихъ термы, богато отдѣланныя, съ множествомъ въ нихъ разнообразнѣйшихъ предметовъ древности и нѣсколько гробницъ.

Производившій раскопки въ Пантикапеѣ (нынѣшней Керчи) г. Думбергъ открылъ рядъ древнихъ термъ, I вѣка по Р. Х., въ которыхъ были найдены интересныя части античныхъ мраморныхъ статуй и разныхъ терракотовыхъ издѣлій.

Профессоръ Кулаковскій на берегахъ рѣки Карасу (въ Крыму) открылъ нѣсколько весьма древнихъ могилъ, въ которыхъ при человѣческихъ остовахъ, покрытыхъ красною краскою, находились глиняные сосуды грубой работы и каменныя орудія.

Ѳ. А. Брауну посчастливилось найти въ большомъ курганѣ близъ с. Большой Бѣлозерки (Мелитопольскаго уѣзда, Таврической губерніи) богатое конское погребеніе IV вѣка до Р. Хр. Схороненныя здѣсь лошади были покрыты множествомъ бронзовыхъ, серебряныхъ и золотыхъ уздечныхъ бляшекъ, изъ коихъ нѣкоторыя украшены превосходно исполненными, рельефными изображеніями головъ Геракла, Медузы и Пана, равно какъ и другими орнаментами.

Въ изслѣдованіяхъ профессора Веселовскаго наибольшее вниманіе обращаютъ открытыя имъ древнія погребенія, въ видѣ двухъ такъ называемыхъ дольменовъ, съ разнообразной и разновременной погребальной обстановкой, какъ-то: каменными орудіями, красною краскою, глиняными сосудами, мѣдными издѣліями и разными серебряными и золотыми вещами.

Наконецъ, А. А. Спицынъ производилъ раскопки въ нѣсколькихъ губерніяхъ (Казанской, Вятской, Пермской и Уфимской) и наибольшее число интересныхъ предметовъ нашелъ въ курганахъ Вятской и Пермской губерній; въ предѣлахъ же Казанской открылъ нѣсколько городищъ съ множествомъ монетъ.

Что же касается пріобрѣтенныхъ коллекцій, поступавшихъ чуть ли не изъ всѣхъ губерній Россійской имперіи, то большинство изъ нихъ состояло изъ монетъ, находимыхъ преимущественно въ губерніяхъ: Кіевской, Виленской, Могилевской, Подольской, Волынской, Пензенской, Рязанской и другихъ. Изъ про-

чихъ предметовъ древности въ пріобрѣтенныхъ коллекціяхъ наиболѣе обращаютъ вниманіе слѣдующіе: серебряное сирійское блюдо со священными изображеніями, найденное въ селѣ Григоровскомъ Соликамскаго уѣзда Пермской губерніи; серебряный сосудъ XVI столѣтія, найденный въ селѣ Усольѣ того же уѣзда; желѣзный мечъ, съ серебрянымъ эфесомъ и обвитою серебряными нитями рукояткою, на которую насажена серебряная, украшенная чернью, головка съ изображеніемъ на ней съ одной стороны бѣгущаго зайца и птицы, а съ другой—такъ называемой «печати Соломона», окруженной орнаментомъ другого рисунка (найд. въ Харьковскомъ уѣздѣ); круглое мѣдное блюдо, съ вырѣзанными внутри его инкрустированными серебромъ изображеніями и узорами, являющееся «чуть ли не единственнымъ въ своемъ родѣ произведеніемъ восточнаго искусства XIV или XV вѣковъ», и друг.

Въ «приложеніяхъ» къ «Отчету» помѣщены въ извлеченіяхъ отчеты лицъ, производившихъ раскопки (гг. Косцюшко-Валюжинича, Владимірова, Долбежева и Ресслера) и таблицы распредѣленія древностей.

Нечего и говорить, что какъ рисунки въ текстѣ, такъ и приложенныя въ концѣ таблицы исполнены тщательно и даютъ точное и ясное представленіе объ изображаемыхъ на нихъ предметахъ. **В. Рудаковъ.**

Организація труда и трудящихся. В. Зомбартъ. Спб. 1901.

Ученое изслѣдованіе профессора В. Зомбарта объ «организаціи труда и трудящихся» интересно не только въ научномъ отношеніи, но и въ практическомъ, заключая въ себѣ богатый матеріалъ съ цифровыми данными о такъ называемомъ «профессіональномъ движеніи рабочихъ» въ Западной Европѣ. Рабочія массы, связанныя общностью повседневныхъ занятій, естественно имѣютъ и общіе интересы, во имя которыхъ они группируются въ профессіональные союзы. Зомбартъ весьма оригинально освѣщаетъ ихъ будущую роль въ жизни европейскихъ народовъ.

Въ Германіи профессіональные рабочіе союзы, въ Англіи тредъ-юніоны, во Франціи рабочіе синдикаты, въ Италіи рабочія общества борьбы и такъ далѣе, стремясь служить интересамъ наемнаго рабочаго, естественно развиваются на почвѣ капиталистическаго хозяйственнаго строя. «Это ограниченіе, говоритъ Зомбартъ, рѣзко отдѣляетъ профессіональное рабочее движеніе отъ рабочаго движенія соціалистическаго, которое, хотя и имѣетъ конечной цѣлью прежде всего интересы пролетаріата, но осуществленіе ихъ видитъ въ замѣнѣ капиталистическаго строя соціалистическимъ. Профессіональное и соціалистическое рабочія движенія имѣютъ много точекъ соприкосновенія; но было бы отказомъ отъ всякаго уясненія соціальныхъ явленій не взять за исходный пунктъ анализа основной разницы того и другого». Изъ книги профессора Зомбарта мы узнаемъ, что мирное профессіональное движеніе рабочихъ въ Англіи охватывало въ 1898 г. 267 союзовъ, число членовъ въ нихъ 1.644,000, въ томъ числѣ 116.000 работницъ. По исчисленіямъ супруговъ Веббъ, количество организованныхъ въ профессіональные союзы рабочихъ составляетъ въ Англіи около 20% взрослаго мужскаго наемнаго рабочаго населенія. Но, по словамъ Зомбарта, гораздо значительнѣе этихъ внѣшнихъ успѣховъ завоеванія, сдѣ-

ланныя профессіональными рабочими союзами въ области англійской общественной жизни вообще. Здѣсь, дѣйствительно, все, что пользуется вліяніемъ въ странѣ, склонилось въ ихъ пользу. Государственныя и муниципальныя учрежденія, суды, пресса, общественное мнѣніе соперничаютъ въ проявленіи, при всякомъ подходящемъ случаѣ, своего уваженія къ рабочему движенію. Къ такимъ признакамъ Зомбартъ причисляетъ недавнее назначеніе лица, долгое время занимавшаго должность въ профессіональномъ союзѣ, фабричнымъ инспекторомъ, на томъ основаніи, что своей профессіональной дѣятельностью онъ пріобрѣлъ необходимое знакомство съ положеніемъ и стремленіями рабочихъ; къ нимъ же (къ этимъ признакамъ) относится и обычай англійскихъ городскихъ управленій привѣтствовать и торжественно угощать въ стѣнахъ города конгрессы союзовъ, а также все болѣе прививающееся у этихъ управленій обыкновеніе соблюдать при сдачѣ подрядовъ тарифы заработной платы, установленной профессіональными союзами; наконецъ, практика судовъ, въ спорахъ по поводу заработной платы, придерживается тарифовъ профессіональныхъ союзовъ въ качествѣ регуляторовъ послѣдней, и многое другое. Точно также въ ноябрѣ 1892 года крупный бирмингамскій предприниматель и нынѣ министръ Чемберленъ, оцѣнивъ выгоды, созданныя профессіональными союзами для своихъ членовъ, высказалъ въ Nineteenth Century (ноябрь 1892 г.) слѣдующее: «эти выгоды въ общемъ были достигнуты безъ всякаго ущерба для предпринимателей и промышленности, хотя, конечно, были отдѣльные случаи неблагоразумія и произвола, какъ со стороны трэдъюніостовъ, такъ и со стороны работодателей. Когда у союзовъ накопился опытъ, ихъ руководители отстранили несправедливыя и чрезмѣрныя требованія и не разъ помогали совершиться мирнымъ путемъ тому, что раньше, безъ организаціи, несомнѣнно, разрѣшилось бы стачкой».

Въ исторіи англійскихъ стачекъ большую роль играютъ примирительныя камеры изъ представителей обѣихъ организацій: рабочихъ союзовъ и хозяевъ.

Въ Германіи членовъ профессіональнаго движенія до 700.000 рабочихъ съ бюджетомъ въ 6—7 милліоновъ марокъ;

во Франціи	419.761	рабоч.
въ Австріи	105.855	»
» Швейцаріи (1896): въ профессіональныхъ союзахъ въ узкомъ смыслѣ .	54.562	»
во всякаго рода другихъ рабочихъ союзахъ.	119.619	»
въ Бельгіи	70.000	»
» Голландіи	126.669	»

изъ нихъ 10.106 въ собственно профессіональныхъ союзахъ.

Въ Италіи нѣтъ достойной довѣрія статистики		
» Даніи (1899)	96.295	»
» Норвегіи (1898) около	24.000	»
» Швеціи (1899) свыше	50.000	»
» Соединенныхъ Штатахъ (конецъ 1898) круглымъ счетомъ	1.000.000	»

«Если къ этимъ цифрамъ, замѣчаетъ Зомбартъ, присоединить еще данныя объ австралійскихъ профессіональныхъ союзахъ, охватывающихъ будто бы три четверти всѣхъ рабочихъ страны, то окажется, что въ капиталистическомъ мірѣ подъ знаменами профессіональныхъ организацій стоитъ армія свыше четырехъ милліоновъ рабочихъ; подобная цифра не оставляетъ болѣе никакого сомнѣнія въ томъ фактѣ, что мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ, присущимъ одинаково всѣмъ странамъ съ капиталистической культурой, тѣмъ болѣе, что изъ сопоставленія приведенныхъ данныхъ слѣдуетъ, что профессіональное движеніе прямо пропорціонально степени капиталистическаго развитія страны и, очевидно, является логически необходимымъ слѣдствіемъ капитализма».

Съ этой точки зрѣнія Зомбартъ естественно является противникомъ исключительно политической агитаціи Лассаля и нападокъ послѣдняго на профессіональные союзы Шульце-Делича; еще съ большей энергіей Зомбартъ обрушивается на революціонный утопизмъ, говоря по его адресу горячія обвиненія: «Политическія дѣти, вѣрящія въ скорую гибель буржуазнаго міра, просто не обладаютъ еще зрѣлостью для работы на профессіональномъ поприщѣ. Люди, проникнутые такого рода догматизмомъ, никогда также, смѣю утверждать, не будутъ имѣть настроенія, необходимаго для того, чтобы спокойно работать надъ медленно воздвигающимся строеніемъ профессіональныхъ союзовъ. Они будутъ постоянно выбѣгать, чтобы посмотрѣть, не стоитъ ли уже у дверей новое государство, въ которомъ текутъ молоко и медъ. Кто изъ васъ былъ бы твердо, непоколебимо убѣжденъ въ томъ, что міръ, какъ это недавно предсказывали, погибнетъ 13-го ноября, тотъ былъ бы дуракомъ, если бы 12-го ноября еще дѣлалъ вклады въ сберегательную кассу, отдавалъ свои рубашки въ починку, приглашалъ тещу въ гости. Кто же, наоборотъ, убѣжденъ въ томъ, что пройдетъ много десятилѣтій, прежде чѣмъ капиталистическій міръ будетъ смѣненъ другимъ, тотъ почувствуетъ истинную потребность слиться съ той обстановкой, которая современемъ должна быть устранена, только тотъ пріобрѣтетъ истинное спокойствіе, необходимое для постоянной борьбы за лучшія условія жизни при данныхъ экономическихъ условіяхъ. Равнымъ образомъ, только тотъ можетъ сдѣлаться полезнымъ профессіоналомъ, чьи понятія о сущности перехода капиталистической формы организаціи къ лучшей очищены отъ всякаго утопическаго хлама. Кто все еще вѣритъ въ дѣйствительность политическихъ дѣйствій безъ соотвѣтствующихъ хозяйственныхъ предпосылокъ, кто все еще позволяетъ водить себя за носъ старой робеспьеровщинѣ, диктатурѣ пролетаріата, кто все еще не видитъ, что, при измѣнившихся политическихъ условіяхъ новаго времени, идеалъ можетъ быть осуществленъ только путемъ постепеннаго органическаго измѣненія нашего правового порядка, что никогда новый міръ не увидитъ болѣе радикальныхъ новшествъ, чѣмъ первый актъ законодательной защиты рабочихъ, первая муниципализація трамвая, совершенная по ясно сознаннымъ соціально-политическимъ мотивамъ, или приплата изъ государственныхъ суммъ къ каждой инвалидной рентѣ, тотъ безнадежно потерянъ для этого міра, тотъ никогда не научится понимать глубокій смыслъ профессіональнаго движенія; онъ не пойметъ, что это движеніе есть не что иное, какъ одинъ изъ тѣхъ безчисленныхъ переходныхъ процессовъ,

которые ведутъ изъ царства знатности и богатства въ царство труда и таланта».

Отмѣчая фанатическую вѣру профессора Зомбарта въ господство «хозяйственныхъ предпосылокъ», иногда приходитъ въ голову мысль, что и самъ Зомбартъ принадлежитъ къ тѣмъ же соціальнымъ утопистамъ, которыхъ во многихъ мѣстахъ своей книги онъ называетъ то «соціалъ-демократическими дѣвами», то «ортодоксальными теоретиками». Разумѣется, профессіональное движеніе имѣетъ множество заслугъ, но въ общей исторіи прогресса оно никогда не будетъ представлять самостоятельной задачи и цѣли для общественныхъ дѣятелей. Благосостояніе народовъ зависитъ отъ множества причинъ, коренящихся не только въ кошелькахъ, но и въ расовомъ темпераментѣ, въ иниціативѣ и волѣ человѣка, въ совѣсти народа, отражающихся, при одномъ и томъ же хозяйственномъ строѣ, на законодательствѣ и нравахъ націи весьма различно...

Тѣмъ не менѣе профессіональное движеніе, одно изъ серіозныхъ и симпатичныхъ явленій европейской жизни, трактуется профессоромъ Зомбартомъ въ высшей степени обстоятельно, несмотря на одностороннее мѣстами увлеченіе ученаго профессора «профессіоналами». А. Фаресовъ.

А. А. Потаповъ. Очеркъ древней русской гражданской архитектуры. М. 1901.

Исторія русскаго искусства и въ частности искусства строительнаго разработана у насъ очень мало. О старинной нашей архитектурѣ имѣются, правда, работы Прохорова, Забѣлина, К. Н. Тихонравова, Суслова, Султанова, но всѣ эти сочиненія не даютъ связной исторіи развитія у насъ зодчества, а касаются или отдѣльныхъ зданій или архитектурныхъ частностей. Единственнымъ более или менѣе полнымъ обозрѣніемъ памятниковъ нашей архитектуры является вышедшая года два тому назадъ книга академика Павлинова, и ею, кажется, ограничивается вся новѣйшая литература по данному вопросу. Въ настоящее время пробѣлъ этотъ въ значительной мѣрѣ пополненъ превосходнымъ трудомъ архитектора А. А. Потапова, напечатаннымъ въ 1 и 2 выпускахъ «Древностей» Московскаго археологическаго общества за текущій годъ. Къ сожалѣнію, и этотъ трудъ остался неоконченнымъ. Преждевременно скончавшійся авторъ успѣлъ приготовить къ печати вмѣсто 48 лишь 28 главъ, изъ которыхъ пока появилось 20.

А. А. Потаповъ съ увлеченіемъ занимался избранной имъ спеціальностью и ревностно собиралъ матеріалы для задуманной работы. Онъ успѣлъ составить цѣлую коллекцію свыше 150 снимковъ съ остатковъ нашихъ старинныхъ построекъ, плановъ, рисунковъ отдѣльныхъ частей и тому подобное. Изъ этой драгоцѣнной коллекціи 36 рисунковъ вошло въ видѣ иллюстрацій въ его «Очеркъ».

Первая глава труда Потапова посвящена обозрѣнію источниковъ, откуда можно почерпать свѣдѣнія о ходѣ нашего строительнаго дѣла. Такими источниками являются памятники письменности, то-есть лѣтописи, описанія монастырей и городовъ, а, главнымъ образомъ, описанія Россіи иностранными путе-

шественниками. Другимъ болѣе скуднымъ источникомъ служатъ рисунки древнихъ зданій. Но этотъ матеріалъ въ большинствѣ случаевъ крайне неудобенъ для пользованія, такъ какъ сохранившіеся у насъ памятники быта оказываются или обезображенными позднѣйшими реставраціями, или же превратившимися въ развалины.

Сообщивъ во второй главѣ нѣсколько свѣдѣній о состояніи строительнаго дѣла въ древней Руси, авторъ подробно останавливается на планахъ и устройствѣ нѣкоторыхъ нашихъ городовъ, рисунки которыхъ сохранились въ иностранныхъ описаніяхъ Московіи. Съ третьей главы идетъ разсмотрѣніе образцевъ древне-русской гражданской архитектуры, при чемъ авторъ начинаетъ съ древнѣйшаго сохранившагося до нашихъ дней дворца — палатъ Андрея Боголюбскаго; затѣмъ идутъ древности Новгородскаго владычнаго дома, дворецъ князей Угличскихъ и такъ далѣе.

Выясняя архитектурныя формы разсматриваемыхъ построекъ, Потаповъ не ограничивается лишь описаніемъ ихъ первоначальнаго вида, но дѣлаетъ любопытныя экскурсіи въ область различныхъ спорныхъ архитектурныхъ частностей, еще не установленныхъ прочно изслѣдователями.

По простотѣ и ясности изложенія и обилію матеріала этотъ превосходный трудъ можетъ имѣть большое значеніе не только для спеціалиста, но и для всякаго историка, который интересуется матеріальной культурой старинной Руси. **А. В. В.**

Наши пограничныя окраины въ Средней Азіи. Путевые наброски Бориса Шапирова. Спб. 1901.

Составленныя «между дѣломъ и отдыхомъ» замѣтки автора, доктора медицины, командированнаго для осмотра санитарнаго состоянія среднеазіатскихъ бригадъ отдѣльнаго корпуса пограничной стражи, представляютъ собою очень поверхностное описаніе впечатлѣній во время поѣздки по степямъ Закаспійской области и ея пограничнымъ окраинамъ. Авторъ самъ сомнѣвается, что, «быть можетъ, удѣлилъ слишкомъ много мѣста одностороннему взгляду на вещи», но мы ему возразимъ на это, что онъ вообще удѣлилъ слишкомъ мало мѣста для своего труда, такъ какъ при подобной сжатости, съ какою написаны эти замѣтки, не остается ровно никакого впечатлѣнія отъ описанія края. Авторъ на страницѣ 50 говоритъ, что «послѣ сраженія при рѣкѣ Кушкѣ въ 1890 г. Закаспійская область окончательно выдѣлена была изъ вѣдѣнія Кавказа и получила самостоятельное устройство». О какомъ это такомъ сраженіи въ 1890 году говоритъ авторъ? Послѣ 1885 года, когда отрядъ генерала Комарова разбилъ на рѣкѣ Кушкѣ афганцевъ, болѣе никакихъ сраженій тамъ не происходило, и только въ 1892—1894 годахъ на Памирахъ были стычки съ афганцами. О мѣстныхъ болѣзняхъ, бытѣ населенія Бухары и о жизни чиновъ пограничной стражи авторъ говоритъ почти вскользь, а потому, какъ и самъ онъ называетъ свои замѣтки, онѣ вполнѣ являются «бѣглыми» и совершенно безцвѣтными. Отъ доктора медицина, у котораго подъ рукою былъ такой богатый матеріалъ для наблюденій, можно было бы ожидать чего нибудь посолиднѣе. **Борисъ Тагѣевъ.**

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЕ ТРУДЫ. Пять или шесть лѣтъ тому назадъ, знанія исторіи древняго Египта не шли далѣе четвертой династіи фараоновъ, то-есть эпохи, когда были выстроены пирамиды, исключая той, которую называютъ пирамидою «уступами». Этого уже было достаточно, но явились профессора а Герстангъ и Флиндерсъ Петри, и благодаря ихъ трудамъ, стала извѣстна доисторическая исторія Нильской долины. Флиндерсъ Петри возстановилъ царствованіе трехъ ближайшихъ наслѣдниковъ Менеса: Зера, Дона, Казекеми и нѣкоторыхъ другихъ государей двухъ первыхъ династій. Но осталось возстановить звено въ этой цѣпи, а именно третью расу фараоновъ. За эту задачу взялся профессоръ Герстангъ, и онъ успѣлъ въ своемъ предпріятіи, какъ явствуетъ изъ отчета объ его раскопкахъ прошедшей весною. Среди пустыни Бейтъ-Каллафъ, къ востоку отъ Гирги, онъ началъ раскапывать груду развалинъ, которую до сихъ поръ оставили безъ вниманія, полагая, что она относится ко временамъ Птолемея, уже достаточно извѣстнымъ. Однако въ ней оказалось множество царскихъ гробницъ, относящихся до третьей династіи. Между прочимъ, найдена гробница фараона Нетеръ-Ка, который выстроилъ знаменитую пирамиду «уступами», а также его наслѣдника Хенъ-Кета, о которомъ ничего не знали, даже не вѣдали его имя. Всѣ эти гробницы находятся въ подземельѣ, куда спускаются по каменной лѣстницѣ, подъ прекрасно выведеннымъ сводомъ. Это—самая старинная постройка, извѣстная въ этомъ родѣ. До сихъ поръ открыто двадцать гробницъ, въ которыхъ находятся множество драгоцѣнностей, тканей, оружія, керамики и множество разныхъ предметовъ каменныхъ, мѣдныхъ и золотыхъ, а также слоновой кости. Каждый изъ этихъ предметовъ сохранился удивительнымъ образомъ. Но профессоръ Петри пошелъ

еще далѣе и занялся открытіемъ фараоновъ, жившихъ до первой династіи. На дняхъ вышелъ второй томъ его ученаго труда «Царскія гробницы раннихъ династій» [1]). Въ первомъ томѣ онъ описалъ гробницы нѣкоторыхъ царей первой династіи Мането, которыя имъ открыты въ Абидосѣ. Во второй годъ своихъ раскопокъ онъ нашелъ не только слѣды царей первой династіи и девятерыхъ второй, но группу четырехъ фараоновъ, царствовавшихъ ранѣе первой династіи. Онъ даетъ имъ странное названіе «0—династія». Пока профессоръ Петри прошедшей зимою занимался этими открытіями, французскій ученый, Фукаръ, сдѣлалъ сообщеніе парижской академіи надписей, въ которомъ онъ доказывалъ, на основаніи лингвистики, что фараонъ Нармеръ не принадлежалъ къ тому, что теперь Петри называетъ «0—династія», а былъ первымъ фараономъ второй династіи и назывался Бѣтосъ. До сихъ поръ это вопросъ спорный, и разрѣшеніе его зависитъ отъ правильности того, что онъ говоритъ теперь о Менесѣ, который первый царствовалъ надъ всѣмъ Египтомъ. Еще въ 1897 году Морганъ нашелъ въ Негадахѣ великолѣпную гробницу царя, по имени Аха; на основаніи украшенія изъ слоновой кости, находившагося въ этой гробницѣ, профессоръ Сэтъ и другіе ученые берлинской школы полагали, что этотъ Аха былъ тотъ же Менесъ, и хотя профессоръ Навиль не согласился съ ихъ объясненіемъ надписи на гробницѣ, Петри призналъ этотъ методъ чтенія надписи правильнымъ. Однако, теперь онъ открылъ въ Абидосѣ настоящую гробницу Аха-Менеса, а согласно его объясненіямъ гробница, найденная Моргановъ въ Негадахѣ,—жены Менеса. Онъ также говоритъ, что отыскалъ въ Абидосѣ глиняные кувшины съ надписями, которые вполнѣ подтвердили, что Аха тотъ же Менесъ. Впрочемъ, нѣкоторые спеціалисты признаютъ методъ Петри объяснять надписи на глиняныхъ сосудахъ неубѣдительнымъ. Эта книга такъ поспѣшно выпущена въ свѣтъ, что тридцать пять обѣщанныхъ рисунковъ отложены на слѣдующій томъ, что уменьшаетъ цѣнность нынѣшняго. Кромѣ означеннаго сочиненія, Флидерсъ Петри еще выпустилъ недавно другую книгу, подъ названіемъ «Diospolis Parva» [2]). Она относится къ раскопкамъ, которыя онъ производилъ между Абадіей и Хю, прежде чѣмъ онъ началъ работу въ Абидосѣ. Поэтому самая книга была отложена и вышла послѣ двухъ абидосскихъ томовъ. Описанныя въ ней открытія сами по себѣ не очень важны, хотя къ нимъ относятся гробницы всѣхъ временъ, съ доисторическихъ до птолемеевскихъ и римскихъ. Въ своемъ произведеніи онъ окончательно развиваетъ исторію доисторическихъ эпохъ, на основаніи глиняной посуды, найденной въ гробницахъ.

— Празднованіе тысячелѣтія Альфреда Великаго. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ городъ Винчестеръ, а за нимъ и вся Англія, праздновала юбилей перваго короля Англіи. Въ честь его воздвигнута колоссальная бронзовая статуя, больше человѣческаго роста, въ его столицѣ, потому что, въ сущности говоря, хотя его и называютъ первымъ королемъ Англіи, но онъ былъ королемъ Вессекса.

---

[1]) The Royal Tombs of the Earliest Dynasties. Part II. By Flinders Petrie. London. 1901.

[2]) «Diospolis parva». By Flinders Petrie. London, 1901.

Разумная администрація Альфреда и его геройство соединили между собою на юго-западѣ Англіи шесть графствъ, и вокругъ Вессекса сгруппировали Эссексъ, Кентъ и Мерсіо. Поэтому извѣстное выраженіе, что Альфредъ былъ первый англійскій король, поэтически справедливо, хотя фактически его сынъ, Эдуардъ, первый воспользовался стараніями Альфреда соединить Англію въ одну федерацію. Въ виду этого стремленія Альфреда соединить всѣхъ говорящихъ по-англійски, онъ не только достоинъ памяти въ метрополіи, но даже въ великой ея колоніи — Американскихъ штатахъ. Поэтому вполнѣ справедливо былъ посланъ на юбилей въ Винчестеръ представитель Америки, Джонъ Фиски, а въ іюльскомъ нумерѣ «Century Magazine» помѣщено нѣсколько краснорѣчивыхъ страницъ Луи Даэра, въ прославленіе короля, который извѣстенъ былъ, не только «какъ великій», но и какъ «правду говорящій» [1]).

Собственно англійская юбилейная литература разрослась до значительныхъ размѣровъ. Во главѣ ея стоитъ драматическая поэма поэта лавреата, Альфреда Остэна: «Альфредъ Великій, сокровище Англіи» [2]). Впрочемъ, по содержанію, эта поэма, какъ всѣ произведенія офиціальнаго поэта, не отличается талантливостью, интересомъ сюжета, или чѣмъ либо замѣчательнымъ, что не мѣшаетъ ей выйти пятымъ изданіемъ. Если не выйдетъ не только пятымъ, но, вѣроятно, и вторымъ изданіемъ книга «Былъ ли Альфредъ англійскимъ королемъ?» автора, подписавшагося псевдонимомъ: «Саксонецъ», то, конечно, потому, что она чрезвычайно странна по нелѣпой фантазіи и мистификаціи [3]). Онъ смѣло и самонадѣянно говоритъ, что Альфредъ былъ римскій претендентъ и никогда не находился на англійскомъ престолѣ. Мало того, онъ увѣряетъ, что вся исторія составлена изъ борьбы расъ: семитовъ, хамитовъ, іафетовъ. По его мнѣнію, Юлій Цезарь былъ консулъ, возставшій противъ азіатскихъ царей, котораго побѣдили Брутъ и Кассій, послѣ чего консуломъ сдѣлался Октавій. Перейдя къ исторіи Англіи, онъ говоритъ, что представителемъ хамитовъ сдѣлался въ это время римскій папа, а Альфредъ былъ помазанникомъ папы Льва IV и союзникомъ Рима, слѣдовательно онъ былъ хамитъ и не могъ быть англійскимъ патріотомъ. Въ дѣйствительности «Саксонецъ» полагаетъ, что Альфредъ былъ преданъ душею папской власти, и не онъ былъ англійскимъ королемъ, а Гутрумъ, предводитель датчанъ и саксонцевъ. Съ удовольствіемъ переходишь отъ такихъ нелѣпостей къ трезвому, талантливому и обстоятельному, хотя и краткому, изложенію жизни короля Альфреда, написанному недавно умершимъ сэромъ Вальтеромъ Безантомъ [4]). Это, безъ сомнѣнія, лучшій опытъ популяризаціи исторіи Альфреда на двухстахъ маленькихъ страницахъ. Несомнѣнно, эта книжечка будетъ памятникомъ истиннаго демократическаго духа, одушевлявшаго автора. Въ предисловіи онъ говоритъ: «Я желалъ бы, чтобы эта маленькая книжечка была въ рукахъ всѣхъ посѣтителей народныхъ школъ и всѣхъ, читающихъ по вечерамъ книги изъ даровыхъ библіотекъ, которыя

---

[1]) The Millenary of king Alfred at Winchester, by Louis Dyer. «Century Magazine», july 1901.

[2]) «Alfred the Great: England's Darling», by Alfred Austin. London. 1901.

[3]) «Was Alfred king of England?» by a Saxon. London. 1901.

[4]) The story of king Alfred, by Sir Walter Besant. London. 1901.

быстро возвышають умъ и образованіе народа. Я охотнѣе написалъ бы книгу для народа, чѣмъ создалъ бы все остальное на свѣтѣ. Тотъ, кто побѣждаеть сердце народа, совершаетъ великое дѣло. Это, поистинѣ, доброе дѣло живетъ послѣ него, и человѣкъ не можетъ имѣть большаго самолюбія. Никакая государственная почесть не можетъ сравниться съ такимъ подвигомъ. Знатность, почеть, богатство—ничто въ сравненіи съ нимъ. Да будетъ мнѣ позволено, хоть тѣшиться надеждой, что я достигну этой самолюбивой мысли, если моей идеѣ не суждено осуществиться. Во имя всего, что намъ дорого, во имя доброты, рѣшимости ума, откровенности и самопожертвованія, постараемся сдѣлать Альфреда болѣе извѣстнымъ его потомкамъ». Въ этой маленькой книжечкѣ авторъ мастерски разсказалъ сначала положеніе Англіи въ IX столѣтіи и потомъ жизнь Альфреда съ его дѣтства до его подвиговъ законодателя, администратора и писателя. Поэтому, безъ всякаго сомнѣнія, эта маленькая книжечка переживетъ остальныя произведенія замѣчательнаго романиста и публициста. Еще вышла одна небольшая книга объ Альфредѣ Великомъ, которая была бы полезной и интересной компиляціей, если бы не существовало произведеніе сэра Вальтера Безанта. Передъ нимъ же блѣднѣютъ всѣ достоинства «Исторіи Альфреда Великаго» Вальтера Гоуенса и Эдуарда Смита [1]).

— Комментаріи Данте. Въ послѣднее время появилось нѣсколько замѣчательныхъ книгъ о Данте. Въ прежнее время комментаторы Данте обыкновенно объясняли великаго поэта имъ самимъ, не идя далѣе, а теперь изученіе Данте сдѣлалось изученіемъ жизни среднихъ вѣковъ, въ политическомъ, религіозномъ, философскомъ, литературномъ и соціальномъ положеніи. Эта новая Дантовская школа развилась подъ вліяніемъ профессоровъ Виллари и Дель-Лунго, Гвидо Біаджи, Гвидо Леви и многихъ другихъ. Къ нимъ принадлежитъ миланскій комитетъ Дантовскаго общества, по порученію котораго Гаэтано Негри издалъ второй томъ лекцій различныхъ профессоровъ и изслѣдователей Данте, подъ названіемъ «Arte, Scienza e Fede ai Giorni di Dante» [2]). Самыя замѣчательныя изъ нихъ: синьора Рока—«О папствѣ и католической церкви въ XIII столѣтіи», синьора дель-Джюдиче:—«Объ итальянскомъ феодализмѣ» и Феличе Токко—«О теченіяхъ философской мысли въ ту же эпоху». Изъ болѣе литературныхъ, чѣмъ ученыхъ статей замѣчательны эскизъ Микель Скерилло о Данте и изученіи классической поэзіи, а также лекція Сабатье на французскомъ языкѣ о св. Францискѣ изъ Асизи, хотя собственно о Данте онъ говоритъ мало. Кромѣ этого сборника различныхъ авторовъ, изданъ сборникъ лекцій одного автора, Анжело Губернатиса, который читалъ ихъ въ числѣ двадцати въ Римскомъ университетѣ [3]). Это основательное, ученое сочиненіе отличается тѣмъ, что его согрѣваетъ, съ начала до конца, чувство страстнаго восхищенія къ Данте. Авторъ вызываетъ таинственную, сложную и торжественную фигуру Данте, и она какъ бы живетъ передъ нашими глазами съ своими мрачными ненавистями и блестящей необыкновенной любовью къ Беатриссѣ. Губернатисъ отвергаетъ, какъ

---

[1]) The Story of Alfred the Great. By Walter Howens and Thornton Smith. London. 1901.

[2]) Arte, Scienza e Fede ai Giorni di Dante. Milano. 1901.

[3]) In le Orme di Dante. Di Angello Gubernatis. Roma. 1901.

устарѣлую и невѣроятную гипотезу несуществованія Беатриссы. Онъ не вѣритъ, что она была только богословскимъ символомъ; онъ видитъ въ ней женщину, которую Данте любилъ чистой, вѣчной любовью, бывшей для него источникомъ вдохновенья, источникомъ его генія. Данте болѣзненно любилъ ее; онъ не былъ вѣренъ ей при жизни и послѣ ея смерти, но онъ страдалъ отъ этой невѣрности и возвышался каждый разъ, благодаря своему отчаянію. Онъ былъ возвышенный мечтатель, духовидецъ и видѣлъ постоянно поэтическіе сны, полные значенія, а также вѣрилъ во вмѣшательство сверхъестественной силы. Кромѣ того, его геній видѣлъ въ поэтическомъ экстазѣ всю свою эпоху и въ описаніяхъ выражалъ строгій вкусъ Джіотто, а словами ваялъ, какъ Микель Анджело. Вся наука его вѣка смутная, мистическая, безпокойная, выражалась въ немъ. Наконецъ онъ передавалъ, съ неуловимой поэзіей восточныя легенды, которыя онъ слышалъ и усвоилъ. Губернатисъ старательно возстановилъ полную біографію Данте. Онъ слѣдуетъ за нимъ въ его печальной жизни, шагъ за шагомъ, воскрешая его политическую ярость и его отчаяніе изгнанника. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ прибѣгаетъ къ гипотезамъ, но его гипотезы такъ положительны и основаны на научныхъ данныхъ, что невольно интересуютъ и убѣждаютъ. Къ новѣйшимъ комментаріямъ Данте относится книга Г. Тозера, извѣстнаго англійскаго комментатора [1]). Главное ея достоинство заключается въ полнотѣ; онъ слѣдитъ за Дантомъ съ текстомъ въ рукахъ, строка за строкой, и поясняетъ все, что, повидимому, непонятно, или требуетъ поясненія въ грамматическомъ, топографическомъ или въ хронологическомъ отношеніяхъ.

Микелло Скерилло, о которомъ уже было упомянуто, помѣстилъ въ августовской книжкѣ «Nuova Antologia» [2]) оригинальную и любопытную статью подъ названіемъ: «Данте, какъ придворный человѣкъ». Авторъ доказываетъ, что нелѣпо искать таинственное, символическое значеніе въ каждомъ словѣ «Божественной комедіи», какъ дѣлаютъ это комментаторы Данте уже четыре столѣтія. Онъ, напротивъ, приводитъ множество эпизодовъ изъ «Inferno» и доказываетъ, что они основаны на современныхъ анекдотахъ, ходившихъ въ обществѣ, которое посѣщалъ поэтъ. Данте былъ гораздо болѣе свѣтскимъ человѣкомъ, чѣмъ обыкновенно полагаютъ; онъ игралъ роль придворнаго при многихъ итальянскихъ дворахъ, при этомъ пилъ и ѣлъ, подобно древнимъ эпикурейцамъ. Другой поклонникъ Данте, Америко Скарлатти, разсказываетъ въ «Minerva», до какого безумія доходятъ пламенные собиратели различныхъ изданій «Divina Comedia». Одинъ изъ нихъ Акватиччи посвятилъ свою жизнь этому занятію. Но вдругъ у него оказался соперникъ, и они оба открыли только ровно двѣсти четырнадцать изданій — ни одного больше. Тогда Акватиччи прибѣгнулъ къ ловкому способу одержать побѣду. Онъ заказалъ въ Пизѣ двѣсти пятнадцатое изданіе, но въ одномъ экземплярѣ, такъ что это изданіе, послѣ напечатанія, было тотчасъ разобрано.

---

[1]) An English Commentary on Dante's Divina Commedia. By Tozer. Oxford. 1901.

[2]) Dante uomo della corte, di Michele Scherillo. «Nuova Antologia», agosto 1901.

— Куртизанка во время террора. Во второмъ сентябрьскомъ нумерѣ «La Revue» помѣщена любопытная статья Маріи Сюммеръ [1]), посвященная одной изъ блестящихъ куртизанокъ революціи и террора, Иллиринѣ де-Моранси. Воспользовавшись, кромѣ ея «Мемуаровъ», еще неизданными письмами, авторъ знакомитъ читателя съ бурной жизнью этой «моей богини», какъ называли ее любезники того времени, кончившей жизнь въ замкѣ, обожаемою крестьянами и раздававшей призы за добродѣтель. Сусанна Жиру, таково было настоящее имя красавицы, родилась въ 1770 г., какъ утверждала она, хотя ея родные считали ее гораздо старше. Она была старшею изъ двѣнадцати дѣтей и воспитывалась въ провинціи самымъ суровымъ образомъ, но ея замужество способствовало ея паденію, такъ часто случавшемуся въ эту эпоху. Она вышла замужъ противъ воли своихъ родителей за адвоката города Суасона, по имени Киллэ, безсовѣстно обманывавшаго ее и очень дурно обращавшагося съ нею. Сначала она защищалась отъ волокитъ, но между ними находился хорошенькій аббатъ, свой человѣкъ въ домѣ, и она едва не сдалась, если бы не лунатикъ горничная, явившаяся, какъ разъ, во время. Вскорѣ ей представили товарища ея мужа, адвоката Кинетта, образованнаго и честолюбиваго человѣка. За однимъ званымъ обѣдомъ Сусаннѣ пришлось сидѣть рядомъ съ Кинеттомъ, и онъ такъ очаровалъ ее, что молодой женщинѣ надо было бѣжать въ деревню, для сохраненія добродѣтели. Но обольститель послѣдовалъ за нею, и Сусаннѣ на этотъ разъ не удалось спасти свою честь. Нѣсколько времени спустя, она, переодѣвшись въ мужской костюмъ, покинула мужа и дочь Клариссу, чтобы отправиться съ своимъ любовникомъ, который былъ избранъ депутатомъ отъ города Энъ. На концертѣ у одной изъ подругъ она встрѣтила адвоката Эро Сешеля, ученика актрисы Клэронъ. Онъ занимался съ послѣдней декламаціей и обладалъ весьма мелодичнымъ голосомъ, благодаря которому выигрывалъ дѣла. Этотъ идеально красивый человѣкъ произвелъ сильное впечатлѣніе на Сусанну. Ея любовникъ, Кинеттъ, имѣлъ неосторожность ввести Сешеля въ свой домъ. Вскорѣ Кинеттъ былъ отправленъ полномочнымъ въ Рейнскую армію, по тайному наущенію Сешеля, и Сусанна сдѣлалась любовницей послѣдняго. Наступила республика, и положеніе Сешеля, съ каждымъ днемъ, дѣлалось все значительнѣе. Но въ свою очередь Сешель отправился съ тайной миссіей въ Женеву, покинувъ свою возлюбленную. Оставшись одна, молодая женщина не знала, куда броситься; мужъ не хотѣлъ о ней слышать, семья тоже. Но въ это время она узнала, что вернулся Кинеттъ, и поспѣшила къ нему. Здѣсь ее ожидало новое разочарованіе: она убѣдилась въ измѣнѣ Кинетта. Уязвленная и потерявъ голову, она бродила по улицамъ Парижа и внезапно встрѣтила одну изъ суасонскихъ подругъ, которая увлекла ее въ Фейдо. Тамъ одинъ англичанинъ, съ любопытствомъ разсматривавшій ея печальное лицо, пригласилъ ее послѣ спектакля къ Веллони, ѣсть мороженое. Онъ оказался очень щедрымъ поклонникомъ и ежедневно возилъ ее кутить въ модные тогда рестораны, Венюо и Моо. Но счастіе недолго баловало Сусанну: она вскорѣ лишилась своего покровителя, такъ

[1]) Amazone et deesse, par Mary Summer. «La Revue». 15 septembre, 1901.

какъ одинъ пьяный соотечественникъ убилъ его на дуэли. Наша героиня осталась снова выброшенной на улицы Парижа, безъ всякихъ средствъ. Наконецъ знакомая торговка полотномъ дала ей мысль отправиться на сѣверъ. Сусанна, недолго думая, пустилась въ путь. Въ это время была война съ австрійцами. Молодая женщина сначала отправилась въ Мененъ, гдѣ генералъ Биронъ расположился лагеремъ. Не будучи робкой, она напомнила главнокомандующему Рейнской арміей о своей встрѣчѣ съ нимъ на балу у г-жи Диллонъ и сдѣлалась его любимой султаншей. Теперь она находилась съ утра до вечера между военными. Сусанна была въ восторгѣ отъ своего положенія и рѣшила оставаться благоразумной, «если,—говоритъ она въ своихъ «Мемуарахъ, — судьба этого пожелаетъ». Но въ одинъ несчастный для нея день, проснувшись, она узнала, что лагерь перебрался въ Лиль, и по недоразумѣнію карета, посланная герцогомъ Бирономъ къ возлюбленной, уѣхала безъ нея. Что предпринять? Но Сусанна была не изъ тѣхъ, которыя задумываются: она вѣрила въ свою звѣзду и ни въ чемъ не сомнѣвалась. Перебравшись черезъ мостъ, она очутилась въ непріятельскомъ лагерѣ. Очаровавъ своимъ нахальнымъ личикомъ главнаго генерала, она поселилась тамъ. Главнокомандующій приказалъ сдѣлать для нея небесно-голубой мундиръ тирольскихъ егерей съ отворотами канареечнаго цвѣта, шляпу съ султаномъ того же цвѣта и высокіе сапоги, какъ для наѣздницы. Въ такомъ-то костюмѣ Сусанна самодовольно разгуливала по непріятельскому лагерю. «Не все ли равно,—разсуждала она,—кого очаровывать, французовъ или австрійцевъ, разъ это мое ремесло». Вообще она сильно хвасталась своей побѣдой надъ австрійскимъ главнокомандующимъ въ своихъ «Мемуарахъ». Австрійцы были отъ нея въ восторгѣ, такъ какъ она отличалась блестящимъ весельемъ на ужинахъ. Но опять недолго ликовала Сусанна. Счастіе отвернулось отъ австрійцевъ, и побѣда перешла на сторону французовъ. Захваченная на полѣ сраженія, какъ шпіонка, Сусанна была заключена въ башню св. Петра, въ Лиллѣ. Населеніе предмѣстьевъ чуть не побило ея камнями, когда ее отправляли въ мѣсто заключенія. На ея счастіе она была освобождена, по распоряженію генерала Бирона, послѣ чего скрылась отъ стыда на Сентъ-Аманскихъ водахъ. Тамъ она встрѣтила Дюмурье, который, по ея словамъ, наговорилъ ей любезностей по поводу ея письма «о необходимости развода», опубликованнаго въ одной изъ газетъ. Сусанна увѣряетъ въ своихъ мемуарахъ, будто она очаровала Дюмурье, какъ женщина и какъ писательница, такъ что генералъ пригласилъ ее обѣдать. «Онъ былъ очень любезенъ и предпріимчивъ,—прибавляетъ она,—и не могъ не имѣть успѣха у особы, сердечный компасъ которой зависитъ отъ генія того, кто его атакуетъ». Но въ этомъ случаѣ у нея были сильныя соперницы, сестры Ферни, находившіяся около генерала всегда, даже въ моментъ сраженія. Въ 1792 г., когда все ликовало въ Парижѣ, Сусанна витала во всѣхъ увеселительныхъ уголкахъ, начиная съ Оперы. Она была высокаго роста, тонкая, но въ то же время плотная, нѣсколько близорукая, съ длинными густыми рѣсницами и взглядомъ, въ одно и то же время, томнымъ и нахальнымъ. Ея губы уже увяли отъ безсонныхъ ночей, но ослѣпительные зубы прельщали всякаго. Чудные бѣлокурые волосы могли служить мантіей для ея фигуры. Она обладала

кошачьей граціей и гибкостью вакханки. Вообще въ ней было что-то соблазнительное, вмѣстѣ съ безподобнымъ апломбомъ и неизсякаемымъ весельемъ. Однажды, остановясь посмотрѣть погребальное шествіе одного изъ депутатовъ, на которомъ присутствовалъ весь Конвентъ, Сусанна стала внимательно разсматривать «господъ Франціи». Въ это время ей предложилъ услуги быть ея чичероне маленькій человѣчекъ южнаго типа. Когда онъ окончилъ свои объясненія, то, поцѣловавъ ея руку, сказалъ: «Сударыня, мы спѣшимъ, шествіе двигается, пожалуйста, дайте вашъ адресъ». Она колебалась. Вечеромъ она встрѣтила его у одного изъ друзей, и онъ оказался Фабромъ Эглантиномъ, однимъ изъ сильныхъ тѣхъ дней. Два мѣсяца длилась ихъ связь и была нарушена одной ревнивой соперницей. Вновь Сусанна очутилась съ долгами и нѣсколькими ассигнаціями. Все еще мечтая дождаться Сешеля, она принялась зарабатывать хлѣбъ вышиваніемъ. Вскорѣ неожиданный случай измѣнилъ ея положеніе. Однажды ее спросилъ негръ и передалъ ей черепаховую бонбоньерку съ письмомъ слѣдующаго содержанія: «Сударыня, я замѣтилъ васъ уже давно, но, будучи слишкомъ старъ, чтобы сдѣлаться вашимъ мужемъ или любовникомъ, я, однако, хотѣлъ бы внушить вамъ какое либо чувство къ себѣ, хотя бы благодарности. Не откажите принять излишекъ моихъ доходовъ: пенсію въ шесть тысячъ франковъ въ годъ, изъ которыхъ вы будете получать ежемѣсячно 500 франковъ. Не старайтесь узнавать, кто я. Я не буду настолько неловокъ, чтобы стерпѣть отказъ или благодарность. Я встрѣчаю васъ ежедневно въ Елисейскихъ Поляхъ, въ Тюильри и на спектакляхъ. Если вы хотите оказать мнѣ милость, то поклонитесь мнѣ, когда займете ваше мѣсто вечеромъ у итальянцевъ: я буду, по крайней мѣрѣ, знать, что вы заняты мною, и этого достаточно, чтобы сдѣлать меня счастливымъ». Такого счастія Сусанна не ожидала. Она тотчасъ же купила канареечнаго цвѣта шляпу и когда садилась вечеромъ на свое мѣсто въ театрѣ, то сдѣлала глубокій поклонъ. За колоннами стоялъ старикъ, графъ Циммерманъ, съ нѣсколько потревоженными мозгами и отвѣчалъ на ея поклонъ любезной улыбкой. Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ она получала правильно эту пенсію. Увы, во время террора ничто не длилось продолжительно: Циммерманъ былъ задержанъ и умеръ въ мэріи. Вновь Сусанна впала въ нищету. Однажды, вышивая платье женѣ одного члена Конвента, она услышала внезапный звонокъ. На этотъ разъ явился давно ожидаемый Сешель. Дѣла Сусанны вновь измѣнились къ лучшему. На другой уже день молодая женщина перебралась въ роскошно меблированную квартиру. Сешель заранѣе позаботился развѣсить ея портреты: одинъ въ спальной, другой въ гостиной и не забылъ бросить на постель роскошное неглиже. На антресоляхъ того же дома помѣщалось бюро лотереи, эксплуатацію которой Сешель купилъ для нея. Теперь Сусанна выбрала себѣ новое имя, nom de guerre: Иллирина де-Моранси. Она была на седьмомъ небѣ и писала подругѣ: «Этотъ мѣсяцъ у меня перебывало множество любителей бириби и буліотъ, что принесло мнѣ сто пистолей доходу». 31-го октября 1793 года, Моранси явилась, подъ руку съ Сешелемъ, на террасу Фёйльанъ, въ восхитительномъ туалетѣ, заказанномъ для этого дня. Робеспьеръ и Дантонъ, окруженные своимъ главнымъ штабомъ, уже были тамъ. Всѣ собрались туда, чтобы полю-

боваться, какъ падали подъ ножомъ Сансона головы жирондистовъ. Нѣкоторое время спустя, голова Сешеля рисковала подвергнуться той же участи. Когда его встрѣтили, при проѣздѣ телѣгъ съ жертвами, на улицѣ Сентъ-Онорэ и спросили, зачѣмъ онъ туда пришелъ, онъ отвѣтилъ: «учиться умирать». Однако, среди этихъ безпокойствъ, онъ не забывалъ о любви. Въ это время Руссо ввелъ въ моду природу. По этому случаю Сешель возилъ Иллирину ужинать въ Шалью. Тамъ онъ устроилъ красивый павильонъ для своей возлюбленной, за постройкой котораго онъ слѣдилъ самъ. Этотъ павильонъ, сдѣланный въ формѣ грота, внутри былъ убранъ мохомъ и листьями. Полъ былъ покрытъ газономъ, засѣяннымъ цвѣточками. По газону струился ручеекъ, въ которомъ плескались красныя рыбки. Надъ входной дверью находилась статуя Амура со слѣдующей надписью: «Бѣгите отсюда, профаны, если вы не чисты и не наги, какъ я». Иллирина пришла въ восторгъ отъ этого грота и первый разъ въ жизни любила искренно. Но счастье ей снова стало измѣнять: однажды вечеромъ, Сешель, удрученный болѣе обыкновеннаго темными предчувствіями, вырвался изъ объятій своей возлюбленной, обливавшейся слезами. «Успокойся, прошу тебя,—воскликнулъ онъ въ то время, какъ та свѣсилась черезъ перилы лѣстницы, чтобы дольше видѣть его,—я возвращусь завтра къ завтраку». Это было ихъ послѣднее свиданіе. Въ тотъ же вечеръ, возвратившись домой, онъ былъ задержанъ и отвезенъ въ аббатство. Въ свою очередь Иллирина была заключена у «англичанокъ» въ старинномъ женскомъ монастырѣ, находившемся въ концѣ предмѣстья Сенъ-Марсо, куда помѣщали жертвъ комитета общественной безопасности. Въ своей тюрьмѣ Иллирина не знала объ исходѣ процесса и о приговорѣ надъ ея другомъ, но въ тотъ вечеръ, когда гильотинировали Сешеля, Иллирина, взобравшись на столъ, высунула голову въ маленькое окошечко, чтобы подышать воздухомъ. Въ этотъ моментъ на улицѣ выкрикивали имена жертвъ гильотины, и имя Сешеля раздалось въ ушахъ несчастной женщины. Она упала навзничь и разбила себѣ голову. Три недѣли прошли въ страшныхъ страданіяхъ. Когда она начала поправляться, первою ея мыслью было выйти изъ тюрьмы. Она написала въ комитетъ общественной безопасности, откуда въ отвѣтъ на ея письмо явился секретарь комитета, Сенъ-Жюльенъ, ея прежній знакомый. Онъ задалъ ей вопросъ, какимъ образомъ она была такъ неосторожна, что оставила существовать, написанный ея рукою, листъ, въ которомъ были поименованы всѣ лица, собиравшіяся у нея для заговора съ Сешелемъ. Вырвавъ бумагу изъ рукъ секретаря, она громко разсмѣялась и воскликнула: «Эта бумага, безпокоившая республику,—просто списокъ счастливыхъ смертныхъ, которымъ я оказывала кое-какія милости».—«Въ такомъ случаѣ,—сказалъ секретарь,—я заявлю комитету обо всемъ». Иллирина только этого и добивалась. Вынувъ изъ шкафа бѣлое платье, какія носили весталки, приготовленное, чтобы итти на эшафотъ, она вышла изъ тюрьмы подъ руку съ секретаремъ. Возвратившись въ свою квартиру, гдѣ она видѣла въ послѣдній разъ Сешеля, Иллирина была очень взволнована и во время ужина не переставала расхваливать Сешеля, называя его совершенствомъ природы. Но принесенное Сенъ-Жюльеномъ шампанское разогнало черныя воспоминанія, и разгорячившись отъ него, она прошептала, протягивая губы, на которыхъ

пѣнилось шампанское, секретарю: «Вотъ что увѣнчаетъ листъ заговорщиковъ». Едва освободившись изъ тюрьмы, она чуть не попалась, давъ убѣжище одному изъ аристократовъ, преслѣдуемыхъ полиціей. Вскорѣ наступилъ термидоръ, и аристократъ покинулъ ее внезапно, безъ сожалѣнія, не сказавъ «прости» той, которая рисковала для него жизнью. Сильныя впечатлѣнія во время революціи пошатнули ея здоровье, и какъ лѣкарство, докторъ посовѣтовалъ ей верховую ѣзду. Однажды, послѣ хорошаго обѣда, она вздумала заняться вольтижировкой и упала въ ровъ. Ее отправили въ больницу. По странной ошибкѣ, ея имя попало въ списокъ умершихъ, и итальянка, которой она поручила присматривать за квартирой, поспѣшно продала всѣ ея вещи и объявила всѣмъ объ ея смерти. Выйдя изъ больницы, она не могла даже переодѣть бѣлья за неимѣніемъ рубашки. Къ довершенію несчастія, ея красота исчезла: волосы выпали, черты лица огрубѣли. Надежда на серіозныхъ поклонниковъ покинула куртизанку. Однажды, вечеромъ, она получила письмо, подписанное: «Личность изъ Суасона», въ которомъ ее просили прійти въ меблированный домъ, близъ Сенъ-Мартина. Разсчитывая на веселое похожденіе, она старалась придать лицу болѣе соблазнительный видъ. Но каково было ея разочарованье, когда на порогѣ ее встрѣтилъ братъ, объявившій о смерти матери. Въ тотъ же день она отправилась въ Суасонъ, чтобы утвердиться въ правахъ наслѣдства. Девять старыхъ дѣвъ, сестеръ, встрѣтили ее холодно, тогда какъ отецъ обнялъ ее, какъ будто ничего не случилось въ ея жизни. Наканунѣ отъѣзда въ Парижъ, ее повезли въ гости къ сосѣдямъ, гдѣ всѣ играли въ бостонъ. Отъ скуки она подошла къ хорошенькой маленькой дѣвочкѣ и принялась ее разспрашивать о родителяхъ. Узнавъ, что ее зовутъ Кларисса, а имя отца Киллэ, она упала въ обморокъ, воскликнувъ: «Моя дочь!». Всѣ собрались вокругъ нея. Строгая семья рѣшила, что она не должна болѣе видѣть дочери, и ея отъѣздъ состоялся на другой день. Вернувшись въ Парижъ, она наняла роскошное помѣщеніе на наслѣдственныя деньги матери и снова стала вести прежнюю жизнь, забывъ о дочери. Болѣе эксцентричная, чѣмъ прежде, она стала посѣщать всѣ балы и прогулки, но мужчины теперь сдѣлались упорны относительно ея. Тогда Иллирина рѣшила взяться за перо. Въ 1799 уже существовала реклама. Издатель Ренвиль взялся распространить ея «Мемуары», на первой страницѣ которыхъ красовался сильно декольтированный портретъ Иллирины. Эти мемуары состояли изъ трехъ томовъ и стоили для того времени громадныхъ денегъ, именно: девять франковъ. Ихъ можно было достать не только у книгопродавцевъ, но и у самого автора. Многія лица являлись къ ней покупать книгу. Она употребляла всю свою грацію и кокетство и прибавляла на словахъ нѣкоторые скабрезные эпизоды, даже, если ея объ этомъ не просили. Этотъ успѣхъ вскружилъ ей голову, и она написала романъ: «Розалина, или презрѣніе любви». Это было что-то такое, передъ чѣмъ приключенія Эдипа становились блѣдными: героиня романа два раза по ошибкѣ выходила замужъ за отца и за брата. Въ немъ она выражала оскорбленныя чувства къ Кинетту, бросившему ее. Послѣдній сдѣлался во время директоріи министромъ, и Иллирина написала ему, прося аудіенціи. При видѣ ея, министръ, уже женатый и отецъ двоихъ дѣтей, оказался въ затруд-

нительномъ положеніи. Онъ обошелся съ нею очень холодно. Такого пріема она не могла ему простить. Женская иллюзія, не знающая ни обстоятельствъ, ни времени, дала ей мысль предложить ему экземпляръ своего произведенія, чтобы возбудить въ немъ прежнюю страсть. Это произведеніе не имѣло того успѣха, какъ мемуары, и публика нашла, что бывшая красивая женщина злоупотребляетъ перомъ. Но Иллирину это не смутило, и на свѣтъ появился новый романъ: «Лиза, или отшельники Монъ-Блана». Но самый изъ невозможныхъ въ литературномъ отношеніи романовъ, появившихся съ 1790—1806 г., былъ: «Зефира и Фіожелла». Впрочемъ, онъ, по крайней мѣрѣ, представляетъ вѣрную и любопытную картину нравовъ Директоріи. Въ 1806 г. Моранси измѣнила свои мысли и вздумала выйти замужъ за толстаго савояра, вернувшагося изъ итальянской арміи. Онъ былъ на десять лѣтъ моложе ея. Получивъ отъ отца порядочный капиталъ, она начала разыгрывать роль владѣтельницы замка, раздавая молоденькимъ дѣвушкамъ вѣнки изъ розъ за добродѣтель, устраивая лоттерею въ пользу бѣдныхъ и проч. Вообще она считалась образцевою дамой прихода и была въ лучшихъ отношеніяхъ съ патеромъ. Правда, время отъ времени, тоскуя по прежней жизни, она удалялась въ Парижъ на 24 часа, въ свою холостую квартиру. Въ одну изъ подобныхъ поѣздокъ, она познакомилась съ Шарлемъ Нодье, который, однако, не былъ очарованъ ни ея отцвѣтшими прелестями, ни ея краснорѣчіемъ синяго чулка. Литературное фіаско не смутило храброй женщины, и въ 1809 появилось извѣстіе о новомъ романѣ, подъ заглавіемъ: «Сидорисъ и Белеривъ, или путешественники изъза любовной неудачи», въ три тома, но нигдѣ не находится признаковъ этого романа. Полагаютъ, что одна смерть могла помѣшать его появленію; но нигдѣ не упоминается объ ея смерти, хотя библіофилъ Жакобъ увѣряетъ, что она умерла въ своемъ замкѣ Шальи-Бри, въ апрѣлѣ 1809 г. Жиру, которому уже восемьдесятъ лѣтъ, говоритъ, что его отецъ передавалъ ему, будто когда хоронили Иллирину, всѣ поселяне шли за гробомъ, въ церкви звонили въ колоколъ, и вообще шествіе было торжественное.

— **Мемуары графини Монтолонъ.** Къ обширной Наполеоновской литературѣ прибавились новыя воспоминанія [1]) о пребываніи его на островѣ св. Елены, графини Вассаль де-Монтолонъ. Хотя они были объявлены уже давно, но графъ Флери опубликовалъ ихъ недавно, съ разрѣшенія ея внука, виконта дю-Куёдюкъ де-Кергуалеръ. Новаго въ нихъ немного, въ особенности въ началѣ, и только въ концѣ находится кое-что новое. Графиня Альбина-Элена де-Вассаль-Монтолонъ была дочерью владѣтеля Неля, де ла Фортелля и т. д., главнаго сборщика и казначея Лангедока, и Анны дю Па-де-Болье. Графиня Монтолонъ родилась въ Парижѣ, приблизительно въ 1780 г. Навѣрно годъ неизвѣстенъ, такъ какъ актъ ея крещенія сгорѣлъ во время пожара ратуши въ 1871 г. Она объясняетъ преданность мужа ея Наполеону послѣ Ватерлоо, во-первыхъ, тѣмъ, что Монтолонъ былъ адъютантомъ императора, во-вторыхъ, связью, существовавшей съ 1792 г. между семьей Бонапарта и Мон-

---

[1]) Souvenirs de Sainte Hélène; par la comtesse de Montholon, 1815—1816, edité par le comte Fleury.

толонами, а поэтому Наполеонъ могъ разсчитывать на присутствіе Монтолона, среди оставшихся ему преданныхъ людей. Еще въ бытность свою въ Корсикѣ Наполеонъ полюбилъ юнаго Монтолона и даже давалъ ему уроки математики, когда его семья гостила въ семьѣ Бонапартовъ. Братья же Наполеона, Іеронимъ и Луи, а также Евгеній Богарне, были въ одномъ пансіонѣ съ Шарлемъ Монтолономъ. Молодежь той и другой семьи сохранила надолго привычку говорить другъ другу—ты. Передъ отъѣздомъ на островъ св. Елены Наполеонъ спокойно читалъ романъ, не заботясь ни о чемъ, касающемся лично его, хотя онъ позаботился обезпечить судьбу сопровождавшихъ генераловъ, и только въ послѣднюю минуту отъѣзда онъ подумалъ, или, скорѣе, окружающіе, что взять съ собою изъ денегъ и серебра. Въ его распоряженіи оставалось только 6 милліоновъ, находившихся въ рукахъ Буильери, которые были вручены Лафиту. Изъ серебра взяли только одинъ сервизъ, который былъ подъ руками. Двѣсти милліоновъ экономіи Наполеона, оставленные въ погребахъ Тюильри, послужили уплатою союзникамъ за годъ передъ тѣмъ. 12 іюля Наполеонъ отплылъ на островъ Эксъ. Еще не было рѣшено, какъ избѣжать англійскій флотъ и попасть въ Америку. Боденъ, командиръ корвета «Баядерка», предлагалъ отвезти императора туда и всю отвѣтственность бралъ на себя. Американскія суда дѣлали тѣ же предложенія, но Наполеонъ колебался. Его братъ, принцъ Іосифъ, принялъ предложеніе и благополучно достигъ Америки. Злой геній отвратилъ Наполеона отъ поѣздки въ Америку. Онъ почти рѣшился на нее и даже назначилъ лицъ, которыя должны ему сопутствовать. Жена генерала Бертрана, по происхожденію англичанка, совѣтовала, чтобы остановились на планѣ сдаться англичанамъ. По этому поводу, на вопросъ герцога Ровиго, какого мнѣнія г-жа Монтолонъ, послѣдняя отвѣтила: «Начнутъ съ поклоновъ, а кончатъ заточеніемъ». «Увы!—восклицаетъ графиня Монтолонъ,—намъ даже не было поклоновъ!» Каждую минуту надо было ожидать распоряженій объ отъѣздѣ. Наконецъ, Наполеонъ рѣшилъ отправить герцога Ровиго и Ласъ-Казэса на корабль «Белерофонъ», чтобы узнать, приметъ ли свободно капитанъ Мэтландъ Наполеона на свой корабль. На это Мэтландъ отвѣтилъ: «Ничто въ его инструкціяхъ не предвидѣло того шага, какой сдѣланъ императоромъ, но онъ беретъ на себя принять на свой корабль императора и свиту и доставить на англійскій рейдъ». При этомъ онъ, по словамъ Ровиго и Ласъ-Казэса, прибавилъ: «что отвѣчаетъ своей честью, если императору будетъ отказано въ британскомъ гостепріимствѣ. Его величество будетъ свободенъ ѣхать, куда пожелаетъ». Мэтландъ, напротивъ, заявилъ печатно, что онъ не прибавилъ ни слова къ своему отвѣту. Онъ выразилъ «свою увѣренность, что англійское правительство не будетъ насиловать священныхъ правъ гостепріимства, и что насиліе будетъ нарушеніемъ, которое англійская честь оттолкнула бы съ негодованіемъ». Послѣ общаго совѣщанія императоръ рѣшился довѣриться «великодушію англичанъ». Генералъ Лаллеманъ и генералъ Монтолонъ были противъ этого рѣшенія. Императоръ былъ удивленъ и просилъ объяснить причину ихъ мнѣнія. По этому поводу завязался горячій споръ. Впослѣдствіи, на островѣ св. Елены, императоръ вспоминалъ о протестѣ Монтолона и замѣчалъ: «Это меня очень поразило». Съ этихъ поръ онъ сталъ

еще болѣе довѣрять Монтолону. Въ первый моментъ, какъ графиня Монтолонъ вступила на англійскій корабль, ей подали кресло, и она сѣла возлѣ императора. Наполеонъ, положа руку на свой рукавъ, спросилъ ее: «зеленое или синее?». Монтолонъ сначала была такъ удивлена вопросомъ, хотя знала недостатокъ зрѣнія императора, что не нашлась, какой дать отвѣтъ. Но онъ въ полголоса снова повторилъ вопросъ. Тогда она отвѣтила: «зеленый, государь». Онъ переспросилъ: «Зеленый?» — «Да, государь, зеленый», — отвѣтила Монтолонъ. «Онъ былъ во фракѣ и хотѣлъ, безъ сомнѣнія, чтобы цвѣтъ фрака подходилъ къ цвѣту мундира гвардейскихъ егерей, какой онъ носилъ обыкновенно», замѣчаетъ она. Относительно англійскихъ моряковъ графиня находила, что Эдуардъ IV несправедливо называлъ ихъ «морскими волками». Они откровенны, просты, добры и полны вниманія и вѣжливости. Капитанъ доказалъ честность своего поведенія относительно императора, и не по его винѣ министерство Батгурста поступило иначе. Сближеніе на кораблѣ съ англичанами сдѣлалось быстро. Французскіе офицеры обѣдали съ англійскими, а по вечерамъ они ходили пить чай къ послѣднимъ. Императоръ присутствовалъ на спектаклѣ, гдѣ женщинъ играли переодѣтые гардемарины. Уже въ Плимутѣ начали намекать объ островѣ св. Елены. Одни говорили, что это чудное мѣстопребываніе, другіе—наоборотъ. Наконецъ, 28 іюля, къ Наполеону явился адмиралъ Кейтъ и долго бесѣдовалъ съ нимъ, а 31 онъ привезъ съ собою другую личность, уполномоченную объявить Наполеону объ его судьбѣ. Наполеонъ принялъ ихъ въ кормовой каютѣ, и бесѣда ихъ длилась долго. Выйдя отъ императора, Кейтъ сказалъ его приближеннымъ, что Наполеона посылаютъ на островъ св. Елены, и прибавилъ: «Кабинетъ принялъ это рѣшеніе, какъ самое лучшее для императора. Въ Англіи были бы обязаны держать его запертымъ въ какомъ нибудь замкѣ, тогда какъ тамъ онъ будетъ на свободѣ». Изъ троихъ выбранныхъ императоромъ генераловъ, именно: Гурго, Монтолонъ и Бертранъ, которые могли его сопровождать, послѣдній началъ колебаться. Тогда Наполеонъ позвалъ его и сказалъ: «Не для себя я хочу васъ взять съ собою, а для васъ. Если вы покините меня теперь, вы потеряете репутацію, которую вы пріобрѣли на островѣ Эльбѣ». Герцогъ Ровиго, генералъ Лаллеманъ, офицеры и генералы, которые не могли слѣдовать на островъ св. Елены, вмѣсто того, чтобы отправиться, куда желаютъ, были заключены на островѣ Мальтѣ. Наполеонъ могъ взять, кромѣ того, 12 слугъ. 7 августа императоръ со своей свитой пересѣлъ на корабль «Нортумберландъ». На память императоръ предложилъ капитану «Беллерофона», Мэтланду, табакерку съ своимъ портретомъ. Послѣдній, хотя былъ очень радъ, но отвѣтилъ, что приметъ ее только съ условіемъ, если его правительство разрѣшитъ ему. Доктору О'Меару, прикомандированному на это судно, разрѣшено было слѣдовать въ качествѣ доктора Наполеона. «Нортумберландъ» только что прибылъ изъ Индіи и не имѣлъ времени перемѣнить запасъ воды и бисквитовъ, такъ что, подъ конецъ пути, пришлось пить протухшую воду и ѣсть бисквиты, наполненные червями. Остальная пища была доброкачественная и изобильная. Не предвидя путешествія на св. Елену, свита Наполеона не захватила съ собою бѣлья; всѣ просили разрѣшенія купить себѣ въ Плимутѣ необходимые предметы. Но имъ отказали въ этомъ.

При ихъ прибытіи на «Нортумберландъ» они были свидѣтелями печальнаго приключенія. Погода была пасмурная и холодная, и г-жа Монтолонъ увидала, что къ нимъ направляется лодка съ женщиною, ребенкомъ и слугою, желающими посмотрѣть Наполеона, но внезапно на эту лодку налетѣлъ бригъ и опрокинулъ ее. Спасенная мать очутилась на ихъ кораблѣ и безнадежно кричала: «Мой ребенокъ! мой ребенокъ!».. Въ моментъ отъѣзда у Наполеона отобрали 400.000 франковъ. Рѣшено было, что эти деньги останутся въ его распоряженіи, но онъ будетъ пользоваться лишь мелкими суммами. Удалось скрыть отъ англичанъ 80.000 франковъ, находившихся въ золотыхъ монетахъ, такъ что каждый изъ офицеровъ и слугъ могъ спрятать часть ихъ въ своемъ поясѣ. Эскадра, сопровождавшая Наполеона, состояла всего изъ одного корабля съ 80 ч. экипажа, одного фрегата съ 44 ч. и одного съ 36 ч., шести бриговъ и двухъ габаръ. Дорогою императоръ развлекался между прочимъ игрою въ шахматы. Игралъ онъ довольно своеобразно, заставляя быстро до головокруженія двигать пѣшками, и иногда забавлялся, начиная игру безъ всякихъ правилъ. Очень часто онъ самъ бывалъ въ затруднительномъ положеніи, не зная, какъ выйти изъ бѣды, но въ моментъ, когда его дѣло считали пропавшимъ, онъ внезапно находилъ въ своей игрѣ неожиданный исходъ, обращавшій игру въ его пользу, и одерживалъ побѣду. Во время пути на островъ св. Елены Наполеонъ диктовалъ Ласъ-Казэсу свои воспоминанія объ итальянской войнѣ, а генералу Бертрану и двумъ другимъ генераламъ объ Египтѣ. Ихъ плаваніе длилось два мѣсяца и десять дней. Островъ св. Елены принадлежалъ Индѣйской компаніи, и губернаторомъ его былъ полковникъ Уилькесъ, весьма красивый и симпатичный человѣкъ. Назначенный императору и его свитѣ домъ былъ очень малъ, и потребовалось два мѣсяца, чтобы привести его въ порядокъ. Въ ожиданіи Наполеонъ выбралъ себѣ жилищемъ «Брайерсъ», маленькій павильонъ, въ четырехъ миляхъ отъ Джемсъ-Тауна, прилегающій къ дому, занимаемому семьею Балькомбъ. Свита, слуги и кухня оставались въ городѣ. Завтракъ и обѣдъ доставляли императору оттуда, что было крайне неудобно. Онъ любилъ очень горячій супъ и говорилъ, что заключенные, выносившіе всевозможныя лишенія, всегда были угнетены тѣмъ, что получали холодный супъ. Но изъ города было невозможно доставлять кушанья горячими, а это дѣйствовало дурно на его настроеніе. Въ обществѣ недостатка не было. Графиня упоминаетъ, что ежедневно они видѣли достаточно лицъ, и между прочимъ дочь хозяйки дома представила имъ подругу, миссъ Кнейпъ, замѣчательную красавицу, извѣстную подъ названіемъ «Розовый бутонъ». Павильонъ Наполеонъ состоялъ изъ одной большой комнаты. Когда графиня Монтолонъ однажды посѣтила его, то онъ сказалъ, показывая свое обиталище: «Вотъ, сударыня, мой салонъ, спальня, рабочій кабинетъ и проч.». При этомъ онъ добродушно улыбался и шутилъ надъ своимъ жилищемъ. Наполеонъ любилъ читать вслухъ. Часто послѣ обѣда, отославъ слугъ, онъ громко читалъ или разговаривалъ въ столовой; эти разговоры занимали графиню болѣе, чѣмъ чтеніе. Иногда, къ слову, случайно онъ рисовалъ имъ картину своей жизни, и это дѣлалось съ весьма наивнымъ выраженіемъ. Однажды, напримѣръ, онъ разсказалъ: «въ то время, какъ я былъ артиллерійскимъ офицеромъ, въ Оксонскомъ гарнизонѣ, да вотъ (обращаясь къ графинѣ) съ вашимъ

родственникомъ, Мабилемъ Маллэ, моя мать прислала ко мнѣ младшаго брата, Луи. Такъ какъ у меня было только мое жалованье, то для меня это былъ большой расходъ. Я хотѣлъ, чтобы онъ обѣдалъ со мною за офицерскимъ столомъ, и для того я отказался отъ обычнаго завтрака, довольствуясь маленькимъ хлѣбомъ и чашкою кофе. Я научился этому отъ матери,—прибавилъ онъ:— она воспитывала насъ въ мысли, что надо умѣть ѣсть дома черный хлѣбъ, чтобы поддержать свое достоинство и свое положеніе внѣ дома. Ахъ! мать,— говорилъ онъ намъ еще,—это все воспитаніе мужчины. Она была выше всѣхъ превратностей революціи. Во время войны Паоли, она видѣла два раза сгорѣвшимъ свой домъ и была принуждена удалиться верхомъ съ дѣтьми въ горы». Вообще онъ былъ высокаго мнѣнія о своей матери и увѣрялъ, что обязанъ ей своими принципами чести и гордостью поведенія, которые ему оказали большую услугу въ началѣ его жизни. Онъ думалъ, что первое воспитаніе зависитъ отъ матери, и говорилъ: «Первые принципы, которые дитя получаетъ отъ родителей и всасываетъ съ молокомъ матери, оставляютъ въ насъ неизгладимый отпечатокъ». Извѣстно, какое предубѣжденіе Наполеонъ имѣлъ въ пользу дворянства; онъ это зналъ и хотѣлъ дать себѣ въ этомъ отчетъ, такъ какъ, прибавлялъ онъ въ разговорѣ съ графиней: «кровь—предразсудокъ въ отношеніи достоинствъ, которыя отъ нея получаютъ», и онъ это объяснялъ первыми привычками дѣтства и тѣмъ, что было передъ его глазами отъ рожденія, именно: манерами, обычаями и принципами окружающихъ; только въ этомъ отношеніи можно сказать основательно—хорошаго или дурного происхожденія человѣка». Онъ часто шутилъ, вспоминая, когда онъ былъ безъ средствъ, и входилъ въ подробности объ образѣ своей жизни, для избѣжанія долговъ. Если онъ разсказывалъ о какомъ нибудь дѣлѣ и видѣлъ, что ему не вѣрятъ, то смѣялся и прибавлялъ: «Господинъ маршалъ (или кто другой) не вѣритъ этому?» Напримѣръ, графиня приводитъ случай. Говоря однажды о капризахъ, которые ему приписывали относительно актрисъ, Наполеонъ, какъ примѣръ, указалъ на одну дебютантку, игравшую въ Тюильри на спектаклѣ. Слухъ прошелъ, будто бы, отыскивая мать, чтобы отправиться домой, она очутилась одна, благодаря Дюроку, въ комнатѣ императора. «Въ этомъ нѣтъ ни слова правды», прибавилъ императоръ. «Должно быть, я улыбнулась нѣсколько недовѣрчиво,—замѣчаетъ графиня,—такъ какъ императоръ, прервавъ разговоръ, подошелъ ко мнѣ и сказалъ:—«А, миледи Монтолонъ не вѣритъ этому, такъ я лгунъ»?—и онъ такъ откровенно разсмѣялся, что мы всѣ послѣдовали его примѣру. Но если онъ хотѣлъ увѣрить насъ въ чемъ нибудь, то приводилъ всевозможныя детали относительно интересующаго дѣла, пока ему не удавалось насъ убѣдить». Въ дни, назначенные для чтенія, императоръ спрашивалъ:—«Что сегодня читать?» Обыкновенно ему отвѣчали: трагедію. Любимыми его трагедіями были: «Цина,» «Сидъ,» «Смерть Цезаря»; «Аталія» ему не нравилась, благодаря сюжету. «Митридатъ» и «Заира» тоже принадлежали къ его репертуару. Онъ любилъ тѣмъ болѣе эти трагедіи, что зналъ на память цѣлыя тирады. Одно время Наполеонъ такъ пристрастился къ «Заирѣ,» что она стала всѣмъ въ тягость. Графиня дошла до того, что при имени «Заира» испытывала очень непріятное чувство, императоръ же, напротивъ, воображалъ, что она должна нравиться женщинамъ. Въ

концѣ концовъ графиня рѣшила съ генераломъ Гурго, если не пройдетъ у Наполеона страсть къ «Заирѣ», потерять книгу. Наполеонъ читалъ пріятно, но ухо его было не поэтично. Очень часто онъ прибавлялъ къ стиху, не замѣчая этого, одинъ или два слога, и, держа книгу передъ глазами, онъ перемѣнялъ слова, обыкновенно, однимъ и тѣмъ же образомъ; такъ вмѣсто «Цина» онъ говорилъ «Силла». Читалъ онъ безъ всякой декламаціи. Если ему нравилась тирада, или стихъ, онъ останавливался и раздумывалъ, и тогда чтеніе замѣнялось литературнымъ споромъ. Онъ порицалъ обычай великихъ французскихъ поэтовъ: введеніе въ ихъ сюжеты безполезной любви, которая очень часто не можетъ согласоваться съ характеромъ героя и вмѣсто того, чтобы увеличить интересъ, ослабляетъ его: «любовь,—говорилъ онъ,—есть страсть, которую надо проводить въ драматическимъ сюжетѣ, лишь какъ главный сюжетъ, а не какъ аксессуаръ». Въ «Заирѣ» она—сюжетъ, а потому эта трагедія ему особенно нравилась. Но королева Вивіата, въ которую Серторій влюбленъ, Эмилія въ «Синнѣ», Пальмира въ «Магометѣ» и Идомія въ «Китайской Сиротѣ», вставныя лица, приводили его въ дурное настроеніе. Онъ судилъ, по словамъ графини, здраво и съ душою и всегда очень интересно. Его чтеніе въ теченіе дня служило сюжетомъ для разговора. Онъ любилъ, чтобы знали предметъ его работы, которою онъ занимался въ данный моментъ, и оспаривали его. Хотя около Наполеона не было ученыхъ, но онъ могъ разговаривать съ Бертраномъ, Гурго, Монтолонъ и Ласъ-Казэсомъ о всевозможныхъ предметахъ, увѣренный, что его поймутъ; кромѣ спеціальныхъ знаній каждаго изъ нихъ, онъ находилъ общее ихъ образованіе удовлетворительнымъ. Онъ очень полагался на сужденіе и литературный вкусъ Лебрена и часто ссылался на него. Въ Лонгвудѣ императоръ много занимался литературой и отчасти философіей. «Курсъ» Лагарпа ему нравился, и онъ о немъ говорилъ: «Это сужденіе разсудка», а, упоминая о произведеніяхъ Вольтера, замѣчалъ: «это книга ума». Естественная исторія, въ особенности животныхъ, его мало интересовала. Читалъ онъ своеобразно, пропуская все, что было пустыми вставками. Однажды онъ серіозно сказалъ графинѣ, что прочиталъ всего гуманиста и историка Лебо, въ три дня. На это она возразила: «Да, государь, какъ говоритъ аббатъ Прадъ, «большимъ пальцемъ», неправда ли?» «Но какъ бы онъ ни читалъ, — прибавляетъ графиня, — однако онъ усвоивалъ себѣ все, что ему было нужно изъ произведенія, и прочитавъ такимъ образомъ, онъ умѣлъ его анализировать». Наполеонъ вкладывалъ въ чтеніе весь свой пылъ, на который онъ былъ способенъ. Однажды, сдѣлавъ ошибку относительно одного историческаго факта, онъ живо сказалъ графинѣ: «Я учился лишь тому, что мнѣ было полезно. Когда вы хотите знать, извѣстенъ ли мнѣ какой нибудь предметъ, надо только задать вопросъ: можетъ ли ему быть это полезно?» У него былъ вкусъ къ истинному и прекрасному, — говоритъ графиня.—Въ легкой литературѣ онъ желалъ простоты, вѣрнаго и наивнаго изображенія чувствъ». Едва окончили устройство дома въ Лонгвудѣ, какъ Наполеонъ пожелалъ скорѣе перебраться въ него. Климатъ Лонгвуда былъ очень непріятный, сырой и чрезвычайно перемѣнчивый. Деревья вѣчно зелены и во всѣ времена года, комары не давали покоя, хотя императоръ, носившій шелковые чулки, мало страдалъ отъ нихъ. Адмиралъ предло-

жилъ Наполеону матросовъ для услугъ. Ихъ взяли двѣнадцать человѣкъ и одѣли въ императорскія ливреи. Кромѣ того, были присланы еще пятьдесятъ китайцевъ для садовыхъ, кухонныхъ и комнатныхъ услугъ. Провизія доставлялась ежедневно изъ города. Прожитіе въ Лонгвудѣ стоило громадныхъ денегъ, особенно потому, что островъ находился въ трехъ недѣляхъ отъ двухъ материковъ, Африки и Америки, и собственно не представлялъ никакихъ удобствъ. Расходы на содержаніе, включая флотъ, обходились англійскому правительству восемь милліоновъ, и все-таки не было никакихъ удобствъ, хотя еще Наполеонъ прибавлялъ двѣнадцать тысячъ франковъ въ мѣсяцъ. Вскорѣ англійское правительство поняло, что Лонгвудъ не можетъ служить для продолжительнаго мѣстопребыванія, и рѣшило выстроить для Наполеона домъ. Приходилось отправить для этой цѣли приготовленный матеріалъ, и хотя принялись за постройку, какъ можно скорѣе, все-таки домъ не былъ готовъ ранѣе, чѣмъ черезъ три года, и никогда императоръ не жилъ въ немъ. Въ первое время своего пребыванія на островѣ святой Елены Наполеонъ ощущалъ какую-то скуку, происходившую отчасти отъ климата, а также отъ неудобнаго помѣщенія въ павильонѣ «Брайерсъ». Поселившись въ Лонгвудѣ, онъ хотѣлъ пріучить себя вставать въ 5 и 6 часовъ, затѣмъ приказывалъ позвать кого нибудь изъ свиты и отправлялся верхомъ. По возвращеніи онъ бралъ ванну и завтракалъ. Обыкновенно ему подавали супъ, который, по возможности, варьировали. Чаще всего Наполеонъ ѣлъ его съ молокомъ и множествомъ яицъ, это было, по словамъ графини Монтолонъ, куриное молоко, сильно приправленное сахаромъ. Наполеонъ считалъ его благопріятнымъ для своего здоровья и въ особенности весьма освѣжающимъ. Затѣмъ ему подавали одно мясное блюдо, какъ, напримѣръ, котлеты, бифштексъ и баранью грудинку; къ этому прибавляли свѣжихъ яицъ, мучнистыхъ овощей и бобовъ въ прованскомъ маслѣ. Во время завтрака онъ призывалъ доктора О'Меара и разговаривалъ съ нимъ сначала о губернаторѣ, затѣмъ о здоровьѣ свиты и о томъ, что говорятъ въ городѣ. Потомъ, согласно его настроенію, онъ вспоминалъ о событіяхъ его жизни, что приводило разговоръ къ вопросамъ о предубѣжденіи, какое имѣютъ противъ него въ Англіи. Передъ завтракомъ мэтръ-д'отель, Сипріани, приходилъ къ нему за приказаніями, передъ тѣмъ, какъ ѣхать въ городъ. Сипріани былъ преданный Наполеону корсиканецъ, хитрый и умѣющій пользоваться своими ежедневными поѣздками, чтобы узнавать объ интересовавшихъ ихъ новостяхъ. Послѣ разговора съ докторомъ, Наполеонъ читалъ или диктовалъ. Когда ему надоѣдало это, онъ одѣвался въ томъ случаѣ, если ранѣе не выходилъ, такъ какъ онъ завтракалъ и работалъ въ халатѣ или въ ванной. Ванна продолжалась два и три часа, что графиня Монтолонъ находила не очень полезнымъ для его здоровья. Но у него были особыя идеи относительно своего здоровья и режима, какой ему слѣдуетъ вести, а потому его было невозможно разувѣрить въ противномъ. Онъ разсчитывалъ побѣдить нѣкоторыя недомоганія, для которыхъ ванны были полезны. Но онъ бралъ ихъ слишкомъ горячія и продолжительныя, что его ослабляло. «Около трехъ или четырехъ часовъ онъ предупреждалъ меня,—говоритъ графиня,—о катаніи въ коляскѣ. Генералъ Бертранъ, если онъ бывалъ тамъ, и Ласъ-Казэсъ ѣздили съ нами, генералы Гурго и Монто

лонъ сопровождали верхами. Ѣздили мы шестеркой очень шибко. Чтобы объѣхать мѣстность, предназначенную для катанія, требовалось не болѣе четверти часа. Тогда снова начиналось катаніе, на этотъ разъ во всю прыть, такъ что захватывало духъ». Въ первые дни ихъ водворенія въ Лонгвудѣ, императоръ позвалъ графиню Монтолонъ играть въ пикетъ. Лазъ-Казэсъ былъ уже тамъ и записывалъ счетъ. «Императоръ хотѣлъ, — говоритъ графиня Монтолонъ, — чтобы мы играли дорого и въ особенности, чтобы я аккуратно платила, если проиграю. Когда я не платила тотчасъ же, онъ не давалъ мнѣ покоя, пока я не приносила денегъ. Эта игра бывала отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ, и за ней слѣдовала прогулка пѣшкомъ по саду. Ходилъ онъ тихо, останавливаясь въ разговорѣ, и эта прогулка по той же самой аллеѣ длилась часами. Онъ любилъ, чтобы говорили и доказывали свои доводы, вообще внимательно относились къ разговору и интересовались имъ. Когда кто нибудь изъ насъ очень уставалъ, то старался незамѣтно ускользнуть; но это было невозможно, потому что, какъ бы ни былъ занятъ Наполеонъ разговоромъ, онъ всегда замѣчалъ это и говорилъ: «Вотъ такой-то или такая-то исчезаютъ». Онъ такъ же очень не любилъ, чтобы его оставляли, пока онъ былъ въ гостиной, такъ что приходилось не покидать его цѣлыми часами. Если необходимо было выйти, какъ случалось съ графиней Монтолонъ, то мужъ ея объяснялъ Наполеону позже причину ея отсутствія. По прибытіи въ Лонгвудъ, онъ замѣнилъ свой мундиръ зеленымъ фракомъ, бѣлыми панталонами, бѣлымъ жилетомъ и чернымъ галстухомъ, башмаками съ пряжками, треуголкой съ трехцвѣтной кокардой, которую онъ долго сохранялъ. Каждый разъ, какъ входили графиня Монтолонъ или г-жа Бертранъ, онъ вставалъ и снималъ шляпу, не покидавшую его даже въ гостиной. Все время, пока одна изъ нихъ была больна, онъ аккуратно ежедневно приходилъ навѣщать въ сопровожденіи другой, садился около кровати и бесѣдовалъ нѣсколько времени. Затѣмъ безпрестанно присылалъ слугъ узнавать о здоровьѣ. Онъ всегда совѣтовалъ беречься и не выходить слишкомъ рано. «Между тѣмъ, послѣ моихъ родовъ,—говоритъ графиня Монтолонъ,—онъ, гуляя въ саду противъ моихъ оконъ, на другой же день послѣ перваго моего выхода, вызвалъ меня гулять и держалъ два часа на прогулкѣ». Вообще прогулки по Лондгвудскому саду въ началѣ пребыванія доводили всѣхъ до усталости. Передъ обѣдомъ Наполеонъ не приглашалъ мужчинъ садиться, и случалось, что они чувствовали себя дурно отъ утомленія. Однажды генералъ Гурго такъ усталъ стоять, что прислонился къ двери, и графиня видѣла, какъ онъ поблѣднѣлъ, смотря на игру въ шахматы. Когда императоръ дѣлалъ неправильный ходъ, и его предупреждали объ этомъ, то онъ говорилъ: «Ахъ, такъ я плутъ! Скажи, Бертранъ (или кто другой), скажи, что я плутъ!» Иногда онъ не позволялъ перемѣнять игру, но это было только для его противника, ему же все дозволялось. У него была всегда готова причина, чтобы шагъ ему не засчитывался, но, когда ему это замѣчали, онъ смѣялся. Партія шахматъ продолжалась до 6 часовъ. Обѣдъ длился недолго. «Со времени нашего поселенія въ Лонгвудѣ,—говоритъ графиня Монтолонъ,—чѣмъ больше я видѣла и слышала императора, тѣмъ моя привязанность и восхищеніе его характеромъ, геніемъ и прочее, все росли и росли. Если, вообще,

вѣрно, что короли, какъ горы, хороши, когда на нихъ любуешься издали, то относительно его было иначе: чѣмъ болѣе его видѣли, тѣмъ болѣе любили. Когда императоръ читалъ намъ послѣ обѣда «Одиссею», онъ былъ въ восторгѣ. Подробности возвращенія Улисса, его благодарнось къ кормилицѣ вызывали у Наполеона слезы. Онъ останавливался и съ счастливой улыбкой говорилъ: «Ахъ, какъ это прекрасно! именно въ этомъ человѣческое сердце!» Его волненіе бывало такъ искренно и такъ отражалось на его выразительномъ лицѣ, что присутствовавшіе не могли не раздѣлять его. Онъ не только не былъ злымъ, но могу увѣрить, что строгость не была у него врожденнымъ чувствомъ. Императоръ не лгалъ, сказавъ мнѣ однажды: «что долженъ былъ сдѣлать себѣ кажущуюся оболочку суровости, чтобы не быть увлеченнымъ своимъ сердцемъ на уступки и прощать, когда онъ долженъ наказывать». Съ тѣхъ поръ, какъ судьба помѣстила меня близъ него, я проникла въ тайну его нравственнаго вліянія на окружающихъ. Это была его впечатлительная ко всѣмъ благороднымъ чувствамъ душа, виднѣвшаяся въ его выраженіяхъ, жестахъ, во взглядѣ; прочувствованное слово относительно вопроса дня отпечатывало неизгладимый слѣдъ въ сердцѣ того, кто вступалъ съ нимъ въ общеніе. Его представляли человѣкомъ исключительно честолюбивымъ и эгоистомъ. Я всегда слышала, что онъ всѣмъ поступается для своей политики, но онъ былъ слишкомъ страстнымъ и впечатлительнымъ, чтобы постоянно владѣть собою. Онъ былъ очень способенъ увлекаться минутою и даже болѣе, чѣмъ кто другой. Если бы онъ дѣйствовалъ всегда по расчету, то не дѣлалъ бы ошибокъ, такъ какъ онъ не грѣшилъ разсудкомъ, онъ не умѣлъ слишкомъ долго скрытничать. Вотъ какого мнѣнія былъ Наполеонъ о себѣ въ послѣднемъ смыслѣ. Однажды онъ сказалъ мнѣ непріятную для меня вещь, и я покинула его слишкомъ рѣзко. Императоръ это замѣтилъ и спросилъ мужа о причинѣ моего гнѣва. Мужъ объяснилъ. На это императоръ сказалъ: «Вы думаете, что это ее разсердило? такъ вотъ я каковъ: я всегда оскорбляю, не имѣя дурного намѣренія». Благодаря этой привычкѣ позволять себѣ высказывать вещи, которыя могли оскорблять, онъ нажилъ себѣ много враговъ. Но въ свою очередь у него былъ справедливый умъ, который заставлялъ его находить совершенно простой вещью, если ему отвѣчали на оскорбленіе съ благородствомъ. По крайней мѣрѣ, графиня Монтолонъ говоритъ: «я часто отвѣчала ему очень рѣзко, и онъ не сердился, говоря моему мужу: «Она сказала мнѣ рѣзкость, но это право женщинъ». Если сердце Наполеона было не оцѣнено, то состояніе его души было еще мѣнее понято. Онъ не былъ, какъ многіе думали, невѣрующимъ и скептикомъ. Онъ часто говорилъ окружающимъ: «Въ человѣческомъ сердцѣ есть врожденное чувство, которое побуждаетъ его вѣрить. Невозможно, чтобы человѣкъ не говорилъ себѣ безпрестанно: Откуда я пришелъ? Куда я иду?» и онъ прибавлялъ съ оживленнымъ удареніемъ: «Никто не можетъ сказать: я не буду набожнымъ». Несмотря на его скептицизмъ, онъ сохранилъ вѣру съ дѣтскихъ лѣтъ и въ глубинѣ сердца остался христіаниномъ и католикомъ. Въ Лонгвудѣ онъ занимался религіей: читалъ Ветхій завѣтъ, Евангеліе, Дѣянія апостоловъ, Боссюэ и Массильона и др. Святой Павелъ возбуждалъ въ немъ удивленіе. Говорили, что Наполеонъ имѣлъ слабость къ магометанству. Отчасти

это правда; онъ говорилъ: «Мнѣ нравится, что въ этомъ ученіи нѣтъ догматовъ. «Богъ великъ, Магометъ его пророкъ», въ этомъ вся ихъ религія. Но отсюда до преклоненія передъ масульманской вѣрой далеко. Впрочемъ арабскій обычай запирать женщину ему нравился болѣе вліянія женщины на общество. Это чувство происходило отъ боязни, которую онъ ощущалъ при мысли подпасть подъ господство женщины. Наполеонъ часто говорилъ окружающимъ, что онъ очень склоненъ любить, но онъ не хотѣлъ допустить женщину господствовать надъ собою и видѣлъ въ ней сильно вооруженнаго врага, тѣмъ болѣе грознаго, чѣмъ казался онъ слабѣе. Графиня оканчиваетъ свои мемуары словами: «Я никогда не видѣла его опечаленнымъ своимъ паденіемъ, ему причиняли дурное настроеніе скорѣе сплетни, которыми его безполезно безпокоили. Если онъ былъ въ дурномъ расположеніи духа, онъ искалъ самое простое развлеченіе, и его было очень легко заинтересовать и развеселить. Бездѣлица его веселила: чтеніе, разговоръ или просто кстати сказанное слово».

— Возвращеніе Людовика XVIII въ Тюильри въ 1815 г. Недавно вышелъ II-й томъ мемуаровъ генералъ-лейтенанта виконта де Резэ, изданныхъ его внукомъ [1]). Въ этомъ томѣ дневникъ Наполеоновскаго генерала начинается въ 1808 г. и оканчивается первою Реставраціею. Третья и послѣдняя часть еще не вышла, но отрывки изъ нея помѣщены въ журналахъ «Carnet historique et littéraire» и въ «Revue de Paris» [2]). Самое замѣчательное изъ нихъ относится къ возвращенію Людовика XVIII изъ Гента въ Парижъ. Такъ какъ король возвращался съ остановками, чтобы не отдѣляться отъ своей военной свиты, то всю дорогу его встрѣчали молодыя дѣвицы, выбранныя изъ самыхъ красивыхъ и добродѣтельныхъ. Прибывъ въ Сентъ-Уэнъ, королю нельзя было остановиться въ замкѣ, такъ какъ послѣдній былъ разрушенъ. Людовикъ XVIII былъ принужденъ со своимъ эскортомъ помѣститься въ аббатствѣ, служившемъ въ то время отдѣленіемъ института Почетнаго Легіона въ Сенъ-Дени, гдѣ находилась сотня дочерей кавалеровъ этого ордена. Какъ только выборъ помѣщенія сталъ извѣстенъ, въ общинѣ пошло все вверхъ дномъ. Начальница Сенъ-Дени, носившая титулъ «главной», вышла въ орденской лентѣ на встрѣчу королю, чтобы его привѣтствовать. Эта молодая женщина, по имени баронесса Бузэ, согласилась на это не по доброй волѣ. Она была ярая бонапартистка, которая по возвращеніи Наполеона съ острова Эльбы поспѣшила присоединиться къ имперіи и изъявила свою покорность Ласепеду, возстановленному канцлеру. Поэтому она, скрѣпя сердце, принимала Людовика XVIII. Король объ этомъ зналъ и очень вѣжливо обратился къ ней съ любезной рѣчью, улыбаясь на растерянное и досадливое выраженіе ея лица; при этомъ онъ прибавилъ: «Къ несчастью, мои годы и мое положеніе больного короля заставляютъ меня, сударыня, остановиться въ этомъ древнемъ аббатствѣ, основанномъ моими предками. Увы, васъ проситъ старикъ уступить на одинъ день вашу квартиру, въ нижнемъ этажѣ. Она вполнѣ подходитъ къ моему положенію. Я ненавижу

---

[1]) Souvenirs du lieutenant général vicomte de Reiset. II vol. Paris. 1901.

[2]) Le retour aux Tuilleries, par vicomte de Reiset. «Revue de Paris», 1 septembre 1901.

лѣстницы, и она одна не годится для моихъ мощей». Надо полагать, что рѣчь короля произвела на баронессу Бузэ хорошее впечатлѣніе, такъ какъ король нашелъ свою квартиру убранною массою цвѣтовъ. Но ученицы иначе отнеслись. Устроивъ квартиру короля въ нижнемъ этажѣ, для приличія, пришлось переселить ученицъ въ верхній этажъ, а эскортъ занялъ монастырь, находившійся рядомъ. Нѣкоторые изъ тѣлохранителей короля попробовали довольно невинно шутить съ ученицами, но смѣльчаки живо были приведены къ порядку комическимъ негодованіемъ молодыхъ дѣвушекъ. Старшія ученицы, чтобы выразить свое презрѣніе, дѣлали имъ гримасы и бросали записки, въ которыхъ отвѣчали проклятіями на ихъ объясненія въ любви. Весь вечеръ тѣлохранители до слезъ смѣялись. Король, однако, пожелалъ видѣть ученицъ, и онѣ проходили мимо его кресла по одной, въ то время, какъ онъ заставлялъ начальницу называть ихъ по имени. Баронесса Бузэ отъ застѣнчивости или неудовольствія очень неясно произносила ихъ фамиліи. Короля этотъ осмотръ очень веселилъ, и онъ заставлялъ по нѣсколько разъ повторять имя одной и той же ученицы. Обратившись къ нѣкоторымъ изъ нихъ съ любезными словами, король заявилъ, что онѣ дочери воиновъ, и онъ не желалъ бы иныхъ тѣлохранителей во все время, пока онъ останется подъ ихъ кровомъ. Онъ потребовалъ почетную стражу изъ двѣнадцати дѣвицъ. Снова начались затрудненія начальницы. Сначала думали, что найдется между ними двѣнадцать дѣвицъ съ роялистскимъ направленіемъ, но послѣ тщетныхъ поисковъ набралось только восемь, которыя согласились принять эту должность. При этомъ баронессѣ Бузэ пришлось употребить свой авторитетъ, чтобы заставить четырехъ изъ нихъ согласиться. Короля очень позабавило это приключеніе. Нѣкоторыя изъ этихъ хорошенькихъ дѣвушекъ такъ были разгнѣваны, что съ трудомъ ихъ удержали отъ криковъ: «Да здравствуетъ императоръ!» Покидая на другой день аббатство, король вручилъ г-жѣ Бузэ ящикъ, украшенный своимъ портретомъ и наполненный драже и сластями для ученицъ. 8 іюля союзники вступили въ Парижъ рано утромъ, а въ 3 часа дня состоялся въѣздъ Людовика XVIII. Между воспоминаніями о союзникахъ виконтъ де Резэ упоминаетъ объ императорѣ Александрѣ. «Вниманіе всѣхъ было обращено, говоритъ онъ, на баронессу Крюденеръ, очень нѣжную подругу императора Александра, которая сопровождала его во Францію. Она поселилась въ одномъ изъ домовъ предмѣстья Сентъ-Опорэ, совсѣмъ близко отъ квартиры императора, и ихъ сады имѣли сообщеніе между собою. Послѣдній могъ ходить къ ней, когда угодно, такъ что его визиты оставались незамѣченными. Это довольно странная женщина, написавшая много литературныхъ произведеній, но ея тонкій умъ представляетъ странное смѣшеніе религіозныхъ чувствъ, доходившихъ до крайности, связанныхъ съ нравами, скорѣе распутными. Она вѣрила въ то, что слышала голоса, и обращалась къ Богу и къ святымъ съ самыми странными воззваніями». Несмотря на такой странный мистицизмъ, она не отказалась отъ свѣта, и ея салонъ былъ открытъ каждый вечеръ. Онъ представлялъ самое необычайное смѣшеніе людей. Въ опредѣленный часъ въ немъ читали на колѣняхъ назначенныя молитвы, затѣмъ принимались играть, болтать и злословить ближнихъ. «Г-жа Крюденеръ была очень красива, но теперь она уже

не молода,—пишетъ Резэ,—что не мѣшаетъ ей сохранять надъ императоромъ Александромъ значительное вліяніе. Говорятъ, что онъ твердо вѣритъ въ ея даръ духовидицы, и что это убѣжденіе особенно усилилось, когда онъ увидѣлъ сбывшимися событія, которыя она предсказала ему. Не лишне прибавить, что предсказанія этой дамы произносятся всегда въ очень темной формѣ и изложены въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, поэтому ихъ можно истолковать на сто различныхъ ладовъ. Царь, имѣющій наклонность вѣрить въ чудесное, позволяетъ этой необыкновенной женщинѣ господствовать надъ нимъ дѣйствительно самымъ страннымъ образомъ. Она имѣетъ на него таинственное вліяніе и не зоветъ его иначе, какъ «бѣлый ангелъ, который долженъ спасти міръ». Я хорошо не знаю, какъ она могла ему объяснить, напримѣръ, свою прежнюю страсть къ пѣвцу Гарра, съ которымъ она публично скомпрометировала себя. Говорятъ, будто ея ненависть къ Наполеону значительно повліяла на чувства императора Александра къ нему. Эта ненависть произошла вслѣдствіе простой насмѣшки Бонапарта, сказавшаго однажды ей: «что не любитъ синихъ чулокъ и еще менѣе сумасшедшихъ». Баронесса Крюденеръ не простила ему этихъ нѣсколькихъ рѣзкихъ словъ, и вотъ такимъ образомъ ненависть простой женщины, да еще безъ здраваго смысла, могла измѣнить положеніе свѣта».

— Происхожденіе Ротшильдовъ. Недавно была помѣщена въ берлинскомъ журналѣ «Deutsche Rundschau» цѣлая серія этюдовъ [1]), посвященныхъ изслѣдованію исторіи происхожденія капитала Ротшильдовъ, блестящая звѣзда которыхъ начинаетъ блѣднѣть. Эти изслѣдованія основаны на неизвѣстныхъ документахъ, которые Р. Эренбергъ досталъ изъ различныхъ нѣмецкихъ архивовъ. Благодаря имъ, опровергаются нѣкоторыя легенды о происхожденіи богатства Ротшильдовъ и сообщаются лишь достовѣрныя свѣдѣнія. Это—первая серіозная попытка написать исторію самыхъ богатыхъ банкировъ въ Европѣ, если не считать англійскаго произведенія Ривса, къ которому надо отнестись съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, и замѣтки Фридриха Гентца, въ 1826 г., помѣщенной въ «Энциклопедическомъ словарѣ» Брогкауза. Первый представитель Ротшильдовъ, Майэръ Ашпель Ротшильдъ, родился въ 1743 г. въ Франкфуртѣ на Майнѣ, въ купеческой семьѣ. Окончивъ ученье въ Ганноверѣ у банкира Оппенгейма, Майэръ Ротшильдъ открылъ мѣняльную лавку въ своемъ родномъ городѣ, благодаря чему вошелъ въ общеніе съ наслѣднымъ принцемъ Вильгельмомъ Гессенъ-Кассельскимъ. Генералъ Эсторфъ, знавшій молодого Ротшильда въ Ганноверѣ, представилъ его принцу Вильгельму. Случилось, что въ первое его посѣщеніе замка Гано около 1775 г. генералъ и сынъ ландграфа играли въ шахматы. Благодаря совѣту, данному Ротшильдомъ, принцъ выигралъ партію. Онъ съ удовольствіемъ бесѣдовалъ съ молодымъ купцомъ и поручилъ ему пополнить его коллекцію медалей. Ротшильдъ учитывалъ также векселя на Лондонъ, выданные принцу Вильгельму англійскимъ правительствомъ за поставку нѣмецкихъ солдатъ во время войны съ американскими колоніями. Въ 1789 г., четыре года спустя послѣ восшествія на Кассельскій престолъ Вильгельма, Ротшильдъ обратился къ нему съ предложе-

---

[1]) Die Rotschilde, von R. Erenberg. «Deutsche Rundschau», 1901.

ніемъ своихъ услугъ. Наведенныя о Ротшильдѣ справки оказались удовлетворительными: онъ былъ извѣстенъ, какъ честный работящій человѣкъ, съ которымъ можно вести денежныя дѣла. Въ 1794 г. ландграфъ объявилъ, что ему надо помѣстить 150.000 стерлинговъ, и семь франкфуртскихъ конкурентовъ, въ числѣ которыхъ былъ Ротшильдъ, явились съ предложеніями. Но операцію поручили четыремъ первымъ, и только въ 1795 г. Ротшильду было довѣрено учитываніе векселей на Лондонъ, которые онъ уплачивалъ чистыми деньгами. Въ эту эпоху онъ былъ только финансовый гофъ-агентъ ландграфства, а въ 1801 г. онъ сдѣлался оберъ-гофъ-агентомъ. Ландграфъ былъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ капиталистовъ своего времени; онъ отдавалъ своихъ солдатъ иностраннымъ государствамъ и пользовался этими доходами. Кромѣ того, онъ давалъ не только иностраннымъ государствамъ въ долгъ деньги, но и частнымъ лицамъ: офицерамъ и чиновникамъ, не брезгая и мелкими кліентами: булочниками и сапожниками. Въ 1784 г. онъ устроилъ финансовую операцію съ Даніей, но, прежде чѣмъ согласиться на нее, онъ поставилъ условіемъ, чтобы датчане заплатили 2½ % комиссіонныхъ его совѣтникамъ. Только съ 1800 г. между Вильгельмомъ и Майэромъ Амшелемъ Ротшильдомъ завязались болѣе близкія и правильныя сношенія, и послѣдній получилъ на храненіе отъ своего покровителя 160.000 талеровъ за 4½ %, а въ 1801 г. 200.000 флориновъ за тотъ же процентъ. Затѣмъ онъ велъ переговоры о покупкѣ на 120.000 флориновъ 4% облигацій Палатината, перемѣненныхъ въ 1802 г. на свидѣтельства франкфуртскаго займа—въ 1803 г. на фонды города Франкфурта, а 1804 г. на фонды Гессенъ-Дармштадта въ 100.000 флориновъ. Впрочемъ, у него не было монополіи, и онъ не одинъ пользовался довѣріемъ ландграфа. Первымъ большимъ дѣломъ Ротшильда относительно помѣщенія Кассельскихъ капиталовъ было дѣло съ датскимъ правительствомъ, обращавшимся до 1780 г. всегда къ голландскому рынку, но съ этого времени уже въ продолженіе двадцати лѣтъ оно вело дѣла съ франкфуртскими банкирами, именно съ домомъ Бетманъ. Въ 1804 г. послѣдній предложилъ Копенгагену доставить нѣсколько сотенъ тысячъ талеровъ, подъ условіемъ 8% комиссіонныхъ. Въ это время послѣдовало предложеніе, болѣе подходящее, сдѣланное Ротшильдомъ, подъ прикрытіемъ дома Лавеца въ Альтонѣ, такъ какъ для начала Ротшильдъ не хотѣлъ, чтобы фигурировало его имя. Оно фигурировало впервые въ 1806 г. въ займѣ 13.000,000, и купоны оплачивались въ его кассѣ. Вопреки предшествовавшимъ обычаямъ устраивать заемъ на короткій срокъ, онъ былъ сдѣланъ согласно волѣ ландграфа на продолжительный срокъ, и проценты доходили до 6%. Первый же разъ были выпущены въ обращеніе облигаціи въ купонахъ, означенныхъ въ круглой цифрѣ и легко размѣниваемыхъ. Въ это же время курфюрстъ Гессенскій довѣрилъ текущій капиталъ своему гофъ-агенту, который вопреки воззрѣніямъ того времени не сохранилъ его у себя, а перевелъ въ Лондонъ къ сыну, Натану Майэру. Послѣдній разсказывалъ, какъ онъ получилъ по почтѣ 600.000 ливровъ, которыми ему предстояло завѣдывать для удовлетворенія принца. Въ знакъ благодарности послѣдній сдѣлалъ ему потомъ подарокъ, состоящій изъ бѣлья и вина. Въ 1812 г. умеръ Майэръ Амшель, оставивъ послѣ себя, по словамъ автора, ре-

путацію человѣка честнаго, крайне благотворительнаго, а также большого знатока древностей, какъ монетъ, такъ и произведеній искусства. Изъ пяти сыновей третій Натанъ Майэръ повліялъ болѣе всего на развитіе своего банкирскаго дома. Сначала онъ явился въ Англію съ 20.000 фунтовъ стерлинговъ, чтобы устроить тамъ дѣла съ товарами (вѣроятно, матеріями). Дѣла его пошли настолько удачно, что черезъ нѣсколько лѣтъ онъ увеличилъ привезенный капиталъ въ три раза. Съ 1800 г. вывозъ товаровъ изъ Англіи былъ весьма труденъ, хотя континентальная блокада была установлена лишь въ 1806 г., но зато онъ былъ очень прибыленъ. Проведя нѣсколько лѣтъ въ Манчестерѣ, онъ поселился въ Лондонѣ, гдѣ и получилъ гессенскія деньги отца, помѣстивъ ихъ, какъ придворный банкиръ, въ банкирскій домъ Ноттена. Въ это время ему было 28 лѣтъ. Въ тотъ же годъ Индѣйская компанія продавала на рынкѣ на 800.000 фунтовъ стерлинговъ золота. Натанъ купилъ все золото, зная, что герцогъ Веллингтонъ, котораго большее количество пріобрѣтенныхъ по дешевой цѣнѣ векселей онъ удержалъ, имѣетъ спѣшную въ немъ надобность. Правительство вызвало покупателя золота и объявило ему, что нуждается въ 800.000 ливровъ, но, устроивъ дѣло, оно не знало, какъ ихъ отправить въ Португалію. Натанъ взялся за это и говорилъ впослѣдствіи сэру Томасу Бёртону, знаменитому филантропу и противнику невольничества, что это было одно изъ самыхъ лучшихъ дѣлъ, какія ему приходилось дѣлать. Около этого времени, 1808—1810 года, Веллингтонъ, втянутый въ войну съ Испаніей, гдѣ онъ долженъ былъ платить за все золотомъ, былъ принужденъ достать себѣ финансы, продавая векселя на казначейство съ потерею. Въ то время существовалъ синдикатъ мѣнялъ, составившійся на Мальтѣ, въ Испаніи и въ Сициліи, который эксплоатировалъ затруднительныя финансовыя положенія. Самая сложная часть операціи для Натана Ротшильда состояла въ пересылкѣ денегъ въ Испанію. Въ 1812 году, послѣ покушенія на жизнь англійскаго министра Персеваля, Ванзитартъ сдѣлался министромъ финансовъ, и его правой рукой въ финансовыхъ операціяхъ съ континентомъ былъ способный дѣятель, генеральный комиссаръ Геррисъ. Англія, рѣшившаяся продолжать войну противъ Наполеона, имѣла союзниковъ: Австрію, Россію и Пруссію. Финансы союзниковъ были въ ужасномъ положеніи, и Англіи было необходимо помочь имъ субсидіями. Съ 1813—1815 гг. Англія дала 15 милліоновъ субсидіи, изъ которыхъ 11 милліоновъ пошли для трехъ державъ, а остатокъ былъ раздѣленъ между мелкими государствами. Такъ какъ пересылка денегъ была очень трудна и даже опасна, то Геррисъ предложилъ министру финансовъ новый планъ безопаснаго учрежденія англійскаго казначейства на континентѣ. Этотъ планъ былъ выработанъ Натаномъ Ротшильдомъ; онъ тайно былъ посланъ съ инструкціями въ Голландію и Германію купить всюду, гдѣ возможно, даже въ Парижѣ, французскихъ монетъ и переслать ихъ различными путями въ главную квартиру Веллингтона, который могъ заплатить за все чистыми деньгами, тогда какъ союзники боролись съ самыми ужасными финансовыми затрудненіями. Ротшильдъ такъ хорошо дѣйствовалъ, что биржа даже не замѣтила его операцій: 700.000 фунтовъ стерлинговъ на Голландію и Франкфуртъ могли быть куплены, не произведя давленія на курсъ. Въ 1814 г. операціи Ротшильда приняли еще болѣе широкіе размѣры; прежде всего онъ

купилъ переводъ на Парижъ въ 200.000 фунтовъ стерлинговъ, необходимыхъ для уплаты расходовъ на возвращеніе въ свою столицу Людовика XVIII. Затѣмъ онъ убѣдилъ европейскія государства, что имъ выгоднѣе получать переводами на Лондонъ, а въ Парижѣ подъ англійскимъ ручательствомъ, но черезъ его посредство, хотя имя его было скрыто. Геррисъ былъ посланъ въ Парижъ, гдѣ фунтъ стерлинговъ стоилъ 17 франковъ 50 сантимовъ, и, внеся значительную сумму съ помощью Ротшильда, поднялъ, курсъ фунта стерлинговъ до 21 франка. Этимъ путемъ Англія сдѣлала экономію 120.000 фунтовъ стерлинговъ. Вмѣшательство Ротшильда оставалось неизвѣстнымъ публикѣ до наступленія Ста дней. Въ теченіе этого времени въ Пруссіи наступилъ финансовый кризисъ, и Геррисъ внесъ 200.000 фунтовъ переводомъ на Берлинъ; при этомъ въ первый разъ Пруссія вошла въ сношенія съ Ротшильдомъ. Соломону Ротшильду было поручено отвезти туда золото. Кромѣ того, онъ еще представилъ 150.000 фунтовъ стерлинговъ, но съ столь неблагопріятными условіями, что Англія принуждена была уплатить потерю, понесенную Пруссіей на этой операціи. Геррисъ упомянулъ въ двухъ отчетахъ 1816 г. и 1822 г., что 18 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ субсидіи были уплачены на континентѣ при посредствѣ одного агента. При этомъ Геррисъ громко заявилъ, что успѣхомъ обязаны содѣйствію Ротшильда и его братьямъ. Послѣ смерти ихъ отца въ 1812 г. пять сыновей продолжали вести дѣла, поселившись въ разныхъ большихъ городахъ, что значительно облегчало пересылку англійскихъ денегъ. Старшій сынъ Ансельмъ жилъ во Франкфуртѣ, второй Соломонъ находился сначала въ Берлинѣ, затѣмъ окончательно въ Вѣнѣ; Натанъ былъ въ Лондонѣ; четвертый Карлъ поселился въ 1821 г. въ Неаполѣ. Двадцатилѣтній Джемсъ перебрался въ Парижъ, гдѣ основалъ въ 1817 г. домъ братьевъ Ротшильдовъ. Черезъ посредство гамбургскаго банкира, Париша, Ротшильдъ вступилъ въ сношенія съ австрійскимъ правительствомъ. Въ 1817 г. Паришъ устроилъ заемъ для Австріи въ 5 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ изъ 9%. Послѣ мира 1815 года изъ большихъ займовъ Ротшильды приняли участіе въ трехъ прусскихъ. Также при ихъ посредствѣ были совершены англійскій въ 12 милліоновъ фунтовъ, въ 1821 г. — неаполитанскій въ 16 милліоновъ дукатовъ, въ 1822 г.—англо-русскій въ 6 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ и въ томъ же году новый прусскій въ 3½ милліона фунтовъ стерлинговъ. Кромѣ того, онъ совершилъ новый неаполитанскій заемъ и разныхъ нѣмецкихъ государствъ. Въ 1824 г. онъ вошелъ въ сношенія съ Франціей и содѣйствовалъ выпуску ренты на 23 милліона. Натанъ Ротшильдъ первый ввелъ въ Лондонѣ иностранные займы. Кромѣ прусскаго, австрійскаго, русскаго, неаполитанскаго, онъ въ 1825 г. устроилъ еще бразильскій заемъ. Кризисъ 1825 года не коснулся Ротшильда, и онъ могъ даже прійти на помощь англійскому банку, давъ ему 300.000 фунтовъ золотомъ. Эренбергъ не сообщаетъ никакихъ свѣдѣній о Ротшильдахъ послѣ 1825 г. Лондонъ служилъ еще болѣе, чѣмъ Франкфуртъ, базисомъ, на которомъ построилось величіе дома Ротшильдовъ. Теперь же изъ всѣхъ вѣтвей дома Ротшильда, раскинутыхъ въ разныхъ мѣстахъ, остались лишь три: во Франціи, Англіи и Австріи.

— **Женни Линдъ.** Трудно повѣрить, чтобы, вращаясь съ десятилѣтняго возраста на театральныхъ подмосткахъ, можно было остаться не только невинной, но даже сохранить святыя идеи. Однако Эрнестъ Тиссо разсказываетъ въ «La Revue hebdomadaire» [1]), что извѣстная пѣвица Женни Линдъ представляла собою это исключеніе. Какъ Айно Нильсонъ, Акте и Сигридъ Арнольдсонъ, какъ большинство пѣвицъ съ чистыми голосами, Дженни Линдъ была также уроженка сѣвера. Она родилась въ Стокгольмѣ 6-го октября 1820 г., въ бѣдной семьѣ рабочихъ. Ея отецъ, какъ большинство шведовъ, былъ грубъ и пьяница, а мать, болѣе сдержанная, была падка на барыши, что даетъ поводъ предполагать ея еврейское происхожденіе. Но, несмотря на всѣ эти недостатки, они были строго религіозны, какими бываютъ сѣверные протестанты, которые читаютъ утромъ и весь воскресный день Библію, что не мѣшаетъ имъ вечеромъ пьянствовать и затѣвать кровавыя драки. Такимъ образомъ воспоминанія дѣтскихъ лѣтъ были не сладки для Женни Линдъ. Единственнымъ свѣтлымъ лучемъ являлась старая бабушка, не выходившая изъ дома, благодаря своему возрасту. Она первая предсказала музыкальныя способности дѣвочки, такъ какъ послѣдняя съ очень ранняго возраста любила пѣть народныя пѣсни своимъ хрустальнымъ голоскомъ. Однажды, когда ей было четыре года, мимо дома шла военная музыка, игравшая маршъ, дѣвочка тотчасъ же бросилась къ клавикордамъ и безъ затрудненія подобрала его мотивъ. Бабушка въ восторгѣ обняла ее и сказала дочери: «Помни, что я скажу тебѣ: этотъ ребенокъ будетъ для тебя большой поддержкой». Вскорѣ слава маленькой пѣвицы распространилась между сосѣдями. Одни совѣтовали отвести ее къ профессору пѣнія, другіе въ драматическую школу. Мать не обращала вниманія на эти разговоры, тѣмъ болѣе что она предпочитала видѣть свою дочь скорѣе мертвой, чѣмъ актрисой. Она перемѣнила свое мнѣніе, когда получила первыя деньги. заработанныя дочерью, и первая протестовала впослѣдствіи, когда Женни хотѣла покинуть сцену. Профессоръ, къ которому отвели дѣвочку, такъ какъ мать, наконецъ соблазненная будущими доходами, рѣшилась сдѣлать изъ нея актрису, пришелъ въ восторгъ отъ ея голоса. Онъ сразу хотѣлъ представить ее, какъ феноменъ, на королевскій театръ. Но Женни была некрасива и притомъ неловка, такъ что при видѣ ея графъ Пюкъ спросилъ съ презрѣніемъ о годахъ ребенка. Ему отвѣтили, что ей девять лѣтъ. «Девять лѣтъ!—сказалъ онъ грубо:—королевскій театръ не дѣтская». Но выслушавъ первый романсъ, онъ понялъ, что голосъ съ подобнымъ тембромъ заслуживаетъ заботливой обработки, и дѣвочка была зачислена въ музыкальную школу на казенный счетъ. Въ 10 лѣтъ Женни дебютировала въ роли дѣтей, и пять сезоновъ она, къ удовольствію партера, участвовала въ давно забытыхъ пьесахъ. Ея веселость, легкая походка, хрустальный смѣхъ заставляли забывать неправильныя черты ея лица, и она начала пользоваться успѣхомъ въ водевиляхъ съ пѣніемъ. Около восемнадцати лѣтъ Женни рѣшилась выступить въ оперѣ. Ея профессоръ сказалъ: «Дитя мое, мнѣ нечему тебя болѣе учить, дѣлай то, что тебѣ

---

[1]) Jenny Lind, par Ernest Tissot. «La Revue hebdomadaire», 14 septembre 1901.

скажетъ природа». И она выступила во «Фрейшютцѣ», въ роли Агаты. Репетиція была неудачна, Дженни овладѣлъ безумный страхъ, и она стала приготовляться съ молитвою и Библіею въ рукахъ. Наконецъ настало 7-е марта 1839 года, день ея выступленія на оперную сцену. Позже Женни писала: «Вставая утромъ 7-го марта 1838 года, я была молодою дѣвушкою, какъ всѣ другія, но, ложась вечеромъ, я сдѣлалась другимъ созданіемъ. Я поняла цѣну своей личности». Затѣмъ пошли другія легкія роли—въ «Лючіи» и въ «Робертѣ Дьяволѣ». Публика не переставала дѣлать ей оваціи. Но всего замѣчательнѣе была ея скромность. На поздравленіе съ успѣхомъ она отвѣчала: «У меня нѣтъ никакого достоинства, заслуживающаго похвалы, этотъ даръ я получила отъ Создателя всѣхъ необыкновенныхъ дарованій и всѣхъ превосходныхъ милостей». Но Женни сознавала, что она еще не достаточно законченная пѣвица, и писала въ своей короткой автобіографіи: «Очевидно, что я была предназначена природой и обстоятельствами для извѣстнаго успѣха. Но мои знанія искусства, собственно говоря, не полны. Я съ горечью это сознаю, и аплодисменты публики мнѣ причиняютъ скорѣе огорченіе, чѣмъ радость, я признаю себя недостойной ихъ, зная, что недостаточно для этого работала». Но Женни вскорѣ почувствовала, что пѣніе согласно своему капризу утомляетъ голосъ, и задумала усовершенствоваться въ пѣніи. Въ это время ея партнеромъ былъ баритонъ, методъ пѣнія котораго ей понравился. Узнавъ, что онъ учился у Гарсіи, знаменитаго брата Полины Віардо и Малибранъ, Женни не колеблясь рѣшилась отправиться въ Парижъ, чтобы возобновить уроки пѣнія. Ея мать подняла вой отъ мысли, что дочь не будетъ въ это время заработывать деньги. На этотъ разъ, всегда повиновавшаяся, молодая дѣвушка настояла на своемъ. И было во время. Часто появлявшаяся у нея хрипота обратилась въ хроническую, и въ одинъ прекрасный день она спѣла такъ дурно арію во время экзамена, благодаря сипотѣ, осложнившейся отъ усталости и волненія, что профессоръ остановилъ ее сурово: «Къ чему учили васъ правиламъ пѣнія? У васъ нѣтъ болѣе голоса». Для Женни начались ужасные дни отчаянія, изгнанія и безпокойнаго одиночества. Но вѣрная протестантка вручила судьбу своему Божественному Учителю. «Богъ ведетъ меня къ моему добру,— писала она, — я это знаю, я это чувствую. Развѣ не его десница руководила моимъ пріѣздомъ въ Парижъ?» И она заперлась по приказу доктора дома, проводя время въ молитвѣ и ученіи, не смѣя пѣть и даже разговаривать. Черезъ нѣкоторое время къ ея радости голосъ отдохнулъ. «Я уже взяла у Гарсіа пять уроковъ,—писала она подругѣ.—Я должна все снова начать, пѣть гаммы въ восходящемъ и нисходящемъ направленіи съ жестокой медленностью и точностью, затѣмъ снова учить трели съ не менѣе возмутительной мелочностью. Кромѣ того, Гарсіа очень строгъ относительно дыханія. Это превосходный учитель. Я пріобрѣла сама безпрерывнымъ трудомъ, несмотря на необыкновенныя трудности, почти все, что я знаю. Одинъ лишь Гарсіа мнѣ объяснилъ нѣкоторые важные пункты. Богъ далъ мнѣ такой возвышенный идеалъ, что мнѣ было бы трудно встрѣтить профессора, который олицетворилъ бы его. Мой методъ, насколько возможно, приближается къ методу птицъ, лишь ихъ учитель удовлетворилъ бы мое желаніе истины, ясности и выраженія». Но

Гарсіа не былъ настолько проницателенъ, чтобы подозрѣвать, чѣмъ сдѣлается его ученица. Онъ не только не оказалъ ей помощи при обязательныхъ дебютахъ въ оперѣ, но не побоялся отсовѣтовать ихъ. И дѣйствительно колеблющійся успѣхъ ея перваго дебюта и несочувственные отзывы газетъ, казалось, оправдали его слова. Такимъ образомъ Женни, безъ сожалѣнія и ревности, предпочла возвратиться въ Стокгольмскую оперу. Вскорѣ слава о ней проникла за предѣлы Швеціи. Импрессаріи бросились къ ней съ приглашеніями. Она сначала отказалась принять предложеніе, но наконецъ сдалась. Ея успѣхъ въ Берлинѣ былъ легендарный. «Съ 1838—1849 г. Женни пѣла шестьсотъ семьдесятъ семь разъ въ тридцати различныхъ операхъ», — писалъ реформатскій пасторъ въ Вѣнѣ. «Но этотъ пасторъ ошибался,—говоритъ Тиссо,—думая, что пѣть разъ въ недѣлю было достаточно для молодой пѣвицы». Пѣла она безъ разбора всѣ оперы, исключая тѣхъ, сюжетъ которыхъ не подходилъ къ ея чистымъ, нравственнымъ воззрѣніямъ. Въ память своего перваго дебюта въ Стокгольмѣ, она питала культъ къ оперѣ «Фрейшютцъ». Но она не создала ни одной новой важной роли. Мендельсонъ хотѣлъ написать для нея «Лорелей», но смерть не дала осуществиться этому проекту. Мейерберъ написалъ для Женни «Силезскій лагерь», но другая болѣе ловкая пѣвица, хотя не такая способная, какъ Женни, отняла у нея главную роль. Женни не противорѣчила, она писала: «Споры и борьба не въ моемъ вкусѣ. У меня нѣтъ ни малѣйшаго таланта къ интригѣ. Скорѣе я откажусь отъ всего, чѣмъ буду бороться за мои права. Пока у меня есть обѣ руки для работы, я заработаю себѣ хлѣбъ внѣ театра». «Голосъ ея,—говоритъ Тиссо,—былъ обширныхъ размѣровъ, отъ нижняго si онъ достигалъ легко высокаго sol, то-есть обладалъ и низкими нотами и высокими. Въ то же время, будучи такимъ могучимъ, онъ сохранилъ удивительную гибкость, такъ что послѣ страстныхъ речитативовъ ему было шуткой производить самыя опасныя акробатическія рулады, какъ, напримѣръ, въ послѣднемъ актѣ «Сѣверной Звѣзды». Кромѣ того, онъ съ удивительной легкостью филировалъ звукъ и продолжалъ его до меланхолическихъ секундъ. Въ высокихъ же нотахъ у нея было pianissimo замирающее. Наконецъ изъ двадцати тоновъ и тринадцати нормальныхъ полутоновъ человѣческаго инструмента, за исключеніемъ трехъ или четырехъ звуковъ медіума, слегка глухихъ, остальные имѣли грацію заглушенныхъ рыданій и были такъ однородны, что ихъ можно было сравнить со струнами Страдиваріуса въ рукахъ Паганини. Но еще лучше былъ ея удивительный тембръ. Вообще голосъ Женни, какъ по силѣ, такъ и по нѣжности, звучалъ, какъ никогда не звучалъ ни одинъ человѣческій голосъ. Пѣла ли она съ хоромъ или съ оркестромъ, ея голосъ ясно выдѣлялся». Женни пробовала, одѣтая въ скромное платье, ходить въ воскресенья утромъ въ церковь маленькаго англійскаго города и присоединяться къ хору, но съ первой же ноты всѣ головы поворачивались въ ея сторону, и ей приходилось оканчивать одной псаломъ. «Съ тѣхъ поръ,—говорила она, разсказывая этотъ эпизодъ,—я должна была, къ моему большому сожалѣнію, отказаться отъ пѣнія въ церквахъ, понимая, что мой долгъ былъ не волновать такимъ страннымъ развлеченіемъ сборища вѣрныхъ». Но, несмотря на успѣхъ, Женни все съ большей тревогой спрашивала себя, права ли она,

оставаясь на опасной сценической дорогѣ. Она задавала себѣ вопросъ, соглаоуется ли ея призваніе съ протестантскимъ ученіемъ, такъ какъ Женни сохранила съ дѣтскихъ лѣтъ набожность. Она писала въ годы самаго бурнаго успѣха: «Никогда моя Библія не была мнѣ такъ необходима, какъ теперь. Никогда она меня болѣе не поддерживала и не укрѣпляла, какъ теперь. Я черпаю безпрестанно миръ, надежду, вѣру, любовь и безусловное довѣріе къ Богу»... Ей пришлось во время своей блестящей эпохи держаться, хотя отчасти, свѣтской жизни, и она по этому поводу писала: «Христіанская вѣра безусловно удовлетворяетъ желанія моего сердца. Она научила меня читать ясно въ моей душѣ и была высшимъ моимъ совѣтникомъ, одинаково, какъ въ вопросахъ моего искусства, такъ и въ моемъ существованіи». Но среди блеска и овацій она замѣчаетъ: «Какъ мало людей знаютъ, насколько моя мысль остается смиренной, среди волненій моихъ дней, насколько я ненавижу свѣтъ и его предосудительную роскошь, насколько я ускользаю отъ головокруженія успѣхомъ и денежной лихорадки». Возвратясь изъ Парижа, когда ея карьера достигла апогея, она писала: «Мнѣ кажется, что я покинула взбаломученное море, чтобы войти въ улыбающійся мнѣ миръ хижины. Я такъ счастлива! такъ счастлива! Борьба окончена, мракъ разсѣялся, небо покрылось звѣздами, и я преклоняю колѣни восклицая: да будетъ во всемъ Его святая воля!». Позже она говорила послѣ волшебныхъ вечеровъ, полныхъ овацій: «Жизнь имѣетъ столько же радости, сколько горя; но я предпочитаю горе, такъ какъ въ часы, когда сердце изнемогаетъ подъ бременемъ отчаянія, горе сохраняетъ, я не знаю, какое-то благородство. Его ученіе помогаетъ намъ лучше понимать, что только несчастныя созданія на землѣ могутъ сдѣлаться въ одинъ прекрасный день свѣточами на небѣ». Но не одни религіозныя воззрѣнія убѣждали Женни покинуть сцену. Можетъ быть, говоритъ Тиссо, была еще второстепенная причина, которая заставляла Женни покинуть сцену. Такъ, напримѣръ, здоровье Женни было ослаблено слишкомъ ранними дебютами и слишкомъ частымъ пѣніемъ, какъ было вначалѣ, когда она едва не потеряла голоса. Она сама признавалась въ своемъ дневникѣ: «Я утомилась душею и сердцемъ. Ахъ, если бы вы знали, какъ хотѣла бы я имѣть возможность возвратиться на родину и посвятить себя на добрыя дѣла моимъ соотечественникамъ». Она разсказывала, съ какимъ трудомъ цѣлыми часами повторяла фразу речитатива изъ «Нормы» въ нѣмецкомъ переводѣ, гдѣ произношеніе слова «Zersplitten» на si bemol высокомъ было ей очень трудно для пѣнія. Цѣлыми годами она повторяла нота въ ноту опасный хроматическій пассажъ изъ «Сомнамбулы» и, только спустя много, много времени, она достигла удовлетворительнаго исполненія, такъ какъ Женни была очень требовательна. На сцену она выходила всегда съ трепещущимъ сердцемъ, и какъ только занавѣсъ падалъ, среди самыхъ шумныхъ овацій, воспоминанія о малѣйшихъ колебаніяхъ дѣлали ее больной. Однажды, Мейерберъ къ своему удивленію нашелъ ее во время антракта всю въ слезахъ. Она стала просить у него прощенія, что не исполнила его музыку, какъ слѣдовало. Такимъ образомъ представленія оканчивались у нея настоящими кризисами. Послѣ пѣнія Женни оставалась, какъ въ каталепсіи. Она произносила даже слѣдующіе обѣты бѣдности: «Пусть у меня будетъ селедка, картофель, кружка молока, деревянный

табуреть, оловянная ложка и покой, и я буду самая счастливая женщина». Закулисный мірокъ совершенно отнималъ у нея иллюзію. Зависть и интриги ея партнеровъ заставляли ее бояться, чтобы это скверное чувство не проникло въ нее. Послѣ знаменитаго дебюта въ Берлинѣ она занесла въ свою книжку поведенія: «Я не должна гордиться и дѣлаться надменной, я хочу удовольствоваться тѣмъ, что буду довѣрчива и счастлива». Нѣсколько позже она замѣчала: «Думаете ли вы, что я способна сдѣлаться гордой? Да предотвратитъ меня отъ этого небо. Правда, я сознаю тотъ талантъ, на который я способна. Было бы абсурдомъ считать себя ни на что неспособной. Но я знаю въ совершенствѣ, гдѣ останавливаются мои средства»... Ни одна актриса не добивалась такъ мало популярности и свѣтскихъ почестей. Однажды, въ Лондонѣ Шопенъ, пришедшій въ восторгъ, написалъ ей, прося одинъ часъ свиданія. На другой день къ нему позвонила дама, совсѣмъ скромно и неизящно одѣтая. Это была Женни Линдъ, не желавшая, чтобы маэстро тревожилъ себя визитомъ. Шопенъ написалъ въ своихъ «мемуарахъ» по поводу ея визита: «Рѣдко я встрѣчалъ у созданій этого свѣта столько величія, соединеннаго съ такимъ смиреніемъ». «Наружность Женни была далеко не классическая,—говоритъ Тиссо,—абрисы ея носа и рта были слишкомъ не красивы, и только ея глаза были полны выраженія откровенности и честности». Она понимала, что публика не дѣлаетъ различія между пѣвицей и красивой женщиной, въ чемъ она могла убѣдиться, когда послѣ десятилѣтней карьеры ея голосъ, въ 22 г. нѣсколько усталъ. Она писала матери: «Надѣюсь, что Богъ избавитъ меня отъ несчастія быть осужденной оставаться до конца моихъ дней оперной пѣвицей. Я предпочитаю питаться хлѣбомъ и водою, чѣмъ появляться на сценѣ въ старые годы!».. Къ Женни не подходилъ ни девизъ «искусство для славы», ни «искусство для искусства». Она предпочитала «искусство для добра безсмертныхъ душъ»; она говорила, что желаетъ «засвидѣтельствовать Богу видимымъ образомъ свою безконечную благодарность за необыкновенное благо, которымъ онъ одарилъ ее». Наконецъ, 10 мая 1849 г., Женни Линдъ играла въ послѣдній разъ. Она выступила въ оперѣ «Робертъ-Діаволъ» и пѣла, какъ никогда. Въ концѣ оперы всѣ дамы плакали. Возвратясь домой, она просто написала на книжкѣ ангажемента: «Мое послѣднее представленіе въ оперѣ». И она осталась вѣрна своему слову. Никакія предложенія ни изъ Парижа, ни даже отъ своего короля не заставили ее вернуться въ театръ. Она не сожалѣла о покинутой сценѣ, такъ какъ была убѣждена, что дѣйствуетъ въ пользу усовершенствованія души. «Моя душа,—писала она,—похожа на птицу, вылетѣвшую изъ силковъ; нитки порваны, я—свободна!.. Ни одно человѣческое существо не можетъ быть счастливѣе!»... Но, отказываясь отъ оперы, она не давала обѣта не пѣть въ концертахъ. Она писала своей старинной подругѣ: «Я буду пѣть въ концертахъ до тѣхъ поръ, пока у меня будетъ голосъ. Это будетъ для меня удовольствіемъ, и такимъ образомъ я еще буду работать нѣсколько лѣтъ, что необходимо только для благотворительныхъ учрежденій». Она сдѣлалась концертной пѣвицей и пѣла съ благотворительною цѣлью. Въ одной Англіи она пожертвовала въ различные города 167.000 ф. на госпитали. Но она не была этимъ удовлетворена. Она задумала устроить на своей родинѣ пріютъ покинутыхъ дѣтей и приняла предложеніе

Барнума поѣхать въ Америку. Она имѣла тамъ такой успѣхъ и вызвала такой энтузіазмъ, какого не видала Патти. Двѣсти тридцать три концерта принесли ей до десяти милліоновъ. Всѣ эти деньги пошли на учрежденіе различныхъ больницъ и проч. въ Упсалѣ, Лундѣ и Стокгольмѣ. Но Женни не суждено было окончить дни въ одиночествѣ. Во время своихъ неоднократныхъ поѣздокъ по Германіи она пользовалась услугами аккомпаніатора, Гольдшмидта. Въ репетиціи она обмѣнивалась съ нимъ восторгами своимъ другомъ Шуманомъ, ученикомъ котораго былъ Гольдшмидтъ. Послѣдній былъ человѣкъ серіозный и тѣхъ же чистыхъ воззрѣній, какъ и Женни Линдъ. Вскорѣ между ними возникла обоюдная симпатія. Онъ послѣдовалъ за нею въ Америку въ качествѣ аккомпаніатора, и 5 февраля 1852 г. первая знаменитая пѣвица въ свѣтѣ обвѣнчалась въ Филадельфіи съ неизвѣстнымъ музыкантомъ. Это была самая счастливая христіанская пара. Мужъ велъ финансовыя дѣла, а жена продолжала нѣкоторое время пѣть. Она пѣла еще лучше, чѣмъ прежде. Затѣмъ она сдѣлалась матерью и выбрала мѣстожительствомъ Англію. На родину ея не тянуло. Во-первыхъ, ея родители не хотѣли этого скромнаго брака, а также были недовольны ея отказомъ пѣть въ оперѣ и еще болѣе ея благотворительными концертами. Она обезпечила ихъ старость и болѣе не возвращалась къ нимъ. Кромѣ того, она не могла легко примириться при мысли, насколько литературное искусство и жизнь ея страны измѣнили строгія правила протестантства, что дало ей въ юности силы устоять противъ искушеній. Она удалилась навсегда въ Англію, поселившись въ котэджѣ, вдали отъ города, забывъ всѣ шумныя оваціи среди любящей семьи. Голландъ, которому она разрѣшила написать свою біографію, говорилъ, что она была такъ счастлива, какъ нельзя быть болѣе. Она вся отдалась семьѣ, не желая, чтобы посторонніе интересовались ею, и даже рѣдко выходила изъ дома. Если случайно кто нибудь изъ знакомыхъ ее встрѣчалъ, то она старалась скорѣе исчезнуть, недовольная встрѣчей. Благодаря такому образу жизни, эта идеальная женщина сохранила до смерти чудный голосъ до такой степени свѣжій, что никакой голосъ молодой дѣвушки не могъ сравняться съ нимъ. Впослѣдствіи она болѣе не пѣла для публики, а лишь для своихъ. Однако ей пришлось измѣнить свой образъ жизни. Принцъ Уэльскій лично упросилъ Женни дать нѣсколько уроковъ въ королевской музыкальной академіи. Женни согласилась исполнить просьбу, желая засвидѣтельствовать своей новой родинѣ свою благодарность. Но эти занятія убили ея послѣднія силы, и она заболѣла. Три года тянулась ея болѣзнь. Каждую зиму ее увозили на три мѣсяца на берегъ Средиземнаго моря. Но на третій сезонъ она чувствовала, что приближается конецъ, и нисколько не боялась смерти. Она писала: «Я чувствую приближеніе смерти; я нахожу, что чудное Божіе благословеніе имѣть сознаніе вѣчнаго мира» [1]. Однажды утромъ ея дочь открыла ставни, и лучъ солнца ворвался въ комнату. Женни улыбнулась, ея глаза засвѣтились, и она хотѣла запѣть любимый ею въ блестящую эпоху оваціи романсъ Шумана «Къ солнцу», но вмѣсто голоса раздался лишь хрустально чистый вздохъ. 2 ноября 1887 г. ея не стало. Ей воздвигли многочисленные поклонники ея таланта монументъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, и въ концѣ листа подписчиковъ было написано: «Имя этого лучшаго

существа стало въ Англіи синонимомъ религіозной, безкорыстной и добродѣтельной женщины».

— Французское происхожденіе турецкаго султана. Недавно появился въ римской газетѣ «Stampa» слухъ, что турецкій султанъ, Абдулъ-Гамидъ II, французскаго происхожденія со стороны матери. Бабка Абдулъ-Гамида, жена султана Абдулъ-Гамида I-го, была не кто иная, какъ француженка съ Мартиники, по имени Дюбюкъ-де-ла Ривери, двоюродная сестра Жозефины, дочь которой, Гортензія, была матерью Наполеона III-го. Вотъ при какихъ условіяхъ Ривери попала въ Турцію къ Гамиду I-му. Въ 1788 г. она была похищена пиратами съ корабля, когда отправлялась съ Мартиники во Францію. Отвезенная въ Константинополь, она обратила вниманіе начальника евнуховъ на свою необычную красоту, и онъ предложилъ ее султану. Но торговля была не легкая. Молодая француженка заливалась слезами и такъ подѣйствовала на начальника евнуховъ и муфтія, что они рѣшились не вліять на нее жестокостью, а скорѣе убѣжденіемъ. Самъ султанъ былъ, впрочемъ, человѣкъ обворожительный. По словамъ барона Прэво, въ его «Исторіи Турціи», «султанъ обладалъ граціознымъ и сосредоточеннымъ лицомъ съ опущенными внизъ глазами, съ длинными рѣсницами, съ тщательно расчесанной черной бородою, съ розовыми щеками. Его походка была нѣсколько сгорбленная, болѣе привычная къ молитвѣ, чѣмъ къ верховой ѣздѣ». Съ такой-то наружностью и при терпѣливомъ снисходительномъ обращеніи онъ добился любви молодой дѣвушки, и она сдѣлалась любимой султаншей императорскаго гарема, султаншей-валидэ, т. е. офиціальной супругой. Конечно, она старалась соблюдать французскіе интересы. Такъ, напримѣръ, генералы Дуабэ и Мормонъ, посланные въ Константинополь съ временной миссіей, чтобы выучить солдатъ и управлять арсеналомъ, встрѣтили, благодаря ей, прекрасный пріемъ, а генералъ Себастіани, французскій посланникъ, обязанъ ей своимъ успѣхомъ въ переговорахъ очень часто затруднительныхъ. 2-го сентября 1789 года у нея родился сынъ, который былъ султаномъ Махмудомъ II. Онъ умеръ въ 1849 году, оставивъ сына Абдула-Меджида I, отца теперешняго султана. Такимъ образомъ царствующій въ настоящее время султанъ приходится правнукомъ двоюродной сестрѣ Жозефины. «Journal» помѣстилъ по этому поводу статью Эдмонда Ле Руа [1]), которую онъ написалъ на основаніи личнаго разсказа одного изъ потомковъ француженки султанши, Христіана Жиру де-Вилетта, сына одного изъ основателей Южной компаніи, племянника аэронавта Жиру де-Вилеттъ и двоюроднаго внука покойной принцессы Бонапартъ. Онъ не только подтверждаетъ это родство, но говоритъ, что съ этой же стороны бывшая султанша-валидэ Дюбюкъ де-Ривери приходилась родственницей брату Наполеона, Люсьену Бонапарту, принцу Канино. Она была также двоюродной сестрой г-жи Блешанъ, на которой Люсьенъ Бонапартъ женился во второмъ бракѣ въ 1802 году. Фредрикъ Массонъ упоминаетъ въ своемъ произведеніи: «Наполеонъ и его семья», подробности этого брака, противъ котораго Наполеонъ такъ протестовалъ. Въ минуту смерти де-ла-Ривери вспомнила, что она христіанка, и попро-

---

[1]) Le roman de la Sultane, par Edmond Le Roy. «Journal», 24 septembre 1901.

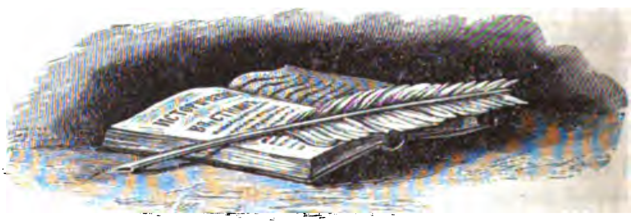
сила у своего сына разрѣшенія пригласить католическаго патера. Въ ненастную бурную зимнюю ночь въ ворота католическаго монастыря св. Антонія, въ Константинополѣ, постучались двое турокъ. Отецъ Кризостомъ, настоятель монастыря, услышалъ стукъ. Вскорѣ братъ привратникъ вошелъ, блѣдный отъ страха, въ сопровожденіи двухъ желтолицыхъ. Одинъ изъ нихъ, приблизившись къ настоятелю, подалъ ему фирманъ. Почтенный патеръ прошелъ въ церковь, гдѣ онъ оставался нѣсколько минутъ, затѣмъ, сопровождаемый желтолицыми, онъ отправился въ Галату. Всѣ трое заняли мѣсто въ каикѣ, въ двадцать четыре весла. Въ то время въ роскошно убранной богатыми тканями и великолѣпными коврами комнатѣ лежала въ страшныхъ страданіяхъ женщина. Около нея стоялъ докторъ и время отъ времени щупалъ пульсъ. Позади балюстрады, помѣщенной около двери, два черные раба внимательно слѣдили, ожидая приказаній. Въ нѣсколькихъ шагахъ стояла фигура, которая, повидимому, была не въ состояніи сдержать рыданія и вздохи. Было уже за полночь, когда негръ, склонившись до земли, сказалъ, обращаясь къ плачущей фигурѣ: «Онъ тамъ, надо ли ему войти?» Султанъ кивнулъ утвердительно. Тогда въ комнату вошелъ монахъ, въ сопровожденіи двухъ желтолицыхъ. Султанъ жестомъ приказалъ выйти всѣмъ и, приблизившись къ постели, сказалъ: «Матушка, вы хотѣли умереть въ религіи вашихъ отцовъ, да будетъ услышано ваше желаніе. Вотъ священникъ!» Впродолженіе часа настоятель монастыря слушалъ слова сожалѣнія и раскаянія, сопровождаемыя потоками слезъ, затѣмъ онъ далъ умирающей послѣднее причастіе. На другой день отецъ Кризостомъ распростерся у подножья алтаря и долго молился объ упокоеніи души Эмэ Дюбюкъ де-ла-Риверп, матери султана Махмуда, французской султанши. Если бы турецкіе фанатики узнали эту тайну, то возстали бы противъ сыновней нѣжности, которая сдѣлала его сообщникомъ противъ религіи Ислама. Но ее долго и тщательно сохраняли.

— Будущій папа. Хотя папѣ Льву XIII девяносто два года, и время отъ времени распространяются слухи о его болѣзни, но они оказываются ложными, и здоровье папы вполнѣ удовлетворительно. Несмотря на это, въ иностранныхъ журналахъ постоянно появляются статьи, разсуждающія о вѣроятныхъ кандидатахъ въ будущіе папы. Изъ подобныхъ статей недавно появились: «Будущій папа» — анонимнаго автора въ «La Rivista politica e letteraria» [1]) и «Кто наслѣдуетъ Льву XIII?» — де-Невера, въ «Pall-Mall Mazazine» [2]). Хотя первый авторъ скрылъ свое имя, но, очевидно, онъ близко знаетъ римскія дѣла и говоритъ почти навѣрное. Его претендентъ на папскій престолъ — кардиналъ Рамполла, который теперь пользуется всемогуществомъ въ Ватиканѣ. Но съ этимъ не согласенъ де-Неверъ и выставляетъ шесть кандидатовъ. Въ доказательство, кто изъ нихъ имѣетъ болѣе шансовъ, онъ ссылается на пророчество св. Малахія, примаса Ирландіи въ XII столѣтіи. Эти предсказанія насчетъ будущихъ папъ, съ его времени до Льва XIII и еще десятерыхъ на-

[1]) Il papa futuro. La Rivista politica e letteraria. Settembro.

[2]) Who will succeed Leo XIII. By M. de Never. «The Pall-Mall Magazine». Octob. 1901.

слѣдниковъ Петра до конца свѣта, замѣчательны по ихъ мѣткости. Главнымъ образомъ современники каждаго папы находили, что его гербъ оправдывалъ предсказаніе Малахіи. Такъ, напримѣръ, Пій VII, названный въ пророчествѣ Aquila Ropax, имѣлъ въ своемъ гербѣ чернаго орла, а Левъ XIII не даромъ имѣетъ въ гербѣ комету и звѣзду, такъ какъ его предсказалъ Малахій словами Lumen in coelo, т. е. свѣтъ въ небѣ. Теперь будущій папа долженъ выражать въ своемъ гербѣ что либо напоминающее предсказаніе Малахія: Ignis ardens, т. е. горящій огонь. Два кандидата больше всего подходятъ къ этому символу: кардиналъ Свампа, архіепископъ болонскій, и кардиналъ Джироламо—Маріи Готти. У перваго—въ гербѣ солнце, а у второго—горящій факелъ. Хотя у другихъ пяти претендентовъ наслѣдія св. Петра нѣтъ геральдической опоры въ своемъ притязаніи, но кардиналы: Паррокки, Монако Ла-Валетта, Ваннутелли, Феррари и Ді Пьетро имѣютъ, по общему мнѣнію, большіе шансы на успѣхъ. Вотъ все, что въ этомъ отношеніи извѣстно до сихъ поръ.



СМѢСЬ.

ПРИСУЖДЕНІЕ премій митрополита Макарія. Въ текущемъ году впервые состоялось присужденіе премій митрополита Макарія отдѣленіемъ русскаго языка и словесности. Въ публичномъ засѣданіи академіи наукъ 19 сентября предсѣдательствующій въ отдѣленіи ординарный академикъ А. Н. Веселовскій прочиталъ отчетъ о присужденіи этихъ премій. На конкурсъ было представлено 11 сочиненій; изъ нихъ 6 сочиненій были сняты съ консурса: два по просьбѣ самихъ авторовъ, два вслѣдствіе отрицательнаго отзыва о нихъ рецензентовъ, одно—вслѣдствіе того, что написано не на руссоомъ языкѣ, какъ требуютъ правила конкурса, и одно отложено до слѣдующаго конкурса въ виду того, что представляетъ лишь начало многотомнаго труда. Такимъ образомъ обсужденію особо образованной изъ членовъ отдѣленія комиссіи подъ предсѣдательствомъ нынѣ покойнаго академика М. И. Сухомлинова и замѣнявшихъ его по болѣзни академиковъ А. Н. Веселовскаго и А. Н. Пыпина подлежало всего пять сочиненій, которыя и были разсмотрѣны особо приглашенными рецензентами. I. Трудъ М. И. Михельсона «Русская мысль и рѣчь. Опытъ русской фразеологіи» (въ 7 тетрадяхъ) былъ разсмотрѣнъ членомъ-корреспондентомъ академіи наукъ профессоромъ И. В. Помяловскимъ. Рецензентъ призналъ трудъ г. Михельсона настоящимъ источникомъ для справокъ всякому желающему ознакомиться съ русскими образными выраженіями. Для своего труда, выдержавшаго уже два изданія, авторъ проштудировалъ многихъ русскихъ писателей, начиная съ древнѣйшихъ временъ,—съ лѣтописей и Слова о полку Игоревѣ и до А. Чехова и М. Горькаго. Безъ преувеличенія можно сказать,—говоритъ рецензентъ,—что изумительна энергія автора, не убоявшагося громады труда и подарившаго русской публикѣ

такую справочную книгу, которая, по ея отпечатаніи, послужитъ для всѣхъ интересующихся образностью русской рѣчи, краеугольнымъ камнемъ, на которомъ можно будетъ строить дальнѣйшіе выводы». Кромѣ того, въ книгѣ объяснены всѣ русскіе иносказанія и указано этимологическое происхожденіе многихъ русскихъ и всѣхъ иностранныхъ, получившихъ у насъ право гражданства, словъ. На основаніи этого рецензентъ находитъ, что трудъ г. Михельсона заслуживаетъ поощренія полною преміей митрополита Макарія. II. Трудъ приватъ-доцента императорскаго С.-Петербургскаго университета В. Перетца «Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы». Томъ I: «Изъ исторіи русской пѣсни» былъ разсмотрѣнъ членомъ-корреспондентомъ отдѣленія профессоромъ П. И. Житецкимъ. Въ заключеніе своей обширной рецензіи П. И. Житецкій находитъ сочиненіе въ цѣломъ новымъ по замыслу и значительнымъ по содержанію, хотя въ немъ есть немало и недостатковъ, преимущественно методологическихъ. Избравъ для своихъ историко-литературныхъ изслѣдованій русской пѣсни твердую отправную точку въ юго-западныхъ виршахъ конца XVI и начала XVII вѣка, авторъ обращается прямо къ старопечатнымъ книгамъ и къ рукописнымъ сборникамъ виршевой поэзіи и отъ нихъ спускается къ народной пѣснѣ. Правда, авторъ не указываетъ достаточно на точки соприкосновенія между народнымъ міровоззрѣніемъ и виршевымъ, между народной поэтической техникой и виршевой, и не выясняетъ переходныхъ ступеней, но эти недостатки рецензентъ объясняетъ трудностью доставанья матеріала и обиліемъ черновой работы, потребовавшейся для автора. Въ результатѣ все же получилась первоначальная обработка сырого матеріала, которая послужитъ для будущихъ всестороннихъ изслѣдованій. Другого подобнаго сочиненія пока нѣтъ въ наукѣ. Рецензентъ признаетъ трудъ г. Перетца заслуживающимъ половинной преміи. III. Изслѣдованіе приватъ-доцента императорскаго С.-Петербургскаго университета В. Сиповскаго «Н. М. Карамзинъ, авторъ «Писемъ русскаго путешественника» (Спб., 1899 г.) было взято на разсмотрѣніе академикомъ И. Н. Ждановымъ. Авторъ въ своемъ изслѣдованіи далъ біографическія свѣдѣнія о Карамзинѣ до путешествія и о литературной исторіи «Писемъ». Самое путешествіе разсмотрѣно съ біографической, историко-литературной и историко-культурной стороны. Въ приложеніи помѣщены статьи «Новиковъ, Шварцъ и Московское масонство» и «Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Карамзина». Трудъ произведенъ съ большою тщательностью и законченностью, и хотя есть кое-какіе недочеты, но они не понижаютъ высокой цѣнности сочиненія. Поэтому рецензентъ признаетъ трудъ г. Сиповскаго заслуживающимъ поощрительной преміи. IV. Изслѣдованіе Н. Шлякова «О поученіи Владиміра Мономаха» (Спб., 1900 г.) было разсмотрѣно академикомъ А. А. Шахматовымъ. Авторъ удовлетворительно разрѣшилъ главные вопросы, связанные съ историко-литературнымъ изслѣдованіемъ памятника, попутно онъ сумѣлъ далъ отвѣтъ на рядъ встрѣтившихся ему вопросовъ древней исторіи и литературы, но, увлекшись этимъ, не сосредоточилъ еще болѣе вниманія на главномъ предметѣ поученія и на связи его съ лѣтописью. Кромѣ того, нѣкоторыя предположенія автора далеко неудовлетворительны и объясненія произвольны. Рецензентъ призналъ сочиненіе г. Шлякова заслуживающимъ поощри-

тельной преміи. V. Указатель къ «Опыту россійской библіографіи» В. С. Сопикова,— библіотекаря императорскаго Московскаго археологическаго общества В. Рогожина, былъ разсмотрѣнъ Д. Д. Языковымъ. «Опытъ россійской библіографіи» Сопикова служитъ для библіографовъ уже около 90 лѣтъ, но несовершенства этого труда заставляли не разъ уже дѣлать попытки къ его исправленію. Всѣ попытки, однако, были случайны и частичны, г. Рогожинъ впервые пересмотрѣлъ, дополнилъ и исправилъ весь «опытъ». Поэтому рецензентъ ходатайствовалъ о назначеніи автору «Указателя» одной изъ макарьевскихъ премій. Комиссія, обсудивъ представленныя рецензіи, нашла безспорными отмѣченныя рецензентами достоинства всѣхъ пяти сочиненій и признала три первыя заслуживающими поощренія неполными преміями имени митрополита Макарія. Но и остальныя два сочиненія, по мнѣнію комиссіи, также заслуживаютъ поощренія. Такъ какъ преміи состоятъ изъ одной полной въ 1.500 р. и двухъ неполныхъ по 1.000 р., комиссія съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія постановила присудить гг. Михельсону, Перетцу и Сиповскому три неполныя преміи имени митрополита Макарія, по 1.000 р. каждому, г. Шлякову поощрительную премію въ 500 р. и г. Рогожину первый почетный отзывъ.

Затѣмъ отдѣленіе выразило глубокую благодарность членамъ-корреспондентамъ П. И. Житецкому, И. В. Помяловскому и библіотекарю императорскаго Московскаго университета Д. Д. Языкову за трудъ рецензированія сочиненій.

Слѣдующее присужденіе премій митрополита Макарія будетъ принадлежать отдѣленію русскаго языка и словесности въ 1907 г.

На засѣданіи присутствовали: вице-президентъ академіи П. В. Никитинъ, академики: Н. Ф. Дубровинъ, А. А. Шахматовъ и бар. В. Р. Розенъ.

Присужденіе премій графа Уварова. Въ маломъ конференцъ-залѣ императорской академіи наукъ 25-го сентября въ часъ дня состоялось подъ предсѣдательствомъ вице-президента академіи П. В. Никитина публичное засѣданіе. На немъ непремѣннымъ секретаремъ, академикомъ Н. Ѳ. Дубровинымъ, въ присутствіи академиковъ и посторонней публики, былъ прочитанъ отчетъ о сорокъ третьемъ присужденіи наградъ графа Уварова. Въ нынѣшнемъ году на соисканіе этихъ наградъ было представлено три новыхъ сочиненія и одно отложенное отъ предыдущаго конкурса. Сочиненія разсматривались особой комиссіей, состоявшей изъ предсѣдателя Н. Ѳ. Дубровина, вице-президента академіи П. В. Никитина, академиковъ: А. Н. Пыпина, А. А. Шахматова, В. И. Ламанскаго и адъюнкта академіи А. С. Лаппо-Данилевскаго. Премій удостоены слѣдующія сочиненія. 1) В. А. Уляницкій. Русскія консульства за границей въ XVIII ст. Двѣ части. Москва. 1899. Оцѣнку этого труда принялъ на себя проф. императорскаго Московскаго университета гр. Л. А. Камаровскій, который, по всестороннемъ разсмотрѣніи, далъ слѣдующее заключеніе. Въ цѣломъ книга г. Уляницкаго свидѣтельствуетъ о большомъ трудолюбіи и начитанности автора по источникамъ, относящимся къ избранному имъ вопросу: она не только знакомитъ насъ всесторонне съ дѣятельностью русскихъ консуловъ за границею въ теченіе XVIII в., но и содержитъ въ себѣ много цѣнныхъ указаній на экономическую жизнь и политику нашего отечества, а черезъ это получаетъ ин-

тересъ не для однихъ только юристовъ, но и для болѣе широкаго круга читателей. Нельзя не быть благодарнымъ автору за то, что, воспользовавшись своею службою при московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, онъ употребилъ многіе годы на добросовѣстное изученіе хранящихся въ немъ документовъ, столь важныхъ для всякаго отечественнаго историка и юриста, и этимъ подалъ примѣръ, достойный подражанія. На основаніи этого отзыва автору присуждена уваровская премія въ 500 рублей. 2) С. Г. Рункевичъ. Исторія русской церкви подъ управленіемъ святѣйшаго синода. Томъ первый. Учрежденіе и первоначальное устройство святѣйшаго правительствующаго синода. (1721—1725 гг.). Спб. 1900. Оцѣнку этого сочиненія принялъ на себя заслуженный проф. императорскаго С.-Петербургскаго университета прот. М. И. Горчаковъ, который полагалъ, что названнымъ сочиненіемъ талантливый и трудолюбивый авторъ полагаетъ прочный фундаментъ для дальнѣйшихъ объективно-научныхъ работъ по исторіи синода; сочиненіе отличается богатствомъ матеріала, умѣло собраннаго, какъ изъ печатныхъ источниковъ, такъ равно и изъ архивовъ: синодальнаго, министерствъ юстиціи и иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ, государственнаго, Александро-Невской лавры и с.-петербургской духовной консисторіи. Искусно разобравшись въ богатомъ матеріалѣ, оказавшемся въ его распоряженіи послѣ работъ въ этихъ архивахъ, авторъ получилъ возможность во многихъ отношеніяхъ дополнить и исправить свѣдѣнія, сообщенныя его предшественниками въ той же области изслѣдованія; иногда онъ, благодаря болѣе широкому знакомству съ источниками, дѣлаетъ существенныя поправки къ ранѣе появившимся трудамъ по исторіи синода и излагаетъ историческіе факты въ новомъ, болѣе вѣрномъ освѣщеніи. Поэтому, несмотря на существованіе въ нашей литературѣ нѣсколькихъ трудовъ по исторіи святѣйшаго синода при Петрѣ Великомъ, монографія г. Рункевича получаетъ несомнѣнное предъ ними преимущество, благодаря сравнительной полнотѣ и богатству своего содержанія, новизнѣ сообщаемыхъ свѣдѣній, живости историческаго изложенія и многосторонности разсмотрѣнія предмета. Къ тому же въ монографіи мы находимъ нѣсколько интересно составленныхъ біографическихъ очерковъ іерарховъ, вошедшихъ въ первоначальный составъ синода, подробное описаніе устройства его канцеляріи, указаніе формъ дѣлопроизводства и видовъ исполненія синодальнихъ постановленій, свѣдѣнія о хозяйственной части синода, подробныя описанія зданій, въ которыхъ происходили засѣданія синода, и т. д. На основаніи этого отзыва автору присуждена уваровская награда въ 500 рублей. 3) И. Я. Гурляндъ. 1) Ямская гоньба въ Московскомъ государствѣ до конца XVIII вѣка. Ярославль. 1900—2). Новгородскія ямскія книги 1589—1631 годовъ. Ярославль. 1900. Оцѣнка этихъ трудовъ, по просьбѣ академіи, произведена профессоромъ императорскаго Юрьевскаго университета М. А. Дьяконовымъ, который, обращаясь къ результатамъ изслѣдованія г. Гурлянда, находитъ, что авторъ для всесторонняго освѣщенія изслѣдуемаго вопроса не только воспользовался почти всѣми за послѣднее время изданными историческими актами, но въ видахъ пополненія своего матеріала обратился къ архивнымъ документамъ. Съ особеннымъ одобреніемъ указываетъ рецензентъ на подробность и картинность описанія авторомъ ямскихъ слободъ, а также на уясненіе и освѣщеніе имъ положенія ямскихъ бо-

былей; но глава о ямскихъ повинностяхъ и сборахъ, по мнѣнію рецензента, является блѣдною и запутанною. Въ общемъ же профессоръ Дьяконовъ находитъ, что несомнѣнною и большою заслугою автора является тщательное изученіе имъ источниковъ темы, при чемъ онъ не ограничился печатными изданіями, а привлекъ также немалую долю архивнаго матеріала, благодаря чему пустилъ въ ученый оборотъ цѣлый рядъ новыхъ фактовъ; ему же обязанъ ученый міръ выясненіемъ перемѣнъ въ организаціи ямской гоньбы и установленіемъ исторической схемы ямского строя въ XVI и XVII вѣкахъ. На основаніи этого отзыва автору присуждена уваровская премія въ 500 рублей. По присужденіи наградъ, императорская академія наукъ постановила благодарить гг. рецензентовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ назначить отъ имени академіи установленныя для рецензентовъ золотыя уваровскія медали: профессорамъ графу Л. А. Комаровскому, о. М. И. Горчакову и М. А. Дьяконову.

Общество любителей россійской словесности. 18 сентября происходило очередное засѣданіе общества. По открытіи засѣданія, временный секретарь В. И. Шенрокъ доложилъ о постигшихъ общество утратахъ. За это лѣто онѣ были особенно многочисленны: умерли почетные члены А. Н. Бехметева, М. И. Сухомлиновъ, К. Т. Солдатенковъ, дѣйствительные—И. Н. Ждановъ, Г. А. Мачтетъ, Н. Ѳ. фонъ-Крузе и членъ подготовительнаго комитета М. А. Веневитиновъ. Память почившихъ была почтена вставаніемъ. Въ виду истекающаго 19-го сентября 25-тилѣтія избранія Н. И. Стороженка въ члены общества единогласно рѣшено избрать его въ почетные члены. По предложенію В. А. Гольцева, единодушно поддержанному всѣми присутствующими, поднесеніе почетнаго диплома рѣшено сопровождать чтеніемъ особаго адреса депутаціею отъ общества, съ выраженіемъ глубокой благодарности маститому юбиляру за его высоко плодотворную дѣятельность на пользу общества. Общество рѣшило затѣмъ принять участіе въ празднованіи 50-тилѣтія литературной дѣятельности А. А. Потѣхина. Петербургскія газеты очень сбивчиво и противорѣчиво указываютъ самый срокъ празднованія—отъ октября до декабря. По библіографическимъ разысканіямъ Д. Д. Языкова юбилей нужно пріурочить къ 27-му сентября, такъ какъ въ этотъ день 1851 г. явилась въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» первая статья А. А. Потѣхина съ его полною подписью—критическій разборъ пьесы, поставленной въ бенефисъ Шумскаго. По предложенію временнаго предсѣдателя А. Н. Веселовскаго постановлено возобновить публичныя чтенія отъ общества. 14-го октября предполагается первое чтеніе, посвященное на-половину памяти Гончарова, по случаю истекшаго 10-тилѣтія его смерти. А. Е. Носъ доложилъ, въ какомъ положеніи находится теперь вопросъ о постановкѣ Гоголю памятника. Въ комитетъ поступаютъ многочисленныя требованія выслать условія преміи не только изъ Россіи, но и изъ другихъ странъ—Болгаріи и т. д. Скоро ожидается поступленіе проектовъ. Въ концѣ засѣданія были произведены выборы въ дѣйствительные члены. Избранными оказались: А. П. Лукинъ, проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій, Д. И. Тихомировъ, В. А. Гиляровскій, Е. Р. Браунъ. В. А. Гольцевъ предложилъ выразить отъ общества поздравленіе только что избранному въ дѣйствительные члены Д. И. Тихомирову въ виду исполнившагося 35-тилѣтія его литературной дѣятельности. Привѣтствовать юбиляра поручено П. И. Иванову.

Общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. 24 сентября происходило публичное засѣданіе общества. Открывая засѣданіе, президентъ общества Д. Н. Анучинъ сообщилъ, что за послѣдніе мѣсяцы скончались многіе члены общества, а именно изъ почетныхъ членовъ: знаменитый изслѣдователь полярныхъ странъ и историкъ землевѣдѣнія баронъ А. Н. Норденшильдъ и извѣстный зоологъ, профессоръ Лаказъ-Дютье; изъ непремѣнныхъ, дѣйствительныхъ и членовъ-сотрудниковъ: Г. А. Ивановъ, М. А. Веневитиновъ, К. Т. Солдатенковъ, А. А. Токарскій, Г. Д. Балашева и А. И. Гамбургеръ,—и предложилъ почтить ихъ память вставаніемъ. Затѣмъ Н. Ю. Зографъ сдѣлалъ сообщеніе о Виллафранкѣ, ея природѣ и ея зоологической станціи. Расположенная на Ривьерѣ, вблизи Ниццы, на берегу помѣстительной и глубокой бухты, Виллафранка давно уже привлекала къ себѣ зоологовъ, интересующихся низшими морскими животными; здѣсь работали Фохтъ, Лейкартъ и очень многіе изъ извѣстныхъ русскихъ біологовъ. Профессору Кіевскаго университета А. А. Коротневу удалось устроить здѣсь русскую зоологическую станцію въ старомъ зданіи, подаренномъ еще сардинскимъ королемъ русскому правительству для надобностей русскаго флота, но затѣмъ покинутомъ и по ходатайству г. Коротнева уступленномъ для станціи русскимъ морскимъ министерствомъ. Сначала существованіе станціи было весьма не обезпечено, но потомъ, благодаря вниманію, оказанному станціи Его Высочествомъ Наслѣдникомъ и Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ, принявшимъ на себя покровительство надъ станціей, учрежденіе это стало получать субсидію отъ министерства народнаго просвѣщенія (7 т. рублей ежегодно), которое при нѣкоторыхъ другихъ доходахъ станціи удовлетворяетъ всѣ ея существенныя нужды. Зданіе станціи трехъэтажное и заключаетъ во второмъ этажѣ рядъ комнатъ для занятій и акваріумовъ; при станціи имѣется небольшой пароходикъ и нѣсколько рыбаковъ. Бухта Виллафранки богата всевозможными безпозвоночными, при чемъ встрѣчаются весьма красивыя и интересныя формы медузъ, морскихъ ежей, морскихъ звѣздъ, голотурій, моллюсковъ, морскихъ раковъ и другихъ. Референтъ демонстрировалъ рядъ формъ, указалъ также на характерныхъ представителей наземной фауны и флоры и представилъ на экранѣ рядъ видовъ Виллафранки и ея окрестностей. Послѣ перерыва А. Х. Репманъ сдѣлалъ сообщеніе о взрывчатой силѣ электричества, при чемъ показалъ рядъ изображеній электрической искры на экранѣ (различіе искры отъ положительнаго и отрицательнаго электричества) и демонстрировалъ нѣсколько опытовъ надъ раздробленіемъ искрою болѣе или менѣе толстыхъ стеколъ.

Охрана памятниковъ. Министромъ внутреннихъ дѣлъ разосланъ циркуляръ отъ 6 сентября 1901 г. за № 10 губернаторомъ, градоначальникамъ и оберъ-полицеймейстерамъ, который мы искренно привѣтствуемъ на ряду со всею нашею серіозною печатью. По дѣйствующему законодательству, гласитъ циркуляръ, воспрещается разрушать остатки древнихъ замковъ, крѣпостей, памятниковъ и другихъ зданій древности, а надзоръ за охраненіемъ ихъ возлагается на мѣстныя полицейскія власти и начальниковъ губерній, которые обязываются доносить о всѣхъ древностяхъ министерству внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ сосредоточиваются свѣдѣнія о памятникахъ древности и дѣла объ

охраненіи оныхъ (т. XII Св. Зак., изд. 1900 г., Уст. строит. ст. 76-я; т. II общ. учр. губ. ст. 328-я, т. I Св. Зак., изд. 1892 г., учрежд. минист. ст. 372-я). Между тѣмъ оказывается, что о многихъ древностяхъ и памятникахъ хотя и новѣйшаго времени, но воздвигнутыхъ въ честь высочайшихъ и другихъ особъ или въ память историческихъ событій, въ министерствѣ не имѣется достаточно полныхъ свѣдѣній, при чемъ имѣются указанія, что нѣкоторыя древности по отсутствію надлежащаго надзора и охраненія ихъ совершенно разрушаются. Въ виду этого, признавая необходимымъ сосредоточить въ министерствѣ свѣдѣнія о всѣхъ существующихъ въ имперіи древнихъ зданіяхъ и памятникахъ старины, а равно о памятникахъ новѣйшаго времени, воздвигнутыхъ или воздвигаемыхъ въ честь высочайшихъ и другихъ особъ или въ память разныхъ событій, имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство составить и доставить мнѣ точный списокъ имѣющихся во ввѣренной вамъ губерніи таковыхъ памятниковъ съ приложеніемъ подробныхъ ихъ описаній и указаній о томъ, когда и кѣмъ памятники сооружены, на чей счетъ, въ чьемъ вѣдѣніи находятся, на какія средства поддерживаются, отпускаются ли на содержаніе ихъ въ исправности средства изъ казны и въ какомъ размѣрѣ, находятся ли они въ надлежащемъ видѣ и если нѣтъ, то приблизительно какая сумма требуется на ихъ исправленіе, и съ приложеніемъ, по мѣрѣ возможности, рисунковъ, плановъ или фотографическихъ снимковъ съ сихъ памятниковъ. Желательно, чтобы списки эти заключали въ себѣ, по возможности, полныя и подробныя свѣдѣнія, поэтому при составленіи ихъ я полагаю цѣлесообразнымъ пользоваться не только свѣдѣніями, доставленными мѣстными полицейскими властями, но и тѣми, которыя могли бы быть получены отъ другихъ учрежденій, а также и частныхъ лицъ. Съ этою цѣлью я назначаю для представленія въ министерство означенныхъ списковъ достаточно продолжительный срокъ, а именно 1-е апрѣля будущаго 1902 года. Вмѣстѣ съ симъ покорнѣйше прошу ваше превосходительство, въ случаѣ обнаруженія во ввѣренной вамъ губерніи какихъ либо древностей, а равно сооруженія новыхъ памятниковъ, по доставленіи уже министерству упомянутыхъ списковъ, немедленно доводить о нихъ до свѣдѣнія министерства съ приложеніемъ описанія ихъ и другихъ вышеуказанныхъ о нихъ данныхъ.

Къ юбилею періодической печати. 22-го сентября, подъ предсѣдательствомъ кн. А. И. Сумбатова состоялось совѣщаніе представителей московской періодической печати, созванныхъ дирекціей московскаго литературно-художественнаго кружка для обсужденія вопроса о предстоящемъ праздновaніи 200-лѣтняго юбилея русской періодической печати. Въ собраніи поднятъ былъ вопросъ, слѣдуетъ ли литературно-художественному кружку присоединиться къ общему празднованію юбилея, устраиваемому библіографическимъ обществомъ, или же организовать отдѣльное празднество, ограничивъ свое участіе въ торжествахъ, проектируемыхъ библіографическимъ обществомъ, только посылкою депутаціи. Такъ какъ кружокъ не получалъ отъ библіографическаго общества приглашенія принять участіе въ устраиваемомъ имъ юбилеѣ, то дирекція кружка признала нужнымъ организовать самостоятельное празднество 200-лѣтія печати и, пригласивъ въ настоящее совѣщаніе отъ каждой московской ре-

дакціи по два представителя (редактора и секретаря) и московскихъ представителей петербургскихъ газетъ, предложила имъ высказать свои мнѣнія относительно устройства юбилея печати. Въ собраніи высказано было мнѣніе, что литературно-художественному кружку не слѣдуетъ отдѣляться отъ библіографическаго общества въ дѣлѣ организаціи юбилея, а, напротивъ, нужно войти съ нимъ въ соглашеніе и принять участіе въ устраиваемомъ имъ всероссійскомъ торжествѣ. Послѣ долгихъ преній рѣшено было образовать комиссію для обсужденія этого и другихъ вопросовъ по участію кружка въ празднованіи 200-лѣтняго юбилея печати, при чемъ работы комиссіи будутъ происходить въ присутствіи двухъ директоровъ кружка—Я. А. Фейгина и В. П. Преображенскаго, обязанныхъ сообщать дирекціи о ходѣ занятій комиссіи. Въ составъ комиссіи входятъ всѣ приглашенныя въ настоящее засѣданіе лица, участвовать въ ея занятіяхъ могутъ другіе представители печати. Предсѣдателемъ комиссіи избранъ Д. И. Тихомировъ, а секретаремъ Н. Е. Ефросъ. По окончаніи совѣщанія, въ 11 ч. вечера, началось засѣданіе комиссіи.

Раскопки скиѳскихъ и славянскихъ городищъ. До послѣдняго почти времени изслѣдованія въ области доисторической археологіи, поскольку послѣдняя касается древностей Приднѣпровья, отличались нѣкоторою односторонностью: изслѣдовались, по словамъ «Кіевлянина», главнымъ образомъ, типы погребеній, для чего было раскопано огромное множество могильныхъ кургановъ. Для изслѣдованія скиѳскихъ погребеній особенно много сдѣлали графъ А. А. Бобринскій, генералъ Бранденбургъ, В. В. Хвойко, Б. И. Ханенко и др.— на правомъ берегу, а на лѣвомъ берегу—профессоръ Д. Я. Самоквасовъ, В. А. Антоновичъ, С. А. Мазараки и мн. др. Въ области изученія славянскихъ погребеній главнѣйшими дѣятелями явились профессоръ В. Б. Антоновичъ, профессоръ В. З. Завитневичъ и друг. Особенно много въ этомъ отношеніи сдѣлалъ профессоръ В. Б. Антоновичъ, который, основываясь на различіи типовъ погребеній и проч., указалъ границы распредѣленія въ нашей странѣ полянъ, древлянъ, сѣверянъ и другихъ племенъ. Въ послѣдніе 2—3 года археологи, не довольствуясь изученіемъ типовъ погребеній, стали производить обширныя раскопки, имѣющія цѣлью изученіе повседневной жизни скиѳовъ и славянъ. Драгоцѣнный матеріалъ въ этомъ отношеніи даютъ огромныя городища, повсюду разбросанныя по равнинамъ Приднѣпровья. Общее изслѣдованіе и классификація этихъ городищъ были произведены В. Г. Ляскоронскимъ, который подробно указалъ различіе между скиѳскими и славянскими городищами. Самыя же обширныя раскопки городищъ были предприняты хранителемъ кіевскихъ древностей и искусствъ В. В. Хвойко. Послѣдній уже третій годъ производитъ раскопки четырехъ огромныхъ городищъ (двухъ скиѳскихъ и двухъ славянскихъ), находящихся въ предѣлахъ Кіевской губерніи. Изъ скиѳскихъ городищъ В. В. Хвойко производитъ раскопки городищъ «Жарище» и «Мотронинское». Раскопки обоихъ городищъ производятся на средства Б. И. Ханенко. Городище «Жарище» лежитъ при с. Пастырскомъ, Чигиринскаго уѣзда, на земляхъ Б. И. и В. Н. Ханенко. Оно занимаетъ 27 десятинъ и небольшою рѣченкой раздѣляется на двѣ половины. Огромные валы этого городища имѣютъ въ высоту до 30 аршинъ. Въ нихъ сохранилось 4 прорѣза

для воротъ. Въ городищѣ находится нѣсколько внутреннихъ валовъ, въ общемъ образующихъ цѣлую систему. При раскопкѣ городища найдено множество предметовъ греко-скиѳскихъ, относящихся къ домашнему обиходу, а также къ религіознымъ обрядамъ. По древности предметы эти восходятъ къ IV—V вѣку до Рождества Христова. Жизнь въ этомъ городищѣ продолжалась очень долго: до готскаго періода включительно; на это намъ указываютъ предметы готскаго стиля, находимые тамъ же. Городище Мотронинское является самымъ большимъ въ Россіи. На важность изслѣдованія этого знаменитаго въ археологическомъ мірѣ городища впервые указалъ графъ А. А. Бобринскій. Тѣмъ не менѣе, названное городище до послѣдняго времени не было подвергнуто изслѣдованію путемъ раскопокъ, и лишь Б. И. Ханенко и В. В. Хвойко, на средства перваго изъ нихъ, предприняли обширныя раскопки грандіознаго городища. Мотронинское городище лежитъ на земляхъ, принадлежащихъ Мотронинскому женскому монастырю (въ Черкасскомъ уѣздѣ). Оно занимаетъ площадь въ 105 десятинъ и состоитъ изъ трехъ концентрически расположенныхъ валовъ. Валы мѣстами имѣютъ въ высоту болѣе 10 саж. При раскопкѣ валовъ найдено множество греко-скиѳскихъ предметовъ, начиная отъ предметовъ V-го вѣка до Рождества Христова; предметовъ же готскаго стиля въ Мотронинскомъ городищѣ не оказалось. Раскопки городищъ «Мотронинскаго» и «Жарище» еще не закончены. Для изслѣдованія паралельно съ жизнью скиѳовъ и доисторической жизни славянъ, В. В. Хвойко предприняты, съ согласія императорской археологической комиссіи, раскопки двухъ славянскихъ городищъ: городища при селѣ Канунча и городища Шаргородъ. Городище, находящееся при селѣ Канунча, носитъ названіе «Замковища». Оно занимаетъ площадь въ 4 десятины и лежитъ у рѣки Роси, у мѣста впаденія въ нее рѣки Росавы. Городище Шаргородъ очень обширно; площадь его составляетъ около 30-ти десятинъ. Лежитъ это городище на казенныхъ земляхъ, около с. Шарки, Васильковскаго уѣзда, и представляетъ огромный научный интересъ. Выяснилось, что это—остатки славянскаго города, начало котораго восходитъ къ очень отдаленному времени до-исторической эпохи, а конецъ жизни совпадаетъ съ концомъ дотатарскаго періода. Обширные и высокіе валы Шаргородскаго городища хорошо сохранились. Валы эти—частью круглы, частью эллиптическіе; угловъ они нигдѣ не образуютъ; вообще по своей формѣ валы изслѣдуемаго городища сходны съ валами скиѳскихъ городищъ. Валы эти представляли собой укрѣпленія; но населеніе находившагося здѣсь древняго города жило не только внутри валовъ, но и внѣ ихъ (въ минуты опасности всѣ они, разумѣется, укрывались подъ защиту укрѣпленій). Внутри валовъ сохранилось древнее кладбище, мѣсто сборищъ (торжище), остатки множества жилищъ, съ громаднымъ количествомъ различныхъ предметовъ въ нихъ и т. д. Вообще раскопки Шаргородскаго городища даютъ возможность представить вполнѣ картину повседневной жизни обитателей древняго славянскаго поселенія. Во многихъ жилищахъ были найдены даже зернохранилища, а въ одномъ жилищѣ такихъ зернохранилищъ найдено два; оба они представляютъ собой вырытыя въ земляномъ полу и обожженныя ямы; въ одной изъ нихъ оказалась пшеница, а въ другой—просо. Найдены остатки кузницъ, золотыхъ дѣлъ мастер-

скихъ и т. д. Вообще городище сохранилось хорошо, несмотря на то, что территорія его давно подверглась распашкѣ.

Раскопки въ Изюмскомъ уѣздѣ. Въ засѣданіи Московскаго археологическаго общества Ю. В. Готье сдѣлалъ сообщеніе о произведенныхъ имъ лѣтомъ текущаго года въ окрестностяхъ села Каменки, Изюмскаго уѣзда, Харьковской губерніи, раскопкахъ. Докладчикомъ было произведено изслѣдованіе 4-хъ группъ кургановъ, или, по мѣстному названію, могилъ, лежащихъ къ югу отъ города Изюма. Первая группа расположена на плоской возвышенности, ограниченной съ трехъ сторонъ лощинами съ текущими въ нихъ ручьями. Изъ 12 кургановъ этой группы изслѣдовано 8. Вторая группа находится верстахъ въ 3-хъ къ сѣверу отъ предыдущей и расположена ниже не въ далекомъ разстояніи отъ ручья Каменки, почти у подошвы отлогаго склона возвышенности, отдѣляющей ручей Каменку отъ Донца. Изъ 13 кургановъ этой группы изслѣдовано 5. Третья группа—самая интересная по своему положенію. Могильникъ расположенъ на землѣ города Изюма, верстахъ въ 2-хъ отъ него къ югу, на мѣловой возвышенности, господствующей надъ городомъ и носящей у мѣстныхъ жителей названіе Кременца. Возвышаясь саженъ на 30 — 35 надъ рѣкою Донцомъ, эта возвышенность составляетъ какъ бы полуостровъ, огибаемый теченіемъ рѣки. Такое положеніе Кременца должно было издавна сообщить ему стратегическое значеніе. Дѣйствительно, уже въ 1571 году мы находимъ здѣсь сторожевой пикетъ, извѣстный подъ именемъ Изюмскаго или Изюмъ-Курганскаго. Расположенная въ 2-хъ верстахъ къ югу отъ Кременца, четвертая изслѣдованная группа находится на возвышенной плоскости. Наименѣе характерная по мѣстоположенію, она оказалась наиболѣе богатою по находкамъ, вслѣдствіе чего были раскопаны всѣ 6, входившихъ въ ея составъ, кургановъ. Погребенія, найденныя въ курганахъ, можно прежде всего раздѣлить на погребенія въ курганной насыпи и на погребенія подъ курганной насыпью. Самымъ характернымъ случаемъ является погребеніе всадника съ лошадью и нѣсколькими желѣзными предметами. Въ погребеніяхъ, находившихся въ курганныхъ насыпяхъ, костяки лежатъ въ очень различныхъ положеніяхъ. Чаще всего встрѣчается скорченное положеніе (15 случаевъ), въ 4 случаяхъ—вытянутое и въ 1 случаѣ—сидячее. Въ 2 — 3 случаяхъ встрѣчались слѣды обугливанія костей; окраска костяка замѣчена только 1 разъ. Наконецъ, очень часто замѣчались слѣды колодъ, въ которыхъ погребались трупы. При погребеніи въ материковой почвѣ наблюдается двоякая форма: погребеніе въ ямахъ и въ катакомбахъ. Въ большинствѣ случаевъ при погребеніяхъ подъ могильною насыпью находили остатки пищи, которую клали покойникамъ у лица или затылка. Въ подземныхъ погребеніяхъ окраска костяковъ обнаруживалась очень часто; окраска эта была розоваго цвѣта, за исключеніемъ одного, окрашеннаго въ сѣро-синій цвѣтъ. Наиболѣе характернымъ явленіемъ представляется способъ погребенія большихъ костяковъ съ головой и рукой, отдѣленными отъ туловища и положенными въ ногахъ. Тѣ же аналогіи можно найти и въ положеніи дѣтскихъ костяковъ. Два дѣтскіе костяка найдены рядомъ съ остатками очень обильной трапезы, поставленной покойнику. Слѣдуетъ отмѣтить фактъ значительнаго разграбленія могилъ; тѣмъ не менѣе, найдено много глиняныхъ сосудовъ разнообразныхъ формъ.

размѣровъ и рисунковъ, что даетъ ясное понятіе о степени процвѣтанія гончарнаго искусства въ XVI и въ XVII вѣкахъ; найдены также бронзовые и костяные предметы: бусы и привѣски хорошей работы, стремена, мечи и пр. Найденное желѣзное снаряженіе и вооруженіе при погребеніи съ конемъ принадлежитъ, по всему вѣроятію, позднѣйшему времени. Всѣ же погребенія въ материковой почвѣ можно съ достовѣрностью отнести къ бронзовому и отчасти каменному вѣкамъ.

Раскопки въ Орловской губерніи. Нынѣшнимъ лѣтомъ въ Болховскомъ уѣздѣ В. Р. Апухтинымъ произведены интересныя раскопки. Въ верстѣ отъ деревни Низина протекаетъ ручей Песочня, впадающій въ рѣку Вытебеть (притокъ рѣки Жиздры). На возвышенномъ берегу когда-то полноводной рѣчки, что видно по старому руслу, а нынѣ ручейка Песочня, расположены по направленію съ сѣверо-запада на юго-востокъ четыре кургана полушарообразной формы отъ 2—3 аршинъ высоты. Мѣстность эта извѣстна въ народѣ подъ именемъ «четырехъ могилъ». На самомъ дѣлѣ оказалось, что могильникъ этотъ тянется еще дальше по тому же направленію; но число могилъ нельзя опредѣлить, такъ какъ онѣ съ годами расплылись и распаханы. Удалось только найти слѣды двухъ такихъ расплывшихся кургановъ, и на $^3/_4$ аршина вырыты костяки. Если бы сплошь прорыть по этому направленію все пространство, то можно было бы натолкнуться на остатки другихъ кургановъ. Раскопки начались съ кургана № 1, въ которомъ найденъ костякъ гигантскаго роста 2 арш. 15 верш. Обрядъ погребенія обыкновенный; руки вытянуты вдоль туловища съ востока на западъ (голова назадъ); рядомъ съ лѣвой рукой найденъ разломанный на двѣ части желѣзный ножикъ, въ головахъ найдены обломки горшка съ первобытнымъ орнаментомъ; тутъ же найдены очевидно бывшія въ горшкѣ кости животныхъ, куски угля и пепелъ. На аршинѣ глубины отъ вершины замѣтенъ слѣдъ отъ костра, слой угля съ золой и черепки. Въ остальныхъ курганахъ найдено почти то же самое. Въ двухъ верстахъ отъ этого могильника, въ одной верстѣ отъ погоста «Дольцы», расположено городище или «городокъ Дольцы», какъ его зовутъ мѣстные крестьяне. Народная молва приписываетъ этотъ курганъ «разбойнику Кудеяру» и присоединяетъ легенду о 12 бочкахъ золота, зарытыхъ здѣсь. Городокъ этотъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ имѣетъ слѣды разрытія кладоискателями. Первоначально городокъ имѣлъ форму четыреугольника, но затѣмъ сѣверо-западная часть сплыла. Прорытъ былъ курганъ крестообразно; найдена масса черепковъ съ орнаментами, желѣзныхъ толстыхъ лоскутовъ кольчуги и масса осколковъ отъ домашней утвари, предметы въ родѣ грузилъ цилиндрическихъ съ отверстіями по оси цилиндра, съ углубленіями и полосами. Подробное описаніе раскопокъ В. Р. Апухтинъ намѣренъ сдѣлать въ петербургскомъ археологическомъ институтѣ, гдѣ онъ состоитъ слушателемъ, а также имѣетъ въ виду доложить о своихъ раскопкахъ въ императорскомъ археологическомъ обществѣ въ Москвѣ.

Археологическая находка. 10 сентября въ Кіевѣ, на Трехсвятительской улицѣ, въ усадьбѣ купца Б. А. Орлова, находящейся въ районѣ древняго «Града», въ ю.-в. его углу, близъ бывшаго древняго вала, уничтоженнаго въ прошломъ столѣтіи (Закревскій, «Планъ второй», «Планъ Кіева отъ 988

до 1240 г.», т.-е. до разрушенія его Батыемъ), приблизительно въ 50 саженяхъ отъ Трехсвятительской церкви, случайно, при копаніи ямы для заготовки извести, была сдѣлана, какъ сообщаетъ «Кіевское Слово», единственная въ своемъ родѣ и цѣнная въ научномъ и художественномъ отношеніи археологическая находка, по реставраціи своей представляющая богатый великокняжескій головной уборъ, по всѣмъ даннымъ, относящійся къ XI—XII вѣку, какіе мы видимъ на фрескахъ Кіево-Софійскаго собора, Кирилловскаго монастыря и монетахъ Владимира Святого, Ярослава Мудраго и Святополка. Обстоятельства, при которыхъ сдѣлана эта интересная находка, слѣдующія: по указанію хозяина усадьбы, въ ея запланной (задней) части рабочіе начали копать яму, приблизительно въ 8 арш. длины и 6 арш. ширины. Вскорѣ они убѣдились, что копаютъ ее въ рушенномъ грунтѣ, не то на мѣстѣ древняго заброшеннаго погреба, не то широкой засыпанной канавы, переполненной самыми разнообразными отбросами. Здѣсь въ грунтѣ черной земли они находили булыжникъ, нѣкоторые экземпляры котораго имѣютъ видъ какъ бы обработанныхъ камней въ видѣ пращей, метательныхъ камней, куски шиферныхъ плитъ, шифернаго камня въ видѣ жернова, куски битой посуды, куски краснаго (стараго) кирпича, человѣческія кости и кости животныхъ, уголь и золу (послѣдніе находились внизу ямы); но такъ какъ яма эта предполагается впослѣдствіи быть обращенною въ ледникъ, то рабочіе углубляясь приблизительно на 4½-аршинной глубинѣ открыли нерушенный песчаноглинистый грунтъ (материкъ) и въ немъ, въ особой ямѣ, глиняный, грубой работы, горшокъ средней величины, который изъ любопытства былъ немедленно разбитъ, и въ немъ оказалась полуистлѣвшая золотая парча, которую здѣсь же и выбросили, какъ ненужный хламъ, а въ ней, какъ бы завернутыми, 2 золотыя большія височныя серьги, орнаментированныя съ лицевой стороны птичками, почти тожественными съ изображеніемъ птицъ, находящихся на лѣстницѣ Кіево-Софійскаго собора, 4 золотыя, ажурной филигранной работы привѣсныя серьги, такъ называемаго кіевскаго типа (съ тремя сферами, обыкновенно украшавшіяся жемчугомъ), 7 золотыхъ желобчатыхъ полуколецъ съ отверстіемъ на одномъ концѣ, для нанизки или прикрѣпленія къ тканямъ, 5 круглыхъ бляхъ въ видѣ медальоновъ, филигранной работы съ одной стороны, украшенныхъ или эмалью или чернью и мелкимъ жемчугомъ (въ настоящее время совершенно полуистлѣвшимъ), около 10 золотыхъ подвѣсокъ въ видѣ цвѣтковъ лиліи (кринъ), тождественныхъ съ найденными въ 1876 году въ усадьбѣ Лискова, близъ Десятинной церкви, нѣсколько золотыхъ бусъ грубой работы, въ видѣ боченочковъ, нѣсколько золотыхъ лоточковъ, съ дырочками для нанизки на нитки или нашивки на ткани (количество послѣднихъ предметовъ опредѣлить по бѣглому взгляду было трудно, такъ какъ въ числѣ находокъ оказалось много лома, произведеннаго первоначально любопытствовавшими изслѣдователями достоинства металла); тѣмъ не менѣе, всѣхъ предметовъ, служившихъ украшеніемъ найденнаго головного убора, оказалось около 60. Очевидно, что этотъ драгоцѣнный нарядъ, благодаря своей относительной мягкости, былъ свернутъ въ трубку, засунутъ въ горшокъ и спрятанъ въ землю въ одинъ изъ многочисленныхъ въ старину кіевскихъ погромовъ дотатарскаго

періода. По сообщенію хозяина усадьбы г. Орлова, онъ всѣ перечисленные предметы пожертвовалъ въ кіевскій музей древностей и потому 12-го сентября передалъ ихъ для храненія. Предсѣдатель правленія кіевскаго общества древностей и искусствъ Б. И. Ханенко обѣщалъ хранить эту драгоцѣнную находку въ особой витринѣ съ надписью имени жертвователя.

Псковскія древности. Есть во Псковѣ, на углу Великолуцкой и Пласской улицъ, домъ купцовъ Лоховыхъ. Въ маѣ мѣсяцѣ этого года владѣльцы этого дома начали производить къ нему пристройку. Стали копать рвы для фундамента, и здѣсь обнаружено было основаніе церковнаго алтаря настолько твердой кладки, что его не разбить было и ломомъ, и остатки колокольни-звонницы (стѣны съ пролетами для колоколовъ). Здѣсь же на глубинѣ 2 аршинъ открыта была старинная деревянная мостовая, а подлѣ нея—слѣды скотскаго помета. И тутъ же вырыто множество человѣческихъ череповъ и костей, что служитъ несомнѣннымъ признакомъ существованія здѣсь когда-то кладбища. На этомъ самомъ мѣстѣ псковичи встрѣчали въ 1510 году великаго князя Василія Іоанновича, когда онъ въ первый разъ вступалъ въ покорившійся Москвѣ Псковъ. Здѣсь стояла тогда Спасо-Преображенская церковь, сломанная за ветхостью уже въ XIX столѣтіи. Теперь кости эти собраны и свезены на Мироносицкое кладбище. Съ руинъ же церкви не снято даже и плана. У еврейской молельни находился издавна курганъ, до 1893 года не привлекавшій особеннаго вниманія. Въ этомъ году рабочіе стали брать отсюда землю, при чемъ совершенно случайно обнаружены были церковныя стѣны, своды, колонны и даже на одной изъ стѣнъ рельефное изображеніе креста, а по сторонамъ его 4 писанныя на стѣнѣ же иконы. Только тогда припомнили, что здѣсь была церковь, засыпанная по приказу Петра I, укрѣплявшаго Псковъ въ ожиданіи нападенія на него Карла XII (см. «Описаніе древностей Псковской губерніи» Н. Ѳ. Годовикова, Псковъ, 1881 года, выпускъ 2-й, стр. 81, и вып. 3-й, стр. 55). Насыпь отъ этой церкви идетъ до Никольскихъ воротъ. Предпринятыя и вскорѣ же брошенныя раскопки, какъ и слѣдовало ожидать, не привели къ осязательнымъ результатамъ, а только обнажили развалины святыни. На противоположномъ берегу рѣки Псковы, немного ниже за бродомъ, стоитъ на горѣ Богоявленская церковь, а подъ горою находится мѣсто, принадлежащее инженеру Данишевскому, который въ настоящее время строитъ здѣсь домъ. 14-го іюня рабочіе, при уравненіи мѣста, натолкнулись совершенно случайно на остатки двухъ стѣнъ, сложенныхъ изъ плитъ такой величины, какія нынѣ употребляютъ на тротуары. Здѣсь же обнаружена была печь изъ неупотребляющагося теперь зеленаго кафеля (изразца) и найдена полуразвалившаяся старинная граната (картечь, по діаметру снаружи 7½ и внутри 5 центиметровъ). Очевидно, здѣсь было какое-то зданіе, о которомъ не сохранилось преданій.

Общество археологіи, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. 24 сентября происходило первое послѣ лѣтняго перерыва засѣданіе общества. Въ числѣ новѣйшихъ пріобрѣтеній музея общества были демонстрированы только что купленные металлическіе предметы, найденные въ с. Болгары-Успенское, при чемъ вниманію присутствующихъ было предложено и описаніе обстоятельствъ находки. Всѣ вещи были выкопаны изъ

земляного вала, въ которомъ былъ найденъ большой котелъ-тазъ, вѣсомъ въ тридцать фунтовъ; внутри него находился тазъ значительно меньшаго діаметра и вѣса (семь фунтовъ). Пространство между краями большого и малаго тазовъ было заполнено полуистлѣвшими лоскутьями шелковой матеріи, которые были отброшены находчиками, и музей общества лишился, такимъ образомъ, возможности пріобрѣсти любопытные образцы тканей, если и не выдѣлывавшихся въ Камской Болгаріи, то во всякомъ случаѣ употреблявшихся въ этомъ краю. Въ меньшемъ изъ тазовъ были найдены: металлическое блюдо съ арабскими надписями, браслеты, металлическія зеркала и т. п. предметы.

Изъ научныхъ сообщеній, включенныхъ въ программу засѣданія, было прочитано только первое—дѣйствительнаго члена общества, профессора Д. И. Нагуевскаго: «Біографія профессора Казанскаго университета Ф. К. Броннера по новымъ даннымъ». Обширный докладъ г. Нагуевскаго ознакомилъ присутствовавшихъ съ обстоятельствами долгой и богатой всевозможными неожиданностями жизни профессора Казанскаго университета по каѳедрѣ физики и минералогіи, Фр. Кс. Броннера (1758—1850). Къ свѣдѣніямъ, уже извѣстнымъ изъ монументальнаго труда покойнаго Н. Н. Булича: «Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета» (часть вторая), референтъ присоединилъ нѣкоторыя новыя данныя, заимствованныя изъ неизданныхъ документовъ. Прочія сообщенія, намѣченныя въ программѣ засѣданія, были за позднимъ временемъ отложены до слѣдующаго общаго собранія членовъ общества.

Новый залъ Императорской Публичной библіотеки. 7-го сентября происходило освященіе новаго читальнаго зала и всего зданія. Къ 11 часамъ къ молебну въ залѣ собрались: министръ народнаго просвѣщенія, генералъ-адъютантъ П. С. Ванновскій, товарищъ его И. В. Мѣщаниновъ, вице-президентъ академіи наукъ П. В. Никитинъ, вице-президентъ академіи художествъ графъ И. И. Толстой, академики академіи наукъ: Н. Ѳ. Дубровинъ, А. С. Фаминцинъ и В. И. Ламанскій, почетные академики: В. В. Стасовъ и А. Ф. Кони, почетные члены Публичной библіотеки, сенаторы Д. Ф. Кобеко и Г. К. Рѣпинскій, художникъ-академикъ М. Я. Вилліе и спб. градоначальникъ Н. В. Клейгельсъ; тутъ же находились: директоръ библіотеки генералъ-лейтенантъ Н. К. Шильдеръ, помощникъ его К. Ф. Феттерлейнъ, ученые библіотекари: Смирновъ, Гаркави, Кеппенъ, Ламбинъ и другіе. Богослуженіе совершалъ протоіерей Н. Головинъ; послѣ многолѣтія Царствующему Дому была провозглашена «вѣчная память» императрицѣ Екатеринѣ II и императорамъ: Александру I, Николаю I, Александру II и Александру III. По окончаніи молебна священникъ окропилъ святой водой вновь отстроенныя помѣщенія. Затѣмъ всѣ, послѣ осмотра новыхъ помѣщеній и зала, перешли въ кабинетъ директора библіотеки, гдѣ было предложено шампанское и чай. Новое помѣщеніе поражаетъ своей красотой, вкусомъ и обдуманностью малѣйшихъ деталей, сообразованныхъ съ нуждами драгоцѣннаго книжнаго хранилища. Постройка обошлась въ 435 тысячъ, кромѣ 100 тысячъ, отпущенныхъ на покупку земли подъ зданіе, и производилась хозяйственнымъ способомъ. Вестибюль зала очень обширный, свѣтлый, раздѣленъ толстыми бархатными канатами, за которыми находится вѣшалка для платья. Мраморная лѣстница ведетъ отсюда въ аванъ-залъ, гдѣ разложены каталоги на особыхъ конторкахъ; здѣсь должны писаться требовательные

листки. Стѣны аванъ-зала заняты географическими картами: громадная передвижная карта Европейской Россіи, приводимая въ движеніе электричествомъ, въ масштабѣ 5 вершковъ въ дюймѣ, затѣмъ также передвижная ручнымъ двигателемъ карта всѣхъ частей свѣта, карты Петербурга съ окрестностями (2 в. въ дюймѣ) и Азіатской Россіи. Налѣво изъ аванъ-зала входъ въ читальный залъ. Размѣръ его: 19 саж. въ длину, 8—въ ширину и 6 — въ вышину. Надъ входной дверью въ залъ надпись, взятая изъ Нестора: «словеса книжныя суть рѣки, напояющія вселенную». Залъ въ два свѣта, съ двумя рядами оконъ; нижнихъ громадныхъ оконъ 17, верхнихъ небольшихъ—18. Все пространство зала уставлено столами и стульями, за которыми могутъ заниматься до 500 человѣкъ. Въ проходахъ — ковры, остальное пространство ничѣмъ не прикрыто, но во избѣжаніе шума при двиганіи стульями ножки ихъ будутъ подбиты линолеумомъ. Громадныя окна снабжены раздвигающимися занавѣсами, очень красивыми. Вечернее освѣщеніе, конечно, электрическое; для этого повѣшены 8 восьмигранныхъ съ художественной бронзовой отдѣлкой фонарей, каждый силою въ 1.500 свѣчей; стекла въ фонаряхъ матовые, внутри же они снабжены стеклянными рефлекторами. На задней стѣнѣ зала большой портретъ Государя Императора, подъ нимъ часы и по всей стѣнкѣ сверху спускаются вѣтви плюща, около портрета разставлены растенія, небольшія растенія находятся также на всѣхъ подоконникахъ и въ красивыхъ бѣлыхъ деревянныхъ ящикахъ съ золотой отдѣлкой. По всѣмъ стѣнамъ расположены бюсты, на задней стѣнѣ находятся бюсты: императрицы Екатерины II и императоровъ Петра I, Александра I, Николая I, Александра II и Александра III, на противоположной стѣнѣ находятся бюсты двухъ историковъ, по двумъ другимъ 16 бюстовъ писателей и ученыхъ. Налѣво отъ входа расположены три прилавка съ красивыми рѣшетками, за которыми производится выдача книгъ, тутъ же стоятъ большіе горшки съ пальмами. Наверху механическій календарь, показывающій мѣсяцъ, число и день, и по всей стѣнѣ также тянется плющъ. Отопленіе залы паро-водяное, вентиляція такова, что полная перемѣна воздуха производится въ теченіе часа и притомъ совершенно неощутительно. Снаружи новое зданіе двухъэтажное, въ глубинѣ же оно выведено въ четыре этажа; всѣ окружающія читальный залъ помѣщенія заняты хранилищами библіотеки. Тутъ утилизировано каждое мѣстечко, кругомъ идутъ безконечные ряды книжныхъ полокъ, представляющихъ почтенную длину въ 44 версты. Между прочимъ тутъ нашлось мѣсто и для дублетныхъ экземпляровъ, которые прежде лежали грудами по лѣстницамъ и въ залахъ стараго зданія. Дублетныхъ экземпляровъ около 300 тысячъ, и они уже перенесены въ новое помѣщеніе. Затѣмъ въ новомъ зданіи размѣстятся отдѣленія: юридическое, полиграфическое и художественное. Относительно электрическаго освѣщенія приняты всѣ мѣры предосторожности. Курительная комната, обширная и свѣтлая, совершенно изолирована; даже двери и оконные переплеты желѣзные. При постройкѣ новаго помѣщенія предполагали, что запаснаго мѣста въ библіотекѣ хватитъ лѣтъ на 50; на самомъ дѣлѣ, однако, можно разсчитывать развѣ на 25 лѣтъ. Старый залъ отданъ подъ русское отдѣленіе.

НЕКРОЛОГИ.

АБАЗА, Н. С. 21-го сентября скончался въ Москвѣ бывшій начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати, членъ государственнаго совѣта, сенаторъ, д. т. с. Николай Савичъ Абаза. Покойный происходилъ изъ стариннаго молдавскаго рода дворянъ и родился въ 1839 году. 22-хъ лѣтъ онъ окончилъ курсъ наукъ въ Харьковскомъ университетѣ, удостоенъ степени лѣкаря (cum eximia laude), а въ 1866 г., по защитѣ диссертаціи, званія доктора медицины. Въ 1863 году его перевели медикомъ для командировокъ въ кавказскую армію, благодаря чему онъ принялъ участіе въ цѣломъ рядѣ стычекъ, завершившихъ собой кавказскую войну. Въ 1867 году покойный перешелъ на гражданскую службу старшимъ совѣтникомъ петербургскаго губернскаго правленія. Черезъ годъ онъ назначается вице-губернаторомъ въ Тамбовъ, а затѣмъ губернаторомъ въ 1870 г.—херсонскимъ, а въ 1874 г.—рязанскимъ. Въ самомъ началѣ войны за освобожденіе славянъ въ 1876 г. Абаза назначается главноуполномоченнымъ Краснаго Креста. Въ этомъ послѣднемъ званіи онъ завѣдывалъ санитарнымъ дѣломъ дунайской арміи вплоть до окончанія войны. Въ 1878 г. Н. С., пожалованный въ гофмейстеры, продолжалъ быть рязанскимъ губернаторомъ до 1880 г., когда онъ былъ назначенъ сенаторомъ и начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати, и вскорѣ затѣмъ членомъ верховной распорядительной комиссіи. Въ должности завѣдующаго дѣлами печати покойный держался тѣхъ воззрѣній на прессу, которыя проводилъ и графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ. При немъ возникло предположеніе произвести видоизмѣненія въ цензурномъ уставѣ, но этому не суждено было осуществиться. Съ уходомъ Лорисъ-Меликова въ отставку и Н. С. удалился отъ административной дѣятельности, присутствуя только въ сенатѣ сначала въ четвертомъ,

а затѣмъ въ первомъ департаментѣ и, наконецъ, въ общемъ собраніи первыхъ двухъ департаментовъ и въ департаментѣ герольдіи. Въ 1890 г. покойный назначенъ членомъ государственнаго совѣта по департаменту законовъ, а съ 1899 г. по департаменту промышленности, наукъ и торговли. Покойный состоялъ почетнымъ членомъ нѣсколькихъ городскихъ и земскихъ учрежденій и почетнымъ мировымъ судьею округа екатеринославскаго окружнаго суда. Какъ писатель, Абаза заявилъ себя отчетомъ о дѣятельности своей въ роли главноуполномоченнаго Краснаго Креста. Отчетъ появился подъ заглавіемъ «Красный Крестъ въ тылу дѣйствующей арміи въ 1877—1878 гг.» (2 тома, Спб., 1880—1882 гг.).

† **Благоразумовъ-Недолинъ, А. О.** 14-го сентября, въ Ялтѣ скончался отъ чахотки одесскій литераторъ А. О. Благоразумовъ, извѣстный публикѣ подъ псевдонимомъ Недолинъ. А. О. умеръ въ раннемъ возрастѣ: ему было только 32 года. Отецъ его, какъ сообщаетъ одесскій корреспондентъ «Спб. Вѣд.»,—бывшій инспекторъ кишиневской духовной семинаріи, а нынѣ викарный архіерей въ одной изъ сѣверныхъ губерній, извѣстный своими богословскими трудами. Находясь въ Московскомъ университетѣ, А. О. былъ замѣшанъ въ одну изъ «студенческихъ исторій» и высланъ на три года на родину. Когда срокъ этотъ кончился, онъ переѣхалъ въ Одессу. Года 3—4 тому назадъ А. О. сдалъ окончательный экзаменъ по юридическимъ наукамъ въ Новороссійскомъ университетѣ и записался въ помощники присяжнаго повѣреннаго. Два года назадъ у покойнаго появились первые признаки роковой болѣзни, сведшей его теперь въ могилу.

Многочисленныя поѣздки по разнымъ мѣстамъ Россіи дали покойному большой матеріалъ для беллетристическихъ очерковъ съ бытовымъ характеромъ. Часть ихъ была собрана и издана отдѣльнымъ сборникомъ подъ заглавіемъ «Искры». Въ «Южн. Об.» А. О. принималъ самое близкое участіе со дня основанія этой газеты. Покойный сотрудничалъ также и въ «Од. Нов.» и въ другихъ провинціальныхъ изданіяхъ.

† **Гюбнеръ, Ю. Ю.** Въ Казани 5-го октября скончался выдающійся дѣятель по оздоровленію Петербурга, докторъ Юлій Юльевичъ Гюбнеръ. Покойный родился въ 1841 году, образованіе получилъ въ медико-хирургической академіи. По окончаніи курса, отправился за границу, гдѣ слушалъ лекціи у знаменитыхъ берлинскихъ профессоровъ, а по возвращеніи въ Россію, поступилъ въ с.-петербургское городское врачебное управленіе. Здѣсь онъ впервые организовалъ санитарную статистику, положилъ прочное начало регистраціи заболѣваемости и смертности въ столицѣ и вообще много поработалъ надъ оздоровленіемъ Петербурга. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. онъ былъ назначенъ старшимъ врачемъ и консультантомъ по санитарной части Краснаго Креста и занимался устройствомъ лазаретовъ. Послѣ войны онъ былъ предсѣдателемъ въ дезинфекціонныхъ комиссіяхъ Одессы, Севастополя и Николаева, а въ 1880 г. былъ командированъ въ Полтавскую губернію, для борьбы съ эпидеміею дифтерита. Въ слѣдующемъ году Ю. Ю. занялъ постъ начальника ѳеодосійскаго карантиннаго округа, а въ прошломъ году переведенъ старшимъ врачемъ по санитарной части на Волгѣ. Изъ трудовъ покойнаго

большимъ значеніемъ пользуются: «Статистическія изслѣдованія санитарнаго состоянія С.-Петербурга», «Недозволенное и неправильное врачеваніе въ судебно-медицинскомъ отношеніи», «Древняя и Новая Өеодосія въ санитарномъ отношеніи», «Самоубійства въ Петербургѣ; матеріалы для нравственной статистики», «Современное состояніе вопроса о кладбищахъ» и др. Покойный былъ постояннымъ сотрудникомъ «Архива судебной медицины и общественной гигіены», гдѣ помѣстилъ множество весьма полезныхъ работъ, преимущественно по врачебной статистикѣ.

† **Дубровскій, А. В.** 17-го сентября въ Ростовѣ на Дону скончался талантливый артистъ Александръ Владимировичъ Дубровскій, по сценѣ Анчаровъ-Эльстонъ. Покойный родился въ дворянской семьѣ, воспитывался въ гимназіи и затѣмъ, увлекшись театромъ еще юношею, выступилъ въ труппѣ А. Бренко; затѣмъ онъ получилъ ангажементъ въ московскій Малый театръ, гдѣ игралъ уже отвѣтственныя роли,—какъ Чацкій, Уріель-Акоста, маркизъ Поза, Ромео и др. Въ сезонъ 1896 — 1889 годовъ покойный артистъ приглашенъ былъ въ театръ литературно-артистическаго кружка, гдѣ прослужилъ два сезона, оставивъ сцену по болѣзни. Поправившись, онъ игралъ сезонъ въ театрѣ «Фарсъ», а лѣто 1899 года—въ Озеркахъ. На слѣдующую зиму онъ имѣлъ дебютъ въ Александринскомъ театрѣ, но не сошелся съ дирекціей въ условіяхъ ангажемента и уѣхалъ въ провинцію на гастроли. Въ прошломъ году онъ гастролировалъ въ Ростовѣ на Дону, Новочеркасскѣ, Вильнѣ и другихъ городахъ, играя первыхъ любовниковъ и героевъ. Въ минувшую зиму онъ взялся за антрепризу, которая оказалась неудачной и свела артиста въ могилу.

† **Иммеръ, А. Э.** Въ Москвѣ 2-го октября скончался садоводъ-писатель Александръ Эрнестовичъ Иммеръ. Сынъ основателя извѣстной сѣменной торговли, А. Э. съ 1857 года занимался развитіемъ торговаго дѣла. Онъ первый началъ выращивать сѣмена въ Россіи, вмѣсто обычной до него выписки торговыхъ сѣмянъ изъ-за границы. Для испытанія качества сѣмянъ и достоинства вводимыхъ въ культуру растеній покойный устроилъ въ Москвѣ первую у насъ опытную сѣменную станцію. Благодаря А. Э. Иммеру, въ русскую культуру введено множество полезныхъ сортовъ огородныхъ и хлѣбныхъ растеній. Съ 1889 года покойный состоялъ директоромъ подмосковной дачи Государыни Императрицы «Студенецъ». Изъ трудовъ покойнаго пользуются извѣстностью: «Воздѣлываніе сельскохозяйственныхъ растеній», «Сорго сахарное», «Культура красивѣйшихъ луковичныхъ растеній», «Посѣвъ огородныхъ растеній», «Ягодныя растенія», «Общія правила размноженія растеній сѣменами», «Посѣвъ сельскохозяйственныхъ растеній», «Мята, ея разведеніе и выгонка масла» и др. Кромѣ того, имъ переведено извѣстное сочиненіе агронома проф. Поля Вагнера: «Искусственныя удобренія въ примѣненіи къ огородничеству, плодоводству и цвѣтоводству».

† **Ненцкій, М. В.** 1-го октября въ Спб. скончался завѣдывавшій химическимъ отдѣломъ императорскаго института экспериментальной медицины проф. Марцеллъ Вильгельмовичъ Ненцкій. Это—незамѣнимая утрата для науки. Нѣтъ такой отрасли въ біологической химіи, въ какую проф. Ненцкій не сдѣлалъ

бы крупнаго вклада. Къ числу наиболѣе цѣнныхъ изслѣдованій его относятся работы по броженію въ кишкахъ, по химическому анализу крови, гемоглобина и сродныхъ съ нимъ красящихъ веществъ, по методикѣ сложныхъ анализовъ. Салолъ, который получилъ столь широкое распространеніе въ медицинѣ, обязанъ своимъ появленіемъ и проникновеніемъ въ медицинскую практику всецѣло почившему М. В. Ненцкому. Въ 1892—1893 годахъ, во время холерной эпидеміи, М. В. Ненцкій подвергъ изученію цѣлый рядъ дезинфецирующихъ веществъ, могущихъ принести пользу въ борьбѣ съ холерной заразой. Года три назадъ появились весьма цѣнныя изслѣдованія М. В. Ненцкаго по чумѣ рогатаго скота. Благодаря его иниціативѣ и стараніямъ, наше военное министерство устроило въ Забайкальѣ станцію, принесшую громадную пользу и обѣщающую въ будущемъ принести еще большую пользу въ борьбѣ съ чумой рогатаго скота. Добрый, привѣтливый, доступный, онъ участливо входилъ въ интересы окружавшихъ его людей, всегда охотно дѣлясь своими знаніями съ людьми, обнаруживавшими интересъ къ научнымъ занятіямъ.

† **А. П. Нестеровъ.** Въ ночь на 16-е сентября, въ Иркутскѣ, какъ сообщаютъ мѣстныя газеты, скончался А. П. Нестеровъ, издатель иркутской газеты «Сибирь». А. П. былъ родомъ сибирскій казакъ; родился на Иртышѣ, въ казачьей станицѣ Бѣлокаменской; воспитаніе получилъ въ сибирскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ Омскѣ, и первоначально служилъ офицеромъ въ сибирскомъ казачьемъ войскѣ. Въ 1863 г. Нестеровъ былъ избранъ въ депутатское собраніе, для обсужденія новаго казачьяго положенія, и здѣсь, вмѣстѣ съ товарищемъ, Ѳ. Н. Усовымъ, твердо отстаивалъ интересы простыхъ казаковъ отъ своекорыстныхъ замысловъ казачьихъ верховъ. Вскорѣ послѣ этого онъ былъ переведенъ на службу на Амуръ за корреспонденцію, которую помѣстилъ въ одной изъ большихъ петербургскихъ газетъ. Въ Благовѣщенскѣ способности и знанія А. П. обратили на себя вниманіе генерала Черкесова, и изгнанникъ былъ вызванъ въ Иркутскъ для участія въ составленіи новаго положенія о казачьихъ войскахъ Восточной Сибири. Съ этого времени начинаются поѣздки А. П. въ Петербургъ, гдѣ онъ началъ хлопотать о покупкѣ небольшого газетнаго листка, который подъ названіемъ «Сибирь» очень плохо издавался въ Иркутскѣ Клиндеромъ; газета была пріобрѣтена, редакторомъ былъ приглашенъ сначала В. И. Вагинъ, а черезъ годъ—Загоскинъ, а Ядринцевъ и его друзья были приглашены сотрудничать въ ней. Послѣ прекращенія газеты «Сибирь» А. П. служилъ волостнымъ писаремъ, но, чувствуя упадокъ силъ, задумалъ поселиться на Алтаѣ. Съ этою мыслью А. П. пріѣхалъ въ Иркутскъ, чтобы продать свой домъ, разсчитывая на вырученныя деньги завести въ Алтаѣ уголокъ, чтобы провести послѣдніе старческіе годы въ дешевой для жизни мѣстности, но неожиданный ударъ покончилъ его дни.

† **Старчевскій, А. В.** 7-го октября, въ С.-Петербургѣ скончался извѣстный писатель, Альбертъ Викентьевичъ Старчевскій. Имя покойнаго, какъ журналиста, слишкомъ хорошо извѣстно. Начавъ свою дѣятельность въ эпоху Булгарина и Сеньковскаго, Старчевскій пережилъ всѣ стадіи развитія журнальваго дѣла въ Россіи.

Прекрасный знатокъ языковъ европейскихъ и восточныхъ, Альбертъ Викентьевичъ (родился около Богуславля въ 1818 г.) еще студентомъ издалъ первый томъ «Сказаній иностранныхъ писателей XVI вѣка о Россіи» (1841 г.) на латинскомъ языкѣ, за нимъ послѣдовалъ второй подъ заглавіемъ «Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI» (1842 г.). Онъ перевелъ на французскій языкъ нашъ торговый уставъ, сдѣлалъ извлеченіе изъ нашихъ законовъ объ иностранцахъ («Die Russischen Gesetze Ausländer betreffend»), собралъ въ берлинской публичной библіотекѣ коллекцію портретовъ и автографовъ разныхъ историческихъ лицъ, часть которой была издана подъ заглавіемъ «Galerie Slave» (до 360 дѣятелей славянскихъ съ ихъ біографіями), разыскалъ реляціи бранденбургскихъ посланниковъ о Россіи въ XVII вѣкѣ, составилъ подробный каталогъ русскихъ и иностранныхъ матеріаловъ для исторіи Россіи, извлеченныхъ изъ архивовъ и библіотекъ Западной Европы. Каталогъ этотъ находится въ библіотекѣ П. П. Демидова. Русской журналистикой покойный началъ заниматься съ 1843 года, сдѣлавшись сотрудникомъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» по исторической критикѣ и славянской этнографіи и философіи. Въ этомъ же году онъ разбиралъ архивъ и библіотеку князя Б. А. Вяземскаго. Въ 1845 г. онъ написалъ «Жизнь Н. М. Карамзина», «О заслугахъ Н. П. Румянцева» и «Литературу русской исторіи отъ Нестора до Карамзина». Въ 1848—1853 гг. онъ редактируетъ «Справочный энциклопедическій словарь» Крайя, послѣ чего становится вторымъ редакторомъ «Библіотеки для Чтенія». Въ 1856 году онъ преобразовалъ «Сынъ Отечества» въ дешевую ежедневную газету и тѣмъ сдѣлалъ ее самой распространенной частной газетой. Тринадцать лѣтъ спустя, онъ продалъ это изданіе Успенскому и хотя самъ остался ея редакторомъ, но успѣха уже не имѣлъ. Въ 1870—1885 гг. покойный послѣдовательно редактируетъ газеты: «Современность», «Улей», «Эхо» и «Родину», а съ 1886 года обращается къ лингвистическимъ работамъ, къ составленію словарей, разговоровъ и грамматикъ разныхъ языковъ. Сначала вышелъ въ свѣтъ «Русскій Меццофанти», выдержавшій въ три года три изданія, потомъ съ пособіемъ отъ генеральнаго штаба вышло нѣсколько «Переводчиковъ» съ турецкаго, персидскаго, сартскаго и китайскаго языковъ. При поддержкѣ литературнаго фонда Старчевскій издалъ «Кавказскій толмачъ», заключающій въ себѣ 27 кавказскихъ нарѣчій. Затѣмъ вышелъ «Странникъ-толмачъ по Индіи, Тибету и Японіи» и «Русскій морской толмачъ во всѣхъ портахъ Европы, Азіи и Сѣверной Африки на 50 языкахъ». Трудами послѣднихъ лѣтъ жизни Старчевскаго надо назвать «Стоязычный словарь» и «Словарь древняго славянскаго языка», составленный по Остромирову Евангелію, Миклошичу, Востокову и Бередникову (С.-Петербургъ, 1899 г.). Очень интересныя воспоминанія напечатаны Старчевскимъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1888 и 1889 гг.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Отвѣтъ г. Семенковичу.

Въ іюльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» В. Н. Семенковичъ напечаталъ замѣтку по поводу моей статьи, помѣщенной въ томъ же журналѣ, «Камаринская и Барыня». Я только теперь имѣлъ возможность ознакомиться съ этой замѣткой и считаю необходимымъ сказать по поводу ея нѣсколько словъ.

Доводы и разсужденія моего уважаемаго земляка, приведенные имъ въ вышепомянутой замѣткѣ, нисколько не переубѣдили меня, не измѣнили моего взгляда на вопросъ. И теперь я остаюсь при своемъ прежнемъ мнѣніи о «Камаріадѣ», въ которомъ, мнѣ кажется, г. Семенковичъ напрасно видитъ одно только увлеченіе.

Разберемся, однако, въ замѣткѣ моего критика по порядку. Начнемъ съ частностей, касающихся текста «Камаринской» и «Барыни».

Г. Семенковичъ полагаетъ, что куплеты

Ой, барыня, перворнись, и т. д.

совершенно не подходятъ къ общему содержанію этой пѣсни; по его мнѣнію, они даже и не принадлежатъ къ «Барынѣ», а «относятся къ другой довольно популярной пѣснѣ:

Акулина, перворнись (или отопрись)».

Я съ этимъ несогласенъ. Пѣсня «Акулина, первернись», правда, есть, но почему же не быть близкимъ къ нѣкоторымъ ея куплетамъ и въ другихъ пѣсняхъ? Такіе примѣры въ исторіи нашихъ пѣсенъ совсѣмъ не рѣдкость. Возьмемъ хотя бы знаменитую «Не шуми ты, мати зеленая дубравушка». Популярнѣйшая редакція послѣдней приписывается Ванькѣ Каину. Между тѣмъ, основа этой въ сущности «правежной», а не разбойничьей пѣсни, несмотря на буквальное почти сходство нѣкоторыхъ куплетовъ ея съ Каиновскимъ «варіантомъ», настолько, однако, отличается отъ Каиновскаго «переложенія», что ее смѣло можно принять, и принимаютъ, за особую пѣсню. То же могло случиться и съ «Акулиной»: часть ея, въ варіантѣ, могла войти въ «Барыню»—или наоборотъ. Замѣчу, кстати, что предметъ нашего спора попался мнѣ еще года три тому назадъ въ печати, какъ отрывокъ изъ «Барыни». Что онъ не «гармонируетъ съ Барыней», какъ это кажется г. Семенковичу, я этого не вижу.

Куплеты: «Кто съ своей женой въ раздорѣ»... «Какъ на барынѣ-ль салопъ»... и нѣкоторые другіе, указанные г. Семенковичемъ, не спорю—трудно пріурочить къ рубежу XVI—XVII в.: возможно, что они появились и нѣсколько позже. Но это совсѣмъ не доказательство того, что и самыя пѣсни наши не могли возникнуть раньше. Тѣ произведенія народной словесности, которыя,

подобно «Камаріадѣ», находили себѣ убѣжище въ народной памяти цѣлые вѣка, должны были отъ каждаго вѣка получать «наслоенія», варіанты. И получали, конечно; такой участи не избѣжали даже и наши былины. Хорошо еще и то, что въ «Камаріадѣ» варіанты эти не коснулись существа самаго духа поэмы, который, по-моему, и въ позднѣйшихъ «наслоеніяхъ» довольно строго выдержанъ.

Г. Семенковичъ утверждаетъ еще, что и припѣвъ «сударыня-барыня» — тоже позднѣйшаго происхожденія: на рубежѣ XVI — XVII в., будто бы, эти слова у насъ не употреблялись.

По-моему, взглядъ этотъ не имѣетъ серьезнаго основанія. Категоричность утвержденія г. Семенковича мнѣ здѣсь непонятна прежде всего потому, что подкрѣпить его рѣшительно нечѣмъ: достовѣрныхъ памятниковъ народной русской рѣчи временъ самозванщины до насъ, къ сожалѣнію, не дошло. А затѣмъ и то, что по этой части мы имѣемъ, скорѣе годно лишь для опроверженія положенія г. Семенковича. Слово «барыня» — несомнѣнно древнее, оно встрѣчается въ старинныхъ произведеніяхъ народной словесности; этимъ именно словомъ, вѣроятнѣе всего, въ самозванщину назывались у насъ народомъ «помѣщицы» средней руки, а не «боярыней», какъ полагаетъ г. Семенковичъ: боярскій санъ тогда носили очень немногіе помѣщики, слѣдовательно, далеко не всѣ помѣщицы и имѣли право именоваться «боярынями». Относительно «сударыни» — сомнѣній тутъ еще меньше. Рѣшительно не постигаю, почему г. Семенковичу кажется, что это слово у насъ — «занесенное съ запада послѣ Петра». Оно, вѣдь, производное отъ «государь» — господинъ, хозяинъ; въ этомъ же смыслѣ «государь» встрѣчается еще въ Судебникѣ Грознаго. Что тогда же еще народъ сократилъ «государь» въ осударь, сударь (а отсюда одинъ шагъ уже и до сударыни, даже сударыньки — названіе, присвоенное народомъ, по Далю, полубарынѣ, неполной барынѣ) — это видно, между прочимъ, изъ текста одной древней и, повидимому, даже современной Грозному пѣсни «о началѣ каменной Москвы»; вотъ соотвѣтствующій отрывокъ этой пѣсни:

> Въ старые годы прежніе,
> При зачинѣ каменной Москвы,
> Зачинался тутъ и Грозный царь,
> Грозный царь Иванъ сударь Васильевичъ.

Не согласенъ я также и съ общей характеристикой, сдѣланной г. Семенковичемъ «Камаріадѣ», въ которой онъ не видитъ ни политики, ни исторіи, равно не хочетъ видѣть и гимна. По-моему, здѣсь мой критикъ тоже сильно ошибается [1]).

---

[1]) Стремясь подорвать мою теорію, г. Семенковичъ относительно «Камаринской» доходитъ даже до того, что моему, во всякомъ случаѣ исторически осмысленному, толкованію происхожденія названія этой пѣсни отъ соименной ей, нѣкогда буйной, волости онъ смѣло противопоставляетъ странное, чтобъ не сказать больше, натянутое предположеніе покойнаго этнографа Лопатина, объяснявшаго названіе это тѣмъ, «что и темпъ пѣсни, и поющіе ее прыгаютъ, словно комары». При чемъ тутъ какіе-то комары, когда рѣчь идетъ прямо о своебразномъ народномъ героѣ, объ исторической личности? Да народъ едва ли и допустилъ бы такое отступленіе отъ правилъ грамматики, какъ неправильное производство отъ Комара Камаринской вмѣсто Комариной или Комаревской.

Г. Семенковичъ, правда, говоритъ, что у него есть разночтеніе Камаринской, «совершенно мѣняющее суть дѣла» [1]). Но мнѣ что-то плохо въ это ѣрится.

Вообще только-что приведенное мною заключеніе г. Семенковича, на мой глядъ, совершенно произвольно и лишено основанія.

Противъ него не только содержаніе нашихъ пѣсенъ, но и ихъ своеобразный онъ, который, по французской пословицѣ, «дѣлаетъ музыку». Народное едставленіе о герояхъ этихъ пѣсенъ также говоритъ не въ пользу г. Семенковича.

Въ глазахъ нашего народа Камаринскій, напримѣръ, это неукротимый льникъ, забулдыга, озорникъ, и при томъ—несомнѣнный антикрѣпостникъ. нѣ, по крайней мѣрѣ, самому неоднократно приходилось наблюдать въ Орвщинѣ же, въ Болховскомъ уѣздѣ, сознательное подчеркиваніе пѣвцами марииской такихъ именно типическихъ чертъ этого героя, при чемъ въ обенности энергично оттѣнялось его упорное нежеланіе «барынѣ служить», изнать господскую власть. А развѣ это не политика, не исторія?

Что же касается «Барыни», то и текстъ этой пѣсни, несмотря на нѣкотоя позднѣйшія вставки, и тонъ ея, можно сказать, насквозь пропитаны погикой и исторіей, насмѣшкой то ѣдкой, то просто грубой надъ «барыней», оявленіемъ мужичьей власти надъ ней [2]).

На мое предположеніе, что Камаріада была нѣкогда Камаринскимъ гимгъ, г. Семенковичъ смотритъ, какъ на оскорбленіе нашего «любящаго пѣсню оэзію народа». Камаріада—это, видите ли, пошлость, и потому, по мнѣнію Семенковича, для гимна, даже для Камаринскаго, совершенно не годится.

И этотъ доводъ, по-моему, тоже очень слабъ.

Объ обидѣ цѣлаго народа здѣсь, конечно, не можетъ быть и рѣчи; у меня орится только о ничтожной части этого народа, о древнихъ камаринцахъ. аринцу же извѣстной эпохи «Камаріада», прославляющая его собствен- подвиги, гимнъ, мнѣ кажется, хоть куда. И ничего, рѣшительно ничего днаго для него тутъ нѣтъ. «Камаріада», правда, не свободна отъ пошло—грѣхъ этотъ за ней водится. Но порокъ этотъ въ значительной степени упается здѣсь замѣчательнымъ мотивомъ. Кромѣ того, камаринскій гимнъ › нѣкоторой дозы пошлости, мнѣ думается, совсѣмъ немыслимъ. «По Сенькѣ ка», по времени и нравамъ—и гимнъ. Для рѣшенія нашего спора здѣсь здо важнѣе то, насколько онъ вѣренъ «камаринскимъ традиціямъ», нааько правильно отразилъ ихъ въ себѣ.

---

[1]) Кстати: я просилъ бы г. Семенковича сообщить мнѣ это разночтеніе: Спб., ерингофскій просп., № 1.

[2]) Ссылка г. Семенковича еще на то, что въ Сѣвщинѣ ему не доводилось іать, чтобъ нашимъ пѣснямъ придавался какой либо политическій харак—вовсе не доказательство, что въ этихъ пѣсняхъ и нѣтъ такого характера; свидѣльствуетъ лишь о томъ, что въ народной памяти не сохранилось толй исторіи возникновенія «Камаріады», что и понятно, если принять во вни несомнѣнную «опальность» этой поэмы и трудность для народа вообще нять отчетливо въ своей памяти исторію той или другой пѣсни на протяи цѣлыхъ вѣковъ.

Съ этой же стороны, на мой взглядъ, «Камаріада» находится въ полной гармоніи съ исторіей «камаринскаго народа». Здѣсь, что бы тамъ г. Семенковичъ ни толковалъ объ отсутствіи якобы среди теперешняго населенія Сѣвщины слѣдовъ «антикрѣпостнической политики» камаринцевъ,—политика эта все же остается несомнѣннымъ и характернымъ историческимъ фактомъ. Наличность ея въ камаринщинѣ на рубежѣ XVI—XVII вѣка выяснена мною еще въ «Правдѣ о Камаринской и Барынѣ», да и самимъ г. Семенковичемъ не отрицается. Не трудно также убѣдиться и въ томъ, что то же «теченіе» господствовало здѣсь и гораздо позже, почти вплоть до начала XIX вѣка. Для этого стоитъ только заглянуть въ исторію. Она повѣдаетъ намъ, что еще около 1683 года, напримѣръ, Камаринщина наводняется бѣглыми помѣщичьими крестьянами, искавшими здѣсь спасенія отъ тяжкой барщины. И—такова ужъ была тогдашняя «камаринская закваска»!—бѣглецы эти, по свидѣтельству покинутыхъ ими «господъ», въ короткое время заразились вредными «камаринскими идеями», сдѣлались отъявленными врагами своихъ бывшихъ помѣщиковъ... Крѣпостное право насаждается въ Камаринщинѣ лишь послѣ несчастнаго прутскаго похода. Кажется, первымъ камаринскимъ помѣщикомъ можно считать сподвижника Петра I-го, молдавскаго господаря Кантемира, которому государь далъ въ камарицкихъ волостяхъ крупную вотчину съ нынѣшнимъ городомъ Дмитровскомъ, выкупленнымъ впослѣдствіи казною; потомъ и остальныя камаринскія земли съ стариннымъ городомъ Радогощью мало-по-малу расходятся по помѣщичьимъ рукамъ, дѣлаются помѣщичьими вотчинами. Искони вольнолюбивому камаринцу эти новые порядки пришлись, конечно, не по душѣ, очень не нравились. Вскорѣ затѣмъ онъ ведетъ уже съ ними энергичную борьбу, полную трагизма. Мнѣ нѣтъ надобности останавливаться здѣсь на всѣхъ перипетіяхъ этой любопытной борьбы, то угасавшей, стихавшей, то вдругъ возгоравшейся опять съ новою силою. Для правильнаго освѣщенія нашего вопроса, по-моему, тутъ достаточно будетъ лишь нѣсколькихъ словъ о послѣднемъ актѣ ея, объ эпилогѣ камаринской трагедіи, въ которомъ мы встрѣчаемся съ неизмѣннымъ вѣковымъ камаринскимъ идеаломъ. Разыгрался этотъ актъ въ 1797 году, въ самомъ началѣ царствованія Павла I-го. Вѣрный своимъ древнимъ традиціямъ, своему постоянному протесту противъ крѣпостничества, камаринецъ устроилъ тогда у себя маленькую пугачевщину, не на шутку встревожившую даже нашу столицу. Сыръ-боръ загорѣлся изъ-за слуховъ о «золотой грамотѣ», которою, будто бы, молодой государь пожаловалъ мужикамъ «вольность», даровалъ имъ ихъ древнія права. Камаринщина, подъ вліяніемъ этихъ слуховъ, быстро заволновалась и возстала противъ своихъ господъ—кн. Голицыной и С. С. Апраксина. Во главѣ крамолы выступили наторѣвшіе въ смутахъ еще при самозванцахъ неугомонные радогощане. Камаринскій клиръ также почти весь возмутился, всталъ заодно съ своей мятежной паствой. Бунтовщики добивались воли и возврата имъ ихъ старинныхъ владѣній. Они твердо рѣшили или поставить на своемъ, или же всѣмъ до единаго погибнуть, «быть побитыми»...

Плачевно, однако, окончилась для камаринцевъ эта послѣдняя ихъ крамола, послѣдній отважный порывъ къ свободѣ. Для умиротворенія края сюда

посланъ былъ фельдмаршалъ кн. Рѣпнинъ. Полководецъ этотъ прибылъ въ Камаричи—такъ называется нашъ край въ его дневникѣ—послѣ того, какъ главные зачинщики—радогощане, были уже силою оружія приведены въ покорность, усмирены. Борьбу продолжала въ это время лишь довольно многочисленная (около 2 т.), но плохо вооруженная (цѣпами и дубинами) брасовская рать. Брасовцы отказались добровольно покориться, и фельдмаршалъ немедленно во главѣ цѣлыхъ двухъ полковъ, съ артиллеріей двинулся противъ упрямыхъ мятежниковъ. По прибытіи на мѣсто войску отданъ былъ приказъ стрѣлять изъ пушекъ и мелкаго оружія въ мятежниковъ и въ ихъ лагерь—село Брасово. Началась пальба, отъ которой соломенное село загорѣлось, брасовское же ополченіе понесло крупную потерю (убито было 20 и ранено 70). Обезкураженные этимъ мятежники смирились—«пали на колѣна и просили помилованія»... Послѣ этого началась суровая расправа. Побѣдитель, желая истребить навсегда крамольный камаринскій духъ, круто обошелся съ побѣжденными. Сдѣлавъ живымъ мятежникамъ «пристойное увѣщаніе», онъ не оставилъ безъ возмездія и павшихъ въ бою камаринцевъ, придумалъ и для нихъ кару. Послѣднихъ запрещено было хоронить на обыкновенномъ кладбищѣ, рядомъ съ ихъ родичами. Какъ «недостойныхъ быть погребенными съ вѣрными подданными», ихъ велѣно было зарыть въ особую общую яму. Но и этого еще фельдмаршалу показалось мало. Для устрашенія живыхъ камаринцевъ, «дабы впредь имъ бунтовать было не повадно», онъ нашелъ полезнымъ увѣковѣчить, или, по крайней мѣрѣ, сохранить надолго въ ихъ памяти—«злодѣяніе» ихъ усопшихъ собратій. Съ этою цѣлью фельдмаршалъ распорядился надъ могилой «злодѣевъ» поставить знакъ съ укоризненной надписью:

«Здѣсь лежатъ преступники противъ Бога, государя и помѣщика, справедливо наказанные огнемъ и мечомъ по закону Божію и государеву».

Всѣ эти мѣры, повидимому, увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Съ той поры камаринцы уже больше не крамолятъ, не спорятъ съ «барыней»; ихъ древній вольный духъ «на вѣкъ опочилъ». Но это, какъ мы видѣли, случилось сравнительно недавно, всего около сотни лѣтъ тому назадъ. А раньше, больше двухъ вѣковъ, Камаринщина, несомнѣнно, жила идеалами, близкими къ тѣмъ, которые воспѣваются въ «Камаріадѣ». И почему же послѣ этого нельзя назвать нашу поэму Камаринскимъ гимномъ?

Т. А. Мартемьяновъ.

II.

Къ исторіи карточной игры въ Россіи.

Покорнѣйше прошу васъ удѣлить мѣсто нижеслѣдующей замѣткѣ на страницахъ редактируемаго вами журнала.

Въ январской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» напечатана въ текущемъ году «Исторія карточной игры на Руси», написанная покойнымъ Владиміромъ Осиповичемъ Михневичемъ. Въ ней, на страницѣ 143, читаемъ слѣдующее:

«Есть предположеніе, что карты занесены къ намъ не ранѣе XVII столѣтія. Князь Курбскій, говоря въ своемъ разсказѣ о лучшей порѣ царствованія Іоанна Васильевича Грознаго, ставилъ его въ примѣръ западнымъ государямъ, которые де любятъ сидѣть дома и играть въ карты, предоставляя своимъ полководцамъ сражаться за ихъ честь. Изъ этого указанія можно заключить что въ XVI столѣтіи карты на Руси были еще неизвѣстны».

Но существуютъ несомнѣнныя доказательства, что въ XVI вѣкѣ, по крайней мѣрѣ, въ концѣ его, карты были извѣстны въ Московскомъ государствѣ, если не въ народѣ, то при царскомъ дворѣ.

Въ 1595 (7103) году, смоленскій воевода, Михаилъ Петровичъ Катыревъ-Ростовскій, доносилъ царю Θеодору Іоанновичу, что съ посломъ римскаго папы, Александромъ Колеміусомъ, прибыли въ Смоленскъ литовскіе торговые люди. Въ апрѣлѣ 1595 года государю была послана «Роспись литовскихъ торговыхъ людей товаровъ». Изъ этой «Росписи» видно, что у «могилевца у Степана Данилова Макусова», среди его товаровъ, находилось «на пятнадцать рублевъ картовъ». 30-го апрѣля 1595 года въ росписи товаровъ «у вилневца у Тимоθея у Семенова сына» значилось «30 дюжинъ картовъ», среди разныхъ суконъ, писчей бумаги, мѣдныхъ струнъ, чётокъ (Пам. дипл. снош., т. X, ст. 405—414).

Росписи товаровъ посылались царю за его же государевой печатью, съ Григоріемъ Собакинымъ, съ которымъ и отправлены были въ Москву литовскіе торговые люди «со всѣми ихъ товары». Что купцы достигли Москвы, видно изъ того, что, не доѣзжая до нея верстъ 5 или 10, они были поставлены «на стану», а Григорій Собакинъ долженъ былъ отправиться впередъ и доложить о прибывшихъ дьяку государеву, Василію Щелкалову. Впрочемъ «вилневецъ Тимоθей Семеновъ» былъ у «государя на Москвѣ» и ранѣе.

Итакъ, изъ приведенныхъ выше извѣстій становится несомнѣннымъ, что карты были извѣстны на Руси въ концѣ XVI столѣтія.

В. О. Михневичъ предполагалъ, что карты къ намъ занесли, «по всѣмъ вѣроятіямъ, поляки и украинскіе казаки, въ смутную эпоху лихолѣтья, а отчасти и нѣмцы, во множествѣ наѣзжавшіе тогда въ Московское государство, въ качествѣ купцовъ и кондотьери, формировавшихъ наемныя иноземныя войска на царской службѣ» (Исторія карт. игры, 143). Изъ приведенныхъ источниковъ видно, что задолго до лихолѣтья явились на Руси карты, и не поляки, не украинскіе казаки, не нѣмцы, а литовскіе торговые люди привозили ихъ къ намъ. Е. П. Пономаревъ.

АНТВЕРПЕНСКІЙ КОВАЧЪ

(The smith of Antverp)

ИСТОРИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ

ДЖОНА РЁСКИНА

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1901

I.

Квинтинъ въ мастерской.

ВЪ ЖАРКІЙ полдень 1485 года, въ просторной, но невысокой мастерской, на одной изъ узкихъ улицъ, составляющихъ кварталъ Антверпена, занятый различными корпораціями желѣзодѣлателей, ученики и подмастерья дѣятельно работали. Пламя горна дрожало на солнцѣ, которое проникало черезъ громадныя оконныя рамы безъ стеколъ, пересѣкая широкими лучами воздухъ, наполненный пылью.

На скамейкѣ, помѣщавшейся подъ однимъ изъ такихъ отверстій, сидѣлъ, съ карандашемъ въ рукахъ, рисуя съ кропотливой тщательностью модель,—Іаковъ ванъ-Изендикъ, свободный мастеръ корпораціи ковачей. Это было одно изъ богатыхъ ажурныхъ желѣзныхъ издѣлій, какими мы можемъ любоваться еще теперь во всѣхъ маленькихъ городахъ Нидерландовъ, и самыя скромныя изъ нихъ недоступны таланту новѣйшихъ мастеровъ. Онъ былъ такъ поглощенъ этой тонкой работой, что его ухо казалось нечувствительнымъ къ шуму раздувальныхъ мѣховъ, къ веселымъ соразмѣрнымъ ударамъ молотовъ и скрежету напилковъ, приводимыхъ въ движеніе вокругъ него полдюжиною сильныхъ рукъ. Съ своей стороны рабочіе, казалось, ничуть не стѣснялись присутствіемъ ихъ хозяина, такъ какъ они смѣялись и размѣнивались, безъ малѣйшаго стѣсненія, грубыми шутками. Отъ времени до времени, ихъ голоса соединялись въ одинъ хоръ, увлекаясь пѣніемъ одного ихъ народныхъ припѣвовъ эпохи, припѣва, подъ который работалъ въ тактъ одинъ изъ ихъ товарищей, молодой человѣкъ, двадцати двухъ лѣтъ, съ развитымъ торсомъ, мягкими движеніями и широкимъ лбомъ. Въ манерѣ, съ которой онъ владѣлъ молотомъ и вырѣзалъ фантастическіе листья въ граціозную спираль изъ куска невыдѣланнаго желѣза, покраснѣвшаго на огнѣ, было столько же силы, сколько ловкости. Это было не

что иное, какъ скрѣпа, и, однако, сколько воображенія и изобрѣтательности выказалъ онъ, работая надъ этимъ упорнымъ металломъ.

— Это слишкомъ хорошо для пяти грошей, Квинтинъ,—сказалъ одинъ сѣдоватый рабочій молодому человѣку, когда тотъ опустилъ горячій металлъ въ сосудъ для отливки желѣза, стоявшій около его наковальни.

— Не безпокойся объ этомъ, Ливіенъ, это для двери церковной рѣшетки, и, быть можетъ, моя работа избавитъ тебя отъ года чистилища. Впрочемъ, хозяинъ Изендикъ развѣ не говоритъ всегда, что фунтъ металла стоитъ унціи таланта, кромѣ того, изобрѣтательность ничего не стоитъ.

— Для тебя, быть можетъ, господинъ Квинтинъ, но посмотри туда, на хозяина, какъ онъ ломаетъ себѣ голову надъ рисункомъ покрышки для колодца, которую хочетъ соорудить корпорація въ честь Богородицы, и не говори мнѣ больше, что изобрѣтательность ничего не стоитъ.

Квинтинъ Мессисъ разсмѣялся и, положивъ свой молотъ, направился къ столу, за которымъ сидѣлъ мастеръ Изендикъ, внимательно разсматривая свой рисунокъ. Молодой человѣкъ почтительно снялъ шапку, приблизясь къ старому ковачу.

— Достойный учитель!—сказалъ онъ, наконецъ, видя, что старикъ былъ слишкомъ поглощенъ, чтобы замѣтить его присутствіе.

Іаковъ Изендикъ поднялъ глаза съ мрачнымъ видомъ, но, когда онъ замѣтилъ откровенное и открытое лице своего молодого товарища, его лобъ прояснился.

— Ну, Квинтинъ,—сказалъ онъ,—что тебѣ нужно?

— Вы знаете, что въ будущемъ мѣсяцѣ меня должны принять мастеромъ въ корпорацію, а прежде, чѣмъ быть принятымъ, мнѣ надо представить мое образцовое произведеніе.

Старикъ сдѣлалъ утвердительный знакъ.

— Я хочу попросить у васъ одолженія. Довѣрьте мнѣ работу покрышки на колодезь. Это случай для меня показать, что я сумѣлъ воспользоваться уроками мастера Изендика, и я не хотѣлъ бы его пропустить.

Старикъ былъ польщенъ.

— Клянусь святымъ Элоидіемъ,—сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія,—я думаю, что ты, Квинтинъ, исполнишь это такъ же хорошо, какъ лучшій ковачъ Антверпена. Откровенно говоря, мои проекты не стоятъ уже того, что прежде. Да вотъ, посмотри: для утренней работы, мнѣ кажется, это не очень-то важно.—Сказавъ эти слова, онъ оттолкнулъ рисунокъ.—Возьми карандашъ, и посмотримъ, какъ-то ты справишься, мой мальчикъ.

Квинтинъ не ожидалъ второго приглашенія, но, приблизивъ скамейку къ столу, онъ взялъ хорошій листъ веленевой бумаги изъ тѣхъ, которые были тамъ разложены, и послѣ нѣсколькихъ неопредѣленныхъ и легкихъ штриховъ онъ быстро и рѣшительно

началъ рисовать. По мѣрѣ того, какъ карандашъ двигался подъ его пальцами, его лицо покрывалось румянцемъ, а глаза оживлялись.

Слѣдя за успѣхомъ рисунка, старикъ одобрительно улыбался. Сначала это была простая остроконечная арматура, состоящая изъ четырехъ группъ колоннъ. Отъ капители этихъ колоннъ начинались желѣзныя связки, переплетавшіяся съ уступами, направлявшимися сверху внизъ, чтобы дать упоръ колоннамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ образуя бесѣдку изъ желѣзныхъ вѣтвей. Еще другія связки, но противоположнаго изгиба, уравновѣшивали внутреннее размѣщеніе. Затѣмъ желѣзное дерево раскрывало свои листья въ острую пирамидальную спираль, насколько это допускало расположеніе частей постройки, и съ каждой угольной колонны, уступовъ и остроконечныхъ арокъ подымались хрупкіе шпицы, покрытые желѣзными листьями, въ свободномъ и фантастическомъ изобиліи, которые увѣнчивали каждую оконечность. Наконецъ на лиственныхъ завиткахъ было помѣщено изображеніе легендарнаго, вооруженнаго великана города, въ тотъ моментъ, когда онъ бросаетъ вызовъ своимъ противникамъ.

Пріятно было видѣть, съ какой искренной радостью любовался старикъ на быструю способность пониманія и на увѣренность руки своего любимаго ученика.

— Посмотрите на это!—закричалъ онъ ученикамъ и подмастерьямъ, приблизившимся, мало-по-малу, къ столу.—Сколько времени потребовалось бы упражняться съ молотомъ и клещами тебѣ, Ліевинъ, Грасбекъ, или тебѣ, Гриль Скуантеръ, прежде чѣмъ такія мысли появились бы въ одной изъ вашихъ тупыхъ головъ?

Ліевинъ, пожавъ плечами, отвѣтилъ:

— Я могу владѣть молотомъ съ большей смѣлостью, чѣмъ лучшій изъ присутствующихъ, мастеръ Изендикъ, и я не уступлю ни въ какой желѣзной работѣ даже рабочему корпораціи, естественно, исключая завзятаго мастера, но я не могу не уступить Квинтину въ такихъ мелочахъ: я это знаю и безъ того, чтобы мнѣ говорили объ этомъ. Но смотрите, вотъ заказчики.—И безъ малѣйшей злобы онъ отошелъ отъ стола въ тотъ моментъ, какъ пожилой горожанинъ, съ важнымъ видомъ, одѣтый въ длинную, коричневую, суконную, подбитую горностаемъ одежду, уже вошелъ въ мастерскую подъ руку съ граціозной молодой дѣвушкой.

— Добрый день вамъ, господинъ ванъ-Твильтъ, и вамъ тоже, дѣвица Алита,— сказалъ старый ковачъ, спѣша на встрѣчу прибывшимъ.—Чему обязана моя бѣдная мастерская, что вы ее осчастливили своимъ посѣщеніемъ?

При имени Алиты Квинтинъ Мессисъ поднялъ глаза, предварительно покраснѣвъ, потомъ внезапная блѣдность покрыла его щеки. Но какъ ни было велико его волненіе, онъ быстро овладѣлъ имъ и казался совершенно погруженнымъ въ свой рисунокъ.

— Я пришелъ подвергнуть твой талантъ испытанію, мастеръ

Изендикъ. Моя Алита, какъ всегда своевольная, пожелала имѣть желѣзную застежку къ молитвеннику, который Мартинъ ванъ-деръ-Гоезъ разрисовалъ для нея. Я хотѣлъ сдѣлать золоченую застежку, такъ какъ книга заслуживаетъ таковой.

Алита, не говоря ни слова, вынула молитвенникъ, крытый бархатомъ, изъ мѣшечка, висящаго на ея поясѣ.

— Вся цѣна состоитъ въ работѣ, а не въ металлѣ,—сказалъ ковачъ, взявъ книгу. Сначала онъ набожно перекрестился и затѣмъ открылъ ее съ предосторожностью, безъ сомнѣнья, опасаясь, чтобы его почернѣвшія руки не загрязнили пергамента.

— Это—рѣдкій молитвенникъ, очень хорошо написанный и дивно разрисованный, но у меня есть подмастерье, который украситъ его застежками, столь прекрасными, что изображенія на нихъ будутъ сдѣланы, какъ бы рукою самого мастера, Іоганна ванъ-Эйка. И онъ указалъ головою на столъ, за которымъ работалъ Квинтинъ.

Теперь пришла очередь краснѣть Алитѣ.

— Не правда ли, Алита, это тотъ самый молодой человѣкъ, который выковалъ замокъ для нашего бѣльеваго шкафа?—спросилъ ванъ-Твильтъ, послѣ того какъ окинулъ взглядомъ Квинтина.

— Я думаю, отецъ, что это онъ,—отвѣчала Алита голосомъ, который она силилась сдѣлать безразличнымъ.

— Иди сюда, Квинтинъ,—закричалъ ему старый мастеръ,—и скажи, хочешь ли ты взять эту работу. А если онъ не захочетъ,—продолжалъ мастеръ, оборачиваясь къ ванъ-Твильту,—то вамъ придется отправиться въ другую мастерскую въ этой же улицѣ, такъ какъ мои пальцы слишкомъ грубы для такой филиграннойработы.

Прежде чѣмъ мастеръ окончилъ говорить, Квинтинъ былъ уже возлѣ Алиты, и такъ какъ она протянула молитвенникъ, то ихъ руки встрѣтились. Лицо Квинтина снова покрылось краской въ то время, какъ блѣдныя щеки Алиты окрасились живымъ румянцемъ.

— Я сдѣлаю, какъ могу лучше,—сказалъ онъ,—чтобы украсить книгу застежкой, достойной руки, которая будетъ ею владѣть.

Послѣднія слова онъ прибавилъ такимъ тихимъ голосомъ, что одна Алита могла ихъ слышать.

— Остерегись, чтобы съ нимъ не случилось чего нибудь въ твоихъ рукахъ, молодой человѣкъ,—сказалъ живо ванъ-Твильтъ, когда увидѣлъ, что Квинтинъ положилъ книгу въ карманъ своей куртки.

— Ничего не бойтесь, господинъ ванъ-Твильтъ,— возразилъ онъ, и послѣ долгаго взгляда на Алиту онъ вернулся къ своему рисунку.

— Принеси это ко мнѣ, на набережную близъ двора Англійской Ганзы, въ домъ подъ изображеніемъ Лисицы.

— Я знаю домъ,—отвѣтилъ Квинтинъ,—дѣвица Алита не долго будетъ ожидать своей книги.

Граціозная молодая дѣвушка спокойно улыбнулась; но быстрый взглядъ, брошенный изъ-подъ ея длинныхъ черныхъ рѣсницъ,

встрѣтилъ взглядъ Квинтина, который тоже улыбался, снова взявъ въ руки свой карандашъ.

Ванъ-Твильтъ и его дочь вышли. Ученики и подмастерья возвратились къ прерванной работѣ. Старый мастеръ снова занялъ мѣсто около Квинтина, и солнечные лучи, падая на его плѣшивый лобъ и согрѣвъ его кровь, которую годы начали леденить, навели на него сонъ. Квинтинъ поднялъ глаза отъ рисунка и видя, что старикъ спитъ, вынулъ книгу Алиты со своей груди и принялся цѣловать ее тысячу и тысячу разъ. Весь день онъ не работалъ болѣе надъ рисункомъ покрышки для колодца. Въ его умѣ былъ только единственный, неизмѣнный образъ ангела съ сѣрыми глазами, окаймленными синевато-черными рѣсницами, съ нѣжными округленными щеками, съ прекрасными золотисто-каштановыми волосами, и хорошенькимъ ртомъ, выказывающимъ большее расположеніе къ веселью и упрямству молодыхъ дѣвушекъ, чѣмъ стремленіе къ небесному идеалу. И какъ онъ ни силился, работая, прогнать эту сладкую мечту, непослушный карандашъ изображалъ лишь образъ, который былъ въ его сердцѣ, чему онъ не могъ сопротивляться. Наконецъ онъ сдался и принялся рисовать ангеловъ въ различныхъ положеніяхъ, но всѣ они были съ лицомъ Алиты ванъ-Твильтъ.

II.

Пріемъ въ мастера.

Мѣсяцъ, протекшій между только что разсказаннымъ событіемъ и представленіемъ Квинтина, какъ кандидата на званіе мастера, прошелъ очень быстро. Ежедневно и въ продолженіе цѣлаго дня Квинтинъ работалъ въ мастерской Изендика надъ покрышкой колодца, которую онъ разсчитывалъ сдѣлать своей образцовой работой и доказать, что онъ достоинъ быть принятымъ въ качествѣ свободнаго мастера корпораціи великихъ ковачей. Каждый день, когда горнъ для кованія гасилъ свой огонь въ опредѣленный статутомъ корпораціи часъ для прекращенія работы, Квинтинъ возвращался въ свое жилище, подъ изображеніемъ обезьяны, въ улицѣ Дубильщиковъ. Это помѣщеніе онъ раздѣлялъ съ своей старой матерью, ставшейся вдовою, и обыкновенно посвящалъ свои вечера чтенію какихъ нибудь отрывковъ изъ рукописей, составлявшихъ ихъ маленькую библіотеку. Печатныя книги были еще слишкомъ дороги для средствъ труженика. Правда, что рукописи были еще дороже, но Іоганнъ Мессисъ, отецъ Квинтина, такъ же, какъ и онъ, обработывавшій желѣзо, былъ до такой степени страстнымъ любителемъ литературы, что съ помощью экономіи и сбереженій онъ сдѣлался обладателемъ нѣсколькихъ томовъ. У него были «Рейнеке-Лисъ» (старый Лисъ фламандскаго происхожденія) съ продолженіемъ Вильгельма ванъ-Утенгова; фламандское изложеніе: «Флоры бѣлаго цвѣтка», самаго утонченнаго и превосходнаго романа XII

вѣка; одна или двѣ стихотворныя хроники; нѣкоторыя изъ компиляцій по естественной исторіи Мерлантаи «Золотая легенда». Но теперь эти пріятные вечера, посвященные чтенію, окончились, и старая мать должна была вертѣть свою прялку въ безмолвіи, въ то время, какъ Квинтинъ работалъ на маленькомъ горнѣ, который онъ помѣстилъ въ своей комнатѣ. Если днемъ онъ работалъ для славы, то вечерняя работа посвящалась любви. Онъ рѣшилъ окончить застежку для молитвенника Алиты достаточно во время, чтобы имѣть возможность представить ее молодой дѣвушкѣ въ тотъ день, когда онъ будетъ принятъ вольнымъ мастеромъ въ корпорацію. Затѣмъ къ любимому труду онъ прибавилъ отъ себя легкую шкатулку рѣдкой работы, предназначенную для храненія книги его дамы сердца.

Можно подумать, что онъ обнаружилъ весь свой талантъ, все свое самое граціозное воображеніе въ этихъ двухъ работахъ, которыя обѣщали быть чудомъ ловкости и изобрѣтательности. Каждая застежка представляла ангела въ гнѣздѣ, окруженномъ листьями и цвѣтами, а вокругъ шкатулки вилась гирлянда рельефныхъ листьевъ, изгибавшаяся внутри и снаружи сводовъ маленькихъ готическихъ нишъ, украшенныхъ густолиственными уступами и цвѣточками. Чудно было видѣть, что такая совершенная отдѣлка дана такимъ мелочнымъ подробностямъ и такому упорному металлу. Самъ Челлини не отрекся бы отъ этой работы, хотя критиковалъ бы, безъ сомнѣнія, матеріалъ. Но желѣзо лучше подходило къ природѣ болѣе грубыхъ фламандцевъ, какъ золото, серебро, драгоцѣнные камни и блестящія эмали—къ флорентинцамъ, предававшимся роскоши. Этой работы Квинтинъ никому не показывалъ, даже своей матери. Онъ хранилъ ее въ тайнѣ, какъ и свою любовь; никто объ этомъ ничего не зналъ, кромѣ него и Алиты, двухъ лицъ, наиболѣе заинтересованыхъ вещью. Но успѣхи покрышки колодца не были тайной, по крайней мѣрѣ, мастерской Изендика. Хозяинъ, подмастерьи и ученики смотрѣли на эти успѣхи съ одинаковымъ любопытствомъ, одинаковымъ интересомъ и съ меньшей ревностью, какую можно было бы ожидать отъ общества различнаго состава. Но въ то время, когда каждая корпорація управлялась сама собою, современная лихорадочная и почти жестокая конкуренція, требующая большого искусства, при пониженіи цѣны, возстановляющая въ наши дни рабочаго противъ рабочаго, едва была извѣстна, по крайней мѣрѣ, среди членовъ одной и той же корпораціи, хотя въ средѣ низшихъ обществъ того же самаго ремесла часто поднимались ссоры и тяжбы по случаю нарушеній, производимыхъ каждой изъ другихъ отдѣльныхъ вѣтвей.

Пока мы слѣдимъ за переходомъ Квинтина Мессиса отъ второстепеннаго положенія къ болѣе высшему, будетъ не безполезно сдѣлать здѣсь нѣкоторыя общія замѣтки относительно системы корпораціи.

Во всѣхъ странахъ Европы, съ перваго возрожденія работы въ нашемъ современномъ обществѣ, искусство, торговля и промышленность были раздѣлены на корпораціи, извѣстныя у англо-саксонцевъ подъ названіемъ Guilds, у итальянцевъ Mestiere, у французовъ Métiers, у фламандцевъ Nehringen и Ombachten, у англичанъ Grafts, или Mysteries (отъ итальянскаго Mestiere), и въ Шотландіи также Guilds. Корпораціи лондонскаго Сити представляютъ послѣдніе признаки этихъ ассоціацій, прежде столь могущественныхъ. Повсюду онѣ рушились подъ тяжестью прогресса торговли и отъ легкости сообщеній между различными частями государства и даже между различными государствами. Но въ ту эпоху, когда происходила наша исторія и даже уже полутора вѣка ранѣе, система ассоціаціи была въ полной силѣ. Это было обдуманное усиліе, организованное для того, чтобы сдѣлать правильной промышленность, чтобы соразмѣрить произведеніе съ потребленіемъ, чтобы уменьшить зло конкуренціи и быть настрожѣ противъ пагубныхъ послѣдствій отъ превратности торговли. Слѣдовательно теорія тѣхъ временъ была совершенно противоположна нашей настоящей политической экономіи. «Не позволять дѣлать, кто что хочетъ», было правиломъ той эпохи, тогда какъ «позволять дѣлать»—правило нашей экономической школы.

Каждая вѣтвь торговли была отдѣлена, каждый родъ производства, каждое искусство и ремесло имѣли свою корпорацію. Они были всѣ управляемы по одному образцу, и изумительно, насколько мало они отличались въ подробностяхъ во Франціи, Англіи, Германіи и Нидерландахъ, съ эпохи Филиппа-Августа, когда Этьенъ Буало сосоставилъ «Книгу ремеслъ», до революціи. Каждая корпорація имѣла своего начальника, называемаго капитаномъ, старшиною или хранителемъ, свой совѣтъ присяжныхъ, своихъ инспекторовъ, своего казначея, своего капеллана, своихъ подчиненныхъ агентовъ, свой большой залъ для собраній, свои періодическія празднества, свои процессіи въ часовню своего святого покровителя, свои книги статутовъ, съ правилами дисциплины для учениковъ (число которыхъ было строго опредѣлено, для рабочихъ часовъ, для способа производства, постановленій, относящихся къ торговлѣ), наконецъ свою кассу для стариковъ, вдовъ и сиротъ и свои особыя украшенія для похоронъ.

Каждая корпорація охраняла интересы своихъ членовъ; она приходила къ нимъ на помощь, со дня рожденія ихъ дѣтей до собственной ихъ смерти. Пришло время, когда способъ ограниченій этой системы сдѣлался несоотвѣтственнымъ съ соціальными отношеніями, когда неудобства его чувствовались болѣе, чѣмъ выгоды. Но въ продолженіе долгаго времени онъ имѣлъ очевидное превосходство, и волею или неволею всѣ усилія соціалистовъ нашихъ дней стремятся лишь воскресить эту старинную систему. Всѣ торговые союзы, всѣ ассоціаціи только попытки со стороны рабочихъ

возстановить ее. Они терпятъ и должны терпѣть неудачу, потому что условія задачи измѣнились. Въ то время корпораціи дѣйствовали согласно и плодотворно, не было, какъ теперь, между хозяиномъ и рабочими преграды, ни накопленія капитала въ однѣхъ рукахъ, ни сложныхъ всемірныхъ торговыхъ развѣтвленій, и даже сравнительно не было дѣлъ между городами.

Фландрія и Брабантъ были твердыней этой системы. Во Фландріи, главнымъ образомъ, дѣйствовали корпораціи Брюгге, Гента, Ипра, которыя первыя добились свободы своихъ городовъ и старались ее удержать противъ враждебныхъ дѣйствій двора. Цѣлыя царствованія Филиппа Добраго и его сына Карла Смѣлаго—государей Фландріи и Брабанта, именно передъ эпохой нашего разсказа, были постоянной борьбой съ этимъ смѣлымъ, неугомоннымъ и хорошо вооруженнымъ сословіемъ упорныхъ гражданъ. Въ Брабантѣ ихъ политика была менѣе дѣятельна, но ихъ общественное значеніе тѣмъ болѣе увеличилось, и финансы пріобрѣли болѣе цвѣтущее положеніе.

Корпорація ковачей была самой главной, или величайшей корпораціей Антверпена, и подъ ихъ зависимостью состояли многочисленныя низшія общины, занимающіяся тѣми же металлическими работами, къ нимъ принадлежали сословія оружейниковъ, какъ, напримѣръ, производители панцырей, кольчугъ, шлемовъ, щитовъ, пряжекъ, а также сословія ножевщиковъ и многихъ другихъ. Всѣ должны были являться на періодическія празднества общины, чтобы выслушать приказаніе старшины ковачей и итти за нимъ въ процессіяхъ, въ которыхъ принимали участіе ремесленныя корпораціи, присутствовать съ нимъ у обѣдни, на похоронахъ и на другихъ религіозныхъ службахъ въ часовнѣ св. Элоидія, покровителя ковачей.

Наконецъ наступилъ день принятія Квинтина въ корпорацію. Главные ея члены собрались въ большой залѣ. Старшина занялъ мѣсто подъ балдахиномъ, которое было ему предназначено. Вокругъ его помѣстились присяжные, или совѣтники, затѣмъ инспекторы, обязанность которыхъ состояла наблюдать за мастерскими различныхъ мастеровъ, чтобы убѣдиться въ ихъ повиновеніи статуту и недопущеніи никакихъ обмановъ и мошенничествъ въ работѣ. Потомъ стояли знаменоносецъ, держащій флагъ съ гербомъ корпораціи, наконецъ трубачи, виночерпій и шутъ.

Еще теперь можно видѣть въ Нидерландахъ много такихъ высокихъ и обширныхъ залъ, могущихъ легко дать намъ понятіе о той залѣ, въ которую былъ введенъ сильно взволнованный Квинтинъ Мессисъ. Балки потолка упираются на боковые столбы, съ рельефной рѣзьбою, окна украшены гербами, громадный дубовый каминъ украшенъ рѣзьбою, изображающей сцены изъ какой нибудь легенды или изъ библіи. Тамъ же можно видѣть мѣсто подъ балдахиномъ для старшины, длинныя тяжелыя скамьи со столами, ши-

рокій шкафъ корпораціи, наполненный парадной посудой, наслѣдствомъ длиннаго ряда умершихъ членовъ, или подарками, данными въ дни свадебъ и крестинъ, или въ память похоронъ, наконецъ приношеніями, насильственно взятыми съ нѣкоторыхъ знаменитостей по ремеслу. Кромѣ того, виднѣются на стѣнахъ кордуанскія кожи тисненныя и золоченыя. Все это составляло живописное цѣлое, гармонирующее съ богатствомъ суровыхъ костюмовъ служащихъ и членовъ корпораціи, съ массивными головами и строгими лицами, какія намъ передали, какъ типы старинныхъ горожанъ сѣвера, ванъ-Эйкъ и самъ Мессисъ, Мемлингъ Гольбейнъ, Рембрандтъ и ванъ-деръ-Гельстъ. Можно ли удивляться, что искусство живописи такъ быстро достигло процвѣтанія въ подобной средѣ, даже если бы внѣ ея оно не нашло болѣе обильной и возбуждающей пищи?

Наступилъ моментъ, когда Квинтинъ былъ позванъ; онъ приблизился въ сопровожденіи своихъ двухъ поручителей, стараго Изендика и одного изъ его сотоварищей по ремеслу, Мартина Іонселя. Первый засвидѣтельствовалъ его принятіе къ себѣ, какъ ученика, его доброе и честное поведеніе въ продолженіе шести лѣтъ, которыя онъ провелъ въ домѣ и на глазахъ хозяина. Реестръ корпораціи подтвердилъ его принятіе въ качествѣ рабочаго, слѣдовательно, ему оставалось лишь представить образцовую работу для того, чтобы попасть въ мастера.

— Она слишкомъ велика, чтобы принести ее въ этотъ залъ, — сказалъ Изендикъ, когда услышалъ, что ее торжественно требовали.—но если почтенный старшина, присяжные и инспектора пожелаютъ пройти въ мою мастерскую, они могутъ тамъ ее видѣть. Всѣ же, кто захотятъ, могутъ слѣдовать,—прибавилъ онъ, — такъ какъ св. Элоидій хорошо знаетъ, что Квинтинъ, не краснѣя, можетъ показывать свое произведеніе всѣмъ, даже брабантскимъ ковачамъ, хотя послѣдніе, признаюсь, могутъ съ нимъ потягаться относительно работы молотомъ.

Тогда толпа бородатыхъ и одѣтыхъ въ длинныя одежды членовъ корпораціи двинулась длинной вереницей. Служащіе въ корпораціи шли впереди, потому что въ это счастливое время наблюдали еще чинопочитаніе. Они направились въ мастерскую ванъ-Изендика, гдѣ блестящее и доведенное до совершенства произведеніе Квинтина выставляло свою фантастическую, запутанную и, вмѣстѣ съ тѣмъ, гармоничную работу. Долгія, горячія восклицанія привѣтствовали молодого, гордаго своимъ успѣхомъ, ковача. Старшина Доркъ ванъ-деръ-Даль поклялся святымъ Элоидіемъ, что онъ никогда не видѣлъ прекраснѣе образцоваго произведенія, и его воспоминанія о корпораціи и ея работахъ относились до временъ добраго герцога Филиппа. Инспектора попробовали каждую заклепку и каждое гнѣздо и объявили работу настолько солидной, насколько оригинальной по рисунку. Шутъ подбросилъ свою дурацкую шапку и объявилъ, что было бы удовольствіемъ повѣситься на такой пре-

красной висѣлицѣ. Корпорація рѣшила признать работу Квинтина достойной ихъ обѣта въ честь Богородицы и опредѣлила, что торжественная процессія ремесленной корпораціи будетъ присутствовать при установленіи работы Квинтина, въ день праздника Благовѣщенія.

Потомъ, подъ звуки трубъ, при развѣвающихся флагахъ, корпорація вернулась въ залу засѣданія, и тамъ старшиною были громко прочитаны статуты. Затѣмъ Квинтинъ Мессисъ, положивъ одну руку на Евангеліе, а другую—на книгу статутовъ корпораціи, произнесъ слѣдующую клятву:

«Во имя Отца, Сына и Святаго Духа, Единаго Бога въ трехъ лицахъ, этотъ уставъ наша община постановила и сохраняетъ для руководства своего поведенія. Съ Божіей милостью, мы клянемся посвятить наши сердца, нашу жизнь и наше имущество на службу нашему благородному принцу, герцогу Бургундіи, Мекленбурга и Брабанта, чтобы онъ сохранилъ уваженіе и расположеніе къ намъ самимъ и доброму городу Антверпену».

Произнеся эту клятву, Квинтинъ Мессисъ сдѣлался мастеромъ.

III.

У Алиты.

Домъ Керюина ванъ-Твильта былъ расположенъ напротивъ Шельды, въ самомъ центрѣ движенія и суматохи набережной. Ванъ-Твильтъ былъ однимъ изъ значительныхъ членовъ корпораціи купцовъ, которые занимали первое мѣсто среди торговыхъ товариществъ старинной части города. Съ каждымъ годомъ богатство и значеніе этой корпораціи увеличивалось пропорціонально росту торговли города. Повышеніе Антверпена соразмѣрялось шагъ за шагомъ съ упадкомъ Брюгге. Не болѣе полувѣка послѣ эпохи нашего разсказа, дѣла послѣдняго получили смертельный ударъ, и первый достигъ апогея своей дѣятельности и своего торговаго значенія, потокъ благоденствія началъ приближаться къ Шельдѣ и удаляться отъ Шлюиза. Послѣдовательныя занесенія топкой грязью дѣлали постепенно доступъ въ гавань Даммъ опаснымъ для тяжело нагруженныхъ кораблей. Но песокъ, естественный врагъ Брюгге, былъ менѣе пагубенъ, чѣмъ буйство и наглость его собственныхъ сыновъ, оттолкнувшихъ отъ себя своимъ вымогательствомъ корпораціи иностранныхъ купцовъ, черезъ которыхъ производилась вся внѣшняя торговля этой эпохи, чѣмъ вызвали окончательную немилость въ сердцѣ герцога Карла. Послѣдній никогда не былъ такъ счастливъ, какъ тогда, когда жаловалъ Антверпену свое благоволеніе въ ущербъ его фламандской соперницѣ. Гвичарденъ, посѣтившій въ XVI столѣтіи Нидерланды, разсказывалъ, какое удивленіе и восхищеніе вызвали въ немъ, обитателѣ самаго пышнаго и цвѣтущаго

города Италіи, промышленность, великолѣпіе, богатство и веселая, свободная и утонченная жизнь Антверпена.

Уже въ эпоху нашего разсказа Шельда отвлекала множество кораблей изъ Шлюиза, и такъ какъ Квинтинъ проходилъ по набережной, чтобы попасть къ дому ванъ-Твильта, то его глазъ, уже глазъ художника, былъ очарованъ оживленной и разнообразной картиной, какую представляла рѣка. Позади селеній и шпалеръ изъ тополей противоположнаго берега медленно садилось солнце, и его лучи купали въ горячемъ свѣтѣ высокіе шпицы горделивыхъ жилищъ, расположенныхъ вдоль рѣки, прорѣзанные многочисленными окнами съ возвышавшимися журавлями. Эти дома были окрашены въ различныя краски, согласно фантазіи ихъ владѣльцевъ. На нѣкоторыхъ окнахъ висѣли дорогія драпировки, аррасскія и ипрскія вышивки, турецкіе или персидскіе ковры, другіе были украшены ползучими растеніями, образовывавшими рамку изъ зелени и блестящихъ цвѣтовъ для какой нибудь прекрасной головки фламандки въ кружевномъ чепцѣ съ висящими въ ушахъ длинными золотыми серьгами. Надъ большей частью дверей качались изображенія животныхъ, иноземныхъ птицъ, святыхъ или геральдическихъ чудовищъ, привѣшенныхъ на желѣзныхъ крючкахъ фантастической работы. На краю крышъ выступали оригинальные желоба и забавной формы металлическія рыльца сточныхъ трубъ. Линіи домовъ преломлялись широкими выступами сложной формы. Тутъ и тамъ гербъ указывалъ на мѣстопребыванія какой нибудь Ганзы, генуэзской, венеціанской, флорентійской, англійской или восточной. На широкой, тихой рѣкѣ стояли на якорѣ въ нѣсколько рядовъ голландскія суда, съ приподнятымъ килемъ и округленной формой; длинныя, тонкія генуэзскія галеры, испанскія каравеллы, нормандскіе шюиты, венеціанскія карраки и бракоцци, съ раскрашенными парусами, которые дѣлали ихъ похожими на чудовищныхъ ястребовъ; тяжелые англійскіе галіоты изъ Равенсбурга и Сандвича, или изъ другихъ южныхъ или восточныхъ гаваней, занесенныхъ нынче, которыя не служатъ болѣе стоянкой судамъ. На корабляхъ раздавались хриплые крики и грубое пѣніе матросовъ, тянувшихъ канаты или маневрировавшихъ со шпилемъ; большая толпа наполняла палубу, такелажъ былъ украшенъ вымпелами яркихъ цвѣтовъ, мачты, реи и снасти выдѣлялись опредѣленными и затѣйливыми линіями на горизонтѣ, покраснѣвшемъ отъ заходящаго солнца. Вдоль набережныхъ волновалась нестройная толпа праздныхъ матросовъ, носильщиковъ, согнувшихся подъ ношей, тяжело нагруженныхъ возовъ, мелкихъ продавцовъ, выкрикивавшихъ сосиски, пироги, пиво и можжевеловую водку. Все это двигалось среди дѣйствовавшихъ крановъ, тюковъ и ящиковъ, которые серіозные купцы съ реестромъ въ рукахъ пересчитывали и нумеровали. Эта сцена представляла разнообразное и постоянно мѣняющееся цѣлое, въ родѣ калейдоскопа костюмовъ различныхъ на-

ціональностей: армянъ, мавровъ, грековъ, итальянцевъ, голландцевъ, англичанъ и т. д., сновавшихъ, въ полномъ смыслѣ слова, по морю въ это время рискованныхъ предпріятій.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что, при видѣ этого, артистическая натура Квинтина почувствовала себя въ высшей степени возбужденной, но, какъ ни было интересно зрѣлище, онъ не остановился полюбоваться имъ. Напротивъ, онъ ускорилъ шаги, держа подъ рукою шкатулку, давая обѣты, чтобы счастливый случай помогъ ему вручить ее лично молодой дѣвушкѣ и насладиться ея восторгомъ, чувствовать на себѣ отблескъ ея удовольствія, причиненнаго произведеніемъ. Наконецъ онъ достигъ дома. Художникъ, составлявшій вывѣску Лисы, висящую надъ дверью, заимствовалъ изъ великой фламандской поэмы видъ и положеніе фигуры Лиса, когда онъ съ глубокимъ поклономъ и съ шапкой въ рукѣ представляется его величеству Льву. Можетъ быть, это былъ хитрый намекъ на достоинства купца. Самый нижній этажъ былъ предназначенъ для дѣлъ. Онъ былъ переполненъ приказчиками, тюками съ товарами, капитанами дальнихъ плаваній различныхъ національностей. Посреди всего этого ходилъ взадъ и впередъ обремененный дѣлами самъ Керюинъ ванъ-Твильтъ, истинное воплощеніе богатства и торговой важности.

Квинтинъ доложилъ о себѣ самъ такъ же, какъ и о своемъ порученіи, но его отослали отрывистымъ тономъ къ младшему приказчику, который получилъ распоряженіе отвести его къ дѣвицѣ Алитѣ. Фортуна была къ нему милостива, и онъ могъ видѣть Алиту одну.

Алита была въ одной изъ комнатъ перваго этажа, выходившихъ на рѣку. Около нея лежало вышиванье, а у ея ногъ—лютня, но ея мысли были далеко отъ шелка и отъ сандала, отъ пьесы, которую она только что играла, и старинныхъ романсовъ. Убранство комнаты носило отпечатокъ вкуса владѣльца дома. Художество и спекуляція раздѣляли умъ ванъ-Твильта. Его торговыя сдѣлки съ Италіей позволяли ему вполнѣ удовлетворять свой вкусъ. Стѣны были завѣшены ипрскими цвѣтными вышивками, представлявшими исторію Давида. Богатый восточный коверъ покрывалъ середину комнаты. Вокругъ высокаго камина, рѣзнаго дуба, былъ повѣшенъ рядъ живописныхъ картинъ на деревѣ, школы ванъ-Эйка, представлявшихъ искушеніе и побѣду цѣломудренной Сусанны. Въ одномъ альковѣ, служащемъ часовней, виднѣлся открытый складень. На одной изъ его половинокъ было изображено Благовѣщеніе, а на другой св. Іоаннъ Креститель, проповѣдывающій въ пустынѣ. Въ серединѣ же Рождество Христово, божественной красоты и ясности, которе было не иначе, какъ кисти блаженнаго монаха изъ Фьезоле. Посрединѣ комнаты, надъ каминомъ, висѣло пано, изображающее улыбающуюся, спокойную, граціозную фигуру Богородицы, написанную Беллини старшимъ, предоставляя, такъ сказать, угадывать

въ его пылкой мысли строгую красоту и полное сіяніе Джіоргоне и Тиціана. Около Алиты на столѣ съ инкрустаціей, на манеръ Веронеза, находился складень, украшенный живописью, взятой изъ исторіи св. Маріи Египетской. Были тамъ еще другія картины, размѣщенныя понемногу вездѣ, какъ на потолкѣ, такъ и на дверяхъ шкафовъ, дѣйствительно украшавшія каждую часть мебели, представлявшуюся приноровленнымъ мѣстомъ для подобныхъ украшеній—фламандской и итальянской школы. Лютня, на которой играла Алита, была отдѣлана на манеръ Гоццоли. На рѣзныхъ полкахъ дубоваго шкафа, стоящаго противъ окна, блестѣли золотыя и серебряныя блюда, флорентійскіе и генуэзскіе черненные кубки, перемѣшанные съ вазами и тарелками для фруктовъ знаменитыхъ фабрикъ Губбіо и Файенца, а также великолѣпные бокалы изъ Муранскаго хрусталя и вазы во фламандскомъ вкусѣ, оригинальной формы, расположенныя по угламъ. Онѣ вмѣщали въ себѣ рѣдкіе цвѣты, благоуханіе которыхъ распространялось по всей комнатѣ. Но Квинтинъ едва замѣтилъ всѣ эти художественныя богатства. Его глаза видѣли лишь нѣжное лицо королевы этого прелестнаго жилища.

Лишь только Алитѣ доложили о Квинтинѣ, она вскочила, но затѣмъ опять быстро сѣла. Квинтинъ застѣнчиво держалъ себя передъ нею; онъ потупилъ глаза и едва былъ способенъ прошептать нѣсколько словъ строгой вѣжливости, которыя повторялъ всю дорогу. Алита не истощалась въ похвалахъ насчетъ шкатулки, но когда Квинтинъ смиренно представилъ ее Алитѣ, какъ знакъ личнаго его благоговѣнія, облако пронеслось по бѣлому лбу дѣвушки. Должна ли она принять его? Что подумаетъ отецъ о наглости молодого ковача, осмѣливающагося предложить ей, дочери купца, судьи корпораціи, болѣе чѣмъ это, можетъ быть, старшины, если толки, распространившіеся на набережной, говорятъ правду?

Квинтинъ дрожалъ, тогда какъ эти размышленія остановили благодарность, которая сначала готова была брызнуть ключемъ. Но женщина взяла верхъ надъ дочерью купца, и она сказала колеблясь:

— Я не могу отказаться, сударь, отъ подарка, такъ граціозно предложеннаго, и поистинѣ, когда мой отецъ увидитъ эту шкатулку, я увѣрена, что у него не хватитъ духу порицать меня за то, что я приняла такое совершенство тонкой работы. Никогда наши генуэзскіе или венеціанскіе капитаны не привозили ничего подобнаго.

И съ движеніемъ дѣтской радости она поставила шкатулку къ самому свѣту, при каждомъ осмотрѣ оборачивая и переворачивая ее, открывая въ ней различныя новыя красоты. Въ это время, съ своей стороны Квинтинъ не переставалъ любоваться ею, упиваясь каждой ея улыбкой, блескомъ ея глазъ, каждымъ восклицаніемъ радостнаго удивленія и чувствуя себя такимъ счастливымъ, какимъ не былъ во всю жизнь.

— Но какая я противная дѣвушка! — внезапно воскликнула она:—я даже васъ не поблагодарила, а вы дѣлали это для меня

въ то время, какъ работали съ такимъ пыломъ ваше образцовое произведеніе. Я видѣла его сегодня. Какъ оно прекрасно! О, я увѣрена, что вы сдѣлаетесь первымъ въ вашемъ искусствѣ.

Такъ она думала о немъ и о томъ, что его касалось. Поистинѣ Квинтинъ не испытывалъ надобности въ иной благодарности.

— Вы еще не открыли шкатулки,—сказалъ онъ съ улыбкой.— Здѣсь есть пружина; подождите, я сейчасъ вамъ ее покажу.

Когда онъ бралъ шкатулку, ихъ руки соприкоснулись: внезапная дрожь потрясла обоихъ, а такъ какъ она нагнулась, чтобы видѣть вблизи тонкую работу замка, то прядь ея золотистыхъ волосъ коснулась щеки Квинтина, и его тѣломъ овладѣла лихорадочная дрожь.

— Какая прелестная застежка! Ангелы — одинъ молящійся, а другой держащій въ рукѣ мечъ! А это что? гирлянда цвѣтовъ и, ахъ! да,—вѣтка моего любимаго дерева. Почему вы знаете, что я люблю боярышникъ? — спросила она внезапно и повернула свое сіяющее лицо къ нему.

— Я видѣлъ у васъ въ корсажѣ, за обѣдней, вѣточку его,— пробормоталъ Квинтинъ.

Сколько разъ у него являлась зависть къ счастливому цвѣтку!

— Я буду любить теперь этотъ молитвенникъ изъ-за его красивыхъ застежекъ,—сказала она послѣ короткаго молчанія, въ теченіе котораго она немного покраснѣла.—Сначала я ненавидѣла его. Мартинъ ванъ-деръ-Гоесъ старается польстить вкусу моего отца въ живописи, чтобы имѣть возможность ухаживать за мною, но онъ не такой артистъ, какъ былъ его дядя, Гуго, и онъ имъ никогда не будетъ, если даже сдѣлается старшиною братства св. Луки. Что вы объ этомъ скажете, господинъ Квинтинъ?

Такимъ образомъ Квинтинъ узналъ, что у него былъ соперникъ, но не въ сердцѣ Алиты. Естественно, онъ согласился съ молодой дѣвушкой, что Мартинъ ванъ-деръ-Гоесъ не былъ настоящимъ артистомъ. Какъ доказательство, Алита представила раскрашенные рисунки бѣдняка. Она принялась ихъ разбирать по косточкамъ, критиковать съ веселостью и съ необыкновенной насмѣшливостью, которая, однако, не переходила границъ приличія. Взрывы ея серебристаго смѣха перемѣшивались съ ея живыми словами, какъ прозрачный ручеекъ, протекающій по цвѣточному саду.

Но Квинтинъ, безумно влюбленный, могъ только ее слушать. Въ его ушахъ звенѣло, какъ звонилъ большой колоколъ на колокольнѣ св. Іакова. Онъ чувствовалъ, что въ его сердцѣ горѣло пламя, которое такъ стремилось распространиться въ страстное объясненіе, что онъ почти впалъ въ обморокъ отъ усилій, которыя дѣлалъ, чтобы сдержаться.

Они сѣли рядомъ и оставались въ такомъ положеніи въ продолженіе почти часа, смотря другъ на друга, слушая звуки ихъ голосовъ, читая одинъ у другого въ глубинѣ сердецъ ихъ взаимное расположеніе. Когда пришелъ ванъ-Твильтъ, съ нимъ былъ Мар-

тинъ ванъ-деръ-Гоесъ, обращавшійся съ Алитой съ увѣренностью признаннаго претендента. Но теперь Квинтина мало озабочивалъ художникъ. Хотя Алита и онъ не обмѣнялись никакими клятвами въ любви, однако протекло менѣе часа, какъ магнетическій токъ былъ установленъ. Искра устремилась отъ одного сердца къ другому, и чудное посланіе: «я васъ люблю», понеслось къ своему двойному мѣсту назначенія въ одной изъ тѣхъ загадочныхъ пульсацій, которыя не требуютъ словъ, чтобы быть понятыми.

IV.

Какъ Квинтинъ сдѣлался живописцемъ.

Прошло много мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ Алита и Квинтинъ встрѣчались часто. Это случалось у обѣдни, когда Квинтинъ ожидалъ Алиту на паперти собора, или церкви св. Іакова, гдѣ находилась часовня корпораціи купцевъ, чтобы подать ей святую воду, а иногда въ процессіи, такъ какъ не проходило недѣли безъ того, чтобы одна изъ корпорацій не явилась въ часовню, по случаю праздника своего святого покровителя. Они видѣлись также въ палатѣ риториковъ, при входѣ въ городъ, на одномъ изъ конкурсовъ поэзіи и мысли, т. е. собраніи, какое имѣли обычай устраивать для соперничества одна противъ другой корпораціи, или городъ противъ города, а также на состязаніяхъ на самострѣлахъ, гдѣ предавались два общества арбалетчиковъ испытаніямъ ихъ ловкости. Квинтинъ не разъ былъ провозглашенъ побѣдителемъ, какъ на конкурсѣ поэзіи, такъ и на состязаніяхъ въ метаніи стрѣлъ. Эти дни были счастливыми днями для молодыхъ людей.

Ухаживанье Мартина ванъ-деръ-Гоеса было благопріятно принято ванъ-Твильтомъ, но со стороны Алиты обращеніе было иное. Чѣмъ больше онъ увеличивалъ свою предупредительность, тѣмъ холоднѣе становилась Алита, или нападала на него со всевозможнымъ оружіемъ, изобрѣтеннымъ капризомъ женщины: различными мелкими непріятностями, поддразниваніемъ, какіе только могла вообразить въ своемъ сумасбродномъ настроеніи какая нибудь бывшая красавица. Не разъ Мартинъ былъ готовъ отказаться отъ своего намѣренія, но очаровательное личико Алиты, а, можетъ быть, также привлекательность флориновъ ея отца удерживали его.

Какъ присяжный мастеръ, Квинтинъ могъ теперь взять двухъ учениковъ и работать въ своей собственной мастерской. Заказы посыпались на него въ изобиліи, такъ какъ покрышка надъ колодцемъ сдѣлала его извѣстнымъ. Каноники св. Петра въ Лувенѣ поручили ему сдѣлать престольное украшеніе изъ вьющейся виноградной лозы съ ящерицами, жуками и птицами, играющими между листьями или клюющими плоды. Эта работа распространила его славу за предѣлами его собственнаго города, и изъ Малиня, Одерарда, Гента и даже Брюгге стали обращаться къ нему съ за-

казами. Мало того, управляющій работами во дворцахъ англійскаго короля, увидавъ образцы его произведеній, привезенныхъ въ Лондонъ англійскими моряками, довѣрилъ его ловкости исполненіе самыхъ красивыхъ произведеній изъ желѣза въ часовнѣ св. Георгія въ Виндзорѣ. Еще теперь можно тамъ видѣть остатки нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Онъ работалъ одинъ, какъ нѣсколько соединившихся вмѣстѣ рабочихъ, потому что любовь побуждала его къ труду. Онъ хотѣлъ нажить славу и богатство, чтобы чувствовать себя въ правѣ просить руки Алиты у ванъ-Твильта.

Правда, что корпорація ковачей была ниже купеческой, но разстояніе, существующее между простымъ рабочимъ и художникомъ, было хорошо опредѣлено въ эту эпоху, и его надежда не была безумна. Самъ ванъ-Твильтъ заказывалъ ему многія работы, потому что произведенія Квинтина носили художественный отпечатокъ, что такъ любилъ старикъ. Въ то время какъ Квинтинъ исполнялъ эти работы, онъ проводилъ счастливые часы около своей возлюбленной, разсчитывая вмѣстѣ шансы соединиться съ нею въ одинъ прекрасный день, и наяву имъ грезились самые блестящіе сны.

Но, предаваясь чрезмѣрной работѣ, онъ кончилъ тѣмъ, что изнурилъ свои силы. Онъ впалъ въ безсиліе и лишился сна. Съ каждымъ днемъ молотъ ковача казался все тяжелѣе его ослабѣвшей рукѣ. Наконецъ силы совершенно покинули его, и съ самымъ горькимъ отчаяніемъ онъ увидѣлъ себя прикованнымъ къ постелѣ горячкою. Старая мать нѣжно ухаживала за нимъ. Ему была оказана самая большая помощь, какую могла предоставить медицина того времени. Старый мастеръ Изендикъ не переставалъ посѣщать его и осыпать услугами, какихъ отъ него ожидали. Но горячка усиливалась, и въ продолженіе нѣсколькихъ дней онъ находился между жизнью и смертью. Даже однажды, послѣ долгаго приступа бреда, онъ, придя въ себя, позвалъ свою мать и угасающимъ голосомъ умирающаго разсказалъ ей исторію своей любви и просилъ передать Алитѣ его послѣднее прости. Мать заплакала и отправилась со своимъ печальнымъ порученіемъ. Тогда Алита, отложивъ въ сторону всю скромность и осторожность, пошла къ нему, и одинъ ея видъ возвратилъ его къ жизни, прикосновеніе ея нѣжной руки изгнало горячку, а любимый имъ голосъ дѣйствовалъ на него могущественнѣе всѣхъ лекарствъ. Послѣ перваго посѣщенія Алитой больного, докторъ началъ разсчитывать на выздоровленіе, что онъ съ большой гордостью приписывалъ извѣстному лѣкарству, сдѣланному изъ головы ехидны и розмарина, собраннаго въ новолуніе, смѣшанныхъ съ жиромъ семи ласточекъ, взятыхъ съ церковной крыши. Онъ думалъ, что это средство такъ быстро возвратило больному силу и здоровье. Но тѣ сбереженія, которыя Квинтинъ откладывалъ, изсякли во время злосчастной болѣзни, и все заставляло думать, что пройдетъ много времени, прежде чѣмъ возвратятся силы для работы молотомъ ковача.

Кончился годъ; наступилъ карнавалъ, и корпораціи выставили свои балаганы на Меирской площади и подъ стѣнами собора, какъ былъ обычай. Онѣ принялись играть свои spelen van sinne и ихъ веселыя фарсы—sotternien, доставлявшія брабантцамъ и фламандцамъ столько удовольствія. Скоморохи на улицахъ плясали свой танецъ мертвецевъ, а замаскированные ходили изъ дома въ домъ. Братства Ладзаритовъ, Страстей и Искупленія устраивали торжественныя процессіи съ распущенными флагами, съ мощами и освященными восковыми свѣчами. Въ продолженіе этого времени Квинтинъ, еще слабый, лежалъ въ постели. Слыша ихъ музыку и пѣніе онъ проклиналъ свою звѣзду, мѣшавшую ему выйти изъ дома и принять участіе въ увеселеніяхъ карнавала, какъ обыкновенно онъ это дѣлалъ.

Въ томъ же домѣ, гдѣ жилъ Квинтинъ съ своей матерью, обиталъ также честный мастеръ корпораціи карточниковъ, который во время карнавала зарабатывалъ хорошія деньги, продавая маленькія изображенія святыхъ и легендарные сюжеты, которые онъ вырѣзалъ съ помощью кусочка отвердѣвшаго дерева и затѣмъ грубо раскрашивалъ. Различные ордена лазаритовъ и другихъ религіозныхъ обществъ раздавали затѣмъ эти изображенія во время ихъ процессій всѣмъ, кто желалъ ихъ принять.

У почтеннаго Іакова Вильта, карточника, было тогда работы болѣе, чѣмъ онъ могъ сдѣлать. Видя Квинтина больнымъ и нетерпѣливымъ отъ своего бездѣйствія, тѣмъ болѣе, что зналъ его талантъ къ рисованію, онъ вздумалъ, въ одинъ прекрасный день, попросить его помочь въ раскрашиваніи карнавальныхъ картъ. Квинтинъ ухватился за этотъ случай, чтобы разсѣять свой умъ отъ безпокоившихъ его мыслей и въ то же время, такимъ образомъ, отблагодарить за доброту карточника, которую послѣдній оказывалъ ему въ продолженіе всей его долгой болѣзни, поэтому согласился на предложеніе. Но онъ нашелъ болѣе занимательнымъ рисовать новыя фигуры, чѣмъ воспроизводить старые сюжеты, вышедшіе изъ моды, которые Іаковъ Вильтъ ему принесъ. Ему оставалось научиться приготовлять водяныя краски, такъ какъ уже давно онъ прослылъ мастеромъ въ искусствѣ рисованія, имѣя привычку чертить свои работы изъ желѣза: ангеловъ, святыхъ, дѣтей, животныхъ, цвѣты и причудливыя геральдическія комбинаціи, составленныя изо всѣхъ этихъ, соединенныхъ вмѣстѣ предметовъ.

Можетъ быть, не безполезно напомнить здѣсь, что въ эту эпоху не было собственно «рисовальщиковъ». Каждый рабочій былъ рисовальщикомъ въ своемъ ремеслѣ. Плотникъ былъ скульпторомъ на деревѣ, каменщикъ высѣкалъ изъ камня камень, кузнецъ былъ лѣпщикомъ изъ желѣза. Въ наше время, если ковачъ сдѣлается живописцемъ, то это произведетъ полную перемѣну въ умѣ, манерахъ, во всей внутренней и внѣшней его жизни. Въ XV вѣкѣ это

было для художника не болѣе, какъ переходъ съ одной ступени на другую.

Іаковъ живо нашелъ пріобрѣтателей, алчныхъ до новыхъ граціозныхъ рисунковъ Квинтина. По правдѣ, послѣдніе почти совершенно уничтожали торговлю его собственной мазней. Братство св. Луки, большая корпорація художниковъ, узнало о производствѣ Іакова и призвало его къ суду передъ муниципальными властями города, чтобы они сдѣлали ему выговоръ за нарушеніе ихъ правилъ, «такъ какъ подобныя карты, говорили они, были настоящія акварели, а не шаблонные рисунки, какіе карточникъ только имѣлъ право и умѣлъ дѣлать».

Тогда Іаковъ, защищаясь на судѣ, былъ доведенъ до признанія, что онъ обязанъ этими рисунками Квинтину Мессису. Мартинъ ванъ-деръ-Гоесъ не упустилъ случая разсказать ванъ-Твильту подробности ссоры своей корпораціи и принесъ ему нѣсколько вмѣняемыхъ въ преступленіе карточекъ. Легко повѣрить, что Алита заперла ихъ въ самую красивую изъ своихъ шкатулокъ. Власти отказали въ искѣ братству св. Луки, и Квинтину было позволено продолжать свои рисунки. Вскорѣ онъ нашелъ чрезвычайное удовольствіе въ этомъ занятіи и въ короткое время нажилъ много денегъ.

Его расположеніе къ живописи, долго скрывавшееся въ немъ, наконецъ нашло свое проявленіе, правда, сначала неудовлетворительное. Вскорѣ рисованіе, которому онъ предался по бездѣятельности и чтобы обмануть скуку, перешло въ страсть. Онъ просилъ Іакова доставить ему тайно (такъ какъ это было бы доказаннымъ присвоеніемъ признанныхъ правъ художниковъ) масло, краски, кисти, пано и лакъ, необходимый для рисованія масляными красками.

Онъ уже поддерживалъ связи съ нѣкоторыми членами братства св. Луки, которые часто дѣлали ему дружескіе визиты, по поводу ссоры Іакова съ корпораціей художниковъ. Отъ нихъ онъ собралъ необходимыя свѣдѣнія относительно ихъ искусства, и съ быстрой сообразительностью генія онъ воспользовался каждой идеей, и всякій шагъ, какой онъ дѣлалъ на этомъ пути, былъ исходной точкой для новаго знанія.

Его выздоровленіе длилось медленно, но когда, наконецъ, доктора позволили ему приняться за молотъ ковача, онъ нашелъ пріятнѣе взяться за кисть. Впрочемъ, въ продолженіе этого времени, хотя онъ еще едва мечталъ перемѣнить ремесло, что-то въ родѣ тайнаго соперничества поднялось въ немъ. «Если бы только я могъ превзойти ванъ-деръ-Гоеса,—думалъ онъ,—если бы я только могъ, сдѣлавшись художникомъ, заслужить Алиту». Любовь къ искусству и любовь къ Алитѣ дѣйствовали заодно, и когда однажды молодая дѣвушка пришла къ нему тайно, онъ показалъ ей, дрожа всѣмъ тѣломъ, сдѣланный имъ ея портретъ, подъ синей мантіей и бѣлымъ вуалемъ Мадонны. Алита заплакала отъ радости, гордясь своимъ Квинтиномъ.

Еще можно видѣть и теперь этотъ портретъ въ Антверпенскомъ музеѣ. Это—граціозная фигура, нарисованная любящей и твердой рукою. Носъ, ротъ, подбородокъ — очаровательно изящны. Брови едва замѣтныя, но восхитительнаго изгиба, а сѣрые глаза нѣжно глядятъ изъ-подъ длинныхъ черныхъ рѣсницъ. Волосы того каштановаго оттѣнка, который лучше, чѣмъ другіе цвѣта, выдѣляетъ красивый оттѣнокъ кожи. Выраженіе лица полусерьезное, полухитрое. Веселость вырывается изъ ямокъ, сопровождающихъ ротъ, и наполовину уменьшается суровостью спокойнаго лба. Ни одинъ фламандскій художникъ не рисовалъ болѣе очаровательнаго лица.

— Мой Квинтинъ,—сказала Алита послѣ долгаго и гордаго разсматриванія картины, — вы художникъ и въ тысячу разъ лучшій художникъ, чѣмъ Мартинъ ванъ-деръ-Гоесъ. Ковачемъ вы желали моей руки,—художникомъ вы добьетесь ея.

V.

Рынокъ картинъ.

Въ эту эпоху Фландрія и Брабантъ были большими центрами производства картинъ и торговли ими. Корпораціи художниковъ различныхъ городовъ имѣли частыя тяжбы, по поводу правъ каждой изъ нихъ на отправку картинъ въ торговыя мѣстности другихъ корпорацій. Только корпораціи города могли отправлять свои картины на обыкновенныя продажи, но на большихъ ярмаркахъ всѣ корпораціи имѣли право выставлять свои картины.

Болѣе всего посѣщали въ Нидерландахъ Pand (это слово, вѣроятно, испорченное нѣмецкое Bahn (прогулка), которое перешло въ «Pacon», имя старинной биржи или рынка картинъ Антверпена). Въ названную эпоху это была уже обширная прекрасная аркада, хотя еще не достигшая стиля и размѣра, которые позже заставили Гвичардена считать ее великолѣпнымъ зданіемъ. Братство св. Луки, т. е. ассоціація художниковъ живописцевъ, съ низшими корпораціями скульпторовъ, карточниковъ, иллюстраторовъ, живописцевъ на стеклѣ, печатниковъ и остальныхъ зависящихъ отъ нея тружениковъ, существовало почти съ начала вѣка и пользовалось почестью одинаково, какъ отъ различныхъ корпорацій города, такъ и отъ другихъ братствъ художниковъ Брабанта и Фландріи. Въ 1420 г. Іоганнъ ванъ-Эйкъ написалъ для корпораціи картину, которую теперешніе члены показываютъ съ гордостью. Дѣйствительно Pand былъ мѣстомъ выставки этой академіи Антверпена, но которому, согласно простымъ нравамъ этого времени, дали названіе, соотвѣтствующее своему истинному характеру, рынокъ. Картины покупались тамъ заграничными купцами, какъ предметы экспорта, а также жителями Нидерландовъ для украшенія ихъ жилищъ, церквей, залъ для собранія корпорацій.

Ванъ-Твильтъ былъ постояннымъ посѣтителемъ этихъ выставокъ Pand'а, и Алита съ Квинтиномъ долго искали средства помѣстить

туда первую картину Квинтина. Не будучи членомъ академіи св. Луки, онъ не могъ выставить свое произведеніе среди другихъ художниковъ въ день обыкновенной продажи. Приходилось обождать большой ярмарки св. Варѳоломея, когда всѣ художники имѣли право выставлять свои картины.

Наконецъ, наступилъ день ярмарки. Алита устроила такъ, что отецъ увидѣлъ картину Квинтина. Старикъ былъ пораженъ красотою этого произведенія, хотя не узналъ въ немъ чертъ лица своей дочери. Онъ съ любезностью разсуждалъ о мягкости и блескѣ красокъ и объ увѣренности и тонкости рисунка. Алита разсматривала его съ безстрастнымъ видомъ, но ея сердце билось отъ радости, надежды и гордости. Мартинъ ванъ-деръ-Гоесъ, произведенія котораго были помѣщены рядомъ съ картиною Квинтина, приблизившись, сдѣлалъ досадное открытіе, что не его произведенія вызвали восторгъ ванъ-Твильта, а рядомъ помѣщенный анонимный портретъ. Квинтинъ, близко стоявшій, облокотясь на колонну, могъ видѣть и слышать все.

Наконецъ ванъ-Твильтъ окончилъ свои похвалы и началъ допытываться у сторожа объ имени художника и о цѣнѣ картины. Сторожъ не могъ снабдить его никакими свѣдѣніями. Онъ полагалъ, что картина была повѣшена самимъ живописцемъ, но никакое имя, никакая цѣна не были даны ему для внесенія въ его входную книгу. Недовольный ванъ-Твильтъ хотѣлъ удалиться, когда Квинтинъ, приблизившись къ нему, признался, что онъ авторъ картины.

Старикъ недовѣрчиво попятился.

— Вы, господинъ Квинтинъ, мастеръ ковачъ, вы — живописецъ? Вы насмѣхаетесь надо мною?

Квинтинъ, ничего не отвѣчая, указалъ ему надпись, начерченную на краю вуаля Мадонны, такую тонкую, что ее едва можно было разобрать простымъ глазомъ. Она гласила:

Quinte Metsys Sereef Dit. 1486.

— Что же до цѣны, — сказалъ Мессисъ послѣ того, какъ изумленіе старика перешло въ восторгъ: — вы пріобрѣтете ее за ничто... но съ однимъ условіемъ...

Ванъ-Твильтъ горѣлъ нетерпѣніемъ знать, какое могло быть это условіе.

— Чтобы я могъ отнынѣ считать себя признаннымъ претендентомъ руки вашей красавицы дочери.

Намъ не хватаетъ мѣста, чтобы разсказать, какъ эта смѣлая просьба была наконецъ принята, какимъ образомъ, ранѣе чѣмъ протекло два года, Квинтинъ сдѣлался счастливымъ мужемъ своей возлюбленной Алиты; какъ академія св. Луки бѣсилась и отказала ему въ званіи «Shilter»'а и въ правѣ выставлять свои произведенія въ «Pand» и даже рисовать, прежде чѣмъ онъ пройдетъ степени въ корпораціи сначала ученика, затѣмъ свободнаго мастера. Пер-

вый разъ его имя появилось на Liggere или реестрѣ товарищества какъ свободнаго мастера, въ 1491 г., а четыре года спустя послѣ этого появляются имена его учениковъ: Аріэна въ 1495 г., Вильгельма Меленброка въ 1501 г., Эдуарда Портюгалейса въ 1504 г. и Генне Гёкмакера въ 1510 г.

Равно безполезно именовать его различныя картины. Его образцовое произведеніе еще теперь сохраняется въ Антверпенскомъ музеѣ. Оно было исполнено въ 1511 г. для алтаря часовни скульпторовъ на деревѣ, или корпораціи столяровъ, и контрактъ на заказъ этой картины еще находится въ книгахъ товарищества. Въ немъ говорится: «Даніэль Госсенсъ и Іаковъ Когоорь старшины; Андрей, Іаковъ и Гоммэръ ванъ-деръ-Беке присяжные; Имбрехтъ и Лука ванъ-Гуэльтъ прежніе старшины корпораціи столяровъ отъ своего имени и имени товарищей обязуются 26 августа 1511 г. уплачивать безпрерывную ренту въ тридцать брабантскихъ большихъ шиллинговъ Квинтину и Катеринѣ Мессисъ, законнымъ дѣтямъ Квинтина Мессисъ, художника, и Алиты ванъ-Твильтъ, его жены; гарантіей этой уплаты послужитъ движимое и недвижимое имущество упомянутой корпораціи».

По этой картинѣ мы можемъ теперь судить объ его талантѣ. Она состоитъ изъ центральнаго панно и двухъ затворовъ. На среднемъ панно представленъ Никодимъ и Іосифъ Аримаѳейскій, поддерживающіе съ любовью священное тѣло Спасителя, со слѣдами бичеванія, пронзенное копьями, изможденное отъ пытокъ, агоніи и страстей. Іосифъ Аримаѳейскій приподнимаетъ багровую голову окровавленную терновникомъ, тогда какъ Саломія держитъ лѣвую руку. Вблизи этой группы стоитъ, ломая себѣ руки, плачущая Богородица, поддерживаемая любимымъ ученикомъ. Но самая замѣчательная во всей картинѣ фигура Магдалины, съ лицомъ, искаженнымъ горемъ, чрезмѣрность котораго изсушила источникъ слезъ. Она вытираетъ своими длинными, разметавшимися волосами благословенныя ноги Того, Кто принесъ ей радостную вѣсть, и Котораго теперь она можетъ лишь орошать слезами и драгоцѣннымъ миромъ. Мы ничего не знаемъ равнаго этой Магдалинѣ по силѣ выразительности. Это—затаенное горе, доведенное до высшей степени. Всѣ мускулы, всѣ нервы кажутся трепещущими подъ эпидермой, хотя ни одна слеза не течетъ изъ ея глазъ и не кажется готовой течь. Въ глубинѣ виднѣется приготовленная гробница, открытая и выдѣлившаяся при полномъ свѣтѣ, а еще далѣе, совсѣмъ на заднемъ планѣ,—узкая горная возвышенность, на которой виднѣются три креста: разбойники еще пригвождены къ своимъ позорнымъ столбамъ, двѣ женщины стоятъ на колѣняхъ передъ крестомъ, на которомъ умеръ Спаситель. Одинъ изъ палачей уноситъ лѣстницу, а двое изъ его товарищей сидятъ, одинъ ѣстъ, а другой вытряхиваетъ изъ обуви камень. На одномъ изъ затворовъ представлены танцы Иродіады, а на другомъ — св. евангелистъ Іоаннъ въ боль-

шомъ котлѣ съ кипящимъ масломъ, претерпѣвающій мученическія истязанія въ присутствіи Домиціана. Кромѣ этого значительнаго произведенія, можно видѣть въ той же коллекціи голову Іисуса Христа и портретъ Алиты, подъ чертами Мадонны, который мы описывали выше. Наши читатели знаютъ уже, безъ сомнѣнія, по репутаціи картину Квинтина, которая находится въ Виндзорѣ: «Скупые, вѣсящіе свое золото»; эта сцена изъ дѣйствительной жизни мало привлекательна. Не позировалъ ли Керюинъ ванъ-Твильтъ для одной изъ этихъ морщинистыхъ и хитрыхъ фигуръ?

Но довольно перечисленій. Квинтинъ былъ счастливый мужъ и великій художникъ. Алита подарила ему пятерыхъ дѣтей: Петра, Іакова и Іоанна, которые всѣ трое, какъ и онъ, были живописцами, и Квинтинъ-Павелъ и Екатерина.

Въ 1508 г. онъ потерялъ свою возлюбленную жену. Не удивимся, что онъ женился вторично—на Екатеринѣ Хіемсъ. Его первый бракъ былъ очень счастливъ, и его дѣти еще слишкомъ нуждались въ материнскихъ заботахъ, чтобы позволить себѣ остаться вдовцомъ. Его вторая жена подарила ему шестерыхъ дѣтей, и въ 1529 г. онъ уснулъ послѣднимъ сномъ, отягченный болѣе славою, чѣмъ годами. Онъ былъ погребенъ на кладбищѣ монастыря Шартрезъ, и на камнѣ его могилы выгравирована по-фламандски слѣдующая надпись:

«Здѣсь покоится Квинтинъ Мессисъ, онъ былъ сначала ковачъ и сдѣлался позже знаменитымъ художникомъ. Онъ умеръ въ 1523 г.».

Сто лѣтъ позже, когда увеличили монастырское кладбище, гробъ былъ вырытъ, и Корнелій ванъ-деръ-Гестъ, серьезный любитель живописи, положилъ останки Мессиса въ нѣсколькихъ шагахъ отъ соборной башни. На каменной плитѣ выгравировано:

M. Q. M.
Obiit 1529.

Напротивъ, на соборной стѣнѣ, виднѣется медальонъ, представляющій живописца, подъ которымъ находятся эмблемы его двухъ профессій, и на черной мраморной доскѣ написано:

Quintin Metsys
Incomparabilis artis pictori
Admiratrix grataque posteritas
Anno post obitum
Seculari
Ciɔ DC XXIX posuit
Connubialis amor de mulgibre
Fecit Apellem.

Эта доска была позже перенесена въ музей, гдѣ и помѣщена подъ его образцовымъ произведеніемъ, для славы котораго она излишня.

КОНЕЦЪ.

Издатель А. С. Суворинъ. Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

ДЕКАБРЬ, 1901

СОДЕРЖАНІЕ.

ДЕКАБРЬ, 1901 г.

См. слѣд.

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ СЛѢПЦОВЪ.

Съ портрета, находящагося въ Тифлисскомъ музеѣ.

Доз. ценз. СПБ. 8 нояб. 1901 г.

О ПОДПИСКѢ

НА

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ"

въ 1902 году

(ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ" будетъ издаваться въ 1902 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшіе двадцать два года (1880—1901).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) **десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.**

Главная контора „Историческаго Вѣстника" въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени"**, Невскій проспектъ, № 40. Отдѣленія конторы: въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ** и **Саратовѣ,** при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина **„Новаго Времени"**.

НЕСЛЫХАННОЕ ДѢЛО [1].

Разсказъ.

XXI.

КОГДА МАКАРЪ вернулся въ Пустой Валъ, дворня встрѣтила и окружила его, но молча и какъ бы почтительно боязливо. Только двое рѣшились заговорить, спросить. Макаръ только строго глянулъ на нихъ и не отвѣтивъ прошелъ въ барскій домъ.

— Плохо, грѣхъ. Что гадали, то и есть!— рѣшила дворня и разошлась медленно, сумрачная и озлобленная.

Макаръ велѣлъ доложить о себѣ барышнѣ. асковья Андреевна при извѣстіи, что слуга вернулся, почти ла изъ-за пялецъ.

Зови, зови!—приказала она взволнованно горничной. И старая стала середи своей комнаты, какъ бы настороже отъ не- ья. Она думала:

Что?! Жена или любовница?... Я вѣрю, что въ любовницахъ, о-ль, что можетъ быть. Можетъ, обѣщалъ и выполнитъ обѣ-

Что?—почти выкрикнула она, когда слуга появился на по- послѣ первыхъ же нѣсколькихъ словъ старика Прасковья вна перемѣнилась въ лицѣ. Оно слегка покрылось румян-

---

[1] Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXVI, стр. 385.

цемъ, глаза блеснули, а ротъ, если не улыбался, то все-таки его на мгновенье подернуло углами вверхъ...

Макаръ, замѣтивъ, какое дѣйствіе произвели на барышню его горькія вѣсти, пытливо и сурово глянулъ ей въ лицо.

— Ни теперь, ни послѣ... И не собирается вѣнчаться,—сказалъ онъ, думая, что барышня не вполнѣ отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, что слышитъ.

— Вѣстимо,—отвѣтила рѣзко Прасковья Андреевна:—если сейчасъ же не женится, то ужъ никогда...

И она начала разспрашивать слугу объ усадьбѣ, объ обстановкѣ, о житьѣ-бытьѣ князя Гиреева, интересуясь малѣйшими подробностями. Макаръ отвѣчалъ на все толково, но неохотно. Внутренно онъ осуждалъ барышню.

«До того ли? Сколько комнатъ, да сколько дворовыхъ, намъ нѣтъ дѣла. Срамъ—наше дѣло. Объ этомъ надо тужить»,—думалось ему.

И онъ спросилъ, не отвѣтивъ на новый пустой вопросъ барышни.

— Что же теперь, Прасковья Андреевна?

— Что?

— Что же теперь дѣлать мы будемъ?

— Да что же тутъ дѣлать, Макаръ? Самъ посуди. Что мы можемъ?

— Какъ же такъ-то?

— Да что же? Что? Войной на него итти? Раздать людямъ топоры, вилы и дубье?... усмѣхаясь не злобно, а почти насмѣшливо?.. заговорила Прасковья Андреевна.—Ну, хоть бы и такъ... У него людей больше. Они насъ расшибутъ и въ полонъ возьмутъ. Одно можно—жаловаться. Батюшка долженъ написать губернатору и архіерею... Но что же изъ того будетъ? Заставятъ его, этого полоумнаго щенка, нашу Зинаидку намъ назадъ возвратить. Ну, и что же? Толкъ-то какой еще? Ты что ли ее замужъ за кого выдать возьмешься послѣ этакого?..

И Прасковья Андреевна усмѣхнулась еще насмѣшливѣе.

Макаръ понялъ наконецъ, какъ тетушка приняла горькія вѣсти о своей племянницѣ, не утерпѣлъ и выговорилъ рѣзко:

— Дома будетъ. У себя... И за то спасибо. А замужъ не выйдетъ? Что же? Бываетъ, что барышни дворянки въ дѣвкахъ сидятъ, жениха не найдя, никоего молодца не прельстивъ. Наша бѣдная Зинаида Антоновна оттого въ сугубой бѣдѣ и очутилась, что красота писанная... А вотъ, что уберечь не могли... мы... это грѣхъ великій.

— Матушка. Я тутъ не при чемъ,—строго отвѣтила Прасковья Андреевна, понявъ отповѣдь старика-слуги.—Матушка кругомъ виновата. Да и батюшка... Кабы меня слушались, ничего бы такого не было...

Послѣ минутнаго молчанія Макаръ вздохнулъ и спросилъ:

— Что мой Андрей Иванычъ, барышня?

— Ничего. Сказали, что тебѣ полегчало, и что ты не нынѣ, завтра придешь служить ему.

— Какъ же теперь?.. Кто все барину повѣдаетъ о нашихъ происхожденьяхъ?

— Ты вотъ все и разскажи, хоть сейчасъ.

— Что вы, что вы, барышня!—замахалъ Макаръ руками.

— А что же? Что ты?

— Богъ съ вами. Не мое это дѣло, лакейское. Это дѣло семейное. Я слуга, а не сродственникъ.

И Макаръ, утаивъ свои мысли, почти воскликнулъ про себя:

«Убивать-то итти? Нѣтъ, ужъ это ты иди».

И старый слуга вышелъ отъ барышни, опустивъ голову. Давно онъ зналъ, конечно, что «засидѣвшаяся въ дѣвкахъ» Прасковья Андреевна не долюбливаетъ молоденькую, красивую и «ангелочка» племянницу, но все-таки старикъ былъ непріятно удивленъ.

«Почитай, ненавиствуетъ!»—думалось ему.

Еще болѣе непріятно и даже жутко стало ему, увидя, какъ легко относится барышня къ тому, что можетъ приключиться съ ея дѣдомъ, когда онъ все узнаетъ. Хотя она и собралась было поручить дѣло ему, «съ больной головы на здоровую» сваливъ все, но это не изъ жалости къ дѣду, не изъ боязни любовной взять на себя тяжелое и опасное порученіе, а такъ, зря...

Разумѣется, Макаръ прямо отправился къ своему барину и зойдя не выдержалъ....

Онъ забылъ свое путешествіе, усадьбу князя Гиреева, свои 'ереговоры и все, что волновало его нѣсколько дней. Никогда почти е разставаясь съ бариномъ, онъ теперь вернулся какъ бы ослѣ долгой годовой разлуки. Онъ быстро подошелъ къ креслу ндрея Ивановича и почти закричалъ:

— Баринъ, баринъ! Дорогой мой!..

И, опустившись на колѣни, Макаръ схватилъ руку старца и чалъ цѣловать ее, разумѣется, около локтя и плеча, шмыгая гуми по бархатному кафтану.

Старецъ при видѣ своего слуги тоже ахнулъ радостно:

— Макарка! Макарушка!

Слуга цѣловалъ рукавъ барина, а баринъ изъ-подъ густыхъ ыхъ бровей дѣтски простовато и весело глядѣлъ на слугу и го мигалъ отъ радостнаго волненія...

— На... на... вотъ... вымолвилъ онъ и протянулъ слегка дро;ую кисть руки къ лицу любимца, какъ бы разрѣшая поцѣлосамого себя, а не одну одежду.

Iакаръ взялъ худую и желтоватую руку старца и тихонько ительно чмокнулъ ее три раза...

— Баринъ мой... Баринъ... снова прошепталъ онъ отъ избытка чувствъ.

— Давно не видались?—выговорилъ старецъ.

— Давно, давно. Четвертый день...

— Гдѣ? Что ты? Вторую недѣлю,—сказалъ Андрей Ивановичъ, удивляясь.

— Нѣту, что вы, родной мой! Четверо сутокъ... Это вамъ такъ сдалося.

— Не ври, не путай... Вы, остолопы, счета днямъ не знаете. Недаромъ холопы, темные люди... заворчалъ старецъ.—Я тебѣ сказываю, вторая недѣля пошла, что моя дѣвчурочка заболѣла, и я ее не видаю... А ты сейчасъ за ней свалился.

Макаръ не сталъ перечить, а при упоминаніи о барышнѣ снова вспомнилъ все... все горькое, ужасное, безысходное. Все, что станетъ неминуемо роковымъ для этого дорогого ему, чуть уже не столѣтняго барина.

— Скажи, Макарка, у тебя та же хворость была, что у моей дѣвочки?—спросилъ вдругъ Андрей Ивановичъ.

— Та же-съ,—отвѣтилъ Макаръ зря.

— Та же?!—ахнулъ Андрей Ивановичъ.—Мнѣ сказывалъ Андрюша, что у тебя другая...

— Другая, другая-съ... Совсѣмъ другая,—затараторилъ старикъ, сразу сообразивъ, въ чемъ дѣло.—Я сказываю, что также слегъ въ постель и не могъ ходить. А хворость-то моя самая была совсѣмъ не такая, что у Зинаиды Антоновны.

— Ну, а когда же моя-то дѣвочка встанетъ да придетъ ко мнѣ?—грустно вымолвилъ Андрей Ивановичъ.

— Скоро-съ... скоро... тихо и потупляясь отвѣтилъ Макаръ и умышленно заговорилъ о другомъ, разспрашивая старца, какъ онъ за эти дни почивалъ, какіе сны видѣлъ, хорошо ли служили ему.

Андрей Андреевичъ, узнавъ отъ дочери о возвращеніи Макара, велѣлъ ей позвать его къ себѣ, а разсказъ ея перебилъ словами:

— Онъ мнѣ самъ все повѣдаетъ. Пошли его.

— Да нечего повѣдывать-то,—сердито выговорила Прасковья Андреевна.—Не отдаетъ и не отдастъ. Вотъ и все тутъ. Садитесь и пишите обо всемъ по начальству. Да и дѣдушкѣ разъясните, не спѣша, потихоньку, какъ сумѣете. Не надо его сразу пугать.

— Ладно. Посылай Макара.

Когда старикъ-слуга, явившись, передалъ «молодому» барину все то же, что разсказалъ Прасковьѣ Андреевнѣ, только менѣе стѣсняясь въ выраженіяхъ, Глѣбовъ не сталъ входить въ какія либо подробности. Недвижно сидя въ креслѣ, онъ не разспрашивалъ, а молча слушалъ, что Макаръ самъ находилъ самымъ суще-

ственнымъ передать. И только тогда, когда слуга заговорилъ о Ваастѣ, Глѣбовъ спросилъ:

— Что же онъ-то? Онъ добродѣтельный... онъ не злодѣй...

— Онъ ничего не можетъ: нахлѣбникъ—онъ.

— Зачѣмъ же онъ отъ насъ, не простясь, тайкомъ, напередъ всѣхъ уѣхалъ?

— Не желалъ, видно, замѣшиваться въ этакое дѣло,—отвѣтилъ Макаръ.—Онъ самъ мнѣ сказывалъ: «Безчестье великое для твоихъ господъ дворянъ. Я въ сторонѣ отъ грѣха».

Глѣбовъ помолчалъ и выговорилъ тихо:

— Безчестья нѣту... Людскія измышленья: и честь и безчестіе.

— Срамъ, Андрей Андреевичъ.

— И сраму нѣту. Суемудріе и суесловіе.

— Какъ же нѣту, баринъ дорогой? Великій срамъ на насъ,—замѣтилъ Макаръ отчасти вразумительно, какъ если бы говорилъ съ кѣмъ изъ дворовыхъ.

— Нѣту. Все измышлено, суета. Господь нашъ Іисусъ Христосъ поруганный, оплеванный, заушенный, не сказывалъ о срамѣ, не сказывалъ о безчестіи... Это все люди выискали, вымыслили отъ суеты житейской, сотворили себѣ «бози иніи развѣ мене». Да, кумиры, кумиры. А Господь забытъ.

Андреей Андреевичъ глубоко вздохнулъ и опустилъ голову.

— Какъ же, баринъ дорогой, разсудить?—заговорилъ Макаръ.—Богъ Господь, вѣстимо... Оно стало быть: Богу молися. Ну, а если тебя кто обидѣлъ, осрамилъ, нешто ему спускать?

— Вѣстимо, прощай обиды, не суди. Самъ виноватъ.

— Да вѣдь какая бываетъ тоже и обида. Вѣдь теперь, что̀ этотъ князь содѣялъ... Страсть что. Вѣдь большой грѣхъ это, изъ самыхъ большущихъ.

— Да, грѣхъ, и великій, великій грѣхъ. И какъ это мы не доглядѣли? Какъ это я допустилъ?... Ума не приложу. Нашло какое-то помраченье на всѣхъ, и на меня. И вотъ погубили внучку. Погубили и человѣка. Были у него грѣхи, а мы ему еще другой, новый, тягчайшій на душу взвалили. Да, великій грѣхъ взяли мы всѣ на себя. А пуще всѣхъ я предъ Господомъ въ отвѣтѣ. И этого грѣха мнѣ уже не замолить.

Макаръ стоялъ предъ согнувшимся въ креслѣ бариномъ и, слегка разинувъ ротъ, внимательно слушалъ, но плохо понималъ, или же понимая не хотѣлъ вѣрить, что баринъ справедливо судитъ.

— Доброта все ваша, Андрей Андреевичъ!—разсудилъ онъ наконецъ.—Онъ злодѣй. Онъ и въ отвѣтѣ предъ Богомъ, онъ одинъ. А вы-то за что же?

— Онъ на меня сошлется предъ престоломъ Всевышняго. Я его въ грѣхъ ввелъ, и я одинъ во всемъ повиненъ.

— Что вы, что вы, Андрей Андреевичъ?—возопилъ слуга, чуть не взмахнувъ руками.

— Ты этого, Макаръ, уразумѣть не можешь. Не по разуму твоему. Коли человѣкъ назлодѣйствовалъ съ тобой, то ты вѣрно самъ виновенъ, его на это своимъ поступленьемъ подвигнулъ.

— Баринъ, да вѣдь Господа Христа жиды распяли,—вскрикнулъ Макаръ.—Стало быть, Господь самъ же въ этомъ и повиненъ, а не безвинно пострадалъ за насъ, грѣшныхъ.

Андрей Андреевичъ поднялъ глаза на слугу и помолчавъ выговорилъ почти шепотомъ:

— Христосъ—Сынъ Божій, а мы—человѣки. Не грѣши.

XXII.

Отпустивъ стараго слугу, Андрей Андреевичъ далъ волю себѣ, или тому, что было на душѣ. Онъ горько заплакалъ... Сидя въ креслѣ, понурившись, онъ тихо и безмолвно плакалъ и глядѣлъ, какъ слезы, скатясь по щекамъ, падали и капали на колѣна и на сложенныя руки, сложенныя будто безпомощно или покорно и виновато...

Глѣбовъ плакалъ о судьбѣ внучки, дѣвушкѣ-ребенкѣ, которую погубилъ онъ, ея дѣдъ, погубилъ своимъ неразуміемъ, непредвидѣньемъ того, что врагъ человѣческій строилъ. Козни дьяволовы были очевидны, а онъ не видѣлъ ихъ. И что же? Какой онъ грѣхъ взялъ на душу? Погубилъ сразу двухъ человѣкъ. Погубилъ внучку и погубилъ другого человѣка, хоть и чужого, а все-таки такого же христіанина, какъ и онъ самъ. И этого чужого человѣка онъ ввелъ въ страшный грѣхъ, въ злодѣйство, въ окаянное, каиново дѣло. Спровадь онъ гостя князя тотчасъ же, ничего бы не было. Онъ допустилъ его загоститься и какъ бы помогалъ ему всячески сослужить сатанѣ, исполнить все, что врагъ человѣческій засѣялъ здѣсь, въ Пустомъ Валѣ.

Великъ грѣхъ князя Гиреева. Но Гиреевъ, отвѣчая на Страшномъ Судѣ предъ Господомъ, справедливо скажетъ: «Я виноватъ, но Глѣбовъ меня въ искушеніе ввелъ. Ему было смотрѣть и видѣть, спасти внучку отъ бѣды и меня до лиходѣйства и злодѣянія не доводить».

И долго просидѣлъ старикъ, горько размышляя о своей винѣ.

Между тѣмъ Прасковья Андреевна дожидалась, чтобы мать, проснувшись, перешла съ постели на кресло, для того, чтобы объявить ей о вѣстяхъ, привезенныхъ слугой.

Катерина Петровна, отдыхавшая, но не спавшая, уже знала о пріѣздѣ Макара. Молодая горничная уже объявила барынѣ о новости, но не могла ничего разсказать, такъ какъ старикъ съ дворней ни единымъ словомъ не обмолвился.

— Худы очень вѣсти?—спросила старуха.—Или не очень?...

— Не могу знать, матушка барыня. Никому-то онъ ни чуточки не сказалъ.

— А какъ видать?...

— Видать, барыня, худое... Одно худое привезъ, ей-Богу.

Катерина Петровна перебралась на кресло, съ трудомъ, слегка задыхаясь отъ «тяготы подъ ложечкой» и отъ «давки въ темени». Старухѣ попрежнему сильно нездоровилось съ той самой минуты, что она впервые узнала объ исчезновеніи гостя и внучки.

Едва она сѣла въ свое кресло, какъ явилась дочь, суровая, важная, гордая, являющаяся, конечно, судить, осуживать, попрекать и презрительно «выговаривать вины» матери.

— Ну, сказывай,—произнесла Катерина Петровна, смущаясь.

— Ужъ знаете, вернулся... А что и какъ дѣло, тоже, поди, вамъ разсказали.

— Нѣтъ. Говори. Худо?

— Вѣстимо.

— Что же?

— А то, чего и ждать слѣдовало.

— Говори..

— Нечего говорить, матушка. Сами понимаете.

— Говори, говори... Не томи меня.

— Да что же, матушка? Ну, увезъ, и, стало быть, она у него въ забавницахъ. И теперь, и впредь, въ предбудущее время, покуда не прискучитъ. Тогда пришлетъ къ намъ.

— А вѣнчаться не?...

Катерина Петровна запнулась и не договорила.

— И въ мысляхъ-то нѣтъ,—усмѣхнулась Прасковья Андреевна.— Онъ не изъ таковскихъ... Да и она-то... На этакихъ не женятся.

— Стало, конецъ?

Прасковья Андреевна не сочла нужнымъ отвѣтить.

— Стало, конецъ?—повторила старуха, вытягиваясь въ креслѣ къ дочери, какъ бы на встрѣчу къ роковому отвѣту.

— Вѣстимо. Что же? Пеняйте на себя... Вы все подладили. Я говорила, но вы слушать не хотѣли. Ну, вотъ теперь и распинайтесь.

И Прасковья Андреевна заговорила, пространно толково и горделиво доказывая все неразуміе матери за все время, что у нихъ гостилъ князь.

Старуха сидѣла, молчала, будто слушала, но въ дѣйствительности она ничего не слыхала. Рѣчь дочери гудѣла у нея въ ушахъ безъ смысла, какъ вода чрезъ мельничное колесо.

Наконецъ Катерина Петровна выговорила тихо:

— Воды.

— Чего?—удивилась и не поняла дочь, толково разсуждавшая,

что гостей невѣдомыхъ, съ большой дороги, вообще никогда къ себѣ никто не пускаетъ.

— Во-о-ды,—протянула, задыхаясь, старуха.

Старая дѣвица какъ бы очнулась и, какъ бы съ просонокъ понявъ, въ чемъ дѣло, понявъ, что матери дурно, бросилась за водой въ сосѣднюю горницу. Когда она вернулась, то нашла мать сидящею въ креслѣ, уже слегка запрокинувшись и закрывъ глаза.

— Вотъ, вотъ... Матушка, испейте.

Старуха открыла глаза, безсмысленно поглядѣла на дочь, но когда эта приставила ей стаканъ ко рту, она жадно начала глотать воду.

— Что-жъ? Нечего теперь. Горю не поможете, себя растревоживая,—разсудила и посовѣтовала Прасковья Андреевна.

Мать показала рукой на постель.

— Прилечь опять желаете?

Катерина Петровна слегка кивнула головой. Дочь помогла ей подняться и поддерживая довела до постели. Старуха легла, вытянулась, глубоко вздохнула и закрыла глаза.

— Нечего себя тревожить... Не поможете,—повторила сухо старая дѣвица.—Усните что ли?.. Нужно вамъ что?

Катерина Петровна не отвѣтила.

— Терентьевну послать къ вамъ?

Но такъ какъ мать не отвѣчала и лежала недвижимо и закрывъ глаза, старая дѣвица постояла нѣсколько мгновеній и затѣмъ пошла изъ комнаты.

— Насъ возьми на это—глупости дѣлать и охать. А больше ничего съ насъ не спрашивай!—думала Прасковья Андреевна, идя къ себѣ.

Она сѣла было за пяльцы, но, едва начала работать, какъ вспомнила:

«А дѣдушка? Кто же ему пойдетъ сказывать? Макаръ не пошелъ. Матушка не можетъ. Батюшка—его дѣло.

И чрезъ мгновеніе Прасковья Андреевна спрашивала себя:

«Не мнѣ ли? Да, мнѣ надо. Они не сумѣютъ. Дѣдушка старъ. Его пугать нельзя. Его надо, какъ махонькихъ дѣтей, уберегать»...

Прасковья Андреевна встала и пошла къ дѣду рѣшительной походкой.

«Какъ взяться?—думалось ей.—Съ чего начать? Нельзя же такъ сразу. Мудрено, прямо таки мудрено.

Войдя къ старику и сѣвъ около него, Прасковья Андреевна спросила, какъ онъ себя чувствуетъ.

— Ничего, Прасковьюшка. Скучно мнѣ безъ моей дѣвочки.

— Что дѣлать, дѣдушка.

— Скажи, когда она, моя дѣвчурочка, выздоровѣетъ.

Прасковья Андреевна собралась говорить, собралась сказать и

объяснить старику, что его правнучка и не думала болѣть, что дѣло совсѣмъ иное. Но, поглядѣвъ дѣду въ лицо, встрѣтивъ дѣтски добрый и наивный взглядъ выцвѣтшихъ и тусклыхъ глазъ старца, Прасковья Андреевна запнулась и не знала, что дѣлать.

Начать говорить правду, объяснить все, хотя бы понемногу, исподволь?.. Или начать лгать и выдумывать?

— Зайка не больна, дѣдушка,—заговорила она.—Совсѣмъ не хвораетъ, а...

— Такъ веди ее... Веди сюда. Скорѣе! Веди!..—закричалъ Андрей Иванычъ. Лицо его озарилось радостью и какъ бы просвѣтлѣло сразу.

Старая дѣвица поглядѣла на дѣда и выговорила себѣ самой: «Нѣтъ, не могу, боюся».

И рѣшивъ лгать, объяснивъ старцу, что его правнучка выздоровѣла, но спустится изъ своей комнаты только на утро, Прасковья Андреевна поднялась и пошла обратно къ себѣ.

«Пускай батюшка ему скажетъ», бормотала она. Но затѣмъ, сѣвъ за свою вѣчную работу въ пяльцахъ, она рѣшила, что старый Макаръ лучше сумѣетъ приготовить старца къ ужасной вѣсти, и что надо просто приказать слугѣ взять дѣло на себя.

И не теперь, а лучше поутру, когда дѣдушка, поднявшись со сна, бываетъ бодрѣе,—рѣшила она.

Принявшись за работу, пропуская иглу черезъ канву и прижимая пальцемъ крестики, которые она дѣлала шерстяной ниткой, Прасковья Андреевна стала думать свою ту же думу, что не покидала ея за эти дни. Она думала о племянницѣ. Она представляла ее себѣ въ домѣ князя и... въ объятіяхъ его, подъ его поцѣлуями и всевозможными ласками...

И старая дѣвица начинала тыкать иголкой быстрѣе, неровно, не попадая, куда слѣдовало, при этомъ начинала сопѣть все сильнѣе и изрѣдка глубоко вздыхать, какъ если бъ поднималась на крутую гору.

«И подумать, что щенокъ! Если бы дѣвица красавица... А то щенокъ!»—восклицала она мысленно, не видя узора и иглы отъ волненія, причиняемаго какимъ-то чувствомъ, имя которому было трудно дать. Развѣ, не мудрствуя лукаво, назвать просто...

XXIII.

Была уже ночь, темная и тихая... Въ усадьбѣ и кругомъ все спало крѣпкимъ сномъ. Одинъ старикъ Макаръ, несмотря на усталость отъ дороги, вдобавокъ съ непривычки двигаться и странствовать, все-таки плохо спалъ во флигелѣ у себя въ «семейникѣ» и, часто вздыхая и охая, ворочался. Его страшно тревожило, что будетъ завтра.

Его старому дорогому и обожаемому барину объявятъ наконецъ правду. Скажутъ, что его «дѣвочка» загублена. И что будетъ?..

Въ домѣ тоже было существо, которому не спалось. Это была старуха Терентьевна. Она ложилась въ маленькой комнаткѣ, рядомъ со спальней барыни, такъ какъ Катерина Петровна часто среди ночи просила пить квасу или мятной воды и любила, чтобы старуха служила ей, а не какая либо изъ горничныхъ.

— Дѣвки шалыя, съ просонья помоями опоить могутъ,—объясняла она.

На этотъ разъ Терентьевнѣ не спалось потому, что она прислушивалась уже съ часъ къ спальнѣ барыни и недоумѣвала.

Старая барыня особенно шибко или громко дышала, даже не просто дышала, какъ всегда, а будто удивительно храпѣла. Долго ждала Терентьевна, чтобы барыня успокоилась и перестала необычно храпѣть, какъ никогда съ ней не случалось...

Наконецъ, старухѣ послышался будто стонъ, и она, не выдержавъ, прошла въ спальню. Здѣсь она оробѣла, такъ какъ барыня храпѣла очень странно и тихо стонала...

Терентьевна окликнула спавшую нѣсколько разъ, а затѣмъ, вдругъ совсѣмъ струсивъ, побѣжала къ Прасковьѣ Андреевнѣ.

Разбуженная внезапно среди ночи, старая дѣвица сначала ничего не могла понять, потомъ разсердилась на старуху за ея глупыя выдумки, но затѣмъ, видя ея перепуганный видъ, рѣшилась встать и итти къ матери... Въ ней вдругъ сказалось что-то, чему нѣтъ иного названія, какъ предчувствіе худого.

Ложась спать, она не думала о матери и не думала, чтобы что нибудь худое могло приключиться съ ней. Теперь она сразу будто догадалась, что матери, жаловавшейся днемъ на дурноту, теперь среди ночи, вѣроятно, стало хуже.

Она быстро накинула на себя шерстяной платокъ, надѣла туфли и пошла въ спальню Катерины Петровны.

Храпъ матери или громкій хрипъ поразилъ ее. Она велѣла зажечь огня и, глянувъ на лежащую при свѣтѣ свѣчи, ахнула и смутилась.

Катерина Петровна была совершенно неузнаваема, съ темнобагровымъ лицемъ, потнымъ и будто перекошеннымъ...

Разумѣется, тотчасъ все поднялось на ноги на женской половинѣ, забѣгало, зашвырялось и зашумѣло.

Тотчасъ, по приказанію Прасковьи Андреевны, появились припарки, горчичники, липовый цвѣтъ и беленное растиранье...

Барышня съ двумя молодыми горничными принялась за дѣло...

Благодаря, вѣроятно, ихъ дружнымъ стараніямъ, Катерина Петровна стала дышать и хрипѣть медленнѣе и тише...

Чрезъ часъ она стихла совсѣмъ...

— Полегчало,—сказала Терентьевна, стоя за спиной барыни.

— Слава Богу,—шепнула горничная:—успокоилась.

Но Прасковьѣ Андреевнѣ не нравилось это спокойствіе матери... Она приглядывалась къ лицу старухи и находила, что лице стало еще хуже, еще темнѣе и совсѣмъ черное.

Чрезъ часъ стало ясно, что барыня «успокоилась» дѣйствительно, но навѣки.

Ощупавъ мать, старая дѣвица, быть можетъ, впервые въ жизни смутилась настолько, что растерялась и не помнила, не сознавала, что дѣлаетъ.

Она пришла въ себя уже въ комнатѣ, куда убѣжала опрометью и, глядя на стоявшую передъ ней Терентьевну, старалась понять, что старуха говоритъ и повторяетъ, а старуха повторяла:

— Грѣхъ покойничковъ бояться, барышня. И опять все-таки сказать: мать родная.

Прасковья Андреевна понемногу окончательно пришла въ себя и вспомнила, что она, убѣдившись, что мать мертва, выбѣжала изъ спальни отъ испуга, а не отъ горя.

— Разбуди батюшку,—сказала она.

— Андрей Андреевичъ ужъ пришелъ... При барынѣ... Молитвы читаетъ,—сказала Терентьевна.—Пожалуйте, барышня. Готовить все надо скорѣе. Обмывать тоже.... А то окостенѣетъ барыня, и мы съ ней не справимся. Пожалуйте.

Прасковья Андреевна поднялась, двинулась, но вдругъ попятилась и произнесла:

— Не могу, Терентьевна. Не могу... Дѣлайте... вы все. Иди. Дѣлайте, что нужно. Я приду... послѣ приду.—И она снова сѣла.

Мать была первый покойникъ, котораго старая дѣвица увидѣла вблизи. Чувство, овладѣвшее ею, было ей самой ново и не совсѣмъ понятно. Лежащая тамъ въ постели казалась ей не ея матерью, а совершенно другимъ и чужимъ человѣкомъ. Она не удивилась бы, увидя около постели и этой лежащей женщины свою мать, Катерину Петровну Глѣбову.

Между тѣмъ уже разсвѣтало... Дома были всѣ на ногахъ. Всюду ходили, говорили и шумѣли.

Дверь въ комнату Прасковьи Андреевны вдругъ шибко растворилась, такъ, что она даже вздрогнула, и на порогѣ появился взволнованный и запыхавшійся Макаръ.

— Барышня, барышня!—почти закричалъ онъ:—разбудили моего барина переполохомъ, и онъ меня позвалъ... спрашиваетъ... Что я скажу?...

— Скажи,—отозвалась Прасковья Андреевна, почти не сознавая, что говоритъ.

— Какъ я скажу? Я не знаю... Вѣдь два покойника сейчасъ будетъ.

И, взявъ себя за голову руками, Макаръ вскрикнулъ:

— Господи! Да что же это такое? Господи!

— Надо сказать. Что же дѣлать! Этого не укроешь, какъ иное что,—сказала старая дѣвица нѣсколько спокойнѣе.

— Не могу, не пойду. Убейте, не пойду!—закричалъ Макаръ.— Я моего барина на смерть класть? Да ни за что!... И онъ снова почти выбѣжалъ вонъ.

Едва только старикъ исчезъ, какъ явилась Терентьевна, спрашивая, гдѣ искать «упокойную одежу» барыни.

— Что?—не поняла Прасковья Андреевна.

— Вамъ должно быть извѣстно. Спрашивала Андрея Андреевича, но онъ не знаетъ и къ вамъ послалъ. Гдѣ же прикажете искать?

— Да что, Терентьевна? Какую одежду?

— А, стало быть, упокойную. У барыни, поди, гдѣ отложено, далече. Мнѣ не найти. Оно вотъ завсегда такъ. Одеженьку смертную всякій заложитъ завсегда невѣдомо куда, запрячетъ подалѣ, а смерть-то за плечами.

Старая дѣвица, наконецъ, поняла и вспомнила, что мать иногда говорила о разныхъ предметахъ одѣянія и прибавляла:

— Это жаль надѣвать. Долго ли износить. Я это отложу. Одѣнете, когда въ гробъ класть будете.

И дочь вспомнила, что въ особомъ маленькомъ сундучкѣ, стоявшемъ въ кладовой, былъ цѣлый полный туалетъ, отъ новыхъ чулокъ и башмаковъ до чепца и шейнаго платочка включительно, при чемъ коричневое шелковое платье, ни разу не надѣванное, было не простое, а дорогое «гродетуровое».

Это платье когда-то чрезвычайно прельстило Прасковью Андреевну, и затѣмъ она не разъ собиралась выпросить его себѣ у матери, чтобы надѣвать въ праздники.

Это же платье теперь заставило старую дѣвицу вспомнить о сундучкѣ, подняться и итти хлопотать.

— Хорошо. Знаю,—сказала она.—Я пойду, найду все въ кладовой и выдамъ. Возьми ключи, что у матушки на красномъ шнурѣ у постели всегда висятъ: всѣхъ—три, пришли мнѣ ихъ.

— Одѣвать придете, барышня?

— Нѣтъ, Терентьевна, не могу. Видитъ Богъ, не могу.

— Какъ же, барышня... Вѣдь одинъ-то глазокъ смотритъ, кто же закроетъ? Вамъ слѣдъ.

— Скажи батюшкѣ.

— Андрей Андреевичъ въ церковь ушелъ.

— Ну... ну... закрой... говорила Прасковья Андреевна тихо и какъ бы виновато.

— Вамъ бы слѣдъ, а не чужому человѣку,—замѣтила Терентьевна, какъ бы въ нравоученіе барышнѣ.

— Дѣлай, что говорятъ,—рѣзко отвѣтила эта.—Присылай, поди, ключи.

Черезъ четверть часа Прасковья Андреевна разыскала въ кладовой окованный сундучокъ и, отперевъ его, нашла полное одѣяніе, давно заготовленное матерью на случай смерти.

Гродетуровое платье съ фалболой изъ кружевъ снова смутило Прасковью Андреевну, какъ было когда-то. Матерія плотная и блестящая съ темными цвѣтами въ родѣ піоновъ по свѣтло-коричневому фону была удивительно красива.

— Класть въ гробъ этакое,—подумалось старой дѣвицѣ.—Не все ли равно, въ чемъ лежать подъ землей?

Она задумалась, стоя надъ сундукомъ и какъ бы колеблясь. Ей очень хотѣлось взять себѣ это красивое платье, а между тѣмъ она боялась... Она боялась не совѣсти своей, которая скажетъ ей, что она «обворовала» покойницу, родную мать. Она вспомнила, что есть худая примѣта взять и носить то, что человѣкъ при жизни опредѣлилъ себѣ взять съ собой на тотъ свѣтъ.

— Все суевѣріе, — вдругъ произнесла Прасковья Андреевна вслухъ, какъ бы разсердясь на себя самое.

И она рѣшила, что у матери въ шкафу, стоящемъ здѣсь же въ кладовой, есть почти новое и хорошее платье, тоже шелковое, только темное. А оно даже приличнѣе для гроба.

Кликнувъ горничную, Прасковья Андреевна передала ей всю одежду изъ сундучка, но тутъ было уже темное шелковое платье, а коричневое висѣло въ шкафу на его мѣстѣ.

Заперевъ кладовую и вернувшись въ свою комнату, старая дѣвица сѣла и стала прислушиваться къ шуму въ домѣ.

XXIV.

Въ столовой была сумятица, человѣкъ шесть дворовыхъ людей окружали Макара и Терентьевну, которые спорили. Старикъ строго приказывалъ старухѣ запереть дверь спальни покойницы и не пускать его барина, который собирается итти къ невѣсткѣ, а чрезъ дверь объяснить барину, что Катерина Петровна не одѣта еще или отдыхаетъ. Старуха отмахивалась, ужасалась и не соглашалась, говоря:

— Что же я грѣшить буду? Про покойницу да сказывать, что отдыхаетъ или одѣвается!

— Да вѣдь убьешь его, коли впустишь,—усовѣщивалъ Макаръ.— На одну минуту... Я сейчасъ добѣгу за Андреемъ Андреевичемъ, коли барышня ничего не дѣлаетъ и въ сторонѣ себя поставила.

На этотъ шумъ, услыхавъ его, явилась Прасковья Андреевна и слышала послѣднія слова старика.

— Ступай, болтунъ, скорѣе. Я задержу дѣдушку.

Макаръ почти рысью отправился въ церковь и, войдя въ нее, не нашелъ барина. Догадавшись, онъ прошелъ въ алтарь.

Здѣсь, въ уголку, близъ окна, стоялъ на колѣняхъ Андрей Андреевичъ и такъ забылся въ горячей молитвѣ, что не сразу пришелъ въ себя, окликнутый слугой, который повторялъ громко и рѣзко:

— Поскорѣе, баринъ, идите. Не доводите до бѣды. А не то второй покойникъ въ домѣ будетъ. Идите.

Андрей Андреевичъ поднялся и, не сказавъ ни слова, пошелъ въ домъ, медленно, согнувшись, опустивъ голову на грудь и глядя въ землю.

Казалось, что старикъ за эти дни и особенно за это утро постарѣлъ еще на десять лѣтъ. Неожиданная смерть жены глубоко поразила его. Онъ никогда не думалъ, что похоронитъ жену, а всегда предполагалъ, что здоровая на видъ, краснощекая и полная Катерина Петровна «сто лѣтъ проживетъ». Онъ же самъ по всему плохъ и хилъ и «на ладанъ дышитъ».

Теперь, идя въ домъ, онъ все-таки думалъ тревожно о старомъ отцѣ.

Вчера еще слѣдовало объяснить отцу одну бѣду, которая должна была бы поразить его въ самое сердце, а сегодня уже двѣ.

— Буди воля Божья!—вдругъ произнесъ шопотомъ старикъ и бодрѣе зашагалъ по двору.

Чрезъ минуту онъ былъ въ комнатѣ старца и сѣлъ противъ него на стулъ, собираясь говорить. Макаръ, вошедшій за нимъ, сталъ у порога.

— Веди ко мнѣ мою дѣвочку, коли она здорова,—встрѣтилъ его старецъ, произнося слова сердито твердо.—Полно вамъ баловаться и скоморошествовать.

— Какое тутъ, батюшка, скоморошество, Христосъ съ вами!—грустно отозвался Андрей Андреевичъ.

— Скоморохи, говорю... Ночью какой садомъ подняли. А почему? Что еще выдумали? Новыхъ гостей что ли, когда люди спятъ, принимали или провожали? Полуночники, мыши летучія!..

— Батюшка, мнѣ надо вамъ сказать такое... началъ и запнулся Андрей Андреевичъ: —такое худое и горькое, что вы... Вы призовите Господа Бога въ помощь себѣ. Пусть укрѣпитъ Онъ вашу душу...

— Что, что, что!..—протянулъ старикъ сердито.

Андрей Андреевичъ повторилъ тѣ же слова и прибавилъ:

— Горе у насъ въ домѣ. Два горя, батюшка.

— Два горя? Какія?—спокойно спросилъ старецъ.

— Вамъ опасались сказать про первое горе, коему уже много дней минуло. А теперь Господь послалъ и новое: взялъ къ себѣ мою Катерину.

— Взялъ? Катерину?—произнесъ старецъ, какъ бы не понявъ смысла словъ и глядя въ лицо сына пристально и пытливо; помолчавъ онъ прибавилъ:—Катерина упокоилась? Такъ ли?

— Такъ, батюшка, нынче среди ночи, вдругъ, и безъ исповѣди и причастія.

И Андрей Андреевичъ тихо заплакалъ.

Старецъ медленно перекрестился широкимъ крстомъ и упавшимъ голосомъ проговорилъ:

— Со святыми упокой, Господи.

И черезъ мгновеніе онъ прибавилъ тверже:

— Напрасно, негоже. Должна была обождать, меня прежде похоронить.

— Воля Божья...—сказалъ съ порога Макаръ.

— Вѣстимо, я не ропщу... а только... не порядокъ. Либо она раньше времени собралася, либо я все мѣшкаю, все собираюсь и чужой вѣкъ заживаю.

— И на это, баринъ дорогой, воля Божья,—сказалъ Макаръ и, обернувшись къ Андрею Андреевичу, боязливо прибавилъ:

— Другое-то... другое горе...

И старикъ слуга думалъ или молилъ:

— Пронеси, Господи, помилуй. Первое обошлося. Авось, и второе стерпитъ.

— Какое другое? Еще что?—воскликнулъ Андрей Ивановичъ.— Еще можетъ кто? Что же это?

— Нѣтъ, батюшка, слава Богу, не померъ. Не померла, а совсѣмъ инако...

— Кто?

— Заинька наша.

— Моя дѣвочка!—закричалъ старецъ на всю комнату.—Что она?

— Она... она была... она теперь...

И Андрей Андреевичъ, не зная окончательно, какъ смягчить ударъ, не находилъ словъ.

— Зинаида Антоновна уѣхала,—вдругъ вымолвилъ слуга, выступая впередъ, къ самому креслу барина.

Старикъ заговорилъ отъ страха и шагнулъ впередъ къ барину тоже отъ страха. Такъ въ сраженьяхъ кидаются впередъ отчаянные трусы.

— Куда уѣхала? Съ кѣмъ?—недоумѣвая спросилъ Андрей Ивановичъ.

— Уѣхала, да-съ,—твердо заговорилъ Макаръ.—Порѣшила барышня наша, не спросяся ни у кого, безъ родительскаго благословенья, замужъ выходить... За этого самаго князя, что у насъ гостилъ. Приходится вамъ, баринъ дорогой, хотите не хотите, согласье свое и благословенье давать, когда они соберутся... будутъ собираться вѣнчаться.

Но дальше Макаръ не могъ говорить и смолкъ.

— Будутъ... Когда будутъ еще?.. А теперь?..—тихо спросилъ старецъ.—Теперь-то что же?

И онъ глядѣлъ пристально въ лицо замолчавшаго вдругъ любимца-слуги, и глаза его тусклые и безцвѣтные загорались все сильнѣе, все ярче, будто вспыхивали. Померкнувъ на мгновенье, они снова сіяли пущимъ блескомъ.

— Путаете. Не пойму... Не то...—произнесъ онъ будто робко.

И послѣ новой паузы и молчанія онъ обратился къ сыну и произнесъ чуть слышно:

— Андрюша, поясни...

И прежде, чѣмъ сынъ успѣлъ что либо отвѣтить, старецъ вскрикнулъ съ отчаяньемъ въ голосѣ:

— Андрей! Что же это?! Господи Владыко!!

Андрей Андреевичъ, глянувъ на отца, понялъ, что еще одно лишнее слово, которое уяснитъ все старцу окончательно, и случится несчастіе. И онъ молчалъ, смущенный и оробѣвшій...

— Чего примолкли? сказывайте! — крикнулъ старецъ, обводя грознымъ взглядомъ сына и слугу. При этомъ онъ положилъ руки на оба края своего большого кресла, какъ бы собираясь опереться и подняться на ноги.

— Батюшка, успокойтесь... Соберитесь съ силами, чтобы...

— Съ силами? Соберитесь? Силы собирать и успокаиваться?— глухо и грозно проговорилъ Андрей Ивановичъ.—Это по-твоему... Ты этакъ... срамникъ... Который день уже приключилось лиходѣйство... а ты сидишь, нюни распустивъ... Богу молишься? Срамникъ!..

И, принявъ руки съ кресла, старецъ закрылъ ими свое лицо, провелъ ими по глазамъ и вискамъ, а затѣмъ тихо выговорилъ, будто себѣ самому.

— Моя дѣвочка!... моя дѣвочка!..

Въ комнатѣ водворилось молчаніе. Андрей Андреевичъ и Макаръ не только не знали, что сказать, но даже не понимали, что происходитъ на душѣ старца... Нѣчто иное, чѣмъ то, что они ожидали и чего опасались.

Андрей Иванычъ закачалъ головой изъ стороны въ сторону и заговорилъ:

— Ну, сынъ у меня!... Или времена такія теперь... Чужой вѣкъ заживаешь, вотъ и гляди. Кабы во время преставился на тотъ свѣтъ, то не видалъ бы... какъ сынокъ, баба старая, срамится... Тебя, Андрей Андреевичъ Глѣбовъ, по щекамъ хлещутъ, твою внучку насилуютъ... а ты, дворянинъ, бѣжишь скорѣе объ этомъ Господу Богу въ молитвахъ доложить: такъ и такъ, молъ, Царь Небесный... обидѣли меня, горемычнаго, мою внучку, сироту...

И старецъ вдругъ смолкъ, голосъ его оборвался, и черезъ мгновенье онъ шепнулъ едва слышно:

— Моя дѣвочка... охъ, дѣвочка... моя!... Охъ, что же это?...

И снова наступило такое глубокое молчанье въ комнатѣ, какъ если бы никого въ ней не было. Старецъ сидѣлъ на креслѣ сурово-

грустный и глядѣлъ передъ собой въ окно, какъ бы обдумывая и соображая что-то крайне важное.

Андрей Андреевичъ поглядывалъ на отца виновато, а Макаръ стоялъ, разиня слегка ротъ, и смотрѣлъ на своего дорогого барина такими глазами, гдѣ сказывалась не только простая радость, а восторгъ... даже горделивое восхищеніе.

Слуга восторженно гордился своимъ старцемъ-бариномъ.

Наконецъ, Андрей Ивановичъ выговорилъ сурово:

— Макарка, прикажи закладывать желтый рыдванъ... Уложи мнѣ малость платья и бѣлья...

— Что вы, баринъ?—не понялъ слуга.

— Рыдванъ мой... шестерикомъ. Солдата и Воробья безпремѣнно въ дышло. Остальныхъ коней, какъ знаютъ.

— Баринъ, баринъ!.. Что вы?..

— Батюшка! Что вы? Развѣ вамъ можно куда ѣхать?—заговорилъ Андрей Андреевичъ.

— Долгъ мой святой... Въ храмъ, въ храмъ!

— Куда?

— Куда?! Ты еще спрашиваешь—куда? Вѣнчать... силкомъ...

— Если вы съ жалобой собрались къ губернатору, то я, батюшка, уже началъ ему подробное писаніе, прося заступничества. И вамъ безпокоить себя...

— Ай, Создатель! Ай, люди Божьи, посудите...—ахнулъ старецъ.—Да что же это такое?!.. Свѣтопреставленье?—и Андрей Ивановичъ вдругъ прибавилъ спокойно и просто, какъ бы нѣчто дѣльное:

— Ну, а если выпоретъ тебя розгами какой сосѣдъ, кому ты, сынокъ, писать прошеніе будешь?.. Тоже губернатору?—и, не дожидаясь отвѣта, старецъ обернулся къ слугѣ и приказалъ:

— Живо! Рыдванъ. И прикажи тотчасъ и запрягать, и подавать. А мнѣ давай одѣваться.

— Баринъ! Родимый мой... началъ было слуга.

— Нишкни, холопъ!—гнѣвно вымолвилъ Андрей Ивановичъ.— Долгъ мой. Я его женю.

— Батюшка, посудите... Гдѣ же въ ваши годы?...— заговорилъ было Андрей Андреевичъ, но старецъ крикнулъ:

— Молчать! Иди къ себѣ... за работу... чулки штопать... либо вареніе варить... съ дѣвками... А того лучше, иди въ церковь Богу на обиду плакаться. Коли ты—старая баба, то мнѣ надо ноги подымать. Мнѣ надо заступиться за мою...

Голосъ старца сразу оборвался, и онъ, уже плача безъ слезъ, произнесъ:

— Мою дѣвочку... Заичку!... Бѣдная моя дѣвочка!..

XXV.

Черезъ часъ на дворѣ у подъѣзда стоялъ запряженный тарантасъ тройкой лошадей, а старый баринъ, къ удивленію, но и къ общему восторгу всей дворни, собирался въ путь. Крѣпостные рабы радостно передавали другъ другу вѣсть, что старый баринъ ѣдетъ въ вотчину князя и возьмется за дѣло «по-свойски».

— Онъ ему покажетъ, какъ воровать дворянскихъ дѣвицъ,— говорила дворня.—Онъ этого Гиреева выучитъ. Внучку изъ потѣшницъ въ княгини обратитъ. Возьметъ да и повѣнчаетъ въ его же храмѣ.

Желтый рыдванъ, который потребовалъ старецъ, и въ которомъ онъ ѣздилъ въ губернскій городъ лѣтъ двадцать назадъ, оказался на половину развалившимся, и отъ него былъ цѣлъ въ сараѣ только кузовъ, да и въ немъ куры выдумали яйца нести. Дышловые кони Солдатъ и Воробей, которыхъ старецъ приказывалъ заложить въ рыдванъ, тоже давно уже не существовали. Двадцатилѣтніе парни въ усадьбѣ даже не помнили таковыхъ. Узнавъ, что обѣ лошади давно пали, Андрей Ивановичъ выговорилъ сурово:

— Всякому свой вѣкъ. И скотинѣ свой вѣкъ. Не надо чужой заживать. Кромѣ горя и злосчастія, ничего не увидишь.

Когда старецъ, уже одѣтый по-дорожному, вышелъ въ столовую, то, увидя тѣло невѣстки, остановился и будто оторопѣлъ... Пораженный судьбой своей правнучки, онъ будто забылъ о смерти невѣстки—одно горе вытѣснило изъ головы и сердца другое. Большее вытѣснило меньшее.

Андрей Ивановичъ приблизился къ столу, на которомъ лежало тѣло, остановился и долго смотрѣлъ покойницѣ въ лицо. Затѣмъ онъ нагнулся, поклонился въ поясъ и тронулъ полъ перстомъ.

— Царство тебѣ небесное, Катерина. Но не порядокъ: должна была обождать и меня похоронить,—проговорилъ онъ тихимъ, спокойнымъ голосомъ.—Замѣшкался я, правда... Но все же слѣдъ было тебѣ меня обождать. Ну, что же? Ты не при чемъ тутъ. Воля Божія...

Затѣмъ, обойдя столъ, оглядѣвъ покойницу тщательно, со всѣхъ сторонъ, поправивъ ея сложенныя руки, старецъ обернулся къ сыну, стоявшему поодаль, и прибавилъ:

— Смотри, меня обожди. Будетъ коли задержка какая, то все же обожди. Безъ меня хоронить не смѣй.

— Слушаюсь,—отозвался Андрей Андреевичъ и рѣшился снова сказать:—батюшка, гдѣ же вамъ такой дальній путь совершить? Оставайтесь... Похоронимъ Катерину, и я самъ поѣду къ этому злодѣю, если на то ваше желаніе...

— Дѣдушка,—заявила смѣлѣе появившаяся Прасковья Андреевна:—развѣ можно вамъ въ ваши годы этакую даль ѣхать? Да и не къ чему... Ничего сдѣлать нельзя.

Старецъ сурово глянулъ на внучку и вымолвилъ:

— Что нужно, то и сдѣлаю. Женю его. Слышала? Ну, вотъ... Да что съ тобой!.. Малая собачка до старости щенокъ. А старая дѣвка, чѣмъ старѣе, то глупѣе. Randомъ... Стародѣвичество завсегда у бабы разумъ ѣстъ. Былъ всегда у тебя вѣтеръ —сквознякъ въ головѣ, а теперь и вовсе продуваетъ со всѣхъ сторонъ. Теперь учишь меня, а скоро и бить соберешься. Не пробуй, я не изъ таковскихъ. Учи отца вотъ, благо, онъ оладья.

Черезъ нѣсколько минутъ старый баринъ садился въ тарантасъ, провожаемый сыномъ и внучкой, а за ними цѣлой гурьбой дворовыхъ людей. Андрей Андреевичъ, опустивъ сѣдую голову на грудь, смотрѣлъ въ землю безпомощно и виновато. Онъ зналъ, что всѣ осуждаютъ его. Не столѣтнему старцу слѣдуетъ ѣхать «воевать», защищать честь и семью дворянъ Глѣбовыхъ, а ему... Прасковья Андреевна смотрѣла и сердито и какъ будто даже отчасти насмѣшливо. Поступокъ старца-дѣда былъ для нея просто ребяческой затѣей выжившаго изъ ума человѣка.

«Коли приключится бѣда, никто не виноватъ. Самъ вздурился, понадѣясь на свои силы»,—говорили лицо ея, глаза и усмѣшка.

Дворня съ радостнымъ умиленіемъ провожала своего стараго барина и будто не дивилась его поступку и не опасалась ничего.

Впрочемъ, старецъ, подсаженный людьми въ тарантасъ, сѣлъ и бодрымъ взоромъ окинулъ всѣхъ, какъ если бы выѣздъ изъ дома былъ для него самымъ привычнымъ дѣломъ. А между тѣмъ, уже лѣтъ болѣе десяти онъ не садился въ экипажъ, за исключеніемъ таратайки, когда отправлялся съ правнучкой въ лѣсъ прогуляться, и при томъ не иначе, какъ шагомъ...

Оглянувшись теперь на всѣхъ, Андрей Ивановичъ увидѣлъ своего Макара, который лѣзъ на узенькое мѣстечко, на козлахъ около кучера.

— Макарка! А свалишься?—выговорилъ онъ вдругъ.

— Что вы, баринъ?—отозвался слуга.

— Старъ, да и давно не ѣзжалъ этакъ. Тряхонетъ гдѣ, и турманомъ закружишься объ землю. Садись со мной.

— Что вы, что вы? Какъ можно? Богъ же съ вами!—почти кричалъ Макаръ, влѣзая на козлы и стараясь умоститься.

— Тебѣ говорятъ... приказываютъ! Тетеря! Всѣ вы отъ рукъ отбились. Слѣзай, садись сюда!

— Да на что же это будетъ похоже?—обернулся старикъ съ козелъ къ своему старцу-барину.—Побойтесь вы Бога. Людей постыдитесь. Холопъ съ бариномъ рядышкомъ ѣдутъ! Грудные младенцы съ деревни въ лѣсъ разбѣгутся съ перепугу.

— А убьешься ты до смерти, какъ я дорогу безъ тебя найду?— воскликнулъ Андрей Ивановичъ.—Шутишь ты... Эй, вы... — обернулся онъ къ дворнѣ:—тащи его, озорного, долой!... Тащи... пихай сюда, ко мнѣ!...

Макаръ, видя двухъ дворовыхъ, которые собирались исполнить приказаніе, слѣзъ съ козелъ и жалостливо обратился къ барину:

— Ну, дозвольте хоть въ ножки сѣсть. А рядышкомъ, умру, не сяду.

— Ну, ладно, упрямица, въ ножки садись.

И старикъ усѣлся въ ногахъ барина, поджавъ свои ноги подъ себя.

— Ну, съ Богомъ! Знайте: я его женю. Съ Богомъ, трогай!— выговорилъ Андрей Ивановичъ и перекрестился. Всѣ послѣдовали его примѣру.

Тарантасъ двинулся и скоро скрылся изъ глазъ стоявшихъ у подъѣзда. Дворня бодро, почти весело разошлась въ разныя стороны. Глѣбовъ стоялъ неподвижно въ той же позѣ, опустивъ голову и глаза, какъ человѣкъ, виноватый во всемъ, что совершается. Прасковья Андреевна поглядѣла на отца и выговорила холодно:

— Дѣдушка можетъ помереть середи дороги. Онъ такъ это вдругъ вскипятился и собрался. А черезъ часъ кипятокъ пройдетъ, и онъ ослабѣетъ и... и будетъ нехорошо...

Отецъ ничего не отвѣтилъ и не шелохнулся.

— Вамъ слѣдовало ѣхать вмѣсто дѣдушки.

— Зачѣмъ?—тихо произнесъ Андрей Андреевичъ.

— Зачѣмъ? Не знаю я... Зачѣмъ дѣдушка поѣхалъ?... Затѣмъ же... Взять эту дѣвченку и привезти обратно.. Женить, понятно, нельзя.

— А что пользы? Горю не поможешь. Грѣха не загладишь. Да и не замолишь... не замолишь своего грѣха...

— Своего? Какъ же такъ? Какого своего? Зайка то-есть своего не замолитъ?

Глѣбовъ не отвѣтилъ, но воскликнулъ, какъ бы себѣ самому:

— Господи, Царь Небесный!... Если бы родитель тронулъ его сердце и усовѣстилъ сочетаться бракомъ... Вотъ Катерину Петровну онъ своимъ дѣломъ умертвилъ, хоть бы изъ-за этого. Можетъ быть, его возьметъ совѣсть и поправитъ все... Въ своемъ же храмѣ можетъ тотчасъ повѣнчаться.

Прасковья Андреевна усмѣхнулась и, двинувшись въ домъ, проворчала:

— Онъ не изъ таковскихъ. Да на этакихъ и не женятся....

Глѣбовъ остался одинъ на крыльцѣ, постоялъ нѣсколько мгновеній, затѣмъ спустился по ступенямъ и медленно пошелъ въ церковь. Онъ прошелъ въ алтарь, опустился на колѣни на томъ же мѣстѣ, гдѣ становился всегда, и, крестясь, началъ класть поклоны...

Онъ прочелъ «Милосердія двери отверзи намъ», потомъ прочелъ «Вѣрую», потомъ проговорилъ сто разъ «Господи, помилуй», кладя земные поклоны чрезъ каждые десять разъ..... И наконецъ онъ остановился, не зная и соображая, какую молитву начать....

Но вдругъ онъ поднялъ глаза, полные слезъ, губы его вздрогнули, все лицо дрогнуло, и, горько плача, онъ проговорилъ:

— Да что молитвы?..... И безъ молитвъ, Господи, все видишь, все знаешь.... Прости меня грѣшнаго за погубленіе и внуки, и жены, и чужого человѣка... Не введи въ новый грѣхъ. Помилуй! Помилуй раба твоего Андрея. Неволенъ грѣхъ мой, Господи, неволенъ.... По малоумію и малодушію....

Глѣбовъ опустился ничкомъ, припалъ лбомъ къ каменному полу и началъ горько всхлипывать.

Въ тѣ же минуты Прасковья Андреевна, стоявшая около стола, гдѣ лежало тѣло матери, сосредоточенно, хотя сурово, приглядывалась къ ужасно измѣнившемуся лицу покойницы.

Старая дѣвица съ большимъ усиліемъ переломила себя, поборола свой страхъ и боязнь мертвой матери. Теперь она смотрѣла на это «тѣло», не имѣвшее ничего общаго съ ея матерью, и разсуждала мысленно:

«Вонъ оно какъ? И всѣ этакъ. .. И я когда нибудь этакая же буду лежать. И меня будутъ другіе бояться. Зачѣмъ? Да. Такъ вотъ и ты теперь не бойся. Подойди и приложися.... Терентьевна много разъ этакъ-то»....

Однако она не двинулась и не приложилась къ тѣлу.

Въ то же время тарантасъ тихо двигался песками. Старецъ задремалъ и кивалъ, точти трясъ головой, повисшей на грудь, при малѣйшемъ толчкѣ экипажа. Макаръ сидѣлъ съежившись въ его ногахъ и не спускалъ ни на мгновенье глазъ съ своего барина, какъ нянька съ новорожденнаго ребенка.

XXVI.

Въ усадьбѣ князя Гиреева было безмолвно и угрюмо такъ же, какъ бывало во дни хворости владѣльца, когда на него нападала его тоска.

— Неужто уже надоѣла барышня бѣдная?—говорили люди.

— Чтой-то скоро! Скорѣе, чѣмъ бывало прежде.

— Что же будетъ? Отправитъ ее домой къ старикамъ, какъ другихъ прежнихъ отправлялъ?

— Адама Адамовича пошлетъ съ барышней. А этакъ нельзя. Она не таковская.

— Адамъ Адамовичъ ни въ жисть не поѣдетъ. Онъ лучше броситъ насъ и уѣдетъ, и съ княземъ знаться не будетъ. Адамъ

Адамовичъ добрѣющій и честнѣющій. У него сердце изболѣлось на это глядѣть.

— А князь-то нашъ? Злѣющій человѣкъ что ли?

— Да вотъ, поди, разсуди этакое...

— Охъ, Господи, Господи!—прибавляли всѣ хоромъ.

Эти бесѣды дворовыхъ людей Гиреева повторялись ежедневно. Никто не могъ примириться съ мыслью, что «махонькая барышня», дворянка изъ сосѣдней вотчины, давшая себя «выкрасть» и увезти «по ребячеству», будетъ снова отправлена домой къ Глѣбовымъ «за ненадобностью».

— Черезъ край хватилъ нашъ Самсонъ Иванычъ,—повторялось все чаще въ домѣ.—Слѣдъ бы теперь-то подъ вѣнецъ.

— И почему бы въ самъ-дѣлѣ князю не жениться на Зинаидѣ Антоновнѣ?—спрашивали многіе все чаще.—Была бы у насъ княгиня въ усадьбѣ, и добрая была бы барыня.

— Добрая? Нешто она можетъ быть злая? Сущій младенецъ.

Дѣло дошло до того, что нѣкоторые изъ дворовыхъ обращались къ Ваасту съ просьбой посовѣтовать князю жениться на «махонькой барышнѣ», а то положеніе ея въ домѣ «жалости подобно».

Ваастъ отвѣчалъ на эти просьбы кратко и угрюмо:

— Дураки вы! Больше ничего.

Отвѣта этого инвалидъ никому не объяснялъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ самъ начиналъ теряться въ догадкахъ. Онъ не понималъ, почему князь ходитъ темнѣе ночи. Онъ не допускалъ мысли, что молодая дѣвушка уже наскучила князю, и искалъ другое объясненіе, и не находилъ.

Дѣйствительно, князь былъ угрюмъ, порою тоскливъ не потому, что Зайка ему надоѣла. Онъ былъ попрежнему влюбленъ въ нее, даже порою чувствовалъ, что любитъ это юное существо, дѣвушку-ребенка, болѣе, чѣмъ когда либо кого любилъ.

Но судьба смѣялась надъ нимъ.

Именно эта дѣвушка, которая внушила ему болѣе глубокое чувство, сама, съ своей стороны, ничего не имѣла къ нему, а только покорялась... Покорялась и горевала, плакала, просилась домой.

И въ душѣ Гиреева была полная разладица. Онъ самъ себя не понималъ. Казалось, что онъ любитъ эту Зайку именно потому, что она его не любитъ, не можетъ любить... И не можетъ «по ребячеству своему», какъ объяснила ему жена инвалида.

— Подрастетъ—полюбитъ,—рѣшила госпожа Ваастъ отчасти вѣрно.—А теперь гдѣ же ей, бѣдной? Не до того. Она что̀ тебѣ младенецъ. Ее надо веселить.

И князь поручилъ «Ваастихѣ» заняться Зайкой и стараться всячески ее развлекать, чтобы она не тосковала.

Женщина, хотя была не особенно умна, взялась за дѣло искусно, выдумывая для молоденькой дѣвушки всевозможныя развлеченія.

И Зайка немного ожила, смотрѣла бодрѣе, веселѣе, чаще смѣялась... И только къ вечеру становилась она снова серьезнѣе, сосредоточеннѣе и будто озабочена...

Госпожа Ваастъ посовѣтовала князю устроить дѣвушку въ отдѣльной комнатѣ и дозволить имъ спать вмѣстѣ.

Князь согласился нехотя, въ видѣ пробы.

И Зайка ожила. Дня черезъ два пребыванія вмѣстѣ съ «Ваастихой» отъ зари до зари дѣвушки узнать было нельзя. Она прыгала и заливалась звонкимъ смѣхомъ, радостная, счастливая, безпечно оживленная, какъ еще недавно въ Пустомъ Валѣ.

Но если Зайка стала радостнѣе, то князь сталъ угрюмѣе. Жизнь его, которая издавна протекала такъ ровно и безмятежно, теперь будто не налаживалась...

Однажды уже въ сумерки на дворъ усадьбы въѣхалъ тарантасъ тройкой и подкатилъ къ подъѣзду.

Нѣсколько человѣкъ дворовыхъ вышли на встрѣчу къ пріѣзжимъ, а одинъ побѣжалъ доложить князю.

Изъ тарантаса при помощи своего слуги и двухъ людей, выбѣжавшихъ на встрѣчу, вылѣзъ тихо и осторожно такой старый баринъ, какихъ въ усадьбѣ еще никогда не видали.

Добѣжавшій къ князю слуга доложилъ:

— Гости.

— Кто?—спросилъ князь угрюмо.

— Не могу знать-съ. Незнаемый баринъ.

Князь не въ духѣ отъ неожиданнаго посѣщенія вышелъ и двинулся черезъ парадныя комнаты.

Выйдя въ столовую, онъ увидѣлъ передъ собой незнакомаго старика, чрезвычайно стараго, съ умнымъ и крайне суровымъ лицомъ.

— Ты—князь? Здѣшній хозяинъ?—спросилъ гость.

— Я. Что вамъ угодно?.. И кто вы сами? Я не имѣю чести васъ знать.

— Я кто? Я старикъ... девяностолѣтній. Десять лѣтъ, а то и болѣе изъ вотчины своей не выѣзжалъ и гнѣзда своего по дряхлости не покидалъ. А теперь вотъ выѣхалъ. Къ тебѣ, господинъ князь, по дѣлу, и по дѣлу кровному.

— Что вамъ угодно?—нетерпѣливо спросилъ князь.

— Говорятъ тебѣ, по дѣлу... вопіющему.

— Какъ васъ звать наконецъ?.. Это прежде всего...

— Такъ! Такъ! Прежде всего... перебилъ старецъ:—звать меня... Да какъ меня назвать? Надо назвать старымъ старикомъ, съ одной ногой въ гробу, котораго молокососъ и сорви-голова осмѣялъ, осрамилъ, запятналъ, обезчестилъ. И вотъ я пріѣхалъ узнать доподлинно... Что ты есть, князь Гиреевъ, безпечный, но честной человѣкъ, христіанинъ и дворянинъ, или... или ты, князь Гиреевъ,

изъ татарскихъ мурзъ, мухоѣдово отродье и совсѣмъ подлая, безчувственная тварь?... Вотъ сейчасъ узнаемъ. Веди меня къ моей правнучкѣ.

Князь, за мгновенье вдругъ догадавшійся, будто почуявшій, кто его нежданный гость, измѣнился въ лицѣ, слегка вспыхнулъ и стоялъ, опустивъ невольно глаза подъ гнѣвнымъ взглядомъ старца.

— Слышалъ, сіятельный хозяинъ? Веди меня къ моей правнучкѣ...

— Пожалуйте,—глухо произнесъ князь и двинулся, указывая на дверь, изъ которой пришелъ, и какъ бы прося старца итти впередъ.

Пройдя за старцемъ двѣ гостиныхъ, князь прошелъ впередъ и отворилъ дверь предъ нимъ. Едва Андрей Ивановичъ переступилъ порогъ комнаты, какъ раздался страшный и страстный крикъ.

Въ одно мгновенье Зайка, вскочивъ съ мѣста, повисла на шеѣ старца... Онъ зашатался... Князь бросился, подхватилъ его, почти падающаго и, поддерживая изъ всѣхъ своихъ силъ, довелъ до кресла.

— Прадѣдушка! — вскрикнула Зайка. — Прадѣдушка, прадѣдушка!... — начала она повторять безъ конца.

И, усѣвшись на колѣняхъ старца, дѣвушка, взволнованная, трепетная, будто перепуганная, обвила старца руками вокругъ шеи, крѣпко прижалась къ нему и тихо, все тише шептала:

— Прадѣдушка! Прадѣдушка!..

Старецъ чуть слышно всхлипывалъ... Но только глаза его стали влажны. Слезы не текли по лицу.

— Дѣвочка моя,—произнесъ онъ наконецъ сдавленнымъ голосомъ:—дѣвочка... бѣдная... Не доглядѣли... не сохранили...

Наступило молчанье. Зайка, обнимая одной рукой старца, другой гладила его по сѣдой, гладко остриженной головѣ и что-то шептала, едва шевеля губками. Казалось, она повторяетъ все то же слово: прадѣдушка.

Старецъ медленно цѣловалъ ее въ голову, потомъ поймалъ ея руку и сталъ цѣловать ее отъ кисти до локтя, чмокая ея рукавъ.

Князь стоялъ около кресла, опустивъ голову, но тяжело переводя дыханіе. Судорога схватила его за горло и душила.

— Ну... ну, князь,—вымолвилъ Андрей Ивановичъ:—я пріѣхалъ тебя женить. Слышишь?

Князь не двинулся и молчалъ.

— Слышишь? Когда же? Какъ? Гдѣ? Полагаю, что можно безъ всякихъ бабьихъ сборовъ. У тебя здѣсь храмъ есть. Вотъ и пойдемъ сейчасъ.

Князь стоялъ истуканомъ и даже не поднялъ глазъ.

— Слышишь ты, идолъ, убивица!—хрипливо вскрикнулъ старецъ.—Женить тебя на ней я пріѣхалъ!

— Прадѣдушка! Я не хочу. Не надо, — вскрикнула Зайка.—Я домой хочу. Возьми меня съ собой домой...

— Молчи, молчи, глупая дѣвочка, — мягче произнесъ Андрей Ивановичъ и, спустивъ съ колѣнъ дѣвушку, отстранилъ ее отъ себя и вдругъ, какъ-то выпрямившись, чистымъ, свѣжимъ и грознымъ голосомъ выговорилъ:

— Будь я моложе, убилъ бы тебя... А теперь... теперь... что я могу? Холопа что ли подослать зарѣзать? Не по-дворянски. Что же? Какъ же? Говори же, отвѣтствуй... Каменный ты что ли? Дѣло, къ Престолу Божьему вопіющее.

Князь двинулся и вдругъ опустился на колѣни предъ старцемъ.

— Андрей Ивановичъ, Богомъ божусь... Она станетъ моей законной женой... когда можно будетъ. Теперь нельзя.

— Что-о?—протянулъ старецъ.

— Скажу... вамъ скажу... теперь. Никто не знаетъ, никто никогда не зналъ и не знаетъ... Я женатъ. Да, женатъ, женатъ...

— Женатъ?

— Да, давно. Лѣтъ уже пятнадцать.

— Лжешь, отчаянный.

— Господомъ Богомъ клянусь! — вскрикнулъ князь, и въ голосѣ его было столько отчаянія и столько искренности, что Андрей Ивановичъ, пригнувшійся и глядѣвшій ему въ лицо, будто застылъ.

— Пускай она будетъ здѣсь... А когда можно будетъ... Если я овдовѣю... забормоталъ князь, закрывая лицо руками... Я люблю ее... люблю...

Старецъ сидѣлъ не шелохнувшись... Затѣмъ онъ зашевелилъ губами, но не произнесъ ни слова. Онъ поднялъ руку, провелъ ею по лбу и по глазамъ. И тотчасъ же рука будто сама собой упала на колѣни.

Онъ откачнулся назадъ, прислонился къ спинкѣ кресла и, закрывъ глаза, глубоко вздохнулъ...

Въ комнатѣ наступило гробовое молчаніе.

Князь, стоя на колѣняхъ передъ старцемъ, схватилъ его за руку и взволнованно, почти со слезами въ голосѣ, воскликнулъ:

— Даю вамъ честное слово. Божусь именемъ Господа, что въ тотъ часъ, когда я овдовѣю, я женюсь на ней... А теперь согласитесь, чтобъ она оставалась здѣсь со мной. Простите меня и согласитесь, Андрей Ивановичъ...

Но старецъ, откинувшись на спинку кресла, молчалъ, не открывая глазъ, и не двигался.

Прошло нѣсколько мгновеній.

— Прадѣдушка заснулъ,—вымолвила Зайка.—Да... да... я знаю. Часто такъ, часто...

Зайка была права. Ея прадѣдушка заснулъ, но на этотъ разъ— навсегда.

XXVII.

Гиреевъ, убѣдившись, что старецъ мертвъ, совершенно потерялся и не зналъ, что дѣлать. Съ пріѣзда Глѣбова до мгновенія кончины прошло нѣсколько минутъ. Прямого повода къ такой внезапной смерти, казалось, не было. Бурный подъемъ силъ и нравственный порывъ, юная душа въ дряхломъ тѣлѣ—были причиной.

Очнувшись какъ бы отъ столбняка, въ виду невѣроятнаго приключенія, еще болѣе усложнявшаго положеніе, князь распорядился, чтобы немедленно запрягли его большой рыдванъ и тотчасъ везли покойника домой.

Черезъ полчаса карета была уже у подъѣзда. Люди собирались нести въ нее тѣло. Но въ эту минуту появился чесменскій инвалидъ и, остановясь въ дверяхъ, громко произнесъ:

— Перестань, ваше сіятельство, себя срамить и грѣшить, и... надъ живыми, да и надъ мертвыми надругиваться. Довольно живыхъ тебѣ, хоть надъ покойникомъ-то смилуйся.

Князь, не понявъ, чего хочетъ Ваастъ, глядѣлъ на него и молчалъ. Люди, обернувшіеся на голосъ инвалида, тоже удивленно и молча смотрѣли на него.

— Правду сказываетъ Адамъ Адамовичъ, — раздался тихій голосъ Ферапонта.

— Что? Что сказываетъ? — растерянно спросилъ князь, оборачиваясь къ слугѣ.

— Пущай самъ говоритъ. Говорите, Адамъ Адамовичъ. Правда оно. Я смекнулъ потому собственно, что и самъ таковое думаю. Грѣшно этакъ...

— Да, грѣхъ и надругательство!—строго заговорилъ Ваастъ.— Коли приключилось этакое, что гость въ домѣ умеръ, то его нельзя, какъ убоину или падаль какую, прости Господи, таскать изъ мѣста въ мѣсто, хотя бы и въ рыдванѣ. Мертвыхъ этакъ только въ чуму на подводахъ возятъ.

— Такъ что же дѣлать?--воскликнулъ князь.

— Что подобаетъ для покойника. Все, что по христіанскому обыкновенію слѣдуетъ. Только отпѣвать и хоронить предоставимъ родственникамъ. А проводить отсюда до Пустого Вала наше дѣло... Да и вамъ самимъ слѣдуетъ.

— Дѣлай... Дѣлайте... Что хотите дѣлайте. У меня умъ за разумъ заходитъ,—тихо отозвался Гиреевъ, закрывая лицо руками.— Дѣлайте все, какъ слѣдуетъ...

Князь вышелъ и прошелъ прямо въ комнату, гдѣ была Зайка.

Дѣвушка сидѣла въ уголку, какъ-то съежившись, точно отъ холода, понурившись и согнувшись, даже подобравъ подъ стулъ свои маленькія ножки. Она была мертво-блѣдна, полудѣтское хорошенькое личико было искажено испугомъ.

Князь молча сѣлъ около, не зная, что сказать. И онъ снова закрылъ лицо руками, оперся локтями въ колѣна и опустилъ на руки голову.

— Прадѣдушка померъ?—робко спросила дѣвушка.

— Да, да...—отвѣтилъ князь, не мѣняя положенія.

— Не знаю я... Не пойму. Очень страшно... Онъ говорить не будетъ...

Князь не отвѣтилъ.

— Скажите, прадѣдушка говорить не будетъ. Ходить не будетъ... Никогда?

— Нѣтъ,—рѣзко отозвался князь.

— Онъ покойникъ?.. Его въ землю зароютъ... Говорите, родимый: вѣдь зароютъ?

— Да, да... Похоронятъ...

— Я боюсь... Какъ же это... Я не знаю... Я боюсь...

И Зайка начала тихо плакать, а затѣмъ выговорила:

— Отпустите меня...

— О Господи!—воскликнулъ князь нетерпѣливо и, вскочивъ съ мѣста, началъ двигаться по комнатѣ изъ угла въ уголъ.

— Отпустите,—громче и тверже произнесла Зайка.—Я хочу домой. Отпустите.

— Хорошо. Отпущу...—выговорилъ онъ раздражительно.

— Когда?—воскликнула дѣвушка, вскакивая и сразу переставъ плакать.—Когда? Когда? Сейчасъ?

— Конечно, не сейчасъ,—рѣзко вымолвилъ Гиреевъ будто не ей, а себѣ самому.—Сиди смирно,—прибавилъ онъ нѣсколько мягче.—Когда все будетъ готово, тебѣ скажутъ, посадятъ въ карету... Поѣдешь за гробомъ своего прадѣдушки.

— За гробомъ?.. Нѣтъ, нѣтъ, не хочу. Нѣтъ, я не поѣду,— дрожащимъ голосомъ отозвалась Зайка.

— Ну, хорошо... хорошо... Одна, одна поѣдешь,—сказалъ князь и воскликнулъ:—Господи, какая пытка!

Между тѣмъ старикъ Макаръ, узнавшій сразу о смерти своего барина, упалъ въ обморокъ и долго пролежалъ безъ чувствъ, а, придя въ себя, былъ настолько слабъ, что едва двигался.

Ваастъ и Ферапонтъ распоряжались и хлопотали надъ покойникомъ, окруженные старшими людьми, которыхъ добровольно явилось помогать болѣе дюжины.

Всѣ они были, будто взявъ примѣръ съ Вааста, какъ-то торжественно медленны въ движеніяхъ, не произносили ни единаго лишняго слова, не только не швырялись и не болтали.

На всѣхъ равно подѣйствовалъ невѣроятный случай... Всѣ ровно смущенно и почти виновато взирали на мертвое тѣло, раздѣвая, обмывая и снова одѣвая его въ новое бѣлье, принесенное изъ кладовой.

— Княжее оно. Долго жить князю, по примѣтѣ,— сказалъ одинъ дворовый помоложе, но никто не отвѣтилъ, а Ферапонтъ строго глянулъ на него.

Черезъ часъ тѣло старца было уже въ большой залѣ въ переднемъ углу, на столѣ, покрытомъ простыней.

Залъ наполнился дворовыми... Явился священникъ съ причтомъ. Поставили и зажгли церковныя паникадила.

— Доложите князю, что все готово,—приказалъ Ваастъ.—Пускай пожалуетъ...

Среди глубочайшаго молчанія прошло съ четверть часа.

Князь наконецъ появился и сталъ на порогѣ дверей гостиной, опустивъ голову и не глядя.

Началась панихида...

Нежданный пріѣздъ и тотчасъ же послѣдовававшая за нимъ смерть прадѣда барышни, которую такъ жалѣли всѣ обыватели, видимо страшно подѣйствовала на всѣхъ. За панихидой у многихъ были слезы на глазахъ, хотя покойникъ былъ всѣмъ совершенно чуждъ.

Рѣшено было тотчасъ извѣстить гонцемъ Глѣбовыхъ. А съ тѣломъ двинуться на другой день съ зарей.

Ввечеру къ князю безъ доклада явился инвалидъ.

— Я къ тебѣ, князь Самсонъ Иванычъ. Пришелъ отблагодарствовать за хлѣбъ-за соль, за покровительство и дружество,—выговорилъ онъ, войдя и не садясь.

Голосъ инвалида былъ сиповатъ и неровенъ, будто слегка дрожалъ.

— Что ты? Не пойму,—сказалъ князь, удивленно глянувъ на друга-приживальщика. И не слова, а голосъ и лицо его удивили князя. Онъ что-то почуялъ и сразу встревожился.

— Отблагодарствовать пришелъ за все, за многое. Все же болѣе десяти годовъ ты меня кормилъ, поилъ, одѣвалъ и... и ласкалъ.

И голосъ Вааста сорвался, совсѣмъ осипъ.

— Говори толкомъ,—смущенно вымолвилъ князь, уже понявъ все, но будто не желая сознаться.

— Прости. Счастливо оставаться. Дай тебѣ Богъ всего хорошаго.

— Ты собрался? Уѣзжаешь?

— Да, стало быть, надо. Что же!..

— Куда?

— Покуда не знаю. Что же? Свѣтъ не безъ добрыхъ людей. А то домой. Подправлю свою хибарку и заживу, какъ Богъ послалъ.

— Почему? Зачѣмъ? Что ты?

— Такъ надо.

— Что я тебѣ сдѣлалъ? Какое тебѣ дѣло? Не твое это дѣло,— мое. Я грѣшенъ, я срамлюсь. Я противъ Бога и людей иду. Ну... ну, и оставь меня. Я въ отвѣтѣ. А зачѣмъ же тебѣ уходить? Живи тутъ. Твое дѣло сторона.

— Нѣтъ, не сторона. Люблю я васъ и почитаю...— громче и сильнѣе произнесъ инвалидъ.—А потому глаза мои не хотятъ глядѣть омерзительное... И пуще всего хлѣба вашего не хочу я ѣсть. Горекъ онъ сталъ, въ горлѣ не проходитъ. Да, Самсонъ Иванычъ, не лгу я. Вотъ Богъ свидѣтель.

— Это блажь, комедіантство!—вскрикнулъ князь.

— Никогда я, за всю жизнь, не блажилъ! — горделиво выпрямляясь, выговорилъ Ваастъ съ достоинствомъ.—Ты, потерявъ, стало, всѣ чувства, потерялъ и разумѣніе. Человѣкъ, васъ любящій, почитавшій, бѣжитъ отъ вашего преступленія неслыханнаго, грѣховнаго и жестокосерднаго, бѣжитъ отъ злодѣя, погубившаго и убившаго столько неповинныхъ... А ты это блажью именуешь.

— Поясни тогда, что тебя подняло? Скажи толкомъ.

— Не хочу я изъ твоихъ рукъ хлѣбъ брать. Псамъ отнынѣ годенъ, а не честному человѣку, дворянину и воину. Вотъ и весь мой сказъ.

— Ну, ладно. Ты правъ, правду сказываешь. А я виноватъ!— вскрикнулъ князь.—Ну, скажи, что мнѣ дѣлать, прикажи... Все, что прикажешь, я исполню. Все... слышишь?

— Вотъ какъ. Все?

— Все. Что ни скажи, я сдѣлаю. Говори. Теперь увозомъ этой мнѣ милой дѣвушки я погубилъ... ну, прямо скажемъ, убилъ, умертвилъ и ея бабку, и ея прадѣда. Что теперь дѣлать? Какъ горю пособить? Приказывай.

— Горю пособить?— выговорилъ Ваастъ нерѣшительно.— Вѣстимо, ни Катерины Петровны, ни этого столѣтняго старца снова къ жизни воскресить нельзя, что ни дѣлай.

— Такъ что же? Что же мнѣ дѣлать?

— Все-таки... хоть и не воскресишь, а все-таки ради успокоенія своей совѣсти, ради прекращенія соблазна и утѣшенія своихъ крѣпостныхъ душъ, кои васъ любятъ и почитаютъ, за васъ стыдъ на себя принимаютъ... все-таки...

— Что? Говори. Что—все-таки?

— Бракомъ сочетаться съ опозоренной дворянской дѣвицей.

— А если я не могу.... не могу вступить въ бракъ?..

— Почему же, прихотничество?

— Если я женатъ...

Ваастъ вытаращилъ глаза. Наступило молчаніе.

— Что скажешь на это?—спросилъ князь тоскливо.

— Путаете, привередничаете.- Что такое? Не пойму я. Поясните.

— То-то, Адамъ Адамовичъ. Осуждать легко, не зная дѣла. Я

люблю Зайку, какъ ее прозвали. Люблю, и готовъ бы сейчасъ жениться, да я женатъ, Адамъ Адамовичъ, вотъ ужъ лѣтъ пятнадцать. Но я ради срама, ради себялюбія, никогда никому объ этомъ не обмолвился.

— Что вы? Богъ съ вами!—вымолвилъ пораженный Ваастъ, почти безсмысленно глядя на Гиреева.—Не вѣрю я. Ну, вотъ, не вѣрю.

— Такъ слушай же. Вотъ тебѣ все происшествіе, какъ оно было, на мою бѣду, когда я былъ молодъ и глупъ. Слушай, садись... Все выслушай и посуди.

И князь въ подробностяхъ разсказалъ Ваасту, какъ онъ двадцати съ чѣмъ-то лѣтъ проѣздомъ въ Варшавѣ увлекся еврейкой, окрестилъ ее и женился... Она была «комедіантка» изъ тѣхъ, что въ театрѣ представляютъ... Черезъ годъ она сама ушла и бросила князя... Ушла тоже съ комедіантомъ и тоже евреемъ... Съ тѣхъ поръ князь никогда ея не видалъ и не зналъ, гдѣ она и что она. Онъ думалъ, что, можетъ быть, онъ уже свободенъ, и она на томъ свѣтѣ. Но съ годъ назадъ она проявилась, написала ему, прося прощенія и желая примиренія. Разумѣется, онъ отвѣчалъ отказомъ. Она снова написала ему, прося, по крайней мѣрѣ, давать ей средства къ существованію, чтобы она бродяжничествомъ и нищетой не позорила имени, которое по закону носитъ. Стыдно будетъ ему, если «княгиня Гиреева» вдругъ очутится въ острогѣ. И князь обѣщалъ посылать ей и посылаетъ тысячу рублей на проживательство, съ условіемъ, чтобы она не пріѣзжала въ Россію и въ особенности не вздумала бы явиться въ его края.

— Ну, вотъ... вотъ и разсуди,—грустно произнесъ князь.—Что же я могу? За ошибку въ молодые годы я вотъ теперь наказаніе и несу. Я женатый, я соломенный вдовецъ. И жениться не могу, покуда она жива. Одна моя надежда, что она женщина хворая, пишетъ, что злая у нея чахотка. И она можетъ умереть раньше меня. Но когда, когда?

Наступило снова молчаніе.

— Ну, что скажешь, Адамъ Адамовичъ?—тихо и съ тоской въ голосѣ спросилъ князь.

— Что же сказать?—вздохнулъ Ваастъ и поднялся съ мѣста.—Нечего сказать, совсѣмъ нечего. Простите, что осудилъ васъ за нежеланіе вѣнчаться съ Зинаидой Антоновной.

— То-то вотъ...

— Да, но зачѣмъ же вы увозили дѣвицу изъ благородной семьи, зная, что вы бракомъ сочетаться не можете съ ней?

— Это правда, Адамъ Адамовичъ. Но что же дѣлать? Неволенъ я въ себѣ. Въ одно утро, тогда, въ Пустомъ Валѣ, порѣшилъ: не трогать, не увозить... и увезъ. Но пожалѣй ты меня. Не уѣзжай, не бросай. Я одинъ, ты видишь. Мнѣ не съ кѣмъ слова, бываетъ, сказать. Ты одинъ, единый человѣкъ, съ которымъ я душу отвожу.

Я тебя люблю и уважаю за твое прямое сердце, за благородную душу, за правдивую прямую рѣчь, въ какомъ бы ни было дѣлѣ. Я безъ тебя пропалъ, Адамъ Адамовичъ. Ради Господа, не бросай меня, не уѣзжай... особливо теперь...

Ваастъ стоялъ, опустивъ голову на грудь. Въ голосѣ князя было столько чувства, что инвалидъ былъ тронутъ и не зналъ, что сказать.

— Не знаю,—объяснилъ онъ такъ, какъ чувствовалъ:—не знаю...

— Ну, обожди, не спѣши. Хоть теперь-то не уѣзжай. Вотъ увидимъ, какъ все это распутается. Я хочу удержать Зайку у себя, удержать хоть навсегда, прямо говорю—навсегда. А она не хочетъ, просится домой, плачетъ и просится. Ты и твоя жена мнѣ поможете въ этомъ. Я, кромѣ того, прошу тебя, сейчасъ же собери всѣхъ моихъ людей и скажи имъ, разскажи все... все, что сейчасъ узналъ... отъ моего имени. Я самъ не могу...

— Слушаю-съ... Это надо... А то они очень за васъ стыдятся...

XXVIII.

Наступили третьи сутки по смерти Катерины Петровны. Слѣдовало хоронить, по обычаю, покойницу, а между тѣмъ Андрей Андреевичъ не зналъ, что дѣлать, и боялся ослушаться отца. Старецъ, уѣзжая и строго запретивъ хоронить прежде его возвращенія, теперь самъ запаздывалъ.

Прасковья Андреевна объясняла отцу, что нельзя знать, какія затрудненія могъ встрѣтить дѣдъ, и что онъ можетъ запоздать на цѣлую недѣлю.

— Нельзя же намъ матушку держать недѣлю въ домѣ,—говорила она.—Не хорошо.

— Не грѣхъ. Что же?—отзывался Андрей Андреевичъ въ нерѣшительности.

— Не грѣхъ? Не въ грѣхѣ дѣло. А нехорошо, не годится,—объясняла дочь.

— Отчего?

— Какъ отчего? Что вы, батюшка, какъ малый ребенокъ, разсуждаете! Поглядите, на что матушка уже теперь похожа. Что же это будетъ, если мы еще дня хоть три обождемъ?

Дѣйствительно, тучная при жизни женщина теперь на третьи сутки представляла изъ себя покойницу страшную.

— Я не знаю, какъ быть,—заявлялъ Андрей Андреевичъ,—а ослушаться родителя въ такомъ дѣлѣ я не могу. Хоронятъ человѣка единожды. Пріѣдетъ родитель и узнаетъ, что мы Катерину мою поспѣшили похоронить безъ него, онъ разгнѣвается страшно. Подождемъ хоть еще день или два.

Прошли сутки, и во дворъ Пустого Вала въѣхалъ конный гонецъ отъ князя Гиреева къ господину Глѣбову.

Андрей Андреевичъ, изумляясь и недоумѣвая, приказалъ позвать гонца. Старая дѣвица взволновалась при извѣстіи и, не выдержавъ отъ нетерпѣнья, пошла къ отцу, чтобы услышать собственными ушами невѣроятное извѣстіе.

Прасковья Андреевна сразу догадалась, въ чемъ дѣло, если дѣдъ не вернулся, а князь присылаетъ отъ себя посланца съ порученіемъ. Старецъ дѣдъ, очевидно, поставилъ на своемъ и, прежде чѣмъ вернуться хоронить невѣстку, пожелалъ сочетать бракомъ похитителя съ своей правнучкой. И посланецъ, очевидно, долженъ звать отца и ее на бракосочетаніе.

— Какъ же такъ? Дѣдушка изъ ума выжилъ,—рѣшила старая дѣвица.—Прежде похоронить надо, а тамъ уже думать о томъ, чтобы срамъ заглаживать.

Едва Прасковья Андреевна вошла въ комнату, какъ вслѣдъ за ней явился и посланецъ князя, молодой конторщикъ. Онъ низко поклонился и заговорилъ, очевидно, приказанное и заученное.

— Вашему благородію поклонъ привезъ отъ князя Самсона Ивановича и извѣщеніе, кое вамъ Господь пошли христіански стерпѣть, такъ какъ на то воля Божія... Всякое горе и радость — все отъ Господа. Я привезъ горестное вамъ извѣстіе... Пожаловалъ къ намъ Андрей Ивановичъ и смертельно захворалъ и посему находился, когда я поѣхалъ, при своемъ послѣднемъ издыханіи, а теперь... надо полагать... невѣдомо что уже...

Посланный смолкъ, точно и буквально исполнивъ порученіе «бережно извѣстить» господъ Глѣбовыхъ и не сразу объявить о смерти старца.

Андрей Андреевичъ будто сразу все понялъ или прочелъ на лицѣ конторщика, что онъ смягчаетъ горькую правду.

— Говори... Когда выѣхалъ ты, то родитель ужъ скончался? Говори прямо,—тихо произнесъ Андрей Андреевичъ.

Конторщикъ развелъ руками и выговорилъ:

— Надо полагать, теперь... вѣстимо...

— Полно ты!—рѣзко вскрикнула Прасковья Андреевна.—Говори! Скончался дѣдушка?

— Такъ точно-съ,—нерѣшительно отвѣтилъ конторщикъ.

Андрей Андреевичъ перекрестился и, сидя въ своемъ креслѣ, сгорбился, какъ отъ полученнаго удара.

— Какъ же теперь... — спросила старая дѣвица: — вашъ князь какъ собирается распорядиться?

— Гробъ въ городъ послали купить. А покуда на столѣ и службы упокойныя. И все какъ слѣдуетъ. За ночь гробъ доставятъ и на зарѣ сюда повезутъ тѣло для отпѣванія. Все честнѣющимъ порядкомъ... До полъ-дороги самъ князь проводитъ и наши всѣ, всѣмъ дворамъ указано. А барышня ваша досюдова поѣдетъ...

— Сюда? Совсѣмъ?—почти вскрикнула Прасковья Андреевна.

— Этого знать не могу-съ.

Наступило молчаніе. Посланный очевидно ждалъ, чтобы ему разрѣшили выйти. Старая дѣвица хотѣла задать ему нѣсколько вопросовъ о племянницѣ, но не знала, какъ это сдѣлать, какъ выразиться...

Андрей Андреевичъ двинулся, перекрестился снова три раза и поднявшись махнулъ рукой на посланца, отпуская его. А затѣмъ онъ сказалъ дочери глухо:

— Ступай, распорядись... Вотъ заразъ и похоронимъ.

Оставшись одинъ, старикъ долго простоялъ, не шевелясь, среди комнаты, а потомъ двинулся и тихо пошелъ въ церковь, прошелъ въ алтарь и опустился на колѣни на своемъ всегдашнемъ мѣстѣ.

Ровно черезъ сутки въ Пустомъ Валѣ появился похоронный поѣздъ. За дрогами съ гробомъ ѣхала карета, въ которой сидѣла маленькая, блѣдная, все еще будто испуганная Зайка, а рядомъ съ ней пожилая женщина, госпожа Ваастъ.

За каретой ѣхала телѣжка, и въ ней сидѣли страшно измѣнившійся, осунувшійся и постарѣвшій за два дня Макаръ и старикъ Ферапонтъ.

Завидя усадьбу и домъ, старый слуга князя выговорилъ:

— Совѣстно мнѣ къ вамъ глаза показать... Хоть бы ваши меня люди избили бы, что ль... Легче бы стало...

— Что ужъ!.. До того ли, родимый?... Разорено гнѣздо Глѣбовское... Одно надо!... помирать скорѣе. Мнѣ-то каково теперь безъ моего барина!

Андрей Андреевичъ съ дочерью, извѣщенные заранѣе коннымъ, котораго поставили въ лѣсу сторожить прибытіе тѣла, вышли изъ дома на встрѣчу, окруженные всей дворней и всѣми крестьянами съ деревни.

Гробъ съ тѣломъ внесли прямо въ храмъ, гдѣ уже стоялъ гробъ, принесенный наканунѣ.

Зайка, выйдя изъ кареты, бросилась къ дѣдушкѣ, обняла его и заплакала. Андрей Андреевичъ расцѣловалъ горячо внучку и, проведя рукой по ея кудрявой головкѣ, вымолвилъ чуть слышно:

— Ты агнецъ неповинный... Ты не грѣшна ни въ чемъ, не виновата... Богъ съ тобой...

Зайка обернулась къ теткѣ и хотѣла тоже расцѣловаться съ ней, но Прасковья Андреевна отстранила ее отъ себя и выговорила холодно:

— Меня прикасаться не смѣй. Замараешь... Я не по-батюшкину сужу...

Зайка боязливо попятилась, но поглядѣла на тетку глазами, въ которыхъ было одно крайнее изумленіе. Дѣвушка не поняла сказаннаго ей...

Послѣ панихиды у обоихъ гробовъ въ церкви всѣ вернулись въ домъ. Пріѣзжій слуга князя попросилъ дозволенія повидать барина для передачи ему важнаго порученія отъ Гиреева.

Андрей Андреевичъ разрѣшилъ, и Ферапонтъ явился...

Порученіе его заключалось въ томъ, чтобы все обстоятельно разъяснить Глѣбову.

Князь приказалъ объявить ему то, что много лѣтъ держалъ втайнѣ отъ всѣхъ, и лишь послѣ первой панихиды у тѣла покойнаго старца повѣдалъ своимъ рабамъ чрезъ Вааста.

Андрей Андреевичъ узналъ, что князь женатъ и при всемъ желаніи смягчить свое злое дѣло ничего не можетъ.

— Что же мнѣ въ томъ?.. Женатъ, не женатъ... Посрамленіе то же... А вина, грѣхъ... не на князевой душѣ. Онъ тутъ почти не при чемъ.

XXIX.

Прошло около недѣли послѣ похоронъ двухъ покойниковъ. Андрей Андреевичъ сидѣлъ безвыходно въ своей комнатѣ, появляясь только къ столу. Молча пообѣдавъ, почти не отвѣчая на вопросы и разсужденія дочери, онъ снова уходилъ къ себѣ.

Прасковья Андреевна унаслѣдовала отъ матери управленіе и домомъ, и имѣніемъ. Всѣ по всякому дѣлу шли теперь къ ней. Съ первыхъ же дней всѣ увидѣли, что съ барышней жить станетъ мудренѣе.

Зайка попрежнему сидѣла въ своей комнатѣ или гуляла въ саду съ Терентьевной. Но это была уже другая Зайка. Дѣвушка не прыгала и не заливалась звонкимъ смѣхомъ, какъ когда-то. Похудѣвшая, блѣдная, тоскливая, она къ тому же казалась какъ бы не вполнѣ въ разумѣ. Она глядѣла на всѣхъ испуганными глазами, вся, казалось, насторожилась, будто ожидая ежеминутно бѣды.

Прасковья Андреевна почти не говорила съ ней и только изрѣдка кое-что приказывала, всегда прибавляя вмѣсто имени слово «потерянная».

— Ну, ты, потерянная! — съ ехидной усмѣшкой говорила она холодно и небрежно.

Дѣвушка не понимала смысла этого новаго прозвища, даннаго теткой. Однажды она спросила старуху Терентьевну:

— Отчего тетушка меня зоветъ потерянной?

Озадаченная вопросомъ старуха не знала, что отвѣтить и какъ объяснить.

— А вотъ ты, стало быть, свое дѣвичество потеряла. Все-таки оно не хорошо. Вотъ тетушка и попрекаетъ,—объяснила старуха.— Ей бы не слѣдъ. Слѣдъ бы простить и молчать. Вотъ какъ дѣдушка... Да она не можетъ, не изъ такихъ. Она съ дуба рветъ.

Зайка, оставаясь подолгу одна у себя, часто думала о прозвищѣ и обо всемъ, что произошло. Понемногу въ головѣ ея стало проясняться. Она стала какъ будто понимать все значенiе происшедшаго съ ней, и ей становилось страшно.

— Стало быть, я грѣшница теперь,—рѣшила она:—великая злодѣйка. Вотъ изъ тѣхъ, что, сказывала бабушка, въ Сибирь на каторгу ссылаютъ и горячимъ желѣзомъ на лбу клейма ставятъ.

И однажды Зайка явилась къ дѣдушкѣ спросить, пойдетъ ли она въ Сибирь и когда.

— Полно ты... полно, бѣдная моя!—воскликнулъ Андрей Андреевичъ.—Это небось все Прасковья тебѣ зря болтаетъ. Ни въ чемъ ты не грѣшна и не виновата. Младенецъ ты неповинный.

И Зайка недоумѣвала, ничего не понимая.

Между тѣмъ, Глѣбовъ былъ страшно задумчивъ и озабоченъ. Онъ, очевидно, что-то обдумывалъ отъ зари до зари.

И однажды Андрей Андреевичъ вышелъ изъ своей комнаты, одѣтый совсѣмъ крестьяниномъ съ головы до пятъ. Вдобавокъ у него была простая суковатая палка въ рукахъ и какая-то старая шапка, рваная, чуть не въ лохмотьяхъ.

Прасковья Андреевна удивленно поглядѣла на отца.

— Куда вы это?

— Собрался, Прасковья, ухожу. Слушай-ка... Возьмись тутъ за все, какъ хозяйка. Веди порядливо, холоповъ не обижай. Помни, и они люди и христiане... Я иду... далече. Куда—нечего сказывать. Мало что человѣкъ предполагаетъ. Можетъ, выйдя за ворота, тотчасъ и помру... Коли Господь милосердъ, то пойду и дойду... А назадъ вернусь когда,—невѣдомо.

— Куда? Куда?—воскликнула Прасковья Андрéевна.

— Въ путь, въ далекiй...

— Зачѣмъ? По какому дѣлу?

— Грѣхи страшные замолить.

— Грѣхи? ваши? Да у васъ ихъ нѣтъ. Одинъ за вами грѣхъ—слабодушiе, доброта ребячья, богомольство непомѣрное.

— Полно, полно, не гнѣви Господа богопротивными рѣчами.

— Дѣдушка такъ сказывалъ, и матушка то же сказывала. Ушли вы не въ мѣру въ молитвы свои. Скажите хоть, куда вы собрались, и когда васъ ждать. Къ вечеру не будете? И завтра не жди?

— Нѣтъ, буду, не скоро, очень не скоро. А куда я собрался, этого я ни тебѣ, ни кому другому не повѣрю. Ну, прости. Поцѣлуемся.

Андрей Андреевичъ обнялъ дочь, поцѣловалъ трижды, а затѣмъ поклонился въ поясъ и выговорилъ:

— Прости, коли въ чемъ когда обидѣлъ.

Войдя къ своей внучкѣ, онъ повторилъ ей то же самое, что собрался въ путь, дальнiй и трудный, и невѣдомо, когда вернется... если вернется.

И онъ тоже обнялъ крѣпко дѣвушку и расцѣловалъ горячѣе, чѣмъ дочь.

Зайка страшно заплакала, будто почуяла что-то новое, горькое, горшее...

— Дѣдушка, возьми меня съ собой...—воскликнула она, всхлипывая судорожно.

— Что ты? Что ты?—кротко улыбнулся и отмахнулся Андрей Андреевичъ.

— Дѣдушка, возьми!.. Дѣдушка!.. Безъ тебя я здѣсь пропаду...

— Что ты! Богъ съ тобой! Живи безпечально. Ты ни въ чемъ неповинна, ты—агнецъ...

— Тетушка... тетушка...—заплакала Зайка, но не прибавила ни слова.

Андрей Андреевичъ, уже приказавшій всѣмъ людямъ собраться у подъѣзда, вышелъ во дворъ и заговорилъ:

— Ухожу я, голубчики, далече. Хочу съ вами проститься. Служите барышнѣ усердно, ведите себя порядливо. Промежъ себя блюдите согласіе. Меня поминайте въ своихъ молитвахъ, просите, чтобы Господь надо мной смилостивился... Если когда въ чемъ я обидѣлъ кого, то забудьте. Отпустите, простите и не поминайте. Ну, давайте прощаться. Всѣ подъ Богомъ ходимъ...

Дворовые, оторопѣлые отъ неожиданнаго заявленія барина, стали молча подходить одинъ за другимъ и цѣловаться трижды съ своимъ «чуднымъ» бариномъ.

Перецѣловавшись со всѣми, Андрей Андреевичъ снялъ шапку и перекрестился три раза, потомъ поклонился въ поясъ на три стороны... Затѣмъ онъ двинулся медленнымъ, мѣрнымъ шагомъ и пошелъ со двора.

Прасковья Андреевна видѣла все, стоя у окна столовой. Она слегка волновалась, понимая или чуя, что старикъ-отецъ рѣшилъ и предринялъ что-то важное, что-то нелѣпое и безцѣльное, но долженствующее имѣть большое значеніе не только для него самого, но могущее повліять и на ея собственную судьбу.

Давно ли здѣсь въ домѣ она была младшая, зависимая, какъ ребенокъ, несмотря на свои годы? Она пользовалась полной свободой въ пустякахъ, ежедневной обыденной жизни. Но во всемъ значительномъ, сугубо важномъ, изъ чего слагается существованіе, она была рабой. Она даже не смѣла вымолвить вслухъ того, чего желала, о чемъ мечтала въ продолженіе страшно долгаго времени, если не всей жизни.

Теперь она очутилась вдругъ здѣсь, въ Пустомъ Валѣ, одна одинехонька и полная хозяйка... Да не надъ другими... Полная властная хозяйка надъ самой собой... Въ ея рукахъ теперь ея собственная судьба. Что она захочетъ, то и будетъ... И о чемъ не смѣла она заикнуться съ родными, можетъ стать завтра же, по ея волѣ, очевидностью.

Долго простояла у окна старая дѣвица, глубоко задумавшись и будто подводя итоги всему, что такъ неожиданно приключилось въ короткое время.

Придя въ себя, она вспомнила нѣчто, насупилась и пробормотала:

— Только этотъ щенокъ все-таки будто бѣльмо на глазу. Въ монастырь бы ей, что ли, какъ ея тетка. Больше ей дѣлать на свѣтѣ нечего.

Двинувшись къ себѣ и проходя столовую, она увидѣла Зайку, сидѣвшую на подоконникѣ, какъ всегда, недвижно, молчаливо и тоскливо.

— Ну, ты, потерянная... поменьше ты мнѣ мозоль глаза,—вымолвила Прасковья Андреевна.—Знай свой шестокъ, а не разгуливай по дому.

XXX.

Въ домѣ князя Гиреева было тише и тоскливѣе, чѣмъ когда либо.

Однажды, среди дня, къ крыльцу дома подошелъ старикъ крестьянинъ, запыленный и по виду очень усталый, съ дороги. Онъ обратился къ двумъ молодымъ лакеямъ, которые сидѣли на ступенькахъ большого крыльца, прося доложить князю о немъ.

— Да чего тебѣ нужно, старина?—спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Князя повидать.

— Да зачѣмъ?

— Дѣло есть до него.

— Дѣло? Мало кто этакъ къ князю полѣзетъ! Мы не можемъ о всякомъ прохожемъ мужикѣ докладать.

Старикъ сталъ усиленно молить исполнить его просьбу. Лакей постарше сжалился и пошелъ въ домъ сказать о пришельцѣ кому либо изъ старшихъ.

Старикъ присѣлъ на ступеньки въ ожиданіи.

Слуга вернулся и объяснилъ, что надо обождать съ докладомъ, а затѣмъ началъ разспрашивать крестьянина, откуда онъ и какое у него до князя дѣло.

— Я перехожій человѣкъ,—отвѣтилъ старикъ.—А дѣло у меня до вашего князя простое, нѣтъ проще. Надо мнѣ ему пару словъ сказать, хоть вотъ тутъ же на дворѣ. А вотъ что, родные мои... будьте милостивы, дайте хлѣбца. Со вчерашняго вечера маковой росинки во рту не было. Такъ отощалъ, что даже разумъ мутится.

— Иди, иди. Въ людской накормятъ до-сыта,—отвѣчали люди.

Чрезъ нѣсколько минутъ старикъ былъ уже въ просторной людской за большимъ столомъ, а баба стряпуха поставила передъ нимъ горшокъ похлебки, каши и кусокъ пирога съ грибами.

— Ѣшь, ѣшь на здоровье, старичекъ. У насъ, слава Богу, княжіе холопы сыты-пересыты.

Старикъ поѣлъ немного похлебки, проглотилъ ложки двѣ каши и сталъ клевать носомъ.

— Умаялся, видать,—сказала стряпуха.

— Да, очень усталъ... Совсѣмъ себя не чую. Обмираю всѣмъ тѣломъ,—чуть слышно отвѣтилъ старикъ.

— А ты поѣшь, да и ложись тутъ на лавкѣ. Позовутъ къ князю,—разбудимъ.

Старикъ хотѣлъ проглотить еще ложку каши, но рука не поднялась. Онъ оперся на столъ локтями и черезъ мгновеніе уже засопѣлъ, крѣпко заснувъ.

Стряпуха взяла его сильными руками и, поваливъ на лавку, подсунула ему подъ голову чей-то кафтанъ, а затѣмъ, взявъ ноги, взвалила и ихъ на лавку.

— Ишь, горемычный! Что мертвый,—сказала она.

Въ сумерки крестьянина потребовали къ князю. Его стали будить, тормошить, кричать и звать. Раза два онъ открылъ глаза, поглядѣлъ безсмысленно и опять закрылъ ихъ. Очевидно усталость и сонъ превозмогали.

Лакей пошелъ доложить князю, что пришедшій такъ усталъ, что нѣтъ возможности привести его въ чувство. Князь приказалъ оставить его въ покоѣ и позвать на утро.

Ввечеру вся дворня собралась ужинать въ людскую. Крестьянинъ спалъ все на той же лавкѣ около стола, и сѣсть было нельзя. Дворня начала смѣяться и подшучивать надъ тѣмъ, что онъ расположился какъ разъ на самомъ почетномъ мѣстѣ у стѣны, и что главнымъ дворовымъ хоть и не ужинать, ибо сѣсть негдѣ.

Одинъ изъ этихъ главныхъ дворовыхъ, старикъ Емельянъ, явившійся ужинать, былъ встрѣченъ веселымъ смѣхомъ.

— Негдѣ, родимый, тебѣ сѣсть. Мѣсто занято. Уходи, жалуйся барину!—раздались голоса.

— Что вы? Очумѣли? Что такое?—спросилъ старикъ.

Съ шутками и прибаутками ему объяснили и показали на лавкѣ, гдѣ протянулся и сладко спалъ пришедшій крестьянинъ.

Дворовый глянулъ на крестьянина, усмѣхнулся, покачалъ головой и собрался сѣсть на край скамьи, отодвинувъ ноги спавшаго. Онъ уже взялся было за ноги въ лаптяхъ, но вдругъ остановился, замеръ въ движеніи и выговорилъ страннымъ голосомъ:

— Господи Іисусе! Что такое?

Всѣ сразу прекратили смѣхъ и шутки и насторожились, глядя на стараго и почитаемаго дворового человѣка. Никто не понималъ, что съ нимъ приключилось, и что заставило его вскрикнуть.

— Господи, помилуй! — произнесъ снова Емельянъ, нагибаясь надъ спящимъ.

Затѣмъ онъ обернулся ко всей дворнѣ и выговорилъ:

— Обожди, братцы, ужинать. Нельзя. Дѣло не подходящее, чудное впрямь дѣло. И не пойму, ничего не пойму. Но такъ нельзя... Стой, обожди. Сейчасъ сбѣгаю къ Ферапонту. Что онъ скажетъ...

Дворовый почти выбѣжалъ изъ людской.

Люди, недоумѣвая, столпились въ кучку, глядѣли на спящаго мужика, переглядывались между собою и не смѣялись, а оторопѣли. Они поняли, что происходитъ нѣчто важное и диковинное. Но что?—догадаться было невозможно. И на всѣхъ вдругъ напалъ суевѣрный страхъ.

— Незнакомый человѣкъ, мужикъ, а, стало быть, не изъ обыкновенныхъ...

Спящій, на котораго было устремлено столько пытливыхъ глазъ, проснулся, открылъ глаза, поднялся, сѣлъ на лавкѣ и перекрестился.

Онъ изумленнымъ взоромъ обвелъ всѣхъ.

— Голубчики, гдѣ же я? гдѣ это я?—спросилъ онъ и снова перекрестился.

— У насъ,—отвѣтилъ кто-то.

— У насъ, у князя Самсона Ивановича,—сказалъ дворовый постарше.—Заспалъ, старина.

— Охъ, да... у князя... отозвался старикъ.

— Пришелъ, поѣлъ и залегъ. Ну, и заспалъ.

— Да, да... Доложите князю обо мнѣ... У меня дѣло... простое. Надо мнѣ его видѣть...

— Докладывали. Князь приказалъ тебя позвать, да не могли, старина, добудиться. Такъ и бросили.

— Доложите опять...

— Ладно.

Но въ эту минуту въ людскую вбѣжалъ мальчишка и крикнулъ:

— Самсонъ Иванычъ сейчасъ самъ было сюда собрался, этого глядѣть.

Всѣ шелохнулись.

— Что ты ошалѣлъ что ли?

— Вотъ сейчасъ умереть. Самъ сюда собрался, да не допустили.

Одновременно чрезъ раскрытую въ коридоръ дверь дворовые увидѣли Емельяна и Ферапонта, быстро идущихъ въ людскую.

Ферапонтъ вошелъ, остановился и, глянувъ на сидящаго на скамьѣ крестьянина, ахнулъ.

— Андрей Андреевичъ, какъ сіе пояснить? Зачѣмъ вы здѣсь?—выговорилъ онъ смущенно.

— Къ князю. Дѣло до него.

— Да зачѣмъ же такъ? Здѣсь, въ людской?... Пожалуйте, пожалуйте.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ старикъ:—если князь собирался сюда, то пусть такъ и будетъ... лучше... Проси князя сюда.

Дворня, стоявшая кругомъ, растерянно и чуть не испуганно оглядывала теперь «ряженаго» крестьянина, оказавшагося тѣмъ самымъ бариномъ Глѣбовымъ, котораго ихъ баринъ «осрамилъ и разорилъ».

Ферапонтъ стоялъ предъ Глѣбовымъ, не зная, что дѣлать.

— Зачѣмъ же вамъ нужно, чтобы князь сюда шелъ? Пожалуйте къ нему,—сказалъ онъ наконецъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, голубчикъ... Доложи о чемъ, я прошу. Изъ милости и сострадания пусть князь исполнитъ мою просьбу. Мнѣ ему надо пару словъ сказать. И хочу оное сказать вотъ при нихъ, при всѣхъ.

— Бранными словами или жестокими попреками горю не пособите,—вымолвилъ Ферапонтъ.—Да и что хорошаго дворянину дворянина же при его крѣпостныхъ холопахъ поносить?

— Не попрекать и не поносить я его буду,—странно воскликнулъ Глѣбовъ.—Ради Господа, проси, зови князя сюда меня выслушать.

Ферапонтъ простоялъ нѣсколько мгновеній въ нерѣшительности, затѣмъ развелъ руками, вздохнулъ глубоко и выговорилъ:

— Сейчасъ доложу. Сейчасъ придетъ. Что же? Онъ виноватъ предъ вами. Всѣ мы это знаемъ. Коли хотите сердце облегчить, надругаться, князь не спрячется.

Ферапонтъ вышелъ... Андрей Андреевичъ остался на скамьѣ и сидѣлъ, понурившись и опустивъ глаза въ полъ. Дворня молчаливо, недвижно, почтительно и прямо виновато стояла кругомъ. Со стороны можно было бы подумать, что этотъ сидящій старикъ пришелъ сюда ихъ всѣхъ, кругомъ него стоявшихъ, строго разбирать и судить.

Наконецъ, въ коридорѣ послышались шаги, и показался князь въ сопровожденіи Ферапонта.

Князь вошелъ въ людскую тихомъ шагомъ, слегка блѣдный отъ нечаянности и отъ волненія. Ставъ среди комнаты, онъ выговорилъ мягко:

— Что прикажете, Андрей Андреевичъ? Вотъ я... по вашему желанію. Говорите. Имъ всѣмъ не въ новость. Всѣ они знаютъ и считаютъ меня по справедливости виноватымъ, каковымъ и я себя почитаю самъ...

При появленіи князя, Глѣбовъ поднялся и, выступивъ впередъ, глядѣлъ ему въ лицо, волнуясь и смущаясь гораздо сильнѣе и замѣтнѣе, чѣмъ самъ князь.

— Я къ тебѣ, князь, по долгу святому, христіанскому,—заговорилъ онъ упавшимъ и хриповатымъ отъ слезъ голосомъ.—Я по міру пошелъ.... не съ разоренія хозяйства, а съ разоренія семей-

наго, сердечнаго... И не побираться именемъ Христа, а спасеніе души обрѣсти. Грѣшенъ я... люто грѣшенъ. Предъ многими людьми, коли не дѣлами, то словами и помышленіемъ. И надо мнѣ прощеніе себѣ вымолить. Но предъ тобою, Самсонъ Иванычъ, я не словомъ единымъ грѣшенъ, а дѣломъ... и страшнымъ дѣломъ. Предъ тобою я сугубо грѣшенъ. Я душу твою, не токмо тѣло—загубилъ и велій отвѣтъ за тебя понесу предъ престолъ Всевышняго... Но ты самъ воленъ умалить мой окаянный грѣхъ предъ тобою... прощеніемъ христіанскимъ, не словеснымъ, а душевнымъ. Ну, вотъ, смилуйся... Прости меня, прости...

Глѣбовъ шагнулъ впередъ и, вдругъ опустившись на колѣни предъ княземъ, поклонился ему въ ноги, упавъ ничкомъ, лбомъ на полъ.

Дворня ахнула въ одинъ голосъ. Князь бросился къ старику, схватилъ его за плечи и силился поднять.

— Андрей Андреевичъ, что вы? — воскликнулъ онъ. — Господь съ вами! Я не понимаю. Чего вы хотите? Встаньте, Андрей Андреевичъ! Вѣдь не ради же потѣхи, издѣвательства надо мной... Я не понимаю.

— Прости меня, князь.

— Встаньте.

— Прости. Не встану, покуда не простишь.

— За что? Я кругомъ виноватъ предъ вами. Яназлодѣйствовалъ. Какъ же мнѣ прощать васъ?

— Нѣтъ, я все натворилъ. Я... одинъ я... Я тебя погубилъ. Я допустилъ твое злое дѣло. Честное дворянское имя посрамлено, замарано. Бѣдная сиротка, внучка моя, тобой растлѣна и загублена на всю жизнь. Жена, не стерпя обиды и посрамленья, померла... Родитель мой по дряхлости своей не снесъ душевнаго потрясенія и тоже преставился... Все это отъ тебя... Все это ты сдѣлалъ... Но виноватъ я одинъ, допустивъ тебя къ ихъ погубленію. Ты отвѣтишь предъ Господомъ, а я еще пущій и горшій отвѣтъ понесу за то, что ввелъ тебя въ искушеніе. Помогъ, толкнулъ тебя, яко сатана, душу свою загубить... Прости меня... прости, смилуйся... Господь сочтетъ мнѣ твое прощеніе...

Хриповатый голосъ Глѣбова страшно дрожалъ и рвался отъ избытка чувства, всколыхнувшаго все его существо, слезы ручьемъ струились по его худому и желтоватому лицу.

— Андрей Андреевичъ, святой вы человѣкъ! — вскрикнулъ князь.—Я же... я—сущій злодѣй. И не мнѣ прощать васъ. Велика вѣра ваша... Мнѣ же отъ этого вашего поступленія теперь еще тяжелѣе станетъ. А утѣшить васъ, прикинуться, лицедѣйствовать, прощать васъ... Прощать?.. Мнѣ же? Васъ? Не могу, не могу, вы... вы должны...

— Прости!—воскрикнулъ Глѣбовъ:—Господа ради!..

И старикъ обхватилъ ноги князя, рыдая и дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Прощаю, прощаю!—вдругъ закричалъ князь въ изступленіи,

въ трепетѣ необъяснимаго ужаса, охватившаго вдругъ его. И освободившись отъ рукъ старика, почти вырвавшись, онъ бросился вонъ изъ людской.

Ферапонтъ, обливаясь слезами, двинулся впередъ, поднялъ старика на ноги и посадилъ на скамью.

— Слава Богу, слава Создателю! — шепталъ Глѣбовъ и три раза перекрестился.

Дворня, столпившись кругомъ, мертво молчала. Въ людской наступила та тишина, какая наступаетъ въ храмѣ, при случайномъ перерывѣ богослуженія.

Между тѣмъ на дворѣ уже совершенно стемнѣло. Въ людской зажгли огонь.

Глѣбовъ поднялся съ лавки, взялъ свою суковатую палку и рваную шапку и выговорилъ:

— Ну, простите, добрые люди. Не поминайте лихомъ. Князь вашъ простилъ меня. Слышали?

И онъ вышелъ изъ людской. Никто не двинулся, будто не посмѣлъ итти за нимъ.

Въ полную тьму Андрей Андреевичъ прошелъ дворъ, затѣмъ повернулъ на село, чрезъ которое шла большая дорога, и шелъ, не замѣчая, что собирается гроза. Громъ уже гудѣлъ раскатами около первыхъ избъ села. Кто-то бѣглымъ шагомъ нагналъ его и окликнулъ:

— Господинъ Глѣбовъ!

Старикъ остановился и обернулся. Предъ нимъ былъ человѣкъ, одѣтый бариномъ, но въ наступившей темнотѣ онъ не могъ разглядѣть лица.

— Господинъ Глѣбовъ, Андрей Андреевичъ! Я васъ прошу... я... Вы ничего противъ меня не имѣете. Я ничѣмъ не виноватъ предъ вами. Я васъ прошу... изъ милости. Останьтесь у меня ночевать... у меня.

Голосъ говорившаго былъ старику знакомъ, но, не видя лица, онъ не могъ догадаться, кто предъ нимъ.

— Кто вы? — спросилъ онъ.

— Я — Ваастъ, лейтенантъ Ваастъ. Ну, безрукій... Я былъ у васъ въ Пустомъ Валѣ. Вы меня знаете... Ну, вотъ я васъ прошу. Изъ милости... оставайтесь ночевать у меня. Куда вамъ въ этакую погоду и въ этакую темь итти?... Завтра утромъ, Богъ съ вами, отправляйтесь. А теперь, сейчасъ гроза будетъ, ливень. Пожалуйте ко мнѣ.

— Спасибо, достопочтенный мой Адамъ Адамовичъ, — отвѣтилъ старикъ. — Отъ души спасибо. Это вы по добротѣ своей. Но мнѣ что же до погоды? Ну, будетъ гроза, ливень. Ну, измочитъ. Ну, что же? Разсудите, родной мой, что мои обстоятельства жизни таковы, что ничего худого со мною быть не можетъ, потому что все, что

люди худымъ почитаютъ, будетъ для меня доброе. Ну, скажемъ, разбойники на меня набредутъ, изранятъ или убьютъ. Это вѣдь худо. Ну, а для меня это будетъ доброе. Пострадаю, и Господь это увидитъ и сочтетъ. И чѣмъ больше я пострадаю, тѣмъ больше искуплю своихъ грѣховъ. Ну, вотъ... простите, не поминайте лихомъ. Вспоминайте меня, грѣшника лютаго, въ вашихъ молитвахъ.

— Какой вы лютый грѣшникъ!—вскрикнулъ Ваастъ.—Вы самый богоугодный человѣкъ, какого я когда видалъ въ жизни.

— Полно, полно, родной. Грѣхъ такое сказывать, а мнѣ такъ и слушать страшно. Я великій грѣшникъ, да Господь многомилостивъ, и я вѣрую, что замолю и застрадаю свои всѣ великія прегрѣшенія. Ну, поцѣлуемся. Идите домой, а то вотъ, буря...

Дѣйствительно, пронеслось нѣсколько страшныхъ порывовъ вихря, и съ чернаго неба, озаряемаго молніей, уже падали и стучали, какъ дробины, крупныя капли дождя.

Оба старика расцѣловались трижды. Ваастъ крѣпко обнялъ при этомъ Глѣбова, котораго собственно мало зналъ, но въ которомъ чуялъ человѣка, какихъ мало «водится» на свѣтѣ.

— Андрей Андреевичъ, куда вы этакъ собрались и идете?—не выдержавъ, спросилъ онъ.

— Вамъ, Адамъ Адамовичъ, скажусь. Дочери родной, Прасковьѣ, не сказалъ, а вамъ скажу. Далече, очень далеко: ко Гробу Господню. А потомъ вернуся на Аѳонъ и тамъ останусь до конца дней моихъ, въ постѣ и молитвѣ прощенье лютыхъ грѣховъ получить... Ну, идите... идите домой. Вишь, какая буря подымается. Этакъ вы, пожалуй, изъ-за меня...

Страшный раскатъ грома послѣ ослѣпительной молніи, зажегшей полъ-неба, заглушилъ слова Глѣбова. Онъ махнулъ рукой и двинулся. Ваастъ остался на мѣстѣ и глядѣлъ... Чрезъ нѣсколько мгновеній старикъ исчезъ во тьмѣ ночи.

Инвалидъ быстро пошелъ домой. Едва онъ вошелъ на крыльцо и въ переднюю, какъ хлынулъ страшный ливень...

— Господи! Въ этакую погоду въ полѣ... въ его годы и при его хилости!—воскликнулъ инвалидъ.—Лютый грѣшникъ онъ?! Валялся, сказываютъ они, въ ногахъ у князя, прося прощенья за все, что содѣлалъ. Что же это?...

И чрезъ мгновенье Ваастъ выговорилъ съ укоризной:

— Да, вотъ человѣкъ. Вотъ какъ надо жить на свѣтѣ, а не такъ, какъ ты. Изъ-за дарового куска хлѣба чужое злодѣйство терпишь, да еще покрываешь. Жаль, видишь ли, тебѣ злодѣя. Правда ли?

И, подумавъ мгновенье, Ваастъ вымолвилъ:

— Нѣтъ, не лукавствую предъ собою. Правда: жаль мнѣ его, жаль. Добрый онъ, добрый. А какъ назлодѣйствовалъ, какъ назлодѣйствовалъ!..

И при новомъ сильномъ раскатѣ грома, вспомнивъ о Глѣбовѣ, инвалидъ вздохнулъ, качая головой.

— Господи! Въ этакую непогоду, ночью, въ грязи, въ мокротѣ, въ стужѣ...

XXXII.

Прошло полгода. Была зима.

Въ усадьбѣ князя Гиреева было тихо, пусто и уныло. Владѣльца давно не было въ большомъ запертомъ домѣ. Князь еще въ началѣ осени уѣхалъ въ столицы, а изъ столицъ въ чужіе заморскіе края. Гдѣ онъ находился, было неизвѣстно. Когда онъ вернется въ отчину, тоже знать было нельзя, тѣмъ паче, что самъ князь, рыскавшій въ чужихъ краяхъ, не зналъ, вернется ли онъ въ Россію.

Тоска заѣдала его. Все чаще повторялъ онъ мысленно и вслухъ:

— Куда бы мнѣ отъ себя уйти?

Иногда Гирееву хотѣлось вернуться на родину и домой, въ родныя гнѣзда, но онъ не рѣшался. Онъ вспомнилъ, какими глазами глядѣли на него его крѣпостные холопы послѣ всего того, что приключилось по его винѣ. И онъ чувствовалъ, что не можетъ вернуться на глаза этихъ холоповъ, не сможетъ вынести ихъ глазъ.

Инвалидъ Ваастъ съ женой оставались въ вотчинѣ и завѣдывали всѣми дѣлами. Ваастъ управлялъ всѣми имѣніями князя, а Ваастиха правила домомъ и усадьбой.

Ежедневно инвалидъ и старый, старшій дворовый вотчины, Ферапонтъ, по часамъ бесѣдовали о «происхожденіи», которое на ихъ глазахъ «учинилось».

И каждая бесѣда кончалась все тѣми же словами:

— А все же онъ добрый. Добрый онъ!—говорилъ съ грустью Ферапонтъ.—Онъ мыкается. Вотъ Глѣбовъ ушелъ на Аѳонъ, монашествуетъ... А нашему Самсону Иванычу, поди, еще горше, еще хуже, чѣмъ на Аѳонѣ.

XXXIII.

Чрезъ тѣ же полгода въ Пустомъ Валѣ была большая новость, отъ которой крѣпостные холопы не сразу пришли въ себя, и отъ нечаянности и отъ испуга или боязни за свою судьбу.

Перемѣна, случившаяся въ домѣ и въ ихъ судьбѣ, была изъ всѣхъ диковинъ самая «умопомрачительная».

Въ Пустомъ Валѣ былъ новый баринъ, супругъ Прасковьи Андреевны, господинъ Ржецкій.

Старая дѣвица мѣсяца черезъ четыре послѣ ухода отца получила отъ него письмо, что онъ пострижется въ монахи на Аѳонѣ и домой не вернется.

И тотчасъ же собралася Прасковья Андреевна въ губернскій городъ и пробыла въ немъ мѣсяцъ. За это короткое время она

успѣла познакомиться съ мѣстнымъ чиновникомъ, письмоводителемъ губернаторской канцеляріи, а затѣмъ тотчасъ рѣшилась выйти за него замужъ и вернулась домой уже обвѣнчанная.

Новый баринъ и помѣщикъ, Иванъ Казимировичъ Ржецкій, былъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати четырехъ, и, стало быть, вдвое моложе Прасковьи Андреевны. Онъ былъ чрезвычайно красивъ, сильно черноволосый и темный лицемъ и будто не русскій, такъ какъ говорилъ съ особымъ произношеніемъ, а иногда и не зналъ, какъ выразиться.

Баринъ былъ ласковъ съ холопами, но они все-таки боялись его страшно и будто чуяли, что скоро его ласковость неминумо смѣнится и сойдетъ не только на строгость, но и на лютость.

— Онъ примѣривается...—боязливо говорили дворовые и крестьяне.

Съ женой господинъ Ржецкій былъ очень строгъ, и крѣпостные рабы предвидѣли, что скоро ихъ барышня, на старости лѣтъ вздурившаяся, будетъ не смѣть пикнуть передъ молодымъ супругомъ.

Прасковья Андреевна была, однако, покуда неизмѣримо счастлива и боготворила мужа. И только одна была помѣха ея счастью, нѣчто, раздражавше ее—присутствіе въ домѣ маленькаго существа, которое было, однако, совсѣмъ незамѣтно и даже почти невидимо.

Это была ея племянница, сирота Зайка.

Будучи въ губернскомъ городѣ, Прасковья Андреевна, еще до рѣшенія выйти замужъ, занялась устройствомъ судьбы племянницы, задумавъ сбыть ее съ рукъ въ монастырь.

По прибытіи съ молодымъ мужемъ въ Пустой Валъ, она тотчасъ отправила дѣвушку съ Терентьевной къ той игуменьѣ, съ которой уговорилась заранѣе о постриженіи племянницы.

Но недѣли черезъ двѣ, къ крайней досадѣ новобрачныхъ, дѣвушка со старухой снова появилась. Игуменья наотрѣзъ отказалась принять ее даже въ простое «послушаніе», не только въ постриженіе.

Причиной отказа явилось то, что бѣдная Зайка была «не въ себѣ». Разсудокъ ея былъ затемненъ.

И, оставшись на рукахъ тетки, она жила въ загонѣ и сидѣла безвыходно въ своей комнатѣ. Терентьевна приносила пищу къ ней, спала вмѣстѣ съ ней, но разговаривать не могла, такъ какъ Зайка только безсмысленно глядѣла, прислушивалась, но не отвѣчала.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣвушка все слабѣла, хирѣла и худѣла и скоро стала совсѣмъ крошечнымъ существомъ.

— Таетъ,—говорила Терентьевна дворовымъ людямъ:—таетъ наша безвинная страдалица. Скоро стаетъ совсѣмъ.

И года не минуло послѣ приключенія въ Пустомъ Валѣ «неслыханнаго дѣла», какъ «дѣвочка» девяностолѣтняго старца стаяла и ушла за нимъ.

Гр. Е. А. Саліасъ.

ЗАПИСКИ Н. И. МАМАЕВА [1].

XXXVII.

Помѣщикъ Павша и разсказъ о его злоключеніяхъ новоградъ-волынскаго исправника.—Губернаторъ Лашкаревъ поручаетъ мнѣ пересмотрѣть «дѣло Павши» въ архивѣ Житомирскаго губернскаго правленія.—Моя записка по этому «дѣлу», оправданіе Павши и его возвращеніе изъ Сибири.

ПРИСТУПАЮ къ описанію самой лучшей, самой свѣтлой стороны моей жизни. Минуты такія не всѣмъ даются; онѣ выкупаютъ много нашихъ несовершенствъ, нашихъ ошибокъ... Доселѣ мѣсто моего служенія давало мнѣ возможность искоренять злоупотребленія, и я душилъ взяточниковъ немилосердно. Если и дѣлалъ добро, то цѣлому краю. Богъ въ неизреченномъ милосердіи своемъ избралъ меня своимъ орудіемъ сдѣлать добро единичной личности!.. Мнѣ, въ молодыхъ моихъ лѣтахъ и не занимая никакого высокаго вліятельнаго поста на степени власти, удалось съ помощію Провидѣнія возвратить невиннаго изъ рудниковъ Сибири, дать ему права гражданства въ обществѣ, права, отнятыя несправедливостью людей и властью деспотизма.

Въ концѣ августа мѣсяца генералъ поручилъ мнѣ одно слѣдствіе, для котораго я долженъ былъ пригласить съ собой новоградъ-

---

[1] Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXVI, стр. 428.

волынскаго исправника. Проѣхавъ верстъ пять по большой дорогѣ, мы свернули въ сторону и поѣхали проселкомъ. Дорога шла между запаханныхъ полей, по мѣстности довольно ровной, красивой, какъ и вся Волынская губернія, кромѣ сѣверныхъ ея уѣздовъ; казалось, ничего особеннаго нельзя было ожидать. Время стояло чудное. На небѣ ни облачка, солнце свѣтило ярко, и такъ какъ было еще раннее утро, то лучи его насъ не очень безпокоили. Птички весело щебетали, порхая въ воздухѣ; въ выси заливались жаворонки въ своихъ громкихъ треляхъ. Все располагало къ мечтательности. При видѣ совершенствъ природы чувствовалось, какъ человѣкъ терялся во всемъ его окружающемъ, какъ слово его—ничтожно передъ голосомъ природы. Я считалъ святотатствомъ для себя постороннимъ звукомъ нарушить гармонію, всецѣлость природы, потому мы ѣхали молча. Только рои мыслей толпились у меня въ головѣ. Мы тряслись на телѣгѣ; я думалъ какъ бы скорѣе кончить слѣдствіе и возвратиться въ Житомиръ, думалъ о тѣхъ, кого оставилъ тамъ, и которые меня всегда ожидали съ нетерпѣніемъ, о чемъ думалъ исправникъ,—не знаю... какъ вдругъ на поворотѣ дороги представилась мнѣ мѣстность, какой я еще никогда не видалъ, и которой никогда не забуду.

Намъ представилась довольно широкая лощина, поросшая густой травой и уходившая въ даль, и совершенно ровная, казалось, какъ будто нарочно выпланированная искусствомъ. Лощину съ обѣихъ сторонъ сжимали небольшія возвышенности, къ которымъ растущій кудрявый кустарникъ, казалось, подползъ, чтобы ниже посмотрѣться въ рѣчку, текущую въ красивыхъ извилинахъ по дну лощины. Поверхность возвышенности мѣстами перерѣзывалась оврагами въ самыхъ прихотливыхъ очертаніяхъ. По лощинѣ бѣжала рѣчка наравнѣ съ берегами, искрясь и сверкая своей стальной броней, съ блестящею чешуею, покрытою какъ бы золотомъ, отъ отражающихся въ ней лучей солнца. Рѣчка извивалась тысячами изгибовъ, бросаясь то туда то сюда, но эта-то безпорядочность въ теченіи и составляла ея особенность, такъ меня поразившую.

Будучи отъ природы впечатлительнымъ, я при видѣ этой мѣстности не выдержалъ, приказалъ остановиться ямщику, соскочилъ съ телѣги и пригласилъ исправника пройтись пѣшкомъ.

Съ каждымъ шагомъ впередъ, панорама вида мѣнялась, дѣлаясь все лучше и лучше. Пройдя небольшой лѣсокъ, на время закрывшій отъ меня восхитительную мѣстность, и повернувъ направо, я вдругъ остановился, какъ вкопанный, устремивъ глаза впередъ, и, не имѣя духу сказать что нибудь, протянулъ только руку.

Исправникъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ:

— Что съ вами?

— Ахъ, Александръ Каспаровичъ, посмотрите, посмотрите, какъ это хорошо, какъ это чудно!

Исправникъ обвелъ вокругъ глазами и улыбнулся. Ему показалось страннымъ, непонятнымъ, какъ я могу удивляться и быть пораженнымъ до такой степени мѣстностью, которая, по его мнѣнію, ничего особеннаго не представляла. Онъ или уже пригляделся къ ней, ѣздя по своей обязанности часто мимо этого мѣста, или, можетъ быть, потому, что не имѣлъ ни моихъ лѣтъ ни моей впечатлительности ко всему изящному.

Видъ, открывшійся предо мной, своей своеобразностью совершенно затѣнялъ все видѣнное мной дотолѣ. Это было продолженіе той же лощины, которая и прежде меня остановила, но съ прибавленіемъ другихъ красотъ, другихъ измѣненій въ мѣстности.

Лощина здѣсь расходилась шире на обѣихъ возвышенностяхъ, окаймляющихъ ее, ближе къ рѣчкѣ росъ тотъ же кустарникъ, но за нимъ подымался лѣсъ. Въ проторинахъ лѣса мелькали то пашни, то деревни, но красота мѣстности собственно заключалась въ самой лощинѣ. Рѣчка прихотливымъ изгибомъ своимъ дѣлала красоту картины еще полнѣе. Протекая по прямому направленію, она круто поворачивала назадъ и, не доходя нѣсколькихъ шаговъ до своего прежняго изгиба, вновь поворачивала къ своему первоначальному направленію и текла далѣе. Такими поворотами, въ видѣ буквы *Л*, она образовала мысъ; на мысу этомъ, среди растущаго невысокаго кустарника, бѣлѣлась небольшая часовня (каплица) весьма затѣйливой архитектуры. На заднемъ ея планѣ былъ густой лѣсъ. За нимъ сбоку виднѣлось большое село съ своей деревянной ветхой церковью. Небольшой крестъ на часовнѣ ярко сверкалъ въ лучахъ солнца...

Придя нѣсколько въ себя отъ нечаянности увидѣнной мной картины, я спросилъ исправника:

— Ради Бога, скажите, что это такое, и зачѣмъ тутъ часовня?

— Это цѣлый романъ! Не желаете ли, разскажу?

— Какъ не желаю? Напротивъ, прошу, умоляю васъ.

Мы усѣлись на траву въ виду часовни, и исправникъ началъ свой разсказъ.

— Это село, чтò вы видите, и вся эта мѣстность принадлежали богатому помѣщику Павшѣ, теперь оно отписано въ казну.

— Почему?

— Выслушайте до конца и все узнаете. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Павша женился по страстной любви, но противъ воли своего отца, на бѣдной дѣвушкѣ, дочери Грибовскаго, своего управляющаго, или, какъ здѣсь ихъ называютъ, эконома. Грибовскій былъ шляхтичъ, слѣдовательно тоже благороднаго происхожденія, но въ глазахъ отца Павши такой бракъ не соотвѣтствовалъ знаменитости и достоинству ихъ предковъ. Вы знаете, какъ польскіе магнаты прежде дорожили своимъ родомъ и избѣгали смѣшенія чистоты своей крови съ п л е б е я м и, какъ они называли тѣхъ,

которые не могли съ ними равняться знатностью своего происхожденія. Въ первый же годъ женитьбы молодого Павши у него родился сынъ, но рожденіе ребенка стоило смерти матери. Павша, убитый горемъ отъ потери своей нѣжно любимой жены, наложилъ на себя обѣтъ не выѣзжать никуда изъ имѣнія, отказаться отъ свѣта и всю жизнь свою посвятить воспитанію своего сына; на него онъ перенесъ всю свою любовь и всю привязанность къ его матери и сдержалъ свое слово. 25 лѣтъ онъ жилъ послѣ смерти своей жены и ниразу не переступалъ черту границъ своего владѣнія. Въ годъ женитьбы Павши мать его жены родила мальчика, который слѣдовательно былъ немногимъ старше сына Павши. Павша взялъ его къ себѣ воспитывать вмѣстѣ съ своимъ сыномъ. Мальчики росли вмѣстѣ, все у нихъ было общее, и игры и ученье. Привязанность ихъ другъ къ другу, начатая съ малолѣтства безсознательно, по одной только привычкѣ, съ переходомъ въ возрастъ разрослась и окрѣпла въ дружбу. Оба они, получивъ дома прекрасное, основательное образованіе, отправлены были для усовершенствованія въ наукахъ въ Гейдельбергскій университетъ, въ Германію. Павша пошелъ по философскому факультету, а Грибовскій избралъ для себя медицину, какъ средство, болѣе вѣрное для обезпеченія себя въ будущемъ. По окончаніи университетскаго курса молодой Павша возвратился въ свое имѣніе, чтобы закрыть глаза умирающему отцу и принять въ управленіе свои маетности, употребляя польское выраженіе, а Грибовскій поѣхалъ въ Падую, которая тогда славилась своей медицинской академіей для лучшаго себя усовершенствованія на избранномъ имъ поприщѣ. Предъ разставаніемъ оба они поклялись другъ другу, по примѣру германскихъ студентовъ и проникнутые ихъ духомъ святости обѣщаній, не нарушать никогда дружбу, въ какихъ бы обстоятельствахъ кто изъ нихъ ни былъ, и, въ случаѣ смерти одного изъ нихъ, оставшійся въ живыхъ непремѣнно обязывался похоронить умершаго въ имѣніи Павши, въ мѣстѣ, свидѣтелѣ ихъ первыхъ дѣтскихъ игръ и ихъ перваго узла дружбы. Первому суждено было умереть Грибовскому. Усиленными занятіями онъ разстроилъ свое здоровье и чувствуя, что немного остается ему жить, спѣшилъ возвратиться въ Россію, чтобы исполнить завѣтъ лечь въ землѣ своего друга, но, не доѣхавъ до мѣста, умеръ въ какомъ-то мѣстечкѣ въ Галиціи. Павша, получивъ извѣстіе о смерти своего друга, началъ хлопотать объ исполненіи своего обѣщанія и, получивъ дозволеніе правительства на перевозъ тѣла Грибовскаго въ свое имѣніе, приступилъ прежде къ постройкѣ этой самой каплицы, которую вы видите. Вы знаете, что у католиковъ каплицей называется часовня, въ которой можно совершать мессу, т. е. обѣдню. Павша желалъ устроить прежде приличное мѣсто для погребенія тѣла своего друга, потомъ уже перевезти его. Эта-то медлительность и погубила Павшу. Въ этихъ

приготовленіяхъ засталъ Павшу бунтъ, вспыхнувшій въ Варшавѣ въ 1830 году. Бунтъ этотъ, расходясь отъ Варшавы, какъ отъ центра, охватилъ собой не только собственно Польшу, но и губерніи литовскія и западныя, къ ней прилегающія.

Павша не принималъ никакого участія въ возмущеніи края; отрядъ Дверницкаго или Гелгута,—не помню котораго изъ нихъ,— дѣйствовавшій въ этой странѣ, не могъ его увлечь въ общее возстаніе. Говорили даже, что, считая Павшу не только дурнымъ патріотомъ, но преданнымъ нашему правительству, поляки хотѣли его повѣсить, и онъ только какимъ-то чудомъ могъ избавить себя отъ петли.

Когда возмущеніе было подавлено,—говорю: подавлено, а не прекращено, поляки и теперь (въ 1841 году) мечтаютъ о возстановленіи своей націи, несмотря ни на какія жестокія мѣры нашего правительства,—для разбора участія въ бунтѣ и опредѣленія зато соразмѣрнаго наказанія, для нашего края была учреждена военная комиссія въ Житомирѣ. Презусомъ этой комиссіи былъ Охотскаго пѣхотнаго полка майоръ Ивановъ—человѣкъ, въ высшей степени подлый и сребролюбивый. Для него невинность въ преступленіи состояла въ болѣе или менѣе извѣстной суммѣ денегъ. Поэтому самые злые, самые горячіе участники возмущенія откупались деньгами и оставались оправданными, а бѣдняки, не имѣвшіе средствъ удовлетворить алчности Иванова или не желавшіе воспользоваться такимъ низкимъ средствомъ къ своему оправданію, хотя и менѣе виноватые, чѣмъ первые, дѣлились Ивановымъ на разряды и осуждались комиссіею къ болѣе или менѣе тяжкимъ наказаніямъ.

Зная такой характеръ дѣйствій комиссіи, или, лучше сказать, Иванова, можно легко объяснить судьбу Павши.

Вы знаете, что во время возмущенія въ здѣшнихъ мѣстахъ многія православныя церкви были разграблены, и утварь расхищена.

Вы тоже знаете, что католическая церковная утварь, употребляемая при богослуженіи, похожа на ту, которую употребляетъ и наша православная церковь.

У Иванова были свои клевреты, разумѣется, изъ жидковъ, которые подъ видомъ преданности русскому правительству, а въ сущности имѣя въ виду получать хорошую плату за свои гнусные доносы, извѣстили Иванова, что у Павши скрыта расхищенная церковная утварь, умолчавъ, разумѣется, о случаѣ, для котораго Павша заготовилъ эту утварь, и прибавивъ какъ бы вскользь, что онъ имѣетъ хорошее состояніе. Собаки-жиды по тонкому чутью знали, гдѣ добыть добычу и чѣмъ угодить Иванову. Ивановъ тотчасъ распорядился отправить команду въ имѣніе Павши, сдѣлать тамъ обыскъ, и если окажутся церковныя вещи, то вмѣстѣ съ самимъ Павшей представить ихъ въ комиссію. Павша, увидя у себя команду въ домѣ и узнавъ цѣль ихъ прихода, самъ вынесъ имъ церковную

утварь, совершенно новую, какъ была получена отъ мастера, и не бывшую еще въ употребленіи. Начальникъ команды, исполняя предписаніе Иванова, взялъ вещи и пригласилъ Павшу слѣдовать вмѣстѣ съ нимъ въ Житомиръ. Павша, ничего не подозрѣвая и полагая, что дѣло все вышло изъ недоразумѣнія, которое онъ уничтожитъ однимъ простымъ объясненіемъ случая, для котораго имѣлъ у себя церковную утварь, скоро и охотно собрался въ дорогу. Каково же было его удивленіе, когда по пріѣздѣ въ Житомиръ онъ тотчасъ же и безъ требованія отъ него объясненія былъ отведенъ въ Бернардинскій монастырь, замѣнявшій тогда тюрьму для государственныхъ преступниковъ, и тамъ, несмотря ни на какія возраженія и объясненія, былъ посаженъ въ отдѣльную келью, и къ двери былъ приставленъ часовой.

На другой день Павша былъ потребованъ въ комиссію для допроса. Привели его между двухъ солдатъ, какъ государственнаго преступника. На спросъ презуса о церковной утвари Павша ясно и положительно объяснилъ случай, по которому эти вещи находились у него. Ивановъ и прежде очень хорошо зналъ, по какому случаю находилась церковная утварь у Павши, но ему не того было нужно, и потому весьма вѣжливо объявилъ, что онъ вполнѣ довѣряетъ искренности его поясненій, но по порядку, принятому нашимъ судопроизводствомъ, долженъ показанія его провѣрить ближайшими изслѣдованіями, а до того времени просилъ извиненія, что вынужденъ задержать его въ Житомирѣ. Павша отведенъ былъ въ свою прежнюю келью, замѣнившую ему теперь тюрьму.

Вечеромъ посѣтилъ его Ивановъ и безъ всякихъ предисловій прямо приступилъ къ дѣлу, т. е. спросилъ, много ли желаетъ онъ заплатить за право быть оправданнымъ. Такой наглый запросъ возмутилъ благороднаго Павшу. Считая себя вполнѣ невиннымъ, онъ въ простотѣ своей души думалъ найти и честь и правоту въ нашихъ судахъ. Бѣдный Павша! Онъ дорого поплатился за свое вѣрованіе, за свою наивность! Павша, отвергнувъ съ негодованіемъ предложеніе, какъ недостойное его, дерзко отвѣтилъ Иванову, что онъ никогда не позволитъ себѣ унизиться—заплатить деньги за правое дѣло; тогда послѣдній, сбросивъ съ себя личину вѣжливости, которой прикрывалъ дотолѣ сношенія свои съ Павшей, зная, что жертва не уйдетъ отъ его рукъ, съ гордостью и самоувѣренностью сказалъ ему, что онъ горько раскается въ своей опрометчивости,—и сдержалъ свое слово: Павша былъ осужденъ и сосланъ въ Сибирь на Нерчинскіе рудники, а имѣніе было отписано въ казну.

Исправникъ кончилъ свой разсказъ, но я долго не могъ прійти въ себя, долго и неподвижно сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ. Все очарованье мѣстности исчезло для меня. Мѣсто восторга заступила во

мнѣ злоба на людскую несправедливость, на разсчитанную месть человѣка, который изъ своихъ личныхъ выгодъ жертвуетъ болѣе чѣмъ жизнію ближняго,—его честью, его спокойствіемъ души,—и все это попираетъ грязными своими помыслами.

Исправникъ замѣтилъ мнѣ, что пора ѣхать. Молча я всталъ съ своего мѣста, молча сѣлъ въ телѣгу, и мы отправились.

Не скоро я могъ прійти въ себя отъ чудовищности поступка Иванова. Разсказъ сильно налегъ на мою впечатлительную душу... Наконецъ я спросилъ:

— Неужели не было никакой возможности Павшѣ доказать свою невинность?

— Никакой. Правда, въ Кіевѣ была учреждена такъ называемая центральная комиссія для контроля надъ дѣйствіями прочихъ комиссій, подобныхъ Житомирской; но центральная комиссія даже допустивъ, что дѣйствовала бы вполнѣ добросовѣстно и безпристрастно, ничего не могла сдѣлать въ пользу Павши. Списки подсудимыхъ доставлялись въ нее изъ прочихъ второстепенныхъ комиссій во множествѣ, въ каждомъ изъ этихъ списковъ значилось по сту и болѣе преступниковъ, изъ Петербурга слѣдовали строжайшія предписанія ускорять дѣйствія комиссіи... Гдѣ же въ этой поспѣшности вы желаете сохранить всю справедливость суда и всѣ средства къ раскрытію невинности пресупника? Чаще судили больше по наружнымъ обстоятельствамъ дѣла, говорившимъ за или противъ обвиняемаго. Такъ было и въ дѣлѣ Павши. Въ спискѣ преступниковъ въ графѣ вины его стояло, что Павша, не участвуя лично въ возмущеніи, дѣлалъ партизанскіе наѣзды, разбивалъ почты, грабилъ православныя церкви, въ чемъ хотя и не сознался, но уличенъ при обыскѣ вынутіемъ у него изъ дома церковной утвари. Преступленіе, какъ видите, тяжкое; согласно приговору центральной комиссіи, Павшу повезли въ оковахъ въ Нерчинскъ, гдѣ онъ и теперь страдаетъ девятый годъ.

— Но это ужасно, что вы говорите. Какъ же вамъ не стыдно! Зная такъ хорошо всю эту несчастную исторію, вы по сіе время молчали.

— Что же я могу сдѣлать?

— То, что я сдѣлаю. По пріѣздѣ въ Житомиръ я все объясню губернатору. Зная его благородное, чувствительное сердце, его высокое безпристрастіе, я увѣренъ, что онъ подыметъ это дѣло.

— Хорошо вамъ говорить, вы его адъютантъ, а я подъ какимъ предлогомъ сунусь къ нему объяснять исторію Павши?

Что было говорить, съ человѣкомъ, который не понималъ или не хотѣлъ понять, что обязанность каждаго изъ насъ заключается въ паданіи помощи ближнему, тѣмъ болѣе, когда страдаетъ невинный, тогда ужъ не простая обязанность, но долгъ, долгъ священный, не сдерживаемый никакими условіями нашего положенія въ свѣтѣ.

Окончивъ слѣдствіе, я вернулся назадъ, но не имѣлъ духу ѣхать той мѣстностью, которая такъ еще недавно восхитила меня, а просилъ, чтобы провезли меня другой дорогой. Я думаю, что исправникъ въ душѣ смѣялся надъ моей женственной чувствительностью.

Пріѣхавъ въ Житомиръ и отдавъ губернатору отчетъ въ данномъ мнѣ порученіи, я передалъ ему разсказъ о Павшѣ, слышанный мной отъ исправника. Должно быть, я говорилъ отъ души, увлекательно, потому что губернаторъ, человѣкъ, умѣвшій владѣть собой и не высказывавшійся никогда передъ подчиненными своими, видимо, глубоко былъ тронутъ, такъ что слезы выступили на его глазахъ.

Я не ошибся въ его горячемъ сочувствіи къ бѣдной участи Павши. Поблагодаривъ меня, по своему обыкновенію, за успѣшное окончаніе слѣдствія, онъ прибавилъ:

— А что касается до дѣла Павши, то я не хочу лишать тебя наслажденія кончить дѣло, тобой начатое. Дѣла военно-ссудной комиссіи всѣ хранятся въ архивѣ губернскаго правленія. Скажи въ канцеляріи, чтобы заготовили предписаніе къ архиваріусу о допущеніи тебя къ разбору старыхъ дѣлъ и принесли бы мнѣ къ подписи. А ты займись этимъ дѣломъ; только объ одномъ прошу: не горячись. Подобныя дѣла лучше и вѣрнѣе обдѣлываются съ хладнокровіемъ.

— Но я не могу быть равнодушнымъ въ этомъ дѣлѣ, ваше превосходительство.

— Кто жъ тебѣ и говоритъ о равнодушіи? Я говорю: дѣйствуй хладнокровно, а это еще не значитъ: будь равнодушенъ. Сохраняя хладнокровіе, ты лучше можешь вдуматься въ дѣло, разсмотрѣть всѣ обстоятельства, его сопровождавшія, уловить самую сущность, и тогда докладъ будетъ полонъ. При горячности, которую я вижу по лицу твоему, ты поспѣшностью можешь повредить дѣлу Павши.

На другой день съ предписаніемъ въ рукахъ я летѣлъ къ начальнику архива. Предъявивъ свои права, вошелъ въ архивъ и испугался громадности дѣлъ, наваленныхъ разными кучами и буквально загромоздившихъ довольно обширную комнату архива. Дѣла не были разбросаны, но сложены были въ правильные столбы отъ полу до потолка. Признаюсь, въ жизнь мою никогда не видя такого огромнаго накопленія въ одномъ мѣстѣ дѣлъ, я сначала испугался. Мнѣ казалось, что дорыться въ этомъ складѣ до дѣла Павши нужны десятки лѣтъ; но думать было нечего, возвращаться назадъ—еще менѣе. Внутренно перекрестившись и сотворивъ молитву, чтобы Богъ помогъ мнѣ выбраться изъ этого хаоса не съ пустыми руками, я, по указанію архиваріуса, подошелъ къ складу дѣлъ, на которомъ былъ ярлыкъ съ 1831-мъ годомъ. Дѣло Павши

по предварительной моей справкѣ по книгѣ «описи» принадлежало къ этому году. Снимаю первое дѣло, и, о счастье! какъ разъ нападаю на то, что мнѣ нужно! На оберткѣ дѣла было написано: «Дѣло о новоградъ-волынскомъ помѣщикѣ Адамѣ Павшѣ, судимомъ за участіе въ польскомъ мятежѣ». Не знаю, обрадовался ли бы такъ скупецъ цѣнной находкѣ, какъ я, найдя это дѣло. Наскоро давъ расписку архиваріусу въ полученіи дѣла, я съ драгоцѣнной ношей буквально побѣжалъ къ генералу и съ торжествующимъ лицомъ еще издали показалъ ему свою находку.

— Нашелъ, нашелъ, ваше превосходительство,—вотъ оно.

Генералъ улыбнулся.

— Вижу по лицу твоему, хотя бы и не говорилъ и не совалъ мнѣ дѣла подъ носъ. Займись же имъ хорошенько, помни, что я говорилъ тебѣ: не спѣша, не горячась, составь мнѣ подробную изъ него выписку; если встрѣтишь какое для себя затрудненіе, скажи мнѣ,—дамъ тебѣ совѣтъ. На все время, пока будешь заниматься дѣломъ, освобождаю тебя отъ всѣхъ прочихъ обязанностей.

И когда я сталъ благодарить, генералъ прибавилъ:

— Ну, ну, хорошо, не благодари, ступай съ Богомъ, принимайся.

Прибѣжавъ домой, я тотчасъ же принялся за дѣло. Скоро перелиставъ разныя распоряженія комиссіи, я остановился на показаніи Павши,—и представьте мое удивленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ мою радость, когда нашелъ пріобщенную къ дѣлу подлинную расписку мастера, дѣлавшаго въ Кіевѣ церковную утварь, въ полученіи за нее денегъ. Расписку эту съ подробнымъ означеніемъ тѣхъ самыхъ вещей, которыя комиссія вмѣнила въ преступленіе Павшѣ, какъ похищенныя изъ церкви, мнимо имъ разграбленной, Павша приложилъ къ своему показанію, какъ доказательство своей невинности. Открытіе это привело меня въ восторгъ. Схвативъ дѣло, я отправился опять къ генералу.

Видя меня сильно взволнованнымъ, генералъ спросилъ:

— Что еще? Что случилось?..

— Представьте, ваше превосходительство, дерзость или самоувѣренность въ безнаказанности своего поступка. Комиссія къ дѣлу приложила подлинную расписку, которая ясно и неопровержимо доказываетъ всю невинность Павши,—и вмѣстѣ съ тѣмъ я подалъ дѣло генералу, на развернутомъ мной мѣстѣ.

Генералъ внимательно прочиталъ и показаніе Павши и расписку.

— Это, любезный другъ, не дерзость, какъ ты говоришь, и не самоувѣренность, но тайные пути Провидѣнія. Научись изъ этого случая, что Богъ иногда допускаетъ и несправедливость по любви или испытанію, но вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ возможность рано или поздно открывать истину. Смирись и благодари, что благое Провидѣніе избрало тебя орудіемъ своей благости. На Иванова и его

сообщниковъ оно наложило ослѣпленіе, иначе, какъ объяснить ихъ настоящій поступокъ? Они могли уничтожить расписку и тѣмъ лишить Павшу единственнаго способа къ своему оправданію, но записка сохранилась для открытія невинности и наказанія настоящихъ виновныхъ. Принимайся за составленіе выписки изъ дѣла и въ ней, конечно, болѣе всего упирай на эту расписку.

Генералъ былъ религіозенъ въ душѣ и не пропускалъ ни одного случая, въ которомъ могъ наставить меня и дать хорошій совѣтъ.

Черезъ три дня выписка мной была составлена. Генералъ, внимательно прочитавъ ее, остался ею доволенъ.

— Что жъ ты теперь сдѣлаешь?

Такіе вопросы часто мнѣ дѣлалъ генералъ, желая испытать, какъ далеки мои познанія въ дѣлахъ вообще.

— Я буду покорнѣйше просить ваше превосходительство переписку по этому дѣлу дозволить повести по секретному отдѣленію. Тогда оно не выйдетъ изъ моихъ рукъ, я буду горячо слѣдить за нимъ.

— Согласенъ. Что же далѣе?

— Первый приступъ къ разъясненію дѣла долженъ, по мнѣнію моему, заключаться въ томъ, чтобы снестись съ кіевскимъ губернаторомъ и просить его удостовѣриться: не существуетъ ли и теперь въ Кіевѣ мастеръ, дѣлавшій церковную утварь Павши, и не найдется ли у него какихъ либо слѣдовъ къ подтвержденію этой расписки?

— Такъ! Если получится благопріятный отвѣтъ, то болѣе ничего и не нужно. Тогда я скажу тебѣ, какъ должно поступить въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла.

Вскорѣ полученъ былъ отъ кіевскаго губернатора, Ивана Ивановича Фундуклея, отвѣтъ, который не оставлялъ болѣе никакого сомнѣнія въ невинности Павши. На счастье его, мастеръ, дѣлавшій ему церковныя вещи, находился еще въ живыхъ, не оставлялъ своего ремесла, а что еще лучше—сохранилъ всѣ книги своего заведенія, въ которыхъ онъ и нашелъ, что: «въ такомъ-то мѣсяцѣ такого-то года, по заказу г. Павши, сдѣланы были въ его мастерской такія-то и такія-то церковныя вещи, за которыя столько-то денегъ получено сполна». Списокъ церковнымъ вещамъ оказался совершенно тождественнымъ со спискомъ, составленнымъ комиссіей, вещамъ, вынутымъ при обыскѣ въ домѣ Павши, и которыя будто бы онъ похитилъ изъ разграбленной имъ церкви. Фундуклей, извѣщая о семъ, присовокупилъ, что онъ, самъ заинтересованный въ этомъ дѣлѣ, призывалъ къ себѣ этого мастера и съ книгой, видѣлъ запись въ ней и, приказавъ сдѣлать съ нея копію, утвердилъ ее своимъ подписомъ.

Невинность Павши была доказана торжественно; но этого мало, осталось самое главное—возвратить его изъ ссылки. Срокъ ка-

торжной его работы, опредѣленный на пять лѣтъ, кончился, но онъ остался въ Сибири на поселеніе. Неизвѣстно, былъ ли онъ живъ.

Генералъ приказалъ мнѣ сократить нѣсколько мою выписку изъ дѣла, сохраняя въ ней самую сущность, а на основаніи увѣдомленія Фундуклея составить представленіе графу Бенкендорфу, шефу корпуса жандармовъ.

Послѣ поправокъ генераломъ моей редакціи и выписки изъ дѣла и самаго представленія къ Бенкендорфу, все это, переписанное и подписанное, отправлено было по своему назначенію.

Несмотря на все мое стараніе скрыть всю переписку о Павшѣ, слухъ о пересмотрѣ дѣла распространился по городу. Меня каждый день осаждали посѣтители поляки съ изъявленіемъ благодарности за участіе, оказанное ихъ собрату. Несмотря на мои протесты, что ничего не знаю, не понимаю, откуда вышли всѣ слухи, меня превозносили до небесъ, чуть не носили на рукахъ. Были даже такіе, что предполагали во мнѣ власть—возвращать ссыльныхъ преступниковъ,—и просили защитить ихъ родственниковъ, дѣйствительно виновныхъ своимъ участіемъ въ мятежѣ, даже захваченныхъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Долго я не понималъ, кто могъ распускать всѣ эти слухи, тѣмъ болѣе, что всѣ черновыя бумаги и отпуски по нимъ я писалъ все своей рукой, ключъ отъ шкафа всегда былъ при мнѣ, но послѣ узналъ.

Разъ, жалуясь генералу на докучливость посѣтителей, а главное на ихъ недѣльныя просьбы, я просилъ какой нибудь командировки, чтобы положить конецъ этимъ визитамъ, которые только отвлекаютъ меня отъ дѣла; генералъ улыбаясь сказалъ:

— Вотъ доказательства, что добрыя дѣла не остаются безъ награжденія. Тебѣ въ твои лѣта должно быть пріятно видѣть себѣ такіе знаки вниманія, скажу болѣе—уваженія.

— Но почему же узнали, что я дѣлалъ, и за что же тутъ благодарить меня, когда неизвѣстно еще, какой исходъ приметъ дѣло?

— Знаю, что ты никому не говорилъ о дѣлѣ Павши, но опять повторяю, добрыхъ дѣлъ не скроешь. Что же касается до исхода дѣла, чѣмъ бы оно ни кончилось, ты вполнѣ заслуживаешь благодарности и уваженія за твое горячее участіе въ судьбѣ Павши. Все, что было въ твоей власти, ты сдѣлалъ, и тѣмъ лучше, тѣмъ похвальнѣе, что никто не просилъ тебя о томъ. Ты ни Павшу, никого изъ его родныхъ не знаешь, а послушался одного голоса твоего добраго сердца. Повторяю, ты поступилъ прекрасно, вполнѣ благородно, а будетъ ли возвращенъ Павша или нѣтъ, — это отъ тебя уже не зависитъ.

Слова свои генералъ сопровождалъ какой-то двусмысленной улыбочкой, значеніе которой я узналъ послѣ. Онъ самъ разсказалъ мои старанія о возвращеніи Павши. Подчеркиваю эти

слова, потому что они имѣютъ большое значеніе, какъ относящіяся къ Лашкареву. Онъ никогда не только самъ не говорилъ съ посторонними, что дѣлается у него въ канцеляріи, но требовалъ того же строго и отъ насъ. Въ настоящемъ случаѣ онъ сдѣлалъ для меня исключеніе, тѣмъ болѣе замѣчательное, что все дѣло о Павшѣ производилось по секретной части. Конечно, собственно секретнаго тутъ не было ничего, но всѣ мы, служившіе при волынскомъ губернаторѣ, были пріучены къ тому, что всякая бумага съ надписью: секретно, сохранялась въ насъ, какъ въ могилѣ.

Если генералъ измѣнилъ своему правилу для меня, значитъ, онъ много любилъ меня.

Наконецъ, съ такимъ нетерпѣніемъ и такъ давно ожидаемая почта привезла отношеніе графа Бенкендорфа генералу Лашкареву. Я хорошо помню содержаніе его; оно было кратко, но много было въ немъ сказано: «По докладу государю императору ходатайства вашего превосходительства о невинно сосланномъ помѣщикѣ Волынской губерніи А. Павшѣ его величество приказать соизволилъ: изъявить вашему превосходительству монаршее благоволеніе за раскрытіе истины, а Павшу возвратить изъ ссылки, о чемъ и сдѣлано вмѣстѣ съ симъ надлежащее распоряженіе. Спѣшу увѣдомить о таковомъ повелѣніи государя императора на отношеніе вашего превосходительства отъ такого-то числа мѣсяца за № такимъ-то».

Генералъ, прочитавъ бумагу вслухъ, взялъ меня за руку и горячо благодарилъ за всѣ мои дѣйствія въ этомъ дѣлѣ. Въ избыткѣ чувствъ, забывъ отношенія мои, какъ подчинненнаго къ Лашкареву, я бросился къ нему на шею... Слезы наши смѣшались...

На слѣдующій годъ я былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ въ штабъ казанскаго военнаго губернатора и уѣхалъ изъ Житомира, не видя возвращенія Павши. Онъ пріѣхалъ туда вскорѣ послѣ меня. Писали мнѣ, что онъ, узнавъ виновника своего освобожденія, торжественно, въ присутствіи почти всѣхъ жителей города, служилъ молебенъ въ костелѣ, во время котораго со слезами, на колѣняхъ, горячо и громко молился за меня. Потомъ поѣхалъ въ русскій соборъ, гдѣ вновь отслужилъ за меня молебенъ. Писали, что онъ имѣетъ намѣреніе нарочно пріѣхать въ Казань, лично благодарить меня, но свиданіе наше почему-то не состоялось. Повѣряя себя строго, я долженъ сознаться, что во всемъ этомъ дѣлѣ я не вижу никакой особой заслуги съ моей стороны. Слѣпой случай открылъ мнѣ исторію Павши. Не имѣй я порученія, для исполненія котораго долженъ былъ пригласить исправника, не проѣзжай мѣстности, остановившей меня своимъ восхитительнымъ положеніемъ, и не найди въ своемъ спутникѣ знающаго разсказ-

чика, я ничего бы не зналъ и, слѣдовательно, ничего бы не сдѣлалъ. А узнавъ, въ чемъ дѣло, особливо при томъ родѣ службы, которая меня такъ близко ставила въ прямыя, непосредственныя отношенія къ начальнику губерніи, какъ бы я могъ поступить иначе, не теряя достоинства человѣка, не унижая себя до степени безсмысленнаго животнаго? Въ чемъ же мои заслуги? Я исполнилъ только долгъ благороднаго человѣка, и мнѣ остается лишь, по словамъ Лашкарева, благодарить Провидѣніе, которое меня, ничтожное существо, въ его величіи избрало орудіемъ для исполненія своего тайнаго промысла!!!

XXXVIII.

Встрѣча новаго 1842 года у Лашкарева.—Поѣздка въ Казань.—Назначеніе въ Казань военнымъ губернаторомъ С. П. Шипова.—Свадьба моей сестры.—Возвращеніе въ Житомиръ и встрѣча съ стаей волковъ подъ Нижнедѣвицкомъ.—Переходъ на службу въ Казань адъютантомъ къ Шипову.—Казанскій Родіоновскій институтъ благородныхъ дѣвицъ.—Мое столкновеніе съ П. Д. Мертваго.—Переписка съ Лашкаревымъ и теплое о немъ воспоминаніе.

Въ предстоящую зиму Лашкаревъ предполагалъ ѣхать въ Петербургъ и меня взять съ собой, но судьба распорядилась иначе. Она толкнула меня на другую дорогу и невидимыми путями привела «ладью моей холостой жизни» къ супружескому берегу.

Какъ часто, когда мы возвращаемся воспоминаніемъ къ пройденному пути жизни, дѣлается ясно намъ то, что въ свое время казалось непонятнымъ! Какъ часто человѣкъ въ нравственной слѣпотѣ своей роптал ъ на встрѣчаемыя противорѣчія въ жизни, относя ихъ къ неудачамъ, несчастью, а послѣдствія въ будущемъ доказывали, что эти мнимыя невзгоды послужили ему же въ пользу!..

Я получилъ совершенно неожиданно письмо отъ родныхъ, которые извѣщали, что сестра моя помолвлена за самарскаго помѣщика, А. Н. Чемодурова, и свадьба назначена въ концѣ будущаго января, къ которому времени и просили пріѣхать въ Казань.

Казалось, извѣстіе это, весьма обыкновенное въ жизни, не заключало въ себѣ ничего для меня особеннаго, а между тѣмъ оно по послѣдствіямъ своимъ имѣло большое вліяніе на перемѣну моей судьбы...

Лашкаревъ, отпуская меня на свадьбу, съ сожалѣніемъ разстался съ мыслью—ѣхать со мной въ Петербургъ, при чемъ поставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы я новый 1842-й годъ встрѣтилъ съ нимъ, какъ бы предчувствуя, что день этотъ будетъ послѣднимъ для насъ. Хотя Лашкаревъ жилъ послѣ этого 6 лѣтъ, но я, за исключеніемъ весьма короткаго времени, не видѣлъ его уже до самой кончины.

Отпрыгавъ подъ звуки танцовальной музыки истекшій 1841 г., столь богатый для меня разнаго рода происшествіями, и поздравивъ генерала и семейство его, а вмѣстѣ съ ними и своихъ «трехъ грацій» съ новымъ годомъ, я распрощался со всѣми ими и поспѣшилъ въ Москву, гдѣ по условію долженъ былъ дождаться старшаго брата и съ нимъ вмѣстѣ ѣхать въ Казань.

Въ Москвѣ я весьма равнодушно узналъ о назначеніи генералъ-адъютанта С. П. Шипова военнымъ губернаторомъ въ Казань на мѣсто Стрекалова, не подозрѣвая, что все это—пути, предназначенные мнѣ благимъ Провидѣніемъ.

Свадьбу сестры отпраздновали на славу. Дорога отъ дома и до церкви св. великомученицы Варвары, чрезъ все Арское поле, была уставлена плошками, у воротъ дома стояли кадки съ виномъ и пивомъ, всякій проходящій черпалъ изъ нихъ по желанію.

По окончаніи всѣхъ празднествъ, братъ уѣхалъ въ полкъ, а я остался ожидать пріѣзда Шипова. Отецъ пожелалъ, чтобы я перешелъ на службу въ Казань, и разсчитывалъ на Шипова, который намъ приходился сродни.

Пріѣхалъ Шиповъ, принялъ меня очень ласково и узнавъ, что есть вакансія старшаго адъютанта въ штабѣ казанскаго военнаго губернатора, написалъ Лашкареву обычный запросъ, нѣтъ ли препятствій къ моему переводу. Запросъ вмѣстѣ съ письмомъ отца я самъ отвезъ Лашкареву.

Для обратнаго пути въ Житомиръ я избралъ другую дорогу, новую, поѣхалъ не на Москву, какъ обыкновенно, но на Пензу и Воронежъ, чтобы посѣтить Ѳ. А. Каховскаго, жившаго въ своемъ саратовскомъ имѣніи, но въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Пензы, и исполнить желаніе умирающей Н. Ѳ. Колтовской отслужить молебенъ о ея выздоровленіи при мощахъ св. Митрофанія.

Изъ Казани выѣхалъ я въ первой половинѣ марта, по отличному зимнему пути, но чѣмъ далѣе подвигался на юго-западъ, тѣмъ дорога дѣлалась хуже и хуже. За Воронежемъ я началъ встрѣчать зажоры. Въ Нижнедѣвицкъ я пріѣхалъ въ свѣтлую лунную ночь. Станціонный смотритель, взглянувъ на мою подорожную, сказалъ:

— У васъ курьерская подорожная! Не смѣю задерживать, но совѣтую лучше дождаться дня.

— А что?

— Страшныя зажоры. Пожалуй, гдѣ нибудь засядете.

— Какой вздоръ! Отпустите со мной лопату: отгребемся.

— Какъ хотите! Мое дѣло—предупредить васъ, за послѣдствія не отвѣчаю.

Но развѣ кипучая молодость слушаетъ голоса разсудка? Пользуясь правомъ моей подорожной «изъ курьерскихъ», я поѣхалъ далѣе.

Зажоры стали попадаться все чаще, и чаще, но мы миновали ихъ благополучно. Наконецъ подъѣхали къ одной, величиной своей болѣе похожей на озеро. Зажора эта, сжатая землянымъ валомъ, идущимъ по обѣимъ сторонамъ дороги, замѣняющимъ въ степныхъ мѣстахъ «березки» нашихъ почтовыхъ трактовъ, лежала передъ нами стальной полосой, сверкая въ лучахъ мѣсяца. Ямщикъ было пріостановился, но, послушный моему приказанію, тронулся впередъ. Лошади, фыркая и упираясь, вошли въ снѣговую воду очень неохотно, безпрестанно останавливаясь, какъ бы давая намъ время одуматься въ нашемъ неблагоразуміи. Инстинктъ этихъ добрыхъ животныхъ долженъ былъ уступить силѣ кнута, и мы, еле-еле подвигаясь, доѣхали до средины зажоры. Далѣе никакія понуканія не могли сдвинуть лошадей съ мѣста, онѣ остановились, не имѣя возможности везти наши легкія санки, и мы, что называется, «ни взадъ, ни впередъ». Что оставалось дѣлать въ ночь, хотя и лунную, но въ совершенно пустынномъ мѣстѣ? Надо было прибѣгнуть къ посторонней помощи.

Я спросилъ ямщика:

— Нѣтъ ли здѣсь по близости какого жилья?

— Ближе города, что оставили, нѣтъ.

— А много ли мы отъѣхали?

— Да верстъ шесть будетъ.

— Отпряги пристяжную и скачи за помощью!

Бѣдный ямщикъ долженъ былъ по колѣна въ водѣ отпрячь лошадь и скакать назадъ, а я между тѣмъ, взгромоздясь на чемоданъ, усѣлся на немъ кое-какъ, потому что сани наполнились водой. Въ такомъ положеніи, чтобы чѣмъ нибудь сократить время, закурилъ трубку, какъ вдругъ вижу съ правой стороны, по гребню вала бѣжитъ по пути мнѣ собака. Я подумалъ: «Каналья ямщикъ обманулъ меня! Говоритъ—нѣтъ вблизи жилья, а откуда же взялась собака?» За собакой слѣдомъ пробѣжала другая, а я, все еще ничего не подозрѣвая, продолжалъ, сидя «на корточкахъ», курить и философствовать о страсти русскаго народа къ обману.

Взглянувъ нечаянно по лѣвую отъ себя сторону, я увидѣлъ много такихъ собакъ, идущихъ мнѣ навстрѣчу, съ глазами, горѣвшими, какъ горячій уголь. Я насчиталъ такихъ шесть паръ. Тутъ только я понялъ, что это были за собаки! Холодъ мурашками пробѣжалъ у меня по спинѣ. Одинъ, въ степи, вдали отъ жилья, что я могу сдѣлать съ волками? Кромѣ собственныхъ кулаковъ, не было у меня никакого оружія!—защита весьма слабая. Чѣмъ далѣе вдумывался въ свое незавидное положеніе, тѣмъ сильнѣе и чаще чувствовалъ холодъ въ спинѣ, тѣмъ мрачнѣе и мрачнѣе тѣснились въ головѣ моей мысли. Я думалъ: «вотъ какая смерть суждена мнѣ! Родные не будутъ и знать, гдѣ и кости мои собрать!» А волки между тѣмъ усѣлись противъ меня на валу дороги и щел-

кали зубами. Щелканье это, раздаваясь далеко въ тишинѣ ночи, съ болью отзывалось во всемъ существѣ моемъ. Внутренно я молился Богу, ожидая всякую минуту быть растерзаннымъ. Волки между тѣмъ сидѣли неподвижно, устремивъ на меня свои свѣтящіеся глаза и довольствуясь однимъ щелканьемъ зубовъ, но въ воду не шли. Не знаю, что ихъ удерживало: были ли они сыты, или, какъ настоящіе джентльмены, не желали замочиться въ водѣ, или, можетъ быть, чьи нибудь молитвы доходили до Бога, только всѣ наши дѣйствія ограничились тѣмъ, что я всматривался въ нихъ, слѣдилъ за каждымъ ихъ движеніемъ, а они уставились на меня. Сколько времени продолжалось такое состояніе моего страха,—опредѣлить не могу... Наконецъ вдали послышались скокъ лошадей и говоръ людей. Волки какъ бы съ сожалѣніемъ поднялись съ своихъ мѣстъ и, безпрестанно оглядываясь на меня, пошли не торопясь въ сторону. Шумъ приближающихся людей слышался все ближе и ближе... Тогда только я вздохнулъ свободно и перекрестился, избавившись отъ опасности.

Подъѣхавшіе люди отпрягли оставшихся въ моихъ санкахъ лошадей и длинными веревками, къ концамъ которыхъ были привязаны свѣжія лошади, вытащили назадъ мой экипажъ изъ зажоры.

При моемъ возвращеніи на станцію, смотритель встрѣтилъ меня въ сѣняхъ и съ зажженной свѣчей, молча, провелъ въ комнату ночлега. Такой нѣмой укоръ его въ моемъ непослушаніи заставилъ меня сильно сконфузиться,—пустись онъ въ нравоученіе, я, можетъ быть, съ досады разругалъ бы его, но его почтительная поза совершенно обезоружила меня, и я въ горячихъ выраженіяхъ высказалъ все мое сожалѣніе, что не послушался его добраго совѣта. Когда я остался одинъ въ комнатѣ, моимъ первымъ движеніемъ было—подбѣжать къ куску стекла, замѣнявшаго зеркало на стѣнѣ. Мнѣ пришли на память: Marie Antoinette, Jeanne Gray, Marie Stuart и другія, посѣдѣвшія въ нѣсколько часовъ передъ своей смертью!.. Испытавъ такія сильныя ощущенія страха, я боялся, что и я, можетъ быть, тоже посѣдѣлъ. Но тщательный осмотръ успокоилъ меня: мои волосы на головѣ не утратили своего чернаго цвѣта.

Итакъ въ жизнь свою я испыталъ два страха. Одинъ, такъ сказать, моральный, когда я арестовывалъ Прушинскаго, тамъ дѣло шло о спасеніи моей чести, и я готовился добровольно самъ себя лишить жизни. Другой — теперь въ присутствіи волковъ, страхъ этотъ былъ насильственный, изъ чувства самосохраненія, независимый отъ меня...

Утромъ—новая бѣда. Ночью я по обыкновенію спросилъ сливокъ. Въ цѣломъ городѣ Нижнедѣвицкѣ не могли найти ни капли молока, несмотря на всю щедрость обѣщаннаго мною вознагражденія. Съ осени былъ падежъ рогатаго скота: онъ выпалъ весь, и жители не успѣли еще обзавестись новымъ.

Лашкаревъ въ лестныхъ выраженіяхъ высказалъ мнѣ свое сожалѣніе о нашей разлукѣ, при чемъ прибавилъ, что по чувству отца онъ понимаетъ желаніе моего отца имѣть при себѣ дѣтей и потому соглашается на мой переводъ. Отвѣтъ его Шипову былъ отправленъ, и въ маѣ состоялся высочайшій приказъ о моемъ новомъ назначеніи.

Простившись съ Лашкаревымъ, его семействомъ и моими очаровательными граціями,—съ послѣдними, увы, довольно равнодушно, потому что моя «тройственная» любовь тяготила меня по причинѣ ихъ ревности,—я отправился въ Казань.

Стремясь къ семейной жизни въ кругу родныхъ, я никакъ не ожидалъ, что въ тишинѣ ея, подъ сѣнью отеческаго крова, встрѣчу бурю.

Въ Казанскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, обязанномъ своимъ учрежденіемъ иждивенію казанской помѣщицы Родіоновой, полагался членъ по хозяйственной части отъ дворянъ. Должность эту исполнялъ Левъ Силычъ Григоровичъ.

Григоровичъ по своимъ домашнимъ дѣламъ взялъ отпускъ. На время его отсутствія Шиповъ мѣсто его предложилъ занять моему отцу. Это-то замѣщеніе и послужило поводомъ къ той «бурѣ», о которой я хочу говорить.

Однажды, вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Казань, возвратясь изъ штаба, я съ матерью ожидалъ прихода отца, удивляясь, что онъ, всегда аккуратный въ своихъ привычкахъ и образѣ жизни, на этотъ разъ такъ долго опаздываетъ къ обѣду. Наконецъ пришелъ отецъ, весь блѣдный, сильно встревоженный. Не говоря ни слова, онъ подошелъ къ дивану, сложилъ руки на столъ и, склонивъ на нихъ свою сѣдую голову, горько и судорожно заплакалъ. Мы встревожились, не понимая причины такой сильной горести. Успокоясь нѣсколько, отецъ съ трудомъ выговорилъ:

— Я посрамленъ, обезчещенъ! Мальчишка грозился вывести меня съ швейцаромъ!

Изъ его дальнѣйшихъ отрывочныхъ словъ мы поняли, что онъ былъ у начальницы института, вдовы Е. Д. Загоскиной, урожденной Мертваго, и замѣчалъ ей о негодности съѣстныхъ припасовъ и скудости пищи воспитанницъ. Родной братъ Загоскиной, присутствовавшій при этомъ разговорѣ, закричалъ отцу, чтобы онъ вышелъ, иначе онъ прикажетъ швейцару его вывести.

Понятно, что обѣдъ прошелъ молча, и никто изъ насъ не дотрогивался до кушаньевъ.

Послѣ стола я, не говоря никому ни слова, отправился на квартиру Мертваго, чтобы заставить его попросить у отца извиненія, въ противномъ случаѣ принялъ твердое намѣреніе нанести ему личное оскорбленіе. Узнавъ, что онъ у начальницы института, я пошелъ туда. Меня встрѣтила сама начальница и, догадавшись

о цѣли моего прихода, упрашивала меня, чтобы я дѣло это оставилъ безъ всякихъ послѣдствій, и что она, какъ виновница всего происшедшаго, тотчасъ же поѣдетъ къ отцу съ извиненіемъ. Я отвѣтилъ, что не она оскорбила отца, а ея братъ, онъ и долженъ ѣхать къ нему. Пока шли эти переговоры, и я тщетно добивался свиданья съ ея братомъ, явился казакъ съ приказаніемъ немедленно мнѣ явиться къ губернатору, до котораго дошло извѣстіе о случившемся.

Я засталъ Шипова одного, въ кабинетѣ, расхаживающаго изъ угла въ уголъ, въ замѣтно сильномъ волненіи. Увидя меня, онъ прерывисто спросилъ:

— Вы что?.. вы чего хотите?..

Видна была въ немъ сильная борьба долга его службы съ понятіемъ чести. Какъ человѣкъ, онъ понималъ, что оскорбленіе отца оправдываетъ поступокъ сына; какъ начальникъ, онъ не могъ допустить кровавой развязки, и потому, то останавливаясь передо мной, то вновь продолжая ходить скорыми шагами, Шиповъ отрывочными фразами говорилъ мнѣ:

— Вы, вы, вы чего желаете?

— Я желаю одного, ваше превосходительство, чтобы Мертваго извинился передъ отцемъ. Надѣюсь, что желаніе мое законно.

— Такъ, такъ!... Но.... дальше что?.. Вы... дайте мнѣ честное слово, что... вы съ своей стороны... ничего... ничего...

— Завѣряю, ваше превосходительство, что извиненіе Мертваго удовлетворитъ вполнѣ чувство моего долга, какъ сына.

— Хорошо... хорошо! Поѣзжайте домой спокойно... я прикажу... я распоряжусь...

Когда я вышелъ изъ кабинета, Шиповъ догналъ меня и, взявъ за руку, сказалъ:

— Я имѣю ваше честное слово.

Я молча поклонился и вышелъ.

Въ тотъ же вечеръ полицеймейстеръ Поль привезъ Мертваго къ намъ въ домъ, и тотъ просилъ извиненія у отца. Послѣ этого, по распоряженію Шипова, онъ выѣхалъ въ Москву черезъ 24 часа.

Такъ кончилась эта исторія. Слухи, разошедшіеся въ городѣ, сдѣлали меня какимъ-то героемъ. Жители, привыкшіе къ мирнымъ исходамъ своихъ ссоръ, удивлялись моему мужеству. Напрасно я увѣрялъ ихъ, что въ поступкѣ моемъ нѣтъ ничего необыкновеннаго, что каждый сынъ на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы то же... они въ глаза мнѣ высказывали свое удивленіе по поводу моего подвига.

Послѣ моихъ разнообразныхъ занятій на Волыни, какъ показалась мнѣ легка служба въ Казани!

Несмотря на то, что, кромѣ моихъ обязанностей по штабу, Шиповъ возложилъ на меня докладъ прошеній, лично ему подаваемыхъ, все-таки много оставалось у меня свободнаго времени.

Чтобы наполнить, и съ пользою, такое время, я принялся за книги, выписывая ихъ отъ Я. А. Исакова и тѣмъ положилъ начало моей библіотекѣ. Постоянная жизнь на одномъ мѣстѣ дала мнѣ къ тому всю возможность.

Между тѣмъ сношенія мои съ Житомиромъ поддерживались письмами, которыя я получалъ въ отвѣтъ на свои отъ Лашкарева. Письма эти и теперь хранятся у меня; они вполнѣ доказываютъ, какъ любилъ, мало того, какъ уважалъ меня Лашкаревъ. Знавшіе его несообщительный, повидимому, холодный характеръ поймутъ всю цѣну его писемъ ко мнѣ.

Н. И. Мамаевъ.

ПОДЪ РОДИТЕЛЬСКИМЪ КРОВОМЪ [1].

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.

XVI.

Въ 50-ти верстахъ отъ Березовки есть мужской монастырь, настоятель котораго, о. Сергій, иногда пріѣзжалъ къ намъ за сборами. Къ нему въ тотъ памятный для насъ день, который былъ описанъ въ прошлой главѣ, отецъ написалъ письмо со вложеніемъ ста рублей и отослалъ съ нарочнымъ. На третій день былъ полученъ удовлетворительный отвѣтъ.

Братъ и въ послѣдніе дни своего пребыванія въ родительскомъ домѣ продолжалъ молчать и избѣгать насъ всѣхъ. Довольно было войти въ ту комнату, гдѣ братъ находился, чтобы онъ всталъ и сейчасъ же ушелъ.

Прощался онъ со всѣми какъ-то порывисто:

— Прощайте, прощайте, помолитесь о грѣшномъ рабѣ Николаѣ,—говорилъ онъ, не глядя на того, съ кѣмъ прощался, и спѣшилъ подойти къ другому, и хотя отецъ предлагалъ ему дать лошадей довезти его до монастыря, но Николай отказался: вѣрно, захотѣлъ потрудиться: «пѣшкомъ пойду»,—объявилъ онъ.

Въ своей выношенной фуражкѣ и шинелькѣ съ узелкомъ и палкой въ рукахъ ушелъ онъ навсегда изъ родительскаго дома; ни бѣлья, ни платья ему не позаботились дать.

---

[1] Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXVI, стр. 474.

«Онъ будетъ на всемъ монастырскомъ»,—отвѣтила мнѣ бабушка, когда я ей напомнила объ этомъ. Въ узелокъ Николая мы уложили: одну заплатанную рубашку, другую цѣлую изъ грубаго холста, сшитую мною и горничными на общія средства, кусокъ чернаго хлѣба, да образокъ, которымъ Николая благословила моя мать. Когда Николай уже ушелъ, все семейство наше вышло на балконъ.

— Вотъ вамъ, дружочки, и наслѣдникъ, вотъ вамъ и помощникъ мой,—сказалъ отецъ, указывая на удалявшагося Николая:—одинокъ я, клянусь Богомъ, одинокъ!

Жена подбѣжала къ нему съ поцѣлуями, бабушка поднесла завернутую въ розовое шелковое одѣяльце Настю, которая улыбалась беззубымъ ротикомъ и протягивала къ отцу ручки. А я въ слезахъ убѣжала въ дѣвичью.

XVII.

Николай ушелъ. Бѣльмомъ въ глазу осталась я и сдѣлалась мишенью для колкостей и оскорбленій. Иначе впрочемъ и быть не могло. Имъ нужна была жертва, которую они могли бы каждый день мучить; имъ скучно было бы безъ этого. Я, однако же, далеко не оправдывала ихъ надеждъ, если только они думали найти во мнѣ такую же молчаливую, покорную жертву, какою былъ Николай. Я инстинктивно поняла, что чѣмъ больше буду плакать, казаться убитой, тѣмъ враги мои сильнѣе будутъ нападать на меня, и стала дѣлать видъ, что ни на что не обращаю вниманія: колкостей не замѣчала, на брань и упреки отвѣчала дерзко, только, конечно, не отцу, а бабушкѣ, но чаще всего хранила глубокое молчаніе. Бабушка видя, что я не огорчаюсь ничѣмъ, со злости плевала и говорила:

— Говорить ей все равно, что объ стѣну горохъ бросать. Каменная, безчувственная!

Я хохотала ей прямо въ лицо и убѣгала наверхъ. Тамъ, наверху, у меня была другая жизнь: милыя дѣвушки, книги и мечты. Съ грустной обыденной жизнью я не могла помириться; душа жаждала другой жизни. Фантазія, развитая чтеніемъ разныхъ романовъ, сильно работала и помогала подъ ея волшебными чарами не чувствовать всей горечи дѣйствительности. Что мнѣ были всѣ обыденныя непріятности, когда передо мною было раскинуто чудно зеркальное озеро, когда у меня такая темная липовая аллея, въ которой такъ хорошо мечтается, а по вечерамъ—такъ пріятно и жутко! Гуляешь бывало по ней, создаешь какой нибудь романъ, въ которомъ я непремѣнно сама героиня, и вдругъ на самомъ интересномъ мѣстѣ прерываютъ: зовутъ пить чай или ужинать. Пойдешь съ досадой въ комнату, сядешь за столъ, а мыслями опять переносишься къ прерванному роману и не замѣчаешь, какъ Матрена Васильевна положитъ на тарелку пустую кость жаркого или только нѣсколько ложекъ супу, и выходишь изъ-за стола совершенно голодной; но

зато пойдешь наверхъ и съ дѣвушками поѣшь хлѣба съ квасомъ и не чувствуешь горя, особенно если объ этомъ горѣ своимъ сожалѣніемъ не напомнятъ дѣвушки. Но онѣ меня часто жалѣли и молили Бога, чтобы онъ скорѣе вынесъ меня изъ этого дома. «Хоть бы Богъ ей женишка скорѣе послалъ»,—говорили дѣвушки, дворовые, а также и бабы крестьянскія, которымъ украдкой я часто писала письма къ родственникамъ и на заказъ вязала кружева. Всѣ повторяли одно и то же: «хоть бы женишка Ленушкѣ Богъ поскорѣе послалъ». Эти общія пожеланія не остались безъ слѣда; я стала думать о немъ, о моемъ будущемъ женихѣ, и въ умѣ начали возникать картины нашей встрѣчи, знакомства и прочее.

Мнѣ казалось, что онъ долженъ по-рыцарски вырвать меня изъ этого дома, наговоривъ много правдиваго отцу; я даже сочиняла ту рѣчь, какую онъ долженъ будетъ сказать. Рисовала себѣ, какъ эта рѣчь подѣйствуетъ, какъ въ первый разъ въ жизни отецъ сознаетъ, что обижалъ меня, отдалялъ отъ себя, захочетъ узнать короче; тогда я ему скажу все, все и про Николая и про себя, и отцу станетъ жаль, что я уѣзжаю. При разставаніи онъ искренно заплачетъ; и мы разстанемся примиренные и будемъ другъ къ другу въ гости ѣздить. Съ Матреной же Васильевной я не допускала мысли о примиреніи, а до самаго конца обращалась съ ней презрительно; мало того, я иногда любила представить ее въ зависимости отъ меня, и доля ея тогда не была завидная.

Въ послѣднее время, когда я стала ростомъ съ Пашу Платонову, мнѣ все чаще и чаще приходила мысль, что онъ, мой суженый, скоро долженъ явиться. Мнѣ было тогда только 14 лѣтъ, но въ минуты горя уже казалоеь, что онъ долго что-то медлитъ... Сомнѣніе начинало закрадываться въ мою душу, не останусь ли я старой дѣвой, чтобы жить все подъ этимъ родительскимъ кровомъ.

Кромѣ мыслей о женихѣ и освобожденіи изъ родительскаго дома, я лелѣяла еще одну завѣтную мечту, которую врядъ ли кто угадаетъ... Я мечтала не больше и не меньше, какъ сдѣлаться знаменитой писательницей. Стихи я давно любила, знала ихъ много наизусть и часто въ дѣвичьей декламировала ихъ передъ горничными, которыя хотя мало въ нихъ понимали, но все-таки съ удовольствіемъ слушали, а Дуняша такъ та нѣкоторые отрывки запоминала и потомъ меня же въ дѣвичьей передразнивала. Читая и заучивая чужія сочиненія, мнѣ никогда еще не приходило въ голову создать что либо самой. Одинъ случай подалъ мнѣ эту мысль. Мачеха была именинница, и отецъ утромъ, когда мы всѣ собрались къ чаю, подойдя къ женѣ, продекламировалъ ей стихи собственнаго сочиненія.

«Счастливыхъ дней моихъ отрада!
«Пусть шестилѣтняя дружба будетъ тебѣ награда».

Отъ этого привѣтствія въ стихахъ Марья Ильинична пришла въ восторгъ, а Матрена Васильевна говорила, что она такихъ умныхъ стиховъ никогда не читала, что было совершенно вѣрно, такъ какъ она никогда никакихъ стиховъ не читала. Мачеха сейчасъ же выучила стихи наизусть и цѣлый день ихъ повторяла, даже когда вечеромъ скотница принесла молоко, она и ей стихи продекламировала; скотница при этомъ глупо хлопала глазами, а подъ конецъ утерла глаза передникомъ. Горничныя уже всѣ со словъ барыни выучили стихи барина на память, имъ они очень понравились.

— Вишь, какъ написалъ, возьми-ка его... говорили онѣ втихомолку.

Лавры отца не давали мнѣ покоя, я побѣжала въ свою комнату и принялась сочинять. Послѣ долгихъ колебаній я рѣшилась начать, но мнѣ хотѣлось составить такое стихотвореніе, которое бы могло польстить имениннидѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ по полнотѣ своего содержанія и благородству мыслей затмить двустишіе отца. Но тутъ явилось затрудненіе: у меня, кромѣ маленькаго клочка чистой бумаги, который я оторвала отъ брошеннаго письма, не было. Не долго думая, я рѣшилась вырѣзать изъ нѣкоторыхъ книгъ, бывшихъ у отца на полкѣ, первые чистые листы и принялась сочинять. Послѣ трудной и усидчивой работы передо мною лежало мое поэтическое произведеніе, которое казалось мнѣ верхомъ совершенство. Вотъ оно:

«Вотъ исполнилось мнѣ ужъ четырнадцать лѣтъ,
«И девять ужъ лѣтъ родной мамаши нѣтъ.
«Ахъ! много скуки и радости было у меня
«Съ тѣхъ поръ, какъ сиротой осталась я.
«Но мамашу я не помню,
«А обязанность священную исполню:
«За мать родную буду почитать,
«Которая меня вмѣсто матери любитъ
«И, какъ родная, меня голубитъ!»

Прочитавъ нѣсколько разъ мое стихотвореніе, я схватила его и побѣжала къ горничнымъ; онѣ приняли его еще лучше, чѣмъ произведеніе отца. Получивъ лестный отзывъ, я пошла въ кабинетъ, гдѣ сидѣлъ отецъ съ мачехой. Войдя въ комнату, я подала стихи имениннидѣ. Та съ удивленіемъ посмотрѣла на бумажку и начала разбирать по складамъ; мнѣ показалось, что мое произведеніе отъ подобнаго чтенія теряетъ, тогда я взяла изъ ея рукъ стихотвореніе и съ замираніемъ сердца громко прочитала.

— Клянусь Богомъ, въ тебѣ есть талантъ, сейчасъ видно, что моя дочка!—ласково сказалъ отецъ и поцѣловалъ меня въ голову.

Помню, что въ этотъ день я была вполнѣ счастлива: честолюбіе мое было удовлетворено, меня кругомъ хвалили, я даже сама чувствовала къ себѣ уваженіе. Отецъ ласкалъ меня и называлъ

«своей дочкой»; мачеха то и дѣло давала гостинцы, даже бабушка въ этотъ день меньше ко мнѣ придиралась.

Съ этихъ поръ я неутомимо писала. У всѣхъ уже книгъ на полкѣ недоставало первыхъ и послѣднихъ чистыхъ листовъ, а потомъ, когда и этотъ источникъ изсякъ, я писала на березахъ, на дверяхъ, вездѣ, гдѣ только можно было. Впрочемъ, вскорѣ мои стихотворенія стали приносить мнѣ горе. Отецъ и бабушка при всякомъ удобномъ случаѣ пилили меня за нихъ. Первое мое произвененіе, какъ было уже сказано, пришлось по вкусу отцу, но потомъ онъ вдругъ вообразилъ, что я хочу быть умнѣе его и пишу стихи для того, чтобы только уколоть его.

— Умнѣе, дружочекъ, умнѣе отца стала—стихи пишешь!—кололъ онъ часто меня.

Бабушка за то, что я писала на окнахъ и дверяхъ, прозвала меня «Мазилкой» и при мнѣ заставляла горничныхъ мочалкой смывать мои поэтическія созданія. Но, несмотря на нападки со стороны отца за стихи, онъ иногда любилъ передъ другими хвастать моимъ мнимымъ талантомъ и заставлялъ меня говорить свои произведенія передъ гостями. Но не всегда гости слышали мои стихи; иногда я такъ увлекалась, что къ своимъ стихамъ примѣшивала чужіе заученные мною на память. Одинъ такой случай особенно памятенъ мнѣ, потому что онъ навсегда отучилъ меня отъ подобныхъ увлеченій.

Къ намъ пріѣхалъ въ гости одинъ помѣщикъ. Отцу захотѣлось блеснуть мною передъ нимъ.

— Стихи пишетъ! въ меня вышла! Я въ молодости съ Пушкинымъ въ стихахъ могъ поспорить!—хвастался онъ передъ пріѣзжимъ.

— Вы печатали?—спросилъ гость.

— Нѣтъ, я былъ скроменъ; тебѣ, милочка, тоже не совѣтую,— обратился онъ ко мнѣ.

— Вотъ, послушайте, какъ она сочиняетъ! Ну, скажи, дружочекъ!

— Скажи, Ленушка, тѣ стихи, которые ты написала въ мои именины,—сказала присутствовавшая мачеха.

Она очень любила эти стихи и при чтеніи ихъ всегда умилялась до слезъ.

Я приготовилась говорить, но мои стихи показались мнѣ въ эту минуту слишкомъ слабыми, а мнѣ хотѣлось блеснуть передъ гостемъ. Мнѣ пришли на память стихи, заученные изъ одного стариннаго романа. Не разсуждая о томъ, что гость самъ могъ знать ихъ, я храбро продекламировала:

«О скука сердца, мракъ душевный,
«Тоска отъ свѣта и людей...
«Вы, чада горести плачевной,
«Друзья младой души моей.
«Вы...

— Позвольте, развѣ это ваше?—перебилъ меня гость.

Вся кровь бросилась мнѣ въ лицо.

— Мое... передѣланное... лепетала я безсвязно и вдругъ бросилась вонъ изъ комнаты.

— Сконфузилась, а талантъ есть! не правда ли?—спрашивалъ отецъ.

Что я пережила въ этотъ день! Мнѣ казалось, что я опозорена на всю жизнь; я только тутъ поняла всю недобросовѣстность моего поступка. Къ гостю ужъ больше я не выходила, притворяясь больной. Цѣлый день и ночь я была въ страшномъ отчаяніи и даже, наконецъ, пришла къ тому заключенію, что только одна смерть можетъ загладить мою вину, и рѣшилась на самоубійство. Это рѣшеніе меня успокоило, и я заснула.

На другой день, когда я проснулась, мнѣ сказали, что гость уже уѣхалъ; тогда самоубійство мнѣ показалось уже слишкомъ большимъ наказаніемъ, и я раздумала себя убивать; но долго послѣ того краска стыда бросалась мнѣ въ лицо при воспоминаніи о моей неудачной декламаціи.

XVIII.

Два года прошло съ поступленія Николая въ монастырь; писемъ домой въ это время онъ вовсе не писалъ. Но настоятель монастыря нѣсколько разъ писалъ отцу и просилъ денегъ на содержаніе Николая, какъ выразился тогда настоятель: «на благородной ногѣ», прибавляя, что въ противномъ случаѣ ему придется заставлять Николая исполнять тяжелыя монастырскія работы.

Письма эти остались безъ отвѣта.

Кромѣ того, у насъ въ домѣ, въ присутствіи отца, было запрещено вспоминать даже имя Николая. Я разъ за столомъ упомянула имя брата; съ отцемъ сдѣлалась истерика. Послѣ этого на меня напала Матрена Васильевна и упрекала, что я умышленно убиваю отца.

Приходилось наводить справки о братѣ у богомолокъ-бабъ, ходившихъ молиться въ тотъ монастырь, гдѣ жилъ Николай. Слухи сообщались неутѣшительные: бабы разсказывали, что братъ истомленъ тяжелой, непривычной работой, ходитъ оборваннымъ и съ виду похожъ на блаженнаго. Чтобы имѣть возможность хоть сколько нибудь помочь брату, я стала брать заказы отъ деревенскихъ бабъ: вязала имъ кружева къ передникамъ и полотенцамъ; но, къ несчастью, мои заказчицы не могли мнѣ платить деньгами, по очень простой причинѣ,—не имѣли ихъ, а платили за кружева: холстомъ, нитками и яйцами. Холста я, наконецъ, столько собрала, что могла Николаю сшить двѣ рубашки, которыя съ длиннымъ письмомъ и вареными яйцами отослала ему при случаѣ.

Баба-богомолка вернулась изъ монастыря и принесла назадъ гостинецъ. Николай ничего отъ нея не взялъ, даже письма моего.

— Какъ есть ничевошеньки братецъ не взялъ,—говорила богомолка,—его весь народъ за святого почитаетъ: Миколаемъ блаженнымъ такъ и зовутъ.

Поплакала я, но уже не такъ горько, какъ тогда, когда братъ уходилъ въ монастырь. За это время я уже отъ него отвыкла. И въ дѣвичьей теперь очень рѣдко о немъ говорилось, а когда сдѣлались тѣмой разговора слухи о близкой волѣ, то о немъ совсѣмъ забыли. Иногда тетрадка или какая нибудь его вещь попадали мнѣ въ руки. При воспоминанiи о больномъ несчастномъ братѣ сердце на минуту сжималось, и мнѣ было совѣстно, что и я его забыла. Слухи же о близкой волѣ волновали всѣхъ и сильно тревожили отца.

— Скоро я не буду бариномъ, все отнимутъ отъ меня,—часто нылъ онъ при насъ и тутъ же грозно прибавлялъ, обращаясь къ прислугѣ:

— Не радуйтесь, бестiи: пока моя воля, поблажки не дамъ.

Мнѣ также доставалось отъ отца, что я бѣлоручка, ничего не умѣю дѣлать и привыкла все за прислугой жить. Разъ я ему сказала:

— Папенька, что мнѣ дѣлать? Дайте мнѣ работу.

— Откуда я ее тебѣ возьму, дружочекъ?—отвѣчалъ онъ.

Чтобы заявить о своей дѣятельности, я разъ подмела комнату; отецъ увидѣлъ, пришелъ въ ужасъ оттого, что его дочь сама мететъ полъ, и пронылъ цѣлый день о своей горькой участи. Не весело всѣмъ жилось въ домѣ отца съ тѣхъ поръ, какъ начали ходить слухи о близкой волѣ, но зато у насъ, въ дѣвичьей, эти слухи только всѣхъ воодушевляли, каждая изъ дѣвушекъ строила планы о своемъ будущемъ.

— Какъ воля откроется — сейчасъ въ Петербургъ, — говорила Паша Платонова:—наймусь въ услуженiе, буду получать четыре рубля въ мѣсяцъ жалованья: два буду матери посылать, а два себѣ. Ходить буду въ шляпкахъ, а на такую дрянь, какъ наши лакеи, и глазкомъ не взгляну. Если же вы, барышня, выйдете замужъ, то къ вамъ и за два рубля пойду.

— А я сейчасъ же за милаго дружка выйду,— мечтала Паша Данилова,—только не оженили бы его на другой!

Дуняша мечтала поступить въ портнихи и обѣщала всѣмъ намъ платья шить даромъ.

Одна Матрена все чахла и всегда грустно и недовѣрчиво улыбалась, когда говорили о волѣ.

— Никогда ея, дѣвушки, не будетъ! Можетъ, наши внуки ее, матушку, дождутся, а мы навѣрно сгнiемъ здѣсь.

Дѣвушки бранились съ нею за такiя слова. Матреша потомъ

перестала и спорить: она впала въ совершенную апатію съ тѣхъ поръ, какъ сынъ ея, за худымъ присмотромъ у старухи, свалился съ печки, и у него началъ расти горбъ.

— Хоть бы Васютку-то съ собой взять, когда помру,—часто говорила она:—намъ, калѣкамъ, не о волѣ, а о смерти думать надо! Почитай-ка, голубушка Ленушка, что нибудь священное.

Я брала книгу и читала ей житія святыхъ.

Но скоро и разговоры о волѣ въ дѣвичьей неожиданно отошли какъ бы на второй планъ. Въ нашу деревню пришли на постоянныя квартиры солдаты, вещь не бывалая въ Березовкѣ, а съ ними и молодой офицеръ. Это новое событіе заняло вполнѣ наши умы, убаюканные долгой безцвѣтностью и однообразіемъ нашей жизни. Дѣвушки радовались, что посидѣлки въ деревнѣ будутъ оживленнѣе, а я, не мудрено угадать, вся отдалась мечтамъ о молодомъ офицерѣ. Онъ вѣрно познакомится съ нами, и... тутъ, конечно, я воображала, что это именно и есть тотъ герой, котораго я ждала, и который долженъ будетъ вырвать меня изъ родительскаго дома.

XIX.

Спустя нѣсколько дней послѣ прихода солдатъ, дѣвушки собрались на посидѣлки. Только одна Матреша осталась дома; ее посадили на полъ возлѣ двери спальни барина наблюдать, не проснется ли онъ ночью. Я же по своей охотѣ приняла на себя обязанность всю ночь сидѣть на лѣстницѣ и караулить бабушку. Въ случаѣ опасности Матреша должна была мгновенно бѣжать за дѣвушками.

Былъ январь; на дворѣ трещалъ 20-ти-градусный морозъ; но не страшенъ онъ былъ тремъ молодымъ дѣвушкамъ, которыя подъ окнами спальни барина, для безопасности, сняли башмаки и пробирались босыя по мерзлому снѣгу.

— Дѣвушки, ой, какъ пальцы щиплетъ!—говоритъ Дуняша.

— Вишь нѣженка! что заголосила, дура? услышитъ! — злится Паша Платонова.

Паша Данилова между тѣмъ, не разобравъ за сугробомъ дороги, попадаетъ въ канаву, какъ разъ подъ самыми окнами барина.

— Ой, дѣвушки, потонула, помогите! — зоветъ она отчаяннымъ шопотомъ.

Другія дѣвушки бросаются къ ней на помощь и кое-какъ вытаскиваютъ ее изъ снѣга.

Но въ томъ мѣстѣ, гдѣ провалилась Паша, останется яма, и баринъ завтра поутру начнетъ доискиваться, почему она за ночь явилась. Но эта мысль только на минуту омрачаетъ нашихъ красавицъ.

Миновавъ осторожно господскій дворъ, онѣ со смѣхомъ, вза-пуски бѣгутъ къ той избѣ, гдѣ собирается народъ въ эту ночь на посидѣлки. Грустно и завидно мнѣ, что я не могу подобно имъ итти повеселиться на свободѣ, и такъ мнѣ дѣлается жаль себя, что я начинаю плакать.

Долго тянется ночь на караулѣ, а главное страшно; воображеніе рисуетъ всякіе ужасы, закрываю глаза, чтобы не смотрѣть въ темные углы, наконецъ, меня неудержимо начинаетъ клонить ко сну, однакожъ я не оставляю своего поста и терпѣливо выжидаю возвращенія дѣвушекъ.

Вотъ часы пробили пять, а ихъ все нѣтъ. Истопникъ Яковъ на цыпочкахъ съ пукомъ лучины въ рукахъ прошелъ мимо меня топить печи; чрезъ часъ должна бабушка встать; я начинаю безпокоиться, чтобы дѣвушки не опоздали, и чтобы съ гулянья ихъ не отправили на конюшню. Но вотъ подъ окнами снѣгъ слабо хруститъ: это онѣ крадутся; дверь благополучно отперта. Паша Платонова хорошо сдѣлала, что петли заранѣе смазала масломъ.

— Ну, что, былъ? Разсказывайте, все разсказывайте!—спрашиваю я у разрумяненныхъ утреннимъ морозомъ дѣвушекъ.

— Былъ, Ленушка, хорошенькій, и что говорилъ-то! Только дай раздѣться, все по порядку разскажу!—отвѣчаетъ Паша Платонова.

— Скорѣе, скорѣе!—и я помогаю ей стянуть съ плечъ нагольную шубенку, усаживаю ее на свою кровать и вся превращаюсь въ слухъ.

— Ужъ я тебѣ, Ленушка, все по порядку разскажу,—начала Паша Платонова, садясь возлѣ меня на кровати.—Приходимъ, видишь, мы, а посидѣлки въ полномъ разгарѣ. Изба полна народу, дѣвки, видно, для солдатъ всѣ выряжены въ лучшіе сарафаны, рубашки на всѣхъ кумачныя, а передники съ кружевами бѣлые; сидятъ такъ чинно на лавкахъ и прядутъ; возлѣ каждой либо парень душенька, либо солдатъ заигрываетъ; то веретено отниметъ, то куделю зажжетъ, иные парни на балалайкахъ играютъ... у солдатъ больше гармоніи. И какъ хорошо играютъ, барышня, даже польки... удивляться надо. Только мы въ избу вошли, весь народъ всполошился,—кругомъ пошелъ разговоръ: «дѣвки съ села, дѣвки съ села пришли!» Солдаты сейчасъ къ намъ: «милости просимъ, говорятъ, красныя дѣвушки, въ нашу честную компанію». Деревенскимъ дѣвкамъ не по нутру, что солдаты отъ нихъ отошли: рожи отъ насъ воротятъ. А ужъ и солдаты, барышня, всѣ какъ на подборъ: высокіе, чистые, бѣлые, а учтивые какіе! Сейчасъ усадили насъ къ себѣ на колѣни, спросили, какъ насъ зовутъ, и пѣсни свои солдатскія запѣли, мы хошь словъ не знали, а подтягивали, потомъ и дѣвки обошлись: съ нами заговорили, и гулянье пошло на славу: всѣ прялки полетѣли подъ лавки, парни на балалайкахъ заиграли «Барыню», мы начали плясать. Въ это самое

время меня кто-то за руку щипъ. Я хотѣла. сказать вамъ по правдѣ, ужъ и по рожѣ съѣздить—думала, что кто нибудь изъ парней балуется, оборачиваюсь, вижу, стоитъ офицеръ: я ажно сконфузилась.

— Извините, говорю, баринъ, вѣрно, вамъ ничего не видать, я посторонюсь...

— Нѣтъ, говоритъ, душенька! я это только хотѣлъ ваше вниманіе обратить.

— Помилуйте, баринъ, говорю, на что вамъ наше холопское вниманіе! Для васъ барышни есть, вотъ у насъ, говорю, есть отличная барышня, Ленушкой зовутъ.

— Ахъ, говоритъ, это помѣщичья дочь, а хорошенькая?

— Ну, барышня, тутъ я начала расписывать васъ въ наилучшемъ видѣ!

— Я, говоритъ, завтра у нихъ съ визитомъ буду.

— Завтра!—перебила я Пашу, и сердце мое, какъ говорится, упало.

— Завтра одѣнься въ розовое платье; я тебѣ волоса завью сегодня.

Я быстрѣе молніи вскочила съ кровати, нарвала папильотокъ и съ Пашей начала завивать себѣ голову.

— Все, барышня, про богатство папеньки разспрашивалъ,—продолжала Паша, завивая меня.—А какъ казачка пляшетъ! Ни одинъ парень и ни одинъ солдатъ супротивъ его не можетъ!

Въ разговорѣ объ офицерѣ застало насъ утро. Паша и не ложилась, я же легла только для того, чтобы раннимъ вставаніемъ не обратить вниманія бабушки и, такимъ образомъ, избѣжать по этому поводу различныхъ замѣчаній.

XXI.

— Фу, ты, Господи! какъ наша Елена Вячеславовна сегодня расфрантилась!—удивилась бабушка, когда я утромъ пришла внизъ.

— Развѣ вы не слышали, дружочекъ, что офицеръ пришелъ въ нашу деревню?—отвѣтилъ отецъ на восклицаніе бабушки и очень милостиво взглянулъ на меня.

Я сконфуженная, не говоря ни слова, сѣла за столъ.

— Какія это, право, моды нынче пошли!—снова начала бабушка послѣ маленькой паузы:—завьютъ голову по-собачьи да и воображаютъ, что хорошо.

— Папочка, позволь мнѣ завить такъ голову,—попросила мужа Марья Ильинична.

— Ты что же замужъ другой разъ хочешь?—спросилъ ее шутливо мужъ.

Въ этотъ день отецъ былъ въ очень веселомъ расположеніи духа, ко мнѣ же такъ ласковъ, какъ никогда. Послѣ обѣда я

подошла поцѣловать его руку; онъ обнялъ меня и поцѣловалъ въ голову. Эта ласка тронула меня до глубины души, и я съ чувствомъ еще разъ поцѣловала ему руку.

— А какая она хорошенькая! офицера съ ума сведетъ!—обратился онъ къ окружающимъ:—вырядилась, плутовка!

— Папенька, я, право, не для него.

— Ну, ну, дружочекъ, меня не обманешь, что жъ и съ Богомъ и замужъ пора... старика отца не забудь!—прибавилъ онъ и утеръ глаза салфеткой.

— Папенька, я не пойду замужъ...

— Офицеръ пришелъ!—съ порога объявилъ Сигнюшка.

Я чувствовала, что блѣднѣю, лицо и руки у меня похолодѣли.

— Смотрите, смотрите, какъ она испугалась! хорошая примѣта,— съ улыбкой сказалъ отецъ.

— Вотъ и я такъ испугалась, когда папочка въ первый разъ къ намъ пріѣхалъ,—замѣтила мачеха.

Я отъ сильнаго біенія сердца нѣсколько времени ничего не могла сообразить. Мачеха убѣжала переодѣваться, отецъ ушелъ въ гостиную къ гостю, Матрена Васильевна и я остались однѣ.

— Теперь, папенька, тряси только денежками, можетъ, офицеръ-то и не женится, а таскаться, вѣрно, каждый день будетъ.

Я не обращала вниманія на воркотню бабушки, а вслушивалась въ незнакомый мнѣ голосъ, который казался мнѣ чрезвычайно симпатичнымъ.

— Ленушка!—вдругъ позвалъ меня изъ гостиной отецъ.

Я опомнилась, подбѣжала къ зеркалу, поправила волосы и стала одергивать спереди свое платье, стараясь имъ закрыть рваные свои башмаки; но, увы, несмотря на всѣ мои старанія, рваные башмаки были видны; чулокъ выглядывалъ изъ башмака очень некрасиво. Тутъ мнѣ пришло въ голову, что если я буду дѣлать возможно меньше шаги, то нога изъ-подъ платья не будетъ высовываться, и башмаки не будутъ видны. Рѣшивъ это затрудненіе, я, какъ спутанная, вошла въ гостиную. Но только что вошла, тотчасъ же и забыла о своемъ намѣреніи дѣлать маленькіе шаги. Отецъ торжественнымъ голосомъ отрекомендовалъ насъ другъ другу.

— Петръ Петровичъ, поручикъ Никоновъ, дочь моя—Елена Вячеславовна Витковская.

Присѣвъ весьма неловко и чуть-чуть не упавъ отъ подвернувшагося подъ мои ноги половика, я кое-какъ добралась до стула. Но, о Боже! я чувствую, что начинаю краснѣть; уши, лобъ, щеки и даже носъ... Какой уродъ должна я быть теперь, вся красная! Я тревожно бросаю взглядъ на офицера, но тутъ теряюсь еще больше: Никоновъ прямо смотритъ на мой разорванный башмакъ. Огорченная краснотою носа, я совсѣмъ забыла про башмакъ и выставила его изъ-подъ платья. Боже! какой стыдъ! Я почувствовала

себя вполнѣ несчастной, слезы начали душить меня, и я поспѣшно выбѣжала изъ гостиной, и въ своей комнатѣ предалась полнѣйшему отчаянію.

— Какая ты красная, Ленушка! лицо все въ пятнахъ!—надоѣдали мнѣ горничныя.

Посмотрѣла я въ зеркало—тамъ былъ настоящій уродъ: лицо все въ пятнахъ и опухшіе отъ слезъ глаза.

Прощайте, мои мечты! вѣрно, я только на горе рождена!—думала я, въ отчаяніи ломая руки.

— Ты бы снѣгомъ помылась,—предложила Паша Платонова и принесла въ чашкѣ снѣгъ.

Я помылась; лицо начало больше горѣть.

— Все кончено! не женится!—и я съ растерзаннымъ сердцемъ легла на кровать, давъ себѣ слово сказаться больной и не показываться на глаза офицеру, даже если меня позовутъ внизъ. Утомленная безсонною ночью и волненіями, я скоро заснула.

— Что это за капризы? Папенька двадцатый разъ за вами посылаетъ, а вы не идете,—раздалось у меня надъ ухомъ.—Притворщица! чтобъ не подумали, что она офицеромъ интересуется, улеглась спать.

Я вскочила съ кровати.

— Я заснула, бабушка!

— Горничная я вамъ что ли? Идите внизъ!—и Матрена Васильевна хлопнула дверью.

Мнѣ тутъ все пришло на память. Бросаюсь къ зеркалу, но вмѣсто краснаго урода вижу хорошенькое, свѣжее личико, носъ совсѣмъ бѣлый... Башмакъ, башмакъ, правда, попрежнему разорванъ, но что башмакъ въ сравненіи съ носомъ! носъ отъ природы, а башмакъ?.. Офицеръ, конечно, пойметъ, что мнѣ рѣдко покупаютъ башмаки... и съ радостнымъ сердцемъ я опять внизу и храбро вхожу въ гостиную.

— Вѣрно, я вамъ очень противенъ, что посмотрѣли только на меня и тотчасъ убѣжали?—обратился ко мнѣ Никоновъ, лишь только я вошла въ гостиную.

— Ахъ, нѣтъ, я была занята.

— Позвольте быть настолько любопытнымъ и узнать, чѣмъ вы были заняты?

Что бы сказать?—подумала я и тотчасъ отвѣтила:

—Книгу читала.

— Какую-съ?

Я вспомнила, что читать романы дѣвушкамъ не хорошо, и придумывала, какую бы книгу ему назвать.

— Какую-же-съ? про любовь?—допрашивалъ онъ.

— Ахъ, нѣтъ! какъ можно!—отвѣчала я, закраснѣвшись при словѣ «любовь»:—я глупостей не читаю! Я читала Цицерона. (Про Цицерона я слышала, что это былъ какой-то ученый).

— Цицерона!—протянулъ офицеръ:—вотъ какъ! Вячеславъ Осиповичъ, ваша дочь Цицерона читаетъ.

— Образованіе далъ, клянусь Богомъ, и за нравственностью слѣдилъ, а тамъ ужъ ея воля... смиренно отвѣтилъ отецъ.

— Вотъ какія вы! ну, я такихъ книгъ читать не люблю,—продолжалъ бесѣдовать со мною Никоновъ:—вотъ вы бы прочли «Приключенія изъ моря житейскаго» Соломея,—вотъ такъ отличная штука! Баба выставлена—король. Хотите я вамъ пришлю?

— Ахъ, пожалуйста!—обрадовалась я.

Разговоръ нашъ на этомъ мѣстѣ былъ прерванъ отцемъ, который обратился къ Никонову съ вопросомъ, что онъ слышалъ о волѣ.

— Скоро, скоро, говорятъ, объявятъ и...

— Тише, Бога ради!—съ испугомъ прервалъ его отецъ, на цыпочкахъ подошелъ къ двери и тщательно затворилъ ее.

— Откуда вы знаете, дружочекъ, и когда это, говорятъ, будетъ?

— Я въ Петербургѣ, въ главномъ штабѣ былъ,—таинственно началъ Никоновъ, все понижая голосъ, и, наконецъ, перешелъ въ шепотъ столь тихій, что я не могла разслышать дальнѣйшаго его разговора съ отцемъ, да впрочемъ и не старалась объ этомъ. Я въ это время разсматривала самого Никонова. Я еще до сихъ поръ ни разу на него хорошенько не взглянула.

Это былъ не высокій, широкоплечій мужчина, лѣтъ 28-ми, со смуглымъ, короткимъ лицомъ, низкимъ лбомъ и гладко вверхъ зачесанными блестящими, черными волосами, черты были довольно красивы, и все лицо носило выраженіе удали съ нѣкоторой долей нахальства. Одной рукой онъ имѣлъ обыкновеніе, когда сидѣлъ или разговаривалъ, подбочениваться; руки же были большія, красныя, съ короткими пальцами; руки, помню, мнѣ только и не понравились, лицо же его и фигуру я нашла очень красивыми.

— Ленушка, ты бы пошла наверхъ!—ласково обратился ко мнѣ отецъ. Разговоръ его съ Никоновымъ, повидимому, становился для него очень интереснымъ.

Я пошла къ двери сначала тихо, потомъ позабыла всѣ приличія и побѣжала бѣгомъ.

Скажетъ, прилично ходить не умѣетъ, подумала я, и мнѣ опять стало грустно, опять начало казаться, что на Никонова я произвела невыгодное впечатлѣніе. Я пришла въ дѣвичью, настроенная въ минорномъ тонѣ, но все-таки не позабыла объявить горничнымъ, что воля будетъ скоро, что офицеръ объ этомъ слышалъ въ штабѣ, мѣстѣ, близкомъ къ царю; не забыла также прибавить, что офицеръ очень хорошенькій, и что онъ обѣщалъ мнѣ прислать книгъ.

Принесенная мною новость о волѣ разнеслась. Паша Данилова и Дуняша побѣжали сообщить объ этой радости въ людскую.

Паша Платонова заиграла на гармоникѣ «Барыню» и сама протанцовала. Одну Матрешу не обрадовала эта новость; она въ это время лежала и охала.

— Матреша, скоро воля!—подбѣжала я къ ней.

— Васютка умеръ! уморили его съ батькой, и я скоро за нимъ пойду, вотъ тогда и вольные будемъ,—отвѣтила она мнѣ не безъ злобы и закашлялась.

— Оставьте ее, барышня, у нея сынъ умеръ,—сказала мнѣ Паша Платонова.

Между тѣмъ, дѣвушки вернулись и начали оживленно разсказывать, какъ всѣ въ людской радуются и за царя, батюшку, Бога молятъ.

— Только дядя Никита,—объяснила Дуняша,—вѣры не беретъ; говоритъ, что онъ слышалъ, будто царь батюшка давно народу волю далъ, да бояре ее подъ сукномъ держатъ и намъ не показываютъ. Можетъ, и правда,—добавила Дуняша,—что умремъ раньше, чѣмъ она придетъ!

Съ кровати, гдѣ лежала Матреша, послышался тихій плачъ.

— Не каркай, ворона!—крикнула на Дуняшу Паша Платонова и хотѣла заиграть на гармоникѣ, но взглянула на Матрешу и остановилась. Всѣмъ вдругъ стало тяжело въ этой комнатѣ: хотѣлось говорить о жизни, радости и волѣ, а Матреша напоминала о смерти и о безысходномъ горѣ.

Мы вышли тихо изъ комнаты и притворили за собою дверь.

XXI.

Никоновъ сталъ ходить къ намъ по воскресеньямъ; а въ теченіе недѣли мы другъ другу присылали поклоны черезъ горничныхъ. Кромѣ того, онъ ко мнѣ часто присылалъ денщика съ книгами, которыя бралъ для меня изъ своей полковой библіотеки. Это были все переводные романы, и я просиживала за ними цѣлые дни, а въ сумерки бродила по темному коридору нашего дома, декламировала стихи или мечтала о Никоновѣ. Но только Никоновъ въ моихъ мечтахъ былъ похожъ всегда на героевъ романовъ, только что мною прочитанныхъ, и всегда отличался или великодушіемъ, или умомъ, или силой воли, а дѣйствительный Никоновъ часто оскорблялъ мои чувства. Помню, какъ мнѣ было всегда непріятно, когда онъ насмѣшливо говорилъ объ ученыхъ или читающихъ барышняхъ. Замѣтила я также, что, приходя къ намъ, онъ ухаживалъ за мною и за горничными вмѣстѣ: мнѣ говорилъ комплименты, а имъ украдкой болѣе наглядно выражалъ свое расположеніе. Даже мнѣ не нравились его комплименты и манера ухаживать за мной. Но обо всемъ этомъ я старалась не думать, чтобы не разрушить заманчиваго образа, созданнаго моей фантазіей.

Отецъ очень благоволилъ къ Никонову, видимо старался о нашемъ сближеніи и даже не разъ шутливо намекалъ ему: вотъ бы вамъ и невѣста, моя Ленушка! Никоновъ при этомъ пріятно ухмылялся и отвѣчалъ тоже шутливымъ тономъ:

— Что-жъ, я не прочь! Елена Вячеславовна—лакомый кусочекъ.

«Лакомый кусочекъ» при этомъ очень краснѣлъ и былъ въ страшномъ недоумѣніи, куда отъ стыда глаза дѣвать. Отецъ не останавливался на этомъ, но начиналъ говорить двусмысленности. Никоновъ ему вторилъ. Скоро насъ стали оставлять наединѣ. Послѣ обѣда отецъ имѣлъ обыкновеніе отдыхать, и въ первое время нашего знакомства, пообѣдавъ, Никоновъ уходилъ къ себѣ. Въ одно воскресенье, когда Никоновъ взялся за фуражку, отецъ остановилъ его.

— Зачѣмъ домой уходите, дружочекъ? Посидите, Ленушка васъ займетъ.

Мачеха хотѣла было остаться съ нами, но мужъ взялъ ее за руку и, говоря шутливымъ тономъ: «у тебя есть свой старикъ», увелъ ее съ собой. За женой своей при Никоновѣ отецъ смотрѣлъ въ оба: ей было запрещено по воскресеньямъ надѣвать свои лучшія платья, много смѣяться и пускаться въ разговоры съ офицеромъ. Марья Ильинична вслѣдствіе этого имѣла часто самый глупый видъ. Иногда она даже плакала втихомолку и роптала на папочку. Зато между ею и бабушкой въ послѣднее время опять возобновилась дружба. Бабушка съ нею сдѣлалась ласковѣе, и онѣ часто между собою шептались по угламъ. Я разъ услышала фразу: «Лишь бы намъ сбыть ее, лишнюю-то, а ужъ тамъ наша воля». Я всегда знала, что была для нихъ лишняя, но особенно сдѣлалась ею съ тѣхъ поръ, какъ стали ожидать наслѣдника отъ Марьи Ильиничны. Отецъ и бабушка были почему-то увѣрены, что теперь отъ Марьи Ильиничны непремѣнно долженъ родиться мальчикъ. Ему уже и имя было дано «Геннадій», и комната моя была уже назначена наслѣднику; а я, не любимая дочь отъ постылой умершей жены, конечно, была лишняя, и чѣмъ скорѣе они меня съ рукъ сбудутъ, тѣмъ лучше. А сбыть съ рукъ всего легче— выдать замужъ, кстати есть и женихъ Никоновъ. Замужъ, замужъ!— рѣшено было всѣми и даже самимъ Никоновымъ. Онъ уже почти каждый день бывалъ у насъ, и когда мы оставались вдвоемъ, говорилъ мнѣ разныя нѣжности. Особенно на меня сильно дѣйствовало, когда онъ выказывалъ мнѣ теплое участіе, намекая на мое горькое положеніе въ родительскомъ домѣ и распространяясь о томъ, какъ было бы хорошо мнѣ выйти замужъ за хорошаго человѣка, который бы нѣжилъ и баловалъ такое хорошенькое дитя. Въ эти минуты я готова была привязаться къ нему всѣмъ сердцемъ.

Разъ, когда я сидѣла съ нимъ рядомъ, онъ въ припадкѣ нѣжности обнялъ меня за талію. Я оттолкнула его руку и бросилась къ двери, онъ догналъ меня, очень грубо притащилъ назадъ и, какъ я ни плакала и ни грозила пожаловаться папенькѣ, онъ все цѣловалъ меня и цѣловалъ; но вотъ въ сосѣдней комнатѣ что-то стукнуло, и онъ выпустилъ меня изъ объятій. Я стрѣлой бросилась изъ комнаты и прибѣжала къ себѣ. Слезы душили меня, мнѣ было стыдно, горько, обидно... наконецъ я зарыдала.

— Господи, Господи!—думала я:—какъ это все вышло не такъ... Никоновъ въ это время мнѣ казался до того противнымъ, что я даже подбѣжала къ умывальнику и вымыла себѣ губы.

— Не пойду, ни за что не пойду за него замужъ,—повторяла я себѣ,—и какъ только онъ смѣлъ такъ нагло схватить и цѣловать меня? Герой мой, въ моихъ мечтахъ, могъ меня поцѣловать, но не такъ нагло, а нѣжно, и только въ томъ случаѣ, если бы я сама это ему позволила. Долго я не выходила изъ своей комнаты—наконецъ, таки, рѣшилась спуститься внизъ, давъ себѣ обѣщаніе не глядѣть на Никонова и вообще показать ему полнѣйшее презрѣніе. Никоновъ сидѣлъ съ отцемъ въ гостиной. Я вошла и не взглянула на него.

— Дружочекъ, подойди ко мнѣ, поцѣлуй меня,—позвалъ отецъ.

Я подошла и поцѣловала его руку; онъ погладилъ меня по головѣ и усадилъ возлѣ.

— Тебѣ Никоновъ, дружочекъ, дѣлаетъ предложеніе, какъ хочешь, я не принуждаю. Клянусь Богомъ, я для васъ всегда былъ хорошимъ отцемъ.

Я украдкой взглянула на Никонова. Онъ былъ очень блѣденъ; мнѣ показалось даже, что онъ съ умоляющимъ видомъ смотрѣлъ на меня.

— Вотъ я и невѣста!—мелькнуло у меня въ головѣ, и мнѣ опять вспомнилось, какъ Никоновъ цѣловалъ меня. При этомъ воспоминаніи я даже вздрогнула.

— Хочетъ, плутовка, ужъ вижу, хочетъ! Поцѣлуйтесь, дружочки. Богъ васъ благословитъ,—и отецъ тихо толкнулъ меня къ Никонову.

Тотъ подошелъ и поцѣловалъ меня.

— Отказаться развѣ, не пойти?—мелькнуло у меня въ умѣ; но рядомъ съ этой мыслью я вспомнила свою безотрадную жизнь въ родительскомъ домѣ и промолчала.

— Ей, шампанскаго! подать шампанскаго!—приказывалъ отецъ.

Прибѣжали мачеха, бабушка... въ слѣдующей комнатѣ я видѣла горничныхъ,—на ихъ лицахъ была написана радость,—онѣ крестились и издали посылали мнѣ поздравленія.

— Невѣста—Ленушка, невѣста!—повторяли кругомъ.

Женихъ не отходилъ отъ меня, былъ нѣженъ, ласковъ, рисовалъ предо мною нашу будущую жизнь въ полку. Разсказывалъ про

полковую музыку, про балы, про театръ, говорилъ, что будетъ наряжать меня, какъ куколку, увѣрялъ, что всѣ офицеры въ меня влюбятся, что я буду самая хорошенькая дама въ полку. Мнѣ моя будущая жизнь представлялась уже въ розовомъ цвѣтѣ. Приглядываясь къ жениху, я начала увѣрять себя, что онъ мнѣ очень нравится. Мало-по-малу я такъ свыклась съ ролью невѣсты, что мнѣ стало смѣшно, что я хотя на минуту колебалась въ своемъ рѣшеніи; веселая ходила подъ руку съ женихомъ, съ удовольствіемъ и даже гордостью принимала поздравленія. Всѣ дворовые узнавъ, что я просватана, пришли меня поздравить. Всѣ радовались, называли меня счастливицей и говорили, что вѣрно моя маменька покойница на томъ свѣтѣ умолила, что я такъ скоро нашла жениха. Я тоже начала думать, что счастлива. Только поцѣлуи жениха мнѣ не очень нравились. Въ этомъ я даже призналась Пашѣ Платоновой.

— Привыкнешь, это сначала только,—успокоила она меня.

Всѣ окружающіе стали ко мнѣ ласковѣе, рѣчь была и о томъ, что приданое надо шить. Вечеромъ по случаю торжества зажгли всѣ свѣчи въ подсвѣчникахъ, бабушка въ гостиную подала поднось съ гостинцами. Подъ окна нашего дома пришли деревенскія дѣвушки пѣть невѣстѣ пѣсни, а женихъ принесъ мнѣ красивую коробку съ конфетами и золотое колечко. Не знаю, осудятъ ли меня или нѣтъ, но я должна признаться, что отъ подобныхъ мелочей невѣста считала себя счастливой.

XXII.

На другой день, когда рѣчь зашла о свадьбѣ, мой женихъ обратился къ отцу со словами:

— Чѣмъ же вы, папенька, насъ благословите?

— Какъ чѣмъ? Образомъ, дружочекъ.

— Да-съ...—замялся женихъ,—это своимъ чередомъ, а насчетъ приданаго?

— Приданаго? — воскликнулъ съ удивленіемъ отецъ, — да откуда-жъ, дружочекъ, я его возьму? Крестьянъ я не имѣю права отдавать: ихъ отъ меня отнимаютъ, а денегъ, клянусь Богомъ, хоть зарѣжьте, ни копейки! — при этомъ онъ подмигнулъ Матренѣ Васильевнѣ, какъ бы говоря: каковъ гусь!

Послѣдовало молчаніе. Женихъ мой, казалось, былъ ошеломленъ; подобнаго сюрприза онъ, конечно, не ожидалъ. А мнѣ было страшно не ловко присутствовать при этомъ разговорѣ. Приходило на мысль и то, что прежде еще, чѣмъ Никоновъ увидѣлъ меня, онъ уже освѣдомлялся у Паши на посидѣлкахъ о богатствѣ отца и сколько тотъ за мною дастъ, но я старалась въ своихъ мысляхъ оправдать жениха тѣмъ, что онъ навѣрно бѣденъ, и ему нельзя жениться безъ приданаго, даже рѣшила быть великодушной, если отецъ не дастъ

за мной ничего, то и не выходить замужъ, чтобы не быть въ тягость мужу.

— Такъ какъ же-съ?—началъ снова Никоновъ:—развѣ Елена Вячеславовна ничего не имѣетъ?

— Все мое, все мое, дружочекъ,—засуетился отецъ:—дарственная запись на меня отъ покойной ея матери есть.

— Т-э-к-с-ъ,—протянулъ значительно Никоновъ,—а мнѣ безъ обезпеченія жениться нельзя, не разрѣшатъ!

— Такъ не женитесь, дружочекъ! Вотъ, Ленушка, жениху нужно приданое, а не ты!—ласково обратился ко мнѣ отецъ.

— Онъ не богатъ, папенька!.. ему не разрѣшатъ... заступилась я за жениха.

— Ну, такъ, что-жъ мнѣ дѣлать, дружочекъ?

— Намъ, папенька, хоть немного... попросила я и ужасно сконфузилась.

— Немного!—передразнилъ меня отецъ:—чортъ тебя побери, будьте вы прокляты, дружочки!—и онъ желчно засмѣялся.

На томъ разговоръ и кончился. Женихъ мой, видимо, пріунылъ; я чувствовала себя виноватой; подали обѣдать. Во время обѣда отецъ приказалъ впустить въ столовую двухъ мужиковъ, принесшихъ подарки. У насъ было заведено, что если мужикъ приходилъ просить барина ждать недоимку, то долженъ былъ явиться съ подаркомъ. Этихъ мужиковъ отецъ принялъ ласково, велѣлъ лакеямъ отобрать отъ одного—горшокъ меду, а отъ другого—голову сахару и подать каждому по рюмкѣ водки.

— Спасибо, дружочки, что сегодня со сладкимъ пришли,—сказалъ баринъ мужикамъ,—примѣта хорошая! жениху съ невѣстой сладко жить будетъ. Слышали, я дочь замужъ отдаю?

— Доброе дѣло, давай Богъ вашей милости,—кланяясь въ поясъ, сказали мужики. Отецъ приказалъ поднести имъ еще по рюмкѣ.

— Что горько?—спросилъ онъ мужиковъ, когда тѣ, выпивъ водку, осторожно поставили рюмки на кончикъ стола и вытерли губы рукавами своихъ полушубковъ.

— Подсластить жениху съ невѣстой надо?—шутилъ баринъ.

— Это такъ-съ, по деревенскому нашему обычаю,—ухмыляясь и опять кланяясь въ поясъ, сказали мужики.

— Поцѣлуйтесь, дѣточки,—сказалъ намъ ласково отецъ.

Мы поцѣловались. Я тогда же подумала: цѣлуемся при мужикахъ, а, можетъ быть, свадьбѣ нашей не бывать. Когда я осталась наединѣ съ женихомъ, то сказала:

— Кажется, Петръ Петровичъ, папенька ничего за мной не дастъ, намъ нужно разстаться: безъ приданаго я не пойду замужъ, потому что не хочу быть мужу въ тягость и... Но онъ началъ меня цѣловать и не позволилъ продолжать.

— Дастъ, старый хрычъ, дастъ, я ужъ подведу ему такую

канитель, что непремѣнно дастъ. Выдумала, чтобъ я разстался со своимъ божененочкомъ!

Это, однако, не успокоило меня.

— А если не дастъ?—настаивала я.

— Дастъ, непремѣнно дастъ,—повторялъ онъ.

А я ожидала отъ него не такихъ словъ; мнѣ хотѣлось, чтобы онъ меня увѣрялъ, что не приданое мое, а я ему нужна. Мой герой именно долженъ былъ бы такъ поступить.

—Какъ бы у него побольше деньжатъ-то вытащить, много у него ихъ, Леля.

— Не знаю! говорятъ, много.

— А гдѣ онъ ихъ прячетъ! Правда ли, что онѣ у него въ шкатулкѣ подъ подушкой?

Подобные разговоры Никоновъ возобновлялъ неоднократно; о приданомъ же онъ съ отцемъ больше не говорилъ. Между тѣмъ онъ бывалъ у насъ каждый день, и я привыкала къ нему больше и больше; недостатки, которые я прежде въ немъ находила, стали для меня невидимы; поцѣлуи и объятія его уже не пугали и не оскорбляли меня, а двусмысленные намеки отца, горничныхъ, а главное самъ Никоновъ, его ласки, разсказы способствовали тому, что мое воображеніе утратило свою чистоту, и я начала его любить чувственно.

XXIII.

Не книжные уже теперь романы волновали меня, а мой дѣйствительный романъ приносилъ мнѣ свои не многія пріятныя минуты и большія огорченія. Теперь женихъ проводилъ со мною цѣлые дни. Время больше проходило въ поцѣлуяхъ и разсказахъ о его прежнихъ любовныхъ похожденіяхъ. Иногда, впрочемъ, онъ говорилъ и о полковой жизни и о театрѣ. Ему приходилось нѣсколько разъ участвовать въ любительскихъ спектакляхъ, и онъ передо мною представлялъ тѣ роли, которыя игралъ въ театрѣ. Разъ я очень испугалась: Никоновъ, войдя въ роль изображаемаго имъ театральнаго героя, стукнулся затылкомъ объ полъ; по своему невѣжеству я вообразила, что ему въ самомъ дѣлѣ дурно, и перепуганная побѣжала за водой; схвативъ графинъ изъ столовой, прибѣжала назадъ. Никоновъ, несмотря на то, что я водой мочила ему голову, виски и даже прыскала въ лицо, все не приходилъ въ себя. Мнѣ показалось, что онъ умеръ. Со мною сдѣлалась нервная дрожь, и я стала, какъ сумасшедшая, бѣгать по комнатѣ.

— А жалѣешь!—вдругъ заговорилъ онъ и началъ подтрунивать надъ моимъ испугомъ. Онъ тутъ же объяснилъ, что все это не болѣе, какъ фокусъ; что въ театрѣ актеры постоянно такъ падаютъ въ обморокъ; что онъ даже не ушибся; что умѣетъ въ совершенствѣ падать и даже предложилъ и меня выучить этому искус-

ству; онъ хотѣлъ снова упасть, но я съ такимъ непритворнымъ ужасомъ просила его этого не дѣлать, что онъ остановился.

— Фу, какая ты трусиха, совсѣмъ кисель,—съ неудовольствіемъ сказалъ мнѣ женихъ,—какая послѣ этого изъ тебя выйдетъ полковая дама!

Я обидѣлась и ушла отъ него. Мнѣ было горько: я себя чувствовала не понятой.

Разъ, вечеромъ, послѣ ухода жениха, я уже собралась итти спать, когда Сигнюшка съ таинственнымъ видомъ остановилъ меня и шепотомъ сказалъ:

— Барышня, выйдите въ сѣни, очень нужно.

— Зачѣмъ?

Но онъ не отвѣчалъ, а только ударилъ себя по карману и скрылся. Предчувствуя что-то недоброе, я вышла въ сѣни; онѣ были пусты, гаснущій на стѣнѣ ночникъ едва мерцалъ, бросая слабый свѣтъ на большой красный сундукъ, куда бабушка прятала остатки кушаньевъ, да на бугры снѣга у дверей и по угламъ; на дворѣ была метель, и въ растворенную дверь намело много снѣгу. Не замѣтивъ ничего особеннаго въ сѣняхъ, я вышла на крыльцо, тамъ тоже никого не было; только снѣгъ валилъ хлопьями, да вѣтеръ жалобно завывалъ. Я заперла дверь и сѣла на сундукъ въ ожиданіи Сигнюшки. Темнота, завываніе вѣтра и ожиданіе чего-то особеннаго навѣяли на меня грусть; фантазія унесла меня далеко далеко. Забыла я и жениха, и отца; въ воображеніи рисовалась какая-то грустная картина, слышались гдѣ-то стоны, рыданія; все это дополнялъ вой вѣтра; слезы текли у меня по щекамъ; мнѣ было жутко и хорошо.

— Барышня, вы здѣсь?

Я вздрогнула и очнулась.

— Что такое? Зачѣмъ ты меня звалъ?

— Дѣвушка просила передать вамъ!—и онъ подалъ мнѣ письмо.

Это было первое письмо, полученное мною; на конвертѣ я кое-какъ передъ ночникомъ разобрала: «Ея высокоблагородію, барышнѣ Аленѣ Вячеславовнѣ». Письмо это и обрадовало меня и испугало; я чувствовала себя большой, а для ребенка, какимъ я была въ 15 лѣтъ, сознаніе, что онъ большой, очень пріятно. Вопросы: отъ какой дѣвушки, кому я нужна, кто мной интересуется?—занимали и въ то же время пугали меня своею невѣдомою развязкою. Сигнюшка же на всѣ мои вопросы отвѣчалъ одно:

— Письмо подала молодая дѣвушка въ кринолинѣ, платкомъ подвязана. «Отдай,—сказала тихонько,—вашей барышнѣ», и за это мнѣ гривну дала,—добавилъ Сигнюшка и показалъ мнѣ на ладони монету.

Видя, что отъ Сигнюшки ничего не узнать, а при такомъ слабомъ свѣтѣ, какой былъ въ сѣняхъ, письма прочесть невозможно

я бѣгомъ пустилась въ свою комнату и въ коридорѣ встрѣтилась съ отцемъ, который шелъ къ себѣ въ спальню.

— Ужъ не къ жениху ли бѣгала?—спросилъ онъ съ ѣдкимъ смѣхомъ.

— Какъ можно, папенька!..

— То-то, опозорить себя сумѣете, а чтобы женился безъ приданаго, этого сдѣлать не умѣете.

Я стояла, опустивъ голову, точно провинившаяся, и крѣпко сжимала въ рукѣ письмо. Я больше всего заботилась, чтобы отецъ не увидалъ его у меня въ рукѣ, а оскорбленіе вовсе меня не трогало.

— Чего стоишь? Иди спать! Или ждешь, чтобы папенька уснулъ, воли будетъ больше? Черти проклятые! Умру—всѣ будете вольные!

— Покойной ночи, папенька! — сказала я и, поцѣловавъ его руку, побѣжала наверхъ.

— Вольные!.. и дочка родная ждетъ вольную!—слышала я, какъ бормоталъ онъ самъ съ собою.

Но мнѣ было не до того. Я вошла въ свою комнату, зажгла сальный огарокъ и при свѣтѣ его прочитала слѣдующее письмо, которое передаю здѣсь безъ орѳографическихъ ошибокъ подлинника:

«Милостивая государыня, милая барышня Анна Вячеславовна! Дошли до меня слухи, что будто бы ты имѣешь въ намѣреніи выйти замужъ за Никонова, пусть ему будетъ пусто, окаянному, и я тебѣ, барышня, строго-настрого это запрещаю, потому что онъ—мой полюбовникъ, и клялся онъ жениться на мнѣ, и если ты хоть и выйдешь, то путнаго изъ этого не будетъ: испорчу я вашу жизнь, какъ онъ, окаянный, испортилъ мою. Послушайся, барышня, моего совѣта, и не ходи, со слезами на глазахъ умоляю я тебя объ этомъ, и чтобъ отъ него письмо было въ секретѣ, а то онъ меня изобьетъ. Мѣщанка Екатерина Багрова».

Первою моею мыслію послѣ прочтенія письма было отказать Никонову, но потомъ я пришла къ заключенію, что это невозможно, такъ какъ поцѣлуями и свободнымъ обращеніемъ со мною жениха я поставлена въ такое положеніе, что разрывъ безъ того, чтобы я не была скомпрометирована въ глазахъ всѣхъ, невозможенъ. Я не могла статься на всю жизнь въ дѣвкахъ, да еще въ томъ домѣ, гдѣ отъ упрековъ мнѣ не будетъ покоя; кромѣ того, я ревновала моего жениха. Мнѣ показалось вдругъ, что на мнѣ онъ женится изъ расчета, а ту, Багрову, истинно любитъ. Эта мысль не давала мнѣ покоя, мучила меня. Не будучи въ состояніи сама справиться съ своимъ горемъ, я по привычкѣ прибѣгла за совѣтами и утѣшеніемъ къ Пашѣ Платоновой. Та меня нѣсколько успокоила. Во-первыхъ, она сказала, что неизвѣстно, какая дѣвка Екатерина Багрова, можетъ быть, она все лжетъ, потому что ни одна свадьба безъ сплетенъ не обходится, а, во-вторыхъ, Паша пролила бальзамъ на мое раненое сердце словами:

— Ужъ промѣняетъ ли онъ тебя, Ленушка, на кого нибудь?

Но все же, когда ушла Паша, я пробралась въ потемкахъ въ лакейскую, гдѣ на лежанкѣ крѣпко спалъ Сигнюшка, и безъ жалости растолкала бѣднаго мальчика.

— Чего изволите? Сейчасъ. Я, ей-Богу, не спалъ!—повторялъ онъ сонный.

— Это я, Сигнюшка, проснись! Я тебѣ булки и сахару отъ чаю оставлю, проснись только!

— Ахъ, это вы, барышня, дайте заснуть!—и онъ хладнокровно повернулся на другой бокъ.

— Хорошенькая она? Высокая? Какіе волосы?..—спрашивала я.

Сигнюшка громко храпѣлъ, и до слѣдующаго дня мнѣ не суждено было ничего узнать.

XXIV.

— Вы бы хоть отъ подобныхъ писемъ меня, Петръ Петровичъ, избавили,—сказала я Никонову и подала ему письмо Екатерины Багровой.

Никоновъ взялъ его и, прочтя, началъ почесывать затылокъ. Мнѣ казалось, что онъ сильно смущенъ, вслѣдствіе чего я приняла видъ оскорбленнаго достоинства, хотя въ душѣ вовсе не была сердита, и даже въ карманѣ у меня лежали стихи подъ заглавіемъ «Къ нему», которые я написала ночью, и надѣялась удивить и растрогать ими жениха. Но сразу отдать ихъ ему я не хотѣла, желая прежде всего показать, что письмомъ я сильно оскорблена.

Женихъ изрѣдка покашливалъ и ходилъ по комнатѣ. Повидимому, онъ былъ очень смущенъ.

— Прочли?—спросила я сурово.

— Эхъ-ма! Все это канитель! — и онъ въ куски разорвалъ письмо.

— Какъ! Вы находите, что это не должно оскорблять меня?

— Все это, божененочекъ мой, глупость? Есть вещи, которыхъ барышнямъ знать не слѣдуетъ: была возлюбленная, да женой никогда не будетъ.

— Однако жъ вы клялись на ней жениться?

— Мало ли что мы обѣщаемъ! Долго не сдавалась!—и онъ цинически захохоталъ.

Я совсѣмъ не этого ожидала. Послѣ словъ Паши я была увѣрена, что Катерина солгала, и что Никоновъ подтвердитъ это. А его слова и этотъ смѣхъ такъ странно на меня вдругъ подѣйствовали, что мнѣ показалось, будто передо мною стоитъ не мой женихъ, а совсѣмъ другой человѣкъ. Я почувствовала сразу, что Катерины мнѣ опасаться нечего, но я предпочла бы чувство ревности тому чувству, которое въ эту минуту родилось во мнѣ. А между тѣмъ Никоновъ продолжалъ:

— Не знаешь ты жизни, Леля; у каждаго офицера есть возлюбленная, и каждый потомъ женится на другой. Се сонъ де пустяки! А вотъ дай-ка лучше свою лапочку поцѣловать, мой цыпленочекъ.

Но я уклонилась отъ его ласкъ и спокойнымъ голосомъ спросила:

— Разскажите, какъ вы увидѣли Катерину, какъ познакомились?

— А вотъ, видишь ли, какъ: напротивъ моей квартиры жила старуха; у нея была дочка лѣтъ 15-ти, краснощекая, хорошенькая; она мыла нашимъ офицерамъ бѣлье, но скромница была большая: многіе офицеры ухаживали за ней, но все безуспѣшно. А я, надо тебѣ сказать, замѣтилъ, что Катя на меня чаще, чѣмъ на другихъ офицеровъ, поглядываетъ. Кромѣ того, наши офицеры увѣряли, что Катю никто съ толку не собьетъ. Взялъ меня задоръ, говорю: давайте пари держать, что Катя меня полюбитъ. Всѣ только засмѣялись; съ однимъ товарищемъ я побился на дюжину бутылокъ пива: всѣ предсказывали, что проиграю. Я же, что сказалъ, всегда на своемъ поставлю. Началъ за ней ухаживать: посылаю подарки— не беретъ. Я такъ и сякъ подъѣзжаю — ничего. Дѣлать нечего, я на время пріостанавливаюсь; она перестаетъ бѣгать отъ меня, разъ сама принесла бѣлье; я ей предложилъ чаю съ ромомъ, поклялся жениться на ней и такимъ образомъ выигралъ пиво.

По мѣрѣ того, какъ разсказывалъ мой женихъ, зародившееся во мнѣ брезгливое чувство къ нему росло до отвращенія. А онъ все продолжалъ весело:

— Она съ тѣхъ поръ такъ привязалась ко мнѣ, что я и самъ не радъ былъ, а ромъ и водку такъ начала тянуть, не хуже меня... Да ты плачешь?—воскликнулъ онъ, заглянувъ мнѣ въ лицо: — о чемъ, дѣвочка моя?

Я оттолкнула его и убѣжала въ слезахъ въ свою комнату, успѣвъ за собою запереть дверь на задвижку. Ни убѣжденія, ни мольбы жениха не подѣйствовали, я не отперла дверь; онъ разсердился и ушелъ домой, чему я очень была рада, но вдругъ вспомнила, что Катерина въ своемъ письмѣ просила меня не показывать Никонову ея письма, боясь, что онъ будетъ ее за это бить. Въ припадкѣ ревности я не обратила вниманія на ея просьбу, а теперь при мысли, что я сдѣлала зло этой несчастной, я вся похолодѣла: «Боже мой,—думала я,—она въ простотѣ души обратилась къ моему великодушію, а я что сдѣлала? Сейчасъ же и выдала ее. Можетъ быть, она здѣсь въ Березовкѣ, и онъ вымещаетъ на ней свою злобу—бьетъ ее изъ-за меня». Я не могу описать словами нравственное мученіе, охватившее тогда меня. Знаю, что я была готова на всякую жертву, чтобы искупить мою вину передъ Катериной: готова была отдать ей жениха, готова была, чтобы

тѣ побои, которые она, я думала, терпитъ изъ-за меня, достались вмѣсто нея мнѣ. Никакая физическая боль не могла, мнѣ казалось, сравниться съ той нравственной болью, какую я тогда испытывала, а воображеніе еще усиливало мои страданія: оно рисовало мнѣ картины все страшнѣе и страшнѣе. Я видѣла уже Катерину, бросавшуюся съ отчаянья изъ-за меня въ прорубь. Я чуть съ ума не сошла. Паша Платонова всѣ усилія употребляла, чтобы меня успокоить. Наконецъ, сбѣгала украдкой на квартиру къ Никонову и принесла успокоеніе: Катерины не было въ деревнѣ. Тогда я сѣла писать къ жениху. Что я писала—не помню. Знаю, что писала долго, писала то, что чувствовала, отъ слезъ во многихъ мѣстахъ расплылись чернила. Паша сама отнесла письмо и принесла отвѣтъ.

Женихъ мой писалъ, что клянется никогда не заикнуться Катеринѣ о письмѣ, что завтра же пошлетъ ей денегъ, а какъ женится на мнѣ, то дастъ ей приданое и выдастъ замужъ. «Только ты не сердись и люби меня, мой божененочекъ!—писалъ онъ,—а что касается до твоихъ обвиненій, то о нихъ поговоримъ послѣ. Одно скажу: славная бы изъ тебя вышла бабенка, если бы ты бросила читать книги, а то ты вычитала изъ нихъ много всякой дребедени».

XXV.

— Какъ сегодня свѣтло на дворѣ! Солнце играетъ на небѣ, какъ въ Христовъ день, — сказала мнѣ Паша Платонова, когда я проснулась.

— Это примѣта хорошая,—вмѣшалась Дуняша:— говорятъ, что, когда солнце въ какой день играетъ, то въ этотъ день все будетъ удаваться, и всѣ радоваться будутъ. И намъ, попомните мое слово, какая нибудь радость будетъ: старая барыня маленькіе уроки на пяльцахъ задастъ.

— На кашу крупъ выдастъ,—засмѣялась я.

— А вдругъ, дѣвушки, да сегодня волю объявятъ!—воскликнула Паша Данилова,—ахъ, ты, Господи! еслибъ это только было, а то истомилась моя душенька: говорятъ, Петрушу женить хотятъ на Аксюшкѣ Ивановой.—И Паша глубоко вздохнула.

— Дожидай, какъ же! Я ужъ и ждать перестала; наша воля вѣки вѣчные будетъ, какъ говоритъ дядя Никита, подъ сукномъ лежать,—замѣтила Паша Платонова.

— Матреша, значитъ, права, — заговорила Дуняша:—что намъ только на томъ свѣтѣ воля будетъ; ей, бѣдной, ужъ навѣрно можно сказать, воли не дождаться. Намедни бѣжала я мимо скотнаго, подумала, дай, погляжу на Матрешу. Вхожу это въ избу, темень такая: телята мычатъ за перегородкой, поросята лѣзутъ подъ ноги. Старуха печку затопляетъ, дыму нашло — просто дышать нельзя. Спрашиваю старуху: «гдѣ, говорю, бабушка, тутъ больная изъ гор-

ницы лежитъ?» А тутъ слышу, Матреша на печкѣ заохала; мнѣ такъ ее, дѣвушки, жалко стало, что ажно слеза прошибла. Зажгла я лучину, влѣзла на печку: словно мертвецъ, лежитъ Матреша, чуть дышитъ. Я ее о томъ, о другомъ спрашиваю, а она только и проговорила: «тошнехонько—пить дайте».

Дуняша замолчала. Всѣ были тронуты ея разсказомъ, Въ эту минуту внизу раздался шумъ и грозный голосъ барина.

— Проснулся, началось мученье! — замѣтили дѣвушки и, хотя этотъ шумъ былъ обыкновененъ, все-таки побѣжали посмотрѣть, что тамъ такое. Спустя нѣкоторое время, онѣ вернулись и разсказали достопримѣчательности утра. Сигнюшку баринъ въ кровь избилъ за то, что трубку не такъ подалъ, Семена лакея на конюшню отослалъ за какую-то грубость; мужика, приходившаго безъ гостинца просить подождать оброкъ, оттаскалъ за бороду. Эти происшествія были такъ обычны, что о нихъ не стоило бы и упоминать; но они достойны замѣчанія только потому, что въ нашемъ домѣ были послѣдними.

Въ столовой, въ это утро, по обыкновенію, все наше семейство собралось пить чай. Бабушка разливала; мачеха веселая, счастливая выбирала сдобныя булочки и упрашивала папочку скушать, если онъ ее любитъ. Сигнюшка съ окровавленнымъ ухомъ стоялъ возлѣ кресла отца и держалъ трубку и краснаго дерева ящикъ съ табакомъ. Вдругъ на дворѣ раздался колокольчикъ, и къ крыльцу подъѣхали сани. Мы всѣ, кромѣ отца, подбѣжали къ окну. Изъ саней выскочилъ молодой человѣкъ въ штатскомъ пальто съ бобровымъ воротникомъ и въ такой же круглой шапкѣ. Подъ мышкой онъ держалъ большой портфель.

— Становой!—доложилъ красный, заплаканный, только что вернувшійся изъ конюшни Семенъ.

— Чего его черти принесли?—проговорилъ отецъ, обдергивая архалукъ, и, взявъ съ собой стаканъ чая, пошелъ навстрѣчу гостю.

— А вамъ чего любопытствовать?—обернулся онъ сердито на насъ, входя въ залъ.

Мы остановились, но любопытство наше было такъ велико, что, несмотря на суровый запретъ отца, мы не уходили изъ коридора, а чрезъ стеклянную дверь старались разглядѣть, что будетъ происходить въ залѣ.

Къ отцу подошелъ становой и подалъ ему вынутую изъ портфеля большую тетрадь; при этомъ сказалъ нѣсколько словъ, которыхъ мы не разслышали.

Я случайно взглянула на отца, онъ былъ, какъ полотно, и едва держался на ногахъ.

— Папенькѣ дурно!—только хотѣла я крикнуть, но въ это время отецъ пошатнулся, стаканъ выпалъ изъ рукъ, и онъ грохнулся объ

полъ. Мы вбѣжали въ залъ; становой старался поднять съ пола отца.

— Воды, пожалуйста, воды!—обращался онъ къ намъ. Всѣ вокругъ суетились, но никто не исполнялъ его приказанія. Я быстро сбѣгала за водой и подала ее становому. На суматоху теперь сбѣжались всѣ лакеи и горничныя.

— Отчего это съ папенькой сдѣлалось?—спросила я становою.

— Видите ли, сударыня, я привезъ высочайшій манифестъ объ освобожденіи крестьянъ.

— Воля, воля!—вдругъ радостно и громко раздалось кругомъ.— Воля! Слава тебѣ, Господи!—и вся прислуга, бывшая въ залѣ, несмотря на присутствіе господъ, стала цѣловаться между собой отъ радости, прыгать, поздравлять другъ друга.

— Чего вы, черти!—кричала на нихъ бабушка, но они ни на кого изъ насъ не обращали вниманія и, точно сговорившись, съ радостнымъ крикомъ «воля!» всѣ бросились вонъ изъ залы передать, разнести радостную вѣсть на господскій дворъ, а оттуда въ самые отдаленные уголки нашей деревни. Воля!—слышалось повсюду, и въ возгласахъ этихъ была какая-то особенная, никогда еще прежде не слыханная нотка, заставившая бабушку вздрагивать и наполнявшая мою душу такою живою радостью, что самой хотѣлось крикнуть со всѣми:

«Воля! слава тебѣ, Господи!».

— Эхъ, батюшка! Зачѣмъ это вы имъ объявили теперь?—упрекала бабушка становою.

— Что дѣлать, сударыня, это мой долгъ! Самому не пріятно, а надо показывать видъ, что радуешься,—прибавилъ онъ ей шепотомъ.

Отецъ, наконецъ, пришелъ въ себя и испуганнымъ взглядомъ обвелъ насъ глазами. Вдругъ глаза его упали на тетрадь.

— Дружочки, все отъ меня отнято!—тихо, съ отчаяніемъ проговорилъ онъ и зарыдалъ, какъ ребенокъ.

Мы бросились утѣшать его; онъ хотѣлъ приподняться, но не могъ, одна половина его тѣла была разбита параличемъ.

Вдругъ раздался со двора гулъ сотни голосовъ, и чрезъ минуту весь коридоръ передъ заломъ наполнился крестьянами.

— Убивать, убивать идутъ!—воскликнулъ съ ужасомъ отецъ, хватаясь за становою.

— Вамъ что нужно? Бунтовать? — грозно крикнулъ становой, выпрямляясь во весь ростъ и подходя къ мужикамъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, кормилецъ, спаси, Господи!—заговорили разомъ мужики:—мы только хотимъ твою милость спросить: правда ль царь батюшка намъ волю далъ?

— Вонъ отсюда, на дворѣ ждать!

— Уйдемъ, уйдемъ, родимый!

И мужики покорно стали выходить изъ коридора.

XXVI.

Веселыя пѣсни, звуки гармоники и балалайки доносились къ намъ изъ деревни. Народъ праздновалъ и радовался давно желанной волѣ. Праздновали и мы наверху въ дѣвичьей, хотя дѣвушки были уже нѣсколько разочарованы; онѣ думали, что если пришла воля, то онѣ сію минуту и уйти могутъ, куда захотятъ; но становой имъ читалъ и говорилъ, что два года онѣ должны жить на прежнемъ положеніи. Это ихъ нѣсколько обезкуражило. Но онѣ все-таки нарядились въ лучшія платья, о работѣ и помину не было, хотя бабушка и приказывала работать, а за непослушаніе сжатыми кулаками угрожала «своротить каждой рожу на сторону».

— Попробуйте, попробуйте! Нѣтъ-съ, руки коротки! Батюшка государь ихъ укоротилъ,—поддразнивали дѣвушки.

Бабушка злилась, но наказать виновныхъ не смѣла: становой строго запретилъ бить людей, и бабушка, кромѣ того, боялась тюрьмы, а тюрьмою-то и стращали ее дѣвушки.

— Въ тюрьму, дѣвушки, говорятъ, господъ будутъ сажать, если они теперь слугъ бить будутъ,—громко говорила Паша Платонова при Матренѣ Васильевнѣ.

— Какъ же, дряни, какъ же, еще подождете, какъ еще драть-то будемъ! Вы думаете, воля,—какъ же! два года еще на прежнемъ положеніи жить будете, и бить васъ не запрещено, и всю жизнь крестьяне оброкъ будутъ намъ платить.

— Такъ ударьте, такъ ударьте!—поддразнивала Паша Платонова.

Бабушка злилась, но драться боялась.

— Вотъ-таки и не пришлось оженить Петрушу! вотъ-таки замужъ за него пойду!—посмѣивалась счастливая Паша Данилова.

Дуняша выдумала себѣ необыкновенную прическу: съ завитками, лентами, и гордо прохаживалась мимо Матрены Васильевны. Одной только Матреши недоставало между нами; не пришлось ей порадоваться волѣ. Въ самый день обнародованія высочайшаго манифеста она скончалась, съ полнымъ убѣжденіемъ, что крестьянамъ будетъ воля только на томъ свѣтѣ.

Какъ весело у насъ было на верху, такъ было грустно внизу, въ спальнѣ отца. Въ ожиданіи пріѣзда изъ города доктора, за которымъ былъ посланъ нарочный, отецъ лежалъ на своей кровати— возлѣ его изголовья съ опухшими отъ слезъ глазами сидѣла мачеха, съ другой стороны кровати сидѣлъ Никоновъ, котораго теперь не отпускалъ отъ себя отецъ.

— Дружочекъ, солдатами домъ окружите, убьютъ меня, клянусь Богомъ, убьютъ,—умолялъ онъ.

— Будьте покойны! Пусть только хоть одинъ посмѣетъ нагрубить, всю деревню вверхъ дномъ поверну,—хвасталъ Никоновъ.

Я вошла въ спальню.

— Ленушка, дружочекъ,—застоналъ отецъ:—слышала, что отъ меня все отняли?

— Слышала, папенька.

— Чѣмъ же, дружочки, я жить теперь буду? Семья большая: Настенька растетъ,—день на день жду: Геннадій родится. Машенька, дѣточки! не бросьте меня, дружочки!—и отецъ плакалъ, какъ ребенокъ.

Я сѣла тоже возлѣ него, взяла его руку и цѣловала. Мнѣ отъ души было жаль его.

Выплакавъ свое горе, отецъ вдругъ немного приподнялся на локтѣ и радостнымъ голосомъ спросилъ:

— Вѣдь, кажется, дружочки, я еще два года буду на прежнихъ правахъ, только бить не смѣю? Смотри же, Машенька, и тетенькѣ скажи, чтобъ все было у насъ попрежнему! Впрочемъ, я самъ встану... онъ хотѣлъ приподняться.—Не могу, не могу!—застоналъ онъ, тяжело опускаясь на подушки.—Клянусь Богомъ, не чувствую ни ноги ни руки. Дѣточки, неужели я умру? Ленушка, помолись за меня Любенькѣ, твоей матери, помолись... Ахъ, за грѣхи мои... Николенькѣ напишите, пусть молится, святой онъ...

Въ это время подъ окнами раздалось: «Во лузяхъ, во лузяхъ, во зеленыхъ во лузяхъ». Стекло въ спальнѣ разлетѣлось вдребезги, и маленькій камешекъ упалъ возлѣ кровати отца.

— Убиваютъ, спасите!—кричалъ съ ужасомъ отецъ.

Всѣ мы перепугались. Никоновъ и я подбѣжали къ окну, но подъ окномъ было тихо и темно, только по снѣгу промелькнула чья-то небольшая тѣнь.

— Ахъ, ты, шельмецъ!—засмѣялся Никоновъ: — не пугайтесь! это Сигнюшка!—успокоилъ онъ насъ, а самъ выбѣжалъ изъ комнаты.

Чрезъ нѣсколько времени раздались крики и плачъ Сигнюшки, котораго Никоновъ собственноручно наказывалъ.

— Бьетъ, клянусь Богомъ, бьетъ, никого не боится!—радостно шепталъ больной, съ наслажденіемъ вслушиваясь въ крики Сигнюшки.

Я взглянула на отца, и мнѣ сдѣлалось такъ больно и горько за него, что я поспѣшила уйти изъ спальни на верхъ; но мнѣ не хотѣлось заходить и въ дѣвичью, я прошла прямо въ свою комнату и легла на кровать.

— Барышня, вы здѣсь?—заглянула въ дверь Паша и со смѣхомъ влетѣла въ комнату. — Ну, и отдѣлала же я старую вѣдьму, отлично отдѣлала!—подпрыгивала она и потирала отъ удовольствія руки.

— Что тамъ такое еще? Кого отдѣлала?

— Охъ, животики надорву! Охъ, надорву, охъ, кабы вы знали

да видѣли, какъ я старую вѣдьму хватила? за всѣ колотушки хватила!—и Паша покатилась со смѣху.

— Да говори, Паша, толкомъ, что такое!

— А вотъ, видите! Выхожу я въ коридоръ, вдругъ въ потемкахъ меня кто-то за руку такъ щипнулъ, что я даже обомлѣла, приглядываюсь: бѣлые бахромки!.. А думаю, это вѣдьма, да какъ размахнусь, да прямо кулакомъ ей, такъ что она затылкомъ объ стѣну стукнулась! а вѣдь голосу даже не подала, только схватилась за ротъ да бѣгомъ,—я за ней и все-то молча... удрала-таки, окаянная! А ужъ кабы я догнала, то всю бы душеньку ей проклятой вытрясла за все и за всѣхъ!—и она опять захохотала.

— Ахъ, Паша, Паша! Вамъ Богъ радость послалъ, а вы только злитесь да мстите другъ другу!

— Такъ неужто она щипаться будетъ, а я молчать должна.— Нѣтъ-съ, ужъ извините... А вы, барышня, сейчасъ видно, что изъ дворянской крови!—и Паша хлопнула дверью, недовольная тѣмъ, что я несочувственно отнеслась къ ея выходкѣ.

А мнѣ стало еще грустнѣе: душа рвалась изъ этой обстановки и отъ всѣхъ, кто окружалъ меня, и даже отъ жениха. Послѣ приключенія съ Катериной Багровой точно что-то порвалось между нами, хотя онъ былъ еще ласковѣе и нѣжнѣе со мною, чѣмъ прежде, и, вѣроятно, для возбужденія моей любви къ нему и ревности чуть ли не каждый день разсказывалъ мнѣ подобные эпизоды изъ своей холостой жизни. Но онъ не достигалъ цѣли: этими разсказами онъ все болѣе и болѣе отталкивалъ меня отъ себя. И теперь, лежа на кровати, я мечтала о томъ, какъ было бы хорошо, если бы что нибудь такое случилось, что я, не будучи скомпрометирована, разсталась со своимъ женихомъ. Въ эту минуту въ темнотѣ возлѣ меня раздался его радостный шепотъ:

— Божененочекъ, ты здѣсь?—и я очутилась въ объятіяхъ моего жениха.

— Какую радость я тебѣ принесъ, женка моя дорогая!

— Что такое?—спросила я, освобождаясь изъ его объятій.

Но онъ убѣжалъ за свѣчкой и вернулся съ ней и какой-то бумагой.

— Вотъ смотри!—и онъ торжественно вручилъ мнѣ эту бумагу.

Это была довѣренность отъ отца одному знакомому, жившему въ губернскомъ городѣ, на совершеніе дарственной мнѣ записи на 30 душевыхъ надѣловъ и 500 десятинъ земли.

— Эхъ, я, дуракъ, мало написалъ, просто черти тогда попутали, а батька совсѣмъ раскисъ отъ страха, можно было изъ него хоть веревки вить—поприжать бы, припугнуть, такъ вдвое бы подписалъ.—И Никоновъ въ досадѣ на себя ходилъ по комнатѣ.

— Какъ же ты уговорилъ папеньку подписать?—спросила я:— прежде онъ не хотѣлъ и слышать о дарственной.

— А вотъ какъ: говорю, выбирайте—или будете за мною жить въ Березовкѣ, какъ за каменной стѣной, или же мои солдаты будутъ наущать вашихъ крестьянъ, и отъ вашего села бревна не останется. Ужъ какъ онъ клянчилъ, плакалъ, клялся, что отъ него все отняли, что онъ не смѣетъ ни крестьянъ ни землю отдавать, а все-таки подписалъ.

— Ну, и ты хорошъ, какое средство выдумалъ!

— Ахъ, опять наши романы на сцену!—засмѣялся Никоновъ... Мое правило: «бери, что дается въ руки». Ну, а ты, дурочка, жизни не знаешь, прощай, спи спокойно, теперь все кончено... только нужно еще вытащить денегъ на приданое: нельзя же тебѣ вотъ въ этомъ платьѣ вѣнчаться, да, кромѣ того, ты увидишь, какія барыни у насъ въ полку франтихи... я не хочу, чтобъ моя жена была хуже ихъ одѣта: вѣдь въ полку всѣ знаютъ, что Никоновъ на богатой женится. Ну, да это я все безъ тебя устрою; ты только помни, что ты моя, и все уже кончено.

— Да, все кончено!—сказала и я самой себѣ и, не сознавая о чемъ, а такъ, отъ какого-то внутренняго недовольства, долго плакала, прежде чѣмъ заснула.

XXVII.

Отцу стало значительно лучше; докторъ предсказывалъ полное выздоровленіе, и больной повеселѣлъ, страхи отошли отъ него прочь, и, несмотря на всѣ атаки и маневры со стороны моего жениха, отецъ не соглашался дать денегъ на мое приданое. Даже больше: онъ положительно отвергалъ тотъ фактъ, что когда либо согласился на дарственную мнѣ запись, и клялся и божился, что никакой довѣренности никогда не подписывалъ.

— А свидѣтели?—напоминалъ мой женихъ.

— Никакихъ свидѣтелей, клянусь Богомъ, не видалъ,—невозмутимо отвѣчалъ отецъ.

— Скажи, пожалуйста,—спросила я разъ жениха:—какимъ образомъ ты тогда досталъ свидѣтелей.

— Очень просто,—отвѣчалъ онъ,—ко мнѣ пріѣхали въ тотъ день товарищи; я имъ сказалъ, что иду у тестя приданое невѣстѣ вытягивать, и чтобъ они были готовы подписаться свидѣтелями; я еще тогда предвидѣлъ, что старикъ потомъ спохватится, и потому все устроилъ настоящимъ образомъ. Когда я его припугнулъ тогда бунтомъ крестьянъ, то онъ былъ готовъ изъ страха все подписать; въ этакую-то минутку я Сигнюшку и командировалъ за товарищами. А тутъ еще кстати и докторъ пріѣхалъ, я и къ нему подлетѣлъ съ просьбой подписаться. Не могу себѣ простить,—продолжалъ Никоновъ,—что тогда и денегъ вмѣстѣ у батьки не вытянулъ, а теперь не даетъ — никакимъ страхомъ его не проймешь!

Одна надежда на Ильиничну: я къ ней всячески подъѣзжаю. Обѣщала, только боюсь, чтобы съ дуру не попалась.

Нужно сказать, что мачеха, со времени болѣзни отца и въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ родила, дѣйствительно, какъ ожидали, мальчика, а не дѣвочку, стала имѣть огромное значеніе въ домѣ. Отецъ ей вѣрилъ и вручилъ, въ день крестинъ сына, на сохраненіе шкатулку съ деньгами вмѣстѣ съ духовнымъ завѣщаніемъ. Но мачеха послѣ этого не зазналась, но стала еще, какъ будто добрѣе, простоватѣе. Никонову не стоило большого труда разжалобить ее тѣмъ, что я сирота, и что она, замѣнивъ мнѣ мать, должна заботиться обо мнѣ. Кромѣ того, мачехѣ льстило, что Никоновъ называлъ ее «красавицей маменькой» и часто (конечно, безъ отца) цѣловалъ ей руки, такъ что въ результатѣ получилось то, что мой женихъ въ одно прекрасное утро взялъ у «красавицы маменьки» 500 р. и уѣхалъ въ городъ закупать мнѣ приданое. Мачеха всѣми святыми умоляла насъ не проговориться теткѣ о ея воровствѣ. Рѣшено было: всѣмъ говорить, что женихъ мой получилъ отъ своей матери деньги и на нихъ мнѣ дѣлаетъ приданое, истина же только будетъ извѣстна намъ троимъ. Но я проговорилась Пашѣ Платоновой, а она всѣмъ горничнымъ, и скоро вся дворня восхищалась добротой мачехи къ падчерицѣ. Бабушка одна ничего не знала, у нея было свое горе и своя забота: она всѣмъ жаловалась, что отецъ съ рожденіемъ сына охладѣлъ къ Настѣ, и что въ духовной она обижена. Объ этомъ она даже говорила съ 4-хъ-лѣтней Настей, которая не понимала еще значенія словъ «деньги» и наслѣдство, а шумно бѣгала по комнатамъ и радовалась, что у нея есть маленькій братецъ. Но бабушка, кажется, ошибалась въ чувствахъ отца къ Настѣ; онъ попрежнему ее любилъ и, повидимому, былъ очень доволенъ, когда она сидѣла на коврѣ возлѣ его кровати и забавлялись игрушками. Только я никакъ не могла, несмотря на свое желаніе, стать ближе къ отцу. Всѣ мои попытки угодить и быть полезной ему во время его болѣзни принимались имъ за лицемѣріе.

— Не трудись, дружочекъ,—говорилъ онъ всегда при этомъ,—клянусь Богомъ, я тебѣ ничего не могу дать.

Его слова оскорбляли меня до слезъ, и я уходила отъ него.

Между тѣмъ мнѣ начали шить приданое. Для этого нарочно былъ выписанъ изъ полка солдатикъ, женскій портной. Мой женихъ цѣлые дни совѣщался съ нимъ о фасонахъ моихъ платьевъ. Я же совсѣмъ была измучена, примѣривая ихъ, но все-таки очень довольна, что у меня вдругъ стало столько хорошихъ нарядовъ, и съ большимъ удовольствіемъ, разодѣтая въ новыя платья, вертѣлась передъ зеркаломъ. Разъ отецъ узнавъ, что я примѣряю вѣнчальное платье, приказалъ позвать меня къ нему въ нарядѣ.

Онъ нѣсколько минутъ молча смотрѣлъ на меня, на его лицѣ проглянуло новое для меня выраженіе.

— Какъ на Любеньку покойницу похожа,—задумчиво проговорилъ онъ, какъ будто самъ съ собою.

Это было уже второй разъ, со времени его болѣзни, что онъ вспомнилъ о моей матери.

— Любишь ты Никонова?—тихо послѣ нѣкоторой паузы спросилъ онъ меня.

Я не знала, что отвѣтить.

— Онъ подлецъ, ты не будешь счастлива съ нимъ, не выходи за него.

— Какъ же, папенька?..—начала было я.

— Ну, дѣлай, какъ хочешь,—махнулъ онъ рукой и повернулъ лицо къ стѣнѣ.

Я въ раздумьѣ вышла изъ спальни и въ коридорѣ встрѣтила жениха.

— Антикъ у меня будетъ женка!—похвалилъ онъ меня.

Подъ впечатлѣніемъ только что сказанныхъ словъ отца я остановилась передъ женихомъ и серіозно спросила:

— А что, Петя, не лучше ли намъ будетъ разстаться и не жениться?

— Вотъ эрунду-то сморозила!—воскликнулъ онъ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, что съ тобою было бы, если бы я не пошла за тебя?

— Да что? Запилъ бы, несчастный былъ бы человѣкъ, я вѣдь тебя, Леля, до страсти люблю,—сказалъ онъ серіозно.

— Ну, будто меня, а не мое приданое?

— Вотъ нашла приданое! Да большое ли оно? Мнѣ въ Москвѣ купчиху съ домомъ сватали, да я не женился, я и деньги-то только хочу имѣть, чтобы наряжать да баловать мою женку.

Эти слова, а особенно тонъ, съ которымъ они были сказаны, тронули меня.

«А, можетъ быть, и правда, онъ меня любитъ!»—подумала я.

Переодѣвшись, я опять пошла въ спальню къ отцу обѣдать. Со времени его болѣзни, чтобы ему было веселѣе, мы всегда теперь обѣдали возлѣ него. Когда я вошла, уже всѣ сидѣли за столомъ, только мачехи не было, но она чрезъ минуту вошла взволнованная. «Николенька пришелъ!»—шепнула она мнѣ и заняла за столомъ свое мѣсто. Не успѣла я еще прійти въ себя отъ изумленія, какъ дверь отворилась настежь, и въ спальню вбѣжалъ полунагой человѣкъ и повалился въ ноги передъ кроватью отца. Съ ужасомъ я узнала въ этомъ человѣкѣ брата, хотя это была только тѣнь прежняго Николая: измученное лицо, безсмысленные глаза, мужицкій въ лохмотьяхъ балахонъ, босыя, израненныя ноги... Синія, похолодѣвшія губы, однако, смѣялись, беззаботный голосъ говорилъ: «Богъ милости прислалъ».

Точно что-то тяжелое упало мнѣ на голову, и я лишилась памяти. Придя въ сознаніе, я увидѣла себя на диванѣ, въ гостиной; передо мною на колѣнахъ, съ испуганнымъ, блѣднымъ лицомъ, стоялъ мой женихъ и цѣловалъ меня.

Николай бѣгалъ по комнатѣ, плевалъ и приговаривалъ: «Грѣхъ цѣловаться, грѣхъ цѣловаться», и, вытащивъ изъ кармана балахона грязную тряпку, хотѣлъ вытереть ею мои губы; Никоновъ не допустилъ, и братъ началъ плакать, какъ ребенокъ.

— Что отецъ?—спросила я у жениха.

— Лишился языка, докторъ думаетъ, что и языкъ парализованъ.

— Петя!—воскликнула я въ ужасѣ:—когда же мы уѣдемъ изъ этого дома!

XXVIII.

Повозка съ тройкой лошадей, въ свадебной упряжи—съ бубенчиками, и лентами, нетерпѣливо рывшихъ копытами снѣгъ, стояла у нашего крыльца.

Въ это же время наверху дѣвушки одѣвали меня къ вѣнцу. Паша Платонова прикалывала къ моимъ волосамъ фату и горько плакала.

— Некому тебя и благословить-то, совсѣмъ сирота! — говорила она.

— Не плакать, а радоваться нужно, что барышня изъ этого ада уѣзжаетъ,—замѣтила Дуняша,—и тебѣ тоже счастье, съ ней уѣдешь,—прибавила она.

— Ну, такъ, что жъ, что съ барышней уѣду? А все же плакать нужно, а не гоготать безъ толку, какъ ты! — огрызнулась Паша.

Съ нѣкоторыхъ поръ дѣвушки все ссорились: раздоръ поселилъ между ними портной; этотъ ловкій, щеголеватый, съ женскимъ лицомъ солдатикъ полонилъ сердца обѣихъ дѣвушекъ. Предпочтеніе онъ выказалъ Дуняшѣ тѣмъ, что подарилъ ей шелковыхъ лоскутковъ на галстучки. Съ тѣхъ поръ Паша не могла разговаривать съ Дуняшей безъ того, чтобы не раздражаться, и теперь, хотя Дуняша уже замолчала, но Паша не могла успокоиться и все ворчала о набитыхъ дурахъ и крашенныхъ бровяхъ.

Въ комнату вбѣжала мачеха.

— Ленушка, какъ твои лошади красиво убраны!—воскликнула она,—я не дождусь, когда и мы съ тетенькой поѣдемъ въ городъ; папочка руки связалъ, хоть бы ему Богъ послалъ скорѣе одинъ конецъ, а то самъ мучится и намъ руки связываетъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ докторъ сказалъ, что отецъ безнадежно боленъ, съ мачехой произошла метаморфоза. Изъ любящей крот-

кой жены она сдѣлалась нетерпѣливой при немъ сидѣлкой. Понявъ теперь совершенную безпомощность своего мужа, она перестала его бояться, а вмѣстѣ съ тѣмъ и любить. Больной мужъ видимо надоѣдалъ ей, и она старалась при всякомъ удобномъ случаѣ убѣжать отъ него. Хотя она увѣряла себя и другихъ, что любитъ своего папочку, а смерти ему желаетъ только потому, чтобъ онъ не мучился, но въ ея нехитрыхъ рѣчахъ такъ и проглядывало желаніе поскорѣе отъ него отдѣлаться, переѣхать въ городъ и веселиться.

— Ты, Ленушка, къ намъ въ городъ въ гости пріѣзжай. Какъ папочка умретъ, мы сейчасъ же съ тетенькой и переѣдемъ.

Я поблагодарила за приглашеніе и пошла прощаться съ отцемъ. Онъ лежалъ неподвижно, какъ мертвецъ на постели. Только глаза его блестѣли лихорадочнымъ блескомъ; въ нихъ, казалось, сосредоточилась теперь вся жизнь, они не затуманились и тогда, когда я стала на колѣни передъ нимъ у его постели, и его холодная, какъ ледъ, рука опустилась тяжело на мою голову.

— Папенька, благословите!—и я поднялась съ колѣнъ, чтобы снять образъ, висѣвшій надъ его кроватью.

Отецъ нетерпѣливо замахалъ здоровой рукой, и я поняла, что онъ этого не желаетъ. Въ недоумѣніи я снова подошла къ кровати. Отецъ перекрестилъ меня на воздухѣ и указалъ на дверь. А!—догадалась я тогда,— образъ серебряный! И скверно у меня было на душѣ, когда я вышла въ послѣдній разъ изъ комнаты отца. Кромѣ горечи, мнѣ было стыдно передъ моимъ женихомъ, который шелъ сзади и подтрунивалъ надъ его жадностью.

Между тѣмъ въ коридорѣ уже стояла цѣлая толпа дворовыхъ, пришедшихъ проводить меня. Но тутъ случилось нѣчто такое, чего я не ожидала.

Сигнюшка, остановивъ меня, сказалъ, что старая барыня проситъ меня въ гостиную. Тамъ, за большимъ круглымъ столомъ, покрытымъ бѣлой чистой скатертью, одѣтая въ свое лучшее платье и чепчикъ, стояла съ образомъ въ рукахъ бабушка. Я собиралась передъ отъѣздомъ изъ дома наговорить ей много дерзкаго, а тутъ вдругъ она, мой злѣйшій врагъ, благословляетъ меня на новую жизнь.

— Никого у тебя нѣтъ, Ленушка, дай, хоть я тебя благословлю,—сказала ласково она.

Все озлобленіе мое противъ нея въ эту минуту исчезло, и я опустилась передъ ней на колѣни. Бабушка перекрестила меня и сунула мнѣ въ руки серебряную брошку.

— Не поминай зломъ, когда умру, — проговорила она и поспѣшно ушла изъ гостиной.

Мы всѣ стояли пораженные и нѣсколько секундъ молчали.

— Стихъ, братцы, значитъ на нее такой нашелъ, — сказалъ кто-то изъ толпы.

— Да, бываетъ, что жъ... вѣдь и у ней душа, небось, есть,— заговорили дворовые.

— Мелите! у вѣдьмы душа! у нея паръ одинъ!— сердито произнесъ Сигнюшка. Онъ и въ эту минуту не могъ забыть ея трепокъ и нападокъ.

Только что бабушка ушла, какъ въ комнату вбѣжала мачеха. Она плаксиво, по-дѣтски, начала намъ жаловаться, что тетенька всегда ее обижаетъ и суется не въ свое дѣло.

— Развѣ ея дѣло,—говорила мачеха:—благословлять Ленушку? Это—моя обязанность: я ей замѣнила мать.

Присутствовавшіе всѣ хоромъ въ этомъ съ нею согласились, а одна дворовая старушка, Авдотья, выдвинулась впередъ и авторитетно заговорила:

— Вѣрно, барынька, вѣрно, и невѣста наша не по правиламъ благословлена: старая барыня замужемъ сами не были и порядковъ не знаютъ: сами за столъ со скатертью стали, а вѣдь похристіански наша барышня должна была стоять, а кругомъ ея должны стоять дружки въ бѣлыхъ платьяхъ, а такъ какъ у нашей невѣсты нѣтъ дружекъ, то мы хоть горничныхъ поставимъ—все же дѣвицы.

И меня снова начали благословлять: поставили за столъ, дѣвушки стали возлѣ по обѣимъ сторонамъ, а мачеха, высоко поднявъ образъ, подошла ко мнѣ.

— Господь тебя, Ленушка... я тебя, Ленушка...—но дальше отъ волненія ничего не могла произнести и, поспѣшно положивъ образъ на столъ, бросилась ко мнѣ со слезами на шею. Заплакала и я, заплакали горничныя и многія дворовыя старушки. Со слезами меня вывели и на крыльцо. Тутъ я еще больше расплакалась, увидавъ лошадей, готовыхъ везти меня подъ вѣнецъ, и дѣвушекъ деревенскихъ, которыя стояли полукругомъ недалеко отъ крыльца и пѣли за душу хватающія пѣсни.

Мой женихъ между тѣмъ уже сидѣлъ въ экипажѣ и сердился, что я долго собираюсь, когда уже давно намъ пора ѣхать, потому что священникъ и шафера, вѣроятно, ожидаютъ насъ въ церкви. А мнѣ вдругъ вспомнился больной отецъ, одиноко лежавшій на кровати, и меня потянуло еще разъ на него взглянуть и проститься съ нимъ безъ горечи. Но мой женихъ раскричался, услыхавъ, что я собираюсь опять итти къ отцу прощаться, выскочилъ изъ экипажа, взялъ меня за руку и, властно усадивъ въ повозку, крикнулъ кучеру: пошелъ!

Лошади тронули, бубенчики зазвенѣли, и мы помчались по замерзшему и скрипѣвшему подъ полозьями снѣгу. Мы мчались, оглушаемые пѣснями, звономъ бубенчиковъ и лаемъ сабакъ, мчались мимо нашего сада, мимо деревенскихъ избъ, изъ которыхъ выбѣгали посмотрѣть на насъ мужики, бабы, дѣти. Всѣ намъ дружелюбно кланялись, нѣкоторые крестили насъ вслѣдъ. Нѣсколько

мальчиковъ и дѣвочекъ вереницей бросились за нами, бѣжали долго, изъ всѣхъ силъ стараясь догнать экипажъ и вскочить на запятки.

Но мало-по-малу все исчезло: нашъ домъ, крестьяне, избы, огороды, отстали дѣти, стихли пѣсни, затихъ лай сабакъ, и мы поѣхали лѣсомъ.

Мнѣ стало грустно, грустно, какъ будто все близкое вдругъ покинуло меня. Я откинулась въ глубь повозки и заплакала.

— Вотъ нашла время, когда плакать!—сказалъ мой женихъ:— лицо распухнетъ, и будешь стоять некрасивая подъ вѣнцомъ, а я хотѣлъ шикнуть тобой передъ товарищами.

Но увидавъ, что его слова не производятъ на меня никакого впечатлѣнія, и я все продолжаю плакать, женихъ мой отвернулся и съ сердитымъ лицомъ молчалъ всю дорогу.

Когда мы стали подъѣзжать къ церкви, на колокольнѣ раздался жиденькій благовѣстъ. Шафера стояли возлѣ церкви, поджидая насъ.

Когда я увидѣла ихъ, молодыхъ и красивыхъ, то начала раскаиваться въ своихъ несвоевременныхъ слезахъ и, сознавая свою вину передъ женихомъ, кротко у него спросила:

— Петя! я очень безобразна?

Онъ, не повертывая ко мнѣ головы, взглянулъ на меня однимъ глазомъ.

— Я вѣдь васъ предупреждалъ!—проговорилъ онъ сухо.

Отвѣтъ былъ не утѣшительный.

Но всѣ эти мысли безпокоили меня, пока я не вошла въ церковь. Тутъ я все отъ страха позабыла. Въ ней было холодно, темно и сыро. Передъ образами кое-гдѣ горѣли тоненькія свѣчи, скупо бросая свѣтъ на темные лики святыхъ. Одно мѣсто въ церкви было ярко освѣщено; на этомъ мѣстѣ я привыкла, когда пріѣзжала къ обѣднѣ, видѣть гробы съ покойниками. Теперь тутъ стоялъ налой съ распятіемъ, а возлѣ него о. Алексѣй въ полномъ облаченіи.

Когда шафера сняли съ меня салопъ, женихъ мой подошелъ ко мнѣ и, взявъ за руку, повелъ къ налою. Сердце мое учащенно билось, руки, ноги, даже щеки дрожали, мнѣ было холодно и страшно, а когда раздался съ клироса дребезжащій старческій голосъ дьячка,—я такъ вздрогнула, что даже женихъ обернулся и вопросительно взглянулъ на меня.

— На подножку первая ступи, первая ступи,—между тѣмъ шептала мнѣ сзади попадья, расправлявшая мою фату.

— Нужно молиться,—внушала я себѣ и старалась настроить себя на молитвенный ладъ; но мнѣ это не удавалось; на сердцѣ лежалъ точно камень, а въ головѣ мелькали постороннія отрывчатыя мысли; взглядъ то скользилъ по темнымъ иконамъ, то остана-

вливался на о. Алексѣѣ, который съ чувствомъ и внятно читалъ молитвы. Я знала, что о. Алексѣй для меня такъ читаетъ, онъ думаетъ, что и я молюсь вмѣстѣ съ нимъ, и я начинала за нимъ повторять молитвы, но молилась не тепло, не сердечно, и досадовала на себя за это...

Случайно взглянула я на жениха. Его лицо, освѣщенное снизу слабымъ свѣтомъ вѣнчальной свѣчи, показалось мнѣ синимъ, страшнымъ, отталкивающимъ. Господи! вѣдь я не люблю его! а теперь ужъ мы связаны навсегда! Что если сейчасъ сказать громко, что я не хочу вѣнчаться? Чтобы отогнать отъ себя эту мысль, я снова начала повторять молитвы, и незамѣтно для себя самой въ умѣ моемъ стала рисоваться картина, какъ я стою подъ вѣнцомъ и объявляю громко, что не люблю жениха и не хочу вѣнчаться, и какое это впечатлѣніе произведетъ на присутствующихъ.

Въ эту минуту я взглянула въ сторону, гдѣ у стѣны стояли зрители, и мнѣ бросились сразу въ глаза оскаленные бѣлые зубы одного изъ офицеровъ.

Вдругъ кровь бросилась мнѣ въ лицо, мнѣ показалось, что онъ прочелъ мои мысли. А о. Алексѣй читалъ уже нравоученіе.

— Сирота она,—говорилъ батюшка моему мужу,—я ее самъ крестилъ, любите, не обижайте ея, она, я знаю, будетъ для васъ доброй, хорошей женой. Мать ея покойная, вѣчная ей память, ангелъ доброты была, ее еще и теперь крестьяне со слезами вспоминаютъ, а Ленушка вся въ нее.

Въ эту минуту я себя глубоко презирала.

— Смотри же,—обратился и ко мнѣ батюшка:—люби, повинуйся мужу! На тебя мать съ того свѣта смотрѣть будетъ.

И, осѣнивъ насъ крестнымъ знаменіемъ, о. Алексѣй пошелъ въ алтарь.

Насъ подошли поздравлять офицеры, но мое единственное желаніе было поскорѣе сѣсть въ экипажъ и уѣхать. Я ничего не слышала, что говорили окружающіе. Въ эту минуту, находясь подъ впечатлѣніемъ словъ о. Алексѣя, я мысленно клялась быть хорошей, любящей женой, и всю дорогу старалась быть веселой, ласковой и привѣтливой съ моимъ мужемъ, такъ что, когда деревенскія дѣвушки и парни, загораживая намъ путь, просили выкупа и вмѣстѣ съ тѣмъ заглядывали къ намъ въ повозку, то говорили:

— Молодая—веселая: видать, что по своей охотѣ замужъ вышла.

Недалеко отъ воротъ нашего дома къ намъ бѣжала навстрѣчу толпа дѣтей. Между ними я замѣтила сгорбленную, крошечную старушку въ лаптяхъ, съ узелкомъ на спинѣ и палочкой въ рукахъ. Она тоже вмѣстѣ съ дѣтьми бѣжала къ намъ навстрѣчу и что-то кричала. Сначала я думала, что это нищая, но вглядѣвшись узнала въ ней мою няню.

— Останови, останови!—просила я мужа:—это моя няня!

Мужъ съ неохотой дернулъ кучера за кушакъ, я выскочила изъ повозки и черезъ минуту обнимала няню.

— На тебя, ягодка, посмотрѣть, благословить, сто верстъ пѣшкомъ шла,—смѣясь и плача говорила няня.— Дай, говорю, передъ смертью, пойду, на свою Ленушку посмотрю, прежде хотѣла, да все папеньку твоего боялась, а люди говорятъ: «иди, старуха, теперь баринъ тебѣ ничего не сдѣлаетъ, теперь батюшка нашъ царь намъ волю далъ». Неужли-жъ это правда, Ленушка, что мужикамъ воля дана?

— Правда, няня, слава Богу, теперь всѣ вольные!

— Бабушка!—вдругъ дернулъ няню одинъ изъ окружавшихъ насъ мальчиковъ,—я и въ церкви былъ, когда попъ про волю читалъ: мы теперь всѣ вольные!

— И я вольный, и я, и я!—кричали кругомъ дѣти.

— Ахъ, ты, Господи! до чего дожила!..—перекрестясь широкимъ крестомъ, задумчиво проговорила няня.—Многія лѣта царю православному, сколько народу на свѣтѣ народилось. Вотъ если бы маменька твоя, покойница, жива была, какая бы радость ей была! Да мужа-то своего мнѣ покажи,—спохватилась вдругъ няня.

Но тотъ въ это время изъ повозки такимъ сердитымъ голосомъ меня позвалъ, что няня испуганно сначала взглянула на повозку, потомъ на меня.

— Иди, Ленушка, иди, потомъ потолкуемъ,—сказала она поспѣшно и, схвативъ съ земли свою палочку, не оглядываясь, заковыляла по краю дороги.

А въ домѣ насъ встрѣтилъ Сигнюшка словами:

— Папенька скончались!

Хотя мы всѣ знали, что отецъ очень боленъ, но никто не ожидалъ, чтобы онъ такъ скоро умеръ.

— Вотъ тебѣ и свадьба съ покойникомъ!—смущенно проговорилъ мужъ и предложилъ мнѣ поѣхать къ нему на квартиру.

Но я уже выскочила изъ повозки и побѣжала къ отцу. На порогѣ спальни я встрѣтила столяра Сергѣя съ деревяннымъ аршиномъ въ рукахъ. Увидавъ меня, онъ весело улыбнулся и началъ меня поздравлять съ законнымъ бракомъ.

— Я вотъ съ папеньки для гробика мѣрочку снялъ,—продолжалъ онъ тѣмъ же веселымъ тономъ.

Между тѣмъ въ домѣ всѣ бѣгали, суетились, перетаскивали мебель, вдали слышались голоса бабушки, мачехи, Насти. Паша Платонова тащила кресло. Увидавъ меня издали, она крикнула:

— Ленушка, дѣла-то какія! Хоть бы баринъ до завтра подождалъ умирать, а то на: въ день самый твоей свадьбы!

Я съ трепетомъ вошла въ спальню. Тамъ, вытянутое во всю длину кровати, безъ подушекъ, лежало тѣло отца, прикрытое, вѣ-

роятно, вытащенной изъ-подъ него же простыней. Лицо и голова были открыты; на вѣкахъ лежали два мѣдныхъ пятака. Издали, по близорукости, мнѣ показалось, что глаза у отца провалились, мнѣ было страшно подойти къ тѣлу, — я у порога опустилась на колѣни и начала молиться: я просила мысленно у отца прощенія; меня грызла мысль, что я сегодня съ озлобленнымъ сердцемъ вышла отъ него.

Въ коридорѣ вдругъ раздались веселые голоса и громкіе шаги. Вошла баба Устинья съ подоткнутымъ платьемъ и шайкой воды въ рукахъ (Устинья у насъ всегда мыла покойниковъ). За нею два лакея со смѣхомъ тащили большую деревянную скамью, всю забрызганную черными пятнами. Я съ ужасомъ узнала въ ней ту самую скамью, на которой сѣкли крестьянъ и на которой хотѣли сѣчь брата Николая. Лакеи, замѣтивъ меня, начали поздравлять съ законнымъ бракомъ. Я съ досадой махнула на нихъ рукой, чтобъ они молчали, и указала на тѣло отца.

— Божья воля-съ, всѣмъ помирать надо,—равнодушно произнесъ Семенъ:—а баринъ нашъ довольно пожили.

Устинья подошла къ покойнику, сняла пятаки съ вѣкъ и спрятала ихъ къ себѣ въ карманъ. Лакеи начали шутя отнимать ихъ у нея. Такая возня при моемъ мертвомъ отцѣ, ихъ баринѣ, при жизни котораго они не смѣли громко слово произнести, возмутила и обидѣла меня. Я на нихъ крикнула, чтобы они перестали; а сама, наконецъ, осмѣлилась подойти ближе къ тѣлу. (При народѣ мнѣ не было страшно). И какого жалкаго, сѣденькаго, сморщеннаго старичка я увидѣла! Безконечная жалость охватила мою душу, и чувство вины передъ нимъ стало еще сильнѣе грызть меня. Чего бы я не дала въ ту минуту, чтобы только онъ ожилъ? Лакеи, между тѣмъ придвинули скамью къ самой постели, а сами подошли съ двухъ концовъ кровати.

— Ты бери его за ноги, а я его за голову потащу,—командовалъ Семенъ.

— Страшно!—сказалъ другой лакей.

— Чего? Небось! Теперь не ударитъ: померъ! Мы теперь сами его на скамью шарахнемъ!—и Семенъ схватилъ грубо отца за голову.

Я вся задрожала отъ негодованія и оскорбленія и не своимъ голосомъ крикнула:

— Негодяй, какъ ты смѣешь издѣваться надъ мертвецомъ!— И, обхвативъ отца руками, я готова была, какъ тигрица, защищающая своего дѣтеныша, броситься на того, кто посмѣетъ дотронуться до него. Не помню, чтобы я когда въ жизни была такъ оскорблена и зла. Внѣ себя я кричала, упрекала, жаловалась. Лакеи, перепуганные, стояли и не смѣли прикоснуться; а я покрывала поцѣлуями желтую и уже застывшую руку отца и, припавъ безъ страха къ его ледяной груди, рыдала.

Мужъ и бабушка, наконецъ, оттащили меня отъ трупа. Ни тотъ ни другая никакъ не могли понять, почему я такъ убиваюсь объ отцѣ. Бабушка, утѣшая меня, говорила:

— И чего ты только, Ленушка, плачешь? Вѣдь онъ все равно ничего не слышитъ и духовной не передѣлаетъ: все мальчишкѣ оставлено.

А мужъ, обращаясь ко всѣмъ, говорилъ:

— Не понимаю, чего она реветъ! Хоть бы хорошимъ отцомъ для нея былъ, а то сама прежде на него жаловалась и не любила его.

Но при этомъ тяжеломъ для меня напоминаніи я еще сильнѣе заливалась слезами.

М. Е. Васильева.

ВОСПОМИНАНІЯ Г. П. САМСОНОВА.

ПОМѢЩАЕМЫЯ ниже воспоминанія Г. П. Самсонова составляютъ лишь нѣсколько страницъ изъ его дневника, который онъ велъ много лѣтъ. Покойный генералъ-отъ-инфантеріи Самсоновъ прослужилъ въ офицерскихъ чинахъ свыше 60 лѣтъ, и его записки, относящіяся главнымъ образомъ къ первой половинѣ XIX етолѣтія, представляютъ, несмотря на свою отрывочность, довольно цѣнный матеріалъ для рактеристики военныхъ нравовъ того времени. Нельзя не вызить сожалѣнія, что пожаръ въ усадьбѣ семейства покойнаго ичтожилъ его полный дневникъ.

Послѣдніе годы своей жизни (1892—1896) покойный Г. П. состоялъ директоромъ Михайловской военной богадѣльни.

I.

эдки.—Жизнь отца.—Мое дѣтство.—Школьные годы.—Вліяніе польской войны на мою судьбу.

Родъ Самсоновыхъ принадлежитъ къ древней русской дворянэй фамиліи. Положительныхъ и подробныхъ свѣдѣній о представеляхъ этого рода за болѣе отдаленный періодъ, за XVI—XVII лѣтія, очень немного, такъ какъ большинство Самсоновыхъ вели омную жизнь землевладѣльцевъ, занимаясь устройствомъ своихъ чинъ и ихъ населенія, и поэтому, конечно, не могли быть от-

мѣчены современниками. Нѣкоторые изъ нихъ очевидно все-таки служили, такъ какъ одному изъ Самсоновыхъ были пожалованы царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ за заслуги вотчины въ нынѣшней Владимирской губерніи.

Переходя поэтому отъ далекаго прошлаго къ временамъ болѣе близкимъ, я начинаю мои воспоминанія съ отца.

Отецъ мой, Петръ Александровичъ, въ 70-хъ годахъ XVIII столѣтія былъ записанъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ, но, увлекаемый нашей прирожденной привязанностью къ деревенской жизни, онъ по достиженіи совершеннолѣтія, добился назначенія адъютантомъ къ кн. Алексѣю Ивановичу Горчакову, командовавшему дивизіей, расквартированной въ Залѣсскомъ уѣздѣ, гдѣ находились наши имѣнія.

Это назначеніе давало Петру Александровичу возможность и служить и предаваться своему любимому занятію—сельскому хозяйству. Съ уходомъ дивизіи изъ Залѣсскаго уѣзда Петръ Александровичъ, вѣрный себѣ, вышелъ въ отставку и уже до конца жизни служилъ только по выборамъ, занимая должности предводителя дворянства (послѣдовательно въ нѣсколькихъ уѣздахъ Владимирской губерніи), попечителя училищъ и т. д.

Въ тяжелые годы начала текущаго столѣтія мѣстное дворянство избрало моего отца тысячнымъ начальникомъ милиціи. Между прочимъ, въ оригинальномъ мундирѣ, присвоенномъ этой должности (свѣтло-зеленаго цвѣта, съ алымъ воротникомъ, бѣлымъ плюмажемъ и зеленымъ перомъ на шляпѣ и съ одной полковничьей эполетой на правомъ плечѣ), отецъ мой (тогда уже генералъ) имѣлъ счастіе представляться съ тремя сыновьями императору Александру II во время его коронованія.

Въ 1796 году, П. А. Самсоновъ сочетался бракомъ съ дѣвицей Анной Александровной Исленьевой, родной сестрой Николая Александровича Исленьева, прослужившаго въ Преображенскомъ полку отъ нижняго чина до командира полка включительно [1]). Исленьевъ этотъ извѣстенъ еще и по слѣдующему обстоятельству.

Въ Зимнемъ дворцѣ имѣется картина, изображающая тотъ моментъ печальнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ высоко знаменательнаго дня 14 декабря 1826 года, когда государь императоръ вызвалъ на Дворцовую площадь 1-й батальонъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и, подавъ руку моему дядѣ Исленьеву, изволилъ спросить:

— Отвѣчаешь ли ты за своихъ?

— Какъ за самого себя, ваше величество,—отвѣчалъ, приложивъ руку къ груди, вѣрный слуга.

Отъ брака П. А. съ дѣвицею Исленьевою родилось 7 человѣкъ

---

[1]) Н. А. Исльеньевъ, впослѣдствіи ген.-адъютантъ, членъ Александровскаго комитета о раненыхъ.

дѣтей—4 дочери и 3 сына. Всѣ мы сперва воспитывались дома, а затѣмъ два старшіе мои брата, Александръ и Евгеній, поступили въ Царскосельскій лицей, а я въ Московскій университетскій благородный пансіонъ. Товарищами моими по пансіону были одни дворянскіе сынки и очень много донскихъ казаковъ. Послѣднихъ, впрочемъ, я затрудняюсь назвать своими товарищами, такъ какъ большинство казаковъ пріѣзжало въ пансіонъ не только взрослыми, но даже среднихъ лѣтъ. У одного моего, напримѣръ, соученика, казака Курнакова, были оставлены, говорятъ, на Дону жена и дѣти. Кромѣ того, несмотря на свое великовозрастіе, казаки удовлетворялись первоначальнымъ образованіемъ и выходили изъ пансіона года за два, за три до окончанія курса, не многому, конечно, научившись, а наименѣе иностраннымъ языкамъ, которые давались имъ особенно трудно. Странно было видѣть среди насъ, дѣтворы, серіозныя фигуры этихъ давно перешедшихъ ученическій возрастъ сыновъ широкаго Дона, и еще страннѣе было бы считать ихъ нашими товарищами.

Благодаря ли хорошей домашней подготовкѣ или способностямъ вообще, но ученіе мнѣ давалось легко. Въ тѣ времена ученики принимались въ пансіонъ въ зависимости отъ знаній, выяснившихся на пріемныхъ экзаменахъ, по различнымъ предметамъ—въ различные классы. Я, напримѣръ, по иностраннымъ языкамъ попалъ въ 4-й классъ, по географіи и исторіи во 2-й, а по остальнымъ предметамъ въ 1-й младшій классъ. Всѣхъ классовъ было 6-ть. Кажется года черезъ два послѣ моего поступленія это разноклассіе было уничтожено, и я перешелъ по всѣмъ предметамъ въ 3-й классъ 3-мъ ученикомъ. Ученіе мое шло успѣшно до 6-го класса, но въ этомъ, послѣднемъ классѣ пансіона рѣзко измѣнилось. Виноваты, какъ это ни странно, были поляки. По объявленіи войны съ ними у всей молодежи закипѣлъ воинственный духъ. Мнѣ было 16 лѣтъ, и, конечно, этотъ вихрь захватилъ и меня въ ущербъ ученію. Проведшій дѣтство въ деревнѣ при хорошихъ условіяхъ, я былъ здоровый, крѣпко сложенный юноша и къ тому же съ 7 лѣтъ привыкъ сидѣть на лошади. Эти данныя поселили во мнѣ увѣренность, что трудности похода я перенесу легко и на полѣ брани съ честью поддержу свое имя. Энтузіазмъ мой поддерживался еще болѣе сознаніемъ, что оба мои брата готовятся со своими частями къ выступленію на театръ военныхъ дѣйствій.

Однимъ словомъ, я рѣшилъ безповоротно, что, развязавшись съ выпускными экзаменами, немедленно отправляюсь на войну. Но, къ сожалѣнію, моимъ мечтамъ не суждено было осуществиться, и я остался въ проигрышѣ во всѣхъ отношеніяхъ. Чѣмъ ближе къ экзаменамъ, тѣмъ хуже я занимался и въ результатѣ выдержалъ ихъ плохо. Меня выпустили не съ чиномъ X-го класса, а лишь XIV-го.

Тяжело было являться такимъ чиновникомъ въ родную семью,

гдѣ привыкли разсчитывать, что во всякомъ случаѣ я буду выпущенъ однимъ изъ первыхъ. При этихъ условіяхъ о войнѣ нечего было и думать. На мои горячія мольбы—пустить меня волонтеромъ—получился категорическій отказъ и отца и матери. Кромѣ того, мои родители, непріятно пораженные такой перемѣной въ прилежномъ и хорошо учившемся юношѣ, рѣшили продержать меня для исправленія въ деревнѣ.

Братья ушли на войну; старшій—Александръ, окончившій Царскосельскій лицей, юнкеромъ Ямбургскаго уланскаго полка, а средній—Евгеній, не кончившій лицея и перешедшій въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, отправился юнкеромъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. Съ этимъ братомъ, который былъ старше меня всего на 1½ года, я поддерживалъ оживленную переписку, еще болѣе приводившую меня въ уныніе.

II.

Жизнь въ С.-Петербургѣ.—Школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ.—Встрѣча съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ и его отношенія ко мнѣ.—Игры съ августѣйшими дѣтьми.

Въ деревнѣ отецъ продержалъ меня цѣлый годъ, разсчитывая, что я успокоюсь, оставлю свои воинственные замыслы и серіозно займусь подготовкой къ служебной карьерѣ.

Наконецъ, въ 1831 году, меня отправили въ С.-Петербургъ для подготовленія къ военнымъ наукамъ, такъ какъ рѣшили, что я, плохо кончившій пансіонъ, къ гражданской службѣ не пригоденъ. Наставниками моими въ С.-Петербургѣ были артиллеріи капитанъ Майковъ и инженерный поручикъ Костомаровъ. По возвращеніи изъ похода, дядя мой, командиръ Преображенскаго полка Исленьевъ, назначилъ для обученія меня фронту опытнаго ефрейтора Андрея Иванова.

Принялся я за дѣло энергично, не позволяя себѣ развлекаться прелестями заманчивой для провинціала столичной жизни. Впрочемъ, вернувшіеся съ войны братья, награжденные уже орденами, часто возбуждали мою зависть и тѣмъ самымъ уменьшали мое рвеніе къ мирнымъ, монотоннымъ занятіямъ. Тѣмъ не менѣе, въ 1832 г., я выдержалъ экзаменъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ и по желанію дяди моего Исленьева облекся въ форму лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка.

Черезъ недѣли три послѣ моего поступленія въ школу, начальникъ ея, генералъ-майоръ Шлиппенбахъ, призналъ меня настолько подготовленнымъ, что я удостоился чести быть посланнымъ вѣстовымъ къ строгому и взыскательному великому князю

Михаилу Павловичу. Встрѣча эта имѣла громадное значеніе въ моей жизни. Великій князь полюбилъ меня съ перваго раза и всю жизнь относился ко мнѣ особенно хорошо, постоянно отмѣчая меня по службѣ. Послѣ перваго моего представленія его высочеству, впослѣдствіи меня неоднократно посылали въ знакъ отличія на игры и къ наслѣднику цесаревичу Александру Николаевичу и къ великимъ княжнамъ, дочерямъ великаго князя.

Въ школѣ дѣло шло своимъ чередомъ. Между прочимъ на меня почему-то очень часто пригонялись новые мундиры и аммуниція, что порядкомъ таки надоѣдало. Въ 1833 году, я былъ назначенъ старшимъ унтеръ-офицеромъ и начальникомъ 6-го отдѣленія. Его высочество самъ надѣвалъ намъ серебряные темляки. Въ старое время, хотя оно и было время утонченной строгости, доходящей до педантизма, жилось и служилось какъ-то проще, легче. Все было ясно. Не надо было измышлять, какимъ бы образомъ сдѣлать хорошую карьеру, а для достиженія ея слѣдовало только служить честно и благородно на своемъ посту. Такъ называемыхъ «карьеристовъ» тогда какъ-то не было. Идеалъ подпрапорщика не шелъ дальше эполетъ прапорщика, идеалъ прапорщика—дальше эполетъ подпоручика. Великій князь Михаилъ Павловичъ былъ примѣромъ для всѣхъ и во всѣхъ отношеніяхъ. Кто не зналъ его добраго сердца, его справедливаго отношенія и къ старшимъ и къ младшимъ и наконецъ его безграничной и непоколебимой преданности своему монарху? Строго держалъ великій князь всѣхъ, взыскивалъ за самыя незначительныя провинности и въ особенности со своихъ любимцевъ, чтобы всѣ знали, что на службѣ любимцевъ нѣтъ и не должно быть. Мнѣ, какъ любимцу, попадало очень часто и за это я очень благодаренъ. Велъ онъ насъ по честному гражданскому пути, и всѣ мы это сознавали. Если и случалась иногда со стороны великаго князя взыскательность ошибочная, то она никогда не возбуждала ропота въ сердцахъ. Никто даже не обсуждалъ его распоряженій—такъ беззавѣтно ему вѣрили, и такую любовь къ себѣ поселилъ онъ среди насъ своими поступками. Правда, если великому князю приходилось сознавать свою ошибку, онъ немедленно ее исправлялъ, отнюдь не признавая себя непогрѣшимымъ.

У меня сохранилось въ памяти нѣсколько примѣровъ тогдашней служебной строгости, вызывавшей взысканія за поступки, на которые теперь не обратили бы, пожалуй, и вниманія. Помню, напримѣръ, въ 1834 году, передъ производствомъ моимъ въ офицеры, была назначена репетиція парада, предстоявшаго по случаю освященія колонны въ память императора Александра I. Репетицій парада всегда бывало много; все начальство пересмотритъ, а часто и великій князь. На этотъ разъ его высочество лично провѣрялъ готовность къ параду военно-учебныхъ заведеній, а потому и на нашей репетиціи присутствовалъ.

Подпрапорщики составляли первый дивизіонъ баталіона. Двинулись мы съ мѣста съ барабаннымъ боемъ; все шло хорошо, но когда заиграла музыка, дивизіонъ сбился съ ноги. Я былъ за лѣвымъ флангомъ и, желая помочь, сталъ сзади подсчитывать: «правой — лѣвой», «правой — лѣвой», и, вѣроятно, при происшедшей неурядицѣ дѣлалъ какія нибудь движенія, не предусмотрѣнныя уставомъ.

Когда насъ остановили, генералъ Шлиппенбахъ подъѣхалъ къ правому флангу и сказалъ что-то моему товарищу, унтеръ-офицеру Голицыну, упомянувъ мою фамилію. По возвращеніи въ школу Голицынъ передалъ мнѣ, что генералъ на меня сердитъ и приказалъ явиться къ нему. Являюсь.

— Нѣтъ! Это—не тотъ Самсоновъ, котораго я привыкъ считать отличнымъ подпрапорщикомъ,—сказалъ генералъ.—Какъ вы прошли, милостивый государь, мимо великаго князя? Извольте отправляться въ карцеръ!

Конечно, пошелъ. Просидѣлъ я въ карцерѣ за свои неосторожныя движенія трое сутокъ, при чемъ всякій день начальникъ школы, проходя мимо карцера въ обѣденную залу, останавливался и выразительно говорилъ мнѣ: «сты-ыдно, сты-ыдно!».

Подпрапорщики вмѣстѣ съ другими учебными заведеніями располагались лагеремъ въ Петергофѣ. Это потѣшное войско часто посѣщалось государемъ императоромъ и пользовалось его и всей царской фамиліи милостью. Нечего и говорить, что усиленная строгость великаго князя Михаила Павловича предупреждала возможность какихъ бы то ни было безпорядковъ и держала насъ на чеку.

Одинъ разъ государь императоръ неожиданно посѣтилъ лагерь. Начиная обходъ съ праваго фланга, его величество услыхалъ запахъ табаку около кавалерійскихъ палатокъ.

— Кто здѣсь курилъ?—раздался его могучій голосъ.

Мы всѣ повыскакивали изъ палатокъ, и юнкеръ Кавалергардскаго полка Перовскій отвѣтилъ:

— Виноватъ, ваше величество, я угощалъ у себя трубкой корнета Петрово-Соловаго [1]).

— Вотъ эту правду,—сказалъ государь императоръ,—я очень люблю! Вы—благородные дѣтки. Спасибо, Перовскій!

1-го іюля 1834 года Перовскій былъ произведенъ въ офицеры.

Проходя далѣе по лагерю другого заведенія, его величество опять услышалъ запахъ табаку. На вопросъ: «кто куритъ?»— отвѣта не послѣдовало, а потому дѣло пошло на разборку великаго князя. Виновный не находился. Тогда великій князь прика-

---

[1]) Петрово-Соловаго въ прошломъ (1834) году подъѣзжалъ юнкеромъ на ординарцы и по принятому обычаю былъ тутъ же произведенъ въ офицеры.

залъ послать все заведеніе въ чистое поле, какъ онъ выразился, «на подножный кормъ». Черезъ три дня виновный кадетъ отыскался, и высѣкли его несчастнаго самымъ серіознымъ образомъ.

По возвращеніи изъ лагерей намъ предстоялъ передъ выпускомъ смотръ его высочества по строевому образованію, такъ какъ экзаменъ по наукамъ былъ уже произведенъ передъ лагеремъ. Строевой службѣ насъ училъ офицеръ Финляндскаго полка, Гольтгоеръ, и на что ужъ, кажется, мы были тверды въ своемъ дѣлѣ, но строгаго судьи, великаго князя, боялись очень, зная, какъ онъ круто подтягивалъ насъ на ученьяхъ. На этомъ, такъ сказать, выпускномъ смотру великій князь ставилъ всегда подпрапорщиковъ командирами взводовъ и баталіона, для чего обыкновенно выводился 2-й баталіонъ Семеновскаго полка.

Такъ было и теперь. Въ день смотра въ манежѣ былъ выстроенъ баталіонъ семеновцевъ, а мы, выпускные, стояли въ одну шеренгу противъ баталіона. Пріѣхалъ великій князь. Поздоровавшись со всѣми, его высочество сталъ назначать подпрапорщиковъ по взводамъ. Меня онъ сперва обошелъ, а затѣмъ, окончивши назначенія, вызвалъ впередъ.

— Ты будешь командовать баталіономъ. Смотри, не ври!—сказалъ его высочество, ласково положивъ мнѣ руку на плечи.

Я хотя и трусилъ немного, но, конечно, обрадованъ былъ несказанно.

Смотръ прошелъ, какъ нельзя лучше. Великій князь насъ расхвалилъ. Генерала Шлиппенбаха представилъ къ лентѣ св. Станислава, а преподавателя Гольтгоера къ тому же ордену на шею. Всѣ подпрапорщики были распущены по домамъ до производства въ офицеры. Мнѣ же великій князь приказалъ прійти на другой день къ нему въ Михайловскій дворецъ обѣдать.

На другой день я явился во дворецъ. Великаго князя не было. На вытяжку стоялъ я взволнованный въ первой отъ лѣстницы залѣ, держа киверъ на молитву. Вижу, подъѣхалъ къ крыльцу великій князь. Подымаясь по лѣстницѣ, его высочество громко сказалъ:

— Здравствуй, молодецъ! Сложи-ка съ себя амуницію, и пойдемъ.

Я повиновался. Онъ взялъ меня за руку, и мы отправились.

Въ маленькой обѣденной залѣ, куда мы пришли, ожидали генералы: Бибиковъ и Сумароковъ, полковникъ Ростовцевъ, дежурный адъютантъ Огаревъ и еще два генерала, но кто такіе, я не помню. Обращаясь къ нимъ, великій князь сказалъ:

— Je vous recommande mon futur commandant de bataillon; il connait bien son affaire celui-là молодецъ!

— Радъ стараться, ваше высочество,—сконфуженно, но твердо отвѣчалъ я.

Посадилъ меня великій князь рядомъ съ собою и во время обѣда поилъ шампанскимъ, вкусъ котораго я мало тогда понималъ.

Послѣ обѣда, за которымъ великій князь съ увлеченіемъ разсказывалъ про различные служебные эпизоды, гости разъѣхались, и я остался одинъ.

— Умѣешь ли ты грести веслами?—спросилъ меня великій князь.

— Умѣю, ваше высочество,—отвѣчалъ я.

— Ну, такъ покатай меня въ лодкѣ.

Онъ закурилъ сигару, велѣлъ дать мнѣ свою фуражку, и мы отправились кататься по канавкамъ въ дворцовомъ саду.

На вопросъ великаго князя, курю ли я, я отвѣчалъ утвердительно и разсказалъ всю школьную процедуру куренія въ печку со всѣми предосторожностями, что его высочеству очень понравилось.

Затѣмъ мы возвратились во дворецъ. Въ одной изъ залъ была устроена деревянная гора. Грести я оказался смышленымъ, но къ катанью съ горы совершенно неспособнымъ. Спускаясь съ горы, я неудачно задѣлъ ногой за бортъ и перепугалъ сидѣвшую со мной великую княжну Марію Михаиловну. Позднѣе, въ Аничковскомъ дворцѣ, наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ неоднократно заставлялъ меня принимать участіе въ этомъ удовольствіи, навѣрное зная, что я собьюсь съ пути, а то и совсѣмъ свалюсь.

Вскорѣ доложили великому князю, что пріѣхалъ вытребованный имъ командиръ учебнаго сапернаго батальона, который наканунѣ занималъ караулы, и мы отправились въ кабинетъ. Выходя къ этому полковнику, великій князь сказалъ мнѣ:

— Посмотри, какъ я его распушу!

И дѣйствительно распушилъ такъ, что у бѣднаго нѣмца (полковникъ былъ нѣмецъ; фамиліи его я не помню) колѣнки затряслись. Указавъ на найденные безпорядки, великій князь, возвышая постепенно голосъ, закончилъ свой выговоръ словами:

— Да я васъ, милостивый государь, пошлю туда, куда Макаръ телятъ не загонялъ, куда воронъ костей не заносилъ! Извольте итти!

Перепуганный полковникъ со страха едва двери нашелъ.

— Каково я его отдѣлалъ?—спросилъ меня смѣясь великій князь.

Мнѣ очень жаль было полковника, и у меня невольно сорвалось съ языка:

— Слишкомъ сильно. Онъ, бѣдняга, едва на ногахъ устоялъ.

Его высочество строго посмотрѣлъ на меня, показалъ пальцемъ на языкъ и внушительно мнѣ погрозилъ.

Черезъ нѣкоторое время явился генералъ Шлиппенбахъ со спискомъ юнкеровъ, представляемыхъ къ производству въ офицеры. Въ началѣ списка я съ великою радостью увидалъ свое имя. Вообще это былъ счастливѣйшій день моей жизни.

III.

Производство въ офицеры.—Жизнь въ полку.—Генералъ-адъютантъ Микулинъ.—Кавказская экспедиція.

Ждали мы производства два мѣсяца. Мундиры Брунетти, офицерскія вещи Скосырева, шляпа Циммермана [1])—все это давно было готово. Не доставало лишь приказа. Наконецъ, 22 ноября 1834 г. появился желанный приказъ, и насъ произвели.

Великій князь, показывая мнѣ мою фамилію, спросилъ:

— Ты знаешь этого господина?

— Хорошо знаю, ваше высочество,—отвѣчалъ я.

— Онъ у меня молодецъ! Смотри, будь всегда такимъ,—заключилъ съ улыбкой его высочество.

Не всегда впрочемъ великій князь поздравлялъ съ производствомъ такъ милостиво. Помню, напримѣръ въ 1832 г. мнѣ случилось быть при представленіи по поводу производства товарища моего, князя А. И. Барятинскаго, и другихъ. Великій князь сказалъ имъ слѣдующее:

— Вы, маменькины сынки, недоучившись, выходите въ армію, въ надеждѣ, что васъ переведутъ въ гвардію. Я вамъ отвѣчаю, что вамъ гвардіи не видать, какъ своихъ ушей!

Обѣщаніе это, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи Барятинскаго, который впослѣдствіи былъ фельдмаршаломъ, мало оправдалось, но начинать службу съ такимъ напутствіемъ представлявшимся было не легко.

Въ Преображенскій полкъ насъ попало всего 8 человѣкъ. Я былъ назначенъ во 2-ю роту 1-го батальона, гдѣ служилъ уже подпоручикомъ мой братъ Евгеній. Кромѣ чести служить въ лейбъ-батальонѣ перваго полка, мы пользовались еще и преимуществомъ получать по 1.000 р. столовыхъ денегъ, что для молодыхъ офицеровъ было очень кстати.

Командиромъ полка въ то время, вмѣсто ушедшаго моего дяди Исленьева, былъ генералъ-адъютантъ Микулинъ, а 2-й роты 1-го батальона—капитанъ Челищевъ, извѣстный въ Петербургѣ подъ прозвищемъ «l'ami des rois». Челищевъ былъ знакомъ со всѣми посланниками, аккредитованными при нашемъ дворѣ, и, благодаря

---

[1]) Тогдашніе поставщики.

этому, былъ извѣстенъ всѣмъ посѣщавшимъ нашъ дворъ коронованнымъ особамъ, почему его и прозвали «l'ami des rois».

Въ полковую жизнь я втянулся скоро, хотя особенно пріятной она быть не могла. Томительны и тяжелы были ученія того времени. Ружейнымъ пріемамъ не было конца, и отчетливость въ нихъ требовалась баснословная. Скомандуютъ «кладсь» и цѣлые $^{1}/_{4}$ часа провѣряютъ, ровно ли держится всѣми ружье. Только и слышишь: во второй шеренгѣ четвертый подыми ружье! въ третьей шеренгѣ первый опусти и т. д. Вообще тогда ружье назначалось больше для пріемовъ, нежели для стрѣльбы, и, какъ штыкъ, оно было хорошо, какъ и теперь, но, какъ огнестрѣльное оружіе, не годилось никуда. Правда, блестѣли ружья у всѣхъ великолѣпно, ибо чистились сплошь наждакомъ.

Послѣ ружейныхъ пріемовъ начинались обыкновенно учебные шаги—скучнѣйшая часть муштры, и такъ каждый день. Обмундированіе тогдашнее заставляло желать многаго и стѣсняло всѣ движенія до крайности. Короткій безъ кармановъ мундиръ и глухія брюки—въ обтяжку. Высокій воротникъ туго подпиралъ подбородокъ. Зимой суконные, а лѣтомъ бѣлые штиблеты—гармоніи ради—должны были составлять одно цѣлое съ брюками и мундиромъ, а потому были тоже обтянуты. На застежку лацкановъ требовалась масса времени. Кивера представляли собою тоже нѣчто неудобоносимое. Форма эта, конечно, усугубляла тяжесть строевого ученія.

Командиръ полка Василій Яковлевичъ Микулинъ хотя и былъ не въ ладахъ съ своимъ предшественникомъ, моимъ дядей Исленьевымъ, но ко мнѣ относился хорошо. Вообще, это былъ добрый человѣкъ и хорошій служака, но характера легко воспламеняющагося, почему его и прозвали въ полку «Василіемъ-Горячимъ».

Передъ царскими смотрами онъ безпокоился ужасно. Кажется, и не спалъ и не ѣлъ, а только безпрестанно требовалъ къ себѣ и наставлялъ баталіонныхъ и ротныхъ командировъ, фельдфебелей и т. д. Къ намъ, офицерамъ, обращался онъ передъ смотрами съ рѣчью, заканчивая обыкновенно выраженіемъ надежды, что всѣ мы явимся на смотръ въ новыхъ, ни разу не надѣванныхъ мундирахъ. Въ нашемъ полку служилъ поручикомъ родной братъ Василія Яковлевича, котораго онъ не долюбливалъ за вялость и главное за неряшливость въ одеждѣ. Брату этому онъ никогда не позволялъ участвовать въ полковыхъ смотрахъ.

Не любилъ Василій Яковлевичъ, когда на смотру какой нибудь полкъ покажется лучше нашего, и сердечно радовался неудачамъ конкуррентовъ.

Самымъ опаснымъ соперникомъ считался хорошо вымуштрованный Семеновскій полкъ. Помню, разъ нашего генерала поздравили съ отличнымъ парадомъ.

— Это что-о-о!—отвѣтилъ Василій Яковлевичъ!—А вотъ замѣ-

тили ли вы,—воскликнулъ онъ съ радостной улыбкой:—что государь не благодарилъ три семеновскихъ дивизіона?!

Въ 1835 году государь императоръ приказалъ сшить преображенскій мундиръ по мѣркѣ В. Я. Микулина и, приславъ его въ полкъ, повелѣлъ офицерамъ поднести его командиру въ день 6-го декабря. Нужно было видѣть умиленіе, искреннюю радость и восторгъ Василія Яковлевича въ этотъ торжественный моментъ. Онъ попросилъ повторить ему слова государя императора и, прослушавъ ихъ съ благоговѣніемъ, заплакалъ, какъ ребенокъ, а затѣмъ, успокоившись, тутъ же завѣщалъ похоронить его непремѣнно въ этомъ жалованномъ мундирѣ.

Заканчивая воспоминанія о Микулинѣ, я долженъ упомянуть, что въ Зимнемъ дворцѣ имѣется картина (о которой я уже говорилъ выше), изображающая встрѣчу императоромъ Николаемъ I-мъ 14-го декабря 1826 года вызваннаго имъ перваго баталіона Преображенскаго полка, при чемъ во главѣ баталіона стояли мой дядя Исленьевъ и В. Я. Микулинъ, тогда еще молодой офицеръ.

Годовые смотры производились обыкновенно въ Инженерномъ манежѣ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Тутъ ужъ проходился весь уставъ, что называется, «на пяточкѣ». Ученье полковое, баталіонное, стрѣлковое; затѣмъ всѣ учебные шаги и наконецъ церемоніальный маршъ во всѣхъ строяхъ. На смотры великаго князя мы никогда не шли съ увѣренностью. Успѣхъ зависѣлъ цѣликомъ отъ настроенія его высочества.

Предположитъ великій князь по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, что такой-то, напримѣръ, зазнался или разлѣнился, и тогда хватай избранникъ хоть звѣзды съ неба,—бури ему не миновать. А попало одному—неудаченъ весь смотръ.

Вообще же великій князь настаивалъ на томъ, чтобы офицеры и солдаты были заняты въ полку, какъ можно больше, потому что праздность, какъ говаривалъ онъ, есть мать всѣхъ пороковъ. Даже и послѣ хорошихъ смотровъ намъ не давалось отдыху ни одного дня.

— Хорошо-то хорошо, — замѣтилъ разъ великій князь послѣ удачнаго смотра,—но вотъ тутъ чего-то недостаетъ,—сказалъ онъ, указывая на грудь:—пусть поищутъ, работой найдутъ.

И искали мы упорно и небезуспѣшно.

При усиленныхъ фронтовыхъ занятіяхъ и строжайшей дисциплинѣ, конечно, и отступленій отъ правилъ почти не было.

Внѣ службы великій князь былъ всегда привѣтливъ и доступенъ; онъ любилъ и пошутить съ молодежью.

Великій князь особенно наказывалъ стоявшихъ въ караулѣ и всегда старался найти малѣйшую неисправность. Но и мы въ караулѣ не дремали. Киверовъ мы обыкновенно не снимали и очень быстро, почти моментально, выскакивали на звонки, которые, надо отдать справедливость, раздавались безпрестанно и днемъ и ночью. Начальники наши и дежурные по карауламъ тоже были на чеку.

При караулахъ во дворцѣ, куда я часто назначался, бдительность наша, конечно, усиливалась еще болѣе, и мы такъ приспособились, что никогда не проглядывали нашего августѣйшаго шефа государя императора. Но для такого успѣха мы прибѣгали къ нѣкоторой уловкѣ. Въ тѣ времена часовые въ доказательство своего бодрствованіи, время отъ времени, должны были кричать: «Слуша-а-ай!». Пользуясь этимъ, мы приказывали часовому, стоявшему на углу дворцовой ограды, какъ только государь, возвращаясь домой, проѣдетъ мимо него, кричать во всю мочь: «Слуша-а-ай!» и такимъ образомъ своевременно извѣщать насъ о появленіи его величества.

Государь императоръ часто пріѣзжалъ изъ театра на простомъ извозчикѣ, и разъ я былъ свидѣтелемъ случая, когда недоумѣвающему возницѣ вынесли 25 рублевую ассигнацію, сказавъ, что онъ привезъ государя. Услышавъ это, изумленный извозчикъ началъ цѣловать свою лошаденку, спрашивая ее, знаетъ ли она, кого привезла.

Въ 1837 году, я, произведенный уже въ поручики, былъ командированъ согласно своему желанію на Кавказъ въ Кабардинскій полкъ, гдѣ принималъ участіе въ экспедиціи и всѣхъ дѣлахъ противъ горцевъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Вельяминова. Во одномъ изъ дѣлъ я былъ легко раненъ въ ногу, но оставался въ строю, такъ какъ о ранѣ не заявлялъ.

На Кавказѣ я встрѣтилъ бывшихъ моихъ товарищей, Лермонтова и Мартынова, несчастная ссора которыхъ уже принимала въ то время характеръ непримиримой обоюдной злобы [1]).

IV.

Аничковскіе балы.—Императоръ въ роли дирижера танцевъ.—Бородино.—Помолвка и смерть великой княжны Александры Николаевны.—Смерть моего отца.—Раздѣлъ.

Съ Кавказа я возвратился въ 1838 году и никакихъ особенныхъ перемѣнъ въ полку не нашелъ.

Послѣ происшедшаго въ Зимнемъ дворцѣ пожара государь императоръ перенесъ свою резиденцію въ Аничковскій дворецъ. Роскошные пріемы и балы, украшенные тремя царскими дочерьми, привлекали къ нашему двору много иностранныхъ принцевъ. Получить приглашеніе на эти балы составляло верхъ желаній свѣтской малодежи. Для насъ, военныхъ, существовала двоякая форма приглашеній: на большіе балы назначалось обыкновенно по стольку-то офицеровъ отъ полка, а на малые—призывались избранные лучшіе танцоры, въ число которыхъ по временамъ попадалъ и я.

---

[1]) Кавказскія воспоминанія ген. Самсонова были напечатаны отдѣльно.

Аничковскіе вечера были особенно оживлены участіемъ въ нихъ ихъ императорскихъ величествъ. Государыня императрица танцовала котильоны и кадрили, а государь императоръ Николай Павловичъ становился обыкновенно въ первой парѣ «гроссфатера» [1]) и здѣсь, при затѣйливыхъ фигурахъ, изобрѣтавшихся нашимъ высокимъ дирижеромъ, возникало полное, непринужденное веселье. Вотъ одна изъ этихъ фигуръ.

Пройдя попарно, умѣренными шагами, по всѣмъ комнатамъ дворца, танцующіе составляли общій кругъ въ большой залѣ, и тутъ начиналась такъ называвшаяся «фуга». Государь императоръ выходилъ со своей дамой на середину, а затѣмъ, не разрывая цѣпи, всѣ прочія пары наматывались клубкомъ вокругъ первой какъ можно тѣснѣе. Когда кубокъ былъ готовъ, государь первый начиналъ прыгать, а за нимъ и всѣ остальные. Получалась какая-то толчея, на которую нельзя было смотрѣть безъ смѣха, но всѣ были веселы и довольны.

Я иногда имѣлъ честь танцовать съ великими княжнами, но никогда не удостоился чести быть кавалеромъ ея величества. Одинъ разъ, когда я въ котильонѣ что-то напуталъ, государыня, ударивъ меня слегка по рукѣ, сказала:

— «Vous êtes un maladroit!»

Это впрочемъ напоминаетъ случай съ ординарцемъ у одной высокой особы. Его спрашиваютъ въ казармахъ:

— Говорилъ ли съ тобой его величество?

— Какъ же,—отвѣчаетъ онъ:—говорилъ. Я подавалъ ему шинель, а онъ сказалъ: не такъ, болванъ!

Въ 1839 году, стали готовиться къ празднествамъ по случаю постановки памятника на Бородинскомъ полѣ, куда должны были отправляться войска. Гвардейскія дивизіи составляли сводные батальоны изъ 1-хъ гренадерскихъ ротъ. Первый батальонъ сформировался изъ ротъ его величества полковъ лейбъ-гвардіи: Преображенскаго, Семеновскаго, Измайловскаго и Егерскаго. Нашей государевой (первой) ротой командовалъ флигель-адъютантъ Чернышевъ, а всѣмъ гвардейскимъ—отрядомъ, состоявшій при корпусѣ баронъ И. И. Мункъ.

Походъ этотъ, происходившій въ прекрасную лѣтнюю погоду, былъ одной изъ самыхъ пріятныхъ военныхъ прогулокъ. Между нами образовались, конечно, кружки, соединявшіеся не только на дневкахъ и ночлегахъ, но при возможности и на бивуакахъ. Нашъ кружокъ составляли Преображенскаго полка я и Демидовъ, Измайловскаго Барановъ и Егерскаго Вырубовъ. Офицерамъ дозволено было имѣть верховыхъ лошадей, а потому во время пути у насъ происходили скачки, охота на разную дичь и т. д.

---

[1]) Танецъ тѣхъ временъ.

На Бородинскомъ полѣ выросъ временный городокъ, въ которомъ жили почтенные участники Бородинскаго боя и приглашенные иностранцы. Устроены были гостиницы, магазины, даже театры. Впрочемъ намъ, офицерамъ, рѣдко удавалось посѣщать городокъ, ибо великій князь Михаилъ Павловичъ помѣстился въ нашемъ лагерѣ, а царская палатка стояла на правомъ флангѣ нашей роты. По пріѣздѣ государя императора всѣ караулы, даже и у царской палатки, были сняты, равно какъ и часовые. Зато, конечно, на дежурныхъ лежала полная отвѣтственность за тишину и порядокъ.

Разъ утромъ посѣтилъ насъ по сосѣдству великій князь Михаилъ Павловичъ въ сюртукѣ безъ эполетъ и съ сигарою во рту. Я былъ дежурный по батальону и встрѣтилъ его высочество.

— Кто былъ вчера дежурный?—спросилъ великій князь.

Я отвѣтилъ.

— Посадить его подъ арестъ,—продолжалъ его высочество.— Вчера былъ такой шумъ и гвалтъ въ унтеръ-штабѣ, что государь заснуть не могъ. Смотри, чтобы у тебя этого не было!

Конечно, послѣ такого предупрежденія я рѣшилъ не спать всю ночь. Періодически посылалъ патрули, а по возвращеніи ихъ обходилъ лагерное расположеніе самъ. Оказалось, что предосторожности эти я принималъ не напрасно.

Въ одинъ изъ обходовъ я услышалъ по направленію дороги шумъ колесъ. Иду на встрѣчу. Вижу, телѣжка парой подъѣзжаетъ къ самой царской палаткѣ, гдѣ и останавливается. Изъ нея выходитъ какой-то статскій и уже берется за полотно ставки, чтобы войти. Броситься къ нему и схватить сзади въ объятія было дѣломъ одной минуты. Схвативши я потащилъ своего плѣнника въ лагерь, и здѣсь оказалось, что этотъ господинъ—писарь барона Вревскаго, присланный за справкой къ придворному чиновнику Лосеву.

Хорошъ бы я былъ, если бы этотъ почтенный писарь успѣлъ нанести свой ночной визитъ его величеству. Только случай избавилъ меня отъ такой крупной и непріятной исторіи.

Осмотръ и изученіе мѣстности, на которой происходила борьба нашего воинства съ двунадесятью языками, освященіе памятника при сборѣ всѣхъ войскъ и наконецъ выступленіе наше въ Москву составляли рядъ занятій, выходившихъ изъ круга нашей монотонной службы.

Въ Москвѣ войска были размѣщены по обывательскимъ домамъ, владѣльцы которыхъ испросили разрѣшеніе продовольствовать ихъ на свой счетъ. Въ нашемъ домѣ было 16 человѣкъ моего стрѣлковаго взвода.

Въ 1843 году, великая княжна Александра Николаевна была помолвлена съ принцемъ Гессенъ-Кассельскимъ. Полкъ узналъ объ этой помолвкѣ 9 августа лично отъ государя императора и ея высочества на бивуакѣ во время маневровъ близъ Ропши.

— Вы моя семья,—сказалъ государь,—не могу не раздѣлить съ вами нашей семейной радости. Поздравьте ее: она невѣста.

Августѣйшая невѣста подвела къ полку принца Кассельскаго и сказала:

— Вотъ мой женихъ! Любите его такъ, какъ вы насъ всѣхъ любите!

Но недолго продолжалось счастіе ея высочества. 29 іюля 1844 г. великая княгиня скончалась. На погребеніи присутствовалъ нашъ полкъ, при чемъ государь императоръ, обращаясь къ намъ, сказалъ слѣдующее:

— Спасибо, преображенцы, за вашу къ намъ любовь! Вы первые поздравили покойную невѣстой,—васъ же позвалъ я отдать ей послѣдній долгъ!

Такія два знаменательныя событія мы, преображенцы, рѣшили увѣковѣчить сооруженіемъ иконы въ память усопшей великой княгини.

Узнавъ объ этомъ, его величество прислалъ въ полкъ слѣдующее собственноручное письмо на имя нашего командира, генерала Жеркова:

«Господинъ генералъ-майоръ Жерковъ!

«Я извѣстился о желаніи офицеровъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка получить наше согласіе, дабы въ память участія, принятаго полкомъ въ послѣднихъ почестяхъ усопшей любезнѣйшей дочери нашей великой княжнѣ Александрѣ Николаевнѣ, поставить отъ себя образъ въ устроиваемой нами часовнѣ тамъ, гдѣ переселилась въ вѣчность покойная наша дочь.

«Принявъ съ живѣйшимъ чувствомъ признательности сіе новое доказательство усердія и преданности господъ офицеровъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, я съ особымъ удовольствіемъ повелѣлъ желаніе ихъ исполнить, да будетъ образъ сей и на будущее время знакомъ приверженности гвардіи къ семейству нашему и взаимству нашихъ къ ней чувствъ.

«Вамъ же поручаю отъ лица всего нашего семейства увѣрить всѣхъ господъ офицеровъ полка, сколь живо въ сердцѣ нашемъ цѣнимъ мы намѣреніе, внушившее сію трогательную мысль.

«Пребываю полку и вамъ всегда благосклонный

«Николай».

Въ 1859 году умеръ мой отецъ. Все наше семейство (3 брата и 4 сестры) собралось въ родовое гнѣздо—село Бектышево. Трогательны были его похороны. Отецъ мой обладалъ всѣми качествами честнаго и благоразумнаго крѣпостника, и, несмотря на его строгость, народъ притекалъ къ нему со всѣхъ сторонъ съ полнымъ довѣріемъ, какъ къ своему защитнику и благотворителю. За

гробомъ его шли тысячи простолюдиновъ, помнившихъ добрыя дѣла усопшаго.

Во время раздѣла нашего имущества мнѣ досталось по жребію Бектышево—наше главное владѣніе. Но, принимая во вниманіе, что служба не давала мнѣ возможности заниматься хозяйствомъ (я въ то время послѣ командованія полкомъ состоялъ въ чинѣ генералъ-майора при гвардейскомъ корпусѣ и постоянно бывалъ въ командировкахъ), и главное, что у меня не было дѣтей, я уступилъ Бектышево своему среднему брату, Евгенію, находившемуся уже въ отставкѣ. Старшему брату Александру, бывшему тогда свитскимъ генераломъ [1]), досталось село Кудрявцево, а я взялъ себѣ незастроенныя земли. Впослѣдствіи мною была выстроена и нынѣ существующая усадьба въ пустоши Коровино, гдѣ прежде была довольно извѣстная Самсоновская охота. Хороша была эта охота, но слишкомъ велика для нашихъ средствъ. Пришлось ее уничтожить. Большинство собакъ было продано мною царской фамиліи, а остальныхъ я раздарилъ.

Въ 1881 году, послѣ командованія 2-мъ армейскимъ корпусомъ, я, будучи генералъ-лейтенантомъ, былъ назначенъ въ Бозѣ почивающимъ императоромъ Александромъ III на крайне отвѣтственную должность с.-петербургскаго коменданта въ эту годину глубокой скорби, постигшей наше отечество...

Г. П. Самсоновъ.

---

[1]) Впослѣдствіи владимирскій губернаторъ и почетный опекунъ.

ШКОЛЬНАЯ КОМЕДІЯ.

(Изъ альбома беллетриста).

I.

ЭТО БЫЛО ПО ПУТИ, и я рѣшилъ завернуть въ Троицкое, гдѣ учительствовалъ мой пріятель, Арсеній Ивановичъ Илазьевъ. Я познакомился и сдружился съ нимъ еще тогда, когда онъ былъ на педагогическихъ курсахъ. Юмористъ по натурѣ, онъ смѣялся такъ заразительно, что невольно и у другихъ вызывалъ смѣхъ. Его всѣ любили за его добродушіе, за умѣнье переносить житейскія неудачи не только терпѣливо, но и «въ веселомъ духѣ», какъ онъ самъ выражался. Въ карманѣ—послѣдній пятачекъ, а онъ распѣваетъ себѣ пѣсни, да наигрываетъ на гитарѣ. Кончивши «курсы», онъ сдѣлался сельскимъ учителемъ.

Съ тѣхъ поръ прошло пятнадцать лѣтъ. Мы съ нимъ рѣдко переписывались. Ему некогда было писать, да онъ и не любилъ переписки. «Э, что̀ письмо», говорилъ онъ всегда, встряхивая кудрями: «въ письмѣ развѣ все разскажешь? Бумага мертвитъ, да и скучно это, то ли дѣло живая бесѣда!» И его короткія письма меня мало познакомили съ его новой жизнью, съ тѣми условіями, въ какихъ ему приходилось работать. Въ одномъ изъ писемъ, года три тому назадъ, Илазьевъ сообщалъ, что онъ «поженился» на учительницѣ. По обыкновенію онъ и въ письмахъ держался шутли-

вой формы. Такъ, говоря о своей женѣ, онъ замѣчалъ: «бабенка хоть куда. Носа не вѣшаетъ, пѣсни поетъ чудесно, и того и гляди забьетъ меня въ щель, потому—въ мужѣ начальства не признаетъ. Совсѣмъ жена не православнаго облика». Мнѣ захотѣлось навѣстить молодую чету, посмотрѣть, какъ она живетъ и работаетъ. Кстати же у меня оставался день, который я не зналъ, куда дѣвать. И вотъ я рѣшилъ завернуть въ Троицкое.

— Вѣдь это недалеко,—замѣтилъ я ямщику.

— Недалече,—отозвался тотъ.—Только ужъ дорога больно неулаженная.

— Отчего?

— Потому грунтъ мягкій, ненадежный. А справы настоящей нѣту.

— Долго придется ѣхать?

— Скоро не поѣдешь... Мѣсиво, одно слово сказать.

Ямщикъ былъ правъ. Пятнадцать верстъ мы тащились чуть ли не три часа. Мѣстами колеса телѣги почти совсѣмъ уходили въ грязь. Я покорился участи и только думалъ всю дорогу о томъ: когда же это будетъ можно сносно ѣздить по нашимъ деревенскимъ трущобамъ, куда стремятся люди для народнаго просвѣщенія, но гдѣ такъ легко просвѣтителямъ утонуть во время весенней распутицы.

II.

Въ школѣ, очевидно, готовились къ чьему-то пріѣзду. Баба мыла въ сѣняхъ. Сторожъ старательно натиралъ мѣломъ ручки дверей. Въ ту самую минуту, когда я вошелъ въ классъ, Илазьевъ стоялъ на высокомъ табуретѣ и привѣшивалъ географическую карту. Молоденькая брюнетка, невысокаго роста, очень стройная, стояла у стола, на которомъ лежала груда книгъ. На окнѣ помѣщались какіе-то бюсты; длинный, худощавый юноша что-то улаживалъ въ переднемъ углу.

Я остановился въ дверяхъ, нѣсколько озадаченный всѣмъ происходившимъ. Брюнетка первая замѣтила меня и промолвила, подымаясь съ мѣста:

— Вамъ кого угодно?

На ея слова оглянулся Илазьевъ, сдѣлалъ широкіе глаза и воскликнулъ радостно, тѣмъ пріятнымъ голосомъ, который я не могъ забыть за всѣ года разлуки:

— Эва, кто! Да какимъ это вѣтромъ? Вотъ «сюмпризъ»!

Онъ бросилъ карту и соскочилъ съ табурета. Мы обнялись и расцѣловались.

— Сразу узналъ?

— Эва! — отозвался Илазьевъ.—Какъ не узнать? Патретъ совсѣмъ прежній, только вотъ волосъ прежнихъ дьяконскихъ нѣту.

Надоѣло, видно, носить такія космы. Добре, добре! А это моя жинка... Ленушка! вотъ и онъ, мой милѣйшій Ликсандра, о которомъ я тебѣ такъ много говорилъ.

Молодая женщина съ улыбкой протянула мнѣ руку.

— Что это у васъ такое происходитъ? Ждете кого? — спросилъ я.

— Генеральная уборка, милый человѣкъ. Завтра будетъ къ намъ нашъ генералъ. Ну, вотъ и налаживаемся. Все по новому фасону.

— Какъ по новому фасону?

— А такъ. У всякаго барона своя фантазія, а нашъ попечитель къ тому же на самомъ дѣлѣ баронъ, вотъ у него и своя фантазія. Помнишь: кто любитъ арбузъ, кто свиной хрящикъ, а кто попову дочку. На всякій вкусъ угодить надо. На то мы и маленькіе люди, чтобы большіе нами оставались довольны. Вотъ мы имъ и потрафляемъ. Что ты такъ на меня смотришь? Не «уяснительно»?

— Не уяснительно, братъ!

— Ну, и ладно! Пойдемъ-ка съ дорожки чайку попьемъ. Самоваръ кстати поставленъ, словно знали, что ты будешь. А за чайкомъ я тебѣ все и уясню. Елена Константиновна,—обращаясь къ женѣ, промолвилъ Илазьевъ:—бросьте вашу цензуру и пожалуйте хозяйничать, доставайте ваши запасы, не ударьте въ грязь передъ столичнымъ жителемъ. Пусть знаетъ, что и мы не лыкомъ шиты...

III.

Квартирка учителя состояла изъ кухни и двухъ комнатъ. Она отдѣлялась отъ класса большими свѣтлыми сѣнями. Передней не было, и мы прямо вошли въ кухню, маленькую комнату, почти всю занятую русской печкой. Рядомъ съ кухней—комната въ два окна; это—гостиная, столовая и кабинетъ въ одно и то же время. Слѣдующая комната, уже въ одно окно—спальня.

— Все какъ слѣдуетъ, но въ маломъ размѣрѣ, — проговорилъ Илазьевъ, когда я осмотрѣлъ квартирку.—Въ нѣкоторомъ родѣ модель настоящей квартиры.

— Но у тебя уютно и хорошо,—замѣтилъ я.

— Это вѣрно,—согласился пріятель.—Мы живемъ, какъ у Христа за пазухой. Вѣдь такихъ квартирокъ у сельскихъ учителей мало найдется. Иные, Богъ знаетъ, какъ ютятся. Вотъ хотя бы взять Протасьевку. Тамъ учитель живетъ въ крестьянской избѣ. Войдешь — съ души воротитъ. А мы здѣсь паничи. И мѣсто хорошее, народъ простой; темный, правду сказать, но не скверный. Наивный малость, но я люблю больше наивность, чѣмъ подгородную проженость, сбивающуюся прямо на мошенничество.

Обстановка была скромная. Деревянные стулья, маленькій диванчикъ, обитый ситцемъ, вмѣсто письменнаго стола—бѣлый сосновый столъ, какіе бываютъ въ городскихъ кухняхъ, шкафикъ съ книгами, въ углу этажерка, тоже съ книгами. На стѣнахъ нѣсколько портретовъ и между ними—большой портретъ Шевченка, любимаго поэта Илазьева. На окнахъ цвѣточки. Въ переднемъ углу небольшой, но хорошаго письма образъ Спасителя, благословляющаго дѣтей.

Комнатка производила хорошее впечатлѣніе. Вѣяло отъ всей обстановки уютностью, тепломъ; она возбуждала тихую радость, вызывала хорошее настроеніе.

Я подѣлился съ пріятелемъ своимъ впечатлѣніемъ.

— Эва!—воскликнулъ онъ:—а я думалъ, что...

Вошла жена.

— Слышишь, Ленушка,—обратился къ ней Илазьевъ:—Ликсандрушкѣ у насъ все понравилось. Въ лирическое настроеніе впалъ. Ну, и ладно, а мы вотъ ему сейчасъ комедію разскажемъ, пусть развеселится.

— Я не скажу, чтобы это было очень весело, — сказала жена.

— Ну, что ты,—возразилъ пріятель:—да чего тутъ скучнаго? Разнообразіе! Шей да пори, не будетъ пустой поры! Вотъ и у насъ то же. Экая ты неблагодарная! Начальство о тебѣ заботится, развлеченіе устроиваетъ, а ты недовольна.

— А ты все такой же,—сказалъ я:—какъ былъ, такъ и остался неунывающимъ россіяниномъ. И не старѣешь нисколько.

— Эва!—промолвилъ Илазьевъ.—Какъ не старѣю? А глянь на макушку: рѣдѣетъ, милый человѣкъ. Но это ничего, значитъ, мозгами ворочаю. Мой ближайшій помощникъ по педагогической дѣятельности и вѣрный стражъ школы, Егорычъ, всегда говоритъ: кто головой работаетъ, у того и волоса рѣдѣютъ, потому мозги натуживаются, и отъ нихъ воспареніе.

— Это все твои книги? — спросилъ я, указывая глазами на шкафъ и этажерку.

— Не все мои, а есть тутъ малость и не моихъ... Это, братъ, тоже комедія.

— То-есть какъ комедія?

— А вотъ какъ. Вѣдь мы въ школѣ можемъ имѣть только тѣ книги, кои подлежащимъ вѣдомствомъ допущены, одобрены или рекомендованы?

— Ну, да.

— Хорошо-съ! А вотъ какая исторія, напримѣръ: печатается повѣсть въ дѣтскомъ журналѣ, который одобренъ. Ясно, что и повѣсть въ немъ одобрена?

— Ну, да.

— Во всякомъ случаѣ повѣсть-то эту читать въ журналѣ можно?

— Безъ сомнѣнія.

— Ну, а если она выйдетъ отдѣльной книгой... какъ ты думаешь: можно ее читать школьникамъ?

— Разумѣется. Вѣдь она осталась та же.

— Вотъ ты такъ полагаешь, а нашъ инспекторъ иначе. Я было купилъ одну повѣсть, которая печаталась въ одобренномъ журналѣ, но, какъ отдѣльная книга, еще штемпеля одобренія не получила. Пріѣзжаетъ инспекторъ: увидѣлъ книгу и говоритъ: «сіе како? Гдѣ штемпель одобренія?»—Да вѣдь въ журналѣ... «То въ журналѣ, а это отдѣльно».—Да вѣдь одно и то же.—«Не ваше дѣло разсуждать».—Какъ же быть?—«Изъять книгу».—А въ журналѣ можно читать эту повѣсть?—«Въ журналѣ можно, потому онъ одобренъ».

— И что же, ты изъялъ книгу?—спросилъ я пріятеля.

— Конечно, изъялъ. Развѣ могъ я ослушаться? Но вотъ вопросъ: ребятамъ повѣсть нравится, и они нарасхватъ требуютъ ее... Какъ быть? Вотъ я ее изъялъ изъ училищной библіотеки и перенесъ въ свою, да отъ себя, какъ частное лицо, и даю ребятамъ. И овцы цѣлы, и волки сыты. Вотъ что значитъ, братецъ, быть чистымъ, какъ голубь, и мудрымъ, какъ змѣй.

Елена Константиновна хлопотала около обѣденнаго стола, который былъ выдвинутъ на средину комнаты, покрытъ скатертью и заставленъ закусками и баночками съ вареньемъ. При послѣднихъ словахъ мужа, она промолвила, не отрываясь отъ своего хозяйственнаго дѣла:

— По-моему всякая лишняя опека не полезна!

— Эва! Что она говоритъ!—воскликнулъ смѣясь Илазьевъ.— Да ты не педагогъ, а демагогъ, Елена Константиновна. Нишкни! Смотри, урядникъ нашъ, Петръ Семеновичъ, услышитъ и сейчасъ скажетъ: сицилистка!

— Чай готовъ,—сказала жена.

— Вотъ это дѣло! Бросимъ критику и вольнодумствованіе и займемся тѣмъ, что прилично всѣмъ россейскимъ людямъ. Ликсандра, садись! Вишь, сколько варенья моя бабенка наварила: чего хочешь, того и просишь. Вотъ, братъ, вольнодумствуетъ, а хозяйства не забрасываетъ. Еще устои крѣпки, не все погибло, значитъ. Ха, ха, ха!

И онъ залился тѣмъ смѣхомъ, который напомнилъ мнѣ далекое прошлое, когда хохотъ юнаго Илазьева покрывалъ собой всѣ голоса споровшихъ курсистовъ.

IV.

Жена пріятеля оказалась дѣйствительно хорошей хозяйкой. Булки, испеченныя ею, были очень вкусны, варенье прекрасно. Чай приготовленъ съ большимъ умѣніемъ: онъ не былъ перепаренъ и вполнѣ сохранилъ свой ароматъ.

Я не могъ удержаться отъ похвалы.

— Очень рада, что вамъ все понравилось,—сказала Елена Константиновна тономъ довольной хозяйки. — Этимъ я обязана моей покойной матери: она славилась, какъ хозяйка, и считала необходимымъ научить всему своихъ дочерей. По ея понятію, женщина, не знающая хозяйства, при всѣхъ знаніяхъ ничего не стоитъ.

— И вѣрно твоя мать разсуждала, — сказалъ Илазьевъ: — я каждый день говорю ей спасибо за то, что она тебя всему научила.

— Еще бы, ты любишь попить и поѣсть,—съ улыбкой замѣтила жена.

— Тутъ худого ничего нѣтъ, – промолвилъ пріятель: — трудящійся да ястъ. Да нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, чортъ побери,— воскликнулъ онъ, встряхивая волосами, которые были еще достаточно густы: — что это за манера—либо книжка, либо стряпня; либо ученье, либо хозяйство? А не угодно ли вамъ то и другое вмѣстѣ? Развѣ алгебра мѣшаетъ варить щи, или исторія дѣлать котлеты? Я вотъ учитель, а умѣю книги переплетать и любому сапожнику не уступлю.

— Развѣ ты все это знаешь?—спросилъ я.

— Эва! Да какъ еще знаю! Спроси-ка жинку, кто ей башмаки шьетъ? Я, я, — проговорилъ пріятель, тыкая пальцемъ себя въ грудь.—А кто книги въ школьную библіотеку переплетаетъ? Опять я. И школѣ это не въ убытокъ, да и мнѣ кое-что перепадаетъ. Мы, братецъ мой, на всѣ руки. Если что не такъ, очень ужъ солоно придется, терпѣть не въ моготу, съ голода не умремъ!

Илазьевъ выглядывалъ очень здоровымъ, бодрымъ, жизнерадостнымъ. Судя по немъ, нельзя было бы сказать, что сельскому учителю живется плохо. Я высказалъ ему свою мысль.

— Да намъ не плохо и живется, -- отвѣтилъ онъ. — А все почему? Потому что я не трагикъ по природѣ, да и Ленушка также, хотя она иногда и побурлитъ. Зато я ко всему отношусь смѣючись. Жизнь—комедія! Такъ-то лучше!

— Да,— подхватилъ я:—вѣдь ты меня хотѣлъ познакомить съ комедіей...

— Которую мы разыгрываемъ? Изволь, изволь! Это очень интересно и поучительно, — проговорилъ Илазьевъ. — Только вотъ, пусть жинка мнѣ чаю нальетъ. Да и ты пей, за китайской травкой бесѣда веселѣе.

Онъ принялъ отъ жены стаканъ и произнесъ:

— Извѣстно тебѣ, вѣроятно, милый человѣкъ, что у сельскаго учителя начальства тьма тьмущая. Директоръ—начальникъ, инспекторъ—начальникъ, земцы—начальники, училищный совѣтъ—начальство, попечитель—начальникъ и прочее, и всѣхъ ихъ не сосчитать, какъ звѣздъ на небѣ въ ясную морозную ночь. Вотъ хорошо, а, можетъ быть, и худо, это все равно. Дальше ты знаешь: «властямъ повинуйтеся, ибо всяка власть отъ Бога»... Ну-съ, мы и повинуемся. А такъ какъ у всякаго начальника свои требованія, вкусы и прочее, то мы подъ все сіе и поддѣлываемся. Вотъ у насъ попечитель школы, баронъ фонъ-Марленштейнъ. Человѣкъ богатый, хотя и не тароватый. Поклонникъ Европы, западной культуры, уважаетъ свободу и прочее, конечно, больше на словахъ и до извѣстныхъ предѣловъ, но все-таки человѣкъ «вольнаго» духа. Онъ не любитъ приниженности, низкопоклонства, онъ желаетъ быть съ нами на равной ногѣ, то-есть, конечно, мы не должны забываться, а ловко себя держать такъ, чтобы, повидимости, все было въ этомъ смыслѣ. Конечно, онъ старшій, а мы младшіе, но люди одного просвѣтительнаго дѣла и прочее. Тоже и школьники: они держаться должны развязно, свободно, не кричать: «здравія желаемъ, ваше превосходительство!» Они должны быть учтивы, вѣжливы, но проявлять сознаніе своего человѣческаго достоинства. Они должны быть бодры, веселы, выражать въ лицѣ счастье, въ глазахъ умъ, мысль... А засимъ-съ: онъ любитъ, чтобы учитель былъ немножко прилично растрепанъ: это означаетъ увлеченіе работой, привычку не обращать вниманія на свой туалетъ. Посему я долженъ это понимать. Также и Ленушка. Она не должна быть очень принаряжена, но, конечно, ея неглиже не должно портить эстетическаго вкуса барона... Понимаешь? Вотъ мы и прилаживаемъ все къ пріѣзду барона по его желанію. Это—баронская фантазія.

Онъ отхлебнулъ немного чая и продолжалъ съ улыбкой:

— Комедія номеръ второй: ѣдетъ инспекторъ; у него вкусы другіе. Прежде всего, онъ Юпитеръ и громовержецъ. Мы,—ничто. Чистота въ школѣ должна быть образцовая, въ этомъ онъ сходится съ барономъ, и потому полы моются, и ручки у дверей чистятся. Но это мелочь, главное, страхъ и почтеніе. Дѣти выскакиваютъ и встрѣчаютъ его въ сѣняхъ. Мы, то-есть собственно я—руки по швамъ: «Слушаюсь! Что прикажете, ваше превосходительство?» Онъ входитъ въ классъ и первое, что дѣлаетъ, это возводитъ очи горѣ. Въ углу большой образъ, передъ нимъ лампадка. Прежде чѣмъ начнется испытаніе учениковъ, всѣмъ классомъ поются молитвы. Я причесанъ такъ, какъ будто бы мои волосы всѣ приросли къ кожѣ. Ленушка—монахиня. Отвѣты медленные, тихимъ голосомъ. Видъ учениковъ—полная скромность. Всѣмъ ясно: они—

дѣти крестьянъ, онъ—начальникъ и чуть не благодѣтель. Баронъ любитъ иногда такъ повольнодумствовать, что велитъ дѣтямъ отвѣчать сидя. Боже сохрани, чтобы кто нибудь изъ учениковъ не сразу вскочилъ при вопросѣ инспектора. Еще я тебѣ забылъ сказать: баронъ любитъ, чтобы икона висѣла низко. Онъ находитъ неприличнымъ молиться, задравши голову. А инспекторъ говоритъ: «Развѣ можно такъ низко вѣшать икону? Этакъ мальчишка будетъ смотрѣть точно свысока на икону. Сказано: «иже еси на небесѣхъ», и «возводи очи къ небу». Дальше: баронъ любитъ, чтобы мальчики проявляли знаніе по отчизновѣдѣнію, также по ариѳметикѣ, а инспекторъ главнымъ образомъ обращаетъ вниманіе на русскій языкъ и на церковно-славянское чтеніе. У инспектора и у барона есть свои любимыя и нелюбимыя книги. И вотъ мы должны изъ одобренныхъ книгъ тѣ или другія вынимать изъ шкафа, чтобы угодить обоимъ. Баронъ не любитъ формалистики, а инспекторъ—формалистъ. Одинъ смотритъ журналы, другой нѣтъ. Когда пріѣзжаетъ баронъ, мы развѣшиваемъ географическія карты, потому что онъ находитъ красивѣе, когда стѣны завѣшаны картами. Инспекторъ говоритъ: «Для чего же столько картъ? Чтобы скрыть грязь и пыль на стѣнахъ?» И вотъ къ его пріѣзду виситъ только одна карта нашей губерніи. И вотъ еще: у насъ есть фигуры разныхъ расовыхъ представителей, даже животныхъ, обезьянъ,—все это мы уставляемъ на окна для барона. Когда же пріѣзжаетъ инспекторъ, все это прячется. «Что это такое?»—сказалъ онъ, когда пріѣхалъ въ первый разъ, и я еще не зналъ его вкуса. «Вы разставили какихъ-то идоловъ, пропагандируете Дарвинскую теорію?» Громъ и молнія! Баронъ послѣ класснаго урока соизволяетъ принять отъ насъ чай и больше ничего. Инспекторъ любитъ откушать и особенно любитъ пироги. Это ужъ забота Ленушки. И чѣмъ лучше пирогъ, тѣмъ выше довольство инспектора. Это двѣ комедіи, но вотъ еще и третья. Это когда пріѣзжаетъ членъ земской управы, Попрыгунчиковъ. Веселый малый, до школы ему наплевать. Онъ признаетъ одно—физическую силу и веселье жизни. Жизнь должна быть праздникомъ, говоритъ онъ, и пріѣздъ его долженъ быть праздникомъ для школы. Какъ только онъ пріѣзжаетъ, такъ сейчасъ классы отмѣняются. Дѣти всѣ на дворъ и играть. Они бѣгаютъ, гимнастикуютъ, а земецъ любуется и любитъ читать стихи: «рѣзвитесь, ростите на волѣ»... Ревизіи никакой, конечно; но пѣсенъ поемъ мы много. Потомъ земецъ у насъ обѣдаетъ, при чемъ, конечно, и водка и вино, и онъ у насъ просто гость, который, уѣзжая, со мной цѣлуется, а у Ленушки даже лобзаетъ руку. Вотъ тебѣ три комедіи. А тамъ еще разные водевильчики съ переодѣваньемъ, сообразно каждому. Напримѣръ, когда заѣзжаетъ къ намъ благочинный, то мы каждый разъ читаемъ и бесѣдуемъ по поводу бѣднаго Лазаря и скупого богача. Почему ему такъ нравится это мѣсто изъ Евангелія, я ужъ

не знаю. Изрѣдка заглядываетъ къ намъ и земскій начальникъ. Особыхъ приготовленій для этого нѣтъ, но опять таки я знаю, чѣмъ ему угодить. Для этого Лена садится за старенькое фортепьяно, которое у насъ есть, и играетъ разные романсы. А ученики читаютъ вслухъ басни Крылова. Со старшиной мы въ дружбѣ. Когда онъ является, школьники поютъ русскія пѣсни, а онъ подпѣваетъ и притопываетъ ногами. Потомъ заходитъ ко мнѣ, выпиваетъ нѣсколько чарокъ водочки и десятка полтора стакановъ чаю. Ну, вотъ, другъ мой, какъ мы здѣсь живемъ и подъ разныя дудки пляшемъ! Мнѣ это ничего пока не надоѣло. А надоѣстъ—брошу, буду книги переплетать, либо сапоги шить. А ты что же это чай-то не пьешь? Соловья баснями не кормятъ. «Пей да ѣшь, это лучше, здоровѣе будешь», говорилъ мой батька, уписывая съ хлѣбомъ малороссійское сало.

И Илавьевъ громко захохоталъ.

— Но вѣдь когда нибудь ты можешь нарваться;—сказалъ я:— вдругъ оба они вмѣстѣ пріѣдутъ?

— Въ первый годъ моей службы такъ и случилось. Вотъ тогда-то я и прогнѣвилъ инспектора «идолами». И то не вмѣстѣ, а дня черезъ три нагрянулъ инспекторъ, а мы ничего еще не прибрали. Да и то сказать: я еще его вкусовъ не зналъ. А съ тѣхъ поръ не случалось такой исторіи. Баронъ у насъ бываетъ только два раза въ году. Теперь онъ ѣдетъ изъ имѣнія на земское собраніе въ городъ и тамъ останется на зимній сезонъ. А весной онъ поѣдетъ обратно въ имѣніе и тоже къ намъ заѣдетъ. А инспекторъ всегда пріѣзжаетъ послѣ Рождества. Какъ онъ только остановится въ Краспомъ (это въ десяти верстахъ отсюда), мнѣ ужъ и дадутъ знать.

— А на экзаменахъ?

— Для экзамена мы всѣ сходимся въ село Богатое. Изъ разныхъ школъ туда сгоняютъ ребятъ, и туда же пріѣзжаетъ инспекторъ. Ну, а тамъ—другой коленкоръ.

— А съ законоучителемъ ты ладишь?

— Съ нимъ у насъ дружба. У него дѣлъ много, преподаю я за него, а онъ только въ жалованьи расписывается, да передъ экзаменами урока два, три дастъ провѣрочныхъ.

— А какъ же жалованье дѣлите?

— По-любовному: половина мнѣ, половина ему. Это совсѣмъ по совѣсти, что называется. А то и такъ бываетъ, что учитель учитъ, а батюшка все жалованье себѣ беретъ. Нашъ отецъ Петръ не жадный. Его любимая поговорка: «всѣмъ ѣсть надо».

— Оказывается, что ты со всѣми въ мирѣ и дружбѣ живешь. Это, какъ хочешь...

Пріятель перебилъ меня:

— Не правило, а исключеніе? Вѣрно, милый человѣкъ. А все потому, что мало людей, которые держатся моего девиза: «Живи, не тужи, а смерть придетъ—ложись и помирай. Гдѣ лучше, тамъ будетъ видно». Знаешь, братецъ, надо смотрѣть въ корень вещей и помнить одно: люди не ангелы, и жизнь земная не рай небесный. Батька покойный мнѣ всегда говорилъ: «какъ тѣло надо пріучать къ холоду и жару, чтобы оно ни того, ни другого не боялось, такъ и въ жизни надо умѣть ко всему приноравливаться». Я такъ дѣлаю и тебѣ тоже совѣтую. Вотъ завтра увидишь, какъ пріѣдетъ баронъ.

— Вотъ ужъ этого я не увижу,—сказалъ я,—потому что завтра рано утромъ уѣду.

— Развѣ не можешь побыть денекъ?

— Не могу. Я уговорился съ однимъ человѣкомъ съѣхаться на Н-ской станціи. Надо попасть къ поѣзду. Мой возница ждетъ меня. Онъ здѣсь остановился у кума и завтра утромъ повезетъ меня обратно.

— Вотъ это непохвально! Столько лѣтъ не видались, и на одинъ день пріѣхалъ. Да ты и о себѣ ничего не разсказалъ. Вотъ у меня все комедія, а ты, поди, попрежнему во всемъ видишь трагедію.

Уже было далеко за полночь, когда мы разстались съ пріятелемъ, который пошелъ въ свою «опочивальню», а я легъ въ классѣ, гдѣ на передвижной кровати мнѣ было устроено «ложе отдохновенія», по выраженію Илазьева.

V.

На другой день рано утромъ я покинулъ Троицкое. Въ школѣ было все готово къ пріему барона: классныя стѣны завѣшены географическими картами, образъ въ переднемъ углу опущенъ низко, на окнахъ стояли «идолы».

— Видишь, какъ все у насъ въ порядкѣ,—проговорилъ Илазьевъ, когда мы проходили классной комнатой.—Вотъ уѣдешь, и мы себя будемъ приводить въ надлежащій порядокъ, примемъ обликъ, пріятный для барона.

Опять я потащился по грязному мѣсиву.

— Какъ это по такой грязи баронъ-то поѣдетъ?—сказалъ я ямщику, который уже зналъ о пріѣздѣ попечителя.

— Ничего,—отвѣтилъ ямщикъ:—у него кони добрые, вытащатъ, не наше горькое дѣло. Вона на-дняхъ возилъ я купца, встали мои коняги и ни съ мѣста, ужъ намаялся я. Думалъ, такъ и не вылѣземъ.

Мы пріѣхали на станцію не задолго до поѣзда. У кассы я встрѣтился съ начальникомъ станціи, съ которымъ только что познакомился наканунѣ. Въ рукахъ у него была телеграмма.

— Ну, какъ доѣхали?—спросилъ онъ меня.

— Страшная грязь!

— Да. Вотъ какъ-то проѣдетъ инспекторъ, не знаю. Сейчасъ получилъ телеграмму, проситъ приготовить тройку.

— Какой инспекторъ?—спросилъ я.

— Яковъ Ивановичъ Гвоздиковъ, инспекторъ народныхъ училищъ.

— Развѣ онъ ѣдетъ? Вѣдь онъ всегда послѣ Рождества ревизуетъ школы.

— Да это вѣрно,—промолвилъ начальникъ, подумавъ.—Я вотъ здѣсь третій годъ, въ эту пору онъ никогда не пріѣзжалъ. Вѣроятно, какое нибудь особенное дѣло.

— Куда же онъ ѣдетъ, въ Троицкое?

— Не могу сказать. Конечно, и Троицкое не минуетъ, а туда ли только или дальше—не знаю.

Нашъ поѣздъ пришелъ раньше того, на которомъ ѣхалъ инспекторъ. Мнѣ не пришлось встрѣтиться съ нимъ. Уже сидя въ вагонѣ, я невольно подумалъ: а вѣдь инспекторъ съ барономъ встрѣтятся! Какъ-то вывернется мой пріятель? Да, трудно служить многимъ господамъ. Тутъ и умѣнье, пожалуй, не всегда спасетъ. Конечно, Илазьеву съ его девизомъ жить легче, чѣмъ тому, который не можетъ съ легкимъ сердцемъ быть актеромъ въ постоянной житейской комедіи. А все-таки и ему не легко!

А. Кругловъ.

ОДИНЪ ИЗЪ КАВКАЗСКИХЪ ГЕРОЕВЪ.

ДЕСЯТАГО декабря, текущаго года, исполнится 50 лѣтъ со дня смерти одного изъ славныхъ дѣятелей покоренія Кавказа, генералъ-майора Николая Павловича Слѣпцова, павшаго въ сраженіи съ горцами на правомъ берегу р. Гехи, у аула Шалажи. Много за эти полъ-вѣка было помѣщено статей и воспоминаній, въ военныхъ и историческихъ журналахъ, о дѣятельности этого героя, посвятившаго военному дѣлу всю свою жизнь и отдавшаго ее столь рано во славу русскаго оружія; но и по настоящее время есть еще соратники и очевидцы его боевой жизни, полные любви къ покойному и принявшіе на себя трудъ возстановленія его памяти.

Имѣя въ виду подѣлиться этими новыми, не бывшими еще въ печати, воспоминаніями, мы приводимъ, предварительно, краткія біографическія свѣдѣнія о Слѣпцовѣ.

Призваніе къ военной службѣ проявилось въ немъ еще въ юности. Обучаясь въ Горномъ институтѣ, гдѣ проходились и военныя науки, Слѣпцовъ выдѣлялся между воспитанниками по всѣмъ военнымъ наукамъ и строевымъ занятіямъ и въ особенности по фехтованію, удостоиваясь при состязаніяхъ награжденіемъ самыхъ первыхъ призовъ. Проходя курсъ спеціальнаго заведенія и оказывая полные успѣхи во всѣхъ наукахъ, Слѣпцовъ не считалъ себя удовлетвореннымъ и все время просилъ отца о переводѣ его въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Обремененный семей-

ствомъ, отецъ его долго не рѣшался исполнить просьбу сына и только по общему ходатайству всѣхъ родныхъ, послѣ шестилѣтнихъ просьбъ, далъ на это свое согласіе. Получивъ столь желанное согласіе, 26 мая 1834 года, Слѣпцовъ написалъ своему отцу слѣдующее письмо:

«Я началъ письмо мое вступленіемъ о затрудненіяхъ предстоящаго экзамена не для того, чтобы возвысить въ глазахъ вашихъ цѣну заботъ моихъ, но отъ искренности и чистоты души, и потому еще, что это весьма важно въ теперешнемъ моемъ положеніи. Не думайте также, любезнѣйшій батюшка, чтобъ я раскаивался въ своемъ желаніи и предпріятіи. Боже, меня сохрани отъ такой мысли! Я никогда не допущу этого! Чѣмъ затруднительнѣе опредѣленная собственнымъ моимъ побужденіемъ цѣль, тѣмъ радостнѣе будетъ для меня достиженіе ея! Теперь же я смѣю только надѣяться, позволю даже себѣ быть увѣреннымъ, но отчаиваться—никогда! Постыдно и безбожно было бы мнѣ не чувствовать родительскихъ заботъ вашихъ; я понимаю ихъ и цѣню, какъ велитъ долгъ мой! Благословляю Творца, что Онъ по благости своей не судилъ еще до сихъ поръ заслужить отъ васъ упрека въ моемъ стараніи. Будучи осьмнадцати лѣтъ, я, сколько чувствую и сознаю себя, надѣюсь, что не допущу васъ въ немъ усомниться, и, если позволите сказать прямо, откровенно думаю, что заботы ваши упали на несовсѣмъ безплодную почву, но рано или поздно должны принести плоды (по силамъ моимъ), болѣе или менѣе для васъ утѣшительные. Чувства мои не должны быть для васъ закрыты, по законамъ Бога и природы я долженъ держаться передъ вами только одного: что на душѣ, то и на языкѣ. Я былъ бы слишкомъ безчувственъ, слишкомъ неблагодаренъ, если бы когда либо осмѣлился не быть увѣреннымъ составить ваше утѣшеніе. Молю только Бога, да продлитъ онъ дни ваши на радость и счастье! Батюшка! Я очарованъ истиннымъ назначеніемъ военнаго званія, я ставлю его выше всѣхъ другихъ понятій. Всѣ мои желанія, всѣ усилія стремятся къ тому, чтобъ вступить на это высокое, славное поприще и быть его достойнымъ. Я просилъ, умолялъ васъ, такъ сказать, вырвалъ у васъ согласіе, и теперь у меня нѣтъ и не должно быть ни другой мысли, ни другихъ заботъ, кромѣ тѣхъ, чтобы заботиться о вашихъ радостяхъ и оправдать доброе участіе родныхъ. Вы рѣшились—и для меня нѣтъ препятствій! Предо мной обширное поле къ блаженству. Теперь я забываю превратность судьбы; мнѣ кажется, что я счастливъ навсегда, навѣки; по крайней мѣрѣ, въ эти минуты—совершенно!».

Во время своего пребыванія въ школѣ подпрапорщиковъ Слѣпцовъ числился въ лейбъ-гвардіи Литовскомъ полку и въ 1836 году, пробывъ въ школѣ 2 года, изъ фельдфебелей былъ произведенъ въ прапорщики въ тотъ же полкъ. Но служба въ рядахъ гвардіи

въ то время, когда не предвидѣлось для нея участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, была не по сердцу Слѣпцову, и черезъ 4 года онъ переводится по собственному желанію въ Нижегородскій драгунскій полкъ, квартировавшій и тогда, какъ и теперь, на Кавказѣ. Осенью же 1840 года начинается боевая дѣятельность будущаго героя. Въ продолженіе 5 лѣтъ онъ въ чинахъ оберъ-офицерскихъ участвуетъ въ 30 боевыхъ дѣлахъ съ горцами и за отличіе, 19 января 1845 года, произведенный въ чинъ майора, назначается командиромъ 1-го сунженскаго линейнаго казачьяго полка.

Принятіе имъ этого полка сопровождалось отдачею имъ слѣдующаго приказа, въ которомъ ярко отражается характеръ Слѣпцова, и видны не только воинскія его качества, но и душевныя и нравственныя, какъ человѣка.

«Высочайшимъ приказомъ въ 19 день января 1845 года назначенъ я командиромъ 1-го Сунженскаго линейнаго казачьяго полка. Обязанность моя—заботиться о благосостояніи вашемъ, и я приступаю къ трудному долгу своему съ удовольствіемъ. Желаніе государя и правительства, чтобы вы на новой линіи были твердымъ оплотомъ для защиты дарованныхъ вамъ земель, вашего имущества и семействъ противъ хищниковъ. Милостью царя вамъ даны вспомоществованія и преимущества. Чувствуйте благодѣяніе монарха и попеченіе начальниковъ.

«Вѣра въ Бога и повиновеніе властямъ земнымъ есть первый залогъ отваги и силы. Понимайте долгъ христіанскій, исполняйте его по присягѣ, и вы превзойдете старыхъ одностаничниковъ вашихъ, оправдаете надежду царя и начальниковъ.

«Молодечествомъ казакъ щеголяетъ, удальство въ крови его, оружіе и конь срослись съ нимъ. Новобранцы, берите примѣръ съ опытныхъ, и будемъ единодушно отстаивать собственность вашу твердо и мужественно. Не обманывайте себя заранѣе ложною силою непріятеля; вы будете имѣть борьбу съ народомъ, на которомъ лежитъ клеймо Божьяго гнѣва и презрѣнія, съ бродягами, попирающими земные дары, промѣнявшими честный трудъ на грабежи и мошенничество. Они сильны тогда только, когда нападаютъ на слабаго, а вы всегда сильны вѣрой, славой имени русскаго и славой казацкою съ давнихъ временъ.

«Будьте же достойны званія казака по долгу христіанскому, вѣрности присягѣ, доблести, мужеству, удальству, повиновенію старшимъ, ловкости и расторопности. Тогда будете имѣть успѣхъ въ хозяйствѣ, и дни ваши процвѣтутъ изобиліемъ и богатствомъ. Земля ваша имѣетъ всѣ способы къ тому, и вы сами ее уже оцѣнили.

«Нѣтъ врага кресту нашему, мы водрузимъ знаменіе Спасителя вездѣ, гдѣ укажетъ намъ Богъ перстомъ Царя. Долгъ нашъ—оружіемъ утверждаться здѣсь, на новыхъ мѣстахъ поселеній, и мы

обязаны исполнить этотъ священный долгъ съ горячимъ усердіемъ, славно, честно, неутомимо.

«Кто не признаетъ истины въ словахъ моихъ, тотъ врагъ закону Божію, врагъ порядку и собственной пользѣ, тому судъ небесный, а на землѣ нѣтъ мѣры наказанія. Считаю обязанностью по званію моему и считаю долгомъ пріятнымъ жертвовать собою для пользы вашей; вы это узнаете послѣ. Отъ васъ же требую я усерднаго исполненія по закону и словамъ моимъ. Мой долгъ также соблюдать и ограждать права ваши: всякій, обиженный и не удовлетворенный кѣмъ бы то ни было и въ чемъ бы то ни было, можетъ прійти ко мнѣ во всякое время съ жалобой, лишь бы она была законна и справедлива. Объявляю вамъ также, что я буду каждый мѣсяцъ постоянно опрашивать претензіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предваряю, что изслѣдованія мои по жалобамъ будутъ самыя строгія, и съ виновныхъ будетъ взыскиваться по законамъ примѣрно. Всѣ бумаги, при которыхъ будутъ получаться для васъ деньги отъ правительства или другія вспомоществованія, поставляю правиломъ обнародовать отъ слова до слова на сходкахъ, какъ я уже дѣлалъ доселѣ.

«Высочайше одобренныя правила уже были не разъ обнародованы мною вамъ ко всеобщему свѣдѣнію. Отъ васъ зависитъ, чтобы довольство сопровождало дни ваши; исполняющій долгъ свой будетъ веселиться; веселье честной души радуетъ сердце начальника, а жить будемъ весело тогда, когда вы уразумѣете свое дѣло по долгу присягѣ и словамъ моимъ. Въ томъ я вамъ порукою».

Всѣ слова своего приказа Слѣпцовъ выполнилъ съ точностью. Основанная имъ Сунженская линія и ея станицы достигли полнаго благоустройства и процвѣтанія, а сунженцы сдѣлались грозой горцевъ и неоднократно разбивали самого Шамиля и его наибовъ. Въ теченіе пяти лѣтъ, Слѣпцовъ за свою выдающуюся храбрость и военныя доблести получилъ въ числѣ нѣсколькихъ орденовъ орденъ св. Георгія 4 ст., золотую саблю и въ 1850 г., 34 лѣтъ отъ роду, произведенъ въ генералъ-майоры. Къ сожалѣнію, въ слѣдующемъ году онъ палъ геройской смертью въ бою при рѣкѣ Гехи.

По словамъ участниковъ этого дѣла, полковника Прокопова и урядниковъ: Якова Мелихова, Архипа Крапивина и Самуила Монатенко, бой этотъ описанъ былъ пять лѣтъ тому назадъ, въ 1897 г., сотникомъ Фроловымъ въ № 27 «Терскихъ Вѣдомостей». Цѣль боя была прорубить просѣку, необходимую для обороны уже замирившагося аула Шалажи, при чемъ начальникъ отряда, генералъ Слѣпцовъ, имѣлъ также въ виду, при первой къ тому возможности, непремѣнно отнять у непріятеля орудіе, очень безпокоившее наши войска, стоявшія на лѣвомъ берегу р. Гехи.

Отрядъ состоялъ изъ Навагинскаго пѣхотнаго полка, 2 баталіоновъ тенгинцевъ, 6 сотенъ 1-го Сунженскаго линейнаго казачьяго полка, 4-хъ пѣшихъ орудій, саперной роты и ракетной команды.

Отрядъ, расположенный лагеремъ на лѣвомъ берегу рѣки, семь дней прорубалъ просѣку. 7-го или 8-го декабря, генералъ Слѣпцовъ ѣздилъ въ укрѣпленіе Урусъ-Мартановское; въ это время чеченцы вывозили свое орудіе и стрѣляли по лагерю и войскамъ, рубившимъ лѣсъ. По пріѣздѣ генерала, лазутчики увѣдомили, что непріятель намѣревается большими силами напасть на лагерь и помѣшать проложенію просѣки.

Н. П. Слѣпцовъ, руководствуясь этими сообщеніями, а главное потерявъ всякое терпѣніе видѣть передъ своими глазами непріятельское орудіе, рѣшилъ его непремѣнно взять. Для этого 9-го декабря, въ 9 час. вечера, Н. П. созвалъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшено было до наступленія разсвѣта послать въ обходъ охотниковъ, назначеніе которыхъ должно было заключаться въ томъ, чтобы по первому выстрѣлу изъ непріятельскаго орудія зайти въ тылъ чеченцамъ и такимъ образомъ отрѣзать имъ путь къ отступленію. Въ охотники вышли 3 казачьи сотни подъ начальствомъ войскового старшины, В. С. Предимирова, и пѣхотинцы съ полковникомъ Каревымъ; главнымъ же силамъ съ остальными сотнями казаковъ приказано было прямо ударить во фронтъ врагу, переправившись черезъ рѣку, при чемъ баталіону подполковника Лухомскаго штурмовать завалы. По свидѣтельству участниковъ, завалы были сооружены чеченцами изъ срубленныхъ гигантскихъ стволовъ чинаръ, переброшенныхъ безъ всякаго систематическаго порядка. Это обстоятельство страшно мѣшало казакамъ свободно дѣйствовать, затрудняло даже движеніе пѣхоты и, наоборотъ, защищало непріятеля отъ страшнаго дѣйствія огня наступавшаго отряда.

Въ воскресенье, 10-го числа, выдался сѣренькій денекъ. Зимы не было въ 1851 г., и въ описываемое время цвѣлъ даже терновникъ. До 10 час. утра было все спокойно, пѣхота не рубила просѣки вслѣдствіе праздника. Генералъ же былъ крайне нервенъ, все время справлялся объ охотникахъ, выступившихъ ночью, ворчалъ на долгое молчаніе непріятельскаго орудія и видимо жаждалъ боя. «Ужъ такъ опротивѣла ему пушка»,—выражается урядникъ Мелиховъ. Наконецъ, въ началѣ третьяго часа дня, раздался первый выстрѣлъ изъ орудія чеченцевъ, зловѣщій сигналъ къ общему наступленію. Въ одно мгновеніе, Н. П. Слѣпцовъ со своимъ дежурствомъ очутился на непріятельскомъ берегу, и его бѣлый конь уже гарцовалъ впереди; за нимъ стремглавъ, въ безпорядкѣ, неслись любимыя сотни, одна за другой, лишь только сотенные значки указывали мѣсто ихъ нахожденія. Пѣхота съ подполковни-

Смерть Слѣпцова. (Съ картины, находящейся въ Зимнемъ дворцѣ).

комъ Лухомскимъ стройно прошла за казаками. Стремительность генерала, желаніе наскочить съ быстротой молніи, поразить и оглушить врага—были отличительной его тактикой; всѣ это знали, и никто никогда не отставалъ. Такова была уже «закваска Слѣпцовская».

Здѣсь надо обратить вниманіе на одно обстоятельство, послужившее большой ошибкой въ дѣлѣ. Непріятель обыкновенно свое орудіе вывозилъ почти противъ нашего лагеря. Въ этотъ же день почему-то орудіе было не довезено до обыкновеннаго своего пункта, а поставлено далеко вправо. Такимъ образомъ, не зная этого, охотники и главная колонна прошли неожиданно лишнее пространство. Непріятель, увидавъ внезапный и рѣшительный натискъ, быстро увезъ орудіе; «мы его и не видали съ тѣхъ поръ, и неизвѣстно, куда чеченцы его скрыли»,—говоритъ полковникъ Прокоповъ. Когда сотни доскакали до заваловъ, непріятель уже отступалъ; слѣва слышалось звонкое «ура» охотниковъ и ружейная пальба, направленная на наткнувшагося на нашихъ охотниковъ непріятеля. Н. П. Слѣпцовъ кинулся съ однимъ казакомъ Яковомъ Мелиховымъ по направленію выстрѣловъ, желая лично убѣдиться, что это за перестрѣлка. Освѣдомившись, генералъ вернулся обратно къ заваламъ, къ которымъ подходилъ батальонъ подполковника Лухомскаго. Слѣпцовъ приказалъ ему занимать ихъ, а самъ отправился къ сотнямъ. Въ это время, по словамъ очевидцевъ, у нихъ шла отчаянная рукопашная схватка. Картина была ужасная: казаки смѣшались съ чеченцами; послѣдніе были въ овчинныхъ теплыхъ бешметахъ и шныряли между казаками, снимая бешметы, надѣтые поверхъ черкесокъ; такимъ образомъ, чеченцы, явившись въ черкескахъ, мало отличались отъ казаковъ, имѣвшихъ одинаковый костюмъ съ ними, а потому приходилось дѣйствовать, лишь столкнувшись съ врагомъ лицомъ къ лицу.

Видя, что дѣло идетъ успѣшно, и непріятель отступаетъ, Слѣпцовъ поскакалъ къ навагинцамъ и началъ торопить пѣхоту итти черезъ завалы, сильно затруднявшіе движеніе. «Сейчасъ, ваше превосходительство!»—былъ отвѣтъ подполковника Лукомскаго. Въ этотъ моментъ впереди заваловъ не было видно непріятеля; генералъ подскочилъ къ завалу. Его бѣлый кабардинецъ былъ виденъ, разсказываетъ Мелиховъ, въ 15 саженяхъ у завала. На Н. П. было пальто распахнутое, темнаго цвѣта, виднѣлась сѣрая черкеска, и мелькалъ красный верхъ папахи. Вдругъ Мелихову показалось, что конь рванулся въ сторону, и сѣдокъ покачнувшись какъ будто склонился. Инстинктивно бравый казакъ, подбодривъ коня нагайкой, очутился около командира. Лицо генерала покрылось смертной блѣдностью, глаза закрылись, лѣвая рука была опущена внизъ. Тотчасъ Мелиховъ, соскочивъ съ сѣдла, принялъ обожаемаго генерала на руки. Послѣдній не промолвилъ ни единаго слова. Ме-

Памятникъ надъ могилой Слѣпцова въ Слѣпцовской станицѣ.

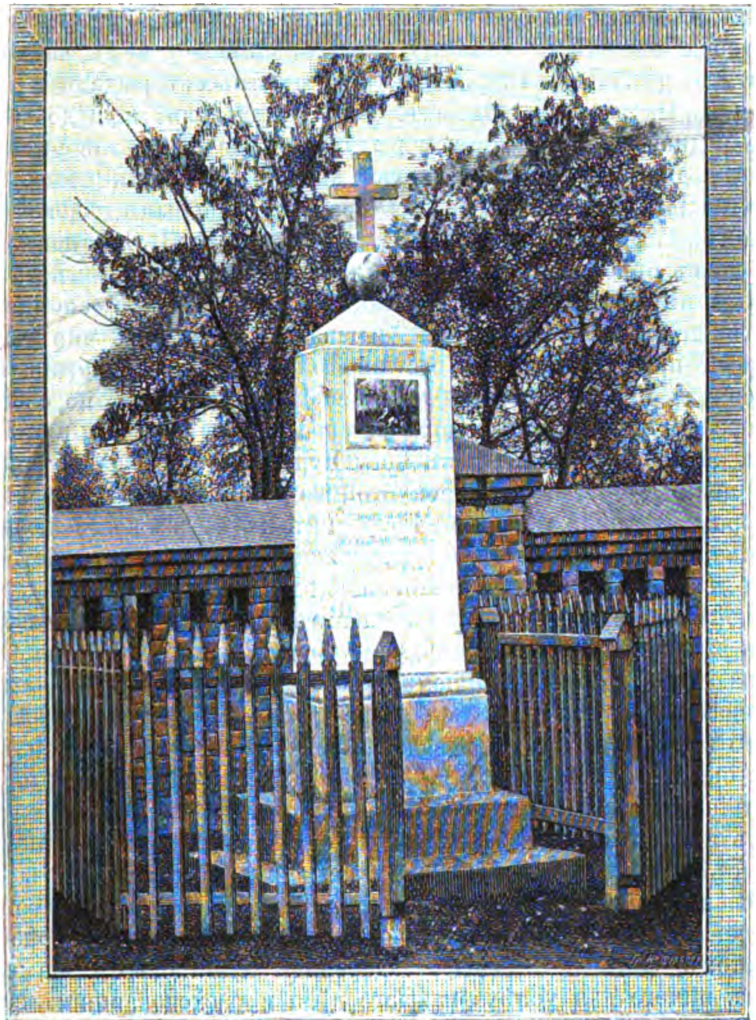
лиховъ крикнулъ: «Дежурство сюда, бросай завалъ, командиръ раненъ!» Тотчасъ нѣсколько казаковъ очутилось около раненаго. Никто не зналъ о случившемся, лихой же полкъ продолжалъ рубить чеченцевъ далеко отъ мѣста происшествія. Казаки понесли дорогого раненаго къ рѣкѣ, и лишь дорогою, на минуту очнувшись, Слѣпцовъ прошепталъ: «несите меня, братцы, я не хочу здѣсь умирать!» Въ это время подъѣхалъ докторъ Лужинскій.

По увѣренію Якова Мелихова, докторъ не осматривалъ раны, какъ объ этомъ писали, да и сомнительно, чтобъ Слѣпцовъ это

позволилъ сдѣлать. На пути къ ставкѣ Н. П. Слѣпцовъ снова, открывъ глаза, спросилъ: «отбита ли пушка?» Ему отвѣтили отрицательно. «Ахъ, жаль, очень жаль!..»—проговорилъ герой. Никакихъ распоряженій, по свидѣтельству Мелихова, генералъ не дѣлалъ, онъ всегда до начала каждаго сраженія назначалъ, на случай своей смерти или раны, старшаго. На этотъ разъ онъ приказалъ полковнику Кареву быть его замѣстителемъ.

Генералъ быстро ослабѣвалъ, поминутно впадалъ въ забытье; вслѣдствіе этого д-ръ Лужинскій часто подносилъ какой-то пузырекъ къ носу, и раненый, открывая глаза, дѣлался бодрѣе. Въ третій разъ Н. П. спрашивалъ про пушку и все жалѣлъ, что ея не отбили. Въ ста саженяхъ отъ рѣки раненый попросилъ пить: «дайте воды»... Мелиховъ вынулъ баклажку, всегда имѣвшуюся у казаковъ, назначавшихся на дежурство къ генералу. Напившись, Н. П. сказалъ: «Несите меня, братцы, я васъ всѣхъ записалъ въ свое завѣщаніе. Жаль, очень жаль, что не отбили пушки»... Это были послѣднія слова героя, послѣ чего началась предсмертная агонія; генералъ, впавъ въ забытье, больше уже не говорилъ. Начали спускаться къ переправѣ. Въ 25 саженяхъ отъ рѣки видны были усилія раненаго что-то сказать, но силъ не хватило, глаза открылись, но это былъ уже не тотъ знаменитый орлиный, острый взглядъ, заставлявшій каждаго трепетать!.. Лишь только вступили казаки въ воду рѣки, Н. П. Слѣпцовъ вздохнулъ, и голова его склонилась на бокъ: отошелъ въ вѣчность тотъ, при имени котораго трепетала вся Чечня. Тихо, благоговѣйно казаки донесли тѣло отца-командира своего до лагеря; по суровымъ, загорѣлымъ лицамъ ихъ пробѣгали крупныя слезы, да горькая, щемящая душу кровавая обида захватывала дыханіе: каждому изъ этихъ честныхъ, преданныхъ героевъ хотѣлось отдать свою жизнь, лишь бы воскресить батюшку командира, послѣдній вздохъ котораго былъ за Русь и за царя!..

Тѣло перенесли въ лагерь и положили въ палаткѣ. Въ 5 час. дня вернулись войска. Не поддается никакому описанію безпредѣльное горе отряда отъ казака и солдата до офицера. Буквально навзрыдъ рыдалъ весь отрядъ. 11-го числа утромъ войска продолжали рубить просѣку; войсковой старшина Предимировъ съ тремя сотнями повезъ дорогое тѣло въ Ачхой, Ассинскую и далѣе въ ст. Сунженскую, исполняя волю покойнаго: «желаю быть неразлучно съ моими сунженцами». Въ аулѣ Ачхой прахъ былъ положенъ въ гробъ, обитый чернымъ бархатомъ съ серебромъ; знаменитому бѣлому кабардинцу сшита черная попона. Жители станицы Ассинской всѣ вышли на 1/2 пути встрѣчать прахъ скончавшагося основателя своей станицы. Всѣ горько, неутѣшно рыдали... Шествіе приблизилось къ Сунженской станицѣ. «Трудно выразить, что происходило», говорятъ урядникъ Архипъ Крапивинъ, Яковъ Мелиховъ



Памятникъ Слѣпцову въ Троицкой станицѣ.

и другіе. «Дѣтей подносили къ гробу; жены и дѣвчата громко рыдали; по дорогѣ разстилали шали и платки. Вся станица была на лицо, рыданія превратились въ зловѣщій гулъ, кругомъ стоялъ стонъ не описуемый!.. Станица рыдая стонала... укоряла полкъ, не сумѣвшій сберечь драгоцѣнную жизнь дорогого батюшки, отца кормильца, во славу отечества, царя-батюшки и своихъ незабвенныхъ сунженцевъ. Тѣло его пребывало 4 дня въ часовнѣ (церкви еще не было)».

При громѣ пушекъ и залповъ ружей опущенъ былъ прахъ въ склепъ. Родныхъ не было. Одинъ Яковъ-столѣтній старецъ, слуга Слѣпцова, жившій въ станицѣ и заботившійся о немъ, какъ мать о дитяти, да Ларька (Ларіонъ изъ крѣпостныхъ) рыдали у изголовья Н. П., замѣняя родныхъ. Вся Сунжа отъ мала до велика была родной Слѣпцову, и всѣ рыдали... даже конь, говоритъ Мелиховъ, двигался, опустивъ шею, какъ бы понимая общее горе, навсегда разставшись съ своимъ бравымъ, храбрымъ сѣдокомъ-хозяиномъ! Такъ закончилъ свои славные дни Н. П. Слѣпцовъ, вѣрный долгу присяги и своему казацкому слову! Объ этомъ же боѣ имѣютъ интересъ, еще не появлявшіяся въ печати, воспоминанія соратника Николая Павловича, бывшаго въ нижнемъ чинѣ ординарцемъ при немъ, нынѣ отставного полковника Мартина Григорьевича Афонасова. Предчувствіе близкой смерти, по словамъ Афонасова, явилось у Слѣпцова за полъ-года до сраженія при Гехи, когда онъ, будучи раненъ въ ногу пулею 15 іюня на Пурикоевской полянѣ, по лѣвую сторону той же рѣки, послѣ сдѣланной ему докторомъ удачной операціи, попросилъ къ себѣ своего любимца старика Якова Михайловича (управляющій всѣмъ его хозяйствомъ, 70-ти-лѣтній старикъ, служившій еще дѣду Слѣпцова, бывшій у него дядькой) и приказалъ ему благословить себя иконой въ благодарность за исцѣленіе. Благословляя, старикъ Михайлычъ заплакалъ, говоря, что у него сильно щемитъ сердце, и что ему вѣрно больше не видать своего барина. Всю осень этого года Слѣпцовъ дѣйствительно замѣтно грустилъ, казался взволнованнымъ и удрученнымъ, какъ бы какимъ-то горемъ. Отрядъ въ это время стоялъ въ бездѣйствіи лагеремъ на той же лѣвой сторонѣ рѣки Гехи.

Въ началѣ декабря къ Слѣпцову стали являться лазутчики изъ горъ съ донесеніемъ, что по распоряженію Шамиля наибъ Дуба съ большимъ числомъ чеченцевъ долженъ напасть на наши войска, при чемъ при ихъ отрядѣ есть одно орудіе. Лазутчики доносили объ этомъ, какъ люди, щедро задаренные Слѣпцовымъ, не жалѣвшимъ ничего для успѣха каждаго дѣла и расходовавшимъ на это деньги даже изъ своихъ личныхъ средствъ. Освѣдомленный о семъ Слѣпцовъ, съ 9-го на 10-е декабря, не прилегъ всю ночь, занятый распоряженіями по предстоящей отправкѣ пѣшей колонны на правый берегъ подъ начальствомъ войскового старшины Предимирова, съ цѣлью отрѣзать при отступленіи непріятеля отъ близлежащаго аула. Все раннее утро 10-го декабря онъ лично распоряжался по расположенію на лѣвомъ берегу части владикавказскаго полка подъ начальствомъ полковника Шостака, выбравъ при этомъ хорошо видное непріятелемъ мѣсто, съ цѣлью заманить врага на этотъ отрядъ. Окончивъ всѣ эти распоряженія, самъ Слѣпцовъ съ небольшимъ отрядомъ казаковъ и частью пѣхоты сталъ въ укрытомъ мѣстѣ на правомъ берегу р. Гехи, имѣя намѣреніе при на-

паденіи непріятеля ударить ему во флангъ. Онъ былъ въ большомъ нетерпѣніи, ожидая съ 10 часовъ утра до 2-хъ часовъ дня выстрѣла со стороны непріятеля. Наконецъ, въ началѣ третьяго часа, раздался первый выстрѣлъ изъ непріятельскаго орудія. Генералъ быстро вскочилъ на лошадь, бросился къ кавалеріи и закричалъ ей: «на конь! на конь!» и поѣхалъ по правому берегу рѣки сперва рысью, а потомъ вскачь. Двѣ сотни неслись за нимъ на полномъ карьерѣ. Проскакавъ съ версту наша небольшая кучка всадниковъ была уже на одной высотѣ съ непріятельской колонной, находившейся на лѣвой сторонѣ рѣки. Генералъ, скакавшій впереди, закричалъ: «ура!» Окружавшіе его вынули шашки и, продолжая нестись во весь духъ, влетѣли на поляну, усѣянную рѣдкими деревьями. Тутъ-то и былъ непріятель, встрѣтившій нашихъ градомъ пуль, но неожиданное появленіе казаковъ испугало чеченцевъ, и они бросились вразсыпную бѣжать. Казаки догоняли и рубили бѣжавшихъ. Кавалерія, вся въ разсыпномъ строѣ, скакала впередъ, перепрыгивая черезъ срубленныя и поваленныя деревья, пока не была задержана огромными завалами, за которыми залегъ непріятель, открывъ учащенную стрѣльбу. Когда кавалерія остановилась передъ завалами, Слѣпцовъ послалъ приказаніе пѣхотѣ усилить маршъ, и когда подошелъ батальонъ навагинцевъ къ завалу, генералъ, надѣясь дружно атаковать непріятеля и отнять его пушку, повелъ всѣхъ на приступъ заваловъ. При немъ въ это время находились урядники Молыхинъ, Мелиховъ и я, Афонасовъ; остальные же казаки дежурства вели ожесточенную перестрѣлку съ разсыпавшимися по лѣсу чеченцами.

«Когда Молыхинъ и я,—разсказываетъ Афонасовъ,—подскакали къ завалу, составленному изъ очень толстыхъ деревьевъ, и вскочили на него, то замѣтили передъ собой шагахъ въ десяти, за очень старымъ и толстымъ чинаромъ, прятавшихся четырехъ чеченцевъ, изъ которыхъ одинъ, какъ сейчасъ помню, очень красивый, молодой, въ черной черкескѣ съ серебромъ, съ бѣлыми газырями и съ бѣлой чалмой на папахѣ, увидѣвъ насъ стоящими на завалѣ, смѣло сдѣлалъ шагъ въ сторону отъ дерева и, быстро прицѣлившись въ насъ, выстрѣлилъ изъ винтовки; пуля пролетѣла подъ моей лѣвой рукой, что заставило меня машинально повернуться влѣво, какъ бы за пулей, и увидѣть ужасную картину пораненія нашего общаго всѣми обожаемаго любимца, окончившагося его смертью. Слѣпцовъ схватился за грудь, и Мелиховъ, бросившійся къ нему, обхватилъ его съ боку рукою и сталъ поддерживать его падающее тѣло. Мелиховъ и Молыхинъ сняли его съ коня, а я вытащилъ находившуюся у моего сѣдла его собственную бурку, разложилъ ее на землю, и до прибытія врача онъ оставался въ нее завернутымъ. Осмотрѣвъ рану, докторъ покачалъ головой и на вопросъ присутствовавшаго при этомъ генеральнаго штаба капи-

тана Циммермана: «ну, что, какъ рана?» неосторожно отвѣтилъ довольно громко: «смертельная». Раненый услышалъ эти слова и сейчасъ же, обращаясь къ Циммерману, спросилъ: «а что пушку взяли?» и на отвѣтъ послѣдняго: «нѣтъ», онъ еще задалъ вопросъ: «есть ли прикрытіе?» на что ему всѣ отвѣтили: «есть». Тогда, обращаясь къ намъ, ординарцамъ, онъ сказалъ: «оберните меня обратно, я взгляну назадъ», и затѣмъ, когда это исполнили, онъ посмотрѣлъ на завалъ и сказалъ: «несите меня поскорѣй, я не хочу здѣсь умереть, и не плачьте—я все, что могъ, для васъ сдѣлалъ». Я въ то время, когда несли его, держалъ его лѣвую руку, а товарищъ мой, Кондратъ Отченешенковъ, правую, чтобы онъ не срывалъ отъ боли положенную докторомъ повязку. Дорогою, при переносѣ тѣла черезъ рѣку, я почувствовалъ, что рука его ослабѣла и похолодѣла, а глазами онъ продолжаетъ смотрѣть, но этотъ взглядъ уже былъ взглядъ мертвеца; онъ незамѣтно и тихо отошелъ въ жизнь вѣчную, безъ страданій и мученій; ни стона, ни крика не вырвалось изъ его устъ; онъ заснулъ тихо, и никто не примѣтилъ, какъ улетѣлъ отъ насъ могучій духъ обожаемаго вождя.

«На другой день смерти, мы доставили тѣло его въ Ачхой, гдѣ былъ воинскимъ начальникомъ подполковникъ Мезенцевъ, который устроилъ для нашего незабвеннаго героя парадные проводы на дрогахъ, съ пышнымъ балдахиномъ, при чемъ весь его полкъ провожалъ процессію до Сунженской (она теперь Слѣпцовская) станицы, гдѣ онъ и былъ погребенъ на станичномъ кладбищѣ. Потерю Слѣпцова оплакивали всѣ жители не только всѣхъ окрестныхъ станицъ, но жители всего Кавказа, а намѣстникъ Кавказа князь Воронцовъ, когда узналъ о смерти своего любимца Николы (какъ онъ его всегда называлъ), два часа ходилъ по кабинету, плача о незабвенномъ подчиненномъ, осуществившемъ его, князя, предначертанія созданіемъ Сунженскаго полка и Сунженской линіи».

Кромѣ свѣдѣній о послѣднемъ боевомъ подвигѣ Слѣпцова и его кончинѣ, Мартынъ Григорьевичъ Афонасовъ сообщилъ намъ также свѣдѣнія, рисующія Слѣпцова, какъ человѣка.

Будучи холостымъ, онъ былъ въ то же время какъ бы рѣдкимъ семьяниномъ, въ смыслѣ своихъ сердечныхъ и почтительныхъ отношеній къ отцу и всѣмъ роднымъ. Онъ питалъ къ нимъ самую горячую привязанность и величайшее почтеніе. Любилъ онъ вообще людей и въ особенности дѣтей окружавшихъ его станичныхъ жителей, любилъ такъ, какъ рѣдко можетъ любить человѣкъ близко родной.

Въ свободныя минуты отъ службы онъ отдавалъ себя въ распоряженіе станичныхъ подростковъ, устроивая съ ними игры и забавы. Любя страстно военное дѣло, онъ желалъ развить любовь и привычку къ нему и въ окружающей его молодежи. Испросивъ,

въ 1847 г., у намѣстника, князя Воронцова, разрѣшеніе взять четыре пушки, отбитыя имъ у непріятеля, для постановки ихъ въ Слѣпцовской и Троицкой станицахъ, по двѣ въ каждой, онъ организовалъ въ обѣихъ станицахъ военныя игры для подростковъ и, вооруживъ ихъ деревянными шашками, кинжалами и нагайками, каждый праздникъ производилъ съ ними военныя игры, какъ бы двухсторонніе маневры, самъ при этомъ садился на коня, указывалъ, какъ дѣйствовать, и, какъ бы руководя боемъ, увлекалъ всѣхъ въ минуты побѣдъ, какъ въ дѣйствительномъ бою, что, конечно, развивало у станичной молодежи любовь къ военному дѣлу и дало впослѣдствіи изъ нихъ многихъ истыхъ героевъ въ дальнѣйшихъ дѣлахъ по покоренію Кавказа.

Живущій также и понынѣ въ Слѣпцовской станицѣ, соратникъ Н. П. Слѣпцова, отставной войсковой старшина Родіонъ Севастьяновичъ Пузанковъ, любезно доставилъ намъ фотографическій снимокъ со второго памятника Слѣпцову, поставленнаго четыре года тому назадъ въ Троицкой станицѣ, по иниціативѣ также соратника Слѣпцова, полковника Прокопова (недавно лишь умершаго), на средства, собранныя сунженцами. Вспоминая о Н. П. Слѣпцовѣ, Пузанковъ также сообщилъ и нѣкоторыя черты изъ его жизни. Его любовь къ людямъ выразилась во время холеры, въ концѣ сороковыхъ годовъ.

Весь свой домъ Слѣпцовъ отдалъ въ полное распоряженіе заболѣвающихъ, при чемъ самъ оставался жить вмѣстѣ съ больными. Принявъ все продовольствіе больныхъ на свой счетъ, онъ лично все свое время отдавалъ уходу за ними; давалъ лѣкарство изъ своихъ рукъ, разносилъ пищу и, не досыпая ночей, дошелъ до крайняго утомленія. Во время этой эпидеміи самъ Слѣпцовъ два раза заболѣвалъ ею, заразившись, но, несмотря на это, онъ, какъ только начинало улучшаться состояніе его здоровья, вновь принимался за помощь страдающимъ своимъ ближнимъ. Вотъ гдѣ высказалась душа человѣка, храбраго воина, христіанина-человѣколюбца,—такъ заканчиваетъ это сообщеніе свое соратникъ героя и очевидецъ всего этого, старшина Пузанковъ.

Прилагая здѣсь лучшій изъ портретовъ Н. П. Слѣпцова [1]), приводимъ одно изъ самыхъ точныхъ описаній героя, взятое изъ книги «Кавказцы» Новоселова.

По этому описанію, Слѣпцовъ былъ средняго роста, худъ и сухъ. Блѣдное лицо его, покрытое загаромъ отъ солнца боевыхъ полей Чечни, было очень красиво. Строгій, благородный очеркъ, орлиный носъ, густые, короткіе усы, маленькія бакенбарды, обходившія кругомъ лица, и черные глаза, которыхъ обыкновенное выраженіе было мягкое и ласковое, но которые въ минуту оду-

---

[1]) Копія съ находящагося въ Тифлисскомъ музеѣ.

шевленія и гнѣва сверкали, какъ угли, составляли въ цѣломъ одну изъ тѣхъ физіономій, которыя нельзя забыть, видѣвъ ихъ хотя одинъ разъ. Волосы его были густые, курчавые и черные, какъ смоль, но въ нихъ начинало уже пробиваться серебро сѣдинъ. Движенія и жесты Слѣпцова были рѣзки; ходилъ онъ быстро, говорилъ скоро; когда находился въ волненіи, то немного заикался. Голосъ его былъ пріятенъ и имѣлъ особенный тонъ; въ минуты же гнѣва и раздраженія дѣлался необыкновенно звонкимъ и крикливымъ. Выражался онъ просто, не стараясь отыскивать и придумывать фразъ, говорить красно и высокопарно. Въ разговорѣ любилъ употреблять уменьшительныя слова. Слѣпцовъ былъ пылокъ, имѣлъ самую огненную натуру, но былъ добръ и щедръ. Чрезвычайно раздражительный, онъ вспыхивалъ, какъ порохъ, но скоро остывалъ. Когда что нибудь исполнялось противъ его приказаній, и этимъ нарушались его распоряженія, онъ приходилъ въ совершенную ярость, кричалъ пронзительно. Но этотъ взрывъ страсти скоро проходилъ, и онъ иногда (если былъ не правъ) спѣшилъ извиниться предъ тѣмъ, на кого излился его гнѣвъ. Были примѣры, что онъ передъ всѣми просилъ прощенія у простыхъ казаковъ. Никто изъ тѣхъ, которые подверглись его справедливому гнѣву, не чувствовалъ себя оскорбленнымъ. Преобладающее военное качество въ Слѣпцовѣ было отвага безоглядная. Онъ былъ храбръ, какъ рыцари въ романахъ, какъ паладины среднихъ вѣковъ. Не было преграды, которая бы его остановила; опасности, которой бы онъ устрашился; предпріятія военнаго, которое бы счелъ неисполнимымъ. Хотя онъ не отличался особенною физическою крѣпостью, но энергія души его все превозмогала; онъ былъ неутомимъ, способенъ переносить всѣ труды и лишенія, чтобы достигнуть своей цѣли.

Въ пылу боя Слѣпцовъ себя не щадилъ нисколько и никогда не видѣлъ опасности, не замѣчалъ пуль, летавшихъ кругомъ его. Имѣя всегда горячее желаніе пасть на полѣ ратномъ, онъ пугался самой мысли о смерти на постели, отъ болѣзни. Бывъ готовъ умереть каждую минуту, Слѣпцовъ выбралъ могилу себѣ самъ въ Сунженской станицѣ, подлѣ убитаго своего племянника. Ведя съ непокорными чеченцами открытую, рыцарскую войну, онъ въ то же время любилъ этотъ народъ и много заботился объ устройствѣ благосостоянія тѣхъ, которые переселились къ намъ, и съ плѣнными обходился кротко. Слѣпцовъ былъ также рѣдкій семьянинъ: къ своему престарѣлому отцу онъ питалъ особенную горячую привязанность и глубочайшее почтеніе. Въ іюнѣ 1848 года, почтенный старецъ скончался и былъ похороненъ въ отдаленной деревнѣ. Осенью того же года въ этой деревнѣ вдругъ неожиданно явился штабъ-офицеръ и попросилъ къ себѣ священника. Это былъ Слѣпцовъ: прямо съ Сунжи, лишь только позволили ему служебныя дѣла, онъ

пріѣхалъ поклониться милому праху на свѣжей могилѣ. Въ уединеніи отъ всѣхъ, онъ долго и усердно молился, говѣлъ тамъ и причастился святыхъ тайнъ; потомъ уже отправился на свиданіе съ родными. Родственность его, согрѣтая истиннымъ дружествомъ, была самая преданная; не было просьбы, въ которой онъ отказалъ бы роднымъ; этого мало, онъ самъ напрашивался на все, что только отъ него зависѣло. Всѣхъ бѣдныхъ, всякаго званія земляковъ, служившихъ на Кавказѣ или искавшихъ случая поступить чрезъ ходатайство его въ службу, онъ ласкалъ, какъ людей, близкихъ себѣ, и имѣлъ о нихъ особенное попеченіе; многихъ содержалъ на свой счетъ.

Искусственнаго въ Слѣпцовѣ ничего не было. Скромность, при всей уже его извѣстности, доходила до того, что онъ слова въ письмахъ и въ разговорахъ съ нимъ, невольно иногда вырывавшіяся отъ удивленія къ нему, принималъ не иначе, какъ за лесть. Онъ былъ чрезвычайно ласковъ и привѣтливъ. Задумчивость въ присутствіи Слѣпцова всегда заставляла его сомнѣваться въ томъ, довольны ли имъ, и онъ немедленно старался развлечь окружающихъ и разсѣять свое сомнѣніе; самъ же задумывался часто. Онъ любилъ во всемъ порядокъ, стройность, чистоту, цѣнилъ выше всего откровенность, прямоту, добросердечіе; человѣка каверзнаго гнушался. Ложь и притворство были ему незнакомы и недоступны. Мстительности никогда не допускалъ. Незадолго передъ его кончиной, по его назначенію, были розданы отъ неизвѣстнаго довольно значительныя денежныя пособія тѣмъ, которые по одному случаю были причиною его большого горя, перенесеннаго имъ съ твердостью, какъ испытаніе свыше. Въ то же время Николай Павловичъ имѣлъ всѣ типическія свойства русскаго человѣка: былъ гостепріименъ, радушенъ, хлѣбосолъ. Домъ его и карманъ были открыты для всѣхъ. Для пользы общей и служебныхъ обязанностей онъ не щадилъ ничего, и не на словахъ, а на дѣлѣ все состояніе съ жизнью своею повергнулъ на алтарь отечества. Это былъ Баярдъ Кавказской арміи, рыцарь безъ страха и упрека. Въ Слѣпцовѣ было что-то магическое, волшебное: такъ онъ умѣлъ очаровывать, привязывать къ себѣ, возбуждать фанатическую преданность. Одинъ казачій офицеръ, человѣкъ образованный, одинъ изъ преданѣйшихъ ему людей, сказалъ черезъ нѣсколько дней послѣ его смерти: «Я былъ вѣренъ и преданъ ему, какъ лягавая собака господину; я поклонялся ему, какъ дикій поклоняется солнцу». Но у Слѣпцова были свои странности. Напримѣръ, онъ, воинъ столь отважный и смѣлый, прославившійся своимъ безстрашіемъ на Кавказѣ, гдѣ такъ много неустрашимыхъ людей, боялся различныхъ насѣкомыхъ и пресмыкающихся. Когда онъ увидитъ бывало гадину, то сейчасъ измѣнится въ лицѣ.

Въ станицѣ Самашки много ядовитыхъ пауковъ; онъ не любилъ тамъ бывать и говаривалъ: «тамъ паучки есть!»

Когда онъ пріѣзжалъ туда и сидѣлъ у станичнаго начальника, то всегда осматривался: ему казалось, что по немъ ползаютъ пауки. Къ сверчкамъ въ особенности имѣлъ онъ страшное отвращеніе.

Сунженскій полкъ и Сунженская линія созданы имъ въ осуществленіе предначертаній князя Воронцова. Слѣпцовъ былъ вѣрный и точный исполнитель воли этого намѣстника.

Всѣ станицы на Сунжѣ построены имъ. Въ первые годы устройства линіи тревоги въ ней были безпрестанныя. Чеченцы часто дѣлали набѣги, и Слѣпцовъ съ своими казаками не зналъ покоя. Бывало раздается пушечный выстрѣлъ, возвѣщающій появленіе непріятельской партіи: на линіи тревога, казаки поспѣшно вооружаются, садятся на коней и скачутъ изъ станицъ на сборный пунктъ. Слѣпцовъ ведетъ ихъ отбивать скотъ, отогнанный непріятелемъ, преслѣдовать чеченцевъ или отрѣзать имъ путь отступленія и истребить. Послѣ удачнаго дѣла летучій отрядъ возвращается на линію. Пѣсни гремятъ въ рядахъ казаковъ; они ѣдутъ, неся отбитое оружіе, значки, ведутъ немногихъ плѣнныхъ, а за ними кони, бранные товарищи, везутъ перекинутыя черезъ сѣдла тѣла убитыхъ казаковъ. Вѣсть о дѣлѣ прилетаетъ въ станицу; разсказываютъ, кто убитъ, кто раненъ. Толпа собирается для встрѣчи у воротъ. При восклицаніяхъ ея побѣдитель въѣзжаетъ въ станицу. Но радость торжества нарушается печальною сценою. Съ воплемъ бросаются на встрѣчу вождю жены и дѣти убитыхъ. Онъ кидаетъ имъ деньги, даетъ семьѣ убитаго казака 100—150 рублей серебромъ, обезпечиваетъ ихъ будущность. Столь благороднымъ образомъ прожилъ онъ все свое состояніе. Вотъ отчего любили его такъ казаки, и отчего еще и до сихъ поръ скорбятъ по немъ ихъ внуки. Казаки и татары (милиціонеры) и понынѣ поютъ пѣсни и славятъ добродѣтели покойнаго, его отвагу, его безстрашіе, его щедрость, его великодушіе. Память о Слѣпцовѣ всегда сохранится на Сунжѣ, среди населенія, имъ водвореннаго, въ землѣ, которую онъ покорилъ русскому скипетру, отнимая ее у враговъ, шагъ за шагомъ, наводя на нихъ ужасъ своимъ смѣлымъ набѣгомъ и повторяя ударъ за ударомъ. Имя его, воспѣтое въ казачьихъ пѣсняхъ, не будетъ забыто потомствомъ; онъ сдѣлался любимымъ героемъ сказаній и легендъ этого края. Дѣти нынѣшнихъ казаковъ поютъ и теперь боевую пѣснь Сунженскаго полка:

> «Стая на небѣ орловъ
> Тучу разсѣкаетъ,
> На чеченцевъ нашъ Слѣпцовъ
> Съ Сунжей налетаетъ!»

Любовь къ Слѣпцову питали не одни казаки, но и всѣ войска, почему либо его знавшія; память о немъ навсегда сохраняется и въ полкахъ, находившихся временно подъ его командою.

Весною 1851 года, т. е. въ послѣдній годъ жизни Слѣпцова, первый баталіонъ Эриванскаго его императорскаго высочества наслѣдника цесаревича (нынѣ лейбъ-гренадерскій Эриванскій его величества) полка, по волѣ князя Воронцова, отправленъ былъ изъ Грузіи въ Чечню, для участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Путь предстоялъ дальній, край былъ мало кому извѣстенъ, но карабинеры шли радостно, какъ бы на веселый пиръ. Незадолго до того государь императоръ Николай Павловичъ украсилъ полкъ августѣйшимъ именемъ въ Бозѣ почивающаго императора Александра II, и всѣ горѣли желаніемъ въ кровавомъ бою отпраздновать милость царскую. Гдѣ же найти было болѣе раздолья для праздника, какъ не на чеченскихъ поляхъ, тамъ, гдѣ Слѣпцовъ со своими сунженцами вихремъ-опустошителемъ носился по вражескимъ ауламъ, заметая за собою и слѣды вертеповъ, въ которыхъ гнѣздились хищники. Храбрымъ немного времени нужно, чтобы свести дружбу до гробовой доски. Сунженцы приняли въ дома свои эриванцевъ, какъ родныхъ братьевъ; Слѣпцову стоило только разъ взглянуть на нихъ, чтобъ полюбить ихъ отъ всей души, чтобъ отгадать въ каждомъ молодца изъ молодцовъ.

Много трудностей выпало на долю эриванцамъ: вмѣсто отдыха послѣ дальней дороги пришлось имъ подъ лучами палящаго солнца, отъ ранняго утра до поздняго вечера, рыть землю для устройства новыхъ станицъ; но работали они весело, безропотно, зная, что Слѣпцовъ, при случаѣ, дастъ имъ поработать и штыками вмѣсто лопатъ. Этотъ случай скоро представился. 15-го іюня на Нурикойской полянѣ, сунженцы, какъ снѣгъ на голову, налетѣли на чеченскія стада и погнали ихъ покойно за собою, словно давнюю собственность, между тѣмъ какъ имъ наперерѣзъ чеченцы сыпались въ лѣсъ густою толпою. «Постойте, вы, шайтаны! — толковали казаки между собою, — на чистомъ мѣстѣ пропали ваши коровушки, а въ темномъ лѣсу пропадутъ и головушки!»

Въ лѣсу непріятеля ждала пѣхота, завязался жаркій бой, и эриванцы доказали на самомъ дѣлѣ, что все то правда, что сразу отгадалъ въ нихъ орлиный взглядъ Слѣпцова, чего безсознательно ждали отъ нихъ простые казаки. Казачья шашка сроднилась съ карабинернымъ штыкомъ, и вскорѣ въ рядахъ эриванцевъ сложили пѣсню:

«Ужъ спасибо Воронцову,
Что въ Чечню онъ насъ послалъ,
И начальникомъ Слѣпцову
Быть надъ нами приказалъ!»

Прошло съ тѣхъ поръ полгода, и не стало доблестнаго вождя, но въ этомъ немногомъ времени онъ видѣлъ много подвиговъ воинскаго самоотверженія эриванцевъ, и въ то же время карабинеры, въ свою очередь, видѣли много доблестей казачьяго генерала, о которомъ и теперь идутъ у нихъ безконечные разсказы.

Когда на слѣдующій годъ кончилась боевая жизнь эриванцевъ въ Чечнѣ, и батальону было велѣно воротиться съ Сунжи, они пришли проститься съ почившимъ героемъ. Въ глубокой тишинѣ выстроился батальонъ передъ свѣжей могилой. Всѣ были проникнуты торжественностью минуты. Послышалось церковное пѣніе, началась заупокойная панихида. Серебристой росой падали слезы на земь; въ высь, къ голубому небу, неслась теплая молитва объ упокоеніи души раба Божія, воина Николая, въ мѣстѣ злачномъ, въ мѣстѣ покойномъ, отнюду же отбѣже всякая болѣзнь, печаль и воздыханіе. На троекратное возглашеніе вѣчной памяти отозвался троекратный ружейный залпъ. Командиръ батальона, подполковникъ Шатиловъ, скомандовалъ на «караулъ!», послѣ чего батальонъ прошелъ церемоніальнымъ маршемъ мимо могилы. Равняясь съ нею, офицеры салютовали, солдаты обращали къ ней глаза. Присутствовавшимъ казалось, что вотъ герой вымолвитъ имъ слово, отъ котораго бывало живымъ огнемъ вспыхивали сердца подчиненныхъ, что поблагодаритъ карабинеровъ за ихъ службу молодецкую.

Насколько станичники любили Слѣпцова, настолько же враги наши, горцы, его ненавидѣли. Осенью 1877 года, несмотря на то, что со дня смерти ихъ врага прошло 26 лѣтъ, они совершили неожиданное нападеніе на памятникъ, воздвигнутый въ Слѣпцовской станицѣ. Цѣль этого нападенія до сихъ поръ осталась невыясненной, но, по словамъ очевидца этого событія, урядника 4 сотни Собственнаго Его Величества конвоя Терскаго казачьяго войска, Ивана Киселева, о пробитіи склепа станица узнала отъ мальчиковъ пастуховъ, пасшихъ вблизи кладбища овецъ. Услышавши шумъ и стукъ, пастухи побѣжали къ памятнику и увидѣли подъ нимъ дыру, пробитую въ стѣнкѣ склепа.

По полученіи о семъ извѣстія казаки сбѣжались къ кладбищу, и въ числѣ 3—4 человѣкъ спустился въ склепъ и упомянутый урядникъ Киселевъ. По его словамъ, крышка дубоваго гроба была приподнята и отклонена однимъ краемъ на стѣнку склепа. Въ полуоткрытомъ гробу лежали не потревоженныя кости, но изъ украшеній мундира не хватало одной эполеты и газырей, а сукно мундирное, прикрывавшее кости, истлѣло настолько, что отъ прикосновенія Киселева къ нему рукою оно распадалось, какъ зола. Въ присутствіи всей станицы крышка была положена на гробъ, и, по совершеніи панихиды по покойномъ, склепъ задѣланъ, и стѣны его, ранѣе того сложенныя изъ булыжника, были обложены обожженнымъ краснымъ кирпичемъ. О случаѣ этомъ донесено по командѣ, но истинная причина нападенія горцевъ на склепъ такъ и осталась невыясненной, и, какъ общее предположеніе, то была не только месть ненавистному врагу, но даже месть его праху.

Когда въ Петербургѣ еще не знали о смерти Слѣпцова, онъ

былъ назначенъ 23 декабря 1851 года начальникомъ Владикавказскаго военнаго округа. Императоръ Николай Павловичъ, всегда такъ прекрасно увѣковѣчивавшій доблестные подвиги своихъ слугъ, высочайшимъ приказомъ 29 декабря 1851 года повелѣлъ: «въ память генералъ-майора Слѣпцова, образовавшаго Сунженскій казачій полкъ и постоянно водившаго его къ побѣдѣ, — станицу Сунженскую, въ коей расположена штабъ-квартира всего полка, именовать впредь Слѣпцовскою». Вслѣдъ за этимъ, 28 мая 1852 года, приказомъ его императорскаго высочества наслѣдника цесаревича и великаго князя Александра Николаевича, по званію тогда главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, имя Слѣпцова внесено на черную мраморную доску, находящуюся въ церкви Николаевскаго кавалерійскаго училища.

Въ память героя Саратовская городская дума почтила покойнаго, какъ уроженца этой губерніи, назвавъ именемъ его одну изъ улицъ города и повѣсивъ въ залѣ городской думы его портретъ. 44-ый Нижегородскій драгунскій полкъ помѣстилъ въ своемъ офицерскомъ собраніи, въ память своего знаменитаго однополчанина, портретъ Слѣпцова и копію съ картины «бой при рѣкѣ Гехи». Изъ картинъ, изображающихъ смерть генерала Слѣпцова, лучшія находятся: въ Зимнемъ дворцѣ, въ запасной половинѣ, въ залѣ 2-го этажа, выходящей на площадь противъ Александровской колонны, и въ Тифлисскомъ музеѣ (работы художника Рубо). Въ память героя названъ также колодецъ источника, находящійся въ Михайловской станицѣ на землѣ «Юртовъ надѣлъ». Въ колодцѣ этомъ лѣчилъ свои раны Слѣпцовъ, а потому станичники назвали колодецъ его именемъ и поставили надъ нимъ срубчатый домикъ, надъ дверью котораго вставленъ образъ св. Николая Чудотворца (по имени Слѣпцова).

Перечисливъ все, чѣмъ почтилась память незабвеннаго героя, не можемъ не высказать еще одного пожеланія увѣковѣчить память этого боевого генерала такъ же, какъ того удостоились въ прошлое царствованіе кавказцы: Котляревскій, Ермоловъ, Цицiановъ и другіе, имена которыхъ носятъ тѣ строевыя части, которыми они командовали. Думается, что среди этихъ кавказцевъ имя доблестнаго генерала Слѣпцова вполнѣ достойно займетъ свое мѣсто, какъ имя того, коимъ сформированъ нынѣ 1-й Сунженско-Владикавказскій линейный казачій полкъ, въ которомъ протекла вся боевая его служба, и съ которымъ имя его могло бы быть связано навсегда.

В. А. Слѣпцовъ.

ОЧЕРКИ НИКОЛАЕВСКОЙ ЦЕНЗУРЫ [1].

(Очеркъ четвертый).

Разочарованіе Пушкина въ «любви народной». — Одиночество генія. — Писатель безъ читателя.—Возведеніе такого явленія въ основу «ars poetica».—«Чортъ меня догадалъ родиться въ Россіи съ умомъ и талантомъ!»—Отношеніе публики 30-хъ годовъ къ «Ревизору». — «Судъ глупца». — Рецензіи Булгарина и Сенковскаго. — Всеобщее невѣжество, движущее столицей. — Всѣ противъ писателя. — «Невѣжественная раздражительность». — Агонія Николая Полевого. — «Скопище мерзостей» въ литературѣ.—Банкротство Смирдина. — Полевой дѣлается «санкюлотомъ».—Совершенный упадокъ журналовъ. — Кончина журналиста Полевого.— Исторія «Москвитянина».—Слишкомъ ясенъ русскій духъ и много православія!— Неблагонамѣренность такого направленія. — Статистика «образованныхъ читателей». — Два анекдота о чиновникахъ. — Предложеніе Бенкендорфа запретить «Москвитянинъ».—Заступничество Уварова.—«Но впредь не отвѣчаю!» —Славянскій вопросъ.—Неуспѣхъ «Москвитянина».—«Молодой Москвитянинъ». — Сотрудники, питающіеся акридами.—Шесть цѣлковыхъ за листъ. — Странное слѣдствіе появленія въ журналѣ Островскаго, Писемскаго и др.—«Университетская жизнь» Некрасова. — Процвѣтаніе «Отеч. Записокъ».—«Современникъ». — Аудиторія Бѣлинскаго.—Зима 1847—1848 года.—«Моровая полоса» (1848—1855 гг.). — Бутурлинскій негласный комитетъ.—Агонія литературы.—Изъ переписки Плетнева съ Гротомъ. — Общіе выводы. — Воспріимчивая читательская среда — устой литературы. — «Эзоповскій» языкъ. — И. С. Аксаковъ о цензурѣ. — Ограниченіе цензуры, развивающейся литературою.—«Свободное слово».

I.

Въ 1830 ГОДУ, въ статьѣ о Баратынскомъ, Пушкинъ задается вопросомъ: почему первыя юношескія произведенія поэта были нѣкогда приняты съ восторгомъ, послѣднія же, болѣе зрѣлыя, болѣе близкія къ совершенству, въ публикѣ имѣли малый успѣхъ? Конечно, Пушкинъ имѣлъ при этомъ въ виду и свою судьбу, такъ какъ въ это время наивысшаго подъема и зрѣлости творчества геніальнаго поэта онъ испыталъ непонятное охлажденіе публики, предпочитавшей ему Бенедиктова и Кукольника, и грубую ругань всѣхъ журналовъ, такъ еще недавно величавшихъ поэта «представителемъ современнаго человѣчества».

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXVI, стр 582.

Первою причиною такого страннаго на первый взглядъ явленія Пушкинъ ставитъ «самое совершенствованіе» поэта, самую зрѣлость его произведеній.

«Понятія, чувства 18-лѣтняго поэта еще близки и сродны всякому; молодые читатели понимаютъ его и съ восхищеніемъ въ его произведеніяхъ узнаютъ собственныя чувства и мысли, выраженныя ясно, живо и гармонически. Но лѣта идутъ—юный поэтъ мужаетъ, талантъ его растетъ, понятія становятся выше, чувства измѣняются—пѣсни его уже не тѣ, а читатели все тѣ же, и развѣ только холоднѣе сердцемъ и равнодушнѣе къ поэзіи жизни. Поэтъ отдѣляется отъ нихъ и мало-по-малу уединяется совершенно. Онъ творитъ для самого себя, и если изрѣдка еще обнародываетъ свои произведенія, то встрѣчаетъ холодность, невниманіе и находитъ отголосокъ своимъ звукамъ только въ сердцахъ нѣкоторыхъ поклонниковъ поэзіи, какъ онъ, уединенныхъ въ свѣтѣ». Эту же мысль выражаетъ Баратынскій въ письмѣ къ Пушкину (1828): «Я думаю, что у насъ въ Россіи поэтъ только въ первыхъ незрѣлыхъ своихъ опытахъ можетъ надѣяться на большой успѣхъ: за него всѣ молодые люди, находящіе въ немъ почти свои чувства, почти свои мысли, облеченныя въ блистательныя краски. Поэтъ развивается, пишетъ съ большею обдуманностью, съ большимъ глубокомысліемъ: онъ скученъ офицерамъ, а бригадиры съ нимъ не мирятся, потому что стихи его все-таки не проза».

Но этого мало. «У насъ литература не есть потребность народная».

Непониманіе, низкій, неразвитый вкусъ публики мучили Пушкина не менѣе цензурныхъ стѣсненій. Онъ понималъ, что самовластіе цензуры есть результатъ невѣжества общества, которому писатель нуженъ очень мало; разъ въ странѣ не создалась еще потребность въ литературѣ, въ хлѣбѣ духовномъ, столь же насущная, какъ и потребность въ булкѣ, съ писателемъ любой столоначальникъ можетъ сдѣлать все, что только пожелаетъ. Писатель, только будучи или юнъ, незрѣлъ или пошлъ, легкомысленъ,—пріятенъ толпѣ. Зрѣлый, вдумчивый, глубокій и серіозный писатель—тяжелъ, скученъ, труденъ для пониманія и потому человѣкъ лишній и беззащитный. Обиліе цензурныхъ стѣсненій, чрезвычайная власть «евнуховъ Парнаса», обширные уставы, безчисленные циркуляры, все это не составляетъ признака обилія и мощи литературы. Какъ разъ наоборотъ: чѣмъ ничтожнѣе и ненужнѣе литература, чѣмъ слабѣе общественная сознательность и потребность мыслить, тѣмъ писатель беззащитнѣе и безправнѣе, тѣмъ шире опека надъ нимъ.

Въ тридцатыхъ годахъ Пушкинъ рѣзче, чѣмъ когда либо, проповѣдуетъ самодовлеемость творчества и презрѣніе къ суду «черни», къ «народной любви», къ «смѣху толпы холодной»,

къ «суду глупцовъ». Если въ 20-хъ годахъ онъ съ горечью воскликнулъ:

> Паситесь, мирные народы!
> Васъ не пробудитъ чести кличъ!
> Зачѣмъ стадамъ дары свободы?
> Ихъ надо рѣзать или стричь.
> Наслѣдство ихъ, изъ рода въ роды,
> Ярмо съ гремушками и бичъ,—

то теперь онъ говоритъ:

> Холодная толпа взираетъ на поэта,
> Какъ на заѣзжаго фигляра:
> Если онъ
> Глубоко выразитъ сердечный, тяжкій стонъ,
> И выстраданный стихъ пронзительно-унылый
> Ударитъ по сердцамъ съ невѣдомою силой —
> Она въ ладони бьетъ и хвалитъ, иль порой
> Неблагосклонною киваетъ головой...
>
> («Отвѣтъ анониму»).

Съ особенной силой заявляетъ Пушкинъ о свободѣ творческаго замысла отъ «земныхъ кумировъ» въ одномъ изъ набросковъ «Евгенія Онѣгина» (1833 г.):

> Зачѣмъ крутится вѣтръ въ оврагѣ,
> Волнуетъ степь и пыль несетъ,
> Когда корабль въ недвижной влагѣ
> Его дыханья жадно ждетъ?
> Зачѣмъ отъ горъ и мимо башенъ
> Летитъ орелъ, угрюмъ и страшенъ,
> На пень гнилой? Спроси его!
> Зачѣмъ арапа своего
> Младая любитъ Дездемона,
> Какъ мѣсяцъ любитъ ночи мглу?
> Затѣмъ, что вѣтру и орлу,
> И сердцу дѣвы нѣтъ закона.
> Гордись! Таковъ и ты, поэтъ,
> И для тебя закона нѣтъ.
> Исполненъ мыслями златыми,
> Непонимаемый никѣмъ,
> Передъ кумирами земными
> Проходишь ты, унылъ и нѣмъ.
> Съ толпой не дѣлишь ты ни гнѣва,
> Ни нуждъ, ни хохота, ни рева,
> Ни удивленья, ни труда.
> Глупецъ кричитъ: Куда? Куда?
> Дорога здѣсь! Но ты не слышишь
> Идешь, куда тебя влекутъ
> Мечтанья тайныя. Твой трудъ
> Тебѣ награда! имъ ты дышишь
> А плодъ его бросаешь ты
> Толпѣ, рабынѣ суеты.

Тотъ же упрекъ людскому непониманію выраженъ въ великолѣпныхъ, заключительныхъ стихахъ оды «Полководецъ»:

«О люди! жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха! Жрецы минутнаго, поклонники успѣха! Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ, надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ, но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньѣ поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье!»

Конечно, пребываніе въ гордомъ уединеніи отъ общества, народа, «толпы», «черни»—совершенно неестественно для писателя. Пушкинъ какъ бы анастезировалъ свою болѣзненную душу этимъ холодомъ вершинъ жреческаго искусства. Но истинныя чувства прорвались въ восклицаніи: «Чортъ меня догадалъ родиться въ Россіи съ умомъ и талантомъ!»

II.

Умственный и нравственный уровень публики 30-хъ годовъ особенно ярко сказался во время представленія безсмертной комедіи Гоголя. Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1836 года 19-го апрѣля, подъ рубрикой «Зрѣлища» было напечатано: «Сегодня 19-го апрѣля, на Александринскомъ театрѣ въ первый разъ «Ревизоръ», оригинальная комедія въ пяти дѣйствіяхъ». Это была пробирная бумага для реактива русской публики. Уже послѣ перваго акта недоумѣніе было написано на всѣхъ лицахъ (публика была избранная въ полномъ смыслѣ слова), словно никто не зналъ, какъ должно думать о картинѣ, только что представленной. Недоумѣніе это возрастало потомъ съ каждымъ актомъ. Какъ будто находя успокоеніе въ одномъ предположеніи, что дается фарсъ, большинство зрителей, выбитое изъ всѣхъ театральныхъ ожиданій и привычекъ, остановилось на этомъ предположеніи съ непоколебимой рѣшимостью. Однако же въ этомъ фарсѣ были черты и явленія, исполненныя такой жизненной истины, что раза два, особенно въ мѣстахъ, наименѣе противорѣчащихъ тому понятію о комедіи вообще, которое сложилось въ большинствѣ зрителей, раздавался общій смѣхъ. Совсѣмъ другое произошло въ четвертомъ актѣ: смѣхъ, по временамъ, еще перелеталъ изъ конца залы въ другой, но это былъ какъ-то робкій смѣхъ, тотчасъ же и пропадавшій; апплодисментовъ почти совсѣмъ не было; зато напряженное вниманіе, судорожное, усиленное слѣдованіе за всѣми оттѣнками пьесы, иногда мертвая тишина, показывали, что дѣло, происходившее на сценѣ, страстно захватывало сердца зрителей. По окончаніи акта прежнее недоумѣніе уже переродилось почти во всеобщее негодованіе, которое довершено было пятымъ актомъ. Многіе вызывали автора потомъ за то, что написалъ комедію, другіе за то, что виденъ талантъ въ нѣкоторыхъ сценахъ, простая

публика за то, что смѣялась; но общій голосъ, слышавшійся по всѣмъ сторонамъ избранной публики, былъ: «Это—невозможность, клевета и фарсъ» [1]).

«Комедія Гоголя «Ревизоръ» надѣлала много шуму, — писалъ въ дневникѣ Никитенко,—ее безпрестанно даютъ, почти черезъ день. Государь былъ на первомъ представленіи, хлопалъ и много смѣялся. Государь даже велѣлъ министрамъ ѣхать смотрѣть «Ревизора». То же свидѣтельствуетъ и Панаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Ревизоръ» Гоголя имѣлъ успѣхъ колоссальный, но въ первыя минуты этого успѣха никто даже изъ самыхъ жаркихъ поклонниковъ Гоголя не понималъ вполнѣ значенія этого произведенія и не предчувствовалъ, какой огромный переворотъ долженъ совершить авторъ этой комедіи. Кукольникъ послѣ представленія «Ревизора» только иронически ухмылялся и, не отрицая таланта въ Гоголѣ, замѣчалъ: «А все-таки это фарсъ, недостойный искусства».

Наиболѣе или даже единственно распространенные и вліятельные въ то время органы петербургской журналистики—«Сѣверная Пчела» и «Библіотека для Чтенія», вторили тревожнымъ опасеніямъ и презрительнымъ недоумѣніямъ высшаго петербургскаго чиновничества.

— «Комедія ли это?—спрашиваетъ Булгаринъ.—Нѣтъ. На злоупотребленіяхъ административныхъ нельзя основать настоящей комедіи. Надобны противоположности и завязка, нужны правдоподобіе, натура, а ничего этого нѣтъ въ «Ревизорѣ». Весьма жаль, если кто нибудь изъ зрителей, не знающихъ нашихъ провинцій, подумаетъ, будто въ самомъ дѣлѣ въ Россіи существуютъ такіе нравы, и будто можетъ быть городъ, въ которомъ нѣтъ ни одной честной души и порядочной головы... Нѣтъ спора, и въ маленькихъ отдѣльныхъ городишкахъ есть люди, смѣшные для человѣка столичнаго общества. Но все это является въ другихъ формахъ, именно не въ тѣхъ, въ какихъ злое и смѣшное представлено въ «Ревизорѣ».

«Проѣзжайте всю Россію вдоль и поперекъ,—распинается далѣе Ѳаддей, — вы не услышите слова взятки. Берутъ, но умно: даютъ еще умнѣе. Но «Ревизоръ» нравится публикѣ, то-есть, публика смѣется и хлопаетъ. Да и нельзя не хохотать! Это презабавный фарсъ, рядъ смѣшныхъ карикатуръ, которыя должны непремѣнно заставить васъ смѣяться»...

«Литературному кругу», къ которому принадлежалъ тогда Гоголь, и въ составъ котораго входили Жуковскій, Пушкинъ, Плетневъ, Аксаковы, князь Одоевскій, Шевыревъ, князь Вяземскій и др., Булгаринъ предлагаетъ такія наставленія:

---

[1]) Воспоминанія Анненкова, I, 198.

«Друзья должны сказать откровенно автору «Ревизора», что онъ не знаетъ сцены и долженъ изучать драматическое искусство». Они должны посовѣтовать ему, чтобы онъ не преувеличивалъ до невѣроятности смѣшного или порочнаго въ характерахъ; то-есть чтобы изображалъ характеры въ натурѣ, а не каррикатурно, если хочетъ писать комедіи, а не фарсы... Друзья автора комедіи «Ревизоръ» оказали бы ему и публикѣ величайшую услугу, еслибъ могли убѣдить его отказаться отъ цинизма въ языкѣ, которымъ упитана не только комедія, но и всѣ вообще произведенія этого молодого и притомъ талантливаго писателя. Покойный Нарѣжный (романистъ начала вѣка, умершій въ 20-хъ годахъ, авторъ «Бурсака»), Пиго-ле-Бренъ и Поль-де-Кокъ, по языку, суть красныя дѣвицы въ сравненіи съ авторомъ «Ревизора». Подобнаго цинизма мы никогда не видывали на русской сценѣ и въ литературѣ... Въ языкѣ автора «Ревизора» такъ много противоизящнаго, что мы не понимаемъ, какъ онъ могъ рѣшиться на это. Теперь порядочный лакей не скажетъ: «супъ воняетъ», «чай воняетъ рыбой», а скажетъ: «дурно пахнетъ», «пахнетъ рыбой». Ни одинъ писатель со вкусомъ не напишетъ: «ковыряетъ пальцемъ въ зубахъ» и т. д.

Ѳаддей не замѣчаетъ, что тутъ «писатель со вкусомъ» у него идетъ въ пару «порядочному лакею»...

Онъ далѣе утверждаетъ, что Гоголь рисовалъ не великоруссовъ, а своихъ земляковъ. «Вообще авторъ «Ревизора», желая представить русскій уѣздный городокъ, съ его нравами, изобразилъ городокъ малороссійскій или бѣлорусскій, «купцы его не русскіе люди, а просто (?) жиды».

Разборъ «Ревизора», написанный Сенковскимъ, появился въ майской книжкѣ «Библіотеки для Чтенія» (томъ XVI, отд. V, стр. 1—44), и Гоголь прочелъ эту статью до отъѣзда за границу. Указывая нѣкоторыя «превосходныя сцены» въ «Ревизорѣ», Сенковскій воспроизводитъ, однако, въ своей рецензіи мысли, высказанныя о комедіи Булгаринымъ:

«У г. Гоголя идеи нѣтъ никакой. Его сочиненіе даже не имѣетъ въ предметѣ нравовъ общества, безъ чего не можетъ быть настоящей комедіи: его предметъ—анекдотъ старый, всѣмъ извѣстный, тысячу разъ напечатанный, разсказанный и обдѣланный въ разныхъ видахъ и на разныхъ языкахъ... О картинахъ русскаго общества и говорить нечего: самый анекдотъ выдуманъ не въ Россіи».

«Критика придаетъ мнѣ крылья,—писалъ Гоголь въ ноябрѣ 1842 г. Шевыреву.—Мнѣ даже критика Булгарина приноситъ пользу, потому что я, какъ нѣмецъ, снимаю плеву со всякой дряни». Тѣмъ не менѣе толки, вызванные «Ревизоромъ» въ высшемъ петербургскомъ обществѣ и въ петербургскихъ журналахъ, глубоко

потрясли Гоголя. Булгаринъ и Сенковскій въ 30-хъ годахъ несомнѣнно руководили мнѣніемъ русской публики.

Но комедію судили и осудили, не только какъ явленіе литературное. Гоголь не даромъ называлъ Булгарина «государственнымъ мужемъ». На голову писателя посыпались обвиненія чуть не въ государственномъ преступленіи; онъ слышалъ вокругъ себя зловѣщіе возгласы: «либералъ! революціонеръ! клеветникъ на Россію! въ Сибирь его!» Казалось, паническій страхъ овладѣлъ Гоголемъ. Его первою мыслью было «удалиться» изъ Россіи [1]).

15 мая 1836 года Гоголь писалъ Погодину: «Я не сержусь на толки, какъ ты пишешь; не сержусь, что сердятся и отворачиваются тѣ, которые отыскиваютъ въ моихъ оригиналахъ свои собственныя черты и бранятъ меня; не сержусь, что бранятъ меня непріятели литературные, продажные таланты. Но грустно мнѣ это всеобщее невѣжество, движущее столицей; грустно, когда видишь, что глупѣйшее мнѣніе ими же опозореннаго и оплеваннаго писателя дѣйствуетъ на нихъ же самихъ и ихъ же водитъ за носъ. Грустно, когда видишь, въ какомъ еще жалкомъ состояніи находится у насъ писатель. Всѣ противъ него, и нѣтъ никакой сколько нибудь равносильной стороны за него.

«Онъ зажигатель! Онъ бунтовщикъ!» И кто же это говоритъ? Это говорятъ люди государственные, люди выслужившіеся, опытные, люди, которые должны бы имѣть на сколько нибудь ума, чтобъ понять дѣло въ настоящемъ видѣ, люди, которые считаются образованными, и которыхъ свѣтъ,—по крайней мѣрѣ, русскій свѣтъ,— называетъ образованными. Выведены на сцену плуты, и всѣ въ ожесточеніи: «зачѣмъ выводить на сцену плутовъ?» Пусть сердятся плуты. Но сердятся тѣ, которыхъ я не зналъ вовсе за плутовъ.

«Прискорбна мнѣ эта невѣжественная раздражительность, признакъ глубокаго, упорнаго невѣжества, разлитаго на наши классы... я огорченъ не нынѣшнимъ ожесточеніемъ противъ моей пьесы, меня заботитъ моя печальная будущность. Провинція уже слабо рисуется въ моей памяти, черты ея уже блѣдны. Но жизнь петербургская ясна передъ моими глазами, краски ея живы и рѣзки въ моей памяти. Малѣйшая черта ея—и какъ тогда заговорятъ мои соотечественники?»

Нѣсколько ранѣе, 29 апрѣля, Гоголь писалъ Щепкину: «Всѣ противъ меня. Чиновники пожилые и почтенные кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святого, когда я дерзнулъ такъ говорить о служащихъ лицахъ; полицейскіе противъ меня; купцы противъ меня; литераторы противъ меня. Бранятъ и ходятъ на пьесу; на четвер-

---

[1]) Соч. Гоголя. Ред. Тихонравова. Изд. 10-е. II. 788.

тое представленіе нельзя достать билетовъ. Если бы не высокое заступничество государя, пьеса моя не была бы ни за что на сценѣ, и уже находились люди, хлопотавшіе о запрещеніи ея».

Вскорѣ послѣ перваго представленія «Ревизора» «опозоренный» писатель спѣшилъ «разгулять свою тоску» за границею: онъ желалъ «забыться», простое упоминаніе друзей о «Ревизорѣ» раздражало его и поднимало въ немъ желчь. Онъ и слышать о немъ не хотѣлъ. Даже въ концѣ января 1837 года поэтъ писалъ Прокоповичу изъ Парижа: «Мнѣ страшно вспомнить обо всѣхъ моихъ мараньяхъ. Они въ родѣ грозныхъ обвинителей являются глазамъ моимъ. Забвенья, долгаго забвенья проситъ душа. И если бы появилась такая моль, которая бы съѣла внезапно всѣ экземпляры «Ревизора», а съ ними «Арабески», «Вечера» и всю прочую чепуху, и обо мнѣ въ теченіе долгаго времени ни печатно, ни изустно не произносилъ никто ни слова,—я бы благодарилъ судьбу».

Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что изъ выраженныхъ здѣсь скорбныхъ движеній души геніальнаго поэта и развилась та страшная болѣзнь духа, которая и погубила его. Та «моль», которую призывалъ поэтъ, скоро явилась, въ видѣ приподнятаго ханжества и почти mania religiosa.

Для нашихъ цѣлей огромное значеніе имѣетъ разительная характеристика русскаго общества и положенія въ немъ писателя, которую даетъ Гоголь.

«Всеобщее невѣжество, движущее столицей»,—вотъ стихія, съ которой сталкивается писатель.

«Невѣжественная раздражительность» возбуждается каждымъ честнымъ, прямымъ, искреннимъ словомъ писателя. Эта «невѣжественная раздражительность»—корень и источникъ доносовъ, подкоповъ, репрессій и цензурнаго гнета. Эта «невѣжественная раздражительность», признакъ «глубокаго» невѣжества, «разлитаго», по выраженію Гоголя, въ высшихъ классахъ русскаго народа, дѣлаетъ то, что общественнымъ мнѣніемъ управляетъ презрѣнный шутъ, котораго само же общество опозорило и оплевало. «Глупѣйшее мнѣніе» этого шута «водитъ за носъ» общество, потому что оно хочетъ обманываться, отворачивается отъ истины, стремится со своими язвами, болячками, пролежнями въ тѣнь и въ темь.

«Всѣ противъ меня,—съ скорбнымъ изумленіемъ свидѣтельствуетъ Гоголь,—чиновники кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святого; полицейскіе противъ меня; купцы противъ меня; литераторы противъ меня». Въ результатѣ этого «невѣжественнаго раздраженія» литераторовъ, въ родѣ Кукольника, купцовъ, полицейскихъ и чиновниковъ—«хлопоты о запрещеніи», о соотвѣтственномъ «циркулярѣ», воздѣйствіе «снизу вверхъ», которое въ дан-

номъ случаѣ уравновѣсилось противодѣйствіемъ «сверху внизъ»— «высокое заступничество» государя спасло автора и пьесу.

«Всѣ противъ писателя, и нѣтъ никакой сколько нибудь равносильной стороны за него».

Передъ нами то же «фамусовское» общество, та же «невѣжественная раздражительность», гонящая умъ, сердце и талантъ. Гоголь, уѣзжая изъ Россіи, могъ съ полнымъ правомъ повторить монологъ Чацкаго:

> Съ кѣмъ былъ? Куда меня закинула судьба?
> Всѣ гонятъ! всѣ клянутъ! мучителей толпа,
> Въ любви предателей, въ враждѣ неутомимыхъ,
> Разсказчиковъ неукротимыхъ,
> Нескладныхъ умниковъ, лукавыхъ простяковъ,
> Старухъ зловѣщихъ, стариковъ,
> Дряхлѣющихъ надъ выдумками, вздоромъ.
> Безумнымъ вы меня прославили всѣмъ хоромъ—
> Вы правы: изъ огня тотъ выйдетъ невредимъ,
> Кто съ вами день пробыть успѣетъ,
> Подышитъ воздухомъ однимъ,
> И въ немъ разсудокъ уцѣлѣетъ.

III.

Опустошеніе, которое произвело несчастное 14-е декабря въ рядахъ русскаго общества, сказалось страшнымъ пониженіемъ его нравственнаго и умственнаго уровня. Это оскудѣніе царило въ 30-хъ и захватило начало 40-хъ годовъ. Только въ промежуткѣ съ 1844 по 1848 годы включительно возрастаетъ вліяніе Бѣлинскаго, и проповѣдь его приготовляетъ довольно обширную аудиторію въ русскомъ обществѣ, которая уже не удовлетворяется «двумя ляхами» Сенковскимъ и Булгаринымъ.

Въ первой половинѣ 40-хъ годовъ разыгрывается агонія публициста романтическихъ 20-хъ—несчастнаго Николая Полевого. Опутанный долгами, онъ бьется въ судорогахъ подневольнаго, срочнаго труда и безуспѣшно. Въ то же время, выступивъ, какъ драматургъ, онъ имѣетъ выдающійся успѣхъ на сценѣ «Александринки» и даже снискиваетъ своими патріотическими пьесами благоволеніе монарха. Это, однако, не помогаетъ ему въ литературныхъ его предпріятіяхъ.

«Сынъ Отечества» не шелъ, и книжки запаздывали, опережали одна другую. Такъ 5 декабря 1839 года Полевой пишетъ брату: «Необходимость работы по «Сыну Отечества» заставила меня бросить все другое. Я сидѣлъ ночи по двѣ до 3-хъ часовъ, хотя встаю всегда въ шесть часовъ утра... Что мнѣ много работы, суди по тому, что X-й нумеръ теперь почти конченъ, и XI-й... въ декабрѣ выдамъ; января 1-го положено выдать I-й нумеръ, а къ 10-му XII-й. У меня голова кружится».....

Предположенія эти, однако, не осуществились. 10-го апрѣля 1840 года Полевой пишетъ: «XI-й нумеръ выйдетъ, думаю, завтра (25 листовъ!) (а предположено было выдать въ декабрѣ 1839 года. Ник. Э.), XII-й вполнѣ готовъ (25 листовъ) и въ половину напечатанъ (предполагалось выдать 10-го января 1840 года. Ник. Э.); V-й и VI-й выданы, VII-й готовъ матеріаломъ, хотя напечатать до Святой не успѣютъ, но на Ѳоминой явится (ежемѣсячныя книжки были раздѣлены на двѣ). Если положить по 12 листовъ--36, да въ двухъ—50, и того въ мѣсяцъ исписалъ я самъ и приготовилъ къ печати болѣе 75 листовъ печатныхъ».

«Литература русская, здѣсь, по крайней мѣрѣ,—скопище мерзости, спекуляцій, обмановъ, безталантности, безсмыслія и гадостей. Не виню самого предмета. Что святѣе религіи? Но чѣмъ больше торговали, и какая исторія представляетъ чернаго и отвратительнаго болѣе исторіи христіанства? Я рѣшительно не нашелъ здѣсь ни одного человѣка, у котораго соединялось бы знаменіе таланта съ душею. Есть добряки, но дрянь, и все при томъ испорчено такъ, что смотрѣть и грустно, и жалко. Не говорю о молодцахъ, каковы Краевскій и Булгаринъ, шарлатанахъ, какъ Кукольникъ... Здѣсь все обращается въ интригу, средство, расчетъ, лощится, кроется лакомъ, и тѣмъ-то все является отвратительнѣе».

«Отечественныя Записки» должны нынѣшній (1840) годъ упасть; имъ страшный убытокъ! Журналовъ время кончилось,—по крайней мѣрѣ, въ той формѣ, началомъ которой былъ «Телеграфъ», а концомъ будутъ «Отечественныя Записки». Иные дни, иные годы!»

Дѣйствительно, въ первые годы изданія «Отечественныя Записки» не шли, и лишь усилія Бѣлинскаго ниспровергли пессимистическое предсказаніе Полевого.

Въ 1841 году, «все обстоитъ попрежнему, глупо, гадко и мерзко, какъ по журнальной, такъ и по книжной части»... «Да и чего ждать?»—восклицаетъ Полевой.

«Я до того стѣсненъ въ нынѣшнемъ году,—писалъ онъ отъ 27-го іюля 1841 года,—что иногда по нѣсколько дней сижу безъ копейки, и недавно чуть было не остался безъ обѣда потому, что мясникъ не отпустилъ мяса, а лавочникъ—зелени и пр., и я принужденъ былъ на прокормленіе заложить въ 150 рубляхъ мою медвѣжью шубу. Что дѣлать? Терпѣть, молиться и работать. Только однимъ и могу я заглушить всю тягость настоящаго, едва выносимаго положенія моего—работою!» Всѣ упованія при переѣздѣ изъ Москвы въ Петербургъ Полевой, отягченный долгами и преслѣдуемый ростовщиками, возложилъ на книгопродавца Смирдина. Но въ 1841 году уже обнаружилось, что дѣла послѣдняго совершенно запутаны, и онъ наканунѣ полнаго банкротства. «Несчастный Смирдинъ увѣренъ и даже обѣщаетъ въ сентябрѣ со всѣми расплатиться,—пишетъ Полевой,—расплатиться! А онъ долженъ сотни тысячъ...

Все у него рѣшительно захвачено и обобрано... Мнѣ тяжело и грустно видѣть его, точно добраго, хотя и безтолковаго человѣка, но главное, отца многочисленнаго семейства, на краю гибели, видѣть и не имѣть средствъ спасти его.. Иногда, уходя отъ Смирдина, я не могу удержать слезъ моихъ, но повторяю—что дѣлать?» «Дѣла Смирдина не улучшаются, но, кажется, ухудшаются. Онъ дошелъ до послѣдней крайности... Долговъ его счетъ потерянъ», писалъ Полевой въ ноябрѣ того же года. Положеніе его самого, было не менѣе трагическое: «Горе свалило наконецъ бѣдную жену: она занемогла—занемогъ и мой Петръ (маленькій сынъ)—мнѣ не съ чѣмъ было послать въ аптеку за лѣкарствомъ — заложить рѣшительно нечего!... Мнѣ было даже смѣшно иногда: поѣхалъ я однажды — ось пополамъ у дрожекъ; я упалъ и не ушибся, но вотъ бѣда: лопнули панталоны на колѣняхъ, а они одни только у меня и были, и мнѣ не въ чемъ послѣ того было даже въ люди показаться, ибо я сдѣлался совершеннымъ санкюлотомъ... И въ это-то время надобно было работать, думать, усиливать трудъ, писать «исторію» и «критику»... Вотъ въ будущемъ году мнѣ 46 лѣтъ, и ровно 25 лѣтъ, какъ я началъ печатать. Что же принесло прошедшее? Бывши 25 лѣтъ сидѣльцемъ въ табачной лавочкѣ, можно бы хоть не умирать съ голоду»...

Но энергія Полевого была неистощима. Онъ взялъ у Глинки его тощій и захудалый «Русскій Вѣстникъ». «Журналы въ совершенномъ упадкѣ,—разсчитывалъ онъ.—Время для хорошаго журнала прекрасное». Началась работа: «Иногда совершенно дурѣю,—писалъ Полевой, — особливо, при нестерпимо-стѣснительномъ состояніи моемъ. Въ другое время я какая-то самопишущая машина, которую какъ будто кто нибудь заводитъ, а она пишетъ, что угодно: драму, повѣсть, исторію, критику. Иногда, какъ одеревенѣлый, работаешь, чтобы ни о чемъ не думать, а заглушить всякое человѣческое ощущеніе. Какъ выдерживаетъ здоровье—самъ не понимаю... Какъ наполнилъ я шесть книжекъ «Р. В.» за сей годъ—не постигаю! Ни гроша денегъ на расходы, ни строчки статей». Напрасно, однако, Полевой истощалъ всѣ усилія своей колоссальной талантливости, забывалъ сонъ, пищу — все; успѣха не было. На «Вѣстникъ» едва было 500 подписчиковъ. Роковая цифра для всѣхъ изданій, за исключеніемъ одного, попавшаго «въ тонъ» русской публики и поглотившаго всѣ симпатіи. Полевой горько жалуется на «убійственность безконечнаго и безполезнаго труда», и на «злость и безсовѣстность людей». «Вѣстникъ», возбудивши все-таки одобреніе публики, возбудилъ и всѣ ненависти литературныя и подозрѣнія, что Полевой хочетъ что-то шевелить опять по журналистикѣ. «Я все еще не думалъ,—писалъ Полевой,—чтобы литература и литераторы дошли до такого униженія, гнусности, эгоизма, корыстолюбія—стыдно, истинно стыдно называться литераторомъ.

а еще болѣе журналистомъ. Наконецъ, сказать ли, что въ послѣднее время я дошелъ до послѣдней степени и бѣдности и недостатковъ. Если бы не «Елена Глинская» (драма), которая дала мнѣ до 3.000 рублей,— я не зналъ бы, куда мнѣ дѣваться, и что ѣсть. И Боже, до какого уничиженія упалъ я! Я радовался не успѣху «Елены», не созданію ея, ибо зналъ и знаю, что она глупа и нелѣпа... Нѣтъ, мой другъ и братъ! Если ты разсмотришь и сообразишь все, все, что я тебѣ здѣсь говорю, ты пожалѣешь о мнѣ». «Вѣстникъ» не окупилъ бумаги и печати. «Не знаю, какъ пережилъ я послѣдніе мѣсяцы прошлаго года и начало нынѣшняго?—писалъ Полевой 19-го февраля 1843 года,—оскорбленій, потерь, разочарованій, крайности, до которой я былъ доведенъ, когда между тѣмъ видѣлъ все разрушеннымъ, все погибшимъ впереди, вмѣстѣ съ моимъ здоровьемъ». Въ началѣ 1844 года уже, казалось, ничто не могло спасти Полевого отъ долговой тюрьмы, а между тѣмъ нужды жизни, требованіе существовать съ семействомъ, необходимость работать, какъ на каторгѣ, изъ куска хлѣба, тьма другихъ огорченій, которыя всѣ сошлись толпою—наконецъ, онъ и работать не могъ. И все-таки выбился изъ тенетъ, чтобы дотянуть до 1846 года. «Съ 3-го февраля (1846 года) я упалъ, какъ будто пораженный какимъ-то громовымъ ударомъ, на диванъ,—разсказываетъ Полевой въ своемъ послѣднемъ письмѣ къ брату,—лишился сна, пищи, и впалъ въ какое-то небытіе, нравственное и тѣлесное. Жизнь моя, можно сказать, сдѣлалась чѣмъ-то между жизнью и смертью... Заниматься я не только не могу, но не могу даже читать, и у меня голову обноситъ, когда я только о чемъ нибудь подумаю». Письмо это писалъ старшій сынъ Николая Алексѣевича; оно имъ только подписано. Встревоженный братъ не успѣлъ выѣхать изъ Москвы, какъ пришло извѣстіе о смерти несчастнаго журналиста.

IV.

Такъ погибъ Полевой—большая литературная сила. Что же дѣлалось въ московской журналистикѣ?

Въ первый день новаго 1841 года вышелъ первый нумеръ «Москвитянина» Погодина.

«Направленской» статьей его былъ «Взглядъ русскаго на образованіе Европы» Шевырева...

«Западъ и Россія,—говорилъ другъ Погодина,—стоятъ лицомъ къ лицу! Увлечетъ ли насъ онъ въ своемъ всемірномъ стремленіи? Или устоимъ мы въ своей самобытности? Образуемъ міръ особый, по началамъ своимъ, а не тѣмъ же европейскимъ?.. Въ нашихъ искреннихъ, дружескихъ, тѣсныхъ сношеніяхъ съ Западомъ мы не примѣчаемъ, что имѣемъ дѣло какъ будто съ человѣкомъ, носящимъ въ себѣ злой, заразительный недугъ... Мы цѣлуемся съ

нимъ, обнимаемся, дѣлимъ трапезу мысли, пьемъ чашу чувства... и не замѣчаемъ скрытаго яда въ безпечномъ общеніи нашемъ, не чуемъ въ потѣхѣ пира будущаго трупа, которымъ онъ уже пахнетъ... Но если мы и вынесли нѣкоторые неизбѣжные недостатки отъ сношеній нашихъ съ Западомъ, зато мы сохранили въ себѣ чистыми три коренныя чувства, въ которыхъ сѣмя и залогъ нашему будущему развитію. Мы сохранили наше древнее чувство религіозное... Второе чувство, которымъ крѣпка Россія... есть чувство ея государственнаго единства... Третье коренное чувство наше есть сознаніе нашей народности... Объ это чувство разбиваются всѣ частныя безплодныя усилія нашихъ соотечественниковъ привить къ намъ то, что нейдетъ къ русскому уму и къ русскому сердцу». Въ той же книжкѣ И. И. Давыдовъ напечаталъ разсужденіе: «Возможна ли у насъ германская философія?» въ которомъ доказывалъ преблагополучно, что невозможна, и что въ Россіи должна быть философія русская, а никакъ не германская.

Стихотвореніе «серафическаго» Ѳ. Н. Глинки «Москва» замыкало «направленскую» часть книжки знаменитыми куплетами:

> Кто царь-колоколъ подниметъ?
> Кто царь-пушку повернетъ?
> Шляпы кто, гордецъ, не сниметъ
> У святыхъ въ Кремлѣ воротъ?

Казалось бы, трудно представить было журналъ съ болѣе благонамѣреннымъ «направленіемъ». А между тѣмъ князь Вяземскій писалъ Шевыреву: «Продолжайте, и мы будемъ имѣть журналъ. Только, ради Бога, будьте осторожны, бдительны, зорки, догадливы... Журналисту нуженъ необыкновенно тонкій тактъ. Въ Москвѣ очень трудно въ этомъ отношеніи издавать журналъ. Вы тамъ руководствуетесь благоразуміемъ и совѣстью, и думаете, что довольно! Ничуть! Есть еще тысяча необходимыхъ условій».

Въ своемъ «Дневникѣ» Погодинъ записываетъ свой разговоръ съ графомъ А. П. Толстымъ: «Журналъ вашъ запретятъ,—сказалъ онъ,—потому что въ немъ слишкомъ ясенъ русскій духъ и много православія. Есть какая-то невидимая, тайно дѣйствующая сила, которая мѣшаетъ всякому добру въ Россіи» [1]).

Въ самомъ дѣлѣ, въ третьей книжкѣ «Москвитянина» было напечатано нѣсколько совершенно невинныхъ анекдотовъ. «Съ самаго начала я сдѣлалъ планъ,—объяснялъ по поводу нихъ Погодинъ,—чтобъ десять печатныхъ листовъ посвящать дѣльному и серіозному, а остальные, отъ пяти до десяти, всякой всячинѣ, которая удовлетворяетъ большинству подписчиковъ... Иначе журналъ остался бы при образованныхъ однихъ читателяхъ,

---

[1]) Барсуковъ. Погодинъ. Книга 6-я. Стр. 53.

которыхъ счетомъ сто въ Петербургѣ, сто въ Москвѣ и сто въ губерніяхъ».

Любопытное признаніе для журнала, въ которомъ Шевыревъ заявлялъ претензію на самобытную русскую культуру, а Давыдовъ даже на самодѣльную россійскую философію, чуждую германскимъ мудрованіямъ.

По поводу-то «всякой всячины», которой думалъ сдабривать свой журналъ Погодинъ, немедленно было получено Уваровымъ отъ графа Бенкендорфа офиціальное письмо: «Въ третьей части журнала «Москвитянинъ», издаваемаго М. Погодинымъ, въ отдѣленіи «Смѣсь» напечатаны два анекдота о чиновникахъ... Статьи такого рода показываютъ недостатокъ уваженія издателя къ образованной публикѣ и желаніе угодить ими самому развратному классу людей; сверхъ сего, подобные анекдоты выказываютъ въ издателѣ не одно безвкусіе, но и злоупотребленіе довѣрія, которымъ, какъ журналиста, облекло его правительство, ибо выставлять чиновниковъ въ такомъ невѣроятномъ и отвратительномъ видѣ, клеветать ихъ поступками и дѣйствіями, въ сословіи чиновниковъ въ настоящее время не существующими, и придавать имъ безобразные характеры есть преступленіе предъ правительствомъ, коего чиновники суть органы... Этихъ причинъ, по мнѣнію моему, было бы весьма достаточно, чтобы воспретить г. Погодину изданіе Москвитянина».

Уваровъ заступился за Погодина, однако предупреждалъ: «На этотъ разъ я могу этотъ шумъ прекратить; впередъ не отвѣчаю». Итакъ, достаточно было проявить журналу опредѣленную физіономію, въ какомъ духѣ—все равно, чтобы встревожить властей. Не даромъ извѣстный Даль находилъ, что въ «Москвитянинѣ» есть «цвѣтъ, краски, видишь повременное изданіе, видишь, что издатель держится цѣли, маяка, знаешь, чего искать».

Одной изъ несомнѣнныхъ заслугъ «Москвитянина» надо признать то, что въ немъ поднятъ былъ вопросъ о славянствѣ и славянскихъ земляхъ, а такъ же выказывалось сочувствіе къ малорусской литературѣ.

Надеждинъ въ это время путешествовалъ по славянскимъ землямъ. Въ «Москвитянинѣ» появилось его письмо, гдѣ онъ говоритъ: «Вопросъ восточный, до сихъ поръ занимавшій собою исключительно умы политиковъ и столбцы газеты, теперь смѣнился вопросомъ словенскимъ. Со всѣхъ концовъ Германіи бьютъ тревогу, распускаютъ слухи, подозрѣнія, страхи; проповѣдуютъ всеобщее ополченіе противъ какого-то страшилища, окрещеннаго мистическимъ именемъ «панславизма»... Возрожденіе словенизма, которое производитъ столько шуму и толковъ, есть собственно не что иное, какъ возрожденіе словенской литературы. Естественность и законность этого движенія словенской народности очень хорошо понимается

тамъ, гдѣ вещи обсуживаются прямѣе и свѣтлѣе. Нынѣшній король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ IV уже декретировалъ учрежденіе каѳедры словенскихъ языковъ при университетахъ Берлинскомъ и Бреславскомъ. Въ Австріи, гдѣ словене составляютъ двѣ трети всего народонаселенія имперіи, разумѣется, возрожденіе ихъ ощутительнѣе... Труды и усилія чеховъ слишкомъ извѣстны. Имъ подаютъ теперь руку кроаты, подъ предводительствомъ пламеннаго патріота Гая. Гай дѣйствуетъ точно, какъ нашъ Новиковъ: онъ завелъ въ Загребѣ типографію и сыплетъ въ народъ книгами на родномъ языкѣ... Этого было довольно, чтобы зашумѣть о панславизмѣ! Впрочемъ само правительство оказываетъ благосклонность, даже покровительствуетъ патріотическому рвенію Гая. Онъ безъ труда получилъ привилегію на открытіе типографіи... Вукъ, давній житель Вѣны, приготовилъ новое изданіе своего собранія сербскихъ народныхъ пѣсенъ, этого истинно безцѣннаго сокровища не для однихъ сербовъ, но для всего словенскаго міра» [1]).

Въ свою очередь Погодинъ заявилъ, что онъ ставитъ «своей миссіей распространять въ Россіи свѣдѣнія о племенахъ словенскихъ». Этого было достаточно, чтобы московскій попечитель, графъ С. Г. Строгановъ, обратился къ Уварову съ письмомъ такого содержанія: «Въ послѣдніе годы нѣкоторые журналы, и въ особенности «Москвитянинъ», приняли за особенную тему выставлять живущихъ подъ владычествомъ Турціи и Австріи славянъ, какъ терпящихъ особое угнетеніе... Согласно ли будетъ съ настоящими видами правительства нашего: возбуждать участіе къ политическому порабощенію нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ, представлять имъ Россію, какъ главу, отъ которой могутъ они ожидать лучшаго направленія къ будущности своей, и явно рукоплескать порывамъ ихъ къ эмансипаціи. Я чувствую, что слабость самихъ писателей, принявшихъ это направленіе, дѣлаетъ и пропаганду неопасною; но здѣсь просто вопросъ приличія въ своевременности».

Уваровъ, однако, высказалъ, что «при извѣстной благонамѣренности обоихъ издателей «Москвитянина», профессоровъ Погодина и Шевырева, можно надѣяться на то, что они «не подадутъ повода къ нареканіямъ».

Если, однако, Погодинъ и Шевыревъ пользовались нѣкоторымъ расположеніемъ Уварова, зато противъ нихъ былъ главный начальникъ московской цензуры, графъ С. Г. Строгановъ, и шефъ жандармовъ, графъ А. Х. Бенкендорфъ. Цензоры поступали съ несчастнымъ журналомъ, какъ хотѣли. Никакого суда надъ ними найти было невозможно. Долгое время былъ цензоромъ Фроловъ, гувернеръ дѣтей Строганова.

---

[1]) Барсуковъ. Погодинъ. Книга 6-я, стр. 141.

«Москвитянинъ» никакого успѣха не имѣлъ, едва-едва сводилъ концы съ концами, и Шевыревъ удивлялся, какъ онъ еще существуетъ. Между тѣмъ у «Отечественныхъ Записокъ» Краевскаго въ 1843 году было уже три тысячи подписчиковъ, что давало ему въ годъ 150.000 рублей. Гоголь въ одномъ письмѣ къ Языкову такъ отозвался о журналѣ Погодина: «Москвитянинъ, издаваясь уже четыре года, не вывелъ ни одной сіяющей звѣзды на словесный небосклонъ. Высунули носы какіе-то допотопные старики, поворотились и скрылись».

И всѣ славянофилы (Хомяковъ, Аксаковы, Кирѣевскій, Самаринъ) были недовольны «Москвитяниномъ». Въ 1844 году журналъ задумалъ взять въ свои руки И. В. Кирѣевскій, съ цѣлью убить всѣ петербургскіе журналы. Но изъ этого ровно ничего не вышло. Кирѣевскій издалъ только три нумера «Москвитянина» за 1845 г. и передалъ его обратно Погодину.

Между тѣмъ этому переходу «Москвитянина» въ руки новаго редактора радовались не только славянофилы, но и западники. Кирѣевскій желалъ привлечь къ участію въ журналѣ Грановскаго и Герцена. Въ немъ начали было помѣщать свои произведенія Жуковскій, князь Вяземскій, А. И. Тургеневъ. Герценъ, однако, подтрунивалъ подъ обновленнымъ «Москвитяниномъ», въ конторѣ котораго обрѣтетъ исцѣленіе «гибнущая Европа», что, «нося въ груди своей черныя пророчества А. С. Хомякова, утопая въ безстыдствѣ знанія, въ алчномъ себялюбіи, заставляющемъ европейцевъ жертвовать собою наукѣ, идеямъ, человѣчеству, ищетъ совѣта и помощи»...

Герцену «смерть стало жаль» стараго «Москвитянина». «Бывало трунилъ онъ, ждешь съ нетерпѣніемъ какъ нибудь въ февралѣ декабрьской книжки, и знаешь напередъ: будетъ чѣмъ душу отвести, вѣрно будетъ отрывокъ изъ «Путевого дневника» Погодина. Читаешь и, кажется, будто самъ ѣдешь осенью по фашиннику».

Герценъ точно напророчилъ. Черезъ три мѣсяца «новый» Москвитянинъ опять смѣнился «старымъ».

Однако и для «Москвитянина» настала пора расцвѣта. Еще въ 1844 году Погодинъ въ немъ помѣстилъ «Переводы изъ Горація», первый поэтическій трудъ А. А. Шеншина-Фета. Годомъ раньше тамъ же сталъ участвовать пріятель лирика, Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ, помѣщая стихи подъ псевдонимомъ А. Трисмегистова. Наконецъ, съ 1850 года «Москвитянинъ» вступаетъ въ новую эру.

Въ немъ усиленно сталъ работать кружокъ даровитыхъ писателей, получившій впослѣдствіи названіе «молодого Москвитянина»: А. Н. Островскій, Т. И. Филипповъ, Е. Н. Эдельсонъ, Б. Н. Алмазовъ, А. А. Григорьевъ, А. Ѳ. Писемскій, графиня Е. П. Ростопчина. Актеръ П. М. Садовскій и позднѣе И. Ѳ. Горбуновъ дополняли этотъ кружокъ.

Поэтъ Алмазовъ дебютировалъ въ «Москвитянинѣ» съ большимъ успѣхомъ остроумными пародіями на Некрасова и Панаева, подъ псевдонимомъ Эраста Благонравова. Въ томъ же 1850 году выступилъ въ «Москвитянинѣ» съ повѣстью «Тюфякъ» Алексѣй Ѳеофилактовичъ Писемскій.

Эта горячая, чрезвычайно даровитая, искренно преданная идеѣ молодежь питалась «акридами и дивіимъ медомъ», и матеріальное положеніе членовъ кружка «молодого Москвитянина» было вполнѣ бѣдственнымъ. Плата за литературный трудъ у Погодина полагалась ничтожная. Безкорыстіе писателей (кромѣ кулака—Писемскаго, заключавшаго съ Погодинымъ письменные контракты) было поразительное. Семейные люди, какъ Эдельсонъ и Григорьевъ, получали по 15 рублей за печатный листъ. Филипповъ не бралъ ничего. Одинъ только Алмазовъ непостижимой силой могъ всегда почти исторгнуть изъ мошны скопидома-Погодина 20 и даже 30 рублей?.. Вотъ что писалъ Погодину 31-го ноября 1851 г. А. Григорьевъ: «Посылаю вамъ Вильгельма Мейстера и съ величайшей радостью отдаю его «Москвитянину», гдѣ для него приличнѣе мѣсто, чѣмъ въ «Запискахъ»... Условія, разумѣется, обыкновенныя: при настоящемъ положеніи «Москвитянина» я больше шести цѣлковыхъ за листъ считаю нечестнымъ и требовать» [1]).

Критика ученыхъ сочиненій въ «Москвитянинѣ» была обезпечена, благодаря участію спеціалистовъ и между прочимъ М. М. Стасюлевича, въ 1851 г. возведеннаго на степень доктора всеобщей исторіи за диссертацію «Ликургъ Аѳинскій». На предложеніе гонорара Стасюлевичъ отвѣчалъ Погодину: «Экземпляръ вашего журнала будетъ для меня служить и гонораромъ, потому что въ денежномъ вознагражденіи я не нуждаюсь» [2]).

Что же оказалъ хоть какое либо вліяніе на подписку этотъ приливъ молодыхъ силъ, яркихъ талантовъ (драматургъ Островскій, романистъ Писемскій), идеалистовъ, пылкихъ и преданныхъ безкорыстно идеѣ, публицистовъ (критикъ Григорьевъ, Эдельсонъ), поэтовъ (Фетъ, Алмазовъ) и многихъ ученыхъ спеціалистовъ Московскаго университета (докторъ всеобщей исторіи, почтенный Стасюлевичъ)? Да ровно никакого.

Такъ, 16-го февраля 1851 года, Погодинъ писалъ М. А. Максимовичу: «Москвитянинъ» идетъ скверно; не знаю, что и дѣлать, и что за причина. Видишь самъ, что онъ улучшается, всѣ хвалятъ, а толку нѣтъ. До сихъ поръ нѣтъ шестисотъ подписчиковъ, а деньги страшныя (!!?) выдаются сотрудникамъ». Въ другомъ письмѣ: «Журналъ въ нынѣшнемъ году шелъ еще слабѣе: вмѣсто 850, не было и 750. Я тянусь, тянусь, и мочи не станетъ. Разумѣется,

[1]) Барсуковъ. Погодинъ. Кн. XI, стр. 92.
[2]) Барсуковъ. Погодинъ. Кн. XI, стр. 423.

это уже послѣднiй опытъ». Наконецъ, въ дневникѣ своемъ, подъ 4-мъ декабря 1851 г., Погодинъ записываетъ: «Записка изъ конторы, что подписчиковъ только семь, и прiуныль».

Итакъ историческiй фактъ: «Москвитянинъ», послѣ того, какъ въ немъ явились Островскiй, Писемскiй, Аполл. Григорьевъ, Эдельсонъ, Фетъ, Алмазовъ, Стасюлевичъ—пошелъ еще слабѣе... Что же было нужно русскому читателю? Подведемъ итоги. Около 1843 года русская печать выражалась въ слѣдующихъ главныхъ цифрахъ.

<table>
<tr><td>«Библiотека для Чтенiя» . . .</td><td>до 3.000 подписчиковъ.</td></tr>
<tr><td>«Сѣверная Пчела». . . . . .</td><td>» 3.000 »</td></tr>
<tr><td>«Отечественныя Записки» .</td><td>» 3.000 »</td></tr>
<tr><td>«Сынъ Отечества» . . . . .</td><td rowspan="6">каждый не свыше 500 подписчиковъ, а всего 3.000.</td></tr>
<tr><td>«Русскiй Вѣстникъ» . . . .</td></tr>
<tr><td>«Москвитянинъ» . . . . . .</td></tr>
<tr><td>«Современникъ» . . . . . .</td></tr>
<tr><td>«С.-Петерб. Вѣд.». . . . . .</td></tr>
<tr><td>«Московск. Вѣд.». . . .</td></tr>
</table>

Итакъ, общая цифра читателей въ Россiи выражалась цифрою 12—15 тысячъ подписчиковъ...

V.

Въ 1839—1841 годахъ шла «университетская жизнь» недоросля изъ дворянъ и вольнослушателя Некрасова. «Ровно три года,—разсказывалъ потомъ поэтъ,—я чувствовалъ себя постоянно, каждый день, голоднымъ. Приходилось ѣсть не только плохо, не только впроголодь, но и не каждый день». Выгнанный хозяиномъ квартиры, поэтъ ночуетъ въ 15-й линiи Васильевскаго острова съ нищими и пишетъ прошенiе за 15 копеекъ. Затѣмъ начинается жизнь пролетарiя-писателя, добывающаго гроши рецензiями, повѣступками въ тогдашней жалкой, чахоточной журналистикѣ...

Какъ было сказано выше, уже къ 1843 году «Отеч. Записки» стали прочно. Годы, которые работалъ Бѣлинскiй въ этомъ журналѣ, были и лучшими его годами. Шесть лѣтъ трудовъ Бѣлинскаго и его друзей доставили журналу господство въ литературѣ, а такъ же и прекрасное, по тогдашнему времени, положенiе матерiальное. Направленiе и содержанiе журнала, дѣйствительно, представляло высшiй уровень русской образованности, насколько она могла только тогда проявляться въ литературѣ [1]).

Между тѣмъ здоровье измѣняло труженику-критику.

Осенью 1845 г. онъ опасно занемогъ. Журнальная работа становилась ему невыносима. Стали и разстраиваться отношенiя съ

---

[1]) Пыпинъ. Бѣлинскiй, II, 227.

Краевскимъ. Въ началѣ 1846 года Бѣлинскій прекратилъ сотрудничество въ «Отечественныхъ Запискахъ». Въ томъ же году вышелъ «Петербургскій Сборникъ» Некрасова, гдѣ появились всѣ «западники» и беллетристы «натуральной школы». Появленіе этого альманаха возвѣщало расколъ «Отеч. Зап.». «Утомленный, измученный, усталый», разошелся Бѣлинскій съ А. А. Краевскимъ, жалуясь, что онъ сдѣлалъ изъ него чернорабочаго, водовозную лошадь, заставлялъ его писать даже объ азбукахъ, пѣсенникахъ, гадальныхъ книжкахъ, брошюркахъ «о клопахъ». Скоро въ газетахъ и журналахъ появилось объявленіе, въ которомъ, между прочимъ, заявлено было, что «Современникъ», основанный А. С. Пушкинымъ, а впослѣдствіи съ высочайшаго соизволенія перешедшій въ распоряженіе П. А. Плетнева, съ 1847 года подвергается совершенному преобразованію. Редакція «Современника» съ разрѣшенія господина министра народнаго просвѣщенія переходитъ къ профессору (и цензору) С.-Петербургскаго университета, А. В. Никитенку. Изданіе же сего журнала, по взаимному соглашенію и условію съ прежнимъ издателемъ и редакторомъ, приняли на себя И. И. Панаевъ и Н. А. Некрасовъ. Въ спискѣ сотрудниковъ—вся литература. Однако, по свидѣтельству многихъ, и между прочимъ, К. Д. Кавелина, Бѣлинскій былъ обойденъ и новой редакціей: «Что Панаевъ сталъ редакторомъ «Современника», это было еще понятно,—онъ далъ деньги. Но какимъ образомъ Некрасовъ, тогда малоизвѣстный и не имѣвшій ни гроша, сдѣлался тоже редакторомъ, а Бѣлинскій, изъ-за котораго мы были готовы оставить «Отеч. Зап.», остался наемникомъ на жалованіи,—этого фокуса мы не могли понять».

«Фокусъ» на нашъ взглядъ объясняется удовлетворительно тѣмъ, что Некрасовъ былъ практическій, оборотистый человѣкъ, «мыслящій реалистъ», а Бѣлинскій—чахоточный, близкій къ смерти идеалистъ-романтикъ, въ житейскихъ дѣлахъ чистое дитя.

«Отечественныя Записки» не остались безъ сотрудниковъ. Грановскій находилъ, что такъ какъ «Отечественныя Записки» въ одномъ духѣ съ «Современникомъ», то онъ очень радъ, что у насъ вмѣсто одного - два хорошихъ журнала, и готовъ помогать обоимъ.

«Девять лѣтъ издаетъ Краевскій «Отечественныя Записки»,—писалъ Бѣлинскій:—начались онѣ плохо, безъ всякаго направленія, я спасъ ихъ... Съ третьяго (1841) года начали онѣ поправляться денежно; на четвертый (1842) Краевскій былъ въ барышахъ... Тягаться «Современнику» съ «Отечественными Записками» трудно. Краевскій въ сорочкѣ родился. Сколько подарили ему статей Боткинъ и Герценъ!.. Примѣра подобнаго не бывало въ русской литературѣ. Какой нибудь Гречъ и тотъ не даромъ пріобрѣлъ себѣ извѣстность, а что нибудь да сдѣлалъ. А Краевскій... ни ума, ни таланта, ни убѣжденій, ни знаній, ни образованности, а издаетъ

журналъ, бывшій лучшимъ русскимъ журналомъ, и доселѣ одинъ изъ лучшихъ, журналъ слишкомъ съ четырьмя тысячами подписчиковъ».

Однако «Современникъ» имѣлъ тоже успѣхъ. Кромѣ Бѣлинскаго, въ первыхъ книжкахъ его явились Герценъ («Кто виноватъ?»), Гончаровъ («Обыкновенная исторія»), Тургеневъ («Записки охотника»), повѣсти Григоровича, Дружинина, Достоевскаго, стихотворенія Некрасова.

«Современника теперь расходится болѣе двухъ тысячъ экземпляровъ,—писалъ Плетневъ Жуковскому.—Конечно, много въ сравненіи съ тѣмъ, что и пятьсотъ не расходилось. Двѣ причины помогаютъ новымъ издателямъ: помѣщеніе глупыхъ (Жоржъ-Зандъ?) романовъ или своихъ въ томъ же родѣ (sic!), да главное—умѣнье публиковать (?), чѣмъ я совсѣмъ не занимался» [1]).

Причиной было то, что трудами Николая Полевого и Вяземскаго въ 20-хъ годахъ, Надеждина въ 30-хъ и наконецъ Бѣлинскаго въ 40-хъ наконецъ создалось ядро образованной публики, читателей, объединенныхъ общимъ духомъ, образовалась аудиторія, которая и подѣлилась между двумя прогрессивными журналами передъ роковымъ 1848 годомъ.

Мучительно тянулась зима 1847—1848 года для больного Бѣлинскаго. Все какъ-то душнѣе и мрачнѣе становилось кругомъ его. Статьи его разсматривались все строже и строже. Наконецъ онъ «вызывается», «какъ одинъ изъ замѣчательныхъ дѣятелей на поприщѣ русской литературы», «единственно для того, чтобы лично познакомиться съ начальникомъ цензурнаго вѣдомства», «хозяиномъ» русской литературы... Но Бѣлинскій уже умиралъ, и это пріятное знакомство не состоялось. Въ 6-мъ часу 26 мая 1848 года его не стало. Нѣсколько словъ некролога, и затѣмъ до самаго 1856 года имя его не было ни разу названо въ литературѣ. Глухо упоминалось только о какомъ-то «критикѣ сороковыхъ годовъ» [2]).

VI.

Теперь мы вступаемъ воистину въ «моровую полосу» тяжкаго восьмилѣтія (1848—1855). Учрежденъ «негласный комитетъ», такъ называемый «бутурлинскій». Учреждено сразу до двадцати различныхъ цензуръ. Европейская реакція сказывается у насъ съ такою силою, что не остается сомнѣнія въ принадлежности «самобытной» Россіи къ концерту европейскихъ державъ. 24-го октября 1849 года въ университеты прислано «наставленіе», гдѣ говорится: «Ректоры и деканы будутъ тщательно отсѣкать въ разсматри-

---

[1]) Сочиненія и переписка П. А. Плетнева, III, 583.

[2]) Пыпинъ. Бѣлинскій, II, 334.

ваемыхъ ими программахъ и запрещать въ устномъ преподаваніи съ каѳедръ все, что можетъ даже и косвенно содѣйствовать къ распространенію у насъ разрушительныхъ началъ сенсимонизма, фурьеризма, соціализма и коммунизма или служить имъ нѣкоторой опорой».

«Общество быстро погружается въ варварство»,—писалъ Никитенко отъ 28-го марта 1850 года.—«Положеніе наше становится нестерпимѣе день ото дня; всякое движеніе на Западѣ отзывается у насъ стѣснительною мѣрою. Доносы идутъ тысячами»,—писалъ Грановскій. Русскому писателю болѣе, чѣмъ когда бы то ни было, приходилось не выяснять свою мысль, но закутывать ее въ непроницаемый туманъ. Процвѣло «чистое искусство». Романисты изображаютъ безвольныхъ и безсильныхъ нытиковъ, «проводя» идейку, что теперь честному человѣку остается только бездѣйственно изнывать.

Литература съ 1848 по 1855 годъ такъ характеризуется историкомъ: «Безусловное запрещеніе публицистики особенно сильно отразилось на газетной прессѣ, которая едва влачила существованіе въ видѣ жалкихъ сѣренькихъ листочковъ: «Сѣверной Пчелы» Ѳ. Булгарина, «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» Очкина, «Полицейскихъ Вѣдомостей», «Русскаго Инвалида» и «Московскихъ Вѣдомостей» Захарова. Газеты выходили безъ передовыхъ статей и политическихъ корреспонденцій, довольствуясь сообщеніемъ опубликованныхъ правительственныхъ распоряженій, безцвѣтными фельетонами, трактующими о кондитерскихъ, гуляньяхъ... Журналы принимаютъ характеръ безцвѣтныхъ сборниковъ, ничѣмъ почти не отличаясь одинъ отъ другого, тѣмъ болѣе, что многіе изъ сотрудниковъ являются у нихъ общіе. Прежде всего, конечно, беллетристы и поэты... Выдающіеся критики того времени: Дружининъ, Анненковъ, Ап. Григорьевъ, постоянно кочуютъ изъ одного органа въ другой или же участвуютъ разомъ въ нѣсколькихъ... Журналы начали наполняться необъятно длинными, сухими и спеціальнѣйшими учеными трактатами... Въ критическихъ сферахъ въ свою очередь на первый планъ выступила библіографія, начались кропотливыя изслѣдованія». Наконецъ, въ моду вошли безконечные, сказочные великосвѣтскіе романы съ идеальными героями.

Но какъ относилось общество къ реакціи 1848—1855 годовъ? Пассивно, а въ лицѣ даже лучшихъ своихъ людей донельзя покладливо, съ истинно рабьей уклончивостью и лицемѣріемъ, оберегая прежде всего личный свой интересъ. Такъ въ роковомъ 1848 году Плетневъ пишетъ Я. Гроту: «Ты доискиваешься причины тѣхъ безумствъ, которыя нынѣ потрясаютъ Европу. Эти причины въ постепенности, съ которою безостановочно по странному ослѣпленію всѣ стремились въ нынѣшнемъ столѣтіи къ уничтоженію такъ называемыхъ «авторитетовъ» во всемъ: въ религіи,

въ политикѣ, въ наукахъ и въ литературѣ. Дерзость возстала съ такимъ безстыдствомъ, что достоинству оставалось только отстраниться. Въ нашей литературѣ слегка приступилъ къ этому Булгаринъ (?), испугавшійся послѣ самъ, и теперь за то страждущій отъ послѣдователей (?). Но во всемъ блескѣ развито это участіе Полевымъ, Сенковскимъ (?) и Бѣлинскимъ».

«Въ Западной Европѣ оно плодовитѣе и безпощаднѣе... Такъ, теперь и дошли европейцы до послѣдней степени разладицы, имъ помогали безнравственные честолюбцы и корыстолюбцы, какъ у насъ Краевскій (!) и подобные ему (!) десять лѣтъ сѣютъ растлѣніе въ публикѣ» [1]).

И такой жалкій, дикій и чадный бредъ питаетъ не кто нибудь— Плетневъ, замѣчательный писатель-эстетикъ, другъ Пушкина и Гоголя, ректоръ университета, вообще человѣкъ благороднѣйшій. Какая узость, слѣпота и странная непросвѣщенность въ этомъ сопоставленіи именъ Булгарина, Полевого, Сенковскаго, Бѣлинскаго, Краевскаго и затѣмъ журнальной, скудной дѣятельности ихъ съ могучимъ движеніемъ западно-европейской мысли! И сейчасъ мы увидимъ, что вовсе не убѣжденіе водило тутъ перомъ Плетнева, а мелочное пристрастіе и нелюбовь къ названнымъ лицамъ. До того атрофировалось даже у лучшихъ людей чувство гражданское, что едва начинали они разсуждать, сейчасъ въ сердцѣ поднималась та «невѣжественная раздражительность», о которой говорилъ еще Гоголь...

Гротъ, повидимому, раздѣляетъ воззрѣнія друга, однако отъ 12 ноября 1849 года Плетневъ пишетъ: «Противъ намѣренія твоего печататься въ «Отечественныхъ Запискахъ» юридически сказать мнѣ нечего. Однако же, нравственно какъ-то это не вяжется. Краевскій публично объявлялъ (и не разъ), что онъ меня съ тобою считаетъ за пометъ въ литературѣ, и мы станемъ искать у него мѣста [2])?»

«Несправедливо,—возражаетъ Гротъ,—чтобы Краевскій когда нибудь выразилъ обо мнѣ такое презрительное мнѣніе, какъ ты говоришь. Напротивъ, сперва «Отечественныя Записки» всегда меня очень хвалили—болѣе, нежели какой либо другой журналъ. Они отозвались съ большой похвалой о «Фритіофѣ», и потомъ называли прекрасными всѣ статьи мои о Финляндіи... Сверхъ того, прежде критикомъ «Отечественныхъ Записокъ» былъ Бѣлинскій, котораго уже нѣтъ; нынѣшній же рецензентъ не обнаруживаетъ враждебнаго духа къ партіи бывшаго «Современника». Вотъ почему я рѣшительно не нахожу затрудненія участвовать въ «Отечественныхъ Запискахъ», какъ въ лучшемъ изъ нынѣшнихъ журналовъ. Го-

---

[1]) Переписка, т. III, стр. 208, № 38.

[2]) Ibid., № 100, стр. 488.

раздо труднѣе было бы мнѣ участвовать въ нынѣшнемъ «Современникѣ», который въ рецензіи моей послѣдней книжки не устыдился показать самую скверную сторону личной критики».

Итакъ, Гротъ не прочь писать у Краевскаго, «сѣющаго растлѣніе въ публикѣ». Онъ только затрудняется работать въ «Современникѣ». Однако, уже отъ 15 февраля 1852 г. Плетневъ пишетъ: «Некрасовъ говорилъ мнѣ, что по совѣту моему онъ писалъ къ тебѣ, приглашая участвовать въ «Современникѣ». Ты только не церемонься съ этими господами—и, отдавъ статью въ ихъ журналъ, аккуратно требуй, чтобы, по выходѣ книги, гдѣ помѣщена будетъ статья твоя, немедленно они посылали деньги» [1].

«Редакція «Современника»,—жалуется Гротъ отъ 29-го апрѣля,—поступаетъ со мной очень странно. На вызовъ ея изъявилъ я поспѣшно свое согласіе; она же съ тѣхъ поръ и не думаетъ мнѣ отвѣчать» [2].

По смерти Бѣлинскаго и съ усиленіемъ цензурныхъ гоненій, «Современникъ», однако, сталъ терять подписку.

«Журналъ все время (по 1855 годъ) висѣлъ на волоскѣ, безъ денегъ, безъ подписчиковъ, подъ непосредственнымъ Дамокловымъ мечомъ цензуры... Съ 1853 года положеніе «Современника» сдѣлалось еще болѣе критическимъ: началась война, которая убавила число подписчиковъ, и безъ того довольно скудное; однимъ было не до чтенія журналовъ въ это мрачное время, другіе предпочли журналу газету. Въ 1856 году Некрасовъ предпринялъ было изданіе своихъ стихотвореній, но изданіе это было безусловно запрещено» [3].

VII.

Изучая цензурныя условія николаевскаго времени и сопоставляя ихъ съ внутренней жизнью литературы и печати, мы должны прійти къ выводу, что массивный обухъ—множество бдительныхъ цензуръ, поддерживаемыхъ многочисленными добровольцами, постоянные циркуляры и ограничительныя распоряженія — подняты были на ничтожную муху—русскую литературу. Мы должны признать, что у насъ цензура возникла раньше литературы. Литературы, печати, какъ органа общественной и народной мысли, еще не было, а мощное государство организовало уже бдительнѣйшій надзоръ, такъ что печатный станокъ почти былъ отмѣненъ, и рукопись ходила по рукамъ вмѣсто печатной страницы. Литературы, какъ народной потребности, не было. Были великіе мастера слова, это правда, слагавшіе возвышенные, праздничные гимны. Но лите-

---

[1]) Ibid., 573.

[2]) Ibid., 584.

[3]) Стихотворенія Н. А. Некрасова. Изд. 1879 г., т. I-й, LXVIII—LXIX.

ратура не выполняла своей будничной обязанности, постояннаго толкованія жизни и возникающихъ запросовъ ея.

Въ крѣпостной Россіи народная масса оставалась въ условіяхъ первобытныхъ формъ общиннаго своего строя, лишь поверхностно соприкасаясь съ своими помѣщиками. Среди торговаго крестьянства и купечества были и грамотеи, но потребности ихъ въ чтеніи удовлетворялись примитивной, лубочной и суздальской литературой, высшее созданіе которой были патріотическіе романы Загоскина. Они почитывали «божественное», духовныя книги, читали и Ломоносова, и что нибудь новѣйшее съ одинаковымъ неспѣшнымъ «вниканіемъ». Въ столицахъ и университетскихъ городахъ были кружки образованныхъ и даже высоко-образованныхъ людей, но ихъ Погодинъ исчислялъ тремя стами: сто — въ Петербургѣ, сто—въ Москвѣ, сто—въ провинціи. Кромѣ того, въ провинціи многія помѣщичьи усадьбы являлись центрами, гдѣ выписывался журналъ, читаемый всѣмъ домомъ. Въ 20-хъ и 30-хъ годахъ этотъ журналъ долженъ былъ представлять аккуратно высылаемый каждый мѣсяцъ изъ Петербурга толстый томъ — пухлый сборникъ, въ которомъ легкимъ, фельетоннымъ, слогомъ были бы изложены всѣ «искусства и науки», «моды и смѣсь». Для хозяйки дома — моды и романы, для барышень—стихи, для хозяина дома—статья о сельскомъ хозяйствѣ, для молодыхъ помѣщиковъ — хлесткая, острословная критическая статейка. Великолѣпными кухмистерами такой «жирной журнальной стряпни» явились Булгаринъ и Сенковскій. Но уже къ 1843 году усилія образованности, пламенная проповѣдь Бѣлинскаго создали въ городахъ и помѣщичьихъ усадьбахъ болѣе высокую и требовательную аудиторію, которая съ 3.000 возросла къ концу 40-хъ годовъ до 6.000 подписчиковъ «Современника» и «Отечественныхъ Записокъ».

Но и эта аудиторія, въ сущности, проявляла всѣ признаки, что ея непосредственнымъ родителемъ была аудиторія Сенковскаго. Вкусъ былъ у нея выше, но все же «серьезнаго» она не выносила. Вдумчивый, но популярный фельетонъ—вотъ чего она требовала. Публицистъ долженъ былъ говорить съ увлеченіемъ, съ «честнымъ» направленіемъ, но ясно, общедоступно, легко о вопросахъ исторіи, науки, искусства, жизни. Затѣмъ романъ—оригинальный и переводный. Вотъ и все.

Эта аудиторія, привыкнувъ къ извѣстному журналу и направленію, большаго и новаго не искала, и хотя бы «молодой Москвитянинъ», достойный примѣчанія, остался внѣ сферы ея вниманія. Во всякомъ случаѣ, это былъ уже значительный шагъ впередъ.

Сопоставляя исторію цензуры съ исторіей литературы, мы видимъ, что цензура запрещала чаще всего журналы, не имѣвшіе подписки, то-есть нѣчто, уже окончательно никому не нужное, хотя бы это и были начинанія блестящихъ талантовъ и умовъ. Несмотря на

всѣ стѣсненія, немногіе органы, сколько нибудь нужные, имѣвшіе подписку, держались. Такимъ образомъ, степень цензурныхъ стѣсненій и запрещеній является мѣриломъ съ одной стороны слабости печати, а съ другой стороны ничтожности потребности общества въ печатномъ словѣ. Читая постановленія, распоряженія и циркуляры цензуры Николаевскаго времени, можно составить себѣ совершенно ложное мнѣніе о тогдашней мысли и словѣ. Можно подумать, что дѣйствіе вызывало равносильное противодѣйствіе, что циклопическія плотины воздвигались противъ глубокаго, стремительнаго, полноводнаго потока. Ничего подобнаго на самомъ дѣлѣ не было. Цензорамъ нечего было дѣлать. Потому лишь они и могли корпѣть надъ каждой строчкой, надъ каждыми ничтожными стишками, и самъ монархъ имѣлъ возможность замѣтить крохотную дерзость фельетонной букашки, проявленную на одномъ изъ трехъ-четырехъ сѣренькихъ листочковъ чахоточныхъ газетокъ. Даже при современномъ развитіи журналистики въ Россіи и наличномъ числѣ органовъ печати, физически немыслима подобная бдительность. Важно усвоить ту истину, вытекающую изъ фактовъ, что цензура потому лишь и была безпощадна, что литература прежде всего количествомъ органовъ, капиталами и числомъ была слаба и ничтожна. И на органы слабѣйшіе, не въ смыслѣ уровня талантовъ и умовъ сотрудниковъ, а въ смыслѣ подписки, падали самые безпощадные громы. Управлять мыслью страны можно лишь до тѣхъ поръ, пока страна не мыслитъ, или очень мало мыслитъ. До тѣхъ поръ беззащитенъ писатель, пока онъ совсѣмъ не нуженъ или очень мало нуженъ читателю. И надо помнить, что даже между Бѣлинскимъ и его аудиторіей связь исчерпывалась тѣмъ присловьемъ, которое еще въ 80-хъ годахъ истекшаго столѣтія повторялъ Щедринъ: «писатель—пописываетъ, а читатель—почитываетъ». Пересталъ почему либо писать писатель. Читатель скажетъ: «жаль! жаль!» и перейдетъ въ другой органъ, станетъ «почитывать» другого писателя. Нравственной, живой связи между читателемъ и писателемъ не устанавливалось. Читатель вовсе не считалъ обязаннымъ защищать писателя, вовсе не былъ съ нимъ солидаренъ, какъ на Западѣ всякій органъ имѣетъ за собой партію. Положимъ, читатель 25-ть лѣтъ «почитывалъ» писателя и соглашался съ нимъ. Это не значило, что въ роковую минуту онъ сочтетъ своимъ нравственнымъ долгомъ поддержать его. Нѣтъ, стряслась бѣда съ писателемъ—дальше платоническихъ соболѣзнованій не шло.

«Читатель представляетъ собой тотъ устой, на которомъ всецѣло зиждется дѣятельность писателя; онъ—единственный объектъ, ради котораго горитъ писательская мысль. Убѣжденность писателя питается исключительно увѣренностью въ воспріимчивости читателей, и тамъ, гдѣ этого условія не существуетъ, литературная дѣятельность представляетъ собою не что иное, какъ безпредѣльное

поле, поросшее волчецомъ, на обнаженномъ пространствѣ котораго безцѣльно раздается голосъ, вопіющій въ пустынѣ».

«Даже несомнѣннѣйшіе литературные шуты—и тѣ чувствуютъ себя неловко, утрачиваютъ бойкость пера, ежели видятъ, что читатель не помираетъ со смѣху въ виду ихъ кривляній. Даже тутъ, въ этой клоакѣ человѣческой мысли, чувствуется потребность поддержки со стороны читателя».

«Ежели въ странѣ уже образовалась воспріимчивая читательская среда, способная не только прислушиваться къ трепетаніямъ человѣческой мысли, но и свободно выражать свою воспріимчивость,—писатель чувствуетъ себя бодрымъ и сильнымъ. Но онъ глубоко несчастливъ тамъ, гдѣ масса читателей представляетъ собой бродячее человѣческое стадо, мятущееся подъ игомъ давленій внѣшняго свойства».

«Звуча на удачу, рѣчь писателя превращается въ назойливое сотрясеніе воздуха. Слово утрачиваетъ ясность, внутреннее содержаніе мысли ограничивается и суживается. Только одинъ вопросъ стоитъ вполнѣ опредѣленно: къ чему растрачивается пламя души? Кого оно грѣетъ? на кого проливаетъ свой свѣтъ?» [1]).

VIII.

Источникомъ цензурной нетерпимости была прежде всего та «невѣжественная раздражительность», на которую указывалъ Гоголь, свойственная всѣмъ слоямъ общества. Смѣлое, свободное слово, умъ и геній возбуждали въ обществѣ эту «раздражительность» и поднимали волну воздѣйствій на цензуру «снизу вверхъ». И въ средѣ читателей, и въ литературной средѣ находилось достаточно добровольцевъ-доносителей. И въ 1825 г., и въ 1848 г. добровольческіе доносы шли тысячами.

При беззащитности писателя, онъ могъ ждать подвоха со стороны любого сановника и подвергался самымъ прихотливымъ капризамъ сильныхъ людей. Отсюда циркуляры, доходящіе до игривости.

Мы видимъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ самъ монархъ защищалъ писателя отъ цензуры, сановниковъ и общества. Иногда писатель попадалъ между двухъ противоположныхъ силъ—благоволилъ одинъ сановникъ и запрещалъ другой.

Бенкендорфъ защищалъ Полевого. Уваровъ его топилъ. Уваровъ покровительствовалъ Погодину. Бенкендорфъ желалъ запретить его журналъ.

Собственно, цензура никогда не руководилась неизмѣннымъ уставомъ. Такъ какъ «виды правительства» постоянно мѣнялись,

[1]) Соч. Щедрина. Изд. 3-е. 1895. Томъ пятый., стр. 145 и 146.

то наибольшее удобство представляла система циркуляровъ, которые рождались по инициативѣ и воздѣйствію самыхъ разнообразныхъ лицъ, учрежденій и вѣдомствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ цензура никогда не представляла единаго и независимаго учрежденія. Было столько же цензуръ, сколько сильныхъ людей и сколько заинтересованныхъ въ молчаніи печати вѣдомствъ.

Если въ александровское время «перемѣна видовъ» правительства черезъ каждое пятилѣтіе обращала все дозволенное однимъ пятилѣтіемъ въ недозволенное, неблагонамѣренное и прямо преступное другимъ пятилѣтіемъ, то въ николаевское время замѣчалась постоянная нетерпимость ко всему имѣющему опредѣленный, яркій цвѣтъ, и «однообразная красивость» окрашенной въ два цвѣта, казенной будки или не бьющій въ глаза цвѣтъ охры на всѣхъ зданіяхъ представляли идеалъ, къ которому стремилась цензура. «Западники» и «славянофилы» подвергались однимъ запрещеніямъ. Недостатокъ патріотизма скорѣе прощался, чѣмъ излишняя пламенность его. Излишекъ «православія» внушалъ недовѣріе.

Настолько печать должна была во всякую минуту слѣдить за настроеніями правящихъ сферъ и подлаживать свой голосъ къ настроенію минуты, что издавать вліятельный органъ въ Москвѣ было немыслимо, и если бы Полевой издавалъ свой «Телеграфъ» въ Петербургѣ, журнала не запретили бы, потому что онъ успѣлъ бы вынуть изъ книжки безтактную статью, да, можетъ быть, и не написалъ бы ея.

Берне сказалъ: «Многіе господа не хотятъ свободы печати, потому что думаютъ, что вѣтеръ дуетъ туда, куда вертитъ флюгеръ, а не наоборотъ». Литература не создаетъ требованій жизни. Но по мѣрѣ того, какъ эти требованія,—въ данномъ случаѣ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости,—жизнью выдвигаются, становятся въ ней ясны, врываются во всѣ двери, на литературу накладываются большія и большія запрещенія, чтобы она пальцомъ не указала на стоящаго у порога гостя, не назвала его громко, во всеуслышаніе. Литература николаевскихъ временъ, однако, ни о чемъ другомъ никогда и не говорила, какъ объ основномъ требованіи жизни—освобожденіи.

Она превратилась въ шифръ, ключемъ котораго владѣлъ только читатель. Она создала особый «эзоповскій» языкъ, которымъ съ нимъ и объяснялась.

«Мы поминаемъ лихомъ,—писалъ И. С. Аксаковъ въ газетѣ «День» 11 сентября 1865 г.,—мы не можемъ, мы не должны не помянуть лихомъ того страшнаго стѣсненія, которому такъ долго подвергалась русская печать, равно какъ не можемъ и не должны оставлять безъ рѣшительнаго осужденія всякій положительный, существенный вредъ, наносимый духовному развитію русскаго общества, всякое посягательство на истину и извращеніе правды».

«Прежній цензурный порядокъ внесъ кривду въ область самого печатнаго слова. Мало было намъ кривды во всемъ строѣ нашего общественнаго развитія,—мы добились до того, что самыя слова искривились у насъ въ своемъ значеніи и получили иносказательный смыслъ, что писатель искусился и успѣвалъ проводить свою мысль въ публику, такъ сказать, воровски, между строкъ, что между читателемъ и авторомъ установился условный языкъ обиняковъ, намековъ, вразумительный только имъ обоимъ и недоступный даже для цензуры. Авторъ, садясь за работу, думалъ уже не о томъ, чтобы какъ можно яснѣе выразить свое искреннее убѣжденіе, или чтобъ какъ можно полнѣе и отчетливѣе передать на общій судъ свою доктрину, а только о томъ, чтобы какъ нибудь протащить свою мысль контрабандой сквозь цензурную стражу,—и мысль тихонько прокрадывалась, закутанная въ двусмысленные обороты рѣчи! Понятно, что чѣмъ благонамѣреннѣе была мысль, чѣмъ сильнѣе сознавалъ писатель ея правоту, чѣмъ выше ставилъ достоинство истины, которой служилъ, тѣмъ невыносимѣе былъ для него этотъ унизительный путь—годный и приличный только для лжи, для кривды, для ночного вора. Весь пріемъ сочинительства носилъ на себѣ отраженіе существующаго порядка; мысль была запугана, умъ сталъ робокъ, и его полетъ невольно соразмѣрялся короткому размѣру той привязи, на которой держала его своенравная прихоть цензора. Нравственныя пытки, которымъ при предварительной цензурѣ подвергался писатель, могутъ быть сравнены развѣ только съ пыткой художника кисти или карандаша, когда не прошенный цѣнитель мазнетъ толстымъ пальцемъ по его свѣжему рисунку и невысохшимъ краскамъ. Писатель зависѣлъ не отъ какихъ нибудь общихъ, однажды установленныхъ правилъ,—которыя и установить для живой, какъ міръ, разнообразной, какъ море, волнующейся человѣческой мысли нѣтъ никакой возможности,—а зависѣлъ отъ чужого ума, чужого вкуса, на казенномъ жалованьи приставленнаго къ нему въ опекуны и судьи. Языкъ, слогъ, внѣшняя форма выраженія—все систематически стушевывалось, обезцвѣчивалось, изувѣчивалось, теряло, такъ сказать, свою мужескую силу подъ операціей, производимой надъ сочиненіемъ усердной рукой чиновника».

«Слово изъ-подъ цензорскихъ рукъ, послѣ долгой и упорной изъ-за него борьбы автора съ цензоромъ, вырывалось на свѣтъ Божій взъерошенное, растрепанное, искалѣченное, помятое—и привѣтствовалось публикою, какъ тріумфъ побѣды, вкушалось съ жадностью, какъ запрещенный, тайный, заманчивый плодъ...

«Стѣсненіе слова имѣло необъятныя послѣдствія для нашего общественнаго развитія. Нуженъ теперь уже не мерцающій, не мигающій, а прочный свѣтъ свободы для того, чтобъ излѣчить весь тотъ вредъ, который проникъ, благодаря этому стѣсненію, въ

самый духовный составъ русскаго общества. Въ самомъ дѣлѣ, что представляетъ даже до сихъ поръ наша періодическая литература, на которой, какъ извѣстно, воспитывались преимущественно наши молодыя покалѣнія за послѣднія 15—20 лѣтъ? Какіе-то лоскутья, обрѣзки знаній и мнѣній, предлагавшіеся въ видѣ журнальныхъ статей».

«Правды, правды!—вотъ чего намъ недостаетъ, вотъ что намъ особенно нужно!» [1]).

Мысль, слово,—это не «прерогативы», а неотъемлемая принадлежность человѣка, безъ которой онъ не человѣкъ, а животное. Безсмысленны и базсловесны только скоты. Посягать на жизнь разума и слова въ человѣкѣ значитъ не только совершать святотатство божьихъ даровъ, но посягать на божественную сторону человѣка, на самый Духъ Божій, пребывающій въ человѣкѣ, на то, чѣмъ человѣкъ—человѣкъ, и безъ чего человѣкъ—не человѣкъ [2]).

«Государство въ видахъ собственнаго сохраненія должно предоставить полнѣйшую свободу дѣятельности общественному сознанію. Если государство желаетъ жить, то должно соблюдать непремѣнныя условія жизни, внѣ которыхъ—смерть и разрушеніе; условіе жизни государства есть жизнь общества; условіе жизни общества есть свобода слова, какъ орудія общественнаго сознанія [3]).

«Пора уже прямо поставить себѣ вопросъ,—писалъ Аксаковъ 28-го августа 1872 г. въ газетѣ «Русь»,—что безвкуснѣе и потому менѣе опасно: плодъ дозволенный или плодъ запрещенный? что вреднѣе: ядъ ли, выступившій изнутри наружу, или ядъ, вогнанный внутрь? что желательнѣе для правительства: прозрачность и гласность со всѣми ея подчасъ неизбѣжными неудобствами или совершенная темь, глушь и безмолвіе? Что согласнѣе съ интересами власти: вѣдать или не вѣдать ходъ и развитіе мысли въ разныхъ слояхъ русскаго общества?.. Вовсе не признавать никакого общественнаго мнѣнія страны, которое только тогда вѣдь и годно, то-есть, тогда лишь и способно сослужить полезную службу правительству и странѣ, когда слову вообще предоставлена возможность выражаться свободно и искренно [4])?

«Намъ необходима свобода умственной жизни, иначе мы не добудемъ самосознанія и не достигнемъ полноты развитія народнаго духа,—слѣдовательно, не исполнимъ своего долга,—да и правительство нуждается для своей дѣятельности не въ умственныхъ малолѣткахъ, а въ взрослыхъ развитыхъ гражданахъ. Свобода слова есть цѣль,—къ которой необходимо стремиться,—непремѣн-

---

[1]) Соч. И. С. Аксакова. Томъ четвертый. Изд. 1886 г., стр. 432, 433, 434, 435.
[2]) Ibid. Томъ пятый. Стр. 11 и 12.
[3]) Ibid. Томъ IV. Стр. 366, 367, 368.
[4]) Ibid., IV, 512.

ное условіе общественнаго развитія, добро, которое надо неуклонно насаждать, холить, беречь, растить непрерывно, хотя бы и не торопливо, воспитывать съ любовью, хотя бы и строгою... Если вы хотите искренности въ словѣ, такъ должны допустить каждому право говорить своимъ голосомъ, какъ бы даже грубъ и неблагозвученъ онъ ни былъ; гдѣ нельзя говорить своимъ голосомъ, тамъ не можетъ быть и искренной рѣчи, и вмѣсто нея будетъ раздаваться одна благонамѣренная фистула.

«Стѣсненіе печати есть стѣсненіе жизни общественнаго разума,— оно парализуетъ всѣ духовныя отправленія общества, осуждаетъ всѣ его дѣйствія на безсиліе, удерживаетъ общество въ вѣчной незрѣлости, обрекаетъ мертворожденности всѣ исчадія его духовной производительности. Никакія самоуправленія, никакія реформы, никакіе благодѣтельные законы не только не принесутъ добра, но даже и не привьются къ общественной жизни, если общество будетъ лишено существенныхъ условій жизни—свободы мысли и слова» [1]).

Еще 6-го января 1864 года Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ написалъ въ «Днѣ»: «Просторъ слова—нужнѣе всѣхъ реформъ, послѣ освобожденія двадцати милліоновъ русскихъ крестьянъ нужнѣе и земскихъ и другихъ учрежденій, ибо въ немъ, въ этомъ просторѣ, заключается условіе жизненности для всѣхъ этихъ учрежденій, и безъ него—они едва ли взойдутъ».

Просторъ слова есть цѣль, къ которой должно стремиться, благо, которое надо неуклонно насаждать; ростить непрерывно, хотя бы и не торопливо воспитывать—эта мысль И. С. Аксакова чрезвычайно глубока. И дѣйствительно сама жизнь неуклонно насаждаетъ, роститъ и воспитываетъ свободу слова въ обществѣ. По мѣрѣ накопленія и расширенія въ различныхъ классахъ и слояхъ потребности мыслить, потребности въ печатномъ словѣ, по мѣрѣ увеличенія потребителей печатнаго слова, становится нужнѣе и нужнѣе писатель. Газета является уже насущной потребностью десятковъ и сотенъ тысячъ лицъ и, какъ предметъ ежедневной необходимости, можетъ быть запрещена только по особо важнымъ причинамъ. Мало-по-малу, произволъ личнаго вкуса, недоброжелательства или антипатіи отдѣльныхъ лицъ, имѣющихъ власть воздѣйствовать на цензуру и печать, побораетcя тѣмъ, что печать становится всѣмъ нужна и этимъ сильна, этой общей насущной потребностью общества защищена. Съ одной стороны по мѣрѣ развитія просвѣщенія является терпимость, масса идей входитъ въ обращеніе, теряетъ свою новость, ослабляется и та «раздражительность», которая раньше была причиной давленія «снизу вверхъ», давленія самого общества на цензуру. Наконецъ, самое развитіе прессы, обиліе органовъ дѣ-

[1]) Ibid. T. IV. 443, 467, 485, 496.

лаетъ физически немыслимымъ то вчитываніе и вглядываніе въ каждую строку печатную, которое характеризовало старую цензуру. Такъ цензуровать теперь уже невозможно, потому что людей на это не хватитъ, бюджетъ цензурнаго вѣдомства не выдержитъ содержанія арміи чиновниковъ, корпящихъ надъ всякой буквой, словомъ, стихомъ, выраженіемъ. Однимъ словомъ постепенно, но неуклонно разрастаясь, литература, печать становится органомъ общественнаго мышленія, необходимымъ для организма государства и тѣмъ самымъ расширяетъ просторъ для своей плодотворной работы, увеличиваетъ предѣлы довѣрія къ себѣ. Но рядомъ съ этимъ естественнымъ, самой жизнью развиваемымъ процессомъ ограниченія цензуры возникающей литературою, конечно, должны быть и сознательныя мѣры правящихъ сферъ къ насажденію того святого блага, которое ведетъ къ общественной правдивости и честности, и о которомъ съ такой проникновенной силой сказалъ поэтъ:

Ты чудо изъ божьихъ чудесъ,
Ты мысли свѣтильникъ и пламя,
Ты лучъ намъ на землю съ небесъ,
Ты намъ человѣчества знамя,
Ты гонишь невѣжества ложь,
Ты вѣчною жизнію ново,
Ты къ свѣту, ты къ правдѣ ведёшь—
Свободное слово!

Николай Энгельгардтъ.

28 марта 1901 года.

ПОЛУГЕРОЙ ЕКАТЕРИНИНСКАГО ВѢКА.

(Посвящается С. Н. Шубинскому).

I.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ вѣкъ между прочимъ въ исторіи общественной жизни Россіи отмѣченъ, какъ вѣкъ всякаго рода чудачествъ и сумасбродствъ.

Обыкновенно принято всѣ эти чудачества и сумасбродства великихъ и малыхъ людей объяснять бытовыми условіями времени. По установившемуся мнѣнію, чудаки и сумасброды восемнадцатаго столѣтія были неизбѣжнымъ продуктомъ существовавшихъ тогда бытовыхъ отношеній и нравственной неразвитости общества, среди котораго для личности представлялся столь же широкій просторъ, какъ и для слѣпого случая. С. Н. Шубинскій въ своихъ «Историческихъ очеркахъ и разсказахъ» слѣдующимъ образомъ характеризуетъ оригиналовъ вѣка великаго Петра и великой Екатерины. «Въ сущности добрые и честные, люди эти, благодаря совершенной необразованности, имѣли самыя узкія и извращенныя понятія о чести, добрѣ и правдѣ; стремленія ихъ были мелки, страсти никогда не сдерживались разсудкомъ. Всеобщая поблажка вокругъ усиливала ихъ озорничество и неуваженіе къ правамъ человѣка, придавала имъ смѣлость и размашистость и пріучала ставить личный произволъ выше всякаго закона, выше всякой логики».

Безъ всякаго сомнѣнія, черты, указанныя почтеннымъ знатокомъ быта восемнадцатаго столѣтія, существовали на самомъ дѣлѣ и въ достаточной степени ярко обрисовывали нравы эпохи; но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить, что чудачества восемнадцатаго вѣка имѣли болѣе глубокіе корни, нежели тѣ, которые указываются обыкновенно. Нельзя не обратить вниманія, что всевозможныя исключительныя продѣлки былыхъ чудаковъ и оригиналовъ вызывали въ обществѣ удивленіе, смѣшанное съ уваженіемъ. Чудачество являлось какъ бы осязательнымъ доказательствомъ незаурядности натуры чудака, исключительныхъ свойствъ его души, которой тѣсно было уживаться въ рамкахъ обыденныхъ условностей; наравнѣ съ героями дня чудаки становились яркими точками, на которыхъ останавливалось вниманіе въ особенности народной массы; чудаки дѣлались героями легенды, и ихъ продѣлки наравнѣ съ гражданскими подвигами питали народное воображеніе.

Чему приписать подобную идеализацію чудачествъ оригиналовъ былыхъ временъ? Чѣмъ объяснить вмѣстѣ съ тѣмъ, что, принимая въ соображеніе указанную черту народной русской психологіи, нѣкоторыя безусловно исключительныя личности, какъ, напримѣръ, Суворовъ, набрасывали на себя маску чудачества и носили ее всю жизнь, не снимая?

Повидимому, объясненіе загадочному явленію можно найти въ слѣдующемъ. Съ древнихъ временъ въ русскомъ народѣ установилось двоякое воззрѣніе на лицъ, являющихся въ своей средѣ выдающимися. Одни—это герои, одаренные явными талантами или особыми добродѣтелями, становящіеся во главѣ общества, какъ въ обычное время, такъ и въ годину тяжкихъ испытаній. Къ этимъ людямъ народъ чувствовалъ довѣріе, выбиралъ ихъ себѣ въ князья, въ посадники, въ настоятели монастырей, въ митрополиты и вообще выдвигалъ въ ряды лучшихъ своихъ представителей; къ тому же разряду, хотя и числомъ ниже, относились люди ума практическаго, умудренные разсудкомъ и опытомъ; этотъ разрядъ въ общественномъ отношеніи не выдавался единицами, но за то былъ силенъ въ своемъ соединеніи; имъ составлялись «думцы» князей, съ нимъ предлагалъ своимъ преемникамъ совѣтоваться о важнѣйшихъ дѣлахъ Владиміръ Мономахъ.

Однако рядомъ съ тѣми изъ своихъ лучшихъ представителей, которые являлись общественными водителями на свѣтскомъ и духовномъ поприщѣ, народъ видѣлъ еще и другихъ избранниковъ, которыхъ Божья благодать отмѣчала не явно, а тайно. У этихъ людей нечего искать опредѣленныхъ дарованій, ясно выраженныхъ добродѣтелей или долгими годами накопленной практической мудрости, усиливаемой зрѣлой разсудительностью. Эти люди не вожди, не совѣтники, не судьи, не духовные отцы, но, тѣмъ не менѣе, они все-таки носители священнаго огня, и имѣющій глаза видитъ ихъ,

и имѣющій уши слышить. Очень часто поступки такихъ божьихъ избранниковъ выходятъ изъ рамокъ общепризнанныхъ условностей, какъ чудо нарушаетъ законы природы; наперекоръ установившимся порядкамъ они «чудятъ»; ихъ рѣчи порой совершенно несвязны и по внѣшнему виду даже безсмысленны, но подобно тому, какъ вѣрующій человѣкъ въ судѣ видитъ знаменіе воли Всевышняго, такъ и въ словахъ и поступкахъ чудящаго избранника онъ старается открыть внутренній сокровенный смыслъ, выраженіе не общежитейскаго ума или разсудка, а высшаго наитія и вдохновенія.

На такой вѣрѣ въ скрытыя тайны существа съ виду убогихъ носителей священной искры Божіей, нужно предположить, основывается психологія того почтенія, которымъ, какъ въ древности, такъ и въ наше время въ народной массѣ окружается личность юродивыхъ и блаженныхъ, память о которыхъ наравнѣ съ памятью активныхъ героевъ проходитъ вѣковъ завистливую даль. Русское юродство съ его общественной психологіей еще не нашло себѣ вполнѣ достойнаго литературнаго обобщителя, но сама исторія сохранила навсегда такія имена какъ, имя Никиты Салоса, а народная память имя болѣе безобидной блаженной Ксеніи, по народному убѣжденію, не только «чудившей» при жизни, но творящей уже настоящія чудеса послѣ смерти.

Убѣжденіе объ избранничествѣ юродивыхъ въ отраженномъ видѣ создало теорію необходимаго чудачества, какъ признака исключительности личности и въ тѣхъ условіяхъ, когда она не простираетъ своихъ странностей до предѣловъ полнаго отрицанія установившихся житейскихъ условностей. Безсознательно обобщая идею юродства, народъ выработалъ представленіе о томъ, что всякій истинный избранникъ не въ состояніи спокойно уживаться съ пошлостью обыденнаго человѣческаго существованія. Его душа должна рваться на просторъ. Холодный разсудокъ можетъ сдерживать порывы внутренней силы, но рано или поздно, чаще или рѣже, но скрытыя силы берутъ свое; мы должны мириться съ проявленіями этого свойства избранныхъ натуръ тѣмъ болѣе, что чудачество избранника, какъ чудачество юродиваго, никогда не можетъ въ глубинѣ своей содержать чего либо безнравственнаго, грязнаго или противообщественнаго. Въ истинномъ чудачествѣ всегда должно очерчиваться нѣкоторое доброе начало, иначе оно превратится въ самодурство, вызывающее не скрытое уваженіе, а негодованіе и гнѣвъ. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ вспомнить чудачества хотя бы того же самаго Суворова, чтобы убѣдиться въ справедливости высказанной мысли. Кому приносили существенный вредъ продѣлки геніальнаго полководца? Никому. Но вмѣстѣ съ тѣмъ его чудачества давали ему возможность отстаивать свою самостоятельность передъ Екатериной среди искусившихся во лжи и

лукавствѣ царедворцевъ, они давали ему возможность безнаказанно говорить правду, какъ говорили ее шуты, и тѣмъ отстаивать, какъ интересы общественные, такъ, при случаѣ, и частныхъ лицъ.

Конечно, не что иное, какъ особая психологія чудачества, заставляла обращаться къ нему такихъ замѣчательныхъ лицъ, какимъ былъ Суворовъ, искавшій въ чудачествѣ обаянія въ солдатской средѣ. Но, кромѣ того, въ чудаки рядились и такіе люди, за которыми не было выдающихся дарованій, самихъ по себѣ дающихъ право на вниманіе и почетъ. Для Суворова чудачество являлось только лишнимъ козыремъ въ игрѣ, для цѣлаго ряда другихъ рядовыхъ чудаковъ этотъ козырь былъ единственнымъ, но, тѣмъ не менѣе, все-таки онъ украшалъ игру.

Къ людямъ, ничѣмъ не выдававшимся по своимъ личнымъ дарованіямъ, но болѣзненно искавшимъ популярности, во что бы то ни стало, принадлежалъ между прочимъ извѣстный богачъ екатерининскаго времени, Прокофій Акинфіевичъ Демидовъ, внукъ знаменитаго Никиты Демидова, сподвижника Петра въ области горнаго дѣла въ Россіи.

Прокофій Акинфіевичъ, потерявъ отца на тридцать пятомъ году отъ рожденія, остался, какъ говорятъ, обладателемъ такого значительнаго состоянія, что не могъ съ точностью опредѣлить своихъ доходовъ. По окончаніи раздѣла съ братьями, Демидовъ отправился въ путешествіе за границу.

Самолюбивый богачъ, отправляясь въ чужіе края, вначалѣ искалъ тамъ не развлеченія или науки; ему хотѣлось, чтобы о немъ говорили, чтобы имя его стало извѣстнымъ. До сихъ поръ еще разные ловкіе люди, желая пріобрѣсти извѣстность на родинѣ въ Россіи, будь то въ области искусства, науки, литературы или даже техническихъ знаній, стремятся заручиться вниманіемъ иностранцевъ для того, чтобы впослѣдствіи тѣмъ легче импонировать довѣрчивымъ и простодушнымъ землякамъ. Демидовъ сообразилъ это обстоятельство. Онъ отправился за границу дѣлать себѣ имя, но для созиданія таковаго въ его распоряженіи не было ничего, кромѣ денегъ и чудачества. Въ психологію юродства и, какъ частнаго его вида, чудачества по религіознымъ мотивамъ въ глазахъ русскаго народа входило презрѣніе къ богатству и къ деньгамъ вообще. Избранникъ Божій или совершенно безсребренникъ, или богатство для него по существу своему ничтожно.

Усвоивъ себѣ такой взглядъ на вещи, Демидовъ отправлялся въ Голландію, Саксонію и Англію удивлять европейцевъ своими богатствами и презрѣніемъ къ нимъ исключительнаго человѣка.

Къ сожалѣнію, самолюбивый милліонеръ ошибся въ расчетахъ. Онъ основывался на психологіи русской, но европеецъ, издавна привыкшій не только уважать, но и поклоняться золоту, какъ кристаллизованному труду человѣческому, взглянулъ на Демидова, не

какъ на исключительную личность—чудака, а какъ на простого сумасброда, по неразумію своему не знающаго, куда дѣвать легко доставшіяся деньги. Иностранцы встрѣчали русскаго милліонера съ почестями, вкусно кушали на его лукулловскихъ обѣдахъ, старались сбыть ему возможно выгоднѣе свои товары, а за глаза качали головами и смѣялись. Демидовъ оставался доволенъ вызываемымъ,

Прокофій Акинфіевичъ Демидовъ.

какъ ему казалось, почтительнымъ удивленіемъ европейцевъ; только холодные англичане открыли ему глаза, подвергнувъ русскаго милліонера наглой эксплоатаціи, не постаравшись даже прикрыть ее внѣшними приличіями. Вернувшись изъ Англіи, Прокофій Акинфіевичъ оригинально отмстилъ англичанамъ за невнимательность къ его особѣ. Онъ скупилъ въ Петербургѣ всю привезенную туда для англичанъ пеньку и два раза заставилъ уѣхать англійскихъ купцовъ домой съ пустыми руками.

Замѣтивъ, что Европа не представляетъ достаточно благодарной почвы для своеобразно понимаемой славы, Демидовъ рѣшилъ дѣлать себѣ извѣстность въ отечествѣ. Однимъ изъ путей къ таковой извѣстности являлась благотворительность въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Восемнадцатый вѣкъ во второй половинѣ вообще выдавался общественной благотворительностью. Зная взгляды правительства на этотъ счетъ, зная его просвѣтительно благотворительныя стремленія, осуществленію которыхъ въ нѣкоторой мѣрѣ препятствовалъ недостатокъ свободныхъ государственныхъ средствъ, многіе богатые вельможи старались угодить монархамъ и увѣковѣчить свое имя щедрыми пожертвованіями на общественную пользу: Шереметевы открыли страннопріимные дома, Куракины—богадѣльни, Голицыны—больницы. Эти пожертвованія производились въ Москвѣ, гдѣ каждый вельможа являлся самостоятельной единицей и въ качествѣ таковой больше обращалъ на себя вниманіе и больше заставлялъ говорить о себѣ.

Демидовъ принялъ въ расчетъ эти особыя условія своего вѣка. Недолго проживъ въ Петербургѣ, онъ переселился въ Москву и тамъ постепенно принялся за общественную благотворительность.

Какъ говоритъ С. Глинка въ своей исторіи, Екатерина Великая въ началѣ своего царствованія «къ отвращенію погибели, нерѣдко постигавшей незаконнорожденныхъ при первомъ воззрѣніи ихъ на свѣтъ, предположила основать въ Москвѣ сиропитательный домъ». Первыми жертвователями на это благое дѣло были сама императрица и наслѣдникъ цесаревичъ Павелъ; за ними послѣдовали герцогиня Гессенъ-Гомбургская, рожденная княжна Трубецкая, извѣстный философъ Дидро, княгини Голицына и Дашкова, князья Куракины [1]). Къ этому блестящему обществу примкнулъ и Демидовъ, затмивъ его своими благодѣяніями.

Первое отношеніе Демидова къ Московскому воспитательному дому заключалось въ томъ, что онъ по рѣшенію сената долженъ былъ заплатить въ пользу дома штрафъ [2]). Въ 1768 г. П. А. предоставилъ опекунскому совѣту взыскать по своимъ векселямъ съ князя Оболенскаго значительную сумму, за что уступалъ со всей цѣны иска 3%, всего 20.000 рублей.

Въ томъ же году Демидовъ подарилъ дому собраніе древнихъ монетъ, и въ 1769 г. предложилъ опекунскому совѣту, стѣсненному въ средствахъ, 9.000 рублей. Возвратясь изъ заграничной поѣздки въ 1771 г., Демидовъ въ письмѣ къ Бецкому изложилъ свои благотворительныя намѣренія. Признавая, что съ учрежденіемъ воспи-

---

[1]) Головщиковъ. Родъ дворянъ Демидовыхъ. Ярославль, 1881 г., стр. 105.

[2]) Матеріалы для исторіи Императорскаго воспитательнаго дома. Москва. 1863 г., вып. 1, стр. 69.

тательнаго дома Екатерина II «многія беззаконія и звѣрскія злодѣйства предупредила и отвратила», и принимая за образецъ подобныя заведенія въ чужихъ краяхъ, П. А. выразилъ желаніе «имѣть о несчастныхъ всякое попеченіе». Онъ обѣщалъ: «начатое въ Москвѣ каменное строеніе воспитательнаго дома достроить своимъ иждивеніемъ, вспомоществовать открытію ссудной казны и родильнаго госпиталя въ С.-Петербургѣ и не переставать оказывать благотворенія во вѣки, доколѣ могъ пользоваться преимуществами и защищеніемъ дома». Подтверждая слово дѣломъ, Демидовъ тогда же внесъ 100.000 рублей, а когда госпиталь въ С.-Петербургѣ не былъ открытъ за «малоимѣніемъ» собираемой суммы, П. А. прислалъ 20.000 рублей [1]).

Независимо отъ перечисленныхъ пожертвованій, Бецкой передалъ совѣту отъ имени Демидова ассигнацію на англійскаго купца Томсона въ 60.000 рублей, два векселя на 7.090 рублей и закладную отъ графа С. П. Шереметева въ 8.000 рублей.

Въ 1772 году, П. А. подарилъ воспитательному дому свой каменный домъ и въ томъ же году письменно заявилъ Бецкому о своемъ намѣреніи завести на собственный счетъ коммерческое училище на сто мальчиковъ купеческаго сословія; для названной цѣли Демидовъ изъявилъ готовность дать 205.000 рублей [2]).

Жертвуя громадныя суммы на воспитательный домъ и коммерческое училище, П. А. не оставлялъ своимъ вниманіемъ и Московскаго университета. Въ 1779 году 11-го января, наканунѣ основанія университета, Демидовъ прислалъ на имя Шувалова 10.000 рублей; въ томъ же году въ день празднованія университетскаго акта П. А. прислалъ Шувалову еще 10.000 рублей. Сумма, пожертвованная Демидовымъ, подъ названіемъ «Демидовскаго пансіона» была отдана въ московскій банкъ съ тѣмъ, чтобы на проценты съ нея могли воспитываться шестеро студентовъ и готовить себя не только къ учительскому, но и къ профессорскому званію. Изъ демидовскихъ стипендіатовъ впослѣдствіи профессорами были Арженевскій и Гавриловъ [3]).

Если пожертвованіями своими Демидовъ искалъ почета и извѣстности, то онъ вполнѣ достигъ желаемаго. П. А. былъ лично извѣстенъ императрицѣ, не долюбливавшей спесиваго богача, но отдававшей ему должное.

Демидова старались чествовать всячески для того, чтобы выразить признательность за многочисленныя благотворенія. По открытіи госпиталя въ С.-Петербургѣ, надъ дверями учрежденія была прибита мраморная доска съ надписью: «Госпиталь для родиль-

---

[1]) Ibidem.

[2]) Ibid., стр. 70.

[3]) «Исторія Импер. Московскаго университета», стр. 113. Москва, 1855 г.

ницъ, отворена человѣколюбіемъ господина Прокофія Акинфіевича Демидова въ 1-й день октября 1771 г.» [1]). Бецкой, извѣщая опекунскій совѣтъ о пожертвованіяхъ Демидова, писалъ: «Такова благодѣтеля мы не только въ сообщество свое въ силу генеральнаго плана принять, но отмѣнно почтить защищать во всякихъ случаяхъ и весьма чувствительно благодарить должны, и портретъ его въ залѣ совѣта поставленъ быть имѣетъ». Портретъ былъ заказанъ извѣстному художнику того времени Левицкому. При посѣщеніи Демидовымъ, 20-го апрѣля 1772 года, воспитательнаго дома опекунскій совѣтъ поднесъ ему золотую медаль и благодарственное свидѣтельство, художественно исполненное на пергаментѣ съ миніатюрами. Кромѣ того, по распоряженію же совѣта, въ газетахъ было напечатано стихотвореніе подъ заглавіемъ: «Вывѣска къ жилищу Прокофія Акинфіевича Демидова». Комиссія, разсматривавшая планъ учрежденія коммерческаго училища, «подвергла и виновника полезнаго учрежденія» особенному монаршему воззрѣнію и милости. Въ тотъ же день былъ данъ сенату указъ о пожалованіи дворянина Прокофія Демидова прямо въ статскіе совѣтники. Въ 1781 г. опекунскій совѣтъ соорудилъ два бюста Демидова, бронзовый и мраморный, но П. А. ихъ не принялъ. Въ университетѣ назначались отъ студентовъ депутаціи благодарить щедраго жертвователя, и, кромѣ того, на всѣхъ актахъ постановлено было привѣтствовать его хвалебными рѣчами. Наконецъ Іосифъ II во время пребыванія своего въ Москвѣ лично выразилъ Демидову дань своего уваженія.

Что въ благотворительности Демидова играло большую роль тщеславіе, желаніе извѣстности и почета, въ томъ не можетъ быть никакого сомнѣнія; онъ при случаѣ не скрывалъ своего удовольствія по поводу оказываемаго ему вниманія со стороны вліятельныхъ лицъ и государственныхъ учрежденій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не упомянуть, что отчасти П. А. вкладывалъ и душу въ свои благія дѣла. Въ этомъ можетъ убѣдить сохранившаяся послѣ него переписка, между прочимъ отчасти напечатанная П. И. Щукинымъ въ третьей части его сборника старинныхъ бумагъ [2]).

Не говоря уже о томъ, что Демидовъ представилъ выработанный имъ планъ коммерческаго училища, въ отношеніи воспитательнаго дома въ его бумагахъ на имя опекунскаго совѣта и другихъ документахъ сквозитъ подчасъ мелочная заботливость о нуждахъ и интересахъ учрежденія.

Вотъ какъ, напримѣръ, писалъ Демидовъ опекунскому совѣту по поводу занятій питомцевъ воспитательнаго дома французскимъ

---

[1]) «Матеріалы для исторіи Императорскаго Московскаго воспитательнаго дома», вып. I, стр. 70.

[2]) П. И. Щукинъ. «Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина». Москва, 1897 г., стр. 259 и слѣд.

языкомъ и музыкой. «Слышно, будто для француского языка принята мадамъ с мужемъ і з детми обучать питомцевъ француского языка, і будто она і мужъ і дети імѣютъ любительную болезнь; мужъ лежитъ, а дети ѣе насилу ходютъ, но і она также поражена, і отъ нихъ ото всехъ будто воняетъ, для чего многіе питомцы уже тою болезнию заразились; и ежели то правда, іли неправда, то покорио прошу высокопочтеннѣйшаго совета всилу плана господину доктору поручить оное разсмотреть; да и не худо і протчихъ всехъ определенныхъ, такожъ нянекъ, кормилицъ і сколко въ доме імѣетца служителей осмотреть же и всилу плана учинить» [1]). Въ томъ же письмѣ далѣе Демидовъ высказываетъ заботу о томъ, что музыкальные инструменты воспитанниковъ находятся въ сыромъ мѣстѣ и могутъ попортиться, и кстати указываетъ на непорядки въ отношеніи веденія хозяйства надзирателемъ.

Въ томъ же 1773 году, 7-го октября, Демидовъ писалъ опекунскому совѣту по поводу даннаго ему Демидову разрѣшенія осматривать и описывать на скотномъ дворѣ воспитательнаго дома коровъ. Для коровника воспитательнаго дома П. А. сочинилъ даже цѣлую стройную и подробную инструкцію относительно правильнаго ухода за коровами и веденія учета получаемаго молока. Повидимому, даже Демидовъ присматривался къ порядкамъ воспитательныхъ домовъ за границей, такъ какъ въ одномъ изъ писемъ опекунскому совѣту [2]) онъ ссылается на европейскій обиходъ и на разрѣшеніе вводить его въ практику Московскаго воспитательнаго дома.

Итакъ, рядомъ съ погоней за почестями и славой, Демидовъ вкладывалъ въ дѣло и душу. Дворянинъ и богачъ по своему общественному положенію, П. А. былъ убѣжденнымъ демократомъ по убѣжденіямъ и не забывалъ своего происхожденія отъ простого кузнеца, которому въ жизни повезло въ виду смышлености и удачи. Нужно предположить, что во многихъ отношеніяхъ Демидовъ искренно интересовался судьбою обездоленныхъ младенцевъ; какъ было указано, это видно изъ вышеприведенной переписки П. А. съ опекунскимъ совѣтомъ. Но то, что Демидовъ иногда благотворилъ, едва ли не исключительно происходило изъ внутреннихъ побужденій, и именно изъ чувства демократизма. Ему хотѣлось, чтобы наряду съ дворянствомъ приходило къ самосознанію и русское купечество, которое отъ родного Демидову крестьянства тогда еще отдѣлялось очень тонкой перегородкой.

Идея учрежденія коммерческаго училища принадлежала непосредственно Демидову; онъ же выработалъ проектъ внутренняго порядка въ устроиваемомъ учебномъ заведеніи. Будучи иниціато-

---

[1]) Сохранено правописаніе подлинника.

[2]) П. И. Щукинъ. «Сборникъ старинныхъ бумагъ», т. III, стр. 270.

ромъ дѣла, онъ хотѣлъ и самъ приложить руки въ его осуществленіи и веденіи. Въ мартѣ 1779 года, П. А. по поводу коммерческаго училища писалъ своему зятю Хозикову, бывшему домашнимъ секретаремъ Бецкого: «Поговори съ Иваномъ Ивановичемъ (Бецкимъ): ежели купцы въ коммерческое училище дѣтей отдавать будутъ, чтобъ Иванъ Ивановичъ дозволилъ обще съ господами опекунами и мнѣ быть. И ежели хорошенькія ребятишки попадутся не свыше десяти лѣтъ, однимъ пріемомъ меня бы пожаловалъ, чрезъ что пріохотитъ отцовъ къ отдачѣ дѣтей, да и мнѣ охотнѣе было около ихъ возиться» [1]).

Итакъ, въ этомъ письмѣ Демидовъ хлопочетъ о пріобрѣтеніи непосредственнаго вліянія на дѣла училища и вмѣстѣ съ тѣмъ подчеркиваетъ, что его близкое отношеніе къ училищу внушитъ довѣріе къ учрежденію со стороны купцовъ, въ средѣ которыхъ П. А. пользовался достаточной популярностью, чѣмъ не обладали члены опекунскаго совѣта. Привлеченію купцовъ къ коммерческому училищу Демидовъ содѣйствовалъ всячески. Это видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго его письма къ побочной дочери Бецкого, Н. И. Рибасъ: «А я таки купцамъ губы мажу; да такіе головы: думаютъ, будто дѣти вѣчно къ нимъ не возвратятся. Хоша планъ видитъ, да какъ баранъ головой трясетъ... А со спесивыми улаживаюсь всякими пристойными неправдами, и будто нѣсколько подаются и изъ Ярославля обѣщали привезть» [2]). Успѣхъ привлеченія купеческихъ дѣтей въ училище искренно радовалъ П. А. «Я, мой батюшка, — писалъ онъ между прочимъ Хозикову, — о моей радости тебѣ доношу, что Богъ меня благословилъ двухъ дѣтей богатыхъ отцовъ въ коммерческое училище принять». «Меня, государь мой,—сообщаетъ онъ въ другомъ письмѣ,—богатый много порадовалъ. Какъ его сынъ выйдетъ и будетъ въ чужихъ краяхъ, отецъ пожелаетъ, чтобы тамъ россійская контора завелась. Тогда-то богатые купцы будутъ жалѣть о глупости своей».

Радовался Демидовъ успѣхамъ созидаемыхъ имъ общественныхъ благотворительно-просвѣтительныхъ начинаній, радовался оказываемому ему вниманію со стороны императрицы и высшихъ классовъ, но эти радости не удовлетворяли его вполнѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы П. А. добивался только служебныхъ отличій и удивленія въ высшихъ кругахъ, при своихъ несмѣтныхъ богатствахъ, онъ могъ бы достигнуть въ десять разъ болѣе крупныхъ результатовъ, нежели чинъ статскаго совѣтника и внѣшній почетъ въ видѣ вниманія высочайшихъ особъ или выставляемыхъ въ залахъ опекунскаго совѣта дорогихъ портретовъ. Демидовъ жаждалъ болѣе широкой извѣстности; онъ хотѣлъ быть

---

[1]) К. Головщиковъ. «Родъ дворянъ Демидовыхъ», стр. 106.

[2]) Ibid., стр. 107.

извѣстнымъ не единицамъ, а массѣ; онъ стремился къ популярности, къ тому, чтобы имя его повторялось по Москвѣ и по Россіи изъ устъ въ уста, чтобы онъ былъ героемъ разсказовъ и удивленія въ средѣ народной толпы. Для этихъ цѣлей общественной благотворительности было мало, тѣмъ болѣе, что въ глазахъ народной массы усилія частныхъ благотворителей поглощаются въ значительной степени ореоломъ правительства, берущаго частную благотворительность подъ свое покровительство. Въ такихъ учрежденіяхъ, какъ учрежденіе воспитательнаго дома или коммерческаго училища, народу трудно различить, гдѣ кончается частное благодѣяніе, и гдѣ начинается царская милость. Это прекрасно понималъ Демидовъ.

II.

П. А. сознавалъ, что для пріобрѣтенія популярности нужно было выдаться изъ толпы статскихъ совѣтниковъ и благотворителей, которыхъ народное представленіе обобщало подъ видомъ одного раззолоченнаго кафтана. Передъ массой необходимо выступать съ личными и ей понятными, доступными чертами. Съ этой точки зрѣнія безсребренничество богатаго человѣка уже козырь въ игрѣ искателя популярности, если же при томъ это презрѣніе къ деньгамъ соединяется съ демократическими тенденціями борьбы съ сильными міра, обличеніемъ неправды, гордой самостоятельностью, покровительствомъ слабому, залогъ успѣха обезпеченъ. При этихъ условіяхъ присоединенная къ нимъ чудаковатость еще подчеркиваетъ положительныя стороны кандидата въ народные полугерои и создастъ удобную почву для легенды.

Нужно замѣтить, что Демидовъ пустилъ въ ходъ всѣ эти средства къ достиженію популярности. Его чудачества въ стоустной молвѣ приняли легендарную форму, и именно благодаря скрытымъ въ демидовскихъ чудачествахъ благотворительности и протесту, или заступничеству за интересы слабаго.

Для исторіи демидовскихъ чудачествъ остался значительный матеріалъ, собранный и обработанный Бантышомъ-Каменскимъ, гг. Головщиковымъ и Шубинскимъ [1]). Изъ этихъ данныхъ мы воспользуемся только нѣкоторыми, которыя могутъ обрисовать П. А. со стороны народнаго полугероя.

Нѣкто Медеръ, несостоятельный купецъ, не зная, какъ поправить свои дѣла, рѣшился обратиться за помощью къ Демидову. П. А. принялъ его въ одной рубашкѣ и долгое время ходилъ вокругъ него, пристально осматривая и не говоря ни слова. Нако-

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, «Словарь достопамятныхъ людей Русской земли». И. М. Головщиковъ, «Родъ дворянъ Демидовыхъ». С. Н. Шубинскій, «Историческіе очерки разсказы».

нецъ, Демидовъ остановился передъ самымъ носомъ просителя и спросилъ:

— Кто ты такой?

— Медеръ.

— Какое твое ремесло?

— Я негоціантъ и маклеръ.

— Что тебѣ нужно?

— Видѣть знаменитаго Демидова, всюду прославившаго свое имя добрыми дѣлами.

— Какъ ты попалъ въ Москву и откуда?

— Я пріѣхалъ изъ Петербурга на почтовыхъ.

— Умѣешь ѣздить верхомъ?

— Умѣю.

— А на тебѣ можно ѣздить?

— Если хотите, это зависитъ отъ васъ.

— Ладно. Становись на четвереньки, я попробую.

Зная чудачество Демидова, Медеръ сталъ на четвереньки, а П. А. сѣлъ къ нему на спину и приказалъ возить себя по комнатамъ. Измучивъ своего не совсѣмъ обыкновеннаго коня, Демидовъ остановилъ его и слѣзая сказалъ:

— Ты, я вижу, славный малый.

Вслѣдъ за этимъ испытаніемъ П. А. угостилъ посѣтителя виномъ, при чемъ Медеръ оказался выдающимся питухомъ. Онъ отвергъ стаканъ пунша, предложенный ему Демидовымъ, и вмѣсто того выпилъ залпомъ цѣлую большую чашу изъ севрскаго фарфора, бросивъ ее потомъ вверхъ съ восклицаніемъ: «ура, да здравствуетъ Демидовъ».

Демидовъ, подобно Суворову, поощрявшій непринужденность, восхитился, вскочилъ изъ-за стола, расцѣловалъ Медера и сказалъ:

— Чортъ возьми! Я никакъ не ожидалъ встрѣтить человѣка твоего закала. Ты мнѣ нравишься; я хочу съ тобой сойтись покороче. Если ты имѣешь до меня какую нибудь просьбу,—говори прямо.

Медеръ тотчасъ же заявилъ, что въ его горестномъ положеніи ему могли бы очень помочь десять тысячъ рублей.

— Только-то!—отвѣчалъ Демидовъ и немедленно выдалъ просителю желаемую сумму.

Въ этомъ анекдотѣ существенное заключается въ помощи нуждающемуся человѣку, чудачество же придаетъ бросающуюся въ глаза форму, которая заставляетъ о себѣ говорить и служитъ какъ бы рекламой самому благотворенію.

Не отказывая просителямъ, отъ времени до времени Демидовъ подъ видомъ чудачества дѣлалъ общее благотвореніе, и чудачество заставляло говорить о себѣ. Въ одно прекрасное іюльское утро онъ вздумалъ прокатиться въ саняхъ. Для этой цѣли онъ заку-

пилъ всю находившуюся въ Москвѣ соль и велѣлъ посыпать ею трехверстное пространство аллеи, соединявшей его подмосковное имѣніе съ почтовой дорогой. Соль, столь дорогая по тому времени, по проѣздѣ чудака сдѣлалась безплатнымъ достояніемъ всѣхъ, кто желалъ подбирать ее, то-есть бѣднѣйшаго населенія. Слѣдовательно и въ настоящемъ случаѣ Демидовъ сдѣлалъ народное пожертвованіе, о которомъ стали говорить гораздо больше, нежели если бы за такое благотвореніе жертвователь былъ пожалованъ орденомъ, и о добромъ дѣлѣ его было бы напечатано въ тогдашнихъ малочитаемыхъ газетахъ.

Полиція восемнадцатаго вѣка никогда не внушала къ себѣ особой нѣжности со стороны московскихъ обывателей, въ особенности тѣхъ, которые не могли, какъ слѣдуетъ, поддерживать съ нею добрыя отношенія при помощи вольныхъ и невольныхъ приношеній. Демидовъ какъ-то разъ разсердился на полицейскаго офицера своего квартала. Квартальный блюститель порядка не замедлилъ отомстить богачу, назначивъ къ нему на постой нѣсколькихъ солдатъ. Демидовъ вначалѣ не показалъ ни малѣйшаго неудовольствія и даже черезъ два дня написалъ полицейскому офицеру очень вѣжливое письмо, убѣдительно прося его пожаловать на обѣдъ. Офицеръ не замедлилъ явиться. Хозяинъ радушно угостилъ его и въ заключеніе напоилъ до безчувствія. Въ такомъ видѣ полицейскаго отнесли въ особую комнату съ диваномъ и огромнымъ зеркаломъ. Тамъ раздѣли его донага, обрили ему голову, тѣло вымазали медомъ и вываляли въ пуху. На утро Демидовъ имѣлъ удовольствіе хохотать до упаду, наблюдая въ замочную скважину бѣшенство и отчаяніе отрезвившагося и увидѣвшаго себя въ зеркалѣ гостя. Не удовольствовавшись причиненнымъ позоромъ, Демидовъ вошелъ въ комнату къ офицеру и закричалъ на него: «Какъ! ты, полицейскій офицеръ, обязанный смотрѣть за общественнымъ порядкомъ, осмѣливаешься являться ко мнѣ въ домъ въ такомъ безобразномъ видѣ?! Погоди, негодяй, я научу тебя приличію. Сейчасъ отправлю тебя къ губернатору и буду просить, чтобы тебя, безъ всякаго милосердія, наказали за всѣ твои мерзости». Полицейскій упалъ къ ногамъ Демидова, который взялъ съ него подписку о непричиненіи ему, Демидову, на слѣдующій разъ никакихъ непріятностей и тогда отпустилъ, подаривъ на прощаніе парикъ и мѣшокъ червонцевъ. Конечно, при непопулярности московской полиціи этотъ фактъ послужилъ въ народной массѣ въ крупный плюсъ Демидову, такъ какъ въ поступкѣ его чувствовалось общественное начало.

Екатерининская знать при случаѣ вела себя очень надменно, а Демидовъ игралъ на стрункѣ всегдашняго нерасположенія низшихъ классовъ къ высшимъ, умѣющимъ пользоваться властью и почетомъ въ свою личную пользу. Это еще болѣе увеличивало его популярность. Приведемъ примѣры такого преслѣдованія аристократовъ и даже издѣвательства надъ ними.

Статсъ-дамѣ императрицы, графинѣ Р., во время пребыванія двора въ Москвѣ встрѣтилась надобность въ пяти тысячахъ рублей. Тщетно объѣздивъ своихъ знакомыхъ, графиня наконецъ рѣшилась обратиться къ Демидову. П. А. встрѣтилъ просительницу сухо и сказалъ:

— У меня нѣтъ денегъ для женщинъ вашего званія и происхожденія, потому что мнѣ некому жаловаться на васъ, если вы не заплатите къ сроку. Вы привыкли ставить себя выше закона, и самъ чортъ съ вами ничего не сдѣлаетъ.

Графиня перенесла это оскорбленіе и послѣ дальнѣйшихъ переговоровъ подъ вліяніемъ необходимости заключила съ Демидовымъ исключительное условіе. Она выдала П. А. записку, въ которой говорилось, что если черезъ мѣсяцъ заемщица не вернетъ денегъ заимодавцу, то онъ получаетъ право всѣмъ, кому заблагоразсудится, назвать ее «распутной женщиной». Графиня разсчитывала вернуть деньги въ срокъ, но судьба судила иначе. Къ сроку денегъ не оказалось. Между тѣмъ Демидовъ поѣхалъ на балъ въ дворянское собраніе, гдѣ, между прочимъ, находилась императрица, собралъ вокругъ себя кружокъ молодежи и при взрывахъ смѣха прочелъ записку своей должницы. Это обратило на себя вниманіе государыни, которая догадавшись, что Демидовъ къ кѣмъ-то сыгралъ шутку, приказала разузнать, въ чемъ дѣло. Когда императрицѣ доложили о поступкѣ П. А., она очень разсердилась, приказала ему оставить собраніе и на другой день поручила оберъ-полицеймейстеру уплатить Демидову пять тысячъ рублей и отобрать отъ него записку графини [1]).

Въ другой разъ, будучи недоволенъ гордымъ обхожденіемъ нѣкоторыхъ вельможъ, Демидовъ вздумалъ ихъ проучить и съ этой цѣлью пригласилъ ихъ къ себѣ на обѣдъ. Наканунѣ назначеннаго дня онъ позвалъ штукатура и, подъ видомъ исправленія лѣпной работы на потолкахъ, велѣлъ устроить около каждой двери подмостки. Когда приглашенные явились, П. А. повелъ ихъ въ столовую черезъ всѣ комнаты. Сановнымъ гостямъ пришлось поневолѣ нагибаться и пролѣзать подъ подмостками, а Демидовъ, увѣряя, что штукатуръ въ его отсутствіе безъ позволенія началъ работу, просилъ извинить глупаго мужика за то, «что заставляетъ столь почтенныхъ вельможъ гнуть спины прежде, чѣмъ попасть въ столовую».

Затѣмъ, когда при проѣздѣ одного важнаго лица П. А. пригласилъ его на парадный обѣдъ, а лицо пообѣщавъ не явилось, взбѣшенный хозяинъ приказалъ втащить въ столовую свинью, поса-

---

[1]) Такъ же круто обошелся Демидовъ со своимъ должникомъ, вліятельнымъ архитекторомъ Баженовымъ, котораго П. А. обличалъ въ казнокрадствѣ и обманахъ.

дилъ ее на почетное мѣсто и въ теченіе всего обѣда самъ служилъ ей, кланяясь и приговаривая:

— Кушайте, ваше сіятельство, на здоровье; не брезгайте моимъ хлѣбомъ-солью; вѣкъ не забуду вашего одолженія.

Подобныя выходки въ отношеніи высокопоставленныхъ людей придавали поведенію Демидова въ глазахъ толпы полугероическій характеръ.

Вѣрный разъ взятому тону, П. А. твердо отстаивалъ свои демократическія замашки, гдѣ только это было можно, и гдѣ это могло сдѣлаться достояніемъ молвы.

Администрація екатерининскаго вѣка не могла вообще похвастаться безупречностью въ дѣлѣ общественнаго служенія, и Демидовъ считалъ своей обязанностью при случаѣ вступать съ ней въ бой тамъ, гдѣ это представлялось возможнымъ. Сохранились, напримѣръ, документальныя свидѣтельства о стычкахъ его съ опекунскимъ совѣтомъ, несмотря на всѣ любезности, оказываемыя имъ малосговорчивому жертвователю. Такъ въ 1778 г. совѣтъ просилъ у Бецкого «защиты отъ причиняемыхъ ему Демидовымъ огорченій и обидъ, при распространеніи имъ сомнительныхъ толковъ насчетъ справедливости и честности членовъ совѣта» [1]. Ранѣе того въ 1769 г., узнавъ, что совѣтъ очень нуждается въ деньгахъ, П. А. обѣщалъ прислать 20.000 рублей, но вмѣсто денегъ прислалъ четыре скрипки, по числу членовъ совѣта: Гагарина, Голицына, Вырубова и Умскаго. Очевидно, въ данномъ случаѣ Демидовъ намекалъ на какія-то взаимныя, ему ненравившіяся отношенія членовъ совѣта къ дѣлу воспитательнаго дома, которымъ душевно интересовался Демидовъ.

Въ ту суровую, хотя и блестящую эпоху П. А. при случаѣ умѣлъ постоять за себя, за общественный интересъ, неразрывно соединенный съ интересомъ обиженныхъ и угнетенныхъ. Если Демидовъ сражался при необходимости съ совѣтомъ (а необходимость была, такъ какъ служившіе по администраціи воспитательнаго дома изъ своихъ соображеній стремились устранить П. А. отъ воздѣйствія на внутренній ходъ дѣла [2]), то съ тѣмъ же убѣжденіемъ онъ вникалъ въ нужды рабочихъ на своихъ заводахъ и старался отвратить отъ нихъ напасти въ видѣ военной силы, посылаемой къ нимъ въ случаѣ съ ихъ стороны заводскихъ волненій. Вотъ что писалъ онъ своимъ сыновьямъ, жившимъ на заводахъ для изученія горнозаводскаго дѣла на практикѣ. «Пишете вы,— говоритъ онъ въ письмѣ отъ 1763 г.,—что работные люди, взирая на сосѣднихъ приписныхъ, отъ работъ отказались. О томъ я жа-

---

[1]) Матеріалы для исторіи Императорскаго Московскаго воспитательнаго дома, вып. I, 1868 г., стр. 70.

[2]) П. И. Щукинъ. «Сборникъ старинныхъ бумагъ», т. III.

лѣю, и хотя они совсѣмъ работать не станутъ, въ томъ ихъ не принуждать и въ канцеляріи просить о нихъ не велѣть; и какъ они проживутся, тогда работать охотно станутъ. Да отъ всемилостивѣйшей государыни для противниковъ посланъ генералъ, и ежели близко прибудетъ, то прикащикамъ, а когда случится и вамъ, его превосходительство просить, чтобы съ ними, ежели возможно, до разоренія не доходить, развѣ отъ нихъ будутъ какія безчеловѣчности. Въ такомъ случаѣ просить защищенія, и ежели явится опасность, то и вамъ выѣхать въ Екатеринбургъ» [1]). Надо помнить, что эти строки были писаны тогда, когда происходили волненія десятковъ тысячъ помѣщичьихъ и заводскихъ крестьянъ.

Согласно своимъ демократическимъ убѣжденіямъ, П. А. выдавалъ своихъ дочерей не иначе, какъ за фабрикантовъ и заводчиковъ, но одна изъ нихъ осмѣлилась заявить, что она желаетъ выйти за дворянина. Тогда Демидовъ велѣлъ прибить къ воротамъ своего дома доску съ надписью, что у него есть дочь дворянка, и что не желаетъ ли кто изъ дворянъ на ней жениться. Случайно проходившій въ это время чиновникъ Станиславскій первый прочелъ оригинальное объявленіе, явился къ Прокофію Акинфіевичу, сдѣлалъ предложеніе и въ тотъ же день былъ обвѣнчанъ.

Добиваясь популярности и достигнувъ ея путемъ уважаемаго массой идейнаго чудачества, Демидовъ, избалованный своимъ богатствомъ и развращенный окружавшими его примѣрами дикаго своевольства сильныхъ людей, не могъ не отдать дани времени и иногда проявлялъ странную для него жестокость.

Одну изъ подобныхъ жестокостей представляетъ собою дѣло его по оскорбленію секретаря юстицъ-коллегіи Скорнякова.

До настоящаго времени объ этомъ дѣлѣ было очень мало извѣстно. Сохранилось письмо Екатерины II къ князю М. Н. Волконскому, въ которомъ императрица писала: «Князь Михаилъ Никитичъ. Слышу я, что мой камердинеръ Сахаровъ, обще съ Прокофіемъ Акинфіевичемъ, сдѣлали вновь проказу надъ секретаремъ юстицъ-коллегіи. Отселѣ писано, чтобъ поступлено было по законамъ, чего и я весьма желаю, дабы видѣла публика, что безпутство и моихъ комнатныхъ справедливое возмездіе получаетъ» [2]). Въ оправданіе свое по этому поводу Сахаровъ писалъ императрицѣ: «Въ день именинъ г. Демидова пришелъ къ нему пополудни секретарь юстицъ-коллегіи съ объявленіемъ по дѣлу его сына. Сей секретарь вошелъ въ покой, гдѣ я жилъ, былъ такъ безобразно пьянъ, что ни именинникъ, ниже я, какъ имъ одолженный человѣкъ, и въ десятую противъ его долю не были. Въ моихъ покояхъ

---

[1]) Головщиковъ, «Родъ дворянъ Демидовыхъ», стр. 125.

[2]) Осьмнадцатый вѣкъ, кн. 1, изд. 2, стр. 119.

началъ онъ, бывши безъ чувствъ, грубіански со мной обходиться, и я какъ самому моему Создателю, такъ и вашему императорскому величеству самую вѣщаю истину, что только лишь его изъ моихъ покоевъ, бывши отъ него несносно ругаемъ, вытолкалъ».

На основаніи приведенныхъ двухъ документовъ съ перваго взгляда можно заключить, что Демидовъ во всей грустной исторіи съ коллежскимъ секретаремъ являлся какъ бы только лицомъ прикосновеннымъ. Но изъ напечатанныхъ недавно въ восьмомъ томѣ сборника старинныхъ бумагъ П. И. Щукина документовъ оказывается, что, если даже Сахаровъ и наносилъ тѣ или другія оскорбленія секретарю юстицъ-коллегіи Скорнякову, то онъ являлся только орудіемъ и, если такъ можно выразиться, дѣйствовалъ въ чужомъ интересѣ, чтобы сдѣлать угодное П. А. Демидову.

Дѣйствительныя обстоятельства дѣла заключались въ слѣдующемъ. Какъ извѣстно, Демидовъ былъ женатъ два раза. Первый разъ на М. А. Пастуховой, во второй—на Татьянѣ Васильевнѣ Семеновой [1]). Отъ первой жены онъ имѣлъ трехъ сыновей: Акакія, Льва и Аммоса, отъ второй жены четырехъ дочерей, изъ нихъ Настасія вышла за мужъ за Хозикова [2]). Сыновья П. А. воспитывались въ Гамбургѣ и, вернувшись на родину, почти не умѣли говорить по-русски и, даже когда освоились съ роднымъ языкомъ, навсегда въ выговорѣ сохранили иностранное произношеніе. Отецъ и сыновья не понимали другъ друга, и потому Демидовъ не любилъ своихъ дѣтей мужескаго пола. Мало того, онъ обходился съ ними жестоко, и когда они переженились, далъ въ ихъ распоряженіе небольшую подмосковскую деревушку всего въ тридцать душъ. Нищенское положеніе дѣтей Демидова стало извѣстно императрицѣ, и она приказала ихъ выдѣлить. П. А. купилъ имъ по тысячѣ душъ и запретилъ показываться на глаза.

У одного изъ этихъ сыновей, прапорщика Аммоса, завелась въ юстицъ-коллегіи тяжба. Юстицъ-коллегіи изъ сената пришелъ указъ объ изслѣдованіи возраста Аммоса Демидова, исключеніи его изъ-подъ опеки, при наступленіи совершеннолѣтія. Во исполненіе этого указа юстицъ-коллегія послала къ П. А. Демидову на домъ своего секретаря Скорнякова справиться о лѣтахъ Аммоса Прокофьевича.

Скорняковъ отправился исполнять служебное порученіе. Это было 8 іюля 1773 года. Придя къ дому Демидова, секретарь встрѣтился съ армяниномъ Аракеловымъ, тоже шедшимъ къ П. А. Ворота Демидовскаго дома почему-то были на запорѣ. Оказалось, что въ тотъ день хозяинъ праздновалъ своего ангела, и пускали только гостей. Аракеловъ назвалъ себя гостемъ и получилъ про-

---

[1]) Шубинскій, стр. 147.

[2]) Головщиковъ, стр. 122.

пускъ, а за нимъ прошелъ и Скорняковъ. У Демидова дѣйствительно происходило пиршество. Были гости, между прочимъ, фабрикантъ Сериковъ, крѣпостной музыкантъ Бравгинскій, сообразно демократическимъ убѣжденіямъ хозяина, все люди скромные и только одинъ поважнѣе, камердинеръ государыни, полковникъ арміи Сахаровъ.

Съ Сахаровымъ Демидовъ находился въ полудружескихъ отношеніяхъ. Ему Прокофій Акинфіевичъ продалъ въ долгъ за 145.000 рублей одно изъ своихъ имѣній въ Казанской губерніи. Сахаровъ проѣздомъ посѣтилъ Москву и въ іюлѣ 1773 г. остановился у Демидова.

Демидовъ вначалѣ встрѣтилъ коллежскаго секретаря ласково, взялъ его за руку, съ крыльца повелъ въ комнату, угощалъ его, а когда тотъ заявилъ, что пріѣхалъ по дѣлу и сказалъ—по какому, П. А. позвалъ было своего человѣка, чтобы черезъ него навести документальную справку, но вдругъ вспылилъ и, назвавъ Скорнякова мошенникомъ, отказалъ въ сообщеніи какихъ бы то ни было свѣдѣній. Несмотря на то, что секретарь показывалъ копію съ коллежскаго опредѣленія, офиціально предписывавшаго ему навести справки у Демидова, П. А. почему-то усомнился въ подлинности порученія; онъ требовалъ удостовѣренія отъ опекуна сына—князя Циціанова, и въ заключеніе предложилъ Скорнякову за справкой пріѣхать въ другой разъ. Изъ этого поведенія все время присутствовавшій при переговорахъ Сахаровъ увидѣлъ, что Демидову непріятно посѣщеніе коллежскаго посланца. Чтобы сдѣлать богачу угодное, императорскій камердинеръ прочиталъ бумагу, подтвердилъ необходимость на ней подписи опекуна Демидовскаго сына, потомъ, переговоря съ находившимися въ комнатѣ служителями, схватилъ Скорнякова за волосы и вытащилъ въ сѣни. Въ сѣняхъ несчастнаго секретаря подхватили гайдуки и, вынеся на дворъ, повалили на мостовую и начали наносить удары безъ разбора и сожалѣнія.

За Скорнякова заступилась только неизвѣстная ему женщина, по ея просьбѣ секретаря перестали бить и опять ввели въ комнаты, гдѣ причесали и напудрили ему растрепанную голову и потомъ предлагали за стаканомъ вина мириться съ Сахаровымъ и Демидовымъ, который во время избіенія секретаря выходилъ во внутреннее помѣщеніе дома.

Чтобы какъ нибудь поскорѣе освободиться отъ своихъ мучителей, Скорняковъ просилъ пощады и затѣмъ былъ отправленъ съ человѣкомъ Демидова за опекуномъ Аммоса Прокофьевича, Циціановымъ. Однако вмѣсто опекуна явился въ юстицъ-коллегію, гдѣ пожаловался словесно президенту, а о совершенномъ надъ нимъ насиліи донесъ главнокомандующему, князю М. Н. Волконскому, отъ котораго о безчинствѣ своего камердинера узнала сама императрица.

Коллегія не оставила безъ вниманія поругательства надъ своимъ секретаремъ. Сославшись на именной указъ отъ 31 марта 1766 года, гласившій между прочимъ, что «если кто посланному изъ судебныхъ мѣстъ будетъ ослушенъ, а тѣмъ паче причинитъ ему безчестіе», то таковые подлежатъ неупустительному наказанію, коллегія сдѣлала представленіе сенату и требовала «должнаго удовольствія».

Со своей стороны Сахаровъ и Демидовъ поняли, что зашли слишкомъ далеко, и попытались примириться со Скорняковымъ. Состоялось два свиданья между обидчиками и обиженнымъ на нейтральной почвѣ: въ первый разъ въ домѣ секретаря вотчинной коллегіи Клушина за Москвой рѣкой, на Ордынской улицѣ, другой разъ – за Сухаревой башней, у отставного поручика Посникова. Деньги сдѣлали свое дѣло. Скорняковъ взялъ читстоганомъ полторы тысячи рублей, да ему еще пообѣщали десять тысячъ, и онъ спряталъ свою обиду въ карманъ. На другой же день послѣ злосчастнаго приключенія въ домѣ московскаго богача въ сенатъ поступило прошеніе Скорнякова о прекращеніи въ виду примиренія преслѣдованія Сахарова съ Демидовымъ. Но уже было поздно.

Освѣдомленная о продѣлкѣ своего камердинера и П. А., императрица пожелала ихъ подвергнуть примѣрному наказанію. Противъ Демидова государыня вообще давно была возстановлена. Еще въ 1769 году она писала М. Н. Волконскому: «Что касается до дерзкаго вамъ извѣстнаго болтуна (Демидова), то я здѣсь кое-кому внушила, чтобы до него дошло, что если онъ не уймется, то я принуждена буду его унимать наконецъ» [1]). И вотъ въ силу этого нерасположенія, несмотря на состоявшееся частное примиреніе, 23 іюля 1773 года въ пятый департаментъ сената поступило предложеніе генералъ-прокурора князя Вяземскаго, «дабы сенатъ приказалъ оное дѣло (объ оскорбленіи Скорнякова) юстицъ-коллегіи въ силу законовъ какъ наискорѣе изслѣдовать и съ виновными поступить по законамъ».

30 іюля, сенатъ уже постановилъ опредѣленіе о разсмотрѣніи дѣла въ юстицъ-коллегіи, а 21 августа послѣдовало отъ нея сенату донесеніе, изъ котораго было видно, что Демидова обязали впредь до окончанія дѣла подпиской о невыѣздѣ, а Сахаровъ успѣлъ уѣхать, неизвѣстно куда.

Съ этого момента начинается упорная борьба нарушителей порядка съ правосудіемъ. Сахаровъ отъ суда и слѣдствія до времени уклонился, а онъ съ внѣшней стороны являлся главнымъ виновникомъ. Демидовъ съ своей стороны упорно отказывался пріѣхать въ коллегію подъ предлогомъ нездоровья. Для освидѣтельствованія его послали изъ медицинской конторы штабъ-физика, доктора

---

[1]) Осьмнадцатый вѣкъ, кн. I, изд. 2, 1869 г., стр. 121.

Ореуса, который нашелъ у обвиняемаго только легкое разстройство желудка. 9 августа 1773 года, Демидовъ прибылъ на допросъ въ юстицъ-коллегію, а 12 ноября 1774 года поступило изъ коллегіи въ сенатъ донесеніе о снятіи показаній отъ обоихъ подсудимыхъ.

Несмотря на крутой оборотъ дѣла, Сахаровъ и Демидовъ не оставили надежды отъ него отвертѣться. Прежде всего они постарались удалить наиболѣе опасныхъ свидѣтелей, людей, бившихъ Скорнякова. Какъ оказалось, это были люди Сахарова, который сперва услалъ ихъ въ дальнія деревни, а потомъ заявилъ по начальству, что они со своего мѣстожительства бѣжали и скрылись, неизвѣстно куда. Съ своей стороны Демидовъ отправилъ въ воспитательный домъ присутствовавшую при избіеніи коллежскаго секретаря и даже заступавшуюся за него свою дворовую дѣвушку Татьяну Васильеву. Хотя воспитательный домъ находился и не далеко отъ всякаго рода присутственныхъ мѣстъ, но, тѣмъ не менѣе, Демидовъ зналъ, что дѣлалъ, помѣщая Васильеву въ это убѣжище. Всякія сношенія съ воспитательнымъ домомъ шли черезъ Бецкого. Слѣдовательно и Татьяну Васильеву можно было вытребовать только черезъ него. На Бецкого же Демидовъ надѣялся по многимъ основаніямъ. Прежде всего онъ самъ находился съ нимъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, и Бецкой всегда защищалъ П. А. отъ опекунскаго совѣта. Затѣмъ, повидимому, эта неизвѣстная Татьяна Васильева была та самая Татьяна Васильева Семенова, на которой Демидовъ женился наканунѣ своей смерти, но съ которой долго жилъ и имѣлъ дочь Настасью, вышедшую замужъ за секретаря Бецкого, Хозикова.

За Татьяной Васильевой юстицъ-коллегія посылала полицейскую команду въ воспитательный домъ, но начальство его дѣвушки не выдало, и опекунскій совѣтъ потребовалъ удовлетворенія за нарушеніе своей привилегіи неприкосновенности. Для вытребованія Татьяны Васильевой потребовалось сношеніе сенатскаго генералъ-прокурора съ Бецкимъ [1]), а тѣмъ временемъ Демидовъ употреблялъ все свое вліяніе, чтобы дѣло прекратить при помощи обратнаго высочайшаго вмѣшательства. Пока, однако, таковое не проявлялось, юстицъ-коллегія вела судебное слѣдствіе. Допрашивались подсудимые, ставились на очную ставку, снимались показанія со свидѣтелей Аракелова, Серикова и Бравгинскаго. Сахаровъ и Демидовъ сбились на передопросѣ и были въ томъ обличены. Изъ свидѣтелей Аракеловъ и Сериковъ старались отдѣлаться уклончивыми отвѣтами, мало помогавшими обвиненію, возведенному на подсудимыхъ Скорняковымъ, но зато Бравгинскій вы-

---

[1]) Матеріалы для исторіи московскаго восп. дома, вып. I, стр. 7. (Разныя историческія свѣдѣнія).

сказался болѣе опредѣленно. Онъ утверждалъ, что Демидовъ бранилъ Скорнякова, а Сахаровъ схватилъ его за волосы и вытащилъ въ сѣни, откуда послышался шумъ и крикъ, при чемъ кричала женщина, послѣ чего, когда Скорнякова привели обратно въ покои, волосы у него были всклочены, и демидовскій человѣкъ ихъ приводилъ въ порядокъ.

Показанія Бравгинскаго доканали обвиняемыхъ. Юстицъ-коллегія признала фактъ избіенія Скорнякова доказаннымъ, при чемъ не упустила случая подчеркнуть интеллектуальную виновность Демидова наравнѣ съ физической виновностью Сахарова. Коллегія пришла къ тому заключенію, что «Демидовъ не только тому отъ коллегіи посланному учинилъ ослушаніе и требуемаго извѣстія не далъ, но, какъ самъ признался, того посланнаго и бранилъ, называя мошенникомъ и дуракомъ, чѣмъ не только посланнаго отъ коллегіи, но хотябъ онъ, Скорняковъ, и собою къ нему пріѣхалъ, какъ человѣка рангованнаго, безчестить было не должно, ибо по такому обстоятельству усматривается, что самымъ тѣмъ онъ, Демидовъ, подавъ и Сахарову, какъ живущему у него тогда въ домѣ, вящшее надъ онымъ посланнымъ секретаремъ Скорняковымъ ругательство учинить причину, изъ покоя, подъ видомъ для раскуриванья трубки, и вышелъ въ другіе покои, а Сахаровъ, слѣдуя началу хозяйскому, уже того посланнаго и побилъ».

На этомъ основаніи юстицъ-коллегія приговорила обоихъ обвиняемыхъ къ равной мѣрѣ наказанія: къ заключенію въ тюрьму на три мѣсяца съ лишеніемъ чиновъ. Приговоръ поступилъ на ревизію въ сенатъ, но не былъ приведенъ въ исполненіе въ виду слѣдующаго указа императрицы:

«По причинѣ многаго добра, учиненнаго Прокофіемъ Демидовымъ сиропитательному дому, дѣло его въ битьѣ юстицъ-коллегіи секретаря повелѣваемъ предать забвенію, и если сенатъ найдетъ, что юстицъ-коллегія, въ противность именного нашего указа, дѣло сіе толь долго волочила, то повелѣваемъ вычесть изъ жалованья членовъ того департамента по законамъ и отдать оныя на школу солдатскихъ дѣтей».

Итакъ, Демидовъ все-таки добился своего: онъ лично искусственными мѣрами затягивалъ веденіе слѣдствія и въ концѣ концовъ подвелъ подъ обухъ самое присутственное мѣсто. Въ этомъ успѣхѣ, нужно предполагать, ему сильно посодѣйствовалъ Бецкой.

Какъ бы то ни было, исторія со Скорняковымъ представляетъ собою темное пятно на имени Демидова, но еще болѣе мрачно очерчиваетъ оно нравы эпохи, когда императорскій камердинеръ, дворянинъ по происхожденію, полковникъ, чтобы сдѣлать условную любезность своему заимодавцу, билъ ни въ чемъ неповиннаго коллежскаго посланца, явившагося по дѣламъ службы. Чѣмъ объяснить проявленіе любезности въ подобной формѣ? Повидимому,

приходится предположить двѣ причины. Съ одной стороны, всякое напоминаніе о сыновьяхъ Демидову было непріятно въ виду ихъ дурныхъ взаимныхъ отношеній, съ другой — Сахарову были извѣстны наклонности П. А. къ поруганію власти и ея представителей наравнѣ со знатью. Быть можетъ, такое отношеніе къ правительственнымъ агентамъ, сынъ своего времени, не вѣрившій въ законность, Демидовъ считалъ даже своего рода доблестью. Онъ зналъ солидарность членовъ присутственныхъ мѣстъ, грудью стоявшихъ другъ за друга, съ дѣтства ему была внушена русская жизненная аксіома «рука руку моетъ», и потому наругательство надъ чиновникомъ онъ представлялъ себѣ, какъ нѣкоторый гражданскій подвигъ, могущій быть оцѣненнымъ по достоинству въ извѣстной части общества, гдѣ П. А. считался популярнымъ человѣкомъ. Быть можетъ, на этой стрункѣ и игралъ Сахаровъ, позволяя себѣ безчинство надъ Скорняковымъ. Но по этому поведенію вообще можно было судить о нравственной личности императорскаго камердинера.

Впрочемъ, вскорѣ и Демидову пришлось испытать на себѣ нравственныя качества своего пріятеля. Какъ было сказано, П. А. продалъ Сахарову очень цѣнное имѣніе въ долгъ съ обязательствомъ уплаты денегъ по векселю въ теченіе 6 лѣтъ. Однако, при наступленіи срока платежа въ 1778 году, Сахаровъ тайно продалъ деревни своему брату, владимирскому провинціальному прокурору. По докладу вѣчнаго заступника Демидова, Бецкого, императрица повелѣла генералъ-майору Архарову и президенту главнаго магистрата Дурасову разобрать споръ «по справедливости безъ продолженія». Изъ списковъ приношеній воспитательному дому видно, что разбирательство подѣйствовало, такъ какъ изъ спорныхъ Сахарова съ Демидовымъ денегъ дому уступлено 11.493 рубля, и въ этой суммѣ взята съ Сахарова закладная на домъ его въ Москвѣ.

Б. Грибовскій.

КЪ БІОГРАФІИ Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО [1]).

ПОЗНАКОМИЛСЯ я съ Ѳ. М. Достоевскимъ въ началѣ 1866 го́да въ Москвѣ, когда мнѣ было всего 15$^1/_2$ лѣтъ. Случилось это такимъ образомъ. Въ Константиновскомъ межевомъ институтѣ, гдѣ я въ то время воспитывался, состоялъ врачемъ, при томъ единственнымъ, статскій совѣтникъ Александръ Павловичъ Ивановъ, прекраснѣйшій и добродѣтельнѣйшій человѣкъ, какихъ я рѣдко встрѣчалъ въ своей жизни. Онъ былъ женатъ на родной сестрѣ Ѳ. М. Достоевскаго, Вѣрѣ Михайловнѣ, отъ которой имѣлъ многочисленное потомство, чуть ли не девять человѣкъ дѣтей. Я былъ принятъ въ семействѣ Ивановыхъ, какъ родной, и очень часто ходилъ къ нимъ въ отпускъ, а лѣтомъ проводилъ у нихъ все свободное отъ лагерей каникулярное время. Объ Александрѣ Павловичѣ Ивановѣ я бы могъ многое написать, но это не составляетъ цѣли настоящихъ воспоминаній. Скажу только одно, что въ институтѣ рѣшительно всѣ, и служащіе и воспитанники, чрезвычайно уважали и любили А. П. Иванова, и когда онъ скончался, въ январѣ 1868 года, то воспитанники несли гробъ его на рукахъ до самой могилы, отстоявшей отъ института на нѣсколько верстъ. Вся Москва знала А. П. Иванова, и всѣ глубоко сожалѣли о преждевременной его кончинѣ.

---

[1]) Все, что здѣсь изложено, было записано мною давно, около 30-ти лѣтъ тому назадъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ знакомства моего съ Достоевскимъ.

Однажды вечеромъ, въ началѣ 1866 года, я былъ отпущенъ въ отпускъ къ Ивановымъ, которые жили въ казенной квартирѣ на институтскомъ дворѣ. У нихъ я засталъ довольно много гостей, здороваясь съ которыми я былъ представленъ пожилому господину, немного выше средняго роста, съ бѣлокурыми, прямыми волосами и бородой, съ весьма выразительнымъ и блѣдно-матовымъ, почти болѣзненнымъ, лицомъ. Это былъ Ѳ. М. Достоевскій. Онъ сидѣлъ въ кругу молодежи и бесѣдовалъ съ нею. Я съ удивленіемъ и крайнимъ любопытствомъ смотрѣлъ на этого человѣка, о которомъ такъ много слышалъ въ семействѣ Ивановыхъ и съ произведеніями котораго былъ отчасти уже знакомъ. Мнѣ невольно вспомнились его герои изъ «Мертваго Дома», закованные въ кандалы и одѣтые въ сѣрыя арестантскія куртки. Неужели, подумалъ я, руки и ноги этого благообразнаго человѣка также побрякивали кандалами, неужели и онъ носилъ арестантскую куртку? Да, все это въ дѣйствительности было, все это перенесъ этотъ человѣкъ въ дебряхъ отдаленной Сибири, въ каторгѣ, которую онъ такъ геніально изобразилъ въ «Запискахъ изъ Мертваго Дома»...

Въ тотъ же вечеръ я узналъ, что Ѳ. М. Достоевскій рѣшилъ провести предстоявшее лѣто въ окрестностяхъ Москвы, именно въ сельцѣ Люблино, которое было расположено въ 5—6 верстахъ отъ города по Московско-Курской желѣзной дорогѣ. Здѣсь обыкновенно проводило лѣто и семейство Ивановыхъ, нанимая очень красивую, построенную въ швейцарскомъ вкусѣ, дачу. Люблино принадлежало московскимъ 1-й гильдіи купцамъ Голофтѣеву и Рахманину, и состояло изъ небольшого числа каменныхъ домовъ, которые отдавались подъ дачи. Въ то отдаленное время Люблино представляло очень уютный и тихій уголокъ. Дачи были окружены прелестнымъ, старымъ паркомъ, примыкавшимъ съ сѣверной стороны къ большому проточному озеру, а съ южной — паркъ переходилъ незамѣтно въ мѣшанный большой лѣсъ, тянувшійся по направленію къ Перервинской слободѣ. Вообще Люблино было окружено лѣсами и потому представляло весьма здоровый пунктъ для лѣтняго пребыванія. Въ озерѣ же дачники пользовались превосходнымъ купаньемъ и рыбной ловлей. Около купаленъ было собрано множество лодокъ разнообразныхъ типовъ, коими дачники пользовались безвозмездно. Вообще въ Люблинѣ можно было проводить лѣто весьма пріятно, при чемъ главное его достоинство заключалось въ томъ, что сюда не заглядывали городскіе жители, не было самоваровъ, шарманокъ, акробатовъ и прочихъ удовольствій для людей средней руки и простонародья. Въ Люблинѣ всегда было тихо и спокойно.

Въ маѣ мѣсяцѣ Ивановы переѣхали на дачу, а вскорѣ прибылъ изъ Петербурга и Ѳ. М. Достоевскій, который нанялъ для себя отдѣльную двухъэтажную каменную дачу по близости Ива-

новыхъ. Онъ собственно занималъ только одну большую комнату въ верхнемъ этажѣ, которая служила ему спальней и рабочимъ кабинетомъ; остальныя комнаты въ домѣ были почти пустыя, такъ что здѣсь царствовала всегда невозмутимая тишина. Это было весьма кстати для Достоевскаго, который тогда трудился надъ своимъ извѣстнымъ романомъ «Преступленіе и наказаніе», именно писалъ его вторую часть.

Обыкновенно Ѳ. М. Достоевскій вставалъ около 9 часовъ утра и, напившись чая и кофе, тотчасъ же садился за работу, которой не прерывалъ до самаго обѣда, то-есть до 3 часовъ по полудни. Обѣдалъ онъ у Ивановыхъ, гдѣ уже и оставался до самаго вечера. Такимъ образомъ Ѳ. М. писалъ по вечерамъ крайне рѣдко, хотя говорилъ, что лучшія и наиболѣе выразительныя мѣста его произведеній всегда выходили у него, когда онъ писалъ поздно вечеромъ. Однако вечернія занятія ему были воспрещены, какъ слишкомъ возбуждавшія и безъ того разстроенную его нервную систему. Какъ извѣстно, Ѳ. М. Достоевскій страдалъ припадками падучей болѣзни, пріобрѣтенной имъ во время ссылки въ Сибири. Здѣсь не могу пройти молчаніемъ одного случая, происшедшаго со мной въ описываемое лѣто. Однажды къ Ивановымъ пріѣхали гости изъ Москвы, провели цѣлый день въ Люблинѣ и по настоянію гостепріимнаго хозяина остались ночевать съ тѣмъ, чтобы на другой день утромъ отправиться обратно. Такъ какъ гостей было довольно много, то пришлось на ночь потѣсниться, и я долженъ былъ уступить свою комнату одному изъ гостей. Ѳ. М. Достоевскій предложилъ мнѣ переночевать у него. Я, конечно, охотно согласился, и мы скоро вдвоемъ пришли къ нему на дачу. Пожелавъ спокойной ночи Ѳ. М., я отправился въ сосѣднюю комнату и устроился здѣсь весьма удобно на диванѣ, однако заснуть никакъ не могъ. Мертвая тишина, царствовавшая въ домѣ, тихіе шаги Ѳ. М. въ сосѣдней комнатѣ и иногда достигавшіе до меня его тихіе вздохи и даже какъ будто какой-то шопотъ, раздававшійся по временамъ въ его комнатѣ, взволновали меня, и я при всемъ стараніи никакъ не могъ заснуть. Мною началъ овладѣвать даже какой-то непонятный страхъ, и я слышалъ біеніе своего юнаго сердца. Такъ прошло съ добрый часъ. Вдругъ шаги Ѳ. М. начали приближаться къ моей комнатѣ, затѣмъ тихо отворилась дверь, и я увидѣлъ блѣдную фигуру Достоевскаго со свѣчкою въ рукахъ. Я невольно вздрогнулъ и приподнялся на диванѣ.

— Послушайте,—дрожащимъ голосомъ проговорилъ Достоевскій,—если со мною случится въ эту ночь припадокъ, то вы не бойтесь, не подымайте тревоги и не давайте знать Ивановымъ.

Съ послѣдними словами Ѳ. М. притворилъ дверь и удалился въ свою комнату. Какъ молодому юношѣ, мнѣ въ ту минуту сдѣлалось невыразимо страшно, я боялся видѣть и слышать объ этой

болѣзни (у насъ въ институтѣ было 2-3 такихъ случая), а тутъ приходилось съ минуты на минуту ожидать, что вотъ-вотъ Ѳ. М. упадетъ, начнутся съ нимъ конвульсіи, раздадутся болѣзненные, совершенно особенные крики... Сонъ далеко отлетѣлъ отъ меня, и я весь обратился въ напряженный, тревожный слухъ. Вскорѣ шаги прекратились, и вмѣсто этого я сталъ ясно различать перелистываніе страницъ книги. Очевидно, Ѳ. М. началъ читать. Я старался думать о чемъ нибудь постороннемъ, но за какую бы мысль я ни хватался, фигура Достоевскаго со свѣчкою въ рукахъ постоянно возвращала меня на прежнія ожиданія припадка. Ужасная ночь! Вдругъ я сталъ различать едва долетавшій до моего слуха отдаленный, глухой шумъ. Послѣдній быстро приближался и усиливался, наконецъ раздался продолжительный свистокъ, и я тотчасъ же догадался, что это проходилъ поѣздъ Московско-Курской желѣзной дороги. Я невольно и съ радостью ухватился за гулъ удалявшагося поѣзда, и, по мѣрѣ того, какъ поѣздъ все болѣе и болѣе удалялся, я тоже началъ забываться... Когда я проснулся, яркое лѣтнее солнце весело глядѣло въ мою комнату, и вся бодрость разомъ возвратилась ко мнѣ. Быстро одѣвшись, я засталъ Ѳ. М. уже за утреннимъ чаемъ веселымъ и совершенно спокойнымъ. Оказалось, что припадка съ нимъ не было, хотя приближеніе такового онъ наканунѣ предчувствовалъ.

— Я всегда предчувствую приближеніе припадка, — говорилъ онъ мнѣ,—но вчера какъ-то благополучно обошлось. А вы, я думаю, порядочно напугались?—засмѣялся онъ и тотчасъ же перемѣнилъ тему разговора и началъ разсказывать о своемъ послѣднемъ путешествіи за границу.

Достоевскій говорилъ медленно и тихо, сосредоточенно, такъ и видно было, что въ это время у него въ головѣ происходитъ громадная мыслительная работа. Его проницательные небольшіе сѣрые глаза пронизывали слушателя. Въ этихъ глазахъ всегда отражалось добродушіе, но иногда они начинали сверкать какимъ-то затаеннымъ, злобнымъ свѣтомъ, именно въ тѣ минуты, когда онъ касался вопросовъ, его глубоко волновавшихъ. Но это проходило быстро, и опять эти глаза свѣтились спокойно и добродушно. Но что бы онъ ни говорилъ, всегда въ его рѣчи проглядывала какая-то таинственность, онъ какъ будто и хотѣлъ что нибудь сказать прямо, откровенно, но въ то же мгновеніе затаивалъ мысль въ глубинѣ своей души. Иногда онъ нарочно разсказывалъ что нибудь фантастическое, невѣроятное, и тогда воспроизводилъ удивительныя картины, съ которыми потомъ слушатель долго носился въ умѣ. Одна изъ дочерей А. П. Иванова, уже взрослая дѣвица и отличная музыкантша, была большая трусиха. Ѳ. М. это хорошо зналъ и нарочно разсказывалъ ей на сонъ грядущій такія страшныя и фантастическія исторіи, отъ которыхъ бѣдная М. А. не могла подолгу заснуть. Ѳ. М. это ужасно забавляло.

О своемъ пребываніи въ Сибири и въ каторгѣ Достоевскій намъ ничего никогда не разсказывалъ. Онъ вообще не любилъ объ этомъ говорить. Всѣ это знали, конечно, и никто не рѣшался никогда возбуждать разговора на эту тему. Только однажды мнѣ удалось, сидя у Ѳ. М. за утреннимъ чаемъ, услышать отъ него нѣсколько словъ по поводу небольшого Евангелія, которое у него лежало на маленькомъ письменномъ столѣ. Мое вниманіе возбудило то обстоятельство, что въ этомъ Евангеліи края стариннаго кожанаго переплета были подрѣзаны. На мой вопросъ о значеніи этихъ подрѣзовъ Достоевскій мнѣ объяснилъ, что когда онъ долженъ былъ отправиться въ ссылку въ Сибирь, то родные благословили и напутствовали его этою книгою, въ переплетѣ которой были скрыты деньги. Арестантамъ не дозволялось имѣть собственныхъ денегъ, а потому такая догадливость его родныхъ до нѣкоторой степени облегчила ему на первое время перенесеніе суровой и тяжелой обстановки въ сибирскомъ острогѣ.

— Да,—сказалъ съ грустью Ѳ. М.,—деньги это чеканенная свобода...

Съ этимъ Евангеліемъ Достоевскій потомъ никогда въ жизни не разставался, и оно у него всегда лежало на письменномъ столѣ [1]).

Ѳ. М. Достоевскій очень любилъ молодежь, почти все свободное свое время отъ занятій онъ всецѣло отдавалъ этой молодежи, руководя всѣми ея развлеченіями. По счастливому стеченію обстоятельствъ, въ описываемое лѣто въ Люблинѣ поселилось нѣсколько семействъ, которыя быстро перезнакомились между собою. Было много молодежи, нѣсколько очень хорошенькихъ и взрослыхъ барышень, такъ что по вечерамъ на прогулку насъ собиралось со взрослыми до 20-ти человѣкъ. Все это общество было всегда беззаботно весело, всегда царствовало во всемъ полное согласіе, и никогда даже малѣйшая тѣнь какого либо недоразумѣнія или неудовольствія не пробѣгала между нами. И душею этого общества всегда были А. П. Ивановъ и Ѳ. М. Достоевскій. Что они скажутъ, то дѣлали всѣ, и взрослые и молодежь. Конечно, каждый изъ насъ, юношей, имѣлъ предметъ своего обожанія, но все это носило до такой степени невинный, идеалистическій характеръ, что старшіе только подсмѣивались надъ нами, шутя относились къ нашимъ вздохамъ и мечтаніямъ, не бросивъ ни разу зерно какого либо недобраго подозрѣнія. Оттого и царствовали между всѣми нами дружба и полное единство. Да, счастливое было это время!

---

[1]) Это Евангеліе хранится въ семьѣ Достоевскихъ. О немъ напечатана замѣтка Н. Н. Кузьмина въ январьской книжкѣ «Ежемѣсячныхъ Сочиненій» 1901 г. Ред.

Прогулки обыкновенно заканчивались разными играми въ паркѣ, которыя затягивались иногда до полуночи, если дождь ранѣе не разгонитъ всѣхъ по домамъ. Ѳ. М. Достоевскій принималъ самое дѣятельное участіе въ этихъ играхъ и въ этомъ отношеніи проявлялъ большую изобрѣтательность. У него однажды даже явилась мысль устроить нѣчто въ родѣ открытаго театра, на которомъ мы должны были давать импровизированныя представленія. Для сцены выбрали деревянный помостъ, охватывавшій въ видѣ круглаго стола стволъ столѣтней, широковѣтвистой липы. Въ то время вся наша молодежь зачитывалась сочиненіями Шекспира, и вотъ Ѳ. М. Достоевскій рѣшилъ воспроизвести сцену изъ «Гамлета». По его указаніямъ, сцена должна была быть воспроизведена въ слѣдующемъ видѣ: я и старшій сынъ А. П. Иванова стоимъ на часахъ и ведемъ бесѣду, вспоминая о недавно появившейся тѣни прежняго датскаго короля. Во время этого разговора вдругъ появляется тѣнь короля въ лицѣ Ѳедора Михайловича, закутаннаго съ головою въ простыню. Онъ проходитъ по сценѣ и скрывается, мы же, объятые ужасомъ, падаемъ. Послѣ этого медленно выступаетъ на сцену Гамлетъ (молодой докторъ К—нъ, племянникъ Ѳ. М.) и, увидя насъ лежащими на землѣ, останавливается, грознымъ взоромъ окидываетъ зрителей и торжественно произноситъ: «Всѣ люди свиньи!». Эта фраза вызывала громкія рукоплесканія публики, и тѣмъ сцена кончалась. Въ этомъ родѣ изображались и другія сцены, и всегда въ нихъ участвовалъ самъ Достоевскій. Словомъ, онъ забавлялся съ нами, какъ дитя, находя, быть можетъ, въ этомъ отдыхъ и успокоеніе послѣ усиленной умственной и душевной работы надъ своимъ великимъ произведеніемъ (Преступленіе и наказаніе).

Ѳ. М. Достоевскій очень любилъ музыку, онъ почти всегда что нибудь напѣвалъ про себя, и это лучше всего обозначало хорошее настроеніе его духа. Въ этомъ отношеніи вторая дочь А. П. Иванова, М. А., ученица Московской консерваторіи, доставляла ему большое удовольствіе своею прекрасною игрою. Въ одномъ только они расходились: М. А. была большая поклонница Шопена (какъ и вообще всѣ женщины), между тѣмъ какъ Ѳ. М. неособенно жаловалъ музыку польскаго композитора, называя ее «чахоточной». Онъ превыше всего ставилъ музыку Моцарта и Бетховена, а изъ русскихъ композиторовъ очень любилъ произведенія Глинки и Сѣрова, въ особенности оперу послѣдняго «Рогнѣда». Относительно «Аскольдовой могилы» мы образовали два лагеря: А. П. Ивановъ и я были на сторонѣ этой оперы и восторгались каждымъ ея мотивомъ, всѣ прочіе образовали противоположную партію, относились къ оперѣ равнодушно, даже насмѣшливо, называя музыку

Верстовскаго собраніемъ простыхъ романсовъ и больше ничего. Ѳ. М. Достоевскій не высказывался опредѣленно и скорѣе готовъ былъ бы поддержать А. П. Иванова, чтобы хотя чѣмъ нибудь доставить удовольствіе этому прекрасному человѣку. Дѣйствительно, стоило только неодобрительно отозваться объ «Аскольдовой могилѣ», какъ это просто выводило изъ себя Александра Павловича. Онъ зналъ эту оперу наизусть и игралъ ее по слуху. Со времени постановки оперы на московскую сцену, А. П. Ивановъ не пропускалъ ни одного представленія. Онъ разсказывалъ, что въ первый годъ постановки «Аскольдовой могилы» она была сыграна 60 разъ. Тогда роль Торопки исполнялъ знаменитый пѣвецъ Бантышевъ, который своимъ феноменальнымъ голосомъ всегда привлекалъ въ театръ массу москвичей, преимущественно изъ купечества.

Уже разъ коснувшись музыки, упомяну здѣсь маленькую подробность. Однажды въ присутствіи Ѳ. М. Достоевскаго я сыгралъ на рояли (я тоже игралъ по слуху) нѣмецкій романсъ на извѣстные стихи изъ Гейне:

Du hast Diamanten und Perlen,
Hast Alles, was Menschen begehr,
Und hast die schönsten Augen,—
Mein Liebchen, was willst du mehr?.. и т. д.

Романсъ этотъ очень понравился Ѳедору Михайловичу, и онъ полюбопытствовалъ узнать, гдѣ я его слышалъ. Я отвѣтилъ, что нѣсколько разъ слышалъ, какъ его играли шарманщики въ Москвѣ. Повидимому, Достоевскій слышалъ этотъ романсъ впервые и сталъ частенько самъ его напѣвать. Не смѣю утверждать, но, быть можетъ, у него вслѣдствіе сего явилась мысль въ 5-й главѣ 2-й части своего романа «Преступленіе и наказаніе» вложить въ уста умирающей Катерины Ивановны Мармеладовой тѣ же слова этого романса, которыя она произноситъ въ бреду. Необходимо припомнить, что Катерина Ивановна также ходила по улицамъ съ шарманкой и своими дѣтьми, заставляя послѣднихъ пѣть и плясать передъ глазѣющимъ народомъ. Вторую же часть своего романа Ѳ. М. именно писалъ въ Люблинѣ лѣтомъ 1866 года.

Ѳ. М. Достоевскій почти каждую недѣлю ѣздилъ въ Москву, въ редакцію «Русскаго Вѣстника», въ которомъ печатался его романъ и всегда возвращался домой недовольный и разстроенный. Объяснялось это тѣмъ, что ему приходилось почти всегда исправлять текстъ или даже прямо выбрасывать нѣкоторыя мѣста своего произведенія, вслѣдствіе разныхъ цензурныхъ стѣсненій. Это, конечно, было ему очень непріятно, но открыто онъ этого не вы-

сказывалъ, такъ что никто изъ насъ не зналъ, какія мѣста романа исчезли безслѣдно для читающей публики.

Однажды Ѳ. М. отправился въ Москву пѣшкомъ и для компаніи пригласилъ меня съ собой. Во всю дорогу онъ разсказывалъ о послѣднихъ политическихъ событіяхъ, весь интересъ которыхъ въ то время сосредоточивался на австро-прусской войнѣ. Я, конечно, мало понималъ въ политикѣ, но, читая ежедневно газеты, очень интересовался военными успѣхами Пруссіи. Естественно, поэтому, съ какою жадностью я вслушивался въ объясненія, мнѣнія и взгляды Ѳ. М., который своею громадною эрудиціей могъ поистинѣ увлечь каждаго слушателя. Отъ него я узналъ о Бисмаркѣ, Наполеонѣ III-мъ, Францѣ-Іосифѣ и другихъ вершителяхъ судебъ Европы. Онъ былъ очень внимателенъ и терпѣливъ къ задаваемымъ мною вопросамъ и съ полною обстоятельностью старался мнѣ все разъяснить, чего я по своему юношеству не понималъ. Въ такой бесѣдѣ мы дошли до Рогожской заставы. Здѣсь Ѳ. М. просилъ меня остаться и подождать, пока онъ съѣздитъ въ редакцію. Я присѣлъ на лавочку возлѣ какого-то трактира средней руки и отъ нечего дѣлать началъ считать, сколько мимо меня провезутъ по шоссе покойниковъ на Рогожское кладбище. Нужно замѣтить, что въ описываемое лѣто въ Москвѣ свирѣпствовала холера, если и не особенно сильная, а все же уносившая ежедневно немало жертвъ. Въ теченіе трехчасового ожиданія я насчиталъ, что мимо меня провезли около 10 человѣкъ покойниковъ, почти исключительно изъ простонародья. Какая нибудь кляченка тащитъ въ телѣгѣ наскоро сколоченный простой желтый гробъ и 2—3 человѣка провожатыхъ, а то и никого. Грустная картина! Но вотъ вскорѣ показалась пролетка, и въ ней знакомая фигура Ѳ. М., искавшаго меня глазами. Когда онъ подъѣхалъ ко мнѣ, то сообщилъ прежде всего, что онъ очень проголодался, и предложилъ закусить тутъ же въ трактирѣ. Я былъ весьма доволенъ такимъ предложеніемъ, ибо и самъ чувствовалъ голодъ. Такимъ образомъ, мы вошли въ трактиръ и заняли отдѣльный столикъ, накрытый бѣлой скатертью и усѣянный скучающими мухами. Благодаря лѣтнему времени, въ трактирѣ было почти пусто. Половые въ бѣлыхъ рубахахъ и съ салфеткой подъ мышкой уныло бродили по залѣ и, повидимому, были удивлены нашимъ посѣщеніемъ, ибо мы все же были на загородномъ шоссе необычными посѣтителями.

Половой, подававшій намъ холодную закуску (кстати замѣчу, что Ѳ. М. почти ничего не пилъ), былъ очень вертлявый и услужливый человѣкъ, такъ что онъ невольно напомнилъ мнѣ того трактирнаго слугу, который подавалъ обѣдъ П. И. Чичикову въ гостиницѣ города N. Когда я объ этомъ замѣтилъ Ѳ. М., то привелъ его въ самое веселое настроеніе. Вообще достаточно было

по какому либо поводу упомянуть о Гоголѣ, чтобы вызвать у Достоевскаго горячій восторгъ, до такой степени онъ преклонялся предъ геніемъ этого великаго писателя. Много разъ, вспоминая различныя мѣста изъ произведеній Гоголя, онъ говорилъ, что по реальности изображаемыхъ лицъ и неподражаемому юмору онъ ничего высшаго не знаетъ ни въ русской, ни въ иностранной литературахъ. Напримѣръ, говорилъ онъ однажды, ничего болѣе характернаго и остроумнаго не могъ придумать ни одинъ писатель, какъ это сдѣлалъ Гоголь, когда Ноздревъ, послѣ тщетныхъ усилій заставить Чичикова играть въ карты и окончательно разсердившись, вдругъ отдаетъ приказаніе своему слугѣ: «Порфирій, ступай, скажи конюху, чтобы не давалъ овса лошадямъ его, пусть ихъ ѣдятъ одно сѣно». Это былъ такой геніальный штрихъ въ характеристикѣ Ноздрева, который сразу выдвинулъ всю фигуру его и наиболѣе сильно очертилъ все внутреннее содержаніе этого безшабашнаго человѣка.

Къ сожалѣнію, Ѳ. М. Достоевскій намъ никогда ничего не читалъ, такъ что я не могу сказать, какое онъ производилъ впечатлѣніе своимъ чтеніемъ на слушателей.

Судя по тому, какъ онъ говорилъ, какъ разсказывалъ, нужно думать, что и читалъ онъ очень хорошо. Но всѣ до такой степени относились къ нему деликатно, такъ никому ие хотѣлось его чѣмъ нибудь утрудить, что иикто и не рѣшался предложить ему книгу для чтенія въ слухъ, безъ личнаго его къ тому побужденія и желанія.

Въ концѣ іюля мѣсяца, я уѣхалъ вмѣстѣ съ старшимъ сыномъ А. П. Иванова (гимназистомъ 7-го класса), въ ихъ деревню, находившуюся въ Зарайскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи. Село «Даровое», такъ называлось родовое имѣніе Достоевскихъ, перешло въ приданое Вѣрѣ Михайловнѣ Ивановой. Прощаясь съ нами, Ѳедоръ Михайловичъ поручилъ намъ вести дневникъ, въ который записывать все, что будетъ происходить въ деревнѣ во время нашего тамъ пребыванія. Еще немного ранѣе уѣхали въ ту же деревню Вѣра Михайловна съ двумя дочерьми, такъ что въ «Даровомъ» собралось насъ небольшое общество, и мы весьма пріятно проводили время, несмотря на большую глушь, куда мы заѣхали.

Наше путешествіе не ознаменовалось ничѣмъ особеннымъ.

Выйдя на станціи Луховицы московско-рязанской желѣзной дороги, мы уже далѣе продолжали путь на лошадяхъ и къ вечеру прибыли въ Зарайскъ. Здѣсь пришлось переночевать. Отъ нечего дѣлать, мы осмотрѣли городъ, который, какъ и всѣ русскіе уѣздные города, не представлялъ ничего достопримѣчательнаго, за исключеніемъ развѣ старинной, толстой стѣны, представлявшей остатки прежняго кремля.

Благодаря лѣтней порѣ, въ городѣ было пустынно и скучно. Рѣдко кого можно было встрѣтить на улицѣ изъ публики, и только единственный въ городѣ извозчикъ, стоявшій уныло на площади, показывалъ, что и въ Зарайскѣ жители не лишены стремленія къ удобствамъ передвиженія. На другой день мы уже были въ деревнѣ, гдѣ насъ гостепріимно принялъ въ свои стѣны небольшой старинный господскій домъ.

Несмотря на то, что кругомъ свирѣпствовала холера, въ особенности въ Коломнѣ, въ 100 верстахъ отъ насъ, мы чуть ли не съ ранняго утра принимались за уничтоженіе превосходныхъ яблокъ и грушъ, коими изобиловалъ фруктовый садъ при господскомъ домѣ. Другимъ лакомымъ блюдомъ были грибы: мы ихъ уничтожали съ неменьшимъ усердіемъ, не обращая никакого вниманія на запрещеніе ихъ ѣсть. Грибы составляли до такой степени характерную особенность нашего стола, что мы у себя въ дневникѣ ввели рубрику «грибныхъ» и «негрибныхъ» дней. Повидимому, Богъ хранилъ насъ, и никто за все время пребыванія въ деревнѣ не заболѣлъ даже признаками холеры.

Въ срединѣ августа мы возвратились въ Люблино и еще застали здѣсь Ѳ. М. Достоевскаго. Онъ прежде всего потребовалъ отъ насъ дневникъ и торжественно прочиталъ его при всѣхъ. Нѣкоторыя мѣста нашего юношескаго произведенія вызывали у него смѣхъ, и въ общемъ онъ остался доволенъ и похвалилъ насъ.

Но вотъ кончилось лѣто, всѣ начали готовиться къ переѣзду на зимнія квартиры, выражаясь по-военному, и наше «люблинское» общество стало быстро уменьшаться. Вскорѣ уѣхалъ въ Петербургъ и Ѳ. М. Достоевскій, обѣщавъ при прощаніи, что будущее лѣто онъ снова проведетъ въ Люблинѣ. Конечно, это было для всѣхъ большою радостью, но, къ сожалѣнію, этой радости не суждено было осуществиться.

Въ томъ же году я отправился на рождественскіе праздники въ отпускъ къ своему брату въ Петербургъ. Такъ какъ Ѳ. М. Достоевскій, при прощаніи въ Москвѣ, приглашалъ меня его навѣстить, если я буду въ Петербургѣ, то я счелъ долгомъ исполнить его желаніе, при томъ я имѣлъ маленькое порученіе къ нему отъ Ивановыхъ. Однажды утромъ на праздникахъ я отправился къ Достоевскому. Онъ въ то время жилъ на углу Столярнаго переулка и Средней Мѣщанской, вмѣстѣ съ своимъ пасынкомъ П. Исаевымъ, на матери котораго, вдовѣ Исаевой, Ѳ. М. женился еще въ бытность свою въ Сибири, но которая уже умерла незадолго до моего знакомства съ Достоевскимъ. Эту первую супругу нашего знаменитаго писателя я видѣлъ только одинъ разъ въ Москвѣ, у Ивановыхъ, и она на меня произвела впечатлѣніе въ высшей степени болѣзненной и нервно-разстроенной женщины.

Входъ въ квартиру Достоевскаго былъ изъ-подъ воротъ по холодной и грязноватой каменной лѣстницѣ. Квартира помѣщалась, насколько помнится, во второмъ этажѣ и состояла всего изъ трехъ небольшихъ комнатъ, весьма скромно меблированныхъ. Прямо изъ передней—столовая, направо—кабинетъ и спальня Ѳедора Михайловича, налѣво—комната его пасынка. Я засталъ Достоевскаго за весьма невиннымъ занятіемъ: онъ сидѣлъ за чайнымъ столомъ въ средней комнатѣ и набивалъ папиросы. Онъ очень радушно принялъ меня, подробно разспрашивалъ о семействѣ Ивановыхъ, вспомнилъ о Люблинѣ и все повторялъ, что никогда въ жизни не проводилъ такъ пріятно лѣта, какъ прошлое, которое на него подѣйствовало самымъ благодѣтельнымъ образомъ. Между прочимъ онъ мнѣ сообщилъ, что романа «Преступленіе и наказаніе» онъ еще не кончилъ, что ему предстоитъ теперь двойная работа, такъ какъ онъ непремѣнно долженъ для Стелловскаго (извѣстнаго тогда издателя) къ опредѣленному сроку написать какую нибудь вещь. Это было причиною появленія въ свѣтъ повѣсти Достоевскаго «Игрокъ», написанной, главнымъ образомъ, подъ диктовку, въ виду спѣшности работы.

Пробывъ еще нѣкоторое время у Ѳедора Михайловича, я съ нимъ, затѣмъ, вмѣстѣ собрался уходить. Когда мы спускались по лѣстницѣ, намъ на встрѣчу попалъ высокій господинъ, съ длинными волосами, въ золотыхъ очкахъ и въ фетровой шляпѣ съ широкими полями. Ѳ. М. Достоевскій весьма дружески съ нимъ поздоровался и, обращаясь ко мнѣ, произнесъ: «Представляю вамъ нашего знаменитаго поэта Апполона Николаевича Майкова!» Послѣ этого, оба писателя вышли вмѣстѣ на улицу, и я съ ними простился.

Это было въ послѣдній разъ, когда я видѣлся съ Ѳ. М. Достоевскимъ. Передъ отъѣздомъ въ Москву, я еще разъ заходилъ къ нему, чтобы проститься, но не засталъ его дома. Съ тѣхъ поръ я съ Достоевскимъ болѣе не встрѣчался, но память о немъ всегда будетъ жить въ моемъ сердцѣ, и если я рѣшился подѣлиться съ читателемъ моими юношескими воспоминаніями объ одномъ изъ эпизодовъ въ жизни Ѳ. М. Достоевскаго, то единственно въ томъ предположеніи, что все, что касается жизни этого замѣчательнаго, многострадальнаго человѣка и первокласснаго русскаго писателя, будетъ также дорого каждому просвѣщенному русскому читателю.

Н. фонъ-Фохтъ.

МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ОСТРОГРАДСКІЙ.

(По поводу столѣтія со дня его рожденія).

СЕНТЯБРЯ 12-го текущаго года исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія нашего знаменитаго математика, тайнаго совѣтника Михаила Васильевича Остроградскаго, ординарнаго академика Императорской академіи наукъ, члена-корреспондента Парижской академіи, члена академій: Туринской, Римской, Американской, и почетнаго доктора Виленскаго Александровскаго университета, закрытаго въ 1832 году.

Въ виду исполнившагося юбилея сообщаемъ интересныя и поучительныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности знаменитаго ученаго.

Михаилъ Васильевичъ Остроградскій, сынъ помѣщика Василія Ивановича и Ирины Андреевны (урожденной Устимовичъ), родился 12-го сентября 1801 г., въ имѣніи отца, въ деревнѣ Пашенной, Кобелякскаго уѣзда, Полтавской губерніи. Еще въ раннемъ дѣтствѣ бойкій Миша выказывалъ рѣдкую наблюдательность и природную наклонность къ измѣренію любой вещи или игрушки. Въ карманѣ онъ всегда носилъ съ собою шнурокъ съ привязаннымъ къ нему камешкомъ и при помощи этого снаряда измѣрялъ глубину каждаго попадавшагося ему на глаза колодца или ямы. Передъ вѣтряной или водяной мельницей онъ стоялъ по часу и болѣе, наблюдая далеко не съ дѣтскимъ любопытствомъ за движеніемъ крыльевъ мельницы, паденіемъ воды съ лотоковъ, вращеніемъ колесъ, жерноновъ и т. п. Зная такую «слабость» своего сына и не предвидя въ немъ великаго математика, родители во время прогулокъ всячески заботились о томъ, чтобы онъ не замѣтилъ интересующихъ его предме-

товъ. Но отъ зоркаго и наблюдательнаго Миши не ускользалъ ни одинъ колодецъ, ни одна мельница: съ крикомъ и слезами онъ приставалъ къ родителямъ позволить ему хоть на минуту остановиться, чтобы понаблюдать то или другое, измѣрить величину или глубину. И эта «минута», не замѣтная для сына, долго и скучно тянулась для родителей...

На 9-мъ году отъ роду Миша отданъ былъ въ пансіонъ при Полтавской гимназіи, называемый «домомъ воспитанія бѣдныхъ дворянъ», надзирателемъ котораго въ ту пору состоялъ другой славный полтавецъ, малороссійскій поэтъ И. П. Котляревскій. Вмѣстѣ съ этимъ, по старому обычаю русскихъ дворянъ, будущаго математика записали на службу въ канцелярію полтавскаго гражданскаго губернатора, съ чиномъ губернскаго регистратора, откуда онъ перемѣщенъ былъ въ Роменскую почтовую контору, гдѣ скоро и произведенъ въ коллежскіе регистраторы. Въ 1815 году, 14-лѣтній чиновникъ уволенъ былъ отъ должности и снова поступилъ въ тотъ же пансіонъ. Пробывъ нѣкоторое время въ пансіонѣ, онъ вмѣстѣ съ старшимъ своимъ братомъ, Іосифомъ Васильевичемъ, поселился въ домѣ почтамта, гдѣ теперь зданіе женской гимназіи, у А. И. Ротмистрова, и продолжалъ ходить въ гимназію, которая въ то время занимала помѣщеніе нынѣшняго городского училища. Въ гимназіи Остроградскій не отличался особеннымъ прилежаніемъ, хотя и былъ замѣтенъ, какъ бойкій, способный и острый мальчикъ. О пребываніи Остроградскаго въ Полтавской гимназіи въ архивѣ ея мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія. Въ первый мѣсяцъ поступленія его въ гимназію онъ отмѣченъ по способностямъ — «средственнымъ», по прилежанію — «прилежнымъ» и по поведенію — «исправнымъ», а въ концѣ перваго учебнаго года по способностямъ — «острымъ» и по поведенію — «добронравнымъ». За 1813-й годъ Остроградскій, при 9-ти-бальной системѣ, имѣетъ слѣдующія отмѣтки: по психологіи 6, по нравственной философіи 7, исторіи и географіи 2, по языкамъ латинскому, французскому и нѣмецкому по 0. Послѣ экзамена, произведеннаго въ 1814 году, онъ отмѣченъ такими баллами: по математикѣ 5, исторіи и географіи 6, метафизикѣ и нравственной философіи 6, по языкамъ французскому и нѣмецкому по 1. Вообще видно, что Остроградскій недолюбливалъ языковъ и особенно латинскаго. Его успѣхи по этому предмету обозначаются такъ: «не учится», «не бываетъ въ классѣ», «не имѣетъ охоты къ латинскому языку». При этомъ противъ его фамиліи значится: «ученикъ Остроградскій, переводимый изъ класса въ классъ безъ знанія латинскаго языка, и сей годъ (1814-й) не бывалъ въ классѣ и никогда не зналъ уроковъ латинскихъ», а въ другомъ мѣстѣ относительно четырехъ учениковъ III класса, въ томъ числѣ и Остроградскаго, прибавлено: «и препятствуютъ къ продолженію успѣховъ сего класса». Относительно ученія въ гимназіи Остро-

градскаго и его старшаго брата Іосифа квартиросодержатель, А. И. Ротмистровъ, пишетъ ихъ отцу, отъ 6 мая 1813 года, между прочимъ, слѣдующее: «мой совѣтъ Осипа Васильевича оставить на службѣ совершенно, дабы себя лучше приспособилъ, а Михаила Васильевича, ежели располагаете усовершенствовать ученіемъ, то необходимо отдать въ пансіонъ, открытый здѣсь недавно, ибо ученіе по гимназіи Полтавской всѣмъ ученикамъ мало пользы приноситъ, даже кончившіе на словахъ ариѳметику на дѣлѣ ея вовсе не знаютъ, о Законѣ Божіемъ никто и понятія не имѣетъ, или, лучше сказать, чему учатъ ихъ, и сами ни вѣдаютъ». Въ письмѣ того же Ротмистрова, отъ 23 сентября, говорится: «долженъ сообщить о сынѣ вашемъ Михайлѣ Васильевичѣ, что небытіе его въ классахъ послѣ обѣда отъ собственной его воли и, можно сказать, отъ нерадѣнія, которое у него возникло до высшей степени; онъ получаетъ отъ меня часто не только упреки, но, можно сказать, и непристойные выговоры, но дальше не знаю, что дѣлать. Относительно поздняго обѣда, ему предоставлено не ожидать его, а позавтракавъ пріѣхавши съ классовъ сходить на послѣдніе часы, но не только сіи, но и поутру первые, онъ часто теряетъ, вставая въ девять часовъ, и то когда его самъ я разбужу». До окончанія курса, по желанію отца, онъ вышелъ изъ 3-го класса гимназіи (соотвѣтствуетъ теперь 6-му классу). Въ 1816 году, отецъ повезъ было его въ Петербургъ, для опредѣленія въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ, но, по совѣту П. А. Устимовича, родного дяди М. В. по матери, измѣнилъ свое намѣреніе и рѣшилъ опредѣлить его въ Харьковскій университетъ. Для приготовленія въ студенты, М. В. помѣщенъ къ адъюнкту университета, преподавателю военныхъ наукъ М. К. Робушу. Но М. В. не сочувствовалъ такому рѣшенію отца и сильно жалѣлъ, что не опредѣлили его въ гвардію; пріѣзжая домой на праздники или каникулы, онъ явно выражалъ стремленіе къ военной службѣ: ему сильно хотѣлось поступить въ артиллерію или въ гусары, а когда отецъ отказалъ и въ послѣдней его просьбѣ—опредѣлить въ Кременчугскій пѣхотный полкъ, онъ совсѣмъ отчаялся.

Остроградскій посѣщалъ университетъ сначала въ качествѣ вольнослушателя, но потомъ, въ сентябрѣ 1817 г., былъ зачисленъ въ студенты физико-математическаго факультета, оставаясь на квартирѣ у того же Робуша. Первый годъ университетскаго курса и половину второго года онъ занимался плохо и, продолжая мечтать о военной службѣ, каждую минуту готовъ былъ промѣнять университетъ на любой полкъ. Къ концу второго курса (въ университетѣ былъ тогда трехгодичный курсъ) онъ перешелъ на квартиру отъ Робуша къ адъюнкту университета, преподавателю математики А. Ѳ. Павловскому, который оказалъ на юношу весьма благотворное вліяніе. Павловскій первый обратилъ вниманіе на необыкновенныя способности Остроградскаго къ математикѣ и, поль-

зуясь его довѣріемъ, представилъ ему всю несообразность его юношескихъ мечтаній и возбудилъ въ немъ любовь къ наукѣ. Слѣдуя доброму совѣту своего «перваго» учителя, М. В. съ жаромъ принялся за занятія и черезъ два-три мѣсяца удивилъ Павловскаго своими успѣхами. Впослѣдствіи самъ Павловскій разсказывалъ, какую большую разницу онъ скоро замѣтилъ между собою и Остроградскимъ: въ то время какъ онъ, Павловскій, только усидчивымъ трудомъ пріобрѣталъ знанія, его ученикъ, отъ природы обладавшій блестящими дарованіями, быстро усвоивалъ готовое и тутъ же творилъ свое. За три мѣсяца занятій Остроградскій былъ уже въ состояніи упрощать самыя трудныя и сложныя математическія формулы.

17-ти лѣтъ отъ роду, 3 октября 1818 г., Остроградскій выбылъ изъ университета съ студентскимъ аттестатомъ, въ которомъ значится, что онъ обучался алгебрѣ, тригонометріи, криволинейной геометріи, гражданской архитектурѣ, практической геометріи, исторіи, статистикѣ Россійскаго государства и всеобщей исторіи—съ очень хорошимъ успѣхомъ, а военнымъ наукамъ, теоріи функцій, интегральному и варіаціонному исчисленію и россійской словесности съ превосходнымъ успѣхомъ и во все время пребыванія въ университетѣ поведенія былъ «добропорядочнаго». Такимъ образомъ изъ этого аттестата видно, что Остроградскій проявилъ особенные успѣхи въ высшей математикѣ, и именно въ той области ея, къ которой преимущественно и относятся его ученые труды.

Пробывъ годъ въ деревнѣ у отца, Остроградскій снова поступилъ въ тотъ же университетъ, для усовершенствованія въ нѣкоторыхъ наукахъ и особенно въ прикладной математикѣ. Въ 1812 г. онъ экзаменовался вмѣстѣ съ прочими студентами и въ торжественномъ собраніи университета, 30-го августа, имя его провозглашено было въ числѣ отличившихся. Въ то время ректоромъ университета былъ профессоръ математики Т. Ѳ. Осиповскій, въ 1803 году принимавшій дѣятельное участіе въ подготовительныхъ работахъ по открытію Харьковскаго университета. Видя способности и успѣхи Остроградскаго, онъ хотѣлъ произвести его прямо въ кандидаты, на основаніи § 24 только что вышедшаго (въ 1819 году) новаго положенія о производствѣ въ ученыя степени. Но физико-математическое отдѣленіе нашло, что Остроградскій не подходилъ подъ это правило, такъ какъ онъ получилъ студентскій аттестатъ до обнародованія этого положенія, и что для полученія степени кандидата онъ долженъ снова подвергнуться испытанію. Выдержавъ таковое удовлетворительно по всѣмъ факультетскимъ предметамъ, онъ долженъ былъ экзаменоваться еще по философіи. Но профессоръ философіи Дубровичъ отказался экзаменовать Остроградскаго, ссылаясь на то, что онъ не посѣщалъ лекцій философіи, которыя были обязательны для студентовъ физико-математическаго

отдѣленія; при этомъ замѣтилъ, что и студенческій аттестатъ выданъ Остроградскому противозаконно, такъ какъ онъ выбылъ изъ университета до окончанія полнаго курса. Но эта отговорка Дубровича была только предлогомъ, чтобы «досадить» Осиповскому, съ которымъ Дубровичъ былъ въ ссорѣ, возникшей сперва на почвѣ философскихъ воззрѣній, а затѣмъ перешедшей, какъ это и теперь бываетъ, въ частную жизнь профессоровъ и отразившейся прежде всего на Остроградскомъ, такъ какъ онъ пользовался особеннымъ расположеніемъ Осиповскаго. По этому поводу младшій братъ Остроградскаго, Андрей Васильевичъ, бывшій также студентомъ Харьковскаго университета, говоритъ слѣдующее: «въ то время въ университетѣ существовали двѣ особыя партіи профессоровъ: одна—члены библейскаго общества, поклонники мистицизма (къ ней принадлежалъ и Дубровичъ), а другая (во главѣ съ Осиповскимъ)—представители противоположныхъ мнѣній—раціоналистическая, но малочисленная, которая подсмѣивалась надъ теоріями первой. Противная партія, преслѣдовавшая Осиповскаго, начала преслѣдовать и тѣхъ, кого любилъ Осиповскій. Братъ былъ въ числѣ первыхъ, подвергшихся преслѣдованію».

Несмотря на доводы Осиповскаго, какъ ректора, Дубровичъ стоялъ на своемъ и не только отказался экзаменовать Остроградскаго, но и вошелъ въ совѣтъ университета съ особеннымъ мнѣніемъ, обвиняя физико-математическое отдѣленіе и въ частности ректора Осиповскаго въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ относительно производства Остроградскаго въ кандидаты и выдачи ему студентскаго аттестата; при этомъ онъ поставилъ на видъ, что Остроградскій во все время пребыванія своего въ университетѣ не посѣщалъ лекцій не только философіи, но и Богопознанія и христіанскаго ученія; послѣднее обвиненіе, очевидно, имѣло видъ доноса, такъ какъ лекціи Богопознанія читалъ другой профессоръ, но не Дубровичъ. Между тѣмъ недѣли за три до подачи Дубровичемъ отношенія въ совѣтъ, Осиповскій, по представленію попечителя учебнаго округа Карнѣева (тоже мистика), лично къ нему не расположеннаго, былъ уволенъ отъ должности не только ректора, но и профессора; такимъ образомъ, въ его лицѣ Остроградскій лишился своего защитника. Тѣмъ не менѣе, на основаніи отношенія Дубровича, совѣтъ университета потребовалъ отъ Остроградскаго объясненія, на какомъ основаніи онъ ищетъ степени кандидата, и, найдя это объясненіе удовлетворительнымъ, допустилъ его къ экзамену по философіи. Остроградскій и это испытаніе выдержалъ удовлетворительно и былъ признанъ достойнымъ степени кандидата. Представляя свое постановленіе (отъ 30 мая 1821 г.) «о выдачѣ Остроградскому кандидатскаго диплома» на утвержденіе попечителя, совѣтъ приложилъ къ дѣлу и мнѣніе Дубровича. Попечитель согласился съ этимъ мнѣніемъ и весь ходъ дѣла, съ объясненіемъ

причинъ, по которымъ Дубровичъ находитъ незаконнымъ производство Остроградскаго въ кандидаты, представилъ министру народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ князю Голицыну (въ то время и въ министерствѣ были вліятельные мистики). Министръ также согласился съ мнѣніемъ Дубровича и предложилъ: «предоставить Остроградскому вновь подвергнуться испытанію, буде пожелаетъ, къ полученію студентской степени, на точномъ основаніи высочайше утвержденнаго положенія о производствѣ въ ученыя степени, а за симъ, по предписанному въ томъ же положеніи порядку, достигать и прочихъ ученыхъ степеней; удержанный же у Остроградскаго, выданный ему въ 1818 г. студентскій аттестатъ,—не возвращать».

Но Остроградскій уже не пожелалъ воспользоваться даннымъ ему правомъ подвергаться новому «испытанію» (въ пятый разъ) на полученіе студентской степени и «достигать прочихъ ученыхъ степеней». Что же касается выданнаго ему въ 1818 г. студентскаго аттестата, то по этому поводу младшій братъ его Андрей говоритъ слѣдующее: «братъ, не терпѣливый отъ природы, не могъ перенести такихъ выходокъ: онъ пошелъ въ правленіе университета, спросилъ о причинахъ дѣлаемыхъ стѣсненій и, когда ему дали безосновательный отвѣтъ, вынулъ свой аттестатъ и отдалъ его засѣдающимъ профессорамъ, прося ихъ вытереть и имя его въ спискахъ студентовъ».

Такимъ образомъ, будущій знаменитый математикъ остался безъ всякаго аттестата... Къ счастію науки и самого Остроградскаго, интриги и неумѣстное требованіе формальностей не парализовали въ немъ математическаго таланта, и онъ ничуть не охладѣлъ къ той наукѣ, къ которой имѣлъ призваніе отъ природы. Наоборотъ, въ немъ окончательно остылъ воинскій жаръ и еще болѣе вкоренилась любовь къ математикѣ и увѣренность въ своихъ способностяхъ къ ней.

Вмѣсто предложеннаго ему новаго «испытанія», онъ поѣхалъ къ отцу въ деревню, но не просить его о поступленіи въ Кременчугскій пѣхотный полкъ, а высказать свое твердое намѣреніе ѣхать за границу и поучиться у французскихъ знаменитыхъ математиковъ. Такъ какъ въ то время поѣздка за границу считалась чѣмъ-то необычайнымъ, то М. В. ожидалъ вѣрнаго отказа. Однако, отецъ, выслушавъ сына, отнесся къ его намѣренію весьма благосклонно: «Подумай, Миша,—сказалъ онъ,—и если ты на самомъ дѣлѣ находишь пользу въ этой поѣздкѣ, я дамъ тебѣ мое благословеніе и найду средства».

Въ маѣ 1822 г. Остроградскій отправился въ путь съ какимъ-то нѣмцемъ. Эта поѣздка произвела сильную тревогу среди родственниковъ и сосѣдей, которые считали Остроградскаго-сына уже погибшимъ, а его отца—потерявшимъ разсудокъ. А когда спут-

никъ-нѣмецъ обокралъ въ Черниговѣ Остроградскаго, и ему въ отчаяніи пришлось вернуться обратно къ отцу, сосѣди и родственники еще болѣе не оправдывали обоихъ Остроградскихъ. Однако, отецъ, продолжая благосклонно относиться къ твердому намѣренію сына, вторично далъ ему деньги на поѣздку, и М. В. въ августѣ того же года уже былъ въ Парижѣ. Относительно такого предпріятія Остроградскаго старшій братъ его Іосифъ, служившій тогда въ департаментѣ морского министра, пишетъ ему, отъ 15-го февраля 1822 г., слѣдующее: «Отписавъ все тобою требуемое, я долженъ сообщить тебѣ, любезный братъ, и мысль мою: ежели ты предполагаешь себя совершенно учености, то неоспоримо, что предполагаемое тобою полезно, но если ты располагаешь себя другимъ образомъ, какъ университету ничѣмъ не обязанный, то въ такомъ случаѣ астрономія или стремленіе за сферу небесную къ чему послужить можетъ тогда». А въ письмѣ къ отцу, отъ 13-го августа того же года, онъ пишетъ: «О братѣ Михаилѣ Васильевичѣ много не безпокойтесь,—онъ, конечно, имъ предпринятое употребить съ пользою, увидя свѣтъ; за успѣхъ въ желаемомъ всегда можно ручаться за того, кто имѣетъ къ оному рвеніе, которое у брата кажется сильно; въ успѣхѣ я еще имѣю упованія и потому, что начатое имъ есть дѣло благое, благихъ же дѣлъ не оставляетъ Богъ, да будетъ же Онъ ему покровитель». Съ большимъ трудомъ достигнувъ цѣли, Остроградскій усердно посѣщалъ лекціи въ Сорбоннѣ и Collège de France и своими блестящими дарованіями скоро обратилъ на себя вниманіе знаменитыхъ французскихъ математиковъ: Лапласа, Фурье, Ампера, Пуассона, Коши и др. Съ послѣдними двумя учеными онъ былъ въ дружбѣ, велъ переписку и потомъ, а у Лапласа былъ принятъ, какъ семьянинъ; творецъ небесной механики называлъ его «mon fils» и передъ смертью подарилъ ему одинъ изъ своихъ не напечатанныхъ въ то время трудовъ.

Уже въ 1825 г. Коши въ одномъ изъ своихъ мемуаровъ, напечатанныхъ въ журналѣ Парижской академіи наукъ, отзывается объ Остроградскомъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Напомнивъ о своихъ изысканіяхъ относительно преобразованія и вычисленія опредѣленныхъ интеграловъ и замѣтивъ, что Лапласъ и Бриссонъ также занимались этимъ вопросомъ, Коши прибавляетъ: «наконецъ, одинъ русскій молодой человѣкъ, Остроградскій, одаренный большою проницательностью и весьма свѣдущій въ исчисленіи безконечно-малыхъ, далъ новое доказательство упомянутыхъ мною выше формулъ».

Извѣстіе о первыхъ успѣхахъ Остроградскаго въ Парижѣ дошло, разумѣется, и до недружелюбно разставшейся съ нимъ almae matris—Харьковскаго университета, и произвело тамъ пріятное впечатлѣніе. Но больше всѣхъ, конечно, радовался такому извѣстію Павловскій. Прочитавъ лестный отзывъ Коши о своемъ бывшемъ

ученикѣ, онъ поспѣшилъ подѣлиться своею радостію съ младшимъ братомъ Остроградскаго, Андреемъ Васильевичемъ, который въ то время былъ также въ числѣ студентовъ Харьковскаго университета. Послѣдній объ этомъ разсказываетъ слѣдующее: «поступивъ въ Харьковскій университетъ, я само собой часто посѣщалъ Павловскаго. Однажды, возвращаясь изъ университета, онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ звалъ меня съ собою. Недолго

Михаилъ Васильевичъ Остроградскій.

мы шли, какъ Павловскій не выдержалъ: «Смотри, Андрей, смотри,— сказалъ онъ, вынимая изъ кармана свертокъ,—смотри, что дѣлаетъ Мишель,—и слезы текли у него по щекамъ»...

Въ ноябрѣ 1826 года, Остроградскій представилъ парижскому институту первый свой мемуаръ, подъ заглавіемъ: «Mémoire sur la propagation des ondes dans un bassin cylindrique», напечатанный 1832 г. въ «Mémoires présentées par divers savants». Этотъ первый трудъ доказалъ, что Остроградскій, послѣ трехлѣтнихъ за-

нятій подъ руководствомъ знаменитыхъ геометровъ, уже вполнѣ владѣлъ анализомъ и стоялъ на томъ уровнѣ, котораго достигли въ то время изысканія математиковъ. О происхожденіи этого мемуара племянницы знаменитаго математика и его слушатели передавали намъ слѣдующее. Въ Парижѣ Остроградскому пришлось быть въ невольномъ одиночествѣ, на берегу Сены, и отъ скуки наблюдать за движеніемъ волнъ; это будто бы и навело его на мысль заняться изученіемъ волнообразнаго движенія жидкостей.

Около этого же времени отецъ сталъ звать Остроградскаго въ Россію и, чтобы поторопить сына къ скорѣйшему пріѣзду, не высылалъ ему денегъ; но М. В. оставался въ Парижѣ еще нѣкоторое время. Нуждаясь въ средствахъ, онъ, по рекомендаціи ученыхъ, занялъ должность преподавателя математики въ коллегіи Генриха IV. Оставляя эту должность, передъ отъѣздомъ въ Россію, онъ получилъ отъ провизора коллегіи одобрительный отзывъ слѣдующаго содержанія: «Collége Royal de Henry IV, Paris, le 7 novembre 1827. Le proviseur certifie que le Sieur Ostrogradsky (Michel) a été maître de mathematiques au Collége de Henry IV, pendant l'année scholaire 1826—1827, et qu'il a complétement rempli les espérances que nous avaient données les personnes recommandables qui nous l'avaient présenté».

Въ началѣ 1828 года, Остроградскій возвратился въ Россію, въ Петербургъ. Такъ какъ онъ не имѣлъ съ собою никакого собственно русскаго «аттестата», то просилъ отца выслать ему патентъ на чинъ коллежскаго регистратора, выданный ему изъ Полтавской почтовой конторы.

Только теперь, по возвращеніи въ Россію, Остроградскій по достоинству былъ оцѣненъ своими соотечественниками, и около него тотчасъ образовался кружокъ любителей математики, желавшихъ познакомиться съ новыми взглядами и методами въ анализѣ. Уже въ 1828 г. (17-го декабря) императорская академія наукъ избрала его въ адъюнкты по прикладной математикѣ, въ 1830 г. (11-го августа) онъ получилъ званіе экстраординарнаго академика, а черезъ годъ и ординарнаго. Въ іюлѣ 1830 г. онъ былъ командированъ въ Парижъ съ ученою цѣлью и въ это время представилъ парижскому институту свой курсъ небесной механики, въ которомъ выказалъ большую самостоятельность и, главнымъ образомъ, въ упрощеніи изложенія общихъ методовъ. Араго и Пуассонъ, разсмотрѣвъ этотъ трудъ по порученію парижской академіи, удостоили его самаго лестнаго отзыва, заканчивающагося такими словами: «мы полагаемъ, что трудъ Остроградскаго заслуживаетъ похвалу и одобреніе академіи»; при этомъ Араго ставитъ имя Остроградскаго на ряду съ безсмертнымъ Лапласомъ.

Такимъ образомъ, не признанный Харьковскимъ университетомъ математикъ уже тридцати лѣтъ отъ роду былъ однимъ изъ вид-

ныхъ представителей высшаго въ Россіи ученаго учрежденія. Въ 1855 г., послѣ смерти академика П. Н. Фусса, онъ занялъ каѳедру ординарнаго академика по чистой математикѣ. Многія и заграничныя ученыя учрежденія избрали Остроградскаго своимъ членомъ: такъ, онъ былъ удостоенъ одного изъ самыхъ почетныхъ званій для ученаго—это члена-корреспондента Парижской академіи наукъ, а также члена академій Туринской, Римской, Американской и почетнаго доктора Александровскаго (въ городѣ Вильнѣ) университета. При этомъ, какъ передаютъ племянницы Остроградскаго, онъ особенно гордился званіемъ члена Американской академіи. Высшія спеціальныя учебныя заведенія въ Петербургѣ не замедлили пригласить М. В. взять на себя преподаваніе математикя и считали большою честью видѣть его у себя профессоромъ. Сначала онъ занялъ преподавательскую должность въ офицерскихъ классахъ морского кадетскаго корпуса, въ институтѣ корпуса инженеровъ путей сообщенія и въ главномъ педагогическомъ институтѣ, потомъ въ училищахъ—главномъ инженерномъ и артиллерійскомъ. Такимъ образомъ, множество профессоровъ и преподавателей разныхъ учебныхъ заведеній, а также моряковъ, инженеровъ, артиллеристовъ и другихъ дѣятелей нашего обширнаго отечества, могутъ гордиться тѣмъ, что были учениками Михаила Васильевича и заимствовали отъ него любовь къ математическимъ наукамъ и ключъ къ дальнѣйшимъ занятіямъ этими науками. И въ самой Полтавѣ есть нѣсколько видныхъ общественныхъ дѣятелей, которые были учениками знаменитаго Остроградскаго, какъ-то: предсѣдатель полтавской губернской земской управы, дѣйствительный статскій совѣтникъ П. Д. Шклаpевичъ (по инженерному училищу—въ 1860—1861 учебномъ году), управляющій полтавскими отдѣленіями государственныхъ земельныхъ банкоаъ—дворянскаго и крестьянскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ Д. К. Квитка, слушалъ публичныя лекціи по математикѣ въ артиллерійскомъ училищѣ, въ 1859—1860 году учебномъ, и предсѣдатель полтавской уѣздной земской управы статскій совѣтникъ П. П. Старицкій (по институту корпуса инженеровъ путей сообщенія въ 1857 году).

На долю Остроградскаго выпало также высокое счастіе быть наставникомъ покойнаго государя императора Александра II и его августѣйшихъ братьевъ. Когда во время послѣдняго пребыванія въ Полтавѣ (6—7 марта текущаго года) августѣйшаго президента академіи наукъ и главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній великаго князя Константина Константиновича предсѣдатель мѣстнаго кружка любителей физико-математическихъ наукъ доложилъ ему о намѣреніи кружка чествовать столѣтіе со дня рожденія знаменитаго математика, его высочество, одобривъ это намѣреніе, прибавилъ: «Да, знаменитый Остроградскій былъ учителемъ и моего отца».

Имя Остроградскаго, по возвращеніи его изъ-за границы, буквально гремѣло на всю Россію и даже среди такихъ лицъ и учрежденій, которыя мало причастны къ математикѣ, какъ, напримѣръ, духовныя академіи, семинаріи и даже духовныя училища; при этомъ имя его часто связывалось съ другой знаменитостью того времени—профессоромъ физіологіи въ медико-хирургической академіи Д. М. Велланскимъ (1774—1847 г.), слушателемъ Шеллинга и ревнителемъ его натуръ-философской школы, біографъ котораго д-ръ Гейне называетъ его «русскимъ Шеллингомъ». Имя Остроградскаго одними произносилось, какъ образчикъ той стойкости и энергіи, съ какою онъ, несмотря на многія препятствія, достигалъ своей цѣли и достигъ ея въ такомъ раннемъ возрастѣ, а другими—какъ научный авторитетъ, равнаго которому съ трудомъ найти и въ «Западной Европѣ». Не одному изъ молодыхъ людей, при поступленіи въ университетъ по физико-математическому факультету, приходилось слышать отъ родителей или родственниковъ: «Ну, желаемъ тебѣ быть вторымъ Остроградскимъ». Но, увы, несмотря на такія сердечныя пожеланія, второй Остроградскій и до сихъ поръ еще не появлялся..

И Михаилъ Васильевичъ не остался не благодаренъ французскимъ ученымъ за ихъ вниманіе и созданную ему славу. Въ письмѣ на имя непремѣннаго секретаря Парижской академіи (въ 1856 г.), по случаю избранія его въ члены-корреспонденты, онъ благодаритъ академію за оказанную ему честь и членовъ ея: Коши, котораго называетъ своимъ знаменитымъ учителемъ, Бине, бывшаго профессора его въ Collége de France, Пуансо, сообщившаго ему свою теорію вращательнаго движенія, прежде чѣмъ она была напечатана, Штурма, называя его своимъ другомъ, и Ламе; въ заключеніе письма, съ признательностью вспоминаетъ Пуассона, дружбой котораго онъ также пользовался, и Фурье, называя его своимъ благодѣтелемъ.

Ученые труды Остроградскаго заключаются въ 48 запискахъ на французскомъ языкѣ, читанныхъ въ засѣданіяхъ нашей академіи наукъ и напечатанныхъ въ ея изданіяхъ; въ трехъ запискахъ, помѣщенныхъ въ изданіяхъ Парижской академіи наукъ, и одной напечатанной въ «Bulletin scientifique de Ferussac». Кромѣ вышеупомянутаго курса небесной механики, труды Остроградскаго были посвящены самымъ разнообразнымъ отдѣламъ математики и прикладныхъ наукъ: дифференціальному и интегральному исчисленію, высшей алгебрѣ, геометріи, теоріи вѣроятностей и теоріи чиселъ, механикѣ, математической физикѣ, баллистикѣ и др. Въ своихъ изслѣдованіяхъ Остроградскій, пользуясь выводами, добытыми французскими учеными, упрощаетъ ихъ и нерѣдко даетъ свои новые, обобщаетъ частныя формулы и теоремы, развиваетъ мысли, высказанныя другими учеными, доказываетъ въ самомъ общемъ

Домъ въ деревнѣ Пашенной, Кобелякскаго уѣзда, гдѣ родился **М.** В. Остроградскій.

видѣ основныя уравненія динамики, даетъ болѣе прямое и болѣе простое доказательство разныхъ математическихъ истинъ и въ этомъ отношеніи имѣетъ большое преимущество передъ своимъ учителемъ Пуассономъ, указываетъ и исправляетъ ошибки, допущенныя въ своихъ изслѣдованіяхъ другими учеными. Такъ, говоря объ открытіяхъ въ области аналитической механики Лагранжа, Пуассона, Гамильтона и Якоби, Остроградскій замѣчаетъ и исправляетъ ошибку, допущенную такимъ знаменитымъ математикомъ, какъ Лагранжъ. Наконецъ, онъ составилъ новыя таблицы для облегченія вычисленія полета снарядовъ и весьма важныя въ теоріи чиселъ таблицы первоначальныхъ корней для простыхъ чиселъ, не превышающихъ 200. Кромѣ того, онъ написалъ разборъ 9 сочиненій, представленныхъ въ академію наукъ на соисканіе Демидовской преміи, составилъ руководство начальной геометріи для кадетскихъ корпусовъ, посвященное императору Александру II, которое, при всей его оригинальности и научныхъ достоинствахъ, на практикѣ оказалось непригоднымъ къ употребленію, и конспектъ по тригонометріи, на основаніи котораго покойный директоръ полтавскаго кадетскаго корпуса Ф. И. Симашко составилъ свое руководство для военно-учебныхъ заведеній, читалъ публичные курсы и лекціи, изданные потомъ его слушателями.

Послѣ смерти Остроградскаго вообще мало осталось такихъ рукописей, изъ которыхъ можно было бы извлечь что нибудь цѣльное для изданія въ свѣтъ: большая часть ихъ состоитъ изъ записокъ, уже напечатанныхъ, выкладокъ безъ текста (очевидно, слѣды приготовленія къ лекціямъ) и начальныхъ листовъ оставленныхъ безъ дальнѣйшей обработки статей. Правда, найденъ и одинъ мемуаръ, представленный Остроградскимъ въ академію наукъ въ 1858 г. и не напечатанный имъ. Въ этомъ мемуарѣ рѣшается такой вопросъ изъ теоріи вѣроятностей: «Опредѣлить вѣроятность выигрыша одного изъ двухъ игроковъ, которые условились сыграть опредѣленное число партій, напримѣръ, на билліардѣ, и сыграли уже нѣсколько партій,—полагая при этомъ, что статочности выигрыша одной партіи каждымъ игрокомъ не равны». Такъ какъ рѣшеніе этого вопроса для Остроградскаго не представляло особенной трудности, то поэтому, думаютъ, онъ и не напечаталъ своего мемуара.

Пріемы и методы, употребляемые Остроградскимъ при изслѣдованіи разныхъ математическихъ вопросовъ, отличаются проницательностью, тонкимъ анализомъ, глубиною и строгостью мысли, обобщеніемъ, простотою и изяществомъ изложенія; они перешли въ сочиненія и лекціи и другихъ русскихъ математиковъ. Прежде всѣхъ и болѣе другихъ усвоилъ эти пріемы и способствовалъ ихъ распространенію профессоръ прикладной математики въ Московскомъ университетѣ Н. Д. Брашманъ, извѣстный своими учеными трудами и заботливостію о развитіи и укрѣпленіи въ своихъ слу-

шателяхъ любви къ математикѣ. Далѣе пріемами Остроградскаго воспользовались: г. Янишъ — по механикѣ, І. И. Сомовъ, заступившій его мѣсто въ академіи наукъ, — по алгебрѣ и интегральному исчисленію, а г. Беренсъ издалъ курсъ дифференціальнаго исчисленія, составленный по лекціямъ Остроградскаго. Наконецъ, въ 1869 г. авторъ «Курса дифференціальнаго исчисленія и теоріи алгебраическихъ функцій», профессоръ Харьковскаго университета Д. М. Деларю, посвящая свой «курсъ» памяти М. В. Остроградскаго, въ предисловіи къ нему говоритъ слѣдующее: «Въ заключеніе прибавлю, что трудъ мой, каковъ бы онъ ни былъ, я считаю долгомъ своимъ посвятить памяти нашего покойнаго академика Остроградскаго. Помимо своихъ спеціальныхъ изслѣдованій, доставившихъ ему европейскую знаменитость, Михаилъ Васильевичъ Остроградскій заслуживаетъ особенной признательности отъ насъ, русскихъ. Въ лекціяхъ своихъ онъ всегда являлся замѣчательнымъ систематизаторомъ, всегда вооружался противъ рутинныхъ пріемовъ и проводилъ общіе взгляды на соотношеніе между собою отдѣльныхъ научныхъ методовъ. Мысли его сохранялись и развивались его учениками, искренно чтившими память замѣчательнаго ученаго нашего. Мнѣ кажется, что и въ моемъ сочиненіи я слѣдовалъ направленію, указанному Михаиломъ Васильевичемъ; поэтому считаю обязанностію своею выразить чувство глубочайшаго уваженія къ памяти дорогого для всѣхъ русскихъ геометровъ покойника».

Лекціи М. В. Остроградскаго отличались общностью, краткостью и изяществомъ изложенія, унаслѣдованными имъ отъ знаменитыхъ Лагранжа и Коши. Это былъ превосходный лекторъ, при чемъ достоинство его лекцій много зависѣло отъ расположенія его духа. Нѣкоторые изъ слушателей Остроградскаго передаютъ, между прочимъ, что иногда онъ цѣлую лекцію по механикѣ или высшей математикѣ читалъ, не прибѣгая къ доскѣ, если даже приходилось вводить и сложныя формулы. Поэтому лекціи его могли нравиться только тѣмъ изъ слушателей, которые имѣли достаточное математическое развитіе и подготовку, чтобы понимать ихъ, и въ такихъ слушателяхъ онѣ возбуждали любовь къ математикѣ. Такихъ учениковъ Остроградскій умѣлъ отличать и поощрять. Для бездарныхъ же и неподготовленныхъ онъ былъ грозою. Во время экзаменовъ одна наружность Остроградскаго, его колоссальная фигура, съ однимъ испорченнымъ глазомъ, приводила въ трепетъ слабыхъ учениковъ: они разбѣгались, прятались, подъ видомъ болѣзни, въ лазаретѣ, откладывая экзаменъ до болѣе благопріятнаго времени. Хотя, какъ передавалъ намъ одинъ изъ позднѣйшихъ слушателей Остроградскаго, онъ вообще отличался добротою и снисходительностью, поддерживалъ на экзаменѣ своихъ учениковъ и вообще какъ говорится, не давалъ ихъ «въ обиду» ассистентамъ, такъ

что подъ конецъ своей жизни онъ если и былъ «грозою», то скорѣе не для учениковъ, а для своихъ коллегъ, которымъ трудно было состязаться съ нимъ, при его научномъ авторитетѣ и мѣткомъ и остромъ словѣ. Однако, несмотря на свой внушительный видъ и научный авторитетъ, и Остроградскій немало смущался въ присутствіи такой грозы, какъ Николай Павловичъ. Разсказываютъ, что когда императоръ явился однажды на лекцію Остроградскаго, онъ совсѣмъ растерялся и началъ путаться: «плюсъ... минусъ... квадратъ... кубъ... интегралъ... дифференціалъ»... Замѣтивъ такое смущеніе великаго ученаго, императоръ поспѣшилъ оставить его. Говорятъ также, что онъ ужасно боялся военныхъ генераловъ. Стоило только кому нибудь изъ слушателей, при возникшемъ недоразумѣніи, сказать: я пожалуюсь генералу такому-то (директору или инспектору), какъ Остроградскій быстро измѣнялъ тонъ и при словахъ: «ну, ну, будетъ уже, будетъ», улаживалъ недоразумѣніе.

Остроградскій вообще умѣлъ выдѣлять изъ массы своихъ слушателей наиболѣе способныхъ, на которыхъ, главнымъ образомъ, и сосредоточивалъ свое вниманіе. Одинъ изъ его слушателей (1857 года) въ институтѣ корпуса инженеровъ путей сообщенія передавалъ намъ, что лучшимъ ученикамъ Остроградскій любилъ давать названія великихъ философовъ и математиковъ: Декарта, Пиѳагора, Лейбница, Ньютона и т. п., всѣхъ же прочихъ называлъ «казаками», которымъ, по его словамъ, «въ пору было бы не высшую математику изучать, а въ рукахъ пику держать». Этимъ-то Декартамъ, Пиѳагорамъ, Лейбницамъ и Ньютонамъ онъ собственно и читалъ свои лекціи, а тѣ уже были посредниками между нимъ и «казаками». Для этихъ Декартовъ всегда были открыты двери ученаго, и только имъ однимъ онъ поручалъ переписку своихъ рукописей для представленія въ академію или другія ученыя учрежденія, такъ какъ никто иной не могъ понимать его «каракуль».

Насколько Остроградскій былъ оригиналенъ въ обращеніи съ своими слушателями, видно изъ такого случая. Одинъ изъ нихъ держалъ экзаменъ и держалъ плохо. Но когда экзаменаторъ узналъ, что слушателя зовутъ «Цезарь», то при словахъ: «а, это большой человѣкъ!» поставилъ ему высшій баллъ 5. И этотъ «Цезарь» былъ не кто иной, какъ нынѣ здравствующій военный инженеръ Ц. А. Кюи, заслуженный профессоръ фортификаціи въ академіяхъ Николаевской инженерной, Михайловской артиллерійской и Генеральнаго штаба и извѣстный композиторъ, авторъ оперы «Кавказскій плѣнникъ» и многихъ романсовъ. Про другого его слушателя, г. Эвальда, разсказываютъ слѣдующее. Остроградскій поставилъ ему, не спрашивая, 5 на экзаменѣ, а когда тотъ удивился, онъ отвѣтилъ: «многое изъ математики не остается въ памяти, но когда поймешь ее, тогда легко при случаѣ вспомнить забытое; изъ обра-

щенія съ вами я замѣтилъ, что вы поняли мой курсъ, а потому безъ экзамена ставлю вамъ 5». По словамъ слушателей, Остроградскій не любилъ тѣхъ изъ нихъ, которые поступали къ нему изъ университетовъ, вѣроятно, потому, что въ свое время университетъ отнесся къ нему, какъ студенту, недружелюбно. По этой же причинѣ, думаютъ, за свою 30-лѣтнюю преподавательскую дѣятельность онъ ни разу не читалъ лекцій въ университетѣ.

Кромѣ ученой и преподавательской дѣятельности, посвященной главнымъ образомъ военно-учебнымъ заведеніямъ, Остроградскій много потрудился для этихъ заведеній и въ другомъ отношеніи. Онъ долгое время состоялъ главнымъ наблюдателемъ преподаванія математическихъ наукъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Подъ его предсѣдательствомъ составлялись многія комиссіи для рѣшенія разныхъ педагогическихъ вопросовъ, какъ-то: для обсужденія способовъ преподаванія математики въ кадетскихъ корпусахъ и составленія программъ, для экзамена и пробныхъ лекцій, которымъ подвергались ищущіе учительскаго званія въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, и т. п. Нѣкоторые ошибочно думаютъ, что Остроградскій былъ преподавателемъ полтавскаго кадетскаго корпуса; но, какъ видно изъ его біографіи, онъ не могъ занимать эту должность, такъ какъ вся дѣятельность его протекла въ Петербургѣ. Въ 50-хъ годахъ онъ дѣйствительно былъ въ полтавскомъ корпусѣ и присутствовалъ на экзаменѣ, но опять-таки въ качествѣ главнаго наблюдателя.

Академикъ Сомовъ въ своемъ «Очеркѣ жизни и ученой дѣятельности М. В. Остроградскаго» («Записки импер. академіи наукъ», 1863 года, томъ III, книга 1-я) такъ отзывается объ этой дѣятельности: «При всей пользѣ, которую доставляли юношеству лекціи Остроградскаго, его отвлекала отъ научныхъ занятій тяжелая преподавательская обязанность, сопряженная съ тратою времени, часто безъ существенной пользы, на экзамены и засѣданія въ разныхъ комиссіяхъ, въ которыхъ происходили безконечныя пренія, не всегда приводящія къ надлежащему результату, и нерѣдко о предметахъ, чуждыхъ наукѣ. Все это было способно только ослабить энергію ученаго, поглотить его живую силу, дѣйствовать, какъ вредное сопротивленіе. Если бы Остроградскій не былъ вынужденъ искать занятія внѣ академіи, будучи вполнѣ обезпеченъ хорошимъ содержаніемъ, то его математическій талантъ былъ бы, безъ сомнѣнія, плодотворнѣе. Несмотря, однакожъ, на все это, Остроградскій съ честью совершилъ свою ученую карьеру и занялъ высокое мѣсто между современными математиками».

Остроградскій не былъ «сухимъ» математикомъ: онъ вообще отличался веселымъ характеромъ, въ обществѣ былъ крайне любезенъ и находчивъ, а въ гостиной вполнѣ свѣтскій, паркетный кавалеръ. Нѣкоторыя полтавскія дамы и теперь еще съ удоволь-

ствіемъ вспоминаютъ, какъ онѣ болѣе 40 лѣтъ тому назадъ танцовали вмѣстѣ съ Михаиломъ Васильевичемъ. На лекціяхъ, въ видѣ отдыха, онъ любилъ пошутить съ своими слушателями, сострить (иногда довольно ѣдко), пофилософствовать о математикѣ и другихъ предметахъ, разсказывать и слушать анекдоты, разбирать военныя дѣйствія полководцевъ, указывая на ихъ ошибки и проектируя свои планы сраженій. Онъ обладалъ хорошей памятью, помнилъ многія историческія и литературныя произведенія, читанныя еще въ молодости; зналъ наизусть много стихотвореній, хорошо декламировалъ ихъ и особенно стихи «Поэтъ и математикъ»; любимымъ его писателемъ былъ Т. Г. Шевченко, котораго онъ также зналъ почти наизусть. Въ душѣ онъ былъ истый малороссъ и часто подшучивалъ надъ «москалями». Съ отцемъ и въ частной жизни онъ говорилъ обыкновенно по-малороссійски; вообще любимымъ его языкомъ былъ французскій или малороссійскій и только въ крайнемъ случаѣ, когда сердился, напримѣръ, онъ говорилъ чисто русскимъ языкомъ. Если между многочисленными слушателями его оказывался кто нибудь изъ полтавцевъ, онъ вспоминалъ ему про вкусные полтавскіе «галушки и вареныки», про «пшеныччу и кавуны», которые онъ, бывая въ Малороссіи, истреблялъ въ изобиліи.

Почеркомъ онъ обладалъ настолько плохимъ, что и близкіе родные не могли разбирать его. Какъ передавала намъ одна изъ племянницъ Остроградскаго, когда старшій братъ его, Іосифъ Васильевичъ, получалъ письмо отъ М. В., то при словахъ: «а, это отъ Миши!» оставлялъ конвертъ не распечатаннымъ. Если же кто нибудь напоминалъ ему про его дурной почеркъ, то онъ отвѣчалъ: «вси маленьки люды пагано пышуть». Да онъ и не любилъ переписываться; по его словамъ, «пысать—це дурныця».

Между семейной перепиской, хранящейся у племянницы Остроградскаго, Л. А. Бокій, есть нѣсколько и его писемъ къ своимъ родителямъ. Почти всѣ они заключаются въ просьбѣ о высылкѣ денегъ. Есть два письма изъ Парижа, съ описаніемъ этого чудовищнаго города, и два изъ Петербурга.

Приводимъ болѣе характерныя изъ этихъ писемъ, съ соблюденіемъ оригинальной орѳографіи знаменитаго автора ихъ.

Письмо изъ Харькова, съ датою: «1817 года февраля 6 дня».

«Милостивой государь
«Батюшка
«Милостивая государиня
«Матушка

«Незнаю чему бы приписать долгое молчаніе ваше! уже болѣе мѣсяца какъ я получалъ отвасъ письма, ивесьма безпокоюсь овашемъ здоровьи.

«ВъХарьковѣ теперь много новостей; я думаю вы уже слышали исторію студентовъ и полецмейстера первые такъ пугнули послѣдняго что онъ подаеть въ оставку въ протчемъ я ниописиваю въ подробности сей занимательной исторіи предполагая что вы ее совершенно знаете. Теперь у насъ часто бываютъ собранія балы и свадьбы, театръ же я думаю скоро разтроится, лутшіе Актеры уѣхали въ Полтаву а теперь мѣста ихъ заняли погребщики и трактирщики: лютшаго тону публика уже небываеть въ театрѣ:

«въ протчемъ остаюсь вашъ покорной слуга и сынъ

«Михайло Остроградскій.

«P: S. Я нуждаюсь въ деньгахъ ибо довольно часто бываю въ собраніяхъ или гдѣнибудь въгостяхъ а неимѣю хорошихъ панталонъ и сапогъ какъ только поодной парѣ почему покорнѣйше прошу прислать мнѣ денегъ сколько вамъ заблаго разудится. Я также имѣю нужду въ нѣкоторыхъ книгахъ аименно Calcul de probabilité и La Leçon sur le Calcul des fonctions».

Письмо также изъ Харькова, съ датою: «1818 года генваря 5 дня».

«Милостивой государь

«Батюшка

«Письмо ваше иденьги 125 рублей я получилъ генваря 5 числа апоращету моему на полную окапыровку недостаетъ еще 60 руб. 125 рублей довольно бы было естьлибы оные получилъ я до новаго года, ибо тогда сукна были въ двое дишевли; а въ Михайла Кузмича (Робуша) я незаня денегъ потому что у него и усамого не было;—

«въ Харьковѣ начинается крещенская ярмарка съѣздъ удивительной какого еще никогда нибывало каждой день балы клобы маскерады и театри набыти людьми [1]) въ протчемъ остаюсь вашъ покорной слуга и сынъ

«Михайло Остроградскій».

Письмо изъ Парижа (очевидно, первое по пріѣздѣ), съ датою: «1822 года, сентября 25-го», и замѣчаніемъ къ ней: «надобно замѣтить что иностранцы всегда прибавляютъ двенадцать дней къ тому числу которое щитаемъ мы, по нашему щоту письмо писано 13-го сентября».

«Милостивый государь

«Батюшка

«и Милостивая государиня

«Матушка

«Послѣ путешествія продолжавшагося около полутора мѣсяца я преѣхалъ въ Парижъ совершенно здоровъ, тотъ же день осмотрѣлъ

---

1) «въ Харьковѣ пять домовъ Для собранія и три театра».

весь городъ, онъ конечно очень хорошъ но красоты его увеличиваютъ во сто разъ.

«Говорятъ о кукольныхъ театрахъ, оконсертахъ которые даются наулицахъ, о непрестанномъ шумѣ великолѣпныхъ екипажей, ничего етого нѣтъ екипажи весьма дурные въ сравненіи даже съ каретою Ивана Алексѣевича: они обыкновенно запряжены въ двѣ лошади.

«Говорятъ что французы чресвычайно вѣжливы, заниматильны, вспильчивы, непостоянны, они вѣжливы занимаются только собою, бранятся между собою, дерутся между собою и постоянно превязанны къ деньгамъ. Иностранець можетъ прожить въ Парижѣ цѣлый вѣкъ быть всегда въ публичныхъ мѣстахъ и нескѣмъ неговорить нислова: никто нетронетъ его необратитъ нанего нималѣйшаго вниманія какъ бы онъ страненъ нибылъ.

«Говорятъ что въ Парижѣ моды перемѣняются нѣсколько разъ въдень но и первые франты носятъ фраки года подва и я очень сожалѣю что невзялъ своего платья я думалъ что здѣсь нельзя въонемъ показаться.

«Путешествіе отъ Устимовки (Кременчугскаго уѣзда) до Парижа стоило мнѣ всѣхъ денегъ и еще 70 рублей долгу. Можно было доѣхать дишевли, но какимъ образомъ ето я узналъ послѣ, за ето непеняйте на меня каждый кто путешествуетъ въ первый разъ дѣлаетъ тоже. Но я думаю ниодинъ потешественникъ непреѣзжаетъ въ Парижъ совершенно безъ денегъ и еще съ долгомъ.

«Я стою на квартирѣ въ улицѣ святого Іакова въ мѣстѣ съ своимъ знакомымъ изъ Харькова съ деньгами которые у него есть мы можемъ прожить три мѣсяца а долѣе ни какъ ипотому покорнѣйше прошу васъ прислать мнѣ денегъ, которые надобно сперва отослать къ Іосифу василіевичу въ Питербургъ потомъ онъ перешлетъ ихъ комнѣ чрезъ банкира въ протчемъ онъ знаетъ какъ ето здѣлать. Письмо комнѣ отправте также къ Іосифу васильевичу и надобно непремѣнно написать ему мой адресъ. Въ протчемъ съ истиннымъ почтеніемъ и совершеною преданостію остаюсь вашъ покорный слуга и сынъ

«Михаилъ Остроградскій.

«P. S. для вѣрности я посилаю три письма одного содержанія.

«Мой адресъ

«à Monsieur
«Monsieur Ostrogradsky

«à Paris rue Fouxbourg Saint Jacque. l'Hotel des deux Filibert № 55 près de l'observatoir».

Приводимъ сохранившійся конецъ и другого письма изъ Парижа, съ такою датою: «1822 года ноября 16-го поздѣшнему и 4-го порускому»,

«весьма многіе ошибаются почитая столъ въ Парижѣ дешевимъ и ошибка происходить отъ того что француcкую монету называемою су щитаютъ копѣйкою су повеличинѣ небольше копѣйки но въ франкѣ 20 су франкъ равенъ нашему асигнаціонному рублю и такъ, су значить пять копѣекъ. Столъ послѣдней стоить 50 су тоесть 2 рубля 50 коп. порядочной 5 рублей. Индѣй безъ перьевъ отъ 14 до 16 рублей курица отъ 8 до 9 рублей. Завтракъ нашъ неочень дорогъ онъ обыкновено состоитъ изъ чаю и хлѣба въ мѣсяцъ виходитъ до 35 рублей здѣсь чай дорогъ но зато сахаръ дешевъ. Квартиры дороги чрезвычайно попричинѣ множества иностранцовъ одниxъ Англичанъ сщитаютъ до четырехъ сотъ тысячь. Моя комната начердакѣ безъ дровъ безовсего стоитъ 60 рублей въмѣсяцъ въ парижѣ климатъ теблѣе нашего но терпять болѣе отъ холоду нежели унасъ дѣйствительно здѣсь цѣлую зиму зеленѣетъ трава и цвѣтутъ розы однакожь что можно промерзнуть сидя наодномъ мѣстѣ и промерзнуть такъ что долго неусидишъ. Здѣсь нѣтъ печей а замѣсто ихъ дѣлаютъ камины но безъ трубъ и чтобы было тепло надобно не престанно держать огонь что въ зиму будетъ стоитъ до 600 рублей несмотря на чрезвычайную економію французовъ при топкѣ.

«Я писалъ къ вамъ въ первыхъ письмахъ что по приѣздѣ въ парижъ нетолько не осталось у меня денегъ но еще изадолжалъ 70 рублей пощастію умого товарища было 3000 рублей присланныхъ мнѣ университетомъ которые прибыли прежде меня съ сими деньгами и справивши платье кое какъ живу но скоро нападе велія нужда и потому ежели есть какая нибудь возможность то покорнѣйше прошу пособія.

«въ протчемъ съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію остаюсь

«Вашъ покорный слуга и сынъ
«Михаилъ Остроградскій.

«Деньги въпарижъ надобно отправить черезъ банкира, для етого сперва надобно отослать ихъ къ брату Осипу васильевичу, вмѣстѣ съ моимъ адресомъ.

«Адресъ:
«à Monsieur
Monsieur Ostrogradsky
rue Fauxbourg Saint Jacque № 55.
«Hôtel des deux Philiberte».

Къ этому письму приложены еще два коротенькихъ письма: одно на имя, должно быть, двоюроднаго брата Остроградскаго, Ивана Алексѣевича, а другое на имя родныхъ сестеръ его, Елены и Маріи. Содержаніе этихъ писемъ слѣдующее:

«Любезнѣйшій братекъ Иванъ Алексѣевичь, Я думаю вы теперь охотетись изъ знаменитымъ Федоромъ Федоровичемъ. Около Парижа множество зайцовъ, а въ Германіи столько, что и сказать нельзя. Часто я видѣлъ по пяти ипошести въ мѣстѣ. Что еще сказать вамъ теперь. Какъ я пишу прекраснѣйшій день есть уже около пяти часовъ, я одѣнусь и пойду обѣдать, что то вы теперь дѣлаете, ¡унасъ 4 часа 49 минутъ, а увасъ уже 7 часовъ и 5 минутъ, увасъ уже ночь а унасъ еще видно солнце, зато завтра поутру у насъ будетъ еще темно, а вы можетъ быть будете наохотѣ».

«Любезныя сестры Елена и Марія васильевны.

«О тутъ то модъ, шляпокъ, платья и все предешево. бездна магазиновъ и въкаждомъ все что неесть лутшее, вы видѣли платье и цвѣты ужены Бузановского, ето послѣдняго разбора, чтоже по думать о первомъ. Лутшіе и модные лавки, въ Палерояль, тамъ найдете и птичье молоко».

Наконецъ, приводимъ и еще два письма Остроградскаго, къ сожалѣнію, безъ даты, писанныя имъ, очевидно, изъ Петербурга, когда М. В. состоялъ уже въ числѣ академиковъ.

I.

«Милостивый Государь
«Батюшка.

«Письмо ваше отъ 1-го августа я получилъ и признаюсь, что оно весьма огорчило меня, я знаю что вамъ нужны деньги и потому просилъ увасъ весьма небольшую сумму 200 рублей, которые мнѣ крайне нужны. Я получаю не шесть тысячъ а 4.000 рублей. Совершенно согласенъ что сіи деньги при квартирѣ довольно достаточны для одного, но наобзаведеніе батюшка на мебель на платье.

«Я имѣю казенную квартиру, 6-ть комнатъ, казна никогда не даетъ квартири съ мебелью.

«Я здѣсь принять въ лутшихъ домахъ и божусь вамъ, что у меня нѣтъ порядочного платья. другое дѣло получать 4.000 рублей при всемь обзаведеніи или получать ихъ неимѣя ничего.

«Я знаю что чрезъ нѣсколько лѣтъ, выключая какихъ нибудь непредвидѣнныхъ происшествій, я получу славное содержаніе, но чрезьнѣсколько лѣтъ жизнь небудетъ имѣть для меня той приятности какъ теперь.

«въ молодости мы неудовлетворяемъ своихъ желаній отъ бедности, въ старости нѣтъ желаній.

«Я совершенно увѣренъ любезнѣйшій батюшка, что вы желаете мнѣ щастія, но прошу васъ жалать по моему образу мыслей, иначе

я немогу быть щастливъ. въ сію минуту когда я вамъ пишу я больше въ крайности нежели когда либо я долженъ 800 рублей и уменя нѣтъ зимнего платья я знаю, что все сіе кончится черезъ годъ или чрезъ полтора что я выплачу долгъ сей, но еще годъ, лутшій годъ остальной моей жизни пройдетъ въ заботахъ.

«Ежели неможете мнѣ прислать 200 рублей неможете ли вы мнѣ занять до новова года 300 рублей умоляю васъ батюшка необижаться моимъ предложеніемъ увѣряю васъ что я въ крайности. въ сію минуту когда я пишу къ вамъ у меня всего 100 рублей и донового года получу еще 150 рублей, и какъ чесной человѣкъ нѣтъ уменя зимняго платья.

«Прошу васъ мнѣ вѣрить въ томъ что я говорю изъ прошлогодней теплой шинели я сдѣлалъ холодную. въ другомъ мѣстѣ денегъ занять неможно но кновому году я получу, передъ самымъ новымъ годомъ, 1.000 рублей изъ морскаго корпуса и заплачу вамъ.

«Вашъ покорный сынъ
«Михаилъ Остроградскій».

II.

«Милостивый Государь
«Батюшка.

«Полагая что Сушковъ будетъ скоро назадъ въ Питербургъ поспѣшаю повторить мою прозьбу babприсилкѣ мнѣ мальчика, Пану Кирилу слишкомъ много работы и мнѣ снимъ однимъ нельзя управиться. Пока ночи были свѣтлы Кирило спалъ покойно а теперь мертвецовъ боится, унасъ квартира довольно большая и есть нѣсколько пустихъ комнатъ возлѣ которыхъ Кирило и пройти боится.

«Прошлымъ лѣтомъ, здѣсь лѣто уже прошло, я ходилъ на охоту съ ружьемъ и здѣлавши промаховъ двадцать купилъ двѣ пари утокъ и увѣрилъ Осипа василіевича что самъ убилъ онъ и теперь слыветъ великимъ стрѣлкомъ.

«Повторяю мою прозьбу о присилкѣ мальчика, Кирило говорить что у Прокопа Павленка есть хорошій мальчикъ Иванъ. Еслибы можно его прислать Сушковъ обѣщалъ мнѣ доставить сюда мальчика да вслучаѣ чего я могу за платить ему и прогоны за одну лошадь.

«Письма сего покорно прошу васъ не показывать Сушкову, онъ можеть обидится что придлагаю за платить за одну лошать, братъ Осипъ василіевичъ и я слава Богу здоровы и видемся довольно часто.

«въ протчемъ остаюсь
«вашъ покорный сынъ
«Михаилъ Остроградскій».

Работалъ Остроградскій не регулярно; нѣсколько времени ничего не дѣлалъ, какъ бы ожидая наитія свыше, а потомъ просиживалъ цѣлые дни и ночи, и тогда уже никто не долженъ мѣшать ему; въ это время онъ и лекцій не посѣщалъ. Часто послѣ серіозныхъ и продолжительныхъ занятій вдругъ открывается дверь кабинета, выходитъ въ туфляхъ великій математикъ и начинаетъ бѣгать и прыгать съ дѣтьми и племянницами; при этомъ онъ любилъ давать имъ какія нибудь характерныя названія: та у него была «Кисанька», эта «Ястребъ» и т. п. Но стоило промелькнуть въ его головѣ какой нибудь геніальной мысли или новой математической комбинаціи, какъ онъ моментально бросалъ и Кисаньку, и Ястреба и снова запирался въ своемъ кабинетѣ. Про минуты вдохновенія Острогродскаго его племянницы разсказываютъ слѣдующее: идетъ онъ разъ по Петербургу, а впереди ѣдетъ карета; вдругъ у него зарождается какая-то геніальная мысль, онъ, догоняя карету, чтобы записать эту мысль, кричитъ кучеру: «постой! куда спѣшишь? я сейчасъ!»...

Въ хозяйственныя дѣла Остроградскій совсѣмъ не вникалъ, ими занималась его жена; самъ же онъ предпочиталъ подъ руку съ слугою Щакомъ бродить по тѣнистымъ аллеямъ и философствовать о томъ, о другомъ. Когда въ 30-хъ годахъ братья Остроградскіе дѣлились имѣніемъ, и младшій братъ Андрей написалъ М. В., что въ данномъ случаѣ необходимо и его присутствіе, то самъ онъ не пріѣхалъ, а прислалъ свою жену.

Въ деревнѣ Остроградскій проявлялъ склонность къ демократизму. Пріѣзжая въ свое имѣніе, онъ любилъ задавать пиры крестьянамъ, такъ что они съ нетерпѣніемъ ожидали пріѣзда «генерала». Такъ какъ въ его имѣніи нѣтъ рѣки, то онъ часто ѣздилъ къ младшему брату Андрею, въ д. Пашенную, съ цѣлью покупаться въ Пслѣ. При этомъ онъ любилъ заигрывать съ купающимися на противоположномъ берегу крестьянскими дѣтьми, называя ихъ «ракаліями». «А ну, р-р-ра-каліи, кидайте въ меня калюкою (грязью)!» кричалъ Остроградскій дѣтямъ. И тутъ начиналась цѣлая баталія между «генераломъ» и какою нибудь Явдохою, Степаномъ и т. п. Собираются подъ новый годъ у М. В. въ деревнѣ гости. Онъ выходитъ во дворъ и кричитъ подъ окномъ собственной гостиной: «благословить щедруваты!» а затѣмъ начинаетъ: «Щедрыкъ-ведрыкъ, дайте вареныкъ, грудочку кашкы, кильце ковбаскы, що цего мало—дайте и сала!» Несмотря, однако, на такую простоту деревенской жизни, у М. В. иногда пробивалась въ обществѣ чисто аристократическая жилка...

Остроградскій ужасно не любилъ, когда его лѣта считали. По этому поводу его племянницы разсказываютъ слѣдующее. У пріятеля М. В., извѣстнаго малорусскаго композитора Н. В. Лисенко, въ то время 15—16-лѣтняго юноши, была привычка отвѣчать съ пр

тяжкою: «не можетъ быть». Когда зашла рѣчь о лѣтахъ Остроградскаго, и Лисенко протянулъ свое обычное «не можетъ быть», тотъ такъ сильно разсердился, что на этотъ разъ замѣтилъ по-русски: «А ты думаешь, что я уже старше всего міра!»

Остроградскій, высокаго роста и полный собою, былъ вообще здоровой комплекціи, чѣмъ онъ любилъ иногда похвастаться. «А ну, Андрій, подывысь, хто бильше: я, чы панъ Курасовскый?» —обращался онъ во время купанья къ слугѣ брата Андрея Васильевича, называя послѣдняго «паномъ Курасовскымъ» потому, что братъ писалъ романъ подъ этимъ названіемъ. А «панъ Курасовскій» сравнительно съ Остроградскимъ выглядѣлъ ребенкомъ, хотя былъ моложе его всего на 8 лѣтъ. Онъ рѣдко хворалъ и свободно, послѣ юга, переносилъ суровый петербургскій климатъ. Его очень часто можно было видѣть на набережной Невы подъ сильнымъ дождемъ безъ зонтика и калошъ; да, кстати замѣтить, чищенныхъ сапогъ онъ и терпѣть не могъ. Въ 1830 году ему пришлось лѣчиться чуть ли не въ первый разъ. Дѣло въ томъ, что во время командировки въ Парижъ отъ неосторожнаго обращенія съ фосфорной спичкой онъ испортилъ себѣ правый глазъ и долженъ былъ обратиться къ врачу. Но скорый отъѣздъ въ Россію не позволилъ ему окончить лѣченія въ Парижѣ, и онъ, возвращаясь моремъ, простудилъ больной глазъ, а по пріѣздѣ въ Петербургъ и совсѣмъ лишился его отъ дурного лѣченія. Изъ глаза постоянно текла слеза, такъ что на лекціяхъ передъ нимъ всегда ставили стаканъ съ водою, и онъ то и дѣло промывалъ глазъ.

По возвращеніи въ Россію, въ 1831 году, Остроградскій женился, секретно отъ отца, на лифляндкѣ Марьѣ Васильевнѣ Купферъ, которая прекрасно писала стихи на нѣмецкомъ языкѣ, играла и пѣла, и Остроградскій всячески способствовалъ тому, чтобы она совершенствовалась въ этихъ искусствахъ. Здѣсь кстати замѣтить, что къ женскому вопросу онъ относился весьма недружелюбно и часто сердился на брата Андрея за то, что тотъ позволялъ своимъ дочерямъ зачитываться, напримѣръ, Бѣлинскимъ; ему хотѣлось, чтобы женщина ничего не дѣлала такого, что мало бы отличало ее отъ мужчины.

Подъ конецъ своей жизни Остроградскій сдѣлался весьма религіозенъ, и у него даже въ небольшіе праздники горѣла лампадка. По поводу такой перемѣны въ немъ племянницы его передавали намъ слѣдующее. Когда въ 1855—1856 году въ Петербургѣ увлекались спиритизмомъ, въ частности верченіемъ столовъ, Остроградскій также принималъ участіе въ этихъ сеансахъ. Однажды онъ вызывалъ тѣнь своей матери, память которой онъ всегда чтилъ и, бывая въ деревнѣ, каждый разъ считалъ долгомъ поклониться ея праху. Тѣнь матери будто бы отвѣтила ему: «Михайло, вѣрь и молись!» Съ этихъ поръ онъ и сталъ религіозенъ.

Въ 1861 году, М. В. по домашнимъ обстоятельствамъ отправился на лѣто въ собственное имѣніе Генераловку (Долгое тожъ), Кобелякскаго уѣзда, и въ августѣ мѣсяцѣ опасно заболѣлъ. У него на правой сторонѣ спины образовался нарывъ (впослѣдствіи оказалось—карбункулъ), на который онъ не обращалъ никакого вниманія и продолжалъ купаться; нарывъ перешелъ въ рану, и она немало истощала его силы, принимая все болѣе и болѣе злокачественный характеръ. Слуга брата, Андрей, котораго Остроградскій считалъ достаточно свѣдущимъ въ медицинѣ, первый обратилъ вниманіе на рану (во время купанья) и совѣтовалъ ему бросить купанье и обратиться къ доктору. Но М. В. вообще не любилъ обращаться къ медицинской помощи, и только родственники съ трудомъ настояли на этомъ. Первая помощь была подана врачемъ изъ сосѣдней деревни Поповой, О. К. Коляновскимъ. Черезъ мѣсяцъ, почувствовавъ себя лучше, онъ сталъ порываться въ Петербургъ, куда влекли его служебныя обязанности. Ни врачи, ни родные не могли удержать его отъ этой поѣздки, и только новое ухудшеніе здоровья заставило его отложить поѣздку въ столицу и вмѣсто того отправиться въ Харьковъ для совѣта съ лучшими врачами. Собравшись въ путь, М. В. ходилъ по комнатамъ своего деревенскаго дома, отъ котораго, замѣтимъ кстати, остался теперь одинъ нижній этажъ, смотрѣлъ на себя въ зеркало и подшучивалъ надъ своей худобой. По словамъ племянницъ и вопреки увѣренію біографа Остроградскаго, академика Сомова, онъ не тайкомъ уѣхалъ изъ деревни, а наоборотъ, по малороссійскому обычаю, пригласилъ всѣхъ садиться, сказавъ: «сидайте жъ, щобъ все добре сидало», и затѣмъ уѣхалъ.

11-го ноября, больной прибылъ въ Полтаву, намѣреваясь продолжать путь дальше, но только не въ Харьковъ къ врачамъ, а въ Петербургъ—на службу. Въ Полтавѣ онъ остановился въ домѣ своего давняго знакомаго В. П. Старицкаго, по Колонійской улицѣ (въ этомъ самомъ домѣ помѣщается теперь училище слѣпыхъ дѣвочекъ), у котораго обыкновенно останавливался онъ, бывая въ Полтавѣ. Хозяйка дома, В. Н. Старицкая, видя болѣзненное состояніе своего дорогого гостя, уговаривала его не пускаться въ дальнѣйшій путь, не посовѣтовавшись съ врачами. Приглашенъ былъ извѣстный въ то время въ Полтавѣ своими противохолерными каплями, ученостью и библіотекою врачъ К. Э. Циммерманъ; осмотрѣвъ больного, онъ объяснилъ окружающимъ всю опасность его положенія и совѣтовалъ для окончательнаго излѣченія или остаться въ Полтавѣ или ѣхать въ Харьковъ. М. В. предпочелъ оставаться въ Полтавѣ; для большаго спокойствія, ему наняли отдѣльную квартиру противъ дома Старицкихъ, у г. Гартмана (домъ этотъ, теперь принадлежащій Симону, сохранился въ прежнемъ видѣ). Спустя двѣ недѣли, больной началъ, повидимому, поправляться: вставалъ

съ постели, принималъ посѣтителей и поговаривалъ о предстоящихъ занятіяхъ. Но 7-го декабря онъ имѣлъ неосторожность съѣсть маринованнаго угря и послѣ этого впалъ въ лихорадочное состояніе: пищевареніе испортилось, аппетитъ пропалъ, заживленіе раны остановилось, а затѣмъ лихорадка перешла въ гнилую горячку, и обнаружились признаки паралича въ легкихъ. Опасное положеніе ученаго произвело въ Петербургѣ удручающее впечатлѣніе: оттуда то и дѣло присылались телеграммы съ запросомъ о здоровьѣ больного, а подъ конецъ начали появляться и бюллетени о ходѣ его болѣзни. Но всѣ старанія врачей были уже напрасны, и 20-го декабря 1861 года, въ 12 часовъ ночи, великаго математика не стало...

О послѣднихъ минутахъ его жизни разсказываютъ слѣдующее. Когда больной былъ уже на смертномъ одрѣ, окруженный родственниками и близкими знакомыми, у него, должно быть, родилась какая нибудь важная идея; онъ попросилъ бумагу и карандашъ и торопливо сказалъ одному изъ родственниковъ: «пиши, пиши скорѣй!..». Но тутъ голосъ ученаго умолкъ навѣки, и его, быть можетъ, геніальная мысль унесена имъ въ могилу...

Заупокойная литургія и отпѣваніе совершены были въ церкви Полтавскаго кадетскаго корпуса также покойными теперь протоіереями—законоучителемъ корпуса П. Катрановымъ и законоучителемъ мужской гимназіи Н. Думитрашко и нынѣ здравствующимъ законоучителемъ того же корпуса протоіереемъ Е. Исаенко, который напутствовалъ покойнаго. Протоіерей о. Исаенко сказалъ приличное случаю слово, а извѣстный Полтавѣ своими спичами, экспромтами и добродушнымъ юморомъ учитель женской гимназіи и другихъ учебныхъ заведеній С. П. Стеблинъ-Каминскій произнесъ сильную задушевную рѣчь, въ которой такъ охарактеризовалъ знаменитаго ученаго:

«Въ тотъ знаменательный день, когда Западная Европа шумно встрѣчала появленіе новаго года, въ нашемъ мирномъ городѣ тихо, незамѣтно угасъ великій дѣятель науки, Михаилъ Васильевичъ Остроградскій: имя, извѣстное всему образованному міру. Отечество лишилось въ немъ одного изъ достойнѣйшихъ сыновъ своихъ, правительство потеряло мудраго сановника, человѣчество—благодушнаго человѣка, наука утратила геніальнаго спеціалиста, общество ученыхъ—писателя, труды котораго справедливо стяжали ему блестящую европейскую извѣстность. Кажется, довольно правъ на признательность отечества, на уваженіе всего цивилизованнаго общества, на прочное значеніе въ сферѣ науки, на жизнь въ потомствѣ... Но сколько еще другихъ почетныхъ титловъ дивно соединилось въ одномъ лицѣ покойнаго: бывшій наставникъ дѣтей августѣйшаго царскаго дома, главный наблюдатель математическихъ наукъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, профессоръ-академикъ, членъ ученыхъ русскихъ и иностранныхъ обществъ и учрежденій. Жизнь

его была рѣдкій образецъ научнаго двигателя. Онъ чудно угадалъ свое призваніе, самъ создалъ новыя данныя въ избранной наукѣ и прославилъ русское имя въ области математическихъ наукъ. Не мѣсто, не время и не мнѣ оцѣнивать его заслуги наукѣ; заслуги эти достойно оцѣнены были высочайшимъ вниманіемъ къ нимъ двухъ монарховъ Россіи и тѣмъ общественнымъ значеніемъ, которое занималъ при жизни усопшій соотечественникъ нашъ, ученый гражданинъ, которымъ долго будетъ гордиться Россія... Долго!.. Но его ужъ нѣтъ между нами; умолкъ голосъ, потрясавшій умы глубиною идей; потухъ свѣточъ, проливавшій яркій свѣтъ на одну изъ самыхъ образовательныхъ наукъ. Душа его отлетѣла въ міръ горній, но его идеи, достояніе, присущее всему человѣчеству, не умрутъ никогда! Какъ зерно, брошенное въ плодотворную почву, производитъ богатую растительность, такъ мысль геніальнаго человѣка множитъ произведеніе высокихъ научныхъ истинъ.

«Смерть не взяла свое: увядаютъ тлѣнные вѣнки земныхъ почестей, безмолвствуетъ у гроба самый говоръ славы, но чистое имя, безукоризненный трудъ ученаго, многоплодная дѣятельность, свѣтлый отблескъ геніальнаго ума переживаютъ вѣка, достигаютъ отдаленнѣйшаго потомства. Въ этомъ несомнѣнномъ безсмертіи человѣческаго духа увѣряютъ насъ скрижали исторіи. Къ горькимъ соболѣзнованіямъ надъ гробомъ усопшаго невольно примѣшивается сладостное сознаніе, что имя его не умретъ въ потомствѣ, не забудется въ мірѣ образованности. Повторимъ же вмѣстѣ съ молящеюся за него церковью: миръ и покой душѣ твоей, мужъ благородный, миръ праху твоему, гражданинъ именитый! Да будетъ память о тебѣ всегда съ похвалами—и вполнѣ вѣчная память!».

Послѣ отпѣванія тѣло покойнаго было вынесено на сани и отправлено въ деревню Пашенную, гдѣ и теперь покоится въ семейной усыпальницѣ Остроградскихъ, рядомъ съ матерью, отцомъ и двумя братьями—Іосифомъ и Андреемъ. Усыпальница имѣетъ видъ большой часовни, обнесенной деревянной оградой и окутанной густою тѣнью деревъ. Обстановка внутри самая простая: столъ въ углу и нѣсколько иконъ, лампадка, два подсвѣчника и ваза для цвѣтовъ, а подъ поломъ и самый склепъ, въ которомъ въ настоящее время виднѣются 14 гробовъ разной величины и формы. Усыпальницей завѣдуетъ тотъ самый слуга Андрей Бондаренко (теперь 73-хъ-лѣтній старикъ), о которомъ не разъ упоминалось въ настоящемъ очеркѣ.

Говорятъ, что умирая М. В. выразилъ желаніе, чтобы его похоронили въ Полтавѣ, хотя, по словамъ его племянницъ, бывая въ Пашенной у брата и любуясь видомъ на сосѣднее мѣстечко Голтву, горделиво возвышающееся надъ окрестными хуторами, онъ говаривалъ на любимомъ имъ малороссійскомъ языкѣ: «я умру у себе, а у москоливъ не хочу умирать; такъ поховайте мене тамъ

(въ Голтвѣ), щобъ мини було выдно и Пашенну, и Довгу, и Глыбоке» (имѣніе старшаго брата Іосифа Васильевича).

Послѣ смерти М. В. Остроградскаго осталась жена, умершая лѣтъ 12 тому назадъ въ с. Козельщинѣ, у графини С. М. Капнистъ, и трое дѣтей: сынъ Викторъ недавно умеръ въ «Домѣ призрѣнія безпріютныхъ дворянъ Полтавской губерніи» (въ с. Рыбцахъ, Полтавскаго уѣзда) и двѣ дочери Марія (недавно умерла), бывшая въ замужествѣ за предводителемъ дворянства Хорольскаго уѣзда В. В. Родзянко, и Ольга, дѣвица, вышедшая потомъ замужъ за генералъ-лейтенанта Папа-Аѳанасопуло (тоже умерла).

Вотъ кѣмъ поистинѣ можетъ гордиться Полтавская губернія, какъ ея уроженцемъ, и полтавская гимназія, какъ ея питомцемъ!.. Вотъ чью память торжественно чтилъ 12-го сентября Полтавскій кружокъ любителей физико-математическихъ наукъ!..

П. И. Трипольскій.

ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

ТРИДЦАТЬ пять лѣтъ безъ малаго, какъ я не былъ въ Петербургѣ.

Много воды утекло, много перемѣнъ произошло за это долгое время. Въ особенности въ литературномъ мірѣ, въ вѣяніяхъ и направленіяхъ новыхъ литературныхъ органовъ и въ modus'ѣ vivendi главныхъ представителей и заправилъ послѣднихъ. Мнѣ кажутся они черствѣе, грубѣе прежнихъ и менѣе широко смотрятъ на свои цѣли, на способы ихъ достиженія и черезчуръ погрязли въ заботахъ о личномъ матеріальномъ благосостояніи.

Одинъ изъ милыхъ, симпатичныхъ редакторовъ журнала, съ которымъ мнѣ пришлось говорить по этому поводу, довольно пространно и горячо высказать свои мысли, подсмѣивался надо мною и выразился такъ: «Вы потеряли слухъ». Словомъ, онъ хотѣлъ сказать, что я мало слѣдилъ за текущей литературой Россіи, не прислушивался къ тому, что думаютъ и говорятъ, порядкомъ отсталъ и мало знакомъ съ новыми вѣяніями и направленіями.

Пожалуй, можетъ быть, онъ и правъ.

Немудрено было и отстать. Уѣхавъ изъ Петербурга послѣ закрытія нѣкоторыхъ газетъ и журналовъ и ухода съ литературной арены многихъ ея дѣятелей, я занялся въ провинціи адвокатурой и преимущественно уголовной защитою.

Всегда увлекаясь и близко принимая къ сердцу судьбу своихъ кліентовъ, подчасъ волнуясь такъ, какъ будто мнѣ самому грозила каторга, по цѣлымъ недѣлямъ я даже не прикасался не только къ журналу, но даже и къ газетѣ. Раза два, три въ годъ находилъ я возможность читать запоемъ по цѣлымъ недѣлямъ, но,

конечно, это не то; пробѣлы были очень большіе, такъ какъ мнѣ положительно было неизвѣстно все то, что печаталось въ теченіе трехъ, четырехъ мѣсяцевъ.

Конечно, это должно было сильно отразиться на полнотѣ моихъ свѣдѣній о текущей литературѣ. Но все же это могла быть разница количественная, а не качественная; общее направленіе, общее впечатлѣніе не могло отъ меня ускользнуть, и въ этомъ отношеніи я «слухъ потерять» не могъ.

Вотъ два мѣсяца со дня пріѣзда, какъ я ежедневно брожу по редакціямъ и разнымъ издателямъ, пріискивая постоянную работу и стараясь помѣстить двѣ, три большія статьи, заготовленныя мною еще въ провинціи, а также отыскиваю издателя для составленнаго мною техническаго словаря; въ свободное отъ хожденій время я много читаю, стараясь освоиться съ физіономіей текущей литературы.

Сколько ни приглядываюсь и ни прислушиваюсь къ петербургскому литературному хору настоящаго времени, ничего общаго не нахожу съ литературнымъ хоромъ шестидесятыхъ годовъ. Многіе изъ литературныхъ генераловъ новѣйшей формаціи высокомѣрно, нѣсколько презрительно относятся къ дѣятельности литераторовъ шестидесятыхъ годовъ.

Впрочемъ отношеніе это объясняется отчасти тѣмъ, что они зорко приглядываются и прислушиваюся, какую въ данную минуту надо пѣть пѣсню, и споютъ что угодно и какъ угодно, лишь бы угодить той части нашей публики, отъ которой наибольшія выгоды получить можно.

Допустимъ, быстро мѣняются вѣянія и направленія; возникаютъ подчасъ новыя тробованія, но родственное сходство должно же оставаться, и внукъ Радищева или сынъ Добролюбова не можетъ же вполнѣ забыть своего отца и сдѣлаться рѣзкою его противоположностью.

Положимъ, и прежде случалось, что литераторы рѣзко и быстро мѣняли убѣжденія, но они не гордились этимъ, не драпировались въ тогу и не напускали на себя юпитеровскаго величія. Напротивъ, даже мѣняя фронтъ и изъ жалкаго помѣщенія гдѣ нибудь въ Разъѣзжей попадая въ шикарное помѣщеніе на Невскомъ, они старались снискать расположеніе прежнихъ товарищей, старались не разрывать съ ними добрыхъ отношеній. Было въ модѣ быть отзывчивымъ, гуманнымъ и вполнѣ доступнымъ. Нѣкоторые напускали на себя англійскую выправку; другіе смотрѣли французами, третьи напускали на себя базаровскую грубость и рѣзкость, хотя въ сущности были добрые, любезные люди, готовые всегда помочь товарищу.

Теперь совсѣмъ не то. Вотъ что разсказалъ мнѣ одинъ близкій человѣкъ, также писатель шестидисятыхъ годовъ, походившій по редакціямъ еще болѣе моего.

«Войдешь точно въ министерство. Приглашаютъ васъ въ пріемную и съ большой торжественностью просятъ у васъ визитную карточку и справляются, какъ доложить редактору. Наконецъ разсыльный, заглянувъ два раза въ щелочку двери кабинета генерала отъ литературы, чтобы убѣдиться, не помѣшаетъ ли онъ, осторожной поступью входитъ и докладываетъ, что вотъ молъ такой-то желаетъ видѣть редактора. Возвращается докладчикъ и объявляетъ, что «редакторъ просятъ обождать». Случается, что ждешь полчаса, и даже однажды пришлось ждать часъ. Трудно было повѣрить, что редакторъ занятъ серьезнымъ разговоромъ: слышался звонкій смѣхъ, и доносились обрывки фразъ, достаточно свидѣтельствовавшіе, что разговоръ былъ далеко не серьезный. Наконецъ, васъ допускаютъ въ святилище. Вы рекомендуетесь; рука редактора какъ-то скользитъ по вашей рукѣ, и васъ не то кивкомъ, не то какимъ-то неопредѣленнымъ молчаніемъ приглашаютъ садиться. Нѣкоторые же вступаютъ въ разговоръ стоя и съ такимъ вопросительнымъ выраженіемъ лица, которое ясно говоритъ: «говори скорѣе, и пожалуйста, уходи».

Нѣтъ, прежде относились просто, задушевно и никогда не томили, а генеральскую важность на себя напускать и въ поминѣ не было.

Я живо помню мое первое посѣщеніе Добролюбова.

Жилъ онъ тогда въ Колокольной улицѣ. Хотя за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ онъ ѣздилъ для поправленія здоровья въ Крымъ, но пользы отъ этого было мало. Блѣдныя щеки, впалые глаза и слабый кашель по временамъ выдавали развитіе недуга, который вскорѣ послѣ того свелъ его въ могилу.

Ждать пришлось не болѣе друхъ, трехъ минутъ.

Познакомившись съ Добролюбовымъ, я напомнилъ ему его двухдневное пребываніе въ Харьковѣ, по дорогѣ изъ Крыма обратно въ Петербургъ. Онъ оставался тамъ для свиданія съ школьнымъ товарищемъ Самсоновымъ, бывшимъ прежде учителемъ гимназіи, но бросившимъ педагогическую дѣятельность для сцены и очутившимся въ Харьковской театральной труппѣ.

Тамъ же въ Харьковѣ Добролюбова познакомилъ Самсоновъ съ капитаномъ генеральнаго штаба Сергѣемъ Ивановичемъ Турбинымъ, написавшимъ между прочимъ очень сценическую вещь «Картинка съ натуры». Самсоновъ же познакомилъ Добролюбова съ Дмитріевымъ, Иваномъ Ивановичемъ, который вскорѣ послѣ того пріѣхалъ въ Петербургъ и сначала по протекціи Степанова работалъ въ «Искрѣ», а затѣмъ, когда Степановъ началъ издавать «Будильникъ», сдѣлался въ немъ главнымъ сотрудникомъ. Дмитріевъ пріѣхалъ въ Петербургъ безъ всякихъ средствъ, безъ копейки денегъ, но его быстро поставили на ноги сначала Курочкинъ, потомъ Степановъ. Отношенія къ работникамъ пера были далеко не теперешнія.

Я передалъ статью мою Добролюбову, убѣдительно прося прочесть если возможно скорѣе, такъ какъ уѣзжаю изъ Петербурга въ деревню. Это была драма, написанная мною въ Парижѣ.

Дня черезъ три прихожу я снова къ Добролюбову. Минуты чрезъ двѣ онъ вышелъ изъ кабинета въ свою маленькую гостиную съ моей рукописью въ рукахъ и тотчасъ, не ожидая вопроса, вычитавъ этотъ вопросъ въ глазахъ моихъ, началъ говорить о моей драмѣ.

Тихимъ голосомъ, не спѣша, лаская взоромъ, говорилъ Добролюбовъ и, не подбирая, объяснялся въ выраженіяхъ, не уязвляющихъ авторскаго самолюбія.

— Прочелъ я вашу драму. Въ ней есть нѣсколько прекрасныхъ, интересныхъ сценъ, но въ цѣломъ она невозможна. Не говоря уже о томъ, что вы не только забыли, но,—мягко улыбаясь, добавилъ Добролюбовъ, — какъ будто никогда не слыхали, что у насъ существуетъ цензура, и что никогда, ни подъ какимъ видомъ не пропуститъ чего либо подобнаго тѣмъ мыслямъ, которыя вы высказываете; помимо этого, вы очевидно такъ молоды, такъ наивны, что ни малѣйшаго понятія объ окружающей васъ жизни русской не имѣете. Все это отражается ярко въ вашей драмѣ. Вы, вѣроятно, долго жили за границею,—закончилъ Добролюбовъ.

Сосредоточенно, почти съ благоговѣніемъ слушая Добролюбова, я едва пробормоталъ: «Да, это вѣрно»... и задумался.

Наступила пауза.

Вдругъ я порывисто схватилъ со стола мою злосчастную драму и началъ рвать ее на куски, что было не легко, такъ какъ сшитая тетрадка была толстовата.

— Что вы, зачѣмъ это? — успокоивалъ меня Добролюбовъ:— все бы это можно отлично передѣлать, переработать,—но въ глазахъ его я прочелъ, что въ душѣ онъ меня оправдывалъ.

Я вскочилъ, крѣпко жалъ руку Добролюбова, горячо и искренно благодарилъ его и вышелъ.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, принося мелкія статейки, я еще заходилъ два, три раза къ Добролюбову, но старался ограничиваться пятью минутами разговора, замѣчая его болѣзненное состояніе. Случалось встрѣчать у него Пятковскаго, Успенскаго, тогда еще новичковъ. У Добролюбова же я познакомился съ М. А. Антоновичемъ, который уже пристраивался въ то время въ «Современникѣ»; послѣ смерти Добролюбова онъ получилъ завѣдываніе какимъ-то отдѣломъ, а завѣдываніе беллетристическимъ отдѣломъ перешло къ М. Е. Салтыкову.

Тотчасъ послѣ похоронъ Добролюбова уѣхавъ изъ Петербурга за границу, я возвратился только чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, привезя съ собою критическую статью по поводу романа Тургенева «Отцы и дѣти», а также статьи «Интеллигентный пролета-

ріатъ въ Россіи» и статью о «Мертвомъ домѣ» Достоевскаго. Кромѣ того, привезъ я еще три статьи беллетристическаго содержанія, между которыми были «Записки хуторянина», напечатанныя въ «Современникѣ», въ томъ самомъ номерѣ, въ которомъ началось печатаніе романа Чернышевскаго «Что дѣлать».

Узнавъ объ изданіи газеты «Очерки» Очкинымъ, редакторомъ которой былъ Григорій Захаровичъ Елисѣевъ, (подписывавшійся часто «Грицко») постоянный составитель внутренняго обозрѣнія въ «Современникѣ», я отправился къ нему на Васильевскій островъ, кажется, въ 13-ю линію.

Радушно, отечески принятый Елисѣевымъ, который былъ много старше меня,—тогда мнѣ было всего двадцать одинъ годъ,—я передалъ ему статью объ «Отцахъ и дѣтяхъ», которая чрезъ нѣсколько дней была напечатана въ газетѣ «Очерки», но вмѣсто скромнаго названія, даннаго ей мною, именно: «Кирсановы и Базаровы съ точки зрѣнія Тургенева», Елисѣевъ озаглавилъ ее: «Молодое поколѣніе», а ниже подъ этимъ стояло въ скобкахъ по-французски: «profession de foi». Показывая Григорію Захаровичу другія свои статьи, я спрашивалъ его совѣта, куда бы мнѣ обратиться съ ними, въ какую редакцію. Онъ далъ мнѣ свою визитную карточку, на которой нѣсколько словъ написалъ Михаилу Евграфовичу Салтыкову, котораго я давно уже очень высоко ставилъ.

Вотъ какъ, послѣ получасового знакомства, принимали редакторы людей, которыхъ встрѣчали первый разъ въ жизни!.. Сравните это съ описанными мною выше пріемами редакторовъ нашихъ газетъ и журналовъ начала XX вѣка...

Я въ тотъ же день отправился къ Салтыкову, который также жилъ на Васильевскомъ острову, кажется, въ 5-й линіи.

Щедринъ принялъ меня весьма любезно, не заставивъ ждать даже минуты; разспрашивалъ меня о моей жизни за границею, о Герценѣ и Огаровѣ, слегка зондировалъ меня, при чемъ я успѣлъ ему высказаться какъ ярый поклонникъ поэзіи Некрасова, съ которымъ, однако, во всю жизнь мнѣ почему-то не удалось встрѣтиться. Щедринъ удерживалъ меня, когда я всталъ, собираясь уйти, такъ какъ я опасался помѣшать его срочнымъ работамъ. Передавъ ему статью «Записки хуторянина», я откровенно сказалъ, что порядкомъ нуждаюсь и съ нетерпѣніемъ жду напечатанія моего труда.

Казалось бы, такое кратковременное свиданіе и самая просьба человѣка, котораго онъ первый разъ въ жизни видѣлъ, могли быть легко забыты. Какое ему дѣло, что я нуждаюсь, тѣмъ болѣе, что я самъ былъ въ томъ кругомъ виноватъ, проживъ остатки своего состоянія за границею, вмѣсто того, чтобы искать какого либо дѣла, если служба мнѣ была не по нутру. Мало ли кто ну-

ждается, всѣмъ не поможешь,—разсуждаютъ резонно современные литературные тузы.

Смотрѣлъ Михаилъ Евграфовичъ сурово, голосъ былъ немного грубоватый, рѣзкій, точно онъ сердился, былъ чѣмъ-то недоволенъ, но это была только внѣшность, а въ дѣйствительности это былъ очень добрый, отзывчивый человѣкъ.

Чрезъ шесть дней послѣ свиданія съ Салтыковымъ сижу я въ библіотекѣ Серно-Соловьевича, находилась она на Невскомъ, недалеко отъ Казанскаго собора, теперь, увы, я ея не вижу. Вдругъ входитъ Щедринъ. Я, разумѣется, съ него глазъ не спускалъ, но, въ виду высказанной ему просьбы, мнѣ какъ-то совѣстно было, неловкимъ казалось подойти къ нему. Подошелъ онъ къ конторкѣ, о чемъ-то толковалъ съ Серно-Соловьевичемъ, стоя къ читающимъ спиною. Минутъ чрезъ пять онъ повернулся и разсматривалъ читающихъ, тогда глаза его встрѣтились съ моими. Прошло нѣсколько секундъ, Салтыковъ точно вспоминалъ что-то. Мнѣ стало неловко; я невольно покраснѣлъ, такъ какъ проклятая мысль о деньгахъ сидѣла у меня гвоздемъ въ головѣ, и опустилъ глаза на книгу.

Въ эту минуту подходитъ ко мнѣ Щедринъ. Я вскакиваю, какъ ужаленный, и, стараясь скрыть волненіе, жму ему руку.

— Ну, я очень радъ,—говоритъ Щедринъ,—статья ваша уже набрана; я помню, что вы мнѣ говорили о временномъ стѣсненіи, и потому позвольте вамъ предложить: когда Валеріанъ Ивановичъ Панаевъ будетъ вамъ платить гонораръ, тогда разсчитаемся; придется болѣе ста рублей.

Съ этими словами Салтыковъ вынимаетъ портмонэ и даетъ мнѣ пятидесяти-рублевую бумажку. Было бы пустымъ ломаніемъ колебаться, отказываться. Я тотчасъ принимаю деньги и горячо благодарю Михаила Евграфовича, который поспѣшилъ попрощаться и уйти.

Едва ли на это способны нынѣшніе редакторы, да хотя бы и были способны, не вспомнятъ во время, забудутъ лице человѣка, котораго видѣли первый разъ въ жизни.

Не помню—когда, и не помню, въ какихъ газетахъ, но мнѣ приходилось читать отзывы о покойномъ Михаилѣ Евграфовичѣ, какъ о черствомъ, часто грубовато-рѣзкомъ человѣкѣ. Я помню, что эта клевета меня глубоко возмутила. Наконецъ это могли писать люди, весьма несимпатичные покойному сатирику, притомъ, вѣроятно, выведшіе его изъ терпѣнія какимъ нибудь нахальнымъ требованіемъ или назойливымъ приставаніемъ.

Вскорѣ послѣ того передалъ я Салтыкову еще два разсказа и одну критическую статью. Пролежали они у него мѣсяцъ, такъ какъ онъ уѣзжалъ въ Москву. По возвращеніи его въ Петербургъ, я отправился къ Михаилу Евграфовичу. Изъ разговора я понялъ,

что какая-то черная кошка пробѣжала между Салтыковымъ и «Современникомъ». Онъ объявилъ мнѣ, что отказался отъ завѣдыванія беллетристическимъ отдѣломъ, и послѣдній переданъ въ завѣдываніе Антоновичу. Далъ онъ мнѣ статьи мои обратно и написалъ письмо Антоновичу, въ которомъ далъ хорошій отзывъ о статьяхъ моихъ и даже выразился такъ: «желательно было бы видѣть ихъ напечатанными въ «Современникѣ».

Вскорѣ послѣ того Салтыковъ перешелъ въ «Отечественныя Записки», и даже, надо полагать, онъ окончательно разошелся съ Современникомъ», когда передавалъ мнѣ статьи и письмо.

Между тѣмъ статьи эти пролежали недѣли двѣ у Антоновича, который никакого вниманія не обратилъ на письмо Салтыкова, или, можетъ быть, обратилъ слишкомъ большое вниманіе, такъ какъ возвратилъ мнѣ статьи, говоря, что онѣ по направленію къ «Современнику» не подходятъ, а скорѣе пригодны въ «Отечественныя Записки».

Послѣ того мнѣ не приходилось болѣе встрѣчаться съ Михаиломъ Евграфовичемъ.

Г. З. Елисѣевъ любилъ добродушно подтрунивать надъ своими юными сотрудниками, умѣряя ихъ либеральный пылъ и задоръ.

Какъ-то пришелъ я справиться о судьбѣ двухъ моихъ статей: «Интеллигентный пролетаріатъ» и критической статьи о «Мертвомъ домѣ» Достоевскаго.

— Относительно вашего «Интеллигентнаго пролетаріата», милѣйшій мой, осмѣлюсь васъ спросить, не съ луны ли вы къ намъ упали, если полагаете, что подобную статью пропустятъ. Я и не думалъ посылать ее цензору, напрасный трудъ; возьмите ее обратно.

— А по поводу «Мертваго дома»?—спросилъ я.

— Ахъ, да, съ этой вышелъ курьезъ; я многое въ ней вычеркнулъ; кое-что смягчилъ и послалъ къ цензору; однако,—усмѣхаясь добавилъ Елисѣевъ,—мнѣ ея не возвращаютъ; должно быть, больно имъ полюбилась. Попытайте, подите сами въ цензурное управленіе, авось вамъ ее, какъ автору, возвратятъ.

Пошелъ я въ цензурное управленіе, но статьи и мнѣ не возвратили, заявивъ, что она сдана въ цензурный архивъ и ни въ какомъ случаѣ возвращена мнѣ быть не можетъ.

О результатѣ моихъ хожденій и ходатайствъ я явился сообщить Елисѣеву, который, выслушавъ меня, расхохотался.

— Такъ вамъ и надо, не пишите невозможныхъ вещей!

Съ Елисѣевымъ мы часто встрѣчались въ книжномъ магазинѣ Кожанчикова, гдѣ видную роль игралъ, хотя держалъ себя очень скромно, управляющій магазиномъ Свириденко. Въ глубинѣ магазина былъ маленькій, узенькій кабинетикъ, куда сходились со-

трудники разныхъ газетъ и журналовъ. Здѣсь дружелюбно сталкивались люди различныхъ направленій.

Заходя часто къ Дмитріеву, успѣшно подвизавшемуся въ «Будильникѣ», я познакомился у него съ Минаевымъ, Дмитріемъ Дмитріевичемъ, Жулевымъ и Буренинымъ.

Очень часто всѣ вмѣстѣ, сходясь то у Дмитріева, то назначая свиданія у Серно-Соловьевича и Кожанчикова, мы бродили по Петербургу въ поискахъ за хорошими, но дешовыми обѣдами и ужинами—дилемма, въ настоящее время въ Петербургѣ столь же трудно разрѣшимая, какъ и прежде. Въ одно изъ такихъ путешествій я познакомилъ Минаева съ «Германіей» Гейне и убѣдилъ его перевести стихами. Дня черезъ три послѣ того я перевелъ ему Германію прозою съ самыми подробными комментаріями, уясняющими разные намеки Гейне, и недѣли чрезъ три появилась Германія въ въ печати.

Трезвый Минаевъ былъ очень милый человѣкъ, но выпивши становился надоѣдливъ и придирчивъ въ своихъ попыткахъ къ остроумію и эпиграммѣ. Жулевъ былъ добродушный, веселый товарищъ и собесѣдникъ; Буренинъ, всегда тактичный и уравновѣшенный, въ то время писалъ только стихи.

Сходки эти, впрочемъ, вносили очень мало въ смыслѣ интеллектуальнаго развитія, если не считать турнировъ по части остроумія и сарказма, до чего большой охотникъ былъ Дмитріевъ, собиравшій иногда въ нашей компаніи матеріалъ для своихъ статеекъ въ «Будильникѣ».

Не поладивъ съ «Современникомъ», я вскорѣ нашелъ постоянную работу у Петра Лавровича Лаврова, редактора «Заграничнаго Вѣстника», издававшагося тогда Маврикіемъ Осиповичемъ Вольфомъ. Приходилось переводить статьи по физикѣ, химіи, этнографіи и прочее, тамъ что оставалось мало времени. Лавровъ былъ очень милый, симпатичный, отзывчивый человѣкъ, хотя по внѣшности своей и манерѣ говорить вовсе не производилъ такого впечатлѣнія, напротивъ производилъ совершенно противоположное; однако, ознакомившись съ нимъ поближе, приходилось быстро измѣнять о немъ мнѣніе, составленное по первому впечатлѣнію.

Посѣщая книжный магазинъ Кожанчикова и читальню Серно-Соловьевича, приходилось сводить массу знакомствъ весьма интересныхъ и притомъ преимущественно изъ среды писателей. Узнавалось легко все, что дѣлается, думается, къ чему стремятся, происходилъ обмѣнъ мнѣній, споры, совсѣмъ не то, что теперь. Живешь, пріѣхавъ изъ провинціи, какъ въ одиночномъ заключеніи, совершенно отрѣзаннымъ отъ живого міра. Газеты читать не помогаетъ; всѣ однообразны, всѣ шаблонны, всѣ точно написаны однимъ и тѣмъ же бойкимъ журналистомъ.

У Кожанчикова же мнѣ пришлось познакомиться съ весьма интересной личностью: Михайловымъ.

Небольшого роста, съ черной, какъ смоль, бородой, узенькими темнокарими глазами, въ золотыхъ очкахъ, онъ умѣлъ увлекать своей рѣчью. Хотя онъ былъ некрасивъ, но я знавалъ дѣвушекъ, которыя были въ него прямо таки влюблены.

Редакторъ «Русскаго Слова» Благосвѣтловъ, у котораго я нѣкоторое время работалъ, никогда не производилъ на меня благопріятнаго впечатлѣнія; онъ, кажется, никогда не служилъ въ военной службѣ, но очень смахивалъ на гарнизоннаго унтеръ-офицера. Въ редакціи у него я познакомился съ однимъ изъ сотрудниковъ «Русскаго Слова» Зайцевымъ, котораго почему-то въ кружкѣ Слѣпцова называли Бобкой. Странная вещь, такая мелочь, какъ Бобка, осталась у меня въ памяти, а остальныхъ сотрудниковъ «Русскаго Слова», изъ которыхъ я зналъ весьма многихъ, не помню совсѣмъ. Даже личность Благосвѣтлова совершенно стушевалась въ памяти моей. Помню одно, что имѣлъ съ нимъ очень крупное объясненіе.

Отставъ отъ Минаева и прочихъ, я часто началъ бывать у В. А. Слѣпцова, гдѣ познакомился съ очень многими, имена которыхъ забылъ; остались въ памяти: Ватсонъ, Маркелова, Конради, Малаксіановъ и очень загадочная личность, которую называли Бениславскій, а иногда Бени, работавшій въ «Сѣверной Почтѣ» или «Сѣверной Пчелѣ», право, не вспомню.

Въ той же газетѣ, въ которой работалъ Бени, былъ другой, болѣе видный и дѣльный сотрудникъ, котораго не любили и сильно порицали въ кружкѣ Слѣпцова. Но это не помѣшало ему пойти шибко и въ настоящее время занять весьма блестящее во всѣхъ отношеніяхъ положеніе въ русскомъ литературномъ мірѣ.

Аполлона Григорьева, Страхова, Альбертини, Потанина, Успенскихъ я зналъ хорошо, какъ литераторовъ, но весьма мало, какъ частныхъ людей, встрѣчаясь съ ними изрѣдка то въ магазинѣ Кожанчикова, то въ различныхъ редакціяхъ. Гіероглифова и Пыпина зналъ, обращаясь къ нимъ по дѣлу. Пыпинъ завѣдывалъ тогда послѣ закрытія «Современника» историческимъ и научнымъ отдѣломъ въ «Отечественныхъ Запискахъ».

Съ Пятковскимъ, который былъ тогда еще студентомъ, я познакомился у Добролюбова. Пятковскій просилъ работы, а затѣмъ приносилъ какія-то статейки. У Добролюбова же я встрѣтился съ Гайдебуровымъ, который собирался издавать «Недѣлю». Кажется, у его жены была библіотека для чтенія.

Тамъ же у Добролюбова я познакомился съ Боборыкинымъ, когда онъ принесъ ему свою драму «Ребенокъ». Отзывъ Добролюбова о «Ребенкѣ» былъ почти такой же, какъ и о моей злосчастной драмѣ. Послѣ того «Ребенокъ былъ весьма значительно передѣланъ и увидѣлъ свѣтъ.

Впослѣдствіи мы встрѣчались съ Боборыкинымъ довольно часто и однажды нечаянно сошлись въ маѣ, въ ранній утренній часъ въ

Юсуповомъ саду. Было восемь часовъ утра; въ саду ни души. Боборыкинъ видимо что-то обдумывалъ; чтобы ему не мѣшать, я поспѣшилъ ретироваться, такъ какъ явился только подышать чистымъ воздухомъ.

Вскорѣ послѣ этого Боборыкинъ пріобрѣлъ журналъ «Библіотека для Чтенія». Я пришелъ къ нему съ предложеніемъ работать. Все было ново, все сіяло въ маленькой гостиной новаго редактора-издателя. Всюду преобладалъ голубой, свѣтло бирюзовый цвѣтъ; сіялъ и молодой хозяинъ гостиной.

Сколько помнится, журналу не повезло, и онъ умеръ естественной смертью.

Однако это хорошо отразилось на дарованіяхъ Боборыкина. Тотчасъ послѣ того его романы и повѣсти стали рельефнѣе, болѣе тщательно обработанными, такъ какъ редакторскія и издательскія заботы не были уже помѣхой.

Въ настоящихъ воспоминаніяхъ я привожу только десятую долю именъ и лицъ, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться. Потому ли, что встрѣчи были кратковременны, все часто смѣнялось одно другимъ, потому ли, что слѣдующая послѣ того дѣятельность моя поглотила меня всецѣло, заставляя все забывать, ни о чемъ другомъ не думать и не вспоминать, какъ только объ интересахъ людей, защиту которыхъ я бралъ на себя, подробности сношеній моихъ съ петербургскими литературными дѣятелями шестидесятыхъ годовъ стушевались, сгладились, осталось только общее основное впечатлѣніе.

Все же скажу, прежде было лучше, нежели теперь. Говорятъ, что старикамъ такъ всегда кажется...

Н. М—ко.

СУДЬБА ОДНОГО ИМѢНІЯ.

ВЪ ПРОШЛОМЪ году, лѣтомъ, въ самый разгаръ полевыхъ работъ, въ такъ называемую страдную пору, случилось мнѣ проѣзжать по Черниговской губерніи. Сосницкій уѣздъ, хотя и считается однимъ изъ самыхъ плодородныхъ, но какъ по орошенію, такъ и по количеству лѣса далеко уступаетъ другимъ. Можно ѣхать тридцать, сорокъ верстъ и не встрѣтить ни кустика, ни ручейка, а подымающаяся при проѣздѣ густая пыль, развѣваемая теплымъ вѣтромъ, дѣлаетъ путешествіе подчасъ почти нестерпимымъ. По шоссейной дорогѣ еще кое-какъ терпится, а ѣхать по грунтовой дорогѣ, проселочной, надо имѣть много рѣшимости или ужъ дѣйствительно крайнюю нужду. Въ этомъ положеніи находился и я. Мнѣ во что бы то ни стало нужно было видѣть одного знакомаго, хуторъ котораго былъ расположенъ въ сорока пяти верстахъ отъ почтовой станціи, въ сторону, по проселочной дорогѣ. Эти сорокъ пять верстъ можно было разсчитывать сдѣлать приблизительно часа въ три, по хорошей, хотя и пыльной дорогѣ. На почтовой станціи нанялъ я лошадей, и въ легкой коляскѣ пустился въ путь. День стоялъ очень жаркій. Палящіе лучи іюльскаго солнца прямо жгли на лицѣ кожу. Пробовали мы съ ямщикомъ поднимать верхъ, но онъ почти моментально такъ сильно нагрѣвался, что не было никакой возможности дышать. Къ тому же набивалось такое громадное количество оводовъ, слѣпней и большихъ мухъ, что приходилось отъ нихъ отбиваться и отмахиваться — занятіе, въ сильную жару не особенно привлекательное.

Волей-неволей, отдавъ себя на произволъ лучей солнца, ѣхалъ я съ опущеннымъ верхомъ.

— Какъ бы, баринъ, не застигла насъ гроза, — прервалъ мои мысли ямщикъ.—Вишь, какъ паритъ. Ажъ душно.

— Откуда ей быть, грозѣ-то? — удивился я ему въ отвѣтъ.— Кругомъ ни облачка. Небо какого-то пепельно голубого отлива.

— Пока-то, такъ. Да вотъ плохо, что вѣтерокъ поднялся. Живо сгонитъ тучи. Ну, да ничего; только бы до Яричей добраться, а то обождать можно будетъ.

— А далеко до Яричей?

— До Яричей-то? Да верстъ съ полтора десятка будетъ. Дорога тутъ больно запесочнилась, а то бы живо добрались. Да и конямъ тяжко, жарко. Ну, вы, любезныя!—подбодрилъ онъ трусившихъ легкой рысцой лошадей.

— А что же въ Яричахъ этихъ есть гдѣ пристать? Корчма-что ль? Постоялый дворъ?

— Нѣ, баринъ, нѣ. Зачѣмъ корчма? Просто къ арендателю заѣдемъ. У него можно пристать. А то къ самому, въ барскій домъ, тоже можно заѣхать, будто купить нѣчто. Ничего можно,—добавилъ ямщикъ, видимо стараясь разсѣять мое сомнѣніе.

— А кто такой этотъ самъ-то?

— Самъ-то? А какъ сказать, баринъ. Не то онъ купецъ, не то такъ себѣ перекупщикъ. Онъ и лошадьми, и хлѣбомъ, и льномъ, и яйцами, и медомъ, и чѣмъ хошь торгуетъ. Тоже и мебелью изъ барскаго дома. Все продаетъ, что можно. За все деньги беретъ.

— Вотъ что! Ну, а арендаторъ кто такой?

— Да у него не одинъ арендатель, а цѣлыхъ три. Извѣстно— жидки.

Въ такой бесѣдѣ незамѣтно шло время, и почти незамѣтно произошла рѣзкая перемѣна въ погодѣ. Откуда-то вѣтеръ принесъ огромнѣйшую свинцовую тучу; дышать стало очень трудно. Скоро впереди по дорогѣ тамъ и сямъ стали показываться пыльные смерчи, какъ ихъ называютъ крестьяне, вѣтровороты, подулъ вѣтеръ, и послышались отдаленные раскаты грома. Не прошло и десяти минутъ, какъ дождь крупными каплями забарабанилъ по поднятому верху коляски. Еще немного небо кругомъ обложилось свинцовами тучами, дождь полилъ ливьмя, рѣзкіе удары грома чередовались съ прорѣзавшими воздухъ огненными зигзагами. Дорога изъ пыльной превратилась въ грязную въ такой степени, что колеса вязли по ступицу. Лошади едва-едва плелись. Время близилось къ вечеру.

— Далеко ли до Яричей?

— Нѣ, баринъ, недалече. Версты двѣ, не больше.

Но, казалось, судьба не хотѣла сжалиться надо мною. Вѣтеръ крѣпчалъ, и его порывы, врываясь подъ верхъ коляски, съ ногъ до головы обливали меня дождемъ. Двѣ версты, которыми обнадежилъ

меня ямщикъ, оказались добрыми пятью, и только, по меньшей мѣрѣ въ часъ времени, дотащились мы до большого дома, стоявшаго исполиномъ среди множества мелкихъ построекъ хозяйственнаго назначенія.

— Ну, баринъ, выходи. Вотъ и Яричи. Это самый барскій домъ и есть. Да, вотъ никакъ и хозяинъ на крыльцѣ. Здравствуйте, батюшка, Иванъ Петровичъ,—обратился онъ къ стоявшему на широкомъ подъѣздѣ человѣку.—Дозволь намъ съ бариномъ пристать. Вишь, какая насъ захватила непогодь.

— Милости просимъ,—ласково отвѣчалъ стоявшій.—Пожалуйте въ покои. А ты, братъ, отъѣзжай къ сараю. Тамъ тебѣ работникъ поможетъ отпрячь. Прошу покорно,—встрѣчалъ онъ меня, любезно указывая дорогу.

Черезъ большія, высокія темныя сѣни провелъ онъ меня рядомъ неосвѣщенныхъ, очевидно, нежилыхъ покоевъ въ комнату, гдѣ на столѣ привѣтливо шумѣлъ самоваръ.

— Чайку стаканчикъ, — предложилъ онъ.—Да, можетъ, вамъ угодно съ дороги немного поправиться, такъ пожалуйте сюда. Вотъ вода и сухое, чистое полотенце. Пожалуйте.

Я, конечно, не преминулъ воспользоваться этимъ предложеніемъ и черезъ четверть часа вышелъ къ нему совершенно, такъ сказать, обновленный.

— Позвольте познакомиться,—назвалъ я себя, подавая ему руку.— Простите, что такъ непрошенно явился къ вамъ въ гости.

— Полноте, очень радъ служить. Видите, погода какая. Ужъ придется вамъ заночевать здѣсь. Я—здѣшній владѣлецъ. Второй гильдіи купецъ, Иванъ Петровъ Чуксинъ. Прошу покорно—чайку стаканчикъ.

— Спасибо вамъ большое. Если ужъ вы такъ добры, то не откажусь. Въ эту непогоду, на ночь глядя, дѣйствительно страшновато пускаться въ путь.

— Да, конечно, если можно, лучше переночевать. За ночь дождь перейдетъ. Солнышко утромъ подсушитъ. Поѣдете себѣ, какъ по паркету, дороги здѣсь хорошія, и безъ пыли. А куда изволите ѣхать?

Я отвѣтилъ и пояснилъ, кого мнѣ надо видѣть.

— Такъ-съ. Это Константинъ Михайлыча? Знаю-съ. Очень даже, могу сказать, знаю. Только врядъ ли вы ихъ теперь захватите, потому какъ они въ губерніи и только послѣзавтра будутъ, такъ что вамъ и спѣшить-то нечего. А завтрашній день, коли угодно, я вамъ здѣшнее мѣсто покажу-съ. А посмотрѣть есть что.

— Скажите, чье это было имѣніе?

— Имѣніе это старинное-съ, графа Завадовскаго. Только мы купили не отъ нихъ. Намъ это имѣніе досталось уже не то изъ изъ третьихъ, не то изъ четвертыхъ рукъ. Владѣли имъ и господа

Энгельгардты, и господа Атрыганьевы, и еще господа—ужъ и не упомню. Имѣніе это, доложу вамъ, золотое дно. Они и сами не знали цѣны его. Я купилъ его съ торговъ въ банкѣ, со всѣмъ даже инвентаремъ и всякой движимостью за сходную цѣну-съ.

Онъ помолчалъ.

— И библіотека при домѣ есть. Да какія книги-то? Старинныя,— продолжалъ онъ.—Вещи какія! Да только цѣны я имъ не зналъ. зотому не въ моемъ это предметѣ. Мы больше землей и лѣсомъ анимаемся.

— Позвольте въ библіотеку заглянуть. Очень интересно.

— Пожалуйста. Можетъ, на ночь и почитаете что нибудь.

Пройдя рядъ пустыхъ комнатъ, мы подошли къ двери съ массивными металлическими украшеніями. Довольно большая комната, сверху до низа уставленная книгами въ роскошныхъ сафьянныхъ переплетахъ съ бронзовыми застежками, свидѣтельствовала объ отношеніи владѣльца къ печатному слову. Почти всѣ безъ исключенія книги относились къ восемнадцатому и семнадцатому вѣку, какъ гласилъ находившійся тутъ же каталогъ.

— Эти книги охотится купить у меня нашъ предводитель, князь Долгоруковъ; даетъ двадцать пять тысячъ. Да вотъ не знаю, какъ бы не продешевить. Толку въ нихъ я не понимаю. А такъ переплеты хороши.

— Да вотъ я посмотрю и скажу вамъ: дешево или дорого. Я въ этомъ дѣлѣ знаю толкъ.

— Ужъ будьте ласковы, баринъ, помогите. Въ долгу не останемся. Оцѣните правильно. Дѣло не къ спѣху. Можетъ, на обратномъ пути отъ Константина Михайлыча заѣдете и посмотрите.

— Хорошо; да что можно, и завтра утромъ посмотрю. А пока позвольте взять что нибудь почитать.

— Сдѣлайте милость; вы тутъ посмотрите, а я пока пойду, прикажу собрать что нибудь закусить. Тогда я ужъ пришлю за вами.

Съ этими словами оставилъ онъ меня въ библіотекѣ. Я оглядѣлся. Комната имѣла продолговатый видъ съ тремя большими венеціанскими окнами. Потолокъ, насколько можно было разглядѣть при убогомъ освѣщеніи небольшой лампы, былъ лѣпной работы. Полъ—мозаичный паркетъ. Полки и раздѣленія между ними краснаго дерева. Посреди комнаты круглый, краснаго же дерева съ инкрустаціями, столъ, вокругъ котораго уставлены четыре покойныхъ массивныхъ того же дерева креселъ, обтянутыхъ синимъ сафьяномъ, съ украшеніями, почему-то изображавшими двухъ львовъ, поддерживающихъ императорскую корону. На столѣ этомъ брошена была толстая, въ кожаномъ переплетѣ книга, оказавшаяся каталогомъ книгъ и описью инвентарнаго имущества въ домѣъ Бѣглый обзоръ книгъ показалъ, что составитель библіотеки был. человѣкъ восемнадцатаго вѣка, очень образованный, и библіотеку

составлялъ, примѣняясь къ чьему-то вкусу. На каждомъ корешкѣ сверху императорскій гербъ, затѣмъ заглавіе книги и внизу буквы: $\text{И.}^{\text{Е.}}\text{Я.}$ Нижнія буквы объяснялись легко: имѣніе Яричи. Но верхней буквы Е я не понималъ. Вниманіе мое остановилось не то на книгѣ, не то тетради; развернувъ ее, я прочиталъ: «Переписка съ Свѣтлѣйшимъ». Старинный почеркъ, слова съ титлами меня заинтересовали. Я уже собирался внимательно познакомиться съ содержаніемъ переписки, какъ вошедшій мальчикъ отъ имени Ивана Петровича позвалъ меня закусить. Взявъ съ собой тетрадь, я послѣдовалъ приглашенію. Радушный хозяинъ уже поджидалъ меня у стола, обильно уставленнаго закусками.

— Ну, что? Нашли что нибудь по душѣ?—спросилъ онъ. — Не думаю. Тамъ все такое старье, что только на любителя.

— Да, книги все старыя. Насколько я познакомился, иныя очень рѣдки. Вотъ съ вашего разрѣшенія почитаю эту книгу.

— Пожалуйста, какую угодно. А пока не угодно ли закусить чѣмъ Богъ послалъ. Рюмочку—другую хорошо: съ дороги да съ устатку. Милости прошу,—потчевалъ онъ меня. Выпили, закусили.

— Вотъ какъ все равно вы сидите, такъ четыре года назадъ, объ осень, пріѣзжаетъ ко мнѣ нѣкоторый господинъ. Въ тѣ поры я только мѣсяца съ четыре, какъ закрѣпилъ Яричи. Ну-те-съ, пріѣхалъ онъ коня торговать, а нѣтъ—такъ и пару. Посмотрѣлъ коней, у меня тогда случились продажные, сторговались, онъ деньги уплатилъ. Ну, покупку надо вспрыснуть. Приказалъ я подать вина бутылку, на погребѣ было побольше полста бутылокъ, налили по стаканчику, поздравилъ я его, отхлебнулъ онъ винца, да и смотритъ въ стаканъ, значитъ, на свѣтъ. Смотрѣлъ, смотрѣлъ, да и говоритъ: «что это, молъ, у васъ за стаканъ?»

— А что?—говорю.

— Да больно тонкаго стекла. Нѣтъ ли еще? Я бы купилъ.

— Къ чему покупать? Я вамъ, баринъ, такъ дюжинку—другую подарю.

— Спасибо.

Сидимъ, винцо пьемъ. И винцо—старое, венгерское. Вотъ посматриваетъ онъ на стѣнку. Какъ разъ противъ него на ней не то коврикъ какой, не то такъ себѣ, будто лоскутокъ аршина въ два. Сдаетъ, будто синелью вышито, а, можетъ быть, и ткань; кто жъ его знаетъ, и тутъ же сбоку двѣ масляныя лампы, фарфоровыя, съ цвѣтками да съ купидонами, колпаки побиты. Смотрѣлъ, смотрѣлъ онъ.

— Вотъ и лампочки,—говоритъ,—купилъ бы.

— Да что вы, баринъ, что тутъ съ хламомъ возиться? У меня разной битой дряни цѣлая кладовая. Не знаю, куда и дѣвать. Хоть брось.

— Зачѣмъ,—говоритъ,—бросать! Позвольте посмотрѣть. Я, можетъ быть, и цѣну дамъ.

Вотъ и пошли мы съ нимъ по дому ходить. Гдѣ увидимъ на стѣнкѣ рваный коврикъ, сейчасъ его снимать и въ сторону. Такъ и лампочки, и подсвѣчники висячіе; битые ли, цѣльные ли, все откладывалъ. Добрались до кладовой. Отобралъ онъ такъ всякой посуды: чашекъ, блюдцевъ, молочниковъ, ложекъ, ножей, вилокъ, правда, и черенками одними не брезговалъ, довольно таки. Разложилъ все это на столахъ да по подоконникамъ. Вотъ, думаю, дурной; и куда ему этотъ хламъ?

— Ну, говоритъ, Иванъ Петровичъ, сколько за все возьмешь?

— Да что брать-то? Давай, баринъ, сколько не жалко.

— Четыреста возьмешь?

Э, думаю, какъ бы не продешевить.

— Пятьсотъ,—говорю.

— Хоть и дорого,—отвѣчаетъ, — ну, да ужъ Богъ съ тобой, получай деньги.

Дивлюся я на него, а онъ разсчитался, позаписывалъ себѣ въ книжку что-то, да и кликнулъ своего слугу.

— Ступай, говоритъ, на село, разыщи тамъ плотника, и пусть сдѣлаетъ мнѣ поскорѣе пять аршинныхъ ящиковъ; ты знаешь, какіе нужны.

Человѣкъ его сейчасъ побѣжалъ, а черезъ часъ ящики уже были готовы. Достали тутъ сѣна, отрубей, и давай укладывать хламъ-то. Каждую чашечку посмотритъ со всѣхъ сторонъ, въ донышко, обернетъ, еще посмотритъ, примѣрится, какъ уложить, инда смѣхъ меня разобралъ; и такъ онъ мнѣ этимъ самымъ трудомъ своимъ по душѣ пришелся, что было у меня еще два большихъ ковра, тоже синельныхъ, такъ я ему ихъ за милую душу отдалъ. Ковры-то онъ ужъ не укладывалъ, а приказалъ плотнику тутъ же обтесать ему круглыхъ палокъ, да на нихъ и навертѣлъ, какъ драгоцѣнность какую. Такъ и уѣхалъ. Пообѣщался опять черезъ годъ пріѣхать; да вотъ что-то его не слыхать. Гдѣ-то меня и карточка его была. Да вотъ она никакъ. Вынулъ онъ ее изъ бумажника. Я прочиталъ фамилію одного извѣстнаго петербургскаго антикварія Л—ча.

— Ваши вещи попали въ опытныя руки. Этотъ господинъ хорошо зналъ, что покупалъ, — замѣтилъ я.

— То-то, что знаетъ. Дурной-то вышелъ я. Мнѣ потомъ разсказывали, что онъ тысячъ на двадцать вещей увезъ. Ужъ послѣ него пріѣзжали изъ Петербурга и изъ Москвы разные господа; покупали кто что. Одна барыня такъ даже изъ круглой комнаты потолокъ купила. Нажилъ я тутъ немало, благодареніе Богу. Только и осталось, что книги. А то еще случай былъ. Пріѣзжаетъ барыня. То да се. Идетъ она по гостиной—видитъ мебель. Да и мебель-то не особенно красивая. Низкій диванъ съ подушками, шесть креселъ и дюжина стульевъ: «Не продадите ли мебель эту?» гово-

ритъ. «Почему», говорю, «не продать; а сколько дадите?» «Да тысячу рублей», говоритъ. «Мало», говорю, «дайте три». «Да вы серіозно?» «Какія же шутки!» говорю. «Хорошо», говоритъ, «вотъ задатокъ». Такъ вотъ, баринъ, вещи какія тутъ стояли.

— Какъ же это вы такъ зря, не справившись, продавали?

— Что подѣлаешь! Мнѣ ни къ чему, и подумать не могъ, что тряпки да битая посуда такихъ денегъ стоятъ. Послѣ умнѣе сталъ; да и то, какъ въ лѣсу. Хорошо еще, что книгу нашелъ тутъ—опись; такъ вотъ по описи продавать сталъ. Однако, баринъ, время позднее, да и вамъ съ дороги, поди чай, хочется отдохнуть. Вотъ вамъ и покойчикъ и все, что надо. Завтра потолкуемъ. Ямщика вашего я разсчитаю. Здѣсь найдемъ хорошихъ коней недорого. Покойной ночи.

Комната, или, какъ ее назвалъ мой любезный хозяинъ, покойчикъ, дѣйствительно представляла собою очень покойный уголокъ. Высокая, съ тремя окнами въ садъ, она, судя по жалкимъ обрывкамъ, тамъ и сямъ болтавшимся по стѣнамъ, была когда-то отдѣлана шелковой матеріей. Старинная бронзовая кровать, съ небрежно брошеннымъ на нее волосянымъ тюфякомъ, произведеніемъ, очевидно, позднѣйшей культуры, являла собой остатки прежняго величія, а нѣсколько соломенныхъ стульевъ и простой крашеный столъ свидѣтельствовали о томъ, что комнату эту занимали и люди съ неизысканнымъ вкусомъ. Зато на столѣ красовался старинный бронзовый канделябръ на шесть свѣчей, при чемъ вставлена была всего одна. Бѣлье на подушкахъ и на постели хотя и грубое, но чистое и крѣпкое. Не безъ удовольствія растянувшись на случайномъ моемъ ложѣ, я развернулъ взятый съ собою изъ библіотеки фоліантъ. Переписка съ свѣтлѣйшимъ оказалась какимъ-то дѣломъ изъ архива Завадовскаго, возникшимъ по поводу путешествія императрицы Екатерины II въ Крымъ. Первая бумага, помѣченная началомъ 1786 года, гласила:

«Предписывается вамъ отъ свѣтлѣйшаго князя для имѣнія Яричи, гдѣ предполагается остановка государыни, озаботиться достойной ея величеству обстановкой по рисункамъ для всѣхъ семнадцати комнатъ, кои будутъ высланы, равно и мастера и предметы. Такожде передъ домомъ должно быть выстроено, яко случайно, по особому плану, двадцать мужицкихъ, деревенскихъ русскихъ избъ со всѣми хозяйскими принадлежностями, чего для имѣетъ прибыть къ вамъ сто плотниковъ съ приличествующимъ количествомъ мастеровъ».

Далѣе бумага эта разрѣшала Завадовскому, не жалѣя денегъ, убрать и исполнить все съ царской роскошью и предписывала по всякому недоумѣнію обращаться курьеромъ непосредственно къ свѣтлѣйшему. Подпись, слѣдовавшая за титуломъ: главный церемоніальный секретарь, къ сожалѣнію, неразборчива.

Далѣе въ дѣлѣ слѣдовали различныя дѣловыя бумаги, касавшіяся переписки Завадовскаго съ мѣстными властями по разнообразнымъ случаямъ, относившимся до возложеннаго на него порученія. Въ концѣ дѣла я нашелъ планъ «мужицкихъ» домовъ и рисунки нѣкоторыхъ вещей изъ обстановки, назначенной для убранства дома.

Далеко за полночь я погасилъ свѣчу.

Яркіе лучи іюльскаго солнца разбудили меня въ седьмомъ часу утра. Глубокая тишина, царившая въ домѣ, заставила меня думать, что въ домѣ спятъ. Въ отворенныя окна ворвался живительный ароматъ только что освѣженной дождемъ травы. О вчерашней грозѣ и помину не было. По ясному, бирюзовому небосклону тамъ и сямъ ползали барашки. Лучи солнца, переливаясь въ травѣ разстилавшагося передъ окномъ луга, играли дождевыми каплями и каплями росы и отражались въ нихъ блескомъ самыхъ дорогихъ брилліантовъ. Протекавшая въ сотнѣ саженъ рѣчка серебряной лентой, причудливыми узорами, придавала всей округѣ смѣющійся, ласкающій глазъ, видъ. Разбросанные по берегамъ ея остатки или, вѣрнѣе, постаменты какихъ нибудь изваяній вызывали мысль, что и тутъ чья-то заботливая рукъ старалась доставить удовольствіе зрѣнію обитателя комнаты. Слѣды нѣсколькихъ бесѣдокъ и заросшія аллеи, пролегавшія между рядами, уже срубленныхъ, о чемъ свидѣтельствовали какъ бы нѣмымъ укоромъ торчавшіе пни, деревьевъ, являлись жалкими остатками когда-то роскошнаго парка... Грустно, печально было смотрѣть на побѣду торгашества и эксплоатаціи самой грубой, варварской, надъ созданьемъ художества и искусства... Набѣжавшія мысли уносили меня въ тѣ времена, когда имѣніе это было въ рукахъ людей интеллигентныхъ, съ развитымъ вкусомъ и склонныхъ ко всему изящному... Голосъ Ивана Петровича вывелъ меня изъ глубины мечты и возвратилъ къ дѣйствительности.

— А, вы уже встали! Раненько. Что же такъ? Не поспалось?— спрашивалъ онъ.

— Нѣтъ, ничего. Спасибо. Вотъ стою и раздумываю надъ этими остатками статуй. Куда же дѣвались самыя статуи?

— Я ужъ ихъ не захватилъ. Тутъ ихъ всего было до полсотни. Все хорошихъ мастеровъ, судя по деньгамъ, какія за нихъ были плачены.

— А вы откуда же знаете, сколько за нихъ заплачено?

— Да все изъ описи. Тамъ всякая вещь показана. Да вотъ, баринъ, я вамъ покажу еще чуднѣе дѣла. Да, впрочемъ, извините. Вы что утромъ кушаете: чай, молоко, кофе?

— Молока стаканчикъ...

— Вотъ и хорошо. Молоко у насъ хорошее, цѣльное. Сейчасъ прикажу подать парного,—захлопоталъ онъ.

— Изволите видѣть,—говоритъ онъ, выходя со мной на крыльцо:— эти самые амбарчики и кладовки,—при этомъ указалъ на два десятка разбросанныхъ кругомъ, но въ почтительномъ отъ дома отдаленіи избъ.

Дѣйствительно это были скорѣе избы въ русскомъ вкусѣ, чѣмъ амбары, какъ называлъ ихъ Иванъ Петровичъ. Хотя окна были забраны досками, и видимо назначеніе ихъ измѣнилось, но сохранившіяся украшенія: разные коньки, затѣйливая рѣзьба оконныхъ коробокъ, свидѣтельствовали о томъ, что нѣкогда и они должны были радовать чей-то прихотливый глазъ. Но времена измѣнились, и тамъ, гдѣ нѣкогда пребывали благоденствующіе пейзане, согнанные Богъ вѣсть откуда мановеніемъ волшебной руки свѣтлѣйшаго князя Потемкина, чтобы радостными кликами прославлять проѣзжавшую великую матушку-царицу,—практическая длань алчнаго кулака перекупщика, не пощадивъ памятниковъ роскоши, превратила ихъ въ склады хозяйственныхъ продуктовъ и гнѣздо крысъ и мышей.

— Да, баринъ, тутъ денегъ потрачено немало,—пояснялъ мой словоохотливый чичероне.—Я, пожалуй, вамъ дамъ опись. Вы тамъ все увидите. Только, вотъ, библіотеки-то, книгъ нѣтъ. Вотъ я и не знаю. Еще я нашелъ тутъ нѣсколько бумагъ. Купчія крѣпости, дарственная запись—все въ порядкѣ, и можно видѣть, въ чьихъ рукахъ было это имѣніе.

— Пожалуйста, покажите,—взмолился я.—Это все очень интересно.

— Извольте, съ удовольствіемъ. Прошу васъ, пожалуйте въ горницу.

Первымъ документомъ, обратившимъ на себя вниманіе, оказалась жалованная грамота на имѣніе Яричи. Изъ грамоты этой видно: въ 1789 году, государыня Екатерина II, очень довольная трудомъ Завадовскаго по устройству церковнаго дѣла, такъ какъ Завадовскій этотъ, въ качествѣ предсѣдателя одной изъ церковныхъ комиссій, выяснилъ точную цифру церковныхъ доходовъ, по докладу свѣтлѣйшаго князя Потемкина пожаловала ему, Завадовскому, имѣніе Яричи. Изъ бумагъ можно было заключить, что первоначальный маршрутъ государыни былъ измѣненъ, и Яричи не удостоились пріема царицы. Такимъ образомъ труды Завадовскаго хотя и не достигли цѣли, но не пропали: роскошное имѣніе досталось ему самому. Приблизительный подсчетъ расходовъ далъ почтенную цифру свыше полутора милліона рублей. Эти, какъ ихъ презрительно называлъ Иванъ Петровичъ, тряпки оказались, по описи, гобеленами, а битая посуда саксонскимъ и севрскимъ фарфоромъ. По дарственной описи къ этому имѣнію значились приписанными шесть сотъ тридцать душъ мужеска и женска пола крестьянъ.

Послѣ Завадовскаго имѣніе это перешло въ руки семейства Энгельгардтъ и оставалось въ рукахъ ихъ до 1835 г., когда камергеръ Н. П. Энгельгардтъ продалъ Яричи со всѣмъ находящимся

при немъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, живымъ и мертвымъ инвентаремъ, гвардіи ротмистру І. Н. Атрыганьеву. Изъ бумагъ не видно, посѣтили ли хотя по одному разу свое имѣніе Энгельгардты и Атрыганьевъ. Вѣрнѣе, что, занятые службой и свѣтской жизнью, они ввѣрили управленіе этимъ золотымъ дномъ какому нибудь управителю, періодически посылавшему господамъ доходъ. Шестидесятые года прошлаго столѣтія застаютъ Яричи въ рукахъ совладѣльцевъ, которые допускаютъ продажу этого имѣнія по частямъ, съ торговъ, для раздѣла между собою. Затѣмъ на ту часть, въ которой находится барскій домъ, со всей роскошной обстановкой, оказывается нѣсколько претендентовъ, а въ руки Ивана Петровича оно попадаетъ послѣ долгой судебной волокиты, тоже съ торговъ. Теперь, на томъ мѣстѣ, гдѣ должна была проѣхать великая монархиня, гдѣ мановеніемъ какъ бы волшебнаго жезла Потемкина возникло роскошное царское имѣніе,—властно хозяйничаютъ кулакъ перекупщикъ и нѣсколько жидковъ...

Георгій Петр. Миллеръ.

МИТРОПОЛИТЪ ІОАННИКІЙ И СЕМИНАРИСТЫ-„НАРОДНИКИ“.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

I.

ВЪ ПОЛОВИНѢ семидесятыхъ годовъ, въ самый разгаръ эпохи «хожденія въ народъ», я былъ воспитанникомъ второго класса нижегородской духовной семинаріи. Мнѣ было всего пятнадцать лѣтъ.

Я былъ мальчикъ религіозный. Сначала подъ руководствомъ отца, священника, глубоко-религіознаго, образованнаго, но, къ сожалѣнію, рано умершаго, а потомъ—дѣда, священника, не высоко образованнаго, но дѣтски вѣрующаго и крѣпкаго въ нравственныхъ устояхъ, преданнаго престолу и отечеству и довольно строгаго, я былъ направленъ итти по пути, по которому шли мой отецъ и дѣдъ, т. е. пастырскому. Я любилъ Бога восторженно и горячо. Любилъ и нашего добрѣйшаго и гуманнѣйшаго царя-освободителя. Въ такихъ воззрѣніяхъ я пребывалъ до весны 1874 г., когда дѣло разомъ измѣнилось, потому что случилась слѣдующая исторія...

Какъ-то, во время великаго поста, приходитъ въ мой классъ товарищъ Ц., сосѣдъ мой по партѣ, квартирный ученикъ (я же былъ казеннымъ воспитанникомъ, какъ сирота), и говоритъ нѣчто «неподобное». У нихъ де на квартирѣ съ семинаристами поселился нѣкій студентъ-технологъ и утверждаетъ, что Бога нѣтъ, что все это бредни, и царя, молъ, не надо. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвели на меня его слова.

— Какъ?!—вскрикнулъ я:—и Бога нѣтъ, и царя не надо?! Это что же такое? Какъ же это безъ Бога и царя? Вотъ что, братъ Ц., ты подальше держись отъ этого безбожника: не научитъ онъ тебя добру, а, пожалуй, на грѣхъ какой наведетъ!

— Да я и то держусь далеко, но онъ постоянно жужжитъ въ уши, да и товарищи ему сочувствуютъ и смѣются надо мной, называя то «красной дѣвушкой», то «институткой».

Ц. былъ сынъ священника уѣзднаго города А. и былъ дѣйствительно нѣжнаго воспитанія: не чета намъ, деревенщинѣ.

— А какіе это товарищи?

— Товарищи-то? Третьеклассники—Г. и К. Они даже просили меня передать тебѣ, чтобы ты, если пожелаешь, приходилъ къ нимъ на квартиру, на сходку, которая назначена во вторникъ на слѣдующей недѣлѣ.

— Кто же будетъ на сходкѣ?

— Семинаристы и другіе молодые люди.

— Что же будутъ дѣлать на этой сходкѣ?

— Будутъ читать, разсуждать, рефераты докладывать, спорить, чай пить.

— Гмъ!

— Приходи: увидишь новыхъ людей, потолкаешься, потрешься между людьми, а то засидѣлся ты въ своей бурсѣ.

— Да оно такъ, только... опасно!

— Чего тамъ опасно! Вѣдь тебя не тянутъ. Быть на сходкѣ еще не значитъ вступить въ ассоціацію «новыхъ людей».

— Какъ ты сказалъ? «Новые люди»?

— «Новые», да. Такъ они сами себя называютъ. Такъ придешь?

— Не знаю. Подумаю.

— Ну, пока до свиданія.

Цѣлую недѣлю я думалъ: итти или не итти на сходку? Съ одной стороны какъ будто и страшно, а съ другой—любопытство сильно разбирало, да и все-таки это было развлеченіемъ. Въ нашей семинаріи буквально не было никакихъ развлеченій: ни вечеровъ, ни драматическихъ представленій, ни чтеній не допускалось. А такъ какъ мы жили вдали отъ семей своихъ, и иногда цѣлые года не видали ласковаго лица, то можно себѣ представить, что за скука царила у насъ въ семинаріи. Большинство спасалось отъ нея, погружаясь въ зубрячку. Болѣе способные и смѣлые съ 16-ти лѣтъ пускались въ пьянство, иные, болѣе робкаго характера, брали изъ общественной библіотеки и читали запоемъ книги, что̀ не воспрещалось нашимъ благороднѣйшимъ инспекторомъ Гр. Аѳ. Полисадовымъ [1]). Этотъ достойнѣйшій человѣкъ былъ истиннымъ отцомъ

---

[1]) Донынѣ еще здравствуетъ, хотя и въ отставкѣ.

семинаристовъ и неустанно заботился о подъемѣ ихъ умственнаго и нравственнаго уровня. Онъ не прочь былъ дозволить кое-какія невинныя развлеченія семинаристамъ, но... строгій ректоръ не допускалъ [1]). Кромѣ чтенія книгъ, у меня рѣшительно не было никакихъ развлеченій. Оставалось развлекаться дружбой. Но единственный товарищъ, съ которымъ у меня было много общаго, былъ тотъ самый Ц., въ квартирѣ котораго происходили сходки. Остальные товарищи или зубрили запоемъ семинарскіе учебники, или... уже потягивали водку...

Думалъ, думалъ я... и рѣшилъ пойти на сходку.

II.

Квартира Ц. помѣщалась въ маленькомъ, полуразвалившемся домишкѣ, стоявшемъ на днѣ глубокаго оврага. Когда я, войдя на дворъ и нащупавъ дверь квартиры, отворилъ ее, то сначала ничего не увидѣлъ, кромѣ тумана, стоявшаго въ комнатѣ. Присмотрѣвшись, я догадался, что это были облака табачнаго дыма: такъ было сильно накурено. Человѣкъ десять семинаристовъ и какихъ-то незнакомыхъ молодыхъ людей сидѣли на стульяхъ, разставленныхъ по стѣнамъ. Всѣ сидѣли молча, и въ этомъ молчаливомъ и чинномъ размѣщеніи предчувствовалось засѣданіе. Видимо, всѣ кого-то ждали. Я подошелъ къ Ц., поздоровался съ нимъ, а также съ знакомыми семинаристами и хотѣлъ уже садиться, какъ вдругъ трое незнакомыхъ молодыхъ людей подошли ко мнѣ и начали, здороваясь, рекомендоваться:

— Биткинъ, Халтуринъ, Мышкинъ!

Я назвалъ себя и пожалъ имъ руки. Только что я усѣлся, какъ дверь отворилась, и вошелъ средняго роста молодой человѣкъ, лѣтъ 22—24-хъ, съ бойкими, хитрыми глазами и небольшой эспаньолкой. Длинный, книзу заостренный носъ придавалъ лицу его что-то лисье. Онъ одѣтъ былъ, поверхъ красной рубахи съ косымъ воротомъ, въ черный пиджакъ и плисовыя брюки, засунутыя въ высокіе, охотничьи сапоги. Поздоровавшись со всей компаніей обычнымъ порядкомъ, т. е. за руки, онъ подошелъ ко мнѣ и поцѣловался три раза. Этотъ разсчитанный пріемъ сразу расположилъ меня въ его пользу: мнѣ чудилось въ этомъ братскомъ поцѣлуѣ что-то древне-христіанское, напоминающее жизнь христіанъ первыхъ вѣковъ.

— Ливановъ,—отрекомендовался онъ.

Я назвалъ себя. Всѣ продолжали ожидать чего-то.

— Для перваго раза, господа, прочитаемъ разборъ «Игрушечки» Марка-Вовчка, статью Добролюбова,—предложилъ Ливановъ.

---

[1]) Протоіерей А. И. Стекловъ, нынѣ уже умершій.

— Егоровъ, хотите?

— Хорошо, согласенъ!

Статья была выбрана удачно: въ ней видно горячее сочувствіе къ народу, а кто у насъ любитъ народъ болѣе, чѣмъ семинаристы, возросшіе среди народа?

Началось чтеніе. Послѣ него послѣдовалъ чай. Во время чая происходили разсужденія и дебаты. Руководилъ ими Ливановъ. Разбирая «Игрушечку», повѣсть изъ крестьянскаго дореформеннаго быта, Добролюбовъ широкой кистью нарисовалъ темную картину крѣпостного права. Отъ рабства въ Россіи мы перешли къ рабству вообще. Затѣмъ къ современному положенію крестьянъ и вообще рабочихъ въ Россіи. Рѣшали вопросъ, лучше ли стало крестьянамъ въ Россіи послѣ паденія крѣпостного права, и, разумѣется, рѣшили отрицательно.

— Въ слѣдующій разъ, господа, будемъ читать отрывки изъ «Положенія рабочаго класса въ Россіи»—Флеровскаго.

Около 11 часовъ мы простились съ Ливановымъ и разошлись по домамъ.

— Ну, что, понравилась сходка?—спрашивалъ меня на другой день Ц—въ въ классѣ.

— Д... да, понравилась. Егоровъ интересно читалъ, да и разсужденія, слѣдовавшія за чтеніемъ, понравились.

— Во вторникъ приходи опять. Придешь?

— Приду.

И началось хожденіе мое на сходки. На одной изъ послѣднихъ сходокъ, когда Ливанову показалось, что мы уже достаточно «подготовлены», онъ прочиталъ рефератъ о томъ, что улучшить положеніе рабочихъ можетъ только одно, а именно: «великая соціальная революція». Такъ какъ большинство изъ насъ были семинаристы, то Ливановъ доказывалъ, что соціальная революція не только не противорѣчитъ ученію Христа, а напротивъ—самымъ рѣшительнымъ образомъ совпадаетъ съ нимъ, и что Іисусъ Христосъ былъ первымъ соціалъ-демократомъ.

Я и глаза вытаращилъ отъ изумленія.

На послѣдней сходкѣ читался однимъ изъ вновь прибывшихъ изъ Москвы лицъ (ихъ было трое) рефератъ о томъ, что пропагандировать соціальную революцію и необходимость бунта въ Россіи удобнѣе всего въ костюмѣ коробейника, разнося подъ видомъ мелочныхъ товаровъ прокламаціи и другія подпольныя брошюры. Этотъ рефератъ былъ встрѣченъ продолжительными рукоплесканіями. Разошлись мы съ этой сходки далеко за полночь. Начальство наше пока ничего не знало о моихъ посѣщеніяхъ квартиры Ц—ва. Хотя парадный ходъ семинарскаго корпуса на ночь запирался, но, перелѣзши около церкви черезъ низкую ограду сада, можно было проникнуть въ корпусъ черезъ черный ходъ; за ужиномъ тарелки мо-

ихъ сосѣдей сдвигались, а въ спальню я всегда аккуратно являлся къ приходу инспектора, дѣлавшаго всегда обходъ спаленъ около полночи. На этотъ же разъ почему-то инспекторъ не явился въ спальни, и мое позднее возвращеніе прошло незамѣченнымъ. Такъ шло дѣло до экзаменовъ, начинавшихся у насъ въ половинѣ мая. Наступили экзамены. Хожденія мои на сходки прекратились, хотя онѣ, говорятъ, продолжались и безъ меня, но уже въ другомъ мѣстѣ, въ квартирѣ семинаристовъ С—хъ. Кончились экзамены. Оставалось дня два до молебна, послѣ котораго утомленные семинаристы могли, наконецъ, разъѣхаться по деревнямъ и отдохнуть на лонѣ матери-природы. Этими каникулами и рѣшилъ воспользоваться Лвановъ, чтобы при посредствѣ семинаристовъ вести пропаганду по деревнямъ, между крестьянами.

Наканунѣ отпуска подходитъ ко мнѣ воспитанникъ 3-го класса П—скій и говоритъ:

— Если вы, З—ій, убѣждены въ необходимости соціальной революціи, то...

— А вы сами-то убѣждены?

— У-бѣ-ж-д-енъ!..

— То?..

— То должны взять нѣсколько брошюръ для раздачи крестьянамъ вашего села.

Этому воспитаннику было 17 лѣтъ, и онъ пользовался у насъ репутаціей умнѣйшаго и честнѣйшаго ученика изъ всей семинаріи. Авторитетъ его между нами былъ громаденъ.

Но я еще колебался.

— Почему именно я?

— Если вы честный человѣкъ, если вы бывали на сходкахъ и, конечно, согласны со всѣмъ, что читалось и говорилось тамъ, то нечестно отказываться отъ раздачи брошюръ и итти на попятный. Это—не по-товарищески.

Слово «нечестно» меня испугало.

— Гдѣ брошюры? Давайте.

П—скій принесъ мнѣ съ десятокъ брошюръ и штукъ 30 прокламацій. Впрочемъ, я въ нихъ и не заглядывалъ, а сейчасъ же спряталъ въ сундукъ, гдѣ у меня хранился чай. Съ содержаніемъ ихъ я ознакомился только дома, куда на другой день и отправился.

III.

Всю дорогу я считалъ себя героемъ. Я чувствовалъ, что сталъ членомъ «партіи», что посланъ исполнять великую миссію, но рѣшительно не зналъ, что я буду дѣлать съ книгами. Ужели раздавать ихъ крестьянамъ? Но я зналъ, какъ относились ко мнѣ крестьяне нашей деревни. Они очень любили меня, какъ сына добраго

батюшки о. Алексѣя, но вовсе не считали меня за взрослаго «умника», а просто еще за ребенка, каковымъ, въ сущности, я и былъ, хотя и мнилъ себя взрослымъ, почему и купилъ очки. Я любилъ мужиковъ своего села, но мужиковъ чужого села просто боялся. Это меня и спасло отъ гибели, а отчасти еще и другое обстоятельство, о которомъ скажу послѣ. Теперь же моей заботой было сохранить сундучекъ съ книгами. Домой ѣхали мы цѣлой ватагой товарищей «на долгихъ», дѣлая по 40 верстъ въ сутки, всю дорогу шагомъ, съ продолжительными остановками днемъ для кормежки лошадей и для ночлега. Зато послѣ скучно проведеннаго дня какъ пріятно было попить чайку на свѣжемъ воздухѣ, передъ избой, въ тѣни ракитъ, а потомъ протянуть ноги на душистомъ сѣнѣ въ обширномъ сараѣ, отведенномъ намъ услужливымъ хозяиномъ постоялаго двора! И за все это удовольствіе брали съ насъ по пятачку съ человѣка. Впрочемъ, и вся-то дорога верстъ въ 150—200 обходилась намъ въ какихъ нибудь два рубля! Во время ночлега я нѣсколько разъ просыпался и удостовѣрялся, цѣлъ ли сундучекъ. Наконецъ, на четвертый день по утру я прибылъ въ родное село.

— Что это у тебя?—спросила меня мама, зоркимъ взглядомъ окинувъ вещи, привезенныя мною изъ семинаріи, и сейчасъ же замѣтивъ роковой сундучекъ съ брошюрами.

— Это такъ... ничего... Это—для мужиковъ,—отвѣтилъ я, смутившись.

Лгать я не умѣлъ.

— Для мужико-о-въ?.. По-ни-маю...

Она призадумалась и грустно поникла головой.

Мама была женщина умная и кое-что слышала о пропагандѣ, но на этотъ разъ ничего мнѣ не сказала, а только зорко стала слѣдить за мною.

Я же окончательно терялся, не зная, какъ мнѣ поступить съ этими книгами.

Думалъ, думалъ я и, наконецъ, посовѣтовавшись съ младшимъ братомъ, который въ этихъ книжкахъ уже рѣшительно ничего не понималъ, и которому я сказалъ только, что за эти книжки въ Сибирь можно угодить, рѣшилъ, вынувъ книги изъ сундучка, зарыть въ землю. Мнѣ и въ голову не пришло просто ихъ сжечь, потому что это была чужая собственность, и «разъ она не попала по назначенію, думалъ я, она должна быть свято возвращена по принадлежности. Теперь я ихъ зарою, а по истеченіи каникулъ снова выкопаю и отвезу Ливанову».

Но зарыть мнѣ не удалось.

Въ тотъ самый день, какъ мы надумали зарыть книги у насъ въ саду, братъ, отыскивая для этого мѣстечко поудобнѣе, наткнулся на кухарку, топившую баню, находившуюся въ заднемъ углу сада.

— Ты что это, Саша, тутъ дѣлаешь?

— Да вотъ Алешѣ ищу мѣсто получше.

— Какое мѣсто?

— Да книги надо зарыть тутъ однѣ...

— Какія книги?

— Да что привезъ изъ семинаріи...

Братъ тоже не умѣлъ лгать.

Мама, конечно, узнала «секретъ» въ тотъ же день.

Ключикъ, которымъ запирался сундучекъ, я всегда опасливо носилъ въ карманѣ жилета. Но нужно же было случаю, чтобы на этотъ разъ я забылъ жилетъ, и съ ключемъ вмѣстѣ, дома, а самъ ушелъ въ баню. Долго я съ особеннымъ удовольствіемъ мылся въ нашей просторной банѣ: бурсацкая грязь, накопившаяся за долгое время, да и дорожная пыль требовали тщательной отмывки.

Блаженно я вздохнулъ, одѣлся и тихо пошелъ домой по саду, вдыхая ароматъ цвѣтущихъ черемухъ. Прихожу домой и только что хотѣлъ спросить стаканъ горячаго чая, какъ вдругъ вижу— у печки стоитъ мама вся въ слезахъ, рядомъ съ ней—встревоженная и тоже плачущая сестра, а на шесткѣ печи догораютъ какіе-то листки... и уже покрываются пепломъ... Я бросился къ печкѣ, но мама загородила мнѣ дорогу.

— Алеша! Что это ты со мною дѣлаешь? Вѣдь ты меня убьешь! Если бы былъ живъ твой покойный отецъ, онъ бы тебя за такія дѣла не похвалилъ, а высѣкъ бы или посадилъ въ «холодную» (такъ называлась у насъ кутузка при волостномъ правленіи, куда запирали набуянившихъ мужиковъ).

Я вспомнилъ, что отецъ мой, при всей своей гуманности и любви ко мнѣ, не щадилъ меня, когда находилъ нужнымъ наказать, и разъ за одну дѣтскую шалость самъ свелъ меня въ волостное правленіе и посадилъ въ «холодную». Уже жена писаря, сжалившись надо мною, выпустила меня оттуда вечеромъ.

— Мама! но вѣдь онѣ чужія! Какъ же вы ихъ рѣшились сжечь? Вѣдь ихъ надо было отдать назадъ...

— Назадъ!.. Благодари Бога, что я позаботилась ихъ сжечь, а то бы не миновать тебѣ Сибири... Вѣдь за одно то, что ты имѣлъ эти книги, тебя не пощадили бы... Ахъ, горькая моя головушка!..

И она опять зарыдала.

Тутъ только я понялъ, что̀ надѣлалъ; но я все-таки притворился, что разсердился, хотя въ душѣ и радъ былъ такому обороту дѣла. Одно меня смущало: что я скажу по возвращеніи съ каникулъ о книгахъ, въ которыхъ долженъ былъ дать отчетъ товарищамъ? Какъ я имъ теперь на глаза покажусь? Соврать, что роздалъ книги мужикамъ, мнѣ и въ голову не приходило. Съ нахмуреннымъ видомъ я повернулъ назадъ, вонъ изъ комнаты, и пошелъ на улицу, оставивъ мать и сестру плакать и ужасаться бѣдѣ, едва не разразившейся надъ нашей семьей.

IV.

Я быстро прошелъ по селу и направился въ лѣсъ, что синѣлъ за огородами на горѣ. Еще отрокомъ, когда я бывалъ чѣмъ нибудь разстроенъ, я уходилъ въ этотъ лѣсъ и его важный, торжественный шумъ всегда меня успокоивалъ. И на этотъ разъ я хотѣлъ тоже успокоить себя, свои нервы: я прошелъ огородами на гору и пошелъ по дорогѣ, ведущей къ сосѣднему селу К., которое было по ту сторону лѣса. Невеселыя думы бродили у меня въ головѣ. Мнѣ было тяжело и совѣстно; я разстроилъ нашу милую, добрую маму, которая во всемъ ради насъ себѣ отказывала. Потомъ мнѣ было совѣстно предъ товарищами, что я такъ глупо не оправдалъ ихъ надеждъ. Занятый своими думами, я и не замѣтилъ, какъ ушелъ далеко отъ нашего села. Нечаянно поднявъ голову, я вдругъ увидѣлъ предъ собою раскинувшееся на днѣ долины, какъ на ладони, село К. Лѣсъ уже былъ за мною. Съ минуту я постоялъ въ нерѣшимости; потомъ круто повернулъ назадъ. «Надо добѣжать домой засвѣтло, а то—ночь на дворѣ», думалъ я, прибавляя шагу. Дѣйствительно, въ лѣсу сдвинулись тѣни, хотя на западѣ горѣло еще, сквозя межъ лѣса, багряное полымя заката. Но вотъ и оно потухло, и скоро наступилъ мракъ. Я не боялся лѣса, но лѣсные звуки, неожиданно возникавшіе и тонувшіе въ тишинѣ наступавшей ночи, держали въ напряженіи нервы; то внезапно раздавался трескъ хрустнувшей сухой вѣтки, и чудилось, что вотъ—вотъ покажется косматая голова медвѣдя; то какъ будто искры блеснутъ въ чащѣ, и эти искры кажутся алчными глазами волка; то вдругъ кто-то протяжно и страшно закричитъ, засвиститъ, загогочетъ—и мнится, что это разбойники вышли на добычу, или лѣшій хохочетъ, бродя безъ пути по лѣсу...

За мною раздался стукъ колесъ. Я повернулся къ быстро катившей телѣгѣ и сталъ на дорогѣ.

— Что за человѣкъ?—окликнулъ меня голосъ сидѣвшаго въ телѣгѣ мужика, и лошадь разомъ остановилась.

— Это я, Алеша «поповъ»!—радостно воскликнулъ я, такъ какъ узналъ въ мужикѣ нашего сосѣда, Андрея Евграфыча. Его любилъ я, какъ и вся наша семья, за его тихій, кроткій нравъ, степенность и всегдашнюю готовность помочь всѣмъ и каждому, чѣмъ онъ только могъ. Помочь же онъ могъ только руками, ибо былъ очень бѣденъ и перебивался съ хлѣба на квасъ. Семья у него была большая.

— А?! Алеша! Куда это тебя носилъ Богъ?

— Да вотъ гулялъ, да и заблудился...

— Садись, подвезу. Ништо, у васъ теперь свободное время, не ученіе, гуляй да гуляй, не то, что у насъ: самый разгаръ работы.

— А какія же у васъ теперь работы?—спросилъ я, сѣвъ рядомъ съ нимъ въ телѣгу.

— Да вотъ тебѣ перво-нà-перво пойдетъ косьба, а тамъ жнитво ржей; за этимъ—пашня, тутъ—сѣвъ, а тамъ опять жать овесъ, гречу; потомъ—молотьба... и конца-краю не видать работѣ...

— Вотъ,—подумалъ я,— удобный случай къ пропагандѣ.

— А что, Андрей Евграфычъ, чай, тяжело и горько тебѣ работать, работать всю жизнь—и не видать ни сладкаго куска, ни отдыха?—началъ я.—Чай, ты ропщешь иногда на свою долю?

— Сладкій кусокъ, Алешенька, на барскомъ дворѣ, а намъ въ лакеи итти не приходится... мы мужики... А роптать на свою долю—грѣхъ! Всякая доля отъ Бога. Какую кому Богъ послалъ долю, ту и неси.

— Значитъ, не хочется тебѣ пожить вволю, богато?

— Когда не хочется, хочется, да ежели нельзя, то и думать объ этомъ не моги, а то какъ разъ захочется чужого, ну, и попадешь къ чорту въ лапы... Нѣтъ, ужъ Богъ съ нимъ съ богатствомъ да сладкимъ кускомъ.

Мы помолчали.

— Вотъ видишь ли... я затруднялся, какъ продолжать:—есть такіе умные люди, которые хотятъ, чтобы у всѣхъ было всего поровну: и земли, и лошадей, и коровъ, и денегъ...

— Тэ-экъ! Это, къ примѣру, я изъ бѣднаго вдругъ стану богачомъ. Важно-о! Только какой это богачъ согласится мнѣ отдать не токмо половину земли, скота и прочаго, а дать что мнѣ надобно для безбѣднаго житья? И то не отдастъ!

— Ну, силòмъ нужно отнять, говорятъ эти люди.

— Пустое все это... Царь не позволитъ.

— Они говорятъ, что и царя не надо...

— Какъ же это безъ царя? Нешто это можно? Въ каждой землѣ есть свой, Богомъ поставленный царь: у нѣмцевъ, слышь, король прозывается, въ Персіи—шахъ, въ Туречинѣ—салтанъ, что ли, какой. Этого невозможно, чтобы совсѣмъ безъ царя. Богъ—царь небесный, а царь—богъ земной.

Эта несокрушимая философія поразила меня своею безповоротною логикою и силою убѣжденія, и я оставилъ навсегда дальнѣйшія попытки «хожденія въ народъ».

— Но—но! Вонъ и Шатки показались, вонъ огоньки мигаютъ,—указалъ онъ кнутомъ на мерцавшіе вблизи огни:—это никакъ у васъ? Поди, чай, ждутъ тебя.

Дѣйствительно, семья дожидалась меня съ ужиномъ. Мать сильно безпокоилась за меня, да и сестра тоже. Зять, не зная ничего, спросилъ только: «Гулялъ, Леня?».

— Да,—отвѣтилъ я.

— Гдѣ?

— Въ лѣсу.

— Не хорошо гулять по лѣсу, да еще поздно: обидѣть могутъ.

Я промолчалъ, молча сѣлъ за столъ и, не ѣвши съ утра, поужиналъ съ волчьимъ аппетитомъ.

V.

Кончились каникулы. Я отправился въ семинарію. Конечно, мать, провожая меня, взяла съ меня слово больше не «глупить». Пріѣхавъ въ Нижній, я узналъ отъ товарищей, что Ц—въ и Г., во время каникулъ уволившись изъ семинаріи для поступленія въ сельскіе учителя, вмѣсто этого занялись пропагандой въ своемъ селѣ, но въ первую же недѣлю на мѣстѣ преступленія были арестованы и препровождены въ Петербургъ съ жандармами. Я струхнулъ, но молчалъ... Что-то будетъ со мною?—думалъ я.

Впрочемъ, я почему-то не особенно трусилъ: семинаристы, ходившіе вмѣстѣ со мною на сходки къ Ливанову, преспокойно учились и жили въ «корпусѣ», пользуясь казеннымъ содержаніемъ. Я понемногу сталъ забывать о своей глупой каникулярной исторіи. Забывать о случившемся помогало мнѣ особенно усилившееся во мнѣ стремленіе къ чтенію «серіозныхъ» книгъ. Изъ-за нихъ я даже забывалъ уроки, и все читалъ и читалъ.

А между тѣмъ гроза надвигалась.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ разнесся слухъ, что семинаристы братья С—іе арестованы, и что у нихъ нашли какой-то списокъ членовъ ливановскаго кружка. У меня защемило сердце въ предчувствіи какой-то бѣды...

Однажды я спокойно сидѣлъ на урокѣ логики. Вдругъ раздался легкій стукъ въ стекло классной двери.

Дежурный воспитанникъ пошелъ справиться о причинѣ стука.

— Что такое?—спросилъ инспекторъ, преподававшій логику въ нашемъ классѣ.

— З—го къ о. ректору.

— З—ій, идите къ о. ректору.

Я догадался, зачѣмъ меня зовутъ, и почувствовалъ, что блѣднѣю.

Гроза былъ нашъ ректоръ. Воспитанникъ дореформенной бурсы, онъ не только держалъ семинаристовъ (которымъ всѣмъ безъ исключенія говорилъ «ты») въ ежевыхъ рукавицахъ, но и учителя семинаріи его боялись. Онъ пользовался славой не только «распекалы», но и сыщика.

Съ замираніемъ сердца вошелъ я въ завѣтный кабинетъ о. ректора и, поклонившись, сталъ, смотря прямо въ его суровые, не мигающіе глаза.

Онъ встрѣтилъ меня злораднымъ смѣхомъ.

— А! Здравствуй, народный учитель!

Я молчалъ.

— Зачѣмъ это ты хотѣлъ итти въ народные учителя?

Я продолжалъ молчать.

— Ну, сказывай, зачѣмъ? А?

— Чтобы... я остановился.

— Ну, ну?—поощрялъ меня ректоръ.

— Распространять...

— Соціализмъ въ народѣ... Что-о? Ха-ха-ха! А сколько тебѣ лѣтъ?

— 16 лѣтъ.

— Ахъ, ты, «сицилистъ» куцый! Отъ земли не видать, а туда же лѣзетъ...

Пауза.

— Ахъ, дуракъ, дуракъ! Какъ это тебѣ въ голову влѣзло? Кто тебя сбилъ?

Я сказалъ о Ливановѣ.

— Что же ты сдѣлалъ на этомъ пути?

Я подробно и чистосердечно разсказалъ всю мою исторію съ брошюрами.

— Ну, иди!

— Что же мнѣ будетъ, о. ректоръ?

— Что посѣялъ, то и пожнешь!

— Да я еще ничего не сѣялъ,—осмѣлился я сказать.

— Ну, ступай—и молчать!

Я поклонился и ни живъ, ни мертвъ вышелъ изъ кабинета ректора. Я чувствовалъ, что наговорилъ на себя много лишняго: такъ ловко ректоръ ставилъ вопросы.

VI.

«Ну, думалъ я, идя отъ ректора, все пропало! Исключатъ меня изъ семинаріи, и буду я пропащимъ человѣкомъ. Что теперь съ бѣдной мамою будетъ?»

Я не могъ себѣ представить ужасъ, изумленіе, безконечную скорбь матери! И то ей, бѣдной, пришлось много вынести: долговременную болѣзнь мужа, страдавшаго отъ чахотки, его потрясающую смерть, вдовство съ четырьмя дѣтьми на рукахъ, зависимое положеніе отъ зятя... Наконецъ, въ довершеніе всего, выгнанный изъ семинаріи сынъ! Боже, что съ нею будетъ?..

— Что, что сказалъ тебѣ ректоръ?—спрашивали меня товарищи.

— Сказалъ: что посѣялъ, то и пожнешь.

— Плохо!

— Да я и самъ вижу, что плохо... отвѣчалъ я.

Такъ прошло около мѣсяца.

Въ ноябрѣ былъ у насъ какой-то праздникъ, чуть ли не именины нашего архіерея. Архіереемъ тогда у насъ былъ еще не старый епископъ Іоанникій (Рудневъ), столь извѣстный своими административными способностями, глубоко-гуманнымъ отношеніемъ къ духовенству и благотворительностью, а впослѣдствіи прославившійся устройствомъ общежитія для 250 человѣкъ семинаристовъ. Въ этомъ

общежитіи на епархіальный счетъ, т. е. даромъ, ничего не платя за свое содержаніе, жили всѣ (не только сироты, не имѣющіе родителей) ученики духовной семинаріи. Средства на содержаніе ихъ изыскалъ преосвященный Іоанникій, устроивъ въ Нижнемъ образцовый заводъ восковыхъ свѣчей. Этотъ замѣчательный епископъ былъ впослѣдствіи митрополитомъ московскимъ и скончался недавно въ санѣ кіевскаго митрополита и въ званіи первенствующаго члена святѣйшаго синода († 7 іюня 1900 г.).

Вотъ къ этому-то преосвященному меня и позвали, неожиданно для меня, послѣ обѣдни.

Я испугался, но почему-то менѣе, чѣмъ въ тотъ разъ, когда меня потребовалъ ректоръ.

Когда въ сопровожденіи архіерейскаго келейника, молодого послушника, я вошелъ въ кабинетъ Іоанникія, онъ сидѣлъ въ задумчивости, опершись на руку головой.

Я поклонился и подошелъ принять благословеніе.

— Ты воспитанникъ семинаріи 3-й?—спросилъ онъ.

— Да, ваше преосвященство.

— Ты сирота и воспитываешься на казенный счетъ?

— Да.

— Такъ какъ же ты, царскій питомецъ, осмѣлился на... такое дѣло?

Я въ смущеніи молчалъ.

— Ну, разскажи мнѣ все чистосердечно, безъ утайки... не бойся... а сколько тебѣ лѣтъ?

— Въ сентябрѣ минуло 16.

— Ай-ай-ай!—и онъ не то укоризненно, не то съ состраданіемъ покачалъ головой.

— Ну, ну, смѣлѣе говори, не бойся.

Я принялся разсказывать, ничего не утаилъ и не скрылъ. Когда я дошелъ до того мѣста въ разсказѣ, что книги были взяты мною исключительно изъ-за боязни поступить не по-товарищески, преосвященный расхохотался.

— Такъ не «по-товарищески» будетъ? А?

Тутъ ужъ я окончательно ободрился и не безъ комизма разсказалъ о томъ, какъ мать сожгла эти подпольные листки.

— Такъ приходишь, а они горятъ, листики-то? Экая жалость, подумаешь...

Когда я кончилъ разсказъ, онъ долго качалъ головой.

— Такъ захотѣлось общественными дѣятелями быть? А?.. Какіе вы общественные дѣятели! Вы — не общественные дѣятели, вы, **жертвы**. Жаль васъ, несчастныхъ. Губятъ васъ, мальчиковъ, эти безсердечные люди, Ливанову подобные. Они васъ заставляютъ подъ обухъ головы свои подставлять, эти «герои». Я не былъ отцомъ, но мнѣ васъ—безконечно жаль, какъ своихъ дѣтей.

И онъ заплакалъ. Слезы градомъ покатились изъ его глазъ. Я тоже не могъ удержаться отъ слезъ: плакалъ я просто отъ того,

что мнѣ совѣстно было, что я довелъ своимъ поведеніемъ до слезъ нашего добраго и любимаго нами преосвященнаго.

— Ну, пойдемъ сюда,—сказалъ онъ, взявъ меня за руку и отирая платкомъ слезы. И онъ привелъ меня въ гостиную, гдѣ поставилъ передъ большимъ образомъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ.

— Положи пятьдесятъ земныхъ поклоновъ за твою мать, что спасла тебя отъ гибели.

Я, еще плача, принялся класть земные поклоны.

Физическій трудъ понемногу успокоилъ мои нервы, и я пересталъ плакать.

Потомъ Іоанникій благословилъ меня, поцѣловалъ въ голову и, отпуская, спросилъ:

— Ну, теперь никогда не будешь увлекаться «завиральными» идеями?

— Нѣтъ, ваше преосвященство.

— То-то же. Иди и не разсказывай никому: будь покоенъ, останешься въ семинаріи.

Я низко, чуть не до земли, поклонился ему (и этимъ совершенно искренно хотѣлъ выразить ему свое благоговѣйное уваженіе) и вышелъ, весь преисполненный блаженства не столько отъ сознанія упроченности своего положенія въ семинаріи, сколько отъ сознанія того, что я бесѣдовалъ съ лучшимъ человѣкомъ и достойнѣйшимъ архіереемъ своего времени.

Черезъ двѣ недѣли рѣшилась наша судьба: насъ, пятерыхъ бурсаковъ, посѣщавшихъ сходки Ливанова, не исключили изъ семинаріи, а только лишили на годъ казеннаго содержанія. Намъ дали возможность окончить курсъ семинаріи по настоянію преосвященнаго Іоанникія, который ночью пріѣзжалъ къ ректору и уговорилъ его не губить юношей, едва достигшихъ 16-17-ти-лѣтняго возраста. Такъ и окончили мы благополучно курсъ. Изъ пяти человѣкъ—трое поступили въ университетъ, окончили тамъ курсъ и теперь служатъ врачами; одинъ, по окончаніи семинарскаго курса, поступилъ въ священники и сдѣлался однимъ изъ лучшихъ пастырей своей епархіи, а я поступилъ въ С.-Петербургскую духовную академію, окончилъ курсъ и занялъ мѣсто на духовно-учебной службѣ. Конечно, ни одинъ изъ насъ не сворачивалъ потомъ съ своего прямого пути на извилистую дорогу лже-либерализма.

Со времени моего «спасенія» я ежедневно возношу благодарную молитву за преосвященнаго Іоанникія, спасшаго меня отъ гибели...

Много цвѣтовъ въ вѣнкѣ достославнаго архипастыря,—вѣнкѣ, сплетенномъ его добродѣтелями и заслугами на пользу церкви и отечеству; пусть и это воспоминаніе о немъ будетъ скромнымъ цвѣткомъ въ роскошномъ вѣнкѣ на его могилу.

А. А. Зеленецкій.

АРХЕОЛОГІЯ И ИСТОРІЯ ВЪ ТРУДАХЪ ГУБЕРНСКИХЪ УЧЕНЫХЪ АРХИВНЫХЪ КОМИССІЙ.

ГУБЕРНСКІЯ ученыя архивныя комиссіи дѣйствуютъ уже болѣе 15 лѣтъ. Труды ихъ давно обратили на себя вниманіе ученыхъ и изслѣдователей нашей родной старины, поспѣшившихъ воспользоваться ихъ открытіями. Печать также постоянно указывала на вновь выходящія работы гг. членовъ архивныхъ комиссій и какъ бы подчеркивала высокое научное значеніе многихъ изъ нихъ. Подъ вліяніемъ этого уже и въ обществѣ сложилось убѣжденіе, что архивныя комиссіи суть мѣстныя историко-археологическія и историческія общества и при томъ единственныя, могущія слѣдить за состояніемъ и упорядоченіемъ нашихъ многочисленныхъ провинціальныхъ архивовъ.

Тѣмъ страннѣе, поэтому, было читать заявленіе начальника Московскаго архива министерства юстиціи, проф., Д. Я. Самоквасова, сдѣланное на послѣднемъ археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ и повторенное имъ въ его книгѣ: «Централизація архивовъ Западной Европы, въ связи съ архивной реформой въ Россіи». Заявленіе это клонится къ полному умаленію дѣятельности архивныхъ комиссій и даже униженію ихъ членовъ. Авторъ его находитъ послѣднихъ неспособными ни завѣдывать губернскими историческими архивами (хотя завѣдываніе ими возложено на архивныя комиссіи еще Положеніемъ 1884 г.), ни заниматься успѣшно разборкою документовъ. Любопытно при этомъ, что тотъ же авторъ считаетъ возможнымъ оставить архивныя комиссіи при государственныхъ архи-

вахъ лишь въ значеніи «ученыхъ обществъ, предназначенныхъ для изданія и научной разработки государственныхъ архивныхъ матеріаловъ».

Всего ближе, согласно и Положенію объ архивныхъ комиссіяхъ 1884 г., подлежало бы знать и вѣдать дѣятельность и работоспособность комиссій С.-Петербургскому археологическому институту; но, со смертію незабвеннаго И. Е. Андреевскаго († 1891), не помѣщено въ изданіяхъ института еще ни одного отчета объ архивныхъ комиссіяхъ ни того, ни другого его преемника. Да, какъ слышно, не исполнялось послѣдними и обязательное по Положенію 1884 г. представленіе этихъ отчетовъ въ Академію Наукъ. При этихъ условіяхъ, конечно, нечего и ожидать, чтобы институтъ принималъ мѣры къ сосредоточенію въ своей библіотекѣ изданій архивныхъ комиссій.

Намъ уже не разъ приходилось на страницахъ «Историческаго Вѣстника» и «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» (въ отдѣлѣ «Книжныя новости») указывать на значеніе изданій и богатую научными результатами дѣятельность архивныхъ комиссій. То же самое убѣжденіе мы вынесли и при настоящемъ обзорѣ трудовъ всѣхъ существующихъ комиссій и въ этомъ отношеніи только примкнули къ тѣмъ изслѣдователямъ, которые ближе знакомы съ дѣятельностью комиссій, и къ тѣмъ многочисленнымъ голосамъ, которые раздались еще на Кіевскомъ съѣздѣ противъ проф. Самоквасова.

Всѣхъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій въ настоящее время насчитывается двадцать: Рязанская, Тамбовская, Тверская, Орловская (возникли первыми въ 1884 г.), Костромская, Саратовская, Таврическая (въ Симферополѣ), Нижегородская, Оренбургская, Ярославская, Пермская, Калужская, Симбирская, Черниговская, Бессарабская (въ Кишиневѣ), Владимирская (возникла въ ноябрѣ 1898 г.), Херсонская, Воронежская, Курская и Пензенская (послѣднія три открыты лишь въ 1901 году).

Число членовъ каждой комиссіи простирается отъ 150 до 250 и болѣе. Всѣ дѣйствительные члены, являющіеся и наиболѣе дѣятельными работниками, не только ничего не получаютъ за свой тяжелый и кропотливый трудъ, напримѣръ, по разбору архивовъ, но обязаны дѣлать ежегодный взносъ. Послѣдними не держится, какъ извѣстно, ни одно ученое общество; не существовали бы и наши комиссіи, если бы не было въ пользу ихъ вспомоществованія отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, земства, городовъ и жертвователей, хотя послѣднихъ, къ сожалѣнію, еще очень не много. Но и этихъ вспомоществованій бываетъ сплошь и рядомъ недостаточно: задерживаются за недостаткомъ средствъ своевременные выходы въ свѣтъ выпусковъ «Трудовъ» или «Извѣстій» комиссій,

не производятся раскопки, не приводятся въ порядокъ музеи, архивы, библіотеки и т. д.

Казалось бы, при этихъ условіяхъ должна ослабѣть и даже совершенно потухнуть энергія нашихъ безвозмездныхъ провинціальныхъ тружениковъ науки, посвящающихъ ей свой досугъ, необходимый для отдыха. Но, къ счастію, на дѣлѣ встрѣчаемъ иное: интересъ къ комиссіямъ растетъ, число ихъ замѣтно увеличивается, и самая дѣятельность ихъ постепенно расширяется и заходитъ далеко за рамки, предначертанныя положеніемъ 1884 г., по которому главное занятіе архивныхъ комиссій—созданіе историческаго архива, а производство раскоповъ и наблюденіе за предметами древности допускается лишь «возможнымъ, сообразно мѣстнымъ условіямъ».

Въ своемъ очеркѣ объ архивныхъ комиссіяхъ мы будемъ извлекать изъ ихъ печатныхъ «Трудовъ» и «Извѣстій» лишь то, что онѣ сдѣлали въ области археологіи и исторіи за послѣдніе годы—1899 и 1900 г. (по отношенію къ нѣкоторымъ и за 1898 г), и начнемъ свой обзоръ съ старѣйшихъ комиссій, идя далѣе въ послѣдовательномъ порядкѣ ихъ возникновенія [1]).

Археологія.

Археологическая дѣятельность всѣхъ вообще комиссій выражалась въ производствѣ раскопокъ, осмотрѣ и реставрированіи старинныхъ храмовъ и другихъ зданій, въ сношеніяхъ съ отдѣльными лицами и учрежденіями по поводу предметовъ древности края, составленіи докладовъ и статей археологическаго содержанія и образованіи археологическихъ музеевъ путемъ раскопокъ, пожертвованій и покупокъ.

По примѣру предыдущихъ лѣтъ наиболѣе дѣятельные члены Рязанской архивной комиссіи—гг. Черепнинъ, Проходцевъ, Крейтонъ и др.—произвели въ 1899 и 1900 гг. цѣлый рядъ раскопокъ и разслѣдованій въ разныхъ мѣстахъ Рязанской губерніи, но наиболѣе результатными были ихъ раскопки, произведенныя на Старорязанскомъ городищѣ. Послѣднее представляетъ собою, безусловно, интереснѣйшій памятникъ изъ сохранившейся мѣстной старины, какъ по своему значенію въ исторіи Разанскаго края, такъ по своей обширности и богатству находимыхъ предметовъ древности. Между тѣмъ къ раскопкамъ на немъ почти вовсе не приступали до 1899 г., если не считать вскрытія двухъ кургановъ—одного въ 1836 г. г. Тихомировымъ, а другого въ 1888 г. А. В. Селивано-

[1]) Мы не будемъ касаться лишь Саратовской и затѣмъ новѣйшихъ: Херсонской, Воронежской, Курской и Пензенской комиссій. Очень можетъ быть, что мы воспользовались не всѣми послѣдними выпусками «Трудовъ» и «Извѣстій», но вина въ этомъ не наша: мы старались собрать все, что только имѣется въ главныхъ петербургскихъ книгохранилищахъ.

вымъ. Хотя вышепоименованные члены Рязанской комиссіи въ теченіе двухъ минувшихъ лѣтъ и не успѣли изслѣдовать всего городища, однако открытое и найденное ими представляетъ глубокій интересъ: многочисленные остатки погребеній и стариннаго жилья, разные домашніе отбросы, кости животныхъ, каменныя орудія, всевозможнаго рода глиняная посуда, разныя мелкія вещи и монеты вплоть до царскихъ, вмѣстѣ съ обозначеніемъ послѣдовательныхъ наслоеній, даютъ возможность указать на характеръ и особенности древнихъ селеній, занимавшихъ въ разныя эпохи Старорязанское городище.

Заботясь о сохраненіи памятниковъ церковной старины, комиссія дѣятельно сносилась по этому поводу съ Рязанской духовной консисторіей, подвергла осмотру рядъ старыхъ церквей и изъ нихъ нашла возможнымъ реставрировать Николовысоковскую церковь въ г. Рязани.

Одинъ изъ богатѣйшихъ—музей Рязанской комиссіи щедро пополнялся новыми предметами, главнымъ образомъ, путемъ раскопокъ, а также покупками и пожертвованіями; особенно много пожертвовано и пріобрѣтено монетъ, крестиковъ, образковъ и проч. Все болѣе и болѣе возрастающія богатства музея уже давно заставили членовъ комиссіи обратиться къ образованію особаго фонда для постройки отдѣльнаго зданія для «историческаго музея», и къ 1 января 1901 г. этотъ фондъ выражался уже въ суммѣ около 1.800 рублей. Жаль, что возрастаніе фонда идетъ нѣсколько медленно; какъ бы не затянулось на долгіе годы осуществленіе прекрасной идеи гг. членовъ Рязанской комиссіи — образовать особое зданіе, вполнѣ обезпечивающее и состояніе и возрастаніе «историческаго музея», кстати сказать, охотно посѣщаемаго мѣстными жителями.

Что же касается печатныхъ статей, то ихъ мы находимъ во всѣхъ шести послѣднихъ выпускахъ только двѣ: «Осовскіе курганы (дневникъ раскопокъ)», г. И. Проходцева («Труды», т. XIV, вып. I) и «О раскопкахъ Рязанскихъ кургановъ лѣтомъ 1896 года» г. П. Милюкова («Труды», т. XIV, вып. II). Послѣдняя статья,—въ свое время читанная авторомъ на десятомъ археологическомъ съѣздѣ въ г. Ригѣ и впервые напечатанная въ I томѣ его «Трудовъ»,—составлена на основаніи археологическихъ матеріаловъ, имѣющихся въ Рязанской архивной комиссіи, и представляетъ собою обстоятельный и характерный очеркъ, въ которомъ много интересныхъ данныхъ относительно кривичскаго населенія въ Рязанскомъ краѣ.

Тамбовская архивная комиссія вовсе не производила никакихъ ни раскопокъ, ни археологическихъ разслѣдованій, и въ своемъ единственномъ за все время отъ 1899 до 1901 г. 43-мъ выпускѣ является исключительно историческимъ обществомъ.

То же приходится сказать объ археологической дѣятельности и Орловской архивной комиссіи, руководясь, по крайней мѣрѣ, содержаніемъ перваго выпуска ея «Трудовъ», вышедшаго въ 1899 году.

Одновременно возникшая съ тремя предыдущими комиссіями Тверская архивная комиссія, хотя, повидимому, раскопокъ и не производила, но занималась реставрированіемъ келлій митрополита Филиппа въ Отрочь монастырѣ, и, кромѣ статьи г. В. Кудрявцева: «Объ образѣ стариннаго суда въ Отрочь монастырѣ сравнительно съ списками того же образа въ древнихъ мѣстахъ», напечатанной въ «Тверскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» (1901 г., № 75),—издала въ 1900 г. небольшую книжку г. М. Зубцова: «По поводу археологическихъ находокъ на мѣстѣ постройки электрической станціи на берегу р. Тьмаки. Съ приложеніемъ «Лѣтописи г. Твери и церкви Николая Чудотворца, что на Звѣривцѣ» составленной священникомъ І. М. Соколовскимъ въ 1804 году». Въ ней авторъ говоритъ о найденныхъ стеклянныхъ бусахъ, образкахъ, монетахъ и проч. и въ то же время указываетъ на историческое значеніе этого мѣста, а именно на существованіе на немъ до 1743 г. деревянной церкви во имя св. Арсенія Чудотворца, что̀ и подтверждается прилагаемою «Лѣтописью» священника Соколовскаго.

Постоянно возрастающій знаменитый Тверской музей—дѣтище перваго предсѣдателя комиссіи В. К. Жизневскаго—имѣетъ особый совѣтъ, который врядъ ли вмѣстѣ съ недавно возникшимъ въ Твери обществомъ любителей археологіи, исторіи и естествознанія не служитъ къ умаленію дѣятельности архивной комиссіи.

Членъ Костромской архивной комиссіи А. П. Поливановъ производилъ раскопки «Богородскаго городища» и представилъ свой докладъ о найденныхъ предметахъ въ императорскую археологическую комиссію. Другіе ея члены: Н. и Т. Бекаревичи, Петровскій, Преображенскій и Молчановъ въ теченіе двухъ лѣтъ производили раскопки въ уѣздахъ Костромскомъ и Макарьевскомъ и множество найденныхъ ими предметовъ препроводили вмѣстѣ съ докладомъ въ ту же археологическую комиссію. Во второмъ приложеніи къ «Журналу» общаго собранія комиссіи (1899) напечатана статья А. Н. Рождественскаго: «Краткая замѣтка о каменномъ вѣкѣ и о находкахъ изъ каменнаго вѣка, хранящихся въ музеѣ Костромской архивной комиссіи», въ которой авторъ сначала даетъ краткую характеристику каменнаго вѣка вообще въ Россіи, а затѣмъ говоритъ о предметахъ, найденныхъ въ Костромской губерніи. Всѣ предметы каменнаго вѣка въ музеѣ найдены въ 9 уѣздахъ (болѣе всего въ Костромскомъ) и относятся къ палеолитическому періоду.

Раскопокъ Таврическая архивная комиссія произвела въ теченіе 1898 и 1899 г. за неимѣніемъ средствъ очень мало; только

г. Иваненко удалось порыться въ ущельѣ Ханлы-дере въ Бахчисараѣ и открыть двѣ новыхъ усыпальницы.

Заботясь о сохраненіи мѣстныхъ памятниковъ старины, члены комиссіи успѣли исходатайствовать у министерства внутреннихъ дѣлъ 800 рублей на укрѣпленіе и приведеніе въ порядокъ развалинъ византійской крѣпости въ с. Алуштѣ, и затѣмъ побудили свѣтлѣйшаго князя Долгорукова реставрировать древнюю мечеть въ его имѣніи Эски-Сарай.

Въ вышедшихъ въ теченіе 1899—1901 гг. трехъ №№ «Извѣстій» комиссіи находимъ цѣлый рядъ статей археологическаго содержанія: 1) Арс. И. Маркевича—«Памятники христіанства въ окрестностяхъ Бахчисарая и Карасубазара» (№ 29 «Извѣстій»); 2) Г. О. Ретовскаго—«Генуэзско-татарскія монеты г. Каффы» (ib.). Подъ этимъ же заглавіемъ г. Ретовскій уже напечаталъ въ одномъ изъ предыдущихъ №№ «Извѣстій» свой обзоръ монетъ, но вскорѣ послѣ напечатанія ему удалось получить новыя монеты въ большемъ количествѣ, а нѣкоторыя даже въ лучшемъ видѣ; поэтому онъ рѣшился составить новый списокъ монетъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ прежнихъ. Всѣхъ монетъ перечислено 161; изъ нихъ монеты подъ №№ 4—130 онъ относитъ къ Филиппу Марія Висконти, герцогу Миланскому, правителю Генуи, отъ 1421 до 1435 гг.; 3) Д. Я. Сердюкова—«Хмырева могила» (№ 30 «Извѣстій»). Здѣсь авторъ, какъ очевидецъ, сообщаетъ о найденномъ въ Хмыревой могилѣ (Мелитопольскаго уѣзда) г. Брауномъ множествѣ золотыхъ и серебряныхъ, прекрасно сдѣланныхъ и сохранившихся конскихъ украшеній, въ видѣ бляхъ, съ изображеніемъ головы Геракла, Пана, пантеры, орла, въ видѣ колокольчиковъ и т. п.; и 4) А. О. Кашпара—«Объ употребленіи и украшеніи человѣческихъ череповъ въ эпоху доисторическую, въ связи съ новымъ временемъ. (По сочиненію И. В. Желизна)».

Нижегородская архивная комиссія попрежнему остается чисто историческимъ мѣстнымъ обществомъ.

Хотя Оренбургская архивная комиссія не производила правильныхъ раскопокъ, но озаботилась собраніемъ свѣдѣній отъ сельскихъ священниковъ и учителей объ имѣющихся курганахъ въ Оренбургской губерніи. На основаніи полученныхъ 57 утвердительныхъ отвѣтовъ изъ всѣхъ 121, г. И. Шукшинцевъ составилъ двѣ любопытныхъ статьи: 1) «Свѣдѣнія о курганахъ Оренбургской губерніи», гдѣ приводитъ таблицы кургановъ, числомъ 459, съ указаніемъ ихъ мѣстонахожденія и найденныхъ въ нихъ предметовъ, и 2) «Преданія о курганахъ Оренбургской губерніи». Обѣ статьи напечатаны въ шестомъ выпускѣ «Трудовъ» комиссіи (1900 г.).

Музей комиссіи продолжалъ пополняться главнымъ образомъ путемъ пожертвованій, и заключаетъ въ себѣ до десяти разныхъ

отдѣловъ, среди которыхъ находимъ: собраніе минераловъ съ Уральскаго хребта и его предгорій, образцы издѣлій и одеждъ мѣстнаго населенія, мѣстную флору и фауну и образцы издѣлій горныхъ заводовъ Уральскаго хребта,—благодаря чему музей Оренбургской комиссіи значительно превышаетъ рамки обычныхъ археологическо-историческихъ музеевъ прочихъ комиссій.

Ярославская архивная комиссія, начавшая съ 1899 г. новое десятилѣтіе въ своемъ новомъ помѣщеніи, не производила раскопокъ по разнымъ причинамъ, между прочимъ, «вслѣдствіе недоразумѣній съ Московскимъ археологическимъ обществомъ», но произвела рядъ осмотровъ старинныхъ церквей и содѣйствовала реставрированію нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Производившіе осмотръ члены констатируютъ грустный, хотя, къ сожалѣнію, и не рѣдко встрѣчающійся фактъ: «несмотря», говорятъ они, «на запрещенія святѣйшаго синода, повторяемыя и циркулярно, и въ печати изъ года въ годъ, распродажа древнихъ и старинныхъ вещей изъ храмовъ епархіи продолжается самымъ безцеремоннымъ образомъ, не только безъ надлежащаго разрѣшенія, но и невѣжественнымъ скупщикамъ изъ крестьянъ за минимальныя цѣны. Такъ въ послѣднее время изъ одной церкви Норскаго посада проданъ древній рѣзной столъ; въ срединѣ декабря проданы рѣзной же свѣчной ящикъ, нѣсколько печатныхъ и рукописныхъ книгъ и другихъ вещей изъ сельскихъ церквей Пошехонскаго уѣзда; ростовскимъ музеемъ древностей куплено изъ лавки желѣзняка Карпычева нѣсколько кадилъ и другихъ вещей, проданныхъ ему, какъ ломъ, и т. д.» (см. стр. 7 «Отчета о дѣятельности Ярославской комиссіи» за 1899 г.).

Благодаря послѣднимъ денежнымъ пожертвованіямъ, музей комиссіи обогатился покупкою многихъ и довольно цѣнныхъ предметовъ.

Открытая еще въ 1888 г., по иниціативѣ покойнаго редактора «Русской Старины» М. И. Семевскаго, Пермская архивная комиссія первыя шесть лѣтъ дѣйствовала успѣшно: организовала музей и выставку археологическихъ коллекцій и предметовъ древности Пермскаго края и издала три выпуска своихъ «Трудовъ», весьма богатыхъ матеріалами по археологіи и исторіи края. Но затѣмъ вдругъ перестали въ нее поступать денежныя средства отъ города и земства, и она поневолѣ должна была прекратить даже печатаніе отчетовъ. Вновь возродилась дѣятельность комиссіи лишь въ 1900 г., когда и вышелъ четвертый выпускъ ея «Трудовъ», гдѣ, между прочимъ, находимъ пространную статью г. Новокрещенныхъ: «Археологическія изслѣдованія въ западной части Пермской губерніи», трактующую о раскопкахъ, произведенныхъ въ теченіе 1896—1899 гг. авторомъ статьи, А. А. Спицынымъ и др., а равно и о другихъ случайныхъ находкахъ и изслѣдованіяхъ.

Калужская архивная комиссія, благодаря энергичной дѣятельности гг. Четыркина и Трейтера, значительно болѣе другихъ комиссій производила раскопокъ и изслѣдованій мѣстныхъ древностей. Ими были произведены раскопки въ уѣздахъ: Калужскомъ, Козельскомъ и Лихвинскомъ; кромѣ того, г. Кашкаровъ обозрѣвалъ древнія городища въ Мещовскомъ и частію въ Медынскомъ уѣздахъ, и членъ Н. И. Булычевъ издалъ въ 1899 г. «Журналы» своихъ десятилѣтнихъ раскопокъ въ водораздѣлѣ верхнихъ притоковъ Волги и Днѣпра и въ уѣздахъ Лихвинскомъ и Перемышльскомъ, которые «представляютъ цѣлый вкладъ въ археологическую науку, особенно для Калужской губерніи».

Результаты своихъ раскопокъ и археологическихъ изслѣдованій г. Четыркинъ напечаталъ въ слѣдующихъ статьяхъ: «Кресты у калужскихъ старообрядцевъ», «Дневникъ раскопокъ, произведенныхъ въ 1898 г. въ уѣздахъ: Козельскомъ, Лихвинскомъ и Калужскомъ», «Райскія птицы—Сиринъ и Альконостъ» (гдѣ прослѣдилъ за всѣми видоизмѣненіями представленій и внѣшнихъ формъ, которымъ подверглись у насъ древнеантичныя сирены), «Пробныя раскопки Лихвинскаго городища», «Находки близъ Козельска» и др.

Какъ раскопки, такъ и пожертвованія значительно увеличили «историческій музей» комиссіи, но, къ сожалѣнію, за неимѣніемъ денежныхъ средствъ, онъ не имѣетъ желательныхъ для гг. членовъ организаціи и устройства; да и сама комиссія вообще съ 1901 г. терпитъ большую нужду.

Симбирская архивная комиссія, въ лицѣ своихъ членовъ: гг. Акинфова, Поливанова и Мещеринова, производила раскопки лѣтомъ 1899 года близъ с. Кузькина (Сенгилеевскаго уѣзда) и на Муранскомъ могильникѣ; на послѣднемъ, между прочими незначительными предметами, былъ открытъ полный скелетъ лошади съ удилами и другими желѣзными принадлежностями конской сбруи и тутъ же истлѣвшій костякъ съ обычною принадлежностью мужского погребенія на Муранкѣ—топоромъ. Музей комиссіи, подобно другимъ музеямъ, обогащается болѣе всего монетами и церковно-археологическими вещами.

Открытая въ ноябрѣ 1898 г. и состоящая подъ августѣйшимъ покровительствомъ его императорскаго высочества великаго князя Георгія Михаиловича, Владимирская архивная комиссія проявила особенно энергичную дѣятельность. Къ началу 1901 г. она успѣла издать три тома своихъ «Трудовъ», по обширности и содержательности которымъ не было и врядъ ли будетъ что либо подобное въ изданіяхъ прочихъ архивныхъ комиссій; о нихъ уже было въ свое время съ особымъ удовольствіемъ выражено мнѣніе нѣсколькими критиками.

При раскопкахъ, произведенныхъ г. Поливановымъ близъ с. Заколпья, Меленковскаго уѣзда, добыто множество разныхъ предме-

товъ древностей (височныя и шейныя кольца, браслеты, амулеты, разнаго рода подвѣски, частицы полуистлѣвшихъ тканей и проч.), которые и описаны г. Поливановымъ, и, вѣроятно, его описаніе появится въ слѣдующемъ четвертомъ томѣ «Трудовъ» комиссіи. До сихъ поръ напечатана только статья г. Щеглова: «Слѣды доисторическаго человѣка въ Меленковскомъ уѣздѣ, Владимирской губерніи» («Труды», книга III, 1901 г.), основанная также на многочисленныхъ собственныхъ наблюденіяхъ и изслѣдованіяхъ.

Помимо раскопокъ, комиссія особенно озабочена сохраненіемъ и изученіемъ церковныхъ древностей, для чего образована отдѣльная комиссія, членъ которой г. Георгіевскій успѣлъ уже результаты своихъ изученій и «описаній» обнародовать въ обширной статьѣ: «Суздальскій Ризположенскій женскій монастырь» («Труды», книга II). Здѣсь мы находимъ впервые болѣе полную исторію этого монастыря, основанную на изученіи архивныхъ матеріаловъ, съ описаніемъ находящихся и бывшихъ въ немъ предметовъ древностей, и въ приложеніи «Писцовую книгу г. Суздаля 1628—1629 гг.», изъ которой только нѣсколько выдержекъ было напечатано во «Владимирскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1843 г., и рядъ новыхъ описей, указовъ, грамотъ и другихъ документовъ, относящихся до Ризположенскаго монастыря.

Другой членъ этой же отдѣльной комиссіи, протоіерей А. Свирѣлинъ, впервые описываетъ «Древній запрестольный крестъ въ городѣ Переяславлѣ-Залѣсскомъ» («Труды», книга II, 1900 г.).

Наконецъ одновременно возникшія съ предыдущею комиссіи: Черниговская и Бессарабская, пока только готовятся къ производству раскопокъ и, вѣроятно, приступили къ нимъ лишь въ самое послѣднее время, но уже, благодаря сношеніямъ съ разными лицами и учрежденіями, успѣли сдѣлать кое-какія пріобрѣтенія для музеевъ; поэтому въ нашемъ очеркѣ онѣ будутъ разсматриваться, лишь какъ мѣстныя историческія общества.

Исторія.

Самою важнѣйшею задачею, возложенною Положеніемъ 13 апрѣля 1884 г. на архивныя комиссіи, въ области исторіи является «созданіе историческаго архива». Для этой цѣли комиссіи должны разсматривать описи дѣлъ и документовъ губернскихъ и уѣздныхъ архивовъ и въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ самихъ дѣлъ, предназначенныхъ къ уничтоженію, выдѣлять изъ нихъ интересныя въ научномъ отношеніи и составлять имъ описи. Но всѣ почти комиссіи, кромѣ этого, прибѣгали еще къ другимъ средствамъ для увеличенія своего «историческаго архива». Онѣ разыскивали частные семейные архивы и важнѣйшіе изъ нихъ вносили въ свой архивъ; устраивали командировки своимъ членамъ въ центральные архивы для

списыванія актовъ, относящихся до ихъ губерній; заводили по поводу тѣхъ же актовъ сношенія съ центральными управленіями, съ присутственными мѣстами сосѣднихъ губерній и съ частными лицами, и т. п.

По мѣрѣ накопленія матеріаловъ, члены комиссій печатали въ своихъ періодическихъ изданіяхъ описи дѣлъ, а иногда и самые документы, и наконецъ на основаніи, по преимуществу, собственныхъ архивныхъ матеріаловъ составляли доклады и довольно обширныя статьи, касаясь въ нихъ различныхъ сторонъ прошлой жизни своего края. Наконецъ въ «Трудахъ» комиссій встрѣчаемъ немало и біографій историческихъ и общественныхъ дѣятелей.

Почти съ самаго начала своего существованія Рязанская архивная комиссія приступила къ разбору дѣлъ канцеляріи рязанскаго губернатора и успѣла до настоящаго времени выдѣлить изъ нихъ къ храненію свыше 4.000 дѣлъ; изъ этой цифры на 1899 годъ приходится до 363 дѣлъ. Затѣмъ въ теченіе 1899 и 1900 годовъ изъ дѣлъ другихъ архивовъ (Зарайской уѣздной земской управы, губернскаго правленія, рязанскаго уѣзднаго полицейскаго управленія и третьяго разряда подольскаго Московской губ. казначейства) гг. членами комиссіи разобрано еще до 25.000 дѣлъ, и изъ нихъ къ храненію отобрано 1.183 дѣла. Въ разборѣ дѣлъ принимали участіе гг. Перцевъ, Проходцевъ и Лашевскій.

Кромѣ того, въ 1900 году историческій архивъ комиссіи увеличился еще пожертвованіями: 1) отъ В. Мартынова столбцовъ рода Сацыперовыхъ конца XVII вѣка; 2) 6 рукописей, изъ которыхъ наиболѣе интересны—«Житіе св. Димитрія Ростовскаго», писанное въ 1756 году, и «Сборникъ исторически-назидательныхъ статей», писанныхъ полууставомъ XVII вѣка; 3) отъ г. Молчанова—24 памятниковъ древняго письма, въ числѣ которыхъ находятся: «Повѣсть о святомъ градѣ Іерусалимѣ и прочихъ окрестныхъ мѣстахъ», составленная іеромонахомъ Симеономъ послѣ 1517 года, и «Хронографъ», писанный въ 1674 году на Олонцѣ дьячкомъ Алешкою Стефановымъ-Ижоринымъ, и 4) нѣсколькихъ актовъ изъ правительствующаго сената, снабжающаго ими почти всѣ комиссіи съ самаго начала ихъ существованія.

Въ изданныхъ за 1899 — 1901 годы шести выпускахъ «Трудовъ» находимъ лишь одну «Опись документовъ Богословскаго монастыря XVII и XVIII вѣковъ», составленную священникомъ І. Добролюбовымъ; все же остальное довольно обширное содержаніе «Трудовъ» наполняютъ разнаго матеріалы и частію обработанныя статьи. Укажемъ первоначально на статьи. Въ выпускѣ I тома XIV (1899 г.) помѣщена обширная и любопытная статья А. Повалишина: «Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные. Условія нормальнаго помѣ-

щичьяго хозяйства»,—составляющая продолженіе статьи того же заглавія, начатой печатаніемъ еще въ 1897 году. Статья эта не окончена за смертію автора, но весьма интересна и по массѣ собраннаго матеріала печатнаго и рукописнаго, и по ясному и вѣрному освѣщенію предмета. Въ томъ же томѣ, въ выпускѣ 2, помѣщена и пространная біографія А. Повалишина,—по словамъ ея автора И. Проходцева,—«въ высшей степени рѣдкаго и полезнаго мѣстнаго дѣятеля, бывшаго душой рязанской архивной комиссіи, ея главнымъ столпомъ въ теченіе 15 лѣтъ». Наконецъ, тѣмъ же И. Проходцевымъ составлена другая біографія тоже виднаго и рѣдкаго мѣстнаго дѣятеля—А. Н. Левашова, главнымъ образомъ по его же произведеніямъ (т. XV, вып. 2).

Въ числѣ матеріаловъ находимъ: 1) «Копіи съ подлинныхъ грамотъ жалованныхъ и съ прочихъ выписей на монастырскія земли Николая Чудотворца Радовицкаго монастыря», 1694 и 1701 годовъ (т. XIV, вып. 1); 2) «Матеріалы для исторіи главнаго народнаго училища въ Рязани (съ 1804 года Рязанской гимназіи) и учрежденія другихъ народныхъ малыхъ училищъ въ Рязанской губерніи за время царствованія императора Павла» (ibidem); 3) «Матеріалы для исторіи Рязанской гимназіи—журналы рязанскаго главнаго народнаго училища за 1804 годъ», въ которыхъ говорится о пріисканіи подходящаго для гимназіи помѣщенія и доставленіи новыхъ учебниковъ и учителей (ibidem); 4) «Перечень именныхъ высочайшихъ указовъ, относящихся до Рязанской губерніи» (указы императора Павла I, за время 1796—1801 годовъ, заимствованные изъ I тома «Сенатскаго архива»); 5) «Изъ матеріаловъ для исторіи села Ухолова Ряжскаго уѣзда Рязанской губерніи» (т. XV, вып. 1-й); 6) «Челобитная архіепископа рязанскаго Моисея царю Михаилу Θеодоровичу о сторожевой службѣ домовыхъ епископскихъ дѣтей боярскихъ, 1638 года», сообщенная Григ. А. Ряжскимъ (т. XIII, вып. 3-й), и 7) «Изъ записокъ земца», А. Н. Левашова (т. XV, вып. 1-й и 2-й).

Записки Левашова весьма любопытны по обилію данныхъ и подробностей насчетъ начальной дѣятельности судовъ и земства въ Рязанскомъ краѣ, еще сравнительно мало раскрытой, и при томъ отличаются легкимъ литературнымъ изложеніемъ.

Въ числѣ матеріаловъ для исторіи Рязанскаго края отдѣльно изданъ комиссіею второй выпускъ перваго тома «Писцовыхъ книгъ», подъ редакціей В. Н. Сторожева.

Совершенно отдѣльно отъ указанныхъ матеріаловъ стоятъ печатавшіеся въ «Трудахъ» рязанской комиссіи—окончаніе «Моихъ воспоминаній» генералъ-майора Василія Абрамовича Докудовскаго и служащій ихъ продолженіемъ его «Дневникъ», печатавшійся съ выпусками. «Мои воспоминанія» относятся къ 1859—1862 годамъ, а «Дневникъ» къ 1863 — 1866 годамъ. Послѣдній еще не

оконченъ, и въ редакціи комиссіи имѣется его продолженіе вплоть до 1873 года.

Эти «Воспоминанія» и «Дневникъ» заслуживаютъ особеннаго вниманія, и потому мы рѣшаемся остановиться на нихъ подробнѣе.

Генералъ-майоръ Докудовскій, по своему служебному положенію, могъ знать изъ совершавшихся въ Варшавскомъ намѣстничествѣ событій многое такое, что было доступно очень немногимъ. Кромѣ того, онъ отличался чрезвычайной наблюдательностью и любознательностью. Читая неустанно изо дня въ день цѣлый рядъ газетъ и журналовъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, онъ зорко слѣдилъ и за событіями, совершавшимися въ цѣлой Россіи, и въ пониманіи ихъ обнаружилъ рѣдкій талантъ. Какъ горячій патріотъ, онъ ко всему относился съ сердечностью и не щадилъ рѣзкихъ, но мѣткихъ выраженій по поводу того, что, по его мнѣнію, могло повредить или вредило «преуспѣянію» дорогой родины. Всѣ его сужденія отличаются рѣдкою самостоятельностью и справедливостью и излагаются живымъ и мѣткимъ языкомъ, полнымъ мѣстами ѣдкаго юмора.

Сообщаемыя имъ подробности относительно событій, подготовлявшихъ польское возстаніе, о самомъ возстаніи и о дальнѣйшемъ послѣ 1864 года поведеніи варшавскихъ поляковъ, полны интереса и представляютъ цѣнный и мѣстами новый для историка матеріалъ. Говоря о не прекращавшихся польскихъ манифестаціяхъ и буйствахъ, генералъ-майоръ Докудовскій часто приводитъ въ подлинникѣ и самые документы: воззванія, адресы поляковъ, обращенія къ нимъ варшавскаго намѣстника, высочайшія повелѣнія и т. п. При этомъ онъ не щадитъ и русскаго начальства въ Польшѣ, которое, по его словамъ, допустило немало безтактныхъ дѣйствій, ошибокъ, упущеній и даже неблаговидныхъ поступковъ. Намѣстники варшавскіе почти сплошь не соотвѣтствовали своему назначенію. Князь Горчаковъ отличался трусостью; «самохвалъ» Сухозанетъ, которому еще при назначеніи военнымъ министромъ на его вопросъ: «принять или не принять это званіе»,—извѣстный Ермоловъ «подумавши отвѣтилъ: «принимай, братецъ, а то еще худшаго назначатъ»,—обнаружилъ полную неспособность; «тяжелый, непривѣтливый» Лидерсъ болѣе предавался «поклоненію прекрасному полу», и «скупой, скаредный» графъ Бергъ, покровительствуя преимущественно нѣмцамъ и своимъ родственникамъ, многое совершалъ подъ ихъ вліяніемъ.

Много мѣткаго и справедливаго, хотя иногда и суроваго, говоритъ В. А. Докудовскій и про другихъ, менѣе значительныхъ дѣятелей нашихъ въ Варшавскомъ намѣстничествѣ, особенно про Бутурлина, Павлищева, Муханова, барона Корфа.

Въ «Извѣстіяхъ» Тамбовской архивной комиссіи помѣщена составленная П. И. Пискаревымъ опись сначала отобраннымъ для храненія въ архивѣ комиссіи «наказамъ темниковскихъ, кадомскихъ, елатомскихъ, касимовскихъ и керенскихъ дворянъ и городскихъ обществъ депутатамъ, избраннымъ и отправленнымъ въ комиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія», а затѣмъ и другимъ документамъ, какъ-то: купчимъ, царскимъ грамотамъ, выписямъ изъ отказныхъ книгъ, челобитнымъ, разнаго рода указамъ и т. п., за время съ конца XVII в. до начала XIX-го. Число этихъ документовъ простирается до 83; нѣкоторые изъ нихъ приводятся цѣликомъ.

На основаніи вышеупомянутыхъ наказовъ И. И. Дубасовымъ составлена небезынтересная статейка: «Тамбовскіе депутаты 1767 года», указывающая на исключительно сословныя стремленія депутатовъ къ одному своему матеріальному благоденствію и на ихъ неподготовленность къ призванному дѣлу.

Въ качествѣ матеріаловъ напечатаны: неизвѣстнаго автора рукопись «Біографія архимандрита Петра Каменскаго, бывшаго начальника Пекинской миссіи съ 1819 по 1830 годъ»; «Завѣщаніе китайскаго императора Дзяцина, августа 1820 года, въ загородномъ Мехорскомъ дворцѣ, отстоящемъ отъ Пекина въ 300 верстахъ, изданное передъ его кончиной», въ переводѣ архимандрита Петра Каменскаго; и «Козловская округа; вѣдомость, сочиненная Козловскому уѣзду по новому раздѣленію, съ показаніемъ по способности причисленныхъ къ оному городу разныхъ уѣздовъ селеніевъ, чьихъ они владѣльцевъ, сколько въ нихъ положенныхъ по третьей ревизіи въ подушной окладъ мужска и женска полу душъ и дворовъ, такожъ живущихъ и неживущихъ дворянъ». Вѣдомость извлечена изъ дѣлъ архива П. И. Пискаревымъ.

Наконецъ небезынтересны въ церковно-археологическомъ отношеніи два описанія, сдѣланныя г. Фиксеномъ: «Двѣ главы изъ апокалипсиса седьмитолковаго», напечатаннаго повелѣніемъ царя Іоанна Васильевича Грознаго, и «Миніатюры толковаго апокалипсиса», принадлежащаго библіотекѣ комиссіи.

По отношенію къ Орловской архивной комиссіи и здѣсь намъ приходится ограничиться немногими словами: въ единственномъ, извѣстномъ намъ I выпускѣ ея «Трудовъ» (1899) находится лишь одна статья: «Историко-статистическій очеркъ бывшаго Талецкаго острожка», — сообщенная г. Назаровымъ.

Точно также и о Тверской архивной комиссіи намъ извѣстно лишь то, что предсѣдатель ея И. А. Ивановъ сдѣлалъ два сообщенія «О возстановленіи архимандріи въ Старицкомъ монастырѣ», на основаніи новыхъ имъ найденныхъ документовъ (см. «Тверскія Губернскія Вѣдомости», 1901 г., № 53), и «О пребываніи Пушкина въ Тверской губерніи» (ibid., № 55), и что изъ матеріаловъ, имѣю-

щихся въ распоряженіи комиссіи, напечатаны: «Наказъ шацкому воеводѣ Ѳедору Игнатьевичу Травину, 1709 г.» (ibid., №№ 83 и 84) и «Слово на крещеніе Господне», произнесенное въ Ржевскомъ Успенскомъ соборѣ въ 1837 году прот. Матвѣемъ Константиновскимъ (ibid., № 79). Послѣднее признается членами комиссіи, «какъ весьма интересный памятникъ пастырской церковно-учительной дѣятельности о. Матвѣя».

Члены Костромской архивной комиссіи въ теченіе 1898 и 1899 гг. занимались, попреимуществу, разсмотрѣніемъ описей и дѣлъ, предназначенныхъ къ уничтоженію, и составленіемъ описей дѣламъ и отдѣльнымъ рукописямъ.

Такъ покойный нынѣ Н. Н. Селифонтовъ составилъ описи 1433 актамъ изъ архива бывшихъ великосольскихъ посадскихъ земской избы и ратуши, предпославъ имъ въ своемъ докладѣ нѣсколько свѣдѣній о прошедшемъ посада Великосолья, или Большія Соли, и о самомъ архивѣ. Онъ придаетъ этому архиву важное значеніе, какъ для бытовой исторіи мѣстнаго Поволжья, такъ и для исторіи вообще русскаго права. «Великосольскій архивъ», говоритъ Н. Н. Селифонтовъ, «потому не попалъ въ составъ Московскаго архива министерства юстиціи, что великосольская посадская ратуша тогда была чисто сословнымъ хозяйственнымъ органомъ». Акты архива сохранились хорошо и сообщаютъ богатый матеріалъ и для исторіи мѣстнаго самоуправленія и для выясненія экономическаго состоянія посада. Затѣмъ Н. Н. Селифонтовъ просмотрѣлъ описи дѣлъ костромского окружнаго суда, но среди нихъ не нашелъ ничего заслуживающаго сохраненія.

А. И. Соловьевъ составилъ подробную опись 108 рукописей XVII и XVIII вв., принадлежащихъ церкви села Коровкова Солигаличскаго уѣзда, съ алфавитнымъ указателемъ именъ личныхъ и географическихъ.

Членъ Преображенскій составилъ описанія: 157 рукописей изъ архива бывшихъ великосольскихъ посадскихъ земской избы и ратуши, двухъ синодиковъ Желѣзноборовскаго монастыря (Буйскаго уѣзда) и трехъ сборниковъ, принадлежащихъ комиссіи. Онъ же просмотрѣлъ описи дѣламъ и нарядамъ, назначеннымъ къ уничтоженію, олонецкаго управленія государственныхъ имуществъ, за время съ 1820 по 1875 г., и изъ 17.000 дѣлъ оставилъ для храненія лишь 13 дѣлъ, которыя касаются преимущественно быта олонецкихъ бѣлопашцевъ, нѣкогда обѣленныхъ за услуги, оказанныя семейству Ѳедора Никитича Романова, за время постриженія его въ Сійскомъ монастырѣ и ссылки Ксеніи Ивановны въ Заонежье.

Наконецъ члены Тарелкинъ и Донской просматривали рукописи изъ архива великосольскихъ приказной избы и ратуши и сдѣлали изъ нихъ значительныя извлеченія.

Въ теченіе 1899 г. Костромская комиссія не предпринимала изданія описей и историческихъ матеріаловъ, но зато въ началѣ 1901 г., подъ редакціей ея предсѣдателя, Н. Н. Селифонтова, вышелъ въ свѣтъ обширный томъ, подъ заглавіемъ: «Сборникъ матеріаловъ по исторіи предковъ царя Михаила Ѳеодоровича Романова. Генеалогическій и историческій матеріалъ по печатнымъ источникамъ» [1]).

Этотъ «Сборникъ» составляетъ первую часть (вторая вышла еще въ 1898 году и заключаетъ въ себѣ «Родословную рода Захарьиныхъ-Юрьевыхъ-Романовыхъ», составленную по матеріаламъ умершаго въ 1863 году И. П. Сахарова) задуманнаго покойнымъ Н. Н. Селифонтовымъ собранія печатныхъ и рукописныхъ матеріаловъ о родѣ Романовыхъ, хранящагося въ особомъ при Костромской комиссіи Романовскомъ отдѣлѣ, имъ же основаннномъ въ 1897 году.

Члены Таврической архивной комиссіи разсмотрѣли рядъ описей дѣламъ, подлежащимъ уничтоженію, но по недостаточности данныхъ въ нихъ назначили для храненія очень незначительное число дѣлъ. Такъ г. Поповъ изъ 3369 дѣлъ Бессарабской казенной палаты отдѣлилъ къ храненію только 19; г. Романюкъ изъ 658 дѣлъ пристава второго стана Симферопольскаго уѣзда—только 1 дѣло; г. Филипповъ изъ 37.867 дѣлъ Таврической казенной палаты—только 118 и т. д.

Въ вышедшихъ трехъ №№ «Извѣстій» находимъ лишь статьи историческаго содержанія; хотя онѣ всѣ незначительнаго объема, но въ большинствѣ случаевъ основаны на архивныхъ данныхъ. Вотъ эти статьи: 1) Ал. И. Маркевича—«Возобновленіе русскаго торговаго судоходства на Черномъ морѣ въ концѣ XVIII вѣка»; 2) П. Короленко—«Войсковые фабрики и заводы Черноморскаго казачьяго войска»; 3) Измаила Муфтійзаде—«Очеркъ военной службы крымскихъ татаръ съ 1783 по 1889 годъ». Въ концѣ своей статьи авторъ указываетъ родоначальниковъ пяти болѣе выдающихся татарскихъ фамилій: Булгаковыхъ, Балатуковыхъ, Хункаловыхъ, Уздемниковъ и Крымтаевыхъ; 4) Арс. Маркевича—«Краткій очеркъ дѣятельности генералиссимуса Александра Васильевича Суворова въ Крыму»; 5) А. Иванова—«Кинбурнъ» и 6) Арс. Маркевича—«Нѣсколько словъ о дѣятельности въ Тавридѣ Иннокентія, архіепископа херсонскаго и таврическаго».

Нижегородская архивная комиссія въ 1899 году издала небольшой сборникъ, посвященный памяти Н. И. Храмцовскаго, историка Нижняго Новгорода, главное содержаніе котораго составляютъ статьи: Г. І. Родзевича—«Н. И. Храмцовскій, его жизнь, литературная и общественная дѣятельность», «Н. И. Храмцовскій,

---

[1]) См. о немъ нашу рецензію въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1901 г., № 6.

какъ редакторъ-издатель газеты» и «Библіографическій указатель трудовъ Н. И. Храмцовскаго», и А. И. Звѣздина—«Объ историческихъ трудахъ Н. И. Храмцовскаго».

Въ 1900 году комиссія издала довольно обширный и содержательный четвертый томъ «Сборника статей, сообщеній, описей и документовъ». Въ отдѣлѣ «статей и сообщеній» находимъ: свящ. М. В. Добровольскаго—«Чиновникъ Нижегородскаго Спасскаго каѳедральнаго собора» (такъ называемый сборникъ «чиновъ», или особаго рода обрядовъ христіанскаго богослуженія, который служитъ дополненіемъ къ церковному уставу, имѣющимъ, такъ сказать, мѣстное значеніе и приспособленнымъ къ нуждамъ и потребностямъ мѣстнаго каѳедральнаго собора); А. А. Савельева—«Три проекта объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ въ Нижегородскомъ уѣздѣ», принадлежащіе помѣщикамъ В. Давыдову, князю Чегодаеву и А. Остафьеву, изъ которыхъ только первый отнесся болѣе или менѣе благопріятно къ положенію крестьянъ, остальные же заявили себя ярыми крѣпостниками.

Далѣе любопытнѣйшія данныя читаемъ въ статьѣ А. И. Звѣздина—«Нижегородскій секретный совѣщательный комитетъ по дѣламъ о раскольникахъ и его дѣятельность». Этотъ «комитетъ» дѣйствовалъ въ Нижнемъ Новгородѣ съ 1849 по 1865 годъ; въ числѣ его членовъ состоялъ одно время и извѣстный В. И. Даль, не разъ высказывавшій мнѣнія о «безполезности» строгихъ административныхъ мѣръ по отношенію къ раскольникамъ.

Тотъ же авторъ сообщаетъ въ другой статейкѣ «О родовомъ имѣніи А. С. Пушкина въ Нижегородской губерніи и о пребываніи поэта въ немъ въ 1830-хъ годахъ».

Наконецъ послѣдними статьями отдѣла являются: А. Мельникова—«Къ исторіи ближайшихъ окрестностей Нижняго Новгорода», и Н. Агаѳонова—«Къ біографіи В. А. Сбоева» (самыя полныя свѣдѣнія объ этомъ профессорѣ Казанскаго университета).

Во второмъ отдѣлѣ «Сборника» встрѣчаемъ четыре описи: 1) журналамъ Нижегородскаго намѣстническаго правленія, за 1784—1787 годы (составилъ В. И. Снѣжневскій); 2) дѣламъ Арзамасскаго городского магистрата о выборахъ въ общественныя должности, за 1789—1790 г. (составилъ А. Мельниковъ); 3) журналамъ Нижегородскаго секретнаго совѣщательнаго комитета по дѣламъ о раскольникахъ, за 1851—1853 г. (составилъ А. Звѣздинъ), и 4) дѣламъ Балахнинскаго городового магистрата. Послѣдняя опись принадлежитъ извѣстному писателю В. Г. Короленко и составляетъ продолженіе описи, начатой еще въ III томѣ «Сборника». Почти каждаго дѣла передается содержаніе, и нерѣдко цитируется самый текстъ.

Въ числѣ матеріаловъ или «документовъ» помѣщены: «Выпись Нижегородскаго уѣзда на землю боярина князя Димитрія Михай-

ловича Пожарскаго, данную за службу—очищеніе Москвы»; «Выборка изъ писцовыхъ и платежныхъ книгъ Нижегородскаго уѣзда о событіяхъ и дѣятеляхъ эпохи смутнаго времени»; «Рукописный синодикъ священно-іерея Матвѣя Исаева», и др.

Члены Оренбургской архивной комиссіи попрежнему энергично продолжають заниматься разборомъ дѣлъ канцеляріи бывшаго Оренбургскаго генералъ-губернаторства; они почти привели въ порядокъ архивъ бывшихъ оренбургскаго и челябинскаго духовныхъ правленій, хранящійся на колокольнѣ Введенской церкви, и разсмотрѣли описи дѣлъ нѣсколькихъ учрежденій, составивъ для предназначенныхъ къ храненію отдѣльныя описи.

Напечатана же въ «Трудахъ» комиссіи лишь одна опись, составленная г. Севастьяновымъ, это—«Опись нѣкоторыхъ дѣлъ казачьяго отдѣла архива комиссіи» (вып. VI). Указанный отдѣлъ, по мнѣнію составителя, имѣетъ большое значеніе не только для исторіи Оренбургскаго казачьяго войска, но и для Уральскаго; въ немъ «много свѣдѣній объ этомъ войскѣ, служащихъ къ выясненію древнихъ правъ на земли, рыболовство, торговлю и т. п.». Есть дѣла, въ которыхъ находятся свѣдѣнія о способахъ борьбы казаковъ съ киргизами, о подвигахъ уральскихъ и оренбургскихъ казаковъ, письма ихъ изъ плѣна въ Хивѣ, Бухарѣ и проч.

Въ вышедшихъ въ теченіе 1899—1900 г. четырехъ выпускахъ «Трудовъ» Оренбургской комиссіи мы встрѣчаемъ рядъ обработанныхъ и при томъ обширныхъ статей и изслѣдованій, въ основѣ которыхъ положены попреимуществу архивныя данныя. Среди нихъ первое мѣсто, конечно, должно принадлежать изслѣдованію Н. Чернавскаго—«Оренбургская епархія въ ея прошломъ и настоящемъ» (VII вып.), при составленіи котораго авторъ, вообще подробно ознакомленный съ печатною литературою, касающеюся его предмета, многое заимствовалъ изъ архивовъ Оренбургской духовной консисторіи, Оренбургской ученой архивной комиссіи и Уфимской духовной консисторіи.

За нимъ слѣдуетъ поставить очеркъ г. Добромыслова—«Башкирскій бунтъ въ 1735, 1736 и 1737 годахъ» (вып. VIII). Благодаря тому, что въ архивѣ Тургайскаго областного правленія нашлись совершенно новые документы (напримѣръ, донесенія И. К. Кирилова, инструкція А. И. Румянцеву, напечатанная цѣликомъ, протоколы Тевкелева о допросахъ башкиръ, письма Кирилова и Тевкелева, и нѣкоторые другіе), автору удалось, и несмотря на обширную печатную литературу по затронутому имъ вопросу, многое освѣтить и даже открыть.

Наконецъ любопытною является и статья г. Севастьянова—«Исторія Оренбургскаго казачьяго войска по начертаніямъ войсковой печати», составленная по матеріаламъ войскового архива (вып. V).

Въ качествѣ матеріаловъ отмѣтимъ: М. Юдина—«Матеріалы для исторіи Оренбургскаго края» (нѣсколько дополненій и исправленій къ «Справочному хронологическому перечню событій, относящихся къ мѣстности нынѣшней Оренбургской губерніи, съ половины XVI вѣка до настоящаго времени», и къ «Оренбургской хронологіи», и краткія свѣдѣнія и отрывки о дневникѣ, веденномъ по приказанію Сухтелена); И. Архангельскаго—«Матеріалы для исторіи г. Троицка (1743—1791)». Здѣсь помѣщена «церковная лѣтопись» прот. Гавріила Аманацкаго († 1871) и продолженная его преемниками до 1891 года.

Производя свои работы по обозрѣнію и описанію архивныхъ дѣлъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ, Ярославская архивная комиссія въ то же время чествовала въ 1899 г. память «историческаго дѣятеля ярославскаго края, св. благовѣрнаго князя смоленскаго и ярославскаго, Ѳедора Ярославича», по случаю 600-лѣтія со дня его блаженной кончины, лѣтомъ нынѣшняго года устроила въ Ярославлѣ съѣздъ для историко-археологическаго изученія Ростово-Суздальскаго княжества и выпустила рядъ цѣнныхъ изданій, изъ которыхъ назовемъ: «Дѣятели Ярославскаго края», Головщикова (вып. I); «Мелочи ярославской исторіи XVIII и XIX вв.», Мизинова; «Упраздненные храмы въ большомъ Борисоглѣбскомъ приходѣ г. Ярославля», прот. Израилева, и др. Вышедшій въ 1899 г. первый выпускъ 3-й книги «Трудовъ» Ярославской комиссіи заключаетъ въ себѣ офиціальную часть.

Въ четвертомъ выпускѣ «Трудовъ» Пермской архивной комиссіи встрѣчаемъ до десяти статеекъ, изъ нихъ съ историческимъ содержаніемъ обращаютъ вниманіе: А. А. Дмитріева—«По поводу столѣтія Пермской епархіи», «Чердынскій синодикъ» и «Слѣды русскихъ поселеній въ Перми Великой до появленія Строгановыхъ», и В. Н. Трапезникова—«О людяхъ, искавшихъ вольности изъ владѣнія господъ своихъ». Послѣдняя статья составлена на основаніи архивныхъ данныхъ и любопытна тѣмъ, что свидѣтельствуетъ о возможности исковъ на незаконность порабощенія, иногда и выигрываемыхъ.

Просмотромъ описей дѣлъ и разборомъ самыхъ дѣлъ изъ членовъ Калужской архивной комиссіи занимались, главнымъ образомъ, И. Д. Четыркинъ, В. М. Кашкаровъ, В. И. Соловьевъ (изъ 1899 дѣлъ трехъ уѣздныхъ казначействъ: Перемышльскаго, Рынинскаго и Ломжинскаго, назначилъ къ храненію въ архивѣ комиссіи 132 дѣла) и П. А. Трейтеръ. Послѣднимъ составлены и напечатаны въ I и II вып. «Извѣстій» (1899 г.) двѣ описи: «Опись столбцовъ и другихъ документовъ XVII и XVIII вв., поступившихъ въ архивъ Калужской губ. архивной комиссіи изъ губернскаго статистическаго комитета» (раздѣленная на три части: 1) «бумаги Мещовской приказной избы», 2) «бумаги Мосальской приказной избы»

и 3) «бумаги различныхъ мѣстностей, отдѣльные листы и отрывки документовъ»), и «Описаніе одиннадцати документовъ XVII и XVIII вв., пожертвованныхъ Калужской архивной комиссіи дѣйствительнымъ членомъ Н. П. Авраамовымъ, 22 іюля 1899 года». Описываемые документы (челобитныя, поступныя записи и нѣкоторые другіе) относятся къ 1686—1733 гг. и вводятъ читателя «въ обстоятельства частныхъ и служебныхъ отношеній того служилаго класса, который впослѣдствіи обозначался выраженіемъ—мелкопомѣстное дворянство». Описаніе сопровождается изложеніемъ содержанія документа, а иногда и выдержками изъ него.

Тому же автору принадлежатъ и двѣ единственныя статьи историческаго содержанія. Въ одной изъ нихъ, довольно обширной и основанной на точномъ изученіи матеріаловъ и всѣхъ необходимыхъ пособій,—«Къ вопросу о мѣстоположеніи г. Калуги въ XVII ст.» (вып. III «Извѣстій», 1899 г.), г. Трейтеръ приходитъ къ выводу, что Калужскій кремль XVII ст., обведенный землянымъ валомъ съ деревянными надъ нимъ стѣнами и башнями, примыкающій къ нему острогъ, также обведенный валомъ и тыномъ, съ посадскими вокругъ поселеніями и земской слободою, занималъ «сравнительно небольшую часть нынѣшней Калуги, простираясь отъ оврага Березуйскаго до нынѣшней Никольской улицы и церкви Знаменія»... А въ другой: «О церквахъ калужскихъ» (вып. I «Извѣстій», 1900 г.), на основаніи доворныхъ и писцовыхъ книгъ писцовъ В. Плещеева и И. Матвѣева (1625—1626 г.), даетъ подробное описаніе 21 калужской церкви, съ ихъ духовенствомъ, населеніемъ на церковныхъ земляхъ, съ церковною утварью и проч.

Члены Симбирской архивной комиссіи занимались приведеніемъ въ порядокъ собственнаго историческаго архива и, выбравъ для храненія въ теченіе 1899 г. до 100 дѣлъ изъ архива симбирскаго окружнаго суда, составили подробное ихъ описаніе, которое, вѣроятно, напечатано. Издано комиссіей въ 1899 г. слѣдующее: 1) «Празднованіе 250-лѣтняго юбилея г. Симбирска» (сост. П. Л. Мартыновъ), гдѣ въ отдѣлѣ приложеній напечатаны рѣчи: Д. А. Корсакова—«Памяти трехъ симбирскихъ бытописателей земли Русской: Н. М. Карамзина, А. И. Тургенева и Д. А. Валуева», С. С. Краснодубровскаго—«Историческій очеркъ древнѣйшей жизни Симбирскаго края» и М. Ф. Суперанскаго—«Памяти И. А. Гончарова»; 2) «Алатырская старина», В. Красовскаго и 3) «Курмышская старина», В. Поливанова.

Одна изъ новѣйшихъ и въ то же время одна и изъ плодотворнѣйшихъ комиссій, Владимирская архивная комиссія, особенно энергично принялась за исполненіе своей главной задачи, налагаемой на архивныя комиссіи Положеніемъ 1884 г. Для разбора дѣлъ и ихъ описанія она избрала особую подкомиссію, въ числѣ 10—15 человѣкъ, еженедѣльно собиравшихся для своихъ занятій, и эта подкомиссія въ теченіе 1899 и 1900 гг. разобрала дѣла:

1) владимирскаго губернскаго правленія (секретныя дѣла съ 1781 г. по 1864 г.; отобрано для храненія болѣе 200);

2) владимирскаго намѣстническаго правленія (съ 1779 г. по 1796 г.; разсмотрѣно 22.000 дѣлъ);

3) канцеляріи губернатора (съ 1781 — 1796 г. и съ 1820 — 1824 г.);

4) комиссіи народнаго продовольствія;

5) совѣстнаго суда;

6) ковровскаго земскаго суда;

7) владимирскаго городового магистрата и

8) владимирской врачебной управы.

При этомъ уже напечатаны слѣдующія описи:

1) «Опись дѣлъ архива владимирскаго губернскаго правленія. Дѣла канцеляріи владимирскаго губернатора XVIII вѣка» (составлена А. В. Селивановымъ съ подробнымъ изложеніемъ содержанія дѣлъ и значительными выдержками изъ нихъ; напечатана въ I кн. «Трудовъ»), и 2) «Дѣла владимирскаго губернскаго правленія, поступившія въ архивъ комиссіи» (опись составлена В. Г. Добронравовымъ и напечатана въ III книгѣ «Трудовъ»).

Число статей и сообщеній историческаго характера въ трехъ книгахъ «Трудовъ» такъ значительно, что мы здѣсь ограничимся указаніемъ лишь на болѣе значительныя, тѣмъ болѣе, что нами уже о нихъ въ свое время было подробно говорено на страницахъ же «Историческаго Вѣстника».

Архіепископъ владимирскій Сергій въ статьѣ: «Святой Симонъ, епископъ владимирскій и суздальскій», устанавливаетъ, что, во-первыхъ, въ Кіево-Печерской лаврѣ почиваютъ мощи святого Симона, но епископа суздальскаго, умершаго въ первой половинѣ XII вѣка, а не святого Симона, епископа владимирскаго и суздальскаго; во-вторыхъ, святой Симонъ, епископъ владимирскій и суздальскій, погребенъ въ 1226 году, во Владимирскомъ соборѣ, гдѣ его мощи находятся и до сихъ поръ, и, въ-третьихъ, необходимо признать существованіе недошедшаго до насъ «Ростовскаго лѣтописца», составленнаго въ XII вѣкѣ.

Печатая «Житіе преподобной Евфросиніи суздальской, съ миніатюрами, по списку XVII вѣка», В. Т. Георгіевскій снабдилъ его обширнымъ предисловіемъ, а въ концѣ помѣстилъ обстоятельное описаніе миніатюръ. Н. А. Маклаковъ въ статьѣ: «Изъ исторіи суздальскаго Спасо-Евфиміева монастыря», знакомитъ на основаніи архивныхъ дѣлъ съ исторіей острога или «монастырской крѣпости», въ которой содержались «поврежденные въ умѣ колодники» и «буйные развратники», со времени ея основанія (1766 г.) до 1826 г. Затѣмъ интересны: «Графъ М. М. Сперанскій во Владимирской семинаріи», Н. В. Малицкаго; «Исторія открытія Владимирскаго дворянскаго пансіона», П. Н. Страхова, и «Литературные опыты вос-

питанниковъ Владимирской духовной семинаріи въ началѣ XIX столѣтія», А. В. Смирнова.

Изъ отдѣла многочисленныхъ «матеріаловъ» обращаютъ вниманіе: «Архивъ переяславскаго духовнаго правленія», П. В. Ильинскаго (здѣсь собраны всѣ свѣдѣнія о самомъ архивѣ и его многочисленныхъ «дѣлахъ», проливающихъ свѣтъ на положеніе, бытъ и нравы тамошняго духовенства второй половины XVIII и начала XIX вѣковъ), и «Степанъ Васильевичъ Руссовъ», А. В. Смирнова, сообщающаго о немъ совершенно новыя данныя.

Свѣдѣній о томъ, что сдѣлала Черниговская архивная комиссія для созданія своего историческаго архива, мы не имѣемъ, но находимъ въ двухъ ея выпускахъ «Трудовъ» слѣдующія небезынтересныя статьи: «Измѣненія въ сословномъ составѣ жителей Черниговской губерніи во второй половинѣ XVIII вѣка», А. Русова, и «Черниговскіе старцы (псалки и криптоглоссонъ)», П. Тихонова; а въ качествѣ матеріаловъ—«Матеріалы для жизнеописанія святителя Өеодосія, черниговскаго чудотворца», сообщенные М. Доброгаевымъ.

Наконецъ и послѣдняя въ нашемъ обзорѣ Бессарабская архивная комиссія для своей главнѣйшей задачи успѣла лишь, въ лицѣ своего правителя дѣлъ И. Н. Халиппы, собрать свѣдѣнія о главнѣйшихъ правительственныхъ архивахъ города Кишинева, да составить описаніе архива господъ сенаторовъ, предсѣдательствовавшихъ въ диванахъ княжества Молдавіи и Валахіи съ 1808 г. по 1813 годъ.

Что же касается статей въ первомъ томѣ «Трудовъ» комиссіи, то всѣ онѣ почти принадлежатъ перу И. Н. Халиппы (8 изъ 10 статей); какъ составленныя по архивнымъ матеріаламъ, преимуществу, онѣ всѣ имѣютъ болѣе или менѣе значительный интересъ. Наибольшее вниманіе обращаютъ на себя слѣдующія: «Городъ Кишиневъ временъ жизни въ немъ Александра Сергѣевича Пушкина» и «Матеріалы для исторіи города Кишинева въ XVI—XVIII вѣкахъ».

Въ заключеніе нельзя не остановиться еще на одной сторонѣ дѣятельности архивныхъ комиссій, это на работахъ ихъ, относящихся къ области русской словесности. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что всѣ почти онѣ принимали самое дѣятельное участіе во всероссійскомъ чествованіи памяти А. С. Пушкина. Многія изъ нихъ устраивали особыя торжественныя засѣданія и публичныя выставки, посвящали цѣлые №№ своихъ изданій статьямъ о Пушкинѣ, выпускали даже особые сборники, посвященные памяти великаго поэта, устроили особые Пушкинскіе отдѣлы въ своихъ музеяхъ (напримѣръ, Оренбургская комиссія) и т. д. При этомъ справедливость требуетъ сказать, что въ нѣкоторыхъ работахъ господъ членовъ архивныхъ комиссій есть кое-что и но-

вое; напримѣръ, въ статьѣ А. И. Маркевича «Пушкинъ и Крымъ», Арс. Маркевича—«О Салгирѣ, воспѣтомъ Пушкинымъ въ его произведеніяхъ», С. Севастьянова (см. «Труды» Оренбургской комиссіи) и друг. На страницахъ изданія Ярославской комиссіи напечатано нигдѣ доселѣ не появлявшееся въ печати письмо князя П. А. Вяземскаго, сообщающаго баронессѣ ШерНваль-Валлекъ свои впечатлѣнія о событіяхъ дуэли и кончины Пушкина.

Далѣе, Ярославская комиссія устроила торжество въ память извѣстнаго артиста и драматурга Волкова и посвятила ему рядъ статей и даже приняла мѣры къ устройству ему памятника въ Ярославлѣ. Члены Рязанской комиссіи, устроивъ торжественное погребеніе своему земляку поэту Я. П. Полонскому, въ четырехъ обширныхъ статьяхъ, читанныхъ на особомъ публичномъ засѣданіи, кое-что открыли и новое для историка литературы («Труды», т. XIII, вып. 3).

Въ «Трудахъ» той же комиссіи печатается, въ видѣ особаго приложенія, «Библіографическій словарь писателей и ученыхъ Рязанскаго края», составляемый І. Добролюбовымъ.

Такова за разсматриваемые годы археологическо-историческая дѣятельность нашихъ архивныхъ комиссій. Какъ и слѣдовало ожидать, перевѣсъ падаетъ на историческую дѣятельность. Здѣсь особенно выдвигаются комиссіи: Владимирская, Рязанская, Оренбургская, Таврическая, Нижегородская, Симбирская, Костромская и другія. Что касается работъ въ области археологіи, то тутъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе комиссіямъ: Рязанской, Калужской, Таврической и Владимирской. Хотя въ своемъ краткомъ обзорѣ мы не вполнѣ исчерпали дѣятельность комиссій въ разсматриваемой нами области археологіи и исторіи, но думаемъ, что и указанныхъ совершенно достаточно, чтобы вызвать чувства признательности и уваженія со стороны всѣхъ интересующихся родною стариною къ трудамъ нашихъ безвозмездныхъ и проникнутыхъ лишь любовью къ наукѣ и родинѣ провинціальныхъ тружениковъ.

В. Е. Рудаковъ.

КЪ ОТКРЫТІЮ ПАМЯТНИКА ДУРОВОЙ-АЛЕКСАНДРОВУ.

ВЪ НЕБОЛЬШОЙ біографической замѣткѣ, подъ заглавіемъ «Дуровъ-Александровъ», напечатанной въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1894 г., я упоминалъ, что одинъ изъ гражданъ города Елабуги, П. К. У., намѣренъ былъ поставить на могилѣ Дуровой ея мраморный бюстъ. Къ сожалѣнію, онъ не успѣлъ привести своей мысли въ исполненіе—смерть унесла его въ могилу.

Но вотъ 14-й Литовскій драгунскій (прежде уланскій) полкъ, въ рядахъ котораго Дурова сражалась подъ Смоленскомъ и Бородинымъ, узнавъ о неприглядномъ положеніи могилы Дуровой, ассигнуетъ 200 рублей и проситъ елабужскаго исправника привести въ порядокъ могилу и поставить приличный памятникъ. Благодаря пожертвованію гражданъ г. Елабуги, И. И. и Ѳ. В. Стахѣевыхъ, сумма на устройство памятника достигла 525 рублей. Помощникъ исправника, г. Андреевъ, бывшій офицеръ, принималъ въ этомъ самое живое участіе, лично ѣздилъ въ Нижній Новгородъ и заказалъ памятникъ.

11 октября, въ 12 часовъ дня, звонъ колокола въ Троицкой церкви возвѣстилъ жителямъ г. Елабуги о началѣ скромнаго торжества. Несмотря на небольшой вѣтеръ, погода была прекрасная. Солнце ярко свѣтило. Улицы нашего небольшого города покрылись идущими и ѣдущими. Всѣ спѣшили помолиться за покойную. Многіе знали её лично или по разсказамъ. Послѣ панихиды, отслуженной духовенствомъ всѣхъ церквей города, при пѣніи хоромъ соборныхъ пѣвчихъ «Вѣчная память», раздался ружейный залпъ

мѣстной воинской команды, и завѣса, покрывавшая памятникъ, спала. Залпъ прогремѣлъ еще дважды. Военный оркестръ духовой музыки исполнилъ «Коль славенъ нашъ Господь»; въ это время духовенство окропило памятникъ святою водою. Какая-то старушка, стоявшая около меня, тихо всхлипнула и произнесла: «Упокой, Господи, ея душеньку въ селеніяхъ праведныхъ». Можетъ быть, Дурова помогла въ чемъ нибудь этой старушкѣ или ея роднымъ. Кто не знаетъ въ Елабугѣ доброй и отзывчивой души Дуровой, которая дѣлилась послѣднимъ и ходатайствовала нерѣдко за обиженныхъ передъ городничимъ Ерличемъ, который иногда прятался отъ нея, чтобы отдѣлаться отъ надоѣдливыхъ просьбъ?

Памятникъ изъ темно-зеленаго тверского гранита сдѣланъ просто, но красиво. Онъ окруженъ желѣзною рѣшеткою, украшенною вѣнками изъ искусственныхъ цвѣтовъ. У подножія его возложенъ металлическій вѣнокъ отъ жителей г. Елабуги. На мѣдной доскѣ съ лицевой стороны памятника выгравированы эмблемы полка и слѣдующая эпитафія:

Надежда Андреевна
Дурова.
По повелѣнію Императора Александра, Корнетъ Александровъ,
Кавалеръ Военнаго Ордена.
Движимая любовью къ родинѣ,
поступила въ ряды Литовскаго Уланскаго полка.
Спасла офицера, награждена Георгіевскимъ крестомъ.
Прослуживъ 10 лѣтъ въ полку,
произведена въ Корнеты и удостоена чина
Штабсъ-Ротмистра.
Родилась въ 1783 году. Скончалась въ 1866 году.
Миръ Ея праху!
Вѣчная память въ назиданіе потомству
Ея доблестной душѣ».

(Правописаніе подлинника).

Говорились рѣчи. Елабужскій воинскій начальникъ, полковникъ Занфировъ, сообщилъ краткія біографическія свѣдѣнія о Дуровой, какъ о воинѣ, о ея подвигахъ въ прусской кампаніи, во время войны 1812 года, наградахъ, которыя она получила, и о томъ милостивомъ вниманіи, какого она удостоилась со стороны императора Александра I.

Городской голова Башкировъ указалъ на Дурову, какъ на явленіе феноменальное, коснулся ея литературной дѣятельности и скучной, однообразной жизни въ г. Елабугѣ за послѣдиее время ея жизни.

Дурова заслуживаетъ удивленія даже въ наше время, богатое эксцентричными личностями. Едва ли можно объяснить явленіе ея

воспитаніемъ, семейными неурядицами и счастливымъ стеченіемъ обстоятельствъ. Нѣтъ, Дурова—сложная психическая натура; она имѣла исключительный характеръ и необыкновенную энергію. Всю жизнь свою, до самой глубокой старости, она постоянно чѣмъ нибудь были занята, трудилась и работала, насколько ей позволяли силы.

Ей было уже за 50 лѣтъ, когда она выступила на литературное поприще, и Пушкинъ благословилъ ее словами: «Будьте смѣлы, выступайте на поприще литературное столь же отважно, какъ и на то, которое васъ прославило. Полумѣры никуда не годятся» [1]). Печатая ея первое литературное произведеніе (отрывки изъ ея «Записокъ»), онъ предпосылаетъ нѣсколько лестныхъ для ея самолюбія строкъ: «Съ изумленіемъ мы увидѣли, что нѣжные пальчики, нѣкогда сжимавшіе окровавленную рукоять уланской сабли, владѣютъ перомъ быстрымъ, живописнымъ и пламеннымъ».

Бѣлинскій, прочитавъ въ «Современникѣ» статью: «Записки Н. А. Дуровой, издаваемыя А. Пушкинымъ», удивляется, что она написана такимъ хорошимъ языкомъ, и кѣмъ же?—женщиною. «Если это мистификація», говоритъ онъ, «то, признаемся, очень мастерская; если подлинныя записки, то занимательныя и увлекательныя до невѣроятности» [2]).

Когда вышли въ свѣтъ первыя произведенія Дуровой, то Бѣлинскій, разбирая «Записки Александрова» (Дуровой), вышедшія въ 1839 году въ дополненіе къ «Дѣвицѣ-Кавалеристу», съ восторгомъ отзывается объ ея произведеніи: «Что за языкъ, что за слогъ у Дѣвицы-Кавалериста! Кажется, самъ Пушкинъ отдалъ ей свое прозаическое перо, и ему-то обязана она этою мужественною твердостью и силою, этою яркою выразительностію своего слога, этою живописною увлекательностію разсказа, всегда полнаго, проникнутаго какою-то скрытою мыслію» [3]).

Повѣсть «Павильонъ», лучшее произведеніе Дуровой, Бѣлинскій защищаетъ отъ нападокъ критиковъ противнаго лагеря. «Сынъ Отечества» называетъ фабулу разсказа этой повѣсти «неестественнымъ нравственнымъ уродствомъ, а уродство—не принадлежность искусства изящнаго». Бѣлинскій находитъ, что повѣсть «очень растянута, безъ чего ей не было бы цѣны, не какъ художественному произведенію, но какъ въ высшей степени мастерскому разсказу истиннаго событія. Глубокое и рѣзкое впечатлѣніе производитъ этотъ разсказъ, за исключеніемъ обилія подробностей и нѣкоторой растянутости, такъ энергически и съ такимъ искусствомъ изложенный» [4]).

---

[1]) Соч. А. С. Пушкина. Изд. Суворина. Спб. 1888 г., т. VIII.
[2]) Соч. В. Бѣлинскаго. Изд. Солдатенкова. 1859 г., ч. II, стр. 77.
[3]) Ibidem, ч. III, стр. 78—81.
[4]) Ibidem, ч. III, стр. 78—18.

Такъ же благосклонно встрѣчаетъ онъ и черемисскую повѣсть автора «Сѣрный ключъ».

Большая часть сочиненій Дуровой имѣетъ біографическое и отчасти историческое значеніе, какъ свидѣтельство очевидца военныхъ событій своего времени. Въ нихъ Дурова переживаетъ свою молодость, лица и событія снова проносятся передъ нею; картины, рисуемыя ею, рельефны, ярки и нерѣдко художественны, языкъ отличается мѣткостью и силою.

Но вотъ она вступаетъ въ область вымысла, несбыточныхъ фантазій, всякихъ нелѣпостей и чертовщины, — и разсказъ запутанъ, неестественъ, мысли никакой. Яркій талантъ ея блеснулъ метеоромъ и разсыпался въ прахъ. Появленіе повѣсти Дуровой «Ярчукъ, собака-духовидецъ» вызвало горькое разочарованіе со стороны Бѣлинскаго: «И вотъ наша современная литература! Въ кучѣ книгъ видите вы одну съ именемъ автора, котораго первыя сочиненія обнаруживали замѣчательное дарованіе, съ жадностью хватаетесь за нее,—и что же? прочитываете двѣ-три страницы, и бросаете... Нѣтъ ничего тяжеле обманутыхъ ожиданій» [1]). Упрекъ [illegible]кій, но справедливый. Дурова послѣднее время своей литературной дѣятельности писала много, торопливо, не отдѣлывала, не вынашивала своихъ произведеній. Подражая разсказамъ Гофмана, она [illegible]смотрѣла въ нихъ глубокій смыслъ, поэтическое олицетвореніе [illegible] природы, ихъ жизненность. Разсказы Гофмана и теперь проч[illegible] съ удовольствіемъ, а сочиненія Дуровой вызовутъ скуку, уто[illegible] и не всякій осилитъ ея разсказы до конца.

Трудно сказать, какія причины заставили ее бросить пер[illegible]сить такъ, что она потомъ ни разу не дѣлала попытокъ, какъ [illegible] это положительно извѣстно, не любила впослѣдствіи говорить о [illegible] литературной дѣятельности и не берегла своихъ рукописны[illegible] чиненій, которыя лакей ея раздавалъ знакомымъ, а она не [illegible]щала вниманія.

Можетъ быть, это происходило отъ нѣкоторыхъ странно[illegible] характера (многіе изъ рода Дуровыхъ отличались странностями) [illegible] скорѣе всего, наступила реакція послѣ бурной военной жи[illegible] усиленныхъ литературныхъ трудовъ, энергія и живость смѣни[illegible] апатіей и равнодушіемъ.

Дурова не оставила слѣда въ исторіи развитія русской литературы, и имя ея не занесено ни въ одинъ учебникъ по словесности. Многіе съ удивленіемъ спрашиваютъ: «Развѣ она что нибудь написала?» Объ ея военныхъ подвигахъ часто знаютъ по слухамъ или по роману Мордовцева «Двѣнадцатый годъ», въ которомъ, кстати сказать, личность ея слишкомъ идеализирована, и нѣкоторыя подробности изъ жизни ея не согласны съ дѣйствительностью.

Приводимъ списокъ сочиненій Дуровой въ хронологическомъ порядкѣ.

---

[1]) Ibidem, ч. IV, стр. 32.

Новый памятникъ надъ могилой Н. А. Дуровой.

1) «Записки Н. А. Дуровой» («Современникъ», 1836 г., т. II).

2) «Дѣвица-кавалеристъ. Происшествіе въ Россіи». 2 ч., издалъ Иванъ Бутовскій. Спб., 1836 г. Отрывки изъ этого произведенія и помѣщены А. С. Пушкинымъ въ «Современникѣ» въ видѣ «Записокъ».

3) «Елена Т—ская красавица». Разсказъ Александрова. («Библіотека для Чтенія», т. XXIII, 1837 г.).

4) «Годъ жизни въ Петербургѣ, или невыгоды третьяго посѣщенія». Соч. Александрова. Спб., 1838 г.

5) «Графъ Маврицкій» Александрова (Дѣвица-кавалеристъ). Напечатано въ «Библіотекѣ для Чтенія» за 1838 г., т. XXVII.

6) «Гудишки». Романъ въ 4 част., сочин. Александрова. Спб., 1839 г.

7) «Записки»—дополненіе къ «Дѣвицѣ-кавалеристу». 1839 г.

8) «Сѣрный ключъ» (черемисская повѣсть). Александрова. Напечатана въ сборникѣ Смирдина «Сто русскихъ литераторовъ», т. I, 1839 г.

9) «Павильонъ» Александрова. («Отеч. Записки» за 1839 г., т. I).

10) «Кладъ». Соч. Александрова. Спб., 1840 г.

11) «Ярчукъ, собака духовидецъ». Соч. Александрова. Спб. 1840 г.

12) «Уголъ». Соч. Александрова. Спб. 1840 г.

Если считать «Записки» и «Дѣвицу-кавалеристъ» за одно произведеніе, то Дурова напечатала всего 10 сочиненій. Большинство журналовъ, издаваемыхъ въ то время, помѣщало о нихъ свои рецензіи. Кромѣ вышеупомянутыхъ отзывовъ А. С. Пушкина, Бѣлинскаго и «Сына Отечества» (о повѣсти «Павильонъ»), романъ «Гудишки», повѣсти—«Уголъ», «Кладъ», «Ярчукъ»—разобраны въ «Библіотекѣ для Чтенія» за 1839 и 1840 г., а «Годъ жизни въ Петербургѣ» въ «Современникѣ» за 1838 годъ.

Со времени смерти Дуровой-Александрова и до настоящаго времени напечатано нѣсколько біографій и біографическихъ замѣтокъ о ея жизни, въ которыхъ иногда касаются и ея литературныхъ трудовъ.

1) «Къ біографіи дѣвицы-кавалериста». Сост. Н. Д. «Голосъ» 1863 г., № 346.

2) «Надежда Андреевна Дурова». Біографическій очеркъ. «Вятск. Губернск. Вѣдом.» за 1866 г., № 28.

3) «Замѣтка о похоронахъ Надежды Андреевны Дуровой». «Вятск. Губ. Вѣд.» за 1866 г., № 40.

4) «Некрологъ Дуровой». «Иллюстрир. Газета» В. Зотова 1866 года.

5) «О смерти Дуровой и указъ объ отставкѣ штабсъ-ротмистра Александрова-Дурова». «Вѣсть» за 1866 г.

6) «Письма А. С. Пушкина къ Дуровой». «Русскій Архивъ» за 1872 г., стр. 2043.

7) «Дѣвица-кавалеристъ». «Русскій Архивъ» за 1872 г., стр. 2043.

8) «Русскія женщины новаго времени». Д. Мордовцева. Спб., 1874 г.

9) «Изъ записной книжки» бар. Бюллера. «Кіевская Старина» за февраль 1886 г.

10) «Кавалеристъ-дѣвица». Соч. Байдарова. Спб. 1887 г. Изд. ред. «Досугъ и Дѣло».

11) «Кавалеристъ-дѣвица и Пушкинъ». А. Суворина. «Новое Время» за 1887 г. Замѣтка относительно вышеприведеннаго соч. Байдарова, представляющаго почти буквальную перепечатку «Записокъ» Дуровой.

12) «Кавалеристъ-дѣвица и Дуровы». Блинова. «Историческій Вѣстникъ» за февраль 1888 года.

13) «Надежда Андреевна Дурова». Е. Некрасовой. «Историческій Вѣстникъ» за сентябрь 1890 г.

14) «Дуровъ-Александровъ». Н. Кутше. «Историческій Вѣстникъ» за 1894 г., № 3.

15) «Къ портрету Н. А. Дуровой». Д. К. З. «Историческій Вѣстникъ» за 1901 г., № 9.

16) «Энциклопедическій Словарь» Плюшара.

17) «Библіографическій словарь русскихъ писательницъ»—князя Н. Н. Голицына.

18) «Энциклопедическій Словарь» Брокгауза и Эфрона. Спб., 1893 г., т. XI, стр. 247.

19) Рукопись Н. В. Сушкова, хранящаяся въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ, № 1356.

Кромѣ того, свѣдѣнія о Дуровой-Александровѣ встрѣчаются въ «Запискахъ Т. Пассекъ», т. II, и въ «Русской Старинѣ» (напечатано 12—13 лѣтъ тому назадъ, но за какой именно годъ, точно не упомню).

Никольскій рынокъ не могъ оставить незамѣченными сочиненія Дуровой. У одного книгоноши намъ пришлось видѣть «Женщину-воина» (передѣлка изъ «Дѣвицы-кавалериста»). Осетровъ написалъ цѣлую эпопею въ 4 дѣйствіяхъ, подъ заглавіемъ: «12-й годъ. Дѣвица-кавалеристъ», 1888 г.

Свою замѣтку мы кончимъ пожеланіемъ, чтобы 14-й Литовскій драгунскій полкъ, для котораго особенно дорога должна быть память о Дуровой-Александровѣ, позаботился устроить въ своей полковой библіотекѣ небольшой музей, въ который могли бы войти всѣ сочиненія Дуровой, біографическія свѣдѣнія о ней, ея портреты и проч.

Н. А. Андреевъ, помощникъ исправника въ г. Елабугѣ, передавалъ мнѣ, что у проживающаго въ настоящее время въ г. Вяткѣ отставного офицера Д. Вилькова, отецъ котораго былъ женатъ на сестрѣ Н. А. Дуровой, хранится боевая сабля дѣвицы-кавалериста, портреты въ разные моменты ея жизни, нѣкоторыя изъ напечатанныхъ ею сочиненій и картина, написанная масляными красками и изображающая спасеніе ею офицера Панина.

Н. И. Кутше.

ВЪ БЫВШЕЙ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ СЛОБОДѢ.

Путевые наброски.

> Все дико. Нѣтъ нигдѣ слѣдовъ
> Минувшихъ лѣтъ: рука вѣковъ
> Прилежно, долго ихъ сметала...
>
> Лермонтовъ.

БЫЛЪ ЧУДНЫЙ лѣтній вечеръ, когда мы съ двумя товарищами, художниками, и однимъ студентомъ Московской духовной академіи выѣзжали изъ Троице-Сергіевскаго посада по Московско-Ярославской желѣзной дорогѣ въ поѣздѣ, шедшемъ по направленію къ Ярославлю.

Вся окрестность была залита золотистымъ блескомъ заката. Слѣва, между деревьями и кустами, мелькали массивныя стѣны Троицкой лавры и золоченые купола ея храмовъ, но мало-по-малу они скрылись въ отдаленіи, и только высокая колокольня еще нѣкоторое время виднѣлась на горизонтѣ.

Поѣздъ пронесся мимо молодой березовой рощи, ярко освѣщенной косыми лучами солнца. Окрестныя поля походили на ковры, вытканные золотомъ. Навстрѣчу намъ отъ локомотива то и дѣло проносились густые клубы дыма, озаренные, по краямъ, золотистыми переливами; пыль, поднятая колесами вагоновъ, свѣтлымъ столбомъ вилась позади поѣзда.

Мы на минуту остановились у небольшой станціи Арсаково, украшенной, какъ и большинство русскихъ станцій, неизбѣжными фигурами мужичковъ, стоящихъ неподвижно на платформѣ, пони-

димому, безъ всякаго дѣла. Прозвенѣлъ звонокъ, и поѣздъ тронулся далѣе.

Солнце уже скрылось за горизонтомъ. Золотистые тона постепенно погасли; на окрестные лѣса и нивы спустилась прозрачная дымка лѣтнихъ сумерекъ. Мягко, но неотразимо, окутывала она собою и землю и небо. Ближніе предметы начинали сливаться съ дальними, и мало-по-малу все покрылось сѣроватою темнотою. А поѣздъ мчался все далѣе и далѣе.

Мы миновали еще одну станцію, Бараново, и теперь приближались къ цѣли нашей поѣздки, городу Александрову, возникшему въ 40 верстахъ отъ Сергіевой лавры, на мѣстѣ новой Александровской слободы.

Когда-то въ этихъ мѣстахъ, по берегамъ протекающей здѣсь рѣки Сѣры, тянулись огромные дремучіе лѣса, и въ нихъ, на просторѣ, разгуливали медвѣди, волки, лисицы и лоси, а на лѣсныхъ рѣчкахъ и озерахъ водились бобры. Обиліе звѣрей привлекло на берега Сѣры (или Сѣрой, какъ ее называли) окрестныхъ охотниковъ, которые устроили себѣ становище въ пяти верстахъ отъ нынѣшняго города. Съ теченіемъ времени около становища образовался поселокъ, который былъ приписанъ къ Суздальскому Александровскому женскому монастырю (нынѣ уже не существующему) и получилъ отъ него названіе Александровской слободы. Неизвѣстно, по какимъ причинамъ отъ этой слободы, въ концѣ четырнадцатаго или въ началѣ пятнадцатаго вѣка, отдѣлился новый поселокъ, стяжавшій себѣ столь мрачную извѣстность въ царствованіе Іоанна Грознаго. Поселокъ этотъ построился надъ самою Сѣрою и названъ новымъ Александровскимъ селомъ, а впослѣдствіи слободою. Новое поселеніе на берегахъ Сѣры облюбовалъ для себя отецъ Грознаго, великій князь Василій Іоанновичъ, и построилъ въ немъ свой княжескій дворъ. Первое письменное упоминаніе о новомъ селѣ находимъ подъ 1513 годомъ, когда освящена была церковь Покрова Богородицы, и великій князь праздновалъ новоселье въ своемъ новомъ дворѣ.

Весьма вѣроятно, что Грозный еще въ дѣтствѣ бывалъ неоднократно въ Александровскомъ селѣ и успѣлъ полюбить его. Въ дни юношества онъ пріѣзжалъ сюда съ боярами тѣшиться звѣриною ловлею и иногда привозилъ съ собою царицу Анастасію Романовну. Когда же послѣ ея кончины царь женился на Марьѣ Темгрюковнѣ, то проводилъ здѣсь съ молодою женою цѣлые мѣсяцы. Отправляясь въ походъ противъ Девлетъ-Гирея, Іоаннъ оставилъ царицу и дѣтей своихъ въ Александровской слободѣ, а, вернувшись въ нее зимою, привелъ за собою, по сказанію иностранцевъ, нѣсколько человѣкъ опальныхъ, которые шли за нимъ по снѣгу босые и раздѣтые донага. Насталъ 1565 годъ; царь учредилъ опричнину и окончательно переселился въ слободу.

Вскорѣ послѣ этого, имя Александровской «слободы-неволи» стало для всей тогдашней Руси синонимомъ царскаго гнѣва, царской опалы, допросовъ, пытокъ и казней. Въ ея глубокихъ подвалахъ ежедневно лилась кровь привозимыхъ со всѣхъ концовъ Россіи несчастныхъ жертвъ Іоанновой подозрительности. Перечень однихъ именъ лицъ, казненныхъ въ слободѣ или умершихъ на жестокой пыткѣ, занялъ бы не одну страницу.

Отсюда, въ 1570 году, царь отправился карать Новгородъ, здѣсь принималъ онъ иностранныхъ пословъ, здѣсь праздновалъ свадьбу съ Мареою Собакиной и здѣсь же убилъ собственнаго сына.

Послѣ смерти Грознаго любимая его слобода опустѣла, а въ смутную годину лихолѣтья была опустошена и разграблена Сапѣгою, осаждавшимъ Троицкую лавру. Одержавъ побѣду надъ Лисовскимъ въ битвѣ при Калязинѣ монастырѣ, молодой Скопинъ Шуйскій направился къ Александровской слободѣ, поставилъ здѣсь острогъ и черезъ нѣсколько времени, двинувшись далѣе, разбилъ Сапѣгу въ пяти верстахъ отъ слободы у села Коринскаго. Во время пребыванія Скопина въ слободѣ, Ляпуновъ предлагалъ ему царскій вѣнецъ. Находясь на пути отъ Ярославля къ Москвѣ, слобода была свидѣтельницею всѣхъ перипетій освобожденія Москвы войсками Пожарскаго.

Въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича въ слободѣ, на мѣстѣ дворца Іоанна Грознаго, основалась женская обитель, пріютившая въ своихъ стѣнахъ сестру Петра I, Мароу Алексѣевну, принявшую въ немъ иночество подъ именемъ Маргариты, а въ половинѣ XVIII столѣтія бывшая любимымъ мѣстопребываніемъ дочери Петра, царевны Елисаветы, которая, по восшествіи на престолъ, оказала ей различныя щедроты и милости. Обитель существуетъ и по настоящее время, а мѣсто слободы занимаетъ теперь городъ Александровъ, образованный изъ слободы въ 1778 году. При Павлѣ I онъ былъ упраздненъ, но въ 1803-мъ возстановленъ въ своихъ правахъ и продолжаетъ благоденствовать и развиваться. Онъ принадлежитъ къ Владимирской губерніи и имѣетъ по послѣдней переписи 6.848 человѣкъ жителей обоего пола.

Мы приближались къ нему уже совершенно затемно. Впереди замелькали станціонные огоньки. Поѣздъ убавилъ ходу.

— Станція Александровъ, буфетъ,—заявилъ проходившій по вагону кондукторъ, и минуты черезъ двѣ мы были уже на платформѣ.

Насъ окружила толпа извозчиковъ.

— Вамъ въ городъ что ли?—заговорилъ одинъ изъ нихъ.

— Въ монастырь.

— Ну, это все одно. Монастырь у насъ за рѣкою, да это считается все равно, что въ городъ. Васъ много ли? Четверо?

— Четверо.

Первоклассный Успенскій женскій монастырь въ г. Александровѣ.

— Ну, значитъ, двухъ извозчиковъ надо. Вотъ я да вотъ онъ и свеземъ.

И парень съ товарищемъ схватили наши вещи и побѣжали къ лошадямъ.

Мы вышли на крыльцо. Впереди разстилалось ровное поле.

— Гдѣ же городъ?

— А городъ подальше будетъ. Вишь чугунка-то въ самый городъ не угодила, стороной прошла.

— Что же это она такъ?

— Да вотъ поди жъ ты! Люди, кажется, ученые, а не могли потрафить.

Мы усѣлись кое-какъ въ тѣсныя, ветхія пролетки и отправились.

Вскорѣ показались и темныя очертанія города.

Возница усиленно дергалъ вожжами и махалъ кнутомъ, но его степенный, старый конь мало обращалъ вниманія на старанія своего хозяина.

Черезъ нѣсколько минутъ наши пролетки задребезжали по пустыннымъ улицамъ спавшаго города. Только кое-гдѣ въ окнахъ мелькали еще огоньки, большинство же домовъ было погружено въ совершенный мракъ.

— Рано же у васъ спать ложатся,—замѣтилъ мой товарищъ.

— Рано. Да чего въ потемкахъ и дѣлать-то, какъ не спать? Взойдетъ солнышко, вотъ тогда вставай. Это только мы по городу-то мыкаемся, да и то, съѣздимъ на вечерній поѣздъ, свеземъ сѣдоковъ, да и спать.

Поравнявшись съ одною улицею, ведшею направо на площадь съ высокимъ зданіемъ, увѣнчаннымъ куполомъ, возница обернулся.

— Это вотъ у насъ соборъ,—указалъ онъ,—большой соборъ, хорошій, пространный, много народу вмѣщаетъ.

— Да развѣ у васъ ужъ такъ много народа?—пошутилъ я.

— А какъ же?—удивился онъ.—Народу у насъ, сколько хошь. Есть и купцы, и мѣщане, торговцы мелкіе, мастеровые, крестьяне, начальство опять,—мало ли народу?

Миновавъ еще нѣсколько поперечныхъ улицъ, мы выѣхали на берегъ Сѣры. Внизу свинцовою полосою тянулась неособенно широкая гладь рѣки, на вершинѣ противоположнаго берега темнѣли каменныя стѣны монастыря; лѣвѣе виднѣлась зарѣчная часть города съ церковью.

Мы переѣхали Сѣру, поднялись на гору и остановились у монастырской гостиницы, находящейся противъ боковыхъ воротъ обители, направо отъ дороги.

Оба наши возницы принялись неистово стучать въ дверь и, когда мы хотѣли умѣрить ихъ усердіе, отвѣчали въ одинъ голосъ:

— Ничего, онѣ ужъ привыкли.

Схематическій планъ
Александровскаго Успенскаго моностыря.
12 Школа

Вскорѣ за дверями послышался женскій окликъ: «Кто тамъ?» и послѣ краткихъ переговоровъ съ извозчиками дверь отворилась.

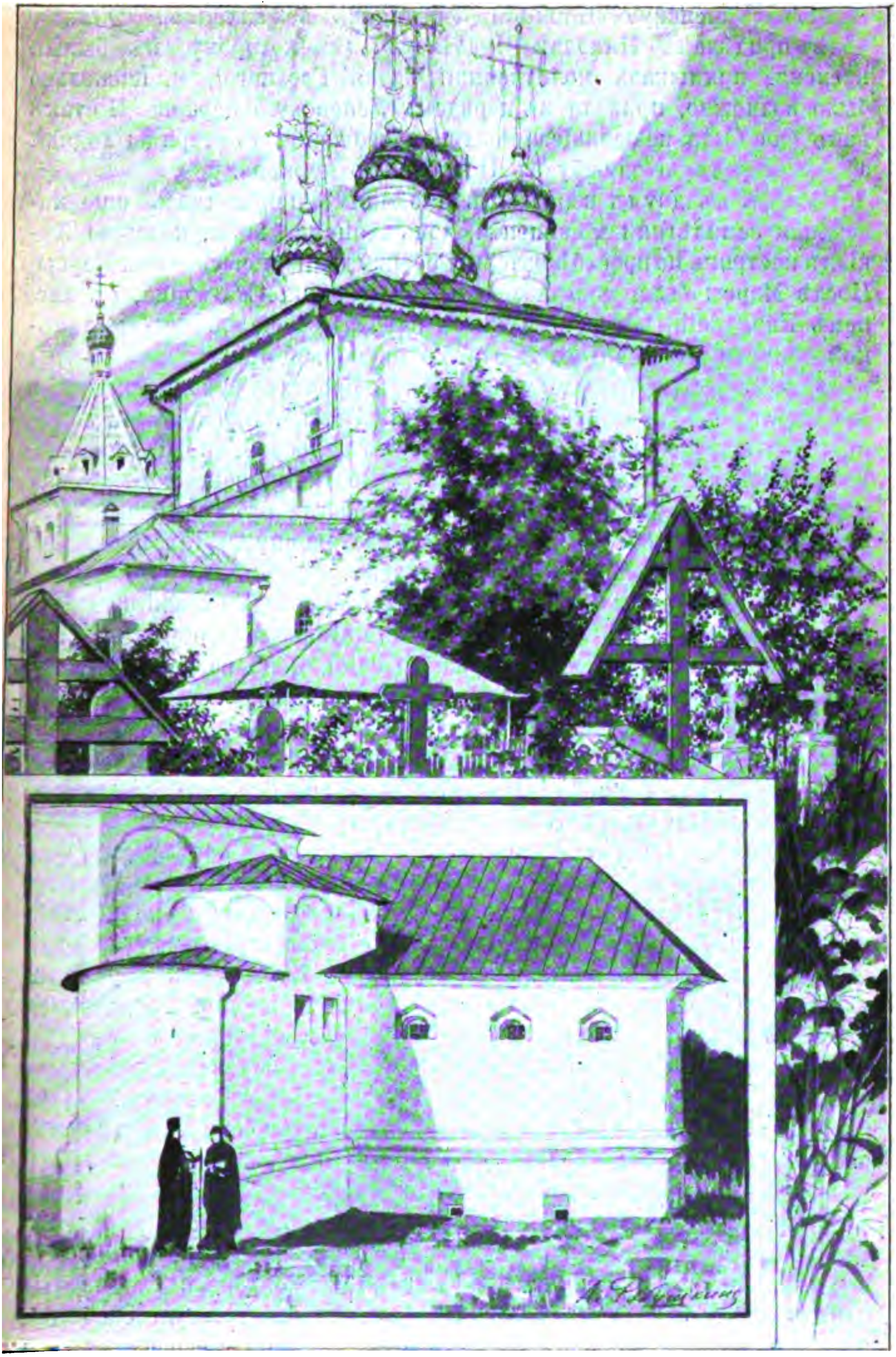
Матушки приняли насъ очень любезно, отвели намъ двѣ смежныя комнаты и, нимало не обижаясь на прерванный сонъ и причиненное безпокойство, принялись хлопотать съ самоваромъ. Онѣ принесли намъ воды для умыванья, поставили добавочныя постели, натащили одѣялъ, подушекъ, простынь, словомъ хлопотали для насъ такъ, какъ будто бы мы были съ ними вѣкъ знакомы.

Мы, съ своей стороны, не желая злоупотреблять ихъ радушіемъ, спѣшили поскорѣе отпустить ихъ на покой и, наскоро напившись чаю, простились съ ними до утра и погасили огонь.

Въ окно виднѣлись темные силуэты монастыря, его массивная, башнеобразная колокольня и главы нѣсколькихъ церквей. Когда мы глядѣли на эти молчаливыя, какъ бы задумавшіяся о чемъ-то каменныя массы, наша мысль невольно переносилась въ отдаленныя времена, намъ припоминалась исторія этихъ храмовъ, этихъ стѣнъ и тѣхъ людей, которые въ свое время ихъ воздвигали.

Въ половинѣ XVII вѣка, неподалеку отъ Александровской слободы проживалъ нѣкто старецъ Лукіанъ, основавшій подлѣ своей кельи небольшую иноческую обитель. Однажды въ его пустынь пришла изъ слободы вдова священника Троицкой церкви, по имени Анна, и стала просить старца постричь ее въ монашество. Лукіанъ исполнилъ ея просьбу и при постриженіи нарекъ ей имя Анисія. Черезъ нѣсколько времени, по ея примѣру, явилась другая слободская вдова и была пострижена съ именемъ Θеодоры. Обѣ новопостриженныя инокини поселились въ слободѣ у церкви Рождества Христова, но слобожане начали осуждать и корить ихъ, что, не имѣя монастыря, постриглись въ монашество и теперь въ иноческомъ санѣ толкаются среди мірянъ. Анисія и Θеодора повѣдали свою печаль старцу, и Лукіанъ нашелъ имъ болѣе уединенное мѣсто для жительства.

Въ то время вся мѣстность, занимаемая нѣкогда дворцомъ Іоанна Грознаго, представляла собою обширный пустырь съ видѣвшимися кое-гдѣ остатками построекъ. На немъ стояли три церкви: Покровская, Троицкая и Успенская. Въ Покровской, построенной при великомъ князѣ Василіи Іоанновичѣ и считавшейся главнымъ храмомъ слободы, отправлялась божественная служба, но церкви Троицкая и Успенская были разграблены, полуразрушены и стояли «безъ пѣнія». Вся эта мѣстность была настолько изрыта и покрыта неровностями, что Успенская церковь такъ и носила названіе Успенія «на буграхъ». Подлѣ этой-то церкви Лукіанъ и поселилъ своихъ инокинь, а самъ поѣхалъ въ Москву, чтобы выхлопотать у царя Алексѣя Михайловича разрѣшеніе пользоваться и впредь дворцовою землею. Грамота была выдана старицамъ на двѣ церкви Успенскую или Троицкую, но Лукіанъ предпочелъ для ихъ жи-



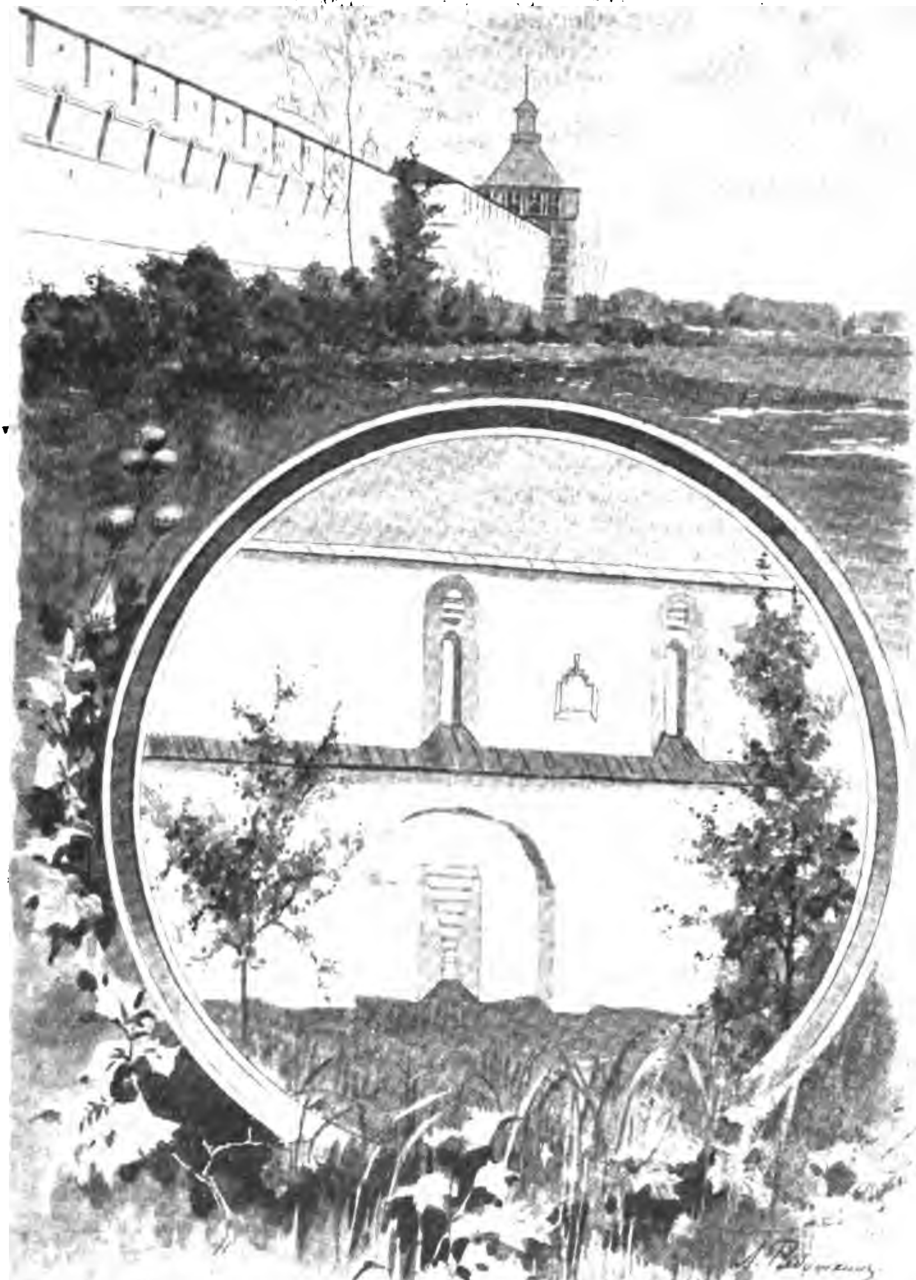
Успенская церковь и келлія Іоанна Грознаго въ Успенскомъ монастырѣ въ г. Александровѣ.

тельства Успенскую. Инокини поселились въ каменной палаткѣ, подъ придѣломъ Николая Чудотворца (къ которому, въ былыя времена, примыкала молитвенная келья Грознаго), и, насколько было возможно, привели въ порядокъ Успенскую церковь. Но такъ какъ она была не освящена послѣ опустошенія, то старицы ходили за божественную службу въ Покровскую церковь.

Вскорѣ къ двумъ взрослымъ инокинямъ прибавилась еще маленькая семилѣтняя монашенка, дочь Анисіи, Марія, которую Лукіанъ постригъ по просьбѣ матери. Ребенку дали иноческое имя Мареы. Послѣ Мареы была пострижена нѣкая вдовица Екатерина, съ именемъ Евпраксіи, которую Лукіанъ сдѣлалъ начальницею маленькой общины. Она считается первою игуменьей монастыря. Сестры кормились частію трудами рукъ своихъ, продавая рукодѣлія, частію отъ мірского подаянія. «И повелѣ отецъ имъ», прибавляетъ лѣтопись о началѣ монастыря: «не отверзати дверей, но въ оконце милостыню пріимати, бѣсовскаго ради мечтанія, понеже тогда онѣ много пріяша страхованія отъ діавола: овогда ихъ за власы влачаше, иногда же каменьемъ меташе и сосуды опровергая, многажды же и въ образѣ человѣческомъ являяся».

Около этого времени проѣзжалъ черезъ слободу вхожій ко двору дворянинъ Борковъ. Онъ посѣтилъ миніатюрную общину, въ которой число сестеръ достигло уже до семи, и по возвращеніи въ Москву настолько заинтересовалъ своимъ разсказомъ царицу Марію Ильиничну, что она выразила желаніе помочь вновь устроиваемой обители. Тотчасъ же отъ сестеръ была послана въ Москву старица съ челобитьемъ, и царица пожаловала ей на строеніе монастырское тридцать рублей. «А снесла сверху тѣ деньги», говоритъ лѣтопись, «княжна Мареа Андреевна Шаховская и приказала тѣмъ старицамъ Бога молити за благовѣрную царицу Марію Ильиничну, понеже въ то время во чревѣ имѣла благовѣрнаго царевича Алексія Алексіевича», и сказала имъ, что «обѣщается де благовѣрная царица вашъ монастырь строить, аще Богъ дастъ царевича, и вы того не вѣдаете, чѣмъ васъ станетъ царица государыня жаловать».

На царское жалованье старицы обнесли Успенскую церковь оградою и построили двѣ келліи, когда же родился (5 февраля 1654 г.) царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ, то «ради всемірныя радости» царица пожаловала еще сорокъ рублей на церковное строеніе. На деньги была исправлена и украшена Успенская церковь. Въ томъ же году, по случаю открывшагося въ Москвѣ моровего повѣтрія, царское семейство переселилось въ сѣверные предѣлы, сопровождаемое патріархомъ Никономъ. Когда Никонъ, по дорогѣ въ Переяславль Залѣсскій, проѣзжалъ черезъ Александровскую слободу, инокини вышли къ нему изъ монастыря за благословеніемъ, а Лукіанъ обратился съ просьбою о разрѣшеніи освятить Успенскую



Стѣны Александровскаго Успенскаго монастыря.

церковь. Никонъ разрѣшилъ освященіе, велѣлъ выдать антиминсъ, а старицамъ далъ милостыню: хлѣбъ, трехъ осетровъ, икры и масла.

Черезъ годъ послѣ освященія Успенской церкви Лукіанъ скончался. Его мѣсто въ качествѣ попечителя монастыря занялъ строитель Лукіановой пустыни, Корнилій. Лѣтопись отзывается о немъ съ не меньшею похвалою, чѣмъ о Лукіанѣ. При немъ въ обители было уже до 18 инокинь. Жили еще очень скудно. Хлѣбъ ѣли съ овсомъ, щи варили изъ лебеды. Келлій въ монастырѣ было девять; въ десятой, называемой крестовою, жила игуменья. Сѣни у нѣкоторыхъ келлій, за неимѣніемъ лѣса, были сплетены изъ хвороста. Лѣтомъ молились въ церкви, зимою же, такъ какъ церковь была холодная, собирались въ крестовой. Тамъ же была и школа для дѣвицъ, жившихъ съ матерями: «малыя дѣвочки на печи стояху съ часословцы, тихимъ гласомъ учахуся». Относительно нищихъ и странниковъ въ обители строго придерживались евангельскаго ученія. Когда приходилъ странникъ, ему предлагали обѣдъ, послѣ котораго являлась сама игуменья съ двумя старицами и омывала ноги гостя. Этою водою, какъ богоугодною, сестры потомъ кропили себѣ лица. Если старецъ встрѣчалъ у воротъ нищаго, то велъ его съ собою въ монастырь за полученіемъ пищи; когда же это случалось во время общей трапезы, то, введя нищаго къ обѣдавшимъ, старецъ обращался къ игуменьѣ: «Дай мѣсто Христу, а сама сядь на нижнемъ мѣстѣ», и игуменья тотчасъ же вставала и уступала свое мѣсто нищему.

Общежитіе и общая трапеза были заведены еще Лукіаномъ, но черезъ нѣсколько времени между сестрами по этому поводу начались несогласія, и нѣкоторыя старицы вновь разобрали по келліямъ свои пожитки и съѣстные припасы. Лукіанъ не настаивалъ, но Корнилій снова началъ стараться ввести полное общежитіе. Это удалось ему не безъ труда, такъ какъ старицы боялись новыхъ смутъ. Пришлось прибѣгнуть даже къ извѣстнаго рода дипломатической хитрости. Корнилій съѣздилъ въ Москву и, возвратясь оттуда, привезъ такую вѣсть: «Слышалъ я отъ благодѣтелей», сказалъ онъ, «что великій государь говоритъ: если всѣ пойдутъ въ общину, тогда велю и ругу дать, а не пойдутъ, тогда ничего не велю давать». Извѣстіе о царской помощи побѣдило несогласныхъ, и всѣ начали сносить къ ногамъ старца свое скудное имущество. Руга была дѣйствительно дана на всѣхъ старицъ—числомъ 25—по одному рублю деньгами и четверти ржи на каждую.

Около этого времени стараніями Корнилія обитель пріобрѣла въ Москвѣ еще новаго заступника и благодѣтеля въ лицѣ Ѳедора Михайловича Ртищева. По его ходатайству государь пожаловалъ инокинямъ на келліи «царскіе хоромы, что поставлены у Троицы». Эти царскіе хоромы были не что иное, какъ остатки дворца Іоанна Грознаго. Монастыря было велѣно прибавить, и Корнилій началъ рас-

Покровская церковь и хлѣбенная подъ Покровскою церковью.

чищать мѣсто для келлій, выравнивать бугры, засыпать ямы, и мѣстность, остававшаяся не тронутою со временъ Грознаго, начала принимать другой видъ. Келліи изъ дворцоваго матеріала ставили, по царскому приказу, «христіане съ міру» подъ руководствомъ нѣкоего Герасимова. Корнилій былъ неотлучно при постройкѣ, и когда рабочіе, окончивъ дневную работу, уходили на ночлегъ, раздавались его удары въ доску, собиравшіе инокинь на ночную работу. Сестры спѣшили къ старцу, кто съ лопатою, кто съ ломомъ, кто съ ночвою. «Пастырь же добрый», разсказываетъ лѣтопись, «вокругъ обхождаше и всѣхъ обзираше, и егда же кто отъ нихъ не обрѣтается, ту тогда посылаетъ вопрошати: чесо ради закоснѣ? Аще ли за немощь то оставляше, аще ли за лѣность, то въ горбъ подаваше, а иногда жезломъ цогоняше». Зато и работа спорилась у старца. «Ты, отче святый», говорилъ ему Герасимовъ, «ночью со старицами столько сдѣлаешь, сколько моимъ ста человѣкамъ за день не сработать».

Распространивъ монастырь и поставивъ кельи, Корнилій устроилъ швальню и самъ училъ чернить холстъ для одежды, шить шубы, сапоги и пр. Одна изъ сестеръ, Анисія печница, была въ то же время и столяромъ, дѣлала фонари, рамы, скамейки и другія столярныя вещи. Когда въ обители нечѣмъ было рубить дрова, царица Марья Ильинична, по ходатайству Анны Михайловны Ртищевой, прислала сестрамъ 17 топоровъ, которые и были раздѣлены по келліямъ.

Черезъ нѣсколько времени щедротами царицы и трудами сестеръ была воздвигнута новая трапезная, уже не деревянная, а каменная. Въ трапезѣ отбывали наказаніе провинившіяся въ чемъ либо сестры. Въ то время, когда всѣ обѣдали, наказанная должна была на виду у всѣхъ класть земные поклоны. Болѣе слабымъ поклоны полагались поясные, а въ праздникъ поклоны отмѣнялись совсѣмъ, и провинившаяся должна была только стоять благоговѣйно и творить про себя молитву. Послѣ трапезы она получала прощеніе отъ игуменьи и обѣдала уже съ «чтальниками», то-есть съ тѣми сестрами, которыя во время трапезы читали поученія или житія святыхъ. За болѣе тяжкій проступокъ виновную послѣ трапезы запирали въ темный чуланъ и давали ей сѣять муку, а пищею ея былъ только хлѣбъ съ квасомъ, и то вечеромъ, послѣ захожденія солнца. Если въ обители случалась кража, то украденная вещь вѣшалась на шею виновной, которая съ этимъ украшеніемъ должна была также простоять всю трапезу и въ заключеніе просила прощенія у игуменьи и сестеръ. Таковы были внутренняя жизнь и распорядки обители.

Одновременно съ расширеніемъ монастыря и построеніемъ келлій все пространство было обнесено каменною стѣною, длиною въ 452 сажени. Но эта каменная ограда все-таки не охватила всей

земли, занимаемой когда-то царскимъ дворомъ Грознаго, земляной валъ котораго тянулся кругомъ на 532 сажени.

Число монашествующихъ увеличивалось, и въ 1663 году игуменья Анисія уже ходатайствовала объ увеличеніи царской руги вмѣсто двадцати пяти сестеръ на пятьдесятъ, а черезъ три года отъ игуменьи поступило новое ходатайство о выдачѣ руги уже на сто человѣкъ.

Въ годъ кончины Корнилія (1681) въ монастырѣ было уже двѣсти сестеръ и всѣ онѣ получали царскую ругу; но, кромѣ того, мона-

Срѣтенская церковь въ Александровскомъ монастырѣ.

стырь успѣлъ выпросить себѣ отъ царскихъ щедротъ и сѣнные покосы, и мельницу на р. Сѣрѣ, и находившуюся подлѣ слабоды Воздвиженсую церковь съ принадлежащею къ ней землею, и пустошь Копыловку, и еще двѣ мельницы въ деревнѣ Сноповѣ, и рыбныя ловли на озерахъ Дичковскомъ и Коринскомъ, и пустошь Полтино, и другія угодья. Благодаря всѣмъ этимъ щедрымъ жалованьямъ, сестры жили безбѣдно и даже съ достаткомъ.

Воцарился Петръ, и для обители настали тажкія времена. Ругу отмѣнили и взамѣнъ ея приписали къ монастырю 157 крестьянскихъ дворовъ. Но обремененные государственными налогами кре-

стьяне были плохою статьею дохода и далеко не могли возмѣстить отнятой руги. Кромѣ того, на монастырскія мельницы, пустоши, покосы и рыбныя ловли былъ положенъ оброкъ въ пользу казны, и сестрамъ приходилось жить очень тѣсно.

Въ 1699 году въ обитель была привезена сестра государя, Марѳа Алексѣевна, для постриженія въ иноческій чинъ и проживала здѣсь подъ именемъ старицы Маргариты до самой своей кончины, послѣдовавшей 19 іюля 1707 года. Время ея пребыванія въ монастырѣ совпадаетъ съ самымъ тяжелымъ періодомъ денежной тѣсноты и скудости въ обители. Но совпаденіе это, конечно, случайное, и царевна, навлекшая на себя гнѣвъ своего царственнаго брата, отнюдь неповинна въ монастырскихъ денежныхъ затрудненіяхъ. Причиною затрудненій были государственныя мѣры, касавшіяся не одной Успенской обители, но и другихъ монастырей.

Черезъ годъ послѣ кончины царевны успенскимъ сестрамъ удалось поступить подъ «особливое призрѣніе» императрицы Екатерины Алексѣевны, и дѣла монастыря начали вновь поправляться. Въ томъ же году оброки съ ихъ мельницъ, покосовъ, пустошей и рыбныхъ ловель были сняты, а въ 1711-мъ пожалована снова и руга деньгами, хлѣбомъ и кормомъ для скота. Неизвѣстно, остались ли за обителью тѣ 157 крестьянскихъ дворовъ, которые были даны ей взамѣнъ прежней руги, но во всякомъ случаѣ сестры безъ работниковъ не остались. Въ 1715 году любимица Петра, царевна Наталья Алексѣевна, пожаловала для услугъ монастырю 113 душъ мужескаго пола.

Въ 1708 году, въ обители пострижена съ именемъ Варсонофіи Василиса Ефимовна Козинская, одна изъ сторонницъ царевича Алексѣя Петровича, а черезъ десять лѣтъ сюда присланы на житье, замѣшанныя въ дѣлѣ царицы-инокини Евдокіи Лопухиной, игуменья Суздальскаго Покровскаго монастыря Марѳа и старица того же монастыря Капетолина. Въ царствованіе Петра II сюда же была заточена (съ 1727 по 1728 годъ) свояченица Меншикова, Варвара Михайловна Арсеньева.

Послѣ кончины императрицы Екатерины I обитель пріобрѣла новую покровительницу въ лицѣ царевны Елисаветы Петровны, которой Александровская слобода досталась по наслѣдству отъ матери, и эта новая покровительница всю жизнь свою ревностно и заботливо пеклась о благосостояніи сестеръ и обители, которая при ней достигла высшей степени своего процвѣтанія.

Съ жизнью цесаревны на берегахъ рѣки Сѣры знакомитъ насъ Н. С. Стромиловъ въ своей статьѣ: «Цесаревна Елисавета Петровна въ Александровой слободѣ».

Сдѣлавшись александровскою вотчинницею, Елисавета выстроила для пріѣздовъ просторный деревянный дворецъ съ хоромами для свиты и разными службами. Дворецъ этотъ помѣщался противъ

Склепъ царевенъ Маѳы и Ѳеодосіи Алексѣевенъ.

главнаго слободскаго храма во имя Рождества Христова, на мѣстѣ котораго находится теперь городской соборъ. Изъ оконъ дворца была видна торговая площадь съ ея обычнымъ оживленіемъ и сутолокою, особенно въ базарные дни.

Цесаревна держала себя съ народомъ просто. Лѣтомъ она любила смотрѣть на игры и хороводы молодежи и часто бросала изъ окна пригоршнями деньги, которыя разбирались нарасхватъ веселившеюся толпою. Зимою увеселенія переносились въ самый дворецъ цесаревны. «Вечеръ у ней», говоритъ г. Стромиловъ, «начинался шумнымъ весельемъ съ слободскими дѣвушками, приходившими къ ней на посѣдки: онѣ ей играли простонародныя пѣсни, до которыхъ цесаревна была страстная охотница, будучи сама прекрасная голосистая пѣвица. Запѣвалой у нея была извѣстная въ то время по слободѣ пѣвица Мареа Чегаиха (потомство ея до сихъ поръ проживаетъ въ г. Александровѣ); за это цесаревна ихъ угощала разными лакомствами и сладостями: пряниками-жмычками, цареградскими стручками, калеными орѣхами, маковой избоиной и другими вкусными заѣдками, а сама иногда тутъ съ ними на посидкахъ, когда онѣ работали, занимались рукодѣльями, пряла шелкъ, ткала холстъ; зимою же о святкахъ собирались къ ней ряженые слободскіе парни и дѣвки, и тутъ разливался простодушный разгулъ: начинались пляски, присядка, веселыя и удалыя пѣсни, гаданья съ подблюднымъ припѣвомъ, словомъ шелъ, такъ сказать, пиръ горой. Сама царевна подъ вліяніемъ бархатнаго пивца, да сладкаго медку, да праздничной бражки, бойко и мастерски отдѣлывала съ ними всѣ русскія пляски, до которыхъ она всю жизнь свою была большая охотница».

На масленицѣ цесаревна каталась съ парнями и дѣвушками съ горы на салазкахъ, связанныхъ ремнями. Въ слободѣ долгое время хранились ея длинныя сани, на которыхъ могло помѣститься четыре человѣка. Любила цесаревна и лихую ѣзду на тройкѣ, но главное и любимое ея увеселеніе составляла охота, особенно соколиная и псовая. Елисавета была страстная охотница травить зайцевъ. Любимымъ ея стремяннымъ былъ Гаврила Матвѣевичъ Извольскій, а товарищами по охотѣ: лейбъ-хирургъ Лестокъ, красавецъ Шубинъ и В. И. Чулковъ. Оба послѣдніе были уроженцами окрестностей Александровской слободы. Есть основаніе предполагать, что цесаревна познакомилась со слободою и полюбила ее, именно благодаря Шубину, родовое имѣніе котораго, сельцо Курганиха, находилось въ шести верстахъ отъ слободы.

На охоту Елисавета выѣзжала въ мужскомъ костюмѣ, который былъ ей очень къ лицу. Работалъ на нее слободскій портной Алексѣй Өедоровъ Санковъ, большой мастеръ своего дѣла и въ то же время большой пьяница-гуляка. Каждый разъ, когда Санкову приходилось снимать мѣрку съ царевны, онъ сильно волновался, и руки его дрожали, а она милостиво его успокоивала.

Будучи очень проста въ обращеніи съ народомъ, Елисавета посѣщала слобожанъ, крестила у нихъ дѣтей, и за разныя оказанныя ей услуги мѣняла прозвища своихъ знакомцевъ: такъ Жихаревыхъ она назвала Первушиными, а Курсиныхъ Любимовскими.

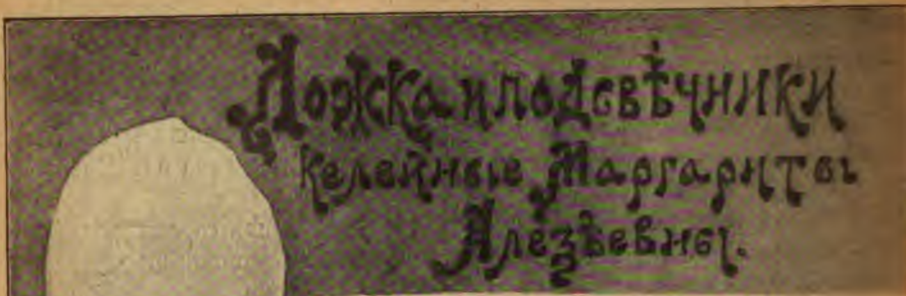
Живя подолгу въ слободѣ, цесаревна часто бывала и въ Успенской обители, въ которую иногда нарочно пріѣзжала изъ Москвы на храмовой праздникъ Успенія Богоматери.

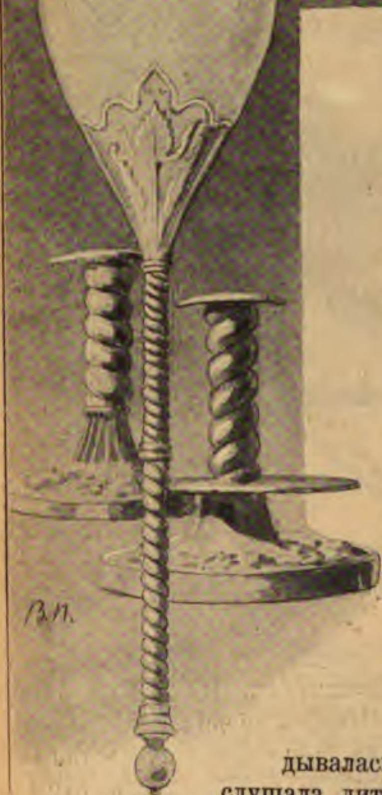
Послѣ ссылки Шубина въ Сибирь, удрученная горемъ разлуки съ своимъ любимцемъ, Елисавета пріѣхала въ монастырь и предалась молитвѣ и чтенію духовныхъ книгъ. Одно время она даже думала принять въ монастырѣ иноческій санъ. Она ежедневно слу-

Кресло инокини Маргариты.

шала въ обители заутреню, обѣдню и вечерню, при чемъ сама пѣвала въ церкви своимъ красивымъ дискантомъ. Проживала она подлѣ монастыря въ такъ называемомъ Старомъ дворцѣ, оставшемся отъ временъ царя Алексѣя Михайловича, и по мѣстному преданію для нея въ оградѣ монастыря была пробита особая дверь, нынѣ уже не существующая. Ходила она въ то время въ платкѣ темнаго цвѣта и покрывалась темною же шапочкою.

По вступленіи на престолъ, Елисавета не забыла своей слободы и обители и 6 марта 1744 года «въ огромной линеѣ съ мѣстами и столомъ внутри, обитой зеленымъ сукномъ», съ пышною свитой отправилась изъ Троице-Сергіевой лавры навѣстить знакомыя мѣста. Окрестные жители спѣшили взглянуть на матушку-царицу и выстраивались рядами, мужчины по одну, а женщины по другую сторону дороги, которая была украшена импровизированною аллеей изъ молодыхъ елокъ.





Прибывъ въ слободу въ 6-мъ часу дня, императрица прослушала благодарственный молебенъ въ Рождественской церкви и прослѣдовала въ свой дворецъ гдѣ жители съ бургомистромъ во главѣ, поднесли ей хлѣбъ-соль. Здѣсь же появился передъ нею возвращенный изъ Камчатки бывшій другъ ея сердца, Шубинъ, пожалованный вотчиною Юрьевой въ 12 верстахъ отъ слободы. Худой, изможденный страданіями, онъ чувствовалъ, что является теперь диссонансомъ въ блестящей свитѣ императрицы, и послѣ колѣнопреклоненнаго благодаренія своей благодѣтельницы уѣхалъ къ себѣ въ вотчину. Слѣдующій день былъ посвященъ посѣщенію Успенской обители. У святыхъ воротъ Елисавета была встрѣчена игуменіей и сестрами, прошла въ Успенскій храмъ и тамъ прикладывалась къ иконамъ, а въ Троицкомъ соборѣ слушала литургію и послѣ богослуженія жаловала игуменію и сестеръ къ рукѣ. Въ 3 часа дня послѣ обѣда во дворцѣ императрица тронулась въ обратный путь къ Москвѣ.

Хотя это посѣщеніе слободы было, повидимому, послѣднее, но заботы Елисаветы о любимой мѣстности не прекращались, доказательствомъ чему служитъ отстроенный въ 1745 году, въ слободѣ, конный заводъ (остатки котораго существуютъ и понынѣ). Заводъ этотъ, по словамъ современниковъ, могъ быть причисленъ «къ первѣйшимъ въ Европѣ».

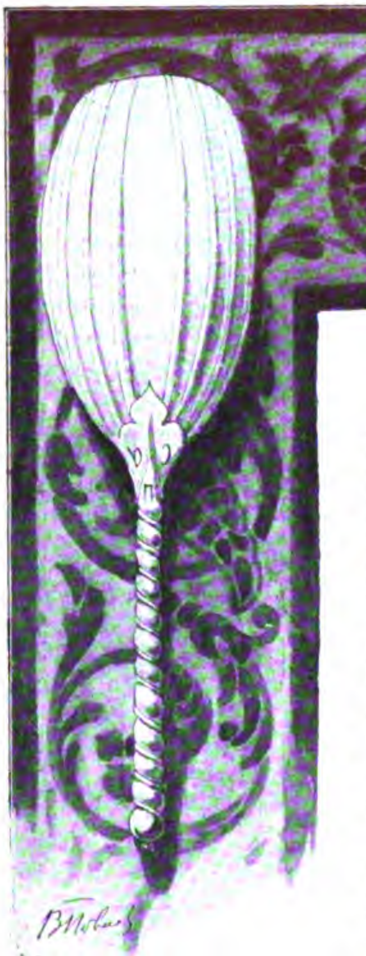
Что касается до обители, то милости и щедроты императрицы не прекращались къ ней во все время ея правленія.

Интересна, между прочимъ, ставленная грамота, выданная въ царствованіе Елисаветы игуменьѣ монастыря Есѳири. Грамота эта предоставляетъ начальницѣ обители имѣть при хожденіи по монастырю въ церковь, трапезу и т. п. игуменскій посохъ и «стоять во время молитвословія соборнаго, въ отлику и предпочтеніе передъ другими епархіи игуменьями на коврѣ и тѣмъ довольствоваться».

При Екатеринѣ II монастырь сдѣланъ первоклассным и до настоящаго времени продолжаетъ получать отъ казны субсидію въ размѣрѣ 1034 рублей ежегодно. Онъ попрежнему владѣетъ Сноповскою мельницею, пожалованною ему царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ, и рыбными ловлями на озерахъ Дичковскомъ и Коринскомъ. Земли во владѣніяхъ монастыря находится теперь около 103 десятинъ; изъ нихъ шесть подъ пашней, сорокъ одна подъ лѣсомъ, остальное—сѣнокосъ.

На другой день, вставши рано утромъ, мы отправились на осмотръ обители.

Троицкій соборъ XVI вѣка въ Александровскомъ монастырѣ.



Ложка царевны
Софіи Алексѣевны.

Первою при входѣ въ ворота предстала намъ Успенская церковь, около которой возникла первоначальная монашеская община. Но, кромѣ воспоминаній о началѣ монастыря, эта церковь пробудила въ насъ воспоминанія о временахъ болѣе отдаленныхъ, о тѣхъ временахъ, когда пространство нынѣшняго монастыря было заполнено постройками другого рода, когда на обширномъ дворѣ толпились опричники, и десятки богато разодѣтыхъ слугъ то и дѣло перебѣгали по разнымъ переходамъ дворца, когда здѣсь появлялись униженные, смиренные московскіе бояре, когда въ ворота этого двора почти ежедневно въѣзжали повозки со скованными мужчинами и женщинами, и заплечные мастера грузною поступью направлялись на работу въ застѣнокъ, когда здѣсь былъ монастырь другого рода, управлявшійся тѣмъ же игуменомъ, который правилъ и всею Русью. Молитвенныя кельи этого царственнаго игумена примыкали къ Успенской церкви, и стѣны ихъ сохранились до нашего времени.

Есть даже мнѣніе, высказанное впервые Шевыревымъ, что и сама церковь построена не самостоятельно, а передѣлана изъ жилого зданія. Зданіе это могло быть дворцомъ Грознаго, такъ какъ на этомъ мѣстѣ встарину стоялъ дворъ его отца. Впослѣдствіи государь Иванъ Васильевичъ выстроилъ себѣ другой дворецъ подлѣ Троицкой церкви, тотъ самый, который при Алексѣѣ Михайловичѣ

былъ разобранъ на постройку монашескихъ келлій, и, вѣроятно, въ это время перестроилъ свое старое жилье въ церковь, прибавивъ къ нему алтарное помѣщеніе и колокольню. Въ Успенскомъ храмѣ— три престола: главный—во имя Успенія Божіей Матери, правый—усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи (день именинъ Грознаго), лѣвый—Святителя Николая. Послѣдній при основаніи монастыря былъ обращенъ въ придѣлъ св. Маріи Египетской, въ честь ангела царицы Маріи Ильинишны.

Церковь была возобновлена въ 1869 году на средства с.-петербургскаго купца А. М. Полежаева «въ память и о упокоеніи души дѣвицы Анны», какъ о томъ гласитъ помѣщенная на стѣнѣ храма надпись. Во время этого возобновленія была разобрана старинная печь, обложенная изразцами, на которыхъ рельефно были изображены двуглавые орлы съ коронами надъ головами. Орлы были покрыты желтою поливою по зеленому полю. Но вмѣстѣ съ этими изображеніями на изразцахъ кое-гдѣ встрѣчались и фигуры коней, львовъ, коронъ и пр., и это наводило на мысль, что печь была уже переложена съ добавкою новыхъ изразцовъ. Теперь ея, какъ я уже сказалъ, не существуетъ. Въ молитвенныхъ келліяхъ Грознаго, кромѣ стѣнъ и сводовъ, не осталось также ничего, что напоминало бы ихъ державнаго жильца. Вообще стихъ Лермонтова, поставленный мною въ эпиграфѣ настоящихъ набросковъ, всецѣло можетъ быть отнесенъ къ Іоанну Грозному. Отъ его временъ здѣсь остались только молитвенныя келліи, привезенныя имъ изъ Новгорода, такъ называемыя Васильевскія двери въ Троицкомъ соборѣ и слабые слѣды осыпи или земляного вала на монастырскомъ огородѣ, остальное все безслѣдно исчезло: даже самые остатки фундаментовъ, рвы и ямы были тщательно сглажены Корниліемъ.

Когда мы вошли въ храмъ, ранняя обѣдня только что окончилась. Намъ показали нѣсколько старинныхъ интересныхъ иконъ: мѣстную икону Успенія Богородицы въ главномъ иконостасѣ, которая почитается чудотворною; «Никитскую» икону Богоматери въ Ивановскомъ придѣлѣ, бывшую «моленіемъ» Никиты Ивановича Романова, двоюроднаго дяди царя Алексѣя Михайловича; икону св. апостола Андрея Первозваннаго, писанную въ 1702 году въ Соловецкомъ монастырѣ «богороднымъ трудникомъ Іуліаномъ иконописцемъ»; образъ Страстей Господнихъ съ частицами мощей, принадлежавшій Козинской и пожертвованный ею въ Серпуховскій Распятскій монастырь и возвращенный сюда, вѣроятно, послѣ упраздненія этого послѣдняго, въ 1764 году.

Въ келліяхъ Грознаго проживаетъ теперь одна старушка, но тамъ, какъ я упоминалъ, ничего достойнаго примѣчанія не оказалось.

Когда мы выходили изъ церкви, насъ догналъ священникъ, служившій обѣдню.

Опахала Натали̇и Кирилловны Нарышкиной.

— Не хотите ли взглянуть на подвалъ подъ церковью?—обратился онъ къ намъ.

— Съ удовольстві̇емъ.

Входъ въ подвалъ оказался подлѣ колокольни на лѣвой сторонѣ.

— Говорятъ, будто бы въ этихъ подвалахъ во времена Іоанна Васильевича Грознаго, — продолжалъ батюшка: — было нѣчто въ родѣ домашняго застѣнка. Матушка, — обратился онъ къ стоявшей у входа монахинѣ: — нельзя ли намъ раздобыть лучинки? Хочу имъ подвалъ показать.

Монахиня начала спускаться по лѣстницѣ.

— Въ подвалахъ-то совершенно темно, — пояснилъ батюшка, слѣдуя за монахиней.

Мы стали спускаться въ подвалъ. Навстрѣчу намъ повѣяло мракомъ и сыростью. На душѣ становилось жутко. Мракъ и холодъ охватывали насъ со всѣхъ сторонъ. Не успѣли мы спуститься, какъ впереди мелькнуло какое-то яркое-красное пятно. Среди темноты внизу топилась большая русская печь, подлѣ которой, размѣшивая уголья, мелькали темныя фигуры...—и въ воображені̇и невольно выросла высокая сутуловатая фигура грознаго самодержца, жарившаго въ печи своихъ недруговъ и измѣнниковъ.

Хлопотавшія у печи послушницы подошли къ священнику подъ благословеніе, монахиня подала лучины, и мы тронулись далѣе за нашимъ путеводителемъ.

Мракъ сгустился настолько, что огоньки нашихъ лучинъ мерцали въ немъ не сильнѣе свѣтляковъ въ темную ночь и только слабо освѣщали стоявшія по сторонамъ бочки, ящики и мѣшки съ монастырскими запасами. Высоко вверху не столько виднѣлись, сколько чувствовались массивные широкіе своды. Потемнѣвшія, покрытыя сыростью стѣны были сложены изъ крупнаго камня.

— По преданію въ этихъ стѣнахъ замурованы люди,—замѣтилъ священникъ.

Обходъ обширныхъ подваловъ продолжался довольно долго, и мы рады, рады были, когда вышли снова на поверхность земли, и насъ охватило свѣтомъ и тепломъ лѣтняго іюньскаго солнца.

Разставаясь съ нами, батюшка посовѣтовалъ, въ ожиданіи поздней обѣдни въ Троицкой церкви, осмотрѣть церковь Покровскую, которая была соборнымъ храмомъ всей слободы и продолжала имъ оставаться даже во время существованія монастыря.

Эта-то Покровская церковь и была построена великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ и освящена въ 1513 году, какъ гласитъ о томъ упомянутое выше первое извѣстіе объ Александровской слободѣ. Теперь въ ней служба бываетъ только по зимамъ, и церковь оказалась запертою.

Не желая затруднять матушекъ хлопотами по розыскамъ ключей и по отпиранью церкви, мы сдѣлали набросокъ съ ея общаго вида и прошли къ двери, ведущей въ ея обширный, но свѣтлый подвалъ. Въ подвалѣ оказалась монастырская кухня. Въ переднемъ углу стоялъ длинный столъ для обительскихъ трудницъ, несущихъ здѣсь свое послушаніе, правѣе помѣщалась главная арена ихъ дѣятельности, большая русская печь, а противъ нея за угломъ, занятымъ шкафами, находился другой столъ, для работниковъ. Стѣны были выбѣлены, и въ кухнѣ было свѣтло и уютно, особенно послѣ успенскихъ подваловъ.

Поздоровавшись съ хлопотавшими у печи сестрами и пожелавъ имъ успѣха въ трудахъ, мы попросили позволенія нарисовать общій видъ ихъ помѣщенія. Разрѣшеніе было дано очень охотно, и мы, помѣстившись на широкой лавкѣ, идущей вдоль стѣны, принялись за работу.

Изъ разговора съ сестрами о ихъ житьѣ-бытьѣ мы узнали, что обитель не въ состояніи прокармливать безплатно всѣхъ своихъ насельницъ, многимъ изъ нихъ, молодымъ послушницамъ, приходится ежегодно прирабатывать себѣ на хлѣбъ на сторонѣ. Съ наступленіемъ лѣта онѣ отправляются по деревнямъ, большею частію, къ роднымъ и исполняютъ тамъ всѣ крестьянскія работы, а осенью возвращаются въ обитель, принося съ собою заработанные хлѣбные и другіе запасы.

Окончивъ набросокъ, мы прошли на монастырское кладбище, помѣщающееся вдоль стѣны за Успенскою церковью.

При входѣ на кладбище находится небольшая церковь Срѣтенія Господня, называемая больничною, такъ какъ съ лѣвой стороны къ ней почти непосредственно примыкаетъ длинное одноэтажное зданіе монастырской больницы. Церковь была построена при Алексѣѣ Михайловичѣ, Корниліемъ, во время постройки келлій, на мѣстѣ, отведенномъ подъ кладбище.

Подъ Срѣтенскою церковью устроенъ обширный склепъ съ особымъ боковымъ входомъ. Въ этомъ склепѣ покоятся двѣ сестры Петра: старица Маргарита и царевна Θеодосія Алексѣевна, пожелавшая лечь рядомъ съ любимою сестрою.

Всѣхъ дочерей у государя Алексѣя Михайловича отъ первой супруги было восемь: старшая Евдокія, за нею Марθа (будущая инокиня Маргарита), родившаяся въ 1652 году, затѣмъ Анна, Софія, Екатерина, Марія, Θеодосія и младшая Евдокія.

Изъ всѣхъ сестеръ, послѣ царевны Софіи, Марθа Алексѣевна была наиболѣе энергична и предпріимчива, и когда Софія была заключена въ монастырь, Марθа пользовалась въ терему наибольшимъ вліяніемъ.

Насталъ 1698 годъ. Петръ былъ за границею, а въ Московскомъ государствѣ поднялись стрѣльцы. Бунтъ былъ подавленъ Гордономъ и Шеинымъ, но первый допросъ не обнаружилъ никого изъ тайно прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ. Когда же Петръ, вернувшись въ Москву, самъ принялся за розыскъ, то въ поощреніи бунта оказались замѣшанными и Софія и Марθа Алексѣевна. Послѣдней

пришлось сознаться, что она посылала къ сестрѣ тайныя вѣсти о движеніи стрѣльцовъ на Москву и намѣреніи ихъ снова возвести Софію на царство. Въ дѣлѣ фигурировало еще какое-то письмо, которое она передала стрѣльчихѣ, но отъ передачи письма Мареа на допросѣ отказалась. Кромѣ того, постельница ея показала, что царевна получила отъ стрѣльцовъ челобитную и послала будто бы письмо въ Тулу.

Судъ продолжался недолго. Софія была пострижена 21 октября того же года, а Мареа въ октябрѣ же послана въ Александровскій Успенскій монастырь сначала на жительство, а черезъ полгода, именно 29 мая 1699 года, изъ царевны Мареы Алексѣевны превратилась въ старицу Маргариту; въ то время ей было сорокъ семь лѣтъ.

Келья Маргариты находилась подлѣ колокольни и состояла изъ небольшого каменнаго корпуса, къ которому были сдѣланы деревянныя пристройки для прислужницъ. Въ этой каменной кельѣ и коротала дни свои бывшая царевна до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1707 году.

Надпись на ея гробницѣ гласитъ слѣдующее: «Въ лѣто отъ сотворенія міра 7215 года, въ лѣто же отъ Воплощенія Спаса Христа Господа нашего 1707 года іунія мѣсяца въ 19 день на память св. апостола Іуды, брата Господня, въ 12 часу дни преставися отъ маловременнаго житія сего къ безконечной жизни раба Божія, великаго государя царя и великаго князя Алексія Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, дщерь его, великая государыня, благородная царевна и великая княжна, монахиня Маргарита Алексіевна, жившая въ сей обители въ монашескомъ образѣ 8 лѣтъ 6 мѣсяцевъ и 22 дня, а отъ рожденія всего житія ея 55 лѣтъ, 7 мѣсяцевъ и 11 дней. При послѣднемъ же сего свѣта отшествіи, не восхотѣ, якоже достоитъ ей, въ церкви особливо положитися, но изволи и заповѣда съ любовію, смиренія ради своего, въ сей усыпальницѣ со убогими монахини въ общей гробницѣ почивати до дне страшнаго пришествія Христова и общаго всѣхъ мертвыхъ воскресенія. По изволенію сестеръ ея благовѣрныхъ государынь, царевенъ Маріи Алексіевны и Ѳеодосіи Алексіевны, перенесены мощи благовѣрныя государыни царевны монахини Маргариты Алексіевны подъ церковь Срѣтенія Господня».

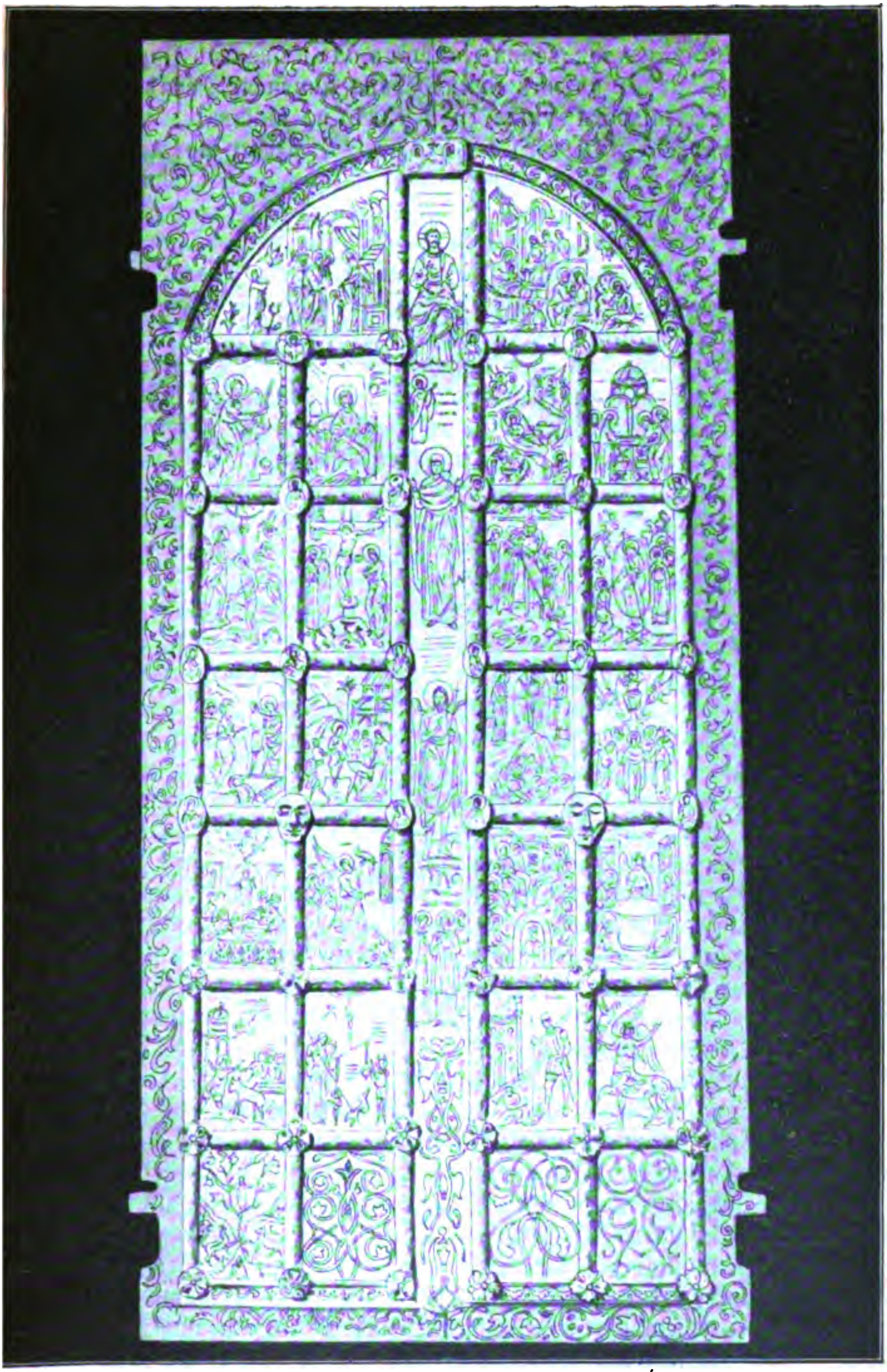
Въ обители сохранились копіи нѣкоторыхъ писемъ царевны къ сестрамъ и боярамъ, изъ которыхъ можно заключить, что жизнью въ монастырѣ она была не совсѣмъ довольна. Деньги на содержаніе ея, «полторы тысячи», выдавались черезъ монастырскій приказъ, а собирались по частямъ съ разныхъ, опредѣленныхъ на то, монастырей. Но монастыри, вѣроятно, вслѣдствіе собственной скудости, выплачивали деньги не аккуратно, и это отзывалось на высылкахъ суммъ изъ монастырскаго приказа. Царевна завидуетъ

своей престарѣлой теткѣ, Татьянѣ Михайловнѣ, которая получала столовыя деньги изъ приказа Большого дворца, а по смерти ея бьетъ челомъ государю, чтобы пожаловалъ ей деньги столовыя послѣ покойной тетки изъ вышеупомянутаго, болѣе аккуратнаго приказа, а то, пишетъ она: «запасъ продаютъ, а денегъ нѣтъ, а когда деньги есть, то запасовъ въ продажѣ нѣтъ».

Между тѣмъ избалованная, выхоленная въ царскомъ терему, царевна, повидимому, покушать любила. Въ копіяхъ сохранился перечень рыбныхъ запасовъ, которые она приказываетъ купить своему комиссіонеру, старцу Геронтію: «пригласи къ себѣ стряпчаго Кочугова, что онъ знаетъ, какъ покупать, чтобы купить: 30 осетровъ свѣжихъ, самыхъ добрыхъ, лососей свѣжихъ, самыхъ добрыхъ, стерлядей мерзлыхъ по аршину съ четвертью», далѣе: «20 лещей свѣжихъ, самыхъ добрыхъ, жирныхъ, 20 стерлядей, свѣжихъ, самыхъ добрыхъ, жирныхъ, чтобы были колотыя; щукъ мерзлыхъ двѣсти, мѣрою по аршину, 3 пуда семги соленой, 3 пуда икры, самой доброй зернистой, прѣсной, 300 пучковъ визиги бѣлужьихъ, двѣ четверти снятковъ сухихъ, псковскихъ, самыхъ добрыхъ, окуней 500 ушныхъ и одноблюдныхъ»... и т. д. Все это ей приходилось покупать на деньги, такъ какъ запасы, присылаемые изъ Москвы, по ея словамъ, никуда не годились. «Пожалуй, свѣтъ мой, сестрица», пишетъ она любимицѣ Петра, царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ: «изволь приказать въ тѣ монастыри послать, чтобы везли ко мнѣ деньги не мѣшкавъ,... мнѣ великая нужда: ни запасу ни денегъ; а когда и привозили мнѣ съ Москвы запасы, и все гнилое, да вонючее. И я, свѣтъ мой, сестрица, какъ пришла съ Москвы, щучины и стерлядины и въ ротъ не бирала: все привозили вонючую. И окуней тоже въ ротъ не бирала: зимою привозили промерзлые, а лѣтомъ протухлые. Масло орѣховое и коровье горькое, да гнилое, что ни въ чемъ въ ротъ нельзя взять. Также и на питье солодъ и мука затхлые. Бражки и кислыхъ штей сдѣлаютъ, испить нельзя; все безъ питья животъ свой мучу».

Но главнымъ несчастіемъ царевны-инокини была тяжелая болѣзнь, которую она описываетъ такими словами: «отъ болѣзни изнемогаю, что чуть духъ мой держится, ноги и ступить не дадутъ, всѣ въ рожѣ, и въ животѣ рожа, и жаръ во всей, нёбо опухло и цынга одолѣла, и ниже зубовъ спустилось, и сукровица безпрестанно идетъ и языкъ косенъ становится, и я того опасаюсь, что станетъ во рту».

Сохранилось восемь писемъ къ Натальѣ Алексѣевнѣ, сестрамъ, теткѣ и боярину Ромодановскому, въ которыхъ царевна умоляетъ прислать ей доктора. Эта присылка, какъ кажется, зависѣла отъ родной сестры Петра, царевны Натальи Алексѣевны, но царевна отвѣтила, что докторъ ей нуженъ въ предпринимаемомъ путешествіи и будетъ присланъ «послѣ похода». Это, повидимому, сильно



Новгородскія Васильевскія двери XIV вѣка.

обидѣло страдающую инокиню. «Свѣтъ моя сестрица, матушка царевна Наталія Алексѣевна», пишетъ она къ сестрѣ Нарышкиной, «за что ты такова ко мнѣ немилостива явилася? Развѣ за то, что я отъ вашей милости ушла, и я тѣмъ не виновата: хотя бы я невѣдомо гдѣ, да и я того же отца дочь, такая же Алексѣвна». Докторъ былъ наконецъ отпущенъ, и больная успокоилась.

Послѣ кончины царевны-инокони память ея стала пользоваться большимъ уваженіемъ, и имя ея встрѣчается даже въ книгѣ «Описаніе россійскихъ святыхъ», находившейся въ древлехранилищѣ М. П. Погодина.

Императрица Анна Іоанновна, посѣтивъ въ 1737 году Сергіевскую лавру, приказала московскому губернатору, графу Салтыкову, послать человѣка въ Александровскій Успенскій монастырь и взять изъ неугасимой лампады надъ гробомъ царевны Маргариты Алексѣевны масла; бутылка съ масломъ въ доказательство подлинности должна была быть запечатана печатью игуменьи. Салтыковъ послалъ въ обитель сержанта Преображенскаго полка, Петра Лакостова. Объ исполненіи возложеннаго на него порученія Локостовъ донесъ Салтыкову слѣдующее: «сего іюля 4-го, пріѣхавъ въ тотъ Успенскій дѣвичь монастырь и того же времени со игуменьею Митрополіею пошли подъ церковь Срѣтенія Господня, гдѣ гробъ блаженныя памяти государыни цесаревны-инокини Маргариты Алексѣевны, и сколько засталъ надъ гробомъ, вмѣсто лампады, въ хрустальномъ стаканѣ наложеннаго деревяннаго масла, оное вылилъ въ бутылку за печатью ея игуменьи и вашему высокографскому сіятельству всепокорнѣйше объявляю. А оное масло, какъ я пришелъ подъ реченную церковь, а обрѣтающаяся въ томъ монастырѣ игуменья Митрополія объявила, что масло не горѣло, не всегда горитъ, а зажигаютъ въ каждые будніе дни въ обѣдню, въ праздники и въ воскресные дни во всенощную и въ обѣдню, въ памяти государыни во всѣ сутки, въ родительскія субботы во всѣ же сутки». Бутылка съ масломъ была тотчасъ отправлена съ курьеромъ въ Петербургъ. Что побудило императрицу потребовать масла изъ лампады тетки,— осталось неизвѣстнымъ.

Въ настоящее время лампада теплится неугасимо.

Гробница царевны Ѳеодосіи Алексѣевны находится рядомъ съ сестрою, ближе къ стѣнѣ. Изъ надписи видно, что она скончалась 14-го декабря 1713 года, пятидесяти одного года, семи мѣсяцевъ и пятнадцати дней отъ рожденія. Умирая, она завѣщала положить себя не въ Москвѣ, гдѣ покоятся остальныя царевны, а подлѣ любимой старшей сестры въ Успенскомъ монастырѣ. Исполняя волю умершей, царевна Марія Алексѣевна привезла тѣло сестры въ обитель и здѣсь предала землѣ на указанномъ мѣстѣ.

Выйдя изъ усыпальницы, мы прошли на монастырское кладбище, гдѣ подъ сѣнью березъ мирно почиваютъ созидавшія своими

руками обитель инокини-трудницы и сестры, жившія въ ней въ продолженіе болѣе чѣмъ двухсотлѣтняго ея существованія. Что же касается до устроителя монастыря, Корнилія, то онъ покоится подъ Троицкою церковью, невдалекѣ отъ собраннаго имъ духовнаго стада; основатель же обители, старецъ Лукіанъ, похороненъ въ своей Лукіановой пустыни.

Сдѣлавъ наброски Успенскаго храма и прилегающей къ кладбищу монастырской стѣны, мы направились къ Троицкому собору

Ѳедоровская церковь надъ воротами Успенскаго монастыря въ г. Александровѣ.

и по пути осмотрѣли бывшую келлію старицы Маргариты и Распятскую церковь въ зданіи колокольни, устроенную, по монастырскому преданію, на средства царевны.

Въ Троицкомъ храмѣ шла уже поздняя обѣдня. Среди молящихся было нѣсколько человѣкъ простонародья и двѣ или три дамы изъ города, экипажи которыхъ мы видѣли при входѣ въ церковь, большинство же молящихся состояло изъ инокинь и послушницъ. Служба совершалась очень чинно; пѣніе на клиросахъ было стройное.

Увидавъ среди молившихся въ притворѣ монахинь нашу знакомую по гостиницѣ, мать Дороѳею, мы обратились къ ней съ просьбою, нельзя ли осмотрѣть монастырскую ризницу.

Она куда-то скрылась и черезъ минуту возвратилась съ другою монахиней, которую назвала церковницей, матерью Аглаидой. Узнавъ о нашемъ желаніи, мать Аглаида тотчасъ же достала ключи и провела насъ въ ризницу, находящуюся тутъ же, въ трапезной части Троицкаго собора.

Ризница роскошью и богатствомъ не отличается, но содержитъ въ себѣ немало предметовъ, цѣнныхъ для любителя родной старины.

Здѣсь хранится серебряный, позолоченный и обложенный жемчугомъ крестъ съ частицами мощей, «построенный» царицею Наталіей Кирилловной незадолго до смерти и пожертвованный въ Успенскую обитель «для своего многолѣтняго здравія», а также для здравія сына своего государя Петра Алексѣевича и внука—Алексѣя Петровича.

Есть блюдо, данное «вкладомъ въ Александрову пустыню» царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ въ 1696 году «для поминовенія души бабушки своей, великой государыни царицы и великой княгини Натальи Кирилловны».

Впрочемъ эти вклады сравнительно не очень древніе. Въ ризницѣ есть вклады временъ государя Ѳеодора Алексѣевича, Алексѣя Михайловича и даже одинъ потиръ временъ государя Михаила Ѳеодоровича, пожертвованный имъ, еще до основанія монастыря, въ соборную Александровой слободы церковь, Покровскую.

Дочь Алексѣя Михайловича, царевна Марія Алексѣевна, которая лично привезла въ монастырь для погребенія тѣло сестры своей Ѳеодосіи, повидимому, благоволила къ Успенской обители. Въ ризницѣ хранятся нѣсколько ея вкладовъ церковными вещами и въ томъ числѣ потиръ, дискосъ, звѣзда и лжица, пожертвованные «въ вѣчное поминовеніе благовѣрныхъ царевенъ: Евдокіи Алексіевны, монахини Маргариты и схимонахини Софіи». Этотъ вкладъ относится къ 1712 году.

Сохранились также нѣсколько предметовъ домашняго обихода царевенъ: серебряные подсвѣчники, ложка и кресло царевны Маргариты Алексѣевны, ложка царевны Софіи съ двуглавымъ орломъ и буквами Ц. С. А., два опахала—одно изъ павлиньихъ, другое изъ страусовыхъ перьевъ, вилка, ложка и ножъ, хрустальная рюмка и нѣсколько оловянныхъ блюдъ.

Изъ ризницы мать Аглаида провела насъ въ книгохранилище, находящееся также въ паперти Троицкаго собора. Здѣсь хранится много очень интересныхъ рукописей разнаго содержанія. Одинъ перечень ихъ въ печатномъ описаніи монастыря занимаетъ около 24 страницъ. Здѣсь есть Стоглавъ, Номоканонъ, нѣсколько бого-

словскихъ и духовно-нравственныхъ сборниковъ XVII вѣка, книга церковносоставникъ, или церковный изъяснитель, въ которой, между прочимъ, приведенъ символъ апостольскій изъ 12 членовъ, составленный будто бы 12 апостолами, при чемъ каждый изъ нихъ составлялъ одинъ изъ членовъ, напримѣръ, апостолъ Петръ «сице рече: Вѣрую въ Бога Отца, Всемогущаго, Творца неба и земли»; св. Андрей первозванный: «Во Іисуса Христа, Сына его единаго, Господа нашего»; св. Іоаннъ Богословъ: «зачатаго отъ Духа Свята, рожденнаго изъ Маріи Дѣвы»; св. Іаковъ Заведеевъ: «страдавшаго при Понтіистемъ Пилатѣ, распятаго и умершаго и погребеннаго» и т. д. Въ концѣ слѣдуетъ примѣчаніе: «Сей святый символъ святые отцы, въ первомъ Никейскомъ и во второмъ Цареградскомъ соборѣхъ, пространнѣе истолковаша».

Изъ книгъ историческаго содержанія упомянемъ: Лѣтописецъ монастырскій XVII вѣка, Церковную лѣтопись Баронія, хронику литовскую Матвѣя Стрыйковскаго, Вопросы и отвѣты св. Григорія, Папы римскаго, къ Петру архидіакону, Сказаніе Прохора объ Іоаннѣ Богословѣ, Путешествіе въ Іерусалимъ Николая Христофа Радивила (въ XVI вѣкѣ) и священника Андрея Игнатьева (XVIII в.).

Многія изъ книгъ, составляющія украшеніе монастырскаго книгохранилища, поступили сюда изъ библіотеки царскаго окольничаго и любимца царя Θеодора Алексѣевича, Алексѣя Тимоθеевича Лихачева, благоволившаго къ Успенской обители.

Осматривая книгохранилище, мы замѣтили стоявшій у стѣны толстый обрубокъ дерева съ придѣланною къ нему желѣзною цѣпью.

— Это что же у васъ такое?—обратились мы къ сопровождавшимъ насъ матушкамъ.

— А это стулъ для непокорныхъ,—отвѣчали онѣ съ легкимъ смущеніемъ.—Въ прежнія времена матушки игуменьи нашу сестру этимъ наказывали.

Матушки говорили правду. Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ монастырскія мѣры исправленія и наказанія были очень строги. Мы уже знаемъ, что во время построенія обители старецъ Корнилій лѣнивымъ и нерадивымъ «въ горбъ подаваше», знаемъ, что сестры въ трапезѣ ставились на поклоны, что украденная вещь вѣшалась на шею похитительницѣ, но все это было пустяками сравнительно съ тѣми мѣрами, которыя выработала монастырская практика, конечно, подъ вліяніемъ того, что еще въ болѣе широкихъ размѣрахъ практиковалось и въ міру. Въ монастыряхъ, какъ въ мужскихъ, такъ и въ женскихъ, не столько преслѣдовался какой нибудь проступокъ или преступленіе, сколько непослушаніе, непокорство, неуваженіе и продерзостное житіе. Виновныхъ смиряли заключеніемъ въ тѣсную и темную комору, морили ихъ холодомъ и голодомъ, приковывали на цѣпь къ стулу, который или былъ прикрѣпленъ неподвижно къ стѣнѣ, или, подобно находившемуся

передъ нами, влачился, какъ тяжелая колода за узникомъ. Кромѣ того, въ распоряженіи монастырскаго начальства находились и шелёпы — длинныя, узкія подобія мѣшковъ, набитыя мокрымъ пескомъ, удары которыми были чувствительнѣе всякаго батога и плети. Впрочемъ, такія жестокія наказанія не должны казаться необычайными въ виду общей грубости нравовъ, когда и въ міру и въ монастыряхъ попадались такія буйныя, неукротимыя натуры, которыя были готовы на всякое буйство, драку и убійство. Примѣромъ можетъ служить хотя бы та же Василиса Ефимовна Козинская, которая, будучи сослана въ монастырь и пострижена въ иноческій чинъ, преспокойно колотила монахинь клюкою.

Что касается до стула и цѣпи, то они были широко распространены по всей Россіи и считались дѣломъ обычнымъ и заурядным, и находились въ каждой воеводской канцеляріи, въ каждой большой помѣщичьей вотчинѣ, и отмѣнены только въ 1826 году циркуляромъ министра юстиціи.

Пока мы осматривали ризницу и книгохранилище, служба окончилась, и мы могли теперь, не мѣшая никому, осмотрѣть внутренность Троицкаго собора.

Соборъ построенъ Іоанномъ Грознымъ, вѣроятно, въ промежутокъ времени между 1565 и 1570 годами. Вначалѣ онъ имѣлъ одну только большую главу и двѣ малыхъ надъ алтарями придѣловъ. Если Успенская церковь дѣйствительно была передѣлана изъ царскихъ палатъ лишь впослѣдствіи, а Покровская считалась храмомъ собственно жителей слободы, то можно предположить, что службы, на которыхъ присутствовалъ царь-игуменъ со своею братіею-опричниками, совершались въ Троицкомъ соборѣ. Богослуженіе, по словамъ Крузе, начиналось въ 4 часа утра заутренею, къ которой нерѣдко благовѣстилъ самъ государь [1]). Заутреня продолжалась около 3-хъ часовъ, и въ 7 часовъ братія расходилась на отдыхъ передъ обѣдней, которая начиналась въ 8 часовъ и кончалась къ десяти. Послѣ обѣдни всѣ шли за трапезу, а царь читалъ братіи житіе празднуемаго въ тотъ день святого или поученіе и кушалъ самъ только послѣ общей трапезы. День заключался вечернею и правиломъ, которыя продолжались часъ, съ 8 до 9 часовъ вечера.

Разоренный поляками Троицкій соборъ долго стоялъ впустѣ, и теперь въ немъ, кромѣ развѣ стѣнъ, не осталось бы ничего, напоминающаго о временахъ Грознаго, если бы не двое дверей, привезенныхъ имъ сюда въ 1570 году изъ новгородскаго похода.

Двери эти сохранились до нашего времени и представляютъ собою крайне интересные памятники древняго русскаго искусства.

Однѣ изъ нихъ, называемыя Тверскими,—такъ какъ, по преда-

---

[1]) Монастырская колокольня построена одновременно съ Троицкимъ соборомъ.

нію, вывезены Грознымъ изъ Твери,—отличаются простотою. Деревянные створы ихъ обложены мѣдными листами, а наличникъ и филенки скромно украшены только рѣзными рѣпьями; зато, другія двери, Васильевскія, сплошь покрыты священными изображеніями и орнаментомъ.

Васильевскія двери, получившія названіе отъ соорудившаго ихъ архіепископа Василія, привезены Іоанномъ Васильевичемъ изъ Новгорода и находились прежде въ южной части Софійскаго собора, близъ придѣла св. Гурія, Самона и Авива.

Сохранившаяся на дверяхъ надпись точно опредѣляетъ время ихъ построенія. «Въ лѣто 6844 (1336 годъ) индикта 4-го написаны двери сіи повелѣніемъ боголюбиваго архіепископа новгородскаго Василія, при князѣ Іоаннѣ Даниловичѣ, при пособничествѣ Ѳедоровѣ Даниловичѣ, при тысяцкомъ Аврамѣ».

Двери сдѣланы изъ дуба и имѣютъ высоту въ 4 аршина 8 вершковъ, а общую ширину просвѣта—1 аршинъ 12 вершковъ. Онѣ обложены листами красной мѣди, покрытой темнымъ, коричневатымъ тономъ, по которому золотыми линіями вычерчены различныя изображенія и орнаменты. Изображенія представляютъ большею частію событія изъ новаго завѣта и расположены другъ надъ другомъ семью рядами, изъ которыхъ верхній приходится уже въ полукружіи. Изображенія раздѣлены между собою узорочною рамкой, покрывающею поверхность дверей на подобіе рѣшетки и имѣющею на спаяхъ выпуклости, на которыхъ, въ свою очередь, начертаны: деисусъ, серафимы и лики разныхъ святыхъ.

Посрединѣ дверей, во всю ихъ вышину, проведенъ выпуклый, полукруглый валикъ также обложенный мѣдью и украшенный изображеніями и надписями.

Вверху валика помѣщено такъ называемое «отечество», т. е. возсѣдающіе Богъ Саваоѳъ и Іисусъ Христосъ, а надъ ними св. Духъ, въ видѣ голубя. Подъ «отечествомъ» помѣщена половина приведенной выше надписи о времени устроенія и написанія дверей. На словахъ: «боголюбиваго архіепископа новгородскаго Василія», надпись прерывается, и виденъ возсѣдающій на престолѣ съ Евангеліемъ Христосъ, а у ногъ его, слѣва,—самъ архіепископъ Василій въ молитвенномъ положеніи, о чемъ, кромѣ общаго вида его фигуры, свидѣтельствуютъ и помѣщенныя тутъ же слова: «молитъ архіепископъ Василій». Далѣе слѣдуетъ окончаніе надписи о сооруженіи дверей и изображеніе Богоматери, съ длинною ниже ея молитвою, составленною, повидимому, тѣмъ же архіепископомъ Василіемъ. Ниже изображенъ св. Іоаннъ Предтеча, а еще ниже св. Гурій, Самонъ и Авивъ. Подъ ними начинается орнаментъ, который и спускается до самаго пола.

Я уже говорилъ, что изображенія изъ новаго завѣта на створахъ дверей расположены рядами, но расположеніе ихъ не всегда

соотвѣтствуетъ хронологическому порядку событій и тѣмъ допускаетъ предположеніе, что двери эти, или, точнѣе, ихъ мѣдный окладъ былъ когда-то разобранъ и затѣмъ собранъ снова несовсѣмъ искусною рукою.

Перечислимъ вкратцѣ содержаніе этихъ изображеній. Въ верхнемъ ряду, въ полукругѣ, отъ правой руки къ лѣвой: «Моленіе Іоакима», отца Богоматери: ангелъ утѣшаетъ его вѣстью о рожденіи Пресвятой Дѣвы; «Рождество Богородицы»; «Введеніе во храмъ»; «Моленіе Аннино въ саду»: ангелъ возвѣщаетъ св. Аннѣ о разрѣшеніи ея неплодія и рожденіи Дѣвы Маріи.

Во второмъ ряду, отъ лѣвой руки къ правой: «Благовѣщеніе» (занимающее два прямоугольника); «Рождество Христово» и «Срѣтеніе»

Въ третьемъ ряду—«Крещеніе», «Распятіе», «Снятіе со креста» и «Воскресеніе», или, точнѣе, «Сошествіе въ адъ», замѣнявшее встарину изображеніе самого воскресенія.

Въ четвертомъ ряду—«Воскрешеніе Лазаря», «Входъ въ Іерусалимъ», «Преображеніе» и «Вознесеніе».

Въ пятомъ ряду:—«Успеніе Богородицы», «Гробъ Господень», т. е. мироносицы, пришедшія ко гробу и узнающія отъ архангела Михаила вѣсть о воскресеніи Спасителя; «Сошествіе св. Духа» и «Троица», изображенная по-старинному, въ видѣ трехъ ангеловъ, явившихся Аврааму у дуба Мамврійскаго.

Въ шестомъ ряду—«Давидъ царь предъ сѣннымъ образомъ (ковчегомъ) скакаше играя»; затѣмъ—«Судъ души», «Давидъ, поражающій Голіаѳа» и «Китоврасъ», который «мечетъ братомъ своимъ на обѣтованную землю зря»; въ сторонѣ виденъ царь Соломонъ.

Въ седьмомъ ряду три прямоугольника заняты орнаментомъ, и только въ четвертомъ изображена старинная притча о человѣческой ненасытности.

Въ притчѣ говорится, какъ нѣкоторый человѣкъ, гуляя по чистому полю, означающему міръ, встрѣтилъ человѣческую немощь и смерть въ образѣ верблюда и льва. Спасаясь отъ нихъ, онъ бросился въ глубокую пропасть любостяжанія и повисъ, уцѣпившись за вѣтвь серебрянаго дерева. Но корни этого дерева подтачивали двѣ мыши, бѣлая и черная (день и ночь). Человѣкъ торопится нарвать побольше серебряныхъ листьевъ, но, взглянувъ внизъ, видитъ другое дерево—золотое. Онъ хочетъ достичь этого дерева, но обрывается и падаетъ на дно, гдѣ уже стережетъ его огнедышащій змѣй, означающій собою вѣчную адскую муку.

Васильевскими дверями мы окончили осмотръ достопримѣчательностей обители. Осмотръ этотъ былъ крайне облегченъ для насъ любезностью матушекъ и добросовѣстнымъ толковымъ описаніемъ монастыря, которое мы пріобрѣли заранѣе. Описаніе это, подписанное буквами: А. Л., содержитъ въ себѣ много цѣннаго

историческаго матеріала и составлено съ большой любовью къ родной старинѣ.

Какъ жаль, что наши ученые изслѣдователи XVI и XVII вѣковъ такъ мало обращаютъ вниманія на эту важную историческую мѣстность, столь извѣстную въ древней московской Руси, заключающую и на поверхности своей и еще болѣе въ нѣдрахъ много нетронутаго, неразработаннаго матеріала. Въ рукахъ талантливаго, опытнаго изслѣдователя эти камни, эти стѣны и самая почва съ остатками фундаментовъ и разными погребенными въ ней древними предметами ожили бы, заговорили бы и навѣрно сказали бы намъ еще много новаго и интереснаго.

Выйдя изъ Троицкаго собора, мы сдѣлали набросокъ св. воротъ, выходящихъ на рѣку Сѣру и увѣнчанныхъ небольшою церковью св. Θеодора Стратилата, построенною въ царствованіе Θеодора Алексѣевича; затѣмъ обошли вокругъ монастырскихъ стѣнъ, побывали на огородѣ, гдѣ видны остатки древняго вала, — а, можетъ быть, какъ намъ показалось, и остатки фундамента какихъ-то зданій,—и, простившись съ монастыремъ, вернулись въ гостиницу, гдѣ ожидали насъ вчерашніе возницы для обратнаго пути на станцію.

И. Тюменевъ.

У МОРМОНОВЪ.

НИ ОДИНЪ городъ Америки, да и Европы, не произвелъ на меня такого своеобразнаго впечатлѣнія, какъ этотъ «Новый Сіонъ» мормоновъ.—городъ Соленаго озера. Особенность его не въ красотѣ усаженныхъ высокими деревьями улицъ, не въ изяществѣ его виллъ, не въ роскоши общественныхъ зданій, а въ удивительной смѣси послѣдняго слова техники, въ видѣ сѣти электрическихъ желѣзныхъ дорогъ, телефоновъ и пр., съ поражающей граціозностью его языческихъ капищъ: иначе трудно назвать мормонскіе храмы, господствующіе надъ городомъ, бросающіеся прежде всего въ глаза, видные отовсюду, со всѣхъ концовъ его.

Взятый по часамъ кучеръ, не спрашивая, везетъ насъ прямо въ кварталъ храмовъ, Temple square, окруженный молодымъ садомъ и высокой оградой. Главный храмъ—великолѣпное, четырехъэтажное зданіе, крайне оригинальной архитектуры, съ башнями, высоко поднимающимися къ небу. Креста нигдѣ не видно; нѣтъ и изображеній святыхъ; никакихъ эмблемъ христіанскихъ. Центральную башню, имѣющую больше 200 футовъ высоты, украшаетъ гигантская золоченая статуя ангела Морони; онъ трубитъ въ длинную золотую трубу вѣсть міру о новой единой истинной вѣрѣ, сзывая всѣхъ вѣрныхъ въ «Новый Сіонъ». Храмъ этотъ строился 40 лѣтъ и стоилъ, на наши деньги, семь милліоновъ рублей, собранныхъ путемъ добровольныхъ пожертвованій. Немного найдется сооруженій, которыя въ свое время вызвали бы столько разгово-

ровъ, какъ этотъ мормонскій храмъ, когда въ 1893 году, послѣ окончательной его отдѣлки, но еще до освященія, глава мормонской церкви далъ разрѣшеніе на осмотръ зданія. Со всѣхъ концовъ Америки съѣхались тогда представители печати, искусства, науки и тысячи просто любопытныхъ. Вскорѣ послѣ осмотра храмъ былъ освященъ, и съ тѣхъ поръ ни одинъ «язычникъ» не переступалъ порога этой мормонской святыни. На освященіи присутствовали 70.000 вѣрующихъ и 15.000 дѣтей школьнаго возраста. Мормоны съѣхались на это торжество отовсюду. Церемонія продолжалась два дня сряду. Особенной величественностью отличалось первое собраніе, на которомъ присутствовало все высшее духовенство секты. Очень интересно устройство купели для крещенія (мормоны крестятъ взрослыхъ и дѣтей—не моложе 8 лѣтъ). Купель помѣщается въ роскошной центральной залѣ; огромный бассейнъ ея сдѣланъ изъ литой стали; изъ того же матеріала и двѣ лѣстницы, ведущія внизъ, на дно его. О величинѣ этой своеобразной купели можно судить по тому, что 12 бронзовыхъ быковъ въ натуральную величину составляютъ только часть окружающихъ ее украшеній.

Рядомъ съ главнымъ храмомъ помѣщается другое святилище: шатеръ, скинія,—тэбернэкль, какъ его зовутъ мормоны. Снаружи это—не то циркъ, не то древне-языческое капище: громадныхъ размѣровъ, эллипсоидной формы зданіе съ очень низкой, выпуклой крышей, непомѣрной длины и ширины въ сравненіи съ его высотой. У входа насъ встрѣтилъ дежурный, который и взялъ на себя обязанности гида: всю внутренность храма занимаетъ одна громадная зала эллипсоидной формы; голыя стѣны, деревянныя скалы, потолокъ и полъ — одного свѣтло-желтаго цвѣта; никакихъ признаковъ христіанскаго храма; гигантскій органъ, о размѣрахъ котораго можно судить по тому, что въ немъ больше $2^1/_2$ тысячъ трубъ, представляетъ единственное внутреннее «украшеніе». Въ залѣ мѣстъ — на 12.000 человѣкъ; по воскресеньямъ здѣсь поетъ хоръ въ 100 человѣкъ, а въ торжественныхъ случаяхъ — въ 1.000. Оркестромъ управляетъ профессоръ музыки. На выставкѣ въ Чикаго мормонскій хоръ получилъ премію за свои концерты. Нашъ гидъ, желая похвастать чудесами резонанса тэбернэкля, проситъ насъ остаться у органа, а самъ отправляется на противоположный конецъ залы и начинаетъ перелистовать тамъ книгу: шелестъ каждаго листа отчетливо слышится во всемъ храмѣ; онъ слегка ударяетъ въ камертонъ, и звукъ явственно доносится до насъ: дѣйствительно, поразительный акустическій фокусъ!

У дверей тэбернэкля продаются фотографіи храмовъ, главныхъ дѣятелей секты, священныя книги мормоновъ.

Habent sua fata libelli! Это изреченіе часто вспоминалось мнѣ, когда здѣсь, въ самомъ сердцѣ мормонства, въ его священной

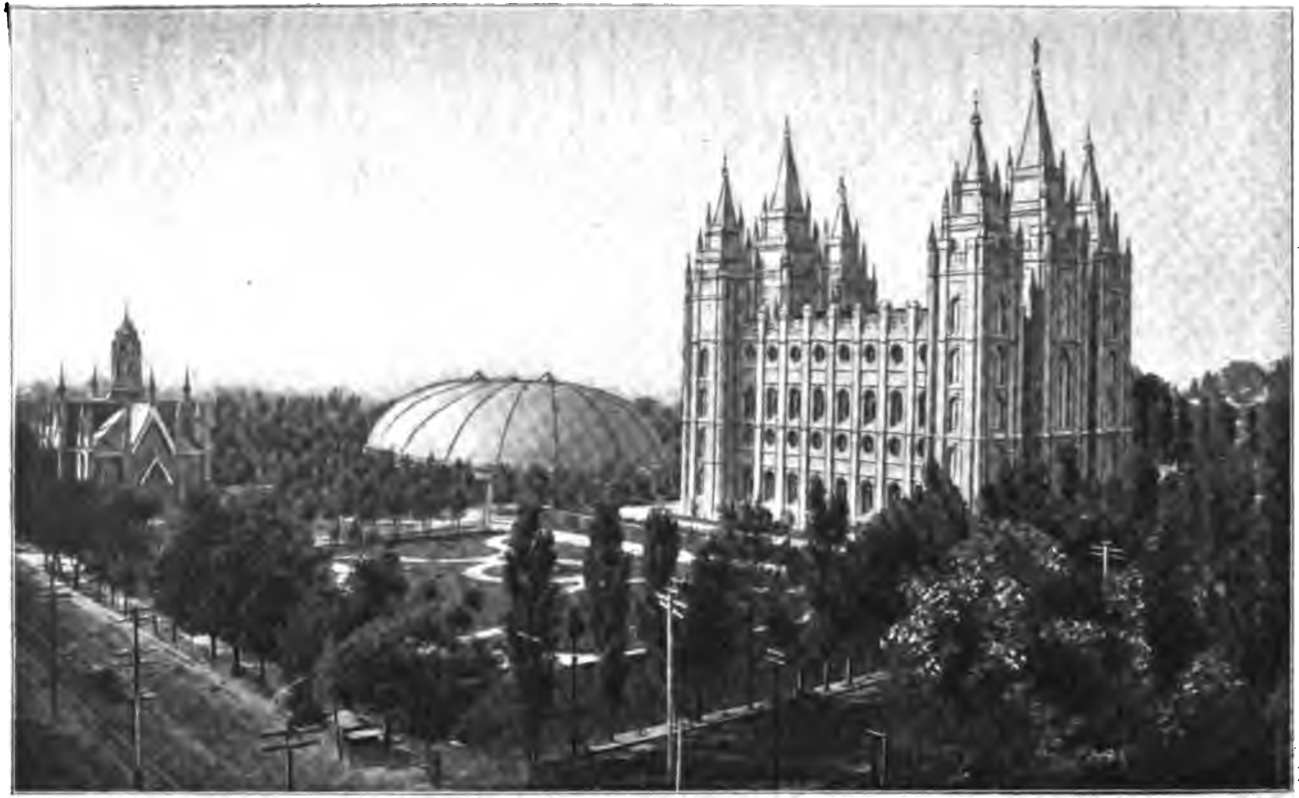
столицѣ, я знакомилась съ исторіей возникновенія этой удивительной секты. Да, книги, какъ и люди, имѣютъ свою судьбу, и иногда такую странную, что она кажется скорѣе фантастической сказкой, сномъ, а не живой дѣйствительностью! Но если бы кто нибудь могъ перебрать всѣ книги, вышедшія за послѣднія столѣтія, то, можно навѣрное сказать, онъ не нашелъ бы ни одной, судьба которой была бы такъ необыкновенна, а вліяніе такъ несоизмѣримо велико, сравнительно съ ничтожествомъ содержанія, какъ знаменитая «Книга Мормона», «Book of Mormon».

Авторъ книги, въ томъ видѣ, въ какомъ она появилась въ печати, Іосифъ Смитъ, пророкъ и основатель секты мормоновъ, родился въ Вермонтѣ, въ 1805 году, въ семьѣ бѣднаго фермера, человѣка совсѣмъ простого и необразованнаго. Когда мальчику исполнилось 10 лѣтъ, родители его переселились въ городокъ Манчестеръ, лежащій въ западной части штата Нью-Іоркъ. Тогда эта область только что заселялась. Огайо и Иллинойсъ были еще совсѣмъ дикими, пустынными штатами; а за рѣкой Миссури, являвшейся въ тѣ времена границей владѣній Сѣверо-Американской республики, начинались невѣдомыя страны, гдѣ бродили только индѣйцы. Бѣлые обитатели пограничной полосы были люди бѣдные, простые и очень религіозные; всѣ усердно читали священное писаніе и, принадлежа къ разнымъ сектамъ, принимали дѣятельное участіе въ жаркихъ спорахъ этихъ сектъ. Года черезъ два послѣ того, какъ семья Смитовъ поселилась въ г. Манчестерѣ, окрестные округи точно пожаромъ охватило одно изъ тѣхъ дикихъ религіозныхъ возбужденій, которыя составляютъ такую характерную оригинальную черту американской жизни. Члены семьи Смита раздѣлились: нѣкоторые пристали къ одной сектѣ, другіе къ другой... «Не зная, на чьей сторонѣ истина»,—говоритъ мормонскій историкъ,—«Іосифъ Смитъ рѣшилъ обратиться за помощью къ Богу». И вотъ, въ одно ясное, весеннее утро 1820 года, когда онъ, удалившись въ лѣсъ, сталъ горячо молиться, онъ увидѣлъ вдругъ столбъ свѣта, спустившійся съ неба на землю, а затѣмъ два лучезарные мужа явились предъ нимъ въ неописанной славѣ, и одинъ изъ нихъ, назвавши Смита по имени, произнесъ: «Это—сынъ мой возлюбленный, слушай его!»

Овладѣвши собою, Іосифъ спросилъ: гдѣ истина? Какая изъ сектъ права?

— «Ни одна!»—послышался отвѣтъ:—«ты не долженъ присоединяться ни къ одной изъ нихъ». Затѣмъ лучезарное существо продолжало: «Они приближаются ко мнѣ устами своими, но ихъ сердца далеки отъ меня; они учатъ людей заповѣдямъ, имѣя личину праведности, но они же сами и отрицаютъ могущество ихъ».

Іосифъ былъ пораженъ, узнавши, что истинной церкви еще не было на землѣ. Повторивъ еще разъ, чтобы юноша не присоеди-



Главный храмъ мормоновъ.

нялся ни къ одной изъ людьми созданныхъ сектъ, видѣнія исчезли, странный свѣтъ погасъ, и когда Іосифъ очнулся, онъ увидѣлъ, что лежитъ на спинѣ съ лицомъ, обращеннымъ къ голубому небу.

Вернувшись изъ лѣса, Іосифъ разсказывалъ всѣмъ о своемъ видѣніи. Отецъ и братья простодушно повѣрили ему; чужіе подняли на смѣхъ; а одно духовное лицо прямо объявило, что сіе — отъ дьявола: ни видѣній, ни откровеній нѣтъ больше; они прекратились со временъ апостольскихъ. Но юноша упорно стоялъ на своемъ. Вскорѣ всѣ прежніе друзья и знакомые отвернулись отъ него, и Іосифъ, по словамъ его историка, «принужденный искать другого общества, напалъ, какъ онъ самъ потомъ сознавался, на дурныхъ людей, вовлекшихъ его во многіе проступки и ошибки». Дѣйствительно, въ своемъ околоткѣ молодой Іосифъ Смитъ хорошей репутаціей не пользовался: онъ, повидимому, претендовалъ на близкое знакомство съ сверхъестественными силами, выдавалъ себя за колдуна, прорицателя, отыскивателя кладовъ, вообще обнаружилъ склонность играть на тѣхъ стрункахъ человѣческой слабости, невѣжества и глупости, которыя столь многимъ дали обезпеченное положеніе, и почетъ, и славу, и силу. Но Іосифу на этомъ поприщѣ не повезло. Такъ прошли три года. Въ это-то время Іосифу Смиту и попалось въ руки одно очень странное сочиненіе. Около 1812 года, нѣкто Сполдингъ, жившій въ томъ же штатѣ Нью-Іоркѣ, написалъ фантастическій романъ «Найденная рукопись», гдѣ разсказывалась вымышленная, конечно, исторія двухъ исчезнувшихъ колѣнъ Израильскихъ, которыя въ древности переселились будто бы въ Америку и оставили здѣсь многочисленное потомство. Съ теченіемъ вѣковъ, потомки утратили всякую память о предкахъ, одичали и выродились въ тѣ племена, которыя извѣстны подъ общимъ именемъ краснокожихъ индѣйцевъ. «Найденная рукопись», въ ея первоначальномъ видѣ, нигдѣ не была напечатана, и въ рукописи же, совершенно случайно, ознакомился съ ней Іосифъ Смитъ. Романъ Сполдинга произвелъ на Смита, очевидно, громадное впечатлѣніе; натура активная, смѣлая и рѣшительная, онъ построилъ на этой сказкѣ цѣлый планъ и провелъ его въ жизнь съ настойчивостью истиннаго американца.

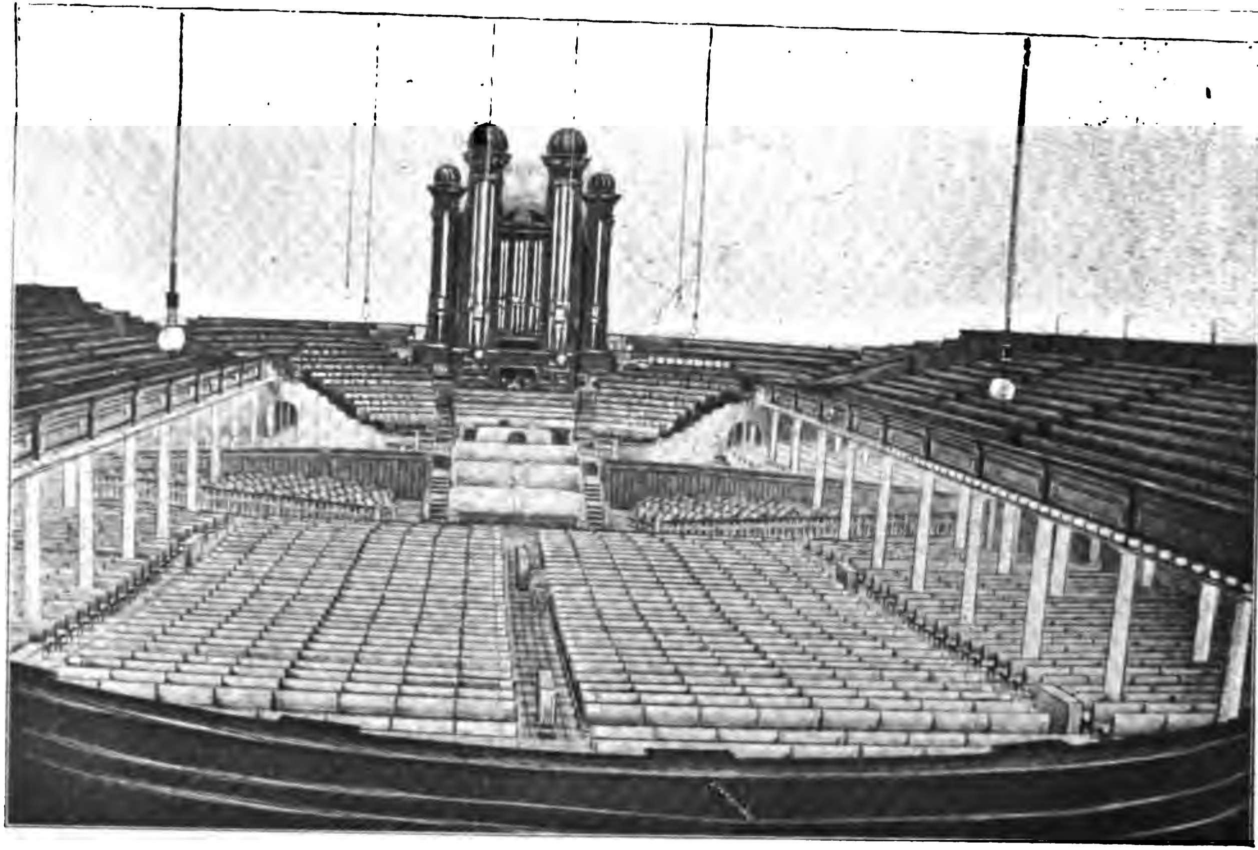
«Подавленный сознаніемъ своихъ грѣховъ»,—говоритъ историкъ и пламенный поклонникъ основателя мормонской вѣры,— «Іосифъ снова обратился къ Богу за помощью». И вотъ, въ одну сентябрьскую ночь 1823 года, когда онъ молился особенно жарко, онъ вдругъ увидѣлъ чудесный свѣтъ въ своей комнатѣ и въ свѣтѣ этомъ — лучезарное существо. Назвавши юношу по имени, таинственный мужъ объявилъ, что онъ—посланникъ Божій, имя ему Морони, и что Богъ избралъ Іосифа Смита для учрежденія истинной церкви Божіей на землѣ.

Такъ называемый «Жертвенникъ»—Тэбернэкль.

Затѣмъ Іосифу была показана въ видѣніи гора, гдѣ хранятся золотыя таблицы, содержащія священную лѣтопись — книгу мормона, и вмѣстѣ съ ними—Уримъ и Туммимъ, приготовленныя Всемогущимъ для помощи переводчику книги. Приведши потомъ рядъ пророчествъ, Морони предупредилъ юношу, что, когда онъ получитъ золотыя таблицы книги мормона, онъ не долженъ показывать ихъ никому, за исключеніемъ тѣхъ лицъ, которыхъ назоветъ ему Господь, иначе онъ погибнетъ. Затѣмъ Морони исчезъ. Три раза повторилось это видѣніе, при чемъ, явившись въ послѣдній разъ, Морони предостерегъ Іосифа, чтобы онъ не далъ духу корыстолюбія овладѣть его душой, чтобы изъ бѣдности онъ не вздумалъ еще продать золотыя таблицы: предостереженіе, во всякомъ случаѣ, характерное.

На другой день Іосифъ разсказалъ обо всемъ отцу и получилъ его благословеніе на святой подвигъ. По дорогѣ изъ Пальмиры въ Манчестеръ, въ томъ же штатѣ Нью-Іоркъ, стоитъ гора Кюмора. Ея сѣверный склонъ круто поднимается надъ окрестной равниной, достигая 150 футовъ высоты. Къ этой горѣ и отправился Іосифъ: ее именно показалъ ему въ видѣніи Морони. Смитъ разсказывалъ потомъ, что на западной сторонѣ холма, недалеко отъ вершины, лежалъ большой камень; поднявши его, онъ увидѣлъ каменный ящикъ и въ немъ золотыя таблицы, Уримъ и Туммимъ. Но когда Іосифъ протянулъ руку, чтобы взять ихъ, явился ангелъ Морони и сказалъ, что не настало еще время для этого, что только черезъ четыре года эти священныя вещи могутъ попасть въ его руки. Ангелъ приказалъ Іосифу являться сюда непремѣнно каждый годъ, въ этотъ же день; каждый разъ онъ будетъ встрѣчаться здѣсь съ ангеломъ, который научитъ его, какъ устроить истинную церковь этихъ послѣднихъ дней. Между прочимъ, ангелъ разсказалъ Смиту, что эти таблицы спряталъ въ горѣ Кюморѣ онъ, Морони, когда жилъ на землѣ въ пятомъ вѣкѣ по Р. Хр.; что онъ былъ послѣднимъ въ династіи пророковъ, которые правили древнимъ народомъ, называвшимся нефитами и обитавшимъ въ этой странѣ; что онъ былъ сынъ Мормона, нефитскаго пророка, вождя и историка, начертавшаго эти самыя золотыя таблицы. Ангелъ исчезъ. Іосифъ тщательно закрылъ ящикъ, разровнялъ землю и, вернувшись домой, разсказалъ о своихъ приключеніяхъ отцу и братьямъ. Родные повѣрили всему этому вздору «и радовались въ сердцѣ своемъ».

Наконецъ, насталъ желанный день: «22 сентября 1827 года, Іосифъ получилъ въ руки драгоцѣнныя скрижали, остававшіяся скрытыми отъ людей цѣлыхъ 14 вѣковъ». Онѣ представляли «золотыя, тонкія таблицы, связанныя другъ съ другомъ кольцами, пропущенными черезъ отверстія, сдѣланныя на одномъ концѣ таблицъ; такимъ образомъ получалась книга, толщиною въ полъфута; часть книги, приблизительно около одной трети, была за-



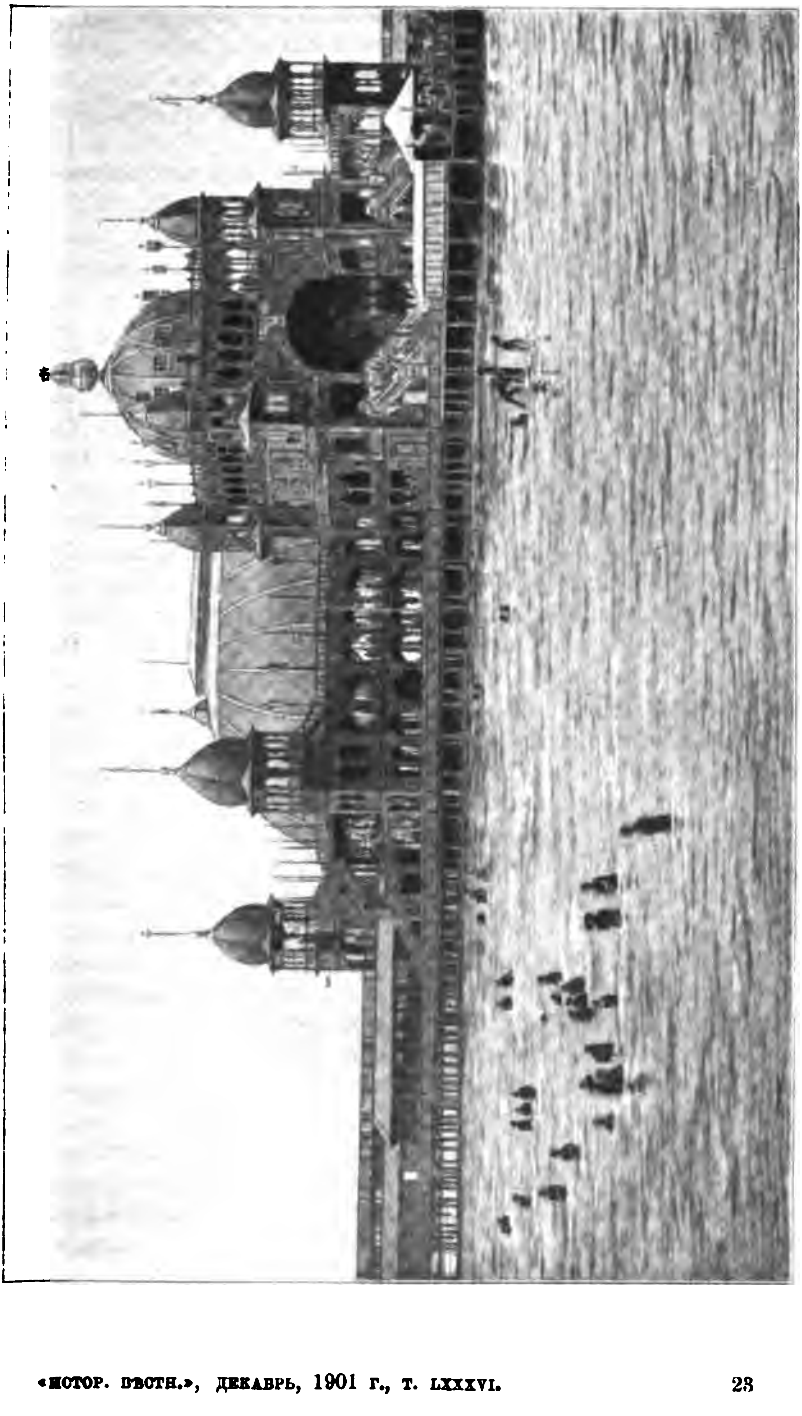
Внутренность Тэбэрнекля.

печатана; другіе листы можно было свободно перелистывать; они были покрыты съ обѣихъ сторонъ странными письменами, маленькими и красиво начертанными». Чудесные оптическіе снаряды, Уримъ и Туммимъ были «два драгоцѣнные камня, вложенные въ серебряную оправу, которая прикрѣплялась къ древнему нагруднику, сдѣланному изъ чистаго золота и странно расписанному; нагрудникъ былъ съ одной стороны выпуклый, съ другой — вогнутый; четыре золотыя ленты служили для привязыванія его къ туловищу».

Вернувшись домой, Іосифъ недолго оставался тамъ и отправился въ Пенсильванію, къ своему тестю. Немедленно по прибытіи туда онъ принялся переводить священныя таблицы, при помощи тѣхъ чудесныхъ инструментовъ, какіе представляли собою Уримъ и Туммимъ: «Пророкъ, тщательно разсматривая черезъ Уримъ и Туммимъ золотыя скрижали, видѣлъ вмѣсто странныхъ письменъ, тамъ начертанныхъ, эквивалентныя имъ англійскія слова». Эти слова онъ и диктовалъ писцу, отдѣленному отъ него занавѣской. Наконецъ, переводъ оконченъ, рукопись начисто переписана. «Тогда явился ангелъ Морони, который и принялъ опять на свое попеченіе золотыя таблицы, и будутъ онѣ у него до тѣхъ поръ, пока не наступитъ часъ, когда послѣдняя, таинственная, запечатанная часть священной книги откроется людямъ».

Весною 1830 года «Книга Мормона» вышла въ свѣтъ. Появленіе ея вызвало большое недоумѣніе и крупный скандалъ. Люди, знавшіе «найденную рукопись» Сполдинга, увѣряли, что «Книга Мормона» представляетъ точное воспроизведеніе этой «рукописи», но подлинникъ сочиненія Сполдинга исчезъ и доказать плагіатъ не удалось. Между тѣмъ, у Іосифа Смита набралось уже до 40 послѣдователей. 6 апрѣля 1830 года «церковь святыхъ послѣднихъ дней» была объявлена открытой шестью членами, какъ того требуетъ законъ. Церковь эта, по мнѣнію мормоновъ,— единственная истинная церковь на землѣ: ея служителя получили отъ самого Бога власть проповѣдывать новую благую вѣсть, собрать новый израиль, основать Сіонъ послѣднихъ дней и приготовить міръ ко второму пришествію мессіи, грядущему тысячелѣтнему царству его именно въ Америкѣ и къ установленію всемірнаго братства людей.

Большинство послѣдователей вновь возникшей секты сосредоточилось въ мѣстечкѣ Инденендсисъ, въ штатѣ Миссури, но вскорѣ высокомѣріе мормоновъ, громко заявлявшихъ, что только они одни право вѣруютъ, всѣ же прочіе грубо заблуждаются, возбудило противъ нихъ духовенство другихъ сектъ и исповѣданій. Результатомъ страстныхъ рѣчей и проповѣдей, раздавшихся съ церковныхъ каѳедръ противъ новой секты, явилось крайнее ожесточеніе массъ окрестнаго населенія противъ мормоновъ. На «святыхъ»

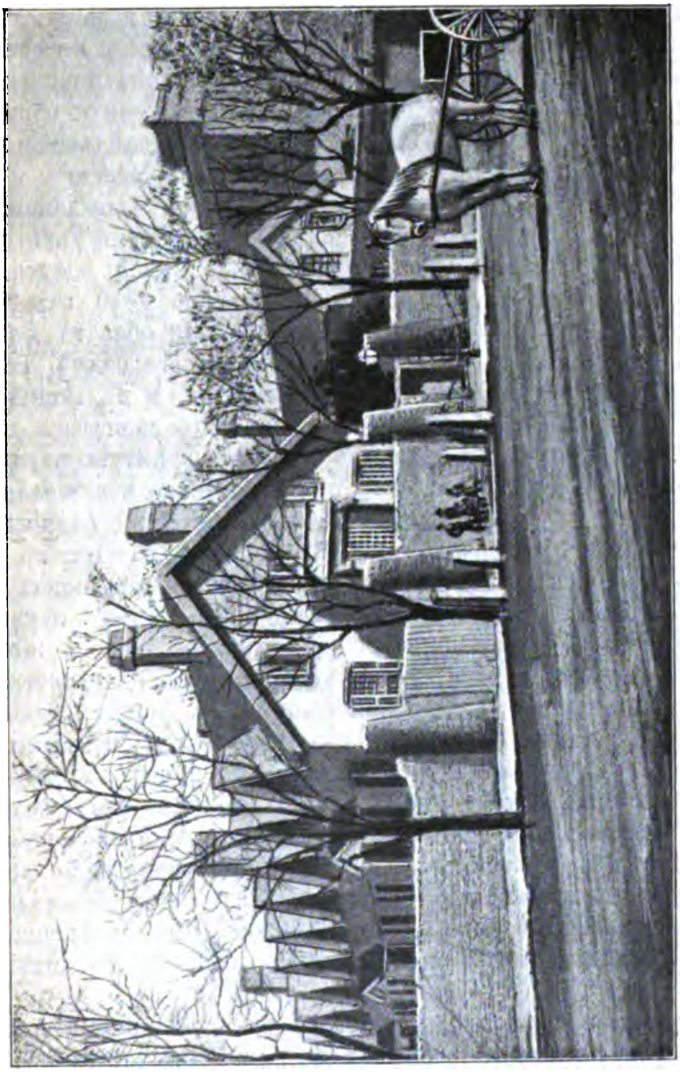


Купальня на Соленомъ озерѣ.

открылся настоящій походъ. Мормоны принуждены были покинуть штатъ Миссури и переселились въ Иллинойсъ. Съ 1841 года Іосифъ Смитъ и другіе главари мормонской церкви начали учить и практиковать доктрину многоженства сначала тайно, а потомъ и явно, послѣ того какъ Іосифъ торжественно объявилъ всѣмъ «вѣрующимъ», что онъ получилъ свыше откровеніе, разрѣшающее «святымъ», по примѣру ветхозавѣтныхъ патріарховъ и царей, имѣть по нѣскольку женъ. «Святые» не замедлили воспользоваться полученнымъ разрѣшеніемъ, и на этой почвѣ возникъ рядъ кровавыхъ столкновеній между ними и другими жителями штата, не мормонами. 27 іюня 1844 года возбужденная противъ мормоновъ толпа застрѣлила пророка Іосифа и брата его, Хирума, въ тюрьмѣ города Кареагена, куда они были заключены властями штата по обвиненію въ подстрекательствѣ къ мятежу, безнравственныхъ поступкахъ и другихъ тяжкихъ уголовныхъ преступленіяхъ. Незадолго до смерти, въ томъ же 1844 году, Іосифъ Смитъ выставилъ свою кандидатуру на постъ президента республики Сѣверо-Американскихъ соединенныхъ штатовъ. Свое политическое credo пророкъ изложилъ въ печатной брошюрѣ, озаглавленной: «Взглядъ на могущество и политику соединенныхъ штатовъ». Вотъ наиболѣе существенные проекты этой любопытной программы: рабство должно быть уничтожено на всемъ пространствѣ соединенныхъ штатовъ, правительство штатовъ уплачиваетъ рабовладѣльцамъ денежный выкупъ за ихъ рабовъ; деньги для этой цѣли имѣютъ быть получены отъ сокращенія жалованья членамъ конгресса и отъ продажи общественныхъ земель; заключеніе въ тюрьму за долги отмѣняется; наказаніемъ за всѣ преступленія, кромѣ убійства, являются принудительныя работы на пользу общую; пенитенціарныя тюрьмы обращаются въ школы; границы соединенныхъ штатовъ должны быть расширены, съ согласія краснокожихъ, отъ моря до моря.

Черезъ два года послѣ убійства пророка, мормоны принуждены были покинуть Иллинойсъ и, подъ предводительствомъ Брайама Юнга, отправились на поиски новаго пристанища. Послѣ долгихъ странствованій ходоки мормоновъ пришли въ долину Соленаго озера. Тогда это была огромная, безлюдная пустыня, по которой бродили только индѣйцы племени Юта; но эта пустынность и отрѣзанность долины Соленаго озера отъ остального міра и придали ей особенную цѣнность въ глазахъ Брайама Юнга: «отсюда мормоновъ никто ужъ не выгонитъ»,—рѣшилъ онъ, и на общемъ совѣтѣ постановлено было именно здѣсь воздвигнуть Новый Сіонъ. Мѣсто, выбранное для него, назвали Дезеретъ, что на мнимомъ ново-египетскомъ языкѣ означаетъ будто бы «Медовая пчела» (гербъ, принятый мормонами); на этомъ мѣстѣ и выросъ нынѣшній «городъ Соленаго озера»; самое озеро назвали Мертвымъ мо-

ремъ, рѣку, текущую въ него, Іорданомъ; окрестныя ущелья, горы и ручьи были окрещены также разными библейскими именами; а вся страна, воды которой текутъ въ Соленое озеро, получила названіе Великой Купели. Къ концу 1848 года въ долинѣ



Львиный домъ.

Соленаго озера было уже до 5.000 мормоновъ. Легендарный, боевой періодъ мормонской исторіи кончился. Началась эпоха упорной борьбы съ природой, мирная культурная работа. Много пришлось вынести первымъ поселенцамъ всякихъ невзгодъ и лишеній, — такихъ невзгодъ, что не будь у нихъ глубокой вѣры въ

своихъ вождей и въ правоту своего дѣла, не будь этого страннаго религіознаго одушевленія, свойственнаго фанатикамъ всякой идеи, да сознанія, что здѣсь, и нигдѣ больше, не устроиться имъ такъ, какъ они хотятъ, вѣруютъ и исповѣдуютъ,— эти люди не выдержали бы борьбы съ могучей пустыней. Излагать подробно исторію мормоновъ не входитъ, впрочемъ, въ нашу задачу. Мы коснемся здѣсь бѣгло лишь двухъ—трехъ наиболѣе интересныхъ моментовъ ея. По мирному договору съ Мексикой, подписанному 2-го февраля 1848 года, соединенные штаты получили обширныя области, изъ которыхъ впослѣдствіи образовались слѣдующіе штаты и территоріи: Калифорнія, Невада, Юта, Новая Мексика и Аризона. Мормоны явились первыми американскими гражданами, поселившимися въ новыхъ областяхъ. До 1849 года они управлялись исключительно главами своей церкви; гражданскій элементъ въ управленіи совершенно отсутствовалъ. Весною 1849 года вождь мормоновъ рѣшилъ начать хлопоты о принятіи области Соленаго озера въ составъ штатовъ Сѣверо-Американскаго союза. Выработана была конституція для «штата Дезерита», и въ Вашингтонъ отправленъ уполномоченный просить согласія конгресса на это принятіе. Но конгрессъ призналъ область, занятую мормонами, не полноправнымъ штатомъ, чего они собственно и добивались, а лишь подчиненной территоріей съ весьма при томъ ограниченными правами, и получила она названіе не Дезерета, а Юта, по имени индѣйскаго племени, населявшаго её. Губернаторомъ новой территоріи правительство назначило Брайама Юнга. Вскорѣ затѣмъ въ городъ Соленаго озера прибыли назначенные изъ Вашингтона судьи для территоріи Юта, и съ этого момента начинается рядъ недоразумѣній вождей мормонской общины съ центральнымъ правительствомъ, такъ какъ судьи находили несовмѣстимыми свои обязанности съ правами и учрежденіями мормоновъ, представлявшими, съ точки зрѣнія дѣйствующаго закона, одно сплошное правонарушеніе. Былъ одинъ моментъ даже, когда подъ вліяніемъ донесеній судей центральное правительство приказало двинуть войска противъ мормоновъ, и территорія Юта едва не стала ареной междоусобной войны; дѣло обошлось безъ кровопролитія, но эта экспедиція стоила соединеннымъ штатамъ 30 милліоновъ рублей.

Въ 1861 г. проложенъ былъ телеграфъ, соединившій Атлантическое и Тихоокеанское побережья соединенныхъ штатовъ; а восемь лѣтъ спустя, ихъ связала и желѣзная дорога. Предвидя громадныя перемѣны, экономическія и соціальныя, какія эта дорога должна будетъ принести съ собой для мормоновъ, Брайамъ Юнгъ задумалъ монополизировать въ пользу «святыхъ» (и въ свою, конечно) всю внутреннюю торговлю территоріи Юта. Съ этою цѣлью имъ было учреждено такъ называемое «Кооперативное тор-

говое товарищество Сіона», которое начало свои дѣйствія въ 1869 году; вскорѣ филіальныя отдѣленія его открылись чуть ли не во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ территоріи. Это торговое товарищество явилось не только очень выгоднымъ дѣломъ, но и могущественнымъ политическимъ орудіемъ въ рукахъ вождей мормонской общины, которые получили въ немъ новое средство держать въ повиновеніи свою паству; во власти пастырей должны были оказаться не только умы и души, но и карманы пасомыхъ: геніальная комбинація, которою очень просто и радикально рѣшались бы многія самыя сложныя соціальныя проблемы. Но тутъ политика Брайама Юнга встрѣтила сильную оппозицію со стороны нѣкоторыхъ богатыхъ мормонскихъ же купцовъ: «Кооперативное торговое товарищество Сіона» явилось для нихъ слишкомъ опаснымъ конкуррентомъ. Пророку поставлены были на видъ: неумѣстность его участія въ организаціи коммерческихъ ассоціацій, въ постройкахъ желѣзныхъ дорогъ и т. п. чисто свѣтскихъ предпріятіяхъ. Начались упреки безграничнымъ самовластіемъ, азіатскимъ деспотизмомъ, — всякое лыко шло въ строку. Немалую роль сыграло и недовольство такъ называемой «десятиной». Когда Іосифъ Смитъ и его первые сподвижники устроивали мормонскую церковную общину, было постановлено, что каждый вновь вступающій въ нее членъ отдаетъ все свое имущество верховному апостолу, который опредѣляетъ изъ этого имущества часть, необходимую для удовлетворенія потребностей вновь принятаго члена и его семьи, при чемъ эта часть уступается лишь во временное пользованіе, и въ своихъ распоряженіяхъ ею членъ отдаетъ подробный отчетъ главѣ церкви. Члены слѣдятъ другъ за другомъ, чтобы не было нерадивыхъ и лѣнивыхъ, чтобы всѣ одинаково трудились, и во всемъ существовало бы полное равенство. Но такой порядокъ вещей продержался недолго, и отцы мормонской церкви постановили, что каждый членъ долженъ отдавать лишь избытокъ своей собственности епископу. Брайамъ Юнгъ отмѣнилъ это постановленіе и ввелъ такъ называемую «десятину»: каждый мормонъ и понынѣ вноситъ главѣ церкви ежегодно одну десятую часть своихъ доходовъ. И эта «десятина», т.-е., вѣрнѣе, злоупотребленіе ею, была выдвинута, какъ одинъ изъ самыхъ серьезныхъ пунктовъ обвиненія противъ Юнга...

> Но съ Юнгомъ спорить было рано:
> Неравенъ былъ могучій споръ...

Протестанты были изгнаны изъ лона мормонской церкви. Соединившись впослѣдствіи съ немормонскимъ элементомъ населенія территоріи, они положили начало той оппозиція, изъ которой въ 1870 г. выросла мѣстная либеральная партія, вступившая въ отчаянную борьбу съ «святыми послѣднихъ дней».

Съ 1870 года начинаются серьезныя попытки центральнаго правительства уничтожить главную основу мормонскаго быта—многоженство. Въ мѣстной либеральной партіи правительство нашло горячую поддержку; но пока былъ живъ Юнгъ, эта партія, лозунгомъ которой явился крикъ: «долой полигамическую теократію»,—большого успѣха не имѣла. Здѣсь, какъ и во всякой острой политической борьбѣ, было много страстности, насильственныхъ актовъ и беззаконій съ обѣихъ сторонъ. Вождей мормоновъ, между прочимъ, обличали даже въ тайныхъ убійствахъ, и это обличеніе, повидимому, имѣло основаніе.

Въ 1877 году, послѣ 33-хъ лѣтняго управленія церковью святыхъ послѣднихъ дней, Брайамъ Юнгъ умеръ. Центральное правительство принялось за мормоновъ, что называется, всерьезъ. Былъ изданъ рядъ законовъ противъ полигаміи, и въ 1887 г. начались суровыя преслѣдованія за многоженство. 12.000 мормоновъ были лишены правъ американскаго гражданства; больше 1000 ихъ отправлены въ пенитенціарныя тюрьмы; денежные штрафы сыпались на карманы «святыхъ», какъ изъ рога изобилія. Но «святые» упорно отстаивали многоженство, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ догматовъ своей вѣры, какъ завѣтъ, данный имъ самимъ Богомъ. Они доказывали, что конгрессъ не имѣлъ права издавать законъ, запрещающій свободную практику этого догмата, какъ и всякаго вообще религіознаго догмата, и обратились съ жалобой въ верховный судъ. Верховный судъ Америки, который одинъ только можетъ отвергнуть законъ, изданный конгрессомъ, рѣшилъ, однако, что законъ противъ полигаміи вполнѣ конституціоненъ, и что статья конституціи насчетъ свободнаго исповѣданія любой религіи на всемъ пространствѣ Соединенныхъ Штатовъ не можетъ служить оправданіемъ мормонской доктринѣ многоженства. Мормоны поняли, что силы въ этой борьбѣ слишкомъ неравны, что имъ придется волей-неволей покориться. И вотъ глава мормонской церкви «получаетъ отъ Бога повелѣніе посовѣтовать «святымъ» отказаться отъ практики многоженства». Въ сентябрѣ 1890 года вожди мормоновъ обратились къ народу съ воззваніемъ, предлагая воздерживаться впредь отъ полигаміи. Это вызвало расколъ. Нѣсколько тысячъ полигамистовъ покинули Юта и переселились въ Мексику. Большинство хотя и подчинилось велѣніямъ отцовъ своей церкви, но смотритъ на это подчиненіе, какъ на невольное отступничество. Вскорѣ послѣ офиціальнаго отреченія главъ мормонской церкви отъ доктрины полигаміи послѣдовали двѣ президентскія амнистіи, которыми всѣ мормоны, обвиненные въ многоженствѣ, были помилованы съ освобожденіемъ отъ всѣхъ правоограничительныхъ послѣдствій осужденія, а въ началѣ 1896 года осуществилась наконецъ старая, завѣтная мечта мормоновъ: Юта изъ территоріи стала самостоятельнымъ штатомъ. Можно было бы думать, что треволненія мор

моновъ кончились; недавнія событія показываютъ, однако, что это далеко не такъ: впереди имъ предстоитъ испытать, повидимому, еще немало напастей. Но прежде чѣмъ перейти къ этому послѣднему, очень интересному фазису мормонской исторіи, я считаю нужнымъ сказать здѣсь еще нѣсколько словъ объ ученіи мормонской секты. Учители этой секты проповѣдуютъ, что дѣйствительное существованіе принад-

Брайанъ Юнгъ.

лежитъ исключительно матеріи. «Духовное, т. е. нематеріальное, значитъ не существующее. Чистый духъ есть чистое ничто, и христіане, поклоняющіеся Богу, какъ духу,—язычники». Мормоны такъ и зовутъ всѣхъ немормоновъ—gentiles (язычники). Верховное божество ихъ живетъ въ центрѣ міра,—на звѣздѣ Колобъ. Отъ него произошло множество второстепенныхъ боговъ, управляющихъ солнцами и планетами. Мормоны чтутъ особенно бога планеты земли, существо матеріальное. Троицу они признаютъ, но понимаютъ посвоему: въ богѣ земли—два лица: отецъ и сынъ его, Христосъ; духъ же это—собственно энергія, исходящая отъ нихъ обоихъ. У бога земли отъ

брака его съ богиней планеты Венеры былъ еще сынъ, Люциферъ, но онъ потерялъ свое божеское достоинство и сталъ злымъ духомъ. Родоначальникомъ человѣческаго рода былъ богъ Михаилъ, получившій въ своемъ земномъ воплощеніи имя Адама. Дальнѣйшая священная исторія ветхаго и новаго завѣта излагается мормонами безъ существенныхъ измѣненій. Важное значеніе въ этомъ ученіи имѣетъ еще теорія ангеловъ и духовъ: «духи—это предсуществующіе люди, имѣющіе воплотиться на землѣ и черезъ то получить полноту бытія; а ангелы—это души умершихъ людей, которые хотя и вели добрую жизнь, но не исполнили главнаго назначенія человѣка—имѣть женъ и дѣтей, чтобы содѣйствовать воплощенію возможно бо̀льшаго числа духовъ, будущихъ боговъ». Послѣдній пунктъ и лежитъ въ основѣ знаменитой доктрины многоженства. Мормоны признаютъ четыре главныхъ таинства: крещеніе, причащеніе хлѣбомъ и водою, бракъ и рукоположеніе во священство. Безусловное послушаніе пророку, получающему непосредственныя откровенія,—единственная добродѣтель, требуемая отъ мормона. Единственный грѣхъ—недовѣріе и ослушаніе пророку. Пророкъ въ средѣ своей паствы пользуется властью неограниченной. При немъ состоитъ верховный судъ трехъ, одинъ изъ членовъ котораго имѣетъ титулъ патріарха. Коллегіи 12 апостоловъ и 70 учениковъ, или миссіонеровъ, помогаютъ пророку въ управленіи и распространеніи секты. Все священство дѣлится на два чина: высшій составляютъ первосвященники и старѣйшины, низшій — священники, учители и діаконы.

«Мормонская вѣра»—единственное вѣроисповѣданіе, возникшее въ Америкѣ. Это новое, чисто-американское вѣроисповѣданіе сразу вооружило противъ себя всѣ другія тамошнія церкви и секты, и въ тѣхъ жестокихъ преслѣдованіяхъ, какимъ подверглась мормонская секта въ самомъ началѣ своего появленія, духовенство старыхъ американскихъ церквей приняло очень видное участіе. Когда мормоны окончательно основались на территоріи Юта, протестантское духовенство и здѣсь не оставило ихъ въ покоѣ. Для обращенія мормоновъ въ баптизмъ, пресвитеріанство, методизмъ и т. д. снаряжались спеціальныя миссіи съ большими окладами жалованья миссіонерамъ; но онѣ потерпѣли здѣсь полнѣйшую неудачу; затраченныя попусту громадныя суммы еще болѣе озлобили противъ мормоновъ духовенство господствующихъ протестантскихъ церквей, и свое озлобленіе оно сумѣетъ привить и своимъ пасомымъ. Мормоны, съ своей стороны, тоже не сидѣли, сложа руки, и ихъ миссіонеры въ послѣдніе годы стали пріобрѣтать массы новыхъ членовъ не только за границей, но и въ самихъ соединенныхъ штатахъ. Ихъ успѣхъ серіозно встревожилъ конгрессіонистскихъ, баптистскихъ, пресвитеріанскихъ и др. пасторовъ. Дѣло въ томъ, что и протестантское и католическое духовенство при-

нимаетъ здѣсь очень большое участіе въ политической и общественной жизни страны. Борьбу политическую оно считаетъ даже главной задачей своей дѣятельности. Дѣло дошло до того, что

Каррикатура на мормоновъ.

отдѣльныя протестантскія церкви установили въ штатахъ свои опредѣленныя «сферы вліянія» чисто-политическаго свойства. И вотъ эти-то «сферы вліянія» мормонскіе миссіонеры, появившись во всѣхъ штатахъ союза, и стали оспаривать теперь у господ-

ствующихъ протестантскихъ церквей,—мѣстами съ такимъ блестящимъ успѣхомъ, что духовенство этихъ церквей забило тревогу. Когда же въ 1899 году штатъ Юта послалъ своимъ представителемъ въ Вашингтонскій конгрессъ мормона, всѣ пасторы старыхъ протестантскихъ сектъ увидѣли въ этомъ начало конца своему собственному значенію и будущности и зарю полнаго торжества мормонства на американской почвѣ. Чѣмъ кончится эта борьба господствующихъ въ Америкѣ христіанскихъ церквей съ полуязыческой мормонской сектой, сказать пока трудно, но несомнѣнно, что на почвѣ такой борьбы разыграется еще немало внутреннихъ смутъ въ этой оригинальной странѣ.

Пора, однако, вернуться къ городу Соленаго озера. Противъ квартала храмовъ поднимается внушительныхъ размѣровъ домъ—Templeton Hotel, принадлежащій одному изъ многихъ сыновей Брайама Юнга. Мы рѣшили нанести визитъ сыну знаменитаго человѣка. Элеваторъ поднялъ насъ въ шестой этажъ, гдѣ помѣщались столовыя. Просторно, тепло, солнце весело смотритъ въ высокія окна. Прислуживаютъ корректно одѣтые негры: это чернокожіе джентльмены—американскій шикъ, необходимая принадлежность всякаго фешенебельнаго дома. Въ столовой—много дамъ,—гораздо больше, чѣмъ мужчинъ; оказывается, все это—мормонки, пріѣхавшія изъ разныхъ мѣстъ штата по случаю избранія одной изъ женщинъ въ мѣстный сенатъ: эти лэди хотятъ присутствовать при торжествѣ вступленія ея на государственный постъ. Господинъ, съ которымъ мы разговорились, и былъ самъ Юнгъ, человѣкъ, далеко уже не молодой, и вообще фигура, ничѣмъ особеннымъ не замѣчательная. Онъ предложилъ намъ полюбоваться видами съ балконовъ, окружающихъ столовыя. Солнце ярко сверкало на снѣжныхъ вершинахъ горъ, воздухъ былъ чистъ и прозраченъ, и предъ нами открывался обширный видъ на городъ и окрестную страну. «Новый Сіонъ» мормоновъ раскинулся на высокой равнинѣ, окруженной цѣпью горъ, достигающихъ мѣстами 12.000 футовъ высоты. Въ сѣверной части горы стѣной подошли къ городу, составили его естественную защиту отъ холодныхъ вѣтровъ пустыни; къ югу и западу отрывается широкій просторъ. По общей всѣмъ американскимъ городамъ системѣ, и городъ Соленаго озера разбитъ на правильные кварталы—блоки, и изрѣзанъ сѣтью прямыхъ улицъ. Сѣверная часть—болѣе старая; здѣсь и блоки меньше, и улицы уже, и дома проще. Восточная и южная части относительно недавно застроены; въ нихъ все просторнѣе и величественнѣе. На горизонтѣ виднѣется стальная полоса Соленаго озера; почва вокругъ него, пропитанная солью, лишена всякой растительности. Туда ведетъ желѣзнодорожная вѣтка, и лѣтомъ, въ разгаръ купальнаго сезона, отправляется больше 20 поѣздовъ въ день. Сегодня есть одинъ, около 3-хъ часовъ, и мы заторопи-

лись, чтобы не опоздать. Поблагодаривъ мистера Юнга за его милое вниманіе, мы отправились расплатиться за завтракъ: касса помѣщалась внизу. У кассира мы опять справились о поѣздѣ.

— Идите, идите скорѣй, не то вы опоздаете.

— Получите же деньги!

— Never mind, never mind! Вы заплатите послѣ.

Мы въ недоумѣніи смотримъ на него; но американца начинаетъ злить наша медлительность: «да идите же, наконецъ, скорѣе, вѣдь опоздаете»,—почти крикнулъ онъ. Не заплативши за завтракъ, мы выходимъ и садимся въ шедшій мимо электрическій tram; онъ долженъ былъ доставить насъ на поѣздъ. Main street, по которой мы теперь проѣзжаемъ, представляетъ центръ дѣловой жизни города; на небольшомъ пространствѣ, для удобства и возможно меньшей потери времени, сосредоточились всѣ его банки, конторы, главные магазины, и надъ всѣмъ царитъ только что отстроенный дворецъ City and County House, гдѣ помѣщаются государственныя учрежденія новаго штата и засѣдаютъ муниципальныя власти города.

Къ поѣзду, какъ и ожидалъ джентльменъ изъ Templeton'a, мы опоздали; посѣщеніе Мертваго моря пришлось отложить до другого раза, и мы принялись колесить по мормонской столицѣ, знакомясь съ разными уголками. Почти вся она сплошной паркъ; вдоль улицъ тянутся ряды стройныхъ пирамидальныхъ тополей и липъ; дома— небольшіе особняки, разнообразной архитектуры, съ затѣйливыми украшеніями; вокругъ нихъ—сады, цвѣтники съ изящными рѣшетками, статуями, фонтанами. Какъ здѣсь должно быть дивно лѣтомъ, среди этой массы зелени и цвѣтовъ! Не видно ни фабрикъ, ни заводовъ съ этими ужасными, длинными трубами и отравляющимъ дыханіе дымомъ. Кареты, фіакры рѣдки: электрическіе вагоны бѣгаютъ повсюду, даже на тѣхъ улицахъ, гдѣ и мостовыхъ еще нѣтъ, и вмѣсто роскошныхъ виллъ стоятъ избушки на курьихъ ножкахъ. Эти окраины города, хотя и безъ мостовыхъ, но распланированы правильно, усажены деревьями, имѣютъ проведенную воду, электрическія дороги, и если кто захочетъ поселиться здѣсь, онъ найдетъ къ своимъ услугамъ и хорошую воду, и удобное сообщеніе съ центромъ. Какая рѣзкая разница съ тѣмъ, что мы видимъ у себя, даже въ такомъ городѣ, какъ Петербургъ! За этой городской окраиной, которая ждетъ еще капиталовъ для пробужденія къ жизни, начинаются поля; а тамъ далеко тянется Мертвое море, за которымъ смутно рисуются линіи дальнихъ горныхъ цѣпей.

Не только на окраинахъ, но и въ центрѣ города становится къ вечеру очень тихо и пустынно.

Столица мормоновъ не даетъ понятія о настоящемъ американскомъ городѣ: въ немъ нѣтъ той шири, того страшнаго размаха,

той ключемъ бьющей лихорадочной житейской суеты, которая такъ характерна для городовъ старыхъ восточныхъ штатовъ Америки.

Все время до обѣда мы профланировали по Главной улицѣ. Какія здѣсь видныя женщины! Какъ онѣ смѣло и непринужденно держатъ себя! Заглядываемъ въ магазины рѣдкостей: очень хороши издѣлія изъ камней, добываемыхъ въ Скалистыхъ горахъ; выбираемъ кое-что на память и останавливаемся передъ видами мормонской столицы. Подходитъ хозяинъ и съ лукавой улыбкой открываетъ ящикъ съ фотографіями: рядъ остроумныхъ каррикатуръ на интимную жизнь Брайама Юнга среди его 22 женъ. Разсказавши нѣсколько анекдотовъ о знаменитомъ мормонскомъ пророкѣ, хозяинъ магазина вдругъ принялъ серіозный видъ: «а все-таки Брайамъ Юнгъ былъ почтенный джентльменъ и оставилъ своимъ женамъ больше 50 милліоновъ долларовъ; никому изъ gentiles не удастся сдѣлать себѣ такое состояніе въ этомъ городѣ». Всѣхъ, не принадлежащихъ къ мормонской сектѣ, мормоны такъ и зовутъ: gentiles, язычники.

Мы собрались уже проститься съ словоохотливымъ хозяиномъ интереснаго магазина, какъ дверь отворилась, и вошелъ пожилой господинъ въ высокихъ сапогахъ и кожаной, подбитой мѣхомъ курткѣ,—костюмъ не то охотника, не то горца; обвѣтренное лицо его дышало энергіей и здоровьемъ. Онъ показалъ хозяину небольшой кусокъ темнаго кварца съ прожилками золота: старикъ только-что вернулся съ горъ, гдѣ его компанія разработываетъ золотый пріискъ, и кусокъ руды былъ принесенъ оттуда. Съ нами былъ мальчикъ-подростокъ; онъ такъ и впился глазами въ эту характерную, живописную фигуру: нетрудно представить себѣ, что за картины рисовались въ его воображеніи. Старикъ замѣтилъ, съ какимъ восхищеніемъ и любопытствомъ смотрѣлъ на него мальчикъ.

— What's your age? — обратился вдругъ онъ къ мальчику, взявъ его за подбородокъ.

— I am thirteen,—послѣдовалъ довольно робкій отвѣтъ.

— And your country?

— My country is Russia!—не безъ гордости уже заявилъ нашъ юный путешественникъ.

— You are a brave boy! Take this piece and you will remember sometimes the old workman of Utah.—Съ этими словами старикъ передалъ кусокъ золотоноснаго кварца оторопѣвшему мальчику. Не успѣлъ тотъ поблагодарить его, какъ old workman of Utah уже вышелъ: сценка совершенно въ стилѣ Фенимора Купера.

Послѣ обѣда въ Templeton'ѣ мы подходимъ къ кассѣ расплатиться.

— А что если бы намъ вдругъ сегодня же пришлось уѣхать отсюда, а заплатить бы мы не успѣли?

— Вы прислали бы, — отвѣчаетъ кассиръ съ такимъ видомъ, точно хочетъ сказать: — ну, стоитъ ли тратить время на такіе пустые разговоры?

Немало интереснаго представляетъ та часть города, гдѣ жили и дѣйствовали самъ Юнгъ и первые піонеры. На слѣдующцее утро мы туда и отправились. Эта часть—самая старая, конечно. Первые поселенцы искали прежде всего естественной защиты отъ вражескихъ племенъ и холодныхъ вѣтровъ пустыни, и первыя ихъ постройки пріютились, поэтому, близъ естественной защиты,—у основанія горъ. Въ эту часть города ведутъ очень импозантныя «Орлиныя ворота», съ огромнымъ металлическимъ орломъ надъ входомъ. Дома тутъ — незатѣйливые, низенькіе, каменные, одноэтажные, выкрашены всѣ въ одинъ сѣро-желтый цвѣтъ. Подъѣзжаемъ къ Львиному дому,—«The Loin House»: это — длинное, одноэтажное зданіе съ нѣсколькими десятками оконъ и множествомъ отдѣльныхъ подъѣздовъ; надъ главнымъ красуется большой, высѣченный изъ камня, левъ. Тутъ жили жены Юнга: у каждой былъ свой отдѣльный подъѣздъ. Левъ символизируетъ самого Юнга, охраняющаго входъ въ свои владѣнія. Позади дома — густой садъ, а кругомъ—высокая, каменная ограда, настоящая крѣпостная стѣна. Немного дальше — опять домъ для женъ Юнга, «The Beehive House», Улей: надъ входомъ изображенъ гербъ мормоновъ — улей и рой летающихъ кругомъ пчелъ. Юнгу, очевидно, не всегда жилось покойно среди его 22 женъ, потому что немного дальше мы видимъ домъ безъ всякихъ символовъ, — просто «Brigham Young's Residence», въ которомъ онъ жилъ одинъ, и, наконецъ, еще домъ болѣе новой архитектуры подъ дерзкимъ названіемъ: «The white House», т. е. Бѣлый домъ, какъ у президента соединенныхъ штатовъ въ Вашингтонѣ. Въ сторонѣ отъ всѣхъ этихъ «резиденцій»—длинная, каменная казарма,—школа, гдѣ обучались дѣти Юнга: 63 ученика обоего пола. Немного поодаль отъ своихъ земныхъ обителей покоятся, за чугунной оградой, останки великаго мормонскаго пророка, и тутъ же, только за отдѣльной оградой, могилы нѣкоторыхъ его любимицъ.

Въ этой части города находятся еще 22 церкви и школы. 22 у мормоновъ—цифра мистическая: городъ былъ раздѣленъ на 22 квартала, имѣлъ 22 церкви и столько же школъ, и женъ у Юнга было тоже 22; все это имѣетъ, повидимому, связь съ днемъ 22-го сентября, когда Іосифъ Смитъ получилъ «Книгу Мормона» на горѣ Кюморѣ.

Мормоны, какъ извѣстно, платятъ въ пользу церкви такъ называемый десятинный сборъ; подать эту они могутъ вносить и натурой. Такія приношенія стекаются въ особый домъ, — «домъ десятинныхъ сборовъ». Часть ихъ идетъ на жалованье служащимъ при храмахъ; остальное продается, а деньги употребляются

на различныя нужды церковной общины. Старый домъ сборовъ, выстроенный при Юнгѣ, давно сталъ малъ; теперь воздвигнуто грандіозное зданіе—магазинъ, гдѣ продаюся и дамскія шляпки, и куры, и живые телята, и другіе предметы «натуральной повинности». Мы покидаемъ эту часть города, гдѣ все полно еще именемъ Юнга, но обречено уже на разрушеніе. Передъ нами вдругъ, какъ въ волшебной сказкѣ, выростаетъ чудный дворецъ, въ которомъ могла бы жить сказочная царевна изъ 1001 ночи. Останавливаемся, смотримъ: диво, и только! Мраморъ, колонны, башни, фонтаны, статуи, садъ, цвѣтники. Да что это такое?

Нашъ driver и гидъ очень доволенъ произведеннымъ впечатлѣніемъ: The Amelia Palace,—произноситъ онъ не безъ гордости. Оказывается, что у Юнга, уже на старости лѣтъ, была еще одна жена, — послѣдняя по офиціальному счету и, какъ послѣдняя, самая любимая. Вотъ этой-то дамѣ, хорошенькой Амеліи Фольсомъ, Юнгъ и выстроилъ этотъ сказочный дворецъ. Все, что раньше строилъ онъ для себя и своего народа, отличалось больше крѣпостью и солидностью, чѣмъ красотой; его постройки были сколкомъ съ него самого; но когда дѣло дошло до гнѣздышка для любимой птички, Юнгъ измѣнилъ своимъ старымъ правиламъ; тутъ руководила имъ глубокая страсть смотрящаго уже въ могилу человѣка, любовь fait comme la mort. Намъ, наконецъ, захотѣлось увидѣть изображеніе самого Юнга. Въ 1896 году ему воздвигнутъ памятникъ, въ видѣ статуи, гдѣ Юнгъ смотритъ, какъ живой; фигура, говорятъ, поразительно похожая на оригиналъ, представляетъ плотнаго, коренастаго господина въ пальто; одной рукой онъ оперся на палку; другой показываетъ въ даль; лице— крайне характерное, умное, съ крупными чертами, крѣпкимъ выдающимся подбородкомъ, говорящимъ объ энергіи и сильномъ характерѣ.

Энергія Юнга явилась чрезвычайно важнымъ факторомъ въ дѣлѣ созданія ряда благоустроенныхъ человѣческихъ общинъ среди мертвой пустыни Юта; но одной этой энергіи было, конечно, мало; мало было и глубокой вѣры въ него: нужны были и дѣльные помощники, и разумно-сознательныя отношенія массы ко всѣмъ начинаніямъ ея вождей, и въ этомъ направленіи здѣсь сдѣлано было очень много.

Въ городѣ Соленаго озера въ настоящее время на 70.000 душъ населенія имѣются 30 народныхъ школъ съ 130 преподавателями обоего пола. Школы стоятъ городу 270.000 рублей въ годъ; обученіе—даровое и обязательное. Двѣ High Schools, съ программой немного больше нашихъ гимназій, служатъ для удовлетворен[illegible] потребностей въ среднемъ образованіи. Высшимъ учебнымъ за[illegible]деніемъ является университетъ, который готовитъ, между прочи[illegible] и преподавателей для всѣхъ здѣшнихъ школъ. Университетъ—бо[illegible]

шое, четырехъ этажное зданіе съ множествомъ другихъ пристроекъ вмѣщаетъ въ себѣ теперь до 500 студентовъ. Онъ является главнымъ разсадникомъ высшаго образованія не только для штата Юта, но и для большей части области Скалистыхъ горъ. Особенно хорошо поставленъ въ немъ такъ называемый горный факультетъ, который готовитъ горныхъ инженеровъ для всей этой обширной области. Въ штатѣ Юта добывается ежегодно на 20 милліоновъ рублей однихъ только драгоцѣнныхъ металловъ; а съ тѣхъ поръ, какъ они тутъ открыты, ихъ добыто больше, чѣмъ на 300 милліоновъ рублей. Университетская библіотека заключаетъ больше 15.000 томовъ и открыта для всѣхъ, желающихъ пользоваться ею, какъ и читальный залъ съ массой газетъ и журналовъ. Народнымъ образованіемъ вѣдаетъ особая комиссія изъ 10 выборныхъ членовъ. Кромѣ упомянутыхъ выше учебныхъ заведеній, въ городѣ много другихъ школъ; между прочимъ, здѣсь есть коммерческое училище, школа для глухонѣмыхъ, еврейская школа и пр. При каждой церкви (а здѣсь больше десятка разныхъ протестантскихъ сектъ) имѣется своя школа, у мормоновъ же, кромѣ церковныхъ училищъ, есть и духовная семинарія. Изъ университета мы поѣхали въ мѣстный музей,—музей пустыни. Пустыня дала ему, однако, столько богатствъ, что здѣсь можно съ удовольствіемъ провести не одинъ день. Особенно богатъ отдѣлъ ископаемыхъ и коллекціи животнаго міра Скалистыхъ горъ. Въ этнографическомъ отдѣлѣ обращаютъ на себя вниманіе предметы домашняго и общественнаго быта нѣкоторыхъ индѣйскихъ племенъ.

Юнгъ понималъ, какое важное значеніе въ жизни играютъ разумныя развлеченія. Мѣстный театръ, выстроенный подъ его личнымъ руководствомъ и наблюденіемъ, разсчитанъ на 1.500 зрителей, что̀ для такого небольшого города—болѣе чѣмъ достаточно. Когда основывалась столица штата Юта, было оставлено обширное мѣсто для ея парка. Въ началѣ онъ назывался просто «Forest Farm», лѣсной участокъ, чѣмъ онъ собственно и былъ въ то время. Теперь «Лѣсной участокъ» обратился въ роскошный «Паркъ Свободы», занимающій больше 110 акровъ земли. Каждыя пять минутъ мимо него проносятся вагоны электрической желѣзной дороги; даже теперь, въ глубокую осень, онъ представлялъ чудное мѣсто для отдыха. Чтобы закончить внѣшній осмотръ столицы мормоновъ, мы отправились въ недавно отстроенный City and County Building. Зданіе это помѣщается въ «Скверѣ Вашингтона», въ центрѣ города. Въ скверъ ведутъ грандіозныя чугунныя ворота. На подъѣздахъ—огромныя колонны изъ мѣстнаго мрамора. Всѣ лѣстницы, по которымъ, впрочемъ, здѣсь какъ и вездѣ въ Америкѣ, никто не ходитъ, — тоже мраморныя. Залы отдѣланы камнями, добытыми въ Скалистыхъ горахъ, рѣзнымъ дубомъ и другими породами дорогого дерева. Надъ дворцомъ города и штата,

имѣющимъ 270 футовъ высоты, поднимается еще башня въ 250 футовъ, и съ ея вершины смотритъ гигантская статуя Колумба. Въ галлереяхъ башни стоитъ подзорная труба, и отсюда открывается обширный видъ на десятки верстъ кругомъ.

Что ни шагъ здѣсь, то новое доказательство удивительной энергіи и предпріимчивости этихъ людей: близъ города нашли горячіе ключи съ t° въ 114° F; по химическому составу они подходятъ къ Карлсбадскимъ источникамъ; и вотъ сейчасъ же составилась компанія на акціяхъ, затратившая на устройство водъ сразу 300.000 рублей, и теперь этотъ «Karlsbad of America» процвѣтаетъ. Мнѣ вспомнился нашъ Кавказъ съ его благодатнымъ климатомъ, колоссальными естественными богатствами и колоссальной лѣнью и апатіей его населенія, и всѣмъ неблагоустройствомъ и безобразіемъ его жизни!..

Лѣтъ 30 тому назадъ, одинъ русскій путешественникъ (Огородниковъ) такъ описывалъ свои впечатлѣнія лѣтней поѣздки по странѣ мормоновъ: «Вонъ разбросаны фермы, окруженныя фруктовыми садами, тамъ поля кукурузы, огороды и баштаны арбузовъ, дынь и тыквъ; а вотъ неподалеку отъ линіи желѣзнаго пути раскинулась цѣлая колонія съ покосными лугами и обширными пашнями. И чѣмъ дальше ѣдемъ мы, тѣмъ больше жизни: хлѣба и травы выше, фермы попадаются чаще; по зеленому ковру луговъ пасутся лошади, разбрелся рогатый скотъ, видны фургоны и люди за работой. Каждый человѣкъ здѣсь дѣятельно занятъ, водки не пьетъ, табакъ куритъ рѣдко и получаетъ большой доходъ съ земли, хотя она вчера еще была мертвой пустыней. Вотъ почему мормоны сильны, и вы не увидите между ними ни пьяныхъ, ни нищихъ, ни оборванныхъ. Трудъ для мормона—это его религіозная полемика съ міромъ; вотъ почему они благоденствуютъ тамъ, гдѣ другая жизнь погибла бы. Почва здѣсь до того суха и безплодна, что со всей религіозной страстностью къ труду, «святой» не въ силахъ воздѣлать больше 4-хъ акровъ земли, между тѣмъ какъ въ иныхъ мѣстахъ республики одинъ человѣкъ обработываетъ до 40 и болѣе акровъ».

Да, трудъ здѣсь все, въ этой странѣ кипучей, неукротимой, упорной энергіи,—трудъ и свобода, и прежде всего свобода отъ непрестаннаго административнаго воздѣйствія и опеки.

А. А. Черевкова.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССІИ.

Мемуары дипломатки. — Пребываніе подъ арестомъ въ Россіи французскаго генеральнаго консула въ Молдавіи, Рейнгарда. — Еще о княгинѣ Ливенъ. — Ея письма къ Гизо.—Разсказъ Гизо о смерти княгини Ливенъ.

КЪ МНОГОЧИСЛЕННЫМЪ французскимъ мемуарамъ, относящимся до Россіи, недавно присоединились письма г-жи Рейнгардъ къ матери (1798—1815). Ея мужъ, впослѣдствіи баронъ, а затѣмъ графъ Рейнгардъ, игралъ довольно значительную роль во Франціи въ эпоху директоріи, консульства, имперіи, реставраціи и іюльской монархіи. Въ этихъ письмахъ [1]) г-жа Рейнгардъ очень рельефно описываетъ всѣ событія, въ которыхъ принималъ участіе ея мужъ. Слѣдуя за нимъ въ различныя государства Европы, гдѣ онъ былъ представителемъ Франціи, она имѣла случай побывать, насильственно, подъ арестомъ, въ Россіи. Такимъ образомъ ея письма, во время ея заточенія въ Россіи, всего любопытнѣе для насъ, но для полноты характеристики Рейнгарда мы упомянемъ коротко о всей его дипломатической дѣятельности.

Біографію графа Рейнгарда началъ писать его сынъ, но умеръ, не докончивъ своего труда, и въ 1896 г. эту задачу исполнилъ

---

[1]) Une femme de diplomate: lettres de m-me Reinhard à sa mère (1796—1815). Traduit de l'allemand et publié par la baronne de Vimpfen. Paris. 1901.

Лангъ, въ книгѣ, подъ названіемъ: «Graf Reinhard. ein deutsch-französisches Lebensbild, 1767—1837». Однако онъ не могъ воспользоваться письмами г-жи Рейнгардъ для своего сочиненія, такъ какъ они были переданы французскому обществу современной исторіи, поручившему переводъ съ нѣмецкаго языка, на которомъ написанъ подлинникъ, ея внучкѣ, баронессѣ Вимпфенъ. Такимъ образомъ эти любопытные мемуары, хотя и нѣмецкаго происхожденія, появились впервые на французскомъ языкѣ. Авторъ ихъ, «жена дипломата», была дочерью Реймаруса, доктора и литератора въ Гамбургѣ. Чрезвычайно образованная женщина, она вела свой дневникъ, имѣвшій характеръ писемъ къ ея матери, съ 1798 г. до своей смерти въ 1815 г.

Что же касается до Карла-Фридриха Рейнгарда, то онъ родился въ городѣ Шорндорфѣ, въ Вюртембергѣ, 2 октября 1761 г. Отецъ его былъ пасторомъ и хотѣлъ подготовить сына къ той же карьерѣ, но послѣдній, пройдя университетскій курсъ въ Тюбингенѣ и съ молодости отличавшійся поэтическимъ талантомъ, имѣлъ совершенно иные вкусы. Поэтому въ 1786 г. онъ навсегда оставилъ Вюртембергъ, съ разрѣшенія герцога. Сначала молодой Рейнгардъ былъ учителемъ въ семействѣ Блонэ, въ Вэвэ, и научился тамъ французскому языку, а черезъ годъ отправился во Францію, стремленію которой къ прогрессу онъ чрезвычайно сочувствовалъ. Въ Бордо онъ принялъ участіе въ политическомъ движеніи, вступилъ въ «Общество друзей конституціи» и сошелся съ Верньо. Онъ воспользовался первымъ случаемъ, чтобы натурализироваться французомъ и впервые явился въ Парижъ въ 1791 г. Тамъ онъ сблизился съ Талейраномъ и Сіэсомъ, которые уговорили его вступить на дипломатическую арену. Въ тотъ же годъ онъ былъ назначенъ секретаремъ лондонскаго посольства, но оставался тамъ только нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ вспыхнула война между Франціей и Англіей. Вслѣдствіе этой причины онъ былъ назначенъ первымъ секретаремъ въ Неаполѣ, откуда онъ также долженъ былъ удалиться, по случаю военныхъ событій. Послѣ кратковременнаго пребыванія въ Парижѣ онъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ министромъ при ганзеатическихъ городахъ, съ прѣбываніемъ въ Гамбургѣ, гдѣ онъ женился на дочери Ремаруса.

Талейранъ, въ то время министръ иностранныхъ дѣлъ, покровительствовалъ Рейнгарду и вскорѣ назначилъ его полномочнымъ министромъ въ Тоскану. Здѣсь г-жа Рейнгардъ впервые начала писать свой дневникъ. Мужъ ея остался недолго въ этомъ званіи, и въ виду присоединенія Тосканы къ Франціи получилъ высшій постъ — правительственнаго комиссара, т. е. управляющаго политической и гражданской администраціей всей страны. Онъ энергично исполнялъ свои обязанности, но счастье недолго улыбалось французскому оружію: Суворовъ явился въ Италію, и послѣ его

побѣды при Требіи Рейнгардъ долженъ былъ удалиться изъ Флоренціи. По дорогѣ въ Парижъ онъ узналъ, что директорія назначила его министромъ иностранныхъ дѣлъ. Ему пришлось завѣдывать этимъ важнымъ министерствомъ въ смутное время переворота 18 брюмера. Въ сущности, онъ былъ и министромъ, только благодаря этой перемѣнѣ, замѣнившей директорію консульствомъ. Талейранъ, бывшій руководителемъ этого переворота, какъ Бонапартъ былъ его исполнителемъ, нарочно вышелъ въ отставку передъ революціонной вспышкой, потому что онъ не вполнѣ довѣрялъ ея успѣху, и назначилъ на свое мѣсто Рейнгарда только временно, желая себя не скомпрометировать въ случаѣ неуспѣха. Не принявъ прямого участія въ 18 брюмерѣ, а только присутствуя при немъ, пассивно, Рейнгардъ, видя успѣхъ предпріятія и желаніе Талейрана вернуться на свой постъ, подалъ въ отставку. Послѣ четырехмѣсячнаго исполненія обязанности министра, онъ очутился представителемъ Франціи въ Швейцаріи, или, какъ она тогда называлась, Гельветической республикѣ.

Около года онъ пробылъ въ Бернѣ, и его положеніе было самое затруднительное, такъ какъ нѣкоторые кантоны принадлежали къ Франціи, а другіе находились въ анархическомъ положеніи. Наполеонъ былъ недоволенъ веденіемъ дѣлъ въ посольствѣ и смѣнилъ Рейнгарда, хотя сказалъ ему: «Вы смѣнены въ виду обстоятельствъ, но не личнаго вашего поведенія; вамъ дурно помогали ваши два секретаря. Мы постараемся повысить васъ въ дипломатической карьерѣ; переговорите объ этомъ съ министромъ». Онъ дѣйствительно снова получилъ желаемое мѣсто уполномоченнаго министра въ Гамбургѣ и ганзеатическихъ городахъ, хотя императрица Жозефина, въ бесѣдѣ съ г-жею Рейнгардъ, говорила ей о возможности назначенія ея мужа посланникомъ въ Лондонъ или въ Петербургъ. Онъ былъ, однако, очень доволенъ этимъ мѣстомъ, такъ какъ въ Гамбургѣ жили родители его жены. Четыре года онъ провелъ тамъ, и въ это время, конечно, она не писала своего дневника, а начала его снова, съ опредѣленіемъ мужа генеральнымъ консуломъ въ Молдавію. Этотъ постъ не былъ соблазнительнымъ и даже составлялъ какъ бы униженіе послѣ занимаемыхъ имъ должностей полномочнаго министра. Но онъ принялъ его только изъ политическихъ обстоятельствъ, придававшихъ большой интересъ восточнымъ дѣламъ. Впрочемъ, онъ все-таки настоялъ, чтобы ему дали званіе генеральнаго комиссара по комерческимъ дѣламъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлали резидентомъ въ турецкихъ провинціяхъ. Наполеонъ на это согласился, и Рейнгардъ отправился въ Яссы.

Положеніе въ Молдавіи и Валахіи было самое критическое. Господари постоянно смѣнялись, то былъ Константинъ Ипсиланти, то князь Мурузи, то князь Суцо. Въ концѣ 1806 года, по словамъ г-жи Рейнгардъ, преобладающее вліяніе принадлежало Россіи, и въ

Яссы явился русскій агентъ Родофиникинъ, по происхожденію грекъ. Несмотря на то, что между Россіей и Франціей отношенія были враждебныя, онъ любезно обращался съ Рейнгардомъ и увѣрялъ его, что положеніе французскаго представителя вполнѣ безопасно. Однако, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, прошелъ слухъ, что русская армія скоро вступитъ въ Яссы, и Родофиникинъ былъ уже назначенъ военнымъ комиссаромъ. 19 ноября «французская дипломатка» писала въ своемъ дневникѣ: «Казаки въ нашемъ городѣ, и ихъ начальникъ, генералъ Михельсонъ, также вскорѣ ожидается. Онъ, говорятъ, храбрый воинъ. Авангардъ арміи въ 2.000 человѣкъ находится подъ командой князя Долгорукова. Говорятъ, онъ молодой, красивый и очень любимый женщинами человѣкъ, поэтому всѣ красавицы Яссы ожидаютъ его съ нетерпѣніемъ».

Слѣдующая глава дневника г-жи Рейнгардъ называется: «Арестъ въ Россіи», и для насъ она самая интересная, такъ какъ занимаетъ около шестидесяти страницъ и полна самыми интересными подробностями о пребываніи Рейнгарда въ Россіи со всѣмъ семействомъ.

30 ноября 1806 года, Родофиникинъ посѣтилъ французскаго резидента, и послѣ его ухода послѣдній сказалъ женѣ: «мы ѣдемъ». Оказалось, что Родофиникинъ объявилъ ему «съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ», что князь Долгорукій нашелъ нужнымъ приставить къ его дверямъ шесть часовыхъ. Положеніе француза было тѣмъ болѣе критическое, что онъ не получилъ еще изъ Константинополя фирмана, офиціально подтверждавшаго его званіе, и теперь онъ только считался знатнымъ путешественникомъ. Однако онъ спокойно отвѣчалъ:

— Моя безопасность гарантирована Диваномъ, и я не могу понять, почему мнѣ оказываютъ подобную честь.

— Вы всѣхъ испугали, объявивъ о послѣднихъ побѣдахъ французовъ и о занятіи Наполеономъ Польши съ 300.000 французами,—сказалъ Родофиникинъ съ тономъ высокомѣрнаго упрека,—князь Долгорукій очень этимъ недоволенъ и запрещаетъ вамъ впредь какія либо сношенія съ здѣшними знатными лицами. Онъ также приказываетъ вамъ не подымать своего флага и снять съ дома французскій императорскій гербъ. Вы можете оставаться въ Яссахъ подъ условіемъ не заниматься политикой, а только коммерческими дѣлами.

— Я очень удивленъ,—возразилъ Рейнгардъ,—этою мѣрою, деспотическою и несправедливой. Русскіе объявляютъ, что они вступаютъ друзьями въ нейтральную страну; они не имѣютъ никакого права диктовать законъ дипломатическому агенту, который не акредитованъ при ихъ правительствѣ. Однако, въ этомъ дѣлѣ я долженъ преклониться передъ силой, которая давитъ право, и такъ какъ отъ меня требуютъ, чтобы я снялъ гербъ съ дома, я

тотчасъ бы уѣхалъ, если бы былъ одинъ, но со мною жена и дѣти, а потому мнѣ надо принять мѣры для ихъ путешествія. Мнѣ придется остаться здѣсь еще три дня, но я требую немедленной выдачи паспортовъ.

Родофиникинъ объяснилъ, сколько ему было непріятно это порученіе князя, и призналъ, что Рейнгардъ былъ правъ въ своихъ доводахъ, но онъ былъ принужденъ держать его подъ арестомъ до отъѣзда. Представитель Франціи предложилъ обязаться подъ честнымъ словомъ не видать мѣстныхъ властей, но настаивалъ имѣть сношенія съ австрійскимъ агентомъ и съ нѣсколькими французами по частнымъ дѣламъ. Родофиникинъ обѣщалъ доложить объ этомъ князю.

Черезъ нѣсколько часовъ онъ вернулся съ отвѣтомъ Долгорукова. Послѣдній дозволялъ пропускать къ нему всѣхъ, если онъ давалъ слово не видаться съ мѣстными властями. При этомъ, Родофиникинъ просилъ позволеніе извиниться передъ г-жею Рейнгардъ за причиненное ей безпокойство и обязался, что ея вещи будутъ цѣлы и невредимы.

Въ теченіе трехъ дней приняты были всѣ мѣры, необходимыя для отъѣзда. Русскіе предупредили французскаго представителя, что движеніе войскъ затрудняло прямой путь на Черновицы, и обязывали ихъ отправиться въ Австрію черезъ Систово, куда были выправлены ихъ паспорты съ подписью Родофиникина.

«Наше положеніе становилось все болѣе и болѣе критическимъ,—пишетъ г-жа Рейнгардъ.—Князь Долгорукій отправился въ Бухарестъ. Онъ не упустилъ ни малѣйшаго случая, чтобы дать почувствовать моему мужу свою враждебность. Нѣкоторыя статьи, напечатанныя о немъ во французскихъ газетахъ, возбудили его гнѣвъ и причинили намъ усиленіе строгихъ мѣръ. На счетъ Рейнгарда распространены были самыя отвратительныя клеветы. Его обвиняли въ томъ, что онъ былъ якобинецъ, что старался возбудить революцію въ Даніи, во время своего пребыванія въ ганзеатическихъ городахъ, и что его вызвали оттуда, по желанію датскаго двора. Мужъ просилъ видѣться съ генераломъ Михельсономъ, чтобы опровергнуть всѣ эти клеветы, но ему въ этомъ отказали, и онъ долженъ былъ признаться, что на него смотрѣли, какъ на узника. Караульный офицеръ даже часто входилъ въ наши комнаты безъ всякой надобности, чтобы убѣдиться, тутъ ли онъ».

Наконецъ французы собрались и отправились въ путь, окруженные казаками, подъ предлогомъ эскорта. Они проскакали недалеко, какъ вдругъ польскій слуга обернулся и воскликнулъ:

— Насъ везутъ не въ Германію!

Рейнгардъ подозвалъ офицера и пытался узнать отъ него, куда они отправляются. Тотъ отвѣчалъ, хотя очень смутившись, что

они направляются въ Систово, но окольными путями, въ виду движенія войскъ. Снова поѣхали по тому же направленію, но вскорѣ къ дверцѣ экипажа подбѣжалъ сопровождавшій ихъ французъ, Фернетти, и воскликнулъ, блѣдный, какъ смерть:

— Насъ обманываютъ, насъ везутъ въ Россію!

Рейнгардъ объявилъ, что онъ не поѣдетъ далѣе прежде свиданія съ генераломъ Михельсономъ, и хотѣлъ, во что бы то ни стало, выйти изъ экипажа. Тогда офицеръ, съ пистолетомъ въ рукахъ, подошелъ, окружилъ нашъ экипажъ солдатами и сказалъ униженнымъ тономъ, мало согласовавшимся съ его угрожающими жестами.

— Я получилъ самыя строгія приказанія, чтобы не выпускать васъ изъ кареты; умоляю васъ, не заставляйте меня употребить силу. Вы сдѣлаете меня несчастнымъ на всю жизнь.

— Могу ли я, по крайней мѣрѣ, написать письмо генералу?— спросилъ Рейнгардъ.

— Я возьму на себя разрѣшить вамъ это. Казакъ отвезетъ ваше письмо и догонитъ насъ съ отвѣтомъ на слѣдующемъ привалѣ.

Дѣйствительно, отвѣтъ былъ доставленъ во время. Онъ былъ написанъ рукою Родофиникина, и именемъ генерала онъ увѣрялъ, что только изъ военныхъ соображеній ихъ довезутъ до Дубосаръ, на рѣкѣ Днѣстрѣ, откуда они достигнутъ границы.

Переѣхавъ съ трудомъ черезъ Днѣстръ, по случаю ледохода, Рейнгардъ съ семействомъ доѣхалъ до города Дубосара, и тамъ онъ провелъ два дня. При этомъ завязался споръ между нимъ и русскими властями, которыя хотѣли задержать его въ карантинѣ, но ему удалось отстоять себя и своихъ отъ ненужнаго промедленія. Новый конвойный офицеръ, присланный генералъ-губернаторомъ Одессы, герцогомъ Ришелье, объявилъ, что ему поручено довезти ихъ до Радзивилова, пограничнаго города, противъ Бродъ, гдѣ онъ найдетъ дальнѣйшія инструкціи, и Рейнгардъ снова подчинился, но написалъ герцогу Ришелье длинное письмо.

«Хотя мужъ не получилъ отвѣта отъ герцога Ришелье,—говоритъ г-жа Рейнгардъ,—но въ Балтѣ, которую мы достигли 12 декабря, стало очевиднымъ, что насъ везутъ не въ Австрію, а цѣль нашего таинственнаго путешествія—Кременчугъ, маленькій городокъ Малороссіи, на границѣ русской Польши. Останемся ли мы тамъ въ какой нибудь тюрьмѣ, или насъ потащатъ въ Москву, а оттуда въ Петербургъ? Очевидно, моего мужа обвиняютъ въ сношеніяхъ съ поляками, и наши преслѣдователи, боясь ихъ возстанія, лихорадочно поспѣшили насъ удалить отъ границы. Даже русскій офицеръ говоритъ, что не стоитъ ждать отвѣта отъ Ришелье, такъ какъ онъ находится въ критическомъ положеніи и сказался больнымъ во время войны. Намъ приходится ѣхать дальше, но тяжело

быть въ зависимости отъ отряда казаковъ, среди украинскихъ степей, противно всѣмъ правиламъ международнаго права. Даже майоръ удивляется мѣрамъ, принятымъ противъ нихъ, и полагаетъ, что едва ли царь одобритъ ихъ. Все это продѣлки Родофиникина; онъ грекъ и не измѣнилъ своей расѣ; онъ не сдержалъ своего честнаго слова, которое далъ австрійскому агенту, что насъ доставятъ на австрійскую границу, хотя былъ убѣжденъ, что этого не будетъ.

Слѣдующая остановка была въ Ольвіополѣ; тамъ они оставались недолго и поѣхали дальше до Елисаветграда. По дорогѣ имъ пришлось проѣзжать по обнаженной, необработанной степи, окружавшей ихъ со всѣхъ сторонъ. Тѣмъ пріятнѣе имъ показался городъ Елисаветградъ. Всѣ дома въ немъ были новые, пестрые: бѣлые, красные, зеленые, что придавало имъ веселый видъ.

Тяжелое, печальное путешествіе продолжалось еще нѣсколько дней. Наконецъ они достигли цѣли ихъ странствованія — Кременчуга. Перебравшись черезъ Днѣпръ на большомъ паромѣ, они при въѣздѣ въ городъ были переданы своимъ караульнымъ офицеромъ мѣстному полицеймейстеру, который увѣрилъ французовъ, что имъ приготовлена прекрасная квартира. Однако, всѣ ихъ надежды исчезли, когда они проѣхали весь городъ и снова очутились въ степи, въ уединенномъ госпиталѣ, гдѣ имъ отвели нѣсколько комнатъ. Полицейскій обѣщалъ тотчасъ увѣдомить о пріѣздѣ заключенныхъ губернатора, князя Куракина, который жилъ въ Полтавѣ. Рейнгардъ написалъ немедленно князю письмо въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ. Онъ протестовалъ противъ своего ареста и обѣщалъ жаловаться царю, въ справедливости котораго онъ былъ вполнѣ увѣренъ, если не получитъ отвѣта. Хотя Полтава отстоитъ лишь въ ста верстахъ отъ Кременчуга, но ему пришлось ожидать шесть дней этого отвѣта.

Наконецъ явился начальникъ города и очень любезно заявилъ, что Куракинъ получилъ письмо, на которое скоро будетъ отвѣчать, а пока позволилъ Рейнгарду переѣхать съ семействомъ въ удобную городскую квартиру, гдѣ они могли провести всю зиму. На вопросъ француза, неужели ему придется оставаться такъ долго въ заточеніи, онъ отвѣчалъ, что даже самому князю неизвѣстно, когда онъ выѣдетъ изъ Кременчуга.

Новое помѣщеніе, отведенное Рейнгарду и его семейству, находилось въ одной изъ улицъ отдаленнаго предмѣстья, въ глубинѣ большого двора, изъ котораго имъ запрещенъ былъ выходъ, такъ что они находились въ полномъ заточеніи. Что же касается до комнатъ, то ихъ было достаточно, и столовая удивляла ихъ своими большими размѣрами. Остальныя комнаты были маленькія и меблированы самымъ скромнымъ образомъ. Въ этой обстановкѣ имъ пришлось уединенно и одиноко жить до 12-го января, въ ожиданіи отвѣта отъ императора, которому Куракинъ переслалъ письмо Рейн-

гарда. По счастію, онъ еще не нуждался въ денежныхъ средствахъ и могъ покупать своему семейству все необходимое, благодаря 1.000 дукатовъ, врученныхъ ему въ Яссахъ однимъ французомъ съ просьбою перевести ихъ въ Парижъ. Рейнгардъ выдалъ ему переводъ и пользовался самъ этими деньгами, спрятавъ ихъ отъ русскихъ. Въ это время между солдатами и слугами, по увѣренію г-жи Рейнгардъ, ходили самые странные слухи. Увѣряли, что французская армія съ Наполеономъ во главѣ шла на Россію и вскорѣ займетъ Кіевъ, слѣдовательно, за близостью Кременчуга, освободитъ плѣнныхъ французовъ. Однако имъ не пришлось ждать такого фантастическаго освобожденія: оно совершилось очень просто и естественно.

«Двери темницы отворены, и свобода намъ возвращена,—писала г-жа Рейнгардъ 12-го января 1807 года,—каждый торопится ею воспользоваться, и велико волненіе вокругъ меня. Но разскажу все по порядку. Сегодня утромъ я услышала въ домѣ странный шумъ, и маленькій сынишка Шарль вбѣжалъ въ мою спальню, громко хлопая въ ладоши.—«Я могу гулять»,—кричалъ онъ радостно. Другія двое дѣтей слѣдовали за нимъ. Служанка, шедшая за ними, прибавила: «Сударыня, пріѣхалъ курьеръ, и теперь мы свободны, всѣ солдаты ушли».—Я едва вѣрила этимъ словамъ, какъ вдругъ мой мужъ вбѣжалъ въ комнату. «Мы всѣ свободны и съ военными почестями»,—произнесъ онъ радостно. Фернетти (его секретарь) и остальные товарищи нашего заточенія проникли въ мою комнату, и мы стали цѣловаться и поздравлять другъ друга. Мы положительно опьянѣли отъ радости. Наконецъ водворилось спокойствіе, и мужъ разсказалъ мнѣ, въ чемъ дѣло. Его разбудилъ на разсвѣтѣ полицейскій съ письмомъ отъ князя Куракина, который увѣдомлялъ, что наше заточеніе было кончено, и что мы можемъ свободно выѣхать изъ Россіи, указавъ, по какой дорогѣ мы хотимъ отправиться. Онъ полагалъ, что мы вернемся черезъ Броды. Въ его письмѣ было вложено другое письмо, отъ Лесепса, тогда повѣреннаго въ дѣлахъ Франціи въ Петербургѣ, слѣдующаго содержанія»: «Его превосходительство, генералъ Будбергъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, призвалъ меня сегодня утромъ и сообщилъ мнѣ отъ имени русскаго императора, что вашъ арестъ въ Яссахъ произошелъ отъ поспѣшности нѣкоторыхъ агентовъ, которые превысили намѣреніе его величества, и онъ не только не одобряетъ насильственнаго доставленія васъ въ Россію, но считаетъ его противнымъ его принципамъ деликатности и справедливости, а также испытываетъ сильное неудовольствіе отъ всего случившагося съ вами». Баронъ Будбергъ прибавлялъ: «Ваше офиціальное поведеніе, по отношенію вашихъ обязанностей къ французскому правительству, не могло бы васъ никогда подвергнуть непріятностямъ, особенно въ нейтральной странѣ, потому это не могло быть иначе, какъ недоразумѣніе».

Едва прошла первая вспышка радости, Рейнгардъ съ семействомъ поѣхалъ къ начальнику города, чтобы выразить ему свою благодарность, а вечеромъ позвалъ полицейскаго къ себѣ обѣдать. Послѣдній много ѣлъ и выпилъ цѣлую бутылку шампанскаго въ честь ихъ освобожденія. На другой день былъ русскій новый годъ, и недавніе узники свободно посѣтили церковь. Тамъ на нихъ всѣ смотрѣли съ удивленіемъ и любопытствомъ, говоря между собою, что царь выпустилъ ихъ на свободу, признавъ несправедливымъ ихъ задержаніе. Однако, несмотря на это освобожденіе, имъ пришлось ждать съ недѣлю князя Куракина, прежде чѣмъ уѣхать. Наконецъ, 19-го января, онъ прибылъ и тотчасъ послалъ свою карету за Рейнгардомъ.

«Губернаторъ остановился въ частномъ домѣ, на берегу Днѣпра,— говоритъ г-жа Рейнгардъ, — и пріемная была полна служащихъ и евреевъ. Князь стоялъ въ гостиной, окруженный нѣсколькими офицерами. Это былъ человѣкъ 54 лѣтъ, пріятной наружности. Онъ много путешествовалъ и жилъ во Франціи нѣсколько времени. Онъ очень любезно встрѣтилъ моего мужа и посадилъ на диванъ рядомъ съ собою, спросилъ его о здоровьѣ и представилъ ему офицера, которому было поручено сопровождать его до границы. Онъ говорилъ по-французски съ большой легкостью, но такъ привыкъ къ русскому языку, что часто сбивался и заговаривалъ по-русски. Онъ тогда извинялся говоря: «Я все забываю, что долженъ говорить по-французски». Каждый разъ, какъ Рейнгардъ старался заговорить о своемъ арестѣ, князь отвѣчалъ смутно, говоря, что это недоразумѣніе, которое разсѣяно письмомъ, доставленнымъ царю. Видя, что онъ не добьется никакого объясненія, мой мужъ прекратилъ разговоръ. Князь поспѣшилъ распроститься съ нимъ и на прощаніе спросилъ о моемъ здоровьѣ. При этомъ онъ сообщилъ, что нарочно выбралъ конвойнаго офицера, знающаго медицину и нѣсколько языковъ. Дѣйствительно, г. Кондюра, по происхожденію грекъ, былъ человѣкъ очень образованный и воспитывался въ университетѣ въ Галлэ. Хотя князь Куракинъ не хотѣлъ прямо выяснить причины ареста Рейнгарда, но мы ясно поняли таинственную загадку. Нѣсколько депешъ моего мужа, посланныхъ съ польскимъ офицеромъ, попали въ руки Родофиникину, и онъ вмѣстѣ съ княземъ Долгорукимъ, во что бы то ни стало, хотѣлъ отнять у моего мужа возможность писать своему правительству и увѣдомлять его о военныхъ дѣлахъ. Для этого они арестовали французскаго представителя».

Послѣ мѣсячнаго пребыванія въ Кременчугѣ, Рейнгардъ съ семьей выѣхалъ уже свободнымъ человѣкомъ 20-го января 1807 г., направляясь въ Броды, а затѣмъ во Францію. Погода была холодная, ненастная. Страна, по которой они ѣхали, отличалась безплодностью, и трудно было представить себѣ, чѣмъ питались степные жители

тѣхъ мѣстностей. Первый городъ былъ Новогрудокъ, и въ немъ случилось съ ними довольно забавное происшествіе. «Насъ посѣтилъ,—разсказываетъ г-жа Рейнгардъ,—мѣстный дворянинъ, отставной военный, съ молоденькой, хорошенькой женщиной, вѣроятно, его невѣсткой. Они пригласили насъ обѣдать и такъ настаивали, что, какъ мы ни были утомлены, но согласились заѣхать къ нимъ вечеромъ. Я полагала, что этимъ кончится ихъ визитъ, но любезный старикъ до двадцати разъ наклонялся надъ моей рукой, чтобы поцѣловать ее. Я же старательно отнимала ее, съ низкими поклонами. Окружающія насъ лица смѣялись до упада послѣ ухода старика. Они разсказали мнѣ, что по русскому обычаю, когда у дамы цѣлуютъ руку, она отвѣчаетъ поцѣлуемъ въ лобъ. Мой мужъ зналъ этотъ обычай и воспользовался имъ, такъ какъ дама была молодая и красивая; онъ совѣтовалъ мнѣ сдѣлать то же, такъ какъ это было не опасно, въ виду нашего скораго отъѣзда изъ Россіи. Однако, моя холодность не напугала добряка, и онъ прислалъ намъ къ обѣду разную провизію, въ томъ числѣ грибки въ уксусѣ. Вечеромъ за нами пріѣхали сани. Старикъ насъ встрѣтилъ очень любезно, и одинаково привѣтлива была дама, пріѣзжавшая къ намъ въ домъ. Но хозяйка дома встрѣтила насъ холодно, очевидно, не сочувствуя пріему мужа. Всѣ они не говорили по-французски и объяснялись черезъ переводчика. Наши дѣти вели себя, какъ ученыя собачки, и болтали безъ умолка, говоря всѣ слова, которыя они знали по-русски. Квартира ихъ была очень простая, но на стѣнахъ висѣли портреты, во весь ростъ, императрицы Екатерины и императора Павла, а также гравюры Наполеона и Жозефины, которой особенно поклонялся старикъ. Это такъ меня тронуло, что въ отвѣтъ на его частые поцѣлуи моей руки я старалась поцѣловать его въ лобъ, хотя очень неловко. Онъ же пытался поцѣловать рукавъ одежды Рейнгарда, который ловко увертывался. Мы покинули этотъ любезный кровъ въ очень веселомъ расположеніи духа».

На другой день, напротивъ, они были непріятно поражены арестомъ одного изъ слугъ, который, десять лѣтъ тому назадъ, еще почти ребенкомъ, бѣжалъ отъ своихъ господъ. Теперь его узнали, хотя онъ и выдавалъ себя за поляка, и подвергли аресту. Оказалось, что мѣстный полицейскій былъ хозяиномъ слуги. Рейнгардъ, чтобы спасти несчастнаго, предложилъ его купить. Но иностранцы не могли покупать крѣпостныхъ. Офицеръ Кондюра отказался совершить покупку на свое имя, и несчастному пришлось подвергнуться своей тяжелой участи.

Въ русской Польшѣ путешественники нашли роскошные привалы въ замкахъ польскихъ аристократовъ, напримѣръ, графа Браницкаго, мужа племянницы и фаворитки Потемкина. Это былъ чрезвычайно богатый замокъ, съ прекрасными картинными галле-

реями, великолѣпнымъ паркомъ и т. д. Самъ хозяинъ находился въ Кіевѣ, гдѣ значительное число польскихъ пановъ съѣзжалось, съ цѣлью ухаживать за русскими властями. Между прочимъ, по дорогѣ, Рейнгарды встрѣтили графа Феликса Потоцкаго, который ѣхалъ туда же. При видѣ его ихъ польскій слуга пришелъ въ ярость.

— Измѣнники, — воскликнулъ онъ, — они продали Польшу! Если бъ была справедливость на свѣтѣ, то ихъ слѣдовало бы повѣсить!

«Большинство населенія въ городахъ, по которымъ мы проѣзжали, — пишетъ г-жа Рейнгардъ, — было еврейское, и одинъ изъ евреевъ на вопросъ мужа, сколько ихъ всего, отвѣчалъ: «Мы — всѣ евреи, и только нѣсколько иностранцевъ». Они ужасно приставали къ намъ, съ упорствомъ, отличающимъ ихъ расу, чтобы воспользовались ихъ услугами. И только присутствіе русскаго офицера освобождало насъ отъ ихъ преслѣдованія. Въ послѣднее время этотъ офицеръ смѣнился новымъ, присланнымъ губернаторомъ Волыни. Онъ, по приказанію губернатора, измѣнилъ нашъ путь изъ Константинова прямо на Броды, избѣгая прежде назначеннаго намъ маршрута на Острогъ. Теперь, наканунѣ выѣзда изъ Россіи, я вспоминаю невольно о нашемъ двухмѣсячномъ «плѣненіи». Я думаю объ этомъ времени безъ горечи и негодованія; я совершенно успокоилась и нимало не сержусь, какъ въ первые дни. Въ сущности, я должна признать, что главная непріятность, которую мы испытали, была неувѣренность въ нашей судьбѣ. Отношеніе къ намъ русскаго народа было сдержанное, и нигдѣ онъ не выражалъ враждебныхъ чувствъ, или ненависти къ французамъ. Въ Кременчугѣ мы могли свободно ходить, и насъ не безпокоило излишнее любопытство. Вообще, во все время, народъ не былъ противъ насъ, а если намъ приходилось терпѣть отъ чиновниковъ, то лишь отъ излишняго усердія въ исполненіи полученныхъ приказаній, а не изъ несочувствія къ намъ. Вообще, очевидно, небо намъ покровительствовало».

Наконецъ они достигли границы. Кондюра передалъ ихъ австрійскому комиссару, и, простившись съ Россіей, они черезъ нѣсколько часовъ очутились въ Бродахъ. Такимъ образомъ кончилось насильственное странствованіе Рейнгардовъ по Россіи.

Дальнѣйшая дипломатическая дѣятельность Рейнгарда была не очень блестящая, и ее можно разсказать въ двухъ словахъ. Возвратясь изъ Россіи, онъ провелъ нѣсколько времени въ Германіи, для поправленія своего здоровья. Въ Карлсбадѣ и въ Веймарѣ онъ дружески познакомился съ Гёте, съ которымъ впослѣдствіи велъ постоянную дружескую переписку, художественную и ученую. Эта переписка была напечатана самимъ Рейнгардомъ черезъ нѣсколько лѣтъ. Въ Дрезденѣ онъ увидалъ Наполеона, который, подойдя къ нему, сказалъ:

— А вотъ и вы, г. Рейнгардъ! Откуда вы?

— Изъ Карлсбада, ваше величество.

— А я думалъ, что вы во Франціи.

Потомъ, обратившись къ королю Саксонскому, который шелъ съ нимъ, Наполеонъ прибавилъ:

— Это мой представитель въ Молдавіи, котораго захватили русскіе.

На слѣдующій годъ онъ былъ произведенъ въ бароны имперіи, и, отказавшись отъ предложеннаго ему мѣста генеральнаго консула въ Миланѣ, онъ былъ назначенъ представителемъ Франціи при Вестфальскомъ дворѣ. Въ Касселѣ онъ оставался пять лѣтъ, до прибытія союзниковъ въ 1813 г. Тогда онъ вернулся въ Парижъ и тамъ провелъ спокойно время до Реставраціи. Съ появленіемъ Бурбоновъ во главѣ управленія очутился снова Тайлеранъ; онъ назначилъ Рейнгарда директоромъ канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ, и ему пришлось уѣхать изъ Парижа, но одному съ дѣтьми, такъ какъ мѣсяцъ передъ тѣмъ умерла его жена, незадолго передъ смертью прекративъ свои мемуары. Въ Люттихѣ его остановили прусскіе агенты и отвезли подъ военнымъ эскортомъ во Франкфуртъ, оттуда онъ освободился только черезъ мѣсяцъ. Отправившись оттуда въ Гентъ, онъ послѣдовалъ за Людовикомъ XVIII въ Парижъ послѣ Ватерлоо и занялъ свое прежнее мѣсто въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Король сдѣлалъ его графомъ и уполномоченнымъ министромъ при германскомъ сеймѣ. Это мѣсто онъ сохранялъ до 1829 года и вторично женился на подругѣ своей дочери, Виргиніи, дочери барона Вимпфена. Іюльская монархія не разрушила его карьеры, а первый министръ, графъ Моллэ, въ 1830 г. послалъ его уполномоченнымъ министромъ въ Дрезденъ. Черезъ два года онъ вышелъ въ отставку, и король Луи-Филиппъ наградилъ его званіемъ пэра Франціи. Послѣднее время своей жизни онъ провелъ въ средѣ литераторовъ и ученыхъ, такъ какъ уже давно былъ членомъ академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ. 25 декабря 1837 г. онъ умеръ послѣ непродолжительной болѣзни, и Талейранъ, несмотря на свои 80 лѣтъ, произнесъ въ академіи похвальное слово покойному.

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» часто упоминалось о княгинѣ Д. Х. Ливенъ, и теперь, снова приходится говорить о ней по поводу статьи Эрнеста Додэ въ «Revue de deux mondes», во второй сентябрьской книжкѣ [1]). Въ этой статьѣ извѣстный публицистъ представляетъ подробную характеристику пресловутой дипломатки

[1]) «La princesse de Lieven», par Ernest Daudet. «Revue des deux mondes». 15 septembre 1901.

и приводитъ значительное количество ея писемъ къ Гизо. Ихъ существуетъ нѣсколько сотенъ, но, хотя наслѣдники Гизо допустили Додэ до изученія всей многочисленной переписки, однако они обязали его ограничиться въ своихъ извлеченіяхъ осторожной сдержанностью. Подобное ограниченіе разумѣлось въ количествѣ и качествѣ, такъ какъ внуки Гизо предоставили себѣ право въ будущемъ издать полную переписку, какъ его, такъ и княгини Ливенъ, за исключеніемъ слишкомъ интимныхъ писемъ. Впрочемъ, какъ ни стѣсненъ былъ Додэ, но онъ воспользовался наиболѣе интересными и любопытными матеріалами изъ этого неизданнаго архива, поэтому его статья отличается документальностью и основательностью.

Популярность княгини Ливенъ была особенно распространена за границей. Англичанинъ Чарльсъ Грэвиль говоритъ въ своихъ мемуарахъ, что «она была удивительно умна, отличалась замѣчательнымъ остроуміемъ и умѣла быть необыкновенно обворожительной, когда этого хотѣла. Она говорила прекрасно, граціозно, и ея письма настоящій «chef-d'oeuvre». Талейранъ отзывался о ней почти въ тѣхъ же словахъ: «Она была замѣчательнаго, естественнаго ума, но не образована, хотя писала прелестно. Характеръ у нея былъ повелительный, и, не отличаясь красотой, она поражала достоинствомъ». Сэръ Сидней Ральфъ описываетъ ея портретъ въ слѣдующихъ словахъ. «Это была высокаго роста женщина, чрезвычайно прямая и сухая, но въ ней заключалась какая-то несравненная прелесть. Говорила она отрывисто, ясно и безъ малѣйшей искусственности; она всегда вставляла въ свою рѣчь точныя, иногда игривыя и пикантныя слова. Она была перворазрядная музыкантша, но могла бы скандализировать учениковъ невѣдѣніемъ элементарныхъ свѣдѣній; она не умѣла читать, но никто на свѣтѣ не писалъ лучше ея. Она ужасно боялась скуки и чужда была всякой мелочности и фальши». Герцогиня Деказъ не менѣе лестно отзывалась о ней, хотя позволяла себѣ выражаться о русской дипломаткѣ съ нѣкоторой ядовитостью. Она говорила о ней: «Талія плоская, грудь вовсе отсутствовала, платья ея были сшиты такъ, что скрывали ея чрезмѣрную худобу. Ея умъ былъ замѣчателенъ, но главное она умѣла пользоваться умомъ другихъ, такъ какъ все понимала и все усвоивала себѣ. Она была полна аристократическихъ предразсудковъ, но вѣрна дружбѣ, хотя требовала отъ нея очень многаго». Одинъ Шатобріанъ рѣзко отзывался о ней, называлъ ее куклой, педанткой, женщиной скучной, надоѣдливой, лишенной сердца и чувства. «Всѣ министры,—прибавлялъ онъ,— и вообще всѣ желавшіе сдѣлаться министрами гордились покровительствомъ дамы, которая имѣла честь видѣть Меттерниха въ тѣ часы, когда онъ, забавляясь на досугѣ, «мялъ шелковая мате-

ріи». Насмѣшки ожидали въ Парижѣ г-жу Ливенъ: серьезный доктринеръ упалъ къ ногамъ Омфалы: «Любовь погубила Трою!»

Дѣйствительно вся жизнь княгини Ливенъ сосредоточилась на любви къ Меттерниху и къ Гизо. Съ первымъ она встрѣтилась на конгрессѣ въ Аахенѣ и, въ продолженіе двухъ лѣтъ, находилась въ самыхъ интимныхъ отношеніяхъ. Разлука съ нимъ, по случаю пребыванія ея съ мужемъ въ Лондонѣ, приводила ее въ отчаяніе, тѣмъ болѣе, что она была беременна. Въ 1823 г. они снова сошлись въ Веронѣ, но уже Меттернихъ далеко не былъ прежнимъ пламеннымъ поклонникомъ сорокалѣтней посланницы, и ея первый романъ окончился.

Въ промежутокъ до новой и послѣдней ея любви, которая началась въ 1837 г. и продолжалась до ея смерти, княгиня Ливенъ вела попрежнему свѣтскую жизнь, хотя о ней ходили различныя сплетни и клеветы, между прочимъ, объ ея отношеніяхъ къ англійскому королю, но они ничѣмъ не подтверждаются. Въ 1833 г. между англійскимъ правительствомъ и Россіей до того обострились отношенія, что княгиня Ливенъ отправилась въ Петербургъ, съ цѣлью устроить дѣла. По словамъ Гревиля, «она вернулась сіяющая отъ блестящаго пріема, сдѣланнаго ей императоромъ; онъ встрѣтилъ ее на морѣ, посадилъ ее къ себѣ на корабль и въ своей каретѣ отвезъ во дворецъ, гдѣ провелъ ее прямо въ аппартаменты императрицы, которая была еще въ рубашкѣ». Несмотря на одержанную побѣду посланницы, въ слѣдующемъ году ея мужъ былъ вызванъ изъ Лондона и назначенъ воспитателемъ наслѣдника. Княгиня Ливенъ была въ отчаяніи; она не могла перенести разлуку съ Лондономъ и только мечтала о возвращеніи назадъ въ Англію. «Когда она въ 1835 г. реализировала свое намѣреніе,—говоритъ Додэ,— то распространились слухи, что она была вынуждена къ тому слишкомъ любезными отношеніями къ ней императора, со времени ея прибытія въ Петербургъ. Болтали, что она уѣхала, не желая быть его Эгеріей. Но эта сплетня ничѣмъ не доказана, развѣ только ея словами въ одномъ изъ писемъ къ барону Баранту: «Мой повелитель мнѣ не простилъ и никогда мнѣ не проститъ».

Какъ бы то ни было, она уѣхала за границу и поселилась не въ Лондонѣ, а въ Парижѣ. Въ 1836 г. она впервые познакомилась съ Гизо за обѣдомъ у герцога Брольи, но ихъ дружеская связь началась лишь 24 іюня 1837 г. Черезъ два года она писала ему: «Помните, что два года тому назадъ мы ѣздили съ вами обѣдать въ Шатенэ, и что мы вмѣстѣ оттуда вернулись». Въ этотъ день они обмѣнялись словами, которыя «связываютъ навѣки». Послѣ смерти ея мужа былъ поднятъ вопросъ объ ихъ бракѣ. Но она никакъ не могла рѣшиться перемѣнить свое имя и потерять титулъ, который такъ долго носила. Точно также и Гизо не настаивалъ на этомъ бракѣ изъ-за того же титула: онъ боялся, чтобы эта

свадьба не считалась съ ея стороны mesalliance, или чѣмъ-то въ родѣ морганатической. Когда началась ихъ тѣсная дружба, ей было 53 года, а ему 50. Кончилась же она, двадцать лѣтъ спустя, по случаю ея смерти. Отношенія между ними были самыя нѣжныя, самыя трогательныя; это особенно поразительно было въ отношеніи холоднаго, суроваго Гизо.

Съ той минуты, какъ Ливенъ сошлась съ Гизо, она не думала болѣе о Лондонѣ и только два раза ѣздила туда вмѣстѣ съ нимъ, когда онъ былъ тамъ посланникомъ, и когда ему пришлось въ 1848 г. бѣжать въ Англію отъ вспыхнувшей во Франціи революціи. Во все остальное время она жила только одной мыслью, какъ устроить жизнь ея друга. Она наняла второй этажъ въ домѣ улицы Сентъ-Флорантенъ, гдѣ жилъ Талейранъ, и тамъ впродолженіе двадцати лѣтъ принимала лучшее общество Парижа передъ обѣдомъ вечеромъ. Конечно, къ ней являлись болѣе для Гизо, чѣмъ для нея, и самое блестящее время ея салона было впродолженіе восьми лѣтъ, когда онъ былъ первымъ министромъ. Всѣ знали, что Гизо бывалъ у княгини Ливенъ два раза въ день: днемъ и послѣ обѣда. Въ то время никто не смѣлъ мѣшать ихъ свиданію. Дѣйствительно Гизо былъ свѣтомъ ея жизни, ея радостью и счастьемъ. Точно также и она составляла утѣшеніе его жизни. Онъ потерялъ двухъ женъ, а она двухъ дѣтей, оба они были безутѣшны, когда сошлись, и только дружба и «нѣжныя слова» могли утѣшить ихъ сердца.

Поэтому отсутствіе Гизо въ первыя времена его посольства въ Лондонѣ и поѣздки его по дѣламъ въ помѣстье, а также къ его матери и дѣтямъ, наполняли ея душу горечью. Она писала, напримѣръ, въ письмахъ по случаю такихъ отъѣздовъ: «Я васъ люблю, я васъ люблю и жду; когда вы пріѣдете, я вамъ это иначе скажу, и какое тогда будетъ удовольствіе!»—«Прощайте, вы не иллюзія, а настоящая правда, которой я дорожу и буду вѣчно дорожить».—«Вы никогда не дали мнѣ дурной минуты, все, что вы говорите мнѣ, отличается такой добротой, такой нѣжностью, что я не знаю, чѣмъ я это заслужила. Впрочемъ я это заслуживаю благодарнымъ сердцемъ и любовью».

Гизо отвѣчалъ ей не менѣе пламенно: «Если бъ я умѣлъ говорить языкомъ Петрарки, то я сознался бы вамъ, что когда въ моемъ сердцѣ возникаетъ какая нибудь добрая мысль, то она летитъ къ вамъ; найдя васъ, она возвращается ко мнѣ».—«Я гулялъ два часа одинъ безъ васъ и чувствовалъ себя такимъ молодымъ, какъ воздухъ лѣса и поля. Я никому этого не говорю, только вамъ, и вы никому этого не скажите. Я желалъ бы васъ видѣть такой же свѣжей и смѣющейся, какъ веселая долина. Я съ завистью смотрю на нее, думая о васъ. Я вижу васъ похудѣвшей, печальной, въ отчаяніи, въ слезахъ. Но я навсегда останусь съ вами и въ васъ».

Эти письма казались бы искусственно сентиментальными, еслибъ они не были выраженіемъ естественныхъ, настоящихъ чувствъ. Письма Гизо особенно поражаютъ этой искренностью, потому что знаменитый реакціонеръ и ретроградъ былъ всегда въ политикѣ и вообще въ жизни олицетвореніемъ холодности и суровости. Только княгиня Ливенъ, а также его мать и дѣти, возбуждали въ немъ нѣжныя чувства. «Дружба Гизо и княгини Ливенъ, — говоритъ Додэ,—наполняла всю ихъ старость, и въ продолженіе столькихъ лѣтъ они оставались вѣрными той клятвѣ, которую дали другъ другу. Они знали всѣ радости нѣжной и преданной привязанности и никогда ни на одну минуту не измѣняли другъ другу».

Большинство писемъ княгини Ливенъ представляетъ варіацію на ту же тему ея любви къ Гизо, но, благодаря той же любви, она продолжала заниматься политикой не только въ тѣ годы, когда онъ былъ первымъ министромъ, но и впослѣдствіи, когда онъ по привычкѣ интересовался ею. Впрочемъ и она слишкомъ привыкла къ политическимъ дѣламъ, чтобы забыть ихъ подъ старость. Въ цѣлой серіи писемъ Гизо она упоминаетъ о Поццо ди-Борго, который послѣ своего пребыванія посланникомъ въ Лондонѣ «похудѣлъ, осунулся, сгорбился и сталъ также не твердъ на ногахъ, какъ не твердъ въ словахъ»; о графѣ Росси, итальянскомъ министрѣ, и о многихъ другихъ дипломатахъ. Всего же болѣе она говоритъ о Тьерѣ, который былъ первымъ министромъ во время посольства Гизо. Чрезвычайно любопытно одно ея письмо къ Гизо, въ которомъ она передаетъ свой разговоръ съ Тьеромъ, въ видѣ діалога.

«Тьеръ. Вы чрезвычайно остроумны, быть можетъ, болѣе меня, во всякомъ случаѣ—не менѣе.

«Я. У васъ очень много ума, но я иногда думаю, что у васъ слишкомъ его много.

«Тьеръ. Т. е. вы хотите сказать, что его мало? А у васъ столько ума, что вы имъ злоупотребляете».

Изъ всѣхъ писемъ княгини Ливенъ къ Гизо, въ то время, какъ онъ находился въ Лондонѣ, одно чрезвычайно интересно, какъ совершенно выходящее изъ ряду вонъ.

«Я получила,—говоритъ она,—ваше письмо, но признаюсь, что оно нѣсколько мнѣ не понравилось. Несмотря на мои предостереженія, вы вздумали принимать всѣ приглашенія, которыя вамъ дѣлаютъ. Но кто же можетъ подумать объ обѣдѣ у N.? Его жена—одна изъ самыхъ развратныхъ женщинъ въ Лондонѣ, гости такого же сорта. Право, мой мужъ скорѣе переплылъ бы Темзу, чѣмъ пошелъ бы обѣдать къ такимъ людямъ, а онъ пользовался менѣе серьезной репутаціей, чѣмъ вы. Если вы ходите обѣдать ко всякому, то порядочное общество не станетъ такъ дорожить вашимъ присутствіемъ на обѣдахъ. Вѣдь еще надо сказать, что вы должны отдать N. и его женѣ обѣдъ, и я желала бы знать, какую вы составите компанію

для ихъ встрѣчи. Всѣ женщины рѣшительно откажутся, да и многіе мужчины не захотятъ себя компрометировать. Я совсѣмъ не довольна тѣмъ, что вы сдѣлали. На-дняхъ здѣсь говорили о вашихъ лондонскихъ побѣдахъ: кто-то сказалъ: «Онъ сталъ ухаживать за женщинами». Другой отвѣчалъ: «Посмотрите, онъ вернется къ намъ негодяемъ и селадономъ». Дѣйствительно, обѣдая у г-жи N., вы уже не далеки отъ этого. Извините меня за рѣзкость выраженія, но я не могу иначе выразить своихъ чувствъ, и я такъ опечалена, такъ опечалена. Я не скажу вамъ, останьтесь прежнимъ серьезнымъ, почтеннымъ человѣкомъ. Ужъ вы объ этомъ не думаете. Другъ мой, берегитесь, вы уроните себя, и мое горе будетъ велико. Прощайте!»

На это рѣзкое письмо Гизо не обидѣлся и отвѣчалъ очень сдержанно и нѣжно, доказывая ей всю несправедливость ея обвиненія. Съ своей стороны княгиня Ливенъ выразила ему самое сердечное сожалѣніе. «Сердце мое затрепетало,—писала она,—получивъ ваше письмо, и, прочитавъ его, я расплакалась отъ любви и благодарности къ вамъ. Вы такъ добры и снисходительны, потому что я погорячилась. Но вы поняли, почему я погорячилась. Вашъ умъ возвышенный, и никогда онъ меня такъ не поразилъ, какъ сегодня. Вы не знаете, какъ возросла моя любовь къ вамъ. О, если бъ я могла вамъ высказать мою любовь, или доказать ея необъятность».

Однако, все-таки, при первой возможности, она поѣхала къ нему въ Лондонъ, но недолго оставалась тамъ, такъ какъ Гизо въ концѣ года былъ назначенъ первымъ министромъ. Наступило ея самое блестящее время. Ея современники помнятъ, съ какимъ гордымъ достоинствомъ она принимала въ своемъ салонѣ, въ обычномъ черномъ бархатномъ платьѣ съ шифромъ статсъ-дамы русской императрицы на корсажѣ и съ нитью жемчуговъ въ волосахъ, которую замѣняла въ праздники княжеской короной. Революція 1848 г. разрушила ея торжество, и княгиня Ливенъ послѣдовала за Гизо въ Англію, гдѣ они оба оставались два года и въ 1850 г. вернулись въ Парижъ. Тамъ они провели послѣдніе годы ея жизни. Ея здоровье въ послѣднее время очень разстроилось, но она не потеряла ни своего ума ни живости сердца. За нѣсколько дней до смерти она пріобщалась у пастора Кювье и видя, что ея сынъ, Павелъ, сильно плакалъ, взяла за руку Гизо и тихо промолвила:

— У него хорошее сердце, прошу васъ, сохраните къ нему дружбу.

Въ тотъ же день она узнала о пріѣздѣ одного изъ ея закадычныхъ друзей, барона Мейендорфа, и написала ему письмо.

«Какая радость и какое горе! Вы пріѣхали, а я уѣзжаю такъ далеко. Пріѣзжайте, быть можетъ, вы застанете меня».

Онъ явился въ тотъ же вечеръ, и она приняла его на минуту наединѣ.

— Я думала, что умру сегодня вечеромъ,—сказала она,—но это не удалось.

Подробности о смерти княгини Ливенъ Гизо разсказываетъ патетически въ своихъ письмахъ къ барону Баранту, напечатанныхъ въ послѣднемъ томѣ его мемуаровъ [1]).

«25 января 1857 г., — пишетъ Гизо, — она провела цѣлый день въ нравственномъ и физическомъ спокойствіи, хотя была очень слаба. Впрочемъ она видѣла барона Мейендорфа. Ночь съ воскресенья на понедѣльникъ была очень тяжелая, такъ что даже она не могла откашливаться. Вся ея болѣзнь была въ этомъ. Въ понедѣльникъ утромъ я нашелъ ее чрезвычайно слабой и еще болѣе измѣнившейся, но она была очень спокойна и говорила мало. Она занималась даже разными мелочами, въ томъ числѣ обѣдомъ для ея племянника и племянницы Бенкендорфъ, прибывшихъ изъ Штутгарта. Около двѣнадцати часовъ она сказала: «Жаль, если я не умру этотъ разъ; я такъ чувствую себя приготовленной». Вечеромъ въ десять часовъ она позвала меня и промолвила:

— Я задыхаюсь!.. Мой вѣеръ!..

Я подалъ его, и она старалась обмахиваться имъ сама. Вскорѣ ей положили на грудь горчишникъ; когда онъ началъ щипать, то она сдѣлала знакъ, что хочетъ писать. Ей подали бумагу и карандашъ. Она написала очень четко по-англійски. «Какъ долго надо его держать?» Черезъ нѣсколько минутъ она сказала мнѣ. «Уходите всѣ, я хочу спать». Мы вышли: ея сынъ, племянникъ и я. Черезъ часъ пришли сказать намъ, что ея не стало. Я убѣжденъ, что, чувствуя приближеніе смерти, она удалила насъ, не желая, чтобы мы присутствовали при ея послѣднихъ минутахъ.

Къ этому разсказу объ ея послѣднихъ минутахъ Гизо прибавляетъ: «Черезъ часъ послѣ ея кончины сынъ передалъ мнѣ письмо отъ нея, написанное карандашемъ и запечатанное наканунѣ вечеромъ:

«Благодарю васъ за двадцать лѣтъ привязанности и счастья. Не забывайте меня и не откажите моей каретѣ вечеромъ».

Ея завѣщаніе комментировало эти слова. Она часто мнѣ говорила: «Я не сожалѣю, что вы не богаты, это мнѣ нравится; но я никакъ не могу примириться съ мыслью, что у васъ нѣтъ кареты». Она завѣщала мнѣ 8.000 франковъ въ годъ и карету. За нѣсколько часовъ до смерти она сказала своему сыну: «Я не хочу торжественныхъ похоронъ. Пусть будутъ только молитвы въ моей комнатѣ, а затѣмъ меня отвезутъ по желѣзной дорогѣ въ Курляндію». Она всегда хотѣла, чтобы ее похоронили вмѣстѣ съ ея двумя сыновьями, умершими въ Петербургѣ, въ 1835 г., въ семейномъ

---

[1]) Souvenirs du baron de Barante. Tome VIII. Paris. 1901.

замкѣ, близъ Митавы. Она показывала мнѣ, я не помню въ которомъ году, рисунокъ ихъ гробницъ».

Гизо не упоминаетъ въ своемъ письмѣ, что княгиня Ливенъ пожелала быть положенной въ гробъ въ ея пресловутомъ черномъ бархатномъ платьѣ и съ діадемой на головѣ. «Я знаю одного человѣка, разсказываетъ герцогиня Деказъ, который видѣлъ ее въ этомъ нарядѣ и съ распятіемъ изъ слоновой кости въ рукахъ».

Этимъ Эрнестъ Додэ оканчиваетъ свою любопытную статью.

В. Т.

25*

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Великій князь Николай Михайловичъ. Князья Долгорукіе, сподвижники императора Александра I въ первые годы его царствованія. Віографическіе очерки. Съ 12 портретами. Спб. 1901.

КНЯЗЬЯ Долгорукіе—Петръ Петровичъ и сыновья его: Владимиръ, Петръ и Михаилъ, особенно послѣдній, давно извѣстны всѣмъ тѣмъ, кто интересуется русской исторіей конца XVIII и первой четверти XIX столѣтія.

Долгорукіе искони были знатными царедворцами и служилыми людьми при московскихъ государяхъ. По началу ихъ предки были извѣстные удѣльные князья Ростово-Суздальской земли. Ихъ пращуръ, великій князь Юрій Долгорукій, былъ сыномъ Владимира Мономаха.

Съ XVII столѣтія Долгорукіе тѣсно связаны съ царской семьей. Царь Михаилъ Θеодоровичъ былъ женатъ на княжнѣ Маріи Владимировнѣ Долгорукой. Съ этого времени начинается возвышеніе этой семьи въ придворной іерархіи, и она не теряетъ его вплоть до царствованія императора Александра II.

Князья Долгорукіе участвовали во всѣхъ крупныхъ моментахъ нашей гражданской исторіи; они были, по преимуществу, военными и дипломатами.

Авторъ посвящаетъ свое изслѣдованіе тѣмъ князьямъ Долгорукимъ, которые были сподвижниками императора Александра I. Поэтому онъ и начинаетъ свое изслѣдованіе съ ихъ отца, о которомъ даетъ сухія, но весьма опредѣленныя данныя.

Отецъ и старшій сынъ для исторіи значенія не имѣютъ. Гораздо болѣе интересны два послѣднихъ представителя этой вѣтви князей Долгорукихъ—князья Петръ и Михаилъ Петровичи.

Князь Михаилъ Петровичъ Долгорукій родился въ 1777 г. былъ зачисленъ, какъ тогда велось, сержантомъ въ Измайловскій полкъ и уже 20-ти лѣтъ былъ полковникомъ. Полкъ князя находился въ ту пору въ Москвѣ. «Молодого и пылкаго князя тяготила служба въ гарнизонномъ полку, его тянуло на болѣе полезную дѣятельность». Онъ подалъ просьбу Павлу Петровичу, но тотъ ему просьбу вернулъ. Онъ—во второй разъ. «На этотъ разъ прошеніе было ему возвращено вторично, но уже съ «на ддраніемъ». Наконецъ, онъ обратился къ наслѣднику Александру Павловичу, слѣдствіемъ чего былъ переводъ его въ чинѣ генералъ-майора въ Смоленскъ. Ему шелъ тогда 21-й годъ. Карьера блестящая!

Но карьера его болѣе рѣзко измѣнилась съ воцареніемъ Александра Павловича: онъ сдѣлался его ближайшимъ сподвижникомъ. Чѣмъ объясняется подобная перемѣна въ судьбѣ этого молодого князя, сказать трудно. Авторъ не пытается даже проанализировать этотъ крупный общественный фактъ.

Какъ бы то ни было, но съ этого момента значеніе и вліяніе князя укрѣпляется.

Что же онъ сдѣлалъ? Чѣмъ можетъ помянуть его исторія?

Для этого необходимо припомнить, что представлялъ собою дворъ императора Александра I, въ первые годы его царствованія.

Самъ Александръ I отдавалъ дань мистическимъ вѣяніямъ своей эпохи. Въ связи съ мистическими представленіями, съ представленіями ничтожества земной власти, земныхъ установленій и земныхъ радостей, онъ долженъ былъ исповѣдывать самый широкій, и вслѣдствіе этого, самый безпринципный космополитизмъ. Космополитизмъ и либерализмъ—два брата, неравныхъ лѣтъ, но все же связанныхъ внутренней, идейной солидарностью. Вслѣдствіе этого, при дворѣ Александра I либерализмъ процвѣталъ, и самыми ярыми представителями его были три знаменитыхъ сверстника и сотоварища Александра I по дѣтскимъ играмъ и воспитанію—Новосильцовъ, князь Кочубей и Адамъ Чарторыйскій. Адамъ Чарторыйскій, полякъ по національности, былъ человѣкъ хитрый и коварный. Утвердившись въ сердцѣ государя, какъ на твердомъ пьедесталѣ, онъ, прежде всего, сдѣлался руководителемъ внѣшней политики, а, тѣмъ временемъ, играя на широкихъ космополитическихъ убѣжденіяхъ государя, подготовлялъ возможность возстановленія павшаго польскаго королевства.

Александръ I былъ какъ бы ослѣпленъ своимъ министромъ. Политика шла не національнымъ путемъ, сворачивала съ пути, изгибалась, искала поддержки и союзовъ на Западѣ и т. д. Получалось впечатлѣніе, что дворъ Александра I—дворъ какихъ-то сборныхъ, случайныхъ людей, гдѣ подъ громкой русской фамиліей боишься увидѣть либо католика, либо протестанта. Тогда боялись быть русскими. Время было такое.

Когда же въ придворную среду вступилъ новый человѣкъ, да еще молодой, нервный, впечатлительный, но смѣлый, какъ называетъ его авторъ, невоздержный на слово въ силу личной талантливости, живости чувствованія и,

главное, молодости (ему было тогда 21 годъ), то онъ сразу увидѣлъ, что̀ откуда и чѣмъ пахнетъ. Тотъ же часъ онъ насторожился, сталъ копить нравственную силу и объявилъ ненаціональному тріумвирату жестокую войну во имя русскихъ національныхъ принциповъ. Онъ не скрывался, не таился за придворными интригами, подобно врагамъ. Наоборотъ, онъ былъ тутъ, на лицо, и тѣмъ возвышеннѣе, тѣмъ благороднѣе долженъ представиться этотъ юноша-генералъ въ воображеніи каждаго, изучающаго эту эпоху.

Князь П. П. Долгорукій сталъ оплотомъ русской партіи при дворѣ.

Мы приведемъ, со словъ автора, одинъ эпизодъ.

«Однажды за царскимъ столомъ, онъ, отвѣчая князю Чарторыйскому, сказалъ: «Вы разсуждаете, милостивый государь, какъ польскій князь, а я разсуждаю, какъ русскій». Князь Адамъ, конечно, умолкъ и молчалъ до конца обѣда» [1]).

Этого достаточно для внутренней обрисовки характера князя П. П. Долгорукаго. Онъ былъ русскимъ въ ту эпоху, когда хоть и не умолкъ еще громъ побѣды предыдущаго громкаго царствованія, но и когда стыдно было быть русскимъ.

Второй весьма важный фактъ, сообщаемый авторомъ, это—участіе князя П. П. Долгорукаго въ Аустерлицкой битвѣ. До сихъ поръ мы знали, что непобѣдимое честолюбіе Наполеона и неважные пріемы нашей дипломатіи ускорили развязку и катастрофу Аустерлицкой битвы. Тайныя ея пружины были скрыты за ширмами неизвѣстнаго а, между тѣмъ, дѣло-то было все въ князѣ П. П. Долгорукомъ.

Дважды князь П. П. былъ посылаемъ съ разными секретными и чрезвычайно интимными порученіями къ прусскому королю Фридриху. Въ оба раза онъ выполнилъ свою миссію блестяще, чѣмъ заслужилъ особую довѣренность государя. Попрежнему, онъ былъ смѣлъ, какъ говоритъ авторъ, и, не касаясь дѣлъ внутренней политики, всей своей душой отдался созрѣвавшему въ его головѣ плану борьбы съ Наполеономъ. Планъ этотъ въ корнѣ расходился съ планомъ князя Чарторыйскаго, руководителя тогдашней внѣшней политики.

Планъ князя П. П. напоминаетъ знаменитый планъ князя Потемкина объ изгнаніи турокъ изъ Европы и слова Суворова, разсматривавшаго въ своей ссылкѣ, въ деревнѣ, по картамъ поразительные успѣхи Наполеона:

— Быстро зашагалъ... Надо унять мальчика.

Князь П. П. тоже хотѣлъ «унять мальчика».

13-го октября 1805 г. Александръ I послѣ Берлина и Веймара поѣхалъ прямо въ Ольмюцъ на свиданіе здѣсь съ австрійскимъ императоромъ. Туда же пріѣхалъ и посланный Наполеона, генералъ Савари, герцогъ Ровиго. Наполеонъ поручилъ ему начать мирные переговоры и, между прочимъ, понаблюдать, какое настроеніе вокругъ Александра I. Савари тотъ же часъ замѣтилъ, что молодежь, окружающая государя, очень воинственно настроена, и особенно князь П. П. Онъ уѣхалъ ни съ чѣмъ. Наполеонъ послалъ его во второй разъ,

[1]) Князья Долгорукіе, стр. 11.

чтобы подготовить ему свиданіе съ Александромъ I. Государь самъ не поѣхалъ, но послалъ къ Наполеону князя П. П. Долгорукаго.

Вотъ какъ описываетъ авторъ все, происшедшее во время этого свиданія:

«Встрѣча русскаго посланца со всемогущимъ корсиканцемъ произошла при слѣдующихъ условіяхъ: Наполеонъ, объѣзжая передовые посты, увидалъ ѣдущаго ему навстрѣчу русскаго генерала, остановился на большой дорогѣ и вступилъ съ нимъ въ продолжительный разговоръ. Разспросивъ о здоровьи императора Александра, Наполеонъ сказалъ: «Долго ли намъ воевать? Чего хотятъ отъ меня? Чего требуетъ онъ? Пусть онъ распространяетъ границы Россіи на счетъ своихъ сосѣдей, особенно турокъ: тогда всѣ ссоры его съ Франціей кончатся» [1]).

Далѣе онъ добавилъ: «Россіи надобно слѣдовать совсѣмъ другой политикѣ и помышлять о своихъ собственныхъ выгодахъ, а не чужихъ». Въ заключеніе Наполеонъ, уже видимо раздраженный вызывающимъ видомъ юнаго посланнаго, сказалъ: «Итакъ, какъ угодно, будемъ драться». Князь Долгорукій повернулся и, не называя Наполеона «императорскимъ величествомъ», сѣлъ на лошадь и отправился въ обратный путь».

«Наполеонъ, говоря объ этой встрѣчѣ, называлъ князя «un freluquet impertinent ce polisson de Dolgorouky» и жаловался, что Долгорукій говорилъ съ нимъ, какъ съ бояриномъ, «котораго собираются сослать въ Сибирь» [2]).

Мы не будемъ дѣлать дальнѣйшихъ выписокъ изъ этой интересной книги, но скажемъ, что князь Долгорукій былъ виновникомъ Аустерлицкой битвы. Личное вліяніе князя Долгорукаго на государя и легкая побѣда австрійцевъ надъ французами подъ Вишау могли создать при дворѣ Александра I и въ его собственномъ умѣ убѣжденіе, что Наполеонъ трусъ, что Наполеонъ боится насъ, и поэтому надо пользоваться минутой. Но вышло какъ разъ наоборотъ: военный геній Наполеона развернулся именно здѣсь, въ Аустерлицкой битвѣ, и русско-австрійскія войска были разбиты на голову.

Самъ авторъ говоритъ объ этомъ такъ:

«...Неудачный исходъ Аустерлицкаго сраженія приписывался главнымъ образомъ вмѣшательству Долгорукаго въ направленіе хода военныхъ операцій. И это мнѣніе было отчасти справедливо» [3]).

«Легкомысленное донесеніе князя Долгорукаго, вернувшагося въ главную квартиру, окончательно вызвало рѣшеніе союзниковъ атаковать французовъ на другой день, окончившійся аустерлицкой катастрофой» [4]).

Тотъ же часъ въ западно-европейской печати появились обвиненія, направленныя противъ князя П. Долгорукаго и, слѣдовательно, противъ самого императора. На эти обвиненія были сдѣланы самимъ княземъ П. Долгорукимъ два возраженія:

---

[1]) Князья Долгорукіе, стр. 16.

[2]) Ib., стр. 17.

[3]) Ib., стр. 19.

[4]) Ib., стр. 19—20.

a) «Observations sur les rapports des gazettes concernant les derniers événements dans la Moravie en decembre 1805».

b) «Lettre d'un officier russe sur les derniers évènements militaires en Moravie en décembre 1805».

Въ чемъ же историческое значеніе князя П. Долгорукаго? Въ томъ, что онъ былъ едва ли не единственнымъ представителемъ «чисто русской политики» при дворѣ Александра I, былъ врагомъ князя Адама Чарторыйскаго и К°, борясь противъ него и, особенно, съ его стремленіями снова создать Польское королевство, и былъ единственнымъ виновникомъ Аустерлицкой битвы.

Отличаясь рѣдкими дипломатическими способностями, какъ и вообще всѣ Долгорукіе, онъ исполнялъ зачастую самыя интимныя дипломатическія порученія императора Александра I. При дворѣ съ такимъ вліяніемъ на дѣла онъ былъ всего 4 года и, 29 лѣтъ отъ роду, умеръ 8 декабря 1806 года.

Значеніе второго брата, князя М. П. Долгорукаго, въ общей исторіи не столь важно, но зато самъ онъ, своею внутренней, духовной личностью, намного превосходитъ своего брата.

Вотъ его характеристика, сдѣланная авторомъ. Въ 1800 году, онъ участвовалъ въ обмѣнѣ русскихъ плѣнныхъ съ французскими; зачисленный въ свитѣ генерала Спренгпортена, онъ жилъ въ Парижѣ.

«Обширныя и разнообразныя основательныя свѣдѣнія молодого русскаго, одареннаго отъ природы пылкимъ воображеніемъ и быстро схватывающимъ умомъ, пріобрѣли ему скоро любовь Парижа и даже парижскихъ ученыхъ, которыхъ князь усердно посѣщалъ».

Его также любили женщины. Онъ былъ изященъ, красивъ.

«Утренніе часы своего пребыванія въ Парижѣ князь посвящалъ изученію всего интереснаго, ѣздилъ къ ученымъ, проводилъ съ ними время въ поучительныхъ бесѣдахъ».

«Самъ Наполеонъ оказывалъ большое вниманіе князю Михаилу Петровичу, нерѣдко съ нимъ бесѣдовалъ и передъ его отъѣздомъ велѣлъ Бертье подарить ему на память пару пистолетовъ» [1]).

«Впослѣдствіи, на бивуакѣ подъ Аустерлицемъ, Наполеонъ спросилъ у князя П. П. Долгорукаго, не родственникъ ли ему тотъ Долгорукій, адъютантъ императора, который во дни его консульства жилъ въ Парижѣ, удивляя всѣхъ своимъ умомъ, своими свѣдѣніями и своей жаждой къ познаніямъ.

«Скажите, гдѣ онъ теперь?» сказалъ Наполеонъ. «Онъ мнѣ младшій братъ», отвѣчалъ князь П. П., «находится здѣсь въ арміи и надѣется, въ случаѣ битвы, снискать уваженіе французовъ и на бранномъ полѣ» [2]).

Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ былъ человѣкъ съ выдающимися, недюжинными способностями, приложеніе которыхъ было сдѣлано въ дипломатіи и въ военномъ дѣлѣ.

---

[1]) Князья Долгорукіе, стр. 47—48.

[2]) Ib., стр. 48.

Онъ такъ же, какъ и братъ, выполнялъ всякаго рода дипломатическія порученія императора. Въ 1808 году онъ былъ назначенъ командовать Сердобольскимъ отрядомъ, дѣйствовавшимъ въ Финляндіи, и былъ убитъ наповалъ ядромъ въ битвѣ подъ Иденсальми, 29 лѣтъ отъ роду.

Мы не будемъ говорить, что и князь М. П. отличался большой несдержанностью характера, ссорился со своими начальниками, уходилъ изъ одного отряда въ другой, имѣлъ отъ императора Александра I какой-то бланкъ, дававшій ему свободу дѣйствій и т. д., но это не мѣшаетъ ему быть видной, исключительной натурой и выдающимся дѣятелемъ Александровской эпохи.

Что князья Долгорукіе были при дворѣ Александра I въ особомъ положеніи, можно судить изъ того, что сестра императора, великая княжна Екатерина Павловна, впослѣдствіи герцогиня Ольденбургская и королева Виртембергская († 1819 года), была влюблена въ князя Михаила Петровича. Императоръ не противился ихъ браку, но противъ него была вдовствующая императрица. Однако, сломленная просьбами, она изъявила согласіе на этотъ бракъ. Фельдъегерь поскакалъ въ Иденсальми, чтобъ передать великую, радостную для него вѣсть, но увидѣлъ...... мертвое тѣло молодого князя.

Смерть благородная, тѣмъ болѣе, что въ этой битвѣ онъ показалъ свое геройство и свою неустрашимость, а его слова, когда онъ, указавъ на крѣпость, сказалъ: «Вотъ вамъ георгіевскіе кресты», должны считаться замѣчательными.

Оба брата умерли слишкомъ молодыми, чтобъ въ полнотѣ проявить свои недюжинныя дарованія. Имъ не было еще и 30 лѣтъ.

Переходя къ обзору научныхъ пріемовъ автора, мы прежде всего должны отмѣтить благородство, чистоту и изящество русскаго языка, которымъ написана эта монографія. Авторъ, больше всего, силенъ въ батальныхъ картинахъ (стр. 52, 60—61). Его описанія могутъ войти въ любой сборникъ любителей изящной русской рѣчи. Благородство языка, благородство мыслей зависитъ не отъ одного только воспитанія, но и отъ таланта.

Авторъ широко воспользовался огромнымъ матеріаломъ, добытымъ имъ изъ частныхъ архивовъ и изъ древлехранилищъ. Въ данномъ случаѣ документами служатъ реляціи, доклады, записки, письма дѣйствующихъ лицъ между собой и третьихъ лицъ, всякаго рода доношенія и т. д. Авторъ добылъ для интересовавшей его задачи такіе матеріалы, которые теперь представляютъ библіографическія рѣдкости, и возможно полнѣе обставилъ ими свою монографію.

Собственно, это и не біографическіе очерки, а крупныя черты изъ жизни данныхъ дѣятелей, т. е. эпизодическая біографія. Должно добавить, что такой взглядъ на біографическіе очерки—самый правильный въ методологическомъ отношеніи.

К. Н. Михайловъ.

Систематическій каталогъ книгъ библіотеки Кіевской духовной академіи, составленный библіотекаремъ академіи А. С. Крыловскимъ. Томъ второй. Словесность. Выпускъ пятый. Иностранная литература: восточная, классическая, новыхъ европейскихъ народовъ и славянская. Отечественная литература. Эстетика и теорія словесности. Исторія искусствъ и литературы иностранной и библіографія. Исторія русской литературы и библіографія. Кіевъ. 1901.

У нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній есть похвальный обычай печатать каталоги своихъ книжныхъ сокровищъ, такъ какъ подобныя изданія приносятъ огромную и само собой понятную пользу всѣмъ тѣмъ, кто имѣетъ возможность и нужду пользоваться данной библіотекой непосредственно, а затѣмъ могутъ оказать немалую услугу и вообще всѣмъ лицамъ, серіозно занимающимся какимъ нибудь предметомъ, потому что библіотеки эти пополняются большею частью не случайно, а по указаніямъ профессоровъ спеціалистовъ. Наконецъ, немалый интересъ представляютъ эти каталоги и для библіографовъ вообще, такъ какъ въ нихъ можно найти много такихъ изданій, которыя выходятъ въ свѣтъ въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и часто не поступаютъ въ продажу, какъ, напримѣръ, разнаго рода диссертаціи, рѣчи и тому подобное. Каталогъ, указанный въ заглавіи, представляетъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи особенный интересъ, такъ какъ Кіевская духовная академія—старѣйшее высшее учебное заведеніе въ Россіи, а потому библіотека ея должна быть особенно богата старинными библіографическими рѣдкостями. Изъ отдѣловъ каталога я перечиталъ особенно внимательно второй (Отечественная литература) и нашелъ тамъ нѣсколько изданій, которыя не только не отмѣчены у Сопикова и Геннади, но ихъ нѣтъ даже, судя по карточному рукописному каталогу, въ русскомъ отдѣленіи Императорской Публичной библіотеки. Книги эти слѣдующія:

№ 11253 (изданіе это не указано и среди «Русскихъ книгъ» С. А. Венгерова). Анатолій (Мартыновскій), архіепископъ могилевскій. Перегринъ. Аллегорическая повѣсть. С.-Петербургъ. 1859. 8°.

№ 11261. Аскоченскій, В. Говорящій мертвецъ. С.-Петербургъ. 1859. 8° (также нѣтъ у С. А. Венгерова).

№ 11483. Ильинъ, Д. Ода преосвященнымъ епископамъ: Самуилу Крутицкому и Геннадію Суждальскому (sic). Москва. 1772. 4°.

№ 11619. Логвиновъ, А. Радостныя чувствованія музъ при поздравленіи съ прибытіемъ митрополита кіевскаго Іероѳея. Кіевъ. 1796. 4°.

№ 11758. Ода на всевожделѣнное и всерадостное прибытіе императрицы Екатерины II-ой въ градъ Кіевъ, 1787 г., генваря 29 дня, поднесенная отъ Кіевской академіи. Кіевъ. 1787. F°.

№ 11762. Ода на рожденіе великой княгини Елисаветы Александровны, принесенная отъ Кіевской академіи. Кіевъ. 1806. 4°.

№ 11767. Оды и разныя стихотворенія кіевскому митрополиту Іероѳею, посвященныя въ день ангела отъ Кіевской академіи. Кіевъ. 1796. 4°.

№ 11804. Подарокъ музамъ въ новый 1799 г. Выбрано изъ печатныхъ книгъ. Воронежъ. 1799. 8°.

№ 11811. Полянскій, Д. Ода великому князю Александру Павловичу на день бракосочитанія (sic). С.-Петербургъ. 1793. 4°.

№ 12022. Торжество Казанскія семинаріи, приносящей поздравленіе митрополиту казанскому Амвросію въ день его тезоименитства, съ краткой исторіей семинаріи. 1795. 4°.

№ 12023. Торжество казенныхъ питомцевъ Кіевской академіи на пріѣздъ митрополита кіевскаго Іероѳея. Кіевъ. 1796.

№ 12027. Торжество Воронежской семинаріи, по случаю прибытія въ Воронежъ преосвященнаго Меѳодія, епископа Воронежскаго. 1795. 4°.

Кромѣ того, у Сопикова и Геннади пропущено нѣсколько другихъ книгъ, хранящихся въ библіотекѣ Кіевской академіи, но эти изданія имѣются въ Публичной Библіотекѣ, поэтому я отмѣчу только номера ихъ: 11358, 11372, 11404, 11485, 11495, 11531, 11540, 11544, 11832, 11957, 12026, 12074. Укажу также на двѣ рукописи, приведенныя въ каталогѣ подъ №№ 11492 (Кандарицкій. Разговоръ, въ коемъ дѣйствующія лица суть пилигримъ, алхимистъ и критикъ. Тутъ же стихи на побѣды Кутузова надъ французами въ Германіи и солдатская пѣсня 1805 года) и 12075 (Жертва признательныхъ сердецъ преосвященному Амвросію (Келембету), епископу оренбургскому и уфимскому, приносится въ день тезоименитства отъ Оренбургской семинаріи 7 декабря 1801 года). Обращаетъ на себя вниманіе и № 9981—латинскихъ комментаріевъ къ рѣчамъ Цицерона (Кельнъ, 1621), такъ какъ экземпляръ этотъ попалъ въ академію изъ библіотеки Петра Могилы.

Весьма богатъ также старинными книгами отдѣлъ польскій, гдѣ мнѣ попалось три изданія, не указанныхъ въ тщательной Bibliografia Polska Эстрейхера, именно:

№ 11074. Acernus S. Worek Iudaszow, to jest złe nabycie maiętnośći. Krakow. 1600. 4°.

№ 11120. Icones książąt y królów Polskich (съ портретами польскихъ королей). Krakow. 1605. F°.

№ 11131. Kolenda, nowe lato y sczodry dzień. Krakow. 1608. 8°.

Систематизація книгъ въ каталогѣ въ общемъ весьма тщательна. Къ сожалѣнію, далеко нельзя сказать этого о корректурѣ, такъ, напримѣръ, прописная курсивная *Θ* почти вездѣ замѣнена курсивнымъ *Q*. А. М—нъ.

Извѣстія Русскаго археологическаго института въ Константинополѣ. Томъ VI, выпуски 2—3. Софія. 1901.

Въ этомъ изданіи на первомъ мѣстѣ находится греческая статья великаго логоѳета константинопольской патріархіи Ставраки бей Аристархиса подъ заглавіемъ «Одиннадцатая новелла Юстиніана» (стр. 237—252). Къ статьѣ приложенъ греческій переводъ упомянутой новеллы знаменитаго византійскаго императора Юстиніана (VI в.), сохранившейся только въ латинскомъ текстѣ, и сдѣланы нѣкоторыя замѣчанія касательно ея содержанія.

Въ новеллѣ рѣчь идетъ о привилегіяхъ архіепископа «первой Юстиніаны» или Ахридскаго. Возстановленіе оригинальнаго (греческаго) текста новеллы по извѣстному лишь латинскому ея переводу, безспорно, имѣетъ важное научное значеніе.

Дальше помѣщено обширное изслѣдованіе Б. В. Фармаковскаго подъ заглавіемъ: «Византійскій пергаментный рукописный свитокъ съ миніатюрами, принадлежащій Русскому археологическому институту въ Константинополѣ» (стр. 253—359). Свитокъ, которому посвящено настоящее изслѣдованіе, имѣетъ большой интересъ. По своему происхожденію онъ относится къ концу XI или къ началу XII вѣка, а по содержанію представляетъ такъ называемый κοντάκιον—рукопись, предназначенную для церковнаго употребленія. На одной сторонѣ свитка написано послѣдованіе вечерни съ колѣнопреклоненными молитвами въ день пятидесятницы, а на другой сторонѣ находится литургія преждеосвященныхъ даровъ. Греческій текстъ свитка имѣетъ отличіе отъ текста указанныхъ богослуженій, употребляемаго въ церкви въ настоящее время, и очень любопытенъ для литургистовъ. Г. Фармаковскій отмѣчаетъ въ своемъ изслѣдованіи всѣ такія отличія.

Но еще болѣе свитокъ важенъ въ церковно-археологическомъ отношеніи, такъ какъ имѣетъ въ текстѣ восемь миніатюръ, изъ коихъ одна большая, а остальныя маленькія. Миніатюры, по своему содержанію, являются иллюстраціей текста и весьма интересны по композиціи и техникѣ рисунка, свидѣтельствующимъ о блестящемъ расцвѣтѣ искусства въ Византіи въ эпоху царской династіи Комниновъ. Г. Фармаковскій весьма обстоятельно и умѣло описалъ всѣ миніатюры свитка и уяснилъ ихъ археологическую судьбу и значеніе.

Слѣдующая статья (стр. 361—396) написана на французскомъ языкѣ, принадлежитъ католическому монаху Жану Тибо (J. Thibaut) и представляетъ этюдъ изъ исторіи византійской музыки, посвященный «Нотной системѣ Іоанна Кукузеля» (La Notation de Koukouzélès). Этотъ Кукузель, по мнѣнію автора, жилъ въ XIII вѣкѣ и замѣчателенъ своими трудами въ области византійскаго церковно-богослужебнаго пѣнія. Отецъ Тибо, на основаніи различныхъ нотныхъ рукописей византійскаго происхожденія, излагаетъ особенности пѣвческой системы Кукузеля, иллюстрируя свои сужденія примѣрами. Статья носитъ спеціальный характеръ.

Дальнѣйшія страницы (397 — 481) разсматриваемаго изданія заняты «Отчетомъ о дѣятельности Русскаго археологическаго института въ Константинополѣ за 1899 годъ». Отчетъ содержитъ любопытныя свѣдѣнія о дѣятельности института. Она выражалась: 1) въ устройствѣ засѣданій, лекцій и практическихъ занятій; 2) въ археологическихъ экскурсіяхъ; 3) въ обработкѣ добытыхъ матеріаловъ и въ изданіи ученыхъ трудовъ, и 4) въ производствѣ раскопокъ въ Македоніи и въ Болгаріи. Изъ ученыхъ рефератовъ, прочитанныхъ на засѣданіяхъ института въ теченіе указаннаго года, въ отчетѣ подробно обозрѣваются слѣдующіе: «Города и общины среднихъ вѣковъ въ Западной Европѣ и на Балканскомъ полуостровѣ» Ст. Новаковича, «Ритмъ греческой гимнографіи и современная критика» Луи Пети, «О надписяхъ съ καλός, καλή на произведеніяхъ греческой керамики VI—V вѣ-

ковъ до Рождества Христова» Б. А. Фармаковскаго, «О политическихъ отношеніяхъ далматинскихъ городовъ къ Византіи въ X вѣкѣ» И. Радонича. Археологическія экскурсіи въ теченіе года были совершены въ Малую Азію и въ Болгарію, а однимъ изъ членовъ института было исполнено научное обслѣдованіе нѣкоторыхъ мѣстностей Македоніи и Албаніи. Въ Малой Азіи были обслѣдованы развалины христіанскихъ церквей и мавзолей въ области древней Листры, къ юго-западу отъ Коніи. Въ Болгаріи институтъ собралъ богатый археологическій матеріалъ. Здѣсь были открыты многочисленныя надписи греко-римскія и древне-болгарскія, пріобрѣтены различныя археологическія находки, обслѣдованы очень многіе вещественные памятники страны и рукописи и т. п. Изъ другихъ трудовъ института нужно отмѣтить воспроизведеніе красками замѣчательныхъ мозаикъ мечети Кахріэ-джами (бывшаго византійскаго монастыря Спасителя τῆς Χώρας), исполняемое художникомъ Н. К. Клуге, и производство раскопокъ въ Македоніи, близъ села Патели, въ мѣстности древняго некрополя. Библіотека института въ теченіе года возросла до 4.701 названія въ 11.336 томахъ, а кабинетъ древностей вновь обогатился 1.124 предметами—произведеніями искусства и промышленности восточныхъ и античныхъ, христіанскихъ и мусульманскихъ и различными монетами.

Въ заключеніе тома помѣщено сообщеніе А. Соломяка «О вновь открытой мозаикѣ въ Іерусалимѣ» (стр. 482—485). Здѣсь оповѣщается объ открытіи вполнѣ сохранившейся мозаики близъ Дамасскихъ воротъ въ Іерусалимѣ, къ западу, въ помѣстьѣ еврея Габая. Мозаика очень древняя и имѣетъ своимъ сюжетомъ «Тріумфъ Орфея».

Въ приложеніи къ изданію находятся восемь таблицъ рисунковъ и снимковъ съ рукописей, относящихся къ статьямъ г. Фармаковскаго и г. Тибо.

Такимъ образомъ, новый выпускъ «Извѣстій» Русскаго археологическаго института въ Константинополѣ представляетъ немалый историко-археологическій интересъ. Σ.

Юбилейный сборникъ къ столѣтію присоединенія Грузіи къ Россіи. Матеріалы. Собралъ Е. С. Сталинскій. Издано подъ редакціей К. Н. Вѣгичева. Тифлисъ. 1901.

Юбилейный сборникъ... хочется сказать, безсмысленный сборникъ, потому что въ немъ все съ начала до конца странно и безсмысленно.

Юбилей всегда большой праздникъ, особенно 100-й. Какъ всякій праздникъ, онъ сопровождается всегда чѣмъ нибудь особеннымъ: подъемомъ духа, особеннымъ повышеннымъ настроеніемъ и т. д. Юбилей—радостный моментъ жизни. Его всегда чѣмъ нибудь ознаменовываютъ. Ознаменовали его и грузины, собравъ матеріалы и отдавъ ихъ подъ редакцію г. Вѣгичева.

Если пишется историческая монографія, захватывающая частный вопросъ или отдѣльныя лица, то матеріалами въ данныхъ случаяхъ будутъ записки, доклады, отдѣльные акты, документы, реестры, характеристики дѣйствующихъ лицъ, дневники, свидѣтельства о нихъ въ письмахъ третьихъ лицъ и т. д.,

словомъ, весь тотъ письменный матеріалъ, который способствуетъ уясненію даннаго историческаго лица или даннаго историческаго событія. Если же предметомъ историческаго изслѣдованія служитъ цѣлая эпоха, скажемъ, 100 лѣтъ, т. е. тотъ промежутокъ времени, когда извѣстныя историческія явленія могли отлиться въ опредѣленныя формы и когда поддаются строгому научному анализу, тогда матеріалами могутъ служить всѣ данныя, еще не напечатанныя и заключенныя въ архивахъ, книгохранилищахъ и библіотекахъ. Сюда должны быть отнесены: явленія административной, общественной, культурной, экономической жизни народа, здѣсь должны быть отмѣчены всѣ стороны духа, отразившагося въ письменныхъ актахъ. Оперированіе надъ актами, приведеніе ихъ въ систему, въ единообразіе, и есть задача изслѣдователя, берущагося за матеріалы, и при томъ задача, основанная на двухъ извѣстныхъ научныхъ методахъ—индукціи или дедукціи, синтезѣ или анализѣ; основываясь же на всѣхъ поименованныхъ документахъ, всегда должно дѣлать ссылку на документъ съ соотвѣтствующими научными выводами.

Ничего подобнаго мы не видимъ въ этомъ юбилейномъ сборникѣ, составленномъ по поводу такого крупнаго, такого важнаго, существеннаго момента, какъ столѣтіе со дня присоединенія Грузіи къ Кавказу.

Книга въ 160 слишкомъ страницъ состоитъ изъ двухъ не только ничѣмъ, но и прямо логически не связанныхъ частей, съ особой нумераціей страницъ: а) изъ краткихъ характеристикъ главноуправляющихъ Грузіею, намѣстниковъ кавказскихъ и главноначальствующихъ гражданскою, частью на Кавказѣ и в) изъ «поэтическаго Кавказа» (sic!). Мы не говоримъ о собственно первой части, введеніи, гдѣ больше чужихъ словъ, чѣмъ своихъ.

Что между ними общаго? Какою связью онѣ соединены? Почему послѣ характеристикъ начальствующихъ лицъ не упомянуть, согласно принятой гг. Сталинскимъ и Бѣгичевымъ системѣ, ну, хоть о томъ, какъ растутъ на Кавказѣ каштаны, или какъ ѣдятъ благодушные грузины лобіё, какія тамъ женщины, какъ онѣ родятъ и послѣ этого питаются чурекомъ или иной какой нибудь снѣдью? Вѣдь это все было бы не менѣе поэтично и красиво, чѣмъ это вышло у поименованныхъ выше господъ.

Любопытно, почему слѣдующую послѣ главноначальствующаго князя Голицына страницу они назвали: «Поэтическій Кавказъ»?

Вообще, въ этомъ «Юбилейномъ Сборникѣ» много нелѣпости: и въ самой системѣ построенія, и въ самомъ пользованіи матеріалами, которые, à propos, очень и очень скудны (акты арх. ком. и кое-что изъ литературы).

Не выполнивъ того, что̀ предъявляется установившейся уже вездѣ практикой исторической науки, не выполнивъ самыхъ элементарныхъ правилъ пользованія документами, г.г. Сталинскій и Бѣгичевъ не могли даже связно, образно, разсказать о томъ, что произошло за 100 лѣтъ на Кавказѣ, особенно, въ такой благодарной формѣ, какъ передача въ лицахъ. «Краткія характеристики», дѣйствительно, кратки и, мало того, безсвязны, водянисты, расплывчаты, безцвѣтны.

Ко всему этому надо добавить, что въ своемъ «Введеніи» они похоронили императора Павла I на 4 дня раньше, чѣмъ это офиціально извѣстно, т. е. 8 марта 1801 г., а не 12-го.

«Какъ извѣстно [1]), говорятъ они, внезапная кончина императора, послѣдовавшая 8 марта 1801 г., остановила начатое дѣло» (Введ., I).

Характеристики нашихъ государственныхъ дѣятелей, стоявшихъ во главѣ Кавказскаго края съ начала столѣтія до новаго главноначальствующаго, ничѣмъ, ни одной ссылкой на актъ, матеріалъ или документъ не подкрѣплены.

Во второмъ отдѣлѣ собрано нѣсколько грузинскихъ, армянскихъ, осетинскихъ, аварскихъ и т. д. сказокъ, преданій, пословицъ, приговоровъ. Все это, быть можетъ, и интересный матеріалъ, но въ какомъ отношеніи онъ находится къ столѣтнему юбилею присоединенія Грузіи, и въ какой логической связи находится эта часть съ предыдущей?

Полная безсистемность и даже литературная безграмотность въ вопросѣ составленія сборника—вотъ общая его характеристика. Неужели же въ самомъ дѣлѣ въ Тифлисѣ нѣтъ людей, чтобы толково и порядочно составить небольшую книгу о Кавказѣ? **К. Н. Михайловъ.**

Сборникъ учено-литературнаго общества при Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ. Томъ IV. Юрьевъ. 1901.

Въ четвертомъ томѣ названнаго «Сборника» мы находимъ двѣ статьи профессора М. Е. Красножена: «Положеніе неправославныхъ христіанъ по дѣйствующему русскому законодательству» и «Эстонцы и нѣмцы въ Прибалтійскомъ краѣ (по поводу книги A. Grenzstain'a Herrenkirche oder Volkskiche. Eine Stimme im Baltischen Chor. Juriew. 1899)»; двѣ же статьи профессора А. С. Будиловича: «Къ вопросу о литературномъ языкѣ юго-западной Руси» и «О русскомъ Юрьевѣ стараго времени, въ связи съ житіемъ священномученика Исидора и съ нимъ сопострадавшихъ 72 юрьевскихъ мучениковъ», и вторая часть психологическаго изслѣдованія И. С. Продана «О памяти».

Объ одной изъ статей профессора Красножена (Эстонцы и нѣмцы въ Прибалтійскомъ краѣ) [2]) намъ уже приходилось говорить на страницахъ «Историческаго Вѣстника» (см. ноябрь 1900 года), попутно съ нашими замѣчаніями объ интересной книгѣ A. Grenzstein'a (Herrenkirche oder Volkskirche), которой и посвящена статья Красножена. Въ другой своей статьѣ («Положеніе неправославныхъ христіанъ etc.») профессоръ Красноженъ высказываетъ взгляды и мысли, которыя онъ подробнѣе развилъ въ своей, недавно вышедшей въ печати, докторской диссертаціи («Иновѣрцы на Руси», Юрьевъ, 1901), и эти взгляды и мысли также нашли уже себѣ соотвѣтствующую оцѣнку на страницахъ нашего журнала (іюль 1901 года).

Начало изслѣдованія г. Продана «О памяти» помѣщено было въ третьемъ томѣ того же «Сборника». Въ настоящемъ томѣ напечатана вторая часть изслѣдованія, посвященная критическому разбору экспериментальныхъ изслѣдованій этой основной способности человѣческой души. Интересный для психологовъ и педагоговъ трудъ г. Продана еще не законченъ.

---

[1]) Курсивъ нашъ.

[2]) Эта статья еще въ прошломъ году вышла въ видѣ отдѣльнаго оттиска (Эстонцы и нѣмцы etc. Юрьевъ. 1900).

Для насъ болѣе интересны въ «Сборникѣ» статьи профессора Будиловича. Въ первой изъ нихъ извѣстный славистъ касается вопроса, по поводу котораго ожесточенно ломали копья еще Погодинъ и Максимовичъ, а въ настоящее время Ягичъ и Соболевскій; это вопросъ о языкѣ юго-западной Руси, вопросъ, интересный не только для филологовъ, но и для историковъ, а въ послѣднее время принявшій даже и политическій, злободневный характеръ. Въ рѣшеніи этого вопроса нашъ авторъ стоитъ на старой точкѣ зрѣнія; по нему малорусское нарѣчіе имѣетъ позднѣйшее происхожденіе: главнѣйшія его особенности возникли не раньше конца XIV вѣка. Взгляды автора даже приближаются нѣсколько къ воззрѣнію Греча (Гречъ, какъ извѣстно, склоненъ былъ считать малорусскій языкъ—діалектомъ польскаго); «двойственность системы русскихъ говоровъ, выражается нашъ авторъ, зародилась, повидимому, на дуализмѣ Руси западной и восточной, польско-литовской и московской» (стр. 53).

Впрочемъ, главнымъ предметомъ вниманія г. Будиловича является не народный, а литературный языкъ юго-западной Руси. Здѣсь авторъ горячо вооружается противъ украинскаго сепаратизма въ литературномъ языкѣ. Языкъ Котляревскаго, Квитки и Шевченка не имѣетъ, по нему, связи съ древне-русскимъ языкомъ, а представляетъ собою «новообразованіе»; да и эти писатели совсѣмъ не преслѣдовали тѣхъ цѣлей, какія имѣютъ въ виду новѣйшіе сепаратисты. Въ новѣйшемъ литературномъ сепаратизмѣ малороссовъ г. Будиловичъ усматриваетъ политическій характеръ и главнымъ источникомъ его считаетъ стремленія галиційскихъ радикаловъ и покровительство послѣднимъ со стороны австрійскихъ нѣмцевъ. Оспаривая мнѣніе (между прочимъ, Пыпина и Спасовича), будто украинскій литературный сепаратизмъ имѣетъ связь съ обще-славянскимъ возрожденіемъ въ началѣ прошлаго (XIX) вѣка, и доказывая, что этотъ сепаратизмъ не соотвѣтствуетъ ни интересамъ южно-русскаго населенія, ни интересамъ всего славянства,—авторъ заканчиваетъ указаніемъ на то, что данное движеніе идетъ и въ разрѣзъ съ исторіею вообще. «Въ настоящее время, говоритъ онъ, усилія лучшихъ умовъ Стараго и Новаго Свѣта направлены не къ тому, чтобы увеличивать число дробныхъ языковъ или литературъ, а къ тому, чтобы все болѣе собирать народныя и вообще человѣческія силы въ федераціи политическія, союзы экономическіе, ассоціаціи общественныя—все большаго и большаго объема, чтобы съ наилучшими шансами на успѣхъ вести и внутреннюю борьбу за жизнь между отпрысками христіанскаго человѣчества, и борьбу внѣшнюю съ многомилліонными конгломератами мусульманскаго, браманскаго, особенно же буддійскаго и конфуціанскаго востока» (стр. 70—71).

Другая статья профессора Будиловича посвящена не менѣе злободневному вопросу, но только злободневному не для всей Россіи, а для одного Прибалтійскаго края. Когда эта статья прочитана была авторомъ (8 января 1901 года, въ день освященія новаго придѣла, въ честь священномученика Исидора, въ соборномъ храмѣ г. Юрьева) въ юрьевскомъ семейно-общественномъ собраніи «Родникъ»,—мѣстная нѣмецкая печать встрѣтила тезисы статьи нѣсколько озлобленною критикою. Предметомъ спора была «жизнь священномученика Исидора и съ нимъ сопострадавшихъ 72 юрьевскихъ мучениковъ», существованіе которыхъ мѣстная нѣмецкая наука и ежедневная пресса отрицаютъ.

Единственнымъ, сохранившимся изъ древности, источникомъ о жизни названныхъ мучениковъ является «житіе» или «страданіе» священноинока Варлаама. Умолчаніе о столь важномъ, какъ мученичество 73 человѣкъ, событіи въ новгородскихъ и псковскихъ лѣтописяхъ, а также недавнее происхожденіе дошедшихъ до насъ списковъ «житія» (всѣ они не ранѣе XVII в.), наконецъ, нѣкоторыя несообразности въ самомъ житіи,—все это заставляло и многихъ русскихъ ученыхъ (проф. Ключевскій, архіеп. Филаретъ) сомнѣваться въ вѣрности сообщаемаго житіемъ факта. Проф. Будиловичъ на основаніи разныхъ историческихъ данныхъ и соображеній доказываетъ полную возможность факта мученичества и относитъ его къ 8-му января 1472 года. Причиною мученичества было совращеніе православныхъ въ католичество, со стороны юрьевскаго бискупа и городскихъ властей. Д. З—нинъ.

Матеріалы по археологіи Россіи, издаваемые императорскою археологическою комиссіею. № 25. Древности бассейновъ рѣкъ Оки и Камы. Въ обработкѣ члена комиссіи А. А. Спицына. Выпускъ I. Съ 30 табл. и 20 рисунками въ текстѣ. Спб. 1901.

Въ настоящемъ выпускѣ «Матеріаловъ» А. А. Спицынъ говоритъ о десяти могильникахъ, находящихся въ предѣлахъ Вятской, Тамбовской и Рязанской губерній. На первомъ мѣстѣ онъ ставитъ расположенный надъ самымъ селомъ Пьяный Боръ, Елабужскаго уѣзда, Вятской губерніи, такъ называемый Пьяноборской могильникъ, весьма богатый, но малообслѣдованный, и представляетъ изображеніе и описаніе только тѣхъ его предметовъ, которые вошли въ коллекцію, сохраняющуюся въ музеѣ казанскаго общества археологіи, исторіи и этнографіи. Наиболѣе богатыя находки за послѣднее время были сдѣланы въ этомъ могильникѣ Нефедовымъ, разыскавшимъ еще нетронутыя погребенія, которыя принадлежатъ болѣе древнему періоду и должны быть отнесены ко времени Ананьинскаго могильника. Время Пьяноборскаго могильника А. А. Спицынъ отказывается опредѣлить, ограничиваясь предположеніемъ, что онъ «относится ко времени между V—VII вв.».

Второй могильникъ—«Атамановы Кости» (близъ Малмыжа), открытый въ 1877 г. г. Кузнецовымъ, изслѣдованный имъ и впослѣдствіи г. Пономаревымъ, заключаетъ въ себѣ немногочисленные предметы общаго типа съ Пьяноборскимъ могильникомъ.

Далѣе—Кошибеевскій могильникъ, богатый предметами мужскихъ и женскихъ погребеній, которыхъ здѣсь открыто до 109. При мужскихъ костякахъ найдены предметы вооруженія (мечи, топоры, желѣзные кельты, наконечники копій), наряда (фибулы, пряжка, поясной наборъ), части сбруи и вещи домашняго обихода. Въ женскихъ погребеніяхъ, обыкновенно болѣе богатыхъ предметами, чѣмъ мужскія, встрѣчено наибольшее количество оригинальныхъ головныхъ уборовъ, шейныхъ гривенъ, ожерельевъ изъ бусъ, нагрудныхъ пряжекъ, браслетъ и др.

Въ пяти могилахъ Сергачскаго могильника найдены предметы, тождественные съ предметами предыдущаго могильника.

Слѣдующіе два одновременные могильника—Борковскій и Кузьминскій, заключающіе въ себѣ до 205 погребеній, богатыхъ разными предметами, сохранили также до 10°/o сожженій. «Древности могильниковъ», говоритъ авторъ, «можно было бы отнести къ VIII, а отчасти и къ IX в.».

Послѣ могильниковъ Шатрищенскаго и Холуйскаго А. А. Спицынъ подробно останавливается на Максимовскомъ могильникѣ, гдѣ встрѣчаются мужскія и женскія погребенія инородцевъ и русскихъ, и наблюдаются въ инородческихъ случаи сожженія. «Трупы сожигались», пишетъ А. А. Спицынъ, «внѣ могилы, въ которой складывались пережженныя кости, бывшія на огнѣ мелкія металлическія украшенія и различныя вещи, не тронутыя огнемъ: ножи съ деревянными рукоятями, пояса, топоры, наконечники стрѣлъ, нѣкоторые головные уборы, глиняныя чашки, иногда кости животныхъ. Ямы для остатковъ трупосожженія вырывались неглубокія, рѣдко глубже аршина, чаще квадратной формы. На днѣ такой могилы прежде всего равномѣрнымъ слоемъ размѣщались остатки костей, а затѣмъ симметрично располагались «сосуды», всѣ остальныя крупныя и мелкія вещи»... (стр. 44). «Время, читаемъ далѣе Максимовскаго могильника опредѣляется не диргемами VIII—IX вв., въ немъ найденными, а баварской монетой конца X в., употребленной въ качествѣ привѣски; такимъ образомъ его можно признать относящимся къ XI вѣку» (стр. 50).

Наконецъ, послѣдній могильникъ Урвановскій принадлежитъ, по заключенію автора, къ типу Максимовскаго.

Послѣ этого описанія идетъ подробный отчетъ о раскопкахъ съ полнымъ перечнемъ всѣхъ найденныхъ предметовъ въ могильникахъ: Кошибеевскомъ, Борковскомъ, Кузьминскомъ и Максимовскомъ.

Въ концѣ выпуска приложены: указатель къ таблицамъ рисунковъ (съ обозначеніемъ №№ погребенія и стр. описанія) и тридцать таблицъ, изъ которыхъ большинство наполнено изображеніями предметовъ Кошибеевскаго, Борковскаго, Кузьминскаго, Максимовскаго и Пьяноборскаго могильниковъ. Рисунки, какъ и всегда, исполнены съ большою точностью и тщательностью.

В. Рудаковъ.

Wiktor Czermak, prof. universytetu Jagiellonskiego. Studya historyczne. W. Krakowie. 1901.

Въ толково поставленномъ хозяйствѣ не пропадаетъ, какъ извѣстно, ни одна мелочь: отбросы одной отросли производства даютъ матеріалъ для другой, при чемъ и самое возникновеніе этой послѣдней часто вызывается тѣмъ именно обстоятельствомъ, что въ данномъ предпріятіи остается матеріалъ, годный для какой нибудь выдѣлки. Краковскій профессоръ Чермакъ примѣнилъ этотъ экономическій принципъ къ своимъ научнымъ занятіямъ съ немалой пользой. Работая надъ изученіемъ источниковъ, касающихся интересующаго его вопроса, г. Чермакъ отмѣчаетъ всякіе интересные штрихи, попадающіеся въ этихъ источникахъ, хотя бы они и не имѣли непосредственнаго отношенія къ интересующему его вопросу. Этимъ путемъ незамѣтно накопляется сводъ дан-

ныхъ, представляющихъ совершенно готовый матеріалъ для небольшого историческаго этюда, обрисовывающаго личность какого нибудь второстепеннаго историческаго дѣятеля, или же проливающаго болѣе яркій свѣтъ на какое либо событіе, тоже, конечно, второстепенной важности.

Въ настоящемъ сборникѣ помѣщено восемь такихъ этюдовъ. Всѣ они касаются одной и той же эпохи XVII вѣка, изученію которой г. Чермакъ, по его заявленію, посвятилъ уже много лѣтъ. Наиболѣе законченнымъ представляется очеркъ подъ заглавіемъ «Дворъ Владислава IV», занимающій болѣе трети книжки и подраздѣленный на три главы. Въ первой главѣ («Владиславъ IV и его семейство») авторъ, на основаніи свидѣтельствъ историка Кобержицкаго и реляцій нунція, пытается дать характеристику Владислава IV, котораго онъ считаетъ лучшимъ и симпатичнѣйшимъ изъ польскихъ выборныхъ королей. Восторженность автора, съ которою онъ говоритъ о Владиславѣ IV, и которую въ интересахъ исторической правды слѣдовало бы сократить на половину, не помѣшала характеристикѣ выйти блѣдной и маловыразительной. Желая ярче очертить личность Владислава, г. Чермакъ вязнетъ иногда въ пучинѣ психологическихъ гипотезъ, явно неправдоподобныхъ, придуманныхъ только съ цѣлью окружить короля ореоломъ романтической интересности. Такъ, по взгляду г. Чермака, фигура Владислава на фонѣ тогдашнихъ событій выступаетъ въ мрачномъ, почти трагическомъ колоритѣ. На днѣ души его господствовала меланхолія — та незаурядная печаль избранныхъ душъ, которая рождается изъ грустнаго сознанія, что въ окружающей средѣ нѣтъ отзвука для мыслей и чувствъ высшаго порядка. Очевидно, г. Чермакъ хочетъ представить Владислава какимъ-то Фаустомъ на тронѣ—безъ всякой надобности, такъ какъ подобное представленіе обосновать очень трудно. Значительный интересъ представляетъ вторая глава—«Королевскіе финансы», которые авторъ высчиталъ очень обстоятельно. Оказывается, что Владиславъ получалъ отъ государства 4.266 тысячъ рублей золотомъ на наши деньги, то-есть, нѣсколько болѣе, чѣмъ получаетъ въ настоящее время австрійскій императоръ и англійскій король, и немногимъ менѣе, чѣмъ получаетъ германскій императоръ. При всемъ томъ Владиславъ былъ вѣчно въ долгахъ и не упускалъ случая перехватить сотню-другую тысячъ злотыхъ, гдѣ только можно было. Въ третьей главѣ авторъ описываетъ составъ придворныхъ чиновъ, внутреннее устройство королевскихъ резиденцій, содержаніе придворной челяди и т. д. Глава четвертая, посвященная описанію повседневной жизни короля, вопреки нашимъ ожиданіямъ, содержитъ мало интересныхъ свѣдѣній. Мы узнаемъ отсюда о странной привычкѣ короля принимать пищу не иначе, какъ лежа раздѣтымъ въ постели, о его равнодушіи къ религіи, вызывавшемъ постоянные укоры со стороны нунція, о любви къ охотѣ и физическимъ забавамъ. Читатель согласится, что этого слишкомъ мало для характеристики повседневной жизни, которая потому и интересна, что составляющія ее мелочи какъ-то ярче представляютъ фигуру человѣка, о которомъ идетъ рѣчь. Въ пятой наконецъ главѣ описываются торжества и увеселенія, до которыхъ польскіе короли, вообще, были большіе охотники. Здѣсь тоже свѣдѣнія почтеннаго историка отличаются сухостью, описанія баловъ и маскарадовъ лишены какой бы то ни было картинности,

хотя въ свидѣтельствахъ современниковъ можно найти очень богатый матеріалъ, по которому не трудно было возсоздать живописную панораму тогдашнихъ празднествъ польскаго двора.

Вторая по объему статья настоящаго сборника—«Молодость Юрія Любомірскаго» — можетъ представлять интересъ, какъ типическое изображеніе воспитанія и обученія, какое получали въ тѣ времена юноши богатыхъ польскихъ фамилій. Многообѣщающій по заглавію очеркъ «Смоленская война 1633—1634 гг. при свѣтѣ новыхъ данныхъ» на самомъ дѣлѣ не оправдываетъ ожиданій читателя. Точно также немного интереснаго даетъ авторъ въ очеркѣ «Поправки къ исторіи XVIII вѣка изъ частныхъ архивовъ» (графа Михаловскаго въ Добржеховѣ въ Галиціи и Людвика Гурскаго въ Стердынѣ, теперь частію перенесенный въ библіотеку графовъ Красинскихъ въ Варшавѣ). Заслуживаетъ упоминанія высказанный въ этомъ очеркѣ взглядъ г. Чермака, что научныя учрежденія и общества оказали бы большую услугу наукѣ, если бы они на половину сократили издательство источниковъ и освободившіяся такимъ образомъ средства употребили на обслѣдованіе и составленіе каталоговъ рукописей, хранящихся въ архивахъ какъ общественныхъ, какъ и частныхъ. Очень характерна по основной мысли своей статья «Отношеніе Польши къ возникновенію тридцатилѣтней войны». Авторъ бросаетъ упрекъ государственнымъ дѣятелямъ польскимъ той эпохи, почему они не приняли активнаго участія въ тридцатилѣтней войнѣ, и высчитываетъ выгоды, какія могла бы получить отъ этого Польша. Задача, кажется, совершенно праздная. Вѣдь поздно теперь, никакъ не воротишь, хотя бы написать объ этомъ не 11 страницъ, а одиннадцать томовъ.

Остальныя три статьи имѣютъ слишкомъ спеціальный характеръ. Въ общемъ сборникъ г. Чермака производитъ впечатлѣніе добросовѣстной профессорской работы, нѣсколько, правда, суховатой, но вполнѣ серіозной. Авторъ, быть можетъ, не заставитъ ждать опубликованіемъ другихъ, болѣе цѣльныхъ изслѣдованій, составляющихъ результатъ его многолѣтнихъ занятій надъ исторіей Польши XVII вѣка. **К. Х.**

И. И. Гейеръ. Путеводитель по Туркестану съ двумя картами и однимъ портретомъ. Изданіе В. М. Ильина. Ташкентъ. 1901.

Настоящаго, полнаго путеводителя по Туркестану у насъ въ Россіи еще не было, благодаря чему каждому отправляющемуся въ этотъ край положительно негдѣ было почерпнуть о немъ хотя бы даже самыхъ поверхностныхъ свѣдѣній. Капитальныя сочиненія о Туркестанѣ, во-первыхъ, мало доступны по цѣнѣ, а, во-вторыхъ, отняли бы очень много времени у лица, желающаго въ короткій срокъ, хотя бы немного, ознакомиться съ краемъ. Большая же часть литературы о Туркестанѣ разбросана въ повременныхъ изданіяхъ. Вотъ почему цѣннымъ вкладомъ въ нашу средне-азіатскую литературу является книга И. И. Гейера. Авторъ ея секретарь одного изъ статистическихъ комитетовъ края, много лѣтъ служившій въ Туркестанѣ и изъѣздившій его вдоль и поперекъ, а потому прекрасно знакомый со всѣми его особенностями, нуждами и бытомъ какъ туземнаго, такъ и русскаго населенія. Главнымъ образомъ трудъ г. Гейера основанъ на трудахъ мѣстныхъ статистическихъ комитетовъ и на офиціальныхъ

отчетахъ по состоянію областей Туркестанскаго края, а также авторъ пользовался почти всѣми сочиненіями, касающимися Туркестанскаго края и вышедшими изъ-подъ пера мѣстныхъ изслѣдователей. Наблюдательность автора, его глубокое знаніе образа жизни и быта населенія дѣлаютъ его путеводитель особенно живымъ и интереснымъ. Здѣсь онъ даетъ и географическое положеніе края, его историческое прошлое, касается населенія областей, ихъ религіи, обычаевъ, судопроизводства, какъ туземнаго, такъ и вновь введенныхъ судебныхъ установленій. Подробно касается культуры края, производительной его силы, ирригаціи, дѣлая полное описаніе запутанныхъ и сложныхъ ирригаціонныхъ системъ. Немало интереса представляетъ собою отдѣлъ, въ который входитъ описаніе хлопководства и другихъ посѣвовъ, отличающихся крайнею своеобразностью, и прекрасно рисуетъ современное состояніе земледѣлія въ Туркестанѣ тѣмъ болѣе, что при этомъ описаніи приложены пояснительныя таблицы. То же самое можно замѣтить и по отношенію садоводства, шелководства, пчеловодства и коневодства. Но особенно цѣнны для вновь пріѣзжаго въ край отдѣлы подъ заглавіемъ «Маршрутныя справки»; здѣсь авторъ даетъ описаніе, начиная съ историческаго прошлаго всѣхъ городовъ и болѣе или менѣе выдающихся селеній края, съ указаніемъ всего касающагося ихъ до мельчайшихъ подробностей. Такъ, напримѣръ, при описаніи Бухарскаго ханства и касаясь одежды мѣстнаго населенія, авторъ даетъ точныя свѣдѣнія, что на халатъ для мужчины идетъ ситцу 7 арш., подкладки 7 арш., для рубахи ситцу 8 арш. и на шаровары 4 арш. и т. д. Правда, эти свѣдѣнія уже являются балластомъ въ книгѣ, но характеризуютъ, съ какимъ вниманіемъ относится авторъ къ своему труду. Конечно, полезнѣе и умѣстнѣе можно бы было привести, напримѣръ, справочныя цѣны на продукты и строительные матеріалы, цѣны на землю въ разныхъ частяхъ области и т. д., что совершенно отсутствуетъ въ книгѣ г. Гейера, даже нѣтъ указаній на стоимость скота и въ особенности лошадей.

Вообще при всѣхъ прекрасныхъ качествахъ путеводителя по Туркестану И. И. Гейера нельзя не отмѣтить въ немъ той особенности, что онъ очень мало приспособленъ для ѣдущаго въ край чиновника, офицера или коммерческаго дѣятеля, скорѣе пользованіе имъ приноравливается для туриста-любителя: ужъ очень мало въ разсматриваемой книгѣ содержится практическихъ свѣдѣній, а автору, какъ старожилу Туркестанскаго края, грѣхъ не знать тѣхъ свѣдѣній, которыя именно нужны для каждаго пріѣзжаго, постоянно эксплоатируемаго въ первое время своего пребыванія въ краѣ уже оцивилизовавшимися туземцами, а не то и своими собратьями европейцами.

Книга посвящена памяти устроителя Туркестанскаго края К. П. фонъ-Кауфмана, «не изъ какихъ либо претенціозныхъ стремленій, а изъ чувства глубокаго уваженія къ этому человѣку, и послѣ смерти своей оставшемуся обаятельнымъ для всѣхъ, кому дорогъ Туркестанъ, которому посвятилъ половину своей жизни этотъ выдающійся государственный дѣятель, кристально-чистый гражданинъ». Но портретъ К. П. Кауфмана, помѣщенный въ началѣ книги, очень слабъ по исполненію. Въ концѣ книги помѣщена карта Туркестанскаго края и планъ русской части города Ташкента, а также много различныхъ объявленій мѣстныхъ торговыхъ фирмъ.

Борисъ Тагѣевъ.

Отечественная война 1812 года. Отдѣлъ I, томъ II. Подготовка къ войнѣ въ 1811 г. Составители: ротмистръ Перевощиковъ и штабсъ-капитанъ Ивановъ, редакторъ генералъ-майоръ Мышлаевскій. Спб. 1901.

Военно-ученый комитетъ главнаго штаба неутомимо издаетъ матеріалы, хранящіеся въ военно-ученомъ архивѣ главнаго штаба и относящіеся къ отечественной войнѣ 1812 г. Цѣль заключается въ томъ, чтобы къ 100-лѣтнему юбилею отечественной войны напечатать сборникъ соотвѣтствующихъ военно-историческихъ документовъ. Цѣль почтенная, исполненіе прекрасное и несомнѣнно потребуетъ значительной затраты. Не мѣшаетъ, однако, вспомнить о столѣтнихъ юбилеяхъ, которые наступятъ раньше 1812 г. Такъ, въ 1905 году будетъ юбилей войны Россіи въ союзѣ съ Австріей противъ Наполеона; замѣчательные бои при Дюрренштейнѣ, Амштетенѣ и Шенграбенѣ, вмѣстѣ съ искуснымъ отступленіемъ Кутузова изъ Баваріи въ Моравію, составляютъ блестящія страницы въ исторіи русскихъ войскъ и начальниковъ ихъ, Кутузова и Багратіона; также весьма интересна война 1807 г. въ союзѣ съ Пруссіей противъ того же Наполеона; война 1808—1809 гг. противъ Швеціи изумительна переходомъ по льду черезъ Ботническій заливъ; война 1806—1812 гг. противъ турокъ представляетъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ подвиговъ. Существующія описанія всѣхъ этихъ войнъ весьма слабы,—опубликованіе подлинныхъ архивныхъ документовъ весьма нелишне.

Но... спасибо и за то, что даютъ. Въ напечатанномъ въ настоящее время II томѣ помѣщены документы за январь—май мѣсяцы 1811 г. Матеріалъ богатый для военнаго историка и вообще для изучающаго военное дѣло серіозно. Интересно прослѣдить дѣятельность нашихъ агентовъ по части тайныхъ развѣдокъ о силахъ и средствахъ возможныхъ противниковъ Россіи. Здѣсь и копія съ приказа маршала Даву, цѣлыя таблицы съ расписаніями и численностью войскъ различныхъ европейскихъ государствъ. Особенно въ этомъ отношеніи замѣчательны подробнѣйшія таблицы на 60-ти печатныхъ страницахъ, доставленныя изъ Парижа княземъ Куракинымъ 19-го мая 1811 г. Исторія похожденій капитана Нейгардта, посланнаго изъ Бѣлостока въ Варшаву для развѣдокъ, представляетъ благодарный сюжетъ для историческаго романа или повѣсти; бѣдняга былъ арестованъ польской полиціей.

Весьма цѣнны расписанія нашихъ войскъ, провіантскихъ складовъ, маршруты. Все это весьма важно для исторіи, но часто ускользаетъ отъ описанія вслѣдствіе погони историковъ за эффектными боевыми дѣйствіями, а между тѣмъ безъ этой сухой матеріи картина выходитъ далеко не полной.

Документъ за № 49 заключаетъ предписаніе военнаго министра Барклая-де-Толли, завѣдывавшему квартирмейстерскою частью, князю Волконскому, о развѣдкахъ офицерами генеральнаго штаба возможныхъ путей наступленія противника и оборонительныхъ линій, пересѣкающихъ эти пути. Предписаніе поучительно по ясности и опредѣленности порученія, а вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ правильное пониманіе обстановки самимъ Барклаемъ. Да, многому стоитъ поучиться у стариковъ!

Для уясненія господствовавшихъ тогда предположеній о планѣ войны противъ Наполеона имѣютъ значеніе напечатанные во II томѣ записки Беннигсена, веймарнской службы майора Рюля, Тиля фонъ-Сераскеркена.

Изданіе сдѣлано хорошо и съ попыткой примѣненія научныхъ пріемовъ: ссылки на соотвѣтствующіе документы приведены тщательно и почти вездѣ, помѣтки на бумагахъ о времени ихъ полученія и резолюціи читавшихъ напечатаны, тогда какъ эти важныя вещи нерѣдко опускаются издателями архивныхъ документовъ; наконецъ, корректура исполнена прекрасно, при томъ не только на русскомъ языкѣ, но также на нѣмецкомъ, французскомъ и польскомъ; въ послѣднемъ есть нѣсколько погрѣшностей.

Въ концѣ книги приложены алфавитные указатели, облегчающіе справки (почему-то не упомянуты въ оглавленіи): именной, географическій и войсковыхъ частей, военныхъ, государственныхъ и административныхъ заведеній и учрежденій.

Если уже предпринято такое капитальное изданіе, то, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы приложить карту Россіи того времени, особенно французскую, которою пользовался Наполеонъ,—она не такъ давно вновь напечатана въ Парижѣ и притомъ превосходно; затѣмъ снимки съ подлинныхъ плановъ сраженій, позицій, укрѣпленій и пр. **Н. А.**

Ник. Харузинъ. Этнографія. Лекціи, читанныя въ императорскомъ Московскомъ университетѣ. Выпускъ I. Спб. 1901.

Имя г. Харузина достаточно извѣстно читающей публикѣ, но всеже издатели его лекцій сочли необходимымъ въ концѣ книги помѣстить «списокъ его трудовъ», вѣроятно, для того, чтобы читатель могъ заранѣе предрѣшить, что этимъ предметомъ г. Харузинъ овладѣлъ всецѣло. Дѣйствительно, изъ списка его трудовъ мы узнаемъ, что, кромѣ изслѣдованій по этнографіи, почтенному профессору были нечужды и вопросы по наукамъ, имѣющимъ близкую связь съ этнографіей: по исторіи, археологіи и соціологіи. Этнографія—молодая отрасль знанія. Даже опредѣленіе ея задачъ и границъ вызываетъ большія разногласія и представляетъ немалыя затрудненія. Нѣкоторые ученые даже не считаютъ ее наукой самостоятельной; другіе расширяютъ ея сферу до совпаденія съ соціологіей. Нельзя сказать, чтобы покойный московскій профессоръ удачно разрѣшилъ спорный вопросъ.

По его мнѣнію, этнографія является наукой, такъ какъ она занимается изслѣдованіемъ извѣстной совокупности явленій, именно, изучаетъ «бытъ отдѣльныхъ племенъ и народовъ, стремится отыскать законы, согласно которымъ шло развитіе человѣчества на нижнихъ ступеняхъ культуры» (стр. 37), при чемъ изслѣдованіе это совершается опредѣленнымъ методомъ, который г. Харузинъ называетъ «историко-сравнительнымъ». Слабость такого опредѣленія очевидна. Почему бытъ современныхъ европейцевъ не можетъ быть предметомъ этнографическаго изученія—не ясно, и въ его опредѣленіи мы можемъ заподозрѣть увлеченіе «самостоятельностью науки этнографіи». Произвольное ограниченіе въ опредѣленіи, однако, не спасаетъ самостоятельности этнографіи,

какъ науки. Еще до приведеннаго опредѣленія въ III-й главѣ общей части г. Харузинъ, говоря объ отношеніи этнографіи къ соціологіи, справедливо замѣчаетъ, что «соціологія имѣетъ цѣлію изучить законы развитія человѣческихъ обществъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ». Сопоставленіе этихъ двухъ опредѣленій показываетъ всю искусственность границъ, отведенныхъ г. Харузинымъ этнографіи. Дѣйствительно, законы развитія человѣческихъ обществъ «на низшихъ ступеняхъ культуры», которыми, по словамъ профессора, должна заниматься этнографія, это—«законы развитія человѣческихъ обществъ въ ихъ прошломъ», которыми, по мнѣнію этого же почтеннаго профессора, должна заниматься соціологія (стр. 25). Точно также не ясно и противорѣчиво проведены границы между антропологіей и этнографіей. Такія сопоставленія невольно заставляютъ насъ сказать, что возведеніе этнографіи на степень самостоятельной науки не удалось г. Харузину при всемъ его желаніи. Она, пока, занимается описаніемъ быта, но никакихъ законовъ развитія не открываетъ, ибо частныя причины и зависимости явленій въ жизни человѣческаго общества, доступныя этнографу, не являются «законами развитія человѣческихъ обществъ», и всѣ крупныя обобщенія принадлежатъ соціологіи. Поэтому опредѣленіе этнографіи, сдѣланное г. Харузинымъ, мы считаемъ неудачнымъ. И вся вторая часть книги (матеріальная культура) опровергаетъ его, такъ какъ является рядомъ описаній, начиная съ вопроса о классификаціи человѣческихъ расъ и кончая искусствами, и никакихъ законовъ но открываетъ. Нельзя же, на самомъ дѣлѣ, считать закономъ развитія человѣчества такое обобщеніе, какъ то, что чѣмъ выше поднимается культура, тѣмъ меньше потребляется продуктовъ въ сыромъ видѣ (стр. 159).

Но книга г. Харузина безусловно полезна, несмотря на нѣкоторыя противорѣчія въ общей части. На русскомъ языкѣ это есть первый трудъ, въ которомъ сдѣлана попытка систематизировать громадный этнографическій матеріалъ, разбросанный въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ и въ докладахъ ученыхъ обществъ. Попытку эту блестяще выполнилъ во второй части своихъ лекцій г. Харузинъ, отведя значительную часть книги и матеріалу по этнографіи Россіи.

В. I.

Предсмертныя мысли XIX вѣка во Франціи. А. И. Гилярова, профессора университета св. Владиміра. Кіевъ. 1901.

XIX столѣтіе окончилось, и почтенному профессору пришла мысль нарисовать современное положеніе «очага европейской культуры». Остроумная мысль, но еще болѣе остроумно ея выполненіе. «Литература признается отраженіемъ жизни», потому профессоръ умолкаетъ и даетъ слово тѣмъ, «кто служитъ выразителемъ мнѣнія большинства, авторамъ, которые увлекаютъ за собой тысячи». И вотъ что говорятъ намъ эти авторы. Тяжело и трудно жить, когда люди теряютъ вѣру, жаждутъ ея, ищутъ, но нигдѣ не находятъ. Выдвинутые такъ смѣло на жизненное поприще раціонализмъ и наука утомили и изломали людей. Неизбѣжный спутникъ ихъ—анализъ, отравилъ жизнь мыслію. Мысль невольно создавала теоріи, ими увлекались, ставили ихъ выше

всего, но это увлеченіе вело къ разочарованію при столкновеніи съ дѣйствительностію. Отсюда—скука и неопредѣленная тоска. Тѣмъ болѣе это неизбѣжное послѣдствіе, ибо разумъ принизилъ чувство. Самое высшее изъ нихъ—любовь, которое раньше считалось главнымъ устоемъ жизни, такъ какъ все остальное — трудъ, слава, добро — миражи. «Съ любовью сдѣлалось то же, что и съ бордо, куда входитъ все, кромѣ вина; и въ современную любовь входитъ все, кромѣ любви» (стр. 80). Наука не можетъ быть нравственнымъ руководителемъ, она только орудіе для жизненной борьбы. Стремленіе постичь какъ можно больше ведетъ къ развязному и равнодушному диллетантизму. Но что положительное могутъ дать эти крохи современнаго знанія? Ничего — только отрицательное. Представители диллетантизма прежде всего стремятся подорвать религію и нравственность (Ренанъ и Тэнъ). Гдѣ же и крохъ знанія не хватаетъ для проповѣди, тамъ—глумленіе. Примѣромъ этого направленія можетъ служить книга Ришпэна «Богохульство», гдѣ авторъ поставилъ себѣ цѣлью «вызвать скандалъ среди всѣхъ благочестивыхъ, всѣхъ вѣрныхъ той или другой религіи, какова бы она ни была» (стр. 370). Все рушится смѣло и упорно. Ничего только цѣннаго не выростаетъ на этихъ развалинахъ. Единственный культъ личнаго я, который выше всякихъ теорій, споровъ и сомнѣній.

Однако есть и стремленія преобразовать нравственные устои общества, тѣмъ болѣе, что, несмотря на всѣ попытки подорвать религію, жажда вѣры еще не угасла окончательно въ людяхъ, что доказывается появленіемъ все новыхъ и новыхъ религій (имъ нѣтъ числа). Замѣчается также и поворотъ въ противоположную раціонализму сторону—къ оккультизмѣ, мистицизмѣ, во всемъ современномъ міровоззрѣніи, такъ называемомъ декадентствѣ, взятомъ въ цѣломъ (стр. 489). Къ сожалѣнію, эти авторы имѣютъ только единичныхъ приверженцевъ, такъ какъ... масса ихъ не понимаетъ.

Скользкій и едва ли прямой путь предложенъ авторомъ. Почтенный профессоръ, какъ будто, совершенно игнорируетъ все, что завоевано человѣкомъ для того, чтобы сдѣлаться «не царемъ природы» (какъ нѣкоторые любятъ выражаться), а только не быть въ томъ рабскомъ подчиненіи у природы, въ какомъ находился онъ, когда былъ съ нею въ «слишкомъ близкомъ единеніи». Почему совершенно умалчивается о соціальныхъ теоріяхъ, какъ выходѣ изъ современнаго тяжелаго положенія?.. Потому что, къ сожалѣнію, имъ отведено слишкомъ скромное мѣсто въ книгѣ профессора Гилярова. И въ концѣ приходится сказать, что едва ли авторомъ дѣйствительно указаны «пути къ выходу». Разумомъ ихъ постичь нельзя, они доступны только чувству. Мы только объ одномъ желаемъ предупредить читателя, что пусть онъ не разочаровывается, если, войдя въ единеніе съ природой, отъ нея получитъ одинъ только отвѣтъ на всѣ свои вопросы: «я не вѣдаю ни добра, ни зла... Разумъ мнѣ не законъ, и что такое справедливость? Я тебѣ дала жизнь, я ее отниму и дамъ другимъ, червямъ или людямъ... мнѣ все равно... А ты защищайся—и не мѣшай мнѣ».

В—овъ.

А. Гизетти. Библіографическій указатель печатаннымъ на русскомъ языкѣ сочиненіямъ и статьямъ о военныхъ дѣйствіяхъ русскихъ войскъ на Кавказѣ. Спб. 1901.

Цѣлый томъ въ 250 страницъ г. Гизетти посвятилъ библіографіи, относящейся къ военнымъ дѣйствіямъ русскихъ на Кавказѣ,—столь обширна литература, описывающая продолжительную (начиная съ Петра Великаго) борьбу съ многочисленными свободолюбивыми племенами, населяющими кавказскую горную страну. И это только на русскомъ языкѣ! Если военно-ученый комитетъ главнаго штаба, издавшій работу г. Гизетти, пожелаетъ напечатать подобный же перечень сочиненій на иностранныхъ языкахъ, то, вѣроятно, составится томъ еще большаго размѣра. Для полноты слѣдовало бы издать также указатель картъ и плановъ, относящихся къ военной исторіи Кавказа.

Такіе указатели необходимы какъ вслѣдствіе обширности литературы, такъ и вслѣдствіе интереса и поучительности рѣдкаго примѣра горной войны, осложненной войной народной. Историки далеко еще не разобрались въ этой борьбѣ титановъ; предстоитъ большая работа для сводки богатаго матеріала и выводовъ, долженствующихъ оцѣнить величавый образъ русскаго человѣка, проливавшаго свою кровь на еле доступныхъ высяхъ и вдали отъ родины выполнявшаго свою историческую задачу.

Г. Гизетти составилъ свой указатель достаточно полно и далъ перечень не только отдѣльныхъ сочиненій, относящихся къ покоренію Кавказа, но также журнальныхъ и газетныхъ статей. Кромѣ войнъ, происходившихъ на Кавказѣ, составитель справедливо счелъ нужнымъ включить въ свою книгу и внѣшнія войны, веденныя на кавказской границѣ съ Персіею, Турціею и въ Закаспійской области; войны эти велись преимущественно кавказскими войсками, а самъ Кавказъ служилъ для нихъ основаніемъ дѣйствій (базою).

Также необходимо было для полноты перечня привести историческіе труды по возникновенію, службѣ и учрежденію кавказскихъ казачьихъ войскъ, исторіи регулярныхъ частей, служившихъ на Кавказѣ, жизнеописанія кавказскихъ дѣятелей и вообще біографическій матеріалъ. Все это сдѣлано составителемъ весьма удовлетворительно; только отдѣлъ по статистикѣ желательно было бы видѣть нѣсколько расширеннымъ. Наконецъ, въ особомъ отдѣлѣ приведенъ перечень разсказовъ и воспоминаній о жизни войскъ на Кавказѣ, походахъ и различныхъ боевыхъ эпизодахъ. Такой матеріалъ даетъ подробности и черты, ускользающія въ болѣе общихъ описаніяхъ, а между тѣмъ, благодаря подобнымъ личнымъ, безыскусственнымъ, подчасъ даже наивнымъ разсказамъ, событія пріобрѣтаютъ необходимую выпуклость, имъ иногда придается смыслъ, который затемненъ въ реляціяхъ, составленныхъ хитрою рукою, протягивающеюся за крестомъ или другимъ отличіемъ.

Алфавитный указатель фамилій авторовъ, приложенный въ концѣ книги, облегчаетъ пользованіе ею.

Нельзя не поблагодарить составителя за то, что онъ въ большинствѣ случаевъ не ограничился перепечаткой заглавій сочиненій, но привелъ кратко и

содержаніе ихъ, вслѣдствіе чего каждый сразу отдаетъ себѣ отчетъ о значеніи названнаго изданія для его потребности.

Въ общемъ трудъ г. Гизетти составленъ и напечатанъ тщательно: названія книгъ и статей провѣрены по самымъ сочиненіямъ, а не позаимствованы просто изъ каталоговъ или другихъ библіографическихъ указателей.

Н. Орловъ.

Неизданное письмо Н. И. Ильминскаго о способахъ обученія инородцевъ. Спб. 1900. С. Рыбаковъ. Духовенство среди крещеныхъ инородцевъ. Спб. 1900.—Его же. Исламъ и просвѣщеніе инородцевъ въ Уфимской губерніи. Спб. 1900.—Его же. Просвѣщеніе инородцевъ въ Пермской губерніи. Спб. 1901.—Его же. Просвѣщеніе инородцевъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Спб. 1901.

Н. И. Ильминскій, со дня смерти котораго, кстати замѣтить, въ скоромъ времени (27 декабря 1901 года) исполняется первое десятилѣтіе, извѣстенъ, какъ создатель системы христіанскаго просвѣщенія инородцевъ и какъ одинъ изъ самыхъ выдающихся дѣятелей на этомъ поприщѣ. Методамъ просвѣщенія инородцевъ посвящено и его «неизданное письмо», увидѣвшее впервые свѣтъ лишь въ прошломъ году. Письмо это относится къ 1868 году, и предназначалось для напечатанія въ «Современныхъ Извѣстіяхъ». Въ № 121 этой газеты (за 1868 годъ) было напечатано первое письмо Н. И. Ильминскаго о томъ впечатлѣніи, какое произвело на заволжскихъ инородцевъ впервые услышанное ими церковное пѣніе на ихъ родномъ языкѣ. Помѣщая въ своей газетѣ это письмо Ильминскаго, редакторъ «Современныхъ Извѣстій» Н. П. Гиляровъ-Платоновъ одновременно посвятилъ системѣ христіанскаго просвѣщенія инородцевъ свою передовицу. Это сочувствіе маститаго публициста вызвало Н. И. Ильминскаго на другое письмо, гдѣ онъ рѣшается «представить свою личность и открыть свои мысли и задушевныя чувства». Несмотря на такое заявленіе, въ этомъ письмѣ Ильминскаго мы не находимъ, однако, ничего новаго, по сравненію съ извѣстнымъ намъ о его личности и дѣятельности. Небезынтересно лишь сжатое и ясное выраженіе имъ сущности своей просвѣтительной системы, какое мы находимъ въ заключительныхъ словахъ письма; въ системѣ этой, пишетъ Ильминскій, «два главныхъ пункта: 1) языкъ родной и при томъ самый правильный, народный; 2) учитель единоплеменный съ учениками, инородецъ»... Все предшествующее содержаніе письма посвящено тому «эмпирическому пути опыта», который привелъ Н. И. Ильминскаго къ его системѣ. Рядомъ съ этимъ «неизданнымъ письмомъ Н. И. Ильминскаго» мы находимъ въ анонимно изданной брошюрѣ перепечатку изъ «Современныхъ Извѣстій» перваго письма Ильминскаго и передовой статьи Гилярова-Платонова, о которыхъ мы говорили выше.

С. Рыбаковъ—горячій поклонникъ и послѣдователь просвѣтительной системы Ильминскаго; во всѣхъ своихъ брошюрахъ онъ, въ сущности, только настаиваетъ на вполнѣ послѣдовательномъ проведеніи въ жизнь этой системы. Въ дѣйствительности послѣдовательность эта часто отсутствуетъ. Напримѣръ,

въ Пермской губерніи, съ ея 83 тысячами нехристіанскаго населенія, лица, завѣдующія дѣломъ инородческаго просвѣщенія, рѣшили, что «просвѣтительное дѣло всего успѣшнѣе можетъ быть двинуто не путемъ школъ, а путемъ организаціи миссіонерской проповѣди и собесѣдованій среди инородцевъ», мысль, совершенно противорѣчащая системѣ Ильминскаго и давно уже отвергнутая исторіею и жизнію. Въ той же губерніи были случаи удаленія изъ школъ учащихся тамъ инородцевъ, подъ предлогомъ ихъ «неспособности». Въ Прибалтійскомъ краѣ также православныя школы для эстонцевъ являются плохими конкуррентами подобныхъ лютеранскихъ школъ, такъ какъ въ послѣднихъ мѣстные языки находятъ болѣе широкое развитіе, нежели въ первыхъ. Въ Уфимской губерніи, рядомъ съ просвѣтительною системою Ильминскаго, дѣйствуетъ, съ 1882 года, еще другая система, которую г. Рыбаковъ называетъ «системою министерства народнаго просвѣщенія» (центръ ея—Бирская учительская школа). Г. Рыбаковъ обвиняетъ эту систему въ обрусительныхъ тенденціяхъ (Исламъ и просвѣщеніе иностранцевъ въ Уфимской губерніи, стр. 19), но едва ли справедливо; по крайней мѣрѣ, программа Бирской школы прямо противорѣчитъ такимъ тенденціямъ; въ силу этой программы, задача питомцевъ этой школы, какъ будущихъ инородческихъ учителей, состоитъ въ томъ, чтобы «посредствомъ своего родного языка пробудить и развить таящіеся въ язычникахъ общечеловѣческіе зачатки религіозности и мысли» (ib., стр. 78). Отказу же Бирской школы отъ прямого прозелитизма въ своихъ стѣнахъ нельзя не сочувствовать: нигдѣ, кажется, осторожность и строгая постепенность не нужна въ такой мѣрѣ, какъ въ дѣлѣ пропаганды среди мусульманъ, столь извѣстныхъ своимъ религіознымъ фанатизмомъ.

Небезынтересны въ брошюрахъ Рыбакова многія фактическія данныя. Укажемъ на статистическія цифры: въ Уфимской губерніи въ настоящее время православныхъ церквей 349, а мечетей 1.555; православныхъ школъ (разныхъ вѣдомствъ) 592, а магометанскихъ медресе и мектебе до 6.220; эта губернія и теперь еще является истиннымъ «магометовымъ царствомъ», какъ ее называлъ Ильминскій. Въ Пермской губерніи, въ деревнѣ Таврѣ, еще очень недавно, черемисы «незнакомую для нихъ классную мебель (въ новой школѣ) сочли за нѣчто опасное и чуть не изрубили ея»...

Въ русскомъ народѣ г. Рыбаковъ отмѣчаетъ равнодушіе къ религіозно-просвѣтительнымъ интересамъ въ средѣ окружающихъ инородцевъ; «сибирскіе казаки даже препятствуютъ православнымъ миссіонерамъ въ ихъ дѣятельности среди инородцевъ, исходя изъ той точки зрѣнія, что каждый народъ долженъ оставаться въ своей вѣрѣ» (Исламъ и просвѣщеніе инородцевъ въ Уфимской губерніи, стр. 14). **Д. З—нинъ.**

Джемсъ Селли. Очерки по психологіи дѣтства. Москва. 1901.

Никто не отрицаетъ того важнаго значенія, какое имѣетъ дѣтство въ жизни людей вообще и каждаго человѣка, какъ общественной единицы, въ особенности. Изученіемъ этого періода жизни занимались многіе ученые самыхъ различныхъ спеціальностей, и литература по этому вопросу достаточно

обильна. Физическая сторона дѣтства прекрасно разработана, и въ этой области разнообразныя мнѣнія почти примирились въ опредѣленныхъ выводахъ. О психологіи дѣтства этого сказать нельзя. Ни одинъ почти вопросъ, поставленный этою отраслью изслѣдованія дѣтства не имѣетъ, мы не скажемъ, положительнаго, но даже достаточно удовлетворительнаго отвѣта.

Книга Сёлли, претендуя на нѣкоторую научность и положительность въ разрѣшеніи намѣченныхъ вопросовъ, удачно носитъ названіе «очэрки», такъ какъ такое названіе уже само въ себѣ заключаетъ намекъ на снисходительность со стороны читателя, ибо авторъ «очерками» желаетъ дать почти полную картину развитія человѣческой души. Взглянемъ на оглавленіе. Дѣйствительно, передъ нами мелькнутъ всѣ проявленія «души» ребенка, составляющія послѣдовательный переходъ въ «большого человѣка». Здѣсь—возрастъ, когда господствуетъ воображеніе, разсвѣтъ разума, продукты дѣтскаго мышленія, зачатки эгоизма и альтруизма, правдивость и лживость и еще многое, многое... Изслѣдованіе по всѣмъ этимъ отдѣламъ должно дать отвѣтъ на самые важные вопросы по психологіи дѣтства, какъ, напримѣръ: 1) что ребенокъ «съ перваго же момента содержитъ слабый свѣтъ, отраженный на него предшествовавшимъ умственнымъ развитіемъ расы», и 2) поскольку тѣ условія, въ которыя поставленъ ребенокъ, вліяютъ на выработку его характера, и не есть ли нравственный обликъ нѣчто дарованное человѣку отъ природы.

Къ сожалѣнію, этотъ самый важный вопросъ находится у Сёлли въ хаотическомъ состояніи. Разрѣшая его, авторъ попалъ межъ двухъ огней. Онъ признаетъ ту важную роль, какую играютъ соціальныя вліянія и воспитаніе въ развитіи нравственныхъ и безнравственныхъ чертъ. Но въ то же время подъ нравственностью разсматриваетъ тѣ «размѣры, въ какихъ дитя отъ природы (независимо отъ воспитанія!) хорошо или дурно приспособлено къ тому, чтобы выполнять нравственныя функціи, сдѣлавшись членомъ благоустроеннаго общества» (стр. 258). Чтобы выйти изъ этого неловкаго положенія, авторъ предлагаетъ произвольно свести вліяніе среды до возможно меньшихъ размѣровъ. Но выполнить случайно навязанное самому себѣ не такъ легко, и неопредѣленность взгляда видна на каждомъ шагу. То онъ призналъ дѣтей эгоистами по природѣ, и слѣдовательно они... въ благоустроенномъ обществѣ явятся не вполнѣ нравственными членами. Утверждать же это—очень смѣло. То они альтруисты, и тогда въ благоустроенномъ обществѣ они... жертвы. Сказать это — несогласно съ дѣйствительностью, и авторъ въ заключеніе дѣлаетъ такой колеблющійся выводъ: «дѣтская натура съ нравственной стороны—область полуразвалившихся зачатковъ, между которыми идетъ безпрерывная борьба, изъ которыхъ одни благопріятны, другіе не благопріятны для нравственности» (стр. 299).

Наиболѣе удался автору очеркъ, озаглавленный «маленькій рисовальщикъ», въ которомъ, пользуясь большимъ матеріаломъ дѣтскихъ рисунковъ, можно вывести заключеніе о первоначальной формѣ воображенія и наблюденія у дѣтей. Весь очеркъ иллюстрированъ дѣтскими рисунками, что значительно облегчаетъ уясненіе его содержанія.

Несмотря на нѣкоторые недостатки, книга Сёлли должна имѣть большой кругъ читателей, ибо, затрогивая такіе близкіе людямъ вопросы, какъ психологію дѣтства, она заставляетъ болѣе серіозно отнестись къ этому вопросу воспитателей и родителей; заставляетъ ихъ задуматься надъ тѣмъ, что ихъ педагогическія ошибки могутъ повлечь за собой слишкомъ печальную будущность для ребенка.

Вик. І—скій.

Очерки внутренней исторіи византійско-восточной церкви въ IX, X и XI вѣкахъ. Профессора Московскаго университета А. П. Лебедева. Изданіе второе, дополненное. М. 1902.

Настоящая книга составляетъ шестой томъ новаго собранія церковно-историческихъ сочиненій извѣстнаго профессора Московскаго университета А. П. Лебедева, вторичное изданіе коихъ предпринято авторомъ съ 1897 года. Она по своему содержанію касается внутренней исторіи византійско-восточной церкви въ IX—XI вѣкахъ и заключаетъ въ себѣ четыре очерка и два приложенія.

Въ очеркѣ первомъ (стр. 1—84) рѣчь идетъ о византійской церкви, государствѣ и обществѣ, въ ихъ взаимоотношеніи. Очеркъ открывается прекрасной характеристикой византійскаго общества. Послѣднее, по словамъ автора, было глубоко проникнуто религіозными интересами. Вся жизнь общества носила отпечатокъ религіозности. Религія составляла для византійцевъ главное и исключительное начало всей жизни и проникала всѣ ея проявленія. Они были такъ привязаны къ вѣрѣ, что совершенно не знали отрицанія религіи изъ сознательной вражды къ ней. Но при всей своей религіозности общество носило въ себѣ очень много задатковъ болѣзненной, патологической жизни, ненормальнаго развитія. Къ нимъ нужно отнести, прежде всего, расшатанность и нетвердость государственныхъ основъ Византіи. Въ государствѣ распространилась какая-то атмосфера своеволія, которая пропитала всѣхъ и все, подавила довѣріе правительства къ народу и народа къ правительству; всѣ жили въ какомъ-то тяжеломъ напряженномъ состояніи, каждый старался пользоваться хотя бы минутой счастья и рѣдко ее находилъ. При дворѣ господствовали революціи и заговоры, сопровождавшіеся многочисленными кровавыми жертвами. Императоры, занявши престолъ путемъ преступленій и революцій, такъ же быстро лишались его, какъ и пріобрѣтали, и нерѣдко платили даже своей жизнью за немногіе годы царствованія. Съ новыми узурпаторами царской власти происходило то же. И вотъ въ средневѣковой Византіи наблюдается поразительное зрѣлище; лишь немногіе изъ ея императоровъ умерли естественною смертью, а большинство— или умерли въ темницѣ и монастыряхъ, или погибли голодною смертію, или были оскоплены и лишены зрѣнія, рукъ и носа, или отравлены, задушены и поражены кинжалами. Революціи и заговоры, слѣдовавшіе непрерывно, вредно дѣйствовали на общественную нравственность. Они развивали въ правительствѣ и узурпаторахъ неслыханную жестокость, болѣзненную подозрительность, которая простиралась даже на собственныхъ дѣтей, а также чудовищный деспотизмъ, какимъ Византія и прославилась. И на народъ наставшая революція дѣйствовала развращающимъ образомъ. Народъ, по крайней мѣрѣ, въ столицѣ

представлялъ элементъ, всегда готовый къ бунтамъ и волненіямъ. Каждый поводъ къ возмущенію съ величайшей охотой и готовностью подхватывался народомъ. Возмущенія происходили не только противъ свѣтской власти, но и противъ власти духовной, въ лицѣ патріарха. Отличаясь революціоннымъ духомъ, византійское общество страдало и вообще отсутствіемъ нравственныхъ принциповъ. Даже на царскомъ престолѣ иногда возсѣдали люди, поражавшіе своею нравственною разнузданностью,—сластолюбивые, гордые, несправедливые, жестокіе, непостоянные. Особенную черту византійскаго общества составляло и широкое распространеніе суевѣрій и предразсудковъ, признакъ неразвитости умственной и нравственной. Этими недостатками страдали не только простые люди, но и высшіе классы общества, даже императорскій дворъ.

При такомъ состояніи общества византійская церковь не могла пользоваться всѣми правами своего положенія, какъ учрежденіе самостоятельное, независимое. Правда, церковные соборы IX—XI вѣковъ систематически высказывались въ пользу этой независимости, да и свѣтское законодательство держалось того же воззрѣнія, однако теорія рѣзко расходилась съ фактами. Императоры, обезпечивая de jure церковь различными привилегіями, de facto, однако, очень часто нарушали эти привилегіи, лишали церковь независимости даже въ чисто духовныхъ дѣлахъ, возводили и низводили патріарховъ по своему усмотрѣнію, отнимали у нея принадлежавшія ей издавна владѣнія, даже священную утварь и вообще проявляли власть «быть судьями дѣлъ не только человѣческихъ, но и божескихъ». При всемъ томъ, церковь употребляла всѣ усилія къ исполненію своей задачи—распространять въ обществѣ христіанскія идеи и воспитывать его въ духѣ евангельскаго ученія. Она ревностно охраняла свои права и боролась съ тѣми, кто нарушалъ ихъ, твердо стояла за справедливость и истину въ обществѣ, обличала императоровъ и руководителей народа, когда они дѣйствовали вопреки христіанскимъ заповѣдямъ, ободряла и укрѣпляла ихъ, когда они стояли на дорогѣ, ведущей къ благополучію общества, указывала средства нравственнаго воспитанія народа и осуществляла ихъ по мѣрѣ возможности, оказывала матеріальную помощь бѣднымъ и убогимъ, охраняла принципы истинной гражданственности и противодѣйствовала тѣмъ, кто нарушалъ цѣлостность государственнаго организма, и т. п. Всѣ указанныя проявленія дѣятельности церкви прочно устанавливаются проф. Лебедевымъ на основаніи многочисленныхъ фактовъ изъ исторіи Византіи IX—XI вѣковъ и иллюстрируются соотвѣтствующими примѣрами.

Во второмъ очеркѣ (стр. 85—146) описываются смуты въ византійской іерархіи IX—XI вѣковъ и характеризуется общее состояніе этой послѣдней. Въ томъ же очеркѣ рѣчь идетъ о внутреннемъ состояніи патріархатовъ Антіохійскаго, Іерусалимскаго и Александрійскаго, объ умственномъ и матеріальномъ положеніи константинопольскаго духовенства, о заботахъ архипастырей касательно нравственности и дисциплины клира, о борьбѣ представителей церкви съ ересями и о церковномъ законодательствѣ.

Въ очеркѣ третьемъ (стр. 147—213) говорится о византійской образованности вообще и о богословной наукѣ и литературѣ въ частности. Въ IX—XI вѣкахъ Византія была центромъ литературы и цивилизаціи и имѣла просвѣти-

тельное вліяніе и на Западъ и на Востокъ. Причиною развитія просвѣщенія было главнымъ образомъ меценатство византійскихъ императоровъ изъ династіи Македонской, Дукъ и Комниновъ, которые не только покровительствовали другимъ въ занятіяхъ наукой, но и сами усердно ихъ изучали и достигали въ этомъ большихъ успѣховъ, основывали школы, привлекали въ нихъ выдающихся по своему образованію учителей, обезпечивали ихъ содержаніемъ и т. п. Изъ византійскихъ правителей и императоровъ-меценатовъ особенно извѣстны Варда, Василій Македонянъ, Левъ Философъ, Константинъ Порфирогенетъ, Константинъ и Михаилъ Дуки, Алексѣй, Іоаннъ и Мануилъ Комнины. Но византійская образованность была не особенно высока въ смыслѣ продуктивности и не отличалась оригинальностью и научной спеціализаціей знаній, за немногими исключеніями. Изъ представителей науки особенно извѣстны: патріархи Фотій, Левъ Философъ, архіепископъ ѳессалоникійскій, Михаилъ Пселлъ, Ѳеофилактъ Болгарскій, Самсонъ Метафрастъ и другіе. Ихъ труды, въ области богословія, относятся къ толкованію священнаго писанія, церковной исторіи, догматикѣ, полемикѣ, проповѣдничеству и гимнографіи. Профессоръ Лебедевъ обстоятельно разсматриваетъ эти труды. Кромѣ того, въ этомъ очеркѣ онъ говоритъ о вліяніи философскихъ ученій Платона и Аристотеля на развитіе богословія.

Въ четвертомъ отдѣлѣ (стр. 214—247), авторъ говоритъ о направленіяхъ въ религіозно умственной жизни въ Византіи IX—XI вѣковъ, разумѣя подъ этими направленіями характеръ пониманія требованій христіанства и задачъ христіанина. Такихъ направленій указывается четыре: ортодоксальное, выразившееся въ трудахъ Фотія, консервативно-ритуальное, представителями коего были патріархъ Михаилъ Керулларій и монахъ Никита Стифатъ, консервативно-спиритуальное, опредѣлившееся въ трудахъ антіохійскаго патріарха Петра и архіепископа болгарскаго Ѳеофилакта, и спиритуально-либеральное, съ практическимъ характеромъ, представителями коего были: россанскій монахъ Нилъ и константинопольскій монахъ Константинъ Хризомалъ. Въ этомъ же отдѣлѣ рѣчь идетъ и о ересяхъ-павликіанъ, сыновъ солнца и евхитовъ.

Въ приложеніи первомъ (стр. 248—293) разсматривается въ церковно-историческомъ отношеніи царствованіе византійскаго императора Никифора Фоки (963—969 г.), который издалъ нѣсколько законоположеній касательно церкви и принималъ большое участіе въ ея дѣлахъ.

Наконецъ, въ приложеніи второмъ (стр. 294—381) рѣчь идетъ о догматическихъ и церковнообрядовыхъ спорахъ между византійскою и римскою церквами въ IX и XI вѣкахъ. Со стороны церкви греческой въ этихъ спорахъ участвовали—патріархи Фотій и Михаилъ Керулларій и монахъ Никита Стифатъ, а со стороны латинской церкви Эней Парижскій, Ратрамнъ Корвейскій и кардиналъ Гумбертъ. Предметомъ полемики служили вопросы—объ исхожденіи Св. Духа, о постахъ, о бракѣ и безбрачіи духовенства, о хлѣбѣ для евхаристіи и т. д. Профессоръ Лебедевъ и здѣсь входитъ въ подробности и очень обстоятельно излагаетъ ходъ полемики между представителями двухъ церквей.

Разсмотрѣнная книга московскаго ученаго представляетъ большой интересъ. Авторъ весьма подробно и живо изображаетъ внутреннюю жизнь

византійско-восточной церкви IX—XI вѣковъ въ ея существенныхъ проявленіяхъ, съ большимъ мастерствомъ характеризуетъ средневѣковое византійское общество, съ полнымъ знаніемъ дѣла описываетъ борьбу игнатіанъ съ фотіанами и николаитовъ съ евеимитами, обстоятельно повѣствуетъ о византійской наукѣ и т. д. Нечего и говорить, что въ отношеніи литературы предмета авторъ стоитъ въ уровнѣ съ современнымъ положеніемъ византологической науки. Нужно также отмѣтить и прекрасный популярный языкъ книги, дѣлающій ее доступною и для неспеціалистовъ. Σ.

Современные лезгины. Очеркъ И. И. Пантюхова. Тифлисъ. 1901.

Авторъ этой книжки приводитъ мнѣніе лучшихъ знатоковъ горцевъ Кавказа: барона Услара и Люлье, подтверждаемое и антропологическими изслѣдованіями, что кавказскіе горцы, если и не аборигены занимаемой ими мѣстности, то живутъ на ней нѣсколько тысячъ лѣтъ. Что касается лезгинъ, то ближайшее ихъ родство, а также и страна, откуда они пришли, — неизвѣстны. По антропологическимъ наблюденіямъ, лезгины имѣютъ нѣкоторые общіе, только имъ свойственные, признаки, отличающіе ихъ какъ отъ ближайшихъ сосѣдей, такъ и отъ всѣхъ другихъ извѣстныхъ народовъ.

Отъ собственно европейскихъ народовъ лезгины различаются главнымъ образомъ большею шириною лица и развитіемъ нижней челюсти. Метисаціи лезгинъ съ самыхъ отдаленныхъ временъ были многочисленны и разнообразны. Кромѣ иранскаго, монгольскаго, семитическаго, русскаго и вообще европейскихъ типовъ, Эркертъ находилъ у лезгинъ типы, подходящіе къ негрскимъ. Еврейскій типъ весьма ясенъ у восточныхъ даргинцевъ.

Когда евреи превратились въ даргинцевъ, ни евреи, ни даргинцы не знаютъ, но весьма вѣроятно, что такое превращеніе произошло во время распространенія еврейской вѣры въ VI—VIII вѣкахъ у сосѣдей даргинцевъ, хазаръ, нынѣшнихъ кумыковъ. Вдоль Каспійскаго моря и теперь много существующихъ съ отдаленныхъ временъ еврейскихъ поселеній. Что у значительнаго числа жителей Мекегинскаго наибства, Даргинскаго округа, типъ—чисто еврейскій, доказывается непосредственно произведенными авторомъ наблюденіями и измѣреніями. У нихъ сохранились и нѣкоторыя, хотя и измѣненныя, еврейскія имена— Дувидъ, Захарая.

Метисація съ посторонними племенами сравнительно мало повліяла на физическую и психическую организацію лезгинъ.

Поселившись на нынѣ занимаемыхъ ими безплодныхъ мѣстахъ, лезгины должны были въ Дагестанѣ вести борьбу за существованіе. Гдѣ было возможно, они обрабатывали почву и сѣяли хлѣба, на непригодныхъ для хлѣбопашества горахъ завели скотоводство, развили необходимые для нихъ ремесла и промысла и тому подобное. При неурожаяхъ и другихъ стихійныхъ бѣдствіяхъ, лезгины выходили изъ своихъ естественныхъ крѣпостей для нападенія на сосѣднія плодородныя страны. Лѣтописцы и историки, благодаря этому, считали лезгинъ только дикарями и разбойниками. Но правильная внутренняя организація лезгинскихъ

общинъ, честность взаимныхъ отношеній и осѣдлая, земледѣльческая культура доказываютъ, что лезгины не были дикарями. Главныя средства для существованія лезгинамъ всегда давали не разбои, а земледѣліе и скотоводство. Исторически законное хищничество было только подспорьемъ и отчасти спортомъ. Ихъ грабежи никогда не сопровождались мученіями и издѣвательствами надъ побѣжденными.

Съ покореніемъ Дагестана русскими прекратились разбои. Въ послѣдніе годы всякій можетъ пройти Дагестанъ безъ малѣйшаго опасенія быть ограбленнымъ.

Несмотря на тщательный уходъ за полями и насколько возможно удобреніе ихъ, хлѣбныя растенія даютъ небольшой урожай. Поэтому недостающія для пропитанія и содержанія семьи средства лезгины добываютъ заработками на сторонѣ. Многія сотни ремесленниковъ: лудильщиковъ, мѣдняковъ, серебрянниковъ, сапожниковъ, котельщиковъ и многія тысячи чернорабочихъ ежегодно отправляются на работы въ разныя, иногда отдаленныя страны.

Автору говорили, что лезгины, особенно казикумухцы, отправляются не только во внутреннюю Россію, но и въ Западную Европу и въ Восточную Азію. Довольствуясь иногда 10—12 копейками въ сутки, лезгины доводятъ свои личныя потребности до крайняго минимума, а все сберегаютъ для дома, для семьи.

Живущихъ въ обрѣзъ и нуждающихся между лезгинами много, но голодающихъ, а тѣмъ болѣе нищенствующихъ — почти нѣтъ. Когда въ годъ серіознаго недорода лезгинамъ была предложена правительственная помощь, въ видѣ ссудъ, они рѣшительно отказались. Для помощи дѣйствительно нуждающимся у лезгинъ широко практикуется общественная помощь. Помощь нуждающимся почитается долгомъ всякаго. Жертвуемая безъ принужденія десятая часть доходовъ (зяцетъ) передается въ мечети, гдѣ всѣ пожертвованія и хранятся подъ наблюденіемъ муллы и кадія, и распредѣляются между бѣдными, при участіи и другихъ выбранныхъ обществомъ лицъ.

Устройство поселеній и жилищъ лезгинъ вполнѣ цѣлесообразно. Сакли лезгинъ содержатся несравненно чище, чѣмъ сакли хевсуръ, сванетовъ, осетинъ.

Воспитаніе дѣтей у лезгинъ, соотвѣтствуя даннымъ условіямъ, лучше, чѣмъ у татаръ и даже у грузинъ, армянъ и русскихъ. Новорожденныхъ кормитъ сама мать, при чемъ, напримѣръ, никогда не употребляетъ такъ опасной и такъ обычной у другихъ народовъ соски. Дѣтямъ предоставляется полная свобода, и они, ограниченныя только нѣкоторыми обычаями, развиваются на воздухѣ, въ играхъ, лазаньѣ на горы, бѣганьѣ взапуски и проч.

Интересны свѣдѣнія автора о постановкѣ у лезгинъ медицинской помощи. Всѣ лезгинскіе знахари со своихъ односельцевъ не берутъ не только платы, но даже и подарковъ, и смотрятъ на подачу помощи своимъ ближнимъ, какъ на свою обязанность и какъ на богоугодное дѣло.

Заслуживаетъ вниманія указаніе г. Пантюхова на значеніе ислама для лезгинъ. Вліяніе магометанства на внутреннюю жизнь легзинъ особенно усилилось, по его словамъ, только недавно, когда благосостояніе лезгинъ улучши-

лось, и облегчились сношенія Дагестана съ Константинополемъ и Меккою. Хаджи, побывавшіе въ Меккѣ, съ умиленіемъ и восторгомъ говорятъ о чудесахъ, видѣнныхъ ими. Падишахъ представляется имъ окруженнымъ сказочнымъ величіемъ. Распространяются мнѣнія, что царь всѣхъ мусульманъ—падишахъ, что въ царствіе небесное попадетъ только тотъ, кто умретъ на землѣ, принадлежащей падишаху, и что путешествіе въ Мекку есть своего рода паспортъ въ рай. Такое увлеченіе остановить невозможно, и авторъ правъ, утверждая, что регулировать его, показать другіе идеалы могли бы только хорошо организованныя русскія школы. А. Х—овъ.

Иностранные университеты. Выпускъ III. Заатлантическіе университеты. Составлено подъ редакціей Л. А. Богдановича. Москва. 1901.

Въ третьемъ выпускѣ настоящаго изданія, о первыхъ двухъ частяхъ котораго своевременно говорилось на страницахъ «Историческаго Вѣстника», г. Богдановичъ отступилъ отъ первоначальнаго плана, по которому онъ предполагалъ за англійскими и германскими университетами дать обзоръ высшихъ учебныхъ заведеній Франціи. Не прибавлено также къ настоящему выпуску разсказовъ о школьной жизни знаменитыхъ дѣятелей, какъ это сдѣлано было въ первыхъ двухъ частяхъ. Но зато и на этотъ разъ г. Богдановичъ остался вѣренъ себѣ въ своей манерѣ пользованія пособіями, такъ онъ перепечаталъ буквально изъ книги г. Е. Ковалевскаго («Народное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ», Спб., 1895) помѣщенную тамъ статью профессора Ѳ. Ѳ. Зигеля «Колледжи и университеты», въ общемъ 50 страницъ, или шестую часть своей книги, замѣняя только мѣстоименіе «я» г. Зигеля болѣе расплывчатымъ «мы». Ссылку на г. Зигеля г. Богдановичъ дѣлаетъ всего разъ, но и тутъ по какому-то странному недосмотру называетъ его «г-нъ Зиберъ» (стр. 305). Другіе отдѣлы книги представляютъ собою главнымъ образомъ переводъ изъ двухъ французскихъ сочиненій «L'instruction publique aux Etats Unis, par C. Hippeau» (нынѣ уже значительно устарѣло, такъ какъ второе изданіе этой книги вышло въ 1872 г.) и «Universités transatlantiques, par P. Coubertin», но переводъ далеко не всегда точный, такъ на стр. 149 читаемъ (изъ Иппо): «Ни одна изъ коллегій Франціи не обладаетъ такой коллекціей художественныхъ предметовъ». Очевидно, переводчикъ не понялъ aucun de nos collèges французскаго текста. На слѣдующей страницѣ также встрѣчается странный недосмотръ: «Неаполитанскаго Бургонскаго (?!) музея»; у Иппо, конечно, правильно bourbonien. Университетовъ въ Южной Америкѣ г. Богдановичъ не касается вовсе, хотя о нихъ онъ могъ бы почерпнуть кое-какія свѣдѣнія, напримѣръ, изъ другой книги того же Иппо: L'instruction publique dans l'Amérique du Sud».

Конечно, въ силу своей интересной темы книжка г. Богдановича найдетъ себѣ читателей и теперь особенно въ виду того, что университетскій вопросъ нынѣ особенно волнуетъ наше общество. Такъ для русскаго читателя небезынтересно будетъ узнать, что въ правительственныхъ университетахъ Сѣверо-Американскихъ штатовъ плата за ученіе колеблется отъ 10 до 35 долларовъ

въ годъ; что частная благотворительность въ дѣлѣ высшаго образованія развита въ Америкѣ еще сильнѣе, чѣмъ у насъ; что совмѣстное ученіе обоихъ половъ весьма широко практикуется какъ въ среднихъ, такъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ штатовъ и т. д. Весьма желательно поэтому, чтобы на будущее время г. Богдановичъ открыто придалъ своему изданію характеръ хрестоматіи, который оно имѣетъ теперь негласно, или, другими словами, при всякой главѣ своей книги указывалъ бы тотъ источникъ, откуда она перепечатана или переведена. Русская литература объ американскихъ университетахъ весьма мало извѣстна г. Богдановичу, такъ онъ не упоминаетъ, напримѣръ, слѣдующихъ книгъ и статей: О. Л. Женскія медицинскія учрежденія въ Сѣверо-Американскихъ соединенныхъ штатахъ и Великобританіи. Поѣздка въ Англію и Сѣверную Америку зимой 1895—1896 гг. Изд. 2-е. М. 1898; А. Д. Романовъ. Одно изъ высшихъ учебныхъ заведеній въ соединенныхъ штатахъ Америки. Спб. 1899; Ек. Янжулъ. Чѣмъ отличается американская школа отъ русской? (въ «Вѣстникѣ Воспитанія» за 1896 г.; пользуюсь случаемъ указать на только что вышедшую книгу того же автора «Американская школа»); И. Гурвичъ. Изъ жизни американскихъ университетовъ (въ «Образованіи» за 1898 г., №№ 5—6); И. М. Рубиновъ. Очеркъ высшаго образованія въ соединенныхъ штатахъ Сѣверной Америки (въ «Вѣстникѣ Воспитанія» за 1898 г., №№ 1—2). Въ этой послѣдней статьѣ картина университетской жизни штатовъ нарисована, пожалуй, даже яснѣе, чѣмъ у г. Богдановича. **А. М—нъ.**

Эд. Бернштейнъ. Соціальныя проблемы. Перев. съ нѣмецкаго П. С. Когана. Москва. 1901.

Это — уже третій переводъ извѣстной книги Бернштейна, при чемъ одинъ изъ предшествующихъ (Л. Канцель) недавно вышелъ вторымъ изданіемъ. Такой успѣхъ произведенія нѣмецкаго автора объясняется не столько оригинальностью и глубиною его взглядовъ, сколько тѣмъ, что затронутые имъ вопросы принадлежатъ къ самымъ основнымъ проблемамъ соціальной жизни человѣчества, то или другое рѣшеніе которыхъ непосредственно отражается и на созидательной дѣятельности общества. Бернштейнъ, какъ извѣстно, выступаетъ съ критикою и теоретическаго и практическаго марксизма. Критика Бернштейна охватываетъ и соціологическія и экономическія положенія марксизма и касается его философскихъ обоснованій. Выводы Бернштейна далеко не благопріятны для господствовавшаго пониманія теоріи Маркса-Энгельса. Нѣмецкій критикъ утверждаетъ, что «матеріалистическое пониманіе исторіи заранѣе обрекаетъ насъ на всѣ тѣ недоразумѣнія, которыя вообще связаны съ понятіемъ матеріализма. Философскій или естественно-историческій матеріализмъ имѣетъ детерминистическій характеръ» (стр. 23—24). По его мнѣнію, изъ позднѣйшихъ статей Маркса и Энгельса видно, что они отступили отъ своихъ первоначальныхъ воззрѣній на законы соціальнаго развитія и признали многочисленность факторовъ, опредѣляющихъ это развитіе и ихъ взаимодѣйствіе (стр. 17). Послѣ этихъ поправокъ «экономическое пониманіе исторіи вовсе не требуетъ признанія одныхъ экономическихъ мотивовъ, оно утверждаетъ только,

что экономическій элементъ служитъ рѣшающей силой, главнымъ моментомъ великихъ историческихъ событій» (стр. 23). При многочисленности же факторовъ, естественно, подвергается большому сомнѣнію «историческая необходимость» обрисованнаго Марксомъ хода вещей, тѣмъ болѣе, что и экономическая теорія Маркса не можетъ быть признана научнымъ обоснованіемъ соціализма или коммунизма. Ученіе о прибавочной цѣнности — «не тезисъ, подлежащій доказательству, а только средство анализа и иллюстраціи» (стр. 75). Слѣдовательно, трудовая теорія стоимости имѣетъ только методологическое значеніе и вовсе не является незыблемою опорою для практическихъ требованій пролетаріата. Также совершенно не оправдывается дѣйствительность, обычное утвержденіе марксистовъ, что положеніе рабочихъ массъ все болѣе и болѣе ухудшается, что современное экономическое развитіе ведетъ къ тому, что общество распадается на два класса—крупныхъ капиталистовъ и наемныхъ рабочихъ. Первые постепенно увеличиваютъ свое богатство и вліяніе, вторые впадаютъ въ прогрессивную нищету. Рядомъ статистическихъ данныхъ Бернштейнъ показываетъ, что рабочее законодательство и главнымъ образомъ самодѣятельность рабочихъ, проявившаяся въ профессіональныхъ и политическихъ организаціяхъ, значительно улучшили положеніе труда въ послѣдніе годы. Наконецъ, распаденіе общества по соціалистическому масштабу также едва ли можетъ быть подтверждено цифрами. Мелкое производство весьма упорно отстаиваетъ свою позицію передъ натискомъ крупнаго въ промышленности, и въ торговлѣ, и въ сельскомъ хозяйствѣ (стр. 106, 108, 109). И все буржуазное общество, которому, по предсказанію соціалистовъ, грозитъ такой скорый и печальный конецъ, вовсе не обнаруживаетъ расположенія къ близкой смерти, такъ какъ это общество, въ сознаніи грозной силы капиталистической системы хозяйства, умѣлыми организаціями въ значительной степени приспособляется къ современнымъ условіямъ (стр. 116).

Бернштейнъ утверждаетъ, что ни существующіе способы производства, ни умственное и нравственное развитіе массъ, ни доступныя нашему знанію предположенія о вѣроятномъ ходѣ исторіи не позволяютъ возлагать надежды на устраненіе недостатковъ современнаго соціальнаго строя путемъ «одного удара», т. е. насильственнымъ переворотомъ существующаго порядка. По его мнѣнію, лучшее будущее человѣчества подготовляется мирнымъ развитіемъ производительныхъ, экономическихъ и духовныхъ силъ человѣчества. Постепенно, подъ вліяніемъ жизненныхъ потребностей, вырабатывается изъ настоящаго зданіе грядущаго. Ученіе же о необходимости соціальнаго крушенія является только пережиткомъ того утопизма, который господствовалъ до появленія произведеній Маркса и Энгельса, и отъ котораго не могли отдѣлаться даже эти великіе мыслители. Поэтому положительная дѣятельность обществъ должна быть направлена на развитіе тѣхъ учрежденій, которыя являются зачатками дальнѣйшаго строя человѣческой жизни и которыя облегчаютъ переходъ къ этому. Такими учрежденіями являются разнообразныя экономическія ассоціаціи, направленныя на удовлетвореніе насущныхъ нуждъ переживаемаго момента. Эти ассоціаціи до послѣдняго времени пользовались крайнимъ презрѣніемъ той партіи, къ которой принадлежитъ и Бернштейнъ. Но

изученіе ихъ благодѣтельной экономической роли привело Бернштейна къ инымъ взглядамъ, и онъ посвящаетъ много мѣста и времени для доказательства необходимости рабочихъ союзовъ и другихъ профессіональныхъ организацій.

Въ практическомъ отношеніи книжка Бернштейна уже имѣла то значеніе, что потребности и насущныя нужды настоящей минуты перестали пользоваться несправедливымъ забвеніемъ и заняли принадлежащее имъ мѣсто въ программѣ общественной дѣятельности. I.

К. Геблеръ. Исторія Америки до Колумба. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва. 1901.

Въ нашей исторической литературѣ такъ мало хорошихъ изслѣдованій о жизни и культурѣ отжившихъ цивилизацій, что книга, принадлежащая перу профессора К. Геблера, невольно привлечетъ вниманіе всякаго интересующагося культурной исторіей. Авторъ задался весьма нелегкой цѣлью — въ рядѣ яркихъ картинъ нарисовать общественную и государственную жизнь первобытныхъ народовъ Америки, общій ходъ цивилизацій отдѣльныхъ племенъ, исторію политическихъ и религіозныхъ организацій съ древнѣйшихъ временъ до открытія Америки Колумбомъ.

На основаніи весьма скудныхъ и неясныхъ археологическихъ данныхъ Геблеръ послѣдовательно и талантливо, мѣстами даже остроумно, воскрешаетъ передъ нами въ цѣломъ рядѣ картинъ весь бытъ угасшихъ народовъ Америки; но, обращая преимущественно свое вниманіе на культурную исторію страны и населявшихъ ее народностей, Геблеръ не проходитъ молчаніемъ и фактической исторіи, разбираясь въ сбивчивыхъ указаніяхъ древнихъ туземныхъ историковъ (стр. 320 и слѣд.).

Изъ цѣлаго ряда обоснованныхъ положеній авторъ дѣлаетъ нѣсколько выводовъ, не лишенныхъ научной цѣнности. Такъ, возражая противъ распространеннаго мнѣнія, что испанцы уничтожили въ Новомъ Свѣтѣ культуру, стоявшую не ниже ихъ собственной, Геблеръ говоритъ: «Несомнѣнно, въ государствѣ инковъ замѣчательнымъ образомъ была разрѣшена ко благу каждаго отдѣльнаго изъ подданныхъ задача обширнаго государственнаго призрѣнія; но дѣлалось это возможнымъ, только благодаря безпримѣрной опекѣ, которая принижала индивида до положенія безвольнаго орудія въ механизмѣ государства и почти совсѣмъ отнимала у него его личную свободу». По мнѣнію талантливаго профессора, ошибочно было бы ожидать многаго отъ развитія древнихъ американскихъ культуръ, такъ какъ ацтекское и инканское государства были въ моментъ ихъ завоеванія испанцами уже стары и гнилы. «Только старческая слабость обѣихъ культуръ и заложенные въ нихъ зародыши разложенія объясняютъ невѣроятно быстрый успѣхъ Кортеса и Пизарро, которые съ горстью голодныхъ искателей приключеній могли разрушить такія большія государства».

Изслѣдованіе профессора Геблера является отдѣльнымъ оттискомъ изъ «Всемірной исторіи Г. Ф. Гельмгольца». Къ сочиненію приложена историческая

карта первобытныхъ народностей Америки, двѣ хромолитографированныхъ таблицы древностей и нѣсколько хорошихъ цинкографій. Легкій, мѣстами увлекательный, слогъ перевода дѣлаетъ книгу доступною для всякаго интересующагося исторіей. Г. Оин—въ.

Скорпіоны. (Современные дѣятели московской прессы). С. Васюковъ. Москва. 1901.

Горячо написанная книжечка С. Васюкова, подъ заглавіемъ «Скорпіоны», направлена противъ современныхъ дѣятелей московской уличной прессы. Нельзя безъ тяжелаго чувства читать его завѣренія о томъ, что московская уличная пресса попреимуществу сгруппировала вокругъ себя разнузданный, беззастѣнчивый и беззавѣтный умственный пролетаріатъ не только города Москвы, но и другихъ мѣстностей Россіи. «Одинъ изъ ея представителей пріѣхалъ изъ Одессы, гдѣ торговалъ помадой и ваксой, другой изъ Ростова-на-Дону, гдѣ онъ началъ свою литературную карьеру шантажемъ, но былъ битъ нещадно и долженъ былъ покинуть городъ... Третій прямо явился изъ ссылки, гдѣ онъ отбывалъ наказаніе за кражи и мошенничество... Четвертый неудачный хористъ, пятый выгнанный изъ банка чиновникъ, шестой Богъ знаетъ кто» и т. д.

«Нѣкоторые начали свою литературную дѣятельность поддѣлкой векселей... положимъ, не на большую сумму, а такъ рублей на 400, собственно для пропитанія, какъ выяснилось на судѣ... и что жъ? такіе люди состоятъ не только представителями малой, но и большой прессы... Пишутъ бойко, умѣютъ подмѣтить злобу дня»...

Въ числѣ издателей попадаются и бывшіе кабатчики, газета которыхъ деморализовала даже крестьянское населеніе, уже познакомившееся съ разными «листками». Это ихъ газета «манила крестьянина изъ чистой жизни среди природы въ городъ, гдѣ все такъ легко дается, и гдѣ можно пожить всласть подъ музыку въ трактирѣ. Она, эта «литература», показывала простому человѣку, что преступленіе не тяжкій грѣхъ, а дѣло легкое, хотя и замысловатое, что воры, конокрады—люди во всякомъ случаѣ остроумные, что у нихъ есть школа, организація, что они поумнѣе ихъ, простыхъ крестьянъ». Тѣ же самые «листки» приспособились не только къ улицѣ, магазину, трактиру, овощной лавкѣ, но и къ разнымъ банкамъ и промышленнымъ предпріятіямъ; взялись «проводить ихъ дѣло» въ «сферахъ», а публику потѣшать въ понедѣльникъ—разбойниками, въ вторникъ—мошенниками, въ среду — кровосмѣсителями, въ четвергъ—газетной уткой и рекламой и т. д.

«Выходитъ извѣстный романъ Льва Толстого «Воскресеніе», «скорпіонъ» строчитъ «Понедѣльникъ» и подписывается графомъ Худымъ... Юркій издатель перепечатываетъ дешевымъ манеромъ романъ Л. Толстого и печатаетъ «Понедѣльникъ» гр. Худого... Сдѣлалъ въ литературѣ имя Максимъ Горькій, о немъ заговорили, стали читать... Ладно, думаетъ уличный издатель и зоветъ «скорпіона»... Строчи, говоритъ, на манеръ Горькаго, чтобы хлеще... «Скорпіонъ» съ двухъ словъ понимаетъ, беретъ авансъ и строчитъ, быстро, безъ совѣсти,

безъ размышленія... и выходитъ книжка «Очерки и разсказы Максима Сладкаго». Каково? не угодно ли?»

Тлетворное вліяніе представителей уличной прессы распространяется и на прочихъ дѣятелей печатнаго дѣла. Монополія объявленій отъ того или другого учрежденія, ради замалчиванія его грѣховъ или обѣленія ихъ, приноситъ огромные барыши газетѣ, но монополія на печатанье театральныхъ афишъ и билетовъ даетъ еще большіе барыши даже хозяину типографіи... «Только его типографія можетъ и имѣетъ право печатать сіи предметы,—говоритъ г. Васюковъ.—Просто и прочно!.. Вообразите, сколько въ Москвѣ театровъ, концертныхъ залъ, любительскихъ спектаклей... Каждый день играютъ, поютъ и пляшутъ... Афиши нужны, программы тоже, безъ билетовъ нельзя—все это нужно напечатать и за все заплатить деньги, и такія деньги, какія потребуетъ монополистъ издатель. Бѣднякъ-артистъ даетъ концертъ, пожалуйте «скорпіону-типографщику» 60, 70 р.,—и никакой уступки. Не хотите? не желаете? не надо!.. А что такое—не надо?.. Стало быть, концерта не будетъ, ибо афишъ для частнаго концерта такъ же, какъ и билетовъ, никакая другая типографія печатать не имѣетъ права. Другая же типографія взялась бы не за 70 рублей печатать, а за десять или даже за 7 рублей»...

Констатируя возрастающій успѣхъ уличной прессы съ рекламами, монополіями и сюжетами, кровенящими воображеніе, въ особенности, бѣднаго и темнаго люда, г. Васюковъ для оздоровленія уличной прессы совершенно справедливо заключаетъ:

«Неужели лучшіе представители общества не найдутъ средствъ и людей, чтобы издавать популярныя, политическія и литературныя газеты, удовлетворяющія народившимся потребностямъ народной жизни? Наши земства и городскія управленія, наконецъ, наши университеты должны и могутъ стать во главѣ ежедневной прессы, если за ней признавать воспитательное значеніе!.. Пора, наконецъ, посмотрѣть грядущей опасности прямо въ глаза».

Не можемъ въ заключеніе не высказать автору нашего сожалѣнія о томъ, что его брошюра противъ уличной прессы мѣстами страдаетъ обиліемъ общихъ мѣстъ и излишествомъ писательскаго азарта, тогда какъ въ обличительной работѣ всего важнѣе спокойствіе мысли и фактическій матеріалъ. Мы съ удовольствіемъ вспоминаемъ въ этомъ случаѣ, что по вопросу объ уличной прессѣ у насъ имѣются образцовыя статьи М. Меньшикова: «Призваніе журналистики» и «О талантѣ и честности», помѣщенныя авторомъ въ его отдѣльной книгѣ: «О писательствѣ». Работы г. Васюкова и Меньшикова прекрасно дополняютъ одна другую, выясняя съ одной стороны огромное значеніе маленькой и дешевой газеты въ жизни народовъ, а съ другой ея деморализующее значеніе, когда во главѣ такой газеты стоятъ недобросовѣстные спекулирующіе на духъ времени люди.

А. Фаресовъ.

Зачатки государственныхъ и правовыхъ отношеній. А. Г. Поста. Перев. Н. В. Теплова, съ предисл. проф. М. М. Ковалевскаго. Москва. 1901.

Цѣль настоящей книги служить не руководствомъ, въ которомъ собрано все, что пріобрѣла наука за послѣднее время, а только ознакомить интересующагося читателя съ основными положеніями развитія государственныхъ и правовыхъ отношеній у народовъ. Первый разъ книга эта была издана двадцать лѣтъ назадъ. Тогда въ ней высказывались только гипотетическія теоріи, большинство изъ которыхъ сдѣлались теперь уже законами, будучи провѣрены и изслѣдованы многими учеными. Въ настоящее время цѣль Поста прослѣдить развитіе правовыхъ и государственныхъ отношеній у людей помощью этнографическаго матеріала завоевываетъ все больше и больше приверженцевъ. Тотъ жизненный фактъ, что «народы, ничего не имѣющіе общаго между собою, сплошь и рядомъ, вырабатываютъ одинаковыя учрежденія», невольно заставляетъ поставить вопросъ: оказывается ли это явленіе прохожденіемъ извѣстныхъ стадій развитія, или подражаніемъ? Вопросъ этотъ никакими апріористическими соображеніями не разрѣшимъ. Нужны факты, факты изъ исторіи развитія человѣческихъ обществъ—только тогда можно дѣлать выводъ и выступить во всеоружіи для защиты своего взгляда. Такимъ упорнымъ собирателемъ фактовъ и явился Постъ. Его увлеченіе въ этомъ направленіи, конечно, послужило въ ущербъ систематизаціи, и потому, можетъ быть, его имя теперь считается второстепеннымъ среди писателей по этому вопросу. Но, хотя книга написана въ формѣ очерковъ, имѣющихъ по своему содержанію самостоятельный характеръ, хотя въ ней не предлагается никакихъ опредѣленныхъ теорій, все-таки ее смѣло можно рекомендовать читателю, какъ книгу, въ которой онъ найдетъ богатый фактическій матеріалъ по основнымъ вопросамъ о происхожденіи и исторіи права. Жаль только, что такой интересный отдѣлъ, какъ исторія имущественнаго права, значительно слабѣе предыдущихъ. Книга безусловно имѣетъ не только спеціальный интересъ, но доступна и большому кругу читателей.

Рд.

Фюстель де-Куланжъ. Исторія общественнаго строя древней Франціи. Томъ I. Спб. 1901.

Классическій трудъ замѣчательнаго французскаго историка имѣетъ большое значеніе не только для историка-спеціалиста, но и для всякаго образованнаго человѣка. До сихъ поръ на русскій языкъ переведено было его извѣстное сочиненіе (цѣлыхъ три перевода) «La cité antique». Теперь появился 1-й томъ его капитальнаго труда «Исторія общественнаго строя» въ прекрасномъ переводѣ подъ редакціей И. М. Гревса. Редакторъ во вступленіи выяснилъ главныя особенности научной физіономіи Фюстель де-Куланжа и указалъ сущность взглядовъ французскаго историка.

Въ этомъ трудѣ Фюстель де-Куланжъ задумалъ грандіозное изслѣдованіе по исторіи общественнаго строя Франціи, начиная свое изученіе съ эпохи возникновенія франкскаго королевства до 1789 года. До конца онъ не довелъ своей

работы. «Это какъ бы строго завершенная нижняя часть зданія: изображеніе происхожденія и развитія феодализма». Фюстель де-Куланжъ — оригинальный, сильный представитель значенія римской традиціи въ эволюціи европейскихъ государствъ. Въ этомъ отношеніи онъ является страшнымъ противникомъ старой школы германистовъ.

Вышедшій въ русскомъ переводѣ первый томъ шеститомнаго труда Фюстель де-Куланжа изображаетъ первобытную Галлію, до ея завоеванія Римомъ. Здѣсь представлено ея политическое устройство въ первые три вѣка императорскаго Рима, изучено состояніе Галліи въ эпоху завоеванія ея римлянами, разсмотрѣно, какъ она была подчинена ими, и каково было ея состояніе во время управленія ея императорами. Весь первый томъ дѣлится на двѣ части. Первая и называется «Римское завоеваніе». Вторая часть—«Римская имперія», даетъ замѣчательный анализъ характера римскаго государственнаго устройства во время имперіи и ея администраціи. Главный выводъ автора тотъ, что въ Галліи, благодаря Риму, выроботалась новая политическая организація, совершенно противоположная той, которая была въ ней до завоеванія.

Французскій институтъ, присудившій Фюстель де-Куланжу большую премію, назвалъ историка «несравненнымъ мастеромъ въ искусствѣ слова и творчества», «принадлежащимъ» къ славному роду истинныхъ французскихъ писателей. Дѣйствительно, трудъ Фюстель де-Куланжа принадлежитъ къ числу немногихъ великихъ трудовъ въ области исторіи. **А. Н—въ.**

Евгеній Филипповичъ. Основанія политической экономіи. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1901.

Сочиненій по политической экономіи у насъ довольно много, но переводъ труда проф. Филипповича является очень цѣннымъ вкладомъ въ экономическую литературу. Особенность этого блестящаго, строго научнаго и вполнѣ объективнаго труда состоитъ въ томъ, что здѣсь дано яркое освѣщеніе экономическихъ проблемъ, какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніяхъ. Въ его курсѣ объединены теоретическіе вопросы и практическое ихъ рѣшеніе.

Не будучи одностороннимъ представителемъ какой нибудь доктрины, Филипповичъ даетъ въ своемъ трудѣ общее ученіе о народномъ хозяйствѣ съ изложеніемъ отдѣльныхъ хозяйственныхъ явленій. Изложеніе это отличается замѣчательной ясностью. Это особенно замѣтно тамъ, гдѣ автору приходится излагать теоріи Маркса и Энгельса, или разбирать вопросы о матеріалистической философіи исторіи, о сущности производства, о свободной конкурренціи, о цѣнности и цѣнѣ и т. п. Авторъ, исходя изъ того положенія, что экономическая структура общества опредѣляетъ его политическія формы, доказываетъ односторонность концепціи, какъ матеріалистическаго пониманія исторіи, такъ и противоположной теоріи Кэри и Дюринга. Общественный строй, по опредѣленію проф. Филипповича, представляетъ собою соединеніе какъ экономическихъ отношеній, такъ и независящихъ отъ нихъ нравовъ и обычаевъ,

религіозныхъ и другихъ воззрѣній, съ которыми свыклись люди. Вся пятая книга курса Филипповича разсматриваетъ направленіе идей въ экономической политикѣ: индивидуализмъ, соціализмъ, соціальныя реформы. Настоящій трудъ составляетъ лишь вступительный томъ къ основному труду Филипповича, поэтому многія экономическія явленія (напримѣръ, профессіональные союзы, рыночная организація и др.) будутъ разсмотрѣны въ «Экономической политикѣ» второго тома. Переведена книга очень хорошо. **К. Алексѣевъ.**

Les inscriptions cunéiformes uraltiques, transcrites avec une trimple traduction interlinéaire, par Joseph Sandalgian. Venise. 1900.

Уральтійскія клинообразныя надписи, открытыя сначала въ области Вана, а нынѣ русскими изслѣдователями (архим. Месропомъ, М. В. Никольскимъ и др.) въ предѣлахъ Закавказья до Александрополя, служатъ предметомъ многочисленныхъ интерпретацій. Западно-европейскіе кунеологи не успѣли прійти къ единодушному выводу относительно языка того народа, который вырѣзалъ на скалахъ уральтійскія или алародійскія клинообразныя письмена. Хотя въ послѣднее время большинство спеціалистовъ (Сейсъ, Георгъ Гоммель, Мейеръ и др.) склонилось отождествлять языкъ уральтійцевъ съ языкомъ предковъ современныхъ грузинъ, оставивъ первоначально выставленную гипотезу о сродствѣ этого языка съ языкомъ армянскимъ, однако среди арменистовъ появляются представители, которые вновь выступаютъ съ работами, поддерживая теорію сближенія уральтійскихъ надписей съ языкомъ гайканскаго народа. Къ числу этихъ ученыхъ принадлежатъ г. Басмаджіанъ, издатель спеціальнаго армянскаго журнала въ Парижѣ, и Іосифъ Сандалджіанъ, воспитанникъ парижской семинаріи, нынѣ іерей константинопольскій, авторъ вышеназваннаго сочиненія. Объемистый его трудъ заключаетъ собраніе уральтійскихъ надписей съ подстрочнымъ переводомъ на древне-армянскій, французскій и латинскій языки съ словаремъ и грамматическимъ очеркомъ. Трудъ свой онъ представилъ въ парижскую академію надписей. Онъ видитъ въ уральтійскихъ надписяхъ—главнымъ образомъ элементъ армянскій, хотя указываетъ также слѣды тюркскіе, семитическіе и пр. Страннымъ является въ такой солидной работѣ игнорированіе несомнѣнныхъ признаковъ, которые уже были отмѣчены предшественниками г. Сандалджіана. Слѣдовало бы съ ихъ теоріей считаться, признать ихъ положенія или отвергнуть, но обходить молчаніемъ въ исторіи вопроса, имъ изучаемаго, невозможно.

А. Х—въ.

В. Покровскій. Сокращенная историческая хрестоматія. Часть I—VI. Москва. 1901.

Изданіе В. Покровскаго, представляющее собою сборникъ историко-критическихъ статей о русскихъ писателяхъ, составленный весьма добросовѣстно и со вкусомъ, даетъ не только біографическія свѣдѣнія о нашихъ писателяхъ, не только обрисовываетъ личность автора, но опредѣляетъ сущ-

ность и значеніе литературной дѣятельности каждаго изъ писателей. Здѣсь собраны лучшіе статьи или отрывки изъ наиболѣе цѣнныхъ статей, выясняющіе условія развитія личности писателей, направленіе ихъ дѣятельности, отношеніе къ другимъ писателямъ. Такого рода изданіе цѣнно именно потому, что даетъ возможность пользоваться иногда рѣдкой статьей какого нибудь историка или критика. Въ первой части собраны статьи, относящіяся къ изученію народной словесности, во второй—къ характеристикѣ литературы до Карамзина, въ третьей—статьи о Карамзинѣ, Крыловѣ, Жуковскомъ и Грибоѣдовѣ, въ четвертой—статьи о Пушкинѣ, въ пятой—выясняется духовное развитіе и творчество Гоголя. Послѣдняя, шестая часть посвящена объясненію литературной дѣятельности и особенностей творчества Аксакова, Григоровича, Гончарова, Островскаго, Тургенева и Л. Толстого. Изданы выпуски «Хрестоматіи» В. Покровскаго хорошо и очень недорого: 49 печатныхъ листовъ послѣдняго выпуска стоятъ 1 р. 25 к. Какая разница съ аналогичнымъ же изданіемъ г. Зелинскаго! Н.—въ

Allgemeine Geschichte der Litteratur von ihren Anfängen bis auf die Gegenwart von Gustaw Karpeles. Neue Ausgabe fortgeführt bis Ende des neunzehnten Jahrhundert. Autentisch illustriert mit 145 Tafeln, Farbendrucken und 558 Porträts und Abbildungen im Text. Berlin. 1901.

Въ предисловіи авторомъ заявляется, что идея всеобщей (всемірной) литературы изъ года въ годъ расширяется, и что ему пріятно внести въ свой трудъ пріобрѣтенія духовнаго развитія въ области литературы. Вся исторія всемірной литературы у него распредѣлена въ трехъ томахъ: первый обнимаетъ литературы востока: Китая, Японіи, Индіи, Египта, Вавилона и Ассиріи, Араміи, Персіи, Турціи, и въ прибавленіи дана глава Naturwölker. Вторая часть тома посвященъ Греціи и Риму, третья—вслѣдъ за введеніемъ—обозрѣваетъ новозавѣтную литературу, церковную и византійскую поэзію и, наконецъ, четвертая часть занята литературой романскихъ народовъ—Франціи, Италіи (1 ч.). Второй томъ посвященъ Испаніи и Португаліи, Англіи, Америкѣ и Германіи. Третій же томъ обнимаетъ литературу славянскихъ народовъ: Болгаріи, южныхъ славянъ, поляковъ, чеховъ, великороссовъ и малороссовъ. Прибавленіе даетъ обзоръ литературы ново-грековъ и румынъ. Книга украшена прекрасно исполненными иллюстраціями, дающими наглядное представленіе о нѣкоторыхъ изъ повѣствуемыхъ авторомъ сюжетахъ. Нельзя не выразить сожалѣнія, что въ названной книгѣ отсутствуетъ обозрѣніе сирской, армянской и грузинской литературъ. Въ общемъ ходѣ литературнаго движенія и передачи литературныхъ произведеній Сирія, Арменія и Грузія нынѣ занимаютъ уже почтенное мѣсто. Это тѣмъ болѣе жаль, что свѣдѣнія о литературѣ сирійцевъ, грузинъ и армянъ нынѣ уже проникли и въ европейскія ученыя сочиненія и спеціальныя періодическія изданія. А. Х—овъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

АССИРІЙСКІЯ древности. Недавно появилось интересное изслѣдованіе древней Халдеи и ея исторіи, американскаго археолога Радо [1]). По поводу этого труда, извѣстный французскій ученый Масперо помѣстилъ статью [2]) въ «Journal des Débats». Онъ начинаетъ съ того, какъ трудно было добиться до исторіи Халдеи, дающей въ противоположность Египту ничтожные обрывки данныхъ, въ видѣ договоровъ, въ которыхъ упоминается имя короля и событіе, совершившееся въ теченіе помѣченнаго года его царствованія, или пластинки съ изображеніемъ фигуръ королевской семьи, подписи цилиндра, служащаго печатью, указывающей, что такой-то, знатный незнакомецъ господствовалъ надъ четырьмя странами свѣта и надъ городомъ Уру. Очень рѣдко попадаются статуи, зданія, или храмы, а еще рѣже дощечки съ перечисленіемъ годовъ царствованія короля и военныхъ, гражданскихъ, или священныхъ событій. Эти документы тѣмъ драгоцѣнны, что ознакомляютъ съ именемъ дѣйствующаго лица, часто его предшественника, его отца, а также города, въ которомъ онъ господствовалъ, или божества, къ которому онъ питалъ особый культъ. Все это отчасти разобрано ассиріологами и составляетъ любопытную картину халдейской цивилизаціи. Но, къ несчастью, переводы документовъ и комментаріи

---

[1]) Early Babylonian History down to the end of the Fourth Dynast of Ur. By Hugo Rado. New-York, 1901.

[2]) La Chaldée tres ancienne et son histoire, par G. Maspero «Journal des Débats», 27 septembre, 1901, Paris.

разсѣяны въ двадцати сборникахъ Америки и Европы, и даже люди, спеціально занимающіеся этимъ вопросомъ, не знаютъ, какъ ихъ добыть. «Единственная исторія Халдеи, насколько возможно полная,—говоритъ Масперо,—это трудъ Радо». Исторія Халдеи Радо обнимаетъ около двадцати двухъ вѣковъ съ 4500 г. до Рождества Христова 2300 года круглымъ числомъ. Но эти числа не постоянны и въ близкомъ будущемъ увеличатся или уменьшатся. Въ продолженіе восьмидесяти лѣтъ, какъ научились читать гіероглифы, главныя даты первой исторіи Египта, измѣнялись съ X до XI вѣковъ, каждые пятнадцать, или двадцать лѣтъ, и даже теперь они преувеличенно понижаются. Халдейскія даты подлежатъ той же участи. Если теперь Халдейскія даты преувеличены, благодаря теоріи, которая приписываетъ азіатское происхожденіе, по крайней мѣрѣ, одной части цивилизаціи Египта то и онѣ подвергнутся той же участи. Но придетъ день, когда эти даты будутъ заключены въ болѣе тѣсныя рамки новой теоріей. Но дѣло не въ датахъ, такъ какъ, во всякомъ случаѣ, лица, вышедшія на свѣтъ Божій, принадлежатъ къ очень отдаленному прошлому и не меньше, какъ современники древняго Египта. Даже при такой отдаленной эпохѣ, мы всетаки безконечно далеки отъ начала происхожденія халдеевъ. Хотя изысканія на берегахъ Тигра и Евфрата, а также Нила, доходили до царей, на которыхъ жрецы указывали, какъ на царствующихъ при началѣ человѣчества, все же памятники говорятъ, что это не начало, и эти цари продолжали порядокъ вещей, существовавшій задолго до нихъ. Уже письмена были изобрѣтены, когда они царствовали, и служили цѣлые вѣка; цивилизація, поддерживавшаяся ихъ потомствомъ до персидскаго завоеванія, уже владѣла всѣми своими элементами, религіей, гражданскими и священными законами, политическимъ и военнымъ устройствомъ, искусствомъ и науками. Они были окружены просвѣщенными народами, какъ эламиты, и вели дѣятельную торговлю съ другими государствами посредствомъ флотиліи или каравановъ, черезъ пустыни Африки, Иранскаго плоскогорія или по берегамъ Эгейскаго моря. Они были въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ иноземными, націями и ихъ политика была не менѣе сложная, чѣмъ греческая въ дохристіанскую эпоху. Съ полдюжины мелкихъ государствъ раздѣляли Халдейскую территорію, и каждое имѣло свою столицу. Иногда одно государство завоевывало другое и обязывало противника признать свое главенство, но вмѣстѣ съ тѣмъ владычество побѣдителя не прерывало династіи побѣжденныхъ. Исторія каждаго изъ этихъ мелкихъ владѣній такъ переплетена между собою, что трудно было бы ихъ отдѣлить, если и было бы достаточно матеріала для цѣльной исторіи ихъ въ отдѣльности. Но немало запутываютъ еще повторенія одинаковаго имени въ одной и той же длинной серіи царей, какъ, напримѣръ, въ династіи Лагашей и Уру, такъ что часто затрудняются, которой изъ упоминаемыхъ личностей приписывать тѣ или другіе факты. Это вызываетъ несогласіе между археологами, когда дѣло касается классификаціи фактовъ и отношеній параллельныхъ серій царей. Напримѣръ, то, что Радо приписываетъ двумъ лицамъ, другіе археологи относятъ къ одному. Въ династіи Уру было по одному Урзуру, Урбау, Дунги и Бурсену, теперь уже оказывается ихъ по два, правда, нѣкоторые изъ нихъ сомнительны. Достовѣрность начинается лишь съ конца періода, изучаемаго Радо, именно, когда вопросъ касается вавилонскихъ ца-

рей. Съ того момента, какъ они взяли въ руки бразды правленія, жрецы, составившіе позже ихъ лѣтописи, считали ихъ единственными законными государями на протяженіи всей страны. Они классифицировали ихъ въ династіи, приводили въ порядокъ очередь, продолжительность ихъ царствованія, согласно официальнымъ документамъ, находящимся въ архивахъ храмовъ, и эти сохранившіеся списки послужили нитью для изысканій. Конечно, они не всегда правильны, какъ было бы желательно, и многіе опровергали нѣкоторыя ихъ части, но все-таки они указываютъ конецъ путаницы и начало правильной исторіи. Большая часть первыхъ царей Нижняго Евфрата имѣла авторитетъ лишь на одинъ округъ. Они были разбросаны на нѣсколькихъ квадратныхъ миляхъ, и ихъ борьба происходила между горстью людей. Важными дѣлами ихъ были постройки и реставрированіе храмовъ божествъ, покровительствующихъ городу, сооруженія крѣпостей и прокапываніе или чистка канала. При нихъ находились нѣсколько архитекторовъ и скульпторовъ, имена которыхъ затерялись, но произведенія ихъ существуютъ болѣе или менѣе искалѣченными. Барельефы и статуи, доставленные въ Луврскій музей, надняхъ умершимъ, М. де-Сарзекомъ, свидѣтельствуютъ о степени усовершенствованія въ искусствѣ въ благопріятное для нихъ политическое время. Конечно, во всемъ виднѣется еще неловкая, угловатая, тяжелая работа, но въ то же время замѣтно искусство въ расположеніи человѣческихъ фигуръ и достоинство въ выраженіи лицъ. Главнымъ образомъ старое халдейское искусство достигло своего апогея при царяхъ Агадеѣ и, въ особенности, при Нарамсенѣ, что свидѣтельствуютъ привезенные Морганомъ изъ Сузъ обломки барельефовъ. Кромѣ того, Нарамзенъ и члены его династіи подвергли своему господству не только всю Халдею, но даже иностранныя государства, какъ, напримѣръ, Эламъ, маленькія государства, разбросанныя по Иранскому плоскогорію, Месопотамію, даже Сирію, а, можетъ быть, и Египетъ. Остается еще, между прочимъ, вопросъ: первые ли они доходили до береговъ Средиземнаго моря, или ранѣе ихъ предшественники достигали уже такихъ далекихъ предѣловъ? Но для исторіи Халдеи служатъ матеріаломъ лишь царскія имена, титулы, много мелочныхъ подробностей, небольшое число отдѣльныхъ событій, которые трудно согласовать, рядъ фигуръ, еще смутныхъ и плохо классифицированныхъ,—вотъ все, что представляетъ очень древняя Халдея. Еще встрѣчается много ошибокъ, но сравнительно съ тѣмъ, что представили другіе археологи, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Радо сдѣлалъ удивительные успѣхи, и исторія Халдеи мало-по-малу принимаетъ ясную форму.

— Еще о Кромвелѣ. Въ прошедшемъ году и въ нынѣшнемъ особенно везло Кромвелю. Одно за другимъ появлялись сочиненія о немъ. Наконецъ вышелъ третій томъ «Исторіи республики и протектората», капитальнаго и самаго основательнаго современнаго историка Англіи, Самюэля Гарденера. Этотъ томъ обнимаетъ собою очень небольшой періодъ государственной дѣятельности Кромвеля, именно отъ его перваго парламента въ сентябрѣ 1654 г. до посольства Локарта во Францію, въ маѣ 1666 года. Гардинеръ не описываетъ здѣсь ни одного высоко драматическаго эпизода. Но если въ его разсказѣ опущено учрежденіе протектората, зато повѣствуется развитіе новой конституціи. Кром-

вель является на этихъ страницахъ высоко патетической фигурой: онъ всячески старается и тщетно сдѣлать свое правительство конституціоннымъ. Эта цѣль ему постоянно и самымъ печальнымъ образомъ не удается, хотя, по его мнѣнію, введенная имъ конституція «всегда практически возможна». Однако, всякая его попытка приводитъ къ распущенію того или другого парламента. Кромвель, въ сущности, былъ жертвою военной партіи, и онъ каждый разъ пропускаетъ случай заключить компромиссъ съ конституціоннымъ правленіемъ. Замѣчательно, какъ умѣренъ и податливъ былъ его первый парламентъ, однако подъ вліяніемъ военной партіи онъ закрылъ его во имя свободы. Одной изъ главныхъ причинъ распущенія парламента была его преданность свободѣ совѣсти, но, въ сущности, самъ Кромвель стоялъ за этотъ принципъ и практически проводилъ его только крутыми, административными мѣрами. Поэтому остается вѣчной загадкой: былъ ли онъ по своему характеру не способенъ дѣйствовать рука въ руку съ законодательнымъ собраніемъ, или онъ находился подъ вліяніемъ военной партіи, или, наконецъ, онъ былъ игрушкою судьбы? Изъ всѣхъ современныхъ историковъ Кромвеля никто не можетъ лучше профессора Гарднера рѣшить этотъ вопросъ. Онъ дѣйствительно и разрѣшаетъ его, если не совершенно опредѣленно, то близко къ истинѣ. «Различіе между Карломъ I и Кромвелемъ,—говоритъ онъ,—лежитъ, во-первыхъ, въ поддержкѣ Карломъ системы внѣшняго повиновенія законности, тогда какъ Оливеръ стремился къ системѣ практической свободы мысли и убѣжденій, а, во-вторыхъ, въ привычкѣ Карла во что бы то ни стало держаться внѣшней формальности, тогда какъ Оливеръ, имѣя за спиной армію, предпочиталъ открыто разрывать путавшую его по ногамъ паутину закона. Карлъ, когда приходила необходимость, возставалъ и погибалъ въ попыткѣ развязать узелъ своей судьбы, Оливеръ разрубилъ его своимъ мечомъ. Надо признаться къ чести протектора, что когда онъ грѣшилъ, то грѣшилъ смѣло. Карлъ I въ 1629 году, имѣя на своей сторонѣ судей, былъ принужденъ прибѣгнуть къ внѣшней законности, нарушая духъ закона и сохраняя его букву. Оливеръ,—болѣе сильная и смѣлая личность,—порывалъ сѣть закона, сохраняя вѣрность духу, если не всегда букву новой конституціи». Разогнавъ свой первый парламентъ съ удивительной энергіей, онъ ввелъ систему мѣстнаго правительства генералъ-майоровъ, и Гардинеръ обстоятельно и вполнѣ точно выясняетъ эту систему, особливо въ ея нравственномъ вліяніи, хотя эта система, въ сущности, была деспотической. Глава, посвященная Кромвелевскому устройству Ирландіи, какъ всегда, отличается мастерскимъ изложеніемъ Гардинера, гуманностью его выводовъ и трезвостью сужденій. Наконецъ, та часть этого тома, которая касается до внѣшней политики протектората, дѣлающей такую честь Кромвелю, каса́ется нападенія на Ямайку, вмѣшательства въ пользу ваатцевъ и предложенія протестантскаго союза сѣверныхъ государствъ. Эти эпизоды бросаютъ совершенно новый свѣтъ на характеръ Кромвеля и его отношенія къ европейскимъ государствамъ [1]).

---

[1]) «History of the Common wealth and Protectorate». Vol. III, 1654—1656. By Samuel Gardiner, 1901, London.

— Карлъ II. Обыкновенно Карлъ II играетъ незавидную роль въ исторіи; его изображаютъ легкомысленнымъ, пустымъ и развратнымъ королемъ, но въ послѣднее время явились охотники его реабилитировать. За это взялся главнымъ образомъ профессоръ Эри, который посвятилъ означенной задачѣ нѣсколько спеціальныхъ историческихъ трудовъ, и, наконецъ, недавно издалъ синтетическое и популярное изложеніе предмета его старательнаго изученія [1]). По его словамъ, для исторіи Англіи Карлъ II имѣетъ значеніе болѣе глубокое и важное, чѣмъ «узурпаторъ» Кромвель. Онъ гораздо ближе къ намъ, увѣряетъ Эри, чѣмъ Кромвель. Политическія обстоятельства при Кромвелѣ относились къ старой системѣ религіозныхъ войнъ, а Карлъ II уже дѣйствовалъ, окруженный новый политической системой, въ которой главнымъ элементомъ была борьба Англіи и Франціи, существующая даже до сихъ поръ. При этомъ онъ увѣряетъ, что Карлъ II дѣйствовалъ, какъ глубокомысленный и зорковидящій политикъ, несмотря на свою безнравственность, непатріотичность и позорное равнодушіе къ интересамъ родины. Развивая свои оригинальныя идеи, профессоръ Эри, вмѣстѣ съ тѣмъ, соглашается, что Карлъ II былъ непатріотичнымъ государемъ, думающимъ только о личной пользѣ. Но, по его мнѣнію, вопросъ о непатріотичности короля еще ясно не разрѣшенъ и не можетъ быть разрѣшенъ, прежде чѣмъ будутъ напечатаны всѣ государственные документы по внѣшней политикѣ его времени. Пользуясь насколько возможно историческими данными, Эри разсказываетъ очень интересно о молодости и странствіяхъ Карла, доказывая, что его безнравственность развилась въ немъ задолго до Реставраціи. Несмотря на его сочувствіе къ Карлу, онъ, однако, какъ ученый историкъ, долженъ сознаться, что эта, вкоренившаяся въ королѣ съ молодости, безнравственность со времени начала его царствованія разрослась въ немъ до такой степени, что онъ сталъ отчаяннымъ развратникомъ. Съ тѣхъ поръ его гаремъ сдѣлался первымъ политическимъ факторомъ въ послѣдующемъ его управленіи государствомъ, по той простой причинѣ, что на развратъ требовалось ему безконечное количество денегъ, благодаря чему его подданные голодали. Съ той минуты, какъ онъ почувствовалъ нужду въ деньгахъ, Карлъ сталъ всячески стараться ихъ пріобрѣсти. Этихъ способовъ у него было только два: парламентская субсидія и подачка Людовика XIV. Первое было не достаточно, потому что развратныя потребности Карла были чрезмѣрны и безграничны, а слѣдовательно ему приходилось продавать честь Англіи для удовлетворенія капризовъ его любовницъ. Къ тому же парламентъ не давалъ Карлу требуемыхъ имъ денегъ по той простой причинѣ, что въ казначействѣ не было ни гроша, и король, пользуясь подачкой Людовика XIV, не только содержалъ своихъ любовницъ, а главное графиню Портсмутъ, но и административную казну государства. Все это ясно обнаруживается изъ книги профессора Эри, а потому, несмотря на всю основательность и глубину, доводы ученаго профессора относительно реабилитаціи Карла II остаются далеко недоказанными.

---

[1]) Charles II. By Osmund Airy, London 1901.

— **Первый литературный салонъ во Франціи.** Починъ собраній избраннаго литературнаго кружка относится къ XVII вѣку и принадлежалъ г-жѣ де-Ложъ, которая пользовалась репутацій женщины съ большими талантами и добродѣтелями. Не оставивъ послѣ себя никакого литературнаго произведенія, она могла увѣковѣчить свою память лишь воспоминаніями о себѣ, и то почти исчезнувшими, какъ о свѣтской женщинѣ, единственной оставшейся въ ту эпоху простой и естественной, не зараженной искусственностью и напыщенностью того времени. Этой-то основательницѣ литературнаго салона Викторина Валья посвящаетъ статью въ «Revue Bleu» [1]). Марія Брюно родилась въ 1584 г. Ея семья жила въ Шампенуа и хотя не принадлежала къ высшей аристократіи, но ея отецъ былъ совѣтникомъ короля. Пятнадцати лѣтъ Марія вышла замужъ за лимузенскаго дворянина, Карла де-Ложъ, и имѣла отъ него девятерыхъ дѣтей, изъ которыхъ остались живыми шестеро. Г-жа де-Ложъ была протестантка и замѣчательно добра, чтò искупало ея физическіе недостатки, къ тому же она обладала необыкновенно живымъ умомъ, удивительно вѣрнымъ взглядомъ на вещи и любезнымъ, веселымъ характеромъ. При этомъ, будучи богатой, она могла принимать у себя и играть видную роль въ обществѣ. «Чувствуя влеченіе къ изящной литературѣ,—говоритъ авторъ,—она съ молодыхъ лѣтъ хотѣла знать близко извѣстныхъ писателей, переписываться съ ними, жить ихъ жизнью, содѣйствовать прогрессу и покровительствовать ихъ литературному развитію. Ея салонъ былъ далекъ по великолѣпію отъ салона Рамбулье, но тактъ и таланты хозяйки дома, дебаты и рѣчи, которые велись тамъ, скоро привлекли большую часть блестящихъ писателей. Среди нихъ были Даніэль Конактъ, Лимузенъ, находящійся въ своей молодости въ свитѣ принца Конти, брата Людовика XIV; Годо, епископъ Грасса и Венса, соперникъ Вуатюра въ салонѣ Рамбулье; Арно, богословъ въ Портъ-Роялѣ, а также Менажъ, Раканъ, Вожола, Талльманъ, модный анекдотистъ по склонности и ремеслу, органъ всѣхъ розсказней при дворѣ и въ городѣ. Наконецъ тамъ бывали многіе члены реформатской церкви, какъ Буасса, прозванный Духомъ, Конрадъ, Ожье де-Гомбо, котораго г-жа Рамбулье называла «beau tenebreux». Завсегдатаями же считались Малербъ, Вуатюръ, кумиръ и оракулъ «Голубой комнаты», и въ особенности Бальзакъ, вѣрный и надежный другъ хозяйки дома. Госпожи Роганъ, Белегардъ и Саблé часто бывали на этихъ пріемахъ, гдѣ присутствовали даже высокопоставленныя лица, какъ Гастонъ Орлеанскій, герцогъ Веймарскій и даже Кондэ. Принимая ежедневно это блестящее общество, г-жа де-Ложъ выбирала сама того, кто подъ ея президентствомъ будетъ обсуждать литературу и читать новыя произведенія. Но она не предавалась исключительно литературѣ и «feux d'esprit», бывшей тогда въ большой модѣ, но смѣло увлекалась важными политическими, общественными и религіозными вопросами. Ея здравый смыслъ и разсудительный умъ очаровалъ надолго посѣтителей ея салона. Въ тотъ вѣкъ лицемѣрія и гасконадъ, педантизма и жеманства, простота и откровенность г-жи Ложъ были рѣдкостью. Она не стѣснялась прямо называть ужасными

---

[1]) Le premier Salon littéraire en XVII siècle, par Victorine Vailiat. «Revue Bleu», novembre, 1901.

несносное бахвальство и напыщенный тонъ нѣкоторыхъ авторовъ. Такъ она говорила безъ церемоніи, что архіепископъ руанскій, монсиньоръ Гарлей, много читалъ, но безъ толку, а относительно аббата Костара, высокомѣрнаго защитника произведеній Вуатюра, она сказала: «Это въ одно и то же время самый любезный педантъ и самый педантичный любезникъ, какого только можно найти». Самъ Вуатюръ не ускользнулъ отъ ея насмѣшекъ. Такимъ образомъ г-жа Ложъ была совершенно противоположна маркизѣ Рамбулье и пользовалась ея нелюбовью такъ же, какъ завсегдатаевъ ея «Голубой комнаты». Маркиза осуждала г-жу де-Ложъ строго и ехидно и не стѣснялась пускать въ ходъ различныя эпиграммы, которыя въ угоду ей Тальманъ повторялъ вездѣ. По ихъ словамъ, Малербъ ухаживалъ за г-жею Ложъ, но онъ это дѣлалъ въ стихахъ, что не было опасно. Вуатюръ былъ предпріимчивѣе, и такъ какъ онъ посѣщалъ ея салонъ часто, то, вѣроятно, положилъ свое сердце къ ея ногамъ, какъ это дѣлалъ относительно многихъ другихъ. Но всѣ эти разговоры не имѣли важности, такъ какъ въ то время каждая дама имѣла своихъ поклонниковъ. Къ числу послѣднихъ причисляли и Ракана, совершенно не способнаго быть любезникомъ, благодаря своей разсѣянности. Что касается до отношеній къ Малербу и въ особенности къ Бальзаку, то они носили характеръ интимности, въ которой сквозило чувство глубокой нѣжности. Бальзакъ понялъ лучше другихъ, что было въ характерѣ этой пріятной женщины. Онъ сдѣлался ея другомъ съ первой минуты и остался вѣрнымъ до конца. Это предпочтеніе возбудило ревность маркизы, салонъ которой дѣлался все болѣе и болѣе блестящимъ, но въ немъ не хватало Бальзака. Она предприняла настоящій походъ, приведшій къ тому, что обѣ соперницы помѣнялись многими письмами, такъ какъ въ то время корреспонденція была въ модѣ, и переписывались даже относительно пустяковъ. «Самые важные люди,—говоритъ Викторина Валья,—млѣли отъ радости передъ посланіями перваго встрѣчнаго остроумца и добивались получить хоть словечко отъ писателей. Полученныя письма считались «благодѣяніемъ», отвѣты же—«признательностію»; получая и отправляя подобныя письма, ихъ цѣловали. Въ особенности женщины злоупотребляли этимъ обычаемъ, такъ какъ онъ позволялъ разыгрываться ихъ воображенію, и онѣ доходили до того, что дѣлали визиты въ письмахъ, а, находясь вмѣстѣ въ салонѣ, онѣ ухитрялись разговаривать письмами, черновыя которыхъ удерживали, чтобы отсылать своимъ подругамъ». Кончилось тѣмъ, что маркиза со своими приверженцами, во главѣ которыхъ стоялъ Шапленъ, послѣ неудачныхъ нападеній на г-жу Ложъ и не отвоевавъ у нея Бальзака, рѣшилась соединиться вмѣстѣ съ партизанами г-жи Саблэ. Послѣ всевозможныхъ стрѣлъ, пущенныхъ въ г-жу Ложъ, они объявили, что она хотя умная женщина, но отличается несносной аффектаціей въ письмахъ: «Ничего нѣтъ отвратительнѣе женщины, выдающей себя за писательницу,—восклицаетъ Шапленъ,—въ особенности, если это дѣлается для того, чтобы бесѣдовать съ остроумными людьми». Но на Бальзака это не подѣйствовало; онъ продолжалъ отъ времени до времени посѣщать г-жу Саблэ, восхвалять талантъ г-жи Сѐдéри и переписываться съ маркизой, однако, не посѣщая ея и предпочитая бывать у г-жи Ложъ, салонъ которой онъ рисуетъ, какъ средоточіе хорошей литературы и спокойныхъ музъ. Но гроза приближалась.

Салонъ г-жи Ложъ понемногу пустѣлъ; Годо, Гомбо и Арно покинули его окончательно и перебрались въ «Голубую комнату», которая была въ это время во всемъ своемъ блескѣ. Салоны виконтессы д'Оши и г-жи Сéдéри одинаково привлекали большое количество посѣтителей. Среди оставшихся приверженцевъ г-жи Ложъ стало проявляться разномысліе. Насмѣшки, сыпавшіяся съ той и другой стороны, доходили до оскорбленій. Появилась неблаговидная эпиграмма, пущенная Гомбо по адресу Малерба и приписанная г-жѣ де-Ложъ, которая, впрочемъ, оправдалась, но, пока дѣло разъяснилось, они обмѣнялись непріятными и колкими объясненіями. Въ это дѣло вмѣшалась, кромѣ того, политика. Гастонъ Орлеанскій, уважавшій г-жу де-Ложъ, являлся къ ней ежедневно, что возбудило опасенія кардинала. Онъ боялся, чтобы, посѣщая протестантскій домъ, въ которомъ царствовало разномысліе, принцъ не выдалъ какой нибудь государственной тайны, и окончилъ тѣмъ, что запретилъ эти собранія. Это было для г-жи де-Ложъ тяжелымъ ударомъ и, къ несчастію, не единственнымъ, такъ какъ семейныя непріятности преслѣдовали ее. Она не нашла въ мужѣ ни поддержки, ни расположенія, на которое имѣла право разсчитывать. Кромѣ того, благодаря его легкомыслію, ихъ состояніе разстроилось. Къ довершенію всего ея братья и друзья вмѣшались въ политическіе раздоры, и вопросъ, куда помѣстить дѣтей, окончательно подѣйствовалъ на ея впечатлительную натуру. Она рѣшила покончить со свѣтской жизнью,—ея салонъ, существовавшій двадцать лѣтъ, закрылъ свои двери, и въ 1629 г. она отправилась въ Лимузенъ, гдѣ одна изъ ея замужнихъ дочерей владѣла замкомъ. За нею послѣдовалъ одинъ нѣмецъ, по имени Боротель, человѣкъ образованнаго ума, купившій имѣніе въ Лимузенѣ. Въ этомъ тихомъ спокойномъ уголкѣ ее посѣщалъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, Бальзакъ, поселившійся въ Ангулемѣ и тоже потерпѣвшій разочарованіе. Онъ уговаривалъ г-жу де-Ложъ что нибудь написать и сочинить стихи, для возстановленія ея прежней репутацію. Но послѣдняя изъ скромности энергично отказалась, чтобы не привлекать вниманія на свой талантъ, и довольствовалась репутаціей умной и сердечной женщины, безъ прибавленія званія женщины-писательницы. Черезъ семь лѣтъ г-жѣ де-Ложъ пришлось возвратиться по дѣламъ въ Парижъ, гдѣ ее чествовали, какъ прежде, и выказали полную симпатію. Въ 1641 г. она умерла и была похоронена противъ замка, въ концѣ главной аллеи. Въ память ея было написано много прозы и стиховъ. Даже самые вѣрные поклонники маркизы Рамбулье, какъ Тальманъ, Шапленъ, Ожье и де-Гамбо восхваляли ея умъ и сердце. Что касается Бальзака, то онъ искренно оплакивалъ ее въ жалобныхъ стансахъ. Бейль и Морери поставили г-жу де-Ложъ въ ряды самыхъ знаменитыхъ и удивительныхъ женщинъ той эпохи. Но время уничтожило память о ней; революція разрушила ея мавзолей, и ея останки пущены на вѣтеръ. Въ замкѣ же не осталось ни одного изъ ея портретовъ, и слѣды объ основательницѣ перваго литературнаго салона, покровительницѣ литературы той эпохи, совершенно исчезли.

— **Дипломатическія отношенія Франціи и Пруссіи, съ Вестфальскаго мира до французской революціи.** Комиссія дипломатическихъ архивовъ при французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ уже много лѣтъ

занимается изданіемъ многотомнаго и капитальнаго труда: «Сборника инструкцій, данныхъ посламъ и уполномоченнымъ министрамъ Франціи отъ Вестфальскихъ трактатовъ до французской революціи». До сихъ поръ уже вышло шестнадцать томовъ, которые касаются Австріи, Швеціи, Португаліи, Польши, Рима, Баваріи, Россіи, Неаполя, Пармы, Испаніи, Даніи, Савойи-Сардиніи и Пруссіи. Каждой странѣ посвященъ одинъ огромный томъ, а нѣкоторымъ странамъ—два и три. Редакція ихъ поручена извѣстнымъ историкамъ и ученымъ: Сорелю, Ганото, Альфреду Рамбо, Рейнаку, Жофруа и многимъ другимъ. Только что вышедшій томъ [1]) отличается, какъ всѣ предыдущія, не не только офиціальными инструкціями французскимъ посланникамъ въ Пруссіи, но подробнымъ указаніемъ на важнѣйшія ихъ депеши и отвѣты министровъ, а также любопытнымъ добавленіемъ біографическихъ свѣдѣній о нихъ. Составилъ эту часть профессоръ Ліонскаго университета Ваддингтонъ, и она такъ же полна интереса, какъ и всѣ прежнія. Исторія отношеній Франціи къ Пруссіи, отъ перваго посланника послѣ Вестфальскаго мира, Бартона де-Монба, до послѣдняго передъ революціей, графа Эстерно, дѣлится на пять ясно опредѣленныхъ періодовъ. Передъ Вестфальскимъ миромъ Франція мало и дурно знала Бранденбургское государство, которое медленно распространяло свои территоріальныя пріобрѣтенія, или было присуждено къ безсилію, благодаря неспособности своихъ государей. Отъ 1648 до 1686 г. распространеніе границъ будущей Пруссіи великимъ курфюрстомъ обращаетъ на нее общее вниманіе. Правительство этой страны группируется вмѣстѣ съ другими нѣмецкими государями, находящимися подъ вліяніемъ французской политики, и Бранденбургъ этимъ былъ занятъ тридцать восемь лѣтъ. Отъ 1686 по 1724 годъ, послѣ дружественныхъ отношеній великаго курфюрста, слѣдуетъ періодъ болѣе или менѣе, враждебныхъ демонстрацій, когда отъ 1716 по 1726 годъ наступаетъ союзъ, но не надежный. Отъ 1739 по 1756 годъ Франція и Пруссія сближаются. Фридрихъ II во время первыхъ лѣтъ его царствованія служитъ кумиромъ въ Версалѣ и остается избраннымъ союзникомъ до того дня, когда онъ заключаетъ трактатъ съ Англіей. Наконецъ съ 1756 по 1789 г., послѣ знаменитой перемѣны европейскихъ союзовъ, Франція ведетъ жестокую, если не прямую борьбу съ Пруссіей, а когда эта борьба окончена, то она хранитъ недовѣрчивую осторожность къ старику Фрицу и его племяннику, Фридриху-Вильгельму II. Въ такомъ положеніи застаетъ ихъ французская революція.

— Фушэ. Не такъ давно вышла въ Парижѣ новая книга [2]) о Фушэ, которая составляетъ диссертацію профессора географіи и исторіи Луи Мадлэна на доктора исторіи. Вѣроятно, молодой историкъ задался мыслью доказать, что отъ историка зависитъ придать историческимъ фактамъ и личностямъ ту или другую окраску, иначе трудно объяснить то стараніе, съ которымъ онъ обѣляетъ злодѣя, заслуживающаго справедливаго опредѣленія Лависса, Оляра

[1]) Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'a la révoution française.—Prusse, par Waddington. Paris. 1901.

[2]) «Fouché» (1759—1820), par Louis Madelin. Paris. 1901.

и Дени, оппонентовъ Мадлэна на его диспутѣ въ Сорбоннѣ, какъ «человѣка грязи и крови». Почтенные академики дали Мадлэну строгій выговоръ при защитѣ диссертаціи и совершенно справедливо. Положимъ, къ его чести можно сказать, что онъ прибѣгъ ко всѣмъ источникамъ, какіе только существуютъ, откуда черпалъ все касающееся Фушэ, на что пожертвовалъ цѣлыхъ шесть лѣтъ. Вѣроятно, проведенные съ глазу на глазъ шесть лѣтъ съ Фушэ сблизили Мадлэна настолько съ этой неприглядной, грязной личностью, что молодой ученый невольно свыкся съ пороками этого негодяя. Онъ даже началъ относиться къ нимъ сочувственно, или «безпристрастно», какъ сказано авторомъ въ предисловіи книги. Прочитавъ съ начала до конца эту диссертацію, можно прійти къ заключенію, что она двойная мистификація: мистификація автора своимъ героемъ и мистификація публики авторомъ. Изъ двухъ вещей одна: если Мадлэнъ не добивался обѣлять Фушэ, то книга—безполезна; если же—наоборотъ, то онъ былъ мистифицированъ хитрымъ политикомъ, хотя боялся сдѣлаться послѣднимъ обманутымъ простакомъ. Но, несмотря на свой талантъ, Мадлэну было суждено сѣсть на мель въ своей задачѣ. Однако вся опасность въ предисловіи. Если бы вмѣсто того, чтобы представить Фушэ фокусникомъ, М. Мадлэнъ удовольствовался вывести предъ публикой различныя фазы бурной жизни этого хитраго политика, предоставивъ публикѣ дѣлать свое заключеніе, быть можетъ, мнѣнія были бы различныя. Совершенно справедливо, что Фушэ фокусникъ, такъ какъ онъ двадцать пять лѣтъ съ 1792 по 1816 г. игралъ людьми, спорившими о политическомъ могуществѣ, какъ маріонетками. «Но съ которыхъ поръ,—справедливо спросилъ Лависсъ на диспутѣ у Мадлэна,—быть мистификаторомъ есть смягчающее вину обстоятельство?» «Представитель народа и дѣятельный членъ комитетовъ, комиссаръ Конвента при шести департаментахъ, дѣятельно замѣшавшійся въ революцію Термидора, и президентъ клуба якобинцевъ, совѣтникъ Бабефа послѣ Термидора, агентъ Барра въ Вендемьорѣ и Фруктидорѣ, дипломатъ директоріи въ Италіи и Голландіи, министръ полиціи въ республику и въ этомъ званіи участвующій въ драмѣ брюмера, вскорѣ министръ Наполеона, консула и императора, обремененный самымъ тяжелымъ и важнымъ портфелемъ и лично замѣшанный во всѣ интриги 1799—1810 г., губернаторъ Илиріи въ 1813 г., уполномоченный императора въ Италіи въ 1814 г., знаменитый заговорщикъ въ первую Реставрацію, еще разъ министръ и посредникъ партій во время Ста дней, глава исполнительной власти и въ пятый разъ министръ законной монархіи,—этотъ человѣкъ, говоритъ Мадлэнъ, участвовалъ во всѣхъ актахъ чудовищной драмы». Къ несчастію, въ продолженіе всей своей карьеры, онъ только обманывалъ и измѣнялъ всѣмъ. Если бы еще онъ дѣлалъ это для блага Франціи! Мадлэнъ говоритъ, что Фушэ спасъ ее въ 1815 г. Но онъ сдѣлалъ это нечаянно, такъ какъ все, что онъ дѣлалъ, клонилось только къ его личной пользѣ, и правильно замѣчаетъ въ своихъ «Мемуарахъ» одна изъ его многочисленныхъ обманутыхъ жертвъ, генералъ д'Андинье, что «въ умѣ Фушэ всегда было ладить со всѣми партіями и всѣмъ вселять мысль, что онъ хочетъ имъ служить». По словамъ его племянницы, г-жи Ріомъ, урожденной Брабанъ, Фушэ былъ образцовымъ мужемъ и отцомъ семейства. Хотя первая его жена была очень

некрасива, но онъ любилъ ее болѣе второй и во время всей своей супружеской жизни, какъ съ первой, такъ и со второй женой, онъ не имѣлъ ни одного любовнаго похожденія. Все это очень похвально, но все-таки не можетъ служить ему оправданіемъ относительно его политической карьеры. Теперь приступимъ къ содержанію книги. Извѣстно, что между министрами Наполеона было только два настоящихъ государственныхъ человѣка: Талейранъ и Фушэ. Мнѣніе Франціи, если не уважало, то во всякомъ случаѣ отдавало нѣкоторую дань восхищенія первому, тогда какъ второй вызывалъ лишь всеобщее гадливое отвращеніе, хотя одинъ стоилъ другого. Фушэ родился въ 1763 г. за тридцать лѣтъ до революціи, въ нантской семьѣ, разбогатѣвшей уже въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ корсарствомъ и торговлей съ Антильскими островами. Біографъ Фушэ слишкомъ ужъ тонко объясняетъ его лавированіе въ общественныхъ дѣлахъ инстинктивной привычкой, наслѣдственно переданный ему предками-моряками. Вмѣстѣ съ этимъ, вѣроятно, онъ получилъ страсть къ комфорту и желаніе занимать первое мѣсто. Въ 1789 г. онъ назвалъ себя именемъ одного изъ помѣстій своихъ родителей: Фушэ де-Рузероль. Въ то время, какъ и теперь во Франціи, если частица «де» не была знакомъ дворянства, то составляла поддѣлку и очень часто служила предвѣстникомъ будущаго дворянства. По слабости здоровья, Фушэ не выбралъ карьеры отца, и 11 ноября 1781 г. семинарія іезуитовъ обогатилась, вновь завербованнымъ, молодымъ блѣднолицымъ двадцати-двухъ-лѣтнимъ юношей, съ виду хрупкимъ и ходившимъ, потупивъ глаза. Хотя Фушэ былъ въ іезуитской семинаріи, но историки ошибочно называли его вѣроотступнымъ и разстриженнымъ патеромъ. Правда, его постригли по вступленіи туда и сдѣлали «младшимъ братомъ», при чемъ одѣли въ рясу, но, пока онъ не перешелъ въ степень «старшаго брата», то всегда могъ сбросить рясу и жениться. Хотя Фушэ, по словамъ его біографа, и не достигъ старшей степени, все-таки онъ былъ образцомъ благочестія. По выходѣ изъ семинаріи Фушэ занялся преподаваніемъ въ Ніэрской, Сомюрской, Вандомской коллегіяхъ. Содержаніе, получаемое имъ, было такъ скудно, что онъ писалъ 3-го іюня 1785 г., передъ отъѣздомъ, къ своимъ родителямъ: «Какъ только избавлюсь отъ своихъ классовъ, я придумаю средство донести свое бренное тѣло въ Пелеренъ. Вы никогда не видѣли меня такимъ худымъ. Мои кости скоро выйдутъ изъ одежды. Въ такомъ матеріальномъ положеніи находился въ началѣ своей карьеры Фушэ. Въ Вандомской коллегіи онъ оставался два года. Въ 1787 г. его призвали въ Жилли. Революція застала Фушэ въ Нантской коллегіи; съ инстинктомъ животнаго онъ почуялъ, что для его честолюбія открывается широкое поле. Ряса была сброшена, и въ сентябрѣ 1791 г. онъ былъ выбранъ представителемъ въ Національный Конвентъ отъ Нижней Луары. Черезъ нѣсколько дней онъ женился на дочери Куако, предсѣдателя администраціи округа. Теперь онъ измѣнилъ дворянскую частицу «де» на демократическое имя Фушэ, сдѣлавшееся грознымъ послѣ нантскихъ и другихъ кровопролитій. Медлэнъ ставитъ въ заслугу Фушэ, что онъ никогда не забывалъ своихъ друзей и прежнихъ учениковъ іезуитской семинаріи, продолжая поддерживать многія связи, между прочимъ, и тѣсную дружбу съ Гальяромъ, котораго провелъ въ магистратуру, сдѣлавъ своимъ повѣреннымъ въ критиче-

скія минуты. Принадлежать къ іезуитамъ всегда возбуждало въ немъ интересъ, и бывшіе ученики семинаріи іезуитовъ находили у него покровительство. Но это благоволеніе ограничивалось индивидуумами, такъ какъ самъ Фушэ, проведшій десять лѣтъ въ семинаріи, сдѣлался въ скептическій вѣкъ самымъ ярымъ человѣкомъ, освободившимся отъ убѣжденій христіанства. Мадлэнъ указываетъ, какъ на выдающіяся черты Фушэ, сохранившіяся во всю жизнь, именно на стойкость церковныхъ стремленій, чистоту и строгость нравовъ, извѣстный пуританизмъ, дѣлавшій его не только хорошимъ мужемъ и отцемъ, но иногда очень строгимъ цензоромъ нравовъ другихъ. Онъ сохранилъ умѣренность и воздержаніе даже въ самую блестящую эпоху, его принимали въ салонахъ императора за педанта-семинариста. Въ Конвентѣ онъ держался сначала самой умѣренной программы, даже консервативной и заявилъ, что въ собраніи онъ будетъ засѣдать направо. Правда, первое время онъ такъ и поступалъ. Занимая мѣсто недалеко отъ своего друга Дону, онъ оставался молчаливымъ и благоразумнымъ до 15 января 1793 г. Вечеромъ того же дня онъ далъ Дону прочитать свою рѣчь, которую хотѣлъ произнести противъ смертной казни короля. Наступило 16 января, и была призвана депутація Нижней Лауры для подачи голоса за приговоръ Луи Капета. Друзья Фушэ ожидали услышать ту рѣчь, которую онъ показывалъ имъ наканунѣ, но вдругъ раздался слабый голосъ Фушэ: «Смерть». Здѣсь опять Мадлэнъ защищаетъ Фушэ отъ упрековъ въ подлости, объясняя тѣмъ, что онъ, какъ ловкій политикъ, спокойно разсчиталъ шансы, и скорѣе честолюбіе, чѣмъ страхъ, направляло его къ рядамъ предполагаемыхъ побѣдителей. Это истолкованіе не лишено ловкости. По его словамъ, Фушэ былъ самый интеллигентный, дѣятельный и замѣчательный изъ якобинцевъ. Наступила его очередь отправиться по департаментамъ. Это была эпоха охоты за священниками, крестами, колоколами и проч. Въ Неверѣ его жена родила дѣвочку, при чемъ онъ не опустилъ случая поиграть въ честолюбіе и, подражая представителямъ стараго режима, Ла-Тремулю и проч., дававшимъ имена своимъ дѣтямъ въ честь управляемыхъ ими областей: Бретань, Лангедокъ и т. д., назвалъ ее Неверой. Въ Мулэнѣ Фушэ открыто объявилъ себя ученикомъ Шометан, президентствовалъ на сатурналіяхъ. Послѣ того, какъ поломали кресты и статуи и побросали священныя украшенія, онъ помѣстилъ на воротахъ кладбища надпись, поссорившую его окончательно съ Робеспьеромъ: «Смерть — вѣчный сонъ!». Въ Ліонъ явился Фушэ послѣ его осады, съ спеціальной миссіей произвести возмездіе. Кутонъ, другъ Робеспьера, отправленный ранѣе, чтобы покарать побѣжденный городъ, выказалъ умѣренность и, уничтожая дома, принималъ мѣры къ охраненію личностей. При этомъ извѣстіи Колло д'Эрбуа издалъ свой знаменитый декретъ: «Ліона больше нѣтъ!» Съ этою цѣлью представителями Конвента явились Колло д'Эрбуа и Фушэ. Мадлэнъ настаиваетъ на второстепенномъ положеніи подчиненнаго, которое принуждало Фушэ дѣйствовать такъ жестоко въ Ліонѣ. Въ то время какъ Колло д'Эрбуа пьянствовалъ и кутилъ послѣ кровопролитныхъ сценъ съ развратными женщинами, Фушэ спокойно возвращался отъ гильотины къ колыбели своего ребенка. Первымъ дѣломъ Фушэ по прибытіи въ Ліонъ было обѣгать городъ,

въ сопровожденіи шайки, вооруженной топорами и пиками, сбивающей, какъ и въ Неверѣ, Муленѣ и проч. городахъ, кресты и статуи и грабящей церкви. Они уносили священные сосуды изъ церквей и устроили процессію, въ которой для приданія большой торжественности присутствовали члены правительства, въ томъ числѣ и Фушэ. Она состояла въ томъ, что главное дѣйствующее лицо былъ оселъ, одѣтый въ церковное облаченіе и митру. Къ его хвосту было прикрѣплено распятіе, Библія и Евангеліе. Процессія остановилась на площади, гдѣ горѣла жаровня. Распятіе и Евангеліе были сожжены, а изъ священныхъ сосудовъ давали пить ослу, заставляя его ѣсть причастіе. Но это было лишь начало. Наступило разрушеніе города. Звуки лопатъ раздавались повсюду. Но это показалось недостаточно успѣшнымъ, и стали примѣнять взрывы. Затѣмъ Фушэ принялся, какъ и въ другихъ мѣстахъ, конфисковать богатства. Стрѣльба картечью увѣнчивала работу. Наконецъ началось гильотинированіе... Но такъ какъ гильотина дѣйствовала слишкомъ медленно, то придумали новый способъ. 14 брюмера въ долинѣ Бротто, между двумя параллельными оврагами, гдѣ могли тотчасъ же хоронить трупы, шестьдесятъ четыре человѣка подвое были связаны и выравнены въ строй. По данному сигналу съ эстрады, на которой находились представители Конвента, въ томъ числѣ и Фушэ, открыли огонь изъ орудій. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ліонскаго кровопролитія. Фушэ такъ сыгралъ, что тиранами оказались Колло д'Эрбуа и другіе, онъ же былъ тамъ, чтобы ихъ удерживать. Среди своихъ гнусныхъ злодѣяній онъ сумѣлъ обезпечить свое удаленіе на время реакціи; недостаточно сказать, что онъ былъ двуличенъ, такъ какъ измѣнчивость Фушэ сбивала съ толку даже его жертвъ. Напримѣръ, отрубая голову несчастному, онъ заботился объ его родственникахъ. Въ награду за гнусное изувѣрство Фушэ былъ сдѣланъ президентомъ якобинцевъ. Но проницательный взглядъ Робеспьера не ошибался, понявъ двойную игру Фушэ. Буржуа и консерваторъ, какимъ умѣлъ быть Робеспьеръ «по-своему», вѣрный деистъ культа Жанъ-Жака Руссо, онъ не могъ простить ему ни коммунизма, ни атеизма. Онъ поклялся погубить начальника ереси, анархиста, интриговавшаго съ Бабефомъ, обѣщавшимъ жениться на сестрѣ Робеспьера и обманувшимъ ее. По возвращеніи изъ Ліона между ними завязался страшный поединокъ. Фушэ не рисковалъ своей особой; онъ подличалъ, хитрилъ, вооружалъ Талльена и Барра и торопилъ ихъ дѣйствовать. 9-го термидора они спасли Фушэ. По словамъ Мадлэна, въ глубинѣ этой борьбы, какъ и другихъ политическихъ и соціальныхъ раздоровъ, скрывается религіозное столкновеніе, антагонизмъ двухъ сектъ: въ этомъ случаѣ—Разума и Верховнаго существа. Послѣ смерти Робеспьера, Фушэ оставался въ тѣни. Онъ опротивѣлъ всѣмъ. Этимъ временемъ онъ старался обѣлиться и разбогатѣть, обладая инстинктомъ животныхъ, которыя прячутся, чтобы перемѣнить шкуру, когда приходитъ время линять. Начался второй періодъ революціи, въ который якобинецъ-Фушэ принялся «запасаться». Въ 1798 году Фушэ, перемѣнившій шкуру, протерся въ министерство полиціи. Это положеніе, какъ нельзя болѣе подходило къ его генію. Наступилъ третій періодъ, когда якобинецъ-Фушэ подыскивалъ генерала. Онъ сошелся съ Гошемъ, но послѣдній умеръ. Подходящимъ оказался Жуберъ, и дѣло съ нимъ

пошло далеко. Но, обладая удивительнымъ чутьемъ охотничьей собаки, Фушэ почувствовалъ скорый конецъ революціи, и его глаза усмотрѣли восходящую звѣзду Бонапарта. Его коварная стратегія 18 брюмера, когда онъ уже былъ министромъ полиціи,—замѣчательна. Онъ всячески способствовалъ тріумфу будущаго императора. Онъ приказалъ закрыть заставы Парижа; остановить отправленіе курьеровъ, покрывалъ стѣны прокламаціями и прекратилъ революціонный комитетъ. Бонапартъ оставилъ его министромъ полиціи. Четвертый періодъ его счастливаго достиженія цѣли, когда изъ якобинца онъ обращается въ царедворца, собирателя орденовъ, титуловъ и денегъ. Его роль въ этотъ періодъ слишкомъ извѣстна, чтобы о ней упоминать. Министръ императора, герцогъ Отрантскій, владѣтель роскошнаго помѣстья Феррьеръ, онъ не только продолжаетъ быть криводушнымъ, двуличнымъ, но еще болѣе развивался въ этомъ направленіи. Въ его поведеніи виднѣется боязнь возстановленія Бурбоновъ, которые отомстили бы ему за подачу голоса 21-го января. Онъ вызывалъ эмигрантовъ, людей стараго режима, и оказывалъ имъ частныя одолженія, но противился всѣми силами ихъ огульному допущенію въ императорскій строй, такъ какъ монархія могла вкрасться за ними. Чтобы поддерживать свою безопасность, онъ проливалъ отъ времени до времени кровь шуановъ, которые успѣли избѣжать его когтей. Такъ въ 1809 году разстрѣляли Сентъ-Илера и Армана Шатобріана. Попавъ въ немилость въ 1810 году, онъ отказался въ 1814 году отъ роялистскихъ предложеній Витроля и Блака, такъ не разсчитывалъ на прощеніе, котораго его совѣсть не допускала. Во время Ста дней Наполеонъ снова взялъ его министромъ, хотя противъ своего желанія, зная, что этотъ плутъ измѣнитъ ему. Глава временнаго правительства послѣ Ватерлоо, навязанный Людовику XVIII англичанами и русскими, необъяснимой склонностью легитимистскаго общества и ходатайствомъ самого графа д'Артуа, онъ проникъ, наконецъ, къ Людовику XVIII вмѣстѣ съ Талейраномъ: «порокъ оперся на преступленіе». Вторично послѣ вдовства онъ женился на дѣвицѣ знатной провансальской семьи. Король подписывалъ свадебный контрактъ, и все Сенъ-Жерменское общество, а также и иностранныя дипломатіи ухаживали за нимъ на перебой. Ему оставалось только справиться съ парламентомъ. Но Фушэ насмѣхается надъ нимъ. И на этотъ разъ онъ думалъ одержать побѣду. Но не забывшая обиды сестра короля Людовика XVI, возвратившаяся въ Тюильри, не могла спокойно выдержать присутствія цареубійцы, и романъ его окончился. Всѣ отвѣтили согласнымъ крикомъ ужаса на жалобы принцессы, и Фушэ палъ. Нѣсколько лѣтъ онъ странствовалъ по Европѣ, отталкиваемый всѣми, и умеръ въ Тріестѣ, въ моментъ, когда подводилъ счетъ своему безполезному несмѣтному богатству и сжигалъ полицейскія бумаги. Въ красивой формѣ Мадленъ, забывая свои милостивыя предубѣжденія въ пользу Фушэ, описываетъ, какъ поднимались «страшныя кровавыя тѣни изъ Броттоскихъ овраговъ передъ смертнымъ одромъ гнуснаго, двуличнаго Лисы». Мадленъ ничего не открылъ новаго въ душѣ Фушэ, хотя онъ переворачивалъ каждую ея складочку. Психологія Фушэ уже обнаружилась въ его «исповѣди», перемѣшанной съ правдой и ложью. Онъ повѣдалъ ее Сегюру въ 1809 году, послѣ жестокой обиды, нанесенной ему императоромъ въ Фонтенебло. Она резюмиро-

валась фразою, въ которой онъ цинично признавался въ томъ, что многіе думали и дѣлали, не говоря объ этомъ: «Мы говоримъ о равенствѣ, но въ сущности мы были всѣ аристократы. Да, болѣе аристократы, чѣмъ кто либо. Наша система должна быть остановкой революціи, отнынѣ безцѣльной, съ тѣхъ поръ, какъ добились личныхъ выгодъ, на какія можно было разсчитывать». Эти слова служатъ прекрасной эпитафіей на могилѣ члена конвента. Можно простить Дантона, Робеспьера и прочихъ, даже въ худшихъ ихъ ошибкахъ, такъ какъ они дѣйствовали по страсти, или химерѣ, принимая ужасныя мѣры, представлявшіяся ихъ уму полезными для народа. Но Фушэ—холодный интриганъ, искавшій въ умерщвленіи людей и идей только свой интересъ; возможно ли такого человѣка браться обѣлять?

— Шульмейстеръ, шпіонъ Наполеона. Вскорѣ выйдетъ второй томъ Воспоминаній маршала Канробера [1]), отрывки изъ которыхъ помѣщены въ «Revue hebdomadaire». Между прочимъ довольно любопытенъ разсказъ о свиданіи въ Страсбургѣ Канробера съ настоящимъ шпіономъ Наполеона [2]). Этотъ шпіонъ—Шульмейстеръ, герой романа Лорана, недавно печатавшагося въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Вотъ что говоритъ о Шульмейстерѣ маршалъ Канроберъ. «Когда я отправился, въ 1852 году, чтобы поднести его высочеству принцу Баденскому ленту Почетнаго Легіона, принцъ Луи-Наполеонъ остался въ Страсбургѣ, и ему представляли всѣхъ крупныхъ и мелкихъ жителей Эльзаса, въ особенности старожилъ имперіи. Между послѣдними къ нему явился самый необыкновенный человѣкъ, имя котораго осталось малоизвѣстнымъ, несмотря на важность роли, выпавшей на его долю при Наполеонѣ I. Его имя было Шульмейстеръ. Это былъ король шпіоновъ, по превосходству, и глава развѣдчиковъ Наполеона I. Сначала онъ былъ контрабандистомъ на берегу Рейна, и въ Шварцвальдѣ, но въ то же время имъ пользовался генералъ Дезэ, какъ лазутчикомъ, когда сражался на Рейнѣ. Въ 1805 г. Наполеонъ, отправляясь въ Аустерлицкую кампанію, поручилъ Савари развѣдочную часть арміи; этотъ послѣдній, бывшій адъютантъ Дезэ, вспомнилъ о Шульмейстерѣ и тотчасъ же его взялъ къ себѣ помощникомъ. Никто лучше его не зналъ хитростей, посредствомъ которыхъ можно пробраться среди ведетовъ, пограничной стражи и развѣдчиковъ, и никто на свѣтѣ не зналъ лучше его различныя нѣмецкія нарѣчія. Шульмейстеръ не обманулъ довѣрія, которое ему оказали. По вступленіи въ кампанію, онъ нашелъ средство подкупить австрійскихъ офицеровъ главнаго штаба Мака, которымъ поручена была развѣдочная часть, затѣмъ онъ устроилъ такъ, что Макъ взялъ его къ себѣ шпіономъ. Онъ овладѣлъ его довѣріемъ и воспользовался этимъ такъ выгодно для Наполеона, что не былъ постороннимъ во взятіи Ульма и капитуляціи австрійской арміи. Позже, въ 1809 году, во время занятія Вѣны французами, онъ былъ тамъ префектомъ полиціи. Несмотря на страстное желаніе получить орденъ, Наполеонъ ни за

---

[1]) «Le Marechal Canrobert», par Bapst. «Revue hebdomadaire», 26 octobre — 2 novembre 1901.

[2]) La «Défection» de Chateaubriand. 1824—1827. Par Gustave Lanson. «La Revue de Paris». 1 août 1901.

что не хотѣлъ наградить его Почетнымъ Легіономъ. Безъ сомнѣнія, и въ Пруссіи Шульмейстеръ оказалъ еще услуги въ ущербъ арміи Фридриха-Вильгельма, а потому во время нашествія въ 1814 году пруссаки охотились за нимъ, какъ за дикимъ звѣремъ, и добились поимки Шульмейстера, послѣ чего заключили его на нѣсколько лѣтъ въ казематъ одной изъ ихъ балтійскихъ крѣпостей. Около 1820 года его отпустили на свободу за крупный залогъ, совершенно истощившій его сбереженія, кстати, довольно кругленькія. Съ тѣхъ поръ онъ скромно жилъ въ Страсбургѣ. Это былъ сгорбленный старикъ, ходившій всегда очень быстро, какъ дѣловой человѣкъ. Онъ носилъ длинный зеленый кафтанъ и когда его видѣли на улицѣ, то говорили, указывая на него пальцемъ: «это знаменитый шпіонъ Наполеона».

— **Измѣна Шатобріана.** Въ августовской книгѣ «Revue de Paris» помѣщена статья Густава Лансона, основанная на многочисленныхъ журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ, а также различныхъ воспоминаніяхъ, относящихся къ паденію Шатобріана. Франсуа-Ренэ Шатобріанъ, знаменитый французскій писатель, впослѣдствіи посланникъ въ Берлинѣ, потомъ въ Лондонѣ, уполномоченный на Веронскомъ конгрессѣ 1822 г., министръ иностранныхъ дѣлъ и пэръ Франціи, родился въ древней дворянской семьѣ въ 1768 г. Послѣ смерти отца пріѣхалъ въ Парижъ, гдѣ подъ вліяніемъ Парни сдѣлался свободнымъ мыслителемъ и отправился въ Сѣверную Америку. Узнавъ о бѣгствѣ короля, вернулся въ Парижъ и наскоро женился на богатой наслѣдницѣ. Вступивъ въ армію эмигрантовъ, онъ былъ тяжело раненъ и бѣжалъ въ 1793 г. въ Лондонъ. Тамъ онъ жилъ въ бѣдности и написалъ въ 1797 г. «Опытъ о революціяхъ», хотя направленный противъ революціи, но подъ вліяніемъ идеи Руссо. Смерть матери обратила его въ 1798 г. изъ вольнодумца въ защитника положительнаго христіанизма. Въ 1800 г. онъ вернулся во Францію и примкнулъ къ Консульству. Въ предисловіи къ «Генію христіанства» онъ поставилъ Наполеона наравнѣ съ Киромъ. Въ 1803 г. былъ отправленъ посланникомъ въ Римъ, а въ 1806 г. путешествовалъ на Востокѣ. Въ 1811 г. былъ избранъ въ академію на мѣсто гонителя «Генія христіанства» Шенье и хотѣлъ прочесть вмѣсто обычной похвалы своему предшественнику рѣзкое осужденіе, но Наполеонъ воспротивился. Это повліяло на дальнѣйшія отношенія къ Наполеону; онъ его возненавидѣлъ и перешелъ въ оппозицію. Въ 1814 г. Шатобріанъ написалъ недостойный памфлетъ «Бонапартъ и Бурбоны», о которомъ Людовикъ XVIII сказалъ, что онъ стоитъ для него цѣлой арміи. Послѣ «Ста дней» онъ сталъ министромъ и пэромъ Франціи. Онъ принадлежалъ къ крайней правой и былъ болѣе роялистомъ, чѣмъ самъ король. Въ 1820 г. сдѣлался посланникомъ въ Берлинѣ, потомъ въ Лондонѣ и уполномоченнымъ Франціи на Верронскомъ конгрессѣ. Въ 1822 г. былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и главнымъ виновникомъ войны съ Испаніей. Объ его паденіи Лансонъ передаетъ такъ. Шатобріанъ ничего не подозрѣвалъ, и 6-го іюня 1824 г., въ день Св. Троицы, онъ явился въ десять съ половиной часовъ утра въ Марсанскій павильонъ къ брату короля. Не будучи допущенъ къ нему, онъ отправился въ часовню слушать органъ. Къ нему подошелъ привратникъ и сказалъ, что его спрашиваетъ секретарь Пилоржъ. Шатобріанъ отыскалъ его въ Маршальскомъ залѣ. Се-

кретарь лаконически объявилъ ему, что онъ болѣе не министръ, и вручилъ письмо перваго министра Виллеля съ приказомъ короля. Шатобріанъ сѣлъ въ карету и отправился къ себѣ. Черезъ два часа онъ перебрался въ свою частную квартиру съ двумя любимыми кошками. Вечеромъ былъ назначенъ обѣдъ на сорокъ кувертовъ. Приглашеннымъ былъ посланъ отказъ, а обѣдъ отнесли на частную квартиру, гдѣ онъ со своей женой и другомъ печально отобѣдалъ. Шатобріанъ былъ жестоко оскорбленъ этой внезапной отставкой и писалъ Монтлозье: «Какъ будто я укралъ часы на каминѣ у короля». Онъ обвинялъ Людовика XVIII въ неблагодарности къ нему, «возстановителю христіанства и автору брошюры «Бонапартъ и Бурбоны». Онъ заперся у себя и никого не принималъ. Друзья перваго министра намекали, что Шатобріанъ былъ бы наканунѣ предупрежденъ, но онъ не ночевалъ дома. Это была ложь. Виллель говоритъ въ своихъ «Мемуарахъ», что король позвалъ его утромъ въ Троицу и сказалъ: «Виллель, Шатобріанъ намъ измѣнилъ; я не хочу его видѣть здѣсь на моемъ пріемѣ»,—и приказъ объ отставкѣ былъ подписанъ. Съ нѣкоторыхъ поръ Виллель интриговалъ противъ Шатобріана, стараясь, чтобы послѣдній опротивѣлъ королю, но Корбьеръ противился отставкѣ. Въ чемъ же его упрекали?—спрашиваетъ авторъ. Именно въ войнѣ съ Испаніей противъ желанія короля и Виллеля. Ни король, ни Виллель не могли простить ему насилія. Но главная причина неудовольствія была связь Шатобріана съ императоромъ Александромъ I. Хотя Франція и Реставрація выбрались изъ войны, все же думали, что Шатобріанъ былъ слишкомъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ русскаго императора. Король и Виллель хотѣли итти въ ногу съ Англіей, а Шатобріанъ заставилъ ихъ—итти съ Россіей. Къ тому же Виллель хотѣлъ быть неограниченнымъ первымъ министромъ. Шатобріанъ не былъ всепрощающимъ христіаниномъ. Онъ написалъ Карлу X: «Министры мои враги, а я—ихъ; какъ христіанинъ, я прощаю имъ, но, какъ человѣкъ, я никогда имъ не прощу». Онъ посвятилъ всю свою энергію злобѣ и мести и употребилъ всѣ средства, которыхъ даже не считалъ нужными для своей поддержки. 6-го іюня, Бертенъ, могущественный редакторъ «Les Débats», настаивалъ у кабинета на назначеніи Шатобріана посланникомъ въ Римѣ, Виллель отказалъ наотрѣзъ. «Въ такомъ случаѣ,—сказалъ ему послѣдній,—запомните, что «Les Débats» опрокинуло уже два министерства—Деказа и Ришелье, оно сумѣетъ опрокинуть министерство Виллеля».—«Вы опрокинули первое,—отвѣчалъ Виллель,—защищая роялизмъ, но, чтобы опрокинуть меня, надо устроить революцію». Тотчасъ же «Les Débats» и «Quotidienne» открыли огонь противъ министерства, Шатобріанъ снова взялся за перо журналиста и памфлетиста. Онъ велъ самъ въ «Les Débats» ежедневно штурмъ на министерство; статьи слѣдовали за статьями, полныя злобы, за которыя его одобряла оппозиція. Виллель возобновилъ цензуру. Шатобріанъ написалъ въ нѣсколько часовъ брошюру, которая надѣлала много шуму. Въ ней говорилось: «Два человѣка (Виллель и Корбьеръ) прилипли къ власти, и, чтобы сохранить ее лишніе два дня, они играютъ дальнѣйшей судьбою Франціи для своего минутнаго будущаго: вотъ и все». Смерть Людовика XVIII прервала эту борьбу. Шатобріанъ, считая себя обязаннымъ представить французскому народу Карла X, написалъ знаменитый памфлетъ: «Ко-

роль умеръ, да здравствуетъ король!». Карлъ былъ доволенъ памфлетомъ, но министромъ не сдѣлалъ Шатобріана, оставивъ попрежнему Виллеля. Съ этой минуты Шатобріанъ примкнулъ къ оппозиціи. Шесть недѣль послѣ смерти короля онъ молчалъ, но затѣмъ взялся за свое оружіе. Ни одно дѣйствіе Виллеля, ни одинъ проектъ и проч. не проходили безъ того, чтобы Шатобріанъ не обвинилъ его въ коварствѣ и неспособности, которая доведетъ до упадка Францію, если продлится его министерство. Полемика зашла такъ далеко, что легитимисты обвинили Шатобріана въ томъ, «что онъ говоритъ, какъ республиканецъ, и что онъ вошелъ въ союзъ съ либералами, говоря языкомъ революціонныхъ писателей, которыхъ слышимъ съ ужасомъ изъ устъ Бенжамэна Констана, Карно и Гизо». «Это измѣнникъ,—говорили они,—о немъ можно сказать, что умирающій Баніаръ сказалъ о коннетаблѣ Бурбонскомъ: «Надо имѣть жалость къ вамъ, которые подымаютъ оружіе противъ своей родины и присяги». Виллель отомстилъ за себя, помѣшавъ Шатобріану войти въ министерство, способствуя учрежденію кабинета Мартиньяка. Благородный виконтъ былъ соприкосновененъ съ паденіемъ легетимистскаго королевства, но онъ остался совершенно индифферентнымъ. «Когда подведешь итогъ,—писалъ онъ,—то существуетъ ли какая вещь, для которой стоило бы вставать со своей постели. Ночью засыпаешь подъ шумъ паденія королевствъ, которыя каждое утро выметаютъ передъ нашими дверьми. Впрочемъ это не больше, какъ паденіе монархіи, и падетъ еще много другихъ».

— Воспоминанія графа Резэ. Въ Парижѣ вышли новые мемуары, именно графа Резэ [1]). Въ наше время, когда репортеры въ большой модѣ, эти мемуары должны имѣть большой успѣхъ, такъ какъ они носятъ характеръ скорѣе историческаго дневника. Почтенный дипломатъ не мечталъ написать эту книгу, а отъ времени до времени перелистывалъ тетрадь дневника въ интимномъ кругу своихъ друзей. Одинъ изъ нихъ, Робинэ-де-Клэри, рѣшился «не оставлять въ пыли архива всѣ эти свидѣтельства полезной и трудолюбивой жизни». Онъ помогалъ Резэ рыться въ архивахъ Брейльскаго замка и сотрудничалъ съ нимъ, такъ какъ Резэ, только подъ этимъ условіемъ, согласился на изданіе мемуаровъ. Теперь только оконченъ періодъ первоначальной карьеры графа Резэ, отъ 1840 года, то-есть его пребываніе въ Римѣ во время папы Григорія XVI, въ качествѣ состоящаго при посольствѣ, жизнь въ Туринѣ во время Карла-Альберта, какъ перваго секретаря посольства и уполномоченнаго въ дѣлахъ Франціи, во время Ломбардской войны, въ 1848—1849 г.г., и во время начала царствованія Виктора-Эммануила. Воспоминанія графа Резэ полны анекдотовъ. Въ первомъ томѣ онъ разсказываетъ анекдотъ о Кавурѣ, когда послѣдній еще не началъ своей карьеры. «Я слышалъ часто—говоритъ Резэ,—какъ разсказывала тогда герцогиня Клэрмонъ-Тоннеръ, что Кавуръ въ своей молодости былъ нѣкоторое время пажемъ короля, и что онъ покинулъ дворъ, который слѣдовалъ очень строгому испанскому этикету. Пажи, какъ извѣстно, на королевскихъ праздникахъ прислуживали королю, королевѣ, принцамъ и принцессамъ крови, другая служба имъ была запрещена. Эти юноши принадлежали всѣ къ высшему дворянству страны. Однажды

---

[1]) «Mes souvenirs», par comte Reiset. I vol. Paris. 1901.

вечеромъ, юный Камилъ де-Кавуръ вошелъ въ тронный залъ, держа подносъ съ замороженнымъ шербетомъ и поднесъ его королю, королевѣ, принцамъ и принцессамъ крови. Но въ тотъ моментъ, какъ онъ уходилъ, имѣя на подносѣ оставшіяся порціи шербета, къ нему приблизилась очень высокопоставленная личность и схватила мороженое съ подноса, который Кавуръ держалъ обѣими руками. Кавуръ выпрямился, взглянулъ гордо на «высокопоставленнаго», который совершенно пренебрегъ этикетомъ и уронилъ подносъ на паркетъ. Понятно, какой шумъ и суматоху произвелъ онъ, роняя позолоченный подносъ, уставленный стаканами и серебромъ. Поспѣшившій на шумъ церемоніймейстеръ сталъ бранить Кавура за его «неловкость», но послѣдній сказалъ ему, что сдѣлалъ это нарочно. Король и королева освѣдомились, въ чемъ дѣло; лакеи съ своей стороны бросились, чтобы поднять стаканы и вытереть пятна въ королевскомъ салонѣ, результатъ происшествія. Въ это время юный Кавуръ украдкой улизнулъ, заявивъ герцогу Паска, что онъ не хочетъ быть долѣе «слугою короля», и что высокопоставленная особа, взявшая мороженое, не имѣла на это права и насиловала такимъ образомъ всѣ правила и обычаи двора, и что послѣ этой выходки ему было позволено избавиться такимъ образомъ отъ подноса. Послѣ этой хитрости, ловко скомбинированной, которая дала ходъ рѣшенію, уже давно имъ принятому, поступить въ военную школу, Кавуръ, выказавшій въ шестнадцать лѣтъ заботу объ уваженіи своей личности и своего права, долженъ былъ позже внушать опасенія королю, которому онъ служилъ. «Викторъ-Эммануилъ, — писалъ Резэ, — страшно боялся Кавура». Резэ рисуетъ Виктора-Эммануила, еще бывшаго тогда герцогомъ Савойскимъ, не очень лестными красками. «Это былъ, по правдѣ сказать, добрый малый, но по складу и уму грубый. Его братъ, герцогъ Генуэзскій, напротивъ имѣлъ изящныя, прекрасныя манеры отца. Онъ очень хорошо учился, тогда какъ Викторъ-Эммануилъ никогда не могъ ничему научиться. Все его воспитаніе состояло въ фехтованіи и верховой ѣздѣ. Очень красивый герцогъ Генуэзскій былъ изящнымъ; Викторъ-Эммануилъ, приручающій самыхъ дикихъ лошадей, идя на нихъ, ничего не опасаясь, былъ толстый, грубый, всегда небрежно одѣтый. Герцогъ Савойскій приходилъ тайно ко мнѣ, отъ времени до времени, въ третій этажъ въ улицу Карла-Альберта. Однажды вечеромъ, незадолго передъ разрывомъ дипломатическихъ отношеній между Сардиніей и Неаполемъ, около 11 часовъ вечера, когда я уже легъ спать, и у меня сидѣлъ мой другъ графъ Лудольфъ, только что прибывшій въ Туринъ, какъ уполномоченный отъ Неаполя, раздался сильный звонокъ. Нѣсколько минутъ спустя, лакей доложилъ о г. Мартенѣ. Тогда я, обернувшись къ Лудольфу, объяснилъ, что мнѣ надо наединѣ переговорить о личномъ дѣлѣ съ этимъ французскимъ купцомъ. Но не дождавшись, чтобы его ввели, Мартенъ появился въ моей комнатѣ. У него была большая борода, его глаза блестѣли, а манеры были увѣренныя. Впрочемъ, онъ былъ плохо одѣтъ подъ зимнимъ пальто. Графъ Лудольфъ не могъ понять, зачѣмъ, въ такой поздній часъ, я принимаю дѣловыхъ людей, которые могутъ видѣть меня въ канцеляріи посольства. Хотя онъ былъ удивленъ моей манерой и затрудненіемъ, въ которое привелъ меня этотъ неожиданный визитъ, но онъ не всталъ, думая, что французскій путешественникъ не останется долго у меня, и что я отпущу его

скоро. Съ своей стороны, Мартенъ, разсчитывая, что въ этотъ часъ никого не встрѣтитъ у меня, казался изумленнымъ, увидавъ гостя. Оба смотрѣли внимательно другъ на друга. Мартенъ настаивалъ, чтобы я не вставалъ. Разговоръ завязался общій, и Лудольфъ не былъ расположенъ уйти; я не зналъ, что предпринять для его удаленія. Воспользовавшись моментомъ, когда Мартенъ грѣлъ ноги у камина, я сдѣлалъ знакъ Лудольфу приблизиться и тихо сказалъ ему. «Прошу тебя уйти; мнѣ необходимо переговорить съ купцомъ, такъ какъ онъ уѣзжаетъ сегодня ночью». Эти слова его сильно заинтриговали; онъ посмотрѣлъ на меня во всѣ глаза и улыбаясь пожалъ мнѣ руку. Онъ удалился, раскланиваясь съ Мартиномъ, который стоялъ, словно проглотивъ аршинъ. Когда мы убѣдились, что одни, то герцогъ Савойскій, сорвавъ парикъ и бороду, бросился ко мнѣ на шею». Изъ этого видно, какой симпатіей пользовался при дворѣ молодой дипломатъ, по прибытіи въ Туринъ. Поддерживая сношенія со всѣми государственными людьми, игравшими роль въ драматическихъ событіяхъ того времени, и будучи другомъ Карла-Альберта, оказывавшаго ему самое искреннее довѣріе, и котораго онъ сопровождалъ на поляхъ сраженій Ломбардіи, а также видѣлъ его погибель подъ Наварой, молодой дипломатъ могъ заносить мельчайшія историческія подробности въ свой дневникъ. Резэ видѣлъ трагическое отчаяніе короля, который присутствовалъ за придворными обѣдами молчаливый, убитый горемъ и вставалъ изъ-за стола, не разворачивая салфетки. Онъ упоминаетъ такъ же о Радецкомъ, когда послѣдній былъ въ Ломбардіи. «Самые красивые дворцы,—говоритъ авторъ воспоминаній,—были отданы грубому солдату, удовлетворявшему тамъ свои капризы, тогда какъ здоровыя казармы, прекрасно провѣтриваемыя, оставались пустыми. Въ великолѣпномъ дворцѣ графа Боромео былъ устроенъ госпиталь. Между мраморными колоннами варили супъ, стѣны же были испещрены гвоздями для солдатскихъ вещей. Съ методической австрійской дисциплиной гвозди вбивались прямыми линіями, и если встрѣчалась картина, то ее безпощадно пробивали. Между многими анекдотическими воспоминаніями забавенъ анекдотъ о Рашели, которую Резэ встрѣтилъ въ Руанѣ въ 1851 году. Разсказывая ему, что прусскій принцъ Карлъ произносилъ ея имя по-нѣмецки, Рашель прибавила: «Собственно говоря, я—не француженка; сердцемъ—француженка, да рожденная за границей. Въ одну прекрасную ночь меня родила бѣдная женщина въ Швейцаріи». Въ началѣ своей артистической карьеры Рашель не имѣла ни свѣтскихъ манеръ, ни воспитанія. Однажды ее пригласила къ себѣ на обѣдъ какая-то высокопоставленная дама. Не зная, какъ ей поступить, она спросила у актера Самсона, что дѣлаютъ въ подобномъ случаѣ. Послѣдній сказалъ ей: «Когда ничего не предстоитъ лучшаго, то принимаютъ предложеніе и отвѣчаютъ нѣсколькими строчками». Послушная и довѣрчивая Рашель тотчасъ отвѣтила дамѣ: «Конечно, пріѣду, такъ какъ мнѣ ничего не предстоитъ лучшаго».

— Суэзскій каналъ. Вышедшая недавно въ Парижѣ новая книга [1]) о Суэзскомъ каналѣ Шарля Ру, бывшаго делегата Марсельской коммерческой палаты, представляетъ большой интересъ. Тридцать пять лѣтъ тому назадъ онъ

---

[1]) L'isthme et le canal de Suez. Historique etat actuel, par Charles Roux. Paris. 1901.

былъ посланъ для осмотра работъ по прокладкѣ канала; въ настоящее же время онъ помощникъ предсѣдателя Суэзской компаніи. Эти обстоятельства достаточно говорятъ за цѣнность его разсказа и точность свѣдѣній. Кромѣ того, книга издана роскошно. Рядомъ съ планами, картами, помѣщены различныя гравюры, виды канала и его береговъ, а также портреты лицъ, заинтересованныхъ съ зарожденія египетской исторіи сообщеніемъ между двумя морями. Галлерея портретовъ начинается съ фараоновъ, муміи которыхъ очень вѣрно сфотографированы. Авторъ говоритъ, будто въ древности хранилась традиція, которую новѣйшая геологія подтвердила, что перешеекъ существовалъ не всегда, и что Красное море когда-то было соединено съ Средиземнымъ естественнымъ проливомъ. Владѣтели этой торговой страны, начиная съ Дарія и кончая греческой династіей Птоломеевъ, имѣли съ давнихъ поръ счастливую идею устроить между морями проходъ, цѣнный для навигаціи. Они были тогда ошибочно увѣрены, и эта ошибка длилась до XIX вѣка нашей эры, что уровень Краснаго моря былъ значительно выше не только Средиземнаго моря, но даже почвы Нижняго Египта. Опасаясь, чтобы прямой каналъ не произвелъ страшнаго наводненія, соединили Нилъ съ Краснымъ моремъ, а не съ Средиземнымъ. Засыпанный песками каналъ съ первыхъ дней Римской имперіи былъ очищенъ калифомъ Омаромъ въ эпоху, когда мусульманское завоеваніе согласовалось съ нѣкоторой заботой о промышленномъ прогрессѣ. Затѣмъ нашествіе варваровъ прекратило работы, и отъ высохшаго канала, наполовину засыпаннаго, остались лишь едва замѣтные слѣды для изыскателей. Воспоминаніе объ этомъ пережило разрушеніе, и идея, что сообщеніе можетъ быть возстановлено, продолжала существовать. Объ этомъ мечтали во время крестовыхъ походовъ, матеріальные успѣхи которыхъ увеличили мѣновую торговлю съ востокомъ. Венеція, сдѣлавшаяся метрополіей Средиземнаго моря, формально потребовала отъ египетскаго султана разрѣшенія исполнить за свой счетъ предпріятіе. Навѣрно дѣло состоялось бы, или, по крайней мѣрѣ, была бы попытка, если бы Васко де-Гама въ 1490 г. не обогнулъ мыса Доброй Надежды и не открылъ морского пути въ Индію. Этотъ путь былъ, конечно, длинный и опасный, но, позволяя европейскимъ судамъ путешествовать не разгружаясь, онъ избавлялъ купцовъ отъ пошлины, требуемой мусульманами Египта и Аравіи. Затѣмъ послѣдовала экономическая революція, и торговые суда Индіи проходили черезъ Атлантическіе порты. Въ концѣ XVI вѣка одинъ капитанъ-паша, Али, ренегатъ, вздумалъ прорыть каналъ за счетъ и для выгоды султана. Но хотя Франція, благодаря религіознымъ войнамъ, истощилась и была не въ состояніи поддержать свою восточную политику, но Али не хотѣлъ ничего предпринять, прежде чѣмъ сообщить французскому посланнику Генриха III и объяснить ему, какой громадный ущербъ принесетъ это предпріятіе испанскому могуществу. Извѣстно, что Лейбницъ проектировалъ относительно этого вопроса, и какъ онъ наканунѣ войны съ Голландіей внушалъ французскому королю отправиться лучше завоевывать Египетъ. На зарѣ XVIII вѣка, богатаго всевозможными теоретическими проектами, одинъ изъ экономистовъ, Савари, предложилъ проектъ прямого канала для соединенія двухъ морей, безъ помощи Нила. Онъ предполагалъ сдѣлать его, подобно Лангедокскому каналу, и объявилъ, что необходимо предварительное завоеваніе Египта Людовикомъ XIV. Но мар-

кизъ Аржансонъ мечталъ, чтобы каналъ принадлежалъ всѣмъ христіанскимъ народамъ; отношенія же въ то время между Франціей и Англіей были далеко не дружественныя, такъ какъ та и другая оспаривали Индію, и дѣйствительность была не подходящая для этого проекта. Наканунѣ революціи распространилась идея, что Египетъ будетъ для французовъ путемъ отмщенія англичанамъ въ Индіи. Но какого рода отмщеніе, еще не было извѣстно. Знали одно, что всеобщимъ желаніемъ было сорвать что нибудь въ Египтѣ и именно то, что нанесло бы ущербъ англичанамъ. Едва только учредительное собраніе отмѣнило торговыя привилегіи, какъ марсельскіе купцы, находившіеся въ Каирѣ, подхватили эту мысль и въ то же время обратились къ французскому правительству съ просьбою положить конецъ тираніи беевъ. Черезъ восемь лѣтъ Франція отозвалась на это воззваніе. Экспедиція Наполеона, хотя была непродолжительна и окончилась пораженіемъ, все-таки произвела во Франціи и Египтѣ сильное нравственное впечатлѣніе. «Все привлекало туда взоры и любопытство французовъ,— говоритъ авторъ—блескъ побѣдъ при пирамидахъ и Абукирѣ, необычайное положеніе этой арміи, блокированной въ покоренной странѣ, и возстановленіе древности, предъ которой преклонялись тогда ярые революціонеры». Побѣда надъ Египтомъ была въ мысляхъ Наполеона прелюдіей къ вторженію въ Индію, и орудіемъ этого долженъ былъ служить возстановленный каналъ. Рискуя затеряться въ пескахъ или затонуть въ лагунахъ, Наполеонъ хотѣлъ во что бы то ни стало пріѣхать верхомъ отъ Краснаго моря до Горькихъ озеръ, гдѣ находился прежній каналъ Птоломеевъ. Послѣ этихъ розысковъ, онъ поручилъ одному члену своего «Египетскаго института», главному инженеру Леперу, приступить къ техническому изученію. Послѣдній съ восемью помощниками провелъ нѣсколько дней на перешейкѣ, прерываемый лишь приближеніемъ бедуиновъ или недостаткомъ прѣсной, питьевой воды. Его труды окончились рапортомъ, въ которомъ онъ доказывалъ возможность возстановить каналъ. Но условія поспѣшности, съ которой ученая миссія должна была работать, не допускали исправить традиціонную ошибку относительно разницы уровня обоихъ морей. Потому Леперъ пришелъ къ заключенію сдѣлать каналъ со шлюзами, питаемый отведенной водой изъ Нила. Онъ былъ бы доступенъ лишь во время половодія, только семь или восемь мѣсяцевъ въ году. Первый еще разъ серіозно съ цифрами въ рукахъ ученый инженеръ объявилъ возможность этого предпріятія. Впослѣдствіи Наполеонъ на островѣ св. Елены не разъ указывалъ, насколько этотъ каналъ облегчилъ бы ему вторженіе въ Индію. Исторія Суэзскаго канала полна противорѣчій, и не послѣднюю роль игралъ въ ней Просперъ Анфантенъ, вслѣдствіе распущенія судомъ его маленькой Менильмонтанской общины, онъ отправился, въ сопровожденіи избранныхъ учениковъ, въ Египетъ, съ цѣлью возрожденія страны. Благодаря его личному таланту къ организаціи, Анфантенъ основалъ «Общество изысканій для прорытія Суэзскаго канала», состоявшее изъ англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ капиталистовъ и инженеровъ. Проектъ уже былъ выработанъ, когда явилась на сцену новая личность. Это былъ Фердинандъ Лессепсъ бывшій консулъ въ Барцелонѣ и Римѣ, который, живя уединенно въ отставкѣ, близко познакомился съ трудами Лепера о Суэзскомъ каналѣ.

Въ одинъ прекрасный день, онъ узналъ, что другъ его дѣтства, Магометъ-Саидъ, сдѣлался египетскимъ хедивомъ, и онъ отправился немедленно въ Египетъ, подъ видомъ поздравленія съ восшествіемъ на престолъ. Въ теченіе недѣли онъ очаровалъ своими разговорами новаго хедива и тогда прочелъ ему проектъ о Суэзскомъ каналѣ. Саидъ-паша пришелъ отъ послѣдняго въ восторгъ и 30 ноября 1853 г. подписалъ фирманъ, которымъ далъ исключительное право Лессепсу на прорытіе перешейка. Лессепсъ энергично принялся за дѣло, и ранѣе года явилась на мѣсто комиссія техниковъ. Одинъ изъ сторонниковъ Анфантена, инженеръ Талабо, доказалъ, что уровень морей Средиземнаго и Краснаго—одинаковъ. Воспользовавшись этими данными, комиссія Лессепса занялась избраніемъ мѣстности для удобнаго порта и остановилась на будущемъ портѣ Саидѣ. Такимъ образомъ соединеніе обоихъ морей прямымъ каналомъ было рѣшено, и Лессепсу осталось заняться финансовой стороною дѣла. Сначала онъ дѣйствовалъ заодно съ Анфантеномъ и его сторонниками, признавая ихъ заслуги въ дѣлѣ канала, но потомъ, боясь ихъ чрезмѣрнаго вмѣшательства въ предпріятіе, Лессепсъ рѣшилъ не допускать ихъ до управленія дѣломъ, подъ предлогомъ, что хедивъ не согласенъ на ихъ планъ канала. Что касается до Анфантена, то онъ не только не разгнѣвался на обманъ Лессепса, воспользовавшагося его предпріятіемъ, но прямо заявилъ, что дѣло не въ томъ, кто пророетъ каналъ, а чтобы онъ только былъ прорытъ. Не успѣвъ привлечь капиталистовъ, Лесеепсъ самъ смѣло объявилъ подписку на акціи компаніи Суэзскаго канала. Полный успѣхъ увѣнчалъ его предпріятіе, и въ 1859 г., въ день Пасхи, раздался первый ударъ лопаты на берегу Средиземнаго моря, гдѣ теперь оканчивается каналъ у порта Саида. Несмотря на этотъ матеріальный успѣхъ, Лессепсъ имѣлъ многихъ противниковъ, не только въ Англіи, но даже во Франціи, и его поддержало лишь покровительство императрицы, принца Наполеона и черезъ нихъ самого императора. Между тѣмъ умеръ Саидъ-паша, и его наслѣдникъ Измаилъ-паша поддавался отчасти проискамъ Англіи, которая всячески старалась противодѣйствовать французамъ, а отчасти уступалъ мѣстнымъ интересамъ. Поэтому онъ не оказывалъ такого стойкаго покровительства Лессепсу, какъ его предшественникъ. Наконецъ англичане придумали искусную уловку, основываясь на томъ, что по первоначальной концессіи хедивъ былъ обязанъ поставлять компаніи Суэзскаго канала нѣсколько тысячъ фелаховъ для работъ, по системѣ барщины. Англичане стали кричать, что Лессепсъ пользуется рабскимъ трудомъ. Это надѣлало много шуму и привело къ посредничеству Наполеона III, который также любилъ прикрываться гуманными фразами, а потому онъ рѣшилъ, что хедивъ не долженъ поставлять компаніи фелаховъ, а обязанъ ей уплатить за убытки. Это прекращеніе «барщины» едва не возбудило катастрофы, ибо рабочихъ рукъ нигдѣ въ Европѣ нельзя было найти, но Лессепсъ придумалъ замѣнить не достающихъ рабочихъ остроумными машинами, и дѣло пошло еще быстрѣе. 17 ноября 1869 г. въ задолго назначенный срокъ былъ открытъ каналъ съ необыкновеннымъ торжествомъ, въ присутствіи французской императрицы, австрійскаго императора, египетскаго хедива и множества именитыхъ гостей. Однако всѣ затрудненія не были еще окончены, и дѣла компаніи пошли такъ

плохо въ виду огромныхъ расходовъ, что послѣ франко-прусской войны едва не случилось банкротство Лессепса. Но новый заемъ и особенно необыкновенное увеличенiе торговли по каналу поставили на ноги дѣла компанiи. Однако Суэзской компанiи было суждено перенести ужасныя испытанiя и перейти въ руки злѣйшихъ своихъ враговъ англичанъ. Послѣ открытiя канала англичане вдругъ, со своимъ нахальнымъ цинизмомъ, превратились изъ враговъ въ ея друзей. Ясно было, что главными клiентами канала сдѣлаются англiйскiя суда, а потому, въ одинъ прекрасный день, англiйское правительство купило у хедива, Измаила-паши, всѣ его акцiи компанiи на сто миллiоновъ. Такимъ образомъ французское предпрiятiе, дѣтище Лессепса, оказалось подъ влiянiемъ Англiи, сдѣлавшейся самымъ крупнымъ акцiонеромъ компанiи Суэзскаго канала. Мало того, что Англiя прибѣгла къ этой искусной уловкѣ овладѣть Суэзскимъ каналомъ, она еще въ продолженiе девятнадцати лѣтъ распоряжается, какъ дома, во всемъ Египтѣ. Относительно канала судьба ей везетъ; въ послѣднiе годы торговля распространилась съ неимовѣрной быстротой и достигла такой цифры, о какой никогда не мечтали основатели. Во всѣхъ отношенiяхъ каналъ развился: такъ теперь онъ освѣщается ночью электрическимъ свѣтомъ, въ 18 часовъ переходятъ изъ одного моря въ другое, тогда какъ на этотъ путь требовалось прежде 48 часовъ, и вся цифра провозимаго по каналу товара достигла отъ 436.000 тоннъ до 10 миллiоновъ. Англичане играютъ первую роль въ Суэзской торговлѣ, а вторая выпадаетъ на долю нѣмцевъ, Францiя же стоитъ только на шестнадцатомъ мѣстѣ. Такова судьба предпрiятiя Лессепса.

— Смерть Абдурахмана и Ли-Хунъ-Чанга. Кончина Абдурахманъ-хана, эмира афганскаго, произвела особенно въ Англiи сильное впечатлѣнiе. Не только въ газетахъ всѣхъ странъ, но и въ англiйскихъ журналахъ появились безчисленныя статьи объ его политической дѣятельности. Между послѣдними, особенное вниманiе заслуживаютъ двѣ статьи въ ноябрьской книжкѣ, «Fortnightly Rewiew», сэра Лепеля Гриффина и полковника Ганна. Конечно, какъ эти обѣ статьи, такъ и автобiографiя эмира, вышедшая въ прошедшемъ году, а также газетные некрологи даютъ намъ полное понятiе о покойномъ эмирѣ. Это была, во всякомъ случаѣ, картинная и замѣчательная личность. По словамъ англичанъ, не только въ Азiи, но и въ Европѣ трудно найти такого энергичнаго и мужественнаго государя. Управляя страною-буферомъ, между Россiей и Англiей, онъ ловко, въ теченiе своего двадцатипятилѣтняго царствованiя, сохранялъ равновѣсiе между обоими государствами, хотя и были у него стычки съ тѣми и съ другими. Находясь въ послѣднiе годы подъ влiянiемъ Англiи, онъ, однако, сохранялъ мирныя отношенiя съ Россiей и сопротивлялся воинственнымъ стремленiямъ Англiи. Абдурахманъ скончался въ цвѣтѣ лѣтъ для азiатскаго повелителя: ему было 63 года, потому что онъ родился, по словамъ лично его знавшаго сэра Лепеля Гриффина, въ 1838 г. Онъ былъ внукомъ великаго эмира Доста-Магомета, послѣ котораго наступили продолжительныя междоусобiя, прекратившiяся лишь съ восшествiя на престолъ Абдурахмана. Во время этой междоусобной войны отличился юный Абдурахманъ, и, благодаря его побѣдамъ, низвергнутъ

былъ Ширъ-Али, а сдѣлался эмиромъ отецъ Абдурахмана, Азимъ-Ханъ. Однако этимъ борьба не кончилась. Снова Ширъ-Али одержалъ верхъ, и Абдурахманъ бѣжалъ въ Хиву и Бухару, гдѣ обратился къ туркестанскому генералъ-губернатору съ просьбой объ оказаніи ему помощи. Въ этомъ ему было отказано, но заявлено согласіе, чтобы онъ жилъ въ Ташкентѣ и получалъ 18.000 рублей. Въ 1879 г. умеръ эмиръ Ширъ-Али, и Абдурахманъ выѣхалъ изъ Россіи, чтобы овладѣть афганскимъ престоломъ. Въ это время англичане уже успѣли захватить Кабулъ, но узнавъ, что Абдурахманъ, пользуясь славой великаго полководца, собираетъ со всѣхъ сторонъ громадную армію, вошли съ нимъ въ переговоры и вывели свои войска изъ Кабула. Въ слѣдующемъ году Абдурахманъ сдѣлался эмиромъ и поставилъ цѣлью своего царствованія сохранить миръ со всѣми государствами. Онъ вполнѣ осуществилъ эту задачу главнымъ образомъ относительно своихъ могущественныхъ сосѣдей Англіи и Россіи. Конечно, ему пришлось не только сначала бороться съ англичанами, но и выдержать натискъ русскихъ войскъ на Кушкѣ. Но въ послѣдніе годы онъ искусно поддерживалъ нейтралитетъ своего государства и предался всецѣло устроенію на европейскій манеръ Афганистана. Онъ ввелъ улучшенную военную систему и обезпечилъ своимъ подданнымъ правильное судопроизводство и администрацію. Однимъ словомъ, англичане увѣряютъ, что онъ путемъ войны вывелъ Афганистанъ изъ хаоса и водворилъ въ немъ порядокъ. Поэтому въ Англіи очень боятся его наслѣдника, старшаго сына, Хаббибуллу-хана, молодого человѣка, очень добродушнаго и сына рабыни. Онъ считается сторонникомъ Россіи, а англичане поддерживаютъ его брата Насрулла-хана, который очень энергичный юноша и сынъ царевны. Такимъ образомъ, новому эмиру грозятъ междоусобія, тѣмъ болѣе, что ни одно царствованіе въ Афганистанѣ не обходилось сначала безъ кровопролитія.

7-го ноября скончался первый государственный дѣятель Китая, Ли-Хунъ-Чангъ, прозванный восточно-азіатскимъ Бисмаркомъ. Уже давно, онъ сильно опускался въ физическомъ отношеніи. Его необыкновенно высокая фигура сгорбилась, его лѣвый глазъ почти не видѣлъ, и все лице выражало какую-то неподвижность, вслѣдствіе паралича. Но до послѣдней минуты онъ сохранялъ свой ясный умъ, и послѣднимъ актомъ его государственной дѣятельности было установленіе основныхъ условій очищенія русскими Манчжуріи. Онъ родился въ 1823 г. въ Сенъ-Чу, и его происхожденіе было самое скромное. Онъ былъ чистымъ китайцемъ и не имѣлъ ни капли манчжурской крови, что очень не нравилось императрицѣ, хотя онъ былъ ея любимцемъ. Отецъ его бѣдный, но образованный человѣкъ далъ ему хорошее воспитаніе, и онъ выдержалъ въ 1848 г. блестяще высшій государственный экзаменъ. Черезъ пять лѣтъ, во время возстанія таэ-пинговъ, онъ сдѣлался главою небольшой группы вліятельныхъ людей. Это было началомъ его популярности. Одинъ изъ могущественныхъ губернаторовъ провинціи взялъ его къ себѣ секретаремъ, а въ 1861 году онъ былъ назначенъ губернаторомъ провинціи Че-Кіангъ, а потомъ Кіангъ-Су. Спустя 11 лѣтъ, мы видимъ Ли-Хунъ-Чанга уже первымъ министромъ имперіи. Онъ подписалъ трактатъ въ Че-Фу съ Англіей, который установилъ дипломатическія отношенія Китая къ Европѣ и

основалъ китайское посольство въ Парижѣ и Лондонѣ. Съ тѣхъ поръ Ли-Хунъ-Чангъ игралъ роль вдохновителя китайской политики относительно Европы и искренно заботился поддерживать миръ между Востокомъ и Западомъ. Въ 1884 г. онъ получилъ высшее военное назначеніе и потомъ заключилъ съ Франціей трактатъ относительно Тонкина. Вслѣдъ за этимъ онъ былъ сдѣланъ вице-королемъ Чили и главнымъ директоромъ торговли. Тогда онъ достигъ апогея своего величія. На короткіе промежутки времени этотъ Ришелье Дальняго Востока терпѣлъ опалу и, лишившись всѣхъ своихъ почестей, едва не былъ казненъ, но вскорѣ снова сдѣлался всесильнымъ. Послѣ несчастной войны съ Японіей въ 1895 г. онъ отправился къ побѣдителямъ и заключилъ миръ на сколько возможно менѣе убыточныхъ условіяхъ. Въ это время въ Симоносаки какой-то японецъ покусился на его жизнь, и пуля пробила ему челюсть. Оправившись отъ покушенія, онъ былъ посланъ въ Россію во главѣ чрезвычайнаго посольства и заключилъ русско-китайское соглашеніе, которое, впослѣдствіи, имѣло такую важность. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ посѣтилъ всѣ главныя столицы Европы. Съ Бисмаркомъ онъ имѣлъ памятную бесѣду о томъ, какъ устроить и обезопасить могущество государства, и увѣрялъ его, что этотъ вопросъ разрѣшенъ Конфуціемъ въ нѣсколькихъ словахъ. Во Франціи его особенно удивило, что нѣкоторые первые министры были люди бѣдные, тогда какъ онъ, управляя государствомъ, нажилъ громадное состояніе, дѣлающее его самымъ богатымъ человѣкомъ въ свѣтѣ. Въ теченіе послѣднихъ событій онъ игралъ, какъ всегда, первую роль и послѣ роковой для Китая катастрофы заключилъ миръ съ Европой. Однако, при этомъ англичане упрекали его за норовленіе франко-русскимъ интересамъ.

СМѢСЬ.

ПАМЯТНИКЪ Авраамію Палицыну. 13-го сентября исполнилось 275 лѣтъ со дня кончины достопамятнаго келаря Свято-Троицкой Сергіевой лавры Авраамія Палицына. День этотъ ознаменовался въ Соловецкомъ монастырѣ освященіемъ новаго памятника на могилѣ этого великаго дѣятеля, оказавшаго общеизвѣстныя услуги православію и Русской землѣ въ тяжкую годину междуцарствія. Двѣсти лѣтъ неизвѣстно было даже мѣсто погребенія Палицына; только въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, при разборкѣ Соловецкаго архива, выяснилось, что великій русскій патріотъ умеръ въ ссылкѣ въ этомъ монастырѣ, коего былъ постриженникомъ; наконецъ, въ восьмидесятыхъ годахъ случайно найдена и самая могила со вросшею въ землею, расколовшеюся плитой, изъ полуистертой надписи на которой видно было, что здѣсь погребенъ Палицынъ; до послѣдняго времени плита эта закрыта была желѣзнымъ чехломъ. Поставленный новый памятникъ, сооруженный усердіемъ мѣстнаго настоятеля съ братіей, представляетъ гробницу изъ сѣраго гранита, на каменномъ трехступенномъ помостѣ; надъ гробницей возвышается желѣзная сѣнь на чугунныхъ колонкахъ, увѣнчанная крестомъ. Въ верхней части гробницы высѣчена слѣдующая надпись: «На семъ мѣстѣ погребенъ великій старецъ Авраамій Палицынъ, знаменитый келарь Троицкой Сергіевой лавры, бывшій постриженникъ Соловецкій, проведшій послѣднія семь лѣтъ жизни на покоѣ въ сей обители и скончавшійся блаженно сентября 13 дня 1626 года. Миръ праху твоему, доблестный защитникъ лавры Сергіевой и съ нею всей земли Русской». Въ возглавіи надпись: «Вѣчная память тебѣ, достославный инокъ

и ратоборецъ за родную землю—Русь православную». Въ подножіи: «Достопамятному иноку Авраамію Палицыну отъ архимандрита Іоанникія съ братіею». На сторонѣ гробницы, обращенной къ двору обительскому, читается: «Въ смутное время междуцарствія, когда Россіи угрожало иноземное владычество, ты мужественно ополчился за свободу отечества и явилъ безпримѣрный подвигъ въ жизни русскаго монашества. Какъ смиренный инокъ, ты безмолвною стезей достигъ предѣла жизни и сошелъ въ могилу, не увѣнчанный побѣдными лаврами. Вѣнецъ тебѣ на небесахъ, незабвенная память твоя въ сердцахъ благодарныхъ сыновъ отечества, тобой освобожденнаго съ Мининымъ и Пожарскимъ».

Чествованіе памяти Бортнянскаго. 28 сентября, по случаю 150-лѣтія со дня рожденія Д. С. Бортнянскаго, торжественно чествовалась память этого русскаго композитора духовной музыки. Въ главномъ соборѣ Смоленскаго кладбища, гдѣ похороненъ Бортнянскій, была совершена заупокойная литургія и панихида. Службу совершалъ завѣдующій придворнымъ духовенствомъ, духовникъ ихъ величествъ протопресвитеръ І. Л. Янышевъ соборнѣ. За богослуженіемъ пѣла въ полномъ составѣ придворная пѣвческая капелла, раздѣленная на два клироса—подъ управленіемъ С. А. Смирнова и Е. С. Азѣева, при чемъ «Единородный Сыне», «Херувимская» (№ 7) и «Достойно есть» были исполнены композиціи Бортнянскаго, а вмѣсто запричастнаго стиха художественно былъ пропѣтъ одинъ изъ лучшихъ концертовъ Д. С. Бортнянскаго: «Скажи мнѣ, Господи, кончину мою». Во храмѣ находились воспитанники регентскаго и инструментальнаго классовъ при капеллѣ со своимъ начальствомъ во главѣ, съ директоромъ капеллы С. Смоленскимъ (недавно переведеннымъ изъ Москвы). Къ сожалѣнію, представители музыкальнаго міра отсутствовали, хотя почитателей памяти Бортнянскаго, пожелавшихъ послушать дивное пѣніе капеллы, было такъ много, что многимъ пришлось стоять около храма. Въ концѣ панихиды духовенство, сопровождаемое массой народа, прослѣдовало на могилу композитора, скромно увѣнчанную памятникомъ, на который возложено было нѣсколько вѣнковъ отъ капеллы, хора Исаакіевскихъ пѣвчихъ и администраціи кладбища. На могилѣ была совершена литія, при чемъ предъ провозглашеніемъ «вѣчной памяти» директоръ капеллы г. Смоленскій произнесъ нѣсколько теплыхъ словъ о заслугахъ Бортнянскаго, питомца и перваго директора капеллы, въ области духовно-музыкальнаго творчества, а также въ дѣлѣ усовершенствованія придворной капеллы. Вечеромъ въ тотъ же день, въ залѣ капеллы въ честь Бортнянскаго было устроено музыкальное собраніе. На эстрадѣ возвышался бюстъ виновника торжества, красиво декорированный тропическими растеніями; тутъ же на нѣсколькихъ пюпитрахъ были разложены автографы—музыкальныя произведенія Бортнянскаго, а также сохранившіеся въ архивѣ капеллы документы о немъ. Послѣ краткой рѣчи г. Смоленскаго о заслугахъ Д. С. Бортнянскаго, хоромъ капеллы были исполнены «Коль славенъ», «Достойно есть», «Херувимская» № 7; рондо изъ оперы «Квинтъ Фабій» (1779 г.)—оркестромъ учениковъ инструментальнаго класса. Особенно замѣчательно было исполненіе концертовъ—«Господи, Силою Твоею возвеселится Царь» и «Тебе Бога хвалимъ».

Чествованіе В. О. Ключевскаго. 21-го октября, историко-филологическій факультетъ Московскаго университета привѣтствовалъ заслуженнаго профессора В. О. Ключевскаго, по случаю исполнившагося тридцатилѣтія его профессорской дѣятельности, адресомъ слѣдующаго содержанія: «Глубокоуважаемый Василій Осиповичъ! Въ нынѣшнемъ году исполнилось тридцатилѣтіе вашей дѣятельности профессора. Первыя восемь лѣтъ работы ваши принадлежатъ другому учрежденію, но уже въ это время ваши курсы лекцій пріобрѣли извѣстность, и Московскій университетъ встрѣчалъ васъ съ большими и опредѣленными ожиданіями, когда въ 1879 году вы вступили въ его среду. Какъ ни ясно великое значеніе вашей профессорской дѣятельности всѣмъ, кто былъ ея свидѣтелемъ, ей трудно найти достаточную оцѣнку. Ваши курсы лекцій представляли совершенно новое слово въ области преподаванія русской исторіи. Вы впервые внесли въ изученіе и изображеніе ея широкій соціально-историческій методъ. Вы дали изумительныя по яркости и отчетливости характеристики общественнаго строенія различныхъ эпохъ русской исторіи, и на этой основѣ подъ руками вашими подробно и ясно размѣщались сложныя и разнообразныя явленія русскаго прошлаго. Но еще гораздо дальше шло воздѣйствіе ваше: вашъ методъ, ваши строенія вліяли на общее историческое пониманіе, и въ этомъ отношеніи послѣдующія поколѣнія историковъ учились у васъ. Содѣйствовало этому и самое разнообразіе лекцій, читавшихся вами: помимо общаго курса, который въ различныхъ частяхъ охватывалъ весь ходъ, всѣ эпохи русской исторіи, вы вели занятія по толкованію юридическихъ памятниковъ, читали исторію сословій, особый курсъ, посвященный объясненію исторической терминологіи, и, наконецъ, общій теоретическій курсъ, излагавшій развитіе и смѣну главнѣйшихъ историческихъ формъ. Но вы не только учили общимъ историческимъ пріемамъ, вы не только давали оригинальное освѣщеніе всего процесса русской исторіи, вы съ удивительнымъ искусствомъ руководили занятіемъ и спеціальнымъ изученіемъ отдѣльныхъ вопросовъ, разработкой источниковъ, раскрывая передъ слушателями неподражаемые образцы тонкаго и глубоко-проницательнаго анализа историческихъ документовъ. Всѣ эти замѣчательныя свойства дарованія вашего могли проявиться съ полною силой, благодаря еще одному исключительному качеству: это—даръ необычайнаго художественнаго творчества, это—мѣткое слово, тонкая передача оттѣнковъ изображенія, яркія общія картины, изложеніе прозрачно-ясное, рѣчь артистическая, чарующая и приковывающая вниманіе. Далеко за предѣлы нашего университета распространяется вліяніе ваше, какъ профессора. Ваши многочисленные ученики проводятъ въ своемъ преподаваніи созданныя въ лекціяхъ вашихъ опредѣленія, группировки и толкованія. Содержаніе вашихъ курсовъ, хотя и не изданныхъ, знакомо, благодаря записямъ, множеству образованныхъ людей во всей Россіи. Ваши замѣчанія и характеристики, отдѣльныя крылатыя слова и выраженія—въ устахъ у многихъ и многихъ. У васъ учатся, вашею просвѣтительною силой питаются широкіе круги русскаго общества, а гордимся этою славой прежде всего мы, ваши сотоварищи по факультету. Глубоко радуясь, что мы имѣемъ васъ, Василій Осиповичъ, въ своей средѣ, мы привѣтствуемъ въ васъ выдающагося ученаго, раскрывшаго въ

своей университетской дѣятельности всѣ силы своего необыкновеннаго таланта и все обиліе своихъ обширныхъ познаній, мы привѣтствуемъ въ васъ замѣчательнаго учителя и направителя цѣлыхъ поколѣній историковъ, мы привѣтствуемъ въ васъ профессора-художника, обладающаго чудеснымъ даромъ истинно-живого слова, и мы сходимся въ одномъ горячемъ пожеланіи, чтобы вы еще многіе годы оставались среди насъ, въ полномъ обладаніи вашихъ прекрасныхъ силъ, продолжая вашу глубоко-плодотворную и высоко-талантливую работу». Адресъ былъ поднесенъ юбиляру на его квартирѣ, куда собрались члены факультета, съ деканомъ профессоромъ А. И. Кирпичниковымъ во главѣ. Юбиляръ горячо благодарилъ товарищей за привѣтствіе. Черезъ нѣсколько дней въ стѣнахъ университета чествовали профессора студенты. Въ одной изъ аудиторій, переполненной какъ слушателями юбиляра, такъ и студентами другихъ факультетовъ, при дружныхъ и нескончаемыхъ аплодисментахъ былъ прочитанъ слѣдующій адресъ отъ студентовъ историко-филологическаго факультета:

«Глубокоуважаемый Василій Осиповичъ! Со всѣхъ концовъ Россіи, изъ самыхъ глухихъ и отдаленныхъ ея уголковъ стремится молодежь въ Московскій университетъ, съ давнихъ поръ увѣнчанный ореоломъ научной славы. Каѳедрѣ русской исторіи принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ созданіи этого свѣтлаго и обаятельнаго ореола, и ваше имя, какъ достойнѣйшаго ея представителя, уже много лѣтъ привлекаетъ учащееся юношество въ родной университетъ. Невѣдомо гдѣ и когда запечатлѣнныя невидимою рукой, ваши лекціи жадно читаются тамъ, гдѣ только начинаетъ сильнѣе биться пульсъ общественнаго самосознанія. Вашихъ лекцій ждутъ тамъ, какъ желанной вѣсти, какъ откровенія. Вотъ почему въ вашей аудиторіи собираются студенты всѣхъ курсовъ, всѣхъ факультетовъ: передъ вашей каѳедрой, забывая свои спеціальные интересы, они чувствуютъ себя единой, молодой, проснувшейся Россіей, смѣло глядящей въ прошлое затѣмъ, чтобы еще смѣлѣе смотрѣть на будущее. Съ первыхъ, робкихъ шаговъ изученія исторіи родной страны вы указывали намъ на ея глубокій научный интересъ и тонкимъ проникновеннымъ анализомъ строившихъ ее силъ вели насъ въ тѣ области науки—исторіи, гдѣ узкія, несложныя сначала теченія жизни отдѣльныхъ народовъ сливаются въ одинъ широкій и стройный всемірный потокъ, и гдѣ эта наука—исторія—стоитъ передъ созданіемъ законовъ. Въ художественныхъ и яркихъ образахъ, съ удивительною ясностью и простотой вы воскрешали передъ нами жизнь отжившихъ поколѣній и миновавшихъ эпохъ: часто однимъ жестомъ, одною интонаціей голоса вы умѣли живо освѣтить такъ историческія перспективы, что, пораженные силою свѣта, мы долго съ недоумѣніемъ и восторгомъ, съ чувствомъ внезапно прозрѣвшаго человѣка, взирали на далекую дѣйствительность, такъ еще недавно лишенную для насъ всякаго смысла и значенія. Слушая васъ, мы съ радостью замѣчали, какъ послѣ долгихъ и тщетныхъ блужданій ощупью, послѣ многихъ безплодныхъ попытокъ, потраченныхъ нами, чтобы разобраться въ окружающемъ и далекомъ прошломъ нашей родины, рѣдѣетъ передъ нашими глазами таинственный и сказочный сумракъ, и изъ глубины вѣковъ возстаетъ образъ за образомъ, принимая живыя очертанія: такъ человѣкъ, блуждавшій по незнакомой дорогѣ томительную долгую ночь, превращавшую

въ странный призракъ даже неподвижные придорожные камни, при первомъ проблескѣ утра спокойно оглядывается на пройденный путь и бодро ступаетъ впередъ, ясно различая окружающіе предметы. Ваша глубокая мысль, освѣщая передъ нами, какъ яркій лучъ, далекіе горизонты, зажигала въ нашей душѣ слабо теплившіяся до тѣхъ поръ чувства гражданина, и, покидая вашу аудиторію, мы всякій разъ уносили съ собою искреннія чувства сердечной благодарности тому человѣку, который, уча насъ тому, какъ строится общество, училъ, и какъ его строить. Но вы учили насъ не только понимать исторію, вы учили и учить исторіи: ваши чтенія навсегда останутся для насъ недосягаемыми педагогическими образцами,—такъ ясно и просто умѣете вы поставить и разрѣшить любой, самый запутанный вопросъ, такъ умѣете всегда держать въ рукахъ вашу аудиторію, легко и незамѣтно поддерживая вниманіе. Глубоко понимая и чувствуя на себѣ все значеніе вашей могучей научной мысли и вашего несравненнаго педагогическаго и художественнаго таланта, мы позволяемъ себѣ отъ всей души выразить пожеланіе, чтобы еще долгіе и долгіе годы учащееся юношество, вступая въ стѣны перваго русскаго университета, встрѣчало васъ своимъ руководителемъ на пути изученія прошлаго и настоящаго родной страны».

Въ отвѣтъ на прочитанное привѣтствіе В. О. Ключевскій произнесъ приблизительно такую рѣчь: «Всего прежде, господа, сердечно отъ всей души благодарю васъ за привѣтствіе, только что мною выслушанное. Я не знаю, достаточнымъ ли поводомъ оно вызвано. Я преподаю давно и все-таки не знаю, есть ли здѣсь достаточныя причины для этого добраго привѣтствія, которымъ вы сейчасъ черезъ одного изъ своихъ товарищей меня удостоили. Но я знаю, за что я васъ благодарю, и сейчасъ скажу вамъ это. Университетское преподаваніе требуетъ отъ каѳедры и отъ аудиторіи немного взаимнаго пониманія и сочувствія. Я преподаю предметъ, который требуетъ этого больше многихъ другихъ; это—предметъ съ тяжелымъ содержаніемъ и, повидимому, даже дающій мало образовательной пищи для ума и сердца. Да, я преподаю давно и чѣмъ дольше преподавалъ я, тѣмъ больше угнетала меня одна тяжелая мысль. Передъ моими глазами тридцать разъ измѣнялся составъ моей аудиторіи, и я, какъ старая береговая ива съ разъ задумчиво опущенными вѣтвями, стою передъ этимъ непрерывнымъ потокомъ поколѣній,— стою, стою и думаю: да понимаю ли я эти ежегодно смѣняющіяся толпы русской молодежи, проходящія мимо меня черезъ университетъ на служеніе отечеству и человѣчеству, отвѣчаю ли я на ея нужды и запросы, не отсталъ ли я отъ нея такъ, чтобы уже перестать быть ей понятнымъ? Вотъ этотъ вопросъ много лѣтъ и мучилъ меня. Ваше доброе привѣтствіе снимаетъ тяжелый камень съ моего сердца. Я понялъ его такъ. Вы хотѣли сказать мнѣ, что я еще не настолько отсталъ отъ васъ, чтобы перестать быть вамъ понятнымъ; что во мнѣ, человѣкѣ совсѣмъ другого, далекаго отъ васъ поколѣнія, вы продолжаете видѣть своего современника, что, ставъ сверхштатнымъ по уставу, я еще не сталъ лишнимъ для своей аудиторіи. Вотъ какъ я понялъ ваше привѣтствіе. Но здѣсь я сдѣлаю небольшую оговорку. Я не могу принять выраженное мнѣ вами на свой счетъ. Сочувствіе наклонно преувеличивать, особенно сочувствіе студенчества, и ваше привѣтствіе многое во мнѣ преувеличило, если не все. Самъ по себѣ я профессоръ, по

древне-русскому выраженію, «обышный», заурядный, обыкновенный, самый обыкновенный изъ обыкновенныхъ, и если вы въ моемъ преподаваніи замѣчаете проблески того, что вамъ освѣщаетъ потемки, то не забудьте, господа, что это не мое, что я свѣчу чужимъ, заимствованнымъ свѣтомъ. Въ 1861 году я студентомъ вступилъ въ Московскій университетъ и съ тѣхъ поръ вотъ уже сорокъ лѣтъ не перестаю жить одною съ нимъ жизнью. Я послѣдній, младшій ученикъ Соловьева, я не засталъ здѣсь его старшаго товарища и друга Грановскаго, но сочиненія Грановскаго были одною изъ первыхъ историческихъ книгъ, изученныхъ мною при выходѣ изъ дѣтства. Моимъ преподавателемъ всеобщей исторіи былъ Ешевскій, старшій ученикъ ихъ обоихъ. Многообразными нитями я связанъ съ лучшими преданіями нашего университета и до сихъ поръ храню ихъ, какъ свою завѣтную профессорскую святыню. Вотъ откуда падаетъ на меня свѣтъ, который помогаетъ мнѣ оріентироваться, а иногда, можетъ быть, и васъ оріентировать въ темныхъ преданіяхъ нашего тусклаго историческаго прошедшаго. Вотъ этимъ-то свѣтомъ и освѣщается коренной завѣтъ, который хранится, воспріемлется и исповѣдуется въ нашемъ университетѣ. Свободная научная мысль,—вотъ что̀ написано на скрижали этого завѣта. Эту скрижаль мы всѣ, профессоры Московскаго университета, не уронивъ, донесли до васъ, а вы, господа, бережно передадите ее поколѣніямъ, грядущимъ вамъ на смѣну. Простите, что я не могъ короче высказать вамъ своихъ чувствъ, и еще разъ сердечно благодарю васъ за вашъ добрый адресъ, которымъ вы такъ незаслуженно съ моей стороны озарили меркнувшій конецъ моей профессорской работы. Еще разъ благодарю васъ». Чтеніе адреса и отвѣтъ юбиляра были покрыты продолжительными и горячими рукоплесканіями. Адресъ поднесенъ въ роскошной папкѣ. Передъ текстомъ нарисованъ портретъ В. О. Ключевскаго, и аллегорически въ видѣ отдѣльныхъ эпизодовъ изображенъ ходъ всей русской исторіи.

Юбилей профессора Д. А. Корсакова. 16 сентября исполнилось тридцатилѣтіе ученой дѣятельности заслуженнаго профессора Казанскаго университета, Дмитрія Александровича Корсакова. Постоянные читатели «Историческаго Вѣстника» хорошо знакомы съ многими изъ его трудовъ, такъ какъ Д. А. принадлежитъ къ числу давнихъ и постоянныхъ сотрудниковъ нашего журнала съ самаго его основанія. Мы не дѣлаемъ ихъ оцѣнки, потому что не можемъ ничего прибавить къ той извѣстности, которой Д. А. пользуется, какъ глубокій знатокъ русской исторіи, понимающій науку въ самомъ высокомъ ея смыслѣ и честно послужившій ей въ столь долгій періодъ времени. Сознавая важныя обязанности историка въ отношеніи современнаго общества, Д. А. и въ своихъ трудахъ, и на университетской каѳедрѣ, и въ своей общественной дѣятельности, какъ гласный земства, всегда смѣло и откровенно высказывалъ свои взгляды, отличающіеся широтой, ясностью и обширной эрудиціей. Живость и талантливость изложенія способствовали его популярности, какъ среди читателей, такъ и среди его многочисленныхъ слушателей, въ которыхъ онъ умѣлъ возбуждать интересъ къ наукѣ и направлять къ знаніямъ, не стѣсняя ихъ личной свободы.

Въ день юбилея, къ двумъ часамъ дня, въ квартиру юбиляра собрались: ректоръ университета Д. И. Дубяго, историко-филологическій факультетъ во

главѣ съ старѣйшимъ членомъ факультета профессоромъ Д. И. Нагуевскимъ, деканъ Ѳ. М. Суворовъ, профессоры: М. Я. Капустинъ, А. В. Васильевъ, К. М. Леонтьевъ, Г. Ф. Шершеневичъ и нѣкоторые другіе, деректоры—императорской гимназіи и реальнаго училища, инспекторъ татарской учительской школы М. Н. Пинегинъ, нѣкоторые преподаватели средне-учебныхъ заведеній, бывшіе ученики юбиляра, и нѣсколько студентовъ историко-филологическаго факультета.

Первымъ привѣтствовалъ юбиляра отъ университета ректоръ Д. И. Дубяго, который въ теплыхъ словахъ указалъ, какъ на отличительныя черты научныхъ заслугъ юбиляра, преимущественно въ области мѣстныхъ историческихъ изслѣдованій, такъ и на его дѣятельность, какъ члена университетской корпораціи, въ рядахъ которой онъ пожелалъ видѣть юбиляра еще много лѣтъ.

Вслѣдъ затѣмъ отъ историко-филологическаго факультета привѣтствовалъ Д. А. Корсакова профессоръ Д. И. Нагуевскій слѣдующими словами: «Глубокоуважаемый Дмитрій Александровичъ! Историко-филологическій факультетъ постановленіемъ своимъ отъ 12 сего сентября опредѣлилъ: привѣтствовать васъ in corpore въ сегодняшній знаменательный для васъ день 30-лѣтняго плодотворнаго служенія императорскому Казанскому университету. Поздравляя васъ съ этимъ рѣшеніемъ ученой корпораціи, я прошу васъ выслушать слѣдующій адресъ факультета:

«Глубокоуважаемый Дмитрій Александровичъ!

«Сегодня исполнилось тридцать лѣтъ вашего служенія университету, и историко-филологическій факультетъ считаетъ своимъ долгомъ привѣтствовать васъ въ этотъ знаменательный день. Вы занимали въ теченіе 30 лѣтъ отвѣтственную каѳедру русской исторіи долгое время совмѣстно съ своимъ покойнымъ учителемъ Н. А. Ѳирсовымъ. Факультетъ былъ бы признателенъ вамъ за долголѣтнюю дѣятельность даже въ томъ случаѣ, если бы вы только раздѣляли трудъ старшаго представителя каѳедры, но ваша роль въ исторіи каѳедры опредѣляется не этимъ. Въ вашемъ лицѣ и въ лицѣ покойнаго Николая Алексѣевича историко-филологическій факультетъ располагалъ представителями двухъ научныхъ направленій, которыя большой публикѣ представлялись еще недавно исключающими другъ друга. Вниманіе вашего учителя сосредоточивалось на жизни русской народной массы, на эволюціи ея соціально-экономическихъ отношеній; въ этихъ отношеніяхъ онъ искалъ источника явленій, совершавшихся въ сферѣ политическаго государственнаго развитія. Вы вносили въ картину, которая развертывалась предъ умственнымъ взоромъ общихъ вашихъ слушателей, новые элементы—вы выдвигали роль, которая въ процессѣ русскаго историческаго развитія выпадала на долю личности съ ея правовыми интересами, съ ея стремленіями завоевать нормальныя условія существованія; вы показывали, какъ у лучшихъ представителей русскаго общества эти основные интересы личности пробивались сквозь классовые интересы боярства или шляхетства, какъ сочетались они съ правовыми идеями, проникавшими въ русское сознаніе съ Запада; съ точки зрѣнія этихъ интересовъ вы оцѣнивали дѣятельность государства, ея такія напряженныя эпохи, какъ реформа Петра. Собирая свой матеріалъ, вы съ любовью останавливались надъ забытыми могилами

и стремились раскрыть роль традицій, которыя воспитываютъ личность, соединяя одно поколѣніе съ другимъ. Направляя въ эту область явленій свою дѣятельность, вы дѣлали не только научное, но и воспитательное дѣло, и факультетъ можетъ только выразить сердечное пожеланіе, чтобы вы еще долго могли дѣлать это дѣло съ каѳедры и перомъ».

Затѣмъ обратился съ привѣтствіемъ къ юбиляру одинъ изъ его первыхъ слушателей—ординарный профессоръ А. С. Архангельскій, который, вспоминая времена своего студенчества, указалъ на теплыя отношенія Д. А. Корсакова къ академической молодежи, которой онъ никогда не отказывалъ въ помощи ни словомъ ни дѣломъ. Отъ общества археологіи, исторіи и этнографіи прочелъ адресъ юбиляру предсѣдатель общества Н. Ѳ. Катановъ. Прибывшій къ тому времени управляющій учебнымъ округомъ А. А. Остроумовъ поздравилъ Д. А. Корсакова отъ управленія округомъ и пожелалъ еще долго видѣть юбиляра въ числѣ дѣятелей по учебному и научному дѣлу въ Казани. Отъ студентовъ историко-филологическаго факультета былъ прочитанъ особой депутаціей слѣдующій теплый адресъ:

«Дорогой Дмитрій Александровичъ! Въ торжественный день празднованія тридцатилѣтія педагогической вашей дѣятельности, мы, студенты и ваши товарищи на поприщѣ изученія нашего отечества, привѣтствуемъ васъ, какъ педагога, хорошаго человѣка и ученаго. Пусть другіе судятъ о цѣнности вашихъ научныхъ трудовъ и ихъ значеніи. Ваши труды были связаны съ преподаваніемъ, а этого достаточно, чтобы мы, непосредственные и живые свидѣтели вашего отношенія къ учащимся, искренно могли пожелать продолженія вашей дѣятельности еще на многіе годы. Память о ней, по крайней мѣрѣ, въ нашихъ сердцахъ, дорогой Дмитрій Александровичъ, останется навсегда».

Юбиляру были принесены также поздравленія: деканами Н. М. Любимовымъ и Ѳ. М. Суворовымъ, профессорами А. А. Штукенбергомъ, Н. А. Засѣцкимъ, С. В. Левашевымъ, П. И. Кротовымъ, Д. И. Гольдгамеромъ, предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей Р. Ѳ. Николаи и нѣкоторыми другими представителями университета и общества. Были получены также письменныя и телеграфныя привѣтствія и въ томъ числѣ телеграмма отъ бывшаго попечителя Казанскаго учебнаго округа М. М. Алексѣенко.

Юбиляръ искренно благодарилъ всѣхъ, при чемъ сказалъ, что интересы родного ему Казанскаго университета всегда составляли его постоянную заботу.

Д. А. Корсаковъ принадлежитъ къ старинному дворянскому роду. Отецъ его занималъ видныя административныя должности, а мать была родной сестрой извѣстнаго русскаго ученаго К. Д. Кавелина, который оказалъ очень большое вліяніе на Д. А. По окончаніи курса въ Казанскомъ университетѣ, Д. А. въ 1872 г. защитилъ свою магистерскую диссертацію «Меря и княжество Ростовское», а въ 1880 г. докторскую «Воцареніе императрицы Анны Іоанновны». Въ 1877 г. въ журналѣ «Древняя и Новая Россія» имъ напечатана обширная и обстоятельная біографія Артемія Петровича Волынскаго и, кромѣ ея, статьи: «Судъ надъ княземъ Д. М. Голицынымъ» и «Князь И. А. Долгорукій», фаворитъ и оберъ-камергеръ императора Петра II. Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» имъ помѣщены: «Сторонники воцаренія Екатерины II», «Князь С. Г. Долгорукій и

его семья въ ссылкѣ», «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая», «Н. А. Кудрявцевъ и его потомство» и цѣлый рядъ рецензій и небольшихъ замѣтокъ. Въ «Русской Старинѣ» біографія перваго русскаго историка В. Н. Татищева; въ «Чтеніяхъ общества исторіи и древностей»—статья «Ссылка князя В. А. Долгорукова». Въ 1891 г. его монографіи изданы отдѣльной книгой, подъ заглавіемъ «Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII вѣка». Въ послѣднее время подъ редакціей его издано полное собраніе сочиненій К. Д. Кавелина, біографія котораго помѣщена Д. А. предварительно въ «Вѣстникѣ Европы».

Юбилей профессора М. Ф. Владимірскаго-Буданова. 4-го ноября исполнилось тридцатипятилѣтіе учено-педагогической дѣятельности заслуженнаго ординарнаго профессора по каѳедрѣ исторіи русскаго права въ университетѣ св. Владимира М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Имя М. Ф. Владимірскаго-Буданова пользуется въ ученомъ мірѣ почетной извѣстностью, какъ автора цѣлаго ряда крупныхъ научныхъ изслѣдованій, среди которыхъ особенно выдается капитальный трудъ «Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ» (1868 г.), «Хрестоматія по исторіи русскаго права», выдержавшая нѣсколько изданій, «Государство и народное образованіе въ Россіи въ XVII в.», «Государство и народное образованіе въ Россіи въ XVIII в.». Въ общемъ имъ написано болѣе 30 изслѣдованій и монографій. Кромѣ того, проф. Будановымъ напечатано было въ 1867 г. «Руководство къ изученію Русской земли и ея народонаселенія», представляющее курсъ географіи, читанной имъ въ кіевскомъ кадетскомъ корпусѣ.

Юбиляръ—воспитанникъ университета св. Владимира, куда онъ поступилъ въ 1860 году, пробывъ три года студентомъ Кіевской духовной академіи. По окончаніи въ 1864 г. историко-филологическаго факультета со степенью кандидата, М. Ф. первоначально посвятилъ себя педагогической дѣятельности; въ 1865 г. выдержалъ экзаменъ на степень магистра русской исторіи; въ 1874 г. удостоенъ степени доктора русской исторіи. Профессорская дѣятельность М. Ф. Буданова началась въ Демидовскомъ лицеѣ, въ Ярославлѣ, куда онъ былъ приглашенъ въ 1869 г. на каѳедру исторіи русскаго права. Въ 1875 г. перешелъ на ту же каѳедру въ Кіевскій университетъ. Подготовляясь къ профессорской дѣятельности, М. Ф. Будановъ нѣсколько разъ посѣтилъ заграничные университеты и ознакомился со многими архивами. Профессоръ М. Ф. Будановъ принадлежитъ къ числу наиболѣе видныхъ представителей университета св. Владимира. Курсы его, всегда глубоко продуманные и содержательные, привлекаютъ вниманіе слушателей. Среди университетской корпораціи профессоръ Будановъ пользуется глубокимъ уваженіемъ. Этимъ вполнѣ объясняется сердечный характеръ чествованія профессора Буданова 4 ноября. Привѣтствовать юбиляра явились профессора-товарищи съ ректоромъ во главѣ. Отъ юридическаго факультета поднесенъ былъ адресъ, составленный въ весьма теплыхъ выраженіяхъ. Адресъ заключенъ въ художественно исполненномъ бюварѣ съ серебряной доскою. Произнесено было нѣсколько рѣчей и привѣтствій. Въ 1903 году истекаетъ 35-лѣтіе учено-литературной дѣятельности профессора Буданова. Къ этому времени, по мысли одного изъ многочисленныхъ учениковъ юбиляра, профессора Кіевскаго университета М. Н. Ясинскаго, будетъ изданъ сборникъ статей по исторіи русскаго права, въ который войдутъ также статьи М. Ф. Буданова

Студенты глубоко цѣнятъ профессорскую дѣятельность М. Ф. Буданова, какъ одного изъ лучшихъ представителей университета, исключительно погруженнаго въ научныя занятія и всегда стоявшаго далеко отъ внѣуниверситетскихъ дѣлъ. Въ послѣдніе годы профессоръ М. Ф. Будановъ предсѣдательствовалъ въ государственныхъ экзаменаціонныхъ комиссіяхъ въ Петербургѣ, Одессѣ и др. городахъ. Въ лицѣ М. Ф. Буданова университетъ св. Владимира располагаетъ крупной научной силой, и можно только пожелать, чтобы плодотворная дѣятельность почтеннаго юбиляра продолжалась еще многіе годы.

Диспутъ И. И. Иванова. 14-го октября, въ актовой залѣ Московскаго университета состоялся диспутъ приватъ-доцента Ив. Ив. Иванова, представившаго для полученія степени доктора всеобщей исторіи изслѣдованіе: «Сенъ-Симонъ и сенсимонизмъ». Многочисленная публика, собравшаяся въ залѣ, встрѣтила диспутанта при появленіи его на каѳедрѣ единодушными и продолжительными аплодисментами. Офиціальными оппонентами выступили профессоры Р. Ю. Випперъ и В. И. Герье. Въ своей вступительной рѣчи докторантъ прежде всего указалъ на то, что среди русскихъ мыслителей нѣтъ сенсимонистовъ, но нѣкоторое вліяніе синсимонизмъ оказалъ все-таки и на русскихъ писателей. Первый говоритъ о немъ Герценъ въ «Быломъ и думахъ», но его представленіе о сенсимонизмѣ, существеннымъ элементомъ котораго онъ считаетъ искупленіе плоти и освобожденіе женщины, не соотвѣтствуетъ взглядамъ самого Сенъ-Симона; это — анфантенизмъ. Герценъ говоритъ, что двѣ русскія столицы могли бы подѣлить между собою культивированіе идей двухъ французскихъ мыслителей. Петербургу отлично подходитъ фурьеризмъ съ его математическими выкладками. Москвѣ — сенсимонизмъ съ его неопредѣленностью и религіозностью. Но послѣднее свойство, по мнѣнію докторанта, опять-таки относится къ анфантенизму. Въ дальнѣйшей исторіи русской философской и общественной мысли, мы наталкиваемся на нѣсколько сенсимонистскихъ идей у кн. Одоевскаго, но онъ даже не упоминаетъ имени Сенъ-Симона. Бѣлинскій тоже не встрѣтился съ идеями Сенъ-Симона. Вообще въ сороковыхъ годахъ среди русскихъ писателей Сенъ-Симонъ не пользовался популярностью. Луи Бланъ, П. Леру, Кабэ, Прудонъ, особенно Фурье, изучались у насъ, а Сенъ-Симонъ — нѣтъ. Вслѣдъ затѣмъ снискало у насъ популярность имя Маркса, котораго привѣтствовалъ Бѣлинскій за оппозиціонное и критическое направленіе его произведеній, и глашатаемъ популярности котораго сдѣлался Анненковъ, лично съ нимъ знакомый и увѣрявшій, что даже степные помѣщики прислушиваются къ его словамъ. Болѣе серьезно изучали Маркса два почти забытыхъ теперь писателя: экономистъ—Милютинъ и критикъ—В. Майковъ. Но Сенъ-Симонъ и тутъ былъ обойденъ, хотя самъ Энгельсъ указываетъ на связь между обѣими доктринами, и она могла бы быть отмѣчена и у насъ. Въ 60-е годы, въ эпоху народолюбія, соціальной страсти, жгучихъ экономическихъ интересовъ, въ эпоху Чернышевскаго, Добролюбова и Писарева, только первый изъ нихъ посвятилъ нѣсколько прочувствованныхъ страницъ Сенъ-Симону, но и это былъ Сенъ-Симонъ не настоящій. Въ 70-е годы Щегловъ въ своей «Исторіи соціальныхъ системъ» даетъ рѣзкій отпоръ сенсимонизму, а Михайловъ-Шеллеръ, авторъ статьи о французскомъ проле-

таріатѣ, говоритъ о немъ на основаніи только двухъ его работъ и одной полу памфлетической біографической брошюрки, говоритъ въ такомъ тонѣ, какъ будто сенсимонизмъ—явленіе давно оцѣненное. Затѣмъ мыслящая часть русскаго общества увлеклась новымъ могучимъ теченіемъ—марксизмомъ, но въ этомъ теченіи, несмотря на то, что оно было обновлено, все-таки догматизмъ преобладаетъ надъ историческимъ анализомъ; поэтому никто не остановился на замѣчаніи Энгельса о вліяніи Сенъ-Симона на Маркса и не оцѣнилъ ни значенія, ни характера этого вліянія. Очевидно, причины забвенія Сенъ-Симона и недоразумѣній, связанныхъ съ изложеніемъ его взглядовъ въ Россіи, приходится искать на Западѣ. Здѣсь цѣлыхъ сто лѣтъ господствовала по отношенію къ Сенъ-Симону вопіющая несправедливость. Увѣнчивались ученики, а имя учителя привлекалось лишь для полноты обзора. Во главѣ виновниковъ этого явленія нужно поставить Ог. Конта, который сначала былъ ярымъ защитникомъ Сенъ-Симона, а потомъ сдѣлался его непримиримымъ врагомъ, и Анфантена, родоначальника маскараднаго сенсимонизма, назвавшаго даже своего учителя Іудой. Такое отношеніе явно опиралось на непониманіе и ложное истолкованіе взглядовъ. И поводъ для этого какъ будто дѣйствительно существовалъ въ самомъ Сенъ-Симонѣ. Жизнь не-философа, произведенія не-писателя,—такъ можно формулировать основныя черты нашего мыслителя. Онъ ставилъ своей задачей созданіе науки объ обществѣ, но шелъ къ ея рѣшенію не теоретическимъ, а практическимъ путемъ. Онъ самъ говорилъ, что жизнь его—рядъ паденій, внѣшнихъ неудачъ; въ немъ головокружительный авантюризмъ экзальтированной натуры совмѣщался съ попытками организаціи трезвыхъ соціальныхъ опытовъ. «Чтеніе моихъ произведеній,—говорилъ Сенъ-Симонъ,—занятіе тягостное». И положеніе его критика крайне затруднительно. Сколько усилій было потрачено для того, чтобы налѣпить на доктрину Сенъ-Симона одну изъ общепризнанныхъ догматическихъ этикетокъ, столь излюбленныхъ историками соціальныхъ ученій. Но такія попытки заранѣе были обречены на неудачу. Очертивъ затѣмъ въ немногихъ словахъ доктрину Сенъ-Симона, г. Ивановъ далъ обзоръ его вліянія въ различныхъ странахъ, указавъ на то, что и у насъ въ настоящее время, когда ставится вопросъ о замѣнѣ школьнаго классицизма жизненной педагогической системой, Сенъ-Симонъ можетъ быть вызванъ въ качествѣ авторитетнаго эксперта. А тотъ фактъ, что во Франціи и Германіи возникаютъ протесты противъ экономическаго толкованія соціологіи, и соціологи протягиваютъ руки идеализму, можетъ разсматриваться, какъ отголосокъ ученія Сенъ-Симона. «Сенсимонизмъ,—закончилъ ораторъ, видоизмѣняя извѣстное выраженіе,—это — здравый смыслъ европейской соціальной политики». Первый офиціальный оппонентъ, проф. Р. Ю. Випперъ, указалъ прежде всего на то, что въ сенсимонизмѣ соціализмъ соединяется съ капитализмомъ, но что послѣдній не разсмотрѣнъ авторомъ. Затѣмъ оппонентъ указалъ на то, что сенсимонизмъ, какъ предметъ изученія, заключаетъ въ себѣ нѣсколько вопросовъ: въ немъ можно изучать соціологію, философію исторіи; затѣмъ въ немъ можно выяснять связь доктрины съ реальными отношеніями революціи и съ идеями революціи и реакціи; затѣмъ можно разсматривать связь сенсимонизма съ позитивизмомъ; наконецъ, можно раз-

сматривать сенсимонизмъ, какъ соціально-психическое явленіе. Сенсимонизмъ, это—секта, родившаяся при яркомъ дневномъ свѣтѣ XIX в. Въ немъ воскресаетъ религіозное ученіе секты, у него есть церковь со всѣми аттрибутами. Докторантъ почти совершенно упустилъ изъ виду послѣднее обстоятельство. Далѣе, И. И. Ивановъ думаетъ, что ученіе Сенъ-Симона представляетъ единое цѣлое, и что оно установилось, какъ таковое, приблизительно къ 1787 году. Поэтому историческая обстановка выяснена только для первоначальнаго періода жизни и дѣятельности Сенъ-Симона. Это отозвалось на многихъ частяхъ книги и прежде всего тамъ, гдѣ идеи Сенъ-Симона сопоставляются со взглядами Ог. Тьерри. По отношенію къ последнему авторъ допустилъ вопіющій анахронизмъ, приписывая ему въ болѣе раннюю эпоху такіе взгляды, которые появились у него 35 лѣтъ спустя. Далѣе проф. Випперъ протестовалъ противъ подробнаго анализа вліянія на Сенъ-Симона американскихъ соціально-экономическихъ условій, не игравшихъ, по его мнѣнію, существенной роли въ выработкѣ его міровоззрѣнія, и игнорированія французскихъ, несравненно болѣе важныхъ въ этомъ отношеніи. Затѣмъ оппонентъ находилъ, что сущность сенсимоновскаго индустріализма выяснена неправильно. Это—романтическій соціализмъ, сближающій Сенъ-Симона съ Карлейлемъ и другими англійскими тори-соціалистами, проникнутый довольно сильной дозой феодализма; это—индустріальный феодализмъ. Наконецъ, проф. Випперъ находилъ, что авторъ неправъ, опуская вліяніе, оказанное на Сенъ-Симона реакціонными публицистами въ родѣ Жозефа де-Местра. Но, указавъ всѣ эти недочеты, оппонентъ призналъ за работою И. И. Иванова большія достоинства историко-литературнаго характера: авторъ выдѣлилъ въ сочиненіяхъ Сенъ-Симона принадлежащее лично ему отъ присочиненнаго учениками, разбилъ легенду, окружавшую жизнь и дѣятельность Сенъ-Симона, словомъ—сдѣлалъ огромную и плодотворную работу. Отвѣчая проф. Випперу, И. И. Ивановъ отстаивалъ свое пониманіе системы Сенъ-Симона и объяснялъ, почему онъ опустилъ разсмотрѣніе нѣкоторыхъ сторонъ сенсимонизма. Второй офиціальный оппонентъ, проф. В. И. Герье, констатировалъ большой научный успѣхъ, который обнаружилъ докторантъ со времени своей первой диссертаціи. Тамъ онъ больше былъ публицистомъ, здѣсь его интересы больше проникнуты научно-философскими стремленіями; взгляды его сдѣлались шире, сужденія спокойнѣе и зрѣлѣе. Манеру плэдировать авторъ не оставилъ, но онъ уже не становится обличителемъ прошлаго; если онъ и дѣлается истцемъ, то истцемъ за права человѣка обиженнаго, и, конечно, никто не станетъ сѣтовать на него за его краснорѣчіе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ проф. Герье указалъ на нѣсколько фактовъ, доказывающихъ небрежное отношеніе докторанта къ источникамъ и историческимъ явленіямъ. Причину этого оппонентъ въ шутку приписалъ тому вліянію, какое оказалъ на автора Сенъ-Симонъ, и примѣнилъ къ нему его же характеристику Сенъ-Симона: «постоянный восторгъ и стремительность». Въ заключеніе диспута деканъ историко-филологическаго факультета А. И. Кирпичниковъ прочелъ curriculum vitae И. И. Иванова, а также отзывъ факультета, которымъ докторантъ признается достойнымъ искомой степени. Постановленіе факультета было встрѣчено продолжительными аплодисментами публики.

Общество любителей россійской словесности. 22-го октября, въ актовой залѣ Московскаго университета состоялось публичное засѣданіе общества любителей россійской словесности подъ предсѣдательствомъ проф. Н. И. Стороженка. По объявлени секретаремъ В. И. Шенрокомъ программы засѣданія на каѳедру взошелъ временный предсѣдатель общества проф. А. Н. Веселовскій и произнесъ рѣчь въ память И. А. Гончарова по случаю исполнившагося 10-тилѣтія со дня его кончины. «Мѣсяцъ тому назадъ,—говорилъ ораторъ,—въ Петербургѣ, на кладбищѣ Александро-Невской лавры, собралась немногочисленная кучка людей разныхъ свободныхъ профессій. Тутъ были литераторы, артисты, моряки, нѣсколько дамъ, всего человѣкъ 30. Они собрались вокругъ могилы, украшеніемъ которой былъ только деревянный крестъ и свѣжіе цвѣты. Сказано было два—три слова надъ могилой, возбужденъ былъ вопросъ о постановкѣ на ней памятника,—вотъ и все, чѣмъ отмѣчено было 10-тилѣтіе смерти И. А. Гончарова». Судя по отношенію русскаго общества къ этому выдающемуся писателю, къ нему можетъ быть приложимо названіе «неудачникъ» съ прибавленіемъ «необычайно талантливый». Не только послѣ смерти, но и при жизни его стали очень рано забывать. Послѣ «Обрыва», появившагося въ 1868 году, вышло лишь нѣсколько небольшихъ произведеній Гончарова, не обратившихъ на себя особеннаго вниманія общества; онъ угасалъ. По внѣшнему виду Гончаровъ представлялся обрюзгшимъ, растолстѣвшимъ, ко всему равнодушнымъ, безжизненнымъ, начинавшимъ дремать во время происходившихъ вокругъ него бесѣдъ, но внутренняя работа не угасала въ немъ, и въ старческомъ возрастѣ нерѣдко раздавались вдругъ въ обществѣ со стороны, повидимому, дремавшаго старца мѣткія замѣчанія, остроты, показывавшія, что духовно онъ не только еще не умеръ, но за всѣмъ внимательно слѣдитъ. Стоило только возобновить на сценѣ Александринскаго театра «Горе отъ ума», какъ является статья Гончарова «Милліонъ терзаній», одна изъ лучшихъ критическихъ статей о Чацкомъ. Но это была вспышка, свидѣтельствовавшая, что въ немъ живетъ еще прежній талантъ. А между тѣмъ публика уже не читала его. Онъ чувствовалъ, что уже время прійти смерти, но она не являлась, и съ его устъ слетѣло ироническое замѣчаніе: «Не умираешь,—должно быть, нужно заслужить смерть». Десять лѣтъ протекли, и особеннаго улучшенія въ его посмертной судьбѣ мы не видимъ. Какъ будто съ нимъ еще не окончены старые счеты, возникшіе изъ-за неудавшейся фигуры Волохова, которою онъ и самъ былъ недоволенъ. Кажется, теперь есть основаніе, чтобы воспользоваться 10-тилѣтней давностью и разобраться въ этой сложной личности и, очевидно, мало понятой и несправедливо оцѣненной ея дѣятельности. Внѣшняя біографія его не сложна. По окончаніи университетскаго курса онъ служилъ въ министерствѣ финансовъ, въ морскомъ и цензурномъ вѣдомствахъ, а затѣмъ вышелъ въ отставку, но есть другой послужной списокъ его дѣятельности, какъ талантливаго писателя, съ глубокимъ сочувствіемъ встрѣченнаго и оцѣненнаго двумя великими критиками Бѣлинскимъ и Добролюбовымъ. Странный писатель, совершенно оригинальный по пріемамъ и способамъ письма и необыкновенной малочисленности сочиненій. Всѣ его произведенія могутъ вмѣститься въ 2—3 тома убористой печати въ два столбца. Объясняютъ это тѣмъ, что авторъ

Обломова былъ самъ въ значительной мѣрѣ Обломовъ и медленно писалъ. Нельзя отрицать присутствія обломовщины въ его характерѣ, да и самъ онъ этого не отрицалъ, но, тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ помнить, что настоящіе Обломовы не ведутъ своихъ поколѣній впередъ, не выясняютъ предъ ними своей эпохи. Одинъ изъ недавнихъ авторовъ воспмоинаній о Гончаровѣ считаетъ его мнительнымъ, осторожнымъ, необычайно требовательнымъ къ своимъ работамъ, при чемъ каждый характеръ онъ старался обрисовать такъ, чтобы не могло возникать никакихъ недоразумѣній. Отсюда и его медленность къ работѣ. Самъ Гончаровъ обыкновенно говорилъ, что нельзя ему скоро писать, такъ какъ въ своихъ произведеніяхъ онъ обрисовываетъ цѣлую эпоху. Съ 1849 до 1868 года имъ написано только три большихъ произведенія. Но, по собственнымъ словамъ, Гончаровъ писалъ только о томъ, что видѣлъ, испыталъ, что пережилъ самъ. Въ своихъ произведеніяхъ онъ, какъ естествоиспытатель, не только съ полнымъ объективизмомъ относится къ изображаемымъ имъ явленіямъ, но и старается найти и указать ихъ причины и потому такъ же, какъ естествоиспытатель, изучаетъ данное явленіе во всей его подробности. Кончая его произведеніе, читатель всегда ощущаетъ, что въ его сознаніе вошло что-то новое. Такая способность сказалась въ Гончаровѣ очень рано, и Бѣлинскій сразу понялъ, что въ этомъ дебютантѣ скрывается удивительный самородокъ-художникъ, обладающій глубокой и тонкой наблюдательностью жизни, какъ она есть. Неправильно Гончаровъ отрицаетъ вліяніе на себя Гоголя, а признаетъ лишь вліяніе Пушкина. Онъ — гоголевской школы, и въ его произведеніяхъ тѣ же пріемы, какіе были излюбленными у главы натуральной школы. Уже въ сочиненіи «Фрегатъ Паллада» лучшими являются не картины природы, а описанія нравовъ экипажа, нравовъ посѣщаемыхъ мѣстностей или вставные эпизоды, представляющіе въ видѣ воспоминаній бытовыя черты изъ русской жизни. Въ «Обыкновенной исторіи» авторъ уже прямо вступаетъ въ область бытового романа, а «Обломовъ» является уже не только высоко-художественнымъ романомъ (за устраненіемъ нѣкоторыхъ второстепенныхъ недостатковъ), но и общественной заслугой. Добролюбовъ въ статьѣ «Что такое обломовщина» говорилъ, что Гончаровъ какъ нельзя болѣе своевременно поднесъ русскому человѣку въ зеркалѣ его вѣковой образъ Обломова. Но когда реформами 60-хъ годовъ Россія призвана была къ пробужденію, Гончаровъ теряется въ противорѣчіяхъ новаго теченія жизни, и хотя попытка изображенія ея въ «Обрывѣ» оказалась неудачной, все же тамъ съ величайшимъ реализмомъ представлены типы людей прежняго времени, въ родѣ бабушки и т. п. Гончаровъ является замѣчательнымъ бытовымъ писателемъ, знатокомъ человѣческаго сердца, глубокимъ психологомъ, начиная съ дѣтской психологіи и кончая старческой. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обладалъ удивительнымъ талантомъ литературнаго критика, какъ показываютъ его статьи «Милліонъ терзаній» и «Замѣтки о личности Бѣлинскаго». Не говоря уже о томъ, что романъ его представляетъ историческій памятникъ, лѣтописецъ художественной литературы встрѣтитъ въ собраніи его произведеній блестящую галлерею живыхъ портретовъ, и будущія поколѣнія признаютъ его однимъ изъ главныхъ мастеровъ русскаго романа. Затѣмъ Р. И. Хинъ представилъ

свои воспоминанія объ И. С. Тургеневѣ. Воспоминанія эти относятся къ 1880—1881 годамъ, когда г-жа Хинъ жила въ Парижѣ и въ это время, особенно весною и зимою, часто видѣлась съ Тургеневымъ. Воспоминанія посвящены, главнымъ образомъ, отношеніямъ къ Тургеневу русской колоніи въ Парижѣ и Тургенева — къ своимъ соотечественникамъ, жившимъ тамъ. Референтка коснулась упрековъ въ неискренности, лицемѣріи и двуличности Тургенева и доказывала, что такія мнѣнія, циркулировавшія среди русскихъ въ Парижѣ и появлявшіяся въ воспоминаніяхъ о немъ въ печати, являются или вполнѣ лживыми, или плодомъ недоразумѣнія. Источникомъ ихъ по большей части была крайняя доброта И. С. и его всегдашняя деликатность, съ которой онъ не могъ прямо сказать въ глаза обращавшимся къ нему за совѣтами лицамъ, что то или другое произведеніе (литературное или художественное), представленное ему, плохо, и принималъ на себя хлопоты по рекомендаціи этихъ произведеній, оканчивавшіяся большей частью неуспѣхомъ. Въ заключеніе кн. А. И. Сумбатовъ прочиталъ 2-й актъ пьесы И. Н. Потапенко «Лишенный правъ».

28-го октября, происходило засѣданіе комиссіи общества любителей россійской словесности по чествованію Гоголя и Жуковскаго, подъ предсѣдательствомъ проф. А. Н. Веселовскаго и при участіи представителей различныхъ обществъ и учрежденій, а также извѣстныхъ коллекціонеровъ А. П. Бахрушина и А. А. Бахрушина. Предсѣдатель доложилъ комиссіи, что общая схема предстоящихъ торжествъ въ память названныхъ писателей пока выясняется въ слѣдующемъ видѣ. 21-го февраля, въ день пятидесятилѣтія кончины Гоголя, послѣ службы въ Донскомъ монастырѣ при могилѣ Гоголя, предполагается торжественное засѣданіе университета совмѣстно съ обществомъ любителей россійской словесности. Подобное же засѣданіе въ память Жуковскаго (годовщина смерти котораго, 12-го апрѣля, приходится на Страстной недѣлѣ) предполагается на Святой. Въ теченіе великаго поста намѣченъ рядъ засѣданій общества любителей россійской словесности, посвященныхъ Жуковскому и Гоголю. Кромѣ того, общество разсчитываетъ устроить одинъ или два литературно-музыкальныхъ вечера, посвященныхъ обоимъ чествуемымъ писателямъ. Изъ сношеній комиссіи съ разными учрежденіями уже выяснилось, что чествованіе памяти Жуковскаго и Гоголя встрѣчаетъ вездѣ сочувственный откликъ. Можно предполагать, что во всѣхъ московскихъ театрахъ будутъ устроены спектакли изъ произведеній Гоголя и Жуковскаго, соединенные съ апоѳеозомъ писателей; въ народныхъ аудиторіяхъ Москвы, какъ отъ комиссіи народныхъ чтеній, такъ и отъ попечительства о народной трезвости (которое къ январю разсчитываетъ имѣть десять своихъ народныхъ аудиторій) будутъ устроены чтенія, посвященныя Гоголю и Жуковскому. Чествованіе обоихъ писателей въ среднеучебныхъ заведеніяхъ должно получить широкій характеръ; можно надѣяться, что къ этому присоединятся и начальныя училища. Для прочтенія въ засѣданіяхъ общества словесности заявлены уже многія сообщенія. Во этомъ засѣданіи такія заявленія были сдѣланы А. Е. Грузинскимъ («Жуковскій и его отношенія къ Пушкину») и А. Д. Алферовымъ («Жуковскій, благородный пансіонъ и семья Тургеневыхъ»). Кромѣ того, нѣкоторыя сообщенія обѣщаны изъ Петербурга и изъ другихъ мѣстъ; между прочимъ въ одномъ изъ засѣданій будетъ

прочтено сообщеніе о Гоголѣ проф. Нѣжинскаго лицея М. Н. Сперанскаго. Относительно выставки въ память Гоголя и Жуковскаго на засѣданіи комиссіи было сообщено слѣдующее. Какъ извѣстно, въ Нѣжинѣ, мѣстѣ воспитанія Гоголя, предполагается обширное чествованіе великаго писателя и устройство юбилейной выставки. Благодаря любезной обязательности комиссіи по устройству этого чествованія, и въ особенности предсѣдателя ея проф. М. Н. Сперанскаго, на выставку, устраиваемую въ Москвѣ, будетъ доставлено изъ Нѣжина все наиболѣе интересное и важное съ тамошней выставки (коллекція эта поступитъ на московскую выставку не къ ея открытію, а позднѣе). А. А. Бахрушинъ представилъ на усмотрѣніе комиссіи длинный списокъ находящихся въ его коллекціи портретовъ Гоголя, рисунковъ къ его пьесамъ, афишъ и пр. А. П. Бахрушинъ предложилъ вниманію комиссіи нѣсколько имѣющихся въ его собраніи портретовъ Гоголя. Вообще составъ выставки постоянно пополняется новыми предметами, и она обѣщаетъ быть очень интересной. Могила Гоголя требуетъ нѣкоторой реставраціи. Вопросъ объ этомъ подробно обсуждался въ засѣданіи комиссіи. Былъ предложенъ проектъ устройства надъ могилой стекляннаго покрытія (чехла) для лучшей охраны могилы, но комиссія нашла что подобное покрытіе измѣнило бы общій характеръ намогильнаго памятника, изящнаго по своей простотѣ, и что нужно только поправить памятникъ, укрѣпивъ его должнымъ образомъ. Никакія измѣненія вида памятника не желательны.

Гоголевскіе документы. Въ «Русскомъ Словѣ» напечатаны документы, привезенные въ Москву В. А. Гиляровскимъ изъ Яновщины Полтавской губерніи. «Яновщина», какъ извѣстно, мѣстность, или, лучше сказать, округа, ознаменованная долгимъ пребываніемъ Н. В. Гоголя. Часть ея принадлежитъ родному его племяннику, старѣйшему въ родѣ, Николаю Владимировичу Быкову. Какъ члену общества любителей россійской словесности, Н. В. Быковъ передалъ В. А. Гиляровскому для передачи въ общество дипломъ Н. В. Гоголя на званіе почетнаго члена Московскаго университета. Вотъ подлинный текстъ этого диплома: «Состоящій подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государя Императора Николая Павловича Императорскій Московскій университетъ, уваживъ отличныя въ ученомъ свѣтѣ заслуги и литературные труды по части русской словесности господина коллежскаго совѣтника Николая Васильевича Гоголя, признаетъ его почетнымъ своимъ членомъ, съ полною увѣренностью въ его содѣйствіи Московскому университету во всемъ, что къ успѣхамъ наукъ способствовать можетъ. Данъ въ Москвѣ іюня 16-го дня 1845 года». Подписали: «Попечитель Московскаго учебнаго округа Его Императорскаго Величества генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ, сенаторъ и кавалеръ графъ Сергѣй Строгановъ. Ректоръ Аркадій Альфонскій. Секретарь совѣта Василій Спекторскій». Во время своей поѣздки по «Гоголевщинѣ» г. Гиляровскій добылъ много новыхъ интересныхъ свѣдѣній и снялъ фотографическіе виды съ мѣстностей, связанныхъ съ памятью Гоголя и его произведеніями. Кромѣ того, находятся у г. Гиляревскаго принадлежащіе ему лично: подорожная Гоголя изъ гор. Кавева въ Одессу; собственноручное письмо Н. В. Гоголя; заграничный паспортъ Гоголя, выданный ему въ Москвѣ 27-го мая 1832 года и визированный болѣе 100 разъ

за границей. По этому паспорту можно опредѣлить въ точности, гдѣ и когда Н. В. Гоголь находился во время своихъ многолѣтнихъ странствованій за границей. Паспортъ этотъ, который постоянно находился при немъ, въ прочномъ кожаномъ переплетѣ, въ осьмушку писчей бумаги, имѣетъ вытисненную золотомъ надпись: Passeport de M-r de Gogol.

Библіологическое общество. 4-го октября состоялось первое, послѣ лѣтняго перерыва, общее собраніе, на которомъ Н. М. Лисовскій сообщилъ о дѣятельности спеціальной комиссіи при обществѣ, организованной для устройства празднованія предстоящаго 200-лѣтія русской періодической печати. Комиссія обратилась съ предложеніемъ принять участіе какъ въ самомъ празднествѣ, такъ и въ выработкѣ его программы, къ литературному обществу, а также къ обществу дѣятелей печатнаго дѣла. Отвѣтовъ отъ этихъ обществъ, однако, еще не поступило. Въ настоящее время комиссія работаетъ надъ подготовкой матеріала для библіографическаго сборника, которымъ предполагаетъ ознаменовать предстоящій юбилей. Затѣмъ, А. М. Ловягинъ сдѣлалъ докладъ объ организовавшемся при нашей академіи наукъ петербургскомъ отдѣленіи международнаго библіографическаго бюро. Бюро это будетъ занято регистраціей русскихъ изслѣдованій по точнымъ наукамъ и такимъ образомъ приметъ непосредственное участіе въ составленіи огромнаго международнаго библіографическаго указателя по точнымъ наукамъ. Средства, ассигнованныя въ распоряженіе этого отдѣленія министерствомъ финансовъ, дадутъ ему возможность сразу же надлежащимъ образомъ поставить свои работы. В. Ѳ. Боцяновскій сдѣлалъ докладъ о только что вышедшихъ запискахъ декабриста С. Г. Волконскаго. По словамъ докладчика, записки эти, не заключая въ себѣ ничего особенно новаго, даютъ, однако, въ высшей степени богатый матеріалъ для характеристики не только движенія, закончившагося событіемъ 14-го декабря, но также и общественной жизни въ Россіи и за границей въ такіе выдающіеся моменты, какъ, напримѣръ, 1812 годъ. С. Г. Волконскій сообщаетъ рядъ фактовъ изъ жизни своихъ товарищей по полку, приводитъ множество эпизодовъ, характеризующихъ императора Александра I, Аракчеева, русскихъ полководцевъ, Наполеона I и другихъ. Въ заключеніе г. Боцяновскій отмѣтилъ, что графъ Л. Н. Толстой въ своемъ отрывкѣ начатаго романа «Декабристы» очевидно имѣлъ въ виду С. Г. Волконскаго. Въ дѣйствительные члены общества избраны И. К. Антошевскій, Л. П. Лобовъ, Н. Ф. Романченко.

Московское библіографическое общество. 4-го октября, въ день второй годовщины существованія русскаго библіографическаго общества, состоялось подъ предсѣдательствомъ проф. А. И. Кирпичникова засѣданіе общества. Напомнивъ собранію о смерти М. А. Веневитинова, А. И. Кирпичниковъ сказалъ въ память покойнаго нѣсколько прочувствованныхъ словъ, сообщилъ о немъ біографическія данныя и вкратцѣ обрисовалъ его, какъ ученаго. Затѣмъ секретарь общества А. А. Шевелевъ сообщилъ собранію о дѣятельности М. А., въ качествѣ предсѣдателя бывшаго библіографическаго кружка. Обязанности эти Веневитиновъ принялъ на себя въ весьма трудное время и несъ ихъ полтора года. По его мысли уставъ кружка былъ пересмотрѣнъ, а также рѣшенъ вопросъ о преобразованіи кружка въ нынѣшнее общество и о присоединеніи

его къ Московскому университету. М. А. и потомъ всегда интересовался дѣятельностью кружка, но болѣзнь вынудила его въ концѣ 1897 года отказаться отъ предсѣдательства. Выслушавъ эти двѣ рѣчи, собраніе почтило почившаго вставаніемъ; тутъ же рѣшено было повѣсить въ залѣ собраній общества портретъ Веневитинова. Секретарь общества прочиталъ отчетъ о дѣятельности организованнаго при обществѣ рабочаго бюро по устройству всероссійскаго празднованія 200-лѣтняго юбилея русской періодической печати. Предсѣдатель сообщилъ, что съ будущаго года библіографическое общество получаетъ въ университетѣ постоянное помѣщеніе.

Къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ. 8-го октября, состоялось засѣданіе предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ. Профессоръ Д. И. Багалѣй доложилъ просьбу, съ которой комитетъ обратился, согласно постановленію въ предыдущемъ засѣданіи, къ харьковской городской думѣ. «Харьковское городское управленіе, — говорится въ этой просьбѣ,—пригласившее въ Харьковъ на съѣздъ и его почетнаго предсѣдателя великаго князя Сергія Александровича, конечно, съ своей стороны придетъ на помощь комитету въ матеріальномъ отношеніи и приметъ на себя по примѣру тѣхъ городскихъ управленій, гдѣ раньше были съѣзды, по крайней мѣрѣ, заботу о достойномъ пріемѣ членовъ съѣзда». Помощь комитету въ матеріальномъ отношеніи необходима для устройства витринъ для выставокъ: значительная часть археологическихъ и этнографическихъ коллекцій сдѣлается потомъ какъ бы общественной собственностью г. Харькова. Доложенъ былъ проектъ просьбы, съ которой обратился московскій предварительный комитетъ къ правленію Харьковскаго университета—о предоставленіи помѣщеній въ зданіи университета для засѣданій съѣзда и для выставокъ при немъ. Постановлено ходатайствовать о разрѣшеніи воспользоваться для помѣщенія иногороднихъ членовъ съѣзда, кромѣ студенческаго общежитія, и пансіонами при 1-й и 2-й мужскихъ гимназіяхъ. Намѣчены предположительно во время съѣзда археологическія экскурсіи—въ Салтово, въ Янковку и на Донецкое городище. Поручено проф. Д. И. Багалѣю вступить отъ имени комитета въ предварительные переговоры по этому поводу съ полезными для даннаго дѣла лицами и учрежденіями. Подготовка каталоговъ выставокъ при съѣздѣ поручена членамъ комитета, принимающимъ участіе въ собираніи предметовъ. Профессоръ Е. К. Рѣдинъ доложилъ отвѣты тѣхъ учрежденій и лицъ, къ которымъ обращался комитетъ съ просьбой о присылкѣ памятниковъ старины, документовъ, картъ и т. п. для выставокъ при съѣздѣ. Просьбу комитета обѣщали исполнить: Императорская публичная библіотека, С.-Петербургскій артиллерійскій музей, Церковно-археологическій музей при Кіевской духовной академіи, Военно-ученый архивъ главнаго штаба, архивъ святѣйшаго правительствующаго синода, Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, г-жа Поль, Ю. В. Поповъ, П. В. Гладкій. Доложена опись профессора Р. И. Шерцля тѣхъ монетъ и предметовъ, хранящихся въ мюнцъ-кабинетѣ Харьковскаго университета, которые могутъ поступить на археологическую выставку при съѣздѣ. Доложено о пожертвованіи комитету и музею университета: священникомъ Д. Поповымъ—восьми бронзовыхъ стрѣлокъ, найденныхъ вблизи Хухры въ

песчаныхъ наносахъ; волостнымъ старшиной В. М. Мезинымъ—желѣзнаго кинжала въ мѣдной оправѣ, найденнаго въ с. Минковкѣ Валковскаго уѣзда. О множествѣ другихъ пожертвованій и присылокъ, поступившихъ въ лѣтніе мѣсяцы, будетъ доложено въ ближайшихъ засѣданіяхъ. За всѣ пожертвованія и присылки комитетъ выражаетъ глубокую благодарность. Ко времени XII археологическаго съѣзда правителемъ канцеляріи черниговскаго губернатора г. Ярыгинымъ подготовляется трудъ «Черниговская губернія въ ея легендахъ и преданіяхъ въ связи съ историко-археологическимъ описаніемъ мѣстностей губерніи».

С.-Петербургское археологическое общество. I. 27-го сентября состоялось первое послѣ лѣтняго перерыва засѣданіе восточнаго отдѣленія подъ предсѣдательствомъ профессора Н. И. Веселовскаго. В. В. Бартольдъ затронулъ научный вопросъ, возникшій еще въ 1885—1886 годахъ при работахъ въ Азіи разграничительной англо-русской комиссіи и не рѣшенный до настоящаго времени, а именно вопросъ о мѣстоположеніи Мерверруда. П. М. Меліоранскій сдѣлалъ докладъ о прочитанной имъ впервые надписи на енисейско-орхонскомъ нарѣчіи, которая вырѣзана на ручкѣ серебрянаго сосуда, хранящагося въ Эрмитажѣ. Сосудъ найденъ въ іюнѣ 1884 года въ Вятской губерніи; подобная находка для этой мѣстности является единственнымъ примѣромъ. Надпись гласитъ: «Подарокъ, полученный за младшую дочь Егерунчу, невѣсту». Такимъ образомъ, сосудъ нѣкогда явился выкупомъ за невѣсту. По характеру письма этотъ любопытный памятникъ древности референтъ относитъ къ VI—VII вѣкамъ. Рефератъ вызвалъ продолжительныя пренія; между прочимъ вице-президентомъ общества графомъ И. И. Толстымъ было высказано мнѣніе, что, быть можетъ, надпись на сосудѣ сдѣлана впослѣдствіи, черезъ значительный промежутокъ времени послѣ изготовленія сосуда. С. Ф. Ольденбургъ сообщилъ о вновь вышедшемъ недавно трудѣ А. Фушэ по буддистской иконографіи. Трудъ весьма интересенъ съ научной стороны, снабженъ множествомъ снимковъ съ изображеній божествъ буддизма. Изображенія относятся къ XI вѣку и сдѣланы въ Непалѣ. Профессоръ Н. И. Веселовскій, въ дополненіе къ возбужденному еще въ минувшемъ году вопросу о погребеніи костей, сообщилъ, что есть свидѣтельство объ обычаяхъ киргизовъ хоронить мясо покойниковъ отдѣльно, а кости перевозить и погребать, по желанію родственниковъ умершаго, въ другомъ мѣстѣ, вблизи какихъ нибудь святынь. Дѣлается это съ тою цѣлью, что перевозка трупа на далекое разстояніе является затруднительной, особенно въ лѣтнее жаркое время.—II. 29-го сентября, происходило засѣданіе отдѣленія археологіи древне-классической, византійской и западно-европейской. Предсѣдательствовалъ профессоръ И. В. Помяловскій. М. И. Ростовцевъ сдѣлалъ сообщеніе объ «Ай-Тодорѣ». Мысъ «Ай-Тодоръ», на южномъ берегу Крыма, обслѣдованъ былъ въ археологическомъ отношеніи нѣсколько лѣтъ назадъ. Раскопана была часть существовавшей здѣсь нѣкогда римской крѣпости, эпохи I—IV столѣтій нашей эры. Лѣтомъ нынѣшняго года М. И. Ростовцевъ подробно осмотрѣлъ открытыя развалины крѣпости и результаты осмотра изложилъ въ своемъ докладѣ. Крѣпость, гдѣ были расположены римскіе гарнизоны, стояла на высокомъ круто обрывающемся въ море холмѣ и имѣла какъ стратегическое, такъ

и торговое значеніе. Окружена она была двойной стѣной такъ называемой сухой кладки, т. е. изъ камней, положенныхъ одинъ на другой безъ связки. Вокругъ крѣпости находилось поселеніе. Вдоль моря были расположены лучшія зданія, но изъ нихъ пока открыто одно—бани поселка. Дальнѣйшія раскопки являются необходимыми, такъ какъ здѣсь могутъ встрѣтиться и остатки правительственныхъ учрежденій поселенія. Вторымъ референтомъ выступилъ Я. И. Смирновъ, разъяснившій значеніе таинственнаго слова «абрасаксъ», употреблявшагося въ древности и имѣвшаго численное значеніе 365. С. А. Жебелевъ сдѣлалъ докладъ о «новомъ героѣ», имя котораго обнаружено при недавнихъ раскопкахъ на греческомъ Востокѣ. Культъ этого обожествленнаго героя имѣетъ связь съ культомъ Аполлона.—III. 25-го октября происходило подъ предсѣдательствомъ барона В. Р. Розена засѣданіе восточнаго отдѣленія. Вопросъ о «Логикѣ въ Индіи», разработанный Ф. И. Щербатскимъ, разрѣшенъ референтомъ въ смыслѣ вполнѣ самостоятельнаго развитія логическихъ системъ у индусовъ. Начало логикѣ положилъ сложный религіозный культъ, жрецы котораго должны были обладать широкими знаніями въ области астрономіи, медицины и философіи. Высокое развитіе логики относится къ II вѣку до Р. Х., появляется она вновь у индусовъ въ III вѣкѣ по Р. Х. Логика индусовъ представляетъ весьма ясное отличіе отъ европейской и, по мнѣнію референта, болѣе правильна. Изслѣдователь абиссинскихъ древностей Б. А. Тураевъ сообщилъ о новомъ открытіи въ этой области. Вновь найденные документы по исторіи Эѳіопіи X—XIV вѣковъ бросаютъ яркій свѣтъ на таинственную пока эпоху прошлаго Эѳіопіи. Добытые изъ абиссинскихъ монастырей документы описываютъ отношенія царей къ духовенству и духовенства къ царямъ абиссинскимъ. Огромную важность имѣютъ документы для лингвистовъ и юристовъ-историковъ права. Профессоръ Н. И. Веселовскій указалъ на испанское изданіе XVI вѣка, въ которомъ изложено путешествіе перса въ Испанію около 1599 года. Персъ, судя по многимъ даннымъ, былъ хорошо образованъ для своего времени. Онъ свидѣтельствуетъ, что рѣка Аму-Дарья впадала въ то время въ Каспійское море. Здѣсь историческое свидѣтельство вновь подтверждаетъ фактъ, отрицаемый многими географами.—IV. Засѣданіе русскаго отдѣленія 27-го октября происходило подъ предсѣдательствомъ профессора С. Ѳ. Платонова и носило весьма оживленный характеръ. Среди присутствовавшихъ находились графъ А. А. Бобринскій, академикъ Н. П. Кондаковъ, В. В. Стасовъ, директоръ археологическаго института профессоръ Н. В. Покровскій, князь П. А. Путятинъ и другіе представители русской исторической науки. Громадный интересъ и оживленныя пренія возбудилъ докладъ графа А. А. Бобринскаго. Темою доклада служили недавно изданные за границей «Кіевскія миніатюры XI вѣка и портретъ князя Ярополка Изяславича по псалтыри Егберта, архіепископа Трирскаго». Произведеніе рукъ древне-русскаго художника судьба закинула далеко за предѣлы Россіи. Рукописи найдены въ музеѣ небольшого итальянскаго городка Чивидала, невдалекѣ отъ Тріеста. Сборникъ рукописей носитъ названіе кодекса «Гертруды». Историческія данныя говорятъ за то, что Гертруда была женою князя русскаго Изяслава и матерью Ярополка, умершаго въ 1087 году. Подъ одною изъ миніатюръ находится славянская надпись имени Ярополка. Рукописи

проливаютъ свѣтъ на эпоху великокняжеской Руси XI вѣка и вносятъ, какъ указалъ графъ, довольно вѣроятную поправку въ лѣтописныя данныя о князѣ Ярополкѣ Изяславичѣ. Судя по хронологическимъ датамъ кодекса Гертруды и путемъ сравненія данныхъ кодекса съ свидѣтельствами лѣтописей, графъ блестяще доказалъ старшинство Ярополка по отношенію къ его братьямъ. Лѣтописи же называютъ Ярополка меньшимъ изъ сыновей Изяслава. Изданіе рисунковъ въ Россіи въ краскахъ, по мнѣнію графа, весьма желательно. Въ горячихъ преніяхъ по вопросу о происхожденіи рисунковъ приняли участіе В. В. Стасовъ, Н. П. Кондаковъ, Н. В. Покровскій и др. Рефератъ, А. Л. Погодина «О происхожденіи русскаго слова глазъ» также сопровождался оживленными возраженіями. Докладчикъ считаетъ слово «глазъ» заимствованнымъ у германцевъ. И. П. Хрущовъ принесъ въ даръ обществу изданный имъ сборникъ этнографическихъ и археологическихъ статей. Отдѣленіе постановило благодарить жертвователя. Въ началѣ засѣданія почтена была вставаніемъ память скончавшихся членовъ общества.

Археографическая комиссія Московскаго археологическаго общества. Д. М. Щепкинымъ сдѣлано было интересное сообщеніе «Объ архивѣ Московскаго университета». По обширности и богатству своего содержанія архивъ этотъ представляетъ большой интересъ для исторіи русскаго просвѣщенія вообще. Къ сожалѣнію, часть архива съ основанія университета до 1812 года погибла при пожарѣ Москвы, и въ настоящее время въ архивѣ хранится только дѣлопроизводство, начиная съ 1813 года. Такъ какъ до 1835 года университетъ имѣлъ въ своемъ завѣдываніи народное просвѣщеніе всего округа, управляя всѣми находящимися въ немъ учебными заведеніями, то въ немъ заключаются и документы по управленію учебнымъ округомъ, т. е. училищнаго комитета и канцеляріи попечителя, съ 1813 до 1835 года. Общее число дѣлъ въ университетскомъ архивѣ доходитъ теперь до 300 тысячъ. Чтобы дать понятіе о содержаніи университетскаго архива, докладчикъ ознакомилъ собраніе съ документомъ, имѣющимъ выдающійся интересъ для исторіи русскаго просвѣщенія, а именно съ проектомъ новаго университетскаго устава, сочиненнымъ въ 1826 году московскимъ попечителемъ генералъ-майоромъ Писаревымъ, вскорѣ послѣ декабрьскихъ событій 1825 года. Крайняя невѣжественность въ пониманіи просвѣщенія, задачъ университета, науки, ея пользы, отношенія къ религіи и нравственности, отличаетъ это произведеніе московскаго попечителя, представляющее тѣмъ большій интересъ, что оно явилось выраженіемъ не только взглядовъ Писарева, но въ значительной степени и вообще воззрѣній тогдашнихъ правительственныхъ сферъ. Въ объяснительной запискѣ къ проекту говорится: «Науки преимущественно тѣ только преподавать, которыя полезны для службы государственной». О политической экономіи авторъ проекта дѣлаетъ такое заявленіе. «Сія нововведенная наука, насильственно оторванная отъ статистики и коммерческихъ наукъ, самоуправная и безотчетная, открываетъ профессору пространнѣйшее поле нелѣпствовать, а учащимся случай терять время. Съ тѣхъ поръ, какъ педагоги начали учить, какъ править государствами, и государства поколебались, стали изыскивать богатства, и мы обнищали». Объ юридическихъ наукахъ говорится:

«Что же касается до естественныхъ, народныхъ, общихъ и частныхъ правъ, то, право, трудно понять, чему учить! Естественное право нито первобытное состояніе человѣка, нито патріархальныя времена, и, чтобы выпутаться изъ такого черезполоснаго владѣнія, учители естественнаго права бросаются и въ пропедевтику, и въ метафизику, и въ философію! Въ правахъ народныхъ столько же толку, сколько и въ народномъ правленіи. Права общія и частныя входятъ въ составъ общихъ узаконеній. Отдѣльно они столько же непонятны, сколько и прочія права, какъ бы много ни толковали объ jus in se и jus in personalia. Не нахожу также надобности учить отдѣльно римскимъ правамъ: оныя могутъ входить подъ очередь общихъ правъ со стороны юридической: и по предметамъ своимъ то въ историческій, то въ классъ древностей и въ самый классъ латинскаго языка. Отъ Гроціуса до Рейнгарда сколько пролито чернилъ и едва ли не столько же крови, отыскивая всѣ сіи мнимыя права».

II. М. М. Богословскій сообщилъ о произведенномъ имъ изслѣдованіи новыхъ историческихъ документовъ, касающихся вопроса о первой въ Россіи ревизіи. Въ ноябрѣ 1718 года появился знаменитый указъ о поголовной переписи, которая должна была лечь въ основу новой подушной подати. Главною задачей Петра при этомъ было повышеніе государственныхъ доходовъ для содержанія все болѣе дорого стоящей арміи. Общая сумма налога опредѣлялась цифрою расхода на армію, а размѣръ платежа, приходившагося на каждую душу, получился отъ дѣленія суммы налога на число записанныхъ въ перепись душъ. На содержаніе арміи требовалось до 4.000.000 рублей; предполагаемое число душъ, какъ подтвердилось впослѣдствіи, доходило до 5.400.000, такъ что въ среднемъ на душу приходилось около 74 коп. обложенія. На составленіе поголовной переписи данъ былъ годовой срокъ, но дѣло пошло крайне медленно и неисправно. Сказки о душахъ не были представлены вполнѣ даже и къ концу 1720 года, а тѣ, которыя были собраны, оказались неисправными, поэтому и назначена была провѣрка сказокъ, на мѣстахъ, такъ называемая, ревизія. По провинціямъ были отправлены генералы съ порученіемъ провѣрить сказки и расположить полки на души, при чемъ генералитетъ стоялъ только во главѣ; дѣлами же ревизіи переписи и расположеніемъ полковъ завѣдывали цѣлые отряды штабъ-и оберъ-офицеровъ, между которыми генералы распредѣляли занятія. Всѣ же чины военныхъ отрядовъ были настолько значительны, что возбуждали жалобы самого военнаго вѣдомства, но, несмотря на это, переписное дѣло вовсе не пошло съ тою быстротой, которой ожидало правительство. Въ Тамбовской провинціи, напримѣръ, была пропущена цѣлая вотчина князя Меньшикова—городъ Раненбургъ съ деревнями и населеніемъ въ 2.700 душъ мужскаго пола. Въ Бахмутской провинціи было утаено 56% всего числа душъ. Весьма осложнившаяся дѣятельность переписчиковъ не могла быть предусмотрѣна заранѣе, поэтому на каждомъ шагу они обращались въ сенатъ за руководствомъ. Сношенія съ сенатомъ велись крайне медленно, и переписное дѣло вполнѣ было закончено только въ 1727 году.

Археологическая коллекція. Обширная и очень богатая археологическая коллекція графа А. А. Бобринскаго, пожертвованная имъ Кіевскому музею древностей и искусствъ, состоитъ, по словамъ «Кіевлянина», изъ четырехъ

большихъ отдѣловъ: отдѣлъ каменнаго вѣка, бронзовый вѣкъ, скиѳскія древности и древности эпохи переселенія народовъ и славянскія. Изъ этихъ четырехъ отдѣловъ музею переданы пока только древности каменнаго вѣка, привезенныя въ Кіевъ и переданныя музею лично графомъ А. А. Бобринскимъ. Для этой части коллекціи, находящейся въ образцовомъ состояніи, весьма тщательно составленъ лично жертвователемъ подробный каталогъ, съ обозначеніемъ кургановъ и вообще мѣстъ, гдѣ былъ найденъ тотъ или иной предметъ. Въ коллекціи древностей каменнаго вѣка заключаются многочисленные предметы каменные, кремневые, костяные, роговые и др. На первомъ мѣстѣ въ коллекціи стоятъ 17 каменныхъ не просверленныхъ молотовъ, относящихся къ древнѣйшему періоду неолитической эпохи. Большинство ихъ найдено въ предѣлахъ Черкасскаго и Каневскаго уѣздовъ Кіевской губ. Особенный интересъ представляетъ аккуратно сдѣланный молотъ-топоръ, найденный въ болотистой мѣстности близъ селенья Мельниковки, Черкасскаго уѣзда. Сходные съ нимъ топоры неоднократно находили на днѣ болотъ въ Даніи. Далѣе идутъ просверленные молоты. Ихъ въ коллекціи 51. Одинъ изъ этихъ молотовъ, найденный графомъ Бобринскимъ близъ селенія Константинова въ 1859 году, имѣетъ значеніе въ исторіи русской археологіи, такъ какъ этотъ молотъ впервые вызвалъ въ нашедшемъ его интересъ къ археологіи. Затѣмъ идутъ круглые отбойники, метательные камни, долота, долотовидные топоры и разныя другія каменныя орудія. Всѣхъ ихъ въ коллекціи 48. Кремневыхъ предметовъ въ коллекціи 950. Среди нихъ преобладаютъ ножи и кинжалы, пилы, наконечники копій, скребки, стрѣлы и т. д. Всѣхъ каменныхъ и кремневыхъ предметовъ въ коллекціи 1.066. Вторую часть коллекціи составляютъ костяные предметы; ихъ здѣсь 109. Большею частью это—шила, рокоятки, разныя острія, долота, крючки, стрѣлки и т. д. Третью часть коллекціи составляютъ янтарь, олово, стекло и глиняные предметы. Всѣхъ предметовъ этого отдѣла 25. Отдѣльную часть коллекціи образуютъ многочисленнѣйшія пряслицы. Послѣднія сдѣланы изъ различныхъ матеріаловъ и отличаются самыми различными формами. Всѣхъ пряслицъ въ коллекціи 199. Наконецъ, пятую, отдѣльно стоящую, часть предметовъ каменнаго вѣка представляютъ 32 каменные предмета скиѳской эпохи. Это —исключительно метательные камни и точилки. Всего въ той части коллекціи графа А. А. Бобринскаго, которая уже перевезена въ Кіевъ, заключается 1.431 предметъ. Всѣ они будутъ помѣщены въ отдѣльной большой витринѣ, которая будетъ установлена въ залѣ имени Н. А. Терещенко, посвященномъ отдѣлу древностей каменнаго вѣка.

Историко-филологическое общество при Харьковскомъ университетѣ. 11 октября состоялось засѣданіе историко-филологическаго общества при Харьковскомъ университетѣ. Засѣданіе было посвящено общей характеристикѣ научной дѣятельности недавно почившихъ академика М. И. Сухомлинова и А. Л. Шиманова. Профессоръ Н. Ѳ. Сумцовъ въ своемъ словѣ остановился главнымъ образомъ на трудахъ М. И. Сухомлинова, посвященныхъ исторіи русской литературы; профессоръ Д. И. Багалѣй указалъ въ своей рѣчи на труды его, посвященные исторіи русскихъ университетовъ и въ частности Харьковскаго, въ царствованіе Александра I, и на его отношенія полныя

доброжелательства, любви къ Харьковскому университету. Ѳ. А. Павловскій подѣлился своими воспоминаніями о покойномъ академикѣ, какъ предсѣдателѣ общества (С.-Петербургскаго) пособія бывшимъ студентамъ Харьковскаго университета. Профессоръ. Н. Ѳ. Сумцовъ охарактеризовалъ личность бывшаго члена историко-филологическаго общества, покойнаго А. Л. Шиманова, какъ выдающагося по своимъ талантамъ и гуманнаго человѣка. Профессоръ Д. И. Багалѣй, охарактеризовавъ также А. Л. Шиманова, какъ высокопросвѣщеннаго-гуманнаго человѣка, остановился подробно на его трудахъ, посвященныхъ исторіи старозаимочнаго землевладѣнія, указалъ на ту высокую роль, которую сыграли въ наукѣ и практикѣ жизни эти труды и среди нихъ особенно выдающійся и цѣнный, имѣющій значеніе и въ настоящее время, печатавшійся въ «Кіевской Старинѣ» — «Главнѣйшіе моменты въ исторіи старозаимочнаго землевладѣнія». Ѳ. А. Павловскій сообщилъ нѣкоторыя данныя изъ біографіи покойнаго. Память М. И. Сухомлинова и А. Л. Шиманова была почтена вставаніемъ. Рѣшено просить наслѣдниковъ А. Л. Шиманова о сообщеніи обществу историческихъ бумагъ и документовъ изъ собранія покойнаго. По предложенію Е. М. Иванова, постановлено обратиться въ губернское правленіе съ просьбою о присылкѣ описи историческихъ документовъ, хранящихся при зміевскомъ и ахтырскомъ полицейскихъ управленіяхъ и подлежащихъ разбору комиссій при нихъ—для рѣшеніи вопроса, какіе изъ нихъ подлежатъ уничтоженію. Постановлено привѣтствовать новое общество исторіи, филологіи и права, учрежденное при императорскомъ Варшавскомъ университетѣ. Заслушано сооообщеніе предсѣдателя общества, профессора Н. О. Сумцова, объ отпускѣ обществу на изданіе его научныхъ трудовъ министерствомъ народнаго просвѣщенія—400 рублей. Е. К. Рѣдинъ прочелъ отчетъ общей дѣятельности общества за 1900—1901 годъ. Изъ этого отчета видно, что въ отчетномъ году общество имѣло восемь засѣданій, на которыхъ было прочитано двадцать четыре реферата; общество принимало ближайшее участіе въ трудахъ харьковскаго предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда; ко времени съѣзда оно постановило подготовить и уже подготовляетъ изданіе тома, посвященнаго археографическимъ и археологическимъ изслѣдованіямъ и матеріаламъ; оно постановило образовать при своемъ историческомъ архивѣ—этнографическій музей, основаніемъ котораго послужатъ матеріалы, пріобрѣтенные на средства, ассигнованныя харьковскимъ губернскимъ земствомъ. Къ столѣтнему юбилею Харьковскаго университета общество собираетъ матеріалъ для изданія всѣхъ писемъ, сочиненій, проектовъ В. Н. Каразина и входитъ въ правленіе университета съ просьбой объ ассигновании средствъ на указанное изданіе. По примѣру прошлыхъ лѣтъ въ отчетномъ году педагогическимъ отдѣломъ общества было устроено шесть публичныхъ лекцій, прочитанныхъ членами общества и отдѣла. Выпущенъ въ свѣтъ VII-й выпускъ «Трудовъ» педагогическаго отдѣла и подготовляется 13-й томъ «Сборника». Профессоръ А. С. Лебедевъ прочелъ докладъ—«Архивъ курскаго Знаменскаго монастыря». Докладчикъ познакомилъ съ выдающимися документами этого архива, дающими богатый матеріалъ для характеристики быта духовенства и общества въ XVIII вѣкѣ и для исторіи искусства и художественной индустріи.

Воронежскій церковный историко-археологическій комитетъ. 31-го января 1901 года открытъ въ Воронежѣ церковный историко-археологическій комитетъ. Кромѣ предстоящаго въ 1902 году Харьковскаго археологическаго съѣзда, поводомъ къ открытію комитета послужило имѣющееся исполниться въ 1903 году двухсотлѣтіе со дня кончины воронежскаго первосвятителя святого Митрофана. Работы комитета имѣютъ строго выработанный планъ: онѣ сосредоточены на собираніи мѣстныхъ церковно-историческихъ матеріаловъ и на разработкѣ архивовъ. Вотъ что сдѣлано комитетомъ со времени его открытія. 1) Составлена и разослана по всѣмъ приходскимъ священникамъ епархіи «Программа для собиранія свѣдѣній по мѣстной церковной исторіи и археологіи», въ отвѣтъ на которую должно получиться историко-статистическое описаніе всѣхъ приходовъ епархіи. Отвѣты уже получаются. 2) Начато систематическое описаніе старыхъ дѣлъ духовной консисторіи съ 1744 до 1864 г., и предполагается извлеченіе изъ нихъ цѣнныхъ въ историческомъ отношеніи матеріаловъ. Въ то же время приступлено къ разработкѣ другихъ архивовъ, напримѣръ, въ городѣ Острогожскѣ. 3) Цѣнные архивные документы собираются на мѣстѣ и со стороны для будущаго изданія комитета, особенно старинныя «Окладныя книги Воронежской епархіи». Однимъ изъ наиболѣе сильныхъ затрудненій для комитета служитъ невозможность, за скудостью средствъ, начать изданіе своихъ работъ.

Общество археологіи, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ 12-го ноября состоялось обычное очередное собраніе членовъ общества. Въ программу занятій было внесено три сообщенія, изъ которыхъ состоялось два. Первое было прочитано проф. Е. А. Бобровымъ на тему «Путешествіе изъ Казани въ Москву сотню лѣтъ тому назадъ (по неизданнымъ источникамъ)». Указавъ на то, что «путешествіе» со временъ Стерна сдѣлалось любимой литературной формой во всей Европѣ, референтъ перечислилъ русскія попытки въ этомъ родѣ и сообщилъ объ одномъ неизданномъ произведеніи подобнаго содержанія; оно хранится въ бумагахъ извѣстнаго казанскаго литератора прежнихъ временъ, С. А. Москотильникова, и было написано послѣднимъ въ формѣ письма къ другу, датированнаго 1805 годомъ, къ которому относится и самое путешествіе. Судя по выдержкамъ, приведеннымъ въ докладѣ г. Боброва, путешествіе Москотильникова весьма интересно и заслуживаетъ полнаго, а не въ отрывкахъ, изданія. Несмотря на склонность къ «чувствованіямъ», навѣянную литературной школой, Москотильниковъ даетъ въ своемъ письмѣ немало реальныхъ картинъ того, какія невзгоды приходилось переживать путешественнику «средней руки» въ Россіи около ста лѣтъ тому назадъ. Второе сообщеніе, подъ заглавіемъ «Наслѣдственное право казанскаго архіерейскаго дома въ концѣ XVII вѣка», было сдѣлано дѣйствительнымъ членомъ общества, И. М. Покровскимъ. Референтъ представилъ анализъ весьма любопытной, единственной въ своемъ родѣ челобитной, относящейся къ дѣлу (1692—1693 годовъ) о наслѣдствѣ послѣ одного казанца, умершаго бездѣтнымъ. Документъ будетъ, въ виду представляемаго имъ интереса, напечатанъ въ «Извѣстіяхъ» общества.

Географическое общество. 24-го октября, подъ предсѣдательствомъ П. П. Семенова, въ общемъ собраніи были сообщены предсѣдательствовавшимъ свѣдѣнія о настоящемъ положеніи послѣднихъ четырехъ экспедицій, снаряженныхъ обществомъ: экспедиція, предпринявшая подъ начальствомъ г. Игнатова обслѣдованіе Тибетскаго озера, благополучно вернулась назадъ; также успѣшно совершила свое путешествіе экспедиція по Восточной Персіи, проникнувъ за предѣлы Белуджистана до Индіи; экспедиція г. Шмидта на крайній востокъ, въ Корею, возвращается; получено также радостное извѣстіе, что вопреки печальнымъ слухамъ о совершенномъ истребленіи всѣхъ участниковъ экспедиціи въ Центральную Азію, Козлова и Казнакова, они здравы и невредимы, при чемъ вся богатая научная добыча ея въ полной сохранности; экспедиція на пути въ Кяхту и въ декабрѣ нынѣшняго года достигнетъ русской границы. Затѣмъ А. В. Григорьевъ доложилъ о нѣкоторыхъ приношеніяхъ, сдѣланныхъ въ даръ обществу, въ томъ числѣ объ очень интересномъ, полученномъ отъ А. А. Хомзе и представляющемъ собою гигантскую безобразную фигуру человѣка, держащую въ одной рукѣ палицу, а въ другой—отрубленную человѣческую голову, это—изображеніе божества, сопровождавшее боксеровъ въ ихъ походахъ. Въ этомъ же собраніи А. В. Григорьевъ прочелъ небольшой очеркъ Хлассы по описаніямъ калмыцкихъ паломниковъ. Хласса—священная, живописная мѣстность въ Тибетѣ, являющаяся резиденціей Далай-Ламы; въ Хлассѣ проживаютъ до 10 тысячъ жителей и китайскій амбань; описаніе Хлассы такъ же, какъ впервые появившіеся у насъ фотографическіе снимки ея дворцовъ, кумиренъ и всей мѣстности вообще, далъ намъ совершившій путешествіе въ Тибетъ на поклоненіе Далай-Ламѣ калмыцкій бакша (епископъ) База; сочиненіе Базы-бакши переведено на русскій языкъ профессоромъ Позднѣевымъ и интересно главнымъ образомъ по описанію торжественной церемоніи пріема паломниковъ у Далай-Ламы, его дворца, двухъ старѣйшихъ кумиренъ: большой Дзу и малой Джу (построенныхъ въ VII вѣкѣ) и многочисленныхъ монастырей, окружающихъ Хлассу. База-бакша своимъ путешествіемъ открылъ паломничество калмыковъ въ Хлассу послѣ 135-лѣтняго перерыва. Въ заключеніе были выбраны въ дѣйствительные члены географическаго общества слѣдующія лица: баронъ Э. М. Вольфъ, К. Я. Гротъ—извѣстный славистъ, М. И. Добротворскій, Н. А Зиновьевъ, С. Н. Казнаковъ, Э. С. Мухановъ, А. Г. Мягковъ, В. И. Паруцкій, А. И. Шершенковъ и др.

Общество любителей естествознанія. 15-го октября, въ большой залѣ политехническаго музея состоялось годичное засѣданіе императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи въ Москвѣ подъ предсѣдательствомъ президента Д. Н. Анучина. Секретарь общества В. С. Ипатьевскій прочиталъ годичный отчетъ о дѣятельности общества, его отдѣловъ и комиссій. Настоящимъ годомъ общество заканчиваетъ 38-й годъ своего существованія. Въ истекшемъ году общество понесло крупныя потери въ лицѣ скончавшихся своихъ почетныхъ членовъ: С. М. Духовскаго, профессора Лакавъ-Дютье, барона Сели-де-Лонгшанъ, профессора барона А. Э. Норденшельда, профессора К. М. Ѳеофилактова и многихъ непремѣнныхъ и дѣйствительныхъ членовъ. Общество въ отчетномъ году имѣло 10 засѣданій, на которыхъ сдѣ-

лано 16 сообщеній. Премія имени Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, присуждена V международнымъ зоологическимъ конгрессомъ доктору Удеману въ Амстердамѣ за работу «Etudes sur le repos chez les Lepidoptéres». Въ отчетномъ году общество присудило золотую медаль Л. С. Бергу за изслѣдованія Аральскаго моря и за обогащеніе цѣнными коллекціями музеевъ университета. Въ обмѣнъ на свои «Извѣстія» общество получало въ отчетномъ году 210 русскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій. Антропологическій отдѣлъ общества имѣлъ восемь засѣданій съ 23 сообщеніями, издалъ XX-й томъ своихъ «Трудовъ» и издавалъ «Русскій Антропологическій Журналъ». Этнографическій отдѣлъ имѣлъ девять засѣданій, въ которыхъ прочитано 16 рефератовъ. Отдѣльнымъ изданіемъ отдѣла (кромѣ обычно выходившаго «Этнографическаго Обозрѣнія») вышелъ сборникъ «Бѣломорскія былины», записанныя А. В. Марковымъ, и готовится къ печати сборникъ былинъ и другихъ народныхъ произведеній, записанныхъ А. Д. Григорьевымъ на Сѣверѣ Россіи. Музыкальная комиссія отдѣла устроила два этнографическихъ концерта. Отдѣленіе физическихъ наукъ имѣло 4 засѣданія, на которыхъ сдѣлано 16 сообщеній. Отдѣломъ изданъ 2-й выпускъ X тома его «Трудовъ», и оканчивается печатаніемъ 1-й выпускъ XI тома. Отдѣленіе ботаники имѣло одно засѣданіе, на которомъ прочитано четыре сообщенія. Въ зоологическомъ отдѣленіи въ четырехъ засѣданіяхъ было 14 сообщеній. Оно издало второй выпускъ III тома «Дневника». Отдѣленіе химіи имѣло восемь засѣданій съ 25-ю рефератами. Отдѣленіемъ изданъ «Ломоносовскій сборникъ», посвященный исторіи химическихъ учрежденій въ Россіи. Въ четырехъ засѣданіяхъ отдѣленія географіи сдѣлано 11 сообщеній; отдѣленіе продолжало издавать журналъ «Землевѣдѣніе». Состоящая при отдѣленіи топографо-геодезическая комиссія имѣла четыре общихъ собранія; ею изданъ 13-й выпускъ своихъ «Трудовъ». Въ отдѣленіи физіологіи было шесть засѣданій съ семнадцатью рефератами, въ отдѣленіи бактеріологіи—8 засѣданій съ 21 сообщеніемъ. Въ музеѣ прикладныхъ знаній было за годъ 146.615 посѣтителей. По воскреснымъ днямъ въ большой аудиторіи было устроено 56 объясненій коллекцій музея для простого народа. Постоянная комиссія при отдѣлѣ прикладной физики Политехническаго музея имѣла 9 засѣданій, на которыхъ сдѣлано 10 сообщеній. Многіе члены общества совершили научныя экскурсіи. Почетный членъ общества О. А. Федченко командирована была истекшимъ лѣтомъ обществомъ на Памиръ для изученія флоры. Результатомъ путешествія явился обширный гербарій. Гр. А. А. Бобринскій и Н. В. Богоявленскій совершили третью поѣздку на верховья Аму-Дарьи для зоологическихъ, географическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ изслѣдованій. Почетный членъ В. Ѳ. Миллеръ ѣздилъ на Кавказъ, гдѣ собралъ обширные дополнительные матеріалы для изученія языка и народной словесности осетинъ. Кромѣ того, совершили поѣздки съ научными цѣлями А. С. Хахановъ—въ Кутаисскую и Тифлисскую губерніи, Ф. Д. Нефедовъ—во Владимирскую, Нижегородскую и Костромскую губерніи, А. Н. Абрамовъ—въ Пермскую, Д. И. Аракчеевъ—въ Тифлисскую и Кутаисскую, А. А. Арутиновъ—Елисаветпольскую, Б. Ф. Адлеръ работалъ въ этнографическихъ музеяхъ Гер

манія, П. А. Бѣльскій занимался изученіемъ Петровскихъ озеръ Корчевскаго уѣзда, Д. Н. Головнинъ совершилъ поѣздку въ южную часть Восточной Сибири—въ Саяны, К. И. Горощенко—въ Енисейскую губ., П. Г. Игнатовъ—на Телецкое озеро, въ Алтаѣ, С. А. Королевъ—въ Астраханскую губ., В. Н. Леоновъ—въ Закавказье, А. Д. Григорьевъ—въ Пинежскій и Мезенскій уѣзды, А. В. Марковъ съ А. Л. Масловымъ и г. Богословскимъ—на Терскій и Зимній берега Бѣлаго моря, на Онегу и Сѣверную Двину, г. Соколовъ—въ Ковенскую губ. Въ число своихъ почетныхъ членовъ общество избрало: проф. С. Н. Виноградскаго за классическія работы по микробіологіи, много способствовавшія выясненію роли микроорганизмовъ въ космическихъ процессахъ, совершающихся на нашей планетѣ; директора Пастеровскаго института въ Парижѣ Дюкло—за его труды въ области микробіологіи и біологической химіи; директора института инфекціонныхъ болѣзней въ Берлинѣ Роберта Коха—за его классическія изслѣдованія въ области микробіологіи; профессора Лейпцигскаго университета Фридриха Ратцеля—за крупные научные труды, 25-ти-лѣтнюю профессорскую дѣятельность и содѣйствіе, оказанное членамъ общества, и директора II анатомическаго института въ Вѣнѣ профессора Карла Гроббена—во вниманіе къ его 25-тилѣтней профессорской дѣятельности и его классическимъ изслѣдованіямъ въ области зоологіи. Затѣмъ были объявлены присужденныя обществомъ преміи и медали. Премія имени великаго князя Сергѣя Александровича по этнографіи присуждена В. А. Мошкову за труды по этнографіи бессарабскихъ гагаузовъ. Премія имени А. П. Расцвѣтова по антропологіи присуждена В. В. Воробьеву за его монографію «Наружное ухо человѣка» и премія имени В. П. Мошнина по химіи—К. А. Красускому за шесть его химическихъ работъ. Золотыя медали общества присуждены: 1) Н. В. Богоявленскому—за совершенныя имъ три научныхъ путешествія на Памиры и 2) А. Е. Чичибанину—за представленныя на соисканіе преміи В. П. Мошнина двѣ работы по химіи. Большія серебряныя медали присуждены: А. В. Балову—за трудъ «Очерки Пошехонья»; С. А. Бутурлину и Б. М. Житкову—за научныя поѣздки на Бѣлое море, Новую Землю и о. Колгуевъ, обогатившія коллекціями зоологическій музей университета. Малыя серебряныя медали присуждены: А. Н. Абрамову, П. А. Бѣльскому, С. А. Королеву, А. Л. Маслову и А. Н. Рождественскому. Объявленіе именъ почетныхъ членовъ и присужденіе премій и наградъ сопровождались громкими рукоплесканіями публики. Н. Ю. Зографъ сообщилъ о V зоологическомъ конгрессѣ, бывшемъ въ Берлинѣ въ концѣ истекшаго лѣта и на которомъ онъ (г. Зографъ) былъ представителемъ отъ общества любителей естествознанія. Конгрессъ этотъ былъ очень удачнымъ. Всего на него записалось 720 членовъ, и явилось въ дѣйствительности 470, что́ для такого конгресса представляетъ весьма значительное число. Засѣданій было 4 общихъ, 1 экстраординарное и 14 въ 8-ми секціяхъ. Изъ секцій особенный интересъ представляли секціи экспериментальной зоологіи и зоогеографіи. Къ числу наиболѣе интересныхъ докладовъ относились о механизмѣ и витализмѣ въ объясненіи жизненныхъ явленій, значеніи патологіи для біонтотехники, вопросѣ о происхожденіи половъ (теоріи Шенка) и нѣкоторыхъ другихъ. Референтъ сообщилъ также данныя относительно современнаго состоянія берлин-

скаго зоологическаго музея и берлинскаго зоологическаго сада и относительно обстановки конгресса, иллюстрируя свое сообщеніе картинами на экранѣ. А. А. Тихомировъ сдѣлалъ сообщеніе «Сущность оплодотворенія».

Русское общество дѣятелей печатнаго дѣла. І. Въ засѣданіи общества 3-го октября было доложено объ измѣненіяхъ, сдѣланныхъ министерствомъ финансовъ въ проектѣ устава общества взаимнаго кредита дѣятелей печатнаго дѣла. Министерство финансовъ нашло возможнымъ утвердить уставъ съ тѣмъ, чтобы члены кредитнаго общества не состояли членами другихъ обществъ взаимнаго кредита, а также не разрѣшило выдавать ссуды подъ произведенія и орудія печати. Съ такими поправками проектируемое общество теряетъ свой спеціальный характеръ, становится обыкновеннымъ обществомъ взаимнаго кредита, какихъ много. Поэтому, по предложенію г. Проппера, общее собраніе постановило еще разъ ходатайствовать о разрѣшеніи устава безъ измѣненій. Затѣмъ относительно варшавскаго отдѣленія общества дѣятелей печатнаго дѣла собранію было доложено, что министерство внутреннихъ дѣлъ ставитъ условіемъ для отдѣленія веденіе всей переписки и дѣлопроизводства на русскомъ языкѣ. Иниціаторъ отдѣленія г. Ольшевскій просилъ общество ходатайствовать о разрѣшеніи, по крайней мѣрѣ, порешисываться на польскомъ языкѣ на тѣ предложенія, которыя будутъ обращены на этомъ языкѣ, а также о печатаніи публикацій въ газетахъ параллельно на русскомъ и польскомъ языкахъ. Общее собраніе рѣшило поддержать это ходатайство. Много времени заняли пренія по поводу предстоящаго 200-лѣтняго юбилея періодической печати въ Россіи. Библіологическое и литературное общества предложили обществу дѣятелей печатнаго дѣла совмѣстно разработать проектъ празднованія. Предсѣдатель русскаго литературнаго общества г. Исаковъ предложилъ подождать выбора особой комиссіи для той же цѣли изъ состава членовъ русскаго литературнаго общества. Совѣтъ общества дѣятелей печатнаго дѣла съ своей стороны находилъ нужнымъ предварительно разсмотрѣть этотъ вопросъ въ своей особой комиссіи. Въ результатѣ мнѣнія раздѣлились, и покамѣстъ никакого рѣшенія въ этомъ отношеніи не принято. Изъ отчета о дѣятельности общества видно, что къ 1-му января нынѣшняго года въ обществѣ состояло: 23 члена учредителя, 87 дѣйствительныхъ и 2 сотрудника. Въ теченіе года общество выпустило слѣдующія изданія: «Іоганъ Гутенбергъ», «Списокъ заведеній печати г. Петербурга», «Организація статистическихъ и библіографическихъ работъ», «Проектъ схемы систематическаго каталога книгъ, вышедшихъ въ Россіи въ первой половинѣ 1899 года». Наиболѣе выдающимся событіемъ въ жизни общества было устройство празднества въ честь Гутенберга. Для организаціи этого торжества была избрана особая комиссія. Въ минувшемъ году въ Москвѣ открылось отдѣленіе общества дѣятелей печатнаго дѣла, а въ скоромъ времени такое же отдѣленіе предполагается открыть и въ Варшавѣ. При обществѣ въ минувшемъ году была образована особая статистико-библіографическая комиссія подъ предсѣдательствомъ академика М. Я. Виллie. Комиссія издала уже первый выпускъ своихъ трудовъ и въ скоромъ времени предположено напечатать третій выпускъ; что касается второго выпуска (книги на иностранныхъ языкахъ), то изданіе его, вѣроятно

нѣсколько задержится. Кромѣ того, комиссія принимала участіе въ трудахъ комиссіи академіи наукъ, образованной подъ предсѣдательствомъ академика Н. Ѳ. Дубровина для упорядоченія дѣла регистрацій произведеній печати въ Россіи. II. 10-го октября, А. А. Поповицкій прочиталъ лекцію о трехкрасочномъ печатаніи. Какъ извѣстно, принципъ трехкрасочнаго печатанія основанъ на томъ, что данное цвѣтное изображеніе снимаютъ трижды черезъ различные цвѣтофильтры и такимъ образомъ на трехъ стеклахъ, покрытыхъ извѣстнымъ слоемъ, чувствительнымъ къ данному цвѣту, получаютъ три негатива основныхъ цвѣтовъ (синяго, краснаго и желтаго), соединеніе которыхъ даетъ всѣ оттѣнки спектра и, стало быть, передаетъ цвѣта воспроизводимаго оригинала. Возникновеніе идеи трехкрасочной печати относится къ началу XVIII столѣтія; но главный толчокъ къ ея развитію и распространенію дала фотографія, пріемы и процессы которой, особенно за послѣдніе годы, доведены до такого совершенства, что съ нею невольно приходится считаться не только въ техникѣ, но также въ области науки и искусства. Въ техникѣ печатнаго дѣла безъ помощи фотографіи нельзя обойтись ксилографу, цинкографу, литографу. Благодаря фотографіи, возникли и такія своеобразныя отрасли печати, какъ фототипія и километрофотографія (механическое размноженіе фотографическихъ копій на броможелатинной бумагѣ посредствомъ копированія негатива при помощи электрическаго свѣта). Въ Германіи километрофотографія настолько хорошо поставлена, что нѣкоторыя машины даютъ до 40.000 одностороннихъ оттисковъ въ день. Тѣмъ не менѣе приложеніе фотографіи къ воспроизведенію предметовъ въ натуральныхъ цвѣтахъ, несмотря на многія попытки, до сихъ поръ не увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, вслѣдствіе трудности изготовленія снимковъ и потому, что каждый снимокъ есть уникумъ. Однимъ изъ наиболѣе остроумныхъ изобрѣтателей въ этой области считается профессоръ Липманъ, который придумалъ способъ получать непосредственно цвѣтную фотографію, благодаря волнообразному движенію эѳира въ особо устроенной имъ камерѣ. Вообще о размноженіи цвѣтной фотографіи, о которой такъ много говорили еще недавно, можно только еще помечтать. Ознакомивъ со многими фотомеханическими процессами печатанія, лекторъ провелъ параллель между трехкрасочной фототипіей и трехкрасочной автотипіей. Всѣ преимущества на сторонѣ послѣдней: типографское автотипическое клише не требуетъ кропотливой ретуши негативовъ; недостатки послѣднихъ легко исправить передъ печатаніемъ; одно клише можетъ выдержать тысячи отпечатковъ (тогда какъ съ фототипной доски получается небольшое количество отпечатковъ) и, кромѣ того, можно размножить клише. На лекціи демонстрировались многіе способы фотомеханической печати. На предложеніе лектора «побесѣдовать» съ нимъ относительно прочитаннаго никто желанія не изъявилъ, несмотря на то, что слушателей было очень много. Затѣмъ предсѣдатель Русскаго общества дѣятелей печатнаго дѣла, графъ И. И. Толстой, отъ имени общества благодарилъ управляющаго экспедиціей заготовленія государственныхъ бумагъ князя Голицына, А. К. Ержемскаго и другихъ за доставленную ими возможность демонстрировать нѣкоторые способы печатанія. III. 24-го октября А. А. Поповицкій закончилъ докладъ о трехкрасочномъ печатаніи, сообщивъ основныя правила изготовленія автотипическаго

клише, уже примѣняющіяся въ печатныхъ заведеніяхъ. Насколько вообще сложенъ еще самый процессъ печатанія съ клише, видно изъ слѣдующаго: первымъ оттискивается клише для желтаго цвѣта, положимъ, отъ обѣда до вечера; на другой день, когда желтая краска просохнетъ, оттискивается до обѣда на желтомъ отпечаткѣ красное клише и въ тотъ же день послѣ обѣда приготовляютъ синее клише, съ котораго печатаютъ на слѣдующій день утромъ, когда желтая и красная краски просохнутъ. Такимъ способомъ для изготовленія трехкрасочнаго отпечатка требуется около двухъ сутокъ. А. Г. Бремзенъ очень подробно ознакомилъ съ пріемами трехкрасочнаго печатанія и оборудованіемъ самаго клише. Предсѣдатель Г. И. Франкъ заявилъ, что въ виду интереса, который возбуждаютъ техническіе вопросы среди лицъ, причастныхъ къ печатному дѣлу, въ Русскомъ обществѣ дѣятелей печатнаго дѣла по субботамъ будутъ происходить бесѣды на всевозможныя темы.

НЕКРОЛОГИ.

Алипій. Въ № 913 «Россіи» напечатанъ слѣдующій некрологъ монаха-живописца о. Алипія: «Намъ сообщаютъ съ Валаама, что монастырь тамошній потерялъ одного изъ самыхъ выдающихся своихъ представителей, въ лицѣ отца Алипія, болѣе четверти вѣка управлявшаго монастырскою художественною мастерскою. О. Алипій — ученикъ старой академіи, хорошо зналъ Шишкина и другихъ знаменитыхъ мастеровъ нашихъ. На одной изъ академическихъ выставокъ работы Алипія (уже монаха) получили первую награду за композицію. Обязанный уйти цѣликомъ въ иконопись, связанный канономъ, Алипій не могъ развить въ себѣ сильнаго красочнаго чувства, колоритъ его работъ робокъ и наивенъ, но тѣмъ ярче выступаютъ достоинства его, какъ художника съ рѣдкою мощью и правильностью строгаго рисунка. Это, быть можетъ, нашъ еще неизвѣстный и мало оцѣненный Фра-Анджелико. Въ новомъ Валаамскомъ соборѣ и въ скитахъ валаамскихъ много работъ о. Алипія, производящихъ глубокое, теплое, задушевное впечатлѣніе. Педагогическое вліяніе этого скромнаго человѣка было громадно: вѣдь Валаамъ — учитель иконописи почти на весь русскій сѣверъ. Черезъ руки о. Алипія прошла не одна сотня учениковъ-иконописцевъ. О. Алипію посвящено Вас. Ив. Немировичемъ-Данченко немало страницъ въ его «Крестьянскомъ царствѣ». Скончался о. Алипій еще въ концѣ сентября».

† **Брожъ, К. І.** 9-го ноября, въ Маріинской больницѣ, въ Петербургѣ, скончался, на 65 году жизни, художникъ Карлъ Іосифовичъ Брожъ, болѣе сорока лѣтъ работавшій въ русскихъ иллюстрированныхъ изданіяхъ. Покойный — чехъ по происхожденію, сынъ небогатаго служащаго въ торговой конторѣ, въ Прагѣ; К. І. воспитывался въ пражской реальной школѣ, затѣмъ поступилъ въ Вѣнскую академію художествъ, по окончаніи которой занялся иллюстрированіемъ чешскихъ народныхъ календарей, расходящихся въ сотняхъ тысячъ

экземпляровъ. Въ 1858 г., А. О. Бауманъ, предпринимая изданіе «Иллюстраціи», пригласилъ въ сотрудники къ себѣ Брожа, и съ тѣхъ поръ покойный сталъ исключительно русскимъ иллюстраторомъ. Онъ очень много рисовалъ для «Иллюстраціи», работалъ въ «Сынѣ Отечества» (А. В. Старчевскаго), въ «Иллюстрированной Недѣлѣ», «Невѣ», въ «Русской Старинѣ» и главнымъ образомъ во «Всемірной Иллюстраціи» Гоппе (съ 1869 г.), гдѣ съ 1887 года до самаго прекращенія журнала завѣдывалъ художественнымъ отдѣломъ.

Веселовскій, К. С. 3-го ноября, скончался ординарный академикъ императорской академіи наукъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Константинъ Степановичъ Веселовскій. Покойный родился 20-го мая 1819 года и дѣтство провелъ въ имѣніи своего отца въ Екатеринославской губерніи. Образованіе получилъ въ Царскосельскомъ лицеѣ (нынѣ Александровскій лицей), курсъ въ которомъ окончилъ съ золотой медалью. Дѣятельность началъ на административномъ поприщѣ, служилъ въ министерствахъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ. Знакомство съ такими выдающимися дѣятелями, какъ графъ Д. Н. Блудовъ, Вл. и Н. Ал. Милютины, князь Вл. Ѳ. Одоевскій, Надеждинъ и другіе, вызвало у него желаніе заняться литературнымъ трудомъ. Онъ усиленно принялся за изученіе и разработку экономическихъ вопросовъ и въ этой области пріобрѣлъ вскорѣ извѣстность. Въ 1840-хъ годахъ въ «Журналѣ министерства внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ», въ «Отечественныхъ Запискахъ» и въ изданіяхъ географическаго общества появился цѣлый рядъ его изслѣдованій по вопросамъ финансовымъ, политико-экономическимъ, статистики и сельскохозяйственнымъ. Изслѣдованія эти значительно обогатили тогдашнюю отечественную ученую литературу и указали новые пути въ отечествовѣдѣніи. Разработанная покойнымъ статистика недвижимыхъ имуществъ въ Петербургѣ обратила на молодого ученаго общее вниманіе, академія же наукъ пригласила его въ 1852 году въ адъюнкты по статистикѣ и политической экономіи. Черезъ три года К. С. былъ избранъ въ дѣйствительные члены академіи. Къ этому времени относятся главнѣйшіе литературные труды покойнаго. По его иниціативѣ и его трудами была издана въ 1855—1856 гг. первая подробная почвенная карта Россіи, долгое время служившая образцомъ для дальнѣйшихъ работъ въ этомъ направленіи. Въ томъ же 1856 году былъ изданъ Веселовскимъ первый хозяйственно-статистическій атласъ Россіи, въ который была включена первая климатическая карта Россіи. Въ 1857 году вышло капитальное и объемистое изслѣдованіе покойнаго «О климатѣ Россіи», давшее разъясненіе воздѣйствій, оказываемыхъ климатическими особенностями на сельское хозяйство Россіи. Это изслѣдованіе удостоено императорскимъ географическимъ обществомъ Констанстиновской золотой медали. Одновременно К. С. принималъ живое участіе по изданію «Журнала министерства государственныхъ имуществъ», сперва въ качествѣ помощника редактора, а съ 1857 г. въ качествѣ редактора.

Въ академической средѣ К. С. сумѣлъ въ короткое время пріобрѣсти такой вѣсъ и значеніе, что былъ избранъ уже въ 1857 г. непремѣннымъ секретаремъ академіи. Онъ несъ обязанности этого званія въ теченіе 32-хъ лѣтъ, завѣдывалъ учеными дѣлами академіи, велъ отъ ея имени переписку съ учеными

учрежденіями, составлялъ отчеты объ ученыхъ занятіяхъ академиковъ и снаряжаемыхъ отъ академіи экспедиціяхъ, председательствовалъ въ отдѣльныхъ комиссіяхъ, и во всѣхъ текущихъ дѣлахъ проявлялъ свою энергію и замѣчательныя способности. Въ качествѣ непремѣннаго секретаря покойный былъ первымъ русскимъ ученымъ со времени учрежденія академіи. Его предшественниками были Миддендорфъ, Мюлеръ, Штелингъ и математики Фуссы, отецъ и сынъ. Ординарнымъ академикомъ К. С. былъ избранъ въ 1859 году. Продолжая разрабатывать научные вопросы, покойный явился организаторомъ и руководителемъ правильныхъ метеорологическихъ наблюденій въ различныхъ сельскохозяйственныхъ учрежденіяхъ, подвѣдомственныхъ министерству государственныхъ имуществъ.

Помимо разнообразныхъ занятій собственно по академіи наукъ покойный принималъ дѣятельное участіе и въ разработкѣ нѣкоторыхъ общегосударственныхъ вопросовъ. Въ 1857—1858 гг. онъ былъ привлеченъ къ участію въ комитетѣ при морскомъ министерствѣ для составленія положенія о пенсіонной эмеритальной кассѣ, въ 1860 году участвовалъ въ подготовительной комиссіи по вопросу о пересмотрѣ пенсіоннаго устава и въ 1862 году, при пересмотрѣ постановленій по дѣламъ книгопечатанія, разработалъ, въ качествѣ члена особой комиссіи, проектъ законоположеній о повременныхъ изданіяхъ, вошедшій впослѣдствіи во II главу правилъ о цензурѣ и печати.

За свои ученые труды покойный былъ избранъ въ почетные члены многихъ ученыхъ учрежденій и обществъ; за усердную службу имѣлъ ордена до св. Александра Невскаго включительно. Умеръ онъ на 83-мъ году. (Некрологи его: «Новое Время» 1901 г., № 9221; «Россія» 1901 г., № 908).

Девятовъ, Ѳ. Ѳ. 9 сентября въ с. Курагинскомъ, Минусинскаго уѣзда, скончался самоучка-агрономъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Девятовъ. Газета «Сибирская Жизнь» посвящаетъ покойному обширный некрологъ, откуда мы и заимствуемъ ниже приводимыя свѣдѣнія. Девятовъ—по происхожденію крестьянинъ Владимирской губерніи изъ семьи офеней; мальчикомъ онъ былъ привезенъ въ г. Минусинскъ и опредѣленъ въ приказчики, но сильное тяготѣніе къ землѣ заставило бросить городъ, уйти въ село и отдаться на всю жизнь земледѣльческому труду.

Онъ внесъ въ этотъ трудъ всю свою недюжинную энергію, и стремился опытнымъ путемъ привить возможныя улучшенія въ крестьянское мелкое хозяйство. Вездѣ, гдѣ только возможно было, Ѳ. Ѳ. являлся представителемъ земледѣльческой культуры края, выставляя ея произведенія на всевозможныхъ выставкахъ, и за нихъ имѣлъ нѣсколько медалей: серебряную на сельско-хозяйственной выставкѣ въ Красноярскѣ 1892 г., малую золотую на той же выставкѣ и похвальные отзывы на всемірной выставкѣ въ Чикаго и всероссійской—въ Нижнемъ Новгородѣ. Конференція императорской академіи наукъ, въ засѣданіи 17-го мая 1900 г., утвердила Девятова корреспондентомъ главной физической обсерваторіи «за оказанную наукѣ и обсерваторіи пользу», а «за заслуги, оказанныя сельскому хозяйству», министерство земледѣлія 16-го февраля 1900 года предоставило ему право на ношеніе членскаго знака корреспондентовъ отдѣла сельскаго хозяйства; кромѣ того, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири 15-го

іюня 1891 г. наградилъ его «золотымъ перстнемъ изъ числа подарковъ, высланныхъ изъ кабинета его императорскаго величества», за труды «по развитію и улучшенію сельскаго хозяйства, а также за проявленное имъ участіе въ дѣлѣ наилучшаго устройства быта переселенцевъ».

Покойный былъ постояннымъ корреспондентомъ газеты «Енисей» и попечителемъ курагинской народной школы; онъ сумѣлъ устроить въ Курагинѣ народную библіотеку-читальню. Живя на мельницѣ около села Курагина, Девятовъ имѣлъ питомникъ іоркширскихъ свиней, улучшенную породу рогатаго скота (изъ голландской), до послѣдняго времени занимался опытами травосѣнія и другими попытками вносить улучшенія въ сельско-хозяйственную культуру края.

Человѣкъ безъ всякаго школьнаго образованія, покойный, по словамъ «Сибирской Жизни», поражалъ при первомъ же знакомствѣ своимъ образованіемъ и массой пріобрѣтенныхъ знаній.

Дмитріева, В. М. 18 октября, въ Петербургѣ, скончалась женщина-врачь Вѣра Михайловна Дмитріева. Покойная принадлежала къ первому выпуску женщинъ-врачей и была горячей поборницей женскаго образованія. Отличаясь рѣдкой добротой, В. М. чутко и задушевно относилась къ учащейся молодежи: нужно ли было выручить изъ бѣды, дать пріютъ или пріискать работу,—покойная всегда дѣлала это просто и искренно. Послѣднія девять лѣтъ покойная служила школьнымъ врачемъ при городскихъ училищахъ и до послѣдняго времени не покидала службы, несмотря на настоянія лѣчившихъ ее врачей. Послѣ покойной остался большой матеріалъ по изслѣдованію физическаго развитія городскихъ школьниковъ, измѣреніе и взвѣшиваніе которыхъ въ нѣкоторыхъ школахъ она вела систематически изъ года въ годъ. Пошатнувшееся здоровье не дало возможности Вѣрѣ Михайловнѣ обработать этотъ матеріалъ, о чемъ часто жалѣла покойная. Кромѣ дѣятельности школьнаго врача, Вѣра Михайловна читала лекціи о поданіи первой помощи въ земской учительской школѣ. (Некрологъ ея: «Россія» 1901, № 894).

Езбера, Ѳ. И. 22 октября, въ Варшавѣ, скончался доцентъ Варшавскаго университета по каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій Ѳедоръ Ивановичъ Езбера. Покойный родился въ м. Брезницы въ Чехіи въ 1829 г. въ крестьянской семьѣ. Ученикъ и послѣдователь Коллара, Шафарика и Палацкаго, онъ принадлежалъ къ славной плеядѣ культурныхъ воскресителей чешскаго народа. Путешествуя въ молодости по Россіи, онъ составилъ любопытную коллекцію предметовъ, этнографическихъ рисунковъ, моделей, иконъ и т. п. и изъ нихъ устроилъ въ Варшавѣ хорошо извѣстный «Всероссійскій музей» (обширное описаніе и каталогъ музея изданъ въ Варшавѣ въ 1879 г.). Въ Варшавѣ Ѳ. И. поселился въ 1869 г., когда былъ приглашенъ въ доценты университета тогдашнимъ ректоромъ П. А. Лавровскимъ и занималъ каѳедру до послѣднихъ дней своей жизни.

Вся литературная и общественная дѣятельность Езберы была посвящена пропагандѣ его излюбленной идеи—«вѣрѣ въ спасительность для всѣхъ западныхъ славянъ, употребляющихъ латинское письмо, перехода къ славянскому письму, т. е. къ кириллицѣ, признаніе необходимости полнаго объединенія

славянъ хоть въ письмѣ, какъ могучемъ факторѣ литературной взаимности. Такое объединеніе онъ считалъ самымъ первымъ условіемъ conditio sine qua non—успѣховъ славянскаго культурнаго единенія и взаимнаго сближенія». (См. статью К. Грота въ «Новомъ Времени» 1901 г., № 9227).

Рядъ его многочисленныхъ работъ, брошюръ и статей на ту же тему начался еще въ 1858 г. брошюрой (по-чешски): «Кириллъ и Мефодій, св. апостолы славянскихъ народовъ, никогда не писали глаголицей, а кириллицей» (Прага). Въ 1860 г. слѣдовала его статья: «О письменахъ всѣхъ славянъ». Съ этого времени большая часть его брошюръ, писанныхъ на чешскомъ языкѣ, печаталась или одной кириллицей, или паралельно этимъ шрифтомъ и латиницей. Такъ, русскимъ шрифтомъ и въ русско-славянскомъ духѣ издавался имъ въ бурную эпоху 1863 года журналъ «Словесникъ». Кромѣ указанныхъ произведеній, перу Эзберы принадлежатъ слѣдующія статьи—брошюры: «Воспоминаніе о Я. Колларѣ» (Upominka na I. Kollára, Praha, 1860 г.); «Посланіе ко всѣмъ священникамъ, учителямъ и художникамъ славянскимъ о томъ, какъ слѣдуетъ справить 1000-лѣтнюю память апостоловъ Кирилла и Мефодія», (1861 г.); «Русскіе, сербы, поляки и чехи etc.» (полемика съ разными чешскими политическими газетами въ 1863 г.); «Ко всѣмъ моимъ славянскимъ друзьямъ» (посланіе въ стихахъ, 1864 г.); «О Коперникѣ, славномъ польскомъ астрономѣ» (1865 по-польски и по-чешски, русскимъ письмомъ); «Первый чешско-славянскій букварь славянскимъ шрифтомъ» (три изданія, въ 1865 и 1866 гг.) и т. д. (Некрологъ его: «Новое Время», № 9227, прилож.; «Россія» 1901, № 905).

Ковалевскій, А. О. 9-го ноября, въ Петербургѣ, скоропостижно, отъ кровоизліянія въ мозгу, скончался ординарный академикъ императорской академіи наукъ и заслуженный профессоръ С.-Петербургскаго университета Александръ Онуфріевичъ Ковалевскій.

Покойный родился 7-го ноября 1840 г. въ Витебской губ. Въ Петербургскомъ университетѣ А. О. слушалъ лекціи по разряду естественныхъ наукъ. Студентомъ второго курса онъ отправился за границу и слушалъ лекціи въ Гейдельбергскомъ и Тюбингенскомъ университетахъ. Вернувшись черезъ годъ, онъ выдержалъ испытаніе на степень кандидата естественныхъ наукъ и вновь отправился за границу. На 25-мъ году отъ роду, покойный блестяще защитилъ въ Петербургскомъ университетѣ диссертацію «Исторія развитія ланцетника» (Amphioxus lanceolatus), представленную имъ для полученія степени магистра зоологіи. Въ 1866 г. онъ былъ приглашенъ на должность хранителя зоологическаго музея при Петербургскомъ университетѣ и въ качествѣ приватъ-доцента читалъ курсъ сравнительной анатоміи.

Въ 1867 г. А. О. послѣ защиты диссертаціи «О развитіи Phoronis» удостоенъ степени доктора зоологіи. Въ слѣдующемъ году молодой ученый опубликовалъ рядъ работъ о развитіи асцидій, голотурій, ктенофоръ и др., явившихся цѣннымъ вкладомъ въ эмбріологическую литературу и сразу создавшихъ покойному крупное имя въ ученомъ мірѣ. Въ 1868 г. Казанскій университетъ предложилъ ему занять каѳедру зоологіи, въ 1869 г. онъ перешелъ на ту же каѳедру въ университетъ св. Владимира, въ 1870 г. совершилъ

поѣздку на Красное море и вывезъ оттуда богатѣйшую колекцію морскихъ животныхъ, поступившую въ зоологическій музей университета. Экскурсія въ Алжиръ въ 1873 г. доставила ему матеріалы для работы о развитіи руконогихъ. Съ 1873 г. по 1887 г. А. О. былъ профессоромъ и нѣкоторое время проректоромъ Новороссійскаго университета. Въ 70-хъ годахъ академія наукъ присудила ему Бэровскую премію за соч. «Embryologische Studien an Würmern und Arthropoden и въ 1890 г. избрала его въ ординарные академики по зоологіи, командировавъ его съ ученою цѣлью на югъ Россіи. Въ 1901 г. покойный занялъ каѳедру гистологіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ.

А. О. былъ избранъ въ разное время членомъ-корреспондентомъ Брюссельской и Туринской академій наукъ, Harvard College въ Соединенныхъ Штатахъ, почетнымъ членомъ Cambridge Philosophial Society, въ члены Лондонскаго королевскаго общества и почетнымъ членомъ Моденскаго общества натуралистовъ.

Профессоръ В. Фаусекъ въ своей статьѣ о покойномъ А. О. характеризуетъ его ученую дѣятельность слѣдующимъ образомъ:

«Первая половина дѣятельности Ковалевскаго была посвящена, главнымъ образомъ, эмбріологіи безпозвоночныхъ; ему преимущественно принадлежитъ заслуга примѣненія ко всѣмъ животнымъ ученія о зародышевыхъ листахъ, установленнаго первоначально (К. Э. Бэръ) для позвоночныхъ животныхъ. Именно въ этой области имя его повторяется постоянно рядомъ съ Мечниковымъ; съ конца шестидесятыхъ годовъ имъ обоимъ принадлежитъ длинный рядъ работъ, давшихъ наукѣ огромное количество новыхъ фактовъ. Наблюденія, главнымъ образомъ, Ковалевскаго послужили Геккелю къ построенію блестящихъ филогенетическихъ теорій (теорія гастреи), которыя устарѣли и поблекли гораздо раньше, чѣмъ работы Ковалевскаго перешли въ область исторіи. Когда въ 1880 г. талантливый, рано погибшій англичанинъ Бальфуръ написалъ первый учебникъ сравнительной эмбріологіи всѣхъ животныхъ,—въ эмбріологіи безпозвоночныхъ имена Ковалевскаго и Мечникова попадались чуть не на каждой страницѣ.

«Съ половины восьмидесятыхъ годовъ пути дѣятельности Ковалевскаго и Мечникова разошлись. Мечниковъ переселился въ Парижъ и здѣсь, въ пастеровскомъ институтѣ, разрабатывая геніальную теорію фагоцитоза, погрузился цѣликомъ въ изученіе бактеріологіи и общей патологіи. Ковалевскій въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ работалъ въ области физіологіи и микроскопической анатоміи низшихъ животныхъ съ неменьшимъ счастьемъ и успѣхомъ, чѣмъ раньше въ эмбріологіи.

«Ковалевскій былъ типъ ученаго. Онъ былъ немыслимъ внѣ своей научной дѣятельности; она наполняла всю его жизнь, владѣла всѣми его думами. Съ неустаннымъ трудолюбіемъ и жаднымъ исканіемъ истины онъ работалъ всю жизнь, не зная отдыха. Годы не наносили ущерба ни его трудовой способности, ни всепоглощающей жаждѣ познанія. Къ отвлеченному мышленію, къ теоретическимъ построеніямъ у него не было наклонности; работая въ самый разгаръ увлеченія дарвинизмомъ, геккелизмомъ и филогенетической зоологіей, онъ самъ крайне рѣдко вступалъ въ теоретическое обсужденіе своихъ изслѣ-

дованій, предоставляя это дѣлать другимъ. Онъ былъ великій искатель—искатель и находитель. «Der hat wenig theoretisiert, aber viel gefunden»,—говорилъ мнѣ о немъ одинъ тоже первоклассный европейскій ученый. Въ самое послѣднее время онъ готовился предпринять поѣздку, съ научной цѣлью, въ Бейтенцоргъ, на островъ Яву». (Некрологи его: «Нов. Вр.» 1901, № 9227; «Россія» 1901, № 914).

Сапіенца, Д. П. 27-го октября, въ Петербургѣ, скончался одинъ изъ старѣйшихъ тружениковъ повременной печати, старшій помощникъ редактора «Правительственнаго Вѣстника» Димитрій Петровичъ Сапіенца. Покойный—сынъ итальянскаго пѣвца, по окончаніи С.-Петербургскаго университета со степенью кандидата камеральныхъ наукъ, въ 50-хъ годахъ поступилъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ, откуда вскорѣ же перешелъ въ морское министерство, а въ 1861 году вышелъ въ отставку. Въ концѣ 1861 г., когда возникъ впервые правительственный органъ печати, подъ редакторствомъ Никитенко, «Сѣверная Почта», Д. А. принялъ обязанности переводчика иностраннаго отдѣла; этотъ отдѣлъ покойный велъ до самой смерти и въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», преобразованномъ въ 1869 году изъ «Сѣверной Почты». Кромѣ того, Д. А. принималъ участіе въ веденіи политическаго отдѣла въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Покойный прослужилъ болѣе 40 лѣтъ, пользуясь общимъ уваженіемъ со стороны всѣхъ своихъ сослуживцевъ.

Сибиряковъ, И. М. 9-го ноября, на Аѳонѣ, въ Андреевскомъ монастырѣ, скончался меценатъ-благотворитель Иннокентій Михайловичъ Сибиряковъ. Сынъ крупнаго сибирскаго золотопромышленника, покойный родился въ Иркутскѣ въ 1860 году и образованіе получилъ въ Петербургскомъ университетѣ. Съ первыхъ же шаговъ самостоятельной жизни И. М. обратилъ вниманіе на необходимость просвѣщенія въ Сибири и на пользу его употребилъ немало средствъ. Такъ имъ сдѣланы крупныя пожертвованія Томскому университету; восточно-сибирскому отдѣлу императорскаго географическаго общества; на устройство публичной библіотеки въ Ачинскѣ, на образованіе капитала имени его отца для выдачи пособій пріисковымъ рабочимъ; на открытіе въ Петербургѣ анатомическаго института.

Интересуясь исторіей Сибири, И. М. охотно субсидировалъ и даже самъ издавалъ труды по описанію своего родного края. Имъ изданы, между прочимъ, «Историческое Обозрѣніе Сибири» В. А. Словцова, «Сибирская библіографія» В. И. Межова, «Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ» В. И. Семевскаго, «Верхоянскій сборникъ», «Якутскія пѣсни, сказки, пословицы, загадки», собранныя И. А. Худяковымъ, «Сибирскіе мотивы» и мн. др. Большую услугу оказалъ Инн. Мих. русскому обществу, давши покойному библіографу В. И. Межову матеріальныя средства для окончанія капитальнѣйшаго его труда «Русская историческая библіографія за 1810—1858 гг.». Въ заботахъ объ изученіи Сибири покойный жертвовалъ много и на организацію ученой экспедиціи Г. Н. Потанина.

Послѣдніе годы Инн. Мих. жилъ почти исключительно въ монастыряхъ, увлекаясь аскетической жизнью; переѣзжая изъ монастыря въ монастырь, онъ до-

стигъ Аѳона и здѣсь поселился на постоянное житье въ Андреевскомъ монастырѣ, гдѣ и скончался на 41 году жизни.

Флиттнеръ, Д. Б. 8-го ноября, въ Петербургѣ, скончался ординаторъ городской Калинкинской больницы Давидъ Богдановичъ Флиттнеръ. Покойный родился въ Петербургѣ 5-го октября 1841 года. По окончаніи курса въ медико-хирургической академіи въ 1868 году, онъ тотчасъ же получилъ мѣсто ординатора въ мужской Обуховской больницѣ; въ томъ же году Д. Б. принялъ въ завѣдываніе мужское отдѣленіе Александровской въ память 19-го февраля 1861 г. больницы, а черезъ годъ перешелъ въ Калинкинскую больницу, гдѣ и оставался до самой смерти. Съ 1876 по 1878 годъ покойный завѣдывалъ тифознымъ отдѣленіемъ Обуховской больницы, а съ 1875 по 1878 годъ—палатами въ терапевтическомъ отдѣленіи больницы св. Николая Чудотворца. Съ 1879 до 1885 года, онъ состоялъ врачемъ для бѣдныхъ вѣдомства медико-филантропическаго комитета императорскаго человѣколюбиваго общества. Въ концѣ 70-хъ годовъ Д. Б. непрерывно въ теченіе трехъ лѣтъ завѣдывалъ амбулаторнымъ пріемомъ по накожнымъ болѣзнямъ въ лѣчебницѣ Крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія, а во время русско-турецкой войны 1877—1878 годовъ—военнымъ лазаретомъ лейбъ-гвардіи коннаго полка и занимался обученіемъ фельдшерскихъ учениковъ, подготовлявшихся къ дѣятельности на театрѣ военныхъ дѣйствій. Въ 1888 году онъ былъ прикомандированъ къ медицинскому департаменту министерства внутреннихъ дѣлъ, а съ осени 1889 года состоялъ врачемъ-спеціалистомъ Максимиліановской лѣчебницы. Покойный состоялъ членомъ русскаго сифилидологическаго и дерматологическаго общества.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

«Нѣчто о новомъ изданіи сочиненій Бѣлинскаго».

Просматривая цѣнныя и весьма интересныя примѣчанія С. А. Венгерова въ первыхъ 4 томахъ новаго изданія сочиненій Бѣлинскаго (Спб., 1900—1901 г.), мы встрѣтили одно недоразумѣніе, на которое считаемъ не лишнимъ указать здѣсь.

Въ началѣ своей статьи «Литературныя мечтанія» (т. I, стр. 309) Бѣлинскій, перечисляя нѣсколько литературныхъ именъ, «смѣнившихъ, но не замѣнившихъ» прежнихъ корифеевъ литературы—Пушкина, Баратынскаго и др., называетъ, между прочимъ, поэта Тимоѳеева, о которомъ въ примѣчаніи отъ редакціи (ibidem, стр. 414, прим. 4-е) читаемъ:

«Константинъ Акимовичъ Тимоѳеевъ († 25 марта 1881 г.) болѣе чѣмъ посредственный поэтъ, котораго, однако, лишенный вкуса Брамбеусъ-Сенковскій ставилъ рядомъ съ Пушкинымъ. Станкевичъ относился къ нему скептически (переписка, 113)».

К. А. Тимоѳеевъ, болѣе извѣстный въ литературѣ, какъ переводчикъ сочиненія Гервинуса о Шекспирѣ (Спб., 1862—1875 г., 4 т.), если не ошибаемся, началъ свою литературную дѣятельность не ранѣе половины 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія («Генрихъ Песталоцци», біографическій очеркъ, Спб., 1856 г.; 2-е изд. 1877 г., «О направленіи и единствѣ преподаванія въ гимназіяхъ» («Журналъ министерства народнаго просвѣщенія» 1856 г., № 11)—вотъ болѣе ранніе, изъ извѣстныхъ намъ, труды Тимоѳеева. Съ поэтомъ Тимоѳеевымъ, современникомъ Бѣлинскаго, онъ ничего общаго не имѣлъ, и не о немъ, конечно, шла рѣчь въ статьѣ «Литературныя мечтанія», напечатанной въ 1834 г. Бѣлинскій имѣлъ въ виду автора мистерій—«Жизнь и смерть» («Библіотека для Чтенія» 1834 г., кн. 8) и «Послѣдній день» (ibid., кн. 10) и многихъ другихъ произведеній въ стихахъ и прозѣ, напечатанныхъ въ «Библіотекѣ для Чтенія», «Сынѣ Отеч.», «Маякѣ» и др. изданіяхъ 30-хъ и 40-хъ гг., Алексѣя Васильевича Тимоѳеева, который родился 15 марта 1812 г., а умеръ 1 іюля 1883 г. (См. о немъ «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей» Д. Д. Языкова, вып. III, Спб., 1887 г., стр. 76—77, вып. IV, Спб., 1888 г., стр. 12, и вып. VII, М., 1893 г., стр. IV, гдѣ подробно указаны его труды, а также «Энциклопедическій словарь» Брокгауза и Ефрона, т. XXXIII, Спб., 1901 г., стр. 189—190). Ошибка эта повторена и въ примѣчаніи къ разбору Бѣлинскаго сочиненія А. В. Тимоѳеева—«Художникъ», подписаннаго псевдонимомъ Т. м. ф. ъ (т. II, стр. 540, прим. 152).

Кстати отмѣтимъ нѣкоторыя неточности въ датахъ:

И. Т. Калашниковъ, авторъ романовъ «Дочь купца Жолобова» (Спб., 1832), «Камчадалка» (Спб., 1833 г.) и др., умеръ не въ 1855 г. (т. I, стр. 414, прим. 6), а 8 сентября 1863 г. (См. «Историко-литературный календарь» С. И. Пономарева въ «Русскомъ календарѣ» А. Суворина на 1880 г., стр. 101), Ив. Ѳед. Калайдовичъ (т. II, стр. 517) умеръ не 7 апрѣля, а 7 августа 1853 г. (См. «Мѣсяцесловъ» на 1855 г., стр. 233, и «Русскій календарь» А. Суворина на 1880 г., стр. 100).

Къ сожалѣнію, въ изданіи встрѣчаются досадныя ошибки и отъ корректурныхъ недосмотровъ, какъ, напримѣръ: вмѣсто «Литературныя прибавленія къ Инвалиду»—«Инвалидныя прибавленія къ литературѣ» (т. I, стр. 309, въ примѣчаніи), періодъ жизни Н. В. Станкевича вмѣсто 1813 — 1840 означенъ годами 1830—1840 (ibid., стр. 420) и т. п.

Все это, конечно, мелочи, вполнѣ возможныя и почти неизбѣжныя въ подобныхъ случаяхъ, но все же хотѣлось бы думать, что имъ не будетъ болѣе мѣста въ изданіи, поистинѣ достойномъ памяти великаго критика.

К. П. Альбицкій.

II.

По поводу легенды о царицѣ Тамарѣ.

Въ январской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за текущій годъ, въ очеркѣ г. Уманца «На берегахъ Куры», по поводу легенды, связанной съ именемъ Тамары и послужившей Лермонтову сюжетомъ извѣстнаго стихотворенія,

высказано предположеніе о возможныхъ прототипахъ легендарной Тамары (авторъ указываетъ на двухъ царицъ, жившихъ въ XVII вѣкѣ).

Если легенда эта дѣйствительно народная, то она должна была сложиться не позднѣе XIII вѣка, а странную связь ея съ именемъ Тамары объяснить не трудно.

Царствованіе Тамары было временемъ величайшаго могущества Грузіи, и сама Тамара, царица-красавица, была окружена ореоломъ и величія и поэзіи. Народная память, конечно, должна была отмѣтить, что въ это золотое время Грузіи царствовала царица, а не царь, что само по себѣ дѣйствительно составляетъ сказочное явленіе въ исторіи народа, никогда не имѣвшаго отдыха отъ кровопролитныхъ войнъ.

Величавый образъ такой царицы долженъ былъ затмить въ народной поэзіи блѣдные образы другихъ царицъ, не бывшихъ только женами царей (какъ Дареджана и Тамара Дадіани), а царствовавшихъ лично, и въ сказаніяхъ должно было сохраниться преимущественно одно имя,—имя Тамары, а между тѣмъ въ Грузіи была еще сказочная царица, жизнь и царствованіе которой тоже должны были создать легенды и которая одна только могла быть прототипомъ легенды о царицѣ вакханкѣ.

Послѣ Тамары царствовалъ Георгій Лаши, ея сынъ, а ему наслѣдовали Русудана, если не ошибаюсь, дочь Тамары. Царствованіе Русуданы окончилось кровавымъ разгромомъ Тифлиса персами, а причиной разгрома была сама Русудана, такъ какъ цѣлью вторженія хана была она сама.

Русудана была царица-вакханка, державшая иногда въ крѣпкой башнѣ, въ неволѣ, по два случайныхъ любимца одновременно. Такихъ замковъ, пріютовъ ея утѣхъ, было, кажется, нѣсколько.

Ея вакхическія похожденія не могли не создать легенды, но имени ея народная поэзія, полная именемъ величавой Тамары, могла не сохранить, а созданная о ней, Русуданѣ, легенда оказалась связанной съ именемъ Тамары, единой памятной, народной царицы. Такое сліяніе двухъ лицъ въ одинъ легендарный образъ, несомнѣнно, случалось часто.

Историческій образъ Тамары, конечно, не похожъ на легендарный образъ царицы, цѣной любви которой была смерть, но, ради Тамары и ея любви, сильная тогда Грузія пролила немало крови, такъ какъ первый мужъ Тамары, русскій княжичъ Георгій (Юрій), не одинъ разъ вторгался въ Грузію (кажется, изъ Трапезондскаго царства), но былъ разбитъ вторымъ мужемъ Тамары, Давидомъ Сослони.

Не создалась ли, благодаря этому историческому эпизоду, какая нибудь легенда о страданіяхъ за любовь Тамары? Если такая легенда была, то съ нею легко могли слиться всѣ позднѣйшія легенды о Русуданѣ, ради любви которой было пролито море крови.

Вл. Зубовъ.

III.

Къ статьѣ о Симбирскихъ пожарахъ.

Недавно только попала мнѣ въ руки январская книжка журнала «Историческій Вѣстникъ» за 1901 годъ, а потому я и не могла ранѣе сдѣлать необходимую поправку, которую теперь и прошу напечатать.

Въ статьѣ «Разсказъ очевидца о пожарахъ въ Симбирскѣ въ 1864 году» на стр. 232 г. В. Дублицкій разсказываетъ о посылкѣ губернаторомъ къ погорѣльцамъ баталіоннаго командира майора Бендерскаго и говоритъ: «такъ какъ Бендерскій былъ полякъ, и т. д.»...

Считаю долгомъ исправить ошибку г. Дублицкаго и заявить, что отецъ мой, Михаилъ Константиновичъ Бендерскій (тогда майоръ и командиръ баталіона мѣстныхъ войскъ) былъ православнымъ и крестникомъ великаго князя Михаила Павловича, происходя, какъ значится въ послужномъ спискѣ, изъ дворянъ Петербургской губерніи. Отецъ мой—внукъ родоначальника фамиліи Бендерскихъ, Александра Петровича, при взятіи города Бендеръ ребенкомъ найденнаго русскими войсками во дворцѣ бендерскаго паши. Мальчикъ этотъ былъ привезенъ въ С.-Петербургъ, крещенъ и съ фамиліей Бендерскій воспитанъ при высочайшемъ дворѣ, а затѣмъ въ Пажескомъ корпусѣ. Вѣроятно, г. Дублицкій введенъ былъ въ заблужденіе фамиліей, оканчивающейся на «скій».

А. М. Врянчанинова, урожденная Бендерская.

УКАЗАТЕЛЬ
ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,
УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ
„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА"
1901 г. [1]).

А.

[1]) Въ «Указатель» не включены личныя имена, упоминаемыя въ историческихъ романахъ, беллетристическихъ статьяхъ и приложеніяхъ.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

I.

К.

Л.

M.

Н.

О.

Р.

С.

Т.

Ц.

Ч.

Ш.

Ю.

Я.

Ѳ.

УКАЗАТЕЛЬ
ГРАВЮРЪ,
ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ
„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“
1901 Г.

Портреты:

Виды городовъ, мѣстностей, зданій и памятниковъ.

Разные рисунки.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ"

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемѣсячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ безплатно, за пересылку въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ НОЯБРѢ 1901 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 11-й.

I. Богословіе.

Глаголевъ, С. С. Религія Китая. М. 1901. Ц. 35 к.

Исторія христіанской церкви въ XIX вѣкѣ. Изд. А. П. Лопухина. Томъ II. Православный Востокъ. Петроградъ. 1901. Ц. 2 р. 50 к.

Лепорскій, П. Исторія Өессалоникскаго экзархата до времени присоединенія его къ константинопольскому патріархату. Спб. 1901. Ц. 3 р.

Мірянинъ. Нищіе духомъ. Объясненіе первой заповѣди блаженства. Спб. 1902. Цѣна 10 коп.

Сергій, архим. Законъ Божій, написанный въ сердцѣ человѣка. Спб. 1901. Ц. 15 к.

Субботинъ, Н. И., проф. «Дружба паче правды», заключенная между еретикомъ Швецовымъ и обличителемъ его Механиковымъ. М. 1901. Ц. 20 к.

— Объ исповѣди бѣглаго греческаго митрополита Амвросія предъ бѣглымъ раскольническимъ попомъ Іеронимомъ и замѣтка объ основателяхъ Бѣлой-Криницы. М. 1901. Ц. 15 к.

— О бесѣдѣ іезуита Шептицкаго съ о. Пафнутіемъ. М. 1901. Ц. 10 к.

II. Философія, психологія, логика.

Джемсъ, В., проф. Стоитъ ли жить? Перев. съ англ. Изд. 2-е. М. 1901. Ц. 20 к.

— О человѣческомъ безсмертіи. Перев. съ англ. М. 1901. Ц. 30 к.

Прюданъ, М. С. О памяти (II часть). Экспериментальныя изслѣдованія и ихъ критическій разборъ. Итоги. Къ теоріи памяти. Практическіе выводы относ. мнемоники и дидактики. Юрьевъ. 1901. Ц. 2 р. 50 к.

Розановъ, В. В. Религія и культура. Сборникъ статей. Изд. 2-е. Спб. 1901. Ц. 1 р. 20 к.

— Легенда о великомъ инквизиторѣ Ө. М. Достоевскаго. Опытъ критическаго комментарія съ присоединеніемъ двухъ этюдовъ о Гоголѣ. Изд. 2-е. Спб. 1902. Ц. 1 р.

Страховъ, Н. Очеркъ исторіи философіи съ древнѣйшихъ временъ философіи до настоящаго времени. Изд. 3-е. Харьковъ. 1901. Ц. 70 к.

Ярмонкинъ, В. Письма идеалиста. Первая серія. Изд. 3-е. Спб. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

III. Ботаника, зоологія, минералогія и геологія.

Гааке, В. Животный міръ, его бытъ и среда, въ 3-хъ томахъ. Перев. съ нѣмецк. Томъ I. Животный міръ Европы. Спб. 1901. Ц. 8 р.

— Тоже. Вып. VII. Цѣна по подп. на все сочинен. въ 12 вып. 22 рубля.

Ежегодникъ по геологіи и минералогіи Россіи, издаваемый подъ редакц. Н. Криштафовича. Томъ IV, вып. 8—9. Новая Александрія. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

— Тоже. Томъ V, вып. I. Ц. 1 р.

Извѣстія Императорскаго С.-Петербургскаго Ботаническаго Сада. Вып. III. Съ 1 рис. въ текстѣ. Спб. 1901. Ц. 40 к.

Кайгородовъ, Дм. Начальная ботаника для городскихъ училищъ. Со многими рисунками. Изд. 2-е. Перепечатано безъ измѣненія съ перваго изд., одобреннаго Ученымъ Комитетомъ Минист. Народн. Просв. въ качествѣ учебнаго руководства для городскихъ училищъ и учительскихъ семинарій, а также допущеннаго въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. Спб. 1902. Ц. 60 к.

Конъ, Ф. д-ръ. Растеніе. Популярныя лекціи изъ области ботаники. Перев. съ нѣмецк. Томъ I. Спб. 1901. П. 3 р. 50 к.

— Тоже. Вып. IV. Спб. 1901. Ц. 1 р. 20 к. По подп. на все сочин. въ 6 вып. 6 р. 50 к.

Мензбиръ, М. А. Начальный курсъ зоологіи. Примѣнительно къ программамъ реальныхъ училищъ. Часть I. Позвоночныя. Съ 309 рис. и 3 табл. въ краскахъ. М. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Нѣсколько словъ объ инфузорной землѣ и ея промышленномъ значеніи. Спб. 1901. Ц. 30 к.

Пеньковскій, В. М. Деревья и кустарники, какъ разводимые, такъ и дико растущіе въ европейской Россіи, на Кавказѣ и въ Сибири. Съ подробн. описаніемъ до 800 видовъ и указаніемъ способовъ размноженія большинства изъ нихъ. 5 частей. Херсонъ. 1901. Ц. 8 р.

IV. Физика, химія, математика, астрономія и метеорологія.

Жераръ, Эрнестъ. Электрическая тяга. Перев. съ франц. М. А. Шателена и В. Ф. Миткевича. Спб. 1902. Ц. 6 р.

Краевичъ, К. Д. Сокращенный учебникъ физики. Обработанъ согласно существующимъ программамъ А. Л. Гершуномъ и В. В. Скобельцынымъ. Изд. 2-е. 2 выпуска. Спб. 1901. Ц. 2 р.

Мебіусъ, А. Астрономія. Съ 36 рис. Перев. съ нѣм. Спб. 1902. Ц. 55 к.

Осадчій, П., проф. Выборъ системы телефоновъ для большихъ городовъ. Спб. 1901. Ц. 1 р.

Романовъ, А. Д. Таблицы обыкновенныхъ четырехзначныхъ логариѳмовъ и антилогариѳмовъ etc. Пріемы практическаго, элементарнаго исчисленія по сокращенію и упрощенію выкладокъ при производствѣ умноженія и дѣленія большихъ чиселъ, а также надежные способы повѣрки умноженія такихъ чиселъ. Спб. 1901. Ц. за обѣ книжки 45 к.

Тодгентеръ, проф. Сборникъ примѣровъ и задачъ элементарной физики. Перев. съ англ. Изд. 2-е, испр. Кіевъ. 1901. Ц. 60 к.

Циммерманъ, В. А. Десятичныя приближенія чиселъ и способы приближеннаго вычисленія суммы, разности, произведенія и частнаго. Одесса. 1901. Ц. 25 к.

V. Словесность.

Андреева, А. Воскресеніе у гр. Толстого и Г. Ибсена. Опытъ паралельной критики романа «Воскресеніе» и драмы «Когда мы мертвые проснемся». М. 1901. Ц. 1 р.

***Байронъ.** Каинъ. Земля и небо. Мистерія. Перев. Е. Зарина (Дешевая библіотека А. С. Суворина № 336). Спб. 1901. Ц. 25 к.

— *Манфредъ, драматическая поэма. Двое Фоскари, трагедія. Перев. Е. Зарина (Дешевая библіотека А. С. Суворина, № 337). Спб. 1901. Ц. 25 к.

Баранцевичъ, К. С. Приключеніе женщины. Повѣсть. Спб. 1902. Ц. 50 к.

Буличъ, Н. Н. Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX вѣка. Томъ I. Спб. 1902. Ц. 2 р.

***Буренинъ, В.** Мертвая нога, таинственный процессъ. Романъ въ Кисловодскѣ, повѣсть. Изд. 6-е. Спб. 1902. Ц. 1 р.

Бѣлинскій, В. Г. Полное собраніе сочиненій, въ 12 томахъ. Подъ редакц. и съ прим. С. А. Венгерова. Томъ IV. Спб. 1901. Ц. 1 р. 25 к.

— Собраніе сочиненій, въ 4-хъ томахъ. Кіевъ. 1901. Цѣна по подп. 1 р. 50 к., на лучш. бумагѣ 2 р.

Вальтеръ-Скоттъ. Гай Маннерингъ или астрологъ. Съ 2 картинами и 48 политипаж. въ текстѣ. Изд. 2-е. Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Гейне, Генрихъ. Собраніе сочиненій, подъ редакц. Петра Вейнберга. Томъ восьмой, съ 2 иллюстрац. Спб. 1902. Ц. 1 р. 75 к.

Гейнце, Н. Э. Женщина—демонъ. Романъ изъ петербургской жизни, и другіе разсказы. Спб. 1902. Ц. 1 р.

Герра, К. Строфы Нирузама. Вольный переводъ. М. 1901. Ц. 60 к.

Гёте. Фаустъ. Трагедія въ 2-хъ частяхъ. Перев. А. Фета. Спб. 1901. Ц. 1 р. 75 к.

Глаголинъ, Б. Пьесы изъ дѣтской жизни. Содержаніе: Томъ Сойеръ. Во снѣ и наяву.

Рыцарь безъ страха и упрека. Изд. 2-е, дополн. Спб. 1902. Ц. 1 р.

Гоголь, Н. В. Сочиненія. Редакція Н. С. Тихонравова и В. И. Шенрока. Изд 17-е, въ одномъ томѣ. Спб. Ц. 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 80 к.

— Ревизоръ. Комедія въ 5 дѣйствіяхъ. Съ 30 рис. Изд. 4-е. Спб. 1901. Ц. 20 к.

— Старосвѣтскіе помѣщики. Повѣсть. Съ 50 рис. Спб. 1901. Ц. 6 к.

Дауденъ, Эдуардъ, проф. Исторія французской литературы. Перев. съ англ. Спб. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

***Джеромъ, К. Джеромъ.** Праздныя мысли лѣнтяя. Перев. съ англ. Н. Жаринцовой. Изд. 2-е. Спб. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Для начала спектакля. Новый сборникъ пьесъ. Мадемуазель Фифи и друг. пьесы. Спб. 1901. Ц. 1 р.

Дмитріевъ, Д. Ермакъ и Сибирь. Историческая повѣсть изъ временъ Іоанна Грознаго. М. 1901. Ц. 50 к.

Дубровская, Б. Изъ жизни сѣренькихъ людей. Сборникъ разсказовъ. Спб. 1902. Ц. 1 р.

Елизаровъ, Вяч. Арабскіе дни и ночи. Разсказы, очерки и наброски. Спб. 1901. Ц. 1 р. 25 к.

Заринъ, А. Е. Лѣто. Петербургская повѣсть. Спб. 1901. Ц. 1 р.

Зудатѣшинъ, Петръ. «Кто первѣе, тотъ правѣе» или «Кто палку взялъ, тотъ и капралъ». Фарсъ въ 2-хъ дѣйств. Спб. 1901. Ц. 20 к.

Ибсенъ, Генрикъ. Дикая утка. Драма въ 5 дѣйствіяхъ. М. 1902. Ц. 30 к.

***Иллюстрированное приложеніе къ газетѣ** «Новое Время» за октябрь 1901 г. Ц. 25 к.

Казиковъ, Т. Тамара. Психолог. этюдъ. Варшава. 1901. Ц. 15 к.

Кара, Петръ. Любовь отъ бездѣятельности. (Записка неврастеника). Спб. 1902. Ц. 75 к.

Каразинъ, Н. Н. Двуногій волкъ. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Съ 20 рис. автора. Изд. 3-е. Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

— Въ камышахъ. Повѣсть. Съ 39 рис. автора. Изд. 3-е. Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

***Карповъ, Евтихій.** «Шахта Георгій». Пьеса изъ жизни углекоповъ, въ 5 дѣйствіяхъ. Спб. 1902. Ц. 1 р.

Ко львамъ христіаны! Повѣсть изъ первыхъ вѣковъ христіанства. Изд. 2-е, съ иллюстраціями. Петроградъ. 1902. Ц. 1 р.

Корецкій, Н. В. Дивертиссементъ. Художественный сборникъ. Изд. 3-е, испр. и дополн. Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

***Ксавье де-Местръ.** Параша Сибирячка. Разсказъ. Изд. 5-е. (Дешевая библіотека А. С. Суворина, № 7). Спб. 1901. Ц. 10 к.

Кунцевичъ, Г. «Россіада» Хераскова. П. Спб. 1901. Ц. 10 к.

Курсинскій, Александръ. Стихи. (1896—1900). М. 1902. Ц. 50 к.

Линевъ, Д. А. Среди отверженныхъ. Очерки и разсказы изъ тюремнаго быта. Изд. 2-е. М. 1901. Ц. 1 р.

Максимовъ, А. Я. На Дальнемъ Востокѣ. Полное собраніе сочиненій. Книга девятая. Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Максимъ Горькій. Афоризмы, парадоксы и пр. Вып. I. М. 1901. Ц. 25 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Уральскіе разсказы. Томъ IV. М. 1901. Ц. 1 р.

Мамонтовъ, С. Были и сны. Разсказы и стихи. М. 1902. Ц. 1 р.

Мельшинъ, Л. Пасынки жизни. Разсказы. Спб. 1901. Ц. 1 р.

Мережковскій, Д. С. Воскресшіе боги. Леонардо да-Винчи. Спб. 1902. Ц. 3 р.

— Смерть боговъ. (Юліанъ Отступникъ). Изд. 2-е. Спб. 1902. Ц. 2 р.

Мордовцевъ, Д. Л. Царь Петръ и правительница Софья. Истор. романъ изъ быта «Стрѣлецкихъ смутъ» XVII вѣка, въ 2 частяхъ. Изд. 3-е, испр. и просм. Спб. 1901. Ц. 1 р. 25 к.

Навроцкій, А. А. (Н. А. Вроцкій). Сказанія минувшаго. Русскія былины и преданія въ стихахъ. Книга третья. Спб. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

«На трудовомъ пути». Литературно-художественный сборникъ къ тридцатипятилѣтію литературно-педагогической дѣятельности Д. И. Тихомирова (1866 — 1901). М. 1901. Ц. 2 р.

***Новиковъ, Н. И.** «Живописецъ», еженедѣльный журналъ. Воспроизведеніе перваго изданія 1772 года. 2 части (Дешевая библіотека А. С. Суворина, № 327, 328). Спб. 1901. Ц. 40 к.

*— «Трутень», еженедѣльный журналъ. Воспроизведеніе перваго изданія 1770 г. Съ портретомъ Н. И. Новикова. 2 части (Дешевая библіотека А. С. Суворина, № 326-а, 326-б). Спб. 1901. Ц. 40 к.

Пазухинъ, А. Золотыя грезы. Романъ. М. 1901. Ц. 50 к.

Пелисье, Жоржъ. Критическіе этюды современной литературы. Серія II. Перев. съ франц. М. 1901. Ц. 1 рубль.

Пересвѣтовъ, А. Н. День жизни, трагическое дѣйствіе. Спб. 1900. Ц. 1 р.

Перетцъ, В. Н. Матеріалы къ исторіи апокрифа и легенды. II. Къ исторіи Лунника. Введеніе и славянскіе тексты. Дополненія къ исторіи Громника и указатели къ вып. I и II. Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Понсонъ дю-Террайль. Похожденія Рокамболя. Томъ XIII. Спб. 1901. Ц. по подп. на I сер. въ 15 том. 10 р.

Раншанинъ, Н. О. За вѣру и братьевъ. Романъ изъ эпохи войны 1877—78 гг., въ 3-хъ частяхъ. М. 1901. Ц. 1 р.

Ратамъ, А. Картинки. Спб. 1901. Ц. 50 к.

Сборникъ Кирши Данилова. Подъ редакц. П. Н. Шеффера. Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ статей по классическое филологіи въ честь Петра Васильевича Никитина. Спб. 1901. Ц. 2 р.

Сергѣенко, П. Сократъ. Драмат. хроника въ 4-хъ дѣйств. М. 1902. Ц. 40 к.

***Сиальковскій, К.** Сатирическіе очерки и воспоминанія. Спб. 1902. Ц. 1 р 50 к.

Среди женщинъ Англіи. Силуэты англійскихъ женщинъ. М. 1901. Ц. 1 р.

Станюковичъ, К. М. На «Чайкѣ» и другіе морскіе разсказы. М. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

Сумбатовъ, А. И., кн. Ирининская община. Ком. въ 4 д. Спб. 1901. Ц. 2 р.

Чеховъ, Антонъ. Разсказы. Томъ VIII. Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Чириковъ, Евгеній. Разсказы. Томъ I. Изд. 3-е. Спб. 1901. Ц. 1 р.

* **Щегловъ, Иванъ.** Юмористическіе очерки. Содержаніе. Въ пріятной компаніи. Минеральный анекдотъ. Сонъ холостяка. Порченый. Одолженіе. Нашъ высокодаровитый. Барыня и Шекспиръ. Вурмазей. Предосудительный случай. Гремучая змѣя. Мыльный пузырь. Загадочная личность. Картинка съ натуры. Карандашъ. Человѣкъ безъ двадцатаго числа. Спб. 1902. Ц. 1 р.

* — **Народный театръ, въ очеркахъ и картинкахъ.** Съ прилож. 4 пьесъ для народной сцены: 1) Солдатская любовь, 2) Плѣнный турокъ, 3) Докторъ на полчаса и 4) Милордъ Георгъ. Всѣ означенныя пьесы безусловно дозволены къ представленію на народныхъ театрахъ. Изд. 2-е. Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Якоби, П. Н. Стихотворенія. Томъ II. Спб. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

— Любительскій спектакль. Изъ дневника странствующаго беллетриста. Спб. 1901. Ц. 20 к.

VI. Исторія.

Житковъ, С. М., инжен. Біографіи инженеровъ путей сообщенія. Вып. III. Спб. 1902. Ц. 1 р.

Записки Императорскаго Новороссійскаго университета. Томъ 84-й. Одесса. 1901. Ц. 3 р.

Значеніе дѣятельности археологическихъ съѣздовъ для науки русской археологіи. Харьковъ. 1901. Ц. 25 к.

Кузьминъ, А. Запорожская сѣчь. Историч. и бытовой очеркъ. М. 1902. Ц. 40 к.

Куланжъ (де) Фюстель. Исторія общественнаго строя древней Франціи. Перев. подъ редакц. И. М. Гревса. Томъ I. Римская Галлія. Спб. 1901. Ц. 3 р.

Никифоровъ, Д. Сокровища въ Москвѣ. М. 1901. Ц. 4 р. 50 к.

* **Пирлингъ, Н.** Изъ смутнаго времени. Статьи и замѣтки. Спб. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества. Томъ сто одиннадцатый. Юрьевъ. 1901. Ц. 3 р.

Чайковскій, М. Жизнь Петра Ильича Чайковскаго. Вып. XI. М. 1901. Ц. 40 к.

VII. Географія.

Ломницкій, С. (Рэджэвъ). Персія и персы. Эскизы и очерки. 1898—1899—1900 гг. Съ 44 рис. Спб. 1902. Ц. 2 р.

Муровъ, Г. Т. Люди и нравы Дальнаго Востока. Отъ Владивостока до Хабаровска. Томскъ. 1901. Ц. 75 к.

Петри, Э. Ю. Учебный географическій атласъ. 48 главн. картъ, 137 дополнит. картъ и чертежей на 47 таблицахъ. Изд. 3-е, испр. и дополн. Спб., Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 30 к., въ пер. 2 р. 60 к.

VIII. Сельское хозяйство.

Земледѣльческая газета. Выходитъ еженедѣльно. № 46, 1901. Ц. 10 к.

Константиновъ, А. Оцѣнка сельско-хозяйственныхъ земель. Саратовъ. 1901. Ц. 50 к.

Кичуновъ, Н. И. Плодоводство въ Подольской губерніи. Съ 46 рис. въ текстѣ и картой. (Плодоводство въ Россіи. Матеріалы и изслѣдованія. Вып. IV). Спб. 1901. Ц. 50 к.

Моталкинъ, Ѳ. С., и Богдановъ, В. А. Путеводитель по опытной пасѣкѣ Императорскаго русскаго общества акклиматизаціи животныхъ и растеній. 2 части. М. 1900. Ц. кажд. 10 коп.

Руководство къ изученію кройки и обработки мужского платья съ 40 таблицами, содерж. 122 объяснит. рисун. и съ прилож. сокращенн. масштаба. Изд. 3-е. Спб. 1899. Ц. 2 р.

Смоленскій, П. О., д-ръ мед. Бойни и скотопригонные дворы. Съ прилож. краткаго описанія с.-петербургской, московской, рижской, ревельской, царскосельской и красносельской боенъ и с.-петербургской конебойни. Съ 56-ю рис. въ текстѣ. Спб. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Уравнительное землепользованіе и крестьянское хозяйство въ Забайкальскомъ краѣ. Соч. П. Д. М. 1901. Ц. 1 р. 20 к.

Фрейбергъ, Эмилія. Вегетаріанская поваренная книга. Спб. 1900. Ц. 1 р.

Шишмарева, Вѣра. Курсъ кройки. Новѣйшее практ. руководство къ изученію кройки дамскихъ, дѣтскихъ, верхнихъ платьевъ, бѣлья и другихъ нарядовъ безъ посторонней помощи. Со мног. чертежами и выкройками. Изд. VIII. Спб. 1901. Ц. 2 р.

IX. Технологія.

Бондаревъ, инж.-мех. Изъ практики желѣзнодорожныхъ изысканій на Забайкальской желѣзной дорогѣ. М. 1901. Ц. 40 к.

Брусиловскій, Я. М. Практическое руководство для машинистовъ и завѣдывающихъ отдѣльными электрическими станціями въ заводахъ, фабрикахъ, мельницахъ и др. зданіяхъ. Кременчугъ. 1901. Ц. 1 р. 20 к.

Гайсбергъ (фонъ), С. Ф., Герлингъ и Михалькe, д-ръ. Электрическое освѣщеніе и

электродвигатели. Практич. руководство для устройства и ухода за установками электрич. освѣщенія и электродвигателями въ домахъ, фабрикахъ и на заводахъ. Съ 50 рис. въ текстѣ. Перев. съ нѣмецк. Спб. 1902. Ц. 60 к.

«Керамическое обозрѣніе», журн. № 7. 1901. М. 1902. Ц. 40 к.

Мерчинъ, Г. К. О движеніи жидкостей — воды, керосина и нефти въ трубахъ. Разсчетъ керосино и нефтепроводовъ. Изд. 3. Съ 2 листами чертежей. Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Петровъ, М. «Аппаратъ Морзе», его устройство и практическое примѣненіе. Съ 42 рис. Спб. 1902. Ц. 40 к.

Побѣдимовъ, В. И. Курсъ технологіи дерева. Спб. 1901. Ц. 1 р.

Федоровъ, П. А. Веревочное производство и плетеніе всевозможныхъ матъ, половиковъ и ковровъ изъ пеньки, ситника и джута. Спб. 1901. Ц. 30 к.

— Набивка чучелъ и собираніе насѣкомыхъ. Практич. руководство для любителей и охотниковъ къ составл. интер. коллекцій животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и т. п. Съ 22 рис. Спб. 1901. Ц. 30 к.

— Уксусъ и горчица. Практ. руководство къ приготовленію разныхъ сортовъ уксуса и горчицы и собраніе лучшихъ рецептовъ. Спб. 1901. Ц. 25 к.

X. Правовѣдѣніе.

Абрамовичъ, К. І. Уставъ о гербовомъ сборѣ въ алфавитномъ порядкѣ со всѣми разъясненіями. II Уставъ о гербовомъ сборѣ со всѣми инструкціями и разъясненіями Министра Финансовъ, законодательными мотивами, мнѣніями Госуд. Совѣта, разъясненіями Сената, циркулярами и статьею: «Обзоръ новаго устава и отличіе его отъ прежняго». Изд. 3-е, дополн. Спб. 1902. Ц. 2 р.

— Новый уставъ о гербовомъ сборѣ съ обзоромъ отличій новаго устава отъ прежняго, законодательными мотивами, мнѣніями Госуд. Совѣта, разъясненіями Сената, инструкціями Министра Финансовъ, правилами, циркулярами и алфавитнымъ предметнымъ указателемъ. Изд. 3-е, дополн. Спб. 1902. Ц. 1 р.

Барановъ, А. Въ защиту несчастныхъ женщинъ. М. 1902. Ц. 40 к.

Бернштейнъ, Эдуардъ. Очерки изъ исторія и теоріи соціализма. Перев. С. О. Штейнберга. Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Бессонъ, Э. Бюджетный контроль во Франціи и за границей. Историческое и критическое изслѣдованіе финансоваго контроля первостепенныхъ государствъ Европы. Перев. съ франц. Спб. 1901. Ц. 1 р. 30 к.

Бржескій, Н. Очерки юридическаго быта крестьянъ. Спб. 1902. Ц. 2 р.

Васьковскій, Е. В. Ученіе о толкованіи и примѣненіи гражданскихъ законовъ. Одесса. 1901. Ц. 3 р.

Видеманъ, К. И. 17 проектовъ обществъ взаимопомощи. Спб. 1901. Ц. 50 к.

Вѣстникъ права — журн. юридич. общества. № 8-й. Октябрь 1901 года. Спб. 1901. Ц. 1 р. 20 к.

Гольмстенъ, А. Х., проф. Программа по гражданскому судопроизводству. Изд. 2-е. Спб. 1901. Ц. 20 к.

Инструкція таможеннымъ учрежденіямъ. О примѣненіи Высочайше утвержд. 15-го мая 1901 г. Правилъ о пріемѣ товаровъ въ вѣдѣніе таможенныхъ учрежденій, досмотрѣ, оплатѣ пошлиною и выпускѣ. Спб. 1901. Ц. 50 к.

Красноженъ, М., проф. Отношеніе русской церковной и государственной власти къ иновѣрцамъ. Юрьевъ. 1901. Ц. 50 к.

— Отношеніе православной восточной Церкви къ лицамъ неправославнымъ. Юрьевъ. 1901. Ц. 50 к.

— Положеніе неправославныхъ христіанъ по дѣйствующему русскому законодательству. Юрьевъ. 1901. Ц. 50 к.

Лернеръ, О. М. Евреи въ Новороссійскомъ краѣ. Историческіе очерки. По даннымъ изъ архива бывшаго Новороссійскаго генералъ-губернатора. Одесса. 1901. Ц. 1 р.

Лозина-Лозинскій, М. А. Систематическій сборникъ разъясненій Правительствующаго Сената по дѣламъ о жительствѣ евреевъ. Спб. 1902. Ц. 3 р. 50 к.

Макаи, Джонъ. Общественныя теченія Запада конца XIX в., осужденные въ Чикаго. Перев. съ франц. Спб. 1901. Ц. 55 к.

Максимовъ, А. Я. Наши задачи на Тихомъ океанѣ. Политическіе этюды. Изд. 4-е. Спб. 1901. Ц. 1 р.

Нолькенъ, А., баронъ. Разъясненія перваго общаго собранія Правит. Сената и Государственн. Совѣта по дѣламъ земскимъ, городскимъ, о крестьянахъ, о службѣ гражданской, о евреяхъ и другимъ, бывшимъ въ разсмотрѣніи консультаціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной за время съ 1-го января 1894 г. по іюнь 1901 г. Спб. 1902. Ц. 3 р.

Ротенбергъ, Л. М. Новый уставъ о гербовомъ сборѣ. 1901. Ц. въ папкѣ 40 к.

— Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1885 года. Екатеринославъ. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ циркуляровъ министерства внутреннихъ дѣлъ по вопросамъ воинской и военноконской повинности. 1874—1901 гг. Спб. 1901. Ц. 2 р. 50 к.

Сергѣевичъ, В. Русскія юридическія древности. Томъ I. Территорія и населеніе. Изд. 2-е. Спб. 1902. Ц. 3 р.

Скворцовъ, Ир., проф. О народномъ просвѣщеніи и объ организаціи его въ Россіи. Харьковъ. 1901. Ц. 50 к.

Славяновѣдѣніе въ повременныхъ изданіяхъ. Систематическій указатель статей, рецензій и замѣтокъ за 1900 годъ. Спб. 1901. Ц. 1 р. 20 к.

Спутникъ золотопромышленника. Уставъ о частной золотопромышленности, съ прило-

женіемъ образцовъ и формъ дѣловыхъ бумагъ, относящихся къ золопромышленности. Изд. 3-е. Томскъ. 1901. Ц. 1 р. 25 к.

Танскій, Ю. Нѣсколько словъ о желѣзнодорожныхъ служащихъ. Спб. 1900. Ц. 30 к.

Трудовая помощь—журналъ № 8, октябрь. 1901. Ц. 50 к.

Урочное положеніе для строительныхъ работъ. Высоч. утверж. 17-го апрѣля 1869 г. и испр. согласно циркуляру Госуд. Контроля отъ 11-го апрѣля 1883 г. Изд. 3-е. Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Фесенко, И. О. Школьныя сберегательныя кассы. Пособіе и руководство къ веденію школьныхъ сберегательныхъ кассъ. Спб. 1901. Ц. 25 к.

Филипповичъ, Евгеній. Основанія политической экономіи. Перев. съ нѣм. Спб. 1901. Ц. 3 р.

Шахтъ, А. А. Практика огневого страхованія. Сборникъ очерковъ и статей, содержащихъ справочные матеріалы для агентурной дѣятельности и для лицъ, начинающихъ инспекторскую службу въ страховыхъ учрежденіяхъ. Спб. 1901. Ц. 2 р.

Яблоковъ, Н. В. Призрѣніе дѣтей въ воспитательныхъ домахъ. Спб. 1902. Ц. 80 к.

Ясинскій, А. Н. Очерки и изслѣдованія по соціальной и экономической исторіи Чехіи въ средніе вѣка. Томъ I. Основы соціальнаго строя чешскаго народа въ эпоху господства обычнаго права. Юрьевъ. 1901. Ц. 2 р. 50 к.

— Причина паденія древней Ливоніи. Юрьевъ. 1898 г. Ц. 40 к.

— Содѣйствіе чеховъ успѣхамъ германизаціи на берегахъ Балтійскаго моря. Юрьевъ. 1898. Ц. 25 к.

— Чешское свидѣтельство XIV вѣка о русскомъ металлическомъ производствѣ. Юрьевъ. 1901. Ц. 10 к.

XI. Медицина.

Вигдорчикъ, Н. Чахотка, отъ чего она происходитъ и какъ съ нею бороться. Общедоступныя бесѣды. М. 1901. Ц. 20 к.

Huchard, д-ръ. О питательномъ режимѣ. Изъ сочиненія «Consultations medicales». Перев. съ франц. М. 1901. Ц. 10 к.

Карманная клиническая рецептная книжка. Сборникъ рецептовъ, испытанныхъ и употребляемыхъ въ вѣнскихъ клиникахъ. Перев. съ нѣм. д-ръ Л. Я. Якобсонъ. Изд. 2-е, Спб. 1902. Ц. въ пер 1 р.

Корсаковъ, С. С. Курсъ психіатріи. 2 тома. Изд. 2-е, переработанн. авторомъ. М. 1901. Ц. 4 р. 50 к.

Млодзѣевскій, В. К., д-ръ. Краткій курсъ физіологіи. М. 1901. Ц. 70 к.

Ньюманъ, Д. Бактеріи, ихъ роль въ экономіи природы и въ промышленныхъ процессахъ и ихъ отношеніе къ общественному здоровью. Перев. съ англ. М. 1902. Ц. 1 р. 75 к.

Rohleder, H., d-r. Онанизмъ. Монографія для врачей и воспитателей. Перев. съ нѣм. Каменецъ-Подольскъ. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

XII. Военное и морское дѣло.

Добровольскій, А. Основы организаціи центральнаго военнаго управленія въ Россіи и въ важнѣйшихъ западно-европейскихъ государствахъ. Спб. 1901. Ц. 3 р.

Елецъ, Ю. Л. Наша сила. Подвиги русскихъ воиновъ, гражданъ и женщинъ въ послѣднюю китайскую войну. Изд. 5-е. М 1901. Ц. 1 р.

Захарьинъ (Якунинъ), И. Н. Кавказъ и его герои. Спб. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Суворовъ въ сообщеніяхъ профессоровъ Николаевской академіи генеральнаго штаба. Спб. 1901. Ц. 3 р. 50 к.

XIII. Искусство.

Зенгеръ, Бруно. Самоучитель фотографіи. Съ 51 рис. въ текстѣ. Изд. 4-е, испр. и дополн. Спб. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

Міръ искусства, ежем. журналъ, № 10. 1901. Ц. 1 р. 20 к.

«Печатное искусство»—ежем. иллюстрирован. сборникъ. Октябрь. 1901. Ц. 50 к.

Рескинъ, Джонъ. Прогулки по Флоренціи. Замѣтки о христіанскомъ искусствѣ. Перев. А. Герцыкъ. Спб. 1902.

Сусловъ, В. В. Памятники древняго русскаго зодчества. Вып. VII, съ прилож. въ текстѣ на 13 листахъ. Спб. 1901. Ц. 15 р.

Треневъ, Д. К. Иконы царскаго изографа Симона Ушакова въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. М. 1901. Ц. 1 р. 25 к.

Шнаусъ, Германъ. Фотографическое препровожденіе времени. Описаніе простыхъ и легко выполнимыхъ занятій и опытовъ при содѣйствіи свѣтописной камеры. Изд. 3-е. Спб. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

XIV. Воспитаніе и обученіе. Дѣтскія книги.

Авенаріусъ, В. П. Дѣтскія сказки. Съ рисунками Н. Н. Каразина и др. Изд. 4-е. Спб. 1901. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.

Александровъ Н. А. Горы и море. Закавказьѣ. Черноморское побережье. Чтеніе для народа. М. 1901. Ц. 10 к.

Барфусъ (фонъ), Э. Буры. Война за сво-

боду. Повѣсть изъ эпохи южно-африканской войны. Съ нѣмецк. Съ 3 рис. въ краскахъ. М. 1901. Ц. въ пер. 1 р. 25 к.

Бехштейнъ, Л. Новыя сказки. Перев. съ нѣм. Е. П. Опаровской. Съ 6 рис. и 61 политипажами въ текстѣ. Спб. 1901. Ц. съ перес. 2 р. 75 к.

Булгаковскій, Д. Г. Вино на Руси по памятникамъ народнаго творчества, литературнымъ и художественнымъ. Спб. 1901. Ц. 40 к.

— Изъ загробнагв міра явленія умершихъ отъ глубокой древности до нашихъ дней. Изд. 2-е, дополненн. М. 1902. Ц. 75 к.

— Что такое пьянство и какъ избавиться отъ него. Изд. 6-е. Чтеніе для народа съ свѣтовыми картинами. Спб. 1902. Ц. 8 к.

— Вино въ пословицахъ. Спб. 1902. Ц. 15 к.

Гаршинъ, Евгеній. Дѣти крестоносца. Истор. повѣсть для юношества. Изд. 3-е. Спб. 1901. Ц. 60 к.

Егоровъ, В. Г. Для семьи и школы литературно-сценическій сборникъ. (Волшебный фонарь, рождественская елка, домашняя и школьная сцена, юбилей и праздникъ, живыя картины, пѣсни, игры). Вып. I. Спб. 1902. Ц. 70 к.

Желиховская, В. П. Кавказскія легенды. Съ 22 рис. С. С. Соломко. Спб. 1901. Ц. 1 р. 75 к.

— Кавказскіе разсказы. Изд. 2-е. Спб. 1901. Ц. въ перепл. 3 р.

— Любовь правдой крѣпка. Повѣсть для юношества, Изд. 3-е. Спб. 1901. Ц. въ перепл. 2 р. 50 к.

Іогансонъ, К. Руководство къ изученію нѣмецкаго языка для взрослыхъ по наглядному и практическому методу. Часть I. М. 1901. Ц 1 р.

Каниве, Шарль. Дитя моря. Романъ для юношества. Со мног. рис. М. 1902. Ц. въ папкѣ 50 к.

Куперъ, Ф. Кожаный чулокъ. Пять разсказовъ. Изд. 3-е. Спб. 1901. Ц. въ пер. 2 р.

Лебедевъ, В. А. Княжичъ. Историческій разсказъ. Рисунки А. Эйснера. Спб. 1901. Ц. 30 к.

Лукашевичъ, Клавдія. Среди цвѣтовъ. Фантастическая комедія для дѣтей, въ 2-хъ дѣйств., съ танцами и пѣніемъ. М. 1902. Ц. 15 к.

— Побѣдила. Комедія въ 4-хъ дѣйств. для дѣтей. М. 1902. Ц. 15 к.

Львовичъ, В. По родному краю. Сборникъ статей по отечествовѣдѣнію. Книга для чтенія въ школѣ и дома. М. 1902. Ц. 1 р.

Лялина, М. А. (обработала). Путешествіе братьевъ Г. Е. и М. Е. Грумъ-Гржимайло въ Западный Китай. Съ 49 рис., 2 портр. и картой. Спб. 1901. Ц. 2 р. 50 к.

Макарова, С. Отголоски старины. Истор. разсказы, М. 1902. Ц. въ пер. 2 р. 40 к.

Мальцевъ, А. П., прот. Основанія педагогики. Изд. 3-е, испр. и дополн. Варшава. 1901. Ц. 90 к.

Орловъ, Георгій. День благочестиваго христіанина. М, 1901. Ц. 15 к.

Перелыгинъ Н. И. Неожиданный гость. Разсказъ дѣда Миколы. Съ рисунк. М. 1901. Ц. 20 к.

Попова; О. Н. Герой полярной ночи и вѣчныхъ льдовъ Фритіофъ Нансенъ. Изд. 2-е. Спб. 1902. Ц. 50 к.

Рачинскій, С. А. Absit omen. М. 1901. Ц. 20 к.

Рогова, О. Путешествіе доктора Гулливера въ страну лиллипутовъ и къ великанамъ. По Свифту передѣлано для юношества. Изд. 4-е, просм. и дополн. Спб. 1901. Ц. въ пер. 1 р. 75 к.

Руданова, Ел., и Савичъ, А. Швейцарія. Харьковъ. 1889. Ц. 3 к.

Сандъ, Жоржъ. Бабушкины сказки. Перев. съ франц. А. Н. Толивѣровой. Изд. 4-е. Спб. 1901. Ц. въ пер. 3 р.

Смирновъ, А. П. Осада Казани. Серебряный рубль. Темные люди. Три историч. разсказа. Спб. 1901. Ц. въ папкѣ 1 р. 75 к.

Тихомировъ, Д. И. О жизни Н. В. Гоголя и его безсмертныхъ сочиненіяхъ. Чтеніе для школъ и народа. М. 1902. Ц. 10 к.

Фармаковскій, В. (По способу Грубе). Русская исторія, съ присовокупленіемъ необходимыхъ свѣдѣній изъ исторіи всеобщей. Изд. 9-е. Спб. 1902. Ц. 75 к.

Ѳедоровъ-Давыдовъ, А. А. Въ досужій часъ.—Дѣтскій альманахъ.—Сказки, разсказы, пьесы, стихотворенія, басни, очерки, шутки, занятія, игры, шарады и проч. Съ 147 рис. въ текстѣ. М. 1901. Ц. въ папкѣ 1 р. 50 к.

XV. Справочный отдѣлъ.

Бруннеръ, В. А. Общедоступная коммерческая терминологія. М. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Быковъ, В. П. Какъ сдѣлать самому хорошій, дешевый, прочный счетный приборъ, пригодный для вычисленій, съ какими угодно, по количеству знаковъ, числами. Съ 16-ю рис. въ текстѣ. М. 1901. Ц. 20 к.

— Спутникъ счетовода. Упрощенные способы различныхъ вычисленій на бумагѣ и на простыхъ русскихъ счетахъ. М. 1901. Ц. 25 к.

Военный календарь отрывной, П. М. Плахова, на 1902 годъ. Кіевъ. 1901. Ц. 1 р.

Горбуновъ-Посадовъ, И. Народный календарь съ полезными совѣтами для деревенскаго хозяйства на 1902 годъ. М. 1901. Ц. 5 к.

Дѣловой календарь на 1902 годъ. Изданіе А. Н. Тюфяевой-Толивѣровой. Спб. 1901. Ц. 1 р. 25 к.

Желѣзнодорожный указатель по линіямъ Московско-Ярославско-Архангельской жел. дор. Зимнее движеніе. 1901—1902 года. Спб. 1901. Ц. 20 к.

Календарь Экспедиціи Заготовленія Госу-

дарственныхъ Бумагъ на 1902 годъ. Спб. 1901. Ц. 1 р. 25 к.

Кауфманъ, М. С. Календарь для матерей и хозяекъ на 1902 годъ. М. 1902. Ц. 30 к.

Кіевскій народный календарь (мѣсяцесловъ) на 1902 годъ. Кіевъ. 1901. Ц. 20 к.

Коробковъ, В. М. Горнопромышленный указатель Донецкаго бассейна. Харьковъ. 1901. Ц. 4 р. 25 к.

Маврицкій. В. А. Правила и програмы городскихъ училищъ, начальныхъ народныхъ училищъ и двуклассныхъ сельскихъ училищъ. М. 1902. Ц. 50 к.

Петровскій, В. В. Календарь на 1902 годъ, изданіе В. А. Березовскаго. Спб. 1901. Ц. 1 р.

Полный карманный путеводитель по Россіи. Зима и весна 1901—1902 г. Спб. 1901. Ц. 60 к.

Сеславинъ, Д. Н. Самоучитель французскаго языка для взрослыхъ по методѣ Туссэна и Лангеншейдта. Вып. 29-й. Спб. 1901. Ц. по подп. 3 р.

Филитисъ, Н. Подвижныя школьныя игры. Изд. 2-е. Спб. 1901. Ц. 40 к.

*) Изд. А. С. Суворина.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Николая Павловича Слѣпцова.—2) Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ четырехъ томахъ «Историческаго Вѣстника» за 1901 годъ, и указатель гравюръ, помѣщенныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за тотъ же годъ.

При настоящей книжкѣ разсылается городскимъ и иногороднимъ подписчикамъ: 1) Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ на Ежемѣсячный иллюстрированный сборникъ императорскаго общества поощренія художествъ «Художественныя сокровища Россіи». 2) О подпискѣ «Библіотека Естествознанія» изданіе «Брокгаузъ-Ефронъ» и 3) О книгахъ для взрослыхъ и для юношества изданія А. Ф. Девріена.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13